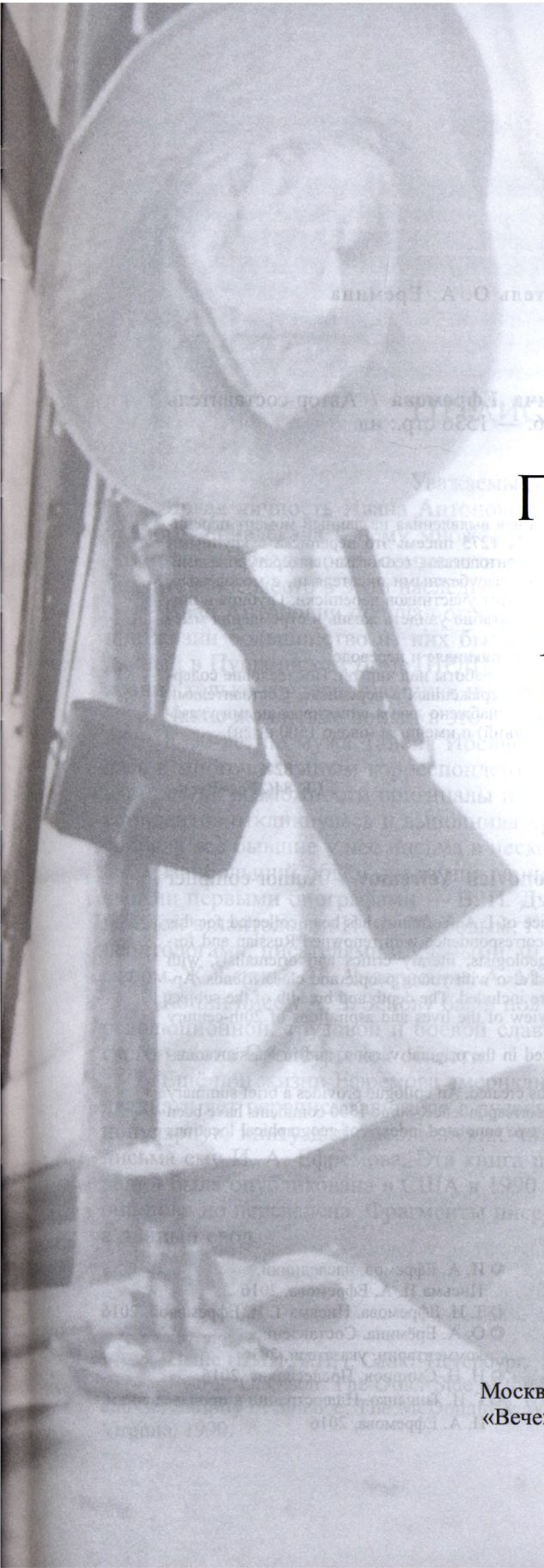
ПЕРЕПИСКА ИВАНА АНТОНОВИЧА ЕФРЕМОВА

ПЕРЕПИСКА
Ивана Антоновича Ефремова

Художник Г. И. Тищенко.
Явление динозавра.
Иллюстрация к рассказу И. А. Ефремова «Тень минувшего».
Конец 1990-х гг.
Холст, масло

Художник Г. И. Тищенко.
Таис Афинская.
Иллюстрация к роману И. А. Ефремова «Таис Афинская».
1989 г.
Холст, масло



ПЕРЕПИСКА Ивана Антоновича ЕФРЕМОВА

Москва
«Вече»

...Самое трудное в жизни —
это сам человек.

Иван Ефремов. «Час Быка»

...Человек — это не только сумма знаний,
но и сложнейшая архитектура чувств.

Иван Ефремов. «Сердце Змеи»

УДК 82-6
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 27

Автор-составитель О. А. Ерёмина

Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Автор-составитель
П 27 О. А. Ерёмина. — М.: Вече, 2016. — 1536 стр.: ил.

ISBN 978-5-4444-4715-4
ISBN 978-5-4444-4717-8 (общий)
Знак информационной продукции 12+

В настоящем издании впервые собрана вся выявленная на данный момент переписка И. А. Ефремова. Свод включает в себя 1275 писем: это переписка с крупными русскими и зарубежными учёными — палеонтологами, геологами, литературоведами, востоковедами, с известными советскими и зарубежными писателями, с молодёжью, близкими людьми. Представлены около двухсот участников переписки. Глубина и широта проблематики позволит читателям масштабно увидеть жизнь и стремления мыслящих людей XX века.

Письма на иностранных языках даются в оригинале и переводе.

В предисловии подробно рассказано о ходе работы над книгой. Послесловие содержит краткий очерк наиболее важных идей, отражённых в переписке. Составителями сделано около 1300 комментариев. Издание снабжено двумя аннотированными указателями — географическим (около 900 названий) и именным (около 1500 имён).

Для широкого круга читателей.

УДК 82-6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Correspondence of Ivan Antonovich Yefremov / Author-compiler O. A. Yeryomina.

All the currently available correspondence of I. A. Yefremov has been collected for this edition. A total of 1275 letters comprises correspondence with renowned Russian and foreign scholars including paleontologists, geologists, literary critics and orientalists, with well-known Soviet and foreign writers, and also with young people and close friends. Approximately two hundred correspondents are included. The depth and breadth of the subject matter give readers a comprehensive overview of the lives and aspirations of 20th-century intellectuals.

Letters in foreign languages are presented in the original version, and in Russian translation.

The foreword describes how the book was created. An epilogue provides a brief summary of the most important ideas reflected in the correspondence. Some 1300 comments have been added by the compilers. The book contains two annotated indexes of geographical locations (c. 900) and names (c. 1500).

For a wide circle of readers.

© И. А. Ефремов, наследники.
Письма И. А. Ефремова, 2016
© Т. И. Ефремова. Письма Т. И. Ефремовой, 2016
© О. А. Ерёмина. Составление,
комментарии, указатели, 2016
© Н. Н. Смирнов. Послесловие, 2016
© Г. И. Тищенко. Иллюстрации к произведениям
И. А. Ефремова, 2016

ISBN 978-5-4444-4715-4
ISBN 978-5-4444-4717-8 (общий)

Предисловие

Уважаемые читатели!

Яркая личность Ивана Антоновича Ефремова, выдающегося писателя и учёного, привлекала к нему множество людей. После его ухода в 1972 году возникла необходимость осмыслить в полной мере его творческое наследие. Значительное место в этом наследии занимала переписка.

Иван Антонович получал огромное количество писем от читателей. Ещё при жизни большинство из них было передано в фонд И. А. Ефремова, созданный в Пушкинском Доме (ИРЛИ АН СССР) в Ленинграде[1]. У себя дома он хранил только корреспонденцию, носящую личный и деловой характер.

Какие же письма вошли в это издание? Перечислим все источники.

К 70-летию мужа Таисия Иосифовна Ефремова, жена писателя, обратилась к многочисленным корреспондентам Ивана Антоновича с просьбой прислать ей по возможности оригиналы или копии писем Ефремова. Часть корреспондентов откликнулась и выполнила просьбу. Таисия Иосифовна тщательно собрала все бывшие у неё письма в несколько папок и бережно хранила их.

Наибольший объём среди них занимает переписка Ивана Антоновича со своими первыми биографами — В. И. Дмитревским и Е. П. Брандисом, с создателем атлантологии Н. Ф. Жировым, Г. К. Портнягиным, с зарубежными палеонтологами, писателями и учёными: Ф. фон Хюне, Э. К. Олсоном, А. Ш. Ромером, Ж. Бержье, П. Андерсеном, А. Майерсом и многими другими.

Копии писем А. З. Зенову были получены Таисией Иосифовной из Музея революционной, трудовой и боевой славы Марксовской школы Александровского района Оренбургской области.

Ещё при жизни Ефремова американский палеонтолог Э. К. Олсон, около двадцати лет переписывавшийся с русским коллегой и другом, хотел написать популярную книгу для американских читателей. Основой для неё он мыслил письма ему И. А. Ефремова. Эта книга под названием «Обратная сторона медали» была опубликована в США в 1990 году[2]. К сожалению, на русский язык она пока не переведена. Фрагменты писем Ефремова из этой книги включены в данный свод.

---

[1] Ныне ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург.

[2] Everett C. Olson. The Other Side of the Medal. A Paleobiologist Reflects on the Art and Serendipity of Science. The McDonald & Woodward Publishing Company, Blacksburg, Virginia, 1990.

В 1994 году был издан академический сборник, в который вошли полторы сотни писем Ефремова, адресованные различным учёным[1], некоторые из них были не просто коллегами, но близкими друзьями И. А. Ефремова: А. П. Быстров, И. И. Пузанов. В сборнике стараниями составителя тома к.и.н. Н. В. Бойко были собраны письма академикам Л. С. Бергу, В. И. Вернадскому, И. М. Майскому, В. А. Обручеву, палеонтологам Ю. А. Орлову, А. Н. Рябинину и другим учёным.

Большинство этих писем хранятся в Архиве РАН и его Санкт-Петербургском филиале. Автографы писем Ефремова его ученику палеонтологу П. К. Чудинову хранятся в личном архиве Чудинова. Все они включены в данное издание, комментарии академического издания в целом сохранены и частично дополнены.

В 2003 году вышли два тома, посвящённых деятельности П. Ф. Беликова, исследователя творчества Н. К. Рериха. Для второго тома Ирина Сяэск (г. Тарту, Эстония) с помощью Т. И. Ефремовой собрала и подготовила к изданию переписку И. А. Ефремова и П. Ф. Беликова[2].

Некоторые письма Ефремова Е. П. Брандису, В. И. Дмитревскому, письма переводчиков Алана Майерса (Великобритания), Н. Ииды (Япония), кинодокументалиста и целительницы Микаэлы Денис (Кения) были подготовлены и опубликованы главным редактором альманаха «Сверхновая» Ларисой Михайловой в 2008 году[3]. В том же альманахе ранее были опубликованы подборки писем фантастов Пола Андерсона и Артура Кларка, адресованных своему советскому коллеге[4].

С 2005 года с перепиской, хранящейся у Т. И. Ефремовой, знакомились создатель сайта «Нооген» Андрей Константинов и Николай Смирнов. Полученные данные они использовали в своих статьях и выступлениях на Ефремовских чтениях в Вырице и Ефремовских чтениях-фестивалях в Москве.

В апреле 2009 года в Москве проводились I Ефремовские чтения-фестиваль. Приехавшая из Киева Алёна Савельева передала нам письма из архива О. П. Бердника, хранящегося в настоящий момент у младшей дочери писателя Громовицы Бердник. Другую часть писем (копии) И. А. Ефремова О. П. Бердник прислал Вячеслав Настецкий, представляющий самодеятельный Музей фантастики и космонавтики в Киеве.

В 2009 году Б. И. Устименко, журналист из Белгород-Днестровского, пятнадцать лет поддерживавший общение с Ефремовым, опубликовал хранящиеся у него письма вкупе со своими воспоминаниями в книге «Свет маяка в житейском море»[5]. Часть писем Ефремов писал ему по-английски, Б. И. Устименко приводит их в своих переводах. В данный свод мы включили копии оригиналов на английском, хранящиеся у Т. И. Ефремовой, и переводы Б. И. Устименко.

---

[1] Иван Антонович Ефремов. Переписка с учёными. Неизданные работы. — М.: Наука, 1994. — 286 с.: ил. — (Серия «Научное наследство». Том 22). Составитель Н. В. Бойко, отв. редактор П. К. Чудинов.

[2] Непрерывное восхождение // Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911—1982). Том II, часть 1-я. М., 2003.

[3] Голоса пространства // Сверхновая. 2008. № 41—42. С. 195—276.

[4] Пол Андерсон — Ивану Ефремову // Сверхновая. 1996. № 19 С. 135—139; Артур Кларк — Ивану Ефремову // Сверхновая. 1996. № 22—23. С. 197—203; Пол Андерсон — Ивану Ефремову // Сверхновая. 1997. № 25—26. С. 249—299.

[5] Устименко Б. И. Свет маяка в житейском море. Воспоминания об И. А. Ефремове. — Белгород-Днестровский, 2009.

Благодаря Антону Нелихову удалось получить переписку И. А. Ефремова с саратовским палеонтологом В. П. Твердохлебовым, раскрывающую взгляды Ивана Антоновича на этическую сторону палеонтологических находок.

В 2010 году Ольга Ерёмина и Николай Смирнов начали непосредственную работу над книгой «Иван Ефремов», вышедшей в серии «ЖЗЛ» в 2013 году[1]. Одновременно с этим Таисия Иосифовна позволила начать подготовку к изданию переписки Ефремова и предоставила хранящиеся у неё материалы для копирования.

Материалы были скопированы, и началась трёхлетняя работа по распознаванию и набору текстов. Андрей Константинов взял на себя труд по составлению каталога писем и рассылке материалов наборщикам — читателям сайта «Нооген». Значительная часть писем была на английском, немецком и других языках, они требовали перевода. Часто почерк был таким трудночитаемым, что только коллективными усилиями удавалось распознать тёмные места. Многие возникающие вопросы требовали дополнительных комментариев. Выражаем глубокую благодарность добровольным наборщикам, переводчикам, помощникам в распознавании текстов: Кристине Бородкиной, Казуе Гааз-Ёсицугу, Виктории Картуновой, Елене Клепиковой, Андрею Константинову, Татьяне Кораблёвой, Анне Лавровой, Марине Манчхашвили, Ларисе Михайловой, Алле Назаровой, Евгении Пигаркиной, Михаилу Прожиге, Ларисе Рындиной, Анне Селкиной, Николаю Смирнову, Марине Степановой, Ирине Федотовой, Александру Фирсову, Елене Фонфорович, Ольге Цыбенко, Маргарите Шаховой, Андрею Яковлеву (все — г. Москва); Надежде Воищевой, Татьяне Смирновой, Юлии Хоменко, Александру Хохлову (все — г. Санкт-Петербург); Любови Даниловой (г. Великий Устюг); Елене Егоровой, Татьяне Жбанниковой, Станиславу Лялину (все — г. Киров); Галине Кузьмич (г. Калининград); Мире Покорук (г. Винница, Украина); Алексею Афанасьеву (г. Одесса, Украина); Ирине Сяэск (г. Тарту, Эстония); Юлии Берлин (г. Дармштадт, Германия); Алессандре Леоне (Италия).

Одновременно вёлся поиск неизвестных Таисии Иосифовне писем Ефремова.

Большую помощь оказал историк палеонтологии Антон Нелихов, сообщив о существовании писем Ефремова А. А. Борисяку. И. В. Бодылевская, внучка академика А. А. Борисяка, любезно предоставила их для публикации. Фрагменты этой переписки ранее были напечатаны в книге, посвящённой Палеонтологическому институту в годы войны[2]. Часть отрывков цитируется по этой книге. Ныне оригиналы писем находятся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук.

Также благодаря Антону Нелихову в Приморском государственном объединённом Музее имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток) удалось обнаружить письма Ефремова читательнице Л. С. Кучковой. Сотрудники музея любезно предоставили нам их для публикации.

Ещё школьником начал переписываться с И. А. Ефремовым будущий писатель Г. М. Прашкевич. Для данного издания он прислал фотокопии хранящихся у него писем.

---

[1] Ерёмина О. А., Смирнов Н. Н. Иван Ефремов. — М., 2013. 682 с.

[2] Бодылевская И. В. Академик А. А. Борисяк и Палеонтологический институт в годы войны. 1941—1943 гг. — М., 2008. 110 с.

Удалось разыскать О. Л. Портнягина, внука одного из самых активных корреспондентов Ефремова Г. К. Портнягина. В середине семидесятых годов Георгий Константинович скопировал письма, адресованные ему, и переслал их Таисии Иосифовне. Внук сохранил в семейном архиве подлинники и передал их нам для копирования и сверки с машинописными копиями, хранящимися у Т. И. Ефремовой. В данном издании письма Ефремова Портнягину сверены с оригиналами.

От Аллана Ивановича Ефремова нам стало известно о переписке Ивана Антоновича с Э. Б. Вадецкой. Эльга Борисовна передала нам копии писем Ефремова ей, а также её отцу Б. А. Вадецкому с разрешением публикации. В феврале 2015 г. Э. В. Зайцева предоставила для публикации письма и другие документы И. А. Ефремова её супругу Ю. Н. Зайцеву, хранящиеся в семейном архиве.

Когда книга «Иван Ефремов» вышла в свет, авторы выступили более чем с пятьюдесятью презентациями — в разных аудиториях: в МГУ, СПбГУ, РГГРУ им. С. Орджоникидзе, в Горных институтах Москвы и Санкт-Петербурга, школе-музее «Литос-КЛИО» (г. Иваново) в Минералогическом музее им. А. Е. Ферсмана, в ГМИЛИКА (г. Барнаул), в Доме-музее А. Л. Чижевского (г. Калуга), в Международном центре Рерихов и музее Востока (г. Москва), в университетах и крупных библиотеках Калининграда, Вологды, Тольятти, Ярославля, Кирова, Дмитрова, Ангарска и других городов. Видеоряд презентаций подготовила Мира Покорук. Авторы благодарят тех, кто организовывал эти встречи.

Выступления показали огромный интерес слушателей к произведениям, биографии и творческому пути И. А. Ефремова.

На встрече в Санкт-Петербурге, в Горном институте (Национальный минерально-сырьевой университет Горный) проректор по учебной работе доктор геолого-минералогических наук М. А. Иванов сообщил, что знает о письмах Ефремова его учителю П. С. Воронову, хранящихся в семье Вороновых. М. А. Иванов помог связаться с внуком учёного Н. Д. Вороновым, и он предоставил нам для публикации письма П. С. Воронова.

На презентации, проходившей на биофаке СПбГУ, председатель Союза учёных Санкт-Петербурга, кандидат биологических наук Л. Я. Боркин сообщил о письмах Ефремова его учителю Л. И. Хозацкому. Они являются частью личного архива Л. И. Хозацкого, который хранится в отделении герпетологии Зоологического института РАН. Л. Я. Боркин предоставил эти письма для публикации.

Изложив в предисловии особенности составления свода, мы позволили себе в самом своде ради экономии места не указывать, где хранится оригинал.

Работу по своду и унификации всех ранее известных и выявленных писем выполнил Алексей Афанасьев.

Фамилии переводчиков указаны после каждого конкретного перевода. Комментарии сделаны не к текстам оригиналов, а к текстам русских переводов, так как книга ориентирована в первую очередь на русскоязычного читателя. Письма И. А. Ефремова, написанные им на английском языке, даны без изменений.

В подготовке комментариев участвовала на добровольных началах большая группа людей, среди которых многие наборщики, переводчики. Отдельно назовём Андрея Константинова, Ларису Михайлову, Маргариту Шахову, Андрея Яковлева, Андрея Фесенко, Альберта Сайфутдинова, Миру Покорук, Сергея Белякова (г. Иваново), Игоря Фефёлова (г. Иркутск), Льва Боркина (г. Санкт-Петербург). Благодарим также Ольгу Карасёву (г. Киров) за филологические комментарии к письмам китайского палеонтолога Тай Пыя.

Орфография и пунктуация в русских текстах писем в целом приведена к современным правилам. Исключения сделаны для некоторых характерных для своего времени особенностей, как написания слова «проэкт», «шоффёр», «оффициальный», и для случаев авторской пунктуации. Унифицированы указания дат, расположение подписей и другие технические детали. Также приведено к единообразию написание названий художественных произведений, журналов и издательств.

Большое внимание Ефремов уделял выбору открыток и даже конвертов, стремился к тому, чтобы они соотносились со смыслом письма и характером адресата. Там, где это возможно, мы указываем, что именно изображено на открытках. Составителями данного свода являются Ольга Ерёмина, Андрей Константинов, Николай Смирнов. В конце книги помещены два аннотированных указателя: географический и именной. Географический составлен с помощью Маргариты Шаховой.

В именной указатель включены практически все упоминаемые в текстах писем фамилии на русском языке в соответствии с русским алфавитом. Не включены имена мифологических персонажей и героев художественных произведений. Составители стремились по возможности дать определение каждому имени, упоминаемому в переписке, указать годы жизни и основное направление деятельности. Подробнее комментировались имена людей, имеющих более тесное соприкосновение с жизнью и творчеством И. А. Ефремова. Некоторые имена остались не полностью определёнными или вовсе неопределёнными. Возможно, публикация переписки поможет максимально полному атрибутированию.

В составлении именного указателя участвовали Ольга Ерёмина, Николай Смирнов, Андрей Константинов, Ольга Цыбенко, Маргарита Шахова, Алексей Афанасьев, Татьяна Смирнова, Микаиль Ахундов (г. Москва), Сергей Беляков.

Благодарим за консультации

- историка палеонтологии А. Е. Нелихова,
- старшего научного сотрудника Зоологического института РАН Л. Я. Боркина (г. Санкт-Петербург),
- преподавателя СПбГУ палеонтолога П. П. Скучаса,
- редактора издательства «Молодая гвардия» В. В. Эрлихмана,
- сотрудника Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН А. А. Евсеева,
- заведующую отделом фондов Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского РАН И. А. Стародубцеву,
- сотрудника Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН орнитолога В. Ю. Архипова (г. Пущино),
- старшего научного сотрудника Международного Центра Рерихов В. Г. Соколова,
- старшего научного сотрудника отделения геологии НИИ ЕН Саратовского ГУ В. П. Твердохлебова,
- сотрудников Пулковской обсерватории (ГАО РАН) инженера О. П. Русакова и работницу архива Т. В. Соболеву,
- библиографов-фантастоведов В. Е. Настецкого (г. Киев), А. В. Мешавкина (г. Кудымкар), В. И. Карацупа (г. Бердянск),
- писательницу Л. Н. Данилову (г. Великий Устюг) и других помощников.

На протяжении нескольких лет работы над сводом нас морально и финансово поддерживал А. Ф. Сайфутдинов (г. Новосибирск).

Благодарим всех участников этого кропотливого труда и ещё раз подчеркнём, что данная работа была осуществлена исключительно добровольцами.

Итак, в свод вошли письма как написанные Ефремовым, так и адресованные ему. Однако часто мы имеем письма, адресованные Ефремову, а его ответы соответствующим корреспондентам нам неизвестны. Также включены некоторые письма или фрагменты, не адресованные Ефремову, но имеющие непосредственное отношение к его судьбе.

К сожалению, творческое, в том числе и эпистолярное наследие одного из выдающихся мыслителей XX века остаётся практически неисследованным. В ИРЛИ РАН (Пушкинском Доме, Санкт-Петербург) находится архив И. А. Ефремова. По сообщению Учёного секретаря рукописного отдела Любовь Владимировны Герашко, фонд И. А. Ефремова (9 архивных коробок) не разобран (данные на октябрь 2014 г.). Соответственно, описи или картотеки тоже не существует. Начало обработки фонда запланировано на третий квартал 2015 года.

Литературоведы и биографы не раз подчёркивали энциклопедичность знаний Ефремова.

Мы уверены, что изучение имеющегося корпуса писем выявит поистине возрожденческий масштаб личности И. А. Ефремова, даст пищу различным исследователям: палеонтологам, биологам, геологам, литературоведам, историкам культуры и науки, социологам. Мы также уверены, что знакомство широких научных кругов с перепиской приведёт к открытию новых фактов жизни и творчества писателя и учёного.

Однако мы не считаем этот свод переписки И. А. Ефремова окончательным. Требуется его дополнительное комментирование, создание терминологического словаря-указателя, в который могут войти биологические, геологические, палеонтологические термины. Для данного издания не было возможности подготовить подобный полноценный словарь-указатель, равно как и прокомментировать используемую авторами писем палеонтологическую номенклатуру.

Важнейшим этапом должно стать планомерное выявление и обработка эпистолярного наследия Ефремова как в России, так и за рубежом. Требуется изучение архива, хранящегося в Пушкинском Доме, а также забота об архиве, до сих пор хранящемся у жены писателя Т. И. Ефремовой.

Всё это было бы возможно при создании музея И. А. Ефремова и организации при нём группы исследователей. Насущная необходимость этого очевидна. Однако остаются открытыми вопросы: кто, где и когда создаст этот музей?

Также необходимо сказать, что ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге, где жил учёный и писатель, до сих пор не установлено ни одной мемориальной доски в его честь. Исключение — Горный институт Санкт-Петербурга, где он учился. Однако там доска установлена в фойе. Ситуацию с увековечением памяти писателя необходимо изменить.

Итак, настоящее издание содержит 1258 писем, в нём представлены около двухсот корреспондентов Ефремова. Мы надеемся, что свод будет пополняться, а учёные разных специальностей подключатся к его изучению и комментированию.

Ольга Ерёмина

1930

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ[1] 1

пос. Горный
22 июля 1930 г.

...**Н**едостаток материалов и рабсилы сильно тормозит развитие горных работ. Завтра начинаем вскрытие двух больших старых шахт, где можно ждать хороший палеонтологический материал, да и для изучения медистых песчаников будет получено немало. В другое время занимаюсь геосъёмкой. В общем, я производитель горных работ и геосъёмки, официально — опробования. Кое-что из косточек уже найдено, пока немного. В начале августа уеду в Уфимскую губернию, а в конце будут готовы шахты, тогда проникнем в подземные выработки. На днях перекидаю все рудные штабеля на Кузьмоловском руднике — обеспечено пудов 25 остатков амфибий и рыб. Разработка Левских, Щербаковских и Верхнеордынских рудников для опробования также даст возможность собрать материал по позвоночным... Собрал новые, интересные данные. Работа этого лета пройдёт для меня с пользой, так как ознакомлюсь с многими видами горных и разведочных работ непосредственно на практике. В начале я был ещё производителем работ алмазного и ударного глубокого и мелкого бурения. Видите, как полезно. В довершение специальностей работаю с теодолитом по маркшейдерской наружной и подземной съёмке. Вот пока все мои подвиги...

И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ВЕРНАДСКОМУ 2

Ленинград
19 ноября 1930 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Приношу тысячу извинений за смелость, с которой обращаюсь к Вам. У меня есть некоторые новые взгляды на эволюцию наземных позвоночных в связи с равновесием CO_2 в атмосфере в разные геологические эпохи и ионизацией вод в присутствии различных элементов, напр[имер], V, Cu, K и др. В настоящее время в СССР Вы единственный человек, от одобрения которого зависит судьба моих гипотез. Если разрешите, я вскоре пошлю Вам мою не-

[1]Начало и конец письма не сохранились.

большую работу, переписанную на пишмашинке для В[ашего] мнения. Ваше разрешение не откажите сообщить по адресу. Здесь, Тучкова наб. 2. Палеозоологический институт АН СССР. И. А. Ефремову.[1]

Примите ещё раз мои извинения.

С искренним ува[жением],
И. Ефремов

[1] Что представляли собой взгляды И. А. Ефремова на эволюцию в этот период, достоверно сформулировать трудно, так как в фонде В. И. Вернадского упомянутая работа не сохранилась.

1934

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 1

р. Токко, ЯАССР
16 ноября 1934 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

пользуюсь случаем сообщить Вам о положении своих дел.

Я до сих пор ещё в тайге. В этом году очень ранняя зима и необыкновенно глубокие снега. Это обстоятельство сильно замедляет наше передвижение и возвращение. Никак не пробиться через горные группы Удокан и Кодар к прииску Калар.

Организация нашей экспедиции в финансовом и продовольственном отношении была исключительно безобразна. Скажу кратко: имея на свою партию 67 000 рублей, я вынужден всю основную операционную работу проводить на 4500 руб[лей]!

Такие обстоятельства вынудили осуществить подход к Чарской котловине не ближайшим путём, а наоборот, из весьма удалённых от Чары районов Южной Якутии, там где удалось достать дешёвый оленный транспорт.

Поэтому, хотя мои геологические исследования охватили огромный «Миддендорфовский» район, получилось значительное запоздание против предположенных сроков.

Уже сейчас собрано много интересных данных по взаимоотношениям кембрия и архея, по фациям кембрия и т. д., исследованы два белых пятна и собраны сведения о легендарной Мамонтовой горе в гольцовой группе Тыптур. К сожалению, уже поздно, и нам не удастся посетить это кладбище мамонтов, но возможно придётся поставить вопрос о исследовании этого пункта.

Вообще сейчас условия геологической работы в Сибири — в особенности в таких труднодоступных районах, как этот, сделались очень трудными. Ещё более затрудняет катастрофическое положение с деньгами, которое по моему опыту становится уже хроническим в экспедициях малого масштаба СОПС[1].

Вследствие всего этого я решил раз навсегда оставить работу в экспедициях в Сибирь и ДВ Край, а также окончательно прекратить всякие поездки по чистой геологии.

Я хотел бы отныне заняться исключительно палеозоологией и сравнительной анатомией и если и принимать участие в геологической работе, то

[1]СОПС — Совет по изучению производительных сил.

лишь в такой, которая непосредственно связана с местонахождениями (по перми, карбону и т. п.)

Слишком много времени затрачивается зря в этих далёких экспедициях, так что получается, что цель не оправдывает средства.

По приезде буду очень просить Вас, Алексей Алексеевич, помочь мне Вашим ценным советом в проведении в жизнь моих намерений.

Как только проделают первую дорогу, мы будем выезжать через вершину Конды и хр. Удокан на прииск Калар. Это зависит от времени, когда станут пороги на Чаре. Если все обстоятельства будут складываться благоприятно, то через месяц предполагаю быть на Каларе, оттуда через 15—20 дней в Ленинграде. Если дорогу придётся прокладывать самим, то не исключена возможность, что на Калар приду не раньше середины января. Слишком велики здесь расстояния, но самые досадные задержки — это из-за регулярного запаздывания пересылки денег, вдобавок в ничтожных, совершенно недостаточных суммах.

С искренним уважением, преданный Вам
И. Ефремов

1935

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 1

Ленинград
27 апреля 1935 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

приношу извинения, что отнимаю у Вас драгоценное время, но, к сожалению, имеется несколько проблем, без Вашей санкции неразрешимых.

Согласно распоряжению мы приступили к упаковке Музея. Уполномочен на это дело пока я. К 30 апреля уберём из витрин всю мелочь, как из диплодочного, так и из Сев[еро-]Дв[инского] зала. После первомайских дней приступим к разборке больших скелетов в следующем порядке: a) диплодок b) парейазавр c) мастодонт d) индрик[отерий]. Полагаю, что при хорошем нажиме и наблюдении удастся закончить не позже, чем к 15 июня. Мелкие витрины начнут упаковываться к отправке с завтрашнего дня.

Таков ход работы. Свою научную работу пока отложил, т. е. делаю её, но с гораздо меньшей интенсивностью. Если Вы разрешите, мы с Быстровым представим в готовом виде к июлю I Mitteilung[1] — остеологию черепа Benthosaurus, а II Mitt[eilung] я закончу в Москве, на перевезённом к тому времени материале, осенью, после упаковки и экспедиции. Вот первая проблема, требующая Вашей санкции.

Дальнейшие проблемы идут в следующем порядке:

2. Необходимо уже сейчас оформлять окончательно экспедицию, установив твёрдо, кто и куда едет. В частности, на Ишеево надо уже получать деньги с тем, чтобы закупив снаряжение, 20 мая выехать кому-либо на место работ.

В Ишееве при создавшейся обстановке существенно необходим Михайлов. Его можно снять с упаковки и послать в Ишеево, тогда мне предварительный выезд понадобится только на 3 дня, а с предварительной организацией и развёртыванием работ он справится превосходно один. Тогда я могу выехать вторично в Ишеево около 20 июня для более продолжительного пребывания. В равной степени Эглон, чрезвычайно нужный для упаковки, может уехать в Ишеево вместе со мной около 20 июня, а до тех пор целиком быть задолженным на упаковке. Если же состоится Казахстанская экспедиция, то Орлов хочет взять обязательно Михайлова. Если автомобиля не будет, а будут раскопки на Аральском море — опять таки Михайлов должен будет ехать туда. В этом случае перед нами встанут очень серьёзные затруднения. Выехать в Ишеево позднее нельзя, т.к. есть угроза захвата наших раскопок Гартман-Вейнберг или Рябининым, или обоими вместе. Значит, придётся оставить упаковку и выез-

[1] Сообщение (нем.).

жать мне с Эглоном около 20 мая на долгий срок. Точно также выбывают из упаковки и Орлов с Михайловым, на срок неопределённый.

Так как весьма многих работ без нас просто нельзя будет провести — мне кажется, что произойдёт серьёзная задержка с упаковкой и отправкой Музея, и, кроме этого, сами экспедиции будут проведены кое-как, спешно и без должного внимания. Не целесообразнее ли будет совсем снять в этом году ввиду исключительности положения Казахстанские и Аральские работы? Сумму, на них ассигнованную, дать Обручеву и на рептилий? Пусть этот год пройдёт под знаком Дракона, а зато все суммы следующего года под знаком Козерога. При добавлении нам на Ишеевскую ещё 6—7 тысяч мы раскопаем и Шихово-Чирки, и Старую Казань и даже копнём стегоцефальные м[естонахожде]ния Верхней Волги — Плёсо и Семигорье. Таким образом, поставленные раскопки будут для Института хорошей рекламой и оправданием размаха работ на будущее. Кроме всего, полностью проводятся все работы по перевозке Музея, так что именно эта схема экспедиционных работ представляется в нынешних условиях наиболее выгодной. К этому можно ещё прибавить, что затраты, как на техперсонал, так и особенно на снаряжение, будут минимальными.

Я очень просил бы Вас, Алексей Алексеевич, высказать своё мнение по поводу наших предложений, после чего нужно будет непременно выполнять тот или иной план.

3. Положение с препараторскими мастерскими начинает становиться угрожающим в плане осенне-зимних работ в Москве. Мы теряем Косниковского, также пустым останется место Львовой (ныне замещённое Порецкой), пустое место и Функа. Остаются собственно препаровщиков только 2 — Бишоф и Тимм, из которых Тимм весьма несовершенен. Михайлов будет занят с Музеем, да и какой он в конце концов препаратор. Необходимо Ваше распоряжение на скорейшее подыскание работников для замещения 1 места (Функ) сейчас, а двух к осени. Иначе осенью Институт будет в бедственном положении.

4. Вёл переговоры с Горным музеем. Относятся они к перевозке коллекций в Москву весьма неблагоприятно. Составил бумажку от Президиума, каковую здесь прилагаю

5. Меня и Е. Д. Конжуковой нет в приказе о командированных из Москвы в Ленинград, поэтому нам здесь жалованья выплачивать не будут. Может быть, Вы окажете любезность отдать распоряжение Меннеру об оформлении нашего здесь пребывания, что требуется в срочном порядке.

6. Здесь нас смущают слухами о том, что вместо Лефортова якобы будет Манеж, куда, мол, отправлять витрины и кости. Требуется вполне оффициальный приказ о перевозе Музея именно в Лефортово, ибо после первого мая будут отправлены уже первые два вагона (мебель и кости).

В заключение очень прошу Вас не отказать прислать ответ на интересующие нас вопросы, а также бумагу от Президиума на коллекции Горного Ин[ститу]та.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 2

Ленинград
22 октября 1935 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

приношу извинения и прошу поверить, что только настоятельная необходимость заставляет меня занимать Ваше время.

Сейчас мы с Быстровым работаем над бентозаврами — работа пришла к концу, сдаётся в перевод и нужна окончательная подчистка текста.

Между тем у нас нет, и нет никакой возможности получить весьма необходимую книгу Max Pfannenstiel — Das Gehirnkapsel und Gehirn fossiler Amphibien, вышла в 1933 г. в серии Monographien z[ur] Geologie u[nd] Paläontologie изд. Gebrüder Borntraeger Berlin, стоит RM[1] 16,50 — 20% скидка (сейчас на инвалюту ввиду падения марки). Сам автор в трёх письмах обещался мне послать эту книгу в презент, но в последнем письме указывал, что он «arbeitslos und ohne Verdienst»[2]. Книга так и не пришла, а напоминать безработному я не рискую. Если выписать через биб[лиоте]ку — пройдёт не менее года. Я очень просил бы Вас, если возможно, выписать нам эту книгу через Ваш фонд в КСУ, тогда по приезде в Москву я выправлю по ней в наших рукописях уже в переведённом виде все недоразумения, какие могут быть. Я посылаю на днях несколько статей в нем. журналы, так что за счёт гонорара смогу возместить Вам Ваш ущерб также в марках и выписать для Вас нужную Вам книгу.

Объём работы выясняется более точно. Текст 7 печ[атных] листов + 2 листа на изъяснение таблиц, рисунков, введение, список литературы. Число рисунков 92, но большинство из них комбинированные, занимающие по целой странице и состоящие, в сущности, из нескольких рисунков. Число фотографий ~ 40, распределяющихся на 7—8 таблицах. Несмотря на большой, в сравнении с текстом, объём иллюстрированного материала, на нём придётся настаивать, т.к сократить уже ничего нельзя.

Переводить предполагаем на английский. Я просил бы указать мне, возможно ли работу печатать так — полный русский текст с полным английским, или же нужно обычным путём — полный английский с сокращённым русским резюме. В зависимости от Вашего указания мы будем проводить обработку русского текста.

Можно ли мои 5 мелких работ печатать не в томе Трудов, а в Известиях и Докладах? Я боюсь, что печатание снова сильно затянется, так же, как с четвёртым томом.

По своём приезде в Москву я хотел бы лишь посоветоваться с Вами насчёт своего проэкта «Советско-американской русско-африканской экспедиции». Может быть, что-нибудь и выйдет. Копать пермь у нас на наши деньги, у американцев и Южной Африке — на их деньги, а материал пополам. Если бы из этого что-нибудь вышло, наш Институт несомненно получил бы коллекции мирового значения.

Далее, последняя находка гондванской фауны в Китае. Открытие мирового значения и под носом у нас — в Урумчи — двое суток на автомобиле

---

[1] Рейхсмарок.

[2] Безработный и без заработка (нем.).

от Джаркента, в нашем Семиречье. Раскопок там никто не ставил, проходила Свен-Гединовская экспедиция и подобрала полные черепа. Раскопки в этом пункте дали бы нашему Институту мировую известность. В этом году и будущем работает в Синцзяне крупная наша геологическая экспедиция в 20 партий под руководством Перкина. Может быть, впустят как-нибудь и нас туда? Работы будут стоить весьма недорого, совсем пустяки при наличии своего автомобиля, ибо местонахождение как раз на автомобильном тракте Кульджа — Уляссутай. Я очень просил бы Вас, Алексей Алексеевич, при удобном случае узнать в «высоких кругах» о реальной возможности осуществления таких раскопок. Уж очень выигрышно для Института, кроме безусловного и высокого научного интереса. Наконец, я пишу сейчас, скоро заканчиваю, книжку, листов на 8, о древнейших наземных позвоночных научно-популярного характера, хотя вполне серьёзную — для биологов. Есть ли какие-нибудь возможности к напечатанию в Издательстве Академии Наук или нет? Я обращаюсь именно к Вам, т.к. всё равно придётся беспокоить вас с рецензией, даже если предложу оную в иные издательства. Без Вас, Алексей Алексеевич, никак.

В Москву, наверное, приеду скоро, если обстоятельства будут благоприятствовать.

С искренним уважением, Ваш
И. Ефремов

1936

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ[1] 1

Москва
16 января 1936 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Переписчица сообщила мне, что сможет взять работу, но сделает её не к 20-му, как я полагал, а к 23-му, после чего передаст Вам. Я посылаю рукопись в Ленинград, ибо переписка в Москве невозможна по качеству или уж чересчур медленна.

Некоторые рисунки я дошлю Вам после (в список рисунков с объяснениями они войдут), только получу отпечатки из фотолаборатории. Машинистка перепишет в трёх экземплярах, из которых два — пойдут Вам, а третий мне. Я его исправлю и перешлю Вам в обмен на неисправленный. Если вся эта комбинация Вас устраивает, не откажите черкнуть несколько строк о Вашем согласии или нужных изменениях.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 2

Москва
22 сентября 1936 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Мне весьма прискорбно, что я оказался одним из трёх самых нерадивых. Отнюдь не в целях оправдания себя, ибо в данном случае нет извинения, всё же прошу выслушать мои мотивы запоздания.

1. Меня сделали уч[ёным] секретарем ин[ститу]та, который, как Вам известно, находится сейчас в очень тяжёлом положении. Пришлось бросить

[1]В этом и последующих публикуемых письмах И. А Ефремова профессору Ленинградского горного института А. Н. Рябинину говорится о подготовке русского издания книги К. Циттеля «Основы палеонтологии» (1895). И. А. Ефремов подготовил к изданию раздел «Позвоночные. Класс амфибий», дополнив перевод новой палеонтологической информацией. Работа была завершена, однако начавшаяся Великая Отечественная война помешала осуществить это издание. А. Н. Рябинин, являвшийся ответственным редактором, не пережил блокады Ленинграда. После его смерти научные материалы были переданы в ленинградские архивы, часть из них оказалась в составе СПбФ АРАН.

временно все дела и всеми силами вывозить институт. К первому октября всё решится, так или иначе.

2. Отсутствие в Москве приличных машинисток, что гибельно при моём скверном почерке. Так, написанное по амфибиям мне переписали настолько мерзко, что я, употребив несколько дней на правку, решил перепечатывать снова. А. В. Мартынов обещал на днях достать где-то хорошую машинистку.

Итак, за исключением организации переписки, мне остаются написание периодонтов (литературу по ним я уже свёл). После 28-го я берусь за них безотрывно и думаю, что смогу послать Вам всё условленное почти одновременно или немного позже, чем Д. В. Обручев.

Осмелюсь заявить, что, по-видимому, я всё же более благонадёжен, чем Алексей Алексеевич, который клянётся, что вообще <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*> сейчас писать для Циттеля не будет. Прошу как-нибудь передвинуть меня на Вашей чёрной доске.

За задержку с ответом на Ваше письмо приношу извинения — тому были некоторые домашние затруднения, каковыми делами был занят, + секретарство все последние три недели.

С искренним уважением,
И. Ефремов

3 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ

Москва
28 октября 1936 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Телеграмму Вашу получил, однако лежу, болен и не могу осуществить немедленную перепечатку работы. Сразу по выздоровлении высылаю Вам амфибий, на чём и думаю ограничиться ввиду плохого самочувствия и загрузки административными делами.

С искренним уважением,
И. Ефремов

4 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ

Москва
8 декабря 1936 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Я очень благодарен Вам за любезное предложение содействия в переписке, но думаю, что остающиеся мне небольшие вставки я успею вскорости переписать и в Москве. Дело в том, что я получил целую кипу новых работ от Ромера, Куна и других, почему хочу внести самые последние данные в литературу и систематику <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*>.

Очень благодарен за доброе пожелание. Я уже почти совсем выздоровел, так лишь небольшая слабость. Я считаю, что даже при моей малой работоспособности остающаяся работа (с перепиской) займёт не более 10 дней. Чув-

ствую себя очень виноватым перед Вами, но, к сожалению, я не мог предвидеть столь гибельных для нас московских обстоятельств.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 5

Москва
30 декабря 1936 г.

Prof. Dr. Friedrich von Huene,
Geologisch-Paläontologisches Institut
der Universität Tübingen,
Zeppelinstrasse 10, Tübingen.
Tübingen

Dear Sir:

I beg you kindly to excuse me for the delay in sending you the casts of our North Dvina reptiles. After your correspondence with A. A. Borissiak, Member of the USSR Academy of Sciences, I have received from you a skull of Stahleckeria potens for my Department.

The preparation of casts has been detained since, due to the transfer of our collections to Moscow, we have not been able to procure at once the skull of Amalitzkia, which was to be sent to you along with the skull of Inostrancewia. At present a cast of this skull has been already made. The skull of Inostrancewia is ready, and we could send it to you, but we should like to send all under the same freight in order to facilitate the matter of obtaining the custom-house permission. Thus, I expect to send you all towards the close of January.

In order to alleviate our fault in detaining the dispatch of the casts, I shall send you, along with the casts of the skulls of Inostrancewia and Amalitzkia those of Permocynodon and Dwinosaurus primus.

If you intend to continue the exchange with us, I should ask you to send me a list of those casts which you can send us in exchange of ours. For my part, I shall send you a list of 128 objects which we can offer of the Permian fauna. I am interested only in the Permian and Triassic fauna of amphibians and reptiles.

Allow me now to apply to you with some personal questions. If you have got some reprints of your monographs on the Gondwana fauna of South America, I should be obliged to you for supplying me with them since I have not been able to get them anywhere. I am at present completing a work on the Permian land Vertebrata of all countries, and I should be very glad to have your latest publications.

In my book I intend to present a review of the most outstanding investigators of the fauna of the earliest Tetrapoda of the earth. I should, therefore, ask you to do me the favour, first, of giving me some indication as to the literature where I could find your biography, and second, if it be possible, of supplying me with your photograph to be inserted in the volume.

Due to the world-wide renown of your name, you have a continuous correspondence with the other paleontologists working on Vertebrata. I should ask you to inform me of the latest address of Dr. Robert Broom. I have written to him to his old address in Albany, but have received no answer.

Finally, I consider it my duty to let you know that if you have some work ready for print on the Permian or Triassic Vertebrata, we are very glad to make you an offer to publish it in the Transactions of our Institute. The volume of the work is not restricted.

Thanking you in advance,
Yours truly, *J. Efremov*

Dr. J. A. Efremov,
Curator of the Department
of Early Tetrapoda,
Moscow, Bolshaya Kalujskaya, 75,
Paleozoological Institute
of the Academy of Sciences of USSR

Профессору, доктору наук Фридриху фон Хюне,
Геолого-палеонтологический
Институт Тюбингенского университета,
Цеппелинштрассе 10,
Тюбинген, Германия

Уважаемый сэр!

Прошу великодушно прощения за задержку с отсылкой слепков наших северодвинских рептилий. После Вашей переписки с членом советской Академии наук А. А. Борисяком я получил от Вас череп Stahleckeria potens для своего отдела.

Задержка произошла в связи с тем, что переезд нашей коллекции в Москву помешал отправке вам черепа амалицкии вместе с черепом иностранцевии. Теперь он подготавливается. Слепок иностранцевии уже готов, и мы могли бы его выслать, но хотелось бы направить всё вместе для получения общего таможенного разрешения. Таким образом, надеюсь выслать Вам всё в конце января.

Дабы несколько искупить нашу вину, помимо амалицкии и иностранцевии я пошлю Вам также слепки черепов пермоцинодона и Dwinosaurus primus.

Если Вы настроены на дальнейший обмен с нами, прошу выслать нам список тех слепков, которые Вы можете предоставить. Со своей стороны я направлю Вам список из 128 позиций пермской фауны, которые мы можем предложить. Меня интересуют исключительно амфибии и рептилии перми и триаса.

А теперь позвольте задать Вам несколько вопросов, представляющих для меня личный интерес. Я был бы весьма обязан за присылку экземпляров Ваших монографий по гондванской фауне Южной Америки, поскольку мне нигде не удалось их раздобыть. Я в настоящее время завершаю труд по наземным позвоночным пермского периода во всём мире и был бы счастлив получить Ваши последние публикации.

В свою книгу я планирую включить обзор деятельности наиболее выдающихся исследователей фауны самых ранних наземных четвероногих. Поэтому я прошу оказать мне любезность и сообщить, во-первых, в каких публикациях я могу почерпнуть биографические сведения о Вас, а во-вторых, если возможно, предоставить свою фотографию для размещения в книге.

Благодаря мировой известности Вашего имени Вы находитесь в постоянной переписке с другими палеонтологами позвоночных. Прошу сообщить мне последний адрес доктора Роберта Брума. Я написал ему по прежнему адресу в Олбани, но не получил ответа.

И наконец, считаю своим долгом сообщить, что в случае, если у Вас есть наготове статья по пермским или триасовым позвоночным, мы были бы счастливы опубликовать её в Трудах нашего института. Ограничений по объёму нет.

Заранее благодарен,
Ваш *И. Ефремов*

Доктор И. А. Ефремов,
Куратор отдела ранних тетраподов,
Москва, Большая Калужская, 75,
Палеозоологический институт
АН СССР

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — С. Т. МАШИНСКОМУ

6

1936 г.

Кара-Гуга
Омская ж/д
Лебяжинский с/совет
Булаевского р-на
Карагандинской области
Машинскому Степану Тимофеевичу

Уважаемый товарищ!

Тов[арищ] Кулик передал нам Ваше письмо, где Вы сообщаете о находке мамонта.

Сообщите нам точнее всю историю с найденными костями, а главное — точное место находки.

Если уцелела хоть часть этих костей, пошлите их нам почтовой посылкой по адресу: Москва, Большая Калужская, 75, Академия Наук СССР, Институт Палеозоологии.

В адрес Академии почта обязана принимать посылки весом до 16 кгр. бесплатно в неограниченном количестве.

Если Вы пришлёте нам кости, мы сможем определить, какую научную ценность они представляют и нужно ли производить раскопки в указанном Вами месте.

С приветом,
Учёный Секретарь Ин[ститу]та *И. Ефремов*

1937

1 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

1937 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,
к завтрашнему Президиуму сообщаю некоторые сведения о Черкасском 2/10[1].

1. Комиссия до сих пор не собралась, т. к. все члены её где-то в разгоне. Возможно, что сие делается не без задней мысли.

2. Если строители тихой сапой подготовят акт о непригодности здания якобы вследствие большой нагрузки, то этот акт надо немедленно опротестовать и виновных в умышленном извращении фактов очевидно наказать.

3. Нагрузка всего нашего имущества с коллекциями, мебелью, витринами и всем прочим для каждого зала будет 26 тонн на зал или при площади зала в 500 кв. м 52 кило на метр. Наибольшая допустимая нагрузка для Черкасского здания свыше 320 кгр. на кв. метр. Эти цифры совершенно точные.

4. Мне кажется, что прежде всего надо добиться от Президиума установления жестких сроков по следующим разделам:

1. Освобождение 4 этажа
2. Окончание ремонта 4 этажа
3. Освобождение 3 этажа
4. Окончание ремонта 3 этажа

5. Наши требования в отношении ремонта могут быть выставлены как следующие:

1. Капитальный ремонт крыши (здание протекает)
2. Замена мелкого переплёта окон на нормальный крупный (в некоторых окнах)
3. Перестилание настилки пола (кое-где прогнила, особенно на 4-м этаже)
4. Текущий ремонт отопления (есть дефекты)
5. Устройство наиболее приличного входа (в пределах возможного)
6. Выемка старых перегородок, установление новых для служебных помещений
7. Оборудование служебных помещений водой, газом и электричеством и освещение зал.

---

[1] Адрес здания, где при переезде в Москву предполагалось разместить Палеонтологический музей.

Сейчас самым главным является установление жестких сроков освобождения и ремонта помещения. Без этого строители не будут ничего делать или если будут, то такими темпами, что мы не только музея выставить, но и перевезти его к конгрессу не успеем.

Это видно по всему.

Ваш
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 2

Москва
9 января 1937 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Мне удалось уйти в кратковременный отпуск, и я прочно взялся за Циттеля. Кончу к 15-му, если не удастся выехать в Ленинград 16-го, то я пошлю рукопись одному из бывших наших работников — В. В. Пряхиной — для [машинной] перепечатки, а она передаст Вам. Поскольку рукопись будет у Вас в руках и Вы можете показать её издательству — это уже хорошо, я же, приехав в Ленинград в конце января, выправлю в один вечер все ошибки, могущие быть при перепечатке.

Вы не можете смотреть в глаза издательству, а я боюсь, что не смогу Вам смотреть. Поверьте, что меня эта история с Циттелем чрезвычайно огорчает, ибо первый раз в жизни я оказался в подобном положении.

Я полагал, что для рисунков достаточно указать их №№ в английском и немецком издании таким образом (рис. 278 англ. изд., с. 193), но меня смутил Д. В. Обручев, сказав, что лучше дать рисунки сфотографировать и представить их отдельным приложением. Это мне кажется нецелесообразным, ибо 99% рисунков Zittel's являются наиболее нужными и для нашего издания добавить стоит лишь основные наши формы Wetlugasaurus, Benthosuchus (Bentosaurus) Platyops и ещё, конечно, девонских Ichthyostegidae. Все эти рисунки Wetlugasaurus, которые передаст <вероятно, имеется в виду В. В. Пряхина. — *Ред.*> Вам по приезде в Ленинград, так как <далее не разобраны два слова. — *Ред.*> купить Ежегодник и вырезать рисунок из Вашей статьи[1], дав подправить кое-что (технически только, разумеется) Быстрову.

Итак, должно быть, скоро искуплю свой великий грех и отправлю Вам сию рукопись.

К сожалению, мне не удастся переработать её так полно, как это мне вначале хотелось, но в этом никто, кроме меня, не виноват, держать же дольше уже невозможно.

Большое спасибо за новогодние пожелания. Лучшим пожеланием было бы извинение Вами тех огорчений и хлопот, которые я (невольно хотя бы) причинил Вам.

---

[1] И. А. Ефремов имел в виду статью А. Н. Рябинина «Wetlugasaurus angustifrous nov.gen., nov. sp. из нижнего триаса Ветлужского края», опубликованную в 1930 г. в «Ежегоднике Русского палеонтологического общества».

Полагаю, что со всеми перепечатками и пересылками рукопись будет у Вас не позднее 20-го, каковый срок можно сообщить издательству.

С искренним уважением и пожеланием в новом году не иметь дел с авторами подобной аккуратности.

И. Ефремов

Сейчас снова подняли вопрос о скорейшем печатании Вашей рукописи. В первую очередь Moschops. Затем динозавры — так чтобы напечатать к конгрессу[1]. Думаю, что выйдет.

И. Е.

3 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ

Москва
19 января 1937 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Передаю на Ваше усмотрение, как быть с Циттелем. Выяснились следующие обстоятельства:

а) машинистка не успеет переписать к 23-му, так как выезжает к нам в Москву. Может переписывать в Москве. Ценно тем, что прекрасно разбирает мой почерк, так как много переписывала моё. Для других машинисток он (почерк) весьма труден. Перепишет весьма скоро;

в) у меня ещё не готова совсем литература (осталась ещё вставка старой русской), а также не составлены объяснения к рисункам, так как жду завтра-послезавтра получения снимков из ЛАФОКИ, которые сразу буду включать под одной нумерацией;

с) Орлов Ю. А. сообщил, что видел в Ленинграде только что вышедшую книгу Save-Soderbergh'a[2] — капитальный труд по черепу стегоцефалов. Он писал мне, вышлет мне скоро, т[аким] о[бразом] со дня на день я могу её получить или даже в крайнем случае написать Быстрову (у которого она уже есть), чтобы он на 2—3 дня прислал её мне в Москву. Было бы очень важно включить столь капитальный труд (вернее, учесть его в Zittel). Я его не видел, может быть, там ничего особенного нет, но если есть, будет обидно, что Zittel, вышедший в 1937 г., не учитывает итоги конечной работы 1936 г.

Поэтому мои пожелания таковы: если имеется хотя бы малейшая возможность — нужно повременить с отсылкой Вам Циттеля. Тем временем машинистка будет перепечатывать конец работы (всё, что не лабиринтодонты), для которых книга Save не важна.

Конечно, если дело абсолютно не терпит, я могу Вам выслать немедленно всё в том виде, в каком есть, а рисунки и часть литературы просить позже, пользуясь Вашим любезным предложением о возможности перепечатки через Вас.

---

[1] И. А. Ефремов имел в виду XVII Международный геологический конгресс, состоявшийся в Москве в июне 1937 г. При подготовке к конгрессу был предпринят расширенный выпуск научной литературы, в том числе в области палеонтологии.

[2] Очевидно, имелась в виду книга Г. Севе-Сёдерберга о девонских стегоцефалах из Восточной Гренландии.

Так как я и так уже всё оттягивал, буду считаться только с Вашими возможностями. Если имеется возможность оттянуть на несколько дней, скажем до 1/II, пришлю уже всё полностью, включив и Save и, кроме того, тот nachtrag[1], к писанию которого приступаю завтра. Как мы с Вами и договаривались, я классификацию лабиринтодонтов оставляю старой (за исключением деталей) и пишу, что время для введения новой ещё не приспело, так как окончательная классификация требует переработки целого ряда <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*> описанных форм. Равным образом вводить в text-book неустановившиеся термины, вроде сверх отрядов и сверх семейств, неудобно. Но в конце обзора стегоцефалов в эти самые nachtrage я хочу изложить (очень кратко) намечающиеся пути новой классификации. Я считаю, что такой nachtrag будет полезен, так как сейчас, по-видимому, с лёгкой руки Save начнут сыпать сверх и надсемействами.

Вот изложил все обстоятельства. Жду Вашего решения.

Теперь есть некоторые вопросы по ходу работы.

1. Я даю около 15 новых рисунков дополнительно к имеющимся, а из старых выбрасываю один. Не много ли?

2. Текст мною значительно дополнен и расширен, но не через меру. Вставлено только самое необходимое. В различных [степенях] текст Woodword's мною [надеюсь] переработан. Печатных на машинке будет страниц 80 minimum. Не много?

3. Я пишу названия труднопереводимых костей прямо по-латински. Мне кажется, что писание-таких названий, как <далее не разобраны два слова. — *Ред.*>, [в] русской транскрипции совершенно неприлично, указывает на безграмотный общий уровень и снижает научную корректность книги.

Какого мнения придерживается редактор?

4. Рисунки, имеющиеся в Zittele, я даю прямо ссылкой на стр. и № рисунка. М[ожет] б[ыть], нужно всё переснять?

Нумерацию рисунков я начинаю с первого № и ссылки на них вставлять буду сверху печатного текста карандашом, чтобы потом легко было стереть и написать настоящий № по всей книге. Считаете Вы это удобным?

5. Каким образом расположить литературу и ссылки? Здесь можно сделать по трём вариантам:

a) по образцу Zittels писать внизу данной страницы и делать одну общую цифровую сноску ([для] общего характера литературы), а затем цифровые сноски по отдельным семействам. Это имеет свои плюсы и минусы в том, что литература разбросана и, кроме того <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*>, под страницей коверкает внешний вид издания;

b) всю литературу вынести в конец, описание класса ставить в алфавитном порядке подряд, а в тексте делать сноски (Broom, 1914) таким образом;

c) литературу вынести в конец, но разбить всю по семействам, тогда в тексте можно обойтись без сносок.

Не откажите точно указать, как сделать.

6. Я ставлю лишь важнейшую литературу, чтобы не загромождать издания. Может быть, нужно и второстепенную.

---

[1] Дополнение (нем.).

7. Нужно ли после фамилии автора (в литературе) ставить его русскую транскрипцию (Брум, 1914) или не нужно?

8. Нужно ли после названия каждого семейства ставить его автора Dvinosauridae Watson, немецкий Zittel (Broili) делает так, а английский (Woodword) этого не делает?

Прошу извинения за огромное письмо, но, как видите, здесь действительно необходимые вопросы.

Не откажите в любезности ответить на важнейшие.

С искренним уважением,
И. Ефремов

4 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
7 марта 1937 г.

Academy of Sciences of U.S.S.R.
Institute of Palaeontology.
75 Bolsh. Kalushskaia
Moscow 71

Sehr geehrter Herr College,

Gleichzeitig mit diesem Brief senden wir Ihnen /Tübingen, Geologisches Institut/ in einer Kiste eingepackt Gipsabgüsse von:

1. Amalitzkia Wladimiri Pravosl. Schädel, Sokolky, Nord-Düna. Oberperm.
2. Inostrancevia Alexandri Amal. (Typ.) Schädel mit d. Unterkiefer. Oberperm, Sokolky, N. Düna.
3. Dvinosaurus primus Amal. (Typ.) Schädel mit der Unterkiefer. Oberperm, Sokolky. N. Düna.
4. Permocynodon sushkini. Schädel mit der Unterkiefer. Sokolky N. Düna. Oberperm.

Alle oben genannten Abgüsse sind mit speziellem Gemische zementiert und mit Ölfarbe gefärbt, so dass sie Feuchtigkeit ausgesetzt nicht leiden.

Ich bestätige bestens dankend den Eingang Ihrer Sendung mit Separata Ihrer wertvollen Arbeiten. Ich bitte Sie gefälligst wenn möglich, mir die Buchhandlung zu nennen welcher Ihre Arbeiten über Südafrikanische Fauna, sowie Ihre anderen, im Druck sich befindenden Arbeiten bestellbar sind, da mehrere von Ihren Arbeiten in unserer Bibliothek leider nicht vorhanden sind.

Ich habe Ihnen die erst soeben erschienen aus dem Druck Arbeiten vom verstorbenen (1928) Prof. P. P. Suschkin übersandt.

Die ersten 3 №№ dieser Serie (Prejurassic Tetrapoda) sind seinerzeit in Palaeontologia Hungarica erschienen und enthalten die Beschreibung von Dycyonodon und Kotlassia.

Die Arbeit über Kotlassia trägt №3. Da Aber die Arbeit über Dwinosaurus früherer geschrieben ist und die mit der Verfasserhand dieselbe eingeschriebene №3 trägt, so haben wir mit №III die in der Rede stehende und soeben aus dem Druck erschienene Arbeit über Dwinosaurus bezeichnet. Die oben erwähnte Arbeit über Kotlassia ist als №IV zu bezeichnen.

Nach kurzer Zeit werde ich im Stande sein, die Ehre zu haben einige meiner Arbeiten Ihnen zu übersenden.

In vorzüglicher Hochachtung
ergebenst Ihr
I. Efremov

Prof. Dr. Fr. von Huene
Geologisches Institut
Tübingen

Академия Наук СССР
Институт палеонтологии
Большая Калужская 75
Москва 71

Уважаемый коллега!

Одновременно с настоящим письмом мы отправляем Вам (Тюбинген, геологический институт) запакованные в ящик гипсовые слепки:

1. Amalitzkia wladimiri Pravosl. Череп, Соколки, Северная Двина. Верхний Пермский период.
2. Inostrancevia Alexandri Amal. (Тип.) Череп с нижней челюстью. Верхний Пермский период. Соколки, Северная Двина.
3. Dvinosaurus primus Amal. (Тип.) Череп с нижней челюстью. Верхний Пермский период. Соколки, Северная Двина.
4. Permocynodon sushkini. Череп с нижней челюстью. Соколки, Северная Двина. Верхний Пермский период.

Все вышеуказанные слепки зацементированы с помощью специального состава и покрыты масляной краской, так как они не терпят проникновения влаги.

С благодарностью подтверждаю получение посланных Вами экземпляров Ваших бесценных работ. Хотел бы попросить Вас назвать книжный магазин, где можно заказать Ваши работы о южноафриканской фауне, а также и другие, которые находятся в печати. К сожалению, многих Ваших трудов нет в нашей библиотеке. Я отправил Вам недавно опубликованные работы покойного (1928) профессора П. П. Сушкина.

Первые 3 номера этой серии (четвероногие животные предъюрского периода) были опубликованы в «Palaeontologia Hungarica» и содержат описания дицинодонта и котлассии.

Работа о котлассии обозначена № 3. Но так как работа о двинозавре написана ранее и несёт на себе обозначение № 3, сделанное автором, то под № 3 мы подразумеваем обсуждаемую работу о двинозавре, которая была недавно опубликована. Вышеуказанную работу о котлассии нужно обозначить № 4.

Через некоторое время я буду иметь честь отправить Вам некоторые из своих работ.

С глубочайшим уважением,
искренне Ваш
И. Ефремов

Профессору, доктору наук Фр. фон Хюне
Геологический институт
Тюбинген

Перевела Юлия Берлин

5 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ

[Ленинград]
Не ранее 1 апреля 1937 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Приходил к Вам 3 раза, но, к сожалению, не застал. Рукопись полистно сдаю Вам с некоторыми рисунками ещё в прекрасном исполнении Быстрова.

Я не проверил только конец литературы, не успел, но это, конечно, может сделать и Ваш технический помощник. Всего с литературой и объяснением рисунков у меня 147 страниц. Оригинальный текст очень трудно отделить, думаю, что не менее 2-х листов, во всяком случае <...>[1]

Получил из ин[ститу]та поручение узнать у Вас, как обстоят дела с обработкой черепахи и птерозавра из Каратау, переданных Вам[2]. Желательно, чтобы успеть сдать их в печать к конгрессу.

Не откажите написать хотя бы мне об этом.

Всего лучшего. Думаю быть опять в Лен[инграе]де около 1/IV, тогда можно будет согласовать разные вопросы по рукописи.

С искренним уважением.
И. Ефремов

6 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

25 мая 1937 г.

Prof. Dr. Friedrich von Huene
Geologisch-Paläontologisches Institut
der Universität Tübingen

Dear Sir,

I have received your letter with the information about your receiving the casts. I worry if you have received the letter with the explanation of the sent casts in time. Being ill, I have charged my assistant with posting it.

Unfortunately the list of objects for exchange is being retarded, and I shall be able to send it to you only in September-Oktober this year.

Do you propose to come to the Geological Congress this summer? If you do, I have to show you numerous new findings of Deinocephalians, Amphibians, Cotylosaurians and Pelycosaurians collected in the course of last years, and to hear your competent appraisement of the work carried out. I have worked over again some old collections, in particular Rhopalodon and Deuterosaurus, having made detailed preparations of the Seeley's and Nopcsa's originals. This work is not yet completed, but still I shall be able to show you the newly prepared originals. It is noteworthy, that the Mnemeiosaurus and Uraniscosaurus Nopcsa I have quite accurately pasted together into one skull. I am very grateful to you for the interesting works you have sent me. Of especially great interest is your view on the philogeny of Ichthyosauria.

---

[1] Так в исходном издании. По-видимому, пропущена часть текста.

[2] Среди работ А. Н. Рябинина, подготовленных к печати в 1938 г., значатся статьи, переданные для опубликования в «Трудах Палеонтологического института», под названиями: «Об остатках черепахи из юры Казахстана» и «Остатки летающего ящера из юры Казахстана». Они были изданы лишь в 1948 г.

I want to exhibit in the Museum of our Institute an enlarged Copy of your phylogenetic tree, as undoubtedly of all available nowadays it is the most perfect one. In some points I do not fully agree with you, but these are only details.

I think it useful, for acquainting the wide scientific circles of our country with the Karroo formation, to translate into Russian your book "Die südafrikanische Karrooformation". At the present I carry on negotiations on this subject with the publishing house, and if we come to an agreement this autumn the translation under my direct guidance will be commenced. The juridical side of the undertaking does not concern me — it must be carried by publishers — but I want to know your attitude to this opportunity. The faunistic part of the work has to be somewhat widened and supplemented as since 1924 there has been found a great deal of new forms. If you have no objection, I shall continue to try to publish this work.

As to the further exchange, I would ask you, until you receive the final list of objects, to let me know what good casts of Deinocephalia and Labirinthodontia from your Museum you can offer. I can offer you to exchange a complete cast of a skeleton of Inostrancewia Alexandri, mounted on a carcass, for a mounted cast of a skeleton of Stahlceceria potens, in as much as we have already received from you it's skull. As well, we can prepare for you a complete cast of a well preserved Pareiasaurian, e.g. of Scutosaurus Karpinskii, in exchange for a complete cast of skeleton of Keratocephalus moloch, also mounted on a carcass. If you are interested in such an exchange, we can start the preparation of casts in the end of July, as it will take fairly long time in order to be able to send it to you in November-December sumultaneously with your sending to us corresponding casts. May be you have also casts of the skulls of some of you South-American specimens (bigsized Cynodontia and others), we may exchange them for corresponding casts of skulls of the representatives of North-Dvina fauna you will like to have.

With kind regards,
sincerely yours
I. Efremov

Профессору, доктору Фридриху фон Хюне
Геолого-палеонтологический институт
Тюбингенского университета.
Тюбинген, Германия

Уважаемый сэр,

Я получил Ваше письмо с подтверждением, что слепки прибыли. Не знаю только, вовремя ли дошло отправленное отдельно сопроводительное письмо. Будучи больным, я поручил отправку письма ассистенту.

К сожалению, список объектов для обмена задерживается, и я смогу его отправить лишь в сентябре-октябре текущего года.

Собираетесь ли вы прибыть на Геологический конгресс этим летом? Если да, смогу показать Вам множество новых находок дейноцефалов, амфибий, котилозавров и пеликозавров, собранных за последние годы, и услышать Ваше мнение специалиста о проделанной работе. Я вновь переработал несколько прежних коллекций, в особенности с ропалодоном и дейтерозавром, подробно препарировав оригиналы Сили и Нопчи. Эта работа ещё не завершена, но всё же я смогу продемонстрировать вам заново препарированные оригиналы. Стоит заметить, что Mnemeiosaurus и Uraniscosaurus Nopcsa я весьма аккуратно склеил в один

череп. Весьма благодарен за присланные интересные работы. Особенно интересен Ваш взгляд на филогенез ихтиозавров. Мне хотелось бы выставить в музее нашего института увеличенную копию нарисованного Вами филогенетического древа, поскольку из всех существующих на сегодняшний день она наиболее совершенна. В некоторых моментах я не совсем согласен, но это лишь мелочи.

Полагаю полезным с целью ознакомления широких научных кругов нашей страны с формацией Карру перевести на русский язык Вашу книгу «Die südafrikanische Karrooformation»[1]. В настоящее время я веду переговоры об этом с издательством, и мы пришли к соглашению начать перевод под моим непосредственным руководством этой осенью. Юридическая сторона вопроса меня не касается — этим займётся издательство, но мне хотелось бы знать ваше отношение к такой возможности. Фаунистическую часть книги необходимо несколько расширить и дополнить, поскольку с 1924 года было обнаружено немало новых видов. Если с вашей стороны возражений нет, я продолжу переговоры о публикации.

Относительно дальнейшего обмена, прошу ещё до получения окончательного списка объектов сообщить, какие хорошие слепки дейноцефалов и лабиринтодонтов из вашего Музея Вы можете предложить. Я со своей стороны предлагаю слепок полного скелета Inostrancewia Alexandri, смонтированный на каркасе, в обмен на смонтированный же слепок скелета Stahlceceria potens, тем более что у нас уже имеется полученный от Вас его череп. Также мы можем подготовить для Вас слепок хорошо сохранившегося скелета одного из парейазавров, например Scutosaurus Karpinskii, в обмен на также полный слепок смонтированного скелета Keratocephalus moloch. Если Вы заинтересованы в таком обмене, мы можем начать изготовление слепков в конце июля, так как на это уйдёт довольно много времени, чтобы отправить его Вам в ноябре-декабре одновременно с отправкой Ваших соответствующих слепков нам. Возможно, у вас имеются также слепки черепов некоторых из южноамериканских образцов (крупных цинодонтов и др.), взамен мы могли бы послать подобные слепки черепов представителей северодвинской фауны, по Вашему желанию.

С добрыми пожеланиями,
искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Лариса Михайлова

7 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ

Москва
13 октября 1937 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Не откажите в любезности сообщить, как обстоят дела с Циттелем.

Если он всё ещё без движения, то можно ли до него добраться и кое-что дополнить.

---

[1] «Die südafrikanische Karrooformation» (нем.) — «Южноафриканская формация Карру». Книга описывает гигантское поле захоронения, которое Ефремов в «Тафономии» сопоставляет с приуральским.

Весьма обидно, если в новом нашем Циттеле не будет упомянут целый ряд наших новых родов.

Таковыми являются:

Labyrinthodontia сем. Bentosuchidae
род Klintosuchus Efr.
сем. Wetlugasauridae
род Wolgosuchus Efr.
Cotylosauria, Procolophonia
род Nyctiphruretus Efr.
Pelycosauria Mesenosaurus Efr.
Deinocephalia род Taurocephalus Broom
подотряд Titanosuchia Boonstra
род Titanophoneus Efr.
подотряд Myctosuchia Efr.
Venjukovia invisa Efr.

Rhopalodon и Deuterosaurus, по-видимому, одно и то же или почти одно и то же;

Uranicosaurue Nopcsa уничтожен с позором.

Имеются ещё два новых рода стегоцефалов, но так как они не закончены <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*>, предложить их вставить не решаюсь. Мало ли что может быть. Рукопись же об этих всех вышеперечисленных зверюгах сдана в печать[1], и если выйдет ранее Циттеля, то, конечно, получится нехорошо.

Прошу сообщить Ваше мнение о возможности осуществления подобных вставок. Я буду в Ленинграде в середине ноября, тогда можно поговорить подробнее.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ[2]

31 октября 1937 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Высшие и низшие позвоночные приветствуют в Вашем лице своего нового двуногого собрата, зачисленного в отдел рычащих рептилий и ядовитых рыб постановлением Президиума Академии наук СССР в качестве неотенической [незрелой] личинки. Ждем метаморфоза.

Ю. Орлов, И. Ефремов, Д. Обручев

---

[1] Очевидно, имелась в виду статья И. А. Ефремова «О лабиринтодонтах СССР» (III и IV), опубликованная в «Трудах Палеонтологического института» в 1937 г.

[2] Эта шутливая телеграмма была послана в связи с утверждением А. П. Быстрова старшим научным сотрудником Палеонтологического института АН СССР. До 1937 г. А. П. Быстров преподавал в Военно-морской медицинской академии в Ленинграде.

9 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Москва
25 ноября 1937 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

совершенно верно, что отказать Гартман-Вейнберг нельзя, но, однако, необходимо иметь в виду следующие возможные последствия.

Материал по Сев[еро-]Двинским gorgonopsidae очень плохо обработан Православлевым. При переизучении его может быть получено много новых и интересных данных, и это переизучение намечено мною на ближайшее время после срочной обработки новых фаун. Будет проведено либо мною, либо Ю. А. Орловым. Если Гартман-Вейнберг использует этот материал ранее, то не будь она Гартман-Вейнберг, ничего, кроме хорошего, бы тогда не было.

Но кто даст гарантию, что она не будет потом заявлять, что вот, мол, Палеонтологический ин-т с этим не справился, а я пришла, увидела и победила.

Черепа горгонопсий велики и тяжелы. Следовательно, при её работе постоянно надо будет посылать нашего препаратора для снятия материала с витрин и подноски его, ибо без присмотра этих вещей делать нельзя.

Вообще без присмотра научного работника впускать Гартман-Вейнберг работать в Музей, где выставлено много необработанных материалов (помня историю с распилами carpus и tarsus северо-двинских парейазавров), пожалуй, не совсем благоразумно, ибо вряд ли её отношение в нашему Ин-ту и к Вам, Алексей Алексеевич, резко изменилось.

По всем приведённым соображениям я хочу посоветовать Вам в ответе Гартман-Вейнберг указать следующее:

Работа разрешается с условием, чтобы все новые данные по Северо-Двинским gorgonopsidae, полученные в результате изучения черепов, были напечатаны в отдельной статье в Трудах нашего Ин-та.

Работа разрешается не ранее 15-го января или 1-го февраля (как Вы сочтёте более удобным). К этому времени я начну некоторые перестановки в Музее и в феврале буду там постоянно с кем-либо из препараторов. Равным образом будет уже вплотную заниматься в музее и Быстров.

Теперь о Быстрове. Его сильно задержали с отпуском из Академии, и он всё ещё без паспорта, который должен получить 26-го. Я настаиваю, чтобы он не позднее 1-го декабря был здесь и хочу дать ему небольшую тему, которую он при своей работоспособности быстро осилит и сдаст в печать к 31/XII 37. Таким образом он будет фигурировать в плане и уже с ощутимым результатом, что, так сказать, закрепит его прочнее для всяких программных отделов.

О Новожилове. При сём прилагаю для официальности заявление о квартире Новожилова. У него положение совсем плохо — несмотря на ходатайство Ин-та, общежития ему не дают, прописка у него окончилась, и сейчас он на совершенно нелегальном положении живёт у меня. Без площади и без прописки кончится тем, что его административно вышлют из Москвы, и мы погубим человека, который уже немало выстрадал от бесквартирности, и потеряем хорошего, ценного работника. Препаровка у него образцовая — Вы знаете, и, кроме того, он наш единственный раскопщик, которому можно поручить ответственные задания в смысле поисков и исследования местонахождений, а это на

данном этапе чрезвычайно важно. Выполнил он для института немало ценных работ. Нельзя ли ему устроить хоть самую маленькую комнатенку?

О письме в Американский Музей, хочу просто напомнить Вам об отправке. Орлов мне говорил, что Вы недовольны исключением Parahippus'а, но в смысле млекопитающих я всецело положился на него, не зная, что сей зверь Вам необходим. В том письме, которое было послано раньше, это было единственное (по млекопитающим), что было исключено.

Если Вы одобряете список в целом, то Parahippus'а просто вставьте, ибо там есть запас $~40, которого хватит на 10 парагиппусов.

О себе. Прилагаю заявление на краткосрочную командировку в Ленинград. Я списался с Разумовской и хочу ещё поработать над архивом Н. К. Разумовского по медистым песчаникам для извлечения дополнительных сведений к описанию Каргалинской фауны, которой сейчас занят. Командировку прошу с перерывом отпуска — просто отпуск передвинется не до 7-го декабря, а до 12-го — 14-го.

Прошу извинения за чудовищное письмо. Но я сижу дома всё ещё и без телефона. Зато работа хорошо подвигается. Лучшие пожелания, а главное — здоровья, Алексей Алексеевич.

С искренним уважением,
И. Ефремов

Ф. фон ХЮНЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

6 декабря 1937 г.

Dear Sir,

It is rather long time that I have your letter concerning the permian reptiles. Many thanks. It was not possible to answer it at once. It is very fine that the skull of Mnemeiosaurus could have been completed now. I hope very much that new descriptions of Rhopalodon and Deuterosaurus can be made and published. I should be highly interested in those. New Dinocephalians and Pelycosaurus should be important. I have not seen any paper on such from Russia. If a translation of my paper on the South Afr K...suchus[1] would be made, it should be brought up to date because it is in genus old now. We have no other casts of our specimens available except the complete skeleton of Bentosuhus from Brasil, 4,7 m long. (a huge Bentosuchid).

Уважаемый сэр!

Ваше письмо о пермских рептилиях получено и уже довольно давно. Большое спасибо. Ответить на него незамедлительно не было возможности. Очень хорошо, что слепок черепа мнемейозавра уже может быть готов. Питаю надежду, что вскоре могут быть сделаны и опубликованы новые описания ропалодона и дейтерозавра. Меня они в высшей степени интересуют. Открытие новых диноцефалов и пеликозавра весьма важно. Российских статей на эту тему я не встречал. Если делать перевод моей статьи о южноафриканском к....зухе, то необходимо внести поправки с учётом последних данных, иначе она устарела. У нас нет больше слепков других экземпляров в наличии за ис-

[1] Слово не разобрано.

ключением полного скелета бентозуха из Бразилии длиной 4,7 метра (огромного бентозуха).

Перевела Лариса Михайлова

11 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ

Москва
21 декабря 1937 г.

Глубокоуважаемый Лев Семёнович.

Близится отчётный период, и я вынужден просить Вас выслать мне отчёт по Вашей работе для института, так как Ваши работы числятся по моему Отделу низших позвоночных[1].

Так как Ваши работы стоят и в томе ЗИНа, то в отчёте нужно будет указать, какой объём работы проделан за счет ПИНа и может быть таким образом засчитан за ПИНом для оправдания произведённых ПИНом расходов.

Равным образом при отчёте может возникнуть вопрос о дальнейшем продвижении Ваших работ в печать — по какой линии? ЗИН или ПИН? и куда эти работы будут представлены? Это я также прошу Вас разъяснить в Вашем отчёте.

Не откажите в любезности также написать мне о ваших нуждах в смысле оплаты фото, рисунков, каталогизации, препаровки коллекций, перепечатки и переводов работы на 1938 г. Я в предварительной смете поставил Вам на 1938 г. 1250 руб[лей]. Кроме того, к 15 января 1938 г. требуется предварительная программа Вашей работы на весь год поквартально. Просимые сведения не откажите направить в ПИН Ивану Антоновичу Ефремову.

С искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] Письма, сохранившиеся в фонде академика Л. С. Берга, свидетельствуют об административной деятельности И. А. Ефремова в предвоенные годы как руководителя Отдела низших позвоночных Палеонтологического института, которым он являлся с 1937 г. Л. С. Берг, тогда ещё член-корреспондент АН СССР, с 1934 г. работал по совместительству консультантом палеозоологического сектора Института эволюционной морфологии и палеозоологии им. А. Н. Северцова (позднее он разделился на два института — Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова и Палеонтологический институт).

1938

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ 1

Москва
28 февраля 1938 г.

Глубокоуважаемый Лев Семёнович.

Роман Фёдорович привёз мне любезно переданную Вами амфибию из Тунгусского бассейна. Эта находка для меня в высшей степени приятна, так как сейчас у меня печатается статья, где доказывается неизбежность нахождения в Тунгусском бассейне верхнепалеозойских Tetrapoda[1]. Амфибия эта приличной сохранности, но для точного определения необходима препаровка под сильным увеличением. Пока можно только сказать, что найденная особь весьма сходна с группой Branchiosauria из филлоспондильных стегоцефалов и, следовательно, может датировать отложения как нижнепермские, и никоим образом не выше. Разумеется, может оказаться, что наша амфибия есть личинка (хотя и все бранхиозавры тоже личинки) какого-нибудь из высших лабиринтодонтов. В этом случае возраст «повысится». Однако для торжества такого заключения мало данных. Роман Фёдорович мне сообщил, что по рыбам Вы определяете возраст как триас. Поэтому я поспешил написать Вам свои самые предварительные соображения и сомнения, так как наибольшее количество шансов на то, что возраст, по этой амфибии, окажется нижнепермским или даже карбон-пермь на пограничной черте.

Данные о дальнейшей обработке не замедлю сообщить.

С искренним уважением,
И. Ефремов

Иван Антонович Ефремов
Палеонтологический институт АН СССР
Москва-71, Б. Калужская, 75.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 2

Белебей
2 августа 1938 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

не откажите в любезности прочитать маленькую информацию об экспедиционных делах.

---

[1] Имеется в виду статья И. А. Ефремова «Первый представитель древнейших позвоночных из Сибири», опубликованная в «Докладах АН СССР». 1939. Т. XXIII. № 1.

Поездка Мартыновой в Каргалу, по моему мнению, окончилась блестяще — 300 штук крылышек — это такой материал по Каргале, какого до сих пор не было нигде. Я в Каргале осмотрел гл. образом Мясниковский лог, и установил, что поиски и пробные раскопки здесь вести нерентабельно.

В Белебее заложена довольно большая раскопка — на днях наступает решающий момент — разборка костеносного пласта. Найдём скелет или нет? От этого зависит вся дальнейшая работа, т.к. деньги на исходе и при неудаче всё придётся немедленно прикрыть.

Объезд рудников и намётка объектов на будущий рептильный год, на которые я возлагал такие большие надежды, выполнить не удаётся. С транспортом в районе так плохо и он так дорог, что, не говоря уже о необходимости значительных затрат, объезд рудников отнимет массу времени. Поэтому я полагаю, что наиболее рационально будет отложить объезд рудников на будущий год и тогда забросить сюда машину. С ней все объезды можно будет сделать очень быстро и дёшево и, кроме того, зацепить ещё ряд других точек (Кидаш, Карлинский, Бирск), в которых ещё Мурчисон указывает остатки позвоночных.

Вместо объезда рудников я предполагаю на остатки средств (в случае неудачи) проехать по Каме и поставить пробные раскопки в точках, указываемых Штукенбергом и Траутшольдом (Таборы, Межевая, Бутлеровка, Сарапул). Если у нас не будет в Белебее скелета, но окажутся отдельные кости, то на Камский объезд денег полностью не хватит. Можно ли будет мне подкинуть специально на объезд 1500 руб[лей]?

Итак, через дней 7—10 я протелеграфирую Вам об удаче в Белебее и отпуске 15—20 000 на выемку скелета и расширение работ или же о закрытии работ в Белебее, т. е. о поражении.

Если Вы имеете возражения против моих планов на Каме, то очень прошу Вас распорядиться мне телеграфировать, что Ваш план не одобрен (в Белебей, почтамт, востребование до 10/VIII). В этом случае я попросту закрою работы, и мы все вернёмся в Москву.

Примите, дорогой Алексей Алексеевич, самые лучшие пожелания, главным образом по части Вашего отдыха.

С искренним уважением,
И. Ефремов

3 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ

Москва
12 сентября 1938 г.

Глубокоуважаемый Лев Семёнович.

Не откажите в любезности прислать план Вашей работы и соображения (экспедиции тоже) на 1939 г.

Также сейчас требуют перспективной намётки работ на всё пятилетие 1938—1942. Ваши указания будут очень важны для меня, особенно при проектировании экспедиционных работ[1].

[1] На обороте письма И. А. Ефремова Л. С. Берг наметил предварительную смету работ на 1939—1940 гг., включавшую расходы на экспедиции по исследованию юрских рыб Забайкалья (1939 г.). Тунгусского бассейна (1940 г.). Нижней Тунгуски (1941—1942 гг.).

В ожидании Вашего сообщения остаюсь с искренним уважением (заведующий отделом низших позвоночных ПИНа)

И. Ефремов

Москва-71, Б. Калужская, 75.

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ 4

Москва
10 ноября 1938 г.

Глубокоуважаемый Лев Семёнович.

В настоящее время я взялся за изучение стегоцефала с Нижней Тунгуски и на днях сдал в «Доклады» предварительную статью о нём[1].

Разрешите назвать этого зверя в Вашу честь. Если Вы ничего не имеете против, то он будет называться Tungusogyrinus bergi ge. et. sp. nov. Я намерен в дальнейшем подвергнуть его детальной препаровке под микроскопом и дать более детальное описание.

Как никак это первая «Tetrapoda» из Сибири.

Ещё одна просьба к Вам. Когда я получил этот образец, то написал в Арктический институт Шорохову с просьбой сообщить более детальные сведения о местонахождении. Письмо вернулось обратно с многозначительной надписью, что «гр. Шорохов в Арктическом институте не работал»[2].

Летом 1939 г. я собираюсь послать туда партию для сбора рыб Вам и стегоцефалов мне, поэтому очень важно иметь заранее возможно более точные сведения.

Если у Вас имеются данные по стратиграфии и топографии этого местонахождения, не откажите в любезности сообщить их мне. Пока в моём распоряжении только этикетка, где значится № 153/3-37 г., левый берег р. Нижней Тунгуски, в излучине 264 км (участок Амо-Тура).

Может быть, Вы сможете сказать мне, где можно получить более детальные сведения.

С искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] См. комментарий к письму Л. С. Бергу от 28 февраля 1938 г.

[2] Л. М. Шорохов был арестован в ноябре 1937 г. и обвинён по 58 статье УК РСФСР.

1939

1 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Москва
2 января 1939 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

по стечению обстоятельств был и не смог с Вами увидеться (и попросить уделить небольшую беседу) после возвращения из Лен[инграа]да.

Не зная, когда ещё меня выпустят врачишки (из-за острого фронтита), решил написать Вам по нескольким вопросам.

Поскольку гриппа у меня нет, то я не рискую заразить Вас через письмо.

Во-первых, я должен глубоко поблагодарить Вас за честь и материальную поддержку, оказанные мне путём премирования. Эти деньги как нельзя более кстати.

Далее, передаю через А. П. Быстрова Вам основной долг в сумме р. 800 с очень большой признательностью. Моя кварцевая установка действует великолепно. Помимо Вашей надобности, буду с помощью её витаминизировать пищу и фотографировать палеонтологические объекты в ультрафиолетовых лучах.

Второй вопрос — о Хабакове. В бытность мою в Ленинграде он выражал желание заняться пермскими рыбами хотя бы на договорных началах.

В оплате он также не особенно заинтересован — его гораздо больше интересует возможность получить от нашего института во временное пользование бинокуляр.

Его положение в Лен[инграа]де сейчас таково.

Весной он заканчивает отчёт по своей работе в Арктическом Ин[ститу]те. Сейчас ввиду сужения тематики Аркт. Ин[ститу]та сколько-нибудь интересных работ для него там нет, и, по всей вероятности, Хабаков будет освобождён там от работы «по собственному желанию» или по «реорганизации» — последнее для настоящего момента удобнее.

Кажется, Хабаков собирается определиться куда-нибудь на временную работу, чтобы снова не переходить в систему Главгеологии.

Я, конечно, не знаю имеющихся у Вас перспектив и различных «подводных рифов», но мне казалось бы целесообразным привлечь Хабакова к работе у нас в той или иной форме.

Я его пытал относительно квартиры и выяснил, что, в конце концов, он может устроиться в Москве и без академической площади.

Таким образом, могут быть две возможности:

а) Ин[ститу]т привлекает Хабакова в число штатных сотрудников (весной);

б) Ин[ститу]т привлекает Хабакова для работы по договору (обработка пермских рыб), как напр. работал у нас Шульга-Нестеренко — в этом случае

нужно сделать незамедлительно, т. к. с января у Хабакова отпуск и он может немедленно приступить.

Что Вы думаете относительно этих предложений? Не откажите в любезности вынести то или иное решение в окончательном смысле, чтобы сразу же определить Хабакову его возможности относительно нашего Ин[ститу]та.

Третий вопрос. Я рассказывал Вам о том, что написал Полю де Крюи запрос относительно могущественного антистрептококкового препарата для лечения Елены Дометьевны. Поль де Крюи был так любезен, что прислал мне телеграмму со всеми нужными сведениями.

Он советует телеграфировать фирме Burroughs and Wellcome, London для высылки Pronotylin'а (торговое название сульфаниламида) и вместе запросить выслать указания относительно употребления для врача. Количество из расчёта месячного лечения 30—40 грамм.

Как теперь быть со всем этим? Возможно ли сейчас выписать этот препарат?

Вот и все мои «основные» вопросы.

Прошу извинить за длинное письмо и несвязность мысли. Последнее по причине неотвязной головной боли.

Многие другие вопросы, имеющиеся у меня, ещё терпят. Скоро вылезу и буду иметь удовольствие изложить их в личном свидании с Вами.

Ещё раз искренняя благодарность и лучшие новогодние пожелания от Елены Дометьевны и меня.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 2

Москва
27 января 1939 г.

Dear Sir,

Please, accept my thanks for your kind letter. My paper on Dvinosaurus I have sent you a month ago, though I doubt it will be of a great interest to you. It represents a brief sketch with general conclusions, that have been omitted in Sushkin's monography.

Now the work of A. Bystrow on Dvinosaurus covers fully all the data on this stegocephalian.

I have told Dr. A. Bystrow about your request, and he has sent you a copy of his paper.

My paper with description of the new forms: Titanophoneus, Mesenosaurus, Venjukovia, Nyctiphraretus, etc., giving detailed illustrations is now in print. The work with thorough description of Benthosuchus (by Dr. Bystrow and myself) is also now in print, and, sorry to say, it is expected to be published not sooner than in a year; then I shall send you the copies without any delay.

My work on the fauna of cupriferous sandstones of the Ural region, in which new restorations of skulls (from all sides) of Brithopus (= Rhopalodon) and Deuterosaurus (= Mnemeiosaurus + Uraniscosaurus Nopcsa) are presented, is also ready for print. Rhopaodon is found to be not a Gorgonopsid, but a primitive Deinocephalian, in which the characters of Deinocephalians, Pelycosaurians and Gorgonopsids are all mixed up.

In your last work "Drei Theriodonten — Schädel aus Südafrika" you have mentioned that Deinocephalians in the USSR are being found in the uppermost Permian. It is not exactly so, — in our country the Deinocephalians are not only in the continental facies of the Kazanian — i.e. in the basal layers of the upper Permian (sensu lato), corresponding to the Tapinocephalus-zone and underlying Ecca-Beds. In the Tartarian (= Cestecephalus zone) only big Gorgonopsia — Inostrancevia (= Amalytzicia syn.) — are met.

Also, a paper of mine with description of the first Stegocephalian from the Permian of Arctic Siberia (Tungussogyrinus bergi gen. et. sp. nov.) is being now in print.

The new form of Cotylosauria and a nearly complete skeleton of Platyops — our latest findings represent a great interest. I am now busy with their description. I have entrusted professor J. A. Orlov with the thorough description of the two complete skeletons of Titanophoneus. It is to be finished in the near future. As well, in a short time I shall accomplish the description of the complete skeletons of Mesenosaurus and Nyctiphruretinae.

I think, that the Cynognathus zone should correspond rather to the uppermost beds of the lower Triassic: but, sure in is only surmise of mine.

I shall be happy to receive your papers on Ruhuhu-Reptiles.

Besides the great interest, which the fauna described represents itself, I always extremely enjoy and highly appreciate your writings.

Please, let me know, how soon your work on the South American fauna is expected to be issued?

It, certainly, will represent a page of tremendous importance in the history of the Gondwana-fauna.

Sincerely yours,
I. Efremov

Уважаемый сэр!

Прошу принять мою благодарность за Ваше доброжелательное письмо. Я направил Вам свою статью о двинозавре месяц назад, но сомневаюсь, что она представит для Вас особый интерес. Это лишь общий перечень основных выводов, опущенных в монографии Сушкина.

К настоящему моменту работа А. Быстрова о двинозавре полностью охватывает все данные по этому стегоцефалу.

Я передал А. Быстрову Вашу просьбу, и он уже выслал Вам экземпляр своей статьи.

Моя статья с описанием новых видов Titanophoneus, Mesenosaurus, Venjukovia, Nyctiphraretus, etc., с подробными иллюстрациями сдана в печать. И наша совместная с доктором Быстровым статья с подробным описанием бентозуха также сдана в печать, причём публикации, к сожалению, придётся ждать не менее года, после чего я отправлю Вам без промедления обе.

Готова для сдачи в печать и моя работа о медистых песчаниках Приуралья с представлением новых реставраций черепов бритопуса (= ропалодона) и дейтерозавра (= Mnemeiosaurus + Uraniscosaurus Nopcsa) во всех проекциях. Выяснилось, что ропалодон относится не к горгонопсиям, а является примитивным дейноцефалом, в котором смешаны черты дейноцефалов, пеликозавров и горгонопсий.

В Вашей последней статье “Drei Theriodonten — Schädel aus Südafrika”[1] упоминается, что дейноцефалы в СССР встречаются в самом верхнем слое перми. Это не совсем так. В нашей стране дейноцефалов находят не только в континентальных фациях Казани — то есть в нижних слоях верхней перми (sensu lato[2]), что соответствует зоне тапиноцефалус и подлежащей серии Экка. В татарском ярусе (что соответствует зоне кистецефалус) встречаются лишь крупные горгонопсии типа иностранцевии (= Amalytzicia syn).

В печати ещё одна моя статья с описанием первого стегоцефала из перми арктической части Сибири (Tungussogyrinus bergi gen. et. sp. nov.).

Особый интерес представляют наши последние находки — новый вид котилозавра и почти полный скелет платиопса. В настоящий момент я занят их описанием. Подробное описание двух полных скелетов титанофонеуса я доверил профессору Ю. А. Орлову. Оно будет завершено в скором времени. Также в ближайшем будущем я довершу описание полных скелетов Mesenosaurus и Nyctiphruretinae.

Полагаю, что зона циногнатус должна соответствовать скорее самым верхним слоям нижнего триаса, но это, конечно, лишь моё предположение.

Буду рад получить Ваши статьи о рептилиях Рухуху.

Помимо большого интереса, который представляет собой описанная в Ваших работах фауна, мне доставляет огромное удовольствие Ваша манера изложения.

Прошу дать знать, как скоро должна выйти Ваша работа о южноамериканской фауне.

Она, вне всякого сомнения, явит собой страницу огромной важности в истории гондванской фауны.

Искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 3

Москва
1 июня 1939 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

Alle Abgüsse, welche es möglich sein wird, herzustellen werden Ihnen mit grössten Bereitwilligkeit zugestellt werden.

Da ich in nächsten Tagen in eine grosse Expedition abreise, bin ich gezwungen, doe Verfestigung dieser Abgüsse bis zum Herbst zu verlegen. Zu meiner Rückkehr, im September wird dem Angriff dieser Arbeit nichts im Wege stehen.

In erster Reihe könnte man Abgüsse von den widerstandsfähigen Objekten verfertigen: — Scutosaurus, Anna, Kotlassia, Mesenosaurus hier kann auch Benthosuchus und Nyctiphruretus hinzugefügt werden. Titanophoneus und Venjukovia sind äusserst zerbrechliche und vollständig abpräparierte Exemplare, welche schwerlich in Stande sein werden einen Abgussprocess auszuchalten. Wenn es möglich sein wird den Hohlraum dieser Schädel auszufüllen, so ist das gelingen eines Abgusses

[1] «Три териодонта — черепа из Южной Африки» (нем.).
[2] Sensu lato (лат.) — в широком смысле.

der Aussenfläche nicht ausgeschlossen, was, hoffentlich, mich in Stand setzen wird auch diese Ihre Bitte zu erfüllen.

Was die Schädel von Rhopalodon und Deuterosaurus anbetrifft, so ist der erste zu zart und kompliziert um einen Abguss von ihm zu machen, der zweite aber zu unvollständig verkalkt. Man könnte aber einen von Typus der Genus (Eichwald 1848) herstellen einen Schädelfragment mit Unterkiefer.

Sobald es nur möglich sein wird, werden die Abgüsse hergestellt und Ihnen übersandt werden.

Ferner erlaube ich mir die Bitte un eine Liebenswürdige Revanche in Form einer equivalenten Anzal von Abgüssen nach Ihrem Gutachten, und zwar in erster Reihe — Sclerocephalus und Stenaulorhynchus.

Demnächst bitte ich Sie über das Ihnen übersandte Material zu veröffentlichen (Die Resultate des Studiums dieses Materials befinden sich noch im Druck), bis zur Veröffentlichung diesbezügliche meiner und A. P. Bystrow Arbeiten.

Sofort nach Erscheinung dieser Arbeiten können Sie versichert sein, Herr Professor, dass alle Separate mit meinen und meiner Kollegen besonderen Fergnugen, zugestellt werden.

Hochachtungsvoll
I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

Как только будут готовы все те слепки, что мы сможем сделать, они будут отправлены Вам.

Я вынужден отложить закрепление этих слепков, так как в ближайшие дни уезжаю в большую экспедицию. Вернусь в сентябре, и тогда ничто не помешает начать эту работу.

В первую очередь можно изготовить слепки прочных объектов: скутозавра, анны, котлассии, мезенозавра, сюда также можно добавить бентозуха и никтифрурета. Титанофонеус и венюковия — чрезвычайно хрупкие и полностью пересушенные экземпляры, которые не выдержат изготовления слепков. Если удастся заполнить пустоты этих черепов, то не исключено, что получатся слепки наружной поверхности. Я надеюсь, таким образом, выполнить Вашу просьбу.

Что касается черепов ропалодона и дейтерозавра, то первый очень хрупок и сложен, чтобы сделать с него слепок, а второй недостаточно минерализован. Однако можно сделать фрагмент черепа с нижней челюстью по типу рода (Эйхвальд 1848).

При первой же возможности слепки будут сделаны и отправлены Вам.

Позвольте попросить Вас о компенсации эквивалентным количеством слепков по Вашему усмотрению, но в первую очередь — склероцефала и стенаулоринха.

Прошу Вас в дальнейшем опубликовать описание пересланного Вам материала (результаты изучения этого материала ещё находятся в печати) до того, как будут опубликованы наши с А. П. Быстровым работы, имеющие отношение к данному материалу.

Могу Вас уверить, господин профессор, что сразу после издания этих материалов, мои коллеги и я с большим удовольствием отправим Вам все публикации.

С уважением,
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

4

Ишеево
18 июля 1939 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

вчера возвратился из объезда, который несколько сократил (выбросив юго-восточную часть), на раскопки. Объезд занял всего 17 дней и, таким образом, обошёлся в 1700 руб[лей]. Дешевле и скорее ничего невозможно придумать. Конкретные результаты ничтожны, так как по всем обследованным точкам (Мурчисоновским и Кваленовским) не обнаружено рентабельных местонахождений. В Бирске, на который я возлагал много надежд, не удалось обнаружить даже самой указанной Мурчисоном точки.

Удачно то, что удалось отыскать Сандауловский рудник, который я искал в продолжение 4-х лет. Однако вскрывать его штольню нужно на отдельные средства — обойдётся тысячи в 2, поэтому его исследование нужно отложить на будущее время.

В Бугуруслане никаких полных скелетов не оказалось. Это маленькое местонахождение с редкими обломочными костями рептилий и стегоцефалов, не обещающее ценных находок. Однако оно очень удобно для раскопок, и я решил его разработать (раскапывать будет Новожилов), тем более, что местные геологи чрезвычайно интересуются точной стратиграфией этого места. Близ Бугуруслана сейчас идут большие неучтённые работы — глубокое бурение.

Таким образом, все осмотренные в объезде пункты показали отсутствие хороших местонахождений, и объезд вышел не из удачных, если не считать, конечно, стратиграфических данных и самого факта обследования огромного участка.

На основных Ишеевских раскопках дела также не из блестящих. Несмотря на целый ряд благополучных факторов — вскрытие огромными площадками масс хорошего костеносного песка, низкое стояние грунтовых вод, позволяющее вскрывать пески на глубину более 3-х — до настоящего времени за 8 дней разборки песков не найдено ничего замечательного. Кости очень редки и разрозненны. Нового — найден только обломок челюсти какой-то неизвестной твари. Если в дальнейшем находки не участятся и ничего выдающегося обнаружено не будет, то впервые будет полный провал раскопок в Ишееве, и на этом местонахождении надолго придётся поставить крест.

Поэтому приняли меры к ускорению разборки песков для выяснения в скором времени наглядности материала. Если хорошего материала не окажется в ближайшие 8—10 дней, то мы отправляем обратно Лукьянову и Духову, так как при незначительных количествах костей они нам здесь не нужны. Равным образом отправим обратно машину около 25/VII с частью (ненужной) снаряжения.

Если остановить работу на этом, т. е. закончить разборку вскрытых песков при малом материале, то у нас останется средств минимум от 5 до 7 тысяч рублей. Прошу, дорогой Алексей Алексеевич, не отказать сообщить мне, как распорядиться этими деньгами. Могут быть три варианта: a) докопать оставшиеся нетронутыми два участка — в этом случае Ишеево будет закончено полностью и надолго, ибо теперь без механизации работ раскопки вести здесь будет невозможно; b) перебросить остающиеся здесь средства на другое заведомо рентабельное местонахождение вроде Шарженги, чтобы получить перво-

классный обменный и музейный материал; с) вернуть Ин-ту после ликвидации работ недорасходованный остаток средств.

В Бугуруслане ставить широкие работы незачем — там всё сделает Новожилов на какую-нибудь 1000 рублей. Очень прошу Вас, Алексей Алексеевич, ответить как можно скорее, чтобы, зная Ваше мнение, я мог принять соответствующие меры, телеграммы доходят сюда хорошо. О дальнейших результатах сообщу, как точно что-нибудь определится.

Сам я хочу уйти в отпуск числа с 25-го, может быть немного позже. Ещё просьба к Вам распорядиться о продлении Новожилову срока командировки (по смете) числа до 15 августа, т.к. он до этого времени провозится в Бугуруслане.

Адрес мой: п/о Ишеево, Апастовского р-на Татреспублики, начальнику Средне-Волжской экспедиции Ак[аемии] Наук, мне.

С искренним уважением и лучшими пожеланиями,
И. Ефремов

5 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
9 ноября 1939 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

Ich war sehr erfreut wieder ein liebenswürdiges Schreiben von Ihnen zu erhalten.

In diesem Jahre haben bei uns weitere Ausgrabungen bei Ischeewo Fundort. Die gerade nicht glänzenden Resultate entbehren jedoch nicht etlichen interessante Objekte. So zum Beispiel liegt ein vollständiger Schädel einer mirabile Stegocephalen vor, welcher augenscheinlich der Familie Dissorophidae angehört. Weiter können noch vier volle Unterkiefer von Venjukovia und verschiedene Knochen von Titanophoneus und Ulemosaurus erweitert werden. Zu guterletzt sind vier neue Fundorte aufgespürt. Zwei mit Resten von Labyrinthodonten und Deinocephalen, der dritte mit «Pareiasaurus» und die vierte mit Dinosaurier (Untertrias). Die Ausbeutung dieser Fundorte wird im nächsten Jahre vollführt.

Die Verfertigung für Sie bestimmter Abgüsse vollständiger Schädel von Scutosaurus Dicynodon, Anna, Kotlassia und Benthosuchus sind im Werden und bei nächster Transportmöglichkeit wird Ihnen die erste Partie ohne Aufschub übersandt, was ungefähr vor Ende Dieses Jahres geschehen wird.

Was das übrige Material anbetrifft, nämlich Rhopalodon, Deuterosaurus, Titanophoneus, Mesenosaurus, Nyctiphruretus, so bin ich leider nicht imstande Ihnen dienstlich zu sein, da die Resultate der wissenschaftlicher Bearbeitung dieser Objekte noch nicht drucklich veröffentlichet sind.

Des letztgenannten Umstandes wegen erlaube ich mir, Herr Professor, Sie um Rat anzufragen. Ich und Dr. A. P. Bystrov sind im Besitz einer Reihe von Manuskripte — detaillierte Beschreibungen neuer und auch schon bekannten Formen der permischen Tetropoden-Fauna von USSR. Verschiedener Ursachen wegen wird die Veröffentlichung dieser Arbeiten auf ungewöhnlich lange verschoben. Es interessiert mich nämlich ob Sie es für möglich halten diese Arbeiten in Deutschland zu drucken. Alle Arbeiten sind mit vorzüglichen Abbildungen versehen. Das Einzige was

der Veröffentlichung Schwierigkeiten entgegensetzen könnte ist ihr grosser Umfang, welcher das Drucken in einem Journal ausschliesst. So habe ich zum Beispiel sechs Arbeiten mit Umfang von 1-4 Druckblätter. Alles Beschreibungen bei uns neuentdeckten Formen und ausserdem zwei grosse Monographien über Deinocephalen aus Kargala (Deuterosaurus, Rhopalodon, Titanophoneus, Venjukovia) und Belebei. Die erste umfasst 12 Druckblätter, die zweite 8. Dr. Bystrov holt eine neue Arbeit über die Zahnstruktur der Crossopterygier und Labyrinthodonten und eine detaillierte Beschreibung der Kotlassiaskelettes.

Ich bitte Sie um Ihren liebenswürdigen Rat und Mitteilung an wen von sich diesbezüglich werden müsste und überhaupt eine reale Möglichkeit einer Veröffentlichung in deutschland erhofft werden könnte.

Wenn es sich möglich erweisen würde, so könnte in nächster Zeit eine Reihe von neuen Formen bekannt werden.

Wir sind in keinen Fall eines Honorars bedürftig und interessieren uns nur für die Veröffentlichung genannten Arbeiten und Dass uns 30 bis 60 Separate zur Verfügung gestellt werden.

Mit grösster Freude werde ich Ihnen die Betitelung und den Inhalt neuer Arbeiten anderer Länder über fossile Reptilien mitteilen. Im laufenden Jahre sind leider keine aus diesen Ländern eingegangen, ausgenommen die, welche Ihnen schon bekannt sind. Auch in die Bibliotheken ist nichts interessantes eingetroffen.

Was die Schriften der Akademie der Wissenschaften anbelangt, so habe ich den Akademiker A. A. Borisyak gebeten die nötigen Auskünfte zu vollführen. Bezüglich der «Problems of Palaeontology» kann ich Ihnen in keiner Hinsicht helfen. Dessgleichen bin ich nicht instande Ihren Gruß Frau Dr. Hartmann-Weinberg zu übermitteln. Wenn Sie die Arbeiten dieser Dame im Heft V und IV Problems of Paleontology lesen werden, so wird es Ihnen den Grund meines Verhaltens erklären.

In erwartung Ihres geehrten Antwort, für die ich im voraus Dankbar bin, Herr Professor, verbleibe ich hochachtungsvoll

I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

Я был очень рад получить Ваше любезное письмо.

В этом году наши дальнейшие раскопки проходят в Ишееве. Результаты далеко не блестящие, но некоторые интересные объекты всё-таки обнаружены. Например, есть целый череп замечательного стегоцефала, очевидно, принадлежащего семейству диссорофидов. Кроме того, мы можем к этому добавить четыре целые нижние челюсти венюковии и различные кости титанофонеуса и улемозавра. И, наконец, найдены ещё места для раскопок. Два из них с останками лабиринтодонта и дейноцефала, третье — с «парейазавром» и четвёртое — с динозавром (нижний триас). В следующем году их выкопают.

Слепки скутозавра, дицинодонта, анны, котласии и бентозуха, которые предназначены специально для Вас, находятся в процессе изготовления. Первая партия будет незамедлительно отправлена при первой же возможности, что произойдёт приблизительно в конце этого года.

Что касается других материалов, а именно: ропалодона, дейтерозавра, титанофонеуса, мезенозавра, никтифрурета, то тут я не в состоянии ничем вам помочь, так как результаты изучения данных ещё не опубликованы.

По последней причине позволю себе обратиться к Вам за советом, господин профессор. У меня и у доктора А. П. Быстрова есть ряд рукописей — подробное описание новых и уже известных форм тетрапод пермской фауны СССР. В силу разных причин публикация этих работ откладывается на необычно долгое время. Меня заинтересовала возможность публикации данных работ в Германии. Все работы снабжены превосходными иллюстрациями. Единственное, что может вызвать сложности при публикации — большой объём работы, что исключает публикацию в одном номере журнала. Так, у меня, например, есть шесть работ объёмом в 1—4 печатных листа. Всё это — описание найденных у нас форм и кроме того, две монографии о дейноцефалах из Каргалы (дейтерозавр, ропалодон, титанофонеус, венюковия) и Белебея. Первая работа на 12 печатных листов, вторая на 8. У доктора Быстрова есть новая работа о структуре зубов Crossopterygii и лабиринтодонтов и подробное описание скелета котлассии.

Не могли бы ли Вы посоветовать, к кому я могу обратиться по поводу публикации? Существует ли возможность публикации в Германии вообще?

Если бы это оказалось возможным, то в скором времени стал бы известен целый ряд новых форм.

Мы ни в коем случае не ожидаем гонорара, а лишь заинтересованы в публикации названных работ и в том, чтобы от 30 до 60 экземпляров были предоставлены в наше распоряжение.

Я с огромной радостью сообщил бы Вам название и содержание новых работ об ископаемых рептилиях в других странах, но, к сожалению, в этом году не пришло никаких работ, за исключением тех, которые Вам известны. В библиотеках также не появилось ничего интересного.

Что касается работ Академии наук, то я попросил академика А. А. Борисяка навести нужные справки. Относительно «Проблем палеонтологии» я не могу ничем Вам помочь. По тем же причинам я не могу передать Ваш привет госпоже доктору Гартман-Вейнберг. Если Вы ознакомитесь с её работами в пятом и четвёртом выпусках «Проблем палеонтологии», Вы поймёте причину.

В ожидании Вашего любезного ответа, за который благодарю Вас заранее, господин профессор.

С уважением,
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

6 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ

Москва
4 декабря 1939 г.

Глубокоуважаемый Лев Семёнович.

Не откажите в любезности сообщить мне в ПИН Ваши планы на 1940 г. с тем, чтобы их поставить в общую тематику нашего института. В этом году особое внимание уделяется: a) концентрации тематики, b) конкретности этапов окончания работы, c) эволюционно-теоретической значимости работы. Поэтому, глубокоуважаемый Лев Семёнович, большая просьба — при характеристике темы дать более подробное освещение «теоретической» значимости её, а

также по возможности сделайте так, чтобы какая-нибудь часть к концу года сдавалась в печать. Одновременно укажите необходимые средства и материалы с тем, чтобы я мог их зарезервировать по смете.

Получили ли оттиск со зверем Вашего имени? Как он Вам понравился?

С искренним уважением,
Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 7

Москва
18 декабря 1939 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

für Ihren liebenswürdigen und freundschaftlichen Brief dankend, beehre ich mich Ihnen das in unserem Werkstatt für Sie gegenwärtig im bemalen begriffene Abgüsse von Schädel Scutosaurus, Dicynodon, Anna, Kotlassia, Benthosuchus und Inostrancevia (Genotyp) bereitliegen. Ausserdem werden noch verfertigt: Unterkiefer von Scutosaurus und Schädel von Mezenosaurus, und Nyctiphruretus. Da der letzter leicht zerbrechlich ist, so wird es nur möglich sein einen Abguss der Schädeldach zu verfertigen und zwar von einem der sich am besten erhalten hat. Zuletzt werden nach Zähne von Scutosaurus und Fankzahn von Inostrancevia abgegossen. Dies alles werden wir Ihnen auf ein mal absenden und zwar am Ende Januar. Jedoch bitte ich Sie den Abguss von Prestosuchus uns nicht absenden zu wollen bis Sie die die unserigen empfangen haben. Im künftigen werde wir beständig Abgüsse auch anderer Exemplare verfertigen und uns als Ehre anrechnen dieselben Ihnen zur Verfügung stellen zu können.

«Dinosaurier» habe ich in eotriadische Ablagerungen abgemerkt was vielleicht auch nicht ganz stimmen könnte. Es sind Röhrenknochenstücke von Extremitäten und einzelne Wirbeln von sehr geringer Grösse. Es sind auch kleine Schädelfragmente vorhanden, welche an Thecodontia erinnern. Da das ganze Material nicht gross an Umfang und gewicht ist, so würde es mich freuen (wenn Sie imstande sind es baldigst zu retournieren) es Ihnen als Postsendung zu schicken.

Ihre hochkompetente Untersuchung wird zweifellos leicht das Rätsel dieser Reste erklären.

Es ist da noch ein Wirbel von Dinosauriertypus aus neuendeckten triadischen Ablagerungen mit Lystrosaurus klimovi. Diesen Wirbel könnte ich Ihnen insgesamt mit dem ganzen Material absenden. Ich bin Ihnen aufrichtig dankbar für Ihr aufmerksamliebenswürdiges Verhalten zu meinen Arbeiten. Ihre freundschaftliche Hilfe ist mir ausserordentlich wertvoll. Es scheint mir dass es vollkommen möglich ist den Umfang der Arbeiten, ausser die über die Titanophoneus-Fauna, zu verkürzen und die grossen Arbeiten so zu verteilen wie Sie zu thema es raten. Ich werde mich sofort daran machen und werde voraussichtlich imstande sein in 1-2 Monaten Ihnen die Arbeit über die Mezenfaune (Mezenosaurus, Nyctiphruretus, Nycteroleter) zu übersenden. Der Umfang — nicht mehr als 3 Druckbogen mit Abbildungen im Text und 1-2 Tafeln.

Es liegen gegenwärtig zwei vollständig fertige Arbeiten vor, mit Umfang von je ca. 2 S Druckbogen, ohne Tafeln, mit Textabbildungen. Meine über Ulemosaurus

und von Dr. A. P. Bystrov über Kotlassia. Leider sind sie in englischer Sprache verfasst und ich weiss nicht ob es möglich ist sie Ihnen zu übersenden. Ich bitte Sie Ihre diesbezügliche Meinung mitteilen zu wollen.

Was die Literatur über Amphibien und Reptilien aus anderen Ländern anbetrifft, so ist zu uns nichts interessantes eingetroffen ausser einen Aufsatz von A. S. Romer in American Journal of Sciences vol. 237, №10, October 239, S. 348-361. Die Arbeit ist «Notes of Branchiosaurus» betitelt ist mit 4 Textabbildungen und eine Tafel versehen. Der erste Teil ist der Beschreibung einer kleinen Amphibie gewidmet aus oberpennsilvanischen Schichten in Pennsylvania — Branchiosaurus darrahi n. sp. Hinter dem Schädel sind sechs Reihen Aussenkiemen — Verknöcherungen. Handphalangenformel ist — 2.2.3.2, Fuss — 2.2.3.2+3?.

Weiter deutet der Autor, aufgrund einer Untersuchung darauf hin, dass die Order Phyllospondyli dar nicht existiere und die in sie eingeschlossenen Formen einfach jungen Exemplaren und Larven von Labyrinthodonten der Gruppen Rhachitomi und Embolomeri sein. Der Autor setzt voraus folgende Gruppen verwandtschaftliche Formen: 1 — Stegops — Acanthostoma — Zatrachys — Platyhystrix; 2 — Melanerpeton — Diplovertebron; 3 — Branchiosaurus — Pelosaurus — «Sclerocephalus» — in der Reihenfolge ontogenetischen Entwicklung (ersten — sind Larven). Studiert die ontogenetischen Veränderungen des Schädels von Archegosaurus und Actinodon.

Es ist eine sehr interessante Arbeit, welche mit meinen Untersuchungen vollkommen übereinstimmt: Platyops, Benthosuchus — noch nicht veröffentlicht. Leider habe ich mich mit einem sehr begrenzten Material begnügen müssen.

In gleichartiger Form werde ich Sie über neueingegangenene Literatur informieren wenn ich damit Ihnen genügeleisten kann, Herr Professor.

Dann bleibe ich mit vorzüglichsten Hochachtung,

Ihr ergebener
I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

В благодарность за Ваше любезное и дружеское письмо имею честь подготовить для Вас в нашей мастерской слепки черепов скутозавра, дицинодона, анны, котлассии, бентозуха и иностранцевии (генотип). Кроме того, будут сделаны: нижняя челюсть скутозавра и череп мезенозавра и никтифрурета. Так как последний очень хрупок, то, возможно, будет сделан слепок только крыши черепа, поскольку он лучше всего сохранился. Потом будут сделаны слепки с зубов скутозавра и клыка иностранцевии. Всё это отправим Вам одной посылкой в конце января. Тем не менее прошу Вас не отправлять слепок престозуха до тех пор, пока Вы не получите наши слепки. В будущем мы сделаем прочные слепки других экземпляров и сочтём за честь предоставить их в Ваше распоряжение.

«Динозавра» я отнёс к эотриасским отложениям, хотя это не точно. Речь идёт о трубчатых костях конечностей и очень маленьких отдельных позвонках. Есть также фрагменты черепа, которые напоминают текодонта. Так как количество материала небольшое и весит он немного, то я буду рад отправить Вам его по почте (если Вы сможете его вернуть в скором времени). Ваши глубокие познания позволят разгадать загадку этих останков.

Ещё есть позвонок представителя динозавров из новооткрытых триасских отложений, найденный вместе с Lystrosaurus klimovi. Этот позвонок я могу отправить Вам вместе со всем материалом. Я искренне признателен Вам за столь любезное отношение к моим работам. Ваша дружеская помощь крайне ценна для меня. Мне кажется, что объём работ, за исключением фауны титанофонеуса, вполне может быть сокращён. Большие работы можно разделить так, как Вы советуете. Я сразу же этим займусь и, вероятно, смогу прислать Вам работу о мезенской фауне (мезенозавре, никтифрурете, никтеролетере). Объём — не более 3 печатных страниц с изображениями в тексте и 1—2 таблицами.

В настоящее время у меня находятся две полностью готовые работы, объёмом около двух с половиной печатных страниц, без таблиц и иллюстраций. Это моя работа об улемозавре и доктора А. П. Быстрова — о котлассии. К сожалению, они на английском языке, и я не знаю, будет ли возможность Вам их переслать. Прошу Вас сообщить, что Вы думаете по этому поводу.

Что касается литературы об амфибиях и рептилиях из других стран, то у нас ничего нового не появилось, за исключением одной статьи А. Ш. Ромера в «American Journal of Sciences», том 237, № 10, октябрь 1939, стр. 348—361. Работа называется «Заметки о бранхиозавре», к ней прилагаются 4 иллюстрации и одна таблица. Первая часть — описание маленькой амфибии из верхнепенсильванского слоя в Пенсильвании Branchiosaurus darrahi n. sp. За черепом находятся шесть рядов окостеневших внешних жабр.

Формула передней конечности — 2.2.3.2, задней конечности — 2.2.3.2 +3?

Далее, на основании исследования, автор указывает на то, что порядок Phyllospondyli не существовал и включённые в него формы могут быть просто экземплярами детёнышей и личинок лабиринтодонтов группы рахитомных и эмболомерных. Автор предусматривает наличие следующих групп: 1 — Stegops — Acanthostoma — Zatrachys — Platyhystrix; 2 — Melanerpeton — Diplovertebron; 3 — Branchiosaurus — Pelosaurus — «Sclerocephalus» в порядке онтогенеза (первые — личинки). Он изучает онтогенетические изменения архегозавра и ацтинодона.

Ещё одна очень интересная работа, которая полностью отвечает моим исследованиям — платиопс, бентозух — пока не опубликована. К сожалению, мне пришлось довольствоваться ограниченным количеством материала.

Я буду информировать Вас о новых поступлениях литературы, если в какой-то степени буду этим Вам полезен, господин профессор.

С глубочайшим уважением, искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

1940

1 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
18 февраля 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

das Vorbereiten des Materials für Dinosaurier hat meine Antwort auf Ihr geerhtes Schreiben vom [...] aufgehalten.

Das erwehnte Material ist Ihnen am 14.II übersandt worden. Leider ist es alles was uns diesbezüglich zu Gebote steht. Ausserdem enthält dieselbe Sendung einen Schädelabguss von Nyctiphruretus (Schädel №158/ 5) und einen von Mesenosaurus (№158/1).

Einige der Ihnen übersandten Objekte (Dinosaurier) tragen selbständige Nummern, andere nur die allgemeine Nummern der Kollektion.

№9/2244 —	allgem.	Nummer,	Kollektion	I.A.	Efremov,	Fluss	Scharzschenga,	Dorf	Wachnjevo, 1927
№19/2252 —	"	"	"	"	"	"	"	"	1928
№32/2354 —	"	"	"	T.M.Kuzmin	"	"	"	"	1929
№33/2355 —	"	"	"	"	Jug	"	"	Kudrino	1929

Die Zeichen R1 und R3, welche von der NN der zwei ersten Kollektionen stehen, sind №№ der der Fundorte. R1 — erster Fundort bei der Mühle, R3 — dritter Fundort bei der Mündung des Flusses Medweshja, beide auf dem rechten Ufer der Scharaschenga. Die Zahlen, welche vor der Kollektionsnummern stehen, sind eigene Nummern des von der Mündung des Fl. Kula, am rechten Ufer desselben.

160/10 — Dieselbe Koll. — Fluss Zylma in 2 km unterhalb der Mündung des Fl. Myla, am rechten Ufer. Diese Kollektionen bestehen hauptsächlich aus Resten von Benthosuchus sushkini. Reptilienreste kommen in Ihnen als höhste Seltenheiten vor. Auf etliche Hundert von Resten Benthosuchus die bei der Ausgrabungen gesammelt sind befanden sich nur soviel Reptilienreste wieviel Ihnen zugesandt ist. Ein kleines unterkiefer der Koll 32/2354 (im Probierglass) besteht aus zwei Teilen; die Vereinigung dieser z[wei] gehören augenscheinlich einem Vertreter der Procolophonidae.

Alle diese Kollektionen gehören zu einem Horizont und einem geologischen Alter Eotriasschichen, Vte (Bentosuhus), I. A. Efremov.

Der wirbel №268/3 aus höheren Schichten, Fluss Donguz bei Orenburg, etwas unter dem Horizont, welcher Konkrezionen mit Listrosaurus klimovi Efr. Enthalten (VIte Zone).

Ich bitte Sie das Material als Ihnen zum vollen Studim übergeben zu betrachten und die volle Beschreibung desselben mit Namensgebung zu veröffentlichen; nur werde ich Sie nicht um ein, sondern um zwei Sep. der Arbeit wenn es möglich ist, höfligst bitten.

Wenn es gelingen sollte im nächsten Sommer einen Fundort von Triasreptilien auszubeuten, so werde ich imstande sein Ihnen vollständige Objekte zu übergeben. Vielleicht interessiert Sie noch etwas von unseren materialien?

Abgüsse der Schädel Anna, Kotlassia, Benthosuchus, Scutosaurus, Dicynodon sind fertig. Ausserdem ist ein Unterkiefer von Scutosaurus mit gut erhaltenen Zähnen verfertigt und der Schädel einer Inostrancevia eines am besten erhaltenen Exemplars, welches Sie noch nicht besitzen. Alle das Objekte sind gegenwartig im trocknen und werden ca. 25.II, in zwei Kisten verpackt, Ihnen übersandt werden.

Ich bin Ihnen sehr dankbar für Ihre beständige Liebenswürdigkeit und freundschaftliche Hilfe bezüglich der Veröffentlichung meiner Arbeiten. Ungefähr um einen Monat werde ich imstande sein Ihnen zwei Arbeiten zu senden, eine von einem Deinocephalia Ulemosaurus und einer der Mesenfauna gewidmete (Mesenosaurus, Nyctiphruretus und Nycteroleter).

Ich bin sehr gerührt und etzückt von Ihrer freundschaftlichen Liebenswürdigkeit welche sich bis zum Angebot Ihrer Hilfe in der Übersetzung meiner Arbeit erstreckt muss aber natürlich davon entsagen, da ich es für vollkommen ausgeschlossen halte, Ihre der Wissenschaft wichtige Zeit auf solche Aurt zu missbrauchen.

Zum Schluss habe ich Ihnen von der letzteingetroffenen Literatur über Reptilien mitzuteilen.

1. T. E. White. Osteology of Seymouria baylorensis Broili. Bulletin of the Museum of Comparative Zoology at Harvard College, vol. LXXXV, N 5, 1939, ss. 325-409, Abb. 1-30, Taf. 1-3

Eine vollständige Beschreibung des Skeletts von Seymouria mit guten Abbildungen illustriert.

Die Struktur des Schädels unterscheidet sich von früheren Rekonstruktionen und ähnt sehr dem Embolomeri.

«Summary: Seymouria shows in its scull structure closer affinities to the Embolomeri, as now understood (especially Anthracosaurus), than to any other known Palaeozoic reptile or amphibian. The postcranial skeleton has deviated far from the ancestral stock through adaptive modifications for terrestrial progression. The skeleton presents many specializations, because of which it is impossible to describe any of the higher reptiles from Seymouria. We must look upon Seymouria as an archaic form, which has survived several epochs by finding an ecological niche where it would not receive much competition from more active forms. However, Seymouria is got the most primitive reptile which we know at all well, and shows us many characters intermediate between the Embolomeri and the Cotylosauria and Pelycosauria».

2. W. E. Swinton. A new Triassic Rhynchocephalian from Gloucestershire. Annals a. Mag. Nat. Hist. Vol. 4, N 24, ss. 591-524, ohne Abb.

Eine sehr oberflächliche Beschreibung einer neuer Form der Familie Sphenodontidae — Clevosaurus hudsoni gen.et sp. Nov. Die Zähne sind akrodont, konisch und massiv. Die Zweite Sacralrippe hat distal eine Bifurkation. «A small sphenodont Reptile having its lower tooth row almost as large as the mandibular ramus» Den Zähnen noch die grösste Ähnlichkeit mit Palaerodon browni (Broom, 1906). Die bei uns befindlichen Reste des Postreranialskelettes ähnen sehr Homoeosaurus [...], aber grösser und massiver. Das Tier war 1 Fuss lang.

3. A. S. Romer and L. I. Price. The oldest vertebrate Egg. Amer. Journ. of Sci. Vol.237, N 11, 1939, ss. 826 mit 1 Tafel.

Das Ei ist in Rattlesnake Canyon gefunden im oberen Teil der Formation Admiral der Gruppe Wich (...) Die Grösse des Eies beträgt 59 mm (maximal Diameter 36 mm). Die oberfläche ist skulptiert in form klein (...) runder Hügelchen. Die Dicke der Schale gleicht etwas unter 1 mm. Das Ei gehört vermutlich einem Ophiacodon, welcher am meisten in Rattlesnake Canyon heimisch ist.

4. Kenneth E. Caster. Were Micrichnus scotti Abel and Artiodactylus sinclairi Abel of the Newark series (Triassic) made by vertebrates or limuloids? Ibichem, ss 786-797, ohne Abb.

Der Autor steht für eine Vermutung, das die Spuren nicht einem Wirbeltier angehören, sondern Xiphosuren. Diese Vermutung wird durch den estuarischen Ablagerungscharakter der Serie Newark bestärken.

Neue Arbeiten von Broom, Watson, Boonstra, usw. habe ich vorläufig nicht erhalten.

Mit vorzüglichen Hochachtung, Ihr ergebener
I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

Мой ответ на Ваше письмо от [...] задержался по причине подготовки материала о динозаврах.

Данный материал был отправлен Вам 14 ноября. К сожалению, это единственный материал по данной теме. Кроме того, в этой посылке находятся слепки черепов никтифрурета (череп №158/5) и мезенозавра (№158/1).

Некоторые из отправленных Вам объектов обозначены собственными номерами, другие — общими номерами в коллекции.

№9/2244 —	общ.	номер,	коллекция	И. А.	Ефремова,	река	Шарженга,	село Вахнево, 1927
№19/2252 —	"	"	"	"	"	"	"	1928
№32/2354 —	"	"	Ф. М. Кузьмина	"	"	"	"	1929
№33/2355 —	"	"	"	"	Юг	"	Кудрино	1929

Знаки R1 и R3, которые стоят перед двумя первыми коллекциями — номера местонахождений. R1 — первое место возле мельницы, R3 — третье место около устья реки Медвежья, оба на правом берегу Шарженги. Цифры, стоящие перед коллекционными номерами — собственные номера места возле устья реки Кула, правый берег.

160/10 — та же коллекция — река Цильма в двух км от реки Мыла. Данные коллекции состоят в основном из останков Benthosuchus sushkini. Останки рептилий попадаются крайне редко. На сотню фрагментов бентозуха, которые были найдены в ходе раскопок, пришлось лишь столько фрагментов рептилий, сколько были Вам отправлены. Маленький череп из коллекции 32/2354 (в пробирке) состоит из двух частей, которые, очевидно, принадлежат представителю проколофонов.

Все эти коллекции принадлежат одному горизонту и одному геологическому возрасту эотриас, V зона (Benthosuchus), по И. А. Ефремову.

Позвонок №268/3 из более высоких слоёв, река Донгуз возле Оренбурга, несколько ниже горизонта Listrosaurus klimovi Efr. (VI зона).

Прошу Вас рассматривать материал, как полностью отданный в Ваше распоряжение для дальнейшего исследования и публикации описания с наименованием. Я только попрошу Вас не об одном, а о двух экземплярах этой работы, если это возможно.

Если следующим летом нам удастся разработать местонахождение триасских рептилий, то я смогу вам передать полноценные объекты. Интересует ли Вас ещё что-нибудь из наших материалов?

Слепки черепов анны, котлассии, бентозуха, скутозавра и дицинодона готовы. Кроме того, изготовлен череп скутозавра с хорошо сохранившимися зубами и череп иностранцевии — экземпляра, который лучше всего сохранился и которого у Вас ещё нет. Все данные объекты находятся в процессе твердения и будут отправлены Вам в двух ящиках примерно 25 февраля.

Искренне признателен Вам за Вашу безграничную любезность и дружескую помощь в публикации моих статей. Приблизительно через месяц я смогу прислать Вам ещё две работы, одна о дейноцефале улемозавре, другая посвящена мезенской фауне (мезенозавр, никтифрурет и никтеролетер).

Я очень тронут Вашей любезностью, с которой Вы предложили помощь с переводом моей статьи. Вынужден от неё отказаться, так как не хочу занимать таким образом Ваше время, которое Вам необходимо для исследований.

В конце хотелось бы упомянуть новые поступления литературы о рептилиях.

1. Т. Е. Уайт. Остеология Seymouria baylorensis Broili. Бюллетень Музея сравнительной зоологии Гарварда, том LXXXV, № 5, 1939, стр. 325—409, илл. 1—30, табл. 1—3.

Полное описание скелета сеймурии с хорошими иллюстрациями. Структура черепа отличается от прежних реконструкций и очень похожа на эмболомера.

«Аннотация: в структуре черепа сеймурии, как выяснилось, есть большее сходство с эмболомерами (особенно антракозаврами), чем с другими известными рептилиями или амфибиями палеозоя. Затылочные кости значительно отличаются от костей предков в связи с адаптационными модификациями, вызванными наземным развитием. Скелет требует конкретизации, без которой невозможно описать ни одну из сеймурий. Стоит рассматривать сеймурию как архаическую форму, которая смогла выжить в течение многих эпох благодаря тому, что ей удалось найти экологическую нишу, в которой не было большой конкуренции с более активными формами. Тем не менее, сеймурия рассматривается как самая примитивная рептилия и демонстрирует много отличительных признаков промежуточного характера между эмболомерами и котилозаврами с пеликозаврами.»

2. У. Е. Суинтон. Новый триасский ринхоцефал из Глостершира. Летопись и журнал естественной истории. Том 4, №24, стр. 591—594, без иллюстраций.

Очень поверхностное описание новой формы семейства сфенодонтов — Clevosaurus hudsoni gen.et sp. nov. Зубы акродонтные, конические, массивные. Второе крестцовое ребро имеет дистальное раздвоение. «У небольшой рептилии сфенодонта нижний ряд зубов почти так же велик, как и нижнечелюстной отдел». Зубы очень похожи на Palaerodon browni (Брум, 1906). Найденные у нас фрагменты затылочных костей имеют большое сходство с гомеозавром, но больше и массивнее. Длина животного была 1 фут.

3. А. Ш. Ромер и Л. И. Прайс. Древнейшее яйцо позвоночного. American Journal of Science. Том 237, №11, 1939, стр. 826 с одной таблицей.

Яйцо найдено в каньоне Ратлснейк в верхней части формации Адмирал группы [...] Размер яйца 59 мм (максимальный диаметр 36 мм). Поверхность

имеет рельеф в форме маленьких круглых холмиков. Толщина скорлупы около 1 мм. Предположительно, яйцо принадлежит офиакодону, который был наиболее многочислен в каньоне Ратлснейк.

4. Кеннет Э. Кастер. Были ли Micrichnus scotti Abel и Artiodactylus sinclairi Abel[1] из серии Ньюарк (триас) оставлены позвоночными или limuloids? Ibidem[2], стр. 786—797, без иллюстраций.

Автор предполагает, что следы принадлежат не позвоночному, а Xiphosuren. Это предположение подтверждается эстуариевым характером отложений серии Ньюарк.

Новые работы Брума, Уотсона, Бунстры и т. д. я пока не получил.

С глубочайшим уважением,
Ваш И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

2 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
1 апреля 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

für Ihre liebenswürdige Mitteilung der ersten Resultate Ihrer Bearbeitung des Eotriasmaterials übersende ich Ihnen meinen herzlichen Dank.

Ihre Mitteilungen sind höchst interessant und werden sie ausserdem von wichtigen Bedeutung sein für einen Vergleich der unserer V Zone mit Ablagerungen anderer Gegenden.

Ich habe noch etliche Knochenreste desselben Fundortes (Wachnevo, Fl. Scharschenga) bei mir aufgefunden, unter denen sich ein fast voller Scapulocoracoideum höhst primitiven Charakters befindet.

Es dies ist Ihnen vor vier Tagen mit der Post abgesandt. In Ihren Händen wird hiermit alles sein was jemals an «Dinosaurierreste» der V und VI Zone aufgefunden ist. Meine VI Zone, wie ich es mir forstelle, gleict der Zone Cynognathus in Südafrika, die V Zone jedoch gleicht der Zone Lystrosaurus.

Lystrosaurus klimovi welcher zusammen mit Ihrem Dongusia colorata aufgefunden ist, besitzt 8 Kreuzwirbel und ist zweifellos eine spätere Form als die typischen südafrikanischen Lystrosaurus.

Mit dem retourieren des Materials hat es durchaus keine Eile und ich bitte Sie daran nur in dem Falle zu denken, wenn dasselbe Ihnen in keiner Bezügung mehr nötig ist. Wenn Sie Abgüsse von etlichen Objekten zu machen wünschen, so können Sie die Absendung derselben ruhig aufschieben.

Ihre liebenswürdige Hilfe ausnützend übersende ich Ihnen beiliegend meine Handschrift und Zeichnungen der Arbeit von Ulemosaurus. Ich bitte Sie sehr wenn es möglich ist, hinzuweisen das die Zeichnungen, ungeachtet ihrer grossen Schärfe und Klarheit, nicht zu sehr verkleinert würden.

Um zwei Wochen werde ich imstande sein Ihnen meine Arbeit über die Mezenfauna (Nyctiphruretus, Nyctiroleter, Mezenosaurus) zu übersenden.

---

[1] Названия ископаемых следов динозавров.
[2] Там же (лат.).

Nachher werde ich Sie mindestens bis zum Herbst nicht mehr belästigen, da keine übrige arbeiten einen zu großen Umfang besitzen.

Mit besten Dank und Gruessen, Ihr ergeben
I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

Сердечно благодарю Вас за любезное сообщение первых результатов Вашей обработки материала из эотриаса.

Ваши сообщения очень интересны и крайне важны для сравнения нашей V зоны с другими отложениями.

У меня ещё есть много фрагментов костей из того же местонахождения (Вахнево, река Шарженга). Среди них — почти полный скапулокоракоид весьма примитивного характера.

Я отправил их Вам по почте четыре дня назад. Таким образом, в Ваших руках все «останки динозавров» V и VI зоны. Моя VI зона, как я себе представляю, равнозначна зоне Cynognathus в Южной Африке, а V зона всё же равна зоне Lystrosaurus.

Lystrosaurus klimovi, который был найден вместе с Вашей Dongusia colorata, содержит восемь крестцовых позвонков и, несомненно, является более поздней формой, чем типичный южноафриканский листрозавр.

С возвращением материала нет никакой спешки — разве что он Вам больше не нужен. Если Вы хотите сделать слепки с каких-нибудь объектов, то можете спокойно отложить отправку.

Воспользовавшись Вашей любезной помощью, прилагаю к этому письму свою рукопись работы по улемозавру и рисунки к ней. Очень прошу Вас проследить, чтобы рисунки, несмотря на их высочайшую детализацию, не были слишком уменьшены при печати.

Через две недели я смогу прислать Вам мою работу о мезенской фауне (никтифрурет, никтеролетер, мезенозавр).

После этого я не побеспокою Вас по меньшей мере до осени, так как у меня нет других больших работ.

С благодарностью и уважением, искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 3

Москва
10 мая 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

Das ganze Ihnen abgesandte Material von Knochenresten habe ich im besten Zustande wiedererhalten und bin Ihnen für das schnelle retournieren sehr dankbar.

Am 4. März ist das ganze unter uns im Abrede gestellte Material von Abgüssen Ihnen abgesandt. Es interessiert mich im welchen Zustande Ihnen das nähmliche zugegangen ist.

Den 5. April schickte ich Ihnen meine Arbeit über Ulemosaurus mit Abbildungen. Im selben Paquet befand sich eine genaue Angabe der Fundstellen der Kno-

chen, wlche die zweite Postsendung enthielt. Ich möchte hoffen das Sie diese Angaben genügenzeitig erhalten haben und das sie Ihnen beim Studium des Materials der zweiten Sendung nützlich sein konnten.

Irgendwelche etwas interessantes enthaltende Literatur über fossile Reptilien und Amphibien ist in den letzten Monaten nicht eingetroffen, so das ich nicht imstande bin diesbezüglich Ihnen etwas neues mitzuteilen.

Mit vorzüglichsten Hochachtung, Ihr ergebener
I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

Все отправленные Вам костные фрагменты я получил обратно в наилучшем состоянии. За столь быстрое возвращение искренне Вам признателен.

4 марта мы отправили Вам те слепки, о которых мы договаривались. Мне было бы интересно узнать, в каком состоянии они до Вас дойдут.

5 апреля я отправил Вам свою статью с иллюстрациями об улемозавре. В том же конверте найдёте перечень местонахождений костей из второй посылки. Я надеюсь, что Вы его получили своевременно и что он будет Вам полезен в изучении материала второй посылки.

В последние месяцы мы не получали никакой интересной литературы об ископаемых рептилиях и амфибиях. Так что не могу сообщить Вам ничего нового по этому поводу.

С глубочайшим уважением, искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

4 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ

Москва
21 мая 1940 г.

Глубокоуважаемый Лев Семёнович.

Ю. А. Орлов передал мне Вашу записку[1], на которую я теперь, по выяснении всех обстоятельств, могу ответить.

Рисунки рыб из Монгольской экспедиции[2] сейчас нами не могут быть оплачены, так как мы до сих пор (неслыханная вещь даже в Академии) не имеем окончательно утвержденных кредитов на внештатную зарплату (так называется этот вид расходов). Я до сих пор, например, не смог сделать себе ни одного рисунка.

Чтобы всё это ускорить, я попросил А. А. Борисяка написать от имени института в Монгольскую экспедицию, чтобы они финансировали изготовле-

[1] В материалах Палеонтологического института упомянутая записка не обнаружена.

[2] Имеются в виду Монгольские комплексные экспедиции, проводившиеся на территории МНР Монгольской комиссией АН СССР и Научно-исследовательским комитетом МНР в 1928—1935 гг. четырьмя отрядами: зоологическим, почвенным, ботаническим и гобийским. Эти экспедиции собрали и обработали обширный материал по геологии, флоре и фауне Монголии.

ние рисунков. Эта бумажка уже послана 4 дня тому назад, так что вскоре будет ответ. О дальнейшем незамедлительно Вам сообщу.

Что касается поездки за рыбами в Бурят-Монголию, ранее отставлявшейся по соображениям пограничным и военным, то в этом году, к сожалению, её не удастся выполнить. Дело в том, что на все «экспедиции» моего отдела отпущено «суммы» в 2600 руб[лей], а для того, чтобы хоть сколько-нибудь продуктивно провести эту поездку, нужно самое меньшее 5000 руб[лей] при современных делах. Снова придётся ждать, что принесёт 1941 г.

С искрен[ним] уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 5

Москва
24 мая 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

Soeben habe ich Ihr liebenswürdiges Schreiben vom 25/IV erhalten, wofür ich meinen Dank ausspreche.

Es freut mich sehr, daß Sie so hohen Wert meiner Arbeit über Ulemosaurus zuschreiben. 50 Freiexemplare genügen mich vollständig.

Gleichzeitig übersende ich Ihnen meine der Mezenfauna gewidmete Arbeit. Das zweite Kapitel derselbe enthält ein «Verzeichnis der untersuchten Materials». Dieser Absatz muss nur in «petite» (kleine Schrift) abgedruckt werden. Es ist möglich, dass Sie das Besagte für nötig finden zu verkürzen. Ich bitte Sie in dieser Beziehung nach Ihrem authoritätischen Gutachten zu handeln.

Es ist mir sehr angenehm, dass Sie die Qualität der Abgüsse befriedigt. Was aber die offizielle Einfuhrbewilligung anbetrifft, so habe ich es ganz ausser Sicht gelassen und es sind meinerseits gegenwärtig Schritte getanm dieser Dokumente habhaft zu werden und sie Ihnen schleunigst zu übersenden. Den grössten Dank für die Separate Ihrer letzten Arbeit: «Saurier der Karroo-, Gondwana- und verwandten Ablagerungen». Eine höchst interessante und sehr viel wertvolle Angaben enthaltende Arbeit und besonders der sie als erste kritische Zusammenfassung der interessantesten Permfaunen erscheint. Die einzigen Bemerkungen, die ich was die russischen Formen anbetrifft machen könnte, sind folgende:

1. Scutosaurus — eine neue von Hartmann-Weinberg festgestellte Gattung nach dem Material von Amalitzky, welcher denselben fehlerhaft der Gattung Pareiasaurus oder Pareiasuchus zuschrieb.

Dementsprechend existiert in der Nord-Düna-Fauna keiner Gattung Pareisaurus oder Pareiasuchus, sondern nur der Gattung Scutosaurus mit der einzigen Art S. Karpinskii Amal. Spec.

2. Der Gattung Permocynodon ist, der Prioritätsregel gemäss, ein Synonym des Gattung Dvinia Am.

3. Die Gesamtzahl der beschriebenen Arten der Nord-Düna Fauna entspricht nicht der Wirklichkeit. Faktisch ist ihre Anzahl bedeutend geringer.

Diesbezüglich ist meinerseits eine «Rekognoszierung» der Nord-Düna-Fauna unterkommen. Die Ergebnisse derselben gedenke ich Ihnen in Form eines Separats einer kleiner Arbeit baldigst zu übermitteln.

4. Kotlassia und gleichfalls Seymouria stellen eine besondere Form archaische «Nachbleibsel» älterer Zeiten vor. Samt der von mir in letzter Zeit gefundener Form,

mit deren Beschreibung ich gegenwärtig beschäftigt bin, bilden sie eine besondere Gruppe welche von der karbonischen Zwischenformen von Amphibien und Reptilien abstammen.

Um einen Monat wird an die Ausbeutung eines neuen Fundortes grösserer jungtriassischer Reptilien am Fluss Wjatka getreten.

Wenn diese Ausgrabungen ein genügend gut erhaltenes Material liefern sollten, so könnte ich es, wenn Sie es wünschten, wie es mit den Fossilien der 5 Zone war, Ihnen zum Studium übergeben. Über die Resultate dieser Ausgrabungen werde ich Sie zur Zeit sofort in Kenntnis stellen.

Um 3-4 Wochen werden meine zwei grossen Arbeiten von Benthosuchus und andere Formen unserer Perm- und Triasfauna endlich herausgegeben und ich werde die Freude haben sie Ihnen zu übersenden.

Erlauben Sie mir nochmals Ihnen meinen innigsten dank für Ihre liebenswürdige Mitwirkung aufzusprechen.

Mit vorzüglichster Hochachtung, Ihr ergebener
I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

Только что я получил Ваше любезное письмо от 25 апреля, за которое благодарю Вас.

Очень рад, что Вы придаёте такое большое значение моей работе об улемозавре. 50 экземпляров меня полностью устраивают.

Вместе с этим письмом отправляю Вам мою статью, посвящённую мезенской фауне. Во второй главе этой работы находится «Список исследованного материала». Этот абзац должен быть написан мелким шрифтом. Возможно Вы сочтёте нужным этот список сократить. В данном вопросе полностью доверяю Вашему авторитету.

Приятно узнать, что Вас удовлетворяет качество слепков. Что касается официального разрешения на ввоз, то я об этом заранее не позаботился, но теперь предпринял необходимые шаги для подготовки документов, чтобы переслать их Вам незамедлительно. Большое спасибо за экземпляры Вашей последней статьи «Ящеры из местонахождений Карру, Гондваны и родственных им». Работа содержит весьма интересные и чрезвычайно ценные сведения и представляет собой первое критическое подведение итогов в исследовании пермской фауны. Я бы хотел высказать некоторые замечания относительно российских форм:

1. Скутозавр — новый род, определённый Гартман-Вейнберг на основании материала Амалицкого, который ошибочно отнёс его к роду парейазавра или парейазуха.

В соответствии с этим в фауне Северной Двины не существует рода парейазавра или парейазуха, есть только род скутозавра с единственным видом Scutosaurus Karpinskii, Amal. Spec.

2. Род Permocynodon, согласно правилу приоритетов, является синонимом рода Dvinia Am.

3. Общее число описанных видов фауны Северной Двины не соответствует действительности. Фактически оно гораздо меньше.

В связи с этим было моё «опытное исследование» фауны Северной Двины. Его результаты в виде небольшой статьи думаю передать Вам в скором времени.

4. Котлассия, как и сеймурия, представляет собой особую форму «остатков» древних времён. Вместе с теми формами, которые я нашёл в последнее время и описанием которых я сейчас занимаюсь, она представляет собой особую группу, происходящую от карбоновых промежуточных форм амфибий и рептилий.

Через месяц будет начата разработка местонахождения крупных раннетриасовых рептилий у реки Вятки.

Если эти раскопки принесут достаточно материала, я мог бы, будь Ваше желание, — как это было с окаменелостями пятой зоны — переслать его Вам для дальнейшего изучения. О результатах этих раскопок я сразу же Вам сообщу.

Через 3–4 недели две мои большие статьи о бентозухе и других формах нашей пермской и триасовой фауны будут наконец изданы и я буду рад переслать их Вам.

Позвольте ещё раз выразить мою сердечную признательность за Ваше любезное участие.

С глубочайшим уважением, искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 6

Москва
13 июня 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

Hiermit schicke ich Ihnen die offizielle Einfuhrbewilligung für die Sendung des Gibsabgusses des Skelettes von Prestosuchus.

Mit vorzüglichster Hochachtung,
Ihr ergebener I. *Efremov*

Уважаемый господин профессор,

настоящим направляю Вам официальное разрешение на отправку гипсового слепка престозухуса.

С глубоким уважением,
искренне Ваш *И. Ефремов*

Перевела Юлия Берлин

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 7

Москва
5 июля 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

Ihr wertes Schreiben vom 16/VI bestätigend, beehre ich mich Ihnen meinen herzlichen Dank betreffs Ihrer liebenswürdigen Aufmerksamkeit im Bezug zu meinen Arbeiten über Ulemosaurus und Mezenfauna auszusprechen. Es betrübt mich jedoch sehr dass ich Ihnen damit so viel Schererei bereitet habe.

Was die Dauer des Druckprocesses anbetrifft, so bitte ich Sie sehr sich nicht zu beunruhigen, da im anderen Falle derselbe ca. zwei, drei Jahre dauern würde. Denn ein Aufschub der Arbeit auf beispielsweise ein Jahr erlaubt mir in vollständiger Zufriedenheit zu verbleiben. Das wichtigste ist dass das Manuskript in guten Händen aufbewahrt ist.

In nächster Zeit werden ich und Herr Dr. A.Bystrow die Freude haben Ihnen die Arbeit über Benthosuchus zu übersenden. Dr. A.Bystrov bittet Ihnen seinen herzligsten Gruß zu übergeben.

In nächster Zukunft wird er Ihnen sein in Acta Zoologica gedruckte Arbeit «Zakustruktur der Crossopterygier» übersenden.

Mit bestem Gruß und Dank, Ihr ergebener
I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

Подтверждая получение Вашего письма от 16 июня, имею честь сердечно поблагодарить Вас за любезное внимание к моим работам об улемозавре и мезенской фауне. Меня очень огорчает то, что я доставляю Вам этим лишние хлопоты.

Что касается публикации работ, то я прошу Вас сильно не волноваться, так как в ином случае то же самое могло бы продолжаться 2—3 года. Я буду вполне доволен, если, например, печать работы будет отложена на год. Главное то, что рукопись находится в надёжных руках.

Мы с доктором Быстровым будем рады вскоре выслать Вам работу о бентозухе. Доктор Быстров передаёт Вам сердечный привет. В ближайшем будущем он пришлёт Вам свою работу «Структура зубов Crossopterygier», напечатанную в «Acta Zoologica»[1].

С наилучшими пожеланиями и благодарностью, искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

8 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
7 сентября 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor!

Ihr liebenswürdiges Schreiben, das mich sehr erfreute, habe ich am 20. VIII erhalten, da ich verreist war. Gleichzeitig kamen 3 Kisten an mit dem vortrefflichen Abguss des Skelettes von Prestosuchus. Das gesamte Material ist heil eingetroffen. Das ist ein sehr interessantes Tier, wichtig auch als Museumsstück.

Ich bin Ihnen äusserst verbunden, dass Sie beide Manuskripte über Permsche Reptilien untergebracht haben; ich fürchte nur, Ihnen Ungelegenheiten und Schwierigkeiten bereitet zu haben.

Ich habe für Sie ein volles Verzeichnis unserer Fauna von Perm- und Triaslendwirbeltieren in Form eines Artikels zusammengestellt und habe darin alle neuen

[1] Рецензируемый научный журнал, издаваемый с 1920 г. Шведской королевской академией наук и Королевской датской академией наук и литературы.

Befunde meiner noch nicht veröffentlichten Arbeiten gebracht. Diesen Artikel sende ich Ihnen beifolgend zu.

Wenn Sie die Revision Ihrer Arbeit selber zusammenstellen, so bitte ich Sie meine Arbeit als Material zu benützen. Wenn Sie jedoch diese meine Arbeit veröffentlichen wollen, so bitte ich Sie sehr, das Verzeichnis der von Ihnen gefundenen Formen der V und VI Zone (die ich nach Ihrer liebenswürdigen Mitteilung eingetragen habe) zu revidieren und das Schrifttumverzeichnis durch die Titel Ihrer diesbezüglichen Arbeiten zu ergänez. Sollte meine Arbeit zu lang sein, so bitte ich Sie, alles Überflüssige nach Ihrem Ermessen zu streichen.

Die neuen Formen, die beschrieben sind in Arbeiten, welche demnächst veröffentlicht werden sollen, habe ich als bereits beschriebene bezeichnet. Neue Formen, beschrieben in Arbeiten, die noch Ihre Reihenfolge zum Abdruck erwarten, bezeichnete ich mit gen.et sp. nov. Im Oktober d. J. Werden die Ergebnisse der Feldarbeiten bekannt werden, die vorgenommen wurden zur Erschliessung neuer Fundorte der Perm- und Triasreptilien; dann kann ich Ihnen darüber Mitteilungen zukommen lassen und Ihnen neues Material zuschicken, wenn solches gefunden sein sollte. Ausserdem will ich gegen Ende dieses Jahres alle Sammlungen der Zone IV durchsehen, in denen die Fragmente von Eosuch u. a. gefunden wurden, und will Ihnen möglichst alles zur weiteren Erforschung zusenden.

Mit besten Wünschen und dem Ausdruck meines aufrichten Dankes,
Ihr *I. Efremov*

Уважаемый господин профессор!

Ваше любезное письмо, очень обрадовавшее меня, я получил только 20 августа, так как был в отъезде. Одновременно пришли 3 ящика с превосходными слепками скелета престозуха. Весь материал был доставлен в сохранности. Это животное чрезвычайно интересно, его ценность сравнима с ценностью музейных экспонатов.

Я Вам очень обязан за то, что Вы отдали в издательство обе рукописи о пермских рептилиях. Боюсь только, что доставил Вам этим беспокойство и трудности.

Я составил для Вас полный список фауны позвоночных пермского и триасового периодов в форме статьи. В ней я описал все новые результаты ещё не опубликованных работ. Статью эту прилагаю.

Если Вы будете составлять обзор Ваших работ, прошу использовать мою статью в качестве дополнительного материала. Если Вы всё-таки пожелаете издать эту мою работу, то убедительно прошу Вас сверить список найденных Вами форм V и VI зон (которые я внёс после Вашего любезного сообщения) и дополнить список используемой литературы названиями соответствующих трудов. Если моя работа слишком велика, прошу провести необходимые сокращения по Вашему усмотрению.

Новые формы, упомянутые в готовящейся к публикации работе, я привёл, как уже описанные. Эти формы я обозначил как gen. et. sp. nov. В октябре этого года станут известны результаты полевых работ, предпринятых с целью открытия новых местонахождений рептилий пермского и триасового периодов. Тогда я смогу сообщить Вам о результатах и пришлю новый материал, если таковой будет. Кроме этого, я бы хотел в конце года пересмотреть все коллек-

ции IV зоны, в которой среди прочего были найдены фрагменты эозуха и пр. и отправить Вам все материалы, связанные с дальнейшими исследованиями.

С наилучшими пожеланиями и искренней благодарностью,
Ваш *И. Ефремов*

Перевела Юлия Берлин

9 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
12 сентября 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

Nach meinem Brief vom 7/IX wende ich mich wiedermals an Sie mit einer Bitte, und zwar betreffs der Bemalung des Abgussess des Skeletes von Prestosuchus.

Da das benannte zu uns in unbemalten Zustande eingetroffen ist und wie es in estetischen Sinne für unbequem finden dasselebe im weissen Gyps aufzustellen, so bitte ich Sie uns eine Farbenprobe wenn auch auf Papier zusenden zu wollen, um uns die Möglichkeit zu liefern dem Original in dieser Hinsicht näher zu treten.

Gleichenfalls bitte ich Sie um ein Paar Photoaufnahmen des montierten Skelettes von verschiedenen Standpunkten aus. Wir möchten nämlich so montieren, wie es bei Ihnen gemacht ist. Die Montage ist natürlich ein Teil der Forschungsarbeit und es muss selbstverständlich der Monage des Autors nach dem Studium des Materials möglichst gefolgt werden.

Wenn Sie meine Übersicht der russischen Permfauna drucken werden, so bitte ich Sie sehr in selber in Absatz der Fauna der IV-Zone «Labyrinthodontia incertae sedis» eine Korrektur zu vollziehen.

Dort steht: «gen. et. sp. Nov. (Riabinin)».

Kürzlich erhielt ich con Riabinin eine Arbeit in welcher die besprochene Form schon benannt ist. Dann muss «Jugosuchus licharevi Riabinin» gestellt werden.

Mit freundschaftlichem Gruß und Dank, Ihr ergebener
I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

После моего письма от 7 сентября я в очередной раз обращаюсь к Вам с просьбой. На этот раз дело касается окрашивания слепка скелета престозуха.

Так как вышеупомянутый скелет был доставлен нам в неокрашенном состоянии и так как, по моему мнению, делать подобный слепок из белого гипса неэстетично, то я прошу Вас прислать по возможности пробу краски — пусть даже на бумаге. Таким образом мы сможем приблизиться к оригиналу.

Также я прошу Вас сделать фотоснимки смонтированного скелета с разных сторон. Мы бы хотели смонтировать скелет по Вашему образцу. Монтаж — неотъемлемая часть научной работы, и, само собой разумеется, что мы должны, по возможности, следовать монтажу автора, изучившего материал.

Если Вы отдадите в печать мой обзор пермской фауны, очень Вас прошу внести поправку в абзац о фауне IV зоны «Labyrinthodontia incertae sedis»[1].

[1] Лабиринтодонты с невыясненным систематическим положением (лат.).

Там написано «gen. et. sp. nov.[1] (Riabinin)»

Недавно я получил от Рябинина одну работу, в которой упомянута данная форма. Теперь нужно писать «Jugosuchus licharevi Riabinin».

С дружеским приветом, искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 10

Москва
10 ноября 1940 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

Mit Dank bestätige ich den Empfang Ihres liebenswürdigen Briefes von 10. Oktober, auf den ich krankheitshalber längere Zeit nicht imstande war zu antworten.

Die 6 Separate Ihrer sehr interessanter Arbeit über unsere «Dinosaurier» habe ich erhalten und sie passende Hauptabbildungen übergeben. Die 50 Freiexemplare meiner Arbeit über Ulemosaurus sind gleichfalls eingegangen und ich bin Ihnen für Ihre für mich sehr wichtige Mitwirkung herzlich dankbar.

Die Resultate unserer Ausgrabungen in diesem Jahr sind leider sehr armselig. In einem der Fundorte, wo eine Triasfauna vorausgesetzt wurde, erwiesen sich die gewöhnliche Fauna der IV Zone. Andere Fundorte konnten verschiedene Umstände wegen in diesem Jahre nicht besucht werden und ist auf Sie bis zum nächsten Sommer Verzicht geleistet.

Es betrübt mich, dass es nicht gelungen ist etwas neues und interessantes für Sie aus unserem Eotrias (V Zone) zu erlangen.

In nächster Zeit hoffe ich aus einer Kollektion die IV Zone sogenannte «unbestimmbare Fragmente» (Eosuchia?) und andere Fossilien, welche Ihnen vielleicht von Interesse sein könnten auszusuchen und dasselbe gleich mit dem Material aus der Zone V per Post abzusenden.

Die Schädel primitiven Deinocephalen (Kupfersandstein sind sehr fragmentiert [...]) jedoch denke ich dass es gelingen wird genügend gute Abgüsse zu verfertigen denjenigen vom Typus Deuterosaurus biarmicus Eichwald hält die komplizierte Bemalung des Abgusses auf. Der Schädel von «Rhopalodon» (Brithopus) ist nach der neuen Preparation leicht zerbrechlich und ist nicht imstande einen Formabguss auszuhalten.

Dasselbe gilt auch für die Schädel der Titanophoneus nach ihrer sehr detallierten Preparation. Wenn es uns gelingen würde sein leichtes und weiches Material zur zeitlichen Ausfüllung der Hohlräume des Schädels zuerbangen, so würde es uns [...] wirklich möglich sein einen Abguss des kleinen Schädels Cliorhizodon sp. zu verfertigen. Ulemosaurus Schädel stehen nicht zu meinen Verfügung. Jedenfalls werde ich mir die Mühe geben alles zu tun, dass Sie Abgüsse unserer wichtigsten Deinocephalen zur Verfügung erhalten.

Mich interessiert Ihre Meinung über unsere Pareiasaurier — der Nord-Düna Scutosaurier. Ich besitze kein südafrikanisches Vergleichsmaterial und habe es nemals im Originalen gesehen, und habe gleichfalls kein Vergleichungsstudium des

[1] Новый род и вид (лат.).

Scutosaurus geführt. Letzteres beschäftigt gegenwärtig Dr. A. P. Bystrow. Letzterzeit jedoch umfängt mich ein Zweifel betreffs der Auffassung unserer Pareiasaurier von A. P. Hartmann-Weinberg, welchen sie im Vergleich mit denen von Südafrika eine sehr hohe Organisation zuteil werden lässt. Mit Ihrer fundamentalen Kenntnis der Karroofauna rechnend, bitte ich Sie mir in der liebenswürdigen Mitteilung nicht zu entsagen ob der Scutosaurus der Nord-Düna sich so scharf von der Karroofauna unterscheidet und ob er wirklich auf so hoher Stufe der Evolutionsentwicklung im Vergleich mit dem südlichen steht?

Was mich anbetrifft, so halte ich es nicht für wahrscheinlich.

Gegenwärtig erwarte ich die Einkunft von Separaten meiner zweier letzteren Arbeiten und etliche derselben Ihnen sogleich abzuschicken.

Dr. A. P. Bystrow sendet Ihnen freundschaftliche Grusse.

Mit ausgezeichneter Hochachtung und besten Dank, Ihr ergeben

I. Efremov

Уважаемый господин профессор!

С благодарностью подтверждаю получение Вашего любезного письма от 10 октября, на которое я не смог ответить по причине болезни.

6 экземпляров Вашей интереснейшей работы о нашем «динозавре» я получил и дополнил их соответствующими изображениями. 50 экземпляров моей работы об улемозавре я также получил. Сердечно благодарен Вам за участие, столь важное для меня.

Результаты наших раскопок в этом году очень бедны. В том месте раскопок, где ожидалось наличие фауны триасового периода, оказалась обычная фауна IV зоны. Посещение других мест не может состояться в этом году в силу разных причин и поэтому отложено до следующего лета.

Мне очень жаль, что не могу найти для Вас ничего интересного из нашего эотриаса.

В ближайшее время надеюсь найти в нашей коллекции IV зоны так называемые «неопределимые фрагменты» (эозухия?) и другие останки, которые могли бы заинтересовать Вас, и отправить их Вам почтой вместе с материалом V зоны.

Череп примитивных дейноцефалов (медистый песчаник очень фрагментирован) [...] я всё же думаю, что получится сделать достаточное количество хороших слепков представителей типа Deuterosaurus biarmicus Eichwald, однако окрашивание слепков довольно сложно. Череп «ропалодона» (бритопуса) после нового препарирования стал хрупче и не выдержит процесс создания слепка.

То же относится и к черепу титанофонеуса после его тщательного препарирования. Если повезёт временно заполнить пустоты черепа, то получится сделать слепок маленького черепа Cliorhizodon. Черепа улемозавра в моем распоряжении нет. В любом случае я постараюсь предоставить Вам слепки основных наших дейноцефалов.

Меня интересует Ваше мнение о наших парейазаврах — скутозаврах Северной Двины. У меня есть южноафриканский материал для сравнения, но я никогда не видел оригиналов и не проводил сравнительного изучения скутозавра. Последним занимается доктор А. П. Быстров. С недавних пор у меня возникли сомнения в отношении работы А. П. Гартман-Вейнберг, согласно ко-

торой наши парейазавры имеют очень высокую организацию по сравнению с южноафриканскими экземплярами. Считаясь с её фундаментальными знаниями фауны Карру, прошу Вас не отказать мне в любезности сообщить своё мнение по поводу того, настолько сильно отличается скутозавр Северной Двины от фауны Карру и действительно ли он стоит на такой высокой ступени эволюционного развития по сравнению с южными экземплярами?

Что касается меня, то я не считаю это вероятным.

В настоящее время я ожидаю экземпляры моих двух последних работ и часть из них немедленно отправлю Вам.

Доктор А. П. Быстров шлёт Вам дружеский привет.

С глубочайшим уважением и благодарностью,
искренне Ваш *И. Ефремов*

Перевела Юлия Берлин

1941

1 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
15 марта 1941 г.

Sehr geehrter Herr Professor,

inlängst erhielt ich alle Separate meiner Arbeiten im «Neues Jahrbuch» und «Centralblatt» und gleichzeitig benutze ich die Gelegenheit Ihnen für Ihre Sorge um meine Arbeiten den herzlichsten Dank auszusprechen. Etliche Abdrücke meiner vorkurzem veröffentlichten Arbeiten habe ich Ihnen bereits unlängst abgeschickt.

Eine genaue Untersuchung unserer Kollektionen betreffs der «Eosuchia» aus der IV (Pareiasaurier) Zone hatte leider nur geringes an Zahl und schlecht erhaltenes Material geliefert. Ich weiss wirklich nicht ob es sich lohnt Ihnen dieses Material zu schicken und will Ihnen diesbezüglich folgendes anbieten.

Ich will Ihnen alle Reste kleiner Formen («Problematisch» aus der Sammlung von W. P. Amalitzky, Nord Düna), die bis jetzt nicht genau bestimmt und nicht bearbeitet geblieben sind als Postsendung abschicken.

Sie würden aus demselben was Ihnen interessant ist nach eigenem Gutachten beschrieben. Gleichzeitig wurde dazu auch ein sehr kleiner voller Dicynodonschädel hinzugefügt werden auch aus den Nord-Düna Ablagerungen stammend, welcher augenscheinlich einem jungen Individuum Dicynodon trautscholdi Amal. Gehörte. Die grossen Dicynodonschädel sind schon beschrieben und ausserdem bei gegenwärtigen Umständen nicht transportabl. Aber auch die kleine Schädel wird Ihnen ins besunders gute Vorstellung aller Nord-Düna Dicynodontier abgeben.

Es ist mir von grosser Wichtigkeit dass das bekannte Material von einem aussenordentlichen Kenner der Südafrikanischen Karroofauna studiert und beschrieben wird. Auf diese Art werden wir nach Ihrer Beschreibung dieses Schädels in ihm ein Vergleichungsobjekt für die übrigen und gleichfalls auch für alle Südafikanischen Dicynodontia.

Wenn Sie das besagte Material interessiert, so hoffe ich baldigst Ihr schriftliches Einverständnis zu empfangen um sofort zur Verpackung und Absendung desselben zu treten.

Zuletzt haben ich eine grosse Bitte an Sie. Dieselbe betrifft den Abguss des Prestosuchus.

Wir haben die Montage dieses Skeletts angefangen. Jedoch auf Grund der Eigenart dieser Form fürchte ich dass unser Ergebnis von dem Ihrigen stark abweichen könnte, was uns durchaus nicht wünschlich wäre. Wenn Ihnen gegenwärtig Photos von verschiedenen Augenpunkten der Montage des Skelets nicht zur Verfügung stehen, so würde ich Sie sehr um die Zusendung einer Seitenaufnahme bitten.

Ausserdem, ist es uns sehr wichtig folgende Details der Montage zu besitzen:

a) Die Höhe des Skeletts von der Platform bis zur Spitze des Processus spinosus im Schultergürtel und dasselbe des ersten Sacralwirbels.

b) Welchen Wirbel streicht der Vorderrand der Scapula?

c) Ob ein vollständiges Kontaktieren der mediaventral Ränder der Scapulocoracoidea mit Interclaviculare und Claviculae besteht, oder sind die durch einen Zwischenraum getrennt. Im letztern Falle interessiert die Breite dieses Zwischenraums.

d) Die Höhe vom oberen Rande der Scapula bis zur obere Höhe des Processus Spinosus des bezuglichen Wirbels.

e) Da die Elemente des Corpus und Tarsus auf keinerlei Art etikettiert und von anderen Knochen nicht isoliert waren, so wissen wir nicht welche von den grossen Knochen und con den dreieckigen und noch kleineren zum Corpus und Tarsus gehören.

f) Womit artikuliert metatarsale V?

Ich werde Ihnen für die uns sehr notwendigen beim Austellen des Skeletts Aufklärungen sehr dankbar sein. Da die Montage einer so eigenartigen Form ein specielles Studium erfordert zu welcher wir leider kein Material ähnlicher Formen besitzen.

Mit besten Dank und vorzüglichster Hochachtung bin ich,
Ihr ergebener *I. Efremov*

Уважаемый господин профессор!

Недавно я получил все экземпляры моих работ, напечатанных в «Новом альманахе» и «Centralblatt». Пользуюсь возможностью поблагодарить Вас за беспокойство о моих трудах. Экземпляры недавно опубликованных работ я уже отправил Вам.

Тщательное исследование нашей коллекции в отношении «эозухии» из IV (парейазавровой) зоны принесло очень мало материала, который к тому же плохо сохранился. Сомневаюсь, стоит ли отправлять Вам этот материал и в этой связи предлагаю следующее.

Я хочу отправить Вам останки мелких форм («спорные» из коллекции В. П. Амалицкого, Северная Двина), которые до сих пор точно не определены и не обработаны.

Вы могли бы описать то, что Вас заинтересует из данного материала. К этому добавим очень маленький целый череп дицинодонта из отложений на Северной Двине, который, очевидно, принадлежал молодой особи Dicynodon trautscholdi Amal. Для больших черепов дицинодонта уже составлено описание, кроме того, при нынешних обстоятельствах они не транспортабельны. Однако и маленький череп может дать хорошее представление обо всех дицинодонтах Северной Двины.

Для меня крайне важно, что уже известный материал будет изучен и описан знатоком южноафриканской фауны Карру. Таким образом, после описания Вами данного черепа мы получим сравнительный объект для остального материала, а также для всех представителей южноафриканских дицинодонтов.

Если Вас заинтересует материал, о котором здесь говорилось, то надеюсь в скором времени получить Ваше письменное согласие, чтобы незамедлительно приступить к упаковке и отправке.

В заключение у меня к Вам большая просьба. Она касается слепка престозуха.

Мы начали монтировать его скелет. Тем не менее, боюсь, что по причине своеобразия этой формы наш результат будет резко отличаться от Вашего. Нам бы этого не хотелось. Если в настоящее время у Вас нет фотографий с различных ракурсов, то очень прошу Вас сделать снимки сбоку и прислать мне.

Кроме того, для нас важны следующие подробности монтажа:

a) Высота скелета от платформы до Processus Spinosus[1] в плечевом поясе и то же самое до первого крестцового позвонка.

b) Какой позвонок касается переднего края Scapula.

c) Есть ли полный контакт медиавентральных краёв Scapulocoracoidea с Interclaviculare и Claviculae или они разделены пространством. В последнем случае интересует ширина этого пространства.

d) Высота от первого края Scapula до высшей точки Processus Spinosus соответствующего позвонка.

e) Так как элементы Corpus и Tarsus никак не обозначены этикетками и не изолированы от других костей, то мы не знаем, какие из больших, треугольных и малых костей относятся к Tarsus.

f) Что относится к костям плюсны?

Буду искренне Вам признателен за объяснения, столь необходимые для установки скелета. Монтаж такой своеобразной формы требует специального изучения, а соответствующего материала у нас нет.

С благодарностью и глубочайшим уважением,
искренне Ваш *И. Ефремов*

Перевела Юлия Берлин

2 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Москва
17 сентября 1941 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

наконец собрался написать Вам. Примите, если это Вам пригодится, нецензурованный взгляд на события и перспективы нашего ПИН'а на ближайшее время. Во-первых, что касается лично меня, то мне удалось склеить оборонную работу самого настоящего значения в Приуралье, на которую займём на 3—4 месяца следующих ПИН'овцев: Родендорфа, Обручева, Мартынову, Конжукову, Лукьянову и меня, если, конечно, я не буду до той поры, т.е. до выезда около 25—27 сентября, мобилизован. Правда, время позднее, зимнего снаряжения нет, и при наличии, вдобавок, плохой погоды хороших перспектив на развитие работы ожидать трудно. Вероятно, в эту же работу включится и Геккер. Т[аким] о[бразом,] в Приуралье с базой около Оренбурга или Уфы будет существовать ещё одна группа палеонтологов,

[1] Processus Spinosus, Scapula, Scapulocoracoidea, Interclaviculare, Claviculae, Corpus, Tarsus — латинские наименования костей.

помимо ишимбаевцев[1], правда, не занимаясь непосредственно палеонтологической работой.

Если удастся отправить Музей, то при нём будут Флёров и Бишоф, также в Приуралье.

В Ин[ститу]те останутся Орлов, Иванова, Добролюбова и Кабакевич, если ещё Беляева выедет к Вам.

Если удастся вывезти Музей, то вместе с ним вывезем и Вашу библиотеку, наши рукописи и вообще многое, назначавшееся в первую эвакуацию в Томск. При оптике Ин[ститу]та, хранящейся в Казани, мы, т.о., вне Москвы будем иметь готовую базу для развития работы Ин[ститу]та в случае его организации на новом месте.

Что ПИН не может работать в М[оск]ве — совершенно очевидно, вдобавок ещё при совершенно рухнувшей организации Академии Наук, которая сейчас более чем когда-либо вредна для сколько-нибудь серьёзной работы.

«Верхи» Академии попросту разбежались, Шмидт сыграл роль совершенно неприглядную, как, впрочем, и весьма многие из нашего «начальства» в Президиуме.

Поэтому для правительства все они не авторитетны, слушать их не будут, да и не до того.

Кроме того, всей этой публике совершенно наплевать на какую-либо науку в настоящее время.

Мы здесь совершенно бессильны для какого-нибудь серьёзного мероприятия — ничего нельзя сделать.

С вывозом Музея — и то наталкиваемся на совершенно возмутительную бюрократическую мерзость, и не знаю, успеем ли мы осуществить этот вывоз до серьёзных событий, когда, конечно, будет поздно.

Дело в том, что правительство для нас недоступно, а те, кому оно доступно — Светлов, Шмидт, Ферсман — стараются как можно меньше его беспокоить, делая вид, что всё благополучно.

По всем этим и ещё многим другим обстоятельствам организация филиала ПИН отсюда сейчас совершенно нереальна.

Мне представляется, что ПИН на новом месте должен быть организован с периферии, когда Вы фактически где-то устроитесь с парой обслуживающих Вас сотрудников и начнёте понемногу, в меру возможностей, стягивать свои основные силы к себе.

Сейчас дело к зиме и, пожалуй, уже поздно, т.к. Вам переезжать куда-нибудь с больной Александрой Николаевной к морозам и всему прочему — не годится.

А вести подготовительную работу к ранне-весенней организации ПИН'а — это Вы сможете и в Боровом. Что касается состава будущего «филиала», то этот состав должен быть, конечно, «позвоночный», ещё такие преданные Ин[ститу]ту и ценные работники, как Иванова, Геккер и т. д.

Что касается Руженцевской группы, то в основном они просуществуют в Ишимбаеве достаточно долго и по связи с геологами не пропадут. Сам же Руженцев уже ушёл в геологию да и проявил себя в отношении Ин[ститу]та

---

[1] Ишимбаевцы — группа работников ПИНа, работавших в составе Башкирской экспедиции АН СССР (в районе поселка Ишимбаево, ныне — г. Ишимбай), основная задача которой заключалась в разведке нефтеносных участков.

возмутительным типом, нисколько не радеющим за общее дело. Это не опора для Вас и для ПИН.

В вопросе о месте пребывания «филиала» я резко расхожусь со всеми другими.

Убеждён, что в М[оск]ве нам работать ещё не скоро и, следовательно, филиал должен быть в достаточно удалённом пункте.

Урал невозможно забит и будет забиваться ещё плотнее, Поволжье забито и слишком близко. Средняя Азия, включая Алма-Ату, Фрунзе, Ташкент, забита совершенно исключительно и притом, как на смех, гл. образом «гишпанцами».

Все эти места — места будущего голода и зверской борьбы за существование в её самом примитивном оформлении в случае затяжной войны, а таковая, по всей вероятности, будет неизбежна, ибо быстро окончиться война может только в случае поражения нас, а тогда... перспективы на существование Академии как таковой в М[оск]ве, да и самой Москвы будут весьма сомнительны.

Итак, ориентируясь на длительную войну с неизбежным голодом и болезнями в скученных по эвакуации местах, представляется наиболее целесообразным устроить островок ПИН — в Сибири, однако не в излюбленных эвакуацией местах, как Омск, Красноярск, Челябинск, Томск, а наоборот — в месте, стоящем в стороне, каким может быть Минусинск, в первую очередь, или что-нибудь вроде Ойрот-Туры, Абакана или других подобных же городов на юге Центральной Сибири.

Там ПИН сохранится и многое напишет впрок на завезённых впоследствии из Приуралья материалах. Для непосредственного узнавания и переговоров, которые могут быть только личными, туда нужно отправить, особенно не медля, — Орлова, которого нужно во что бы то ни стало выдрать из Москвы. Сам он выехать не может — не пустят, но, м. б., ему удастся выскочить с Музеем — на короткий срок. Иначе ему обязательно нужно устроить вызов в Боровое под каким-нибудь предлогом, и это можете сделать только Вы — ну, скажем, для разработки программы работы 1942 года. Из Борового Ю. А. может поехать всюду, куда нужно — и в Минусинск, и в Ойрот-Туру — командировка от ПИН'а в эти места будет уже действительна, и можно будет ничего не согласовывать с Биоотделением. Это очень важно, чтобы Ю. А. смог поскорее уехать. Таковы мои предложения. Я за Сибирь, за маленький, но крепкий и потому жизнеспособный коллектив вокруг Вас, в маленьком же, но дающем возможности размещения, а потому и работы, городе.

А там видно будет, и даже прекращение ассигнований от Академии не будет столь страшно, когда люди будут уже на месте — велики ли ассигнования были в 1921–23 гг. в Ленинграде, однако какая научная работа шла в это время и какие научные коллективы сформировались.

Вот, в сущности, все мои соображения по поводу дальнейшего существования и судьбы ПИН. Главное — люди и основные материалы, а остальное — приложится.

Пожелаю Вам, Алексей Алексеевич, всего самого наилучшего.

Искренне Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 3

Уфа
29 декабря 1941 г.

Дорогой Алексей Алексеевич,

я получил Ваше письмо и телеграммы, к сожалению, слишком поздно, так как очень долго добирался до Уфы.

Теперь я знаю, что Ин[ститу]т (т. е. Вы, Иванова и Беляева) во Фрунзе. Что удалось вывезти из Москвы, не знаю, но, по-видимому, очень мало.

До сих пор не знаю, где тургайцы — они и их машины должны были включиться в мой отряд. Во всяком случае, они где-то на юге и в Уфу, Ишимбаево или Казань не попали. Там я их и буду искать — от Чкалова до Челкара.

С удивлением узнал, что Орлов до сих пор на Урале. Его место во Фрунзе с Вами или же в М[оскв]е для вывоза остального, но не там.

Относительно Миасса — я был там совсем недавно. Место очень хорошее, жить и работать можно, но помещения, а тем более для коллекций, абсолютно нет. Нужно строить заново, но это вряд ли можно. Поэтому я согласен вначале с Вами относительно Фрунзе, а не с Орловым насчёт Миасса.

Меня очень беспокоит вопрос об оставшихся в Москве. Сейчас отсюда публика едет в М[оскв]у, и вообще момент благоприятный для того, чтобы вывезти остальное важнейшее. Если послать туда Орлова ещё через Казань для заручительства соответствующими документами, то, безусловно, удастся вывезти всё наиболее нужное и необходимое для дальнейшего существования Ин[ститу]та и оправдания перед историей.

Если же не вывозить — придётся создать в М[оскв]е прочный филиал, обеспечивающий сохранность оставленного, но это, ввиду сильных бомбёжек, — плохая мера.

Для всего этого около Вас нужен Орлов и не место ему на Урале, т. к. всё это нужно делать теперь же, пока не поздно.

В моём отряде, состоящем из пиновцев, сейчас дальнейшая работа приканчивается. Народ можно перебросить или дальше на Урал, или частью отправить к Вам — например Родендорфа, Мартынову? Как Вы смотрите на это и кто вообще там Вам нужен для помощи в поднимании Ин[ститу]та на ноги?

Напишите мне по адресу: Свердловск, ул. Луначарского, 85, кв.5, академику В.А. Обручеву для меня. Ко времени получения Вашего письма я уже буду в Свердловске.

Будет очень хорошо и легко на душе, если Вам удастся а) создать во Фрунзе нечто пусть маленькое, но прочное, и б) вывезти из Москвы всё наиболее ценное.

Не откажите принять привет и лучшие пожелания, дорогой Алексей Алексеевич.

Привет всем пиновцам, которые сейчас около Вас.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

1942

1 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Чкалов
20 января 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

наконец прибыл в Чкалов и на днях еду в Свердловск, где буду ждать от Вас указаний, чем смогу помочь в акклиматизации Ин[ститу]та в Ср[едней] Азии.

Конечно, он должен оказаться там, как я и писал Вам из Уфы. Однако письма Ивановой получают из Алма-Аты, так что я не понимаю, где же наконец пристанище Ин[ститу]та. Тургайцы вместе с машинами исчезли неизвестно куда. Орлов всё ещё в нашей экспедиции, а должен он быть с Вами или в М[оскв]е.

Примите самые лучшие пожелания и привет.

Ваш
И. А. Ефремов

2 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

п. Горный
5 февраля 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

я писал Вам на Фрунзе из Уфы и из Чкалова, не знаю, достигли ли до Вас мои писания. Сейчас я ничего не могу понять, что делается с Ин[ститу]том. Судя по письмам Ивановой, Ин[ститу]т в Алма-Ата (а вы во Фрунзе?) — зачем он там и что дальше нужно делать? Геккер и Ферсман повели (за время моего отсутствия из Свердловска) очень вредную, по-моему, политику за перевод Ин[ститу]та в Миасс и вливание в геоассоциацию. Сейчас этого делать нельзя, погубим Ин[ститу]т, который должен быть в Ср[едней] Азии, хотя бы в очень скромных размерах. Я еду около 20.02 в Свердловск, м. б., Вы напишете мне туда, что нужно сейчас сделать для того, чтобы помочь Вам. С искренним уважением и приветом

И. А. Ефремов

От Орлова получаю лишь недоумённые письма, он совершенно растерялся, ничего не делает, думается, его нужно вызвать к Вам[1].

---

[1] Приписка в верхней части письма.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

3

п. Горный
17 февраля 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

на днях выезжаю в Свердловск, где будет решена дальнейшая судьба нашей экспедиции, а вместе с ней и целой группы пиновцев, пока бывших пристроенными.

Имеется много шансов за то, что экспедиция после 15-го марта — официального срока её существования — продолжаться не будет. В этом случае нужно как-то определить и должным образом направить вверенный мне народ — сейчас существующий только за счёт экспедиции, поскольку уже вторая половина февраля, а зарплата за вторую половину декабря ещё никем не получена. Без определённой базы — более крупным специалистам нашего Ин[-ститу]та придётся устраиваться где попало — Геккер, например, определённо направляется в геологию, ну а кто помельче — видимо, в совхозы или школы.

Я не получил ещё письма ни от Ивановой, ни от Вас — видимо, получу в Свердловске, и не знаю ничего сколько-нибудь точного о судьбе и перспективах Ин[ститу]та. Кое-что известно по письмам Беляевой к Мартыновой, к сожалению, почему-то очень бестолковых.

Иванова писала Родендорфу о необходимости прислать планы на 1942 год на территорию Казахстана или Киргизии, с очень невразумительным указанием, что нужно будет куда-то ехать в районы, а Ин[ститу]т сам будет не то в Алма-Ата, не то во Фрунзе. Где находитесь Вы, в какой мере Ин[ститу]т связан с Вами, что увезено, что осталось в М[оск]ве, каковы штаты и ёмкость (пространственная) Ин[ститу]та — всё это совершенно неизвестно.

Я, в общем, понял, что пиновцы должны ехать не то в Алма-Ату, не то во Фрунзе, но места для людей там не будет, и они будут размещены где-то в районах по случайному признаку той работы, которую удастся, худо ли, хорошо ли, для них выкроить. Самый же Ин[ститу]т — это будет комната с Беляевой и Ивановой в Алма-Ата, а Вы будете во Фрунзе.

Если эта картина принципиально верна, то, разумеется, такое «устройство» Ин[ститу]та ещё более опасно, чем нахождение в недрах геолог[ического] отделения. Не лучше ли для сохранения кадров бы мне заняться, пока я могу, устройством народа на местах где-то на Урале?

Когда я писал Вам ранее, мне представлялось, что, «зацепившись» за Алма-Ату или Фрунзе, ПИН получит полное правовое положение эвакуированного в данную область Ин[ститу]та, а затем, во главе с Вами, устроится целиком в том месте Киргизии или Казахстана, где можно будет рассчитывать на более или менее сносные условия размещения материалов и сотрудников, будь то даже Джаркент или Пржевальск — место в конце концов безразлично — условия гораздо важнее на долгий период времени. Наконец, ещё одна вещь, очень тесно связанная с судьбой ПИНа и его исторической оценкой, — это срочный вывоз из М[оск]вы оставшихся драгоценных материалов и соединение их в одном месте с увезёнными ранее. В этом отношении, поскольку можно судить по письмам, ничего не делается.

Очень прошу не отказать послать мне на Свердловск, ул. Луначарского 85, кв.5, акад[емику] В. А. Обручеву для меня об Ин[ститу]те и указания, куда послать людей в случае окончания экспедиции.

Искренне Ваш
И. А. Ефремов

4 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Чкалов
3 марта 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

пишу Вам перед выездом в Свердловск непосредственно после встречи с Ю. А. Орловым, когда мы втроём (он, я и Родендорф) обсуждали дальнейшие наши судьбы и работы.

Мой отряд с 1/III ликвидируется по распоряжению Гаврилова. Пока я ещё здесь — я могу обеспечить всем выезд в более или менее нормальных условиях, поэтому я принял решение — вскоре после моего отъезда ехать всем в Алма-Ата к месту нахождения Института. Поэтому скоро в Алма-Ата прибудут Конжукова, Мартынова (с сыном) и Лукьянова. Родендорф едет со мной в Свердловск за расчётом, оттуда проедет в Дюртулли, где заберёт семью и также приедет в Алма-Ата (может быть, во Фрунзе?)

Поскольку квартирные возможности по Вашим указаниям очень затруднительны, такой приезд, разумеется, является рискованным в известной мере. Однако, я думаю, что в случае полной невозможности предоставить даже временное помещение для обитания непосредственно в Алма-Ата, можно будет устроить народ временно где-нибудь в районе. Так, например, близко от Алма-Ата вполне подходящими для этой цели являются селения Талгар и Тургень. Места около Фрунзе я знаю мало. Если и селения близко от Алма-Ата (или Фрунзе) переполнены, то можно направить народ куда-нибудь подальше в районные центры, будь то Джаркент (Казахстан) или Пржевальск (Киргизия) или ещё что-нибудь, но только не Илийск или подобные ему, расположенные в низменностях. Там наши ПИН'овцы смогут выждать момент окончательного устройства Института с бóльшим успехом, чем в какой-нибудь деревне под Чкаловым.

Сам я буду в Свердловске около месяца (составлять научный и финансовый отчёты), затем мне нужно будет съездить в Чкалов за своей автомашиной и снаряжением и сдать их в Свердловске. На это уйдёт ещё недели 2—3, после чего я могу приехать в Алма-Ата (или Фрунзе) и приступить к палеонтологии, или задержаться ещё в экспедиции. Геккер, по сведениям Ю. А. О., хочет пока остаться в экспедиции по следующим основным причинам: a) не хочет заниматься вульгарной стратиграфией b) сомневается в возможности серьёзной работы по палеоэкологии. Я буду с ним совещаться в Свердловске, и было бы очень хорошо иметь от Вас письмо с более или менее ясными очертаниями возможностей работы. Относительно Обручева[1] пока ничего не знаю. Как будто бы он устремляется ехать в Алма-Ата, но у него сложны вопросы с семьёй — на его зарплату не проживут. Мои соображения, согласованные с Ю. А., сводятся в основном к следующему:

I. Обще-Институтские установки. Я считаю, что:

1. Институт обязательно должен существовать целым (пусть самым небольшим) коллективом, а не быть разбросанным по районам и сёлам в двух республиках. Гораздо лучше будет, если ПИН будет не в большом городе, но вместе.

---

[1] Имеется в виду Д. В. Обручев.

2. Все материалы, коллекции и литература должны быть собраны вместе.

3. Во что бы то ни стало нужно вывезти из Москвы все основные уникумы и редкую литературу. Это нельзя сейчас ни в коем случае делать как продолжение эвакуации — всё провалится. Нужно получить два-три вагона для доставки материалов, оборудования и литературы, необходимых Институту для его текущей работы на новом месте. Это теперь ещё не поздно и сравнительно легко. Чем дальше, тем будет хуже.

II. Соображения относительно работы отдела.

1. Самое грустное то, что в Ср[едней] Азии по низшим позвоночным нет ни стратиграфии, ни местонахождений, — другими словами — никакой базы для практической работы. Заниматься каким-либо мезозоем — вещь ерундовская и маловажная. Это в настоящее серьёзное время не стоит делать.

2. Из всего отдела практически могу работать только я (не считая препаратора Лукьянову). Обручев так болеет в последнее время, что ничего крупного вскоре сделать не сможет, Быстров — неизвестно где, только что начавшая подбираться молодёжь: Петров, Хозацкий, Рюмин — видимо, погибли.

Поэтому сейчас думать о работе отдела как работе коллективной, справящейся с какими-либо крупными заданиями стратиграфического порядка — не приходится. В то же время страшно делается за судьбу столь интересной в СССР и многообещающей отрасли, как древнейшие позвоночные.

3. Совершенно очевидно, что работа в Алма-Ата (моя и моего отдела) может быть реальной, только если взяться за окончание начатых больших работ, хотя бы только в описательной части. Это чисто научная работа масштаба всесоюзного, а не местного и, кроме того, очень важная (с научной, конечно, стороны) при современном положении, в особенности учитывая всегда реальную возможность моей мобилизации.

Для выполнения этой работы мне необходимы:

a) все рукописные материалы, рисунки, фото и некоторые книги (именно оттиски);

b) некоторые костные материалы из последних коллекций — Каргалинская и Ишеевская фауны, Шихово-Чирки, Бугуруслан, Белебей;

c) достаточно квалифицированный (в смысле общих знаний) научный сотрудник, который в случае слишком скорой моей мобилизации смог бы привести всё написанное и иллюстрированное в должный вид (годный для последующих, в случае моего отсутствия, обработок к печати), работая вместе и под непосредственным моим руководством, а также помогая в описательной части (мелкие фауны). Без соблюдения этих условий не стоит и начинать серьёзно.

Насколько возможно всё это сделать — можете решать только Вы. Я не знаю, что увезено из Москвы, а также насколько реально выделение сотрудника. По-моему, для последнего есть одна лишь конкретная возможность — просить этим заняться Е. Д. Конжукову, которая, особенно при отсутствии Геккера, вряд ли сможет вести палеоэкологические работы. Заниматься же стратиграфией, осваивая новые группы беспозвоночных — можно освоить и позвоночных с не меньшей для Института пользой.

Ю. А. считает, что Е. Д. Конжукова должна заниматься брахиоподами, поскольку она ими занималась и, кроме того, что при переходе на позвоночных возникнут «разговоры» — что это, мол, пишет Ефремов, а не Конжукова. Что до меня, то последнее для меня не является никаким аргументом, а пер-

вое — как Вам известно, Е. Д. занималась брахиоподами под особым углом зрения, для общестратиграфической работы сейчас неважным. В этом я совершенно не согласен с Ю. А. Если работы в указанном разрезе невозможны, то единственное, что мне сейчас приходит в голову — это заняться через ПИН просто геологией, поскольку Вы хотите, чтобы я был в Средней Азии в сфере ПИН'а, но сделать это можно только через Вас. Заниматься придумыванием псевдооборонных тем я после всего виденного и пережитого не в состоянии. Наконец, могут быть возможности в дальнейшей работе нашей экспедиции в Средней Азии, но это выяснится только в Свердловске.

Обручев может заняться окончанием своей диссертации + мелкие работы по рыбам Тянь-Шаня, но в последнем я ничего значительного для стратиграфии не предвижу.

Итак, резюмируя, можно поставить следующие вопросы:

1. Возможна ли при настоящем положении Института «чистая» научная работа в нём?

2. Возможно ли заняться окончанием больших «теоретических» работ по пермским позвоночным и девонским рыбам?

3. Возможно ли участие в работе по позвоночным Е. Д. Конжуковой?

4. Возможно ли избегать псевдооборонных тем и заниматься столь отвлечённой работой?

5. Возможно ли участие в серьёзной и полезной работе помимо своей узкой специальности в пределах территориального расположения Института?

Очень прошу Вас, Алексей Алексеевич, осветить мне положение Института, чтобы я смог в Свердловске же принять соответствующее решение. Может быть, лучше вместе с Геккером продолжить работу в экспедиции и взять туда же и Е. Д. Конжукову?

С искренним уважением,
И. Ефремов

Свердловск, Луначарского, 35, кв. 5
В. А. Обручеву
для меня.

P. S. В случае перевода сотрудников в Казахстан или Киргизию необходимы будут какие-то бумаги, без которых никакого передвижения в настоящее время быть не может. В особенности эти бумаги необходимы эвакуированным семьям, которые будут перевозиться с мест своего официального поселения. Эти бумаги от местной власти должны быть получены всеми заранее, т.к. почта от Вас ходит месяц, а наиболее удобным моментом перевозки будет апрель, вряд ли — май.

От Орлова имел несколько писем. Судя по ним, Ю. А. полностью дезориентирован: о судьбе Ин[ститу]та ничего не знает, денег не получает, хочет ехать к Вам, но не имеет ни распоряжения, ни командировки. Собирался перевозить семью, но куда точно — не знает. По-моему, его нужно категорически вызвать к Вам для помощи в постройке института, а ещё лучше для командирования в Москву и вывоза важнейших материалов. Если я буду освобождён от экспедиции, то, это смогу сделать я?

По непроверенным сведениям Быстров в Самарканде.

С искренним уважением,
И. Е.

Б. Е. РОДЕНДОРФ — А. А. БОРИСЯКУ[1] 5

Чкалов
4 марта 1942 г.

...**И**з Вашего письма я узнал о желательности изучения именно третичных насекомых... Задача эта довольно легка и вместе с тем очень плодотворна — исследование, притом даже предварительное, третичных насекомых дает очень много для освещения палеоэкологии и палеоклиматологии, не говоря уже о детальной стратиграфии отложений. Третичные насекомые близки к современным и потому позволяют с большой точностью судить о климате и ландшафте данного времени... Сейчас у меня с И. А. Ефремовым вот какие мысли. Почему бы нам не принять самое ближайшее участие в создании собственного жилого фонда. Говоря громко, попросту, не заняться самим постройкой домов для жилья, а может быть даже и для Института. Конечно, не обязательно самим рубить лес или класть каменные кладки, но принимать самое близкое участие в этом, руководить постройкой, я думаю, могли бы все мужчины, и в первую очередь заведующие отделами. Во всяком случае, истекшая зима в Чкаловской области, например, да и московская жизнь осенью 1941 г. весьма подготовила нас всех к такого рода занятиям. И. А. Ефремов вспоминает о стройке домов в тайге, в Сибири и смотрит на это как на вполне реальную вещь. Я со своей стороны был свидетелем и почти участником стройки саманных домов в Ташкенте в 1929 г. Тогда там это было очень просто и быстро, буквально [за] какой-нибудь месяц можно было построить жилой дом. Во всяком случае, обо всём этом совсем не вредно серьёзно подумать... Думая каждый день об условиях работы и жизни в Семиречьи, я хочу всё сильнее и сильнее скорее попасть туда. Семиречье мне несколько знакомо — в 1925 году я сделал около 2500 км по Алма-Атинскому и Джаркентскому уездам в качестве зоолога и энтомолога — «обследователя»...

Б. Родендорф

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 6

Свердловск
13 марта 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

два дня назад прибыл в Свердловск, прочитал наконец Ваше письмо и несколько выяснил общее положение с экспедицией и нашими судьбами. Спешу поделиться всем, что знаю.

Однако, прежде всего должен отметить, что ничего толкового о реальном положении ПИНа и его возможностях в настоящее время мне не известно. Из писем Е. А. Ивановой к различным сотрудникам ничего установить нельзя, а знать-то ведь надо!

Я даже написал Елене Алексеевне сердитое письмо по этому поводу в рассуждении, что если у Ин[ститу]та ничего нет (ни помещений, ни жилья, ни коллекций для работы) и людей надо гнать, или же срочно перемещать Ин[-

[1] Из книги И. В. Бодылевской: «Академик А. А. Борисяк и Палеонтологический институт в годы войны. 1941–1943 гг.» — Москва, 2008.

ститу]т куда-то в другое, более пригодное для его восстановления место, то об этом всё же надо поставить в известность основной коллектив Ин[ститу]та. Если же есть, то также нельзя делать из этого какой-то военной тайны. Думаю, что она не обидится, а ответит мне толково на основные вопросы.

Я совещался здесь с Геккером и Родендорфом, который приехал со мной по пути в Дюртюли (за семьёй). Нужно сказать, что мы оба с Родендорфом прямо противоположного Геккеру мнения.

Я считаю, что сейчас назревает момент, когда мы все, хотя бы временно, должны съехаться в Алма-Ата или Фрунзе к Вам, обсудить всё на месте и насколько возможно быстро начать восстановление работы Ин[ститу]та на деле, а не в переписке и прожектах издалека, и обязательно быть целым коллективом. Достать оставшиеся ценности и оборудование, определить лицо Ин[ститу]та в Средней Азии — вот важнейшие моменты в закреплении и стабилизации нашего общего дела, которые можно сделать только работой. В особенности спешно нужно действовать мне, так как вряд ли удастся мне поработать в ПИН больше 2-х месяцев, ввиду неизбежной мобилизации.

Геккер же считает, что этого не нужно — когда будет важная, с его точки зрения, работа в ПИН и когда уже всё стабилизируется, тогда можно будет и возвратиться в ПИН — пока же, по-видимому, он остаётся прочно в экспедиции.

Сама экспедиция в её теперешнем положении не производит серьёзного впечатления, несмотря на роскошный внешний вид — две постоянно дежурящие у подъезда автомашины, превосходное помещение для работы, разные закрытые столовые и распределители. Изменилась тематика в сторону сугубого делячества, даже особенно не оправданного — такую работу могут делать и просто грамотные статистики, не нужно для этого горных инженеров, или, тем более, докторов-палеонтологов.

Исходя из этих соображений я не могу оставаться в экспедиции далее, чем это потребует честное окончание работы, за которую взялся, несмотря на всякие блага и поощрения.

Для составления отчётов и объезда объектов с представителями Н. К. О.[1] мне потребуется месяца полтора, таким образом я буду занят остаток марта и весь апрель, после чего поеду в Алма-Ата (м. б., но с малой вероятностью, удастся освободиться к середине апреля) к Вам. Гаврилов не хочет меня отпускать, но, конечно, через Ферсмана я всегда сумею освободиться.

Обручев выезжает после 20 марта прямо в Алма-Ата, привезёт проекты тематики, которую мы с ним разработали. Его придётся ПИНу буквально хранить под стеклянным колпаком как последний и единственный реликт низших позвоночных в случае моей мобилизации.

Михайлова Гаврилов тоже, я думаю, отпустит — он пригодится Вам в помощь для всякой там организации и выедет в Алма-Ата сразу после прибытия из Горького машин, как только с ними разделается. У Михайлова на машинах имеется пиновское снаряжение, которое будет очень ценно в Алма-Ата (палатки, брезенты и т. д.), так как там мы не достанем ни одного гвоздя.

Гаврилову с его военными всё это достать гораздо легче — однако он хочет забрать всё себе в экспедицию по уговору, существовавшему осенью.

---

[1] Народный комиссариат обороны.

Необходимо от Вас получить телеграмму на имя Гаврилова или Михайлова с приказом снаряжение Тургайской экспедиции отправить в Алма-Ата. Иначе Михайлов не будет иметь оснований не отдавать имущества Гаврилову. О том же я писал Е. А. Ив[ановой].

С искренним уважением и лучшими пожеланиями,
И. А. Ефремов

P. S. В Свердловске я буду во всяком случае до начала апреля — адрес Обручева.

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 7

Свердловск
16 марта 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

отправив Вам письмо с общими намётками на следующий день, получил Ваше от 26.02. Поэтому сообщаю Вам дополнительно всё, что могу, в разрезе вопросов Вашего письма.

В настоящее время никаких 13 сотрудников ПИН, закреплённых на Урале, фактически не имеется. Сейчас в ЭОН[1]: Геккер, я, Обручев, Бишоф, Михайлов и «припиновец» Бурчак. Обручев едет в Алма-Ата с Максимовой и дочерью в вагоне Комарова (который едет туда лечиться), отходящем 21.03. Д. В. О. «условно» отпущен из экспедиции, но я думаю, это можно будет сделать «совсем».

Михайлов не остаётся в экспедиции, и, как только разделается с тургайскими машинами, которые кстати прибыли сюда и передаются ПИНу в Миасс, думает ехать в Джартак за семьёй и оттуда в Алма-Ата. (К этому же сроку освободиться и Бишоф и также поедет в Алма-Ата.)

Я не собираюсь оставаться в экспедиции хотя бы уже потому, что мобилизоваться мне выгоднее в том же месте, где находиться и семья. Но я должен довести свою работу до какого-то явного конца и сдать её КЭУ, на что потребуется не меньше месяца.

Геккер остаётся в экспедиции прочно и в Ин[ститу]т пока ехать не хочет.

Итак, ориентировочно сроки выезда оставшихся в ЭОН и вообще на Урале мне представляются следующими:

1. Родендорф (из Дюртюли) 15.04
2. Михайлов (из Дюртюли) 15.04
3. Бишоф (из Свердловска) 1-5.04
4. Ефремов (откуда-то) 1.05 (м. б. на время удастся приехать и раньше).

Остальные должны быть ко времени получения моего письма Вами уже в Алма-Ата.

Что касается Бурчака, то он сейчас оформил военный билет и получил «права гражданства». Он не очень устремляется работать в экспедиции, в связи с чем мне пришла в голову одна мысль. Нельзя ли его включить в штат нашего Ин[ститу]та — хотя бы на препараторское место (временно для оформления

[1] ЭОН — Экспедиция особого назначения.

прописки и т. д.), тогда мы заполучили бы ещё одного позвоночника и маммальщика, что как раз для Средней Азии очень выгодно. Я говорил очень предварительно с Бурчаком — он вполне бы был согласен на такую комбинацию. Если бы это вышло, то в дуализме Фрунзе — Алма-Ата получилась бы очень хорошая позвоночная комбинация: Вы, Орлов, Берг, Громова, Бурчак, Беляева — 6 «позвоночников» и 5 «маммальщиков», т. е. то, что не было возможно в М[оскв]е, вышло бы здесь.

Хуже с низшими позвоночными, т. к. я вишу всё время на волоске и до сих пор не мобилизован только потому, что нахожусь в беспрерывных разъездах. Впрочем, теперь моя миссия по обеспечению работой и приютом не «нашедшей счастья» в Ишимбаевской экспедиции части ПИНа почти закончена, и они возвращаются в Ваше лоно.

Однако, нужно что-то сделать с работой по пермским позвоночным, давшей такие замечательные результаты. Я предполагал бы обязательно включить в эту работу Елену Дометьевну с тем, чтобы продолжить начатые описания отдельных находок новых форм, и с тем, чтобы ввести её в курс дела всей работы для «всякого случая». Она из всех имеющихся наиболее подходит. Нужно также во что бы то ни стало вывезти в Алма-Ата оставшиеся наиболее ценные материалы и книги музея и Ин[ститу]та.

Что касается Д. В. О., то поскольку в Алма-Ата есть квалификационная комиссия, ему нужно будет устроить как можно скорее защиту его диссертации, которая, кстати сказать, в состоянии более или менее готовом. Если в течение первых двух месяцев пребывания в ПИН — в период обустраивания и организации обязать его подготовить защиту и поставить её в план — он скоро может защитить диссертацию, что будет выгодно и для ПИН, и для позвоночных.

Вообще, его тематика может быть сосредоточена на рыбах — есть девонские рыбы Балхаша и меловые (верхне[1]) Киргизии, Узбекистана и Казахстана. Если привезти ему один ящик коллекций из М[оскв]ы, эта работа может идти весьма успешно и в стратиграфическом смысле. Кроме того, его можно будет приспособить и на динозавров — в случае моего отбытия. Если я успею его поднатаскать — отлично справится, так как эрудиция у него хорошая. Вообще, его лучше рассматривать как врио по низшим позвоночным при получении докторской степени.

Вот так мне представляются сейчас перспективы и план ПИНовцев с Урала. Разумеется, как вполне справедливо указываете и Вы и Е. А. — только когда мы соберёмся вместе, будет всё ясно и начнётся общее дело. Вернётся из М[оскв]ы Ферсман, с ним я обсужу возможности вывоза из М[оскв]ы материалов и немедленно напишу Вам. В экспедиции сейчас нет денег, и в связи с этим пиновцы — гл[авным] обр[азом] мои сотрудники остались нерасчитанными более чем за 1,5 месяца. В письме к Е. А. Ивановой я просил при возможности рассчитать их непосредственно в ПИН и внести соответственную сумму из полагающихся Гаврилову денег. Это было бы много лучше в смысле обеспечения скорого получения ими денег, что очень важно при устройстве на месте. Обручев также не получил весьма большой части причитающихся ему денег.

У меня с Гавриловым возникли разногласия по поводу оплаты полевых всем нашим сотрудникам. Он хотел считать, что по прошествии двух месяцев все были

---

[1] Верхнемеловые.

переведены на стационар и поэтому лишены суточных. К сожалению, Ю. А. [Орлов], находясь в Свердловске, по свойственной ему «интеллигентности» не пресёк этих разговоров. Впрочем, я их пресёк, поскольку доказал ему, что перевод на стационар не разумеет продолжения полевой работы (в снегу и морозы вдобавок), а затем должен быть сделан при налаженной базе (как то было в Ишимбаевской). Одним словом, прошу иметь в виду, если Гаврилов помимо меня начнёт какие-нибудь переговоры об этом, моё отношение к этому вопросу и то, что я этого не допущу, хотя бы и пришлось передать дело в суд. Думаю, однако, что я его усмирил.

Последний вопрос — это о машинах из Тургая. Гаврилову, чтобы не платить за них, удалось сплавить их в ПИН, которому так нужны машины (как, впрочем, и всякой организации), что он берёт на себя все расходы. Мне очень хотелось оставить хотя бы одну машину за ПИН, она очень пригодилась бы (и себя в условиях «безмашинья» вполне бы оправдала), однако, не имея никаких полномочий и не зная, сколько средств у ПИН, я не мог этого сделать. Теперь машины ушли.

Что касается снаряжения, то я писал Вам о телеграмме, которую необходимо послать Михайлову. Сейчас я уговорил Гаврилова оставить большую часть снаряжения нам (ПИНу), и оно будет лежать в Свердловске пока. Когда придёт Ваша телеграмма, то можно будет забрать и отправить в ПИН почти всё.

Ну, однако кончаю свою диссертацию. Не откажите принять самые лучшие пожелания.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Свердловск
24 марта 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич!

Недавно только отправил Вам открытку, и вот уже пишу снова по поводу одного гениального проекта, возникшего у меня с Михайловым. Что если отправить в М[оск]ву за коллекциями, книгами и проч. — Михайлова?

Лучше его во всём ПИНе сможет справиться только Ваш покорный слуга, однако неопределённость моих сроков пребывания в ЭОН — рискованно. Нужно спешить, спешить во что бы то ни стало.

Если Вы считаете, что это можно сделать — нужно немедленно начать добывать ему пропуск в М[оск]ву и полномочия для заезда в Казань, откуда нужно будет всё окончательно оформить, да и заодно на обратном пути захватить оптику, а также немедленно вызвать его (Михайлова) к Вам во Фрунзе и перевести ему по телеграфу руб[лей] 700 денег, т. к. Гаврилов ему не платит, и он выехать не сможет. Михайлову телеграфируйте лично — Свердловск, почтамт, востребование, и туда же переводите деньги. Так как я могу отсутствовать в Свердловске и таким образом задержать всё дело. Кроме коллекций в Алма-Ата, остались там ценное снаряжение, бумаги в огромном количестве и т. д. что сейчас пишу, нужно для работы ПИН.

С приветом и искренним уважением,
И. А. Ефремов

9 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Свердловск
29 марта 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич!

После пессимистического письма Ю. А. из Алма-Ата сегодня прибыли гораздо более утешительные телеграммы от Вас и Ивановой Е. А. Я сам заболел сыпным тифом (посему и должен прибегнуть к любезности М. Н. для написания сего) и выбываю на неопределённое время из строя. Однако хотелось бы ещё раз изложить Вам в свете новейших данных пожелания относительно Института, работы и т. д. Прежде всего о размещении ПИНа, если, как сообщает Ю. А., в Алма-Ата Ин[ститу]т находится территориально настолько в плохом положении, что за три месяца здесь своего нахождения он смог добиться двух комнат в самой плохой части города и встретился с чрезвычайно большими трудностями по прописке двух только его сотрудников, а коллекции хранятся в какой-то свекольной яме, то совершенно очевидно, что ПИН в Алма-Ата устроить совершенно не удалось и нужно оставить об этом попечение чем скорее, тем лучше. Я не могу вдаваться в обсуждение причин такой неудачи, но совершенно очевидно, что если Совнарком Казахстана официально принимает Ин[ститу]т, а местные власти чинят бесконечную волокиту с пропиской ничтожнейшей его части сотрудников, то цена такого приёма невелика есть. Оказаться перед перспективой влачить жалкое существование в грязном и заражённом районе переполненного города, добывая это существование притом неимоверной ценой и не работая за этот счёт — такая перспектива с очевидной ясностью говорит за скорейшую переотправку ПИНа в менее переполненную Киргизию, в один из более удалённых областных центров, Пржевальск (где люди могут получить сразу возможность работать). Таковы общие и естественные соображения, возникшие при прочтении письма Ю. А., из которого явствует, что за 3 месяца пребывания в Алма-Ата Ин[ститу]т никак не устроен. В качестве временных мероприятий, мне думается, можно наметить следующие: 1 децентрализацию временную отделов ПИН от его органов управления, такими отделами могут быть отделы высших и низших позвоночных и членистоногих, которые могут быть размещены в Киргизии где-нибудь вокруг Иссык-Куля в контакте с ИЭМом[1]. Обязательным условием размещения отделов позвоночных является наличие в данном районном или областном центре помещений, достаточных для вмещения основных коллекций, сборов 41 года и небольшой препараторской мастерской. Наличие постоянной и скорой связи с Фрунзе является обязательным фактором. В рассуждении вышеизложенного я и прошу Вас, дорогой Алексей Алексеевич, наметить размещение отделов.

Что касается поездки Ю. А. в Москву, то, может быть, его в этом деле лучше заменит М. Н. Михайлов — я не сомневаюсь, что при большой усталости и истощённости Ю. А. — эта замена будет для Ин[ститу]та выгоднее. В этом случае нужно уполномочить на вывоз семей кого-нибудь другого, например Родендорфа (если он не в тифу), а М. Н. вызвать к Вам, переслав ему

[1] ИЭМ — Институт экспериментальной медицины Академии медицинских наук СССР.

деньги (так как Гаврилов ему не платит), и оттуда, уже соответственно оформив, отправить его в Москву. Прошу простить, если изложение малосвязное (высокая Т — 39,7°).

С искренним уважением и лучшими пожеланиями,
И. А. Ефремов

30.03. Сегодня днём вновь был доктор поликлиники, и, осмотрев И. А. Ефремова, врач отрицает пока сыпной тиф. Диагноз не определён, температура держится упорно 39,3° или 39,6°. Только утром бывает 38,8° или 38,6°. Иван Антонович сильно ослабел.

Ваши телеграммы получил и действую.

С глубоким уважением,
М. Михайлов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

10

Свердловск
1 апреля 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич!

В дополнение и разъяснение первого диктантного письма — посылаю это. Мне сейчас лучше, температура уже спадает, но придётся довольно долго полежать. Здесь дела оборачиваются для пиновцев не совсем благоприятным образом, преимущественно из-за того, что начальник ЭОН т. Гаврилов оказался человеком совершенно не на месте, более того — вредным месту. Ещё раз — ферсмановские способности подбирать работников. Самого Ферсмана нет, и, конечно, ещё и в этом причина многих самоуправств Гаврилова. Во всяком случае, картина такая, из оставшихся здесь пиновцев, не считая Д[митрия] В[ладимировича] О[бручева], который на отлёте в Алма-Ате и задерживается здесь только из-за Комарова в виду новых академических событий, и Геккера, всецело преданного Гаврилову, остаются: Михайлов М. Н. и я. Михайлова, как Вам уже известно, Гаврилов не загружает по экспедиции никакой подходящей работой, но и денег не платит. Михайлов не может отправить оставшееся снаряжение Тург[айской] экспедиции, ни поехать в Дюртюли, где он очень нужен для перевозки семей сотрудников, особенно в том виде, как это следует из Ваших последних телеграмм. Но время военное — оно идёт, а военкомат не ждёт. Михайлова направили на переосвидетельствование, на которое он сейчас и ходит. Если его признают годным, что очень может быть, то Михайлов будет немедленно мобилизован, настолько быстро, что даже не поспеет никому дать имущество. Та же история получилась с Бурчаком, который уже имеет на руках взамен военного билета справку от Райвоенкомата «до вызова». Во всех этих делах довольно недопустимо вёл себя Гаврилов, щедро раздававший Бурчаку обещания о брони и т. д. На поверку дела оказалось, что все гавриловские полномочия оказались пустым звуком, и он этим сильно подвёл людей, совсем иначе бы построивших свои планы.

Со мной, если бы я не заболел, получилась бы такая же история. Так как, несмотря на распоряжения СНК, сообщённое Вами, (Гаврилов о нём ни-

чего не знал) и никаких мер в отношении Геккера и меня не принял. В итоге получилось, что пиновские кадры могут быть здесь же и потеряны, прежде чем успеют поработать для воссоединения ПИНа. Каковы необходимые мероприятия? Заявить отсрочки на докторов на месте во Фрунзе, Алма-Ата или районе временного их пребывания. Эти отсрочки заявить немедленно, а каждого доктора персонально по телеграфу об этом известить с тем, что в случае вызова в военкомат он мог бы идти туда с этой телеграммой. Михайлову нужно как можно скорее заимообразно (до установления полного расчёта с ЭОНом) перевести денег для проезда во Фрунзе, вызов-командировку и деньги для отправки имущества экспедиции в сумме 1500—1700 рублей. Конечно, деля имущество с Гавриловым, я не стану становиться на ту точку зрения, чтобы получить непременно всё пиновское (зачем нам, например, психометры, термометры-пращи в огромном количестве, а ЭОН без этого всего работать не может). Во всех случаях с Гавриловым было бы лучше справляться, если бы не постоянная поддержка его Геккером. Сей чрезвычайно не разбирающийся в людях Шиллер совсем обуралился и опещерился, бывают же всякие увлечения. Кстати, поскольку Р. Ф. [Геккер] прочно остаётся здесь, ему не нужно пока заявлять отсрочку там — я думаю, что он сам напишет. В добавление к условиям расположения своего отдела могу сообщить следующее. Необходимо учесть, что в летние жары в заражённых и сгущённых городах будет сильнейшая желудочная инфекция, вплоть до холеры. Поэтому ни во Фрунзе не нужно, для лета в особенности, размещаться, ни в Алма-Ата, ни во Фрунзе, а в одном из районов (конечно, горных). Таких районов больше в Киргизии — например Иссык-Кульский.

С искренним уважением и лучшими пожеланиями,
И. А. Ефремов

11 М. Н. МИХАЙЛОВ — А. А. БОРИСЯКУ

2 апреля 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Сегодня утром И. А. Ефремову много лучше. Многодневная высокая 39,6° сменилась температурой 36,9°. Бурчак 2.04 ночью получил от военкомата вызов для направления в часть. Многие сотрудники УФАН[1] — также мобилизованы. Сегодня закончились мои медицинские комиссии по зрению и слуху — признан годным с коррекцией (то есть в очках) по 3 группе. Возможно, на днях вызовут на сборный пункт. Бурчак пока получил отсрочку до 8-го апреля. Алексей Алексеевич, если меня призовут, прошу сохранить обо мне память и прошу помочь моей семье.

Готовый к услугам
М. Михайлов

[1] Уральского филиала Академии наук СССР.

Е. Д. КОНЖУКОВА — А. А. БОРИСЯКУ[1] 12

Алма-Ата
16 апреля 1942 г.

...**В** период работы в Чкаловской области, несмотря на частое вынужденное сидение без работы (заносы, морозы, отсутствие одежды и прочее), сама работа элементарная, не по специальности, трудная физически, с преодолением многих километров снежных полей, ползанья под землей, большой усталости — чем-то давала мне моральное удовлетворение. В период плохого устройства нашего быта, было, как бы это сказать, ощущение, что мы в чём-то равняемся по всем тем людям, которые что-то делают для войны или страдают от неё...

Е. Конжукова

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 13

Уфа
14 июня 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

прошу прощения, что долго не писал Вам. Надеялся в скором времени приехать, но вышло так, что всё задерживаюсь на Урале. Хотя Р. Ф. Геккер, в то время как я валялся в больнице в Свердловске, и договорился с Ферсманом о том, что он отпускает нас обоих, однако произошла задержка. Ферсман и Гаврилов сейчас в Москве и настаивают на том, чтобы дождаться их возвращения, а они, нужно сказать, не торопятся.

Было бы хорошо, если бы Вы телеграфировали Ферсману Свердловск, ул. Ленина 50, Экспедиция особого назначения Акад[емии] наук о скорейшем отпуске меня по крайней мере, т. к. Р. Ф., по-видимому, не очень торопится в ПИН.

Что до меня, то я совсем не устремляюсь здесь задерживаться и хочу как можно скорее попасть в лоно ПИН. Окружение Ферсмана прямо удивительно — всё какие-то тёмные личности, ничего общего не имеющие с наукой. Гаврилов вообще отъявленный проходимец, и чем скорее я разделаюсь со всей этой компанией, тем лучше.

Экспедиция сыграла свою роль в то время, когда с ПИНом было плохо, и хотя она является также и моим детищем, но работа под лихим управлением Ферсмана и Гаврилова приняла такой поворот, что от первоначального замысла не осталось и следа.

Вдобавок, финансы и снаряжение экспедиции пришли в полное расстройство — мне экспедиция, например, не платит паевых уже с февраля, долг другим сотрудникам моего отряда более 5 тысяч и т. д. Всё это в результате того, что всю зиму Гаврилов занимался подготовкой своей (жульнической) диссертации, а не делами экспедиции. Что смотрит Ферсман и откуда он выкапывает таких людей себе в помощники — не понимаю. Ну, впрочем, бог с ним, самое

[1] Из книги: Бодылевская И. В. Академик А. А. Борисяк и Палеонтологический институт в годы войны. 1941–1943 гг. — Москва, 2008.

важное, что известная доля работы сделана как следует и честь ПИНа при этом не пострадала.

То, что творится в Свердловске, впрочем, вряд ли лучше. Расскажу при встрече. Есть кое-что интересное для общей характеристики нового правления АН.

Что до Миасса, то там получилась такая мерзость и склока, что я благословляю судьбу и Вас, что удалось своевременно пресечь наше отхождение к геологической ассоциации. Я всё же был прав, когда доказывал Р. Ф., что нельзя никоим образом доверяться Ферсману.

Башкирская экспедиция здесь, в Уфе, так же пришла в состояние порядочного развала. В общем, когда лично вырвусь в ПИН, то прежде всего заеду во Фрунзе к Вам, чтобы поговорить обо всём и о дальнейшей работе прежде всего.

Виделся здесь, в Уфе, с Меннером и говорил насчёт довоза необходимых коллекций к нам из М[оск]вы. Он также считает, что нужно везти во что бы то ни стало и как можно скорее. Однако думает, что это будет трудно, и прежде всего нужно заручиться всеми необходимыми бумагами от президиума. Последний пока на колёсах между Казанью и Свердловском, но должен быть в Свердловске. Очень хорошо бы было, если бы удалось использовать пребывание Комарова в Средней Азии для оформления необходимых разрешений. По имеющимся у меня сведениям, Комаров пробудет у Вас достаточно долго.

ПИН, во всяком случае, вывозит из М[оск]вы библиотеку и другие вещи — всего два вагона. Для этого послан туда Долгополов.

Так как я ещё не добрался до Чкалова, куда посылается мне почта, я не знаю ничего, что делается за последнее время в ПИН. Надеюсь, что мне удастся приехать всё же не к шапочному разбору, а к организации летних работ. Прошу Вас помочь мне в этом, как я писал выше.

Правда, сейчас, после тифа и при плохом питании, моя энергия сильно ослабла, но надеюсь, что выправлюсь.

В общем, планирую так — числу к 25 июля решатся все вопросы с экспедицией. К 20-му буду в Чкалове, ещё поеду и выкопаю зверя, которого мне нашёл Чепиков под Бугурусланом, отправлю в Алма-Ата, а затем и сам или прямо из Чкалова поеду во Фрунзе, или же придётся съездить в Свердловск, что мне бы совсем не улыбалось, а затем уже ехать в ПИН.

Все отчёты я, во всяком случае, сдал, и теперь лишь осталось сдать машину и зимнее снаряжение, а также получить расчёт наконец, т. к. сижу совершенно без денег и даже на проезд до ПИНа заплатить нечем. Тогда все дела с экспедицией будут ликвидированы.

Если что-нибудь будет срочно нужно — телеграфируйте Чкалов Областной, Бухарский пер. 6, кв. 4, Никонову для меня. Телеграммы сейчас ходят вполне прилично.

На днях выезжает в Алма-Ата Н. Н. Костецкая. Сошкину задержали, но, по-видимому, скоро отпустят, т. к. дело разваливается. Руженцев всячески устремляется в Алма-Ата, но пока в экспедиции, чему я, откровенно признаться, очень рад. Более неприятного и бесполезного для ПИНа человека я ещё не встречал.

Очень буду рад увидеться с Вами наконец, дорогой Алексей Алексеевич. Желаю Вам всего самого лучшего и главное, здоровья.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

P. S. А коллекции надо везти из М[оск]вы и поскорее. Ради Бога, организуйте посылку за ними, хоть Михайлова.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 14

Чкалов
30 июня 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

к сожалению, моего живого участия в делах ПИНа никак не получается — во-первых, все Ваши письма приходят ко мне с большим опозданием, во-вторых, не так-то легко выдраться из лап <...>[1]. Сейчас, однако, близка, по-видимому, ликвидация моих дел с ЭОН, и я вскоре еду в Свердловск, откуда, возможно, вместе с Геккером, поеду в ПИН. Очень рад возможности перехода Елены Дометьевны на позвоночных и вполне согласен со всеми Вашими указаниями. Однако не думаю, чтобы было возможным делать Е. Д. младшим сотрудником. В отличие от Руженцева у неё имеется кандидатская степень и как раз за позвоночные работы. Т[аким] о[бразом], это будет и несправедливо и неоправданно, в особенности в сравнении с другими сотрудниками, даже вновь приглашающимися к нам. Ну об этом можно будет поговорить при личном свидании. Что касается динозавров, то я с удовольствием проведу все нужные полевые исследования, однако сильно сомневаюсь в реальности этого. Расстояния громадные, и при отсутствии своего транспорта исследование затянется невероятно. Очень огорчён тем, что по московским делам, по-видимому, ничего не сделано. Это обстоятельство, при известном повороте судьбы, может принести непоправимые беды.

Про Свердловск всё расскажу и доложу, впрочем, Геккер знает многое лучше меня. Помните, как писал Уоллес Дарвину, подшучивая над ним, «о выживании наиболее приспособленных вон из научных институтов»[2]. Это явление распространяется сейчас.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 15

Алма-Ата
27 августа 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

при сём посылаю (я с Е. А.) список на необходимую нам оптику с учётом Сокольской, Мартыновой и шлифования (мощный поляризационный микроскоп). Во Фрунзе остаётся ещё 5XB Цейсса, 4 лупоочков, поляризационный микроскоп, вернутся ещё стереоскопич[еский] микроскоп и биологический ZZE, одним словом, вполне достаточно.

Выборка №№ произведена так, чтобы №№, закреплённые за отдельными сотрудниками (Геккер, Родендорф, Орлов и т. д.), остались за ними же.

---

[1] Слово неразборчиво. Возможно, «церемоний».

[2] Данная игра слов отсутствует в английском языке, поэтому упоминание переписки Уоллеса с Дарвиным остаётся непонятным.

Очень хорошо, что Вам удалось найти хранилище. Тогда из 61 ящика со своими коллекциями я посылаю во Фрунзе 32, себе оставляю 29. Хранилище мы достраивать не будем, всё ликвидируем, и нужно теперь вывозить скоро, а то уже начались дожди. Хранить придётся в лаборатории, в общем, конечно, будет тесно, но всё же можно будет работать, а это самое главное. Впрочем, не знаю, как ещё удастся сделать работу как следует без московских ящиков. К сожалению, ознакомившись со списком вывезенного и оставленного, я ужаснулся тому, что вывезены все до последнего обломка кости эласмотерия, а оставлены важнейшие вещи по моим фаунам и уже совершенно ничего нет для Орлова. Сходное положение с Геккером и т. д. Всё это настоятельно говорит за немедленную посылку Михайлова в М[оск]ву. Очень прошу Вас не оставить своим вниманием оформление Михайлова теперь же — чтобы сразу же, как он закончит организацию первой очереди во Фрунзе и перевозку, — мог бы ехать за тем, что так необходимо для окончательного налаживания научной работы.

На всякий случай повторяю №№ ящиков, уже тщательно проверенных и расположенных в порядке важности: 14, 29, 182, 30, 32, 33, 26, 28, 4, 144, 166.

От нас, «алмаатинцев», к Вам большая просьба — когда Михайлов приедет перевозить коллекции и людей, дайте ему распоряжение, чтобы заодно он тем же транспортом, какой он будет по Вашим бумагам доставать в А[лма]-Ата, осуществил некоторые очень важные для нас переброски: кирпич с завода, стройматериалы со склада, коллекции из хранилища и т. д. Это важно сделать одновременно, чтобы нам здесь пока не устраивать партизанщину с транспортом А. Н.[1], а сделать всё заодно и организованно. Без Вашего распоряжения он, м[ожет] б[ыть], заупрямится (Михайлов).

От Добролюбовой есть письмо, в котором она сообщает, что, несмотря на протесты, наш Музей, в общем для всех музеев Москвы порядке, по распоряжению Правительства будет законсервирован, т.е. топиться не будет. Поэтому Добролюбова спрашивает, что делать — спасать ли коллекции из Музея в ПИН, в подвал, или оставить так. Я стоял бы за оставление так, как есть, поскольку большая часть материалов вовсе не запакована, с отоплением подвала ПИН всё равно сомнительно, да и в смысле затопления — в Музее сохраннее. В крайнем случае, наиболее морозонеустойчивые объекты можно спустить в блиндаж под комнатой Орлова, который мы сделали. Там t° будет постоянной (если, конечно, засыпать сверху люк). В общем, всё это с успехом может сделать Михайлов по своём приезде в М[оск]ву, т.к. у Добролюбовой мобилизованы завхозы, и она осталась в безпомощности.

Очень прошу Вас сообщить мне, удалось ли сделать что-нибудь для защиты Обручева, и где лучше организовывать его защиту — в Фрунзе или Алма-Ата?[2] В соответствии с этим я буду действовать, получив Ваши указания.

Каковы перспективы Фрунзе? Не прибавилось ли чего-нибудь нового? М[ожет] б[ыть], позвоночникам удастся быть вместе, а то делиться литературой, материалами, оборудованием — всё это очень затруднительно.

С искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] Академия наук.

[2] Защита Д. В. Обручевым докторской диссертации состоялась 30 июня 1943 г. в Москве.

Список на оптику, необходимую для ПИН в Алма-Ата
(перевезти Михайлову)

№№ по порядку	Название прибора	Инвент. № ПИН	Фабричный №	№ ящика, в котором упаковано
1.	Поляризационный микроскоп Лейтц Syman	609	-	28
2.	« — « — « — « — «	прокат техснаба	329232	28
3.	Лупомикроскоп Цейсс XIIA	611	274773	31
4.	Поляризационный микроскоп Рейхерт	270		31
5.	Бинокулярная лупа XB Цейсс	243	271417	30
6.	« — « — « — « — «	617	271427	30
7.	« — « — « — « — «	618	271421	30
8.	« — « — « — « — «	200	203084	71
9.	Бинокулярная препаровальная лупа Лейтц	300		71
10.	Лупа полевая карманная Цейсс	965		30
11.	Штатив Лейтца	1080		31
12.	« — « — « — « — «	1078		71
13.	Фотоаппарат ФЭД	1470		70
14.	« — « Ика Тропика	241	82130	70
15.	Бинокулярная лупа-очки Цейсс	277		70
16.	« — « — « — « — «	299		70
17.	Фёдоровский столик ИТ5 с объект. ИМ2-ИМ3	759		70
18.	Ступка агатовая	1397		70
19.	Рисовальный аппарат Abbe	1015		70
20.	Рисовальная призма Цейсс	279		31
21.	Бормашина Ama	188		195

Уполномоченный ПИН по Алма-Ата: *Е. Иванова*
Консультант по научному оборудованию ПИН *И. Ефремов*
27 августа 1942 г.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Алма-Ата
5 сентября 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

хочу резюмировать Вам некоторые данные о положении алма-атинской группы ПИН, накопившиеся за последние дни.

Положение в общем — печальное. В результате переговоров с «Комаровым» — т.е. Шпаро, Черновым, выяснилось, что все они крайне удивлены таким переездом ПИН, когда во Фрунзе отправляется 4 человека, а в Алма-Ате остаются 11. Обо всём подробно Вам пишет Е. А. В общем, они настаивают, чтобы переезд был полным и, конечно, незамедлительным. За подписью Комарова к секретарю ЦК КП(б) Киргизии Вагову будет послана телеграмма о решительном содействии приисканию жилых помещений во Фрунзе для переброски туда полностью всего ПИН. Я уверен, что ничего из этого следовать не будет, кроме того, что во всяких достройках и стройматериалах нам здесь отказано. Т. о., никаких настоящих рабочих помещений здесь у нас не будет. Также будут крайне затруднены снабжение топливом, керосином и вообще всякие экстра случаи с

получением каких-либо материальных благ, т. к., разумеется, нас будут систематически выключать из разных списков и заявок, и восстановление в них — это дни, затраченные на беготню, разговоры и прочую чепуху, а не работу.

Итак, пока что неудачно сформулированный переезд Ин[ститу]та во Фрунзе является для алма-атинской группы настоящим бедствием. Мечты о настоящей, серьёзно организованной работе развеиваются, а болтаться без дела, затрачивая основное время на бытоустройство, так противно, что от одной мысли об этом тошнит. Легче расстаться с Академией.

Ну, это уже дальнейшие выводы, а пока нужно попробовать всё же поставить работу как следует. Как это можно сделать? По моему несовершенному разумению, здесь могут быть следующие варианты разной степени вероятности.

1. Весь Ин[ститу]т переезжает в Фрунзе незамедлительно, т. е до осенней распутицы и холода. Мало вероятно!

2. Часть Ин[ститу]та, по возможности, бóльшая (м[ожет] б[ыть], наиболее «портативные» сотрудники) переезжают во Фрунзе. Остающаяся в Алма-Ата группа остаётся здесь прочно, по приказу Президиума на серьёзную работу до весны, или позже — до времени, когда во Фрунзе будут вполне твёрдые перспективы на рабочие и жилые помещения. Здесь нужно обеспечить деньгами оплату рабочих помещений. Никаких осенних или зимних переездов с новой упаковкой едва развёрнутой работы не должно быть, как по соображениям работы, так и по гуманному отношению к работникам ПИН. Рассчитывать на преданность сотрудников своему делу только и за это подвергать их, существующих в плохих условиях, новым мытарствам — жестоко и ничем не оправдано. Поэтому, оставляя определённую часть в Алма-Ата, нужно через Президиум специальным приказом обеспечить у местных властей ясное сознание, что эта группа работает здесь и никуда не едет пока. Ваши письма, к сожалению, не действуют никак.

3. При учёте огромных затруднений из-за разобщения по разным республикам, немедленно подыскать для алма-атинской группы в районе Фрунзе — какую-нибудь дачу, курорт, станцию, заповедник, м[ожет] б[ыть], в горах или около гор, куда и перевезти всех (хотя бы в 30—50 км от Фрунзе), лишь бы удалось обеспечить людей там дровами и пайком, хотя бы без столовой. Тогда все коллекции, оптику и т. д. везти во Фрунзе, и литературу также, а переезд в город осуществить постепенно, человек за человеком, по мере нахождения квартир и помещений.

Этот вариант мне нравится больше всех и кажется наиболее реальным из всех и удобным для ликвидации разобщённости ПИН настолько, что я сам готов ехать во Фрунзе и осуществить его на деле.

4. Ликвидировать мечту о научной работе Ин[ститу]та, хорошей и нормальной, все материалы, коллекции, книги и т. д. перевезти сразу во Фрунзе, а необеспеченных помещением во Фрунзе сотрудников перебросить в район в какую-либо экспедицию, сдав в концессию на нефть, на уголь. Такая экспедиция есть и высококвалифицированных геологов в ней примут с охотой — можно будет иметь все возможности для продуктивной работы, и Ин[ститу]ту почёт.

Перечисленные 4 варианта, по-моему, охватывают всё реально возможное, что можно при теперешнем положении быстро сделать для определения, наконец, работы Ин[ститу]та и места в жизни его сотрудников.

Нужно учесть, что во Фрунзе скоро появятся ещё сотрудники — Эберзин и Сокольская (которая теперь не может ехать в Алма-Ата).

Насколько реален тот или иной вариант — это можете определить только Вы. Не откажите сообщить Ваше мнение, взвесив оные варианты, нам для «сведения и исполнения», причём чем скорее, тем лучше. Время идёт, а пока я не имею 1 кв. метра для своей работы и коллекций.

Коллекции, столь дорогие всем нам, стоят под навесом беззащитные к погоде и плохо охраняемые. Иными словами, положение то же, как и 20 дней тому назад, когда мы виделись с Вами — на 20 дней ближе к зиме, а толку никакого.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 17

Алма-Ата
9 сентября 1942 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

не прошло и нескольких дней, как приходится писать Вам новое письмо. Чем больше я знакомлюсь с местной обстановкой, после того как лопнули надежды на приличное здесь размещение (ибо, как писала уже Вам Е. А. и я, — власть имущие стараются нас выпихнуть как можно скорее во Фрунзе), тем больше я убеждаюсь в необходимости осуществления моего «3 варианта» т. е. скорейшего перевода всего ПИНа если не во Фрунзе, то в Киргизию — обязательно в ту же республику, где находится и головка ПИН.

Иначе серьёзной работы у нас так и не будет, а это будет очень серьёзный удар по Ин[ститу]ту. Вот я уже больше 20 дней приехал из Фрунзе и ещё не видел тот момент, когда я смогу взять перо в руки и начать делать своё дело. Такова реальность, ничего не поделаешь, — пайки, дрова, керосин, помещения, коллекции и т. п.

Было бы очень хорошо, если бы мы смогли разместиться где-нибудь около Фрунзе в помещении какого-нибудь заповедника, опытной станции или чего-нибудь вроде этого. Тогда туда можно перевести пайки, вместо хлеба — муку, и, без вечных беганий по столовым, распредам и проч., сидеть и работать зиму. Это помещение, однако, должно быть в лесной местности, чтобы ликвидировать дровяной вопрос, который при позднем переезде может всё погубить.

Если же такового нет близ Фрунзе, то, м. б., лучше перевезти нас в Каракол (т. е. Пржевальск). Конечно, трудно очень с транспортом, но я думаю, что СНК Киргизии легче осуществить единовременную нашу перевозку, чем немедленно предоставить приличествующее помещение во Фрунзе, и на основе этого соображения мы сможем такой перевозки добиться. Кочкарка не годится, т. к. там: а) нет топлива и б) погибнем с голода, ибо нет никакого снабжения — пустыня, а на регулярный транспорт — никакой надежды.

Я считаю этот перевоз теперь же настолько важным, что если будет на то Ваше согласие, готов немедленно выехать во Фрунзе и оттуда куда надо — хоть в Пржевальск для подыскания помещения с соответствующими бумагами Кирг[изского] СНК. Если это возможно — заказывайте командировку — хорошо бы не одному, т. к., возможно, придётся как можно быстрее посетить ряд мест.

В помощь можно взять Эглона или ещё кого — Лукьянову хор[ошо] бы, т. к. Эглон ехать не хочет никуда, поскольку пропадает с семьёй от безденежья, а здесь ему + выходит приработка в киностудии.

Вот в основном всё, что я хотел сообщить Вам по этому вопросу. Если Вы поддержите эту точку зрения, то можно будет все коллекции, книги и т. д. не медля везти во Фрунзе.

Теперь ещё два дела. Обручева признали годным к военной службе и призвали, но пока оставили «до особого распоряжения». Нужно как можно скорее двинуть дело с его броней, и, кроме того, принять экстра-меры, о чём Вам завтра сообщит по телефону Б. Б., а то Обручев для нас пропадёт.

Затем о Яньшинове (художнике). После высказанного Вами пожелания, чтобы художник был во Фрунзе, я написал ему с приглашением приехать на свой страх и риск, снять здесь комнату рублей за 150 в месяц и, конечно, при лучшем существовании, чем в М[оскв]е, он сможет прокормиться как заказами от ПИН, так и от ещё каких-нибудь издательств.

Письмо моё попало в точку, и он прислал мне ответ, в котором пишет о своём отчаянном положении и согласии немедленно ехать во Фрунзе. Этот ответ я прилагаю при сём. Я написал ему ещё раз, что никаких штатных мест у нас нет и пока ничем содействовать не можем, но вызов можно прислать, а дальше пусть устроится сам. Если Вы согласны с таким вариантом, то нужно ему послать оформленный вызов как можно скорее, чтобы он скорее приехал и поправился. М. б., Михайлов, когда будет в М[оскв]е, сможет ему посодействовать? Я думаю, что он приедет, продаст кое-что, снимет комнату и затем понемногу обживётся и будет работать.

Этого замечательного рисовальщика нам нужно для ПИНа обязательно сохранить. Было бы очень хорошо, если бы ему можно было бы выслать аванс ну хоть в 1000 руб[лей], это его бы сильно поощрило. А м. б., есть возможность зачислить его в какой-нибудь штат хоть временно? Тогда было бы много легче ему содействовать здесь.

Попробуйте сделать что возможно, Алексей Алексеевич, а главное, пошлите ему поскорее вызов.

Ну, кончаю своё длиннейшее письмо. Буду очень обязан Вам за ответ, ибо нахожусь в распутье не того, что нужно делать, а того, как лучше, а главное, скорее сделать.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

18 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Алма-Ата
16 сентября 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

прошу принять искреннее соболезнование по поводу постигшей Вас утраты. Мне очень неловко обращаться к Вам в эти дни, но, к сожалению, дело с Ин[ститу]том принимает такой оборот, что нужны какие-то не терпящие отлагательств мероприятия, и эти мероприятия могут исходить только от Вас и ни от кого более. О переговорах с Сатпаевым подробно писать не буду, сообщат Родендорф или Иванова в письмах и по телефону. Итог простой —

здешние власти, упирая на крайне неосторожно сформулированное постановление Президиума о переводе всего ПИН, обеспечивают нас транспортом и деньгами только при условии немедленного выезда всего Ин[ститу]та. Об оставлении здесь части Ин[ститу]та, с их точки зрения (Сатпаев, Чернов, Комаров) не может быть и речи. Послана телеграмма Вагову (секр[етарь] ЦК КПБ Киргизии), на обещание которого Комарову они более всего упирают. Следовательно, никаких помещений, достроек, топлива, керосина (да и продснабжения, наверное) мы не получим, и обречены на голодную холодную и тёмную зиму без всяких возможностей работать, если не уедем. Сделать тут мы ничего не можем — нужно специальное (и срочное, иначе — без топлива) указание Президиума. У меня создалось впечатление, что они нас рассматривают как некую группировку, которая вопреки воле Президиума пытается удержаться в Алма-Ата.

Меры, принятые с Вашей стороны для обеспечения алмаатинской группы, ничтожны по сравнению с тем, что требовалось бы. Б. Б. Родендорф подходит к вопросу очень легкомысленно, заявил, что все мы должны ехать кучей (37 человек) во Фрунзе, втиснуться в плодоовощную и в таких адских условиях ждать х-овое количество времени. Однако, когда дело дошло до выполнения этого проекта, Б.Б., договорившись о предоставлении транспорта, ценой переезда всего Ин[ститу]та (и, следовательно, заранее отрезав нам все возможности снабжения) хочет отправить в первую очередь только намеченную 1-ю очередь и часть коллекции. Остальные, т. е. бывшая алмаатинская группа плюс коллекции, которые долго упаковывать ещё — книги, челкарский материал и т. д., должны ехать неизвестно когда и сами, т. к. Б. Б., считая свои задания зам[естителя] дир[ектора] ПИН оконченными, и что, по-видимому, перевозить буду я, чего я, конечно, ни при каких условиях делать не буду — я есть только зав[едующий] отделом и больше ничто. Таким образом после отъезда Б. Б. Родендорфа мы остаёмся без печати, без карточек, без денег, без канцелярского обслуживания и без всяких полномочий. Хуже положения трудно придумать! Я понимаю смысл терпеть всякие невзгоды и лишения ради возможности продуктивно работать — если же последнее отнимут, то, спрашивается, чего же ради всем нам оставаться в этом положении? Что же сказать, если Сатпаев в ответ на наши возражения о том, что такой переезд на несколько месяцев лишит весь ПИН возможности работать, — пожимая плечами, говорит: «Ну что ж, зато в конце концов устроитесь и соединитесь!» А я, совершенно искренне, до глубины души, считаю такое положение нетерпимым и буду принимать, в конце концов, свои личные меры.

Таковы итоги всех наших усилий, направленных на восстановление разрушенного Ин[ститу]та, на организацию возможности палеонтологической работы. И в этом очень значительная доля вины — Ваша, Алексей Алексеевич. По Вашей вине самые преданные науке и Вам сотрудники снова обрекаются на неустройство, на невозможность работать, на холодную зиму без света и топлива — или же сумасшедший дом во Фрунзе с 42 человеками на 100 кв[адратных] метрах жилплощади. Эта вина — результат неосторожности с настойчивым и практически невозможным в настоящее время переездом, конечно, только в этом смысле. И очень обидно, что это исходит именно от Вас, которому мы все искренне готовы помочь в любом начинании. Ну, это лирика, а нужно о деле.

Мне представляется, что исправить создавшееся положение можно только следующими мероприятиями:

1. Послать через Президиум АН распоряжение о том, что часть ПИНа временно (месяц-два) задерживается в Алма-Ата и должна быть обеспечена всем необходимым (но не стройматериалами, конечно).

2. Несколько задержать общий переезд (м. б., и не необходимо для 1-ой очереди).

3. Откомандировать энергичных лиц в Пржевальск для подыскания помещения части Ин[ститу]та. Другая часть, не обременённая материалами, может быть легче устроена во Фрунзе — небольшая площадь рабочего помещения. Может быть, не обязательно в Пржевальск, но в любое другое место Киргизии, находящееся в доступной связи с Фрунзе, с обеспечением снабжением и топливом (при условии наличия помещений).

4. Везти во Фрунзе все коллекции, материалы, книги и наиболее громоздкий личный багаж остающихся. Или же для остающихся перевести один вагон на октябрь — начало ноября.

Все перечисленные мероприятия необходимо решить в кратчайший срок.

Нельзя не учесть того, что переезд сейчас ряда сотрудников лишает их возможности использовать огороды и наносит убыток в сотни рублей (оплаты паев), не говоря уже о том, что не будет самих овощей. Говоря о себе — я теряю 700 руб[лей], израсходованных на огород (поле + работы). То же и у других.

За комнату я сейчас плачу 150 руб[лей] + московская квартира 100 руб[лей] — всего 250 руб[лей] в месяц. В комнате нет печки, нет ни щепки топлива, а тонна саксаула с доставкой 2000 руб[лей]! Ещё беда в том, что мы с Е. Д. вызвали к себе сестру с полуживым от голода годовалым ребёнком (из Лен[инграа]да). Они приехали несколько дней назад, и теперь в связи с переездом во Фрунзе девать её некуда — придётся везти с собой, т. к. без нас она пропадёт. Таким образом, моя семья сейчас (не считая Е. Д. как полноправного сотрудника) — 3 иждивенца.

Совершенно очевидно, что создавшееся положение очень сильно и неблагоприятно отразится и на мне. Я мечтал как можно скорее развернуть и закончить свою работу, а до сих пор не заглянул ещё в рукопись. Обручев совершенно без сил и не может никуда ехать — он изголодался, да и ещё висит над ним мобилизация.

В итоге с позвоночными дело совсем получается дрянь.

А м. б., легче на этот год организовать экспедицию, скажем, для отдела низших позвоночных, где все мои сотрудники и будут мирно работать в месте не столь отдалённом?

И это будет выходом из мерзкого положения, в котором мы находимся сейчас совершенно незаслуженно.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 19

Алма-Ата
19 сентября 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Мы, группа Ваших сотрудников — так называемая «вторая очередь» переезда во Фрунзе, обращаемся к Вам с просьбой о принятии необходимых мер, без которых Ваш план переезда Института ставит всех нас в очень тягостное, недопустимое, тем более в общих трудных военных условиях, положение.

Оставляя здесь, по Вашему указанию, минимум миниморум материалов, мы неизбежно принуждены будем вести лишь подобие серьёзной научной работы, причём потребуется соответствующее изменение плана.

Заявление в официальных кругах об оставлении нас здесь, в Алма-Ата, на полтора-два месяца повлечёт для нас лишение возможности получения топлива, керосина и другого снабжения, так как нас не захотят включить в списки, тем более что товарищ Сатпаев уже отказал нам в снабжении топливом.

Опыт с ремонтом плодоовощной станции во Фрунзе убедительно доказывает, что срок нашего переезда может затянуться, и перед нами встаёт перспектива зимовки в крайне тягостных условиях работы и быта. Проживая, как Вам известно, в недостроенных помещениях и отказываясь, в связи со скорым отъездом, от их утепления и окончания начатого ремонта, — мы принуждены расторгнуть договора и немедленно освободить занимаемые помещения, то есть оставить ряд сотрудников, с их семьями, без крова…

В итоге положение остающихся почти невыносимое как в смысле пребывания здесь, с перспективой переживания второй неустроенной зимы, так и в смысле осуществления переезда при очень тяжёлом материальном положении сотрудников… Надеемся, что всё изложенное достаточно ясно обрисовывает Вам, глубокоуважаемый Алексей Алексеевич, положение, в которое попала так называемая «Алма-атинская группа» Ваших сотрудников. Из этого положения могут быть только два выхода — или принять самые героические меры к деловому обеспечению переезда всего ПИН`а теперь же, или же разделить переезд на две части — оставив вторую часть с полным объёмом научных материалов, инструментов здесь при серьёзном обеспечении условий работы и быта до момента полной подготовленности Фрунзе и, во всяком случае, до весны.

И. Ефремов
Е. Конжукова
Д. Обручев
Б. Родендорф
Н. Костецкая
М. Лукьянова
Е. Иванова
Е. Беляева
О. Мартынова
Я. Эглон

20 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Алма-Ата
19 сентября 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

пишу ещё одно письмо — теперь исключительно о научных делах.

Я в большом затруднении по поводу организации научной работы отдела в связи с этаким переездом во Фрунзе.

С одной стороны, совершенно ясно, что чем скорее коллекции, книги и рукописи будут перевезены во Фрунзе объединённо со всем Ин[ститу]том — тем лучше, в особенности при назревающих грозных событиях.

Да и самый вывоз значительных грузов при распутице и отсутствии транспорта — в ноябре–декабре сомнительны.

Однако моя работа по большой монографии такова, что я должен иметь при себе в момент описания большой материал. Писать на память (ещё при том, что я многое забыл после тифа) и затем снова дополнять по материалу — двойной и никчемный труд. Вместе с тем, подготовка Елены Дом[етьевны] к работе потребует большого количества литературы, которая есть, но которую оставить здесь, при затруднительности вывоза, рискованно. Кроме того, для полного окончания каргалинской работы нужны три ящика — №№ 14, 26, 29, которые в Москве, и вывоз которых задерживается вследствие задержки Михайлова.

Оставить здесь нужные мне 28 ящиков + книги + рукописи я не рискую за отсутствием помещения для работы, которого теперь ни в каком случае не будет (только место, вернее, толкучка, одна для всех на 241 кв. д. 12, поскольку от Тищенко придётся выселиться за неокончанием ремонта, а ничего другого нет), и не только для работы, но и для самого примитивного хранения.

Если изменить весь план работы отдела и заняться писанием научно-популярной книги, то опять-таки для неё нужна общая литература, которая подобрана у меня и хранится в ящике 182 в Москве.

Как видите, в смысле организации серьёзной работы я стою теперь перед очень большими затруднениями. Между тем, я считал и считаю, что в оставшиеся месяцы 42 года нужно сделать как можно больше — как и из-за общей обстановки, так и из-за постоянной опасности моей мобилизации. Нужно, чтобы вся громадная работа по пермским и накопленные данные не пропали, а как-то результировались, иначе в литературе останется гл. образом nomina nuda[1], и повторится снова история, скажем, Амалицкого.

Работать я могу много и давать много тематики для других, но, к сожалению, — только в сносных условиях (под которыми я подразумеваю отсутствие тесноты и толчеи). Без этих условий мне лучше за работу и не браться — будет только провождение времени и неврастения.

Изложенное объясняет, почему в предыдущих письмах я предлагал Вам организовать мой отдел хотя бы в весьма удалённом от Фрунзе месте, лишь бы иметь достаточное помещение и не бегать километрами в столовую и др. подобные учреждения, теряя целые рабочие дни.

---

[1] Мн. ч. от nomen nudum (лат.), дословно — «голое имя», термин, обозначающий научное название организма, для которого не сделано (или не опубликовано) описание.

Равным образом, очень тягостно положение Д. В. Обручева. Сейчас им подготовлена диссертация, которую надо перепечатывать и оформлять как можно скорее, чтобы спасти его от мобилизации и сколько-нибудь облегчить его материальное положение. Однако у нас нет бумаги и её нам не дадут, да и отсутствие машинки обусловит сильную задержку оформления его работы. Что касается до его дальнейшего плана работы, то при отсутствии литературы и коллекций его придётся переключать на какую-то другую, может быть, местную тематику.

Это всё, что я хотел Вам сообщить о получившихся перспективах работы моего отдела.

Я очень просил бы Вас найти какие-то в достаточной мере серьёзные решения этого вопроса. Как я писал Вам раньше, мне они представляются как следующие:

1. Поместить отдел в Киргизии, где только можно подыскать подходящие условия.

2. Оставить отдел со всеми коллекциями и материалами в Алма-Ата только при условии серьёзного обеспечения помещением и топливом.

3. Прекратить временно научную работу отдела (вернее — не начинать) до полной организации во Фрунзе, а до времени отправить на геологическую работу в экспедицию, скажем, от Каз[ахского] Геол[огического] Упр[авления], где таковые возможности есть.

Не откажите в любезности ответить мне хотя бы на это письмо, чтобы я знал, как ориентировать отдел и его работу на ближайшее время.

Исключительная несчастливость ПИН в смысле научной работы — прямо какая-то злая судьба, которая, если не рассечь этот заколдованный круг, приведёт, в конце концов, к исчерпанию меры терпения сотрудников и потере кадров, и без того угрожающе ничтожных количественно.

Давайте же попытаемся, глубокоуважаемый Алексей Алексеевич, как можно скорее выправить положение при общих, координируемых Вами усилиях, а не разрушать с одной стороны все усилия наши, направленные к скорейшей организации научной деятельности.

Преданный Вам
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

21

Алма-Ата
22 сентября 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

ещё одно письмо, на сей раз, думаю, последнее, поскольку мутная атмосфера последнего времени начинает проясняться.

Ваша телеграмма, конечно, пришла слишком поздно — я отгрузил уже все до последнего материалы и книги, оставив себе только рукописи и небольшое число оттисков. Кроме того, Ваша телеграмма всё равно не решает основного вопроса, поставленного в письме, поскольку я старался в оном объяснить, что малое число ящиков или ничего для меня одно и то же.

Подводя итоги, нужно сказать, что 1½ месячная беготня по учреждениям, подсчёты, узнавания, подготовка — всё выполненное в ориентацию на

Алма-Ата, по плану, договорённому с Вами, полетело прахом, всё разрушено. И всего ничтожное число строчек научной работы, да и впереди на ближайшее время также ничтожные перспективы.

В письме к Б. Б. Родендорфу Вы негодуете на «критиканов» и считаете действия дирекции правильными. О их правильности, в принципе, никто, я думаю, не посмеет спорить. А вот выполнение-то их вышло никуда не годно, и кто бы в этом ни был виноват, это есть и будет.

В чём причина?

1) Совершенно формальное отношение как «Комарова» (Чернов + Гальперин + Шпаро) к ПИН и ещё более (только бы выбросить, с плеч долой) Сатпаева. Абсолютное невнимание к Вашим просьбам и телеграммам.

2) Наше двойственное положение — если постановления Президиума о переезде ПИН ещё нет (чем мы могли бы парировать выбрасывание нас из Алма-Аты), то, конечно, никаких транспортных средств к переезду нам бы не дали, и переезд не состоялся бы. А поскольку проект постановления они знают со слов Брицке (полный 100% переезд), то с тем только и считаются. Как видите, в явный ущерб своему быту и работе мы всё же предпочли осуществить переезд по Вашему плану, чем провалить его. По-моему, одним этим красноречивее всяких слов доказывается наше общее отношение к делу и ПИН'у. Судите сами.

3) Военная обстановка многое изменила, и цена людским словам — нуль, к сожалению. Полагаться на [полубезумного][1] сейчас Комарова или далеко уехавшего и всё забывшего, по русскому обычаю (что обещал на словах), Байкова, конечно, нельзя, и в этом Ваша ошибка. Для здешних «хозяев» имела бы значение только бумажка, которой нет, и они прекрасно знают, что бумажка эта может быть (и, наверно, будет) сформулирована совсем не так, как этого Вам хочется и как якобы (с их точки зрения) было обещано. Вот откуда «выгоняние» нас из Алма-Аты и трудности нашего здесь положения, совершенно реальные, а не призрачные, как это Вам кажется.

Вам вот кажется, что если Брицке не дал 100 000 для полного переезда — так полный переезд отпал. Совсем не так. «Им» нет никакого дела до 100 000, а на слова Брицке, когда это для них выгодно, они всегда сошлются, и, на расстоянии, Вы совершенно ничего не сделаете с ними.

4) Неимоверные трудности фактического осуществления переезда. Родендорфу досталось так, что если он не заболеет серьёзно после этого переезда, то будет хорошо, удачно. Нельзя забывать, что сил у людей сейчас уже очень мало, денег совсем нет и даже небольшие (в нормальных условиях) затруднения уже тягостны, а про большие и говорить нечего.

Поэтому, если уж собирать последние силы, то для какого-то заключительного этапа, для организации, наконец, какого-то определённого бытия и работы, а не просто «существования» в собачьих условиях, какие предстоят нам здесь в Алма-Ата теперь, или же во Фрунзе, если ехать бы всем сразу. Пора кончать реорганизации в столь тяжких условиях, они слишком дорого достаются людям. Так ведь и насмерть заорганизовать можно.

---

[1] Письмо надорвано.

«Сытый голодного не разумеет», и Вы, находясь в исключительных условиях как академик, разумеется, не имеете никакого представления о трудностях существования для простых смертных в настоящее время.

Всё это я пишу Вам для того, чтобы объяснить то, что «критиканство» наше с Е. А. имело серьёзные основания, а совсем не являлось личным выпадом против Вас. Если в моих письмах и звучала обида, то это была обида за наш несчастный ПИН, которому вечно достаётся, а не личная. Что до личности, то я считаю, что если я, невзирая на все нелады (хронические), всё же остаюсь работать в ПИН, то, следовательно, это моё личное дело и претензии я могу относить лишь к себе и собственной «умности» или глупости.

Буду очень рад, если это письмо поможет Вам, Алексей Алексеевич, понять, что в существующей обстановке необходимо (если желаете по-настоящему сберечь, сохранить свои кадры) крайне осторожно, бережно выполнять такие сложные вопросы и дела, как переезд без транспорта, без денег, без действенной помощи местных организаций и без серьёзного, продуманного обеспечения остающихся здесь (а ныне фактически брошенных на произвол судьбы). Ранее применявшаяся Вами тактика «как-нибудь обойдётся» обходится слишком дорого для Ваших сотрудников и ныне должна быть решительно оставлена — нужна полная ответственность и точный расчёт.

Извините за длинное послание, но мне хочется, чтобы Вы как следует поняли меня и то, что в данном случае руководит мною.

Начинаю деловую часть письма.

Отправив все материалы, я руководился тем, что потом, может быть, будет невозможно вывозить сколько-нибудь громоздкие вещи; невозможно обеспечить материалы должными условиями хранения здесь при создавшемся положении; невозможно теперь здесь организовать сколько-нибудь сносные условия для развёртывания материалов и их препаровки. По всем этим соображениям оставлять здесь материалы, за которые я, при своём бессилии, не могу отвечать в полной мере, было бессмысленно. Что до плана, то, конечно, он не может быть теперь выполнен, как было намечено, и потребуются какие-то изменения. Однако эти изменения сейчас не могут быть определены, т. к. неизвестно, сколько времени займёт новая организация в Алма-Ата (или во Фрунзе) до получения возможности работать.

Моё единственное желание — это работать как можно скорее и как можно больше — очень много важного и интересного накопилось за годы работы в ПИН. Однако я не могу работать в кабацких условиях — это мой дефект, я знаю, но ничего не могу поделать. В плохих условиях я не наработаю на медный грош, и меня надо либо гнать, либо давать хорошие условия — может быть, лучшие, чем другим. Тогда коэффициент полезного действия моей мозговой машины будет высок. Иначе ничего не выйдет, и лучше уж и не стараться — буду много полезнее в другом месте.

Что мне требуется? (для отдела): одна комната (к сожалению, достаточно большая, т. к. нужно раскладывать материалы) и маленькая препараторская, или наоборот — большая препараторская и маленькая рабочая, это всё равно, только обязательно вместе, в последнем случае особенно.

Для жилья я могу обойтись, несмотря на увеличение семейства (я писал Вам о приезде сестры Е. Д. из Ленинграда с младенцем) одной комнатой, при условии, что сам буду спать в лаборатории. Ещё одну комнату нужно для

Д. В. Обручева, Лукьянова может жить в препараторской. Если бы сходное с этими требованиями помещение удалось бы найти во Фрунзе — весь мой отдел мог бы немедленно переехать, был бы с материалом, и инцидент бы исчерпался. Здесь сейчас особые условия — никакой площади не достать абсолютно, всякая прописка прекращена, частная площадь нещадно изымается. Т. о., нет никакой надежды организовать здесь что-нибудь после того, как дом Тищенко от нас ушёл. Ни о каких достройках не может быть и речи. Если устраивать здесь работу отдела как следует, то нужно выезжать куда-то в район (и всё равно без материалов), а это уже не имеет смысла делать здесь, а лучше сделать в Киргизии.

Перевозка оставшегося у меня может быть осуществлена очень легко — оказывается, в пределах одной дороги можно отправить пассажирскую скорость от учреждения. Это очень дорого, но зато и очень быстро. Т. о., если иметь в виду около 1000 руб[лей] на перевозку одной тонны всего оставленного имущества отдела и часть багажа всех сотрудников, то переезд может быть осуществлён весьма быстро и с гарантией доставки ценных рукописей, оптики и других важных материалов.

Если Обручев получит броню, то он пока с удовольствием останется в Алма-Ата, тем более, что вообще собирается переходить на трилобитов — в этом случае отдел мой потребует ещё на одну комнату меньше, т. е. одну жилую и две рабочих. По всем этим соображениям я считаю, что мне нужно теперь же ехать во Фрунзе и подыскивать там ударными темпами помещение, может быть, и не во Фрунзе, но в Киргизии, чем терять здесь время, тоже без работы, на убогую здешнюю организацию (и без материалов вдобавок). Поэтому прошу Вас обеспечить мне командировку во Фрунзе, скажем, на 1 месяц, т. к. без Вашего содействия командировки не получить, а также распорядиться:

a) бухгалтеру о высылке мне почтой аванса в 950 руб[лей].

b) Михайлову о забронировании койки в «Киргизии».

О Вашем решении не откажите отписать мне.

Теперь о других делах. Я не знаю, что Вы предприняли с Яньшиновым, но если бы он приехал во Фрунзе, его можно было бы взять на имеющееся у нас вакантное место препаратора. Т. о., к Вашим услугам был бы всегда первоклассный художник, а Яньшинов сейчас готов на любое амплуа. Было бы обидно его упустить.

Далее, Добролюбова писала Ивановой из Москвы, что в связи с топливным кризисом в Москве тащат всё, что можно, и она особенно боится за судьбу ящиков в Музее. В связи с этим особенно опасно положение Вашей библиотеки, которую нужно обязательно вывезти, равно, конечно, как и другие материалы. Нужно не задерживать командировки Михайлова при всех обстоятельствах, а то при наступлении холодов многое может пострадать.

Итак, ещё раз подчёркиваю, что никаких задних мыслей и недоброжелательства в моих письмах не имеется, а имеется лишь горячее искреннее желание как можно скорее наладить работу во славу ПИН и нашего общего дела. Жду Вашего ответа.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

22

Алма-Ата
21 октября 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

в ответ на Вашу телеграмму о бумаге могу лишь сообщить, что вся бумага, хранящаяся в музее, принадлежала ЭОН, и если Гаврилов как начальник ЭОН её забрал, то ПИН не может, конечно, ничего сделать. Очень жаль, что пособирались с поездкой в М[оск]ву, на которой я давно настаивал.

Странно, что Добролюбова не сообщала об этом раньше, моё письмо она получила более 2-х месяцев тому назад.

Другой бумаги в музее нет (ничего не знаю, всю ли взял Гаврилов, взял ли только писчую или писчую и роторную вместе; м. б., осталась обёрточная). Там и кроме бумаги много хороших необходимых вещей — гвозди (в большом количестве), веревка, посуда, ботинки, костюмы — всё принадлежащее ЭОН (на средства ПИН), и что из этого взял Гаврилов, или ничего не брал — не знаю.

Нужно ехать туда и собрать и проверить всё — об этом давно уже договорено с Вами, однако ничего не сделано.

Что касается моего «согласия», то при чём тут оно — не знаю, т. к. в ЭОН я не начальник и снаряжением не ведаю, и не ведаю, получали его мы все коллективно вместе с Р. Ф. и Флёровым, а дальнейшая судьба должна была зависеть от дирекции ПИН и руководства ЭОН.

По этим соображениям Добролюбовой ничего телеграфировать не буду — неизвестно о чём — прежде нужно знать — что и где осталось.

Кроме того, денег на телеграммы нет, ни личных, ни казённых — зарплата возмутительно задержана, деньги на расходы ПИН по возмещению переезда ещё не получены, а на прочие расходы и совсем нет.

По возвращении Эглона из Фрунзе узнал некоторые подробности устройства ПИН во Фрунзе (к сожалению, не из Ваших писем — ответы на свои, вполне искренние и мотивированные лишь любовью к науке, так и не дождался). Эти подробности меня чрезвычайно огорчили — действительно, если всё сообщённое верно, то провал организации работы Ин[ститу]та слишком явный. Ибо если:

1. Перегородки в единственном жилом помещении Ин[ститу]та так и не сделаны.

2. Рабочего помещения никакого нет.

3. Коллекции пока лежат под открытым небом — нет транспорта.

4. Московская командировка так и не выполнена из-за перегородок, а последние не сделаны.

То что говорить про всё остальное. Значит, дирекция не справилась с устройством даже первой части ПИНа за 3 месяца подготовки, и сколько-нибудь серьёзная работа Ин[ститу]а сорвана. Последствия для ПИНа я из этого вижу самые тягостные, но это меня уже не тревожит, т. к., перетерпев вторично (первый раз 1936) всю эту ничем не оправданную (ПИНа во Фрунзе не получилось) чехарду с переездом, ломкой коллекций, материальным бедствием сотрудников и т. д. и т. п., — я считаю себя свободным от заботы об Ин[ститу]те в целом.

Меня очень беспокоит лишь судьба пермских уник[1], а также моих рукописей и книг, ибо лежать им под открытым небом достаточно, и так уже, наверное, повреждения велики. По этому поводу напишу письмо Комарову в Президиум в Свердловск — хотя и не рассчитываю на особую помощь — но свой долг я выполнить обязан.

В остальном меня ничто более не интересует — кроме работы своей и своего отдела. Я, имея незаконченной большую и важную работу, являясь единственным в системе Академии (и всего 2 в Союзе сейчас) специалистом по древнейшим тетраподам, получая от правительства броню и специальные указания по устройству быта учёных, — должен серьёзно и продуктивно работать.

Поскольку я нахожусь в системе Вашего Института, я обращаюсь к Вам со всеми этими требованиями и прошу обеспечить меня рабочим местом и условиями работы. И я жду серьёзного исчерпывающего ответа на этот прямой и чисто деловой запрос.

Научная работа есть моя прямая и единственная обязанность ПИН — только это меня теперь и интересует. Я не могу больше тратить силы (и без того сильно убывшие) на нецелесообразную и непонятную мне «организацию».

Итак: все мои коллекции и книги и рукописи во Фрунзе. Я их отправил туда по следующим соображениям:

1. Негде хранить в Алма-Ата при получившемся положении;
2. Негде работать в Алма-Ата;
3. Надеюсь вскоре организовать работу во Фрунзе или в Киргизии по плану, который я предлагал Вам;
4. Учтя необыкновенные трудности перевозки в настоящее время.

Сейчас уже 20 октября — через 4 дня — три месяца как я приехал в Алма-Ата. За этот большой срок — никакой сколько-нибудь стоящей работы мною не сделано. Всё ушло на разговоры, организацию, разрушение организованного и т. п. чепуху. Сейчас — то же самое — «строительство» печки у себя в квартире и разное, о чём даже писать не хочется.

А результат совершенно постыдный, дальше же будет ещё хуже — месяц-полтора, пока не удастся снова наладить разрушенное лихим «переездом»! Тогда же окажется, что работать-то не над чем, т. к. все материалы во Фрунзе. Оставлять рукописи было бесполезно т. к. мне для завершения работы необходимы и костные материалы, и московские материалы к ним.

Судите сами, сами расцените результаты.

Но вот ещё вопрос весьма серьёзный — кто же отвечает за задержку зарплаты. Мы лишены возможности уплатить за московские квартиры, и можем остаться без площади в М[оск]ве. Это не говоря уже о том, что все мы тащим на базар последние вещи. Поэтому здешняя группа сотрудников обращается сейчас к помощи прокурора, чтобы как-то заставить бухгалтера серьёзно относиться к своим обязанностям. Взять, например, его высылку денег нам на банк — это же вредительская операция! Что, он не знает правил, по которым дают в банке деньги?

---

[1] «Уникальных материалов».

До сих пор (с ноября 1941 года) Ин[ститу]т не уплатил мне и целому ряду сотрудников компенсацию за отпуск 1941 г. Мне следует с 1-го ноября 1941 г. за два месяца — около 2000 руб. — сумма очень солидная. Однако безобразная задержка с выплатой уже сейчас сильно обесценила эти деньги. Пример — месяц тому назад кило масла здесь было 300 руб., а сейчас 600, ещё через месяц 800 и т. д. Очень прошу Вас принять серьёзные меры к выплате компенсации за отпуск, т. к. в 1943 году мы уже ничего не получим, и для того, чтобы не упустить возможность получения — все будут вынуждены подавать в суд, т. к. нам сама же бухгалтерия не оплатит за давностью.

Жду и прошу делового письма о мероприятиях по организации моей работы.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

23

Алма-Ата
28 ноября 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

в пояснение своей телеграммы имею сообщить, что, конечно, работа в декабре (а пока всё организуется, придётся захватить и январь) в Бооме, без зимнего снаряжения тем более, полностью нецелесообразна.

Если у нас остаются средства, то, может быть, их можно сохранить для палеонтологии, использовав на раскопку пермского скелета, найденного К. Р. Чепиковым в 1941 г. у Пилюгина в 40 в[ерстах] от Бузулука.

В этом случае, м. б., можно перевести эти деньги Чепикову для извлечения скелета весной, а пока от него взять счёт как за приобретённые коллекции? Или оформить командировку и послать туда Лукьянову с Эглоном для попытки извлечения скелета зимой? Правда, тёплая одежда есть только у Эглона, а она совершенно необходима.

Может быть, эти деньги можно перебросить под отчёт кому-нибудь из нас с тем, чтобы они перешли на отчётность следующего года? Это виднее бухгалтеру, по-видимому, он формалист и отнюдь не желает затруднять себя для научной работы, судя по его непременным требованиям отчётности к 20-му. Ушаков обычно в целях сохранения денег как-то маневрировал.

Не откажите сообщить мне Ваше решение. Денег потребуется при переводе Чепикову две тысячи, при командировке — тысячи три, три с половиной.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

24 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Алма-Ата
5 декабря 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

Обручев мобилизован на два дня раньше, чем пришла броня, и теперь его отказываются отпускать. Есть ещё слабая надежда на Облвоенкомат — если откажут, то всё кончено.

Медленность провёртывания этой бумажки лишила нас сотрудника. Если Вы считаете присутствие Обручева в ПИН нужным, то для его освобождения теперь необходимо действовать через Президиум Академии, и действовать срочно — так, как освобождали Бурчака, — Геккер должен знать эту механику.

Всё равно до конца его брони осталось каких-нибудь три недели — после чего сразу же нужно новую, иначе и не отпустят — на три недели нет смысла.

Т. о., нужно ходатайствовать через Отделение в Президиуме о немедленном исхлопотании освобождения и отсрочки (сразу же) для Обручева.

Результат наших хлопот в Облвоенкомате сообщим телеграммой.

С искренним уважением,
И. Ефремов

P. S. В. Д. Голубятников сообщил мне о смерти А. П. Герасимова. Как убывает лучшая геологическая старая гвардия!

25 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Алма-Ата
22 декабря 1942 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

к сожалению, ряд новых дел заставляет меня снова затруднять Вас своим писанием. Прежде всего у меня есть ряд вопросов, с которыми приходится обращаться к Вам, потому что писать Б. Б. Родендорфу бесполезно. За последние два месяца я получил из Фрунзе лишь одно обстоятельное письмо — от Ю. А. Орлова, которому очень благодарен. Начну по пунктам.

1. Кончается год, а я до сих пор не имею ответа от Б. Б. Родендорфа, в каком виде утверждён и утверждён ли посланный мною временный план, которым пришлось заменить мою основную работу по пермским Tetrapoda из-за отправки материалов во Фрунзе. Что же с этим планом?

2. Я получил подписанное Вами и главбухом отношение о какой-то мифической задолженности. Ответ официальный прилагаю, а неофициально не могу не удивиться. Неужели, подписывая эту бумажку, Вы могли поверить главбуху, что я, 12 лет руководивший экспедициями, могу в течение года оставить непогашенными четыре тысячи рублей? Плохой бухгалтер запутался (или намеренно, м[ожет] б[ыть], запутал) в документах, а Вы его поддержали и этим дали ему возможность не платить мне отпускных и перерасхода, которые и без того обесценились очень сильно при росте цен. Нельзя ли его глупость или злонамеренность как-нибудь обуздать? во имя сохранения нервов Ваших же сотрудников?

3. Обручева путём очень больших усилий (лично Е. А. Ивановой) удалось освободить, но теперь не удаётся забронировать. Военкомат требует извещение, а имеющейся у нас копии Свердловской секретной части недостаточно. На днях Обручева опять заберут, и на этот раз безвозвратно. Где извещение? Мы с Е. А. решили, что самое рациональное будет срочно, теперь же командировать его во Фрунзе к Вам дней на 30. Так он уцелеет от немедленного забора, да и сам лично разберётся во всех делах, в помощь Вам. Если это удастся, то он же и привезёт это письмо. Если не удастся — пошлю почтой. Будете ли Вы возражать против этой командировки? Если нет, то не откажите прислать на имя Обручева официальный вызов вместо словесного обещания, данного Е. А. Ивановой Штеренгофу.

4. Вместе с Новым Годом всплывают и новые вопросы о полевых делах 1943 года. Провал летних работ 1942 г. и малорезультатная поездка Орлова с Геккером заставляет настороженно отнестись к подготовке поля 1943 г. Во всяком случае, это нужно делать рано. Не знаю, что лучше для ПИН — в смысле местного «капитала» — убогий туризм типа поездки Орлова и Геккера или хорошая чисто геологическая работа, направленная на разрешение совершенно конкретных вещей? Я здесь имею ряд интересных предложений, даже из Свердловска и Москвы (Амирасланов и т. п.), но, конечно, без согласования и совета с Вами ничего предпринимать не буду. Однако дело не ждёт, и в феврале что-то уже нужно решить. М[ожет] б[ыть], полезнее жалкого существования на неопределённых ролях будет откомандирование на год, скажем, в соответствующую организацию? А м[ожет] б[ыть], и вредно, если в конце концов удастся собрать ПИН в рабочей обстановке. Однако на последнее пока данных мало, судя по реальному письму Ю. А. Орлова. Далее, неясны московские дела с тамошней литературой и коллекциями. Я не думаю, что осенью 1943 г. переезд в Москву быстро осуществится — будет, что бы ни случилось, большая задержка, которую нужно использовать на настоящую работу.

Я думаю, что было бы хорошо мне свидеться с Вами и обязательно обсудить всё, соответственно чему и строить дальнейшую работу. Если Вы согласны с этим — прошу Вас прислать мне вызов и деньги на командировку — остановиться во Фрунзе особого труда не составляет. М[ожет] б[ыть], лучше это сделать в январе — к тому времени и у Вас что-то лучше определится, но далее января откладывать не имеет смысла, т. к. в марте нужно или готовиться к полю, или, наоборот, концентрироваться на серьёзной камеральной работе.

5. Здесь пока дружными усилиями всего коллектива созданы б[олее] или м[енее] нормальные условия для работы и существования. Помещения отапливаются, керосин есть (необычайная доблесть Елены Дом[етьевны]) и те, у кого есть материалы, могут очень прилично работать. М[ожет] б[ыть], есть смысл мне привезти кое-что из Фрунзе обратно?

Как видите, целый ряд вопросов, которые лучше обсудить лично со всех сторон. Я сильно боюсь в последнее время за ПИН — всё-таки 17-летняя моя в нём работа не даёт мне возможности относиться спокойно к критическому положению института. В очень многом я с Вами не согласен, но поскольку Вы не считаетесь с моими доводами — не буду о них и вспоминать, бесполезно.

Однако мне хочется искренне и по-хорошему Вам посоветовать — зачем Вы окружаете себя разными негодными сотрудниками, которые только увеличивают тяжесть организационного провала, лежащую на Ваших плечах?

Михайлов, видимо, или распустился совершенно, или не может ничего сделать (здесь Лукьянова в безнадёжных условиях сделала много больше) — зачем же позволять ему дальше позорить ПИН — гнать немедленно — самое лучшее, что можно сделать.

Равным образом бух[галтер] Лавров — проявил себя как заботящийся только о себе человек, совсем не желающий ничего сделать для облегчения научной работы, вредящий сотрудникам — Вашим же кадрам. Зачем же держаться за него? Народу эвакуированного во Фрунзе сколько угодно, можно подобрать работника.

Вообще, меня всегда удивляло это Ваше свойство — верить всякому новому человеку, хотя и явной дряни, появившемуся на Вашем горизонте, а испытанным, преданным Вам кадрам платить опасениями в какой-то отмежёванности, фракционности и т. д. Вот и получается нетерпимое положение, что дрянь, канцелярская, не стоящая медного гроша душонка издевается над людьми, в тысячу раз больше его стоящими и по голове, и по заслугам. А на это Ваше милостивое соизволение только потому, что человек новый и для Вас поэтому ценный. Это не упрёк, Алексей Алексеевич, а грустная констатация ряда повторяющихся случаев и с зарплатой для всего коллектива ПИН, и с телеграммами относительно счетов, и т. д. и т. п.

Гоните всех подобных людей от себя, дорогой Алексей Алексеевич, зачем они Вам? И без того положение института трудно и опасно для будущего.

В ожидании ответа остаюсь Ваш
И. Ефремов

26 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

Алма-Ата
24 декабря 1942 г.

Алексей Алексеевич,

уже написав Вам длинное письмо и передав его Обручеву, который едет к Вам, я получил Ваше письмо от 16.12. Отсюда это второе письмо, не заменяющее и не отменяющее первое.

Что касается до Боома — Вы, конечно, правы — ехать в Боом можно и зимой, именно в смысле Геккеровских поездок. Однако, quod licet Jovi non licet bovi[1], и мне как тяжеловесному палеонтологическому быку (я рассматриваю себя именно как научного тяжеловоза — битюга) порхать по отношениям, знакомясь с ними, не приличествует. Это знакомство уже состоялось в 1929 году[2], и я совершенно точно представляю, что нужно делать для получения сколько-нибудь серьёзных результатов. Нужны расчистка, закопушки, две-три раскопочных площадки, нужно хорошо посидеть в Кок-Муйнаке. Что есть Кок-Муйнак и соседний с ним Джель-Арык (река ветров), я тоже хорошо знаю. Из этого знания и привычки хорошо рассчитывать ожидаемый результат (в таёжных путешествиях) и происходит моя правота, что работать в Бооме нельзя. Т[аким] о[бразом], я, соглашаясь с Вами о возможности ехать в Боом, остаюсь на прежней точке зре-

[1] «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку» (лат.).
[2] И. А. Ефремов имеет в виду свою Среднеазиатскую экспедицию 1929 года.

ния, что работать там в это время нельзя. Относительно зимнего снаряжения — также дело вкуса, но я предпочитаю не рисковать своим здоровьем по пустякам, хотя я сотни раз серьёзно рисковал им для более серьёзных дел.

Такова моя точка зрения, и я пытаюсь изложить Вам её подробно, чтобы Вы увидели, что мой отказ ехать происходит из серьёзных оснований, из метода работы, а не впусте.

Невозможность работать во Фрунзе меня тоже очень огорчает — я сейчас оторван от всех своих рукописей, книг и коллекций и вынужден заниматься временно другим, в то время как единственный смысл моего пребывания в ПИН — пермские тетраподы. Очень тревожит и разъединение, всё время приносящее свои неприятные плоды и в перспективе очень сильно угрожающее Институту. Я не подвержен панике, это доказано некоторыми московскими и прочими фактами, но в последнее время я начал сильно тревожиться за судьбу Института. Об этих опасениях лучше говорить, чем писать, да и что дальше — после нового года виднее будет.

И вот чем ещё Вы меня напугали — пересмотром коллекции и организацией выставки. Имея в своём распоряжении только одного (сейчас крайне постаревшего, медлительного и забывчивого) Бишофа, выполнять пересмотр коллекций, где наверняка очень много повреждено, разбито и сделалось хрупким от двухмесячного лежания на станции — это смертельная угроза для коллекций. Михайлова при его безответственности и неумелости нельзя подпускать к коллекциям на пушечный выстрел. Я советую очень большую осторожность в этом деле соблюдать со всей строгостью, и только постепенно — ящик за ящиком. Пока не восстановлен и снова не убран очередной ящик — запретить даже прикасаться к следующему.

Моя работа в меру низкого коэффициента полезного действия из-за условий месторасположения и быта — движется, но конечно изучение всяких стратиграфических, главным образом, ерундовских писаний, имеющихся здесь, отнюдь не удовлетворяет и не воодушевляет. Утешаюсь только тем, что в других случаях — наблюдаемых лично — бывает и хуже, а имея рабочее помещение и приличную жилую комнату, можно сверх формальной работы о многом думать и лучше вооружать себя для той большой работы по пермским, которая собственно и должна бы вестись. Удручают постоянные перебои с деньгами из Ин[ститу]та. Вот сейчас опять длительное отсутствие денег, и снова скитания по барахолкам, чтобы не оставить без нормального питания сына. Смена бухгалтера в ПИН, по-моему, одна из необходимейших мер, иначе с этим не то растяпой, не то бездельником весной будет очень трудно с экспедициями. Относительно экспедиций мои трезвые соображения (наверное, идущие вразрез с Геккером и прочими) пока печальны, и вот это важно обсудить вместе с Вами до всяких полевых сборов. Не забывайте, что я, кроме Вас, конечно, единственный инженер в ПИНе — отсюда и несколько оригинальная точка зрения на экспедиционную работу — с туризмом я после лет 25—27 решительно покончил.

Работу Елены Дометьевны я пока устроил в том тоне, который был Вами одобрен — сначала твёрдое литературное изучение последней сравнительно-анатомической (и частью зоологической) литературы по амфибиям и рептилиям, а также новейшей систематике и строению рептилий. Думаю, что на это много времени не понадобится — при её квалификации, и через месяца 2 перейдёт на

морфологию той группы, по которой непосредственно и будет работать — если это будут динозавры, то и кое-что из геологии Семиречья, но с литературой по динозаврам дело очень плохо — она вся в Москве.

Однако я думаю, что до того времени как Ел[ена] Дом[етьевна] определит окончательно свою тему, т. е. до февраля, удастся мне побывать во Фрунзе и иметь уже вполне ясный план отчёта.

Не откажите принять лучшие пожелания к новому — 1943 году, из которых главнейшие — здоровья и объединения ПИН в сносных рабочих условиях.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

1943

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 1

10 февраля 1943 г.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

меня очень беспокоит вопрос отопления Музея. Михайлов должен на днях получить дрова, но реально это будет не более 10 кубометров и, следовательно, хватит дней на 10—12, без всякой гарантии своевременного получения следующей порции. Если не принять каких-то решительных мер, то не стоит и затапливать, так как мы причиним огромный вред коллекциям, мебели и помещению периодическими обогреваниями и вновь замораживанием здания. Уж лучше не топить совсем, а перед самым концом сезона как следует протопить и просушить помещения. Однако, вся работа по Музею будет сорвана. Я думаю, что необходимо добиться через Президиум АН (а не через жуликов жилотдела) отпуска специально Музею кубометров 40—50 дров или соответственного количества угля. Может быть, действовать через ЦК или Моссовет. Многие материалы уже раскупорены и, пока они не приведены в порядок, мороз для них опасен. Ю. А. О. болен, т. о., я по своей инициативе взялся за наблюдение за Музеем.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 2

19 мая 1943 г.

Директору ПИН
академику А. А. Борисяку
Зав[едующего] отделом Ефремова Ив[ана] Антон[овича]

Заявление

Получив сегодня Ваши устные распоряжения через Е. Д. Конжукову, считаю совершенно необходимым сообщить следующее:

1. Все указания относительно ящиков и материалов своевременно (9/V) даны Е. И. Беляевой и М. Н. Михайлову.

2. Не могу не отметить с искренним возмущением Ваше предложение о ликвидации поисков жилого помещения хотя бы силами сотрудников. В связи с этим считаю:

а) Самоустранение Дирекции в течении месяца от всякой помощи в квартирных делах противоречит полностью необходимой в настоящее время заботе о высших научных кадрах Академии Наук СССР;

b) Необъяснимым считаю поспешный вызов из Алма-Ата, без подготовки базы для обеспечения нормального устройства сотрудников, тех сотрудников, которые переезжают уже в третий раз во время войны и достаточно измотаны неорганизованными переездами;

c) В течение месяца Вы как директор и как уполномоченный Президиума, обязанный заботиться о кадрах АН, не смогли ни разу хотя бы позвонить в вышестоящие организации, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить получение жилплощади;

d) Переезд из Алма-Ата необходимо рассматривать как сбор сотрудников ПИН для нормальной работы, а не как поспешную эвакуацию 41 года. Поэтому никто не дал дирекции права подвергать своих руководящих сотрудников тяжёлым условиям существования в и без того тяжёлых условиях войны;

e) Равным образом, вопросы о снабжении докторским пайком, топливом, выплате подъёмных до сих пор дирекцией не разрешены;

f) Напоминаю, что за всеми этими вопросами стоят живые люди — лучшие кадры Академии Наук, в достаточной мере измотанные беспомощным и неустроенным положением Института с августа месяца 1941 г.

За этих людей Вы, глубокоуважаемый Алексей Алексеевич, несёте ответственность в полной мере и как директор ПИН, и как уполномоченный Президиума АН в Киргизии.

3. На основании вышеизложенного:

a) Настаиваю на серьёзном отношении к устройству сотрудников ПИН, в частности, на предоставлении мне комнаты в кратчайший срок;

b) Пресечении распущенных кем-то в Гомоотделении про меня ложных слухов якобы о массе предоставленных мне комнат, от которых я отказался. Первые же комнаты, действительно мне предоставленные, меня удовлетворили, но были упущены ПИН'ом. Других комнат институт мне не предоставлял ни одной;

c) Категорически отказываюсь от временного помещения меня и моей семьи на два месяца в комнате Сокольской А. Н. (совместно с Обручевым?) Считаю такое предложение граничащим с издевательством;

d) Если Дирекция не сможет обеспечить мне в самый короткий срок удовлетворительной комнаты, считаю необходимым продолжить поиски помещения силами отдела, почему настаиваю на свободном расписании для Е. Д. Конжуковой и М. Ф. Лукьяновой. Дирекция обязана предоставить соответствующие льготы ввиду полного отсутствия подготовленных квартир;

e) В настоящее время моё заболевание, с пока ещё не установленным диагнозом, мешает мне встретиться с Вами лично и переговорить о намеченных мною путях и обращении за помощью к В. Л. Комарову в Президиум в Москве и к тов. Вагову — здесь. Во всяком случае ясно, что долее терпеть неустроенность ПИН за счёт личных страданий сотрудников не приходится.

Зав[едующий] отделом ПИН
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 3

Фрунзе
8 августа 1943 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович,

позвольте принести мои искренние поздравления по поводу Вашего вступления в сонм полубессмертных.

Теперь в дальнейшем можно быть спокойным за Вас в силу постановления ГОКО от 23/V-43 — «до конца войны».

И это тем более приятно, что тут уже начали поступать повестки на Ваше имя — видимо, долготерпению и этого военкомата пришёл конец.

Итак, желаю плодотворной дальнейшей работы над «Веком Рыб».

Sincerely yours *И. Ефремов*

P. S. Постарайтесь (без особых внешних обстоятельств) не приезжать сюда совсем — это самое лучшее, что Вы можете сделать. Тут такой кабак и безобразие, что нет слов для цензурного, а тем более поздравительного письма.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 4

13 августа 1943 г.

Директору ПИН
акад. А. А. Борисяку
[от] уполномоченного по
реэвакуации ПИН
И. А. Ефремова

Рапорт

Настоящим довожу до Вашего сведения, что нахожу возможным снять тов[арища] Михайлова М. Н. с работы по реэвакуации для осуществления его поездки в Москву.

И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 5

5 ноября 1943 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

разрешите обратиться к Вам с некоторыми тревогами, а также с жалобой. Тревожит меня музей, т. к. с ним пока всё остаётся по-прежнему, т. е. — никак. Я, конечно, не пытаюсь как-то опротестовать Ваши решения — как Вы решите, так и, должно быть, будет лучше. Но мне для себя самого хотелось бы понять — стоит ли вкладывать в Музей некую сумму своей энергии, или лучше затратить её на чисто научную работу, если это учреждение по-прежнему останется недвижимым хранилищем. В самом деле, если Директор находит нужным прежде всего привлечь Иванова или ещё какого другого иногороднего специалиста, зная, что в условиях военного времени это не будет

реально полезно Институту, и отодвигает возможность приобретения крупного специалиста для Музея с риском его упустить — следовательно, взгляд на Музей продолжает оставаться у Дирекции тем же, как и раньше. Равным образом ничего не сделано по поводу Яньшинова, хотя штатные возможности существуют. Я понимаю, что Вы хотите получить для Музея штаты особо к 1/1-44, но ведь, согласитесь, Алексей Алексеевич, если дело с Музеем действительно срочное, то сейчас можно принять работников Музея на штаты Института, а затем в Институт принимать на Музейские штаты, если таковые будут. А не будут — всё равно, первая необходимость будет удовлетворена. Но вот если эта необходимость не первая, тогда, конечно, разговор другой, и Орлов совершенно напрасно задаётся грандиозными проэктами — они нереальны хотя бы уже потому, что делать их будет некому — не Орлову же, который уже давно может работать едва на 20% своей «мощности».

Вот это то, что я хотел спросить у Вас по поводу Музея.

Теперь у меня к Вам есть ещё просьбы:

1. Как будет с Лукьяновой? Во Фрунзе она получала 100 руб. прибавки по счетам, а здесь пока ничего. Будет ли ей узаконена прибавка и нельзя ли ей дать НР'овскую[1] карточку в столовую? Иначе боюсь, что она в конце концов уйдёт от нас, и мы останемся без единого препаратора.

2. Меня ущемили с поликлиникой КСУ (Наркомздрава). Докторов принимают там на диспансеризацию, а меня и Родендорфа сейчас отказываются принимать — нет больше мест! И это после того, как напринимали туда кандидатов и младших научных сотрудников. Это крайне печально, т. к. с желтухой лечение предстоит длительное. Нельзя ли нажать на директора поликлиники через Академию, чтобы в порядке исключения немедленно приняли ещё двух. Ведь они обязаны это сделать. Институт со своей стороны сделал что мог, но это упущение Биоотделения, как всегда в этих вопросах. Я очень просил бы Вас, Алексей Алексеевич, распорядиться об этом через Академию.

3. Слыхал я, что Давиташвили выпустил новую книгу и уже поднёс её Вам. Если Вы уже её посмотрели, может быть, дадите мне на пару дней? Нет ли посмотреть также нового Geographic'a[2]?

Вот это пока всё. Не примите мои вопросы по поводу Музея за желание вновь контроверзить Вам. Вы знаете, что я — работник не Музейского характера, и только хочу внести в это дело ясность, которой не вижу у Ю. А.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

6 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ

16 ноября 1943 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

разрешите напомнить Вам об одном Вашем решении, сделанном во Фрунзе по моему докладу о работе некоторых лиц по реэвакуации Ин[ститу]та.

---

[1] НР — научный работник.

[2] National Geographic — журнал Национального географического общества (National Geographic Society) США.

Тогда Вы хотели отметить в приказе и премировать чем возможно: Мартынову О. М.; Лукьянову М. Ф.; Эглона Я. М.; Беляеву Е. И. за действительно блестящую работу, обеспечившую готовность Ин[ститу]та в срок, ранее находившегося в «глубоком прорыве». Поскольку год кончается, скоро кончаются и средства, думаю, что будет своевременным напомнить Вам об этом.

Искренне Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 7

19 ноября 1943 г.

А дон Померанцо
всё пишет и пишет...[1]

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Алексеевич,

ради Бога, не негодуйте на мои писания. Дело в том, что сидя спокойно дома, многое успеваешь хорошо обдумать и вспомнить, как мелкое, так и очень важное. Сейчас у меня к Вам два очень важных дела. Я их считаю настолько важными, что для того, чтобы о них поговорить, готов приплестись к Вам, если Вы разрешите. Сегодня я специально узнавал (был на врачебной комиссии), заразна ли моя желтуха, и получил ответ, что ни в малейшей степени. Поэтому я могу придти к Вам без риска Вас заразить.

Первое дело касается А. П. Быстрова. Я получил от него длинное письмо, в котором он подробно сообщает о своих замыслах и достижениях. Это всё весьма интересные и значительные вещи. Но всего интереснее, что из письма явствует его желание снова попасть к нам («только не на ископаемого человека»). Со стороны его освобождения он не видит особых затруднений, перспективы на возвращение в Ленинград для него неопределённы и не манящи. Ему, конечно, нужно в Москве — комнату. Однако, после мытарств военного времени, он, как и все мы, стал гораздо менее «претенциозен». И так как Быстров не Флёров, и я вижу огромную пользу для нашего дела в случае его возвращения в ПИН, в отдел низших позвоночных, то готов потеснить себя и предоставить ему жить вместе со мной в моей квартире. В настоящее время добыть для него комнату невозможно — поэтому до конца войны пусть живёт у меня, а там, конечно, Академия комнату как-нибудь выкроит. Может быть, Вологдину как члену-корреспонденту легче будет получить комнату, и если у Вас «угрожаемая» комната с трещиной будет никем не занята — Вы согласитесь приютить Быстрова (ведь их только двое) у себя. Во всяком случае, какие-то возможности появятся, а до тех пор Быстров (если согласится) проживёт у меня.

Таким образом, если вопрос с жильём для него решится, остаётся:

a) штатное место 1800 р[ублей];

b) бумагу от Президента для его освобождения, мотивируя «вымиранием» палеонтологов низших позвоночных за войну или ещё чем.

Вот об этом всём мне и важно поговорить с Вами, ибо приобретение Быстрова для ПИН — это клад.

---

[1] Строчка из популярных куплетов.

Второй вопрос — о моём проэкте образования при ПИН постоянной экспедиции по раскопкам позвоночных, типа Северо-Двинской комиссии по раскопкам или Монгольской комиссии и т. д. Мотивировка — воссоздание палеонтологической работы, утраченной в других учреждениях (Укр. АН, ВСЕГЕИ), наличие совершенно исключительной базы в виде огромного числа местонахождений, гигантские необследованные территории. Подобная комиссия или экспедиция под Вашим председательством должна иметь <...>[1]

8 Б. ЕВГЕНЬЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

2 декабря 1943 г.

Многоуважаемый Иван Антонович,

«Семь румбов» прочитаны несколькими работниками нашего издательства, и у всех сложилось самое благоприятное впечатление о Ваших рассказах. Мы хотим их издать, — правда, при условии некоторой редакционной работы над ними.

Необходимо спешно повидаться с Вами и поговорить. Если Вы больны и не сможете сами зайти в изд-во, сообщите, — можно ли зайти к Вам. Было бы хорошо, если бы Вы могли позвонить об этом мне по телефону К-1.25.57, — лучше всего в утренние часы — часов в 10, 11.

Привет.
Зав[едующий] отделом художеств[енной] литературы
Б. Евгеньев

[1] Окончания письма не найдено.

1944

А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ[1] 1

Кембридж (США)
14 января 1944 г.

Уважаемый доктор Ефремов.

Когда Вы впервые спросили меня несколько лет назад о возможности опубликования работы Быстрова по проблемам котлассии[2] в этой стране, я не был готов дать Вам позитивный ответ, частично в связи с тем, что наши журналы были насыщены публикациями, а также в связи с тем, что Россия и Германия тогда являлись номинальными союзниками[3], что само по себе не давало повода для энтузиазма и не позволяло большинству редакторов взять на себя ответственность. Безусловно, с тех пор ситуация изменилась коренным образом, и я очень рад сообщить, что статья в настоящее время рассматривается в редакции. Геологическое общество[4] пошло даже дальше, отменив правило, что статьи по палеонтологии не должны появляться в их «Бюллетене», и статья будет опубликована в этом журнале. Мы уже получили подтверждение, и я надеюсь, что статья будет напечатана в течение ближайших месяцев. Мы заказали 250 репринтных копий, что, как я надеюсь, будет достаточно для Вас. Если Вы не против, я пошлю несколько экземпляров тем, кто очень интересуется этой проблемой здесь и в Англии и куда наша почта доставит эти публикации без всяких проблем, но из-за возможных проблем с почтой в России было бы лучше, если бы я оставил остальные экземпляры статьи у себя до тех пор, пока предоставится возможность их надежной отправки.

Поскольку английский язык д-ра Быстрова прекрасно понимался, в некоторых местах определены стилистические неточности, и, соответственно, по просьбе Геологического общества во многих местах были сделаны несущественные изменения. Однако я уверяю Вас, что мы были очень внимательны к формулировкам д-ра Быстрова, и я надеюсь, что окончательный текст будет удовлетворительным.

---

[1] Перевод письма взят из книги: Иван Антонович Ефремов. Переписка с учёными. Неизданные работы. — М.: Наука, 1994. С. 46—47. Оригинал в источнике не приводится.

[2] Очевидно, имеется в виду работа А. П. Быстрова «Микроструктура панцирных элементов Kotlassia prima Amal.», опубликованная в 1940 г. в «Известиях АН СССР» и легшая в основу статьи «Kotlassia prima Amalitzky», опубликованной в «Bull. Geol. Soc. Amer.».

[3] А. Ш. Ромер имел в виду Советско-Германские договоры от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

[4] Американское геологическое общество было основано в 1888 г. как профессиональное общество геологов, его филиалом с 1909 г. является Палеонтологическое общество.

Из-за плохой работы почты я высылаю это письмо как Вам, так и д-ру Быстрову и надеюсь, что оно придёт к Вам обоим достаточно скоро, также надеюсь, что дела у Вас идут неплохо. Что касается нас, палеонтологическая работа, конечно, просто подошла к точке полного застоя, как я предполагаю, такая же ситуация была ранее у Вас. Многие молодые палеонтологи служат в различных подразделениях армии и флота, а большинство из нас преподают различные дисциплины для курсантов армии и флота.

С наилучшими пожеланиями.
Искренне Ваш *А. Ромер*

2 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

16 января 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

Дописал я до Holoptychius свою книгу[1]... и такая мерзость разлилась на душе оттого, что смотрю я на рисунки Westoll'a, изображающий череп этой Crosso, и душу терзают сомнения: Holoptychius ли это? Ведь ни один из этих учёных не изучал зубов. А только зубы могут позволить определить точно любую Crosso! Описал Westoll и фрагменты Eusthenoptero... Но Eusthenopteron ли это?.. Сам чёрт не разберёт!

Простите, друг, что с эдакой мерзостью на душе, от которой т. Быстров скис, ныть хочется, я решил приняться за письмо Вам, которое я по непонятным даже мне причинам всё откладывал.

Письма я Ваши все получил. Кстати, как бы не забыть: наше пребывание здесь — не тайна, а посему адрес такой: Кировская область. Военно-морская медицинская академия, кафедра нормальной анатомии. Подполковнику (Зуху).

Сейчас раскладываю Ваши письма перед собой и отвечаю по пунктам на подчёркнутые мною места.

1. «Неожиданно прибыла посылка от Вас с великолепным подарком и очень тронувшим меня стихотворением»[2]... Эту Вашу фразу я читал и пере-

---

[1] Речь идёт о подготовке к изданию книги «История амфибий», которую А. П. Быстров писал в эвакуации. Она посвящена исследованию кроссоптеригий — Crosso, как сокращённо называл их А. П. Быстров.

[2] Речь идёт о стихотворении «Письмо профессору И. А. Ефремову»:

Мой друг! Тебе из дальней Вятки
Подарок я послать могу,
Поверь, совсем не в виде взятки —
Я в чувствах, право, редко лгу.
Из Вятки... Это как с Камчатки —
Ведь здесь полгода снег и лёд,
А потому тебе перчатки
Твой старый друг купил и шлёт.
Перчатки шлёт, а не перчатку!—
Ведь я дуэли не хочу
И драться мне за опечатку
С тобой совсем не по плечу.
Хоть прежде мы дрались от скуки,
Но лучше жить не ссорясь впредь.
Поверь, твои большие руки
Мне просто хочется согреть.
Они ведь сделали немало
В былое время мне добра,
А что дрались с тобой, бывало,
О том забыть давно пора.
Прими же, друг, перчатки эти.
Носи на счастье. Будь здоров.
Живи сто лет на этом свете.
Привет жене.
Пиши.
Быстров.

1944 г.

читывал по нескольку раз (и не один день). Она коротка, но говорит о том, что я добился того, чего так хотел, — доставить Вам удовольствие. А знаете? — доставлять удовольствие другим — ведь это очень большое удовольствие! Читая Ваше письмо, я всё старался представить, как Вы распаковывали посылку, разворачивали газету, как были удивлены, как обнаружили что-то в перчатке и т. д. А Е. Д. стояла за вашей спиной и смотрела через плечо... и тоже сначала ничего не понимала. Ведь так это было?

2. Я, конечно, рад Вашим литературным успехам. Но меня интересуют некоторые детали. «Семь румбов»[1] идут под Вашей полной фамилией? Или Вы изобрели для себя какой-нибудь псевдоним? Хотя я не знаю содержания Ваших «Румбов», но меня, конечно, больше интересует «Могила Шамана»[2]. Если говорить откровенно, то мне очень хотелось бы, чтобы тип Г.-В. и Федька К.[3] нашли в ней достойное и достаточно детальное отображение. Очень жаль, если эти типы погибнут для хроникальной литературы. К сожалению, я их недостаточно хорошо знаю, а то и я их «запечатлел» бы хотя бы в рукописи... для будущих времён. Рассчитываю на один авторский экземпляр «Румбов».

3. Относительно свидания здесь или в М[оскве] скажу следующее: я думаю, что это надо будет отложить. Мне кажется, что Вам пока не следует после болезни заниматься разъездами. Надо поберечь себя. Что же касается меня, то мне будет трудно отсюда приехать в М[оскву]. Причина простая: мы живём на то, что получаю я, и, если я уеду на некоторое время, то мой «иждивёнок»[4] будет голодать, а он голодал уже достаточно... Это Вы понимаете. Кроме того, сейчас усиленно поговаривают, что скоро некоторым (и мне в том числе) придётся ехать на старую базу, чтобы готовить всё для приёма реэвакуирующейся кафедры. Когда это будет, конечно, неизвестно, но это может быть весьма неожиданно. Я не верю в скорость сего события, но всё может быть в нашем мире, полном неожиданностей. Такие-то вот дела.

4. Вы теперь в М[оскве]... Скоро, вероятно, поправитесь. Не думаете ли Вы запустить руку в материалы, собранные Г.-В.? Это не для грабительских целей, а для пользы науки[5]. Эти материалы надо Вам посмотреть и, самое лучшее, взять на обработку к себе. Если есть там Dvino, я прошу его оставить за мной... Думаю, что Вы не откажете мне. То же я хочу сказать

В одном из вариантов это четверостишье немного другое:

Мой друг! Тебе из дальней Вятки
При сем подарок скромный шлю.
Поверь, совсем не в виде взятки, —
Я, может быть, тебя люблю.

(Подготовлено В. В. Дубатоловым, прислано Д. Г. Наумовым.)

[1] Первые рассказы И. А. Ефремова под названием «Семь румбов» опубликованы в 1944 г. в журнале «Новый мир» (№ 4—5) и были подписаны: Иван Ефремов, что стало визитной карточкой писателя на всю литературную жизнь.

[2] Рассказа под названием «Могила Шамана» в библиографии литературных работ И. А. Ефремова нет.

[3] Имеется в виду Ф. М. Кузьмин.

[4] А. П. Быстров имел в виду свою жену Г. Ю. Быстрову, которая до снятия блокады жила в Ленинграде.

[5] Имеется в виду коллекция парейазавров, собранная А. П. Гартман-Вейнберг в Волжской экспедиции 1931 г.

и о Pareiasaurus. Эта моя работа не доделана, но, ей-ей, хорошо начата... и то, что сделано, ей-богу, сделано хорошо. Это всё у меня здесь и сохранилось — все черновики, наброски и оконченные рисунки. Сохраню, если жив буду!

5. Емельянов... Что он собою представляет? Он просто влюблён в меня на основании моих писем. Я, конечно, не хочу вести с ним совместную работу. Ведь мне его Onycho нужен только для более обширных задач, а не сам по себе. А. А. Е. просит сосчитать у Onycho количество позвонков... А на-чёрт это нужно? — Сосчитать количество икринок у самки... Видите ли, по его мнению, их должно быть 16, а по-моему, если их будет 5 или 20, польза для науки не уменьшится и не увеличится. Скажите, почему А. А. Е. всегда называет этого несчастного Onycho «мой тритон». Это, скорее, тритон Фишера. Прав на него у А. А. Е. очень мало. Ведь Вы даже Bentho никогда не называли своим. А он, по существу, был Ваш... Я давно ничего не писал А. А. Е. Надо написать и послать ему сердце (рисунок) Onycho. Пусть радуется. Но, ей-ей, рисовать некогда. Но надо...

6. Книгу свою пишу. Вы недовольны 10-ю годами срока. Но И[ван] А[нтонович], ведь, ей-ей, выясняется, что очень много надо доработать! Кстати, когда поправитесь, то напомните Д. В. О., что в своё время он мне предлагал взять на себя описание всего материала по Crosso... Я теперь вполне подготовился к этому, и, если он не передумал, то я охотно, с Вашего благословения, берусь за это. Это не возьмёт много времени. В месяц можно всё сделать. Итак, прошу монополии.

7. Если я допишу тут своих Stego, то, чтобы не терять времени зря, примусь за небольшую, но страшную книгу под заглавием «Прошлое, настоящее и будущее человека»[1]. «Прошлое» меня, как палеонтолога, не смущает, «настоящее» немного тревожит... расы и прочая... — дело серьёзное, но «будущее» — это самое спорное. Дело в том, что я думаю и буду доказывать, что биологическая эволюция человека 120 000 лет тому назад прекратилась и в настоящее время её нет, и в будущем её не будет. Эта ересь и является главной причиной желания написать книгу, которая будет признана или книгой по вопросам о чёрной магии, или биологическим Евангелием.

Надеюсь, что я ещё поработаю, хотя надо уже оглядываться..., вернее, заглядывать вперёд... Жизнь-то идёт, и нередко идёт не так, как нужно было бы в наши годы.

Приветы Е. Д. и Вам от нас обоих.

Подполковник *Zuch*

Приветы: О. М. М., Н. А. Я., В. С. Б., Я. М. Э., В. И. Г., ну и Ю. А. О., хотя...

---

[1] Книга А. П. Быстрова «Прошлое, настоящее и будущее человека» опубликована в 1957 г. В работе анализировались будущее человечества в связи с глобальным вмешательством в природную среду и тенденции развития живых систем.

А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Киров
3 марта 1944 г.

Sic!

Дорогой Иван Антонович!

Из газет узнал, что уже нет А. А. Б. Как это случилось? Несомненно, совершенно неожиданно. Остановка сердца — и конец. Именно так это должно было случиться, судя по тому, что давали мне наблюдения над А. А. Б. в Малаховке. Иного я и не ожидал.

Bene — для дела бесполезно, а nihil вообще никому никогда никакой пользы не приносило. Ergo, de mortuis taci! (Молчи). Но я хочу знать, как это отразилось или отразится на живом ин [ститу] те? Вы понимаете, о чём я спрашиваю? Новый директор с одинаковой лёгкостью может и воссоздать, и окончательно уничтожить всё[1]. Ну, об этом довольно, ибо я ничего не знаю. А письмо, наполненное одними вопросами, скучно читать. Жду от Вас послания.

В последнее время, несмотря на то, что электросвет для ради экономии выключили, и я сижу с коптилкой — «Волчий глаз», так она в 1919 г. именовалась, — я усиленно пишу свою «Историю амфибий». Сегодня добрался до 285 страницы. Это ведь без иллюстраций — чистый текст. А рисунков будет не одна сотня. Эта работа ещё впереди. Рисунки мне здесь не на чем делать. Делаю только черновые наброски — проекты.

Ей-Богу, мне кажется, что я с Nectridia справился. Думаю, справлюсь и с Aistopoda. Adelospondyli Watson'а включаю в Lepospondyli. Для выделения их нет больших оснований.

От Емельянова сумел получить ещё Onycho и Ranodon (2 экз.) и Hynobius (2 экз.). Это даст мне возможность расшифровать Lepospondyli достаточно обоснованно.

Справиться с Aistopoda без знания современных Apoda считаю невозможным. Я знаю, что Вы не бросаете слов не ветер, а в одном из Ваших писем я читал фразу, свидетельствующую о том, что я имею основание надеяться на получение Apoda. Это для меня крайне важно. Ведь Вы знаете, что современные зоологи никогда не сравнивали рецентных амфибий с ископаемыми в деталях, а палеонтологи, даже такая душка, как Margaret Steen, не имеют хорошего представления о рецентных формах. Steen сама признавалась мне в частном письме в том, что когда она описывала ребра у Acanthostoma как элементы гиобронхиального аппарата, не имела ни малейшего о нём представления. Но должен признать, что чем больше вчитываюсь в работы Margaret'ки, тем больше влюбляюсь в неё. — Прекрасный работник! — Описания точные, детальные,

---

[1] Беспокойство А. П. Быстрова о судьбе института, в котором он раньше работал, было достаточно обоснованным. По положению, должность директора института была прерогативой членов Академии наук, а Ю. А. Орлов, который продолжительное время был заместителем директора академика А. А. Борисяка, являлся доктором наук. Только письмо руководящих сотрудников Палеонтологического института, в числе которых был и И. А. Ефремов, на имя академика-секретаря ОБН АН СССР академика Л. А. Орбели, поддержанное ходатайством академиков В. А. Обручева и А. Е. Ферсмана, позволило склонить решение Руководства Академии наук о назначении директором Палеонтологического института в пользу Ю. А. Орлова.

честные, ну, а выводы она предоставляет делать другим — что же? — За это только спасибо можно сказать... Ну, об этом довольно. Это болтовня!

Иван Антонович! У Вас там в ПИНе валяется не один экземпляр, кажется, Личков, кажется «Движение материков и климаты прошлого»[1]... Не можете ли Вы послать мне эту брошюрку по почте? Хотелось бы ещё раз прочитать. А здесь её нет нигде. Если это нетрудно, буду благодарен. За заглавие и даже за фамилию автора не ручаюсь — я не обладаю такой феноменальной, просто убийственной, потрясающей памятью, как Вы. Обращаюсь к Вашей памяти как к энциклопедии. Уверен, что Вы выругаетесь и без труда вспомните и автора, и название книги.

Работаю я здесь как чёрт и делаю всё, решительно всё, что возможно в этих условиях. Преследую одну цель: не потерять даром эти годы. Конечно, я сделал бы больше, если бы не было войны. Но если я сделаю здесь maximum maximorum возможного, то это будет, ей-ей, не мало.

Голова кипит от проблем и пректов, и то, что можно сделать сейчас, должно быть сделано!

Рукопись моя приближается к концу, но это не конец работы. Многое должно быть дополнено. А эти дополнения, по существу, целые отдельные работы. Но многие уже написанные главы могут быть опубликованы как отдельные готовые работы.

Пишите. Жду. Давно от Вас нет писем. А у меня ведь нет кроме Вас друзей.

Ваш *Зух*

Привет и Вам и Е. Д. (милой Е. Д.) от нас обоих.

Г. Ю. передала привет и уснула — завтра лезу в труп[2] в 8.30 утра.

4 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Киров
26 марта 1944 г.

Dear Sir!

Я в последнее время довольно нередко начал испытывать приступы большого беспокойства. Что с Вами случилось? Я давно уже не получаю от Вас вестей. Я не получил ответа на два своих письма. Но не в этом, конечно, дело. Я не считаю, что каждое моё письмо должно оплачиваться ответом. Между друзьями таких счётов, разумеется, не может быть. Но меня просто беспокоит отсутствие вестей от моего единственного друга. Ведь у меня никого нет, кроме Вас. Все, кто меня сейчас окружает, это «клистирники»[3], не имеющие представления о науке. А те, кто это представление имеет, — те либо физики, либо химики. Морфологи же интересуются только тем, чтобы угодить практике и нажить себе дешёвый капитал.

---

[1] Книга Б. Л. Личкова «Движение материков и климаты прошлого Земли» издавалась в 1932, 1935, 1936 гг.

[2] А. П. Быстров работал в анатомической лаборатории Военно-медицинской академии в Кирове, на основании этих исследований им была собрана коллекция антропологических измерений 4,5 тысяч человек.

[3] «Клистирники» — так А. П. Быстров шутливо называл врачей.

Я жду от Вас вестей. В своих предыдущих письмах я многое писал такое, на что Ваша реакция для меня была бы интересна.

Каковы дела в ПИНе после смерти А. А. Б.? Я думаю, что это неожиданное событие является главной причиной Вашего долгого молчания. Жду сообщений о всяких делах и о перспективах палеонтологии в будущем.

Что касается меня, то я существую пока. Вот уже прошло больше года после начала моего заболевания[1]. Кажется, процесс медленно затихает. Думаю, что мне не угрожает обострение. Впрочем, мне кажется, что Вы не придаёте и не придавали никакого значения моей болезни, считая её каким-то пустяком. Это, возможно, пустяк, когда он пустяком кончается. Но ведь это могло превратиться совсем не в пустяки. Это я отчетливо сознаю. К сожалению, я понимаю в медицине несколько больше, чем хотелось бы.

Моя «История амфибий» почти дописана, но чем ближе я подхожу к концу, тем медленнее идёт дело. С главой о происхождении Stego и их эволюцией я кое-как справился. Но застрял на страницах, посвященных вопросу происхождения Urodela. Впрочем, и с этим я в основном, кажется, сумею распутаться. Может быть, эта проблема будет мною решена и смело, но лучше иметь смелое решение, чем не иметь никакого. Но за главой об Urodela следуют главы о происхождении и эволюции Anura и Apoda. Они, просто, наводят на меня панику, и я, ей-ей, не знаю, сумею ли разрешить задачу, хотя бы в более или менее удовлетворительной форме. Основное положение, к которому приводит обдумывание всего материала, заключается в том, что и Anura и Apoda (и Urodela) очень древнего происхождения. Это немало смущает меня. Но это было бы не беда. Беда в том, что я совершенно запутался в ухе. Это проклятое ухо ведь путает всё, и простые вопросы и схемы делает трудными и непонятными. Препарирую уши разных Urodela — Hynobius, Ranodon, Onychodactylus, Triton, — вспоминаю уши лягушек, стервоцефалов и ничего, кроме путаницы, в моей голове не возникает. Усиленно думаю на сон грядущий и засыпаю ежедневно с одной мыслью, для того чтобы утром проснуться с отчётливым сознанием, что за ночь решительно ничего не выдумал. Поверьте, ухо — это не такая простая проблема. И мне кажется, что большие морфологи от неё сознательно увёртываются. Прав Goodrich, когда пишет, что это совсем не простое дело. По-видимому, что-то недодано науке палеонтологией. Не хватает какой-то ископаемой формы, которая позволила бы вести от себя несколько эволюционных рядов в различных направлениях. Создать такую форму теоретическим путём я не берусь, точнее, опасаюсь. Эдак, пожалуй, насоздаёшь много схем, неспособных жить. А. Н. Северцов таких схем создал достаточно. Этого хватит. Выгоднее опираться только на то, что представляет собой фактический материал.

Ну, я размечтался. Жду письма.

Привет Вам, мой друг… Вам и Е. Д. от нас обоих.

Ваш старый *Зух*

---

[1] А. П. Быстров заболел базедовой боленью.

5 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

4 апреля 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

Я только что получил Вашу открытку от 22.03.

Что же это с Вами делается? Ведь Ваша органическая машина всегда казалась сделанной на совесть. Я всегда считал её несокрушимой. Надеюсь, что и теперь Вы справитесь со всеми недугами и вновь станете по-прежнему вполне здоровым. От души жду и желаю этого. Скорее «прочухивайтесь».

О книге Личкова. О, я знаю, что Вы не разделяете взглядов Wegener'a[1]. Впрочем, Ваше предупреждение приму, разумеется, к сведению. Но мне, конечно, как плохому геологу, трудно будет уловить автора на неточностях. Поэтому я имею основания опасаться, что кое-где под влиянием Личкова могу «загнуть» не туда, куда следует... Впрочем, большой опасности в этом нет. Вы сами весьма благосклонно относитесь к смелым теориям.

О гимнофионах. Когда Вы написали мне, что обещаете добыть Apoda, то я, откровенно признаться, думал, что Вы имеете в виду новый материал, и немало удивлялся, не представляя, откуда Вы его собираетесь достать. Теперь всё ясно: Вы имеете в виду два американских экземпляра, полученных нами давно. На этот раз память изменила Вам, и Вы изволите забывать некоторые детали истории с Apoda. Я их начал осторожно препаровать еще в ПИНе. Кое-что отпрепаровал и зарисовал. Но остановил препаровку, боясь испортить и без того очень скверный препарат. Затем, с Вашего ведома и разрешения, я увёз Apoda в Л [енинград], и они сейчас там и сохранятся, если... всё сохранится. Сейчас есть основания надеяться на это, но... всё же все опасности ещё не миновали... Если других Apoda не удастся добыть, то придётся попытаться извлечь всё, что можно, и из этих экземпляров. Я ещё не трогал скелета (возился с сосудистой системой). А скелет даже в плохих препаратах, конечно, сохранился во всех деталях. Мне как «палеонтолуху» скелет, разумеется, важнее, чем всё другое.

О таблицах Амалицкого[2]. У меня здесь имеется очень небольшое количество этого материала для рисования. Конечно, я желал бы получить ещё. Но меня пугает следующее обстоятельство. Один мой родственник посылал мне сюда, в К[иров], пачки тетрадей. Он это делал несколько раз, но всякий раз я получал посылку, в которой была только одна тетрадь. Все остальные наша почта считала себя в праве беззастенчиво украсть. Боюсь, что именно это она сделает и с таб[лицами] Амал[ицкого]. Если Вы осмелитесь доверить их ей. Думаю, что будет разумно, если Вы наложите на них своё авторитетное Veto и сохраните их для меня на недалёкое будущее. Вот за это я бы Вам был очень благодарен. Имейте в виду, что качество таблиц довольно различное. Лучшее качество у малых по формату таблиц.

Жду сообщения о ситуации после смерти А. А. Б. Я решительно не могу себе представить, что Вы там собираетесь делать и кто будет главой ПИНа.

---

[1] Очевидно, имелась в виду гипотеза немецкого геофизика А. Вегенера о развитии земной коры в результате горизонтального перемещения материков, сложенных из лёгких гранитных материалов, свободно плавающих по базальтовому подложью (1912).

[2] Имелись в виду готовые типографские таблицы к неопубликованным работам В. П. Амалицкого, чистая обратная сторона которых использовалась для рисунков.

Я не думаю, что Вам удастся найти голову для ПИНа, но «главу» Вам всё-таки какую-нибудь дадут.

Напишите, что делает Д. В. О., что и кому рисует наш знаменитый Н. А. Яньшинов? И вообще, чем дышат пиновцы. Впрочем, многое я теоретически представляю, так как знаю характер каждого члена этого коллектива.

06.04, т. е. послезавтра, мне предстоит быть официальным оппонентом на защите канд[идатской] дис[сертации]. Придётся с диссертанта по традиции сначала снять штаны, а потом надеть. Впрочем, диссертант не врач (естественник, дисс[ертация] биологическая), а поэтому я вполне на его стороне. «Клистирника» я не стал бы щадить.

Живу я пока... — существую. Голова работает. Занятия провожу по традиции не корой, а спинным мозгом, и мне безразлично, что показывать. Через несколько минут иду препаровать мышцы кисти, но мог бы с равным спокойствием идти на занятие по мозгу или по скелету стопы... Много забот по хозяйству. Это в значительной мере приходится нести мне, но малая требовательность к жизненным благам позволяет мне довольствоваться малым.

Связь с Romer[1] у Вас, конечно, отсутствует. А хотелось бы знать, какова судьба моей Kotlassia. Она, вероятно, уже давно напечатана. Интересно было бы взглянуть...[2] Я не знаю Вашей... (Ко мне пришли, поговорили, и я забыл, что собирался сказать).

Хотелось бы получить от Вас письмо побольше объёмом, в котором содержались бы ответы на многое, что мною было написано Вам в предыдущих посланиях.

Ну, надо идти «преподавать» мышцы кисти людям, которые считают это высотами науки и не подозревают, что о науке они не имеют ни малейшего представления.

Жду Ваших посланий, но не пишите их до тех пор, пока не «очухаетесь» окончательно. Я не хочу, чтобы Вы ради меня напрягались, когда нет сил. Приветы Вам и Е. Д. от нас обоих.

Ваш *Зух*

А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6

Киров
XXII-VIII-MCMXLIV[3]

Дорогой Иван Антонович!

Вы не правы. Я Вам писал, но Вы не ответили мне, а потом забыли... Но всё это пустяки. Не об этом я хочу сегодня писать. Вашу открытку я получил. Сегодня утром. Она коротка. Я хотел бы знать больше о многом, но и в ней имеется немало важного.

---

[1] Упоминание в данном контексте американского палеонтолога Альфреда Ромера показывает, что Ефремов до войны поддерживал с ним переписку, как и с Фридрихом фон Хюне, и посылал для публикации различные материалы.

[2] Очевидно, имеется в виду работа А. П. Быстрова «Микроструктура панцирных элементов Kotlassia prima Amal.», опубликованная в 1940 г. в «Известиях АН СССР» и лёгшая в основу статьи «Kotlassia prima Amalitzky», опубликованной в «Bull. Geol. Soc. Amer.».

[3] 22 августа 1944 г.

Наш отъезд в Л[енинград] — дело решённое. Он состоится в первых числах сентября. По крайней мере тогда двинется то, с чем связан я.

Вы пишете о лаборатории Г.-В.[1] Вспомните, я не раз за эти годы запрашивал Вас о ней, не раз советовал наложить руку. Если Вы находите возможным наложить мою руку, то я, разумеется, не имею оснований возражать против этого. Думаю, что моя рука извлечёт из этого материала больше, чем руки Г.-В. и... Все Ваши соображения я считаю просто гениальными. Ваша голова работает хорошо, без промаха. Я думаю, что было бы очень глупо упускать такую возможность. Но я рассчитываю на работу в лаборатории в порядке совместительства. Это ведь не может быть для меня хотя бы на первых порах основной базой. В будущем... видно будет. Я понимаю, что лаборатория даст мне возможность оглядеться и присмотреться в ЛГУ, и наоборот... Последнее неясно сказано... Но Вы поймёте, на что я намекаю словами «и наоборот». Лаборатория даст мне возможность написать несколько хороших работ. Соседство других лабораторий даст мне иную атмосферу и... материал, и многое-многое другое. А то ведь мне порой душно от того, что я вижу вокруг. Словом, я благодарен Вам за заботу обо мне и за блестящее предложение и очень был бы Вам признателен за помощь при реализации этого дела. Мне сейчас многое неясно. А что́ сейчас надо делать, я просто не знаю. Во всяком случае я охотно предаю дух мой в руки Ваши, так как знаю, что это будет умно и хорошо. Действуйте со своей стороны, как находите нужным. Я же сделаю всё, что́ Вы мне укажете и посоветуете, как только буду в Л[енинграде]. Приветы, и самые дружеские, передайте Ю. А. О. Было бы вовсе неплохо, если бы мы оказались с ним рядом. Впрочем, я совсем не желаю его ухода из ПИНа. Мне почему-то это как-то не по душе. Вероятно, потому, что я привык к мысли видеть в будущем ПИН под его руководством.

Я рад тому, что зубы Fleurantia уже вышли из печати. Когда получите оттиски, зашлите мне один из них, сложив вчетверо и измяв, в письме. Это нужно для удовольствия... а может быть годится и для другого.

Многое мне хочется попросить у Вас... хочется кое-что выпросить у Д. В. О. Передайте ему поклон от всей души, но а с просьбами я как-нибудь сам осторожно подъеду. Думаю, что не откажет, смилостивится, хотя и скажет раза три: «Потом». Это «потом» меня просто убивает. Вы ведь знаете, что «я в науке дюже злой». («На любовь я дюже злой»... — из песенки, которую поёт Лемешев. — Хорошее выражение, сочное!)...

Передайте приветы всем пиновцам. Я не хочу проставлять их инициалы. Их ведь много. Но ко всем им я чувствую самую искреннюю дружбу. Я никому из них не пишу. Большая переписка для меня дело тяжёлое. Я и так много пишу... Каждый вечер по несколько страниц. А письма меня выбивают из колеи.

Примите заверения... Впрочем, не хочу заверять, ибо Вы и так знаете, что я всей душой Ваш.

Оба мы кланяемся Вам с Е. Д.

Ваш *Зух*

---

[1] Речь идёт о Лаборатории палеонтологии Московского университета, руководителем которой была А. П. Гартман-Вейнберг.

А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 7

Киров
VII-X-MCMXLIV[1]

Дорогой Иван Антонович!

Судьба нас давно уже приучила к тому, чтобы мы не предъявляли к ней никаких претензий. Мало того, она довела нас до того, что мы почти охотно или по крайней мере безропотно доверяем ей свою жизнь, считая, что во многих случаях она поступает умнее, чем поступили бы мы. После этого философского введения я считаю своим долгом сообщить Вам, что по распоряжению соответствующих инстанций я с частью своего учреждения пробуду в Кирове по крайней мере до нового года. Мне известно, что Вы послали мне письмо в Л[енинград], но, разумеется, неизвестно его содержание. По ряду причин Вы на многие вопросы в моих письмах не ответили. Причины этого или точнее обстоятельства, их вызвавшие, мне понятны и известны. Но я бы хотел, чтобы Вы как-нибудь не поленились написать мне большое письмо с изложением всяких ситуаций. Меня теперь ведь ничем не смутите. Чтение биографии разных учёных показывает, что редко у кого не было таких периодов, когда они не могли работать так, как хотели бы... но оставим это — это тоже философия.

Так как у нас с Вами, точнее между нами, нет секретов, то я хочу в этом письме поговорить с Вами об одном деле[2]. Оно мне пришло в голову на днях. Дело в том, что я встретил одного не окончившего курс студента из Горного института. Он недавно был в Л[енинграде] и заходил в Горный, чтобы выяснить вопрос о возможности продолжения образования. Из разговоров с ним выяснилось, что Горный восстанавливается и довольно быстро при поддержке какого-то сильного наркомата. Но с кадрами у них дела плохи. В частности, после смерти А. Н. Рябинина палеонтология позвоночных в беспризорном состоянии. Меня интересует вопрос: как Вы смотрите на это место? А что произошло бы, если бы мы попытались прибрать его к рукам... для меня. Если А. Н. Рябинин мог там с успехом читать палеонтологию позвоночных, без знания их морфологии (а это я могу сказать совершенно уверенно), то почему бы этот курс не мог бы читать А. П. Б.... без знания геологии? Я думаю, что А. П. Б. с этим делом справился бы не хуже А. Н. Р.... а может быть, даже лучше... опыта в преподавании вообще у него хватило бы.

Но меня в Горном не знают... Я для этого института чужой... выскочка... Homo novus... клистирник... трипперник, что-то вроде венеролога! Впрочем, меня знает Д. Наливкин и, пожалуй, Енишевский (Криштофович, к примеру)... Если Вы не считаете всё, что я сейчас пишу, бредом, то ведь Наливкин и Енишевский, да и ПИН в целом, могли бы указать Горному институту на меня... Ведь так обычно эти дела и делаются. Тут нужно рекомендовать и посоветовать. Сам я персонально, конечно, не решусь поставить себя в смешное положение и если что-нибудь буду делать в этом направлении, то только

---

[1] 7 октября 1944 г.

[2] А. П. Быстров в 1937—1939 гг. работал старшим научным сотрудником в Палеонтологическом институте АН СССР. Из-за отсутствия жилой площади в Москве он был вынужден возвратиться в Ленинград на прежнюю работу в Военно-морскую медицинскую академию. Однако на протяжении многих лет А. П. Быстров не оставлял надежды вернуться к научной деятельности в области палеонтологии. В 1945 г. он был приглашён заведовать Лабораторией палеонтологии в Ленинградском университете.

при поддержке серьёзных людей, таких людей, которые сами убеждены в том, что кандидат и подходящий и достойный.

Конечно, смешно, что врач претендует или даже мечтает о Горном, но и Dubois и Broom — врачи. Я не Dubois и не Broom, но и Горный — не Британский музей, да и Рябинин не Owen и не Watson. В иных случаях жизни нужна смелость и даже дерзость.

Вот видите, какую ахинею я написал Вам! — Несмотря на то, что это, по-видимому, заведомая ахинея, я хочу, чтобы Вы со всей откровенностью высказались по двум вопросам:

1. Принимая во внимание все положительные и отрицательные качества А. П. Б., можно ли говорить о возможности допущения его в Горный?

2. Принимая во внимание все особенности Горного, стоит ли думать о нём?

Вы сами не раз повторяли, что палеонтологов-позвоночников мало. Но я вспомнил сейчас ещё одну фамилию, именно: Хабаков! Пожалуй, это единственный и вполне достойный преемник для покойного Рябинина. Если это будет так, то, значит, всё в порядке и не стоит говорить ерунды даже между нами.

Это письмо, как видите, написано с полной откровенностью и рассчитано на такую же откровенность с Вашей стороны. Если Вы скажете что-нибудь про свиное рыло и калашный ряд, про триппер и клистир, то я, ей-ей, не обижусь. То, что я написал в этом письме, я мог написать только Вам, И. А. И это вы, конечно, понимаете. Поэтому… — жду Ваших писем и ха́я в них. Сей хай приемлю с покорностью…

Думаю, что теперь уже пора заняться писанием 2—3 работ по палеонтологии, которые сразу же после подписания мира (а он близок) можно было бы продвинуть в печать.

Вероятно, я и займусь этим в ближайшее время.

Шлифы со мной, а потому я смогу написать пару неплохих работ.

Желаю Вам успеха во всём.

Жду писем.

Поклоны Вам с Е. Д. от нас обоих.

Ваш *Зух*

8 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

19 октября 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

Мне переслали из Л[енинграда] Ваши письма… Но Вы уже, вероятно, получили моё письмо из К[ирова], которое было послано, когда ситуация на некоторый отрезок времени стала ясной. Я уже писал Вам, что отвык роптать на судьбу… и приучился терпеливо ждать.

Ну, не стоит заниматься философией. От этого ничто не изменится. Несколько пунктов о деле.

1. Ваших оттисков у меня нет. Ищите в ПИНе и у себя дома. Куда-нибудь засунули сами и забыли. Я после того, как закончил своё писание Bento, в своё время вернул Вам всё, что взял. Итак, ищите и обрящете.

2. Относительно профессорства в 1 ЛМИ не утка, а полуутка. Дело вот в чём. Там могло освободиться место: так предполагали. Тогда бы я по конкурсу

занял его, чтобы быть самостоятельным и не зависеть от... ну, хотя бы капризов! Место не освободилось. Это дело теперь забыто как несостоявшееся.

3. Ваши оттиски рассказов Вы получили назад. Добре. Потом прочту. Но Ваши письма, в большинстве случаев не являющиеся непосредственными ответами на мои, не содержат некоторых интересующих меня деталей. Я много раз спрашивал Вас: каков Ваш псевдоним? Или Вы выступаете в литературном мире под своей фамилией? Любопытно знать: заработали ли Вы на рассказах? Я лично хотел бы Вам большого гонорара...

4. Относительно реконструкций и вообще иллюстративной работы я должен оказать, что в настоящее время мне было бы очень трудно заниматься чем-нибудь подобным. Нет ни времени, ни условий, ни материала... ни, пожалуй, желаний... Мне кажется, разумнее было бы мне этим в К[ирове] не заниматься. У меня есть кое-какие дела и занятия, и я намерен ими заняться некоторое время. Будет, пожалуй, лучше, если я напишу ещё одну книгу (пока хоть начерно́), ну, например: «Диалектика эволюционного процесса»[1]. Вещь эта серьёзная, нелёгкая, а потому интересная. Тут и кругозор расширится. Пока я ещё нахожусь в таких условиях, в которых можно заниматься только подобными теоретическими вопросами.

5. Вы предлагаете написать работу в сборник А. А. Б. По этому вопросу я думаю следующее. Я отношусь к каждой своей работе как к произведению во всех отношениях художественному. Если я дам какую-нибудь работу в сборник, то при плохой бумаге работа будет просто погублена. Такую работу лучше совсем не иметь. Лишнего № в списке работ мне уже давно не нужно, а видеть хорошую работу загаженной я не хочу. Выгоднее поберечь её до времени, а потом напечатать где надо, с толком и с пользой для многих. Я мог бы дать пару работ, но мне их жаль. Жаль давать на погубление. Я люблю обе эти темы, хорошо их продумал, представляю, как они во всех отношениях будут красивы, когда... будут напечатаны... как следует... Повторяю, мне увеличивать количество работ теперь уже нет смысла. Я и за эти годы войны сделал четыре работы, и три из них уже напечатаны. Чего же Вам ещё? — Работа не остановилась. Но губить любимые темы я, право, не хотел бы. Написать же какую-нибудь ерунду трудно: я о «ерундах» не думаю. Проспекулировать на старых работах я не хочу и... Вы этого не хотите; да это и не интересно. Словом, вряд ли я найду в себе силы пожертвовать ради А. А. Б. тем, что я предназначил в другое место.

6. В последнем своём письме я Вам писал о Горном. Сведения, которые я получил позже, заставили меня очень задуматься и над этим проектом. Я узнал, что там 30 часов лекционных и 20 практических. На этих 50 часах в год не проживёшь. Это может быть принятым только в порядке совместительства. Мне кажется, что Вы разделяете мой взгляд.

Относительно Ваших проектов большего масштаба пока можно говорить только как о неисключённой возможности... Говорить надо, и говорить (переписываться) мы будем, чтобы учесть все обстоятельства меняющейся обстановки...

---

[1] Очевидно, замысел книги под названием «Диалектика эволюционного процесса» не был осуществлен, но в определенной мере он был реализован А. П. Быстровым в книге «Прошлое, настоящее и будущее человека».

Во что всё это выльется, не знаю. Трудные теперь времена. И все наши соображения и планы часто на другой же день должны быть изменены. Но всё идёт к концу. Война кончается, и я думаю, что скоро будут устойчивее обстоятельства и увереннее наши действия.

Сейчас будем проектировать, а когда будет можно, будем действовать и действовать смело… по-взрослому. Может быть, придётся взять на свои плечи то, что прежде пугало. Мы стали взрослее, и жить надо смелее.

Я учусь переживать настоящее как далекое прошлое, т. е. не волнуясь им особенно. Эта житейская мудрость — очень неглупа, ей-богу. Я в настоящем готовлюсь к будущему и готовлюсь неплохо. Поверьте мне, что выгоднее быть оптимистом, чем пессимистом-нытиком. И я верю, что всё будет хорошо.

Вы не пессимист (хотя и достаточно трезвый и осторожный), поэтому Вы, конечно, разделяете мои воззрения на настоящее и… будущее.

Хочу получить от Вас ответ на это письмо. Согласитесь, что мы переписываемся, но наши письма не отвечают друг на друга.

Многое я хотел бы от Вас услышать. Пишите откровенно. Мы ведь с Вами не дети и можем говорить в глаза друг другу всё. «Обидчивый» период нашего возраста давно миновал. По-моему, между друзьями нет обидных слов. А я упорно претендую на дружбу с Вами и жду того времени, когда смогу вместе с Вами напиться вдребезги на «ты».

Приветы от нас обоих Вам, Е. Д. и Аллану.

Подполковник медицинской службы *Зух*

Жду писем на Киров областной, ВММА — Зух.

9 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

XXIV-XI-MCMXLIV[1]

Дорогой Иван Антонович!

Я получил все Ваши письма, но с ответом на них, как видите, запаздываю. Не сердитесь, был очень занят.

Я думаю, что у Вас нет никаких оснований утверждать, что я ничего не понимаю в литературе, а потому моё мнение о Ваших рассказах[2] Вы должны признать достаточно авторитетным. Я не буду кривить душой и скажу прямо: Ваши рассказы нельзя назвать хорошими, ибо их следует признать блестящими.

Что же в них хорошо?

Во-первых, изумительно-литературный русский язык; огромный словарь, т. е., вероятно, много тысяч слов, которыми автор активно пользуется. Это вообще редко встречается. Помнится, «Горе от ума» в этом отношении стоит на первом месте: 11 000 слов! Я не знаю, каким количеством слов измеряется ваш словарь, но, вероятно, он очень богат. Следовательно, автор владеет языком в совер…, нет, не в совершенстве, а просто знает язык и умеет пользоваться его вербальным запасом.

Во-вторых, слог прекрасный. Автор нигде не делает ни одной ошибки. А такие встречаются и у лауреатов… (Симонов. «Они жаждали куска хлеба»!!)

---

[1] 24 ноября 1944 г.

[2] Речь идёт о сборниках первых рассказов И. А. Ефремова.

Я не мог найти ни одной хотя бы неряшливо построенной фразы; я уже не говорю о неправильных построениях фраз — их вообще нет. К стилистике нельзя придраться: она безукоризненна. Словом, автор не только владеет словарём, но и умеет им пользоваться так, что русская речь его просто блестящая.

Эти две причины создают третью положительную сторону рассказов.

В-третьих, описания природы, которыми так богаты рассказы, читаются как захватывающие страницы интересных бесед умных героев. Таких бесед в рассказах мало, почти нет. Но от описаний природы трудно оторваться. Этого, пожалуй, редко кто достигал. И это, несомненно, одна из изумительных особенностей «Румбов». Вы понимаете — заставить читателя страницу за страницей прочитывать описания природы и... не утомляться. Вы понимаете — для этого, грубо говоря, нужна «ловкость», а, точно говоря, нужен талант. И этот талант у автора имеется в избытке. Годы размышлений для него не прошли даром... Я знаю «писателей», которые начали писать и печататься прежде, чем стали думать. У Вас это было наоборот, и это чувствуется в рассказах. Во введении от издательства сказано, что Вы «не профессионал»... По-моему, это хорошо. «Профессионал» живёт под лозунгом: «Писать во что бы то ни стало писать», хотя ему писать, по совести говоря, не о чем. Ну и пишет всякую ахинею... Это ведь мы видим сплошь и рядом.

В-четвёртых, хороши типы сибирских инородцев, их отношение к опасности; философски-спокойное, сократовское отношение к смерти. Хотелось бы, конечно, чтобы они — эти очень колоритные фигуры — были бы развернуты пошире, подетальнее. Но я понимаю, что это трудно — их прелесть нередко заключается именно в молчании и редких фразах, сказанных прекрасным русским ломаным языком. Но, может быть, Вы и согласитесь со мной, что было бы неплохо оставить в стороне культурного европейца и дать в деталях этих милых азиатов. Я думаю, что это вообще «реликтные формы», а потому их надо сберечь... в литературе.

В-пятых, Вы знаете, что все литературные произведения имеют свой «запах». От Ваших рассказов пахнет чем-то здоровым, приятным, свежим... Словом, после их чтения на душе становится хорошо. Это непередаваемое большое достоинство «Румбов». И я вполне разделяю их высокую оценку в литер[атурных] кругах. Они, эти рассказы, во многих, очень многих отношениях стоят на недосягаемой высоте по сравнению с тем, что нам приходится читать в последние дни и годы. Удручающее впечатление — это обычное чувство, которое остаётся от вымученного, какого-то вывихнутого, надуманного, какого-то футуристического языка большинства литературных произведений. Прочтите «Петр I» А. Толстого. Там есть такие фразы: «Рвя дверь, Петр...» и т. д.

Повторяю, язык Ваших рассказов — безукоризнен.

В-шестых. Я не могу указать недостатков Ваших «Румбов», так как не вижу их. Рассказы очень хороши.

Я мог бы сказать, что Ваши герои действуют молча или почти молча. Они мало говорят. И это не даёт автору возможности развернуть их характеры... Но я не бросаю Вам этого упрёка. На том фоне, на котором развёртываются их жизнь и действия, не до разговоров. И то, что они мало говорят, пожалуй, хорошо. Так это и надо. И чутьё автора подсказало ему правильное решение вопроса.

Я думаю, что в «Могиле Шамана» моя любовь к типам, к колоритным типам, будет вполне удовлетворена..., и я с нетерпением жду этого большого произведения.

Вы меня давно и достаточно хорошо знаете и Вам известно, что «Румбы» не в моём духе, но, если я сознаюсь, что я с большим наслаждением прочитал их, — это значит, они хороши, и очень хороши.

<Далее следует текст письма, написанный Г. Ю. Быстровой. Он заканчивается её инициалами Г. Б. — *Ред.*>.

Прочитала залпом «Пять румбов»[1]. Увлекли весьма! От «Встречи над Тускаророй» осталось чувство некоторой элегической и красивой неудовлетворённости из-за нераскрытых тайн, но, может быть, тем лучше, так как создалось чувство прекрасного, которое остаётся от непретворённой мечты. Вторым по увлекательности (в моём духе) — «Озеро Горных Духов» — вызывает просто вкусовое ощущение от красок над озером, и, хотя разгадка и лишает это озеро таинственности, но до конца румба, точнее, уже после прочитанной книги, видишь эту гамму красок, точно мозг повторяет понравившуюся музыкальную фразу.

Третий румб «Путями Старых Горняков» кажется мне обыденней, но обладает своим ароматом. Интересно описана сама работа горняка, и на этом фоне описываемый роман не даёт (от дразнящего интереса) делать передышку — надо сразу же прочитать рассказ до конца. Ну, а затем я, как северянка, люблю север и просто испытывала чувство благодарности или понимания от того, что кто-то с любовью описывает его суровые и своеобразные красоты. Остальное моё впечатление от этой книги то же, что и у Лёши, разве только что разница в литер[атурных] вкусах у нас выражается в том, что Лёша больше увлекается типами, чем я. У меня любимых ду́хов больше, только бы было прекрасно выражено.

Лёше хотелось, чтобы и я написала своё впечатление (чтобы я не уходила бы в «раковинку» от того, что ему дорого).

Сердечные приветы и Вам и Елене Дометьевне.

Г. Б.

У Вас, дорогой мой друг, разумеется, нет никаких оснований сомневаться в моей искренности. Поэтому Вы поверите мне, когда я скажу, что я (и моя подполковничиха) были очень рады, узнав приличную цифру Вашего гонорара. Ей-богу, у нас было такое ощущение, как будто жизнь улыбнулась кому-то из очень близких нам людей. И мы искренне порадовались за него.

Раза два кое-кто из наших знакомых говорил нам, что читал «Румбы»... Ну, разумеется, мы не могли удержаться от того, чтобы не заявить, что автор сего произведения — наш хороший друг. Ну, словом, мы гордимся знакомством с автором. И эта гордость вполне обоснованная.

Я думаю, что «Румбы» пробьют себе дорогу в литер[атурном мире], так как на фоне того, что мы читаем обычно, это рассказы очень высокого достоинства... Я мог бы писать о Ваших рассказах ещё очень долго, но...

---

[1] Сборник рассказов И. А. Ефремова «Пять румбов» опубликован в 1944 г. в издательстве «Молодая гвардия».

Несколько пунктов о прозе:

1. Вы спрашиваете: какие это четыре работы я написал здесь? и почему у Вас нет оттисков…

Отвечаю: оттисков у Вас нет потому, что их и у меня нет… пока. Но я думаю, что если бы у меня эти оттиски были, у Вас их, пожалуй, всё равно не было бы… Не сердитесь. Дело вот в чём. Здесь в К[ирове], мы собрали коллекцию в 4500 черепов. Это очень большое дело и большая анатомическая ценность. Я как спец изучал их. Это мне было поручено. Для оправдания своего существования я измыслил себе научную тему: «Признаки низших позвоночных в черепе человека». Мне удалось собрать интересный материал, и я, чтобы обеспечить себе покой, теперь выпускаю одно сообщение за другим. Сообщение I-е, II-е, III-е и т. д. По одной «аномалии» на сообщение. Это обеспечит мне лет 5. А когда этого не надо будет, то можно написать одну хорошую работу. Этими «сообщениями» я кормлю кого надо… Всё это легковесно в разрозненном виде. Но «по Сеньке и шапка». Когда я получу оттиски двух первых «работ», а это будет скоро, то я… не пошлю их Вам. Не стоит говорить об этих «анатомических этюдах», об этой анатомической ерунде. Мой палеонтологический опыт дал мне возможность видеть в черепе человека то, что мало кто видит, и, повторяю, в собранном виде эти «сообщения» представят собой то, что я в виде одной хорошей работы могу или смогу когда-нибудь поднести Вам… Но я всё же рад, что имел возможность пересмотреть 4500 черепов глазами палеонтолога. Ведь этими глазами на череп человека только однажды взглянул L. Dollo.

2. О, не пугайтесь! Я не собираюсь немедленно выпускать книгу под заглавием «Диалектика эволюционного процесса». Чтобы написать её, надо года два-три подумать и, самое главное, прочитать некоторых философов (напр[имер], Гегеля) в подлиннике (русском переводе, конечно). Словом, надо ориентироваться в философской стороне дела так, чтобы было всё ясно. Мне и сейчас уже многое совершенно ясно, но… многое надо подработать и доработать. Вообще, это тема для «бездельного» времени. И если такое у меня когда-нибудь окажется, то я всё же свою «Диалектику» напишу. Впрочем, до этого надо ещё многое написать, а потому у меня до «Диалектики» долго не дойдут руки. Так что… Вы за меня не опасайтесь…

3. Относительно сборника А. А. Б.

Я, собственно, не возражал бы принять в нём участие, но Вы торопите. Сейчас кончается год. Надо писать очередное «сообщение» о черепе… Надо многое сделать вообще; занятия идут полным ходом. Я читаю лекции на 1 курсе… (10 часов читал только о черепе человека, при этом одни общие вопросы…). Вот если бы Вы немного отложили это дело, я бы сумел кое-что дать Вам. Я наметил работу под странным заглавием: «Катоптрия». И мне бы хотелось, чтобы Вы, получив её для печати (в своё время), сдали бы её в типографию только после того, как просмотрели бы сами с пристрастием и попросили бы с таким же пристрастием просмотреть и И. И. Шмальгаузена. Я думаю, он не отказал бы. Статья теоретически — смелая. Я в ней становлюсь на позицию A. S. Romer'a значительно решительнее, чем он сам. Ну, словом, я мог бы дать статью, если бы Вы не торопили меня. Февраль — это для меня нереально. Мало того, мне надо, чтобы Вы дали мне слово, что не пустите статью в печать, если найдёте её слишком смелой или просто ахинеей… А это возможно.

4. Вчера мне сообщили, что за двадцатилетнюю службу в рядах РККА я награждён орденом Боевого Красного Знамени. Поздравьте. Я думаю, что это с некоторых точек зрения совсем нелишнее украшение моей если не невзрачной, то достаточно скромной фигуры. Орден ещё не получил. Его пришлют через некоторое время и торжественно вручат здесь, на месте.

Вот и все новости.

Письмо получилось большое, не письмо, а письмище.

Жду от вас посланий.

Устал писать. Кончаю.

Ваш подполковник и орденоносец *Зух*

Приветы (и самые искренние) Елене Дометьевне, моя подполковничиха пишет Вам сама.

P. S. Получили ли Вы оттиски «Зубов Fleurantia»?[1]

10 И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ

1 декабря 1944 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович.

Посылаю Вам свою вторую книжку. В опоздании против обещанного срока прошу не винить — задержка в издательстве.

Одновременно рискую предложить Вашему вниманию ненапечатанный «Эллинский Секрет», о котором рассказывал Вашей супруге и Вам, и Вы хотели его посмотреть.

Не откажите в любезности передать моё искреннее уважение Вашей супруге.

Уважающий Вас *И. Ефремов*

11 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Киров
15 декабря 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

На сердце тоска и скука... Поругался с одним профессором... из-за того, что не согласился читать вместо него лекцию...

Дай, думаю, напишу своему единственному другу письмо, такому другу, который остаётся другом даже тогда, когда его облаешь под горячую руку... Это — очень хорошая проба для дружеских чувств. Впрочем, у меня нет больше желаний браниться с вами. Я намерен относиться весьма бережно к Вам. Да в этом, пожалуй, и нужды нет: мы, как два кремня, уже притёрлись друг к другу, и все шероховатости сгладились...

Письмо Ваше я получил. Читаю его и отвечаю на каждый пункт.

1. Моя оценка Ваших рассказов самая искренняя. И Вы, конечно, в этом не сомневаетесь. Вы упоминаете в письме, что эта оценка во многом совпа-

[1] Имелась в виду статья А. П. Быстрова «О зубах Fleurantia deuticulata», опубликованная в 1944 г.

дает с оценкой «спецев». Это меня радует. Значит, я, действительно, кое-что смыслю в литературе.

Я должен повторить, что очень настаиваю на том, чтобы Вы обратили особое внимание на «реликтные формы» азиатов, на этих живых ископаемых. Это ведь что-то вроде утконосов, которых Вы наблюдали живыми в естественной обстановке. Они мало говорят, но говорят очень оригинально. Вы должны сохранить стиль их речи, ничего не выдумывая (таких фраз, впрочем, не выдумаешь). Я понимаю, что нельзя их сделать многоречивыми — это испортит тип. Мне кажется, что их надо сделать составной частью пейзажа севера. Они должны быть неотъемлемыми фигурами картины природы. Они должны с трубкой сидеть неподвижно, как неподвижны такие составные части общей картины, как холодный камень или ствол дерева... В пейзаже вы неподражаемый мастер, а потому я думаю, что это дополнение Вам удастся. Что Вам стоит ввести ещё один почти неживой предмет — неподвижную молчаливую фигуру азиата, такую фигуру, которая только изредка потрясает читателя каменной философией безразлично-спокойного отношения к смертельной опасности. Это ведь будет философствующая скала. Это будет ново, а всё, что ново, то очень ценно.

2. Я не понял Вашей фразы о Ю. А. О. — Почему орден «отчасти будет ему в ущемление»? Изумительное это слово — «ущемление»!

3. Я, видимо, не скоро смогу оказаться собратом по перу. Мои ненаучные писания (а такие, как вам известно, есть)[1] ещё не скоро увидят свет, ибо они и не предназначаются для этого. Они написаны кровью и желчью. От них Салтыковым пахнет, и нет гоголевского смеха. Ну, об этом ещё поговорим...

4. Работа о зубах кроссоптеригий, к сожалению, вышла в 1939 г.[2] Есть у меня, вернее, лежит у Гольмгрена хорошая работа о Osteolepis и Dipterus, но я даже не знаю, какова её судьба — быть может, уже напечатана[3]... А может быть, ещё лежит без движения. У Ромера котлассия[4] — и это всё, что

---

[1] В фонде А. П. Быстрова сохранились альбомы стихов, тетрадь с баснями, небольшие прозаические произведения. Он является также автором «Тоста палеонтологов», который мы публикуем:

Выпьем за жизнь, превращённую в камень,
Жизнь, что хранится в природе веками,
Жизнь, что из камня своими руками
Каждый из нас извлекал!

Смело ломая древнейшие плиты,
Мшанки, кораллы, хвощи, граптолиты,
Даже, не скрою, порой копролиты
Каждый из нас высекал.

Молотом были породы разбиты...
Губки, моллюски, ежи, трилобиты,
Кости гигантские были добыты
Нами повсюду из скал.

Каждый, собравши из мёртвой породы
Новые виды и новые роды,
В муках решая загадки природы,
Счастье в науке искал.

Многие в славе достигли зенита...
Многие спят уж под глыбой гранита
Сном непробудным, как сон аммонита,
Многих покой приласкал...

Так уж в природе ведётся веками...
Счастье берите своими руками!
Словом, пока надо мною не камень,
Я поднимаю бокал!

1947 г.

[2] Статья А. П. Быстрова «Структура зубов кроссоптеригий» («Lahnstruktur der Crossopterygier») опубликована в 1939 г. в «Acta Zool.»

[3] Статья А. П. Быстрова «Deckknochen und Zahne der Osteolepis und Dipterus» была опубликована в 1942 г. в «Acta Zool.»

[4] См. примечание к письму А. П. Быстрова И. А. Ефремову от 4 апреля 1944 г. (с. 125).

вышло по палеонтологии после 1939. Таким образом, в нашем распоряжении только Bentho. Я, разумеется, не имею оснований возражать против того, чтобы Вы его пустили в это дело. Я только не понимаю, что мне в этом случае надо будет сделать? Может быть, ничего. И мой друг возьмёт на себя всю историю. Впрочем, я охотно сделаю всё, что он мне укажет. Жду сообщений и инструкций[1].

5. Оттисков Fleurantia не получил[2]. Куда их послали? в Л[енинград]? Обстоятельства складываются так, что я пробуду здесь до тепла. Это, пожалуй, даже лучше... Там у меня нет стёкол в окнах и нет возможности отеплить всё, что сохранилось... Это меня расстраивает, но что же делать? Воля судеб не в наших руках, а мы в руках судеб.

6. Всё, что Вы пишете о сборнике А. А. Б., я принимаю во внимание, но сейчас не могу себе представить, во что всё это выльется. Постараюсь не упустить возможности...

Что такое «катоптрия», я, конечно, знаю и в справках не нуждаюсь, ибо сам её выдумал. Что же касается Вас, то Вы поймёте, что такое катоптрия, только тогда, когда прочтёте работу и... с возмущением забракуете её. Тогда будет все ясно нам обоим.

7. Книжки с рассказами (новой) ещё не получил. Получу, прочту и дам отзыв. Заранее уверен, что он будет положительный. Но я в этом случае коснусь, вероятно, многих частностей.

Кстати, интересно, что говорят о Ваших румбах пиновцы? Например скептик Д. В. О. — этот пиновский Д. Свифт, правда, Свифт на словах, а не в писаниях? Что говорит Ю. А. О.? Как вообще весь ПИН в целом реагировал на такое Ваше выступление? Это ведь, что Вы там ни говорите, — необычное явление. Правда, пишет Обручев[3]. Старик, но эти писания в литературном отношении крайне беспомощны. (Не говорите об этом Д. В. О. — пожалуй, рассердится за отца.) Его фантастические романы написаны грамотным человеком, но литературная ценность их равна нулю. Это надо прямо сказать.

8. Сейчас у меня много дел. Через 10—12 дней будет меньше. Займусь катоптрией. Может быть, успею сделать работу к сроку. Но вновь предупреждаю: прочитайте сами и покажите И. И. Ш. — дело это серьёзное. Могу нафантазировать; слишком смело, хотя я говорю и о том же, о чём писал Ромер. Но говорю во много раз смелее. А эта смелость суждений и обобщений может превратить всю работу в ахинею. Впрочем, я, как вам известно, отличаюсь научной трусостью — напуган в «научном детстве» (ассимиляция атланта, манифестация проатланта...). Теперь я уже не ребенок, но страх остался... Я не умею замысловато и запутанно писать. Говорю ясно то, что хочу сказать, и меня все понимают. Поэтому мне трудно залить словесной водой ответственные места и напустить в них столько тумана, сколько необходимо для того, чтобы никто ничего не понял. Я не умею писать так, чтобы никакой ответственности на меня за написанное не падало. Вот эти-то

---

[1] А. П. Быстров имел в виду продолжение работ над материалами по бентозухам, хранящимися в Палеонтологическом институте. Совместная работа двух учёных «Benthosuchus sushkini Efr. — лабиринтодонт из эотриаса р. Шарженги» опубликована в 1940 г.

[2] Имелась в виду статья А. П. Быстрова «О зубах Fleurantia deuticulata», опубликованная в 1944 г.

[3] Имеется в виду литературное творчество В. А. Обручева.

соображения и заставляют меня предавать дух свой в руки Ваши и заранее соглашаться на хай с Вашей стороны и на возможное Veto. Ну, дело покажет, что будет.

Ложусь спать.

Подполковничиха уже спит.

Приветы Вам обоим от нас, а кроме того, ещё и дополнительные сердечные приветы Е. Д.

Ваш *Зух*

Тоска… Но…, скажите, у кого не было таких положений и таких времён? Не отдавайте никому моих парейазавров… Передайте приветы всем… Тоска…

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. В. ПУСТОВАЛОВУ 12

28 декабря 1944 г.

Глубокоуважаемый Леонид Васильевич.

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Вы благосклонно отнеслись к моей работе «Тафономия и геологическая летопись», хотя и не имели времени досмотреть её и ещё не дали очень важных для меня Ваших замечаний.

Я очень просил бы Вас дать мне «авансом» краткий отзыв о ней. Дело в том, что сейчас в Палеонтологическом ин[ститу]те у нас практически отсутствуют возможности печатания, и я хочу попробовать её издать где-либо в другом месте, скажем в издательстве «Сов[етская] наука», или непосредственно ходатайствовать об издании через новое РИСО.

Для этого мне необходимы отзывы высокоавторитетных лиц, которые подтвердили бы «стоящесть» работы. Одновременно я прошу такие же отзывы у Н. С. Шатского и Л. Ш. Давиташвили.

Если бы Вас не затруднило написать мне такой коротенький предварительный <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*> отзыв, я очень был бы Вам обязан. Сейчас я только хочу добиться «очередности и включения в план», но до сдачи в печать буду многое дополнять и исправлять согласно полученным советам и указаниям.

С извинениями за беспокойство и искренним уважением,
И. Ефремов

1945

1 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

22 февраля 1945 г.

Дорогой Иван Антонович!

Несколько дней тому назад я получил Ваше письмо. Когда Вы его писали, у Вас было плохое настроение... Надеюсь, что сейчас оно изменилось к лучшему. Я не смог сразу Вам ответить, так как увлёкся изготовлением иллюстраций к своей книге (будущей) о стегоцефалах.

1. В конце прошлого месяца и в начале текущего я был в 10-дневной командировке в Л[енинграде]. Побывал на месте своего жительства. Пока там всё сохранилось... как иногда сохраняется ласточкино гнездо на уцелевшей стене разрушенного дома. Впрочем, дом не пострадал, но ведь мог пострадать только один наш угол. Я побывал и в ЛГУ и, как Вам известно из моего письма Ю. А. О., подал заявление ректору ун[иверсите]та с просьбой допустить меня к научной работе и преподаванию в каф[едре] палеонтологии... и т. д. Как дальше пойдут дела — не знаю. В ЛГУ осталась моим надёжным поверенным в делах Ек. Серг. Порецкая — старая наша общая приятельница... Буду ждать движения воды...

Теперь относительно Вашей фразы: «Что если бы Вы получили от нас приглашение в ПИН, при условии обеспечения пока одной комнатой»? На этот вопрос я отвечу, разумеется, совершенно откровенно и прямо. А ответ мой такой. В 1936 г. моё зачисление в сотрудники ПИНа было для меня и почётно и лестно. Поэтому я мог тогда согласиться на работу при одном только обещании квартиры в будущем. Но tempora mutantur et mores mutanta[1]. Теперь... Теперь, когда я и доктор и профессор уже скоро пять лет, роли переменились — теперь ПИНу лестно иметь меня своим сотрудником. Это не самомнение, это точный учет ситуации, ведь нельзя забывать, что по палеонтологии позвоночных могут работать только Ю. А. О., И. А. Е., Д. В. О. и А. П. Б., т. е. четверо. Я имею в виду в данном случае людей, которые уже не нуждаются в руководстве и обучении. Поэтому я пойду в ПИН только при одном условии, которое, кстати, не должно быть условным, именно: изолированная квартира minimum в две комнаты, с кухней, с центральным отоплением и обязательно без телефона (!). Ни при каких иных условиях я в Москву на жительство не поеду. Стар я стал, чтобы таскаться по углам, подвергаясь издевательствам управдомов и милиции. Вы не должны забывать, что я на один год старше последних двух цифр текущего года... Если Вы запомните

[1] Времена меняются, и замедляются изменения (лат.).

это, то Вам легко будет подсчитать, сколько мне лет, когда Вы будете вспоминать обо мне... (+1) или (x + 1), а точнее формула такова: $\underline{x - 1900 + 1}$ = в — x году А. П. Б. имеет лет. Вы, конечно, понимаете, что в зависимости от этой формулы мои настроения меняются...

Моя палеоработа будет двигаться вперёд и вне ПИНа, она, конечно, будет интенсивнее, если вопрос с ЛГУ решится в положительную сторону. Но если даже этого не случится, то всё равно палеоработы из-под моего пера выходить будут. Я не скрываю того, что надеюсь, что Вы мне в этом поможете по мере сил и «за сходную цену»...

2. Я, разумеется, очень рад тому, что ПИН становится на настоящие ноги. Это всем нам в одинаковой степени приятно. Это то, о чём все мы мечтали годы. В таком ин[ститу]те будет приятно и полезно работать, но и о живых людях надо заботиться. Пока ещё ведь не доказано, что палеонтолог и свинья — одно и то же... Поэтому следует позаботиться, чтобы палеонтолог жил не как Homo neandertalensis в пещере...

3. Сегодня получил газету «Красный флот»[1]. Вырезал из неё статью о Вас и посылаю, так как думаю, что эта газета может не попасть в Ваши руки. А то, что о Вас пишут, Вам и интересно и важно знать... Относительно типов я с автором статьи согласен и уже писал Вам в более мягкой форме то же самое.

Относительно стиля — он не прав. Я не советую Вам менять стиль и писать «новыми» словами и фразами. Не добивайтесь того, чтобы фразы были «броские» — это пустозвонство. И грош ему цена. Но относительно типажа... Впрочем, что говорить об этом!.. опять будут те же рассуждения об Репине и Айвазовском... Кому что дадено... А впрочем, Вы может быть и сами не знаете, что Вам «дадено».

4. Пишите обо всех мелочах и о всём важном. В Вашем письме я не нашёл ответа на многое, о чём я писал Вам в своём предыдущем послании. Желаю успеха во всём...

Приветы Вам и Е. Д. от нас обоих.

Ваш преданный душой и телом *Зух*

P. S. Подполковничиха прочитала где-то вашу «Обсерваторию»[2] и пришла в восторг, говорит, что это, по её мнению, самый интересный Ваш рассказ. Я его ещё не читал. Но Вы печатаетесь теперь всюду, и за Вами не угонишься. Скоро, пожалуй, Ваши рассказы появятся в «Большевике»[3] или в «Спутнике агитатора»...[4]

Зух

---

[1] Речь идёт о статье Б. Соловьёва «Романтика приключений и открытий», в которой анализировался сборник рассказов И. А. Ефремовна «Встреча над Тускаророй».

[2] Рассказ И. А. Ефремова «Обсерватория Нур-и-Дешт» опубликован впервые в журнале «Новый мир» в 1944 г.

[3] «Большевик» — журнал, издавался в 1924—1952 гг., в 1953 г. переименован в «Коммунист».

[4] «Спутник агитатора» — журнал, издавался в 1925—1956 гг.

2 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

22 марта 1945 г.

Дорогой Иван Антонович!

Ваше письмо от 05.03.45 получил, но не ответил на него сразу — увлёкся какими-то стегоцефально-тритоньими делами. Сейчас... болит голова (вероятно, скоро подохну, что ли...). Завтра рано вставать, но спать не хочется... Простите, что в таком состоянии и настроении я решил написать Вам письмо... Для того чтобы на душе стало легче, буду писать только о Stego...

Здесь до меня иногда доходит кое-какая американская литература, которую я и прочитываю, — конечно, то, что мне близко и интересно.

Недавно получил «The Journal of Comparative Neurology». Volume 77, 1942.

В нём я нашёл статью A. S. Romer и Tilly Edinger (!) «Endocranial casts and brains of Living and fossil Amphibia». Как видите, Tilly благополучно добралась до USA после того, как Гитлер выгнал её как еврейку из Германии. Это произошло, кажется, в 1938—39 гг. В USA Tilly занялась тем же, чем занималась прежде (чужими мозгами живёт), т. е. разными Steinkern из разрушенных черепов, по которым она судит об одарённости вымерших зверей. Для таких работ нужна особая одарённость... Но она соблазнила на подобную quasi-научную тему и нашего Alfred'a Sherwood'a. В результате — получилась, я бы сказал, скверная и во всяком случае ненужная работа, в которой каждая строка пахнет Tilly. Авторы, кстати, бросают камень и в Ваш огород, говоря, что Ефремов не прав, утверждая, что положение foramen parictale есть фиксированная точка по отношению к основанию мозга и черепа... По их мнению, пинеальный орган на своей длинной ножке может двигаться (филогенетически) вперёд и назад... Меня они не упомянули, хотя я в 1935 г. утверждал то же самое[1]. Ну, словом, прочитал работу, но ничего нового или интересного в ней не нашёл. С ископаемыми амфибиями так поступать нельзя: их полость черепа больше мозга, а потому на Steinkern здесь спекулировать не следует... Ерунда получится... Ну и получилась ерунда, хотя один из авторов достоин уважения и обычно ерунды не писал.. Вот Вам пример того, как не следует связываться в соавторстве с неравными по эрудиции.

В списке литературы к статье Romer-Edinger я узнал для нас очень важные вещи, именно:

1. Какой-то Savin (Савин?) опубликовал в «Bull. Mus. Comp. Zool». (Vol. 88, 1941, pp. 407—463) работу «The cranial anatomy of Eryops megacephalus».

Если это детальная анатомия, то неплохо было бы работу достать и прочитать. Eryops-рахитом с сильно окостеневшим Chondocranium. Тут много можно уяснить и увидеть. А то у нашего Bentho всё выгнило...

2. Ещё более интересной работой, конечно, является работа Watson. Именно: «The origin of frogs». Она напечатана в 1941 г. в «Transactions Roy». Soc. Edinburg (Vol. 60, 1941, pp. 195—231). Я, разумеется, много бы дал за возможность прочитать эту работу. По словам Romer-Edinger, Watson ведёт лягушек непосредственно от лабиринтодонтов. Это не противоречит моим соображениям по этому вопросу. Очень много данных говорит за это. Во всяком случае Anura никакого отношения к Nectridia не имеют. Нужно думать, что следую-

[1] А. П. Быстров имел в виду свои статьи «Опыт реконструкции некоторых представителей северодвинской фауны» (1935), «Некоторые данные о скульптуре и росте накладных костей черепа стегоцефалов» (1935).

щей работой Watson будет «The origin of Urodela», и он поведёт всех хвостатых амфибий (рецентных, конечно) от Nectridia. После долгих раздумий по этому трудному вопросу, после препаровок Triton, Ranodon, Hynobius, Onychodactilus и т. д., в которых я допрепаровывался до Chorda tympani в челюсти..., я пришёл к заключению, что Urodela к типичным лабиринтодонтам никакого отношения (прямого, разумеется) не имеют. Об этом я и пишу в своей большой книге «Стегоцефалы». Но опубликует всё это... Watson. Впрочем, для науки это ведь безразлично. Не имеет значения, кто сказал, важно, чтобы это было рано или поздно уверенно сказано. Разрешение вопроса в воздухе... и кто-то это должен сказать не сегодня, так завтра... Пусть это будет Watson, он хорошо скажет, он хорошо говорит... Ну а мы потом присоединим свой голос... Надо признаться, нет у нас нужной смелости. Присоединяться мы умеем, а ломать препятствия установившихся взглядов часто боимся. Не вытравлено у нас ещё благоговение перед напечатанной строкой... А надо бы быть смелее и увереннее.

.....

Если Вам удастся достать «The origin of frogs», буду рад за Вас...

Кстати, обстоятельства складываются так, что я в первой половине апреля появлюсь в М[оскве] на пару дней.

Посылают за орденом[1]. Долго пробыть не удастся. Это — кратковременная командировка, но во всяком случае я надеюсь, если жив буду, увидеть своего единственного друга...

Приветы Вам и Е. Д. от нас обоих.

Кстати, как Е. Д. справилась с такой трудной формой, как Permocynodon?

Поздравляю её с тем, что её научная работа получила такую хорошую подпорку, как позвоночник...

Искренне и до конца дней своих

преданный Вам *Зух*

А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

3

25 мая 1945 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сегодня получил сразу два Ваших жёлтых письма (08.05.45, 14.05.45) и письмо от Ромера. Я согласен с Вами, что сейчас у нас стало сразу много дел, а посему перехожу к пунктам.

1. Позавчера я получил от Е. С. Порецкой, — мой агент в ЛГУ, поздравительную телеграмму, из которой ясно, что с 01.05.45 я уже зачислен в ЛГУ. Из этой телеграммы другие все детали выяснить нельзя. Но одновременно с телеграммой я получил от Ю. А. О. короткое письмо, извещающее о его «собачьей» жизни и сопровождающее открытку от М. Э. Я., адресованную Ю. А. О. Из этой открытки ясно, что М. Э. Я. представлял меня на должность старшего научного сотрудника в палеолаборатории, при том в качестве совместителя, так как я ещё не демобилизован и нахожусь в ВММА. Сопоставляя все эти данные, я понимаю дело так: я утверждён в ЛГУ в качестве ст[аршего] н[аучного] сотрудника по совместительству с ВММА. Из письма М. Э. Я. к Ю. А. О. ясно, что

[1] А. П. Быстров был награждён орденом Боевого Красного Знамени за заслуги в подготовке военных медиков.

он (М. Э. Я.) не оставляет мысли о приглашении Ю. А. О. в качестве зава и тоже хотя бы по совместительству.

Считаю, что всё это хорошо. Дело сдвинулось с мёртвой точки и после моего появления в Л[енинграде], думаю, окончательно наладится. Одновременно с этим письмом я напишу Ю. А. О. о положении дела и о телеграмме Е. С. П., хотя я уверен в том, что он уже знает всё это.

2. По планам, которые вряд ли нарушатся, я пробуду в Кирове до 16 июня. 16.06.45 кончаются занятия, и так как я не связан с экзаменационной сессией, то в течение двух недель — с 16 по 30 июня — рассчитываю перебраться в Л[енинград]. О моих передвижениях буду Вам сообщать.

3. Всё это, как видите, в одних отношениях хорошо, в других ставит меня в затруднительное положение. Затруднение с премией[1]. Я после раздумий решил сделать так: я шлю Вам доверенность на получение денег, а Вы мне их перешлёте туда, куда следует. Мы не знаем, когда их выдадут. Но Вы будете знать, где я обретаюсь в любое время. Из пункта № 2 это ясно.

4. Так как у меня нет от Вас никаких секретов, то Вы, разумеется, можете распечатывать адресованные мне письма и притом без всякого исключения... Поэтому я ни в какой мере не браню Вас за вскрытие письма A. S. R.

5. Я намерен сегодня написать письмо A. S. R. Если оно дойдёт до него, то он будет рад ему. Он, видимо, по-отечески относится к нам. Если в моём письме будут ошибки, то это выгодно для Вас — ваш язык будет очаровательно-безукоризненным...

6. С оттисками Kotlassia Вы поступили правильно. Семи штук мне здесь достаточно. Впрочем, я их пока ещё не получил, и Вы больше не посылайте. Когда получу, извещу немедленно. Во всяком случае, я прошу Вас оставить остальные у себя — это будет надёжнее. Да мне здесь они ведь совсем не нужны. Я не намерен здесь давать их кому бы то ни было. Для окружающих меня Kotlassia так же понятна, как ослу Евангелие. Им гораздо более понятно то, что вообще понять нельзя, и то, что не имеет никакого смысла. А когда человеку кажется, что он понимает то, что понять нельзя, то он чувствует себя великим учёным. В действительности же учёным можно назвать только того, кто не понимает того, что все считают понятным. Парадоксально, но это так.

7. Оттиски, полученные от S. Westoll'a[2], сохраните пока у себя, мне не хочется их подвергать риску. Мне ведь предстоят всякие «езды-переезды». У Вас работа S. W. сохранится до благоприятного времени надёжнее.

8. Ну, кажется, все деловые пункты окончены. Несколько пунктов с вопросами:

а) будет ли и когда Ю. А. О. директором?

б) вопрос, который трудно формулировать, ибо я не знаю о чём спросить...

9. Пункт об интересном, но не жизненно важном деле, сиречь, об ископаемом «Ураните» (от_ουρανός — небо). Вы, конечно, понимаете, что человеческая фантазия не может создать ничего нового, ибо она спекулирует на старых представлениях. Она их просто комбинирует, и в фантастических

---

[1] Речь идёт о получении премии им. А. А. Борисяка, присуждённой А. П. Быстрову и И. А. Ефремову в 1945 г. за работу «Benthosuchus sushkini Efr. — лабиринтодонт из эотриаса р. Шарженги».

[2] О какой работе С. Вестолла идёт речь, установить не удалось.

вещах фантастична только комбинация, а не составные части. Части — дело старое. Это следует иметь в виду и относительно автора, и относительно читателя. Но... Зато какой изумительный колорит приобретёт рассказ, если автору удастся вырваться из цепей комбинаторной фантастики и создать нечто потрясающе невероятно-новое и, кроме того, заставить читателя это принять — и понять, и поверить. Конечно, Ваши соображения относительно эволюции интеллекта верны. Я даже думаю, что они больше верны, чем Вы допускаете. Дело вот в чём. Обратите внимание на строение глаза. Он у человека (позвоночных), у медузы, у пауков, у головоногих и т. д. построен так же, как фотоаппарат. Ergo[1], рецептор световых раздражений не может иметь иную конструкцию. Это — единственно возможная форма. Думаю, что и мозг должен быть в голове и на Земле, и на небе. Глаз, мозг, орган слуха, жевательный аппарат — всё это должно быть собрано в одно место. Впрочем, я не настаиваю на жевательном аппарате. Какого же «человека»-«уранита» Вам выдумать? Если перенести головной мозг на другой конец спинного мозга (a la Diplodocus без хвоста), то, принимая во внимание функцию заднего отдела кишечника, мы получим картину, не отличающуюся большим изяществом с нашей, земной, весьма условной точки зрения, а с точки зрения английских Lady это просто shoking! Если превратить лемура или ежа в «уранита», то, понимаете, это будет просто Homo Sapiens — самый вульгарный Homo Sapiens, а может быть, ещё даже idiota, т. е. идиот.

Но всё же вот вам новый «уранит»[2]:

Uranotherum paradoxum
s. Bestía celestis Efr.

1. Носовые кости редуцированы.
2. Зубов нет — был роговой чехол, что давало возможность есть и мясо, и рыбу, и огурцы.
3. Все кости скульптурированы, как у Stego.
4. Орбиты (глаза), как у Tarsius spectrum.
5. Огромная membrana tympana, как у Rana.

---

[1] Следовательно (лат.).

[2] В этом письме А. П. Быстров предложил возможную модель внешнего вида уранита-инопланетянина, которая была впоследствии использована И. А. Ефремовым в повести «Звёздные корабли» (1947).

6. Челюстной сустав образован qu[adratum] и ar[ticulare], а следовательно:
7. Слуховая косточка — stapes columella.
Это и «человек», и не человек.
Мне кажется, что этот череп Вам понравится.
Если ему ещё больше увеличить мозговой череп, точнее, сделать его ещё шире, то сходство с черепом ребёнка исчезнет почти полностью.
Этот череп не из кости, а из перламутра, как ракушка, а потому он безукоризненно сохранился.
Примите заверения в нашем искреннем к Вам обоим расположении.
Приветы Вам и Е. Д. от нас обоих.

Such

4 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

12 июня 1945 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сегодня получил Ваше письмо и сегодня (вечером) отвечаю.

1. Предполагаю от 19 до 23—24 перебраться в Л[енинград]. Думаю, что ничего не стрясётся. Имейте в виду эти даты для всяких соображений.

2. Я послал отсюда письмо Romer'у. Писал по-английски сам и никому письма не показывал. Если сделал ошибки, то он всё равно поймёт. И не только поймёт, но оценит то, что я писал сам. Я даже и Вам послал одну на английском диалекте. Получили ли?

Дальше следуют пункты, соответствующие пунктам Вашего письма.

3. Что такое с Вами случилось? Почему такой туманный диагноз? Надеюсь, однако, что Вы скоро справитесь с этими недоразумениями. Организм у Вас, надо сказать, хорошо построен, и я на него возлагаю большие надежды.

4. Когда Вы пишете крупно, то Ваш почерк становится разборчивее, хотя, впрочем, я с удовольствием читаю все Ваши письма, и уже привык к различным комбинациям в соединениях двух букв в одну.

5. Избранию Ю. А. О. директором, конечно, аплодирую.

6. Выражение «За трудовые услуги» нахожу остроумным, но от дальнейших комментарий в связи с этими делами воздерживаюсь... — это раз; однако нахожу, что не брать таких вещей нельзя — это два, а в-четвёртых, Вы, конечно, согласитесь со мной, что всё это не имеет большого значения.

7. Если в мои руки попадёт всё, что имела Г.-В., то это будет равносильно тому, что попало в Ваши руки, — это раз. Совершенно безразлично для науки, кто (Вы или я) опишет череп и кости, — это два, а в-четвёртых, мы ведь никогда не дрались из-за материала, так что и разговаривать об этом не стоит: сделаем так, как будет нужно. Вот и всё — это в-пятых.

8. По поводу Bestia celestis. Прежде, чем писать рассказ, справьтесь где-нибудь (в словаре — что ли), не пишется ли celestis так: coelestis. Я хочу, чтобы здесь не было досадной ошибки, что Bestia по-латыни зверь, это я твёрдо знаю. Хотя многие думают, что бестия — просто жулик. Впрочем, Bestia, пожалуй, имеет и другой оттенок — это отчасти «зверь», отчасти «скотина», «небесная скотина»... Это хорошо, но я не уверен, что со мной согласился бы такой знаток лат[инского] языка, как Cicero, сиречь, Цицерон. Рисунок чере-

па Bestia celestis при сём прилагаю. Попросите Н. А. Я. продублировать его тушью. У меня тут нет под рукой сейчас туши, поэтому рисую метиленовой синькой. Я думаю, что Н. А. Я. не откажется это для Вас сделать «за сходную цену», например, за то, что Вы его выведете в своём рассказе в качестве второстепенного действующего лица под именем художника-сиринога Пьяньшинова, который, кстати, находится в состоянии непрерывного влюбления и называется «amans perpetuus», однако, не оправдывает римской поговорки «Omnis amans amens» («Всякий влюблённый глуповат»).

9. Думаю, что для характеристики д[окто]ра Кострова[1] у Вас достаточно материала. Не исключена возможность, что после появления этой личности Вам уж никто не будет бросать упрёков в том, что в рассказах нет живых людей.

10. Вернусь к Bestia celestis. Из Вашего письма я понял, что Вы согласны, что роговой чехол, надетый на челюсти этого существа, избавит Вас от всяких недоразумений с вопросом о пище. Это, конечно, специализация, но специализация, не мешающая росту мозга.

Если внимательно вглядеться в мой рисунок, то можно видеть, что челюстной сустав образован articulare и quadratum. Ergo — слуховая косточка только Columella auris. Значит д[окто]р Костров думает, что Bestia celestis вовсе не млекопитающее, а существо, по нашей систематике относящееся, скорее, к Reptilia. Это крайне высокоразвитая и сильно специализированная рептилия. Многие покровные кости у ней исчезли — например lacrimale, nasale. Однако при этом сохранились angulare и supraangulare. Скульптура «стервоцефалья»... Ну, словом, чёрт знает что такое! Одно несомненно, это то, что сие существо необычайно интеллектуальное, интеллектуальнее, чем человек, но в то же время это не только не Homo, но даже не Mammalia. Это какая-то черепаха-философ или стегоцефал-инженер.

Живой «Urananthropus» был лупоглазым, беззубым и с маленьким носом... с нашей точки зрения, некрасивый. Но д[окто]р Костров уверяет, что красота — вещь совершенно условная. Он, например, всю жизнь находил, что хорошая жаба несравненно красивей любой балерины... Более очаровательных форм и пропорций трудно придумать (речь идёт о жабе, конечно, а не о балерине). Ползущая жаба — это что-то потрясающее по своему невыразимому изяществу. Её нельзя и сравнивать с балериной, скачущей на своих глистообразных ногах...

Все морфологические особенности в строении черепа Bestia celestis показывают, что для этого существа нет места в нашей зоологической систематике. Такого существа в эволюционном ряду позвоночных на Земле появиться не могло. Это звено из какого-то другого, неведомого нам эволюционного ряда. Если к этому ещё прибавить, что кости не содержат солей Ca и что Ca заменён в них Si, то чуждость существа для нашей природы станет очевидна. Вся наша органическая жизнь — это результат особых свойств C. Но... на C похож по своим хим[ическим] свойствам и Si. Кстати, он образует всякие коллоиды, в результате этого — яшма, агат, кремень и т. д. В иных условиях, где-то на Звезде (точнее, около неё), Si мог бы сыграть роль C и дать силициевую жизнь.

---

[1] В первоначальном варианте персонаж повести «Звёздные корабли» Шатров, прототипом которого был А. П. Быстров, имел фамилию Костров.

Вспомните, что у Si огромное количество соединений, и этот элемент не дал органической жизни по какому-то недоразумению чисто местного порядка... Я думаю, что Вы в минералогии и в химии сильнее меня и легко разберётесь в моих фантазиях. Но должен заметить, что наши специалисты (в ВММА) по физ[ико]-коллоидной химии считают Si таким элементом, который «конкурировал» на место С, но не был «избран». Я очень советую Вам копнуть это место в химии. Шутки в сторону, но мне кажется, что здесь можно найти клад для Ваших построений[1]. Чем больше будет логики во всём необычном, тем поразительнее будет само необычное...

Ну... Прошу прощения за страницу морфолого-химической ерунды... Но как знать, может быть в этом мусоре Вы найдёте что-нибудь ценное... Во всяком случае наши отношения таковы, что после всяких глупостей я могу написать:

Ваш *Зух*

Приветы Е. Д. и Вам от нас обоих.

5 И. А. ЕФРЕМОВ — М. Я.

Москва
9 сентября 1945 г.

Многоуважаемая Мария Яковлевна,

я получил копию Вашего письма в «Октябрь», а также стенограмму обсуждения «Эллинского секрета».

Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за искреннюю защиту меня от нападок критики. Однако это вряд ли следует делать, ибо оценка Литературы — вещь субъективная, а людей с плохим пищевареньем, недоброжелательных вообще ко всему на свете, изрядное число.

Позвольте посоветовать Вам не обращать внимания на такие заметки и не портить себе настроения.

А вообще, помимо того, что это касается меня, Ваша статья мне нравится. Вы можете быть критиком и рецензентом.

С приветом и искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] Идея о замене некоторых химических элементов и возникновении жизни на иной химической основе была использована И. А. Ефремовым в повести «Сердце Змеи», опубликованной впервые в 1959 г.

1946

И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 1

Улан-Батор
8 сентября 1946 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович,

пользуюсь случаем черкнуть Вам несколько строк. Пришлось отправить обратно К. К., т.к. он совершенно развалился. На всякий случай — его врачебная справка отсюда при нём, так что при возникновении каких-либо разговоров пусть он её Вам представит. Меня сильно беспокоит вопрос о замене К. К. Дело в том, что в самом начале октября нужно будет возвращать Громова и Кирпичникова. Но в октябре у нас будет разгар раскопок, а в ноябре — вывоз добытого материала, что само по себе весьма сложно — длина одного грузового рейса 1400 км!

При всей сложности работы здесь мне необходимо иметь какую-то реальную вспомогательную силу себе, т.к. нас остаётся очень мало, да и вообще возможны ещё заболевания — все в общем не блестящи в этом климате + ещё суровое время на конец работы.

Поэтому я послал Вам телеграмму о срочном оформлении кого-нибудь из действенных помощников — Хозацкого или Новожилова. Если нажать на отдел кадров, то, м. б., они смогут оформить в месяц, только им надо дать понять важность этого дела. Тогда, если отправить оного человека самолётом, то он будет действовать здесь в ноябре и начале декабря при окончательной ликвидации.

О перспективах будущих пока воздерживаюсь сообщать. Сейчас в Шабарак-Усу все сидят. 10-го и я туда отправлюсь и дальше.

Но ясно одно — что тут перспективы громадные и несомненна работа на ряд лет, только с более серьёзной организацией, с учётом местных условий. Машины нужны не те, что у нас, и больше числом, тут без машин как без рук и ног — абсолютно нечего делать.

Б. Б. скажите, что выясняется очень широкое распространение бумажных насекомоносных сланцев[1] верхнего и нижнего мела, а также и юры (верхней), и с этой точки зрения здесь по-видимому могут быть сделаны огромнейшие находки количественно и качественно. Однако в этом году вряд ли удастся что-нибудь сделать, хотя на одну точку м. б. удастся поехать. Ондой-Саир — это миф, так и скажите Б. Б.

---

[1] *Бумажные сланцы* — тонкослоистые сапропелевые породы, расслаивающиеся на листочки или пластинки.

Что до костей, то они здесь таковы, что $^1/_3$ часть бедра мы еле-еле смогли передвинуть втроём — я, Эглон и Громов!

Машины (полуторки) у нас плохие — скверный выпуск, скверная сборка и запасных частей зверский недочёт. Если полетит Новожилов или Хозацкий, то пусть привезут из автобазы два шатуна с поршнями в сборе от Эм'овского мотора, наружные подшипники передних колес 2 шт., ротор распределителя 1 шт., лампочки для щитка студебеккера, патроны свечи <последние два слова неразборчиво. — *Ред.*> 4—6 шт.

Все подробности о нашем житье-бытье Вам, конечно, расскажет Флёров, посему остаюсь с искренним к Вам уважением

что значит — Ефремов.

Привет всем пиновским товарищам.
И. Ефремов

1947

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 1

Москва
20 февраля 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович,

рад приветствовать Вас после своего возвращения из Монголии и очень жалею, что Вы, по слухам, не собираетесь приехать к нам, хотя бы под предлогом конференции[1]. Надеюсь всё же увидеться с Вами в марте, приехав, наконец, в Ленинград. Я очень чувствую, как мне иногда не хватает Вас и Вашего ума, пусть резкого или взбалмошного, но ясного и [чистого]. Осмеливаюсь думать, что и Вам было бы полезно некое «пополнение» в моём стиле... Это всё помимо того, что есть очень многое, что нужно бы Вам порассказать и обсудить неспешно и вдумчиво.

Путешествовал я много, видел много интересного, нашли мы целую кучу разных динозавров и черепах. Но увы, я больше «администрировал», чем был спокойным наблюдателем <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*>. Всякие там автомобильные, бензинные, продовольственные, финансовые и представительские дела заполняли время и душу. Печально, что, видимо, всю эту историю придется повторить — собирается новая экспедиция ещё в большем масштабе, и командовать, по общему признанию, никому другому, как мне же. Это значит, что снова почти год будет потерян для непосредственной научной работы над нужными мне, а не институту и не начальственными вообще темами. А я как раз на некоторый период расстался с литературой, чтобы, нажав на науку, кое-что сделать, что представляется мне интересным, новым и важным. Но уже один год пропал, в перспективе пропажа второго, и только если экспедиция почему-либо не состоится в этом году, у меня получится нужная передышка для суммирования достижений прошлых лет.

У меня накоплено много разных соображений по эволюции древних фаун, тафономии и биологии за период карбон-триас. В последнее время начинаю заинтересовываться (эоценом) с точки зрения «великого перелома» в развитии наземного животного мира, а также теорией эволюции и закономерностей развития мыслящего существа, но это, конечно, дела далёкого прицела. Однако некоторые вещи уже сейчас хотел бы обсудить с Вами, и именно с Вами. Больше никто мне помочь не сможет. И не поймёт ни хрена...

---

[1] По-видимому, речь идёт о расширенных заседаниях учёного совета Палеонтологического института по вопросам эволюционной палеонтологии, собираемых ежегодно в феврале-марте с 1945 по 1949 г.

Я уж не помню, писал ли я Вам, что соорудил последний рассказ о Вас и мне? Рассказ вышел целой небольшой повестью[1], но ещё нужно его немного подработать, прежде чем выпускать в печать. И до этой подработки мне хотелось бы, чтобы этот рассказ Вы прочли. И сделали к нему свои замечания... Согласны? Могу прислать его Вам с Хозацким, а заберу сам при своём приезде. Тогда и обсудим. Равным образом, если хотите прочесть мою «Великую Дугу», которая похоже, что не будет скоро издана, я её привезу Вам для прочтения. Когда приеду посмотреть материалы Вашей лаборатории по <далее не разобраны три слова. — *Ред.*> находкам, что я так давно собираюсь сделать, и то болею, то путешествую, без должной середины. Могу сделать доклад в Вашей лаборатории о путешествии в Монголию и палеонтологических открытиях. Елена Дометьевна передаёт Вам свой привет и просит разрешения при своём приезде в Ленинград (она, видимо, приедет раньше меня) обратиться к Вам за консультацией. Она обработала кусочки гигантского лабиринтодонта из Чкаловской области и в каждой челюсти нашла всякие там сосуды и нервы, каковых ранее не находилось. Рассчитывает на милостивое разрешение и, буде таковое последует, привезёт рисунки.

Прошу извинить за мелкий почерк, но он становится всё мельче и хуже. Пора, пожалуй, переходить на машинку...

Большой привет Гильде Юрьевне. Лучшие пожелания Вам, дорогой друг. Остаюсь, с нетерпением ожидая встречи.

Ваш *И. Ефремов*

2 И. А. ЕФРЕМОВ — В. Н. БЕЛЕНОВСКОМУ

Москва
14 марта 1947 г.

Многоуважаемый Владимир Николаевич,

к сожалению, не могу исполнить ни одной из Ваших просьб. Фотокарточки сколько-нибудь приличной у меня нет — не люблю сниматься. Книги мои вышли уже больше двух лет назад, и все свои авторские экземпляры я давно раздал. Достать из тиража не могу, т.к. весь тираж давно распродан. «Алмазную Трубу» вы имеете. Т. о. могу обещать только, что в случае повторения изданий я буду иметь Вас в виду. Однако, в ближайшее время их (вторых изданий) что-то не предвидится, ровно как и задерживается издание моего африканского романа[2].

Мне понравилось Ваше письмо своим живым и чистым интересом к «широкому миру». Если я чем-нибудь могу помочь Вам советом или прямым указанием — пишите, не стесняйтесь. Не откажите передать привет Вашей сестре.

С искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] «Звёздные корабли».

[2] Имеется в виду дилогия «Великая дуга» («На краю Ойкумены»).

И. А. ЕФРЕМОВ — В. Н. БЕЛЕНОВСКОМУ 3

Москва
25 апреля 1947 г.

Многоуважаемый Владимир Николаевич,

я не ответил Вам сразу и по занятости, и потому, что был в отъезде — две недели я пробыл в Ленинграде.

На Ваши вопросы у меня нет причин не отвечать вам, но в то же время я не могу ответить на них так подробно, как это нужно бы — уж очень длинную писанину пришлось бы выполнить. На это нет времени.

Посему отвечаю Вам по пунктам, сокращённо.

1. Биография моих юных лет довольно пестра. Это самостоятельный путь в жизни в плохих условиях с очень юного возраста — 12 лет. Тут и смазчик электростанции, и рыбак Азовского моря, и пом. шоффёра, и шоффёр, затем боцман на Тихом океане, лоцман на Каспии. Средняя школа окончена экстерном за три года. Далее — поступление в Академию наук препаратором к знаменитому учёному — зоологу ак[адемику] П. П. Сушкину. Дальше путь прям, как стрела, — постепенное восхождение по ступеням науки — двадцатилетняя работа в поле и лаборатории. Экстерном окончил Горный институт, ранее пройдено 3 курса Университета по биологической специальности. 22 экспедиции, из которых 14-ю командовал сам. Более 100 печатных работ, опубликованных как в СССР, так и заграницей.

Удельный и абсолютный вес сделанного в науке неизмеримо более велик, чем то немногое, что удалось сделать в литературе.

2. Писать беллетристику начал очень поздно — в 1942 г., когда после тяжёлой болезни был эвакуирован в Алма-Ата и не мог, за отсутствием нужных материалов, заниматься всецело наукой. О «творческих лабораториях» я имею слабое понятие. В Алма-Ата писал вечерами и ночами при свете семи самодельных лампочек. Тут написаны «Семь Румбов». В 1943 году продолжал эту работу в Москве, так же, как и в 1944 году (в начале). За это время написаны всего 13 рассказов, составивших книги «Пять Румбов» и «Белый Рог». Всё это удалось написать только потому, что продолжал болеть и писал, лёжа в постели. В конце 1944 г. начал собирать материалы по африканскому роману, но его удалось написать только потому, что в конце 1945 г. я опять сильно заболел и проболел до июня 1946 г. За это время написаны «Великая Дуга» (африк[анский] роман) и ещё небольшая повесть «Звёздные корабли».

В конце июля уехал в Монголию, где пробыл до февраля 1947 г. Как видите, творчество складывается довольно своеобразно, т.к. в здоровом состоянии у меня не остаётся времени от науки для литературы. Сейчас пока я более ничего не пишу и в ближайшее время не собираюсь — примат науки.

3. Задачи, которые я себе ставлю в литературе, несколько отличаются от общепринятых. Мне хочется показать романтику Науки, научного исследования, природу во всём её могучем разнообразии на всей нашей планете (вне рамок только нашего Государства). Иными словами — заполнить тот пробел в нашей русской литературе, который существует в ней издавна — отсутствие показа широкого мира на фоне вполне положительного героя. С этого пути я и не намерен сворачивать, хотя он и не вполне совпадает с установившимися

традициями и труден по необходимости наличия большого запаса знаний по самым разнообразным вопросам.

4. Что касается Вас самого, то ничто не может помешать Вашим литературным пробам при одном условии — не публиковать скороспелых произведений и не браться за большие вещи, пока не накопите большого запаса знаний. Сколько способных литераторов погибло из-за этой скороспелости! Накапливайте знания и в то же время думайте над тем, что и как Вы хотите написать — какова будет главная идея, основной стержень ваших писаний. Тогда Вы сами увидите, что Вам не хватает и что ещё нужно дополнить. А главное — не торопитесь, ступайте по этой дороге, когда сами почувствуете в себе внутреннюю уверенность и силу. Тогда будет успех.

5. Экспедиция в Монголию в 1947 году будет продолжением экспедиции 1946 года. Цель — раскопки огромных кладбищ ископаемых животных, открытых в1946 году, и поиски новых. Поисковый отряд сделает огромный маршрут в 5000 км в западной половине южной части МНР для подробного исследования огромных межгорных впадин Западной Гоби. Раскопочный отряд будет вести большие раскопки в южной части Центральной Гоби. Если бы Вы были палеонтологом, то можно было бы включить Вас в число участников — нам нужны младшие помощники мужского пола. Но, увы, географов нам не нужно.

6. Вскоре я должен получить авторские экземпляры своей книги, переизданной в Сталинграде. Тогда я смогу послать Вам книгу.

С искренним уважением *И. Ефремов*[1]

4 И. А. ЕФРЕМОВ — В. Н. БЕЛЕНОВСКОМУ

7 мая 1947 г.

Дорогой Владимир Николаевич,

в моём подробном письме к Вам я упустил, к сожалению, весьма существенное. Это существенное заключается в следующем: для того, чтобы писать о хороших вещах, нужно иметь душу обогащённую, впитавшую в себя многое хорошее из природы, людей и вещей. Но для этого нужно иметь свободную голову, время на неторопливое восприятие, вдумчивое размышление.

Поэтому основным в молодости — для творчества в зрелости — будет борьба за свободное время. Не за безделье, тупое и ленивое, а за досуг для обдумывания, для книг, картин, и природы.

Отсюда вывод — боритесь за то, чтобы Ваша повседневная работа и быт не заполняли Вашего времени целиком, за то, чтобы иметь свободную голову.

Выбирайте из представляющихся Вам работ, дел и служб такие, которые обеспечивают Вам наибольший досуг. Пусть это будет материально хуже — ничего, потом восполнится, если Вы вообще пригодны к творческой работе.

---

[1] Приписка (сделана Т. И. Ефремовой при разборе архива):

«Письмо рукописное на 2-х страницах (в пол-листа), оригинал находится у Владимира Николаевича Беленовского.

Адрес на конверте: Посёлок Вешняки, Московско-Рязанской жел. дор.

Октябрьский проспект 7. Владимиру Николаевичу Беленовскому

Обратный адрес: И. А. Ефремов. Москва, Центр Б. Спасоглинищевский 8, кв. 18.».

У нас совершенно не понимают значения досуга и путают его с бездельем, а это необходимое условие богатого творчества. Грубо говоря, лучше быть истопником, чем завхозом, пожарником, чем шоффёром, потому что первые имеют свободную голову и возможности размышления, а вторые — нет.

Об этом можно ещё многое написать, но думаю, что Вы поймёте и так.

Что же касается Вашей приписки к письму — подумаем. На это год вряд ли, но подумаем о Вашем участии в Монгольской экспедиции на 48 год. Ну, об этом как-нибудь потом, при случае.

С искренним уважением,
И. Ефремов[1]

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 5

Москва
9 июня 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович,

как видите, я купил машинку, и теперь Вам не придётся ворчать по поводу необходимости разбирать некий гнусный почерк. Я ожидал от Вас письма после получения всех посланных с Новожиловым даров, к сбору которых я приложил немало старания, чтобы полностью удовлетворить Вас. Однако от Вас ни гу-гу... Думаю, что заедает Вас экзаменационная сессия. Я сейчас отбиваюсь от Монголии и думаю, что удастся в этом году не ехать. Тогда, как только это решится примерно через неделю-полторы, — намерен ещё раз побывать в Ленинграде на краткий срок.

А затем уйду в отпуск и буду сидеть на даче под Москвой и писать чрезвычайно учёный трактат. Собираетесь ли Вы побывать у нас летом?

Я прочитал Вашу статью в последнем номере «Акта Зоологика»[2], полученном у нас в библиотеке. Должен сказать, что она... навела меня на грустные размышления... Не то, чтобы статья была плоха или неинтересна... Нет, она и не плоха и интересна! Однако для Вас подобные статьи — это игрушки, для Вас, могущего создавать мировые вещи. Понимаете? Вы, с Вашей необыкновенной силой морфолога, не должны ограничиваться такими вещами. И за это Вас я буду всячески ругать и поносить до тех пор, пока Вы или со мной не рассоритесь, или возьметесь за настоящие вещи. Вот, например. Ваша обработка парейазавров была бы мировой вещью, золотым фондом науки, ещё более ценной и широкой, чем котлассия, чем бентозух, чем структура зубов. Не увлекайтесь пока фильностями, Вы и так уже убили на них порядочно времени. Сосредоточьтесь, сделайте две-три поездки в Москву, но создайте крупную, достойную Вас работу.

Для проверки своего впечатления я говорил Ю. А. об этом, и он полностью со мной согласился. Значит, это не случайное впечатление, значит, от Вас не только я, но и другие ждут гораздо более крупных работ. Если удастся

---

[1] Приписка (сделана Т. И. Ефремовой при разборе архива):

«Письмо рукописное. Оригинал находится у Владимира Николаевича Беленовского».

[2] Речь идёт о статье А. П. Быстрова «Hydrophilous and xerophilous labyrinthodonts», опубликованной в «Acta Zoologica» в 1947 г.

мне ещё раз приехать в Ленинград, то я смогу выразить всё это гораздо хлеще. На машинке всё выглядит уж очень официально, или я не привык ещё…

Пишите, дорогой А. П. Большой привет Г. Ю. и Вам от Е. Д. и меня.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

6 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

12 июня 1947 г.

Дорогой Иван Антонович,

я только что получил Ваше письмо и тотчас отвечаю. Прочитавши его, я… удивился… и удивился многому. Во-первых, удивился тому, что Вы прочитали какую-то мою работу в A. Z. Какую? Вероятно, о гидро- и ксерофилах. Я её ещё не видел и оттисков не получал.

Во-вторых, удивился тому, что Вы ругаетесь… хотя, впрочем, это для меня не ново. Вы браните меня несравненно чаще, чем одобряете. Это, пожалуй, не очень хорошо.

В-третьих, удивился тому, что Вы считаете широкие и смелые обобщения менее ценными, чем строго анатомическое (полустуденческое) описание скелетов.

В-четвёртых, удивился тому, что и Ю. А. О. с Вами согласен. Тот Ю. А. О., который одно время говорил, что А. Б., по-видимому даже не способен на что-либо другое, кроме точного описания анатомических объектов, не способен ни на что большее, чем то, чему его выучил Тонков… Всё это я помню. Жаль, если автор этих соображений уже забыл всё, что когда-то «соображал».

В-пятых, удивлён тому, что мне в 47 моих лет ещё пытаются что-то диктовать, как какому-нибудь аспиранту, так диктовать, как диктую я, руководя работой по изучению граптолитов, трилобитов и мамонтов.

В-шестых, я удивлён тому, что Вы не понимаете, что в науке ничего не создаётся палкой; в ней всё двигается интересом. И Вы, и я ведь делаем только то, что нам интересно, что нас захватывает, увлекает. Если Вы попытаетесь применить палку по способу Тонкова, то также ничего хорошего не выйдет из этого, как не вышло у Тонкова.

В-седьмых, я удивлён тому, что мой друг решил превратиться в моего воспитателя, да ещё сурового, беспощадного…

Ну, словом, я удивлён многому… хотя пора бы привыкнуть не удивляться: не было ни одной работы, которая не вызывала бы порицания сразу же после её опубликования у Вас и Ю. А. О. Я помню это… «Всё это не то», — говорили мне…

Dvinosaurus — списан у Сушкина, зубы стегоцефалов — игрушка, зубы Crosso… — одни неплохие иллюстрации… Вообще у А. Б. можно смотреть рисунки («Здóрово сделано» (Ю. А. О.)), а текст можно не читать («Рисунки у него лучше текста» (Ю. А. О))… А я… а я с любовью делал и то и другое, с одинаковой (заметьте) любовью, перерисовывая каждый рисунок minimum 4 раза и 4 раза переписывая текст… по-русски и в 5-й раз по-немецки или по-английски…

Ну, что же... о чём это говорит? О том, что мои друзья ко мне очень строги? Нет, это говорит о том, что они ко мне, по-видимому, не вполне доброжелательны. Впрочем, это, вероятно, не так. Дело проще; они почему-то вообразили, что Быстрова следует только бранить, и это вошло в их привычку. Что же касается меня, то я, видимо, оказался несравненно более тонким и гораздо бережнее отношусь ко всем, а к друзьям в особенности. Судя по всему, что говорил и говорит Ю. А. О. о моих работах, я делал их плохо (он всегда их побранивал), а сделал много хорошего (он их очень хвалил в сумме). Ну, простите, тут я ничего не понимаю. Ваше отношение к тому же вопросу, кажется, почти такое же... И это мне понять трудно.

Теперь о конкретностях. Парейазавров я закончу. Я не могу их планировать по лаборатории[1], которая, кстати, существует теперь и de facto и de jure, и заведую ею по приказу ректора я. Не могу планировать потому, что лаборатория должна заниматься силуром и девоном нашей области и ничем иным. Поэтому на моих плечах лежит ихтиофауна. Это не даёт мне возможности двинуть парейазавров быстро. Но они двигаются. Я заканчиваю их голову. Многое ведь (основное) было уже сделано. Посткраниальный скелет приеду дорабатывать к Вам. Думаю, что всё ясно.

Я подозреваю, что Вы подозрительно относитесь к моим увлечениям ихтиофауной. Но Д. В. О., по существу, предлагает мне взять монополию на микроструктуру. Дело это очень трудное, но крайне интересное и важное. Впрочем, с этим Вы, вероятно, не согласитесь. Но я думаю, что А. Б. уже является палеонтологом, а не палеоинструментом, который можно употреблять по любому назначению, угодному тому или другому.

Чем я буду заниматься в будущем? Да, вероятно, многим: и рыбами, и амфибиями, и рептилиями, словом, от силура до конца триаса. Я думаю, что вы согласитесь, что этого с меня хватит; диапазон достаточно велик. Дай бог всякому! Ведь тут четыре класса позвоночных.

За свои будущие работы я не жду похвал от своих друзей... Они, очевидно, уже выработали крепкие привычки только бранить. Но что же делать? Я буду делать что могу, а они — браниться, как могут. Таковы, вероятно, наши отношения были и будут. Одно только меня смущает: я, кажется, уже вышел из того возраста, когда воспитывают от руки, а мои друзья ещё не достигли того возраста, когда люди начинают понимать, что роль воспитателей для них уже непосильна.

Вот те мысли, которые вызвало Ваше письмо, в котором так мало бережного отношения к тому человеку, которого Вы не раз называли своим другом...

Работы у меня много; работаю как чёрт, а конца и краю не видно. Буду работать всё лето...

Жду писем без брани... не надо её. Без неё легче дышится. Жизнь и так достаточно богата всяким ненужным хламом.

Приветы Вам и Е. Д. от Ваших друзей...

Быстров

---

[1] А. П. Быстров заведовал в Ленинградском университете Лабораторией палеонтологии (1945—1959).

7 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
15 июня 1947 г.

Дорогой мой Алексей Петрович,

должен признаться, что Ваше письмо меня огорчило больше, чем оно того бы стоило. Все Ваши семь пунктов с горькими сетованиями по адресу недостойных друзей — не более чем плод Вашего распалённого минутой воображения, и о них не стоило бы и вспоминать, если бы они не показывали ещё кое-что. Это кое-что заслуживает обсуждения, опять-таки не в порядке охаивания, как Вам это представляется, но для уяснения некоторых причин, вызывающих письма, подобные только что прочитанному мной.

Негодования и подозрения, высказанные Вами в письме, были бы неудивительны для человека, внутренне сомневающегося в своих заслугах и успехах или же считающего себя несравненно превыше всех, но незаслуженно обиженного. Поскольку Вы, безусловно, не являетесь тем или другим, нужно думать, что письмо написано в момент аффектации. Однако хорошо ли писать серьёзные обвинения людям, коих Вы сами же называете своими друзьями, сплеча, по принципу — что напишется, пусть чувствуют.

В самом деле, если бы Вы хоть немного поразмыслили над содержанием моего к Вам письма, ручаюсь, что у Вас не поднялась бы рука написать такую, как это Вы себе представляете, «отповедь»!

§ 1. На что Вы обиделись? На то, что я ругал Вашу работу? Но ведь если бы Вы прочли как следует, то уразумели бы, что такая «ругань» превыше всякой похвалы. Руганью же она называется по давно установившейся у нас обоих терминологии, о которой Вы почему-то предпочли забыть.

Неужели Вам непонятно, что только при глубоком к Вам уважении, больше того, любви и абсолютном доверии можно совершенно открыто передавать все свои впечатления. Или Вам хотелось бы внешней похвалы с затаённой критикой? Право же, это недостойно нашей дружбы! Я предпочитаю, чтобы в отношении меня поступали так же — чтобы друг помогал мне, указывая ошибки, и в то же время всегда готов был защищать меня перед кем угодно.

§ 2. Из-за этой же аффектации исходит и «явная передержка», которой Вы неладно пользуетесь в письме. Я вовсе не имел в виду «полустуденческих» описательных работ, поскольку у Вас таковых вообще не было. О чём тут речь?

Равным образом, я никогда не был против широких и смелых обобщений. Но ничего особенно смелого и широкого я в статье Вашей не усмотрел, т. е. именно того, что было бы выше прежних Ваших достижений. Тогда зачем же приписывать мне то, чего я и не мог иметь в виду? Этот способ полемики Вам, дорогой друг, наименее к лицу...

§ 3. Кто может вообще Вам что-нибудь диктовать? Я во всяком случае никогда не пытался это делать. Проще! Я считаю себя по роду своих занятий несколько более знакомым со всей суммой материала по тетраподам, имеющимся в нашем распоряжении, и, следовательно, способным дать хороший совет (пользу моих советов Вы сами не раз подтверждали) для пользы науки, одинаково любимой и Вами, и мной. Что же теперь изменилось? Советы стали не нужны? Тогда об этом надо прямо и сказать, а я сделаю, разумеется,

соответствующие выводы. Но не нужно надёрганных положений, с помощью которых доказывается якобы пристрастное и подозрительное к Вам отношение. Как бы то ни было, я этого не заслужил.

§ 4. Это письмо я пишу Вам именно как другу, чтобы показать чётко своё отношение к Вашему письму и стереть крайне неприятный осадок от него. Как к учёному — это другой вопрос... Но должен Вам напомнить, дорогой А. П.: а) нет и не было таких материалов, которых я не отдал бы Вам для обработки; б) нет и не было с моей стороны отказа Вам в помощи — любой, мне посильной; в) нет и не было такого случая, чтобы мои соображения шли когда-нибудь Вам во вред. Если бы Вы этого не забыли — ручаюсь, что письмо Ваше не было бы написано!

Ещё одно. Между нами есть разница. Получилось так, что мне приходится опекать нашу отрасль науки со всеми материалами, заботиться об их накоплении, заботиться о том, чтобы это дело не погибло. Хорош тут я или плох — не мне судить, но, затрачивая на это огромное количество времени и сил, я тем самым вправе полагать, что моё мнение по вопросам науки — это не случайное настроение, не пристрастное самодурство (как то зачёркнуто в Вашем письме). На кой чёрт мне тратить время, убеждая дурака или неспособного идиота? Есть смысл вложить душу в убеждение стоящего человека, каковым я Вас считал и считаю. Но тогда примите это серьёзно, не выдумывая несообразных вещей и не оскорбляя тех хороших чувств, с которыми это делается. Я Вам не ментор, а Вы мне не ученик. Но, пожалуй, в некоторых вопросах я сильнее Вас (так же как Вы — в других). И эти вопросы как раз лежат в той плоскости, в которой я и дал Вам некоторые советы. Что же Вас задевает это? Или Вы считаете, что нет палеонтолога Вас сильнее по всем вопросам? Жаль, это было бы печальным концом хорошего учёного.

Вы пишете об интересе и негодуете на воображаемую палку. Согласен, но кроме интереса есть ещё долг — свой долг — я вижу и выполняю его. А Вы, так негодуя на меня, осмеливавшегося высказать нелицеприятное мнение, в то же время жалуетесь, что, мол, у лаборатории тематика только по силуру и девону, что ограничивает Ваши возможности. Это не палка? И с ней Вы не считаете возможным бороться? Отчего бы не вести свою линию в том, чтобы добиться своей тематики? Трудно? Да, нужная тематика даётся нелегко. Легче, гораздо легче проявлять оригинальность тем способом, каким Вы проявили её в письме. Вот это именно мне и не нравится в Вашем письме и вызывает справедливое негодование.

Подвожу итоги. Такого письма я от Вас не ожидал. Я получал подобные и ранее, но тут тональность другая... И это меня ещё больше убедило в том, что Вас ругать следует. Но, конечно, если Вы будете воспринимать это так, как изобразили в письме, — бог с вами. Я более не посмею ничего высказывать. Собирался я в конце недели приехать в Лен[инграа]д, обсудить кое-какие дела с Вами — теперь не приеду. Если мои попытки к координации работы по низшим позвоночным представляются Вам палкой и превращением Вас в инструмент — чёрт с ней и трижды чёрт с такой координацией. Я просто сброшу со счетов в деле, которое могло бы быть общим для нас, — развернуть большую работу, настоящую работу по нашим интереснейшим тетраподам. Нужно ли говорить Вам, какой ущерб для дела, если крупный учёный перестаёт быть надеждой в этом и в трудное наше время. Что ж, наверное,

такое ощущение было в древней Руси у какого-нибудь призывавшего к объединению князя, когда пёрли враги, а другие князья занимались местничеством и счётами, чей род выше. По-видимому, и наука не освобождает от мелко человеческого! Извините за длинное письмо, но мне хотелось не оставлять более неясностей.

Большой привет Гильде Юрьевне.

И. Ефремов

8 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
27 июня 1947 г.

Prof. Dr. FRIEDRICH HUENE
Palaentological Institute
Unversity of Tübingen,
Tübingen

Dear Professor Huene,

I have received your letter with a great delay, but have been very glad to learn that you are well and engaged as before, in the work of the oldest Tetrapoda. I am particularly interested in your most recent generalizing works. I have not received the reprints referred to in your letter; probably, they have not reached me.

Prof. D. M. S. Watson wrote me about having received your papers, which he found highly interesting. In the nearest future I shall try to send you two of my latest papers; two another are still in press.

I shall be very glad to resume correspondence with you, if the mailing conditions are favourable. There are many interesting problems which I should like to discuss with you.

Sincerely yours,
I. A. Efremov
Curator, Paleontological Institute and Museum
of the Academy of Sciences of USSR.

Профессору, доктору Фридриху Хюне,
Палеонтологический институт
Университет Тюбингена,
Тюбинген

Уважаемый профессор Хюне!

Ваше письмо пришло с сильным опозданием, но я был очень рад узнать, что Вы здоровы и по-прежнему заняты изучением наиболее древних тетрапод. В особенности меня интересуют Ваши последние обобщающие работы. Я не получил оттисков, на которые Вы ссылались в Вашем письме. Возможно, они не дошли до меня.

Профессор Д. М. С. Уотсон сообщил о получении Ваших статей, которые посчитал крайне интересными. В ближайшем будущем попытаюсь Вам прислать две мои последние статьи, две другие ещё в печати.

Буду очень рад возобновить переписку с Вами, если почта будет нормально ходить. Есть много интересных вопросов, которые хотелось бы обсудить с Вами.

С уважением,
И. А. Ефремов
Куратор Палеонтологического института и музея
Академии Наук СССР.

Перевели Лариса Михайлова и Юлия Берлин

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 9

Москва
29 июня 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Получил Ваше письмо с хоанными измышлениями[1] и несколько раньше открытку с просьбой о бедре никтифруретуса. Второе легко исполнить, и я пошлю Вам, как только будет оказия, два хороших фрагмента.

Ваша идея с хоанами мне весьма нравится, настолько, что я советую Вам, не откладывая в долгий ящик, написать об этом статью, пусть небольшую — тем легче будет опубликовать. Кое-что соображали по этому поводу Ромер и Олсон, но без всякой настоящей морфологической основы, как получается у Вас. Однако, оперируя с зависимостью пища — дыхание, нельзя слишком тероморфизировать пресмыкающееся. У него дыхательный режим существенно иной, чем у млекопитающего. Вспомните хотя бы крокодила — ведь эта тварь способна страшно долго лежать под водой без всякого дыхания — я сам наблюдал. Т[аким] о[бразом], для травоядного при более медленном измельчении пищи возможность иметь дыхание важнее, чем для быстро глотающего хищника, однако развитие вторичного нёба мы имеем сначала, пожалуй, для хищных форм. В этом противоречии кроется какое-то важное заключение... Возможно, что дыхание этих хищных форм было подобным дыханию млекопитающих... но тогда, значит, они были теплокровны!

В общем, посмотрите ещё несколько форм с различным способом питания, и получится интересная работа.

Сейчас в связи с новым законом печатание за границей, до напечатания у нас, кончилось! К счастью, положение с печатью у нас в Академии как будто начинает выправляться. В 48 году, по-видимому, произойдёт значительное улучшение. Я пострадал на этом деле — моя статья[2], только что написанная для Королевского общества Южной Африки, по их предложению, в юбилейный сборник Брума, — погибла.

Теперь придется печатать её здесь, что гораздо медленнее, да и интереснее она для них, так как касается преимущественно Южной Африки. Но что поделать! Во всяком случае, теперь ни на какие конгрессы я не ездок! К чёрту!

---

[1] Речь идёт о «хоанах» — внутренних носовых отверстиях у позвоночных животных и человека, соединяющих носовую полость с ротовой и глоткой.

[2] О какой статье идёт речь, установить не удалось.

Да, ещё чуть не забыл! Обратите внимание на УГЛУБЛЕНИЕ хоанной области у некоторых травоядных форм — аномодонтов и дейноцефалов. По-моему, смысл этого заключается в поднятии хоанных отверстий над челюстными краями, чтобы вывести их из той плоскости, в которой перемалывается пища. У венюковии прямо имеется желобок на задней стороне хоанной ямки, по которому мог идти воздух.

Вы зацепили интересный вопрос, и его стоит опубликовать своевременно, не дожидаясь каких-то громадных обобщений. Интерес его вполне закончен и в той плоскости, в какой Вы его рассматриваете.

Что до Шестаковой, то я как-то ехал с ней в машине, и она рассказывала, что получила от Вас интересное письмо и собирается отвечать. Говорила, что Вы крайне категорически там высказываетесь. Вот и всё, что я знаю. Но сейчас ей не до писем, в ИЭМе идёт какая-то смута, что-то собираются сокращать, и она тревожится за свою судьбу.

Большой привет Вам от Е. Д. Она восхищена Вашим письмом. От меня, конечно, Г. Ю. и Вам.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

10 И. А. ЕФРЕМОВ — С. И. ВАВИЛОВУ[1]

5 июля 1947 г.

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

В ответ на Ваш запрос Палеонтологический институт представляет следующие соображения о возможности исполнения в 1947 г. *Монгольской палеонтологической экспедиции.*

Мы считаем необходимым приложить все усилия к выполнению почётного задания и просим Вас рассмотреть нижеследующие соображения и план работ, представляющийся нам наилучшим.

1. Ввиду того, что организация экспедиции могла начаться только после постановления правительства, состоявшегося 24 июня, налицо крайнее запоздание с отправкой экспедиции. Ряд мероприятий, совершенно необходимых для дальней, громоздкой и зарубежной экспедиции, как то: подготовка снаряжения, оформление выездных дел, виз, таможенных лицензий и т. п., не может быть

[1] Письмо И. А. Ефремова и Ю. А. Орлова Президенту АН СССР академику С. И. Вавилову было вызвано озабоченностью неудовлетворительной подготовкой экспедиции в Монголию. Как начальник экспедиции Ефремов отвечал за жизнь людей и результативность палеонтологических раскопок, которые Палеонтологический институт впервые проводил самостоятельно за границей. От её результатов зависели будущее института, отношение к палеонтологии как самостоятельной дисциплине, возможность сбора и препаровки новых ископаемых растений, животных. На письме рукой С. И. Вавилова зафиксированы две резолюции: «Бюро Отделения биологических наук. На рассмотрение. Со своей стороны план считаю приемлемым. С. Вавилов. 5 июля 1947 г.» «И. В. Зубову, Л. Г. Шидловскому. Прошу рассмотреть, дать заключение. С. Вавилов. 5 июля 1947 г.».

Обращение к президенту помогло создать приемлемые условия для работы экспедиции, хотя и после распоряжения президента и главного учёного секретаря Н. Г. Бруевича организационных и технических недоработок в её подготовке оставалось достаточно.

проведён в несколько дней, а потребует, при самых лучших условиях, не менее месяца. Провоз машин и снаряжения до границы — также месяц. В итоге мы не сможем быть в пределах МНР ранее сентября и то лишь при непременном условии, если по всем отделам Президиума будет отдано распоряжение о немедленном исполнении всех мероприятий по экспедиции. По опыту прошлого года мы убедились в том, что даже немедленное исполнение затягивается на десятки дней.

2. Примером медлительности исполнения может служить положение с новыми штатными единицами для Монгольской экспедиции

Монгольская экспедиция, в разрешённом правительством объёме, является крупным предприятием, для обеспечения нормальной работы которого институту необходимы дополнительные штатные единицы на вспомогательный персонал, особенно для помощника начальника экспедиции по адмхозчасти, а также младших научных сотрудников и препараторов-лаборантов. Эти люди должны быть заранее подобраны, проверены на работе и оформлены на выезд одновременно с основным составом. Однако заявка института, поданная на 4-х человек в марте с. г., до сих пор лежит без движения, и новые единицы вообще не получены и вряд ли будут получены ранее четвёртого квартала. Таким образом, экспедиция не обеспечена нужными кадрами и не имеет даже хозяйственника.

3. По прибытии на место, в МНР, экспедиция не может немедленно приступить к работе. Необходим известный срок, чтобы получить продукты, вывезти бензин с пограничной базы Союзнефтеэкспорта, подобрать переводчика, рабочих и оформить весь личный состав пропусками в монгольскую погранполосу. Всё это, при специфике МНР, потребует минимум 20 дней с момента приезда всего состава и автомашин, так как без автомашин ничего сделать нельзя. Таким образом, и сентябрь практически уйдёт на подготовку и на полевые работы останется только один октябрь. С первых же чисел ноября в Гоби наступает мороз, исключающий ведение палеонтологических работ. Для высокогорных западных районов, подлежащих рекогносцировочному исследованию по плану 1947 г., и октябрь не пригоден для полевых исследований

4. В итоге совершенно очевидно, что экспедиция в попытке использовать полевой сезон 1947 г., при самом лучшем стечении обстоятельств, будет иметь не более месяца на полевую работу. И этот месяц может быть использован не для планомерного развития работ в том направлении, в каком нужно, а только для случайной эпизодической работы. Чтобы работать в октябре, нужно ехать на юг, в Гоби, а для серьёзных раскопок в Гоби необходим срок, несравненно более долгий.

Представляется совершенно нецелесообразным занимать значительную часть квалифицированного состава института на работу, которая может дать столь ничтожный результат при долгой и трудоёмкой организации, не говоря уже о непроизводительных затратах ассигнований. Нельзя забывать, что предварительное ознакомление с условиями работы в МНР и завязывание деловых отношений с монгольскими организациями уже проделаны экспедицией 1946 г. Поэтому следующая стадия палеонтологических исследований в МНР заключается непосредственно в продуктивной работе и не требует более никаких предварительных мероприятий, кроме рабочей подготовки транспорта, создания баз и завоза материалов. Но в то же время посылка экспедиции в 1947 г. только для этой рабочей подготовки слишком нерентабельна, поскольку составу экспеди-

ции придётся вернуться в Союз и ждать следующего оформления по разрешению 1948 г. Равным образом средства, затраченные на создание баз по горючему и продовольствию, останутся на балансе экспедиции, что не может быть разрешено по существующим законоположениям. Оставление состава экспедиции и автомашин в Монголии с сентября до следующего полевого сезона без работы в течение минимум четырёх месяцев также является недопустимым.

5. Наиболее здравым решением для осуществления экспедиции нам представляется отправка экспедиции поздней осенью 1947 г. в полном составе автомашин и снаряжения и с большей частью людей (см. прилагаемый календарный план работ МПЭ 1947 г.). Тогда за декабрь 1947 г., январь и февраль 1948 г. будет выполнено всё необходимое и созданы все базы как для раскопок, так и для рекогносцировочных исследований. Полный разворот работ начнётся с марта 1948 г. и экспедиция будет иметь восьмимесячный полевой сезон 1948 г.

Если такое мероприятие не представляется возможным, тогда остаётся только поставить вопрос о переносе работ 1947 г. на 1948 г. при непременном условии исходатайствования всех нужных разрешений (на валюту, людей, бензин и т. п.) к январю 1948 г.

Такое же раннее ходатайство необходимо и для обеспечения продолжения работ по первому варианту, т. е. при выезде в конце 1947 г.

Директор Палеонтологического института АН СССР,
заслуженный деятель науки, профессор
Ю. А. Орлов

Начальник 1-й Монгольской палеонтологической экспедиции АН СССР 1946 г.,
профессор
И. А. Ефремов

11 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
19 июля 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я сразу не писал Вам, так как совершенно завертелся с монгольскими делами, бешено отбрыкиваясь от бессмысленного немедленного выезда. Это, наконец, удалось. Теперь выезд состоится в конце ноября, но зато на зиму и лето будущего года, с возвращением в октябре.

Пока я с завтрашнего дня в отпуску и буду жить на даче под Москвой, опекая сына и трудясь над тафономией. Е. Д. на будущей неделе отбывает в экспедицию — объезд пермских местонахождений в Татарии, Башкирии и Чкаловской области. М. б., и найдётся что-либо интересное... Во всяком случае для моих зон жду важных данных.

Во второй половине сентября намерен быть в Ленинграде на довольно продолжительный срок. Тогда мне хотелось бы потолковать с Вами поподробнее о моей книжке о глубинах времён[1]. Пишите мне по-прежнему, доро-

[1] И. А. Ефремов имел в виду научно-популярную книгу «Жизнь в глубинах времен», которую он не успел написать.

гой А. П., — я буду в городе во всяком случае раз в неделю и вполне могу регулярно отвечать на Ваши письма. А у Вас, видимо, голова до такой степени наполнена всякими интересными идеями, что Вам нужно побольше опубликовывать. Иначе Вы взорвётесь…

А идеи очень и очень неплохи!

Большой привет Г. Ю. от Е. Д. и меня. Е. Д. буквально потрясена смелостью Ваших идей, но они ей очень нравятся!

Всегда Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 12

Москва — Абрамцево
30 июля 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я получил Ваше письмо в самый момент отъезда на дачу и не смог ответить немедленно. Пишу с дачи и переправлю в город с ближайшей оказией. Что Вы переутомились, дорогой друг, это, конечно, печально, но в этом нет ничего удивительного. Уж очень Вы яритесь в работе и гребёте под себя много вопросов… Я как-то не так делаю — правда, тоже много, но вопросы разнообразнее, после моего включения в литературу.

Теперь Вам нужно отдохнуть, и всё придёт снова само собой. Но так как отдыхать Вы не умеете (и я, признаться, тоже), то отдыхом для Вас будет перемена деятельности. Займитесь ну хоть египтологией, что ли, конструированием глубоководных чудовищ или ещё там чем — Вам виднее. А ещё лучше приезжайте в Москву и ко мне на дачу — места у меня много, и мы с Вами отлично проживём недели две-три.

Будем собирать грибы, понемногу толковать о разных вещах нашего интересного мира, и Вы отлично отдохнёте. Верно, дорогой, подумайте серьёзно…

Проезд Вам бесплатен по орденской, возьмете рейсовую карточку для хлеба, а остальным — прокормимся. Хорошее молоко и свежую картошку гарантирую.

Вот было бы здорово!

Напишите, как Вы относитесь к такому проекту. Е. Д. уехала в Приуралье, мы, мужики, живём самостоятельно (я и сын). Если прибавится ещё мужик — ничего кроме хорошего не будет.

Кстати, давно уже собираюсь Вам сообщить, но всё как-то забываю. Я в своих египетских изысканиях дознался происхождения слова «зух». Оказывается, это египетское слово «зухи», что значит — крокодил. Когда греки захватили Египет и познакомились с крокодилами, это слово вошло в греческий язык и превратилось в «зухос», приняв греческое окончание. Латинизируя это слово, Брум и получил загадочное «зухус», которого нет ни в одном из доступных нам словарей. Итак, Ваше прозвище, надо сказать, довольно почтенно как по древности происхождения, так и по животному, которое обозначает.

Большой и неизменный привет Гильде Юрьевне. Скажите ей, что я прошу её посодействовать мне в выпихивании Вас из Лен[инграда] ко мне на дачу.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

13 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
2 декабря 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я очень давно не писал Вам. Сразу же по приезде из Лен[инграа]да я окунулся в такую кучу дел, по сравнению с которыми прошлогодняя подготовка к экспедиции показалась пустяком. В этом году пришлось преодолеть такие трудности (и приходится продолжать преодолевать), что я начинаю серьёзно задумываться над целесообразностью в дальнейшем формировать столь крупные экспедиции в наших конкретных условиях. Чудовищный бюрократизм, абсолютное чиновничье бездушие буквально в каждом деле создают совершенно непредвиденные препятствия, на которые уходят все силы и всё время. И тем досаднее тратить их не на борьбу с реальными препятствиями, с пустынями, с природой, а на гнусную бумажную волокиту, из-за которой большое дело чуть не срывалось уже несколько раз. Стоило только опустить руки и — конец. Как бы там ни было, это не деятельность для учёного, особенно когда впереди так много ещё нужно сделать настоящего, письменного... Ну вот, что называется, отвёл душу.

Вдобавок ко всему мне пришлось, уже по ночам, подготовлять для печати свою тафономию, так что сейчас чуть жив.

Поэтому мне не хотелось писать Вам, особенно после тёплых и откровенных наших вечеров, кое-как, только-только, чтобы написать первые попавшиеся слова.

Теперь, когда основные дела позади и я уже не так измотан, могу писать по-человечески и — первое письмо — Вам.

Я думал лететь 4-го декабря, но опять возникло препятствие, и приходится задержаться, чему я очень рад — хоть чуть-чуть вздохнуть. Поеду поездом 9-го, так что ежели будет Ваше благоволение, успею ещё получить Ваше напутственное письмо. Год — срок большой, многое может произойти в наше время. Поэтому было бы хорошо, если бы Вы не забывали о существовании Вашего друга в далёкой стране и время от времени посылали о себе весточку, имея в виду, впрочем, что письма идут минимум два месяца и проходят цензуру. Посылать надо обязательно авиапочтой по адресу: Монгольская Народная Республика, Улан-Батор, Комитет наук МНР, начальнику Палеонтологической экспедиции Академии наук СССР, профессору И. А. Ефремову. Будет очень приятно хоть изредка знать, что Вы живы, здоровы, узнать о Ваших успехах и всё такое.

На прощание у меня к Вам есть просьбы — научные и ненаучные.

Научные заключаются в следующем: не забывать про котлассий с Камы (Молотово) и про котилозавра с Печоры ввиду их первостепенного стратиграфического значения и для проверки моих зон в частности. Геологи ждут. Также не хотелось бы, чтобы Вы совсем забросили северодвинских парейазавров. Они по плечу только Вам, и Вам ли объяснять всё значение подобной работы для палеонтологии.

Ненаучные: пожалуйста, берегите себя, помня о том, что годы уже не те и что предупреждение уже было. Постарайтесь всё же выехать хотя бы ненадолго в экспедицию от ПИН или ЛГУ, всё равно, посмотрите Ваших зверей

в природе и сами вздохнёте перед её лицом, не терпящим мелочей и наших жалких повседневностей. Невероятно одиноко будет, если Ваша столь хорошая и светлая голова выйдет из строя… Сейчас вот едешь надолго и думаешь — ну, если что, там есть Алексей Петров[1], с ним древнейшие позвоночные всё равно пойдут, огонёк знания и работы не погаснет совсем…

Так-то вот, дорогой друг!

Об институтских делах не пишу, я за последнее время мало занимался ими. По-видимому, переезд в Лен[инграл]д отнюдь не исключение[2], и, кто знает, может, я там уже получу приказ грузить вагоны прямо в Лен[инграл]д. В остальном у нас всё же не совсем что-то ладно, начинаются как будто всякие интриги. Ну, об этом, я думаю, Вам напишет Ю. А., он сейчас в санатории «Узкое» на отдыхе, и время у него есть. Д. В. там же, поправляется медленно, но верно. Кажется, после Нового года приступит к работе. Как чувствует себя дорогая Гильда Юрьевна? Пожалуйста, передайте ей мой самый лучший, самый тёплый привет и кроме того большую благодарность от меня как от учёного за Вас. Если сами не поймёте, за что, — она поймёт.

Елена Дометьевна вкладывает сюда свою записочку — у неё к Вам просьба посоветовать, куда устроить в хорошую больницу её подругу детства, почти сестру, которая при смерти сейчас в условиях весьма скверных. Вам нужно только посоветовать, куда и к кому обратиться, если к Вам обратятся за советом те, кто будет о ней хлопотать…

Ну вот, дорогой мой А. П., — до свидания на довольно большой срок. Пишите. О деньгах не беспокойтесь до моего возвращения, а если всё будет хорошо, то и значительно дольше.

Неизменно Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Здесь И. А. Ефремов называет А. П. Быстрова на древнерусский манер.

[2] После обращения Президиума АН СССР Совет Министров СССР принял решение о перемещении ряда биологических научных учреждений из Москвы в Ленинград. Среди них оказался и Палеонтологический институт. Однако институту удалось доказать нецелесообразность нового перемещения (Палеонтологический институт и его коллекции были вынуждены дважды совершать переезд — в 1935—1936 гг., 1941—1944 гг.) в неприспособленное здание в Ленинграде. Кроме того, это могло привести к длительному перерыву в научно-исследовательской работе.

1948

1 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Улан-Батор
10 февраля 1948 г.

Дорогой Алексей Петрович,

наверное, Вы ещё ни разу не получали писем из Монголии, и я подумал, что сие Вам может быть приятно. А мне весьма приятно будет получить весточку от далёкого друга из Ленинграда.

Я сижу в своём кабинете, залитом ярким монгольским солнцем. Перед окном — вид на помойную яму, но дальше из-за забора видна высокая белая башня монастыря Гандан, за ней округлые невысокие горы, а над всем — чистое, чистое небо, в таком прозрачном воздухе, какой бывает только высоко в горах...

Первый этап экспедиции закончен. Самое трудное — отрыв от родной земли и элементарное устройство на новом месте. Затем перевозка всего огромного снаряжения на центральную базу, в морозы, при нехватке шоферов и постоянных поломках машин.

Теперь нам нужно перевезти лес, перебрать все снаряжение, отремонтировать машины. Тогда можно будет двигаться на юг, в Гоби. Не дождёшься этого момента — уж очень надоели кляузные организационные дела и сидение в городе. Но всё ещё очень холодно, а палеонтолог — не геолог, копаться в мёрзлой земле не будешь. Как на грех, и зима этого года очень холодная, поэтому раньше 15-го марта в степь не двинешься. Следовательно, палеонтологическими новостями могу начать Вас снабжать не ранее апреля.

Настроение у меня кислое. В эту экспедицию поехал без всякого желания — много дел и помимо Монголии, дел значительно более интересных. А тут ещё без меня сын заболел скарлатиной — не люблю я этой проклятой болезни, у ней ведь всегда тенденция к кляузным осложнениям. Сижу здесь как хомяк в норе, оторванный от всего... Кстати, тут хомяков очень много — так и прут в квартиру, грызут все напропалую и разносят злокачественный лептоспироз[1]. Я их стреляю из малопульки.

Попадалась ли Вам книга: Шрёдингер. Что такое жизнь с точки зрения физики?, изд. «Интернациональная литература», Москва, 1947 г.? Советую прочитать, весьма интересно. А если уже читали, не откажите сообщить Ваше мнение. Хотелось бы получить от Вас палеонтологические новости...

---

[1] Острая инфекционная болезнь, характеризующаяся поражением мелких кровеносных сосудов печени, мышц, центральной нервной системы.

Не забыли ли Вы про батрахозавра из Печоры? Меня очень интересует, что это за штука.

Я приобрёл перед отъездом в нашем книжном отделе новейшую физическую антропологию (американскую). Думаю, что она для Вас будет интересна. Тогда напишите Елене Дометьевне, и она Вам её перешлёт с оказией, если Вы сами так и не соберётесь побывать в Москве. Я не знаю последних данных, но дело с нашим переездом опять воскресло из небытия и, по-видимому, имеет устойчивую тенденцию к дальнейшему развитию.

Я, в конце концов, начинаю думать, что, может быть, оно и к лучшему. Последний отрезок положенной мне жизни пройдёт в более спокойной обстановке и, е[сли] ж[ив] б[уду], удастся сделать побольше…

Большой привет Гильде Юрьевне. Надеюсь, что Вы уже окончательно совладали с черными цветами?[1] Последние сведения о Вас были вполне благоприятны…

Будьте же здоровы, дорогой. Пишите по адресу: Монгольская Народная Республика, Улан-Батор, Комитет наук МНР, начальнику Палеонтологической экспедиции Академии наук СССР, мне.

Письма сейчас ходят гораздо приличнее, чем в прошлом году, всего две недели до Москвы в среднем.

Не откажите передать привет всем знакомым, кого увидите.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 2

Улан-Батор
19 февраля 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович!

Должен признаться, что до приезда Вылежанина я не раз изрыгал чёрные слова в Ваш адрес, не в силах понять Вашего молчания по всем без исключения моим запросам. Этого можно было избежать, если бы Вы попросту протелеграфировали мне частным порядком о том, что отвечать не можете. Я бы всё-таки сообразил бы что-нибудь... Очень буду Вас просить придерживаться этого в дальнейшем, иначе тут, на расстоянии шести тысяч километров, чёрт знает до чего додуматься можно. Вообще же над этим обстоятельством нужно крепко призадуматься. Если и в дальнейшем связь экспедиции с институтом будет находиться в том же положении, то придётся попросту отказаться от столь экзотических предприятий. Например, сейчас я оказался как на необитаемом острове, так как не знаю решительно ничего. Вылежанин мне не сумел передать ничего толкового, то ли потому, что забыл (то ли потому, что ему не было ничего рассказано толком).

Если бы такое дело пришлось на середину сезона — чёрт с ним и трижды чёрт, но ведь сейчас я должен знать всё, чтобы не оказаться в дураках и не спланировать невозможных задач. Например, как кредиты — уменьшены

[1] И. А. Ефремов имел в виду цикл стихов А. П. Быстрова «Черные цветы», которые писались в периоды депрессивных состояний из-за житейских неурядиц. По свидетельству Г. Ю. Быстровой, Иван Антонович называл это состояние своего друга «утренней тоской».

или нет, есть ли разрешение на бензин этого года, как дела с контингентом, каков план финансирования. Сейчас денег осталось пять тысяч — продолжать ли заготовку всего нужного или, если деньги задержатся, всё приостановить? В зависимости от кредитов — как рассчитать маршруты, сколько заготовить и завезти леса, сколько набрать переводчиков и дополнительных рабочих и т. д.

Необходимо любыми мерами известить меня по всем основным вопросам, или я не смогу обеспечить своевременного выезда и дельного начала работ — нельзя же гадать. Любой капитан знает же, сколько угля у него на судне, как без этого выйти в море, чушь невозможная.

Наши дела обстоят сейчас следующим образом: заканчиваем вывозку всего снаряжения с границы и на днях приступаем к ремонту машин. Будет очень важно своевременно получить запасные части и краску. Одновременно налаживаем все палатки, инструменты, водяную тару и заготовляем большое количество ящиков. Первая порция леса будет распилена к двадцать пятому, брёвна мы уже привезли. Продовольствие частью уже завезено на базу (здешнюю), на остальное не хватило денег. Если деньги прибудут не позднее первого марта, то можно считать, что всё обошлось благополучно. В этом случае около пятнадцатого мы выедем в поле. Раньше выезжать при холодах этого года не имеет смысла, а дел хватит до самого выезда.

Научную силу на двух тяжёлых машинах и козле, во главе со мной, я направлю в Сайн-Шанду, чтобы закончить долги 46 года. Три тяжёлые машины, под началом Шкилева, будут возить в это время всё нужное в Далан-Дзадагад. Около двух недель в Сайн-Шанде нам хватит — в самом начале апреля с грузом коллекций мы прибываем в Улан-Батор и выезжаем в Далан без всякого промедления.

Там я направляю научную силу в Баин-Дзак, где будет раскинут лагерь и оставлена одна машина. На всех остальных я отправлюсь на поиски хорошей дороги в Нэмэгэту. Как только дорога найдена, машины отправляются назад за второй порцией груза и научной силой, и мы начинаем обследование Нэмэгэту и сразу же Гильбэнту для определения самого богатого участка. Как только такой участок будет найден, там развёртывается главный лагерь, который и служит основной базой для всех последующих работ.

Таким образом к концу апреля уже будет закончена Сайн-Шанда и раскопки в Нэмэгэту развернутся полным ходом, сопровождаемые исследованием всей цепи костеносных пород этой котловины. В мае можно будет приступить к организации Великого западного маршрута[1], с тем чтобы в конце мая отправиться в него (или в самом начале июня). Насчёт этого маршрута у меня ещё нет полной ясности, так как весьма многое зависит от размеров подлинных сметных ассигнований. Однако уже сейчас можно сказать, что прежний размах этого маршрута несколько фантастичен, ибо общие размеры и длительность наших перевозок в этом году, при удаче раскопок, потребуют напряжения всех сил нашего автопарка. Для столь дальнего маршрута нужно бы иметь более мощную автоколонну и значительно большее количество бензина, который

[1] Так И. А. Ефремов называл поисковый маршрут совершенно не исследованных ранее районов Монголии к западу от основного лагеря Нэмэгэту для обнаружения местонахождений ископаемых мезозоя и кайнозоя.

зисищи[1] жрут, как голодающие. Поэтому возможно, что придётся отказаться от заезда в озёрную котловину и повести маршрут прямо из Нэмэгэту, вдоль котловин южного склона Монгольского Алтая в Заалтайскую Гоби к краю Джунгарской Гоби, с выходом на Цаган-Олом, где будет создана бензобаза. Отсюда можно будет завернуть петлю на восток, в район Орок-Нура, с выходом к подлежащим обследованию дополнительно местам в Гурбан-Сайхане и оттуда в Далан. Однако, если с ассигнованиями будет всё благополучно, то при наступлении сильной жары в Нэмэгэту возможно будет бросить часть народа в озёрную котловину налегке. Тут ещё многое будет зависеть и от чёткости работы машин, которая пока очень неблестяща — плохие машины, и от наличного людского состава второй очереди. Таковы наши планы. Не откажите написать Ваше мнение. Я пишу только в самых общих определениях, но для Вас, конечно, всё будет ясно.

Если средства будут сокращены, то, пожалуй, рационально будет сократить срок экспедиции, оставив прежнюю интенсивность работ, так как сокращение транспортировки лишь затянет всю музыку и не даст поэтому экономического эффекта. Отсюда следует, что при сокращении средств было бы хорошо Вам и Флёрову прибыть сюда так скоро, как только это будет возможно. Тогда в самом начале мая можно бы было отбыть в маршрут и закончить его к середине июня. Но уж тут я не могу дать никакого прогноза — это видно только в Москве... Что касается людского состава следующей очереди, то опыт с Сытовой учит не возлагать никаких надежд на случайно привлечённых людей и опираться только на тех, чей интерес и желание являются подлинными. Лучше меньше, да лучше, а при трудностях с финансами и транспортировкой — и подавно.

Ещё кое-что о наших делах. Финансовый отчёт давно готов и сейчас будет отправлен при первой возможности. О сумме его уведомим телеграфом, так как отчёт через миссию (другой возможности послать его нет) пройдёт около двух месяцев, если считать по срокам прошлого года. Хотя, может быть, это сейчас ускорилось — не знаю.

Задерживает отчёт нелепая вещь, совершенно подобная нелепостям, не раз случавшимся с нами во время этой экспедиции.

У меня сейчас сильная невралгия правой руки — воспаление брахиального нерва. Боли такие, что не дают спать, и рука не работает. Хорошо, что есть пишущая машинка — вот и пишу Вам левой рукой. Но в отчёте мне нужно подписать более трёхсот документов, и это никак невозможно.

Все наши люди приведены в сильное смущение вестями, которые привёз Вылежанин по поводу переоценки спецодежды. Если таковая переоценка будет действительно иметь место и по тем ценам, которые нам сообщил Вылежанин, то будет неладно. Все собираются вернуть спецовку, так как действительно здесь можно приобрести подобный же хлам несравненно (в два-три раза) дешевле. Тогда придётся отправлять назад целый груз спецодежды, ибо я не вправе принудить людей брать то, что они не хотят. Поэтому передайте Нине Леонтьевне, что мы с нетерпением ждём новых расценок. Только после этого будет окончательно разрешён вопрос со спецовкой и послан акт о количестве розданной и оставшейся спецодежды. Пока же никто не решается ничего брать.

---

[1] Имеются в виду грузовые автомобили ЗИС-5.

Также я не имею ответа от Нины Леонтьевны по поводу метода актирования денег, пропавших в Наушках. Сумма (семь тысяч) настолько велика, что я не могу требовать её ни со Шкилева, ни с Эглона, в распоряжении которых находились деньги. Сам я тоже, разумеется, ни в коем случае ни копейки платить не собираюсь, так как хватит с меня бочек и прочей благотворительности, достойной лучшего употребления, а помимо всего прочего, я сам находился в это время в Москве. Деньги находились в Наушках в распоряжении Рождественского и Преснякова, так как с минуты на минуту должен был подойти лес и прибыть рабочие. Шкилев с Эглоном были в это время уже в Улан-Баторе и сразу же послали телеграмму, но она пришла семнадцатого. Семнадцатого было уже поздно посылать какие-либо отчёты, да это и было невозможно сделать за отсутствием Шкилева. Принять на перевод деньги категорически отказались с показанием суммы в старых деньгах, а только в новых (1:10). При обмене также категорически было отказано в какой-либо справке о количестве сданных старых денег. Поэтому сейчас один выход — составлять соответствующие акты и судиться с ин[ститу]том. Нам нужно бы получить какие-либо указания на форму подобного акта. Если таковой не существует, нужно об этом сообщить — будем действовать тогда по собственному разумению.

Ну вот, в общем все наши дела. И так письмо получилось с целую статью. Что до меня самого, то я пребываю в весьма кислом настроении. Чудовищные неурядицы с экспедицией, отвратительное положение дома (как ни храбрится Е. Д. в телеграммах — я ведь представляю себе, каково всё это), мерзкая штука с рукой — всё это, конечно, прошибло тот слой сала, на который Вы обычно ссылаетесь. Ну, с экспедицией дело, конечно, выправится, как оно выправится и со всем остальным, но мне крайне не по вкусу современное положение со связью. Раз нельзя быть в курсе научных дел, нельзя получать нужные оттиски и некоторые книги, то это значит, что здесь работать нельзя и, следовательно, немыслимо долго сидеть тут, кроме дисквалификации ничего не получится.

Равным и ещё более сильным образом повлияла на меня болезнь сына и Е. Д., очевидно, что оставлять семью на столь долгий срок нельзя.

По всем этим, вполне здравым, по-моему, соображениям, если экспедиция будет проходить в полном объёме по срокам и приезд Е. Д. не состоится (а теперь я не знаю, как вообще всё это будет по состоянию здоровья), я попрошу Вас сменить меня примерно в конце июня. К этому сроку всё будет на полном ходу, основные маршруты сделаны и экспедиционная машина может быть принята от меня в совершенно налаженном состоянии, со всеми разрешёнными вопросами. Останутся лишь доделки и обратный выезд.

Прошу учесть это совершенно необходимое мероприятие при комплектовании сил второй очереди.

Ну вот, теперь с делами всё. Хотелось бы знать о Ваших делах, об ин[ститу]те, защитил ли К. К. диссертацию, о дальнейших ленинградских перспективах (о том, что мы не попали в первую очередь, я уже знаю от Вылежанина), о положении с замдиром, наконец о своей тафономии.

Пишите, дорогой Ю. А., письма ходят довольно регулярно, с двухнедельным сроком (авиа). Наш общий адрес теперь: МНР, г. Улан-Батор, почтамт, п/я 374. До выезда в поле я ещё успею получить от Вас письмо, по которому

и буду ориентироваться в дальнейшем, а в Улан-Баторе проездом я буду и в начале апреля, и в начале мая, не считая регулярной крейсировки машин, которые будут доставлять нам в Гоби всю почту.

Привет Наталье Павловне и всем товарищам по институту.

А Вам бы не худо попасть бы в Гоби поскорее — ведь в Гоби забудутся все наши неурядицы и неудачи и останется чистая радость пути и исследования.

Неизменно Ваш
И. Ефремов

P. S. Поскольку это письмо важно — не откажите уведомить телеграфом сразу по получении.

И. Ефремов

Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

3

[Москва]
12 марта 1948 г.

Дорогой Иван Антонович!

Большое спасибо за письмо от 19/II. Я не сомневался в том, что Вы бранили меня за медлительность в известиях о делах и московских новостях. Не имею возможности подробно пояснить причины медлительности, могу только сказать, что я менее виноват, чем Вы могли бы предполагать, и что за это время я потратил массу энергии и времени на преодоление всевозможных сложностей в делах института и вопросов, связанных с ним.

Сообщаю Вам повторно о том, что в постановлении начальства, копии которого направлены куда надо, сказано о том, что Министерство внешн[ей] торг[овли] должно поставить в МНР Палеонтологической экспедиции АН СССР в 1948 г. 30 тонн автобензина и соответствующее количество масел, а также обеспечить весь личный состав экспедиции продовольствием и промтоварами по нормам, действующим в МНР. О финансах Вам уже всё сообщено Тимошевской. Бензиновые бочки для автобазы (40 шт.) готовы, равно как и запасные наши собственные 8 бочек — сообщаю Вам для справки.

Президиум АН СССР ввиду возросшего объёма работы ин[ститу]та установил должность второго зам. директора, без увеличения штатов. Таковым, вероятно, будет Данильченко.

Меня очень огорчает Ваше, как Вы пишите, «кислое настроение» в итоге всех неурядиц, болезней дома и т. д. В общем, однако, всё это постоянно улаживается. Единственное, чего я не могу уладить, так как это встречает отказ в соответствующих инстанциях (Волков справлялся, в том числе при мне, притом с очень убедительной мотивировкой у кого следует), — это направление Конжуковой с сыном в МНР. Я ещё не оставил попытки выяснений, но больших шансов на успех не вижу, вернее, пока их не вижу вообще. Огорчительность этого для Вас, по причинам деловым и личным, пояснений не требует. Что касается Кирпичникова, то до его появления ничего гарантировать, понятно, нельзя. Флёров и я будем оформляться теперь, без промедлений, и, разумеется, если будет соответствующая виза, приедем к Вам в начале июня.

На меня навалилась масса дел (совещание у Малышева, непроворотная комиссия у Кафтанова, вопрос с печатью и др.). Сондак завален потоком бумаг и распоряжений.

Как всегда, циркулирует ряд слухов о предполагаемых реорганизациях и переорганизациях и репереорганизациях.

Хочу провести, вернее вынужден провести, если удастся, ремонт у нас в подвальном этаже и наверху, на втором. О реконструкциях в здании музея пока необходимо молчать.

Надеюсь, что нас пока оставят в покое и в Ленинград не повезут.

Жукова работает как ювелир! На подмогу ей в черновой работе, очистке костей от породы, помогают Сосновская (2 дня в неделю), Переславцева (3 дня в неделю), моя университетская лаборантка, очень хорошая (3 дня в неделю).

Щеглова сломала себе левую руку (лучевая и локтевая кости). Олечка Туровская переменила фамилию на Обручева; я так обрадовался, что даже поцеловал её при всех.

Обнимаю вас всех.
Ю. А. Орлов

4 И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ

Улан-Батор
14 марта 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович.

Сие письмо полагаю важным для Вашей ориентировки в наших общих делах, поэтому прошу не отказать сообщить телеграфом о его получении, дабы избежать всяческого недоумения и разногласия.

У нас — весна. Правда, ещё холодно, а по ночам сильно морозит, но ехать уже можно. Через два дня мы отбываем в Восточную Гоби, т. е. я и все «научники». Другая часть нас, под началом Шкилева, займётся перевозками в Далан. Пока всё идёт по тому плану, который имел честь ранее переслать Вам. Экспедиция встала полностью на колеса. Для ясности изложения сначала оглянемся назад, а потом бросим взгляд вперёд.

1. Испытание наших машин выявило множество дефектов, которые выказали чрезвычайно халатное комплектование нашей автобазой. Завтра составим общую дефектную ведомость <рукой Ефремова дописано: «Ведомость составим по выздоровлении Шкилева». — *Ред.*> и пришлём её Вам. Просьба перепечатать и один экземпляр направить Рябцеву, а другой Тарсису. Часть наших претензий относится к заводу, но большая часть — к автобазе. Этот ряд дефектов потребовал для своего устранения множество забот и крупные дополнительные расходы, не говоря уже о том риске, который бы получился, если бы мы сразу двинулись в Гоби на таких машинах.

Отсюда проистекает необходимость (не спешная) доставки нам, м. б., вместе с Вами, нижеследующих запасных частей: а) бобин ЗИС-5 — 6 шт., б) аккумуляторов ГАЗ-67 — 1 шт., в) фар студебеккеровских — 1 шт. (из двух присланных одна оказалась негодной), г) фар ЗИС — 2 шт., д) трамблеров ГАЗ-67 — 1 шт., е) валиков 3 и 4 скорости коробки скоростей ЗИС-5 1 шт., ж) крышки блока мотора ЗИС-5 с прокладкой и вентилятором — 1 шт. Осталь-

ное, в том числе даже задний мост ГАЗ-67 (оказался серьёзно дефектным), удалось пока достать здесь. Должно быть, недели через три, по возвращении из маршрута выяснится ещё кое-что, тогда телеграфирую Вам дополнительно и кратко, а Вы имейте в виду, что это дополнение к настоящему списку.

2. Сей опыт учит на дальнейшее, когда в экспедиции машин много, отнюдь не полагаться на автобазу и шофёров, от неё зависящих, а обязательно следить за комплектованием автоколонны своему человеку, достаточно разбирающемуся в автоделах.

3. Испытание людей пока выявило, что, несмотря на безупречную работу, Малеев и Новожилов находятся в жесточайшей депрессии как по поводу крайне длинного срока экспедиции, так и по впечатлению от сих мест. Оба только и мечтают «отбыть» поскорее сие наказание и более сюда не возвращаться. Малеев вообще удручён перспективой ленинградского почтамта и ввиду этого в институте оставаться не собирается. Таким образом, из всех новых кадров, завезённых сюда для нашей смены, пока наиболее перспективен только Рождественский, работой которого, кстати, я вполне доволен. Это серьёзный человек, пусть нудный, но работать он умеет и будет.

Все эти обстоятельства необходимо уже сейчас учесть, дабы наша экспедиция бесславно не кончила своего существования в дальнейшие годы попросту из-за полного отсутствия работников. Я здесь со своей стороны буду готовить Рождественского себе в заместители как наиболее пригодного на данный момент.

4. Сейчас здесь многое труднее и медленнее, чем в прошлом году, поэтому всякая вторичная организация на месте будет длительнее и затруднительнее, чем это было нами испытано раньше. Вследствие этого необходимо во что бы то ни стало перед выездом экспедиции в будущие годы засылать сюда человека на месяц раньше всего остального состава.

Таковы итоги проведённой здесь нами зимы, в самой общей форме. Они дают материал для мышления о годах 1949 и 1950.

Какие мероприятия мыслятся с Вашей стороны на ближайшее время? Вот вкратце, что представляется мне отсюда:

1. Общее сокращение сметы хотя и не затронуло её жизненных центров, тем не менее заставляет с осторожностью отнестись к последнему периоду её существования в этом году, так как пока мы идём всё время с известным превышением сметы в её последней редакции. Однако, мне думается, что сокращение числа рабочих, или отрядов, или числа работающих машин — бессмысленно, поскольку приведёт только к тому, что работу, которую мы можем сделать в пять м[еся]цев, мы сделаем в семь при той же стоимости. Посему я буду ориентироваться на повышение темпа работ, пока ещё вялого, опережение сроков разведочного маршрута, с тем чтобы закончить полевую работу к концу сентября, вывозку и погрузку к середине октября и окончательное оставление территории МНР всем без исключения составом в последних числах октября.

Сам я, по налаж[ива]нии последнего этапа работ — раскопок района Орок-Нура и обеспечении консервации экспедиции, планирую оставить свой пост в начале августа самое позднее, о чём писал Вам в более раннем письме.

2. Для обеспечения предлагаемого плана работ с Вашей, московской стороны совершенно необходимо:

а) перебросить все валютные ассигнования с IV квартала на II и III поровну, дабы не иметь бесполезных денег уже после ликвидации работ и тем самым не сократить ещё более уже сокращённую смету;

б) к моменту Вашего приезда сюда иметь уже вполне чёткое, подкреплённое соответствующими распоряжениями Президиума решение о характере ликвидации экспедиции и об оставлении здесь машин и снаряжения, характере консервации снаряжения и материалов. Необходимо также знать, оставим ли мы здесь человека (Шкилева) и на какой срок;

в) самый Ваш приезд, не говоря уже о Флёрове, определяет начало разведочного маршрута, маршрут определяет, в свою очередь, перестановку раскопочных работ. Отсюда явствует, что запоздание Вашего приезда вызовет замедление всей работы экспедиции, что не должно, разумеется, иметь места. Однако сейчас я затрудняюсь определить крайний срок Вашего прибытия на место, ибо он выяснится только после Сайн-Шандинского маршрута (сколько последний займёт времени, ибо у меня в отношении него есть новые планы, пока секретные: в случае удачи получите сюрприз, при неудаче — лишние три дня пребывания в маршруте). Поэтому окончательно сообщу Вам решительную дату о своем возвращении в Улан-Батор, что будет примерно после пятого апреля. С этого письма у нас с Вами связь прервётся недели на три, так что не беспокойтесь вследствие этого;

г) само собой разумеется, что при сокращении контингента и сметы никаких лишних туристов в экспедицию не требуется, ибо, насколько я понял из Ваших писем, реальных работников на это и будущее время сейчас пока нет, а других и не нужно;

д) необходимо иметь в виду, что наценка на спецодежду и сокращение контингента приведут к значительному остатку спецовки в нашей экспедиции. Нужно иметь от дирекции установку, что с ней делать: т. е. можно ли её оставить на складе до будущего года или переправить обратно. Последнее будет крайне дорого;

е) контрольная цифра работ этого года — три вагона материалов. Посему надо подумать о месте складывания этого груза и своевременно заказать вагоны на октябрь сего года. Вероятно, вагоны нужно будет заказывать не на ст. Наушки, а на ст. Сухэ-Батор, но это ещё увидим;

ж) также своевременно нужно будет получить разрешение ГТУ на пропуск без досмотра через Наушкинскую таможню 60 тонн палеонтологических материалов в ящиках, с досмотром в Москве.

Таковы главнейшие дела в Москве, от которых зависит чёткость исполнения нами здесь предположенных планов. Как видите, за исключением п. «а» они ничего невыполнимо сложного не содержат, да и п. «а», в сущности, только хлопотлив. Из всего вышесказанного также следует, что с оформлением Вашим медлить ни в каком случае нельзя.

Наконец, чтобы закончить дела экспедиционные, остаётся упомянуть про необходимость нам привезти (а в случае запоздания Вашего приезда — прислать самолётом) нижеследующие вещи, упомянутые в оставленной мною Вам памятке: 1) шведские банки 6 шт., 2) формалин в расчёте на ёмкость сих банок и с запасом (сезон коллектирования через месяц будет в разгаре), 3) мыло мышьяковистое или иного состава для консервации шкурок, 4) блесна и рыболовные крючки разного размера в пропорции, 5) чёрную краску дешёвую и прочную кило два.

О всяких художественных принадлежностях я и не говорю — Флёров сам должен позаботиться, чтобы привести себе всё нужное на большую и продуктивную работу, а в экспедиции денег на всё это хватит.

Ну, вот наконец всё. Что до меня, то рука у меня болит по-прежнему — такой злой напасти ещё не видывал за все экспедиции. Надеюсь на Гоби и тепло, но если эта надежда не оправдается, то что-то нужно будет предпринимать серьёзное, так как я не могу пока вести дневник, например, не будешь же таскать машинку с собой на обнажение. Молодых и хорошеньких стенографисток здесь не предвидится, впрочем не предвидится и старых, поэтому пока центральная научная сила экспедиции не в состоянии оформлять свои наблюдения.

Затруднения с приездом Е. Д. и сына меня чрезвычайно обескураживают, но, конечно, раз таков закон[1] — ничего не поделать, нужно, следовательно, планировать своё существование и пребывание в экспедиции как-то по-другому.

Должен признаться, что ленинградский почтамт меня не слишком огорошил: я уже как-то свыкся с мыслью, что подобная история и возможна, и в конце концов не будет совсем уж катастрофой. Однако если штатных единиц не будет, то почти несомненно нужно будет предпринимать какие-то внутренние передвижки штатов и в рассуждении переезда, и в рассуждении монгольских материалов, иначе мы погибнем с обоими мероприятиями.

Что до тафономии, то Ваше письмо меня обеспокоило медлительностью Р. Ф. Если его темпы и в дальнейшем будут такими же, то несмотря на всё моё доверие к нему и желание иметь его в качестве редактора, вынужден просить Вас передать редактуру кому-нибудь другому. Редактура в конце концов простая, так как учить меня писать, как некоторых, не требуется и никаких неистовств я не потерплю.

Не откажите передать привет Наталье Павловне, а также всем товарищам и доброжелателям. Наконец-то нудь зимнего сидения закончена и впереди — дорога.

Неизменно Ваш
И. Ефремов

Постскриптум.

Приходится продолжать письмо, во-первых, потому что ещё не всё сказано, во-вторых, по некоторым изменившимся обстоятельствам.

Только что отвезли в больницу Шкилева с температурой 40°. Диагноза ещё нет, но, по-видимому, или тяжёлый грипп, или воспаление легких. Поэтому приходится изменить некоторые планы, ибо, что бы там ни было у Шкилева, на несколько дней он выбывает из строя и если вскоре и сможет приступить к хозяйственной работе, то ехать, конечно, недели две никуда ему нельзя. Решаю — усилить Сайн-Шандинский отряд, выехать в срок во главе его, но вернуться с первой же добычей обратно, оставив там добивать всех своих, и затем командовать Далан-Дзадагадской группой самому. Перестройка на ходу, по-военному. Основной смысл — не терять ни дня драгоценного полевого вре-

[1] И. А. Ефремов имел в виду запрещение на выезд за границу всех членов одной семьи.

мени. Поэтому в Улан-Баторе я буду раньше, чем рассчитывал прежде, и Вы получите вести о нас раньше, чем через три недели.

Теперь позвольте ещё о некоторых делах, о которых не вместилось в первой части письма.

О нештатной зарплате Вам послана подробная телеграмма и, одновременно с Вами, пишу Тимошевской. Смысл моих подсчётов коротко: нештатная зарплата на рабочую силу повысится в полтора раза против сметы, т. е. будет около 24 тысяч. Зато остальные расходы понизятся, по всей вероятности, на 50% (речь идёт только о советской валюте). Т[аким] о[бразом], нештатной зарплаты потребуется около 30 тысяч, а не 46, как то предположено в смете. Однако, если наша контрольная цифра на коллекции будет превышена, то потребуется и дополнительная нештатная зарплата, но это может выясниться не ранее июля.

Затем, нам необходимо знать, послано ли распоряжение насчет бензина 1948 г. Я уже взял в счёт будущего наряда три тонны. Прошу сообщить мне об этом, так как, несмотря на многочисленные запросы к Вам, я до сих пор ничего не имею.

Наконец, я ещё забыл о лекарствах. Совершенно необходимо привезти нам следующее: а) пирамидона, как можно больше, ну скажем, не менее тысячи таблеток. Расход его очень велик, и, в частности, я только и живу на пирамидоне со своей невралгией; б) солевые таблетки, как я писал в памятке, можно меньше, скажем 1500 штук;

в) было бы хорошо привезти нам пенициллина, на всякий случай около миллиона единиц; г) каких-нибудь сердечных средств в сухих таблетках, здесь этой новой моды нет. Нужен ландыш с валерьянкой, строфант с валерьянкой или что-нибудь в этом же роде. Тут некоторые из нас мучатся с сердцем, как, напр[имер], Малеев, также немного Ян и др. Ещё прошу захватить пару карборундовых кругов, среднего размера и зерна.

Ну, как будто всё. Ещё раз всего хорошего. Отбываем навстречу пыльным бурям гобийской весны.

Ваш
И. Ефремов

Ещё продолжение письма, уже 15/III.

Шкилева устроил в лучшую больницу, диагноза пока нет, подозрение на воспаление лёгких остаётся. Конечно, семье пока ничего сообщать не стоит, впрочем и к моменту получения Вами письма он выйдет из больницы, если всё пойдёт благополучно.

Я ещё не упомянул Вам о необходимости привезти два хороших фотоаппарата, типа «Экзакта» или ФЭДа. Теперь без коммерческой торговли их купить просто, так как счёт, конечно, дадут. Два из трёх наших ФЭДов ни к чёрту не годны — у одного оказалась расклеенной шторка, и местные специалисты не берутся отремонтировать с сохранением нужных скоростей затвора. У другого ФЭДа отсутствует координация между выдвижением объекта и показаниями дальномера, следовательно, все снимки не в фокусе. Остается единственно мой ФЭД, если только его проверка, произведённая Скиндером, не погубила и этот, его я ещё не пробовал. Большой аппарат Ика тоже оказался не в порядке — перестали двигаться салазки и диафрагма, но это мне удалось исправить самому. Такова подготовка фотоаппаратуры в дальнюю экспедицию, произве-

дённая Скиндером. К этому нужно добавить, что часть пластинок 9x12 (серия 1662) оказалась с негодной, разложившейся эмульсией. Прибавить к этому нечего, кроме отборной матерщины, но в этом я надеюсь на Вас.

Прошу при возможности переправить мне бандеролью несколько оттисков моих статей о прошлой экспедиции, которые должны бы уже выйти из печати. Они тут крайне нужны и важны для дальнейшего, судя по впечатлению, произведенному моим коротеньким очерком в «Вокруг света»[1].

Осталось только Вам сообщить все названия наших машин, которые теперь изображены голубой краской на бортах, по-русски и по-старомонгольски.

1. Студер[2], как и раньше, — Дракон (Безбородов); ЗИСы 2. Пронин — Дзерен, 3. Вылежанин — Волк, 4. Петрунин — Кулан, 5. Лихачёв — Тарбаган; [6]. ГАЗ-67 — Козёл. Всё это крайне подходит и к характерам всех шоферов, за исключением Безбородова, который гораздо меньше Дракон, чем Андросов.

Ещё раз с искренним уважением,
И. Ефремов

А сердце, я думаю, у Вас шалит от невроза. Вот увидите, что здесь, несмотря на высоту, Вам станет сразу же гораздо лучше.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 5

Улан-Батор
16 марта 1948 г.

Выезжаем [в] Гоби по Вашему пути. Считаем честью продолжить Ваши открытия[3]. Вся экспедиция шлёт Вам сердечный привет, пожелания здоровья, успешной работы[4].

Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 6

Улан-Батор
8 апреля 1948 г.

Работы [в] Восточной Гоби закончены [с] успехом. Скелет [на] Баин-Ширэ выкопан, найдены ещё цератопсы, разведано местонахождение Ардын-Обо — полторы тонны носорогов, титанотериев, хищники, грызуны, птицы, черепахи. Найдены новые материалы [в] Хара-Хутуле, всего на базу доставлено свыше семи тонн материалов. Организация работ [в] Нэмэгэту задерживается [в связи с] поломками машин, скверным снаряжением. Необходимо ускорить Ваш

---

[1] Имеются в виду статьи «Первая Монгольская палеонтологическая экспедиция АН СССР» (Вестник Академии наук СССР. 1948. № 1) и «По следам древних ящеров» (Вокруг света. 1948. № 1).

[2] Здесь и далее: грузовой автомобиль Студебекер US6.

[3] В 1894 г. В. А. Обручев сделал первые находки костей ископаемых животных в пределах Внутренней Монголии.

[4] На обороте телеграммы рукой В. А. Обручева набросан текст ответа: «Ефремову. Приветствую участников экспедиции. Желаю успехов, крупных открытий неизвестных чудовищ. Обручев».

[и] Флёрова приезд. Считаю крайне желательным прибытие не позднее 15 мая Флёрова, лучше раньше, как возможно, оформить. Предусмотрите возможность срочной замены Шкилева, Малеева. Сообщу днями. Необходимо срочно выслать самолётом ряд вещей, список сообщу. Привет.

Ефремов

7 И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ

Улан-Батор
13 апреля 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович!

Не откажите известить телеграфно о получении сего письма, поскольку оно также содержит важные для дальнейшей работы вопросы.

Сначала несколько слов о первом маршруте. Мы выехали 18-го рано утром и 20-го уже были на Баин-Ширэ. Пока раскапывался скелет, я отправился искать Ардын-Обо по целому ряду данных, извлечённых Рождественским из Эндрюса и Морриса[1]. Все эти данные, несмотря на наши усилия разобраться, были столь же неточны, сколь и противоречивы. Однако поиски увенчались успехом, и на второй день их мы убедились, что Ардын-Обо найдено, даже гнездо орла, описанное Эндрюсом, оказалось на прежнем месте. Настоящее название этого места — Эргиль-Обо. Это гигантская штука, однако сравнительно бедная костьми, и для успеха работы там необходимо отыскивать редкие скопления. Такое скопление мы разыскали и заложили там раскопку — оказалось поразительное богатство нижних челюстей — около 14 штук в одном маленьком участке. Есть и черепа. Большая часть остатков принадлежит носорогу, вероятно кадуркотериуму, однако есть и совсем странные кости, возможно принадлежащие Ардыниа прекокс, поскольку я не знаю, что это за штука. Титанотерии более редки, но есть ряд остатков крупных и хорошей сохранности — части черепов, нижние челюсти, кости конечностей. Извлечены полные челюсти маленьких грызунов, много челюстей мелких артиодактилов, совсем крохотных, есть крупные хищники типа гиэнодона[2]. Довольно много костей птиц (мелких), однако найдено бедро гигантской птицы. Очень много черепах, есть и почти полные панцири. В общем около двух тонн погрузили в машины (считая, разумеется, с тарой). Сия экскурсия и была тем сюрпризом, на который я Вам намекал и который готовился для Вас к весенним московским дням.

В выемке скелета на Баин-Ширэ мы испытали чрезвычайные затруднения, как по огромным размерам скопления, так и по необычайной твёрдости этой распроклятой глины. Сначала разрубили всё скопление только на две части, но получившийся огромный монолит, весом около четырёх тонн, разбился при поднимании его с помощью Студера. Наши техснабовские канаты — не-

---

[1] Имеются в виду опубликованные материалы Центральноазиатской экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории под руководством Р. Ч. Эндрюса и Ф. Морриса в 1922—1923 гг.

[2] Так в тексте. Гиенодон, представитель рода хищных млекопитающих среднего эоцена – раннего миоцена Европы, Азии и Северной Америки.

вероятное говно, лопнули, хотя мы, учитывая их непрочность, скрутили вместе четыре каната. Много было матерщины в бесстыжие глаза Блиндера, Долгополова и прочих наших хоз[яйственных] деятелей. Разбившийся монолит собрали по частям в ящики, и, признаюсь, я вздохнул с облегчением — этот чудовищный «гранит» (как его называл Пронин) легко мог стать намогильной плитой для всей экспедиции и особливо для её автопарка.

Вторую часть скелета я уже, не колеблясь, разрубил ещё на две — эти два монолита взяли и отгрузили сравнительно легко. Теперь всё это уже в прошлом, ибо сей зверь лежит на нашем складе в Улан-Баторе, однако мы едва доехали с нашими перегруженными машинами. Скелет весьма интересен, насколько можно судить, это какой-то нового характера цератопс. На соседней красной горке — «Створной», Малеев нашёл таз и часть позвоночника крупного динозавра, взятые отдельным монолитом. Кроме того, в главном костеносном горизонте найдена часть скелета стиракозавра — часть черепа, позвонки, ребра, кости конечностей. Рождественский нашёл в красных глинах почти полный скелет небольшой черепахи. Есть и другие находки. Предпринял ещё краткую экскурсию на Хара-Хутул, там в очень интересном подбазальтовом горизонте мы нашли ряд более полных костей, чем в прошлом году, Рождественский нашел громадную глыбу с хорошими костями — не то череп, не то таз, но скорее череп. С оханьем и матерщиной всё же погрузили в Дзерена. По-видимому, здесь какие-то зауроподы. Новожилов нашёл тут же целый окаменелый лес, есть горизонты с вертикально стоящими пнями с сохранившейся корневой системой. Однако коллекции окаменелых стволов взять не удалось — до отказа всё было забито костями.

Гоби ещё очень неуютна — голая, совсем без травы, ни зеленинки кругом на сотни километров. Часто пасмурные дни с резким холодом, вообще необычайные броски температуры. Но особенно донимали нас песчаные бури — все наши палатки вдрызг разодраны ими, все вещи пропитаны песком. По котловинам гуляют громадные смерчи, попасть в сферу действия которых чрезвычайно неприятно.

Бывали пасмурные, душные вечера, в которые всё кругом электризовалось — так много было атмосферного электричества.

Все мы чувствовали себя довольно плохо. Поражает отсутствие аппетита у всех без исключения, у рабочих также. За двадцать с лишним дней мы съели четверть наших рассчитанных на месяц запасов. Вообще, весной в Гоби работать гораздо труднее. Я сам чувствовал себя значительно хуже, чем в прошлом году, в смысле работы сердца — очень уж тяжело лазать по обнажениям — ощущение такое, что вот-вот кончишься.

Но особенно туго пришлось Малееву — этот человек не из таких, чтобы жаловаться, но после рабочего дня валялся с посиневшими губами, скорчившись от боли в сердце. По приезде в Улан-Батор я немедленно отправил его к врачу, и самые худшие опасения подтвердились (делали и рентген) — ему нужно уезжать отсюда. Мне прямо невероятно досадно лишиться такого прекрасного работника и очень приятного человека, но нельзя же держать его здесь на погибель. Решили, что в Нэмэгэту он всё же съездит и пробудет у нас до наступления жары, а затем, когда я в конце мая поеду встречать Вас, Малеев вернётся в Улан-Батор и будет отправлен домой.

Что касается нашего снаряжения и машин, то всё это заслуживает особо эпического описания, но, щадя стыдливость цензора, — а вдруг это окажет-

ся девушка, я воздерживаюсь от надлежащей квалификации всей этой техники. Палатки — неимоверная дрянь, сшиты из тонкого и говенного материала, именуемого плащ-палаткой пропитанной, который у наших остряков получил название плачь-палатки... дальше уже совсем непечатно. Машины — самое больное моё место. В сие письмо вкладываю описание дефектов, которые необходимо довести до сведения Президиума, ибо всё это возмутительно. Очень скверная заводская сборка, нисколько не была проверена в автобазе, а мы не можем же разбирать каждую машину до основания и затем собирать её снова <ряд слов замазан чёрной тушью. — *Ред.*>. Поэтому случаются всякие чудовищные неожиданности и никогда не знаешь, что именно полетит в машинах в следующий час пути. Дефектная ведомость покажет Вам, в чём дело, пока же скажу, что в первом маршруте у козла выкрошился подшипник второго шатуна, рассыпался руль (баранка), лопнула рама (по старому повреждению), полетела задняя рессора, развалился амортизатор, расклеилось лобовое стекло, потёк сальник переднего кардана и развалился трамблёр. Это всё, не считая скрученного заднего моста, который заменили перед выездом в поле. И такое вот дерьмо автобаза направила для многолетней работы в Монголии, в труднейших и опасных условиях Гоби... Издевательство или беспредельная глупость... когда тут можно было бы добиться машин, специально проверенных и особо ответственно собранных на автозаводе, тем более что завод-то тут же, в Москве... Что и было бы, если бы мы комплектовали нашу автоколонну сами. Вообще немало горького в размышлениях о том, как это должно бы было быть и как оно есть на самом деле... А ведь с этими машинами мы должны совершить огромные маршруты в сердце пустыни, маршруты опасные, должны вывезти десятки тонн коллекций. И что же останется на следующий год, на послеследующий?..

Все эти вопросы доставляют немало беспокойства...

Ещё одно плохое обстоятельство — не проходит моя рука. В Гоби дело не поправилось, а ухудшилось, так что я не мог залезать в спальный мешок и двадцать дней спал, не раздеваясь, во всей верхней амуниции, поверх мешка. Записывать что-либо — форменное мучение, а записывать нужно много. Сейчас вновь лечу лапу всякой там электризацией, но, увы, я слишком понимаю столь простые медицинские случаи, чтобы не представлять, что подобные невралгии лечатся, по существу, добрым словом... Съезжу в Нэмэгэту, посмотрю, что будет. Надеюсь всё же, что с наступлением настоящего тепла рука поправится... Если не поправится — то я, конечно, не работник дальше... С сердцем как-то можно терпеть, ходить, как это ни нудно, помедленнее, а вот с рукой ничего не получается. (...)[1]

Интересный эпизод из нашего возвращения из Восточной Гоби. Помните огромную светлую равнину, усеянную белыми камешками, где поломался «Смерч»? Она начинается от самой Сайн-Шанды и тянется на 90 км до самого Калганского тракта. Так вот, едем мы по ней: Волк, Тарбаган, Дракон. Я на Драконе, замыкающем, по обыкновению. Равнина тянется бесконечно, отъехали от Сайн-Шанды километров 50, я подумал: «Длинная окаянная равнина, скорее бы проехать её, пока не поломалась какая-нибудь машина, как в прошлом году»... И вдруг облако пыли от шедшего впереди Тарбагана

[1] Так в исходном издании. По-видимому, пропущена часть текста.

оседает, рассеивается — Тарбаган остановился. Мы подъезжаем — Лихачёв в ужасе — чем-то изнутри пробит кожух диффера, масло льётся потоком. Пришлось вскрывать задний мост, и что же? — вдребезги рассыпался огромный подшипник сателлитовой чашки, вследствие того, что при небрежной сборке не были зашплинтованы гайки крышки цапфы, их сорвало, разбило подшипник и куски его обоймы и шарики изуродовали все шестерни — ведущую, редуктор, планетарку... На Тарбагане три тонны груза, до Сайн-Шанды назад — 65 км, до сомона[1] вперёд — 75. Экстренно созванный совет механиков из Безбородова, Лихачёва и меня разобрал мост, подумал, закрепил оставшийся подшипник и решил, что всё равно задний мост пропал и можно пытаться ехать, только острожнее на поворотах. Я проехал с Лихачёвым с пяток км, махнул рукой и разрешил ехать с обычной скоростью. Тарбаган дошёл в тот же день до Чойрена, а на следующий прибыл в Улан-Батор со всем грузом, и за этакую штуку мы расплатились всего лишь повреждённой полуосью... Прочная всё же штука ЗИС, и будь настоящая работа — с такой машиной ничего бы не страшно.

Однако довольно обо всяких происшествиях, ещё много разных дел к Вам. Чтобы не сбиться, напишу по пунктам:

1. Сначала о финансах. Пора, давно пора, нам перевести ассигнования второго квартала, на текущем счету у меня остались копейки. Как бы не получилось заминки в работе.

2. Ассигнования в сов[етской] валюте и нештатной зарплаты нам понадобится в этом году меньше, чем Вы нам даёте. Выполним программу максимум и с меньшими средствами. Тем более, если случится какая особая экстренность, то можно будет, под сверхпрограммные тонны, выпросить у Президиума ещё десяток тысяч. А будет худо, если мы сильно урежем институт в полевых работах, а сами не используем. Поэтому я полагаю, что Вы спокойно можете снять с Монголии тысяч 80, из них пятнадцать тысяч нештатной и распределить оную сумму между особо жаждущими, чтобы не было излишних воплей о том, что позвоночные всех зажали. Можно даже снять и побольше, не бойтесь.

3. Ликвидационный период экспедиции придётся на октябрь, но не позднее, причем основные расходы будут в сов[етской] валюте — нештатная зарплата на погрузку и перевалку трёх вагонов коллекций. В сентябре мы кончим полевые работы и выбросим всю научную силу из МНР к началу октября.

4. Нужно мне иметь ясное представление, на каких условиях и как здесь остаются машины и снаряжение. Было бы хорошо добиться частичной оплаты машин на время их консервации, что сильно уменьшило бы наши расходы. К этому есть все основания, так как машины в конце сезона потребуют капитального ремонта.

Ненужную спецодежду, которую никто в здешних условиях по новым ценам не возьмёт, напр[имер] горные ботинки, я думаю упаковать и переправить вместе с коллекциями в Москву для возвращения техснабу. Часть спецодежды — полушубки и валенки — я думаю считать прозодеждой — неоплачиваемой и возвращаемой на склад.

---

[1] *Сомон* — административная единица в МНР, соответствующая району.

5. Разберём вопрос о кадрах в свете всех новых данных. С невозможностью поездки Елены Дометьевны и выбытием с 1 июня Малеева мы имеем два вакантных места при разрешённом числе шестнадцать. Кого на них? Если нет подходящего нового кандидата (ну, скажем, Бурчака), то возможно себе представить эти единицы заполненными, скажем, Громовым, Родендорфом (последнего, м. б., жена и пустит ввиду короткого срока?). Насчет Кирпичникова у меня жестокие сомнения. Ведь весь этот персонал нужно оформлять одновременно с Вами и Флёровым, ко всем чертям более поздних туристов. Если же Кирпичников появится только в июне, после полугодового отсутствия, пока побудет дома, пока оформится, — приедет он к нам не ранее августа, т. е. к шапочному разбору по новому плану работ. Тогда он и не нужен. Т[аким] о[бразом], я просто не знаю, как с ним быть, слишком много неизвестных «если», для того чтобы принять какое-то решение. Во всяком случае он нужен здесь лишь при быстром приезде и определённом желании — посвятить себя работе здесь на весь срок экспедиции. Если вышеуказанные кандидатуры не будут возможны, то из всего наличного состава речь может идти, пожалуй, только о Мартыновой или Беляевой. Обе — работники, а не туристы, обе вынесут экспедицию и будут лишними «кадрами», знакомыми с местными условиями и местами. А то с кадрами дело обстоит так, что просто ужас берёт. Смотрите сами там, Вам виднее. Главное моё требование — это скорое прибытие, иначе буду вынужден послать всех ко всем чертям и кончить работу с имеющимися налицо.

6. Вообще, насчёт нашей экспедиции у меня грустные мысли. Когда сталкиваешься со всей сложностью этой организации, с большими задачами, которые необходимо выполнить, то приходишь к ясному представлению о непосильности этой махины для нашего ПИНа в его теперешнем состоянии. Но в то же время совершенно очевидно, что неиспользование в максимальной степени предоставленных нам Правительством трёх лет будет навеки преступлением перед советской наукой и грядущими поколениями (извините за высокопарные выражения). Мы должны за три года вырвать отсюда тонн полтораста превосходных материалов, и тогда это будет такой взнос в нашу науку, который сам по себе оправдает всё существование кучки позвоночников[1]. Однако мы должны быстро препаровать все эти материалы, любой ценой, иначе, если они лягут под спуд, успеха не будет и для музея тоже. Для всего этого нужны кадры, которых почти не дали новых и не дадут больше при современных установках. Следовательно, мы должны трезво отдать себе отчёт в том, что мы будем делать дальше, и твёрдо провести или решение об отказе от экспедиции, или ощутительную перестановку кадров при решении эти работы продолжать. Основным решающим моментом при поступлении громадных материалов являются препараторы, которых мы имеем пока три (с неопытным Пресняковым) — число, абсолютно недостаточное и для обычной позвоночной работы, не говоря уж об огромном монгольском предприятии. Тут ещё многое можно сказать, но и без того письмо приобретает объём трактата, поэтому пишу прямо предложения:

а) какой-то там счётный работник для экспедиции — чепуха, вредная чепуха. — заменить препаратором, счётную работу за небольшую нештатную зарплату очень легко выполнить, не так уже её много;

---

[1] Специалистов по палеонтологии позвоночных.

б) старший научн[ый] сотр[удник] (если это не Бурчак и если Бурчака не пропустят) должен быть заменён препаратором. Никто другой для Монголии нереален;

в) место Бишофа должно быть замещено полноценным работником;

г) препараторская работа Свиченской и Сосновской с серьёзной точки зрения — белиберда. Не стоит даже задалживать Жукову на их обучение. Нужно пересмотреть штат музея — там многовато малополезных сотрудников типа Свиченской и прочих бабье-маше. Придётся поступиться обеспечением экскурсоводства и разных там библиотек — сейчас это менее важно. Необходимо заменить препаратором и механиком для монтировки всех поступающих вещей.

Перечисленные мероприятия не выдуманы вдруг и под настроение. Они явились результатом долгих тревожных размышлений о судьбе позвоночного дела. Мы как институт затоварены профессорами, докторами и т. п., но работа наша совершенно не обеспечена. Это имеет совершенно особенное значение для позвоночных и, ещё того более, для монгольских работ. Иначе все наши усилия и труды ни к чему, всё развалится раньше или позже ко всем чертям.

Таковы мои соображения по поводу замещения штатных мест и распределения кадров, в которых я совершенно твёрдо убеждён и буду стоять только на этой точке зрения.

Теперь несколько слов по поводу московских дел моего отдела. Я просил бы при самой малейшей к тому возможности не тормозить пермских работ[1]. Они вполне рентабельны, сулят новые и весьма ценные материалы, поэтому их надо продолжать при всяких обстоятельствах и ни в коем случае не прекращать по причине моего отсутствия в Монголии, которое и так уже наносит ущерб изучению пермских. Так зачем же ещё больше усугублять этот ущерб? Я считаю совершенно необходимым (впрочем, я думаю, это ясно и для Вас, знающего эти материалы) раскопать хотя бы в самом небольшом объеме Малый Уран и Пронькино, выделив специально на это дело нештатную зарплату в сумме тысяч четырёх (только на раскопки). Уверен, что этот расход себя вполне оправдает. Поездка Вьюшкова на местонахождения (разъезды) в дальнейшем особой нештатной зарплаты не потребует, что до прочих статей, то из монгольской экономии наберётся достаточно, чтобы всех отправить. Что касается машины, то с Рябцевым всегда можно договориться и выдавить из них ещё машину хотя бы ради того, что в Монголию они дали такую дрянь.

Что до тафономии, то я отнюдь не ругаю Р. Ф., но считаю совершенно нетерпимой такую задержку редакционной работы, во имя чего бы она ни делалась. Мне казалось, что для старого товарища по институту можно было бы немного пошевелиться в работе, по существу имеющей весьма малый объём, так как что мне, в конце концов, нужно за редактирование? — поправки суконных и неточных фраз, неизбежных при поспешном писании, и только. Ничего другого не требуется, а в указанном объёме работа на займёт более 3—4 дней. Поэтому мне смешновато и странно читать о том, что редактирование моей работы пришлось отложить на три месяца потому-то и потому-то. Но подчёр-

---

[1] И. А. Ефремов напоминал о необходимости включения в план исследований ископаемых пермских местонахождений при планировании научно-исследовательской работы института, а также необходимости обработки и изучения многотонных монолитов Монгольской палеонтологической экспедиции.

киваю, что для меня будет чрезвычайно дико, нелепо и обидно, если я вернусь, а моя работа, с такими усилиями законченная до отъезда, ещё не будет в печати. А дело идёт к тому, это видно, и отсюда я ничего не могу сделать. Вот и получается, что я могу для ради института поступаться всем, а с другой стороны... да что там говорить. Если возня с моей работой столь затруднительна для ин[ститу]та, прошу не отказать в любезности передать оную тафономию Меннеру, он брался её напечатать в МОИП. Когда у нас упорядочится это редакционное священнодействие, прямо не знаю.

Ещё одна вещь, относящаяся к делам московским. Конечно, комната для Херпичникова[1] и дело хорошее, и пусть себе получает на здоровье, однако не мешало бы нажать как-нибудь и на комнату для Лукьяновой, тем более что почва там в известной степени подготовлена и просто необходимо напоминать о ней. Иначе, когда Лукьянова вернётся опять к своему безысходному существованию после долгой и тяжёлой экспедиции, в которой всем порядком досталось и ещё ох сколько достанется, и увидит, что никто и пальцем не ударил по вопросу о её жилье, — это будет свинство и бардак совершенно безусловные, тем более что работа её здесь совершенно безупречна.

Перехожу к своим здешним планам. Послезавтра уходят машины, починенные и освежённые, в Далан и оттуда на Баин-Дзак. Через неделю вернутся обратно, и тогда я уеду с ними прямо в Нэмэгэту. Шкилева я отправляю на две недели в санаторий, после чего он приступит к делам. Малеева задерживаю здесь до своего выезда, он пока немного подлечится. Вернусь с Нэмэгэту примерно к 25 мая, чтобы встречать всех вас, и привезу Малеева для отправки в Союз. С момента моего отъезда связь между нами будет прервана, поэтому я запрошу Вас через пару дней телеграфом о более или менее реальном сроке приезда. С выездом в Великий западный маршрут надо торопиться, чтобы проделать его до наступления адской жары, что очень важно для сохранности машин. Поэтому всякое, даже небольшое запоздание крайне нежелательно, и я прошу Вас постараться обеспечить прибытие в нужный срок. Если получится значительная задержка по каким бы то ни было причинам, прошу срочно сообщить мне, тогда я перестрою работу — выйду в западный маршрут без Вас, а Вас перевезут по прибытии сначала в Нэмэгэту, затем на Орок-Нур. Программа действий будет мною оставлена, но это, конечно, самый плохой исход. Очень хотелось бы, чтобы и Вы участвовали в этом интересном, хотя и трудном маршруте.

Всем, кто бы ни прибыл, необходимо лететь только самолётом — никакой возможности организовывать встречу в Наушках у нас нет, а добираться оттуда на свой страх и риск я ни в коем случае не советую. Нужно прислать нам по 6 штук фото каждого заблаговременно, для подготовки пропусков и т. д. Спецовки с собой брать не нужно, они у нас есть, за исключением женской. Равно есть спальные мешки и т. п. на всех, включая фляжки. Кружки и столовые приборы берите. Идеально было бы вылететь всем вам самолётом 24 мая, к чему нужно всемерно стремиться. До вашего выезда совершенно необходимо отправить нам самолётом следующие вещи, так чтобы они прибыли никак не позднее 25 мая. <...>

[Ефремов]

---

[1] Так в шутку называл И. А. Ефремов А. А. Кирпичникова.

И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ

8

Улан-Батор
20 апреля 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович.

В добавление к отправленному гигантскому письму и посланным телеграммам мне уже почти нечего сказать, хотя я только что получил Ваше последнее письмо. Посылаю несколько походных фото с личностями из только что проявленных, думаю, что страшные рожи, изображённые на них, доставят Вам некоторое удовольствие и рассеют меланхолию, которая звучит между строк в Ваших письмах. Боюсь только, что оные изображения доставят удовольствие и стенгазете. Последние дни доставили бессчётные хлопоты — тут и очередные поломки, в том числе раздаточная коробка козла, и увольнение рабочих за дисциплинарные проступки, и перевозки на летнюю базу, и отправка неисчислимого (буквально) барахла в Далан, в общем, постоянное удовольствие и развлечение в ненавистных хозяйственных делах. Ревизия (невольная) дел Шкилева вызвала полное моё неудовольствие — как только более или менее поправится, нужно жестоко песочить и, ежели к Вашему приезду не исправится, — прогоню. В связи с этой возможностью хотелось бы знать о наличии у Вас там подходящей кандидатуры (на случай) и можно ли её быстро оформить. Конечно, основной признак должен быть в наличии. Как я слыхал, Флёрову разрешено быть в Монголии не больше пяти недель? Если это так — пусть не приезжает, не нужно. Мне нужна его работа около трёх месяцев, а так — не стоит расходоваться на перевозки. Сердце у меня в этом году, право, хуже, чем у него в прошлом, и если я не собираюсь по сему признаку быстро сбежать отсюда, то возиться с туристами никак не намерен.

Вообще, в подтверждение ранее написанного, — кто там не успеет быстро оформиться, пусть не едет. Обойдусь без них, так как главнейшая работа всё равно пройдёт без их участия, а шапочноразборников — к чёрту. Это не кадры даже на самый наш безвыходный счёт.

Приезжайте скорее сами, чтобы нам вместе двинуться в неизвестные пространства Гоби — сейчас наша экспедиционная машина должна вертеться на полный ход, чтобы успеть сделать уйму дела до жары. Ну, об этом нечего говорить, — сами гобиец и знаете. Уезжаю через неделю, оставляя здесь только Шкилева. Приеду 25 мая за вами всеми. С рукой моей после некоего лечения в Улан-Баторе (электрофорез) сейчас лучше, но Малееву после энергичного лечения стало ещё хуже.

Привет всем товарищам. Желаю здоровья.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

P. S. Вкупе с Рождественским сражаемся с Эглоном за этикетаж.

Как Вам понравится следующая этикетка, написанная им в 20 экземплярах: «Сайн-Шанда, скелет Малеева», означающая части от скелета динозавра, найденные Малеевым на зап[адном] склоне Створной горки в Баин-Ширэ!

Вкладываю сюда ещё Вашу записку из Лагерного обо[1] — это теперь документ исторический — для палеонтологов только, увы!

И. Е.

---

[1] Записка об успешной работе разведочной экспедиции ПИНа АН СССР в котловине Нэмэгэту в 1946 г. была оставлена Ю. А. Орловым в сложенном из позвонков динозавров возвышении (обо) на территории лагеря.

9 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Улан-Батор
25 апреля 1948 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Было как-то странно читать Ваше письмо здесь, в Монголии, вернувшись из Гоби, должно быть оттого, что мы в прошлом году не переписывались отсюда. По тону письма вижу, что настроение у Вас действительно ещё не прежнее. Оное письмо написано — подать весть другу, который «забрался чёрт знает куда» (сие определение мне понравилось), но без всякого обычного для Вас наполнения мыслями и интересами.

Вы пишете, дорогой, что хотите умолять подарить Вам некую книгу, если она Вам окажется интересной. Сие ни к чему — если она Вам действительно интересна, то берите её и пишите на ней своё имя, я буду этому только рад. Если же неинтересна, то по прочтении — верните, мне она пригодится, поскольку я в этих вопросах гораздо менее разбираюсь, чем Вы.

Слухи о пиновском переезде пока заглохли, вернее, пишут мне о том, что как будто переезжать не будут. Однако гарантии в том, что так именно и будет, никакой нет. Вполне возможно, что нас поставят перед решительным приказом... Ну что ж, я, пожалуй, не против того. Как-то захотелось в Ленинград, к более спокойной работе без постоянного отрывания на подсобные дела. Ещё надо много сделать, а если серьёзно подумать, то времени в запасе не так уж много. Тем более что со здоровьем у меня нелады. Не говоря уже о негодном сердце, тут навалилась новая напасть — плексит правой руки, перешедший в очень устойчивую невралгию (даже неврит, пожалуй) медианного нерва. В результате рука никуда не годна, а путешествовать однорукому трудно, трудно и вести всякие там записи и дневники.

Первый маршрут, из которого я недавно вернулся, прошёл с успехом в смысле палеонтологических материалов. Выкопали цератопсов (некоторые из стиракозавров) и разных эоценовых или нижнеолигоценовых млекопитающих: носорогов, титанотерий, грызунов, хищников и птиц даже. Хозацкому скажите, что есть небольшая полная черепаха (скелет) из нового горизонта мела, а также целая куча крупных черепах из этого же нижнего олигоцена, откуда титанотерии.

Теперь через два дня еду на Нэмэгэту устанавливать временный палеонтологический град для серьёзных раскопок динозавров. За это время в Баин-Дзаке мои будут искать и яйца динозавров, и меловых млекопитающих. Я совершенно с Вами согласен, что череп млекопитающего интересней всех цератопсов, а всё это вместе взятое перекрывает скелет титанофонеуса или котлассии. И что было бы гораздо умнее те же средства и силы бросить, скажем, на раскопки Ишеева... Однако как начальник экспедиции я всё же меньшее внимание и время уделю меловым млекопитающим, чем тоннам громадных динозавров. Ибо при помощи этих ящеров, подобно тяжелому тарану, мы надеемся прошибить вообще прежнее отношение к палеонтологическим раскопкам, и отнюдь не исключена возможность, что те же динозавры обеспечат устойчивое поступление средств на наши пермские раскопки, если повезёт и куча динозавров грозно встанет в нашем музее... Иногда приходится смотреть на палеонтологические дела глазами пропагандиста и популяризатора, а для сего динозаврии наиболее пригодны. А там доберёмся и до настоящих древних зверей.

Я намерен вернуться, е[сли] ж[ив] б[уду], в Улан-Батор через месяц, чтобы устроить здесь разные дела снабжения и встретить наших профессоров: Орлова и Флёрова и ещё кого бог пошлёт, так что не знаю кандидата на третье вакантное место. Поездка Елены Дометьевны с сыном ко мне, к сожалению, сорвалась. Пробуду здесь дня три и уеду снова на более долгий срок — в далёкий западный маршрут, откуда вернусь сначала в наш главный лагерь, который к тому времени будет на Орок-Нуре, в геометрическом центре Азии, а затем приеду снова в У[лан]-Батор и снова выеду на раскопки. Второй приезд сюда будет в начале августа. В сентябре хочу выбираться отсюда совсем, и так уж достаточно времени отнято от пермских исследований. Письма Орлова, которые получаю довольно часто по ходу дел, нагоняют на меня страшную тоску какой-то междустрочной полной бесперспективностью и растворением в мелких делах. Бедняга, видимо, сильно устал от администрирования, изнервничался и жалуется на сердце. Сочувствую, но ничем помочь ему не могу, ибо администрирование (не настоящее научное руководство, а именно администрирование) с моей точки зрения хуже чумы, хотя и я был столь глуп, что взялся за командование этой экспедицией.

Напишите, дорогой, ещё о Ваших делах и самочувствии. Всякой весточке от Вас буду очень рад. Только пишите авиапочтой (а то это письмо шло очень долго) и по новому адресу: МНР, Улан-Батор, почтамт, почтовый ящик 374, мне.

Искренний и большой привет Гильде Юрьевне и Вам самому. Как чувствует себя Г. Ю.?

Ваш, как всегда,
И. Ефремов

Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

[Москва]
Май 1948 г.

Дорогой Иван Антонович!

Очень, очень хотелось бы поскорее увидеть Вас и переговорить с Вами обо многом, ведь обо всём не напишешь или, вернее, не обо всём напишешь.

1. Запасные части частично высланы давно, остальные — подавляющее большинство — должны пойти ближайшим самолётом, который должен вылетать 5-го (грузовой). Представить себе не можете, какой всё это возни потребовало. Кислота для аккумуляторов, как и мост, должна была уехать с географической экспедицией, т. е. на платформах не то вчера, не то сегодня.

2. Приобретен фотоаппарат «Киев» типа ФЭДа; другой такой же опробован и одобрен. Его посылать самолётом не решаюсь, советуют везти с собой.

3. Относительно направления на полевые работы зав[едующего] кафедрой палеонтологии МГУ и зав[едующего] Палеонтологическим музеем АН СССР[1] пока ответа нет; не исключена возможность, что оба эти лица в 1948 г. получат такие же направления, как Б. А. Трофимов и Б. П. Вьюшков. Во всяком случае, пока ничего неизвестно, а ускорить как-либо рассмотрение вопроса не удаётся.

[1] Имеются в виду Ю. А. Орлов и К. К. Флёров.

4. В жизни института нет ничего катастрофического, пока, по крайней мере, и никаких особых достижений и очень больших провалов. Но хлопот и неприятностей всякого рода, по масштабам института и его директора, столько, что он (директор) превратился в нечто, довольно сильно напоминающее старую высохшую, завалившуюся за ванную, истёртую мочалку.

5. В Вашем длинном письме я некоторое количество слов должен был замазать тушью, дабы письмо приобрело более общедоступную, удобочитаемую и популярную форму. Я охотно эти слова повторил бы здесь Вам, дабы выразить, до чего мне обидно не быть с Вами летом до сих пор: ведь я же весь свой весенний план жизни и все университетские дела перестроил так, чтобы в мае быть в Улан-Баторе, а вот и 3 июня я не вылечу и вообще не знаю когда. Я даже пробный полёт самолётом совершил в Ленинград — ведь я никогда не летал.

6. Штатную единицу сотрудника по Вашей экспедиции пока, разумеется, никем не замещали. От Кирпичникова телеграмма: о прибытии в половине июня в Москву. Жду от Вас с нетерпением известий, хоть бы уж Вы там здоровы были.

Привет всем.

Искренне Ваш
Ю. Орлов

11 И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ

Главный лагерь экспедиции на Нэмэгэту
1 июня 1948 г.

Глубокоуважаемый Юрий Александрович!

Я получил Ваши телеграммы в Далан, как и естественно, с большим запозданием и должен признаться, что они вовсе меня не обрадовали. Странно, но почему-то в экспедиции всегда получается так, что из ин[ститу]т[а] получаешь известия преимущественно неприятного толка...

Если Ваша телеграмма о сроках приезда не переврана и Вы с Флёровым действительно можете приехать только в июле, то, разумеется, ни о какой серьёзной работе с вами не приходится говорить.

Маршрут в Заалтайскую Гоби будет исполнен, Нэмэгэту прикончено, и мы все переберемся в менее типично гобийские места. В них, пока Флёров сможет нас достигнуть, останется месяца полтора работы — для такой прогулки считаю приезд Флёрова ненужным и возиться с лишними людьми не буду. Посему поездку Флёрова придётся отменить. Там разберёмся с Вами в причинах, почему так нелепо получилось.

Что до Вас самого, то, конечно, все мы всегда будем рады Вашему приезду и возможности проветриться на степных просторах. Поэтому Вы выезжайте при первой возможности, но известите заранее в Далан, с учётом того, что телеграммы смогут нас достигнуть не ранее 10 июля.

Мои планы пока остаются неизменными — сегодня едет в Улан-Батор Рождественский, который отправит все письма и телеграммы и вывезет из Улан-Батора срочно необходимые нам вещи и бензин. Он вернётся в лагерь около 15 июня, и мы с ним немедленно выступим в далёкий западный марш-

рут, который рассчитываем завершить в месяц. За это время Эглон со всем остальным составом будет продолжать раскопки в Нэмэгэту и примерно к 10 июля вывезет лагерь в Далан. Оттуда около 15 июля, к нашему возвращению, мы переедем в район Орок-Нура, где будут раскапываться местонахождения млекопитающих, а также Оши. Туда, видимо, Вам и придётся выехать по прибытии. Поддерживать регулярное сообщение с Улан-Батором нам сейчас необычайно трудно, по дьявольски плохой дороге — единственной, которую удалось найти после долгих трудов из котловины Нэмэгэту. Сейчас в Улан-Батор будут привезены следующие девять тонн наших сборов (3 с Баин-Дзака и 6 с Нэмэгэту). В июне месяце мы будем вывозить коллекции только в Далан, и связи с Улан-Батором у нас не будет до первой декады июля.

Таковы планы. Лишне говорить, что никаких других сотрудников к шапочному разбору также не требуется. Обойдёмся и выполним задание с наличными силами, потому что всякий новый приезжающий — это возня в Улан-Баторе, с которым мы не можем быть постоянно связанными, возня, не оправдывающаяся той пользой, которую может принести оный человек в конце работы, когда самое тяжёлое уже будет позади.

А трудностей у нас немало — погода с бурями, сменяющимися зноем и холодом, плохая вода, частые заболевания людей и, главное, неимоверно трудное передвижение по котловине и в районе раскопок — последнее попросту опасно.

Очень хитрое местонахождение, оказывается, Нэмэгэту. Мы переоценили распространение костеносных пластов в прошлом году весьма значительно, считая весь бедленд костеносным, в то время как костеносна только его западная часть, где проходит огромное русло древнего потока, врезанное в мёртвые озерные отложения. Развалившихся скелетов, размытых на склонах, найдено ещё больше десятка, а вот целое-то, скрытое в пластах, может быть обнаружено с очень большим трудом. Дело в том, что по гигантским размерам скелетов пустые участки костеносных пластов между ними также очень велики. Поэтому раскопки здесь должны быть целыми карьерами, на что, конечно, наших сил не хватит, и вообще я пришёл к убеждению, что при таком рассеянном залегании нужны гораздо более мощные предприятия, которые нам не по зубам. Пока, в результате 20 дней поисков, пробных раскопок и извлечения наиболее полного [скелета], есть прекрасные сборы, но ещё ничего сенсационного, вроде полного огромного скелета, что ли. Сейчас заложены подающие надежды раскопки на ужасных отвесных кручах, где слабонервный человек моментально (...)[1] вниз и каюк ему. Положение таково, что требует моего постоянного присмотра и всевозможных доисследований, поэтому я прочно буду здесь до самого выезда в маршрут. Нэмэгэту — вовсе не лёгкий клад, а местонахождение такое, что требует уймы труда для получения приличных результатов. Исследованы также Гильбэнту и Алтан-Ула. Первое — чепуха, а второе, пожалуй, побольше Нэмэгэту, но ещё более труднодоступно для машин. Там мы тоже покопаем всерьёз.

Шофёра Петрунина придётся, видимо, отправить в Союз — возобновилось нагноение в ампутированном пальце и он выбыл из строя. Если не поправится в ближайшее время, придётся ему уезжать. Возможно, что придётся

[1] Так в исходном издании. По-видимому, пропущена часть текста.

уехать и Новожилову — как только минует острая необходимость в нём — развалился совершенно в здешнем климате и психически деморализован множеством скорпионов. Эглон был так подавлен снижением своей зарплаты по телеграмме Тимошевской, что собрался в Союз. Ну, я, конечно, его не отпустил, но положение бедняги в самом деле неважно — он поизрасходовался в расчёте на одну ставку, а теперь неизвестно, как выходить из положения. При его безусловно старательной работе такая оценка его трудов (от кого бы она не исходила) переносится им очень болезненно, и по-человечески его жаль. Неужели нельзя было ничего сделать в этом отношении?

Остаётся ещё сказать о нужном нам снаряжении. Очень печально, что самолётом 23 мая не вышло выслать всё по последнему списку, но это уже слишком долгое путешествие того письма. Теперь необходимо послать как можно скорее всё недосланное нам — гвозди, клей, лекарства, фото нам нужны позарез, до чрезвычайности!!! И без того в Заалтайскую Гоби идем без зоологического снаряжения, без надёжных фотоаппаратов, а через две недели у нас не будет ни одного гвоздя, чтобы заделать ящик.

О запасных частях я и не говорю.

Сейчас в Гоби горит электричество, и наш приёмник дает нам столь важную связь с внешним миром. Движок тоже оказался несусветным говном, но только после усилий наших механиков возродился вновь и работает удовлетворительно. Среди всех шоферов выделяется Безбородов — золотые руки в полном смысле этого слова, кажется нет такой вещи, которую он не смог бы починить. Недавно он ликвидировал очень серьёзную поломку Студебеккера — в капитально отремонтированном моторе оказались железные подкладки под подшипниками — подсудное дело. Подшипники и полетели в момент подъёма на Гурбан-Сайхан. Как человек Безбородов очень хороший — спокойный, серьёзный, добрый, настоящий тип старого питерского рабочего. Я подговариваю его поступать к нам в музей механиком — это было бы превосходно, а он уже стар крутить баранку. Если бы он согласился, то нужно приложить все усилия, чтобы заполучить его в штат.

Ну, о всех этих делах — приедете — поговорим.

Что нужно обязательно выяснить до Вашего сюда приезда — это характер оставления здесь машин и снаряжения на зиму, какова процедура, кому бы можно и кому нельзя сдать на хранение и т. п. Также нужно заранее исхлопотать вагоны: три вагона крытых на октябрь месяц, начиная с первой декады. При этом нужно твёрдо узнать через министерство — нельзя ли эти вагоны получить на станцию Сухэ-Батор, а не Наушки. Таможенное разрешение на пропуск без досмотра также должно быть оформлено к сентябрю месяцу и никак не позднее.

Впрочем о всех делах всё равно не напишешь — перечисляю только наиважнейшие, с остальным будет видно.

Не откажите передать привет всем товарищам по работе.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 12

Улан-Батор
8 августа 1948 г.

Экспедиция закончила работу [на] Юге [с] крупным успехом, Ваши пожелания выполнены, выкопали сорок тонн зверей. Открыто громадное поле вулканов, область Вашего имени. Работы перенесены [в] Сорок-Нор[1], члены экспедиции [с] любовью [и] уважением приветствуют Вас, шлют пожелания успешной работы.

Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 13

Улан-Батор
27 сентября 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович!

Пользуюсь случаем Вам передать небольшую записку с Яном. Он отправляется сегодня первой ласточкой, в единственном числе. Ввиду заболевания Рождественского придётся задержать немного Нестора, да и М. Ф., чтобы Христопродавцев[2] не пропал совсем. Он был очень плох и задал нам множество тревог и хлопот — всё-таки организм у него слабенький, а семь суток не слезать с горшка в плохой больнице — это кого угодно приведёт в ничтожество. Сейчас он уже вне опасности, скоро выйдет из больницы, отлежится дома и со следующим самолётом будет отправлен в Москву. Его заболевание мне значительно спутало карты, так как теперь я привязан во что бы то ни стало к экспедиции до фактического завершения дел, да и дел стало больше на одного меня. Невезение в общем продолжается, как видите, и я жду не дождусь, когда же мне удастся наконец покончить со всем этим. Всё протекает как следует, в смысле ликвидации. Основной груз — уже сорок тонн — лежит в Сухэ-Баторе, и там же будем грузиться. Теперь, с получением разрешения на визы, остаётся только иметь копию телеграммы о вагонах, чтобы приступить к погрузке. В этом мы зависим от Вас, и я прошу нажать, елико возможно, чтобы нам сообщить оную копию, тогда у нас есть надежда ликвидироваться в первой половине октября. Равным образом необходимо иметь ещё деньги, этих не хватит, исключительно благодаря всей сумме задержек с вагонами и визами. Если выслать их не позднее, чем к пятнадцатому, будет невозможно — прошу немедля сообщить мне об этом. Тогда я произведу здесь заём и сообщу, на чей текущий счёт нужно будет перевести необходимые десять тысяч (тугриков, не рублей). Вот эти две вещи — копия телеграммы и своевременный перевод — это, пожалуй, последнее, что нам нужно от Вас для ликвидации здесь всего. Что до оставления здесь машин и снаряжения, то я и не предполагаю иного решения, ибо при внезапном решении возвращать машины потребуется новый заказ пяти платформ и теплушки, что возможно только на ноябрь, новые многократные визы, что будет реально только к декабрю, — в итоге экспедиция задержится здесь почти до самого конца года, а это будет так бессмысленно и

[1] В телеграмме опечатка. Должно быть Орок-нур. — *Примечание П. К. Чудинова.*
[2] Так в шутку называл И. А. Ефремов А. К. Рождественского.

дорого, что очевидно даже Президиуму. Поэтому я одновременно веду подготовку консервации машин. При перегрузке всех наших находок выяснилось, что первоначальный объём был определён слишком скромно и у нас не менее пятидесяти тонн. Куда их девать — вопрос, конечно, тяжёлый, но я по-прежнему не хочу думать об этом, здесь также немало материала для размышления. Мне ясно только одно — нельзя заваливать музей, но и недопустимо хранить на морозе — против этого я буду биться и дойду до Геркулесовых столпов[1]. Также нужно своевременно поставить вопрос перед ГТУ[2] о формах досмотра этого груза Московской таможней, так как совершенно ясно, что груз не может быть досмотрен ни на станции, ни сразу же где-то (в каком бы то ни было помещении). Пожалуй, самое лучшее решение вопроса будет распломбирование вагонов таможней, затем досмотр ящиков со снаряжением и зооколлекциями, которые сразу же пойдут в институт, затем опломбирование всех остальных ящиков, которые будут отвезены на склад, и, по мере подачи их в препараторскую, будет вызываться таможенный инспектор, в присутствии которого те или другие ящики будут вскрываться и идти в работу. Этот вопрос достаточно серьёзен, чтобы подготовить его заранее, пока ещё груз находится в пути.

Вот в основном то, что мне нужно было срочно сообщить Вам. Что до общих обстоятельств с нашим институтом и прочее, которое, как мне видно даже отсюда, стало весьма сложным и чреватым разными неожиданностями, то имею кое-какие соображения, которые, разумеется, изложу уже по возвращении... Да, ещё одно дело: тут пристают с разных сторон, чтобы я читал доклады об экспедиции. Сего мне не очень хочется, во-первых, по крайней занятости, во-вторых, во избежание последующих неприятностей. Поэтому запросил Вас официально телеграммой — можно ли мне оглашать в докладах результаты экспедиции, ибо если это нельзя, то доклад о ней никакого смысла не имеет. Прошу сообщить телеграфно.

Ну, хватит, заканчиваю. Большой привет всем, всем. Теперь, надеюсь, до скорого возвращения, если, конечно, ещё какой беды не стрясется.

Ваш
И. Ефремов

14 Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Октябрь 1948 г.[3]

Дорогой Иван Антонович!

Спасибо за записку с Эглоном. Надеюсь, сведения о вагонах дошли до Вас. Разрешение на визы послано, куда девалось, непонятно, выясняем, вероятно, узнаете из телеграммы до получения этого письма. Сколь не безобразно, до сих пор никакого помещения для грузов в должном масштабе не могли найти. Подвалы завалены картофелем, свободных нет, ищем, пока безрезультатно, но что-нибудь найдём же в конце концов. Что касается того, что Вы будете биться за отопляемое помещение и дойдёте до Геркулесовых столпов, то Вас вполне понимаю, но пока и только. Делаю всё возможное. О формах досмотра

[1] Т.е. до самых высоких инстанций.
[2] Государственное таможенное управление.
[3] Датируется по содержанию.

грузов таможней выясняем, Ваши рекомендации, понятно, принимаем во внимание. Сведения о вагонах посланы, о чём повторно телеграфируем.

Из Ленинграда перевезли все сборы Амалицкого[1], уложили штабелем, как бут, около музея. Большую часть крыши музея заменили, покрыв новым железом (над вестибюлем и ротондой, над большим залом и над моим кабинетом). Красим её, как оставшуюся не сменённой над малым залом.

Много хлопот с перестройкой плана работы института и вообще всяких хлопот в связи с решениями Президиума о перестройке работы Биоотделения[2].

Пока всё. Привет всем.

Ю. А. Орлов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

15

Москва
14 ноября 1948 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Возвратясь из дальних странствий и немного опомнившись после всех передряг, спешу приветствовать Вас уже из Москвы, на небольшом удалении от дорогого Ленинграда.

Я совсем ничего не знаю о Ваших делах и достижениях последнего времени и поэтому был бы очень рад, если бы Вы написали мне о своём житье-бытье.

Экспедиция моя возвратилась с победой — более 50 тонн первоклассных находок уже лежат в институте и на складе, но должен признаться, у меня нет совсем настроения победителя. Более того, нахожусь в какой-то глубокой печали, жаль как-то всех моих друзей, и нет энергии на развязывание завязавшихся за время моего отсутствия узелков...

Тому причиной, я думаю, обычная встреча с цивилизацией и со всеми её оборотными сторонами после великого простора и покоя безлюдных пустынь, после долгой борьбы с природой, с ясными целями и очень определёнными задачами... Кроме того, пожалуй, усталость и некоторое разочарование в дальнейшем научном пути, неизбежное после того, как посмотрел своими глазами

---

[1] Сборы В. П. Амалицкого представляли собой коллекции ископаемых животных с северодвинских раскопок, которые легли в основу Северодвинской галереи, входящей в настоящее время в состав Палеонтологического музея РАН. При переезде Палеонтологического института в 1935—1936 гг. из Ленинграда в Москву часть коллекции была оставлена в Ленинграде, так как здание для музея, способного вместить все материалы, не было найдено. Предоставленное временное здание конюшен бывшего Нескучного дворца, где была смонтирована часть экспозиции для участников XVII Международного геологического конгресса 1937 г., не способно было вместить новые поступления из монгольских раскопок.

[2] После сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г., на которой генетика была объявлена лженаукой и прозвучал призыв изгнать из науки всех её представителей, собралось расширенное заседание Президиума АН СССР, рассмотревшего вопрос «О состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук СССР». Институтам ОБН АН СССР было предписано пересмотреть направления научно-исследовательской работы, исключив из планов все «антинаучные» темы.

реальную обстановку[1]. Я не буду в письме Вам ничего рассказывать об экспедиции. Это лучше сделать при личном свидании — в Ленинград я собираюсь приехать в отпуск в январе. Сейчас мне нужно кое-что доделать по отчётности экспедиции, отпечатать и разобрать фотографии и кинофильмы, а также представить все материалы для экспедиции следующего года. Затем займусь своими рукописями, научными и литературными, а затем уже, в начале декабря, уйду в отпуск, чтобы писать «Лууны Яс» («Кости Дракона») — повесть об одной экспедиции[2].

Физически чувствую себя неважно — сердце, и время от времени мучит всё тот же неврит медианyса правой руки, который обучил меня свободу любить ещё с февраля сего года.

Как Вы, дорогой друг? Здесь что-то говорят о Вашем неважном состоянии, но я этим источникам не вполне доверяю. Как Гильда Юрьевна?

Очень большой привет Вам обоим от меня и Е. Д. Рад, что в перспективе скорое свидание с Вами. Пишите.

Ваш всегда,
И. Ефремов

---

[1] Имеется в виду Августовская сессия ВАСХНИЛ, организованная Т. Д. Лысенко и его сторонниками, — ключевое событие в противостоянии «мичуринской агробиологии» и классической генетики. Постановление сессии имело крайне негативные последствия для нормального развития биологических исследований в СССР.

[2] Так первоначально И. А Ефремов хотел назвать свою книгу «Дорога ветров» о Монгольской палеонтологической экспедиции.

1949

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 1

Москва
10 мая 1949 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Получил переданные с Ю. А. 500 руб[лей] и оттиск. За оттиск большое спасибо, а вот за деньги — это, пожалуй, напрасно поторопились. Право, мне не было в них никакого спеху, а летом они могли бы Вам пригодиться. Но, как бы то ни было, а льщу себя надеждой, что как только Вам понадобится, Вы без всяких церемоний обратитесь ко мне, и я буду очень, очень рад этому.

Я был огорчён Вашим письмом с отказом приехать в Москву. Не столько самим отказом — в то время я ещё рассчитывал сам приехать в Лен[инграф]д и повидать Вас, сколько тональностью письма и той совершенно ясной «браунинговской» усталостью от жизни, которая в нём проглянула. Помните Браунинга «Сад Прозерпины»? — «и даже самая усталая река должна когда-нибудь достигнуть моря...»[1]

Если не читывали — попробуйте прочесть и проверить, насколько это совпадает с Вашим теперешним настроением.

Мои предотъездные дела, как обычно, осложнились разными затруднениями с экспедицией. Поэтому поездка в Ленинград никак не получается, и даже свою Фрину[2] не смогу принимать сам, а должен поручить это другим людям.

Поскольку Вы не приезжаете в Москву, то, очевидно, с Вами до отъезда нам уже не увидеться.

Очень попрошу Вас, дорогой А. П., при малейшей к тому возможности, не забывать о существовании печорского котлассиоморфа, который давно уже лежит у Вас... А равно не забыть и о моём существовании по адресу прежнему: Мне, п/я 374, Улан-Батор, МНР.

Буду очень рад всякой весточке от Вас.

---

[1] И. А. Ефремов имел в виду Р. Браунинга, английского поэта середины XIX в., стихотворения которого в 40—50 годах в СССР не издавались. Очевидно, И. А. Ефремов обращался к английскому изданию произведений поэта.

[2] Речь идёт о копии в натуральную величину центральной части картины художника Г. И. Семирадского «Фрина на празднике Посейдона», которую И. А. Ефремов заказал для себя на полученную в 1946 году половину Линнеевской премии (вторую половину соответственно получил А. П. Быстров). Заказ выполнила ленинградская художница Н. А. Ткаченко.

Научные дела здесь у нас становятся всё сложнее и труднее. Прямо не знаю, куда оно пойдёт дальше? Ведь для всякого подкручивания гаек нужно иметь соответствующие условия, которых нет, а приказ, невозможный для выполнения, перестаёт быть приказом и только дискредитирует отдавшего его...

У Вас там, конечно, поспокойнее, а здесь — прямо не знаю — уеду, а когда вернусь — может быть всё, что угодно. Такое ощущение отнюдь не способствует упорству и целеустремленности в полевой работе! Поэтому — еду без охоты, только по долгу, ничего не поделать, нужно добивать до конца!

Д. В. О. сейчас отсутствует — болеет, но когда увижу его — напомню о Ваших рыбах.

Дипломатические отношения у нас с ним, к моему удовольствию, восстановились. Я писал Хозацкому о положении с ним. Но в последние дни вопрос ещё более разъяснился. Поэтому прошу не отказать в любезности передать ему, что в единицах получен отказ, как нам, так и ЗИНу, на основании распоряжения Совмина о запрещении увеличения научных штатов в 1949 г. Может быть, ещё что-нибудь удастся сделать, но практически шансов на это нуль, так как в Президиуме сейчас всё новые лица, опереться не на кого, предыстория вопроса им неизвестна и всё такое подобное. Меня не будет, а у Ю. А. и Данильченко я, к сожалению, не вижу никакого энтузиазма по отношению к Л. И.

Жаль до крайности, но тут уж я, по малости своей персоны, ничего не могу. По-видимому, вообще при современном состоянии дел нужно ставить крест на ленинградцах в смысле сколько-нибудь серьёзной обработки наших материалов. Так получается и с монгольскими черепахами, и с парейазаврами. Нужно кому-то поручать эти дела здесь, в Москве. Чудовищно нелепо, но жизнь заставит, ибо нельзя же это резервировать десятками лет, ожидая более выгодной ситуации. А ситуация-то делается всё хуже, а не лучше!

Посылаю Вам пару фотографий[1] из тех, которые обещал. Так и не успел всего напечатать и разобрать. Уж очень малы промежутки между экспедициями — едва только успеешь опомниться, как нужно собираться опять...

Ну, хорошо, теперь до осени, дорогой друг. Не хандрите очень и не забывайте, что есть люди, которым Вы по-настоящему дороги и которые искренне Вас любят. А посему — берегите своё здоровье — Вы должны ещё много поработать и много написать.

Очень большой привет Гильде Юрьевне. Я попрошу Е. Д., когда выйдет моя новая книга и получатся авторские, послать Г. Ю. экземпляр.

Приветы Вам и Г. Ю. от Елены Дометьевны. Она, наверное, побывает в Ленинграде раньше меня, в сентябре.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

---

[1] В фонде А. П. Быстрова сохранились фотографии И. А. Ефремова из Монгольской палеонтологической экспедиции. Приводим некоторые подписи, сделанные рукой И. А. Ефремова: «Шейх — Южная Гоби», «Отдых начальника — Барук-Баны», «Царь над царями, повелитель над повелителями, властелин всех пустынь, император южногобийский, однако...».

КОЛЛЕКТИВ 3-Й МОНГОЛЬСКОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР — Д. В. ОБРУЧЕВУ 2

Улан-Батор
29 июля 1949 г.[1]

Улан Батор — Москва, Палеонтологический институт, Обручеву Дмитрию Владимировичу

Сердечно поздравляем всем коллективом Вас вашу дорогую Ольгу Павловну дочерью Ефремов Рождественский Новожилов Малеев Лукьянова Шкилев Пресняков Дурненков

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 3

Москва
20 ноября 1949 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я давно не писал Вам (да и Вы тоже). Причиной этого отчасти было нежелание Вас в какой-то мере тревожить (Орлов мне писал в Монголию о плохом Вашем настроении и усталости) обычного порядка письмами, а такое, какое нужно, оттуда мне было писать неудобно. Теперь я рассчитываю, е[сли] ж[ив] б[уду], в декабре побывать в Ленинграде и повидать Вас, который мне не стал менее дорогим ни от длительного молчания, ни от некоторого охаивания моей скромной личности в письме к Ю. А. Он мне показывал Ваше письмо, явно написанное в депрессии.

Однако я сейчас не в силах писать Вам ободряющие слова и, не обращая внимания на брань и фырканье, твердить о Вашей нужности для науки, о том, что Вы ещё совсем интеллектуально молоды и т. п.

Третий год работы в Монголии с акклиматизацией и реакклиматизацией, повторяющимися ежегодно, в какой-то мере выбили меня из обычной здоровой колеи: то ли я устал, то ли в самом деле безиодистые гобийские воды дали гипотериоз, но, как бы то ни было, я утратил весь свой прежний бодрый тонус и потерял обычный живой интерес ко всему решительно. Вял, сонлив и апатичен, все функции организма снижены, пульс замедлен, давление крови снижено, обмен задержан. Как видите, весь механизм пришёл как бы к безвременному концу, несмотря на мои всего лишь 43 года. Врачишки, по обыкновению, не смыслят, кормят иодом, а от него через три приема воспаляется горло, и приходится прекращать лечение. Не знаете ли чего-нибудь такого сильно подбадривающего, чтобы вышибить меня из этого состояния? Вроде Вудхаузовского элексира бодрости для боевых слонов?

Путешествие этого года было довольно интересным: побывали в западной высокогорной части страны, боролись с ливнями и реками. Выкопали два скелета траходонтов с отпечатками шкуры и тела, скелет карнозавра, крокодила превосходной сохранности и опять множество разнообразных черепах. Однако самым интересным является находка крупного эоценового местонахождения — млекопитающие (одних черепов около тридцати), черепахи и крупные рыбы нижнего эоцена. Таких находок ещё не было. Нашли ещё множество носорогов, жираф, гиппарионов (в западной части МНР), из нижнего мела

[1] Дата на штемпеле телеграммы.

вытащили скелет небольшого динозавра, открыли гондванскую пермскую флору. Как видите, опять около 45 тонн, при хорошем разнообразии.

С нами был первоклассный кинооператор, который заснял шесть тысяч метров кинофильма. На днях я смотрел его пробы — получилось очень здорово, так что и у нас будет свой фильм об экспедиции и, кроме того, из этого материала киностудия сделает научно-географический фильм о нашей экспедиции в МНР[1].

В институте у нас очень тревожно: работает комиссия по обследованию его работы[2], и в составе её Давиташвили неистовствует, мешая всё с грязью и разводя беспардонную демагогию, а как-то получилось, что некому ему дать отпор. Ю. А. по своей структуре не может, и другие члены комиссии — или робки, или им наплевать. Ожидают каких-то удручающих реформ, бедняга Ю. А. совсем извёлся — такие переживания не для его нервишек.

Я, однако, как-то спокойно смотрю на происходящее и уверен, что ничего особо серьёзного не будет. Правда, может быть, это оптимизм от безразличия и отсутствия энергии для переживаний.

Во всяком случае, перемены будут — по-моему, скорее в смысле тематики, планов и т. д. К концу года увидим.

Как Вы сейчас себя чувствуете и что поделываете? Можно ли будет Вас попросить сделать несколько самых простых рисунков с наиболее определимых и хорошо сохранившихся частей скелета печорского котилозавра? Он, конечно, у Вас не стронулся с места, но я не собираюсь ни упрекать, ни настаивать на его обработке — не можете, и не нужно. Однако, так как геогносты давно уже требуют, то мне придётся это сделать самому, хоть в краткой заметке. Поэтому если у Вас есть возможность, время и охота — изрисуйте оттуда чего-нибудь. Если нет какого-либо из перечисленных компонентов — не нужно.

Получили ли мою «Ойкумену»[3]? Е. Д. послала её Вам летом по моей просьбе, но не имела никакого уведомления от Вас.

Как Гильда Юрьевна? Большой искренний привет ей от меня.

Ваш, как обычно: *И. Ефремов*

---

[1] Фильм о Монгольской палеонтологической экспедиции 1949 г. был сделан кинооператором Н. Л. Прозоровским и сохранился до сих пор.

[2] 1 декабря 1949 г. Президиум АН СССР заслушал вопрос о научной деятельности, состоянии и подготовке кадров Палеонтологического института. В постановлении Президиума по результатам проверки наряду с достижениями института по накоплению фактического материала в Монгольской палеонтологической экспедиции, по подготовке и публикациям ряда монографий, повышению квалификации сотрудников института (защита семи кандидатских и шести докторских диссертаций) отмечался основной недостаток в его деятельности — «низкий теоретический уровень выполняемых им работ и отсутствие активной борьбы за развитие творческого советского дарвинизма». Институт обвинялся в том, что он якобы проявлял терпимость к теоретическим разработкам палеонтологов стран запада и не использовал решения сессии ВАСХНИЛ и Президиума АН СССР от 26 августа 1948 г. в своей научной работе. Президиум обязал директора института Ю. А. Орлова пересмотреть теоретическую направленность работ института, план работ на 1950 г., согласовав его с Министерством геологии, Институтом геологических наук СССР и другими геологическими учреждениями, а также структуру института и распределение сотрудников между отделами и лабораториями и т. д.

[3] В 1949 г. в издательстве «Молодая гвардия» была издана книга И. А. Ефремова «На краю Ойкумены».

1950

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ[1] 1

Москва
25 февраля 1950 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Наконец могу черкнуть Вам несколько строк, хотя бы и самым ужаснейшим почерком. Выжидательная позиция, которую я (и по болезни, и по хитрости) занял с черепахами из МНР, начинает уже приносить свои плоды. Во-первых, провалились обещанные нам 10 препараторов, следовательно, препаровка всех материалов будет влачиться медленно, а из скоропалительной обработки выйдет лишь пшик. Кроме того, действуют и другие факторы, о которых подробнее — когда смогу писать длиннее. Если хотите узнать для И[нститу]та, то поговорите [с] Д. В. Обруч[евым] — он едет в Лен[инграа]д в понедельник и у Быстрова, конечно, будет. Большой привет Александре Ив[ановне] и Вам,

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 2

Москва
23 апреля 1950 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Завтра пошлю Вам свою «Тафономию», она наконец вышла. Не сердитесь, что с дразнительной надписью. В Вашем же конверте пошлю для Хозацкого и Хабакова. С Хозацким Вы часто видитесь, а Хабакову могут передать те из Ваших, которые часто бывают во ВСЕГЕИ, например, наверное, Александр Михайлович. Кстати, получил ли он от меня открытку, в которой я извещал его, что выполнил его просьбу и книгу передал ботанику А. А. Юнатову (геоботанический сектор Ботсада, ул. проф. Попова, 2), где ему и надлежит оную книгу получить. Открытку я послал давно, но с тех пор не было никаких известий, и я боюсь, что она попросту не дошла.

Очень смеялся над новыми фантазиями Федьки. Я спрашивал Ю. А., он также убежден, что его бумажка о степени — фальшивая.

Пока всё ещё пребываю в болестях и сумлениях, уж очень неудачно сложилось начало года. Завтра сделают последнее выжигание миндалин, и тогда рассчитываю хворать не перманентно, как это было все последние три месяца.

---

[1] Открытка.

Сумления мои, о которых ранее сообщал, также ещё не окончились, поскольку экспедиция до сих пор не утверждена. Хотя и готовимся к отъезду всё время и по существу всё уже совершенно готово, но уверенности в том, что таковой отъезд состоится, никакой нет.

Конечно, развязаться с Монголией уже пора, хотя и жалко, но всё же по науке ещё написать надо непочатый край, а я всё езжу и езжу. Ну, если всё обойдётся в этом году благополучно, то 1 ноября закончим Монгольскую экспедицию и одновременно отпразднуем двадцать пять лет академической работы.

Как поправлюсь окончательно, то, поскольку экспедиция задерживается, удастся приехать в Ленинград и повидаться с Вами. В общем, в начале мая всё станет видно…

Большой привет Гильде Юрьевне и Вам от Е. Д. и меня.

Будьте здоровы, дорогой.

Ваш
И. Ефремов

3 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Москва
23 апреля 1950 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Давно не писал Вам, да оно, собственно, и ни к чему было, так как три месяца совсем не работал, из мира деятельных людей выбыл, а жаловаться на хворости — самого тошнит, не то что добрых друзей и знакомых.

Теперь, кажется, понемногу начинаю возвращаться к жизни. Завтра выжгут оставшуюся миндалину, и через три-четыре дня я должен избавиться от хворобы, ставшей совсем перманентной.

Что всё-таки за хилый век! Чтобы здоровенного сорокалетнего мужика привели в совершенно говённое состояние какие-то миндалины?! Тьфу!!

Дела мои, конечно, совершенно запущены, но понемногу начинаю приводить их в порядок. Не откажите передать Кириллу Борисычу мои извинения за задержку оплаты его счёта. На днях его (счёт) оформил к оплате, и Новожилов должен перевести ему деньги.

«Тафономия» моя наконец вышла, и я посылаю её Вам в одном пакете на Быстрова. Средства урезаны даже на Монголию (я, конечно, мог бы добиться полной сметы, но это было бы связано с «повреждением» Дирекции, что делать сейчас в высшей степени неумно), так что хватит только на 4 месяца работы в поле с уменьшенным числом машин. Но что хуже всего, и это знак зловещий — это задержка с оформлением экспедиции, которая может означать суровые вещи. Но если решение состоится в ближайшее время — тогда ничего, обошлось, на этот год во всяком случае. Тогда поеду в Монголию в конце мая, до этого рассчитываю приехать в Ленинград.

С пермскими работами пока обстоит неважно, не столь от недостатка средств, сколь от разброда умов и неуверенности. Но тут уж я до поры до времени ничего не могу поделать, равно как и с Вашими черепахами — нужно ожидать академических выборов, которые, к счастью, состоятся скоро. После

них можно будет как-то выяснять положение с нужной суровостью и серьёзностью. Думаю, что Ю. А. О. будет выбран почти наверняка и сможет принять какие-то свои собственные направления и намерения.

А черепах выкопаем ещё в этом году и из новых горизонтов. Вот ведь.

Большой привет Александре Ивановне и Вам от всего семейства. Пишите.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 4

Москва
25 апреля 1950 г.

Дорогой Лев Исаакович!

По совпадению, мы оба послали друг другу письма в один день. Однако, так как Ваше письмо содержит ряд естественно весьма тревожащих Вас вопросов, приходится повторить моё письмо.

Напрасно Вы столь безоговорочно поверили Флёрову — мне очевидно, что его россказни имели несколько провокационный, подначивающий характер. Но всё же, как ни грустно, в них много и верного. Начну по порядку, принятому Вами в письме.

Я действительно ещё не выздоровел и не приступил к работе. Именно из-за этого я никак не форсировал вопроса о черепахах, считая, что существующая Вам оппозиция сможет только лучше подготовить неблагоприятное решение вопроса. Но неверно то, что я скоро уезжаю. Уеду я (если вообще уеду) только в конце мая, а в начале мая собираюсь в Ленинград, где и хотел при личной беседе с Вами изложить современное состояние вопроса и выработать согласованный план действий. Неверно и то, что уже решено передать материал Кирпичникову. Такого решения нет и, я надеюсь, не будет.

Ваша обида вполне законна, но версия о бывшем палеонтологе Хозацком существует в Пине, и автором этой версии (не для разглашения) является сам Ю. А. Равным образом (я тоже не хотел Вам этого писать) кто-то (не столь трудно догадаться) убедил Ю. А. в том, что Вы вообще человек ненадёжный, карьерный и проштрафившийся (в чём-то по партийной линии). Ю. А. говорил мне это сам. Извините, что пишу столь откровенно, но я думаю, что наши хорошие друг к другу отношения позволяют это. В свою очередь надеюсь на Ваше умолчание. Теперь, надеюсь, Вам ясно, что почва в отношении Вас была давно подготовлена, и не исключена возможность, что провал идеи с единицей обязан тому же. Ю. А., к сожалению, оказался в отношении людей и своего мнения о них абсолютно столь же неустойчивым, как и А. А. Борисяк, и даже гораздо хуже. Есть ли это типическая черта всех палеонтологов — не успел ещё установить. Поэтому, вернувшись из Ленинграда, зимой этого года я при развёрстывании плана обработки монгольских коллекций наткнулся на сильную оппозицию Вашей работе над черепахами.

Внешне всё это имеет совершенно приличный вид и выражается в сомнении, что эта работа, которую мы оплатить не можем, как-то гарантирована, раз она бесплатна. Ю. А. держится совершенно того же мнения. Хозяин Института — он (т. е. П. Г. Д.), и поэтому окончательное решение вопроса зависит от

него, а никакого своего мнения у него нет. Конечно, никто не пойдёт против меня, если я заявлю о необходимости именно такого, а не другого решения (и я держу этот козырь напоследок), но будет, столь же конечно, учинена масса формальных препятствий, которые отравят всю работу (из них прежде всего — финансирование — рисунки, снимки, препаровка, командировки, так как институт вообще чрезвычайно стеснён средствами).

Поэтому до сих пор я не торопился с этим официальным заявлением, считая, что когда я буду уже на работе, м. б., будет легче убедить. Кроме того, я писал уже Вам, что рассчитываю, что Ю. А. после выборов будет сколько-нибудь твёрже, а то он сейчас тише воды и ниже травы. Равным образом и я считаю, что внутренние ссоры сейчас надо отложить на месяц, пока его не выберут, а ссора будет неизбежна, если он не убедится сам. Но это тоже пусть будет между нами.

И ещё — это я сам посоветовал не давать черепахи Кириллу Борисовичу (я объяснял ему, но он что-то перепутал), дабы, пока я болен, не давать повода к усиленной агитации Ю. А., что могла вызвать отдача черепахи Вам до того, как состоится выставка всех отпрепарованных материалов на сессии АН. Поэтому, чтобы не вызывать брожения умов и ненужной путаницы, я посоветовал Юрьеву не брать пока черепахи, тем более что до сих пор она не была Вам нужна по реальному отсутствию времени.

Таково положение. Оно — не следует преувеличивать — ничем особенным не страшно и не катастрофично. Неприятно — не спорю, но везде ведь люди, и люди, которым до коммунистического сознания ещё очень далеко.

Моё мнение и намерение — работу над черепахами при всех условиях, конечно, нужно предоставить Вам. Однако не имеется средств, которыми мы могли бы эту работу оплатить, ибо ни П. Г. Д., ни Ю. А. О. палец о палец не ударят, чтобы в чём-то пойти на какое-нибудь затруднение с оформлением подобной оплаты. Может быть, когда Ю. А. станет академиком, я убежду его войти с ходатайством в Президиум, но пока это Дирекция сделать отказалась.

Вот и всё, дорогой Лев Исаакович!

Так что совсем не нужно писать мне романтические слова о нежелании влиять на мои решения и настаивать на старых обещаниях. Всё это пустое, так как я ничего не менял ни в своих суждениях, ни в решениях. Что всё это задержалось — оно и понятно. Дирекции было не до того, а я болел.

Но всё же не упускайте из виду, что могущество моё весьма ограничено, что кредитами распоряжаюсь не я и что я не вхож в высокие академинстанции мимо дирекции, особенно по вопросам финансовым.

Поэтому надо иметь в виду, как возможный вариант (если Ю. А. не изменит своего отношения к этому делу и вообще к делам), что обработка черепах останется без всякой оплаты, кроме скромных расходов на фото и рисунки, что, может быть, Институт «не пожелает» оплачивать даже командировки. Вот в чём «гвоздь» моего осторожного отношения к этому делу и нежелания форсировать решение.

А вообще требования Института могут быть сведены к очень простому: обязательству обработать весь материал по монгольским черепахам за пятилетку 1951—55, с представлением монографии «на уровне» — эволюционно-теоретическом и стратиграфическом. Ежегодно (в крайнем случае, какой-нибудь год можно пропустить) представлять статью на тему какого-либо этапа работы. Опубликовывать только в наших ПИНовских изданиях или вообще через нас. Всё.

Отсюда очевидно, что присланное Вами в Дирекцию заявление (Вы так его и не прислали до сих пор, хотя мы говорили с Вами об этом) должно содержать соответственную гарантию, каковой может быть бумага от кафедры.

Вот всё, что я могу Вам сообщить пока. Все остальные разъяснения получите при личном свидании, а то и так письмище разрослось невозможно.

Большой привет Александре Ивановне и Вам, конечно.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 5

Москва
29 мая 1950 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Затеянные мною переговоры с Дирекцией (той и другой) пришли к завершению. Окончательно решено передать всех черепах из МНР Вам для обработки. Завтра будет составляться бумага на кафедру, которая будет вскорости отправлена. Однако, может быть, Вы успеете написать мне, куда её удобнее всего послать — я думаю, Б. С. прямо на ЗИН? Может быть, крепче будет, если написать декану или ректору?? Ведь ПИНу хочется какой-то бумажно крепко задокументированной гарантии о том, что Вы этих черепах действительно сделаете за пятилетку и монографию к печати представите. Ведь поскольку ПИН Вам ничего не платит, то в нашем пока всё ещё меркантильном мире это значит, что ПИН не обладает никакими средствами воздействия на Вас, вроде угрозы описи имущества, отдачи под суд и прочего, что так любят практиковать наши не в меру усердные чинуши…

Кстати сказать, когда я сам поговорил «начистоту» с Кирпичниковым, то он сам же начал ратовать за передачу черепах Вам. Оказывается, кто-то его «информировал», что этот материал совершенно свободен и остаётся лежать втуне. Кирпичников посмотрел Ваши мелкие статьи, раскритиковал их и решил, что он сможет сделать не хуже. Однако, когда я поведал ему, что, собственно, Вами достигнуто по черепехам, ископаемым и современным, он совершенно разумно и по-деловому (резко отлично от панической Дирекции) отказался от притязаний на черепах. Удивляюсь, зачем же были все эти «подземные» разговоры и почему никто не говорил так с ним раньше… Ну, ладно, как ни болела, а померла!

У меня опять крупные «недоумения» с экспедицией. Право, если в этом году экспедиция всё же состоится, то будет примером беспримерного преодоления чудовищного совпадения рогаток. Нет, ещё рано нашей Академии создавать длительные экспедиции по «бесполезным» наукам, выполнение которых не опекается ни МГБ, ни Госконтролем...! Сие для Академии непосильно, так как требует заботы и дум. В общем, крепко хочется плюнуть на всё и остановить дело. Только сознание, что вообще это последний год, мешает. Но ещё не исключена возможность — все данные для этого есть. Но если «победихом и перепрехом», то всё же собираюсь отлетать 8-го июня. Поэтому, если есть какие вопросы — пишите срочно. А если задержусь — извещу. Большой привет Вам от семейства. От меня — Александре Ивановне и Вам, конечно.

Ваш
И. Ефремов

6 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
1 июня 1950 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Очень рад был получить от Вас письмо с таким приятным рисунком. Он мне понравился до чрезвычайности и навёл на мысль просить Вас нарисовать побольше таких в часы отдохновения на самые разные палеонтологические темы. Право же, это может служить отличным средством популяризации, лучшим, чем несколько страниц разных описаний, — сила цельного зрительного впечатления, притом объединённого с каким-то привычным нашим обыденным мыслям образом, объединённого не случайно, а композиционно.

Ей-богу, надо нарисовать их побольше и на разные (позвоночные, однако) темы. Если жив буду, ей-ей обеспечу Вам сбыт в виде заставок и концовок в своей научной популярной книге[1], которая, кстати, уже стоит в плане ПИНа. Всё равно ближе к делу придётся кланяться Вам насчёт некоторых рисунков для оной книги... не только популярных, но и сугубо учёных!

Чтобы не забыть — некоторые замечания о рисунке:

а) двинозавр в этом повороте не эффектен — просто большой аксолотль;

б) выпуклые глаза двинозавра сомнительны мне — у него направление орбит существенно иное, чем у форм (современных) с выступающими глазами, дрейфующих на поверхности воды;

в) девушка не визжит, но очень хорошо растеряна. В то же время она не очень испугана. Для испуга лучше бы сделать «отрицающий» жест руке, как бы отталкивающий чудовище, и две-три незаметные чёрточки на лице — крик и испуг.

Дела с выборами[2] пока не ясны. Плохо то, что выборы отложили (по давлению свыше) на полтора месяца — до конца июня. Это понижает шансы Ю. А., я считаю, так как Недобитошваль[3] теперь имеет гораздо больше времени для «подпольной» работы, в чём Ю. А. ему не конкурент. Таким образом, если Ю. А. ранее имел 90% за успех, то теперь не выше 60—70%. Но будем надеяться, что всё обойдётся, иначе с нашим ПИНом дело будет плохо, и я, в частности, по скверне характера, не рассчитываю в нём задержаться много дольше своего 25-летнего юбилея (1 ноября с. г.). С экспедицией моей ещё ряд новых, нелепейших и неожиданных рогаток. Если они не будут в два ближайших дня преодолены, то не исключена возможность, что сия доблестная работа придет к наиболее бесславному концу. Однако не думаю, чтобы наши президиумские чиновники настолько обнаглели уже в этом году; в будущем году, если кой-кого не выгонят, — не сомневаюсь. Поэтому всё же ехать придётся, и 8-го должен улететь, к счастью, на более короткий срок, чем раньше, — денег хватит только на четыре месяца работы за всё про всё.

С рисунками лантанозуха что-то неладно. Я говорил Вам, что хотел отыскать оригиналы и дать их переснять на хорошей бумаге, лучше, чем это бы сделали в ЛАФОКИ. Но до сих пор не смог найти оригиналов... Странно! Хотя все мои рукописи и материалы представлялись без меня, но всё другое на ме-

---

[1] Имелась в виду популярная книга о палеонтологии, которую И. А. Ефремов по разным причинам не смог написать.

[2] Речь шла о перевыборах директора Палеонтологического института, которые, согласно Уставу Академии наук, проводились раз в пять лет.

[3] Так И. А. Ефремов за глаза называл Л. Ш. Давиташвили.

сте. Буду искать ещё, но времени уже совсем мало, и боюсь, что не успею переснять, когда найду, а без себя этого бы делать не хотелось.

По всем этим соображениям я сегодня же посылаю Вам те хорошие фотокопии, которые вернулись из издательства. Они местами запачканы, но это легко счистить. Насколько я понял, рисунки нужны Вам для диапозитивов — для этой цели посылаемые копии вполне годны.

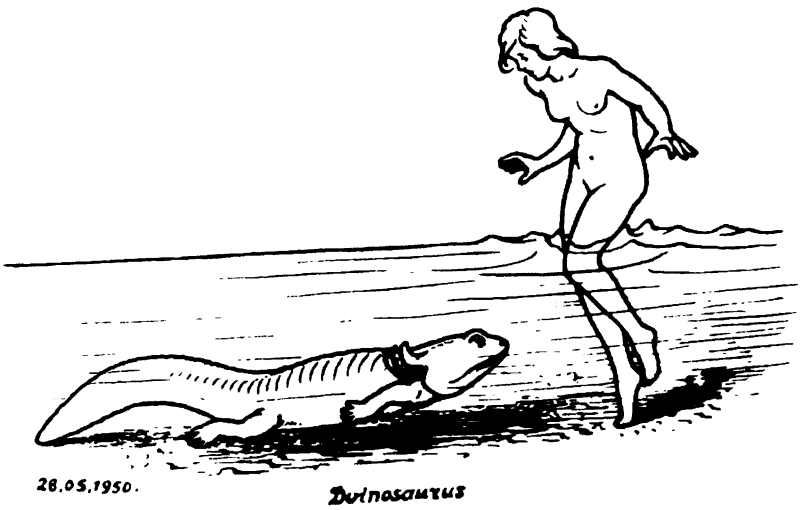
А для более тонких целей после возвращения разыщу оригиналы и могу даже привезти их самих Вам в Лен[инграф]д.

Не забудьте мой монгольский адрес: МНР, Улан-Батор, п/я 374.

Большой привет Гильде Юрьевне и Вам, дорогой друг. В этот приезд не побывал у Вас, и чего-то не хватает.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

P. S. Рисунки в другом, заказном письме в большом конверте.



И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 7

Москва
9 июня 1950 г.

Дорогой Алексей Петрович!

С момента получения Вашего письма произошли некоторые события, результат которых можно свести к одному: я не еду в Гоби, равно как и не состоится 4-я экспедиция. Объяснение причин и сложно, и не годится для письма, в общем, получилась большая нелепость. Но как бы то ни было — я буду летом в Москве и займусь, наконец, кое-какими долгами по пермским зверям.

Рисунки, конечно, разыщу и фото сделаю, но только я хорошо знаю, что они не в натуральную величину черепа, а в 2/3 её. Но мне известно Ваше подобострастие к штрихам и штришкам, поэтому получите всё, что есть.

Не скрою, что Ваша идеология «дружба дружбой, а наука — врозь» меня фраппировала. Я сам не могу так смотреть, и для меня дружба с Вами неотделима от той науки, которой мы оба занимаемся. И Ваши успехи в ней меня радуют, а неудачи огорчают. Поэтому я и пишу Вам время от времени ругательные письма, а не потому, что, выругав Вас, я чувствую себя возвеличенным…

Может быть, теперь мне становится кое-что более понятно из Ваших прежних работ, что в своё время удивило меня, но было сочтено неважным и прочно забыто. Жаль, разумеется, но тут ничего не поделаешь — я сам по себе шёл в науке, никогда не опасаясь — отдать. У Вас школа другая, зловредно-тонковская, и эту печать Вы пронесёте всю свою жизнь, хотя по всем остальным Вашим качествам она вовсе к Вам не подходит. И мешает она, и будет мешать светлой Вашей голове, и тянуть её в «темную карму» по индийскому выражению. Ладно.

Теперь о лантанозухе. Любя Вас, советую — перед тем, как писать о лантанозухе, — перечитайте внимательно мою работу[1]. Может быть, тогда Вы поймете, наконец, что с точки зрения её для оценки группы батрахозавров совершенно неважно, рептилии они или амфибии, в свете обычных остеолого-морфологических данных. Вопрос о них стоит выше элементарных морфологических умствований, а так как Вы, разумеется, никакими решающими данными по ним не обладаете, то получится ерунда, пшик. И если Вы совершенно справедливо не «боитесь моего рыка», то ведь и я, ежели случится, накладу Вам по первое число в Вашей же излюбленной морфологии, печатно или устно, когда угодно. Меня ведь тоже не «запугать» утверждениями, что «я мол то или другое сам проанатомировал»… Анатомировал, да не видал, а видал, так не смекнул. Бывает и так со всеми нами грешными, и Ваша милость от того же не свободна. Так что не заноситесь, тут перед Вами нет обожающих «вертихвосток», а есть только уважающий, но безусловно не худший ум.

Из этих строгих слов Вам должно быть ясно, что Ваше отношение к сеймуриям для меня огорчительно только потому, что я вижу слепоту друга в этом вопросе. И если к слепоте прибавляется надменноватое упрямство, то тут остаётся только развести руками. «Истинно говорю Вам — не хотящие увидеть — не увидят!»[2]

Почти тоже и с двинозавром. Вы изучили двинозавра «до мышц». Вы изучили аксолотля и тритона во всех подробностях. И, не собрав достаточного материала по миологии двинозавра, Вы невольно перенесли продольные мышцы, кожу, жабры и прочее на двинозавра — именно потому, что запас Ваших знаний по двинозавру ничтожен, а по аксолотлю достаточно велик. Если бы

---

[1] И. А. Ефремов имел в виду статью «О подклассе Batrachosauria — группе форм, промежуточных между земноводными и пресмыкающимися» (1946).

[2] Речь идёт о разногласиях между учёными в определении принадлежности котлассий и сеймурий к классу ископаемых. А. П. Быстров считал, что это, скорее, земноводные, чем пресмыкающиеся. Изучение И. А. Ефремовым в 1946 г. пермского лантанозуха позволило выделить эти формы в особый подкласс батрахозавров, промежуточный между амфибиями и рептилиями.

Вы анатомировали бы преимущественно криптобранха, у Вас в контур двинозавра был бы вписан криптобранх. Что до глаз, то тут не так просто, как Вы себе это представляете. Нельзя вот так взять анурные[1] глаза и влепить их в двинозавра. Это, опять-таки, из-за малых сведений. Вы тут не виноваты — таков уровень науки. Но Вы виноваты в том, что перестали отдавать себе отчёт в уровне достигнутого. В истинном уровне... Ну, хорошо, довольно ворчанья.

На меня напирают геологи, чтобы я посмотрел камских четвероногих. И батрахозавра с Печоры, который у Вас, и молотовские остатки из Г.-В. коллекции. Они в обиде на Вас, что Вы и ничего не сделали по этим остаткам, и прогнали их, отказавшись от определений. Нужно что-то сделать. И поскольку Вы не хотите, придётся, видимо, мне. Приеду в Лен[ингра]д, заберу печорскую тварь[2], и, надеюсь, Вы не откажете мне в изучении молотовских материалов. А там, может быть, и удастся поставить в Молотове раскопки... А с Печоры выкопано ещё что-то Шомысовым. Так что определения кое-какие могут получиться. Ну, спишемся ещё не раз.

Большой привет Г. Ю. и Вам. Не обижайтесь на некоторое поношение. Согласитесь, что Вы его заработали.

Ваш *И. Ефремов*

В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

17 июня 1950 г.[3]

Многоуважаемый Иван Антонович!

Разбирая груды писем, пришедших на нашу дачу в Мозжинке за время нашего пребывания в санаториях, я нашёл прилагаемое письмо П. Сапринoвского со станции Зима на р. Оке в Иркутской области о нахождении мамонтовых костей в наносах правого берега реки. Так как мой сын Дмитрий в санатории, то пересылаю письмо Вам для передачи сотрудникам института, интересующимся ископаемыми четвероногими. Может быть, пользуясь летним временем, институт пошлёт их на место для раскопок. Место это мне хорошо знакомо. В 1889 г. по поручению Ирк[утского] горн[ого] упр[авления] разведывал угленосные слои юры на этом берегу р. Оки в 5—6 км выше станции Зиминской, а по окончании разведки воспользовался наличием рабочей силы и инструмента, чтобы в течение 1 дня раскопать дно оврага по дороге в с. Зима, где из болотца торчал бивень мамонта, который мы все видели на пути из с. Зима к месту разведки. Мы накопили много частей мамонта и отправили всё найденное (большой ящик) в Иркутский музей В[осточно]-Сиб[ирского] отд[еления] Г[еографического] общ[ества], но копать до самого дна не могли, так как мешала вода. Эту работу я описал в Изв[естиях] В[осточно]-Сиб[ирского] отд[еления] Географического] общ[ества] за 1889 г.

Место, указываемое Сапринoвским, наверное, находится в той же местности, в 2—3 км от с. Зима по правому берегу р. Оки, где этот берег расчленён

[1] Слово происходит от Anura, латинское название отряда бесхвостых амфибий (лягушки, жабы, квакши и т. д.). У многих из них крупные выпуклые глаза.

[2] И. А. Ефремов имел в виду печорского котилозавра.

[3] Датируется по содержанию письма.

оврагами, склоны которых состоят из четвертичных наносов, и, очевидно, заслуживает хорошей разведки; в моих сборах была кость хищного, кроме многих костей мамонта, очевидно, от целого трупа. А Саприновский указывает ещё место в той же части правобережья, и укажет разведчикам его.

Я уже вернулся в Мозжинку и начинаю работать по подготовке к печати тома по географии Наньшаня, но очень мешает слабость глаз, кроме общей и дыхательной. В Барвихе мне даже определили «хронический бронхит», что сомнительно.

Палеонтологи института, наверное, уже собираются опять в дебри Монголии на раскопки, и Вы, конечно, готовитесь к отъезду, если не уехали уже.

С сердечным приветствием,
В. Обручев

9 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Москва
27 ноября 1950 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Что-то давно ничего о Вас не знаю. Я осенью побывал в Крыму, насладился морем и солнцем и прибыл в Москву с бодростью, гораздо большей, чем обычно после Монголии.

Поэтому, несмотря на слухи, распускаемые врагами, тружусь над наукой, а не над очередными рассказами.

Понемногу двигается и очерк об Монгольской экспедиции, но до его окончания ещё далеко — написано только семь листов вместо предполагаемых 20-ти. Найдены нижнепермские батрахозавры типа сеймурий в северном Казахстане, на днях закончу предварительную статью. Из нижней перми Инты идут уже полные черепа, а также первые отрывочные остатки рептилий.

В общем, пошла нижняя пермь!

Вас тоже есть чем порадовать — второй панцирь черепахи с Эргиль-Обо, о котором говорил Рождественский, оказался вовсе не карапаксом, а полным пластроном, каковой отпрепарован и ждет Вас. Собранными в музее черепахами набит целый лотковый шкаф, но ведь мы ещё не трогали основных запасов!

Я давно не писал Вам, так как уж очень плотно занят. В таком состоянии буду, наверное, до конца декабря, потом будет легче.

У нас в ПИНе дела сложные и не совсем удовлетворительные, но ведь сложная обстановка сейчас повсюду и, судя по доходящему до нас, в Лен[ин-гра]де ещё того серьёзнее. Впрочем, о ПИН как-нибудь при личном свидании, есть кое-что порассказать.

У меня к Вам есть просьба — ежели у Вас есть приличный рисовальщик, то нельзя ли ему поручить исполнить в туши увеличенные рисунки зубов крокодилов по материалам ЗИН? Мне нужны следующие рисунки:

1. Зуб молодого нильского кроко (с режущими боковыми кантами).
2. Часть зубного ряда (арранжировка зубов) и отдельный увеличенный зуб гавиала — по крупному черепу из музея.
3. Зуб старого нильского (того же места, как 1).

4. Хватательный зуб: а) нильского, б) гавиала, в) гребнистого.

5. Зуб молодого гребнистого.

6. Зубы из первых задних (так 11—12) гребнистого и нильского, там, где они булавовидны.

7. Общий вид зубов верхней и низшей челюсти крупного гребнистого (есть в музее такой здоровенный череп).

Цель этих рисунков — показать, что у молодых крокодилов зубы с режущими боковыми кантами, похожие на зубы типичных мясоедов, и есть даже загнутые вершинками назад. У более старых крокодилов зубы более туповершиннны, а задние зубы (но не самые последние) становятся булавовидными, и совершенно точно похожими на зубы дейноцефалов. Следовательно, даже весьма широкие вариации зубной системы ещё не дают сами по себе основания для создания особых форм, а также дейноцефалы аналогичны крокодилам по способу питания (смешанного).

Ежели художник сможет это сделать — напишите, и я перешлю нужную сумму без всяких там счетов — нештатной зарплаты у меня всё равно на это дело нет, и нужно сделать за свой счёт. У Вас есть какой-то замечательный рисовальщик — так вот, если не затруднит — очень прошу поручить ему такую работу. В Ленинград я попаду, наверное, не раньше января или самого конца декабря, а рисунки мне понадобятся к этому сроку готовыми.

А. П. Быстрову я давно не писал по той простой причине, что если писать — то нужно как следует отругать за сделанную глупость, но ежели он болен, то ругать не могу... А спустить — тоже нельзя — для Быстрова это недоразумение, точнее, недомыслие непростительно. Надо знать, с кем говорить!

Я слышал, что он бранится в мой адрес за присланную ему на отзыв якобы мною диссертацию моего аспиранта. Если увидите его — не откажите передать, что диссертации я ему не посылал, а послал Институт, и это есть прямой результат некоей несдержанности речи и писания, им проявленной. Мне же это меньше всего нужно, и я ничем не буду его тревожить в болезни.

Кириллу Борисовичу расскажите, что найдена ещё серия сухожилий, на сей раз на скелете цератопса из верхов мела (Баин-Ширэ).

Большой привет Александре Ивановне.

Ваш, с искренним уважением:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
16 декабря 1950 г.

Дорогой Алексей Петрович!

С большим огорчением узнал (из Ваших писем Обручеву), что Ваша болезнь ещё не оставила Вас в покое. Должен признаться, что сначала у меня не было к ней сколько-нибудь серьёзного отношения.

Правда, этому виной одно из Ваших писем Обручеву, в котором Вы говорили о болезни в плюсквамперфектум.

Прежде всего совершенно не беспокойтесь о рукописи, засланной Вам отнюдь (подчеркиваю) не по моему желанию или совету. Также совершенно ни

при чём здесь автор её, аспирант Вьюшков. Рано или поздно мы найдем способ извлечь её в Москву, не причиняя Вам абсолютно никакого беспокойства. Кто-нибудь из наших поедет в Лен[ингра]д и заберёт, а на защите обойдёмся. Мудрецы, собираясь вместе, всегда перемудрят — это вольный перевод с греческого.

Знаете ли Вы, что в издательстве «Мак Гро Хилл» в Нью-Йорке вышла книга по функциональной анатомии позвоночных? На всякий случай подписываю здесь же Вам её точное название — если захотите выписать через Ваш Дом учёных или университет.

Сейчас основное — Вам поберечь пока себя от всяческого напряжения, поэтому не худо побольше почитать и неторопливо поразмышлять. Если бы не скверное ленинградское небо, то было бы замечательно Вам достать школьный телескоп (менисковый) Максутова — это замечательная вещь, дающая очень яркие изображения, и посмотреть в него двойные разноцветные звёзды. Ничего более успока[ива]ющего, чем эти, красивее, чем самые лучшие драгоценные камни, огоньки из чёрной безмерной дали, я не знаю…

Научных новостей пока мало. Вот только в Казахстане в нижней перми найдены первые четвероногие — крупные сеймурии, по моему определению. Ещё из нижней перми Инты должен быть скоро получен целый череп. Теперь пойдёт нижняя пермь, а за ней и верхний карбон!

«Звёздные корабли» почему-то (впрочем, ясно почему) больше всех других моих книг переводятся. Сейчас они уже переведены на 6 языков! Это должно и Вам понравиться как главному герою! Жаль только, что везде весьма посредственные рисунки…

Не побывав в Монголии, я чувствую себя гораздо лучше и энергичнее. Одна беда — поскольку перестал курить, то всё толстею и тяжелею, а следовательно, и остареваю. Начать, что ли, снова курить, чёрт возьми?

Занимаю наукой всё своё время, на литературу пока не остаётся. Надо уплатить по старым векселям — сократить описания и выпустить в печати, пока это возможно, каргалинскую фауну и котилозавров III зоны[1]. Одновременно очень медленно двигается книга о монгольских раскопках[2] — это будет капитальное повествование листов на двадцать — так уж получается, никак не могу выписаться.

Ну, хорошо, думал написать коротенько, да не вышло. Кончаю. Поправляйтесь потихоньку, дорогой А. П., и как можно меньше заботьтесь о мелочах. А то они, при Вашей нервной сути, могут очень здорово Вас допечь!

---

[1] Речь идёт об осмыслении полевых исследований в Пермском, Башкирском и Оренбургском Приуралье. На основании обобщения этих материалов была подготовлена монография «Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья». В процессе работы и изучения ископаемых И. А. Ефремов искал пути практического использования достижений палеонтологии в геологии и стратиграфии. Он разработал схему стратиграфического распределения позвоночных в континентальных отложениях Восточно-Русской платформы. В III зону, о которой упоминал И. А. Ефремов, входили мелкие котилозавры. Более поздние исследования показали, что выделение III зоны как самостоятельной являлось ошибочным. (Чудинов П. К. Иван Антонович Ефремов. — М.: Наука, 1987. С. 76—77.)

[2] «Дорога ветров».

Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далёкий парус корабля
И плески[1] волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе! Всегда! Теперь! Сейчас![2]

Е[сли] ж[ив] б[уду], буду в Ленинграде в январе, привезу Вам женьшень, и тогда очень быстро вся хандра удалится.

Всего самого хорошего, а главное — здоровья, здоровья, здоровья!

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Quiring Daniel. Functional Anatomy of the Vertebrates. Pp. 654. Mc. Grow. Hill. New-Jork. 1950. 550.

Ю. А. ЖЕМЧУЖНИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11

Ленинград
Не позднее 25 декабря 1950 г.[3]

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Я ещё летом с большим интересом прочёл Вашу книгу «Тафономия» как произведение широкого значения, захватывающее многие струны. Меня оно задело по трём направлениям: во-первых, там много есть штрихов, касающихся угольных месторождений, во-вторых, по линии палеофаунистики, в-третьих, по вопросу о среде захоронения, часто связанной с водными потоками континента. Мне хотелось бы поговорить о всех этих вопросах, но сейчас я не могу снова к ним возвращаться. В настоящий момент меня больше всего интересует среда отложения, и я хотел бы, чтобы Вы любезно мне указали (к сожалению, список литературы у Вас очень сокращённый), где бы я мог пополнить свои знания:

1) по поводу обстановки линз Амалицкого,

2) по Вашим местонахождениям по Сев[ерной] Двине и в Монголии, Чкалове и др.,

3) по мест[онахождениям] Джоггинса, Red Bed[4] формации Моррисон и вообще по заведомо речным или дельтовым формациям, с которыми Вы встречались.

Дело в том, что известное мне в угленосных отложениях говорит скорее за то, что большая часть таких потоковых песчаников отложилась в наземном потоке (в русле реки), а если в дельте, то в наземной части дельты, а не в подводной. Тем более, если они разделяются на отдельные рукава, напр. Ваш рисунок № 11, если снос шёл справа налево. Очень любопытно бы во всех этих случаях производить измерения косой слоистости (направление).

Я, разумеется, с ещё большим вниманием буду прорабатывать Вашу книгу, столь захватывающую своим содержанием, необычным для рядовых

---

[1] Опечатка или ошибка. Должно быть «песню».
[2] Отрывок из стихотворения М. А. Волошина «Дом поэта».
[3] Датируется по штемпелю на конверте.
[4] Здесь: Красные слои (англ.).

палеонтологических работ. С нетерпением жду II части, как ждут продолжения увлекательного романа, остановившегося на самом интересном месте! Как ещё мало пишут интересного в науках, уже собравших большой фактический материал, могущий послужить для реального восстановления минувшей жизни (и гибели). Ведь к этому и стремился покойный наш учитель А. А. Борисяк. Сколько ещё можно порассказать о жизни Ваших двинских и др. рептилиях и амфибиях для широкого читателя!

Я сейчас еду в Москву на несколько дней и буду стараться созвониться с Вами или навестить Вас в ПИНе.

А пока шлю привет.

Ю. Жемчужников

1951

В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1

Москва
8 января 1951 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Ваши замечания по тексту моего романа о кладоискателях очень пригодились мне для исправления недостатков, которые Вы отметили. Фома Кукушкин сделан теперь культурным человеком, сыном политического ссыльного декабриста, который дал сыну хорошее образование и приучил его к наблюдательности. С другой стороны, консул, которого Вы почему-то сочли малосведущим, ему также очень помогал, и в этом отношении я по личному знакомству с консулом в Чугучаке, который в 1894 г. был уже драгоманом, т. е. толмачом, в Кульдже, а в 1905 г. консулом в Чугучаке, действительно был интересный и образованный человек, каким он и обрисован мною.

Отмечено теперь и обилие монастырей, и бездельников-лам в Монголии в виде беседы Фомы с его компаньоном.

Вы указали, что в романе китайцы отмечены вообще как плохой народ. Это правильно, но соответствует действительности; путешественники всего более встречаются или с чиновниками, или с торговцами и хозяевами постоялых дворов, которые вообще мало привлекательны; с крестьянами — торговцам товаров, как Кукушкин, встречаться приходилось мало; поэтому они и не обрисованы; но неприязнь к китайцам вообще, которую Вы отметили в романе, по-моему, не бросается в глаза, а антагонизм китайцев и монголов не выражен.

Очень не понравилось Вам путешествие с немцами и раскопки в городе нечистых духов. Немцы обрисованы с комической стороны, и разговора их ломаным языком не так много. Что же касается города нечистых духов, то я могу утверждать, что это замечательное место по сходству с сооружениями человека, и только геолог видит, что это работа воды и ветра. Я попал в город сначала в сумерки и сам принял его за развалины, и только на следующий день понял, в чем дело. А Фоме и его компаньону, не видавших подобного сочетания форм, похожих на башни, улицы, памятники, с ядрами в стенах, осколками, похожими на стекло, нужно было именно выяснить раскопками, что это не массивы зданий, а массивы породы. Я видел много эоловых форм во время своих путешествий, но целый эоловый город видел только один раз, и он заслуживает описания; Фома и Лобсын должны были убедиться, что это не людские сооружения; смехотворного в их раскопках я не вижу ничего; они не были геологами.

Одобрение результатов раскопок со стороны специалистов уже имелось и ещё добавлено. Связь с простыми людьми и их помощь (дружеская) отмечена в нескольких местах, но подчёркивать её особенно я не считал нужным.

Вам очень не понравилось последнее путешествие в Кульджу; но это наша пограничная местность, очень интересный грабен Джунгарских ворот, который требовал характеристики, как равно и свирепствующий там ужасный ветер, который до сих пор не дождался изучения метеорологами, несмотря на посещение у границы и лёгкую доступность. Я надеюсь, что роман побудит к этому, поэтому и уделил больше места описанию этих ворот.

Наконец, Ваши пожелания о более подробном описании путешествия в Тибет и характеристике страны Кам! Это хорошая задача для отдельной книги, которая будет интересной; присоединив сюда Наньшань, который примыкает с севера к Тибету и Каму, можно создать хороший приключенческий роман, и я им займусь, если позволит здоровье. Но прибавлять их к кладоискателю — это значит отложить издание последнего года на 2—3.

Небольшие сокращения в описаниях путешествия лучше сократить попутно при редактировании. Но книга должна ведь дать характеристики местностей на всём пути, и нужно ли стремиться сокращать описания? Это географический материал, и читатель, не интересующийся им, может опускать его.

С этими исправлениями, за инициативу которых я Вам очень благодарен, передаю теперь роман на суд издательства.

С приветом,
В. Обручев

2 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Москва
26 января 1951 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Очень рад был получить наконец от Вас письмо после столь долгого молчания. Зная Вашу обычную аккуратность и обязательность, я был в полном недоумении и тревожился, заподозрив болезнь, теперь выяснилось, что, оказывается, так оно и было.

Что ж сказать на это? Браниться, по-видимому, бесполезно, а самое искреннее убеждение далеко не достигает цели в трудных условиях настоящего времени.

Будет только очень жаль, если Вы, поддавшись неумной линии научного руководства, выражающейся в колоссальной и непосильной перегрузке учёных и преподавателей, кончите так же, как и большинство, — не дав своей родине и народу и десятой части того, что могли бы дать, если бы Ваша работа была умнее организована. Это ведь почти то же самое, что жечь кофе в паровозной топке, с другого конца только, наоборот, так сказать. Думаю, что скоро в этом отношении будет кое-что сделано руководящими органами, но ведь и мы сами должны тоже заботиться об этом — чтобы не оказалось наше поколение учёных — «толпой угрюмою и скоро позабытой»[1].

Пример Быстрова, пример Вавилова[2] — перед Вами.

---

[1] Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» («Печально я гляжу на наше поколенье...»).

[2] Имеется в виду С. И. Вавилов.

Ну хорошо, довольно лирики!

Когда я просил Вашего содействия на изрисовку зубов крокодилов, то, конечно, я понятия не имел о Вашем жестоком цейтноте. Теперь же прошу Вас не отвлекаться на эти пустяки. Во второй декаде февраля, е[сли] ж[ив] б[уду], я приеду в Ленинград и займусь этим. Вас попрошу только принципиально договориться с художником, чтобы он смог в этот период нарисовать мне эти рисунки, и потом ещё раз обращусь к Вам, чтобы получить доступ к материалам (они ведь большей частью выставлены) ввиду отсутствия С. А.

А сейчас, ради бога, не беспокойтесь — спешного ничего нет, и вовсе не стоит прилагать последние усилия «цыганской», мягко говоря — лошади.

Тогда же — в феврале подробно поговорим и о монгольских черепахах. У нас сейчас комплектуется монгольский том, который пойдёт в печать через два месяца самое позднее. Было бы очень хорошо успеть Вам со статьями туда — это снова бы утишило оппозицию, которая снова подняла голову.

Что до Быстрова, то, конечно, его сейчас нельзя трогать. Ведь, без сомнения, он выкинул эту штуку, уже будучи больным, и именно потому, что был болен. Как бы то ни было, его здоровье дороже десяти работ, на чем мы и согласились.

Пусть себе живёт спокойно!

В ПИНе у нас всё по-старому, ни шатко ни валко, а хозяйство всё в тех же руках. Ждём выборов, а они всё откладываются и откладываются, и когда будут — все уж перестали что-либо понимать. А без этого понимания и покритиковать-то как следует нельзя — дабы не испортить выборного будущего. Ну пусть пока остаётся так — работа всё идёт, а что не так, как хочется, — где оно, это так как хочется?

Я намерен написать кое-какие трактаты. Только бы не болеть — этот год не собираюсь никуда в экспедицию ехать — тогда он пройдет с пользой для научной писанины. Большой привет Александре Ивановне. Не откажите передать, что я ошибся, полагая, что у вас — «курица». И это очень жаль...

Вам, конечно, тоже большой привет от всего семейства, от трёх будущих шоффёров, так как к весне вся тройка должна получать шоффёрские права и катить в отпуск в Крым на машине, ведя её по очереди.

Ваш, как всегда:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 3

Москва
18 мая 1951 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Простите великодушно за нарушение Вашего покоя, но Вы в настоящий момент — единственный, кто знает во всех подробностях легенду о кисё-гиик. Как Вы рассказывали в своё время Петру Петровичу Сушкину, эту легенду Вы слыхали во время своего Кульджинского маршрута.

П. П. Сушкин дополнял её легендой о песчаном человеке — не помню сейчас его названия, — и считал обоих этих диких людей (и Вашего камышового, и песчаного) подлинно существовавшими, но обязанными своим проис-

хождением одичанию в результате постоянных усмирительных войн и массовых бегств в пустыню.

Однако, мой друг, профессор И. И. Пузанов, вспоминая лично им слышанные от Вас рассказы, считает, что тут дело не так просто и, возможно, мы имеем дело с недавно существовавшей низшей ступенью человека.

Поскольку проф[ессор] Пузанов сейчас пишет книгу о происхождении человека, ему очень нужно знать эту легенду во всех её вариантах и подробностях.

Он просил меня ходатайствовать у Вас аудиенцию и прослушать эту легенду. Однако я думаю, что причиню Вам меньше беспокойства, если обращусь к Вам письменно с великой просьбой — написать в свободную минутку, отданную воспоминаниям о Ваших походах, легенду о кисё-гиике и адресовать её или мне, или прямо проф[ессору] Пузанову. Он использует её в своей книге, разумеется, со всеми соответствующими указаниями на источник.

Конечно, мы с неограниченным терпением будем ждать наступления у Вас «подходящей минутки»...

Ещё раз простите за беспокойство.

С глубоким и искренним уважением к Вам и просьбой передать сердечный привет Еве Самойловне.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

4 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Москва
18 мая 1951 г.

Дорогой Лев Исаакович,

должен признаться, что приведён в полное недоумение Вашим упорным молчанием.

Я посылал Вам по служебной линии телеграмму одновременно с похожей телеграммой Борису Степановичу. От Б. С. на следующий день был получен ответ, а от Вас — прошёл месяц — и ничего.

Если у Вас ничего не выяснилось по вопросу поступления к нам, то ведь можно бы было известить об этом — постарайтесь, мол, ещё задержать единицу в резерве. Точно так же и со статьями — сроки уже прошли, сборник редактируется, а мне тычут в нос — так и знали, так и должно было быть, так и предвидели...

Мне, конечно, возразить нечего!

Я рассчитывал приехать в Ленинград в мае, повидаться с Вами и подробно всё обсудить. Это не выходит — в мае не приеду и не знаю — приеду ли в июне — уж очень много дела предстоит в ближайшее время.

Поэтому приходится пользоваться почтой.

В общем, дела сейчас складываются так: единицу придется замещать, и мы её заместим за оставшийся кусок мая, так, чтобы в июне не опасаться проверки штатной комиссии за первое полугодие. Конечно, может быть, можно её ещё занимать временным человеком, скажем, экспедиционным коллектором, но у меня нет никаких убедительных причин для этого.

Что до черепах, то сейчас мы ничего, разумеется, делать не будем, но когда я приеду в Ленинград, придется нам с Вами снова всё переоценить и взвесить. Мне кажется, Вы слишком оптимистично смотрели на возможность совмещения большой преподавательско-общественной работы с серьёзной обработкой нашего огромного материала. Пожалуй, ничего из этого не выйдет.

Ну, там обсудим всё трезво и не спеша...

У большой черепахи из Эргиль-Обо вытащили всю породу извнутри. У ней сохранились — часть пластрона и чудесной сохранности полный таз. У эоценовой черепахи есть пластрон, но потребуется кропотливая препаровка. Пока черепах не препарируем, гоним крупных зверей для создания запаса материала для монтировок.

Большой привет Александре Ивановне и Вам самому.

Ваш:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 5

Москва
1 июня 1951 г.

Дорогой Иван Иванович!

Всё ожидал готовности Фрины[1] и ответа В. А. Обручева, чтобы ответить Вам, но с Фриной терпение моё иссякло — наш фотограф один раз снял неудачно и, обескураженный, не появляется — «волынит».

Обручева теперь так, запросто, навещать нельзя — всякий разговор его, оказывается, волнует. Можно переписываться, что я и сделал. Обязательный старик ответил мне аккуратно, заявив, что никогда он Вам этого не рассказывал (кисё-гиик) и сам ничего по этому поводу не знает.

По его предположению, Вам рассказывал об этом Сушкин. В. А. Обручев пишет, что он очень хорошо помнит все детали своих путешествий девятнадцатого века, хотя и забывает постоянно всё происходящее с ним теперь. Он просит Вас написать ему, когда, при каких обстоятельствах и что именно он Вам рассказывал — тогда, может быть, ему удастся восстановить в памяти, хотя он и сомневается, что он когда-либо что-нибудь знал о кисё-гиике, так как в дневниках и написанном ранее о путешествиях ни разу нет ни одного воспоминания об этом. Обручев уверяет, что такую интересную вещь он обязательно бы упомянул где-либо.

В общем, по-видимому, в самом деле он ничего не знает — дело, значит, в П. П. Сушкине — следовательно, в могиле...

У меня самое хлопотливое время — цейтнот с выполнением планов. У сына экзамены, у Елены Дометьевны — подготовка к экспедиции, — в общем, весь дом трудится с утра до вечера, не помышляя об удовольствиях и общении с широким миром. А тут ещё не везёт с автомашиной — оказывается,

[1] И. А. Ефремов обещал прислать И. И. Пузанову фотографию копии центральной части картины Г. И. Семирадского «Фрина на празднике Посейдона», выполненной по заказу И. А. Ефремова.

совсем нелегко купить летом «Победу» — товар сезонный, вроде тапочек. Весьма возможно, что так и не купим и мирно поедем в Коктебель на вульгарном поезде... Но всё же постараемся ещё не сдаваться — время есть! (...)[1]

Решили ли Вы, куда поедете в сём году? Если бы была машина, то обязательно заехали бы к Вам в Симеиз, так как будем в Крыму, е[сли] ж[ив] б[уду], во второй половине августа и в первой половине сентября. Но если мы окажемся простыми смердами в Коктебеле, то не появитесь ли Вы там в начертанное свыше время? Было бы очень хорошо, если бы Вы написали теперь уже поконкретнее о своих летних планах — уж очень приятно было бы встретиться с Вами в период вольного существования и пофилософствовать на идиллические темы. О красоте, уходящей из мира, например... и её пришествии в мир — на следующем изгибе спирали!

О Крите и Мохенджо Даро, о гигантских пралюдях, о вертикальной (меридиональной) миграции человечества в его постепенном размножении и последовавшей затем великой широтной миграции средиземного пояса, что и отражено в старых легендах как смена Лемуров на Атлантиков. О эволюции общего идеала красоты человеческого тела в связи с общим развитием и сменой культур, — в общем, о весьма многом, что Вы сможете и оценить, и дополнить, и раскритиковать.

Большущий привет Вам от всего семейства, которое относится к Вам с искренней любовью.

А Фрину я всё же пошлю Вам, как только удастся её снять, добыв более чувствительную и мелкозернистую плёнку.

С искренним уважением,
Ваш И. Ефремов

6 И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Москва
3 августа 1951 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович!

Решил попробовать написать Вам в симеизское уединение, так как летние планы уточняются. Почти абсолютно очевидно, что машины к отъезду в отпуск не достать — это, оказывается, товар сезонный, вроде тапочек — покупать надо только зимой, а сейчас нечего и думать достать. Отсюда следует, что всё автосемейство отправится мирными поездными пассажирами в Коктебель, куда путёвки получены с 22 августа по 16 сентября. Там и будем пребывать плотно, с выездом разве что в Кизылташ или Судак...

Когда Вы думаете попередвигаться по Крыму? Совпадёт ли Ваш поход в направлении Коктебеля с периодом нашего там жития? Или же Вы уедете ещё куда-нибудь — на погибельный Кавказ?

Не откажите отписать ответ — удостойте нас ещё сюда, в Московию. Тогда будем знать, можно ли рассчитывать на встречу с Вами на крымской земле. Кстати, можно ли поселиться у Вас в Симеизе «дико живущими»? Две наши сотрудницы (одну из них Вы знаете — это О. М. Мартынова) мечтают

[1] Так в исходном издании. По-видимому, пропущена часть текста.

почему-то именно о Симеизе. И упрашивали меня, чтобы я задал Вам сей вопрос при письмовой оказии. Выполняя их просьбу, прошу не отказать написать о возможности здесь снять комнату, питаться и прочее с 1 сентября на месяц.

Всё лето тружусь над древнепермскими дейноцефалами[1], оставив всякое попечение о литературной деятельности. И, к моему величайшему сожалению, не смогу разделаться до отпуска, и придётся корпеть и после. Значит, не получится приступить после Крыма со свежими силами к окончанию Монголии и закончить под один мах (это я о беллетристическом описании путешествия[2]). Очень буду огорчён, если встреча наша в Крыму не состоится. Я как-то привязался к Вам душевно, и не хватает Вас.

Иван Ефремов сказал — ВАЛЕ[3]

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 7

Москва
21 ноября 1951 г.

Многоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Приношу Вам самую искреннюю благодарность за Вашу так любезно присланную мне книгу. В ней мне многое очень дорого — и от мечтаний юности, когда я сильно завидовал Вашим путешествиям, и от воспоминаний недавнего близкого знакомства с Центральной Азией, а главное — в ней Вы, так много от Вашей живой души и громадного запаса познаний.

Большое, большое спасибо!

Пользуюсь случаем попросить Вас, если можно, посмотреть мою статью о пермских континентальных толщах Центральной Азии (Монголии) и, если Вы найдёте её того достойной, представить для напечатания в «Докладах»[4] или в «Известиях»[5]. Впрочем, боюсь, что её вообще не напечатают, сейчас перестраховка «экспертов», после всяких грозных приказов, достигла апогея.

С искренним уважением и благодарностью,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 8

Москва
1 декабря 1951 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Позвольте поблагодарить Вас от души за внимание к моей небольшой статье. Буду очень Вам обязан, если Вы решите сами, куда лучше направить оную. Конечно, если бы Вы смогли написать дополнение к статье, что очень

---

[1] И. А. Ефремов работал над статьёй «О стратиграфии пермских красноцветов СССР по наземным позвоночным» (опубликована в 1952 г.), где обосновывалось существование приуральского дейноцефалового комплекса.

[2] Имеется в виду «Дорога ветров».

[3] Vale — будь здоров, прощай (лат.).

[4] Доклады Академии наук (ДАН) — научный журнал Президиума РАН.

[5] «Известия академии наук СССР» — научные журналы по каждой отрасли науки.

лестно для меня, то статья должна идти в «Известия», геологическую серию[1], и задержка в этом случае никакого значения не имеет.

Я ещё очень мало знаю Центральную Азию и, естественно, мог лишь слегка затронуть большой вопрос о континентальном палеозое древней азиатской суши. Однако с ростом изученности открывается всё большее число верхнепалеозойских континентальных массивов, и пересмотр прежних представлений — на очереди. Вернее, не столько прежних, сколько не очень давних, ибо с отодвиганием на юг границ сибирской палеозойской суши вновь, в несколько иной плоскости, встает вопрос о «древнем темени Азии».

Не обладая достаточными познаниями, я не могу разобраться, какая часть континентальных угленосных свит, развитых в Центральной Азии, принадлежит к перми, а какая — к юре. Однако несомненно, что значительная, пожалуй, большая доля в этих отложениях — верхнепалеозойская.

Равным образом, граниты в юре — сомнительны. Большой массив мясокрасных кварц-порфиров внедряется в ноян-сомонскую пермскую толщу у Ноян-сомона, а немного восточное есть небольшой гранитный массив особых плагиоклазовых порфировидных гранитов, по-видимому, связанных с кварц-порфирами и этой же нижнепермской толщей. Подобные граниты, рвущие нижнепермские континентальные толщи, вполне «естественны» и могут быть именно иеншанскими.

Но граниты, рвущие юрские толщи, в Азии нигде с несомненностью не наблюдались, что бы там ни писалось по этому поводу. Всё это стали находить после известных Вам «геотектонических» измышлений — появился спрос на определённые факты — появились и самые факты в кавычках.

Нужно думать, что всякая континентальная толща с гранитными жилами и мелкими интрузиями гранит-порфиров (иеншанскими) — это толща заведомо палеозойская, отнесённая к юре по распространённому недоразумению.

Относительно отложений впадины Бага-Удэ мне не пришлось ничего нового слышать — постараюсь навести справки. Но мне известно, что заведомо пермские (по фауне листоногих — даже верхнепермские) отложения есть к югу от Сайн-Шанды, точнее, к юго-юго-западу (южнее мелового массива Цзун-Баин). Не исключена возможность, что эти отложения составляют западное продолжение пермского массива Бага-Удэ, вполне возможное при широтном, в общем, простирании континентального верхнего палеозоя.

Как много ещё нужно исследовать... множество интереснейших вопросов. И так жаль, что никак не получается хорошая центральноазиатская геологическая экспедиция — какую великую пользу она могла бы принести при достаточно широком и элементарно разумном подходе к её задачам.

Но слишком много «заинтересованных» лиц и грошовых советчиков — вряд ли скоро удастся организовать что-нибудь настоящее, как случайно получилось с нашей Монгольской экспедицией (палеонтологической).

Извините за длинное письмо, многоуважаемый Владимир Афанасьевич, я рискую утомить Вас.

С искренним уважением и благодарностью,
И. Ефремов

---

[1] «Известия академии наук СССР. Серия геологическая» ежемесячный научный журнал Отделения геологии, геофизики и геохимии АН СССР, издаётся в Москве с 1936 г.

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 9

Москва
13 декабря 1951 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Я до сих пор не писал Вам — это не забывчивость, а выжидание времени, когда я смогу написать Вам о нашем деле с достаточной ясностью.

Это время наступило. В общем — всё за Вашу кандидатуру, и можно будет приступать к реальному осуществлению Вашего вступления в ПИН.

Для этого нам нужно превратить имеющуюся лаборантскую единицу в единицу старшего н/с, что Данильченко считает вполне возможным после некоторой подготовки. Однако эту подготовку Дирекция будет вести лишь после того, как получит от Вас серьёзные заверения, что Вы эту единицу займёте, иначе никакого другого старшего у нас нет, назад в лаборантскую её не превратить ни в каком случае, и драгоценная единица лаборанта будет утеряна впустую.

Немедленного решения от Вас не требуется, но всё же к апрелю надо эту штуку выяснить. Дирекция отдаёт себе ясный отчёт в том, что Вы сможете фактически приступить к работе лишь с июля.

Надо сказать, что придуманный нами вариант встретил со стороны и Ю. А., и (что гораздо важнее) П. Г., и со стороны парторганизации одобрение, а не противодействие. Сверх ожидания!

Считается приемлемым и тот, и другой варианты, т.е. постоянное и временное зачисление, хотя бы оно было и вообще временным — черепахи и ладно! Вот то, что считаю необходимым спешно сообщить Вам. О дальнейшем размышляйте… Но искренний Вам совет — чтобы закрепить всё это окончательно, было бы неплохо, если решитесь вступать в лоно — приехать в Москву и тут лично обговорить всё до точки и с Ю. А. и с П. Г., и с Хворовой. Тогда можно будет считать дело крепким с обеих сторон и действовать спокойно. Здорово будет, если выйдет! Вот уж — не бывать бы счастью, да несчастье помогло! Хорошо бы, дорогой Лев Исаакович!

Большой, большой привет Александре Ивановне. Вам тоже от всего семейства.

Пишите.

Ваш:
И. Ефремов

1952

1 В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Мозжинка
20 января 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

В конце декабря я уже собрался представить в редакцию «Известий», серия геологическая, Вашу статью о развитии континентального верхнего палеозоя в Центр. Азии с небольшим примечанием о возможности развития юры и послеюрских гипабиссальных интрузий, но задержало следующее: мне предложили просмотреть и представить к печати (по Монгольской комиссии) новую сводку по геологии Монг[ольской] Нар[одной] Респ[ублики], которую составил Маринов, один из геологов экспедиции Мин[истерства] Геол[огии], работающей в МНР. Сводка пойдёт, к сожалению, в закрытой печати, и её будут привозить мне на просмотр на дачу сотрудники известной части. В этой сводке я, конечно, мог бы узнать много нового и в отношении развития верхнего палеозоя, и предполагаемой юры в МНР и соответственно этим данным лучше оценить интерес и значение Вашей статьи о континентальном верхнем палеозое МНР. Статью (монографию) Маринова мне один раз уже привозили, и в ней я узнал, что в МНР определены пермокарбон на 7 стр[анице], пермь на 30 стр[анице], континентальная на 8 стр[анице], нижняя на 15 стр[анице] и верхняя на 8 стр[анице]. В общем, как видите — много новых данных. Кроме того, я узнал, что имеется и юра, а также послеюрские (но, скорее, домеловые) гипабиссальского типа интрузии. Все эти данные, вероятно, заставят отнестись несколько иначе к Вашим соображениям об истории развития МНР начиная с пермского времени. Но за несколько часов просмотра, занятого главным образом началом монографии — география и орошение — я не успел прочитать внимательно верхний палеозой и жду вторичного привоза монографии для продолжения работы.

Результаты дальнейшего ознакомления в отношении верхнего палеозоя (и мезо-кайнозоя) я сообщу Вам; тогда видно будет, нуждается ли Ваша статья в дополнениях, и в каких; что она нуждается в них — стало уже ясным, и поэтому лучше не торопиться с её представлением к печати. В № 1, который должен выйти в начале января, она уже опоздала, и можно думать только о № 2, выходящем в конце марта — начале апреля, или даже № 3, если монографию привезут не в ближайшие дни.

Пользуюсь случаем послать Вам вышедшие недавно II и III тома сборника моих трудов по Азии, в которых также имеется материал по Центральной Азии, особенно в т. III (хотя и меньше, чем в т. I).

Искренне уважающий Вас
В. Обручев

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 2

Москва
31 января 1952 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Не прогневайтесь, что я не сразу ответил на Ваше любезное письмо и в высшей степени приятный для меня подарок — ещё две Ваши книги с автографами.

Дело в том, что в момент их получения у меня был грипп, и я боялся передать Вам этот въедливый вирус через бумагу письма.

Позвольте же очень, очень поблагодарить Вас за Ваше неизменно отзывчивое и приветливое ко мне отношение.

Вы так заботитесь о моей статье, что я, право, не знаю, чем я заслужил такое отношение и что мне делать, чтобы как-нибудь отблагодарить Вас за него. Никаких новых опусов литературных или научных у меня ещё не напечатано (из тех, что могли бы представлять для Вас интерес).

Но есть три монгольские статьи геологического характера, в том числе моя итоговая статья, которые пока лежат у нас без движения, хотя и предназначались в первый же сборник работ по материалам Монгольской экспедиции.

Наши палеонтологические «эксперты» не решаются их подписать к печати, не будучи достаточно осведомленными, что можно и что нельзя.

Я, хотя и не согласен с ними, но ничего не могу сделать, а пускать эти статьи по закрытой печати настолько нелепо, что их там и не напечатают.

Пока они будут лежать, я решил послать их Вам — там есть некоторые совершенно новые данные по местонахождениям и палеогеографии Монголии, которые, возможно, будут для Вас интересны. Так как вопрос о их напечатании совершенно неясен, то они могут лежать у Вас долгое время — «до востребования», и Вы сможете их просмотреть, когда это Вас устроит по делу.

Я буду очень обязан за каждый Ваш совет и указание по вопросам, там затронутым.

Что до моей статьи по континентальному палеозою, то ведь я отчасти рассчитывал на поверхностный характер сообщаемых сведений как на содействующий облегчению вопроса с опубликованием. Если затронуть вопрос детальнее, а главное, глубже, то, вероятно, статью не напечатают.

Но, может быть, Вы хотите, значительно дополнив и видоизменив статью, пустить её по закрытой печати?

Или же Вы считаете, что при поверхностности сообщаемых в статье данных из-за одного только открытия ноян-сомонской свиты и двух-трёх весьма общих соображений её публиковать не стоит? после работы Маринова? В общем, прошу Вас, глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич, не отказать в любезности взять решение вопроса со статьей в свои руки.

Это будет наилучшая для неё (и для автора) участь.

Ещё раз позволю себе принести Вам глубокую благодарность и наилучшие пожелания.

С искренним уважением,
И. Ефремов

3 В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

23 февраля 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Я просмотрел все три статьи, присланные Вами, о некоторых итогах палеонто[лог]ических работ 1946—1950 гг. в МНР и полагаю, что они смогут идти в открытой печати в очередном выпуске «Трудов Монгольской комиссии». Но для представления их в РИСО нужно снабдить каждую 2 экземплярами препроводительного бланка, которые нужно получить в РИСО (Б. Калужская, 14), заполнить необходимым текстом, причём краткое содержание каждой статьи и краткую рецензию заполните на оборотной стороне Вы сами, а подпишу рецензию я как гл[авный] редактор. Кроме того, две статьи нуждаются в исправлениях: 1) У Рождественского конец стр[аницы] 10 нужно переписать на машинке и вставить на своё место в текст. Нужны ли карандашные надписи на оборотной стороне рисунков и фото? если нет — их можно стереть?

[2)] В статье Новожилова внизу стр[аницы] 2 исправления карандашом заменить машинописью, и внизу стр[аницы] 17 примечание также карандашом как будто недописано, нужно выправить.

Получив обратно исправленные статьи и заполненные бланки к ним, я подпишу последние и отправлю с М. К. Расцветаевым в РИСО с бумагой, в которой буду настаивать на открытой печати в отдельном выпуске «Трудов М[онгольской] Комиссии».

Расцветаева второй месяц я не вижу, он был в отпуску, а затем в командировке, но в начале марта я надеюсь его вызвать для сдачи в РИСО этого выпуска.

С приветом,
В. Обручев

P. S. Вашу статью, предположенную для «Известий», я на днях направляю в редакцию журнала.

4 И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ

Москва
29 февраля 1952 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Сделав всё, как Вы писали, посылаю Вам обратно монгольские наши рукописи.

Не знаю, сочтете ли Вы пригодными те отзывы (заключения), которые я составил для паспортов.

Позвольте принести Вам (в который раз!) самую тёплую благодарность за Ваше неизменное участие в делах Монгольской экспедиции.

Право же, Вы не только учитель наш, но и совершенно по-отечески заботитесь о малых сих — рядовых работах по исследованию Центральной Азии, вся заслуга которых лишь в том, что сообщаются кое-какие новые данные.

Так трудно сейчас с продвижением подобных работ в печать — повсюду равнодушие и самостраховка «как бы чего не вышло».

Считается, что лучше задержать, чем рисковать хотя бы самой малостью, хотя бы и шло это в прямой ущерб развитию и славе нашей науки.

Извините за лирическое письмо — объясняется оно теми чувствами, которые возбудило Ваше участие после холодного равнодушия других.

С искренним уважением и благодарностью,
И. Ефремов

В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 5

3 марта 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

После промедления, вызванного желанием дополнить Вашу статью о МНР некоторыми соображениями о развитии проблематической юры, которую можно принять и за верхнюю пермь (ввиду отсутствия флоры и наличия дислокации), я всё-таки решил сдать её в печать без дополнения, которое потребовало бы серьёзных справок в литературе; и на днях отправил её, но не в «Известия», где она дожидалась бы очереди долго, а в «Доклады» АН, куда она по своему объёму вполне подходила и где будет напечатана скорее. Надеюсь, Вы не будете возражать?

Прилагаю рецензию несколько[1] трудов палеоботаника Принады, умершего в 1950 г. и в общем малоизвестного. Мне прислали эти труды из Иркутского бюро печати с просьбой осведомить об их наличии интересующихся сибирской палеофитологией. Рецензию я послал в «Известия» АН, серия геологическая, где её напечатают, а копию было бы хорошо поместить (конечно, без оплаты мне гонораром) в тех сборниках, которые Палеонтологический институт, насколько знаю, время от времени издаёт — для более широкого осведомления о времени и месте выхода из Печати посмертных трудов Принады. Или же, если сочтёте это более полезным, может быть, институт направит эту рецензию в «Бюллетень» Моск[овского] Общ[ества] Исп[ытателей] Природы для напечатания (без гонорара).

Жду от Вас возврата трёх статей, назначенных к печати Монг[ольской] комисс[ией] и посланных Вам для небольших поправок.

Уч[ёный] секр[етарь] Монг[ольской] к[омиссии] Расцветаев в январе и феврале был в отпуску, почему я не мог их сдать ему для представления в РИСО. Теперь жду его на днях.

С приветом, *В. Обручев*

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. В. ПУСТОВАЛОВУ 6

Москва
15 марта 1952 г.

Глубокоуважаемый Леонид Васильевич!

Позвольте горячо поблагодарить Вас за внимание ко мне в радостный день получения высокой Правительственной награды[2].

---

[1] Так в тексте.

[2] В 1952 г. И. А Ефремову за научный труд «Тафономия и геологическая летопись» была присуждена Сталинская премия II степени.

В успехе «Тафономии» есть большая доля Вашего участия — дружеской доброжелательной критики, поддержки и советов.

Ведь Вы — один из самых первых и самых искренних друзей этого нового и ещё очень робкого направления, так нуждавшегося тогда в авторитетной поддержке.

И Вы с самых первых шагов тафономии, ещё в 1945 г., неизменно оказывали эту поддержку, тем более ценную, что история литологических процессов мне как палеонтологу наименее знакома.

Нужно было обладать зоркостью настоящего учёного, чтобы за первыми, ещё неловко сформулированными положениями увидеть то новое, что они несли в себе.

Поэтому мой успех — это также и Ваш успех, дорогой Леонид Васильевич!

Разрешите Вас от всей души с ним поздравить.

Ваш *И. Ефремов*

7 И. А. ЕФРЕМОВ — О. Ю. ШМИДТУ

Москва
15 марта 1952 г.

Глубокоуважаемый Отто Юльевич!

Позвольте горячо поблагодарить Вас и в Вашем лице редакцию журнала «Природа» за Ваше внимание.

Постараюсь оправдать высокую Правительственную награду и почётное звание лауреата премии имени Великого Сталина новыми научными достижениями и работой в Вашем (нашем) журнале под Вашим руководством.

Искренне благодарный Вам
И. Ефремов

8 В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

16 марта 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Вчера прочитал в газетах о присуждении Вам Сталинской премии 2-й степени по геолого-географическим наукам за сочинение «Тафономия и геологическая летопись (захоронение наземных форм в палеозое)». Искренне приветствую Вас с этой наградой, но прошу разъяснить, что такое «тафономия». Мне не приходилось встречать этот термин; означает ли он именно захоронение наземных существ только в палеозое или вообще? Будут ли остатки мезозойских и третичных форм также представлять «тафономию» или для них имеется ещё другой термин? В связи с Вашими работами в Монголии процесс захоронения меня интересует, и если у Вас есть книжка по этому вопросу — пришлите мне при случае на время для ознакомления.

Пользуюсь случаем сообщить, что все три статьи по монгольским раскопкам, которые Вы прислали мне в законченном виде, я на днях передал М. К. Расцветаеву для представления в РИСО с включением в отдельный выпуск «Трудов Монгольской комиссии», конечно, в открытой печати.

Недавно я получил из Америки изданную Геологическим обществом, членом которого состою до сих пор, книгу со списком палеозойских кораллов и описанием ордовичских тетракораллов. Палеонтологические книги, которые я получал из этого общества, я через сына Дмитрия передавал в Палеонтологический институт. Но теперь Дмитрий по болезни находится ещё в санатории, и я прошу посылаемый том передать в палеонтологическую библиотеку.

С сердечным приветствием,
В. Обручев

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 9

Москва
20 марта 1952 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Афанасьевич!

Позвольте от всей души поблагодарить Вас за неизменное Ваше внимание, которым Вы никогда не обделяете меня.

Ваше поздравление, которым Вы столь любезно меня почтили, особенно дорого мне, потому что я считаю себя (может быть, несколько самонадеянно) Вашим учеником. Учеником, кроме геологии, ещё в стремлении подражать Вашему удивительному умению замечать, казалось бы, самые «мелкие» явления окружающей природы и немедленно обращать их в научные заключения и сопоставления.

Тафономия появилась из непосредственных наблюдений находившихся в известном небрежении фактов и многолетнего их подытоживания.

Сама по себе тафономия — направление в исторической геологии и палеонтологии, устанавливающее причинность и закономерное течение процессов образования геологической летописи вообще и палеонтологической документации в частности. Аналогичное направление чисто геологического характера, как это я пытался показать в этой своей книге, может быть названо литолеймономией, т. е. отраслью, изучающей закономерности сохранения осадочных толщ во времени, принимая, что геологическая деструкция действует избирательно.

Конечно, тафономия в равной степени приложима к любым отложениям любого геологического времени. Я остановился для первичного её формулирования на палеозое и на континентальных отложениях как на наиболее мне знакомых и наиболее нуждающихся в тафономических поправках. В этой же книге я даю краткий обзор тафономических особенностей материковых отложений мезозоя и кайнозоя.

В дальнейшем, если жив буду, то хочу написать вторую книгу, посвящённую мезозою и кайнозою, но также гл[авным] образом континентальным отложениям.

Я сознаю, что в первой книге о тафономии есть много дефектов. Тут и неясно формулированные положения, и непроверенные факты, и отнюдь не исключены прямые отдельные ошибки. Очень трудно было написать эту первую книгу, исходя из ещё недостаточного, сырого материала, так как исследование местонахождений только-только начато. Но я решился на это, когда отчетливо

осознал полезность тафономического направления для геологических и палеонтологических исследований.

Очень верно Ваше замечание, что процессы захоронения настолько ясно выступают в монгольских местонахождениях, что Вы и без всякой тафономии обратили на это внимание. Книга геологической летописи широко раскрыта в пустынных местах Центральной Азии — именно там и надо познавать её тайны.

Письмо получилось чересчур длинным — простите великодушно.

Прилагаю свою «Тафономию».

С искренним уважением и благодарностью,
И. Ефремов

10 И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Москва
20 апреля 1952 г.

Дорогой Иван Иванович!

Напуганный раз навсегда грозной «проборцией»[1] в прошлом Вашем письме, спешу сообщить, что только вчера вернулся из Ленинграда, где был в командировке 17 дней.

Не откажите принять мою признательность за поздравление, сделанное, к моему большому удовольствию, совершенно во вкусе XIX века — это ведь так редко теперь...

Вы совершенно правы, что «Тафономию» из тех её запасов, которые Вы заметили в шкафу, нацело разобрали.

Однако я срочно достану Вам экземпляр и пошлю бандеролью.

Равным образом, Вы точно отгадали намерение приобрести «тапочки»[2]. Правда, «приложить» придётся не пару тысяч, а много больше — ситуация изменилась в сторону ещё большей трудности, но это ещё полбеды.

Беда же в том, что премию, говорят, выдают чуть ли не через полгода после присуждения. Если это так, а со Зверевской финансовой политикой[3] — вполне правдоподобно, то, как ни обидно, но мечты о «машинном» лете придётся отложить ещё на один год.

А жаль, потому что, помимо Крыма, мы хотели ещё заехать в родные места — Павлоград и Херсон, а оттуда до Одессы, действительно, рукой подать.

Впрочем, ещё посмотрим, может быть, удастся устроить заём...

Большое спасибо за интересное описание фрегата. (...)[4]

Мечтаю ещё раз услышать известные мне Ваши стихи и познакомиться с ещё неизвестными.

Подвигается ли пинакопоэза о Фрине?

Кстати, как-то раз, не в прошлую, а в предыдущую встречу, Вы неосторожно мне пообещали прислать или вообще дать копию фото какой-то пре-

---

[1] Выговор, взбучка (устар., шутл.).

[2] Имеется в виду намерение И. А. Ефремова приобрести автомобиль.

[3] Речь идёт о финансовой политике СССР, проводимой А. Г. Зверевым.

[4] Так в исходном издании. По-видимому, пропущена часть текста.

красной чёрной или коричневой девушки[1], которая, по Вашему мнению, могла бы служить художнику-иллюстратору «Ойкумены» для прототипа Ирумы.

Обещанного ждут три года, но я решился напомнить через два, потому что, грешным делом, сам забыл, а то напомнил бы раньше.

Сейчас вроде собираются переиздавать «Ойкумену», и это было бы кстати.

Всё семейство Вам кланяется и просит принять во внимание, что будет радо каждой весточке от Вас.

С искренним уважением,
Ваш И. Ефремов

Постскриптум. «Парадная лауреатская» бумага — это просто латвийская, которую можно доставать у нас в Главбумсбыте. Если она Вам нравится, то могу приобрести для Вас запас и передать или переслать с оказией.

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Москва
20 мая 1952 г.

Дорогой Иван Иванович!

Теперь могу написать Вам, не опасаясь передать заразу через письмо. Не то вирусный грипп, а может быть, и более вульгарная ангина сразили меня внезапно, после одного учёного совета, и пришлось снова лежать.

На майские праздники, взяв по одному дню отпуска, мы всем семейством совершили пятидневную поездку (на чужой «Победе», с археологами[2]) в старую Русь. Были в Переславле-Залесском, Борисоглебске, Ростове Великом, Угличе, Ярославле, осматривая преимущественно музейные церкви от XII до XVII веков. Почти переселились в шестнадцатый век сами, даже били в колокола: Сысой — две тысячи пудов, звучит в до бемоль; Полиелейный — тысяча пудов, ми; Лебедь — пятьсот пудов, фа диез, и так далее. Не понимаю, как можно сделать так, чтобы такая махина давала определённую ноту — этого я сообразить не могу — мрак безыменный в скудоумной голове моей.

Сняли ряд интересных снимков и очень довольные вернулись в Москву, где к уже испытанным удовольствиям прибавилось Ваше письмо. Но, увы, — пришлось расплатиться[3].

Кстати, моряка не ругайте — он всячески хотел меня увидеть, но не смог, я был «в гоньбе», и письмо он оставил. Я не написал Вам о Катаеве, потому что хотел сначала познакомиться с этим произведением, но этого мне сделать до сих пор не удалось. А в Коктебеле он, кажется, был, когда мы приехали, но держался весьма особняком, как и подобает высокопоставленной особе. Поэтому я его и не видел, а если и видел — не обратил внимания.

---

[1] И. А. Ефремов при подготовке к написанию нового романа заносил в специальную тетрадь фотографии будущих прототипов отдельных персонажей, городов, стран. Сюда же записывались основные сюжетные линии. Ряд материалов из такой тетради, посвящённой подготовке романа «Лезвие бритвы», был опубликован в журнале «Чудеса и приключения» (1992. № 7—8).

[2] Археологи, владельцы машины — С. В. Киселёв и его супруга Л. А. Евтюхова.

[3] Вероятно, имеется в виду болезнь, о которой идёт речь в начале письма.

Очерк его обязательно прочитаю, как только немного управлюсь с делами — их прямо до невозможности много![1] (...)[2]

Мне очень нравится идея написания биогеографии[3] в задуманном Вами плане. Я думаю, что это будет очень хорошо, интересно, а главное, своевременно, так как мелкие и мелкоплавающие специалисты, действительно, уж раздробили всё до такой степени, что совершенно нет ничего для человека не столь искушённого. У Вас есть ещё одна чрезвычайно ценная черта, которой я сам, увы, не обладаю, — это краткость, умение в десяти-двенадцатилистной книге дать много материала и сказать всё самое главное, что в науке есть. Многие даже не понимают, как это важно!

У Геккера я спрашивал о палеофонусе, но тот мямлил: «Что-то, давно по Циттелю известное», и мне стало ясно, что он ни фига не знает.

Я обратился к Родендорфу, и тот обещал мне раскопать литературу и сказать последнее слово по этому созданию. Как только он это сделает, а сделает он добросовестно, я напишу Вам сразу же.

Вспомнил ещё. О Вашей пинакопоэзии. Древним грекам это описание картин в стихах было ведь делом важным и привычным, как знаете. Вот я и разыскал, как же они называли такое занятие: экфразис. Конечно, лучшим «экфрастом» был Филострат.

Итак, Вы занимаетесь одновременно экфразисом и периэгезой, поскольку обходите частности, грады и веси, описывая их также. Это мне нравится.

Кстати, о Фрине — ещё материал для очередного экфразиса (помните, Вы мне рассказывали про «решето»?) — знаете ли Вы историю про Праксителя, его лучшую статую и Фрину? Ежели нет, то напишу Вам.

Очень сожалею, что не знал о Вашем «юбилее», почему и послал только «Тафономию». Ну, это можно будет исправить позднее...

Письмище получилось невероятно длинное, я явно злоупотребляю Вашим терпением, надо кончать.

Всё же позвольте ещё несколько слов о лете.

У нас лето это, по-видимому, складывается своеобразно — семейство рассыплется. Сын собирается с археологами копать курганы в Танну-Туву (неплохо, а? Если бы мне в его возрасте это так было просто!). Я хлопочу отпуск более длительный, чем обычно, и на июль и половину августа собираюсь поехать на север в какой-нибудь — самый вульгарный дом отдыха или санаторий Рижского взморья, Карельского перешейка или тому подобное. После моих пяти гриппов этого года клапаны моего кора[4] пришли в невзрачное состояние, и я боюсь сразу же ехать на юг, а поеду туда к сентябрю, предварительно укрепившись на севере.

Елена Дометьевна будет сидеть в Москве, а затем хочет ехать на Кавказ, в какую-то голубую бухту Джанхот около Геленджика, на август. Я советую ей поехать всё же в Крым — мне он как-то милее Кавказского побережья, и мне приехать туда к ней будет проще и лучше.

---

[1] О каком очерке В. П. Катаева идёт речь, установить не удалось.

[2] Так в исходном издании. По-видимому, пропущена часть текста.

[3] План И. И. Пузанова по написанию книги, посвящённой биогеографии, не был реализован.

[4] Cor — сердце (лат.).

Мы вспомнили о любезном Вашему сердцу Симеизе — нельзя ли там устроиться, сняв комнату с хозяйкой и обедом, так, чтобы без забот, пользуясь Вашей могущественной протекцией? Мы могли бы сразу же написать туда.

С тапочками[1] дело обстоит плохо — ещё труднее оказалось получить приличный гараж, а это то, с чего надо начинать. С прошлогодними дырявыми тапочками мы набрались кое-какого опыта, и всё это в совокупности подсказывает, что и на этот год мы, вероятнее всего, будем без тапочек. Поэтому хорошо бы быть поближе к Вам, а Коктебель с его новым великосветским народом — как-то не привлекает.

Отсюда: мы оба с Е. Д. просим не оставить милостью и отписать, каковы Ваши летние планы и советуете ли избрать Симеиз основной базой и жительством Е. Д. на август.

Сейчас погода столь гнусная, что как-то даже на лето не похоже, но ведь сроки всех летних дел, если не по погоде, то по календарю уже на носу.

Привет Вам от всего любящего Вас семейства, мечтающего поскорее повидаться с Вами.

Ваш *И. Ефремов*

А моя пресловутая «лавреатская» бумага — тоже Кубла <так в тексте. — *Ред.*> и нисколько не лучше Вашей, только что клетки понахальнее выступают, как, впрочем, и подобает «увенчанному лавром»[2].

В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

12

9 июня 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Я ещё не мог поблагодарить Вас за любезную присылку Вашего труда о тафономии, так как сначала не имел времени познакомиться с ним ближе, а затем весь май я лежал в кровати и только недавно встал и понемногу возобновляю работу; сначала нужно было ответить на целый ряд деловых писем.

Я не представлял себе, что о захоронении остатков животных можно собрать столько интересных материалов, чтобы написать целую книгу, ограничив её содержание наземными позвоночными, т. е. отбросив захоронение всех морских животных и растений. Поэтому я не нашёл в книге сведений о захоронении археоциат кембрия и кораллов, которые меня тоже интересовали.

Особенно понравились мне Ваши указания ошибочности реконструкций местонахождений пермских позвоночных на Северной Двине и американских выводов о монгольских меловых и третичных животных. Как можно было говорить о пустынном режиме Монголии, познакомившись с этими богатейшими местонахождениями разных завров, жизнь которых нельзя себе представить в условиях сухой пустыни, а не в стране с обильными реками, болотами и озёрами, в которых и захоронялись эти водолюбивые животные. И становится обидно, что Палеонтологический институт приостановил продолжение экспедиций

[1] См. комментарий к письму И. И. Пузанову от 20 апреля 1952 г.

[2] И. А. Ефремов имел в виду получение им в 1952 г. звания лауреата Сталинской премии за научный труд «Тафономия и геологическая летопись».

в Монголию вместо того, чтобы настаивать на продлении их и распространении на площади, ещё вовсе не затронутые раскопками на западе, востоке и юге этой сокровищницы древней жизни, и не приступил к изучению юрских (или триасо-юрских) местонахождений, так слабо известных нам и, кажется, не давших ещё ни одной находки животных этого периода. Следовало бы устроить в институте публичную лекцию о монгольской фауне мела и третичного возраста с демонстрацией цветного фильма раскопок и реконструкций, чтобы ознакомить широкие круги с достижениями, заинтересовать результатами и побудить к возобновлению работ в Монголии и Китае. Поднимите этот вопрос в институте и устройте будущей зимой поездку нескольких лекторов с фильмами по нескольким крупным городам СССР для лекций о результатах наших и американских экспедиций (с критикой последних) в Монголию.

Эти захороненные на обширной площади Внутренней Азии научные богатства доказывают, между прочим, и правильность взглядов неотектонистов, что эта область испытала резкое изменение условий жизни в конце третичного периода, когда поднятия высоких гор Гималаев, Куэн-Луня, Тянь-Шаня, Алтая отгородили эти области от влияния океанов на юге и севере и сделали их климат резко континентальным в противоположность очень влажному мелового и ещё влажному третичного периодов. И опять встаёт вопрос о климате юры и необходимости обследовать юрские выступы Внутренней Азии и искать в них фауну (флора кое-где как будто найдена). Я ещё не успел прочесть всю Вашу книгу и думаю, что она содержит много интересного и для меня, а не только для палеонтологов, материала, но потребует ещё много времени для прочтения.

Мне кажется, что Палеонтологический институт слишком уединился в своей скорлупе. Следовало бы чаще выступать с лекциями и докладами о его работах и достижениях и печатать в популярной литературе сведения о его работах. Этим пожеланием закончу и извинюсь ещё за неясности письма — на даче у нас кризис чернил, единственная чернильница содержит какие-то остатки!

С сердечным приветом,
В. Обручев

13 И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ

Москва
17 июня 1952 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Афанасьевич.

Большое спасибо на добром слове о моей тафономии. Ваше мнение, как всегда, особенно для меня ценно и как моего учителя в полевых исследованиях, и как единственного настоящего исторического геолога наших дней.

Захоронение морских беспозвоночных будет вкратце разобрано во второй части работы, посвящённой в основном захоронению в мезозое и кайнозое, на материках этого времени.

Вы совершенно правы, что порицаете нас за прекращение монгольских работ и за слабое их популяризирование.

Кое-что мы уже пытаемся делать — мой помощник А. К. Рождественский выступал в Географическом о[бщест]ве в Ленинграде и здесь в О[бщест]

ве распространения политических и научных знаний (в Политехническом музее)[1]. Кстати, здесь это была одна из немногочисленных лекций (в этом году — первая), сделавшая полный сбор и вызвавшая многочисленные отклики.

Это показывает, как велик интерес в народе к центральноазиатским исследованиям. Кроме того, мы пишем (Рождественский и я), каждый по книге, о Монгольской палеонтологической экспедиции. Книги будут совершенно разные и пойдут по разным издательским линиям, но обе — научно-популярного типа[2].

Я думаю свою закончить в конце этого года, у Рождественского будет готова ранее. В музее мы поставили гигантский скелет утконосого динозавра — зауролофа, фотографию которого Вы уже видели, наверное, в майском номере журнала «Советский Союз». В этом году будем ставить гигантского хищника типа тиранозавра, и дальше будут вырастать новые и новые скелеты, так ярко иллюстрирующие прошлую жизнь Центральноазиатского мезо-кайнозойского материка.

Но всё же это такие вещи, которые будут иметь резонанс лишь через большой промежуток времени.

В то же время сейчас в Академии соотношение сил таково, что очень трудно сдвинуть с места вопрос о продолжении экспедиции.

Может быть, это смогли бы сделать Вы, Вашим авторитетом?

Вероятно, ставить вопрос «широким профилем», с геологией, с захватом Китая, сейчас нельзя — испугаются сложности взаимоотношений.

Но, может быть, поставить вопрос о продолжении палеонтологических раскопок и изучения континентальных костеносных толщ и только в пределах МНР?

Это сузит проблему канцелярского оформления, а добившись Правительственного решения, можно будет разворачивать всё это дальше, отчасти на месте, отчасти исходя из новых полевых результатов.

Я ничего не знаю о судьбе наших рукописей в «Трудах Монгольской комиссии».

Издаётся ли что-нибудь там или всё остановилось?[3]

Было бы хорошо, чтобы ко времени постановки вопроса о возобновлении работ эти статьи были уже изданы, если, конечно, это возможно в условиях настоящего времени.

Несмотря на всю инертность Академии и Палеонтологического института, мы всё же надеемся рано или поздно доказать необходимость центральноазиатских исследований, добиться их продолжения и порадовать Вас новыми фактами, подкрепляющими Ваши взгляды.

---

[1] Всесоюзное географическое общество (ранее Российское географическое общество, образованное в 1845 г.) в 1939 г. было передано в систему АН СССР. Общество распространения политических и научных знаний, созданное в 1947 г. как общественная организация, занималось лекционной и издательской деятельностью.

[2] Упомянутые книги — А. К. Рождественского «На поиски динозавров в Гоби» и И. А. Ефремова «Дорога ветров» — были опубликованы соответственно в 1954 и 1956 гг.

[3] Пометка В. А. Обручева: «Взять с Калужской все “Труды Монгольской комиссии”».

И это замечательно, что Вы указываете на необходимость исследования континентальной юры, не зная, что мы как раз на основании последних фаунистических сопоставлений пришли в точности к тому же выводу.

С глубоким и искренним уважением,
Ваш *И. Ефремов*

14 И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ

Москва
1 июля 1952 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

К большому моему сожалению, события, с головокружительной быстротой развернувшиеся в нашем институте и соединившиеся с обязательством сдать свой 40-листный трактат[1] до отъезда в отпуск, привели меня в полное ничтожество.

Пришлось отложить всякие помыслы о свободном времени и днями и ночами гнать и гнать работу, вперемешку с заседаниями и комиссиями.

Поэтому так и не пришлось привести в исполнение наши с Еленой Дометьевной мечты о новой встрече с Вами.

Однако обещанное Агнии Александровне и Вам исполняю:

1. Машинка для стрижки газонов не изготавливается ни одним из наших заводов, привозятся из Германии. В отделе механизации Треста зелёного строительства Москвы есть мастерские, которые, могут изготовить такие машинки (или даже собрать их из частей подремонтированных импортных).

К сожалению, мой знакомый не мог тут же сказать мне телефона и прочих координат этого отдела механизации, а больше я с ним не виделся. Но думаю, что узнать это не так сложно, и можно поручить хозяйственнику.

2. Рукопись «Костей Дракона»[2] при сём прилагаю и прошу прощения, что это второй экземпляр — первый никак не мог вызволить из издательства — редактор уехал в отпуск и где-то запер рукопись.

Покорнейше прошу не судить строго — ведь это совсем ещё неотработанная вещь — практически первый свод записей и воспоминаний.

Извините за внешний вид рукописи — из-за плохой бумаги она истрепалась, хотя читали её всего два — три человека.

Большой привет Агнии Александровне и Вам от всего семейства, а также от Людмилы Ильиничны Толстой — она просит передать Вам, что собирается нанести Вам визит, и, может быть, Елена Дометьевна тоже к ней присоединится.

Я сегодня уезжаю на Карельский перешеек, под Ленинград, в едва живом виде.

Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Вероятно, имеется в виду рукопись монографии «Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья». М.: Изд-во АН СССР, 1954. 416 с. (Труды Палеонтологического института; Т. 54).

[2] Название книги И. А. Ефремова, посвящённой первому году работы Монгольской палеонтологической экспедиции (1946). Позже, когда была написана вторая часть «Память земли» (1948—1949), автор объединил их в книгу «Дорога ветров».

И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 15

Комарово
23 июля 1952 г.

Дорогой Петр Константинович!

Я узнал из письма Елены Дометьевны, что Вы с Вьюшковым уже побывали в Голюшерме, и, следовательно, моя телеграмма в этом отношении лишняя.

Мне кажется, что Вы действуете совершенно правильно по экспедиции. Не беда, если этот год не даст большого, пригодного для диссертации материала — мы уже застрахованы решением обработки котилозавров и более ни от чего не зависим, так как не только рисунки, но даже фото есть. Т[аким] о[бразом], если Вам удастся в этом году как следует «распробовать» Очёр и Котловку, чтобы определить их пригодность для дальнейших раскопок, то это уже можно считать серьёзным результатом, если причислить сюда ещё и молотовскую «вышку»[1], хотя она и «негативная», но тем не менее как-то решается.

На Котловку обязательно зарезервируйте сколько-то денег, чтобы прощупать. Большое спасибо, что взяли к себе сына[2], что позволило ему не лоботрясничать. Вы с ним построже — он парень неплохой, но надо цыкать, чтобы не ленился и приучался к настоящей работе, пусть не вдруг, но всё же постепенно.

Если у нас выйдет с машиной, то, может быть, его и вызовем к себе, чтобы съездить с ним всем вместе в Крым, тогда пришлём телеграмму. Но если не получится, то пусть он будет у Вас до тех пор, пока будет нужен. Ему возвращаться в школу к 1 сентября.

Я здесь буду числа до 8 августа, так что если будет какая новость, можно мне сюда телеграфировать, а то <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*> ушёл на Москву, куда я попаду к 10-му августа.

Привет Вам и всем Вашим — Володе, Андрею[3] и сыну. Ему напишу на машинке — он моего почерка пока не разбирает.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. ШАБАРИНОЙ 16

Москва
11 ноября 1952 г.

Многоуважаемая Александра Петровна!

Напрасно Вы подозреваете, что у меня столь плохая память. Она (память) стала, правда, много хуже, чем в молодости, но всё же ещё хоть куда, особенно же — зрительная.

Очень благодарен Вам за всё: и память обо мне, и поздравление, и доброе слово о моих литературных попытках, наконец, и за помощь в «блошках».

---

[1] Вероятно, имеются в виду местонахождения верхней перми под городом Пермь, который с 1940 по 1957 годы назывался Молотов.

[2] А. И. Ефремову летом 1952 года было 15 лет.

[3] А. Бородаевский был рабочим Палеонтологической экспедиции в Голюшерме.

В последнем, правда, выражаясь восточным стилем, блоха невежества оказывается бабочкой знания. Дело в том, что саксаул и крапива, действительно, разных семейств и сейчас — далеко отстоящие друг от друга формы. Но они тесно связаны общностью происхождения и именно в этом смысле родственны друг другу.

Это знают далеко не все ботаники, но палеонтологам это известно, а я — как Вы знаете — палеонтолог. Но всё же Вы правы, что сноска составлена так, что может ввести в заблуждение тех, кто таких подробностей даже не подозревает, а потому я воспользуюсь Вашим указанием и попросту сниму сноску при последующем издании, буде таковое будет.

Мой египетский роман давно напечатан и давно исчез не только из продажи, но и даже из авторских «фондов». Он называется «На краю Ойкумены» и издан «Молодой гвардией» в 1949 году. Примерно через месяц должно выйти его переиздание с хорошими, более того, превосходными рисунками — тогда я буду иметь удовольствие преподнести его Вам.

Кроме этого, ничего не написал нового — всё собираюсь покончить с очерком о Монголии, и никак не выходит. Ещё из ранее написанного «Молодая гвардия» скоро издаст одну небольшую историческую повесть — о плавании в Африку пять тысяч лет назад. Вот и всё. В моём литературном творчестве произошла явная заминка — служить двум богиням очень трудно в моём не слишком юном возрасте.

Очень рад был получить весть от Вас — хотя Вы и нелюбимого мною племени редакторов, но о Вас сохранились самые приятные воспоминания.

С искренним уважением,
И. Ефремов

17 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Москва
23 ноября 1952 г.

Дорогой Лев Исаакович!

К сожалению, не могу выполнить Вашу простую просьбу. Тезисы таковы, что над ними надо подумать, дабы не писать общих фраз, давно Вам известных.

Я же сейчас, числа до десятого декабря, впал в столь жесточайший цейтнот, какого ещё не было от рождения!

Обычная суета конца года (план — к первому декабря) совпала с необходимостью срочных изменений пятилетнего плана, рассуждений о проблематике и т. п. после XIX Партсъезда. Но и этого судьбе показалось мало, и она сконцентрировала на этот же срок переиздание ряда моих произведений в области литературы, в которые также надо внести кое-какие улучшения.

В общем, всё остальное приостановилось до лучших дней.

Вот почему, а не потому, что мне неинтересно, я оказываюсь не в состоянии выполнить Ваше желание. Я думаю, что присланные тезисы надо оставить мне до лучших дней, тогда, может быть, замечания мои Вам пригодятся при напечатании оного доклада. Кстати, подумайте насчёт адаптации его для «Природы» — мы его быстрёхонько опубликуем, только надо сделать его общепонятным.

Насчёт Кирилловой[1] рукописи, мне кажется, нет сомнений — опубликуем не в этом, но в другом монгольском сборнике обязательно. Пусть присылает мне после исправления, скажем с В. И. Громовой, которая будет в ЗИН на защите Гарутта. Большой привет Александре Ивановне! Привет Вам от всего семейства — ждём Вас в Москву.

С искренним уважением: *И. Ефремов*

В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 18

13 декабря 1952 г.[2]

Многоуважаемый Иван Антонович!

Я получил вчера прилагаемое письмо от В. И. Зубкова, с которым изредка переписываюсь по географическим вопросам. Он приложил к письму рисунок фрагмента челюсти животного из юрской глины, который заинтересует и Вас. Посылаю его Вам и думаю, что Вы захотите узнать непосредственно от него подробности относительно местонахождения этой кости и напишете сами ему. Адрес я прибавил к его письму. Ему я сообщу о передаче находки Вам для определения и дальнейших указаний.

Ваша книга о тафономии вскоре очень пригодится мне, так как я для «Природы» собираюсь писать очерк о меловой и третичной обстановке жизни в Центральной Азии, в которой все звери, которые теперь покоятся вечным сном во впадинах Гоби, живут. Недавно мой сын принес мне прекрасное изображение утконосого динозавра, исполненное в Палеонтологическом музее, но не сказал мне, кого нужно поблагодарить за этот подарок. Вы, конечно, знаете, кто выполнил этот фотоснимок, и будьте добры передать ему моё большое спасибо. Неужели институт не собирается возобновить в 1953 г. раскопки сокровищниц Гоби?

После нескольких летних и осенних вспышек воспаления лёгких я сижу безвыходно в комнате и до начала января провожу полный отдых, впрочем, нарушаемый время от времени срочными делами.

С сердечным приветом,
В. Обручев

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 19

Москва
22 декабря 1952 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Я написал В. И. Зубкову предложение прислать находку к нам в ПИН для точного определения, потому что по плохому, дилетантскому рисунку нельзя сделать никаких достоверных определений.

Я написал статью о захоронении динозавров в Нэмэгэту[3]. После перепечатки на машинке разрешите послать её Вам в надежде, что она пригодится

[1] Имеется в виду рукопись К. Б. Юрьева.

[2] Датируется по содержанию письма.

[3] Упомянутая статья И. А. Ефремова опубликована в сборнике «Вопросы геологии Азии» в 1955 г.

для Вашего очерка. Держать её у себя Вы можете сколько угодно и вообще не возвращать её мне, так как в печать пойдёт другой экземпляр.

Пригодится ли Вам для очерка статья о биологии и зональном распределении областей обитания динозавров?[1]

Если пригодится, то я могу перепечатать ещё неопубликованную свою статью по этому вопросу и также послать её Вам — только дайте мне знать, что она Вам нужна.

Мы мечтаем о продолжении монгольских работ и их распространении на Внутреннюю Монголию и дальше на юг, особенно в «Долину Бесов»[2], куда мне очень хочется попасть, ибо, по Вашим описаниям, я предчувствую там новую сокровищницу палеонтологии.

Однако это очень трудно для нас, так как институт против возобновления этих работ, считает, что мы и так «затоварились» ещё неотпрепарованными и немонтированными коллекциями, которые хранить негде...

А если так, то и поднимать эти очень трудоёмкие и хлопотные экспедиции ПИНу нерентабельно, ибо в последнее время всякие оформления стали крайне трудны.

Всё же мы с этим не согласны и попытаемся, совместно с геологами, поднять вопрос пусть не о большой раскопочной, но во всяком случае исследовательской палеонтологической экспедиции в центральноазиатские места.

Извините за длинное письмо.

С искренним и глубоким уважением,
всегда Ваш *И. А. Ефремов*

---

[1] Статья была опубликована в «Трудах Палеонтологического института» под названием «Некоторые замечания по вопросам исторического развития динозавров» в 1954 г.

[2] Северная часть Гашунской Гоби и Хамийская котловина. В. А. Обручев в книге «От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай» писал: «Особенно сильными бурями отличается местность к югу от второго участка подножия Тянь-Шаня, где большая дорога уходит в горы от безводия и бурь. Из Ляодуна и других мест первого участка имеются более короткие дороги в Люкчун и Турфан, пересекающие пустыню по прямой линии, но ими пользуются только зимой, когда бури редки, а воду может заменить снег или взятый с собой лёд, и пользуются только немногие; вся эта местность уже много столетий тому назад была названа китайцами “долиной бесов”».

1953

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 1

Москва
15 мая 1953 г.

Дорогой Лев Исаакович,

хотя Вы, по киплинговскому выражению, и списаны в расход из палеонтологии (подразумеваю палеонтологию действенную, а не преподающую), но не могу не поделиться с Вами потрясающим открытием. Будь Вы палеонтологом, Вы, конечно, не смогли бы не приехать сюда и либо утвердить, либо закрыть сие открытие. Среди таинственных костей, собранных на странной раскопке P_5 (Нэмэгэту), есть такие, которые я не могу определить иначе как пластинки карапакса чудовищной черепахи (больше археолона). Судите сами — пластинка длиной в 120 см может принадлежать не меньше как четырёхметровому гиганту. Вместе найдены ногтевые фаланги, долженствовавшие достигать полуметровой и более длины — могут ли у черепахи быть такие когти — длинные, очень узкие (уплощённые латерально), совсем ножевидные? Ничего карнозаврового или вообще динозаврового такого быть не может.

Как Ваши дела? Вы давно уже не давали ничего о себе знать, а в этот раз приехать до осени (и поздней) в Ленинград я не смогу и Вас не увижу.

Черкните хоть кратко. Большой привет Александре Ивановне и Вам от всего ефремовского семейства. О других не знаю, ибо наши, действительно, Вас «списали».

С искренним уважением: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 2

Москва
2 июня 1953 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Спешу послать Вам требуемый отзыв — на всякий случай в трёх экземпл[ярах].

По всей видимости, преподавательская деятельность Вас так закрутила, что, глядя на вещи трезво, до тех пор пока не будет решительно упорядочен этот род деятельности и вредительская политика в нём окончится, Вам не удастся серьёзно работать по черепахам или чему бы там ни было.

Что ж, всякие полосы в жизни бывают, несомненно, что и эта неудачная полоса пройдёт, надеюсь, даже скоро.

Ю. А., узнав о черепахе-«архелоне», немедля сказал, что Хозацкий... не имею закалки написать, что такое он сказал... немысленно!!!

Я думаю, что Ваши общие соображения правильны, но только в одном Вы неверно меня поняли. Говоря о костальной пластинке, я имел в виду пластинку — ребро карапакса с огромными «окнами», в точности подобную архелону.

Длина этой пластинки 1355 мм, ширина 117 мм!

Но вот когтей таких я не знаю у архелона или у протостеги. Это что-то новое, хотя и из этой группы, несомненно.

Что до близости моря, то оно меня нисколько не смущает. Наоборот, зауроподы доказывают то же самое, моллюски — полуморские и т. п.

Я буду в Москве до пятнадцатого августа прочно, так что буду очень рад с Вами встретиться. А то в прошлый приезд виделись совсем мало!

Большая просьба — нет ли в коллекциях ЗИН скорлупы яиц крупных черепах, как сухопутных, так и морских. Сейчас Садов приступил к изучению скорлупы монгольских «динозавров», и наличие сравнительных препаратов из черепах было бы очень важно. Не откажите отписать!

Большой привет Александре Ивановне и Вам от всего семейства.

Ваш: *И. Ефремов*

Напишите — годится ли отзыв?

3 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
24 июля 1953 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Скифскую золотую пряжку с изображением саблезубого тигра я сам собственными глазами видел среди остальных золотых вещей в золотой кладовой Эрмитажа, в Ленинграде. Я не знаю, описана ли она где-нибудь, но полагаю, что описана. Вероятно, её описание, а возможно, и изображение можно найти в описании скифского золота — большие работы конца прошлого века, сейчас не помню каких серий и трудов.

Статуя девушки из Ахетатона действительно находится в Каирском музее. Она описывалась не раз в специальных работах. Её изображение найдёте у Масперо. Искусство Древнего Египта. Русское издание в серии «Арс-Уна» под заглавием: «Гастон Масперо. Египет» изд. Проблемы эстетики, Москва, 1914. Фото 326 на стр. 224.

Вероятно, мне известны ещё и другие полезные Вам факты, но сейчас, по причине сильной загрузки, как-то ничего не приходит в голову сразу, а подумать некогда.

Если разрешите, мы вернёмся к этому вопросу в октябре, после моего возвращения из отпуска. Только напомните мне открыткой, что Вы хотите продолжить поиски исторических несоответствий. Тогда же могу Вам навести справки поточнее о работах по скифскому золоту.

Что до романа об Атлантиде, то почему бы не написать его Вам самому?

Если материал собрался — и желание есть, то остальное уже дело преодоления затруднений технического порядка.

С искренним уважением: *И. А. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ОПАРИНУ 4

Москва
13 августа 1953 г.

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

От имени палеонтологической науки обращаюсь к Вам с протестом против того распределения академических вакансий, которое было опубликовано в газете «Известия».

По этому распределению из всех имеющихся вакансий академиков и членов-корреспондентов ни одной не предоставлено на долю палеонтологии.

Это положение нельзя признать нормальным и соответствующим потребностям развития советской науки.

Палеонтология, особенно в Советском Союзе, давно уже стала наукой первостепенного значения как для разработки материалистического мировоззрения, так и для практики геологических поисков полезных ископаемых.

Коллектив палеонтологов Советского Союза, насчитывающий тысячи человек и отвечающий за работу огромной важности, не может не быть представленным в штабе советской науки — Академии наук СССР — с правом голоса.

Положение усугубляется тем, что с 1944 г., т. е. в течение почти десяти лет, палеонтологическая наука Советского Союза не имеет ни одного академика[1], а из имеющихся четырёх членов-корреспондентов[2], выбиравшихся в своё время по линии палеонтологии, в нашей науке сейчас не работает ни один. Поэтому я считаю своим долгом ходатайствовать перед Вами о пересмотре существующего распределения вакансий, учитывая серьёзнейшую необходимость выделения на палеонтологию хотя бы одной академической единицы в этом году[3].

И. о. директора ПИНа АН СССР,
профессор,
доктор биологических наук,
лауреат Сталинской премии
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 5

Москва
2 ноября 1953 г.

Дорогой Иван Иванович!

Только что получил Ваше письмо — немедленно отвечаю.

Как и почему могло возникнуть предположение, будто я на что-то обиделся? Разве лишь потому, что вследствие летних моих разъездов наша переписка временно прекратилась?

---

[1] И. А. Ефремов имел в виду, что после смерти в 1944 г. директора Палеонтологического Института академика А. А. Борисяка в состав АН СССР не был избран ни один академик-палеонтолог.

[2] Речь идёт о членах-корреспондентах АН СССР Н. Н. Яковлеве, М. В. Павловой, М. Д. Залесском, А. Г. Вологдине.

[3] Это обращение в ОБН АН СССР среди других выступлений учёных явилось одной из причин дополнительного выделения вакансий в области биологии, в том числе двух вакансий по палеонтологии.

После Вашего письма из Закарпатья я так и не смог с Вами связаться, а, приехав в Коктебель, поджидал Вашего туда приезда, пока не пришло письмо от Вас Марии Степановне, в котором Вы выражали удивление, почему я не заехал за Вами в Симеиз, так как кто-то передал Вам, что я собираюсь это сделать.

Но это было уже поздно — для Вас. Я после того странствовал по Крыму на своей «Победе» без семейства, которое отбыло в Москву уже в октябре. В Москву я вернулся только в середине октября и собирался Вам писать, когда получил очень толстое послание. Но нет худа без добра — зато всё семейство хохотало, читая действительно смешные истории, вдобавок рассказанные с таким мастерством.

Ради Бога, ни о чём таком не думайте — все мы полны самых дружеских чувств к Вам и обладаем достаточным запасом юмора, чтобы не распаляться от дружеской насмешки.

Тороплюсь отправить это письмо, поэтому откладываю до следующего писание о летних приключениях и о моей неудачной баллотировке в членкоры Академии наук, на которой я провалился (с каким треском — ещё не знаю, на днях узнаю о числе голосов за и против)[1].

Большой привет Вам от Е. Д., Аллана и меня.

С искренним уважением, симпатией и дружбой,
Ваш *И. Ефремов*

6 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
16 ноября 1953 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич,

простите великодушно за большое опоздание с ответом — был в продолжительном отъезде.

---

[1] И. А. Ефремов баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР в октябре 1953 г. В поддержку его кандидатуры высказались такие известные учёные, как действительные члены АН УССР А. Н. Криштофович и О. С. Вялов, академики С. И. Миронов и Е. Н. Павловский. В их письмах отмечалось, что И. А. Ефремов является одним из лучших специалистов по палеозойским пресмыкающимся, учёным с большим кругозором, эрудицией в палеонтологии позвоночных и в смежных областях естествознания, что позволило ему создать новый раздел палеонтологии — тафономию. Выдвижение учёного поддержали также Ленинградский горный институт, Институт морфологии животных им. А. Н. Северцова АН СССР, Харьковский и Иркутский государственные университеты. Президиумы Молдавского и Башкирского филиалов АН СССР и другие научные учреждения. К сожалению, результаты выборов определило не объективное рассмотрение научных достижений предложенных кандидатур, а противоборство сторонников и противников Т. Д. Лысенко. Экспертная комиссия ОБН АН СССР из четырёх зарегистрированных кандидатур высказалась за избрание Ю. А. Орлова и Л. Ш. Давиташвили, отведя кандидатуры А. Н. Криштофовича и И. А. Ефремова. Однако на заседании ОБН с небольшим преимуществом для утверждения на Общем собрании АН СССР была выдвинута кандидатура А. Н. Криштофовича вместо Л. Ш. Давиташвили.

Результат Вашего запроса в Эрмитаж меня не удивил. Археологи ведь не знают, что такое саблезубый тигр, не интересуются, а потому и не понимают, о чём идёт речь.

Ваше сообщение о платиновых зеркалах очень интересно — я не знал ничего об этом.

Со своей стороны, не помню, говорил ли я вам, что на острове Бали (рядом с Явой, восточнее её) есть древний храм с двумя скульптурами слонов у входа. Слоны изображены с раскрытыми ртами, поднятыми хоботами. А во рту отлично сделаны зубы, но не слоновые, а мастодонтовые. После этого открытия учёные стали изучать эти скульптуры и оказалось, что принимавшиеся ранее за «стилизацию» в изображениях этих слонов особенности формы головы, бивней и хобот соответствуют именно строению мастодонтов. Считается, что мастодонты в Азии (и Европе) вымерли задолго до соприкосновения с человеком современного типа и что лишь в С[еверной] Америке мастодонт вымер уже во время существования древнего человека.

Слыхали ли Вы, что в древних рудниках Восточного Казахстана были найдены скелеты горняков того времени с египетскими ожерельями?

Подлинность египетского изделия не оставляет никакого сомнения. Возраст рудников — второе тысячелетие до нашей эры, хотя я думаю, что это неправильно и возраст рудников следует датировать началом первого тысячелетия до нашей эры.

Как только буду посвободнее, напишу Вам ещё «несоответствия» и сам буду ждать Ваших столь интересных сообщений.

С искренним уважением:
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 7

20 ноября 1953 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Я прочитал Вашу статью — она мне в целом нравится, никаких ляпсусов в ней нет, а что до «блох», то, как Вы знаете, — не мастер.

Вот только не много ли ссылок на рассказы (устные сообщения) — как слыхал, как сказал, как сообщил. В особенности это «режет ухо» на стр[анице] 3 и стр[анице] 4 (я отметил карандашом). Особенно на стр[анице] 3, где «двухэтажность» рассказывания. Конец статьи попросту блестящ.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 8

Москва
16 декабря 1953 г.

Дорогой Иван Иванович!

Прямо не везёт с быстрыми Вам ответами — письмо пришло в моё отсутствие — был в командировке, в Ленинграде.

Итак, прежде всего о книжке[1], Ваших вопросах и критике.

Фараон Джедефра, его разбитые статуи и маленькая пирамида — всё это исторически точно. Баурджед — не существовал, это я перенёс сюда из пятой династии казначея Бауркара, который был послан фараоном Джедкара (Асеса) в Пунт. Я изменил соответственно вторую половину имени казначея (по фараону), а сделал это по художественным соображениям показа строительства великих пирамид, вернее, не строительства, а его последствий.

Что до дефектов книги, то в общем с Вашими замечаниями согласен, за исключением того, что надо было показывать приключения в Пунте. Это не оправдано всей композицией вещи и, в общем, только повторило бы «Ойкумену».

В сопоставлении «учёности» и «лавреатства» Вы попросту ошиблись — эта вещь написана в 1945 г., раньше «Ойкумены» и только «подработана» в прошлом году, по редакторским советам — введение «народа», отсюда многоплановость и т. п.

Теперь о Ваших советах. Я думаю, что Вы правы в том, что современная тема всегда сильнее, но не правы, что мои исторические вещи слабее неисторических. Я бы оценил и те, и другие цифрой 4 (5 за неисторические — многовато). А вот что касается Сенкевича, то, безусловно, он велик, но не Брюсов и не Ян. С этими я считаю себя в силах вполне состязаться, только мои вещи несколько в иных планах, чем ихние.

И в дальнейшем я тоже планирую чередовать исторические и неисторические произведения, должно быть, оттого, что мне как палеонтологу история очень по вкусу, и оттого, что в современных условиях в исторической вещи больше простору, немного легче дышится.

А что касается именно «Ойкумены» и «Баурджеда», то ведь это произведения одного и того же периода увлечения египтологией. Сейчас он давно уже миновал.

На следующей странице перечислю Вам для примера рассказы, запланированные для нового моего сборника, который авось когда-нибудь будет написан, а пока возражу на два Ваших замечания — остальные относятся к опечаткам. Кстати, одна из этих опечаток — морской ёж дионема — это в Вашей собственной работе, откуда я и взял название, не проверив.

Гнилой запах океана у мыса Гвардафуй описан во всех без исключения лоциях, так что это вовсе не от моей кавасаки[2], а совершенно точно. Я полагаю, что когда Вы проплывали по оному месту, то любезничали в каюте с хорошенькой мисс или же мирно спали, приняв соответственное количество против качки. Попробуйте порыться в памяти, и, я уверен, так оно и окажется.

Что до длинных рубах египтян, то прошу иметь в виду, что дело происходит в четвёртой династии Древнего Царства, когда официальный костюм чиновника именно был длинной, до пят, рубахой. Тут нет ошибки, это точно...

Ну вот, на описание путешествия по Крыму опять места не осталось. В следующий раз... Итак, рассказы:

---

[1] Книга И. А. Ефремова «Путешествие Баурджеда», вышедшая отдельным изданием в 1953 г.

[2] И. А. Ефремов отвечает отрицательно на намёк И. И. Пузанова относительно того, что тема неприятного запаха возникла под впечатлением от службы Ефремова старшим матросом на парусно-моторном судне (касаваки) «III Интернационал», приписанном к порту Владивосток, в навигацию 1924 года. Это судно доставляло соль на рыбные промыслы Японского и Охотского морей.

1. Юрта Ворона — современный.
2. Кирангози — современный, но африканский.
3. Рыцари Лебедя — исторический, из времён крепостного права.
4. Камни в степи — доисторический.
5. Арабеска — современный.
6. Красный гигант М. — современный.
7. 6 декабря 1240 года — исторический.
8. Нанга-Парбат — современный.

Как Вам понравится такой проект?[1]

Примите, дорогой Иван Иванович, большой привет от Е. Д., сына и меня — словом, всего любящего Вас семейства.

Когда собираетесь в Москву?

Искренне Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ

9

Москва
22 декабря 1953 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич.

Прилагая при сём проект письма в газету «Правда» о приключенческой литературе и создании приключенческого журнала, обращаюсь к Вам с просьбой от имени комиссии, созданной на этот предмет при Союзе советских писателей, и её председателя, писателя А. П. Казанцева, согласиться поставить Ваше имя под этим письмом.

Письмо написано по предложению гл[авного] редактора «Правды» тов[арища] Попова[2], который берётся его опубликовать. Предполагается, что письмо будет подписано членами Президиума Союза писателей, видными учёными, прикосновенными к литературе, и писателями соответственного профиля.

В последнее время «Литературная газета» подняла вопрос о необходимости развития жанра приключенческой и научно-приключенческой литературы[3].

Была опубликована большая статья и затем целый ряд откликов читателей, которые показали всю своевременность постановки вопроса.

В развитие этого была создана комиссия под председательством Казанцева, и в ней родилась идея опубликования письма в «Правде».

---

[1] Рассказ «Юрта Ворона» опубликован в 1959 г. Под названием «Кирангози», возможно, имеется в виду замысел рассказа «Афанеор, дочь Ахархеллена», опубликованный в 1960 г.: *кирангози* на суахили и некоторых других языках банту — «гид, проводник». «Камни в степи» вошёл в роман «Лезвие бритвы» как рассказ о видениях охотника Селезнёва. Рассказ «6 декабря 1240 года» задумывался как повествование о захвате Киева войсками Батыя и должен был войти в цикл «Краса ненаглядная». Замысел не был осуществлён. О сюжетах рассказов «Рыцари Лебедя», «Арабеска», «Красный гигант М.» и «Нанга-Парбат» сведений нет, они, по-видимому, не были написаны.

[2] В 1953 г. главным редактором газеты «Правда» был Д. Т. Шепилов. Возможно, Попов был его заместителем.

[3] Статья В. Коротеева в «Литературной газете» была опубликована в 1953 г. под названием «Что мешает развитию приключенческой литературы».

Излишне говорить, насколько важно Ваше участие в этом письме как виднейшего учёного, путешественника и автора широко известных научно-приключенческих книг.

Проект письма Вы можете изменить, как найдёте нужным, и с Вашими исправлениями и визой его можно вернуть мне через Дмитрия Владимировича или любым иным путём. Очень прошу Вас, глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич, по возможности не задержать с ответом, чтобы редактор «Правды» случайно не забыл о своем обещании, как это иногда случается.

Помогите нашей молодёжи, которая Вас так любит, получить интересное чтение[1].

С извинениями за беспокойство и бесконечным уважением.
Ваш *И. Ефремов*

10 И. А. ЕФРЕМОВ — Д. М. С. УОТСОНУ

Москва
22 декабря 1953 г.

Дир[2] профессор Ватсон!

Я был очень рад узнать от профессора Обручева[3], что Ваши бедли иллнесс[4] окончились и Вы снова квайт уэлл[5]. Очень благодарен за присылку вырезок «Таймса» о «Катти Сарк»[6] — это почти совпадает с моим рассказом.

Сообщенный Вами способ препаровки испытывается сейчас нами на разных объектах — пока результаты вполне обнадеживающие.

Я послал Вам свои последние работы[7], в которых, к сожалению, мало чисто морфологического.

Однако, поскольку работа о фауне медистых песчаников наконец закончена и в настоящий момент ин принт[8], я скоро буду иметь удовольствие послать её Вам с восхищением по поводу Вашей всегдашней проницательности.

---

[1] На письме пометка В. А. Обручева: «Письмо подписал и через Митю 1 января вернул Ефремову».

[2] Dear — дорогой, уважаемый (англ.).

[3] Д. В. Обручев.

[4] Badly illness — тяжёлые болезни (англ.).

[5] Quite well — в полном порядке (англ.).

[6] «Катти Сарк» («Catty Sark») — один из самых больших и быстроходных парусников английского торгового флота. В память о его блистательных мореходных качествах корабль был отреставрирован и поставлен в сухой док на вечную стоянку. В настоящее время это один из музейных центров округа Гринвич (Лондон). В 1944 г. был опубликован рассказ И. А. Ефремова об истории парусника. В нём он предсказал, что корабль станет музеем, о чём и написал профессор Уотсон в своём письме.

[7] После получения разрешения из Иностранного отдела АН СССР И. А. Ефремов отослал Д. М. С. Уотсону оттиски статей: «Предварительные результаты работ I Монгольской палеонтологической экспедиции АН СССР 1946 г.», «Тафономия и геологическая летопись», «О строении коленного сустава высших дицинодонтов», «К вопросу о развитии континентального верхнего палеозоя в Центральной Азии» и др. См. примечание к письму А. П. Быстрову от 16 декабря 1950 г.

[8] In print — в печати (англ.).

Действительно, фтинозаурус оказался очень примитивной горгонопсией и прямым родственником «ропалодон» — по этому черепу, когда-то описывавшемуся Сили и Нопшей, я установил новый род фтинозухус и новое семейство фтинозухид.

Мс. Ефремов (Е. Конжукова)[1] закончила несколько работ о пермских стегоцефалах, которые также печатаются и будут незамедлительно посланы Вам вместе с работой моего аспиранта о тероцефалах. Новые котилозавры — предки парейазавров, сейчас находятся в обработке у другого моего аспиранта[2].

Нашли мы и нижнепермских стегоцефалов, и рептилий — к сожалению, ещё в малом количестве и плохой сохранности, однако первые результаты работ интересны и скоро будут опубликованы. В текущем году найдены настоящие проколофоны, однако более мелкие и примитивные, чем Ваши африканские, а также триасовые огромные дицинодонты типа каннемейерии и крупные псевдозухии.

Первые результаты обработки монгольских динозавров также выходят из печати в будущем году, и я пошлю их Вам вместе с фотографиями полных скелетов крупных гадрозавров и гигантских карнозавров, установленных в нашем музее. Замечательно, что такие гадрозавры, как зауролофус, могли достигать чудовищных размеров — высота задней ноги животного не менее 3,2 мм при массивности костей значительно большей, чем у зауропод, и очень слабом тазе. Вообще, наши монгольские находки дают множество очень интересных фактов морфологической характеристики динозавров.

С лучшими пожеланиями для Нового года.
Искренне Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Работа Е. Д. Конжуковой «Нижнепермская фауна Северного Приуралья (бассейн Инты)» опубликована в 1954 г.

[2] Статья Б. П. Вьюшкова «Тероцефалы Советского Союза» опубликована в 1955 г. Котилозавры являлись предметом исследований аспиранта И. А. Ефремова — П. К. Чудинова.

1954

1 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
13 января 1954 г.

Дорогой Алексей Петрович!

С большой радостью получил Ваше письмо, вернувшись из дома отдыха. Однако вернулся я с припадком стенокардии, уложен в постель и обязан лежать смирно ещё несколько дней. Одна симпатичная леди взяла на себя, в данном случае, обязанности машинистки, и я могу Вам ответить незамедлительно.

Сначала о «деле». Я выписал и получил работу Ярвика «On the fish-like tail of the Ichthyostegidae... etc». В ней описываются задние конечности, тазовый пояс и хвост ихтиостегид, последний совершенно рыбьего типа. Также описан череп нового рода ихтиостегид. Как всегда — превосходные разрисованные фотографии и контурные рисунки. Во всяком случае, эта работа даёт полное представление о конечностях и хвосте ихтиостегид, хотя общий вид скелета по-прежнему неизвестен.

Если эта работа недоставаема у Вас в Ленинграде, то я могу переслать Вам свою с оказией. Напишите.

С Вашим определением литературы я совершенно согласен и собираюсь биться за расширение выписки литературы... хотя бы. Что до Ваших сражений с квази-учёными и ультраавантюристами, то эмоционально их нельзя не одобрить. В то же время авантюристов и дельцов и вообще всяческих проходимцев развелось в науке такое множество, что не хватит никаких сил на истирание их в порошок. Это работа бетонного завода, а не одного учёного — полувымершего отряда позвоночников.

Отсюда следует необходимость применения магического «ничто» и к той накипи, которая за последнее время столь плотно покрыла поверхность прозрачного озера науки.

Что до разговоров с деканом, то хотя я и не знаю его содержания, но могу вообразить. Скажите, дорогой А. П., а Вам никогда не приходило в голову сократить свою преподавательскую деятельность, выйти на пенсию и написать настоящую сравнительную анатомию позвоночных на физиологической или, как это модно выражаться, функциональной основе. Вот было бы дело, достойное Вашего таланта и знаний и до зарезу нужное. Впрочем, об этом поговорим ещё как-нибудь. Большой привет Гильде Юрьевне и Вам самому, конечно.

Напишу подробнее, как встану.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

2

17 мая 1954 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я давно не писал Вам по причине некоей депрессии, которая захватила меня не столько из-за угнетения врачами, сколько из-за убийственно медленного осуществления планов намеченных дел. Это, пожалуй, единственное, из-за чего я способен по-настоящему беситься.

Сейчас я управился с корректурами большущих медистых песчаников[1] и с аспирантской работой, которую пришлось подгонять, отложив всё остальное. Понемногу управлюсь и с остальными долгами, как управился сегодня с завалом статей по «Природе»[2].

Кстати о «Природе» — я как-то советовал им обратиться к Вам насчёт написания серьёзной статьи о происхождении человека — обозрения последнего слова науки по этому вопросу.

Вы как-то зыкнули на редакцию, и оные людишки в испуге отступили. А жаль... Не переменилось ли у Вас настроение по этому делу? Ведь кто ещё может по-честному, без невежества и проституирования и в то же время с полным владением всеми иноисточниками? Право, иногда жаль читателей — они-то уж ни в чём не виноваты!

С биологией назревает команда: «К расчёту стройся!» Кажется, наверху начали понимать, вряд ли полностью, всю бездну, в которую ввергли нашу науку разные карьеристы, проходимцы и научные проститутки, стоявшие много лет у кормила биологии... Пока это выразится в перевыборах (срочных) бюро биоотделения[3], пересмотре физиологических дел, а что дальше — господи веси. Увидим, е[сли] ж[ивы] б[удем].

Врачишки меня не пускают в Крым в отпуск и не позволяют управлять автомобилем. Возможно, из-за этого окажусь на Карельском перешейке на июль-август. Тогда, ежели Вы будете достижимы и не против, смогу навещать Вас...

Кстати, относительно О. М. я пришёл к заключению, что Вы были абсолютно правы, а я неправ, считая Вас слишком жестоким по отношению к ней. Сия милая дама не постеснялась по поводам, совершенно её не касающимся, обсплетничать меня даже с домработницами в нашем доме... Дальше идти некуда!

Если это дружба, то подальше от такой!

Как Вы и что Вы? Пишите, дорогой А. П. Большое спасибо Вам за интересную книгу.

Привет Г. Ю. и Вам.

Ваш
И. Ефремов

---

[1] И. А. Ефремов имел в виду свою монографию «Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья» (1954).

[2] И. А. Ефремов был членом редколлегии журнала «Природа» в 1953—1962 гг.

[3] После смерти Сталина, который безраздельно поддерживал Т. Д. Лысенко и антигенетическое направление в биологии, в научной литературе, газетных публикациях стали появляться критические статьи о научно-теоретических разработках 30—50 годов Т. Д. Лысенко и его последователей. В это время была произведена замена руководства ОБН АН СССР. В 1955 г. академиком-секретарем Отделения был избран академик В. А. Энгельгардт.

3 И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Москва
17 мая 1954 г.

Дорогой Иван Иванович!

Простите великодушно за долгое молчание. Я со своими хворостями впал в некую депрессию — единственно мне свойственную — бешенство от невозможности выполнить намеченные планы, затягивающиеся на неопределённый срок.

Мне свойственна скифская нетерпеливость, и иногда я прихожу в ярость, как крупное и смирное травоядное.

Сейчас понемногу начал управляться с делами и приходить в равновесие. С здоровьем ещё не всё ладно — например, врачишки категорически не пускают меня в этом году в Крым — ни весной, ни осенью даже. Придётся ехать в какой-нибудь дом отдыха, скорее всего на Карельский перешеек, и мирно сидеть в сырости и комарах июль и половину августа... выгоняют из М[оск]вы на жаркий период.

Аллан кончает школу и будет поступать в МГУ или МГРИ — на геологию. Он не отличник, и поэтому ему, а, следовательно, и Елене Дометьевне, сидеть всё лето в Москве и держать конкурс. Поскольку он не уверен в своих силах полностью при адском конкурсе, то, заранее подготовляя себе линию обороны, он просит меня спросить Вас, зная Вашу связь с моряками, есть ли шансы и возможности ему поступить в Одесскую мореходку в случае провала на конкурсе и кому бы мне писати слёзное письмо на этот случай?

Дометьевну мы отправили в Крым — сейчас прогуливается по Коктебелю, очень довольна, хотя и сетует на ледяное море. Но всё же я думаю, что её сильнейший бронхит пройдёт там (она всего лишь на две недели).

У нас в биологии назревает команда — «к расчёту стройся». Наверху стали кое-что понимать, хотя и вряд ли осознали до конца, в какую бездну спихнули нашу биологию научные проходимцы и титулованные проститутки из АН.

Пока будут срочные перевыборы Бюро отделения и разбор физиологических дел. К чему всё это приведёт — неясно, во всяком случае, сразу крутого перелома не будет. Но всё же есть сдвиги, и на том хоть спасибо...

Большой привет Вам от всего любящего Вас семейства. Как Ваши летние планы? Не собираетесь ли быть в наших краях? Огромное спасибо за чехословацкую Африку[1] — много интересных фото...

Ваш неизменно *И. Ефремов*

---

[1] Речь идёт о книге чехословацких путешественников И. Ганзелки, М. Зикмунда «Африка грёз и действительности» (1952), на которую И. А. Ефремов опубликовал рецензию в журнале «Знание — сила» под названием «Африка как она есть» (1954, № 6).

И. А. ЕФРЕМОВ — Д. И. ЩЕРБАКОВУ

4

27 мая 1954 г.

К ЗАДАЧАМ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
(докладная записка об организации Института стратиграфии)[1]

Задачи палеонтологии много раз формулировались в статьях на эту тему и докладных записках. При всей правильности постановки этих задач совершенно упускались из виду конкретная целеустремлённость и деловая постановка исследований, подменявшиеся очень хорошими, но малополезными общими рассуждениями.

Определение задач советской палеонтологии должно исходить из следующих положений.

Палеонтология может и должна развиваться только как биологическая наука, иного пути для неё нет, не может быть, ибо она имеет дело с жизнью прошлого, а не с отвлечёнными знаками и символами явлений природы. Вместе с тем применение результатов её исследований идёт двумя путями. Во-первых, это восстановление конкретного хода исторического развития органического мира в неразрывной связи с условиями существования, выяснение причин и направлений формообразования, вымирания и смены форм и целых фаун, построение филогенезов и обоснование систематики. Этот круг вопросов имеет важнейшее значение и непосредственное применение в биологии.

Во-вторых, установленная последовательность развития и смены форм, фаун и флор служит целям геологической стратиграфии, определяя последовательность отложений. Равным образом, для геологии важно восстановление образа жизни органических форм, посредством которых раскрываются особенности среды жизни прошлых геологических эпох, предоставляя тем

---

[1] Предыстория написания записки академику-секретарю Отделения геолого-географических наук АН СССР связана с тем, что при очередном пересмотре структуры Академии наук вставали вопросы о принадлежности институтов, результатами исследований которых пользовались учёные нескольких специальностей. В их числе был и Палеонтологический институт. В январе 1942 г. Бюро ОГГН приняло решение удовлетворить просьбу академика А. А. Борисяка о выведении Палеонтологического института из состава ОГГН и включении его в состав ОБН. В августе 1949 г. директор Палеонтологического института Ю. А. Орлов обратился за помощью к академику В. А. Обручеву, так как Геологический институт АН СССР опять поставил вопрос о переводе Палеонтологического института в ОГГН. В. А. Обручев согласился, указывая, что «А. А. Борисяк настаивал на сохранении института в ОБН и встречал в Совете Академии наук поддержку». Вновь вопрос о принадлежности Палеонтологического института был поднят в 1952—1953 гг., когда Бюро ОГГН постановило добиваться перевода института из ОБН. На заседании Бюро ОБН в январе 1953 г. было принято решение о необходимости рассмотреть этот вопрос на совместном заседании двух отделений с тем, чтобы обсудить принципиальный вопрос о путях развития советской палеонтологии, принципах её развития.

И. А. Ефремов присутствовал на заседании Бюро ОГГН, где обсуждался вопрос о переводе Палеонтологического института из ОБН, и был знаком с доводами сторонников этой реорганизации. В публикуемой записке он предложил своё видение решения проблемы.

самым данные для палеоклиматологии, палеогеографии и вопросов образования фаций.

В том и другом случае для геологии имеет значение не сам по себе органический мир прошлого, а те показатели геологического времени и физико-географической среды, которые могут быть определены на основе его изучения. Распространённой ошибкой является мнение, что практическим целям геологии служит палеонтология сама по себе, со всем многообразием её чисто биологических вопросов. Нередко деятели геологии заявляют о том, что им нужен именно биологический подход к палеонтологии, сугубо биологический характер исследований. Эти ошибки основаны на недоразумении, ибо для геологии важна и нужна отнюдь не палеонтология вообще, а только диагностика тех остатков жизни прошлого, которые находятся в слоях земной коры и могут служить показателями времени, вернее последовательности напластования, и характеризовать условия отложения. Ничего другого и практическим, и теоретическим целям геологии не требуется. Причисление палеонтологии к наукам геологическим означает лишь полную путаницу в естественном разграничении наук, необходимом для правильной организации исследований.

Здесь необходимо подчеркнуть, что было много выступлений как в печати, так и на различных совещаниях, где отделение палеонтологии от геологических наук рассматривалось как отрыв теории (палеонтология) от практики (геология).

Из сказанного выше совершенно очевидно, что все подобные заявления — результат неглубокого продумывания вопросов или подчас беспочвенной демагогии, запутывавшей не только деловую организационную постановку вопроса, но и естественную дифференциацию наук в их развитии.

Так, например, естественное разграничение целей исследований в биологическом и геологическом направлениях часто трактовалось как существование двух палеонтологий — якобы биологической и якобы стратиграфической, по поводу чего велись споры философского порядка, ничего общего не имеющие с деловой постановкой необходимых стране работ. Столь же нелепо и бесплодно обсуждение вопроса о том, является ли палеонтология «служанкой» геологии или, наоборот, геология служит целям палеонтологии. Все подобные рассуждения очень далеки от настоящей организации и не могут серьёзно приниматься во внимание.

Очевидно, что разные направления в исследованиях должны развиваться там, где они дадут наибольший эффект для народного хозяйства или культуры. Поэтому нелепо требование постановки общебиологических палеонтологических исследований в системе геологической службы, там, где нет для этого ни реальной почвы, ни реальной надобности. Эти исследования должны сосредоточиваться в Биологическом отделении Академии наук СССР.

Исследования, служащие геологической стратиграфии, — это, с одной стороны, непосредственная определительная практика отраслевых лабораторий геологической службы. Однако для объединения всех этих работ и повышения их качества необходимы научные исследования, разрабатывающие методы и способы палеонтологической стратиграфии. Эти исследования должны быть сосредоточены в Геологическом отделении Академии наук. Нет никаких двух палеонтологий, есть лишь одна — биологическая. Но сферы применения её результатов различны и очень чётко разграничиваются на два направления:

а) выполнение и разрешение сложных биологических проблем, представляющих длительную и трудоемкую работу, неразрывно связанную со всеми отраслями биологических наук, с взаимно переплетающимся материалом исследования;

б) диагностика ископаемых остатков как показателей времени и условий отложения, неразрывно связанная с изучением условий залегания и захоронения ископаемых остатков, их сохранности и фоссилизации. Эта диагностика должна производиться ускоренным путём, чтобы давать реальные ответы на вопросы геологической практики, ведущей свои исследования несравненно более быстрыми темпами, чем разрешение биологических проблем палеонтологии.

Диагностика, необходимая геологической практике, вернее, её качество зависит от развития общих палеонтологических исследований. Поэтому биолого-палеонтологические исследования должны вестись с прямым учётом обеспечения диагностики распространённых в геологической летописи групп растений и животных. Однако ясно, что разработка диагностики ископаемых остатков должна вестись самостоятельно, ибо общебиологические исследования в палеонтологии по своему характеру и наличным кадрам не могут быть ускорены настолько, чтобы обеспечить собою основу диагностики во всей геологической службе.

Требование чрезмерного ускорения этих исследований в условиях конкретного состояния палеонтологии нереально и ни к каким положительным результатам привести не может.

Для диагностического направления исследований, однако, существенно важны общие результаты биологического направления как проверяющие и направляющее методы второго направления.

Применение результатов палеонтологии по двум направлениям определяет и организационное разграничение задач будущих исследований, именно в отношении цели работ, осуществляющихся разными методами и разными путями.

1. Задачи биологического круга вопросов, сформулированные в начале записки, осуществляющиеся путями и методами ботаники и зоологии, + специфические палеонтологические методы, касающиеся лишь обработки ископаемых остатков. Цель — история органического мира.

2. Задачи геологического круга вопросов, берущие из биологического круга лишь данные о месте ископаемых форм жизни в линии их исторического развития и данные об условиях их жизни, выраженные в определении физико-географической среды обитания (только!). Исследования осуществляются методами геологических работ — стратиграфической основой, биостратономией, палеоэкологией, изучением захоронения, фоссилизации (тафономии) с литологией местонахождений для обязательного и необходимого выяснения степени связи органических остатков с вмещающими осадками, характеристика которых по времени и условиям отложения и является конечной целью задач геологического круга вопросов палеонтологии.

Совершенно очевидно, что оба направления палеонтологических исследований с разной методикой работ, служащие разным целям, должны быть организационно разграничены. Объём и размах работ в обоих направлениях должны быть различны в соответствии с практической значимостью для нужд настоящего периода социалистического хозяйства.

Если исследования первого направления будут обычно выполняться сравнительно небольшой группой высококвалифицированных специалистов, показавших свою пригодность к разрешению сложных задач биологического круга вопросов, то исследования второго направления необходимо должны вестись большим количеством специалистов по разным систематическим группам ископаемых животных и растений. Широкий охват групп в этом втором случае обязателен, иначе с освоением новых и новых геологических районов всё время будут вставать неразрешимые стратиграфические вопросы вследствие неразработанности систематических групп, характеризующих данные серии отложений.

Из всего сказанного встает необходимость организации в Отделении геолого-географических наук Академии наук СССР Института биостратиграфии или палеонтологической стратиграфии, который взял бы на себя обеспечение разработки методов биостратиграфии в аспекте геологического направления исследований в палеонтологии.

В задачу Института стратиграфии должны входить:

а) разработка методов диагностики ископаемых остатков по самым различным группам ископаемых организмов, включая споровые и пыльцевые анализы;

б) разработка методов сопряжённых с ископаемыми остатками геологических исследований — стратиграфической последовательности по фауне и флоре, биостратиграфии, биостратономии, тафономии, сохранности и минерализации палеонтологических остатков с литологическим изучением вмещающих пород для выяснения условий залегания органических остатков и поверки данных по их биологическим показателям;

в) разработка методов ускоренной препаровки, резания, шлифовки ископаемых остатков для создания наиболее быстрых и упрощённых способов их выявления в породе;

г) составление справочников и определителей временных таблиц и списков фауны по типичным регионам и стратиграфическим эталонам.

Только такой институт сможет реально удовлетворить потребности геологической практики, особенно при том непременном условии, что охват систематических групп будет достаточно широким.

На существующий в Отделении биологических наук Палеонтологический институт в этом случае ложится задача обеспечения разработки общебиологических вопросов палеонтологии, на которых институт должен сконцентрировать свои исследования, возможно, передав часть своих кадров Институту стратиграфии.

Нет никакого сомнения, что такая концентрация и целеустремленность работ повысит продуктивность Палеонтологического института и даст возможность гораздо более углублённой разработки общебиологических вопросов палеонтологии.

Что до значения этих последних исследований, то пора решительно покончить со схоластическими рассуждениями на тему о том, оправдано или не оправдано существование палеонтологии и чьей «служанкой» она является. Палеонтология — одна из трёх наук, владеющих исторической перспективой развития, является, особенно для советского общества с его материалистическим миросозерцанием, отраслью знания величайшей важности, и её исследования будут развиваться, несмотря ни на какие ошибки её организаторов.

Профессор *И. А. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 5

Москва
22 июля 1954 г.

Дорогой Иван Иванович!

Очень благодарен, что Вы не забыли обо мне и в трудные для каждого русского человека часы отъезда, когда неизменно не хватает одного дня.

Я всё же решил ехать в Крым и даже договорился по этому поводу с эскулапами. Однако обстоятельства складываются так, что мне не придётся туда поехать раньше половины сентября или так примерно десятого сентября, т. е., увы, после Вашего оттуда отъезда. Тут ещё предстоит возможность поехать в Аргентину[1], и если это выйдет, то в Крым я вообще смогу выехать лишь в октябре, но всё равно поеду, хоть поглядеть на море, да и отдохнуть всё же надо. Как будто бы ничего серьёзного не сделал, а устал больше, чем от большой работы, — так нудны эти заседания, отчёты, планы — всё, что не стоит выеденного яйца и придумано английской «Интеллидженс сервис»[2] для разрушения русской науки... используя партийное невежество, как очень чётко выразился один мой знакомый.

Впрочем, говорят, будто бы в сентябре намечается руководящий пленум специально по вопросам культуры и науки... давно пора! Очень давно!

Сейчас, кажется, есть категорическое распоряжение наладить всякий там обмен оттисками, переписку и заграничные командировки учёных, именно учёных, не путая с ними посланцев мира или представителей на разных официальных юбилеях. Ежли сие не будет чиновниками испохаблено и извращено, то следует ждать некоей пользы для нашей науки!

В отношении стихов — не спорю, Клюева — поэтесса доморощенная, я с ней познакомился в Монголии, где она была доцентом в Монгольском государственном университете. Я ей при случае — видимся очень редко — передам Вашу критику или попрошу это сделать Дометьевну, по-женски мягко. Тогда же попрошу у ней оригиналы.

За фото фантасмов[3] буду очень признателен, особенно тех, которые заставляют задуматься. Бредовых — не люблю, я скучный академист по натуре. Марафета-Карапета буду ждать — это будет полезно для ознакомления друзей.

У нас пока всё продолжается мирная занятость — Аллан зубрит, готовясь к конкурсу, который скоро наступит (с 1-го). Дометьевна «создаёт условия». Машина починена (не помню, писал ли я Вам, что Аллан разбил её, столкнувшись с автобусом), но ездить на ней некому — мне пока ещё запрещено, Аллану некогда.

---

[1] В сентябре 1954 г. И. А. Ефремов был приглашён на Конгресс естествоиспытателей Общества амегинистов и Института истории Америки, посвящённый столетию со дня рождения аргентинского учёного-палеонтолога Ф. Амегино. К этому конгрессу И. А. Ефремов подготовил доклад на тему «Вопросы захоронения остатков позвоночных в континентальных осадочных толщах». Поездка не состоялась.

[2] Собирательное наименование сети разведывательных и контрразведывательных служб Великобритании.

[3] Имеются в виду фотографии фантастических существ, которыми пополнялась картотека литературных типов И. А. Ефремова.

Жара, к счастью, окончилась, и можно соображать и трудиться. Я написал рецензию, очень спешно, очень коротко, на африканскую книгу чехов[1], и её уже напечатали, правда, подредактировав её так, что она получила заостренный антиколониальный смысл. Это — в «Знание — сила», № 6, 1954.

Если поеду в Крым поздно, то, может быть, можно занять Вашу комнату в Симеизе? В октябре на восточном побережье будет холодновато, нужен Симеиз или Мисхор. А купаться в октябре в Симеизе можно? Поеду, наверное, без машины, но, может быть, и возьму её, особенно если в восточный Крым и если с питанием будет плоховато, как это можно ждать по этому году.

Ну, однако, пора кончать. Очень большой привет Вам от всего семейства и меня — особый. Пишите, дорогой Иван Иванович, я буду всё время в Москве и если выеду, то на два-три дня — в Ленинград.

Пусть Вас не смущает доморощенное заклеивание конверта — я в некоторых случаях переклеиваю их, так как в целях перлюстративных или ещё там каких они едва склеены.

Всегда Ваш
И. Ефремов

Как Вам нравится из Тютчева:

Слуга влиятельных господ,
с какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот![2]

Как это верно!

6 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. Б. ГУРФИНКЕЛЮ

Москва
25 августа 1954 г.

Глубокоуважаемый товарищ Гурфинкель!

Извините — не знаю Вашего имени-отчества.

Благодарю Вас за доброе слово о моих рассказах, особенно же за присланные интересные соображения о полётах со скоростью, близкой к световой. Я не силён в математике и люблю, когда люди, в ней разбирающиеся, популярно рассказывают мне об особенностях современных математическо-физических представлений. И это очень пригодится мне для задуманного сверхфантастического рассказа!

Что до Вашего замечания об Озере горных духов, то тут я не при чём.

Оно существует, и картина существует, и называется то и другое «Дены-дерь». Я не знаю ойротского языка, но мне кажется, что в нём много монгольских и палеоазиатских слов при общей тюркской основе. Кроме того, «Дены» может быть искажённым «дениз» или «даниз» — озеро, море, по-турецки, т. е. чистейшей тюркской генеалогии.

С искренним уважением и приветом, *И. А. Ефремов*

---

[1] См. примечание к письму И. И. Пузанову от 17 мая 1954 г.

[2] И. А. Ефремов цитирует эпиграмму Ф. И. Тютчева на В. Д. Скарятина.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 7

Москва
19 ноября 1954 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Только что вернулся из сорокадневного отпуска, проведённого на юге, где утешался после обидной неудачи с попыткой высунуть нос в дальние южные места — я имею в виду аргентинскую поездку[1].

Я, конечно, намеревался послать Вам экземпляр медистых песчаников[2], но не раньше, чем получу авторские, которых пока ещё нет, и поскольку Вы приобрели, то, разумеется, не буду (29 руб[лей] экономии). Соответствующий автограф, ежели есть интерес, поставлю при встрече — собираюсь на несколько дней в Лен[инграл]д в начале декабря.

Оттиски монгольских работ ещё не получены[3], но я их Вам всё же передам 2—3 для Ваших сподвижников, на всякий случай. Ожидается выход в свет ещё двух работ, но это будет, наверное, в самом конце года.

Писали ли Вы или посылали что-либо Ватсону? Он не отвечает на письма, м. б., с ним что-нибудь случилось?

У нас пока всё по-старому, т. е. по-старому плохо, и медленно, но верно становится всё хуже. Впрочем, это, наверное, общее для всей Академии наук явление под доблестным руководством пустышки и нахала А. Н. Н и держиморды и невежды А. В. Т., хотя, пожалуй, в невежестве и первый не уступит второму.

Жду разноса по поводу «медистых песчаников».

Как Ваши дела в науке и жизни?

Большой привет Г. Ю. и Вам от Е. Д. и меня.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 8

Москва
29 ноября 1954 г.[4]

Дорогой Лев Исаакович!

Вы не так поняли мою телеграмму. Статью надо «иметь» не к 10, а не позднее 10-го поставить её на учёном совете, совокупно с другими в сборнике. Поэтому её надо получить мне раньше, и не позднее, чем 3-го, потому что я после 6-го сам приеду в Лен[инграл]д для разговоров с Вами и другими по делам «Справочника», и нигде ничего из всех потуг на сдачу в этом году не получится. Привет Алекс[андре] Ив[ановне] и Вам.

Ваш
И. Ефремов

---

[1] См. комментарий к письму И. И. Пузанову от 22 июля 1954 г.

[2] И. А. Ефремов имел в виду свою монографию «Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья» (1954).

[3] Имелась в виду статья И. А. Ефремова «Палеонтологические исследования в Монгольской Народной Республике (предварительные результаты экспедиций в 1946, 1948 и 1949 гг.)», опубликованная в «Трудах Монгольской комиссии» в 1954 г.

[4] Открытка, датируется по штемпелю.

1955

1 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
5 января 1955 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Извините за некоторую задержку с ответом, но мы с Вами поменялись местами. Вы вышли на работу, а я с 22 декабря уложен в постель после припадка ангиоспазма[1]. Если добавить к этому, что порванное сухожилие на правой руке ещё не зажило, то затруднения, связанные с писанием, станут Вам очевидны.

Очень рад, что горгонопс[2] наконец кончен и увидит свет — рассчитываю на оттиск. Ежели выход из печати задержится, то попрошу Вас прислать мне диагноз и копию рисунка черепа сбоку для того, чтобы включить его в справочник. Рукопись справочника[3] должна быть сдана к 1 мая.

Что до парейазавров, то, конечно, ПИН напечатает эту работу[4]. Издают сейчас неплохо, как Вы можете видеть по томам наших «Трудов». Однако предвижу некоторые затруднения у Вас с нашей редколлегией. У нас привыкли диктовать всем авторам писание по определённой форме. Исключение составляю, пожалуй, один я, слывущий автором-анархистом. Думаю, что при известном нажиме со стороны Ю. А. О. сойдёте и Вы за анархиста. Кроме того, Ваша работа не описательно-монографическая, а морфологическая, поэтому мы можем объявить, что инструкция для авторов ПИН к ней неприменима. Ещё один вопрос — объём работы. Если работа с рисунками у Вас не меньше семи листов (самое меньшее — пять), то она пойдёт отдельным выпуском и напечатание ускорится примерно вдвое. Если же меньше, то её надо будет включать в сборник, и она должна такого сборника дожидаться. Но вот сейчас, к счастью, есть такой сборник — он собирается из работ по пермским позвоночным. Если бы мы получили Вашу работу в конце января-феврале, то мы бы прямо включили её туда.

Вы пишете, что отказываетесь от посткраниального скелета парейазавров. Это меня не удивляет, потому что я знал с самого начала наших разговоров об этом, что парейазавров делать Вы не будете, т. е. парейазавров в целом.

---

[1] Сужение просвета артерий, предвещающее ишемическую болезнь сердца.

[2] Статья А. П. Быстрова «Горгонопс из верхнепермских отложений на Волге» была опубликована в «Вопросах палеонтологии» в 1955 г.

[3] Имеется в виду «Каталог пермских и триасовых позвоночных на территории СССР» (1955).

[4] Речь идёт о работе А. П. Быстрова «Череп парейазавра», опубликованной в 1957 г.

Как я пришёл к этому заключению, расскажу как-нибудь при встрече, но это совершенно закономерно.

Теперь разрешите два вопроса:

а) можно ли считать наш парейазавровый материал свободным для передачи его в обработку другому лицу?

б) будете ли Вы изучать парейазавров из коллекции Гартман-Вейнберг как таковых, т. е. с полным описанием, систематической характеристикой и т. п.? У нас есть семь скелетов из того же местонахождения, и я пущу их также в обработку, присоединив, если разрешите, Ваши материалы.

Не откажите в любезности эти вопросы разъяснить.

Что до Вашего избавления от постоянного руководства в кавычках, то, по моему глубочайшему убеждению и сожалению, именно отсутствие хорошего товарищеского руководства обусловило то, что Ваши успехи оказались малы не по способностям.

Все мы становимся с возрастом с какой-то стороны мудрее, и я теперь вижу, что к организации научных исследований, в том числе и своих собственных, Вы никогда не были способны. Если бы к Вашим талантам, работоспособности и широким познаниям приложить бы дальновидную и широкую организацию Вашей работы — мало бы кто мог с Вами сравниться. К сожалению, это своевременно не было понято ни мной, ни Вами, да и не знаю, понято ли это Вами и сейчас. И в результате — удовлетворению самолюбий была принесена в жертву наука, наша наука, где так мало людей по-настоящему действенных и умных. Что Вы погрязли в девонском болоте — беды нет, если это болото будет только девонское[1].

Не сердитесь, дорогой А. П.! Это не осуждение и не упрёки, а спокойная, даже слишком, констатация наших общих ошибок в научном пути.

Желаю здоровья и настоящих успехов. Большой привет Г. Ю.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 2

Москва
6 января 1955 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Примите основное новогоднее пожелание: здоровья на много лет и докторской степени на 1955 год. Поздравьте от меня с Новым Годом и Александру Ивановну, пожелайте ей, кроме обычных здоровья и благополучия, ещё домашнего броненосца, трубкозуба, муравьеда, кобру, рысь и буйвола — всё это, разумеется, в совокупности с новой, достаточно просторной квартирой.

Бумага относительно Вас на имя Александрова была отправлена 28 декабря. От Обручева[2] мною получено окончательное согласие на передачу акуловых рыб Гликману. Пусть он их пишет и по всем вопросам связывается не-

[1] Речь идёт о специализации руководимой А. П. Быстровым лаборатории, которая занималась исследованием силура и девона Ленинградской области.

[2] Д. В. Обручев.

посредственно с Обручевым. В дополнение к оставленной Вам инструкции посылаю выписку протокола нашего совещания (позвоночников).

Одновременно посылаю каталожные номера для монгольских черепах по Вашему списку. Жду от Вас работу о триониксах и Эргиль-обинских черепахах, а также список потребных иллюстраций. Как уговаривались, пришлите заявку на несколько оригинальных рисунков — для будущего, даже если они и не будут в справочнике.

При встрече я забыл Вам рассказать, но, возможно, Вы сами знаете о том, что Трофимов с Эглоном нашли в Молдавии исполинскую черепаху размером уже не в полстола, а в целый стол. Однако из-за трудности препаровки это чудовище так и стоит пока не препарованным.

Отдана в препаровку плевродира из нижнего эоцена, так что к Вашему приезду уже будет готова. Имею для Вас много новых интересных вещей общего характера.

С приветом, Ваш
И. Ефремов

3 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

12 января 1955 г.[1]

Профессору Ф. ХЮНЕ
Институт и Музей геологии и палеонтологии
Тюбингенского университета
(Тюбинген, Западная Германия)

Многоуважаемый коллега!

В ответ на Ваш запрос сообщаю, что одновременно с этим письмом мною посланы Вам некоторые печатные работы, касающиеся палеозойских и мезозойских ящеров, описанных мною и моими коллегами в СССР. Также направляю свою последнюю работу по общим вопросам фаунистической стратиграфии континентальных перми и триаса в СССР. В этой работе содержится наиболее полный перечень описанных форм. В текущем году выйдет ещё одна большая работа «Каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных на территории СССР», и я буду иметь удовольствие послать её Вам, так же как и новый сборник работ по пермским ящерам и стегоцефалам, который также скоро выйдет из печати.

Предварительно сообщаю краткие данные по интересующим Вас формам, которые перечислены в присланном Вами списке.

1. Acrolepis и Platysomus — это рыбы из группы Palaeoniscidae, описанные ещё Эйхвальдом и встречающиеся во многих пермских местонахождениях Европейской части СССР.

2. Scharshengia, а именно, Sch. enigmatica, описана Вами из эотриаса V зоны с р. Шарженги на Волго-Двинском водоразделе.

3. Jugosuchus — лабиринтодонт, описанный А. Н. Рябининым из пермских отложений IV зоны р. М[алой] Сев[ерной] Двины. Систематическое поло-

[1] Датируется по сопроводительному письму ПИНа АН СССР в Иностранный отдел Президиума АН СССР.

жение находки неясно (известна только нижняя челюсть), однако этот лабиринтодонт, видимо, не родствен Dvinosaurus.

4. Enosuchus — стегоцефал не вполне ясного систематического положения, представитель особого семейства, по общему хабитусу близкого к Brachyopidae. Описан Е. Д. Конжуковой по крыше черепа из местонахождения Ишеево, Средняя Волга. Верхняя пермь, II дейноцефаловая зона.

5. Plagiorophus — крупный лабиринтодонт с параболическим черепом, родственный Plagiosauridae Западной Европы и, вероятно, представитель семейства Brachyopidae. Описан Е. Д. Конжуковой из эотриаса V зоны Башкирского Приуралья по обломку затылочной части черепа.

6. Buzulukia и Chtonosuchus — два рода батрахозавров, возможно, представителей нового семейства, близкого к Seymouriamorpha. Описаны по неполным фрагментам Б. П. Вьюшковым из пермских отложений IV зоны запада Чкаловской области (местонахождения Малый Кинель и Пронькино).

7. Chtonosaurus — тероцефал нового семейства Annidae, близкого к Pristerognathidae, описанный Б. П. Вьюшковым из пермских отложений IV зоны западной части Чкаловской области (местонахождение Пронькино).

8. Nyctiboetus — мелкий котилозавр группы Procolophonodae семейства Nyctiphruretidae, описанный П. К. Чудиновым из пермских известняков Шихово-Чирки на р. Вятке близ г. Кирова (II зона по Ефремову).

9. Leptoropha — парейазавроидный котилозавр нового семейства Rhipeosauridae, описанный П. К. Чудиновым из известняков Шихово-Чирки на р. Вятке близ г. Кирова (II зона по Ефремову).

10. Parabradysaurus — парейазавроидный котилозавр семейства Rhipeosauridae. Описан И. А. Ефремовым по челюсти из пермских отложений II зоны р. Камы ниже г. Саратова[1]. Ранее был описан Штукенбергом как Rhodalodon wangenheimi Fischer.

11. Admetophoneus описан И. А. Ефремовым из Каргалинских рудников как самый крупный поздний представитель хищных дейноцефалов семейства Brithopodidae. II зона по И. А. Ефремову или верхний фаунистический комплекс медистых песчаников.

12. Phreatosuchus — представитель нового семейства Phreatosuchidae неясного систематического положения. Вероятно, эдафозавроидные тероморфы. Описан И. А. Ефремовым вместе с другим представителем семейства, близким к Caseidae (из нижнепермской фауны Северной Америки), — Phreatophasma из I зоны верхней перми — самых низких горизонтов медистых песчаников.

13. Phreatosaurus — представитель семейства Phreatosuchidae. Описан И. А. Ефремовым из средних горизонтов медистых песчаников Приуралья.

Все перечисленные выше формы исчерпывают Ваш список. К ним могут быть добавлены ещё стегоцефал Tryphosuchus семейства Melosauridae, описанный Е. Д. Конжуковой из местонахождения Ишеево (II зона); тероцефал Porosteognathus, описанный Б. П. Вьюшковым из того же местонахождения; дицинодонт Rhadiodromus из нижнего триаса VI зоны Чкаловской области, описанный И. А. Ефремовым (ранее описан им же как Lystrosaurus); горгонопс Phthinosuchus, представитель нового семейства Phthinosuchidae, описанный И. А. Ефремовым из средних горизонтов медистых песчаников Приуралья (ра-

---

[1] В письме опечатка. Правильно: г. Сарапула. — *Примечание П. К. Чудинова.*

нее описан как Rhopalodon Seeley). Кроме того, из нижней перми СССР стали известны новые находки: а) стегоцефал Intasuchus — представитель нового семейства Intasuchidae, родственного североамериканским трематопсидам, описанный Е. Д. Конжуковой вместе с другим, родственным ему лабиринтодонтом Syndyodosuchus из нижней перми Северного Приуралья; б) батрахозавр Gnorhimosuchus из семейства Seymouridae, описанный И. А. Ефремовым из нижней перми Северного Казахстана.

Более подробные сведения об указанных формах Вы найдёте в посылаемых Вам оттисках работ.

Мне было приятно узнать, что Ваша большая книга о палеонтологии и филогении низших тетрапод наконец закончена. Я буду и впредь готов содействовать Вам в чём могу для пополнения Ваших работ новыми данными и открытиями, опубликованными в этой области палеонтологами СССР.

С уважением и приветом, *И. Ефремов*

4 И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ

9 марта 1955 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Может быть, среди тысяч дел, Вас ныне обременяющих, Вы снизойдете к малограмотному бывшему начальству и переведете прилагаемый прожект письма к Ватсону. Я получил от него любезное письмо уже давно, и более невежливо задерживать ответ.

С уважением и приветом,
И. А. Ефремов

5 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
14 декабря 1955 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Позволю Вам напомнить, что почти два года тому назад я обращался к Вам по поводу скифской золотой пряжки с саблезубым тигром, но этот вопрос так и остался для меня неясным. На мои же последние письма того времени я ответа не получил (возможно, что они до Вас не дошли) и столь интересовавшая меня переписка, к сожалению, прекратилась. Теперь я вновь ещё раз обращаюсь к Вам с просьбой оказать мне консультацию по одному интересующему меня вопросу. В одном месте я нашёл указание о том, что в тридцатых годах нашего века в северной Аризоне якобы были найдены наскальные изображения вымерших животных и рядом с ними изображение человека; всё это, кажется, представляет картину охоты. Всех изображений три: на одном из них нарисован будто бы динозавр, на другом — мастодонт. Третий рисунок изображает фигуру человека, причем, если считать все три изображения выполненными в одном и том же масштабе, то изображение отвечает гиганту ростом в пять метров. Описание этих наскальных изображений связывают с именем известного антрополога Грдличка. Вам что-нибудь известно относительно этих

изображений? Очень хотел бы получить Ваши соображения по этому сообщению. Или всё это лишь одна из американских уток?

В течение этих лет я продолжал работать над проблемой Атлантиды, в связи с чем просил бы Вас, если располагаете временем, дать согласие рассмотреть мою сводную, популярно написанную работу об Атлантиде. Для меня было бы очень ценным Ваше мнение о могущих быть недостатках и ошибках, и о рациональности издания этой работы. Также просил бы посоветовать, к кому обратиться по такому же вопросу по историко-этнической части моей работы. В случае получения Вашего согласия не замедлю выслать Вам рукопись.

С глубоким уважением,
доктор химических (...)[1]

Москва В-148 Ногатинское шоссе
ЖИРОВ Николай Феодосьевич

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

6

Мозжинка (посёлок академиков)
6 августа 1955 г.

Дорогой Иван Иванович!

Очень обрадовался Вашему как всегда остроумному и брызжущему энергией письму. В последнее время по моим болезням виделся с Вами мало и — так не хватает более длительного общения с Вами.

Я послал Вам стихотворение «Сад Прозерпины»[2], вовсе не надеясь, что он понравится Вам по смыслу, но лишь тщась доставить Вам удовольствие некими красотами стиля. Что до содержания, то оно нравится мне — во мне есть такая грустительная струнка, которая отсутствует в Вашем массивном, цельновырезанном Я...

Здесь, в Мозжинке, я вовсе не потому, что причислен к сильным мира сего, к которым Вам упорно хочется меня отнести. Здесь я — презираемый плебей, снявший дачу до сентября по причине отсутствия владельцев[3]. И вообще, что я сейчас такое? — отставной профессор, уволенный (именно!) из Академии по временной инвалидности на пенсию в 1200 руб[лей] без мундира и квартиры. Хорошо, что временной, а ежели бы постоянной? И от этого было не столь далеко!

Моя временная инвалидность продлится до ноября. За это время я хочу съездить в сентябре-октябре в Коктебель. Может быть, если с литературными делами (книга о Монголии, с которой сейчас вожусь) получится всё как надо, то я задержусь на инвалидности ещё на полгода (есть такая возможность). Тогда, избавленный от дурацкого академического часоотсиживания, я мог бы продвинуть новые рассказы и закончить новую повесть.

У нас усиленно заговорили о сокращении оплаты учёным. Якобы должен быть подписан декрет, по которому ставка старшего сотрудника — 2 тыс[яч], доктора — 3, зав[едующих] кафедрой или лабораторией — 4. Все платы за зва-

---

[1] Эта часть текста подверглась порче, вероятно, там автограф автора письма.

[2] Стихотворение А. Ч. Суинберна.

[3] В 1955 г. Ефремовы снимали часть дачи академика И. М. Майского в Мозжинке.

ние академикам и членкорам должны быть отменены. Это последнее было бы здорово — вся сволочь, которая налезла в Академию, ринулась бы куда-либо, в промышленность что ли, а академический воздух через пяток лет бы сильно очистился!

Однако с уменьшением ставок необходимо отменить и часоотсиживание — раз, дать по-серьёзному больше лабораторий и квартир учёным — два, выписывать множество (именно множество!!) иностранной литературы. Боюсь, что всего этого невежды, коим надлежит сие ведать, не поймут и получится опять неладно. Ну, шут с ними, всё равно неладно, пока лысенкоподобие продолжается. Попадалась ли Вам книга Frank W Lane «Animal Wonder World» и его же «Nature Parade»[1], 1953 и 1954 гг. издания. Там автор собрал много интереснейших зоологических фактов о питании, скорости, силе, сне, заботе о потомстве и т. п. у различных животных. Интересна глава о загадках-зверях, включая снежного человека Гималаев, австралийского тигра из Северного Квинсленда, медведя Найди, гигантскую гиену, чимизета, нунду и чипекве из Восточной и Центральной Африки. Интересно сообщение, что изображения чипекве есть на воротах Иштар в Вавилоне, недавно раскопанных каким-то английским профессором.

Я думаю, что не следует ли перевести оные книги, издав их единым сборником.

Ну, вот видите, сколь длинное письмо, целая статья!

Не откажите написать на московскую квартиру, где я буду в начале сентября, будете ли Вы в Симеизе до октября или обязательно уедете в начале сентября.

Привет Вам от всего семейства. Е. Д. послезавтра улетает на месяц в Казахстан, Аллан — на Кавказе, в экспедиции, коллектором. Один я веду оседлую жизнь и перебираюсь лишь с санатория на дачу!

Ваш неизменно,
И. Ефремов

7 И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Коктебель
17 октября 1955 г.

Дорогой Иван Иванович!

Премного благодарен за то, что не забываете меня письмами и за подарок моей «Алмазной трубы»[2], об украинском издании которой, как водится, я даже не подозревал.

Что до Монголии, то книга о ней не получилась у меня так, как задумывалось[3]. Вероятно, ещё не успело всё как следует отстояться, вернее, мешали отстояться всякие новые задачи и работы. Ведь прежние великие путешествен-

[1] Уолтер Л. Ф. Удивительный мир животных (1963). Парад природы (1954).

[2] Сборник И. А. Ефремова «Алмазная труба» опубликован в Киеве на украинском языке в 1954 г.

[3] И. А. Ефремов имел в виду свою книгу «Дорога ветров».

ники, кроме того, что они великие, были счастливее нас тем, что могли ничем, кроме своих азиатских и африканских дел, не заниматься.

Поэтому, получив от автора экземпляр, не браните его уж очень придирчиво — помните, что автор заранее поднимал лапки кверху.

Сейчас, сидя в Коктебеле, понемногу набираю разбег для звёздной повести[1]. Вещь очень трудная, но тем интереснее. Погода отличная, и здесь очень много народу, так что уединения не получается и нет настоящего сосредоточения. Мария Степановна передаёт Вам самый хороший привет. Приветствуют Вас и Шульцы, только вчера поминавшие Вас тёплым и добрым словом.

Очень меня соблазняет Ваш проект заезда в Одессу на обратном пути, но всё же придётся от него отказаться. Ещё далеко не надёжен я в отношении самой пустяковой выносливости — например, когда добирался сюда самолётом, то начал пропадать при подъёме, не от морской болезни — оная меня не берёт, а от какой-то сердечной немощи. Пароходные сообщения здесь для веселья мало оборудованы[2].

Кроме того, требуют к сроку на переосвидетельствование, а то перестанут платить пенсион, что будет плохо, так как с деньгами временная немощь тоже.

Здесь все увлечены домостроительством — покупают дома, берут участки и возводят саманные строения. Даже Шульцы и те купили дом над морем. Я пока что устоял от этого поветрия, но боюсь, что стойкость эта больше вызвана отсутствием денег и необходимостью сначала оборудовать хорошее жильё в Москве.

Кроме того, мне хотелось бы построиться в каком-либо более уединенном и экзотическом месте, например в Новом Свете или при подъезде к нему, там, на низком мысу, под дорогой, где стоит коробка превосходного четырёхкомнатного дома. Если решить способ подвоза материалов и с кем-нибудь скооперироваться, то можно получить чудеснейший дом прямо над морем.

Иначе же, как на берегу моря, по-моему, строиться не имеет смысла. Вместе с тем хочется иногда и ещё более удалённый дом — например на окраине пустыни Гоби в Монголии или где-нибудь далеко на севере.

А Вы ещё не болели этой болезнью? Или уже давно запланировали себе виллу?

Не порекомендуете ли какой-либо новый и доступный для получения труд по описательной географии Цейлона?[3] Мне это понадобится для звёздной повести. Он там фигурирует у меня в качестве Острова забвения...

В Коктебеле я буду до первого ноября, затем прочно в Москве. Очень завидую Вашему сыну[4] — молодой и под тропиками. Хорошо!

Пишите, дорогой Иван Иванович.

Любящий Вас
Ваш
И. Ефремов

---

[1] Речь идёт о романе И. А. Ефремова «Туманность Андромеды», опубликованном впервые в 1957 г.

[2] Ефремов перефразирует цитату из стихотворения В. В. Маяковского «Сергею Есенину»: «Для веселия / планета наша / мало оборудована».

[3] В 1912 г. И. И. Пузанов совершил путешествие вокруг Азии, посетив и остров Цейлон. Свои воспоминания о Цейлоне, который он назвал «Жемчужина океана», Пузанов опубликовал в книге «Вокруг Азии» (1957).

[4] Речь идёт о сыне адресата Б. И. Пузанове.

8 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Коктебель
17 октября 1955 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Я всё ещё пока на отдыхе — кончаю свой неслужебный период пребыванием в Крыму, откуда вернусь в Москву в первых числах ноября.

Занимаюсь пока потихоньку литературой, но стараюсь не упускать наблюдения и за своей наукой. По этому последнему поводу у меня и возник вопрос к Вам. Знаю Вашу нелюбовь к письмам, но всё же попрошу хоть вкратце мне ответить — иначе мне трудно будет принять правильное решение.

Мне писал Рождественский (жалуясь, между прочим, на Вас, но не слишком), что Вы не прочь избавиться от морских черепах Монголии и передать их для обработки кому-нибудь. Рождественский хлопочет передать их Корнеевой — некоей совсем ещё неграмотной молодой леди, недавно поступившей к нам. Она должна прибыть Вам на помощь в Ленинград, так что Вы уже сами будете составлять о ней представление.

Мне кажется, однако, что эти крупные черепахи, будучи совершенно новой группой, весьма интересны и заслуживают более квалифицированного исследования. Много лет они лежали под спудом науки, дожидаясь своей очереди в Вашей обработке, а теперь Вы хотите отбросить их кому ни попало.

Право, мне становится обидно за черепах и за Монголию, которые были к Вам, по-моему, вполне лойяльны…

Из этих соображений прошу не отказать написать мне, действительно ли Вы не будете в ближайшее время обрабатывать эти материалы. Тогда я подумаю, кому их передать. Я вовсе не хочу оставлять Корнееву без материала, но у нас его очень много, и легко подобрать ей что-либо более посильное.

Как Ваши диссертационные дела? Давно уже ничего не знаю о Вас — болезнь совсем разъединила нас. Большой привет Вам и особый — Александре Ивановне.

Ваш: *И. Ефремов*

9 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
20 декабря 1955 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Я получил все Ваши письма, но так сильно болел больше года, что мне не под силу было отвечать на Ваши всегда интересные, но сложные вопросы. И сейчас я ещё не вполне оправился, однако могу кое в чём Вам помогать, что не будет связано с посещением библиотеки — это пока на полгода ещё не моя роль.

Что до аризонских наскальных изображений, то они мне представляются уткой чистейшей воды — нигде в серьёзной научной литературе не повторялось ничего подобного, а это было бы неминуемо при важности открытия.

Атлантидой я всегда интересовался и с большим удовольствием посмотрю Вашу работу. Однако, чтобы иметь время на внимательное чтение, я просил бы её прислать не раньше второй половины января.

К этому же сроку я проконсультируюсь с моим другом, чл. корр. Академии наук Киселёвым /редактором Вестника Древней Истории/ насчёт консультанта Вам по историко-этнической части. Ведь дать просто узкому учёному сухарю — это значит ничего не добиться — надо, чтобы работа попала к человеку с живым интересом. Киселёв сейчас в отъезде и вернется в начале января.

С искренним уважением:
И. Ефремов

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 10

Москва
23 декабря 1955 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Прежде всего разрешите выразить Вам своё сочувствие по поводу Вашего заболевания и пожелать скорейшего полного выздоровления. Пожалуй, не очень много людей может понимать Ваше состояние так, как понимаю его я, в течение нескольких лет по много месяцев лежавший по больницам и испытавший все удовольствия больничного режима. Я всё же пришёл к выводу, что болеть дома лучше, особенно если знаешь свою болезнь и обладаешь некоторой способностью к логическому мышлению и некоторыми элементарными сведениями по диагностике своих болезней и их лечению. Пока что моё вмешательство в процесс лечения давало для меня лишь положительные результаты, а домашнее лечение (вернее — лечение в домашних условиях) спасло меня от верной смерти. К сожалению, наша медицина ещё очень несовершенна, представители её занимаются больше изысканием философских обоснований и доктринёрством вместо серьезной научной работы; врачи же поликлиник так перегружены канцелярщиной, имеют такую большую физическую нагрузку, что для проведения рационального лечения и повышения квалификации у них не остается времени. Конечно, при лечении в домашних условиях я пользуюсь советами врачей, но отношусь к ним критически; может быть, большим плюсом для меня является то обстоятельство, что я довольно квалифицированный химик, что помогает мне разбираться в выборе лекарств. Если бы вы знали, Иван Антонович, как неграмотны врачи в области фармацевтической химии и фармакологии! Это и является причиной медленного и зачастую неправильного применения новых лекарств. Теперь я уже приспособился к жизни инвалида, она имеет даже некоторые плюсы, если не быть требовательным и не забывать о том, что ты — инвалид. К таким плюсам относится, например, возможность (конечно, в некоторых, довольно ограниченных пределах) заниматься тем, чем хочется и для чего не находилось времени, когда был здоров и работал. У меня к числу таких занятий относится изучение проблемы Атлантиды в те моменты, когда позволяет состояние здоровья.

Очень Вам признателен за Ваше согласие просмотреть мою популярную работу об Атлантиде и оказать содействие в просмотре её специалистами других профилей. Я могу Вам ещё сообщить о том, что мною вчерне уже написа-

на первая часть большой монографии об Атлантиде, но я считаю её пока ещё сырой, да и издавать не хочется — боюсь, что слишком сильно и неузнаваемо изуродуют её редакторы и рецензенты, очень часто не очень разбирающиеся в проблеме, особенно такой сложной и многогранной, как проблема Атлантиды. В порядке информации я позволю себе приложить к этому письму перечень уже написанных глав, чтобы вы имели о ней понятие, что, по-моему, для Вас, интересующегося этой проблемой, представляло бы некоторый интерес.

С глубоким уважением,
Н. Ф. Жиров

АТЛАНТИДА

ВВЕДЕНИЕ. (написано)

Часть 1-я. МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ГИПОТЕЗЫ

Глава 1. (написана)
Атлантида Платона

Глава 2. (написана)
Критический разбор предания Платона

Глава 3. (написана)
Атлантида, Схерия и Тартесс

Глава 4. (написана)
Атлантида и Эгеида

Глава 5. (написана)
Географические мифы и легенды, близкие к преданию об Атлантиде

Глава 6. (написана)
Мифы и легенды о потопе и катаклизмах

Глава 7. (написана)
Пришлые боги-цивилизаторы и герои иммигранты. Средиземноморье и Ближний Восток

Глава 8. (написана)
Пришлые боги-цивилизаторы и герои иммигранты. Америка

Глава 9. (написана)
Загадочные острова и земли Атлантического океана

Глава 10. (написана)
Эзотерическое предание об Атлантиде

Глава 11. (написана)
Легенды о высокой цивилизации атлантов

Глава 12. (написана)
Прочие фантастические гипотезы и фальшивки

Глава 13. (написана)
Гипотеза космического льда

Часть 2-я. АТЛАНТИДА КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 14. (написана)
Атлантический океан и области погружения Атлантиды

Глава 15. (написана)
Геологическое строение и история Атлантики

Глава 16. (написана)
Макронезия и некоторые другие острова Атлантики

Глава 17. (в процессе окончания)
Реальность Атлантиды, её история и гибель

Глава 18. (материал подготовлен)
Атлантида и ледниковые периоды

Глава 19. (материал подготовлен)
Гуанчи.

Глава 20. (материал подготовлен)
Прочие возможные потомки атлантов

Глава 21. (материал подготовлен)
Материальная культура Атлантиды

Глава 22. (материал подготавливается)
Атлантида и антропогенез

Глава 23. (материал в процессе окончания)
Прочие великие трансгрессии антропогена. Лемурия и Пацифида

ПРИЛОЖЕНИЯ. ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ, ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ АТЛАНТИДЫ

Приложение 1. Диалоги Платона: «Тимэй» и «Критий»
Приложение 2. Гомер — «Одиссей» (Одиссей на Схерии)
Приложение 3. Эдда — Волюспа[1]
Приложение 4. Пополь-Вух[2]
Приложение 5. Псевдо-Плутарх: «Об изображении на лике Луны»
Приложение 6. Выдержки из Геродота, Диодора и др. античных авторов

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 11

Москва
24 декабря 1955 г.

Дорогой Иван Иванович!

Давно не получал от Вас никакой весточки, а тут ещё на днях, выйдя на работу, услыхал о Вас недобрые вести. Спешу проверить лично...

[1] Н. Ф. Жиров имеет в виду памятник древнесеверной (исландской) литературы «Старшая Эдда», а именно её первую часть «V ö luspa» — пророчество Вельвы или Велы, представляющее в сжатой форме как бы энциклопедию северной космогонии, мифологии и эсхатологии.

[2] Книга-эпос месоамериканской культуры, памятник древней индейской литературы. Содержит мифические и исторические предания.

Якобы Вы подверглись некоему гонению за статьи и, по-видимому, ещё в большей степени за стихи[1], которые будто бы зачитывались на многих заседаниях. Поскольку Трофимовская клика[2] за последнее время в самом деле как-то активизировалась, то я обеспокоился за Вас.

Напишите, пожалуйста, как обстоит дело, как Вы, что Вы и т. д.

Я переведён был, по возвращению из Крыма, на третью группу временной инвалидности на весь 1956 г. Эта группа даёт право работать, и я вернулся в ПИН, попросив Обручева заведовать вместо меня лабораторией на полгода ещё[3]. Сам пребываю в чине старшего научного сотрудника.

В институте и Академии дела не радуют — в особенности в нашем ПИНе.

Руководства фактически никакого нет, направление работ вперёд неясно — видимо, хотят жить, как большинство академических институтов, по принципу: чего изволите, а вернее без всякого принципа. Народ расхлябался, нет ни товарищеской спайки, ни уважения к тому, что не является непосредственной тематикой данного лица или лаборатории. В общем, мне кажется, что институт идёт к деградации в смысле научных достижений и кадров. Единственно возможной и действенной реформой было бы разделение нас на два института — биологической палеонтологии с морфологией и филогенией и стратиграфической палеонтологии[4], коему место в Отделении геологических наук[5].

Но Орлов нипочём не решится проводить оную реорганизацию, поэтому впереди довольно нудная неопределённость.

Вчера вернулся Флёров из Китая после двухмесячного турне. Рассказывает много интересного, весьма восторженно отзывается о стране. Вообще порассказать Вам нашлось бы довольно много. Когда собираетесь в Москву?

Пишите, дорогой Иван Иванович, мы все по Вам соскучились.

Большой привет Вам от всего семейства.

Ваш
И. Ефремов

---

[1] И. И. Пузанов был автором сатирической поэмы и ряда стихотворений под общим названием «Трофиминиада», в которых высмеивались антинаучные взгляды академика Т. Д. Лысенко и его последователей, и автором научных статей, развенчивающих постулаты «лысенковской биологии», — «Сальтомутации и метаморфозы» (1954) и др.

[2] Так И. А. Ефремов называл Т. Д. Лысенко и его сторонников.

[3] Д. В. Обручев заведовал Лабораторией низших позвоночных ПИНа АН СССР в 1955—1957 гг.

[4] См. письмо Д. И. Щербакову от 27 мая 1954 г.

[5] Так в тексте. Имелось в виду Отделение геолого-географических наук.

1956

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1

Москва
30 января 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Согласно нашей договоренности, посылаю Вам мою рукопись об Атлантиде. Мне кажется, что изложенный в ней материал ещё не появлялся в советской печати и вообще содержит кое-какие и оригинальные мнения, хотя, может быть, я как автор в данном случае субъективен. Очень хотелось бы, чтобы эта работа увидела свет. Если, по вашему мнению, моя работа заслуживает того, чтобы быть напечатанной, я очень просил бы Вас не отказать на себя взять труд по редактированию её, быть может, пригласив ещё того товарища, которого Вы намечаете как рецензента по историко-этнической части проблемы. Был бы исключительно признателен за Ваше согласие. Очень хотелось бы, чтобы изучение проблемы у нас сдвинулось с мёртвой точки, так как труд Екатерины Владимировны Андреевой слишком популярен, а такая работа, как статья Узина, явно халтурного и, по-моему, даже вредного характера.

Затем обращаюсь к Вам за консультацией. В № 55 журнала «В ЗАЩИТУ МИРА» за 1955 г. появилась статья Мартена, в которой он сообщает, что совсем недавно где-то в Америке, в пещере на большой глубине были найдены кости животных, якобы собранных человеком 32 000 лет тому назад. Дата определена методом радиоактивного углерода. Мартен пишет так: «Всё надо начинать сначала, пересматривать все концепции, если не предположить только, что люди, жившие в этой пещере 9000 лет тому назад, сами были археологами и собирали в ней кости животных, откопанные ими в другом месте!» Вы что-нибудь слышали об этом?

С глубоким уважением,
Н.Ф. Жиров

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 2

Москва
31 января 1956 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич,

я получил Ваш труд об Атлантиде и начал его понемногу читать. Первое впечатление весьма благоприятное — интересно и серьёзно.

Я думаю, что работа обязательно должна быть напечатана, но где — это ещё надлежит подумать.

Во всяком случае — передадим сию рукопись (после того, как прочту) настоящему историку и подождём его приговора.

Но пока следует иметь в виду вот что: как-то в Детгизе зашёл разговор о книгах по истории, и я рассказал, что знаю о довольно большой работе по Атлантиде. Историческая редакция Детгиза очень заинтересовалась.

Если Вы не будете возражать, я буду там в середине февраля и тогда поговорю об этой вещи более конкретно. Было бы хорошо, если бы Вы разрешили её показать им — может быть, и стоит адаптировать её для Детгиза, не исключая, разумеется продвижения её по «серьёзной» линии. От Детгиза узнали и в Детском Радио, там заинтересовались возможностью сделать радиопередачу на эту тему (Атлантида), обратились ко мне. Я обещал сообщить Вам, не согласитесь ли Вы или сами написать извлечение для Радио с учетом детского возраста (среднего), или дать им материал, чтобы они извлекли из него сами, что нужно.

Выполняя это обещание, я обращаюсь к Вам, но не могу не заметить, что предложения Радио, также как и газетные, не всегда выполняются, так как очень «конъюнктурны». Впрочем, для детских передач это не столь сильно выражено. Во всяком случае адрес: ул. Качалова 24, комн. 313, детский отдел Радио, Гавриловой Елене Сергеевне.

Что до журнала «В защиту мира», то мне эта статья не попадалась, но я знаю, что журнал печатает подчас вещи весьма халтурные. Попробую посмотреть об этом где-нибудь в более серьёзных источниках.

Вполне достоверно другое сообщение (журнал Нэчурал Хистори, 1955, ноябрь), о раскопках близ Лос-Анжелоса[1], где в холме, вместе с костями мамонтов и других животных, найдено древнее кострище. Анализ углей по радиоуглероду дал возраст 23 800 лет, что на девять тысяч лет удлиняет период появления человека в Америке (15 000 лет тому назад, из Евразии, по прежним данным). Это открытие само по себе — сенсация.

С искренним уважением:
И. Ефремов

3 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Москва
31 января 1956 г.

Дорогой Лев Исаакович,

весьма обрадовался Вашему письму, так как Ваше молчание вместо ответов на запросы по справочнику заставили меня предположить Вашу болезнь. Оказывается, я был близок к истине.

Надо сказать, что тут было немало негодования в Ваш адрес по поводу сроков Ваших разделов справочника, и кредита (в смысле авторском) у Вас более в ПИНе нет.

Статьи для «Докладов» посылайте обязательно, но куда же девались более объёмистые статьи по большим тестудам и трионикcам, давно уже мною смотренные, для которых я резервировал места в двух сборниках последовательно?

В препараторской сейчас Дурненков трудится над «амфихелидой», у которой сохранились полностью две конечности — это широкие когтистые лапы, но сравнительно очень короткие!

[1] Так в тексте. Имеется в виду г. Лос-Анджелес.

Черепа амфихелид Вы можете вернуть с Чудиновым или Татариновым, они сейчас находятся в Ленинграде и, конечно, будут в контакте с Вами. Впрочем, скоро туда поедет и Рождественский, чтобы получить Ваши материалы, т.е. писания по справочнику.

Книгу Люткевича мне здесь купили, так что надобность отпала, о чём не откажите в любезности предупредить Кирилла Борисовича.

Стенограммы Вашего и Хабаковского выступления мне прислали. Надо прямо сказать, что если Ваше было не совсем удачно, то у Хабакова — совсем неудачно. Такое же впечатление создалось у слушавших ваши выступления моих коллег по литературе — Ваше выступление они сочли интересным, хотя и несколько сбивчивым, а Хабаковское — каким-то раздражённым и сбившимся на мелочи, без серьёзного разбора существа дела. В общем, конечно, от всего этого автору мало толку. Конечно, приятно, когда хвалят, неприятно, когда ругают, тем более — заслуженно, но большинство (даже писателей) забывают простую истину — ежели человек пишет в определенном направлении и вкусе, то почти бесполезно стараться привить ему свой вкус или пытаться заставить сделать то, что он по существу своего дарования сделать не может.

Явное дело, ежели бы я да ещё мог лепить характеры и людей, как это полагается в классической литературе, то был бы значительно более крупным писателем, чем я есть. Но тут уж ничего не сделаешь — такова моя позиция по отношению ко всем чрезмерно меня хвалившим товарищам и ругавшим, заслуженно и незаслуженно, и происходит она не из высокомерия, а из понимания своих возможностей как учёного и как литераттора.

Во всяком случае — большое Вам спасибо за хорошее обо мне «внутреннее» мнение, чего, кстати, у Хабакова — нет (выявилось).

Я написал (кажется, уже сообщал Вам об этом) книгу о Монголии — получилось не так уж хорошо, но всё же сносно — можно издавать. Надеюсь, что, несмотря на все издательские надувательства, она всё же увидит свет к середине года. Пишу понемногу и с большим трудом повесть «Туманность Андромеды» — 4808 год нашей эры…

Начинает приобретать реальность монгольская экспедиция — месяца через два это всё станет ясным.

В Ленинград собираюсь, когда минует опасный для меня период — после февраля, и с очень большим удовольствием повидаюсь с Александрой Ивановной и Вами. Передайте, пожалуйста, самый лучший привет Александре Ивановне и примите сами от меня и от всего семейства. Никто из Вас не собирается ли в М[оск]ву?

Искренне Ваш: *И. Ефремов*
(И. А. Ефремов)

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
5 февраля 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Получил Ваше письмо и очень рад, что первое Ваше впечатление о моей работе по проблеме Атлантиды — положительное. Что же касается предложе-

ния о том, чтобы показать мою рукопись исторической редакции Детгиза, то я приветствую его, ибо считаю всякую популяризацию полезной для дела. Вообще я представляю Вам «карт-бланш» в отношении возможностей использования моей рукописи и буду очень признателен за любые формы её продвижения. Конечно, наиболее интересно было бы её продвижение по «серьёзной» линии. Между прочим, присланная Вам рукопись — это третий вариант. Первый был отослан мной в редакцию «Природы», но оттуда я получил ответ, что редакция не находит целесообразным её публиковать, без указания на недостатки или какие-либо иные конкретные причины. Правда, следует сказать, что в ней тогда было много спорных и просто слабых мест, так как она была написана на скорую руку под впечатлением (и по совету) прочитанной мной статьи Екатерины Федоровны Хагемейстер в «Природе». После этого я, значительно переделав статью, добавив ещё ряд фактических данных, отослал её во второй редакции, не очень отличающейся от имеющейся у Вас, академику Владимиру Афанасьевичу Обручеву. От него я получил письмо, в котором он ни слова не возражает по поводу геологической стороны проблемы, но отмечает, что не смог по состоянию здоровья как следует проверить мои цитаты. Судя по некоторым его замечаниям, он рассматривает мою работу скорее как серьёзную, чем как популярную, почему рекомендует ввести текстовую нумерацию на литературные ссылки, а не ограничиваться общими послестатейными, как у меня. Сам же он сторонник Атлантиды в духе своего послесловия к статье Е. Ф. Хагемейстер. Не сочтете ли Вы целесообразным дать мою рукопись на просмотр ещё какому-нибудь специалисту — геологу или геотектонику? Что же касается моей неудачи с журналом «Природа», то не считаете ли Вы, что, может быть, основной причиной был большой объем статьи — действительно, уж очень я «размахнулся». С другой стороны, проблема настолько сложна, что кратко изложить её почти невозможно — получилось бы малоубедительно. Так мне кажется.

Кстати, если Вы будете разговаривать в Детгизе, то между делом упомяните, что у меня подготовлен материал и по второй великой трансгрессии антропогена — Пацифиде, правда, не столь полный и исчерпывающий, как для Атлантиды, так как фактического материала о ней меньше. Но всё же больше, чем у Екатерины Владимировны Андреевой.

Ваше сообщение о раскопках близ Лос-Анжелоса исключительно интересно для проблемы Атлантиды, так как со всей несомненностью свидетельствует о заселении Америки с востока, через Атлантиду, ибо западный путь был прегражден нерастаявшим ледником и оледенелыми Кордильерами. А у ряда индейских племен, например у делаваров, сохранились древние песни о приходе их с восточной земли, об оледенении и т. п. Ещё всегда у меня не выходит из головы золотая пряжка с саблезубым тигром — может быть, Иван Антонович, это пока единственный материальный остаток культуры атлантов?

Если у Вас имеются ещё сведения, подобные калифорнийским находкам, буду очень признателен за их сообщение.

С глубоким уважением,
Н. Ф. Жиров

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 5

Москва
8 февраля 1956 г.

Дорогой Лев Исаакович,

действительно, скорость Вашего ответа меня изумила. Сражён (к несчастью, в этой фрицевской машинке нет восклицательного знака, и я беспомощен в выражении своих машинописных чувств).

Ваше письмо меня очень тронуло, впрочем, я и не ожидал от Вас другого — ведь Ваше отношение к себе знаю и ценю, хотя в некоторых чертах моего естества Вы, по-видимому, меня переоцениваете. Но слаб человек, и это тоже приятно как знак безусловно дружеского отношения.

Противоречие, которое Вы сформулировали относительно героев моих произведений, мне кажется исключительно удачно подмеченным. Именно так — разнообразие сюжетных ситуаций и их однообразная оценка персонажами.

Но всё это писать длинно, и лучше отложить до встречи и изустной беседы.

Я очень рад, что амфихелиды «милые». Но нельзя ли, как только сбагрите окаянный справочник, отдать должное милому и написать в «Доклады». Эта группа какая-то новая, и надо сделать на неё заявку. Что бы там ни говорили о приоритете, но мы не должны упускать случаев заявить свой приоритет в соревновании с капиталистической наукой. Я бы приказывал публично драть на козле за каждый упущенный приоритет — сейчас это политически очень важно.

Что до Корнеевой, то я также думаю, что из неё выйдет толк. Я отозвался о ней прохладно, это верно, но ввиду особых обстоятельств её появления в моей лаборатории и слишком усердного покровительства ей со стороны А. К. Рождественского. Но теперь я вижу, что, как бы там оно ни было, но это человек очень упорный, хороший работник, и своим упорством она в науку выбьется.

Я не хочу её никак вытаскивать — пусть походит «в чёрном теле», ничего кроме пользы для неё же не будет. Но и как-нибудь задерживать её на этом пути считаю себя не в праве, хотя бы человек и не был мне особенно симпатичен.

Выбор для неё темы и прочие Ваши руководительные действа я, разумеется, целиком одобряю — всё это хорошо. Да и как оно не будет хорошо у столь ярого педагога?

Ну вот, всё же не уписался на одной странице.

Пребольшущий привет Александре Ивановне, я что-то давно очень её не видел. Вам всё семейство шлёт привет.

Ваш: *И. Ефремов*

Н. М. ШОМЫСОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6

Горький
9 февраля 1956 г.

Дорогой Иван Антонович!

Посылаю Вам костные остатки из обнажения № 21, слой 8, правый берег р. В. Печоры, собранные мною летом 1955 года. Эти костные остатки надо положить к тем остаткам, которые мной были переданы недавно Елене Дометьевне. Очень уж сильно меня не ругайте, что посылаю остатки в виде таких «прекрасных» сборов, больше так не буду делать.

В различных бегах и хлопотах я не сумел зайти к Вам и проинформировать о моих докторантских делах. Словом, после многих хлопот и мытарств я оказался под крылышком Н. М. Страхова. Он меня принял хорошо и сказал, чтобы я у них на отделе сделал доклад, и в случае благополучного изложения материала я буду по его отделу зачислен. Как видите, Вы были совершенно правы, говоря, чтобы я попытался приземлиться у Страхова. Если Вам представится возможность, то не откажите в любезности поддержать мою кандидатуру при разговоре с Николаем Михайловичем. Я постараюсь не пасть «лицом в грязь».

При возможности прошу Вас об определении печорской фауны.

С глубоким к Вам уважением, сердечно Ваш
Н. Шомысов

P. S. Извините, пожалуйста, что напечатал письмо плохо и мало вразумительно, но это я торопясь.

7 И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Москва
21 марта 1956 г.

Дорогой Иван Иванович!

Вы, конечно, браните меня за предисловие справедливо, но и напрасно. Ведь я французского языка не знаю и перевода проверить не мог[1], а они для художественной выразительности и написали разные «эксцепционнели»[2]. В русском оригинале никакой «исключительности» не было.

И, конечно, так, как Вы предлагаете изменить предисловие, — будет лучше... Но ведь это — Вы! А сам автор что может сделать, если приходится писать о себе? Мрак безыменный в скудоумной голове моей!

Сейчас что-то взялись писать обо мне доклады и предисловия — сразу несколько. Я и не подозревал в себе такой проницательности и мудрости, какая мне приписывается. То, что делаешь, повинуясь лишь глухому инстинкту, в глазах литературоведов становится глубокой проницательностью. Если это так со мной — маленьким человеком, то что же накручено вокруг больших писателей прошлого — воображаю!

Сейчас ещё одно интересно — достигли куда-то мои писания насчёт сравнительной анатомии[3]. Из одной высокой инстанции мне сообщили, что согласны с поставленными мной вопросами и будут ставить их перед Биоотделением АН в его новом составе. Может быть, удастся сделать что-либо в отношении лаборатории или института сравнительной анатомии?

Пошли бы Вы на руководство таким предприятием?

---

[1] Речь идёт о предисловии И. А. Ефремова к сборнику его рассказов, изданному на французском языке Издательством иностранной литературы в 1954 г.

[2] Exceptionnel (фр.) — исключительный, особенный.

[3] Речь идёт о докладной записке И. А. Ефремова о необходимости создания института сравнительной анатомии на базе Палеонтологического института АН СССР, что было им задумано ещё в 1954 г. (см. письмо Д. И. Щербакову от 27 мая 1954 г.) К сожалению, в материалах АРАН разыскать её не удалось.

Чувствую себя по-весеннему плохо — что-то ещё во мне неладно. С писанием тоже не клеится — всё труднее становится совмещать два дела. Может быть, следует мне совсем покинуть Академию или взять трёхгодичный отпуск из неё? Как Вы посоветуете?

Всё, что смогу, конечно, сделаю в Комитете по авторским правам. Мне кажется, что сам комитет заставит издательство уплатить Вам. Во всяком случае — десять тысяч под ногами не валяются. Советую попробовать с комитетом, а там видно будет.

Пока ничем блеснуть Вам в ответ не могу — «Дорога ветров» всё задерживается с печатанием — не везёт. Но в «Молодой гвардии» скоро выйдет мой сборник[1] — рад буду презентовать, тьфу, какое нехорошее слово, простите — подарить.

Спешу отправить письмо, поэтому молчу о разных новостях — об этом в следующем.

Большие приветы и лучшие пожелания от всего семейства.

Ваш всегда,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 8

Москва
14 апреля 1956 г.

Дорогой Иван Иванович!

Увы, приходится Вам всё посылать назад[2].

Дело в том, что Комитет по защите авторских прав занимается теперь только художественной литературой и с наукой никакого дела не имеет.

Я попробовал было доказать, что научно-популярная литература имеет те же права гражданства, что и художественная, но безуспешно.

Единственно, чего я добился, — это упросил тамошнего спеца юридического отдела комитета посмотреть все Ваши материалы, с тем чтобы посоветовать — какова бесспорность и каковы шансы на выигрыш дела судом.

Он продержал десять дней и сказал, что не может высказать окончательного суждения, потому что надо сличать текст старого издания с дополнениями и текст вновь изданной книги, чтобы узнать, какая доля Ваших вставок действительно принята издательством и вошла в книгу. Для такой работы у спеца не было времени. Ему надо было, вероятно, заплатить, но, посоветовавшись с товарищами, я выяснил, что гонорар составит рублей триста, а то и пятьсот. Только за суждение, по-моему, столько платить не стоило, и я забрал материалы.

В общем, всё получилось неудачно, и мне жаль, что эта моя выдумка только затруднила Вас и ни к чему не привела.

В общем, спец сказал, что думает, что можно заставить издательство заплатить, но это будет стоить труда или денег, если адресоваться к адвокату.

---

[1] В 1956 г. издательством «Молодая гвардия» был опубликован сборник рассказов И. А. Ефремова «Великая Дуга».

[2] Речь идёт о переиздании Географгизом книги А. Уоллеса «Тропическая природа», перевод, примечания и вступительную статью к которой подготовил И. И. Пузанов. Первое издание книги было в 1936 г.

Может быть, есть смысл сделать так: сдать всё это дело в концессию какому-нибудь юристишке, пообещав так: выиграет — половина, не выиграет — нет гонорара. Тогда Вы ничего не потеряете, и в то же время кляуза со всякой сволочью Вас минует.

Пока больше ничего не пишу — надо успеть послать на почту. Есть разные новости, но о них потом. А Вы совершенно правы в своих устремлениях, и я бы присоединился к ним с величайшей охотой, но... возраст?

С приветами от всего семейства.

Всегда Ваш
И. Ефремов

P. S. Извините, что подписал за Вас заявление — не очень искусно.

9 И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ

Москва
6 мая 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Пользуюсь Вашей великой любезностью и посылаю данные о столь необходимых мне книгах. Их пока ещё нет ни в одной библиотеке, мне доступной, и даже в Ленинской, в любых фондах. Вот эти три книги:

1. Wiener Norbert. “The human use of Human Beings” (revised edition). Eyre and Spottiswood Publishers, London, 1954.
2. Thomson Georg, Sir. “The Foreseeable Future”. Cambridge University Press, London, 1955.
3. Bartlett M. S. “An Introduction to Stochastic Processes”. Cambridge University Press, London, 1955.

Я не знаю сейчас переводного курса, но общая их стоимость будет примерно рублей шестьдесят, на наши деньги.

Как только понадобится вносить — позвоните, и я немедленно пошлю в кассу Книжного отдела, конечно, через кого-нибудь, так как не стоит, чтобы они знали, что это не для Вас.

Вообще срок заказа книг миновал 1 апреля, но для академиков они делают всяческие снисхождения.

Не откажите принять приветы и лучшие пожелания Агнии Александровне и себе самому от всего семейства.

С искренним уважением и благодарностью.
И. Ефремов

10 И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. и Л. И. ХОЗАЦКИМ

18 мая 1956 г.

Будущее палеонтологии позвоночных.
И. А. Ефремов перед выходом на пенсию в последней экспедиции[1].
Александре Ивановне и Льву Исааковичу на добрую память.

[1] Надпись на фотографии. См. письмо А. П. Быстрову от 20 мая 1956 г.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 11

Москва
20 мая 1956 г.

Профессору Алексею Петровичу Быстрову
На добрую память.

Сия картинка[1], означающая будущее палеонтологии позвоночных, к коему она будет низведена старанием А. П. Б. и его возможных последователей.

Картинка предположительно изображает И. А. Е. в 65-летие, отправляющегося в экспедицию с силами и средствами тогдашнего уровня вертебральной палеонтологии[2].

С искренним уважением,
И. Ефремов

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 12

Москва
2 июня 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Хочу поделиться с Вами некоторыми моими достижениями в области «атлантидных дел». Как я уже писал в последнем письме, я раньше посылал свою рукопись об Атлантиде на рассмотрение академику Владимиру Афанасьевичу Обручеву, который посоветовал мне направить рукопись в географо-геологическое отделение Академии наук СССР, предварительно несколько её исправив. Несколько переработав её и озаглавив: «Великие трансгрессии антропогена. Атлантида», я отослал рукопись в это отделение и на днях получил оттуда ответ, что она направлена в Географгиз для рассмотрения возможности издания её в виде отдельной брошюры. Вам не приходилось иметь дело с этим издательством?

Между прочим, в самых первых числах апреля я получил письмо из редакции журнала «Техника — молодёжи» от т. Хвастунова, интересовавшегося материалами по Атлантиде. В один из следующих дней я ему позвонил в редакцию, в ответ на что он со своей стороны обещал позвонить мне, но потом так и не удосужился. Очевидно, интерес был, как говорят, конъюнктурный, конъюнктура прошла, и интерес исчез.

В заключение я позволю предложить Вашему вниманию миниатюрную фантастическую новеллу «Последнее танго». Это мой первый литературный опыт, написанный лично для себя, и, как можете сами увидеть, по стилю изложения и содержанию достаточно несовременный. Мне очень нравится стиль Ваших произведений, они написаны так увлекательно. Поэтому я очень оценил бы Ваше мнение о моем литературном первенце.

С глубоким уважением, *Жиров*

---

[1] И. А. Ефремов прислал фотографию с карикатуры, опубликованной в «News Bulletin of Socity of Vertebrate Paleontology» (№ 46, 1956 г.).

[2] Палеонтологии позвоночных.

13 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
5 июня 1956 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Давно уже не писал Вам, так как приходилось выжидать результатов с Вашей рукописью. Она долго лежала в исторической редакции ДЕТГИЗа, пока там не решили, что им нужно художественно-беллетристическое повествование об Атлантиде, а не строго научное изыскание. Я посоветовал им попытаться убедить Вас написать художественную повесть об Атлантиде, но, по-видимому, они не решились и вернули мне рукопись.

По существовавшей у нас с Вами договоренности я посоветовался с редактором «Вестника Древней Истории» чл[еном]-корр[еспондентом] С. В. Киселевым и послал Вашу рукопись во Львов к проф[ессору] Лурье — знатоку античности, причем самой древней, чтобы получить от него отзыв на историческую документацию Вашей работы. Он пошлет свои замечания и рукопись непосредственно Вам, так как я скоро уеду в отпуск.

Судя по Вашему последнему письму, Вы уклонились больше в геологическую сторону. Это сенсационнее, но научный костяк всякой повести об Атлантиде, и художественной, и научной — это прежде всего — история. Поэтому просмотреть историческое существо Ваших изысканий и документацию очень важно и пригодится впоследствии.

Я посоветовал редакции «Техники — молодёжи» и «Пионера» обратиться к Вам для получения заметок по Атлантиде. Думаю, что Хвастунов скоро снова свяжется с Вами, наверное, то же сделает и «Пионер».

Я прочитал Вашу короткую «новеллетту» и должен сказать, что Вы владеете словом и образом. То, как вещь написана, мне понравилось без обиняков, но сама вещь не понравилась — в ней нет ещё Вашего голоса, и она напоминает многие где-то читанные иностранные рассказы. Отсюда и внутренняя её нелогичность, столь обычная для иностранщины — с одной стороны — высокая культура, или точнее, эпоха высокой культуры и … танго.

Не в смысле танца — я тоже как раз танго больше всего люблю, а в смысле уровня музыки.

Но, что важнее, писать Вы, по-моему, можете, и надо идти дальше в этом направлении, т. е. писать побольше и разного, но то, что соответствует вкусу, а для Вас это, по-видимому, история и фантастика — области, в чём-то внутренне пересекающиеся…

Извините, если какая-нибудь из моих фраз покажется Вам поучительной — это отнюдь не поучение, а мысли вслух о Вашем творчестве.

Надо ли послать Вам рассказ (новеллетту) обратно или можно пока оставить себе?

Желаю Вам всяческого успеха в хороших начинаниях.

С искренним уважением:
И. А. Ефремов

P. S. На всякий случай адрес учёного, которому послана Ваша рукопись:

Львов, улица Котовского, 4, кв. 5[а], профессор кафедры античности Львовского Г. У. — Соломон Яковлевич Лурье.

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14

Москва
6 июня 1956 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Получил Ваше дружеское письмо и спешу на него ответить, чтобы мой ответ застал Вас ещё до отъезда в отпуск. Очень признателен Вам за хлопоты в отношении моей статьи, буду ожидать ответа от тов[арища] С. Я. Лурье.

Я несколько не согласен с Вами в отношении оценки геологической и исторической сторон проблемы Атлантиды. При нынешнем состоянии вопроса и преобладающем скепсисе в отношении самого факта существования Атлантиды, примером чего может служить безапелляционное заявление доктора исторических наук Ю. В. Кнорозова о том, что никакой Атлантиды не было, я считаю, что прежде всего должен быть принципиально решен вопрос о том, была она или нет, и притом в то именно время, когда совершился по Платону катаклизм. А на это может дать ответ только геология; и, по-моему, геология дает утвердительный ответ. Просмотрев немалое количество работ, в той или иной степени имеющих отношение к Атлантиде (порядка до 300), я убедился, что наиболее отрицательное отношение к Атлантиде наблюдается в кругах историков, этнографов и антропологов. И это понятно — если удастся доказать существование Атлантиды 12 000 лет тому назад, то основательно затрещат очень многие тривиальные, укоренившиеся взгляды этих ученых в отношении, например, ускоренного развития человека и времени создания первых цивилизаций, путей расселения человечества и др. Поэтому сейчас геологическая сторона проблемы важнее исторической — последняя много труднее. Попытки очень большого числа исследователей идти именно по этому пути не продвинули решения проблемы. С другой стороны, Вы правы в том, что очень важно просмотреть историческое существо документации и моих собственных соображений, ибо со стороны историков следует ожидать наиболее резких нападок.

Теперь в отношении моей «новеллетты». Прежде всего не откажите принять отосланный Вам экземпляр в качестве памяти о нашей дружеской переписке. Очень признателен Вам за критические замечания — я в них не вижу ничего такого, что могло бы сойти за поучение. В своё оправдание я могу сказать лишь только то, что писал эту вещь я так, как писалось, иностранщину читал очень давно, в молодости, почему влияние её здесь, пожалуй, не имеет места; просто так получилось. Между прочим, одна из моих знакомых, прочитав «Последнее танго», сочла сначала её за перевод с французского и сказала, что у нас так не пишут. Как видите, есть нечто общее в высказывании её и Вашем. Вы меня (с самого первого письма!) всё «подначиваете» начать писать, и я, может быть, расхрабрюсь и напишу повесть об Атлантиде. Буду надеяться, что Вы не откажете быть моим первым читателем и критиком.

На этом заканчиваю. Желаю хорошо провести отпуск.

С глубоким уважением,
Н.Ф. Жиров

15 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

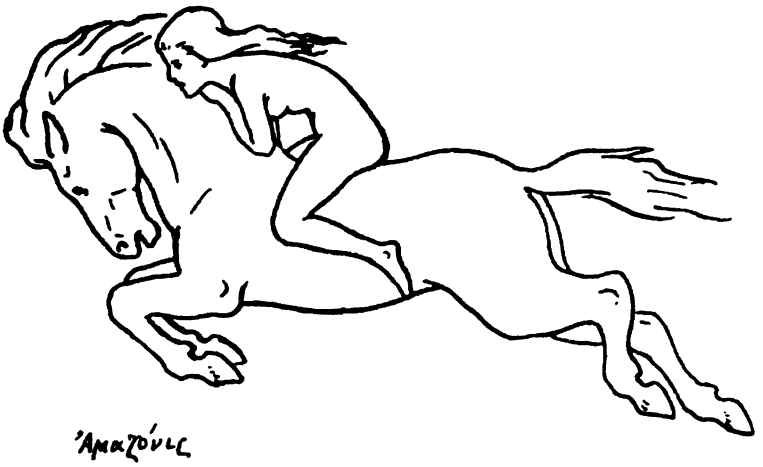
Москва
20 июня 1956 г.

Высокоуважаемому профессору А. П. Быстрову.

Преподношу его любимый вид наземного позвоночного[1]. При повороте этого изображения на 90° отчётливо виден направленный назад угол голеностопного сустава, который профессор Быстров иногда путает с коленным.

И. Ефремов

Профессору И. А. Ефремову, потерявшему коленный сустав. 27.06.1956.



16 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
8 июля 1956 г.

Представляю уважаемому профессору один из аспектов излюбленного достопочтенным профессором Быстровым вида (и пола) позвоночных как доказательство того, что при значительной длине голени и соответствующей позе коленный сустав может быть скрытым[2].

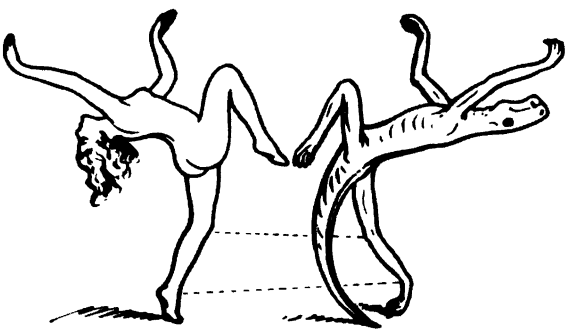
Ефремов

---

[1] На фотографии была изображена изящная девушка в модном купальном костюме. Ответом А. П. Быстрова были два рисунка, отправленные И. А. Ефремову 27 июня 1956 г.

[2] К письму была приложена фотография длинноногой девочки на пляже.

Профессору Ефремову, потерявшему Коленный сустав. 24.01.1961



Балерина и горгоносика.
Тологичные суставы соединены линиями.

А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

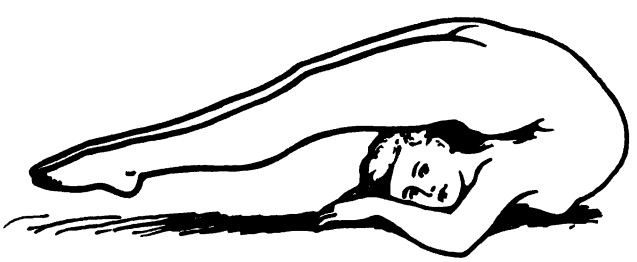
17

Ленинград
14 июля 1956 г.

Профессору И. А. Ефремову.

И. А. Ефремов, очевидно, считает, что профессорское положение позволяет ему утверждать, что бывают такие положения, когда коленные суставы у людей оказываются «скрытыми». Прилагаемый рисунок показывает, что никакое положение тела человека не делает его суставы скрытыми, если... всё открыто.

Быстров



Ленинградка Нина Хорева
(рисунок с фотографии).

18 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ

Москва
20 июля 1956 г.

В знак признания убедительности доказательств посылаю высокочтимому профессору ещё один излюбленный этим профессором вид позвоночного — самый лучший из коллекции[1]! Нижайше прошу обратить внимание:

1. На левой конечности выделяется только голеностопный сустав.

2. Если представить себе согнутую правую конечность прикрытой низким пузом пресмыкающегося, то сразу бросится в глаза выступающий назад угол голеностопного сустава.

С заверением в совершенном уважении.
Многоуважаемому А. П. Быстрову.
Ефремов

19 А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
24 июля 1956 г.

Профессору И. А. Ефремову.

До сих пор в нашей высокополезной дискуссии о колене профессор Ефремов пытался во что бы то ни стало выкрутиться из того положения, в которое он попал.

До выяснения сути вопроса я посылаю рисунок, изображающий то, что могло случиться на одном из курортов США. В этом рисунке для меня важно, конечно, не то, что крокодил у чьей-то «сопляжницы» [украл] штаны, а то, что рисунок не даёт права спекулировать ни на «длине голени», ни на «своеобразии позы», ни на «низком пузе» рептилий...

[1] К письму была приложена фотография чернокожей девушки, убегающей от морской волны. См. комментарий 2 к письму И. И. Пузанову от 20 апреля 1952 г.

Если после внимательного изучения этого рисунка уважаемый профессор Ефремов всё же не найдёт в себе мужества признать свою ошибку, я буду считать себя вправе думать, что он решительно ничего не понимает в морфологии позвоночных.

Быстров

И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 20

Москва
30 июля 1956 г.

Глубокоуважаемый профессор!

Неужели при всей проницательности Вашего ума Вам не было ясно, что поддерживаемая мной «дискуссия»[1] была просто предлогом послать Вам несколько красивых фото симпатичных позвоночных и посостязаться в остроумии с известным остроумцем Быстровым?

Ни «выкручиваться», «ни с мужеством признавать свою ошибку» профессору И. А. Ефремову не надо, ибо он признал её в момент шутливого ответа высокоучёному коллеге и вовсе не старается защитить свою грубо и неумело нарисованную схему.

Кстати, умение рисовать у И. А. Ефремова отлично известно А. П. Быстрову, поэтому нападение на этот незащищённый борт есть открытое пиратство, тем более что для разбираемого в моей книге вопроса эти суставы не имели решительно никакого значения.

Достопочтенный профессор А. П. Быстров угрожает мне считать себя вправе думать, что И. А. Ефремов ничего не понимает в морфологии позвоночных! Но не говоря уже о «праве», И. А. Ефремов думает, что Быстров никогда не сможет так думать, даже если бы очень хотел...

Кстати, вот скопированный Ваш последний рисунок, где я заменил очертания лап аллигатора осевыми линиями... или всё равно — Carthago delenda est[2].

И. Ефремов

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 21

Чикаго
1 августа 1956 г.

Dear Professor Efremov:

Your letter and the accompanying materials arrived safely. I sincerely appreciate your willingness for me to publish summaries and translations of your papers in English. I have nearly completed a summarization of your "Catalogue" and will submit it to the Journal of Geology. I am reducing much of the detail on specific localities and using maps for their locations. I will, of course, give you full credit for the work, but will assume full responsibility for the translation.

---

[1] В литературе переписка И. А. Ефремова и А. П. Быстрова на эту тему получила название «дискуссия о колене».

[2] Карфаген должен быть разрушен (лат.).

I am very grateful for the manuscript that you enclosed. The finds of a captorhinornorph and caseid are extremely interesting. I will await with interest your full description of these materials and hope that other groups that tie to North America will show up. It is gratifying to find that at least our sections do have some degree of overlap.

This spring, as I may have noted earlier, we opened up a new quarry in the San Angelo. At present we have found nine genera, at least four of which are new. They include a Labidosaurikos-like form and three rather small, carnivorous pelycosaurs. The excavations are far from complete. I hope to finish this quarry next spring. It will add materially to the known San Angelo fauna.

With best regards,
Everett C. Olson

Уважаемый профессор Ефремов!

Ваше письмо и сопутствующие материалы дошли благополучно. Я искренне благодарен за разрешение опубликовать краткое изложение и перевод Ваших статей на английский язык. Я почти закончил конспект Вашего «Каталога»[1] и собираюсь представить этот материал к публикации в «Джорнел оф джиолоджи». Большую часть подробностей по конкретным местонахождениям я сокращаю и использую для такого указания карты. Конечно же, я укажу Вас как автора данной работы, но буду нести полную ответственность за перевод.

Я очень благодарен за присланную рукопись. Обнаружение капториноморфа и казеида представляет большой интерес. Я буду с интересом ожидать от Вас полного описания этих материалов и надеюсь, что и другие группы, встречающиеся в Северной Америке, также будут обнаружены. Приятно, что по крайней мере в нашем подразделе есть некоторое соответствие.

Этой весной, как я уже, вероятно, писал, мы открыли новый карьер формации Сан-Анджело. К настоящему времени там обнаружено девять видов, и по крайней мере четыре из них — новые. Это лабидозавроподобная форма и три относительно небольших плотоядных пеликозавра. Раскопки ещё далеки от завершения. Я надеюсь закончить работу в этом карьере следующей весной. Это существенно уточнит знания о фауне Сан-Анджело.

С уважением,
Эверетт К. Олсон

Перевели Маргарита Шахова и Лариса Михайлова

22 И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ

Мозжинка
5 августа 1956 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Памятуя Ваше разрешение обращаться к Вам в затруднительных случаях с письмами — делаю это.

Мне надо написать два нежных письма Ромеру и Ватсону, благодаря их за присылку интересных книг, с надеждой на продолжение. За последнее время я совсем

[1] Catalogue of the Localities of Permian and Triassic Terrestrial Vertebrates in the Territories of the USSR. — опубликовано в Journal of Geology Vol 65, No. 2, 1957, 196-226.

обнаглел и писал письма сам, даже с довольно длинными дискуссиями о стратиграфии и фаунах. Но эти — особо деликатные, так что я их и не берусь измышлять.

В качестве взятки посылаю одну из присланных книг, наиболее детективного характера (мне помнится, что Вы высказывали как-то большее пристрастие к детективам, чем к сайенс фикшен, по примеру Ромера). Ежели понравится — пошлю ещё. Я сам не поспел почти ничего прочитать, т.к. мой отпуск превратился в самую интенсивную работу — только по литературе (звёздная повесть[1]). А как отдыхается Вам? Собираетесь ли в какое-либо заграничное путешествие, что у нас в моде? Я — никуда! Вообще, мне кажется, что у меня сейчас — дорога никуда, если смотреть на жизнь с романтической точки зрения. Но это, конечно, лирика.

Не откажите передать привет Ольге Павловне.

Письма — не имеют никакого особого спеха — когда будет желание перевести и случай их переслать.

Фейтфулли ёрс[2],
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ

23

Мозжинка
19 августа 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович![3]

Большое спасибо за весточку из балтийских мест. Удивлён, что у Вас там хорошая погода — здесь дожди так и не прекращались с самого Вашего отъезда. Льют днём и ночью, холодно — нам привезли уже вторую порцию дров. Дуют сильные ветры и из-за них единственная небольшая беда случилась на даче — бурей сорвало антенну Вашего приёмника. Но через два дня приедет Саша, и к Вашему приезду всё будет починено.

Я не очень сетую на погоду — из-за неё у меня почти нет визитёров, и работа идёт. Рассчитываю закончить, правда, не к Вашему приезду, но к своему отъезду, примерно к 10 сентября.

На даче всё благополучно. Пушок здравствует и явно тоскует по хозяевам. Мы разрабатываем проект постройки ему будки, а то из-за плохой погоды пса приходится пускать в дачу, а он там грешит. Если достанем достаточно большой ящик, то успеем сделать дом псу ещё до Вашего приезда.

Прогноз на осень плохой до середины сентября, поэтому надо пса устроить.

С дорожкой, по-моему, получилось неудачно. Саша с братом возились целую неделю, но, конечно, не смогли пригнать плиты достаточно плотно. Камня не хватило — уложено от кухни до берёзки и оттуда примерно две трети дорожки. Метров пятнадцати не хватило до гаража, и там осталось самое сырое место — низина. Если бы здесь уложить бетонное продолжение до калитки, то, наверное, понадобится больше полутонны цемента. Песок, Вами выписанный, до сих пор не привезли — обещают со дня на день, так как у них мобилизовали

---

[1] В 1956 г. в Мозжинке И. А. Ефремов работал над романом «Туманность Андромеды».

[2] Faithfully yours (англ.) — искренне Ваш, преданный Вам.

[3] Летом 1956 г. И. А. Ефремов и Т. И. Юхневская снимали в Мозжинке дачу у И. М. Майского, который отдыхал в Прибалтике.

грузчиков на уборочную. Оставшийся песок, засыпанный в промежутки между плитами, уже нацело вымыло и осадило дождями, так что в темноте дорожка стала опасной для передвижения, особенно на каблуках (дамских). Мне бы казалось целесообразным заделать все эти промежутки цементом — тогда и дорожка получится прочной, и цемента уйдёт немного.

В остальном как будто всё идёт нормально. Дача вымыта, клубника срезана и выполота, огурцы прополоты — это то, что мне видно при прогулках. Отдыхайте и лечитесь спокойно.

Здесь открылся пресловутый клуб — пока от него польза, что каждый вечер идут кинофильмы, некоторые из них хорошие, чем мы и пользуемся. Любители бильярда тоже выгадали, и Топчиев всё время там сражается. Понимаю, отчего он так ратовал за сохранение клуба…

Большой привет Агнии Александровне от меня и Таси. Вам Тася тоже кланяется.

С искренним уважением,
И. Ефремов

24 И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кемери
22 августа 1956 г.

Дорогой Иван Антонович.

Только что получил Ваше письмо от 19.VIII. Спасибо за столь полный отчёт о даче. Огорчительно то, что Вы пишете о дорожке, — придётся что-то придумывать, когда вернёмся (а это уже близко: рассчитываем попасть на дачу 31-го или 1-го). Ай-ай-ай! Как Пушок нехорошо себя ведёт!.. Но всё-таки мы его любим.

Да, насчёт погоды в Кемери, оказалось лучше, чем [в] Москве. Правда, и тут то и дело поливает с неба, но дожди в Прибалтике какие-то лёгкие и короткие, а лужи необычно быстро исчезают. Бывает и солнце. Недавно ездили в Сигулду — так наз[ываемую] «латвийскую Швейцарию». Остались довольны: очень красиво, и денёк выдался славный.

Усиленно лечимся: ванны, ингаляции, массажи и пр. Как будто бы есть толк, но всё же, как говорится, будем считать цыплят по осени, т. е. уже по приезде в Москву.

Рад, что у Вас работа идёт хорошо. С нетерпением жду момента, когда можно будет с ней ознакомиться[1]. Шлём сердечный привет Вам и Тасе.

[И. М. Майский]

25 И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ

Мозжинка
22 августа 1956 г.

Дир Сэр!

Посылаю Вам ещё (книжки, т. к., вероятно, Вы ту уже прочли). Теперь это будет классическая сайенс фикшен. Вместе с книжкой посылаю письмо Олсона с просьбой посмотреть подчеркнутую синим карандашом фразу. Надо

[1] Речь идёт о работе И. А. Ефремова над книгой «Туманность Андромеды».

ли её понимать так, что он собирается платить гонорар? (За вычетом расходов по переводу). Если это так, то буду просить Вас ещё об одном письме — надо будет ему написать, чтобы он перевел гонорар на книжный магазин, и тогда можно будет получить изрядное количество сайенс фикшен и не фикшен. Тогда составлю таковую просьбу по-русски и снова припаду к Вашим стопам.

Вернусь в Москву10—12 сентября. Тогда расскажу Вам много забавного, особенно покажу документально, как я задал жару англичанам (обществу связи с СССР) — там они оказались по-русски неточные.

Как Ваше здоровье и работа?

С приветом и искренним уважением:
Ваш преданный сотрудник:
И. А. Ефремов

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
4 сентября 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Хочу поделиться с Вами моими достижениями в отношении Атлантиды и прежде всего поблагодарить Вас за содействие в деле популяризации этой проблемы через журнал «Техника — молодёжи». Кажется, как говорил мне тов. Теплов на этой редакции, среди материалов об Атлантиде будет и Ваша статья? В общем, проблеме Атлантиды будет посвящено три №№ подряд: 9-й (сентябрьский), 10-й и 11-й. Кроме моих материалов, там будут помещены также и другие, что обещает быть интересным. Во всяком случае, это хорошо, что проблема Атлантиды будет так широко популяризирована у нас в СССР; это первый случай для этой проблемы у нас.

Если помните, я Вам писал, что моя статья, отосланная в Географо-Геологическое отделение Академии Наук СССР, была оттуда переслана в «Географгиз» на предмет выявления возможности издания её в качестве брошюры. Сейчас это дело окончательно улажено, брошюра включена в план издательства на этот год и пошла в работу. Большой удачей явилось то обстоятельство, что моя брошюра прошла без рецензирования, так как издательство сочло достаточным мнение покойного академика В. А. Обручева и соответствующего отделения Академии Наук в лице, кажется, академика Щербакова. Редактором от издательства тов[арищ] Кумкес Соломон Наумович. Конечно, пришлось рукопись несколько переделать и дополнить, после чего её объем увеличился до шести печатных листов. Я её разбил на такие главы: введение, предание Платона, прочие легенды и предания, Атлантида как геологическая реальность, Атлантида и ледниковый период, Атлантида и историко-этническая реальность, выводы, литература (115 №№).

В издательстве рукопись очень понравилась, и если всё будет в порядке, то в начале следующего года книга поступит в продажу. В общем, Иван Антонович, ждите авторского экземпляра! Вот мои достижения в области атлантологии. А, может быть, Вы что-либо, где-либо читали интересное, что могло бы меня интересовать — был бы весьма признателен за сообщение. Я ведь фактически «безногий», и всякие новости доходят до меня в последнюю очередь и с большими опозданиями. А вы слышали что-нибудь о подводных городах между Сицилией и Тунисом и о рельсовых колеях на острове Мальта, относящихся к доисторической эпохе?

С уважением, *Жиров*

27 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. и И. М. МАЙСКИМ

Мозжинка
15 сентября 1956 г.

Глубокоуважаемые Агния Александровна и Иван Михайлович!

Опасаясь вас не застать до отъезда, спешу письменно поблагодарить вас за ещё одно хорошее лето — не в смысле погоды, а приюта, доброго отношения и отличной работы.

Повесть написана[1] — теперь буду отделывать, а после перепечатки разрешите повергнуть её к вашим стопам для чтения и суждения.

С приветом и искренним уважением,
И. Ефремов

От Таси — большой привет.

P. S. Пользуюсь случаем передать долг Агнии Александровне за клубнику этого года 7 кгр × 15 р. = 105 р.

И. Ефремов

28 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
21 сентября 1956 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич,

я только что вернулся в Москву и очень рад был получить Ваше письмо. Я провёл в подмосковном уединении три с половиной месяца и за это время закончил свою «звёздную» повесть. Никуда не вылезал и поэтому пока ещё не знаю ничего, что было бы интересно сообщить Вам. Если Вы сможете со своей стороны указать какие-либо подробности о подводных городах около Туниса и рельсах на Мальте, то буду Вам очень благодарен.

От души поздравляю, что дело с Атлантидой сдвинулось. Действительно, я написал для «Техники — молодёжи» небольшую статью об Атлантиде, где отстаиваю точку зрения Норова и других ему подобных. Эта статья пойдёт в № 11, как мне сказали в редакции.

От Лурье я получил письмо с отзывом на Ваше произведение, адресованное мне, чтобы не «огорчать Вас». Я всё же думаю, что должен переслать его Вам, потому что Вы не только писатель, но и учёный и главным образом — последнее. Вам ли бояться критики историков?

Эти критические замечания помогут Вам лучше вооружить издаваемую книгу и потому полезны. Что до историков, то их соображения Вы знали и без этого. Сам Лурье сейчас в отъезде, но я думаю, что вернувшись во Львов, он напишет сам, так как я написал ему, что передал Вам его соображения. Письмо С. Я. Лурье прилагаю.

С искренним уважением: *И. А. Ефремов*

---

[1] Речь идёт о романе «Туманность Андромеды».

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

29

Москва
25 сентября 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Очень признателен Вам как за Ваше письмо, так и за приложение к нему — письмо проф. Лурье. Я всегда рад получить от Вас что-либо новое и вообще «поговорить по душам» в письме: ведь я практически «безногий» и не имею возможности личного общения, вернее, обладаю ей в ограниченных размерах. Поэтому я очень ценю переписку с Вами, но, будучи по натуре несколько многословным, боюсь отнимать у Вас время, которым Вы, вероятно, обладаете в довольно ограниченных масштабах.

Прежде всего постараюсь удовлетворить Вашу просьбу в отношении подводных городов между Тунисом и Сицилией и о рельсовых колеях на Мальте. Сведения эти я вычитал в журнале «...»[1] за 1953 г. (стр. 396—7), издающемся в Германской Демократической Республике. Журнал этот научно-популярный, но серьёзный, типа нашей «Природы». Там была помещена статья некоего ....., озаглавленная «К проблеме доисторических скальных рельсовых путей на Мальте». Вот что пишется в этой статье.

Итальянский водолаз Джиованни Родитти некоторое время тому назад утверждал, что на дне моря, на полпути между юго-западным берегом Сицилии и островом Пантеллерия, им были обнаружены два затопленных города, имевшие широкие, симметрично расположенные улицы и высокие мраморные стены. Как доказывает автор статьи, этими городами не могли быть города римской эпохи. Родитти оценивает древность этих городов, очевидно на фоне консультаций с археологами, порядка 6000—7000 лет. Далее автор указывает, что остров Пантеллерия, равно как и Мальта, обладает загадочными руинами храмов и склепами в скалах дофиникийских времён. Древность этих сооружений археологами оценивается такого же порядка, как и подводных городов Родитти: 6000—7000 лет. Но это не единственная загадка этого острова и острова Мальта. Вдоль и поперёк острова проходит система выдолбленных в скалах путей, доходящих до моря и продолжающихся под водой, как показала аэрофотосъемка. Наилучше изучены эти пути на Мальте, причем они обычно не совпадают с современными дорогами, в некоторых местах эти пути удваиваются и умножаются, как на современных сортировочных станциях. Пути представляют собой двойную колею, шириной всегда 1,37 метра и глубиной около полуметра. Углубления конические, в верхней части шириной от четверти до полуметра, имея донную часть в 10 см. Дальнейшие исследования показали, что хотя пути, несомненно, были в употреблении очень долгое время, не обнаружено следов того, что для передвижения по ним загадочных повозок в качестве тяговой силы применялись животные. Ныне жители Мальты, за немногими случаями, избегают пользоваться этими колеями, так как они быстро изнашиваются от железных ободьев и копыт мулов, которые оставляют между колеями правильные впадины. Отсюда делают выводы, что доисторическими жителями Мальты применялись тяжелые деревянные повозки, приводимые в движение босыми людьми. Но со своей стороны я замечу, что ступени многих

[1] В машинописи пропуски — здесь и ниже.

храмов, посещающихся в течение длительного времени босоногими паломниками, носят довольно глубокие следы истирания или износа.

Большая древность путей доказывается тем, что в их расположении были обнаружены гробницы доисторического времени, сделанные позже и датировка которых могла быть установлена. Примечательно, что все пути избегают мест, где были расположены мегалитические святилища. Это говорит против предположения о том, что дороги предназначались для перевозки камней, служивших материалом для строек. Предполагают, что назначение дорог — служить для доставки земли и воды на террасы орошаемого земледелия, как у инков Южной Америки.

Как можете судить, материал весьма любопытный. Но стоит ли в связи с мегалитической культурой Мальты доисторическая цивилизация, недавно открытая в Северной Африке, о чём на днях сообщалось по радио. Вы ничего не знаете из подробностей об этом? Может быть, об этом знают Ваши знакомые — историки? Со своей стороны, я как склонный к фантастике считаю, что по рельсовым колеям Мальты двигались повозки, приводимые в движение людьми, но типа современных дрезин. Вообще же я ставлю в связи с Мальтой эпопею Одиссея, Итака которого находилась, по-моему, на Мальте. Если, как пишет проф[ессор] Лурье, Атлантида — это «Ложный адрес», то не менее ложным адресом является Одиссея, тоже не имеющая с ортодоксальной точки зрения достаточно обоснованного географического базиса. Одиссей — это фигура негреческого эпоса, узурпированная Гомером и нелепо пристегнутая к троянской войне, тоже, кстати, являющейся не греческим, а микенским эпосом. Одиссей — герой западной части Средиземноморья, так же как Геракл, Мелькарт и, возможно, и Гильгамеш. Может быть даже, что все эти полубожественные герои являются одним и тем же лицом — древнейшим мореплавателем эпохи мегалитов, легенды о похождениях которого прошли через века.

Кстати, о письме проф[ессора] Лурье. Как и Вы изволили заметить, это письмо меня не огорчило, так как я знаком со многими такими же мнениями. Я на днях буду писать ему и попрошу сообщить мне, почему же, собственно говоря, легенда абсурдна и в чём заключается эта абсурдность. Боюсь, что, как обычно, историки сошлются на геологов (как это, например, делает Томсон), говоря, что абсурдность в том, что Атлантиды в океане никогда не было. Но оставим на совести геологов установление того, была или не была Атлантида. Но что, если всё же Атлантида была и по странному совпадению погрузилась под воду именно тогда, когда её погрузил Платон? В общем, подожду, что конкретного и опирающегося на факты или неоспоримую логичность напишет мне проф[ессор] Лурье. Следует только с сожалением признать, что, как правило, историки и археологи очень плохо знакомы с палеогеографией и того меньше — с геологией. А следовало бы!

Теперь я имею несколько слов к Вам. В Вашей повести «Путешествие Баурджеда» (цитирую по последнему сборнику «Великая Дуга», вышедшему в этом году) на стр[анице] 24. Вы приводите подлинный текст о книгах Тота («Одиннадцатая из сорока двух великих и тайных книг»... и т. д.). Если Вам не составит труда, сообщите мне, откуда взята эта выдержка. Меня очень интересует Тот, и кое-что о нём я собрал любопытное. Буду очень признателен за сообщение о первоисточнике.

В указанном выше сборнике читал выдержки из Вашей биографии. Между прочим, в ней есть некоторые элементы сходства с моей. Я тоже, как

и Вы, получил своё ученое звание без защиты диссертации, но с той разницей, что доктора химических наук получил, не имея и высшего образования — у меня образование всего семь классов гимназии. Двенадцать лет я служил в Красной Армии, в Артиллерийской школе, где работал лаборантом при химической лаборатории. Много работал у местных киевских профессоров-химиков (я сам киевлянин) в их лабораториях частным образом. Так что в химии я самоучка (специальность — светящиеся составы и вообще химия света, включая и пиротехнику), последние двадцать лет работал в научно-исследовательском номерном институте, а получив инвалидность и уйдя на пенсию, на старости лет возымел нахальство заняться... Атлантидой! Свою первую научную работу напечатал в 1928 г., имею две монографии. Вот моё лицо как научного работника.

На этом буду заканчивать и прошу извинения за многословие и за то, что отнимаю Ваше время. Когда был здоров, знаю по личному опыту, как мало остается времени, а ведь Вы к тому же ведёте огромную литературную работу. Кстати, почему бы Вам не написать рассказ на основе материалов о Мальте?

С глубоким уважением, *Н. Ф. Жиров*

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. Д. КОНЖУКОВОЙ[1] 30

Москва
15 ноября 1956 г.

HELENE KONZHUKOVA HOTELIMPERIAL
AGINCY OF MERCURY TRAVELS DELHI
VSE ZDOROVY ZHDEM ZELUEM U NAS ZIMA

ALLAN TASJA VIK[2]

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 31

Москва
18 ноября 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Прежде всего хочу поделиться с Вами положением с изданием моей брошюры об Атлантиде. В конце этого месяца или в начале декабря состоится вёрстка, а из редакции мне сообщили, что в продажу она поступит в январе месяце следующего, 1957 года. Несколько позже, вероятно, будет выпущено переиздание «Маракотовой бездны» Конан-Дойла с моим послесловием (ведь Конан-Дойл в этом произведении затрагивает вопрос об Атлантиде).

Я ещё 25 сентября отослал письмо Соломону Яковлевичу Лурье в отношении критики Атлантиды, вернее — трудов Платона, но пока не получил

[1] Международная телеграмма, отправленная из Москвы Е. Д. Конжуковой во время её путешествия по Индии.

[2] ЕЛЕНЕ КОНЖУКОВОЙ ОТЕЛЬ ИМПЕРИАЛ/ АГЕНТСТВО МЕРКУРИ ТРЭВЭЛС ДЕЛИ/ ВСЕ ЗДОРОВЫ ЖДЁМ ЦЕЛУЕМ У НАС ЗИМА/ АЛЛАН ТАСЯ ВИК. (Вик — И. А. Ефремов.)

от него ответа. Недавно ознакомился с его переводом фрагментов из Платона в той книге Френсиса Бэкона «Новая Атлантида», о которой он писал в письме к Вам. К сожалению, в самой книге нет ни слова о критике проблемы Атлантиды, а сам перевод оставляет желать лучшего по сравнению с переводом Карпова — много пропусков, есть и другие дефекты. Поэтому его ссылка на этот труд малопонятна, разве чтобы показать свою причастность в какой-то, пусть даже минимальной степени к проблеме Атлантиды. Вообще я был очень разочарован, ожидая чего-либо более вразумительного.

Меня несколько беспокоит судьба моего письма к Вам от 25 сентября с/г., в котором я сообщил Вам подробности в отношении рельсовых путей на Мальте. Я до сих пор не получил от Вас уведомления об этом письме. А, может быть, Вы были нездоровы? Тогда приношу извинения за беспокойство и желаю скорейшего выздоровления.

С глубоким уважением, *Н. Ф. Жиров*

32 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
20 ноября 1956 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Я преступен, потому что так задержал ответ на Ваше любезное и очень интересное для меня сообщение. Но иногда, чтобы, несмотря на все чудовищные помехи, которые ставит жизнь, всё же сделать намеченное, приходится совершать невежливые поступки.

Мне надо было во что бы то ни стало сдать свою рукопись «Туманность Андромеды», и я ушёл с головой в эту работу. А потом — дела с приездом китайских учёных — словом, я только сейчас начинаю немного отходить и чувствовать себя человеком.

Вас интересует бог Тот и откуда мною взята выдержка, приведенная в «Баурджеде?»

Содержание 42 «Душ Ра» изложено во введении к книге Б. А. Тураева «Египетская литература», стр[аница] 9—11, 1920 г. Более подробно те же данные Вы найдёте в монографии (диссертации) Б. А. Тураева «Бог Тот», СПБ, 1898. Само собой разумеется, что по Тоту существует огромная литература, в частности немецкая, но я не копался глубже, о чём часто жалею.

Мне очень нравится Ваш интерес к Тоту. Право, Вы каким-то особым чутьём находите самое интересное в развитии древних культур.

Вышедшая из анимистической религии охотников каменного века, религия и религиозная философия Египта в своем пантеоне зверобогов породила бога науки тогда, когда всё остальное человечество ещё ни о чём идейном не помышляло… И самое интересное, что этот бог был главенствующим в начале развития египетской цивилизации, пока не сформировалось сложное государство с неизбежной абсолютной властью, замкнутостью страны и строгой общественной дисциплиной. Государство необычайно многочисленного для тех времён народа.

Я не удивлюсь, если вскоре получу от Вас письмо, что Вы хотите заняться амазонками и Критом!

Желаю успеха в исследовании бога Тота. Давно пора бы Вам написать историческую повесть или роман. Так мало у нас знающих людей, которые могли бы сделать это!

С искренним уважением: *И. А. Ефремов*

P. S. Только что принесли Ваше письмо. Но все объяснения и извинения уже написаны выше. Ещё раз с приветом и уважением.

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

33

Москва
1 декабря 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Очень признателен Вам за тёплое и дружеское письмо. Вполне понимаю Ваше состояние и занятость в связи с тем, что Вы заканчивали работу над рукописью. Я тоже не так давно был поглощён работой над своей «Атлантидой», которую издательство форсирует; говорят, что брошюра выйдет в свет даже в этом году. Так что ждите от меня авторский экземпляр в близком будущем.

Я несколько задержался с ответом, потому что перепечатывал одну из глав своей большой монографии об Атлантиде, в которой есть материал о боге Тоте. Некогда он Вас интересовал; полагаю, что кое-какие мои соображения о нём не будут Вам неинтересны и сейчас. Поэтому позволю предложить Вашему вниманию эту главу — прочитайте её на досуге. Буду очень благодарен, если после прочтения у Вас будут какие-нибудь замечания или дополнения. Был бы также очень признателен, если бы её прочитал какой-нибудь из Ваших знакомых — историков, кто мог бы затратить немного времени на её предварительную оценку.

Судя по Вашей последней литературной работе, она имеет астрономический уклон. В связи с этим не представлял бы для Вас интерес вопрос о так называемой «гипотезе космического льда» Гёрбигера-Фаута. У меня одна из глав специально посвящена этой гипотезе. Вы с ней знакомы?

Что же касается Амазонок и Крита, то Вы не ошиблись — я уже занимался этими вопросами в связи с Атлантидой, и если Вы не будете возражать, то я как-нибудь пришлю Вам эти главы.

Между прочим, Вы в своём письме писали о приезде китайских учёных. Это, вероятно, были палеонтологи? Не смогли бы Вы при случае запросить кого-либо из своих новых китайских знакомых, не занимались ли они проблемой гигантопитеков? Ведь «зубы дракона», обнаруженные в китайских аптеках Явы, происходили из пещер Юннани. Может быть, китайские учёные нашли более существенные остатки, чем зубы гигантопитека? Или эта проблема их не интересует, так же как и наших антропологов?

В отношении того, чтобы написать роман или повесть, то чувствую какую-то неуверенность — ещё мало знаний и мало материалов, боюсь, что получится либо слишком сухо, либо будут иметь место ляпсусы, так как область для меня ещё новая. Что вы могли бы мне посоветовать?

С глубоким уважением,
Н. Ф. Жиров

1957

1 И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ

14 января 1957 г.

Глубокоуважаемый Димитрий Владимирович!

Не откажите поддержать моё ходатайство в Дирекцию о прибавке зарплаты М. Ф. Лукьяновой. Сейчас есть возможность просто перевести её на освободившуюся из-под Яньшинова единицу, а на её место — Суханова и тем самым подтянуть его по зарплате к Яковлеву.

М. Ф. — единственная из старых работников высокой квалификации, которая осталась «неповышенной» за многие годы. Пятнадцатого января исполняется двадцать лет её работы в ПИНе — было бы хорошо издать приказ как раз к этому моменту. С Ю. А. и с Малеевым я уже договорился об этом.

Второй вопрос — не откажите написать в Дирекцию, что надо командировать в Ленинград на сессию ВПО Вьюшкова и Чудинова, а если есть ещё средства, то и Татаринова — ему очень хорошо бы послушать тоже такие злободневные биостратиграфические вопросы. Сейчас как раз выписываются командировки, и надо не опоздать. Я сделал бы сие сам, только принеся Вам соответствующий документ на подпись, но немного захирел. Вьюшков приедет из отпуска специально, чтобы поехать на сессию.

С искренним уважением:
И. А. Ефремов

2 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

1 февраля 1957 г.

Многоуважаемый товарищ Устименко!

Отвечаю Вам с большим опозданием, потому что был в командировке, а не потому, что Ваше письмо было для меня неинтересным. Наоборот, оно мне очень понравилось, и во многом из того, что волнует сейчас Вас, я узнал давно прошедшие дни и самого себя. Сказать «понравилось» — это неточно, нет, Ваше письмо сильно тронуло меня. Ведь почти совершенно так же, с поправкой лишь на разность эпохи (наше «возрастное» расстояние в тридцать с лишним лет — это ведь срок жизни одного людского поколения) и я мечтал о дальних странах, беспокоился о будущем человечества и страдал от первых столкновений с истинной неприглядностью жизни.

Помню, как в холодном и голодном Петрограде 1921 года я забирался в громадную пальмовую оранжерею Ботанического сада и там, сидя на чугунной скамейке, вдыхая влажный и тёплый воздух, грезил о тропиках…

Помню, как в промежутках между тяжёлыми работами на всяческих погрузках и выгрузках пробовал писать свой первый роман, кстати, так же, как и Вы — об Атлантиде, и как очень быстро, увидев свою беспомощность, прекратил занятие литературой на добрых восемнадцать лет.

Помню… да впрочем, можно очень многое рассказать в том же роде. Это называется романтикой и говорит о том, что у человека существует свой особый угол зрения на жизнь. Он относится к ней серьёзнее, чем другие, и, с другой стороны, более неустрашимо, так как понимает, что истинная ценность явлений жизни для человека зависит прежде всего от глубины и силы переживания, впечатления, которое оно даёт. Это обуславливает и очень лёгкую, в сравнении с другими, ранимость, чувствительность, а с другой — более лёгкий и радостный путь по жизни. Последнее в том случае, если есть врождённый дар — достаточный запас силы и выносливости, ибо романтик прежде всего самому себе доставляет бесконечное количество жизненных затруднений. Заглядывание на «другую сторону» жизни даром не даётся.

Когда-нибудь я напишу о своих первых плаваниях на Тихом океане, о том, как восемнадцатилетний матрос, попавший в плавание со всякой шпаной на убогом корабле, сумел отстоять своё достоинство благодаря врождённой силе и боксёрскому умению, как он за краткие стоянки увидел в Японии гораздо более интересное, чем портовые кабаки и проститутки, а также впервые смог понять ещё не то, куда ему надо идти в жизни, но какой стороны её держаться (я имею в виду сторону эмоционально-психологическую).

После этого плавание на Каспморе было сплошным праздником, и всё же, когда позвала наука, я ушёл в неё. Оттого я думаю, что Вам не страшно поработать моряком (впрочем, Вы — военный, значит — послужить). Мне кажется, что у Вас есть литературное призвание, но горе Вам, если Вы слишком рано пустите его в ход, не сумев ещё, как Вы совершенно правильно выражаетесь, создать самого себя. Как это понимать, мне кажется, что так — приобрести свои взгляды на любое явление жизни и своё отношение, основанное на личном опыте или, что так же очень важно, глубоком продумывании и прочувствовании опыта мировой культуры. Приобрести мудрость, которая не есть только знание, а «чувствование», которая даётся больше страданием, чем радостью, часами тоскливого раздумывания, а не победной борьбы.

Вы — молодец, когда говорите о товарищах как о хороших людях, несмотря на то, что они Вас не понимают. Они в самом деле — превосходные люди, но без той струнки в душе, которая звучит, отзываясь на обычно незаметные стороны жизни. Раз Вы так говорите, значит, у Вас нет зазнайства, нет представления о своей какой-то исключительности, ибо романтический дар — это, скорее, слабость и невзгода, чем сила. Однако, всё в жизни диалектика — где слабость — там сила, где сила — там слабость, и мало, очень мало мы её, эту диалектическую правду жизни, понимаем, хотя и много об этом говорим.

Ну, об этом можно бы написать Вам целый трактат, а я, к сожалению, лимитирован во времени, как бы ни торопился, и как бы ни трещала моя машинка.

Ваши тревоги за человечество мне также понятны, и в них Вы совершенно правы. Если смотреть на вопрос без официального благодушия, то надо прямо сказать, что человечество подходит к своему кризису. Дело не столько даже в атомных опасностях, сколько в том, что дальше так жить нельзя. Капи-

талистическая система изжила себя, религия — тоже, потому что гигантские массы всё растущего человечества требуют чтобы жить — новой экономики, нового государственного устройства, новой морали и воспитания. И, если важно переустройство экономики, то не менее важно и создание нового человеческого сознания, чтобы ею, этой новой экономикой, можно было управлять. Вот мы и пришли к выводу — если человечество не поймёт этого и не станет бесповоротно на путь создания высшего коммунистического общества, не сумеет решительно перевоспитать себя, создав новых людей — тогда оно будет ввергнуто в такие пучины голода и истребления, о каких мир ещё не слыхивал. Я не пугаю Вас — Вы сами поняли это же самое, только выразили его по-другому, поэтому Вам понятое не страшно. Известный враг — это материал для размышления, как его бить. Но как написать об этом для всех — пусть хороших, но разных? Я сам, пожалуй, только к полусотне лет научился простой мудрости — если у человека нет соответствующей жилки в душе, чтобы откликнуться на Ваши мысли, он не поймёт, как бы красиво и сильно ему об этом ни говорили…

Вот почему непросто об этом написать — надо, чтобы это понимали и там, иначе кроме впечатления о том, что какой-то испугавшийся интеллигент и других пугает, ничего хорошего не выйдет… Ну, об этом мы как-нибудь ещё поговорим при возможной встрече…

А сложных проблем в мире становится всё больше, и нарастание их идёт, как в музыке говорят, крещендо, вместе с ростом населённости земного шара.

Кое-какие из этих вопросов я затронул в новом романе «Туманность Андромеды». Сокращённый вариант, печатающийся в «Технике — молодёжи», к сожалению, сильно утратил своё эмоционально-научное звучание, осталась линия приключенческая. В полном виде книга выйдет в «Молодой гвардии» осенью… если выйдет.

Но всё же Вы совершенно правы, что писателям надо писать об этом и много, и убедительно, чтобы люди могли легче понять единственный и неизбежный путь социалистического преобразования мира. А настоящих книг об этом ещё нет у нас. Всё как-то обращено к прошлому, а не к будущему, да и настоящее даётся как-то плосковато, без серьёзной перспективы.

Что ж, это будет делом уже Вашего поколения — лет через десять и вы выйдете на арену серьёзного осмысления настоящего и грядущего, которое должно быть литературой.

Однако пора заканчивать. Вы затронули в своём письме так много разных вопросов, что на всё никак не ответить сразу так полно, как бы это хотелось. Пишите ещё, буду рад помочь Вам, чем смогу, в поисках пути по жизни. Да, собственно говоря, порт назначения Вам, пожалуй, ясен, а прокладка курса должна происходить так, чтобы при всех обстоятельствах было время на размышления и на получение знаний. Послужите на флоте, наберётесь жизни, потом как сложится — или пойдёте в торговые моряки, или поступите в ВУЗ на исторический факультет и, вероятно, всё равно будете писать. Хорошо бы, если бы это случилось после тридцати лет или около этого. Ведь это как ранняя женитьба — ни глубины чувства, ни понимания красоты — отсюда и страсти настоящей нет… проходит плоско.

Попадались ли Вам такие книги: К. Паустовский. Романтики. Изд. 1935 год; Р. Кэрс. Горизонт. Изд. 1928 г. Г. Уэллс. Люди как боги. Изд. 1925—

1930 годы. А. Грин. Бегущая по волнам (переиздана совсем недавно разными издательствами). Это мои любимые книги, сыгравшие большую роль в жизни. Интересно, как бы Вы отозвались о них?

Прилагаю свою маленькую фотографию, но на ней я моложе, чем сейчас, после сильной болезни 1955 года, когда постарел и потолстел. При случае пришлите мне свою — очень интересно, какой Вы.

С искренним уважением,
Ваш *И. А. Ефремов*

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3

Москва
28 февраля 1957 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Прежде всего разрешите поблагодарить Вас за оказанное внимание высылкой Вашей «Дороги ветров». Я с большим интересом и удовольствием прочитал её — ведь так давно я не читал дневников путешественников! С ещё большим интересом я читаю сейчас Вашу «Туманность Андромеды», так как, будучи с детства фантазёром, и к старости не потерял вкуса к фантастической литературе. Когда-то я перечитал всё, что вышло на русском языке. Жаль, конечно, что приходится сильно растягивать удовольствие, поджидая каждый следующий номер «Техники — молодёжи».

К сожалению, я не могу сейчас ответить Вам тем же: моя «Атлантида» задержалась и выйдет лишь в марте месяце. Виной, конечно, её автор, всадивший много дополнений, вследствие чего пришлось изменять набор и печатание вышло из графика типографии.

Я очень внимательно читал Вашу статью в дискуссии об Атлантиде, что имела место в «Технике — молодежи». С очень и очень многим в ней я не согласен, и одно время даже хотел писать Вам письмо, но потом решил, что так как всё это изложено гораздо более подробно в моей брошюре, то будет лучше всего представить её в качестве возражения. Когда вы её получите, Вы сами убедитесь, что она довольно существенно отличается от того черновика, который некогда я Вам прислал. Между прочим, С. Я. Лурье, по-видимому, счел ниже своего достоинства вступать в дискуссию с каким-то дилетантом Жировым, и от него я не получил ни строчки. А жаль, хотелось бы услышать что-нибудь оригинальное из критики платоновой Атлантиды, а не перепевы устаревших взглядов иностранных историков и лингвистов! Интересно, где напечатаны его работы по расшифровке критских письмен.

Между прочим, получили ли Вы моё последнее письмо от 1 декабря 1956 года?

Не буду задерживать Ваше внимание и заканчиваю.

С глубоким уважением,
Н. Ф. Жиров

4 И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

3 марта 1957 г.

Дорогой Иван Антонович!

Посылаю Вам свою «частную рецензию» на Ваш роман «Туманность Андромеды»[1]. Как бы Вы ни отнеслись к тем или иным моим замечаниям, об одном убедительно прошу: облегчите текст от многих слишком научных терминов, а что нельзя снять, объясните. От этого роман сильно выиграет.

Если позволите, рукопись я ещё немного задержу, так как с ней хотела ознакомиться А. А.

Получил на днях «Дорогу ветров» — большое спасибо. Ещё не успел прочитать, но сделаю это в ближайшем будущем.

Сердечный привет от нас Е. Д. Крепко жму руку.

И. Майский

5 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Старая Руза
19 марта 1957 г.

Дорогой Борис!

Разрешите мне называть Вас так — у меня сын примерно одного с Вами возраста, 21 год, геолог, студентишко…

История с бандеролью ничего загадочного в основе не имеет. Я уехал в санаторий под Москву и поручил дочке отправить Вам книги бандеролью, в которых письменные вложения запрещены. Написать сразу вовсе не было времени, и я отложил сие дело до того, как отдышусь немного в санатории. Разорванный конверт — это просто грубая работа почты, где швыряют бандероли как попало. Почти всегда, если книга тяжёлая, конверт приходит разорванным. Вот и всё.

Обязательно постарайтесь достать книгу Паустовского «Романтики»[2] — она издавалась только один раз, в ГИХЛе в Москве, 1935 г. Пожалуй, в библиотеках Вы сможете её найти. Там Вы отыщете многие ответы на волнующие Вас, как и всякого романтика, вопросы.

Мне трудно, хотя и хочется, отвечать последовательно на всё, что Вы пишете. Для этого потребовались бы целые трактаты. Думаю, что когда-нибудь мы всё же встретимся и поговорим. Хотя и поговорить не так просто — не будет настроенности — и разговор не состоится, так, пустяки, обмен общими фразами. Иногда от застенчивости человек загораживается стеной, иногда что-то помешает, причём совершенный пустяк — взгляд или интонация покажутся неприветливыми, почудится насмешка и — готово! Всё пропало. Ну, будем надеяться, что у нас окажется достаточно времени.

Я не смогу ответить Вам на всё, но буду писать по ходу Вашего письма то, что вспоминается, пусть не совсем точно в кильватер, но на параллельном курсе с Вашими высказываниями.

---

[1] Упомянутая в письме рецензия отсутствует.

[2] Роман К. Г. Паустовского «Романтики», не являясь в прямом смысле автобиографическим, был для писателя своеобразным лирическим дневником.

Прежде всего — не тратьте время, чтобы спрашивать меня, читал ли я то или другое, говорите прямо о книге так, как если бы Вы были уверены, что я её знаю. Трудно для молодого читателя, да и вообще для читателя, пользующегося обычными библиотеками, назвать книгу, которую бы я не читал, если она мне понравилась, или бы не просмотрел, если не понравилась. С иностранной литературой тут хуже — большие пробелы, хотя английскую знаю довольно прилично. О восприятии Вас не беспокойтесь — в Вас ещё нет ничего особо профессионального, рано, да и разговор наш не о том. Поэтому для меня Вы — юноша, врождённый романтик, стремящийся понять своё будущее место на Земле, так же как для Вас я — просто старший собеседник. Вряд ли Вы чувствуете во мне профессора, доктора наук и прочие там мои звания, которые для серьёзного-то разговора не более как мишура.

Что для Вашего настроения, то позвольте высказать следующее:

Не помню, какой из великих сказал, что хорошие люди испытывают от жизни преимущественно печаль. Поймите правильно — преимущественно и печаль, т. е. благородный вид тоски. Вооружающий, а не разоружающий. Помните? «Мне грустно и легко. Печаль моя светла, печаль моя полна тобою»[1]. Именно так!

Ваш возраст — трудное время, и Вы даже сами не понимаете, насколько. Да и мало кто понимает, иначе молодёжь у нас ставили бы в особые условия работы, соответствующие физиологически психологии возраста. Вы очень болезненно воспринимаете удары жизни, потому что ещё очень эгоцентричны и судите только от себя... Поэтому закономерная диалектика жизни — «где сила, там и слабость, где слабость — там сила», или «хватая одно, Вы обязательно теряете другое» — эти простые положения не поняты, не прочувствованы, и всякая утрата кажется навсегда, ошибка — вечным стыдом, ошибка друга или любимой — отвращающим Вас позором. Так и рубите Вы жизнь на прямоугольные куски, стараясь отделять правильное от неправильного, мучаясь из-за того, что оно почти неуловимо, ещё не чувствуя, что правильное сейчас, сию минуту, может через час обернуться издевательством... Я не говорю, что всё это в таком точно виде есть у Вас. Речь об условиях возраста, в той или иной мере свойственных огромному большинству. Да и Вы вот в общем правильно говорите, что человек, особенно девушка (потому что мы девушку ставим на пьедестал — это неизбежная черта романтиков), быстро исчерпывается при близком знакомстве.

Но не забывайте, что это значит — исчерпаны не только девушка, но и Вы также. Вы уже не даёте и не находите нового, а повторяете объятья и поцелуи — они ведь быстро кончаются! Помните об этом, и избежите многих досадных жизненных промахов...

Извините за наставительные обороты — так легче мне писать. Но я вовсе не думаю предписывать Вам что-либо — абсолютно правы Вы (и этим очень мне нравитесь), когда пишете, что должны идти своим путём. Именно так, а мои рассуждения пусть будут для Вас «Альмукантарат» (круг равных высот), помогающий штурману определиться по звёздам, встреченным на своём собственном пути.

Мы часто склонны осуждать людей за ошибки, происходящие от столкновения с жизнью их личных особенностей. Например, тонко чувствующий и сильный

---

[1] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...».

юноша, здоровый, с горячей кровью, всегда будет покорен голосу пола, и эта сторона возьмёт от него много сил, времени и чувств. Но как иначе? Зато если эта сильная физиология повернётся на творчество, на любое дело — тут недостаток станет весьма положительным. И девушка — если она — настоящий, сильно чувствующий человек, и тоже с горячей кровью, как легко ей попасть в беду, если она к тому же красива. И все её осудят, назовут гнусным словом — только за то, что она смело пошла навстречу зову жизни, усиленному её личными особенностями. И эта же черта — т. е. покоряющая страстная власть — у холодной расчетливой эгоистки заставит Вас пластаться у её ног, моля о том, что не может Вам дать самая лучшая, но не обладающая силой страсти женщина.

Поэтому Вы неправы, говоря, что человек — только продукт среды. Это верно и очень даже, но с поправкой на врождённые особенности, от которых не уйти никоим образом. Они не важны на низком уровне развития, но чем развитее делается человек, чем большего хочет он добиться — всё равно — в добыче угля, в спорте, в любви, в науке или литературе, тем большее значение приобретают врождённые особенности и дарования. Правильно понять их — это большое дело для всей жизни! И надо отбросить неверный лозунг, долгое время оправдывавший многих бездельников учёбы — «нет плохих учеников, есть плохие учителя!». Нет, есть и будут плохие ученики, но это вовсе не значит, что плохой ученик не окажется чемпионом плавания или открывателем недоступных вершин гор... В этом он будет отличным учеником, надо найти и определить в нём эту струнку, а, великие боги! как не приспособлены для этого наши школы и наши учителя! Мы много болтаем о Павлове[1], но ни одному болвану из Академии Педагогических Наук не пришло в голову воспользоваться на деле всем тем, что даёт современная наука. А всё от невежества!

В прирождённых особенностях — объяснение разности людей, и эта разность усиливается средой обитания, которую сам человек тоже изменяет, реагируя на неё не одинаково, а соответственно врождённым особенностям. Разумеется, что немалое значение имеет и случай, и то, что мы зовём судьбой, а что на самом деле является на 75% социальной обстановкой, т. е. тем социальным уровнем, в котором воспитывается человек. И всякий непорядок в социальном устройстве прежде всего выражается в том, что случайные, неспособные люди попадают на посты в жизни, которые они никак не могут занимать ни по способностям, ни по моральным качествам. В этом главная трудность создания хорошего общественного устройства во всех сложнейших разветвлениях высшей и сложнейшей формы общества — социалистического.

Важнейшее достоинство Вашего возраста — это ощущение безграничности жизни, огромного времени и возможностей, отпущенных Вам. Поэтому юность может безрассудно тратить силы и время на собирание крох красивых ощущений, предаваться сильнейшим переживаниям по поводу того, что неромантическим людям покажется форменным пустяком. Но так и нужно — как же иначе, как собрать свой венок, как вырвать красоту из тягучей и не всегда удачной жизни, как получить к пожилому возрасту драгоценный опыт правильного выбора людей, поступков и вещей? Опыт, впоследствии заменяющий столько сил, что и без юной энергии можно жить по-молодому — ведь в этом и есть секрет нестареющих душ...

---

[1] И. А. Ефремов имеет в виду открытия физиолога И. П. Павлова.

И всё же — мой возраст, например, стремится уже к другим оттенкам поэзии, чем Ваш. Милее становятся строки:

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, событья, мечты, корабли...
Я ж уношу в своё странствие странствий
Лучшее из наваждений Земли...[1]

Или нежная тоска об утраченном:

Общая матерь-Земля, будь легка над моей Айсигеной,
Ибо ступала она так же легко по тебе![2]

Но пока хватит. Написано уже много, а некоторые вопросы Ваши остались неотвеченными. О цыганах — цыгане народ индийского происхождения, и их язык на $^3/_4$ — хинди. Ореол романтики вокруг них — от контраста тоски горожанина или вообще человека, привязанного к месту службой, домом, семьёй. А по законам диалектики их жизнь имеет множество отрицательных черт — вот три главные — невежество, грязь, воровство. Но цыгане культурные — замечательный народ, у них много отличных качеств, особенно в цыганских жёнах, которых воспел какой-то наш поэт, сейчас не могу вспомнить какой.

Ещё вопрос: В. Иванов, писавший обо мне очерк, никак не мог быть моим рабочим. Это Валентин Дмитриевич Иванов, замечательный писатель, инженер. Найдите в библиотеке его книги: «Возвращение Ибадуллы», «Повести древних лет» и последнюю, только недавно вышедшую, «Жёлтый металл». Останетесь довольны!

Мне очень понравилась Ваша оценка присланных книг и особенно — любимой моей «Бегущей»[3]. Вы правильно ухватываете сущность, значит всё будет в порядке и с другими книгами. Достаньте ещё Грина: в сборнике «Избранное», вышедшем в 1954 или 55 г. («Сов[етский] писатель», Москва) есть и другие его изумительные вещи: «Алые паруса», «Сердце пустыни», «Жизнь Гнора», «Синий Каскад Теллури» и другие.

Думаю, что прощаться со мной ещё рано, пишите о себе и о книгах, и не надо, чтобы было за что-то стыдно. Ведь переписка — свободная вещь. Можно совсем не ответить, можно — тремя строчками. А если я написал Вам целый рассказ по объёму, значит, я тоже что-то нахожу в Ваших письмах, хотя бы ту живую и хорошую душу, для которой жизнь как-то подчас сама открывает двери. У меня самого были такие интересные случаи и совпадения, что прямо невероятно...

Не сетуйте, если я не смогу Вам подчас ответить сразу. Знайте тогда, что я нахожусь в цейтноте, как это бывает у шахматистов и очень часто — у учёных. Ведь я — не свободный писатель, а учёный. Но с опозданием я всё же смогу Вам всегда отвечать.

---

[1] Строки из стихотворения М. А. Волошина «Выйди на кровлю. Склонись на четыре...» из цикла «Киммерийская весна».

[2] Стихотворение Мелеагра в переводе В. Я. Брюсова, ставшее эпиграфом к стихотворению Г. А. Шенгели «Айсигена»:

Общая матерь, земля, будь легка над моей Айсигеной,
Ибо ступала она так же легко по тебе!

[3] А. С. Грин. Бегущая по волнам.

Большое спасибо за подарок. Я приму его как залог того, что Вы когда-нибудь придёте ко мне, держа по нему курс, и мы поговорим, обсудим многое, посоветуемся о дальнейшей дороге. Мне кажется — писать Вы будете, но об этом ещё рано даже думать. Читайте, читайте и читайте! Научитесь английскому языку, чтобы читать и зарубежную литературу, а главным образом — научную популяризацию, которая там пока несравненно лучше, чем у нас.

Пишите.

С приветом и уважением:
И. Ефремов

6 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ

Москва
23 апреля 1957 г.

Уважаемые юные палеонтологи[1]!

Вы, наверное, судя по письму — молодцы, но вы задали мне нелёгкую задачу. Популярной литературы по палеонтологии почти нет. По большей части — это изданные давно и ставшие библиографической редкостью книги. Кое-что из того, что мне кажется самым важным — Вальтера, Ланкестера, Штернберга и др. наверное удастся достать, и я дал уже заказ, но это будет не слишком скоро — ждите[2]. Свою последнюю книгу о раскопках в Монголии я послал Вам. Извините, что там будет срезан угол заглавного листа — она была уже надписана в другой адрес.

Для вас я имею в виду пока популярные книги, но не специальные. Надо, чтобы вы научились видеть ту гигантскую перспективу времени, которая собственно и составляет силу и величие палеонтологии. Если вы её поймете и прочувствуете, то тогда найдёте в себе достаточно целеустремлённости и сил, чтобы преодолеть трудный и неблагодарный процесс получения специальности палеонтолога. Никаких специальных институтов, где готовят палеонтологов, не имеется. В палеонтологии существует два отчётливых направления. Одно, наиболее распространённое и практически самое нужное, — это палеонтология беспозвоночных животных, связанная с геологической стратиграфией. Подготовка палеонтологов этого рода ведётся на геологических факультетах некоторых университетов — Московского, Ленинградского, Львовского, Томского и др.

Другое направление, наиболее трудное, но и наиболее интересное и глубокое теоретически — это палеонтология позвоночных, на которую идут люди только с серьёзной биологической подготовкой. Это, собственно, палеозоология позвоночных, и для успешной работы в ней надо окончить биологический факультет по специальности зоология позвоночных со сравнительно анатомическим уклоном (иначе — морфологическим). Это всё так, но диплом дипломом, а вообще-то можно преуспеть в науке и с любым дипломом, лишь бы была голова на плечах, а не пивной горшок, да ещё хорошая работоспособность.

---

[1] М. М. Прашкевич, в то время старшеклассник, писал от имени группы друзей, увлечённых палеонтологией. Школьники жили на железнодорожной станции Тайга.

[2] К счастью, это оказалось не слишком долго. — *Примечание Г. М. Прашкевича.*

Прочитаете подготовительную популярную литературу — тогда можно будет взяться и за книги посерьёзнее. А так — ваши товарищи правы — для человека невежественного скучнее палеонтологии ничего быть не может — всякие подходы к широким горизонтам в ней заграждены изучением костей и ракушек. Впрочем, и подходы к физике тоже заграждены труднейшей математикой... Везде так — нужен труд — в науке это самое основное.

Что вы собираетесь делать летом? Наш музей мог бы дать вам одно поручение — посмотреть, как обстоят дела с местонахождением небольших динозавров с попугайными клювами — пситтакозавров, которое мы собирались изучать в 1953 году, но оно было затоплено высоким половодьем. Это в девяноста километрах от Мариинска, который в 150 км по железной дороге от Тайги. Если есть возможность попасть туда и посмотреть — срочно напишите моему помощнику Анатолию Константиновичу Рождественскому (по адресу Москва, В-71, Б. Калужская, 16. Палеонтологический Музей Академии Наук СССР) о том, что вы могли бы посетить местонахождение. Он напишет вам подробные инструкции и советы, что надо делать.

Вообще, вам надо связаться с нашим музеем — там есть хорошие молодые учёные, у них времени немного больше, чем у нас, старшего поколения, и пользоваться их советами и поддержкой. Мне тоже можно писать по этому же адресу.

Желаю вам всем всякого успеха и удачи. Иметь определённый интерес в жизни — это уже большое дело!

Рассказы писать, по-моему, ещё рано (для тов[арища] Геннадия). Правда, может быть, особая гениальность... всё возможно.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[1]

7

Москва
5 мая 1957 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Сердечное спасибо за «Атлантиду». Брошюра, как я и ожидал, получилась очень интересной, и читатели её буквально рвут на части. Вам надо писать и писать — об амазонках, о Тоте, о гигантопитеках и т. д., вовсю используя Ваши обширные познания. Новых гигантопитеков пока ещё никто не открыл — для этого надо второго Кёнигсвальда. Я тоже собирался написать рассказ на тему мегантропов[2], но когда я ещё соберусь. Сейчас нахожусь в жёстком цейтноте снова, и когда выйду из него, снова буду атаковать Вас на предмет «выколачивания» из Вас исторических произведений.

Будьте здоровы, всего Вам хорошего.

Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Почтовая открытка с альпинистами «Переход через трещину», фото С. Шиманского.

[2] Рассказ не был написан.

8 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
10 мая 1957 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Я очень признателен за Ваше лестное мнение о моей брошюре «Атлантида». Ещё больше был бы я рад, если бы после прочтения её Вы несколько изменили бы своё мнение относительно местонахождения Атлантиды в пользу атлантического варианта. Мне лично кажется, что в пользу этого варианта сейчас больше данных, чем в пользу любого иного. Какая жалость, что Ваша занятость не позволяет Вам чаще и шире обмениваться мнениями с такими дилетантами, как я!

Видимо, я не такой настойчивый, как Вы. Вы обещаете в будущем продолжать «выколачивать» из меня исторические произведения. А вот я, безусловно, в течение нескольких лет нашего знакомства всё никак не могу «выдавить» из Вас что-либо конкретное относительно скифской пряжки с саблезубым тигром! А следовало бы, ибо если это так, как Вы некогда утверждали, то это, может быть, единственный уцелевший до нашего времени материальный остаток культуры атлантов; нигде в мире нельзя было бы ожидать такого искусного изделия с изображением животного, вымершего на западе Евразии к началу голоцена, как только на Атлантиде. Скажите, пожалуйста, как палеонтолог: саблезубый тигр в Евразии к востоку от Волги когда окончательно вымер? Вы недооцениваете, какое важное значение имело бы для атлантологии подтверждение всего того, о чём Вы некогда писали мне. А почему бы Вам не написать рассказ о пряжке, Атлантиде, живых саблезубых тиграх, которым властители Атлантиды давали на растерзание непокорных, о том, как пряжка попала к наследникам атлантов народу мегалитов, от них — к скифам?

Очень хотел бы получить от Вас ответ на затронутые вопросы, желательно — не позже одного — двух месяцев со дня получения Вами этого письма.

С приветом и глубоким уважением, *Жиров*

9 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
10 мая 1957 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Разумеется, вы совершенно правы в своей укоризне! Но иногда по «закону наибольшей неприятности судьбы» получается такая концентрация дел, что при моей небольшой сейчас выносливости приходится практически прерывать общение с внешним миром, и даже столь интересное, как с Вами. Осмысленная переписка становится невозможной при нехватке времени на размышление, а неосмысленная — вряд ли Вам нужна…

Вы называете себя дилетантом, а меня, очевидно, таковым не считаете. Однако в вопросах истории я, наверное, гораздо худший дилетант, чем Вы. Такого мнения держится, например, Лурье — он написал в редакцию «Техники — молодёжи», где поносит моё писание как невежественное за то, что я, по его мнению, защищаю Атлантиду... Мирабиле дикту![1]

[1] Mirabile dictu (лат.) — странно сказать, удивительно.

Также напрасно Вы порицаете себя за неумение «выдавить» из меня «саблезубую» пряжку. Я не могу сообщить Вам о ней точнее не потому, что туг на подъём или нет желания. Знаете отличную английскую поговорку: «Обезьяна не говорит не потому, что она не умеет, а потому, что ей нечего сказать»? Как раз я — такая обезьяна.

Пряжку с саблезубым тигром я видел сам в золотой кладовой Эрмитажа много лет назад, когда люди пользовались большим доверием и оное золото показывали экскурсиям и отдельным лицам. После того я видел в каком-то большеформатном издании фотографию этой пряжки, но это тоже было много лет назад, и я никак не могу найти этого издания и соответствующей записи. Теперь — надежда только на случайность или на доброе отношение какого-либо знатока-скифолога, но пока такового ещё не нашёл. Что до вымирания саблезубого тигра по данным палеонтологии, то вымер он в Евразии давно, сотни тысяч лет тому назад. Однако это основано на негативных доказательствах, а, следовательно, для палеонтологии не может считаться никакой достоверностью. Вполне возможно очень позднее переживание этого тигра — там, где были толстокожие, а были они в южной половине Евразии совсем недавно — 10—12 тысяч лет. Но пока нет никакой возможности это документировать — даже пресловутой пряжкой — ведь археологи типа Лурье сокрушат нас в один миг!

Есть новые сведения о находке гигантопитеков в Китае — приехал учёный, открывший синантропа, и привез нам в подарок слепок целой челюсти гигантопитека — через несколько дней я её увижу и тогда смогу рассказать Вам. Однако как будто и это «найдено» в аптеках, а не в коренном залегании — проверю. Описание челюсти скоро будет опубликовано в Китае — когда получу оттиски — покажу Вам.

Атлантический вариант Атлантиды меня не прельщает — пока я не вижу к нему более серьёзных, чем для других концепций, доказательств. Но это, разумеется, вовсе не истина, а частное мнение!

Рассказ о пряжке — очень заманчив, но придется его написать Вам — поборнику Атлантиды сензу стрикто[1].

Ещё одно дело — журнал «Москва» хочет печатать разные интересные научные новости в широко-популярном изложении. У них для этого два раздела — общий для сравнительно больших статей на определенную тему, и «смесь» для коротких сообщений и соображений. Я рекомендовал Вас, зная неисчерпаемое богатство интересных тем и домыслов, у Вас имеющихся. Может быть, Вы пошлете им что-нибудь, сославшись на меня? Вот, например, может быть, им следует послать Ваш космический лёд, который задерживается в «Технике — Молодёжи»? Или другие новости науки?

Адрес редакции: Ново-Басманная 19, редакция журнала «Москва», научный редактор Владимир Николаевич Гурвич, т. Е 1 90 87.

Не откажите принять маленький дар — отличное фото ассирийского барельефа, правда, снятого на вкус фотографа, а не археолога.

С искренним уважением:
И. Ефремов

---

[1] Sensu stricto (лат.) — в узком смысле.

10 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
20 мая 1957 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Я тоже ожидаю атак со стороны Лурье и иже с ним, но, как Вы сами можете судить из текста «Атлантиды», кое-какие предохранительные меры я всё же принял. Я только сожалею, зачем Вы упоминали о нём в статье об Атлантиде — ведь критские письмена расшифровал не он, а Вентрис и Чэдвик! Впрочем, и сам Лурье не отрицает этого в своей статье в ВДИ. О таких людях, как Лурье, очень метко написал на днях проф[ессор] Михаил Михайлович Каменский из Польши (он астроном — кометолог, а также и атлантолог) — они, как пещерные медведи, становятся на задние лапы и рычат: нет, нет, нет! По-моему, хорошо сказано!

В отношении уточнения истории золотой пряжки с саблезубым тигром не могу ли я Вам прийти на помощь. Некогда мне из Эрмитажа сообщали, что пряжки с тиграми изображены в труде И. Толстого и Н. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства», выпуск 3-й, СПБ 1890 г., рисунки 61, 63, 66, 67 и, может быть, 62. Я мог бы и сам выписать эту книгу и посмотреть её, но, конечно, в саблезубых тиграх совершенно не разбираюсь. Может быть, при случае Вы достанете этот труд и просмотрите его? А если Ваше предположение подтвердится, то об этом можно было бы сообщить в английский журнал «Атлантис», орган Международного научного центра по изучению Атлантиды. При этом, если Вы не хотите задирать Лурье и К°, то заметку об этом я мог бы написать сам, сославшись на Вас как на специалиста-палеонтолога, и принять на себя все нападки. Для атлантологии же этот факт имеет исключительное значение.

Что же касается рассказа об истории пряжки, то написать это для меня будет очень трудно — ведь я почти ничего не знаю о саблезубых тиграх, их повадках и т. п., а без этого писать очень трудно. Что Вы можете посоветовать? А, может быть, в качестве опыта не написать ли нам это вдвоем.

Очень признателен Вам за рекомендацию в журнал «Москва». И постараюсь воспользоваться ей после того, как точно узнаю, возьмёт ли мои материалы «Техника — молодёжи».

В заключение позволю поблагодарить Вас за прекрасное фото, с древним символом дружбы, если я не ошибаюсь. Со своей стороны, позвольте предложить Вам некое художественное произведение собственной работы. Вечером потушите в комнате все огни, кроме настольной лампы, подержите около неё 10—20 секунд и затем выключите и посмотрите, что получится. На изучение этих явлений я потратил полжизни, но так мне и не дали возможности работать, и за границей теперь все мои идеи постепенно осуществляются.

С глубоким уважением,
Н. Ф. Жиров

А. К. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 11

Москва
24 мая 1957 г.

Дорогие друзья!

Ваше письмо получил дней 10 назад, но ответить сразу не смог, так как, во-первых, оно требует весьма обстоятельного ответа и, во-вторых, у меня сейчас наиболее занятое время — я организую экспедицию в Казахстан.

Я всячески приветствую Ваш энтузиазм и желание помочь науке, но вот только какими средствами Вы располагаете, чтобы организовать такую поездку? Ведь, помимо дорожных расходов, Вы должны чем-то питаться, где-то ночевать. Но начнём по порядку.

До Мариинска Вы легко доедете по железной дороге — это наиболее простая часть Вашего путешествия. Далее от Мариинска до деревни Шестаково, куда Вам надо ехать, нужно добираться машиной — расстояние 80 км. Машину нужно ловить у паромной переправы через р. Кию, на которой стоит Мариинск и вверх по которой Вы должны ехать. По приезде в Шестаково разыщите Комшина Егора Андреевича или Комшину Марию Ивановну — я у них останавливался в 1954 г. Возможно, они согласятся Вас приютить — у них большой дом и двор с постройками, есть где переночевать. Расскажите им про цель Вашего путешествия, кстати, от них Вы можете узнать и что-нибудь новое. От их дома до Шестаковского яра, где были найдены кости, — недалеко, не более километра. Вряд ли у Вас будут лишние деньги, чтобы платить за свой постой, но Вы можете договориться с хозяевами, что поможете им по хозяйству — перепилить и переколоть дрова, скажем, или ещё что-нибудь в этом роде.

Относительно питания я советую Вам поступить так. Насушите с собой побольше чёрных сухарей, возьмите несколько пачек чаю и сахару, обязательно соль и спички. Возьмите также некоторое количество круп, из которых можно варить кашу и запускать в суп (гречневая, перловая, рис, пшено). Километрах в семи от Шестакова имеется два озера — Большой и Малый Базыр, изобилующих карасями, которые хорошо ловятся на удочку, особенно в вечернюю зорю. Ловить нужно в восточном из этих озёр, но с его западной стороны. Между озёрами — с километр перемычка из торфяника, заросшего уже кустарником. В дождливую погоду эта перемычка становится мягкой и ходить по ней нужно осторожно, чтобы не провалиться в трясину. Карась хорошо ловится на навозного червя, которого нужно копать у коровников. Лески нужно достать сатурновые. Крупные караси — по 0,5 кг и более — ловятся уже после вечерней зари, часов до 12 ночи. Рыба может быть важным подспорьем в Вашем питании. Молоко Вы найдёте в деревне, а если у Вас будут деньги ещё и на масло, чтобы поджарить карасей, то будет совсем хорошо. Картошку тоже достанете в деревне.

Что касается снаряжения, то, вероятно, Вам придется довольствоваться домашними возможностями, так как вряд ли Вы найдете необходимое экспедиционное снаряжение в Тайге, да к тому же это и стоит дорого. Если у Вас нет рюкзаков, возьмите простые вещевые мешки, приделав к ним лямки — по старому русскому способу: заложить в углы мешка по картофелине и захлестнуть веревкой. Вряд ли у Вас есть спальные мешки, но можно обойтись и без них — возьмите плотные шерстяные одеяла или лёгкие ватные. В качестве

верхней одежды лучше всего ватники, если есть плащи, захватите и их — пригодятся. На ноги хорошо грубые ботинки, а для рыбной ловли — резиновые сапоги, можно и то и другое заменить кожаными сапогами. К этому захватите или тапочки, или сандалии, чтобы после похода давать ноге отдых. Возьмите по две смены запасного белья и мыла, чтобы стирать его. Из посуды Вам необходимо взять следующее: две алюминиевые кастрюли (большую и поменьше), чайник, сковородку, миски, ложки столовые и чайные, кухонный нож, кружки. Если есть, возьмите фляжки. Захватите небольшую аптечку, в которой должно быть: несколько бинтов, норсульфазол и белый стрептоцид (жаропонижающее), йод, пирамидон (от головной боли) и хинин (если кто из Вас подвержен малярии). Хорошо, если достанете в аптеке диметилфталат — это прекрасное средство от комаров и мошки, они не кусаются, если слегка смазать лицо и руки. Из специального снаряжения, если есть, возьмите небольшую кирку, компас, лупу, некоторое количество технической ваты и газет (для упаковки костей), рулетку или складной метр. Лопаты достанете на месте, а вот топорик небольшой хорошо взять с собой. У каждого должна быть тетрадь-дневник и карандаши (простые, химические и цветные). К каждому образцу нужно приложить этикетку, которая заворачивается внутрь. В ней указывается место взятия образца (географическое положение — например, правый берег р. Кии, в 1 км ниже д. Шестаково Кемеровской области), слой, из которого взят образец, дата и фамилия, кто взял образец.

Кости пситтакозавров небольшие (само животное было 1—1,5 метра), плотные, красноватого цвета (кости имеют цвет окружающей породы), залегают близ уреза воды. В тот год, когда я был, весна была очень поздней, и вода стояла выше костеносного горизонта. Найдены кости пситтакозавров только в Шестаковском яре около д. Шестаково. Более подробные сведения Вы найдёте в моей статье, которую я Вам посылаю. Карту Кемеровской области в Москве сейчас достать невозможно, и у меня её нет у самого, поэтому придётся довольствоваться Вам копией. Более подробные карты не продаются.

На этом я заканчиваю своё письмо, желаю Вам успехов. Если найдёте кости, немедленно сообщайте — приедем помогать. До 5-го июня я пробуду в Москве, а после этого мой адрес: г. Челкар Актюбинскрй области Казахской ССР. Если найдёте скелет, то немедленно телеграфируйте, сами не берите, так как его лучше брать вместе с породой — монолитом, а у Вас в этом нет опыта, и Вы можете погубить ценную находку. Кости, выпавшие на поверхность, берите и упаковывайте в пакеты с ватой. Зафиксируйте уровень костеносного горизонта от уреза воды и от вершины обрыва. Если будет высокая вода, будьте осторожны под Шестаковским яром, так как придется ходить близ отвесных стен, которые постоянно обрушиваются.

С приветом,
А. К. Рождественский

P. S. Чтобы прислать Вам какой-нибудь документ, пришлите более подробные сведения: полностью фамилия, имя, отчество каждого, в какой школе и в каком классе учитесь.

А. Р.

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 12

Москва
29 мая 1957 г.

Многоуважаемая Людмила Степановна!

Я не ответил Вам потому, что написал прямо Б. П. Грабовскому по Вашему пожеланию, прося его выслать мне рукопись его трудов по «биофактору». Я не обещал посмотреть её очень быстро, так как сейчас, как обычно перед летом, — период максимальной занятости, но в июле рассчитывал её прочесть! Ответа я не получил. Причина мне неведома — может быть, затерялось письмо (я послал его простым), м[ожет] б[ыть], Борис Павлович решил подождать с присылкой рукописи, но согласитесь, что мне не следовало настаивать. Нередко изобретатели и творцы новых теорий — люди щепетильные, опасающиеся за свой приоритет... мало ли что!

Вот и было бы хорошо, чтобы Вы при оказии выяснили, в чём причина. Относительно личного знакомства — я не представляю, как это получится, если оба живут далеко друг от друга и обладают минимумом свободного времени.

Однако в случае, если изыскания Бориса Павловича окажутся стоящими научно (в чём я далеко не уверен), я мог бы содействовать или продвижению работы в печать, или же кое-что посоветовать по доработке.

Предварительно, по Вашему описанию, мне кажется, что «биофактор» — это нечто граничащее с научной фантастикой. В таком случае, м. б., легче его и довести до читателя в этом плане? Повесть на тему «биофактора» была бы чрезвычайно интересна, но, конечно, её надо делать самому автору. Что до меня, то кругом просится под перо такое великое множество тем, что нечего и думать в оставшийся уже короткий отрезок жизненного пути их не только исчерпать, но освоить хотя бы десятую часть.

За хороший отзыв о «Туманности» спасибо, но Вы — снисходительны. «Техника — молодёжи» печатает сильно сокращённый вариант и испортила этим всю лирико-социальную канву романа, а я, по глупости и уступчивости, согласился. Но надеюсь, что Вы прочтёте роман целиком в книге, если современный биофактор не задержит выхода книги в конце года.

С искренним уважением,
Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 13

Москва
31 мая 1957 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

От души благодарю Вас за замечательный подарок — лунную картинку люминесцентными красками. Постараюсь Вам прислать ещё что-нибудь Вам приятное.

Большое спасибо за ссылку на книгу — я её выпишу по межбиблиотечному абонементу и посмотрю, «то ли это». Однако писать о саблезубых надлежит Вам с Вашей эрудицией по Атлантиде, а не мне. Я обязуюсь доставить фактический материал и обеспечить консультацию. Эту операцию я произведу

в конце июня — сейчас погибаю от дел, вал которых вздымается всё выше, а пловец, увы, слабеет…

Ещё одно дело и просьба — я буду иметь возможность вскоре выписать из заграницы на небольшую сумму книг и журналов по научной фантастике. Среди них могут проскочить и кое-какие книги по другой тематике, например, по исторической. Поэтому, если у Вас есть какие-нибудь очень важные (и недорогие) издания, которые отсутствуют у нас и очень бы понадобились Вам, сообщите мне их титулы. Возможно, кое-что и получится. Может быть, Вы знаете и какие-либо интересные научно-фантастические произведения (на английском только, я забыл это сказать ранее) — буду очень обязан за указание.

Я бы очень не прочь познакомиться с вами лично, и если пока откладываю просьбу навязаться к Вам в посетители, то только из-за очень туго закрученных дел. Но, м. б., в конце июня — начале июля Вы не откажете принять меня?

С искренним уважением и приветом:
И. Ефремов

14 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
2 июня 1957 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Сочту для себя за честь познакомиться с Вами лично и буду чрезвычайно рад встретиться. Полагаю, что Вы не откажете предварительно сообщить возможную дату Вашего посещения, и тогда я Вам напишу подробно, как ко мне проехать и быстро найти мою квартиру. Очень и очень буду рад Вас увидеть и поговорить по душам.

Также заранее благодарю за согласие предоставить мне консультацию в связи с предполагаемым рассказом «ЗОЛОТОЙ ТИГР». А может быть, у Вас найдётся и лучшее название? Посоветуйте, скажу спасибо. В надежде на эту консультацию начну понемногу подготавливаться.

Теперь сообщаю список книг, которые было бы желательно приобрести по проблеме Атлантиды. Все они — английские, и их можно приобрести в издательстве……

Далее указываю авторов и названия, а также цену в шиллингах/пенсах:

1)……

2)……

3)……

4)……[1]

Что же касается научно-фантастической литературы, то посмотрите в Библиотеке Иностранной Литературы следующий справочник: ……

Её шифр: Е4316 356918.
В646

С дружеским приветом и глубоким уважением,
Н. Ф. Жиров

[1] В машинописи отточия для заполнения от руки. Не заполнены.

Постскриптум:

Лев Павлович Теплов говорил мне, что мой космический лёд пойдёт в их журнале. Поэтому для «Москвы» придётся подобрать что-либо иное. Например, я думаю написать о работе польского астронома Михаила Михайловича Каменского (с которым я в переписке) о причине гибели Атлантиды от падения части кометы Галлея.

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[1] 15

Москва
9 июня 1957 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Большое спасибо за Ваши отзывчивые сообщения, но они не совсем то, что мне хотелось. Мне думалось получить от Вас названия известных Вам и понравившихся Вам научно-фантастических произведений. А вообще, для суждения лишь по названиям я собрал библиографию 18 журналов с 1700 рассказами и около 400 книг. За Атлантиду очень признателен — я думаю, что удастся выписать это.

С искренним уважением и приветом, *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 16

Москва
22 июня 1957 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Я всё ещё спешно заканчиваю доработку своей «Туманности» и не могу вернуться ни к каким другим вопросам. Думаю, что через неделю я освобожусь. Не посмотрите ли Вы пока некую рукопись, присланную мне из Фрунзе[2], — пока я всё равно не в состоянии её смотреть, а в ней много интересного. И для Вас, несмотря на беспорядочность мыслей и изложения, там будет новый взгляд на Атлантиду, да и кое-какие исторические экскурсы, не говоря уже о научной стороне.

С большим приветом и искренним уважением, *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[3] 17

Москва
29 июня 1957 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Пожалуйста, держите рукопись, сколько Вам надо. Через неделю я кончу свою спешную работу и буду просить у Вас аудиенции — тогда смогу и забрать рукопись, чтобы не расходоваться на почту. Автор этого труда мечтает

---

[1] Открытка «VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Москва, 1957».

[2] Речь идёт о рукописи Б. П. Грабовского, присланной Л. С. Кучковой.

[3] Почтовая открытка «Кустарные изделия Индии» с изображением металлической вазы с эмалью.

о соавторе, чтобы довести рукопись до состояния научно-фантастической повести. Сам он, конечно, как Вы видите, этого сделать не в состоянии. Может быть, Вы заинтересуетесь этим делом — тут многое Вам близко?

С уважением и приветом,
И. Ефремов

18 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
6 июля 1957 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Получил Вашу последнюю открытку и с нетерпением ожидаю нашей встречи. Поэтому сообщаю подробности о том, как проехать ко мне. К сожалению, из всех видов транспорта у нас на Ногатинском шоссе имеется пока лишь трамвай № 47. Сесть на него всего удобнее около остановок метро «Калужская» или «ЦПКиО», в один из тех вагонов, что идёт по направлению в Ногатино (т. е. через Крымский мост к Калужской площади). Ехать придется довольно долго, в основном по Варшавскому шоссе. Около Химико-фармацевтического завода им. Карпова влево от этого шоссе отходит наше Ногатинское шоссе, куда и свернет трамвай № 47. От завода им. Карпова следует проехать несколько остановок (квартала два), моя останова официально называется «КОЛОМЕНСКОЕ ШОССЕ», так как отсюда очень близко до села Коломенского с его известной церковью времён Ивана Грозного, неофициально в народе эта остановка называется «Институт». Мой дом (пятиэтажный, красного кирпича) находится почти напротив остановки. Особые приметы: перед домом (их два подряд) проходит полоса зелёных насаждений, образующая нечто вроде сквера, а напротив остановки — ларьки, через шоссе проходит тут же высоковольтная линия. Для лучшей ориентации прилагаю схематический план. Вынужден предупредить, что в связи с фестивалем[1] у нас начали ремонтировать шоссе, но так как пребывание «фестивальщиков» на нашем шоссе отменили, то и ремонт шоссе ведётся через пень в колоду. Поэтому после и во время дождей у нас непролазная грязь и, пожалуй, выгоднее от остановки возвратиться назад, к въезду в клуб, который, может быть, к Вашему приезду успеют заасфальтировать. Подробно всё это указано на плане.

Остаюсь в ожидании Вашего приезда. Да, ещё забыл сообщить — по целому ряду причин я, хотя и не работаю, вынужден принимать лишь начиная с 18 часов; зато могу сидеть хоть до двух часов ночи! Прошу не отказать сообщить в день предполагаемого Вашего приезда о сием событии по телефону: коммутатор В-4-00-03 добавочный 3-17; это мой домашний телефон.

С приветом и уважением (ибо, как говорил один мой покойный друг, привет без уважения ничего не стоит!),

Ваш
Н. Ф. Жиров

[1] Имеется в виду VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 19

7 июля 1957 г.[1]

Дорогой Петр Константинович!

Ваше письмо произвело на меня двоякое впечатление. С одной стороны, Вы действуете с пламенным размахом, с другой — без мудрой осторожности начальника, полностью ответственного за всё, в том числе и за свои лимиты. Отсюда — возможность успеха несомненно увеличивается. Но диалектически увеличивается и возможность крутого провала, если попросту не хватит средств реализовать вскрытое. Помните об этой диалектике всегда, и тогда Вы меньше будете зависеть от доброго к Вам отношения людей — Малеева и моего.

Взгляните на вопрос без лирики, а только по-деловому. Ведь пока прибавить Вам средств не за что. Нет очень важных находок первого класса. Следовательно, эта прибавка, как и первоначальная сумма, так сказать, воспитательная преамбула, а вообще я договорился с Е. А., что он Вам выдаст 80 000 — общее.

Но нештатной пока нет ни копейки. Может быть, потом она и возникнет, но это будет значительно позже, во-первых. А во-вторых, понадобятся ощутительные результаты. Пока лишь дать ничего не может.

Я могу посоветовать одну лихую вещь: расправьтесь с верхним горизонтом с помощью бульдозера. Если там нет ничего цельного и сравнительно мелкий материал, то чорт с ним. Сдерите его напрочь, пусть только все неусыпно следят за машиной и она сама не гоняет очень быстро. Вы наберёте достаточно характеристику ВКГ[2] и по отдельным целым костям. Затем можно быстро содрать до нижнего горизонта и не торопясь разбирать то, что Вы считаете более интересным и продуктивным.

Это сэкономит Вам и вообще даст <одно слово неразборчиво — *Ред.*> простор.

Насчёт лабиринтодонтов, убежден, что будут, если только общий состав фауны мастодонтозавровый удастся взять более или менее полно.

Но Вы совершенно правильно решили делать предварительный отбор. И так тесно, и так не хватает рук для препаровки массового материала.

Инструкций и общих новостей не пишу, для них надо написать целый фолиант.

Насчёт моего приезда дело обстоит слабовато. Отчасти потому, что старенький, отчасти потому, что нет времени — нужен настоящий отдых и его надо беречь от внешних влияний. Потому что для повторного или более длительного отдыха не остается времени из-за дел. Так что большое спасибо за приглашение. Пишите о всех новостях. С 18-го я буду на даче, но почту будут доставлять туда.

И. Ефремов

---

[1] В 1957 году П. К. Чудинов руководил Очёрской экспедицией.

[2] Верхнего костеносного горизонта.

20 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ

Москва
10 июля 1957 г.

Уважаемый Геннадий со товарищи!

Меня очень заинтересовало ваше письмо. Если вы действительно нашли там черепа пситтакозавров, а не что-нибудь другое, то вы все молодцы и вашу работу мы осенью отметим, когда съедутся мои сотрудники, чтобы судить об этом, упакуйте ваши сборы в большой и крепкий ящик. Если они тяжелы, то лучше положить в один ящик и отправить его по железной дороге пассажирской или большой скоростью по адресу: Москва В-71, Большая Калужская, 33, Палеонтологический Институт Академии Наук СССР. Если же вес не очень велик, то упакуйте в два-три небольших ящика, весом по 8—10 кг и пошлите почтой по тому же адресу. На все эти операции я переведу вам триста рублей, как только получу телеграмму в ответ на посланную вчера.

Рождественский забрался далеко в южный Казахстан и вернётся в Москву к середине сентября или к концу. Поэтому пока я замещаю его по переписке с вами. Однако торопитесь мне ответить, если ещё что-нибудь нужно, так как я уезжаю после 20-го на отдых.

Упаковку произведите так: каждый обломок должен быть завёрнут в отдельный кусок мягкой бумаги — газету — и затем все обломки, относящиеся к одной части, совместно в один большой пакет. Все тяжелые и большие куски должны быть помимо бумаги обернуты в вату (купите в аптеке) и переложены ватой, паклей или по крайности мхом, сухой и мягкой травой так, чтобы не касаться друг друга, не тереться и не биться о стенки ящика или его дно.

Постарайтесь отправить как можно скорее, так как идёт долго — пока там мы получим коллекцию, особенно если по железной дороге. Можно вместе с костями отправить кремни и черепки — по-видимому в верхних горизонтах обрыва вы нашли остатки палеолитической или неолитической стоянки. Мы передадим их для определения в Институт Материальной Культуры — они установят ценность находки. В прилагаемой этикетке дайте чертёж обрыва и высоту залегания всех находок от уреза воды реки и от бровки (верхней) обрыва и схему геологического разреза.

Оставшиеся от упаковки и отправки коллекций деньги можете употребить на покупку нужных вам научных книг, фотопринадлежностей, карт и т. п. — что там вам понадобится.

Одновременно с этим письмом я пошлю вам хороший атлас реконструкций жизни животных в разные геологические эпохи. Он на чешском языке, но смысл его — в отличных картинках.

В общем мне экспедиция ваша нравится, и вы, по-видимому, — способные ребята. Ежели вас драить, по морскому выражению, не давать писать фантастических рассказов и вообще никаких пока, то толк будет.

Что до того, чтобы написать вам о главных событиях моей жизни, то, право, нет никакой возможности — в предотпускное время совершенно завален делами. Очерк обо мне вы можете найти в послесловии к книге «Великая Дуга» или же ещё один очерк должен появиться в № 7 журнала «Знание — сила». Ежели доклад[1] со-

[1] Речь идёт о докладе, который я собирался прочесть в школе. — *Примечание Г. М. Прашкевича.*

стоится позже августа, то как раз можно воспользоваться этим очерком. Ещё один очерк напечатан в отдельном выпуске № 2 — «О литературе для детей», издания Детгиза, Ленинград, 1957 (М. Лазарев), но в нём мало биографических данных.

С палеонтологическим приветом,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
12 июля 1957 г.

Дорогой Борис!

Очень рад был Вашему письму после молчания, но никак не смог сразу ответить, так как был завален предотпускными делами.

Мне стало приятно от того, что Вы попали в Феодосию, — я сам люблю этот маленький, но уютный, типично приморский город.

Как хорошо сказано у М. Волошина (уроженца Феодосии):

И беден, и не украшен
Мой бедный град,
В венце генуэзских башен,
В тени аркад...[1]

Я много раз бывал в Феодосии на автомашине (своей), приезжая на базар из Коктебеля (Планерского), где находится наш дом Творчества писателей. Коктебель был хорош несколько лет тому назад, пока его не облюбовал «высший» писательский свет и, следовательно, — всякая сволочь... Но это уже — о внутренних писательских делах. Пустяки.

Вот и в Вашем письме мне очень многое понравилось. Так глубоко верно Вы поняли, что счастье — это перемена. Я добавлю в уточнение, что в каждом из нас два человека — один жадно схватывает всё новое, другой тоскует о старом, хочет его неизменности, продолжения. Такова диалектика души.

Очень хорошо, что у Вас сейчас нет возлюбленной... Такой возлюбленной, как те, о которых Вы пишете. А вообще — хорошую возлюбленную очень надо... Насчет царицы грёз... Вам не кажется, что это тоже зависит от развития человека, его души? И представления о царице грёз будут ещё немало изменяться, смещаясь то в ту, то в другую сторону. В зависимости от того, какая сторона души будет сильнее говорить в данный период жизни — сексуальная, интеллектуальная... Хорошо бы суметь сочетать обе — тогда меньше ударов и разочарований. Это хорошо понимают народы древних культур — индусы, японцы, полинезийцы. Или понимали совсем сошедшие с лица Земли, как эллины, критяне, финикийцы. Дело в том, что европейский идеал единственной возлюбленной (-ного) родился в средние века. Он почти религиозен — дева Мария, небесный жених — вот его корни. И от этого мы находимся в плену

[1] Неточная цитата из стихотворения М. А. Волошина «Молитва о городе»:

И скуден, и не украшен
Мой древний град
В венце генуэзских башен,
В тени аркад...

диких представлений об обязательной невинности той единственной, которая суждена, нелепой ревности, а сами чудовищно некультурны, невоспитанны в делах сексуальных. И никто не заботится учить молодое поколение — оно и разбирается по мере сил, а мера эта — у многих глупая…

Индусы, полинезийцы и другие сходные народы относятся к страсти физической с религиозным подъемом и восхищением, считают, что обязательно надо учить и прививать вкус молодым, потому что страсть — это искусство и опыт, такое же, как все серьёзные вещи в жизни. Как жалки и беспомощны мы перед ними с нашими «царицами грёз»! Ждёт, ждёт хороший юноша свою «единственную», а физиология не дремлет, — чем больше накопится в ней неизрасходованных сил, тем неожиданнее вспыхнет неодолимое желание в какой-нибудь самый ещё неподходящий момент… И всё — будущая трагедия готова — вы выбрали вовсе не подходящего себе спутника жизни. Начинаются унизительные для обоих взаимные недовольства, непонимания, подозрения, оскорбления. И самое лучшее, что есть в жизни у человека — любовь горячая, страстная, в полную меру сил превращается в чёрт во что — или элементарную животность, или постное ханжество, да мало ли во что ещё… В общем, бойтесь любви с первого взгляда — она будет хороша только в том случае, если Вы в этот момент не будете в состоянии сильной тоски по женщине, то, что народ грубо, но верно называет «стоялым жеребцом». Иначе — бяда, как говорят сибиряки.

И прекрасное вовсе не лишь только недоступное, как Вы пишете. Нет, доступное тоже может быть прекрасным, если к нему не относиться как к дешёвке, если в нём большое и чистое творчество! Я перефразирую известную пословицу, что: «каждая девушка может дать лишь то, что она имеет», по-другому, гораздо более благородному и верному «каждая девушка может дать лишь то, что вы сможете у неё взять!». И, кстати, вот этих, умеющих взять, женщины и любят, несмотря на их внешние недостатки, в этом и есть «загадочность» женской любви, так часто и много удивляющая недалёких особей нашего с вами пола.

Поэтому думайте всегда диалектически жизненно об этих серьёзных вещах — не представляйте свою любовь обязательно возвышенной, но и не обесценивайте её, разменяв на минутку тупого желания.

Помните, что одна только страсть, если к ней отнестись по-индусски, может дать Вам неисчерпаемое богатство красок и радостей, если сумеете. А если страсть соединена с красотой и любовью — то что ещё надо?

Если владеешь ты легкой ладьёй,
Вином и женщиной милой,
Чего тебе надо ещё?
Ты во всём подобен гениям неба (старокитайское)[1].

---

[1] Отрывок из стихотворения Н. С. Гумилёва «Счастье» из цикла «Фарфоровый павильон»:

И если владеешь ты лёгкой ладьёй,
Вином и женщиной милой,

Чего тебе надо ещё? Ты во всем
Подобен гениям неба.

Посылаю Вам для образца портреты моих любимых киноартисток — вернее, прототипы женских образов для иллюстраций к «Туманности Андромеды». Художники у нас разучились рисовать красивых женщин, и приходится обращаться для их вдохновения к иностранным журналам и фильмам.

Одна из моих героинь — Чара, индуска по происхождению, танцевала на празднике «Пламенных Чаш». Её фигуру и платье я «спроектировал», но лицо мне не удалось пока — поэтому мысленно приставьте к изображению Чары лицо Джины Лоллобриджиды — она наиболее подходит. А другая артистка — Викки Дуган — просто моя киносимпатия.

Этим летом я не поеду никуда в командировки — дела не позволяют. Да и вообще — по состоянию здоровья после прошлогодней болезни по мелочам ездить стал стар и жаль времени, а крупного пока ещё не склеилось — вероятно, из-за сложности внешней обстановки. Возможно, что осенью поеду в Аргентину, но шансов на это немного. Уеду на дачу под Москву и буду там отсыпаться. Правительство и народ должны мне лет восемь-девять сна.

Сын путешествует в низовьях Енисея коллектором-мотористом, жена уехала на Каму, а мы с дочерью будем вести дачный образ жизни. Так что продолжайте писать по мере сил и охоты по прежнему адресу. Большой привет и самые лучшие пожелания.

Ваш *И. Ефремов*

Поздравляю с Вашим морским днём.

P. S. Хорошо сказали древние греки — «метрон — аристон», т. е. самое высшее — это мера. Я бы добавил, что культура в истинном значении этого слова — мера во всём.

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

22

Москва
12 июля 1957 г.

Многоуважаемая Лидия Степановна!

С тех пор как Вы прислали мне письмо, я получил от Б. П. рукопись «Биофактора» и два дня тому назад — дополнения к нему, вернее — окончание. Экземпляр печатный очень плох, и так как у меня сейчас переутомление глаз, то кое-что приходится пока пропускать.

Работа эта вообще интересная, но очень несистематичная — интересные и важные факты и важные домыслы автора свалены в одну кучу с устарелыми или просто неточными сведениями и допущениями.

Как бы то ни было, мне кажется, что она заслуживает внимания «народа», но в таком виде, конечно, её издать будет трудно.

Я переслал рукопись доктору химических наук Жирову, автору недавно вышедшей брошюры об Атлантиде и большому эрудиту по всем этим вопросам. Сейчас я склоняю Жирова вступить в соавторство с Б. П. Грабовским.

Что до меня, то моё прежнее отношение к соавторству не изменилось. Я буду стараться по мере сил продвигать «Биофактор», но пока, правда, в самом первичном ознакомлении он меня не увлёк ещё потому, что на подобные темы написана бездна научно-фантастических рассказов, повестей и романов в зарубежной (англосаксонской) литературе. Конечно, это сделано

на совершенно ином (качественно ином) уровне, но вот недавно вышедшая в Лондоне книга Великовского «Земля в потрясении» просто перекликается в очень многом с домыслами Б. П. К сожалению, очень уж трудно эти книги доставать!

Превосходную повесть Курта Лассвица читал уже давно и в немецком подлиннике, также как и русский перевод его палеонтологического романа «В тумане тысячелетий».

Обязательно включу Вас в свой «майль-лист», как говорят англичане, но не обещаю скорого выхода книги. Трудностей будет с ней много!

Всего Вам хорошего!

С искренним уважением:
И. А. Ефремов

23 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
18 июля 1957 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Четыре дня назад я в основном закончил свои срочные дела и собрался посетить Вас перед отъездом на дачу. Но, уже укладывая вещи для дачи, я поднял приёмник, и тут случился со мною приступ стенокардии. Теперь я уложен в постель и потом буду сразу увезён на дачу.

Как видите, судьба была против нашей с Вами встречи. Иншалла! Встретимся в начале сентября, когда вернусь с дачи, обязательно побываю у Вас. Этого мне давно хочется.

Посылаю Вам дополнение к рукописи Грабовского, полученное мною недавно, которое я хотел передать Вам лично. Было бы хорошо, если бы Вы взяли на себя труд написать ему Ваше мнение о его рукописи и возможности соавторства.

Мне придется посмотреть рукопись уже осенью. Не откажите принять пожелания здоровья и успешной работы.

С приветом и искренним уважением,
И. А. Ефремов

24 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Звенигород, Мозжинка
31 июля 1957 г.

Дорогой Борис!

Возвращаю Вам фото. Натэла мне нравится, хотя это и ничего не значит. Судить по фотокарточке, сделанной вдобавок простым фотографом, а не мастером, было бы наивно. Те фото, что я послал Вам, — они Ваши собственные. Посылаю Вам одно хорошее стихотворение Н. Чуковского и две песни студентов-геологов. Если встретите какого-нибудь геолога или геологиню — узнайте мелодии. Они приятные.

Не могу исполнить Вашей просьбы сейчас, так как в городе осталась пустая квартира, а сын — в геологической экспедиции близ Норильска. Некому.

Вернётся он только в октябре. Если до того времени надобность не минует, напишите, думаю, что он сделает это.

С приветом и лучшими пожеланиями: *И. Ефремов*

P. S. Пишите на Москву — оттуда пересылают мне сюда.

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ 25

Мозжинка
1 августа 1957 г.

Дорогой Борис Александрович!

Посылаю Вам Ваш портрет — на обороте сего — так Вы вознеслись и загордились, что совсем забыли про меня. А у меня было за это время много разных приключений, в том числе и ангиоспазм перед самым отъездом на дачу, отчего я уехал в Мозжинку только 21-го. Сейчас уже всё в порядке, гуляю потихоньку и наслаждаюсь тишиной. Приезжайте как-нибудь ко мне — можно будет переночевать и потолковать вволю. Привет от Зебрёнки и от меня оставшемуся семейству и Вам отдельно.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 26

Звенигород, Мозжинка
11 августа 1957 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Пересылаю Вам полученные от Б. П. Грабовского какие-то копии испытаний «атомных» винтовок, присланные в доказательство правоты его построений, вместе с письмом, которое больше касается Вас. Если будете писать ему, то отправьте копии назад, как он просит. Если не будет в этом надобности, то сохраните до нашей встречи в сентябре, тогда я сам переправлю ему.

Как Ваши дела и как здоровье. Был бы рад получить от Вас весть. Можно написать прямо сюда по адресу: Звенигород Моск[овской] обл., поселок академиков Мозжинка, дача № 46, мне.

Второго сентября рассчитываю вернуться в Москву.

С приветом (памятую Ваши слова) и уважением:
И. А. Ефремов

27 И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ

Мозжинка
20 августа 1957 г.

Дорогому начальнику Очёрской экспедиции[1] в качестве премии за успешную работу — замечательную книгу о настоящем сверхчеловеке[2] — вот каким должен быть охотник, а не слепым избивателем беззащитной дичи.

Не мешало бы и таких охотников для людей-людоедов! Когда-нибудь будут!

С приветом, *И. Ефремов*

28 И. А. ЕФРЕМОВ — П. П. РУБЦОВУ

Звенигород, Мозжинка
27 августа 1957 г.

Многоуважаемый товарищ Рубцов!

Извините, но Вы не сообщили мне Вашего отчества.

Большое спасибо за дружеское и хорошее письмо. Естественно, что думая обо мне хорошо, Вы представляете меня лучше, чем я есть. Несколько лет тому назад я действительно был энергичен, загорел и мускулист, но всё это — в прошлом.

Теперь болезнь сердца (износилось раньше срока) весьма ограничила мои возможности и сильно ухудшила внешний вид. Очень это меткое медицинское название — стенокардия! Это значит — «узкое сердце», но оказывается верным и в смысле «узкой жизни», «узких возможностей» и т. д.

Насчёт «Туманности Андромеды» Вы не правы. Хотя, по-видимому, этот роман мне удался (он значительно лучше в несокращённом варианте — «Техника — молодёжи» меня несколько надула и сократила «Туманность» больше чем на половину), но о будущем обществе великолепно и непревзойдённо написал Герберт Уэллс. Это роман «Люди как боги», в русском переводе он издавался в тридцатых годах, и это одна из самых моих любимых книг. Попробуйте достать его — не раскаетесь!

С большим удовольствием включил бы Вас в свой майл-лист, как говорят англичане (т. е. в список для рассылки авторских экземпляров), но по всей вероятности, «Туманность» задержится в выходе отдельной книгой.

Как всякой новой по содержанию книге, ей придётся, видимо, претерпеть немало задержек, а возможно, и вовсе не издаться в ближайшие два года. Моя «Ойкумена» тоже валялась в издательствах два года, а потом была напечатана только после распоряжения покойного А. А. Жданова. Опыт есть!

Из того, что Вы не видели моей фотографии, я заключаю, что вы не знаете мою последнюю книгу «Дорога ветров» — хронику путешествия в Монголию.

К сожалению, она издана весной и уже превратилась из-за крохотного тиража в библиографическую редкость. Может быть, на периферии её легче купить? Если бы она нашлась в Ваших магазинах, то я просил бы Вас о любезности сообщить мне...<Конец письма не найден. — *Ред.*>

---

[1] Имеется в виду палеонтологическая экспедиция в г. Очёр.

[2] И. А. Ефремов прислал книгу Дж. Корбетта «Кумаонские людоеды».

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 29

Москва
3 сентября 1957 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Посылаю Вам мой отзыв на рукопись Б. П. Грабовского. Используйте его, как найдёте нужным. Что же касается соавторства, то у меня есть некоторые интересные соображения, которыми я хотел бы поделиться с Вами при личной встрече. Надеюсь, что Ваше здоровье после отдыха на даче улучшилось и, наученный горьким опытом, вы уже не будете заниматься упражнениями по подниманию роялей, пианино и прочих подходящих для этого предметов. Надеюсь в ближайшем будущем видеть Вас у себя.

Да, Б. П. Грабовскому я на днях отослал письмо, в котором я сообщаю о своих мерах, которые я счел необходимым предпринять в связи с его актами. Ими заинтересовались в моем министерстве и запросили дополнительные сведения.

С приветом и уважением,
Н. Ф. Жиров

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 30

Москва
8 октября 1957 г.

Dear Professor Olson:

I have just received a single copy of your translation of the "Catalogue." You have bitten off a big chunk with excellent results. You have very satisfactorily summarized all important data and cleared misty points. The translation is exact, as well, and also the transcription in Cyrillic, except in the list of literature. Here is a rare photograph concerning the taphonomic process: a herd of hippopotami doomed to perish in a small ooze pit amidst a vast, muddy plain drying up after an overflow.

It seems to me to be a typical example of embedding of the large, Permian, semiaquatic reptiles. I hope this year you succeed in discovering true therapsids in the San Angelo.

Sincerely yours,
I. A. Efremov

Уважаемый профессор Олсон!

Я только что получил экземпляр Вашего перевода «Каталога»[1]. Вы взялись за трудное дело и блестяще с ним справились. Вы очень хорошо суммировали все важные данные и прояснили неясные моменты. Перевод точен, так же как и транскрипция на кириллице, за исключением списка литературы. Посылаю

[1] Olson, E. C. 1957. Catalogue of localities of Permian and Triassic vertebrates of the territories of the U.S.S.R. *Journal of Geology* 65, 196-226 (адаптированный перевод работы: Ефремов И. А., Вьюшков Б. П. Каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных на территории СССР // Труды Палеонтологического института АН СССР. М., 1955. Т. 46. 156 с.)

редкую фотографию, связанную с тафономическим процессом: стадо гиппопотамов, обречённых на гибель в небольшой илистой яме среди огромной равнины, высыхающей после наводнения.

Этот пример представляется мне типичным для захоронения крупных рептилий пермского периода, ведущих наполовину водный образ жизни. Выражаю надежду, что в этом году Вам удастся найти терапсид в Сан-Анджело.

Искренне Ваш
И. А. Ефремов

Перевели Маргарита Шахова и Лариса Михайлова

31 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
16 октября 1957 г.

Dear Professor Efremov:

Thank you very much for your letter concerning the summary of the "Catalogue". I am most pleased that you found it moderately satisfactory. I am sending you 10 copies. I have many requests from several universities in this country, from England, France, Finland, Germany, South Africa, Australia, and so forth. As you can see, there is wide-spread interest in your work but apparently too little ability to read your language.

May I thank you for sending me your book entitled "The Land of Foam". I have just finished reading "Doroga Vyetrov" (The Trail of the Winds). Your non-technical Russian poses some difficult vocabulary problems to me. My book with Robert L. Miller, entitled "Morphological Integration" is due off the press next month. I hope soon to reciprocate for the books you have sent me by sending a copy. It is not the enjoyable sort of book like "The Land of Foam" but perhaps some of the ideas it contains will prove stimulating.

Please give my regards to Professor Orlov and tell him I will be writing him soon.

Very sincerely yours,
Everett C. Olson

Уважаемый профессор Ефремов!

Большое спасибо за Ваше письмо относительно краткого изложения «Каталога». Я очень рад, что Вы нашли его умеренно удовлетворительным. Я отправляю Вам 10 копий. Я получил многочисленные запросы из нескольких университетов Англии, Франции, Финляндии, Германии, Южной Африки, Австралии и так далее. Как Вы можете видеть, Ваша работа вызывает широкий интерес, но, вероятно, здесь слишком мало возможностей читать на Вашем языке.

Позвольте мне поблагодарить Вас за то, что Вы прислали мне Вашу книгу «На краю Ойкумены». Я только что закончил чтение книги «Дорога ветров». Ваш нетехнический русский язык создал для меня некоторые словарные проблемы. Моя книга в соавторстве с Робертом Л. Миллером, озаглавленная «Морфологическая интеграция», будет издана в следующем месяце. Я надеюсь в ближайшее время ответить Вам взаимностью и в ответ на книги, которые Вы прислали мне, отправить Вам экземпляр. Это не столь приятное чтение, как

«На краю Ойкумены», но, может быть, некоторые идеи, содержащиеся в этой книге, окажутся воодушевляющими.

Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания профессору Орлову и скажите ему, что я в ближайшее время напишу ему.

Искренне Ваш
Эверетт К. Олсон

Перевела Маргарита Шахова

И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 32

Москва
17 октября 1957 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Как здоровье Ваше и Агнии Александровны? Всё ещё часто бываете на даче?

Поздравляем вас обоих с искусственным спутником.

Большая просьба — если можно, то пришлите шоффёра с моими книгами (Африка + 7 книжек <здесь в тексте копии пропуск>). Мне сейчас нужна Африка.

Если он не застанет никого в квартире — пусть оставит у лифта.

Определили ли Агния Александровна мой <здесь в тексте копии пропуск>!

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[1] 33

Москва
29 октября 1957 г.

Дорогой Николай Феодосьевич!

По возвращеньи в Москву я собирался к Вам, но не успел, как навалилось ужасное количество дел. С ними я не покончил и по сие время, т. к. всё время примешиваются разные юбилейные дела. Но всё же думаю, что к праздникам или на праздниках[2] будет легче, и я сразу же выберусь к Вам — позвоню предварительно. Грабовский прислал мне свой сценарий — слабую вещь, но я не отсылал её Вам, т. к. думал со дня на день выбраться.

С искренним уважением и приветом, *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 34

Москва
7 ноября 1957 г.

Уважаемый Геннадий!

Неудача с экспедицией пусть Вас не обескураживает — это вполне могло бы получиться и с более взрослым народом. В общем же вы все действова-

[1] Почтовая открытка с изображением индийской статуэтки из слоновой кости.

[2] Имеется в виду 7 ноября — празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

ли правильно, но, конечно, не смогли учесть, что там два совершенно различных местонахождения. «Тафономию» прислать не могу — она стала библиографической редкостью. О слепке напишу, когда сам буду иметь возможность повидаться со специалистами, что будет не раньше января-февраля. Сейчас пока спишитесь с Рождественским насчёт экспедиции будущего лета — чтобы он имел Вас в виду.

С приветом,
И. Ефремов

35 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[1]

Москва
19 ноября 1957 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Феодосьевич!

Мне кажется, Вам будет интересно прочитать I. Velikovsky Earth in Upheaval

Шифр Ленинской: Ин 57-12
81

Этого же автора:
1. Worlds in Collision (1950)
2. Ages in Chaos vol.1 (1952)
3. Ages in Chaos vol.2 (1957)

Не знаю, есть ли в Ленинской.

С приветом и уважением, *И. Ефремов*

36 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
15 декабря 1957 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Сейчас Ваша жена скажет «опять письмо от Грабовского, а не сам!». Увы, это так. Но я выберусь к Вам обязательно на наступающей неделе — примерно в середине — четверг. Был занят настолько, по-свински даже как-то, что совсем уж ни на что времени не оставалось. Теперь, после 15-го, станет легче.

Что делать с Грабовским? У меня было впечатление, что Вы хотите как-то взяться за это дело. Принимая во внимание Ваш литературный вкус и эрудицию, это было бы самое лучшее, так как столь запутанную, неумелую и в то же время интересную вещь может довести только человек, Вам подобный.

Однако, ежели Вам сие не по вкусу, то надо как-то решить это дело. М. б., я попытаюсь поискать ему другого мыслимого соавтора? Так или иначе, ответьте ему, пожалуйста, а то у человека законные претензии к нам обоим.

Буду звонить Вам примерно в среду и, если не будет землетрясения, то почему бы мне и не попасть к Вам, наконец? Не откажите передать привет Вашей насмешливой супруге.

С приветом и уважением,
И. А. Ефремов

---

[1] Почтовая открытка «Кустарные изделия Индии» с изображением глиняной вазы с оленем.

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[1] 37

28 декабря 1957 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Землетрясение всё-таки случилось — т. е. случился сердечный приступ, с которым я лежу уже 12-й день. Буду выпущен после Нового Года, поэтому позвольте поздравить Вашу жену и Вас с новым, 1958 годом, который обязательно должен стать годом выхода «Изумрудного Кольца».

С уважением и приветом,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 38

Москва
28 декабря 1957 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пользуюсь случаем поздравить Вас с Новым Годом и пожелать, чтобы он, во всяком случае, был для Вас с не меньшими успехами, чем прошедший. Все мы от души завидуем Вашей Зурбаганской квартире[2] — до чего же здорово!

Про рукопись я не забыл, но всё ещё не получил от художника последний, исправленный дважды вариант. Если Вы клянётесь не обращать внимания на элементарные ляпсусы, то я пошлю Вам первый вариант, не ожидая более. Я сейчас уложен в постель после сердечного приступа, но в начале января буду выпущен. Издательские дела — всеобщая задержка.

С приветом,
И. Ефремов

Е. П. БРАНДИС — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ[3] 39

Ленинград
Декабрь 1957 г.

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГУЮ МИЛУЮ ТАИСИЮ ИОСИФОВНУ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ДАТОЙ НАИЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ ЗДОРОВЬЯ ЭНЕРГИИ НЕПРЕКЛОННОЙ СЛАВЫ ИВАНА АНТОНОВИЧА НИЗКО КЛАНЯЮСЬ ДРУЖЕСКИ НЕИЗМЕННО ДУШЕВНО

ВАШ
ЕВГЕНИЙ БРАНДИС

---

[1] Почтовая открытка со статуэткой «Мудрец».

[2] В. И. Дмитревский получил в Ленинграде квартиру на Васильевском острове, на ул. Наличной, с видом на Финский залив.

[3] Телеграмма, отправленная, вероятнее всего, 21 декабря, в день рождения Т. И. Юхневской.

1958

1 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ

Январь 1958 г.

Многоуважаемый Геннадий!

В этом году у нас будет большая экспедиция с палеонтологическими раскопками в бассейне р. Камы. Если Вы смогли бы принять в ней участие, то было бы очень полезно. Напишите начальнику этой экспедиции Чудинову Петру Константиновичу, что Вы хотели бы принять участие в экспедиции в качестве рабочего. Напишите ему, что Вы сможете приехать из Тайги за свой счет, а я пришлю Вам денег на дорогу. Сделать это надо не очень откладывая, чтобы иметь Вас в виду. Работы будут вестись с июня по август. Привет Вам и Вашим родителям.

И. Ефремов

2 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Москва
1 января 1958 г.

Дорогой Борис!

Спасибо за поздравление — в ответ всё моё семейство желает Вам исполнения лучших желаний (жаль, что исполняются далеко не все). Я пока всё ещё болею и не могу ответить Вам подробно. Пока можно только сказать, что, если нет особого интереса именно к морскому делу, то не стоит — лучше идти по той же линии Нептуна, но без Ареса. Это даст гораздо больше времени на размышления и писание, в чём, мне кажется, суть Вашего Я.

С приветом и уважением!
И. Ефремов

3 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[2]

Москва
9 января 1958 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Я всё ещё арестован врачами на полупостельном режиме.

---

[1] Новогодняя открытка.

[2] Почтовая открытка с портретом женщины работы индонезийского художника Сумарди.

Пока могу сообщить Вам шифр книги, которая Вас заинтересует:
L. Sprague de Camp
Lost continents
New York, 1954.
Шифр Ленинской: Н 909
294
Сейчас книга ещё у меня, но через неделю я её сдаю.

С уважением и приветом, *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
13 января 1958 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вчера отправил Вам рукопись «Туманности». К сожалению, это не окончательная редакция, а средняя. В последней исправлена глава «Остров Забвения» — убран несколько «концлагерный» его оттенок, а также глава «Стальная Дверь», где убрана вся сцена обвала пещеры и вообще дешевое приключенчество. Кое-что добавлено и эмоционально расширено, но немного.

Нахожусь в некотором затруднении с примерами американской фантастики. Военно-торгашеской идеологии так много, что, право, не знаю, на чём остановиться.

Если взять одного из наиболее крупных и прогрессивных писателей — англичанина Эдмонда Гамильтона (у нас печатавшегося — в «Технике — молодёжи»), то его наиболее крупная повесть «Звёздные короли» (1947) может быть характерной. В ней представлено человечество двести тысяч лет вперед от нашего времени, расселившееся по всей галактике. Фантазия очень широка и увлекательна, сюжет крайне динамичен, но социологическая основа весьма убога.

Средне-Галактическая империя, Лига Темных Миров, подобная фашисткой Германии, королевство Лиры, Бароны Геркулесова Роя... чего там только нет. Император Средне-Галактической империи ругается, как старый боцман, и разговаривает на «уровне» современного американского генерала. Заговоры, измены, подкупы, шпионаж, борьба за власть, колоссальная война, пытки и политические перевороты... во всём этом смесь средневековья и современности.

Мир придёт к грозному концу — уничтожения всей культуры, иногда вообще всего человечества в результате неизбежной атомной войны как результата великих научных открытий — это одна из наиболее частых тем.

Таковы повести и рассказы Роя Бредбёри[1] (у нас переведен наиболее «безобидный» «451 по Фаренгейту»), с глубокой ненавистью относящегося к науке, таковы «Воды Вавилона»[2] Бенета, где молодой дикарь посещает страшные развалины Нью-Йорка, такова «Горсть пыли» Эвелин Вэн, где от всего человечества, его стремлений и чаяний остаётся лишь горсточка белой пыли на оплавленных камнях обнажённой планеты.

---

[1] Так в тексте. Рэй Брэдбери.

[2] Рассказ С. В. Бене «На реках вавилонских» («By the Waters of Babylon», 1937).

Мир роботов — сложнейших машин, заменяющих человека во всех его делах, тоже не способствует счастью людей, либо вследствие чрезмерной заботы, как в повести Д. Уильямсона «Со сложенными руками»[1], либо вследствие голодной безработицы порабощённых людей или обитателей иных планет, как в ряде повестей и рассказов блестящего американского писателя Исаака Азимова[2]. В его же повестях мы встречаемся с откровенно детективным сюжетом, базирующимся на строго научных возможностях, однако так же с заговорами и убийствами.

Широко известный и много раз издававшийся рассказ, вернее, небольшая повесть Мюррея Лейнстера «Первый Контакт», где описывается встреча земного звездолёта с кораблём иного мира, как нельзя лучше отражает военную идеологию зарубежной литературы: оба корабля должны уничтожить один другого, чтобы не дать «чужим» проследить путь к своей планете, и обязательной — иначе автор себе не представляет — агрессией. Только очень хитроумным способом удаётся (автору) избежать уничтожения встретившихся представителей высочайших культур вселенной!

Пользуются известностью и «христианские» романы Ч. Льюиса[3], в которых Марс представлен планетой, где не было первичного «грехопадения», а Венера — наоборот — там происходит непрерывное искушение венерианской Евы! Так даже космо-техническая фантастика используется для чисто церковно-пропагандистских целей.

Можно было бы писать ещё очень много, но полагаю, Вам хватит. Я взял примеры из известных авторов, вошедших в многочисленные сборники и антологии. Наряду со всем этим есть и блестящие гуманистические вещи Чада Оливера[4] и Роберта Хейнлейна[5], и «страшные повести» Эрика Рассела о вторгающихся в тела людей и завладевающих ими агрессорах с Венеры или иной звезды[6], и красивые, но глубоко пессимистические романы о «супервизорах» Земли, пришедших из Космоса («Конец Детства» Артура Кларка[7]).

Большая просьба — как только минует надобность в рукописи, сразу же отправьте её обратно, так как на её чтение — большая очередь. О получении не откажите известить.

С приветом и искренним уважением:
И. Ефремов

---

[1] «With Folded Hands...» (1947) — произведение Д. Уильямсон.

[2] Так в тексте. Айзек Азимов.

[3] Так в тексте. Речь идёт о «Космической трилогии» (1938—1945) К. С. Льюиса.

[4] В 1965 издательство «Мир» опубликовало переведённый на русский язык роман С. Ч. Оливера «Ветер времени» (The Winds of Time, 1956).

[5] Так в тексте. Роберт Хайнлайн.

[6] Имеются в виду первые романы Э. Ф. Рассела «Зловещий барьер» (Sinister Barrier, 1939), «Алтарь страха» (Dreadful Sanctuary, 1941), а не более поздние его сатирические произведения.

[7] «Childhood's End» (1953).

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 5

Москва
21 января 1958 г.

Дорогой Иван Антонович!

Я очень признателен Вам за присланные Вами указания по поводу книги о погибших континентах. Со своей стороны я могу Вам сообщить, что я лично имею следующие книги об Атлантиде[1]:

и в настоящее время имею также довольно оживленную переписку с обоими авторами. Вот бы Вам, при Ваших литературных способностях и стиле, написать роман по Муку! Мне, например, это совсем не по силам. Мук точно датирует гибель Атлантиды, называя день и час, на основе астрономических данных, считая, что гибель Атлантиды была вызвана падением планетоида к востоку от г. Чарльстона (США).

А Вы что-нибудь читали о находке в каменном угле одной из копей в Тоскане скелета человекообразного существа? Совсем в духе Грабовского. Кстати, ещё раз моя жена оказалась права. На днях ко мне пришло обширное письмо от Грабовского. Вот жена и говорит — значит, скоро получим письмо от Ивана Антоновича, что он в энный раз по очередной космической причине не сможет нас навестить! Вот так и вышло — на следующий день я получил Вашу открытку, что Вы всё ещё болеете.

Будем надеяться, что в этом году (а год ведь только начался!) уже не будет больше ни космических, ни теллурических причин, которые могли бы помешать Вам посетить нас и что Ваша болезнь ликвидируется ко всеобщему удовольствию.

Когда-то, когда-то давно, Вы мне обещали сообщить что-то относительно находки в Китае челюсти гигантопитека... А что Вы скажете относительно атлантропа? ... А может быть, и Вы знаете что-нибудь, чего я наверное не слыхал, и что интересно для меня?

С глубоким уважением и дружеским приветом,
Жиров

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 6

Санаторий Узкое
8 февраля 1958 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Из Детгиза я «Туманность» снова передаю в «Молодую гвардию», именно вследствие нежелания делать купюры. Однако и там всё тянется медленно — думаю, что в основе лежит страх. Однако переведена она уже на 6 языков! «Остров Забвения» в последней редакции исправлен, но кое-что неизбежно, так же как и суровость в рассказе о будущем, пронизанном насквозь наукой.

Серые глаза бывают голубыми и наоборот — в зависимости от неба.

Сценарий хотят делать в Ленинграде, но я не знаю, как сделать в кино — мечту?!

---

[1] Копия письма перечня книг не содержит.

Я доктор биол[огических] наук, потому что палеонтолог — эта наука существует в двух разделах. А по образованию — горный инженер (Ленинградский Горный).

Извините за почерк — я в санатории без машинки.

С приветом, Ваш
И. Ефремов

7 И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ

Узкое
8 февраля 1958 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

После Вашего возвращения пытался Вам позвонить, но два раза попадал в Ваше отсутствие, а Агнию Александровну не решался беспокоить.

И вдруг мне неожиданно дали путевку в «Узкое», о которой давно хлопотал. Дали с условием ехать в тот же день. Я поехал на следующий, но уж ничего не успел сделать.

Я слыхал, что Вы довольны поездкой в Цхалтубо. Как здоровье Агнии Александровны, она ведь привыкла не щадить себя в увлечении домоводством?

А я снова отличился сердечным приступом, как летом. Уложили, гноили в постели и дома, теперь отправили в санаторий.

Если так часто повторяются ангиоспазмы — это знак, что какую-то из моих муз надо покидать. Но какую?

Не раз Вы любезно предлагали мне выписать для меня литературу через книжный отдел. Если Вы не исчерпали ещё своего лимита на текущий год, то я воспользовался бы Вашей заботой, однако при условии, что Вы разрешите мне возвращать Вам стоимость, уплаченную Вами в нашей валюте. Иначе мне делается совсем уж неудобно…

Прилагаю список нужных книг в порядке важности[1]. Книжный отдел АН принимает заказы по 1-е марта, так что ещё есть время.

Я собрался было сделаться Вашим соседом, но, увы, это оказалось лишь быстро разбитой мечтой. В ЖКО мне сказали, что Лаврентьев и Христианович будут спешно продавать свои дачи и будто бы нет покупателя! На самом деле оба сибирских зачинателя и не думали расставаться с Подмосковьем…

Большое Вам спасибо за «Испанию»[2]. Многое там для меня слишком детально и специально, но многое интересно и пошло на пользу. Пока не могу Вас ничем отдарить, так как «Туманность» всё ещё туманится (надо же было мне дать такое название — забыл о моряцком суеверии).

С лучшими пожеланиями и искренним уважением,
И. Ефремов

Отдельный поклон Агнии Александровне!

---

[1] Список книг к письму отсутствует.

[2] Речь идёт о книге И. М. Майского «Испания. 1808—1917», опубликованной в 1957 г.

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 8

Санаторий «Узкое»
11 февраля 1958 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Спасибо за любезное письмо. Посылаю Вам только что полученную из Франции книгу об Атлантиде. Это результат моего интервью в журнале Франция — СССР, где я высказал свою прежнюю ересь о средиземноморской Атлантиде. Студент-историк из Монпеллье прислал мне книгу в знак несогласия со мной[1].

Буду просить Вас вкратце рассказать мне о ней, когда встретимся, так как французским языком я не владею, а читать через пень в колоду — этого мой интерес к Атлантиде не выдерживает.

Не откажите передать привет Вашей скептической жене.

С уважением и приветом:
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 9

Санаторий «Узкое»
16 февраля 1958 г.

Дорогой Владимир Иванович!

В письме к Вам я забыл напомнить, что на рукопись «Андромеды» существует очередь читателей. Поскольку Вы её уже преодолели, то не откажите в любезности послать такой же бандеролью на мой домашний адрес. После Вас на очереди вдова А. Н. Толстого[2] и академик Капица.

Может быть, если успешно поуправлюсь, в конце марта удастся приехать в Ленинград и посмотреть Вашу Зурбаганскую квартиру.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 10

Sanatorium Uzkoje (Moskau)
22 февраля 1958 г.

Prof. Dr. Friedrich von Huene,
Museum für Geologie u. Paläontologie
der Universität Tübingen.

Sehr geehrter Herr Kollege!

Please be kind enough to accept my excuses for delaying my answer on your hearty letter, I have been very ill from December and still now I am in a sanatorium (a heart failure). That is the cause of my silence...

I have a serious doubt I can visit Tübingen on your kind invitation to deliver a lecture. Very probably it would be more expedient to change the invitation for professor D.W.Obrucev.

---

[1] Француз-историк прислал И. А. Ефремову французский перевод книги немецкого учёного Юргена Шпанута «Разгаданная Атлантида».

[2] Людмила Ильинична Толстая.

We have to hope to send you some footprints from lower Permian of Khazakhstan in not very distant future. As for the case of our material, the business is very difficult now. Many our collection must be rearranged and all our experienced preparators are very busy with this enormous work. I seems to me this affair can be really no sooner as at the end of 1958...

I remember your short visit to Moscow, the nicest hours spent with you, your words "Ihre fossile Kinder" — with very great pleasure. Prof. Orlov has sent me kindly some photos of you in our Museum with my colleagues and myself.

I hope to send you very soon my new paper on the taphonomy of some interesting localities of fossil vertebrates in Central Asia, published in the "Vertebrata Palasiatica" of the Academia Sinica, Peking, in Russian.

The paper in English will be published in the "Journal of the Paleontological Society of India".

Ihr mit bestem Gruss[1] und in vorzüglichster Hochachtung ergebenst
I. Efremov

Профессору Ф. фон Хюне
Музей геологии и палеонтологии
Университета Тюбингена

Многоуважаемый коллега![2]

Прошу принять мои извинения за задержку с ответом на Ваше сердечное письмо. С декабря я очень болен и всё ещё нахожусь в санатории (сердечная недостаточность). Это и есть причина моего молчания...

У меня серьёзные сомнения относительно возможности приехать в Тюбинген в ответ на Ваше любезное приглашение и прочитать лекцию. Вполне возможно, что будет целесообразнее направить приглашение профессору Д. В. Обручеву.

Мы надеемся в скором времени отправить Вам некоторые отпечатки следов из нижней перми Казахстана. Что касается нашего материала, это нелегко пока организовать. Нашу коллекцию требуется разместить, и все наши опытные препараторы загружены работой. Мне кажется, работа завершится не раньше конца 1958 года.

Я с большой радостью вспоминаю Ваш короткий визит в Москву, приятные часы, проведенные вместе с Вами, слова «Ваши ископаемые дети». Профессор Орлов прислал мне несколько фотографий, где мы с Вами и другими коллегами запечатлены в нашем музее.

Надеюсь отправить Вам в скором времени свою новую статью о тафономии некоторых интересных местонахождений ископаемых позвоночных в Центральной Азии. Статья опубликована в «Vertebrata Palasiatica» Китайской академии в Пекине на русском языке.

На английском языке статья будет опубликована в «Журнале палеонтологического общества Индии».

С наилучшими пожеланиями и глубочайшим уважением,
И. Ефремов

Перевели Юлия Берлин и Лариса Михайлова

---

[1]Так в тексте. Правильно: Gruß.

[2]Обращение и последняя фраза письма — на немецком языке.

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 11

Москва
25 февраля 1958 г.

Dear Professor Olson:

I am extremely interested in your newest work entitled "Morphological Integration". At any rate, we need a single copy for our whole group, including Professors Orlov and Obruchev.

In answer to your question about "Laurasia" as I have used it, it is an old European term for a great northern continent counterbalancing to Gondwana and including Laurentia and Eurasia (Erie + Angarida + Sinia). Such a continent, however, never existed, as the Gondwana. And you are extremely right to say that Gondwanian faunal elements were embedded in your Permian facies, distributed somewhere on the northern continent. My paper is "Гондванские фации северных материков" (Gondwanian Facies of the North-ern Continents). It is a pity that you have not read my book "Тафономия и геологическая летопись" (Taphonomy and the Geological Record) that I sent some years ago. You are possibly the only VP who stand very near to all taphonomic ideas and can clearly imagine all significance of this regularities.

Yours sincerely,
I. A. Efremov

Уважаемый профессор Олсон!

Я крайне заинтересован в Вашей последней работе под названием «Морфологическая интеграция». Нам необходим хотя бы один экземпляр на всю группу, включая профессоров Орлова и Обручева.

Отвечаю на Ваш вопрос о смысле, который я вкладывал в термин «Лавразия»: это старое европейское название для огромного северного материка, уравновешивающего Гондвану и включающего Лаврентьевский щит и Евразию (Эри + Ангарида + Синия). Этого материка, однако, никогда не существовало, как и Гондваны. И Вы в высшей степени правы, говоря, что элементы фауны Гондваны были вкраплены в Ваши фации пермского периода, распределяясь каким-то образом по северному континенту. Моя статья называется «Гондванские фации северных материков». Жаль, что Вы не читали мою книгу «Тафономия и геологическая летопись», которую я выслал несколько лет назад. Возможно, Вы единственный специалист по палеозоологии позвоночных, который очень близко подошёл к тафономическим идеям и может ясно представить себе всю значимость этих закономерностей.

Искренне Ваш
И. А. Ефремов

Перевели Маргарита Шахова и Лариса Михайлова

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 12

Москва
9 марта 1958 г.

Дорогой Иван Антонович!

Прежде всего, разрешите поблагодарить Вас за присланный Вами французский перевод книги Шпанута «Разгаданная Атлантида». Так как я уже имею

немецкий оригинал, то с благодарностью возвращаю Вам Вашу книгу — одновременно с этим письмом я высылаю её заказной бандеролью. Так как дата нашей гипотетической встречи мне неизвестна и оная встреча, по-видимому, по целому ряду причин довольно проблематична, то я позволю себе сообщить Вам вкратце мои впечатления о книге Шпанута. Эта книга принадлежит к числу тех многочисленных произведений, посвященных Атлантиде, авторы которых игнорируют самую достоверную часть предания Платона, а именно — местонахождение Атлантиды в Атлантическом океане. Поэтому такие авторы, используя наиболее сомнительную часть предания: либо описание богатств Атлантиды, либо войну между атлантами и праафинянами, либо ещё что-либо иное, помещают Атлантиду там, куда приводит их компас собственного воображения — то ли на Северном полюсе, то ли на Гельголанде, то ли в Средиземном море. Каждый из таких вариантов часто имеет то или иное обоснование, как правило, однако, не имеющее ничего общего с Атлантидой Платона. По моему личному мнению, помещение Атлантиды на Гельголанде по Шпануту не менее обоснованно, чем Ваш средиземноморский вариант, а, быть может, даже и более. Как говорится, на чей вкус: кому нравится Гельголанд, а кому Средиземное море. Поэтому, пожалуй, французский студент был прав, не соглашаясь с Вами и прислав Вам столь же обоснованный вариант Шпанута.

Затем позвольте поблагодарить Вас за указание на книгу Спраг де Кампа[1] «Погибшие континенты». Она сейчас лежит у меня на столе, я её внимательно читаю, делаю выписки и … «стервенею»! Простите за это грубое выражение, но я ещё не читал столь тенденциозно написанной книги! Автор обрушивает на неискушенного читателя колоссальную груду атлантологического мусора и, используя огромный материал и свою одностороннюю эрудицию, но даже не брезгуя явной клеветой, пытается создать непререкаемое мнение о фантастичности Атлантиды и полной псевдонаучности всех атлантологических работ. В его обзоре Вы не встретите указаний ни на работы Малеза, Петтерсена, основные работы Кинга и Толстого[2], не говоря уже о советских работах, но, зато на стр[анице] 85 найдёте клевету на учёных Советского Союза, якобы игнорирующих все достижения науки и помещающих Атлантиду в Каспийском море! Я лично не знаю такой работы, и неужели у нас мог найтись такой идиот, как об этом, захлебываясь от восторга, пишет де Камп. Вы не слышали о таком варианте? Интересно, что в обоих указателях де Кампа ссылок нет. Откуда он мог взять такую галиматью? В общем, я постараюсь разделать этого «субчика» в специальной статье. А теперь кончаю.

С приветом и уважением,
Н. Ф. Жиров

13 И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ

Москва
10 марта 1958 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Очень большое спасибо за книгу, но, увы, — они выписали её Вам вторично. Это не беда, так как книга нужная и ей найдется дело. Что до моего

[1] Так в тексте. Спрэг де Камп.
[2] Имеется в виду И. И. Толстой.

заказа [далее одно слово не разобрано], а Вам большое спасибо и извинения за хлопоты.

Очень плохо, что Детгиз так задерживает Вашу книгу[1]. Она нужна сейчас особенно.

Но я сам взял от них «Туманность» и вернулся в «Молодую гвардию», где сейчас гонят вовсю её редакцию. На этой неделе закончу, и тогда разрешите позвонить Вам.

Большой привет Агнии Александровне и Вам от всего семейства.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 14

Москва
21 марта 1958 г.

Уважаемый Геннадий!

«Тафономию» нигде не сыщешь днём с огнём. Но среди старых оттисков я нашёл так называемые «чистые листы», оставшиеся у меня от корректур «Тафономии». Здесь нет начала, т. е. фактического материала по местонахождениям, но зато всё остальное — все закономерности и выводы — это всё есть.

Сохраните эту корректуру, и если она Вам не будет нужна, — пришлите обратно.

По заключениям Громова (предварительным, т. к. мало данных) Ваши находки[2] — неолит, вероятно, поздний, и останки мамонта не связаны непосредственно с этой стоянкой — видимо, они были в самом верху террасы. Но есть что-то интересное в отделке копья, и вообще Громов считает нужным посетить стоянку снова какими-нибудь местными специалистами, с которыми он договорится. В общем, эта находка Ваша — полезное для науки дело.

В экспедицию к Чудинову обязательно старайтесь попасть, так как Рождественский в этом году никуда не поедет или будет работать вместе с Чудиновым.

С приветом — *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 15

Москва
23 марта 1958 г.

Глубокоуважаемый Евгений Павлович!

Я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы Вы ознакомились с полным текстом «Туманности», кроме того что сам С. П. Полтавский ещё никак не реагировал на моё письмо и не подтвердил тем самым необходимость присылки рукописи.

И конечно, в силе остаётся просьба — не задерживать рукопись у себя ни одного лишнего дня, так как желающих читать — длинная очередь.

---

[1] Очевидно, имеется в виду книга И. М. Майского «Близко-далеко» (вышла в 1958).

[2] Имеются в виду наконечники копий и стрел, обнаруженные нами в Шестаково. — *Примечание Г. М. Прашкевича.*

Теперь — относительно Ваших вопросов. Вы, конечно, совершенно правы, считая, что высокая нагрузка романа научными понятиями объясняется уровнем изображаемого времени. Если бы люди, сетующие на трудность изложения, дали себе труд сопоставить вновь пришедшие в наш быт слова и понятия хотя бы за нашу с Вами жизнь, с уже утратившими своё повсеместно обиходное значение понятиями и словами, ну, например, из религиозной практики, из конного обихода и т. п. — тогда бы им стало очевидным, какие огромные сдвиги должны произойти за тысячелетие.

Моя попытка обрисовать широкую научную основу быта и фразеологии будущего — это, безусловно, ещё очень жалкая первая попытка. Вероятно, над ней будут смеяться уже через два столетия, а не через тысячу [лет]. Однако если эта моя попытка послужит для других, более успешных, то она оправдана. И нет оправдания тем ленивым умам, для которых необходимость думать серьёзно над книгой уже является отвращающим препятствием. Надо им читать приключенческую или бытовую литературу (не поймите меня, что я считаю это литературой второго сорта), а не браться за серьёзные вещи о будущем. Из сказанного Вам видно, что я не собираюсь уменьшать нагрузку романа, как бы меня за это ни ругали.

Что касается стилистических ляпсусов, то тут дело хуже. Я ведь вообще никакой не стилист, владею языком слабо, что сильно мешает мне писать и задерживает творческие замыслы.

«Ляпсусы» у меня всегда были и будут. Однако я не думаю, чтобы именно в «Туманности» их было больше, чем в других вещах, так как всё же я понемногу с годами совершенствуюсь. Что же касается «ис́похабленного» журнального варианта, то отсутствие корректуры автора в большинстве номеров журнала после проведённых грубейших сокращений с даже не резкой, а рубкой по живому месту привело к увеличению стилистически плохих мест. Поэтому за полное издание в отношении стиля я не беспокоюсь — будет не хуже, а, вероятно, лучше моего среднего уровня.

Мне не кажется очень опасным смешение придуманных терминов с бытующими. Для недостаточно подготовленного читателя, сколько бы его ни было, и придуманные, и существующие термины одинаково неизвестны. Если же читатель захочет разбираться, то это он очень легко сделает. Я всегда считал, что популяризация науки должна итти не за счёт снижения уровня изложения, а наоборот, подниматься до самых крайних пределов настоящего — переднего края науки. Снижая уровень, мы тем самым снижаем и требовательность, следовательно, снижаем давление коллектива на индивида и неизбежно его опускаем. А вместе с ним и коллектив тоже спускается, хотя и медленнее, чем индивиды… Это, так сказать, философская концепция, а насколько я справился с поставленной задачей — судить Вам.

Относительно античной культуры и культуры социализма: в полном тексте неравенство как-то выровнено, хотя частично Ваше замечание справедливо. Не случайно героиня и её помощники занимаются древней историей, а не нашим временем, скажем. Представление об античной культуре в целом мало изменится, будем ли мы смотреть на неё от нашего времени (свыше двух тысяч лет) или от того, о котором идёт речь (свыше трёх тысяч лет). Социалистическая же культура сейчас ещё никак не отстоялась для отдалённо-ретроспективного взгляда, так как существует исторически одно мгновение, как бы велико ни было её значение для будущего.

Вот почему сделать это ещё невозможно и историки в моём романе — античники. Тем самым я избегаю роли прорицателя, нестерпимой для меня — учёного.

Вот как будто и все Ваши вопросы. Извините, что ответил на них [не] так подробно и ясно, как хотелось бы, но недостаток времени не позволяет исправлять или подолгу обдумывать написанное, а я вообще — тугодум. Большое спасибо за доброжелательное и искреннее письмо — оно дорого в наш недобрый, нездоровый век.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 16

Москва
26 апреля 1958 г.

Dear Professor Olson!

Many thanks from my colleagues and me for your interesting papers. The last paper of the Vale-Choza is real taphonomy. Your other great book "Morphological Integration" is somewhat above my understanding. It seems to me that such extrapolations are steps to the future science as well the heredity of cybernetic mechanisms — mesons and so on. I will give the book to my more competent colleagues.

We are now planning a big paleontological expedition to Central Asia together with Chinese vertebrate paleontologists, beginning in 1959. But personally I shall stay in Moscow because of my heart disease.

As far as visiting Permian localities in this country, it will be difficult to arrange as all of our field staff will be absent in Central Asia.

With best wishes,
yours very sincerely,
I. A. Efremov

Уважаемый профессор Олсон!

Большое спасибо Вам от меня и от моих коллег за Ваши интересные статьи. Последняя статья о Вэйл-Чоузе является по-настоящему тафономической. Ваш другой солидный труд «Морфологическая интеграция» несколько выше моего понимания. Подобные экстраполяции представляются мне наряду с изучением наследственности кибернетических механизмов и всяческих мезонов шагом к науке будущего. Я отдам книгу своим более сведущим коллегам.

В настоящее время мы планируем большую палеонтологическую экспедицию в Центральную Азию совместно с китайскими палеонтологами позвоночных, которая должна начаться в 1959 г.[1] Но сам я останусь в Москве из-за своего сердечного заболевания.

---

[1] Совместная Советско-Китайская палеонтологическая экспедиция работала на территории КНР в 1959—1960 гг. Разведочные маршруты экспедиции охватили центральную и западную части Внутренней Монголии, провинции Ганьсу, Цинхай и другие области. Были обнаружены 40 местонахождений мезозойских и кайнозойских позвоночных, из них на 11 организованы раскопки, в результате которых были обнаружены новые ископаемые хищники, непарнокопытные древние тапиры и носороги, архаичные свинообразные и жвачные, грызуны и т д. (Труды Палеонтологического института. 1980. Т. 184. С. 30—33).

Что касается посещения местонахождений ископаемых пермского периода в нашей стране, то это будет сложно организовать, так как весь наш штат экспедиционных сотрудников будет в Центральной Азии.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш *И. А. Ефремов*

Перевела Маргарита Шахова

17 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Москва
6 мая 1958 г.

Многоуважаемая Людмила Степановна!

Не могу удовлетворить Вашей просьбы (даже подкреплённой красивыми марками) по той простой причине, что «Дорога ветров» вышла в 1956 году тиражом всего в 15 000 и исчезла из магазинов два часа спустя после поступления. У меня остался единственный свой экземпляр.

В этом году издательство хочет переиздать массовым тиражом, что свершится, вероятно, к концу года, и только тогда я буду в состоянии послать Вам книгу.

Что до «Туманности», то книга выйдет осенью.

Предполагая, что у меня много моих фотографий, Вы впадаете в обычную ошибку, забывая, что «сапожник без сапог». Но Вы попали ко времени, так как меня только что заставили сниматься «классически» — т. е. в фотографии[1], чего я вообще не терплю, но для зарубежных наших друзей пришлось поступиться привычками. Посылаю Вам одну из этих самых.

С Борисом Павловичем[2] ничего не получается — не могу найти ему соавтора. Щелкопёра без эрудиции — не годится, а все мало-мальски стоящие так заняты своим собственным, что не берутся. С посылкой на конкурс Б. П. разумеется прогадал — отвергли и более ничего, хоть я и председатель секции научной фантастики.

Сейчас съезжу в командировку, после — увижусь наконец с Жировым, возьму у него дубликат рукописи и пошлю назад Б. П. — что же поделать. М. б., как-нибудь съезжу во Фрунзе — тогда поговорим лично…

С приветом и благодарностью за добрые пожелания:
И. А. Ефремов

18 П. К. ЧУДИНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ежово
11 июня 1958 г.

Здравствуйте, дорогой Иван Антонович!

Мы добрались до Ежово раньше, чем предполагали. В Китяке много поработать не удалось. Во-первых, костей там не так уж много, во-вторых, склон очень крутой и всё время мучают обвалы. Материала в общем собрали мало.

---

[1] Имеется в виду фотоателье.
[2] Б. П. Грабовский.

Загипсовали одну довольно большую лопатку и взяли ещё около десятка костей, из которых самое интересное — один клык дейноцефалового типа. Лабиринтодонтовых остатков, похоже, нет. Около Мамадыша ничего не нашли. Местонахождение осматривали детально. Около Малмыжа я даже не стал искать капторинид, так как уровень Вятки очень высок. В Удмуртии нашли одно местонахождение с эстериями, из которого собрали небольшую коллекцию. Эстерий там полным-полно.

В Ежово устроились хорошо. Построили сарай, кухню, поставили палатки, стол на двадцать «персон». Короче говоря, всё готово, а трактор ещё не отремонтирован. Надеюсь, что на днях (примерно через неделю) приступим к работе. Ребятишки[1] стараются помогать, но, как слепые щенята, натыкаются на разного рода предметы и ухитряются опрокидывать даже самые устойчивые. По вечерам они затевают жаркие философские споры. Дело доходит иногда до взаимных оскорблений.

Иван Антонович, у Коли Иорданского в этом году должна быть курсовая работа, и он выражает желание писать таковую по местонахождениям с использованием литературных данных и личных наблюдений. Думаю, что для него такая курсовая будет полезной. Если его ограничить рядом местонахождений с их геолого-тафономической характеристикой и составом фауны, то будет вполне достаточно. Как Вы считаете?

Вот, пожалуй, у меня пока и всё. Порадовать Вас нечем. Без настоящей работы скучно. Раскопка рядом, а мы только смотрим на неё. Оханск осмотрим по пути в первую очередь, когда поедем за бензином.

До свидания, желаю здоровья. Приветы и поклоны всем нашим.

Женщин[2] буду вызывать телеграммами.

С поклоном, Ваш
П. Чудинов

И. А. ЕФРЕМОВ – Е. А. ГАВРИЛОВУ 19

30 июня 1958 г.

Заведующему лабораторией спелеологии АН СССР
Е. А. Гаврилову
от проф. Ефремова И. А.
ПИН АН СССР

Глубокоуважаемый Евгений Алексеевич!

Настоящим рекомендую Вам для использования в качестве добровольца-спелеолога в изучении пещеры Кон-и-Гут тов. Зайцева Юрия Николаевича, сотрудника Московской Милиции.

Ю. Н. Зайцев, кроме юридического высшего образования, имеет техническую специальность микрофотографа и, кроме того, принимал участие в научных археологических экспедициях.

---

[1] Имеются в виду три старшеклассника, которых взяли в экспедицию по просьбе Ефремова: Геннадий Прашкевич, Юрий Уткин и Андрей Кузнецов.

[2] Здесь имеются в виду сотрудницы ПИНа к. б. н. Е. Д. Конжукова и препаратор М. Ф. Лукьянова.

Не сомневаюсь, что тов. Зайцев, вместе с другим своим товарищем В. А. Толстых, в течение своего отпуска справятся с задачей исследования пещеры.

Профессор, д[окто]р
И. А. Ефремов

20 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[1]

Москва
1 июля 1958 г.

Глубокоуважаемый Николай Феодосьевич!

Единственная причина моего молчания — ряд совершенно неотложных дел и отсутствие в командировке и отпуске. Во всём остальном ничего не изменилось — ни всяческое к Вам расположение, ни стремление попасть в Вашу обитель. Думаю, что после совещания по фантастике я смогу наконец исполнить это последнее, ежели Вы по-прежнему не откажете в гостеприимстве. Привет нежнейший Вашей жене.

С приветом и уважением,
И. Ефремов

21 И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Москва
9 июля 1958 г.

Дорогой Иван Иванович!

Количество яду в Вашем письме меня так устрашило, что отвечаю немедля по прочтении. Забыв или пожалев вложить обещанную фотографию «изумительной красавицы», Вы отказались даже умастить елеем мои многочисленные раны от жалящих острий...

Завидую, конечно, ибо жалок тот, кто не завидует столь замечательному плаванию и вообще отдыху в Крыму с потрясающими красотками.

Я же буду действительно пребывать на указанных Вами широтах до сентября или октября, когда уеду в Китай на месяц[2].

Дальнейший мой путь ещё не вполне ясен, но не исключена возможность, что мне удастся добиться длительного отпуска и пожить в Крыму, скажем, около полгода. Но это выяснится лишь к поздней осени...

«Туманность Андромеды» должна будет выйти из печати в «Молодой гвардии» примерно в сентябре, и я немедленно пошлю её Вам. Конечно, как Вы

---

[1] Открытка с оленьей упряжкой, Якутская АССР.

[2] В октябре 1958 г. И. А. Ефремов в составе делегации Палеонтологического института выехал в Китай для заключения окончательной договорённости о проведении совместной Советско-Китайской палеонтологической экспедиции на территории КНР. В течение месячного пребывания были уточнены вопросы о составе и структуре экспедиции, очерёдности раскопочных работ, направлении поисковых маршрутов. Члены делегации были ознакомлены с палеонтологическими и археологическими раскопками, состоянием биологических научно-исследовательских и музейных учреждений КНР. И. А. Ефремов прочитал на заседании Палеонтологического общества доклад «О биологических основах палеонтологии».

сами знаете, издательства способны на любые фокусы, но всё же не советую Вам читать журнальный вариант. Если книга задержится, то лучше я пошлю Вам рукопись, переплетённую и в последнем варианте.

«Фараон» у меня есть[1], старый (1936) и новый (1956). Книга интересная, но малохудожественная, так как Вы совершенно правы — у автора плохо размешана наука с художеством — всё время попадаются комья.

Имею к Вам вот какой вопрос: поскольку Вы — старый друг Филатова, то что Вам известно о том, как родилась идея «Бегущей по волнам» Грина?

Здесь стало известно, что якобы Филатов в одном из своих литературных опусов[2] придумал сказку о дальнем острове среди моря и девушке, бегавшей по морю и спасавшей людей от кораблекрушений. Грин, явно будучи хорошо знаком с Филатовым, использовал идею для «Бегущей» и в благодарность вывел в романе самого Филатова под именем д[окто]ра Филатра, у которого тоже уходит и возвращается жена. Можете ли Вы проверить, легенда это или быль.

Напишите бога для о Ваших странствиях. Я если уеду, то дней на 20 под Москву, куда письмо всегда доставят.

Ваш неизменно,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

22

Москва
11 июля 1958 г.

Дорогой Владимир Иванович,

пока что я потерпел по всем линиям неудачу. С Касселем насчёт «Магелланова облака»[3] ещё никак не могу сговориться — он на даче, и когда я звоню — его нет, а он звонит — меня нет.

Сегодня послал ему ещё открытку.

В «Молодой гвардии» у Жемайтиса я получил отрицательный ответ — так как книга верстается, то он считает, что предисловие задержит выпуск. Я в этом сильно сомневаюсь, так как смотрю на темпы издательства гораздо более пессимистично, но в конце концов — его дело. Впрочем, он совсем не прочь, чтобы предисловие было написано ко второму изданию, которое он рассчитывает будет сразу же вслед за первым… хорошо, ежели так.

В общем, я рассчитываю приехать в Ленинград на два-три дня в 20-х числах месяца и привезти Вам «Облако», а от Вас получить рукопись моей индийской повести[4]. Конечно, позвоню Вам предварительно…

Большой привет всему милому семейству.

Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Имелся в виду роман польского писателя Б. Пруса «Фараон».

[2] В фонде И. И. Пузанова среди копий некоторых произведений В. П. Филатова рассказа с упомянутым И. А. Ефремовым сюжетом не сохранилось.

[3] Вероятно, И. А. Ефремов хлопотал об издании в СССР романа С. Лема «Магелланово облако» с предисловием В. И. Дмитревского.

[4] Повесть «Тамралипта и Тиллоттама», написанная в 1954 году, впервые была опубликована в 2007 году.

23 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
16 июля 1958 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Очень тронут Вашим заботливым письмом. И я с удовольствием воспользовался бы Вашей любезностью, если бы не договорился уже давно с друзьями на Петроградской[1], владеющими гаражом и двором.

Я поеду в Л[енинград]д, наверное, 22-го с тем, чтобы 23-го быть там и числа 25—24 навестить Вас.

Ещё раз большое спасибо. Поблагодарите от меня Вашу жену и дочь.

Тася кланяется.

Ваш
И. Ефремов

P. S. Получил книгу — отдарить за неё могу моею «Туманностью».

24 И. А. ЕФРЕМОВ — Э. Б. ВАДЕЦКОЙ

Москва
18 июля 1958 г.

Darling sea-gull![2]

Видите, как удачно прозвала Вас Зебрушка — галь (чайка) имеет в современном американском жаргоне ещё одно значение — обольстительной юной леди, выступающей где-либо в откровенном наряде. Вторая часть этого определения сюда не относится, но первая верна.

Зебрушку забраковали врачи — говорят, что надо лечиться, а не поступать в этом году. Ну что ж — она поплакала и смирилась. Я, чтобы её утешить, повезу в Ленинград на неделю на машине.

Котище[3] звонил из Сталинабада[4], ворчал на адскую жару и просил прислать ещё одни штаны (!). Сейчас прибыла телеграмма, что ушёл в горы на 3 недели в маршрут. Напишите ему Ваш адрес, если до сей поры ещё не собрались.

Вчера только был в Переделкино, пожирал клубнику с ваших грядок и обозрел унылый гнусный бугор (поле перед домом творчества — там, где дом Федина и Пастернака), где предположено новое дачное строительство. Сам впал в уныние... всегда у меня так — награждают орденами и тут же отнимают орденские льготы.

Получаю Сталинскую премию и... Достигаю писательского бюрократического уровня, при котором могут «дать дачу» и — могут «выдать» лишь голый пустырь — словом, везде и всегда опаздываю. Это, право, смехотворно.

В следующий раз напишу на машинке — рука отвыкла писать, быстро устаёт, и получается почерк паралитика, коим юным очаровательным леди писать негоже.

---

[1] В Ленинграде, на Петроградской стороне, жили друзья И. А. Ефремова И. В. Вальтер, Ю. П. Маслаковец, А. П. Маслаковец, В. В. Григорьев.

[2] Дорогая чайка! (англ.)

[3] Сын И. А. Ефремова Аллан.

[4] С 1929 по 1961 гг. — название г. Душанбе.

Через две недели обещают в Ленинграде выставить Пергамский алтарь, Троянское золото и статуэтку Нефертити. Думаю, что выставка задержится до Вашего возвращения.

Пишите о Ваших делах. Корейца гоните вон — это что ещё за косоглазая дрянь![1]

Зебрушка Вас целует — свою жизненную симпатию и мою тоже. Большой привет Лидии Алексеевне[2] и Сергею Владимировичу[3].

Ваш *И. Ефремов*

Ю. Н. РЕРИХ — И. А. ЕФРЕМОВУ 25

Москва
19 июля 1958 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Спасибо Вам большое за Ваше письмо от 27. VI и за Вашу прекрасную книгу «Великая Дуга».

Направляюсь в командировку в Монголию, и вернусь в Москву в начале августа, и буду очень рад побеседовать с Вами о стране Снегов[4].

С искренним уважением,
Ю. Рерих

И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 26

Москва
4 августа 1958 г.

Дорогой Петр Константинович!

По-видимому, дела с раскопками идут отлично и, действительно, надо к чёрту добить Очёр (в смысле получения максимального количества материала), так как дальнейшие ассигнования уже будут на другие объекты, да и Вам с китайским работами[5] будет некогда.

Поэтому, ежели Вам понадобится, то 25 тысяч считайте Вам обеспеченным дополнительно на завершение работ.

Но вот как с разведочными поездками? Что-то ничего не слышно... Вам будет направлен ещё Шишкин — наш новый лаборант, он числа 8-го поедет на Яренгу, а числа с 20—25 прибудет к Вам на последние усилия — я думаю, что Вы задержитесь числа до 15-го мужской частью экспедиции особенно.

---

[1] Письмо написано в Забайкальскую экспедицию С. В. Киселева, где я принимала участие в раскопках дворца Чингизхана. Кореец с очень необычным для нас именем О был аспирантом С. В. Киселева. Ничего с ним в экспедиции у меня не было связано. Но Иван Антонович предупреждал о большой опасности со стороны жёлтой расы для нашей страны, и не только для нашей, поэтому так резко отреагировал на моё знакомство. — *Примечание Э. Б. Вадецкой.*

[2] Л. А. Евтюхова.

[3] С. В. Киселёв.

[4] Гималаи.

[5] См. комментарий к письму Э. К. Олсону от 26 апреля 1958 г.

К нам прибыл аспирант-монгол для практики в палеонтологии. Как Вы относитесь к тому, чтобы прислать его Вам поразбирать костеносный пласт и практиковаться во взятии монолитов? Наша дирекция (Малеев) пошлёт Вам официальную телеграмму, как выяснится документация на монгола.

Он вроде парень старательный, так что с ним Вы поэкономите нештатную зарплату.

Посылаю Вам любительский перевод одного научно-фантастического американского рассказа. Почитайте и пусть ещё почитает, кто хочет, только побережнее, а потом отдайте его Елене Дометьевне. Ей скажите, что это перевод Большого Миши — пусть посмотрит, какой способный парень — ведь он только что начал изучать язык. Вот как надо медведей стрелять...

Ваше изображение (лихо развалившимся на автомобиле) висит в стенгазете — большая карикатура о «принципах неравномерности» — видите, наше бабье-маше не может Вам простить большой экспедиции. Ох уж, а что было, когда была Монголия — нашей же нештаткой все пользовались и про нас же кричали, что Монголия всех задавила, нет возможности работать...!

О впечатлениях поездки в Лондон[1] пока ещё ничего не знаю. Все разбежались немедля по возвращении.

По науке ничего нового — летнее затишье.

Передавайте приветы всем товарищам. Вам — пожелания всяческих успехов не только в кубометрах породы и костей.

Ваш
И. А. Ефремов

P. S. Дайте М. Ф. сшить рукопись.

27 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
26 сентября 1958 г.

Дорогой Владимир Иванович,

несколько раз собирался написать Вам, но всё откладывал, дожидаясь ответа из Ленинграда насчет Татьяны, но его пока нет. Боюсь, что не дождусь его, так как решили ехать в Китай несколько раньше. Но Елена Дометьевна тогда посмотрит письма и сообщит Вам результаты по телефону.

Всё же мне кажется по-прежнему, какая бы ни была задержка, что Татьяне не нужно хвататься за первое попавшееся. Наслужиться она ещё успеет, — ей всего 17 лет, и тут главное, чтобы она попала в приличное окружение с людьми, которые приподнимали бы её, а не старались угнести до собственного уровня. Девчушка уж очень славная — надо поберечь от слишком прямых контактов с жизнью. Что поделаешь, она после определённого периода истории явно ухудшилась, и люди попортились тоже…

Если и не удастся устроить Татьяну, так сказать, заочно, то ведь я скоро вернусь из Китая и приеду в Ленинград — тогда всё это выяснить мне будет несравненно легче.

---

[1] В 1958 г. в составе делегации на Международном зоологическом конгрессе приняли участие Д. В. Обручев, Ю. А. Орлов, А. Г. Шаров.

«Облако Магеллана»[1] я получил и скоро отправлю Касселю, который в отпуску.

Кстати, о сценарии — тут двое молодых людей, не имеющих никакого отношения ни к кино, ни к писателям, придумали сделать сценарий по «Туманности». Не знаю, что уж у них там получилось, но слыхал, что план Мосфильма на будущий год был отклонен из-за отсутствия научной фантастики в запроэктированных сценариях. Если это так на самом деле, то, вероятно, та же потребность станет и перед Ленфильмом и поможет Вам сдвинуть дело. Как быть с тем, что написано, здесь, в Москве, — не знаю. Запретить писать я не могу, разрешения у меня ещё никто не спрашивал, но вдруг да получилось что-нибудь серьёзное? Думаю, что как только разговоры о экранизации «Туманности» станут всерьёз, то ко мне обратятся и покажут сценарий. Вот тогда бы мне знать, как дела у Вас и какую линию романа Вы хотите взять в сценарий?

«Туманность» будет переводиться в Англии и печататься английским журналом «Ноу» («Теперь»). Равным образом, хотят печатать «Туманность» в Индии, но там это будет делать журнал, издаваемый нами, зато на четырёх индийских языках, кроме английского.

А в «Молодой гвардии» пока только подписана мною сверка, но всё же думаю, что они захотят её издать к 40-летию комсомола, не знаю только, когда это будет — в ноябре или декабре?

Елена Дометьевна недавно приехала, но не в блестящем состоянии здоровья. Надо будет ей как следует отдохнуть и полечиться. А вот с моим милым Зубриком что-то плохо. Врачи требуют уложить её в больницу для детального исследования — подозревают, что в основании мозга ещё идет воспалительный процесс, который может окончиться чуть ли не слепотой... Но я не хочу, чтобы она ложилась без меня, поэтому рискну отправить её на октябрь в Коктебель, а там видно будет. Вот что делает грипп, очевидно, перехоженный на ногах (считают, что это осложнения после гриппа). Вот это меня совершенно удручает, и даже как-то нет энергии, чтобы интенсивно работать.....

Сын всё ещё бродит где-то под Гиссарским хребтом и по Памиру. Забыл всех своих девушек (или нашёл новую?). Предложил ему приехать на время в отчий дом, но пока ещё нет ответа. Возможно, он задержится там до зимы.

Ну, вот видите, не письмо, а целая статья. Значит — соскучился по Вам и по милым Вашим домашним....

Татьяне передайте большое спасибо за фото красавиц. Она с полным знанием дела включилась в это коллекционирование. Тася ей тоже кое-что посылает, но за последнее время улов ещё мал — летнее затишье во всех делах. Пусть Коза Вам расскажет новый роман, прочитанный мной, который я рассказывал им с Тасей в Малеевке.

Большущий привет Наталии Алексеевне от всех наличных членов семейства. Козу чмокните в щечку — конечно, это будет не тот эффект, что от очаровательно-гнусного кавказца, но что поделаешь.... Тася пишет ей отдельную цидулку. Будьте здоровы прежде всего.

Ваш *И. Ефремов*

---

[1] «Облако Магеллана» (Obłok Magellana, 1955) — роман С. Лема, на русском языке впервые вышедший в переводе З. Бобырь. Впоследствии роман издавался как «Магелланово облако».

28 И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

Москва
7 октября 1958 г.

Professor F. Von Huene
Geologisch-Paläontologisches Institut
der Universität Tübingen

Sehr geehrter Herr Professor Huene!

I have just returned to Moscow and received both your kind letters.

The delay in preparation of moulds in your Museum is also good for us, because our men are very busy after the reconstruction of the Museum. We hope to begin this work (the plaster casting of the Scutosaurus and Inostrancevia skeletons) only in the fall of 1959.

The sudden death of Vjushkov is a great misfortune. He was my best pupil and I, with my present bad health, now am temporarily alone before the enormous task of the Permian Vertebrates stratigraphical investigations. I hope, however, that Tchudinov and Tatarinov shall be able to keep the research in order.

Vjushkov fell from considerable height (he was a gymnast) and broke his skull.

Tupilacosaurus has been preliminary described by Vjushkov and I not see any obstacle to your publishing some of your drawings. As far as the Pseudosuchian from Orenburg, it is still undescribed. This investigation is being performed by Tatarinov. If you have made drawings of all skeletal parts, so can you give a full description, cannot you?

Tomorrow I am leaving for China for a month and after that shall look for with Tatarinov about this matter and write you what we think is best. I shall also send you some new data from the description of a new Pseudosuchian from another near locality, received from a Saratov palaeontologist Ochev (now in press).

Answer your questions from another letter. Jugosuchus licharevi resembles a Benthosuchide. It was found in 1924 by Licharev on Little North Dvina near Medvedkovo (zone uncertain) and described by prof. A.N. Riabinin (only in Manuscript, yet unpublished).

Ennatosaurus tecton, a typical Caseide from Pinega river (zone II?), first mentioned by myself in Doklady AN, vol. 111, N 5, 1956.

Described by Vjushkov in Doklady, vol 113, 1957.

Buzulkia butsuri — a member of fam. Kotlassiidae, IV Zonem Pronjkino, Orenburg Province; described by Vjushkov in Trudy Paleont. Inst. Vol 68, 1957.

I have a favour to ask of you. Would you be so kind as to send me an American book, if available in your country? This book: Werner Heisenberg. "Physics and Philosophy, The Revolution in Modern Science"; Harper, New York, 1958. I need this book very much and have no possibilities to get it. I can in exchange send you any of our books which you need.

My colleagues, Orlov and Obruchev (our guest prof. Sahni also) send you their greetings. We remember with invariable pleasure your stay with us in Moscow.

With best wishes
yours very sincerely: *I. Efremov*

Профессору Ф. фон Хюне
Геолого-палеонтологический институт
университета Тюбингена

Уважаемый господин профессор Хюне!

Я только что вернулся в Москву и получил оба Ваших письма.

Задержка в изготовлении слепков в вашем музее нам даже на руку, поскольку наши сотрудники очень заняты после реконструкции музея. Мы надеемся взяться за эту работу (отлитие скелетов скутозавра и иностранцевии по гипсовым слепками) только осенью 1959.

Внезапная смерть Вьюшкова — большое несчастье. Он был моим лучшим учеником, и теперь мне с моим плохим здоровьем придётся пока одному продвигать сложнейшее стратиграфическое исследование пермских позвоночных. Однако, надеюсь, что Чудинов и Татаринов поддержат.

Вьюшков упал с большой высоты (он был гимнастом) и повредил череп.

Tupilacosaurus был предварительно описан Вьюшковым, и я не вижу никаких преград для публикации некоторых Ваших рисунков. Что касается псевдозуха из Оренбурга, то он до сих пор не описан. Данное исследование проводится Татариновым. Если Вы сделали рисунки всех частей скелета, то можете сделать и полное описание, не так ли?

Завтра я уезжаю в Китай на месяц. После этого мы обсудим с Татариновым этот вопрос подробнее и сообщим оптимальный вариант. Также я отправлю Вам некоторые новые данные из описания нового псевдозуха из другого местонахождения поблизости. Эти данные были получены от палеонтолога Очева из Саратова (по неопубликованной рукописи).

Отвечаю на Ваши вопросы из другого письма. Jugosuchus licharevi похож на бентозуха. Он был найден в 1924 году Лихаревым на Малой Северной Двине около Медведково (зона неясна) и описан профессором А. Н. Рябининым (только в рукописи, ещё не опубликовано).

Ennatosaurus tecton, типичный представитель казеид с реки Пинеги (зона II?), впервые упомянут мною в публикации «Доклады АН», том 111, № 5, 1956.

Описан Вьюшковым в «Докладах», том 113, 1957.

Buzulkia butsuri — представитель семейства Kotlassiidae, IV зона Пронькино, Оренбургская область, описан Вьюшковым в «Трудах Палеонт[ологического] Инст[итута]», том 68, 1957.

Не были ли бы Вы так любезны прислать мне одну американскую книгу, если её можно достать у вас в стране? Книга: Вернер Гейзенберг, «Физика и философия. Революция в современной науке», Нью-Йорк, Харпер, 1958. Мне очень нужна эта книга, а у меня нет возможности её достать. Взамен я могу прислать Вам любую отсюда, какая Вам будет нужна.

Мои коллеги Орлов и Обручев, а также наш гость профессор Сахни шлют вам свои приветствия. Мы всегда с радостью вспоминаем Ваше пребывание в Москве.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш: *И. Ефремов*

Перевели Юлия Берлин и Лариса Михайлова

29 И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

17 декабря 1958 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Очень рад был получить вашу «Туманность Андромеды» — наконец-то! Перечитаю её сейчас и потом скажу Вам о своём впечатлении.

Посылаю Вам и своего младенца — «Близко-далеко»[1], который тоже наконец появился на свет и позавчера оказался в моих руках.

Какое совпадение: оба произведения писались одновременно на одной и той же даче в Мозжинке (помните, Вы стучали на машинке наверху, а я внизу?!), потом оба прошли 2,5 года всевозможных мытарств в процессе издания, и оба оказались на книжном рынке в декабре 1958 г. Их можно назвать кузенами. Посмотрим, какова будет их дальнейшая судьба.

Слышал, что Вы были в Китае, — интересно? Не отразилось ли это путешествие на Вашем здоровье?..

Мы что-то не очень здоровы. А. А. вот уже несколько месяцев борется с обострением своего старого недруга — миньера[2] — и пока ещё не одолела его. Я недавно перенёс грипп и тоже ещё не вполне от него оправился.

Надеюсь в недалёком будущем повидаться. Привет от А. А. всему Вашему семейству. Жму руку.

[И. Майский]

---

[1] И. М. Майский имел в виду свою повесть для детей «Близко-далеко», опубликованную в 1958 г. Сохранились замечания И. А. Ефремова об этом литературном произведении, датированные июнем 1956 г. Приводим ряд основных пожеланий, высказанных И. А. Ефремовым:

«Положительное значение романа и необходимость его напечатания — очевидны, по живости изложения, интересу романа, который можно назвать политическо-приключенческим, и массе познавательного материала, содержащегося буквально на каждой странице рукописи.

Роман очень нужен нашей молодёжи, да и взрослому читателю, очень мало знакомому с зарубежным миром, особенно дальних стран — Африки и Аравии.

Но мне кажется, что роман нуждается ещё в некоторой подработке и редакционном исправлении ряда неудачных или не соответствующих современным установкам мест. Важнейшие дефекты, на мой взгляд:

1. В романе отсутствует мирное сосуществование! Все, кто держатся иной идеологии, хотя и не настроены враждебно к советской группе, но встречаются ею как враги. Только те, кто являются коммунистами или прокомммунистами (я имею в виду европейцев), становятся друзьями советской тройки <в повести — три главных героя. — *Ред.*>. Хорошие англичане даже привязываются к нашим людям (что и вполне естественно), но наши-то показаны какими-то каменно-фантастическими, враждебными ко всему чужому. <...>

2. В соответствии с п. 1 повсюду лежит налёт враждебности к зарубежной жизни. Это слабость писателя, так как преимущества нашего строя надо показывать не через опорочивание чужого. Так и наша советская троица слишком легко справляется со всеми затруднениями (и очень сложными) в самых разнообразных условиях. Все кругом страдают и деморализуются, а наши — даже не чувствуют ничего, точно танки! Надо обязательно показать, что они тоже мучаются и страдают, т. е. что они тоже обыкновенные люди, сильные своим достоинством, неприхотливостью и дисциплиной, а не ницшеанско-фашистские сверхчеловеки...»

[2] Правильное написание *меньер* — заболевание, сопровождающееся приступами головокружения, шумом в ушах и приводящее к постепенному снижению слуха.

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 30

Москва
24 декабря 1958 г.

Prof. Friedrich von Huene
Geologisch-Paläontologisches Institut
der Universität Tübingen.

Sehr geehrter Herr Professor!

I beg your pardon for a delay with the answer on your November letter and a decision with the Pseudosuchian.

But immediately after my return from Pekin I was very sick with my heart, now in bed and out of business.

In respect of Pseudosuchian I consulted with Dr. L. Tatarinov and we came to decision to give you this speciment for description, especially in respect that you have prepared all drawings you need.

But from official point of view, it is a necessity for you to make a special request to our director, Professor Orlov and ask him on this matter officially.

With greetings and best wishes for New Year
Your sincerely *I. Efremov*

Профессору Фридриху фон Хюне
Институт палеонтологии
университета города Тюбингена

Уважаемый господин профессор!

Прошу прощения, что задержался с ответом на Ваше ноябрьское письмо и с решением по поводу псевдозуха.

Сразу же после возвращения из Пекина у меня сильно разболелось сердце. Сейчас я лежу в постели без дел.

Что касается псевдозуха, то я посоветовался с доктором Л. Татариновым, и мы пришли к решению передать Вам этот образец для описания, особенно поскольку Вы уже отрисовали всё, что нужно.

Однако формально Вам необходимо сделать официальный запрос нашему директору профессору Орлову по этому поводу.

С наилучшими пожеланиями на Новый Год,
искренне Ваш *И. Ефремов*

Перевели Юлия Берлин и Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 31

Москва
27 декабря 1958 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Очень благодарен за присланное мне капитальное исследование об Атлантиде[1]. Однако не откажите в любезности сообщить, какой срок я могу

[1] Имеется в виду книга Отто Генриха Мука «Загадка Атлантиды».

держать кн. Дело в том, что я сразу после возвращения из Китая сильно заболел, ещё продолжаю находиться в постели и после Нового Года буду увезен месяца на два в санаторий.

Моя стенокардия разыгралась вовсю, и я выбыл из строя на долгий срок. Прямо как на смех, судьба не дает мне повидаться с Вами. Ну, авось к весне!

Примите искренние поздравления с Новым Годом и пожелания здоровья, а также чтобы задуманный потрясающий роман был бы закончен. Надеюсь быть одним из первых его читателей в рукописи.

С приветом и уважением,
И. А. Ефремов

32 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
30 декабря 1958 г.

Дорогой Иван Антонович!

Я был очень рад, с одной стороны, получив Ваше письмо от 27.12.58, так как уже давно не имел от Вас ни строчки. С другой стороны, я очень опечален, что Ваше здоровье ухудшилось. Но будем надеяться, что в будущем, 1959 году, оно поправится и я буду иметь удовольствие повидаться с Вами.

Сам я, равно как и моя жена, после переезда на новую квартиру часто болеем, а в последние дни у нас обоих разыгралась гипертония. Это новое удовольствие, которое я приобрел в дополнение к и без того достаточно большому списку моих болезней.

К сожалению, задуманный мной роман, по-видимому, откладывается в долгий ящик, так как мой соавтор весьма охладел к нему, занялся другими делами, женился и совсем перестал им заниматься. Сам же я «гоню на всех парусах» другую мою книгу — «Проблема Атлантиды», ибо надо спешить, а то боюсь, что здоровье не позволит её закончить. А это мой последний труд, работа нескольких лет, и хочется, чтобы она увидела свет.

Теперь несколько слов по поводу Вашей «Туманности Андромеды», которую я ещё раз перечитал с большим удовольствием. Ещё когда она печаталась в «Технике — молодёжи», я хотел Вам написать, что мне кажется несколько анахроничным, что герои Вашего романа, попав на спутник Железной звезды, пользуются столь архаичным для состояния их цивилизации средством, как прожекторы для освещения во время работ по доставке анамезона. Мне кажется, что им не составило бы большого труда зажечь небольшое искусственное солнце. Вот и все мои замечания пока.

Желаю Вам встретить Новый 1959 год с явными признаками значительного улучшения здоровья. Что же касается книги Отто Мука, то я прислал её Вам «насовсем». Не откажите принять от меня этот подарок, книга довольно любопытная, равно как и способ, как я её достал для Вас. Я на ней ничего не написал, чтобы её не портить — пишу от руки я очень плохо. А достал я её при помощи моих знакомых филателистов, ибо филателия — это моя «большая ненормальность», как оценивает этот пережиток детства моя жена.

С дружеским приветом и глубоким уважением,
Ваш *Н. Ф. Жиров*

1959

Т. И. ЮХНЕВСКАЯ, И. А. ЕФРЕМОВ — ДМИТРЕВСКИМ 1

Январь 1959 г.

Милое, дорогое семейство,

не сердитесь на меня, что так долго ничего Вам не писала. Просто не хотелось писать плохое, а теперь всё уже позади.

Как Вы там живёте? Уехал ли Владимир Иванович в Комарово, как работается Козочке, как здоровье Натальи Алексеевны? У нас сейчас пошло более-менее на поправку. Сегодня была у И. А. С 2 января он находится в санатории «Узкое». Он очень ослабел, лёжа почти 1½ месяца в постели. Поэтому его пришлось нести на руках на второй этаж. Сейчас он уже ходит, можно сказать, ничего, но ещё с палкой и не спускается со второго этажа, а гуляет на балконе. Первые дни он очень грустил и был обеспокоен, что остался без домашнего присмотра, поэтому ездим к нему каждый день.

Со вчерашнего дня, как он сам сказал, наступил перелом в лучшую сторону. Сегодня он чувствовал себя бодрее, чем все эти дни. Очень на него жалко глядеть. Помнишь, Танюша, как мы ходили в Малеевке за грибами, делая почти по 15 км?

Ну сейчас (тьфу, тьфу, не сглазить) пока всё хорошо, я становлюсь суеверной. Вам он просил передать, что он Вас не забыл, а помнит и любит всё семейство. И обязательно, как крепче встанет на ноги, напишет обстоятельное письмо.

Планы на будущее у него такие. Хочет взять или на год инвалидность, а если не это, то отпуск на полгода или больше. И уехать куда-нибудь. Жить или под Москвой, а если возможно снять дачу или верх дачи на Карельском перешейке, то поселится на весну-лето у Вас под Ленинградом.

Не будет ли у Вас оказии в Москву? А то у нас есть подарки и Козе, и Владимиру Ивановичу, а подарки такие, что просто так с кем-нибудь не пошлёшь. Если кто поедет, сообщите.

Ну вот пока и всё.

Не сердитесь на меня.

Танюшку крепко целую.

Тася

Дорогой Владимир Иванович!

Тасе случилось быть с письмом у меня в санатории, и я не утерпел подписать несколько строк. Большое спасибо всем вам за дружескую заботу и тревогу — теперь требуется малое время, и я постепенно буду в порядке. Однако надо и после того — длительное пребывание на свежем воздухе, и я не буду

торопиться возвращаться на работу в Академию. И если я буду несколько месяцев жить под Москвой, то мне пришло в голову, почему бы часть этого времени не прожить в Ленинграде, вернее, под Ленинградом — не всё ли равно, где снимать дачу. Если, будучи в Комарове, услышите, что можно снять на Карельском хорошую дачу с верхом и видом на море — пусть дороговатую — не откажите поставить меня в известность — Тася приедет и снимет. Что-то я соскучился по Ленинграду и друзьям тамошним!

Я заказал для Вас №1 Юности, где будет мой Cor Serpentis. Если будет оказия к Вам, о которой спрашивает Тася, то надо:

а) человека верного б) человека сильного (относительно), так как один из двух подарков — Вам и Тане — довольно весомый.

В общем, пишите. Сердечный привет Наталии Алексеевне и Вам. Козишке приглаживаю её мохнатую головку и целую.

Ваш
И. Ефремов

2 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Узкое
18 января 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Как записному фантасту, Вам пора обзаводиться некоей домашней техникой и в первую очередь профессиональной — пишущей машинкой!

Поэтому не откажите принять мой скромный дар — одну из моих машинок — у меня их теперь много. Я, как девушка, долго жившая в нищете и вышедшая замуж за миллионера, не могу удержаться от покупок того, о чём мечталось более всего в период «прозябания».

Вот я пишу Вам письмо на новенькой «Эрике», ещё не потерявшей запах иноземной краски. Моя старая «Эрика» поедет к Вам и, надеюсь, послужит Вам так же хорошо, как и мне. «Эрика» отличается максимальной бесшумностью и мягкостью работы из всех известных мне марок портативных машинок. В то же время каждая из портативных машинок (не портативные более безответны) имеет свой женский нрав, который следует знать. Всякая портативка не любит сильного удара и потому не берёт более 3—4-х копий, а на толстой бумаге — 2-х. Кроме того, Ваша «Эрика» не любит резкого удара по букве П заглавное (т. е. с поднятым верхним регистром) и, наоборот, слишком мягкого удара на буквах щ (или ш, уже забыл) и з (букве, не цифре). Если удар на этих буквах не будет отрывист, то буква может «запасть», т. е. остаться в положении удара в направляющей вилке. На это не следует, как и на женский каприз, обращать внимания, а спокойно извлечь её оттуда пальцем и продолжать писать далее. Может быть, поначалу всё это кажется очень сложным, но всё это пустяки, и Вы быстро освоитесь.

Точно так же сначала Вам будет трудно писать — мысль будет разбиваться между машинкой и смыслом писомого, и написанное тоже станет каким-то механическим, бедным словами. Но это — только дело привычки, поэтому пишите сначала преимущественно деловые кляузные бумаги и простые письма, а потом — привыкнете и перестанете замечать машинку.

Ещё одно — Ваша машинка была приобретена без футляра. Поэтому на ней — футляр от старой машинки, не соответствующий содержимому и с испорченным замком — как увидите, я починил его сам, подсунув в образовавшуюся ямку маленькое зубильце от препаровального аппарата. Он служил мне хорошо, и Вы можете его не чинить, только всегда проверяйте, хорошо ли заперта машинка, если переносите с места на место. Вообще, всегда защелкивайте на откидной запор, а не только передвигайте кнопку. Точно так же помните, что машинка заперта ещё с левой стороны рычажком, запирающим каретку на самой машинке — Вы его найдёте под левой клеммой, вращающей валик.

Ещё одно — табулятор машинки выключен — снята пружина — это рекомендуют делать на всех портативных машинках, так как он фактически не нужен, а с ним можно повредить нежную зубчатку подающего механизма.

Лента шириной 13 м/м. Вот будто бы и всё. Ежели будут ещё какие-нибудь недоумения — напишите. К мастерам обращайтесь только к известным. Многие норовят снять хорошие части и заменить их дрянными, т. е. делают то же, что и часовщики, а владеть «Эрикой» — всё равно что «Мозером» или «Омегой».

Ещё вспомнил — обратный ход обозначается цветом, а не стрелкой.

Очень большой привет Наталии Алексеевне и сердечное спасибо Вам обоим за заботу. О себе не пишу — Коза увидит и всё расскажет. Скоро пришлю Вам «Юность»[1] с «Сердцем Змеи». В книге я этот рассказ усовершенствую — там есть кое-какие интересные, но не использованные ходы.

С любовью ко всему милому семейству,
Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

3

Санаторий «Узкое» (Подмосковье)
23 января 1959 г.

Herrn Prof. Dr. Friedrich von Huene,
Institut und Museum für Geologie und Paläontologie der Universität
Tübingen,
Tübingen Den, Sigwartstrasse 10

Sehr geehrter Herr Professor!

I beg your pardon for the handwriting, but in sanatorium I am off my typewriter.

Four days ago professor Orlov visited me and came to agreement concerning your description of the new Pseudosuchian. He is now preparing an answer on letter you sent him.

It seems to me that publication in “Paläontographica” will be much sooner than anywhere.

Your intention to give the name of the new genus in memory of Dr. Vjushkov is excellent.

[1] Журнал.

The late Dr. Vjushkov have had the above orthography of his surname, so he was write himself). So I think "Vjushkovia" is more correct instead of "Viushkovia" you proposed.

Some time ago I have asked you for a book I need very much. (W. Heisenberg, "Physics and Philosophy"). Now I consider that I have much troubled you because this book probably is not available in your country.

So I shall try of another way to get this book. A new small request to you — only if it is any trouble for you — in your country is on sale the German edition of the Swiss photographic magazine "Camera" (Anzeigen — Generalvertretung für Deutschland: C.H. Liebrecht, Mainzer Landsstrasse 139, Frankfurt).

In first number of that journal for 1959 are perfect Japan photographs of the white herons — my first student's investigation (under the guidance of Akademik P.P. Sushkin) in my youth and now always my "hobby".

Send me please, if possible, a copy of № 1, 1959 the "Camera" or if it is more easy take a subscription for me on my Institute address.

This magazine costs DM 3 each or DM 28 annual. I shall be send[ing] you in exchange any books available in our country you wanted.

But if this makes you any trouble — excuse me and don't mind for this.

Mit vorzüglichsten Hochachtung,
Ihr ergebener
I. Efremov

Господину профессору Фридриху фон Хюне
Институт и музей геологии и палеонтологии университета города Тюбингена
Тюбинген, Зигвартштрассе, 10

Уважаемый господин профессор!

Прошу прощения за то, что пишу Вам от руки. В санатории у меня нет пишущей машинки.

Четыре дня назад профессор Орлов навестил меня и согласился, чтобы Вы описали нового псевдозуха. Профессор готовит ответ на письмо, которое Вы ему прислали.

Мне кажется, что статья в «Палеонтографике» появится скорее, чем где бы то ни было.

Ваше намерение дать имя новому роду в память о Вьюшкове превосходно.

У покойного доктора Вьюшкова фамилия писалась через «j». Думаю, «Vjushkovia» правильнее, чем предложенная Вами «Viushkovia».

Некоторое время тому назад я попросил Вас о книге, которая мне очень нужна. (В. Гейзенберг, «Физика и философия»). Сейчас я считаю, что зря побеспокоил Вас, так как книгу, скорее всего, в Вашей стране не достать.

Я попытаюсь найти другие пути, чтобы достать эту книгу. У меня к Вам ещё одна небольшая просьба — если только это не доставит Вам беспокойства. В Вашей стране продаётся немецкое издание швейцарского фотографического журнала «Камера». (Издательство — генеральное представительство Германии, Майнцер Ландштрассе 139, Франкфурт.)

В первом номере этого журнала за 1959 год есть отличные японские фотографии белых цапель — объекте моих первых студенческих исследований (под руководством академика П. П. Сушкина), моё хобби с молодости и по сей день.

Пришлите мне, пожалуйста, если возможно, экземпляр первого номера «Камеры» за 1959 год. Возможно, будет легче оформить подписку на мой институтский адрес?

Журнал стоит 3 марки за выпуск или 28 марок — годовая подписка. Взамен я пришлю Вам любую доступную в нашей стране книгу по Вашему желанию.

Однако если Вам это тяжело — извините и не прошу Вас более беспокоиться.

С глубочайшим уважением,
искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 4

Москва
18 февраля 1959 г.

Institut und Museum für Geologie und Paläontologie
der Universität Tübingen

Sehr geehrter Herr Professor!

Many thanks for your kind letter dated January 29. I am very sorry because have troubled you so much with this book by Heisenberg. If only I knew that it is not available in your country I of course nevermore ask you for it.

I thank you also very much for "Camera". I have asked prof. Orlov for the answer on your letter. He says that this answer was delivered to you near two weeks ago. You must already received his consentaneous letter.

Vjushkovia triplicostata is very good name and I hope that your work soon will be printed. If you need some additional drawings or photographs, let me know please. But they cannot be prepared very soon and if you send your article in print immediately, it is no sense for such an addition.

Many thanks for your kindness and good-hearted wishes.

With best regards yours sincerely,
I. Efremov

Институт и музей геологии и палеонтологии
университета города Тюбингена

Уважаемый господин профессор!

Большое спасибо за Ваше любезное письмо от 29 января. Мне очень жаль, что побеспокоил Вас поиском книги Гейзенберга. Если бы я знал, что её нельзя достать в Германии, никогда бы не обратился к Вам с подобной просьбой.

Также я благодарен Вам за «Камеру». Я попросил профессора Орлова ответить на Ваше письмо. Он говорит, что отправил ответ около двух недель назад. Вы должны были уже получить его письмо с согласием.

Vjushkovia triplicostata — очень хорошее наименование, и я надеюсь, что Ваша статья скоро будет напечатана. Пожалуйста, сообщите мне, если Вам

нужны ещё рисунки или фотографии. Однако мы не сможем их быстро подготовить. Поэтому, если Вы хотите напечатать статью в ближайшем времени, подобное дополнение не имеет смысла.

Большое спасибо за вашу доброту и сердечные пожелания.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш
И. Ефремов

Перевела Юлия Берлин

5 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
19 февраля 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Не писал Вам долго, и не потому, что не могу — сейчас уже могу, а по какой-то ещё оставшейся от болезни слабости, от которой меня хватало лишь на самые неотложные текущие дела и ни на что более.

Очень жаль, что Вам не удалось отдохнуть как следует. Это Вам необходимо, и Вы вполне это заслужили. М. б., и стоило бы продлить путёвку?

Очень большое спасибо Наталии Алексеевне и Вам за все Ваши хлопоты и заботу, прямо трогательную…

Мне кажется, что с дачей можно повременить немного. Сын скоро поедет в Ленинград, и тогда может воспользоваться Вашей любезностью и посмотреть места хотя бы снаружи по Вашим координатам. Тася пока не сможет приехать, так как будет опекать меня на даче, на которой мне уже пора быть, но пока задерживают дрова. Мы сняли у самой Академии дачу в Абрамцеве с участком в гектар, дача в шесть комнат, с теплым гаражом и ещё двумя комнатами при гараже. Я чувствую себя калифом на час и самозванцем, так как мебели для такого помещения нет и в помине, да оно мне и ни к чему. Пока будем жить вдвоем Тасей в комнатках при гараже — очень трудно натопить всю эту махину, да и зачем. Но когда будет теплее, то можно освоить и самую дачу — там хватит места и для друзей, которые захотели бы навестить (гм…гм…), при условии если их не смутит отсутствие мебели.

Арендовал я сей дворец на полгода, до августа, а там видно будет. В сентябре бы хорошо перекинуться под Ленинград, что и обязательно сделаю, чуть лишь почувствую себя лучше. Абрамцево — место хорошее, но далековато и по очень загруженной электричке или шоссе — самые загруженные из всего Подмосковья.

Как Ваши дела с личным писанием и как с фантастикой? Удалось ли написать о Леме? Как здоровье Наталии Алексеевны? Ваше письмо полно моими дачными вопросами, а Вы ничего толком не сообщаете о Вашей милой семье.

Сыну очень понравилась Коза (мы с Тасей давно её любим), так, что он стал проявлять живейшее желание выполнить какое-нибудь моё поручение к Вам в Ленинграде (вот ему и будет — дача). Однако для Козы — это не находка, так как Алан — лентяй и шалопай. (Хорошо, что этого письма не видит Тася, а то мне бы влетело как следует — она очень любит нашего ленивого Кота, как прозван сын).

Ужасно досадно — в «Сердце Змеи» я переврал число электронов в атомах углерода, кислорода и фтора — писал на память, а память подвела, и я удвоил их количество, а потом болел и не проверил корректуры как следует. Теперь читатели, те, что позлобнее, — издеваются. Увы, хотелось быть если не Цезарем, то его женой, а тут — не получилось.

Да, вспомнил — и Вы пишете о некоем писателе Фарфеле. При случае, спросите его, не было ли у него родственника, владевшего квартирой в двадцатых годах на Серпуховской улице — это в конце Загородного, близ Технологического. Если вдруг это он сам, то спросите, знает ли он Василия Александровича Давыдова, учителя математики. Это мой классный наставник по школе, которому я многим обязан и который умер в конце двадцатых годов.

Ну вот, видите, какое длинное письмо. Пора остановиться.

Самые теплые приветы и пожелания всему Вашему семейству и Вам от моих и меня.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 6

Москва
19 февраля 1959 г.

Дорогой Борис!

Я — жив курилка, но всё ещё на больном положении. Видимо, придется прожить месяца три-четыре на свежем воздухе на даче под Москвой, чтобы придти к какой-то норме.

Мне очень понравились Ваши мысли об образовании современного поколения — все эти перепевы старых мелодрам, которые вечны только в отношении общечеловеческих эмоций, но, конечно, никак не интеллектуальной обстановки. Ещё очень мало людей понимает, что произошла серьёзнейшая революция в смысле величайших возможностей человека, данных ему наукой — однако в обе стороны — и для взаимоистребления тоже. Поэтому все прежние аспекты на мир и жизнь должны быть пересмотрены в ближайшие десятилетия. Пострадаем и мы, романтики — надо понимать, что будущее Земли — в больших скоплениях людей, в отсутствии одиночества и неизвестных таинственных мест. Так, по крайней мере, на ближайшее время. Но романтика — удел людей «вежественных», как очень хорошо определил Паустовский, и перед ней — весь Космос, а на Земле — её прошлое.

В общем, Вы — молодец, умеете думать, и многое из того, о чём Вы размышляете, близко и мне.

Рассказ Вашего отца очень интересен и вполне вероятен. И меня вдруг осенила такая мысль — почему бы Вам не попробовать написать об этом рассказ? Фантазия у Вас богатая, подробности, какие нужны, додумаете, ну а что касается языка — дело наживное, всё равно учиться надо. Я кое в чём помогу... Попробуйте, чёрт возьми!

Кстати, интересная новость — в Вильнюсе в прошлом году вскрыли огромные подвалы доминиканского монастыря, основанного ещё в XIII веке. Там оказались груды трупов — именно не скелетов, а хорошо сохранившихся трупов в одеждах, с карманами, полными вещей. Нижние трупы в каждой

из куч (подвалы были заполнены доверху) слежались уже в плотную, нераздельную массу, но верхние сохранились так хорошо, что писатель, которого пустили лишь в самый верхний из подвалов, увидел потрясающее выражение страдания на лице женщины, лежавшей на спине, прижимая к себе ребёнка.

Оказалось, что во время великой чумы XVII века доминиканцы исполняли роль братьев милосердия, но умерших было так много, что невозможно было их закопать. Тогда пришли к решению сбрасывать их в глубокие подвалы монастыря через люки, а перед люками круглые сутки горели огромные костры, через которые бросали умерших. Заполненные подвалы были замурованы и так стояли более трёхсот лет. Теперь не знают, что с ними делать — вероятно, придётся замуровать и снова оставить ещё на много столетий. Видите, и в наши дни случается много интересного из исторического наследия. А под Львовом во вновь открытом месторождении серы нашли отлично сохранившиеся в сере трупы мамонтов, носорога и ещё какого-то зверя, не помню точно, тоже в прошлом году.

Но, однако, пора заканчивать. Кстати, исправьте в своём экземпляре «Сердца Змеи» грубую описку, допущенную мной — атомы углерода, кислорода и фтора имеют соответственно шесть, восемь и девять электронов вокруг ядра, а я как-то написал вдвое больше, и потом болел и некому было исправить. Досадно, но что ж поделать…

Все мои — Елена Дометьевна, Тася и Аллан шлют Вам приветы. Приезжайте как-нибудь в Москву на отпуск или, может быть, у Вас там есть какие-нибудь отпускные дни, вроде отгулов.

С искренним уважением и приветом!
И. А. Ефремов

7 В. П. ГЛУШКО — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 февраля 1959 г.

Дорогой Иван Антонович!

С волнением, как зачарованный, вновь прочитал Вашу «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ».

Впервые я прочитал её в журнале «ТЕХНИКА — МОЛОДЁЖИ» в 1957 г. и очень рад, что это чудесное произведение выпущено отдельным изданием.

Показать картину будущей жизни человечества так разносторонне, с таким научным предвидением, так увлекательно, как это сделали Вы, под стать только выдающемуся писателю научно-фантастического жанра.

Будущее многих представителей молодого поколения определялось талантливыми сочинениями Жюля Верна, производивших неизгладимое впечатление на юные души, стремящиеся к подвигу, к свершению великих дел. Ваше сочинение — это прекрасный подарок юношеству. Пусть наша молодежь читает Вашу книгу, приоткрывающую завесу над заманчивым, зовущим будущим.

Большое впечатление производит подлинная научность Вашей фантастики, свидетельствующая о большой эрудиции автора. Поэтому «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ» является подарком не только юношеству, но и искушённым читателям зрелого возраста.

Большое Вам спасибо за Ваш вдохновенный труд, исполненный веры в человека, в его яркое будущее, и любви к прекрасному.

Позвольте пожелать Вам долгих лет здоровья, счастливой жизни и дальнейших творческих успехов.

Ваш
академик *В. Глушко*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
3 марта 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вы напрасно думаете, что плохо осваиваете «Эрику». По-моему, Вы очень быстро овладели писанием, а что касается огрехов, то они неизбежно будут этак с полгода, как только будете увлекаться и забывать, что за машинкой надо следить. А потом совсем автоматизируетесь, и всё встанет на своё место.

Я послезавтра уезжаю в абрамцевские снега, изрядно подтаявшие за эту неделю. Буду заниматься рассказами — мне надо написать «Юрту Ворона», «Афанеор, дочь Ахархеллена», «Легенду о Таис»[1], «Камни в степи»[2] и, главное, небольшую повесть, которая пока меня занимает всё больше — «Лезвие бритвы» — о диалектике жизни. Если она выйдет, то будет не менее интересна, чем всякие там космические вопросы, но... С опубликованием могут возникнуть серьёзные зацепки — время сейчас не очень подходящее.

Если рассказы выйдут короткими, а меня сейчас интересует попытка снизить количество слов в рассказах примерно наполовину с установившимся у меня стандартом в 2—21/2 печ[атных] листа, тогда я напишу ещё два — «Молот Ведьм» и «Светлые жилки»[3]. Только после такого труда, который, очевидно, займёт у меня всю весну и лето, я смогу приступать к своему долгожданному «6 декабря»[4]. Там будет всё, что мило моему сердцу романтика — юноши двадцатых годов: и яростные битвы и страшные злодеи, калейдоскоп дальних, неизведанных мест, прекрасные девушки и смелые юноши, тигры, боевые слоны, магараджи и танцовщицы, развалины храмов и древние могилы, синее море и безбрежные степи...

Тогда я отдохну от головокружительных проблем нашего века, от сознания утраты таинственного и необходимости железной общественной дисциплины — единственно возможного пути для обеспечения существования огромных человеческих масс, растущих, как снежный ком, грозно катящийся в будущее планеты...

Если бы Вы приехали в Москву и завернули в Абрамцево, то это было бы очень здорово. Но это надо сделать немного погодя, скажем, в апреле, когда мы начнем осваивать большую дачу (пока будем жить в двух маленьких комнатках

---

[1] Первоначальное название «Таис Афинской».

[2] Сюжет вошёл в состав романа «Лезвие бритвы».

[3] Сюжет вошёл в состав рассказа «Юрта Ворона».

[4] Имеется в виду повесть «6 декабря 1240 года», задуманная в цикле «Краса ненаглядная». 6 декабря 1240 года — дата взятия Батыем Киева.

при гараже) и сможем Вас устроить более удобно. Может быть, и «авантюристка»[1] к нам прокатится? Тася послала ей польскую книгу о кино, но взяла по ошибке тот экземпляр, из которого я вырезал одну страницу (с Джиной Лоллобриджидой), так что — винюсь.

Полномочный представитель семейства — Аллан прибудет около середины сего месяца, но, м. б., и не стоит очень спешить с дачными делами. Я соскучился по друзьям и неизменно милому Ленинграду, и, м. б., соберусь ещё до осени — в конце мая-июне, к белым ночам поближе.

Теперь вкратце о делах литературных. Казанцева я уважаю за оптимизм, но всё же не надеюсь на скорое появление нового журнала. Вряд ли раньше, чем через год. Со сценарием на «Туманность» здесь никак не двигается, и та попытка, о которой я слышал, по-видимому, замерла. Здесь, пока я был болен, меня усиленно домогался молодой режиссёр, разъярённый «Туманностью», но я никак не реагировал, и домогательства не возобновлялись более. Это всё, что я знаю, но оно даёт возможность судить о малой эффективности намечавшихся попыток.

Ну вот будто бы и всё. Приветы, пожелания здоровья и любовь от меня, Таси, Аллана и всего семейства Вашему милому семейству.

Ваш *И. Ефремов*

9 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
30 марта 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Получил Ваше письмо, написанное уже так, как будто Вы весь век писали на машинке. Поздравляю с освоением техники!

Официальное послание я уже получил и уже послал ответ с отказом. Дело в том, что если я включу в свои летние усилия ещё такой чужеродный элемент, как статью о китайской науке, то это или потребует от меня усилий, на которые я ныне пока не способен, или сорвет весь мой великолепный, по Вашему же собственному выражению, творческий план. Из двух зол надо избирать меньшее, и пусть уж лучше статьи не будет. Мне — тяжелодуму и медленно пишущему — это совмещение сейчас не по плечу.

Я, вероятно, сокращу свой план в отношении рассказов (раздражают уже сейчас редакторские придирки — хотелось ведь сказать кое-что оригинальное) и за этот счёт начну ту самую повесть, о которой Вы спрашиваете. Я её вообще планировал на вторую половину года с тем, что вряд ли я сумею её дописать, но во всяком случае — возьму разгон. Конечно, было бы хорошо дописать, потому что в начале 1960 года мне переходить страшный рубеж — очередной приступ пятилетней моей болезни, но как-то сейчас не очень верю в свои силы…

Меня очень заинтересовала Ваша повесть о детях-коммунистах — как жаль, что Вы остановили работу над ней. Это, вероятно, должно быть мило сердцу всех нас — юношей двадцатых годов.

---

[1] Татьяна Дмитревская.

Сыну — увы, не придётся вскоре приехать в Ленинград, как хотелось. Его прижали с зачётами, и он поедет, наверное, уже в мае. Ну а там уже и до июня недалеко, когда я мечтаю прибыть в ваш милый город. Вообще-то у меня далеко идущие планы — нельзя ли перебраться в Ленинград насовсем, но об этом пока можно говорить лишь как об очень перспективном плане — в смысле удаленной перспективы…

Приношу самую сердечную благодарность Наталии Алексеевне. Право же, чтоб развлечь меня, не стоило тратить столько сил — они ей самой очень нужны.

Нет ли у Вас в Доме Книги издания вашего Детгиза «Б. Казанский. В мире слов». Если увидите, не откажите купить для меня — у нас в Москве её как-то раскупили, а я из-за болезни прозевал.

Очень советую прочитать книгу по кибернетике: Полетаев. Сигнал. Издат[ельство] «Советское радио», 1959. Читается как роман, и величайшие возможности кибернетики делаются очень ощутимыми.

Давно хочется повидать всё Ваше милое семейство, но, к сожалению, здоровье этого не позволяет. Примите, пожалуйста, самые сердечные приветы и пожелания от всего семейства. Козе от Таси — особый.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 10

Абрамцево
8 апреля 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам отзыв одной из реакционнейших французских газет на мою «Туманность». Думаю, что он Вас позабавит!

Привет всему семейству и нижайший поклон Наталье Алексеевне за её труд для меня.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 11

Абрамцево
3 мая 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

(Наталия Алексеевна подразумевается на первом месте.)

Большое спасибо за первомайский подарок — Вашу милую дочь. К сожалению, мы не смогли покатать её по Москве, так как мы с Тасей постоянно обитаем в Абрамцеве и совпадение Мая с Пасхой также сделало небезопасным разъезды на машине — я не решился поручить её ненадёжному Аллану. Поэтому Козишка прожила все праздники у нас на даче и только на завтрашний день отправится в Москву, где будет вместе с Еленой Дометьевной, а Аллан посадит её на поезд. Не знаю, не было ли у нас ей скучновато? Для нас она всё такая славная и милая девчушка и, пожалуйста, отпускайте её к нам и впредь, как только будет ей возможность.

Я с удовольствием узнал, что Вы собираетесь на съезд писателей в Москву и, следовательно, я увижусь наконец с Вами. Поговорить есть о чём, хотя я, вероятно, и не буду на съезде — здоровье всё ещё не балует. Правда, я уже здорово укрепился — послезавтра два месяца как я на даче, и за это время был лишь один лёгкий припадок (к сожалению). Написал уже один из запланированных рассказов — «Юрта Ворона» — Татьяна его уже прочла в совершенно сыром виде — прямо из-под машинки. Этот по обещанию пойдёт в «Комсомольскую правду», а один из трёх следующих, какие выйдут (получатся): «Лезвие Бритвы», «Афанеор, дочь Ахархеллена» и «Камни в степи» я могу отдать Вам в «Неву», рискуя навлечь гнев «Вокруг света» или какого другого из московских журналов, вроде «Москвы» или «Октября».

Я читал только один рассказ Журавлёвой — про каменный мозг из Космоса[1], и он мне понравился, так, что жаль, если она из молодых, да ранняя. Самое худое, если человек начинает с ругани по адресу других, — плохо кончит.

Получил от Брандиса его рецензию в «Звезде» — написана неплохо, умно и добро, но всё же ощутимо не хватает страстной уверенности и взлёта Вашего писания. Ещё пишет Кирилл Андреев в «Новом Мире», про ту ничего не знаю. Брандису напишу спасибо — за ум нужно приветствовать.

Насчёт приезда в Ленинград пока ещё не знаю. В середине мая на месяц приедет один американский профессор-специалист в той же области, что и я, придется мне быть даже не на даче, а больше в Москве.

Аллан разогрел мотор, сейчас они уезжают и увозят нашу милую Татьяну. Кончаю письмо, приветствую Наталию Алексеевну и Вас от души. Тася передает самый искренний привет и поклоны. Ждем Вас в Москву.

Крепко жму руку.

Ваш *И. Ефремов*

12 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Абрамцево
4 мая 1959 г.

Многоуважаемый Евгений Павлович!

Большое спасибо за присланную мне книжку «Звезды» с Вашей рецензией на «Андромеду». Это получился хороший первомайский подарок!

Мне очень трудно написать Вам в деталях, в чём Вы правы или неправы в рецензии. Рецензия кажется мне умной и справедливой, достоинства и недостатки «Андромеды» подмечены верно. Приписки «от редакции» видны сами. Там, где Вы пишете: «отдельные недостатки стиля», редакция вставляет слово «существенные» и получается нонсенс, потому, что ежели «отдельные», то усиление «существенными» не к чему. Но ведь это совершенно неважно с моей точки зрения. Мне кажется, что каждый серьёзно относящийся к делу автор, будь то учёный, художник или писатель, никогда не доволен своим произведением. Каждому из нас известно, что задумываешь нечто необыкновенно яркое и сильное, а удаётся выполнить хорошо если процентов

[1] Журавлёва В. Н. Небесный камень.

на 50, а то и на 30 от задуманного (я имею в виду не количественную, а качественную сторону произведения). Поэтому, установившаяся у нас привычка обязательно ругать автора, сравнивая его с неким совершенством, мне кажется бессмыслицей и происходит от невежества в области творческой. Ведь нечего, в самом деле, мне говорить, что я не Чехов и не Лев Толстой, я и сам отлично это знаю. Но так же хорошо я знаю, что ни Чехов, ни Толстой не смогли бы написать ничего похожего на то, о чём стараюсь писать я. Однако, в то же время тут выступает диалектика — чтобы помочь автору, надо показывать ему на слабые стороны произведения, особенно на безвкусицу или ошибки в идейных позициях, не громя и не поучая, но обязательно доказывая это. Ни одного замечания без доказательства, и доказательства серьёзного, с мыслью! Не так, как это было надёргано в непонятно злобной и потому совершенно неудачной рецензии Успенского. Так вот мне и кажется, что Ваша рецензия именно такая, как надо, с мыслью и в критических замечаниях, и в «похвальной» части. А вот наспех сделанные вставки, так, с бухты-барахты, безапелляционно, — это редакторские перлы, и всякий умный человек сразу отличит, где Ваше, а где инородное тело.

Очень мне понравилось, что Вы единомысленны со мной в оценке «Сердца Змеи» — самому мне кажется, что там мне удалось кое-что поглубже и посерьёзнее, чем в Андромеде, в частности, вопрос о мыслящих существах во Вселенной и об их разуме, который, отражая Космос, в своём высшем проявлении должен быть повсюду одинаков.

Извините меня за несколько путанное изложение, в нём не столько мысли, сколько эмоций, которые вызвала Ваша рецензия.

В общем — большое спасибо за добрые мысли — это не столь часто в наш суровый век, — и за однозначность в общих устремлениях. Это последнее, — как корабль в безбрежном океане, идущий одним курсом.

А по секрету — самое важное в «Андромеде», что я ставлю себе в наибольшую заслугу — это фантазия о Великом Кольце. Этого никто не придумывал, да ещё вполне материалистически…

С приветом и искренним уважением:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 13

Абрамцево
25 мая 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Что-то о Вас ни слуху, ни духу. Ждал Вашего приезда на съезд, но увы! Правда, Вы много не потеряли — по дошедшим до меня слухам съезд ещё хуже предыдущего, но я потерял возможность скорой встречи с Вами.

Здоровы ли Вы? Как Наталия Алексеевна? Как bella Tatiana?

Сердечный привет всему милому семейству. Тася передает свои лучшие пожелания. Пишите, а ещё лучше — появляйтесь на абрамцевском горизонте. Правда, погода, увы, отвратительна, но ведь будет же тепло!

Ваш *И. Ефремов*

14 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Москва
12 июня 1959 г.

Многоуважаемая Людмила Степановна!

Чрезвычайные обстоятельства заставили меня снова задержать ответ на Ваше письмо. Из них первое то, что я живу теперь довольно далеко от Москвы (ввиду болезни) и в Москве бываю очень редко. Получив от Вас письмо я отложил его для ответа, а конверт выбросил, не сообразив, что адрес Ваш хранится у меня в Москве. Вот и пришлось задержать ответ до поездки в Москву, в чём я винюсь покорно.

Здоровье у меня пока ещё никуда (получил временную инвалидность 2 группы на весь текущий год), отчего и приходится спасаться на арендованной в срочном порядке даче в порядочном удалении от Москвы.

Очень большое Вам спасибо за сочувствие и ласковую заботу — право, не знаю, чем заслужил — моя паршивая стенокардия того не стоит.

Что до врачей, то Вы явно переоцениваете и мою общественную ценность, и благожелательство московских эскулапов, особенно тех, что повиднее!

Спасибо за желание привезти что-либо лекарственное, но ведь сработавшееся сердце, увы, ничем не поправишь — пока не умеем...

Не знаю, как быть, если будете в Москве, потому что добираться до меня далековато и сложно. Однако, может быть, я сам окажусь в это время в Москве, или будет жена или дочь с машиной — тогда Вас доставить ко мне окажется простым делом. Во всяком случае, напишите перед выездом, когда станут ясны точные сроки, и, прибыв, позвоните по тел[ефону] Б 1 02 24 — там Вы узнаете все обо мне подробности — это мой квартирный телефон. Лишь в субботу и воскресенье Вы рискуете никого не застать, да и вообще молодёжь приходит поздно, что и надо учитывать при звонке (а останется лишь молодёжь, если и та не разъедется по летним экспедициям).

К стыду своему я «Иоланту» плохо знаю и не могу сказать Вам, что я слышу в ней. Вообще в музыке я элементарен, но люблю её — в этом Вы правы. В Китае я был, но мало, и не познакомился с их медициной, да и верю в неё не больше, чем в нашу. Ещё раз спасибо за заботу.

С приветом и искренним уважением:
И. А. Ефремов

15 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Абрамцево
16 июня 1959 г.

Дорогой Борис!

Пусть этот кусочек замечательной и заманчивой Индии обрадует Вас в последний год службы! В этой стране Вы должны побывать кровь из носу!

Не собираетесь ли Вы в отпуск, как в прошлом году? Тогда обязательно заезжайте. Если никого не застанете на квартире в Москве, то адрес: посёлок академиков Абрамцево, дача № 39. Ехать по Северной ж[елезной] д[ороге] дачным поездом (Загорским) до платформы 55 километра, оттуда идти через «ге-

[1] Почтовая открытка: Индия, мавзолей императора Акбара Сикандра.

неральский» посёлок до деревни Глебово, там покажут, как пройти в посёлок академиков, всего 2,5 км. Приезжайте!

Всё семейство Вас приветствует.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16

Абрамцево
25 июня 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вдали от телефона я чувствую себя как-то оторванным от милого семейства. Это показывает, что Вам обязательно надо заехать к нам, как только будет малейшая оказия в Москву. Сейчас и Елена Дометьевна живет на даче — и будет жить, вероятно, до августа — это причина, по которой наш телефон бездействует.

Проводив американца[1] и свалив с себя ещё одну диссертацию, я наконец возобновил свои отношения с литературой и приступил ко второму рассказу. Называется он «Афанеор, дочь Ахархеллена», географический по теме и посвящен туарегам. Если такой будет представлять интерес для «Невы», то я мог бы послать его Вам, как только кончу, что будет не раньше середины июля. Больше давать печатать в газеты с продолжениями и сокращениями не буду, как бы ни уговаривали — опыт с «Юртой Ворона» достаточен.

Ежели туареги Вам неинтересны, то подождите следующего рассказа, который появится к августу, «Камни в степи» — о доисторических людях.

Ту маленькую повесть, о которой Вам писал, я боюсь затянуть, и если её ухватят в сборник, то поскольку она идёт последней, не останется времени пропустить в журнале. А может быть даже, я её выделю в отдельную вещь — тогда разговор другой, но это — поздняя осень, после моей предполагаемой поездки в Ленинград в сентябре.

Вот и все мои скромные пока планы. Ждём с нетерпением результатов экзаменов у Козы. По-моему, Вы слишком к ней строги — мы все так — сначала избалуем единственное чадо (кстати, она и неизбалована), а потом сетуем, что оно не похоже на наш идеал… так и я в отношении сына!

Аллан уехал в Казахстан и появится в конце сентября. Мои «китайцы» уже действуют в Гоби, мне на зависть[2].

Пишите, дорогой Владимир Иванович. Как здоровье Наталии Алексеевны? Как Ваше — мне Татьяна говорила, что Вы не очень… так вот Вы именно не очень-то!

Приветы от всех нас — всем вам.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Имеется в виду визит в СССР Э. К. Олсона и его встреча с И. А. Ефремовым.

[2] Советско-Китайская палеонтологическая экспедиция была организована советскими и китайскими учёными в 1959—1960 годах. Работала в северных районах Китая: на территории Внутренней Монголии, в пустыне Алашань, горных районах Нинся и Ганьсу, в высокогорной впадине Цайдам. С советской стороны руководил экспедицией А. К. Рождественский, принимали участие ученики и старые товарищи Ефремова П. К. Чудинов, Я. М. Эглон, М. Ф. Лукьянова, В. А. Пресняков.

17 ТАЙ ПЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

30 июня 1959 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Антонович!

Пишу Вам в пустыне в Гоби. Сижу в палатке, низкой, под светом свечи.

Спасибо за привет. Я с большим удовольствием спешу выполнить Ваше задание. Однако это не так просто. Вы указали отдельные слова, не объясняя, в каком смысле Вы их употребляете. Поэтому даю Вам перевод в нескольких значениях. Вы выберете, какое Вам нужно[1].

Южная звезда 南级星 Наньдисин[2].

Золотая рыбка 小金 鱼 Сяо динь юн[3] — это золотая рыбка в аквариуме. Но ещё есть название звезды, тогда это будет Сяодиньюнсин.

Два облачка — 两朵小云 Лянтуо Сяоюйн[4].

Перекрёсток в высоте 高空的交点 Гаокун ди дяотен[5]. Это значит — точка пересечения высоко в воздухе.

Юань-Юй может быть мужским именем.

Получили ли Вы ту книгу, которую я Вам переслал? И как только будет что-нибудь новое, я Вам немедленно пошлю.

Очень надеюсь Вас осенью видеть. Ещё больше хотелось попасть в Москву, где повидаться с Вами, это было бы интереснее и полезнее для меня.

Ещё раз надеюсь с Вами скоро встретиться.

Сердечный привет Вам и Вашей семье.

Желаю Вам доброго здоровья.

Вечно верный Ваш
Тай Пый

18 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. Г. ЕГОРОВУ[6]

Абрамцево
13 июля 1959 г.

Многоуважаемый Борис Григорьевич!

От души благодарен за дружеское письмо. Я, безусловно, поступаю так, как и Вы мне советуете, по той причине, что «реплика Антонова» — это не рецензия, а нарочитая ругань, от которой в нашем мире никто пока, увы, не застрахован.

Это не первый случай, даже в печати второй, а в письмах читателей — шестой (на 300 примерно). Очевидно, есть категория людей, в которых «Туманность» вместо хороших чувств будит злобу, и это интересно психологически.

Газета, конечно, не опубликует Вашего замечания, но за защиту — ещё раз спасибо, но главное — доброе мнение о моей книге, а заодно — обо мне.

С приветом и искренним уважением, *И. Ефремов*

---

[1] И. А. Ефремов собирал материал для рассказа «Высокий перекрёсток» под впечатлением посещения обсерватории в Наньшане. Рассказ не был написан.

[2] Нань цзи син.

[3] Сяо цзинь юй.

[4] Лян дуо сяо юнь.

[5] Гао кун де цзяо дянь.

[6] Почтовая открытка «Облако в горах», художник Дун Шоу-пин.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 19

Абрамцево
16 июля 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Ну и напугали же Вы нас всех, признаться! К счастью испуг был короток — пока я читал первые строчки Вашего грустного сообщения о Наталии Алексеевне, дальше все вздохнули с облегчением. По единодушным сменам страха и облегчения хорошо было видно, как моё семейство относится к Вашему. Ну до чего же мы все живём под прессом — то страха (общего) атомной войны, то — рака (личного и узко-семейного). Ей богу, лучше бы быть потупее... впрочем, как подумаешь, что зато исчез бы весь широкий и интереснейший мир, нет, не лучше! Расплачиваться всё равно неизбежно и за то и за другое, только по разному...

Очень хорошо понимаю Ваше состояние, и Вы образно его представили! Не ко времени это сейчас Танюшке, но что поделать. Тася ей написала уже приглашение к нам и сказала, что будем любить, если и не удастся ей прошибить экзаменационную стену рожками. Вам теперь вряд ли удастся очень скоро выбраться в Москву, но помните, что мы Вам всегда рады.

Вот ещё какой вопрос — в связи с тем, что теперь хорошо бы Наталии Алексеевне поехать в Крымию, не надо ли Вам немножко денег? Я ведь всегда могу послать Вам на две путёвки в Ялту или Коктебель — это, кажется, тысячи полторы или больше. Напишите только заранее, потому что пока письмо дойдёт — задерживается на квартире дня три-четыре, если не попадёт сразу в оказию, и затем ещё время, чтобы мне приехать в Москву, взять в сберкассе и послать. Но, во всяком случае, если хотите серьёзно ехать в Крым (а мне кажется, это Вам — гриновцу и Наталии Алексеевне было бы заслуженно хорошо), то заявите путёвки заранее — их надо заранее, а тем временем напишете мне, и деньги будут.

Что до моего рассказа, то с ним получился конфуз. Я не писал Вам, что Гослит (Роман-газета) хочет издавать «Туманность», так как не верил в серьёзность этого — никогда «Роман-газета» такими пустяками не занимался. Но они взялись всерьёз, и в результате срочные корректуры (я, конечно, воспользовался случаем, чтобы немного улучшить некоторые места), сбили меня совсем с писания рассказа, и я только с завтрашнего дня сажусь за него. Думаю, что если не будет опять ничего экстренного, то я бы закончил рассказ к концу месяца, ну ещё неделю на перепечатку и правку, т. о. к середине августа Вы можете этот рассказ получить.

Вот всё о деловой стороне. Большое спасибо за то, что и во время больших неприятностей помните обо мне — благодарю за поздравление. Что до того, что «Туманность» фигурирует как детская техническая литература, то это не так уж плохо и вполне закономерно. Когда Вы излечитесь от Вашей светлой романтики, Владимир Иванович, дорогой? Впрочем, не излечивайтесь, не нужно — лучше прожить наивным соколом, чем софистической змеей.

Сердечные приветы Наталии Алексеевне и самые лучшие ей пожелания от всего семейства. Танюшке — что ж, по-студенчески — ни пуха, ни пера...

А как Ваши дела насчет «Магелланова облака»? Хоть Кирилл Андреев написал о нём и неплохо, но ведь это только вскользь...

Берегите себя — Вы нужны и литературе и собственному семейству и друзьям.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. К нам только что приехала из Коктебеля Мария Степановна Волошина, прогостит недели две — может быть, через неё узнать насчёт поселения «диким» способом?

20 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Абрамцево
9 августа 1959 г.

Дорогой Борис!

Жаль, что в этом году у Вас не вышло отпуска — посмотрели бы много интересных книг у меня. Я по-прежнему мирно живу под Москвой и даже в Китай в этом году не поеду — здоровье не позволило. Вам попадались книги Картера о раскопках гробницы Тутанхамона — чрезвычайно интересная вещь? Сейчас, 30 лет спустя, вышло её второе издание, и я мог бы послать её Вам.

С приветом от всех моих и уважением,
И. Ефремов

21 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Ленинград
20 августа 1959 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Ваше письмо было получено мной в последний момент перед отъездом, и я не смог даже написать Вам в Москве, т. к. на квартире был проездом с дачи на вокзал. Если Вы пробудете в Москве ещё около месяца, то я вполне успею вернуться и заранее извещу Вас на тот же адрес до востребования (что будет не раньше, чем через две-три недели от сегодняшнего числа). У меня давно приготовлено для встречи с Вами письмо от Б. П. Грабовского, в котором ½ — для Вас. Я захватил его в портфеле с собой и теперь таскаю при себе.

С приветом и уважением,
И. Ефремов

22 ТАЙ ПЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

25 августа 1959 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Антонович!

Ваше письмо дошло до меня через 20 дней, поэтому отвечаю на Ваши вопросы поздно.

Имя героя Вашего нового интересного рассказа — Страж южного неба — возможно перевести на наш язык таким образом, чтобы заменить слово «страж» словом «хранитель». Южный — это его фамилия (одни китайцы фактически носят такую фамилию), а хранитель неба — это его имя. Итак, нашего героя зовут по-китайски Нань-Тень-Вый[2] (南天衛).

---

[1] Почтовая открытка «Иванушка и Сивка-Бурка».
[2] Нань тянь вэй.

Название храма — хранилище южного неба — в переводе на китайский будет Нань-Тень-Гуун[1] (南天宫). Гуун[2] (宫) — это составная часть (как суффикс) названия китайских храмов. В точном переводе Гуун (宫) — не хранилище, а абстрактное место, где хранится дух или совокупность веры. Имена созвездий с суффиксом Гуун (宫) часто образуют название храма и являются таким образом своеобразным обозначением места, где хранится определённая часть неба.

Названия кораблей:

Жемчужина Южного моря — Нань-Хай-Зин-Зу[3] (南海珍珠).

Дракон Левой стороны — при старом методе гадания обычно принимали синего дракона для обозначения левой стороны и мужчин, а белого тигра для обозначения правой стороны и женщин. И поэтому возможно по этому шаблону давать кораблю чистое китайское название «синий дракон левой стороны», которое звучит Зуао-Тин-Лун[4] (左青龙).

Владыка ужасного моря будет по-китайски Хаай-Хай-Баван[5] (害海霸王).

Я буду очень рад, если могу получить этот очень интересующий меня рассказ в первую очередь. Я имею большое желание перевести его на наш язык, и я убеждён в том, что Ваш рассказ непременно даст большой интерес китайским читателям. Даже можно предположить, что даст большего интереса, чем в Союзе, потому что это рассказ о Китае.

Поздравляю Вас с получением премии на конкурсе за «Туманность Андромеды». Эта новость дошла до нас очень поздно. Желаю почаще получать от Вас письма.

Всегда готов к Вашим услугам.

Всего хорошего.

Ваш
Тай Пый

ТАЙ ПЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

23

Сентябрь 1959 г.[6]

Дорогой Иван Антонович!

Я ездил в Пекин и там получил Ваше письмо.

Я, конечно, очень рад выполнить Ваше задание, но я затруднялся тем, что я не знаю, что значит «страж южного неба» и «хранилище южного неба» в Вашем понимании и в конкретном употреблении. Семантически можно перевести эти слова в нескольких вариантах и вообще без конкретного указания на их употребление и их сочетание с другими словами, почти невозможно получить удачного перевода. Напишите, пожалуйста, подробнее.

---

[1] Нань тянь гунн.
[2] Гун.
[3] Нань хай чжень чжу.
[4] Цзо цин лун.
[5] Хай хай ба ван.
[6] Датируется по содержанию.

Рот рыбы по-китайски звучит Юй-Зуэй[1], пишут 魚咀[2].
Я буду всегда готов к Вашим услугам.
Сердечный привет Вам и Вашей семье.
Желаю здоровья.

Ваш
Тай Пый

24 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
9 сентября 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Как Вам известно, в Лен[ин-гра]де вышла моя «Катти Сарк» в сборнике Лениздата. Сколько я ни просил их прислать мне за мой счёт два экз[емпляра] — они даже не откликнулись — обычное х-о[3] после опубликования... Нельзя ли добыть 1—2 экз[емпляра] хоть через лавку Писателей, попросив Марию Львовну? Был бы весьма обязан. У меня писание чего-то вдруг затормозилось — очевидно, выбили из колеи слишком частые в сем году корректуры. Всё же «Афанеор» закончу на днях и больше не буду ничего рассказного писать — только «Лезвие бритвы» и роман.

Как Вы, Нат[алия] Алекс[еевна]? Как учится Коза? У меня с приездом в Л[енинград] пока ничего не вышло. Привет всем.

Ваш: *И. Ефремов*

25 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
22 сентября 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Большущее спасибо за книги. Однако Вы совсем разорились, купив 4 экз[емпляра] — вся книга того не стоит!

Я не еду в Ленинград в ближайшие полмесяца во всяком случае и буду очень рад видеть Вас в Абрамцеве. Вам будет отведен «апартамент» Вашей дщери — сейчас эту комнатку легче всего обогреть. Должен сознаться, что время для того, чтобы оценить нашу усадьбу по достоинству — упущено. Здесь у нас — непрерывный дождь, и во всех других помещениях дачи — страшенный холод, но там, где топят — тепло и уютно — так что приезжайте. Абрамцевские отшельники — я и Зубрик будут очень рады.

Я только что кончил «Афанеор, дочь Ахархеллена» и теперь буду отделывать и перепечатывать, так что Вы сможете посмотреть товар натурой.

---

[1] В современном китайском — юй цзуй.

[2] Второй иероглиф, во всяком случае, в современном китайском тоже читается как «цзуй», но не имеет значения «рот». Должно быть — 魚嘴.

[3] Хамство.

Точно так же не пошлю Вам «Туманности» в роман-газете, чтобы не измяли — получите её здесь, гладенькую.

Очень мне как-то жаль, что Вы так и не собрались с Натальей Алексеевной в Крым. А что Вы будете делать в декабре? Поедете в Комарово?

Большой очень привет Наталии Алексеевне, Козе и домочадцам. Тася шлет Татьяне привет совсем особый.

Насчет луны и ракеты — поговорим при встрече. Всё же это не столь «ступенчатая» вещь, как первые спутники!

Всегда Ваш: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. Б. ВАДЕЦКОЙ 26

Абрамцево
16 октября 1959 г.

My dear sea-gull![1]

Ваш преступный папа[2] так и не вернул мне до сих пор (!) ту рукописную индийскую повесть[3], которую я дал Вам и которую Вы так легкомысленно поручили ему.

Однако Вам и следует исправить эту ошибку — as soon as possible[4]. Пожалуйста, заверните её в пакет и завезите при случае мне на квартиру. Я приеду в Москву, по-видимому, в четверг на будущей неделе.

Может быть, Вы соберётесь к нам в Абрамцево? Правда, сейчас не советую — очень холодно, мокрый снег и ветер. Лучше в четверг сговоримся — может быть, лучше будет погода.

Faithfully yours[5].
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 27

Абрамцево (под Москвой)
20 октября 1959 г.

Глубокоуважаемый Геннадий!

Прочитал Ваше письмо с удовольствием. Мне кажется, что Ваша жизнь, хоть и скудная материально, но правильная — какая и должна быть у людей, по-настоящему интересующихся наукой. Всё же университет должен быть неизменной целью, хотя бы для права заниматься наукой и идти по любимой специальности. Чёрт бы взял нашу бедность с жильём — надо бы взять Вас в лаборанты к нам в Институт — самое верное и самое правильное, но без прописки в Москве принять Вас нельзя, а прописаться без работы — тоже не выйдет… Вот и принимаем в лаборанты всякий хлам только потому, что живёт в Москве — глубоко неправильный подход

[1] Моя дорогая чайка! (англ.).
[2] Б. А. Вадецкий.
[3] Речь идёт о повести И. А. Ефремова «Тамралипта и Тиллоттама».
[4] Как можно скорее (англ.).
[5] С совершенным почтением (англ.).

к комплектованию научными кадрами. В том и смысл Академии, что она должна брать к себе всё настоящее из всей страны, а не случайных маменькиных сынков!

Всё же Вам надо не отставать от Института — участвовать в экспедиции — на будущий год опять будут кое-какие раскопки — Чудинов, потом и по млекопитающим или рыбам — вот Вам в свой отпуск или как там у Вас будет.

Стихи Ваши читал — они на мой вкус очень плохие, не знаю, как там с повестью, но ничего — дело наживное — постепенно выучитесь писать, хотя поэтического таланта у Вас очевидно нет (он ведь проявляется всегда рано).

Я всё ещё на временной инвалидности, живу под Москвой и вернусь к работе в Институте только в марте будущего года. Тогда подумаю и над книгами. На чём Вам заниматься — очень больной вопрос — у нас нет ни популярных работ, ни хороших учебников — всё ещё только в проекте. Как у Вас с языками? Надо знать минимум английский язык, чтобы прочитать ряд хороших работ по палеонтологии позвоночных, морфологии (функциональной) и сравнительной анатомии. Следите за работами академика Шмальгаузена — он написал в последнее время ряд интересных работ по происхождению наземных позвоночных. Если Вы овладеете языком — составлю Вам список книг, которые можно будет получать по межбиблиотечному абонементу в Томске (а может быть, таковой возможен у Вас в Тайге?).

Теперь коротко о Вашем вопросе — подробно писать не могу — переписка у меня выросла так, что совершенно меня задавила — и не отвечать нельзя, и отвечать невозможно — секретаря мне по чину не положено.

Так вот, на человека теперь, в его цивилизованной жизни, не действуют никакие силы отбора, полового подбора, приспособления и т. п. Накопленная энергия вида растрачивается, потому что нет полового подбора и вообще человек не эволюционирует, во всяком случае так, как животные.

Да и общий ход эволюции животного и растительного мира из-за столкновения с человеком сейчас совершенно исказился и продолжает ещё сильнее изменяться под воздействием человека.

А Вы выписали наш Палеонтологический журнал?

С приветом и уважением,
И. А. Ефремов

Если понадобится проехать от Вас в экспедицию или за литературой — рассчитывайте на финансовую поддержку. Рублей 500 всегда смогу выделить.

И. Е.

28 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Абрамцево
15 ноября 1959 г.

С прошедшим праздником!
Дорогой Борис!

Рад был наконец получить письмо, а то мы все стали уже беспокоиться — не загнали ли куда в тартарары. Но, по-видимому, всё идёт как надо, и Вы молодец, что не сдаёте с занятиями. Хоть и трудно, а что поделать. Относи-

[1] Почтовая открытка с изображением бронзового льва.

тельно дальнейших дел, о которых Вы спрашиваете совета, я бы рекомендовал погодить — там видно будет, что лучше — история или география. Но что совершенно очевидно, необходимо и неизбежно — это английский язык, при всех прочих равных условиях, как то говорил В. И. Ленин... Ваш брат заходил ко мне один раз, конечно, не застал, потому, что я живу сейчас (на время своей временной инвалидности) за городом. Больше не появлялся. Однако он, конечно, совершил подвиг, одолев такой конкурс!

Пишите чаще. Скоро выйдет сборник из двух старых и трёх новых моих рассказов, и думаю, что к Новому году пошлю Вам.

Привет Вам от меня и всего семейства, которое Вас хорошо помнит и которому Вы нравитесь.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

29

Абрамцево
17 ноября 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пишу Вам спешно с оказией коротенькую записку — дополнение к звонку Е. Д. об «Афанеор».

Те исправления, которые захотели сделать Ваши редакторы и консультанты — все неверны, за исключением второго варианта названия ихаггаренов.

Секрет очень прост, и удивляюсь, как сим мудрецам не пришло это в голову. На туарегском языке и вообще во всех близких к тамашеку берберских наречиях звук «р» чрезвычайно отчетлив и произносится даже с некоторым нажимом. При переходе к арабскому произношению «р» приобретает горловое звучание, по некоторым фонетическим системам (неверным!) передаваемым (транскрибируемым) по-русски как «г».

Вот и получается, что «имрады» звучат как «имгады» и так далее.

Я же пишу о берберах и, ещё точнее, — о туарегах, поэтому никакого другого произношения, кроме туарегского, быть не должно, и принятая мною транскрипция не случайна и не от невежества.

Что касается Ахаггара и Хоггара, то Ахаггар — целая горная область, включающая в себя хребет Хоггар, проходящий наискосок с ЮЗЗ на СВВ к северу от Таманрассета. Поэтому различные названия, встречающиеся в тексте, так же не случайны.

Вот и всё. Жаль, что не удастся выправить «Афанеор» так, как это я сделал для «Молодой гвардии». Но и там потребуется перевёрстка, и хотя предупредил, что уплачу все убытки, не знаю ещё, согласятся они делать её или нет. Жду Вашего отзыва на «Рассвет 2250 года» — рукопись, посланную Вам с Татой Рахмановой. Хочу попробовать напечатать повесть в Молодой гвардии — сейчас отдал её на прочтение туда.

Аллан Вам расскажет всё о нас, а пока — желаю Вам и всему милому семейству всего самого хорошего. Не забывайте нас и того, что мы все вас любим.

Искренне Ваш: *И. Ефремов*

P. S. Поцелуйте от Таси и от меня Козу в её день рождения.

30 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Абрамцево
18 ноября 1959 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Действительно, получилось всё очень нелепо — Вы довольно долго находились в Москве, не давая о себе знать, а когда написали, то я уже был в Ленинграде, и ещё много времени ушло на пересылку письма туда (почту пересылали не сразу, а по мере «накопления»). А когда Вы появились снова в Москве, то уже не оказалось времени мне приехать из своего уединения — в Москве я бываю очень редко. Пользуюсь тем, что по болезни получил временную инвалидность и до будущей весны освобожден от Академии. Чтобы Вы напрасно не ругали себя: я действительно очень люблю Русский Музей и всегда бываю там во время наездов в Ленинград, однако 1—3 сентября я там не был, синих костюмов не ношу (только серые или чёрные), за исключением форменного морского кителя, который составляет мой обычный «рабочий костюм» (конечно, без блестящих пуговиц). Глаза у меня не темные, а светло-голубые, да ещё выцвели с возрастом до стального цвета, чувствую себя неважно и выгляжу «не очень», так как от «сердечных» дел растолстел и страдаю одышкой. Таким образом, Вы видите, в этом законченном портрете нет сходства с моим воображаемым двойником из Русского Музея.

Интересно узнать, какие картины, Вы считаете, должны нравиться мне — при случае — напишите.

Что до «Юрты Ворона», то даже очень хорошо, если Вам не понравился этот рассказ, безмерно изгаженный газетчиками, — от него остался лишь скелет, объеденный пожирателями падали. Иначе Вы бы были слишком ко мне снисходительны. К началу года выйдет мой новый сборник — «Юрта Ворона» — в «Молодой гвардии» — там вот будет этот рассказ полностью, и когда я пошлю Вам книгу, тогда и судите. В ней будет ещё один, совсем новый, рассказ — «Афанеор, дочь Ахархеллена», потом «Кор Серпентис» — Вы умно его охарактеризовали — мне понравилось — «холодноватый и страшноватый», потом «Катти Сарк» и ещё один из совсем старых рассказов «Последний марсель». Вот что мне не понравилось, извините за откровенность — это как Вы говорите о Паустовском. Он на самом деле очень болен — сильнейшая астма, и его единственная возможность, чтобы как-то продолжать работу, — это ограничить елико возможно свою «внешнюю» жизнь. А Вы считаете, что если у него появляются рассказы, то он «не так уж болен» и мог бы принять Вас. Да если бы Вы знали, как много бесцеремонных или просто дурно воспитанных людей (плохое воспитание — характерная черта нашего времени), которые ломятся к писателю так, запросто, поговорить «за чайком» или ещё хлеще, за кружкой пива. Нас отучили уважать писательский и вообще художнический труд, поэтому любой человек втайне считает, что он мог бы написать не хуже, да вот, мол, недосуг. Вот эти развращенные демагогией людишки, а особенно нагловатые юнцы, и составляют бич всех по-настоящему занятых творчеством людей. Телефоном мы также пользоваться не умеем — каждый считает, что такого, если он позвонит (в любое удобное ему время) на десять минут! И негодует, если «родные» охраняют его жертву. Вам же, человеку тонкому и чуткому, не к лицу уподобляться ругающим родных, «забаррикадировавших» (Ваши слова, ай, яй!) Паустовского. Откуда они, родные, или кто там охраняет

Паустовского, могут знать, какой Вы человек? Ведь могут и ошибиться, приняв Вас за одного из ненужных назойливых посетителей!

Я сам много страдаю от неорганизованности и никак ещё не могу устроить железную дисциплину — один приемный день на неделе, а — остальные — работать. Но мечтаю об этом и когда-нибудь наберусь духу... тогда и меня Вы назовете «царевной в замке».

Посылаю Вам обратно письмо Вашего знакомого. Спасибо за него. Читая такие письма, видишь, что труд и попытка писания от души не пропадают зря. Большой привет Вам от Таси — Вы ей как-то сразу понравились, так что симпатия обоюдная.

С праздничными поздравлениями, лучшими пожеланиями и приветом,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ДЕГТЯРЁВУ 31

Москва
3 декабря 1959 г.

Многоуважаемый Виктор Алексеевич!

Сейчас в «Молодой гвардии» печатается сборник моих рассказов «Юрта Ворона», где будут две новых маленьких повести + «Сердце Змеи», «Катти Сарк» и «Последний марсель».

Когда выйдет, я пошлю его Вам, чтобы Вас не обдирали спекулянты.

Работаю над небольшой повестью «Лезвие бритвы», а потом буду писать исторический роман с потрясающими приключениями, на время простившись с Космосом.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 32

Абрамцево
3 декабря 1959 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я отправил вторую корректуру в «Молодую гвардию» (вторую, так как попросил переверстать за свой счёт «Афанеор», чтобы дополнить там кое-что), и Жемайтис сказал, что, может быть, книга успеет выйти ещё в этом году. Это следует понимать, что она не выйдет в этом году (прежнего фасона уже нет и в помине). Да и посудите сами — только что отдал корректуру — дня три продержат в корректорской, затем в типографию, затем чистые листы, затем Главлит и подпись к печати — после этого отпечатка тиража, а ведь есть ещё самая беда — переплётный цех! Явно не сможет выйти в этом году.

Как Вы? Поехали ли наконец в Комарово с Наталией Алексеевной? Что Коза? Каковы Ваши впечатления о «Рассвете 2250 года»[1]? Жемайтис со товарищи прочитал её и сомневается, чтобы «Молодая гвардия» смогла её издать...

[1] «Рассвет 2250 года» (Daybreak — 2250 A.D.», 1952) — роман А. Нортон, на русском языке опубликован только в 1991 г. Другое название — «Сын звёздного человека» (Star Man's Son).

А напрасно — книга кажется мне очень отвечающей смыслу борьбы за мир! То, что она написана не в нашей идеологии и не нашими изобразительными методами — только хорошо — литература каждого народа есть явление глубоко национальное, и смешно было бы отыскивать среди американских произведений точно соответствующие русским-советским. Это могут быть только подражательные или, что ещё хуже, написанные по заказу. Надо будет обратиться в ЦК с запросом об указаниях по переводу научной фантастики — тут требуется какое-то прояснение мозгов у наших издательских деятелей.

Мне теперь посылает свои стихи о космосе некий черкесский поэт Александр Яльмаров. Я мало смыслю в поэзии и не люблю современных поэтов, но его стихи вообще мне кажутся слабыми. Однако его последняя поэма как-то лучше (прилагаю её к сему), пусть там посмотрят Ваши знатоки и, ежели не подойдёт, пусть отправят её назад (Черкесск, Набережная, 24).

Большие приветы и лучшие пожелания всему милому семейству.

Ваш: *И. Ефремов*

P. S. «Мосфильм» собирается экранизировать «Андромеду» и др., кажется, серьёзно.

И. Е.

1960

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 1

Абрамцево
7 января 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Ещё раз от души поздравляю с Новым годом и желаю того же, что и Вы пожелали мне: прежде всего здоровья, нужного и Наталии Алексеевне, и Вам, и Танюшке.

Поздравляю также с «некурением» — надолго ли только?

Хорошо бы Вам пожить в Комарове дондеже, т. е. до окончания повести. Листы и корректуры «Невы» отлично могут Вам таскать туда — только подышат свежим воздухом. Как бы это Вам устроить?

Ваш расчёт с «Молодой гвардией» оказался верен — пока что о книге ни слуху ни духу, и если даже выйдет в этом месяце, то ничего страшного не произойдёт, разве что Ваша «Нева» очень задержится.

Со статьёй в «Коммунисте» — не происки ли это врагов? Была какая-то «чистка» редакции в отделе агитации и пропаганды — может быть, это последствия?

Враги есть, и их немало — это обнаружилось, когда стали выдвигать «Туманность» на Ленинскую премию (от «Молодой гвардии», «Техники — молодёжи» и Ленинградского университета — лаборатория машинного перевода) — началась какая-то муть, верчение, неопределённость (парторганизация ССП и т. п.). Я издали не могу ясно понять, в чём дело, да и разбираться не буду, однако создаётся впечатление, что «Туманность» не устраивает многие партийные круги тем, что там нет прямой, в лоб, славы партии. Это, конечно, следует иметь в виду при всяких статьях о романе, почему и считаю долгом сообщить Вам это.

Я сейчас закапываюсь в «Лезвие бритвы». Получится или очень интересно, или очень плохо. В последнем случае — спрячу под спуд, а ежели получится, то могу отдать Вам (конечно, если у законопослушных ленинградцев хватит смелости напечатать — там будут кое-какие «неапробированные» вопросы). Правда, это маленькая повесть, а не рассказ, листов на пять.

Собирается ли Коза к нам на каникулы? Я очень непрочь бы, если бы у них дело пошло как надо, больше «суровой дружбы», однако я начал сомневаться в последнее время в качествах сына. Он что-то распустился, разленился и разрыхлился... вот эта самая рыхлость мне очень не нравится. Боюсь, что Аллан будет не находка для Тани — я бы, во всяком случае, ни за что за него замуж не пошёл бы. Однако надеюсь, что это временное и потом изменится...

Передайте, пожалуйста, привет Галине Александровне — это ведь моя большая (не по росту) симпатия, почти любовь... Очень хороший и приятный человек Леонид Дмитриевич Ломакин, мы с ним дружили в Малеевке и лишь в последние полтора года как-то потеряли друг друга из виду — оба болели, и он не жил почти в Москве. Передайте ему, пожалуйста, самый теплый привет и поздравления с Новым годом — с ним, мне кажется, Вы должны подружиться — это настоящий Дон Кихот.

Большой привет Вам от Таси — она относится к Вам с неизменной нежностью.

Ваш всегда: *И. Ефремов*

2 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Абрамцево
8 января 1960 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Позвольте и мне поздравить Александру Ивановну и Вас с Новым Годом и пожелать избавления от перманентных болестей — сходного с моим состояния. Я удивлялся тому, что Вы вдруг перестали отвечать на письма и вообще давать о себе знать и подумал даже — не собираетесь ли Вы расстаться с наукой вообще и переключиться, скажем, на дипломатию, что ли.

Оказывается, дело проще и прежняя неумеренность в педагогическом рвении доконала-таки Вас — вернее, доконает, потому, что и тени раскаяния не видно в письме. Только на днях директория советовалась со мной, что делать с черепахами Монголии, на которые сейчас посажен новый и дельный человек — Суханов — он будет делать амфихелид — заново!! Пришли к заключению, что Вам будет написано письмо с предложением возвратить все имеющиеся у Вас на руках материалы по черепахам Монголии и вообще. Если Вы обдумаете это мероприятие нелицеприятно, мне кажется, Вы должны признать, что дирекция права.

Я в данном случае смотрю со стороны, потому что сейчас нахожусь в годовом отпуску — вернее, на временной инвалидности II-й группы, до марта и после этого срока буду пытаться продлить оную ещё на полгода. По правде и между нами говоря, мне совсем не хочется возвращаться в ПИН — осточертела беспринципность Ю. А., вернее, оппортунизм во всех вопросах, за исключением сохранения статус кво, и такая же беспринципность и распущенность парторганизации, которая влачится на поводу у двух-трёх авторитетных, но очень своекорыстных товарищей. Получилось настоящее болото, в котором все и барахтаются. Из последних «дел» — весьма неприятная травля Рождественского как начальника советско-китайской экспедиции. Дефекты Рождественского Вам известны не хуже, чем нам, но раз уж он тащит на себе трудное дело, и тащит успешно, нельзя его травить и сбивать с толку, мешая работе. И хуже всего, что в этом деле застрельщиком является парторганизация. Однако все отлично знают, что сейчас положение таково, что кроме Рождественского экспедицию вести некому, и, казалось бы, его надо поддерживать, а не итти на срыв экспедиции по мотивам совершенно мещанским, а не только что ненаучным.

Новое пополнение ПИН — посредственная молодёжь именно в экспедиционном отношении — мне они кажутся даже не совсем нормальными — как

можно отказываться от такой экспедиции, как китайская, потому что, мол, это задержит их прогресс в намеченной работе? Паранойя!

Ограниченность моих ресурсов в отношении работоспособности — и без того сижу за письменным столом гораздо дольше, чем это возможно в мои годы, рыхлею и толстею, — заставляет продуманно намечать свои жизненные планы. Если, с одной стороны, имеется большой успех, а следовательно, и польза в литературе, а с другой — Институт, которому я отдал 34 года жизни и в котором, несмотря на это, считаюсь чем-то вроде мелкого жулика, получающего зарплату, а пишущего романы (это преувеличение, но не так уж далёкое от действительности, как Вы могли бы подумать!) и где мне на «посту» завлабораторией надо будет больше заниматься всякими кляузами и бумажными планами, то, естественно, сомнение — надо ли возвращаться в ПИН. Ведь можно работать в науке, и не служа в Академии наук. Кстати, будь в Ленинграде подходящее место в ЗИН или где ещё — с удовольствием бы перебрался назад в фатерлянд — времени продуктивно работать остаётся не так уж много с моей стенокардией, и надо провести его дельно…

Ещё одно — в этом году срок моей пятилетней болезни — она может и не наступить, отложившись до будущего года, а может и наступить. Если это будет, то будет между 15 января и 15 марта — поэтому ещё рано строить реальные планы — надо перейти Рубикон. Поэтому и сижу смирно и никуда не еду, хотя уже давно хочется съездить в милый Ленинград. Подожду уж до апреля, там видно будет.

Ну вот, не совсем связно, потому, что очень быстро, но как будто обо всём. Пишите, дорогой Лев Исаакович. Привет большой Александре Ивановне и Вам. Не собираетесь ли в Москву на каникулы?

Ваш: *И. Ефремов*

P. S. Живу сейчас больше за городом — в Абрамцеве. В Москву приезжаю раз в декаду.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. НЕСМЕЯНОВУ 3

13 января 1960 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

В настоящее время вновь, как много раз до этого, возник вопрос о месте Палеонтологического института в отделениях Академии наук СССР. В этом вопросе нет должной ясности ни у сторонников перевода института в ОГГН, ни со стороны сотрудников и дирекции ПИНа. У нас в Академии наук не принято советоваться с отдельными учёными, не принадлежащими к администрации. Однако разрешите мне, одному из основных сотрудников Палеонтологического института, проработавшему в нём без малого тридцать пять лет, изложить Вам некоторые принципиальные соображения[1]. Они не продиктованы никакой

[1] Предложения И. А. Ефремова по структурной перестройке Палеонтологического института, изложенные Президенту Академии наук СССР академику А. Н. Несмеянову, были выношены на протяжении многих лет. Впервые с предложениями по этому вопросу И. А. Ефремов выступил в 1954 г. в обращении к академику-секретарю ОГГН АН СССР Д. И. Щербакову (см. письмо Д. И. Щербакову от 27 мая 1954 г.).

корыстью, кроме интересов дела. В настоящий момент я не занимаю никакого поста, нахожусь на временной инвалидности по болезни.

Существо вопроса в том, что Палеонтологический институт составлен из двух разнородных частей и слишком долго сохранял свой статус кво. 60% научных сил института принадлежит к палеонтологам-стратиграфам с геологической специализацией, около 40% относится к палеонтологам-биологам с биологической специализацией. Первые — палеонтологи беспозвоночных (за исключением палеоэнтомологов), вторые — палеонтологи позвоночных. Это разделение совершенно естественно. Позвоночные — наиболее сложные организмы, могущие ответить на вопросы современной науки. Беспозвоночные — преимущественно индикаторы геологического возраста и условий отложения осадков и в гораздо меньшей степени могут служить объектами биологического исследования высокого класса.

За десятки лет совместной работы обе группы научных сил института не ассимилировали друг друга и не сумели объединиться в общих исследованиях. Наоборот, противоречия между ними проявляются с каждым годом глубже.

Это не мешало на первых этапах работы института, но теперь, когда требуются всё более глубокие теоретические исследования, при огромных темпах развития смежных биологических наук различие целей и методов ведёт к деградации института. Наше время фантастически быстрого развития естественных наук, в том числе и биологических. Вооружённые новейшими методами физики и химии, математики и кибернетики, биологические науки сейчас поднимаются на качественно новые ступени исследований. Геология же, оставаясь важнейшей практической наукой, всё более отстаёт в теоретических исследованиях. Поэтому расхождение биологического и геологического направлений в палеонтологии становится всё более резким.

Цель биологической линии в палеонтологии — пользуясь всеми методами биологических наук, восстановить ископаемые вымершие организмы и в последовательности их изменений строить историю развития жизни на Земле.

Цель геологической линии в палеонтологии — пользуясь биологическими данными палеонтологии, установить уровень развития ископаемых организмов, определить его геологический возраст, а также условия отложения осадков по чертам приспособления организма.

В первом случае палеонтологические остатки являются объектом исследования, для которого привлекаются сравнительные данные из всех отраслей биологии, во втором — средством для раскрытия возраста и фациальной характеристики отложений земной коры.

В этой двойственности сущность всех противоречий, непониманий и различия целевых установок как внутри института, так и в требованиях, предъявляемых институту извне.

Биологическое направление палеонтологии даёт серьёзную теоретическую базу для биологических наук, представляя собою <u>историческую основу</u> морфологии и сравнительной анатомии — абсолютно необходимую для материалистической науки нашего общества.

Палеонтология геологического направления опирается на эту же базу и не должна затрачивать времени на чуждые ей методы и пути исследования, а сосредоточиться на углубленном познании фаунистики, стратиграфического и фациального распространения и условий захоронения ископаемых организ-

мов. В Палеонтологическом институте имеет место организационный разброд. Не подготовленные биологически сотрудники занимаются чисто биологическими проблемами, палеонтологам-биологам приходится решать вопросы геологического порядка.

Распространение печатной продукции — научных трудов Палеонтологического института за все годы его существования — с полной ясностью показывает потребителей его исследований. Подавляющее большинство печатных исследований геологического направления (палеонтологии беспозвоночных) остаётся непроданным, лежит на складах издательства, идёт в макулатуру или хранится в фондах библиотеки института. Почти все работы по палеонтологии позвоночных расходятся очень быстро и распроданы полностью в магазинах без остатка, и в настоящее время остались лишь в ничтожном числе экземпляров в фондах библиотеки ПИНа. Это различие является безошибочным индикатором фактической потребности в печатной продукции Палеонтологического института и её значения не только для биологических наук, но и для широкого круга учёных-естественников и философов. Однако малая потребность в печатной продукции по беспозвоночным отнюдь не означает бесполезности геологического направления в палеонтологии. Существо дела в том, что для выхода палеонтологии в геологическую практику нужны только конечные выводы по стратиграфии и фациальной приуроченности с фаунистической характеристикой тех или других отложений. Эти выводы становятся известны и находят применение ещё задолго до выхода исследования из печати. Сами же печатные исследования, по отсутствию в них нужных для биологии теоретических вопросов, нужны только узкому кругу специалистов как справочники, приобретаемые лишь отдельными библиотеками.

Разнородность работ Палеонтологического института находит яркое подтверждение в потреблении его печатной продукции.

Мне представляется, что сохранение Палеонтологического института в его настоящем виде более не имеет организационного и делового смысла.

Однако передача института полностью в Отделение геолого-географических наук будет крупной организационной ошибкой. Рано или поздно, несмотря ни на какие заверения, там элиминируется биологическое направление палеонтологии. Надо подчеркнуть, что руководящие учёные ОГГН, стоящие за передачу института в это отделение, просто не знают, что делать с его исследованиями по палеонтологии позвоночных и палеоэнтомологии. Отсюда возникло предложение передать эту часть ПИН Зоологическому институту, который не обладает материальной базой для освоения ПИНа и правильной постановки больших биолого-палеонтологических исследований. Кроме того, это потребует обратной перевозки части ПИНа и его музея в Ленинград.

При всех условиях биологическое направление палеонтологии можно называть и для краткости палеозоологией (палеофитологии я не касаюсь по отсутствию таковой в Палеонтологическом ин[ститу]те и по специфике её организации) должно развиваться в Отделении биологических наук — среди тех наук, от которых, как от основы, зависят палеонтология позвоночных и вообще — высших организмов. В то же время палеонтология среди биологических наук находится на стыке с науками геологическими, по характеру

материала занимает особое место. Поэтому неправильным было бы слияние биологической части ПИНа с любым из существующих биологических институтов. В прошлом такая проба уже делалась акад[емиком] А. А. Борисяком в 1936 г. (слияние с Ин[ститу]том эволюционной морфологии)[1] и привела лишь к поспешной реорганизации ПИНа снова в самостоятельный институт в 1937 г.

Палеонтологический институт в Отделении биологических наук для будущего нашей науки и её дальнейшего успешного развития должен сохранить самостоятельность.

Для геологического направления в ПИНе объединение этих исследований с Институтом геологии ОГГН, точнее, с отделом (конечно, в этом случае с расширением его в самостоятельный сектор) палеонтологии и стратиграфии вполне возможно. Благодаря очень близкой методике, а в ряде случаев и полной аналогичности проводимых работ, палеонтологические исследования по беспозвоночным ПИНа не потерпят ущерба. Более того, расширение территориальной базы и количественный прирост материалов принесут несомненную пользу для переводимой части ПИНа. Присоединение к Институту геологии сильного коллектива высококвалифицированных палеонтологов даст возможность резко расширить его палеонтолого-стратиграфическую базу, превратив его в Институт геологии, палеонтологии и стратиграфии, и обеспечить для геологических исследований ту самую палеонтологическую основу, о которой пекутся геологи.

Подведём итоги. В настоящий момент представляется наиболее целесообразным разделить Палеонтологический институт на две части. Одну, представленную работниками геологического направления в палеонтологии беспозвоночных (несколько большую по численности), передать в виде сектора в Институт геологии ОГГН, превратив последний в Ин[ститу]т геологии, палеонтологии и стратиграфии.

Другую часть ПИНа, состоящую из палеонтологов позвоночных и палеоэнтомологов (биологическое направление), оставить в ОБН, на базе Палеонтологического музея, в виде небольшого Палеозоологического института с целью разработки биологической палеонтологии и сохранения того небольшого отряда высококвалифицированных палеонтологов-биологов, который составляет и всегда составлял ядро Палеонтологического института.

Мне представляется неправильной позиция директора Палеонтологического института чл.-корр. АН Ю. А. Орлова[2], старающегося во что бы то ни

---

[1] И. А. Ефремов имел в виду объединение Палеозоологического института с Лабораторией экспериментальной зоологии и морфологии и образование Института эволюционной морфологии и палеозоологии на основании постановления Президиума АН СССР от 5 октября 1934 г. и организацию самостоятельного Палеонтологического института на основании решений Президиума и Общего собрания АН СССР в декабре 1936 г.

[2] О позиции Ю. А. Орлова свидетельствует решение учёного совета Палеонтологического института от 10 декабря 1959 г., на котором единогласно было принято решение считать «перевод института в Отделение геолого-географических наук неправильным и вредным для дальнейшего развития советской палеонтологии», и письмо Ю. А. Орлова директору Зоологического института АН СССР академику Е. Н. Павловскому с просьбой поддержать Палеонтологический институт в стремлении сохранить его в системе Отделения биологических наук. Такая поддержка была оказана, и в решении учёного совета Зоологического института было сказано о вреде реорганизации Палеонтологического института в системе Отделения геолого-географических наук, но оговорена не-

стало сохранить устаревшую организацию института, считая себя не вправе изменять сделанное основателем института академиком А. А. Борисяком. Чл.-корр. Ю. А. Орлов забывает, что ПИН в настоящем виде сформировался ещё в 1937 г., почти четверть века тому назад. За это время в науке произошли гигантские сдвиги вместе с огромными изменениями организационных форм руководства и управления в нашей стране. Излишне говорить, что будь жив академик А. А. Борисяк, он, безусловно, уже провёл бы не одну реорганизацию института, как он делал три раза на протяжении восьми лет, с 1929 по 1937 г.[1]

Для всех становится ясно, что окаменелые формы организации ПИНа далее нетерпимы по совершенно закономерному расхождению различных разделов палеонтологии. Мне кажется, что коллектив Палеонтологического ин[ститу]та ещё не понял и не продумал необходимости реорганизации ПИНа и в этом идёт на поводу у дирекции. Следует признать, что в отдельных случаях защита стабильности института вызвана и личной заинтересованностью ведущих сотрудников и не имеет ничего общего с нуждами науки. Это — опасение утратить ведущее положение или руководящий пост заведующего лабораторией, так как в ин[ститу]те много мелких лабораторий, которые при переходе в крупный Геологический институт, вероятно, будут расформированы.

Но потребности науки заставят в конце концов решиться на серьёзную реорганизацию работы Палеонтологического института. Пусть это будет раньше, в ногу со всей страной, чем тогда, когда работа института серьёзно деградирует, а коллектив, состоящий в основном из учёных, уже близких к пенсионному возрасту, не сможет отвечать на требования жизни[2].

Профессор, д[окто]р, лауреат Сталинской премии
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

4

Абрамцево
26 января 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам очередную статью из «Трибюн де Насьон», которую мне принесли и Тася переписала. Думаю, что она Вас заинтересует практическим осуществлением идеи Великого Кольца.

обходимость организации более действенных форм связи и координации проводимых конкретных исследований с задачами геологической практики.

[1] Палеозоологический институт был создан на базе реорганизации Геологического музея АН СССР совместно с Геологическим и Петрографическим институтами на основании решения Общего собрания АН СССР в апреле 1930 г.

[2] На письме И. А Ефремова президент АН СССР академик А. Н. Несмеянов наложил резолюцию: «Н. М. Сисакяну, Д. И. Щербакову, Ю. А. Орлову. Прошу рассмотреть с привлечением специалистов палеонтологов и дать предложения». Комиссия, созданная по поручению президента АН СССР под председательством академика В. Н. Сукачёва, в состав которой входили в основном сотрудники Палеонтологического института, отклонила предложения И. А. Ефремова.

Козу ещё не видел — поджидаем сегодня — должны приехать вместе с Алланом, но что-то запаздывают. Аллан ничем меня своевременно не предупредил, что он хочет пригласить Танюшку на каникулы, и сейчас у нас в Абрамцеве, на единственном возможном месте в маленькой Тасиной комнатке (дача исключается, только гараж!), живет наша приятельница Марафед, или «Енот». Таким образом, Козе придётся «вертеться в вихре развлечений, организованных Алланом», как это Вы поэтически выражаетесь. Боюсь только, что этот вихрь окажется лишь дуновением, так как мой наследный принц затянул экзамены и продолжает их сдавать сейчас, уже в присутствии принцессы... не знаю, насколько это весело Татьяне.

У нас поголовная прививка оспы, и уже поставили мы с Алланом — оба расклеились после прививки, так как она что-то необычайно свирепо принялась. Коза как будто отделалась испугом.

За статью в «Коммунисте» большое спасибо. Она как-то потускнела — что-то они там выкинули, что-то пригладили — и стала она довольно обычной. Когда я читал её в рукописи, мне она показалась гораздо более увлекательной.

Экранизация «Ойкумены» дело очень стоящее — тут можно сделать фильм много интереснее «Тарзана». «Мосфильм» сейчас берётся за экранизацию «Андромеды», но пока дело находится в стадии переговоров — ищут ещё сценариста с именем, который бы взялся кромсать и похабить роман. Посмотрим, что там получится. Ничего доброго я не жду от Назарета...

Когда я писал о партийных кругах, я имел в виду парторганизацию ССП и Фрунзенский райком (кажется, Фрунзенский), на заседании коего Лагин хаял «Андромеду», а все сидели и молчали, «будто дело не моё». В общем, им всем не нравится отсутствие «увековечения». Поэтому роман и не был выдвинут от ССП на Ленинскую премию 1960 года, хотя разговоров об этом было много. Ну всё это имеет значение лишь для оценки обстановки, более ни для чего.

Пребольшущий привет Наталии Алексеевне и Вам от Зубрика и меня.

Ваш:
И. Ефремов

5 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
1 февраля 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Приходится писать Вам порицающее письмо от Абрамцевского филиала нашего семейства. Дошло до меня, что после моего письма Вы изволили звонить Танюшке и как-то (подробности неизвестны) воздействовать на её скорейшее возвращение в Ленинград. Каррамба, Крейц унд Тейфель!![1]

Я Вам писал о том, что место в Абрамцеве занято, лишь для того, чтобы пояснить, почему Козе придётся жить преимущественно в Москве, а не у нас, так как наша приятельница взяла специально отпуск и ничего уже не могло бы

[1] Caramba (исп.) — Чёрт побери! Kreuz und Teufel (нем.) — Крест и дьявол!

быть передвинуто. Как же Вы смогли сделать вывод, что Танюшка, которую мы все любим, нам как-то мешает или вообще ненужна?

Неужели Вы тоже стали обидчивы, как большинство писательской братии? Но ведь те от безделья занимаются переживаниями, а Вам-то как не совестно! Взываю к здравому женскому смыслу Наталии Алексеевны!

Пусть Танюшка у нас побудет дондеже, числа до 7-го. От Абрамцева она много не потеряет, так как стоят жёсткие морозы с ветром, и когда она приезжала сюда к нам, то не удалось даже побегать на лыжах — мы запретили, потому что мороз –28—29 (ночью, а днём не менее 22—23) и на беду с ветром. Даже Аллан внял здравому смыслу, и они катались лишь один день, а остальное время гуляли так. Очень уж худенькая Танюшка, прямо удивительно, как выносит холод... Надо кормить! А ест мало!

Передаю продолжение письма в руки Таси, а пока прощаюсь. Большущий привет Наталии Алексеевне, а Вам — маленький! Вот.

Ваш: *И. Ефремов*

Дорогой Владимир Иванович, очень, очень я огорчилась, узнав о Вашем звонке к Танюшке. Ай, ай, как не стыдно Вам, да и Наталье Алексеевне. Вы ведь знаете, что мы всегда рады Вашему милому семейству и очень любим это семейство, а Вы хотите нас обидеть. Но думаю, что это всё-таки не так.

Всегда рада Вас всех видеть.

Привет Наталье Алексеевне и бабушке (хотя я её и не знаю).

Тася

О. К. АНТОНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6

4 февраля 1960 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Искренне радуюсь выдвижению Вашей кандидатуры на соискание Ленинской премии по литературе как автора замечательного научно-фантастического романа «Туманность Андромеды».

Я — человек техники, прочел роман дважды с большим интересом и огромным удовольствием.

Нравится всё, особенно отношения людей будущего к творческому труду, к обществу и друг к другу. Нравятся смелость, динамика и лиричность повествования. Книга окрыляет каждого человека, способного активно мечтать. Ради такого будущего стоит жить и работать.

Спасибо за радостный вклад в нашу культуру, за прекрасный образчик социалистического реализма в литературе.

С пожеланием новых творческих успехов

Авиаконструктор Антонов О. К.
Депутат Верховного Совета СССР
Антонов

7 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. Б. ГУРФИНКЕЛЮ

Абрамцево (под Москвой)
14 февраля 1960 г.

Глубокоуважаемый товарищ Гурфинкель!

(Простите, но Вы мне не сообщили Ваших именных координат.)

Я не могу считать себя в какой-либо мере специалистом по «летающим тарелкам», т.к. слишком невежественен в этом отношении. Я прочёл лишь несколько популярных статей и книг, вероятно, известных и Вам из английской и американской печати.

Моё личное убеждение Вы уже сформулировали в Вашем письме: «Если это — представители Великого Кольца, то почему они не пытаются вступить в контакт с нами?» Точнее сказать нельзя, можно лишь прибавить, что в космических (галактических) масштабах наша Солнечная система слишком ничтожна и бедна цивилизованными планетами, чтобы вокруг неё «патрулировали» или «наблюдали» её постоянно космические корабли. Это не исключает того, что в какие-либо времена такое появление могло иметь место, но уж никак не в том аспекте, в каком это представляется в цитированной Вами книге и других писаниях. Некий Адамский написал много статей, выступал по радио и телевидению, доказывая, что среди нас находятся жители Венеры — существа более высокой цивилизации. Они живут инкогнито, но собираются время от времени вместе и даже подружились с Адамским, и тот участвовал в их собраниях. Представьте, нашлось множество людей, поверивших в этот бред. Что же можно сказать о случаях, подобных Вашему — уверенность в летающих кораблях из космоса может быть в сотни раз сильнее.

Мне думается, что радары нащупывают какие-либо неизвестные нам атмосферные явления, возможно, атомную ионизацию, какие-либо озоновые облачка или ещё что-нибудь. Подобные же облачка, только уже видимые простым глазом, дали повод к «открытию» летающих блюдец визуально.

Таково моё отношение к затронутому Вами вопросу. Конечно, я не могу считать себя «ультима рацио[1]», — предоставляю это людям с более близкой к фашистам психологией.

С приветом и уважением,
И. Ефремов

8 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
24 февраля 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Простите, что не поблагодарил Вас сразу за присылку «Невы», но я был очень занят, шатаясь по медицинским учреждениям в Москве, а затем сразу уехал в Абрамцево, и вот пока ещё нет оказии в город, но я пишу заблаговременно, т.к. сам поеду в город только к 1 марта.

Зато получил продление второй группы инвалидности ещё на год, до февраля 1961 года, и теперь пока могу быть свободным от казённой службы,

[1] Ultima ratio (лат.) — последний довод.

в каковую всё больше обращается Академия наук, да и мы сами тоже: с годами, утратой сил и с воображением, что всё по-старому, люди начинают относиться к делу более казённо — так же, как и в молодости, когда это идёт от центропупирования.

Пишу понемногу «Лезвие Бритвы» — подвигается туго — всего меньше 1 ½ листов, отчасти потому, что трудная, отчасти — из-за скверного самочувствия. Весной — в марте — я всегда в наихудшем состоянии, как говорят арабы, а тут ещё, вероятно, действует и мой пятилетний период[1]. Ну всё бы ничего, осталось немногим больше месяца опасного времени…

Рисунки к «Афанеор» мне понравились. Понравился ли рассказ Вашим читателям? В общем, здорово получилось — книжки-то ещё так и нет! Вот что значит деловой риск…

Жаль, что не удалось Вам закончить повесть, хотя Вы и написали поразительно много — мне бы ни за что столько не сделать!

Как здоровье Наталии Алексеевны и Ваше? Что делает Коза, освободившись от службы? Пусть ест побольше — уж очень она худенькая. Аллан её издевательски зовёт «грациозный скелетик», а она его в ответ «толстый старый пижон». Большие приветы всему милому семейству от Зубрика и от меня — двух заточённых в абрамцевских снегах.

Ваш: *И. Ефремов*

А. А. ЖАЛЕЙКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 9

Рига
25 февраля 1960 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Четыре раза я прочёл Вашу «Туманность Андромеды», ставшую моей настольной книгой.

Я много читаю! Но ни одно произведение не произвело на меня такого потрясающего впечатления, как Ваш роман. Это — неподражаемый гимн Человеку, прекрасная молитва будущему, сильнейшее пропагандистское выступление за коммунизм.

Читаешь Вашу книгу — и видишь наяву мечту человечества. Живыми стоят рядом Эрг Ноор, Низа Крит, Эон Тал, Дар Ветер, Мвен Мас, Веда Конг, Чара Нанди.

Ещё в далёком детстве я мечтал об умных, сильных, красивых людях. В золотых снах своей юности я видел умного, волевого Эрга Ноора, одержимого страстной мечтой и полного благородных порывов Мвена Маса, сказочную Веду Конг, прекрасную Чару Нанди.

Таких людей, думал я, не может породить наша планета, и глаза мои подымались к безбрежному ночному небу, полному недосягаемых, таинственных и, я смутно надеялся, прекрасных миров.

И вот передо мною тоненькая, журнального оформления, в голубой мягкой обложке, книга! Но по мере чтения она приобретает гигантские размеры,

[1] Обострения болезни, предположительно среднеазиатской лихорадки, которые повторялись каждые пять лет.

превращается в огромный фолиант, занимает собою весь мир, всю Вселенную. Небо и Земля в ней объединяются в одно целое. Величественная симфония непередаваемой цветовой тональности заполняет всё окрест. И все невзгоды, неурядицы, все желания локального характера кажутся жалкими, недостойными. Страстно хочется быть лучше, сделать что-нибудь, даже ценою своей жизни, чтобы хотя на сотую часть микрона приблизить эру Великого Кольца.

В «Туманности Андромеды» поставлены насущнейшие вопросы, и важнейшим из них, на мой взгляд, является вопрос о духовном воспитании человека, о воспитании в человеке чувства прекрасного. Самым совершенным, а отсюда самым прекрасным сочетанием форм является человек; форма и содержание в нём едины. Чара Нанди в волнах красного света! Это — потрясающе! Это — сама красота. А «она — счастье и смысл жизни», как сказал Карт Сан.

Это прекрасное рождается сейчас в страшных мучениях. И как больно слышать и видеть глупые пародии на красоту в «творениях» и «рассуждениях» большой части наших современников. Здесь отрадно одно, что иногда находятся люди вроде академика Амбарцумяна, дающие иногда более-менее приличную отповедь олухам наподобие тех, которые упражнялись на страницах «Промышленной газеты» в «критике» по адресу «Андромеды».

Придёт 5000-й год. И люди Великой Эры, в благоговении открывая установленную в зале Почёта на мраморном пьедестале книгу в голубом переплёте, будут поражены, увидев на её страницах самих себя, и воздадут должное тому, кто в тяжёлые времена раздумий о судьбах человечества сумел так ясно увидеть зарю и показать её в худ. образах людям. И скажет председатель Гром Орм, обращаясь к почтенным членам Совета: «Нет ничего удивительного в том, что существуем мы. Ведь наше появление было начато ещё тогда, когда не прогремел и первый выстрел в Космос».

И Ваши современники говорят: «Ради того, что мы увидели со страниц светлой «Туманности», стоит жить, бороться, отдавать свои жизни».

Уважаемый Иван Антонович! Смогут ли надеяться приверженцы «Туманности Андромеды» увидеть продолжение этого потрясающего произведения? Ведь так хочется узнать о дальнейшей судьбе 38-й звёздной экспедиции, будет ли, в крайнем случае, налажена связь с «Лебедем», раскроется ли тайна спиралодисков, как решится вопрос о заселении звезды Альграб, об острове Забвения, о таких людях, как Пур Хисс; раскроется ли загадка нуль-пространства, завершится ли опыт Мвена Маса, как Вами раскроется тайна времени, ключ к чему уже подыскивается. Что будет Вами сказано о планетах из антивещества; раскроются ли моменты, затронутые в книге, в частности, о стальной двери в подземелье; раскроют ли, и как, люди эры Великого Кольца все или большинство тайн и загадок других миров, будет ли установлен более тесный и непосредственный контакт с мирами, подобными нашему, как будут показаны Вами миры с иными формами жизни и т. д.

Ваши читатели очень хотят знать обо всём том, что ещё не постигнуто силою науки и практики, но что уже подвластно Вашей мысли. Чтобы двигаться вперёд, надо изучать прошлое. Но чтобы это движение было активным, необходимо заглядывать в будущее.

С глубоким уважением к Вам, *Александр Жалейко*

25 февраля 1960 года, г. Рига, ул. Лубанас № 41-78

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 10

Абрамцево
12 марта 1960 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Я послал Вам «Юрту Ворона», как только получил её — увы, книга вышла с большим опозданием. Зная Вашу любовь к прекрасному, посылаю Вам фотокопию рисунка Чары на празднике «Пламенных Чаш» — так, как я её себе представляю. Эх, если бы можно иллюстрировать книгу рисунками по своему выбору и своим идеям.

С приветом и искренним уважением:
И. А. Ефремов

И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11

23 марта 1960 г.

Дорогой Иван Антонович!

Большое спасибо за то, что прислали Вашу новую книжку «Юрта Ворона»[1] Прочитал её с большим интересом и удовольствием. Есть там старые, хотя и переработанные вещи, с которыми я уже знаком. Они мне всегда нравились, нравятся и сейчас. Из новых вещей мне больше всего по душе «Сердце Змеи»[2] — в рассказе много захватывающего, много интересных и необычных мыслей. Очень неплоха «Юрта Ворона» — это в духе Ваших прежних вещей, типа, напр[имер], «Озера Горных Духов». Меньше всего мне понравилась «Афанеор»[3] — она написана ниже Ваших возможностей. Этот рассказ точно склеен из кусков разной ценности. Всё, что касается жизни и быта туарегов, прекрасно. Недурно показаны французы, экспедиция, взаимоотношения между экспедицией и Тирресуэном. Но вот последняя часть рассказа, посвященная поездке Тирресуэна в СССР и его беседам на эту тему с Афанеор, как-то не удалась. Плохо веришь, что Тирресуэн мог так чувствовать и говорить. Вернее, говорить. Чувства туарега, изображённые в рассказе, понятны и естественны, но должны находить какое-то иное, более примитивное выражение.

Надеюсь, Вы не посетуете за мои критические замечания. Мне так хочется, чтобы все Ваши произведения были вне упреков, и я по старой, но не стареющей дружбе откровенно передаю Вам своё впечатление. Может быть, учтёте его при переиздании книжки.

Как живёте? Как Ваше здоровье? Был бы рад повидать Вас, если попадёте как-нибудь в город. Привет от А. А.

И. М. Майский

---

[1] Сборник рассказов И. А. Ефремова под названием «Юрта Ворона» опубликован в издательстве «Молодая гвардия» в 1960 г.

[2] Рассказ И. А. Ефремова «Сердце Змеи» опубликован впервые в журнале «Юность» в 1959 г.

[3] Рассказ И. А. Ефремова «Афанеор, дочь Ахархеллена» опубликован впервые в журнале «Нева» в 1960 г.

12 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Абрамцево
5 апреля 1960 г.

Многоуважаемая Людмила Степановна!

Я получил все Ваши письма (кажется, 3, а не 4), и если не ответил на какие-то из них, то потому что Вы сами же просили меня не отвечать! Это я оценил, так как вести регулярную переписку я не могу.

Относительно лица Чары Вы совершенно правы — это не её лицо, но я не сумел дать другого, хотя на других изображениях оно есть.

К сожалению, не могу передать Вашего тёплого привета дочери — она уехала в долгую экспедицию. Я тоже собираюсь ближе к осени съездить в Китай.

Желаю здоровья и успехов в делах.

С искренним уважением,
И. Ефремов

13 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
5 апреля 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Однако наши письма разошлись, и теперь Вы можете не беспокоиться. Я всё откладывал писать, надеясь на поездку сына, но тут начали их (студентишек) распределять, и поездка у него сорвалась.

Действительно, всё последнее время чувствовал себя неважно, с работой не клеилось, апатия, редко свойственная мне, возникла ко всему. Может быть, это последние содрогания таинственной болезни, которая, возможно, решила или отложиться, или совсем меня оставить, потому что в апреле уже мало шансов на её появление. Хорошо бы! Тогда в мае буду резаться[1], и к концу мая — началу июня мог бы появиться в Ленинграде, повидать Вас и всё Ваше милое семейство, по коему изрядно соскучился.

Надпись на книге, пожалуй, и впрямь более официозна, чем надо бы, но это отнюдь не от того, что я затаил на Вас обиду или злобу — с чего бы так-то? — а потому, что приготовился писать, и то, что приготовил, вдруг показалось уж очень не для оглашения. Но чтобы пользоваться книгой, надо не такую, в последний момент с уже занесённым пером перерешил и написал почти стандарт. Работа над повестью[2] застопорилась. Прежде пришлось отвечать на лавину писем, потом всякие научные заграничные письма и т. п., но по существу-то — всё это лишь предлог, чтобы не писать, если сила не берёт. Теперь снова иду на штурм, но уже берут сомнения, и в то же время, конечно, не отступлюсь, пока или выйдет, или получится заведомая гадость.

Сборник в «Совписе»[3] давно вышел, но печатался в Минске половиной тиража, и всё куда-то кануло — даже «Лавка писателей» не получила ни од-

---

[1] Имеется в виду операция по удалению грыжи.
[2] «Лезвие бритвы».
[3] Издательство «Советский писатель».

ного из заказанных, а в магазинах исчез очень быстро. Обещают скоро додать тираж, тогда получу и свои экземпляры, заказанные в лавке, и смогу послать друзьям. Правда, можно и не посылать — там лишь старые рассказы.

Рукопись перевода было бы хорошо послать просто заказной бандеролью мне на квартиру, так как оказии в ближайшее время что-то не предвидится.

Сможет ли Коза прибыть к нам на первомай? Он в этом году неудачен — совпал с воскресеньем, и потерялся целый день! Тася напишет скоро Козишке в ответ на её милое письмо — тут Зубрика совсем замордовали медицинскими исследованиями самой сложной категории. Я присутствовал и сам наблюдал работу огромного электроэнцефалографа «Альвар» — очень интересно, но, к сожалению, и «Альвар» обнаружил какие-то непорядки. Что это такое — будет на днях известно, когда [про]анализируют данные энцефалограмм и ретинограмм.

Вам и всему дорогому семейству — бабушке, Наталии Алексеевне и Козе большущий-пребольшущий привет от Таси и от меня. Забыть вас никого не можем, потому как любим!

Ваш: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 14

Москва
25 мая 1960 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Извините, что царапаю своим гнусным почерком, но сейчас нахожусь в больнице без своей пишущей машинки.

Отвечаю по необходимости очень коротко.

1. Рассказы и повесть Колпакова задуманы интересно, но выполнены плохо — нет ещё литературного умения. Если будет писать не на рынок — даст хорошие вещи.

2. Оба тома картинной галереи Сукарно[1] у меня есть, больше всего мне там нравится «Жемчужина». Большое спасибо за предложение прислать, так же как и спасибо за письмо.

3. После выздоровления от операции я собираюсь уехать на юг и провести лето у моря — давно уже не был. Что из этого выйдет, ещё не знаю, но, во всяком случае, если не выйдет на юг — уеду на север, в Прибалтику. А осенью — в Китай.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 15

Москва
10 июня 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Наконец мои планы как-то начали проясняться. Рана окончательно зажила, и теперь я могу не быть прилеплен к городу, только с ограничениями

[1] «Картины из коллекции Президента Республики Индонезия д-ра Сукарно», Народное искусство, Китай, 1957 г.

в смысле подъёма тяжестей — 5 кг, не более. Буду окончательно перебираться на дачу, а то там в этом году с весны всё запущено.

Ваш приезд в Абрамцево, вероятно, придётся несколько отложить — Елена Дометьевна только что вернулась из Коктебеля, и выяснилось, что она сговорилась с Марией Степановной (Волошиной), что М. С. приедет к нам в Абрамцево пожить вместе с Е. Д. две-три недели. Тогда примерно период с 20 июня по 10 июля будет занят: не потому, что Вам с Наталией Алексеевной не найдётся места (Вы знаете, что его там много), а потому, что прокормиться нам в большом числе будет очень трудно — посёлок вдали от мест кормления и снабжения, а холодильника нет. Я пишу Вам как другу, без обиняков освещая «ситуацию», и полагаю, что Вам несущественно, посетить ли меня в июне или в июле. А может быть, встретимся и раньше, если я улучу время приехать в Ленинград. К июлю даже лучше тем, что Тася успеет к тому времени разобрать письма читателей и печатные рецензии, которые пока в беспорядке отвезены в Абрамцево (если оные рецензии, как я думаю, Вам понадобятся). Если это нужно, то Вам обязательно надо быть в Абрамцеве, ибо возить куда-либо сии скопления писаний слишком громоздко.

Как дела Козишки? Что-то о ней мало знаем, и всё семейство соскучилось, как и по Вам самому — давно не виделись. Скажите ей, что ежели идёт у Вас фильм «Римские каникулы», пусть бежит немедленно — очаровательная вещь и Одри Хепбёрн (похожая на Козу) там гораздо более очаровательна и симпатична, чем даже в «Войне и мире».

Я пока ничем, кроме своих корреспонденций, не занимаюсь. Но вот теперь, думаю, подходит время для возвращения к работе над повестью.

Жара у нас в Москве очень сильная, и тороплюсь сбежать в Абрамцево — там всегда прохладнее. По соседству живёт Ваш друг Казанцев — пишет интересный сценарий о пришельцах из Космоса.

Напишите мне о себе подробнее, а то Вы как-то замолкли — очевидно, в ответ на моё молчание в период больницы.

Большой привет Вам и Наталии Алексеевне от Таси и меня. Белль Татьяну поцелуйте от нас обоих. Елена Дометьевна в свой черёд позвонит Вам завтра вечером, когда я уже уеду.

Всего Вам самого хорошего, дорогой Владимир Иванович. Не забывайте москвичей, которые всяко к Вам привязаны.

Ваш: *И. Ефремов*

16 И. А. ЕФРЕМОВ — Т. А. ЧЕРНЫШЁВОЙ

Москва
10 июня 1960 г.

Многоуважаемая Татьяна Аркадьевна!

Думается, что обращаться к автору книг для оценки очерка о его книгах — способ наименее эффективный. Мнение автора о своих произведениях по необходимости необъективно и связано с временем и местом написания произведений, нередко отличается в существенных чертах от современного звучания его произведений. Ваш в общем умный и мне понравившийся очерк в корне неверен (но это, повторяю, ничего не значит) в разделе, касающемся целей написания повестей — «Ойкумены» и «Баурджеда». Обе вещи написаны

в 1945—1946 гг., из них «Путешествие Баурджеда» написана первой в середине 1945 года и задумана как первая часть трилогии, второй книгой которой явилась «Ойкумена», а третья никогда не была и не будет написана (намёки о ней есть во введении к «Ойкумене», где говорится, что камень найден в родовом святилище антов на Украине). В эпоху культа личности «Путешествие Баурджеда» было забраковано редакторами и увидело свет лишь в 1953 году (обратите внимание на даты) — люди усмотрели там нежелательные параллели.

Заставила меня написать обе книги чудовищная бедность у нас в те времена книг, рассказывающих о древней истории, а также о далеких странах. Соединив в одно историческую повесть и приключенческо-путешественнический роман, я убил двух зайцев, но потерпел неудачу в печатании книги, которая была опубликована лишь после вмешательства ЦК ВКП (только «Ойкумена») из-за непривычного стиля и вообще построения повести. Я считал своим долгом рассказать нашему юношеству о поразительно интересных эпохах истории человечества и о том, что мир «велик и широк, красочен и разнообразен». Для тех времён это было почти исключительное предприятие.

Сейчас, после «открытия мира» и множества изданных книг по географии тропических и прочих стран, «Ойкумена» потеряла свою географическую исключительность и приобрела значение главным образом как историческая вещь. Но ведь со времени написания и прошло пятнадцать лет... в нашей изменчивой эпохе.

Вы совершенно правы, что некоторые исторические смещения, которые наивные в своей мнимой непогрешимости специалисты любят приписывать элементарной безграмотности, сделаны мною преднамеренно. Я убежден, что весьма многие открытия и достижения искусства и науки были сделаны много ранее того, как они вошли во всеобщее употребление, отраженное в исторической документации. Археология с каждым годом приносит тому новые и новые доказательства (хотя бы счетная машина I века до н. э., найденная на дне моря в Греческом архипелаге), но ведь кто не хочет видеть — тот никогда не увидит, ибо психическая слепота — самая страшная!

Нельзя называть громким словом «срыв» (к сожалению, утвердившимся во всех банальных критических статьях) сравнение коралла со снежно-белым фарфором, потому что фарфор неизвестен в Египте. Даже если бы это было так, то это — мелочь, а срывы — они, вероятно, есть в книге — это что-то более значительное. Фарфор же употреблен мной сознательно (чего бы проще сказать «фаянс»?), потому что до сих пор не решен вопрос, представляют ли изделия из обожженного молотого полевого шпата фаянс или настоящий фарфор (в изделиях Ломоносовского завода в Ленинграде это считается настоящим фарфором!). Мне представляется, что можно считать египтян изобретателями полевошпатового фарфора, а ведь хорошо, если процентов пять египтологов осведомлены об этом.

Если Вы хотите более дельных Вам советов (мне кажется, что Ваша работа вполне зрелая, но ведь я — автор) — разрешите мне послать Вашу рукопись в Ленинград, критику В. И. Дмитревскому, пишущему сейчас обо мне (т. е., конечно, о моем творчестве) книжку — он-то Вам сможет сказать кое-что лучшее. Я задержу рукопись пока у себя до Вашего разрешения, а Вы мне его не очень медлите сообщить, пока я не уехал.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

17 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
20 июня 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Только что приехала Елена Дометьевна и привезла Ваше письмо — моё разошлось с Вашим. Я всего один раз и очень мельком видел Вашу бабушку, но хорошо представлял её по рассказам Таниным и Вашим, и её внезапная смерть до чрезвычайности меня огорчила — не через Вас, а прямо, что даже странно при столь малом знакомстве. Как силён вечный человеческий протест против неизбежности смерти, и когда же наконец мы сможем преодолеть его? Что тут надо — веру в науку или какую-то особенную религию, вроде индусской. Но и в последней ведь смерть только тогда освобождение, когда мудрец уходит из жизни в экстазе-самадхи, якобы в соединении с божеством...

Если бы я знал, что Вы будете после такого горя, то изменил бы своё расписание, чтобы Вы смогли приехать и развеяться хоть немного. Но Е. Д. уже сговорилась с Марией Степановной, а я хочу вместе с Тасей удрать хоть ненадолго в Ленинград, чтобы застать краешек белых ночей. Постараюсь это сделать не позднее 1-го июля...

Тогда увидимся и поговорим, и установим срок Вашего приезда к нам. Проспект книги я смотрел, и мне он по вкусу прежде всего тем, что в нём малый упор на биографию, не имеющую отношения к творчеству. Надо будет ещё сократить её и против проспекта! Ну это всё вскоре обсудим.

Большой и нежный привет всем вам от Таси и от меня. Примите самое искреннее наше соболезнование и погладьте за нас непокорные волосы бедной Козишки.

Ваш *И. Ефремов*

18 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Абрамцево
21 июня 1960 г.

Дорогой Борис!

Я давно не писал Вам — по причине различных событий и вообще — по усталости от бесконечной переписки с читателями, набившей мне оскомину вообще на всякие письма.

Все мои очень жалеют, если Вы действительно проедете «мимо» Москвы и мы не повидаем без пяти минут штурмана дальнего плавания. А может быть, измените свой маршрут дня на два?

Правда, если это будет осенью, то сына уже можете не застать — он кончил университет, сейчас находится в лагерях и в сентябре поедет к месту назначения в город Фрунзе (Киргизия).

В общем, я жалею, что в своё время не проявил решительности и не настоял на его поступлении в мореходное училище вместо университета. А то за 6 лет своего пребывания в Ун[иверси]те (он брал годовой отпуск по болезни) сын обленился и зажирел, наукой он не интересуется, а перспективы работы в геологии без увлечения наукой вовсе не столь интересны, чтобы из-за этого стоило шесть лет корпеть (впрочем, он и не корпел очень-то!).

Очень рад, что Вы наконец окончите со службой. А то в последних письмах у Вас явно сквозит усталость — разумеется, нелегко и служить, и учиться, особенно, когда служба уже начала надоедать — это нетрудно понять при Ваших разнообразных интересах.

Ну, всё в жизни имеет свой конец!

Пишите, как там идут дела с Вашим учением и отпуском. Когда более или менее определённо Вас будут отпускать. И вот ещё что — если понадобятся некоторые гульдены, пиастры или гинеи, чтобы осуществить безболезненно заезд в Москву, пожалуйста, не стесняйтесь мне об этом написать. Я в любой момент могу Вам послать оные. Всё семейство желает здоровья и скорейшего окончания службы!

С сердечным приветом:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1] 19

Москва
20 июля 1960 г.

Дорогой Борис!

Если сумеете заехать, то ночлег будет обеспечен у меня на даче, куда Вам и придётся поехать, чтобы повидаться.

С приветом и уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ТРОФИМОВУ 20

Абрамцево
4 августа 1960 г.

Дорогой Борис Александрович!

Я задержал ответ на Ваше письмо (так уж с ним не везёт), так как был в отъезде в Ленинграде и только недавно вернулся.

Поскольку раскопки в Маорту кончились, обсудим вопросы захоронения при личном свидании. Пока же я никакой «смеси» динозавров в Маорту не вижу, потому что далеко разобщённые пункты, хотя бы и идеально одновозрастные, могут обладать (и обязательно обладают) весьма различными условиями захоронения. Даже в совсем рядом расположенных костеносных линзах могут быть разные условия тафоценоза, потому что они могут образоваться в двух полосах течения разной скорости и, следовательно, с очень резко отличным гидродинамическим подбором. Нахождение анкилозавров вместе с хищными и изоляция завропод идеально подтверждают мою схему.

Сильно огорчён общим положением дел в экспедиции и ограблением млекопитающих в частности. Вообще, конечно, трудно нам состязаться с 600-миллионным народом в поисках и раскопках млекопитающих — видимо, в Китае придётся копать только динозавров (если вообще придётся), а это снижает научную ценность экспедиционных работ на 50—60%.

---

[1] Записка на обороте почтового перевода на 500 рублей. По датам на штемпеле: 20 июля отправлен, 22 июля — в почтовом отделении получателя.

Пишите ещё о Вашем житье-бытье. Привет Вам от Е. Д. и Таси и от меня, само собой. Марафет — в экспедиции Чудинова в Очёре, где блестяще идут дела — новые звери, рогатые черепа, черепа лабиринтодонтов и т. п. Она очень жалеет, что поторопилась уехать из Китая, и очень хотела бы докончить работу с Вами, но что уж тут поделать!

Передайте привет всем Вашим товарищам. Когда должен приехать назад Прозоровский? Скажите ему, что у меня для него есть срочный заказ — надо напечатать ряд его монгольских снимков для Чехословакии, сможет ли он это сделать в сентябре? Пусть напишет немедля.

Всяческих успехов и всего хорошего.

Ваш
И. А. Ефремов

21 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Москва
12 сентября 1960 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Перерывы в переписке, происходящие по моей вине, объясняются лишь той простой причиной, что, будучи совершенно задавлен перепиской с читателями (при том ещё условии, что отвечаю я далеко не всем), я не могу регулярно переписываться даже с очень близкими друзьями.

Пишу лишь при серьёзной надобности или чтобы ответить на серьёзные вопросы, но и только. Это никакое не зазнайство, это элементарное самосохранение. Как будто на все Ваши письма, содержавшие интересные для Вас, или для меня, или для обоих вопросы я отвечал. Переписываться же для переписки, для поддержания «контакта» я не могу, и не обессудьте.

Как будто Вы, человек умный и чуткий, должны бы сие понять (хотя, помните, как-то в Вашем негодующем отзыве о Паустовском я уловил этакое самозабвение и даже побранил Вас) и не давать мне чувствовать себя виноватым за то, что не ответил на два-три Ваших письма, ничего важного для обоих не содержавших.

Так и условимся на будущее — Вы или пишете мне, когда на то существенная надобность, или пишете когда захочется, но без претензий на моё молчание.

Моё лето в этом году пропало для работы и для каких-либо интересных поездок из-за болезни жены, и теперь я буду усиленно наверстывать упущенное.

Насчёт книги Михеева — лучше мне её не посылайте. Ежели понадобится, то обратится ко мне сам автор или издательство, и то не знаю, когда выкроить время для её прочтения — на очереди ещё ряд рукописей и книг. А то будет лежать бесполезно с год, того гляди ещё и потеряется при моей квартирной тесноте, где книг уже складывать некуда.

С приветом и искренним уважением:
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 22

Москва
20 сентября 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

В своё время я обещал Вам послать перевод двух последних глав последнего космического романа Станислава Лема «Эдем». Выполняю это обещание и прошу прощения за опоздание — множество мелких дел последнего месяца как-то отвлекло и заставило на время позабыть обещание.

Когда прочтёте (а чтение требуется внимательное), перешлите мне обратно, а то, м. б., е[жели] ж[ив] б[уду], и встретимся.

Пробыл неделю в Абрамцеве, а сейчас снова в Москве: кое-что надо сделать, да и выручать Е. Д. из Крыма — она там попала в плохой санаторий и не поправляется. Вернее будет вернуться ей в Москву, т. к. с путёвками очень скверно и ничего кроме дряни нет.

Поцелуйте Козу, наилучший возможный в нашей жизни привет Наталии Алексеевне и Вам самому от Таси и меня.

Сердечно Ваш: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. Г. КАСЬЯНЕНКО 23

Абрамцево (под Москвой)
I2 октября 1960 г.

Дорогой Владимир Григорьевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Не откажите посоветовать подателю сего Саше Погорелому, студенту II курса историко-философского фак[ультета] Киевского Ун-та, как ему перейти на науки биологические и, в частности, подготовить себя к палеонтологии через сравнительную анатомию. Он — просто мой читатель, обратившийся ко мне за советом после разочарований в науках философских, и я беру на себя смелость переадресовать его Вам — естественному хозяину зоологии в Киеве и человеку отзывчивому и доброжелательному.

Может быть, ему стоит поработать пока где-либо в наинизших рангах в лаборатории или биостанции, а за это время больше подготовить себя к переходу в новую область науки?

Давно что-то ничего от Вас не было и не слышал. Как здоровье и успехи Ваши и Ваших питомцев? Когда приступают Ваши подчиненные к гаттерии?

Не откажите принять самые искренние пожелания доброго здоровья и не забывайте

глубокоуважающего Вас:
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 24

Москва
23 октября 1960 г.

Многоуважаемый Евгений Павлович!

Не поймите моё обращение так, как будто бы я отвергаю Ваше «дорогой». Просто среди московских писателей оно распространено гораздо больше,

чем «многоуважаемый», и я пользуюсь этим последним словом именно для того, для чего служит «дорогой», оставляя последнее лишь для интимного обращения.

Посылаю Вам репродукцию «Озера Горных Духов» (Дены-Дерь) по оригиналу Красноярского Музея. Гуркин сделал не меньше десятка авторских копий (вариантами их назвать трудно) «Озера». Одна из них висит в коридоре нижнего этажа санатория «Узкое» Академии наук под Москвой и может быть доступна для обозрения. Как увидите, словесный пейзаж воспроизведён почти точно. Григорий Иванович Гуркин был репрессирован в оные годы и умер в концлагере, ныне реабилитирован, но пока ещё находится вне горизонтов искусствоведов, а жаль. На Алтае я у него не был, познакомился с ним в 1923[1] году, когда он расписывал огромное панно «Монгольский Алтай» к 200-летнему юбилею Академии наук. Панно и сейчас висит на том же месте (вернее уже не на месте) в Почвенном музее Акад[емии] наук (бывшем Геологическом, где я работал препаратором) на Тучковой наб., 2 (вход против Биржи).

Любители из Новосибирска собираются будущим летом пойти на поиски того озера, которое послужило Гуркину основой картины.

Ртутные месторождения на Алтае есть, но мелкие, пока такого крупного, какое я описал, не найдено, но всё может быть. Во всяком случае, такая возможность не исключена, и уже после опубликования рассказа было найдено одно хорошее месторождение ртути.

Теперь о других рассказах. «Голец Подлунный» — это совершенно точно воспроизведённое моё путешествие в указанных местах в 1934—35 гг. Так же точны встреча с Кильчегасовым и его рассказ. Фантазия — поход на голец Подлунный и находка пещеры, хотя в основе похода лежат: а) мой одиночный поход по страшному ущелью и б) наш поход совместно с геологом Арсеньевым в глубь хребта Кодар в Чарской котловине.

«Белый Рог» — по личным впечатлениям, только не закончившимся ни удачной находкой месторождения, ни древнего меча.

«Тень Минувшего» — в основе лежат мои исследования динозавровых местонахождений Средней Азии, и все пейзажи, встречи и т. п. — фактические, за исключением, конечно, встреч с «тенями».

«Алмазная Труба» — всё, что относится к тайге, походам, голодовке и т. п. — всё фактически бывшее со мной, только в другом районе тайги.

«Путями Старых Горняков» — вся основа достоверна — результат моего двухлетнего ползания в одиночку по старым рудникам Оренбургской области (и Башкирии). Старый штейгер — тоже лицо реальное, только крепостная история выдумана мною.

Посылаю Вам ещё только что полученную рецензию «Юманите» на изданную во Франции «На краю Ойкумены», как я то обещал делать Владимиру Ивановичу.

С пожеланиями всего лучшего и искренним приветом,
И. Ефремов

---

[1] Возможно, в письме опечатка или ошибка. 200-летие Академии наук праздновалось в 1925 году, в 1923 году работы по его подготовке ещё не начинались.

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. Б. ВАДЕЦКОЙ 25

Абрамцево
28 октября 1960 г.

Дорогая Чайка с опущенными крылышками!

Посылаю письмо от Толстова[1] — выходит, я напрасно его ругал. Это, конечно, не успех ещё, но кое-какая перспектива. Правда, ждать ещё почти месяц, но не беда, можно и больше подождать, была бы хорошая работа.

Зубрик мне говорила, что Вы скисли и собираетесь хвататься за первую попавшуюся работу. Не похоже на настоящую Эльгу!

Прилагаю три заказа на книги[2], хоть это и мартышкино дело. А где ещё отказы? Папа мне кивал на Вас, но я как-то не уверен, в Вас ли дело. Больше сдаётся, что он куда-либо забельшил[3] эти отказы, а я без них как без рук — не знаю, что есть и чего нет в библиотеке.

Привет Вам и папе от Зебрушки и от меня. Будем в Москве 4-го, но я посылаю письмо скорее, боясь, чтобы Вы не упрятались в какую-либо работёнку.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ПОГОРЕЛОМУ 26

Абрамцево
29 октября 1960 г.

Многоуважаемый Александр Иванович!

Признаюсь, меня несколько обескуражили результаты Ваших переговоров с Касьяненко и Пидопличкой. Мне представлялось, что Вы с ними будете говорить не столько о возможности получения где-то работы в области палеонтологии (я предупреждал Вас, что шансов на это очень мало), сколько о том, чтобы Вам помогли перейти на биофак.

Мне и сейчас представляется, что наиболее рациональным выходом из положения (хотя и наименее интересным романтически) для Вас будет добиться теперь же перевода на биофак и потратить пропущенный год на прослушивание вольнослушателем первого курса биофака. Тогда после отпуска Ваш приход пусть даже на первый курс даст Вам возможность заниматься уже фактически на втором курсе. Этот выход наиболее рационален и, мне кажется, было бы правильным держаться именно его. Что до работы, то никакой беды не будет, если Вы останетесь лаборантом в той же астрономии, пока — заработка для. Поездка на «Кедроград» нерациональна потому хотя бы, что это будет просто год, потраченный на прыжок в сторону.

---

[1] Имеется в виду С. П. Толстов, директор Института этнографии АН СССР, к которому И. А. Ефремов обращался с просьбой о трудоустройстве Э. Б. Вадецкой. Письмо от С. П. Толстова от 24 октября 1960 г. было также вложено в конверт.

[2] Мой отец имел право брать книги на дом из Ленинской библиотеки. У Ивана Антоновича такого разрешения не имелось. Поэтому он заполнял заказы через отца, и тот брал книги как бы для себя. Некоторых книг не было, тогда помечались отказы, которые, как и книги, отец или я передавали Ефремову. — *Примечание Э. Б. Вадецкой.*

[3] *Забельшить* (устар.) — затерять.

Но если уж Вам так хочется обязательно где-то поработать в области геологии (в палеонтологии — надо ждать экспедиции до июня — семь месяцев пропадают зря), то попробуйте написать по такому адресу: г. Ангрен, Узб. ССР, Ангренская Геолого-Разведочная экспедиция, геологу-минералогу Тез-Кульской поисково-разведочной партии Ромуальду Львовичу Дунину-Барковскому. Я получил от него письмо как раз одновременно с Вашим, и он так замечательно описывает красоты и трудности своей работы, что он — безусловно — романтик. Возможно, он поймёт Вас, если Вы обратитесь к нему с письмом (только авиапочтой) и предложите свои услуги в качестве рабочего. Напишите ему, что это я посоветовал ему обратиться к Вам, прельщенный его описаниями. Конечно, Вы напишете ему, что Вы доберетесь до места сами, за свой счёт, ибо никто аванса посылать Вам не будет.

На проезд в столь далекую партию, если сей геолог согласится и Вы будете стремиться туда, я пришлю Вам денег — после отдадите, а там видно будет. Держите меня в курсе Ваших дел.

С пожеланием успеха и приветом;
И. А. Ефремов

27 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
26 ноября 1960 г.

Dear Boris!

Glad to hear about your succes with seamanship. It is strange to think that 36 years ago I myself came to Far East seas as a very young sailor. Quite as you I endless have looking at Japan. But I have luck to have a short stay in that country and meet there an exceedingly pretty girl.

She was my sweetheart for four days (and nights) and I will remeber her for the rest of my life…

Tasya sends you in this envelope some pictures of Imma Sumac available and also selection of pretty stars and starletts of the motion pictures.

Write me now, please what time you spent for deciphering of this letter.

I wish you the rapid increase of your English language knowledge. It seems to me that it is extremely significant for you and promises the more horizons and wide opinions in the future.

Greetings and best wishes
from all my family,
the members of which now gathered together

Yours sincerely,
I. Efremov

Detective stories
by:
Agatha Christie
Erle Stanley Gardner
Ellery Queen
+Peter Cheyney (especially The Dark Series)
+Mickey Spillain
----------+ — I like more than others

Дорогой Борис!

Рад слышать о Вашем успехе с мореходством. Удивительно, но 35 лет тому назад я молодым матросом направился в дальневосточные моря. Так же, как и Вы, я хотел увидеть Японию. Я имел счастье побывать, хотя и непродолжительное время, в этой стране и познакомиться с чрезвычайно милой девушкой. Она была моей возлюбленной четыре дня (и ночи), и я буду помнить о ней до конца своих дней…

Тася послала Вам в этом конверте несколько снимков Иммы Сумак[1], имевшихся у неё, а также подборку кинозвёзд.

Напишите мне теперь, пожалуйста, сколько времени Вы потратили на прочтение этого письма. Я желаю Вам скорейшего овладения английским языком. Мне кажется, что это будет иметь огромное значение для Вас и ещё более раздвинет горизонты и расширит представления в будущем.

Привет и лучшие пожелания от всей моей семьи!

Искренне Ваш
И. Ефремов

Детективные романы этих авторов:
Агата Кристи
Эрл Стэнли Гарднер
Эллери Куин
+Питер Чейни (особенно «Чёрная серия»)
+Микки Спиллейн
----- + Я предпочитаю их другим.

Перевёл Борис Устименко

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

28

Абрамцево
5 декабря 1960 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам интересную статью о «Кор Серпентис», найденную мною в бюллетене нашего международного общества палеонтологов (занимающихся позвоночными животными — это самый тяжёлый раздел палеонтологии, и есть отдельная организация учёных этой специальности). Тасенька её перепечатала в оригинале, а я прилагаю точный английский перевод (сделал сам, потому ручаюсь).

Я только что уехал в Абрамцево, где наконец могу заняться делом. В Москве провел месяц, суматошный и утомительный, очень много людей шло и шло, кто по делам, кто по вечерам повидаться. В результате ел много и поздно, устал и растолстел, а ничего путного не сделал, кроме корректур «Туманности» для Гослита и «Дороги ветров» для Географгиза.

Занимаемся обсуждением будущего. Надо что-то делать с квартирой, а то ведь в городе прямо нет житья, не то что возможности работать. Писал Н. С. Х. о своей квартире, письмо, конечно, его не достигло, переслали в Моссовет,

[1] Так в тексте. Современное написание — Има Сумак.

откуда пришёл наглый и хамский отказ — лживый, как всё, что исходит из этого учреждения. У меня с ним давние счёты…

Теперь буду разбирать свои отношения с Академией. Будущее покажет, но как-то всё больше хочется перебраться в Ленинград. Мне не нужно обязательно быть в столице на глазах у начальства — никакой карьеры я делать не собираюсь, работать, пожалуй, в Ленинграде спокойнее. Если договорюсь с Академией, то, м. б., в январе и приеду в Ленинград, чтобы посмотреть, как оно тут.

Аллан женится 10-го, уже подали заявку в ЗАГС. Никаких торжеств не устраиваем по его собственному желанию, и это мне нравится. Он пока ещё не устроился, получив свободное распределение, да это и не так легко сейчас. Например, весь выпуск океанологов ходит без работы, хотя ребята согласны куда угодно — в Находку, Мурманск, Анадырь…

Елена Дометьевна всё же хочет выходить на работу, хоть мы и уговариваем её на пенсию. Как-то она ещё никак не применится к своему состоянию и возможностям. Не думаю, чтобы она смогла работать, но пусть сама в этом убедится — иначе, видимо, с русским человеком не сладишь — отчего так и трудно строить коммунизм, что всех надо убеждать лишь на опыте. Это исконное недоверие к умственным убеждениям сидит в каждом из нас, видимо, от дикого скифа!

Милой Козишке скажите, что я очень её люблю, но вовсе не такой чуткий и внимательный, каким она меня воображает. Я ведь не знал, когда её день рождения, и послал фото просто так. А тут вышло совпадение и… вот как легко прослыть замечательным человеком. Но как бы то ни было, это вовсе не подарок к дню рождения — подарок за мной, при встрече или по приезде Вас в Москву.

Я очень соскучился по милому семейству. Тася тоже просит передать вам всем её приветы и поцелуи: и Наталии Алексеевне, и Вам, и Козе.

Я тут прочёл много интересных книг (английских) и кое-что расскажу Вам при свидании. Кроме того, разумеется, много разных новостей из широкого мира.

Ещё раз всего Вам самого хорошего.

Ваш: *И. Ефремов*

29 И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ

1960 г.

Thanks a lot for the books. Now all arrived safely, A Canticle and a heap of S.F. magazines. I have read the “Canticle” and enjoyed it very much. Very interesting and wise book and I see your point [I am not sure what my point was, probably about the repeated resurrection of man]. But for my taste it is somewhat without the “wine and colors of life” and narrow in views on nature — undoubtedly in the jewish pattern.

I. Efremov

Большое спасибо за книги. Всё дошло нормально — и «Гимн», и кипа научно-фантастических журналов. Я прочёл «Гимн»[1] с удовольствием. Инте-

[1] Здесь и далее имеется в виду научно-фантастический роман «Гимн Лейбовицу» (1959, отдельная книга в 1960) американского писателя Уолтера Миллера-мл.

ресная и мудрая книга, понимаю, что Вы имели в виду.[1] Но, на мой вкус, она всё же лишена «пряности и красок жизни» и страдает узостью взглядов на природу — идя тут вслед иудейской традиции.

И. Ефремов

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ

1960 г.[2]

Some new considerations about "Canticle" I think the general feelings of you and the author about the future are correct, but not on Christianity. Now this is an idea! Our future may be analogized with the early centuries of the Christian Era, with the correction that the general advance is greatly accelerated, when beautiful, wise and wide philosophy, art and opinions of the Antiquity have been completely revised by the new, more gloomy outlook. After this collapse the dark ages came inevitably. But what was the cause? Only one — the promise of equal and good life for weak people! Now if such weaklings' percentages are great, then inevitably these opinions must seize the whole world and the only solution is to confront them with similar doctrine, as Buddhism of that time. Now after the "Gay nineties" we all stay once again in front of quite similar circumstances. The new doctrine of promises of good life for every man in enormous masses of population shall inevitably seize the whole world and the necessity haven' t anything to do with such a force as in times many centuries past! It is only hope, I think and between us girls, I put myself a question: shall I see the Dark Ages II or die before? Lupum auribus tenere — an exceedingly good Latin proverb that means one doesn't know what to do in front of danger.

The 2nd Dark Ages, in the "Canticle" of course, was but one in a long, never ending succession for our species.

I. Efremov

Несколько новых соображений о «Гимне Лейбовицу». Полагаю, общий ход Ваших и авторских рассуждений о будущем верен, но не о христианстве. Именно! Наше будущее возможно уподобить первым векам христианской эры, с учётом того, что изменения сильно ускорились — когда прекрасные, мудрые и открытые философию, искусство и взгляды античности совершенно заместило новое, более безрадостное мировоззрение. После такого коллапса наступление тёмных веков было неминуемо. Но какова была причина? Лишь одна — обещание равенства и хорошей жизни слабым людям! Когда число таких немощных велико, подобные взгляды неминуемо должны стать всеохватными, и единственное средство их побороть — противопоставить сходную доктрину, как произошло тогда с буддизмом. Затем после «беспут-

[1] Не уверен, что я имел в виду, вероятно неоднократное возрождение человечества. — *Примечание Э. К. Олсона.*

[2] Датируется по содержанию.

ных 90-х»[1] снова наступают сходные обстоятельства. Новая доктрина, обещающая хорошую жизнь каждому из огромных масс населения, неминуемо захватит весь мир, хотя необходимость этого не имеет ничего общего с обстоятельствами многовековой давности! Я вот только спрашиваю себя, между нами девочками — доживу ли я до новых тёмных веков или умру раньше? Lupum auribus tenere[2] — замечательная латинская пословица о растерянности перед лицом опасности.

И новые тёмные века в «Гимне», конечно, — лишь очередные в длинной цепочке для нашего вида.

И. Ефремов

Перевела Лариса Михйлова

31 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

1960 г.

On Leibowitz, I quite agree that this is unrealistic from your point of view. It does seem unlikely that formalism and structure could survive the holocaust little changed. This didn't upset me in the story, for it seemed a simple vehicle for the underlying concept of the massive "will" of man to surge back after self-inflicted tragedy. It was contact with long-past reality (our today) by direct comparison and continuity rather than by change and contrast. I do think the author likely was strongly influenced by the preservation of culture in the later parts of the Dark Ages through monasteries. Of course, his analogy does not admit a place for the preservation of other cultures existing during the time of rise of the institutions that later took over. If nothing else, I have found this book, like many others including yours, represents a projection, given some back assumptions and patterns. There are many such, as you know better than I, and I don't expect that any of them will more than touch upon the actual course of events, for the probabilities are imponderable.

E. Olson

Касательно «Лейбовица», согласен, что с Вашей точки зрения изображённое маловероятно. Особенно то, что форма и структура способна пережить катастрофическое уничтожение, изменившись столь незначительно. Мне, однако, это не помешало воспринять историю как несложный способ передать представление о необоримости воли людей к возрождению после трагедии, которую они сами на себя навлекли. Для меня контакт с прошлым (нашим настоящим) осуществлялся путём простого сопоставления и преемственности, а не перемен и контраста. Мне представляется, что автор, скорее всего, находился под явным влиянием факта истории — сбережения культурного наследия в монастырях на протяжении позднего средневековья. Конечно, подобная модель не оставляет места для сохранения дру-

[1] Прогноз И. А. Ефремова относительно последнего десятилетия XX века.

[2] Lupum auribus tenere (лат.) — держать волка за уши, т.е. быть в трудной ситуации, когда и держать, и отпустить одинаково опасно.

гим культурам, существовавшим на момент установления господства таких общественных институтов. По крайней мерее, эта книга наряду с другими, включая Ваши, рисует некую проекцию на основе ряда принятых автором положений и моделей. Вам лучше моего известно, что предположениям несть числа, и я не жду от таких сочинений больших совпадений с реальным ходом событий, чем в некоторых точках, поскольку разброс вероятностей огромен.

Э. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

1961

1 И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ

1961 г.

...Thank you ever so much for the books. You know I read every good and exciting book. So I accept with pleasure your gift. I have tried to read Faulkner [which I had sent, unsolicited, as an example of our literature] but I am not mature in dainty language nor a philologist and I find Faulkner flows through my mind in vain.

As for mysteries and detective stories, it seems to me that this sort of literature is coming to an end over the whole world with every year loss of readers. The historical novel with good erotic are now again arisen and have more success than before. Have you noted this peculiar phenomenon? I think it comes in the face of the apprehension and uncertainty in the current life conditions in the damned atomic age.

I. Efremov

...Премного благодарен за книги. Как Вам известно, я читаю любые хорошие и захватывающие книги. Поэтому с удовольствием принимаю Ваш дар. За Фолкнера я взялся[1], но я не эксперт в тонкостях языка и не филолог, поэтому его слова текут через моё сознание без пользы.

Что же до детективов — сдаётся мне, что эта разновидность литературы во всём мире постепенно теряет популярность год от года. А вот исторический роман с долей доброй эротики, напротив — набирает. Не замечали ли Вы такое странное явление? Вероятно, причиной тому страх и неуверенность в будущности в проклятом атомном веке.

И. Ефремов

Перевела Лариса Михайлова

2 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
1 января 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Большущее спасибо за настоящее душевное поздравление и Наталии Алексеевне, и Вам, и Танюше. Мы все тоже всегда помним о Вас и скучаем и очень не прочь оказаться поближе к Вам.

---

[1] Я направил ему, не спросясь, как пример нашей литературы, книгу Фолкнера. — *Примечание Э. К. Олсона.*

Поздравляем всех вас с Новым Годом и снова, и снова желаем здоровья и достойной интересной судьбы — всё остальное приложится.

Танюшка нам звонила вчера (мы тоже ей звонили — не застали), и мы стали её уговаривать немедленно ехать в аэропорт, садиться на ТУ, и тогда она вполне успевала встречать с нами Новый Год. Это было бы вполне в духе «авантюристки», но она решительно отказалась предать Серёжу и остальных своих друзей.

Тасёнок просит поцеловать Наталию Алексеевну, поблагодарить за письмо и передать, что она ей напишет завтра, едва лишь отойдёт после новогодних хлопот.

Мысль о Ленинграде не оставлена. Сейчас я занят снова «Лезвием бритвы», и хотя оно не получается у меня так, как надо, но всё же закончить нужно — есть и в нём интересные вещи. Думаю за январь закончить, а потом (заодно пересидеть самый опасный период) в феврале приехать в Лен[инграа]д и тогда вести уже серьёзные переговоры с начальством, посмотреть, что получится. «Неву» № 12 ещё не получил. Написал небольшую статью-приветствие в Вашу «Смену», не знаю, пригодится им или нет.

Теперь вкратце ответы на вопросы. Из классических утопистов мне наиболее приятен Фурье (он наиболее трезв в суждениях). На «Андромеду» они могли повлиять лишь отдалённо, потому что теперь это почти религиозные мечты о праведном человечестве, и мы понимаем, насколько сложнее общественное развитие нашей планеты. Ближе всего к «Андромеде» Уэллсовские «Люди как Боги» (Men Like Gods) — вещь, в своё время так же недооценённая нашими философами, как позднее кибернетика.

Романа Бреммера «В туманности Андромеды» я не читал — не мог достать — его нет в СССР, равно как и другой книги об Андромеде: Large E. C. Dawn in Andromeda. London, 1956 (Рассвет в Андромеде).

Первый роман, насколько помню, — на спиритической основе.

Третья известная мне вещь (есть у меня) — это роман Мерака «Тёмная Андромеда» (A. J. Merak. Dark Andromeda. London, 1954) — чудовищный, типично американский межгалактический пошлый и вульгарный шпионаж. Есть ещё небольшая повесть «Пленены в Андромеде» (Marooned in Andromeda), не помню автора — тоже пустяковина космических заговоров, необычайных чудовищ и очаровательных астронавток.

Как видите, ни одна из этих книг не могла быть отправной точкой для моей «Андромеды» или потому, что я не читал, или потому, что чепуха.

Не откажите передать мои искренние поздравления и лучшие пожелания Евгению Павловичу с Новым Годом и благодарность за его поздравление.

Очень большой и нежный привет Наталии Алексеевне. Тасенька целует.

Крепко жму руку.

Ваш: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 3

Москва
4 января 1961 г.

Dear Boris!

I shall wait with impatience your's poetical description about New Year celebration in the "Golden Horn" Many years ago I also have had to sit there a few nights with strong drinks and without girls…

Some corrections to your English.

"The first lady of the company began singing. The walking ladies and gentlemen came up to the footlights. The director was sitting in the pit taking notes". — you have translated incorrectly. The exact translation: "Примадонна начала петь. Статисты подошли к рампе. Дирижёр, сидя в оркестре, делал замечания". You have sent me much more complicated and unsatisfactory translation.

Soon I shall search for you a good book with somewhat easy modern English and will post it by airmail.

You are a good lad with your thirst for knowledge! But it is impossible to say "often shall I remeber that time fragmently".

Thanks for the Jap girls and for the New Year greetings.

By the way, this very year ist were-year. Write please 1961 and turn it "overkeel". The same, so?

It is a superstition, of course, but the were-year may be good or bad — or... or...

Allan have married a very good girl, so I have the daughter-in-law now.

Write please about you and your new experiences. Try it in English.

Many greetings from all my family — they have a strong sympathy to you. So long!

Sincerely yours,
I. Efremov

Дорогой Борис!

Я жду с нетерпением Ваше красочное описание празднования Нового года в Золотом Роге. Много лет тому я также провёл там несколько ночей с крепкими выпивохами, но без девушек...

Несколько замечаний относительно Вашего английского языка.

[Следует разбор нескольких предложений].

Вскоре я подыщу Вам хорошую книгу на современном английском языке и перешлю авиапочтой.

Хорошо, что у Вас такая жажда знаний!..

Спасибо за открытки с японскими девушками и новогоднее приветствие.

Между прочим, этот год довольно интересен. Напишите, пожалуйста, 1961 и переверните вверх килем. Ну, как? Это, конечно, суеверие, но этот год будет либо хорошим, либо плохим — или... или...

Аллан женился на очень хорошей девушке, и я вскоре буду дедушкой. С удовольствием узнаю о Вас и Ваших новых испытаниях. Старайтесь писать по-английски. Привет от всей моей семьи. Они желают Вам сил и удачи!

Искренне Ваш
И. Ефремов

Перевёл Борис Устименко

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 4

Москва
9 января 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Получил Ваш журнал со статьёй Львова, которая мне очень понравилась. Мне хочется передать ему своё впечатление, но я куда-то забельшил его адрес. Могу я попросить Вас об одолжении: прилагаемое письмо переслать ему, заодно прочитав его, чтобы узнать о впечатлении.

Я всё ещё в Москве — задержался, потому что Тасенька заболела гриппом, к счастью, не очень сильным. Завтра уедем недели на две, а в конце месяца приеду проходить комиссию (ВТЭК).

Лишне повторять, что мы по всем вам очень соскучились и с удовольствием думаем о том, когда удастся приехать в Ленинград. Мне хочется сначала кончить «Лезвие» и ехать к Вам с готовой вещью.

От всей души приветствуйте Наталию Алексеевну. Козишку — поцелуйте. Тася целует вас всех троих. Крепко жму руку.

Ваш: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ПЕРМЯКОВУ 5

Абрамцево п/М[1]
11 января 1961 г.

Глубокоуважаемый Георгий Георгиевич!

Читайте мои замечания[2] с поправкой на то, что я оптимист и романтик. Читая чужие вещи, я исхожу из личных вкусов.

Надо больше показать в повести светлый характер науки. Наши учёные не должны быть, хотя бы и временно, беспомощны перед врагом. Гигантский научный институт у Вас чрезвычайно строг, больше внимания на охрану секретности, а самой научной работы не видно. И в то же время по всему институту бегает девчонка-школьница, дочь академика. Нелепость!

Только что прибывший сотрудник (неизвестно ещё, возьмут ли его) помещается в комнату, где находятся книги и рукописи с надписями «Совершенно секретно». Не нравится мне, что институт окружён врагами, что его работу подглядывают и подслушивают за десятки километров. Не будь магнитного купола, не было бы и работы в институте! А если обойтись без этого?!

Надо показать идею: мирное сосуществование, оптимизм, вместо миллиардов на армию лучше миллиарды на науку, тогда мы обгоним любого конкурента. Показать, что таких институтов должно быть сто, а не один. Тогда западным друзьям за нами не угнаться. Показать, что наука должна идти сплошным фронтом, а что на уме у всех, того никак не засекретишь. Помнить, что открытия идут, к сожалению, параллельно.

Я против того, чтобы учёные проигрывали рядом с полковниками госбезопасности. Это было в моде лет десять назад. Учёный должен быть в полном объёме своего ума и находчивости, пусть разоблачение идёт параллель-

[1] Под Москвой.

[2] Речь в этом письме идёт о рукописи повести Г. Г. Пермякова «Остров алмазов».

ными силами. Лейтенант Крутов от госбезопасности ведёт себя наивно, пусть он будет достойным работником! А тут ещё эта примитивная схема — майор в медвежьей шкуре!

Почему враги, имея такое могущественное оружие как телегипноз, не приказали просто отнести материалы и приборы в определённое место, откуда бы они взяли и погрузили на свою лодку, вместо того чтобы приказывать ломать и жечь?

Умнее всех оказался Антон. Покажите, как бы сумел проницательный Язин разгадать происшествие без Антона. По-вашему выходит, что он не раскрыл бы дела без робота. А если так, то зачем охрана, если роботы лучше? Поймайте врага без помощи Антона, или пусть Антон и Глебов оказывают равную помощь полковнику госбезопасности. Может быть, я не прав, но таково впечатление. Тут надо, по-моему, обязательно переделать!

Я против страшных пистолетов ГМПов и другого в простой экспедиции, против автоматических решёток в своём же институте, я против прелестных сценок с грозными роботами, которые делают дыры в отвер – в груди собратьев. Атмосфера недоверия в институте должна быть убрана. Как Вы загнули такое? Зачем? Вдохните туда больше свежего кислорода!

Само существо дела — алмазы Охотского моря, из-за которого весь сырбор разгорелся, не стоят и выеденного яйца рядом с такими расходами и усилиями. Подумаешь, упёрли горсть алмазов! Найдут другие, ведь обнаружены уже колоссальные кимберлитовые трубки! Они на нашей земле, попробуй выкуси! Само-то богатство ещё в земле, чего же бояться? Пусть найдут ещё что-то величественное, чтобы поход враг был оправдан.

О структуре повести. В повести две части — ЭСМИН и Остров. Первая часть в литературном отношении слабее. Вторая часть написана Вами о вещах как-то Вам близких, здесь повествование, стиль и язык значительно лучше. Это значит, что первая часть требует больше доработки, вторую же довести куда легче. Много мест, написанных просто и ясно, мысль развивается логично и доходчиво. Но есть места, написанные плохо, как раз там, где Вы хотите писать красиво и подражаете каким-то литературным штампам. Кое-что отмечено в рукописи, здесь же, на полях. Мне не нравятся сцены с Ариадной (кстати, красивое имя!), их надо написать снова и как можно проще. Плохи многие описания людей. Ваш герой Зимин слаб в литературе и поэзии. Девушка-школьница вышивает, купает кошку, решает кроссворд, но не знает самых простейших слов. Какая же это героиня? Кто будет ей подражать?

Нельзя решать задачу, как это делает Зимин (с верблюдом). Сама постановка вопроса нелепа — ни от какой бумажки свобода народа зависеть не может. Зачем понадобилось Зимину людоедское решение вопроса — убить женщину, когда есть другой выход — убить верблюда.

Кто у Вас деятелен — это Глебов, но и тот шалит и пугает Зимина. Зимин часто бездействует, Цвиров страдает тем же, слишком много вещей в ЭСМИНе им непонятны. Правда, Цвиров управляет вертолетом. Виноват! Лейтенант Крутов абсолютно ничего не делает. Робот — помните, это страшно дорогая вещь, — временами исчезает со сцены. Даже когда люди, задыхаясь и обливаясь потом, ворочают тяжеленные приборы, робот спокойно стоит рядом. Только раз робот измерил температуру самолёта, да и то для интереса. Робот описан ярко, он как живой. Литературные штампы — академик Басов, майор Бугов. Это не живые люди, а схемы. Надо доработать их образы.

Сопка из чистого кимберлита на острове могла быть открыта до экспедиции. Для этого не надо сверхприборов ЭСМИНа. Геологи обнаружат такое богатство при первой же съёмке. Очень важный недостаток Вашей повести как научно-фантастического произведения — несоответствие задач института и его чудесных приборов исследования с объектами исследования. Добавьте в поисках на Дальнем Востоке ещё что-то. Таковы нелепости стиля и смысла.

Несколько примеров мелких нелепостей стиля и смысла, первые цифры страницы повести:

23. «Золочёные, сафьяновые, кожаные… переплёты». Я думаю, что книги в кабинете будут без золота, кожи, сафьяна.

29. Число «пи» с 60 знаками не нужно даже роботу, практическая польза от этого — ноль. Есть же справочники.

37. Нет деревьев, верхние ветки которых имеют толщину в несколько обхватов.

37. «Зелёный экватор» — разве экватор не воображаемая линия?

37. «Хвосты птицы шли бесконечными лентами». Как это шли бесконечными?

45, 74, 75. «Ответ потряс Юрия до основания нервной системы», «впав в шок», «с жёлудеобразной головой, размеры с сосиску», «тюбики гусениц». Разве Вы не видите, как неудачны эти выражения?

88. «Её глаза… пробежав по глазам Юрия… облили его».

96. «Ёмкость котлов не более чемодана!» (какого — большого, малого).

113. «Вся в нимбе радостного сияния». Ну и ну!

114. «Кокетливым движением зашла за Глебова».

115. «Нос с длинными крохотными ноздрями». Неверно и нелепо!

122. «Земля исступлённо метнулась». Как это могла Земля стать исступлённой?

126. «Аэродром, вырезанный в скале и камень его отшлифован»! Какая адская и ненужная работа, это из времён фараонов!

128. Чересчур большая нежность к целой куче солдат. Звучит нелепо. Объятия, любовное теребление волос. Да разве можно такие чувства испытывать к целой толпе?

184, 185, 186 — «лентой смётки, бдительности, отваги и инициативы». «Она (тайна) словно игривая фея, то задевала его шлейфом внезапных осенений». Разве можно писать так вычурно? Что это за шлейфы внезапных осенений? Ручаюсь, что и Вы себе их не представляете! Тогда зачем пишете, это из XIX века!

215. «Чья-то ледяная рука, схватив его внутренности, стала вращать их из стороны в стороны». Даже жутковато. Неправдоподобно, это не болезнь, а психологический эффект. Или он душевнобольной?

Есть и ещё кое-какие похожие вещи, но Вы их сами усмотрите.

И ещё одно. Весь этот полёт в виораме неплох, это одни из лучших глав, но вот алмазные рудники — это очень плохо. Остался тот же штамп — несчастные негры под кнутом надсмотрщика с пистолетом в кобуре, да ещё показано, что негры действительно воры — крадут алмазы! Зачем Вам такое дешёвое изображение колониализма? Он на деле хитрее? и умнее, и жесточе, а такая добыча алмазов кустарным немеханизированным способом уже сейчас уходит в прошлое, становясь уделом лишь концлагерей для преступников.

Но и такая работа уже невыгодна даже в Африке. Система механизированной эксплуатации куда как страшнее! Надо думать, что в будущем капитализм не будет стоять на месте, а будет совершенствовать свои методы и технику. Найдите новое, напишите здесь новое, яркое, а не пишите заведомые анахронизмы, заштампованные в тысячах колониальных рассказов. Но, повторяю, полёт в виораме, сама мысль — не плохи.

В письмах Вы проявляете массу познаний, широкий взгляд на мир и тонкое ощущение жизни. Тем же самым отмечены все Ваши небольшие детские вещи и о животных? и о растениях. Но «Остров алмазов» недоработан, точнее, он не продуман. Я говорю Вам своё мнение прямо и беспощадно? потому что считал и продолжаю считать, что Вы можете и должны писать широко, по-настоящему, что Вы обладаете редким запасом знаний и опытом анализа сложных людских взаимоотношений, и что ещё очень важно, подлинным знанием зарубежной жизни, не по лубочным произведениям шпионских детективов или пропагандистским вещам для школьников. Давно пора нам знать мир таким, каков он есть, а не таким, каким мы хотели бы его видеть, потому что и нам? и потомкам нашим предстоит гигантская работа по борьбе с капитализмом и переделке мира. Но ведь придётся бороться не с глупыми чучелами! За это мы уже раз поплатились. Теперь долг писателей не повторять этих ошибок. Я пишу Вам откровенно, потому что Вам можно? и Вы можете смотреть на мир понимающими глазами. Дайте поэтому цели врага равными его могучему оружию телегипноза. Но помните, что мы первыми на земле пустили Спутник!

Если Вы уберёте явные погрешности, если переработаете повесть, если ещё раз подумаете о конструкции повести, её, конечно, издадут. Но я думаю, что Вам надо писать очень серьёзно, писать настоящую большую вещь, с настоящими людьми, с их сложными вопросами и чувствами, с глубокими мыслями о будущем. База у Вас есть, умение писать есть, чего же Вам не хватает? Труда или терпения? Тихого раздумья? Смотрите сами.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

П. С. О получении рукописи и отзыва не откажите известить.

И. Е.

6 И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ПОГОРЕЛОМУ

Абрамцево
13 января 1961 г.

Уважаемый Александр Иванович!

Мне кажется, что Вы поступаете правильно и особенно после нового приказа Министерства обороны. С биологией погодите — а то перетянетесь и получите, как говорят американцы, «брокен брен» (сломанный мозг) — переутомление, которое потом не даст работать несколько лет. Биология от Вас не уйдёт — лет-то Вам совсем ещё немного.

Вот насчёт астрофизики — тут дело другое. Я всегда стою за науки действенные, так же как и за труд — производительный, и считаю, что чем мень-

ше будет наук комментирующих и непроизводительного труда, тем легче будет житься человеку. Поэтому я не буду Вас отговаривать и от астрофизики — за ней большое будущее, хотя пока что возможности конкретного расширения её горизонтов в смысле действия — ещё очень узки. То же самое и в отношении палеонтологии — связь этих двух наук пока лишь чувствуется, а до осуществления её ещё далеко (возможно, и Вы не доживете). Поэтому — будьте осторожней с Вашими увлечениями, тем более что Вы, как и большинство современной молодёжи, путаете образование и обучение. Иными словами, Вам кажется, что Вы сможете познать палеонтологию, биологию или астрофизику, только если Вы окончите соответствующий факультет и получите соответствующий диплом. Гораздо больше и глубже Вы познаете то, что изучите сами, но при условии навыков для самостоятельной работы, и этот навык Вам должно дать высшее образование по любой линии. Вот почему кончайте то, что проще и не вызовет потери времени в настоящий момент, а остальное оставьте для самообразования!

Что до участия рабочим в палеонтологической экспедиции (в геологической это труднее — они набирают рабочих в самый последний момент), то пусть Ваш товарищ напишет директору Палеонтологического Музея проф[ессору] К. К. Флёрову и попросит, чтобы его имели в виду на летний сезон в какую-нибудь из экспедиций (можно написать и директору Палеонт[ологического] Ин[ститу]та академику Ю. А. Орлову).

С искренним уважением:
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 7

Москва
4 февраля 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Приехал в Москву для прохождения очередного ВТЭК — они скоро решат мою судьбу на этот год. Хожу по всяким медицинским исследованиям. Пишу Вам уже на дом, боясь, что письмо не дойдёт до Комарова в оставшиеся Вам пять дней. Сначала по порядку на Ваши вопросы.

1. Относительно фото — я пошлю Вам несколько из тех, что имею под рукой. Выберите сами или «зракуете» (по-старорусски — оцените) вместе с Наталией Алексеевной.

Фото с картины «Озеро Горных Духов» у меня есть в Абрамцеве, и я могу послать его Вам недели через две, когда съезжу туда и обратно. Но цветная репродукция с него есть в «Сибирской Энциклопедии», изд[ание] 1926 года, кажется, том I (их всего два), статья «Гуркин» — художник. На всякий случай имейте в виду, что с Гуркиным я на деле виделся не на Алтае, а в Ленинграде в 1925 г., когда он расписывал огромное панно «Монгольский Алтай» для Геологического Музея Академии наук. Гуркин был посажен и погиб в концлагере, потом реабилитирован, но потому о нём до сих пор нет настоящего разговора как о крупнейшем художнике Сибири. В библиотеке АН, да и в Публичке есть, конечно, «Сибирская энциклопедия».

Картину «Остался один» очень трудно репродуцировать в нецветном фото, возможно, она тех трудов и не стоит. Каким сроком Вы располагаете для

подготовки иллюстраций? Я напишу художнику, который закончил большой вариант этой картины, — нет ли у него с него хорошего фото. Интереснее, как мне кажется, дать репродукции художника Андрея Соколова (были цветные вкладки в «Огоньке», в «Технике — молодёжи»), которые тоже, как он сам говорит, навеяны «Туманностью Андромеды». А помните, кажется, в «Знание — сила» или в «Технике — молодёжи» был такой рисунок из будущего, на который читатели отвечали, что он, конечно, из «продолжения к «Туманности» — Эрг Ноор и Низа на зелёной звезде. Это, кажется, в середине прошлого года — у меня растащены журналы, может, у Вас они в комплекте? Идея таких иллюстраций мне очень нравится, но вот насколько она выполнима с издательской стороны — надо выяснять доподлинно.

2. В «Сердце Змеи» обсуждается рассказ Мюррея Лейнстера «Первый контакт» — он перепечатывался не раз во многих сборниках, а впервые, кажется (не ручаюсь), в «Эстаундинг Сайенс Фикшен» за 1942 год.

3. «Теория» Агреста, Казанцева и иже с ними — не нова. Уже очень давно в зарубежной литературе есть всякие фантазии на этот счет, примерно с 30-х годов. Но есть много книг, начиная с Великовского, объясняющих те же самые факты (разрушение Содома и т. п.) космическими катастрофами и подгоняющими убедительные доказательства о времени этих катастроф — 1600 и 700 до нашей эры. Летающие тарелки усиленно муссировались в Америке и вообще на Западе лет пять тому назад, теперь эта мода докатилась до нас. Я глубоко убеждён, что видения тарелок есть новый вид массового самовнушения и истерии, только в Средневековье видели дьяволов и ангелов, а мы теперь — космические корабли. Кроме того с открытием локации и с радиотелескопами мы стали наталкиваться на разные неизученные и не замечавшиеся ранее атмосферные явления, которые пока мерещатся нам кораблями даже по данным наблюдательных научных и военных станций. Конечно, я — не «ультима рацио», но мне-то кажется, что по всем законам божеским и человеческим любые пришельцы должны были вступить с нами в настоящий контакт или же приняться избивать нас, как это мыслят военные, но отнюдь не доверять тайны своего существования случайным психопатам вроде Адамского и иже с ними. Вот почему я не верю в летающие тарелки и считаю, что у доказывающих наличие астронавтов в прошлом ещё нет никаких достаточно серьёзных доказательств, чтобы об этом можно было говорить в плане науки, научными методами. Получается вроде телепатии — факт есть, а объяснения ненаучны (контакт ума с умом, когда на деле «ум», «разум» — вещи несуществующие) и опыты — тоже. Нет методики, нет и исходных позиций. Кстати, пробитые металлическим орудием кости в самом деле найдены в одесских катакомбах (возраст 1 миллион лет!), но и даже для серьёзного построения какой-либо гипотезы на основе этого факта ещё нет данных. Если хотите получить самоновейшие материалы по всем делам пришельцев из Космоса, напишите А. П. Казанцеву — он клялся, что только что сдал в журнал «Смена» статью, где приводит 17 документов наличия пришельцев в прошлом. Казанцев с 7-го числа будет в доме отдыха на Валдае — это бывшая дача Жданова (Вам как ленинградцу, наверное, известен этот дом отдыха). Вадецкий, кстати, вчера уехал в Африку на теплоходе «Эстония» на месяц. А Вы когда поедете?

4. Рукопись, которую Вы мне прислали, я передал в «Детгиз», Касселю. Он обещал смотреть и, может быть, опубликовать. Пока не знаю ничего, т.к. Кассель сильно болен. Поговорю с его заместителем, напишу. Мне эта

рукопись не понравилась — много интересных мыслей, с которыми я полностью согласен, но перемешано с ерундой, а всё вместе изложено догматическим, поучающим тоном, который вызывает противодействие у читателя.

5. Моя статья в «Вопросах литературы» ещё когда-то будет. Пока это лишь черновики, из которых я пока извлеку кое-что для статьи «Наука и фантастика» в журнале «Природа».

Вот как будто и все Ваши вопросы.

С моим приездом в Лен[инграл]д пока ещё не получается. Вероятно, в феврале это не удастся, а только в марте и то — во второй половине. Ну что ж, рукопись можно прислать, а вот повидаться и потолковать — давно нужно. Однако буду утешать себя тем, что чем позже приеду — тем дольше пробуду. Пока же здесь надо выяснять некоторые опорные точки собственного существования. Лишне повторять, что очень соскучился по Вашему милому семейству. Всех от меня приветствуйте, передайте поклон и поцелуй от Тасеньки. Аллан пока ещё не устроился на работу — это не так просто в Москве для геолога, да и сам он, по-моему, впал в какую-то инертность. Видимо, раз есть внутренняя психологическая скидка на болезнь матери, то ленивый человек сразу же позволяет себе распускаться. Мне это непонятно... впрочем и торопить его как-то не хочется, чтобы не хватался за первую попавшуюся дрянь — тут отцовское чувство вступает в противоречие с педагогикой.

Крепко жму руку.

Ваш: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
12 февраля 1961 г.

Дорогой Борис!

Только что принесли присланные Вами открытки. Они очень красивы и хороши, однако, наверняка — дорогие. Так что не увлекайтесь очень-то подарками, Вам ещё самому надо многое — и вдобавок возраст такой, когда возрастают расходы по женской линии даже при самом скромном поведении — всё же надо водить девушек в театры, и потанцевать, и участвовать в вечеринках...

Послали Вам вчера портрет очаровательной нагой японки — напишите, как получите, одобрили ли?

Завтра пошлю Вам вместо «Острова сокровищ» другую книгу, по-моему, не менее интересную, а написанную ещё более простым, добротным английским языком, хотя и устарелым, но всё же менее, чем язык Стивенсона. Это «Квин Шеба'с Ринг»[1] (Кольцо царицы Савской) Райдера Хаггарда. Она подписана мною, но это подарок — владейте ей и читайте, а при встрече спрошу отчёт — потребую рассказать своими словами. Осилите — будет ещё. Все мои шлют Вам сердечные приветы и добрые пожелания. Я, конечно, — тоже.

С искренним уважением,
И. Ефремов

[1] "Queen Sheba's Ring" (англ.).

9 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
13 февраля 1961 г.

Дорогой Борис!

Я получил Ваше письмо, которое меня очень тронуло и особенно тем, что открытки не были, как я предполагал, куплены (и за что я делал Вам даже маленький упрёк в уже отправленном вчера письме), а подарены для меня Вашим другом. Поблагодарите «Толика» от всей души и скажите, что он меня очень порадовал; что открытками и я, и моя семья любовались и продолжаем любоваться. Однако, будет справедливо, чтобы я, полюбовавшись открытками, быть может, не одну неделю, послал их Вам обратно. Очень приятно вспомнить былое, но ведь я нахожусь в несравненно лучшем положении, чем вы оба в отношении получения всяких книг, открыток и географических снимков. Вспомните хотя бы мои американские журналы, которые Вы так и не успели поглядеть. Поэтому будет справедливым, чтобы открытки вернулись к вам обоим и доставили вам и вашим друзьям и девушкам не меньшее удовольствие, чем мне.

Значит, так?

Вы молодец, что упорно одолеваете английский язык — сейчас Вы даже не можете как следует оценить, как он Вам пригодится в будущем! Могу дать совет — не увлекайтесь очень зазубриванием грамматики — она придёт постепенно, когда Вы, овладев самыми её основами, станете читать побольше английских книг. Я Вам буду посылать понемногу какие-нибудь потрясающие детективы, но это уже после того, как Вы освоите более простой язык, потому что детективы-то большей частью — американские, с примесью сленга и потому — трудночитаемы.

Если верить тибетским предсказаниям, то поскольку семнадцатый цикл лет по их календарю — белый, в который мы вступим, он будет тяжёлым для жизни всех народов. Этот белый или железный цикл начнётся, не помню, с 1962 или с 1963 года, надо будет выяснить. Поэтому надо думать не только о далёком будущем, но и развлекать себя в настоящем — хорошими книгами, хорошими людьми. Кроме шуток, смотрите не переработайтесь, иначе, получив «брокен брен», по терминологии американских учёных, трудно будет снова вернуться к занятиям. Посему будьте и в хорошей физической форме, работайте умственно с перерывами.

Ну, ещё раз всего хорошего, будьте здоровы и счастливы!

И. Ефремов

10 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
25 февраля 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Отвечаю сразу на оба Ваших письма.

О Баурджеде. В основе — историческое лицо, некий казначей фараона V-й династии Древнего Царства Бауркар, о котором известно, что фараон Сахура послал его к крайним пределам юга. Я перенёс действие в VI-ю династию, потому что мне показалась более драматичной история фараона Джедефра и соответственно изменил имя казначея, связанное с именем фараона.

Источники, которыми я пользовался, даже трудно перечислить, — в общем, примерно всё, что есть по эпохе всех трёх царств на русском языке: десятки сводок и сотни отдельных работ, от «классических» (Брестед, Масперо, Голенищев, Тураев и мн. др.) до самых последних советских исследований.

О картинках. При сём посылаю лучшие изображения «Катти Сарк», какие у меня есть. Переснять мне их не удалось — заболел мой фотограф, но я прошу Вас отдать кому-нибудь из Ваших мастеров, а я возмещу расходы. Кстати, хорошо, если останутся негативы, а то как возобновить, ежели газета изветшает? Храните её, пожалуйста. Мне кажется, что лучше всего бы было дать её под всеми парусами (рисунок внизу, слева), м. б., несколько увеличив — насколько позволит сетка. А ведь красива, ведьма!

Фото «Озера Горных Духов» забыл в Абрамцеве — завтра туда еду и пришлю оттуда. Ещё: договорился с художником Андреем Соколовым, что он пришлёт Вам, если понадобится, чёрные рисунки на тему «Туманности», которые он делал для телецентра, когда было поставлено обсуждение книги. Ему только следует написать, сколько рисунков желательно и примерно на какую тему из вопросов «Туманности». Это лучше, чем сомнительный цвет. Адрес его: Москва, Малый Левшинский пер., 14/9, кв. 113, Андрей Константинович Соколов.

Коротенько обо мне. Позавчера получил возобновление второй группы инвалидности ещё на год. Теперь имею мораторий на год для заканчивания писаний! Уезжаю в Абрамцево недели на две, но оттуда меня могут вызвать в любое время, когда приедут американские палеонтологи — тогда придётся с неделю прожить в Москве, прервав писание. Хочу обязательно закончить повесть. Поэтому имеются три причины, мешающие мне приехать в Лен[инграл]д к 14 марта: ожидание приезда американцев, необходимость завершить «Лезвие» и ещё то, что Е. Д. опять плохо себя чувствует и сейчас прихварывает (лежит в постели), и нужно быть поближе, чтобы присматривать за ней.

Видимо, уж раньше конца марта — начала апреля не удастся приехать, хотя и очень хочется.

Зубрик просит вас всех поцеловать и говорит, что очень по вам соскучилась. Татьяне большое спасибо за фото — отличная фотография. Пусть приедет к нам — расходы по проезду берём на себя, билетом обеспечиваем.

Большой Вам привет, дорогой, и всем Вашим. Приветствуйте Евгения Павловича.

Искренне Ваш: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 11

Москва
29 марта 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Простите великодушно задержку с отзывом на Вашу рукопись[1]. Так как мне трудно было судить о том, что касается меня, я дал прочитать рукопись Б. А. Вадецкому и только теперь, поговорив с ним, пишу Вам. В общем наши суждения совпали, с той лишь разницей, что его — значительно резче, чем

[1] Речь идёт о рукописи книги В. И. Дмитревского и Е. П. Брандиса «Через горы времени». Книга опубликована в 1963 году.

мои, но я их предоставляю высказать самому ему. Было бы хорошо, если бы Вы побывали в Москве, — тогда можно было бы устроить разговор о рукописи. Я теперь вряд ли выберусь раньше мая — Е. Д. пролежит в больнице ещё месяц, не меньше. Но пока — о книге.

Я очень благодарен Вам и Брандису за по-настоящему хорошее обо мне представление, которым пронизана вся книга. Это очень трогает — настолько, что тяжело браться за критику. Второе — книга сделана в широком аспекте, в каком обычно не делаются критико-биографические очерки, и потому приобретает, если можно так сказать, какой-то не современный, непривычный характер, и я не понял — архаичный он или наоборот из будущего.

В общем — за короткий срок Вы и Е. П. проделали большущую работу! Как это успели?

Переходя к замечаниям, должен сказать сначала, что я понимаю «подтекстовые» трудности, стоявшие перед Вами. Именно потому книга повёрнута не в общем, а в суженно-жанровом аспекте, потому пришлось обойти молчанием некоторые особенности моих писаний, которые в иных условиях могли бы быть предметом разговора. Вадецкий прямо упрекает книгу в отсутствии боевой направленности, в недостатке полемического задора, в том, что не состоялся серьёзный разговор о фантастике в плане общелитературном, а не узко-жанровом. Мне кажется, что в представлении Б. А. «Туманность» должна была бы быть вроде боевого топора, которым крушить всё, что не является «Туманностью». Это я, разумеется, утрирую, но и в смягченном выражении это как раз пункт, с которым я не могу согласиться. Как я скажу об этом дальше, по-моему, вы оба даже чересчур сильно бьёте кое-каких фантастов (сильно не вообще, а для этой книги).

Но продолжаю по порядку.

Начало — младенчество мне кажется совсем неудачным. В скольких книгах мы встречали малолетних «крепышей», уже с детства показывавших свою гениальность, преданность великим идеям и т. д. Мне кажется, что эту часть надо или делать пообстоятельнее, что не нужно, или коротко и в несколько другом направлении. Интереснее показать, что семья-то была самая что ни на есть обыкновенно мещанская, с жестоким деспотизмом отца, как то принято у староверов, внутренне глубочайше некультурная. Единственное, что пошло, вероятно, на пользу будущему, — это кондовая, истинно русская сила, здоровье и самородковые блестящие способности отца, как-то унаследованные сыном. В чём же проявилось будущее дарование в этом самом обыкновенном ребёнке, даже особенной крепостью в детстве не отличавшемся (я сам развил свои врожденные данные, когда подрос, путём многолетних занятий гимнастикой, спортом). Пока в те годы только в гигантской памяти, схватывавшей всё, что как-то привлекало внимание, в том, что рано обучился читать (с 4-х лет) — вот и всё. Ещё интересным может быть сильнейшее пристрастие к книгам о путешествиях, к тяжёлым предметам (особенная страсть к залитым свинцом часовым гирям, к медным ступкам и утюгам), которыми мог играть часами, также к самым разным минералам, но преимущественно — кристаллам. Вот и всё. Надо бы сказать, что только потому, что эта кондовая семья разбилась, мои способности смогли пойти туда, где мне самому хотелось их применить, т. о. Революция была также и моим освобождением из мещанства, которое могло бы наложить на меня и серьёзный отпечаток.

Подробно говорить о семейных обстоятельствах в гражданскую войну — стоит ли, это как-то не соответствует краткости последующего. Может быть, ограничиться тем, что жили на юге, семья распалась, и родители разъехались в разные стороны, поручив детей родственникам в Херсоне. После смерти родственников дети оказались предоставлены самим себе, жили, продавая кое-какие вещи на толкучке, а затем, после установления советской власти, были взяты под опеку Наробраза. Я сам стал приёмышем автороты и с ней странствовал по Херсонщине и Таврии до общей демобилизации 1921 года, когда поехал в Лен[инграа]д. Вот и всё, а зато немного расширить период становления учёного. Этот раздел мне кажется немного молодцеватым. Может быть, было бы лучше полнее очертить фигуры академиков Борисяка и Сушкина, капитана Лухманова, показать их «величину», объёмность что ли, и вот между ними путается совсем ещё незначительная, ничего не знающая щенячья личность, у которой они всё же видят основное — стремление к науке по любви, без всякого расчёта. Впрочем, надо оттенить, что в те годы идти в науку не представляло никакого расчёта (иначе наша молодёжь не поймёт) — это был путь бедности, второстепенного места в жизни в сопровождении нескончаемого труда, но и в то же время путь широкого и свободного удовлетворения жажды знания.

Может быть, слабо оттенено захватившее всю молодую интеллигенцию того времени стремление к участию в размахе освоения страны, пятилеток, открывательства нового повсюду, в том числе и в Сибири.

Стр. 24—26. Б. А. Вадецкий считает, что это неверно и нельзя здесь меня самого слушать. Конечно, не только болезнь, он думает, послужила толчком к творчеству, она дала только лишь одно — немного свободного времени. Причиной творчества явилась, по его мнению, — зрелость, ускоренная испытаниями войны (творческая).

Удачен весь раздел о науке. Там есть кое-какие частные погрешности, но их я просто отредактирую по рукописи потом.

Б. А. В. считает, что «Дорога ветров» Вами слишком выпячена, может быть, о ней надо меньше? Не знаю!

О Горьком и моём с ним соотношении, вернее, с его высказываниями — надо ли?

Стр. 69. Ведь это общее понятие, определение искусства вообще! И вовсе не изобретение Горького и не моё продолжательство его. М. б., как-то по-другому.

Стр. 91 — с морской тематикой и морем как-то не получилось. Подумаю ещё, как тут можно изменить. И БАВ согласен: по его мнению, «общеутилитарно» — как Вы это поймёте. Он же прав, что не нужно много о рецензии А. Маршака. А может, и совсем не нужно (стр. 101)? Нет, кое-что нужно — именно в том плане требования пустой развлекательности, какой и отмечен Вами, но поменьше! Раздел об Африке, может быть, выиграет больше, если осмыслить Африку немного по-другому — не географически, ибо такая «Африка» может случиться и в Аравии, и в Индии, и в Монголии. Вероятно, тут надо писать <u>исторически</u>, ибо Африка для меня — это страна первобытности, кусок древнего мира, островом выперший среди нашей цивилизации, где и животный мир, и растения, и люди хранят в себе черты далёкого прошлого планеты. Всё усиливавшийся с годами интерес к истории постепенно менял планы, в каких представлялась Африка — от наивно-романтического интереса к Черному мате-

рику до глубокого стремления познать и ощутить прошлое всесторонне посредством пейзажей, животных, растений и, наконец, людей Африки как ключей к воссозданию ретроспективной, но живой картины ушедшего мира.

Об анализе «Туманности» (стр. 192 и др.) — мне кажется, что не стоит, как то советует БАВ, лупить других путём хвалы «Туманности». Эта тенденция ещё сильна в нашей литературе со сталинских времён, и Вы от неё не освободились. Я подразумеваю сформулированное ещё Гомером положение: «сам ты себя, Эвримах, почитаешь великим и сильным лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых». Следуя этому, чтобы показать выделяющуюся фигуру героя, мы топим и принижаем всех остальных вокруг… Я не хочу сказать, что Вы сделали то же самое, но привкус этого есть и как бы обойтись без него? То же в равной степени может быть отнесено и к начальной главе, где должно быть гораздо интереснее окружение — те большие люди, с которыми привелось встретиться, — чем сам щенок, пока ещё ничем себя не проявивший. Может быть, можно сказать о романе, не хуля Казанцева и др.? БАВ считает, что в разговоре о «Туманности» нет главного, а это главное, он считает, то, что эта книга о свободе духа, и коммунистическая направленность её — вот в чём сама суть, а разбор книги в этой главе «перепопуляризирован». Критиковать надо сильнее и преимущественно с позиций обвинения в умозрительности, а не нехватки того-сего. Как раз диапазон «Туманности» даже слишком велик в своём стремлении к бесконечности (это опять БАВ, и он же цитирует Вам Маяковского «Ежели утро, а Вы поёте во весь голос, то что же будете петь вечером?» в том смысле, что надо оставить «крышу» на дальнейшее продолжение Ефремова, и дело не только в возрасте).

О вопросах семьи и Марксе сказано уж так осторожно, что совсем непонятно. Я понимаю всю трудность настоящего освещения, но если уж говорить, то понятно или никак… (стр. 192)

Вся последующая часть о фантастике вообще как-то не получилась органически слитой с книгой о творчестве Ефремова. Видимо, здесь соединены разные методы и виды изложения. Мне самому вначале представлялось, что это — самая необходимая часть книги, более важная, чем собственно о Ефремове. Теперь, то ли от того, что обо мне у Вас написалось интересно, а разбор фантастики не получился в том же ключе, то ли от того, что эти две части плохо совместимы, но разнородность их бьёт в глаза. Подумайте вместе с Евгением Павловичем, что можно сделать. Если подчинить весь разбор какой-то одной ведущей идее, не имеющей ко мне отношения, то при чём тут Ефремов? Если сказать, что, мол, у Ефремова это есть, а у всех остальных — нет, то звучит неприлично заушательски и восхвалительно. Если брать писателей большего масштаба, чем те, о которых идёт речь в книге, то ведь всё равно нельзя сказать, что Лев Толстой потому хорош, что у него есть то, чего нет у Куприна, и он потому велик, что Чириков или Арцыбашев — плохи.

Вы и сами засомневались относительно этой последней части. Может быть, сделать этот разбор самостоятельной статьёй, а зато усилить в очерке о Ефремове разбор путей и направлений сплава жанров, какие были сделаны в ряде рассказов, и отметить, почему это не получилось (т. е. получилось лишь в масштабе рассказа с приключенческой подкладкой, но не больше) — из-за отсутствия разработки человека, гармонически влитой в сильную описательную сторону и сюжетность. Кстати, об описательности: тут, может быть, сле-

довало бы проанализировать, что это описательность особого рода, а не просто копирование словами, всё равно как кистями. В этом плане, вероятно, надо дать и всю встречу с А. Н. Толстым, а то она получилась немного в порядке откровения для литературного ученика (и это очень модно в наших традициях). На самом деле всё было не так, потому что помощь А. Н. для меня была уже в прошлом, в смысле ободрения за уже сделанное, а будущего — не состоялось! А может быть, и оставить как есть эту заключительную часть, но говорить в ней не столько сравнительно, сколь обзорно, а затем сделать выводы, что «как видно из обзора» в нашей фантастики в целом, нет того-то и того, а должно быть то-то и то-то, и дать такое без специфического упора на фамилии, чтобы не создавать ощущения заушения одних и возвеличения других. А то, право, не хочется быть на месте Казанцева, Немцова и Гуревича, а зачем это Вам? Ведь вы оба не ставили же себе такой цели?

Общие заключения.

Возможно, не стоит всё объяснять до конца и всё слишком объективизировать (в смысле окружающей обстановки), иначе утрачивается самобытность индивидуальности. Я, например, сам считаю одним из своих хороших свойств — достаточный запас энергии и смелости, чтобы проламываться по своему собственному пути, никогда не следуя проторенным. Пожалуй, именно это + ещё доброе, морально здоровое отношение к человекам, вещам и явлениям вообще + ещё многообразие фактов, захватываемых и приводимых в действие в моих произведениях. Но в то же время мне кажется правильным, что вы оба стали рассматривать всё в суженном диапазоне жанра, иначе можно было бы и заехать слишком далеко и слишком растечься (БАВ с этим несогласен — он думает, что надо бы — вне жанра, в общем потоке литературы, и тогда можно было бы отрешиться от ряда скучных, но неизбежных в жанре перечислений).

Вот в общем то, что мне хотелось высказать не как редакторские замечания, а как впечатление от Вашего с Е. П. труда. Теперь вопрос — надо ли Вам срочно посылать рукопись назад или можно ещё подержать её, для постраничных замечаний, а главное — ежели Вам всё же удастся заявиться в Москву и дискуссия с БАВ состоится. Если не нужно — я сразу же вышлю её Вам, а пока спешу отправить письмо с этими замечаниями. Извините, что я не буду просматривать опечатки, которых много — здесь они никакого значения не имеют, а правка не даст отправить письмо сегодня.

Ещё одно — рукопись, которую мне привезли от некого ленинградского автора, была просмотрена и Касселем, и в «Детгизе», и в «Молодой гвардии». Все согласны, что она интересна, но никто печатать её не будет, потому что там много секса (подумаешь!). Если Вы имеете связь с автором, то не откажите в любезности спросить у него разрешения послать рукопись в «Новый мир» — уж ежели напечатают, то только там. Я пошлю со своим отзывом.

Пожалуйста, передайте привет Евгению Павловичу.

Нежные приветы и пожелания Наталии Алексеевне и Козишке. Довольна ли она своей поездкой в Москву — она как-то ничего не написала. Мне она показалась немного грустной, а Зубрик уверяет, что она не немного, а просто грустная.

Зебрёнок всех вас целует.

Крепко жму руку,
Ваш: *И. Ефремов*

12 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
3 апреля 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пишу спешно вдогонку первому письму.

Я сообразил, что, пожалуй, важнейшая ошибка, сделанная Вами (и за неё будут бить!) в разделе об утопиях — это отсутствие Чернышевского. Как ни навязло в зубах многое о Чернышевском, но тут, пожалуй, надо сказать, что все утописты, и Фурье в том числе, говорили об утопии как о прекрасной сказке, хотя и зовущей умы, но бесконечно далёкой от реальности. А Чернышевский первым заговорил о прекрасном будущем как о настоящей реальности, достижимой в соединённых усилиях людей.

В начальной главе говорится о моих незаурядных способностях, а потом авторы разъясняют, что всё это сообщил им сам субъект. Хоть бы сказали о семейных «хрониках» что ли, а то выглядит довольно лихо со стороны самого Ефремова!

Приехала Тата — дочь Л. Рахманова — и сообщила, что рукопись Ваша лежит у её отца на рецензии. Но так как Л. Рахманов сейчас очень занят с окончанием какой-то работы, то он даже ещё не начинал читать. Отсюда я сделал вывод, что не подвёл Вас задержкой с ответом.

Елена Дометьевна всё ещё в неважном состоянии, и я уеду на дачу не раньше, чем она станет вставать (в больнице). Поэтому пока, вместо «Лезвия», пишу статью о литературе и науке для «Известий» по предложению Аджубея (вернее, он сам предложил карт-бланш). Копию, конечно, пошлю Вам.

Большой привет милому семейству. Зубрик всех целует — он охромел на левую ножку — что-то вроде тромбофлебита. Ещё напасть!

Ваш: *И. Ефремов*

13 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
10 апреля 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Одновременно посылаю Вам Вашу рукопись со своими пометками. Я очень опечалился, что огорчил Вас своим отзывом, но, по-моему, Вы восприняли его как-то не так. Это ведь не был отзыв в точном смысле этого слова, а изложение тех оттенков и домыслов, которые мне казались улучшающими затронутые вопросы, их охват и глубину. Почему Вам показалось, что мне не понравилась книга в целом? Это вовсе неверно! Как писатель Вы знаете, что свой собственный замысел и план будущего произведения всегда кажется куда более пленительным, чем то, что удаётся написать. Это нормальное положение у любого настоящего и несамодовольного человека, это нормальное положение даже в технике, ибо любое изобретение, любая машина всегда является компромиссом между замыслом и возможностями. А я так много говорил с Вами об этой книге, что как-то сроднился с её замыслом, и разбирал то, чего не удалось достигнуть, как в своём произведении, отодвинув в сторону многие вещи о себе и приятные лично для меня и т. п.

Кроме того я всегда побаиваюсь, если показывается слишком много «души» описываемого объекта, памятуя известное четверостишие:

Скажи мне то, о чём ты знаешь,
И благодарен буду я!
Но ты мне душу предлагаешь, —
На кой мне чёрт душа твоя!

Но шутки в сторону, я прочитал внимательно второй раз и нахожу, что ничего такого страшного в рукописи нет и дело в конце концов лишь в «тональности» и в оттенках высказываемых положений. Я кое-где поправил, в особенности те места, которые касаются моего личного и моего соотношения с людьми. Некоторые написанные Вам замечания я после второго чтения снимаю, например, вопрос о семье — теперь мне кажется, что всё там в порядке. То же касается «описательности особого рода» — там я кое-что поправил и думаю, что достаточно. Говоря о том, что не стоит объяснять до конца и объективизировать, я имел в виду очерк моих юношеских и детских стремлений — ведь иногда объяснение становится и утратой для читателя, стремящегося найти какое-то соответствие своим думам и чувствам.

Вероятно, если изменить подзаголовок так, как я его предлагаю (или нечто в том же роде), то последние главы с учётом «непротивопоставления» тоже перестанут так отклоняться от первых. «Общеутилитарности» Вадецкого я сам не понял толком, за что купил, за то и продаю. Б. А. никому не давал читать, и А. П. ничего не знает — я специально у него справлялся. Б. А., конечно, обещал ничего не говорить ещё тогда, когда я давал ему читать. Повторю ещё ему на всякий случай.

Ещё одно — «перепопуляризация» «Туманности». Я имел в виду, что Вы кое-где разбирали её слишком подробно и что в этом разборе кое-что надо сократить. Однако при втором чтении я как-то не сумел найти места, которые безусловно нуждались бы в сокращении — возможно, мне это показалось.

Говоря о рукописи, я имел в виду Ларионова. Насчёт Итина я знал, что Вы уже адресовали её в «Искатель», и никуда не собирался её направлять. Кстати, Итин мне в чём-то не понравился, и моё о нём впечатление далеко не соответствует Вашему — по-моему, здесь много слабого, слюняйства какого-то, что ли (в отношении будущей жизни), хотя вообще-то вещь, разумеется, хорошая.

Вот как будто все вопросы. Е. Д. по-прежнему в больнице, и пока ещё нет улучшения. Думаю, что придётся ей пролежать там весь апрель и начало мая. Если так, то мой приезд в Ленинград будет возможен лишь в июне. Вероятно, реально надо рассчитывать на первые числа июня!

У Зубрика тромбофлебит установили, хоть и не в сильной степени, но всё же придётся ей полёживать… Аллан пока ещё по-прежнему безработный.

Ещё вопрос к вам — ленинградцам. Помните, мы смотрели «Бегущую по волнам», и то сильное впечатление, которое мы получили от спектакля. Теперь сюда доходят слухи о полном неуспехе «Бегущей» в Ленинграде, что это считается самым паршивым спектаклем. В чём дело? Испохабили переделкой или ленинградцы не поняли пьесы? Напишите своё мнение.

Большущий привет милому семейству. Хоть и очень соскучился, но приехать сейчас нет возможности. Зубрик всех целует.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

Большой привет Евгению Павловичу.

14 И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ

Москва
17 апреля 1961 г.

Дорогой Юрий Николаевич!

Очень рад был получить Ваше письмо. Все мы тоже к Вам привыкли, и как-то не хватает Вас, хотя и не прошло ещё много времени и Вы и раньше исчезали на месяц. Должно быть, оттого, что знаем, как нескоро Вы ещё появитесь. Это хорошо, что Вы попали в приятное место — могло бы быть и хуже.

У нас пока всё тоже — полная неопределённость. Е. Д. всё ещё в больнице, и всё ещё ей не лучше, не может вставать и пробудет в больнице при самом лучшем стечении обстоятельств до середины мая. А вообще-то она больна очень серьёзно! Мы с Тасей завтра впервые за всё это время собираемся поехать на дачу дня на два-три, и теперь во всяком случае будем выезжать туда время от времени. Но совсем перебраться туда никак нельзя — слишком ещё серьёзно положение Е. Д. и слишком ненадёжен Аллан — если бы он к ней не был бы так равнодушен, то ещё можно бы на него положиться. Поэтому и «Лезвие бритвы» не продвинулось ни на шаг с тех пор, как я сюда приехал, — здесь просто невозможно писать.

Аллан всё ещё не устроился на работу, и оттого и Ольга не может получить постоянного места — работает пока секретарём у своего учителя проф. Ланге временно. Пошатнулась наша «надёжа и опора» — Зубрик. У ней внезапно начался в ноге тромбофлебит — лёгкий, но всё же такой, при котором надо отлежаться в постели, и довольно долго, а разве её удержишь? Вот и тянется болезнь — не лучше, не хуже. Вот Вам краткий, но исчерпывающий отчёт о всех основных делах.

Поздравляю Вас с нашим космонавтом. Очень приятно, что помимо всего — это такой приятный, симпатичный, наш настоящий русский парень! У меня чуть не оборвали телефон и сломали дверь, но я укрылся и не присоединил своего писания к общему хору слюняво-восторженных писаний. Не могу действительно великое дело обчмокивать и облизывать — оно велико само по себе, а для придворных поклонов тоже не гож, не потому, что бы был ангелоподобен, но просто явился в сей мир с врождённым неумением... ту кисс энибоди'с эсс[1]!

Елена Дом[етьевна] с грустью вспоминает, как Вы ей приносили разные детективы — сейчас она опять может понемногу читать и мечтает о детективах. Может быть, Вы посмотрите там ей чего-нибудь из старых изданий Уоллеса или кого там ещё? Что до «Пингвин букс», то я прилагаю примерный список тех «Пингвинов», какие мне известны, или просто интересных авторов, каких можно хватать сразу.

Тася хочет здесь Вам приписать, поэтому заканчиваю своё письмо. Будьте здоровы.

Искренне Ваш: *И. Ефремов*

Дорогой Юрий Николаевич,

зря Вы на меня клевету возводите (как говорит Аллан). Мы все к Вам очень привыкли и, конечно, скучаем. Спасибо Вам за то, что относитесь ко мне

[1] To kiss anybody's ass (англ.) — целовать чью-то задницу.

как к сестре, я тоже очень к Вам привыкла. А если я как сестра, Вы должны нам чаще писать и слушаться меня.

И. А. устал и немного болел — всё сердце. Сейчас всё хорошо. Делали кардиограмму — всё в порядке.

Как у Вас дела, как учёба — интересно или не очень?

Пишите. Женатые дети Вам передают привет, а я по-сестрински Вас целую.

Тася

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. ЖАЛЕЙКО 15

Москва
28 апреля 1961 г.

Многоуважаемый товарищ Жалейко!

Благодарю Вас за доброе мнение о моей книге. Пока я не собираюсь писать продолжение «Туманности». На очереди повесть «Лезвие бритвы» о психофизиологии человека, которую сейчас заканчиваю, после неё — ещё одна небольшая «космическая» повесть «Долгая заря», и тогда я смогу наконец взяться за то, о чём давно мечтаю — историческую повесть, вернее, роман «Дети Росы» о Руси, Индии, Тибете в XIII веке. Мне стало казаться, что в последнее время мы слишком увлеклись космосом и будущим, надо подумать о человеке в настоящем и попытаться сделать его лучше уже в настоящее время. Наука уже достигла таких возможностей, вернее, подходит к ним…

Экранизация «Туманности» — дело чрезвычайно трудное, так как такой роман — философскую мечту нельзя непосредственно изобразить в кино. Его можно лишь перевести на язык кино, а для этого нужен талантливый режиссёр, который настолько бы зажёгся, что смог преодолеть громадные трудности. Без этого — получится такая гниль, что тошно и стыдно будет смотреть. Я прочитал уже три разных попытки-сценария — ничего ещё нет!

Что до напечатания Вашего письма в газете, то и газеты не печатают подобных писем (только когда они имеют отношение к вопросу, поставленному в газете), и я никаким «могуществом» в этом отношении не обладаю. Пусть Ваши хорошие слова останутся между нами — от этого они не станут хуже…

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 16

Москва
29 апреля 1961 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Я давно не отвечал Вам, но после Вашего письма от 23/IV, в котором Вы так заботливо извещали меня о заметке в «Известиях» (кстати, она без Вас осталась бы незамеченной, а я стараюсь собирать всё, похвальное и ругательное, не из тщеславия, но по соображениям дела), меня окончательно загрызла совесть. Результат этого — настоящее письмо.

Нельзя сказать, чтобы прошедший год был для меня удачным (високосный!). Долго болела жена, и мне не удалось выполнить намеченного — написать повесть

«Лезвие бритвы». И сейчас, хотя я уже сильно продвинулся, мне никак не удаётся кончить. То отвлекают на науку, то на спешные мелкие дела. А когда снова стало можно писать, опять заболела жена, находится в больнице второй месяц, очень слаба, и я привязан к городу, а тут работать нет условий из-за поганой квартиры (поганая она относительно, но для творческой серьёзной работы не годна!), и пока мне не удастся удалиться в уединение, я повесть не закончу. Она (повесть) оказалась очень трудной. Проблема, взятая во всю ширь (психофизиология человека как основа его общественного лица), безмерно многогранна и требует привлечения массы научных данных, никак не укладывающихся в сюжетную ткань. Оная ткань расползается по всем углам, как гнилой мешок, и у меня не хватает умения создать сюжетную вещь как следует. Поэтому научный интерес вещи не соответствует её художественным качествам — это скорее научно-популярная проповедь, чем повесть. Однако я решил всё же её опубликовать, исправив как могу, из-за важности имеющихся в ней научных данных, о которых пока в нашей литературе ещё всерьёз не говорилось. После «Лезвия бритвы» будет полегче — маленькая космическая повесть «Долгая заря»[1], и тогда уже приключенческо-историческая, во всю мочь — «Дети Росы»[2].

Таковы мои дела за то время, пока я не писал Вам.

Завидую Вам, что Вы сейчас живёте во Фрунзе. В своё время я испытал здесь совершенно необыкновенную лирически встречу, и вообще это место мне нравится.

Я полушутя-полусерьёзно подумываю, чтобы приобрести здесь домик с маленьким садом на краю города. Может быть, я это сделаю, когда уже приду в полный износ, сделаюсь непоправимо болен. Тогда я приеду во Фрунзе, поселюсь тут и буду разводить здесь опийный мак для личного употребления, ибо стану курить опиум, чтобы закончить уже ненужное существование в прекрасных грёзах. Шумящие арыки, стройные тополя, лёгкая сухая пыль.... свист ветра по жесткой траве, слепящий солнечный свет, тёплые сухие ночи, тёплый сухой, чуть горьковатый воздух — хорошо! Это Вы молодец, что задержались в этом хорошем месте.

Поздравляю с Первомаем и желаю пожить подольше во Фрунзе. Курить опиум Вам ещё рано, но Вы вполне в силах наслаждаться здешней жизнью в ином, нормальном аспекте.

С искренним уважением:
И. А. Ефремов

17 И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ

Москва
21 мая 1961 г.

Дорогой Юрий Николаевич!

Большое спасибо за присланные книги. Они разнокачественны, некоторые, как например «Бумажник Кай-Лунга» — хорошие, знаменитые вещи, дру-

[1] Здесь и далее — первоначальное название романа «Час Быка».

[2] Название повести, идея которой возникла из замысла исторического рассказа «6 декабря 1240 года». Не была написана.

гие — сомнительны (я, правда, ещё не прочитал ни одной). «Тьма, мистика и др.» — это безусловно дрянь, но для образца можно укупить пару-другую, чтобы соблазнять обложками. Не попадётся ли Вам там знаменитый «Форевер Эмбер» (Forewer Amber)[1] — не помню автора? Этот — хватайте.

Для подкрепления «операций» переведу Вам ещё денег, но это будет не на кошкины затеи, а для книг.

На выставке Старкопфа попробуйте сфотографировать стоящие вещи — Вы так здорово о них написали, что у Вас и впрямь, вероятно, есть оные способности. Как же так — знаменитый фотограф, а импульсной лампы и в помине нет? М. б., мне финансировать её приобретение?

Рассказывал ли Аллан Вам про потрясающий детектив, который я им поручил написать (вместе с Буйволом), придумав на ¾ сюжет — «Корона Искендера»[2]? Этакую штуку продавать будут с конной милицией! Боюсь, что черти ни шута не напишут, лентяи и халтурщики от природы. Даже подмывает самого написать, но некогда — и так писать — невпроворот.

Елена Дометьевна шлёт Вам всяческие приветы. Она всё ещё в больнице. Обещают к 1 июня выпустить, тогда отправим в санаторий. Пока очень трудно добыть подходящую путёвку...

Насчёт Таты ничего не знаю. Это не провокация ли? Я знаю, что она едет в археологическую экспедицию в Туркмению, правда, ненадолго. От Тасеньки Вам — наилучшие пожелания. Она просит Вам передать поцелуй и говорит, что напишет сама — сейчас тут немного завертелась, а так как её тоже взялись лечить, то времени стало ещё меньше. Пьет дрянь и ест инжир, отваренный в молоке, — по-моему — тоже дрянь!

Вас не забываем.

Сердечно Ваш:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
27 мая 1961 г.

Дорогой Борис!

Большое спасибо за неожиданную посылку «морского» платочка. Я давно не писал Вам (да и не получал ничего от Вас), думая, что Вы где-нибудь надолго в рейсе. Да и писать пока не очень радостно, так как Елена Дометьевна очень сильно больна, уже третий месяц в больнице и пока ещё нет выздоровления (тяжёлая декомпенсация порока сердца). Поэтому все планы жизни и работы нарушились и я привязан к Москве, сижу в городе и занимаюсь пустяками — серьёзные вещи как-то не идут. Тасенька тоже не вполне здорова — у неё обнаружилось заболевание кровеносных сосудов, и надо её серьёзно опекать и лечить. Собирался поехать в Японию в связи с изданием там моих книг, но вряд ли сейчас что получится…

---

[1] «Forever Amber» — роман американской писательницы Кэтлин Уинзор, 1944 год. Действие происходит в Англии в XVII столетии.

[2] Этот сюжет лёг в основу «итальянской» части романа «Лезвие бритвы».

Аллан из-за болезни матери ещё с прошлого года не поехал по распределению, остался в Москве и долго не мог найти работы, разжирел, обленился, и я не раз сожалел, что разрешил и поспособствовал ему пойти на геологию — надо было его направлять в честные моряки — настоящая работа для настоящего мужчины, и в коллективе корабля его природная лень постоянно бы исправлялась. Но сейчас уж после драки что махать кулаками! Сейчас он устроился в Якутскую экспедицию, поедет на Алдан и вместе с женой, так что в этом смысле как будто дело направилось. Вот и все наши небольшие и невесёлые новости.

Как идёт Ваш Энглиш? В следующий раз напишу по-английски, а как прочтёте «Кольцо царицы Савской», пришлю посложнее вещь, про моряков.

Все мои шлют Вам сердечные приветы и лучшие пожелания. Тасенька благодарит за платочек, он ей очень понравился... она спрашивает, не прислать ли ещё «красавиц» из киножурналов?

Пишите, не пропадайте надолго.

Искренне Ваш
И. Ефремов

19 И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ

Москва
17 июня 1961 г.

Dear Dr. Zaitzoff!

Thanks for the books you have send me. As compare to the previous ones they are all awfully bad! Don't buy English books more old than thirties (nineteen of course) editions and rather buy the postwar ones.

Our home matters are bad this summer. The illness of H. D. became more and more worst. Two weeks ago I took her from the hospital home but such a psychotherapic attempt now seems in vain. To make it worse all two weeks stays a devilish hot weather and... you know our flat!

So we (Tasya and myself) must stay in town and wait god knows how long in order to take H. D. at country (Abramtzevo).

I cannot write here so all my works have a dead stop.

Allan is now at Aldan (Orochen gold-field) and Olga (Seal) must go there at June 20. Both are now working at the same expedition (Aldan) of M. G. U.

All four of us: H. D., Tasya, Olga an myself are sending you our best wishes.

Yours sincerely
I. Efremov

Please write us about you and your affair (liason) with beautiful and voluptuous young divorced gal (as says Olga).

Дорогой доктор Зайцофф!

Спасибо за присланные книги. По сравнению с предыдущими они просто кошмарны! Не приобретай книг на английском, выпущенных ранее 30-х годов (1900, конечно), а лучше покупать уже послевоенных лет.

Дома у нас дела идут неважно этим летом. Болезнь Е. Д. усугубилась. Две недели назад я забрал её домой из больницы, но эта психотерапевтическая

мера, похоже, не помогла. Ко всему прочему добавилась дьявольская жара, не спадающая две недели кряду… а ведь ты знаешь нашу квартиру!

И вот мы с Тасей пока должны торчать в Москве бог весть сколько, пока не удастся вывезти Е. Д. за город (в Абрамцево).

Писать я тут не могу, поэтому все вещи застопорились.

Аллан теперь на Алдане (на Ороченском золотом месторождении), и Ольга (Тюлень) должна будет к нему присоединиться 20 июня. Они оба работают в одной экспедиции (Алданской) от МГУ.

Мы вчетвером — Е. Д., Тася, Ольга и я — шлём наилучшие пожелания.

Искренне ваш
И. Ефремов

Напишите о себе и как развиваются дела (роман) с прекрасной и роскошной девушкой в разводе (о чём мы знаем по словам Ольги).

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 20

Москва
20 июня 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Выполняю Вашу просьбу об аннотациях. Относительно «Лезвия» это несколько затруднительно, потому что я нахожусь сейчас на распутье. Меня вдруг осенило, а что если всё же не сдаваться и не превращать «Лезвие» в научно-популярную вещь, пусть и весьма интересную, но всё же перешедшую какой-то рубикон, за которым кончается по-настоящему художественная вещь. И я придумал следующее: положить тот материал «Лезвия», который Вы знаете, плюс ещё тот, который мне надо выписать для идейно-научной цельности, т. е. приблизительно ещё такой же объём, как написанное, на более или менее приключенческий сюжет, т. е. на «Корону Искендера», данную в несколько ином плане, и сюда же присоединить то, что возможно, из «индийской повести»[1]. Получится трёхплановый роман, который поглотит без ущерба для художественности весь тот материал, который мне хочется вложить в «Лезвие». Вещь будет объёмом уже листов на 20—25 — максимальный размер, который я считаю возможным для современного романа. Я ещё не решил, но всё больше склоняюсь к этой идее. А Вы как к ней относитесь?

Ежели так, то тогда сначала напишу «Долгую зарю», а потом уже буду кончать «Лезвие бритвы».

Сущность «Лезвия» в попытке написания научно-фантастической (точнее — научно-художественной (повести) на тему современных научных взглядов на биологию, психофизиологию и психологию человека и проистекающие отсюда обоснования современной этики и эстетики для нового общества и новой морали. Идейная основа повести в том, что внутри самого человека, каков он есть в настоящее время, а не в каком-то отдалённом будущем, есть нераскрытые могучие силы, пробуждение которых путём соответствующего воспи-

[1] Повесть «Тапралипта и Тиллоттама».

тания и тренировки приведёт к высокой духовной силе, о какой мы мечтаем лишь для людей отдалённого коммунистического завтра. То же самое можно сказать о физическом облике человека. Призыв искать прекрасное будущее не только в космическом завтра, но здесь, сейчас, для всех — цель написания повести.

Что касается «Долгой зари», то она является как бы продолжением «Туманности» и «Сердца Змеи». Это путешествие на отдалённую планету в созвездии Рыси, где в силу особых обстоятельств задержался переход к коммунистическому обществу, а властвует олигархия фашистского типа при уже весьма высокоразвитой технике. Столкновение людей коммунистической Земли с этой олигархической системой хотя и заканчивается трагически (для экипажа звездолёта «Тёмное Пламя»), но указывает людям далёкой планеты путь к настоящему обществу, к светлому будущему. Повесть имеет целью показать грубейшие ошибки против марксистско-ленинского учения о развитии общества, которые совершены авторами многих научно-фантастических повестей и рассказов о далёком будущем при попытках обрисования олигархических обществ в Космосе и столкновениях с ними.

Вот как будто основное. О «Детях Росы» не пишу — это Вы хорошо знаете, и это исторический роман.

Пока у нас всё без перемен. Рассчитываю перевезти Е. Д. на дачу в начале июля (в санаторий её не возьмут сейчас), и тогда, вероятно, буду в состоянии после некоторого отдыха взяться за писание снова. Так разрушаются самые лучшие планы! В Ленинград смогу поехать лишь осенью — это уже ясно.

Есть у меня к Вам очень большая просьба: если Коза ходит в Университет, то не сможет ли она зайти в магазин Академкниги там, напротив ЛГУ, и купить мне книгу Ю. Н. Рериха «Тибетский язык». Может быть, в Ленинграде ещё остались, у нас в Москве все распроданы.

Тасенька всех вас целует, я низко кланяюсь. Довольна ли Коза нашей телеграммой? Пишите, дорогой В. И.

Ваш: *И. Ефремов*

P. S. Спасибо за книжку — только что принесли.

Некоторые мысли о научной фантастике

Бурное развитие потребности в научной фантастике характерно для второй четверти нашего века и с тех пор продолжается. Почему это так и почему столь силён зов к фантастике у молодёжи? В наш атеистический век религия всё больше уходит из повседневности человека (я всё время веду речь о мире в целом). Единственно могучую и достоверную силу, способную волшебно и быстро изменить жизнь, человек научился уже видеть в науке и в её дериватах (производных) — технике, медицине. Поэтому сказочное могущество бога, святых, других персонажей сказок — богатырей, волшебников, фей и т. д. переносится теперь на науку и её представителей. Рождается новая сказка XX века — научная, для людей, понимающих, что возможности науки в сотворении сказки, чуда, мифа нисколько не меньше, а даже более реальны, чем у могущественных сил, идущих из древнейших времён развития общественного сознания.

Эта свойственная человеку и психологически легко объяснимая вера в науку не развивалась бы без каждодневных доказательств реальности могущества науки, которые даёт нам техника. Нет ничего удивительного поэтому, что развитие научной фантастики началось ранее в странах Запада, более технически развитых, чем старая Россия. У нас ещё долго царили и продолжают царить традиции бытового, психологического романа, рассказов из жизни, за которые и посейчас ратуют поборники «высоколобой» литературы. Коренная ошибка этих поборников, считающих, что научная фантастика есть литература второго, если не третьего сорта, заключается в реакционном (именно так!) консерватизме, исключающем другую, чем прежде или даже теперь, структуру жизни и другую психологию человека. Они не видят, что с ростом населения Земли уже более нельзя даже просуществовать без науки, без научного земледелия, без новой медицины и техники с небывалой производительностью, обеспечивающей миллиарды людей. А если нельзя, то это значит, что наука перестала быть уделом чудаков-одиночек, случайных энтузиастов и превратилась в предмет величайшей государственной и народной заботы, в самый могущественный рычаг прогресса и борьбы за лучшую жизнь общества. А если так, то не тысячи, не десятки тысяч, как сейчас, а миллионы учёных и сотни миллионов техников должны обеспечить нарастающий темп развития человечества, его потребностей и «задела вперед», т.е. той суммы научных проблем, разработанных без видимой в настоящий момент пользы, которые явятся драгоценнейшим сокровищем нового, открытий и идей в дальнейшем рывке вперёд.

Эта развивающаяся могучей рекой сила науки вторгается и в повседневную жизнь каждого человека, в его представления, мечты и заботы. Поэтому научная фантастика, или, как её можно определить, беллетристика о науке, искусство, взявшее предметом науку (не в смысле изучения или популяризации, как это, чёрт возьми, у нас любят пережевывать, а в смысле группы человеческих эмоций, связанных с наукой и научным творчеством), всё больше сближается с литературой повседневной жизни, с «бытовой» или «психологической», ибо чем дальше, тем больше — нет быта без науки, нет психологии без науки и научных представлений о мире и жизни.

В этом слиянии с обычной литературой — дальнейший путь художественного совершенствования научной фантастики, ибо для посвященного в науку читателя отпадёт необходимость объяснений, ныне составляющих главную беду и основное противоречие научной фантастики как искусства. Невежественная критика любит упрекать научную фантастику за излишние длинноты и нехудожественные отвлечения, кивая на краткость прозы Чехова и т. п. Но попробовал бы Чехов вкратце объяснить незнакомому с наукой читателю, что такое Галактика, посмотрели бы мы, куда девалась его краткость и точность! Хорошо быть кратким в вещах, доступных разумению каждого читателя! Однако с дальнейшим развитием науки, увеличением числа учёных-профессионалов и любителей (надо подумать над необходимостью развития у нас этой категории учёных) о Галактике можно будет говорить в двух словах, и тогда отпадёт вся разница в художественном аппарате (исполнении) между художественной и научно-фантастической литературой, и последняя составит один из вполне равноправных её разделов. В настоящее время только лучшие произведения научной фантастики приближаются к этому ещё далекому идеалу...

21 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
27 июня 1961 г.

Дорогой Борис!

Наши печальные настроения совпали даже во времени. У Вас общая и вполне понятная меланхолия усиливается тем, что вы начитались греческих эпиграмм. Они сами по себе великолепны, но надо помнить, что те из них, которые пронизаны такой великолепной и прозрачной грустью, писались во время явного упадка древнегреческой культуры и столкновения её с безотрадной (с их точки зрения) христианской религией, да и прямого угнетения эллинской духовной свободы новым варварским холуйством и низкопоклонством Византии и позднего Рима. У нас сейчас тоже — духовная культура XIX века, гуманистическая и интернациональная (т.е. то самое лучшее, что мог породить капитализм), продолжавшаяся и в начале нашего века и в конце концов воспитавшая всех нас, людей книжных и умствующих, столкнулась с суровой озлобленностью, нарастающим национализмом и военной опасностью, неустойчивостью и неустроенностью, в которых рождается новое общество (ещё не давшее лучшего гуманизма своего, вернее, его лучшего выражения в культуре). Но нам надо помнить, что меланхолия, хотя и естественна, но всё же в данном случае ретроградна. Поэтому грустить стоит лишь одной своей половиной, той, что устремляется к сохранению прошлого, а другой — всё же мечтать о будущем. Одно поправит другое, сдержит и обуздает, прояснит…

В общем, дела морского Вам бежать не надо — после овладения им оно даст Вам главное — резерв времени на думы, чтение и занятия, больше, чем какая-либо другая профессия. А это важнее, чем тот или другой диплом, сейчас, пока молоды и «милость богов» — хорошая память — ещё остра и сильна. С остальным — успеете. А когда Вы собираетесь получить «дальнюю» мореходную книжку? Всё же на Сахалинской линии не стоит слишком долго задерживаться — навигацию, ну, самое большее — другую и хватит.

Английский обязательно продолжайте — во что бы то ни стало держите курс на запад (руководство для парусников при огибании Горна с востока на запад). А я позабочусь об интересных книгах для чтения.

У нас в семействе деле неважны. Елена Дом[етьевна] болеет пятый месяц, и всё ещё не становится ей лучше. Мы с Тасей взяли её из больницы, где бы она иначе погибла, и понемногу, очень понемногу её выхаживаем. Но, конечно, все планы работы и отдыха полетели прахом, и ничего я не сделал за этот год. Аллан уехал на Алдан до ноября вместе с молодой женой. Вот почему я стал редко так писать Вам — никак не справлюсь ни с какой работой, и с перепиской тем более.

Посылаю Вам красавицу Лиз и снимок с греческой вазы, а также интересные стихи, написанные одним саратовцем после прочтения моей «Дороги ветров». Они не полностью напечатаны в последнем № «Техники — молодёжи»[1].

Большой Вам привет и лучшие пожелания от Таси и от меня. Елена Дометьевна тоже просит передать Вам привет и добрые пожелания.

Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Речь идёт о стихотворении Сергея Житомирского «Ночь в пустыне», «Техника — молодёжи», № 6, 1961, с. 3. Процитируем первую строфу стихотворения (далее см. стр. 435):

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 22

Москва
28 июня 1961 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Большое Вам спасибо за вырезки — без Вас я действительно бы многое пропустил в газетах — читать могу далеко не всё, а большое сейчас неустройство в домашних делах мешает общению с людьми и получению информации. Жена по-прежнему больна очень серьёзно, и я, забросив все дела, вытаскиваю её из Леты, что и для моего неважного здоровья непросто. Писать сейчас не могу, вести переписку — тоже. Этим объясняется и то, что своевременно не поблагодарил Вас за вырезки, а вовсе не какими-то людскими кознями. Я вышел из того возраста, когда козням придают значение, а к возрасту этого же этапа на склоне лет ещё не пришёл.

Поэтому не примите моё молчание за какой-то гнев и т. д. — причины гораздо более простые, но потому и более серьёзные.

С искренним уважением:
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ 23

Москва
28 июня 1961 г.

Дорогой Юрий Николаевич!

Большое спасибо за фуражки от имени отсутствующих ребят. Тасенька очень довольна брошкой, говорит, что хоть терпеть не может змей, но это не змея, а дракон, и потому будет носить — уже одела.

Нам тут с ней досталось и достаётся с того момента, когда взяли Е. Д. из больницы (уже месяц, и пока никакого мало-мальски заметного улучшения), но, если бы не взяли, то уже было бы всё кончено. Пока спасаем, скоро попытаемся увезти на дачу, но отойти от неё нельзя и при том, что днём дежурит медсестра, а ночью — няня. Е. Д. так ослабела, что не может даже повернуться с боку на бок, и ей, как всякому тяжелому больному, каждую минуту что-нибудь надо. В общем, все планы полетели и пока летят прахом. Не только работать, по даже и вести переписку толком не могу, а Тася спит часов шесть в сутки, что ей никак нельзя. Это я всё сообщаю Вам, чтобы Вы не держали обиды на Зебрёнка и на меня за малое писание и представили бы себе обстановку. Аллан у нас на Алдане (прииск Орочен I), а Оля едет к нему и где-то за Читой. Насчёт книг — греческую, я думаю, можно бы взять, а как там насчёт

Море звёзд. Небеса в цвету.
Их рисунок иглист и сочен.
Чистый холод гобийской ночи
На обрывах Нэмэгэту.
На раскопках отдых недолог,
А с бессонницей вовсе плох.
У палатки палеонтолог.
Он задумался. Даль эпох
На него ползёт, как гроза.
Здесь, на месте пустыни спящей,
Сотни тысяч веков назад
Простирались сырые чащи.
Трупы ящеров нёс поток,
Хороня костяки в наносах.
В красных мелях и красных косах
Он бесстрастно, как время, тёк.

«Пеликанов»? Завтра переведу Вам некую сумму на восстановление кредита на книги, только не посылайте их в посылках, а заказной бандеролью, очень некогда ходить за посылкой, а заверять доверенности — тоже целое дело.

Пишите, дорогой Ю. Н. Тасенька Вас — целует, а Е. Д. Вам кланяется, я жму руку, желая всяческого успеха.

Ваш: *И. А. Ефремов*

P. S. Хорошая «диверсия» с английским письмом?

24 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. И. ГУРЕВИЧУ

Москва
29 июня 1961 г.

Глубокоуважаемый Георгий Иосифович!

Я действительно резко отрицательно отношусь к Вашей повести «Узники Астероида». Мне кажется, что она слаба в научном и художественном отношении, а в первом Вас никак нельзя было ранее упрекать. Более того, Вы мне всегда представлялись наилучшим примером научно-фантастического писателя, потому что не боялись пожертвовать дешёвой занимательностью для серьёзных, новых и важных научных проблем. Как-то я огорчился, прочитав этих «Узников»... Может быть, Вы очень поспешили сдать повесть к сроку?

Я не знаю, вкусы разные, может быть, кому-то повесть и нравится, но ведь Вы то сами разве не судья? И неужели Вы не видите, что написали даже не в четверть своих возможностей?

В общем — писать долго, можно бы поговорить, но тут беда в том, что я сейчас всё время при тяжко больной жене, уже месяц, а квартира моя, как Вы знаете, слишком убога, чтобы в ней было удобно заниматься при наличии серьёзно больного. Может быть, Вы ещё будете работать над повестью и это Вам не так уж спешно? Тогда, когда положение улучшится, я вывезу жену на дачу и буду бывать в городе (после середины июля), мы могли бы встретиться и поговорить. Черкните тогда открытку, где Вы будете после этого срока.

Относительно долголетия, мне кажется, что вы взяли очень важную тему, и взяли её широко, серьёзно, как надо. Я бы на Вашем месте продолжал борьбу за проблему долгой жизни — статьями, рассказами, может быть, повестью на эту тему, привлекая внимание молодёжи к ней, ибо без заинтересованных людей самыми лучшими постановлениями и приказами ничего не сделается. «И тут как раз, где смысл искать напрасно, там слово может горю пособить!»[1]

И слово это — Ваше, поскольку уже было интересное начало.

С искренним уважением и пожеланиями успеха,
И. Ефремов

---

[1] «И там как раз, где смысл искать напрасно, там слово может горю пособить». Фраза, взятая А. Грином в качестве эпиграфа к рассказу «Искатель приключений». Грин указывает её автором Фауста.

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 25

Москва
7 августа 1961 г.

Дорогой Борис!

Горько сообщать Вам о постигшей нас большой утрате. 1-го августа умерла Елена Дометьевна. Больше пяти месяцев шла борьба за её жизнь и окончилась нашим поражением. Болезнь была тяжёлой, и она очень страдала, но лишь под конец милость судьбы дала ей мгновенную и внезапную смерть, так что она не успела осознать, что умирает. Но для нас это было ещё тяжелее. Теперь многое стало ненужным и нестоящим. Сын не успел прилететь из Якутии и прибыл только после похорон. Мы с Тасей сейчас хотим поехать куда-нибудь. Она передаёт Вам привет.

Искренне Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 26

Москва
13 августа 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам копии статей в «Природу» (о научной фантастике) и в «Технику — молодёжи) (о Мегре). Вы интересовались, как статья о литературе, что лежит в «Известиях», но я буду её ещё немного дорабатывать, а после перепечатаю и пошлю Вам.

Буду в Абрамцеве с поездками сюда до 30-го. Потом мы с Тасей и М. Ф. поедем на пароходе по Волге дней на 20, а после того я обязательно, е[сли] ж[ив] б[уду], поеду в Ленинград.

Сердечный привет Наталии Алексеевне, и Вас Тася целует.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 27

Москва
16 августа 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня Зубрик Вам отправил рукопись «Магелланова облака». О получении не откажите известить, т.к. дано мне под страхом смертной казни — это экземпляр художника. Можете держать две недели (без почты) так, чтобы рукопись вернулась к 7 сентября — к возвращению художника из командировки.

Наши друзья — астрономы, приехавшие на съезд, пробудут до 21-го, но они остановились в специальном общежитии, и у нас находится лишь их дочь-студентка. Т. о. вторая кровать в отдельной большой комнате свободна, и мы можем принять Таню хоть сейчас. Пусть приезжает, как соберётся, — единственная беда в том, что ей придется пару дней прожить с вполне приятной, тихой и застенчивой девушкой, у которой лишь один дефект — пристрастье к очумительным духам. Или это, может быть, на мой очень острый на всякий запах нос?

Погода у нас сейчас испортилась — уже прохладно и довольно часто дожди (но всё же реже, чем в Ленинграде). Однако, думаю, что и у вас погода не лучше, и Таня не потеряет ничего с этой стороны.

Обязуемся отправить дочь обратно и посадить в поезд в полной сохранности, а здесь опекать её будет Тася и учить справиться <неясно. — *Ред.*> московским движением.

Большой привет от Таси и от меня всему Вашему милому семейству. Таню ждём.

Ваш *И. Ефремов*

28 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Абрамцево
18 августа 1961 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Вы видели американский спутник «Эхо-1». Он летает высоко, на высоте около 1600 км, и потому его движение кажется медленным. В то же время «Эхо-1» — надувная сфера диаметром около 30 метров. Поэтому, несмотря на высоту, он кажется яркой звездой. Другие американские спутники, которых летает сейчас штук 15, носятся на высотах от 700 до 3700 км, но они слишком малы, чтобы их видеть невооруженным глазом в таком удалении. Я тоже недавно видел этот спутник, Эхо-1, у себя в Абрамцеве примерно часов в 11 по московскому времени (время его прохождения над разными районами планеты изменяется в зависимости от вращения Земли). Сообщать об этом никуда не надо — Вы открыли Америку в буквальном смысле слова!

У меня большое горе. После полугодовой мучительной болезни умерла моя жена, с которой мы вместе прошли по жизни 26 лет. Судьба была милостива к ней напоследок, и умерла она мгновенно и у меня на руках. Утрата очень велика и ещё не осознана даже до конца от неизбежного шока внезапности. На днях уеду месяца на два в разные места, чтобы как-то собраться для дальнейшей работы.

С приветом и искренним уважением:
И. Ефремов

29 И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ

Август 1961 г.[1]

Дорогой Юрий Николаевич!

Очень горько сообщать Вам, что нам не удалось выходить Елену Дометьевну, как мы ни старались. Она умерла в Абрамцеве 1 августа. Только напоследок судьба была милостива к ней, и после полугода мучений смерть наступила мгновенно и при мне, так что она не была в этот момент одна. Аллан прилетел из Якутска, но опоздал к кремации. Напишите, когда Вы возвращаетесь. Тасенька к Вам зайдёт.

Ваш И. Е.

[1] Датируется по содержанию.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

30

Абрамцево
25 августа 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

На днях пошлю Вам копию статьи о литературе — только это будет не последняя, немного дополненная и исправленная редакция, которая увеличила её объём ещё на 4 стр[аницы]. «Известия» отказались от неё под тем предлогом, что она велика, а сокращать её или резать на куски не стоит (такое решение Аджубея). Что ж, будем этому верить! Я пошлю её в «Вопросы литературы»[1], но сомневаюсь, чтобы и там напечатали. А жаль — это мысли многодумные, честные и заботливые о нашей литературе…

Планы теперь проясняются. Пришлось побыть некоторое время на даче, чтобы сбыть чисто физическую усталость, хотя теперь пока это место — печально. Добыли билеты на пароход по Волге и 31-го поедем до Астрахани и обратно втроём — Зубрь, Мария Федоровна (Марафед) и я. Надеемся немного психологически развеяться, так как для всех нас, кто был с Еленой Дометьевной всё последнее время, её внезапный уход явился как бы шоком. Хотя мы были заранее подготовлены врачами и знали, что болезнь безнадёжна, но почему-то были уверены, что нам удастся продлить жизнь нашего Ежонка ещё на несколько месяцев. И смерть её очень сильно подействовала на всех нас и на меня в том числе особенно, так как вместе с Е. Д. ушёл навсегда большой кусок жизни от молодости до старости (мы были вместе 26 лет), и утрата, сама по себе большая, усилилась ещё чувством острой боли и жалости после всех мучений, которые пришлось претерпеть бедному Ежонку. Никогда не думал, что декомпенсация порока сердца — такая страшная штука. Это, право, ничем не лучше рака, даже хуже!

Только в одном была милостива судьба к Елене Дометьевне — умерла она в одно мгновение, говоря со мной, на полуслове и не успев осознать, что умирает. А ей в последнее время так хотелось жить, и так она раскаивалась, что была легкомысленна в отношении со своим здоровьем! Ну, довольно, потом при встрече расскажу ещё.

Рассчитываем вернуться из плавания к 18 сентября и после 20-го поедем в Ленинград, следовательно, должны застать вас с Наталией Алексеевной ещё там, даже если выедем после 25-го.

В Ленинграде побуду (с Тасенькой) до середины октября, пока Аллан не вернётся из экспедиции. Тогда поедем с ним в Крым исполнять последнее желание Елены Дометьевны — её урну отвезём туда и захороним.

Таким образом, к оседлости перейду только в конце октября и к тому же времени надеюсь прийти настолько в порядок, чтобы засесть за работу. Дальше планы неопределенны: как будет с инвалидностью, с арендой дачи, с обменом квартиры. Возможно, что попытаюсь перебраться в Ленинград — я этой мысли не оставил. Возможно, что будем разменивать квартиру в Москве, так, чтобы суметь выделить Аллану отдельную комнату и отдельно. В общем, вернёмся к обсуждению планов в сентябре, е[сли] ж[ив] б[уду].

---

[1] Статья И. А. Ефремова «Наклонный горизонт» опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1962, № 8, с. 47—67.

Очень большой привет Наталии Алексеевне и Вам, дорогой. Тасенька обоих целует. Пишите нам после 18-го сентября.

Ваш: *И. Ефремов*

P. S. Когда письмо было закончено, заявились ребята — загорелые и симпатичные. При ближайшем рассмотрении Серёжа[1] нравится всё больше.

И. Е.

31 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
3 октября 1961 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам обещанную статью. Владейте ею и давайте читать кому захотите — я вовсе не уверен, что она скоро увидит свет. Во всяком случае «Известия» от неё отказались — под предлогом объёма. Он и в самом деле очень велик для газеты, так что, может быть, оно и правда.

Передал статью в «Вопросы литературы» — там будут её смотреть не меньше недель двух. Что ж, спешить некуда…

У нас с Тасей планы снова изменились. Как будто получается с обменом квартиры после моего письма к президенту АН — во всяком случае есть решение обменять мне на новую. Конечно, при желании не дать и это решение может быть реализовано следующим образом: предлагают дрянь, я отказываюсь, снова предлагают другую дрянь, я опять отказываюсь, и меня механически снимают с учёта. Но так или иначе, надо пройти сие испытание до конца или, во всяком случае, подготовить все документы. Поэтому сейчас в Ленинград не едем.

Аллан с Ольгой пишут, что они могут задержаться на Алдане до декабря и во всяком случае попадут домой не ранее ноябрьских праздников. Если так, то наша поездка в Крым сильно задержится, и тогда мы поедем в Ленинград, как только решим вопрос с квартирой, т.е., по-видимому, на конец октября — начало ноября, и тогда будем видеться с Вами сколько угодно.

Ну ещё спишемся, слишком много неопределённости во всех этих планах.

Отдыхайте там как следует. Пусть Наталия Алексеевна поправляется, сердечный ей привет. Тасенька обоих вас целует.

Ваш неизменно, *И. Ефремов*

32 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Москва
5 декабря 1961 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Только что вернулся из Ленинграда и получил Ваше письмо. Или у меня существует множество двойников, или же Вы подвержены видениям. Во Фрун-

[1] Ребята — Татьяна Дмитревская и её друг Сергей.

зе я не был и в ближайшее время быть не собираюсь. Однако, если бы я действительно присутствовал на описываемом Вами представлении, то, не будучи с Вами знаком, даже услыхав знакомое имя-отчество, вряд ли подошёл бы к Вам знакомиться, — мало ли может быть совпадений в больших городах.

Поспешил ответить Вам согласно Вашему желанию.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

33

Москва
12 декабря 1961 г.

Дорогой Борис!

Я, как всегда, рад Вашему письму, но что-то в нём мне не понравилось. Может быть, потому, что оно написано в приступе меланхолии. Мне кажется, что Вы — нетерпеливы. Впрочем, это свойство характерно для всей современной молодёжи. Конечно, если есть возможность перевестись на другое море, то от перемены мест ничего плохого не будет, но в то же время где-то ведь надо зарабатывать и стаж, и рабочую репутацию. А такие вещи за один год не приобретаются. Поэтому меня нисколько не удивило бы, если Вам не дали бы так скоро визу в рассуждении, чтобы ещё годик-два поплавали бы каботажем. Здесь не было бы ничего порочащего Вас и отношение к Вам.

Что до Иссык-Куля, то будьте осторожнее. Если это озеро в самом деле морской испытательный полигон, то после работы на нём Вам придётся ставить крест на любом заграничном плавании, исключая военное (между нами, девушками).

Идея насчёт поступления в литературный институт мне совсем не нравится, и Ваше отношение к ней мне кажется правильным. Научить человека писать сочинение по заказу можно, сделать его писателем нельзя. Это надо только самому и самому. Если смотреть на литературный институт как на место повышения образования, то это образование годится, в основном, для критиков и литературоведов. В этом случае литературный институт — оправдан, но ведь Вы, кажется, не собираетесь стать ни тем, ни другим.

В общем, спешить Вам некуда, а писать понемногу — это надо даже в обязательном порядке. Используйте Ваши сюжеты. Очерк о «Нэнси», если он готов, пришлите мне. Буде он годится, я передам его в географический альманах «На суше и на море».

Моя жизнь сейчас была без оседлости. Мы с Тасей ездили на Волгу и в Ленинград, а сейчас я приболел немного. Сын ещё до сих пор не вернулся с Алдана из экспедиции. Хочу как можно скорее поправиться и уединиться за городом, чтобы крепко засесть за писание. Большой привет Вам и добрые пожелания от Таси и от меня. Во всех случаях не будьте, подобно большинству современных людей, суетны и суетливы. Для настоящего моряка это не годится. Будьте здоровы!

Ваш
И. Ефремов

1962

1 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

Москва
3 января 1962 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Только что получил Ваше дружеское поздравление и совершенно остолбенел. Оказывается, Вы ничего не знаете! Как же так, я думал, что моя большая утрата давным-давно известна всем моим друзьям…

Елена Дометьевна умерла 1 августа прошлого года после почти годовой тяжёлой болезни у нас на даче в Абрамцеве. Наиболее сильно болезнь разыгралась с конца февраля, в марте Елена Дометьевна попала в больницу, и я взял её оттуда, уже не надеясь на выздоровление, 1 июня, а 18 июля привез на дачу. Никогда не думал, что декомпенсация порока сердца — это такая страшная, мучительная вещь, когда сопровождается циррозом печени! Право, ничем не легче рака… и единственная милость судьбы была в том что Елена Дометьевна умерла мгновенно, не сознавая, что умирает, у меня на руках.

Конечно, всё было очень тяжело, и до сих пор не верится, что со мной нет и больше никогда не будет друга, с которым мы вместе прошли по жизни 26 лет. Это очень большая пустота, особенно когда тебе уже 55 лет и жизненный опыт уже не обещает прежних радостей, увлечений, поисков и даже просто интереса к жизни. И к тому жизнь-то становится всё дряннее, лживее и теснее. Обветшавшие и измельчавшие начальники, завистливые ученики с кукишем в кармане — разве так я начинал свой путь в науке?

Конечно, известная доля пессимизма у меня личная, но надо смотреть правде в глаза, что обстановка в нашей науке изменилась к худшему. Да и многое другое!

Ну, довольно унылых слов — гораздо приятнее, если встречаешься с детским недоумением, без генерализации — «чего это такой худой люди ходи»?

Примите и от меня поздравления с Новым Годом для Александры Ивановны и Вас. Здоровья Вам и исполнения желаний!

1962 год — год жёлтого тигра по буддийскому календарю и последний в жёлтом (земляном) = мирном цикле. С 1963 начинается белый или железный цикл.

Искренне Ваш *И. Ефремов*
(И. А. Ефремов)

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2

Москва
6 января 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

Я был исключительно рад, получив Ваше дружеское новогоднее поздравление, тем более что мы с женой кое-что уже слышали о грустных и тяжёлых событиях, происшедших в Вашей семье. Я не буду распространяться в выражениях нашего сочувствия по поводу постигшего Вас глубокого несчастья, так как считаю, что никакие словесные сочувствия не смогут хотя бы немного облегчить горе, испытываемое Вами в связи с потерей самого близкого друга. Скажу только, что мы часто вспоминаем Вас, думая, что и нас в не столь отдаленном будущем постигнет такая же доля. Ведь мы только два единственно близкие друг другу люди на свете, и уход одного из нас будет непоправимым несчастием для другого.

Прошедший 1961 год был для меня довольно неудачным. Прежде всего, я часто и тяжело болел. Особенно сильное заболевание я перенес в связи со взрывом водородной бомбы[1], после которого я несколько дней имел сильнейшие головокружения, вплоть до частичной потери сознания, рвоту и т. д. Такие же явления, но в более слабой форме, имели место во время не столь давнего гигантского взрыва на Солнце. Очевидно, мой организм, будучи сильно разрушенным, очень чувствителен к интенсивным потокам заряженных частиц и является своеобразным индикатором на такие процессы. Я неоднократно проверял это на себе — совпадения слишком часты и закономерны для того, чтобы считать их просто случайностью.

Неудачи меня преследовали также и в области работ, связанных с Атлантидой. Моя новая книга «Проблема Атлантиды», планировавшаяся Географгизом к изданию в 1962 г., теперь, вследствие нехватки бумаги, передвинута на 1963 год. Рукопись в основном готова, вылёживается в издательстве и постепенно стареет. К тому же войдите в моё положение: согласно идиотическому (иначе я не могу его квалифицировать) распоряжению какого-то начальства Библиотеки им. В. И. Ленина ныне запрещена выдача реферативных журналов по межбиблиотечному абонементу! А так как я сам лично не могу посещать библиотеки и пользуюсь именно таким абонементом по месту прежней работы, то этим я оказался лишённым возможности следить за развитием науки и вносить дополнения и изменения в рукопись в процессе её «старения». Писал я директору библиотеки, но тщетно — сей вельможа почёл ниже своего достоинства даже ответить мне! И что мне теперь предпринять, право, не знаю.

Но этим не ограничились удовольствия прошлого года. Спустя четыре года после выхода в свет моей прошлой книги «Атлантида», в № 4 журнала «Советская этнография» за 1961 год появилась разгромная рецензия небезызвестного Ю. Кнорозова на пяти страницах убористого [текста]. От этой рецензии за версту разит смрадом времён культа личности. Тут есть

[1] 30 октября 1961 года над Новой Землей был произведен самый мощный взрыв водородной бомбы, эквивалентный 50 млн т тротила. Ударная волна от взрыва трижды обогнула земной шар, на удалении в сотни километров на час изменились условия прохождения радиоволн и прекратилась радиосвязь.

всё, что полагается в таком злобном выступлении: и указание на псевдонаучность и вредность атлантологии, и высокомерное разрешение заниматься ею для геологов, и цитирование выдернутых из контекста фраз Платона с полным игнорированием точных указаний последнего на месторасположение Атлантиды в Атлантическом океане, и длинные рассуждения против самого Платона в духе литературоведов конца прошлого века, и полное отрицание всякой возможности любых древних доколумбовых связей между Старым и Новым Светом, словом, полный душистый букет. Единственно, что заслуживает внимания — это указания на то, что я пользовался устаревшими и неточными переводами некоторых старинных рукописей. Но хорошо Кнорозову высокомерно критиковать меня за это, когда у него под рукой имеется куча новейшей литературы, которую для обычного смертного достать невозможно.

Но главная беда не в этом, а в том, что, по-видимому, новое руководство Географгиза собирается отослать мою рукопись на рецензию в Институт этнографии АН СССР, т. е. тот же институт, где работает Кнорозов! Это практически значит, что книги не видать как своих ушей! Поэтому я решился с болью в сердце на крайнюю хирургическую операцию и, как говорится, в последнюю минуту успел выбросить из книги несколько глав, почти полностью всю историко-этническую часть проблемы, оставив лишь минимум, касающийся текстов Платона и их критики, чтобы не давать пищу для недобросовестных и схоластических критиков. Теперь в ней осталась в основном лишь геологическая часть проблемы, которая идёт под научной редакцией проф. Д. Г. Панова. Теперь сижу и жду начала козлодрания.

Вот и все мои основные новости. Извините, что загружаю Ваше внимание подобными мелкими переживаниями. По-прежнему пишу небольшие статьи и заметки в английский журнал «Атлантис». Да, забыл сказать: по-видимому, наибольшее озлобление Кнорозова вызвала моя статья в альманахе «На суше и на море» — «Загадки древних цивилизаций». Ведь здесь я влез в чужой огород, куда чужакам вход воспрещен!

На всякий случай прилагаю карту-схему, как ко мне быстро добраться. Я всё же надеюсь, что нам удастся встретиться.

С дружеским приветом и глубоким уважением,
Жиров

Телефон:
коммутатор В-4-00-08 добавочный 3-17.

3 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

7 января 1962 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам беседу с Лемом (прошу вернуть) и одну рукопись «под Грина» — м. б., пригодится для «Невы».

Завтра пошлю письмо.

Всем низко кланяюсь.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ[1]

Москва
8 января 1962 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Не могу по нездоровью участвовать в Вашей интересной встрече с коллегами-фантастами. Очень жаль, так как вопрос крайне важный. Человек в будущем и будущее в человеке — два эти направления размышлений как бы дивергируют, расходятся, разветвляясь в разных произведениях искусства, и не только нашего жанра литературы. Но оба они исходят из одного ствола, и тут-то «ствол» имеет определяющее значение для всего последующего пути. Ввысь, косо, криво или вовсе по земле начнет стремиться создаваемое произведение? Жанр научной фантастики обязывает расти ввысь, к звёздам, к будущему миру, в котором человек и мир должны образовать гармоническое целое. Поэтому вопрос «ствола» наиболее важен именно для научной фантастики хотя бы до тех пор, пока она составляет особый жанр литературы.

Что же является таким «стволом» для произведений о человеке и высшей форме общества — будущем коммунизме?

Мне кажется, что вопрос о развитии человеческой психики и поиски подлинно современного (а с проецированием дальше — и будущего) мироощущения, с крепкой закалкой ума и воли — вот «ствол» дальнейшего пути научной фантастики. В самом деле, обращали ли Вы внимание, как быстро стареют почти все научно-фантастические произведения? Давно ли с захватывающим интересом мы читали то, что сейчас уже не находит никакого отклика в душе?

Гамильтон, Хейнлайн, ван-Фогт, наш Беляев — попробуйте перечитать их теперь, стоя перед лицом сложнейших проблем современности! Несколько лет я старался достать книгу «Окаменелая планета» трёх выдающихся американских фантастов, изданную в 1953 году[2]. Недавно я получил её и читал с острым ощущением старомодности всего — приёмов, сюжетных линий, научной основы. За восемь лет книга устарела до разочарования.

Немудрено, что зарубежным фантастам приходится лезть из кожи вон, чтобы чем-то заинтересовать читателя, и уж тут без детектива, гиньоля[3] и…ора <неразборчиво. — *Ред.*> никак не обойтись.

Что ж, хороший детектив — это тоже дело, но ведь хороший — он должен стоять на том же самом стволе, о котором я говорю. Сам же он не может быть никаким «стволом».

Надо сказать прямо, что наша собственная фантастика тоже старомодна во многих своих проявлениях (я говорю всё время об элементах будущего и о человеке, прошу помнить), и общий её успех обязан тому, что читатель не

---

[1] Сверху надпись: «Опубликовано: “Нева”, 1962, № 7, с. 166—167». Надписано, скорее всего, В. И. Дмитревским.

[2] «Окаменелая планета» («The Petrified Planet») — антология из трёх НФ-рассказов, опубликованная в США в 1952 году издательством «Твэйн» (Twayne). Рассказы: Ф. Прэтт «Долгий взгляд», Г. Бим Пайпер «Восстание Уллера», Д. Мэррил «Дочь Земли». Введение написал доктор Джон Кларк.

[3] *Гиньоль* — французская кукла ярмарочного театра перчаточного типа, подобная русскому Петрушке, а также соответствующий жанр театрального искусства. Здесь, скорее, в значении «балаган».

съел ещё пуд соли на нашем жанре и пока больше увлечён внешней стороной, декорациями и театральными эффектами.

А в общем, конечно, человек (и писатель, и читатель) испытывает головокружение от успехов и перспектив науки — как сокрушительно опасных, так и благотворных (пока, к сожалению, первые дают себя чувствовать гораздо больше!). Узкая специализация науки, её мелкая и сложная ветвистость порождает много учёных — фанатиков и догматиков, как все догматики превыше всего ставящих собственную линию в познании, пусть и глубокую, но с куриным кругозором. Поэтому для нашей эпохи характерно рождение (и быстрая гибель) множества узких гипотез и теорий, отстаивающихся с тупым упорством, а также стремление учёных высказываться по общим вопросам широкого плана, не обладая на то никакими серьёзными познаниями. Авторитет, почти религиозный, который всё больше завоёвывает наука, в сочетании с развитием невежества среди узких специалистов — плохая штука, и горе учёным, если они подорвут свой авторитет для общества, берясь за дело, требующее широчайшего кругозора и энциклопедических познаний.

Сознание человека делается неустойчивым от напряженности общей обстановки на нашей планете, от страха массовых избиений ядерной войны, от нелепости безвыходной гонки вооружений. Условия жизни в больших городах, в которых сейчас сосредоточивается в самых различных странах всё большая часть населения, в отрыве от природы, с чрезмерной восприимчивостью к болезням, с перегрузкой нервной системы, требуют крепкой психики, хорошо сбалансированной нервной системы. И тут плохую услугу человечеству оказывают кибернетики — как учёные, так и фантасты, запугивая будущим царством роботов, унижая человека его несовершенством в сравнении с электронными машинами, прокламируя возможности создания столь премудрых творцов и искателей из железа и полупроводников, что перед ними покажутся прахом и тленом усилия человека — их создателя.

Не отстают и певцы космоса. Космические исследования, полёты и переселения кажутся самым важным, самым главным во всём будущем, и всё настоящее, да и будущее, призвано служить лишь одной цели, имеет один смысл — космос.

Если любой из этих путей станет самоцелью научно-фантастического произведения (да и любой «научной» гипотезы о будущем), то такое произведение (или гипотеза) будет невежественным и лживым.

С каждым новым шагом биологических наук, вооружённых теперь тончайшими и точными методами физики и химии и той же электроники, нам становится всё более очевидным величайшая сложность устройства человеческого организма. Всё яснее становится, что, кроме гигантской сознательной памяти нашего мозга, в организме существует ещё подсознательная, или, как её раньше называли, инстинктивная память, буквально через все клеточки нашего тела связывающая нас со всем полумиллиардом лет исторического развития от первых наших морских предков. Эта иногда почти физически ощутимая страшная бездна прошлого, трудного и медленного, пути в то же время насквозь, миллиардами нитей физических, химических, электрических, магнитных, оптических и гравитационных ощущений, сплетённых эволюцией в неисчерпаемый клубок нашей психической деятельности, связывает нас с окружающей природой. Эта связь, с которой мы — сыны земли, нашей планеты, в гораздо

большей степени, чем мы пока себе представляем (и это тоже немаловажно для будущих космических проявлений человечества), нацело опрокидывает наивные представления кибернетиков о том, что какие-либо машины смогут превзойти нас в творчестве, в покорении природы, в прокладывании новых путей, в создании прекрасного.

Придайте машине весь неизмеримый спектр наших связей с природой, пронизайте её насквозь природой, дайте ей клеточную информацию всей исполинской длительности восхождения от унылого червя до человека — тогда прокламируйте её равнозначность с человеком!

Сын Земли, полностью погружённый в её природу, — таков человек, и в этом он диалектически велик и ничтожен.

Велик по возможностям и бесконечности своего познания этого не чужого для него мира, в котором он по существу — микрокосм.

Ничтожен по тугим цепям инстинктов и рефлексов, опутывающих его рвущееся к звёздам, красоте и радости сознание: самосохранения, продолжения рода, охраны потомства, полового отбора и соперничества, голода и эгоизма.

И всё же на скелете этих простых инстинктов выросло чудесное здание психики человека-мыслителя, создателя, гуманиста и врача, несмотря на все извилины и трудности жестокого пути. Теперь, вооружённый научным предвидением, социальным опытом и знаниями, человек должен строить и новую психику, идти к новым мироощущениям жизни сложной, напряжённой и, конечно, тоже нелёгкой. Однако если нервная организация будет крепкой, тренированной, психика — развитой и закалённой, тогда будет гармония с новыми требованиями, новым, изменяющимся вокруг миром. Человек будет здоров и счастлив, а это уже само по себе — твёрдый фундамент всех будущих успехов.

Помочь в поисках этих новых путей, новых мироощущений и связей — таков, мне кажется, важнейший стимул для фантастики о человеке.

И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ[1] 5

Москва
11 января 1962 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Большое спасибо Вам за хорошее, дружеское письмо — иного, впрочем, и не ждал от Вас.

Предельно доволен писанием сравнительной анатомии! Это настоящее дело.

Вполне согласен с Вашей оценкой дел в ПИНе — я тоже их, и в частности Ю. А., не понимаю. Это что-то вне моих мыслительных способностей.

Привет большой Александре Ивановне — берегите её. Сердце, если отказывает, это серьёзная беда.

Искренне Ваш
И. Ефремов

[1] Открытка.

6 И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ

Абрамцево
31 января 1962 г.

Глубокоуважаемый Юрий Александрович!

Когда Вы в последний раз навестили меня, я остался с чувством глубокого разочарования и тревоги. И не потому, что Вы фактически дали понять, что не заинтересованы в моём возвращении в ПИН, сейчас во всяком случае. Не потому, что в беседе с разными лицами в институте Вы извратили существо нашего разговора и почему-то обвинили меня в утрате интереса к науке. Это — дело личное, ничего не меняющее по существу. Я ведь давно знал от разных лиц, что Вы (справедливости ради надо сказать, что это было не всегда, иначе я бы изменил отношение к Вам) говорили обо мне такое, чего не было и чего я, во всяком случае, не заслуживал. Неприятные примеры вспоминать не буду, кроме упорного утверждения Вами, что я написал какую-то порочащую бумагу на Рождественского на 10 страницах. Я звонил, как Вам говорил, в Иностранный отдел[1], и они мне заявили официально, что там ничего, кроме обычного отзыва на сотрудников экспедиции 1950 г., нет. Мало того, значения этот отзыв не имеет, так как перекрыт более обширными поздними. Как же тогда считать Ваши слова о трудности утверждения Рождественского[2] из-за этой бумаги. Я привожу этот пример только для того, чтобы Вы перестали себя дискредитировать утверждением, фальшь которого уже давно вскрыта и всем известна.

Равным образом, зачем Вам было унижать себя, говоря обо мне то, чего не было? Ведь моя ценность как учёного и сделанное в науке уже не зависят ни от каких отзывов, будь то авторитетное высказывание директора или пустозвонная болтовня научного щелкопера без году неделя в палеонтологии. С другой стороны, никак не могу поверить, чтобы такой принимающий науку всерьёз человек, как Вы, не смог бы понять, что нужно делать, чтобы при любых условиях сделать попытку вернуть в свой институт одного из лучших палеонтологов СССР (ради Бога, примите это как чисто деловую оценку и не используйте как пример пресловутой ефремовской похвальбы. Люди могут выдумать куда хлеще, если понадобится, как Вы сами любили говорить, «мазать дёгтем про всякий случай»). Я и не поверил, хотя мне говорил это мой старый старший товарищ, с которым бок о бок я прошёл довольно тернистый путь ПИНа на протяжении более 30 лет. Следовательно, были какие-то другие мотивы? Тогда почему было мне не сказать честно и прямо — какие?

Если возможность того, что я могу перейти дорогу кому-то в членкоры, благо есть вакансия, то сколько раз я говорил, что никогда больше не выставлю своей кандидатуры, поскольку один раз Академия её уже отвергла[3]. Донкихотство или нет, но это так, и Вам не было никаких оснований мне не верить — вся моя жизнь прошла в устойчивом упрямстве. Можно было ещё раз спросить меня и ещё раз удостовериться. Можно было открыто спросить меня ещё раз,

---

[1] Имеется в виду отдел Академии наук СССР, ведавший иностранными связями советских учёных, оформлением заграничных командировок и экспедиций.

[2] Речь идёт о некоторых затруднениях при назначении А. К. Рождественского руководителем Советско-Китайской палеонтологической экспедиции 1959—1960 гг.

[3] См. комментарий к письму И. И. Пузанову от 2 ноября 1953 г. Ю. А. Орлов был избран действительным членом АН СССР в 1960 г.

как много раз уже спрашивали, и удостовериться, что я не собираюсь конкурировать с Вами насчёт директорского поста и копаться под Вас. Всё, что я делал на протяжении 30 лет и для науки и для Вас в частности, говорит против такого предположения.

Если же Вы всё это понимали (а мне хочется надеяться, что это так!), тогда, значит, Вы просто повели открыто оппортунистическую линию в руководстве институтом и просто не хотите ничего делать, что было бы хлопотным, причиняло бы или могло бы причинить впоследствии беспокойство.

Отсутствие какой-либо линии в развитии института за последние годы, явная деградация нашего ПИНа (сейчас стрелка барометра его научной ценности стоит максимально низко, а ведь это может предвещать бурю!), деградация позвоночных, необеспеченность будущего — то, о чём мы с Вами говорили в последний раз, — всё это тревожные симптомы, которые не могут не тревожить и меня, но совсем не из-за того, что я хочу как-то сыграть на этом. Что-что, но уж это-то Вы могли бы знать, чувствовать и понимать, а потому и отнестись к нашему разговору совсем по-другому, так, как это должен был бы сделать настоящий учёный и настоящий человек, тот самый русский интеллигент в полном смысле этого слова, каким я долго считал Вас.

И если Вы отнеслись к этому как типичный служащий недоброй памяти эпохи, то это тоже свидетельство ацедии — страшного равнодушия человека или полностью сломанного, или думающего только о своём личном благополучии. Вам и только Вам решать, что с Вами и как Вам поступать с тем пусть небольшим, но в какой-то степени чистым делом не слишком славной науки, которая волею судеб оказалась в Ваших руках.

Я всегда высоко ценил Вашу осторожность и широкую осведомлённость — качества, которыми я не наделён. Но ведь эти качества нужны только для того, чтоб проявить дальновидную мудрость и предвидеть трудности и особенности будущего (не бояться, а заранее к ним подготовить вверенное Вам дело).

Но посмотрите сами в себя — есть ли у Вас настоящая преданность науке сейчас (я не говорю о прошлом), действительно ли Вы ведёте науку или плывёте по течению, плюя на всё кроме того, чтобы Вас не трогали и не занимали Вашего времени. Своей работы Вы давно не ведёте, в институте бываете совсем мало, а если и бываете, то для чисто бумажной возни или пустяковых мелочей, и то стараетесь переложить всё на Ваших помощников. В университете тоже Вы делаете очень мало, перекладывая всё на других, как то постоянно заявляют Ваши помощники там. Вам виднее — может быть, Вы решаете судьбы науки в более высоких инстанциях, став теперь академиком? В этом Вы должны быть сами себе судьёй, ибо если и там Вы ведёте ту же линию, то что же у Вас тогда, где то оно, главное в жизни?

Помните, как в старинной украинской песне: «Стань, оберныся, глянь — задывыся, которы знаешь много...» А вдруг Вы только потому и пользуетесь поддержкой главных пиновских сил, что Вы равнодушны ко всему, сами не знаете пути-дороги и с Вами можно делать в науке всё, что хочется, а главным образом — ничего не делать. Думали ли Вы об этом?

Я написал Вам об этом не для того, чтобы обвинять, тыкать указующим перстом и чувствовать, какой я сам хороший. Поймите это. Ведь если я не скажу, то кто же скажет, ясно и чётко выразив все одолевающие сомнения? Те,

которым плевать, лишь бы дожить оставшееся время спокойно и на приличной зарплате? Или узкие фанатики, считающие, что превыше их маленькой стёжки в науке нет ничего и стёжку эту надо охранять во что бы то ни стало.

Обвинять Вас уже поздно (а для подлинной оценки Вашей деятельности — рано), учить и даже советовать, пожалуй, тоже поздно.

Но вот товарищески окликнуть: «Стань, оберныся!» — ещё можно, и я пытаюсь это сделать настоящим письмом, после серьёзной тревоги за наше дело, да и за Вас самого.

Правда, может быть, Вы совсем не тот, каким казались мне все эти многие годы, может быть, у Вас и не было тех целей, какие я Вам приписывал, а всё распространённая погоня за карьерой, такая же обычная, как многое вокруг? Пока не верю, не могу поверить. Будущее покажет, но и тогда Вы можете быть спокойны — я буду вмешиваться в дела ПИНа лишь при явной и полной деградации, когда уже гражданская совесть не позволит оставаться в стороне.

Если же Вы и впредь не хотите моего возвращения в ПИН, то не надо для этого никаких обходных маневров (я имею в виду будущее не столь уж близкое). Можно прямо сказать мне об этом, и мы вместе найдём удовлетворительный и не возмущающий спокойствия путь, скажем, моего перехода в ЗИН, ГИН или иное учреждение системы АН. А может, и не нужно этого? Мне кажется, что я в науке всё же нужен в любом качестве. Если это не так — представьте доказательства, и я соглашусь с Вами.

Только не надо тайных вывертов, подземных ходов и дискредитирований «помаленьку». Не таковы были наши с Вами отношения и не таковы мои дела и место в науке и жизни.

С искренним уважением.
И. А. Ефремов

7 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
31 января 1962 г.

Dear Professor Efremov:

Recently I have been reading various Russian books on evolution and species and am beginning to develop a feeling for something that I should like your opinion on. I have read, in particular, "Studies of Species" by K. M. Zavadsky and "The Theory of Sexual Selection" by L. Sh. Davitaschvili.

My reaction is that the second is heavy and ponderously written with not too much to offer and that the first is "fresher" and is written with a much more facile concept of the subject and matters in general. I have, of course, read various other general works.

Now, what seems to emerge is a very strong impression of pervasive Darwinism. Of course, all modern evolutionary thought has strong Darwinian ties, but what I seem to be feeling is something much more basic than this — the feeling of the well-spring, the inner sanctum and so forth. I do not mean that this eliminates thinking as such, but provides what all of us must have in one form or another to produce some sort of basic guiding pattern. First, my sample is small; I may be way off in my estimate. Second, if this is not entirely true, does any social pervasiveness emerge? I am inclined to the affirmative.

If you have any thoughts on this I would like to hear them. I try continually to gain a basic philosophical understanding of our science and interpretations of the

implications. This strikes me as something well worth doing. In this regard, have you read "The Structure of Science" by Nagel? It has some interesting material, but as often is the case I find the biological section somewhat unsatisfactory.

Your devoted friend,

Sincerely,
Everett C. Olson

Дорогой профессор Ефремов!

За последнее время я прочёл несколько русских книг об эволюции видов, и мне захотелось спросить вашего мнения, чтобы уточнить своё впечатление. В частности о книгах «Учение о виде» К. М. Завадского[1] и «Теория полового отбора» Л. Ш. Давиташвили[2].

Представляется, что вторая слишком тяжеловесна и не очень информативна, а первая «свежее» и проще для понимания излагает предлагаемую концепцию. Конечно, я знакомился и с другими общими работами на эту тему.

Основное впечатление — ощущение всепроникающего дарвинизма. Конечно, с дарвинизмом сильно связаны все современные эволюционные теории, но здесь мне видится гораздо более существенная связь с ним как с истоком, святая святых, так сказать. Не то чтобы это отменяет необходимость строить самостоятельные умозаключения, но снабжает в той или иной форме некоторой направляющей основой. Однако, во-первых, я сужу по небольшой выборке и могу сильно ошибаться в своей оценке. А во-вторых, если я и не совсем прав, не возникает ли определённого перенесения дарвинизма на социальную сферу? Склоняюсь думать, что это так.

Если у вас есть какие-то соображения по данному поводу, я хотел бы их услышать. Стремление философски осмыслить современную науку и интерпретацию последствий её развития меня преследует неотступно. Думаю, это вполне стоящее дело. Кстати — не читали ли вы «Структуру науки» Нагеля[3]? Там есть некоторый интересный материал, но, как часто бывает, биологический раздел меня не очень удовлетворяет.

Ваш верный друг,
Эверетт Олсон

Перевела Лариса Михайлова

Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

[Москва]
6 февраля 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

После наведения справок по всяким инстанциям, кончая А. В. Топчиевым, сообщаю Вам единственные в настоящее время варианты Вашего участия

[1] Завадский К. М. Учение о виде. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.
[2] Давиташвили Л. Ш. Теория полового отбора.— М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
[3] Нагель Э. Структура науки. — США, 1961.

в работе института, так как предположения о консультантах[1], подобных существующим в некоторых учреждениях военного ведомства, в Академии наук так и остались до сих пор только предположениями. Тут ещё к тому же пошла «полоса» контролей, строгостей, ревизий и проверок по разным линиям и вопросам... Варианты эти, повторяю, пока единственные существующие, хотя ни один из них, вероятно, не удовлетворил бы Вас:

1) полная ставка старшего научного сотрудника с докторской степенью и, следовательно, «полным» рабочим временем;

2) половинная ставка той же категории с половинным рабочим временем; это — варианты, дающие стаж, пенсионность;

3) $^1/_4$ ставки — той же категории, не дающая ни того, ни другого;

4) консультантство с «почасовой» оплатой, не дающее ни того, ни другого, притом с оплатой из продолжающей по распоряжению свыше сокращаться рубрики «внештатная» зарплата.

Как видите, всё это «типичное не то», что Вас устраивало бы, насколько я себе представляю, а другого пока ничего нет и неизвестно, когда будет (имею в виду консультантство, подобное существующему в некоторых местах).

Ваше длинное письмо получил ещё три дня тому назад[2], но ответить на него смогу лишь на той неделе, так как всю эту неделю, все дни на заседаниях обязательного свойства, к вечеру прихожу домой совершенно разбитый, да ещё никак не могу прийти в себя от тяжёлой депрессии по разным причинам, в том числе — от смерти брата, хотя прошёл уже месяц, как он умер.

Искренне Ваш
Ю. Орлов

9 Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

[Москва]
13 февраля 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

Наконец я вырвал время написать Вам ответ на Ваше письмо от 31.1.62. Такой «обвинительный акт» на четырёх страницах Вы могли написать только в состоянии полного и яростного возмущения, негодования от незаслуженно полученного оскорбления в ответ на многолетнюю работу и — поразившего Вас бессовестного, фальшивого поведения человека, которому Вы доверяли всю жизнь, к которому хорошо всегда относились.

Ваше письмо написано невольно весьма эмоционально, поэтому местами Вы повторяетесь, и на него трудно ответить в нескольких словах и не повторяясь. В сущности, если Вы уверены в правильности всех Ваших положений, Вам надо требовать товарищеского суда, привлечь виновного к ответственности за клевету и главное — срочно вмешаться в дела института, раз у Вас есть

[1] Дирекция Палеонтологического института, нарушив устав академии, до истечения срока полномочий И. А. Ефремова как заведующего лабораторией высших позвоночных института назначила на эту должность молодого сотрудника Л. П. Татаринова, позднее академика и директора Палеонтологического института. Тем не менее И. А. Ефремов хотел продолжать свою научную деятельность в Палеонтологическом институте.

[2] См. письмо Ю. А. Орлову от 31 января 1962 г.

«гражданская совесть», написав куда надо заявление о быстром ходе института под уклон — к неизбежной катастрофе; надо уже спасать дело, приехав сначала в институт и ознакомившись с его работой в целом и лично.

Что до меня, то будь я согласен с Вами в Ваших обвинениях, я должен был бы, получив Ваше письмо, не уходить со своего поста, а... бежать, бежать без оглядки; вообще из Москвы!

Но я не имею возможности согласиться с Вами в обвинениях. Для простоты ответа буду писать его в порядке Вашего письма. Обо всём, что думается, и не напишешь!

Как так, почему я «не заинтересован» в Вашей работе в институте? Что я извратил по поводу Вашего интереса к науке? Как я писал Вам ещё в ответ на Ваше предыдущее письмо о делах немного более года назад[1], моё мнение таково, что Вы будете получать удовольствие от чего-либо интересного в палеонтологии, но что это для Вас гораздо более пройденный этап — если говорить о научной работе, чем Вам самому кажется; что Вы далеко не «четверть» прежнего работника, как Вы писали, а много меньше.

Мне и теперь так кажется. Помнится, ещё до нашей поездки в Китай[2] с Вами был разговор в институте. Вы говорили: «Как быть, когда становится трудно «служить двум богам», когда литературная работа хорошо и удачно идёт — и на миллионы людей, а не на десятки, как палеонтологическая, она нужна людям; что не бросать же литературную и как же быть с наукой; что Вас это, естественно, беспокоит, нервирует и т. д.». Моё мнение было: не бросать науку, а работать и приносить ей пользу — сколько сможете. Не помню, говорил ли Вам, но многим другим всегда говорил, что если бы я мог — я охотно платил бы Вам полную ставку впредь пожизненно, без всякой работы с Вашей стороны, просто за то, что Вами сделано уже. Другое дело, что я бессилен платить так, что в моём распоряжении в настоящее время имеются лишь возможности, о которых я недавно наспех Вам писал. А высказанное Вами при нашем последнем свидании предположение об относительной доступности продления Вашей инвалидности на год — по Вашему положению в области литературы — привело меня тогда к представлению, что, вероятно, этим надо воспользоваться — пока; а дальше, может, установится же, наконец, штатное консультантство. Последнее время Вы, насколько я себе представляю, заняты целиком литературной работой, и в данный момент пока Вам не до палеонтологии — в смысле повседневного интереса и занятия ею. Был бы рад ошибаться.

Недавно в разговоре с Вашим бывшим заместителем по Гоби[3] (1948—1949), который легко доводит меня до «трамвайного происшествия» своими наскоками и полным нежеланием понять всю беспросветную мучительность моего «положения», загруженность хлопотами и обязанностями, один перечень которых, вероятно, удивил его самого, — так вот в разговоре с ним, когда он стал «пояснять» мне, что Вы много сделали, полезны, что нужно основать новую, палеофаунистическую лабораторию и Вас сделать заведующим, я сказал в ответ на это совершенно нереальное в теперешней обстановке предложение что-то вроде того, что «нечего мне пояснять, кто Вы; что я Вас знаю тридцать

---

[1] Упомянутое письмо не сохранилось.

[2] См. комментарий к письму И. И. Пузанову от 6 июля 1958 г.

[3] Имеется в виду А. К. Рождественский.

с лишним лет; что в рекомендации его Вы не нуждаетесь; что и меня Вы знаете как облупленного» и т. д.

Заведование лабораториями стало сейчас повседневно много хлопотнее, чем было недавно; я себе не представляю, как при Вашем объёме литературной работы Вам себе это заведование брать. Если бы Вы видели, как мы сейчас мучимся, когда уже не учёный совет, и не директор, и не Биоотделение, и не президент, а какая-то «секция Госкомитета» над нами начальство, когда со всем этим приходится «париться» целые дни и дирекции, и «завам», — Вы бы меня поняли...

Что такое «упорное утверждение о порочащей бумаге» на Вашего зама? Ведь, конечно же, не десять страниц о нём одном, но в этом, как Вы пишите, «обычном отзыве на сотрудников экспедиции», сейчас не помню сколько по объёму, написано и о «заме» и настолько отрицательно, что меня вызвал Иностранный отдел, показал это мне; я должен был всячески успокаивать и урезонивать, именно указав, как и Вы пишете, что всё это было перекрыто «более поздним». Мне стоило немалых усилий тогда парировать это; сообщил об этом я тогда же только Вам, но Вы ничего вспомнить не могли, прошло десять лет как-никак... В настоящее же время дело уже не в этом отзыве, а в том множестве жалоб, которых так боялся Иностранный отдел и которые были и в Китае, и здесь; в том нежелании работать с человеком, которое существует, а не выдумано кем-либо.

Предполагаю, что если бы Вы не ограничились телефоном, а нашли тогда время лично приехать в Иностранный отдел, то убедились бы, что я ничего не придумываю (зачем это мне?), что тут нет никакой фальши, в чём Вы неправильно убеждаете других и «зама», что не надо меня так легко обвинять в ней, в лжи... Вся беда в том, что в Вашем отзыве было много горькой правды (в характеристике), как показало позднейшее...

По поводу того, что невероятно, чтобы я не понимал, что именно нужно делать, чтобы «при любых условиях сделать попытку вернуть Вас в институт»... Как это положение, так и первые две трети второй страницы Вашего письма мне непонятны. О каком «перехождении дороги в членкоры» (и — кому[?]) Вы говорите? Пока никаких вестей о членкорах и т. п. нет, и пока по палеонтологии очень маловероятны. По поводу возможности Вашего возвращения я мог говорить (и говорил) — с кем? С отделом кадров Академии, с Шидловским, с Топчиевым (в т[ом] числе недавно), с Черкашиным, с заменяющим его сейчас работником в ЦК. Итог этого выяснения пока ничего не дал, кроме того, что мы и так с Вами знаем: полное штатное место или половинное старшего научного сотрудника — доктора, дающие и стаж, и пенсионность; четверть ставки и консультантство по часам, т. е. с почасовой оплатой, ничего не дающие... Если бы Вы могли мне подсказать что-то Вас устраивающее и реальное, был бы благодарен Вам. Если Вы решили бы идти на один из первых двух вариантов, то стал бы хлопотать о штатной единице и, уверен, добился бы её довольно быстро.

Быть может, я всё неправильно понимаю, т. е. Вы предполагаете, что надо Вас просто возвращать на заведование лабораторией вместо теперешнего заведующего[1], а его «сместить» в сотрудники? Если я не знаю, как делать, не умею сделать то, что нужно, то вряд ли меня за это надо считать оппортунистом, лентяем и т. д.

---

[1] См. комментарий 2 к письму Ю. А. Орлова И. А. Ефремову от 6 февраля 1962 г.

Вторая половина второй страницы и первая третьей обвиняют меня в том, что институт никогда не стоял так максимально низко, как сейчас, в деградации позвоночных, в необеспеченности будущего; в том, что я не настоящий учёный и человек, а полностью «сломан» и думаю только о своём благополучии, плюя на всё, кроме своего спокойствия; что в институте если и бываю изредка, то только для чисто «бумажной возни», как и в университете, да ещё «став теперь академиком». — От института я не в восторге; но так ли низко он стоит, как Вам кажется?

Что до Вашей информации о моей жизни и работе, то эта информация находится «на уровне» котельной нашего музея; или, быть может, на чуть более «высоком уровне» — нашей препараторской, но не выше; либо исходит от кого-нибудь, чем-либо уже очень недовольного. Больше всего мне всё это напоминает статью от 22 ноября 1949 г. в «Правде» под названием «Крупные ошибки одного института»[1]. Могу лишь сказать, что с 1945 г. живу почти полностью по суждению Д. И. Менделеева (1884), которое я себе вписал в две первые страницы моей записной книжки вместе с некоторыми другими любимыми: «Первое и главное в жизни — труд для других»...[2]

«Чисто бумажная возня» — но это каторга (на которую, сейчас вспомнил, жаловались весной на конференции в Париже, говоря, что «был каменный век, был железный век, а теперь наступил век бумаг»). Ведь за этими «бумажками» стоят живые люди, их жизнь, их труд, их квартиры, болезни и много всякого горя... Иногда у меня и в университете, и в Академии, выражаясь образно, пол слезами закапан — и не думайте, что я преувеличиваю. Как-нибудь пошлю Вам схему теперешнего управления нашей наукой, когда до нас добирается карандаш счетовода из Госкомитета по координации при Совете Министров и получается бог знает что...

Как в Академии, так и в университете я делаю — что в силах; в Академии во всё более и более трудной обстановке для нашей науки. Ведь академик-палеонтолог меньше научного сотрудника по ядерным делам (и уж конечно — любого сержанта ракетных войск)...

В заключение Вы пишете, что будете «вмешиваться в дела института лишь при явной деградации, когда уже гражданская совесть не позволит оставаться в стороне».

Но всё Ваше предыдущее изложение говорит о том, что этот момент уже наступил, что дело института находится в руках опустившегося, потерявшего совесть человека, что и побуждает Вас писать мне. Если это так, то с Вашей стороны было бы поистине «бессовестно» молчать об этом... Ведь я же говорил Вам, что если бы Вы, раскритиковав меня в обращении в Президиум Академии, в ЦК, в Министерство геологии, в Министерство государственного контроля (не помню, как называется точно), в «Правду», — куда хотите — если

---

[1] Статья «Крупные ошибки одного института» была написана Л. Ш. Давиташвили. После её публикации Президиум АН СССР создал Комиссию по рассмотрению дел в Палеонтологическом институте, заслушал итоги её работы и о результатах этой проверки информировал Отдел науки ЦК ВКП(б). Подробнее см. комментарий 2 к письму А. П. Быстрову от 20 ноября 1949 г.

[2] Эта фраза из письма-завещания Д. И. Менделеева своим детям впервые была напечатана в 1933 г. в книге П. Слетова и В. Слетовой «Менделеев».

бы вы этим подняли науку на должную высоту, то я купил бы бутылку красного вина, и мы с Вами распили бы её, отметив успех дела.

Хотел бы сказать, что в университете[1], хотя, м. б., и незаслуженно, я пока не пользуюсь столь дурной славой, как Вы пишете; там я делаю тоже всё полагающееся и посильное (вплоть до затрат своих тысяч рублей в старом исчислении), тоже добываю людям жильё и т. д.

Не могу перечислить всяких комиссий и перекомиссий, редактирования (в том числе с вычиткой учебников), всевозможной повседневной «возни с мелочами», т. е. практически неизбежного вникания во всякие дела, которые этого требуют, — совсем не только потому, что я всего-навсего «большой человек на мелкие дела», а и потому, что такова жизнь. Ведь я не Капица, не Цицин, не Бочвар, не Векслер и т. п.; ведь, чтобы добиться 20 шкафов в наш круглый зал для библиотеки, я был вынужден около 15 раз ехать сам на завод, изготовлявший шкафы, и всё — так... Ведь все эти библиотечные комиссии, Комитет по Ленинский премиям, учёные советы и т. п. — всё это бедственное положение с академиками — зоологами и ботаниками, насильственное членство в Бюро ОБН с поручениями и т. п. и т. д., обязательность обсуждения и согласования каждого мало-мальски серьёзного дела с общественными организациями, когда даже нанимаемому лаборанту делают смотр и партчасть и местком — всё это трата последних остатков жизни. Конечно, я «слепой» директор. Как Вы знаете, я и не просился на это место, неправильно согласился и мучаюсь скоро уже 17 лет; хуже всего то, что на меня (на институт) наваливается всё большая и большая ответственность за судьбу палеонтологии вообще — кроме, конечно, огромной «палеонтологической службы» Министерства геологии. Я обязан заботиться о палеонтологии беспозвоночных — мало того, что в нашем институте, да ещё и вне его, если работы сколь-нибудь «нашего профиля», и в какой-то мере — о палеоботанике.

В самом конце вы повторяете, что я не хочу Вашего возвращения в институт и для этого «прибегаю к обходным маневрам»; что же Вам — идти в ГИН, в ЗИН? и т. п.; что всё же Вы в науке нужны в любом качестве и просите меня представить доказательства того, что Вы бесполезный в науке человек!

Только кровная обида на меня, возмущение мною, негодование и представление обо мне как о бессовестном человеке побуждают Вас к такой «концовке».

В настоящее время Вы заняты, не один год, очень успешной и большой, значит, и очень трудоёмкой литературной работой. Это большой тяжёлый труд, а не «просто так»: что-то взял, нацарапал и послал петитом в «Вечернюю Москву». Поэтому мне и казалось, что при такой большой нагрузке, как писал Вам год назад, Вам трудно работать хотя бы и «в четверть» прежней силы; но я никогда не думал и не говорил, что Вам не надо работать в науке. Кажется, я писал Вам тогда же, что всерьёз работать, занимаясь наукой «между прочим», — невозможно. Но сколько-нибудь — можно. Обвинять меня в нежелании видеть Вас в палеонтологии, в науке вообще только потому, что я не знаю, как сделать это, т. е. как Вас устроить в институте, — неправильно. Считать Ваши ежегодные обвинительные акты индикатором «активного» интереса к па-

---

[1] Ю. А. Орлов возглавлял кафедру палеонтологии Московского университета в 1943—1966 гг.

леонтологии трудно... Предполагать, чтобы Вы, вложив за много лет много сил, уменья и труда в палеонтологию, махнули совсем на неё рукой, — невероятно. Мне приходится быть повседневно составной частью института в целом, от которого я себя не отделяю; Вы довольно долгое время — в значительной мере наблюдатель[1]. Уже по одному этому мы можем не совпадать в своих оценках положения института. Со стороны многое виднее бывает, но во многом и ошибаться легко. Если Вы видите, что имеете силы, время, интерес к тому, чтобы помочь Вашими знаниями, опытом и т. д., то прекрасно; но лучше не питаться слухами и жалобами, а лично ознакомиться с делом, которое интересует и Вас, и работающих в институте, в том числе «даже» меня...

В Вашем письме Вы уже не называете меня «дорогой», а — «глубокоуважаемый». В конце Вы подписываетесь с «глубоким и искренним уважением». А содержание Вашего письма отчетливо говорит о том, что Вы его потеряли. (В таких случаях в старину писали «милостивый государь».) Это Ваше дело.

Мне Вы — дороги.

Искренне Ваш
Ю. Орлов

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ

10

Москва
15 февраля 1962 г.

Dear Professor Olson:

I was glad to hear from you in your peculiar Russian, peculiar but charming, for I really have missed you. And I must reproach you for your enormous, magnificent and undoubtedly very expensive book-you have sent me, about lost civilizations. You gave me enormous help (in your country you cannot evaluate it really) with regular sending of many and various books and now I have a much better understanding of your SF and other courses of recent literature. So don't send me expensive books and please go on with the cheap ones.

But to my horror we haven't received any copies of your book about the Permian in America and Russia! What is the matter. When have you send them to me and Dr. Chudinov and others? I have a strong apprehension that someone took your own advice and have had to steal all these books. Why you, of course, have send these books second class mail and the scoundrels steal them. So none of us have your work and I am tired by moans and groans of Dr. Chudinov, who needs your book this very moment, very badly because he now work on some fantastical compilations.

The Structure of Science I have also read but I think the author is dazzled and dizzied by the advance of physical science and mathematics. In some ways this book is harmful, especially because the author wholly lacks the dialectical method of thought. I expect many maliciousnesses from the formal logic and other formal methods because our whole world is strongly two-sided, and they haven't the skill of the use of dialectical philosophy (of course, I don't mean the so-called "dialectic"

[1] Очевидно, Ю. А. Орлов имел в виду длительное нахождение И. А. Ефремова на инвалидности в результате резкого ухудшения здоровья учёного после Монгольских палеонтологических экспедиций 1946—1949 гг.

in political matters). I have become more and more convinced that our civilization with formal thought goes more and more wrong ahead to some disastrous things. But I hope before to go a long way home...

About more tranquil things. Have you got A. Comfort's "Darwin and the Naked Lady?" It seems to me that you are somehow shy about such a title a search of this book is irrelevant with the Professor's dignity, but I cannot resist my curiousity.

And please, if it is possible, send me the "Photography Annual" for 1962 and 1963. Maybe it is possible to steal a copy from office or airport somewhere?

As ever, your very friendly,
I. A. Efremov (Old Efraim — grizzly bear)

Дорогой профессор Олсон!

Был рад услышать ваш голос по-русски, с акцентом, но всё же чудесный, потому что соскучился. И сразу хочу пожурить за присланную огромную и, без сомнения, страшно дорогую книгу об утраченных цивилизациях. Регулярно присылая мне литературу, вы оказали мне несказанную помощь (вам даже там у себя трудно представить, насколько), и я теперь гораздо яснее представляю себе состояние современной научной фантастики у вас и прочие литературные направления. Поэтому хватит мне слать дорогущие книги, а дешевые — продолжайте.

Однако к нашему ужасу мы до сих пор не получили ни одного экземпляра вашей книги о пермском периоде в Америке и России! Когда вы отправили их мне и доктору Чудинову? У меня сильное подозрение, что кто-то последовал вашему совету и не удержался, чтобы не украсть их. Скорее всего, вы послали их вторым классом, и какие-то проходимцы их спёрли. И вот теперь ни у кого из нас нет вашего труда, а доктор Чудинов меня утомил своими стенаниями, поскольку ему она необходима сей минут для какого-то фантастически обстоятельного обзора.

Я также читал «Структуру науки», но считаю, что автору кружит голову быстрый прогресс физики и математики. Я бы даже назвал её вредной книгой, особенно из-за полного отсутствия диалектического подхода у автора. В будущем я вижу немало вреда от формальной логики и других формальных методов оттого, что наш мир весьма неоднозначен, а они не умеют применять диалектический философский подход (тут я, конечно, не имею в виду так называемую «диалектику» в деле политики). И чем дальше, тем больше я убеждаюсь в пагубности для нашей цивилизации следованию формализму в мышлении, что может привести к катастрофическим последствиям. Но до той поры я надеюсь уже покинуть этот мир...

Теперь к материям более спокойным. Раздобыли ли вы «Darwin and the Naked Lady»[1] А. Камфорта? Сдаётся мне, что искать книгу с таким названием может показаться вам ниже профессорского достоинства, но любопытство меня подталкивает.

---

[1] Comfort Alex. Darwin and the Naked Lady. Discursive Essays on Biology and Art. Камфорт Алекс. Дарвин и обнажённая дама. Биологическое и эстетическое (заметки мимоходом). 1961. — Очерки о психологии искусства. (Перевод названия — А. Яковлев.)

И ещё, если возможно, пришлите мне «Photography Annual» за 1962 и 1963 годы. Может, удастся стибрить экземпляр где-нибудь в аэропорту или какой-нибудь приёмной?

Неизменно с дружеским расположением,
И. А. Ефремов (Старый Эфраим-гризли)

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 11

Москва
1 марта 1962 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Посылаю Вам статью некоего Стаценко об Атлантиде. Посмотрите, пожалуйста, есть ли в ней зерно или всё это — ерунда. Чудак не оставил мне своего адреса, но очевидно, как-то меня разыщет, и тогда я смогу передать ему Ваш приговор.

Я по-прежнему обитаю за городом и лишён возможности видеться с интересными для меня людьми — совсем одичал. Приедешь сюда на несколько дней, и сразу же накапливается так много рутинных и неотложных дел, что едва успеваешь до отъезда с ними справиться.

Как Ваши дела с большой книгой? Очевидно, Атлантида имеет в «широких массах читателей» гораздо больший интерес, чем это думают господа издатели.

Позвольте пожелать Вам здоровья и новых интересных исследований.

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 12

Москва
11 марта 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

Я был очень доволен, получив от Вас письмо от 1 марта с/г с приложенной к нему статьей П. Стаценко. Извините, что несколько задержался с ответом — был занят подготовкой письменного доклада на тему «ГИПОТЕЗА КРИПТОНОВО-КСЕНОНОВОЙ АТМОСФЕРЫ МАРСА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ РАЗУМНОГО МАРСИАНИНА». Этот доклад предположено зачитать на одном из заседаний секции космического естествознания при Московском отделении Всесоюзного Астрономо-Геодезического общества. Вы, вероятно, знакомы с общими принципами моей гипотезы.

Теперь относительно П. Стаценко. Этот довольно настойчивый студент (правильнее — бывший студент) бывал пару раз у меня. Я с ним спорил, но мне не удалось его переубедить. Моё мнение о его гипотезе я прилагаю в этом письме. Мне кажется, что гипотеза П. Стаценко очень мало обоснована, как и большинство гипотез подобного рода. Но, может быть, при некоторой переделке и лучшем обосновании она подошла бы для какого-нибудь научно-

популярного журнала для молодёжи. Во всяком случае, Вы правы, что проблемой Атлантиды больше интересуются читатели, чем издатели.

Моя книга уже отправлена на рецензию, но, слава богу, не в институт этнографии, так как после «хирургической операции», произведенной мною, в ней не осталось тех материалов, которые могли быть в пределах компетенции работников этого института. Книга на рецензию, по-видимому, отослана специалисту-океанологу, что всё же легче. Буду ждать результатов рецензии, которые ожидаются к концу апреля. А для Вас в порядке информации прилагаю план её.

Между прочим, в парижской газете «Пари Жур» в декабре прошлого года появилась заметка, что якобы в бумагах после Пьера Бенуа, автора нашумевшего в своё время романа «Атлантида» с героиней Антинеей, была найдена неизвестная до сих пор рукопись мифографа 6-го века до н. э. Дионисия Милетского «ПУТЕШЕСТВИЕ НА АТЛАНТИДУ». В этой рукописи подтверждаются данные Платона. Если это не очередная утка, на которую так падка эта газета, то это, действительно, сенсационная находка. Зато имеются неофициальные, но, как говорят, вполне достоверные сведения о том, что известный Ив Кусто наблюдал где-то в районе южнее Азорских островов чуть ли не какие-то надписи или рисунки под водой, а также даже достал кое-что. Но пока что он воздерживается по неизвестным соображениям от публикации этих открытий.

Каково Ваше мнение о пулевом прострелe в черепе из Броккен Хилла? Говорят, что прострел относится ко времени минерализации черепа, т.е. не был произведён до его обнаружения. Об этом, как Вам известно, я сообщал Александру Петровичу Казанцеву. А также Ваше мнение относительно находки зинджантропа?

С дружеским приветом и глубоким уважением, Ваш
Н. Ф. Жиров

13 Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ[1] — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
9 апреля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Антонович,

Очень рад был получить от Вас письмо, которое напомнило мне наши разговоры в милой семье Козмичёвых.

Ганс Винклер — немецкий арабист, который занимался изучением быта кочевых племён арабов Египта. Когда говорят об Египте, обычно вспоминают феллахов, их тяжёлый труд, шадуфы, каналы и пр., но в течение тысячелетий в горах по соседству с долиной Нила кочуют скотоводы, презирающие «блага цивилизации» — их мало кто знает, и они сохранили до наших дней обычаи арабов времён Мохаммеда. Винклер кочевал вместе с ними и посетил их стойбища в горных ущельях — вади. На скалах он обнаружил изображения людей,

[1] В личном архиве И. А. Ефремова это письмо хранилось без конверта, фамилия автора не была указана. Адресанта помогли установить заслуженный деятель науки Российской Федерации Р. Н. Исмагилова и петербургские востоковеды В. П. Зайцев и С. Р. Тохтасьев.

лодок, животных и мн. др. Увлёкшись изучением этих изображений он посетил даже оазис Авенат, где сходятся границы Египта, Судана и Ливии. Там, вдали от караванных путей, он нашёл скелеты последних обитателей этого оазиса. На скалах Авената среди прочих фигур находились изображения весьма своеобразных женских фигур — (богинь?), которые напомнили ему Крит. Все материалы были опубликованы перед Второй мировой войной, и с тех пор нет никаких новых публикаций и исследований. Действительно ли здесь сказалось влияние Крита, неясно.

Я думаю, что Крит был теснее связан с Северной Африкой, чем обычно думают. Мне представляется, что этнический состав населения древней Сахары был очень сложен. Некоторые языковые данные позволяют, как мне кажется, связывать районы южной части Сахары с Передней Азией. В языках народов, живущих в полосе Судана от оз. Чад до Эфиопии обнаружены следы языкового субстрата, проходящего повсюду и оказавшего влияние на языки самых разнообразных групп и семей. Антропологи отмечали в составе населения Сахары дравидийские типы. Словом, все проблемы этнической истории древней Сахары ведут нас то к Криту и Восточному Средиземноморью, то к Индии и Эламу.

В октябре-ноябре прошлого года я был в Париже и благодаря любезности руководителей французских экспедиций — Лота и Байу видел материалы новых экспедиций 60 и 61 гг. в Тассили и Эннеди. Новые находки эти ещё не опубликованы. Самое замечательное из того, что я видел — изображения, найденные в Тассили: голова совершенно критского типа с повязкой и длинными спиральными локонами и головы явно семитского типа, которые как бы срисованы с изображений пленников-семитов в храме Рамсеса в Абу-Симбеле. Этим вопросам, в частности, был посвящён мой доклад, который я прочёл недавно — 28 марта в Москве в Доме учёных о проблемах древней истории Африки (на сессии отделения исторических наук АН СССР).

Издание находок Винклера:

Winkler, Hans A. Rock Drawings of Southern Egypt. I-II. 1938/1939 гг.(*)

Если у Вас возникнут какие-нибудь вопросы — всегда к Вашим услугам.

Искренне уважающий Вас...

(*) Archaeological Survey Egypt Exploration Society NN 26 and 27 (Sir Robert Moud Expedition).

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 14

Абрамцево
9 июня 1962 г.

Dear Boris!

I am exceedingly glad to hear that your long writing is already over. Congratulations. I shall wait your next letter with news about your transfer on another ship on to another sea.

As a small celebration I send you two top class girls for your new cabin.

By the way, your English is very little improved. It seems to me that it is by your neglection because you have (as you have had to write me) a lot of time off duty.

For this I blame you unmercifully!
Or maybe the cause are some local tigress' instead of red-head babe?

With all best wishes,
yours sincerely *I. Efremov*

P. S. If you wish now to take a right course (about English), let me know and I shall send you the newest extraordinary good book "The Lost Grain Race" by the seaman.

Дорогой Борис!

Я чрезвычайно рад был узнать, что Ваше долгое ожидание закончилось уже. Поздравляю!

Я буду ждать Вашего следующего письма с новостями о Вашем плавании на другом судне или на другом море. Как только я об этом узнаю, сразу же вышлю снимки девушек лучшего класса, чтобы они украсили Вашу новую каюту. Между прочим, Ваш английский мало впечатляет. Мне кажется, что это результат Вашего пренебрежения им, потому что у Вас есть много свободного от службы времени. За это я Вас виню немилосердно. Или, быть может, причина в неких тамошних тигрицах.

Мои лучшие пожелания!
Искренне Ваш *И. Ефремов*

P. S. Если Вы теперь хотите взять правильный курс в английском, я пришлю новейшую чрезвычайно хорошую книгу «Зе Лост грейн рэйс»[1] об одном моряке.

Перевёл Б. Устименко

15 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
26 июня 1962 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Очень рад Вашему письму, хотя оно и огорчительно насчёт болезни Наталии Алексеевны. Счастье, что вовремя захватили, и надеюсь, что она сейчас уже дома, так как прошло 10 дней с написания Вами письма. Теперь почту мне привозят примерно раз в 10 дней, и Ваше письмо пролежало в городе. Передайте от Тасеньки и от меня дорогой Наталии Алексеевне самые лучшие пожелания, соболезнования, сочувствия и вообще добрые приветы.

Я уединился на даче и пишу, пишу, пользуясь тем, что идёт и судьба пока позволяет. Никуда отсюда не денусь до осени, пока не напишу, но приеду в Москву один раз около 10, когда Ольга будет выполнять свои материнские обязанности. По-видимому, это совпадёт с Вашим приездом и это было бы превосходно, а ежели не совпадёт, то придётся Вам пожаловать в знакомое Вам Абрамцево, где будете встречены с любовью и заботой, и единственно, что будет немного ограничено, — это наши с Вами длинные беседы.

[1] «The Last Grain Race», «Последняя пшеничная гонка» (англ.) — опубликованная в 1956 году книга английского писателя и путешественника Эрика Ньюби. Книга рассказывает о его походе юнгой в 1938—39 годах из Англии в Австралию вокруг мыса Доброй Надежды и обратно вокруг мыса Горн на четырёхмачтовом барке «Мошулу».

Ольга держится молодчиной и совсем непохожа на «берёменную девушку», как то мы привыкли себе представлять — только пузик, и то не очень большой, ничего другого. Очень рад, что Козишка в том же роде, — в общем, девчонки молодчаги, и нашим мамам можно бы и позавидовать (я не говорю «сензу стрикто»[1] о моей, которая родив меня, поехала кататься!) им. Поцелуйте Козу от меня и от Таси, сердечный привет Серёже.

Что до иллюстраций, то именно сейчас ничего не могу сделать. Все фото, все журналы убраны на лето в городе, закноплены бумагой, и отыскать что-либо — это целое дело, на какое сейчас неспособен.

Если дело дотерпит до осени, тогда смогу найти фото туманностей и какие-либо свои хорошие фото в Монголии, но не теперь.

Тася целует Вас и всё семейство, я, разумеется, тоже. Будьте здоровы и ежели выйдет — приезжайте!

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16

Абрамцево
12 августа 1962 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Как дела у Вашего семейства? Что-то давно ничего не было от Вас.

Как Танюшка? Как здоровье Натальи Алексеевны? Я сижу на даче и упорно пишу, и буду сидеть, пока не напишу. Кончаю индийскую часть и возьмусь за русскую.

Чувствую себя однако всё время неважно — как пошло с того времени — так и не могу выровняться. Из-за этого не буду участвовать в международном совещании фантастов — да оно, судя по приезжающему составу, обещает быть неинтересным.

Дарья живет у нас на даче, понемногу растет, вопит, но мало, девчушка в общем спокойная.

Посылаю Вам вырезку из томской газеты — пример, как делаются легенды о ещё живом человеке.

Поцелуйте Козу и Наталью Алексеевну от Тасеньки и от меня. Большой привет Серёже.

Ваш *И. Ефремов*

Е. А. БЛАГИНИНА и М. И. ПОСТУПАЛЬСКАЯ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17

Голицыно
13 августа 1962 г.

Дорогой Иван Антоныч!

Я очень Вам обрадовалась, т. е. Вашему явлению в письме. Просьба Ваша простая, выполню её с удовольствием.

---

[1] Sensu stricto (лат.) — в узком смысле.

Песню Векерлена услышала впервые на Медвежьей горе — в Карелии, куда выслан был в 1934 году мой муж. С ним мы и шли по некрутому взгорью над рекой Кумсой — дикой и нежной, как все тамошние реки. Нас окружали сосны, тишина, валуны, солнце и ещё то величайшее и торжественнейшее, что принято называть любовью.

Мы брели, не разговаривая ни о чём, — он немного впереди меня. И вдруг он ни с того ни с сего (никогда не пел, не напевал так вот на ходу) без всякого выраженья, интонационно очень свободно и потому восхитительно, пропел:

О, если сердце милой
Готово запылать
Той превосходной силой,
Какую страстью звать.

Негой полны,
Вкушайте жизни сладость,
Пока струится младость
Волнением в крови.

Я обмерла:
— Дальше, дальше! Как хорошо!

Ты молод и уверен,
Что долог жизни день.
Увы, твой срок отмерен,
Близка ночная тень.
Друг мой, лови,
Бегущей жизни звенья,
Не бойся наслажденья
В объятиях любви.

Приятно солнцу вянуть
В вечерней глубине,
Чтоб завтра вновь воспрянуть
В рассветной тишине.
Близок уж час —
Погаснет жизни пламень.
Увы, могильный камень
Навеки скроет нас.

Негой полны,
Вкушайте жизни сладость,
Пока струится младость
Волнением весны.

Я (зачарованно). Что это?
Он (сухо). Векерлен. «Эхо минувших времён»...
Я. А чей перевод?
Он. Мой...
Я (рада). О, милый!

Так эта песня и осталась со мной навсегда — одною из любимых.

А коктебельский текст лёг как-то сам собою на эту мелодию и повторил высокую радость жизни и любви.

В начале сентября поеду в Коктебель. Правда, его радости помаленьку отходят — не могу теперь долго быть на солнышке (что-то с глазами творится несусветное), не могу высоко взбираться по кремнистым тропам Коктебеля (что-то с ногами, шут бы их взял), не терплю многолюдья и пустомельства (что-то с нервами, будь они неладны). В общем, комментарий излишен — не правда ли?

В Голицыне у нас всё по-прежнему — много одиноких «кукелок», которые лепятся к нам с Мусей[1]. Приходится согревать эти хладные, верней,

[1] М. И. Поступальская.

застуженные на ветру жизни существованья. По вечерам читаем вслух (Муся великолепно сие делает — душенька!), пьём чаи, едим варенье и грибки. Водочки-наливочки отошли «в предание области», как говорила одна немка.

Я работаю мало и плохо. Муся много и, кажется, хорошо — я ещё не читала всего, что она написала за лето.

Ухожу в лес и там вершу великие таинства тишины — они ведь так разнообразны.

Погода плохая — залили дожди и прохладно зело. Но всё равно хорошо. Мучают животные — беспризорные кошки, коих мы зовём «приходимцами», и цепные собаки, коих не кормят, не поят, и они воют по ночам, и это так страшно и непоправимо. Сильно страдаю от этого! Написала стихи «О цепном псе», всюду рассовала, всюду приняли, старухи плачут, но толку нету — собакам не стало легче отнюдь.

Давно ль перечитывали «Запечатленного ангела»[1]? Если давно, перечитайте, когда сдадите роман. Дивное диво!

Так обрадовалась Вам, что даже разболталась — прошу прощенья!

Автора можете не упоминать — эко диво сочиненье!

Обымаю и лобзаю троекратно — Вы душенька и наш любимец.

Поклонитесь Тасе и Аллану с жёнушкой.

Ваша
Е[лена] А[лександровна]

Дорогой Иван Антонович!

Очень красиво с Вашей стороны писать письмо Благининой, которая живёт почти рядом со мной и видит меня каждый день, и не прислать мне даже захудалого привета.

Усматриваю в этом прискорбный факт скрытого недоброжелательства. Единственно, что могло бы искупить Вашу вину — это погружение в машину вместе с Тасей и приезд к нам в Голицыно, где Вам были бы рады сердечно.

Ваша
М. Поступальская[2]

но Жемайтис и Главлит… Поразительно!

Сначала я читала, как красивую сказку. Обольстительные женщины, чудесные туалеты… То, что Вы всегда любили и умели описывать. Но потом! Какой тщательный и проникновенный анализ. Не оставлено без внимания ничего, даже песни молодёжи, даже злоупотребления моющими средствами. И всему дана точная и исчерпывающая формулировка.

Над книгой должны задуматься многие. Честь Вам и слава!

Наверное, много кое-чего и убрать пришлось? Как жаль!

Поздравляю Вас от всего сердца. И ещё раз спасибо, что дали мне возможность прочитать книгу сейчас. Когда бы ещё мне её достали?

---

[1] Повесть Н. С. Лескова «Запечатленный ангел».

[2] Далее идёт рукописный текст. Судя по содержанию, это уже другое, более позднее письмо Е. А. Благининой (возможно, конца 1962 года), написанное из Москвы. В нём отзыв о рукописи романа Ефремова «Лезвие бритвы».

Хочется повидаться и поговорить. Но я совсем плоха. Как приехала сюда в конце октября, так ни разу со своего седьмого этажа не спустилась, хотя лифт работает исправно: очень больно ходить.

Больно утром и вечером, днём и ночью. Часто никакого терпения не хватает. Меня уже не лечат, а только через день делают уколы пантопона с атропином. Тогда боль утихает, и я сплю ночь. Так, раз в двое суток у меня есть передышка.

Очень здесь скучно. Мои любимые книги, картины, животные и цветы остались в Голицыне. Здесь я как в номере гостиницы незнакомого города...[1]

18 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Абрамцево
18 августа 1962 г.

Дорогой Владимир Иванович,

пишу Вам на всякий случай. Подательницы сего, две юных особы — племянница Марии Фёдоровны — Мила и племянница Таси — Слава едут в Ленинград на несколько дней с экскурсионными целями. Мы направляем их к друзьям на Петроградскую (Юнатовым), но так как выезд скоропалителен и нам не удалось созвониться — прошу покорнейше, если возможно, приютить их, пока они не устроятся окончательно, в случае если друзья на Петроградской окажутся на даче или ещё где. Это, конечно, в случае, если Коза и её Заяц отправлены Вами в Комарово. Если нет — они будут звонить Рахмановым, а тогда останется просьба к Козишке и Серёже — нельзя ли приставить к девочкам хахаля или хоть мальчонку на худой конец, чтобы поводил по Ленинграду. Мороженое и автобус — за их счёт. Буду очень обязан.

У нас пока всё по-старому. Месяц не был в Москве, сижу и пуще прежнего пишу. Постараюсь ещё месяц не быть — тогда бы и «Лезвие» к концу подошло.

Дашка растёт, делается осмысленной. Оля ещё у нас на даче — все кланяются Наталье Алексеевне и Вам. Тасенька Вас обоих целует, а Козишке — особый поцелуй.

Поцелуйте ваших дам и от меня с лучшими пожеланиями. Крепко жму руку.

Ваш *И. Ефремов*

19 И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ИВАНОВОЙ

Абрамцево
5 сентября 1962 г.

Дорогая Валентина Алексеевна!

Большое Вам спасибо за тёплое слово о Елене Дометьевне. Оно особенно приятно тем, что исходит от одной из наиболее симпатичных мне в ПИНе людей — от Вас. К сожалению, с возрастом или становишься бессмысленно добрым, или понемногу озлобляешься на бессмысленную жестокость жизни, и тогда начинаешь к другим относиться строже, чем, вероятно, надо. Со мной как раз и происходит второе, поэтому я становлюсь более одиноким, чем прежде, и забираюсь на свою скалу (человек — потомок скального антропоида!),

[1] Окончание не найдено.

где приятно живое слово от симпатичных мне людей. Извините за почерк — разрезал руку и не пишу на машинке. Что до ПИНа, то возвращение, видимо, неизбежно, но я не очень тороплюсь. На свободе — лучше!

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 20

Абрамцево
18 сентября 1962 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Чрезвычайно жалею, что Вы не собрались ко мне в Абрамцево. Вот было бы славно — Вы могли бы пробыть там пару-другую дней, и мы бы о многом поговорили. Пока ещё я калиф на час — на будущий год прогонят, — не академик! С Вашей оценкой Анатолия Рождественского вполне согласен — ему единственно что мешает — это «комплекс неполноценности» — очевидно, его в детстве много били товарищи-мальчишки, и по сие время ему обязательно надо утвердить своё превосходство — это много ему портит!

Сейчас я пребываю в крайней занятости. Судьба, как обычно, вываливает на головы своим подданным жизненные задачи не постепенно, а кучей.

В сентябре должен был с напряжением всех сил кончать свой роман «Лезвие бритвы», получающийся не очень-то острым для теперешнего читателя из-за перегрузки наукой. С ним пора развязываться, потому что сейчас вижу очередной задачей скорописание популярной книги по палеонтологии позвоночных. Поскольку эта наука под доблестно самоснабженческим управлением Ю. Орлова зашла в совершенно бесперспективный тупик, и я удивляюсь, как её ещё не разогнали (впрочем, при тяжело ворочающихся колесах нашей бюрократии оно и не удивительно)! Нет ни хорошей смены, ни положения, ни перспектив деятельности, а вместо коллектива — сброд кустарей-одиночек, или безнадёжно остарелых, или (помоложе) заботящихся лишь о своей карьере. Единственно, что может связать разноплемённую публику, — общая работа на общую цель — абсолютно отсутствует в нашем злополучном ПИНе.

Но я отвлёкся. Сосредоточившись на писании, я внезапно после пяти, вру — семи лет переписки, просьб и оскорблений получил от Академии приемлемую квартиру в обмен на мою. Началась вакханалия справок, прописок, ордеров и т. д., чего для я сейчас сижу в Москве. Как только смогу — уеду кончать книгу, но, видимо, кончить не удастся, потому что придётся осуществлять переезд — природа пустоты не терпит.

В итоге — квартира + книга при моём здоровье будет многовато, и я, видимо, закончу писание лишь в ноябре, а декабрь буду отдыхать и, вероятно, приеду в Ленинград, где и увидимся.

Из этих обстоятельств проистекает и ответ на Ваше с П. В. предложение о докладе. Явно не смогу подготовить что-либо «стоящее» — не до жиру, быть бы живу. Хотя в смысле корпуленции — оного поменьше бы!

Конечно, если бы переездом занимался Аллан, но увы, его, как всегда, не бывает именно тогда, когда он нужен! Так уж ему везёт — я считаю, что, конечно, везёт… в этом отношении геологическая работа выгодна.

Очень рад, что с Александрой Ивановной чувствуете себя лучше. Сердечный привет ей, пожалуйста, и примите сами.

Искренне Ваш *И. Ефремов*
(И. А. Ефремов)

21 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ПЕРМЯКОВУ

Абрамцево
14 октября 1962 г.[1]

Глубокоуважаемый Георгий Георгиевич!

Очень досадую, что никак не могу теперь же выполнить Вашу просьбу. Делать её формально — пробежать новый вариант и отписаться никак нельзя, а на серьёзную читку сейчас нет времени ни единого вечера[2] — в запале кончаю свой роман, и этот запал уже испорчен тем, что мне вздумали дать новую квартиру — тогда надо будет переезжать со всеми книгами, рукописями и т. д. и весь мой запал будет потушен. Придётся начинать заново, а время поджимает уже совсем, загоняет в щель.

Словом, действует закон наибольшей неприятности судьбы…

Не пойму, что такое с Вашим романом «Остров алмазов». Читая его в первом варианте, я не нашёл его выдающимся, но ничего принципиально порочного в романе не было. Детективная сторона достаточно сильна и много лучше барахла, частенько издающегося в «Воениздате» и «Профиздате». Пишите Вы не очень образно, но хорошо владеете языком, лучше многих тех, которые печатаются. Человек Вы знающий и многосторонний. Конечно, Вам надо ещё много учиться писать, как, впрочем, и каждому из писателей, ибо без оттачивания слово скоро стирается, но это Ваше произведение вполне годится для напечатания и, я уверен, будет читаться с интересом. Выходит, дело в вопросах редакционного характера, а вовсе не в том, чтобы «быть или не быть». Я обязательно посмотрю новый вариант и напишу своё мнение, но позже, сейчас оно попало на мой цейтнот.

Я всегда ругал Вас нелицеприятно за разбрасывание и спешку, но не сомневался, что писать Вы можете. И я уверен, что товарищи из Крайкома разберутся и Вас поддержат[3]. Напишите мне обязательно, как пойдут дела.

С искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] По дате от руки красным карандашом написано Г. Г. Пермяковым: Отв. 18.X.62.

[2] Здесь и далее в письме подчёркивания сделаны Г. Г. Пермяковым. — *Примечание В. П. Бури.*

[3] Глава из «Острова алмазов» о полёте в виворамe, которую хвалил И. А. Ефремов, была после небольших переделок послана Г. Г. Пермяковым на международный конкурс фантастического рассказа, объявленный журналом «Техника — молодёжи». Этот рассказ получил поощрительный приз — годовая подписка на «ТМ» — и должен был по результатам конкурса быть опубликованным в переводе в странах соцсодружества (выход таких сборников было одним из условий конкурса). Но, к сожалению, этого не произошло. Часть рассказов-призеров была опубликована в «ТМ», часть вошла в сборник «Лучший из миров». Книга Г. Г. Пермякова «Остров алмазов» (под псевдонимом Г. Ланин) вышла в Хабаровске в 1963 году тиражом 30 000 экземпляров. — *Примечание В. П. Бури.*

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

22

15 октября 1962 г.

Дорогой профессор Ефремов!

Не давно, Я получил от Вас хороший русско-английский словарь, и раньше восхитительную книгу о китайском искусстве. Большое спасибо. Оба, конечно мне очень нравятся. Тоже, Я получил книгу, которую Я Вам послал — Фрома[2] — итак, думаю что не возможно Вам эту посылать. Очень жалко. Как бы то не было, Я постарался.

Вчера, действительно несколько дней назад — теперь, Я послал несколько книг, две посылки, и надеюсь они приедут бес трудно. Одна — статья об моей работе в Оклахома, 1961. В Августе мы с моим сыном — Георги — продолжали работу, и нашли многие новые образцы. Большинство был в каменоломне, из которой Мы добывали вещи Я описал в статье. Думаю что сбор включает два или три нового рода, один из которых, может быть, маленький хищник, пресмыкающееся, конечно.

Другие книги не очень важные, только несколько рассказов. Вероятно Вы почитали «Lost Horizons»[3] много лет назад. Это один моих любимых фантастических романов. Я мог найти только один роман написанный Масоном, но когда Я найду другие Я их посылаю. Может быть Вы уже смотрели Научно-фантастические книги. Два или три — хорошие примеры психологической тенденций в нашей литературе. Не знаю точно что авторы пробовали делать, но знаю они мне не нравиться. Я хотел бы знать если Вы понимаете такие рассказы, и, что Вы об этих думаете. Вы писали об Вашего теперешнего чувство относительно научного исследования. Понимаю, потому что иногда Я тоже думаю: может быть это был бы лучше использовать моё нынешнее знание чем продолжать искать новые сообщение. Но, только изредко. Полная работа мне слишком много нравиться. Еще, Я хотел бы смотреть Пермские нахождения в Вашей стране, по меньшей мере несколько местов как, на пример, Езого[4], Ишеево, и т. д. Но, кто знает, может быть это будет возможно, как-нибудь.

Приехал мою, или лучше нашу, монографию? Надеюсь это теперь там и что это Вам нравиться. Не давно, Я послал другые Вашим коллегам в Палеонтоологическом Институте. Если Ваша не прехал, почему нет воровайте одну из их, как Проф. Флеров делал когда Я послал «Национальны Географих», который мая жена уже воровала от контора зубного доктора?

Когда Вы говорите с Доктором Чудиновом, скажите ему, пожалуйсто, что этот такой новый русский язык, как, на пример «Думаю это не О. К.» Это как мой русский язык, и Я понимаю бес трудно. Может быть он скоро будет писать действително хороший русскии жаргон, как «Нуц на них» и, потом может говорит американский слэнг бес трудно.

Я читал «43,000» и соглашаюсь эта хорошая и печальная книга. Надеюсь ничего как это никогда не случилось. Кажется это должно быть не возможно,

---

[1] Орфография и пунктуация данного письма сохранены.

[2] По-видимому, речь идёт о какой-то книге Эриха Фромма.

[3] Вероятно, Олсон имеет в виду роман английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» («Lost Horizon», 1933).

[4] Вероятно, имеется в виду местонахождение Ежово.

но сегодня новые проблемы возникают почти ежедневно. Не знаю, но мие кажется они больше всего ненужные. Однако, довольно.

Я только что кончил очень трудую книгу «Structure of Science» by Hagel.[1] Интересная но почти слишком много дла моего слабего ума. Он — Hagel — не моч бы снижать палеонтологическую науку в термодинамику — еще. Теперь Я изучаю методы поступать палеонтологические системы по формалном анализе, чтобы магу понимать их лучше. Пока что, почти ничего, но думаю это возможно.

Я начал писать это письмо семь дней назад — теперь болше — и не знаю когда это будет на почту. Не давно Я нашол очень красивую и интересную книгу о древнем искусстве с многами хорошими рисуноками. Послал Вам это и надеюсь это приедет скоро.

Желаю что Вы можете быть в Вашингтоне летом 1963 когда билоги будут собратся дла Международного Биологического Конгресса. Знаете если кто-нибудь приедет от вашего Института? Это будет очень хорошо встречать несколько моих друзей снова.

Ну, достоточно. Скоро Я напишу письмо по-аиглийски чтобы магу писать все и точно что Я хочу.

Как всегда, Ваш друг
E. C. Olson

23 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
16 ноября 1962 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Наконец (только-только!) все дела с переездом закончены и завтра я уезжаю в Абрамцево — возобновить прерванную работу по окончанию «Лезвия бритвы». Как видите, переезд отнял почти чистый месяц, да ещё месяц до этого — оформление всяких бумажных дел. Квартира получилась хорошая — Серёжа Вам всё расскажет, но для этого достижения пришлось приложить массу забот и денег. Придумал даже новую поговорку — хорошая квартира — хорошие деньги. Получилось так уютно, что даже уезжать не хочется, но надо, так как здесь одолевают люди — все приходят на новую квартиру посмотреть и потом повторяют визиты — в общем, надо эту цепь прервать и втянуться в работу, да и отдышаться, особенно Тасеньке, а то она совсем загонялась. Возникают ведь тысячи неожиданных дел, и все они хлопотны — переучет автомашины, перевод адресов, пенсии, поиски новой мебели и т. д.

И тут ещё — смерть Киселёва — помните шумного, громогласного археолога, который приезжал к нам на дачу, когда Вы были у нас с Наталией Алексеевной?

---

[1] У Олсона опечатка в фамилии автора. Книга «The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation» («Структура науки: проблемы логики научного объяснения»), вышедшая в США в 1961 году, написана Эрнестом Нагелем (Ernest Nagel).

Его буквально зарезали и ухайдакали наши хирурги, особенно есть такое светило — проф[ессор] Петровский — вроде профессорской сволочи Егорова, который доконал Елену Дометьевну... Что ж, похоронили на великолепном месте, на Новодевичьем, какого нам с Вами не удостоиться, да и Бог с ним.

В общем, сейчас положение может быть совершенно ясно: буду писать «Лезвие», и мне надо примерно еще не меньше месяца, чтобы его закончить в черновике. Правка будет проста и быстра, и её можно делать в Москве, после Ваших советов и «кальсонтации» — выходит, Вам надо появиться у нас примерно после 20 декабря — напишу, когда будет виден конец «Лезвия». Я, конечно, рад видеть Вас и раньше, но на даче у нас пристанища нет, да и хочется, чтобы Вы внимательно прочитали уже готовое «Лезвие». Я по-прежнему намерен его отдавать в «Неву», но, конечно, вопрос, как примет журнал эту повесть и хватит ли храбрости? Храбрость-то, в общем, небольшая — дело не в каких-либо скользких вещах или крамолах — этого ничего нет, но необычность может смутить, а корёжить всё равно не дам! Но, конечно, к начальным номерам всё равно не попасть — реально рукопись попадёт в редакцию перепечатанная и выправленная — в январе. Тогда же, очевидно, я приеду в Ленинград, чтобы пробыть там с месяц, не меньше. На свидание с Лемом решил не ходить — мне кажется, что Лем относится к нам с высокомерием, потому что ежели бы он по-серьёзному хотел со мной встретиться, как писатель с писателем, то он должен был бы написать мне о своем желании, а не выражать его вообще. Тут наши засуетились, стали донимать меня телеграммами, чтобы я пришёл на встречу, а я протелеграфировал им, что люди культурные, ежели хотят встречи, так предварительно списываются, а не изображают генерала, на встречу с каковым сгоняют писателишек. Наверное, «деятели» изумились, а может — и нет, если им плевать.

Мы тут очень обеспокоились Вашей припиской, но потом Серёжа сообщил нам, что дело в простом гриппе или ангине и не имеет ничего общего с кишочками Наталии Алексеевны. В общем — вы все усталые и бедные, и обидно, что помочь-то, собственно, нечем, кроме добрых слов. Помните, как: «Сам я и беден и мал, сам я смертельно устал... Что я могу? Чем помогу?»[1] А такое — настраивает на печально-негодующий лад! Но ничего — ежели пойдёт «Лезвие» — я буду на коне и могу опять представить весьма долгосрочный кредит. В общем — нам надо скорее повидаться и заканчивать это затянувшееся дело...

Поцелуйте всех и себя самого от Таси и меня. Крепко Вас обнимаю и желаю прежде всего — здоровья.

Искренне Ваш
И. Ефремов

---

[1] Неточная цитата из стихотворения Фёдора Сологуба «В поле не видно ни зги...»:

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

24 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
22 ноября 1962 г.

Дорогой Борис!

Что-то давно не слыхал ничего о Вас. Напишите, где Вы и как Вы, как английский, литературные попытки, прекрасные девушки?

Я переехал на новую квартиру, так что теперь адрес другой: Москва, В-333, 2-й Академический проезд, д. 4, кв. 40.

Телефона нет, и будет не раньше, чем через полгода, так что, если Вы вздумаете появиться в Москве — являйтесь лично.

Не помню уже, писал ли я Вам, что у Аллана появилась дочь — Дашенька, и я теперь — дед, по какому случаю отпустил усы и похож, по мнению одних, на отставного полковника британской службы, а по другим — на кавказского партизана. Все мои Вам кланяются и передают сердечные приветы. Пишите!

Искренне Ваш
И. Ефремов

25 И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ

Абрамцево
22 ноября 1962 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Много времени уже не писал Вам и не звонил, хотя и очень по Вам соскучился. Но целая цепь разных обстоятельств, тяжёлых и, так сказать, обычных, житейских, но требовавших безотлагательных действий, случилась за последние два года. Вы уже знаете, что долго болела и умерла Елена Дометьевна, но не знаете о приходе нового человека — у сына появилась дочь, и у меня, следовательно, внучка — Дашенька. Я получил новую квартиру — Академия после семилетней волокиты наконец решила меня осчастливить, и теперь живу на Ленинском проспекте. Прежний телефон я утратил, а новый обещают дать ещё через полгода (и это — в лучшем случае), поэтому приходиться пользоваться автоматами, к чему я не привычен пока. Переезд со всеми моими книгами и рукописями был очень трудоёмок и дорог и продолжался с бумажной волокитой почти три месяца.

По всем этим обстоятельствам я ничего существенного не написал, точнее, не закончил, так как 23 листа нового романа уже написаны и осталось листов пять, для завершения коих я сейчас на месяц удалился на дачу в Абрамцево.

Мне кажется, для Вас будет интересна моя статья о литературе в «Вопросах литературы», поэтому разрешите послать её Вам сразу же, как вернусь в город, в декабре. Тогда же разрешите посетить Вас, если у Вас будет к тому настроение и хорошее самочувствие.

Мой новый адрес, на всякий случай: Москва, В-333, 2-й Академический проезд, д. 4, кв. 40.

Как сейчас здоровье Агнии Александровны? Я слышал, что она болела, но потом всё стало благополучно. Сердечный ей и Вам привет от Таси и от меня, конечно.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 26

Москва
7 декабря 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

Как хорошо, что Вы, наконец, дали о себе знать! Мы с А. А. не раз поминали Вас в течение этих двух лет и сожалели, что связь между нами как-то оборвалась. Но теперь она восстановлена и уже не должна порываться. Будем очень рады Вас видеть при первой же Вашей возможности.

Живём мы больше на даче, где я занимаюсь писанием своих мемуаров[1], поэтому на всякий случай сообщаю Вам наше приблизительное расписание на декабрь:

Сегодня, 7-го, едем на дачу, 12-го вечером возвращаемся в город, 14-го или 15-го опять уезжаем на дачу, возвращаемся в город 17 и будем здесь до 22 (в эти дни будет происходить Всесоюзное совещание историков)[2], 22—26-го снова на даче, потом до 28-го в городе, а затем уезжаем на месяц в Кисловодск.

Одновременно заказной бандеролью посылаю Вам мою только что вышедшую книжку «Кто помогал Гитлеру».

Здоровье наше пока в общем благополучное. Желаем Вам всего лучшего.

И. Майский

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 27

Абрамцево
19 декабря 1962 г.

Дорогой и хороший Владимир Иванович!

Всё ещё сижу в Абрамцеве и всё ещё пишу «Лезвие». Написано 26 листов, а всё ещё конца нет. Мы с Тасенькой эвакуируем дачу окончательно и с 24-го будем в городе. Видимо, я допишу «Лезвие» уже в январе. В общем, к середине января, думаю, что всё уже определится, и тогда — милости прошу. А в начале февраля и я приеду в Ленинград. Вот так всё оттягивается! Если бы мне по ночам писать — быстро бы догнал, но не могу — самочувствие так себе, вероятно, из-за перемен погоды поднимается давление. Как Ваши дела и всего семейства? Тасенька нежно всех целует. Обнимаю Вас и желаю всем всего самого лучшего в Новом 1963 году.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

---

[1] Двухтомник воспоминаний И. М. Майского под названием «Воспоминания советского посла» опубликован в 1964—1965 гг.

[2] На Всесоюзном совещании И. М. Майский выступал в прениях по докладу Б. Н. Пономарёва «Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории».

28 ? — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

Париж
26 декабря 1962 г.

Dear Mr. Efremov,

Firstly — season's greetings — «с новым годом» — for a happy and peaceful 1963!

Secondly: please note change of address from: Compagnie d'Exploration Petrolaire, Chambourey, 5+0 to Laboratoire de la Geophysique Appliquée,Université de Paris, 16 rue Pierre Curie, Paris 5e (incidentally, did you receive my letter of last January? At that time postal service here was somewhat unsure with ten to twenty bombs per day).

Thirdly — a favour: I am at present working on a Doctor's thesis in Applied Geophysics, namely in Velocity and attenuation of Acoustic Waves measured in bore holes (Oil Wells). We receive some Soviet publications here, but only a part is translated in France, some (more) in the USA, but usually with several years delay. Could you perhaps pass this note to an "Applied Geophysicist" who is interested in this (relatively limited) subject and ask him if he could send me a short bibliographie of recent Soviet publications dealing with these matters? To give him a more exact idea of my interests he could refer to my articles in "Geophysical Prospecting" (journal of the European Association of Exploration Geophysicists) — <...>

Дорогой господин Ефремов!

Прежде всего — «с новым годом»[2] — пусть 1963 год будет счастливым и мирным!

Во-вторых, прошу заметить, что мой адрес поменялся с Compagnie d'Exploration Petrolaire, Chambourey, 5+0 на Laboratoire de la Geophysique Appliquée,Université de Paris, 16 rue Pierre Curie, Paris 5e (кстати, дошло ли до Вас моё январское письмо? Тогда почта ходила не очень регулярно, в день случалось по 10— 20 взрывов[3]).

В-третьих, прошу об одолжении. Я сейчас работаю над диссертацией в области прикладной геофизики, а именно — по теме «Скорость и затухание акустических волн в нефтяных скважинах». Мы здесь получаем некоторые советские издания, но во Франции переводится лишь часть, несколько больше в США, однако обычно с задержкой в несколько лет. Не могли бы вы передать эту записку какому-нибудь специалисту в прикладной геофизике, интересующемуся данной (довольно узкой) областью с просьбой прислать мне краткую

---

[1] В письме не хватает последней страницы. Имя отправителя установить не удалось.

[2] В тексте по-русски.

[3] Бомбы взрывали члены ОАС — Секретной вооружённой организации (OAS — фр. Organisation de l'armée secrète) — ультраправой подпольной националистической террористической организации, действовавшей на территории Франции, Алжира и Испании в завершающий период Алжирской войны (1954–1962). Первоначально она выступала против предоставления Алжиру независимости, а после подавления французскими властями путча ОАС в Алжире в апреле 1961 года выступила за свержение республиканского строя во Франции и установление военно-фашистской диктатуры.

библиографию последних советских работ по теме? Точнее познакомиться с моими интересами можно по статьям в журнале Европейской Ассоциации разведочной геофизики «Джиофизикал проспектинг» — <...>

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ

29

Москва
27 декабря 1962 г.

Professor Dr. Friedrich von Huene,
Geologisch-Paläontologisches Institut
der Universität Tübingen

Sehr geehrter Herr Professor Huene!

Yesterday I have returned from three weeks holiday trip and have received both your letters and book you so kindly and promptly have ordered for me.

Thank you ever so much. This is really a very friendly help in my recent work.

But there was a misunderstanding. To be open with you I make a wrong suggestion that you will send me this book in exchange for some our books you wanted. As we have had to speak during your visit to Moscow, we all according our laws haven't any currency abroad even such small sums, as the cost of an ordinary book.

To improve my mistake I shall ask somebody of my friends abroad to send you your expenses at your address but it needs some time and I beg your pardon for this delay. If I cannot promptly arrange the whole thing I shall send this book back to the bookstore and to pay off all post and other expenses.

Have you enjoyed the peculiar skull of Estemmenosuchus which cast Professor Orlov have brought with him to Tübingen? It is a form with adaptation close to your Keratocephalus and it is very interesting to compare both animals directly. Maybe you will take such a duty and write an article?

I shall next year to finish a popular book about early Tetrapoda and the development of Mammalia. I hope that you are in good health and shall write some new of your interesting investigation. All my colleagues sent you their best wishes. Please accept also my personal ones and hearty greetings with the coming Neues Jahr.

Mit freundlichem Gruss bleibe ich Ihr ergebener
I. Efremov

Профессору Фридриху фон Хюне,
Институт геологии и палеонтологии
Университета Тюбингена

Многоуважаемый господин профессор Хюне!

Вчера я вернулся домой после трёх недель отпуска и получил оба Ваших письма и книгу, которую Вы столь любезно и оперативно заказали для меня.

Я чрезвычайно благодарен Вам за дружескую помощь в моей нынешней работе.

Но мы с Вами друг друга недопоняли. Откровенно говоря, я ошибочно предполагал, что Вы пришлёте мне эту книгу в обмен на какую-нибудь дру-

гую, нужную Вам. Когда Вы приезжали в Москву, мы объясняли, что по нашим законам мы не располагаем иностранной валютой, даже такими небольшими суммами, как стоимость одной обыкновенной книги.

Чтобы исправить свою ошибку, я попрошу кого-нибудь из моих иностранных друзей выслать Вам сумму Ваших расходов, но это потребует времени, и я прошу у Вас прощения за эту задержку. Если я не смогу быстро всё решить, я отошлю книгу обратно в магазин и выплачу Вам все почтовые и прочие расходы.

Как Вам необычная челюсть эстемменозуха, гипсовый слепок которой профессор Орлов привёз в Тюбинген? Этот экземпляр по типу приспособления близок Вашему кератоцефалу, и было бы очень интересно непосредственно сравнить обоих животных. Может быть, Вы возьмётесь за это и напишете статью?

В следующем году я должен закончить популярную книгу о ранних тетраподах и развитии млекопитающих. Я надеюсь, что Вы в добром здравии и напишете что-нибудь новое о своих исследованиях. Все мои коллеги шлют Вам наилучшие пожелания. Пожалуйста, примите их также лично от меня вместе с сердечными поздравлениями с наступающим Новым Годом.

С дружеским приветом,
искренне Ваш
И. Ефремов

Перевёл Андрей Константинов

30 А. К. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
31 декабря 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сердечно поздравляю Вас и Тасю с наступающим Новым годом, от души желаю Вам обоим здоровья, счастья и всяческих успехов. Мар[ия] Ник[олаевна] присоединяется к моим поздравлениям и просит передать Вам новогодний привет.

Искренне Ваш
А. Рождественский

1963

И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 1

Москва
5 января 1963 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Очень рад был услышать Вас «персоналли», хотя, к сожалению, и не «ин флеш»[1]. А добавление очаровательных «образцов» + сердечное приветствие делает это во много крат более приятным.

Не откажите и Вы принять пожелания здоровья и благополучия в Новом Году — остальное же приложится само собой.

Прошу также передать мои сердечные поздравления и пожелания Ольге Павловне.

Что до литературных реминисценций, то они у Вас полны архаизмов. Начнём с того, что Вы осмеливаетесь назвать «молодым» автора, кой давно сочтён классиком советской фантастики. Действительно молодые авторы, когда им напоминают о Ефремове, обычно отвечают «ну, Ефремов — это же классика и, разумеется, устарело»...

Далее, Вы изволите читать первое издание, когда их потом было шесть, общим тиражом миллион сто тысяч. И я не помню уже, что там с «Альграбом», но со школами у Вас вышел ляпсус. Разберем этот пример:

Цикл 0..... 1—4 года
Цикл 2..... 5—8 лет
Цикл 2..... 9—13 лет
Цикл 3..... 14—17 лет

Как же мог у Вас получиться третий цикл — 13 лет? Вот она где, настоящая фантастика.

Ещё. Насчёт спутника. Это не ошибка, а намеренное одушевление. Мне хотелось показать, что спутник для людей того времени — нечто почти живое, как сейчас мы невольно оживляем автомобиль или корабль. «Не спьяна и не во сне лил я медь, о царь сердитый!»[2]

Вот насчёт того, что после «Андромеды» не написал новой книги, кроме рассказов — в этом виноват полностью. Однако Ваше грозное письмо меня застало на самом пороге окончания романа «Лезвие бритвы» — дописываю 29-й печатный лист. Когда закончу — уеду в Ленинград на некий отдых и потом сразу же сажусь за научно-популярный трактат о палеонтологии, прекратить на время возню с литературой. Надо же как-то отблагодарить Академию за более

---

[1] In flesh (англ.) — «во плоти».

[2] Цитата из стихотворения Саши Чёрного «Песнь песней».

или менее приличную квартиру. Кстати, я был бы очень рад, ежели бы Вы с Ольгой Павловной сочли возможным посетить меня и осмотреть оную квартиру критическим оком. Всегда можно, учтя моё скудное бестелефонное житьё, передать о своём намерении Марии Федоровне, и она, часто бывая здесь, поставит меня в известность.

Оставляя в стороне шутливый тон, с самым сердечным приветом, искренне Ваш
И. Ефремов

2 Н. Н. СЕМЁНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 января 1963 г.

СССР
ПРАВЛЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Москва, Центр, проезд Серова, 4

Члену редколлегии ежегодника «Наука и человечество» профессору И. А. Ефремову

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Направляем Вам только что вышедший в свет первый выпуск международного научно-популярного ежегодника «Наука и человечество. 1962».

Мы глубоко благодарны за Ваше участие в подготовке этого издания и за ту помощь, которую Вы оказали. Надеемся, что и в дальнейшем Вы не откажетесь сотрудничать с нами в создании дальнейших выпусков ежегодника.

С глубоким уважением,
Член Президиума Академии наук СССР,
Председатель Правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, член редколлегии ежегодника «Наука и человечество»
академик *Н. Семенов*

3 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
17 февраля 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вы окажетесь клятвопреступником и — в колькой раз — по моей вине. Увы, правка рукописи оказалась более длительным делом, чем я ожидал, может быть и потому, что уже порядком «пристал»[1], как говорят в Сибири. Пока отданы в перепечатку две первые части, составляющие 362 страницы (сюда я перенес зоопарк и сокращенный кусок о Тоне из IV-й части). Я сильно задержался с первой частью — написанная давно, она потребовала гораздо большей работы, чем я рассчитывал. Вероятно, с двумя другими частями дело пойдёт скорее, и я буду возить их в перепечатку по отдельности, чтобы эта последняя процедура (плюс ещё сверка) не задержала.

[1] *Пристал* (диал.) — устал.

В общем, очевидно, что Вы получите рукопись никак не раньше первых чисел марта, хотя я и тружусь, как каторжный, а Тасёнок превратилась в злобную пуму и гонит всех, а они прут, а она гонит.

Ничего не поделать, книга оказалась уж очень велика, да и серьёзна, и после всех трудов лучше задержать рукопись на пару недель, чем сдать полуфабрикат. И так я, конечно, пропущу сколько-то «блох», т. е. повторения одинаковых слов и т. п.

Жемайтиса я не видел, так как оставил рукопись и не стал дожидаться (он был на каком-то совещании). Но я, конечно, с ним увижусь и выполню Вашу просьбу.

Не буду много писать — рукопись ждёт. Чувствую себя удовлетворительно, а Зебрёнок что-то всё киснет — никак не выгнать засевшего в ней гриппа, молодёжь наша не слишком процветает — стонет, что не высыпается? и у Ольги, которая уже пошла на работу, пропадает молоко.

Все наши друзья Вас очень любят и кланяются. Мы с Тасей Вас обнимаем и целуем, также и Наталию Алексеевну (я, впрочем — ручку) и Козу. Привет большой Сереже, я жалею, что он не живет в Москве, иначе ему сейчас был бы приработок по фотосъемке.

Всегда Ваш
И. Ефремов
(Чорт, ручку исписал)

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 4

Москва
3 марта 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Аллан не смог поехать из-за внезапной болезни Дашутки — определили воспаление легких как осложнение после гриппа. Везёт Вам рукопись Слава — два экземпляра — II-ой и III-й, общим весом в 9 кгр. Поясняю, как обещал, два, чтобы могли скорее читать и на случай художника. Просьба по миновании надобности вернуть дубликат как можно скорее, а ежели рукопись не понравится вообще, то и оба. Машинистки, конечно, меня ободрали и постарались разогнать пошире — в конечном итоге рукопись получилась в 984 стр., то есть без малого 40 листов. Если считать, что они разогнали и преувеличили объем против действительного примерно листа на 3—4, то рукопись имеет вполне реальный объем в 36—37 листов. Такой размер, пожалуй, и велик для журнала, поэтому надо будет идти на сокращение. Там придумаем — у меня идея — дать в аннотации всю первую часть, тогда мы выгадаем листов 8. В общем, пусть читают, а там увидим.

Я, можно сказать, не вставал с места ровно месяц. Запущены все дела — я ещё не проходил ВТЭК, не договаривался насчёт работы и т. д. И, конечно, устал, как собачонка. Поэтому в Ленинград я в ближайшее время не приеду, вероятнее — к 20 числам марта буду добивать здесь все застоявшиеся дела, ну и отдохнуть надо, конечно. Если удастся получить путевки на апрель в Ялту, то поедем с Тасёнком недели на три туда в начале апреля.

Пишу вам и ещё не знаю, какой билет будет у Славы. Если с не столь уж ранним поездом, то скажу ей везти рукопись прямо в «Неву», если пораньше,

то — к Вам. У Вас она не задержится, потому что ей надо исполнить ещё поручение — к Маслаковцам. Она остановится у них, если не будет обратного билета или если ей удастся его обменять, так как она хочет пробыть в Ленинграде дня два-три. Очень большая просьба — посодействовать ей насчет билета через Союз[1], если будут какие-либо затруднения с выездом, в чём сомневаюсь, но всё может быть — помните, как получилось у Вас.

Тасёнок целует Наталию Алексеевну и Вас, я целую руку Наталии Алексеевны и обнимаю Вас. Козу чмокните от нас в обе щёчки — ну, это может сделать Славка.

Ваш *И. Ефремов*

Серёже — памятка для разговора с Владимиром Ивановичем.

1. Смогу приехать не раньше числа 25—26.

2. Перепечатка 200 стр. первой части, если есть машбюро с несколькими машинистками, — пустяк — два дня максимум. Просмотр редактуры — тоже не более двух дней (по первой части). Т. о., есть реальная возможность закончить рукопись к 29—30, как и предполагалось ранее. Если что-либо изменилось в планах, то я ведь тоже не могу без конца изменять все свои планы. Вот почему я сопротивляюсь черезчур уж ярому тороплению.

3. Но это не главное. Главное — в опасении, что сокращение по главам принесет больше вреда, чем пользы. Мне кажется, что сокращение индийских глав — это ведь часть не полностью — останутся две «русские» главы и аннотация на все остальные, дающие связь всей фабулы. Нельзя производить поглавное сокращение в пожарном порядке — испортим вещь, потому что набрать пять-шесть листов, т. е. около 150 страниц без повреждения или приключенческой основы, или философской линии романа — это химера. Может быть, лучше, ничего не повреждая, — опустить кусок?

4. Конечно, я не возражаю против сокращения вообще — необходимость его — очевидная вещь. Но я приложу все усилия, чтобы не повторилось, как с «Туманностью» (или — изъять науку и философию, или — приключения), и потом терпеть бесконечную брань читателей — как это так дал испортить вещь.

5. Мой спор и возражения не означают никакой личной неприязни как к самому Владимиру Ивановичу, так и к милому семейству. Но в части деловой я упрям и свиреп.

6. Приветы и поцелуи всем от Таси и меня. Просьба поблагодарить Воронина за телеграмму и сказать, что его газетное выступление — лучше всех.

5 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
9 марта 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я тут кое-что продумал насчёт рукописи — спешу поделиться. Во-первых — прочитав речь Хрущёва[2], я понял, что такой роман — сейчас к месту

[1] Имеется в виду Союз писателей СССР.

[2] Вероятно, речь Н. С. Хрущёва на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года.

и единственно в чём уязвим — это в непривычном для нас сексуальном аспекте. Однако, поскольку секс является одним из опорных столбов психологии, нам так или иначе необходимо его осваивать, иначе мы не сойдём с повода ханжей и церковников.

Во-вторых — разумеется, 40-листовый роман не под силу никакому журналу, и «Лезвие» необходимо должно быть сокращено.

Следовательно, если печатать — то главнейший вопрос — как сокращать? Конечно, не за счёт пролога, в котором всего-то девять страниц. И не за счёт каких-то отдельных выгадываний в тех или других главах. Это значит, надо производить какую-то адаптацию романа, на что и времени потребно порядочно, и ни к чему хорошему не приведёт. Отсюда мораль — сокращать надо цельным большим куском. Я с Вами согласен, что первую часть нельзя изымать. Нельзя и четвертую — там сходятся все нити. Вторую — она не спасет положения — коротка, кроме того, интересна чисто динамически. Всё сходится на том, что надо изъять полностью всю третью часть, (вернее, оставить от неё две первые главы, происходящие у нас, т. е. «Дар Алтая» и «Кольцо с хиастолитом») — индийскую, она объемом как раз 9 листов, немного больше (без двух первых глав). Её надо, не смущаясь дать в короткой аннотации, чтобы связать некоторых действующих лиц — и всё. Это не нарушит сюжетной цельности романа, несколько ослабит сексуальную сторону и хотя обеднит вещь — но ведь всё равно надо где-то набрать 8—10 листов сокращения, что очень много, если сокращать кусочками.

Я советовался тут со Стругацким[1] (пока он единственный, который прочёл роман полностью и два раза подряд) — он тоже находит такое решение наилучшим. Роману он даёт очень высокую оценку, считая его лучше «Туманности», но не отрицая его «бомбическую» сущность.

Вот так, дорогой друг! Что до перепечатки, то это дело само собой разумеющееся, потому что в издательстве всегда перепечатывают, как бы ни была мала правка, так как типография требует чистого экземпляра. Правда, издательство перепечатывает за свой счёт, но это уже пустяки и, конечно, я не имею никаких возражений против «моего счёта».

Мои дела пока таковы — переосвидетельствование ВТЭК назначено на 18-е. Тогда буду знать, чего делать дальше. Хорошо бы к тому времени уже получить ответственное решение Вашего журнала — будут или не будут публиковать на тех условиях, какие мне кажутся подходящими и как скоро я понадоблюсь для согласования редактирования. Тогда я в свою очередь решу, как с Крымом.

Во всяком случае, утомился так, что в ближайшее время в Ленинград не собираюсь, если уж ехать, то отказавшись от Крыма, на апрель.

Кстати, вспомнил ещё — пролог снимать ни в коем случае нельзя — там начало всей сюжетной линии, а современность тут ни при чём, поскольку это именно пролог, т. е. ретроспекция для объяснения происходящего в наши дни. Что касается объединения предисловия с введением, то оно само по себе правильно, но по-другому — введение надо объединить с прологом, и тогда всё станет на место.

Тасенька целует всё милое семейство и я — присоединяюсь.

Крепко жму руку,
Ваш *И. Ефремов*

---

[1] А. Н. Стругацкий.

6 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
19 марта 1963 г.

Дорогой Борис!

Получили мы с Тасей Вашу удивительную посылку. Тронуты оба чрезвычайно, и в то же время свирепо Вас ругаем — такая диалектика!

Тратить свои жидкие пиастры на такие подарки — право, не надо! Очень приятен Ваш заботливый знак внимания, но ведь он может быть выражен и в другой форме — ну, какую-либо забавную безделушку, ну, вот как эта пальма или шоколад, кокосовый орех там, ну, ром ямайский на самый роскошный конец, но ковры и кофточки — право же, Вы должны тратить на себя, а не на нас! Пожалуйста, примите во внимание сие полностью искреннее пожелание.

Послал Вам авиапочтой полезную книгу — «Инглиш фор симэн»[1], сообщите, когда получите, что-то я не очень верю в нашу почту, и можно будет повторить, пока книга есть в продаже.

Так рад был видеть Вас на фото на набережных и улицах Сингапура! Будто исполнилась и моя мечта, и я сам там побывал — ведь Вы знаете, что Сингапур у моряков есть некая эмблема «настоящести» — был в Сингапуре — значит — моряк, не был — хоть из кожи лезь — не вышел в моряка летучей рыбы!

И если ещё Вы были в Порт-Саиде, Коломбо и Шанхае — то, значит, уже ступали во всех главных экзотических портах мира — это само по себе стоит многих трудов, и Петру никак с Вами не поравняться, даже ежели он напишет пьесу на Ленинскую премию.

Я только что закончил свой роман «Лезвие бритвы» и едва жив, потому что писание сие оказалось непомерно громадным — сорок печатных листов, т. е. 1000 страниц машинописи. Читавшие весьма одобряют. Собираются напечатать сокращённый вариант в «Неве» (ленинградской) и книгой — в «Молодой гвардии», если не помешают недавние события в литературе и искусстве, то я — снова на коне, как говорят братья-писатели.

Если Вы приедете в отпуск в июне, то прочитаете в рукописи. Напишите о своих планах и делах. Тася Вас благодарит и бранит, как и я.

Самые лучшие Вам пожелания. Пишите скорее.

Ваш
И. А. Ефремов

7 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
14 апреля 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Сейчас едем на почтамт отправлять Вам гранки (на адрес редакции заказной авиапочтой). Тут же пошло и это письмо — по нему Вы сможете судить о скорости доставки гранок. Разумеется, они не смогут быть у Вас 15-го, также

[1] «English for seamen» (англ.) — «Английский для моряков».

как я не смог послать их в субботу — лопни там хоть вся типография. Вы забыли, что именно в пятницу ко мне был приглашён Жемайтис, и мы с ним работали над второй частью…

Гранки я подписал в начале и в конце и написал, что не надо более производить какие-либо изменения — так вроде будет всё в порядке, и с Фрейдом нет там ничего страшного.

При работе над второй частью я прочитал все замечания, написанные редактором, и убедился, что его правильно сменили. Он — фарисей и трус, который обращает внимание только на сомнительные с его точки зрения места, но, думая, что он умнее других, притворяется якобы непонимающим — мол, место неясное, лучше опустить. А вот Жемайтис действует совсем по-другому, и я убедился, что он — куда более квалифицирован, чем Ваш провинциал. Жемайтис жмёт по всему тексту, и оттого работать и ему труднее, и мне с ним — очень малы сроки. Поэтому я стал на такой путь — там, где были опасные с Вашей точки зрения места, я их просто опустил — нет времени как-то осмыслить их всесторонне — в книге будет по-другому. Насокращали мы с ним около двух листов, но частично в явный ущерб персонажам — в индийской части, на которую будет больше времени, такого не допущу, а там — как хотите. По слухам, Воронину попало за его выступление на пленуме, но надеюсь, что это не отразится на моем романе, а то — ограничимся двумя имеющимися частями + довесок из 4-й части?

Вторую часть отдали вчера в перепечатку, и она будет готова к среде. Потом её надо проверить, на что берём по дню — я и Жемайтис. В общем, в пятницу, 19-го я Вам её отправлю, и есть все основания думать, что она будет получена 23-го.

Ну, вот как будто и все дела. Теперь гонка должна немного отойти, и я смогу заняться кое-какими своими делами. Жемайтис обещает сделать индийскую часть к концу апреля — тогда я буду иметь в запасе около месяца и попытаюсь съездить на пароходе по Волге, пока он будет готовить четвертую часть.

Обнимаю Вас, и Тасенька вас всех целует.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
19 апреля 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Примите ещё одно извещение. Сейчас отправлю с почтамта авиапочтой рукопись второй части. Мы так яро её насокращали, что у машинисток получилось всего 192 стр[аницы] вместе с двумя главами третьей части, т. е. меньше 8 листов. Меньше всего сокращений будет в оставшейся третьей части (собственно индийской), а в четвёртой опять-таки произведём порядочные сокращения (за счёт собеседования у Андреевых и разговоров Гирина и Симы). Т. о. для третьего номера с «Лезвием» надо вроде оставить больше всего места — листов на 9, а для последнего — не больше семи. Тогда и получится сокращение романа листов на восемь.

Мы с Жемайтисом рассчитываем в следующую пятницу 26 и 27-го отделать третью порцию так, чтобы можно было её сдать на машинку, не подгоняя особенно машинисток, а то они сильно врут — из-за вранья и пришлось мне

лишний день выверять вторую часть, а то у них бегемоты в 4 метра высоты! За это нас всех убьют или ещё хуже, вываляют в пуху и перьях!

В самом начале мая отправлю Вам третью порцию и тогда попробую уехать на пароходе на 17 дней, между 10 и 27, — Москва—Астрахань и обратно. Если за это время будут гранки 2-й части — не беда, их можно поручить Жемайтису или просто толковому человеку у Вас — мы так основательно прочистили всякие там сексы, что итальянский кусок обратился в простую приключенческую повесть и ничего ответственного там нет. Пусть только точно следуют оригиналу, т. е. посылаемой рукописи, чтобы не было вранья в географии или дальнейших каких-либо упрощений.

Индийскую часть — конечно, гранки я буду править сам, но к тому времени рассчитываю быть в Ленинграде, или, во всяком случае, в Москве.

Обнимаю Вас, целую ручку Наталии Алексеевне и щёчку Козе. Тасенька просто всех целует. Будьте здоровы и берегите себя, не давайте захватить себя треволнениям, памятуя, что они в большей своей части — ход политигры, а не нечто капитальное…

Ваш *И. Ефремов*

9 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
1 мая 1963 г.

Дорогой Борис!

Спасибо за красотку — кстати, есть предлог сказать пару слов о красоте женского тела. Вы её ещё, по-видимому, не чувствуете, иначе сразу же заметили бы, что сия красотка никуда не годится. Она — коротконогая (заставьте её мысленно опуститься с «цыпочек») и вислозадая с низко опущенной вислой грудью. Голова чересчур большая, как это бывает при подобном типе сложения, нередко — результат перенесённого в детстве рахита.

Посылаю её Вам обратно, чтобы Вы смогли сравнить её с теми, какие при сём прилагаются — не наилучшие образцы женской красоты, но всё же великолепно сложенные, особенно Лита Милан и Россана Подеста.

Это будет очень здорово, если Вы получите такой долгий отпуск — сможете как следует приглядеться к сухопутной жизни. Напишите или телеграфируйте, когда Вы думаете быть в Москве, чтобы согласовать это с моими летними планами. Они пока таковы: к 10-му мая я кончу возню с первыми тремя частями романа и получу трёхнедельный перерыв, который думаю использовать для поездки по Волге, Астрахань — Москва и обратно. В самом конце мая вернусь в Москву и пробуду здесь примерно неделю или десять дней, чтобы закончить с четвёртой частью романа, а затем поеду в Ленинград, примерно на месяц. В начале июля буду в Москве и никуда не поеду до осени, примерно в октябре съезжу в Крым. Вот Вам материал для размышления, когда удобнее Вам побывать у нас.

Очень здорово, что Вы усиленно занимаетесь языком, и ещё лучше, что с магнитофоном, т. е. у Вас будет настоящее произношение, не то что у меня. Меня тут тоже соблазняют купить магнитофон, на который я запишу замечательные песенки Булата Окуджавы и другие. Вы привозите свой (или только

катушки) с японской музыкой — это будет очень здорово, я её люблю, а Вы запишете здесь кое-что столичное.

Тася Вам шлёт наилучшие пожелания. Она сохраняет для Вас талисман — она хотела его послать бандеролью, но, если Вы после пятнадцатого будете выезжать с Сахалина, то посылка может затеряться, и лучше вручить талисман Вам здесь, по приезде. Мне не нравится, что у Вас какие-то истории с печенью — рановато, хлипкая теперешняя молодёжь! Ну, приедете, расспрошу как следует.

Всего Вам самого наилучшего.

Ваш
И. А. Ефремов

P. S. Приедете — познакомитесь с коллекцией красоток в альбомах — я и Тася собирали для художников.

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 10

Москва
2 мая 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Теперь могу известить Вас о дальнейшем ходе дел. Мы с Жемайтисом кончили редактуру третьей части. Девушки перепечатают её к среде, т. е. 8-му числу. В четверг — пятницу мы с Тасенком её сверим и в пятницу вечером отправим Вам авиапочтой. Таким образом, 3-я часть будет у Вас немного раньше срока.

Жемайтис интересуется, каково Ваше мнение о редактуре 2-й части, а я, кроме того, когда Вы её получили (чтобы установить срок пересылки). Не откажите в любезности отписать. И ещё одна просьба — у Вас должны быть 2-й и 3-й экземпляры первой части (после чистовой перепечатки). Нельзя ли прислать её мне почтой (за мой счёт), чтобы мы с Жемайтисом здесь собрали редактированный и сокращённый вариант, по которому легче будет потом работать над книгой. Только, если я уеду числа 12 на пароходе (есть такая надежда), то надо послать её или сейчас, или с таким расчётом, чтобы рукопись пришла к концу мая, когда я буду возвращаться из плавания и мы с Жемайтисом — делать редактуру последней части. Я им вполне доволен, и мы находим общий язык, так что работа идёт дружно и быстро. Но сейчас он выдохся, и надо ему дать отдых — как раз так и получится, когда я буду в плавании.

У нас сейчас начинается некий отбой по делам литературы. Кстати, я прочитал проэкт доклада Ильичёва на идеологическом совещании и не нашёл там ничего страшного. Наоборот, умный и определённо прогрессивный доклад с очень мягкими выражениями, если не считать порции демагогии, без которой, очевидно, не обойтись. Что до раздела о философских основах эстетики, то я очень пожалел, что «Лезвие» не выйдет до пленума — я опять «потеряю приоритет» на научное обоснование эстетики!

Что до секса, то буквально на каждом совещании говорят о необходимости полового воспитания молодёжи, но когда доходит до дела, то закрываются стыдливой мимозой. В «Молодом коммунисте» № 1 была опубликована статья

(Розанова «Завтра будет поздно») о половом воспитании молодёжи, правда, тоже стыдливая. Когда в Калуге молодёжная газета хотела её перепечатать, то цензор её... запретил. Тогда редактор написал в «Правду», и в результате в «Правде» была напечатана заметка «Калужский ханжа» (от 6 марта с/г). Заметка тоже стыдливая, потому что не сказано, на какую тему статья, также не сказано, что это — цензор, а, мол, «один из областных работников».

Я это пишу Вам, чтобы, с одной стороны, сказать, что вполне понимаю Ваши трудности борьбы с мещанством цензуры и нисколько мы не считаем Вас, как Вы пишете, «перестраховщиком». Однако, с другой стороны, нельзя и тупо покоряться, сдавая позиции в таком важнейшем деле, так как из-за позиции неумелых и глупых деятелей разрушается мораль, а не сохраняется, молодёжь бросается в объятия западной идеологии, а не борется с ней. Автор же не столь уж нуждается в очень старательном оберегании — я буду твёрдо держаться своих позиций, а если и временно перестану писать — плевать, буду писать научно-популярные вещи. Тоже не плохо!

Посылаю Вам вырезку из «Литгазеты» с рассказом Тендрякова[1] — он после провала своей «белогвардейской пьесы»[2] (напеч[атана] в «Молодой гвардии») ударился в научную фантастику и тут же, как увидите, сделал всё, что я не сделал в «Туманности».

Ещё одно. Я могу ответить Вашему учёному корректору (к сожалению, она подписалась так, что я не могу обратиться к ней лично) следующее. Во-первых, не откажите в любезности её поблагодарить за внимательность. Во-вторых, скажите, что когда я пишу фамилии художников или научные термины, то пишу их совершенно точно — что может быть удивительно для писателя, но совершенно обязательно для ученого.

В-третьих, откуда она взяла, что стадо сторожит самец? Обычно — старая и опытная самка является вожаком, а временными стражами на периферии — молодые самки. Самцы — авангард и аръергард — боевая сила. Кроме того, если это не подтверждено в каких-либо справочниках, то ещё ничего не значит. Я имею достаточную научную квалификацию, чтобы даже (!) строить свои собственные гипотезы, что обязательно прошу иметь в виду на дальнейшее.

Длина шеи в разных полах у других животных никем не мерена, потому и не может быть известна корректору. Тут надо подчеркнуть, что когда речь заходит о канонах красоты и чувстве прекрасного, то дело идёт о подчас очень небольших различиях и малых величинах, каковых даже для научного анализа человека анатомы почти не удосужились промерить.

Каждой женщине, в том числе и учёному корректору, должно быть известно, что похудение или потолстение, очень заметное для глаза, линейно или объемно выражается сантиметрами, и весьма немногими. И т. д. и т. п.

Теперь о Фрейде. Слова Гирина о необходимости переключения энергии гормонов на другие стороны жизнедеятельности не имеют ничего общего с либидо Фрейда. В самом деле, гормоны — это биохимическая основа жизнедеятельности, метаболизма в организмах, каковы бы они не были. Следова-

---

[1] Речь идёт о повести В. Ф. Тендрякова «Путешествие длиной в век», отрывок из которой был опубликован в «Литературной газете» 1 мая 1963 г.

[2] Тендряков В. Ф., Икрамов К. А. Белый флаг. Драма в 2-х действиях. — «Молодая гвардия», 1962, № 12.

тельно, идёт речь о переключении энергии на уровне биохимии организма. Фрейдовское либидо есть половое влечение, т. е., так сказать, энергия на психическом уровне, сублимация которой производит определённые психологические сдвиги. Это, конечно, в самом деле имеет место, хотя и не так, как это рассматривает Фрейд. Но слова Гирина не имеют к этому отношения, так как рассматривается лишь напряженность насыщения крови 17-кетостеронами, а не психологические последствия этого, тем более социальные.

Там, где Гирин замечает посетителю выставки о «трещине» в его психике, идёт речь опять-таки не о либидо, а о «комплексе униженности», неполноценности, влияние чего на формирование психики трудно отрицать. Без всякого либидо пощечина, полученная когда-либо, может дать такую трещину, что и к старости не расквитаться с нею, — кому как.

Я написал подробно ответы корректору, но Вы не показывайте ей всё, чтобы ненароком не обидеть. Однако я не собираюсь всегда так делать — это лишь как пример, а в дальнейшем буду просто отвечать — мала квалификация для обсуждения этих вопросов. И Вы тогда будете знать, что это не снобизм и не мания величия, а просто экономия времени.

Сердечно обнимаю Вас, дорогой, и приветствую всё милое семейство. Тасенька целует Вас и всех.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 11

Москва
19 мая 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня сделал гранки второй части и завтра утром пошлю их авиа с Главпочтамта. Гранки набраны хорошо, ошибок совсем мало, кое-где я улучшил фразу, кое-где исправил ошибки корректоров или набора. Например, моё «синьориа» исправили на «синьорита», что неверно — речь идёт об очень специфическом выражении, и в таких случаях прошу следовать за моим текстом, а не давать разгуляться корректорской руке. Но в общем всё очень грамотно и хорошо — у нас в Академии набирают хуже! Есть только один или два пропуска.

В прошлое воскресенье послал с Почтамта авиапочтой рукопись III-й части. Вы должны её уже получить. Я попросил Жемайтиса на ней расписаться, чтобы был документ для расчёта.

Спасибо за гранки первой части. Попрошу о такой же любезности для второй. Обещанное письмо так и не последовало. Я думаю, что Вас, человека точного и обязательного, задерживает какое-либо затруднение в Горлите, о котором Вы не хотите мне сообщать до выяснения. Ежели это так, а не моя фантазия, то, пожалуйста, не огорчайтесь очень, а сразу же сообщите мне. Ежели цензура потребует каких-либо серьёзных выкидок или изменений, тогда я в свою очередь потребую снять роман. Авансы верну (за вычетом реальных расходов и работы), а роман полежит до времени, когда люди опомнятся. Ничего страшного не произойдёт.

Впрочем, может быть, этот разговор пустой и ничего такого нет, но на случай, мне кажется, стоит Вас предупредить — главное, не слишком убиваться, стараясь внушить, что красное есть красное, тем животным, которые вообще цветов не различают.

Я, видите, всё ещё в Москве, почему и получилось с гранками. С пароходной поездкой всё провалилось (на 95% во всяком случае). На днях поеду в Ленинград, если удастся договориться с Жемайтисом, чтобы он приехал туда заканчивать 4-ю часть, а то возвращаться к 5 июня мне вовсе не резон. Так или иначе, скоро увидимся, да и пора уже.

В прошлом письме я просил Вас написать что-нибудь Жемайтису о его работе, а то он несколько удивлён, что ни я, ни он не получили никаких отзывов на вторую (а теперь уже и на третью) часть.

Так ничего пока и не получилось с отдыхом. Спасает только, что наша квартира прохладная и в жару (у нас доходило до 32 в тени) вполне сносно.

Аллан вчера уехал в экспедицию. Ольга ещё здесь, Дашка на даче. Вот собственно и все мои новости. Пока ещё ничего другого не делал, всё свободное время пишу письма и рецензии, которых тоже накопилось. Таснок что-то плох со здоровьем — болит сердце и стало скакать давление — пора её увозить, а то загонялась с массой народу, которой никак не избежать. Появились виды на телефон, даже привезли во двор катушку кабеля, но пока она так и лежит неразмотанной.

Как Ваши дела и дела милого семейства? Что-то давно не слыхал о Вас ничего, дорогой друг. Или совсем замотались с теперешними делами? Действительно, надо же было Вам взяться за прозу в такой момент! Впрочем, кто знал, может быть, с публицистикой сейчас было бы ещё хуже — писать и организовывать разносные статьи…

Крепко жму руку, целую ручку Наталии Алексеевне и щёчку Козы. Тасёнок всех целует.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

12 И. А. ЕФРЕМОВ — С. А. ВОРОНИНУ

Москва
12 июня 1963 г.

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Только что вернулся из поездки и получил Ваше любезное письмо. Я, конечно, рад, что Вы выиграли «бои» за печатание моего романа, но меня смущает само наличие этих боев за роман с насквозь коммунистической идеологией и диалектической философией. Может быть, вообще сейчас неподходящий момент для его опубликования и следовало бы подождать? Роман ничего не потеряет от того, что он полежит, а мне — не привыкать стать, что мои произведения не сразу доходят до разума цензоров и тех редакторов, которые вместо художественной ведут только цензорскую линию.

Если для напечатания романа придётся внести существенные изменения по этой именно линии, то такой цены за напечатание я платить не буду.

Вот Вы пишете, что «Вы позволили себе сделать редакторские поправки». О каких «поправках» идёт речь? Согласовались ли они со мной или нет, и почему я тогда о них не знаю?

Разве Вас не предупредил Владимир Иванович, что я не могу позволить абсолютно никаких поправок без согласования со мной (речь идёт, разумеется, не об отдельных словах), и если этого первейшего условия соблюдаться не будет, то я вынужден буду отказаться от публикования романа у Вас в журнале.

Я охотно отдал роман в «Неву» и по симпатии к родному городу и самому журналу, и по дружескому соглашению с В. И. Дмитревским, но разумеется, рассчитывая на соблюдение столь ясных и простых условий, каковы вышесказанные. Если Вы обратили внимание, то я гранки подписываю каждую, чтобы потом избежать недоразумений этого рода.

Прошу Вас срочно сообщить мне о внесенных Вами изменениях и впредь ничего без согласования не изменять.

Теперь относительно Вашего предложения о послесловии. Опять-таки, меня прямо даже убило, что главный редактор журнала, печатающего роман, спрашивает меня, во имя чего он написан. Да если Вы этого не видите, так во имя чего же печатаете?

Я никак не могу согласиться с тем, что надо рассматривать читателя как существо второй категории, недоразвитое и безвкусное. Конечно, попадаются и такие читатели и критики, но не для них же пишется роман! Для них и писать ничего нельзя, кроме басен. Поэтому я не видел никакой необходимости в лобовом послесловии после весьма определенного предисловия. Может быть, концовка не совсем заострена философски, но ведь я не писал философского романа и не претендую на таковой — это роман приключений, как и озаглавлено. А если иной беспомощный критик не сможет сделать необходимые выводы о неизбежности коммунизма для осуществления лучших грёз человечества, так он в существе своём фашист, кем бы не прикидывался, и таких критиков бояться, по-моему, не следует. Тех самых, кого Вы, очевидно, называете «сверхбдительными» — они потому и сверхбдительны, что им надо маскироваться. Гирин определил бы у них комплекс коммунистической неполноценности.

В общем-то я рассуждаю как художник, но если стать на Вашу позицию за всё отвечающего главного редактора, то Ваша осторожность вполне понятна.

И надо быть уж очень крепко уверенным в качестве романа, чтобы не опасаться нападок на него. Для меня после Вашего письма очевидно, что такой уверенности у Вас нет. Укреплять Вашу уверенность путём «обезопашивания» романа от нападок и элиминации важных с моей точки зрения высказываний я не могу. Поэтому, может быть, пока не поздно, давайте решим так, что мы опубликуем первую часть романа и на этом кончим. Убытки, как говорится, пополам — я потеряю возможность предварительной публикации, а Вы — понесенные расходы.

Я приеду в Ленинград примерно около 25 июня и с большим удовольствием встречусь с Вами и наконец познакомлюсь. Но это письмо я посылаю заранее, чтобы в случае согласия с моим предложением Вы приостановили бы печатание второй части — после её публикования будет поздно отступать.

С приветом и искренним уважением, *И. А. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 13

Москва
15 июня 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Спасибо за экземпляр гранок. Я получил большое письмо от Воронина. Кроме того, мне рассказал о своем разговоре с Вами Жемайтис, и всё это по совокупности меня весьма и весьма огорчило.

Прежде всего, если главный редактор пишет писателю, что ему неясно, для чего написан роман, а потому требуется лобовая присказка, то это значит, что оный редахтур романа не понял и сомневается в его качестве. Ежели так, то как же он может его отстаивать и брать на себя тот неизбежный риск, которого не миновать, если печатаешь вещь не совсем обычную? Отсюда и нелепые пожелания, являющиеся ни чем иным, как замаскированными попытками оградить себя от возможного разноса. Но ведь существуют два пути — или выхолащивать произведение, или его просто не печатать — по-моему, последнее благороднее.

Ещё более меня смутило (и возмутило!) упоминание Воронина, что он — «позволил себе внести некоторые редакционные поправки». С моей точки зрения, которой я буду придерживаться, пока жив, никакое изменение текста без согласования с автором недопустимо (я говорю не о технических поправках каких-либо слов или запятых). Я написал Воронину, что прошу немедленно сообщить мне, что за «правки» были внесены, и впредь этого категорически не делать. Если это паче чаяния будет сделано, то я запрещу печатание романа и обращусь куда следует за защитой. С таким делом я уж постараюсь, если надо, дойти до самых верхов, предупреждаю по-дружески.

У меня (и у Жемайтиса тоже) ясное впечатление, что в Вашей редакции мнения о романе разделились, и в целом нет единодушного желания публиковать его с какой-либо долей риска.

Что до моего мнения, то у меня есть единодушное желание не обкарнывать роман из-за шаткой редакции, а просто прекратить его печатание на первой части, если уж поздно вынуть его вообще. Я так и написал Воронину, предлагая ему решить простую дилемму — либо печатать по согласованному со мной и никакому иному тексту, либо остановить печатание на первой части и убытки, хоть это и не совсем справедливо в отношении меня — пополам — у вас понесенные расходы, у меня — потраченное время и тоже всякие расходы + потеря предварительного опубликования.

Ничего другого я не могу позволить и вообще крайне удручен, что такой журнал, как «Нева», может вести себя в отношении автора (не столь уж неопытного) таким образом.

И прямая и большая претензия к Вам, моему другу. Ведь я и отдал роман-то в «Неву», собственно, из-за Вас, крепко надеясь на дружескую руку — что хотя журнал и в другом городе, мои интересы как автора будут охранены. Я говорю не о материальной стороне — тут у меня нет претензий, но в сто крат хуже самовольные «поправки» текста и нелепые требования. Я много раз спрашивал Вас — возможна ли для «Невы» публикация «Лезвия бритвы», сам пошёл на значительное сокращение текста, понимая, что опубликование целиком слишком трудно для журнала, изо всех сил выдерживал сроки…

Ожидал же я не так уж многого — открытой информации о ходе дел и дружеского предупреждения о готовящихся кознях в виде несогласованных поправок. Вы же, по-видимому, понимая, что я буду требовать роман обратно, ничего не сообщали мне, отделываясь коротенькими записками. Так отпала главная причина, по которой я передал роман в другой город, где, разумеется, можно печатать лишь при полном доверии к редакции.

Доверия этого у меня более нет, не обессудьте. Остается тревога за своё детище и неприятное чувство, вторгшееся в наши ранее столь ясные отноше-

ния — как будто Вы в чём-то предали меня. Да и не в чём-то — в дружеском и художническом отношении к доверенному Вам детищу. Почему? Неужели из-за чести мундира? Не могу верить этому.

Разумеется, если бы я печатал роман здесь, в Москве, всё было бы много проще — и в отношении согласования и, безусловно, меньше было бы нападок перестраховщиков и держиморд, которых здесь парировать легче, чем вам в «провинции». Вот почему я так много раз переспрашивал Вас относительно решительности намерений «Невы»!

Сейчас, читая замечания на полях рукописи, я вижу не знаю кем сделанные намеренные придирки — человек принимается писать, даже не дочитав до конца и не осознав, что ответ на его недоумение лежит строчкой ниже. Я привезу Вам показать эти перлы редакторской учености и остроумия.

Итак, давайте договоримся окончательно: или печатать по подготовленному мной тексту (можно гранкам, каждую из них я буду подписывать, как и раньше, и именно правленые мною гранки должны являться единственным текстом, по которому печатать), или снимать роман с печати.

Я не обвиняю Вас ни в чём, кроме умолчания и предоставления мне выпутываться из ситуации как выйдет. Обстоятельства изменились, и возникли ранее не существовавшие затруднения (надеюсь, что после Пленума многое полегчает), но очевидно, что следовало подождать с опубликованием «Лезвия», а не корёжить его послушным всем требованиям изыманием важных вещей.

Я могу ждать — пусть роман полежит, не впервой. Но уступать — я не буду.

Сердечнейший привет всему милому семейству — и наличествующим — и отсутствующим от Таси и меня. Жму руку.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Только что, с последней почтой, принесли гранки третьей части, они почему-то посланы простой бандеролью — хотя и пришли быстро, но могли и задержаться. А ведь если я опоздаю с гранками, то придется Вам ждать — я могу теперь признать только этот текст с моей подписью. Впрочем, это лишь на случай продолжения печатания.

И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Москва
16 августа 1963 г.

Дорогой Борис!

Сегодня перевёл Вам сто по этому же адресу (на который пишу). Очень доволен тем, что занялись всерьёз лечением. Я только что вернулся из Ленинграда и сейчас завален кучей дел, накопившихся за 1½ месяца отсутствия.

Сердечный привет от Таси и от меня.

Ваш
И. А. Ефремов

[1] Почтовая открытка с яшмовой лисой работы камнереза Н. Д. Татаурова.

15 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Москва
24 августа 1963 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Получил Ваше письмо и открытки Памира. Спасибо. Хоть они испорчены глупо расположенными людскими фигурами (это репортёрские снимки, а не открытки), всё же кое-где есть от «скалистой, сухой Азии».

Для разговора о «Лезвии» ещё не приспело время — ещё прошла только половина сокращённого (и несколько подпорченного) журнального варианта.

С искренним уважением,
И. Ефремов

16 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
24 августа 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Только-только собрался оформить написанное в Ленинграде и как-то его суммировать. Дело в том, что сразу по приезде выяснилось, что Чудинов летит в Америку[1]. У несчастного оказалось ничего не готово, жена в экспедиции, а за четыре дня до отъезда ему сообщили, что его доклад должен быть не на русском, а на английском языке. И началось! Тася покупала ему всякие вещи, ходила покупать и обувь, и костюм, и чемодан, покупала рубашки, пришивала пуговицы и т. п., а то он при своём пристрастии к рыжему цвету оказался бы одет чорте как. Я сокращал его доклад и сам переводил на английский, потому что уж никакие переводчики не взялись бы в такой короткий срок, Тася перепечатывала. В общем, едва успели. Теперь он уже пять дней как в Америке, ходит по Вашингтону.

У нас тут тоже новости — лопнула «Мечта и Наука»[2] из-за беспримерной трусости Айдинова и Эйгельсона. Я так и думал, что они этим кончат, но мы-то занимались мартышкиной работой. Это мне сказал Аркадий Стругацкий, но просил держать в секрете, однако я не вижу смысла этого секрета, тем более от Вас.

Я получил очень интересный сборник наших н/ф рассказов, переведённых в Америке[3]. Перечёл предисловие Исаака Асимова, в том числе и о себе, и преисполнился важности. Приедете — покажу.

Номеров «Невы» пока не получил — видимо, Ваш прогноз на 16 августа не оправдался. Жаль, что всё они так задерживают. Деньги они тоже не перевели, ни за 7-й, ни за 8-й тем более, последний перевод был от 28/VII за № 6 на 736 р[ублей]. <Далее неразборчиво. — *Ред.*> Это не беда, если только с Вашим удалением от дел прозы они не будут вообще тянуть месяцами.

---

[1] В США.

[2] Фантасты задумывали издание журнала «Мечта и Наука», которое не было осуществлено.

[3] Имеется в виду сборник Soviet Science Fiction (Collier Books, 1962).

Здесь я добыл ещё десяток Вашей книги[1]. Остальное всё начисто распродано. Успех хороший. На днях пошлю её в Англию и в Польшу.

Как Ваши дела? Как здоровье? Как чувствует себя Наталия Алексеевна? Поцелуйте её от Таси и меня, а также Козишку.

Тороплюсь отправить Вам скорее материал для размышления, поэтому не пишу других новостей.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. Б. ГУРФИНКЕЛЮ 17

Москва
21 сентября 1963 г.

Глубокоуважаемый Борис Бенционович!

Ваше письмо застало меня буквально накануне отъезда. Я вернусь примерно к 20 октября, и тогда разрешите известить Вас письменно об удобных для меня днях и часах посещения — тогда повидаемся. К сожалению, у меня на новой квартире ещё нет телефона.

Очень доволен, если моё письмо в какой-то степени повлияло на Ваше обращение к фантастике. Помню, что тогда мне сразу бросилось в глаза Ваше умение широко и ясно видеть вещи. Очень интересуюсь вашими соображениями о будущем и численности населения. Я тоже сейчас соображаю на эту тему, но совсем для другой ситуации — для олигархического общества с высоким уровнем техники, которое я хочу поселить на воображаемой планете.

В «Туманности», как Вы правильно заметили, я обошёл этот «скользкий» вопрос, но вообще-то я убежден, что он очень серьёзен и каждый мыслящий человек не может от него отмахнуться, как часто делают политики.

Понятно, что я с большим интересом поговорю с Вами на эту тему.

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 18

Москва
14 октября 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Получил Ваше грустное письмо и очень хорошо его понимаю — самому стало очень грустно. Дело, конечно, не в том, что та или другая сволочь опутает, использует и покажет своё истинное лицо — здесь разные степени огорчения и разочарования, но всё же они скоропреходящи. Больнее и грустнее, когда получается так, что хорошее, с трудами и душой налаженное Вами, интересное и полезное для других, оказывается выброшенным за борт, как пустая бумажка, и нет никакой возможности отстоять его, потому что сражаться с паровым катком или бревном без противотанковой пушки нельзя. Вот тогда получается на душе тоскливо от внезапного понимания, что мир вовсе не так

[1] Вероятнее всего, имеется в виду сборник «В мире фантастики и приключений». Составители: Евгений Брандис, Владимир Дмитревский. Лениздат, 1963 г.

уж хорош, как кажется и как хочется, и, главное, будущее не обещает чудесных превращений…

Всё это я переживал не раз за свою длинную научную жизнь и так не научился не огорчаться и не надеяться на лучшее…

Мы плавали по Волге очень хорошо — такой прекрасной погоды я ещё не видел. Единственно, что мешало — это наблюдение над глупой бесхозяйственностью, от которой приходишь в бессильное бешенство. Опоздали на целые сутки от туманов — неизбежное следствие тёплой и ясной погоды. Были приятные люди-попутчики.

В общем, я очень доволен. Только сделал меньше, чем планировал, и необходимость подгонять себя висела по-прежнему, не давая полного отдыха. С книжным вариантом «Лезвия» работы оказалось куда больше, чем я ожидал, и теперь я сел вплотную, потому что Жемайтис хочет получить окончательный текст обязательно в октябре, иначе нарушится весь ход подготовки. Теперь буду сидеть, никуда не трогаясь, числа до 25-го, пока всё не сделаю.

А после ехать в Крым будет уже поздно — видно, в этом году не судьба мне повидаться с морем. Но всё же очень хочется поехать куда-нибудь так, чтобы совсем ничего надо мной не висело. Поэтому сейчас планы такие: как только сдам текст Жемайтису, так сразу мы с Зубриком удерём на неделю-другую в Таллин, а оттуда — в Ленинград, где ещё разок в этом году повидаемся с Вами. Впрочем, тут много ещё неизвестного, но так или иначе перед тем, как перейти на зимнее положение, в Ленинград съездим.

Аллан с Олей приехали и живут сейчас на даче с Дашкой. Я видел сына всего раз. Лида[1] от нас уходит — говорит, трудно стало жить, надо больше зарабатывать, и теперь Тасёнку придётся ещё больше заниматься хозяйством. Впрочем, в последнее время Лида так расхлябалась, что это даже не будет столь чувствительно. Больше пострадает молодёжь, которую уже не придётся кормить. Но при теперешнем ходе дел, вероятно, весной мы перейдём все на «твёрдое» снабжение[2]. Во всяком случае, волжские города прошлой поездки и теперешние — очень резкий контраст. Если в Крыму есть приличный табак, запасите себе про всякой случай грамм триста на возможные перебои с куревом, не на всё время, конечно, — это бессмысленно.

Получил ещё целый пакет писем из Ленинграда, от Тони. Подавляющая часть — одобрительные (в том числе и от Львова), но есть и прямой донос — копия заявления трёх женских онкологов в Академию Медицинских Наук, что моя брехня с меланомой мешает «санитарному просвещению в СССР (!)». Письмо из Грозного, знай, мол, провинцию. Думаю послать в «Неву» письмо, чтобы напечатали, что так и так, допущена такая-то ошибка мной, не по вине редакции. Иначе такие будут цепляться всё время, и год спустя. Как сделал Паустовский в «Новом мире» — у него ещё хуже дело, чем у меня — бедняга описался, что Шопен родился там, где родился Мицкевич, а ведь всякий знает, что он родился не там, а в Железовой Воле[3], вот и посыпалась буря негодующих писем!

---

[1] Домработница.

[2] И. А. Ефремов предполагал, что ухудшение продовольственного положения в стране вновь может привести к введению карточной системы.

[3] Современное написание — Железова-Воля.

Хотя после Вашего ухода мне в общем-то наплевать, что будет с «Невой», но ведь повесть-то принимали и проводили Вы, так лучше, чтоб не было никаких «но». Как выразился Аркадий Стругацкий, идёт быстрое оподоночение «Невы» и «Звезды» — там тоже аналогичный процесс. А в «Неву» на Ваше место посадили того, кого выгнали в своё время из «Звезды» за реакционность — кто таков?

Почему-то много писем от заключённых — есть противные, есть интересные. Очень трагические письма от матерей — принимая меня за гениального врача, они просят спасти их погибающих детей. Это очень трудно читать — не будучи врачом, я не имею права даже посоветовать им какое-либо лекарство и только могу адресовать их к крупным светилам, которых-то я и сам плохо знаю. Между прочим, один из заключённых сидит вместе с фантастом — Дашкиевым, а тот действует в концлагере за почтальона.

Всемирное общество писателей-фантастов учредило свой приз, подобный «Оскару» в кинематографии. Он называется «Хьюго»[1] и представляет серебряный звездолёт с девизом «Ап шип энд аут!»[2]. В этом году состоялось первое обсуждение «Хьюго». Его получил Исаак Асимов за общие успехи, журнал «Фэнтэзи энд сайенс фикшн», художник Рой Кренкель и из писателей Филип Дик за роман «Человек в высоком замке» и Джек Вэнс (его переводила у нас Аза или Бобырь, помните — «Дар речи») за новеллу «Повелители драконов». Постараюсь достать обе эти вещи, чтобы получить представление о том, что считается высшим классом научной фантастики на Западе.

В общем, фантастика процветает и ширится, а у нас никак её понять не могут. Моя статья в «Литературке»[3] потерпела ужасный ущерб и искажение, но когда я написал письмо в редакцию с требованием опубликовать, Чаковский пригнал ко мне с извинениями целых трёх человек, причём одного вроде должны были даже понизить в должности, а тому — три месяца до пенсии. Я, конечно, взял письмо обратно, матерясь на чем свет стоит, и то же сделал Аксёнов, у которого вышло аналогичное приключение с его статьёй.

Как я прочитал в последнем романе Клиффорда Саймака[4], только что полученном, в заключительных словах, когда герой и героиня уходят из деревни и, поднимаясь на гору, слышат позади ругань, свист, стрельбу, вопли раненых и шум пожара:

« — Анита, — он спрашивает свою спутницу, — там действительно волки-оборотни?

— Да, — она сказала ему, — ваши оборотни там внизу!» (она — из другого времени)

И это верно, он подумал. Темнота разума, оголённость мысли, мелкота цели. Это они и есть волки-оборотни мира…»

По-моему, отлично сказано!

Ну вот, видите, сколько я Вам рассказал. Не хандрите, дорогой друг, у Вас ведь есть могущество, каким не обладают другие люди, — Вы сами можете

---

[1] Премия Хьюго вручается на совместном съезде любителей фантастики и писателей – Ворлдконе. Перечислены лауреаты премии Хьюго за 1963 год.

[2] «Up ship and out!» (англ.) — «Кораблю — взлёт!».

[3] Статья И. А. Ефремова «Наука и фантастика» в «Литературной газете» от 17 сентября 1963 г.

[4] К. Саймак. «Что может быть проще времени» (Time is the Simplest Thing, 1961).

создавать себе жизнь «по усмотрению» — на страницах бумаги, которая пока есть.

Что до материального положения, то пусть оно тоже меньше Вас беспокоит. Во-первых, сейчас Сергей может, как говорится, вставать на работу и не только из-за изменившегося у Вас положения, а ещё и потому, что диссертация сейчас не будет уже столь срочной необходимостью, как прежде. Упорно говорят, что с нового года за степень перестанут платить — это вообще-то надо было давно сделать! Тогда ничего не мешает Сергею работать и доделывать свою диссертацию, как это делают очень многие — во внеслужебное время, пользуясь льготами, какие на то положены. Во-вторых, несомненно, Вам будут помогать, а доброжелателей у Вас, как я вижу по Москве, много.

Тасёнок Вас нежно целует и Наталию Алексеевну тоже. От меня ей поцелуйте ручку — она куда как твёрже в отношении будущего, чем Вы, и с такой поддержкой Вы не пропадёте.

Сердечнейший привет Леониду Дмитриевичу[1] — прекрасному человеку из племени недобитых романтиков! Всё никак не могу с ним встретиться, а очень бы хотелось.

Пишите, дорогой, обо всех Ваших раздумьях.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

19 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
31 октября 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Из всех наших планов ничего не вышло. Я переработался, заканчивая книгу, и уложен в постель с плохой кардиограммой.

Есть одно не терпящее отлагательства дело, которое и заставляет писать Вам наугад. Может быть, Вы ещё в Крыму, а может, и в Одессе, как планировали. Во всяком случае прошу ответить на это письмо немедленно, когда бы оно Вас ни достигло.

Дело касается сценария по «Туманности». Я договорился с режиссером Карюковым, что Вы, если согласитесь, будете моим соавтором по сценарию. На самом деле фактически всю работу придётся проводить Вам пополам с режиссёром Карюковым и соответственно делить деньги. В первой стадии работы необходимо, чтобы Карюков не значился, а обязательно фигурировала бы моя фамилия, причём вопреки алфавиту спереди. По мнению Карюкова, разработка сценария займёт около двух месяцев. После этого, когда сценарий окончательно будет принят к постановке, Вы назначаетесь консультантом на всё время съёмки, т. е. около двух лет, с выездами в Одессу и Киев. Ставка 150 рублей в месяц. Если все эти условия для Вас приемлемы, то телеграфьте мне согласие, и я напишу соответственное заявление на студию.

Сейчас дело обстоит так: я должен сделать и отправить им первый вариант, иными словами, малость подправленную мною стряпню, Карюкова. Дальше там будет оформляться решение о постановке фильма и, если таковое

[1] Возможно, Л. Д. Платов.

будет, то начнётся уже работа Ваша. Я буду, конечно, советовать и консультировать.

Теперь в Ленинград приеду, вероятно, в декабре. Напишите о себе, как и что.

Сердечный привет всему милому семейству от Таси и от меня.

Ваш: *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 20

Москва
5 ноября 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Только что получил Ваше письмо и, разумеется, огорчился за Вас, хотя, в общем, в неизбежном результате так оно и должно было получиться — с маленьким ребёнком в двухкомнатной квартире. Впрочем, и трёхкомнатная — тоже не выход, если только не принять чрезвычайных мер вроде создания из одной комнаты запретного для всех святого святых, с обитой дверью. Боюсь, что Вы не Алексей Толстой и не выдержите характера. Пожалуй, лучше Вам пока работать частью в Комарово, частью найти себе студию на дневное время, что, по-моему, не так уж сложно.

Я не писал Вам после телеграммы и Тася не звонила, потому что сегодня должны были быть результаты повторной кардиограммы и смотреть врач с консультантом. Всё это состоялось, и меня продолжают гноить в постели. Потом предстоит ещё весьма ограниченный режим. Всё получилось из-за ухудшения работы сердца, возможно, из-за того, что переработался с рукописью. В общем, дела малоприятные, нарушающие все планы. Тася не смогла Вам позвонить, потому что Москва в обычном предпраздничном бешенстве и ничто не доступно, поэтому спешу послать письмо.

Теперь о деле. Книгу с предисловием Азимова посылать страшно. Попрошу Чудинова или Марафеда после праздников организовать перепечатку или пересъёмку введения, тогда пошлю его Вам. Насчет примеров — не знаю, напишите конкретно, что собственно Вам надо, и я постараюсь припомнить из того, что читал за последнее время. Конечно, для книжки Вам надо будет организовать хотя бы грубый подстрочник «Нью мепс оф хэлл»[1], сейчас же при Ваших темпах Вы не успеете.

Теперь насчет сценария. Я было обещал Карюкову сделать первый вариант (то есть поправить одесские диалоги, внести сокращения на 15—20 страниц и по возможности кое-что улучшить тот текст, который Вы начали смотреть у меня) к праздникам, но совершенно очевидно, что выбыл из этого дела на довольно продолжительный срок. Карюков уже давно рвёт и мечет, чтобы начать дело, и не может этого без первого варианта. Поэтому я отправил ему телеграмму с предложением переслать текст Вам, чтобы Вы сами внесли в него все, какие найдёте нужным, исправления и сокращения от руки и, не перепечатывая, для скорости переслали авиапочтой ему, написав только заголовок: «И. А. Ефремов и В. И. Дмитревский.

[1] К. У. Эмис. «New Maps of Hell: A Survey of Science Fiction» (англ.) — «Новые карты Ада: обзор научной фантастики».

Туманность Андромеды. Литературный сценарий». Дальнейшие согласования наших с Вами точек зрения мы произведём по второму варианту, уже после утверждения картины и всех финансов. Если сможете это сделать в несколько дней — сделайте. Без этого первого сценария ничего не сдвинется с места. Правда, полной гарантии, что картина будет утверждена и, следовательно, эта первая работа оплачена — нет. Но пока и надо сделать лишь самое крайне необходимое, затратив на это не больше недели. Протелеграфируйте мне, пожалуйста, об этом.

И, наконец, о Вашем приезде в Москву. Мы с Тасей всегда рады Вас видеть, и Вы это знаете. Но, может быть, сейчас, пока я не поправлюсь, лучше отложить приезд. После праздников у нас не будет Лиды (она от нас уходит) и при плохом положении с продуктами в Москве Тасе будет трудно и ухаживать за мной, и кормить всех нас. Положение же со столовыми в Москве тоже, кажется, сейчас не очень важное. Пишу Вам всё откровенно, как другу. Когда я буду уже вполне на копытах, тогда другой разговор.

Несколько слов о «Лезвии бритвы». Письма идут прямо валом, и 99% хороших. Каков бы там ни был роман в литературном отношении, он снова зацепил какие-то важные для людей области жизни, и это доставляет большое удовлетворение правильно сделанного. Однако «Молодая гвардия» ни мычит ни телится, и я, в общем, гнал с рукописью напрасно. Не могу пока разгадать, в чём дело, но договор ещё не оформлен окончательно. Ну, посмотрим. Так дык так, а то и ребёнка об пол.

Наши все — Марафед, Славка, Чудиновы передают нежные приветы.

Дашка тоже Вам кланяется. Она уже почти всё говорит, очень смышлёная и памятливая. Становится всё светлее и больше похожей на Аллана. Требует достать луну — явная внучка фантаста.

Мы с Тасей Вас целуем, а также и всё милое Дмитревское семейство. Скажите им, чтобы они Вас не очень забрасывали.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

21 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
13 (15?) ноября 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам перепечатанное предисловие Азимова. Я не проверял его, так что там могут встретиться отдельные опечатки — пусть они не смущают того, кто будет Вам переводить.

Я всё ещё болею — врачи опять привели меня в негодность, и Тасенька старается изо всех сил не дать им добить меня. Понемногу встаю, но слабость, сил нет, сердце тянет плохо и кардиограмма не исправилась. В общем, в этот раз как-то грустновато.

Карюков отнёсся к Вашему согласию с энтузиазмом. Вы должны уже получить от него телеграмму. На случай посылаю Вам при сём его письмо ко мне, там есть и о Вас.

Относительно примеров для Вашей статьи подумал было написать Андрееву, чтобы он их Вам дал (он прочитал у меня все последние книжки),

но тут он сам явился в Москву проездом в Венецию и вернётся только через 2 недели. Ну, через 2 недели я сам рассчитываю быть на копытах.

Есть к вам большая просьба. Если бухгалтерия Гослитиздата находится в Доме Книги, то нельзя ли, чтобы кто-нибудь зашёл туда (кажется, Дима Брускин там часто бывает) и попросил от моего имени дать мне справку о расчёте за «Лезвие». Это не в порядке Вашей бывшей связи с «Невой», а просто дружеской услуги, чтобы мне не переписываться с ними. Меня интересует лишь листаж.

Я получил от них всего за 31 $^1/_2$ печ[атный] лист — неужели я так сократил свой 40-листовый роман? Каков полистовный расчёт, данный редакцией «Невы»? Это пригодится мне для подсчётов с «Молодой гвардией», но в конце концов, если это окажется трудным (в смысле извлечения расчёта), то Бог с ними. Обойдусь.

Ну, вот как будто и все дела. Извините за почерк, но писать неудобно и на машинке — нельзя. Сердечный привет всему милому семейству. Тасенька всех целует.

Обнимаю Вас, Ваш *И. Ефремов*

P. S. Когда приедете в Москву, увидите огромную пачку писем по «Лезвию».

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. и И. М. МАЙСКИМ

22

Москва
13 ноября 1963 г.

Глубокоуважаемые Агния Александровна и Иван Михайлович!

Давно очень хочется с Вами увидеться — соскучился по вам обоим. Но как-то не получается — то Вы уезжаете, то мы, и пребывание в городе не совпадает. Сейчас я прочно в городе, но свалился с приступом стенокардии, уже начал немного вставать, но ещё слаб. Как только поправлюсь и буду выходить, сразу напишу или позвоню Вам (телефона у меня пока нет, и нескоро будет).

Большое Вам спасибо за <далее не разобрано одно слово. — *Ред.*>. Тася шлёт вам обоим сердечные приветы и я тоже — от души.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

23

Москва
20 ноября 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Признаться, Вы меня порядком огорчили. Уж ежели такой столп бодрости и энергии, как Вы, зашатался, то что же делать мне, грешному? Пожалуйста, сообщите результат кардиограммы — Вы можете прямо переписать заключение, а я разберусь. И, конечно, при всех прочих равных условиях, надо вылежать, пока не придёте в норму. Видимо, в Ленинграде у Вас торопятся поднимать, а в Москве — гноят слишком долго в постели. Очевидно, надо держать середину между Ленинградом и Москвой!

Очень рад Вашему переселению в Комарово. Насчёт себя надо подумать. Сейчас я ещё очень неважно себя чувствую, кардиограмма по-прежнему плохая, но я решил больше не лежать, а держаться на тихом житии. Ещё не выходил на улицу, попробую выйти завтра. Во всяком случае, в декабре придется сидеть в Москве, а уж с января думать о каких-либо передвижениях. Если в январе с путевками в Комарово будет не очень трудно, то, м. б., чего и получится. Правда, мне надо ведь две, но это, кажется, обычная порция.

Я думаю, что Вы ещё до Комарова съездите в Москву, и мы повидаемся. Конечно, в том случае, если с кардиограммой всё будет в порядке. Я буду уже на ходу, а не лежачий, Лида у нас осталась ещё на месяц и сможет добывать всё, что нужно, и потому домашняя еда Вам будет обеспечена. Приезжайте на недельку, скажем, после 1-го декабря, когда совсем окрепнете, перед тем, как погрузиться в своё Комарово. Как относитесь к нашему плану?

Теперь немного о делах. Я полностью согласен с Вами во всем, что Вы намерены сократить в сценарии. Посмотрите ещё разные отступления и объяснения научно-технического порядка — их в фильме надо как можно меньше. Зритель должен верить зримому, а не рассуждениям, какими он в наших фильмах сыт по горло.

И также полностью согласен с тем, что сейчас надо сделать лишь самое необходимое — сократить, подправить, выбросить всё наслоённое от лукавого и режущее ухо и скорее отправить сценарий, чтобы дело крутилось и начиналось. Более серьёзная работа будет после утверждения фильма, да, кстати, тогда она будет гарантирована оплатой, так что можно на неё затратить побольше времени.

Справку из Гослитиздата — пёс с ней! Это если бы походя, а так, специально, да ещё в нездоровом состоянии — ни в коем случае не надо. Ведь это всё для будущих расчётов с «Молодой гвардией», а когда-то оно ещё будет. Успеется. И с Зубриковыми драгоценностями тоже! Если ювелир заставил ожидать его три месяца, да и сейчас ещё выламывается — пёс с ним. Не стоит и Татьяне Вильгельмовне терять на это время. Если поедете в Москву — захватите с собой, или же мы приедем в январе. Всё это не стоит того, чтобы загружать Ваше и Ваших друзей время. В конце концов найдёт и здесь ювелира.

Дашка у нас уже говорит вполне связными фразами, причём в категорически приказательном тоне: «Дать, достать, гулять!» Девчушка очень славная, но с характером. Не помню уж, писал ли я Вам, что, увидев луну, сначала страшно обрадовалась, а потом ревела, требуя достать луну. Вот уж поистине внучка фантаста!

Так, пожалуйста, выздоравливайте скорее. Тасенька всех целует, я целую ручку Наталии Алексеевне и Козу в щёчку. Вас крепко обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

24 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. М. НЕВИШНИМУ

Москва
26 ноября 1963 г.

Леонид Михайлович!

Болезнь задержала мой ответ на Ваше письмо. Надо сказать прямо, оно очень мне понравилось. Мне кажется, что Вы очень способный человек и мог-

ли бы, наверное, сделаться хорошим писателем. Жизнь Ваша описана так ярко, картинно и с чувством, что безусловно видишь всё Вами написанное. И мне, вошедшему, так сказать, в Вашу шкуру, показалось очень обидной Ваша судьба — несчастное стечение обстоятельств. Всё же Вы, видимо, сделали неверный шаг, отказавшись от своего пути, хотя бы и для матери. Без всякого для неё ущерба Вы могли бы поехать в Сибирь, на Север, на целину, зарабатывать там достаточно, чтобы посылать матери и в то же время заочно учиться дальше. Соображения о том, что скажут, мол, соседи — это ложный стыд. Если Вы уверены в правильности своего пути, то Вы и маму могли бы убедить в этом. Конечно, главную роль сыграла в этом Ваша молодость.

Теперь второе: наибольшее число случайных преступлений совершается сейчас в пьяном виде. Проклятое пьянство, как гнойник, разъедает здоровые тела и души людей. Поэтому больше всего на свете остерегайтесь алкоголя. Надо выработать в себе поистине железный стержень, чтобы не поддаваться нашему дурацком компанейскому русскому «давай выпьем», или «ты гордый, гнушаешься, жадюга» и тому подобное. У меня был в юности хороший товарищ, добрый и умный человек. Но едва стоило ему выпить, как он превращался в хама и злобного драчуна. Так он и сгинул где-то в концлагере после очередной сидки за пьяную драку. Если на Вас алкоголь действует похоже, то Вы должны его бояться хуже чумы. Это не проповедь, а передача опыта жизненных наблюдений.

В конце Вашего письма Вы говорите, что после освобождения хотели бы поехать в тайгу и учиться (и это совершенно верно — способности для этого у Вас есть), но тут же возражаете себе — мол, Вам будет 27 и пора обзаводиться семьей. Что значит это «пора»? Мне кажется это повторением Вашего детского страха, а что «скажут люди». Встретите хорошую девушку, полюбите, создадите семью, и это может быть и через месяц, и через десять лет — и всё равно не поздно. Только не вздумайте жениться как попало, из-за того что пора. Учитесь обязательно, поработайте интересно, залечите раны, какие нанесла Вам судьба, а тогда самосознание у Вас будет совсем другое.

Не согласитесь ли Вы на то, чтобы я переслал Ваше письмо Л. И. Брежневу или Прокурору СССР Руденко с просьбой о Вашем досрочном освобождении. Я не уверен, что из этого что-нибудь выйдет, но, может быть, стоит попытаться. Поскольку Ваше письмо очень откровенно, то я должен получить на это Ваше разрешение.

Читайте побольше, старайтесь всячески пополнять своё образование, реальные знания и представления о мире, которые важнее всякого диплома. Желаю успеха.

И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
28 ноября 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Очень доволен Вашей кардиограммой. Мы с Тасенькой Вас ждём.

Просьба захватить украшения, наплевав на мастеров, которым надо полгода, чтобы начать работу. К Аллаху их!

Я понемногу выхожу и медленно укрепляюсь.
Приветы и поцелуи всему милому семейству.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

26 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ПЕРМЯКОВУ

Москва
20 декабря 1963 г.

Глубокоуважаемый Георгий Георгиевич!

Большое спасибо за книгу[1]. Что до отзыва о ней, то тут не так просто, как Вам кажется. Вы, как всегда, переоцениваете моё могущество в мире писательском. Кроме того, практика представления уже оставлена, да и научную фантастику «представлять» «они» (т. е. «деятели») не будут. Они стеной стоят, чтобы не пускать фантастику в широкое обращение.

Я попросил отрецензировать среди других новых книг и Вашу — критику В. И. Дмитревскому — человеку объективному и добросовестному[2].

Кроме того, если критики нападут на Вас в Хабаровске — пришлите мне эту статью, и я напишу «contra» и пошлю её в ту же Вашу газету.

Ещё просьба — пришлите ещё экземпляры «Острова» — здесь пока его нет, а мне надо послать его в Лондон — там есть обозреватель советской научной фантастики[3]. И шлите Ваши замечания к «Лезвию», а то я не успею всё внести.

Искренне Ваш
И. Ефремов

P. S. Поздравляю с наступающим Новым годом. Желаю здоровья и новой книги в будущем году.

И. Е.

27 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
29 декабря 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Большое спасибо за поздравление. Не откажите и Вы со всем Вашим милым семейством принять пожелания здоровья и наибольшей возможной радости в Новом году — по-тибетски это год железного дракона (ух!), а по-нашему, расейскому, — високосный.

Я совершенно согласен с тем, что вы творите в отношении сценария, и мне думается, что у Вас получится. Во всяком случае, Карюковского[4] безобра-

---

[1] Речь идёт о приключенческом романе Г. Г. Пермякова под псевдонимом Г. Ланин «Остров алмазов». Хабаровское кн. изд-во, 1963. — 176 с.

[2] Пометка Г. Г. Пермякова: «Рецензия положительная. Г. П.».

[3] Алан Майерс.

[4] Имеется в виду М. Ф. Карюков.

зия, которое пошло в наихудшем виде за двумя нашими фамилиями (вот как нельзя людям верить!), не останется и в помине. Карюков мне писал о том, что принял Ялтинскую студию, и она в хорошем состоянии и годится для съёмок по «Туманности». Он собирается быть в Москве в середине января — я его отругаю и отправлю к Вам. Режиссёра пока нет, но это, может быть, и к лучшему — значит, ищут хорошего.

У меня был Андрей Соколов — Рыдванова была у него, пришла в восторг и считает, что его обязательно надо привлечь к работе, и он сам тоже готов.

Я тут опять прихворнул (не везёт) — прихватил грипп, вроде лёгкий, но всё это замедляет расчёт с долгами по переписке и исправлению «Лезвия», а это, в свою очередь, оттягивает «Долгую зарю». М. б., в середине января, если дадут путёвку, то скроюсь в Малеевку писать «Зарю». У меня всегда лиха беда начало, как у всякого русского.

Книжки от Вас ещё не прибыли. Значит ли это, что они у вас там уже распроданы и надо искать здесь? У нас вышла «Фантастика 63», но я её ещё не видел. Получил для Вас из Хабаровска «Остров Алмазов», при случае пришлю в Вашу н/ф библиотеку. От «Знания» нет ничего, и ничего до сих пор не вышло. Я им написал предисловие к Азимову, но в ответ ни слуху, ни духу. Это, видимо, у них входит в систему.

А. П. К.[1] в новогоднем поздравлении сообщил мне, что они как будто бы добились вверху обещания на журнал, да ещё с приложениями. После Нового года мы встретимся и поговорим с ним. Вот бы Вас в гл[авные] редакторы, а?

А Вы забыли про одно своё обещание, очевидно, бежав поспешно в Комарово. Это — название и очень коротенькая референция о «Центральном Проливе»[2].

И ещё одна просьба, тоже не требующая никаких немедленных мероприятий. Когда Вы возьмёте деньги у Татьяны Вильгельмовны, не могли бы Вы их как-нибудь переправить, запечатав в конверт, к Алле Петровне[3]? Я хочу их попросить купить для меня кое-что по автомобильной части, и эти финансы будут как раз — обойдусь без перевода.

Спасибо за приятные вести о конференции по «Лезвию». Тут меня усиленно приглашают два комитета ВЛКСМ — и Горного Ин[ститу]та и ЛГУ на конференцию по «Лезвию», которая будет у них в начале февраля. Я написал им, что приехать не могу по здоровью, но чтобы они обязательно попросили бы Вас с Евг[ением] Павловичем присутствовать. Интересно следить за молодёжью — она хоть и меньше понимает, но более яростна и категорична в суждениях.

Вот, как будто пока и всё. Будьте здоровы, и как правильно сказал Вам Аркадий[4], поберегите себя — Вы ещё многое должны сделать. А жизнь — ничего, понемногу как-нибудь образуется, лишь бы Вам не терзать себя тем, что Вы сделать всё равно не можете.

Тасенька целует Вас и Ваших женщин. Я их приветствую и обнимаю.

Вас любящий *И. Ефремов*

---

[1] А. П. Казанцев.

[2] «Central Passage» (1962) — научно-фантастический роман американского писателя Лоренса Шуновера (Schoonover, Lawrence).

[3] Вероятно, А. П. Маслаковец.

[4] Возможно, имеется в виду А. Н. Стругацкий.

28 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. М. НЕВИШНИМУ

Москва
30 декабря 1963 г.

Вчера я отправил ваше письмо в Президиум Верховного Совета тов. Н. Г. Игнатову, вместе со своим письмом о Вас.

Теперь всё зависит от того, попадёт оно к хорошему секретарю, который не затруднится его прочесть, или нет. Если прочтут, думаю, что какой-то ход делу будет дан. Мне говорили, что товарищ Игнатов — отзывчивый и добрый человек, вдумчиво относящийся к людям.

Но, конечно, лучше не рассчитывать на обязательно хороший исход этого письма. Всяко может быть, обернется и так, что, особенно не вчитываясь, секретари перешлют его в те же самые инстанции, которые уже занимались Вами. Тогда это будет холостой выстрел.

Посылаю вам обратно рассказы. Конечно, это вещи детские и слишком сентиментальные, но всё же они говорят о каких-то возможностях. Поэтому расценивайте их правильно — как самые первые, беспомощные ещё шаги на том длинном пути, который ведёт к писательскому мастерству. У нас вокруг литературы и искусства накручено немало демагогии. Вроде что, мол, пишут от нечего делать и всякий мало-мальски грамотный человек может писать, только, мол, ему некогда. Насколько чудовищно далеки от правды такие взгляды, вы сами узнаете, если будете когда-нибудь писать всерьёз, не для халтуры, заработка или дешевой «славы», как то делают иные ремесленники.

Конечно, пишите мне, но не слишком много — у меня переписка выше моих сил, и волей-неволей я вынужден иногда не отвечать на маловажные письма. Также не удивляйтесь, если я иногда подолгу не буду отвечать — могу быть в отъезде или погрузиться в писание новой вещи.

Желаю вам в новом году исполнения самого важного желания — нетрудно догадаться, какое оно.

И. А. Ефремов

29 И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ

1963 г.[1]

...Peter brought me the Frolics Book. What on earth is the matter with American men! Fat cows, leaning over to be milked. In Russia we prefer the broad hips!..

...Питер привёз мне книгу «Забав». Что происходит у вас в Америке с мужчинами! Таких грудастых девиц только доить! Мы в России предпочитаем широкобёдрых!..

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] П. К. Чудинов был в Вашингтоне в 1963 году. Дата письма установлена по этой поездке.

1964

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 1

Москва
6 января 1964 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Сердечное спасибо за поздравление. Не откажите в свою очередь принять пожелания здоровья и радости в Новом 1964 г. Вам и всей Вашей семье. А также передайте Лидии Алексеевне пожелание, несмотря на год Железного Дракона (каким считается по-тибетски 1964 год), написать о воинствующей и торжествующей любви.

Искренне Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. ВУРЦ 2

Москва
9 января 1964 г.

Многоуважаемая Валя!

Ваше письмо полно бурного изъявления чувств, без всякого сомнения — искренних. Однако не давайте им обуревать себя, иначе они могут выйти из-под Вашего контроля, особенно когда им случится выразить себя в страстной любви.

Ведь одной из главных целей моего романа была попытка показать необходимость гармоничного балансирования ЧУВСТВА и РАЗУМА, СВОБОДЫ и ДИСЦИПЛИНЫ. Чем суровее окружающая Вас жизнь или жизненная обстановка, тем строже должна быть Ваша самодисциплина, тем легче Вам жить и не расплачиваться за ошибки, которых тем больше, чем меньше дисциплина.

И в то же время самодисциплина, перешедшая грань необходимости, может сделаться тюрьмой, превращающей человека в ханжу, труса или лицемера. Где же искать критерии, как определить грань между нужным и ненужным? Вот тут то и должно прийти на помощь понимание красоты — поступка, пути или вещи. Это понимание может быть врожденным — мы говорим, что это человек с врожденными вкусом и тактом, или его можно воспитать в себе, тщательно отбирая свои чувства, оценки и поступки.

Обо всём этом можно писать и писать, так мало ещё сказано в современной литературе, а в прежней — зашифровано в описании чувств или высказано через религиозные положения, для современного человека малоприемлемые.

Ограничусь ещё одним. Вы пишете, что хотите скорее окончить университет и отдавать людям знания, скорее научиться писать. Как мало знаний даст

Вам университет для этого! Мы часто совершаем эту ошибку, считая, что та небольшая сумма познаний, какую Вы получите по любой специальности в высшем учебном заведении, является гарантией образованности на всю будущую жизнь. Поверьте, что она — ничто, если Вы не будете увеличивать её всю жизнь, и дело университета — лишь научить Вас работать с книгами, уметь находить нужные Вам сведения. Китайцы, которых я не люблю, но которые отличные практики, говорят: «Перестать учиться всё равно что перестать грести на лодке, идущей против течения», и это совершенно верно.

Итак, отдавать людям знания Вам придется не сразу, скорее, Вы сможете отдать им свои чувства, если у Вас окажется талант писательницы. А популяризация знаний, которую Вы правильно сочли великой задачей современности, — это придёт лишь сколько-то лет спустя, и пусть это Вас не смущает.

Невежество — основа мещанства — это враг номер один для коммунистического общества, для будущего всего человечества, всё остальное — пустяки по сравнению с этим!

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

3 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1]

Москва
15 января 1964 г.

Глубокоуважаемый Георгий Константинович!

Благодарю Вас за интересное письмо. Я согласен почти со всеми Вашими высказываниями и критическими замечаниями, однако о некоторых вещах ещё не пришло время писать, т. е., вернее, не писать, а печатать. Инерция ещё очень велика. В частности, это касается позитивного изложения позиции Витаркананды. Хорошо, что вообще удалось кое-что сказать, преодолевая инерцию культа личности.

С искренним уважением,
И. Ефремов

4 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
16 января 1964 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я не ответил сразу на Ваше грустное письмо, потому что хотел выяснить кое-какие обстоятельства — с книгой и с фильмом. То и другое так и не выяснилось. Посылаю Вам беседу со мной о фантастике в кино из газеты «Совкино», к счастью, её не очень исказили, не то что мою статью в «Правде», которую и сократили, и вписали отсебятину. Больше с такими рыцарями пера иметь дело не буду, хотя и написал в таком спешном порядке только потому, что хотелось помочь и Соколову, и научной фантастике.

[1] Индийская открытка с изображением музея в Бомбее.

Напрасно Вы распорядились так строго Наталии Алексеевне поторопиться с книгами и деньгами. Всё это, особенно деньги, для некоего дара могли потерпеть.

Спасибо большое за «Центральный Пролив»[1]. Попробую достать его оригинал.

В Одесской студии, по словам А. П., пока всё развалилось, зато у нас сегодня в Доме Кино первое совещание по научной фантастике, а у меня, как на грех, нелады с сердцем, и из-за мороза в 22° я не выхожу сегодня. Ну, ничего, расскажут.

Я был недавно у А. П. и узнал, что дело двинулось с журналом. Как будто обещают в ЦК твердо, но так, чтобы представить соображения через два месяца, не раньше. А. П. советовался со мной о главном редакторе, и я, конечно, назвал Вас. Однако ему кажется, что Вас лучше пригласить на зама, а главным назначить Сытина. Я боюсь Сытина — он такой сухарь — что как бы не загубить дело в корне. Было бы здорово — если бы он Вас пригласил, то дали бы квартиру в Москве.

Есть у меня опасения, что А. П. + Тушкан не совсем подходящая инициативная группа, но что тут поделаешь, лишь бы не запороли. Так-то они будут землю рыть в пику «Знанию»...

Насчёт сценария — как только закончите, так сразу же посылайте на студию, а со мной согласуем всё потом. Рыдванова сказала, что, бухгалтерия вышлет деньги, как только сценарий будет в сценарном отделе, но не раньше. Там очень напортил Карюков с грязным остатком своей стряпни. Он написал мне письмо после Вашего отъезда, обещал приехать. Я адресовал его к Вам, но он как в воду канул. Что-то там у них не пошло, кажется, нет режиссёра. Но по слухам, «Андромеду» у них собираются отобрать — не то Мосфильм, не то Ленфильм, по распоряжению Комитета. Впрочем, эти сведения не проверены.

Путевки в Малеевку мне дали, но не дали подходящей комнаты, и я переписал срок на февраль. Пока буду добивать «Лезвие», — я взял рукопись от Жемайтиса, чтобы подработать её ещё немного, пока лежит без движения.

В Архангельске издают мою «Андромеду» — с оплатой 20%, т. е. меньше 1000 р[ублей] за всё. Обещают, что выйдет к апрелю.

Вот как будто и все мои новости. Тружусь, очень занят, чтобы успеть побольше сделать в романе, но всё же мешают люди. По-настоящему можно работать лишь в удалении — даже в моей квартире, а каково у Вас! Люди прут и пишут, что поделаешь, особенно всякие газетчики — народ напористый и наглый.

Поцелуйте Ваших женщин. Тасенька всех целует. Обнимаю Вас.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 5

17 января 1964 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю вдогонку своему письму письмо Карюкова. Я ему отвечу, что надо ему ехать к Вам. Вчерашнее заседание в Доме Кино о фантастике показало:

[1] См. Примечание к письму от 29 декабря 1963 г.

а) оживление интереса к ней

б) сразу же возникшее стремление стать кольцом вокруг пирога и не пускать никого.

В общем, пока не разогнать <слово не разобрано. — *Ред.*> от кино — толку не будет! Но сценарий Ваш со дня на день всё нужнее.

Ваш *И. Ефремов*

6 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Г.[1]

Москва
11 февраля 1964 г.

Многоуважаемый Павел Георгиевич!

Сердечное спасибо за хорошее письмо о моём романе. Конечно, многое в нём несовершенно. В отдельной книге, которая, вроде, выйдет к лету, мне удалось кое-что улучшить. Кое-что, потому что книга — как ребёнок — родилась и уже живёт сама, и переделывать свои вещи могут лишь те, которым всё равно. А мне никогда ничего не было всё равно.

С приветом и искренним уважением, *И. Ефремов*

7 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
16 марта 1964 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Только что вернулся из Малеевки, где прекрасно отдохнул, ничего не писал и «Долгой зари» — не начинал. Жаль только, что мало, но ремонт дома творчества, мой ВТЭК и прочее — не дали.

Спешу Вам написать вот что: на столе у себя нашёл копию договора и редакционных пожеланий из Довженковской студии[2]. И тут меня вдруг осенила простая идея (как всё же мы консервативны, когда настраиваемся на что-то одно!): — почему собственно Вам надо выступать под моей+своей фамилией, а не просто под своей? Ведь это Карюков неистовствовал, чтобы обязательно фигурировал я. Но Карюков провалился, и неизвестно какой ещё будет режиссёр. А что же Вы — беспомощный автор, чтобы Вам нужна была марка? Может быть, проще и честнее для нас — поставить одну Вашу фамилию? Напишите мне срочно — согласны ли Вы с этой идеей, и я тогда напишу студии, что состояние здоровья не позволяет мне работать над сценарием совместно с Вами, и я передаю все свои «материалы» и права — Вам.

Разумеется, это не значит, что я не буду принимать такого же внутреннего участия в консультации и дружеской подмоге, как и во всех других случаях.

А если студия будет брыкаться, то я запрещу экранизировать иначе, как по Вашему сценарию, — это положение, может быть, будет даже крепче. Если

---

[1] Почтовая открытка: С. Н. Рерих. Г-жа Девика Рани Рерих — жена художника. Масло. 1946. Фамилия адресата не установлена.

[2] Киностудия им. А. П. Довженко — государственная советская киностудия.

же им не понравится, что Вы напишете, то мне удобнее будет поддержать Вас, чтобы, во всяком случае, 25% они не посмели отнимать. Подумаешь, платят 4000 и фасону сколько!

В общем — жду срочно Вашего письма. Читали ли Вы рецензию на «Лезвие» в «Литературной России»?

Кланяйтесь всему милому семейству — надеюсь, что все здоровы?

Тасенька всех целует.

Обнимаю Вас, Ваш
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
27 марта 1964 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пишу к Вашему возвращению в Ленинград. Из моих планов приезда в Ленинград в марте ничего не вышло — зашалило сердце, и скверное, какое-то вялое состояние. Надоело до тошноты, но никак не выйду из этого, вот даже после хорошего трёхнедельного отдыха.

По-видимому, и Вы себя тоже чувствуете неважно, хоть и не пишете мне об этом. Но я могу догадаться по медленности работы над сценарием — нет «тый грации и того кокитства».

Теперь о сценарии. Я всё же думаю, что мне надо отойти — никак не по душе подобные эскапады в неизвестную мне область. Раз я не чувствую себя тут на месте, полноценным работником, то психологически получается скверное ощущение, которое не даёт покоя. Тем более что имеешь дело с людьми в достаточной степени нахальными. Читали ли Вы заключение высокоучёных редакторов по «нашей» (Вашей) творческой заявке? Если нет — при сём прилагаю. Где бы сказать спасибо, что люди взялись за работу, они берут чуть что не угрожающий тон — надо, мол, сделать то-то и то-то и так, а не этак. А судьи кто? Ну и чорт с ними!

Послал им требование переписать договор на Вас одного, и чтобы пресловутый аванс, который они никак не могут перечислить, перевели бы Вам одному.

Переписываю вторую часть письма. Ко мне явился некий Слава Сергеев — я, помните, говорил Вам о нём — кончает режиссёрский фак[ульте]т ВГИКа. Его студия Довженко хочет назначить вторым режиссёром по «Туманности». Тут был, оказывается, Цвиркунов, но не выбрал время связаться со мной. Оказывается, у студии нет ясности — делать две серии или одну. Но если так, то ведь от этого очень много зависит в сценарии! Я ему велел созвониться с Цвиркуновым в Киеве, и чтоб тот решил этот вопрос, да заодно и сказать, что никак не переводят Вам деньги. Если Славе удастся выяснить это, то я дам ему 30 р. на билеты и пошлю его к Вам в Ленинград, чтобы он обсудил с Вами, как быть и что делать. Он говорит, что Рыдванова нас оболгала, что за сценарии (односерийные) платят до 7500! Ну, он Вам сам всё расскажет.

Мои планы: до 22 апреля прочно в Москве, потом приеду в Ленинград ненадолго, до 9 мая. Потом вернусь в Москву и поеду по Волге до конца мая, а затем уже буду прочно в Москве всё лето до осени. Таким образом, надо нам

постараться увидеться и просмотреть сценарий в Ленинграде, как бы мне ни не хотелось этим там заниматься.

«Знание», действительно упорно молчит, и мне это тоже надоело — я даю им рукопись за рукописью и — никакого ответа. Странный стиль работы редакции, но, видимо, устраивающий Айдинова.

Только что подвергся напористой атаке Тушкана — они хотят, чтобы я был на замен Леонова председателем комиссии по н/ф и приключениям, а мне это ни к чему и не под силу. Вообще, буду стараться всячески экономить время для настоящего писания — всё остальное — провались! Озлобился!

Обнимаю Вас и целую ручку Наталии Алексеевны. Козу тоже чмокните в щёчку — она так увлеклась семейной жизнью, что про нас с Тасей совсем забыла. Тасенька всех целует.

Ваш
И. А. Ефремов

P. S. Сердечный привет Леониду Николаевичу и Евгению Павловичу.

9 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
31 марта 1964 г.

Уважаемая Галина Николаевна!

Спасибо за присланные иллюстрации. Конечно, в них мало умения, но есть то, что гораздо важнее — способность видеть и чувствовать. Может быть, Вам стоит учиться рисовать по-настоящему?

Из Ваших рисунков мне больше всего понравилась Тиллоттама (верно угаданный образ и даже одежда в день поездки на спортивные состязания), Чара с гитарой и чёрные маки. Очень хорошо сделана по динамике сцена Тиллоттамы у льва, но лев сделан неверно, не по-индийски. Конечно, Вы не могли этого угадать. Если хотите, когда у меня освободятся от художника дублеты некоторых фотографий индийских скульптур и храмов, я пришлю их Вам, разумеется, те, которые будут соответствовать Вашему возрасту.

Слабее по образам людей, но неплохо по динамике сцена из «Сердца Змеи» — образ женщины фторной планеты должен быть более чужим, неземным. Мне кажется милым по большой наивности и чистоте рисунок идущих рядом Эрга Ноора и Веды, но Эрг должен быть старше (лицом, не телом).

Не удались Дар Ветер и Веда у телевизора и звездолёт на чёрной планете, а вот рисунки для «Ойкумены» куда более живые и удачные, особенно Пандион и Кави на берегу океана.

Мне кажется, что рисовать (сам я очень плохо умею) — это замечательный дар, много помогающий жить, и его надо развивать.

Желаю Вам всяких успехов.

С уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 10

Москва
18 апреля 1964 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Благодарю Вас за поздравление с днём рождения, хотя 57 день этого рождения уже не обещает много в жизни.

О Ваших замечаниях — хорошо, что Вы их мне прислали, и кое-что там было в них полезного для исправления стиля. Я не писал Вам о них, потому что не в состоянии писать свои замечания о замечаниях — прислали и спасибо, чего же ещё больше? Не понимаю, действительно, что ещё от меня нужно? Переписываться с Вами я сейчас всё равно не могу. Мне прислали свои замечания, хорошие и полезные, глупые и бесполезные, злобные и добрые, более шестисот человек, и хорошо, что я не подвержен духу «переделкина», часто встречающемуся у наших писателей. Я смотрю на произведение как на своё детище — оно появилось, и кончено. Можно его немного улучшить воспитанием, гимнастикой, уточнением, но и только — изменить существенно нельзя — только если убить, т. е. написать новое.

И ведь, по совести говоря, — большая часть замечаний — не нужны, они сделаны с позиций куда как менее знающих и понимающих, но самоуверенных людей (это последнее, — разумеется, не о Вас!).

Мысли по книге «Через горы времени» посылайте не мне — зачем они мне? Пошлите их авторам, которые собираются выпускать второе издание. Жаль, что Вы не понимаете столь простой вещи, что я о себе не хлопочу, они пишут, как сами находят нужным, и мало ли что мне не понравится.

О статье в газету. Думаю, что она не нужна — вся эта дискуссия яйца выеденного не стоит. Всем ясно, что журнал нужен, но вопрос — в бумаге и базе, отсюда и затягивание решения. Что до редколлегии, намеченной Вами, то она фантастична, потому что составлена из людей, живущих в разных городах и отчасти очень слабых писателей, вроде Бовина или Голубева, не имеющих никакого авторитета.

Вот как будто и все Ваши вопросы. Будьте здоровы.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. А. ТРОФИМЕНКО 11

Москва
24 апреля 1964 г.

Многоуважаемый Женя!

Прежде всего — спасибо за сердечное поздравление, хотя 57 лет — это не заслуга, а скорее обратное, много лет, а мало сделано.

Отвечу на Ваше предыдущее большое письмо. Я был бы не прочь быть вашим «духовным» наставником, так как Вы — человек хороший и мне симпатичный, но, к сожалению, это невозможно. Ведь духовный наставник — это человек, ежечасно «чувствующий» своего подопечного, всегда приходящий на помощь, разъясняющий все важные обстоятельства жизни. А что могу я, если за этим ко мне обращаются в письмах тысячи людей (ну, за наставлени-

ями, скажем, не тысячи, а пусть сотня-другая), а я не имею никакой реальной возможности даже им всем ответить. Ведь не могу же я отвечать императивными утверждениями. Надо разъяснить, убедить, нередко просто утешить, но для этого надо каждое письмо по нескольку страниц. Вот и приходится скрепя сердце отступать в крепость и оттуда вести разговор сразу со всеми через свои произведения. И это сейчас — единственная возможность.

...Теперь немного о женщинах. Мне кажется, Вы делаете частую среди молодых мужчин ошибку — подавай вам идеал, а ежели не встретите такую (на самом деле, встретить — очень мало шансов, куда легче ошибиться, приняв мираж за идеал), то начинаются стоны, что, мол, так и не найду себе подруги. А ведь по-настоящему сильный человек рассуждает не так — нет идеала, так я создам его! И действительно, очень многое в женщине зависит от мужчины (как, впрочем, и наоборот). Женщина даст не то, чем она обладает, а то, что мужчина сумеет от неё взять. Так сумейте взять! И заставьте её любовью, лаской, убеждением проявить скрытое в ней, развейте, усильте, утоньшите это — вот тогда Вы настоящий мужчина и возлюбленный. А то ведь будь такой, как я хочу, а почему, собственно? Если она не знает иных путей, и Вы не можете ей это показать? На кого пенять? Самое удобное — на неё, а на деле Вы же сами виноваты. И вот такое в жизни встречается гораздо чаще, чем по-настоящему плохое или хорошее. Поймите это и не создавайте, как говорят психологи, себе психологического «клише» (штампа). Эти штампы порождают фанатиков или просто невежд, и очень трудно пробиться настоящему пониманию мира и жизни через броню этих штампов.

Вот Вы верно написали в конце, что, несмотря на всё это, жизнь прекрасна и удивительна, а почему же так? Потому, что мы зачастую слепы к её двусторонности и начинаем понимать это лишь в общем, после известного времени.

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

12 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
25 апреля 1964 г.

Многоуважаемый Григорий Константинович!
(простите великодушно, если что-нибудь напутал с именем-отчеством[1])

Я написал в Индию, чтобы мне прислали «Политическую философию» Ауробиндо, чтобы потом переслать её Вам. Но я сильно сомневаюсь, чтобы книга проникла бы сквозь известные барьеры, автоматически (вернее, «роботически») реагирующие на слова «политика», «иога» и т. д. Увидим.

Книги Сальварджана я не знаю, хотя и слыхал о ней. У меня есть две другие «хатха-иоги», в том числе одна очень хорошая английского врача Т. Бернарда. Если Вы сделали точный перевод, то я не прочь получить его не для себя, а для других интересующихся. Но только позвольте оплатить Вам

[1] Надо: Георгий Константинович.

стоимость перепечатки. Это дело не спешное, так как на весь май я уеду и буду в Москве только с начала июня.

Свами, который приезжал в Москву, несколько разочаровал любителей чудес. Это — хатха-иог невысокой степени посвящения, сильно европеизированный, на словах — объезжающий разные страны для проповеди индийской хатха-иоги, но тем не менее интересующийся материальной стороной. СССР — 122-я страна из тех, какие он посетил. Показывал «опыты» обычного порядка — задержка дыхания, прополаскивание себя водой, «чистка» с помощью проглоченной ленты и т. п. Асаны его, по отзывам знающих людей (я сам его не видел), не слишком хорошо отработаны. Интересным показались опыты внушения — он писал на записке слово, не показывая, затем сосредотачивался и внушал образ, скажем, — моря, и люди действительно видели сияющее, ослепительно голубое тропическое море, а потом читали на записке английское слово «си».

Так что этот свами — некоторая помесь настоящего и рекламного деляги.

С искренним уважением,
И. Ефремов

П. С. Если я получу разрешение автора, то могу прислать Вам довольно интересную рукопись о тантре, внушении и т. д., написанную одним телепатом.

И. Е.

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
27 апреля 1964 г.

Дорогой Иван Антонович!

Очень давно не имею от Вас ни строчки. Да и сам я давно не писал вам. Ныне набрался нахальства и всё решил рискнуть ещё раз написать Вам. Слышал, что Вы имели неприятности, болели, были очень заняты работой с Вашим последним романом. Поэтому и не решался Вас беспокоить. Болел и продолжаю болеть и я. Помимо моих прежних болезней, ещё прибавились систематические боли и спазмы сердца. Видимо, и сердце стало неважным; держусь пока только регулярными приёмами таблеток даукарина, но и они не всегда помогают.

С большим трудом, наконец, закончил после нескольких лет работы свою вторую книгу — монографию об Атлантиде. Она уже прошла стадии вёрстки и правки текста, и если всё будет и в дальнейшем идти нормально, то в мае-июне книга выйдет из печати. Тогда буду иметь удовольствие прислать Вам авторский экземпляр. Выходные данные: наименование — «АТЛАНТИДА. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АТЛАНТОЛОГИИ». Издательство «Мысль» (быв[-ший] Географгиз). Объём — 460 стр., 57 иллюстраций и карт, литературный указатель из 729 п. п. Научный редактор — доктор географических наук, профессор Дмитрий Геннадьевич Панов.

22 апреля в Ленинградском доме учёных состоялся мой доклад на тему «Существование и гибель Атлантиды». Так как я инвалид первой группы, то сам не смог прибыть в Ленинград, чтобы зачитать доклад. Доклад за меня читал председатель геолого-географической секции Дома учёных проф. Лактионов Александр Фёдорович. Доклад — резюме моей книги: продолжался 1 час

45 мин. и слушался с интересом. Возражений не было, имело место два положительных выступления. Вот и похвастался немного.

Но, несмотря на всё это, самочувствие у меня отвратительное, настроение пессимистическое. Памятуя, что Вы некогда дружески отнеслись к моей первой новеллетте «ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО», осмеливаюсь послать Вам второй мой «опус» — «ЛЕГЕНДА ОБ АНДРОГИНАХ» в моей интерпретации. Некоторым она нравится, некоторым нет. Очень заинтересован в Вашем мнении. А некая Алюся, которой посвящена новеллетта — это дочь жены от первого её брака, женщина красивой внешности, но очень неудачной личной жизни.

К сожалению, имею только середину (№ 7 «Невы») Вашего романа «ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ». Остальное достать и дочитать невозможно для меня, практически безногого. Поэтому иметь полное суждение о нём не могу. Но то, с чем знаком, производит сильное впечатление; особенно мне понравились философские реминисценции автора, очень меткие и точные, с которыми я вполне солидарен. Кстати, сообщаемая Вами легенда о судьбе флота Неарха — в какой мере она отвечает историческим фактам?

В заключение поздравляю Вас и Вашу семью с наступающим Первомаем. По сему поводу подробнее см. прилагаемую открытку.

С дружеским приветом и глубоким уважением, Ваш
Н. Ф. Жиров

Москва, В-148, Нагатинское шоссе 11-А кв. 29.
Домашний телефон: коммутатор В-4-46-83 добавочный 32.

14 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
28 апреля 1964 г.

Уважаемая Галя!

Посылаю Вам несколько картинок, послуживших художнику основой для иллюстраций к «Туманности» и «Лезвию».

Недели через 2—3 он вернёт ещё несколько фото, и я тоже пошлю их Вам (если они Вам пригодятся).

С уважением, *И. Ефремов*

15 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1]

Москва
5 мая 1964 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Мне кажется, что надо выбросить всё, что относится к мисс Haich. Вообще её участие как-то обесценивает книгу — боюсь, что это одна из «посвящённых» дам-теософов, несносных последовательниц ЕПБ, которые сделали много вреда, путаясь в контактах между Индией и Западом.

[1] Открытка с изображением красных скал у киргизского курорта Джеты-Огуз.

Теперь я знаю Ваши сроки и [вышлю] просимую Вами рукопись после 20/VI. Желаю здоровья.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 16

Москва
7 мая 1964 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Большое спасибо за письмо и за память. И письмо, и рассказ в большом миноре. Я впервые получаю от Вас письмо с таким настроением. Вероятно, Вы действительно устали.

К сожалению, и мне нечем похвастаться — весь этот високосный год я тоже чувствую себя отвратительно и плохо работаю. К тому же после «Лезвия бритвы» совершенно одолели письма читателей. Интеллектуальная почва в нашей литературе оказалась невероятно суха, поэтому моему далеко не совершенному роману приходилось отдуваться за многих, и переписка превысила мои возможности.

Я ещё не могу преподнести Вам книгу, так как «Молодая гвардия» немыслимо долго возится с ней, и она выйдет, наверное, не раньше конца года. Читать журнальный вариант сейчас, может быть, и не имеет смысла — скоро будет книга. Но всё же, если Вы захотите, я могу послать Вам комплект, вырезанный из журналов, почтой и Вы мне его по прочтению вернёте. Напишите мне, пожалуйста, о Вашем желании. Сейчас я, наверное, не сумею сразу послать Вам журнальный вариант, потому что в воскресенье уезжаю на 18 дней на пароходе по Волге. Но вернусь и сразу же могу это сделать.

Само собой разумеется, я буду очень рад получить Вашу книгу об Атлантиде. Давно её жду.

У меня теперь появился телефон, но я не очень люблю пользоваться этим несовершенным инструментом, кроме как для сугубо деловых разговоров. На всякий случай: АВ-7-65-10.

Позвольте пожелать Вам здоровья. Неустойчивость Вашего состояния отчасти связана с возрастными явлениями и спустя не столь уж большой срок пройдёт.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 17

Москва
7 мая 1964 г.

Дорогой Борис!

Вашу посылку и письмо получили почти одновременно, если не на май, то как раз на Пасху — 3 мая.

Конечно, все эти маленькие подарки очень приятны, но опять Вас ругали мы с Тасей на все корки — перетратили все деньги, ничего не приобрели себе. Ведь мы уговорились — кажется, твёрдо, — Вы будете посылать только какие-нибудь мелочишки. А Вы вон как — раскошелились на этакие

дорогие плавки (которые, увы, мне, толстому, не лезут), а главное, ещё на эти самые браслеты. Я, кстати, слышал об этих браслетах, но никогда не слыхал, что они — радиоактивные. Известно, что они как-то особо магнитны, и в этом суть, как верят японцы, их лечебного действия. А откуда там это стало известно про их радиоактивность и не напутал ли Ваш таможенник? Кое у кого в Москве эти браслеты есть, и я выясню, точно ли они радиоактивны. Если нет, то можете взыскать с таможенника всю их стоимость по суду. Летом я это сделаю.

Глория — в восторге от сумочки и напишет Вам отдельно. Пусть пишет, приучается к вежливости. Косынка — просто великолепна и Тасе очень идёт, а мне понравились японские сандалии, хотя они на два номера больше, чем надо, но для сандалий это нисколько не страшно. Точно так же я отобрал у Таси карандаш-ручку и футляр — всё это мне очень пригодится для поездок — туда очень хорошо помещается весь набор карандашей и авторучек, какой я обычно беру с собой в путь. А пёстрые носочки вызвали восторг у Дашки — эта крохотная кокетка потребовала сразу же их одеть и не хотела снимать. В общем, именно эти мелочишки — самые приятные.

Относительно денег. О каких деньгах Вы пишете, что собирались переводить? Вы мне ничего решительно не должны. Или что-нибудь надо Вам купить — так напишите, что — мы купим и перешлём, а расчёт вполне может быть потом. Через два дня проедем снова по Волге вместе с Тасей. Вернёмся к началу июня, потом буду прочно в Москве до осени, так как решил, что писать дома самое удобное, если только проявить твёрдость и выгнать весь народ, который шатается бесперечь и мешает. Пока занимался только шлифовкой «Лезвия» и ответами на письма читателей, коих количество превысило все самые завышенные нормы. Интеллектуальная почва нашей литературы всё же отчаянно суха, если мало-мальски насыщенная интересными вещами для размышлений книга принимается как откровение! С июня начну вплотную писать «Долгую зарю». Как задумана — должна быть интересной, но как выйдет — никогда не знаешь.

Спасибо за открытку Сингапура — эта удачная. Действительно, выглядит, как «таун ов аур дримз»[1]. Мне ещё хочется, чтобы Вы как-нибудь попали в Гонконг и посмотрели собственными глазами. Я смотрел его в отличном фильме «Женщины Востока»[2], и мне этот город очень понравился, как олицетворение того романтического Дальнего Востока, за которым я когда-то сделал попытку сплавать, а вместо того — возил соль на Охотское море и рыбопромыслы Сахалина. Иншалла!

Пишите, дорогой Борис, не забывайте того, что Ваши письма доставляют нам всем не меньшее удовольствие, чем подарки. И не бросайте английского, а то как-то в последних письмах его мало чувствуется.

Всё семейство Вас благодарит, ругает и приветствует. Всего Вам самого хорошего

Ваш
И. Ефремов

---

[1] «Town of our dreams» (англ.) — «Город наших грёз».

[2] Фильм «Женщины Востока», оригинальное название «Le orientali», 1959 год. Италия, Galatea Film. Режиссер Ромоло Марчеллини. Фильм состоит из шести новелл, рассказывающих о драматической судьбе женщин Египта, Непала, Малайской Федерации, Гонконга, Таиланда и Японии. В советский прокат фильм вышел в начале 1960-х годов.

P. S. А есть ли у Вас хороший фотоаппарат?

P. P. S. Название моей улицы переменилось: улица Губкина, 4, кв.40, Москва, В-333.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 18

Москва
29 июня 1964 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Не писал я Вам не столь по занятости над повестью, как потому, что ждал от Вас вести и точного адреса.

«Зарю» я начал понемногу, так как мешает сильная жара, ограничивающая работоспособность — с удивительным упорством она держится уже месяц и господи веси, сколько ещё. Счастье, что квартира ничего общего не имеет со Спасоглинищевской, иначе пришлось бы бежать куда глаза глядят. А сейчас в ней прохладнее, чем на иной даче, и только грохот бульдозеров за окнами мешает использовать лучшие утренние часы — разломали все бараки и «благоустраивают» территорию с истинно русским неблагоустройством, перекапывая и перемещая одну и ту же землю по нескольку раз. И, конечно, едва я начал уже «вписываться» в «Зарю», как явилась корректура «Лезвия». Эту всю неделю придется посвятить ей, досадно прервав работу, но это уже срочная необходимость.

Интересно, что «Молодая гвардия» до сей поры мне не перевела «одобрения» — 35%. Якобы бумага затерялась где-то на столе у директора… а я уже подошёл к самому краю своих сберкнижечных возможностей. Затем ещё номер — якобы не хватает бумаги, и они хотят дать тираж 65 000 — это даже в магазины не попадёт. Но как будто теперь собираются 115 — в общем, всё время что-то неясно, что-то крутится, и не поймёшь, главное, в чём же суть вообще, на опыте «Лезвия» пришёл к заключению, что писательство в нашей стране — дело выгодное лишь для халтурщиков или заказников. Посудите сами — я ведь писатель, можно сказать, удачливый и коммерчески «бестселлер», а что получается: — «Лезвие» писал с середины 1959 года, т. е. до выхода книги пройдёт без малого 5 $^1/_2$ лет. Если считать, что до выхода следующей мало-мальски «листажной» повести или романа пройдёт минимум ещё два года, ну в самом лучшем случае — полтора, то получается семь лет, на которые растягивается финансовая поддержка от «Лезвия». Если всё будет удачно, то «Лезвие» получит тройной гонорар (журнал + 2 издания) за вычетами, примерно по 8500, т. е. в итоге — 25 тысяч. Разделите на семь, получите около 300 рублей в месяц, поэтому если не будет в ближайшее же время крупного переиздания, то мой заработок писателя (не по величине, а по спросу и издаваемости) первого класса оказывается меньше моей докторской зарплаты — 400 р[ублей] в мес[яц], не говоря уже о зав. лабораторской должности — 500 руб[лей]. Каково же меньше пишущим и менее удачливым или издаваемым — просто жутко подумать.

В итоге — если не относиться к писанию как некоему подвигу, но и не быть способным на откровенную халтуру и угодничество — не надо писать, а надо служить. Как ни странно, это сейчас даже почётнее, а то писателя всяк считает своим долгом критиковать, ругать, лезть с советами. Видимо, что-то надо правительству предпринимать с писателями, иначе будет как в Китае.

Я слыхал, что в Польше была стычка писателей с правительством, и писатели выиграли кое-какие преимущества. У нас это не в моде, и потому руководители культуры должны проявить разум, пока не поздно. Вот какие экономические рассуждения. Они не означают, конечно, что я вознамерился возвратиться в науку, но трезвое представление о действительности никогда не мешает.

Теперь несколько слов о киноделах. Посоветуйте им, ради бога, призвать варягов, а именно единственного режиссёра из старшего поколения, который смог бы поставить «Туманность» — а именно — Рошаля. Андрей Соколов обещал его агитировать на это дело, и тогда всё было бы хорошо. Что касается заключения сценарной комиссии, рекомендующей смелее отходить от авторского текста, то, во-первых, куда отходить и зачем, а во-вторых, бесконтрольный отход от авторского текста может вызвать лишь одну реакцию — чорт с вами, делайте что хотите, но я лишаю вас права писать, что фильм поставлен по роману. Пишите — по мотивам — этакий гибкий оборот, который в нашей стране даёт право на любое коверкание.

Когда они Вам должны заплатить ещё 35%? Если они так поведут себя, то, м. б., Вам получить эти 35% и послать их куда они заслуживают? Всё равно, им не дадут очень вольничать в Комитете, и рано или поздно они вернутся к Вам же. В общем — мне кажется, не давать им ни за что резвиться, любой ценой, когда оправдаете затраченное на сценарий время. Уступите только, и пойдёт....

Беспокоит меня Наталия Алексеевна. При жаре, стоящей на Украине, так же как и у нас (в Ленинграде всё время было прохладно), и при столь малых удобствах не получится ли вместо отдыха — усталость? М. б., разумнее Наталии Алексеевне вернуться в родные пенаты? Да и Вам самому тоже, как только выяснится, что они сценария не одобряют? М. б., нет смысла из-за неуверенности — иметь дело с киношпаной, отрываться от жизни в Ленинграде и Москве? Знаете, когда человека нет на месте, а вдруг да подвернется что-то подходящее? Или появится квартира? Я тут виделся ещё кое с какими кинодеятелями и просто удивляюсь — первая общая всем черта — крайняя необразованность, невежество и просто — серость. Странно, невероятно, но хвакт!

И Карюкова пошлите ко всем чертям — ему нечего и думать ставить «Туманность». А то все они упрекать нас мастера — зачем подписали договор, зачем согласились экранизировать у Довженко... кемь! Где все они были раньше? (я имею в виду некоторые разговоры здесь, в Москве!). В августовском номере «Советского кино» появится очередное собеседование со мной о н/ф. Я постарался им вложить, но они постарались всё смягчить.

У нас в Москве — затишье. Альманах «Знание» все ещё не вышел, Зонов — ушёл, Айдинов, вконец перетрусивший, — уходит. Кирилл Андреев — воскрес, ходит лощёным джентльменом. О журнале — ни слуху ни духу. Общий наш друг, другой Андреев, попал в Ленинграде под трамвай, но сейчас уже ходит и явился в Москву на костылях. Едва спасся, вот как оно бывает. В моём семействе пока всё в порядке. Дашка — на даче, Аллан с Ольгой — на Алдане, осенью Аллан, видимо, поедет в Камбоджу — вроде уже прошёл все инстанции оформления.

Последние выборы в Академии Наук, видимо, окончательно погубили биологию. Вот, как будто и все новости, дорогой друг. Я не в очень хорошей форме, сердце никак не придет в норму, но работать могу, что и делаю. И мне кажется, что Вам хорошо бы взять какую работу, а не полагаться сейчас на вольные заработки. С общим вздорожанием и Вашей небольшой сейчас работоспособностью

(надо смотреть правде в глаза) из-за квартирных условий в первую очередь, может быть, спокойнее совместить писание с какой-либо не очень трудной должностью в журнале или отделе газеты. Когда будет заготовка и, м. б., полегчает с писательским положением, тогда можно подумать и о «фри лэнси», как говорят англичане. Может быть, я говорю чепуху, потому что сейчас это очень трудно — найти такое дело, но мне кажется, что при общей симпатии людей к Вам и добром имени Вам стоит сосредоточить лишь усилия, чтобы найти подходящее. Раз уж Вы решили держать Ваших молодых, то Вы не просуществуете при сравнительно медленном темпе писания без заготовки вперёд. Интересно, какого мнения Наталья Алексеевна? Она ведь у Вас мудрая. Напишите мне её заключение по вышеизложенному. И вообще — пишите, дорогой. Буду отзываться, естественно. Тася целует Наталию Алексеевну и Вас, я — всячески приветствую и обнимаю.

Ваш
И. А. Ефремов

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19

Чикаго
6 июля 1964 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO 37 • ILLINOIS
DEPARTMENT OF THE GEOPHYSICAL SCIENCES
1101 East 58th Street

Dear Professor Efremov:

The other day I sent off to you, sort of as a trial to see how they would get through, 4 albums of "jazz". They had to go by surface carrier, for Airmail was prohibitively high. Also since they were merchandise, they could only be insured, not registered. I hope they get to you and that you enjoy them.

These were not precisely the things you asked for. Actually they were some "albums" that were on sale and it seemed best to me to run the trial on this sort of thing. The Count Basie album seems to be very good. He is one of our good jazz pianists who has a real feel for artistry of the idiom. I hope you will like it. I found the "American in Paris" of George Gershwin and sent it in spite of the fact I don't know much about the orchestra. I ran it through and it seemed quite good to me. As you of course know, Gershwin was the early proponent of classic jazz. In some respects this early number of his "Merican in Paris" sets the pattern for much of what he did later in "Rhapsody in Blue", "Concerto in F", and "Porgy and Bess". Also there are bits of the themes he used in some of his preludes. The other two are fairly standard big band jazz. If these arrive I will run down some of the other items you mentioned, so let me know after a while what has happened.

Not too much newsworthy has happened since I got settled down after my return, my field course in Oklahoma, work in Washington, and so forth. I am leaving for some bone hunting in Oklahoma at the end of the week and will be searching through the higher beds with the hope of finding something. It may be pretty hard going, I don't know, but anyway I will try. My son George will be out with me and he has turned into a good bone hunter. I have a few things spotted in the middle Flower Pot and am particularly anxious to get some determinable parts of the very big "sphenaco-

dont" that turns up a trace now and then. Presumably this would be somewhere in the phthinosuchid area, but I must get more than limb bones and a few vertebrae that I now have. Where we are going to start is where this thing has been found.

I did talk to some of the persons at the National Academy of Science on the matter of getting a joint Permian project under way. There was considerable interest and I hope that when the summer is over we can continue with this and get something moving. I am going to keep at it in any event. It is sort of moving mountains to get the thing under way, but perhaps, like a mountain, if it can be started it will have a lot of energy behind it. Anyhow, we will see. I wrote to Peter about this as well. I do hope that we can get some action.

I greatly enjoyed seeing you and your wife in Moscow and only hope that your health is improving so that you are getting around and at your work. I have often wondered how your novel is coming. Very well I trust. Please tell your wife how much mine appreciated the gift that she sent. Also, I never mentioned directly (as you asked), the letter of greeting and contents that you gave me when I arrived. From it came my very nice Russian presents to my family. Last night my wife and I celebrated our 25th wedding anniversary (I am getting old it would seem) and she wore her Russian amber beads with great pride. There are so many of these pleasant memories of this last trip and other ones that they enrich almost all of our days.

Please give my best wishes and regards to your charming wife and to your son and daughter as well, even though I missed them this time.

As always,
My most sincere regards,
your friend,
Everett C. Olson

ЧИКАГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЧИКАГО 37 • ИЛЛИНОЙС
ГЕОФИЗИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
1101 Восточная 58-я улица

Дорогой профессор Ефремов!

Позавчера я послал Вам в качестве пробной попытки четыре джазовых альбома. Они будут идти морем, поскольку стоимость авиапересылки заоблачная. К тому же, так как это товар, его могли отправить только со страховкой, а не заказной бандеролью. Надеюсь, пластинки до Вас дойдут и доставят удовольствие.

Это не совсем то, о чём Вы просили. Собственно, те альбомы я приобрёл на распродаже, чтобы на них проверить, как пройдёт пересылка. Но альбом Каунта Бейси вроде очень неплох. Он из тех наших джазовых пианистов, кто тонко чувствует художественный потенциал этого вида искусства. Надеюсь, он вам понравится. Ещё я обнаружил «Американца в Париже» Джорджа Гершвина и посылаю, хотя об оркестре, который его исполняет, особенно ничего не знаю. Но я прослушал запись, и она мне показалась довольно хорошей. Как Вам, конечно, известно, Гершвин был одним из сторонников классического джаза. В некотором отношении его ранняя вещь «Американец в Париже» намечает те мотивы, которые он развивал впоследствии в «Рапсодии в стиле блюз для фортепиано с оркестром», «Концерте для фортепиано с оркестром фа-мажор» и «Порги и Бесс». Слышны и отрывки тем из его прелюдий. Остальные два альбома — довольно обычные

записи больших джаз-окрестров. Если всё дойдёт, я сразу отправлю часть из заказанного Вами, поэтому дайте мне знать через некоторое время, как дела.

С тех пор как я вернулся, ничего особенно заслуживающего внимания не происходило — курс по полевой работе в Оклахоме, работа в Вашингтоне и т. д. В конце этой недели я отправляюсь в Оклахому на раскопки и буду работать с верхними слоями в надежде что-то там отыскать. Может туго пойти. Не знаю, но попытаюсь. Со мной поедет сын Джордж, который вырос в неплохого охотника за окаменелостями. Я заприметил кое-что в средних слоях формации Флауэрпот и особенно хочу откопать какие-нибудь поддающиеся определению части очень большого скелета сфенакодонта, следы которого время от времени обнаруживаются. Возможно, близкого фтинозуху, но я должен найти больше, чем только кости конечностей и несколько позвонков, чтобы говорить определённее. Мы собираемся начать как раз с того места, где он был обнаружен.

Я разговаривал с людьми в Национальной академии наук относительно разработки совместного проекта по пермскому периоду. Они проявили выраженный интерес, поэтому, надеюсь, по окончании летнего сезона можно будет вернуться к этому вопросу и сдвинуть его. По крайней мере, я не собираюсь отступаться. Легче горы свернуть, но, если уж удастся столкнуть, то, подобно горе, оно должно покатиться, набирая скорость. Посмотрим. Питеру я об этом тоже написал. Надеюсь, что-то задвигается.

Я был весьма рад повидаться с Вами и Вашей женой в Москве и очень надеюсь, что Ваше здоровье поправляется, что вы выбираетесь из дома и начали работать. Частенько мыслями возвращался к Вашему роману — надеюсь, работа в самом разгаре. Прошу передать супруге, как моя жена благодарна за её подарок. Я специально (как Вы и просили) не упоминал о вашем поздравительном письме и содержимом того, что вы передали, когда я явился к Вам в дом. А там как раз и были те чудесные русские подарки, которые я передал домашним. Вчера мы с женой отмечали 25-летний юбилей свадьбы (вот, старею, как видно), и она красовалась в русских янтарных бусах. Столько приятных воспоминаний о последней поездке и о предыдущих, что почти ни дня не проходит без того, чтобы мы не думали о Вас.

Передайте мои наилучшие пожелания Вашей милой жене, а также Вашему сыну и его жене, хотя я разминулся с ними на этот раз.

Как всегда, с самыми искренними чувствами,
Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1]

20

Москва
14 июля 1964 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Сегодня получил II часть и фото. Первую часть я просмотрел, при первом взгляде всё хорошо и вещь полезная. Отдал, чтобы перепечатали 5 экз[емпля-

[1] Открытка с изображением панды в зоопарке.

ров], после чего верну Вам оригинал, а те пойдут в дело. Почему Вы печатаете так убористо и на обеих сторонах? Нет бумаги? Напишите, и я пришлю Вам, или возьмёте, когда будете в Москве. Сейчас нет времени прочитать как следует, а потом обязательно это сделаю. Хотите экземпляр другой иоги — water-yoga?

Искренне Ваш
И. Ефремов

21 И. А. ЕФРЕМОВ — Л. М. НЕВИШНИМУ

Москва
23 июля 1964 г.

Леонид Михайлович!

Очень рад за Вас — теперь Вам будет полегче. Благодарить меня не за что — моё ходатайство успеха не имело — я получил отказ с формулировкой «ввиду тяжести совершенного преступления». Но я не стал писать об этом Вам, чтобы излишне не травмировать, так как до меня дошли слухи, что будет указ о наборе заключённых на стройки большой химии, и я был почему-то уверен, что Вы попадёте туда.

Учиться Вы теперь сможете заочно и прежде всего изучить иностранный язык, хотя бы один — все герои прошлого учили языки в заключении, причём по несколько. Но вообще-то осмотритесь, и наверное найдёте заочный ВУЗ или техникум по вкусу.

Желаю Вам всяческого успеха.

И. А. Ефремов

22 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
23 июля 1964 г.

Дорогой Борис!

Сердечное спасибо за фотографии о милом сердцу романтика Сингапуре. За перевод[1] — не спасибо, впрочем, мы с Тасей уже придумали, как отомстить, явитесь только…

Я пока сижу в Москве, пишу понемногу — отошёл от беллетристики и принялся за научно-популярную книгу о палеонтологии. Чувствую себя весь этот год как-то неважно — плоховато работает сердце. Стараюсь беречься, как могу, и Тася следит за мной, как наседка за птенцом.

Глория ещё не переписала Вам стихи, но перепишет, или я её разгромлю. Пока я не настаивал, — так как у неё было много треволнений — окончила школу, надо устраиваться на работу, определяться в ВУЗ или погодить — всё это девчонку волнует, и всё пока ново. Она написала Вам из Ленинграда, куда мы её отправили на две недели, а что до краски, то честно её искала, но не могла найти нужный цвет. Найдёт рано или поздно.

[1] Денежный. — *Примечание Б. И. Устименко.*

Посылаю Вам обратно японское приложение к браслетам и перевод, сделанный по моей просьбе А. Стругацким. Кстати, у братьев только что вышла новая и очень интересная книга в «Молодой гвардии» — «Далёкая Радуга»». Там особенно хороша вторая повесть «Трудно быть богом». Её распродали моментально. Попытайтесь достать там у Вас, если не достанете — напишите, я попробую её добыть здесь.

А ещё один интересный перевод вышел — книжки Азимова «Я, робот» в издательстве «Знание», а в географической литературе — теперь «Мысль» — небольшая книжка «Чёрная пантера из Шиванипали» Кеннета Андерсона. К сожалению, дураки её издали в сокращённом переводе.

Очень советую проплыть по Амуру. Я плавал там в 1931 году на лодках, от села Пермского — ныне Комсомольск — до Николаевска, как раз в осеннее время, с боковыми маршрутами, в частности, на озеро Кизи и в бухту Де-Кастри. Очень хорошо на той могучей реке, но не знаю, в какой степени там сейчас переменилось. В 1931 году всё было примерно в том же состоянии, как во времена Маака, и чуть более населено, чем при Невельском. Возвращался уже на пароходе «Коминтерн» (судьба мне плавать на судах с таким названием[1]) уже во время шуги, но, поскольку пароход был китайский «жопник», отобранный в боксёрское восстание[2], то он доблестно преодолел шугу и доставил меня в холодный, пустой и голодный Хабаровск.

Мы с Тасей шлём Вам самый сердечный привет. Приветствуйте от меня и поблагодарите за фото Вашего друга Гену Гаврилова.

Книга моя всё ещё мытарится в издательстве, но в 4-м квартале, вероятно, выйдет — тогда пошлю её Вам (речь о «Лезвии бритвы»).

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
24 июля 1964 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Возможно, что тут виной пылкий темперамент Леонида Дмитриевича, но Вы реагировали на хамство критики куда сильнее, чем все мы, грешные. Никто носа не вешает и после того, как остыли, даже печатно никто не выступает. Очень мудро Леонид Дмитриевич меня охладил, когда я порывался написать статью «Крапленые карты критики», ибо ничем кроме шулерства такую критику не назовешь, будь то статья Лебедева или Котляра, Теплова (о чтении пальцами) или иных шулеров о экономике и счётных машинах. Потом я решил писать докладную записку Ильичеву, но когда я её набросал, то увидел, что она ни к чему — что собственно просить? Издают? — да, большими тиражами? — да, никаких «специальных мероприятий» нет? — да. Так что же собственно

[1] Первое судно, на котором в 1924 году И. А. Ефремов плавал старшим матросом по Охотскому морю, называлось «III Интернационал».

[2] Восстание ихэтуаней (1898—1901) — восстание против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая. Название «боксёрское» получило благодаря участию в нём большого количества мастеров китайских систем единоборств у-шу, называемых европейцами «китайским боксом».

надо — уважение к жанру? А к какому собственно жанру имеется уважение? И в чём его Ильичеву выразить? Защитить от злых дядей-критиков? Нет, если говорить о жанре, то серьёзно, так, как это делаете Вы — статьями, но не в ответ на укусы шавок. Поэтому я порешил докладных никаких не писать, а немного поближе к осени написать коротенькое письмо — так и так, жанр развивается, а критика гнёт не туда, и даже есть специально утрированное отношение к жанру — выставляются комические требования, печатаются шулерские рецензии. А посему не примете ли меня для разговора о жанре — нельзя ли ему помочь вашей высокой рукой, отразив это в каких-либо решениях, ибо в области пропаганды и тем более за рубежом — научная фантастика может стать рычагом отменным. Вот так, а там уж пусть решает, принять или не принять, если не примет, так и докладной моей читать не будет всё равно.

Посылаю Вам статью из «Молодого коммуниста»[1]. Почитайте. И просьба сохранить — это не моя, а Стругацкого, посылаю с его разрешения и с его сердечным приветом.

Теперь о «Долгой заре». Я не отставил её совсем, никоим образом, но отложил пока, чтобы не вызвать сразу излишне пристального внимания к социологической линии в нашей фантастике. Отнюдь не потому, что есть опасение в неправильности моей линии, но потому, что эту линию легче всего извратить и провокационно исказить. А если это произойдёт подряд за короткое время, то может случиться, что начальство, фантастики не читающее и вообще плохо осведомлённое, разразится чем-нибудь таким, что плохо отразится на фантастике вообще и прежде всего — на молодой поросли. Уж если, мол, и Ефремов, то тут надо «разобрать и наказать»...

С удовольствием взялся за палеонтологию — попытаюсь написать интересную вещь за сравнительно короткий срок, пока будут читать «Лезвие» в книге и лаять его воровскими словами. Кстати, видели Вы рецензию в «Смене»? Я как-то пропустил её и теперь не найду. «Лезвие» приняло форму 1-й верстки, которая скоро пойдет на 2-ю.

Жемайтис улетел в Японию, но после его возвращения, вероятно, скоро будет и сверка. Тогда я могу считать себя свободным для поездок. Тираж «Лезвия» определили в 65 тысяч — смеху подобно. Правда, вышла книга Стругацких «Далекая Радуга» («Дал[ёкая] Радуга» и «Трудно быть богом» — вместе), и такую штуку издали тиражами в 100 тысяч! Или обалдели, или нет совсем бумаги. Хотя «Знание» лупит тиражами по 210—190 тысяч (альманах так пока ещё и не вышел!!!).

Совершенно согласен с Вами, что надо выставить им ясные требования к картине. Но боюсь, что ничего не проймет — более тупой и невежественной среды, чем наши киношники, я ещё нигде не видел. Просто поражен, как это могло получиться, и понимаю, отчего столь много паршивых, безвкусных и пошлых у нас фильмов.

Не знаю, м. б., Казанский и не хуже кого другого, но всё же не находка — битый за «Человека-амфибию», он не будет ли трусить? Да и есть ли у него

---

[1] Котляр Ю. Фантастика и подросток // Молодой коммунист, № 6, 1964. В статье немало нападок на популярные тогда идеи в советской фантастике — психологическое подчинение человека машинам, симбиоз человека и машины, восстание машин — с утверждением того, что эта тема никому давно уже не интересна, заезжена и представляет собой идеалистические выдумки.

нужный полёт? Вообще, познакомившись с киношниками, я приуныл и думаю, что некому ставить «Туманность» по-настоящему.

Не помню, писал ли я Вам, что получил второе приглашение на фестиваль н/ф фильмов в Триест, опять членом жюри, причем на этот раз было письмо от президиума фестиваля Романову. На этот раз я даже не стал ждать, а сразу отказался и прав — от Романова не пришло никакого извещения. Я попросил президента фестиваля послать мне материалы по фестивалю, но не получил ничего — вероятно, наконец обиделись на наше хамство.

А жаль — послали бы хоть кого из корреспондентов или кинознатоков — наблюдателями, увидели бы много фильмов, привезли бы материалы.

Ну, хватит, и так письмо получилось преогромное.

В общем, не волнуйтесь (хоть и не люблю этой формулы, ставшей у нас стереотипом), ничего страшного пока не произошло. И не торопитесь со статьями — если хорошо пишется, надо писать повесть — это куда важнее.

«Детгиз» издаёт сборник моих рассказов листов в 20, набрали и заверстали молниеносно. Вероятно, к осени выйдет, и 1200 руб[лей] я получу — так теперь платят за целые книжки. Если считать удовлетворительную мало-мальски зарплату в 400 руб[лей] в мес[яц] — значит, книжка обеспечивает трёхмесячное прожитие… а издается не чаще раза в два года, как это повелось у меня со старыми вещами. Чудовищно низкие гонорары!

Поцелуйте ручку Наталии Алексеевне. Тасенька вас обоих целует, и мы оба шлём нежные приветы.

Ваш
И. А. Ефремов

P. S. Привет Леониду Дмитриевичу, если он ещё там.

P. P. S. А что до «Нового мира», то абсолютно согласен с Вами — по всем его устремлениям (впрочем, это было видно ещё раньше, даже до Вашего визита туда) — журнал с его редакцией «гавно» — по Вашему выражению. В такой орфографии это слово звучит как-то страшнее — буду писать теперь так.

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ

Москва
25 июля 1964 г.

Глубокоуважаемая Людмила Степановна!

Спасибо за дружеское выражение сочувствия. Правда, на «Лезвие» рецензии не только враждебные (есть ещё в «Литературной России» — ещё в марте, в «Смене» и где-то ещё — эти не злобные и стараются быть объективными, хоть и не поняли ничего в романе), но общее их свойство — непонимание. Другое дело с научной фантастикой вообще. Тут намечается некий поход, к счастью, на «низшем уровне» — просто перестали читать бездарные произведения писателей т. н. «большой» литературы, а фантастику хватают в любом виде, вот и надо попытаться остановить нарастающий жанр. Ничего из этого не выйдет, если не будет запрещения на высшем уровне, но до такой глупости, я уверен, дело не дойдёт, не те времена.

А препятствий к изданию н/ф и сейчас довольно много, но в общем-то никакой беды нет. Пусть их!

Конечно, слов нет, огорчает не столько злопыхательство, сколько лёгкая возможность печатать такие рецензии и тем самым платить за честную попытку сделать что-то хорошее такой вот дрянью. Тем более что краплёные карты такой критики видны мало-мальски думающим людям с налёта, и шулера в роли критиков всё равно разоблачаются стоющими читателями.

Теперь о Ваших вопросах.

У меня лично всё хорошо, со мной всегда мой большой и верный, горячо любимый друг — жена. Здоровье (сердце) в этом году немного хуже, чем в прошлом, почему я и стараюсь себя ограничивать во всём, даже и в работе, не позволяя себе писать как прежде – «запоем».

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

25 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1]

Москва
29 июля 1964 г.

Глубокоуважаемый Георгий Константинович!

Посылаю Вам обратно Ваш оригинал — у меня теперь есть копия, а Вам пригодится. Вместе посылаю «иогу» водолечения — в Вашу собственность.

Рукопись о телепатии куда более громоздка, и я, возможно, пошлю её посылкой.

Фото ко второй части Иессудиана годятся, но для размножения не годятся. Если у вас есть плёнка, то, м. б., Вы пришлёте?

О Ауробиндо ни слуху, ни духу — однако, пропал, но скоро я получу ещё кое-какие интересные вещи.

С сердечным приветом и искренним уважением,
И. Ефремов

26 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
14 августа 1964 г.

Дорогой Иван Антонович!

Прежде всего приношу свои глубокие извинения, что долго задержал у себя Ваш роман «ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ», так любезно присланный Вами. Ещё раз позвольте поблагодарить Вас за эту любезность: чтение Вашего романа доставило мне громадное удовольствие, я сделал ряд выписок понравившихся мне мест и выражений. Для меня Ваша любезность особенно ценна тем, что достать роман в журнале я никак не мог. Как Вы знаете, будучи фактически «безногим», я лишен возможности посещать библиотеки и магазины. Жена же моя, тоже очень слабого здоровья (она гипертоничка), буквально замучена различными житейскими обязанностями, которыми так богата у нас жизнь

[1] Открытка с репродукцией картины Камиля Писсарро «Бульвар Монмартр в Париже».

«раскрепощенной» женщины: беганьем по магазинам и стоянием в очередях, изготовлением пищи, стиркой белья (прачечной доверять нельзя!) и работой по содержанию квартиры (однокомнатной) в порядке и чистоте, в том числе самой тяжелой и грязной. Будучи больным, я, к сожалению, ничем практически помочь ей не могу. Понятно, что возложить на неё ещё обязанность ездить по библиотекам и ходить по книжным магазинам (которые все далеки от нашего района) я не имею никакого права — она просто не выдержит такой нагрузки. Поэтому я пробавляюсь теми случайными доброхотными даяниями, что преподносят мне мои знакомые, да спорадическими поступлениями по межбиблиотечному абонементу из библиотеки того института, где я работал раньше, да ничтожной по размеру подпиской на журналы (в основном на «РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ» — геология и география), какую я могу разрешить себе при пенсии в 160 руб[лей] в месяц и с учетом того, что необходимо немного помогать и своей трёхлетней внучке, материальное положение родителей которой не бог весть как хорошо.

Особо острые, много лет не бывшие до этого личные переживания текущего года, вовсе не присущие моему возрасту (61 год!) и, видимо, вызванные программой, заложенной в моих генах, привели меня к повышенной психической возбудимости и неврозу сердца; скорее всего, это именно невроз сердца, потому что боль и спазмы лучше всего снимаются успокаивающими, а не сердечными лекарствами. В жаркие недели этого лета спазмы типа стенокардических приступов стали особенно часты, будучи почти ежедневными; иногда приходилось спешно вызывать неотложку. Обычно же я нашим районным врачам доверяю мало и предпочитаю сам разбираться в своих болезнях и медикаментозном лечения их: как химик я довольно хорошо был знаком с фармацевтической химией и фармакологией. К сожалению, наши врачи, прописывая лекарства, особенно водные, зачастую не знают полного их фармакологического действия и всех противопоказаний.

Далее, тупая «хирургическая операция», произведенная издательством над моей книгой об Атлантиде по требованию Союзкниготорга (из-за превышения фактической стоимости книги над «плановой» на 15 коп[еек], почему Союзкниготорг отказывался брать книгу) и заключавшаяся в изъятии всех справочных таблиц, указателей авторов и предметного (на 450 страниц) из уже подготовленной в типографии к полному тиражу, задержала выпуск и дала мне много лишней работы, помимо большого огорчения. Лишь на днях я ожидаю получение сигнального экземпляра, хотя выпуск книги в продажу был запланирован для июля с/г.

Вот почему, дорогой Иван Антоновичей, и задержался с обратной отсылкой Вашего романа.

Между прочим, мне очень понравилась в Вашем последнем письме ко мне от 7 мая следующая фраза: «Неустойчивость Вашего состояния отчасти связана с возрастными явлениями и спустя не столь уж большой срок пройдет». К сожалению, неизвестно, как долог будет этот срок: два-три года, а может быть, учитывая мои «гены», и все десять и более лет? Поэтому мне очень созвучна судьба Кунерта, о которой Вы пишете в № 9 (стр[аница] 30), а также одна фраза из того же номера на стр[анице] 37. Впрочем, как говорится, поживем — увидим. Во всяком случае, я понимаю Кунерта и завидую его силе воли. Может быть, удастся ещё один раз справиться с самим собой, хотя слу-

чай очень трудный, условия не те, да и сам не тот, что был тридцать лет назад, когда пережил сходную катастрофу. Пишу Вам это всё как другу, хотя мы фактически очень мало знаем друг друга. Меня же лично особенно сблизил (заочно) Ваш роман, в котором нахожу многое передуманное и мною.

Ну, о личном, пожалуй, многовато, и хватит! Перейду теперь к Вашему роману. Критик из меня неважный, и взять на себя смелость дать полную оценку Вашему произведению я не берусь. Дело в том, что имевшая место в гимназии (я учился в той же гимназии и почти у тех же учителей, что и Константин Паустовский, один из немногих моих любимых советских писателей; только я поступил в гимназию много позже, в 1911 году. Вот почему мне так особенно дороги его «ДАЛЕКИЕ ГОДЫ») чехарда с учителями «словесности» не привила мне особой любви к классической литературе и не дала уменья критически разбираться в литературных произведениях — изучение пришлось на годы революции, когда было уже не до учения. Однако я читал запоем и прочитал за свою жизнь огромнейшее количество всевозможных книг — книги я люблю! Дальнейшие годы тоже не дали ничего, ибо в 1920 г. я потерял отца, руководившего моим воспитанием, а потом был 12 лет в кадрах РККА. Поэтому получилось так, что, кроме 7 классов классической гимназии, и не имею никакого иного образования, в том числе и высшего. Как химик — я самоучка, любил эту науку с детства. В жизни я был вынужден преодолевать конкуренцию тупиц с дипломами. Для этого я должен был вдвое, если не втрое знать больше, чем они, что, впрочем, не мешало «дипломированным» пустышкам и зачастую просто невеждам обвинять меня в «химической неграмотности». Я делал ошибки, меня жестоко били и пинали, я падал, поднимался и читал, экспериментировал и опять читал, читал, чтобы знать втрое больше дипломированных невежд. Выучил ещё один язык — английский; плохо ли, хорошо ли, но смог читать специальную литературу на трёх языках: английском, немецком, французском. Но для всего остального оставалось очень мало времени. Узкая специализация притупляла ум, сужала кругозор, что я осознал только тогда, когда ушёл по болезни на пенсию. Годы работы, проведенные в номерном институте, оказались годами пустыми, потерянными для моего интеллекта — я с ужасом увидел, что потерял тот обширный кругозор, который имел в молодости! Да и мои знания как химика в конечном итоге оказались ненужными: из меня высосали всё, что могли, и выбросили на свалку за ненадобностью, забыв и про моё существование! Пришлось в третий раз менять профиль и повернуть колесо жизни на 180° — химиком я перестал быть, но зато стал атлантологом. И это направление в моей научной деятельности оказалось для меня наиболее интересным, я не жалею — я стал более свободен, независим, мне не надо выполнять и перевыполнять в угоду начальства планы, я вздохнул наконец полной грудью: я могу заниматься тем, что хочу и что люблю! А вот среди моих «крестных отцов» первым были Вы, дорогой Иван Антонович, за что приношу Вам глубочайшую признательность. Опять отклонился к личному, извините!

Я буду излагать не моё мнение о Вашем романе, а только свои впечатления как читателя, трижды прочитавшего его, хотя я считаю, что этого мало. Некоторые из моих знакомых, не блещущих богатым интеллектом, высказывали мнение, что книга, несмотря на занимательность, читается с напряжением. Верно и то, что читать её нужно очень внимательно, иначе можно пропустить самое интересное. Мне кажется, что своеобразной особенностью (может быть,

с точки ортодоксальной критики — даже недостатком) является то, что роман может представлять интерес для самых разных групп читателей. Наиболее обширная и наиболее интеллектуально примитивная группа читателей, требующая литературу о «шпиёнах» и приключениях, найдёт в Вашем романе и занимательную фабулу, и искомые приключения. Вероятно, придётся он по душе тем читательницам из молодых лиц прекрасного пола, кои ищут в книгах любовные переживания, хотя некоторые из них будут несколько разочарованы, ибо любовь в романе очень чиста и прекрасна; такая любовь для современной средней молодёжи старомодна — ей подавай больше секса! Мне кажется, что роман будет интересен и для той группы читателей, которых интересует познавательность: в нём можно узнать много нового, мало известного, что почерпнул и я сам. И, наконец, по-моему, наиболее интересен будет роман читателям, знакомящимся с философскими высказываниями автора, среди которых есть немало смелых мест, вероятно, принесущих автору кучу неприятностей от ортодоксов. К последней группе читателей относится и Ваш покорный слуга, как говаривали некогда, в прошлый вежливый век. Очень многое в романе созвучно как моим личным взглядам, так и личным переживаниям, но со многим я совершенно не согласен; об этом речь будет впереди. Может быть, я сказал бы, эзопический стиль изложения некоторых мест совершенно необходим при существующей обстановке. Может быть, так… Тогда это оправдано.

По своему композиционному построению роман мне кажется написанным неровно. Некоторые главы несколько растянуты, конец же явно скомкан; это может быть оправдано лишь тем, что автор замыслил его продолжение (второй роман). В романе много действующих лиц, но не для всех из них в фабуле отводится соответствующее место, и читатель может получить некое разочарование, не узнав никаких подробностей о судьбе лиц, описанию которых было посвящено довольно много места в предшествовавших главах. Особенно спорным мне лично кажется большое внимание, уделённое Анне в первой главе. Анна — эпизодическая личность, с которой читатель встречается опять вскользь лишь к концу романа. Очень бегло и скупо, не совсем понятно обоснован уход Анны от Гирина. Зато читателю представляется право любой фантазии по поводу загадочной и обольстительной Тони, второй и, видимо, самой неудачной любви Гирина. Между прочим — опять личное — пишущий эти строки за свою жизнь тоже пережил три очень сильные любви, все исключительно неудачные, причем самая последняя и самая тяжелая — уже в почтенном возрасте; мне кажется, что и Анна и Тоня — равноправны и им следовало бы уделить равные места. И многие другие действующие лица как-то уходят из романа «в никуда» (Андреа, Тата, Дерагази и др.) Если автор предполагал продолжить роман, то об этом следовало бы ясно намекнуть где-то в конце. А то весь роман в целом производит впечатление незаконченного.

В заключение несколько слов о моих принципиальных несогласиях с Вами. Они в основном относятся к высказываниям Гирина, приводимым на стр[анице] 47 девятого номера. Может быть, моё несогласие своим корнем имеет невежество, незнание биологии и психофизиологии, в которых, честно признаюсь, я совершенный профан. Развиваемая Гириным концепция неизбежности победы в человеке гуманистических начал не вяжется со всем тем, что я читаю и читал о современной жизни у нас и за рубежом, что я вижу и наблюдаю, живя в самой гуще, на самом дне, если можно так выразиться, рабочего

крупного посёлка. Конечно, очень заманчиво представлять себе человечество в виде некоего ваньки-встаньки, которого дурные силы, наклонности и тяжёлые материальные условия отклоняют от извечных гуманистических основ, выработанных миллионами лет. Эти основы и наследственный механизм якобы автоматически возвращают ваньку-встаньку в его стационарное состояние. Гипотеза красивая, но не отвечающая фактам.

Много есть захватывающе привлекательных гипотез, которые в наш век науки начинают замещать положительные стороны древних религиозных доктрин. К числу таких я отношу (может быть, по своему невежеству) и доктрину, развиваемую Гириным, собственно говоря, являющуюся своеобразным перепевом древней легенды о Золотом Веке человечества (см. особенно стр. 21 восьмого номера). За всю триставековую историю разумного человечества ещё ни разу не была осуществлена рациональная социальная система, хотя попыток было известно немало. Вся история человечества полна описанием жутких жестокостей и неразумия. Простая логика подсказывает, что если бы в своей натуре человек был добродушным животным, то после очеловечения он за 30 тысячелетий как-нибудь бы да справился с организацией своего общества по-хорошему. А раз этого нет, то и легенда о гуманистической природе человека есть красивая сказка и больше ничего. Гуманизм есть идея, являющаяся достоянием и продуктом сознания очень немногих человеческих личностей, тщетно в течение столетий пытающихся распространить эту доктрину на всё человечество. История знает и религиозных, и политических реформаторов, как правило, совершенно не знавших среднего человека, которые пытались осуществить свои идеалы; были даже целые государства, вроде империи инков. Все эти попытки закончились неудачно; столь же неудачны, если не более, и современные попытки. Вся беда в том, что никто из таких реформаторов не занимался вопросом улучшения человека: все учили — сначала пища, одежда, жилище, а уже после этого само собой придет совершенство человеческого рода. Я представитель точных наук и поэтому прежде всего доверяю фактам, а не гипотезам, даже очень заманчивым; факты же говорят против концепции Гирина. Видимо, как говорят физики и химики о некоторых неудачных опытах и неверных результатах наблюдения, что в них вкралась систематическая ошибка. В чём, собственно говоря, заключается эта систематическая ошибка, более подробно я мог бы рассказать только при личной встрече, если когда-нибудь такая встреча между нами состоится.

Писать же пришлось бы очень много и зачастую эзоповским языком. Может быть, мою концепцию Вы сочли бы результатом параноических, шизофренических или иных, мне не очень известных уклонов в моей психике больного человека. Может быть, и так, больное тело делает больной и психику, но такое я чаще всего наблюдаю в самом себе в области личного. В области же науки я имею огромный запас прошлого опыта исследователя и экспериментатора, который пока ещё придает моему мышлению столь мощную силу научной инерции (в лучшем понимании последнего слова), что её можно сравнить с катком, сминающим всякие психоневрозы. Эта сила многолетней инерции позволила мне справиться с различными и многочисленными тяжкими недугами и дала возможность при очень тяжелом физическом состоянии закончить свою «АТЛАНТИДУ», труд, в котором, я надеюсь, Вы не найдёте ни параноических, ни шизофренических, ни прочих «ических» психоневрозов.

Всё это позволяет мне вступить в спор с Вами, имея на своей стороне лишь некоторые бесспорные факты и кое-что из логических умозаключений, и заключить, что всё же мир катится в пропасть безумия, как Вы пишете, и это является неизбежным следствием бездумного многовекового нарушения человеком равновесия в природе и пренебрежением законов её. А ведь есть жестокие и неумолимые законы природы, общие как и для мира молекул, так и для хаотической массы индивидуумов, именуемых человечеством. Это — законы больших чисел, законы вероятности, законы так называемого распределения Максвелла, которые человек непрерывно нарушает и которые за это ему жестоко мстят. Не меньшую роль играет и тот основной принцип термодинамики, известный как закон Гесса: «Общее состояние любой системы зависит только от начального и конечного состояния, но совершенно не зависит от того, какие будут промежуточные состояния». Этот замечательный великий принцип термодинамики верен и по отношению человеческого общества, даже и в личных отношениях.

На этом заканчиваю. Кажется, написал не мало. Буду очень доволен, если в написанном найдёте что-либо интересное для себя. Буду также рад, если ответите, но не обижусь, если ответить будет недосуг — понимаю Вашу загруженность. А если моё письмо Вас заинтересует больше и Вы сочтете возможным осуществить личную встречу — тоже буду рад. К сожалению, лично я не могу по состоянию здоровья посетить Вас.

С дружеским приветом и уважением,
Н. Ф. Жиров

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
19 августа 1964 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO ILLINOIS
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

Your letter including the problem of the National Geographic was waiting for me when I returned from some field work in Oklahoma and a couple of days ago I received your second letter. I have sent a request to the National Geographic Society, as you suggested. I have asked them to send the membership card to me and I will forward it to you, I hope this all goes along expeditiously. I have not heard from them as yet, but should very soon. One way or another I can get the National Geographic to you. If something goes wrong this way, there is another avenue, some outfit that will send subscriptions of magazines, books, etc. to persons over there for what I presume to be nefarious purposes under the general guise of propaganda. Anyhow, we will wait and see.

A couple of months back I sent a letter to Peter Chudinov with some stamps for his daughter. I didn't think that it needed to be registered, but perhaps it should have been. Also in the letter I thanked him for sending me the excellent photographs of Ennatosaurus. Do you know if this ever got through or not. I will write him

soon, but from what he said earlier, he may be out in the field at this time. I will send more stamps if they encounter no problems. These are cancelled stamps from various countries.

Our collecting in Oklahoma was pretty meager this year. It is real tough going. We got about 20 specimens all in all and each was a single, from rather widely spaced spots. We have one small partial skull and skeleton of a carnivore that seems to be very much like Phthinosuchus on the basis of its general build and dentition. I am preparing it myself, so there will be no slips. It is extremely interesting. I hope the tentative diagnosis is somewhere near correct. There are other interesting things, but they will have to await preparation. We are getting traces of bones as high as the base of the Marlow (basal Whitehorse) but so far our efforts to find productive sites are zero. I am rather afraid we are well off the terrestrial edge of the delta, into somewhat even, although coarse, clastics. Then these beds are excellent aquifers and I imagine that the bones are part of the drinking water of Canadian and Grady counties. We will keep at it. We have opened up three new sites in the uppermost Flowerpot, more with promise than with production. They will be a target next time I get out.

I was most interested to hear of your plans to move somewhat closer to the VP area. Popular writing in this field should be a great contribution. As to my evolution book, it moves, but slowly. I have just read page proof. It is coming out hard back in England by Weidenfeld and Nicolson. Why it has been so long Lord only knows. Must be the "free" press exercising its freedom. I hope that your book "The Razors Edge" moves as well.

I will try to run down a copy of the South African Journal of Sciences for you. At present I don't even have a reprint of the Hotton-Kitching article. It may take a bit of time, but I am sure that I can get a copy of the issue without too much trouble. I never did hear from Hotton in response to my letter about South Africa, etc. This is not surprising, for he is a "lousy" writer, answers letters with one long one about once a year, saying how sorry he is not to have answered sooner.

It so happens that I have a copy of African Ecology and Human Evolution, I got it free as a review copy for the Journal of Geology, which, as you know, I edit. I have gone over it rather thoroughly. It is one of those compendia, good in bits and pieces, but lacking the coherence that I feel is needed for this field. It is a rather typical anthropologist's book. I don't know too much about your anthropologists, but most of ours get badly spoiled for science, I guess by too much exposure to social "science". The book is, I would say, good, a source of a lot of information and speculation. I don't think it is outstanding.

This is a bad prelude to my telling you that I am sending you the copy. I think you will find it very interesting, but it seems to me questionable that it is worth the expenditure of the limited funds you can put into this sort of purchase. I am including with it a copy of the triconodont paper with Patterson. This was sent in the ill fated package of reprints that never made it.

I would be very much interested in some good Russian science fiction. I am gradually dropping some of my administrative chores and will have more time for "extracurricular" activities. It is about time I get back to reading something beside technical Russian, for my abilities wane rapidly. Anything that you can send would be most appreciated.

Well, this seems to about get the major questions answered. We are in the midst of finishing up an exciting Major League baseball season, with our Chicago

team in contention for the title. Irrational as it may be to be interested in professional athletics, I am a baseball fan, and we are having a lot of fun. This combines with the mad hullaballoo — a word that surely is not in the dictionaries — but whose meaning is clear in its sound of a Presidential election year. Then we have some discontents here and there, so things are far from dull. Of everything that goes on in the world, I imagine the baseball makes the most sense. At least when there is a big argument it is clear who will come out on top — the umpire.

I, like you, find a remarkable rapport in our meetings. Must be we "vibrate" on the channel, or some such metaphysical phenomenon, I am sorry to hear you have lost your labial appendage. I am still holding out, and after some 30 years have pretty well quelled the opposition. I hope that your heart is repairing itself somewhat, for I know it must be extremely difficult to be so confined after the active life you have led. Please give my kind regards to your wife.

With my sincere best wishes,
your friend as always,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Чикаго, Иллинойс
Комитет палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Ваше письмо о проблеме с «Нэшнл джиогрэфик» поджидало меня по возвращении с полевых изысканий в Оклахоме, а два дня назад я получил второе письмо от Вас. По Вашему совету я направил в Национальное географическое общество запрос. Попросил их переслать Вашу членскую карточку мне, чтобы я уже переправил Вам. Надеюсь, это много времени не займёт. Скоро должен получить от них ответ. Так или иначе, но Вы будете получать «Нэшнл джиогрэфик». Если что-то вдруг не выйдет так, можно найти другой путь, через организацию, которая направляет подписные издания, книги и прочее людям в вашу страну, скорее всего — с сомнительными целями, под видом пропаганды. Но не будем торопиться.

Пару месяцев назад я отправил письмо Питеру Чудинову с марками для его дочери. Я не думал, что стоило посылать письмо заказным, но, очевидно, надо было. В том письме я также благодарил его за присылку замечательной фотографии эннатозавра. Может быть, Вы знаете — получил ли он это письмо вообще? Я ему скоро напишу, но, судя по предыдущей информации, он сейчас как раз может быть в поле. Если с марками не возникло никакой проблемы, я пошлю ещё. Это гашёные марки из разных стран.

Улов из Оклахомы в этом году невелик. Раскопки идут с трудом. Мы нашли всего около 20 образцов, и все единичные, с большим разбросом. Один небольшой неполный череп и скелет хищного ящера, похожего на фтинозуха общим строением и строением зубного аппарата. Я сам занимаюсь его препаровкой. Следы костных останков начинают встречаться уже на нижней границе Марлоу (нижняя часть формации Уайтхорс), но массового залегания, несмотря на все наши усилия, обнаружить не удалось. Боюсь, наше местонахождение довольно далеко от края древней дельты в терригенных отложениях, пусть и грубой фактуры. Эти слои — прекрасные водоносы, и,

значит, наши кости растворились в питьевой воде округов Канейдиен и Грейди. Но мы продолжим раскопки. Мы раскрыли три новых местонахождения в самом верхнем слое формации Флауэрпот, хотя пока они больше обещают, чем дают. Ими я займусь в следующий полевой сезон.

Было интересно узнать о Ваших планах ближе заняться палеонтологией позвоночных. Научно-популярное освещение этой области было бы большим вкладом. Что до издания моей книги об эволюции, то оно движется, но медленно. Я только что закончил читать гранки. Её выпустит в твёрдом переплёте английское издательство «Вейденфилд энд Николсон». Почему это всё длится так долго — бог весть. Вероятно, так «свобода» печати понимает свою свободу. Надеюсь, дела с Вашим «Лезвием бритвы» тоже движутся.

Постараюсь разыскать экземпляр южноафриканского «Джорнал ов сайенсиз» для Вас. Пока же у меня нет даже репринта статьи Хоттона и Китчинга. Это может занять какое-то время, но я уверен, что добуду экземпляр нужного вам выпуска без особого труда. Хоттон мне так и не ответил на письмо о Южной Африке. Ничего удивительного, потому что он паршивый корреспондент — обычно отвечает длиннющим письмом раз в год, повинившись для начала за то, что долго не отвечал.

Так вышло, что у меня оказалась книга «Экология Африки и развитие человека»[1] в качестве бесплатного экземпляра для рецензирования в журнале «Джорнел оф джиолоджи»[2], который я, как Вам известно, редактирую. Я довольно пристально проштудировал её. Это свод данных, интересных местами, но не обладающих связностью, которая, думается, необходима в данной области. То есть типичное антропологическое сочинение. Не особенно знаком с вашими антропологами, но большинство наших как учёные избалованы, полагаю, слишком большой погружённостью в так называемые общественные науки. Словом, эта книга хороша как источник данных для дальнейшего размышления. Выдающейся я бы её не назвал.

Как бы то ни было, я Вам её отсылаю, хотя представил и нелестным образом. Думаю, её будет весьма интересно читать, но тратить ограниченные средства, которые Вы можете выделить на такого рода покупки, я бы не стал. Вместе с книгой я посылаю оттиск своей с Паттерсоном статьи о триконодонтах. Она была в той бесславно пропавшей бандероли с другими репринтами.

Хорошую русскую научную фантастику я бы с удовольствием почитал. Сейчас я понемногу освобождаюсь от административной работы и смогу уделять побольше времени «внеклассным» занятиям. Пора снова читать по-русски что-то кроме специальной литературы, иначе навыки быстро улетучиваются. Что бы вы ни прислали, будет принято с благодарностью.

Ну вот, похоже, на основные вопросы ответил. У нас тут сейчас как раз заканчивается увлекательный сезон высшей лиги по бейсболу, когда наша чикагская команда претендует на титул чемпионов. Как ни мало интерес к профессиональному спорту согласуется с разумом, я заядлый бейсбольный болельщик, поэтому нас эта ситуация весьма радует. Плюс безумная суматоха

---

[1] F. Clark Howell, François Bourlière. African Ecology and Human Evolution (Transaction Publishers, 1963).

[2] Journal of Geology, один из старейших геологических журналов, выпускается в США с 1893 года.

года президентских выборов: слово «hullaballoo»[1] вы вряд ли обнаружите в словарях, но его смысл легко угадать по звучанию. Выступления недовольных то здесь, то там — жить вовсе не скучно. Из всего, что происходит на свете, думаю — в бейсболе больше всего смысла. Там, если случится крупная разборка, всегда ясно, кто будет прав — рефери.

Как и Вы, я ощущаю поразительное чувство взаимного соответствия во время наших встреч. Вероятно, мы «вибрируем» на одной частоте, или тут ещё какой метафизической феномен виной, и мне жаль было утраты украшения Вашей верхней губы. Я всё ещё держусь и последние 30 лет с успехом подавляю поползновения лишить меня усов. Надеюсь, Ваше сердце понемногу восстанавливается, ибо я знаю, как трудно ощущать себя заключённым в четырёх стенах после того активного образа жизни, который Вы вели прежде. Передайте мои добрые пожелания Вашей жене.

С наилучшими пожеланиями,
Навечно Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
26 августа 1964 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Книга Вам послана в полную собственность, в дар, так что не спешите делать выписки. Это по существу первая серьёзная книга по иоге, изданная в Советском Союзе, и то слегка «зашифрованная» в виде комментарий[2]. Проф[ессор] Смирнов — крупный нейрохирург и одновременно лингвист, посвятивший себя гигантскому труду серьёзного перевода «Махабхараты» (в отличие от ленинградских переводов, сделанных малограмотными в философии людьми). Постарайтесь приобрести того же ашхабадского издания тт. IV, V, VI-й — всё с очень ценными комментариями того же автора.

Плёнки я получил, но если Вы разрешите, подержу их подольше. Дело в том, что я не имею никакой возможности заниматься этими делами лично, но у меня есть молодёжь, которая скоро вернётся из летних экспедиций и перепечатает всё, что надо. Сам я уезжаю на месяц в сентябре и вернусь лишь к концу октября — вот тогда буду в состоянии вернуть Вам снимки.

С Ауробиндо Гхошем пока ничего не слышно — очевидно, книга легла костьми в Ташкентской таможне, наиболее невежественной и «держимордской» из всех в отношении литературы. А может быть, пострадала и на Моспочтамте — система эта такова, что ничего выяснить нельзя. Что поделаешь!

Желаю здравствовать! С искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] Hullaballoo (англ.) — суматоха, ажиотаж, шумиха.
[2] Так в тексте.

29 А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

26 августа 1964 г.

Музей сравнительной зоологии Агассиса
Гарвардский Университет,
Кембридж, Массачусетс

Dear Dr. Efremov:

I was very glad to receive your note regarding two papers (which are being sent to you immediately), because it has spurred me on to write to you; something that I had had on my mind for a long time, but had never been really aroused to do.

I need not say how much I liked your work on the Permian, and how much I regretted your leaving the field of paleontology because of illness. And while I am sure that your writing science fiction has added to the general pleasure of humanity, you are sorely missed as a paleontologist.

I regret very greatly that we have never had the opportunity of meeting. I had always hoped that you would be in attendance at some conference when I was also there, such as the London Zoological Congress of six years ago, or the Paris Paleontological Conference a couple of years before that. However, I suppose that due to either illness or (I suspect) the fact that you are perhaps not tame enough for the government, you were not in attendance. And at the Zoological Congress last year, of which I was President, only one lone young Russian paleontologist showed up — not even our good old friend Orlov was amongst those present!

I do hear of you occasionally, of course, from young "emissaries" of mine who have been in your midst, I hope you like Olson; he was one of my very favorite students, and is a very nice person as well as a good scientist, Richard Van Frank is quite another sort of character. You and he have in common at least one thing, a love of scientific fiction. When you wrote me a number of years ago asking for science fiction, Van Frank was then working for me. So I had him first collect any paperbacks which he had and send them on to you, and then gave him five dollars and told him to go out and skim the cream off the crop for you. Which he did. As a student, however, Van Frank did not turn out so well. He is a bright youngster, but I think a bit spoiled by his having gone to a "progressive" preparatory school, where the students do what they wish and nothing much else. He tried to adopt the same attitude as a graduate student and it just did not work out too well. However, I think he has a respectable job with a publishing company; I see him every once in a while.

Myself, I am getting along towards retirement, but have no intention of changing my present mode of life or work. Harvard has a regulation that any administrative job must be given up at age sixty-six, and so, with pleasure, I gave up the Museum directorship which had occupied a lot of my time for fifteen years. For the final four years of my active (that is, paid) professorship, beginning three years ago, I have been relieved of all teaching duties, and have been devoting myself to trying to catch up with my research, which had suffered badly for many years. Currently I am in the throes of a revision of my "Vertebrate Paleontology", but rather doubt that I will finish it before the time, two months from now, when I and my wife and two preparators are going off to Argentina to see if we have as good luck finding bones in the late Paleozoic as we had some years ago in opening up the middle Triassic for work.

Sincerely,
Alfred S. Romer

Дорогой доктор Ефремов!

Я был очень рад получить Ваше письмо, касающееся двух статей (которые посылаю Вам незамедлительно), потому что это побудило меня написать Вам; я уже давно думал о чём-то подобном, но не было нужного стимула.

Нет надобности говорить, как мне нравились Ваши работы по пермскому периоду, и как жаль, что Вы оставили палеонтологию по болезни. И хотя Ваши научно-фантастические произведения прибавили радости человечеству, Вас очень не хватает теперь в палеонтологии.

Я очень сожалею, что у нас не было возможности встретиться. Я всегда надеялся, что Вы будете присутствовать на конференциях, где я бывал, таких как Лондонский зоологический конгресс, проходивший шесть лет назад, или Парижская палеонтологическая конференция, которая была за пару лет до того. Однако, как я думаю, или из-за болезни, или (очень подозреваю) из-за того, что Вы, вероятно, кажетесь не очень благонадежным для правительства, Вас не было. И на Зоологический конгрессе в прошлом году, где я был председателем, приехал только один молодой русский палеонтолог — не было даже нашего старого приятеля Орлова!

Конечно, слышу я о Вас время от времени от моих молодых «агентов», которых засылал в ваши края. Надеюсь, Вам понравился Олсон; он был одним из моих самых любимых аспирантов, причём такой же прекрасный человек, как и учёный. Ричард Ван Франк совсем другого сорта. Вы и он имеете по крайней мере одну общую черту — любовь к научной фантастике. Когда Вы написали мне много лет назад, спрашивая о научной фантастике, Ван Франк как раз работал со мной. Первым делом я велел ему собрать подборку из имевшихся книжек и отправить их Вам, затем я дал ему пять долларов, чтобы он пошёл и купил для Вас что-нибудь самое-самое. Что он и выполнил. Но как студент, к сожалению, Ван Франк был не так хорош. Он очень сообразительный молодой человек, но, думаю, немного испорчен современной «прогрессивной» системой образования, когда ученики делают только то, что хотят, и ничего больше. В таком же духе он пытался вести себя и в аспирантуре, из чего вышло мало путного. Тем не менее, думаю, у него хорошая работа в издательстве; я вижу его время от времени.

Что касается меня, то я постепенно подхожу к пенсионному возрасту, но не собираюсь менять свой обычный образ жизни или работу. В Гарварде существует правило, согласно которому на административной работе можно находиться до шестидесяти шести лет, поэтому я с радостью оставил должность директора Музея, которой я посвящал большую часть времени в течение пятнадцати лет. Из последних четырёх лет моего действующего (т. е. оплачиваемого) профессорства я вот уже три года как освобождён от всех преподавательских обязанностей и смог посвятил себя исследовательской деятельности, которая сильно страдала многие годы. В настоящее время я мучительно переделываю свою «Палеонтологию позвоночных», но весьма сомневаюсь, что закончу за два месяца перед объездом в экспедицию: мы с женой и двумя препараторами собираемся в Аргентину, попытать счастья в поиске окаменелостей в отложениях позднего палеозоя, которые мы нашли несколько лет назад под отложениями среднего триаса.

Искренне,
Альфред Ш. Ромер

Перевела Марина Степанова

30 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
27 августа 1964 г.

Дорогой Николай Феодосьевич!

Ваше письмо затрагивает так много важных вещей, что на него надо или отвечать подробно, или говорить лично. К моему великому сожалению, в настоящий момент не могу сделать ни того, ни другого, потому что на днях уезжаю примерно на месяц в Ленинград и Эстонию — надо наконец немного заняться и собой. Подписал сверку своего романа в печать и теперь относительно свободен, во всяком случае пока пойдёт бесконечная канитель с изданием (я закаялся писать объемистые вещи — без Ясной Поляны или Мелихова ничего толком не сделаешь).

После возвращения обязательно посещу Вас, что собираюсь сделать уже давно, но разные сцепления обстоятельств, а главное, собственное нездоровье мешает. Кстати, этим летом что-то такое было вокруг нас, что заставляло всех больных сердцами чувствовать себя очень плохо. И я в том числе по меньшей мере три месяца чувствовал себя отвратительно.

От души желаю Вам преодолеть Ваше кризисное состояние, прежде всего из соображений чисто общественных — не так уж много у нас умных и образованных людей. Правда, обращаемся мы с ними препогано (мы — это в смысле наше общество), но уж тут ничего не поделаешь — шекспировский сонет 66[1] внешне подтверждает неизменность зла в обществе, хотя вообще-то манихейцы давненько проповедовали существование направленного зла в мире человеческих судеб.

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

31 И. А. ЕФРЕМОВ — А. З. ЗЕНОВУ

Москва
30 августа 1964 г.

Уважаемый Александр!

Ваше письмо доставило мне большое удовольствие — вспомнились все мои путешествия по Оренбургским местам в 1929—1930 гг.

И дом в хуторе Горном тот самый, где я жил, но, кажется, не сохранился глинобитный сарай-амбар — в своих путешествиях я обычно не останавливался в избах, а занимал отдельное помещение в виде амбарушки — и хозяев не стеснишь, и себе удобнее. Мои хозяева — Самодуровы были очень хорошие люди и заботились обо мне как о родном, впрочем, тогда в Горном было довольно много населения и много хороших людей.

---

[1] У. Шекспир. Сонет 66. Проведём здесь первую строфу в переводе С. Я. Маршака:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье...

Вы верно разыскали и разгадали. Действительно, в рассказе «Путями старых горняков» я передал свои собственные приключения и впечатления, а также часть того, что мне успели рассказать два штейгера Каргалинских рудников, отец и сын Хреновы, причём Корнил Корнилович хорошо помнил крепостное время.

И вот теперь вы, любознательные ребята, живо напомнили мне происходившее 35 лет тому назад. Большое вам всем спасибо, спасибо и тем, кто меня вспомнил обо мне для вас!

Несколько дней назад я послал вам бандеролью те из своих книг, какие оказались у меня в наличии. Только самый последний сборник рассказов «Юрта Ворона» я не смог найти, а также ещё нет последнего романа «Лезвие бритвы» — он был опубликован только в журнале и ещё не вышел отдельной книгой. Рассказы, которые вошли в «Юрту Ворона», выйдут новым сборником в ноябре в «Детгизе», и я пошлю их вам тогда.

Биографию мою писать было бы сложно, но, к счастью, есть книга о моих писаниях, и там много биографических данных. Эту книгу «Через горы времени» я тоже послал вам вместе со своими.

Это очень хорошо, ребята, любить родной край и узнавать его так, как вы это делаете, в туристических походах. В Оренбургской области очень много интересного, так же, как и в соседних районах Башкирии и Актюбинской области, и любознательные всегда сумеют отыскать это интересное — из прошлого или настоящего.

Желаю вам всяческого успеха в будущих походах.

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Г. АЛЕКСЕЕВУ

Москва
30 августа 1964 г.

г. Одесса, 26, ул. Карла Маркса, д.1, кв.14 А. Г. Алексееву.

Многоуважаемый Анатолий Григорьевич!

Мне, естественно, понравилось Ваше письмо.

«Лезвие бритвы» ещё не вышло отдельной книгой, издаётся в «Молодой гвардии», вероятно, выйдет в ноябре или декабре этого года. Не знаю, как делаются заказы, наверно, через Книготорг, только поспешите, так как я имею сведения, что из-за нехватки бумаги книга будет издана тиражом примерно раз в десять меньшим заявки Книготорга.

Большое спасибо за предложение помощи в работе. Однако в ближайшее время мне ничего не нужно, но если разрешите иметь Вас в виду, то не исключена возможность, что я обращусь к Вам с просьбой сделать что-либо полезное не столько для меня лично, как для науки или литературы.

Отношения ученика и учителя в наше время почти невозможны не только в глубоком индийском смысле, но даже в науке, так, как сорок лет назад я был учеником академика П. П. Сушкина. Теперь под словом «учёный» разумеют исследовательского работника, скорее инженера, чем собирателя знаний прошлого, больше заинтересованного в собственном успехе и удачном решении той или другой задачи, чем в познании окружающего.

Это одна сторона. А другая — жизненно важный совет учителя ученику — это столь тонкое и сложное дело, что для этого оба должны находиться в постоянном общении, понимая друг друга с полуслова и зная все обстоятельства. Без этого совет, данный по письменному запросу, немногим больше стоит, чем предсказание, вытащенное попугаем на шарманке. Правда, иногда это немного, брошенное на чашку весов судьбы, может сыграть решающую роль, но всё же элемент случайности слишком велик.

Я не могу поддерживать частого обмена письмами, будучи задавлен огромным количеством писем читателей, особенно после «Лезвия бритвы». Не совсем обдуманно я пытался отвечать на большинство писем — это не принесло пользы ни читателям, ни тем более мне, а уж особенно тем, кто ждёт от меня дальнейших писаний.

Всё же не слишком часто я с удовольствием отвечу на Ваши письма, но если будут перерывы, то имейте в виду, что я нередко уезжаю на месяц-два.

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

33 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
10 сентября 1964 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я оттягивал ответ на Ваше первое письмо, дожидаясь выяснения точных сроков приезда в Ленинград. Однако после получения +++[1] отвечаю немедленно.

Насчёт приезда — таковой состоится около 25-го, плюс-минус два дня, скорее плюс. Никак не покончу с «Лезвием» — сейчас вдруг вздумал читать директор издательства, и хоть замечания пустяковые, но могут случиться всякие… и, в общем, они мне чертовски надоели. Очень рад, что пока отложил «Долгую зарю» и решил заниматься палеонтологией (не службой, а книгой!).

Теперь о сборнике. Я знал о нём давно, но мне не кажется, что это всё столь срочно. Конечно, я подумаю над тем, что посоветовать для перевода, но при среднем объёме рассказов листа в полтора — это ведь 20 вещей, и над их отбором надо подумать всерьёз, чего я, разумеется, не сумею сделать до отъезда в Ленинград и в Ленинграде.

Вопрос с переводчиками мне не представляется столь простым. Тата должна переводить роман, издание которого я порекомендовал той же редакции «Мира». Аза как-то отбилась от рук и работает беспорядочно и медленно, и вообще тут надо несколько переводчиков, чтобы они успели напереводить 30 листов. Найдёте ли столько дельных скоро? Вряд ли! Последний и самый трудный вопрос — с книгами. С одной стороны, мне казалось, что я должен давать книги для перевода, но печальный опыт говорит иное. Аза потеряла одну мою книгу безвозвратно и более не получит от меня ни одной. Это не мстительность, а забота о сохранности книг, доставшихся с таким трудом и затратами, собранных кропотливо, годами. Второй переводчик — Иорданский, которому я дал Азимова, вернул разодранную книгу, бесстыдно извинившись

[1] Так в тексте письма.

и только. Ещё одну книгу и вовсе украли. Поэтому я поклялся не давать именно переводчикам ни одной хорошей книги, а переводить имеет смысл только хорошие. Какой же выход — если книга выбрана для перевода и её нет в библиотеках, надо её сфотографировать, и пусть переводчики работают над фотокопией.

Думаю, что это можно организовать через издательство, но тем тщательнее должен быть отбор.

В субботу приветствуйте от меня, пожалуйста, всех фантастов. Поцелуйте ручку Наталии Алексеевне и щёчку Козе. Тася всех целует.

Вас обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. З. ЗЕНОВУ 34

Москва
18 сентября 1964 г.

Уважаемый Александр Захарович!

Я очень доволен, что посланные мною книги доставили Вам удовольствие. Разумеется, я пошлю Вам и другие, когда выйдут, но это будет не раньше декабря. С палеонтологией дело хуже — нет хороших популярных книг, но, может быть, что-нибудь найдётся из старых изданий.

За приглашение приехать — большое спасибо. Передайте, пожалуйста, мою благодарность Вашему педагогическому коллективу. К сожалению, я не сумею воспользоваться приглашением по двум причинам. Во-первых, завтра я уезжаю на два месяца, а во-вторых, сейчас я выезжаю куда-нибудь, кроме дома отдыха, очень редко по состоянию здоровья — болезнь сердца.

Не знаю, удастся ли мне побывать когда-нибудь в милой сердцу Оренбургской степи, но, если сердце поправится, то, может быть, и приеду года через два, проехать от Оренбурга через Горный и Шарлык в Башкирию, на старые медные рудники, которые там ещё древнее, чем в Оренбургской области.

Когда зимой будете обсуждать планы будущих туристских походов, то напишите мне о своих планах — может быть, что-нибудь и посоветую дельное.

Сердечный привет ребятам — туристам, учителям Вашей школы и, разумеется, и Вам самому.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 35

Москва
25 октября 1964 г.

Дорогой Пётр Константинович!

Спасибо за письмо в Ленинград. Я не спешил отвечать на него, так как Вы всё равно в поле, и только теперь письмо будет более или менее «свежим».

Мы с Тасей очень хорошо путешествовали в Эстонию и в Ленинград. В Эстонии кормили невероятно хорошо, а в Ленинграде наши охотники набили

бекасов и вальдшнепов, и мы наслаждались ими, зажаренными в сметане, — кремлёвская еда! К несчастью, последние дни пребывания в Ленинграде были омрачены смертью Николая Ивановича Кучерова — помните такого весёлого астронома — нашего большого приятеля? Погиб от воспаления поджелудочной железы.

Мы с Тасей вылетаем в Крым послезавтра — должны были сегодня, но у меня заболел зуб, а Софья Марковна сломала себе руку и не может лечить — поэтому пришлось немного задержаться. В Крыму будем до 20-го ноября, а потом уже перейдём на оседлый образ жизни.

Здесь всё идёт пока своим чередом, несмотря ни на какие новшества, хотя последние вызвали много передвижек начальствующего персонала. Из них наиболее отрадное — осиновый кол в известного Вам народного биолога. Не встанет![1]

В институте турок мало показывается. Юлит, чтобы почуять ветер. Ваш материал препарируется понемногу. Енот мне показывал новый череп — хоть и неполный, но интересный. Какой-то широколобый сиодон с выпавшей палатальной частью и без затылочных флангов. Отпрепарировался превосходно — до конца. Вернулся Рождественский — ему удалось накопать много костей динозавров, в том числе целый таз зауропода с бедром[2].

Получены письма от Олсона и Вами, и мною. В моём он как-то очень тепло отзывается о Вас. Существенных новостей пока у него нет, разве известное разочарование с оклахомскими материалами[3]. То, что он считал фтинозухом, выходит вульгарная, хоть и древняя форма Varanops. Очень Вам сочувствую с Намнандоржем[4]. Это наихудший вариант, в какой можно было попасть. Не знаю, что Вы там с Б. А. успеете сделать до серьёзных морозов, а если встанет вопрос, чтобы съездить ещё раз позже, то не давайте себя уговорить — работать с раскопками в Гоби позднее начала (самых первых чисел) ноября — несерьёзно.

Между прочим, Рождественский уверяет, что «новое» местонахождение, судя по тому, как ему рассказывал монгол-аспирант, находится вовсе не на северном, а на южном склоне Алтан-Улы, между «Могилой Дракона» и нашим «Главным лагерем» под Нэмэгэту. Там, действительно, есть хитрый поворот склона Алтан-Улы, как бы заворачивающийся к северу. В общем, с нетерпе-

---

[1] После смещения Н. С. Хрущёва в октябре 1964 г. с поста первого секретаря ЦК КПСС, который всецело поддерживал «народного академика» Т. Д. Лысенко, началось возрождение генетики и биологических наук в стране. В январе 1966 г. был ликвидирован Институт генетики, руководимый Т. Д. Лысенко, и создан Институт общей генетики. В распоряжении Т. Д. Лысенко осталась лишь экспериментальная база «Горки Ленинские».

[2] В 1964 г. А. К. Рождественский возглавлял Алайскую экспедицию Палеонтологического института в Узбекистане по исследованию континентальных мезозойских отложений приферганских хребтов.

[3] Речь идёт об обработке материалов Палеонтологической экспедиции в Оклахоме (штат США), где были обнаружены животные, близкие дейноцефаловой фауне Западного Приуралья.

[4] Намнандорж являлся представителем Монгольского комитета наук, он вёл переговоры о палеонтологических раскопках на территории Монголии и был недружественно настроен к советским учёным.

нием буду ждать Вашего приезда, чтобы всё узнать доподлинно. Думаю, что к моему возвращению Вы уже будете дома.

Тася Вам шлёт самолучшие пожелания и приветы, говорит, чтобы Вы берегли себя и не морозились, памятуя о радикулите. Енот также шлёт привет. Передайте сердечный привет Борису Александровичу.

Ваш
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

36

Москва
22 ноября 1964 г.

Уважаемая Галя!

Сердечное Вам спасибо за поздравление с праздником и рисунки. Они доставили мне большое удовольствие.

Вы, наверное, удивлялись, что я долго ничего не писал и не посылал Вам?

Причина тому простая — я только что (19 ноября) прилетел в Москву после более чем двухмесячного отсутствия.

Рисунки Ваши мне понравились в целом — Вы просто настоящий молодец!

Особенно хороши:

1. Встреча трёх друзей с гишу — сделано с такой экспрессией, с какой никто для моих вещей ещё не рисовал.
2. Маленькие корабли, идущие в ночи (к Ойкумене).
3. Ирума и Пандион.
4. Тесса и Пандион у неоконченной статуи (просто великолепно).
5. Чара у колонны (превосходно).
6. Чара — портрет — отлично.
7. Гирин у статуи Анны — об этом стоит сказать отдельно. На днях я пошлю Вам «Лезвие бритвы», вышедшее книгой, и Вы увидите, что Ваш рисунок почти точно совпал с рисунком первоклассного нашего иллюстратора Гришина, с той разницей, что вы статую Анны нарисовали лучше, чем он, а Гирина несколько хуже (мне мешает слишком низкий выступ волос в середине лба, из-за чего лоб получается менее интеллектуальным, со слишком глубокими залысинами).

В общем, все перечисленные рисунки я лично взял бы с удовольствием в качестве иллюстраций к своим вещам — так они хорошо соответствуют моим образам. Конечно, художники будут их критиковать за какие-то дефекты мастерства, но мне, право, кажется — лучше, может быть, наивное умение создать нужный образ, чем самое изощрённое мастерство без чувства образа.

Веда у Вас не получилась — она проста по лицу и общему облику. Также не совсем вышла Сандра — у неё интересное лицо, но с тяжёлой нижней частью, похожей на лицо Симоны Синьоре. Для юной итальянки это как-то не годится. Андреа возражений не вызывает, но несколько городского, а не «морского типа».

Совсем неудавшемся мне кажется рисунок Пандиона, нашедшего статую в египетском подземелье. Статую, конечно, Вы не могли себе представить, не увидав её — она уж очень необыкновенна по лицу. Я постараюсь сделать

фотографию с неё (она есть в книге обо мне Брандиса и Дмитриевского «Через горы времени», уже ставшей библиографической редкостью) и пришлю Вам, но через некоторое время. У лица статуи мелкие черты и гигантские глаза, а у Вас вышла греческая девушка, даже скорее — римская — у тех черты лица более крупны, чем у древних гречанок (у современных тоже крупные черты от примеси турецкой крови).

Мне очень нравится, как вы рисуете фигуры — с полным пониманием существа красоты тела, а не моды.

Я покажу Ваши рисунки знакомым художникам и напишу Вам, что они скажут как профессионалы. Один уже одобрил рисунки, но высказал опасение, чтобы Вас не испортили неумелым преподаванием в провинции, где, как, впрочем, и в столице, не всегда удачные учителя.

Моя жена, которая много лет собирает коллекцию портретов разных киноактрис и вообще представителей разных национальностей, посоветовала послать Вам различные портреты, вырезанные из журналов, а также некоторые фото, чтобы у вас был под рукой разнообразный типаж — не для копировки, конечно (я этого и не боюсь — Вы достаточно самобытны), а для подбора нужных Вам черт и особенностей, что трудно делать без натуры и можно лишь отчасти заменить вот такой коллекцией (которую жена начала собирать в помощь художникам — те после культа личности Сталина вообще разучились рисовать красивых женщин, а надо было что-то делать для моих книг). Кроме этих вырезок из журналов, я посылаю Вам фото с индийских храмов и скульптур, давно Вам обещанные, в дополнение к уже посланным. Я хочу выписать для Вас художественные журналы, чтобы Вы регулярно получали. Напишите также, не нужно ли Вам что-нибудь — этюдник, краски, кисти и т. п., что легче достать у нас в Москве, чем Вам там, м. б., бумаги. Будьте здоровы, берегите себя и работайте понемногу — у Вас есть талант, и надо, чтобы Вы смогли его реализовать на пользу людям.

P. S. Забыл написать о портрете Симы — мне он чем-то не нравится, хотя девушка Ваша — светлая. М. б., слишком правильное всё? На присланных Вам карточках мы с женой написали, кто, по-моему, мог бы послужить прообразом для некоторых моих героев, как, например, для Симы — Барбара Квятковская (лицо, не фигура, конечно).

С приветом и лучшими пожеланиями, *И. Ефремов*

37 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ

Москва
25 ноября 1964 г.

Многоуважаемая товарищ Ситанская!

(извините за официальное обращение, но Вы не сообщили мне Вашего имени-отчества).

Я не посылал Гале новых фото, а также не отвечал Вам по очень простой причине — был в отъезде более двух месяцев.

Галя абсолютно ничего не сделала, никакой бестактности — всё, что она мне писала, очень хорошо. Но даже если бы она и допустила какую-либо ошибку, неужели Вы думаете, что это могло бы повлиять на существо моего

отношения к ней хоть капельку? Как всё-таки въелись в нас всех обязательные кары недавнего времени, мы даже забыли, что на свете существует такая прекрасная вещь, как возможность не только прощать, но и просто не замечать ошибок, в особенности нечаянных или наивных, а какие же могут быть другие у такой девчушки?

Но повторяю, Галя совершенно ни в чём не провинилась.

Я послал ей заказной бандеролью новые фото с письмом-отзывом на присланные мне к 7 ноября рисунки, которые мне очень понравились — совершенно искренне и без всяких скидок. Ваша дочь талантлива, и надо этот талант развивать. Я забыл, что она поступила в худ[ожественную] школу заочную в Москве, а не у себя в Полонном, и написал ей предостережение против возможных в провинции «загибов» неверно направленного усердия учителей. Но раз школа московская — это легче, хотя и тут тоже не исключены такие случаи.

В качестве праздничного подарка я выписал Гале журнал «Художник». Пересылаю Вам «при сём» квитанцию на подписку на случай каких либо задержек в доставке или недоразумений.

Напишите мне, если Вам надо будет ещё чем-нибудь помочь — приобретением красок, бумаги, кистей и т. п., что может оказаться отсутствующим у Вас в городке. У меня много друзей-художников, и они мне с удовольствием помогут в этом. Кстати, я покажу кое-кому из видных мастеров Галины рисунки. На днях я пошлю Гале свою последнюю книгу «Лезвие бритвы».

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

P. S. И не удивляйтесь, если иногда будут перерывы в нашей с Галей переписке — я часто бываю в отъезде, а ещё чаще — болею.

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

38

Москва
10 декабря 1964 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Не ответил сразу на Ваше письмо, так как недавно только вернулся из Ялты, где сделал попытку отдохнуть — не вполне удачную, но всё же.

Вероятно, Вы уже получили посланную Вам книгу — «Лезвие», только что вышедшую.

Я вполне согласен с Вами в оценке Бучанана и очень рад, если вы сделаете перевод Бернарда. Вопрос только, на сколько времени Вам будет ещё нужна книга. На неё есть ещё желающие, не очень-то к спеху, но и не слишком чтобы долго им ждать.

Кода Вы мне вернёте книгу, я сделаю пересъёмку таблиц, отдав их квалифицированному фотографу. Вероятно, то же самое придётся сделать и с Вашими плёнками. Вернувшись, я обнаружил, что молодёжь ничего не сделала из обещанного. «Были гости и было некогда» — что ж, классически русское.

Займусь этим, как только расправлюсь со срочными делами.

Ауробиндо, конечно, погиб, и из-за своего отсутствия я не сумел организовать привоз этой книги кем-либо из товарищей, поехавших на конгресс в Индию. Упустил возможность.

У меня есть кое-какие интересные отрывки, например, о Кундалини-иоге. Когда появитесь — покажу, если интересно, можно перепечатать.

Будьте здоровы. Привет Вам от жены — Таисы Иосифовны, она благодарит Вас за привет.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

Попалось хорошее английское изречение:
«Seek gimplicity and distrust it» (A. Whitehead) –
«Искать простоту и не доверять ей!»

39 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Декабрь 1964 г.

Многоуважаемый Евгений Павлович!

Примите искренние поздравления и наилучшие пожелания с Новым 1965 годом. Будьте здоровы, спокойны и успешны в делах.

Ваш
И. Ефремов

40 Е. и А. СТРУГАЦКИЕ — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ

Москва
28 декабря 1964 г.[1]

Дорогие, любимые друзья!

Примите от Крысы и Жирафа сердечные поздравления с Новым годом, наилучшие пожелания — отменного здоровья и доброй работы.

Обнимаем и целуем.

Всегда Ваши
Крыса, Жираф[2]

41 И. А. ЕФРЕМОВ — В. ВУРЦ

1964 г.

Ваше последнее письмо показало мне, что напрасно затратил на Вас столь много времени — ещё Вы совсем «непроявлены». В «Лезвии бритвы» есть место относительно критерия нормальности, где говорится, что этот критерий, вне всяких там проявлений способностей и прочих модных сейчас словечек, — ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ОТНОШЕНИЕ К БЛИЖНИМ И ДАЛЬНИМ СВОИМ СОБРАТЬЯМ.

Так вот, имейте в виду, что не существует мелких и крупных вещей в плане человеческих отношений, — всё крупно! Если Ваша философия позволяет Вам свысока смотреть на всё, кроме личных интересов, и плевать, как Вы

[1] Датируется по штемпелю.
[2] Людмила и Аркадий Стругацкие.

выражаетесь, на чувства своих родителей, то и философия Ваша — дрянь и сами Вы — тоже дрянь, конечно, ежели Вы «нормальны». Подумайте над этим серьёзно сейчас, пока Вы делаете первые шаги по жизни. Иначе как же Вы можете думать о «Благе»? Пустозвонно? Или благо понимается для себя только? Такого не существует. Вот придёт ко мне такой философ, и я ему скажу: проваливайте к дьяволу, я книги писал для себя и для заработка, на остальное на всё и на вас — плевать! Отличная философия в духе штурмовика!

И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — ДМИТРЕВСКИМ 42

Декабрь 1964 г.[1]

Дорогому семейству Дмитревских — с новым 1965 Годом.
Через Тукана (но не Эпсилон).

Семейство Ефремовых

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ[2] 43

Декабрь 1964 г.[3]

Дорогой Иван Антонович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым 1965 Годом и желаю здоровья, счастья и дальнейших успехов в литературной деятельности. Сердечно благодарю за любезно присланный авторский экземпляр «ЛЕЗВИЯ БРИТВЫ». Сам я болею, видимо, сильное переутомление.

С дружеским приветом и уважением,
Н. Ф. Жиров

В. П. ЭФРОИМСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 44

1964 г.[4]

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

В своей книге Вы высказали ряд идей по вопросам, над которыми и мне приходилась думать; это побуждает меня сразу обратиться к Вам с письмом, так сказать, конструктивно-критического содержания. Прошу не обижаться на замечания: Ваша книга — явление такого ранга, что лучше сразу убирать досадные мелочи именно потому, что Ваша книга — крупное событие. Начну с пустяка:

1. Алькаптонурия — не тяжелое, а скорее легкое наследственное заболевание, клинические проявления — охроноз и артриты развиваются поздно.

Более серьёзное 2. Гирин от своего имени излагает как оригинальные мысли об искусстве, которые в большой мере высказаны Чернышевским,

[1] Датируется по содержанию.
[2] Почтовая открытка с портретом девушек Бали.
[3] Датируется по содержанию.
[4] Датируется по содержанию.

почему у Вас получился такой заскок — понятно: узнанное в юности так прочно ассимилируется, что становится своим, и первоисточник начисто забывается. Но маловероятно, чтобы художники-профессионалы могли потрясаться теми истинами, которые им должны быть хорошо известны.

Ещё серьёзнее: 3. Многогранность и эрудиция Гирина, его физическая мощь и пр[очее] в сочетании с громадной фигурой автора на фотографии, да ещё в сочетании с биографией автора приводит к тому, что Гирин в глазах читателя прочно ассоциируется с Ефремовым. Пожилым Гириным, абсолютно победительным, начинает увлекаться молодая очаровательная женщина, в романе это очень хорошо мотивировано, и всё это придает своеобразный привкус книге. (В «Дороге ветров» это превосходство автора не чувствовалось или было погашено изрядной долей юмора, а вот в романе каждый апофеоз Гирина проецируется на автора). Эти два последних обстоятельства как-то надо устранить, сгладить, потому что книга нужна, полезна, смела, честна, редкостно умна, истинно-гуманна. Но не из-за этих обидных огрехов пишу Вам.

4. Перехожу к главному: к той естественнонаучной теории эстетики, которую Вы развиваете, — делу, которое после Чернышевского как-то заглохло, во всяком случае мне, профану, так представляется.

Причин возникновения белого пятна несколько, и я назову только некоторые из них:

1) Разрушая мещански-буржуазные эстетические и этические представления, Маркс и Энгельс (для меня они не бородатые апостолы, а бесконечно живые умницы) в отчаянной борьбе должны были заниматься прежде всего именно деструктивной полемической деятельностью, тогда как для построения естественнонаучной теории этики и эстетики у них времени не оставалось (в одном из писем их об этом даже прямо говорится, но не хочу откладывать отсылку письма до того, как найду точное место, где опубликовано письмо).

2) Так как эпигончикам мозгов, кроме как на изрекание прописных истин да ловли чинов, не хватает, то подлинная теория так и отсутствует поныне.

3) Именно в нашей стране особенно не повезло и дарвиновской теории естественного отбора, и генетической теории этого отбора.

Между тем такую широкую естественнонаучную теорию не только нужно, но и можно создать.

Разрешите пояснить несколькими конкретными примерами:

В книге Котта (Приспособительная окраска животных, ИЛ, 1950) описана масса приспособлений, которыми животное-жертва защищает себя от хищников. (Они вовсе не сводятся к незаметности, хотя естественный отбор создал такие системы, что британское правительство во время Второй мировой войны применило именно эти выработанные природой методы достижения незаметности, например, расчленяющую и прочную окраску для укрытия кораблей, самолётов, зданий, городов, и поручило это дело зоологу). Среди окрасок имеются и отпугивающие (например, крупные глаза на крыльях беззащитного насекомого, от которых шарахается хищник, как от глаз крупного врага). И вот, сочетания красок, которыми животное-жертва пользуется для отпугивания врага для сигнализации ему о том, что жертва либо несъедобна, либо ядовита, либо чем-то другим опасна (причем жертва съедобная, неядовитая и безопасная для хищника часто носит именно такой наряд для маскировки под вид ядовитый), как раз совпадают с теми комбинациями красок, которыми

театральные декораторы и художники (ничего о таком происхождении наших эмоции не подозревающие) пользуются для создания впечатления страшного, угрожающего, мрачного (например, сочетания красного и чёрного). Какой же отсюда вывод? Эстетические представления вовсе не от начала и до конца навязаны нашим воспитанием, они имеют глубокую инстинктивную базу, созданную отбором, отбором, шедшим с тех времён, когда какие-то животные пожирали мухоморы или бросающихся в глаза чёрных либо красных ядовитых лягушек, черных и красных жуков, и погибали (а выживали те, у которых развивались безусловно-рефлекторные связи, побуждавшие избегать неподходяще окрашенных «жертв»).

Уверен в том, что эстетическое (эмоциональное) восприятие одноцветных, двуцветных и трёхцветных комбинации красок можно объяснить соответствующими примерами (более того, собирался сам это сделать, но... руки не доходят, а теперь, когда надо кое в чём закругляться, спихотехнически сплавляю Вам).

Уверен в том, что аналогичная естественнонаучная теория музыкальной эстетики (не утилитарной, а широкой) тоже будет создана, но этого я делать и не собирался, так как отличаюсь из ряда вон выдающимся тотальным отсутствием музыкальных способностей.

Возьмём отвращение к фекалиям и всему с ним связанному, отвращение, породившее столько «бессмысленных» стеснений в правилах хорошего тона или просто нормального поведения.

Но основной линией обороны микроорганизма от паразитических червей (одной из главных причин гибели высших животных на воле и в зоопарке, да и человека до появления сан[итарно]-гигиенических методов) является то, что макроорганизм создал неблагоприятные условия для развития яиц паразита. Они должны выйти наружу с фекалиями (или сами, как, например, острицы), чтобы проделать цикл развития (часто очень сложный и с огромной гибелью) и лишь затем становятся снова инвазивными для нас.

Что было бы, если бы (часто такой вопрос необходим, жаль, что он редко ставится) у человека не существовало острого отвращения к фекалиям? Его попросту съели бы изнутри паразитические черви, продуцирующие астрономические количества яиц, не говора уже о холере, брюшном тифе, паратифе, дизентерии, распространяемых фекалиями.

Простите за не эстетическое отступление по поводу эстетики и длинное рассуждения о фактах, Вам знакомых. (Кстати, в споре об искусстве вопрос об умении видеть прекрасное оказался подмененным вопросом о критериях прекрасного.)

Наконец, 5. Естественнонаучная теория этики. В области этики в своё время была проделана хорошая и необходимая разрушительная работа, после которой представление о корнях общечеловеческой, естественной этики было так основательно уничтожено, что материалистам остался на долю голый утилитаризм (см. в особенности Добролюбовский «Пролог»[1]). Затем вместо теории была создана юридическая пропись, требуемая государственными

[1] Очевидно, имеется в виду роман Н. Г. Чернышевского «Пролог», в котором в лице Левицкого изображён Н. А. Добролюбов.

(а часто и культтрегерскими) интересами, а для быта существовало письмо В. И.[1] к Инессе Арманд.

Итак, существуют ли естественнонаучные, биологические причины создания этики, не в смысле кодекса общественных и юридических норм, религиозного учения или научного мировоззрения, а чего-то естественным отбором созданного и закрепленного? Существуют ли альтруистические инстинкты, способствовавшие выживанию, имеющиеся у подавляющего большинства людей, не абсолютные, разумеется, модифицируемые, как всякий инстинкт, средой, воспитанием, но всё же реальные?

И здесь тоже произошло нечто идиотическое.

Теория естественного отбора была широко понята как война всех против вся, как оправдание торжества белокурой бестии, bellum omnia... homo hominis..., не только в человеческом обществе, но и среди животных; это произошло не только в дореволюционные времена или за рубежом. В. В. Парин совсем недавно, не называя имён (Наука и жизнь, 1963, № 6), тихохонько показал, как некоторые сверхправоверные товарищи взяли на вооружение не Энгельсовское, а именно Дюринговское понимание корня естественного отбора. Создалось и стихийно поддерживается представление, что естественный отбор поддерживает, закрепляет и укрепляет в природе чисто хищнические, рваческие, эгоцентрические инстинкты, инстинкты господства, разбоя, грабежа, что он направлен на безудержную реализацию половых инстинктов, максимальной полигамии и т. д. и т. п. Отсюда задача воспитания и этики — подавлять природные инстинкты, причем те, кто считают не на словах (как противники «плоского» дарвинизма, т.е. теоретики скачкообразного видообразования), а на деле естественный отбор основной движущей силой эволюции, видят решение вопроса в принципе: нельзя законы природы переносить в социологию. Недопустимость такого переноса очевидна. Однако речь не об этом, а о том, чтобы найти правильное понимание естественного отбора как фактора, совершенствующего не только физические и умственные, но и психические, социальные свойства животного и человека, не только звериные, но и высшие.

Что значительная доля альтруизма вытекает из материнского и отцовского чувства — достаточно банальная истина, и не надо доказывать, что все инстинкты этой группы развивались и подхватывались действием отбора. Гораздо менее распространено понимание роли группового отбора — преимущественного выживания тех групп (семей, родов, стай, стад, племён), представители которых обладали лучшей способностью к сотрудничеству, а отдельные представители которых даже шли на гибель, спасая других. Ещё менее распространено представление об отборе на способность к координированным действиям, хотя только на развитии таких способностей в ходе отбора возможно существование социальных насекомых и вообще животных.

Об этом Кропоткин написал целую книгу, и, конечно, его соображения забыты уже по анкетологическим причинам. Кропоткин или не-Кропоткин, но отбор-то ведётся вовсе не на повышенную выживаемость индивида, а на повышенное оставление им выживающего потомства, и если какой-либо сверхиндивидуалистический самец или какая-либо сверхиндивидуалистическая самка не оставляли потомства, не обеспечивали, не защищали его, то наследствен-

[1] Имеется в виду В. И. Ленин.

ные особенности такого самца или самки исчезали бесследно, а следующее поколение наследовало свои особенности не от них, от других, менее ярких личностей.

Кстати, даже в человеческом обществе внебрачная плодовитость была гораздо менее эффективной, чем брачная, так как внебрачные дети абортировались или вымирали гораздо сильнее брачных, и, следовательно, семейные инстинкты как-то поддерживались естественным отбором.

По-видимому, можно найти огромное количество примеров такого группового отбора и инстинктов, нацеленных не только на спасение своего потомства, но и на сохранение коллектива, отбора на «социабельность», в совершенно разной мере выраженного у разных животных. Этот отбор должен был особенно интенсивно проходить у человека именно потому, что у человека и у его предков чрезвычайно долог период беззащитности, беспомощности потомства, когда для его сохранения необходима не только внутрисемейная, но и внутристадно-внутристайная-внутриродовая-внутриплеменная взаимопомощь. Несомненно, что именно так, под давлением отбора формировались инстинктивные основы этики, инстинктивные основы, разные у разных людей, но общечеловеческие.

Совпадает ли эта природная этика с социально-необходимой? Конечно, нет. Элементарный пример: отбор укреплял и совершенствовал инстинкты родителей по отношению к детям, но едва ли особенно способствовало выживанию обратное чувство взрослых детей по отношению к старым родителям (и любовь к родителям у взрослых, чего греха таить, оказывается гораздо более слабой, несмотря на сознательное чувство признательности). Временные, благоприобретённые, гораздо более гибкие, условно-рефлекторного или гораздо более высокого порядка связи, приобретаемые в ходе индивидуального развития, должны восполнять природные этические инстинкты, но эти природные этические инстинкты не могли не создаться под действием естественного отбора. Создание особенностей, вредных для самого индивида, но выгодных его группе играет огромную роль в эволюции; что касается полезных альтруистических инстинктов, то много конкретных фактов, вероятно, можно найти в книге Денна Biology of soul (это название кое-кому очень пришлось по душе и было обыграно, тем более, что Денн — соавтор некогда главного учебника по генетике — Синнота и Денна). Можно было бы написать «сходу» гораздо больше по этим вопросам, но не рискую отнимать больше Ваше время; выступать в печати, вероятно, ещё рано, но время продумывать давно настало. По всей вероятности, я уже не смогу заняться этим вопросом, и п. 5 излагается тоже со спихотехнической целью.

Прошу Вас располагать этим письмом так, как сочтёте нужным.

В. Эфроимсон

Москва, пер. Мечникова 5-а,
МИВС им. Мечникова, В. П. Эфроимсон

1965

1 Н. Н. ИОРДАНСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

4 января 1965 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Вы, скорее всего, уже не помните того «робкого десятиклассника», который десять лет назад обратился к Вам с письмом — с просьбой помочь ему в выборе профессии. Вы ответили на письмо, пригласили сего недоросля в Палеонтологический музей, руководили его первыми шагами в изучении палеонтологии позвоночных, рекомендовали П. К. Чудинову для работы в «Северной экспедиции ПИНа» в 1956 году…

В дальнейшем, понимая Вашу занятость, я старался меньше беспокоить Вас и как-то постепенно потерял связь с Вами.

Но мне хотелось бы ещё раз — с десятилетним опозданием — поблагодарить Вас за Вашу помощь моим первым шагам в науке.

Обстоятельства так сложились, что мне не удалось стать профессиональным палеонтологом. Но я работаю в области сравнительной анатомии и стараюсь, где возможно, использовать ископаемый материал, так что в некотором роде выполнил Вашу рекомендацию о выборе профессии.

В знак моей глубокой благодарности я хотел бы просить Вас принять оттиски двух первых моих статей, в которых я пытался следовать Вашим советам о значении функционального подхода в сравнительной анатомии.

Глубоко уважающий Вас *Н. Иорданский*

2 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
10 января 1965 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Получил Ваше поздравление с Новым Годом и сердечно за него благодарю. Позвольте и Вас поздравить с наступившим 1965 годом — по тибетскому календарю это год белой (железной) змеи и, следовательно, — счастливый. Желаю тоже прежде всего — здоровья и исполнения задач с приобретением заслуг.

Книгу Бучанана я получил и ужаснулся. Вы так её непрочно заклеили, что она пришла практически без покрытия — но к великому моему удивлению — совершенно не повредилась. На будущее совет — заклеивайте в гораздо более прочную бумагу.

С планом привоза книги Бернарда в феврале — согласен. Сейчас я расхворался, но как только войду в дело, перепечатаю Кундалини-иогу

и пришлю Вам экземпляр в собственность — она весьма интересна и серьёзна.

Будьте здоровы и благополучны.

С неизменным уважением, *И. Ефремов*

Привет и поздравление с Новым Годом от Таисы Иосифовны.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 3

Москва
10 января 1965 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Получил «Страну счастливых[1]» — большое спасибо.

Сколько можно её задержать? Вопрос к тому, что сейчас болен и все в доме тоже, не выхожу и не смогу немедленно отправить.

Удалось ли Вам что-либо узнать насчёт «Нового Русского Времени» или как там называется газетёнка?

У меня к Вам вот какая есть просьба: посоветуйте, к кому обратиться в Вашем институте, кто изучает русскую литературу начала нашего века, до Октября? Меня интересует писательница Нагродская, была такая и много читалась в десятых годах. И я хочу запросить соответствующего специалиста, если какие-либо литературные данные по ней — её биография и библиография. Думаю, что это, скорее, известно в Ленинградском Ин[ститу]те, чем у нас в Москве.

Как-то забыл при встрече Вас спросить — задуманная Вами работа охватывает научную фантастику лишь в литературных вещах или пошире, например, в кино? Если и кино тоже, то, может быть, есть смысл Вам ходатайствовать о поездке на очередной фестиваль научно-фантастических фильмов, какой будет в Триесте в июле этого года.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

P. S. Пользуюсь случаем поздравить Вас с наступившим Новым Годом и пожелать прежде всего здоровья, интересных поисков и успехов в делах.

И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ[2] 4

Москва
10 января 1965 г.

Многоуважаемый Павел Стефанович!

Болезнь замедлила мой ответ на Ваше интересное письмо. Спасибо за оттиск[3] — я прочёл его с интересом, хотя всегда был скептичен в отношении

---

[1] «Страна счастливых» — публицистическая повесть Яна Ларри. В СССР издана Ленинградским областным издательством в 1931 году.

[2] П. С. Воронов писал: «Письмо было получено вместе с бандеролью, содержавшей “Лезвие Бритвы” — только что вышедший тогда из печати».

[3] Воронов П. С. К методике палео- и меллогеографического воссоздания морфометрии материков и покровных оледенений // Изв. ВГО т. 96, № 5, 1964. — С. 370—382. — *Примечание П. С. Воронова.*

тектоно-геоморфологических спекуляций, но тут намечается другой путь, вероятно, становящийся возможным лишь при современном уровне науки.

Очень здорово — это совпадение «сингулярных точек» наших жизней. И я бродил по Поповке в поисках ископаемых, и это тоже было моим первым приобщением к полевой палеонтологической работе. И я приходил к Н. Н. Яковлеву с просьбой о введении в науку и ушёл от него с запиской в Центр[альную] Геол[огическую] Библиотеку — давать этому щенку книги и пускать в чит[альный] зал.

И геологическая работа — у Вас больше севера, у меня — Азии, зато Вы достигли Антарктиды, дальше которой на планете идти некуда, а я лишь помечтал о ней, собирая книги Бэрда, Шэклтона и Скотта.

Всё это не может быть случайным — вероятно, одинаковые интересы порождают одинаковые стремления и схожие реакции при выборе путей. Ещё раз оказываются правы индусы, говорящие о формировании кармы по собственным поступкам.

За совет написать Н. Н. Яковлеву — спасибо. Я это сделаю к его юбилею 28 апреля, иначе получится, что вдруг вспомнил ни с того ни с сего после сорока лет молчания. Я ведь не переписывался с ним, кроме как по двум-трем оказиям с наукой, да ещё писал о нём возмущенное письмо в Академию Наук, когда Шатский[1] рассказал мне, не помню с чьих слов, что Н. Н. чуть не умер с голода в Свердловске — его подобрал кто-то лежавшего на улице в буквальном смысле под забором — от слабости и мороза он не мог идти. Это ведь в начале войны многим учёным пришлось круто — только после атомной бомбы была проявлена настоящая забота, а до того хорошо опекали только академиков (даже не членкоров, как Н. Н.). Вряд ли моё злое письмо оказало какое-нибудь влияние на судьбу Н. Н. — малый я человек, но всё же сознание хоть какого-то внимания к нему у меня, помню, было.

А вообще, конечно, бессовестно забыл старика, сделавшего много хорошего и людям, и палеонтологии, и кое-что и мне, в частности.

Позвольте в качестве новогоднего подарка послать Вам свою последнюю книгу «Лезвие бритвы»[2], что я сделаю, как только буду выходить из дому, так как моя молодёжь в отъезде в дальних странах и поручить некому.

Когда будете в Москве, почему бы Вам не позвонить мне и, буде у обоих окажется время, зайти ко мне? Телефон АВ-7-65-10, звонить удобнее так в 10—11 утра или после 6 вечера, назовитесь только сразу, а то приходится обороняться от любопытства читателей, желающих потолковать с писателем о том, о сём, о смысле жизни. Это было хорошо во времена Чехова, даже Горького, а сейчас, когда бойких читателей (бойких в смысле прямого обращения к писателю — на его квартиру «на огонёк» или по телефону) — многие сотни, такие непосредственные контакты обращаются уже в бедствие. У англичан есть хорошая деловая манера по телефону говорить сразу же «мистер Джонс спикинг», а мы, русаки, сначала обычно мямлим общие фразы…

---

[1] Вероятно, Шатский Николай Сергеевич. — *Примечание П. С. Воронова.*

[2] Автограф на форзаце книги: «Павлу Стефановичу Воронову на добрую память от автора / Москва, 9.01.65. И. Ефремов. “Hit him in the knee if you can” (Правило охоты на африканского буйвола у масаев)». — *Примечание Н. Д. Воронова.* («Бей его в колено, если можешь». — англ.)

Примите в свою очередь самые добрые пожелания в наступающем Новом году и, конечно, прежде всего — здоровья. Видимо, Вы его тоже подпортили, как и большинство нас, геологов, пытавшихся сделать больше, чем то позволяла жизнь.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

Ф. ВАН ВАЙК МЕЙСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 5

16 января 1965 г.

"HAMPTON HEAD"
SOUTHAMPTON BERMUDA

Professor I. A. Efremov
4 Gubkine Street
Flat 40
Moscow V-333
U.S.S.R.

Dear Professor Efremov:

I was glad to hear from you but was desolated that you had not received the books I sent you last summer. I enclose the registry receipt for them. Perhaps you can do something from your end.

I very much enjoyed your fantasies and hope that you are going to write more.

Since writing to you last, I have published an anthology of war stories selected by me with a background of two World Wars and Korea. I will ask my publishers to send you a copy.

Right now I am hard at work on a major book to be entitled LOFTY RAMPARTS which describes the settling of middle Tennessee with a lot of Indian fighting and hardship in the background.

Mrs. Mason and I have just returned from an extended trip to the United States where I visited my family and got in a good bit of hunting which is my favorite sport.

Trust that this finds you well and that 1965 will bring you an abundance of joys. Please accept, my dear friend, my most distinguished compliments.

Cordially,
F. VAN WYCK MASON

«Хэмптон Хед»
Саутгемптон, Бермудские Острова

Дорогой профессор Ефремов!

Был рад Вашему письму, но огорчён новостью, что Вы так и не получили книг, которые я выслал прошлым летом. Прилагаю квитанцию. Возможно, удастся таким образом отыскать с вашей стороны.

Ваша фантастика доставила мне величайшее удовольствие. Надеюсь, Вы продолжите писать в том же духе.

Со времени последнего письма вышла составленная мной антология военных рассказов времён обеих мировых войн и войны в Корее. Я попрошу издателей выслать Вам экземпляр.

А сейчас я погружён в работу над основательной книгой, которая будет носить название «Высокие бастионы» и повествует о заселении центральной

части Теннесси на фоне многочисленных схваток с индейцами и преодоления жизненных трудностей.

Мы только что вернулись с миссис Мейсон из длительного тура по США, за время которого я повидался с родными и вволю поохотился, чем люблю заниматься.

Надеюсь, письмо это найдёт Вас в добром здравии, и пусть 1965 год принесёт всяческие радости. Примите, дорогой друг, мои величайшие похвалы.

Сердечно Ваш
Ф. Ван Вайк Мейсон

Перевела Лариса Михайлова

6 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
18 января 1965 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Большое Вам спасибо за сведения о Нагродской. Мне, право, совестно отнимать Ваше время, и знал бы я, что Вы сами этим займётесь, я бы не написал Вам этой просьбы. Неужели никто в Институте не занимается русской литературой 10-х годов? Она ведь чрезвычайно интересна по своему кризисному состоянию и спектру мышления.

У нас в Ленинской романы Нагродской раскрадены — ведь библиотеку здорово раскрали в первый год войны, не в пример ленинградцам, — и есть лишь архивные экземпляры, которые не выдаются на дом. Ходить их читать в Музей книги — того дело не стоит. Поэтому, если у Вас эти книги добыть сравнительно просто, я когда-нибудь на свободе попрошу у Вас, скажем, «Гнев Диониса» и «Бронзовую дверь». Меня очень интересует именно эротичность Нагродской, так как я ищу корней современного сексуального «потока» на Западе и считаю это явление социально-психологической закономерностью. А если так, то предшественники и провозвестники, от Пьера Луиса во Франции до нашей Нагродской — интересны, так как по-своему отражают определённые психосдвиги. Мне надо проверить, действительно ли наша русская эротика здоровее и ближе к древнегреческим традициям, чем западная, унаследовавшая садистическую эротичность Рима.

Я очень Вам признателен за Я. Ларри. Эту вещь[1] я очень основательно забыл, а ведь она чрезвычайно любопытна. Одни сноски чего стоят. И это презрение к людям тридцатых годов, т. е., по существу, к моему поколению — ведь это показывает беспомощность мечты мещанина, способного возвыситься, лишь унизив своё окружение и предшественников! Удивительно, как всё укладывается в простую схему!

Жаль, что с командировкой всё провалилось. Что ж, пока это ещё закономерно.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

[1] Имеется в виду научно-фантастическая повесть Я. Ларри «Страна счастливых» (1931).

P. S. За логические советы — спасибо. Я давно уже собираюсь, но — русский человек — никак не раскачаюсь.

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 7

Москва
6 февраля 1965 г.

Многоуважаемый и дорогой
Евгений Павлович!

Я не ответил Вам сразу на Ваше любезное письмо — после болезни навалилось множество дел, и едва справляюсь с ними. За экслибрисы — спасибо и поблагодарите автора. Правда, увы, трубку я не курю уже восемь лет…

Относительно книги — спасибо Вам за хлопоты о ней. Разумеется, мне остаётся лишь согласиться с тем, что книгу вернут ещё неизвестно когда — всё лучше, чем совсем пропала. Не скрою, что для меня, воспитанного в понятиях XIX века, ситуация кажется странной. Если бы я нашёл мне не принадлежащую книгу, то прежде всего считал бы долгом вернуть её владельцу, а затем уже просить у него её для перевода. Здесь же есть элемент прямого пиратства — держать книгу около двух лет и только после минования надобности вернуть её владельцу. Всё это показывает, какие сдвиги произошли в моральных понятиях второй половины века — плохо будет с ними строить коммунизм.

У меня есть предложение для Вас и Владимира Ивановича. Было бы очень хорошо, если бы вы оба взялись написать пространное предисловие к тому «Всемирной фантастики» с произведениями Лема. Дело в том, что некоторым образом дело с фантастикой у нас здесь осложнилось, и для соображений безопасности надо хитрое и авторитетное предисловие. Подумайте над этим с В. И., а когда В. И. приедет ко мне, мы обо всём обговорим точно. Это подписное издание грозит под давлением читателей вырасти до полумиллионного тиража (вопреки издательству!), и тут нельзя ничем рисковать.

Посылаю Вам вырезку из «Сов[етской] культуры» со своим интервью о памятнике Космосу. В 7-м № «Огонька» будет мой маленький рассказ вместе с картинками Андрея Соколова[1]. Вот и все мои небольшие успехи пока.

Всего Вам самого хорошего и главное — здоровья.

Ваш
И. А. Ефремов

Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 8

Седанка
7 февраля 1965 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сегодня все уехали на празднование Масленицы, а я после вчерашнего катания на лыжах чувствуя себя разбитым (падал много!), решил остаться и, пользуясь одиночеством, написать давно обещанное письмо.

Через неделю заканчивается отдых, «Лезвие» прочёл, так что пора писать.

[1] Рассказ «Пять картин».

Начну с экзаменов. Сдал всё за I-й курс и переведён на II-й. Есть две тройки, пятёрок — одна. Преподаватели избегают ставить заочнику «отлично», ну да бог с ними, не ради отметок учусь. Из тех, кто приехал на зимние сессии позже, 50 человек экзамены завалили, и лето обещает обильный отсев. Многие из них почти не занимались. Они даже заподозрили меня в мошенничестве. Я им сказал: «Надо работать. Труд никогда не пропадает даром!» Это слова Петра. Три месяца я сидел ежедневно по 5—6 часов над книгами. Рейс в оба конца проходил через Охотское [море], которое ни разу не было спокойным. Одной рукой держался за стол, чтобы не вылететь из кресла, локтем другой придерживал учебник и так писал конспект. На стоянках было не легче. Мир полон соблазнов, а из друзей мне ещё никто не сказал: «Сиди, занимайся!», а все только и знали: «Брось, проветрись!»

Я смотрел на слова Гёте, вписанные в распорядок дня: «Цели достигаются только насилием и методичностью», — и глубже уходил в дебри согласных фонем или творчество Аристофана. В перерывах ходил по палубе и читал строфы Киплинга.

Теперь всё позади. Я проверил себя на максимальную нагрузку и экзамен выдержал. Теперь нет нужды повторять эксперимент.

Античную лит[ературу] у нас принимает энтузиаст и знаток её Электрон Григорьевич. Я побывал у дневников на его лекциях. Читает захватывающе, а студенты? Кто дремлет, кто учит English, кто флиртует. Слушают немногие, а конспектируют единицы. Стоит ли удивляться, что на зачётах кое-кто не смог сказать и трёх слов об Эсхиле, а иные не слыхали об Анакреонте. Я подсказывал… «Дайте мне вашу зачётку и можете получить зачёт», — сказал Электрон. «Но я хочу сдать экзамен». «Тогда ждите».

На перерыве я подошёл к нему: «Э. Г., я моряк, плаваю. В ходе изучения предмета у меня возникло несколько вопросов, на которые я не могу найти ответ». «Какие?» «Извольте. Первый. Мы знаем 12 подвигов Геракла, а у Вольтера в “Кандиде” упоминается 13-й. Был ли он на самом деле?» «Был», — засмеялся Электрон. «Кто разделил Афродиту на А[фродиту] Пандемос и А[фродиту] Уранию?» «Платон», — звучит ответ. «Анахарсис-младший был скиф?» «Говорят…» И последний вопрос: «Не кажется ли вам, что от глагола “керанню́ме” произошли слова “кернуть”, “керон”? Этим глаголом греки называли процесс разбавления вина водой. Неразбавленное вино пили варвары…» Электрон засмеялся: «Вы знаете, я тоже над этим задумывался. Правда, похоже?» Прозвенел звонок, и он заторопился: «Давайте зачётку, я вам поставлю 4. Если хотите «5», будете сдавать по билетам». «Что вы, на 5 ант[ичную] лит[ературу] я не знаю». Так я получил «хорошо» у Неумолимого Электрона, и мне по сей день никто не верит.

Последний экзамен «Современный русский язык» я сдавал 12 января. Задержался допоздна. Когда я вышел из подъезда, то был свидетелем жуткого зрелища. Свистел ветер, загибающий жесть в углах крыш, ночь освещали сполохи эл[ектрических] проводов. Меня подхватило и понесло. Я скользил метров 20 на своих гофрированных подошвах, не в силах остановиться. Смотрю, на углу здания, на груде камней, сидит женщина. Рядом — кошёлка. Ветром полы шубы забросило женщине на голову. «Надо ей помочь, когда остановлюсь», — подумал я. Затормозил, подхожу, кошёлка стоит, а женщины нет. Выдуло куда-то в переулок, в ночь. Три дня бушевал ураган при 24-гр[адусном] морозе. Черепицей с крыш было убито 8 человек. В море погибло 4 судна.

Впечатление сложилось у меня такое, что перед лицом стихии на море люди всё-таки более приспособлены и стойки.

С середины января начался мой отдых. Вскоре я получил из Холмска две путёвки в дом отдыха, и в это же время из Москвы пришла Ваша книга.

Седанка находится в 15 км от города. Сообщение автобусное и электропоездом. Много снега, лесистые сопки, чистый воздух и тишина. Кормят отлично.

После завтрака мы становимся на лыжи и уходим в сопки. Солнечные безветренные дни, голубое небо и голубой воздух, мороз 3—5 гр[адуса] делали прогулки весёлыми и бодрящими. После обеда — сон. В 17 часов полудник, и я уезжаю на каток. После ужина — танцы, игры, кино. Отдых проходит хорошо и для тела, и для головы. Правда, эмоции не пребывают в состоянии покоя. Долгое пребывание вдали от радостей земных обострило чувства, а предстоящий рейс требовал не пропускать мимо лунных ночей. Мы бродили по паркам, любовались Орионом, смотрели на огни проносящихся поездов, и я вспоминал «Плачущие поезда». Удивительное название главы[1]...

О Вашей книге говорят много и разное, но общий приговор — единодушен: хороша! Я же скажу словами Даярама: «Гуру учил меня, что если в душе человека нет того, что горит, влечёт и тревожит, то ему бесполезно говорить об этом».

Книга даёт каждому ровно столько, сколько он может взять из неё. Я взял много, больше некоторых, потому что кроме мыслей она вызывала воспоминания.

В Гирине я узнавал Вас. Кроме душевного сходства, я нашёл много общего в облике. Любовь к русской природе, живописи, знание английского языка, намёк на раннее сиротство в Гр[ажданскую] войну и голод, и даже «имя старорусское» дополнили сходство. Когда геолог говорит о плече начальника, первом у борта застрявшего грузовика, я понимал, что в экспедициях это было Ваше плечо.

«Только сейчас он понял, как велика его любовь и преклонение перед этим безгранично добрым, умным и скромным человеком. Его превосходство никогда не подавляло... и ничего, кроме чистой доброжелательности, не исходило от этого мудрейшего из всех известных Даяраму людей»... Художник думал так о своём гуру Витаркананде. Так я думаю о Вас.

Мало таких людей на святой Руси, и горе ей, когда они уйдут «на дно серебряных озёр».

Читая книгу, я вспоминал встречи с Вами, самые счастливые и осмысленные дни своей жизни. При посещении ВДНХ (перед просмотром «Бабетты»[2]) Вы рассказывали об исчезнувшем лайнере. В книге о нём, попыхивая трубкой, вспоминает сэр Каллегари. Закон Финнегана объясняли Вы с Тасей мне за обедом. О Распутине шёл разговор, когда я рассматривал книгу тбилисского капельмейстера.

Слово чести в прежнее время, «хвосты», превращающие в рептилий слабых душой, три кита современности — зависть, болтовня, погоня за вещами, неполный разгром фашизма на Земле — всё это мне довелось услышать от Вас. Ворчание Андреева, что 61-й год — не седьмые годы, пылкая защита Сан-

---

[1] Название одной из глав романа И. А. Ефремова «Лезвие бритвы».

[2] «Бабетта идёт на войну» (фр. *Babette s'en va-t-en guerre*) — французский художественный комедийный фильм. Режиссёр Кристиан-Жак. В главной роли Брижит Бардо.

дрой молодёжи, даже квартира Симы казались мне уже слышанными или виденными раньше.

Ваши письма... В них тоже встречалось многое. Там было и то, о чём говорит паромщик, защищая молодую кровь, и лётчик (не моряк!), бросивший Надю, и наследие христианства, и закон диалектики «Где сила — там слабость», и вера в объединения верных, стойких и добрых для отпора мерзким, низким и подлым.

В главе «Две ступени к прекрасному» я был поражён простотой выводов и доступностью изложения. Такой ясности изложения проблем эстетики я не встречал ни у кого, кроме Чернышевского. Но у Н. Г. не было глубины, научности выводов.

«Человеческое сердце всегда остаётся открыто прекрасному», — утверждаете Вы. Это очень верно. Чем совершеннее будет человек, тем глубже он будет понимать сущность прекрасного, и жаль, что в будущем он будет всё более лишаться уединения, без которого никакое совершенствование невозможно. Страдание ведёт к высотам... Не это ли имел в виду Макс[имилиан] В[олошин], когда писал строки:

Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединеньи вынянчить свой дух
И выстрадать великое познанье...[1]

Только после этого человек становится Человеком, и если он к тому же станет писателем, он не сможет не быть добрым. Страх перед чужими страданиями может породить милосердие — человек бросит собаке кость. Воспоминание же о перенесённых страданиях порождает истинное милосердие, когда человек делится костью с собакой.

Но знать, кому и зачем делаешь добро, Вы правы, знать надо непременно!

Ваши слова: «Служи ему силой таланта, бескорыстно и беззаветно, не давая властвовать над собой злобе, зависти и жадности...» — должны стать девизом каждого художника, если только он настоящий человек.

К несчастью, есть люди, которым смысл этих слов недоступен. Их лица обращены в другую сторону. Это они делают жизнь подчас невыносимой, и тогда наступает «грубое расхождение окружающей действительности с идеалами настоящего художника — тайная и никогда не заживающая рана души»... И чем глубже и болезненней эта рана, тем сильнее и значимее создаёт художник произведение. Единичность таких произведений — тревожный признак: значит, многим нет дела до судеб мира! Но тем сильнее чувство радости и гордости, что всё же есть такие люди, которые, подобно маякам, посылают лучи во мрак ночи, чтобы жаждущие найти своё место в океане жизни могли проложить правильный курс. «Лезвие бритвы» — луч лазера, рассекающий напластование гнили, лжи, суеверий и идолопоклонства! Его превосходство над лучом маяка в том, что он не только освещает опасность, но и беспощадно расправляется с ней.

---

[1] Неточная цитата из стихотворения М. А. Волошина «Дом поэта»:

Чтоб в годы лжи, паденья и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познанье.

В общем, о книге можно говорить долго. Я сам был свидетелем того, какое количество писем поступает от читателей, слушал, что они пишут, и повторять то, что уже сказано кем-то, не буду. Просто хочу поблагодарить Вас, дорогой Иван Антонович, за дорогой подарок, который Вы сделали для своих современников, и пожелать Вам доброго здоровья и сил для создания новых замечательных произведений!

Главу «Берег скелетов» я читал вслух. В комнате, кроме меня, живёт три моряка. Один каждое утро начинает опохмеляться, а к вечеру напивается до положения риз. Другой пьёт изредка, но много, третий — Юрий — не пьёт. У него тоже больная печень. Плавать он начал давно, лет 15 тому назад. Когда я в тексте прочёл о Китовой бухте, он переспросил меня и рассказал мне историю о нападении на их судно (он тогда плавал артельщиком на «Каширстрое») в порту Уолфиш-бей. Дело было в конце 1956 года. Судно после долгой стоянки в Адене и Джибути (Суэц был закрыт в связи с военными действиями) получило указание следовать вокруг Африки. Они шли несколько месяцев и побывали в 15 портах. О городе Дурбан у него сохранились воспоминания как о лучшем из виденных когда-либо.

В Уолфиш-бей пришли утром. После полудня из пустыни (Калахари?) подул шквалистый ветер с песком, и так как у моряков не было защитных очков, какие носят местные жители, они возвратились на судно. Вечером какой-то негр сказал радисту, что ночью русских будут бить, но тот не придал словам значения. Ночью толпа пьяных моряков с рядом стоящего норвежского танкера и примкнувших к ним бичкомеров[1] бросилась к трапу. Вахтенный был сбит с ног, часть громил бросилась на корму, где жили кочегары, другая — по каютам средней надстройки. Сонных людей выволакивали на палубу и били ногами. Вахтенный, придя в себя, пополз на бак, где жили матросы, и стал их будить. Юрка выскочил одним из первых и упал под кулаком гиганта со сломаной челюстью и выбитыми зубами. Это была страшная драка во тьме. Вскоре, однако, погромщики были изгнаны с судна. Спрятавшись за вагонами, они стали бомбардировать судно камнями. Команда укрылась за фальшбортом. Кусок кокса раскромсал лицо старшему механику, крупному мужчине с больным сердцем. Он бросился с гаечным ключом по трапу и упал на причале в припадке. Боцман с ломом выскочил на трап в рыбацких кованых сапогах, и зычное русское «ура» прозвучало под чужими созвездиями африканской ночи. Команда подхватила крик и бросилась с борта на причал. Громилы выскочили из-под вагонов и бросились к проходной. Их догнали и били смертным боем. «По трое, хлопчики, по трое», — командовал в темноте боцман, взобравшись на груду ящиков. Команда в основном состояла из вчерашних курсантов, народа мелкого, не могла один на один одолеть рослых, как на подбор, скандинавов, хороших боксёров. Поэтому двое забегали спереди, один бил по голове сзади, а боцман «та-та-та» проходил по лицу коваными сапогами — и готово! Преследование затянулось, а из города с факелами бежала подмога погромщикам. «Отступать без паники. Кто цел, прикрывайте отход камнями, а остальным выносить своих», — командовал боцман. Так и отходили, а впереди всех к судну бежал западный немец. Ни ушей, ни носа, ни лица у него не было. Немец вбежал в каюту капитана и упал на колени с поднятыми руками. Капитан закрыл его в спальне.

---

[1] *Бичкомер* (beachcomber) — моряк, высаженный на берег, от англ. «бич» (beach) – пляж.

Когда команда отступила на судно, оставшиеся там калеки вооружили шланги, дали в системе воду и пар, подготовили ломики, кирки, багры. Преследователи штурмовать судно не решились. Вскоре прибыли машины с полицией, раздались выстрелы , и погромщики рассеялись.

Утром делегация пошла к норвежцам. «Во всём виновен второй штурман, венгр. Будем судить его после рождества», — пообещал капитан.

Днём «Каширстрой» поспешил уйти в море. В Касабланке двадцать человек легло в госпиталь, троих похоронили, пятеро остались калеками. Я сознательно упустил много деталей, которые нельзя доверять письмам. В целом картина получается не хуже битвы «Балтика» и «Норзернлайта» с «Штральзундом» («Стихи о трёх котиколовах»[1]).

Вот что мне рассказали о трагедии в Уолфиш-бей.

Потом Юрка хвалил описанное Вами плавание яхты в тех широтах, а я вспомнил, как верно была описана встреча судов Баурджеда с просторами Индийского океана.

Мне осталось отдыхать всего пять дней.

14-го февраля отправляюсь ловить судно, а 25-го снимаемся в рейс на Польшу. Возвратимся с ремонта осенью. В марте Пётр будет в Москве. Обещает узнать о возможности перевода в МГУ на дневное отделение. Уж очень хочется мне поучиться годика два-три в Москве. Если ничего не выйдет, я делаю перевод в одно из западных пароходств. Больше оставаться здесь нет смысла.

Вот, пожалуй, всё. Ответ мне не пишите, т.к. он не застанет меня. Связь я буду поддерживать радиограммами.

До свидания!

Желаю Вам доброго здоровья и хорошего, погожего лета!

Мой привет и лучшие пожелания Тасе, Марии Фёдоровне и Глории, моему московскому резиденту!

С приветом, Ваш *Борис*

P. S. Глядя на это фото, я впервые осознал, что уже юность позади.

9 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
7 февраля 1965 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Сердечное Вам спасибо за книги — облагодетельствован. Все четыре достигли меня и в полной сохранности. Я пока их Вам не посылаю по почте, потому что скоро будет надёжная оказия в Ленинград и я попрошу передать Вам лично. Кстати, это будет тоже любитель научной фантастики, и французской притом (он переводчик) — так что если Вам понадобятся какие-либо сведения по фантастике французской, то лучшего не найти.

Книжка Новополина[2] оказалась интересной как по некоторым старинным эротическим произведениям, которых я совсем не знал, так и по отношению

[1] Имеется в виду стихотворение Р. Киплинга «Стихи о трёх котиколовах».

[2] Вероятнее всего, имеется в виду книга: Новополин Г. С. Порнографический элемент в русской литературе. — Екатеринослав, 1909.

автора, его ригоризму. Совершенно очевидно, что он не понимает разницы между порнографией и эротикой, хотя кое-где и подходит к этому, описывая изображения порока и извращения, психической неполноценности.

Нейфельда я тоже не знаю и, буде у Вас возможность, прочту с удовольствием. Совестно Вас затруднять, но это никакого спеха не имеет — можно хоть через год, а то и когда я буду в Питере. Тогда же, видимо, мне будет удобнее прочесть и биографию Нагродской. Теперь благодаря Вам я имею достаточное о ней представление. Эротика у ней по сравнению с невиннейшими западными книгами современности самая пустяковая.

В отношении горечи, сквозящей в Вашем ответе насчёт литературоведов, я с Вами совершенно согласен. Но ведь я и не имел в виду обвинять людей (как это стало принятым теперь у нас), так как понимаю вину обстоятельств. Кстати, последние всегда гораздо более сильный фактор, а мы, перекидываясь на людей, нередко мыслим наивно-идеалистически, что уж совсем неприлично для граждан страны социализма.

Ещё раз — большое спасибо. Будьте здоровы и довольны.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

P. S. Сейчас в моей квартире идёт установка новых полок для книг. После этого письма читателей будут легко доступны[1].

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

10

Москва
23 февраля 1965 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Посылаю Вам столь любезно присланные Вами книги. Ещё раз — сердечное спасибо!

Податель сего — Аркадий Маркович Григорьев, любитель фантастики и французский переводчик. Он может быть Вам полезен, как я и писал, по части рассказа о французской н[аучной] ф[антастике].

При сём прилагаю интересную статью Кингсли Эмиса о научной фантастике, присланную мне вырванной из американского журнала. Прочтите её и верните мне почтой, не очень задерживая, потому что тут есть на неё охотники, а я Вам — вне очереди.

Ежели будет какая возможность добыть образцы «порнографии», упомянутые в присланной Вами книге, то я не прочь бы посмотреть их, чтобы составить представление о том, что же он считает классической порнографией. Ну, что касается Арцыбашева и Сологуба· то тут я читывал и имею представление, а вот о более старых понятия не имел.

Я имею в виду прежде всего Буренина «Маститый беллетрист», сборник повестей «Из современной жизни» СПБ, 1879. Также не видел Ю. Слёзкина «Марево», ж[урнал] «Образование» кн. V, 1908 и, наконец, А. Зиновьева-Аннибал «33 урода» —

[1] А. Ф. Бритиков в каждый приезд из Ленинграда в Москву забирал у И. А. Ефремова скопившиеся письма читателей, чтобы перевезти их в соответствующий фонд в Пушкинском Доме (ИРЛИ АН СССР).

повесть в «Золотом Руне» и др[угих] изданиях, по признанию нашего ригористичного автора, превзошедшая успехом Л. Толстого, Горького и Л. Андреева.

Надо посмотреть все эти жупелы в свете того, что знаю о современной зарубежной англо-американской литературе, да и сравнить, скажем, с некоторыми вещами начала Советской литературы вроде «Мощей» Калинникова, «Руси» Пантелеймона Романова и т. п.

Желаю Вам всяческих успехов и здоровья.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

11 Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

8 марта 1965 г.

Уважаемый профессор Ефремов,

надеюсь, что Вы получили мою книгу «Dawn of magic»[1] и номер «Планеты» с рецензией про «Лезвие бритвы». На всякий случай посылаю Вам с этим письмом вырезку с этой рецензией.

Очень хотел бы иметь Ваше мнение по этой рецензии.

Я считаю «Туманность Андромеды» самым лучшим научно-фантастическим романом и это не раз писал.

Дружески,
Jacques Bergier

12 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Корнелльский университет
12 марта 1965 г.

Dear Professor Efremov:

First, I would like to apologize for taking the liberty and sending you so many paperbacks without consulting you first. Most of them are not really genuine reading. I, however, feel that any book has some merit, and thus I leave the selection up to you. By now, you should have a good cross-section of the printed popular matter here, and if the trashy side of it seems to tip the scale, it is because I may have oversampled it.

I am pleased to say that I have completed the careful reading of your novel — the Razor's Edge (Blade). Several of my friends have borrowed the book from me and enjoyed reading it very much. As a matter of fact, one person has already read your novel before even I brought it to his attention. There is an interesting coincidence between your theme and that expressed by an American author, William Somerset Maugham (1944), in a short novel carrying a similar title — The Razor's Edge. Your title should be more properly translated as The Razor's Blade, and it of course is much deeper in context.

It is very difficult for me to evaluate such a voluminous work. It contains an immense amount of information very dexterously interwoven with incidents of adventure. The adventure seemed to me to be of secondary importance — a nucleus around which the matter could be accreted. Your views of Hindu philosophy brought

[1] Русское название книги — «Утро магов».

to light in its modern setting are most exciting and done with your fascinating ability of reasoning. Some passages, where you involve the western nations, seemed to be a bit onesided views. I assure you, we also have a share of good people and not all of us support the bad image created about this country by some shady individuals. I can not but wonder if some of the paperbacks influenced your opinion?

There are several (many) distinct passages that impressed me as being in a way representative of the novel. I will list them in a chronological form: p. 44, Par. II; p. 105, P. 2, lines 13-15; p. 168, P. 2, l. 1-3; p. 324, P. 3; p. 552, P. 2, l. 5-10; p. 570, P. 3; p. 616, P. 3, l. 7-10.

This is my last semester at the Cornell University. Beginning next September I will be teaching Principles of Geology I and II at the George Washington University, in Washington D.C. I will also complete my Doctoral training here. There are several reasons for this decision. The most important is that this is my opportunity to start in a teaching profession. In the future I would like to make this my life's work, supplemented of course with research. No other profession will give so much liberty for my own work. Also, as I mentioned to you previously, prior to specialising in one part of Geology, I would like to work with some general problems, so as to become more familiar with the different phases of the geology.

This summer I will start the investigation of the Upper Devonian shale and sandstone facies (Chemung) in West Virginia. The George Washington University is much closer to West Virginia than is Cornell. Also, Cornell is a bit far away from any large city (to express more properly — from centers of activity). I would like to go back to the city and renew my ties with practicing geologists. The conversation topics here are limited and of course the turn over of people is not too great. The environment is too artificial (too academic) and I do not see here the real life with its varied problems, etc. And there is another reason, I have become fond of a certain young lady and proposed marriage to her. She accepted and this June we plan to marry. This brings in the financial situation — thus a teaching position will help both of us. She is also working. It would be unreasonable for her to change jobs and come to Cornell because Ithaca has only a limited selection of employment. Such and other reasons prompted my decision to accept the teaching position and move back to Washington D. C. My two years of study at the Cornell University will be accepted by the Graduate Committee of the George Washington University, thus it remains for me to complete my dissertation, the most laborious task.

I would like to send you several geology laboratory manuals we use at the Cornell University. These manuals are used in connection with the lecture material. The laboratory sessions are intended to bring the student closer to the materials and methods of Geology. I am at present compiling such a manual for my own course at the George Washington University. Do you follow the same procedure at your Universities? If possible, I would like to ask you to send me a text book on Physical and Historical Geology. Also a laboratory manual if there exists one. I am anxious to see how you treat the subject. If this request is unreasonable, please disregard it.

I am eager to hear from you soon. I remain sincerely yours
G. Rabchevsky

P. S. I just received your letter!!! My letter to you has already been typed, so please excuse if I send it out as is, without any changes. I'll just add a few things here at the bottom.

Congratulations on the translations of your novel — your rate of work amazes me. I will look for the cover of Life, 1962.

Дорогой профессор Ефремов!

Вначале я хотел бы извиниться за то, что взял на себя смелость, не посоветовавшись с Вами, выслать так много книг в бумажном переплете. Многие из них действительно не стоят вдумчивого чтения. Но я всё-таки считаю, что любая книга имеет своё достоинство, так что оставляю выбор за Вами. Теперь у Вас должна быть хорошая подборка печатных изданий, и если пустоватые вещи перевешивают, вероятно, я слишком много переложил их.

Рад сообщить, что внимательно прочитал Ваш роман «Лезвие бритвы». Несколько друзей одалживали у меня книгу, и им тоже очень понравился роман. А один знакомый, оказывается прочёл его раньше, что выяснилось, стоило мне заговорить о романе. Интересное совпадение между темой Вашего романа и тем, что высказывается в одноимённом небольшом романе американского писателя[1] Уильяма Сомерсета Моэма «Остриё бритвы» (1944). Ваш роман, конечно, намного глубже по содержанию, и его название должно быть более точно переведено на английский как «Razor's Blade».

Мне очень сложно оценить такую огромную работу. В ней содержится колоссальный объём информации, который очень искусно переплетается с элементами приключений. Приключения, я считаю, имеют вторичную важность как центр, вокруг которого крутится сюжет. Ваш взгляд на индийскую философию, освещённую в современном ключе, просто восхитителен и представлен с присущей Вам завораживающей убедительностью. Некоторые отрывки, в которых вы вовлекаете в действие западные нации, кажутся немного однобокими. Уверяю Вас, у нас так же есть доля хороших людей, и не все из нас поддерживают негативный образ этой страны, созданный какими-то темными личностями. Неужели какие-то бульварные книги могли повлиять на Ваше мнение?

Есть несколько (много) различных отрывков, которые впечатлили меня особо. Я перечислю их хронологически: стр. 44, параграф II; стр. 105, часть 2, 13—15 строки; стр. 168, часть 2, строки 1—3; стр. 324, часть 3; стр. 552, часть 2, строки 5—10; стр. 570, часть 3; стр. 616, часть 3, строки 7—10.

Это мой последний семестр в Корнелльском университете. Начиная со следующего сентября я буду преподавать два курса по основам геологии в университете Джорджа Вашингтона, что в Вашингтоне, округ Колумбия. Также здесь я закончу докторскую подготовку. У меня есть несколько причин для такого решения. Самая важная из них — что у меня появится возможность начать преподавать. Мне бы хотелось посвятить этому всю жизнь, наравне, конечно, с исследованиями. Никакая другая профессия не даст такой свободы для моей работы. Кроме того, как я упомянул ранее, я бы хотел позаниматься общими проблемами, прежде чем специализироваться на одной части геологии, чтобы подробнее познакомиться со всеми её разделами.

Этим летом я приступлю к изучению верхнего девонского яруса и песчаных фаций (Чемунг) в Западной Вирджинии. Университет Джорджа Вашингтона гораздо ближе к Западной Вирджинии, чем Корнелл. Кроме того, Корнелл находится далековато от крупных городов (точнее выражаясь — вдалеке от центров

[1] Так в тексте письма.

активности). Я бы хотел вернуться в город и возобновить свои контакты с практикующими геологами. Темы для разговоров здесь ограничены и, конечно же, круг знакомств недостаточно большой. Окружающая среда слишком искусственна (слишком академична), я не вижу здесь течения настоящей жизни со всем её разнообразием проблем. И есть ещё одна причина: я полюбил одну молодую особу и сделал ей предложение. Она согласилась, и в июне мы планируем пожениться. Финансовая ситуация такова, что должность преподавателя поможет нам обоим. Она тоже работает. Было бы неразумно для неё менять работу и переезжать в Корнелл, потому что в Итаке ограниченное число вакансий. Эти и другие причины побудили меня принять должность преподавателя и перебраться в Вашингтон, округ Колумбия. Мои два года учебы в Корнелльском университете будут зачтены аттестационным комитетом Университета Джорджа Вашингтона, после чего остается завершить диссертацию, — самая трудоёмкая задача.

Я хотел бы послать Вам несколько руководств геологической лаборатории, которыми мы пользуемся в Корнелльском университете. Эти руководства используются совместно с лекционными материалами. Занятия в лаборатории призваны приблизить студента к материалам и методам геологии. Сейчас я составляю подобное руководство для своего курса в Университете Джорджа Вашингтона. Практикуется ли подобное в ваших университетах? Если возможно, я бы хотел попросить Вас прислать мне учебник по физической и исторической геологии. И ещё лабораторное руководство, если таковое имеется. Мне было бы интересно посмотреть подход к предмету в Вашей стране. Если мою просьбу окажется не очень просто выполнить — не стоит беспокоиться.

Очень жду Вашего скорого ответа.

Остаюсь искренне Ваш
Дж. Рабчевский

P. S. Я только что получил Ваше письмо!!! Моё письмо к Вам уже напечатано, так что простите меня, я отошлю его как есть, без изменений. Только добавлю немного.

Мои поздравления по поводу переводов Вашего романа — Ваши темпы работы поражают меня. Поищу нужную Вам обложку журнала «Лайф» за 1962 год.

Перевела Анна Селкина

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
14 марта 1965 г.

Уважаемая Галя!

Мы с женой оба проболели всю зиму — расплата за позднюю поездку в Крым. На днях уедем в санаторий на месяц, под Москву. Чувствую себя неважно, и намеченные планы не выполнены.

Журнал по фантастике обсуждается уже много лет. Воз и ныне там, думается, что он будет «там» ещё несколько лет.

Попробую, если успею до отъезда, достать и послать Вам Чурлёниса — был такой замечательный художник.

Поклон Вашей маме и спасибо за поздравление от жены. Будьте здоровы.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

14 РЮ МИЦУСЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

Токио
14 марта 1965 г.[2]

Пишут Вам из Токио, где курится песчаная мартовская пыль.

Я не умею ни читать, ни писать на русском языке. Поэтому позвольте написать Вам на японском языке.

Я был бы рад, если бы хоть немного мог передать свои чувства.

Моё имя Рю Мицусэ. Я — один из трёх [японских] писателей научно-фантастического жанра. В последнее время в Японии, наконец, научная фантастика получила широкое признание. Несколько литературных журналов регулярно представляют произведения этого жанра, и читатели горячо это поддерживают. Некоторые из Ваших произведений уже знакомы японским читателям и оставляют глубокое впечатление. Я — один из таких читателей. Советская научная фантастика — это мечта о светлом будущем человечества, в ней последовательно, реалистично изображены люди, которые настойчиво идут по этому пути. Считаю это обретением нового представления о прекрасном. Таким, вселяющим надежду на завтрашний день, я стараюсь изобразить человечество в своих произведениях. Позвольте прислать Вам мой новый роман. Это мечта японского писателя-фантаста.

Весна в Токио начинается с жёлтой пыли, затягивающей синее небо. Я слышал, что в Советском Союзе весна красива — хотя в огромном СССР это, вероятно, зависит от местности.

Желаю Вам здоровья.

Привет великому советскому писателю от одного далёкого японского писателя.

Уважаемому г-ну Ивану Ефремову от
Рю Мицусэ

Перевела Казуе Гааз-Ёсицугу

15 Д. ГАБОР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лондон
19 марта 1965 г.

Dear Professor Efremov,

I am sorry to hear that you had the “English” flu. At the same time I had what we call this year the “Russian” flu!

Tomorrow I am off to the United States for a five-weeks visit, so I can reply only too briefly to your very interesting letter. It conveys a general impression of dark forebodings; just the sort of thing which you and I keep so carefully out of our books. Just today your compatriots are proud and happy; the first Russian astronaut has walked out of the vehicle into the vacuum. We have

[1] Письмо написано на японском, в данном издании по техническим причинам приводится только перевод.

[2] Датируется по штемпелю.

seen the happy faces of the Moscow people on our television screen, and we do not begrudge them their pride and happiness. But we intellectuals know that this happiness in collective efforts cannot last long. The Universe is much too big, and the accessible part is barren and boring. Science will not lead us from one glorious adventure to the other. Sooner or later it will tell the individual that he will have to be happy by himself, not as a member of a big strong and glorious country. Fortunately by that time science may be able to give the individuals so much animal strength and mental balance (by medication I am afraid!), that he may be able to bear it.

In the U. S. I am going to meet a group of forward-thinking people, chiefly in the Californian Universities, who are for the time being a small island in a sea of rather backward people, still addicted to the "protestant ethic" which carried them to their present glorious state — but is about to let them down with a bang! — I am sure that these people would very much welcome you too if you could visit them.

With kindest wishes
Yours sincerely
Denis Gabor

Many thanks for your "Récits"[1] and kindest wishes,

D. Gabor
28.4.65

Дорогой профессор Ефремов!

Мне очень жаль слышать, что у Вас был «английский» грипп. В это же самое время я подхватил болезнь, которую у нас в этом году называют «русским» гриппом!

Завтра я уезжаю в Соединённые Штаты на пять недель, поэтому могу только достаточно кратко ответить на Ваше интересное письмо. Оно передаёт мрачные предчувствия как раз того сорта, которые мы с Вами тщательно исключаем из своих книг. Как раз сегодня Ваши соотечественники исполнены гордости и счастья, первый русский космонавт вышел в открытый космос. Мы видели по телевизору счастливые лица москвичей и не завидовали им в их гордости и радости. Но как люди думающие, знаем, что эта общая радость не может длиться долго. Вселенная слишком велика, и доступная её часть безжизненна и скучна. Наука не может нас вести от одного славного дела к другому. Раньше или позже она скажет человеку, что он должен быть счастливым сам по себе, а не как гражданин сильной и славной страны. К счастью, к тому времени наука может оказаться в состоянии придать ему достаточно жизненных сил и душевного равновесия (боюсь, медикаментозными средствами!), чтобы выдержать это.

В США я собираюсь встретиться с группой прогрессивно мыслящих людей, преимущественно в Калифорнийских университетах (маленьким островком в море довольно отсталых людей, всё ещё приверженных «протестантской этике», которая вела их к их нынешнему славному состоянию — но которая их

[1] Рассказы (фр.).

вот-вот подведёт, и тогда держитесь!). Я уверен, что эти люди были бы очень рады принять Вас, если бы Вы смогли их посетить.

С самыми добрыми пожеланиями,
Денис Габор

Большое Вам спасибо за Ваши «Рассказы» и добрые пожелания,
Д. Габор
28.04.65

Перевёл Андрей Константинов

16 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Малеевка
25 марта 1965 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вот уже 5 дней мы в Малеевке. Пока только ещё больше расклеился, как это всегда бывает.

Я прошёл ВТЭК, потеряв почти целый день на эту процедуру. Получил продление 2 группы, так что никаких беспокойств на 65 год, да и с последующим будет легче.

Здесь ещё порядком холодно — нет настоящей весны, нет птиц, но зато нет телефонов (хотя телевидение и здесь меня нашло!) и нет хороших знакомых, так что времени на чтение и кино — вволю.

Сердечный привет всему семейству от нас обоих. Крепко жму руку.

Ваш *И. Ефремов*

17 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1]

Малеевка (санат[орий] для писателей около Рузы)
2 апреля 1965 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Я поехал в д/о[2] без машинки и потому буду краток (чтобы Вам не разбирать мои иероглифы). Я вернусь в Москву к 20 апреля. К тому времени будет перепечатана Кундалини-иога, и я пошлю её Вам. С фото по болезни ничего не сделал, отобрав их у негодной молодёжи. Займусь сразу, как вернусь. Есть одна замечательная вещь, но её, может быть, будут переводить с оригинала (франц.), прочесть же её Вам очень важно, только боюсь её доверить почте — книга одна в СССР[3]. Там увидим. А перевод Бернарда — годится. А что до Вашей доверчивости, то разве можно давать иогу кому попало? Ведь 99% она нужна для пуза и власти. Помните завет: «не гордися перед бесами».

С искренним уважением и приветом от жены,
И. Ефремов

---

[1] Открытка с изображением богини Дурги.
[2] Дом отдыха.
[3] Речь о книге Ж. Бержье и Л. Повеля «Утро магов».

Б. ГРЖИМЕК — И. А. ЕФРЕМОВУ

18

Франкфурт-на-Майне
2 апреля 1965 г.

Universitäts-Professor Dr., Dr.h.c.
Bernhard Grzimek
Zoologischer Garten
6 Frankfurt am Main 1
Herrn
I.A. Efremov
Gubkinstraße 4
Wohn. 40
MOSKOW W-33, UdSSR

Dear Collegue,

Thanks for your letter of March 12th, 1965. I am happy that you are so much interested in my books. In English have been published beside of the two ones which you have already mentioned the following:

RHINOS BELONG TO EVERYBODY, published by Collins, 14, St. James's Place, London, S.W. 1, England

20 ANIMALS — 1 MAN, published by Andre Deutsch, 105 Great Russell Street, London, W.C. 1, England

SUCH AGREEABLE FRIENDS, published by Andre Deutsch

WILD ANIMAL, WHITE MAN, published by Andre Deutsch at the end of this year.

The book RHINOS BELONG TO EVERYBODY will soon be published in Russian by Müsl.

Another book in English is NO ROOM FOR WILD ANIMALS, publihed by Thames & Hadson, 240 High Holborn, London, W.C. 1, England.

The Film NO ROOM FOR WILD ANIMALS is in colours and was shown in more than 60 countries. The film SERENGETI SHALL NOT DIE is also a colour evening programme film. It is only film which until now has got an American Oscar prize. The copyright of these films is with OKAPIA FILM, Frankfurt (M), Rödebergweg 168. Both films were produced by my late son Michael who was killed in 1959 when working as a biologist in Africa, and myself.

I am editing the monthly journal DAS TIER, which is published by Hallwag AG, Nordring 4, Bern, Schweiz.

Sincerely yours,
Grzimek

Профессор университета, доктор
Бернгард Гржимек
Зоологический парк
6 Фракфурт-на-Майне, 1
Господину
И. А. Ефремову
Ул. Губкина 4, кв. 40
Москва В-330, СССР

Уважаемый коллега!

Благодарю за Ваше письмо от 12 марта 1965 года. Очень рад, что Вы так интересуетесь моими книгами. На английском помимо двух уже упомянутых Вами были опубликованы следующие:

«Носороги — общее достояние»[1] опубликовано издательством «Коллинз», их адрес пл. Сент-Джеймс, 14, Лондон, S.W. 1, Англия

«Двадцать животных — один человек»[2], издательство «Андре Дейч», адрес Грейт Расселл-стрит, 105, Лондон W.C. 1, Англия

Издательство «Андре Дейч» также опубликовало книгу «Такие сговорчивые друзья», а «Дикий зверь, белый человек» выйдет у них в конце года.

Книга «Носороги — общее достояние» скоро выйдет на русском в издательстве «Мысль».

Есть ещё одна книга на английском — «Диким животным места нет», которая выпущена издательством «Темз энд Хэдсон», адрес Хай Холборн, 240, Лондон W.C. 1, Англия.

Фильм «Диким животным места нет» — цветной и демонстрировался в 60 странах. Фильм «Серенгетти не должен погибнуть» также в цвете, для вечерней программы. И пока только эта картина получила американский приз Оскар. Правами на названные фильмы обладает «Окапиа филм», адрес Рюдебергвег 168, Франкфурт-на-Майне. Режисёрами обоих фильмов были мы вместе с моим погибшим сыном Михаэлем (убитым в 1959 году во время его биологической экспедиции в Африку).

Я редактирую ежемесячный журнал «Дас Тьер»[3], издаваемый «Хальваг АГ», адрес Нордринг 4, Берн, Швейцария.

Искренне Ваш
Гржимек

Перевела Лариса Михайлова

19 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
2 апреля 1965 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO ILLINOIS
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

I believe that our letters crossed in the mail. I am extremely sorry to hear that you have been ill. We had heard that there was a lot of Flu in Europe and in Leningrad. We call it the "Asian Flu", which I guess under the circumstances must be some sort of a dirty word. Anyhow, it is a miserable disease, one which seems very rarely to strike me.

Yes, my book did get more technical than I really intended, but I was unable to bring myself to a less comprehensive level. It will be effective in this country for our high school graduates and early college students. I do hope that you can do the book you have in mind.

---

[1] На русском выходила в издательстве «Мысль» под названием «Они принадлежат всем».

[2] Русское название «Животные рядом с нами».

[3] Дас Тьер (нем.) — животное.

As you can or will see in some reprints I sent you, I still get involved in the quantitative now and then. Someday this is going to assume more importance, but it will so do when the need for it wells up from the subject matter, as it has in genetics, rather than being superimposed because ways and means are available. I did this last paper to try to show how biology could be introduced into the area of numerical taxonomy, which was getting more and more to treat organisms like complex nuts and bolts.

I am still reading the Razor's Edge and enjoying it. It is slow, but a lot of fun. I am now well into the second part. Often I feel you coming through directly, and this I enjoy. My wife was startled the other night when I burst out into a chuckle as I encountered the section dealing with Sandra's bikini, the Hollywood Jargon and so forth. It is very funny to see this in another language and particularly in another alphabet. Also, I was startled for a moment by the Latin in the Cyrillic, although as soon as I realized what it was and pronounced it, I had no problems. It looks very odd, as does such a phrase as Cara Mia, and so forth. I really am enjoying it and do like the book very much I hope it is having great success.

The Zatrachys skull is from McClain County, a little southeast of Norman, Oklahoma, a few miles from a small town called Byars. A short paper will be out in a few weeks. This summer I am starting a comprehensive catalogue of the Permian localities in Oklahoma. This is really the big gap. Perhaps, sometime, I will put together a complete catalogue on the Permian of the U.S. Romer has done pretty well for Texas, but there is lots of New Mexico, Arizona, Pennsylvania, Ohio, and so on that should be brought together. If I can get a couple of eager young assistants I may take it on.

I am most intrigued by your plans with Chudinov to go into some excavations in the area of the Pinega River localities. He and I talked this over last year, Lord, it was that long ago that I was there. I wish that it were possible for me to come along and dig as well. I am sending some materials from here that may have some interesting boat ideas. This country is plain crazy on boats now and about the only thing the amateurs have not gone in for is submarines. I am always digging in the hot red beds when boating time is on.

The Ennatosaurus material is coming. There is a problem, however. As you know, I want to incorporate this in a study of the Family Caseidae. I am making good progress on this, but it will not be ready to go to press for some months and thereafter it will take at least a year. Now this means that the Ennatosaurus will be held up. I wonder if this may be posing problems to any of the Museum staff who might want to work on it. It would be possible for me to prepare a paper on it, fairly short, in which there would be the descriptions, designations, of types, etc. But it would seem that if this were done it would better be published in your country. If no one is being held up then, fine. If they are or will be, however, what do you think of the idea of my writing a paper, sending it over, having it translated and published there? Could be done if necessary.

I hope that you are feeling well now. Please say hello to Peter and his wife for me, and also to your charming wife. I hope Peter got the copy of the Evolution of Life that I sent him.

As always, your sincere friend,
Cordially,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Чикаго, Иллинойс
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Видимо, мы написали друг другу одновременно. Очень жаль было узнать, что вы были нездоровы. До нас дошли сведения, что в Европе и в Ленинграде многие болеют гриппом. У нас он тут называется «азиатским гриппом», что должно означать при данных обстоятельствах дополнительное коварство. В любом случае, болезнь очень мерзкая, которая, к счастью, меня сваливает очень редко.

Да, книга у меня вышла более специальная, чем я рассчитывал, но я не смог заставить себя снизить планку объяснений до менее системного уровня. Она подойдёт в нашей стране для выпускников школ и студентов первых курсов. Надеюсь, что у Вас получится написать ту книгу, которую Вы задумали.

Как видите или увидите чуть позже в нескольких из направленных Вам репринтов, я по-прежнему время от времени занимаюсь количественными исследованиями. Когда-нибудь такие методы обретут большее значение, но лишь тогда, когда необходимость возникнет изнутри, как получилось с генетикой, а не когда их будут навязывать просто в связи с тем, что они доступны. Последнюю статью я написал, чтобы продемонстрировать, как можно ввести биологические подходы в область статистической таксономии, которая всё чаще стала подходить к организмам как к собранию болтов и гаек.

Я всё ещё читаю «Лезвие бритвы», получая от этого небыстрого процесса удовольствие. Уже углубился во вторую часть. Иногда я ощущаю очень явственно, что Вы хотели выразить, и это здорово. Жену даже удивило, что позавчера вечером я расхохотался, дочитав до эпизода с бикини Сандры, голливудским жаргоном и т. п. Было очень смешно видеть это всё на другом языке и особенно другим алфавитом. К тому же меня на секунду поставила в тупик латынь, переданная кириллицей, хотя стоило мне правильно распознать и произнести про себя, как всё стало на свои места. Очень непривычно выглядит, скажем, выражение Cara Mia[1] или другие. Словом, наслаждаюсь и надеюсь, что книга воспринимается и остальными как большой успех.

Череп затрахиса — из округа Макклейн, найден в нескольких милях от городка под названием Байерс к юго-западу от Нормана в штате Оклахома. Через несколько недель допишу небольшую статью о нём. Этим летом я начну работу по составлению полного каталога местонахождений пермского периода в Оклахоме. Пока это большой пробел. Возможно, когда-нибудь я составлю полный каталог по пермским местонахождениям Соединённых Штатов. Ромер довольно полно описал Техас, но есть немало находок в Нью-Мексико, Аризоне, Пенсильвании, Огайо и т. д., которые стоит свести вместе. Если мне удастся завербовать парочку полных энтузиазма молодых помощников, я могу взяться за этот труд.

Меня в высшей степени заинтересовали Ваши планы с Чудиновым предпринять раскопки вблизи Пинеги. Мы обговаривали с ним это в прошлом году, — надо же, вот уже и год пролетел. Как бы мне хотелось тоже приехать

[1] Cara mia (ит.) — дорогая моя.

и поучаствовать в этих раскопках. Направляю некоторые материалы, откуда можно почерпнуть идеи для лодок. У нас тут лодочное поветрие, конструкторы-любители только до подводных лодок ещё не добрались. А я всегда копаюсь в горячей красной пыли[1] в разгар лодочного сезона.

Материал по эннатозавру скоро поступит. Но есть одна проблема. Как Вам известно, я хочу включить его в изучение семейства казеид. Работа продвигается хорошо, но в печать можно будет отдать материал только через несколько месяцев, а значит, выйдет он не раньше, чем через год. Выходит, самого эннатозавра придётся задержать. Вероятно, это может повлиять на кого-то из сотрудников музея, кто желал бы тоже поработать с ним. Я смогу быстрее подготовить небольшую публикацию с подробным описанием. Но тогда представляется целесообразным опубликовать её у Вас в стране. Если же я никого не задерживаю — то и хорошо. Если же всё-таки так может случиться, то как Вы относитесь к мысли, чтобы я прислал такую статью для перевода и публикации у вас? При необходимости — готов.

Надеюсь, Вы теперь поправились. Прошу передать привет Питеру и его жене от меня, а также Вашей милой жене. Ещё надеюсь, что Питер получил книгу «Эволюция жизни», которуя я ему послал.

Как всегда, с сердечным приветом,
Ваш искренний друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Хабаровск
5 апреля 1965 г.

Здравствуйте, Иван Антонович!

Давно Вам не писал. Решил что-нибудь сделать стоящее, а потом и предстать. В августе в «Лит[ературной] газете» появилась заметка работника Дорожного института с советом мне не писать о роботах, даже больше — с указанием, что раз я пишу о роботах, значит, я заимствую фантастику у других авторов. Я очень рад, что Вы немедленно её заметили и сообщили мне своё о ней мнение. Если таким методом встречать все первые фантаст-вещи молодых фантастов, то, ей-богу, на Руси не появится ни одной книги с домыслами о будущем. Я Вам очень и очень благодарен за это письмо. В нём же Вы советуете мне прочитать болтовню некоего Лебедева контра-Ефремов в № 6 «Нового мира» за 1964. Я не стал читать. Зачем? Мало ли чудаков приходило и сикало на Собор Парижский Богоматери, шипя: «Пакость! Я его сейчас подточу». «Я его подмою сейчас». Но Нотр'дам стоит себе и не шелохнётся, а аммиак злопыхателей бьёт им же в нос. Поэтому Лебедева я читать не стал. Я убедился, что каждая книга — это долгоживущее существо, и долголетье его тем больше, чем интереснее написано. Поэтому «Лезвие» разрежет и вспорет животы всяким дурням от критики.

[1] Имеются в виду красноцветные отложения, где часто залегают скопления костей.

В ноябре был очень обрадован Вашим тройным подарком: книгой «Лезвие», затем посвящением и, наконец, упоминанием моего скромного имени в числе датчиков советов по «Лезвию». Великое за это спасибо! Тут наши хабаровцы читали и говорили: «Смотри-ка! Ефремов благодарит Пермякова! Какой скромный человек! Не стесняется нашего брата!»

Первой читала Вашу книгу моя жена. Надо оказать, что «Лезвие» оформили по-европейски: хорошая бумага, умный рисунок обложки, отличные картинки в красках внутри, хороший переплёт. Просто эту книгу приятно взять в руки. Жена читала долго, что-то выписывала, молчала, потом опять писала что-то и затем делала по книге доклад своим ученикам на «Класс-часе». Мнение её, что книга интереснее варианта журнала, но что с одного раза такую большую и серьёзную вещь не осилить.

Дальше книгу у меня попросила соседка. Она штукатурится, корсетится и строит из себя образованную. Книга ей не понравилась: «Непонятно написано, и мужчины все честные». Проверив её вопросами, я убедился, что она её просто не читала. Не по её мозгам груз. Гусенице не осилить логарифмы! Дальше читал «Лезвие» 10-классник, тоже выписывал из неё. Он сказал, что эта книга даже сложнее, чем «Андромеда». Последнюю они частично проходили на классном чтении по-английски. Книга что-то расшевелила в его голове. Он сын грузчика и неграмотной, но хорошей женщины. Затем «Лезвие» (не мой экземпляр) прочитал главный редактор Хабаровского издательства П. Н. Богоявленский. Это мужчина в экземе, 46 лет, бывший старший преподаватель Мединститута по русской литературе, сын священника, человек высокой грамотности и эрудиции, он принимал у меня экзамены по литературе XVIII—XIX и XX века России и СССР. Он читал запоем, пропустил работу, добрал экземных пузырей, а затем, поймав меня на телефоне, разразился. Суть его отзыва: «Наступила новая эра в советской литературе. Вот как стали писать! И интересно, и интернационально, и широко-охватно, и гуманно, и сердечно, и высоко-эрудированно!» Дальше он сказал, что теперь ему многие писатели кажутся пигмеями буквы, и дал мне совет писать также, «ибо вам и все карты в руки такое написать». Это, конечно, с его стороны мета-комплимент (мета[1] — сверх, супер, ультра, над…). Закончил П. Н. Богоявленский так: «Теперь я буду строже как главред требовать с писателей». Крохотная женщина, наркоман, курящая, читающая и рассуждающая, сказала мне: «“Лезвие” — это Эмпайр Стэйт Билдинг[2] фантастики. Моги я так писать, бросила бы куренье». Она никотиноман. Затем, забирая рисунки к новой своей повести «Кто убийца?», я услышал резкий разговор у художников, фамилии которых не знал. Один говорил: «Я вот (чёрное слово) уже много лет рисую (чёрное слово). Но до сей поры (чёрное слово) не знал, что такое искусство и прочее (чёрное слово). Я, ребята (чёрное слово), прочитал «Лезвие бритвы» (чёрное слово) и впервые понял, что такое искусство (чёрное слово), и себя стал выше ценить». Член КПСС, 25-летний риторик, зав[едующий] отделом молодёжной газеты В. Шевченко сказал мне только сегодня утром: «“Лезвие бритвы” — это огромный синтез современного эстетического мышления. Я, готовясь на кандидата, буду читать и перечитывать “Лезвие”». Он тут же взял у меня под честное слово Вашу книгу

---

[1] Вероятно, в письме опечатка, следует читать «мега».

[2] Empire State Building (англ.) — 102-этажный небоскрёб на острове Манхэттен в Нью-Йорке.

с автографом, обещав надеть на неё пластиковый футляр и вернуть без единой помаринки. Брал читать «Лезвие» и 6-классник Витя Поляков, но не понял и вернул с сожаленьем. Это было на каникулы школьников (27—31 марта с. г.). Собкор «Советской торговли» М. Кузнецов заявил мне, что он ещё не прочитал «Лезвия» и чувствует себя так, как будто не снял коросты с зажившей раны. Книга Ваша продавалась в центре города Хабаровска, и была она около недели всего, что при её многозначительной цене надо считать признанием. Я не записывал всех отзывов по «Лезвию», но их наберётся до сотни. Интересно, что во Владивостоке, где я побывал уже трижды с августа 1964 г, некоторое отставанье, б. м., оттого, что там я имею мало знакомых.

Немного о себе. Записывал уникальные исторические материалы в Уссурийске, Владивостоке и Хабаровске с Николаевском и Комсомольском[1]. Всё-таки идёт 50-летие[2], и его надо отмечать. По приглашению Географического общества читал во Владивостоке лекцию об Арсеньеве, заставили биссировать, центральные газеты через ТАСС сообщили о моём выступлении на всю Русь. Извините за опечатки, на горбушке у меня сидит Чижик (Алла)[3] и дергает меня за остатки волос, а вес у неё 12 кило. Затем отбивался от группочки самозваных родственников Арсеньева. Они засыпали все газеты, журналы и организации Руси письмами. Их содержание: Г. Пермяков не биограф Арсеньева и у родственников его не был, людей, знавших Арсеньева не записывал, всё, что он печатает — искажение подлинной биографии Арсеньева. Вначале они действовали тихой сапой, и я не знал этих подкопов. Но когда узнал, удалось без труда опровергнуть каждый их вымысел. Прежде всего выяснилось, что среди этой группы из 6—8 человек только одна — племянница Арсеньева, никогда его не видевшая, никогда с ним не переписывавшаяся и всё время жившая на западе Руси. Домыслы о непосещении родственников писателя и прочее опровергнуть было ещё легче. Когда они получили убедительные ответы, тогда пошли на рожон и обратились в газету «Известия». Письмо их в «Известия» было мне показано. Его суть: привлечь Г. Пермякова и призвать к порядку редакторов, которые дерзают печатать вымыслы Пермякова об Арсеньеве. Собкор «Известий» по Дальнему Востоку тщательно проверил письмо, приезжал ко мне, изучал мои архивные документы и собранное. Затем он обнял меня и, крепко пожав руку, заказал несколько рассказов для «Известий». Два приняты, будут напечатаны, первый — «Лунная пещера». Не было бы счастья, да несчастье помогло. Получив отказ из «Известий», группка обратилась на меня с жалобой в Государственный комитет по печати РСФСР. Они потребовали изъять рукопись Г. Пермякова об Арсеньеве из плана Хабаровского издательства на 1965 как лживую от начала до конца. В то же время в письмах между собой группка стала хвастаться: «Натравили на Пермякова цензуру». Цитирую дословно. Но Комитет прочитал рукопись и одобрил её, так что книга выйдет в 1965 г. Был я у адвоката и показал ему письма-наветы Группки и ответы на наветы со стороны истинных родственников Арсеньева, которых насчитывается 21 человек. Адвокат изучил дело и сказал: возбуди Вы дело против Группки, им не миновать тюрьмы за клевету в письменном и ином виде. Но я не хочу связываться

---

[1] Комсомольск-на-Амуре.

[2] Вероятно, имеется в виду 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, которое отмечали в 1967 году.

[3] Дочь Г. Г. Пермякова.

с бабусями-пенсионерами. Авось уймутся сами. Времени я потерял из-за них дней 15. Хорошо, что у меня крепкие некурящие и непьющие нервы, а другой бы стал нервничать. Теперь бабусям осталось только обращаться в «Нью-Йорк Таймс» или в ООН, а затем к Господу — Саваофу, а после него к Вельзевулу.

«Тропой женьшеня»[1] — это 35 рассказов и очерков об Арсеньеве, 98% новые материалы. Есть остросюжетные вещи, есть познавательные, есть лирические и семейные. Всего 14 листов[2]. Когда выйдет, непременно вышлю Вам. Отношение к ней в нашем издательстве самое положительное. На гонорар хочу совершить стенографическое турне Львов — Харьков — Иркутск — Абакан — Владивосток и в Сочи, чтобы навестить там мать, которую не видел 4 года. Обратно через пустыни юга и Алма-Ата в Новосибирск, откуда воздухом домой. Есть в этих городах уникальные люди, которые могут уйти никем не записанные. Львов нужен по католической линии для завершения «Чёрного креста» — антирелигиозной повести, а точнее, романа.

Доработал «Кто убийца?» — повесть об Уголовном розыске. Скоро она идёт в нашей молодёжной газете. Начал археологическую книгу «Клад шамана», «Тигровый камень», «Золотой мираж», «Чёрный перстень» (не знаю, какой заголовок лучше) о крупных древнекопных находках на Дальнем Востоке[3]. Это 80 рассказиков типа «Голубых звёзд», которые пишутся вместе с кандидатом историч[еских] наук Э. Шавкуновым, соратником академика А. П. Окладникова. Цель книги — внимание к археологии и косвенный удар по китайским территориальным притязаньям на Дальний Восток, ибо раскопки опровергают их вымыслы о том, что культуру ДВК[4] дали китайские племена. Работа очень интересная, есть много фотографий, черновых записей, вещей «ин натурэ», старинных монет, черепков и др. Хотим замахнуться на конкурс популяризации, объявленный «Знанием».

Когда-то в 1938—39—40 годах я встречал в Харбине, Мукдэне и Токио скромного немецкого журналиста Рихарда Зорге, гулял с ним по Харбину, играл в пин-понг, встречался в Международном клубе, на выставке картин Рериха и на берегу Сунгари. И вот он оказался героем. Купаясь в лучах его славы, я стал вынужденно ездить и давать свои воспоминания о нём. Тем более, что в 40-х годах, когда мы разбили Японию и когда я работал в Токио, приходилось часто бывать в тюрьме Сугамо, где держались главные военные преступники Японии. Там тюремщики, желая нам польстить, рассказывали разное о Зорге. Так как японский знал я один, то рассказы их запомнились особенно чётко. Сейчас я решил написать свои воспоминания о Рихарде Зорге в виде коротких рассказов. Набралось около 20 тем, листов на 5—6. Послал план-проспект в Детгиз 5 марта, но пока ответа от них нет. А сборник рассказов о Зорге я скоро сделаю. Антураж, он сам, окружавшие его люди, японская контрразведка, условия жизни в Маньчжоу-го и в Японии так мне въелись за долгие года, что пишется легко, быстро и, говорят, ярко. Если можно, я хотел бы спросить у Вас, Иван Антонович, совета: верно ли обратился с такими вещами в Детгиз?

---

[1] Пермяков Г. Тропой женьшеня. Рассказы и очерки о В. К. Арсеньеве. — Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1965.

[2] Количество авторских листов.

[3] Пермяков Г. Тигровый камень. Рассказы. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1974.

[4] Дальневосточный край.

Или, может быть, стоило бы их переадресовать в другое издательство? Не могли бы Вы мне ответить?

Вот все мои дела. Агитировал по городам за молодёжную газету, много записывал, много писал, дорабатывал и снова писал новое. Немного разделаюсь и вернусь к милой моему сердцу фантастике. По «Острову алмазов» было ещё несколько читатель-конференций. Отзывы хорошие, книга давно раскуплена. Тем не менее местная квази-критикесса А. Маслова лягнула меня мизинцем: любовь не доведена, характера Юрия нет. Хотя и школьники, и взрослые говорят, что Юрий для них пример — своей волей, устремлённостью, трудолюбием и преданностью науке.

Была у меня большая находка. Из жизни Арсеньева известно, что 1922 г. он плавал на Охотском море, и всё. Где, что, когда, зачем, почему, в какие поселенья заходил — неизвестно. И вот через 43 года нашёл я капитана, который возил его на шхуне в 1922 году по северу Охотья и больше двух месяцев. Материал уникальнейший (простите, что злоупотребляю этим словом). Записал 75 страниц машинки, но только треть. В план Магадана на 1966 включена моя повесть «Красный мамонт», срок сдачи рукописи — 1 сентября с[его] г[ода]. Вот, кажется, всё.

Возвращаюсь к Вашему последнему письму. Рад, что Вы побываете в Питере и Эстонии, я там тоже никогда не был. Согласен, что для настоящей работы в литературе надо иметь тишину, покой и уединение. Ясная Поляна — идеал писателя. Писательство, конечно, — подвиг. Ваше решение дать Руси занимательную научную книгу приветствую самым горячим образом. Но какова её тематика? Каков объём? Для кого пишете? А «Долгой зари» жаль. Рад, что Вы одобрили рецензию на «Остров алмазов». Основа была лучше, но редакция для страховки её немного подчернила. У нас ещё рецензент не имеет права сказать то, что он думает о вещи; его рукой всегда водит рука начальства. Причём подчас рецензент немного образованнее начальства. Окрик по «Острову» был организован, как я узнал только недавно, Группкой, о которой я Вам уже писал. Она вся базируется в Москве. Книга моя вышла в 1963, через 2 года уже можно издавать повторно. Киев, Минск, Львов, Кишинёв охотно берут такие вещи, как «Остров». Если бы Вы написали мне крохотный отзыв на «Остров», как бы легко было переиздать книгу. Хотя бы письмом. Если надо что-то исправить, я доработаю. За истёкшие 2 года набралось много новых данных по алмазам, у нас алмазы вот-вот будут найдены. Как бы всё это заиграло, если ими дополнить «Остров»! И, ей-богу, книга принесёт людям только знания и только пропаганду ученья и самосовершенствования. Я просил Вас об этом в прежних письмах, но, к сожалению, Вы, очевидно, по занятости корректурой «Лезвия» не смогли мне ответить. А ведь я имею многие десятки самых лестных и тёплых отзывов по «Острову» со всей Руси, и газета дала на неё хорошую рецензию.

Закончу морскими новостями. Во Владивостоке ел морских аршинных карасей: вкус карася, форма карася, но 70—90 см — не размер карася, ни единой косточки, по 15 коп[еек] кило. Ловят где-то на юге в океане. Когда погибло на Охотском море 4 СРТ, утонуло 99 человек. Было около 40 метров в секунду ветра, 24 мороза и туман. Волна как упадёт на СРТ, так «вся твоя» по морскому выражению, замерзая. Моряки ленились обкалываться, решившись на «авось». Один капитан применил силу, благо он имел фигуру и мощь Гирина, этим он

спас корабль, не вызвав бунта со стороны избитых. На следующий день Нептун смыл с носа одного судна человека и тем довёл цифру до 100 жертв. Владивосток расширился, похорошел, принеонился (при-неон-ился), отроллейбусился, о-12-этажился и модернизовался. Морской вокзал у него хорош. Там, видно, умное начальство сидит в Городской думе, я там был 18—27 марта с. г. В марте уже собирали подснежники, было 16 тепла, пьяные и фанатики купались, Золотой Рог в этом году не замерзал. Там масса тепла и яркого света.

На этом кончаю. Пожелаю вам, Иван Антонович, много лесного воздуха, прогулок в лесу, лучше сосновом; интересных бесед и осенений, умных встреч и раздумий в тишине, от которой больно ушам; отказа от Нико́ и всего самого лучшего. Летом хочу быть в Москве обязательно, если позволите, нанесу Вам визит учтивости и признательности.

Много Вам обязанный *Г. Пермяков*

П. С. Мой адрес: Хабаровск 3, Пермякову Г. Г. Больше ничего не надо. Надпись «Абонентный ящик, три» уводит письмо в какую-то закрытую организацию и задерживает доставку на 2—3 дня. Просто: «Хабаровск 3», и всё.

Г. П.

21 И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
29 апреля 1965 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Сердечное спасибо за поздравление и память. Я в этом году тоже проболел всю зиму и только что вернулся из санатория. «Атлантида» Ваша[1] — превосходная вещь, я не знаю в нашей литературе ничего подобного, да и в зарубежной с ней мало кто потягается. Кстати, не осталось ли у Вас экземпляра? Достать её в магазинах невозможно, а у меня просит её один учёный-геолог из Америки — её уже знают и там. Не собраться ли Вам с силами и не написать ли что-либо подобное в виде популярной сводки о древнейших культурах или об этрусках — словом, о загадках и легендах, о каких так мало у нас пишут? Будьте здоровы! С праздником!

Ваш неизменно,
И. Ефремов

22 Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
Апрель 1965 г.[2]

Уважаемый профессор Ефремов!

Спасибо за ваше милое письмо от 11.04.1965 г. Я Вам послал несколько номеров «Planète», надеюсь, что Вы получили.

---

[1] И. А. Ефремов имел в виду книгу Н. Ф. Жирова «Атлантида. Основные проблемы атлантологии», опубликованную в 1964 г.

[2] Месяц датируется по содержанию.

Louis Pauwels[1] и я очень хотели бы, чтобы «Dawn of Magic»[2] был переведён на русский язык, даже с переменами. Я с Вами согласен: и «Planète» и «Dawn of Magic» более или менее опасны и в то же время полезны.

Я теперь читаю Стругацких «В понедельник была суббота»[3]: в юмористической форме это та же самая идея.

Постараюсь поехать в СССР и Вас увидеть.

С уважением,
J.Bergier

Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23

Париж
1965 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов,
вот фотографии и текст о Marguerite Bordet.
Надеюсь, что получили мои документы про нуль-пространство и «Planète», 23.

Дружески,
Jacques Bergier

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 24

Москва
1 мая 1965 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Напоминаю, что Вы мне должны вырезку статьи о н/ф — теперь она мне нужна.

Пользуюсь случаем поздравить Вас с праздником и пожелать здоровья и исполнения мечты.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. З. ЗЕНОВУ 25

Москва
3 мая 1965 г.

Уважаемый товарищ Зенов!

Сердечное спасибо за поздравления с праздником и добрые пожелания.

Примите и от меня тоже добрые пожелания и передайте их Вашим ученикам, а также и при случае Владимиру Леонидовичу. Может быть соберусь написать ему сам, но пока никак не выбрать время — очень занят.

---

[1] Луи Повель, соавтор Жака Бержье.
[2] Английское издание «Утра магов».
[3] Так в тексте.

«Лезвие бритвы» дошлю Вам, когда выйдет второй выпуск тиража — первый растащили в мгновение ока.

Теперь обратимся к вопросу о Вашем походе. Он должен пройти как раз по интересующим меня местам распространения рудников в Уфимской губернии.

Эти рудники работались раньше Каргалинских, в 1760—1790 годах, часть позже, в период 1820—1850. В них были найдены интереснейшие находки древнейших зверообразных пресмыкающихся и земноводных, огромные скопления древесных стволов и раковины моллюсков.

Я был на этих рудниках в 1930 году, когда брал пробы с отвалов рудников и руководил их нанесением на карту, исследовать их было очень трудно, так как рудники (вернее, то, что от них осталось) заросли густейшим дубовым лесом. Мне удалось найти только несколько открытых шахт и карьеров. Я спускался в них — они стоят очень прочно, совершенно сухие.

Мне думается, что Вы с ребятами могли бы пройти по отвалам этих рудников и посмотреть, в каком виде они сейчас находятся. Если лес, росший на них 35 лет назад, вырублен, то теперь они гораздо более доступны для изучения и мои ученики смогут посетить их. Напишите мне, что Вы увидите — сделаете полезное дело, а если на отвалах найдёте какие-либо окаменелости, стволы окаменелых деревьев, стяжения медных минералов — пришлите в Палеонтологический институт Академии Наук (Москва В-71, Ленинский проспект 16), Чудинову Петру Константиновичу. Определения будут Вам сделаны.

Главное поле этих рудников находится между горочками Стерлибашево и Киргиз-Мияки, на сыртах около деревень Казанка, Старая Родионовка, Дмитриевское-Болгарино — в среднем по 400 отвалов у каждой. Дальше идут штольни и отвалы у деревни Кочегановой и большой рудный карьер у деревни Семашево.

Огромные отвалы есть у деревни Яшляр и у Каркалинского завода в деревне Камышлы, там же были открыты шахты на глубине 10 метров.

Где-то около Камышлов есть (вернее, был) Ужов хутор, там тоже есть рудный карьер, как у дер[евни] Семашкино. На Каркалинском заводе осталась большая куча рассыпавшейся в песок руды и такая же куча серного колчедана — пирита, почти тоже рассыпавшегося.

У дер[евни] Ново-Генераловки — опять большое поле отвалов и открытая штольня на верхе сырта. Оттуда близко дер[евни] Ключевка с одним из самых древних рудников — Ключевским, первые сведения о котором восходят к 1745 г. Там есть открытые шахты. Дальше по сырту идут отвалы у деревень Ново-Николаевка, Турган, Дурасова (тоже самый старый рудник — Дурасовский), Таняева и Федоровка — самая южная группа маленьких отвалов.

На 3-х верстной карте Европейской части Союза посёлок Камышлы находится в 2-х км на восток от Большой Каргалы. Дер[евня] Яшлар в 10 км на юго-юго-восток от Б. Каргалы. Посёлок Казанка на карте — Ильиновка, дер[евня] Алдарова (где тоже много отвалов) = Айдаралина. Дер[евня] Булгарино, иначе назыв[ается] Болгарова, на юго-юго восток от Дмитриевки и на запад от Ильиновки. Большие и Мал[ые] Каргалы вблизи села Уязы-Башево Киргиз-Миякинского района.

Желаю успеха и интересного путешествия.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 26

Москва
8 мая 1965 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Посылаю Вам наконец Авалоновскую «Кундалини»[1]. Фото мальчишки клянутся напечатать в течение месяца, таким образом, эти грехи понемногу исправляются.

Сердечное Вам спасибо от Таисы Иосифовны и меня за поздравление с праздником. Не откажите и сами принять от нас обоих поздравление с маем и с Днём Победы.

Относительно перевода книги о современной магии я устроился[2]. Её будут переводить с французского оригинала, а не с английского перевода, что, конечно, целесообразнее. Перевести её надо лишь частью, потому что наряду с очень интересными вещами там немало и несообразностей, иногда и прямой брехни.

Противоречие насчёт того, что нельзя давать иогу кому попало, и необходимостью распространения познаний разрешается диалектически: распространять познание среди тех, кто для этого годен, а не гордиться перед бесами и не метать жемчуг перед свиньями.

По моему впечатлению от Вас, Вы — человек очень хороший и потому легко впадаете в ошибку переоценки качества человека, встреченного Вами. Однако это в тысячу раз лучше, чем считать всех мерзавцами, хотя иногда и больно отражается на Вам самом (а в недавнее время было бы и просто опасно, а может быть, и будет…)

Я постараюсь найти Вам хорошую книгу для перевода, может быть, и не так скоро, но найду. Я совершенно согласен с Вами, что идеи иогизма скоро будут «неудержимым потоком», но поток будет закономерно мутным, как острая реакция на плоскостнейший утробный материализм, культивирующийся уже немало лет на святой Руси.

А где Вы вычитали у Купревича эту интереснейшую цитату?

Мне думается, что сопротивление будет жесточайшее, хотя бы на примере Лысенко — его надо судить как государственного преступника, а вчера перед Академией Наук в числе виднейших деятелей вывесили его огромнейший портрет! Тёмные силы сильны, а потому — будьте осторожны!

С приветом и искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 27

Москва
10 мая 1965 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Большое спасибо за «Атлантиду». Я её немедля отправлю американцу, а буде встречу у букиниста, то приобрету Вам в возмещение. Конечно, я с удовольствием посмотрю Вашу повесть, когда Вы её кончите. Я также очень

[1] Авалон А. Кундалини-йога.
[2] «Утро магов».

люблю Хаггарда, мало сказать — люблю. Его книги и книги Уэллса определили моё поведение в жизни.

Когда я стал читать по-английски, то с радостью открыл, что Сойкинские переводы[1], по которым известен у нас Хаггард, чрезвычайно плохи. На самом деле Хаггард — серьёзный писатель и большой художник. Если Вы хотите почитать его по-английски, то посылаю Вам на пробу «Кольцо царицы Савской». Получите удовольствие.

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

28 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
14 мая 1965 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам пока «Эллинский секрет» в готовом виде, а «Запрещенную планету»[2] мне ещё никак не могут вызволить от Дэвиса, поэтому пришлю её позже или привезу сам.

Мне вчера делали реплантацию зуба и совсем измордовали — разорвалась какая-то артерия, и три часа останавливали кровь и наложили швы. Вот так номер. Сегодня — слабость, но думаю, что кровопускание-то мне полезно. Вот такие приключения. Из-за зубов, наверное, приеду не раньше 20-го.

Посылаю Вам письмо переводчика «Запрещённой планеты» Колобановского — оно будет Вам забавным.

Пока всего доброго. Обнимаю Вас,
ваш *И. А. Ефремов*

P. S. Передал ли Вам Бритиков статью о н/ф? Он её, оказывается, потерял и только сейчас нашёл.

29 Л. Д. ЛОМАКИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Севастополь
15 мая 1965 г.

Дорогой Иван Антонович!

Третьего дня был в Коктебеле, видел старенькую хранительницу огня, сидящую на ступенях полуразрушенного храма.

Да, я имею в виду Марию Степановну.

За неимением визитной карточки воспользовался Вашим именем как рекомендацией, сославшись на то, что мы с Вами в хороших отношениях, и Вы сами меня познакомили б с Марией Степановной, если были б в Коктебеле.

Правда, мне было лет шесть, когда мать возила меня на поклонение к Волошину (мы жили тогда в Судаке). Но от этого посещения в памяти сохрани-

---

[1] Переведённые с других языков книги, выпущенные издательством П. П. Сойкина.

[2] «Forbidden Planet» — роман по мотивам одноимённого фантастического фильма (США, 1956), написанный Филиппом Макдональдом (под псевдонимом W. J. Stewart).

лась лишь Ел[ена] Оттобальдовна в широких штанах вроде гольфа. Женщины тогда в брюках не ходили, и это зрелище поразило мой слабый ум.

Сейчас же я упивался всем в доме Волошиных. Мария Степановна читала наизусть длиннейшие поэмы М. А., без устали рассказывала и водила по храму. Признаюсь, я по стариковской слабости даже прослезился. Он такой одинокий, этот полуразрушенный храм, и хранительница его такая в общем уже слабенькая, слепенькая и всё же трогательно-душевная и вся до краёв насыщенная своим умершим божеством.

В доме размещён обслуживающий персонал Дома творчества, гармонь, пьянки, крики, но в квартире М. А. по-прежнему умная тишина. Дом творчества не имеет почти никакого отношения к этой тишине. Ведь Литфонд жмёт сейчас на коммерцию. Дома творчества должны дать средства на содержание Литер[атурного] института, который, говорят, превратился чуть ли не в бордель. Поэтому с 17.V в Коктебеле будет 250 чел[овек], и в подавляющем большинстве своём не писателей. При мне было много колхозников, в одном жилом контейнере — напротив «творческих» вилл — играла гармонь до 2 ч[асов] ночи.

Марии Степановне всё это, конечно, грустно и тяжело. Я, кажется, был единственным литератором, который в этом году посетил её. Правда, навещает неписательская молодёжь.

Буду рад, если напишете мне. Как Ваше здоровье? Какие планы на лето? Не теряю надежды как-нибудь пробыть с Вами вместе где-нибудь под сенью струй.

В Севастополе я пробуду, наверное, числа до 20 июня. Жму руку. Сердечный привет милой Тасе.

Л.

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Корнелльский университет
17 мая 1965 года

Dear Professor Efremov:

Thank you for wishing me well on my knee operation. I am recuperating now and hope to be in the swing of things soon. A cartilage was removed. During one of my trips, while descending a sleep slope with a rucksack full of rocks, I slipped and lost control of my right foot. From now on I must be more careful.

I am looking forward to receive the interesting books you have sent me. Recently I have mailed you several of the geology laboratory manuals. The text is simply a guide and as we teach we make our own amendations. The manuals are geared to the Ithaca region primarily. There are manuals, however, that attempt to cover more ground. Such manuals are cumbersome, because they try to give too much, and become almost a text book. The lab assistants are free to make their own changes, as long as the student is subjected to the basic ideas. The material is directed for the undergraduates and therefore must be simple. Most of the students learning from such manuals are not geology majors, but take geology as an elective to fulfill their science requirements.

My mistake — S. Maugham is an Englishman. The mistake was unintentional.

I am still unable to acquire the cover of the Life magazine. Now, instead of looking in second hand book shops, I will write to the Life magazine directly.

I have found several books for you which indirectly deal with witchcraft. They may be not exactly what you want, but I think you will find them interesting: The Myth of the Magus; The Physical Phenomena of Spiritualism; The Mystical Qabalah; and Reincarnation — an Anthology. Also, "Fanny Hill". The paperbacks will come later.

Our library has purchased the Physiographic Atlas of the World, published by the Academy of Science, Moscow, 1964. It is a beautiful and informative Atlas. I have made arrangements with a book store in Washington, D.C. to buy it for myself. It is strange that in our day and age a good Atlas is still a rarity.

Yes, I would be very pleased if you could send me a textbook on Geomorphology. I may have to begin teaching this course in a year or two. At present I am taking a course in Glacial and Pleistocene Geology. The Finger Lakes Region has very beautiful examples of glaciation and before I transfer to Washington I am trying to see as much of this area as possible.

I have only three weeks left at the Cornell University. Would you please be so kind and send all your correspondence from now on to George Washington University, Department of Geology, Building C., Washington, D.C.

With all best wishes and regards,
Sincerely yours,
G. Rabchevsky

P. S.

If there are any books on history of geology, etc., and they are easily available, I would be interested in it. Such material, however, is difficult to get.

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю за заботу в связи с операцией моего коленного сустава. Я иду на поправку и надеюсь, что скоро буду в форме. У меня было смещение сустава. В одной из моих поездок во время крутого спуска с рюкзаком, полным горных пород, я поскользнулся, и правая нога перестала меня слушаться. С этого момента мне надо быть более аккуратным.

Я с удовольствием ожидаю получения тех интересных книг, что Вы мне послали. На днях я отправил Вам несколько руководств по геологическим лабораториям. Они представляют собой опорный текст, мы же в процессе обучения можем делать свои комментарии. Руководства в первую очередь ориентированы на область вокруг Итаки. Впрочем, есть и такие, где совершается попытка охватить больший материал. Но они очень громоздки, так как стараются дать слишком много информации и фактически становятся учебниками. Лабораторные ассистенты свободно могут вносить свои изменения, важно, чтобы студенты освоили основные идеи. Справочники направлены на студентов бакалавриата, вследствие чего должны быть несложными. Большинство студентов по этим материалам изучают геологию не как профилирующий предмет, а как факультативный, чтобы удовлетворить требование об освоении предмета естественнонаучного курса.

Моя ошибка — Сомерсет Моэм — англичанин. Непреднамеренная ошибка.

Я до сих пор не смог приобрести нужную обложку журнала «Лайф». Сейчас вместо того, чтобы искать по букинистическим магазинам, напишу напрямую в редакцию журнала.

Я нашёл несколько книг для Вас, которые косвенно связаны с чёрной магией. Возможно, это не совсем то, что Вы хотели, но, я думаю, они будут

Вам тоже интересны: «Легенда о колдуне»[1]; «Физические явления спиритуализма»[2]; «Мистическая Каббала»[3]; и «Реинкарнация» — антология. А также «Фанни Хилл»[4]. Книги в бумажном переплёте придут позже.

Наша библиотека приобрела Физиографический Атлас Мира, изданный в Москве в 1964 году Академией наук. Атлас прекрасен и информативен. Я договорился с книжным магазином в Вашингтоне, округ Колумбия, что приобрету такой для себя. Странно, что в наши дни и нашу эпоху хороший атлас всё ещё редкость.

Да, я буду очень признателен, если Вы пришлёте мне учебник по геоморфологии. Я планирую начать преподавание этого курса в ближайшие год-два. В настоящее время я веду курс по ледниковой и плейстоценовой геологии. В системе Фингер-лейкс есть очень красивые примеры континентального оледенения, и я, прежде чем перебраться в Вашингтон, постараюсь обследовать эту территорию как можно лучше.

В Корнелльском университете я остаюсь ещё всего три недели. Будьте любезны с этого времени пересылать всю корреспонденцию в Университет Джорджа Вашингтона, кафедра геологии, корпус «В», Вашингтон, округ Колумбия.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Дж. Рабчевский

P. S.

Если будут ещё какие-нибудь книги по истории геологии или близкие по тематике и их несложно достать, буду очень заинтересован. Однако подобные материалы сложно достать.

Перевела Анна Селкина

В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
17 мая 1965 г.[5]

Отклики на «Лезвие бритвы», в том числе статья Ж. Бержье в «Планете»[6].

Философское и литературное явление в СССР

Новый роман Ефремова

Вероятно, Иван Ефремов — самый читаемый и самый переводимый из советских авторов научной фантастики. Его рассказ «Алмазная труба» вдохновил геологов, открывших алмазы в Сибири. Его роман «Туманность Андромеды» переведён на 26 языков и издан в миллионах экземпляров. «Лезвие

[1] The Myth of the Magus (1948) E. M. Butler (Элайза Мариам Батлер).

[2] Physical Phenomena of Spiritualism: Fraudulent and genuine, being a brief account of the most important historical phenomena; a criticism of their evidential value, and a complete exposition of the methods employed in fraudulently reproducing the same. (1907) Hereward Carrington (Хиоуорд Каррингтон).

[3] The Mystical Qabalah (1935) Dion Fortune (Дион Форчун).

[4] «Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех» — эротический роман английского писателя Джона Клеланда.

[5] Датируется по штемпелю.

[6] Автор перевода статьи на русский язык неизвестен.

бритвы» — книга большого формата, объёмом более шестисот страниц. Автор представляет её как «экспериментальный роман приключений». Он настаивает на том, что всё в книге научно достоверно, за исключением научно-фантастических идей. По правде сказать, эти три исключения великолепны.

Автор считает, что возможно пробудить расовую память[1] и поднять на поверхность сознания сцены жизни, пережитые доисторическим человеком 40 000 лет назад. Он думает, что возможно развить в себе гипнотические возможности, позволяющие контролировать волю взрослого человека. Наконец, он описывает остатки прошлой, более развитой цивилизации: кристаллы, преобразующие солнечную энергию в неизвестную до сих пор форму энергии, воздействующую прямо на мозг. Во всём этом нет ничего невозможного: это фантастический реализм в том смысле, как мы употребляем его.

Название книги «Лезвие бритвы» имеет двойное значение. С одной стороны, жизнь и сознание находятся в постоянном равновесии. Несколькими молекулами сахара, соли или редких элементов будет больше или меньше в крови — и пламя угаснет. Лезвие бритвы символизирует это равновесие. С другой стороны, оно символизирует узкую тропку, по которой движется герой книги д-р Гирин сквозь опасные извилины сталинского общества в поисках истины. Этот серьёзный учёный-материалист обнаруживает, что можно лечить силой духа. Он открывает неведомые возможности гипнотизма и думает о создании института для изучения феномена «Распутина». Он открывает секреты расовой памяти и может вызвать воспоминания, спрятанные в генах и зарегистрированные нашими предками. Он входит в контакт с индийскими учёными и сквозь хатха-йогу и тантрическую магию приходит к главному выводу — важнее пространства является завоевание внутреннего мира. Он создаёт в Индии институт для обмена сумасшедшими мыслями, где смогут войти в контакт учёные — материалисты и идеалисты. Родится новая диалектика, и человек станет Богом, не ожидая помощи богов Древних или пришельцев из Великих Галактик, которые высадятся на Землю из своих металлических звездолётов.

Дорога Гирина будет тяжкой, но плодотворной. Изменится его личная жизнь. Его противники будут наносить ему тяжёлые удары: эти люди, которые в Средние века жгли колдунов, а при Сталине бросали честных людей в концлагеря, сохранили власть и в послесталинскую эпоху — они обладают возможностью обесчестить, сорвать нужное дело, испачкать и не лишают себя такой возможности. Но мир обширен, и в конце концов в Индии будет создана новая наука духа.

Фундаментальный труд

Таково содержание этого «экспериментального романа приключений». Автор сам критикует себя. Он считает, что потерпел неудачу в своей попытке и что книга перегружена научной информацией. «Современная литература не может ответить на поставленные вопросы, пренебрегая наукой и современным миром. Новый роман на Западе был полным провалом. Я попытался быть одновременно антропологом, демографом, генетиком, историком, психологом и социологом. В то же время я хотел написать динамический роман приключений в духе Хаггарда. Это мне не удалось сделать. Однако это эксперимен-

[1] Так в тексте. Очевидно, имеется в виду «родовая память».

тальное произведение является первым приближением к литературе будущего. И, будучи таковым, оно заслуживает внимания читателя».

Нам кажется, что Ефремов слишком скромен. Научная информация в книге — главное. Я скорей бы упрекнул его в недостаточности интриги. В частности, противниками героя являются или отупелые бюрократы, или иностранные шпионы третьей зоны. Мы далеки от великих тёмных персонажей «Трёх заложников» или «Утреннего лагеря» Джона Бачена, или «Вавилонского рва» Ремона Абелио. Маловато крупных приключений, и не все цепи событий связаны достаточно последовательно.

И всё же это — фундаментальное произведение, потребовавшее исключительного мужества. Кроме «двух лезвий бритв», о которых упоминает автор, есть и третье, по которому он с успехом идёт сам; это лезвие разделяет лженауки и поиски истины. Автор с блеском разоблачает различных шарлатанов от науки и активно борется за новый материализм, за диалог между йогой и физикой, между тантрической магией и психологией.

Эта книга указывает многие вехи на пути к будущему. К тому миру, где результаты античных традиций будут пересмотрены о позиций самой точной науки. К миру, где, как говорит доктор Гирин, в какое-то время «все мужчины станут богами, а женщины — колдуньями». К миру, где прошлое будет окончательно исследовано, все психические болезни вылечены, к миру, где, по словам Гирина, «покажут, что Жан Ростан ошибался, когда говорил о доминирующем зле и преходящем добре», к миру, где докажут, что последователи Фрейда лгут, сводя человека к низким инстинктам, к уровню животного. К миру, где любовь, жертва и сотрудничество победят. Мы с любопытством ждём реакцию советской публики на этот новый роман Ивана Ефремова.

Жак Бержье.
Журнал «Планета» (Париж), № 21 март-апрель 1965 г.

«Дорогой Иван Антонович, посылаю Вам отзыв двух наших читателей из ГДР — Фреда Биркнера и Дитера Гюлланда о Вашем романе «Лезвие бритвы». Крепко жму руку, Б. Ажаев».

Из письма Фреда Биркнера, секретаря районного Комитета СЕПГ, округа Росток, ГДР.

«Передо мной стоят тринадцать комплектов «Советской литературы». Все они зачитаны, потому, что, кроме моей семьи, ваш журнал читают всё больше друзей и знакомых.

...Но если коммунист, который вообще неохотно пишет письма, взялся всё же за перо, то, наверное, ему хочется сказать вам не только это. В первом номере за 1964 год вы напечатали отрывок из романа Ефремова «Лезвие бритвы». Нам, моей семье и товарищам по работе этот отрывок так понравился, что мы с нетерпением ждали, выйдет ли в 1964 году этот роман полностью в ГДР. Но этого не случилось. Мне хочется узнать, вышел ли он в Москве в немецком переводе. Может быть, вы можете сообщить мне это. Мы, читатели этого отрывка, считаем произведение Ефремова великолепным».

Из письма преподавателя Ганса Мартина (ГДР).

«...Опубликованные Вами отрывки из нового романа Ефремова «Лезвие бритвы» очень помогли мне в трудной для меня ситуации личного плана».

В. Дмитревский

32 Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
17 мая 1965 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов!

Спасибо за Ваше письмо от 16 мая. История с «Nautilus» не мнимая: я дал американцам идею «training» телепатов, они получили результаты, а потом всё засекретили и продолжают отвечать «no comment». Надеюсь, что они переменят мнение. Между прочим, я читал в русских газетах, что секретная организация военнопленных «Боевой союз бойцов», к которой я принадлежал в концлагере Mauthausen, уже не секретна, и архивы будут опубликованы! Всегда нужно иметь терпение.

Я могу Вам достать Meyring[1] по-французски. По-немецки труднее. Скоро опять напишу и постараюсь приехать.

С уважением,
J. Bergier

33 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

26 мая 1965 г.

Dear Professor Efremov,

I was a bit worried about not hearing from you — I hope you are rested and feeling much better. I realize from other correspondents that the post has slowed- up, and I'll bear it in mind. Thanks for the phone number — I should be in Moscow on or about July 27th, so I'll be in touch with you sometime during the next week.

I am glad you like the books I send you — sometimes I don't like them myself! — but I think they're important, so I send them. I look forward to seeing your library and seeing just how many SF classics you need. Have you read Simak's "City", for instance? A lovely, pastoral work, I think, and completely typical of his work.

"Sirius" I shall be sending in the next few days. I like this story a lot. I shall get the Pan books too. Even for Rider Haggard there's hope!

I'd be interested to know what you think of "Ancient Explorers". I sent it some weeks ago.

I now have 100 books to read before July. I have begun by reading SF novels by Tenrdyakov, Novikov, Vojskunsky. That leaves only 97.

Yours,
Alan Myers

Дорогой профессор Ефремов!

Я немного волновался, не получив от Вас ответа. Надеюсь, вы отдохнули и чувствуете себя лучше. По переписке с другими я узнал, что почта стала ходить медленнее, я буду иметь это в виду. Спасибо за телефонный номер —

[1] Возможно, ошибочное написание фамилии Густава Мейринка (Meyrink).

я должен быть в Москве 27 июля или около того, так что я свяжусь с Вами в течение следующей недели.

Я рад, что Вам нравятся книги, которые я присылаю, т.к. мне самому они иногда не нравятся! Но считаю их важными, поэтому и присылаю их. Жду — не дождусь увидеть Вашу библиотеку и понять, чего из классики научной фантастики Вам недостаёт. Вы читали, например, «Город» Саймака? Милая, пасторальная вещь, я считаю, и очень типичная для него работа.

Через несколько дней я пошлю Вам «Сириуса»[1]. Мне очень нравится эта история.

Раздобуду и книги издательства «Пан». Есть даже надежда отыскать книги Райдера Хаггарда!

Мне было бы интересно узнать, что Вы думаете о «Древних путешественниках»[2]? Я выслал эту книгу несколько недель назад.

Теперь у меня 100 книг, которые нужно прочитать к июлю. Я начал читать научно-фантастические романы Тендрякова, Новикова, Варшавского. Теперь остается только 97 штук.

Ваш *Алан Майерс*

Перевела Лариса Михайлова

Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

34

Париж
2 июня 1965 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов!

Спасибо за книги и репродукции Соколова. Доволен, что Вы получили Labisse.

Его адрес:
Félix Labisse[3]
2 Rue St James
Neuilly-sur-Seine
France

Он теперь в Рио-де-Жанейро, но вернётся в августе.

Получили ли Вы «Planète» № 23? Если пропал, так я пошлю другой номер.

С уважением,
Jacques Bergier

---

[1] «Сириус» («Sirius») — имя главного героя и название научно-фантастического романа английского писателя Олафа Стэплдона (1944).

[2] Вероятно, речь идёт о книге М. Кэри и Э. Х. Вармингтона (M. Cary, E.H. Warmington. «The ancient explorers», 1929).

[3] Феликс Лабисс.

35 Ф. ВАН ВАЙК МЕЙСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

15 июня 1965 г.

"HAMPTON HEAD"
SOUTHAMPTON BERMUDA
Professor I. A. Efremov
4 Gubkine Street
Flat 40
Moscow V-333
U.S.S.R.

Dear Professor:

I am shamefully late in acknowledging your nice letter of March 4th. As the philosopher says: "Better late than never". We have been very busy with entertaining house guests and travel, so I've let my correspondence slide.

I will take a look and see if I can't find you any of the Colonel North stories you mentioned, and also a copy of the SILVER LEOPARD, which is an accurate account of the first Crusade.

My favorite form of hunting is wing shooting, preferably over dogs, as it is done in this country. While I have shot a few moose, deer and wild boar, I don't extract too much pleasure out of it and would rather pull down a high-flying duck, pheasant or goose.

Trusting that all goes well with your writing.

I am as always, Your good friend,
F. VAN WYCK MASON

«Хэмптон Хед»
Саутгемптон, Бермудские Острова

Дорогой профессор!

К стыду своему только сейчас подтверждаю получение Вашего славного письма от 4 марта. Но, как говаривал философ, лучше поздно, чем никогда. Мы тут постоянно либо принимали гостей, либо сами путешествовали, поэтому я подзапустил переписку.

Поищу у себя те рассказы о полковнике Норте, что Вы упомянули, и ещё экземпляр «Серебряного леопарда»[1], где вполне достоверно излагается история первого крестового похода.

Охотиться я люблю на птиц влёт, лучше с собаками, как тут принято. Случалось иногда стрелять лосей, оленей и кабанов, но мне это особого удовольствия не доставляет, гораздо интереснее снять с крыла высоко летящую утку, фазана или гуся.

Надеюсь, пишется Вам хорошо.

Остаюсь Вашим добрым другом,
Ф. Ван Вайк Мейсон

Перевела Лариса Михайлова

[1] Роман автора письма «Серебряный леопард».

М. Р. САХНИ — И. А. ЕФРЕМОВУ

36

Лакхнау
1 июля 1965 г.

98 The Mall
Lucknow

Dear Professor Efremov,

I was so very sorry to learn from your letter that my letter sent with Dr. Baldev Singh did not reach you in time. It is a pity that the letter was not posted to you direct either from here or from Moscow, because had it been redirected even from Moscow to your holiday address you would have got it in time, as Mr. Singh was there for 14 days. I am really sorry, as I very much wanted you to meet him and to discuss your books with him. Not being a palaeontologist he would not follow the technical palaeontological works.

It would be nice if you write to him. His address is Dr. Baldev Singh, Council of Scientific and Industrial Research, Rafi Marg, New Delhi, India.

I am very anxious that an opportunity may be found for you to visit this country and give us the benefit of your learning.

There is a lot of work as President of the International Palaeontological Union and I am now not as strong as when we met in 1958. But one cannot complain!

With deep regards to Madame and yourself, in which Mr[s]. Sahni joins me.

Wishing you all the best.
Yours
M. R. Sahni

Уважаемый профессор Ефремов,

Я был очень огорчён, узнав от Вас, что моё письмо, отправленное с Балдевом Сингхом, не пришло к Вам вовремя. Жаль, что письмо не было отослано к Вам непосредственно ни отсюда, ни из Москвы, ведь если бы даже оно было переправлено из Москвы по Вашему загородному адресу, Вы получили бы его вовремя, поскольку господин Сингх был в Москве 14 дней. Я действительно очень сожалею, так как очень хотел, чтобы Вы с ним встретились и поговорили о Ваших книгах. Так как он не палеонтолог, он не в курсе Ваших палеонтологических изысканий.

Было бы хорошо, если бы Вы написали ему. Вот его адрес: Доктор Балдев Сингх, Совет по научным и промышленным исследованиям, Рафи Марг, Нью-Дели, Индия.

Я очень заинтересован в том, чтобы возможность Вашего приезда в Индию была найдена и Вы смогли бы поделиться с нами своими знаниями.

У меня очень много работы как у Президента Международного Палеонтологического Союза, и сейчас я не такой крепкий, как при нашей встрече в 1958 году. Но жаловаться не пристало!

К моим наилучшим пожеланиям Вашей жене и Вам присоединяется госпо[жа] Сахни.

Желаю Вам всего самого лучшего,
Ваш
М. Р. Сахни

Перевёл Андрей Константинов

37 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
6 июля 1965 г.

Dear Boris:

Glad to know at least your address because I missed you completely for a long time. In Leningrad to our misfortune we came apart for a few hours.

What is the matter with your liver? What have said the physicians? Maybe it is dangerous in the view of gall-bladder inflamation possibility? Tell me some more about it. It seems to me that you are right in the decision not to give up the seamanship in the meantime (of course under condition that your liver-complaint permits it). Good for you that you find your studying satisfactory but I continue the former apprehension about your future. From my point of view nearly all journalists are lackeys of the lower order. If not — they became forgotten people in small sities under the most ignorant bosses. Therefore I cannot understand what Petro means under the title "Paris" which is "worth the mess". Of course, education is education but where and what may be the harvest it is for me a dark horse.

So do you

But all such topics are for conversation in person. I shall stay in Moscow (at home) for nearly three months, till the end of September. Consequently you can contact me in August. By the way, my telephone number is AB-7-65-10 (AB — in Cyrillic). I shall try to call you sometime in July.

You have enchanted my friends in Leningrad. The whole evening was dedicated to remembrance what a good lad are you, so broad-minded and witty.

Gloria (now a humble Slavka) already has sent you a letter full of remorse. If she successfully leaps over the examination barrier she must be prized then by the trip to the Black Sea.

I am now busy with my paleontological book which seems to me an interesting one and much more a needed one. Of course it may became the Ivory Gate only but we shall see.

This year I am in no good health. I decide to give up my paleontological service as official post and became a free lance paleontologist and inevitably, the writer. The 1965 year is a good one for such a purpose. In November fullfilled the 40 years of my active scientific service in Academy of Sciences. It is enough even by Indian standards.

We all (Tasja, Slavka and Marafed (Racoon) and I) send you our best wishes and kindest regards. Write please as frequently as possible and be healthy.

Yours sincerely *I. Efremov*
I. A. Efremov

Дорогой Борис!

Рад наконец получить Ваш адрес, потому что совсем потерял Вас из вида. В Ленинграде мы, к сожалению, разминулись всего на несколько часов.

Что у Вас с печенью? Что говорят врачи? Не опасно ли это из-за возможности воспаления желчного пузыря? Расскажите поподробнее. Мне представляется, что Вы правы, решив не порывать пока с морем (конечно, если состояние печени позволит). Рад, что учёба приносит Вам удовлетворение, однако будущее Ваше меня по-прежнему тревожит. Почти все журналисты в моих

глазах — лакеи низкого пошиба. Либо прозябают в провинции под началом невежд. Потому я и не могу понять, что Петро имеет в виду, когда говорит, что «Париж стоит мессы»[1]. Само образование по себе, конечно, неплохо, но остаётся совсем неясным, какие и где оно сможет принести плоды.

И как Вы...[2]

Но всё это темы для разговора при встрече. Я пробуду в Москве (дома) ещё почти три месяца, до конца сентября. Поэтому Вы можете связаться со мной в августе. Кстати, номер моего телефона АВ-7-65-10 (АВ — кириллицей). Попробую сам позвонить когда-нибудь в июле.

Моих ленинградских друзей Вы просто очаровали. Весь вечер только и вспоминали, какой вы славный парень, с таким широким кругозором и остроумный в придачу.

Глория (а теперь просто Славка) уже направила Вам своё покаянное письмо. Если ей удастся чисто взять экзаменационный барьер — будет удостоена поездки к Чёрному морю.

Сейчас я всецело в своей палеонтологической книге[3], которая представляется мне интересной и, что важнее, нужной. Конечно, задумка может остаться несбыточной, но поживём — увидим.

Чувствую я себя в нынешнем году неважно. Решил оставить свою палеонтологическую службу в официальном качестве, сделавшись свободным палеонтологом и, в силу необходимости, писателем. 1965 год для этого — в самый раз. В ноябре исполняется 40 лет моей активной научной деятельности в Академии наук. Вполне достаточно по самым растяжимым меркам.

Все мы — Тася, Славка и Марафед (Енот) — шлём свои приветы и наилучшие пожелания. Пишите почаще и будьте здоровы.

Искренне Ваш
И. А. Ефремов

Перевела Лариса Михайлова

Ф. В. БАССИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

38

10 июля 1965 г.

Доктор медицинских наук профессор
Филипп Вениаминович БАССИН
Москва, проспект Мира, 76 А, кв. 7 *тел. И 1-58-74*

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Извините, что обращаюсь к Вам, не будучи с Вами лично знаком. Я только что прочитал «Лезвие бритвы» и не могу удержаться, чтобы не выразить Вам благодарность за огромное удовольствие, которое доставило мне чтение этой необычной, умной и яркой книги.

---

[1] «Paris is well worth a Mass» (фр. Paris vaut bien une messe, Париж стоит мессы) — слова Генриха IV, ставшего из предводителя протестантов католиком в 1593 году, без чего не мог сделаться королем Франции.

[2] Фраза не окончена.

[3] Имеется в виду авторский сборник И. А. Ефремова «Тайны прошлого в глубинах времён», выпущенный московским издательством «Знание» в 1968 году.

Я был месяц назад в Париже на конгрессе по психосоматической медицине и гипнозу и в некоторых докладах услышал мысли, немного похожие на Ваши. А припоминаете ли Вы старый роман Соловьёва «Великий Розенкрейцер»? Соловьёв заканчивает это сверхфантастическое произведение (в котором речь идёт о вещах, похожих на «поединок» Гирина и Дерагази) характерным и, по-видимому, очень интимно окрашенным замечанием (я цитирую по памяти, т.к. читал этот роман много лет назад): «А может быть, иной читатель поймёт, что во всём, что было сказано, надо видеть не только выдумку?» Удивительно, с какой назойливостью мы, оставаясь материалистами, рационалистами и т.д, возвращаемся к определённым идеям, казалось бы, на первый взгляд, совершенно иррациональным.

«Лезвие бритвы» — это, конечно, большой успех нашей литературы. И самое главное в том, что Вы чудесно показали, как можно в художественное произведение ввести научную философию, и притом не дедовскую, а остро современную, в которой — именно потому, что она современная — многое ещё спорно, ещё в движении, в которой порой ещё не разберёшь, где — мысль, а где — предчувствие.

Когда прочитываешь последнюю страницу Вашей книги, остаётся воспоминание о созданных Вами пленительных образах и не менее отчетливое о многих Ваших общих высказываниях. И, кроме того, — сожаление, что всё окончено. А что это — комплимент Вам высшего класса, разъяснять не требуется. Ещё раз — большое спасибо.

Ф. Бассин

39 Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Неаполь
12 июля 1965 г.

Многоуважаемый и дорогой Иван Антонович,

в первый раз я не виноват, что долго не писал — а Вы. Прилагаю письмо и открытку книжного магазина, в которых сообщено, что Вы неверно означили имя издательства книг, Вас интересующих. Жду письмо с верными данными.

Надеюсь, что я Вас чем-то не обидел, рассуждая о Вашем романе. Вы не ответили на моё письмо, а я Вас восхвалял, а не хулил?

Через 10—15 дней уеду на дачу в Тоскану. Мой адрес будет LONDA (Firenze).

Пока катаюсь на лодке и часто провожу целый день на море (у меня лодка небольшая, т[онн] 6,5[1], с каютой — но она «держит» прекрасно и «сердитое» море).

Как поживаете? Что пишете нового и интересного? Известите меня и о Вашем здоровье. Целую ручку Вашей супруге и шлю Вам сердечный привет.

Уважающий Вас
Л. Пачини

[1] Имеется в виду водоизмещение.

И. ПЛАХЕТКА — И. А. ЕФРЕМОВУ 40

Прага
19 июля 1965 г.

Уважаемый товарищ Ефремов!

Как Вам уже, наверно, известно, наше издательство намерено выпустить на чешском языке «Лезвие бритвы». Все Ваши книги выпускаются в Чехословакии большим тиражом, как одного из самых популярных авторов в области научной тематики. Мы уверены, что эту книгу примут читатели с таким же вниманием, как «Туманность Андромеды» или «Дорогу ветров».

Все предварительные рецензии на «Лезвие бритвы», хотя и положительны, согласны в том, что для полного успеха у нашего читателя нуждается Ваша книга в некоторых сокращениях, и именно: некоторые научные рассуждения, хотя они и имеют своё важное место в книге, замедляют серьёзно развитие сюжета и часто не составляют для чешского читателя нужного интереса — например: наш читатель не понимал бы вообще вопроса насчёт права художника рисовать натуру с натурщиц. Если в книге оставить, что советские художники рисуют натурщиц в трико, то это будет звучать странно, даже смешно. Также рассуждения об индийском искусстве занимают в книге слишком много места.

Мы не намерены ни в каких отношениях извращать смысл Вашего произведения, но просим Вас дать согласие к купюрам в назначенном направлении, так как мы твёрдо убеждены, что они будут способствовать успеху Вашей книги в Чехословакии.

Весьма нас интересует, над чем Вы теперь работаете. Мы будем Вам искренне благодарны за сообщение темы и названия Вашей новой книги.

С уважением и творческим приветом,
Иржи Плахетка
главный редактор из[дательст]ва «Свет совету»

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 41

Москва
21 июля 1965 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Вы задали мне непосильную задачу, которую я, при всей моей к Вам симпатии, не могу выполнить. Я ведь не веду никакого учёта своим изданиям за границей, равно как и отзывам критики. Всё это может быть установлено лишь визуально, путём пересмотра соответствующих папок и книжных полок, на что сейчас, в разгаре работы над книгой, совершенно нет времени. Кроме того, должен заметить, что я себя детским писателем никогда не считал и, по-моему, таковым не являюсь. Убеждён, что записывание меня в эту категорию — происки врагов или завистников, которым хочется сунуть меня в эту группу, чтобы ослабить мои позиции во взрослой литературе. Из того, что книги издавались ДЕТГИЗ'ом, некоторые критики обсуждали их в ряду детских, но это чисто ведомственная точка зрения, ничего общего с подлинным литературоведением не имеющая.

Большое Вам спасибо за книгу Буренина — на днях пошлю её Вам назад. Уже самое поверхностное с ней знакомство показало мне то, что я давно уже

подозревал: что уважаемый критик или сам не читал этих вещей и основывается на чьём-то прежде высказанном взгляде — скорее всего, знаменитого ханжи Писарева, или же, если всё же читал, то сам находится на его отсталом (для 1908 года) уровне.

Вся эта мнимая порнография до того наивна, безвкусна и не содержит решительно никаких сцен, образов или прочих описаний, что помещение этой книги в разряд порнографических годится разве для смолянок, и то лишь в наиболее ханжеские периоды учения сих благородных девиц. Ещё одно доказательство, как часто мы создаем призраки, полагаясь на ранее высказанные мнения — так и гуляет призрак порнографии по литературе 80-х годов с лёгкой руки Писарева и его наследника. Надо будет написать как-нибудь статью о призраках критической литературы.

А В. И. Дмитревского я предупредил — он уже приехал в Ленинград, и Вы позвоните ему А-7-12-68, чтобы он передал Вам отзыв из Франции.

С приветом и искренним уважением,
И. Ефремов

42 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

24 июля 1965 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO ILLINOIS
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

It was delightful to get your second letter, even before I had a chance to answer the first. I have been able to get hold of an old typewriter and so am answering, even if from the depths of Oklahoma. Actually I am living in luxury in the air conditioned home of one of my colleagues who is off on leave to study philosophy at Princeton for a year. So although the temperature ranges a little above 100 degrees, Fahrenheit that is, and the sun is hot during the day, when I get in at night it is delightful. I have been spending much time in the field and a couple of days a week in the collections at the University of Oklahoma, all on Permian of course. As I mentioned earlier, I am trying to get all of the early Permian of Oklahoma worked up so that there can be a good base to start from. It is at the present in an awful "mess" with poor descriptions, poor stratigraphy, lost collections, and so on. As a result of our work for the last three months it is about 80 percent in good shape. There are some unlabelled materials for which there can be no hope.

George, my son, has been working for the Oklahoma Geological Survey this summer, acting as my assistant. He will continue on for another month and then go to the university of Chicago for graduate work, taking courses designed to prepare him as a teacher in secondary schools, or perhaps college, in the earth sciences. I am naturally pleased. Remember, in 1959, when you sent him the very beautiful "jigger", or vodka measurer? Then you said, well he's too young, but he'll grow to use it. He has and he does. I am happy to say he is more moderate than his father was at his age. Anyhow, at the end of the summer I will be in a position to do a report on the vertebrates of Oklahoma. We have visited all old localities, finding most

of them, and getting good collections, for the most part better than those that were gathered before.

I have in particular been interested in the Hennessey formation as a possible source of some of the San Angelo-Flower Pot faunas. It's been a hard go, but we have now a quarry with a lot of small things in it. They may help. This is the formation from which Cotylorhynchus romeri comes.

Romer has finally finished his description of C. romeri so now I believe that I can go ahead with my caseid monograph in a hurry. Thus I think it will probably be best to include the Ennatosaurus report with the others in this monograph. The delay will not be as long as I had feared.

So much for me and my goings on. I was quite surprised to hear your decision with regard to the Paleontological institute, I certainly sympathize with your position and your action, for it is just no good at all when such things develop. I am extremely sorry that the plans for Pinega "fell through". I had sort of the feeling that Peter was, as we would say, on Orlov's list, but not the promotion list. Peter is a grand fellow and he should not be set down this way. Like all of us he has his weak points and his strong ones, but he does turn out good work. I expect that these matters are complex and that as an outsider I cannot understand them completely. Whatever happens I am sure that you will continue to contribute to Paleontology. I have recently agreed to do a book on Vertebrate Paleozoology for Wiley and Sons. This will be at a fairly high level and be essentially a synthesis of work I give in some four courses.

When I get back to Chicago I will go back and finish your novel. I have greatly enjoyed it as far as I have gone, about half way through. My Russian is again slipping. I heard a lot on TV today and am now at the stage that I have no trouble as long as the person speaking speaks "American Russian" but when a native starts going he loses me. Oh well.

I did send off some books a while back. Perhaps they are there by now. Nothing much, I finally did find Fanny Hill, but I see you have it already. The nude photograph book enclosed was one I thought was quite good. Knowing what you probably do about Chicago you may find it strange, but that town of many vices has about the tightest censorship on "dirty" books, which includes art photography, Fanny Hill, Candy, and the rest. Thus I only find these when I am out of town. I will keep an eye out for the others that you have mentioned. If not before, I am sure that I can find them when I go to Washington early this fall. That town is just the opposite of Chicago. You should have heard the furor in Chicago when "Another Country", a violent book by our outstanding negro author of fiction was on the reading list in junior college. I don't like the book, but it certainly is an example of a type of literature.

Well, best of luck to you in your new ventures. I would love to get over to see you all again sometime but at present I have no prospects. With all the turmoil and fuss and every one busy at everyone else's business and me as usual taking on too many jobs, who knows. I hope your health is good, both the physical problems and those of "convenience". I am fine, hale hardy and good for eight hours of quarrying and bone digging. Please give my very best to your charming wife and to Peter and his wife when you see them. I hold you all in very fond regard.

With my very best wishes,
your friend as always,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Чикаго, Иллинойс
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Был страшно рад получить от Вас второе письмо, когда я даже не успел ещё ответить на первое. Я тут раздобыл какую-то пишущую машинку и теперь отвечаю печатным словом из оклахомской глубинки. Собственно, я тут разместился в роскоши дома с кондиционером одного из моих коллег, который отправился на год в Принстон изучать философию. Поэтому, хотя средняя температура тут днём держится стабильно выше 100 градусов по Фаренгейту[1], когда я вечером возвращаюсь после работы — это сущее наслаждение. Большую часть времени я провожу на раскопках, а два дня в неделю — в коллекции пермского периода Университета Оклахомы. Как я уже упоминал, я сейчас стараюсь привести в порядок все данные по ранней перми в Оклахоме, чтобы начать с проверенного массива. Пока тут много путаницы из-за неполноты описаний, плохого стратиграфического определения, утраты коллекций и т. д. В результате трёх месяцев нашей работы около 80% коллекции обрело пристойный вид. Осталась какая-то часть немаркированного материала, который потерян для науки.

Мой сын Джордж проработал всё лето на Геологическую службу Оклахомы, ассистентом у меня. Ему осталось ещё доработать месяц, после чего он вернётся в Чикагский университет, чтобы завершить образование на магистерском уровне: будет брать те курсы по наукам о Земле, которые потом позволят ему преподавать в средней школе или колледже. Я, конечно, доволен. Помните, в 1959 году Вы прислали ему очень симпатичную мензурку для водки? И сказали, что он пока, конечно, мал, но дорастёт. И вот теперь дорос и применяет по назначению. С радостью могу отметить, что он делает это куда умереннее, чем отец в его возрасте. Как бы то ни было, к концу лета я смогу уже сделать отчёт по позвоночным Оклахомы. Мы посетили все старые местонахождения, обнаружив большинство, и собрали хорошие коллекции, чаще даже лучше по качеству, чем собранные ранее.

Меня особенно интересовала формация Хеннеси как возможный источник фауны Сан-Анджело — Флауэрпот. Продвигаться было нелегко, но мы раскрыли карьер с большим количеством мелких окаменелостей. Это может помочь. Именно в этой формации был обнаружен Cotylorhynchus romeri[2].

Ромер наконец завершил описание этого котилоринха, поэтому теперь он может обратиться к моей монографии по казеидам. Поэтому я считаю, что, вероятно, лучше будет включить в неё и отчёт об эннатозавре. Это займёт не так много времени, как я боялся.

Вкратце обо мне всё. Я был весьма удивлён Вашему решению относительно Палеонтологического института, хотя, несомненно, сочувствую Вашему положению и действиям, ведь когда события развиваются подобным образом, это совсем погано. Очень жаль, что планы с экспедицией на Пине-

---

[1] Около 38 градусов по шкале Цельсия.

[2] Котилоринх Ромера — одна из крупнейших разновидностей семейства казеид, достигавшая трёх метров в длину.

гу «провалились». У меня было чувство, что Питер у Орлова, так сказать, на примете, но вовсе не для повышения. Питер — замечательный человек, и его вовсе не стоило бы так осаживать. Как и у всех нас, у него есть свои сильные и слабые стороны, но он выдаёт хорошие результаты. Конечно, со стороны трудно разобраться во всех тонкостях взаимоотношений. Но что бы ни случилось, я убеждён, что вы продолжите вносить свой вклад в палеонтологию. Я недавно согласился написать книгу о палеозоологии позвоночных для издательства «Уайли энд санз». Она будет для эрудированного читателя и выступит синтезом четырёх читаемых мною курсов.

По возвращении в Чикаго я обязательно завершу чтение Вашего романа. Я читал его с большим удовольствием и добрался почти до половины. Русский мой снова слабеет. Сегодня долго смотрел телевизор и заметил, что пока говорят на «американском русском», я понимаю без труда, но стоит заговорить самим русским — я быстро теряю нить. Ну, что поделаешь.

Я отослал Вам ещё книг некоторое время назад. Вероятно, они уже дошли. Ничего особенного, я наконец отыскал «Фанни Хилл», но, как я понимаю, у Вас уже есть экземпляр. Фотоальбом обнажённой натуры, который я послал, весьма хорош. Как ни странно, несмотря на свою славу «города множества пороков», что Вам, вероятно, известно, Чикаго применяет едва ли не самые строгие правила запрета на «непристойные» книги, куда попадает и художественная фотография, «Фанни Хилл», «Кэнди»[1] и проч. Поэтому я могу раздобыть подобное, только выбираясь из города. Я буду иметь в виду и другие, о которых Вы упоминали. Если не раньше, то я почти наверняка смогу их обрести в Вашингтоне, куда я поеду в начале осени. Этот город — полная противоположность Чикаго. Вы бы слышали, что творилось в Чикаго, когда в список изучаемой литературы на первом курсе колледжа включили «Другую страну»[2], полную ярости книгу нашего выдающегося негритянского писателя. Мне книга не понравилась, но она, несомненно, пример такого типа литературы.

Что ж, удачи во всех Ваших новых предприятиях. Мне бы хотелось приехать и повидать вас всех, но пока планы не складываются. Тут много суеты и людей, сующих нос не в своё дело, а я, как всегда, берусь сразу за слишком много дел, поэтому — кто знает. Надеюсь, у Вас всё в порядке как с физическим здоровьем, так и с материальным достатком. Я здоров как кремень, могу без отрыва восемь часов копать кости в карьере. Прошу передать мои наилучшие пожелания Вашей милой жене и Питеру с женой, когда их увидите.

Как всегда, Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] «Кэнди» — роман английских авторов Терри Сазерна и Мейзона Хоффенберга (Candy, 1958), написанный ими как женский вариант вольтеровского «Кандида» в современном мире. Насыщен эротическими приключениями.

[2] «Другая страна» (James Baldwyn. Another Country, 1962) — создававшийся на протяжении пятнадцати лет в Париже, Нью-Йорке и Стамбуле роман афро-американского писателя Джеймса Болдуина о жизни в Гринвич-виллидж Нью-Йорка, вызвавших острую полемику освещением тем межрасовой и бисексуальной любви.

43 БАЛДЕВ СИНГХ — И. А. ЕФРЕМОВУ

27 июля 1965 г.

C.S.I.R.
Rafi Marg, New Delhi-1

Dear Prof. Efremov,

I am very glad to receive your letter of July 17, 1965. I was indeed very sorry that it was not possible for me to meet you because you were away in Leningrad. I am sorry that I could not inform you in advance of my programme in Moscow and thus missed the opportunity of seeing you. I am indeed very happy to learn that you are so good to send me two of your publications. Unfortunately in India we do not yet have a tradition of science fiction although it is true that a lot of science fiction occurs in our own mythological writings.

Prof. Sahni is there these days and I will show your letter to him. I am sure he will be very happy to learn that you are well and engaging yourself with writing.

Wishing you the best of health and luck in doing your wonderful work on science fiction.

I remain with my best wishes,
Yours sincerely,
Baldev Singh

С.Н.П.И.С.[1]
Рафи Марг, Нью-Дели-1

Уважаемый профессор Ефремов!

Я был очень рад получить Ваше письмо от 17 июля 1965 г. Мне на самом деле было очень жаль, что не вышло встретиться с Вами, так как Вы были в Ленинграде. Простите, что не смог проинформировать Вас заранее о своей программе в Москве, из-за чего упустил возможность увидеться с Вами. Очень рад узнать, что Вы были столь любезны, что послали мне две Ваши книги. К сожалению, в Индии всё ещё нет традиции своей научной фантастики, хотя действительно очень много фантастического в нашей мифологии.

Профессор Сахни сейчас здесь, и я покажу ему Ваше письмо. Уверен, что он будет очень рад узнать, что у Вас всё хорошо и Вы заняты писательским трудом.

Желаю Вам крепкого здоровья и удачи в Вашей замечательной работе в области научной фантастики.

Желаю Вам всего самого лучшего,
с уважением,
Балдев Сингх

Перевёл Андрей Константинов

---

[1] Совет по научным и промышленным исследованиям (C.S.I.R.) — крупнейшая в Индии государственная организация по проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Основана в 1956 году.

И. А. ЕФРЕМОВ — И. ПЛАХЕТКЕ 44

Москва
27 июля 1965 г.

Издательству «Свет Совету»
Главному Редактору Иржи ПЛАХЕТКА

Уважаемый товарищ Плахетка!

Мне пока ничего не было известно о намерении Вашего издательства выпустить перевод моего романа «Лезвие бритвы». Благодарю Вас за это сообщение.

Однако я категорически возражаю против каких бы то ни было сокращений романа «Лезвие бритвы». Всё, что мною вложено в эту книгу, вложено по серьёзным соображениям, разъяснение которых здесь и неуместно, и длинно. Нарушение внутреннего баланса книги недопустимо по любым соображениям. Ваши соображения, изложенные в письме от 19 июля, я не принимаю, потому что, если выбрасывать из книг всё, что, по мнению издателей, может оказаться непонятным читателям той или другой страны, то можно зайти очень далеко.

Что касается места, отведённого мною индийскому искусству, то это тоже не случайно и не может быть попросту элиминировано, не нарушая смысла всего повествования. К тому же я и в этом не вижу необходимости. Если Вы считаете книгу слишком сложной для чешского читателя, то лучше воздержаться от её издания, чем адаптировать. Если же книга слишком объёмиста для экономической выгодности, то, вероятно, лучше Вам поступить так, как в своё время сделали с моей «Дорогой ветров» (к сожалению, не предупредив меня об этом, из-за чего ввели меня в напрасный расход на фотографии) — то есть издали лишь первую часть, без второй. Можно издать отдельно часть вторую или совместно части I-ю и IV-ю, отдельно III-ю, с условием, что издательство оговорит это в предисловии.

В настоящий момент я работаю над научно-популярной книгой по палеонтологии, посвящённой развитию наземных позвоночных на общем фоне истории Земли и становлению мыслящего существа — человека. Планирую её закончить в конце текущего года. Название: «Ключ Будущего», объём около 15 печ[атных] лист[ов].

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 45

Хэрроу, Мидлсекс
8 августа 1965 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your letter of July 5th and for a beautiful book which came soon after the letter. I am very sorry that I have been so long in answering and thanking you for the book. The reason is that we are moving shortly from this house to a flat in Godalming and I have been very busy writing business letters and so on. I think I told you that my husband decided to give up his research work now and the move is planed partly to give him a change of scene and a new interest in life.

Godalming is a small town in Surrey and our flat is the upper floor (only 2 floors) in a late 19th century house. It has one large sitting room, another good sized room which will be a bedroom and study for Prof. Watson, two others bedrooms and kitchen and bathroom. It has a pleasant outlook to the South Downs and we are very pleased to have found it.

The address is:
2 The Knoll
Knoll RD
Godalming
SURREY

We hope to move in about a months time and I will send you a card giving the date and change of address when we know definitely.

Now for some points in your interesting letter. "The core of the problem is the correlation 5% "uncommon men" — 95% "common men" — and later, your remark about "false news in — magazine, movies, TV etc." I cannot see how a sense of reality and of basic values can even be restored. The young grow up in a world where the big money goes to "pop" singers, comedians — whose humour, on the rare occasions when I hear it, is utter incomprehensible to me or just silly and vulgar.

Some "uncommon men" do undoubtedly want to make the common men happy in the best sense but the members of those who can find common ground seem to be so small.

I wish you would go back to your point that "unlimited love for the fellow men ruined Christianity". I think you are right but then again, Christians so soon started not to love one another! Roman Catholics v. Protestants, both v. Dissenters and the Orthodox churches.

I must not go on because it is time to go and prepare supper. But I want to tell you that I am giving most of the books you have so kindly sent to a new International Student House in London. We shall have very little room in the flat and shall see even fewer people than we do here and it seems to me wrong for those books not to be seen. This House caters for students of all nationalities and is just building up its Library so your books will be read by many people and I am sure that they will be appreciated. I am just keeping a few myself — the beautiful sculptures of КОНЕНКОВ for one and I hope that you will think of those students — all races and all colours — enjoying the others.

My husband has just asked me to send you his regards and I send my warm greetings to you and your wife.

Yours very sincerely
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо Вам за Ваше письмо от 5 июля и прекрасные книги, которые пришли вскоре после письма. Извините меня, что я не смогла сразу же Вас поблагодарить. Причина в том, что мы скоро переезжаем из дома на квартиру в Годалминге, и я была очень занята написанием деловых писем и т. п. Думаю, я уже говорила, что мой муж окончательно отказался от научно-исследовательской работы, и переезд планируется отчасти для того, чтобы обеспечить ему перемену обстановки и новый интерес к жизни.

Годалминг — это небольшой город в Суррее, наша квартира расположена на верхнем этаже (этажей только два) дома конца XIX века. В ней есть большая гостиная, другая приличных размеров комната будет служить спальней и кабинетом для профессора Уотсона, есть ещё две спальни, кухня и ванная. Из квартиры открывается приятный вид на Саут Даунс. Мы очень довольны тем, что нашли её.

Адрес:
2 Knoll
Knoll RD
Godalming
SURREY

Мы надеемся переехать в течение месяца, и, когда определимся, я вышлю Вам открытку с указанием даты смены адреса.

Теперь о некоторых моментах в Вашем интересном письме. «Существом проблемы является соотношение 5% “выдающихся людей” — 95% “обычных людей” и, далее, Ваше замечание о «лживых новостях — в журналах, кино, на телевидении и т. д.» Я не вижу, каким образом могут быть восстановлены чувство реальности и базовые ценности. Молодёжь растёт в мире, где большие деньги достаются поп-певцам, комедиантам — чьи шутки в тех редких случаях, когда я слышу их, мне совершенно непонятны или кажутся просто глупыми и вульгарными.

Некоторые «выдающиеся люди», несомненно, хотели бы, чтобы люди обычные были счастливы в лучшем смысле этого слова, но как же мало число тех, кто способен найти общий язык.

Я хочу вернуть Вас к Вашему замечанию, что «неограниченная любовь к ближнему разрушила христианство». Я думаю, что Вы правы, но, опять же, как скоро христиане начали не любить друг друга! Католики против протестантов, те и другие — против диссентеров[1] и православных.

Пора уже идти готовить ужин. Но хочу ещё сообщить, что я отправляю большую часть книг, так любезно присланных Вами, в новый Международный дом студентов[2] в Лондоне. В новой квартире у нас будет очень мало места, станет приходить ещё меньше гостей, чем теперь, а мне кажется неправильным, что книг никто не увидит. Новый хостел обслуживает студентов всех национальностей и как раз формирует библиотеку, поэтому у Ваших книг будет много читателей, и, я уверена, их оценят по достоинству. Я сохраню себе лишь несколько: прекрасный альбом о скульптурах Конёнкова, например, и, надеюсь, что мысль о студентах — всех рас и цветов — с удовольствием читающих остальные издания, Вас согреет.

Мой муж только что попросил, чтобы я передала Вам привет, и я шлю тёплые приветствия Вам и Вашей жене.

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

---

[1] *Диссентеры* — протестанты, отколовшиеся от англиканской церкви в XVI—XIX вв.

[2] Международный дом студентов — хостел для молодёжи в центре Лондона.

46 И. ПЛАХЕТКА — И. А. ЕФРЕМОВУ

Прага
11 августа 1965 г.

Уважаемый товарищ Ефремов,

Ваше письмо огорчило нас — по-видимому — ещё более серьёзно, чем наши искрение предложения — Вас. Мы тщательно изучили доводы, которые Вы приводите в защиту своих соображений — и уважая их — решили совсем не издавать «Лезвие бритвы» в полном, не сокращённом виде. Мы остаёмся убеждены в том, что все купюры, которые мы Вам предлагали, неизбежны в контексте со всей издаваемой у нас литературой и шли исключительно в пользу книги и автора. Вам, вероятно, известно, что целый ряд книг советских авторов выходит в Чехословакии (но не только в Чехословакии) с некоторыми изменениями с согласия авторов, также как книги чешских писателей редактируются в Советском Союзе (и не только в Советском Союзе) в зависимости от культурной обстановки и читательских литературных традиций. Например — моя собственная книга вышла в СССР без двух глав, и я считаю, что это было вполне правильно.

А то, что реально существуют разницы в контексте литературы и жизненной практики у разных народов — это, согласитесь — бесспорно. Как наглядный пример ещё раз повторяю: если оставить в Вашей книге рассуждения о том, может ли скульптор работать с голой натурщицей или надевать на неё трико, то это нашему читателю покажется весьма странным, так как он не поймёт необходимости бороться за такую очевидность как за серьёзную моральную проблему, тем более на страницах по существу приключенческой книги.

Текст Вашей книги вообще не сложен, но, так сказать, неэкономный, некоторые бесспорно правдивые положения повторяются бесполезно часто, почти дословно.

Нам не хочется прощаться с книгой, которая нам кажется интересной, в которую вложено много труда и перевод которой нами уже оплачен. Но, как в каждом деле, и в издательском бывают промахи и неудачи, которых не надо жалеть, рассчитывая на них как на неизбежность.

Хотим надеяться, что со следующей Вашей книгой будет всё благополучно.

С искренним уважением,
Иржи Плахетка
главный редактор
из[дательст]ва «Свет совету»

47 Д. М. ДАЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

Плевен
11 августа 1965 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Большое Вам спасибо за внимание и прежде всего — за помощь — она пришла так своевременно, как руку самого искреннего друга! Тему моей работы определили так: «Биостратиграфия и палеогеография палеоцена около г. Плевни

[1] Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

и граница мел — палеоген». Но я воспротивился, так как такую тему не под силу разрешить за три года даже отличному палеогеографу. И теперь работаю над темой: «Биостратиграфия палеоцена около г. Плевни и граница мел-палеоген».

Но я воспротивился, так как такую тему не под силы разрешить за три года даже опытный палеогеограф. И теперь работаю над темой «Биостратиграфия палеоцена около г. Плевни». Собираю фосилы, образцы на гранулометрический анализ и т. п. и ожидаю конкретные указания проф. Маркова из Моск. Университета.

Прошу извинить меня за задержку ответа, но прямо скажу Вам — я хотел найти купить себе Вашу книгу «Лезвие бритвы» и потом — писать Вам. Но к моему большому сожалению, во всех пять городов Болгарии (включая г. София) мне отвечали, что сразу после её получения из Сов. Союза её немедленно «разграбляли» (так говорят у нас в Болгарии). А в последний раз получили её в апреле нынешнего года, точно тогда, когда я был командирован в горы Стара Планина. Но я надеюсь, вернувшись в Софии, найти эту книгу в библиотеку Болгаро-Советского общества. А Вашу книгу «Сердце змеи» (которую я успел купить себе) теперь тоже никто не мог найти купить здесь, в Болгарии! Очевидно, у нас не так мало число людей, любящих подобных книг и конкретно — любящих специфичное чувство этих книг…

«Литологию» Пустовалова и Вашу «Тафономия и геологическая летопись» я действительно не нашёл, но надеюсь всё-таки найти их во что бы то ни стало — в Государственной библиотеке им. братьев Кирилл и Мефодий есть все научные издания Советского Союза. А «Основы теории литогенеза»[1] нашёл, нашёл и «Биостратиграфию» Д. Степанова. Надеюсь сдать успешно экзамен канд. минимума.

Дорогой Иван Антонович (я очень прошу извинить меня за то, что позволил себе обратиться к Вам таким образом, но Вы действительно мне дорогой и близкий к сердцу; а также — извинить меня за всю досадность моего письма!), я считаю себя обязанным Вам и поэтому, если Вы интересуетесь какими-нибудь проблемами болгарской геологии или чем-нибудь другое из нашей жизни, пишите мне — я постараюсь всячески помочь Вам. А кроме того — если когда-нибудь Ваши возможности позволят приехать к нам увидеть нашу красивую Родину, очень прошу Вас удостоить меня предварительным письмом.

Искренне уважающий Вас —
Детелин М. Дачев

БАЛДЕВ СИНГХ — И. А. ЕФРЕМОВУ

48

19 августа 1965 г.

C.S.I.R.
Rafi Marg, New Delhi-1

Dear Prof. Efremov,

I hope by this time you might have received my previous letter. Through your kindness and courtesy I have received 4 books — two of them pertaining to science

[1] Страхов Н. М. Основы теории литогенеза. Том 1. Типы литогенеза и их размещение на поверхности Земли. Москва, Издательство АН СССР, 1960.

fiction and the other two picture books, one of Leningrad and the other of paintings by Russian artists. Unfortunately, there is some mix up. The books on science fiction are in Russian. Much as I would like to learn the language, I am afraid it would not be possible at this stage of my life and will not be able to read the books. I wonder if I could take the liberty of requesting you if you could post to me the English editions of your books.

Prof. Sahney was here recently and he is in much better health now.

In case you may like to get some books from India, I will be very happy to send you the same.

With my very cordial regards,
Yours sincerely,
Baldev Singh

С.Н.П.И.С.
Рафи Марг, Нью-Дели-1

Уважаемый профессор Ефремов!

Надеюсь, что к настоящему времени Вы уже получили моё предыдущее письмо. Благодаря Вашей доброте и учтивости я получил 4 книги — две научно-фантастические и два альбома — с видами Ленинграда и с картинами русских художников. К сожалению, произошла некоторая путаница. Книги по научной фантастике оказались на русском языке. Как бы сильно я ни хотел выучить язык, боюсь, пока не смогу посвятить этому время и не смогу прочитать эти книги. Осмелюсь попросить Вас, если это возможно, прислать мне английские издания Ваших книг.

Профессор Сахни недавно был здесь, он теперь гораздо лучше себя чувствует.

Если Вам нужны какие-то книги из Индии, я буду очень рад послать их Вам.

С самыми тёплыми пожеланиями,
искренне Ваш
Балдев Сингх

Перевёл Андрей Константинов

49 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

Вашингтон
23 августа 1965 г.

G. Washington U.
Geology Dept.

Dear Prof. Efremov:

This is part of the country I am working in. It is very scenic and geology is interesting. It is good to be in the field again. I completed the lab manual and now can devote some time to real geology.

Yours,
G. Rabchevsky

[1] Открытка.

Университет Джорджа Вашингтона,
Геологический факультет

Дорогой профессор Ефремов!

Я работаю в такой местности. Она весьма живописна, с интересной геологией. Замечательно снова выбраться в поле. Я доделал руководство по лабораторным работам и теперь могу посвятить некоторое время настоящей геологии.

Ваш *Дж. Рабчевский*

Перевела Лариса Михайлова

Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ

Токио
25 августа 1965 г.

Уважаемый Иван Антонович!

С благодарностью получил Ваше письмо. Ваш интересный роман «Лезвие бритвы» я перевёл полностью из журнала «Нева» в первой половине прошлого года, но, к сожалению, по просьбе со стороны нашего издательства, которое хотело, чтобы книга сделалась не очень объёмистой, вынужден был согласиться опубликовать его в значительно сокращённом виде.

Как Вы можете угадать по иллюстрациям к моему переводу, которые мы взяли непосредственно из номеров журнала «Нева», где был помещен Ваш роман, из Вашего романа в мой опубликованный перевод вошло только приключение Ивана Гирина в Москве (т. е. вся первая часть и три первых главы четвёртой части Вашего романа). Это по объёму немного больше той части романа, которую Вы опубликовали в журнале «Советская литература» на английском языке.

У меня нет отдельной книги «Лезвие бритвы». Очень хочу читать Ваш роман в полном виде. Был бы очень рад, если бы Вы мне послали его с автографом.

Ваше имя у нас в Японии довольно широко известно среди любителей научной фантастики. У нас уже были переведены из Ваших произведений следующие: «Туманность Андромеды», «Сердце Змеи», статья «Наука и научная фантастика». Кроме того, один из моих товарищей теперь переводит Вашу книгу «Дорога ветров». Сам я жду с нетерпением Вашу новую повесть «Долгая заря», о которой упомянуто в книге «Через горы времени» Е. Брандиса и Вл. Дмитриевского. Если это не затруднит Вас, прошу прислать эту повесть при её выходе на свет.

Я занимаюсь изучением и переводом современной советской художественной литературы, в том числе научной фантастики. И переписываюсь с А. Н. Стругацким, кстати сказать, от него я узнал Ваш адрес.

Желаю Вам здоровья, дальнейших успехов в Вашей работе.

С уважением,
Ваш *Н. Иида*

51 Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
Август 1965 г.[1]

Уважаемый профессор Ефремов!

Посылаю Вам фотографию статьи из «Science journal», August 1965. Привлекаю особенно Ваше внимание на подчёркнутый параграф на стр[анице] 56. В первый раз вижу в серьёзной науке намёк на другой мир около нашего. Если можно пройти через этот «shadow universe», так нуль-пространство научной фантазии возможно!

Как Ваше мнение?

Дружески,
Jacques Bergier

52 Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лонда (Флоренция)
7 сентября 1965 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Антонович,

с радостью я послал бы Вам фотографию моего дома. Но дом этот стоит на крутом склоне, и снизу трудно его снять — сбоку неинтересно. Но постараюсь всё-таки (будет ли солнце — здесь каждый день или почти каждый день ливень), и если удастся снимок, то его Вам пошлю.

Прилагаю письмо книгопродавца[2], подчеркнуть то, что интересно. Насчёт книги В. У., он сомневается, что она доедет, и т.к. был уже подобный случай с нами, то боюсь, что он прав. Напишите, что мне делать: послать её или ждать.

---

[1] Датируется по содержанию письма.

[2] МАГАЗИН МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИГИ ЗЕЕБЕРА — Л. ПАЧИНИ САВОЙ

Флоренция
31 августа 1965 г.

In rif. alla gradita Sua 14 corr. Le comunichiamo di avere immediatamente ordinato in Inghilterra e America i volumi richiestici l'avvertiamo fero che, specialmente quelli americani, non arriveranno prima di 40-45 giorni.

Per quanto riguarda il volume: Bunny Yeager "How I photograph nudes" possiamo spedirlo anche immediatamente, però desideriamo informarla che il suo prezzo non é sh. 21 come da — Lei citato nella Sua lettera, ma bensi sh. 63 cioé L.7000. Inoltre Le vogliamo precisare che se il pacco contenente questo volume fosse aperto alla Dogana non sarà certamente recapitato. Dopo quanto esposto gradiremmo avere una Sua conferma prima di procedere alla spedizione.

In tale attesa, distintamente
La salutiamo.
Libreria Internazionale Seeber

В ответ на Ваше письмо от 14 числа сего месяца сообщаем, что запрошенные Вами книги были немедленно заказаны нами в Англии и Америке. Но должны преду-

И мне скучно, что так давно мы не видались. Дело в том, что на старости я стал ленивым. Страшно не хочется путешествовать. Через 15 дней мне надо быть в Вене (там собрание международного комитета славистов), и чертыхаюсь.

Поеду ночью, чтобы лечь спать во Флоренции и проснуться в Вене и таким образом не замечать, что еду.

Кланяюсь Вашей супруге и жму Вам сердечно руку

Уважающий и любящий вас
Л. Пачини

Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 53

Париж
8 сентября 1965 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов,

отвечаю с запозданием на Ваше милое письмо (я был в Греции, еду в Италию, возвращаюсь 1 октября).

Большое спасибо за очень интересные книги. Спасибо также за историю с колоколом и за резюме Вашей новой повести.

Я получил разрешение от «Дома книги» написать в Encyclopedie Planète: «Вселенная, жизнь и разум» проф[ессора] Шкловского. Надеюсь, что это также будет возможно с Вашей книгой о палеонтологии, когда она выйдет.

Дружески,
Jacques Bergier

Л. И. ХОЗАЦКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 54

Ленинград
14 сентября 1965 г.

Дорогой, милый Иван Антонович!

Только что ещё раз перечитал Ваше доброе, дружеское письмо, которое пришло сегодня к вечеру, и по велению нахлынувших воспоминаний и чувств

предить, что книги, особенно из Америки, не могут быть доставлены раньше, чем через 40—45 дней.

Книгу Банни Игер «Как я фотографирую обнажённых» мы можем отправить немедленно. Информируем Вас, что её стоимость не 21 шиллинг, как Вы упоминали в Вашем письме, а около 63 шиллингов, т. е. 7000 лир. Также должны заметить, что, если по решению таможенного чиновника посылка, содержащая эту книгу, будет вскрыта, она, конечно, не будет доставлена.

В связи с вышеизложенным мы хотели бы, прежде чем отправить Вам посылку, получить Ваше подтверждение.

Ожидаем Вашего ответа,
с уважением и приветом.
Магазин международной книги Зеебера.
[подпись неразборчива]

Перевела Алессандра Леоне

сразу сел отвечать. Для меня это почти чрезвычайное происшествие, но сейчас и не могло быть иначе. Знали бы Вы, какую радость доставила нам с Александрой Ивановной эта весть от Вас!

Прежде всего. Ведь это просто здорово, что в октябре Вы будете в Ленинграде, и мы сможем, наконец, встретиться. Стоит ли говорить о том, с какими чувствами мы будем ждать этой встречи, надеясь на то, что, как и раньше, Вы не откажете посетить наше старое гнездо на Красной связи. Да, Вы угадали, мы живём всё там же. Жизнью, в общем, довольны. Работы у обоих по-прежнему уйма, и идёт она, кажется, неплохо. Всё было бы вполне сносно, если бы не… физиология с медициной. Что за несносная вещь этот наш столь непрочный организм. Вопреки Вашим предположениям, мы за последние годы поменялись с Александрой Ивановной состояниями. Я в отношении здоровья довольно значительно выправился, а вот с Александрой Ивановной в этом году дело обстояло весьма скверно. Много месяцев ей пришлось пробыть в больнице и санаториях в связи с внезапным острым расстройством кровообращения (спазмы, кризы и т. п.). Был период очень опасный… Сказалось многолетнее таскание в летнюю жарищу по пустыням, громада работы экспериментальной, научно-литературной, редакторской, масса общественной, хлопоты по дому, смерть матери. Ранее можно было только удивляться тому, как она всё это выдерживала. Однако всё, по-видимому, бывает до поры… Сейчас ей получше, снова возвратилась к научной работе и к другим делам. Мы всё-таки организмы стойкие!

Я за последние годы ещё глубже ушёл в свою любимую палеонтологию и теперь занимаюсь ею не только в кабинете, но и в поле. Организовал уже несколько экспедиций по изучению истории фауны южно-русского плиоцена, езжу со своими помощниками по Молдавии, Украине, посылаю их и в другие места. Сейчас только вернулся из очередной Молдавской экспедиции. Снова навезли кучу интересного (разумеется, в основном нажимаю на своих милых черепах, а наряду с ними идут и все прочие позвоночные). Создалась славная группа молодых ребят (мои студенты и аспиранты, которых стало довольно много), на кафедре организовал кабинет сравнительной анатомии и палеонтологии. Этими делами очень доволен. На днях снова выезжаю в Одессу, где в последней декаде сентября будет происходить сессия Неогеновой комиссии Межведомственного Стратиграфического Комитета. Кроме говорильни, несколько дней будем ездить по важнейшим стратотипическим разрезам украинского и молдавского неогена — это особенно интересно. Наряду со всем этим не забываю и более древние вещи. Вернулся к монгольским черепахам и буквально за последнее время переработал заново старую, бывшую у Вас на просмотре, статью о триониксах. Описание Оин-ширэнского трионикса хочу попробовать послать в Палеонтологический журнал. В связи с тем, что эта штука у вас уже была и все Ваши замечания я, естественно, учёл — Вас я ещё раз просмотром данной статьи утруждать не осмеливаюсь. Ну, а, разумеется, всё последующее, что смогу сделать по Вашим монгольским материалам, без Вашего суда никуда направлять и не подумаю. Как бы хотелось вообще надеяться и впредь на Вашу дружескую помощь. Ведь я не из тех, кто мог бы забыть то многое, что Вы сделали для меня в науке и, добавлю обязательно, в утверждении мысли о том, что есть же на земле люди не только умные, но и хорошие по-человечески.

О многом бы хотелось Вам рассказать и о многом расспросить Вас, но письма для этого мало пригодны. Буду ждать нашей встречи.

Страшно заинтересовался Вашим сообщением о книге по истории тетрапод. Это просто здорово! Как хочется, чтобы она скорее вышла. Главное, что я хочу Вам пожелать (хоть это и банальная формула) — будьте здоровы, а уж тогда кому не ясно (даже недругам), сколько Вы ещё «наворочаете» и в науке и в литературе. Ваши «красносвязные» ленинградские друзья очень этого хотят, ждут и крепко уверены в этом.

Нужно ли говорить, какие приветы шлём мы с Александрой Ивановной Вам, желая здоровья, бодрости и радости. Передайте, пожалуйста, наши приветы и Вашей жене. Я ведь помню Таисию Иосифовну и не могу не могу не испытывать чувства большого уважения к ней за то, что она смогла стать для Вас таким верным, добрым другом, особенно в столь тяжёлые годы.

Очень бы хотелось мне приветствовать и Аллана, хотя он-то меня вряд ли помнит. А я-то помню его ещё как Лучика, который резво барахтался на медвежьей шкуре. Лучик и «плантатор»! Боже, боже, что делается, как время-то летит...

Огромное спасибо Вам за мамонтовую песню С. Орлова. Что за прелестная вещь. Обязательно продекламирую своим ребятам. Опубликовано ли где-либо это стихотворение?

В заключение обращаюсь к Вам, Иван Антонович, с большой просьбой. Сообщите, пожалуйста, заранее о времени своего приезда в Ленинград, когда это определится достаточно точно. Это нам необходимо, чтобы заблаговременно «растолкать» нагромождение текучих дел и высвободить время для спокойной встречи с Вами. Кстати, у нас уже несколько лет существует телефон, по которому можно звонить в любое время (Ж-3-87-07). Адрес наш, как уже сказано, не изменился.

Ещё раз сердечные приветы. С удовольствием, хотя бы мысленно, жму Вашу большую, добрую руку.

Ваш по-прежнему и, надеюсь, всегда, *Лев Хозацкий*

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

55

Хитчин, Хартсфордшир
21 сентября 1965 г.

Dear Professor Efremov,

I was very sorry I couldn't get round to see you again before I left Moscow. Still I hope to be in the U. S. S. R. fairly frequently in future, so we'll see each other. I may say, the evening I spent with you remains a great pleasure as I remember it.

I am sending you some books including an old Rider Haggard which I hope you enjoy.

My new address is above. It's a small place but pleasant.

There is some talk here of translating some of the work of the younger S. F. writers of the U. S. S. R. How would Arkady Natanovich look on this? What is the royalty position? I would be reluctant to assist such a project if it meant anything unpleasant for my friends in the U. S. S. R! Be sure to let me know.

Yours Ever,
Alan Myers

Дорогой профессор Ефремов!

Очень жаль, что мы не смогли повидаться, пока я был в Москве. Я надеюсь достаточно часто бывать в СССР в будущем, так что мы ещё увидимся. Могу Вас уверить, что вечер, проведённый с Вами, подарил мне приятнейшие воспоминания.

Я посылаю Вам несколько книг, включая старое издание Райдера Хаггарда, которое Вы, надеюсь, прочтёте с удовольствием.

Свой новый адрес я указал сверху. Это небольшой, но приятный домик.

У нас подумывают об издании молодых советских писателей фантастики в переводе. Как на это посмотрит Аркадий Натанович? Как будет распределяться процент от продаж? Мне бы не хотелось принимать участие в проекте, если это может повредить кому-нибудь из моих друзей в СССР. Обязательно дайте мне знать!

Всегда Ваш
Алан Майерс

Перевела Марина Манчхашвили

56 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
24 сентября 1965 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO, ILLINOIS
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

At long last I am back from Oklahoma and Texas and trying to pull together the loose ends of a long period in the field with only short visits back to home base. Since getting back, I have plunged into "The Razor's Edge" again and am continuing to make steady if slow progress in reading it. I am enjoying it immensely as the various threads begin to come together. As you may know, it is always hard in a book in another language than one's own to get the timing of things straight. This is not helped any by a 4 months lay-off in the middle. But I am getting on and having fun doing it.

I will write to Peter one of these days. I have hesitated because I think I wrote last, but I gather he probably has been away. I sure do hope that he, along with you, will find it possible to go into the Pinega area and do more work there. I would dearly like to be able to join up with a party and do an exploration there. But it is hard enough to get things going without all the complications that international relationships pose. Maybe (Ha, Ha) I should ask the NSF to support such a project. More seriously, my own plans are maturing rather well as far, as our Permian is concerned. I am going to try to bring out a report on our summers activities, without all of the taxonomic work that will have to be done eventually. There are a number of new things and a great deal of redescription and analysis of faunas necessary. But I also plan in the coming spring to put in some more time in some other San Angelo beds in Texas and to find some higher Permian. That — is a problem. If the very high Elk City does not produce, this is very near the top of our Permian, then I don't know what in this continent is going to.

I will be interested in continuing information on how your move out of the Institute is working out. You might be interested to know that some of my friends, when I told them of this, were quite astonished that you could just "pull-out". I don't know if I mentioned it before or not, but I am launching into a major project, a book at a high level "Vertebrate Paleozoology". I guess that at some time everyone ought to try to get together what he knows and put it down. This I will try to do.

I gave an address at the meeting of the Society for the Study of Evolution, of which I am President this year on "The Role of Paleontology in the Formulation of Evolutionary Theory" this summer and now I find it is to be published and when it is, I will send you a copy. I had a lot of "fun" with this and I expect that it will shake up some of my colleagues.

I am keeping my eye out for some of the books you mentioned and will be where there are large book shops one of these days to see what I can find.

As you can see, this is just a letter without special purpose, except for chatting and comment. Much of what goes on right now is the sort of thing that doesn't lend itself to chats. Well, one thing does, I imagine and that is the Mars trip of Mariner 4. Somehow, when the results are in, I get a sort of lonely feeling. It seems like Mars should turn out to be something more hospitable than an overgrown moon. The technical aspects of the project are fantastic to me. I have just finished a summary, or series of summaries, in Science. Gradually man is finding his way around, even though he still insists on indulging in pagan rites and acts without reference to reason and sense.

I hope you and your family are well and that we may meet again one time not far off.

My very best regards,
Your friend,
Everett C. Olson

Дорогой профессор Ефремов!

Наконец я вернулся из Оклахомы и Техаса, теперь занимаюсь увязкой всего, что набежало за долгий полевой сезон с короткими наведываниями домой. По возвращении я снова погрузился в «Лезвие бритвы» и постоянно продвигаюсь, хоть и небыстро. Теперь, когда сюжетные линии начинают сходиться, мне нравится ещё больше. Возможно, вам знакомо ощущение — когда читаешь книгу на чужом языке, всегда трудно правильно понять соотнесение событий. Перерыв в четыре месяца осложнил ситуацию. Но я двигаюсь, причём с удовольствием.

Я напишу Питеру на днях. Медлил, потому что считал, что я написал последним, но, вероятно, он был в отъезде. Очень надеюсь, что он вместе с Вами отыщет способ поехать на Пинегу и поработать там. И мне бы так хотелось присоединиться к экспедиции и исследовать тамошние места. Но и без осложнений международных совместных работ это нелегко осуществить. Может быть, стоит (ха-ха) попросить Национальный научный фонд[1] о поддержке такого проекта. А если серьёзно, в отношении пермского периода в Америке мои планы обретают определённую форму. Я собираюсь представить доклад о том, что мы сделали за лето, отложив всю таксономическую работу,

[1] Национальный научный фонд — независимое агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий и выделяющее гранты как крупным учреждениям, так и отдельным исследователям.

которую всё равно надо будет проделать, на потом. Найдено кое-что новое, и необходимо выполнить заново описание и анализ фауны. Но я также планирую будущей весной уделить больше времени части слоёв Сан-Анджело в Техасе и найти представителей верхней перми. А это проблема. Если и самая верхняя Элк-Сити не даст результата, а она у нас — самый верхний слой перми, то я не знаю, что на этом континенте способно его обеспечить.

Хотелось бы узнать, как развивается ситуация с Вашим уходом из института. Вам может быть небезынтересно слышать, что некоторые друзья при таком известии просто отказывались верить своим ушам, что можно так вот просто «выйти из игры». Не помню, говорил ли, что я запускаю крупный проект — книгу для студентов старших курсов и аспирантов «Палеозоология позвоночных». Думаю, у всех наступает в определённый момент время свести воедино достигнутое и изложить на бумаге. Это я и попытаюсь сделать.

На встрече Общества за изучение эволюции, президентом которого я избран в этом году, я выступил с докладом на тему «Роль палеонтологии в складывании теории эволюции», который, оказывается, решили опубликовать, и я Вам вышлю экземпляр, когда это случится. Я получил немало удовольствия, работая над текстом, и некоторых коллег он наверняка выведет из равновесия.

Я постоянно присматриваю книги для Вас и в ближайшее время, когда доберусь до места с крупными книжными магазинами, надеюсь что-то найти.

Как Вы видите, это письмо не имеет конкретной темы, написано просто ради обмена мнениями. Большинство теперешних событий — не для лёгкого обсуждения. Впрочем, одно безусловно стоит упоминания — полёт к Марсу «Маринера-4»[1]. Правда, полученные результаты отчего-то усугубляют чувство одиночества. Хотелось бы, чтобы он оказался чуть гостеприимнее луны-перестростка. Технические аспекты проекта кажутся мне фантастическими. Недавно я завершил обзор, вернее — серию обзоров для журнала «Сайенс». Постепенно люди всё же нащупывают путь, хотя никак не могут отойти от языческих ритуалов и абсолютно неразумных действий.

Надеюсь, у Вас все здоровы и мы однажды снова сможем встретиться в не столь отдалённом будущем.

Наилучшие пожелания,
Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

57 Ж. МУССО — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
27 сентября 1965 г.

Monsieur le Professeur,

Notre ami Jacques Bergier nous a tenus au courant de l'échange de correspondance qu'il a avec vous.

---

[1] «Маринер-4» был запущен в ноябре 1964 года, совершил 14—15 июля 1965 года первый успешный облёт Марса, став первым космическим аппаратом, который сделал снимки другой планеты с близкого расстояния и передал их на Землю.

Dans le prochain numéro de Planète, nous publions la série de cartes postales sur le cosmos que vous lui avez envoyée.

Par la présente lettre, je viens vous entretenir d'un projet important que nous préparons et pour lequel je souhaiterais obtenir votre collaboration.

Nous préparons un dossier que nous intitulons: "Ce qui bouge en Russie". Puisque vous connaissez Planète, vous devinerez par avance que ce dossier n'est ni politique ni polémique. Je vous envoie, par courrier séparé, notre dernier numéro dans lequel nous avons fait paraitre un dossier intitulé: "Ce qui bouge en Amérique" auquel notre nouveau dossier sur la Russie doit faire le contrepoint.

Je souhaite obtenir votre collaboration pour ce nouveau dossier, mais j'ai besoin d'avoir en main tous mes textes pour le 20 octobre au plus tard.

Pour vous permettre de réfléchir et, je l'espère, de travailler avant la réception du numéro de Planète, je joins à cette lettre un double du texte de présentation du dossier "Amérique". Voici, par ailleurs, les titres des articles que nous avons publiés dans ce dossier:

1º) Le temps des pionniers matérialistes et puritains est fini. Le temps des intellectuels epris de liberté commence. (par David Schoenbrun)

2º) Je crois qu'une certaine partie de notre anti-américanisme masque des préjuges, des ignorances et des complexes. (par Patrick Civry)

3º) Comme en Russie, la science traverse en Amérique une periode exaltante. Voici dans quel esprit se fait la recherche. (par Boris Pregel)

4º) Dans la peinture, les spectacles, la recherche d'un langage: c'est aujourd'hui l'Amerique qui aimante l'avant-garde. (par Pierre Restany)

5º) A travers la fabuleuse réussite d'un journal l'explosion de l'anti-puritanisme annonce une revolution des moeurs. (par Jacques Mousseau). Analyse de la revue Playboy.

Pour le dossier "Russie", je vois:

1º) Un texte sociologique d'ensemble redige par un Soviétique (correspondant à ce qu'à fait David Schoenbrun, professeur à Columbia, pour les U.S.A.)

2º) Un texte sur la recherche scientifique en U.R.S.S. Une partie de cet article serait consacrée aux "recherches frontières". On verrait qu'il y a un très grand foisonnement d'idées en Russie et que l'on s'intéresse aussi bien a la télépathie qu'à l'Homme des Neiges.

3º) Un texte sur ce qui bouge dans les moeurs: conception de l'amour, du couple; vie sexuelle, etc.

4º) Un texte sur la jeunesse intellectuelle. Existe-t-il une avant-garde? Existe-t-il des laboratoires de l'Art et de la pensée?

5º) Un texte sur le monde futur vu par les savants soviétiques.

J'ai pensé que vous pourriez prendre en charge au moins l'une de ces études; en fait, j'ai pensé à vous pour l'article général mentionné en 1º.

Je suis anxieux d'avoir votre réaction sur notre projet.

Je me permets de répéter qu'il me serait précieux d'avoir votre texte pour le 20 octobre.

Dans l'attente de vous lire, je vous prie de croire, Monsieur le Professeur, à l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Jaques Mousseau
Rédacteur en chef

Господин профессор!

Наш друг Жак Бержье сообщил нам о своей переписке с Вами.

В ближайшем номере «Планеты» мы публикуем серию почтовых открыток о космосе, которые Вы ему отправили.

В этом письме мне хотелось бы обсудить с Вами один важный проект, над которым мы работаем, и участником которого я желал бы Вас видеть.

Мы готовим подборку материалов под названием «Что меняется в России». Поскольку Вы знакомы с «Планетой», Вам ясно с самого начала, что проект не является ни политическим, ни полемическим. Высылаю Вам отдельно наш последний номер с подборкой материалов «Что меняется в Америке», по отношению к которой наша новая подборка о России должна стать своего рода контрапунктом.

Я желал бы, чтобы Вы поучаствовали в работе над этой новой подборкой, но мне нужно иметь все тексты не позднее 20 октября.

Чтобы у Вас была возможность поразмыслить и, как я надеюсь, поработать до получения названного номера «Планеты», прилагаю к этому письму копию текста презентации подборки «Америка». А вот заголовки статей, которые мы опубликовали в этой подборке:

Время пионеров — материалистов и пуритан — закончилось. Пришло время интеллектуалов, проникнутых духом свободы. (Автор — Давид Шёнбрун.)

По-моему, некоторая часть нашего антиамериканизма маскирует предрассудки, неосведомлённость и комплексы. (Автор — Патрик Сиври.)

Как и в России, в Америке сейчас для науки — годы славы и воодушевления. Этим и определяется атмосфера, в которой ведутся научные исследования. (Автор — Борис Прегель.)

В живописи, в исполнительских искусствах, в поисках новых оборотов речи — авангард сегодня тянется к Америке. (Автор — Пьер Рестани.)

Взрыв антипуританизма возвестил о революции нравов невероятным успехом журнала. (Автор — Жак Муссо.) Анализ журнала «Плейбой».

Вот как я вижу подборку «Россия»:

Социологический текст общего характера, написанный советским автором (соответствие тому, что сделал профессор Колумбийского университета Давид Шёнбрун).

Текст о научных исследованиях в СССР. Часть этого текста — о «пограничных исследованиях». Из неё видно, что в России появляется гигантское количество новых идей и что есть интерес и к телепатии, и к снежному человеку.

Текст о том, что меняется в области нравов: представления о любви, о парах; половая жизнь и т. д.

Текст об интеллектуальной молодёжи. Есть ли авангард? Есть ли лаборатории искусства и мысли?

Текст о мире будущего, как его видят советские учёные.

Мне подумалось, что Вы могли бы взять на себя хотя бы один из этих этюдов, да собственно, мне подумалось о Вас и в связи с общей статьёй, упомянутой в п. 1.

С нетерпением жду Вашей реакции на наш проект.

Беру на себя смелость повторить, что мне было бы исключительно полезно иметь Ваш текст к 20 октября.

Жду от Вас письма и прошу Вас, господин профессор, принять уверения в моём самом высоком уважении.

Жак Муссо,
главный редактор

Перевёл Андрей Яковлев

БАЛДЕВ СИНГХ — И. А. ЕФРЕМОВУ

58

30 сентября 1965 г.

Baldev Singh,
Industrial Liaison and Extension Officer
C.S.I.R.
Rafi Marg, New Delhi-1

Dear Prof. Efremov,

I must offer to you my sincere thanks for sending to me your two books in English "The Andromeda" and "The Land of Foam". I am reading them and will be writing to you after some time.

I would have been very happy to learn Russian and perhaps a few other languages if I were somewhat younger. At my age it is rather difficult to pick up a new language, neither does one have the time. It is indeed very considerate and kind of you to send to me your books in English or Hindi translation. I am interested in art and I was fortunate enough to get two volumes, reproductions of Pushkin Gallery of Art and the Hermitage in Leningrad. I also obtained art books dealing with the marble stone vases in the Hermitage. I would have liked to purchase some large size reproductions of famous French painters which were not available. Hermitage and the Pushkin Museum have excellent collections of Gauguin, Van Gogh, Picasso, Monet. You have also one of the finest collections of sculptures I have seen anywhere. I was able to take some colour photographs and I am getting them developed here. Most of them have come out very well. I also saw the Taweski Art Gallery and was impressed by the beautiful paintings. I think that the collection of paintings and wall carpets hangings in the Hermitage is amongst the most beautiful that I have seen anywhere, but I do not think I have seen any prints of these.

I do not know why it takes so much time for the letters to reach, excepting to say that I cannot compliment the postal system in Moscow. In India we are somewhat better because your letter dated Sept. 16 reached me here in 10 days time.

I will be glad to send to you the book on Political Philosophy by Shri Aurobindo that you have asked for and I will also make a selection of some contemporary Indian paintings and try to send them to you in the very near future.

Prof. Sahni is not in Delhi but has gone over to Lucknow. His daughter had come from the U.K. recently but has returned.

May I offer to you, dear Professor, my most cordial good wishes for your health and prosperity.

Yours sincerely,
Baldev Singh

Балдев Сингх,
Сотрудник организации содействия развитию промышленности,
С.Н.П.И.С.
Рафи Марг, Нью-Дели-1

Уважаемый профессор Ефремов!

Примите мою искреннюю благодарность за присланные Вами книги «Туманность Андромеды» и «Великая дуга» на английском языке. Сейчас я их читаю и напишу Вам через некоторое время.

Я был бы очень рад выучить русский и, может быть, ещё несколько языков, будь я чуть моложе. В моём возрасте довольно сложно учить новый язык, не говоря уже о том, чтобы выкроить время. С Вашей стороны, действительно, очень тактично и любезно присылать мне Ваши книги в переводе на английском или хинди. Я интересуюсь искусством и был рад обрести в Ленинграде два альбома — с репродукциями Пушкинского музея изобразительных искусств и Эрмитажа. Я также приобрёл книги о мраморных вазах Эрмитажа. Я бы с удовольствием купил несколько больших репродукций известных французских художников, которые на тот момент отсутствовали в продаже. В Эрмитаже и Пушкинском музее есть превосходные коллекции Гогена, Ван Гога, Пикассо, Моне. У вас одна из лучших в мире коллекций скульптур, виденных мной. Я сумел сделать несколько цветных снимков и отдал плёнку в проявку уже по возвращении. Многие вышли очень хорошо. Я также посетил Taweski[1] галерею искусств и был впечатлён красивыми картинами. Полагаю, коллекция картин и шпалер Эрмитажа — одна из самых красивых среди тех, что я видел, но их репродукций я так и не обнаружил.

Не знаю, почему письма идут так долго, скажу только, что не могу похвалить почтовую службу в Москве. В Индии с почтой лучше, потому что Ваше письмо от 16 сентября пришло ко мне через десять дней.

С удовольствием пошлю Вам книгу по политической философии Шри Ауробиндо, о которой Вы спрашивали, а также сделаю подборку современных индийских картин и постараюсь отправить в самом скором времени.

Профессор Сахни сейчас не в Дели, он уехал в Лакхнау. Его дочь приезжала недавно из Великобритании, но уже вернулась обратно.

Примите, дорогой профессор, мои самые сердечные пожелания здоровья и процветания.

Искренне Ваш
Балдев Сингх

Перевёл Андрей Константинов

59 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

Хитчин, Хартсфордшир
4 октября 1965 г.

Dear Professor Efremov,

I have a new typewriter, so you must put up with my practice efforts! I hope you've been getting the books I've been sending you recently — all kinds of books, adventure S. F. (which is now really respectable over here at long last — see enclosure) and even a Rider

[1] Так в тексте. Вероятно, попытка передать транскрипцией какое-то русское название.

Haggard. Please let me know when you get them. I have sent in particular Volume I of the famous *Lord of the Rings.* If you like it I'll send the other two volumes. I think it's marvellous. The other books you mentioned are also on order. I am very taken up with translation these days and there's a chance that I'll be doing *Dalyokaya Raduga* under contract! (This is through the MIR publishing house), I hope Arkady doesn't mind!

Best Regards,
Alan Myers

Дорогой профессор Ефремов!

У меня новая пишущая машинка, и придётся Вам пока мириться с моими первыми попытками! Я надеюсь, Вы получили книги, которые я Вам направлял в последнее время — самые разные книги, приключенческая научная фантастика (которая наконец оценивается по заслугам — см. приложение) и даже одну книгу Райдера Хаггарда. Пожалуйста, дайте мне знать, когда получите их. В особенности сообщите мне, получили ли Вы первый том «Властелина колец»[1]. Если Вам понравится, я пришлю оставшиеся 2 тома. Мне кажется, книга великолепна. Другие книги, упомянутые Вами, также уже заказаны. В эти дни я сильно занят переводом и есть шанс, что я буду переводить «Далёкую радугу»[2] по контракту (с издательством «Мир»)! Надеюсь, Аркадий не возражает!

Лучшие пожелания,
Алан Майерс

Перевела Лариса Рындина

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

60

Годалминг
6 октября 1965 г.

Dear Professor Efremov,

Please forgive me for being so slow to acknowledge the splendid books you sent me — two came to our old home and the very fine one about your big painter, Korin, came here two days ago. All are very welcome and the latest arrival is especially fine with good reproductions and wonderful portraits etc. Thank you very much for these and also for a postcard with good wishes.

The removal did mean a great deal of work, much writing of letters as well as showing people the house and selling furniture, Chinese works of art, silver and even some jewelry! Although we got rid of many of our possessions, we still have rather too many for the size of this flat. But we can give some things to our daughters and are now fairly well settled. We kept only a few books and left behind the bookshelves. I ordered a small set of shelves and these have not yet come so the books are untidily stacked at present.

I would like to give you some idea of the neighbourhood of the flat. But first I will tell you about my husband because I know you will be in interested in that.

---

[1] «Властели́н коле́ц» (англ. The Lord of the Rings) — роман-эпопея английского писателя Дж. Р. Р. Толкина.

[2] «Далёкая радуга» — фантастическая повесть Аркадия и Бориса Стругацких.

He and Miss Townend spent weeks in clearing up at University College and I think that he really enjoyed it. Certainly he showed no sign of being depressed at giving up his work and parting with so many possessions. He gave his fossil collection to Cambridge University where it is under the care of Dr. Parrington. Some books and pieces of apparatus he sold to University College but his big collection of reprints he gave to the College Library. Altogether, the end of his working life went smoothly and he often said that he felt sure he was doing the right thing in giving up and in the way he was disposing of his collections etc. Now that we are here, he enjoys the views which are really beautiful and spends a lot of time working in the garden.

Godalming is a small town of about 16 000 inhabitants and is situated in a valley with well wooded, steep hills on all sides. The knoll on which this house stands is about 340 ft about sea level with steep sides covered with trees. The flat is on the first floor and all the windows look out on to trees, none of them near enough to cut out the sun.

We have a "Living Room" 19 ft × 15 ft with two good windows facing S.E. Prof. Watson has a large bed study, facing the same way (17 ft × 16 ft). I have a rather small bedroom and there is a still smaller spare bedroom which just takes a single bed, chest of drawers, table and chair and is suitable for one visitor — a daughter or one of my sisters who do not want a great deal of room. There is a small bathroom and a good kitchen with modern equipment which includes a gas boiler for central heating. We got rid of some of our larger furniture and have a small, round dining table in one corner of the living room and a good lot of comfortable chairs and several small tables.

We are having a spell of lovely sunny weather and the trees are just changing colors so we sit by the window and enjoy the scene outside. We need only to go for five minutes walk (on the level) to get as lovely a view to the South Downs as one could get anywhere. So we feel we are lucky.

Of course, there are drawbacks! The shops are the bottom of the hill and I have a steep climb up from them, but I am getting better at climbing and I do get a lovely view on the way.

The house was built in the 90's and there is still a "stable block" at the back. This is being converted into a house and several houses have been built in the ground belonging to the house. But a nice piece of the original garden has been left and we have part of this. It is mostly grass but has some lovely, well established trees and shrubs which make it attractive but do not need much care. My husband has been working really hard, clearing weeds from the beds and paths. I have planted some bulbs in the grass so we can hope for daffodils and crocuses in the spring.

Now I have written so much about our new home. I hope you will soon find time to write me a long letter about you work and the subjects you have been thinking about. I need some mental stimulus and your letters are always interesting.

I hope you and your wife have kept well since I last heard from you and that you will continue to do so.

My husband joins me in warmest greetings.

Please let me know if there are any Pan or other books you would like — I can order them just as easily from here as from Preston Way!

Yours very sincerely,
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу прощения за то, что так задержалась с выражением признательности за великолепные книги, присланные Вами — две пришли на наш старый адрес, а превосходная книга о вашем крупном художнике Корине пришла уже сюда два дня назад. Я очень рада им всем, а последняя особенно хороша своими репродукциями и замечательными портретами. Большое спасибо Вам за них, а также за открытку с добрыми пожеланиями.

Переезд представлял собой огромную работу, писание множества писем наряду с показом людям дома и продажей мебели, китайских произведений искусства, серебра и даже кое-каких ювелирных изделий! Хоть мы и избавились от большого количества вещей, их до сих пор слишком много для такой скромной квартиры. Но можно отдать кое-что дочерям, мы тут и так довольно хорошо устроились. Оставили себе лишь небольшую часть библиотеки, поэтому книжные полки не перевозили. Я заказала небольшой стеллаж, но он до сих пор не пришёл, поэтому книги пока не расставлены.

Хотелось бы дать Вам некоторое представление о наших окрестностях. Но сначала расскажу Вам о муже, так как знаю, что Вас это интересует. Они с мисс Тауненд потратили несколько недель на разбор кабинета и улаживание дел в университете, и, думаю, муж получил от этого истинное удовлетворение. Он определённо не выказывал никаких признаков депрессии в связи с прекращением работы и расставанием с таким большим количеством имущества. Свою коллекцию ископаемых он передал Кембриджскому университету на попечение доктора Паррингтона. Некоторые книги и аппаратуру он продал университетскому колледжу, а свою большую коллекцию оттисков статей подарил библиотеке колледжа. В целом, завершение его трудовой жизни прошло благополучно, и он не раз говорил, что абсолютно уверен в правильности решения уйти и в том, как он распорядился своими коллекциями и прочим. Теперь, когда мы здесь, он наслаждается видами, которые и самом деле прекрасны, и посвящает много времени работе в саду.

Годалминг — небольшой город с населением около 16 тысяч жителей, расположен в долине среди крутых лесистых холмов. К примеру, высота нашего холма, на котором стоит дом, около 340 футов над уровнем моря, его крутые склоны покрыты деревьями. Квартира расположена на втором этаже, и изо всех окон открывается вид на зелень, причём солнца деревья не заслоняют.

Гостиная в квартире размером 19 × 15 футов с двумя большими окнами, выходящими на юго-восток. У профессора Уотсона — большая спальня-кабинет, тоже на юго-восточной стороне (17 × 16 футов). Отдельная небольшая спальня для меня, и есть ещё одна меньших размеров комната, которая вмещает только односпальную кровать, комод, стол и стул, где может остановиться дочь или одна из моих сестёр — словом, тот, кто не нуждается в большом помещении. Имеются небольшая ванная комната и хорошая кухня с современным оборудованием, включающим газовый котёл центрального отопления. Мы избавились от нашей наиболее громоздкой мебели и обзавелись небольшим круглым обеденным столом в углу гостиной, набором удобных стульев и несколькими маленькими столиками.

У нас стоит прекрасная солнечная погода, и листва запестрела осенними красками, поэтому мы сидим у окна и наслаждаемся пейзажем. Полюбоваться

самым прекрасным видом на Саут Даунс можно всего лишь в пяти минутах ходьбы (не спускаясь вниз). Таким образом, мы считаем, нам повезло.

Конечно, есть и недостатки! Магазины расположены у подножья холма, и на обратном пути приходится взбираться в гору, но я делаю это всё ловчее и попутно вознаграждаю себя прекрасным пейзажем.

Дом построен в конце XIX века, поэтому снабжён конюшней. Она переделана под жильё, а на прилегающем участке построено несколько зданий. Однако сохранилась немалая часть первоначального сада, долей которого мы пользуемся. В основном это лужайка, но её разнообразят красивые деревья и кусты, которые не требуют большого ухода. Муж потратил много усилий на очистку от сорняков клумбы и дорожки. Я высадила на лужайке несколько цветочных луковиц, и по весне там должны проклюнуться нарциссы и крокусы.

Вот как много я написала о нашем новом доме. Надеюсь, Вы в скором будущем найдёте время написать мне подробное письмо о своей работе и предметах, занимающих Ваши мысли. Мне необходима пища для ума, а Ваши письма всегда интересны.

Надеюсь, со времени Вашего последнего письма Вы с женой не хворали, держитесь так и дальше.

Мы с мужем шлём самые тёплые пожелания.

Пожалуйста, дайте знать, если понадобятся какие бы то ни было книги издательства «Пэн»[1] или другие — отсюда я могу заказать их так же легко, как и из Престон Уэй!

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

61 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

7 октября 1965 г.

The George Washington University
Washington D. C. 20006
Department of Geology

Dear Professor Efremov:

I have received your books — Stephan Razin, a Guide to Leningrad Architecture, In the Forests and Mountains, and also your post card. Thank you very much for all that. I hope you received my packages safely. Recently I also sent you a text book I use in my course on Physical Geology. The text on Historical Geology I will send you in the near future. I regret to say, that I am unable to secure for you the cover of the Life magazine. The people at Life gave me a negative answer and advised me to check my references once again — maybe it was some other magazine?

I am making use of the two texts on Basic Geology I received from you — Zhukov's and Gorshkov's. Zhukov and his co-authors present the history of geology a bit more to my liking than does our own text book. I was surprised to find that

[1] «Pan Books» — британское издательство, специализирующееся на издании книг в мягких обложках, в основном фантастики и приключений.

they leave out topics dealing with sedimentary and metamorphic rocks, or mention these very briefly. When does a student taking Physical Geology learn about these rocks? We cover sedimentary rocks in the first half of the year, but they really learn their use in geology in the second half of the year, in Historical Geology. Gorshkov mentions sedimentary rocks, but he begins with facies — a concept that is very difficult to understand for a non-geologist student. We introduce facies in stratigraphy or sedimentation. Gorshkov et al mention metamorphic rocks, and over all cover the physical part of geology more thoroughly. It is interesting, however, that in general, regardless of the book, the subject matter is presented in a similar fashion on both continents.

Now I am compiling a lab manual for Historical Geology. It is not an easy task — especially when you[r] own colleagues feel they should help you. We have a saying here: Too many cooks, spoil the broth. Between writing the manual, teaching, house chores, etc., little time is left for my own work. Another important factor is that I am new in this field, and before I grasp the mechanics of teaching I will never have time. All in all I enjoy my position immensely and I am learning more than my students.

My wife, Olga, was pleased to hear her name mentioned in your letter. I would not say that she is a sportsman, but she has sufficient interest in the outdoors to make a good companion. She especially enjoys spelunking (cave climbing) — provided someone is by her side. She also likes to travel. Just several years ago she worked as a guide on the American Graphic Arts Exhibit in the USSR. She then proceeded to visit Kashmir, India, and several countries in Europe. Speaking about India, several days ago I saw on television: The Razor's Edge by Ma[u]gham. The production followed the book surprisingly closely.

You are correct in your assumption, Professor Efremov, my name is probably of a Polish origin, but both of my parents are Russian. I was born in Belorussia and after the war ended up abroad.

I am enclosing two photos of my Master's thesis area in West Virginia. It is an anticlinal alley the core of which is Ordovician limestone. Res[i]stant mid Silurian sandstones are the ridge-formers.

My wife sends you her regards. With respect and admiration,

Sincerely yours,
George Rabchevsky

Университет Джорджа Вашингтона
Вашингтон, округ Колумбия, 20006
Факультет геологии

Дорогой профессор Ефремов!

Я получил Ваши книги — «Степан Разин»[1], «Путеводитель по архитектуре Ленинграда», «В лесах и на горах»,[2] а также Вашу открытку. Большое Вам спасибо за всё это. Надеюсь, вы получили в сохранности мои посылки. Также недавно я выслал Вам учебник, который задействую в своем курсе по физической геологии. Текст по исторической геологии я вышлю Вам в ближайшее время. Вынужден огорчить, я не смог раздобыть для Вас обложку журнала

[1] Чапыгин А. П. Разин Степан.
[2] Мельников-Печерский П. И. В лесах. На горах.

«Лайф». Там мне дали отрицательный ответ и посоветовали проверить информацию ещё раз — возможно, это был какой-то другой журнал?

Я пользуюсь двумя полученными от Вас учебниками по основам геологии — Жукова и Горшкова[1]. Трактовка истории геологии Жукова и его соавторов мне ближе, чем представленная в нашем учебнике. Я с удивлением обнаружил, что они не включают разделы об осадочных и метаморфических породах или упоминают их совсем кратко. Когда студенты, изучающие физическую геологию, проходят эти темы? Мы изучаем осадочные породы в первом семестре, в курсе исторической геологии. Горшков упоминает осадочные породы, но начинает с фаций — понятия, с которым студентам не геологической специальности будет сложно разобраться. Мы рассматриваем фации в разделе осадочной стратиграфии. Горшков и другие упоминают метаморфические породы, и сверх того рассматривают физическую часть геологии более основательно. Тем не менее, примечательно, что в целом, вне зависимости от издания, суть предмета представлена на обоих континентах в едином ключе.

Сейчас я составляю лабораторный справочник по исторической геологии. Задача не из простых — особенно когда твои коллеги считают своим долгом помочь. У нас здесь говорят: «Слишком много поваров — супу пропасть». С преподаванием, составлением справочника, домашними делами и прочим для личного творчества почти не остается времени. Другой важный момент — это то, что я в этой области новичок, и пока не освою методику преподавания, у меня никогда не будет времени. В общем, я наслаждаюсь своей должностью и узнаю больше, чем мои студенты.

Моя жена Ольга была польщена, узнав, что вы упоминаете её в письме. Я бы не назвал её спортсменкой, но она любит бывать на открытом воздухе, и с ней хорошо ходить в походы. Особенно ей нравится спелеотуризм (лазание по пещерам) при условии, если кто-то находится рядом. Также она любит путешествовать. Всего несколько лет назад она работала гидом на выставке американского графического искусства в СССР. После она посетила Кашмир (в Индии) и несколько европейских стран. Кстати, об Индии — несколько дней назад я видел по телевизору «Остриё бритвы» Моэма. Экранизация оказалась на удивление близкой к книге.

Вы верны в своих предположениях, профессор Ефремов, моё имя, возможно, польского происхождения, но оба мои родителя — русские. Я родился в Белоруссии и после войны оказался за границей.

Прилагаю две фотографии местности в Западной Вирджинии — предмета моей магистерской диссертации. Это антиклинальная аллея с ордовикским известняком в сердцевине. Стойкие средне-силурийские песчаники формируют гребень.

Моя жена передает Вам привет.

С уважением и восхищением,
искренне Ваш
Джордж Рабчевский

Перевела Елена Фонфрович

---

[1] М. М. Жуков и Г. П. Горшков были авторами и соавторами нескольких учебников для университетов и специализированных вузов по основам геологии и общей геологии. Два таких учебника были посланы И. А. Ефремовым Дж. Рабчевскому.

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1] 62

Москва
15 октября 1965 г.

Глубокоуважаемый Георгий Константинович!

Ваше письмо пролежало без малого месяц, пока я путешествовал по Волге. Рад приветствовать Вас, и жена Вам тоже кланяется. Прилагаю квитанцию — я подписал Вас на журнал «Индия», но он, увы, всего четыре номера в год.

Только недавно нашёл другой путь для получения Ауробиндо, но тут война[2] задержала всю переписку. На днях уеду в дом творчества продолжать книгу, здесь мешают.

Будьте здоровы и пишите.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

Ж. МУССО — И. А. ЕФРЕМОВУ 63

Париж
18 октября 1965 г.

SOUHAITONS VIVEMENT ARTICLE POUVEZ VOUS TELEGRAPHIER ACCORD ET DATE ENVOI SENTIMENTS ADMIRATIFS JACQUES MOUSSEAU

ОЧЕНЬ ХОТИМ СТАТЬЮ НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ СОГЛАСИЕ И ДАТУ ОТПРАВКИ С ВЫРАЖЕНИЕМ ВОСХИЩЕНИЯ ЖАК МУССО

Перевёл Андрей Яковлев

Б. ХОЙЛ — И. А. ЕФРЕМОВУ 64

Кембридж, Англия
20 октября 1965 г.

Dear Professor Efremov,

Prof. Fred Hoyle wishes me to thank you most warmly for your very kind letter. He would be delighted to receive an English translation of your “Andromeda”.

With every good wish,
Yours sincerely, *Barbara Hoyle*

Дорогой профессор Ефремов,

профессор Фред Хойл попросил меня передать самую тёплую благодарность за Ваше любезное письмо. Ему доставило бы большое удовольствие получить английский перевод «Туманности Андромеды».

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваша *Барбара Хойл*

Перевёл Андрей Константинов

---

[1] Открытка с изображением цветущего поля сурепицы, провинция Чжэцзян (Китай).
[2] Индо-пакистанский конфликт 1965 года.

65 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
29 октября 1965 г.

Dear Professor Efremov:

I am enclosing an announcement about the translation into English of Strakhov's Principles of Lithogenesis. I have just received the three volumes from you. Thank you very much for doing so, because I feel I may get more out of the original then from the translation.

I am glad that you like the Lord of the Rings. Believe me, it is my pleasure to know that you are satisfied. I am now coming to the end of Melnikov's "В лесах", and anxiously await the other volumes. Мельников-Печерский amazes me with "old style" of writing — he says everything in such plain words, yet the sentence structure and particularly the simplicity give me an impression that this man knows all there is about his country and his people. He brings up so many ways of life in his characters that all the "modern" problems become obsolete: what we are going through now, Melnikov's people have already long time ago experienced it. I feel Чапыгин attempts to grasp the feel of time and people in his "Степан Разин", just as Мельников does. But I also feel that these two men cannot be compared: Мельников wrote for one purpose — to expose, regardless of the critics, the way of life of a vanishing group of people, which in his opinion, I think, were the real leaders of Russia; Чапыгин, in my opinion, writes more for the audience, carefully selecting the time period of his plot and the mood of the people at the time of publication. You also ask me about the Uralian fairy tales: I am very fond of legends and fairy tales and have some in my library: Русские народные сказки (Нечаев, Рыбаков), Былины (Водовозова), Хождение за три моря Афанасия Никитина, and Василиса Прекрасная, with illustrations by Билибин. I will be glad to receive from you Bazhov's fairy tales.

For the past three weeks I have been away from the University. It is rather embarrassing to say that while playing soccer, I collided with another player. I received a hand blow from his shoulder to my upper cheek. The eye-socket bone was broken at its base and a crack appeared at the left temple. I was admitted to the emergency word and operated on. Presently, I am recuperating and will resume my duties next week. Mary scolds me that a man of my position and age should stop playing with boys and act like a youngster, but I disagree with all: a man is as old as he thinks he is. In my opinion, too many people become too old too soon, and much of this has to do with the personality.

I was unable to send you yet Dunbar's Historical Geology text book. I will do this next week. Enclosed will also be a volume from the Life Nature library, The Poles. I have not received your biography, or have you not sent it out yet? What do you think of the text book — Physical Geology by Leet and Judson? Have you seen the new book by Holmes (who died recently), Physical Geology? This English gentleman has an easy way of writing — geology becomes an adventure novel with him. The book, however, is not for beginners, it is almost a professor's encyclopedia, or a reference book.

With best wishes and regards,
Sincerely yours,
George Rabchevsky

P. S. You asked me in your earlier letter about my resemblance to a Russian or a Pole — in my first or second letter to you, I gave some of my background.

Дорогой профессор Ефремов!

Прилагаю анонс о переводе на английский «Принципов литогенеза» Страхова[1]. Я только что получил от Вас три его тома. Спасибо огромное за это, чувствую, что из оригинала смогу больше почерпнуть, чем из перевода.

Я рад, что Вам понравился «Властелин колец». Поверьте, очень приятно знать, что Вы довольны. Сейчас я дочитываю «В лесах» Мельникова, и с нетерпением жду остальных томов. Мельников-Печерский поражает меня своим «старинным стилем» — сами слова вовсе не сложны, однако весь строй повествования и особенно сама эта простота создают впечатление, что этот человек знает о своей стране и народе всё до глубины.

Он показывает столько разных жизненных подходов в своих персонажах, что все «современные» проблемы кажутся устаревшими: всё, с чем мы сталкиваемся, герои Мельникова уже испытали много лет назад. Мне кажется, Чапыгин пытается ухватить чувство времени и народа в его «Степане Разине»[2] наподобие Мельникова. Мне также кажется, что этих двоих нельзя сравнивать: Мельников писал лишь с одной целью — представить, невзирая на критику, уклад жизни исчезающей группы людей, которые, по его мнению, думаю, были истинными лидерами России; Чапыгин, как мне кажется, пишет больше для читателя, согласуя намеренно временной отрезок в своем сюжете и настроение общества на момент публикации. Вы также спрашиваете меня об уральских сказках: я очень люблю легенды и сказки, в моей библиотеке есть «Русские народные сказки» Нечаева и Рыбаковой, «Былины» Водовозова, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и «Василиса Прекрасная» с иллюстрациями Билибина. Я буду рад, если Вы пришлёте мне сказы Бажова.

Последние три недели я провёл вне университетских стен. Довольно стыдно признаться, что играя в футбол, я столкнулся с другим игроком. Я получил удар плечом в верхнюю часть щеки. Кость у основания глазницы проломилась, и в левой височной кости образовалась трещина. Меня поместили в неотложное отделение и прооперировали. Сейчас я поправляюсь и вернусь к своим обязанностям на следующей неделе. Мэри ворчит, что мужчина в моём возрасте и на такой должности должен перестать играть с мальчиками и вести себя как юнец, но я с этим не согласен: возраст мужчины зависит от самочувствия. Мне кажется, что многие люди слишком рано стареют, и всё дело в их характере.

Мне не удалось пока послать Вам учебник по исторической геологии Данбара. Я сделаю это на следующей неделе. В приложении также будет том «Полюса» из «Библиотеки живой природы» журнала «Лайф» Я не получил Вашу биографию. Или Вы её ещё не высылали? Что Вы думаете о «Физической геологии» Лита и Джадсона? Видели ли Вы новую книгу недавно умершего Холмса — «Физическую геологию»? Этот английский джентльмен пишет очень легко, с ним геология становится приключенческим романом. Книга,

---

[1] Страхов Н. М. Типы литогенеза и их эволюция в истории Земли. — М., 1963.

[2] Точное название «Разин Степан».

однако, не для начинающих, это едва ли не энциклопедия для профессоров, или справочник.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш,
Джордж Рабчевский

P. S. В более раннем письме вы спрашивали о моем сходстве с русскими или поляками — в первом или втором письме я написал немного о своей биографии.

Перевела Лариса Михайлова

66 Н. В. МАНОХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Прага
1 ноября 1965 г.

Здравствуйте, многоуважаемый Иван Антонович!

Пользуюсь любезным приглашением прислать отзывы читателей по поводу содержания Вашего весьма интересного труда, вышедшего под названием «Лезвие бритвы», и позволяю себе обременить Ваше внимание несколькими словами и примечаниями по поводу вопросов, затронутых Вашим знаменательным произведением.

Должен предпослать тем, что я с ним познакомился несколько случайно, так как Ваш труд попал ко мне довольно неожиданным образом.

После беглого ознакомления с ним я немедленно отправился в пражское отделение «Советской книги» для приобретения Вашего труда. Я обычно покупаю книги только после предварительного ознакомления с ними. Но, к моему крайнему сожалению, Ваш труд был немедленно после своего появления в Праге распродан пражским любителям фантастики и приключенчества. Не солоно хлебавши, я тотчас написал своим знакомым в Брно и в Братиславу с просьбой переслать мне Ваш труд, будет ли таковой там. Пока же я попросил оставить мне Ваше произведение на некоторое время для более углубленного знакомства с ним. Результатом какового и являются нижеследующие строки.

Прежде всего разрешите мне от всей души поблагодарить Вас как за смелость, с которой Вы коснулись так называемых «проклятых вопросов», так и за Ваше изложение их и диалектическую конфронтацию «Запада» с «Востоком», коммунизма с индийской мудростью.

Должен сказать, что Ваш труд явился для меня, с одной стороны, подтверждением моих мыслей и исканий, а с другой — весьма интересным обобщением, какой-то квинтэссенцией основных принципов как эстетики, так и воспитаний: волевого, психического (психофизиологического) и телесного (физкультуры). Давным-давно я ищу подобное произведение, которое позволило бы диалектически осмыслить многие явления как нашей психики, так и вообще жизни, до сих пор ещё не объясненные как следует, но тем не менее существующие и поражающие воображение. Голословным отрицанием или, как говорится, «открещиванием» здесь нельзя помочь. Перечитал я немало самых разнообразных произведений по затронутым Вами вопросами, познакомился с немало людьми, занимавшимися этими проблемами, но нигде не встретил

такого содержательного обобщения и диалектического обоснования излагаемых Вами проблем, правда, в несколько «приключенческом» оформлении. Это оформление явится причиной, что Ваш труд будет «похоронен» в библиотеках любителей фантастики и приключенчества и не станет отправной точкой для дальнейшего развития изучения и разъяснения затрагиваемых проблем.

Для меня лично Ваш труд является ещё тем более замечательным, что он в некоторых точках сходится с учением чешского философа и эстетика, профессора истории искусства и эстетики пражских высших учебных заведений д-ра Мирослава Тырша, создателя и основоположника как чешского, так и славянского Сокольства, поклонником которого я являюсь со времени моего приезда в Чехию (а этому будет в следующем 1966 г. 60 лет). Тырш исходил из античного эллинского учения о «каллокагатии».

Ваше замечание о взаимоотношениях «сознательного» и «подсознательного» и о том, что они отделяются весьма «тонкой» границей, напоминающей лезвие бритвы, неожиданно совпадает с мнением Гашека (автора «Швейка»), что самой интересной жизнью является та, при которой человек движется по «лезвию ножа», отделяющем «законное (сознательное)» от «незаконного (подсознательного)».

Очень мне понравилось Ваше описание «диспута» Гирина с индейскими мудрецами. Этот своеобразный «диалог» (как теперь принято говорить) между коммунизмом и индийской мудростью очень показателен и заслуживает перевода на язык, доступный индийским мудрецам. Также весьма показательно Ваше отождествление йог с психофизиологическим совершенствованием. Равно как и разъяснение разных видов йог. Не говоря уже о Вашей очаровательной диалектической попытке объединения идей коммунизма с психофизиологическим совершенствованием человека. По моему мнению, Вы совершенно правы в том, что такое совершенствование лежит в основе осуществления коммунизма. Это непреложная истина для меня. И с этой точки зрения нужно рассматривать так называемую «генерационную проблему» «отцов и детей», а также вопрос о молодёжи, который является в настоящее время мировой проблемой…

Разрешите обратить Ваше внимание на интересную попытку одного университета в США создать новое, так сказать, биологическое обоснование метода взаимного подбора мужа и жены. Там создали по этому поводу новое учение и назвали его «БИОАМОНИКА» — «БИО (логия) — АМО (р) — (тех) НИКА. Это какая-то биологическая механика «любви». В этом университете психологи, биологи, психиатры, профессора этики, эстетики и морали решили доверить счётной машине разрешение вопроса о подборе мужем жены и наоборот. В память счётной машины вложили, по возможности, все доводы того, почему тот или иной человек избирает другого в качестве своего партнёра и почему отдаёт ему предпочтение. Из специальной литературы и беллетристики и из гигиены выбрали в общей сложности одну тысячу триста тридцать пять доводов и вероятностей. Одновременно там вписали доводы гигиенические, здравоохранительные (с точки зрения наследственности, состава крови, болезней предков, расположения и аверсии). А также и интересы литературные, художественные, любительские, цвет волос и глаз, привычки, повадки, дурные привычки и т. д. На бале, на котором присутствовали только студенты и студентки (медики и медички, юристы и юристки, философы и философички) была испытана счётная машина таким образом, что каждый присутству-

ющий (-щая) получил (-а) особый листик для перфорации, на котором отметил дырками свои требования, предъявляемые к будущему партнёру (-ке) на всю жизнь. Таким образом перфорированные листки были вложены в счётную машину, которая в течение приблизительно 5 мин[ут] распределила листки, обработала их и предопределила каждому «ту его настоящую» и наоборот. Каждый отдельный листик был обозначен особым кодовым значком. Машина вырешила взаимную «биоамоническую» привлекательность в весьма краткое время по сравнению с обыкновенным, обычно не точным даже «недостаточным» подбором. Не буду дальше утруждать Вашего внимания, но, кажется, что 90% дело окончилось свадьбой... Что Вы скажете насчёт такой модификации «естественного подбора»?

А теперь разрешите несколько примечаний к содержанию Вашего замечательного труда. Хорошо было бы, если бы вы обратили Ваше внимание также и на то обстоятельство, что некоторые виды аскетизма являются как будто бы особыми видами попыток своеобразного психофизиологического совершенствования индивидуального человека без обращения внимания на то, полезно это человечеству или нет.

А теперь коснусь Вашего замечания, что нечто подобное «заключению в одиночестве» тибетских красных шапок в качестве своеобразной «бани для психики» встречается и православном отшельничестве. Тут нужно отметить и то обстоятельство, что в православном монашестве имеется и такая институция, как «схима». А потом интересно, что также встречается и дальнейшая институция так называемых «старцев», назначение которых весьма соответствует назначению индийских «гуру». Равно как «послушники старца» вполне отвечают «чела». Но, конечно, никак нельзя считать такого проходимца, как Распутин, за старца, как в своё время писали русские газеты и даже некоторые «солидные» произведения. Ведь это настоящая профанация. Вы правы, Распутин (собственно говоря, на самом деле Новых) был природным гипнотизёром, которого отыскал, извлёк из прозябания, обработал, развил и наставил в соответствии со своими особыми целями некий врач Бадмаев. Бадмаев — бурят-ламаист — после окончания Военно-медицинской академии врачом через некоторое время очутился (можно теперь только догадываться: на чьи именно средства и по чьему благословению) на Тибете в Лхасе. Затем, после возвращения оттуда в Петроград, Бадмаев устроился в качестве врача и одновременно тибетского «чудодейственного целителя». Кроме того он занимался ещё некоторыми другими делами, нити которых тянулись к особому отделению личной канцелярии Вильгельма II. Ну, об этом достаточно. Но неплохо было бы теперь, когда открылись некоторые архивы, кому-нибудь распутать этот интересный клубок. Это дало бы довольно занимательный вклад для изъяснения разнообразных «подводных течений» (как говорят японцы) того времени. Мне обо всём том довольно трудно говорить, потому что у меня нет в настоящее время никаких документальных доказательств, одни только воспоминания...

Вспоминаю, что в 1922-ом в Москве появилась интересная книжка какого-то физиолога (к сожалению, не помню ни названия книжки, ни имени автора), который сводил все «деяния святых» и подобные явления к тому, что-де человек может научиться владеть своими действиями путём «самовоспитания» органами выделения и распределения внутренних выделений. Эта книжка была у меня в Праге в 1923-м году, но, к моему крайнему сожалению, кто-то

из «парапсихологов», с которыми мне тогда пришлось встречаться, эту книжку одолжил и «зажулил».

Затем было у меня несколько приятелей, которые в своё время занимались этими «проклятыми» проблемами и пытались себя «усовершенствовать» своеобразным психофизиологическим самовоспитанием на основе переводов разнообразных произведений об йогах, карме и подобном. Должен, однако, сказать, что они кончили весьма плохо: подверглись преждевременной смерти, но отнюдь не сумасшествием. Врачи у них определили в то время весьма редкую болезнь: падение количества красных шариков в крови и окончательную их потерю. В настоящее время это считается признаком лучевой болезни. Интересно, что некоторые «руководства» предупреждают «адептов» о возможности такого заболевания при производстве некоторых «проклятых опытов»...

Простите, что забегаю в воспоминания, которые, конечно, не могут Вас интересовать.

Вернусь к Вашему труду.

Очень хотелось бы видеть продолжение Вашего «Лезвия бритвы», хотя бы в виде описания следующего путешествия И. Гирина в Индию и дальнейших встреч с индийскими мудрецами, сопровождаемых «диспутами» и «диалогами».

Н. Манохин

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

67

Москва
3 ноября 1965 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Отвечаю Вам с большим опозданием. Тому две причины — странствовал по Волге и, возвернувшись, ухватил грипп, в результате чего только-только оклемался и сердце до сих пор не пришло в порядок. Поэтому не смог приехать в Ленинград, как намеревался, и после праздников поеду в Малеевку до середины декабря.

Посылаю Вам Вашу заметку с небольшими своими пометками. М. б., вычеркнутое в начале не нужно — мелкие подробности, существенные в детальной биографии, но не здесь.

В раздел моих заметок и статей можно (по Вашему усмотрению, конечно) добавить:

1. Семь лун Земли (статья), Дружба Народов, № 1, 1958.[1]
2. Покрывало Таниты (статья), Культура и Жизнь, № 7, 1958.[2]
3. Предисловие к Казанцеву «Пылающий Остров», изд. 1963.
4. Предисловие к Ю. Долгушину «ГЧ»[3], 1962.
5. Предисловие к Стругацким «Хищные вещи века», 1965.

---

[1] Ефремов И. А. Семь лун Земли. (О перспективах развития космонавтики. Новогодние мечтания) // Дружба народов, 1958, № 1. С. 170—172.

[2] Ефремов И. А. Покрывало Таниты: (Об изучении Луны) // Культура и жизнь, 1958, № 7. С. 17—21; рисунки Л. Катаева. (Танита — богиня Луны у древних карфагенян.)

[3] Научно-фантастический роман Ю. А. Долгушина (1896—1989) «Генератор чудес».

Сейчас послать Вам Андерсона ценной почтой некогда, вернее, некому. Ужо привезу сам, когда приеду в Ленинград зимой.

Пользуюсь случаем поздравить Вас с наступающим праздником и пожелать наивозможного счастья, а главное — здоровья.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

68 Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
5 ноября 1965 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов,

спасибо за Ваше письмо от 20 окт[ября]. Статью для Planète у Вас вырву в другой раз...

Посылаю Вам фотографию ответа американцев. Я им, вероятно, отвечу в Planète.

Дружески Ваш
J. Bergier

69 Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
8 ноября 1965 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов,

у меня к Вам большая просьба. Пришлите мне, пожалуйста, книгу: Юлиус Мадер, «Тайна Хэнствилла» (издательство «Политической литературы»). Эта книга описана в «Знание — сила», № 10, стр[аница] 44. Я её читал по-немецки: автор много пишет о моём участии в Сопротивлении. Я хотел бы эту книгу иметь по-русски.

Получили Вы фотографию «Fantasy & Science Fictions»?

Дружески,
Jacques Bergier

70 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
10 ноября 1965 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Сердечное спасибо за поздравление с праздником от Таисы Иосифовны (не Раисы) и меня. Не откажите принять и наши поздравления, запоздалые, потому что оба болеем.

На днях я пошлю Вам ценной бандеролью обещанную книгу «Рассвет магов»[1]. Переводить её, как это я Вам раньше писал, не нужно. Отдельные

[1] Имеется в виду книга Ж. Бержье и Л. Повеля «Утро магов».

куски её уже переводятся с французского оригинала. Когда прочтёте, пошлёте её мне тоже ценной бандеролью, а не просто заказной.

Теперь о Вашем вопросе. Если бы я был действительно жнани-иог, как Вы изволите незаслуженно меня величать, и тогда ответ на этот вопрос вряд ли был возможен. Поскольку же я обыкновенный смертный, ещё далёкий от освобождения и крепко привязанный к колесу жизни, то могу лишь ответить Вам так:

Если вечное столкновение духа с косной материей волнует океан мировой души, то отдельные её всплески, разбивающиеся на миллионы капель, существуют как отдельные капли только здесь, перед Пределом. Падая обратно в Запредельность, они неминуемо сливаются с океаном Атмана и не существуют как отдельные капли.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ

Гданьск
12 ноября 1965 г.

Дорогой Иван Антонович!

От всей души поздравляю Вас с сорокалетием активной деятельности на благо советской и мировой науки!

Мы, моряки-дальневосточники, гордимся, что человек, впервые получивший морское крещение водой Великого океана, смело шагнул с палубы в науку и с тех пор уверенно и мужественно идёт по её нелёгким дорогам, служа примером и образцом людям суши. С упорством и смелостью, достойными Магеллана и Лаперуза, Вы прокладывали пути и открывали тайны природы всюду — на безлюдных пространствах плоскогорий Восточной Сибири и в смертоносных песках Гоби. Подобно Беллинсгаузену и Лазареву, Вы открываете тафономию. В двадцатом веке открыть новую науку ничуть не проще, чем в девятнадцатом — новый материк. Человек широкой и доброй души, Вы ничего не делаете только для себя, а щедро делитесь с людьми всем, даже мечтой. Вот уже двадцать лет Ваши книги несут радость людям, порождают в сердцах любовь к прекрасному, зовут к достижению глубин Космоса и вершин самопознания, что не менее важно в это суровое и тревожное время пробуждения Человека!

Порою Вам было нелегко, но стойко встречая ледяной вал невзгод, порождённый в тёмных пучинах сумеречного сознания, Вы оставались на палубе, жалея человеческой жалостью унесённых.

Я безмерно счастлив, что некогда встретил на своём пути по жизни Ваши книги, а позже — и Вас! Безмерно счастлив и благодарен, ибо не преувеличивая скажу, что всем хорошим, что есть во мне, я обязан Вам.

Новых успехов Вам и крепкого здоровья, дорогой Иван Антонович!

Искренне Ваш
Б. Устименко
и моряки т/х «Сахалинлес»

72 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
17 ноября 1965 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Извините за почерк — пишу лёжа.

Спешу отправить Вам фотокопию ответа американских фантастов Вам и Е. П. Брандису, присланную мне Ж. Бержье.

Ответы (как Вы сами убедитесь) удивили меня своей мягкостью и доброжелательностью — равно как и печалью.

Вот какие срочные дела — можете Вы прислать мне копию нашей статьи о Бержье, подписав её вместе с Е. П.? Мой оригинал не хотят брать в «Правду», потому что подпись в ней подклеена к тексту.

Сердечный привет всем.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

P. S. Тасенька позвонит Вам.

73 Н. В. МАНОХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Прага-Виноградьі
19 ноября 1965 г.

Здравствуйте,
многоуважаемый Иван Антонович!

Своим неожиданным любезным присылом Вашего замечательного труда «Лезвие бритвы», да ещё с Вашим авторским посвящением, в ответ на моё письмо Вы меня совершенно сконфузили и, так сказать, прямо обезкуражили.

Мне ужасно совестно, что моё письмо к Вам «не попало в точку» и «разминулось» со своею целью. Ведь я хотел попытаться вступить некоторым способом в переписку относительно разных интересных явлений как в природе вообще, так в особенности в жизни человека и в самом человеке, с которыми мне пришлось встретиться на своём жизненном пути и которые Вы называете психофизиологическими. Как видно, этого, к моему крайнему сожалению, не получилось, и я прошу у Вас прощения за свои неделикатность и назойливость. Для меня это весьма прискорбно.

Тем не менее, я должен совершенно искренне признаться в том, что Вы мне ужасно польстили присылом Вашего знаменательного труда, в особенности же своим авторским посвящением. Я очень горжусь этим и я Вам весьма признателен и благодарен за Ваше великодушие в этом отношении.

Простите ещё раз за мою назойливость.

Ваш от всей души благодарный
инж[енер] *Н. В. Манохин*

Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Неаполь
23 ноября 1965 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Антонович,

прилагаю письмо книгопродавца[1] со списком книг, им посланных Вам. Надеюсь, что Вы их получили или что получите их скоро.

Жаль, что оказалось невозможно послать Panther Books, т. к., как пишет Сеебер, издатель отказывается послать сочинения отдельно, а надо ему заказать каждое по 36 экземпляров (да что делать книгопродавцу с остальными 35 томами?)

Очень жалею, что не получили моё давнее письмо о Лезвии. Стараюсь вкратце излагать его суть: роман весьма интересен и по концепции оригинален, и потому сильно привлекающий. Единственный недостаток, по-моему, в том, что иногда философская тематика берёт верх над рассказом. Т.е. искусство подчиняется мысли, пропускает её вперёд.

---

[1] МАГАЗИН МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИГИ ЗЕЕБЕРА — Л. ПАЧИНИ

Флоренция
8 ноября 1965 г.

Egregio Professore,

accludiamo alla presente la fattura per quanto oggi stesso spedito al Prof. Efremov. Non é possibile accludere la ricevuta della raccomandata poiché le ns/ spedizioni vengono elencate in un apposito libro per cui viene rilasciato un unica ricevuta.

Siamo spiacenti doverle comunicare che non ci é possibile procurarle i volumetti della collezione «Panther Books» in quanto l'editore comunica che non può evadere ordini inferiori a 36 per titolo.

E'stato chiarito il motivo del mancato invio del volume del Lee, il titolo non era quello giusto infatti, evidentemente dopo l'annuncio che Lei ci ha mandato, il titolo é stato cambiato nel seguente: «The Virgin Market»

Sempre a Sua completa disposizione per quanto possa occorrere,

distintamente La salutiamo.
Libreria Internazionale Seeber

Уважаемый профессор,

прилагаем к настоящему письму счёт за сегодняшнюю посылку для профессора Ефремова. Квитанцию на получение заказного письма приложить невозможно, т. к. все отправления регистрируются в специальном журнале учёта и выдаётся единый счёт.

С сожалением сообщаем, что не можем отправить Вам тома собрания от «Panther Books», т. к. издатель уведомил, что не принимает заказы менее чем на 36 экземпляров каждого романа.

Стала ясна причина неудачи с отправкой романа Ли: заглавие было указано неточно, правильное название, после Вашего сообщения: «The Virgin Market».

Если потребуется наша помощь, мы всегда к Вашим услугам.
С уважением,
Магазин международной книги Зеебера.
[подпись неразборчива]

Перевела Алессандра Леоне

Что касается итальянских лиц, они вышли очень удачно и верно. Да они и симпатичны. За них большое Вам спасибо.

Что Вы теперь делаете? Отдыхаете или принялись за новую работу? Напишите о Вас, о Вашем здоровье и о Ваших. (Что Ваш сын и Ваша дочь?)

Целую ручку Вашей супруге и шлю Вам дружеский привет.

Уважающий и любящий Вас
Л. Пачини

75 Н. В. МАНОХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Прага-Виноградьі
26 ноября 1965 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Ваше любезное письмо от 17-го ноября с. г. меня весьма обрадовало Вашим решением завязать переписку со мною, за что я Вам очень благодарен. Теперь я вернусь к тому, что Вы написали мне в Вашем милом письме, а под конец я представлюсь Вам. Быть может, Вы не захотите переписываться со мною, когда ближе познакомитесь со мною.

Вы пишете, что Вас очень интересует «узел Бадмаев — Распутин», при том настолько, что хотите, чтобы кто-нибудь написал о нём, и даже предлагаете мне взяться за это нелёгкое дело. К моему крайнему сожалению, я за это не могу взяться. С одной стороны, я не обладаю необходимыми для этого литературными талантами и данными, а с другой — несколько стар. Кроме того, придётся разыскивать материалы, что можно сделать главным образом в Союзе. Ведь придётся порыться в архивах: царской полиции, жандармерии и охранки, а также и в архивах разных царских министерств. Кроме того, быть может, придётся порыться как в архивах кайзеровской Германии, так и личной канцелярии Вильгельма II. Так что это «дело» потребует довольно много времени, усидчивости и терпения. Я думаю, что материалы нашлись бы, и при том довольно обширные и основательные. Я могу к этому сказать лишь следующее. Мой папа был и. о. судебного следователя у нас на Дону, был довольно известным криминалистом, и ему приходилось иногда по требованию из центра производить некоторые дополнительные расследования. Так как я был всегда очень и любопытным и любознательным, то иногда без ведома папы рылся в его «делах», хотя мне за это довольно часто попадало, и притом довольно чувствительно. При этом мне попадались разные имена, среди которых также фигурировали имена: Иоанна Кронштадского и д[окто]ра Бадмаева, так что я кое-что о последних узнал. Даже папа после того, как был в первый раз разбит параличом, ездил к Бадмаеву в Петроград и нам рассказывал о нём... Мой своеобразный характер как-то заставлял меня собирать всевозможные разрозненные и при том, казалось бы, не находящиеся в логической связи сведения, обобщать и складывать их в какую-то картину на манер своеобразной мозаики. В результате у меня получалась довольно-таки дельная картина, хотя я и не всегда мог «подпереть» ту «картину» доказательствами или документами... В связи с Бадмаевым появился у меня и интерес к Распутину...

В 1918-м г. в Новочеркасске у одних знакомых (супруга была англичанка) появились 2 молодых парня, которые пробирались на юг для дальнейшего

следования в Англию. Они между прочим говорили, что их послала в Россию Интеллиженс Сервис специально для отыскания и перевоза Распутинского архива, и что им удалось часть его найти, и что они доставят его в Англию. При этом говорилось о Распутине и о Бадмаеве. И эти сведения были для меня дальнейшими «мозаичными камнями»... Потом в Праге, кажется в 1924-м г., пролетел «метеором» быв[ший] п[о]л[ковни]к Каледин, один из самых выдающихся царских разведчиков. Он сообщил некоторые дополнительные сведения о карьерах Бадмаева и Распутина и об их связях — как личных, так и с особым отделением личной канцелярии Вильгельма II. Особым агентом этого отделения был и небезызвестный жандармский полковник-изменник, раскрытый как раз Калединым, который был потом казнён, не помню его имени... Всё это меня заставляет думать, что «узел Бадмаев — Распутин» является довольно сложным явлением, для «развязывания» которого необходимо поработать в уже указанных архивах, что требует как соответствующего времени, так и возраста. Однако для меня было бы очень интересным узнать, в чём именно расходятся мои сведения о Бадмаеве с Вашими? Не могли бы Вы мне о том написать? Быть может, нам удалось бы сообща привести их, как говорится, к «одному общему знаменателю».

Относительно биоамоники постараюсь найти для Вас как дальнейшие сведения, так и библиографические данные. Если это не удастся мне в Праге, то надеюсь, что это удастся сделать в Брне, куда я еду к дочери на зимние праздники. Дело в том, что я о том прочитал в газетной заметке без приведения источников. А когда я «шёл» за этим сообщением, то появилась некоторая надежда дойти до «корня вещи» и до источников.

Относительно д-ра М. Тырша постараюсь собрать кое-что и послать Вам. Дело в том, что учение Тырша и вообще его деятельность не находятся в настоящее время «в фаворе», и мне придётся порыться в своих бумагах и поискать у приятелей — Соколов[1]. Его труды можно найти только в специальных библиотеках, а также в личных, но отнюдь не в продаже.

Я совершенно согласен с Вами, что надлежащее решение дилеммы: индивидуум и коллектив — лежит в основе становления существования индивидуализма и коммунизма. И Вы вполне правы, что без правильного решения этого вопроса останется под конец один лишь «анархо-фашизм».

В этом отношении может значительно помочь как раз учение Тырша. Я пока ограничусь лишь приведением нескольких «кличей» Тырша, лёгших в основу сокольского воспитания на основании «Каллокагатии». Некоторые из них весьма своеобразны: «Личность сама по себе — ничто, коллектив — всё!», «Там, где нет порядка (устава), нет свободы, нет действительного и обеспеченного равенства!», «То, что Ты приобрёл упражнением, то Ты должен сберечь нравственностью и умеренностью (воздержанием)!».

Для Тырша существует лишь одна линия развития человечества в соподчинении ступеней: индивидуум — семья — народ — человечество. Индивидуум должен быть всесторонне, гармонически развитой личностью (равномерно и гармонически развитые составные: тело — душа — разум — воля — нравственность). Два гармонически развитых индивидуума (женщи-

---

[1] *Соколы* — участники движения Пражских Соколов. Сокольское движение (чеш. Sokol) — молодёжное спортивное движение, основанное в Праге в 1862 году Мирославом Тыршем.

на и мужчина) должны создать гармоническую пару — семью. Гармонически развитые семьи создают гармонический народ. Гармоническке народы дадут в результате гармоническое человечество. При этом нужно исходить из дальнейших кличей: «Там, где появляется остановка, там воцаряется смерть, мы живём исключительно посредством поступательного движения!». «Всегда и во всём непрерывное движение вперед!»

Ну, а теперь я чувствую, что Вас, по всей вероятности, мало удовлетворяет моя бездоказательная «болтовня». Поэтому было бы лучше всего, если бы Вы любезно мне написали Ваши определённые желания и вопросы и что Вы бы хотели от меня ещё знать.

По мере своих сил и возможностей я постараюсь с превеликим удовольствием удовлетворить Ваши желания.

А теперь разрешите мне представиться Вам посредством своеобразного жизнеописания в «грубых чертах».

Меня зовут Николай Васильевич Манохин. По характеру я с одной стороны — человек довольно ленивый, даже неподвижный, не любящий себя утруждать чем-либо или иметь дело с какими-нибудь приключениями. А с другой — я очень любопытен и любознателен, стараюсь знакомиться со всеми явлениями в свете и стремлюсь в каждом явлении по возможности добраться до корня дела. Кроме того, я обладаю каким-то странным свойством собирания всевозможных сведений и последующим складыванием их в своеобразные мозаичные картины из разрозненных «мозаичных камешков». Люблю решать крестословицы, или, как Вы говорите: «кроссворды». И тем не менее, моя жизнь сложилась не совсем в соответствии с моим характером и протекала весьма своеобразно, так что мне пришлось всё время находиться на каком-то «лезвии бритвы». А теперь после этого «введения» я перейду к моему жизнеописанию в «грубых чертах», опуская множество подробностей, быть может, весьма интересных и даже впечатляющих, но я не хочу чересчур обременять Вашего внимания.

Я — Донской казак хутора Манохина быв[шей] станицы Гундоровской (ныне г. Донецк), быв[шего] Донецкого округа быв[шей] Донской области. Родился я в слободе Мартыновке (Сальского округа той же области) 29-го февраля 1888 г. Мой папа был тогда мировым судьёю, а мама — народной учительницей. После окончания в 1906-м году Полтавского реального училища я пытался поступить в Киевский политехникум. Однако меня туда не приняли, так как мне, как оказалось, было запрещено продолжать образование в высших уч[ебных] зав[едениях] России из-за неудачи первой русской революции в 1905-6 гг. Перед этим моим преподавателем математики был чех: Фёдор Осипович Коваржик, который меня послал в Прагу, куда я и приехал в августе 1906-го г. Там я поступил в Пражский чешский политехникум на механический факультет после небольшого недоразумения относительно значений русских отметок. Одновременно я записался в Пражский Сокол, колыбель Сокольского движения (в нём я упражняюсь до сих пор). Овладев чешским языком, я стал кроме того вольнослушателем Пражского чешского Карлова университета на медицинском и философском факультетах, на которых я слушал некоторые предметы, которые меня особо интересовали. Всё свободное время я посвящал теоретическому и практическому ознакомлению с науками, которые так или иначе были связаны с осуществлением идей д[окто]ра М. Тырша на основе

учения о «каллокагатии». Кроме того я знакомился с историей освободительных славянских движений. Принимал участие в студенческом движении. Сотрудничал в чешской как технической, так и сокольской печати.

Моё знакомство с теорией и практикой сокольского воспитания завершилось созданием логической русской гимнастической терминологии и переводом на этой основе чешского «Курса сокольской гимнастики» (3 издания, последнее советское), который стал основой русской, а потом и советской спортивной гимнастики. 1-й государственный экзамен на звание кандидата инженер-механика я выдержал своевременно. Но мне захотелось получить звание инженер-электрика, для чего было необходимо разрешение Вены (тогда Чехия была частью Австро-Венгрии). Я своевременно подал в Вену соответствующее прошение. Но волокита была весьма продолжительна, тем более что я подал прошение на чешском языке… И вот в 1913-м г. я неожиданно получил по телеграфу категорическое предписание (в довольно своеобразной форме) явиться к призыву. На скорях я выдержал 2-ой гос[ударственный] экзамен и получил звание инженер-механика. Обручился со своей невестой — чешской нар[одной] учительницей. И в декабре месяце 1913-го г. вернулся в Новочеркасск. Явился в Донской штаб и неожиданно узнал, что я опоздал на несколько дней к осеннему призыву. После весьма неприятного разговора мне пришлось пойти к призыву 1914-го г. Тогда меня положили на 10 дней в войсковой лазарет, так как был очень близорук, а для казака это было равносильно чуть ли не с гос[ударственным] преступлением. Наконец меня пустили на все 4 стороны («белый билет») и меня не могли мобилизовать даже на нестроевую службу в случае войны. Так как я не оставлял мысли получить звание инженер-электрика, а для этого я хотел вернуться в Прагу, то мне пришлось принимать разные работы для того, чтобы заработать на проезд и на первые дни пребывания в Праге. После выхода папы в отставку я сам себя содержал в Праге. Папа умер потом в 1912-м г. Но в середине июля 1914-го г. началась 1-ая мировая. Это заставило меня искать постоянного места. Так как 1 учитель гимнастики в Новочеркасской гимназии чех-Сокол не вернулся из Чехии после каникул, то я занял его место. В Донском политехникуме узнали, что имеется молодой инженер, не обязанный военной службой. Поэтому проф[ессор] Абрамов меня пригласил на станцию испытания материалов в качестве вольнонаёмного ассистента, так как у меня — заграничного инженера — не было прав русской гос[ударственной] службы. Поступив на службу в Донской политехникум, я сейчас же подал прошение о нострификации моего пражского диплома. Но из Петрограда ответили по-соломоновски: должен продолжать служить по вольному найму, записать его одновременно на последний курс механического факультета, заставить держать дифференциальные экзамены, дать ему дипломную тему, заставить защитить дипломный проект, получить звание русского инженера, а только потом его зачислить на действ[ительную] службу... Я тогда, должно быть, был первым, кто при исполнении своих прямых служ[ебных] обязанностей одновременно учился, держал экзамены и т. д. Одним словом, в январе 1916-го г. я защитил дипломный проект (Электрификация Аксайского округа) и получил звание инженер-технолога 1-ой степени (Донской политехникум не давал звания инженер-электрика), дающее право быть преподавателем высш[его] техн[ического] уч[ебного] заведения. Я продолжал служить в Донском политехникуме, уже состоя на действ[ительной] службе, одновременно принимал

участие в местном «Соколе», а также в потребительском кооперативном движении. Кроме того, исполнял обязанности по комитетам Военнопромышленному и Военноспортивному. Потом я получил звание преподавателя. После прихода Сов[етской] власти меня кроме того мобилизовал Всевобуч для преподавания в школе инстукторов Всевобуча и назначил дополнительно старшим преподавателем по гимнастике и фехтованию в Новочеркасском училище Красных командиров... Потом Донской политехникум предложил мне занять кафедру строительной механики вместо проф[ессора] Цшохера, переведённого в Петроград, в институт Путей сообщения. Я согласился, но меня перевели в Москву старшим преподавателем Института по физкультуре Красной армии. Донской политехникум мне дал годичный отпуск без сохранения содержания. В Москве летом 1923-его г. оказалось, что Институт будет переведён в Петроград. В виду того, что мы, Донские казаки, не переносим петроградского климата (чахотка), я попросил, чтобы меня либо вернули в Новочеркасск для занятия кафедры, либо разрешили поехать в Прагу. Перед тем мне пришлось подработать на поездку и на пребывание в Праге. Я написал «Историю телесного воспитания» (в довольно плохой житейской обстановке) и продал Гос. издату. На эти деньги я и поехал в Прагу. Там сразу сказались неблагоприятные условия, в которых я писал свою «Историю». У меня настолько ухудшилось зрение, что грозила слепота. Проф[ессор] Мадл мне хотя и сохранил зрение, однако только уже не в такой степени... Потом мне пришлось искать работу. Мне удалось поступить на станцию испытания материалов Пражского политехникума сначала «волонтёром», а потом вольнонаёмным научным сотрудником (на этот раз у меня не было прав чехословацкой гос[удерственной] службы, так как я не был ч[ехо]сл[овацким] подданным). Потом по конкурсу я был принят в качестве преподавателя машиностроительного техникума в провинции, а именно машиностроительных предметов. Я со своею семьёю пережил немецкую оккупацию ЧСР. В 1948-м г. меня приняли в чех[ословацкую] ком[мунистическую] партию без кандидатского стажа. В техникумах я работал до 1952-го г., когда меня послали в отставку из-за «престарелости». Обо мне узнали в Пражском политехникуме, что я свободен, и позвали меня на кафедру языков машиностроит[ельного] факультета для преподавания русского «технического языка». Пришлось много переводить технической документации, как русской на чешский язык, так и наоборот. Участвовал в составлении технич[еской] чешской теминологии в некоторых отраслях. Для политехникума составил учебник русского языка, который лёг в основу общего суд. учебника русского языка для машиностр[оительных] факультетов. Затем учебную книгу «Русский язык» для машиностр[оительных] техникумов (уже 8-е изд.). В 1958-м г. меня снова послали в отставку, и я теперь по смерти моей верной супруги живу сам... С того времени я был дважды в Сов[етском] Союзе. А именно 1-й раз с супругой, которая никогда не была в России, в 1960-м г., второй раз в этом году... Много читаю, работаю, пишу и упражняюсь в Соколе. Ещё в прошлом году участвовал в состязаниях... Советские и чешские друзья настаивают на том, чтобы я написал свои воспоминания, но я боюсь, что их по многим причинам нельзя будет издать полностью ни в Союзе, ни в Чехословакии... Возможно, что в будущем году ещё раз поеду в Союз, если позволят здоровье и обстоятельства... Кроме того, работаю над историей физкультурных связей как между Чехией и Россией, так и между Союзом и Чехословакией...

Надеюсь, что я Вас не особенно утомил этим своим кратким жизнеописанием. Но мне очень хотелось, чтобы Вы обо мне знали самое существенное для того, чтобы Вы смогли сами решить, сможете ли Вы продолжать переписку со мною или нет. Ведь я попадал в такие своеобразные положения, что иногда и сам себе не верю, что это могло случиться со мною и что я остался в живых и невредим. Когда мне не спится (что бывает довольно редко), то я перебираю в памяти все обстоятельства своей жизни и всё-таки чувствую, что жить — хорошая и стоящая вещь. Конечно, жить только так, чтобы никто Тебя, а Ты и сам себя, не смог упрекнуть в том, что Ты испортил кому-нибудь жизнь или нанёс какой-нибудь вред. Когда однажды меня покойная супруга спросила, если бы я снова родился на свет, хотел бы повторения своей жизни без корректив и исправлений, я без колебания ответил, что хотел бы. Жизнь была настолько интересной, что я хотел бы жить хотя бы 300 лет, чтобы дожить до осуществления всех самых лучших идеалов и мечтаний человечества, а главное коммунизма.

Если Вас не отпугает моё письмо своею болтовнёю, то я с большим нетерпением буду ждать Вашего письма с Вашими желаниями и вопросами.

Ещё раз спасибо за Ваш труд «Лезвие бритвы».

С искренним уважением, Ваш Инж[енер] *Н. Манохин*

NB. Если это Вас устроит; так я мог бы Вам написать о том, как я представляю себе «узел Бадмаев — Распутин» в общих, так сказать, грубых чертах.

Простите, пожалуйста, за плохой русский язык.

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 76

г. Кузнецк
19 декабря 1965 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Сегодня закончил с чтением (и частичным переводом) «The Dawn of Magic»[1]... Много интересных фактов (известных мне и неизвестных) переплетаются с известной долей домыслов и легенд! Такая книга нужна, чтобы заинтересовать «спящих», это так... Но она наводит и на грустные мысли: Чёрный Орден, его последовательно-злая деятельность... Что ещё он преподнесёт нам — человечеству?! Другая линия — линия Белого Братства (оно существует). Вспомните картины Н. К. Рериха: на ковре-самолёте летит он — человеконенавистник и убийца; и другую — на скале тень — Его — Учителя... А ещё... Скалы, хаос скал и беспечно «спящий» человек, рядом зияет трещина-пропасть, а оттуда клубится грязный туман, а по ту сторону пропасти Человек в позе падма.

Хотелось бы больше прочесть про Ашоку и философию Sri Aurobindo Ghose[2]. Из библиотеки им. В. И. Ленина мне прислали книжку под заглавием «Общественно-политическая и философская мысль Индии». В ней одна статья посвящена «Интегральной веданте Ауробиндо Гхоша», — автор В. В. Бродов. Так вот, автор не нашёл ничего лучшего, как сказать в конце статьи: «Второй период жизни и деятельности А. Гхоша в творческом отношении оказался

[1] Бержье Ж., Повель Л. Утро магов.
[2] Шри Ауробиндо Гхош.

совершенно бесплодным. Пережёвывая худшие положения своей философской системы, он всё больше и больше склонялся к мистике (?). Его внимание увлекла "интегральная йога" (и т. д.)...

Что же странного или удивительного в том, что Sri Aurobindo последнюю часть жизни стал работать в ashram[1]? Это закономерно для человека его философских взглядов.

...Некогда владыка Брама, предусматривая благо мира, ради охранения основы (дхармы) предопределил четыре ступени жизни (ашрама)... и т. д. ... (шлока 8, гл.191, «беседа Бхригу и Бхарадваджи», — «Мокша Дхарма»). Переходы от одной ступени жизни к другой для индуса естественны и свободны. Мы же, не понимая сущности учения Санкхьи[2], пытаемся критиковать А. Гхоша.

Почему я должен узнавать о взглядах Ганди, Гхоша и других мыслителей из шаблонных «правоверных» статей? Почему я не имею права ознакомиться с ними сам?

Я запросил прислать мне Roy A. T. «Nervous System of the Ancient Hindu»[3], — отказали, хотя сообщили, что имеется. Попросил отдел микрофотокопирования прислать фотокопии с книги «Yoga Personal Hugiene», Bombay, The Yoga Institute, 1940. Автор её — Yogendra Shri[4] — отказали, «не подлежит копированию».

У руководителей библиотеки, а м. б., у других «авторов» не хватает юмора. Они себя ставят в смешное и глупое положение, а нас — читателей — оскорбляют. В заявке (форменный бланк) требовалось указать — кем и где работаете? Я написал — завкафедрой философии Университета марксизма-ленинизма. Выходит, что руководителями кафедр философии у нас люди, не способные разобраться самостоятельно в философских системах и если, упаси боже! — они получат в руки книгу, написанную не с ортодоксальных позиций, то — всё кончено... они перестанут быть марксистами. Как они не понимают, что это роспись в бессилии!.. Когда и где администрирование могло пресечь мысль? Попытки были при Сталине, что они дали? Во всяком случае, не то, что ожидалось... Кретинизм в руководстве философическими взглядами людей не сделает их кретинами.

Уважаемый Иван Антонович, Вы, вероятно, знаете имя, отчество и фамилию директора библиотеки им. В. И. Ленина. Будьте добры, сообщите их мне. Попытаюсь написать ему лично... Молчать не умею, да и не хочу!..

В книге упоминается Гурджиев — философ. Встречаюсь с его фамилией впервые. Кто он? В чём суть его философии?

На книге значительный налёт «модных» философий Запада. Они как-то тенденциозно влияют на подачу материала. Ну да ладно, пусть. Спасибо авторам за изложение массы интересных фактов... А Вам за присылку книги. Интересно дано изложение и подоплёка «высот философии нацизма». Какая узость взглядов!.. Вероятно, те же, кто стоял за спиной нацистов в 1930—45 гг., вдохновляет и организует их и сейчас. Кровь, мрак...

---

[1] *Ашрам* — обитель мудрецов и отшельников в древней Индии, которая обычно располагалась в отдалённой местности — в горах или в лесу.

[2] *Санкхья (Санхья)* — индийская философская школа дуализма.

[3] Рой Ашутош. Нервная система древнего индийца. 1930.

[4] Йогендра Шри. Личная гигиена йога. 1940.

Как здоровье уважаемой Таисы Иосифовны и Ваше? Надеюсь, что Ваша новая книга будет печататься в журналах? Хочется скорее её прочесть...

С сердечным уважением, желаю здоровья Т. И. и Вам!

Г. Портнягин

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

77

Малеевка
24 декабря 1965 г.

Многоуважаемая Галя!

Очень рад, что очередная болезнь у Вас закончилась и Вы даже уже рисуете. Я в общем оказался Вашим коллегой, так как заболел и сейчас ещё из-за сердечных осложнений в санатории.

Присланные Вами черные рисунки также хороши. Только вереница людей в «Реке времени», уходившая в туманную голубую дымку на цветном рисунке и очень верно казавшаяся как бы призрачной, в чёрно-белом, конечно, проиграла. Чара стала гораздо лучше. Отличная заставка вышла к «Легенде Синих Солнц», но вряд ли её пропустят редакторы — и полная нагота, и мистическое нечто. Но композиция очень хороша. Молодец!

Но есть и дефекты. Обратите внимание на уши женских головок в заставках к «Эпсилон Тукана» и «Красным Волнам». Они у Вас получились некрасивой формы, а главное, они низко посажены в отношении горизонтальной линии, проведенной через висок на уровне глаза. Ушки должны быть небольшие (это у Вас есть, но нехороша форма) и высоко посаженные, т. е. линия от глаза (разумеется, при прямой посадке головы) должна проходить через центр слухового отверстия, а то и через нижний край его. Это признак полностью здоровой и нормальной конструкции головы. Последите за этим на будущих рисунках, потому что люди далекого грядущего должны быть идеально «сбалансированы».

Ну, вот видите, опять я Вас критикую. Однако, я обязательно попытаюсь при следующем издании Андромеды снабдить её Вашими рисунками, как ни трудно пробить тесный комплот художников вокруг каждой редакции. Правда, что-то в последнее время они взялись издавать «Андромеду» без всяких рисунков.

Ваших рисунков к «Вайасвате»[1] я ещё не видел. Конечно, он (автор) бессовестно Вас подвел со своим психологическим опытом, так как, если бы Вы прочитали его повесть целиком, то, конечно, или сделали бы другие рисунки или вообще отказались бы.

Но не огорчайтесь, эта ещё не такая большая ошибка для Ваших лет. Впереди на пути творчества ещё много будет передряг, так что — закаляйтесь. Закаляйтесь, чтобы иметь свою собственную линию творчества.

Помните, как у Есенина:

Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только Лиры милой не отдам!

[1] Имеется в виду роман-легенда О. Бердника «Подвиг Вайвасваты» (1965).

Я не отдам её в чужие руки —
Ни матери, ни другу, ни жене...[1]

А теперь позвольте поздравить Вас и Ваших маму и папу с наступающим Новым 1966 годом. По тибетскому календарю это будет год белой лошади шестнадцатого круга. Пусть эта лошадь будет для Вас конём счастья. И не болейте, пожалуйста, хватит с Вас!

С сердечным приветом от жены и от меня, *И. А. Ефремов*

78 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Малеевка
24 декабря 1965 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Примите мои поздравления с Новым 1966 годом и наилучшие пожелания — здоровья Вам, добра и успехов.

Ваш
И. Ефремов

79 Н. МУЗАЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

26 декабря 1965 г.

Дорогой наш Иван Антонович!

Поздравляю Вас с награждением Чечено-Ингушской республики с орденом Ленина, как продолжателя традиции Пушкина, Лермонтова, являясь и певцом Чечни и как нашего почётного джигита!

От всего сердца поздравляю Вас с Новым годом, желаю здоровья, счастья и новых творческих побед!

Дружески обнимаю,
Ваш Нурдин.
Н. Музаев

80 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
26 декабря 1965 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for your most interesting letter of Dec. 7th and for the good wishes to my husband and self for the New Year. I am afraid that this letter will

[1] Цитата из стихотворения С. А. Есенина «Русь Советская»:

Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.
Я не отдам её в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.

not reach you by the beginning of 1966, but I hope it will be in time to bring our best wishes to you and your wife early in the year. We did not send out any greetings cards this year. By the time we had got settled here, it was already too late to reach our most distant friends, so we decided not to send any.

Your letter is a rather sad one — I am very sorry to hear of your illness and hope that you are recovering and that next year will be a better one for you.

I like very much to read your account of your dreams and castles in the air in your early days in Leningrad. While you have not been able to fulfil the dreams, you have had success and happiness in other ways — your work both as Paleontologist and as writer must give you satisfaction when you look back — though, of course, none of us can be wholly satisfied with our achievements.

In answer to your questions about this flat — we have bought it on a long lease with an agreement to share expenses of a general type — outside painting, repairs to roof etc. — with the other occupants. There is no second floor, so we have no noise above us. Part of the ground floor is occupied by an elderly lady and her son and we can hear their television sometimes. The floor of our sitting room has some soundproofing but it is not perfect. The third part of the house consists of several rooms on the ground floor and one on our (first) floor. This is not yet occupied and I am rather anxious about that. But the builders who did the conversion are kind and sensible people and I know they intend to have only quiet people in the house.

I do not know the detective stories by Fleming but I think he is right in regarding the place as quiet. Also, I do not know whether there are many retired colonial diplomats etc. In the part quite close to us there are a number of new houses and flats, and also other houses like this, built about 1880—90 and some of these are converted into flats. At a short distance, on the next hill is a big school — Charterhouse — formerly in London, but moved to Godalming in 1872. I do not remember whether you have ever mentioned Thackeray's novels — The Charterhouse "hostel for poor gentlemen" founded in 1611 is the one to which Colonel Newcome retires at the end of The Newcomes.

A very striking feature of the neighbourhood is the number and variety of trees. All the hills are well wooded and there are a lot of Conifers of various sorts. At a short distance from my kitchen window, there are two very tall and beautiful Cypresses. At about 9.30 pm each evening I go down our short flight of stairs (inside the house) to put empty milk bottles at the top of another flight of concrete steps (outside the house) and I look up at the dark conical trees and, on a clear night, I can see stars between them. To me they look both beautiful and friendly trees.

I look forward to getting your "long letter about several topics" which you promise to write when you get home to your Latin typewriter. But I do not find your writing at all difficult in this last letter, nor was it in any way too long.

I will write and order the books you name as soon as the Xmas rush has subsided and hope they will not take very long to reach you.

I will send this and the books to your Moscow flat, hoping that you are now well enough to go home.

My husband is very well and joins me in very warm greetings to you and your wife. I value your friendship more than I can express and remain yours very sincerely,

Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за Ваше очень интересное письмо от 7 декабря и за добрые пожелания нам к Новому году. Боюсь, это письмо не попадёт к Вам до начала 1966 года, но надеюсь, что оно всё же донесёт Вам с женой наши наилучшие пожелания. Мы в этом году никому не посылали поздравительных открыток. К тому времени, как мы здесь устроились, было слишком поздно поздравлять наших друзей, живущих в отдалении, поэтому мы решили не поздравлять никого.

Ваше письмо довольно огорчительно — мне грустно слышать о Вашей болезни, но я надеюсь, что Вы поправляетесь, и что следующий год будет для Вас благоприятнее.

Мне очень понравился Ваш рассказ о мечтах и воздушных замках, которые Вы строили в юности, только что прибыв в Ленинград. И хотя их не удалось осуществить, Вы добились успеха и счастья в другом — достижения в палеонтологии и литературе должны приносить удовлетворение, когда Вы оглядываетесь назад, — хотя, конечно, никто из нас не бывает вполне удовлетворён своими достижениями.

Отвечая на Ваши вопросы об этой квартире — мы приобрели её в долгосрочную аренду с соглашением делить расходы общего характера — наружная покраска, ремонт крыши и т. п. — с остальными жильцами. Третьего этажа нет, поэтому мы избавлены от шума наверху. Часть первого этажа занимают пожилая леди с сыном, и мы иногда слышим их телевизор. Пол в нашей гостиной снабжён звукоизоляцией, но она не совершенна. Ещё одна часть дома состоит из нескольких комнат на первом этаже и одной на нашем (втором) этаже. Она ещё не занята, и я слегка обеспокоена этим. Впрочем, подрядчики, которые осуществляли преобразования, — любезные и разумные люди, и я знаю, что они намерены селить сюда только спокойных жильцов.

Я не знакома с детективными рассказами Флеминга, но думаю, он прав в том отношении, что городок тихий. Я также не знаю, много ли здесь отставных колониальных дипломатов и т. п. Близ нас целый ряд новых домов и квартир, но есть дома, построенные, как и наш, около 1880—90 гг., и некоторые из них перестроены под квартиры. Недалеко от нас, на соседнем холме, расположена большая школа — Чартерхаус[1] — изначально лондонская, но переехавшая в Годалминг в 1872 году. Не помню, упоминались ли Вами когда-нибудь романы Теккерея — Чартерхаусский «дом престарелых для неимущих джентльменов», основанный в 1611 г. — тот самый, куда удаляется полковник Ньюком в конце «Ньюкомов»[2].

Удивляет в здешних местах разнообразие пород деревьев. Все холмы поросли лесом, и всюду множество самых разных хвойных деревьев. В двух шагах от окна моей кухни растут два очень высоких и красивых кипариса. Около половины десятого каждый вечер я спускаюсь нашей короткой лестницей (внутренней), чтобы поставить пустые бутылки из-под молока на

---

[1] Чартерхаус — элитная средняя школа, основана в 1611 г. До 1872 г. размещалась на территории картезианского монастыря в Лондоне, где и поныне существует дом престарелых с таким же названием.

[2] «Ньюкомы» (1855) — роман У. Теккерея. Полковник Томас Ньюком — один из главных героев романа, ставший олицетворением честности и благородства.

верхние ступеньки другой бетонной лестницы (наружной), смотрю на тёмные конусообразные кроны и, если ночь ясная, вижу звёзды между ними. На мой взгляд, это красивые и дружелюбные деревья.

С нетерпением жду «длинного письма на особые темы», которое Вы обещали написать на латинской пишущей машинке после возвращения домой. Однако я нисколько не нахожу Ваше последнее письмо неразборчивым, да и особо длинным.

Я закажу названные Вами книги, как только утихнет рождественский ажиотаж, и надеюсь, они не заставят себя долго ждать.

Письмо и книги я отправлю на Ваш московский адрес в надежде, что Вы сейчас уже достаточно поправились, чтобы вернуться домой.

Муж чувствует себя хорошо. Мы вместе шлём теплые приветствия Вам и Вашей жене. Не могу выразить, как я ценю Вашу дружбу.

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

И. А. ЕФРЕМОВ— В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 81

Москва
29 декабря 1965 г.[1]

Дорогой Владимир Иванович!

Поздравляем Вас и всё Ваше милое семейство с новым 1966 годом. Это будет год белого коня, а конь на Востоке — знак счастья. Будьте здоровы, как богатырь на обороте сего. Всяческого вам добра, милые вы человеки!

Ваши
Ефремовы

Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 82

Париж
Не ранее сентября 1965 г[2].

Уважаемый проф[ессор] Ефремов!

Я вижу, что в «Наука и жизнь» № 9, стр[аница] 53 есть отрывки из одной из моих книг. Может быть, можно им предложить отрывки из «Matin des magiciens»[3]?

Получили ли Вы наше письмо с анкетой?

По-дружески,
J. Bergier

[1] Датируется по штемпелю.
[2] Датируется по содержанию письма.
[3] «Утро магов» (фр.).

83 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

Декабрь 1965 г.[2]

Дорогой Иван Антонович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым 1966 Годом и желаю здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов. О себе сообщу немного — ничего нового и интересного, всё болею, болит сердце, болят «мозги». Вот и всё. Не забывайте, иногда вспоминайте, буду рад.

С дружеским приветом и уважением,
Н. Ф. Жиров

84 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[3]

Дача писателей «Малеевка»
Декабрь 1965 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Примите наши сердечные поздравления с Новым 1966 годом (белой лошади по-тибетски) и пожелания здоровья, добра и хорошей работы, от меня и Таисы Иосифовны.

Ваш
И. Ефремов

85 М. и Е. ПАВЛОВСКИЕ — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ

Декабрь 1965 г.

Дорогие Тася и Иван Антонович!

Хоть Вы опять куда-то исчезли, шлём Вам, однако, новогодний поклон и поздравление. Que la nouvelle année 1966 vous apporte des satisfactions dans tous les secteurs![4]

Ваши
М. и Е. Павловские

Жаждем вернуть Ваши книги, исправно прочтённые.

---

[1] Итальянская почтовая открытка с фотографией девушки с мороженым на пляже.
[2] Датируется по содержанию.
[3] Открытка с изображением зимнего леса.
[4] Пусть новый 1966 год принесёт вам успехи во всём! (фр.)

1966

Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1

Париж
10 января 1966 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов,

с Новым годом, с новым счастьем!

Посылаю Вам «Planète» № 26.

У меня к Вам опять большая просьба. Мне звонили из «Литературной газеты»: хотят статью. Я эту статью им посылаю сегодня. Прошу Вас им через несколько дней позвонить, спросить или они получили статью и попросить, если напечатано, то мне прислать несколько номеров газеты. Спасибо большое!

С уважением,
Jacques Bergier

И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Е. ФЕДЬКОВУ 2

Москва
14 января 1966 г.

Уважаемый товарищ Федьков!
(по свойственной молодости пренебрежительности к себе
Вы не сообщили Вашего имени-отчества).

Отвечаю на Ваше письмо с запозданием — болел и болею, так что выждать более благоприятного случая не удалось.

Отвечаю сразу же на Ваши вопросы:

1. Праническое дыхание йогов — это не синоним ритмического дыхания, потому что праническое дыхание требует определённой нервной настройки и мысленного воспроизведения хода пранического тока, т. е как бы самовнушения, что вообще играет огромную роль во всей хатха-йоге.

2. За книгой Рамачараки не гонитесь, там мало стоящего. Рамачарака — это псевдоним известного в дореволюционное время американского еврея Дженнинса[1], изучившего, но не постигшего как следует индийскую йогу.

3. Ленинская библиотека не делает копий с книг по йоге — там ещё действует запрет сталинского времени, когда все книги по йоге рассматривались

[1] И. А. Ефремов ошибочно идентифицирует Рамачарака Йога и Х. Дженнинса, так как Рамачарака выступал под разными псевдонимами.

как контрреволюция. И никак не удаётся пока пробить эту стенку. По той же причине нельзя «нажать» ни на какое издательство, чтобы издать любую книгу по йоге. Во всяком случае, я никаким таким могуществом не обладаю.

Однако недавно было всё же издано отличное руководство по хатха-йоге (ведь самодеятельная йога — это смертельная опасность, если нет гуру или хорошего пособия), составленное крупным медиком-нейрохирургом и в то же время знатоком индийских дел. Я имею в виду седьмой том перевода «Махабхараты» («Побоище палицами»), сделанного академиком Туркменской Академии Наук Б. Л. Смирновым (том издан в Ашхабаде в 1963 г., но уже разошёлся — надо искать в библиотеках или заказать фотокопию из Ашхабада — библиотеки Туркм[енской] АН). В томе есть обширные примечания, и одно из них — йога, со всеми ритмами дыхания и асанами, иллюстрированное.

Я согласен с Вами, что книга Йессудиана очень хороша, но есть и другие, не хуже.

Есть у Вас возможность перепечатки? Ежели есть, то я могу прислать Вам (когда это ко мне вернётся) перевод Йессудиана, сделанный любителем, с фото всех асан, а также ещё один перевод «Хатха-йоги» английского врача Бернарда[1]. Вы обязуетесь мне их вернуть, как скоро перепечатаете. Не будет такой возможности — подождём, пока кто-нибудь не перепечатает ещё раз, а то у меня последний экземпляр. А переснять фото есть возможность.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

3 Н. В. МАНОХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Прага-Виноградьі
15 января 1966 г.

Здравствуйте, многоуважаемый Иван Антонович!

Простите, пожалуйста, что так поздно отвечаю на Ваше интересное письмо от 11-го декабря пр[ошлого] г[ода]. Я не мог на него ответить вовремя, так как я поехал на зимние праздники и Новый Год 1966 к дочери в Брно, пробыл там почти месяц, а письма меня ждали в Праге... Вернувшись на днях в Прагу и найдя там порядочную «кучу» писем, сажусь за «корреспонденцию»...

Меня обеспокоило то обстоятельство, что Вы своё письмо писали в санатории им. моего земляка Серафимовича. Надеюсь, что не было ничего важного, что могло бы значительно отразиться на состоянии Вашего здоровья. Здоровье — это весьма большая ценность, которой нельзя рисковать...

При этом своём письме прилагаю набросок своего представления «узла Бадмаев — Распутин», так я его понимаю. Надеюсь, что он будет Вам хотя в чём-нибудь полезен. Очевидно, что для реализации «романа-хроники» об этом узле понадобится немало работы. Ведь нужно будет точно установить как ряд фактов, так и их причинную связь, что совершенно невозможно осуществить без соответствующих архивных изысканий. Интересно: сохранился ли вообще архив личной канцелярии Вильгельма II? И доступен ли он вообще? А теперь вопрос: кто был бы наиболее пригодным для написания та-

[1] Теос Бернард. Хатха-йога.

кого «романа-хроники»? Среди исторических писателей последнего времени мне более всего понравился Лев Вениаминович Никулин, и не только своим слогом и мастерством в характеристиках, но также и своею широкою осведомлённостью и пунктуальностью в изложении фактов, тонким чутьём при установлении их причинной связи. Сначала моё внимание привлекла его прекрасная книга «России верные сыны». А его последний «роман-хроника» под названием «Мёртвая зыбь» является прямо превосходным. Вот только там не хватает описания «конца» самого Кутепова, произведшее своею загадочностью такой фурор на Западе, в особенности участием певицы Плевицкой, осуждённой Французским судом за соучастие в загадочном «уносе» Кутепова и его Общевоинского Союза...

Вот я и думаю, что Л. В. Никулин был бы самым подходящим автором для написания «романа-хроники», распутывающем «узел Бадмаев — Распутин». Как Вы находите?

А теперь о Тырше. Будучи в Брне, мне удалось совершенно неожиданно приобрести у букиниста монографию о Тырше, изданную в своё время в собрании монографий о выдающихся людях чешского народа, издаваемом под названием «Златорог» об-вом художников изобразительных искусств «МАНЕС». Эту монографию я Вам перешлю, как только переведу самые интересные, по моему мнению, её страницы. Вчерне перевод уже почти готов, но нужно его ещё немного обработать, а потом переписать...

Относительно «биоамоники» ещё не удалось отыскать источники сообщения. Но при этих поисках я наткнулся на нечто подобное. А именно в № 12 чешского журнала «ZZ 100+1 — zahraniinn zajhmavost (зарубежная занимательность)» от 25.VI.1964 на стр. 57 приводится сообщение немецкого журнала «Штерн» (Гамбург) о том, что в Цюрихе имеется своеобразный «Институт для научного нахождения партнёра», принадлежащий Вальтеру Фурреру. Для этой цели там пользуются счётной машиной «Selectron International». Каждый «абонент» получает карточку с 99 вопросами, разделёнными на несколько групп, а именно: возраст, высота роста, цвет и оттенок кожи, цвет глаз, детские болезни, Rh-фактор, религия, национальность, профессия, связи перед предполагаемым супружеством и т. п. Затем приводятся вопросы, устанавливающие пожелания абонента относительно свойств желательного партнёра: возраст, высота роста, толщина (толстый, худощавый, стройный), любитель Пикассо, желает ли иметь автомобиль, некурящий, любитель домашних роботов, коммунист, мормон, любимые блюда, любитель классической литературы и пр[очие] представления об идеальном виде «желательного партнёра». Абонент у каждого вопроса пропихнёт дырку вместо ответа. Затем психолог дополнительно ко всему этому подвергает абонента трём испытаниям — тестам: относительно цвета, а потом при помощи символических изображений и нарисованных деревцев. Этими тестами психолог старается установить, какими подсознательными комплексами и представлениями руководствовался абонент при создании своего «идеального представления о своём желательном партнёре». Этими данными психолог в свою очередь дополнит карточку. Это «введение» продолжается почти 2 часа. Перфорированная карточка вкладывается в счётную машину. Из последней выйдет новая карточка с определением возможного партнера из клиентов «Института». В случае завершения такого «посредничества» свадьбой в день бракосочетания Фуррер вручает

молодоженам «гарантийный лист» с сообщением о том, что в случае развода будет полностью возвращён гонорар за «посредничество». Итак, «свадебное бюро» на научной подкладке! Я думаю, что кибернетики не думали и не гадали, что счётная машина предстанет в роли «агента-посредника по заключению браков», да ещё с ручательством!

А вот ещё очень интересное сообщение в чешской газете «Людова демокраце» от 13-го января с[его] г[ода] на стр[анице] 3 под названием «Передача биологической энергии?» — «Уже более 20 лет занимается конструктор гржицкой МИЛЕТЫ Роберт Павлита передачей биологической энергии, как он её сам называет, на расстояние. “Я исхожу из мысли, — говорит он своём методе, — что между предметом, видимым мною, и моим мозгом передаётся какой-то вид энергии или лучеиспускания. Эту энергию я хочу использовать с целью сообщить веществу движение”».

При опытах ему действительно удалось при помощи исключительно своего взгляда привести лёгкий предмет в движение или его остановить. Он с одним из своих приборов обратился на отделение медицинского факультета Карлова пражского университета, находящееся в Градцэ Карлове. Прибор состоит из вращающейся иглы, на кончике которой свободно сидит крылышко, приводимое в движение вращением иглы. И вот это крылышко действительно останавливается в своём вращении Р. Павлитой без какого-либо механического воздействия исключительно своим присутствием и взглядом, причём игла продолжает вращаться. На этом отделении медицинского факультета говорят: «По автору, торможение крылышка производится воздействием до сих пор ещё не известных сил, исходящих из лица, который действует на прибор. В согласии с нашими замечаниями произвёл Р. Павлита ряд изменений в устройстве своего прибора, исключивших возможность воздействия сил электростатических или магнетических. И после этого Павлита с успехом повторял свой опыт. Очевидно, необходимо произвести ещё некоторые дальнейшие изменения в его приборах для того, чтобы было вполне гарантировано исключение воздействия обычных физических сил». Будет произведено много опытов. Работники отделения факультета высказали взгляд, что было бы неправильным априори явление, которое до сих пор нельзя объяснить на основании нам уже известных физических механизмов, назвать бессмыслицей или даже обманом, как это довольно часто случается. Они допускают возможность, что при помощи дальнейшего более подробного исследования этих явлений могут быть открыты до сих пор ещё не известные нам познания…

Как Вам это нравится? Очевидно, эти явления относятся к разряду психофизиологических сил… Из которых некоторые были уже давно известны индусам.

Боюсь, что я Вам уже надоел своим «длиннючим» письмом, а потому я заканчиваю, или, как теперь принято говорить, «закругляюсь»!

Большое Вам спасибо, многоуважаемый Иван Антонович, за Ваши милые поздравления с Новым Годом 1966 и за послания. Надеюсь, что мои поздравления и пожелания Вы уже получили.

С искренним уважением и приветом,
Н. В. Манохин

И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 4

Москва
16 января 1966 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Так как я проболел всю последнюю треть прошлого года и долго был в Доме писателей, то мы с Тасей ничего не знали о Вашей болезни. Позвольте пожелать Вам скорейшего выздоровления! Я уверен, что Ваше железное сибирское здоровье надежно справится с болезнью, и Вы скоро сможете продолжать Ваши интереснейшие и очень важные для понимания нашего времени мемуары.

Прошедший год по тибетским календарям был плохой — год белой змеи. Наступивший — год белой лошади по тем же приметам должен быть куда как лучше. У меня тоже сдало сердце, и я работал совсем плохо, а книга-то как будто получается интересной — популярная палеонтология с происхождением человека и взглядом в будущее.

Сердечный привет Агнии Александровне и Вам от Таси и меня.

Пожалуйста, поправляйтесь скорее!

Искренне Ваши *Ефремовы*

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. М. НЕВИШНЕМУ 5

Москва
17 января 1966 г.

Уважаемый Леонид!

Очень рад был узнать, что всё у Вас складывается по-настоящему. Поздравляю Вас и с хорошей женой и с потомством.

Единственно, что мне не понравилось в Вашем письме, — это прозвучавшая мещанская нотка — чтобы всё было как у людей. Смотря у каких людей! Зачем Вам меряться с другими людьми, кто купит шкаф подороже или телевизор поновее? Разве вещи определяют качество человека и меру его счастья? Будет очень жаль, если Вы пойдёте по этой общей дорожке — и так у нас в стране развелось, по примеру заграницы, слишком большая погоня за вещами и модой, — ну, прямо люди из кожи лезут, чорт их побери! Разве не лучше, если Вы эти деньги потратите, скажем, на совместную поездку куда-нибудь с женой, когда Вам это станет возможным, приобретете, скажем, стиральную машину для облегчения её труда, купите книг?

Вы правильно относитесь к деньгам, но к вещам ещё не научились.

И ещё — не надо судить людей, соседей свысока — вот, мол, они какие, а я, мол, лучше... Это показывает, как говорят психологи, на существование комплекса униженности, неполноценности, глубоко запрятанного в душе, и человек думает, что от него избавится тем, что старается осудить людей и найти у них слабые места. Не так надо! Надо, чтобы у Вас не было нужды осуждать других — пусть живут, как умеют, а я буду жить, как я умею и как мне это нравится, а вот если помочь, так помогу и делом, и советом...

Тогда Вы будете крепким, надежным человеком, не свернёшь которого по пустякам.

Ну вот, видите, написал Вам опять целое наставление.

Совсем новых книг у меня нет, потому что болезнь не дает работать как следует, но я пошлю Вам последний роман и парочку других.

Передайте привет Вашей жене Тамаре. Будьте здоровы и счастливы.

С уважением и приветом, *И. А. Ефремов*

6 Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
17 января 1966 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов,

надеюсь, что вы получили «Planète» № 26: интересно знать Ваше мнение о статьях по СССР.

Я получил из СССР удивительную брошюрку: «Герои блока смерти», автор её Смирнов, издана «Государственное издательство политической литературы», Москва, 1963. Несмотря на то, что я сам в этих событиях играл роль, трудно верить. Это тоже фантастика наших дней, хотя фантастика тяжёлая...

По-дружески,
Jacques Bergier

7 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

24 января 1966 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO, ILLINOIS
THE JOURNAL OF GEOLOGY
Editorial Office

Dear Professor Efremov:

I hope you will accept my very sincere apologies for writing so long after hearing from you. It is completely the matter of a midwinter rush, which is no excuse, but in which many things seem to get put off for one more day. This was complicated by the fact that my mother, who is 88, has been very ill and I have been "commuting" 250 miles up and 250 miles back to a small town in central Wisconsin. Now she has recovered enough to travel and over the weekend we brought her to my home in Homewood. Probably she will not last very long, but she has had a good life and may still have more. The two days before I went to Wisconsin, I spent in St. Peter, Minnesota and gave a series of lectures and discussions on Evolution, in a program on Great Ideas in Science which is part of their one month intensive winter course. It is a charming Lutheran school and among other attractions my daughter Mary Ellen is a Sophomore there (although not a Lutheran). So I was bringing light to the natives, under the sponsorship of the Americal Geological Institute. It was good fun and I think both they and I learned something. But this seems to have been my lot. As you know, I cannot help getting mixed up in things, for it always seems to me that where there is a job to be done and I can do it, I should. In two weeks I leave for Washington to the NSF panel meeting on Systematic Biology, to evaluate research proposals for Federal support, but in the meantime I will be going to Amarillo, Texas for a site visit at Canyon, a college that wants some funds to refurbish their Museum, and then there is also a meeting of Selective Service, a board on sci-

entific man-power needs, all of which, of course, is getting all "souped-up" in view of the current unpleasantries, to be cryptic. So I have been busy.

I am very glad that the National Geographic membership continued through with more dispatch than the first try at getting it started. I am very happy indeed to be able to do this as a small token of all that I feel for you and that you have done for me. I will keep this going as long as circumstances such as my longevity and yours make it reasonable.

The book on Universe, Life and Intelligence arrived and I have now read about half of it. That is "my kind of Russian" and I must say I can read it with much less trouble than the novel by that famous Russian writer, I. A. Efremov. I made it most of the way through your book and then somehow got diverted with about a hundred pages to go. I have found it very interesting, imaginative and stimulating. I only wish that I could read with sufficient fluency to understand the more subtle aspects of the writing. I was interested to see Andromeda noted in the most recent book that you have sent.

My book "The Evolution of Life" will be out in paperback this spring, just when I don't know. I have made a few changes, but nothing critical. I am at work on another book now, as I may have noted earlier. It is a technical one on Vertebrate Paleozoology. I look on it as something of a complement to Romer's Vertebrate Paleontology, approaching the matter from a very different point of view, and in particular from the standpoint of problem analysis. I am into it now, although not very deeply.

In all my talk about this and that I probably have given the impression that I have not time for research, or for teaching. That is not the case. Several papers have come out recently. I am waiting for reprints on one and for the publication and reprints on another and then I will be sending out a "batch", to you and others in your country as well as people here and there about the world. There is nothing very earth shaking but most of it is reasonably solid stuff. I do have a rather imaginative paper in Ecology, due out sometime or other, sort of putting together all the aspects of ecology and the origin of mammals, mainly to show the ecologists how the "other half" lives.

At last I have finished the Caseid monograph and have it in the hands of the Chicago Natural History Museum, who will publish it before too very long, although they are quite slow. It turned out to be fairly long, about 120 pages plus 26 figures, 6 or so plates, and so on. Outside of that I presented a paper this year end at Berkeley, California in a symposium on vertebrate ears, American Society of Zoologists. This was a summary and interpretation of morphological ear types and was rather good fun but hardly revolutionary[1].

So it goes. I hope that you are now in good health and that severing of the frustrating ties that you had has perhaps proven both of physical and psychological benefit, plus removing the need of a sometimes valid excuse for this and that, which I gather was also helpful once in a while. I am in very fine health and seem to find that within limits the more I go the better I am. There is, I am sorry to say, something of a limit, but I have learned pretty well the signals of oncoming exhaustion and quit while they are mild.

---

[1]На полях приписка Олсона от руки: «Please forgive the "jargon" in this sentence — ahew!»

This seems to about round things out at the moment. I would like to think that I would be coming over to see you one of these times, but for the moment this seems out. I believe that when things quiet down a bit, in a world sense that is, I will try to bring some pressure via the NSF etc for opening up chances of a visit for field work along the lines you mentioned before. Right now, in the face of what probably will be somewhat more stringent circumstances on funds for research, it probably would prove fruitless. But matters change rapidly and I will keep an eye out for possibilities.

Please give my best to your wife and to any other members of your family who may be about or passing through. I have enjoyed you all so very much that it is too bad to keep it up only by an occasional greeting. But even in the shrinking world this still is about it.

Also, of course, my very best regards and wishes to you,
As always, your friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Чикаго, Иллинойс
«Джорнел оф джиолоджи»
Редакция

Дорогой профессор Ефремов!

Надеюсь, Вы примете мои самые искренние извинения за долгое молчание. Предновогодний аврал, конечно, не оправдание, но главная причина откладывания многого на завтра. Наложилась ещё серьёзная болезнь матери, которой сейчас восемьдесят восемь лет, и я «мотался» по 250 км туда и обратно к ней в городок в центральной части Висконсина. Сейчас она чувствует себя намного лучше, и в этот уикенд мы привезли её к себе домой в Хоумвуд. Наверное, ей осталось не очень много, но она прожила хорошую жизнь, и, возможно, проживёт ещё какое-то время. Два дня до поездки в Висконсин я проводил лекции и дискуссии о теории эволюции в миннесотском Колледже Святого Петра по программе «Великие идеи в науке», которая является частью их месячного интенсивного зимнего курса. Это очаровательный лютеранский колледж, а среди прочих привлекательных моментов отмечу, что моя дочь Мэри Эллен учится здесь на втором курсе (хотя и не является лютеранкой). А я, так сказать, несу просвещение туземцам под эгидой Американского Геологического института. Работал с удовольствием и, думаю, мы все чему-то научились. Так всегда бывает со мной, постоянно ввязываюсь. Как Вам известно, если уж я взялся за работу, от которой не могу отказаться, потому что в состоянии её выполнить, то не способен делать ничего вполсилы. Через две недели я уезжаю в Вашингтон на встречу комитета Национального научного фонда по биологической систематике, для оценки научно-исследовательских предложений, претендующих на федеральную поддержку. Но прежде я должен отправиться в Амарилло, штат Техас, для посещения Колледжа Кэньон, который хочет получить финансирование на модернизацию своего музея. Затем будет встреча комитета по потребностям армии в учёных, каковые потребности, конечно, «набирают обороты» с учётом текущих «обменов колкостями», выражаясь туманно[1]. Вот такие у меня дела.

[1] Вероятно, имеется в виду обострение «холодной войны».

Я очень рад, что членство в Национальном Географическом обществе удалось продлить оперативнее, чем само получение членства. Я действительно очень рад, что смог таким способом выразить Вам свою признательность за всё, что вы для меня сделали. Я продолжу поддерживать членство в обществе, пока наше с Вами здоровье будет это позволять.

Книгу «Вселенная, жизнь, разум»[1] я получил, и уже прочитал приблизительно половину. Она написана на вполне доступном мне русском, и должен признаться, читать её было куда легче, чем известного русского писателя И. А. Ефремова. Я уже осилил большую часть Вашей книги, а затем, за сто страниц до конца, — меня отвлекли дела. Очень интересный, образный и побуждающий мысль роман. Единственное, мне жаль, что я не в состоянии оценить более тонкие аспекты стиля. Мне было интересно увидеть упоминание Андромеды в самой последней присланной Вами книге.

Моя книга «Эволюция жизни» выйдет в мягкой обложке этой весной, когда точно — не знаю. Я внёс несколько поправок, но ничего капитального. Сейчас я работаю над другой книгой, возможно, я упоминал ранее. Специальной, по палеозоологии позвоночных. Я вижу её дополнением к палеозоологии позвоночных Ромера, но с иным подходом, аналитическим. Я погрузился сейчас в неё, хотя пока не очень глубоко.

Своими разговорами я, возможно, создал неверное впечатление, будто у меня нет времени на исследования и преподавание. Это не так. В последнее время вышло несколько работ. Я жду репринтов одной статьи, а когда будет опубликована вторая и поступят оттиски, вышлю всё вместе Вам и некоторым Вашим соотечественникам, а также коллегам в других странах. Ничего такого, что потрясло бы основы, но большая часть выводов действительно вполне основательна. Жду также выхода довольно смелой статьи по экологии, где я попытался совместить все аспекты экологии и происхождения млекопитающих, показав тем самым экологам «другую половину» жизни.

Наконец, я завершил монографию по казеидам и передал её издательству Музея естественной истории в Чикаго, они опубликуют её со временем, хотя и не очень скоро. Должен отметить, монография действительно получилась довольно объёмистой: порядка 120 страниц, 26 рисунков, не менее 6 вклеек и так далее. Помимо этого, я сделал доклад в конце года в Беркли, Калифорния, на конференции по слуховому аппарату позвоночных, организованной Американским обществом зоологов. Представил краткий обзор и интерпретацию морфологических типов ушей, получилось довольно забавно, но вряд ли революционно[2].

Вот такие дела. Надеюсь, Вы сейчас в добром здравии, и разрыв неприятных связей, который произошёл, оказал физическую и психологическую пользу, к тому же убрал необходимость поиска уважительных причин, что, как я понимаю, иногда помогало. Я доволен своим здоровьем и, в пределах — чем больше двигаюсь, тем оно лучше. Как ни жаль, пределы эти ощутимы, но я хорошо усвоил сигналы надвигающегося ухудшения и останавливаюсь вовремя.

Закругляюсь. Хотелось бы надеяться, что в скором будущем у меня получится Вас навестить, но пока это кажется невозможным. Однако, когда

---

[1] Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум. — М., 1962.

[2] На полях приписка Олсона от руки: «Пожалуйста, простите за жаргон в этом предложении!»

всё вокруг в мире поуспокоится, я постараюсь оказать давление на Национальный научный фонд, чтобы появились возможности для обсуждавшейся нами экспедиционной работы. Сейчас, учитывая, что, вероятно, условия для финансирования исследований будут ограниченными, эта идея вряд ли ляжет на хорошую почву. Но ситуация быстро меняется, и я буду следить за возможностями.

Прошу передать мои наилучшие пожелания Вашей жене и другим членам семьи, которые могут быть рядом или проездом. Мне очень приятно общение со всеми вами, и как жаль, что оно ограничивается лишь редкими встречами. Даже в столь тесном мире так редко видеться всё ещё возможно.

Мои самые лучшие пожелания Вам,
Как всегда, Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевели Анна Селкина и Лариса Михайлова

8 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
30 января 1966 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Пользуюсь случаем передать Вам записку через Владимира Ивановича. По-видимому, Вы не получили моей открытки с новогодним поздравлением и уведомлением о получении книги, посланной из Д[ома] т[ворчества] Малеевки на Ваш домашний адрес — Ольгинскую улицу. Повторяю, что я получил всё возвращённое Вами в сохранности, за исключением вырезок из ам[ериканских] журналов, каковые попрошу Вас вернуть после февраля — они мне тогда понадобятся. Я передал Стругацким два номера критических обзоров, начавших выходить в Англии и специально посвящённых н[аучной] ф[антастике]. Вероятно, стоило бы Вам поглядеть их — надо будет отобрать и послать их Вам.

Мне очень понравился Ваш обзор творчества Стругацких (глава, которую привёз Влад[имир] Иванович), и я попробую его пристроить в «Вопросы литературы». Кстати, там есть две неточности. Я их исправлю, если разрешите, сам. Вы переводите «Деленда эст» как то, что Карфаген «должен быть разрушен». На самом деле, классическое «Карфаген должен быть разрушен» звучит по латыни «Картагинем эссе делендам», а «деленда эст» переводится как «разрушено». Также «фром хиа ту этернити» — «отсюда в вечность» — это буквальный перевод, неточный, как все буквальные. Это строчка из псалма, соответствующая нашему «во веки веков».

Желаю Вам скорейшего завершения и опубликования Вашего труда. Судя по прочитанной мной главе, он обещает быть крайне интересным, и так уж нужен нашей литературе, что и не берусь выразить как! Печатайте скорее!

С искренним уважением,
И. Ефремов

П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 9

7 февраля 1966 г.

3 Las Palomas
Orinda, California 94563

Dear Prof Efremov,

It was a very pleasant surprise to get your letter. I have enjoyed such stories of yours as I have been able to find in English — unfortunately, only a few. (My ignorance of the Russian language is equally unfortunate and perhaps less excusable.) I had no idea that any of my works had been published in the Soviet Union, or even that they were known, apart from one story mentioned in a critical article.

I would like to send you THE SNOWS OF GANYMEDE as requested, but no longer have any extra copies. The loss is small; frankly, it is not such a good book. But I can and will send you FLANDRY OF TERRA and also, in case you do not have it, the collection entitled TIME AND STARS. If you do have it, perhaps you can give it to someone else.

If there is something further of mine that you might like, I will be glad to send it if possible. And yes, I would certainly enjoy seeing more Soviet science fiction in translation.

It is good to be able to set aside political differences for the moment and congratulate your country on its great achievement in the Lunar rocket landing.

Sincerely yours,
Poul Anderson

Лас Паломас, 3
Оринда, Калифорния

Уважаемый профессор Ефремов!

Я был приятно удивлен, получив Ваше письмо. Мне очень понравились те из Ваших рассказов, которые удалось найти на английском, — к сожалению, их мало. (Моё незнание русского также достойно сожаления, и, возможно, мне менее простительно.) Я и не знал, что мои работы были опубликованы в Советском Союзе, или даже что они известны, за исключением одного рассказа, упомянутого в критической статье.

Мне бы хотелось послать Вам «Снега Ганимеда», как Вы и просили, но у меня не осталось больше экземпляров. Потеря не велика; если говорить откровенно, это не такая уж хорошая книга. Но я могу послать Вам «Flandry of Terra»[1], а также сборник, названный «Время и Звёзды»[2]. Если он у Вас уже есть, надеюсь, Вы сможете подарить его кому-нибудь.

---

[1] В сборник «Фландри с Земли» (1965) вошли три рассказа о Доменике Фландри — агенте Земной Империи, его действия заставляют по-новому задуматься о вопросах этики.

[2] Произведения из сборника «Время и Звёзды» (1964) к тому времени ещё не были переведены на русский язык, но вот в октябрьский номер 1966 г. журнала «Знание — сила» уже вошёл один из них — «Поворотный пункт» в переводе А. Бородаевского. Поскольку Бородаевские были близкими друзьями Ефремовых, можно предположить, что Ефремов порекомендовал этот рассказ Андерсона для перевода. Годом позже он наряду с «Зовите меня Джо» вошёл в десятый том Библиотеки современной фантастики (М., Молодая гвардия).

Если Вас интересуют другие мои творения, я буду счастлив по возможности послать их Вам. И, разумеется, я был бы рад прочитать ещё что-нибудь из советской научной фантастики.

Хорошо, что можно, на время оставляя в стороне политические разногласия, просто поздравить вашу страну с её великим достижением — прилунением ракеты.

С уважением,
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

10 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
24 февраля 1966 г.

Московия, 24 февруария, лета от сотворения мира 7475

Милостливый Государь Володимир свет Иоаннович!

Покорнейше прошу возвернуть рукописи, Вам на время отданные, ибо нахожусь в величайшей к ним нужде. Такожде надеюсь на обещанного мне Шкловского[1].

С превеликим почтением к Вам и супруге Вашей Иван Антонов, Ефремов сын.

И. Ефремов

11 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[2]

Москва
2 марта 1966 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Посылаю Вам только что вышедшую книгу. Простите, что по недосмотру я поставил на неё свой (китайский) штамп. Вышла ещё Чандогья Упанишад[3], но её я прозевал. Из Индии пока ничего нет — видимо, не проходит. И вообще экзекуция над почтой продолжается, хотя с телепатией стало легче.

Сердечный привет Вам от Таисы Иосифовны и от меня.

Ваш *И. Ефремов*

12 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
5 марта 1966 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Не смог бы кто из Ваших молодых сподвижников зайти в Академкнигу — на Васильевском против Л.Г.У.[4]

---

[1] Вероятно, имеется в виду книга И. С. Шкловского «Вселенная, жизнь, разум».
[2] Открытка с фотографией открытия студенческой Спартакиады в Праге 1960 г.
[3] Вероятно, «Чандогья-упанишады» в переводе и с комментариями Б. Л. Смирнова.
[4] Ленинградский Государственный университет.

или же на Литейном, и попытаться купить для меня симпозиум по биохимии о происхождении жизни на Земле под редакцией академика Опарина[1]? Вероятно, этот труд знают Ваши молодые, но они ведь очень заняты, поэтому не прошу их. Как Ваши дела?

Поздравляю Наталию Алексеевну и Козу с женским праздником. Тасенька всех целует.

Будьте здоровы и берегите себя.

Ваш
И. Ефремов

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 13

11 марта 1966 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO ILLINOIS
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

I hope that perhaps this letter will find you in better health than when you wrote me a while ago. The harsh times of the past have taken their toll in health wherever they have been. We have seen it here mostly in the person who like my father, went through the tense and improverished days of the great depression in the 30's but this, of course, did not compare in sheer deprivation to your experiences. I have sort of wended my way between depressions and wars and landed on the better paths most of the time, so I have not had this problem of severe nervous and physical strain. Since I stopped smoking I seem to be "disgustingly" healthy.

It seems to me that I gave the wrong impression of the book that I am working on. I think in writing about it I spoke of it as complementary to Romer's, By this I meant that it will serve to provide some of the things in paleozoology that his book does not. The book will deal in particular with the things that I have found most interesting, revolving around the whole problem of evolution in the framework of the ecological milieu. Probably the problem that was created came from the use of the word complementary, which shades over into just the sort of interpretation you put on what I had in mind. Anyhow, I am doing what interests me, and if that were not the case I would not find it worth doing. How it will all come out is hard to tell.

I have completed a preliminary draft of the lower Permian of Oklahoma. It will serve to set the stage for further work in both fossils and stratigraphy. Some very interesting matters have come to light and I believe that once the faunas are thoroughly studied it will be possible to get a much better idea of the paleozoogeography of the lower Permian in the southcentral and western part of our country and its relationships to the upper Permian. I am going down to Oklahoma for a few weeks in April to work in more detail at a few sites. These studies will help on some faunal problems.

I have come up with a most puzzling reptile from one site. I have no good idea where he fits in, although he quite certainly is an aquatic beast that is neither

[1] V Международный биохимический конгресс: Москва, 10—16 August 1961 : авторефераты. — 569 с.

pelycosaur or captorhinomorph. Might have some relationship to Araeoscelis or just possibly be somewhere in the broad range of such things as Mesosaurus or Stereosternum. Now I have only pieces of skulls and jaws and a lot of postcranium. I hope this spring to get more complete materials, now that I know that this beast is of great interest.

My son and oldest daughter went to the annual Automobile Show when it was in Chicago last month. The brought home a stack of advertising literature on the new autos. Like most people their age here they are evolutionists in the automobile industry and always anxious to see 'what the new selective processes will unfold. Once, when you were writing your novel, you asked me to send you some of these items. As I recall I did find and send a few. So now, although I realize that the time that they might be useful has passed, I have sent you a packet with some of the new cars in it, revealed in all their glory with pretty blonds, shiny paint, chrome, and all the trimmings. Some of them are very nice to see and perhaps you will enjoy them. They also run very well, which is useful. I am still driving my old 1960 Studebaker Lark, with about 100 000 miles on it. Outside of breaking down from time to time, it does pretty well. We do have a Ford that I bought last year, but my wife drives that most of the time. We finally had to get a new truck for our field work, for the old one that I had just "gave up". But it was a 1951 model and had about 140 000 miles, so I felt no remorse about changing.

You sounded rather discouraged in your last letter and in part that matched a mood that I have to fight off from time to time. Things are in general in something of a mess, but that is not unusual in world history. One just hates to see so much regression. I think really the problem I face and most of my age do, is the inevitable realization that the brave new world of youth still rests with youth and there comes a time when one cannot look to tomorrow as the time that perhaps he will really get into and onto something significant. We rather arrive at a place where the judgement of history is not to be on what we will do but on what we have already done. At least it can seem like that. The young workers are so much better prepared for new avenues of thought, thanks I hope to our efforts, and it gets hard to keep abreast of them, far more so to keep ahead. But the dignity of years and the stored knowledge and understanding at least makes possible proper face, and also, I believe, opportunities not open at earlier times. Anyhow, I keep on studying. I am having fun at present with studies of the general philosophy of historical reasoning, a thing that is close to one part of the paleontologists' work. There are several excellent books in this area and I am having a good time reading them through.

I will head for Oklahoma for a few weeks next month. My time will be short because of various problems here and at home, but I do hope to be able to get some information on some of the less than complete fossil assemblages. After I complete the work on the early Permian, or get as far along as seems necessary, I am going back into the higher beds both in Oklahoma and Texas, and perhaps in Kansas as well to see what can be done.

This letter is much too long already, so I will stop. I do hope that it finds you well and please give my very best regards to your wife and to your son and daughter if they are in Moscow.

My very best wishes,
Your friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Чикаго, Иллинойс
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Надеюсь, это письмо Вас застанет в лучшем здравии, чем в момент отправки Вашего мне. Выходит, минувшие суровые времена взяли своё. У нас в стране это тоже сказалось на старшем поколении тех, кто, как мой отец, пережил напряженные и голодные дни Великой депрессии 30-х годов, что, впрочем, всё равно не сравнится с испытанными Вами лишениями. Мне удалось избежать сильного нервного и физического напряжения, поскольку, лавируя между войнами и депрессиями, у меня по большей части выходило выбирать более спокойные дороги. С тех пор как я бросил курить, я, кажется, вообще «неприлично» здоров.

По-видимому, я создал неверное впечатление о книге, над которой сейчас работаю. В письме я называл её дополнением к труду Ромера, подразумевая под этим, что она будет давать некоторые сведения о палеозоологии, не приводимые Ромером. Особо я остановлюсь на наиболее интересных моментах, освещающих эволюцию с точки зрения экологии. Вероятно, недопонимание стало последствием употребления слова «дополнение», которое повлекло неверную интерпретацию моих мыслей. Так или иначе, я занимаюсь тем, что кажется мне интересным, иначе не стоит и браться. Сложно сказать, что выйдет в итоге.

Я закончил первый вариант описания нижней перми в Оклахоме. Оно поможет заложить основы для дальнейших поисков, — как добычи окаменелостей, так и стратиграфических изысканий. Открылись некоторые интересные моменты, и вот когда фауна данного периода будет тщательно изучена, станет возможным получить гораздо более полное представление о палеозоогеографии нижней перми в южной, центральной и западной частях нашей страны в соотношении с верхней пермью. В апреле на пару недель я поеду в Оклахому для детального обследования нескольких местонахождений. Это поможет уяснить некоторые сомнительные вопросы по фауне.

На одной из площадок я обнаружил в высшей степени загадочную рептилию. Ума не приложу, куда её отнести, но это определенно водный зверь, однако не пеликозавр и не капториноморф. Возможно, имеет отношение к ареосцелидам либо находится где-то приблизительно между мезозавром и стереостернумом. Пока у меня есть только несколько костей черепов и челюстей, а также значительная часть скелета. Теперь, когда я выяснил, насколько любопытен сей зверь, надеюсь весной отрыть более полный комплект.

В прошлом месяце мои сын и старшая дочь посетили Автомобильную выставку здесь, в Чикаго. Принесли домой целую стопку рекламных брошюр новых автомобилей. Как и большинство людей их возраста, они за эволюцию в автомобильной отрасли, всегда жаждут узреть продукт нового «неестественного отбора». Однажды, когда Вы писали роман, то попросили выслать Вам таких буклетов. Насколько я помню, я нашёл и отправил несколько. Хотя я понимаю, что для дела они теперь не сгодятся, всё же я решил отправить Вам пакет с видами некоторых новых автомобилей во всей красе — сияющих на фоне милых блондинок своей свежей краской и хромом, с прочими прибамбасами. Некоторые из них очень хороши, возможно, Вам это доставит удоволь-

ствие. Впрочем, машины эти вполне выносливы. Я всё ещё езжу на своем верном «Студебеккере-ларк» 1960 года, уже почти сто тысяч миль на нём проехал. Если не считать периодических поломок, он вполне неплох. В прошлом году я купил «Форд», но на нём ездит в основном жена. Давно было пора завести новый грузовик для экспедиций вместо старого, который окончательно «сдался». Но это была модель 1951 года с пробегом около ста сорока тысяч миль, поэтому я расстался с ним без сожаления.

Вы казались довольно разочарованным в своём последнем письме. На меня тоже порой находит такое настроение, с которым приходится бороться. В мире сейчас много неразберихи, но так нередко случалось в истории. Хотя, конечно, видеть такой откат назад печально. На самом деле ко мне, как и большинству людей моего поколения, приходит неизбежное осознание, что прекрасный новый мир молодости остаётся позади вместе с самой молодостью, и наступает время, когда становится уже нельзя возлагать надежды на будущие свершения. Скорее, мы уже на том этапе, где история будет судить нас не по тому, что мы могли сделать, а за реально достигнутое. Так мне сейчас кажется. Молодые сотрудники гораздо лучше воспринимают новые направления мысли (надеюсь — благодаря нашим усилиям), и становится сложно держаться вровень с ними, тем более сохранять ведущие позиции. Но достоинство прожитых лет, накопленные знания и глубина понимания позволяют всё же сохранять лицо и, полагаю, открывают новые возможности, прежде нам недоступные. Во всяком случае, я продолжаю учиться, с удовольствием разбираюсь в философских принципах исторического подхода, что, по сути, близко палеонтологии. Есть несколько замечательных книг в этой области, и я наслаждаюсь чтением.

В следующем месяце я отправлюсь в Оклахому на несколько недель. Время будет ограничено из-за проблем на месте и дома, но я надеюсь получить больше информации о найденных коллекциях окаменелостей, пока страдающих неполнотой. Закончив работу над ранней пермью или продвинувшись там достаточно далеко, я снова вернусь к раскопкам в более верхних слоях Оклахомы и Техаса, а также, возможно, Канзаса, проверю их продуктивность.

Письмо уже слишком длинное, пожалуй, пора остановиться. Надеюсь, оно застанет Вас в хорошем расположении духа, прошу передать низкий поклон Вашей жене, сыну и невестке, если они в Москве.

С лучшими пожеланиями,
Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевели Анна Селкина и Лариса Михайлова

14 П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

16 марта 1966 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович,

обращаюсь к Вам от имени Святослава Николаевича Рериха, с семьей Николая Константиновича Рериха меня связывает долголетнее знакомство. Ещё в тридцатых годах, работая в представительстве «Международная книга» в Таллине, я переписывался с Николаем Константиновичем и снабжал его советской литературой, к которой он всегда проявлял большой интерес. С переездом в Москву Юрия Николаевича, с которым я также переписывался в тридцатых

годах, я смог уже познакомиться лично с ним. Это позволило мне значительно дополнить материалы о творчестве и деятельности Николая Константиновича, которые собирались мною в течении тридцати лет. При непосредственной помощи Святослава Николаевича год тому назад я закончил составление «Литературного наследия Н. К. Рериха», куда вошли данные о ещё неопубликованных литературных трудах Николая Константиновича и библиография. В настоящее время в издательстве «Искусство» находится на рассмотрении предложенный мною однотомник избранных произведений Н. К. Рериха.

Искусствоведы Москвы, Ленинграда и Новосибирска неоднократно обращались ко мне, и я охотно делился с ними материалами своего архива.

В начале 1965 года меня посетил член Союза писателей Украины и редакционной коллегии журнала «Знання та праця» — писатель фантаст А. П. Бердник. При нём было письмо Украинского отделения издательства «Знание», адресованное в Третьяковскую галерею и содержащее просьбу допустить писателя А. П. Бердника к архивам, т.к. работает над книгой о Н. К. Рерихе.

А. П. Бердник просил меня помочь ему советами и материалами. Не зная его как писателя и убедившись в его поверхностном знакомстве с темой, я дал своё согласие с условием, что во избежание ошибок рукопись будет дана мне на просмотр. С этим условием А. Бердник охотно согласился.

В конце 1965 года в журнале «Радуга» (Киев) появился научно-фантастический роман А. Бердника «Подвиг Вайвасваты». Во всех отношениях это было столь безграмотное и беспомощное произведение, что я счёл долгом написать А. Берднику, что подобной книги о Н. К. Рерихе не должно появиться, и напомнил ему, что его рукопись должна пройти строжайший контроль. Особенно меня обеспокоило то обстоятельство, что А. Бердник вводил в свой «роман» тексты, принадлежавшие Н. К. Рериху. В кавычки эти тексты не брались и, видимо, были использованы как костыли для поддержки хромающего на обе ноги произведения. Только эти отдельные фразы позволяли предполагать, что у автора не вовсе отсутствует философское осмысление темы.

В декабрьском номере журнала «Знания та праця» за 1965 год был опубликован отрывок из «повести» А. Бердника «Стрела Майтри». Этот отрывок уже больше чем на половину состоял из буквальных текстов Н. К. Рериха, списанных из книг, которые я одалживал А. Берднику. Всё остальное являлось текстом тех же книг, но только безнадёжно испорченным вульгарными и убогими вставками самого Бердника. Публикации сопутствовала заметка, что повесть готовится к печати издательством «Молодь». Никаких ссылок на первоисточники, которыми пользовался автор, не было, в оглавлении содержания журнала за год отрывок значился в разделе «Фантастика».

Я выразил А. Берднику своё возмущение, в ответ на которое получил письмо, заставившее меня усомниться в благополучии душевного состояния автора.

О всём случившемся я немедленно информировал Святослава Николаевича (Бердник пытался завести с ним переписку) и приёмную дочь Н. К. Рериха — Ираиду Михайловну Богданову. По согласованию с некоторыми лицами было составлено обращение в издательство, копию которого прилагаю.

Святослав Николаевич очень обеспокоен возможностью появления у нас неполноценной книги о Николае Константиновиче и фактом недобросовестного использования текстов его книг. В своей телеграмме ко мне Святослав Николаевич рекомендует снестись с Вами и испросить Вашего совета, как луч-

ше в данной ситуации поступить. Неискушённые в таких делах, мы не уверены, что наше письменное вмешательство окажется достаточно действенным. Беспокоит и то, что получив отказ в одном издательстве, Бердник обратится в другие. Мне уже писали из Киева, что он предполагает в каком-то периодическом издании опубликовать ещё один отрывок из данной «повести» и готовит целую «трилогию» о Н. К. Рерихе, конечно, запретить писать никому нельзя, но, думается, что заниматься списыванием чужих текстов, опошлением славных имён и профанацией интересных философских идей — тоже не положено. Поэтому, может быть, будет не лишним сделать какой-то демарш по линии Союза писателей или его секции фантастической литературы? Я не знаю, как котируется А. Бердник в писательских кругах и вообще имеют ли его акции «хождение наравне»... и т. д. Но тем не менее, из своего членского билета Союза писателей он выжимает все возможности, в том числе и возможность писать на абсолютно недоступные для него темы.

Я и Ираида Михайловна были бы бесконечно Вам признательны за малейшую с Вашей стороны помощь. Её адрес и телефон Вы, вероятно, знаете.

В октябре прошлого года, будучи в Москве, я звонил Вам по телефону, номер которого получил от Ариадны Александровны Арендт. Вы были нездоровы, и поговорить с Вами не удалось (отвечала, очевидно, Ваша супруга[1]). Святослав Николаевич ещё в прошлом году писал мне, что Вы хотели бы иметь некоторые книги Николая Константиновича. В Бангалуре дубликатов, кажется, не оказалось. У меня имеются все изданные на русском языке книги и довольно много неопубликованных очерков Николая Константиновича. После окончания «Литературного наследия Н. Рериха» я занялся составлением библиографии о нём, а на очереди стоит и «Хроника жизни». Материалов собрано много. И мне очень хотелось поговорить с Вами о возможности их использования. Было бы хорошо создать книгу типа «Жизнь замечательных людей» или написать о Николае Константиновиче популярную книгу в ином жанре.

На меня, и далеко не только на меня, прекрасное впечатление произвел Ваш последний роман, который, к слову сказать, удалось мне получить только на прочтение. Правда, будь моя воля, подзаголовок «Роман приключений» я переделал бы на «Роман идей» и эпиграфом поставил бы: «Если спросят: как перейти жизнь? Отвечайте: как по струне бездну: красиво, бережно и стремительно». Вам удалось дать на редкость удачную, очень жизненную интерпретацию целого ряда этических и эстетических положений. Ваша интерпретация очень близка мировосприятию Н. К. Рериха и очень современна. Но писать о Вашей книге в нескольких словах — это значит ограничится комплиментом, в которых, уверен, Вы недостатка не испытываете.

С Вашего позволения, мне хотелось бы обменяться с Вами некоторыми мыслями по работе над темами Н. Рериха. Предполагаю осенью побывать в Москве. Если я могу быть Вам полезен в отношении материалов о Н. Рерихе, то прошу полностью на меня рассчитывать.

С искренним уважением, *В. Беликов*

Эст[онская] ССР, Харьюский р-н, Козе-Ууемыйза, Беликов Павел Федорович.

---

[1] На письме пометка Т. И. Ефремовой: «NB. 6 марта 1966 г. у И. А. Ефремова был приступ с отёком лёгких. ТЕ».

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15

Кузнецк
19 марта 1966 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Очень тронут Вашим вниманием. Приехал домой, а здесь Ваш подарок — «Идеологические течения современной Индии»[1]. После беглого (первичного) чтения — книга хорошая. Можно, отбрасывая шелуху, узнать интересное. Займусь ею вплотную...

Получил интересное письмо от Бориса Леонидовича Смирнова. Хочется поделиться с Вами (лучше без моих комментариев, они Вам не нужны). Вот часть текста…

— Послесловие в 7-м выпуске, строго говоря, есть изложение «Раджа йоги». Есть по-русски «Раджа-йога» Вивекананды и Б. Аров «Теория и практика йоги». Последняя книга — лучшее, что знаю на эту тему по-русски («Раджа-йога» Рамачараки не в счёт — халтура). Если хотите, все три вещи — изложение «йога-сутр» (Патанджали). У Вас есть «Бхагаватгита». Вспомните, что сказано в ней (гл. IV): «Царственная йога со временем пришла в упадок. Я пришёл, чтобы её восстановить».

Если Вы будете подходить к йоге, чтобы извлечь из неё «рациональное зерно», Ваши усилья обречены на неудачу. Но понять йогу нужно, а понять можно различно. Шри Кришна говорит, что «йога есть искушённость в действиях».

Вживаясь в йогу, человек лепит себя по созданному им же самим идеалу. Но человек вне человечества, вне общества — пустая абстракция. Ведь человек характеризуется способностью мышления (homosapiens), а мышление осуществляется Словом (Логосом). Носитель Логоса, Слова, языка — народ. Как народ вне Человечества — абстракция, так и человек вне народа — абстракция. Йога ставится в зависимость от состояния общества: успех в практике той или иной йоги Традиция связывает с югами (см. VIII гл. Гиты, заключительные шлоки главы и примечания к ним). В кали-югу практикуется лишь карма и бхакти-йоги.

Думается, что Вы слишком привыкли к западной методологии науки, построенной на экстровертированном анализе, тогда как наука древнего Востока построена на интравертированном синтезе. Вспомните замечательные слова Арджуны (начало III главы): «Противоречивым словом Ты меня сбиваешь с толку. Говори лишь о том, чем я могу достичь Блага».

Вы скажете — американизм, прагматизм Джемса. Нет. Полярно: Джемс: польза — критерий действительного, а Гита: критерий Правды — благо.

Всего доброго. С сердечным приветом Б. Смирнов — …

Конечно, выдержка из текста только для Вас, т.к. мне очень хотелось познакомить Вас с интересными мыслями о йоге.

Желаю здоровья и бодрости духа.

Сердечный привет Таисе Иосифовне и Вам!

С уважением, *Портнягин*

P. S. Йога — была, есть и всегда будет, ибо она — отражение Бытия, жизнь, и как жизнь — неиссякаема.

---

[1] Идеологические течения современной Индии: Сб. статей/АН СССР, Ин-т народов Азии / Отв. ред. Комаров Э. Н., Литман А. Д. — М.: Наука, 1965.

16 И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

Неаполь
21 марта 1966 г.

Вас и Ивана Антоновича ещё раз благодарим за гостеприимство, за дружелюбие — и за ценные подарки.

Ида Бонетти влюбилась в Вас обоих. (Я давно люблю Ивана Антоновича.)

Очень бы нам хотелось повидаться в Неаполе с Вами.

Примите наш искренний привет.

Л. Пачини
Ида Бонетти

17 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ

Москва
3 апреля 1966 г.

Многоуважаемый Павел Федорович!

Простите, что не смог ответить Вам сразу — сильно болею и до сих пор ещё лежу в постели.

А. Бердник написал за последние годы довольно много научно-фантастических произведений, все довольно низкого качества. Расценивается он в писательских кругах невысоко, а этот последний его роман подвергся жесточайшей критике в «Литературной газете» (а может быть — «Комсомольской правде», не помню точно). Рецензентка сравнивала роман Бердника с худшими писаниями Крыжановской-Рочестер, ругала и художественные достоинства, однако главный удар, конечно, был нанесён по «мистическому» содержанию книги. Я понятия не имел, что это такое, и лишь мимоходом пробежал рецензию.

Совершенно очевидно, что А. Берднику ни в каком случае нельзя было давать никаких материалов о Н. К. Рерихе.

По всей видимости, это человек бессовестный, возможно, с психопатическим уклоном, и даже больно думать, что в такие лапы попали материалы и книги Н. К. Рериха. Само собой разумеется, что всякое новое выступление А. Бердника нанесет ещё больший вред возможности опубликования у нас, хотя бы в самом скромном объёме, произведений Н. К. Рериха.

Конечно, запретить заранее публиковать свои произведения Берднику никто не может. Даже уследить за тем, что он тиснет в каком-либо журналишке, нельзя.

Мне кажется, что было бы хорошо послать протест, аналогичный тому, который мы послали издательству «Молодь», в Комитет по делам печати Союза ССР на имя Председателя Комитета Н. А. Михайлова. Разумеется, редакция должна быть несколько иная. Вероятно, стоит указать, что Вы обеспокоены намерением издательства опубликовать повесть «Стрела Майтри», несмотря на ошибочную публикацию «Подвига Вайвасваты», уже подвергшегося жестокой критике в прессе. Поскольку Комитет по делам печати ведает всеми издательствами, такое письмо воспрепятствует появлению какой-либо новой книги этого безграмотного человека. Правда, он сможет опубликовать что-либо в журналах, и тогда уж останется только писать письмо в «Литературную газету» или редакцию журнала.

Сейчас с появлением тысяч борзописцев, готовых на всё, лишь бы получить гонорар, следует быть особенно осторожным с такими хрупкими в наших условиях произведениями Н. К. Рериха.

Я с большим удовольствием, более того, считая своим долгом, поговорю с Вами о материалах и помогу любым советом или, если понадобится, письмом. Очень хочется, чтобы книга о Николае Константиновиче обязательно появилась в любом виде и жанре, и все мы, любящие его, должны помочь Вам в этом. Время идёт быстро — и скоро у нас останется совсем мало людей, знавших лично Николая Константиновича или даже представляющих себе во всём объёме его гигантскую личность.

Если Вы осенью собираетесь в Москву, то я с готовностью встречусь с Вами, рассчитывая к тому времени выздороветь.

Между прочим, не знаете ли Вы некоего Урбонаса, живущего в дер[евне] Лоси в Латвии? Он писал мне, что был лично знаком с Н. К. Рерихом и потом много с ним переписывался. Может быть, он будет Вам полезен, тогда я пришлю Вам его адрес.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

P. S. Свою книгу я с удовольствием пошлю Вам или передам при встрече.

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1] 18

Москва
4 апреля 1966 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

На днях я послал Вам рукопись ученика Гурджиева — помню, Вы хотели ознакомиться с его учением. Поправлюсь — достану Вам рукопись ещё о самом Гурджиеве. Пока ещё лежу, но скоро отправят в больницу.

Заболел сильно — едва не перешагнул черту Беспредельности. Сейчас лучше.

С искренним уважением,
И. Ефремов

П. С. Рукопись держите, пока я не затребую.

Будьте здоровы. *И. Е.*

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 19

18 апреля 1966 г.[2]

Geo. Washington Univ
Dept. of Geology
Washington D.C.

Our Baby's name is
Александр
Baby arrived
Апрель 10, 1966

[1] Открытка с чёрно-белой фотографией Е. Максимовой и М. Лиепы в балете «Жизель».
[2] Датируется по почтовому штемпелю.

Weight 7 lb 7 oz
Mr. and Mrs.
Георгий и Оля Рабчевские

Университет Джорджа Вашингтона
Факультет геологии
Вашингтон, округ Колумбия

Нашего малыша зовут
Александр
Ребёнок родился
10 апреля 1966 г.
Вес 7 фунтов 7 унций
У мистера и миссис
Георгия и Оли Рабчевских

Перевела Лариса Михайлова

20 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[1]

Москва
28 апреля 1966 г.

Многоуважаемая Галя!

Сердечное спасибо за подарок к моему дню рождения и поздравления. Разрешите поздравить и Вас, и Ваших папу и маму с праздником 1-го мая — от Таисии Иосифовны и от меня.

Я невесело провожу своё рождение и первомай в больнице. Пишу лёжа. 6 марта едва не погиб от сердечного припадка (спасла жена), и сейчас долго и нудно поправляюсь.

Рисунки к «Лезвию» мне очень понравились — Вы всё больше совершенствуетесь и набираете силу. Особенно хороши: сцена перед статуей (великолепный контраст между прекрасной наготой Анны, строгой интеллектуальностью Гирина и этим мерзким рылом ханжи) и Симы с Гириным на скамейке в Никитском саду (Сима — прелесть). Очень хороши Сандра, обольщающая продюсера, и танцующая Тиллоттама. Самый слабый рисунок — Гирин с Симой на островах в Ленинграде.

Напишите о Ваших планах — ведь Вы кончаете школу в этом году, не так ли?

Ещё раз спасибо и сердечный привет от нас обоих.

И. Ефремов

(карандашом приписано: отв[ечено] 4/V 66)

[1] Почтовая открытка с рисунком по мотивам русской народной сказки «Три царства — медное, серебряное и золотое».

И. А. ЕФРЕМОВ — А. С. ГУДКОВУ 21

4 мая 1966 г.

Главному Редактору
Издательства «Недра»
тов. А. С. Гудкову

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

Не откажите в любезности сообщить мне Ваше мнение о возможности переиздания Вашим издательством моей книги «Тафономия и геологическая летопись».

Книга эта, вышедшая в 1950 г., получившая Государственную премию II степени в 1952 году, была издана как том Трудов Палеонтологического института АН СССР тиражом в 1200 экз[емпляров], который разошёлся и стал библиографической редкостью буквально через год.

Созданный мною новый аспект геологической летописи стал было привлекать общее внимание, но ввиду крайней редкости книги его внедрение в геологическую мысль приостановилось. Известную роль сыграло также то, что книга, адресованная исторической геологии (она и премию получили по геологическим наукам), была опубликована в палеонтологическом издании. Я рассчитывал впоследствии дополнить книгу новыми материалами, написав второй том, но по состоянию здоровья не смог этого сделать и, очевидно, не смогу. Однако изданная книга ни в чём не устарела.

Исследование это совершенно оригинальное и полностью принадлежит советской науке. Было бы очень важно издать её большим, чем первое издание, тиражом, чтобы распространить её в геологических кругах нашей отчизны. Нет сомнения, что издание быстро разойдётся, как и первое.

Книга имеет ...[1] печатных листов, включая 45 рисунков и 4 фототаблицы (таблицы могут быть частью перенесены в текст).

Авторский гонорар мне не требуется — его можно употребить на изготовление клише рисунков и таблиц.

Буду очень признателен за ответ.

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

В. Г. ФИЛАТОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 22

Май 1966 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
ПО ПЕЧАТИ

№ 6446
Издательство «НЕДРА»
Москва, К-12, Третьяковский проезд, 1/19
Проф. И. А. ЕФРЕМОВУ

Ваше предложение относительно переиздания книги «Тафономия и геологическая летопись» будет рассмотрено на редакционно-издательском совете.

[1] В копии письма пропуск.

Учитывая, что редсовет собирался 15 апреля с.г., очередное заседание его состоится не раньше июля текущего года.

Зав. редакцией № 1
В. Г. Филатов

23 И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

Неаполь
4 мая 1966 г.

Глубокоуважаемая Таиса Осиповна,

ваше любезное письмо и порадовало, и огорчило нас.

Порадовало, т.к. мы с Идой видели, что Вы нас полюбили, однако же, как и мы Вас полюбили; да и огорчило, т.к. узнали, что наш дорогой Иван Антонович заболел после нашего отъезда и вынужден был лечь в больницу.

Слава Богу, что он теперь себя чувствует лучше: мы ему желаем крепкого здоровья и, со здоровьем, успешной работы. Он должен писать ещё много прекрасных романов, имея такую прелестную вдохновительницу.

Мы с Идой часто вспоминаем Вас обоих и очень любим.

Передайте сердечный привет Ивану Антоновичу и примите наши искренние чувства приятельства.

Уважающие Вас
Ида и Л. Пачини

24 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Больница АН СССР, Москва
6 мая 1966 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Ваша открытка с очаровательным зайцем, увы, не застала меня в «добром здравии». Я завалился основательно. В больнице меня будут гноить примерно до 20-го, а потом я поеду на месяц в «Узкое»[1]. В общем, говорят, после такого дела надо выздоравливать полгода (у меня был приступ кардиальной астмы с отёком лёгких. Это — страшная вещь, и я едва не переселился в иной мир, но спасла Таиса Иосифовна. Спасла дважды: сделав своевременную инъекцию и не позволив трогать с места — ретивые врачи хотели увезти в больницу сразу, а этого нельзя было делать). Посему, если Вам хочется потолковать, то пишите в конце мая — тогда смогу отвечать на машинке, а не такими каракулями (извините, пишу лёжа).

Сердечное спасибо за оттиски. Там много интересного и, как я уже писал Вам, — Вы молодец. Это, собственно говоря, первый в СССР труд о фантастике с настоящим литературоведческим базисом и философской надстройкой. Жаль, что я так заболел и не могу принять участие в обсуждении этой интересной работы.

Насчёт Стругацких опасения «Вопля» безосновательны. Вчера Аркадий был единодушно избран в правление Моск[овского] отд[еления] по «высочайше утверждённому» списку.

---

[1] Санаторий «Узкое».

Какое впечатление произвёл на Вас Алан Майерс?

Вы ведь читаете по-французски? Тогда возьмите январскую книжку Fictionи прочитайте отчёт о всемирном симпозиуме фантастов в Лондоне в конце 1965 г. Очень интересно. Если не читаете — напишите, я добуду Вам перевод.

Теперь о книгах. Влад[имир] Ив[анович] сказал не то. Опарин мне не нужен, а нужен выпуск Трудов Ин[ститу]та Биохимии о симпозиуме по происхождению жизни под редакцией Опарина[1]. Но этот журнал исчез без остатка, так же как № 11 «Вестника» АН за 1965 г. с разгромом Лысенковских «Горок»[2] (скотной фермы). При случае второйвозьмите в БАН[3] и почитайте — любопытно.

Если Вы так просто и любезно предлагаете помощь в розыске книг, то я бессовестно могу попросить Вас о следующих (но с непременным условием, что Вы это сделаете при случае, так как спеха абсолютно нет — я ищу эти книги давно).

Собрание стихотворений Фета — одно из последних дореволюционных изданий (насколько помню, есть в мягкой обложке приложение к «Ниве» за 1910 г., но можно и любое другое). Здесь что-то, в Москве, мне никак не попадается.

Тоже не попадается Всеволод Соловьёв. Собрание сочинений в 14 томах. 1913. СПб. Это будет вещь дорогая, поэтому мне лучше Вам послать пока рублей 100—150, а там видно будет. Напишите.

Если подвернётся в недрах Академкниги: Труды ПИН (Палеонт[ологического] ин[ститу]та), т. 24, 1950 г., И. А. Ефремов. Тафономия и геологическая летопись (любое число экземпляров, но вряд ли встретится хоть один).

Вот видите, какие большие просьбы. Но повторяю, только не надо искать специально, а лишь попутно.

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и от меня, конечно!

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва, больница АН СССР
8 мая 1966 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Месячное жалование за фунт табаку, что Вы разберете не более 50% моего почерка, да ещё писанного в лежачем положении. Но мне подумалось, что Вам будет приятно получить письмо в оригинале, т.к. машинка мне будет доступна не очень скоро.

Поправка моя идёт что-то очень медленно. Всё ещё делают внутривенные вливания, и кардиограмма исправляется очень помалу, даже иногда портится. Я было уже начал выходить в холл, но потом снова арестовали в палате —

---

[1] V Международный биохимический конгресс: Москва, 10—16 August 1961 : авторефераты. — 569 с.

[2] В 1966—1976 гг. Т. Д. Лысенко работал заведующим лабораторией Экспериментальной научно-исследовательской базы АН СССР «Горки Ленинские».

[3] Библиотека Академии наук.

я теперь положен в отдельную, освободившуюся из-под академика Щербакова. Я могу вставать, подходить к окну, делать гимнастику для грудных детей, есть сидя, но обязан часто лежать и не предпринимать далёких походов (далёких — это в холл, и тем более в туалет — туда возят на колясочке). В общем, дело неважное — Мухин сказал верно, что поправка потребует полугода.

Как будто около 20 собираются выпустить, но, м. б., и 25-го — тогда прямо в санаторий «Узкое». Несмотря на поистине грабительскую цену, пришлось взять путёвки туда вместе с Тасей — её тоже надо подлечить, и после перенесённого шока, и вообще она со мной замоталась, да и сейчас ходит ко мне как на службу, два раза в день. В «Узком» будем месяц, а там видно будет. Если как-то наладится, то поедем на дачу (близкую), которую Тасеньке вместе с Енотом уже сняли за 300 р[ублей] за 4 мес[яца]. Однако если всё ещё будет неважно с сердцем, то придётся повторить санаторий. Однако «Узкое» будет уже не под силу, и придётся через <фамилия не разобрана. — *Ред.*> найти что-нибудь приличное. Если же более или менее наладится, то поживём на даче до сентября, а в сентябре повторим санаторий. Вот было бы хорошо найти санаторий около Ленинграда, чтобы видаться с друзьями. Таковы не очень-то весёлые ближайшие планы жизни. Соответственно надо изменить и планы работы. Книга по палеонтологии, которая только что стала обрисовываться в интересную вещь, должна быть отложена — не под силу управиться с нужной литературой, да и как таскать её за собой?

Поэтому возвращаюсь к фантастике и «Долгой заре», если будут силы писать самому, а если не будут, то придётся обождать с ней и диктовать рассказы (не фантастику в точном смысле этого слова) Тасе. Вот видите, какое дело, дорогой друг.

В общем, несмотря на то, что приютила меня наука, иду обратно в лоно литературы.

Тут есть и другая подоплёка: если быть на этой земле остаётся мало, то всё же лучше оставить после себя литературные вещи, чем научные — это будет подспорье для Тасёнка, которая, посвятив мне всю жизнь, останется яко наг яко благ. Да и если есть что важное сказать — надо сказать. Успеть бы!

На днях статья не то в «Ниве», не то в «Науке и жизни» напомнила мне о голограммах Дениса Габора. Он сделал это открытие в 1947 г. (опубликовал в 1948). Суть в том, что в определённых условиях на поверхностях разных веществ получаются отпечатки — изображения предметов. Любой кусок этого отпечатка всегда даёт целое изображение (отсюда и название: ὅλος — «целый» по-гречески). Но чтобы «вызвать к жизни», отразить это изображение, нужен очень сильный источник света. Теперь, почти 20 лет спустя, этот источник найден — это лазер. Возьмите «Тень минувшего», написанную в 1944, напечатанную в 1945 г. Там Вы прочтёте об этих отпечатках, для выявления которых нужен очень сильный источник света. Конечно, там фигурирует не лазер, а особая лампа с магнием, но всё же ещё одна вещь оказалась пророческой. Интересно!

Как Вы думаете, дорогой друг, не стоит ли в каком-либо сборнике переиздать «Живой металл» А. Меррита («Мир приключений» за 1929 г.) — интересную вещь? М. б., у Вас Ленинграде найдётся свободное место листов на 6? У нас тут народ в альманахе очень косный. Очень приятно, что Аркадия Стругацкого выбрали в Правление МО СП — прошёл по числу голосов не то

третьим, не то четвертым. В общем, фантастов писательская общественность ценит, хоть начальство и не жалует.

Ну довольно, и так Вам разбирать мои каракули немалый труд. Поцелуйте ручку Наталье Алексеевне, привет детям. Вас обнимаю. Тасенька будет звонить Вам и поцелует по телефону.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

P. S. Евгения Павловича с супругой поблагодарите за очень хорошее письмо — оно доставило мне хорошую радость. Напишу ему, как соберусь с силами — что поделать — ослаб. Воздушный шар мне понравился, хотя по сути дела надо бы подводную лодку.

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 26

Москва, больница АН СССР
17 мая 1966 г.

Многоуважаемая Галя!

Я ещё не дома и без своей машинки, поэтому если Вы не разберёте мой почерк — напишите, но тогда придётся подождать с ответом.

Буду краток, чтобы Вам меньше расшифровывать, и пишу только о деле.

Перед Вами действительно трудный выбор. Профессия художника очень неблагодарна и в нашей стране, и во всех других. Всё дело в том (а это мало кто понимает), что художник созревает и достигает высоты мастерства медленно. Поэтому, чтобы жить, он вынужден или ремесленничать все годы восхождения, или иметь другую профессию (или быть богатым, что в нашей стране возможно лишь для ничтожного числа высокой верхушки), причём не мешающую приватным занятиям художеством, т. е. не требующую сильной занятости, следовательно, плохо оплачиваемую.

Это похоже на карьеру учёного в довоенное время. Достижение мастерства на своём, оригинальном пути — тернистая дорога, вступая на которую надо быть уверенной (совершенно), что это действительно главный интерес в жизни. Тогда невзгоды профессии, непризнание, плохая оплата и т. д. делаются хоть и огорчительными, но переносимыми.

Что Вам посоветовать? Я могу только сказать, что бы я делал на Вашем месте, исходя из того, что Вы, по-моему, талантливая и одарены важнейшим для большого художника свойством — большой творческой фантазией, а, следовательно, и возможностью делать интересные и крупные вещи. Пример: 95% современных советских художников такой фантазией не обладают, вследствие чего есть много мастерства в пейзажах, изображении труда и портретах, но очень мало проблемных вещей. Век космоса — почти ничего о космосе, век больших изменений в мире и в жизни — почти ничего об этих изменениях — ведь не в количестве же кранов, домен и строек дело!

Например, будь я художником, на какие бы темы я писал? Вот две первые попавшиеся: «Где утешение?» — фигуры молодых родителей с ребёнком, склонившихся под занесённым над ними мечом в форме ракеты. Над ними и вокруг сгущается серый туман, и лишь в просвете его — сияющее видение чистой земли, белого города и людей, отвративших опасность меча.

«Конец игры» — пустая, залитая солнцем африканская степь с разбросанными скелетами слонов, жираф, антилоп, и печальный учёный, в бинокль ищущий остатки недобитой жизни.

Разумеется, творческую фантазию надо развивать — самообразованием — книги, картинные галереи, журналы, а для этого надо жить в большом культурном центре. А для этого надо получить соответствующую специальность, и мне кажется, лучше всего — искусствоведа.

Если окончить по иллюстрации книг, это интересно, но это — заказное исполнение с первых шагов — следовательно, ремесло и гибель как художника (самобытного искателя, вольного мастера).

Если окончить по классу рисования художественное училище, то это будет наверняка отработка преподавателем в школе — хуже этого сейчас быть ничего не может.

Искусствоведение — это возможность работы в какой-нибудь картинной галерее и длительное приватное самообразование с учением у какого-нибудь большого мастера.

Если вообще плюнуть на искусство и идти <слово неразборчиво. — *Ред.*> на «хлебную» специальность — это значит закопать талант, а надо ли? Во имя чего? Тем более что женщина выходит замуж, и часто летит вся её деловая карьера прахом.

Итог — совет поступить на искусствоведческий. Если пропустить год — не беда, армия не грозит, здоровье не очень-то крепкое, не вредно сделать перерыв. В этом году будет первая волна наплыва в студенты послевоенных детей — эта конкуренция останется такой же и в последующие годы — и тут ничего не теряется. С языком (обязательно английским) надо позаниматься с репетитором. Если мало средств — напишите, м. б., чем-нибудь да поможем.

Привет Вам и Вашим родителям от жены и меня.

Простите за почерк — пишу лёжа.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

27 П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
24 мая 1966 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович,

сердечно благодарю Вас за Ваше письмо. Я сообщил о его содержании Святославу Николаевичу. Он чрезвычайно признателен Вам и очень высоко ценит Ваше чуткое отношение к Николаю Константиновичу и Ваше глубокое понимание его мыслей и его устремлений.

Наше обращение в издательство имело тот результат, что без согласия Святослава Николаевича книга Бердника издана не будет.

Действительно, больно и обидно становится, когда борзописцы разных рангов начинают хозяйничать в абсолютно недоступных их сознанию сферах. Одним росчерком пера они решают основные вопросы философии. Они могут всё рассказать и о материи, и о духе и при этом не заметить, что их «творчество» способно материю превращать только в навоз, а дух только в запах подозрительного свойства.

О Николае Константиновиче необходимо издать хорошую и популярную биографию, которая показала бы весь его жизненный подвиг. В одном из своих писем ко мне Святослав Николаевич писал:

«Удивительной была жизнь Н. К. и Е. И. Как это нужно всё собрать и бережно донести. Сколько было у них знаний, широких, истинных. Мысль была свободной, радостной. Только и думали о благе всех, поверх всяческих внешних условностей, всяких ветхих ограничений. Прекрасный образ Н. К. как-то особенно светится. Такими должны были быть великие Учителя прошлого. Вся жизнь его — это служение добру, человечеству, и кто измерит все неисчерпаемые богатства его внутренней жизни».

Наша молодёжь мало знает о подлинном жизненном подвиге Н. К. Инвалиды от мистики делают из Н. К. мага, а спящие духом — карьериста. Легенды переплетаются со сплетнями, а реальный, трудовой, творческий и жертвенный жизненный путь остаётся не выявленным.

Я очень серьёзно подумываю о книге в серии «Жизнь замечательных людей». В основу надо положить подлинный материал — он занимательнее всяких выдумок. Материала для книги у меня достаточно. Может быть, только по самому первому периоду надо будет заглянуть в некоторые наши архивы. Весь вопрос в авторе. Я бы охотно вошёл с кем-либо в соавторство, причём на основании имеющихся у меня материалов полностью написал бы черновой вариант книги. Я вёл по этому вопросу переговоры с В. П. Князевой, написавшей монографию о Н. К. Скоро у неё выйдет книга о советском искусстве двадцатых годов, а сейчас она занята составлением текста для большого альбома Н. К., который предположено издать в будущем году (пятьдесят цветных репродукций и обещано в шести красках). Князева много консультируется у меня, и я её знаю как глубоко порядочного человека и искреннего поклонника искусства и деятельности Н. К. Но Князева очень занятой человек. Она работает в Русском музее и, если возьмётся за книгу такого характера, то должна будет музей оставить. Этой проблемы ей ещё не решить. Её издательство уже знает как специалиста о Рерихе, и заявку на такую книгу от неё охотно примут. Мне уже говорили, что издательство заинтересовано темой Н. К. для серии «Замечательных людей». Я очень опасаюсь, что тема эта может попасть в руки некомпетентные и недобросовестные. Мне хотелось бы в этом году окончательно решить вопрос работы над такой книгой. Если Князева не согласится, нужно искать кого-то другого. И я хотел бы просить Вашего совета. Может быть, Вы можете подсказать полезное направление и полезных людей для положительного решения данного вопроса? Я надеюсь осенью побывать у Вас и подробнее поговорить.

Я чрезвычайно признателен Вам за Вашу готовность послать мне Ваши книги. Их действительно не достать. Мне очень хотелось бы поглубже подумать над Вашим последним романом. Я имел его на руках только несколько дней.

Искренне Ваш
П. Беликов

28 А. В. КРОМПТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

24 мая 1966 г.

Dr. I. A. Efremov
Paleontological Institute Academy of Sciences of the U. S. S. R.
Yale University New Haven, Connecticut
PEABODY MUSEUM OF NATURAL HISTORY

Dear Dr. Efremov:

Because of your interest in evolution, you may be pleased to learn of a full-color reproduction of Zallinger's Pulitzer prize-winning dinosaur mural in Yale's Peabody Museum. A small reproduction previously appeared in LIFE magazine's THE WORLD WE LIVE IN. The new one, however, is being sponsored and distributed by the Museum and because of its size, 9 feet by 1-1/2 feet, is very suitable for classroom instruction. It is printed on heavy plasticized paper and may be easily and appropriately hung in laboratories or libraries.

Accompanying the reproduction is a 40 page pamphlet containing a key to the plants and animals depicted. The text, written by Professors Ostrom and Delevoryas of the Museum staff, describes the evolutionary stages portrayed.

A small black and white reproduction is enclosed for your perusal. If you are interested in this offer, a check for $25.00, payable to Yale University, should be sent to Yale Peabody Museum, New Haven, Conn. 06520. The mural and pamphlet will be mailed postpaid. Additional copies of the pamphlet are available at $1.00 each. Institutions may send their orders to the Museum and be billed later.

Trusting that you may find the above offer an interesting one,

I am Sincerely yours,
A. W. Crompton
Director

DRAMATIC DINOSAUR MURAL 9 FEET LONG — IN FULL COLOR!

Rudolph F. Zailinger's Pulitzer Prize-winning "Age of Reptiles" mural in the Peabody Museum of Natural History at Yale University can now be a major exhibit in school and libraries, or a spectacular home decoration.

Faithfully reproduced on 9' × 1 1/2′durable plasticized paper, in full color, this fascinating "sweep through time" blends together a continuous image of life during the age of reptiles. The original, authenticated by experts, took 4 1/2 years to complete.

An accompanying 40-page teaching guide describes the plants and animals, and includes a fold-out keyed illustration.

Йельский университет,
Нью-Хейвен, Коннектикут,
Музей истории природы Пибоди

Уважаемый доктор Ефремов!

Зная Ваши профессиональные интересы, мы рады предложить Вам обучающую цветную репродукцию настенной росписи Зайлингера (призёра Пулитцеровской премии) про динозавров в Музее Пибоди Йельского университета. Репродукция небольшого размера предварительно публиковалась в рубрике «Мир, в котором мы живем» журнала «Лайф». Размер новой репродукции,

спонсированной и распространяемой Музеем Пибоди, составляет 9 футов на 1,5 фута, и она очень подходит для демонстрации в учебных аудиториях. Репродукция напечатана на плотной ламинированной бумаге и может быть легко размещена в лабораториях и библиотеках.

К репродукции прилагается буклет с описанием изображённых растений и животных на 40 страницах. Текст, составленный сотрудниками музея профессорами Остромом и Деливориасом, описывает стадии эволюции, изображенные на картине.

Маленькая черно-белая репродукция приложена к письму. Если Вас заинтересовало наше предложение, квитанцию об оплате 25.00 долларов на счет Йельского университета нужно выслать в Йельский Музей Пибоди, Нью-Хейвен, Коннектикут 06520. Репродукция и буклет будут высланы по почте. Дополнительные экземпляры буклета стоят по 1.00 $. Организации могут направлять свои запросы и после получить счёт на оплату.

В надежде, что это может заинтересовать Вас,

искренне Ваш
А. В. Кромптон
Директор

ЯРКАЯ ПОЛНОЦВЕТНАЯ НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ ПРО ДИНОЗАВРОВ 9 ФУТОВ ДЛИНОЙ!

Отмеченная Пулитцеровской премией фреска «Эпоха рептилий» Рудольфа Ф. Зайлингера из Музея Истории природы Пибоди Йельского университета теперь может быть выставлена в школах и библиотеках или быть эффектным украшением дома.

Репродукция представляет собой точное воспроизведение картины размером 9 × 1,5 фута на плотной ламинированной бумаге, это полноцветное занимательное «путешествие сквозь время» изображает жизнь в эпоху рептилий. Сама фреска создавалась под руководством палеонтологов в течение 4,5 лет.

К репродукции прилагается буклет с описанием изображенных растений и животных на 40 страницах, с раскладывающейся размеченной иллюстрацией.

Перевела Марина Степанова

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Санаторий «Узкое»
14 июня 1966 г.
(я не в Малеевке)

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Перевод из Fiction пошлю Вам, как только вернусь в Москву, что будет около 25 июня. В Москве пробуду с неделю и уеду на дачу месяца на два. Конечно, я с удовольствием повидаюсь с Вами — известите заранее письмом, а по приезду позвоните. М. б., тогда и отдам Вам перевод? У меня есть ещё критические сборники о SF[1] из Англии. Есть ли у Вас для них время?

Опарин мне нужен для посылки в Америку. Другой сборник не нужен. Фет тоже теперь не нужен — удалось достать, а просьба о Соловьёве остаётся в силе.

[1] Sciencefiction (англ.) — научная фантастика.

«Феномен человека»[1] у меня есть, но я его ещё не прочитал. Буду на даче читать.

Стругацкие, мне тоже кажется, гнут не совсем куда надо, хотя «Улитки»[2] их не знаю.

Если это сборник (ленинградский) содержит также мой «Эллинский секрет», то я буду очень просить Вас купить или заказать мне штук 5.

На случай, если Вы появитесь в Москве скорее, можете приехать в «Узкое» — это всего 10 км от моего дома. Доберитесь до станции метро «Новые Черёмушки», а оттуда автобусом № 49 до санатория. Приехать можно в любой день после 5 часов (между 5 и 7).

С сердечным приветом,
И. Ефремов

30 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Санаторий «Узкое»
15 июня 1966 г.

Многоуважаемая Галя!

Мне очень понравилось Ваше письмо — оно умное, и я согласен практически со всеми Вашими положениями.

Думающий человек с художественным талантом — это уже много. Напишите список необходимых Вам книг — может быть, удастся кое-что добыть в Москве и Ленинграде. Я не могу это делать ни сам, ни жена, которой, увы, сейчас много хлопот со мной. Но я могу дать команду молодёжи, которой много около меня, и они будут это делать — медленно, как всякая молодёжь, но с удовольствием.

Сердечный привет Вам, Вашим маме и папе от меня и Таисы Иосифовны.

Будьте здоровы.

С искренним уважением,
И. Ефремов

31 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Узкое
15 июня 1966 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пишу Вам рукой Таси, т.к. мой почерк Вы понимаете плохо, а машинки у нас нет.

Было очень странно получить Ваше письмо на бланке «Туманности».

У нас дела приличные. Я набираюсь сил — медленнее, чем прежде, но всё же мы с Тасей делаем прогулки уже по 2 км. Осталось ещё 10 дней, после

---

[1] Книга Пьера Тейяра де Шардена. Вышла в 1965 г. в издательстве «Прогресс», Москва.

[2] «Улитка на склоне» — научно-фантастический роман Аркадия и Бориса Стругацких. Часть романа была опубликована весной 1966 г. в сборнике «Эллинский секрет». Название сборнику дано по рассказу И. А. Ефремова, впервые опубликованному там же.

этого — неделя в Москве для всяких врачебных консультаций, и поедем на дачу. Её сняли не в Абрамцеве, а близко от Москвы (в 30 км по Минскому шоссе). Пишите, пожалуйста, на городскую квартиру — будут привозить.

Я тут пока, увы, больше увлекался английскими детективами, каковых здесь множество, и французским журналом об устройстве и мебелировке домов вместо «Долгой зари».

Статью Францева[1] я не видал — напишите при случае, в каком она номере «Известий». Конечно, мне надо её обязательно прочитать, тем более что меня беспокоят Стругацкие. Я получил письмо от Бритикова, и он опасается, что их пустят по склону за «Улитку на склоне». Я не знаю, что это такое. Чего они ещё выкинули?

Очень меня интересует подбор актёров для «Туманности». Мне кажется, что при росте мужчин в 180 рост женщин в 170 завышен и надо не выше 165, и это максимум. Представляете Веду Конг на высоких каблуках — она будет всего на 3 см ниже Дар Ветра (при соотношении 170/180)! Не годится — кобылы. Или уж тогда мужиков ищите на 190—195, как Рока Хадсона. И вообще, посмотрел я тут фильмы с Софи Лорен и с Клаудией Кардинале особенно и пришёл к досадному заключению, что наши киноактрисы, очень милые и очень хорошо сложенные, всё-таки коровисты по сравнению с этими звёздами.

Обнимаю Вас, Тася целует всё семейство, сердечный привет Наталии Алексеевне. Конечно, мы по Вам соскучились. Не откажите передать наши поклоны Евгению Павловичу.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Москва
28 июня 1966 г.

Дорогой Иван Иванович!

Очень рад был получить от Вас письмо, как всегда бодрое и с «зацепками». Из него вижу, что дух старого воина по-прежнему силен и симпатичен.

У меня не так много Ваших творений, но есть, по-моему, самые хорошие.

«Завещание», «Красота, что уходит из мира» (очень люблю это), «Глаза», «Эскалатор», «Додумались» — вот и всё. Были ещё несколько «сонетов» Трофимовской серии, но те давно у меня утащили — я их давал ходить по рукам.

У меня была уже не моя «периодичность» (хотя, конечно, её последствия), а острая недостаточность левого желудочка с отёком обоих лёгких — дело «под табак». От такого, говорят, надо поправляться не менее полугода, значит, я могу хоть как-то надеяться на себя в конце сентября.

Я думал, что, получив плохое сердце, я обеспечил себе (как говорил — и поступил Гарин-Михайловский) лёгкую смерть, но не тут-то было. Это даже не повешение, а медленное удавление! Если бы не жена с её верным шприцем, то больше не пришлось бы писать Вам и вообще кому бы то ни было.

Хлибкий пошёл народ!

---

[1] Францев Ю. Компас фантастики // «Известия» от 25 мая 1966 г. С. 4. Большую часть статьи занимают нападки на повесть Стругацких «Трудно быть богом» с позиций вульгарной социологии истмата.

Хотя мне и меньше, чем Вам, лет, но я тоже испытываю сейчас печаль по тому, что было раньше,— и природа, и страна, и люди мне кажутся теперь хуже — некрасивее и мельче, злее и пугливее (и природа тоже), чем они были в дни моей юности. Вероятнее всего, истребление природы, совпавшее с истреблением интеллигенции и людей, в ней живших, и даёт этот психологический эффект. Наука, конечно, чрезвычайно интересна, но...

Вы, по-видимому, не читали мой последний опус — книгу «Лезвие бритвы».

Всё, что у меня было, — растащили, но попробую для Вас добыть — тираж был мал — всего 215 тысяч.

Сейчас нет духу много писать, но хотелось бы ещё написать Вам о многих своих мыслях — манихейских и прочих. Ну, в следующий раз.

Как Вам понравится для Вашей коллекции такая надпись, сделанная римским легионером в катакомбах где-то в Африке, м. б. в Константине?

«Аве Юлиа, конъюкс кариссима, сальве ад этернам!»[1] Как коротко и ясно!

Аллану Ваш привет смогу передать лишь через две недели. Он сейчас в Армении, а через месяц уедет опять в Камбоджу, где пробыл полтора года. У него уже 4-х летняя дочурка — очень славная моя внучка Дарья. Пока ничем кроме ящеров не интересуется.

Сердечный привет майору Сергею Ивановичу.

Ваш неизменно, *И. Ефремов*

33 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[2]

1 июля 1966 г.

...Тема о Н. К. (надо ли говорить Вам) очень трудная, потому что всё время шакалы стараются отыскать «мистику», «разгромить», «предупредить»... Возьмите последнюю статью в журнале «Наука и религия», где холуй пытается осмеять Е. И. Рерих, называя её «Матерью Мира». Там же глупое ржание по адресу написанной ею Агни-йоги. И всё это при полном отсутствии какого-либо намёка на культурный подход к вопросу. Видели Вы это?[3]

34 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[4]

Москва
2 июля 1966 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Спасибо за письмо с очень приятными мыслями о голубой ели.

Я вернулся из санатория, на днях уеду на дачу. Стало лучше, но болезнь ещё не кончилась, будут держать на строгом режиме до октября. Не можете ли точно вспомнить, в каком номере «Науки и жизни» поганая статья о Рерих (Елене Ивановне)? Врагов надо знать!

---

[1] «Ave Julia, coniux carissima, salve ad aeternam!» (лат.). «Радуйся, Юлия, дражайшая супруга, здоровья тебе навек!»

[2] Отрывок из письма, само письмо утрачено.

[3] И. А. Ефремов имеет в виду статью В. Мазохина «Матерь Мира и её последователи», опубликованной в журнале «Наука и религия», № 4, 1966.

[4] Открытка с изображением картины Пьера-Жака Волэра «Кораблекрушение».

Агни-йога (Голос)[1] у меня есть. При случае могу Вам дать. Сердечный привет Вам от Таисы Иосифовны и меня. Будьте здоровы и поберегитесь, а то Вы тоже в прошлом году вели себя не блестяще.

Искренне уважающий Вас
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

35

Москва
3 июля 1966 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вот и прошёл срок беззаботного житья в санатории «Узкое», и мы переезжаем на дачу (теперь поближе к Москве — на 30-м килом[етре] Минского шоссе). Писать надо на московский адрес — почта будет доставляться регулярно раз в неделю.

Статью Францева[2] я добыл насовсем — она написана дураком, а Францев ведь умный человек. Из этого заключаю, что он подписал то, что ему подсунули. Надо бы всыпать как следует и за прогрессивный феодализм, и за новую формулировку фашизма — он дополнил Ленина тем, что определил фашизм как заключительный этап империализма — да за это одно — публичная порка. Из Англии Майерс прислал мне статью об «Андромеде» какого-то видного английского критика, но не напечатанную, а гектографированную — там есть такие «издания» по инициативе любителей. Ну и попало же мне там — стёрли в порошок! Начисто изничтожили! Одна фраза Бредбери ценнее целых страниц из «Андромеды»... книга не стоит шести пенсов... неизвестно, кто сколько получает денег... неизвестно, носят ли женщины сумочки... и т. д. и т. п. Злобно, но на низком уровне. Послал Бритикову для приобщения к коллекции отзывов на «Андромеду», хотя статья двухгодовой давности.

В общем — эта статья не имела никакого резонанса, как, впрочем, и статья Францева — прошла незаметно.

Братья[3] в общем не слишком-то испугались, что уже само по себе хорошо. Значит — начинают закаляться.

Деньги за экранизацию мне перевели давным-давно — не беспокойтесь, спасибо Вам большое. Передайте, пожалуйста, привет Шерстобитову и Рыдвановой. Напомните ему, что для всяких там съемок «у берегов Южной Америки» есть превосходное горное озеро — Иссык-Куль, а там — ущелье Джеты-Огуз для санаториев будущего, а вот черные сопки Кара-Чеку на берегу р. Или (за Алма-Атой ст[анция] Или, но место — на правом бер[егу] Или) — очень подходят для железной звезды. Впрочем, вероятно, можно найти и поближе, но если не стесняться расстоянием, то лучше Монголии — гобийских черных пустынь вроде Хара-хере не найти, и можно бы сделать такое!.. ух!

Сердечный привет и лучшие пожелания всем вам. Вас обнимаю, Тасенька целует и Наталию Алексеевну — тоже. Большой привет Евгению Павловичу. Если он редактирует сборник французской фантастики для «Мира», скажи-

---

[1] По-видимому, книга «Зов» из серии книг Живой Этики.

[2] См. Примечание к письму И. А. Ефремова В. Д. Дмитревскому от 15 июня 1966 г.

[3] Борис и Аркадий Стругацкие.

те, чтобы он не зарезал там повесть Рони-Старшего «Ксипехузы» — старая, но превосходная вещь! Пишите, дорогой!

Всегда Ваш
И. А. Ефремов

36 Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Неаполь
3 июля 1966 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Антонович,

как Ваше здоровье?

Думаю, что Вы уже превосходно себя чувствуете и усердно пишете новую книгу.

Жду её с нетерпением, т.к. она должна меня посвятить в тайны палеонтологии.

Очень возможно, что в начале октября мы снова встретимся: пригласили Иду и меня в Тбилиси на руставелевский юбилей, и оттуда мы заедем на несколько дней в Москву.

Будьте здоровы. Напишите. Целую ручку Таисе Осиповне, а Вас крепко обнимаю.

Любящий Вас
Л. Пачини

37 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Лесной Городок
16 июля 1966 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вот мирно живу на даче близ Москвы, без красот, но ничего. Чувствую себя не совсем ещё ладно, но понемногу скребу «Долгую зарю» (в самом названии есть что-то роковое).

Прислал мне Бритиков Ваш с ЕП сборник из Ленинграда — по-моему, он очень удачный. Роман Снегова[1] мне очень понравился — молодец он, хоть люди у него даже послабее наших предков — нервные, суматошные, грубые. Но фантазии хоть отбавляй — здорово, только ещё пиши.

Обнимаю Вас, Тасенька целует. Всем Вашим сердечный привет.

Ваш
И. Ефремов

[1] Роман С. Снегова «Галактическая разведка».

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

38

Чикаго
25 июля 1966 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE GEOPHYSICAL SCIENCES

Dear Professor Efremov:

It seems a long time since I have heard from you and I do hope that all has gone well and that you are now on the road to recovery from your serious illness. I did hear from Peter a while back and he said that you were coming along slowly but steadily. I most sincerely hope that things have continued to improve.

We are in the midst of a very hot and humid summer and, as they say, the "natives are restless" and there is an air of tension. It all is part of growing up, but there is such a long way to go. The world is always, to some extent, in a state of revolution and this century is one of an accelerating pace with so many adjustments that it is little wonder that newly emerged Homo sapien is having a hard time keeping up with the pace. It is as if the whole world is trying to drive some of the modern freeway road systems that required a split second right decision moment after moment in order not to crash or at least to avoid going in circles.

Within all this everything is going well for me and mine. My family is fine, the grandchildren are thriving, and my work continues along slowly but satisfactorily. This summer I am teaching a short course in Quantitative Paleontology to a group of superior High School students and their teachers. They are Math students so I am having a lot of fun trying to tell them something of paleontology and how it can relate to what they know. This is all part of a National Science Foundation Institute program, of which there are many in the country. It aims to broaden the experience of the superior students and give them some idea of what college will be like. These students are taking work in math, a physical science and a biological science. They are bright and lots of fun to work with.

This has kept me around and I am plugging along at my projected book on Vertebrate Paleozoology. It comes, but very slowly. I am working now on a section on the bases and practices in classification of the vertebrates. This will be the only systematic part of the book and I would like to get it out of the way. I find that I must do a great deal of reading and study for this, especially in the fish groups which I generally tend to pass by. It is healthy at least, if somewhat trying. I don't know how long it will take me to finish the whole thing, probably two or three years.

Not long ago I submitted a paper, about 120 pages, to the Oklahoma Geological Survey on the Lower Permian Vertebrate Localities in Oklahoma. It is an effort to bring all that has been done into one place, to give proper faunal lists, to put localities in their proper stratigraphic places, and so on. Once out this will provide a good basis for further work. While collecting this spring we quarried two sites and got some very interesting specimens. One site includes many skulls of very small Lysorophus, a lung fish, and unknowns. These are from the Hennessey and are going to help greatly in understanding what it is all about. The other has many fragmentary specimens, the most interesting of which is the strange aquatic Araeoscelis-like creatures I believe I mentioned before. Once worked up this should prove interesting.

I have been doing a good bit of Russian reading in connection with the book studies, but have sort of neglected my "literary" efforts. I did finish your book "The

Razor's Edge" and as I have said before, I greatly enjoyed it. I only wish I knew the language well enough to savor the literary aspects of such books, but I seem to be mostly at the level of understanding the content, if that. I have recently picked up some of the science fiction you sent me and have been reading some that I had not seen before. So at least I am not letting it slip completely.

I do hope that some time it will be possible for me to get to Moscow again and to have some more pleasant and instructive times with you. There is no very impelling reason now, except for the usual wish to see what is going on in the laboratory and the field. I think that probably any ideas of doing more than a most casual visit will have to wait until the climate improves somewhat. We may hope that this will not be too far off, but these things are so very difficult to predict.

As I said in the start of this letter, I hope that this does reach you and finds you in improving health. I hope that one of these days, if you have not already, you will have been able to do something on your projected books. I will look forward to seeing them.

Please give my very best to your wife.

Your sincere friend,
As always,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Факультет геофизических наук

Дорогой профессор Ефремов!

Давненько я не имел вестей от Вас, но надеюсь, что всё прошло хорошо и теперь вы поправляетесь после своей серьёзной болезни. Какое-то время назад получил письмо от Питера, где он писал, что у Вас медленно, но верно идут дела на поправку. От всего сердца надеюсь, что здоровье продолжает поправляться.

У нас в разгаре жаркое и влажное лето, как говорят — «туземцы неспокойны», и повсюду чувствуется напряжение[1]. Всё это признаки болезней роста, но как далеко ещё до выздоровления. Мир, как всегда, до некоторой степени в процессе революционного преобразования, темп которого в этом веке только усилился, поэтому неудивительно, что недавно возникшему хомо сапиенсу нелегко угнаться. Как будто весь мир стремится двигаться по современной системе скоростных фривеев, где на принятие правильного решения лишь доли секунды, чтобы избежать столкновений или хотя бы не зайти на очередной круг.

Во всей этой круговерти у нас всё хорошо. С семьёй всё нормально, внуки растут, работа движется медленно, но вполне неплохо. Этим летом я преподаю короткий курс по количественным методам в палеонтологии группе проявивших особые способности старшеклассников и их учителей. Они изучают математику, а я рассказываю им о палеонтологии, с удовольствием стараясь примениться к их области знаний. Это часть одной из многочисленных

[1] Середина 1960-х — время серьёзных перемен в общественной жизни США. Если говорить конкретно о 1966-м годе, то в январе в правительстве США появился первый чернокожий министр. Летом 1966 года во многих городах США прошли антивоенные выступления, в июле расовые волнения в таких крупных городах, как Чикаго и Нью-Йорк, побудили к выработке мер преодоления расового напряжения.

программ Национального научного фонда. Её цель — расширить горизонты способных учеников и дать им некоторое представление о том, что их может ожидать при поступлении в колледж. Они занимаются математикой, физикой и биологией. Работать с такой сообразительной молодёжью очень радостно.

Это занимает пока время, замедляя работу над книгой по палеозоологии позвоночных. Я сейчас тружусь над разделом по основам и практике классификации позвоночных. Это будет единственная часть книги, где речь идёт о систематике, и хочется поскорее с ней разделаться. Обнаружилось, что нужно немало проштудировать, особенно по классификации рыб, на которую я не обращал особого внимания. Что ж, это укрепляет, хотя и несколько утомительно. Не знаю, сколько времени у меня уйдёт на всю книгу, наверное, года два-три.

Не так давно я подал отчёт объёмом 120 страниц в Геологическую службу Оклахомы по местонахождениям нижнепермских позвоночных в Оклахоме. Это попытка свести всю выполненную работу воедино, снабдить выверенными фаунистическими списками, соотнести местонахождения с их стратиграфическими обозначениями и т. д. После публикации отчёт составит прочную базу для дальнейшей работы. Этой весной во время обзора мы раскрыли два местонахождения и откопали несколько весьма интересных экземпляров. На первом — множество черепов очень мелких лизорофов, двоякодышащую рыбу и несколько не определённых окаменелостей. Они из слоя Хеннесси, что должно помочь лучше разобраться в данном местонахождении. На другом обнаружено много частичных скелетов, наиболее примечательными были странные, похожие на ареоскилид существа, о которых я, по-моему, упоминал ранее. После обработки это должно дать интересный поворот.

Я немало читал по-русски в связи с работой над книгой, но художественную литературу подзабросил. Ваше «Лезвие бритвы» я закончил и, как неоднократно признавался, читал с огромным удовольствием. Мне бы только хотелось лучше знать язык, чтобы быть в состоянии воспринимать оттенки мастерства, но пока я в основном улавливаю содержание. Недавно я начал читать кое-что из присланной Вами научной фантастики неизвестных мне ранее авторов. Так, по крайней мере, я не даю языку совсем заржаветь.

Очень надеюсь, что когда-нибудь смогу выбраться в Москву снова и провести с Вами больше времени в приятных и поучительных беседах. Но пока не подворачивается подходящей причины, кроме обычного желания посмотреть, как развиваются полевые и лабораторные исследования. По-видимому, все планы поездок более длительных и существенных придётся отложить до некоторого улучшения общего климата. Можно надеяться, что это не за горами, но подобные вещи очень трудно предсказать.

Как я говорил в начале письма, надеюсь, оно дойдёт до Вас и застанет поправляющимся. Также надеюсь, что в ближайшем времени Вы сможете приступить к работе над теми книгами, которые задумали, если это ещё не случилось. Хотелось бы их прочитать.

Передайте наилучшие пожелания Вашей жене.

Как всегда,
Ваш искренний друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

39 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
31 июля 1966 г.

Dear Prof. Efremov,

Please excuse the long delay in my replying to your letter. I shall explain the reasons in a moment. But first, let me say how sorry I was to learn of your illness and how much I hope that you have made a good recovery.

The fact is simply that I have been rather occupied, both with work and other things. At the time you wrote, I was engaged with another man in an attempt to bring a small sailboat from Seattle to California. Bad weather prevented, including a full gale at sea; we might have waited for a change, but he had to get back to his job. Since then I have had to make a number of other trips away from home, and in between it was necessary to work quite hard in order to have a book and some stories ready by the date for which they were promised.

Besides, I was trying to find some of A. Merritt's books for which you asked, but did not succeed. I live in a small community, and while it is not very far from Berkeley or even San Francisco, one cannot go casually to a city. I will keep watching for copies, however, and if any should turn up will send them. In the meantime, I believe (am not entirely certain) that some of them have been republished by Ace Books, 1120 Avenue of the Americas, New York, N. Y. 10036. So perhaps Terry Carr, who is an editor there and a friend of mine, can help you.

For whatever it may be worth, I am sending you a couple more of my own. "The Troubletwisters" is a collection of stories. No doubt you will consider impossible the premise that unrestricted capitalism, such as no longer exists today even in America, might return in the future; but perhaps the extraterrestrial settings will amuse you. There is also a more serious work — with a rather unfortunate title, not my own — on the subject of xenobiology. Already, of course, some of the material included is obsolete, especially as regards the planets of this system. But most of it is so speculative that it cannot yet be proven wrong; though it probably is!

Thank you so much for your own books, which I read with great enjoyment. Both science fiction and the historical novel are becoming so involuted in the West that it is refreshing to encounter again the good old "sense of wonder".

Do you know the works of "F. Carsac"? These are French science fiction, and very good. The author is actually François Bordes, professor of prehistoric archeology at the University of Bordeaux. If you should wish to write to him (he is fluent in English, though probably you know French much better than I do) his address is 46 Rue Jouis, 33 Talence, France. My wife and I spent a most enjoyable time last summer visiting him.

We also, by the way, enjoyed meeting Dr. Josef Nesvadba of Czechoslavakia at the science fiction conventions in Oakland and London. You are certainly familiar with his writings. It is pleasant to see the tradition of Karel Čapek continued in his country. (In my opinion, Čapek was one of the greatest writers of this century, even in translation: though my favorite of his is not science fiction, but the short novel whose English title is "An Ordinary Life".)

Oh, one small correction should be made. I have no right to be addressed as "Doctor" or "Professor", having nothing except a bachelor's degree (in physics) and having never taught. It is very flattering that you and A. D. Borodayevsky — whose

kind letter I must also answer — bestow academic titles on me, but they have not been earned!

I hope you will continue to write fiction as well as professional papers. If I can get certain books for you I will be glad to do so, though as you have seen this is not always possible; paperback editions especially soon vanish from the newsstands in this country and can be hard to find once they are out of print. Perhaps, as you have suggested, some kind of book exchange can be worked out. Now I must close, with the very best wishes for your good health and happiness.

Sincerely yours,
Poul Anderson

Уважаемый профессор Ефремов!

Очень прошу Вас простить меня за долгое молчание. Но прежде чем объяснить его причину, я хотел бы пожелать Вам скорейшего выздоровления, так как узнал, что Вы сейчас больны.

Причина же просто в том, что я был очень занят не только работой, но и многим другим. В тот момент, когда Вы мне написали, я помогал своему знакомому перевести яхту из Сиэтла в Калифорнию. Нам следовало бы подождать перемены погоды, но этому человеку было крайне необходимо вернуться вовремя на работу. После этого я был вынужден предпринять ещё несколько дальних поездок, не оставляя при этом работу, чтобы успеть закончить книгу и несколько рассказов к назначенному сроку.

Кроме того, я пытался найти книги Мерритта, заказанные Вами, но мне это не удалось. Я живу в небольшом городке, и несмотря на то, что он находится не так далеко от Беркли или даже от Сан-Франциско, выбраться в город не очень просто. Но в любом случае я буду продолжать поиски, и если мне подвернется что-нибудь Мерритта, я обязательно вышлю Вам. Вместе с тем мне кажется (хотя я не вполне уверен), что некоторые из этих книг были переизданы компанией «Эйс Букс», располагающейся по адресу: 1120 Авеню оф Америкас, Нью-Йорк, 10036. Может быть, их редактор Терри Карр — мой друг — сможет Вам помочь.

А пока высылаю Вам пару своих книг. «Возмутители спокойствия»[1] — это сборник рассказов. Вы, без сомнения, сочтете невозможной экстраполяцию на будущее неограниченного капитализма, которого в наши дни не существует даже в Америке, но который может в принципе вернуться. Хотя, возможно, инопланетный антураж развлечет Вас. Там также есть и более серьёзная вещь с довольно неудачным названием, придуманным не мной, на тему ксенобиологии. Конечно, некоторый включенный туда материал уже устарел, особенно — касающийся планет Солнечной системы. Но большая часть материала основана на предположениях, и поэтому не может быть опровергнута как неверная. Хотя, вполне вероятно, так оно и есть!

Спасибо за Ваши собственные книги, которые я прочел с огромным удовольствием. Столкновение со старым добрым «чувством изумления» вносит

[1] Сборник «The Troubletwisters» (1966) входит в цикл произведений Андерсона о космических торговцах. Два рассказа и повесть, давшая название сборнику, объединены главным героем — молодым и энергичным Дэвидом Фолкейном, агентом Торгово-технической Лиги. Опубликовано на русском в 1990-е гг. под названием «Возмутители спокойствия».

свежесть в западную научную фантастику и исторические романы, которые настолько усложнились стилистически в последнее время.

Знакомы ли Вам книги Ф. Карсака? Это очень хороший французский фантаст. Его настоящее имя — Франсуа Борде, он профессор палеолитической археологии в Университете в Бордо. Если вы хотите ему написать (он свободно говорит по-английски, хотя, возможно, вы знаете французский намного лучше меня), то его адрес: 46 Рю Жуи, 33 Таланс, Франция. Мы с женой с огромным удовольствием вспоминаем, как гостили у него прошлым летом.

Кстати, на конференции фантастов мы были очень рады познакомиться с доктором Джозефом Несвадбой из Чехословакии. Английское название его романа — «Ordinary Life» («Обычная жизнь»).

Ах, да! Я должен внести небольшую поправку. У меня нет никакого права называться «доктор» или «профессор», поскольку я располагаю лишь степенью бакалавра физики и к тому же я никогда не преподавал. Мне очень льстит, что Вы и А. Д. Бородаевский, на чьё любезное письмо я тоже должен ответить, одариваете меня учёными званиями, но я их не заслужил!

Я надеюсь, что Вы продолжите писать — и не только научные работы. Я попытаюсь достать необходимые Вам книги, хотя, как видите, это не всегда возможно, особенно в последнее время, когда книги в мягкой обложке у нас исчезают с прилавков гораздо быстрее книг в твёрдом переплете. И если они не переиздаются, то найти их очень сложно. Может быть, получится наладить что-то вроде обмена книгами, как Вы и предложили.

На этом я должен закончить. Желаю Вам здоровья и счастья.

С уважением,
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

40 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Июль 1966 г.[1]

We here (in Chicago) are in the midst of a very hot and humid summer, and, as they say, "the natives are restless". There is tension in the air. It's all part of growing up, but there is such a long way to go. The world is always somewhere in a state of revolution and this century is one of accelerating pace with so many adjustments that it is little wonder that Homo sapiens is having a hard time keeping up with the pace. It is as if the whole world is trying to drive some complex modern freeway road system that requires repetitive split-second decisions, moment after moment, in order not to crash, or at least to avoid going round and round on a butterfly.

E. Olson

У нас здесь (в Чикаго) стоит середина жаркого и влажного лета и, как говорится, «туземцы неспокойны». В воздухе ощущается напряжение. Без этого не повзрослеешь, но как же ещё долог путь. Мир постоянно пребывает то тут,

[1] Месяц датируется по содержанию письма.

то там в состоянии революции, а наш век с его семимильными шагами требует от человека постоянного приспособления, поэтому неудивительно, что Homo sapiens не очень поспевает. Будто весь мир пытается двигаться по сложной системе фривеев, где ежесекундно требуется точный выбор, чтобы не разбиться или хотя бы не попадать раз за разом на неверный разворот.

Э. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ

41

Август 1966 г.[1]

...But I agree with you completely that in the second half of this century our species is not only having a hard time keeping up, as you say, but trying desperately to find his place in the new and not very palatable world which emerged around. I, at my own, having a sharp memory, can see clearly the way things are at the beginning of my career as a scientist and now. An awful difference. To begin, the scientist is no more a free searcher for knowledge, but only a highly qualified government worker as well conditioned as the others. We paleontologists enjoy some last freedom for the price of neglect and absence of "honour." But it shall not be for long. With the environmental dangers to our genes' pool and fast extinction of many plants and animals the interest in paleontology must revive by the end of the century, and people will make memory to all of us (if they only understood).

I. Efremov

...Но я с Вами совершенно согласен, что во второй половине этого века нашему виду не только стало трудно поспевать за переменами, по Вашим словам, но вообще найти себе место в новом и не особо приятном мире, возникающем вокруг. Мне с моей цепкой памятью ясно помнится, как обстояли дела в начале моей научной карьеры и каковы они теперь. Страшная разница. Прежде всего, учёный перестал быть свободным искателем знаний, сделавшись лишь высококвалифицированным чиновником, мало отличающимся от прочих. Мы, палеонтологи, пользуемся остатками свободы, платя за это отсутствием внимания к себе и прочих «почестей». Но и это ненадолго. С учётом угрозы со стороны окружающей среды нашему генетическому запасу и при такой скорости исчезновения многих растений и животных к концу столетия интерес к палеонтологии должен оживиться, и народ нас помянет (если только осознает).

И. Ефремов

Перевела Лариса Михайлова

[1] Датируется по содержанию письма.

42 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
4 августа 1966 г.

Многоуважаемый Анатолий Федорович!

Сердечное спасибо за «Эллинский секрет»[1] — всё получил в сохранности. Если удастся достать ещё парочку — буду признателен, не удастся — ничего страшного. Я живу вовсе не в Малеевке, а на скромной частной даче в 30 км под Москвой, адрес: Лесной Городок, Охотничий пер., 3. Но писать надо на московскую квартиру — за почтой ездят регулярно раз в неделю. Ваш том, где писания о нас грешных, стал уже библиографической редкостью. Я проболел и потому пропустил, но уже нет никакой надежды. Насчёт «Дел и Дней»[2], вероятно, Вы правы, и мне нужно за 22 год. Последние три строчки открытки гласят, что царапаю от руки «Долгую зарю», а жена переписывает на машинке, поскольку мне запретили писать много на сём приборе, а почерк куропись ный.

Теперь об «Улитке». Конечно, братья Стругацкие овладевают мастерством эзоповского языка всё больше, но у этого языка есть оборотная сторона медали: если уж очень закрутить, так всякий поймёт, как ему хочется. Я лично, будучи учёным, а не писателем, предпочитаю ясность позиции.

И кроме того, уж очень всё это несимпатично, а я — романтик. Поэтому «Улитка» мне попросту не нравится и я начинаю видеть в братьях сходство с Лемом. Их тянет в ту же сторону. Что это — свойство еврейского ума, или их ещё мотает из стороны в сторону и они ищут? Если второе, то не беда, обойдётся. Между прочим, нашёл вещь, с которой Лем слизал своего «Непобедимого». Это «Ты хороший и верный» Джона Браннера, но насколько же это светлее, гуманнее и перспективнее Лема! Эх!

Желаю всего доброго!

Ваш *И. Ефремов*

43 В. ЛЮКА — И. А. ЕФРЕМОВУ

Бухарест
4 августа 1966 г.[3]

Monsieur Efremov,

j'ai lu beaucoup de vos livres qui m'ont fait un réel plaisir. Mais pas pour cela je vous écris. Dans votre livre: "La couronne noire" (ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ) vous parlez du peintre Zinaida Serebriakova et vous estimez que ses œuvres devraient rentrer en USSR. Moi-même je possède un tableau d'elle qui représente le portrait d'une fillette. Ce tableau est daté 1929 et a été executé à Paris. Je suis disposé a vous céder ce tableau, si vous avez des possibilités de le faire transporter d'ici en USSR.

---

[1] Антология фантастики «Эллинский секрет», составители Е. П. Брандис, В. И. Дмитревский. В сборник был включён отрывок из романа А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне» [Кандид].

[2] «Дела и дни» — исторический журнал Наркомпроса РСФСР, издавался в 1920—1923 гг.

[3] Датируется по штемпелю на конверте.

Considérez que cet offre n' est qu'un hommage à l'auteur du livre mentionné plus haut.

Je reste votre
Vladimir Luca

Mon adresse:
Str. Donici 36
Raionul 1 Mai
Bucarest

Господин Ефремов,

я прочитал много Ваших книг, которые доставили мне истинное удовольствие, но пишу Вам не по этому поводу. В книге «Лезвие бритвы»[1] Вы говорите о художнице Зинаиде Серебряковой, считая, что её работы следовало бы вернуть в СССР. У меня есть одна из её картин, на которой изображена маленькая девочка. Эта картина датирована 1929 годом и выполнена в Париже. Я готов уступить Вам её, если у Вас есть возможность вывезти её отсюда в СССР.

Считайте, что это предложение — знак почтения к автору упомянутой книги.

Искренне Ваш
Владимир Люка

Мой адрес:
Ул. Донича, 36
Район 1 Мая
Бухарест

Перевела Надежда Воищева

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

44

Лесной Городок
5 августа 1966 г.

Дорогой Борис!

Ваше письмо меня не удивило — я, признаться, ожидал чего-нибудь вроде, зная, как непросто устраиваться в городах привилегированных. Здесь щели для нашего брата Савки основательно законопачены, и тем, кто не обладает деляческими качествами, приходится очень туго. Кроме того, Киев — едва ли не самый трудный по устройству город (хорош, привилегирован плюс националистичен до крайности).

Может быть, Вам, не впадая в панику и не желая сдаваться на «мову», есть резон изменить первоначальные планы и попробовать какой-то другой город? Одессу, Ленинград, Ростов[2]? Москву можно лишь при условии поступления на очное, т. к. без этого никто не пропишет, а на заочное не примут без прописки. Так бы оно можно бы попробовать хоть у меня, но ввиду специальных мер по запрещению прописки нечего обманывать себя — не выйдет. Может быть, есть резон всё же поступать на дневное в Москве или Ленинграде, зацепиться одним когтем, а там видно будет?

---

[1] Французское название «Lacouronnenoire» — «Чёрная корона».
[2] Имеется в виду Ростов-на-Дону.

В Киеве мои знакомства ограничиваются академиками, т. е. шапочны. Есть, правда, один жук, но не знаю его адреса, а кроме того, боюсь, что он натреплется с три короба, а потом выйдет пшик. Обещать-то он мастер, вот что опасно, а у Вас, как я понимаю, время не терпит.

Словом, не пора ли перестроить ряды битых войск и начать обходное движение — лобовая атака не удаётся, моряк! Во всяком случае, никакой провинции — Вы не для неё, а она не для Вас! Уж ежели пробиваться, тогда всерьёз — ехать хоть в Москву или Ленинград, устраиваться хоть стройрабочим, получать прописку и затем — дальше. В Сибирь нельзя — там культуры мало, кроме Новосибирска, да и климат не по нраву.

Подумайте, напишите мне ещё, посоветуемся как следует — дело важное. Я буду на даче до 10 сентября, а затем — в городе. Писать мне лучше на городской адрес — почту возят регулярно.

А что до Вашего отца, то он совершенно прав. Этот год — конец одиннадцатилетнего цикла солнечной активности и наиболее богат по части пятен и всего прочего. Оттого во всём мире — ураганы, грозы, наводнения, землетрясения. Такой же был 1954 год. С будущего года обещают затишье, и все «сердечники» будут чувствовать себя лучше. На то же надеюсь и я. Так что Ваш батя молодец и знает толк в природе, а вот просвещённый мореплаватель оказался в стороне от научного понимания. Ай-яй!

Тасенька и Марафед шлют Вам самолучшие приветы и пожелания. Глория с Андреем были в Одессе, а сейчас бродят где-то по Крыму — до 20 августа.

Желаю Вам удачи прежде всего, а не выйдет, тогда — здоровья и новой цели.

Ваш
И. Ефремов

45 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

10 августа 1966 г.

Dear Professor Efremov:

Field work is keeping me occupied. I am trying to squeeze as much as I can out of this summer. My office looks like a quarry — rock samples are stored in every available space. Several times I was able to take an assistant with me, from which both of us profited — he acquired field experience, I was relieved of routine work. I plan to conduct a sedimentary petrologic analysis of this formation (Upper Devonian Sandstone), and tie the results in with the available sparse paleontologic data.

Next year I plan to attend the International Symposium on the Devonian System at Calgary, Canada. Then field trips and contact with other geologists should be helpful in my work.

Insurance of any sort is a good thing, especially when it pertains to health and retirement. There is no perfect plan available yet to deal with this problem. It is unfortunate that you have to put away your scientific work for that purpose.

Little Alexander is now a big boy. He is four months old and already yesterday we detected his first tooth! He loves water and enjoys company. At times he attempts to make legible sounds, and that of course brings delight to his parents. Olga started

work again. During the day, Alexander is with a baby sitter, a woman from India. Olga takes care of him the rest of the day. On weekends, when I am back from field work, I have him all to my self.

I hope you understand my long silence. The three of us send you our regards and best wishes.

With respect, yours
G. Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Я погрузился в полевые изыскания. Пытаюсь как можно больше успеть сделать за лето. Кабинет похож на каменоломню: образцы пород занимают всё свободное место. Несколько раз мне удавалось брать с собой ассистента с пользой для нас обоих — он обрел полевую практику, освободив меня, в свою очередь, от рутинной работы. Я собираюсь провести петрологический анализ осадочных пород данного отложения (песчаника верхнего девона) в увязке результатов со скудными палеонтологическими данными.

На будущий год я планирую принять участие в Международном симпозиуме по девонской системе в Калгари (Канада). Полевая работа и контакты с другими геологами должны мне помочь.

Никогда нельзя перестраховаться, особенно когда речь идёт о сохранении здоровья и о выходе на пенсию. Ещё не найдено идеального способа сочетать эти две вещи. Но, конечно, жаль, что Вам из-за этого придётся оставить занятия наукой.

Малыш Александр уже большой мальчик. Ему четыре месяца, и вот вчера мы заметили у него первый зуб! Он общителен и любит плескаться в воде. Порой он старается произнести что-то членораздельное, от чего родители его приходят в восторг. Ольга вернулась на работу. Поэтому днём Александр на попечении няньки, женщины из Индии. Ольга заботится о нём в остальное время. А по выходным, когда я возвращаюсь с полевой работы, — он полностью на мне.

Полагаю, Вы понимаете, почему я долго не писал. Мы все втроём шлём наши наилучшие пожелания.

С уважением, Ваш
Дж. Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 46

Лесной Городок
11 августа 1966 г.

Дорогой Владимир Иванович!

По моим расчетам Вы уже должны быть в Ленинграде, и моё письмо придет кстати. Нельзя сказать, чтобы я был богат какими-либо новостями, так как сижу безвылазно в своем Лесном Городке (30 км от Москвы). Здесь по крайней мере тихо и помещение просторно, а мне при ограниченных возможностях более ничего и не надо. Небольшая прогулка, лёгкий обед, чтение оригинальных

книг (тут попались подряд несколько, сейчас читаю «Корни неба» — знаменитый роман Романа Гэри — умеют писать черти! Мне бы так!).

Нашёл прототип Лемовского «Непобедимого» — сюжетно списан Лемом (вещь 1956 г.), но насколько же оригинальнее, гуманистичнее и неожиданнее. Сравнение не в пользу Лема. Автор Джон Браннер, вероятно, отдам переводить (вещь называется «Ты — хороший и верный» — вероятно, формула из Библии). Славкин муж Андрей уже напереводил порядочно из моих запасов — в основном он взялся за Пола Андерсона, но переводит и Браннера.

Кстати, помните, я советовал некому Гурфинкелю послать Вам его рассказ «Ультиматум». Он послал давно и несмотря на свои запросы так и не получил никакого ответа. Такая бюрократия на ленинградцев непохожа. У кого этот рассказ — дайте тому под зад, — печатать не печатать, а отвечать надо, иначе получается стиль московских холуев.

Понемногу скребу «Долгую зарю» — от руки, а Тасенька переводит это на печатный шрифт, поскольку мне машинка в больших дозах запрещена. Уже вписался и, иншалла[1], ежели всё пойдёт как оно идет, то к декабрю закончу и отдам в «Октябрь», Кочетову, хотя много шансов, что сей бесстрашный муж убоится. Экспериментально интересно! Написано всего две главы — пролог и «Миф о планете Торманс», сейчас пишу «На краю бездны». Как-то не могу решить, как получается — в чём-то кажется лучше, в чём-то хуже прежнего. Со здоровьем налаживается, хотя медленно, очень медленно, так ещё никогда не бывало. Ну, только бы удавалось пока писать, а уж поездки на этот год отложим.

Мои планы — здесь быть до 10 сентября примерно, затем переселиться в город. Хорошо бы и Вы появились в Москве около этого времени, скажем, к середине сентября, потому что уже исполнился срок, когда я сильно по Вам соскучиваюсь и мне просто надо Вас видеть.

Если удастся издобыть хорошую путевку, то, может быть, съездить мне ещё разок в санаторий, но не в «Узкое», так как повторный срок мне обойдётся уже в цену «чужого» — 375 [рублей], а пока расходы надо попридержать — неизвестно, как оно пойдёт дальше. Но, как бы то ни было, в санаторий надо ехать на самое худшее время — ноябрь, а сентябрь и октябрь отлично можно прожить и в Москве.

В общем, будь наше государство поделовее — оно бы отправило меня месяца на три в какое-нибудь санаторное место — сиди, пиши, ни о чём не заботься. Но ведь взгляд на нас всех (помимо особо отмеченных и занятых исполнением приказных дел) со времён НЭПА остался дикий — кустарь-одиночка без мотора. Вот и приносим мы каждый на рынок свои горшки, а ценителей и меценатов-то давно нет... Написал бы кто талантливый комедию на эту тему — сослужил бы хорошую службу культуре.

Ну, вот видите, взялся за машинку и сразу как расписался.

Целую ручку Наталии Алексеевне, всем привет, Вас обнимаю. Тасенька целует всё семейсво.

Ваш всегда,
И. А. Ефремов

---

[1] «Если на то будет воля Бога» (арабск.).

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Лесной Городок
20 августа 1966 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Я виноват перед Вами, так как задержал ответы на Ваши письма, но я всё ещё не вернулся даже к весьма скромной форме прошлого года. Пока живу на даче и понемногу пишу новую научно-фантастическую вещь, оставив, к огорчению, палеонтологию, но, видимо, так пока распорядилась судьба.

Рожновых я знаю, это вполне приличные и симпатичные люди, но их знание вещей, о которых они пишут, типично формально (или школьно) медицинское. Поэтому отнеситесь к ней как к честной, но внешней вещи[1]. Я вполне разделяю Ваше недоумение по поводу связи теософов с различной человеческой дрянью, но мне думается, что настоящих теософов, как и настоящих учёных и вообще настоящих людей, среди их множества процент малый. То же самое и у тибетских мистиков (почему бы этому явлению не быть и там, как везде и всюду в мире). Мы, конечно, склонны романтизировать Тибет, так оно и должно быть. Кроме того, надо различать и разные традиции: западную, идущую от розенкрейцеров, продолжателем которых мне кажется Штейнер, и псевдовосточную, начатую Блаватской и продолженную теософами вообще. По всей видимости, ни Блаватской, ни Безант не удалось пройти посвящение, и они были, как выражаются оккультисты, остановлены первым Охранителем Порога. Но жажда чуда, столь свойственная европейцам и особенно русским, заставила их поторопиться с использованием полученных малых знаний, и учение, основанное на этом недостаточном знании, получило много приверженцев, недостойных посвящения, но кое-что знающих. Вообще-то не всё ли равно, какой традиции следовать, лишь бы стоять на пути, но здесь, видимо, было не так. Гурджиев очень интересен тем, что он явился как бы дальнейшим развитием приспособления теософии к практической жизни Запада, и хотя он был, несомненно, выдающейся личностью, но, несомненно, тоже остановленной Охранителем Порога. Его учение стоит того, чтобы с ним познакомиться, хотя целую часть его и надо, видимо, отвергнуть. Я послал Вам рукопись, принадлежащую одному из его последователей, так что Вы уже имеете о нём представление. Сейчас я пишу некому человеку[2] с просьбой дать его переводы Гурджиева, и когда получу, тогда напишу Вам, и мы подумаем, как Вам их передать. Я также прошу разрешения просто дать Вам его адрес, чтобы Вы с ним могли познакомиться, поговорить и получить (пользоваться) его материалами, которых у него множество. Он был другом Успенского, который друг и воспреемник Гурджиева, так что он знаток всех этих дел. Посмотрим, что он ответит.

Желаю Вам от души здоровья, интересных поисков и передаю Вам искреннюю симпатию Таисы Иосифовны вместе со своей.

Ваш
И. Ефремов

---

[1] И. А. Ефремов, вероятнее всего, имеет в виду брошюру: Рожнов В. Е., Рожнова М. А. Гипноз и религия. — Научно-популярная библиотека Военного издательства Министерства обороны СССР. — М., 1962.

[2] Имеется в виду Ф. П. Веревин.

П. С. Писать мне надо на городской адрес, оттуда почту возят еженедельно. Во второй половине сентября вернусь в город.

И. Е.

48 И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ

Лесной Городок
31 августа 1966 г.

Многоуважаемый Павел Стефанович!

Премного благодарен за интересную статью[1] — она мне и по душе и пригодится в моей будущей книге по палеонтологии.

Просьбу Вашу, сожалею, но не могу выполнить сколь-нибудь скоро. Сведения о поднятии «Берега Скелетов» почерпнуты мною из разных источников, разбросанных по различным разделам наук — от лоции до алмазной геологии. В конце концов я добрался бы до них, если бы мог работать нормально. Однако дело в том, что весной этого года я едва-едва не отдал концы из-за тяжелейшего сердечного приступа и провалялся три месяца, а сейчас медленно и нудно выкарабкиваюсь из этого. Работаю, конечно, но хватает не на много. Поэтому не берусь сейчас ни за что побочное, кроме основного. Что будет на будущий год — посмотрим.

Я очень понимаю утрату для Вас Н. Н. Яковлева[2] — в своё время, только будучи гораздо моложе Вас, я пережил две таких утраты — два моих учителя, которым я всем обязан — математик Давыдов и зоолог Сушкин ушли от меня, едва лишь я начал как-то зацепляться одним когтем за науку.

И ещё прошло немало утрат настоящих, больших людей вне зависимости от их чинов. Совершенно согласен с Вами, что сейчас их становится всё меньше и меньше, даже совсем катастрофически мало (а помните древнерусский завет, что без семи праведников ни один город стоять не может?). Ещё не знаю, в какой мере тут требовательность возраста, а в какой — обстоятельства времени. Возможно ещё и то, что ищем мы их не там, где они сейчас есть, а там, где были раньше...

Желаю Вам всяческого успеха в Вашей интересной работе и буду очень признателен за дальнейшие оттиски по этому вопросу — Гондване моё сердце отдано было ещё около 40 лет тому назад.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

49 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Лесной Городок
31 августа 1966 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Большое спасибо за «Дела и дни». Книга прибыла в целости, но, по закону Финнегана, не та, в которой есть очерк о научном институте Университета в Петергофе. Что поделать!

---

[1] Воронов П. С. Биполярность гипсометрии блоков континентальной коры и распад Гондваны // Изв. ВГО, т. 98, № 2, 1966, с. 112—129. — *Примечание П. С. Воронова.*

[2] Письмо И. А. Ефремова написано в ответ на сообщение П. С. Воронова о кончине Н. Н. Яковлева.

Прочитав внимательнее «Улитку», я оценил её ещё хуже. Зачем хорошим ребятам гнуть куда-то совсем в сторону. Тут даже эзоповщина-то на низком уровне при хороших языковых средствах. Надо бы всыпать, но, может, сейчас и не время? Тем более что и Снегов при более пристальном рассмотрении оказался хуже, чем я оценил его сначала. Дерзкое заглавие никак не оправдано — «Люди как боги» — жалкие истерики второй половины XX века. Это молодые, захваленные и не битые учёные современности. Нельзя ли оттянуть рецензию, чтоб появилась уже в будущем году?

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и от меня. Когда соберётесь в Москву? Мне в Ленинграде нынче не бывать!

Искренне Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 50

Москва
1 сентября 1966 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Я получил ответ от знатока некоей литературы и, пользуясь его любезным разрешением, сообщаю Вам его координаты:

Фёдор Петрович Веревин, инженер в отставке, Москва, А-55, Палиха, д. 6, кв. 8-а.

Он согласен предоставить Вам для ознакомления свои переводы или через меня, или непосредственно. Думаю, что Вам лучше всего вступить с ним в переписку непосредственно, памятуя лишь, что человек этот уже сильно на возрасте (седьмой десяток), имел неприятности (небольшие) за свои оккультные интересы, поэтому не нажимайте сразу, а будьте терпеливы. Я по симпатии к Вам представил ему самолучшие о Вас референции. Сейчас у него ремонт в квартире, и он не будет в состоянии разбираться в своих рукописях ранее конца сентября. Следовательно, спешить с письмом не надо, да и у Вас сейчас горячее время.

Сердечный привет Вам от жены и меня. Будьте здоровы.

Ваш
И. Ефремов

П. С. М. б., сумеете приехать в Москву и побывать у Веревина? Тогда отберёте себе чтения на всю зиму!

И. Е.

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 51

Кузнецк
4 сентября 1966 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Всегда помните, что счастье-несчастье — парная категория. Вы огорчаетесь, что пришлось оставить палеонтологию. Это, несомненно, так, но в какой степени? Круг людей, который может получить от Вас полезное в области палеонтологии, несомненно, во много крат меньше миллионов Ваших читателей.

Ваши книги разбудили у многих миллионов читателей прекрасные чувства, чудесные мысли, заставили по-иному взглянуть на Вселенную, да наконец просто вокруг себя.

Хотя бы «Лезвие бритвы»... Недавно я перечёл её в 6-й раз и читал, как новую книгу. Уверен, что и новая Ваша вещь будет хороша. Так что Ваша сосредоточенность на писательской работе — счастье... Она поможет ещё многим и многим ближе подойти к Пути...

В № 8 «Наука и религия» интересна статья К. К. Платонова «Вера, уверенность, знание». Он там проводит интересную мысль, что «Вера-неверие»— две стороны проникновения религии в науку. Учёный должен знать или не знать, но в последнем случае — исследовать. С этих позиций он, в частности, умно критикует проф[ессора] А. И. Китайгородского за его «неверие» в возможность телепатии... Вообще мысль у нас пробуждается...

О теософах нам следует когда-то поговорить основательно, но не в письмах.

Большое спасибо за заботу об источниках информации. Буду рад, если Ваша идея осуществится. Каковы могут быть источники информации о работе съезда психологов? Где их искать?

В принципе я с Вами согласен, что вокруг всякой хорошей идеи много людей или эксплуатирующих её в корыстных целях, или просто невежд, но увлечённых формой, атрибутикой. Прав был Кришнамурти, когда, несмотря на все почести, а м. б., именно через них? — отказался от «должности» главы Ордена Серебряной звезды (внутренний орден теософов), заявив, что против всякого окостенения духа через ритуалы, обычаи и т[ому] под[обное]. Сколько и сейчас у нас приходится бороться, чтобы форма не догматизировала сущность. Очевидно, эта формализация духовной жизни является одной из причин живучести религии в Сов[етском] Союзе. Религия не выдерживает свободы мышления по самой своей сущности. Да, религия и сивуха всё ещё сильны у нас... пьют с поводом и без повода и в ужасающих размерах; юноши, девушки, взрослые. Идёт величайшая битва идей, и наши идеологические, философские промахи и подчас догматическая осторожность вызывают нигилизм и распущенность. Мы любим говорить о распущенности молодёжи за границей, это так, но нельзя идеализировать и свою. Наряду с чудесной молодёжью у нас имеется и гниль. И чаще всего в семьях так называемых «интеллигентов», пытающихся строить новую культуру и не замечающих разложения в своих семьях.

Здесь бы, по-моему, могло сыграть большую роль движение женщин. Ведь в начале революции это было сильное движение, которое принесло большую пользу нашей Родине на той ступени развития...

Сердечный привет и уважение Таисе Иосифовне и Вам.

Портнягин

52 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
25 сентября 1966 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for the two large and lovely picture books which you sent. The reproduction is very fine and they cover a long period giving one a good idea of the art of the times.

Professor Watson and I have both spent some time looking through them and we shall often do so again with great enjoyment.

I hope you are really in better health now and able to get on with your writing without getting very tired. It must have been very hard for you to have to rest when there is so much that you want to write.

I posted four paperbacks to you on July 15th and hope they arrive in due course. "Roots of Heaven" was out of print when I wrote the order, also a book of my choice which I thought would interest you. Perhaps I may get these another time but publishers do not reprint as often as one would like.

Last Sunday we had Professor and Ms. Romer here and enjoyed their visit very much. They were our first and best friends when we spent a year (1952) in the U.S.A and were very kind to us then.

We have been having lovely sunny autumn weather and Professor Watson has spent a lot of time sitting out in our garden, reading and enjoying the fresh air and sunshine. He does not do much gardening now, but he mows the grass from time to time and if I go out and start weeding then he too pulls up a few weeds and proudly carries them to the rubbish heap. I had made up my mind to be lazy and not work hard in this garden, but my sister came on a visit and did a lot of weeding, so now I am committed to carrying on the good work and cannot help getting interested and planning what to grow in place of the weeds.

My husband joins me in very warm greeting to you and your wife and best wishes for your health.

Yours very sincerely
Katharine M. Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо большое за два красивых альбома, которые Вы прислали. Репродукции очень качественные и охватывают длительный период, давая хорошее представление об искусстве тех времён. Мы с профессором Уотсоном вдвоём долго их рассматривали, и потом часто и с большим удовольствием будем к ним возвращаться.

Надеюсь, Ваше самочувствие сейчас улучшилось настолько, чтобы вернуться к творчеству, не переутомляясь. Должно быть, очень трудно было бездействовать, когда столько хочется написать.

15 июля я отправила Вам четыре книги в мягких обложках и надеюсь, что они прибудут своевременно. Оба мои заказа — на «Корни неба»[1] и книгу по моему выбору, которая могла бы Вас заинтересовать — не были выполнены, распроданы. Возможно, я смогу получить их в другой раз, хотя переиздания выходят не так часто, как хотелось бы.

В прошлое воскресенье мы принимали у себя профессора Ромера с женой и получили огромное удовольствие от их визита. Они были нашими первыми и лучшими друзьями, когда мы в течение года (1952) жили в США, и были очень к нам добры.

Всю осень у нас стоит прекрасная солнечная погода, и профессор Уотсон проводит много времени в саду, читая на свежем воздухе. Он теперь почти не возится в саду, лишь подстригает лужайку, да если я начинаю прополку, тоже

[1] «Корни неба» (1956) — роман французского писателя Ромена Гари.

выдёргивает несколько сорняков и гордо несёт их к мусорной куче. Я решила было лениться и не перетруждаться в этом саду, но приехала в гости моя сестра и произвела большую прополку, поэтому теперь я активно продолжаю в том же духе, самой становится интересно придумать, что посадить на месте сорняков.

Мы вместе с мужем шлём Вам самые тёплые приветствия и пожелания здоровья.

С искренним уважением,
Кэтрин М. Уотсон

Перевела Мира Покорук

53 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
28 сентября 1966 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

Not long ago I received the two books and pamphlet that you were kind enough to send me. Thanks very much. I hope that this is an indication that your health is improving and that you are now as we say "on the mend". I have just recently returned from a short trip to Oklahoma to tie up some loose ends. Last summer I submitted a paper to the Oklahoma Survey which gives a good basis for understanding, as far as this is possible at present, the lower Permian of Oklahoma. This is along the lines of a stratigraphic and faunal summary as you noted was needed for the U. S. A. With this the Texas and Oklahoma Permian is pretty well taken care of in the literature. Much more can be said about the Dunkard, of Ohio, Pensylvania, West Virginia and so on and about New Mexico and Colorado.

Before I received the books from you, Professor Davitaschvili had sent me his book on the "Current Status of Evolutionary Thought in the West" and asked me if I would review it. So I have been reading it and have just about finished. Naturally this will not be a book that would be too popular here, or in much of western Europe. That is fine, for we need much more interchange of different concepts. There is no question that there is a great deal of local ingrowth in all areas in all fields. The immediate reaction to the book here would, I am sure, be "Oh, that sort of nonsense" and it would be put in the same low drawer as some of Goldschmidt's ideas, and so on. This is not, of course, because Darwin is not very highly regarded here, but because of the general concept in this book that there is one and only one way that evolution can be understood and that this way has implications that go far beyond obiectivity, which oddly, of course, is the same criticism that is made of much of what is thought in the "west" by Davitaschvili.

I don't react this way, since I have a "failing" of open mindedness, which irks some of the associates. I tend to see both or the many sides of questions. Now I do want to review this book and will do it. Just in what manner don't know as yet. Probably it will be a factual account of what is said. Yet, it will

certainly be necessary to include some commentary. It is in this area that I am somewhat unsure.

I do not know whether or not you are in a physical condition to answer some questions for me. If you are not, please don't even think of trying. I am writing on the chance that you can, for you are the only one I know who can give me objective opinions and who is fully aware of the issues involved.

Question 1. How well thought of in Russia is Professor Davitaschvili? I have met him and have read a good deal of his work. He appears to me as a very widely read, paleontologically oriented biologist, one who probably has certain deficiencies in contemporary evolutionary studies, as they pertain in particular to recent DNA and RNA studies. I respect him highly, but he seems to have something of the aura of the grand "ole-timer". How far off am I in this judgement? How do his contemporaries and the younger men in the Soviet Union judge him?

Question 2. My contemporaries in this country and some parts of Europe felt the impact of the doctrines of Lysenko very strongly. I note that there is almost nothing in this book relating to these, which seem to have had a strong influence in your country for a time. Is this because these concepts are now largely discounted, or are there other reasons? Now it may be in the last few pages, which I have not gone through that there is more mention. I have now finished and find there is adequate comment. Please ignore this questions.

Question 3. This is the most important and most difficult to phrase. In the later parts of the book, the basis for criticism of the "synthetic theory" of his postneodarwinsim becomes clear. In being a mechanistic materialism, this theory cannot encompass in simple terms some aspects of evolution. In particular it finds difficulty in interpretation and explanation of "directionalism" and in the face of these difficulties, finds it difficult to avoid a finalistic or idealistic approach. This is my paraphrasing of what I think is said in many places in the book, but made clear in next to the last chapter. Darwinism, which is somehow equated with dialectical materialism primitive in fundamental philosophy, can be understood only under this philosophy, as I interpret what is said. Classical Darwinism has all the answers to evolution.

Now I am aware that Darwin was knowledgeable with respect to Marx, but I find it hard to see in his class position in the social structure of England in the early and mid-1800's the germs of dialectical materialism in his own work. Now then is it to be understood that his work can be fully appreciated under this philosophy, which began in his time but certainly came to flower and fruition under other influences and interpreters much later than when he was maturing his ideas? I am asking this as a serious question on which I would like your opinion.

In this same vein, Davitaschvili says that western scientists, while contributing enormously to the factual aspects of biology, cannot entirely appreciate evolution because they do not understand dialectical materialism. Now, any criticism that I might raise could be countered in this way, I don't understand the philosophy and thus cannot be a critic. Probably I don't although I have read as widely as time permitted in attempting to. Could you very plainly indicate to me in what manner this philosophy very objectively gives an explanation of directionalism that does not in the end fall into the same problem of ultimate explanation as any other explanation, such as that of mechanical materialism? This is probably a very big order. But it is critical and I don't feel that it is answered in the book. I note

that in his most recent book Oparin does make such an attempt. I still am somewhat at sea on it.

This gets then to the final question, call it 4, although it relates to the last. I quite agree, as will most scientists in this country, as Davitaschvili well recognizes and states, that no aspect of metaphysics can logically be introduced into scientific work. Where this is done in explanation of evolution, we have departed from the realm of science. I quite agree as well that any dogma, which limits the realm of operation in any study, is inhibiting. But, in a somewhat dialectical way, I have just reached the heart of the problem. If there is any one way to the truth, this is necessarily dogma, whether it depends upon some metaphysical guidance, some intuition, or some series of basic premises empirically derived. In one way or another we must arrive at an explanation of our framework, be it one of order or of chaos. If we arrive at it and consider it the way, then how does any such single basis escape being dogmatic or becoming a dogma? Specifically, how does dialectical materialism escape this dilemma? If I stay in a science framework, then I accept certain premises, one of these being the order of things, which certainly all empirical study supports. But, I do not explain the existence of order, or do I believe that I can explain it within this framework? As I understand it, dialectical materialism finds its base in a particular set of relationships that are in essence basic premises which, just as the order of which I speak, have empirical justification but which, similarly, cannot be explained other than by the simple statement that "that is how it is". In other words, at some level, there must be a set of undefendable premises or axioms. As far as I can see all systems of thought must have some such base, a base beyond which they cannot penetrate without violating the limits set by the premises.

Now it seems to me that in suggesting that the various ways of thinking about and studying evolution that Davitaschvili has taken up, all must fall in this context. Those that desert the materialistic base go beyond in a metaphysical abandonment of science, which casts them beyond the pale of scientific investigation. When a vitalistic or finalistic tendency creeps in, this is what it does. It arrives at the time that the limits of explanation under the premises have been exceeded. Specifically with reference to directionalism, since it has been a puzzle under the synthetic theory, some have certainly tended in this direction. But how does directionalism under a dialectical materialistic philosophy avoid this tendency, if it does not go beyond the basic premises in which, as I understand it, a materialistic basis for changes in a direction, specified or unspecified, exists. I am perhaps wrong, as Davitaschvili would suggest in my understanding, but does not the social implication of this philosophy not only involve a directionalism, but a very specific and infallible aspect of this directionalism? And how does this differ from finalism or "goal directedness"? Or, is it a materialistic explanation of goal directedness which escapes all the pitfalls?

As you can see, this is asked in good faith. I am most anxious for an interpretation from one who knows this area well, as I know you do. It is not in the sense of an impertinence, which it could well be thought of if you did not know me well,

Well, these are some of my questions. I feel guilty burdening you with them and know that if you don`t feel up to answering them you will do as I suggest and not try. This is an area I find fascinating and, because of its breadth, frustrating.

I have started your story in "Hellenic Secret" but have just begun. It is very interesting in view of the Razor's Edge. I had no idea that this concept went so far

back in your thinking. I loaned The Razor's Edge to a friend whose native language is Russian a short while ago. She read it and was as she said, "delighted with such an elegant book".

I hope this finds your health improved. Please give my best to your wife.

With deep regards,
Your friend, *Everett C. Olson*
Ole

You must forgive me the formal tone of this letter. I have not become old and humorless, just puzzled at the moment.

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Не так давно я получил две книги и буклет, которые вы так любезно мне выслали. Огромное спасибо. Надеюсь, это знак того, что ваше самочувствие лучше, и вы, как мы говорим, «пошли на поправку». Я лишь недавно вернулся из короткой поездки в Оклахому доделать незаконченные дела. Прошлым летом я представил в Оклахомскую Геологическую службу работу, которая дает хорошую базу для понимания, насколько это пока возможно, нижнего пермского периода Оклахомы. Обзор охватывает стратиграфию и описание фауны, что, как Вы замечали ранее, недоставало по данному штату в США. Он довершает описание пермского периода Техаса и Оклахомы Гораздо больше ещё можно сказать о формации Данкард в Огайо, Пенсильвании, Западной Вирджинии и др., а также в Нью-Мексико и Колорадо.

Ещё до получения книг от Вас профессор Давиташвили выслал мне свою — «Современное состояние эволюционной мысли на Западе» — и попросил о рецензии. Поэтому я читал её и только закончил. Честно говоря, эта книга не из тех, что популярны здесь или в большей части Западной Европы. Это хорошо, потому что нам нужен обмен точками зрения. Разумеется, не может не сказаться локальная сосредоточенность на внутренних проблемах во всех областях всех наук. Первая реакция на книгу будет, без сомнения, — «А, бессмыслица», и книгу засунут в тот же нижний ящик, что и некоторые идеи Гольдшмидта[1] и т. п. Причём не из-за того, что Дарвин здесь не очень в почете, а из-за основной концепции этой книги о существовании одного-единственного способа понять эволюцию, который подразумевает выводы, выходящие за грань объективного, правда, как ни странно, той же критике подвергается всё, что подразумевается под «западом» у Давиташвили.

Я чувствую иначе, поскольку «страдаю» непредвзятостью, которая раздражает некоторых коллег. Я стремлюсь увидеть обе или множество сторон вопроса. Теперь мне захотелось отрецензировать эту книгу. Не уверен лишь пока, в каком ключе. Возможно, это будет изложение основных мыслей. Однако определенно необходимо включить некий комментарий. Но какой именно — предстоит решить.

---

[1] Имеется в виду, очевидно, известная мысль о «положительных уродствах» Рихарда Гольдшмидта.

Не знаю, насколько Вы физически в состоянии ответить на некоторые мои вопросы. Если ещё плохо себя чувствуете, даже не думайте пытаться. Я пишу на случай, если Вы в силах, поскольку вы единственный из моих знакомых способны составить объективное мнение и полностью разбираетесь в затронутых темах.

Вопрос 1. Насколько хорошо отзываются в России о профессоре Давиташвили? Я встречался с ним и читал приличное количество его работ. Он кажется мне очень начитанным, палеонтологически ориентированным биологом, человеком, который, возможно, имеет определенный недостаток познаний в современных исследованиях эволюции, в том, например, как они связаны с последними результатами по ДНК и РНК. Я очень его уважаю, но у него, как мне кажется, есть некая аура старого консерватора. Насколько я заблуждаюсь в этом суждении? Как его современники и более молодые коллеги в Советском Союзе оценивают его?

Вопрос 2. Мои современники в США и некоторых странах Европы очень явно ощутили влияние доктрин Лысенко. Я заметил, что в этой книге нет почти ничего, связанного с ними, хотя они возымели большое влияние в вашей стране на время.

Потому ли это, что эта концепция сейчас сильно дискредитирована, или есть другие причины? Может быть, на последних, ещё недочитанных страницах я найду какое-то упоминание. Впрочем, я как раз дочитал и нашёл внятный комментарий. Проигнорируйте этот вопрос, пожалуйста.

Вопрос 3. Это очень важно и сложнее всего сформулировать. Постепенно к концу книги становится ясна основа для критики «синтетической теории» его пост-неодарвинизма. В рамках своего механистического материализма эта теория неспособна охватить в простых понятиях некоторые аспекты эволюции. В особенности возникают сложности с трактовкой и объяснением «направленности», и ввиду этих сложностей невозможно избежать телеологического или идеалистического подхода. Так я своими словами резюмирую то, что неоднократно повторяется в тексте, но становится ясным в предпоследней главе. Поэтому, если я правильно уловил основную мысль, дарвинизм, который неким образом приравнивается к примитивному диалектическому материализму в фундаментальной философии, возможно постичь только в рамках такой философии. Классический дарвинизм отвечает на все вопросы эволюции.

Хорошо, я в курсе, что Дарвин был знаком со взглядами Маркса, но мне трудно увидеть в социальном положении Дарвина в Англии начала и середины 1800-х задатки диалектического материализма в его собственной работе. Понимать ли это так, что его работа должна полностью восприниматься в рамках этой философии, которая зародилась в его время, но расцвела и принесла плоды под другим влиянием и трактовкой гораздо позже, чем когда он взращивал свои идеи? Я задаю этот вопрос со всей серьёзностью и хочу знать ваше мнение.

В том же духе Давиташвили говорит, что западные учёные, существенно пополняя копилку фактов в биологии, не могут принять эволюцию в целом, поскольку они не понимают диалектического материализма. Выходит, что любая критика с моей стороны может быть отметена под предлогом, что я не понимаю этой философии и, следовательно, не могу выступать критиком. Воз-

можно, так и есть, несмотря на то, что я старался поддерживать широкий круг знакомства с литературой. Поэтому просил бы более чётко разъяснить мне, в чём объективность объяснения направленности эволюции данным философским направлением, позволяющая избежать конечного объяснения эволюционных причин механистическим материализмом. Вероятно, это очень серьёзный запрос. Но это ключевой момент, а я не вижу ответа на него в рецензируемой книге. Замечу, что Опарин в своей последней книге[1] делает такую попытку. Я всё ещё в сомнениях.

Всё это ведёт к последнему вопросу, назовем его четвёртым, хотя он и связан с предыдущим. Как большинство американских учёных, что понимает и Давиташвили, я вполне согласен — ни один из аспектов метафизики не может логически транслироваться в научную работу. Если это происходит в объяснении эволюции, мы выходим за рамки науки. Я также вполне согласен, что любая догма, которая ограничивает свободу действия в любом исследовании, является препятствием. Но, в определенном диалектическом смысле, тут кроется главная проблема. Если мы постулируем единственность пути к истине, он неминуемо становится догмой, будь то некое метафизическое целеполагание, интуиция или серия базовых предпосылок, полученных эмпирическим путём. Так или иначе, мы должны прийти к объяснению нашей структуры, будь она порядком или хаосом. Если мы к нему приходим и принимаем его как принцип, тогда любое основание неизбежно будет становиться догматическим. Каким образом тогда диалектический материализм избежит этой дилеммы? Если я остаюсь при научных принципах, тогда принимаю определенные посылки, одна из которых — порядок вещей, подтверждаемый безусловно любыми опытными исследованиями. Но само существование порядка я не объясняю или же верю, что могу объяснить его внутри этого принципа? Как я это понимаю, диалектический материализм подобным же образом основывается на определенном наборе отношений, которые, как и принцип, о котором я говорю, подтверждаются эмпирически, но также не могут быть объяснены иначе как простым утверждением «это так, как оно есть». Другими словами, на определенном уровне должен существовать набор неоспоримых оснований или аксиом. Как мне видится, все мыслительные системы должны иметь такую основу, за которую они не могут отступить, не нарушая границ, установленных посылками.

Поэтому мне представляется, что и все подходы к изучению эволюции, затрагиваемые Давиташвили, должны принимать во внимание этот контекст. Те, кто покидает материалистические основы, уходят в метафизику, что оставляет их за пределами научного исследования. Именно так происходит, стоит прокрасться в исследование витализму или телеологии. Когда переступаются границы объяснимого с помощью посылок. Особенно в отношении направленности эволюции, поскольку она был загадкой в синтетической теории, и кое-кто явно уклонялся в метафизическом направлении. Но как тут избежать подобной тенденции в философии диалектического материализма, не выходя за рамки основных посылок, в которых, как я это понимаю, материалистическая основа для изменений в определенном или неопределенном направлении

---

[1] По-видимому, речь идёт о книге: А. И. Опарин. Возникновение и начальное развитие жизни. — М., 1966.

и существует. Возможно, я ошибаюсь, как Давиташвили скорее всего и предположил бы, но разве социальный подтекст этой философии не включает направленность, причём в её очень узком и непогрешимом аспекте? И чем это отличается от телеологии или «цели эволюции»? Либо материалистическое объяснение направленности позволяет избежать всех ловушек?

Как видите, я спрашиваю обо всём без утайки. И очень хочу услышать Вашу трактовку как знатока в этой области. Ни в коей мере не из наглости, как могло бы показаться, если бы Вы меня не знали.

Что ж, вот несколько моих вопросов. Мне стыдно беспокоить Вас ими, и надеюсь, что если Вы не в настроении отвечать на них, то последуете моему совету и не станете. Это область, которую я нахожу захватывающей и, из-за её широты, обескураживающей.

Я начал читать Ваш рассказ в сборнике «Эллинский секрет». Весьма любопытно в контексте «Лезвия бритвы». Я не знал, что эта концепция так давно возникла в вашем воображении. Недавно я одолжил «Лезвие бритвы» своей русской приятельнице. Она прочла и была, по её словам, «очарована этой элегантной книгой».

Надеюсь, вы поправляетесь. Пожалуйста, передавайте привет от меня вашей жене.

С сердечными пожеланиями,
Ваш друг *Эверетт К. Олсон*
Оле

Простите мне формальный тон этого письма. Я не постарел и не потерял чувство юмора, просто немного озадачен сейчас.

Перевели Елена Фонфрович и Лариса Михайлова

54 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

2 октября 1966 г.

Dear Professor Efremov,

I am glad you enjoyed many of the books I sent this summer and I hope they assist in some small measure towards your complete recovery. I'm very glad to hear that you're better. Your wife must be very relieved to have you back again. Please take care of yourself!

I haven't sent you any books since August 24th and don't intend to — so don't be afraid! It simply happened that I found quite a number of old books you had asked me for long time ago — Romain Gary, for example, and decided to include a number of new books of the kind I know you like. It was for a home-coming present, and I had no thought of receiving any books in return. "The Hobbit" is not a part of the "Ring" trilogy — it's a fairy story which precedes the trilogy. It Tells the story of Frodo's father Bilbo and the discovery of the Ring of Power — the cause of all the trouble in the trilogy.

I have been able to get down to some solid reading recently and have finished "Хищные вещи века" and "Возвращение со звёзд" Лема. "Улитка на склоне" is a remarkable piece of work. I was very impressed. Do the "redoubtable brothers" intend to publish the whole book? If so, when? It's a long time since I read so powerful a work.

I should be glad to have "Engineer Manny". I aim to be in the Caucasus for the winter, as Diana will have left the University by then and will be living in Tbilisi. I hope to return via Moscow. Anyway, I'll let you know nearer the date.

Again, my best wishes for your speedy recovery and kindest regards to your wife.

Yours ever,
Alan Myers

Дорогой профессор Ефремов!

Я очень рад, что Вам понравились многие из книг, что я прислал этим летом. Надеюсь, они содействовали в какой-то мере Вашему выздоровлению. Я очень рад слышать, что Вам лучше. Ваша жена, должно быть, может вздохнуть с облегчением теперь, когда Вы снова в строю. Пожалуйста, берегите себя!

Я не посылал Вам книг с 24 августа и пока не собираюсь, так что не волнуйтесь! Получилось так, что мне попались многие из тех старых книг, о которых Вы меня давно спрашивали, Ромен Гари, например, а также я решил включить в посылку ещё несколько новинок в Вашем вкусе. Их я послал Вам в дополнение как подарок и не думал получать что-нибудь взамен! «Хоббит»[1] — не часть трилогии «Властелин колец»[2], это сказочная история, которая предшествует ей. Она повествует об отце[3] Фродо, Бильбо, о находке кольца всевластия, причине всех бед в трилогии.

В последнее время мне удалось уделить время серьёзному чтению, так я закончил «Хищные вещи века» и «Возращение со звёзд» Лема. «Улитка на склоне»[4] — выдающаяся вещь, я был поражен. Собираются ли «доблестные братья» напечатать всю книгу? Если да, то когда? Давно я не читал такой сильной книги.

Я был бы рад иметь «Инженера Мэнни»[5]. Буду на Кавказе этой зимой, так как Диана к этому времени оставит университет и будет жить в Тбилиси. Надеюсь возвращаться через Москву. Как бы то ни было, я сообщу ближе к дате приезда.

Снова мои пожелания скорейшего выздоровления и тёплый привет Вашей жене.

Всегда Ваш
Алан Майерс

Перевела Марина Манчхашвили

---

[1] Книга Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно».

[2] Книга Дж. Р. Р. Толкина.

[3] Бильбо — дядя Фродо, а не отец.

[4] Научно-фантастический роман Аркадия и Бориса Стругацких, отрывок которого был опубликован в сборнике «Эллинский секрет» в 1966 году.

[5] Роман А. А. Богданова «Инженер Мэнни» (1913) является продолжением его утопии «Красная звезда».

55 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ[1]

Москва
5 октября 1966 г.

Многоуважаемая Аделаида Александровна!
(прошу простить, если не угадал Вашего отчества)

Большое спасибо за заботливое письмо и добрые пожелания от Таисии Иосифовны и меня. Мы только что вернулись с дачи. После лета со здоровьем стало получше, но всё ещё врачи ограничивают в делах.

О книгах не беспокойтесь. Я сам их искать не буду, конечно, а поручу одному молодому человеку (которому очень нравятся рисунки Гали). Он только недавно приехал и будет искать эти книги — что найдёт, то мы с Т. И. пошлём.

Сердечный привет всем вам троим от Таисии Иосифовны и меня. Берегите Галю — она ведь в самом деле очень талантливая, берегите, но не балуйте (хотя это и трудно — будь у меня такая дочь — непременно бы избаловал).

С искренним уважением,
И. Ефремов

56 И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ

Москва
5 октября 1966 г.[2]

Dear Professor Olson:

Your second letter, date October 7th [sic], arrived with amazing speed (however quite normal for normal circumstances) after a week delivery which I believe is an indicator of warming relationships. But first letter, dated September 28, arrived only yesterday.

You must not feel guilty with your questions. I shall answer you much more questions if I will be able to do so.

Question 1. Prof. Davitaschvili is far off the whole appreciation here. During the thirties and forties he occupied a very orthodox position in the line of the regime and Lysenko and bring many difficulties to the more broad-minded paleontologists. Thereafter we named him "Davite shval" [smash the trash is the exact translation], for clear flunkyism. But, of course, he is a very "vast reading man" and much more acquainted with world literature than any of our other paleontologists, especially on generalized books and generalized pamphlets. From the other side he is only a cabinet worker (office worker) and knows very little about field explorations and geology as real geology. You have truthfully mentioned that he also is outmoded in all new horizons open by new branches of biology with applications of molecular biology, biochemistry, geochemy and many others.

Partly in answer to your second question, L.Sh.D. was in the late forties an eager follower of Lysenko's dogma but now has written several pamphlets against the latter in the name of Michurin, who as a creator of the new path in biology is quite a mythical figure I believe and when lived never pretended to be more than a good selectionist as L. Burbank, for example. By the way how many perfect old sorts

[1] Почтовая открытка «Свежий ветер», фото А. Бушкина.
[2] В источнике рядом с датой примечание Олсона: «Sic».

have been awfully damaged by unskilled introduction of the new ones and enormous doses of ignorance among Michurinists?

Question 3. You perfectly clearly have formulated the essential in the position of the line of criticism in the book in question. The dialectical point of view of Davitaschvili's book on my sight is very weak and formal, being formulated only in words and also seems like a mystical force.

The "directional" way in your use of terms (orthogenetic is old name I am more accustomed) is in my opinion necessary for every deeply experienced paleontologist because all the materials in our hands cannot be explained in another sense. But among all of our scientists (Davitaschvili included) it seems to me, boldly said, that only I endeavor to explain the orthogenetic way of evolution in dialectical sense. The others openly ignored such enterprise and mentioned the "dialectical materialism" only as a general "Word". It seems to me that the general physical environment of life act as a "corridor" whose parameters are the "limitized" and "pushed on" forces of the evolutionary process as a whole. The goal, because the essential feature of living organism is the constancy of inner conditions (homeostasis) without which all heredity and the work of the biological machine is impossible, is the freedom from the environment as widely as possible. More freedom — more storage of information, etc. This struggle for freedom if regarded integrally is aristogenesis by Osborn or aromorphosis by Severtzov. The orthogenetic (directing) corridor of general physical environments is nomogenesis by Berg if regarded as the only possible way in evolution (integrally). To the Neodarwinist the adaptability of evolution to the environment as well as the selective process leading to complexity and high fitness is clear, but without the "bridge" to the general target and therefore without understanding of the mechanism as a whole process. Really I believe this "mechanism" is quite a dialectical one: the necessity accomplished through the sum of causalities. Necessity here is the freedom from environment and causalities are adaptations.

Therefore in organic evolution we have a plan (a predestined one) instead of blindness (or rather randomness) of the process itself. This is also a dialectical point of view — the two sides of the whole or the unity of the contrary. Of course, the historical chain to the general goal ended on earth in Rezent, but such is our scientific way of collecting knowledge. I doubt that this is quite understandable to you in my inadequate English, but if you understand the general trend of thought it may be of some use to you.

In the Davitaschvili book are only recommended for "western scientists" to understand dialectical materialism. But to accomplish such understanding through quotations from Marx or Engels is a hopeless task because the very "matter" today is infinitely more complex than a century ago. I believe you may openly criticize this recommendation, however, the clearance of "weak" points in western theories is very useful for every paleontologist and for this target Davitaschvili's book may be highly recommended. But as for understanding the method of "dialectical materialism" the author accomplished none on my view.

I believe that recently only three evolutionary students whom I appreciate very much, you, A. S. Romer and G. Simpson. The latter is, strange to say, very similar to Davitaschvili only on the other side of the line of truth. He, as many formal thought scholars, ignores all opposite events if they appear beyond the field of narrow investigation. Davitaschvili ignores all opposite facts if they cannot be packed in a prematurely generalized trend. From another point of view "dialectical materialism" is a very old philosophical trend, which in occult books regarded as the "Great Mys-

tery of Duplicity (or Double)". The attempt to regard every fact or event as a sum of two opposites from the two sides in the same moment is of course much higher than formal, linear logic but infinitely more difficult and therefore possible only for outstanding minds. The dialectical line of thought also includes historical aspects of all events and this is the cause that the paleontological and geological investigations appear more dialectical than other sciences without the historical basis.

The cardinal difference between dialectical materialism and dialectical non-materialism lies in the "Primo Motore" [i.e., the general cause of events]. If the "Primo Motore" is a result of pure material events in accordance with general physical laws, then this view is materialistic. If "Primo Motore" appears to be unrecognizable and somehow beyond the general laws of the material world then it is "vitalistic", "reactionary", and "unscientific".

One more example. The very wide use of Marx's formula: "existence (mode of) determines the conscience" in this form is really a metaphysical one, because it lacks the other side: "conscience determines the mode of existence". Now it comes to the Marxists very slowly that spiritual conscience is a quite real force especially in the fitting, survival and "way up" in wholly materialistic processes. By the way, if spirit is the highest form of matter, what then? Why cannot it be a real force and inevitable "other side" in a dialectical world?

As you can see, all this agreed with your considerations about the question 4, because true scientists cannot operate with any dogma, because axiomic answers to all questions are religion, non-science. A scientist also needs "homeostasis" but only adaptable to the rapid alternated knowledge and if knowledge came upon the exponents this adaptability must also be rapid ones. Therefore only direct explanation of the discoveries by the dialectical way of thinking has a scientific value. So one must have very good brains to be able to do so. If not, we must bear with the formal one-sided views.

Between us girls, I have two heretical views for the professional scientist. The whole process of obtaining knowledge is dialectical (two-sided). Scientists on the one side explain the new by the ortho-doxal old. Others (on the other side) explain the old and new facts and events by the invented and mysterious "metaphysique". Both compose a unity of polar opposites and our knowledge progressed between them as I attempted to show in my romance [The Razor's Edge]. Only the strong minds have ability to find this razor's edge immediately.

My second thesis is this: the universe now appears so infinitely complex that we can discover everything [note, I believe he intended anything], and can predict many discoveries! We can predict correctly really all if we only formulate the event with a satisfactory clearness and within the general parameters of the physical universe. It is similar as to cutting something from a snow wall — we can master every figure desirable from the cube to Aphrodite. So I haven't valued the so-called "predictions" articles in recent science because there are millions of this stuff and success with one or another prediction not at all verifies that this way of investigation is the only truthful one.

As a result of unexpected (expected by dialectical philosophy) complexity of the universe is that the formulation obtained became more and more undigestible and useless. We drown in the deep ocean of facts and experiments and the proud tower of science more and more became like the Babel tower. Gradually ruined from within by utter ignorance of the scientists themselves, 240 000 pamphlets in chemical science every year, 90 000 in physical and so on and speedily up! We are the last

scientists in the good old sense of this word... But enough of this babel! You must have a strong head, I fear to be able to read such stuff.

Resume. I think your opinion about this book is a correct one. It must not be easily laughed off because of contain useful critical aspects on many "theories". But the recommendations given are weak because of too generalized a formulation which is of no use on concrete material.

I have just sent you three books. One by Semenov, about the origin of Man is essentially typical for Davitaschvili's line with much more flunkyism and citation. You may find it interesting as example of the newest and serious book which is really an "old song" dogmative and metaphysical, entirely abandoning the second level of evolution of man — spiritual. The "herd" — this only he sees on the early stages of evolution.

Your friends as always,
I. A. Efremov

P. S.: Please let me know about receiving this letter as soon as possible!

Дорогой профессор Олсон!

Ваше второе письмо, датированное 7 октября[1], пришло с удивительной скоростью (однако вполне нормальной для нормальных обстоятельств), через неделю после отправления, что, надеюсь, можно считать признаком потепления отношений. Но первое, от 28 сентября, пришло только вчера.

Вас не должно тревожить количество задаваемых вопросов. Я отвечу Вам на сколько угодно вопросов, если только смогу.

Вопрос 1. У нас в стране проф[ессора] Давиташвили отнюдь не все высоко ценят. В 1930–40-е годы он занимал весьма ортодоксальную позицию в поддержку курса власти и Лысенко и создал немало трудностей более широко мыслящим палеонтологам. Поэтому мы окрестили его «Давите шваль» за явное низкопоклонство. Не стану спорить — он «весьма начитан» и значительно лучше наших палеонтологов знаком с иностранной литературой, особенно с книгами и брошюрами общего свойства. С другой стороны, он чисто кабинетный учёный и знает очень мало о полевой работе и о геологии как таковой. Вы точно подметили, что он к тому же отстал и не видит новых горизонтов, открываемых новыми отраслями биологии, имеющими прикладное значение в молекулярной биологии, биохимии, геохимии и многих других разделах.

Частично отвечая на Ваш второй вопрос, Л. Ш. Д. в конце сороковых был ярым поклонником догмы Лысенко, а теперь вот написал несколько брошюр против последнего во имя Мичурина, который в виде открывателя новых путей в биологии фигура совершенно, считаю, мифическая, а при жизни являлся хорошим селекционером, наподобие Л. Бёрбанка, не претендуя ни на что большее. А теперь сколько чудесных старых сортов сильно испорчены бездарным введением новых и огромными дозами невежества среди последователей Мичурина!

Вопрос 3. Вы совершенно точно сформулировали суть критического подхода к обсуждаемой книге. С моей точки зрения, диалектический подход в книге Давиташвили очень слаб и формален, проводится лишь на словах и к тому же выглядит своего рода мистической силой.

---

[1]В источнике рядом с датой примечание Олсона: «Sic».

«Направленность» эволюционного пути, используя Вашу терминологию (ортогенез — старое название, к которому я больше привык), считаю, любому обретшему опыт палеонтологу весьма необходима, поскольку невозможно объяснить весь имеющийся у нас на руках материал никак иначе. Но, возьму на себя дерзость сказать, среди всех наших учёных (включая Давиташвили), кажется, только я стараюсь объяснить ортогенетический путь эволюции в диалектическом смысле. Остальные открыто игнорировали такое предприятие и упоминали «диалектический материализм» только как общеупотребимое «Слово». Мне кажется, что общая физическая среда жизни действует как некий «коридор», параметры которого суть «ограничивают» и «подталкивают» эволюционный процесс в целом. Цель же, поскольку главной чертой живого организма является постоянство внутренних условий (гомеостаз), без которого вся наследственность и работа биологической машины невозможна, есть свобода от окружающей среды настолько, насколько возможно. Больше свободы — больше хранимой информации и т. д. Эта борьба за свободу, при цельном рассмотрении, есть аристогенез по Осборну, или ароморфоз по Северцову. Ортогенетический (направляющий) коридор общих физических условий окружающей среды — это номогенез по Бергу, если его рассматривать как единственно возможный путь эволюции (в целом). Для неодарвиниста адаптируемость эволюции к окружающей среде, как и процесс отбора, ведущий к усложнению и повышению приспособляемости, понятна, однако без «мостика» к общей цели и поэтому без понимания механизма как целого процесса. Действительно, я полагаю, что этот «механизм» совершенно диалектический: необходимость, достигнутая через сумму причинно-следственных связей. Здесь необходимость является свободой от окружающей среды, а причинно-следственные связи — адаптациями к ней.

Поэтому в органической эволюции существует некий план (предопределённый) вместо слепого (или, вернее, случайного) процесса. Это тоже диалектическая точка зрения — две стороны целого или единство противоположностей. Конечно, историческая цепочка к общей цели завершилась на Земле в современную геологическую эпоху, но таков наш научный способ получения знаний. Я сомневаюсь, вполне ли это понятно Вам на моём неадекватном английском, но если Вы понимаете основное направление мысли, это может Вам пригодиться.

В книге Давиташвили есть только рекомендации для «западных учёных», как понимать диалектический материализм. Однако достигнуть такого понимания посредством цитат из Маркса или Энгельса — задача безнадежная, поскольку сама «материя» сегодня по сути бесконечно сложнее, чем век назад. Я полагаю, Вы можете открыто критиковать эти рекомендации, однако уяснение «слабых» сторон в западных теориях очень полезно для каждого палеонтолога, и для этой цели книга Давиташвили может быть весьма рекомендована. Но для понимания метода «диалектического материализма» автор, на мой взгляд, ничего не достиг.

Я полагаю, что сегодня есть только три учёных-эволюциониста, которых я очень высоко ценю, — Вы, А. Ш. Ромер и Дж. Симпсон. Последний, как это ни странно, чем-то очень похож на Давиташвили, но по другую сторону истины. Он, как и другие формально мыслящие учёные, игнорирует все события, противоречащие основному узкому направлению исследования. Давиташвили игнорирует все такие противоречащие факты, если они не могут быть уложены в заранее обобщённую тенденцию. С другой точки зрения, «диалектический

материализм» — очень старое философское направление, которое в оккультных книгах рассматривается как «Великая тайна удвоения (или двойного)». Попытка рассматривать каждый факт или событие как сумму двух противоположностей с двух сторон в один и тот же момент, конечно, гораздо выше по уровню, чем формальная, линейная логика, но безгранично сложнее, и поэтому возможна только для выдающихся умов. Диалектический ход мысли также включает исторические аспекты всех событий, и по этой причине палеонтологические и геологические исследования являются более диалектичными, чем в других науках без исторического базиса.

Кардинальное различие между диалектическим материализмом и диалектическим нематериализмом лежит в «Primo Motore»[1]. Если «Primo Motore» является результатом чистых материальных событий в соответствии с общими физическими законами, тогда этот взгляд является материалистическим. Если «Primo Motore» выступает непознаваемым и так или иначе находится вне общих законов материального мира, тогда это является «виталистическим», «реакционным» и «ненаучным».

Ещё один пример. Очень широкое использование формулы Маркса «бытие определяет сознание» в этом виде является действительно метафизическим, потому что ей недостает второй части: «сознание определяет бытие». Теперь до марксистов доходит, очень медленно, что духовное сознание является вполне реальной силой, особенно в приспособлении, выживании и «пути вверх» в целиком материалистических процессах. Кстати, если дух является высшей формой материи, то что тогда? Почему он не может быть реальной силой и неизбежной «оборотной стороной» в диалектическом мире?

Как Вы можете видеть, всё это согласуется с Вашими размышлениями по 4-му вопросу, потому что истинные учёные не могут руководствоваться никакими догмами и потому что аксиоматичные ответы на все вопросы — это религия, а не наука. Учёному тоже нужен «гомеостаз», но только адаптируемый к быстро изменяющимся знаниям, и если знания нарастают по экспоненте, эта адаптируемость тоже должна быть достаточно быстрой. Поэтому только прямое объяснение открытий диалектическим способом мышления имеет научную ценность. И нужно иметь светлую голову, чтобы таким образом мыслить. Иначе мы должны мириться с формальными односторонними взглядами.

Между нами девочками, у меня есть две еретические для профессионального учёного идеи. Весь процесс приобретения знаний является диалектическим (двусторонним). Учёные, с одной стороны, объясняют новое старыми ортодоксальными понятиями. Другие (с другой стороны) объясняют старые и новые факты и события вымышленной и таинственной «метафизикой». Обе точки зрения составляют единство полярных противоположностей, а наше знание развивается между ними, как я пытался показать в моём романе[2]. Только сильные умы могут отыскать это самое лезвие бритвы сразу.

Мой второй тезис следующий: Вселенная в настоящее время представляется настолько беспредельно сложной, что мы можем открыть всё[3] и можно предсказать многие открытия! Мы можем верно предсказать действительно всё, если только удастся достаточно чётко сформулировать параметры собы-

---

[1] Т.е. общей причине событий. — *Примечание Э. К. Олсона.*

[2] «Лезвие бритвы». — *Примечание Э. К. Олсона.*

[3] Заметьте, я полагаю, он имел в виду «всё, что угодно». — *Примечание Э. К. Олсона.*

тия внутри общих параметров физической вселенной. Наподобие того, как из снежной глыбы мы можем вырубить любую фигуру — от куба до Афродиты. Поэтому я не ценю так называемые статьи-«предсказания» в современной науке, потому что имеются миллионы статей подобного содержания, и успех того или иного предсказания отнюдь не доказывает, что данный путь исследований является единственно верным.

Результатом неожиданной (но ожидаемой диалектической философией) сложности Вселенной является то, что полученная формулировка становится всё более и более неудобоваримой и бесполезной. Мы тонем в глубоком океане фактов и экспериментов, и гордая башня науки всё более и более становится похожей на Вавилонскую. Постепенно разрушаемую изнутри полным неведением самих учёных — 240 000 брошюр по химическим наукам каждый год, 90 000 — в физических и т. д., и число их стремительно нарастает! Мы — последние учёные в старом добром смысле этого слова... Но достаточно об этом столпотворении! У Вас должна быть крепкая голова, я просто с трудом могу представить, как прочитать всё это.

Резюме. Я думаю, что Ваше мнение об этой книге верное. От неё не следует просто отмахиваться, так как она содержит полезную критику многих «теорий». Но даваемые рекомендации слабы из-за слишком большой обобщённости формулировок, которые не применимы к конкретному материалу.

Я только что выслал Вам три книги. Одна, написанная Семёновым, о происхождении человека[1], чрезвычайно типична для линии Давиташвили с ещё большим подхалимажем и цитированием. Вы можете счесть её интересной как пример новейшей и серьёзной книги, которая в действительности является «старой песней», догматичной и метафизической, совершенно отбрасывающей второй уровень эволюции человека — духовный. «Стадо» — только это он видит на ранних ступенях эволюции.

Как всегда, Ваш друг
И. А. Ефремов

P. S. Пожалуйста, сообщите о получении этого письма как можно скорее!

Перевели Лариса Михайлова и Андрей Константинов

57 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
7 октября 1966 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

After my very long and inquisitive letter, I should probably apologize for writing again so soon. But in the meantime your letter arrived. First may I say that I am sorry that you have not improved in health as rapidly as you had hoped, but that I am very glad to know that you are back at work on at least a part time

[1]Здесь и далее И. А. Ефремов имел в виду книгу Ю. И. Семёнова «Как возникло человечество» (1966).

basis. I trust that you won't go too hard and set yourself back again, although I am a bad one to suggest it. I have just been fighting off one of my now and then spells when one or another of my systems wants to revolt from being in too intense operation too long. This time my stomach has raised a fuss. But it is improving and all will be well.

The book about Maya Plissetzkya did arrive just before your letter and about the time that Newsweek had the spread about her. It was an interesting coincidence. We all have enjoyed the book immensely and I will continue to do so for a long time to come. I will get hold of "The Roots of Heaven" which I have not read and am looking forward to. I have sent in for your membership to the Geographic for next year and it appears that once it got underway there is no problem of keeping up. This is fine and I am happy that you and your wife enjoy it.

I don't know just what I can do to get pictures of the Miss Universe's. I am sure there is a way, and I will keep an eye out to see what can be done. As you say, these are not contests for the "rich man's daughter" only. I know more about the Miss America than Miss Universe, but believe that they are similar. The girls, of course, do "prime" for these contests, in lesser ones, in developing talents, learning to walk and to talk and so on. Certainly here over the last years, however, the winners, and contestants as a whole, have been from normal walks of life and not from special families. Mostly the sponsorship comes from the grass-roots, from a small town, from a civic group, and so on.

I think that publication in English of your book on Taphonomy would be fine and will see what can be done. The copy I have has on the cover page:

Trudi Paleontological Institute
T XXIV
Taphonomy and the Geological Record
Book I
Preservation of Terrestrial Faunas in the Paleozoic
etc. 1950

(In my translation — that is)

Now as far as I know this is all there is, anyhow it is all I have. Is this correct?

I talked briefly with the Director of the University of Chicago Press. He expressed interest. Also I would like to write and will write to the American Geological Institute and get their reaction. They do some translating and publishing. There are also other possibilities.

If the U of C Press should get into it, this would be an excellent and high level job. They do have a soft back series, but probably would want to do a hard back. On translation, there are several possibilities. I believe that they have some funds for translation, but this probably would lead to a stricter look at the possibilities of publishing in terms of expenses. Another possibility is a full translation in your country, or a third is a less meticulous translation in your country, as far as precise English is concerned and an editorial job here. I could act as the editor, to put it into proper American-English, with the Russian text as a guide in the case of questions. In any event, these are possibilities. I will explore the AGI further and let you know. The book should be made available. The term is slowly coming into use, although less so than it should. Many are still quite confused about paleoecology and would like to put under its cover a wide array of items, including taphonomy.

Did you get my "Community Evolution and the Origin of Mammals"? This is, of course, mostly a reconsidered version of what I put out before, but I aimed it at an ecological audience, which my other papers did not touch. Their response has been rather remarkable. I have had about 150 requests for reprints, in addition to the 125 I sent out. Might educate these fellows yet. The one accompanying it (in the mails) on ears, of course, is popular for it is a nice teaching paper, but I thoroughly enjoyed the reaction of ecologists to something as far from their line as the Community paper.

That exotic reptile from Oklahoma gets more and more so. It has slightly labyrinthine teeth, a very long premaxilla with nares set far, back, oddly swollen ribs, and so on. I just now have a new preparator working on some of the material and hope that I will get enough to really have a good idea of the animal. It is all from deposits that appear to have been formed just off a beach in small depressions in lake bottoms. So, it is very fragmentary. The only more complete specimen is in a dolomite, of all things. But dolomites in this area also carry insects and multitudes of lung fish, in burrows. So what the dolomite means as to environment is a real question.

I did enjoy your letter and hope you will feel well enough to write another some time when you have an idle moment.

Your friend, as always
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

После моего долгого и пытливого письма я, вероятно, должен извиниться за то, что пишу снова так скоро. Но между тем пришло ваше письмо. Первым делом хочу сказать, как мне жаль, что Ваше здоровье не поправилось так быстро, как Вы надеялись, но я очень рад узнать, что вы вернулись к работе хотя бы на неполный день. Я надеюсь, Вы не будете слишком напрягаться, чтобы не отправиться обратно на больничный, хотя, стоит признаться, я сам ещё хуже в этом смысле. Вот только что оправился от болезни, как случается, когда решает вдруг отказать какая-то система организма от чрезмерного перенапряжения. На этот раз мой желудок поднял бучу. Но уже успокаивается, и всё будет хорошо.

Книга о Майе Плисецкой пришла прямо перед Вашим письмом, как раз когда «Ньюсуик» посвятил ей разворот. Это стало любопытным совпадением. Нам всем безмерно понравилась книга, и я буду ею наслаждаться ещё долгое время. Роман «Корни неба»[1] я прежде не читал, но обязательно раздобуду.

---

[1]Роман лауреата Гонкуровской премии 1956 года Ромена Гари «Корни неба» (Lesracinesduciel) стал основой одноимённого американского фильма. Из предисловия автора: «Тема моей книги отражает реальный факт: истребление великой африканской фауны, и особенно слонов... Я верую в личную свободу, в терпимость и в права человека. Быть может, и тут речь идёт об анахронизме — о вышедших из моды слонах, громоздком пережитке ушедшей геологической эпохи, — о гуманизме. Я так не думаю, потому что верю в прогресс, а истинный прогресс неотъемлем от условий, необходимых для его движения. Возможно, что я обманываюсь и моя вера — лишь простая уловка инстинкта самосохранения. Тогда я надеюсь погибнуть вместе с ними. Но не раньше чем попытаюсь их защитить всеми силами от разгула тоталитаризма, националистов, расистов, мистиков и маньяков». (Перевод с французского Е. Голышевой.)

Я подал для Вас заявку в «Нэшнл джиогрэфик» на следующий год, и, по-видимому, стоило раз получить членство, тогда с продлением не должно возникнуть больше проблем. Это прекрасно, и я рад, что вы с женой довольны журналом.

Ума не приложу, как бы мне достать фотографии Мисс Вселенной. Уверен, что способ есть, и я посмотрю, что можно сделать. Как вы говорите, не бывает конкурсов исключительно для «дочерей богатеев». Я больше знаю о конкурсе «Мисс Америка», чем о «Мисс Вселенная», но мне кажется, они похожи. Девушки, конечно, специально готовятся для этих конкурсов, развивая таланты, культивируя походку, манеру речи и т. п. Разумеется, здесь, по крайней мере последние годы, победительницы и конкурсантки в целом — выходцы из обычной среды, а не из особых семей. По большей части поддержка идёт из низов — от маленького городка, группы горожан и т. д.

Я думаю, публикация на английском вашей книги по тафономии будет кстати, и я посмотрю, что для этого можно сделать. На обложке моего экземпляра написано:

Trudi Paleontological Institute
T XXIV
Taphonomy and the Geological Record
Book I
Preservation of Terrestrial Faunas in the Paleozoic
etc. 1950

(В моём собственном переводе).

Верно? В моём экземпляре только так.

Я переговорил с директором издательства Чикагского университета. Он выразил заинтересованность. Ещё я хотел бы написать и напишу в Американский Геологический Институт и узнаю их мнение. Они занимаются переводами и издательством. Есть ещё и другие возможности.

Если Чикагский университет возьмётся за это — то это будет превосходная и высококлассная работа. У них есть серии в мягкой обложке, но, возможно, захотят издать и в твёрдом переплете. Касательно перевода есть несколько возможностей. Думаю, у них есть средства для перевода, но это, вероятно, потребует очень трезво взглянуть на возможности публикации в плане расходов. Другой путь — это полный перевод в вашей стране, а третий — менее тщательный перевод в вашей стране и редактура здесь. Я могу выступить в качестве редактора, чтобы привести всё к правильному англо-американскому, сверяясь с русским текстом в случае вопросов. В любом случае — возможности есть. Я разведаю всё в Американском Геологическом институте и дам вам знать. Книга должна стать доступной. Термин постепенно входит в употребление, хотя и медленнее, чем следовало бы. Многие до сих пор ещё путаются с палеоэкологией и стремятся вписать под это понятие широкий ряд подходов, включая тафономию.

Вы получили мою «Эволюцию сообществ и происхождение млекопитающих»? Это, конечно, по большей части переосмысленная версия того, что я выпускал раньше, но я ориентировался на аудиторию экологов, которую мои остальные работы не затрагивали. Их отклик был весьма значительным. Я получил около 150 запросов на оттиски, вдобавок к высланным мною 125-ти.

Может, ещё воспитаю этих ребят. Вторая статья, которую я направлял вместе с ней, — о морфологии ушей пользуется популярностью как учебный материал, однако я особенно доволен реакцией экологов на нечто настолько непохожее на их привычный курс, как статья об эволюции сообществ.

Та экзотическая рептилия из Оклахомы становится всё более любопытной. Зубы несколько напоминают лабиринтодонта, очень длинная премаксиллярная кость с далеко отстоящими друг от друга ноздрями, позвоночник, странно вздутые рёбра и т. д. Наш новый препаратор работает над частью найденного материала, и надеюсь, что у меня сложится более ясное понимание животного. Это всё из отложений, которые, по всей видимости, сформировались неподалеку от берега в небольших впадинах на озёрном дне. Поэтому лишь фрагментарно. Единственный наиболее полный образец из всех — в доломите. Но доломит в этой области также содержит насекомых и множество двоякодышащих рыб в норах. И значение доломита как среды — настоящая загадка.

Я был очень рад вашему письму и надеюсь, вы будете достаточно хорошо себя чувствовать, чтобы написать ещё, когда выдастся свободная минутка.

Как и всегда,
Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Елена Фонфрович

58 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
14 октября 1966 г.

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GEOLOGY

Dear Professor Efremov:

received the de lux edition of "Rooslan and Liudmila" you sent us. It certainly is a beautiful book with excellent illustrations by Yacobson. It is possible to purchase here palekh from USSR, but as expected, it is very expensive. I also received the books on "evolution", and "men of science". I cautiously and very briefly examined Davitashvili's "Contemporary views on evolution in the West". I usually am suspicious of works based on literature alone, and since the above author (I also have his text on "Principles of Paleontology") never visited or discussed the problem with our own scientists in person, I wonder about the reliability of his conclusions. But I have to read it fully in order to make a final judgement.

I am enclosing a clipping from a newspaper that may be of interest to you. It is about the works by D.C. Tolkien[1]; as I recall you have his trilogy, "The Lord of the Ring".

I really am not very familiar with the literature of Kooprin, or Boonin. Their work was published in France, and is available here. They are also printed in the USSR. If you are interested in the "Life of Arseny Boonin" or any other works of these authors, for literary comparison, I will be glad to send them to you.

[1] Инициалы Толкина в оригинале даны с ошибкой — D. C. вместо J. J. R.

It was very enlightening to hear your views on the Miss Universe contest held in this country. We will do our best to gather the information for you. Here I might add, that in 1956 I was selected, on the basis of physical fitness and musculature, as Mr. Washington D.C. I also won other titles. This was when I had more time for sports, etc. Also, a friend of mine is married to Miss Washington D.C. of 1958... so between all of us, I hope we can help you with your request.

I have a personal interest in the state of geology in the USSR as compared to USA. My interest is general and ranges from teaching, to research methods, to practical application of geology to every day life. So far, even though we exchange somewhat in literature, little has been done here to acquaint our geologists with problems and methods used in your country. Do you have any suggestions on how this may be achieved? Is there any phase of geology that you think we should know about here? I am willing to "advertise" this "cultural exchange", but unfortunately I am not fully aware of the concrete problems that should be stressed. As an example, one of them may be the method of establishing the Pleistocene-Pliocene boundary in the two countries. We now do it independently of each other work, so why not make a survey of the different approaches to this problem? My interest may never materialize into anything practical, but I still would like to make an attempt.

As you recall, last year in October, I had an accident, in which I broke several bones around my temple. Well, accidents seem to be a habit with me, because three weeks ago I broke my leg! We were riding horses in the forest and jumping over fallen trees. As I was ready to go over, the rider in front of me did not jump. I collided with him and his horse kicked me in my left leg. I will be in a cast for four months. I missed two weeks of work, but am back now, moving around slowly on crutches.

Glad to hear your health is improving and that you are back working on "Dolgaya Zarja". Regards to all of you from all of us. Olga was very flattered by your compliments.

Respectfully yours,
George Rabchevsky

P. S. Are you interested in more material on LSD?

Университет Джорджа Вашингтона
Факультет геологии

Дорогой профессор Ефремов!

Я получил роскошное издание «Руслана и Людмилы»[1], которое Вы нам отправили. Оно чудесно, с замечательными иллюстрациями Якобсон. Здесь можно купить палехские изделия из СССР, но, как вы догадываетесь, весьма недёшево. Получил я также книги об «эволюции» и «людях науки». Я с опаской и по диагонали пролистал «Современное состояние эволюционного учения на Западе» Давиташвили. Обычно я настороженно отношусь к работам, основанным только на литературе, а поскольку данный автор (у меня также есть его текст о «Принципах палеонтологии») никогда у нас не бывал и не обсуждал лично проблемы ни с кем из наших учёных, я сомневаюсь в достоверности его выводов. Но для окончательного суждения я должен прочесть книгу полностью.

[1] Поэма А. С. Пушкина.

Вкладываю вырезку из газеты, которая может Вас заинтересовать. Она о творчестве Толкина, чья трилогия «Властелин колец» у Вас, как я припоминаю, имеется.

С творчеством Куприна или Бунина я не очень знаком. Их публиковали во Франции, и здесь их книги доступны. И в СССР их печатали. Если Вы хотите получить для литературного сравнения «Жизнь Арсения Бунина»[1] или любые другие произведения данных авторов, буду рад прислать.

Было весьма поучительно узнать Ваши взгляды по поводу состязаний на звание Мисс Вселенная, проводимые у нас в стране. Мы постараемся собрать для вас информацию по этому вопросу. Я могу тут заметить, что по своему физическому развитию и телосложению я был признан Мистером Вашингтон (округ Колумбия) в 1956 году. И другие титулы я тоже завоёвывал. Это было в те дни, когда я больше времени мог уделять спортивным занятиям. А один из моих друзей женился на Мисс Вашингтон (округ Колумбия) 1958 года... поэтому совместными усилиями, надеюсь, мы сможем помочь Вашей просьбе.

Меня лично очень интересует состояние геологии в СССР по сравнению с США. Во всех аспектах — от преподавания и исследовательских подходов до практического приложения геологии в повседневности. Пока, несмотря на обмен информацией в области публикаций, совсем немного было сделано, чтобы познакомить американских геологов с проблемами и методами их решения, которые применяются в Вашей стране. Есть ли у Вас мысли, как изменить положение? Возможно, есть некий раздел геологии, который тут бы стоило лучше осветить? Я вполне готов «делать рекламу» такому «культурному обмену», но не очень хорошо себе представляю, на чём следует ставить акцент. К примеру, возможно, такой темой может стать метод определения границы между плейстоценом и плиоценом в обеих странах. Пока мы делаем это независимо от работ друг друга, поэтому отчего бы не сделать обзор различных подходов к данной проблеме? Возможно, мой интерес так и не выльется ни во что на практике, но я всё-таки хотел бы предпринять такую попытку.

Как Вы, возможно, помните, в октябре прошлого года я по неосторожности попал в столкновение и повредил несколько лицевых костей. Несчастные случаи что-то входят у меня в привычку: три недели назад я сломал ногу! Мы ехали верхом по лесу, по пути перепрыгивая через поваленные деревья. И вот, когда я уже собрался для очередного прыжка, всадник, двигавшийся передо мной, не стал брать препятствие. Я натолкнулся на него, и его лошадь лягнула меня в левую ногу. Теперь мне предстоит провести в гипсе четыре месяца. Две недели я не ходил на работу, но теперь вернулся, медленно передвигаясь на костылях.

Рад слышать, что Ваше здоровье улучшилось и что Вы продолжили работу над «Долгой зарёй». Наилучшие пожелания Вашим близким от всех нас. Ольга весьма польщена Вашими комплиментами.

С уважением, Ваш
Джордж Рабчевский

P. S. Интересует ли вас дополнительный материал об ЛСД?

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] «Жизнь Арсеньева» (1933) И. А. Бунина. В СССР это роман не издавался до 1980-х годов.

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 59

Чикаго
18 октября 1966 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

Your letter about the sad death of Professor Orlov arrived yesterday. As you noted, Peter had also written, I am much saddened by the news, for although he was 74, he seemed to me so vigorous and indestructible that I could not picture such a sudden end. I am glad that you had a chance to see him and to "make-up" so to speak, for with all the troubles and differences, he was a fine man.

I have been recalling some of the things that happened when I came to Moscow. The kindest words I ever heard, I believe were his "And I am Professor Orlov" as I was trying to find out what was going on at the airport when I arrived in 1959. I was tired and to some degree scared, well not scared exactly but apprehensive. I had just lost my passport and had seen the 16 members of a British delegation leave in good company, leaving one of the passengers, me. It was 10:30 p.m. rainy and very dark. This greeting was one of the finest I have ever had. Then the trip to the hotel, a snack on the 30th floor, and the stage was set for my very pleasant visit, followed, of course, by others.

I expect too that Professor Orlov had a lot to do with making my path for study in the Museum so clear. Never in any place that I have ever been has so much been done for me and things made so easy. Of course, he was not alone in this, for all of you were gracious beyond call.

I am going to prepare an article for the SVP News Bulletin. An issue is due out in a day or two so that there will be some delay. The SVP meetings are next month, however, and I will say something there as well. We are all going to miss Professor Orlov. My youngest daughter, Mary Ellen, will be very broken up, for she and he carried on a rather long correspondence by post-cards.

You had not received either of my letters when yours was written. Perhaps they have arrived by now. Maybe the long one ran afoul interference. It was, shall we say ideological. I have recently been reading the translation of Engel's "Dialectic in Nature" and am gradually developing a feel for some of what is involved in this whole area. I have, of course, done my "Hegel" but with rather indifferent success. So it goes. This was somewhat the tenor of the first letter, with some questions. The second was mainly "chat".

There is no new news, that is beyond what I said in those other letters. I am working hard on a number of things and making some progress on my projected "Vertebrate Paleozoology", The Oklahoma things are coming well. I think next year I will go back after "high" Permian, going to several remotely possible areas. The chances of drawing a blank are very high, but at least it will be worth a try.

Give my very best to your wife.

With my deepest regards,
Your frend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Ваше письмо с прискорбным известием о смерти профессора Орлова пришло вчера. Как Вы там заметили, Питер также мне написал, и эта новость очень меня огорчила — хотя Орлову и исполнилось уже 74 года, но он казался таким энергичным и неуничтожимым, что я не мог вообразить его столь быстрой кончины. Я рад, что Вы смогли повидаться с ним и «помириться», ведь, несмотря на все разногласия, он был всё же хорошим человеком.

Я тут вспоминал свою первую поездку в Москву. И ведь самые добрые и приветливые слова которые я услышал, пытаясь тогда, в 1959-м году, понять, что происходит, когда я прибыл в аэропорт, были: «А я — профессор Орлов». Я устал и был до некоторой степени испуган, вернее — ожидал самого худшего. Оказалось, что я потерял паспорт и остался единственным пассажиром у самолёта, только что проводившим взглядом шестнадцать членов британской делегации, удалявшихся со своими встречающими[1]. Было 10.30 утра, дождливо и очень пасмурно. Поэтому слова приветствия, прозвучавшие из мглы, были для меня самыми желанными в жизни. Потом поездка в гостиницу, где мы перекусили на 30-м этаже, и всё устроилось для весьма приятного визита, за которым последовали, конечно, другие.

Думается, что удобство моей работы в Музее было во многом тоже заслугой профессора Орлова. Нигде и никогда в иных местах мне не обеспечивали столь лёгкого доступа. Несомненно, вы все тоже с готовностью шли мне навстречу.

Я собираюсь подготовить статью для информационного бюллетеня Общества палеозоологии позвоночных. Он должен выйти из печати через день-два, поэтому [если не успею] может быть и некоторая задержка. Но в любом случае, в следующем месяце должны состояться встречи Общества, и я скажу там речь. Нам всем будет не хватать профессора Орлова. А моя младшая дочь — Мэри Эллен — будет очень горевать, они с ним давно переписывались, обмениваясь открытками.

Оба мои предыдущие письма ещё не дошли к моменту, когда Вы писали своё. Наверное, сейчас они уже получены. Вероятно, более длинное заинтересовало кого-то по дороге, так сказать, из идеологических соображений, поскольку я недавно прочёл «Диалектику природы» Энгельса и постепенно нащупываю контуры всей этой области. Несомненно, ранее я штудировал Гегеля, но с небольшим успехом. Примерно так. О чём, собственно, и было первое письмо, плюс кое-какие вопросы. Второе в основном касалось вещей повседневных.

Других, после тех двух писем, новостей не набежало. Плотно работаю над рядом проектов и понемногу продвигаюсь с книгой «Палеозоология позвоночных». Оклахомские планы тоже развиваются хорошо. Думаю, в следующем

---

[1] 21 февраля 1959 года в Москву с первым после войны официальным визитом прибыл премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан с большой группой сопровождающих лиц. Очевидно, Эверетт Олсон летел вместе с ними в одном самолёте.

году снова пущусь на поиски верхней перми, проверю несколько мало-мальски обещающих мест. Шансы вытянуть пустышку очень велики, но всё же стоит попробовать.

Передайте мои наилучшие пожелания Вашей жене,

С глубочайшим уважением,
Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

Т. ШВЕЦЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

60

Париж
27 октября 1966 г.

Universite de Paris,
Faculte de science
Geophysique applique

Dear Professor Efremov,

On returning to Paris I found your note of 15th September, addressed to my mother, Mrs. Barinbaum (said note had traveled quite a way, for my mother sent it from NY, where she had found it after her return) — I don't know if she answered it, but in any case I can tell you that she enjoyed her stay in the Soviet Union (Moscow congress, trips to Kiev, Leningrad).

I am particularly glad to have had some (indirect) news from you, for since my letters of 1964 from Paris and Cuba had gone without any reply I had wondered if you were alright. (Incidentally, did you ever get these letters, and the book "Nus Japonais" — which I sent by registered mail in the beginning of 1964?)

You mention you had a serious illness, I hope you've recovered completely... My mother, 71 this summer, fell, at the University of Moscow, strained several leg muscles, but, she's a very dynamic lady, continued on her world-circling trip, even though she had to take a wheelchair for some stops. I also had an accident, broke my leg while motorcycling last year, but back on the motorcycle by now.

Your new big novel — is this the "Razor's Edge" that you'd mentioned earlier? Any translations yet? If not, I might get it here in Russian, though it would have to wait until I again (!) break my leg for me to be able to read all of it in Russian, I haven't been able to make much progress in that language during the last two years, though I had several occasions to spend some time with Soviet geophysicists, geologists in Cuba.Very nice people, particularly the younger generation (no criticism of older, just that there's a problem of attitudes, Lebensanschaung)

Hope this finds you in good health,

All the best
Tomi Schwaetzer

Парижский университет,
Естественнонаучный факультет
Кафедра прикладной геофизики

Дорогой профессор Ефремов,

по возвращении в Париж я обнаружил ваше краткое письмо от 15 сентября, адресованное моей матери миссис Бэринбаум (сие послание изрядно попутешествовало, потому что мать отправила его сюда из Нью-Йорка, где оно ждало её по возвращении из поездки) — не знаю, ответила ли она Вам, но могу за неё сказать, что она с удовольствием вспоминает поездку в Советский Союз (на конгресс в Москву, а затем в Киев и Ленинград).

Но я особенно рад получить от Вас, пусть и непрямую, весточку, потому что уже беспокоился, не получив ответа на два письма, направленные в 1964 году из Парижа и с Кубы. (Кстати, дошли ли до Вас те письма и книга «NusJaponais»[1], которую я направил заказной бандеролью в начале 1964 г.?)

Вы пишете, что были серьёзно больны, надеюсь, теперь уже совершенно поправились... Моя мать, которой исполнилось летом 71 год, упала в Московском университете, растянула несколько мышц на ногах, но эта непоседливая дама продолжила-таки своё кругосветное путешествие, хотя ей и пришлось иногда пользоваться инвалидной коляской при сходе на берег. Я тоже в прошлом году не избежал травм — сломал ногу при езде на мотоцикле, но теперь опять в седле.

Ваш новый крупный роман — это «Лезвие бритвы», о котором Вы упоминали раньше? Не появилось ли ещё перевода? Если нет, я мог бы прочитать и по-русски, хотя тогда придётся подождать, пока я снова (!) не сломаю ногу, чтобы прочесть по-русски до конца. За последние два года мой русский не сильно улучшился, хотя по разным обстоятельствам я проводил некоторое время с советскими геофизиками и геологами на Кубе. Очень приятные люди, особенно молодёжь (говорю не для того, чтобы критично отозваться о стариках, это проблема общего отношения, Lebensanschaung[2]).

Надеюсь, мои строки застанут Вас в добром здравии,

Всего доброго,
Томи Швецер

Перевела Лариса Михайлова

61 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
4 ноября 1966 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

Your long and most enlightening letter did arrive in short order and it is not necessary to say how delighted I was to receive it. This clears the air on many matters. I will go ahead with the review and with a much better understanding than

[1] Книга эротических фотографий японского фотографа Масая Накамура (1959).
[2] Взгляды на жизнь (нем.).

before. Also your answers to some of my questions on dialectical materialism have clarified my thinking and understanding. I am just now reading a book called "The Phenomenon of Life" by Jonas. It is a deep and difficult book, partly because it has the usual "philosophical" jargon and complexity of structure. The interesting thing is that it is basically dialectical in its approach. As a matter of fact, since I have become interested in this, I find that a great deal of recent thinking on problems of the living and non-living (perhaps inevitably) are cast in the mold, although not so stated. The problem here, of course, is that political overtones will almost certainly be read in.

I think that your solution to the translation of "Taphonomy" is the best one. Until a manuscript is on hand, of course, I can't promise that I can "sell" it, but the reactions of our Press were very favorable and I do carry a good bit of weight since I an editor of the Journal of Geology which the Press publishes.

There is little new since I last wrote. I am enclosing a copy of "Community Evolution" since the others may have gone astray. They certainly have been on the way long enough. As you will see, this is mainly a synthesis of what I have said in different places before. I wanted to reach an ecological audience. The response has been immense and so I seem to have hit a good place to push this kind of thing.

Once again, thanks for your letter. I will puzzle over it for many days and may come to understand all of it sooner or later. It is an intricate subject and a most vital one.

As always,
Your friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Ваше длинное и в высшей степени раскрывающее глаза письмо дошло быстро, и нет нужды говорить, как я был рад ему. Оно проясняет многое. Теперь я продолжу свой обзор с намного лучшим пониманием темы. Кроме того, Ваши ответы на некоторые мои вопросы о диалектическом материализме подтолкнули меня к более полному его постижению. Как раз сейчас я читаю книгу «Феномен жизни» Йонасов[1]. Это сложная и глубокая книга, отчасти из-за обычного «философского» жаргона и особой структуры. Но интересно, что в своей основе она диалектична. Собственно, с тех пор, как я заинтересовался этим, то обнаружил, что значительная часть размышлений о живом и неживом (вероятно, неизбежно) отливается в диалектичную форму, хотя и негласно. Очевидно, чтобы избежать «вчитывания» политических оттенков в текст.

Думаю, Вы нашли наилучшее решение для перевода «Тафономии». Конечно, пока не получу рукопись целиком, не могу гарантировать её «продажи», но реакция нашего издательства весьма положительная, а моё мнение как редактора их собственного журнала «Джорнал оф джиолоджи» высоко у них котируется.

---

[1] Hans and Eleonore Jonas. The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology (1966). Книга по этологии науки супругов Йонас.

Особых новостей нет пока. Посылаю экземпляр «Эволюции сообществ»[1], возможно, прежние потерялись в пути. Слишком уж долго идут. Как Вы увидите, это в основном обобщение мыслей, ранее высказанных мной в разных местах. Я хотел донести их до аудитории экологов. Отклик получился оглушительный, значит, я напал на правильное направление для продвижения таких идей.

Ещё раз спасибо за Ваше письмо. Я ещё долго буду над ним размышлять и, возможно, когда-то пойму до конца. Это непростой, но жизненно важный предмет.

Как всегда, Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

62 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
6 ноября 1966 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for your letter of 6.10.66. I should have written sooner but have been away from home and wrote only necessary letters!

First, for your sad news of the death of Prof. Orlov. There was a short notice in the "Times" written by a British Palaeontologist and we were very sad to read of his death. He made friends with many colleagues over here on his visits and wrote to my husband with real appreciation. I can quite understand your differing from him on matters relating to your Institute and it is sad that you did not have the meeting which you planned in that Post Office.

I am very glad that you are better and able to write again. I hope that the new novel continues to shape well and that your many ideas can be poured into it and so save you from becoming like an overheated boiler. I hope you will sometime be able to give me an outline of the main plot — I should be very interested to read it.

I will order the books you want and am ashamed that I have not done so sooner. I am interested in your request for the book by N. J. Berrill. He was a junior member of Prof. Watson's staff, many years ago and used to come to our house. I liked him very much and we corresponded for a while after he went to Canada. The last time I saw him was in 1939 when war was imminent and he was glad to be going back to Canada. I think he was in London for the Royal Society's Tercentenary Celebrations (1960) but we did not see him then.

We spent two weeks at Weston-super-Mare, a seaside resort which we have visited in the autumn or spring several times. The town is on a wide bay, facing west and our bedroom window gave us a perfect view of the sunsets over sea, and we had several very fine ones. There are two lighthouses and we liked to watch for the flashes from them. Fortunately, my husband gets great pleasure from the beauty of nature. We had also several short tours by coach in the countryside which is very beautiful.

Here the trees are the wonderful mixture of colours — all shades of brown and gold and this afternoon we walked along the level road on our "knoll" and enjoyed

[1] E.C. Olson. Community Evolution and the origins of mammals, Ecology, 47, (1966), 291—302 — на тот момент самая свежая статья Олсона.

the view over a valley full of trees, with dark conifers standing out among the autumn colours.

During September we had the great pleasure of a visit from Prof. and Mrs. Romer who are great friends and wonderful people. I am glad to say that they were happy to find my husband — of whom they are very fond, so cheerful and showing no sign of yearning for things that are now past for him.

I have heard again from Dr. Findlay whose biography of Broom is now in the hands of a publisher but some revision is required and Dr. Findlay writes that he has gone back to his scientific research and I am afraid that this must be of more importance to him than the book on Broom.

It is time now for me to go and serve the supper which I prepared some time ago. For me, the preparation of food is of great importance because it gives real pleasure to my husband.

With all good wishes from us both to both of you.

Yours very sincerely,
Katharine Watson

P. S. I do hope that your health continues to improve. Please write and give me news when you have time.

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за Ваше письмо от 6 октября с.г. Я должна была написать Вам раньше, но, будучи вдали от дома, писала письма только по крайней необходимости.

Во-первых, по поводу грустного известия о кончине профессора Орлова. Об этом была краткая заметка в «Таймс», написанная одним британским палеонтологом, и нас очень опечалила эта смерть. Во время своих визитов он подружился здесь со многими коллегами и писал моему мужу с выражением искренней признательности. Мне вполне понятны ваши разногласия в делах, касающихся вашего института, и печально, что ваша встреча, которую вы планировали на этом почтамте, не состоялась.

Я очень рада, что Вы чувствуете себя лучше и можете продолжать писать. Надеюсь, новый роман продолжает благополучно обретать форму, и множество идей Ваших перетечёт в него, что убережёт Вас от состояния перегретого котла. Надеюсь, Вы когда-нибудь передадите мне в общих чертах сюжет — было бы очень интересно почитать.

Я закажу книги, которые Вы хотите, и стыжусь, что не сделала этого раньше. Меня заинтересовала Ваша заявка на книгу Н. Дж. Беррилла. Много лет назад он был младшим сотрудником профессора Уотсона и бывал у нас дома. Я его очень любила, и некоторое время после того, как он уехал в Канаду, мы переписывались. Последний раз я его видела в 1939 г., перед надвигающейся войной, и он был рад вернуться в Канаду. Думаю, он был в Лондоне на праздновании трёхсотлетия Королевского Общества[1] в 1960 году, но мы тогда с ним так и не увиделись.

---

[1] Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge) — ведущее научное общество Великобритании, одно из старейших в мире; основано в 1660 г.

Мы провели две недели на приморском курорте Вестон-Супер-Маре, где бывали несколько раз весной и осенью. Город расположен на берегу широкого залива, открывающегося на запад, и из окна нашей спальни можно было любоваться морскими закатами, какие там бывают нередко. Ещё интересно было следить за проблесками двух маяков неподалеку. К счастью, муж получает огромное удовольствие от красот природы. Несколько раз мы выезжали в короткие экскурсии на автобусе по живописным окрестностям.

Дома листва деревьев обрела чудесную окраску — всех оттенков коричневого и золотого, и сегодня во второй половине дня мы гуляли по ровной дороге на нашем холме, наслаждаясь видом на лесистую долину с тёмными пятнами хвойных деревьев на фоне осенних тонов.

В сентябре мы имели большое удовольствие принимать профессора Ромера и миссис Ромер, наших друзей и замечательных людей. Я рада сообщить, что их успокоил вид мужа, которого они очень любят и нашли на новом месте столь весёлым и не проявляющим стремления к предметам, теперь ему недоступным.

Я снова получила известия от доктора Финдлея, автора биографической книги о Бруме, которая сейчас находится в руках издателя и требует некоторого пересмотра, но доктор Финдлей пишет, что вернулся к своей научно-исследовательской деятельности, и, боюсь, эта деятельность окажется для него важнее, чем книга о Бруме[1].

Пора накрывать к ужину, который я уже приготовила. Этой стороне жизни я теперь уделяю особое внимание, так как это возможность доставить моему мужу настоящее удовольствие.

С наилучшими пожеланиями от нас обоих вам обоим.

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

P. S. Я надеюсь, Ваше здоровье продолжает улучшаться. Пожалуйста, напишите и сообщите, когда найдёте время.

Перевела Мира Покорук

63 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

12 ноября 1966 г.

17, Bedford St.,
Hitchin, Herts.

Dear Ivan Antonich,

I am not feeling at all well just lately and I've been resting for the past few days. Not too ill to stop reading Fantastika of course, but there's not very much of interest in the Anglo-American field right now.

---

[1] Биография южноафриканского палеонтолога и палеоантрополога Роберта Брума, открывшего в 1930-е гг. африканский подвид австралопитеков, была выпущена в Кейптауне шестью годами позже: Findlay, George H. Robert Broom F.R.S. Palaeontologist&Physician 1866—1951: Biography / Appreciation /Bibliography. Cape Town: A. A. Balkema, 1972. ISBN 08696101810.

I will get the book you mentioned and the lists too, though as you know they change every month.

I enclose a couple of cuttings which may interest you. The Skinner talk was rather dry and boring. And uninformative too, какнистранно.

I look forward to *Fantastika 1966* — did Arkady compile it? Anyway it's a pity about the *Snail*. I think it's much the best thing they've done and this has nothing to do with the fact that it's more "fantastic" than what they've done before. The people and the place live, unselfconsciously exist without explanation or outside observer. I should be delighted to read the rest when I am able. Likewise *Manny*, for which I am immensely grateful.

Please pass my kindest regards to Taissa Iosifovna.

I shall write at length when I am recovered. Meanwhile,

I am, yours
Alan Myers

Бедфорд-стрит, 17
Хитчин, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч,

в целом я не очень хорошо себя чувствую, поэтому последние несколько дней отдыхаю. Не настолько болен, конечно, чтобы не читать фантастику, но в англо-американской её части сейчас ничего особенно интересного не происходит.

Обязательно достану книгу, что вы упомянули, вместе со списками, но, как вам известно, он меняется каждый месяц.

В письмо я вложил пару вырезок, они могут вас заинтересовать. Выступление Скиннера оказалось довольно скучным и сухим. И малоинформативным, как ни странно!

С нетерпением жду сборник «Фантастика» за 1966 год, — его составлял Аркадий? Жаль, что так получилось с «Улиткой». Мне кажется, это самое мощное произведение, которое они написали, и вовсе не оттого, что «Улитка» намного «фантастичнее» всего прежнего. Люди и пространство живут, естественно существуя без объяснения и стороннего наблюдения. Я буду рад прочитать остальное, когда будет возможность. И «Инженера Мэнни», за которого я вам очень благодарен.

Передайте, пожалуйста, мои наилучшие пожелания Таисе Иосифовне.

Я напишу вам пространное письмо, как только поправлюсь. Пока же спешу откланяться,

Ваш *Алан Майерс*

Перевела Анна Селкина

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

64

Москва
13 ноября 1966 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Большое спасибо за поздравление и память от жены и от меня. Не откажите принять и наши поздравления с пожеланием здоровья и успехов.

Я Вам должен за книги — извините, я рассчитывал на Ваш скорый приезд в Москву. Теперь с двумя другими — сколько я Вам обязан? Я пошлю их Вам прямо в конверте — риск невелик в том и другом отношении.

Пребольшая Вам благодарность!

Пишу понемногу «Долгую зарю» — кажется, получается, хотя до конца ещё далеко. После 20-го поеду в санаторий на 24 дня — там, я думаю, дело будет подвигаться лучше.

Об «Улитке» получил весьма хвалебный отзыв от англичанина Майерса — удивился. Также и здесь некоторые находили её прекрасной вещью — не понимаю. Вероятно, я — старый зубр.

С искренним уважением,
И. Ефремов

65 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
16 ноября 1966 г.

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GEOLOGY

Dear Professor Efremov:

I finally collected some literature and photographs on the Miss Universe Contest. This material is usually scattered in many magazines, and it is not very easy to gather all of it. If anything else will appear on this subject, I will reserve it for you.

I just received your charming greeting cards, thank you. You undoubtedly are familiar with the National Geographic Magazine printed here by that society. Beginning with January you should be receiving this magazine every month, I submitted you as my guest subscriber. I hope you will enjoy it.

One year ago, students of our University, mostly from the Geology and Anthropology departments, decided that more exchange of ideas and communication between the different science departments is necessary. As a result of this, an inter-science magazine appeared in 1965, called "Matrix". I am sending you the latest of this magazine, which comes out once a year. The next issue is planned for this February. Since I may still be considered a student, one of the editors approached me and asked me to contribute an article to the magazine. At first I was undecided whether to accept, and then, what to write about. During our first stages of correspondence and exchange, I received your work on taphonomy. Since that time I became interested in that subject and discussed it in class and with other geologists. Prior to you consent, I took the liberty (and the advantage of the offer), in preparing an article on just that subject — The Origins of Taphonomy. In hope that this will not be only an article on taphonomy, I began with a historical sketch, as you present it in chapter 1, of your publication, vol. 24, 1950, Trudy Paleontologicheskogo Instituta. I hope you will not be angry that I inform you of this after the article has been almost completed, and will allow me to go ahead with it. As soon as the magazine is printed, I will of course send you a copy. I believe an inter-continental exchange even on this "local" level is good and desirable.

With respects,
G. Rabchevsky

Университет Джорджа Вашингтона
Факультет геологии

Дорогой профессор Ефремов!

Наконец я собрал кое-какую литературу и фото о конкурсах на звание Мисс Вселенная. Обычно материалы рассредоточены по многим журналам, поэтому собрать их воедино не очень просто. Если появится ещё что-нибудь по этому вопросу, я сохраню для Вас.

Только что получил Ваши милые поздравительные открытки, спасибо. Вы, конечно, знаете издаваемый нашим Географическим обществом журнал «Нэшнл джиографик». Теперь, начиная с января будущего года, вы будете получать его на дом каждый месяц. Я выбрал Вас адресатом гостевой подписки. Надеюсь, он Вам понравится.

Год назад студенты нашего университета, большей частью с геологического факультета и с факультета антропологии, решили, что полезно будет активизировать обмен идеями и коммуникацию между различными естественнонаучными подразделениями. Так в 1965 году был основан междисциплинарный научный журнал, названный «Мейтрикс» — «Матрица». Выходит он раз в год, посылаю вам его последний номер. Следующий номер должен быть опубликован в феврале. Поскольку я ещё отношусь к категории студентов, один из редакторов обратился ко мне с просьбой дать статью в этот журнал. Вначале я колебался, не зная, что выбрать в качестве темы. Но в процессе её обговаривания с редакцией я получил вашу работу по тафономии. С тех пор я погрузился в этот предмет, обсуждая его со студентами на занятиях и с коллегами-геологами. Не дожидаясь Вашего согласия, я взял на себя смелость (воспользовавшись уже имеющимся предложением) посвятить свою статью именно ему — происхождению тафономии. А стараясь расширить тему, я начал с исторического очерка, опираясь на материал, представленный Вами в первой главе вашей публикации в т. 24 «Трудов палеонтологического института» за 1950 год. Надеюсь, что Вы не станете сердиться, что я сообщаю Вам об этом уже почти по завершении статьи, и разрешите мне её опубликовать. Конечно, как только журнал выйдет из печати, я сразу же пошлю Вам экземпляр. Уверен, что межконтинетальный обмен даже на таком «местном» уровне — дело полезное и желательное.

С уважением,
Дж. Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

66 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[1]

Москва
20 ноября 1966 г.

Дорогая Галя!

Вам не должно быть нисколько неудобно, потому что советы — советами, но… «за себя, за себя несёт каждая душа ответ»[2].

Я отменил все поиски книг, и Вы не принесли никому ущерба.

Но только всегда помните слова Есенина о милой лире — её нельзя отдавать никому — «ни матери, ни другу, ни жене»[3]…

Таиса Иосифовна и я от души желаем Вам успеха. Сердечный привет родителям.

С уважением,
И. Ефремов

67 Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Неаполь
21 ноября 1966 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Антонович,

виноват непростимо, виноват, что после открытки, посланной Вам из Флоренции, я не написал Вам письмо, чтоб поблагодарить Вас и Таису Осиповну за сердечное гостеприимство, которые Вы оказали Иде и мне в Москве.

Дело в том, что когда я вернулся в Италию, так себя чувствовал, утомлённый длинной поездкой, что под предлогом усталости я стал сибаритствовать у себя на даче. Читал да охотился только (охотился, когда дождь не лил, — то, что бывало, увы!, почти каждый второй день).

Вернувшись недавно в Неаполь, я был всё время занят экзаменами и… гостями. (Приехали из Праги старые мои знакомые и жили у меня на квартире.)

Свободного времени было мало. Удалось мне только переписать на машинке статью о стиле Ю. Олеши, которую я написал до отъезда в Грузию.

А как работа над романом? Успешно ли идёт? А Ваше здоровье?

Напишите пару строчек и известите меня обо всём.

Ида и я очень любим Вас обоих и желаем Вам всего наилучшего — здоровья, успехов, счастья.

Уважающий и любящий вас
Л. Пачини

---

[1] Почтовая открытка: Фатьма и Нестан-Нариджан. Иллюстрация И. М. Тоидзе к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

[2] Неточная цитата из романа Джека Лондона «Маленькая хозяйка большого дома» в переводе Веры Станевич: «...И Дик запел старинную духовную песнь негров:

За себя, за себя,
За себя, за себя
Каждая душа несёт ответ,
За себя...»

[3] Цитата из стихотворения С. А. Есенина «Русь Советская».

Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 68

30 ноября 1966 г.

Дорогой Иван Антонович!

Пишу Вам после продолжительного молчания, которое было вызвано трудной борьбой, отнявшей всё время и много сил.

И всё-таки я победил. Правда, победа эта далеко не полная и потребует немало жертв, чтобы стать таковой, но тем не менее это победа!

Шесть месяцев этого года дали мне больше, чем шесть лет морских скитаний (я имею в виду познание жизни).

Сейчас работаю электриком на стройке, вечера провожу в читальных залах — наконец-то дорвался до них! Дни — в трудах, а ночь отвожу для сна. Полностью. Экономить на сне в условиях большого города не считаю разумным. Иначе разваливается нервная система.

По пути с работы в набитых битком троллейбусах я вглядываюсь в угрюмые, хмурые лица уставших людей, готовых сцепиться в осатанелой склоке из-за толчка в бок, вполне естественного в подобной тесноте, смотрю и с грустью вспоминаю безмятежные физиономии нашего экипажа — какие разные эти люди, люди суши и моря!

В декабре исполняется десять лет с того дня, как мною было написано письмо к Вам. Вскоре пришёл ответ, и я обрёл в вашем лице старшего друга, доброго и всегда заботливого. И наставника. Но к своему стыду должен признаться, что я не всегда бывал достойным и послушным учеником. Кто знает, быть может, именно это и давало возможность познать мне ценность Ваших советов, доброту и щедрость!..

Не корите меня, пожалуйста, что теперь я пишу всё реже и скучнее. Любовь моя к Вам не стала меньше. Просто мне трудно выбрать что-либо заслуживающее внимания из этой серой и неприглядной жизни.

До свидания! Привет и лучшие пожелания Тасе, Марафеду, Глории и Андрею, которым я до сих пор не собрался дать ответ на их чудесное письмо, но дам непременно!

Желаю Вам, Иван Антонович, крепкого здоровья!

Ваш *Борис*

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 69

Чикаго
2 декабря 1966 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

So many things have arrived from you recently that I am hard put to say thanks for each. I have greatly enjoyed the photographs that you sent me, of the "handsome young gentleman" and of the field party with Professor Orlov. I have translated the Komsomolskaya Pravda article, rather freely, and sent it to the SVP along with a personal statement on Orlov. Either this or something else appropriate will appear in the next issue.

The article on the "Dialectic" arrived and is most opportune. I am still stewing about in this whole problem, the problem of how I and my colleagues of the "west" really think about evolution. We are not consciously dialectical, but in a way I don't know how this subject can be otherwise conceived, for there surely is a duality and it would seem then that the place that is critical is whether or not this dualism plays a role in thinking or whether there is a dual linearity with little cross-relationships. I think the whole thing is in no way simple and that categorization of an area of some cultural continuity as this way or that loses sight of the variety present and that, furthermore, this variation goes right down to the individual, as he thinks on one thing and then another.

In any case, of the new books you sent, for which I am deeply grateful, the one of the "resort" areas is beautiful and my wife and I now are extremely eager to become "tourists" and see it all. It is truly breathtaking. The other two present very interesting contrasts, from the points of view that I have been looking into. The one on the way of origin of man sounds a lot like some of our anthropologists, but with a different dogma in the background. I presume this is because of the impact of the social sciences. It seems to me that it is extremely characteristic of workers in this area to take some simple, conceptual frame of reference, believe it without question, and base everything on that. It builds some mighty towers, even if there is an element of the Tower of Babel in most such writings, but I always have an uneasy feeling about the base. Of course, in a way, in all of science we do the same, but accepting some basic axioms and some limitations, but beyond this there is an empiricism that I miss in most anthropological writings on man and society. I have only gone about 100 pages in that book, but I find it very interesting.

The other is, I feel science as such, not self-conscious, but looking into things as they appear from the evidence of today. Again, I have only sampled the flavor.

Incidentally, how is Oparin regarded in your country? Also, at one time, I read in English an article that you wrote in which you spoke directly on the matter of dialectical materialism in science. For the life of me I cannot find it. Do you recall what this was and what the reference is? I should like to see it again. Probably it is somewhere in my library, but I can't seem to run it down.

One more matter. It seems that my Russian lady, to whom I loaned "The Razor's Edge" joins your long list of loyal "fans". She loved the book and now wants to send a copy to her son who is in Spain. This is a most amazing family, one which seems to have come from Russia and drifted through the world, making contributions where they went. She is a dentist, but not licensed in this country, having been trained in China and South America. In any event, how can I get a copy of this book for her? I have tried my usual sources without success.

When I do eventually finish up what I am trying to write on the matter of Professor Davitashvilli's book and others related, I would like to send the paper to you for comment. Do you think this would be a good idea and do you have time and energy to look it over? I would not have to have the copy back but would like your comments. If you think this is not a good idea, please say so. It will be some time before I am done, for I have a lot more thinking to do.

As usual, this has become a long letter. Thanks so much for the various things you have sent me. I hope that the winter treats you kindly and that your health continues to improve. I will look forward to "Taphonomy" when the time comes. Please give my very best regards to your wife.

With my best wishes,
As always, your friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Столько всего пришло от Вас недавно, что трудно даже за всё поблагодарить по отдельности. Мне очень понравились присланные фотографии — «симпатичного молодого человека» и в экспедиции с профессором Орловым. Я довольно приблизительно перевёл статью из «Комсомольской правды»[1] и направил в Общество палеозоологии позвоночных вместе со своим материалом об Орлове. Либо этот материал, либо что-то более подходящее обязательно будет опубликовано в следующем выпуске.

Статья о диалектике прибыла в очень подходящий момент. Я всё ещё «варюсь» в этой проблеме — восприятия мной и моими «западными» коллегами эволюции. Диалектичность своего подхода мы не признаём на сознательном уровне, но поскольку от двойственности в мире никуда не деться, честно сказать — трудно представить, как без диалектики к этому подойти, и критическим поворотом тут выступает признание либо роли двойственности в мышлении, либо некоего параллелизма с небольшой долей перекрёстных связей. Это, конечно, далеко не так просто, и когда мы применяем категоричные определения для той или иной области культурного континуума, то упускаем из вида значительную долю вариативности, каковая, в свою очередь, уже порождается индивидуумом, имеющим те или иные представления.

Ну, а из новых присланных книг, за которые я весьма благодарен, очень красива та, что о «курортах»: теперь мы с женой горим желанием заделаться «туристами» и посмотреть всё своими глазами. Виды просто захватывают дух. А две другие книги являют собой весьма примечательный контраст с расматриваемой мной точки зрения. Первая — о происхождении человека — очень напоминает подход наших антропологов, но опирающихся на другую догму. Видимо, по причине воздействия общественных наук. Представляется, что для исследователей данной области весьма характерно принять простую концептуальную модель, безоговорочно в неё уверовать и строить потом все выводы на ней. В результате воздвигаются мощные структуры, чуть смахивающие на Вавилонскую башню, но меня всегда беспокоит устойчивость основания. Конечно, это характерно и для [естественных] наук в целом, но, принимая аксиомы с некоторыми ограничениями, мы опираемся на эмпирические факты, которых в большинстве сочинений о человеке и обществе мне не хватает. Я прочёл всего около ста страниц этой книги, но нахожу её очень интересной.

Другая же, по моим ощущениям, строго научна, рассматривает проблему в соответствии с недавно добытыми данными. Но, опять-таки, я едва в неё углубился.

---

[1]Речь идёт об одной из статей, опубликованных в «Комсомольской правде» в рубрике «Философские тетради современника», где рассматривались вопросы философии и диалектики: в номере от 24 декабря 1965 г. — статья А. Талалаева «Я искал золотой ключик»; от 23 июня и 20 сентября 1966 г. — переписка А. Талалаева и Б. Шехтмана «В споре жарком мысль закалим», в которой упоминается роман «Лезвие бритвы»; от 20 сентября 1966 г. — материал А. Аверьянова под названием «С высот диалектики строгой».

Кстати, а как смотрят у вас на Опарина? Ещё, помню, как-то я читал по-английски Вашу статью, где Вы прямо говорили о диалектическом материализме в науке. Но я никак не могу её отыскать. Не помните, что это могло быть и где было опубликовано? Я бы хотел снова с ней ознакомиться. Вероятно, она даже есть в моей собственной библиотеке, но не обнаруживается.

И ещё одно. Похоже, та русская дама, которой я давал почитать Ваше «Лезвие бритвы», присоединилась к большому числу Ваших почитателей. Книга ей так понравилась, что она хочет теперь послать экземпляр сыну в Испанию. Это очень интересная семья, из тех выходцев из России, которые двигались по миру, повсюду делая свой вклад в культуру разных стран. Дама — зубной врач, но её диплом, полученный в Китае и Южной Америке, здесь не даёт права на лицензию. Так вот, как мне раздобыть для неё экземпляр? Я перепробовал все обычные источники без результата.

Когда я наконец допишу то, что пытаюсь выразить относительно книги профессора Давиташвили и прочего в этой связи, то хотелось бы послать Вам для комментария. Как Вы на это смотрите, будет ли у Вас время и желание посмотреть? Саму статью назад слать не нужно, но замечания я хотел бы получить. Однако, если такая мысль Вам не по душе — так и скажите. Это будет ещё не очень скоро, многое не до конца продумано.

Как обычно, письмо разрослось. Большое спасибо за всё присланное. Надеюсь, зима к Вам будет не очень сурова и здоровье и дальше станет улучшаться. Буду ждать Вашу «Тафономию». Передайте мои наилучшие пожелания Вашей жене.

Всего доброго,
Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

70 В. Г. ФИЛАТОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
9 декабря 1966 г.

КОМИТЕТ ПО ПЕЧАТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]
Издательство «Недра»
МОСКВА, К-12, ТРЕТЬЯКОВСКИЙ ПРОЕЗД, 1/19
№15887
Проф[ессору] И. А Ефремову

Ваше предложение о переиздании книги «Тафономия и геологическая летопись» было рассмотрено на редсовете Издательства. Редсовет, учитывая большую перегруженность издательского портфеля, обусловленную недостатком бумаги и ограниченностью полиграфической базы, не нашёл возможным рекомендовать упомянутую работу к переизданию в издательстве «Недра».

Зав. редакцией № 1 В. Г. Филатов

[1] Текст типографской шапки бланка издательства.

А. Н. СТРУГАЦКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 71

Москва
11 декабря 1966 г.

Дорогие наши Тасенька и Иван Антонович!

Узнал от Нины Матвеевны адрес и со всех ног пишу вам. Надеюсь, что устроены вы там хотя бы средне, что вас не очень беспокоят всякие чудища профсоюзного ареопага — или кто там делит с вами прелести отдыха и лечения. Надеюсь, что вы приедете в Москву здоровенькие, освежённые и сильные духом и телом.

Я же, грешный, вернулся в Москву 1-го измотанный и измочаленный. Начали мы с Борькой новую повесть[1], приступили бодро и весело, считая легкомысленно, что готовы к работе. Написали примерно лист и вдруг обнаружили, что всё это никуда не годится. Тогда бросили этот лист в печку (у мамы в Ленинграде печка), легли на диван и стали думать, подбадривая друг друга пинками, дабы не впадать в отчаяние. Три дня думали. Затем, оскалившись как звери, снова ринулись в бой. Кое-что накропали к тому моменту, когда заметили, что бедная наша мама совсем изнурилась от табачных испарений и нашей методичности. А, заметив это, заметили, что сами еле держимся. Тогда мы сказали: баста! — и я уехал. В следующий раз поеду после нового года, так что с Вами надеюсь увидеться.

Вот и всё. У нас пока всё относительно благополучно, только простудилась Наташка и шалит сердце у тестя.

Мы с Ленкой вас любим и обнимаем и желаем всего-всего самого лучшего.

Ваши[2]

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 72

Москва
19 декабря 1966 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Сердечное (не в смысле плохого сердца!) спасибо за альманахи. С удовольствием докладываю, что послано по данному Вами адресу 4 баночки индийского растворимого кофе и, кроме того, 20 «одноразовых» пакетиков нашего. Правда, этим бывшие в доме запасы пока исчерпаны, и неизвестно, когда удастся их возобновить (мы с Таисой Иосифовной только что явились из санатория и ещё не осмотрелись), но во всяком случае затравка есть, и Ваш друг месяца два попьёт кофе всласть.

---

[1] Речь идёт о повести «Гадкие лебеди».

[2] В письме вместо подписи рисунок: изображены жираф и крыса. В семье А. Н. Стругацкого он звался Жирафом, а его жена Е. И. Стругацкая — Крысой.

Мне нравится Ваша идея всыпать Стругацким на совещании — братья увлеклись кафкианством. Вот не будет ли это обвинение в подражательности подходящим ключом «улиточной критики», как Вы здорово выражаетесь. Можно прямо сказать, что обрамление идей советской научной фантастики в кафкианскую форму нельзя считать удачей авторов, и мы вправе ждать от братьев большей оригинальности.

Майерс ещё в одном письме, правда, вскользь, восторгается этим писанием. Никак не пойму! Или туп от природы, или устарел, на манер зубра.

Не понял, о какой рецензии на «Туманность» идёт речь? Или было какое-нибудь Ваше письмо, которое не дошло, пока я ездил по санаториям?

Понемногу пишу «Долгую зарю». Примерно треть всей вещи уже есть. Кажется, получается интересно, немного заковыристо и учёно, но уж моя беда такая. Не умудрил господь в словесной лёгкости, увы!

С поправкой дело оказалось куда сложнее, чем думалось сначала. Медленно всё это, чорт-те как! Пока буду сидеть смирно в Москве и писать. Пользуюсь случаем поздравить Вас с наступающим Новым Годом, пожелать здоровья, благополучного печатания и интересной работы.

С искренним уважением,
И. Ефремов

73 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
20 декабря 1966 г.

Дорогой Борис!

Очень рад был получить Ваше письмо, а то я уже начал беспокоиться — всё ли благополучно с моряком, запутавшимся в дебрях большого города. Рад и тому, что дела как будто налаживаются. Хотя я и не совсем понимаю, почему это обязательно должен был быть Киев (мне кажется, что в других городах — Москве, Ленинграде, Новосибирске, например, это могло бы быть легче, но, вероятно, я не знаю всей суммы побудительных причин и обстоятельств).

Очень верно и метко Ваше наблюдение относительно озлобленности людей в городе, но ведь по сравнению с ними не только моряки более авантажны. Всякий человек, живущий на просторе, в среде количественно небольшой, привыкший полагаться на себя и своих товарищей, будь то геолог, охотник, лесовод, даже просто колхозник (но не замурзанного и большого колхоза в пригороде) выгодно отличается от измельчившегося, изверившегося, издёрганного, забывшего о просторе и величии мира в своей тесной клетке горожанина. Что же говорить о настоящих пионерах, таких как наши прежние сибиряки, канадские трапперы, буры и т. д. и т. п.

Город — чрезвычайно вреден именно для человеческого духа, но жестокое противоречие заключается в том, что только в городе этот дух получит удовлетворение для своей любознательности и смены впечатлений, потому что у нас времена пионерства прошли (в некоторых странах они ещё есть). Но всё же, чтобы оставаться настоящим человеком, надо изловчиться вести двойную жизнь, подобно хотя бы геологам — часть времени в большом культурном центре, часть времени — на просторе. Пока это к Вам не относится, так как Вам надо ещё дозреть в смысле своего оформления в жизни, но в дальнейшем — неизбежно.

Пытаюсь как-то разобрать все эти явления города и будущего в своей новой повести — пишу её понемногу, пока есть шесть листов, а надо 15. Здоровье, к сожалению, никак не выправляется, подозреваю, что оно так и не выправится совсем, но мне бы только хватило времени на три-четыре книги.

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом, желаю всех наиважнейших вещей: здоровья, интересной жизни и почаще встречаться со светлым, а не с тёмным. Для утешения напомню стихи Гумилёва — самое начало забыл, в котором поэт говорит, что дух его не признаёт внешней природы, её бедности:

... И луг, где сладкий запах мёда
Смешался с запахом болот...
И ветра дикую заплачку,
Как отдалённый вой волков,
И над сосной корявой скачку
Каких-то пегих облаков...
Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многоразличье
Творцом просыпанных семян.
Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось,
И стань, как ты и есть, звездою,
Огнём пронизанной насквозь![1]

Энд дон't форгет Инглиш: эт эни рейт — ит из э кей ту ноуледж гейт![2] (видите, я даже стихотворно стал выражаться!).

Сердечный привет от Таси, Марафеда. Аллан сейчас в Сирии, на берегу Евфрата около Алеппо.

И пишите почаще — не бойтесь, что ничего потрясающего в письмах не будет, — важны Вы, а не потрясающее.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ

Москва
21 декабря 1966 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Пользуюсь случаем поздравить Вас с наступающим Новым Годом, пожелав здоровья и всего самого светлого в жизни.

---

[1] Иван Антонович цитирует по памяти стихотворение Н. С. Гумилёва «Природа» (1918). Первые два четверостишия:

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признаёт,
Вот луг, где сладкий запах мёда
Смешался с запахом болот,

Да ветра дикая заплачка,
Как отдалённый вой волков,
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

[2] And don't forget English: at any rate — it is a key to knowledge gate. (англ.) «И не забудьте английский: по меньшей мере, это ключ к воротам знаний».

Осмеливаюсь обратиться к Вам с большой просьбой. В бытность у меня Вы прочитали мне прекрасное стихотворение И. Северянина. М. б., у Вас при случае найдётся время, чтобы записать его и прислать мне. Буду очень признателен.

Также, понадеявшись на память (а она, увы, сдаёт), я не записал названия последней книги Д. С. М., о которой Вы мне сказали. Не напомните ли Вы мне это заглавие — может, сразу будет случай её добыть.

С искренним уважением и сердечным приветом,
И. Ефремов

75 М. А. НОСОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

г. Слуцк Минской обл.
21 декабря 1966 г.

Уважаемый Иван Антонович!

Только что прочитал «Лезвие бритвы». Лучшего произведения о необходимости воспитания современного человека на научной основе у нас не было.

Значимость затронутых проблем неоценима.

С их решением дальше ждать нельзя. Именно знающий, морально чистый, устойчивый психически и физически красивый человечный человек — наш идеал.

Такие отдельные личности были раньше, есть и в наше время. Но теперь только «массовое производство» таких людей сможет обеспечить движение нашего общества вперёд.

Лозунгами такое не решить. Пока дремлют науки, пусть будет фантазия. Самая смелая — без удержу, без оглядки, без стеснения фантазия. Такая, чтобы, читая её люди, до хруста в мозгу поняли необходимость быстрейшего её осуществления.

Жизнь показывает, что смелость умных «фантастов» становится той ясной мудростью, к которой и стремится человечество!

Земной Вам поклон за написанное и великая просьба развить дальше эти Ваши интересные и нужные мысли о ЧЕЛОВЕКЕ!

Извините, но продолжение Вам надо начать с Новосибирска.

Желаю Вам крепкого здоровья и творческих удач.

У Вас получится.

Военнослужащий *М. Носов*

76 Ф. В. БАССИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

25 декабря 1966 г.

Доктор медицинских наук профессор
Филипп Вениаминович БАССИН
Москва, проспект Мира, 76 А, кв. 7 *тел. И 1-58-74*

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Нет нужды говорить, как приятно мне было получить Ваше любезное поздравление с Новым годом. Я, со своей стороны, желаю Вам неувядаемых сил и чтобы Вы и в предстоящем году служили источником радости и мудрости для миллионов.

Я часто перечитываю Ваше (совершенно недостаточно, на мой взгляд, оцененное у нас) «Лезвие бритвы». А недавно мне пришло в голову, что разговор Гирина с Витарканандой (в «Мосте Ашвинов») — это, по существу, единственный в нашей литературе (я имею в виду литературу не только научно-художественную, но и специальную социально-философскую) убедительный ответ с позиций нашего миропонимания — мудрости старой Индии. У нас были на эту тему разговоры ещё при жизни Тагора и Ганди, но сделать это так умно и тепло, как это сделал Гирин, не сумели даже специалисты.

Я получил некоторое время назад письмо от Банерджи. Если бы Вам хотелось ему что-либо сообщить, это легко было бы сделать.

Ваша книга о психосоматике у меня в полной сохранности. Я задержал её безобразно, и меня не извиняет даже то, что я использовал её при написании «Очерков по вопросу о «бессознательном» (рукопись, которую я уже окончил и сдал в издательство)[1]. После Нового года я с благодарностью и с изрядным смущением Вам книгу верну.

Ещё раз от всей души Вас поздравляю.

Искренне Ваш *Ф. Бассин*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

77

Москва
26 декабря 1966 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Большущее спасибо за фотографии — они показали мне (огорчив, разумеется!), что никакого вкуса у Шерстобитова нет. Достаточно одного взгляда на причёску Низы, спустившиеся «подтяжки» Эрга Ноора (кстати, насколько он хуже Бруно Ойя — и ни в сказке сказать, ни пером описать), похожего на подгулявшего и давно небритого купчика — как не могут понять, что уничтожение волос на лице и теле станет тогда простой, с детства, операцией. Оплывающее тело симпатичного (в прошлом, увы!) Столярова и его дикие сандалии — неужели наши потомки будут столь глупы, чтобы ходить по камням в кожаных обутках… и прочая и прочая.

Видно, судьба мне апеллировать наверх, что и сделаю. Не думаю, чтобы вышло что-нибудь из этой апелляции, кроме общих фраз («указаний»), но сделать оное обязан. Нет, из безнадёжной серятины наше кино никак не выбьется!

Я согласен с Вами насчёт «Улитки», именно в той формулировке, в какой Вы написали. Действительно, как бы там ни талантливы Кафка и Джойс — плевать мне на их талант — это не моя литература, а вот «Люди как Боги» (разумеется, Уэллса!) — моя!

А мелкотравчатое возмутительство — оно не в свойствах русского народа, как бы там хамоваты и пьяноваты мы ни были. Правда, дурацкий разнобой в нашей интеллигенции, приведший её к краху, всегда был, но это потому, что уж очень она была разношёрстая и неотстоявшаяся.

---

[1] Бассин Ф. В. Проблема бессознательного (О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности) (idem). — М., 1968. — 468 с.

И конечно, верно, что за предупреждением должно стоять конструктивное — иначе теряется цель и смысл самого-то предупреждения — кого и для чего предупреждать, ежели и так всё дрянь!?

...И ветра дикую заплачку,
Как отдалённый вой волков,
И над сосной корявой скачку
Каких-то пегих облаков...
Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многоразличье
Творцом просыпанных семян.
Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездою,
Огнём пронизанной насквозь![1]

И это писал Гумилёв 60 лет назад! Вот что значит настоящий поэт!

Что сделать с фото? Послать их Вам назад?

Будьте здоровы и благополучны. Обнимаю Вас, Тасенька целует. Сердечный привет всему семейству.

Ваш *И. Ефремов*

78 П. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 декабря 1966 г.

Дорогой Иван Антонович!

До сих пор не решался беспокоить Вас письмами.

В ноябре я был на киностудии им. Довженко (если бы была Киевская прописка — я работал бы там сценаристом или редактором) и поинтересовался, как идёт съёмка «Туманности Андромеды».

Мне сообщили, что по плану они должны сдать картину в мае. Несколько товарищей из съёмочной группы отправлялись в Москву и должны были встретиться с Вами. Была ли эта встреча? Если да, то они всё подробно Вам рассказали.

Борис остановился в Киеве. Я был против этого варианта. Ведь его принимали на стационар в МГУ — он меня не послушал. И, на мой взгляд, сделал большую ошибку: мне Москва очень много дала, особенно Румянцевская библиотека, где я познакомился с Макиавелли («Государь» — настольная книга Сталина) и «Энциклопедией мысли» Хоромина. Когда-то эту книгу я имел в собственности.

Сколько там замечательных книг! Входил туда я всегда, как в храм. Имел доступ в научные залы, встречался с замечательными людьми.

Глубокий след оставили в моей душе встречи с Вами, хотя они были так редки и так непродолжительны!..

Прошу сообщить о Вашем здравии. Как прошла осень, были ли на юге?

---

[1] См. Примечание к письму И. А. Ефремова Б. И. Устименко от 20 декабря 1966 г.

Крым я очень полюбил и возвращусь туда обязательно.
Где сейчас Ваш сын?
На этом кончаю.
Буду рад получить от Вас весточку.
Привет и наилучшие пожелания от Бориса и всей нашей семьи!
Дай бог нам ещё много раз встретиться!!!

Всегда помнящий Вас *П. Устименко*

Л. М. НЕВИШНИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 79

Кременчуг
1966 г.

Здравствуйте, Иван Антонович!

Я долго не решался на это письмо, но понял, что не написать его — не могу. Если вы помните ещё заключённого, который писал вам из колонии и которому вы так старались помочь, то вы должны помнить и то, что он, будучи уже на свободе, начал просить у вас денег взаймы.

Да, это я — Невишний Леонид.

Вы вправе думать, что я, ведя с вами переписку, только и имел цель попросить у вас денег. Поверьте мне, Иван Антонович, это не так. С тех пор прошло семь лет, но я не перестаю думать об этом нелепом случае. Извините меня, ради бога. Об этом я хотел сказать вам в этом письме. Два года назад я приезжал с этим же специально к вам в Москву, но увы! Это оказалось не так легко. Дважды стоял перед дверью вашей квартиры, но позвонить не хватило смелости. Мне стало так вдруг стыдно встретиться с вами, что я ни с чем поехал домой. Жене сказал, что вас не оказалось дома. Может это неправдоподобно, но я два дня ходил вокруг вашего дома, и до сих пор он, из красного кирпича, подземный переход рядом через проспект и универмаг «Москва» на другой стороне проспекта, у меня перед глазами.

Я не пишу о себе, о своих неудачах и радостях за эти семь лет, но если вы, получив это письмо, позволите мне рассказать о них, я буду благодарен.

С уважением к вам,
семья Невишних

1967

1 И. И. ПУЗАНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

1 января 1967 г.

Дорогой Иван Антонович!

Я был очень рад получить от вас весточку хотя и краткую, поздравительную. Не имея о вас сведений, я боялся, что вы застряли в каком-нибудь госпитале из-за своего злополучного сердца — неудачной детали вашего богатырского организма. Но раз вы не жалуетесь — значит, здоровье ваше во всяком случае — терпимо.

Я не был удивлен, что вы располагаете периоды моей жизни по тибетскому календарю, следуя по стопам вашего alter ego — д-ра Гирина. Однако, мне кажется, что правильно было бы сказать — буддийского, т.к. в сегодняшней воскресной радиопередаче «Глобус» сообщали, что японцы тоже празднуют год белой овцы (совпадения!). А ведь японцы имеют с Тибетом только одно соприкосновение — буддизм, и территориальных претензий не имеют.

Однако для меня лично минувший год был скорее «годом Черной овцы» и заслуживал более эпитета Виктора Гюго: «l'année terrible»[1] — столько он унёс от меня в Нирвану близких друзей — целых шесть! Из них вы знаете только двух — Д. И. Щербакова (для меня — Димочку Щербакова), который сам признавался, что моя «блестящая лекция на склонах потухшего вулкана Пиляки (бл[из] Симеиза в 1908 году) предопределила его будущую научную карьеру». Другой — Ю. А. Орлов; я знаю, что вы не очень-то ладили с ним, но я последние годы очень с Ю. А-м сблизился, и ко дню его 70-летия написал даже сонет, который при сём прилагаю, т.к. там есть и капелька вашего мёда (из эпизодов «Дороги ветров»).

Надеюсь, что вы получили мою поэму «Гибель озера», но предполагаю, что не очень от неё в восторге, как и сам её автор. В ней слишком много выкопанного в разных этнографических и фольклорных журналах, лично я не был свидетелем этой гибели и писал только по рассказам очевидцев.

В художественном отношении она много уступает написанной 36 лет тому назад поэме «Исфайрам» — написанной под свежим впечатлением похода в Илийскую долину! Я где-то выразился, что «Исфайрам» так же отличается от «Гибели озера», как 1-я часть «Фауста» от 2-й. Злопыхатели обвинили меня в том, что я равняю себя с Гёте!

Тем не менее «Гибель озера» пользуется большой популярностью, о чём говорит и слух о ней, докатившийся до Ленинграда. Но какими путями он туда докатился — я выяснить не мог!

---

[1] «Грозный год» (фр.).

Я бы очень хотел, чтобы вы написали мне о состоянии вашего здоровья и о ваших творческих замыслах. Хорошо бы вам хоть на время опять «приземлиться» и повести читателя в глушь сибирской тайги, которую вы так хорошо знаете и описываете. Там ведь, я где-то читал, находят и ваши «алмазные трубы»! Или поплавать по морю, особенно в Северной Пацифике, где сейчас плавает и работает немало моих учеников, также как плавает и в Индийском океане! Они просто завалили меня присылаемыми ими в замороженном виде в патронируемый мною зоомузей гигантскими скатами (*Mobula japonica*), «парусниками», мечами-рыбами, молот-рыбами, разными крабами — то гигантскими, то чудовищно-замысловатыми.

Напишите, как живёт и где работает сейчас ваш «Allan», с которым я последний раз встретился в «Доме Поэта», в Коктебеле. Увы! В этом году я туда не собрался — помешала жара (изо дня в день 32—34 °С) и колоссальная перегрузка транспорта.

Передайте привет вашей супруге и Аллану.

Ваш *И. Пузанов*

P. S. Напишите также, где Ф. М. Достоевский выразился, как вы пишете в «Лезвии», что люди ненавидят больше всего тех, кого обидели.

И. П.

И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 2

Январь 1967 г.[1]

Многоуважаемая Зоя Ивановна!

Принимайте сердечные поздравления и пожелания в Новом году!

Пусть будет светло на Вашей дороге.

Очень Вы тронули меня Вашим подарком, он прибыл как раз сегодня 31/XII.

Ещё раз спасибо за всё доброе, обращённое ко мне.

Ваш
И. Ефремов

P. S: Кончаю новый свой н/ф роман «Час Быка», осталось две главы. Предполагаю печатать в «Октябре», очевидно, во II половине нового года.

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 3

Москва
8 января 1967 г.

Dear Professor Olson:

Now to answer your questions:

1. Of course I will be glad to look over your article about Davitaschvili. At any rate send me only a third or fourth copy to avoid the evil of no returning.

2. I agree with you completely on your evaluation of Semenov's book. The same half-fanatical tendency but on diametrically opposed grounds.

[1] Датируется по содержанию.

3. My "Razor Blade" [The Razor's Edge] you cannot obtain. I like your idea of a dialectical trend of thought as two intercrossed lines of opposed linear thoughts. By the way, my taphonomy is based on the opposite side of sedimentation of the geological chronicle — the process of destruction. In other words — the other side of the medal, as we say here. It is very interesting to take a look on the other side many of your forebearers may have overlooked.

As ever, cordially your friend,
I. Efremov (Old Efraim)

Дорогой профессор Олсон!

Теперь отвечу на ваши вопросы:

1. Конечно, с удовольствием взгляну на Вашу статью о Давиташвили. Но пошлите только третью или четвёртую копию, дабы избежать пропажи в пути.

2. Полностью согласен с Вашей оценкой книги Семёнова. Совершенно схожая, полуфанатичная тенденция, но с диаметрически противоположной позиции.

3. Моего «Лезвия бритвы» Вам не раздобыть. Мне нравится Ваш взгляд на диалектическое мышление как скрещение противоположных линейных рассуждений. К слову, моя тафономия основана на процессе, противоположном осадочному в геологической летописи — процессе разрушения. То есть — это обратная сторона медали, как принято у нас говорить. Очень интересно рассматривать такую обратную сторону, которую многие из предшественников могли проглядеть.

Как всегда, сердечно Ваш друг
И. Ефремов (Старый Эфраим)

Перевела Лариса Михайлова

4 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
9 января 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Please excuse me for being so long about answering your kind letter and thanking you for the book "Aelita".

I was very glad to get both, of course, and should have told you so sooner. But people like me, who make their living by writing, are usually very bad correspondents. Also, there has been a great deal to do, both in work and other activities.

Thank you also for your New Year greeting. Since starting to hear from you and Mr. Borodayevsky, I have been struck by what beautiful stamps the USSR issues. Hitherto I had thought France and Japan had the most attractive ones, but certainly the Soviets do at least as well, especially in the cosmonautical series. My daughter, who collects stamps, is especially delighted.

We hope that you continue to be well and that your new novel will be very successful. I wish I could read Russian; perhaps someday I will learn, but am meanwhile confined to whatever is available in English, French, German, or a Scandinavian language. With the growing American interest in Soviet science fiction, it is to be hoped that more of your works will be translated.

By the way, I believe I can get in touch with A. Merritt's widow. A friend of mine knows someone who is a friend of hers, and has promised to get the address for me. If he does, I will write to her and explain your desire to have some of her husband's works for publication. Probably something can then be arranged.

As I wrote to Mr. Borodayevsky, my wife and I spent considerable time this summer in the eastern part of the country. Thus there has been a great deal of work to do after we returned, partly my own, and partly in helping two different writers' organizations. At present I am completing a story to go with a cover by Chesley Bonestell. Perhaps you know his astronomical paintings, from such books as "The Conquest of Space". I don't know of anyone who is better in that field. He lives not far from here, in another part of these hills on the east side of San Francisco Bay, and it is always a great pleasure to visit his studio. Unfortunately, science fiction magazines cannot afford to reproduce paintings as well as his deserve. But if you wish, I will be glad to send you a copy when it appears.

We have also just finished quite an enjoyable holiday season. As you know, the Western Christmas comes just one week before New Year's Day, and it has become traditional to visit friends and hold festivities during that week.

A private tradition has also grown up, that our own group of friends spend New Year's Eve in a certain home; at midnight, the host always plays the finale of Tschaikowsky's "1812 Overture". — This year, a week after that, there was also a celebration of Twelfth Night, 6 January, which I think is identical with Christmas in the Eastern Church but was a separate festival in earlier days in the West.

The party was held in a large, medieval-looking hall decorated with shields and banners; everyone came in medieval costume; there was a small amateur orchestra playing music on instruments of the period, old dances were danced, old games were played, an exhibition of swordplay was given, and so on — all in all, a pleasant brief escape from the twentieth century. (Not that anyone believes the fourteenth century was better, obviously not. But it is far enough in the past now that we can afford to indulge romantic feelings about it. For the same reason, I am sure the future looks much more picturesque and interesting to us than it will to the people who are actually alive then!)

Now the holidays are over and it is time to get back to work again. I am afraid, therefore, that I must close this letter, with the very kindest regards of my family and myself, and our best wishes to you and yours for a happy New Year.

Sincerely,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу простить за такую задержку с ответом на Ваше благожелательное письмо и благодарю за присланную «Аэлиту»[1].

И то, и другое немало меня порадовали, о чём мне, конечно, стоило бы написать пораньше. Но люди вроде меня, которые зарабатывают на жизнь пером, обычно ужасные корреспонденты. Дел и вправду было невпроворот, и по работе, и прочих.

Благодарю и за поздравления с Новым Годом. С начала нашей переписки с Вами и с господином Бородаевским я не устаю поражаться красоте выпу-

[1] Фантастический роман А. Н. Толстого.

скаемых в СССР марок. Прежде самыми красивыми я считал французские и японские, но советские ничуть не хуже, особенно космическая серия. Дочь, которая собирает марки, в особом восторге.

Надеемся, что здоровье Вас не подводит и что новый роман будет принят очень хорошо. Как бы я хотел уметь читать по-русски; возможно, когда-нибудь я всё же выучусь, но пока я должен довольствоваться только тем, что доступно на английском, французском, немецком или скандинавских языках. Будем надеяться, что при наблюдаемом росте интереса в США к советской научной фантастике Ваши книги станут больше переводиться.

Кстати, полагаю, я смогу связаться со вдовой А. Мерритта. Один из моих друзей знаком с тем, кто знает её, и пообещал раздобыть для меня адрес. Тогда я ей напишу о Вашем желании получить некоторые книги её мужа для дальнейшей публикации. Возможно, что-то и выйдет.

Как я писал господину Бородаевскому, мы с женой большую часть лета провели на востоке страны. Поэтому по возвращении пришлось подгонять много дел, в основном моих, но также для двух писательских организаций. В настоящий момент я завершаю работу над рассказом к обложке, выполненной Чесли Боунстеллом. Вероятно, вы знакомы с его космическими картинами по книгам вроде «Покорения космоса». Не думаю, что есть сейчас кто-то лучше него в этой теме. Он живёт неподалеку от нас, в холмистой части восточного побережья залива Сан-Франциско, и мне всегда доставляет огромное удовольствие бывать в его студии. К сожалению, качество репродуцирования его работ в журналах далеко от того, что он бы заслуживал. Но если желаете, буду рад выслать экземпляр, когда он выйдет из печати.

У нас завершился приятный праздничный сезон. Как Вы знаете, западное Рождество приходит за неделю до Нового Года, и по традиции всю неделю люди ходят друг к другу в гости и празднуют.

А у нас с друзьями сложилась традиция собираться в одном доме, хозяин которого в полночь исполняет «Увертюру 1812 года» Чайковского. Кроме того, на текущей неделе мы праздновали также Двенадцатую ночь 6 января, совпадающую с православным Рождеством, но прежде отмечавшуюся как отдельный праздник на западе.

Собрались мы в большом зале, украшенном в средневековом духе щитами и знамёнами, гости пришли в средневековых костюмах, небольшой оркестр играл пьесы на музыкальных инструментах того периода, исполнялись старинные танцы, затевались старинные игры, был представлен фехтовальный поединок и т. д. В общем, приятное отдаление на краткое время от двадцатого века. (Не то чтобы кто-то считает век четырнадцатый лучше. Но теперь, через столько веков, мы можем питать в отношении него романтические чувства. По той же причине, думаю, и будущее представляется нам живописнее и увлекательнее, чем оно окажется для людей, которые его будут переживать на самом деле!)

Теперь, когда праздники завершились, пора возвращаться к работе. Поэтому, боюсь мне пора завершать это письмо. Самые добрые пожелания от всех нас вашей семье на весь Новый Год.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

А. Н. САВИНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 5

Ленинград
9 января 1967 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

С большим опозданием я отправляю Вам эти фотографии взамен тех плохих, которые Вам передала Наташа. К Цорну я добавил ещё Дельво, недавно увиденного мной в репродукции.

Помню о Вашем желании иметь снимки с работ Серебряковой и постараюсь их приготовить без слишком долгой проволочки.

Наташа, приехавшая сюда на неделю, шлёт Вам привет.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш
А. Савинов

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 6

Годалминг
17 января 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for two letters and the book of good pictures of that lovely palace Archangelskoe. Your second letter arrived this morning and the earlier one did reach us by Jan. 1st so we got your kind good wishes, as well as the plot of your novel. I am very sorry that I did not write to you for the New Year, but I hope that it is not too late to send very good wishes for health and happiness in 1967 to you and your wife.

It is a very special year for you, bringing your joint ages to 100 and it must be unusual for such a thing to happen, especially with a joint anniversary. I hope you will both be in the best of health and able to celebrate this great occasion very happily.

The plot of your novel is very interesting and very complex and I should think that the book will be a difficult one to write. There will be so much to keep in mind, as you write, of factors which do not occur in the present world.

I am very interested in your account of the changes in the scientific world which, you say, have made you less reluctant than you would have been to give up your palaeontology. I think that it is true everywhere and not only in Science. People no longer work for love of their science or a craft, but more for money, prestige and so on. Of course there are exceptions but as a general rule now there is much less devotion to an ideal and less zeal in pursuing one.

You are quite right in thinking highly of Prof. Romer and I know that he has a warm feeling for you. His wife is one of my best friends and is a wonderful woman. Together they have travelled a lot and make friends everywhere, spreading friendship and goodwill amongst Zoologists and Palaeontologists in many countries.

I like very much two lines of the poem "Uncle Jacob", connected as it is in your letter with the joint anniversary of yourself and the "Little Zebra". It seems an odd nickname but very expressive.

I am glad that you got those two books and hope that they will help you. I think there is a lot of technical language in them but I hope it is not very difficult to understand.

I will order the two books by Romaine Gary promptly. I am glad that you enjoyed "Roots of Heaven" so much.

We both keep well for our age. Professor Watson had a check-up at a local hospital recently and the Dr. said that, considering his age and the loss of a lung, he was in very good condition. Of course, he goes slowly and does not climb our hill now, but he enjoys the good views and his home comforts including his food. This I think is very important for old people because so many interests are lost inevitably, that it is necessary to keep as many as possible of the simple, natural ones.

To return to your novel for a final comment, the greatest interest seems to me to be in the "Comparison between oligarchic tyranny and the free life on Earth" which, you say, is the main line of 2/3 of the book. That is indeed an interesting topic.

My writing is getting very bad and I had better go to bed!

With very kind regards and best wishes from Professor Watson and myself to both of you.

Yours very sincerely
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за два письма и альбом хороших видов дворца в Архангельском. Ваше второе письмо пришло сегодня утром, а предыдущее — 1 января, таким образом, мы получили Ваши добрые пожелания, так же как и план Вашего романа. Не успела к Новому году, но надеюсь, что ещё не слишком поздно послать Вам и Вашей жене наилучшие пожелания здоровья и счастья в 1967 году.

Этот год для вас совершенно особенный — совокупные 100 лет — что бывает нечасто, тем более с круглыми датами у обоих. Надеюсь, вы оба будете полны энергии и замечательно отпразднуете это большое событие.

Замысел Вашего романа очень интересен и очень сложен, и его будет нелегко воплотить. Ведь при написании придётся держать в уме столько ещё не осуществившегося.

Очень интересна Ваша оценка изменений в научном мире, которые ещё больше укрепили Вас в решении оставить палеонтологию. Думаю, это верно всюду, а не только в науке. Люди работают не из любви к своей науке или ремеслу, а в основном из-за денег, престижа и так далее. Конечно, исключения есть, но, как правило, теперь намного меньше преданности идеалу и меньше рвения в его достижении.

Вы совершенно правы в своём высоком мнении о профессоре Ромере, он тоже тепло относится к Вам. Его жена — одна из лучших моих подруг и замечательная женщина. Вместе они много путешествовали, распространяя всюду товарищеские и доброжелательные отношения среди зоологов и палеонтологов многих стран.

Мне очень нравятся две строчки стихотворения «Дядюшка Яков»[1], ассоциируемые в Вашем письме с вашим совместным с «Зебрёнком» юбилеем. Это прозвище кажется странным, но очень выразительно.

---

[1] Имеются в виду строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Дядюшка Яков»:

Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.

Я рада, что Вы получили те две книги и надеюсь, что они послужат Вам. В них, по-моему, много технического языка, но, надеюсь, трудностей с пониманием не будет.

Я закажу две книги Ромена Гари без промедления. Рада, что «Корни неба» доставили Вам столько удовольствия.

Мы оба хорошо себя чувствуем для нашего возраста. Профессор Уотсон прошёл недавно осмотр в местной больнице и, по словам доктора, учитывая возраст и потерю лёгкого, он в очень хорошем состоянии. Конечно, ходит он медленно и не может теперь сам подняться на наш холм, но наслаждается красивыми видами и ясными домашними радостями — например, вкусными блюдами. Думаю, это очень важно для стариков, ведь так много интересов утрачено безвозвратно, поэтому нужно сохранить как можно больше интересов простых, естественных.

Возвращаясь к Вашему роману для заключительного комментария, отмечу, что особый интерес представляет «сопоставление олигархической тирании со свободной жизнью на Земле», которое, по Вашим словам, составляет основную идею двух третей книги. Это действительно интересная тема.

Почерк делается почти неразборчивым, лучше я пойду спать!

Большой привет и наилучшие пожелания от нас с профессором вам обоим.

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 7

25 января 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your pleasant cards and your kind good wishes for the New Year. I have been rather unwell recently but I think I have got over it now and I am feeling much more cheerful.

I have also received the books you've sent and I was very excited to hear about *The Land of Gongori* — I've always wanted that. As for *The Airborne Ship* — I've never even heard of it. This is very good news. To have Zhulavsky's trilogy would be marvellous. Do please have them photocopied for me. I hope to be in Tbilisi at any rate in March, if not in Moscow. I am pleased to hear about Bulgakov — some time ago. *The Magazine of Fantasy and Science Fiction* published a translation of his *Fateful Eggs*. Perhaps *Master and Margarita* is in this tradition. It sounds most exciting and I look forward to reading it and the rest of the "redoubtable brothers" opus.

Please let me know if there are any books or book lists you need. In February we are promised by MacGibbon & Kee a collection of Soviet S. F. in translation. The names are Gor, Varshavsky, Strugatsky, Днепров, Krapivin; the titles of the stories are not yet known.

More news soon.

(We had no snow).

Yours *Alan Myers*

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю за милые открытки и добрые пожелания на Новый Год. Я некоторое время чувствовал себя неважно, но, думаю, выздоровел и теперь гораздо бодрее.

Посланные вами книги получил и особенно обрадовался «Стране Гонгури»[1] — мне давно хотелось её иметь. Что же до «Воздушного корабля»[2] — о нём я даже не слыхал. Это очень здорово. Получить трилогию Жулавского[3] было бы просто великолепно. Пожалуйста, закажите фотокопии для меня. Надеюсь в марте попасть в Тбилиси, если не в Москву. Рад слышать о Булгакове — не так давно «Мэгезин ов фэнтези энд сайенс фикшн» опубликовал его «Роковые яйца» в переводе. Надеюсь, «Мастер и Маргарита» в том же духе. Представляется очень заманчивым, и я жду не дождусь возможности прочитать окончание опуса «доблестных братьев».

Пожалуйста, дайте знать, не нужны ли ещё какие книги или списки. Издательство «Макгиббон энд Ки» обещало в феврале сборник советской фантастики в переводе. Названы имена Гора, Варшавского, Стругацких, Днепрова, Крапивина, названия произведений пока неизвестны.

Скоро напишу ещё.

(У нас до сих пор совсем не было снега).

Ваш *Алан Майерс*

Перевела Лариса Михайлова

8 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
25 января 1967 г.

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GEOLOGY

Dear Professor Efremov:

Presently I am very busy. It is the end of the Fall semester, examinations have to be prepared and graded, and the Spring semester schedule has to be prepared. Also, I will begin teaching geomorphology this year, which again takes time for preparation. Furthermore, this February will mark the 10th anniversary of our geology department. To commemorate this occasion, the students are preparing a celebration for the chairman of the department, Professor G. Teleki. This also takes my time, since I am involved in the planning of this celebration.

I have received your package of books. Thank you very much. Unfortunately, I just was unable to read through them.

I am sending you the following literature:

1. Unpublished Gumilev

---

[1] «Страна Гонгури» (1922, другое название «Открытие Риэля») — роман В. А. Итина.

[2] «Воздушный корабль» — такое название носит малоизвестный роман А. Р. Беляева 1934 г. о полёте на дирижабле над СССР и рассказ Александра Грина 1909 г. о декадансе. Вероятнее всего, Ефремов послал Майерсу роман Беляева.

[3] «Лунная трилогия» Е. Жулавского: «На серебряной луне» (1901), «Победитель» (1908), «Старая Земля» (1910).

2. The Mind
3. Six comics on Space, but not "Barbarella"; will look for it later.
4. Two paperbacks on S.F.
5. One "The Man from U.N.C.L.E.", which is a mystery series, very popular here on T.V.
6. When the Legend Dies by Hal Borlund
7. Various clippings from magazines:
(a) Flying Saucers
(b) John Scopes Trial — as Scope[s] is today
(c) Lost Race
(d) Eight photos of Mesozoic reptiles from U. S. National Museum.

Paper-book catalogues and 3 volumes of Gumilev to follow.

Regards from my wife Olga. Little Alexander is now almost walking. I hope you are in the best of health.

Respectfully yours,
George Rabchevsky

Университет Джорджа Вашингтона
Факультет геологии

Дорогой профессор Ефремов!

Сейчас очень много дел. Конец осеннего семестра, нужно подготовить письменные экзамены, проверить их и выставить оценки, а затем составить план занятий на весенний семестр. Плюс в этом году я приступаю к преподаванию курса геоморфологии, который также требует подготовки. Кроме того в феврале нашему геологическому факультету исполняется десять лет. Студенты готовят празднование для главы нашего факультета профессора Дж. Телеки. На это уходит и моё время, потому что я также занят в подготовке торжеств.

Получил несколько Ваших бандеролей. Большое спасибо. К сожалению, пока не смогу добраться до чтения.

В свою очередь посылаю вам следующие книги:

1. Неопубликованный ранее Гумилёв.
2. «The Mind».
3. Шесть выпусков космических комиксов, пока без «Барбареллы»; но продолжу поиски.
4. Два покетбука фантастики.
5. Один из выпусков «Человека из U.N.C.L.E.»[1], весьма популярного у нас сейчас телесериала.
6. «Когда умирают легенды» Хэла Борланда
7. Журнальные вырезки:
(a) О летающих тарелках
(b) О суде над Джоном Скоупсом — Скоупс сегодня
(c) Затерянные племена
(d) Восемь фото мезозойских рептилий из Национального музея США.

[1] «The Man from U.N.C.L.E.» — американский телесериал о суперагентах, который шёл с 1964 по 1968 год. Агент Илья Курякин, русский по происхождению, вызывал большие симпатии зрителей.

Каталоги книг в мягких обложках и три тома Гумилёва будут отосланы несколько позже.

Наилучшие пожелания от моей жены Ольги. Александр уже скоро начнёт ходить. Надеюсь, со здоровьем у Вас сейчас всё в порядке.

С уважением, Ваш
Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

9 Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Неаполь
1 февраля 1967 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Антонович!

Я глубоко легковерный и наивный человек. Уже давно мне известно, что напрасно обращаться к неаполитанским книгопродавцам, чтоб заказать им книгу. Неаполитанцы великие философы: они знают настоящую цену человеческой жизни, и потому им важно хорошо жить — и чтоб жить хорошо, нельзя много работать, ибо, если ты работаешь — потеешь, если потеешь — ослабеваешь, пропадает у тебя аппетит и ночью тебе плохо спится.

Следственно, они согласны продать то, что у них уже лежит в магазине, но не согласны писать издателям, чтоб заказать только одну книгу. Как так? Целое письмо (окаянная работа!) за ничтожную книгу — это не соразмерно!

Ну, хотя я давно знал об этом, всё-таки, будучи оптимистом (или наивным) и глубоко веря в прогрессивное улучшение человеческого рода, как только получил Ваше первое письмо (т. е. до Рождества), обратился к самому солидному книгопродавцу в Неаполе и заказал ему Вами желаемую книгу.

Пришло, через месяц, Ваше второе письмо. И когда я его прочёл, не на шутку сердился. Позвонил книгопродавцу и сурово спросил, отчего он ещё не послал Вам книгу.

Пачини: Вы не серьёзный человек. Даже не человек, а чёрт знает что. Вам надо было бы посадить в голову золотые рога.

Книгопродавец: Спасибо большое за золото, да меньше за рога. Чем я виноват и чем могу Вам послужить?

П.: Месяц тому назад я Вам заказал английский журнал для моего друга, проф[ессора] Ефремова, и дал Вам его адрес.

Кн.: Точно так-с. Я написал (врёт, как сивый мерин) в Англию. Но из Англии до сих пор не ответили.

П.: Ка-а-ак! После месяца? Невозможно.

Кн.: Да что ж месяц? Лишь 30 скоротечных дней. Ведь по сравнению с вечностью — это лёгонький вздох мотылька.

П.: Мотылёк это — крылатый червь. Да где же у вас крылья? Даже у Вашего носа нет крыльев!

Кн.: Насчёт носа не спорю-с. Куда мне с Вами…

Я проговорился!

Нечего было делать. Тем, что я намекнул о носе, погубил сам себя. (Как Вам хорошо известно, я владею не только большим, но и кривым носом).

Вкратце. После моего разговора с книгопродавцем я написал во Флоренцию, и я уверен, что Вы скоро получите Ваш Photography Year Book.

Спасибо за любезное предложение послать роман Булгакова. (Но если это «Театральный роман», то я его уже прочёл, и он у меня есть.)

Мне сказали, что напечатали недавно «Ни дня без строчки» Олеши (писатель, о котором прошлое лето я написал довольно крупную статью). Если у Вас окажется лишний экземпляр — заранее благодарю за посылку.

Ида Бонетти и я кланяемся Таисе Иосифовне и Вам и обоим желаем здоровья, счастья и успешной работы.

Уважающий и любящий Вас
Л. Пачини

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 10

Москва
12 февраля 1967 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Приходилось ли Вам заказывать в Публичной библиотеке фотокопии тех или других книг? Если приходилось, то какой срок исполнения? Мой вопрос к тому, что мне нужно сделать фотокопии трёх книг по научной фантастике: В. Итин. «Страна Гонгури» и Жулавский. «На серебряном шаре», «На луне» «Победитель», но здесь у нас в Ленинской очередь на полгода. Ежели в Ленинграде быстрее, то я закажу в Публичной — не откажите в любезности сообщить Ваши соображения.

Что-то Вы примолкли? Заработались или здоровье? Я понемногу пишу свою «Долгую зарю», и, кажется, разворачивается интересно, но много внешних помех — надо уезжать куда-нибудь, чтобы не приставали с другими делами.

В зарубежной фантастике (так же, как и в нашей) никаких особенных произведений не появилось — наоборот, что-то начинаем тонуть в однообразии, похожем на колхозную литературу определённого периода.

Желаю Вам здоровья и всяческого успеха. Извините за то, что пристаю с вопросами.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 11

12 февраля 1967 г.

Дорогой Иван Антонович!

Ваше письмо получил ещё до Нового года, а отвечаю лишь теперь, по приезду из Ростова[1].

Чужой город, незнакомый вуз, совершенно чужие студенты. Сессия была трудной, требования — жёсткими, спрос — строгий. Не зря университет награждён орденом Трудового Кр[асного] Знамени. Трудового! Здесь прибежище беглых профессоров из холодных городов России — Свердловска, Перми,

[1] Имеется в виду Ростов-на-Дону.

Иркутска. Южное солнце, бахчи Танаиса и близость Местийского озера несомненно пошли на пользу жрецам науки. Доктора и доценты издают учебники, пишут книги и монографии, выгоняют из бедных студентов пар и воду! Но и дают! За двадцать дней установочных лекций я получил больше, чем за два года обучения в ДвгГУ.

Над городом стояла лютая стужа. Холодные массы арктического воздуха через Каменный пояс выплеснулись на равнины России, приобретя в Сальских степях ураганную силу. И загулял «выстуженный северо-восток» по широким улицам степного города, а я, подняв воротник, рысью носился между квартирой и университетом, вспоминая ванинские зимы.

Сдал семь зачётов и три экзамена. Без троек. Даже заслужил похвалу методиста: «вы первый из переводных, кто у нас так благополучно прошёл!» «Я и там проходил неплохо и флаг спускать не собираюсь!», а ведь вначале страшно было, думал, завалю!..

Летом, если бог даст доживём, предстоит трудная сессия, многие предметы сдаются за три курса. Придётся поработать! Ничего! Первый курс закончил за три месяца, и это в условиях беспрерывных рейсов по осеннему Охотскому морю, второй — на отлично, почти без книг… Сейчас — ни одного вечера вне читального зала, благо они здесь есть. В этом преимущество большого города.

А в остальном я всё более становлюсь воинствующим урбанофобом, если можно так выразиться. Кто-то назвал человечество грибковым заболеванием планеты. Тогда города — гнойники, где идёт бесконечная борьба между бациллами и фагоцитами, и борьба жестокая, беспощадная. Здесь, на вязкой плёнке асфальта, коростой покрывшего почву, внимание к человеку превратилось в минутное любопытство зеваки, забота — в безразличие, любовь — в ненависть! Пришельца на каждом шагу встретит холодное презрение сытых, безразличие устроившихся, зависть и злоба голодных.

Раньше за спиной человека стояло племя, род. Теперь опереться не на кого. Союзы, основанные на экономической или духовной основе, оказываются очень непрочными. Друг становится врагом, сосед — доносчиком, именно это имел ввиду Гоббс, когда говорил о «войне всех против всех». Если попраны элементарные нормы человеческих отношений, может ли существовать общество, и если да, то в каком виде?

Говорят, что законы животного мира (закон естественного отбора в данном случае) на человеческое общество не распространяются. Не поэтому ли они нарушаются повсеместно? За счёт цивилизации, т. е. за счёт сильных, кормится и всё более растёт прослойка иждивенцев. Общество делится, отрывая у тех, кому надо, для тех, кому не стоило бы. Полуфабрикаты и антибиотики позволяют удерживаться на поверхности жизни тем, кто в иных условиях должен был погибнуть. По закону диалектики гуманизм, став всеобъемлющим, вступил во вторую фазу — стал антигуманен. «Людское наше стадо» засорено и разлагается. Это может стать одной из причин гибели человечества. Думаю, что даже искусственным вмешательством (геноцид, отбор арийцев) и прочей чепухой ничего не изменить. Нарушен основной закон жизни, а природа не терпит надругательств!

Человек по какому-то сомнительному праву возомнил себя венцом творения. Взял власть над всем животным миром, уничтожая или распространяя отдельные виды по своему усмотрению и не всегда разумно. Меняет лик планеты, преобразуя её для своих целей, не всегда разумных, и не раздумывая над

тем, к чему это может привести, удобно ли это будет для других, хотя бы и для его потомков? А пустыни не исчезают…

Взрывоподобное распространение по планете двуногих приматов чём-то напоминает вспышку звезды, которая должна погаснуть. Не так ли исчезали с лица земли те множества видов, которые природа выдвигала последовательно на конкурс владык планеты? Тогда опустеют города, планета погрузится во мрак чёрных ночей и необычную тишину дней, и какой-нибудь диковинный таракан, очередной кандидат во властелины, будет шевелить усищами у железобетонных конструкций — своего непонятного и ненужного наследия, оставленного предшественниками…

Причиной исчезновения может быть не только война, даже и не рак или лейкемия, а нечто более сильное и неотвратимое, которое уничтожит разум прежде, чем он найдёт оружие для защиты.

Уже теперь общество тяготится, испытывает страдания и платит дорогою ценою за присутствие среди его членов психически ненормальных людей. Те из них, кто страдает от сознания своей неполноценности, стремятся к утверждению своего «Я» и, становясь фюрерами, ввергают мир в пучины бедствий, другие же, оставаясь «винтиками», токсичны для окружающих.

В прошлом, в условиях пространственной изоляции и отсутствия средств быстрой связи, бредовые идеи шизофреников и параноиков нейтрализовались расстоянием и временем, необходимым для их передачи. Ныне эти два изоляционные слоя разрушены. Исчез свободный физический труд в здоровом окружении — надёжная броня души и тела. (Мен сана ин корпоре сано![1]) Люди оказались скованными единой цепью, и в этих условиях психические и прочие недуги передаются по кругу, как фельцмановская песенка, как вирусы гриппа через систему общепита!

Надлежащего же, надёжного иммунитета у нас не оказалось. В условиях большого скопления людей сохранить целостным свои моральные устои, принципы чрезвычайно тяжело, ибо часто приходится идти на компромиссы. Броуново движение, в котором пребывают жители города, приводит сплошь и рядом к столкновениям порою противоположных интересов. Эрго: город можно уподобить коммунальной квартире со всеми её мерзостями, и чем город больше, тем труднее жить в нём. Таким образом город становится эпицентром множества ущемлённых комплексов, которые высвобождаются в самом неподобающем виде. Не в этом ли скрывается одна из причин массовой преступности больших городов мира?

Разумеется, всё вышесказанное касается только городов капиталистического мира с его пороками и язвами. Это против них в своё время выступал проницательный Герберт Уэллс и с ним согласен был В. И. Ленин.

Большой город! Здесь не увидеть лиц, но только затылки — всюду очереди. На смену улыбке пришла гримаса злобы, исчез нормальный человеческий ответ без издёвки, злости.

«Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме и во тьме ходит, и не знает, куда идёт, потому что тьма ослепила ему глаза» — утверждал некогда апостол Иоанн. И не рассеяло тьму эту электричество, и вопрос «Кво вадис?»[2] не снят с повестки дня.

---

[1] «Mens sana in corpore sano» (лат.) — «В здоровом теле — здоровый дух».

[2] «Quo vadis?» (лат.) — «Камо грядеши?».

Вам, Иван Антонович, как автору «Туманности Андромеды» моё письмо покажется неприятным, но капитан Каллегари мог бы кое с чем согласиться.

Недавно смотрел «Спартак»[1]. Смотрел и думал, что Пандион, поставленный с таким искусством, выглядел бы куда лучше!

У нас уже чувствуется приближение весны: и небо теперь чаще голубое, чем серое, и солнышко пригревает, и почки на каштанах появились. Я жду весну и боюсь её голоса, вместе с тёплым дыханием весны, с первым ветром юга мою душу посещают странные желания. Пробуждается муза странствий, которая днём и ночью нашёптывает мне, что на свете существуют Лисс и Зурбаган, где в белых бухточках плещутся голубые волны, где на песчаных отмелях пахнут водорослями разомлевшие на солнце днища баркасов, где по мраморным истёртым ступеням набережных ступают лёгкие, весёлые ноги бронзовых людей, не страдающих гастритами и хандрой, где тишина лунной ночи нарушается лишь всплеском весла, дрожью струны и звуком поцелуя. А если меня потянет к ним, я знаю, мне тогда не совладать с собой... Будущее столь непрочно, что нет смысла стараться для него. Работа столь неинтересна, что надоедает насиловать себя ежедневно. Жизнь так быстротечна, что глупо укорачивать её всем неприятным...

Я не лодырь и не паразит. Всегда хотелось мне создать что-нибудь долговечное, и почти никогда — для себя. В другое время быть может, а сейчас мне всё чаще приходит на ум притча о сеятеле, прочитанная некогда у Джека Лондона в «Морском волке». «... Иное семя упало на места каменистые, но взошло солнце и погубило его, ибо земля под корнем была неглубока, а иное упало в места тернистые, и выросло терние и заглушило его...» Кого не сожгло, того заглушило...

Очень хотелось бы как-нибудь проведать вас до лета, да не представится теперь такой возможности...

Вот, пожалуй, и всё. Передавайте привет и май бэст вишез[2] Тасеньке, Марафеду и Бородаевским! Будьте здоровы и счастливы!

Ваш *Борис*

P. S. Я часто вспоминаю, как Вы и Тася провожали меня на Дальний Восток. Это было в 1960 году, и жили Вы тогда ещё на Спасоглинищевском... Тепло того прощания согревало меня все годы странствий. Это самое прекрасное воспоминание всей моей жизни!

Б. Устименко

12 И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ

Москва
15 февраля 1967 г.

Дорогой Павел Стефанович!

Большое спасибо за интересную статью[3]. Подчас, действительно, не видишь, сколько важных вопросов «валяется под ногами».

Со здоровьем пока не важно, и потому работа идёт медленно.

---

[1] Американский фильм (1960), режиссёр Стэнли Кубрик.

[2] «My best wishes» (англ.) — «Мои наилучшие пожелания».

[3] Вероятно, имеется в виду статья: Воронов П. С. Сколько же на земле материков? // Изв. ВГО, т. 98, № 3, 1966, с. 509—513. — *Примечание Н. Д. Воронова.*

Написал статью для Академии «Космос и палеонтология», и на это время остановил писание «Долгой зари». Теперь начал снова.

Когда буду в Ленинграде, не знаю, хочется, да неможется. Будете в Москве — звоните и приходите обязательно.

Сердечный привет от Таисии Иосифовны и от меня. Будьте здоровы.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 13

Москва
20 февраля 1967 г.

Дорогой Борис!

Опечалился Вашим письмом. Не самими злоключениями, а тем настроением, которое так отчётливо проступает из-под бодрых и небодрых слов. Должен сказать, что Вы неправы лишь в интегральной оценке влияния города, т. е. в том, что люди везде: и в городе, и не в городе — разные; а в том, что большой город есть отвратительное порождение нашей цивилизации, я с Вами совершенно согласен. Он плох ещё тем, что создаёт опасность для будущих поколений вливанием повреждённых генов в общий генофонд человечества (с точки зрения биолога) и, следовательно, порождением массы почти неуловимых, но омерзительных повреждений человеческой психики.

Но всё же — не озлобляйтесь. Это очень ослабит Вашу позицию в жизни и таит в себе возможность опрометчивых шагов.

Сядьте спокойно, имея впереди несколько свободных часов. Сосредоточьтесь, повторяя какую-нибудь однообразную фразу, ну, скажем, «тат твам ази»[1] или «ом мани падме хум»[2], дышите размеренно, глядя на какой-нибудь неотвлекающий предмет. Когда совсем успокоитесь, взвесьте всё происшедшее с времени Вашей высадки на сушу и оцените истинные достижения и кажущиеся — тогда увидите, что стоит, а что нет.

Возможно, я ошибаюсь, не зная Киева, но мне показалось, что Вы сделали ошибку, бросив якорь в этом городе, который пользуется плохой репутацией среди других крупных городов российских. Не говоря уже о национализме, не годящемся для настоящих людей, тут собрались жёсткие и хваткие люди, облюбовавшие его уже потому, что столица и с самолучшим климатом из всех столиц.

Москва — при всех её дефектах — всё же — широка, Минск — уютен, деловит и с самыми хорошенькими девушками. Ленинград — хотя и истребил свою прежнюю интеллигенцию, но по традициям пока ещё оснащён культурой, да и по обстановке всех лучше. Даже, может быть, Одесса и то — легче в смысле жизни и человеческих отношений. А Киев — душнее всего!

Может быть, есть смысл переоценить необходимость срочного получения диплома и не спешить с этим, ибо Вы правы в одном — никаких особенно широких перспектив диплом немедленно не сулит. Может быть, перебраться в другой город, или перейти туда на заочное отделение, а пока проплавать ещё сезона три, за это время и кончить учёбу в рабочем порядке?

---

[1] «То ты есть» (санскр.).

[2] «О, жемчужина в цветке лотоса» (санскр.) — мантра в тибетском буддизме.

Всё это надо взвесить не торопясь, но к лету иметь готовое суждение. Что-то я ничего не слышу о Ларисе? Почему она не рядом в трудный час? Или не подмога? Тогда тем более — зачем Вы в Киеве?

Вы правы, что будущее у нас непрочно, а мы стараемся обеспечить себя для старости и ради этого жертвуем молодостью. Может, и есть смысл, если расчёт на то, что зрелый ум к старости принесёт плоды и при возможности спокойной работы позволит создать кое-что путное, но... «расчёт случаен и неверен»[1], как писала Шкапская — отличная поэтесса, кстати. Знаете её «Кровь — руда»[2]?

В общем, пусть будет «в небесах конь вороной и на нём всадник с мерою в руке своей». Исполнится мера и будут ещё и синие дали, и шелест ветра по степной и жёсткой траве Средиземноморья, и ласковый шепот милых губ. А пока — будьте здоровы и думайте, взвешивайте.

Тася и Марафед шлют Вам сердечные приветы. Бородаевские кланяются — они собираются написать отдельно. Эта пара — урбанисты и в городе, как рыба в воде. Аллан — в Сирии, на берегу Евфрата. Он — заядлый урбанофоб, как и Вы, но Ольга (жена его) — урбанистка стопроцентная.

Пишите всё же почаще, как оно там у Вас — что-то мне беспокойно. Вот когда мы провожали Вас на Д. В. — я не беспокоился нисколько.

Ваш *И. А. Ефремов*

14 В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
27 февраля 1967 г.

Дорогой мой друг Иван Антонович!

Простите великодушно за задержку возврата Ваших статей. Мне трудно было с ними расстаться, хотя я проделал большую работу по конспектированию поистине великолепной статьи «Космос и палеонтология». Блестящая аргументация делает Ваши выводы не только смелыми, но и почти неопровержимыми. Вот когда я понял, что палеонтология это — ого!

Глубоко философским показалось мне положение Вашей статьи, где говорится, что антропоцентризм неизбежно порождает ощущение бесцельности существования жизни. Это очень здорово у Вас получилось.

Что же касается маленькой статьи для «Труда», то я рад, что наши взгляды на задачи и роль н[аучно-]ф[антастической] литературы абсолютно едины.

Эти дни я безраздельно с Вами: перечитал множество Ваших писем, опять заглянул в «Дорогу ветров» и «Лезвие бритвы», и Вы всё время возле меня, и я опять передумываю и вспоминаю наши встречи.

Из Киева пока нет информации. Шерстобитов, вероятно, после сильнейшей встряски (он даже жаловался Наталье Алексеевне, что у него сильно болит сердце) поехал немного передохнуть и набраться сил.

Я наконец посмотрел «Спартак» (I серию) и очень-очень позавидовал их возможностям. Если будем живы и начнём делать нашу II серию, надо будет

[1] Первая строка из стихотворения М. М. Шкапской «Расчёт случаен и неверен...».
[2] Книга стихов М. М. Шкапской «Кровь — руда» (1922).

расстараться, чтобы дали больше денег и возможностей. Ведь там — Земля победившего коммунизма!

Из Вашей открытки, которая была мне радостна потому, что она от Вас, ничего не ясно о здоровье Вашем и делах Ваших. Плохо!

Целую Тасю, а Вас обнимаю.

Всегда Ваш
В. Дмитревский

Э. К. НАУМОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 15

Не позднее 2 марта 1967 г[1].

Дорогой Иван Антонович!

Я получил Вашу открытку, благодарю Вас! С Ромуальдом мы подружились, и, кажется, основательно, как говорят, перешли на одну волну. Сейчас мы готовим большой обзор по зарубежной парапсихологии и готовимся выступить 3 апреля в редакции «Молодая гвардия» для фантастов, это будет для нас вдвойне приятная встреча, так как недавно в редакции выступал Китайгородский, и мы ему дали БОЙ!

К концу апреля мы с Ромуальдом готовим большой вечер, посвященный индийской психологии. В программу мы включаем доклад нашего коллеги док[тора] Георгия Лозанова, который на днях вылетает в Индию специально для изучения постановки работ по парапсихологии в Индии и исследования йогов, мы поручили ему снять фильм. Кроме того, мы сейчас нашли одну великолепную танцовщицу индийских танцев, которая буквально своими специфическими движениями гипнотизирует массы.

Мы будем рады получить от Вас ряд ценных Ваших указаний и пожеланий, кто, как не Вы, можете это сделать! Будем Вам благодарны.

Работы у нас сейчас много, кое-что удалось уже сделать, в частности провести ряд экспериментальных исследований по анализу функциональных состояний мозга в режиме передачи и восприятия биотелеинформации.

Лично мне удалось добиться тематики официально по телепатии, наконец-то мне удалось целиком заняться этими проблемами, срок у меня не малый — 5 лет, но есть одно преимущество, что я свободен в своих действиях, а мои финансируемые хозяева полностью мне доверяют. Появилось работы ещё больше, но есть инициатива, которую не давят! Лично для меня это очень важно.

Буду чрезвычайно рад Вас видеть!

Искренне всегда Ваш
Э. К. Наумов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16

Москва
6 марта 1967 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Несколько задержался с ответом, так как только вчера была медицинская консультация с Долгоплоском — нашим видным сердечно-специалистом. Дело

[1] Датируется по штемпелю.

в том (должен предупредить Вас, что это письмо — только Вам, как пишут в английской секретной службе, судя по Джемсу Бонду — «фор йор айз онли» — только для Ваших глаз), что в последней моей кардиограмме произошло ухудшение — и общее, и добавилась ещё так называемая «блокада левой ножки пучка Гиса» (если объяснить это человеческими словами, то это значит, что левый желудочек сердца получает нервный рабочий импульс не по своему проводу — он разъединился, а в обход, через провод правого желудочка). Само по себе это не непосредственная опасность, но в совокупности со всем, что есть — неважно. Хотели волочить в больницу, чтобы делать там внутривенные вливания, которым я не очень доверяю, но я стал брыкаться. К счастью, Долгоплоск не нашёл состояние из рук вон плохим, сказал, что не надо валяться в больнице, и отпускает в санаторий. «Узкое» всё ещё на ремонте, но достают в Совминовский (не тот, в котором были), а в другой — «Десна». Сначала не хотели брать с такой «курортной» картой, но сейчас как будто обойдётся, и тогда около 20-го уеду. Уехать ещё хорошо и потому, что здесь никак не дают работать и «Долгая заря» не подвигается — все точно взбесились насчёт рукописей, статей, отзывов и т. д. Одно отобьёшь, а иногда и никак нельзя — надо как-то поддержать, что-то сделать, а энергии не осталось — броненосец тонет.

Кроме шуток, у меня ощущение, что я, как хороший броненосец с большой силой машин, запасом пловучести и т. д., но получивший пробоину, которую никак не могут заделать... И вот медленно, но верно заполняется водой один отсек за другим, и корабль садится всё глубже в воду. Он ещё идёт, но скорости набрать нельзя — выдавятся переборки, и сразу пойдёшь ко дну, поэтому броненосец идёт медленно, почти с торжественной обречённостью, погружаясь, но с виду всё такой же тяжёлый и сильный. А в рубке управления мечется, пытаясь что-то сделать, — капитан — мой Тасёнок, и экипаж из моих друзей, готовых сделать что возможно, кроме главного — пробоина не заделываемая. Так и у меня — с каждой новой кардиограммой смотришь, как выполаживаются одни зубцы, опускаются другие, расползаются вширь, осложняясь дополнительными, третьи. Эту картину я отчётливо вижу и сам. Это — не паника, не внезапный припадок слабости или меланхолии, просто облеклось в поэтический образ моё заболевание. И не говорите ничего никому, ведь сколько осталось пловучести — величина неопределенная, зависит от общей жизненности организма и, может быть, и не так уж скоро, кое-что во всяком случае успею сделать — это я как-то внутренним чутьём понимаю, хоть и не исключаю возможности внезапного поворота событий — но ведь это уже опасение кирпича на голову и потому не принимается во внимание. Как-то всегда привлекал меня один эпизод из Цусимского боя. Когда броненосец «Сисой Великий», подбитый, с испорченными машинами, спасаясь от японцев, встретил крейсер «Владимир Мономах» и поднял сигнал: «Тону, прошу принять команду на борт». И на мачтах крейсера взвились флаги ответного сигнала: «Сам через час пойду ко дну». Мой броненосец пока не отвечал этим сигналом людям, введенным в заблуждение моей всегдашней бодростью, но дело к тому пошло за последний год довольно быстро. Ну вот, «фор йор айз онли» кончилось.

Очень доволен, что моя космическая статья Вам понравилась. Вот бы ещё написать в этом духе небольшую книгу! Газета — «Труд» звонила, извинялась, что не ответила своевременно, кажется, на днях они собираются опубликовать эти материалы. Там у них есть Бредбери, Стругацкие, я и ещё кто-то. О делах

фильмовых ничего не знаю, но думаю, что с приходом весны дело у них оживится. А у нас тут сильно оживляется в Москве «Пара-психология», и это тоже неплохо — давно пора исследовать некие непонятные явления, но исследовать по-серьёзному, без наивной веры или не менее наивного неверия. Прочитал последний роман Олдоса Хаксли «Остров», и он мне очень понравился, хотя литературно скучноват. Интересное совпадение — Хаксли писал свой (предсмертный) роман в 1961—62 гг. и в нём сделал попытку соединить восточную мудрость с западной. И я тоже писал своё «Лезвие» в те же годы и тоже пытался спаять Восток и Запад. Вот и говорите, что идеи не носятся в воздухе.

Посылаю Вам оттиск моего «Покрывала Таниты» — нашёл, может пригодиться, Тасёнок Вас и Наталию Алексеевну целует, я обнимаю.

Ваш *И. А. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 17

Москва
10 марта 1967 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Я, конечно, вступаю в компанию на «Страну Гонгури» и согласен с Вами, что копировать интереснее издание 22 года. Прилагаю пока 10 р[ублей] — простейшим способом, который всегда можно повторить.

Что касается Жулавского, то повременим примерно с месяц-полтора — здесь устанавливают ещё одно «электрофото» и обещают ещё снизить стоимость страницы. Не очень верю, но всё может быть.

Вот Вам хорошая цитата из «Махабхараты»: (слова Арджуны, гл. III) «Противоречивым словом ты меня сбиваешь с толку. Говори лишь о том, чем я смогу достичь Блага». Это очень хорошо против всяческого кафкианства и его последышей-путаников.

Искренне Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 18

Москва
12 марта 1967 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Обрадовался Вашему письму. Как раз вчера Таиса Иосифовна спросила меня, почему от Вас давно нет писем, и мы оба потревожились немного — всё ли у Вас благополучно. А сегодня, как ответ на вчерашнее — Ваше письмо.

Спасибо за информацию — журнала «Юность» не видел и надо будет достать. А Вам удалось ли прочесть в № 11 «Москвы» за прошлый год и в № 1 за этот роман Булгакова «Мастер и Маргарита»? Если не читали, то достаньте обязательно. Столь блестящего произведения литературы лет пятьдесят не появлялось в нашей печати. Кроме того, оно интересно ещё и трактовкой сил зла — представителей Сатаны, которые на фоне общего упадка морали выглядят представителями доброго начала, хотя их могущество, по сравнению с Мефистофелем Гёте, гораздо более велико.

Вообще интересно бы обсудить изменение объёма и качества зла и добра по мере хода истории. Вопрос этот, по-моему, первостепенный для всех ищущих пути, ибо явно существует добро, замаскированное под зло (или ложно понимаемое так), и зло, замаскированное под добро. Вдобавок в очень большом числе случаев это ещё просто две стороны диалектического единства. Так вот, путь Блага — это капитальнейший вопрос в сложности современных отношений человека с человеком и обществом, государства с человеком и человечеством и т. д. Короче, нужна Академия Горя и Радости, иначе какая может быть уверенность, что мы не спускаемся в девятый круг вместо того, чтобы восходить из первобытного инферно. Следовательно, первейшая задача науки — это не просто познание деталей бесконечно сложного мира, а познание путей к облегчению жизни и счастью людей, и не просто людей, а современного общества. Жаль, что здоровье не позволяет работать так интенсивно, как того бы требовало намерение продвинуться в этих вопросах. Весь конец прошлого года и начало этого чувствую себя неважно, состояние сердца понемногу ухудшается, ограничивая меня во всём. Сам себе я напоминаю подбитый броненосец, получивший незаделываемую пробоину, но ещё находящийся на плаву. На вид он всё ещё могуч, машины работают, он медленно двигается вперёд, но понемногу сдают одна за другой водонепроницаемые переборки и броненосец садится всё глубже, т. е. попросту говоря — тонет. Хотелось бы поплавать подольше, но... запас плавучести неизвестен, хотя и явно невелик. Тем более, что любая непогода — фатальна. А надо писать ещё четыре книги, досадно!

На днях едем в санаторий до середины апреля, но постараюсь там задержаться, так как 22 апреля мне 60 лет, и тут будет попытка справить мне какой-нибудь юбилей, что надо избежать во что бы то ни стало. Тем более что в писательской среде эти юбилеи имеют вполне определённый привкус. А вот у нас с Таисой Иосифовной будет один симпатичный юбилей — помните, у Некрасова о дядюшке Якове: «Седенький сам и лошадка каракова, вместе обоим 100 лет»? Так вот нам вместе обоим 100 лет 22 апреля. Примите пожелания здоровья и всего светлого. Сердечный привет от Таисы Иосифовны и благодарность за поздравление.

Ваш *И. Ефремов*

19 А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

14 марта 1967 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr. Efremov:

I'm sorry that you have been having trouble getting a copy of my new edition and I am asking the press to send you a copy from Chicago, with my compliments. You needn't do anything in return for this, but if you feel like it, I would appreciate getting a copy of the mammal volume of the new Russian series on fossil vertebrates.

I am now retired, technically, but still as busy as ever with research and, although I am doing no more formal teaching, I still, upon occasion, go hither and thither to give lectures at other colleges — particularly if in some region which

seems to be interesting and where there will be a group of students who will enjoy it. The seven boxes of fossils of which we were robbed by a provincial governor were finally rescued and arrived here in Cambridge two months ago. They are now being worked on and look to be extremely good. The matrix is a late-deposited volcanic ash which is rather hard but prepares very well with dental tools. I think, altogether, I have about 200 skulls plus a great deal of postcranial material — all reptilian, no amphibians in the lot. I cannot, of course, be sure how extensive the fauna is, but I am rather hopeful that there will be up to a couple of dozen varieties of things. There is one rather good sized dicynodont; otherwise all the things are small, including a variety of therapsids, both carnivorous and gomphodont cynodonts, and several long-snouted thecodonts. We are now beginning to get a considerable range of faunas in the Triassic of Argentina. Bonaparte, a very good young man at Tucumán, has two localities which look to be of about Cynognathus zone age, including a dicynodont which he has been unable to differentiate from Kannemeyeria. My new fauna is a little later and either late Lower or early Middle Triassic. Above this, the Ischigualasto fauna which we discovered in 1958 is about late Middle Triassic. Above the Ischigualasto beds are redbeds of the general appearance of those which we get in the late Triassic of various countries and in them Bonaparte now has two prosauropods, which look pretty much like the South African stuff.

I was sorry to hear of the death of Orlov. I gather that you and he did not get along too well, but on the two occasions I met him I found him a pleasant companion. Obruchev I only met once in London, but liked him very much. Although not this calendar year, I still hope sometime to get to Moscow and want to see your wonderful collections and, most especially, to meet you — even though you have deserted paleontology for science fiction!

Sincerely,
Alfred Sherwood Romer
Alexander Agassiz, Professor of Zoology, Emeritus

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой доктор Ефремов!

Сожалею, что у Вас возникли трудности с получением моей последней публикации, и прошу издателя послать Вам экземпляр из Чикаго с моими поздравлениями. Вы не должны мне ничего за это, но если Вы не против, я был бы очень признателен за том по млекопитающим из новой русской серии по позвоночным ископаемым.

Номинально я на пенсии, но всё ещё занят, как всегда, научной работой и, хотя больше не преподаю, по-прежнему, если выпадает случай, то здесь, то там читаю лекции в других колледжах — обычно там, куда кажется интересным съездить или где есть группа студентов, которым бы это понравилось. Семь ящиков с ископаемыми, которые у нас отобрал губернатор, были, наконец, вызволены и прибыли в Кембридж два месяца назад. Теперь они находятся в работе и выглядят очень многообещающими. Материнская порода состоит из поздних отложений вулканического пепла, довольно твёрдого, но хорошо обрабатываемого с помощью стоматологических инструментов. Думаю, что в целом получается около 200 черепов плюс большое количество затылочных частей —

всё рептилии, без амфибий. Я не могу ещё точно оценить богатство фауны, но надеюсь, она насчитывает не менее двух дюжин разнообразных видов. Есть один дицинодонт довольно приличного размера; другие ископаемые маленькие, включая разнообразных терапсид, обоих цинодонтов — плотоядного и гомфодонта и несколько длинномордых текодонтов. Сейчас мы начинаем получать изрядное количество фауны триаса Аргентины. Бонапарт, очень перспективный молодой исследователь из Тукумана, локализовал два местонахождения, которые, похоже, относятся к периоду существования циногнатусов, включая и дицинодонта, которого он не смог отличить от каннемейерии. Моя новая фауна немного более поздняя и относится или нижнему, или к раннему-среднему триасу. Более того, фауна из Исчигуаласто, которую мы открыли в 1958 году, относится приблизительно к позднему-среднему триасу. Над осадочным слоем Исчигуаласто лежат красные осадочные породы общего залегания, которые проявляются в позднем триасе разных стран. В них Бонапарт сейчас нашёл двух прозауропод, которые выглядят примерно так же, как найденные в Южной Африке.

Я с прискорбием узнал о смерти Орлова. Догадываюсь, Вы с ним не очень хорошо ладили, но при двух наших встречах я находил в нём приятного собеседника. Обручева я встречал только раз, в Лондоне, но он мне очень понравился. Хотя и не в этом году, но я ещё надеюсь побывать в Москве, чтобы увидеть ваши замечательные коллекции и особенно встретиться с Вами, хотя Вы и оставили палеонтологию ради научной фантастики!

Искренне,
Альфред Шервуд Ромер
Заслуженный Агассисовский профессор зоологии

Перевела Марина Степанова

20 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
18 марта 1967 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Сердечное спасибо за беспокойство обо мне Таисе Иосифовне и Вам, но я, право, не виноват — было от меня ещё одно письмо, которое Вы не получили.

Роман Булгакова прочёл с превеликим удовольствием: достаточно сатиричен и философичен, попросту — книга умна. Сатана убедителен, он мог проявлять зло только там, где к этому была готова почва и до него. О взаимоотношении добра и зла подумаю, затем напишу, не хочу об этом говорить без серьёзных многократных размышлений.

Сравнение с броненосцем правильно только в первой половине, т. е. по мощности, решительности сражаться. Что же касается того, что «водонепроницаемые переборки сдают», — это просто результат затяжной болезни. Помните, как сказал Ману[1]: «Когда возникает страданье, поражающее тело или манас, не следует о нём думать, если усилие (его устранить) не помогает. Лечебное сред-

[1] Имеется в виду Ману — легендарный прародитель человечества в традиции древнеиндийской литературы. Законы Ману — древнеиндийский сборник предписаний благочестивому индийцу в исполнении им своего общественного, религиозного и морального долга.

ство от страданья — прекратить о нём думать; думающего о нём оно одолевает и ещё больше возрастает. Нужно устранять душевные страданья познанием, а телесное — зельем; осуществлённое познание на это способно; не следует уподобляться детям»... Не правда ли, весьма чётко сказано. Чем Вас лечат?

Оказывается, Вы отстали от меня на целых 5 месяцев! Мне исполнилось 22 ноября 66 г. — 60! Итак, мы с Вами — мужчины в полном соку, что же касается Таисы Иосифовны, её вполне можно считать девочкой!.. Никаких «лошадок караковых»! 22 апреля Вам обоим сто лет, когда каждому из вас будет по сто, тогда и поговорим ещё, пришёл срок встречаться со Стражами Порога или нет.

Сегодня хочется загодя принести Вам, Таиса Иосифовна, и Вам, Иван Антонович, мои сердечные, полные искренней радости за то, что вы живёте на этой Земле, пожелания здоровья, дружбы, любви и счастья! Пусть будет так.

Уважаемый Фёдор Петрович прислал мне интереснейшую фотокопию с книги Успенского «Четвёртый путь», на английском языке. С большим удовольствием перевёл первые 50 страниц, жду новой бандероли. Т. к. работал только в свободное время, то потратил 12 дней. Сейчас будет посвободнее, т.к. в Университете марксизма-ленинизма свой курс «Исторического материализма» в пятницу закончил, освободилось время, что уходило на подготовку лекций.

По форме и содержанию книги. Не знаю, читали ли Вы её или нет. Форма страдает некоторым длиннотами, повторами, но достаточно ясна. Содержание включает ряд мыслей, которые принимаешь как свои, хотя об этом никогда не думал. Например, Успенский утверждает, что: существуют школы, работающие над людьми, что мы не используем и доли нашего могущества и силы, что в человеке нашего уровня нет единого «я», что мы много примысливаем себе такого, чем не располагаем, что мы не помним о себе, не имеем воли, что, по существу, живём мы в двух планах: плане сна и относительного бодрствования (при отсутствии малейшей сознательности, чтобы понять, кто мы).

Он призывает не верить на слово никакому учению, проверять практикой. Что нам следует учиться говорить правду, и в первую очередь себе. Что следует заниматься самовоспоминанием: «Я здесь!» Что мы не в состоянии «делать» и выбирать, что живём по воле окружающих событий. Всех людей он делит на 7 категорий (обычные люди — первые три). Что мы сами себя с детства окружили негативными эмоциями, и располагаем вредной привычкой думать без цели.

Некоторые спорные для меня идеи:

Наша Земля — одно из самых «плохих мест» во Вселенной (что-то в предложенной схеме Космического Луча для меня неубедительно). Пытается говорить об Абсолюте (к чему? и что можно сказать?). Тем более что ему приписывается способность «творить сознательно и своей волей». Я против волюнтаризма в любой форме и в применении к «любым чинам»! Зло, по Успенскому, совершается только на уровне, когда не достигнуто сознание. (Так ли это? А Гитлеризм? А Берия?) Примеров много...

Особенно мне понравилось там, где он говорит, что по каждому случаю мы любим высказывать своё мнение и в такой форме, как будто бы знаем всё обо всём! Как метко сказано!

Собирался я в Москву в зимние каникулы, но надо же было заболеть гриппом 1 января! После него не до поездки было. Очень бы хотелось увидеть

Вас и побывать у Фёдора Петровича. Теперь уж можно планировать только что-нибудь на первые числа мая, там много праздников, и вот между ними найти «окно» и съездить...

Если можно, напишите главные идеи Ваших книг. Сколько Вы уже преуспели в них? Если это утомительно — не нужно, постараюсь понять, когда они выйдут в свет. Ваши книги так много дают людям!

Будьте здоровы,
искренне Ваш *Портнягин*

Прошу передать мой почтительный привет и сердечные пожелания Таисе Иосифовне.

21 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
19 марта 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very for very nice card acknowledging the books I sent. I am very glad that they arrived safely. Please let me have the names of some more to send you — I have found a shop in Godalming which will get any books I order so it is quite easy for me to get them, so long as they are in print. It is a pity that "Lady L" does not have the same depth as "Roots of Heaven". But no author achieves his best in every work.

It is very interesting that Aldous Huxley's "The Island" and your "Razor's Blade" were written at the same time and with a similar theme from different points of view. He was a remarkable man, with great insight.

The legend of Peter Pan is very well established here and almost universally known. The story of a boy who would not grow up was invented by James Barrie about the turn of the century. He told it to two (or three?) small boys of whom he later became the guardian — on their parents' death. The boy was supposed to live on the Round Pond in Kensington Gardens — quite a small pond! The story grew and Barrie wrote the play "Peter Pan" based on this story. It was first produced in London in 1904 and I think it has been produced every year since then with few exceptions — the war years — and I believe that it is no longer so popular as it was.

In the play, Peter, who can fly, visits the home of Mr. and Mrs. Darling who have three children, boys John and Michael and a girl, Wendy. He flies in through the open nursery window in order to listen to the fairy story which Mrs. D. reads to the children. On one occasion she sees him and, as he flies out, she shuts the window, cutting off Peter's shadow. He returns to look for it when the children are in bed and the parents both out. Wendy finds his shadow and sews it on to him. Peter tells how he ran away from home because he heard his parents talking about what he would do when he grows up — he does not want to grow up. He now lives in an underground home in the "Never Never Land" with a group of "lost boys", who all fell out of their prams as babies. There are no girls because girls are too clever to get lost like that. Peter invites Wendy to come and be a mother to the lost boys and she is attracted by this prospect but insists that John and Michael shall come too. The only way to reach the "Never Never Land" is by flying but this they learn to do after Peter has sprinkled them with fairy dust.

The Lost Boys are constantly threatened by a group of pirates but protected by some Red Indians. In the middle act of the play both these groups play a considerable part. The pirate Captain — Hook by name — has only one hand and a hook in place of the other. His right hand was eaten by a crocodile who still pursues him but fortunately has swallowed a clock which continues to tick. So Hook is always warned of his approach.

After some time with the Lost Boys Wendy's thoughts turn to home and she starts off with Jones and Michael and all the Lost Boys except Peter, who resolutely refuses to return to civilisation. On the way Wendy's party is captured by the pirates but Peter (warned by Tinker Bell, his fairy guardian) rescues them and eventually they all reach the Darlings' home. Peter still refuses to settle in the house, but has a small hut built for him in the tree tops and Wendy visits him there from time to time.

Meanwhile Captain Hook has been eaten by the crocodile and the other pirates are prisoners in the hands of the Red Indians.

The parts of Mr. Darling and Captain Hook are always played by the same actor and there is an implied reference to the dual image of the father figure — a loved parent and a feared tyrant.

Now I shall want to learn what legends about Peter Pan exist in Russia! Is it based on Barrie's Peter or a separate invention?

Barrie was a Scotsman who came to London practically penniless but determined to make his way in journalism. This he did and wrote a book about his mother, "A Window in Thrums", and a couple of novels. He also wrote a number of plays. Most of which were very successful and many contain an element of fantasy. The one I like best is "Dear Brutus", in which a group of people are prompted to go into a wood which appears magically on midsummer eve. Here each person is given a second chance in life. But on return to reality they realize the truth of Cassius' statement "The fault, dear Brutus, is not in our stars. But in ourselves that we are underlings".

March 21st

Thank you very much for the book of lovely pictures of ballet dancers which arrived by this morning post. I have looked through it only once but am sure that I shall enjoy going through it with the English index.

You write on your card that spring was at last beginning with you. We have had a very mild winter — no snow in the south and hardly any cold weather. The crocuses were out in February and now daffodils, primroses, aubretia and lots of forsythia are all in flower.

Professor Watson keeps well and enjoys the simple pleasures of life — the sun, flowers, wide views — and, I am glad to say, his food.

I hope that you keep well and are stronger and more able to work. Also that the book makes good progress and that you will write to me soon.

Please give my greetings and good wishes to your wife.

With kindest regards to you both from Professor Watson and my self.

Yours very sincerely,
Katharine M. Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за красивую открытку, подтверждающую получение посланных мною книг. Очень рада, что они прибыли благополучно. И шлите названия ещё нескольких книг, которые Вам необходимы — я нашла магазин

в Годалминге, который будет получать любые книги по моему заказу, так что мне несложно их приобретать, пока они допечатываются. Жаль, что «Леди Л.»[1] не столь глубока, как «Корни неба». Но ни один автор не в состоянии достичь совершенства в каждом своём произведении.

Очень интересно, что «Остров» Олдоса Хаксли и Ваше «Лезвие бритвы» были написаны в одно время и и на сходную тему, но с разных сторон. Хаксли был замечательным человеком, весьма проницательным.

Легенда о Питере Пэне у нас известна почти каждому. История о мальчике, который упорно отказывался взрослеть, была придумана на рубеже веков Джеймсом Барри. Он рассказал её двум (или трём?) малышам, чьим опекуном позже, после смерти их родителей, он стал. Считается, что Питер жил у Круглого пруда в Кенсингтонском саду — не самый большой пруд! Повесть росла, и Барри на её основе написал пьесу «Питер Пэн». Впервые она была поставлена в Лондоне в 1904 году и, думаю, с тех пор ставилась ежегодно, за исключением военных лет, хотя и перестала теперь быть такой популярной.

В пьесе Питер, умеющий летать, посещает дом мистера и миссис Дарлинг, у которых трое детей — двое мальчиков, Джон и Майкл, и девочка, Венди. Он влетает в открытое окно детской, чтобы послушать сказку, которую миссис Дарлинг читает детям. Однажды она случайно видит Питера и, когда он вылетает наружу, захлопывает окно, чем отсекает его тень. В поисках тени Питер возвращается, когда родителей нет дома, а дети спят. Венди находит тень и пришивает её ему. Питер рассказывает, как он убежал из дома, потому что услышал, что родители обсуждают его будущее, когда он повзрослеет, а он не хочет взрослеть. Теперь он живёт в подземном доме на острове Нетинебудет с группой «потерявшихся мальчиков», которые выпали из колясок во младенчестве. Девочек там нет, ибо девочки слишком умны, чтобы подобным образом потеряться. Питер приглашает Венди прийти и стать матерью потерянным мальчикам, и её привлекает такая перспектива при условии, что Джон и Майкл также будут приняты. Добраться до Нетинебудет можно только по воздуху, но после того, как Питер посыпал их волшебной пыльцой, они обретают способность летать.

«Потерявшиеся мальчики» постоянно преследуются шайкой пиратов, зато находятся под защитой неких индейцев. В середине пьесы обе эти группы играют значительную роль. У капитана пиратов по имени Крюк только одна рука и крюк вместо другой. Правую руку съел крокодил, который с тех пор преследует капитана, но, к счастью для последнего, крокодил проглотил часы, которые продолжают тикать. Таким образом, капитан Крюк всегда предупреждён о его приближении.

Пробыв некоторое время с «потерявшимися мальчиками», Венди собирается домой и пускается в обратный путь с Джоном, Майклом и всеми остальными ребятами, за исключением Питера, который решительно отказывается вернуться к цивилизации. По дороге отряд Венди попадает в плен к пиратам, но Питер (предупреждённый феей Динь-Динь — своей сказочной охранительницей) спасает их, и, в конечном итоге, все добираются до дома Дарлингов. Питер по-прежнему отказывается селиться в доме. Для него строится неболь-

---

[1] «Леди Л.» (1958) — роман Ромена Гари о воспоминаниях 80-летней дивы, по которому Питером Устиновым снят в 1965 году популярный фильм с Софи Лорен в главной роли.

шая хижина в ветвях дерева, куда Венди время от времени приходит его навестить.

Между тем капитан Крюк был съеден крокодилом, а остальные пираты попали в руки индейцев.

Роли мистера Дарлинга и капитана Крюка всегда играет один и тот же актёр, что подразумевает под собой двойственность фигуры отца — любящего родителя и опасного тирана.

Теперь хотелось бы знать, какие легенды о Питере Пэне существуют в России! Основаны ли они на образе, созданном Барри, или представляют собой самостоятельное изобретение?

Барри — шотландец, приехавший в Лондон практически без гроша в кармане, но задумавший сделать карьеру в журналистике. Он совершил задуманное и написал книгу о своей матери «Окно в бахроме» и несколько романов. Также он автор ряда пьес. Большинство из них имели большой успех, и многие содержат элементы фантастики. Лучшая, по-моему, «Дорогой Брут», в которой группа людей приглашается на прогулку в лес, становящийся волшебным в канун летнего солнцестояния. Здесь каждому персонажу даётся второй шанс в жизни. Однако по возвращении к действительности они понимают истинность слов Кассия, обращённых к Бруту: «Не жребий наш — мы сами виноваты в своём порабощенье»[1].

21 марта

Большое спасибо Вам за книгу прекрасных фотографий артистов балета, прибывшую сегодня утренней почтой. Я просмотрела её только раз, но с удовольствием изучу внимательнее с помощью английского алфавитного указателя.

Вы упоминаете в открытке, что у вас наконец началась весна. Здесь зима была очень мягкой — бесснежной и нехолодной.

В феврале появились крокусы, а сейчас бурно цветут нарциссы, примулы, обриета и форсайтия.

Профессор Уотсон держится молодцом и наслаждается простыми радостями жизни — солнцем, цветами, панорамными видами — и, к моему удовольствию, едой.

Я надеюсь, что Вы чувствуете себя лучше и всё более и более в состоянии работать. Настолько, чтобы книга продвигалась, а Вы мне написали в ближайшее время.

Передайте, пожалуйста, мои приветствия и добрые пожелания Вашей жене.

Горячий привет от профессора Уотсона и меня вам обоим.

Искренне Ваша
Кэтрин М. Уотсон

Перевела Мира Покорук

[1] В. Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 1, сцена 2. Перевод И. Мандельштама.

22 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

20 марта 1967 г.
17, Bedford St,
Hitchin, Herts

Der Ivan Antonovich,

You'll be pleased to hear that I am very fit again and enjoying it enormously. Spring is really here now — and we have had no snow all winter! My travel plans are very complicated. English people travelling abroad are restricted to £ 50 only, so to come to the Soviet Union as a tourist is out of the question for longer than a few days. So an invitation is the only answer. My wife has invited me to stay with her in Tbilisi but the invitation has not arrived through the official channels.

My holidays begin in two days, so it is too late anyway. In any case I have decided it would be much better to use the invitation in summer (when I have 6 weeks) than at Easter (when I have 2). Very complicated! Anyway, I'd be very glad if you could send on any books for me to my address in England, for the time being. I shall be in Tbilisi approximately from July 23rd — Sept 1st.

I've sent you Irving Wallace's "The 27th Wife" as well as Heinlein's "Glory Road". Also quite a number of *Continental Film Reviews*. Would you like that one every month? I can't find anything about "Aura" or "Devi" here as yet, but I am still trying. "The Prize" will be sent soon.

Recently in London I met Judith Merrill. She is going to Moscow in the Summer I believe. She met Julius Kagarlitsky here during the Wells celebrations. I don't know whom she'll see in Moscow — no doubt the Writers Union will know. I suggested she should see you if you were available — I hope you don't mind! By the way *The Snail on the Slope* reminds me very much of Jack Vance the American writer — is this coincidence?

My kindest regards to you both. I look forward to seeing you in the Summer.

Yours Ever,
Alan Myers

Бедфорд стрит, 17
Хитчин, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антонович!

Вам будет приятно узнать, что я вновь абсолютно здоров и наслаждаюсь жизнью. К нам уже по-настоящему пришла весна — к тому же у нас не было снега всю зиму! С моими планами о поездке всё очень сложно. Англичанам, которые едут за границу, разрешается провозить только 50 фунтов, поэтому если я и смогу приехать в Советский Союз как турист, то только на несколько дней. Поэтому остаётся только приехать по приглашению. Жена пригласила меня к себе в Тбилиси, но через официальные каналы приглашения я ещё не получил.

Мой отпуск начинается через два дня, поэтому всё равно уже поздно. В любом случае, я решил, что было бы лучше использовать приглашение летом (когда у меня отпуск 6 недель), чем на Пасху, когда он 2 недели. Всё очень сложно! Во всяком случае, я буду очень признателен, если Вы тем временем пришлете какие-нибудь книги на мой английский адрес. Я буду в Тбилиси примерно с 23 июля по 1 сентября.

Выслал вам «27 жену» Ирвинга Уоллеса, а также «Дорогу славы» Хайнлайна. Кроме того, я отослал несколько номеров журнала «Континентал филм

ревью». Может, мне посылать его вам каждый месяц? Я пока что не могу найти ничего об «Ауре» и «Devi», но всё ещё пытаюсь. «Приз» скоро отошлю.

Недавно в Лондоне я встретил Джудит Меррил. Кажется, она собирается летом в Москву. На торжествах в честь Уэллса она встретила Юлия Кагарлицкого. Не знаю, с кем она будет общаться в Москве, но, конечно, в Союзе писателей будет известно. Я посоветовал ей встретиться с вами, если вы сможете, — надеюсь, вы не против! Кстати, «Улитка на склоне» очень напоминает мне американского писателя Джека Вэнса — так совпало?

Большой привет вам обоим. Надеюсь увидеться летом.

Всегда Ваш
Алан Майерс

Перевела Лариса Михайлова

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
24 марта 1967 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

I received your letter yesterday and want to write at once that I am not quite so bad at writing as the mails would make me out. As I wrote to Peter a while back, I sent both of you letters during our "big snow" and when I found his did not get there I was suspicious that yours might not have done so also. Now I find this is the case. I am sorry. What happened was that Chicago had 24 inches of snow in about 12 hours, then added 5 more in the next few hours, and as a result was completely paralyzed. I was in Minnesota at the time, giving some lectures and was unable to get back for five days. I could have come by train, but transportation to my home out south of the city was blocked. Planes were not getting into Chicago at all. The problem was not only the amount of snow, but the fact that there were winds up to 80 miles an hour along with it and drifts went up to 20 feet or more in height. They just could not keep anything clear. 20 000 autos were abandoned on the expressway, and, believe it or not, even after they had been hauled away a week or so later, some of them never were claimed. I expect they were mostly the property of "the finance company" and in the usual attitude, it was let them pay the bill and to hell with it. Anyhow, once I was here I did write and apparently mails were still fouled up, for lots of letters never did get through.

So we did have some climate that stopped my correspondence, but not the chilly kind that is world wide, just good old Chicago snowstorms. Once the climate gets so that I can't do about what I want, I'll move. But actually, in spite of everything, it remains quite good,

I am sorry to hear of two things, one, especially, that your heart won't make the necessary repairs and the other that V.P. is going the way you describe. I do so wish that I could get over to see you, for we have had so many fine "get-togethers" that I would like many more. I just can't seem to justify a trip now and can't quite swing it on my own. Maybe I can before too long. It is hard to write light and encouraging words about your health, for these things do go on relentlessly and I only

can hope that one way or another there is a turnabout, for these things do happen too. At least, you have your charming wife to help out.

I don't know what gets into paleontologists that they want to abandon the field and go into the lab. I like the lab, and I like to know of my animals from a biological point of view, as you do. But once one loses touch with the wellsprings, the field and the materials, then he is on the down grade. One of our best paleontologists of this century, W. K. Gregory, suffered from this and his work has shown it. For all his greatness, H. F. Osborn made many errors after he gave up exploratory work and settled down to studies independent of field data. Romer and Simpson, on the other hand, have never abandoned the field. Romer, at 70, was out or is out, this spring and Simpson, for all his very bad health, still gets about when ever he can. So it is a shame to see a group going as you describe. We too have the grab for degrees, "union cards" and "publish or perish" approaches. We too tend to stress the biological, but nevertheless, for most of us the field is supreme, for that is why we are in the area of V.P. in the first place.

We do have some trouble financing field work, for younger men, but it is done and is continuing to be done.

We are exploring a broadening of Paleozoology here. Our Department of Geophysical Sciences is extremely physical and recently, with my aid and suggestions, three new young men have been appointed in Anatomy. Basically they are vertebrate paleontologists. So you can see a parallel. However, they want field work and they want to be able to train students without the overly restrictive curricular programs of Anatomy. So we have hope to enlarge Paleozoology to Evolutionary Biology, with me still as Chairman, and develop a broader training in this whole area. I think this will go through and, of course, it has some of the dangers you note. However, we have a very strong tie, through members on the Committee, with the Field Museum and with Geophysical Sciences (the Geol. part). So I am sure this can be molded properly. This is particularly true since the men coming in <u>want</u> to do field work and also we have a fund, now being set up, that will make available funds for field work up to about $30 000 a year.

It looks like my financing through the dear old National Science Foundation will be continued for another five years, which is good, although I can work on "peanuts" as we say, if necessary. Plans still are for attacks on the high Permian. Peter Vaughn, Sam Wells and I are going to go into the red beds that lie below the lower Permian and Triassic in Colorado and Utah this spring for a short trip to see what we can see. If this can be opened up we should really "go to town" for this is the greatest possibility in this continent.

I am still working in Oklahoma and some extremely interesting things are coming up, I have noted them briefly before, but a few might be of special interest. My little aquatic reptile, whatever it is, from the Wellington, gets more and more interesting. I am going back to try for a complete skull this spring, for I have hundreds of bones, but still can [not] put the crazy thing together.

Potentially most interesting is a tiny jaw, less than a cm. long from the Hennessey. This has all the ear marks of a "proto-phthinosuchid", large dentary, deep symphysis, etc. I think I have part of a badly smashed skull, but that is all. There is more material in this site, so I am going after this critter this spring. In addition there is a very small species of <u>Captorhinikos</u>, a beautiful small gymnarthrid, with long, sharp teeth, a small labyrinthodont, lung fish, and so on.

On top of all this we have fauna, which one of my students has been working on, from about the Arroyo level, which has a number of very strange animals. One,

although I hesitate to say it, looks for all the world like a lower Permian "Millerosaur" or "Milleretid". If so, this could really shake things up a bit.

Well, enough of that. Your various books did arrive and I am sorry you have not had my comments. I am now in a position to put together that essay which I got started on as the result of Davitashvili's book. I have done a lot of reading and the books that you sent me, by Semenov and by Dubinin, plus your own materials and ideas, and so on have finally begun to jell. So I will have some thing and will, if you would feel up to it, send a copy for your comments when it is done. The book by Dubinin, incidentally, was a tremendous help. I finally think I see what is meant by antidarwinism in the line of genetic research and how with less than full understanding of what has gone on since Davit. was able to come up with some of the things he did. Semenov' s book, as I noted before, I think, seems to me more or less typical of the "party line" of a school of anthropologists, which I hope will make sense to you.

Also your two books arrived and I want to thank you so much. My friend was extremely glad to get The Razor's Edge and I the other. My reading of your language still is not nearly what I would like, but it is better than it used to be, so I do get through things without too much trouble.

I have just finished a review for the Journal of Mammalogy of "Variability of Mammals" by Yablokov. It is interesting and has much in the way of data and some interpretations. I think it will receive considerable attention. I hope that "Taphonomy" is coming along as you note, but don't strain yourself on it. If you can complete it, I am sure that something can be done here.

Well, this is a very long letter and I hope you have not tried to get it all in one sitting. I will be leaving for Oklahoma next week. I will be teaching a three weeks, concentrated course in Evolution, Paleoecology and Quantitative Paleontology (whatever they may add up to) and be doing some field work on off days. Then I will be heading for the Colorado and Utah venture. After that I will be back in Chicago, at least off and on, since I never seem to stay still long, until mid August. After that I don't know.

The way it looks now I will spend the winter Quarter, Jan-March, in California, at U.C.L.A. (That is the University of California at Los Angeles) next year. They have asked me to come as visiting professor and it should be fun. This is not in any way permanent, but just a matter of getting away for a short time. Peter Vaughn is there and we should be able to get somewhere in our joint Permian effort.

So it goes, with never a dull moment. I do hope this finds you feeling reasonably well and that you will give my very best regards to your wife. Also, when you see Peter, say hello for me and tell him to get out into the field or I'll organize an expedition and come over and take him out where the truth begins.

To you also, my very best regards and hopes for your health,
As always, your deep friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Только вчера получил Ваше письмо и спешу ответить, чтобы доказать — я вовсе не такой уж плохой корреспондент, как может показаться. Как я писал Питеру некоторое время назад, письма к вам обоим были отправлены во время

«большого снегопада», и когда я узнал, что ему письмо не дошло, то подумал, что и Ваше задержалось. Теперь я точно знаю, что так и было. Жаль. Тогда в Чикаго выпало 24 дюйма снега за 12 часов, а за следующие несколько часов ещё пять дюймов, что привело к полному параличу на дорогах. Я был тогда в Миннесоте, где читал лекции, и не мог вернуться пятеро суток. Поездом я мог бы добраться до Чикаго, но дороги в южном направлении, где находится мой дом, были заблокированы. А самолёты вообще в Чикаго не летали. Дело было не только в количестве выпавшего снега, но в сильных порывах ветра до 80 миль в час, и наметённых сугробах до 20 футов высотой. Не успевали расчищать полосу. На скоростном шоссе было оставлено 20 тысяч автомобилей и, хотите верьте — хотите нет, даже когда их отбуксировали на стоянку через неделю, за некоторыми хозяева так и не вернулись. Полагаю, они были собственностью «финансовой компании», а в таких случаях люди предоставляют уже им и платить по выставленному счёту, и пропади эта машина пропадом. И вот, добравшись наконец тогда домой, я написал, но, по-видимому, почта ещё не успела наладиться, так как многие письма не дошли.

Непогода помешала переписке, но это не похолодание, следы которого отмечаются в мире, а старая добрая чикагская метель. Если же климат переменится настолько, что я не смогу делать то, что хочу, тогда я перееду. Пока же с климатом всё более-менее в порядке, несмотря на все нарекания.

Сожаления у меня вызывают две вещи: во-первых, и сильнее всего, что Ваше сердце отказывается восстанавливаться как следует, а во-вторых — что развитие палеонтологии позвоночных пошло тем путём, который Вы описали. Хотелось бы очень приехать к Вам в Москву, мы так замечательно собирались, и хорошо бы так собраться ещё много-много раз. Но пока не могу достаточно обосновать поездку, а своих средств не хватает. Но, возможно, и смогу сам приехать через некоторое время. Трудно просто словами подбадривать и желать здоровья, когда знаешь, что такие напасти развиваются неумолимо, и остаётся только надеяться, что каким-то образом настанет перелом к лучшему, ибо такое тоже бывает. По крайней мере, о Вас заботится Ваша чудесная жена.

Не знаю, что такое нашло на палеонтологов, которые меняют полевую работу на кабинетную. Мне нравится исследовать материал в лаборатории, чтобы лучше понимать происхождение моих животных с биологической точки зрения, как и Вам. Но стоит утратить связь с истоками, раскопками и добыванием материала, как начинается спад. Работа одного из лучших палеонтологов XX века У. К. Грегори — тому пример. Всё величие Г. Ф. Осборна не уберегло его от многих ошибок, когда он оставил полевую работу и переключился исключительно на кабинетные исследования. Вот Ромер и Симпсон, напротив, никогда не прекращали раскопок. Ромер в свои семьдесят и этой весной выезжал в экспедицию, и Симпсон, вопреки сильному нездоровью, также выбирается, когда в состоянии. Поэтому очень жаль, что целая группа исследователей ведёт себя так, как Вы описали. И у нас процветает карьеристский подход, типа «опубликоваться во что бы то ни стало». И у нас существует перекос в сторону биологии, но всё же для большинства превыше всего полевая работа, именно она привела нас в палеозоологию позвоночных.

Существуют трудности с финансированием экспедиций для молодых, но упорные исследователи всё же добиваются и будут это делать впредь.

Мы расширяем у себя отдел палеозоологии. Наш факультет геофизических наук преимущественно развивает физическую часть, но недавно с моей помощью и по моему совету приняли троих молодых сотрудников на кафедру анатомии. Они специализируются на палеонтологии позвоночных. Можно заметить некоторую параллель с вашей ситуацией. Однако им нравится экспедиционная работа и им хотелось бы готовить студентов по более широкой программе, вне строгих рамок программ обучения по анатомии. Поэтому мы надеемся расширить наш Комитет по палеозоологии до эволюционной биологии, со мной по-прежнему в качестве председателя, и развить более широкую программу в данной области. Надеюсь, это получится, хотя, конечно, отмеченные Вами опасности нельзя отмести. Нам помогут крепкие связи членов Комитета с Музеем Филда[1] и с геологами факультета геофизических наук. Поэтому я убеждён, что нам удастся повернуть всё в нужную сторону. Убеждён оттого, что новые сотрудники желают работать в поле, а также потому, что мы учреждаем особый экспедиционный фонд около 30 000 долларов в год.

Похоже, старина Национальный научный фонд продлил мне финансирование ещё на пять лет, что, прямо скажем, замечательно, хотя я мог бы работать и впроголодь, если бы на то пошло — «за земляные орешки», как у нас говорят. Планы прежние — вести наступление на верхнюю пермь. Мы с Питером Воном и Сэмом Уэллсом собираемся этой весной ненадолго вгрызться для разведки в красноцветные слои под нижней пермью и триасом в Колорадо и Юте. Если получится, то мы уж разгуляемся по-настоящему, потому что на нашем континенте это самое вероятное [для находок] место.

Я не прекращаю работ в Оклахоме, и проявляются некоторые крайне интересные вещи: о части из них я уже упоминал, но кое-что особо интересно. Моя небольшая водная рептилия из формации Веллингтон, кем бы она ни являлась, обнаруживает всё более любопытные черты. Весной хочу снова туда отправиться и поискать целый череп, потому что у меня множество костей, но я никак не могу составить этот «выверт природы» воедино.

Потенциально наиболее интересна миниатюрная нижняя челюсть, меньше сантиметра в длину, из формации Хеннесси. Она обладает всеми характерными признаками «протофтинозухида»[2] — крупная зубная кость, глубокий симфиз и т. д. Думаю, мне досталась часть сильно разбитого черепа, но только одна. Надеюсь, на том местонахождении есть ещё материал, поэтому я собираюсь всё же весной отыскать эту зверюшку. Кроме того, есть очень мелкая разновидность Captorhinikos, прекрасный экземпляр гимнартрида с длинными острыми зубами, небольшой лабиринтодонт, двоякодышащая рыба и др.

Кроме всего этого один из моих студентов работает над фауной, обнаруженной примерно на уровне формации Арройо, где выявилось несколько очень странных животных. Одно, хотя я и испытываю некоторые колебания, всё же

---

[1] Музей Филда — Музей естественной истории в Чикаго, чья палеонтологическая коллекция всегда была представительной.

[2] В 1970 году Олсон публикует статью о нижнепермской фауне из Оклахомы, в том числе и из формации Hennessey. В статье описывается маленькая (около 1 см) нижняя челюсть эволюционно продвинутого сфенакодонтного пеликозавра. Этот пеликозавр найден в слоях, почти непосредственно подстилающих слои с находками прото-терапсид. Ефремов (1954) считал фтинозухид близкими к сфенакодонтным пеликозаврам.

по всем признакам выглядит как нижнепермский «миллерозавр» или «миллеретид». Если так — это действительно может произвести некоторый фурор.

Ну, хватит об этом. Посланные Вами разнообразные книги прибыли, а я ещё никак на это не отреагировал, простите. Теперь я уже могу довершить эссе, начать которое меня подтолкнула книга Давиташвили. Я много прочёл по вопросу, а присланные Вами книги Семёнова и Дубинина вкупе с Вашими материалами и идеями наконец помогли мыслям обрести форму. То есть завершение уже близко, и я, если позволите, пошлю скоро Вам материал для замечаний. Кстати, книга Дубинина[1] очень помогла. Наконец я понял, что имеется в виду под антидарвинизмом в генетических исследованиях и как Давиташвили смог прийти к своим выводам, хотя дальнейшее развитие понятно в меньшей степени. Книга же Семёнова представляется, как я отмечал ранее, более-менее типичной для «линии партии» школы антропологов; надеюсь — понятно, о чём я.

Обе Ваши книги тоже пришли, огромное спасибо. Знакомая благодарит за «Лезвие бритвы», а я — за вторую. Мои навыки чтения по-русски ещё близко не достигли того уровня, к которому я стремлюсь, но они окрепли, поэтому я читаю без особого труда.

Только что закончил рецензию на «Изменчивость млекопитающих» Яблокова[2] для «Джорнал ов маммалоджи». Интересный подход и большое количество данных. Думаю, монография привлечёт значительное внимание. Надеюсь, что продвижение с переводом «Тафономии» есть, но не перенапрягайтесь. Если удастся завершить — уверен, мы сможем тут что-то предпринять.

Что ж, письмо вышло очень длинным, надеюсь, вы не решили освоить его за один присест. На следующей неделе я уезжаю в Оклахому. Три недели я там буду преподавать коплексный курс «Эволюция, палеоэкология и численные методы в палеонтологии» (то, что должно выйти от подобного сложения), а по выходным вести полевую работу. После чего направлюсь в экспедицию в Колорадо и Юту. По её завершении вернусь в Чикаго, но долго там, конечно, не усижу, буду до середины августа наездами. После этого определённых планов ещё нет.

Ясно только, что, скорее всего, зимнюю четверть, с января по март следующего года, я проведу в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Я буду читать у них лекции в качестве приглашённого профессора, должно быть интересно. Это не постоянная работа, просто шанс переменить обстановку на время. Там работает Питер Вон, и есть надежда, что нам удастся продвинуться с нашим совместным проектом по перми.

Вот так жизнь и катится, скучать не даёт. Надеюсь, что письмо найдёт Вас в неплохом самочувствии и что Вы передадите мои наилучшие пожелания Вашей жене. А когда увидите Питера — передайте ему привет и велите отправляться в поле, не то я сам организую экспедицию и силком вывезу его к источнику истины.

А Вам сильнее всего желаю укрепления здоровья,
как всегда, Ваш верный друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] Возможно, речь идёт о книге: Дубинин Н.П. Эволюция популяций и радиация. — М.: Атомиздат, 1966. 743 с.

[2] Яблоков А. В. Изменчивость млекопитающих. — М., 1966.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ 24

Санаторий «Десна»
28 марта 1967 г.

Многоуважаемая Аделаида Александровна!
(Простите, если напутал с именем-отчеством.
Записная книжка осталась в Москве.)

Меня не надо ни за что благодарить. Я уверен, что в жизни Вашей Гали встретится ещё немало людей, которые ей помогут. Это Вас надо благодарить за талантливую дочь. Я очень хорошо понимаю Ваше беспокойство за Галю, но, действительно, здесь нельзя ничего сделать. Это начало её собственной жизни, и то, что у неё получится, будет зависеть не только от её таланта, но и от здоровья, выносливости и подчас просто удачи. Во всяком случае, если у неё достаточно крепок щит мечты и броня фантазии, то даже крупные неудачи не должны сломить её, и она своего добьется. Что же такое это своё? Мне кажется, что это вовсе не обязательно материальный успех, а максимально возможная свобода творчества, пусть даже ценой существования в некоторой тени. Настоящее творчество при настоящем таланте почти всегда дает свои плоды. Однако следует помнить, что путь искусства, особенно в наше время и у нас, чрезвычайно труден, а потому не надо пугаться первых неудач. Передайте, пожалуйста, Гале от Таисы Иосифовны и меня самые добрые пожелания и примите их сами. Моё здоровье, к сожалению, и в этом году ещё неважное. Видимо, надо ещё долго лечиться после опасной болезни прошлого года.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 25

29 марта 1967 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr. Efremov:

I had already sent the copy of my book before your postcard arrived. Do give it to any person or institution that will find it useful.

Sincerely,
Alfred Sherwood Romer
Alexander Agassiz Professor of Zoology, Emeritus

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой доктор Ефремов!

Я отправил экземпляр своей книги прежде, чем пришла Ваша открытка. Передайте её тому человеку или институту, которому сочтёте нужным.

Альфред Шервуд Ромер
Заслуженный Агассисовский профессор зоологии

Перевела Марина Степанова

26 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

31 марта 1967 г.

3 Las Palomas
Orinda, California 94563

Dear Professor Efremov,

Thank you for your letter, and for your books, which I have been reading with much enjoyment. Your stories have the sense of wonder about them which is sadly lacking in so much current American science and adventure fiction.

Since you say you are especially interested in medieval romance, I am sending you herewith some pictures from the latest tournament that was held here last week. Unfortunately, it was a gloomy day, making it hard to get color photographs properly in focus. But these may give you some of the flavor, at least. Costumes and "weapons" are all homemade, but quite colorful. The knight in the basinet, red tabard, and yellow shirt, with the cross and suns on a blue shield, is myself; the young lady in the red dress, in one picture, is my daughter Astrid. I did not do too badly, considering that everyone else who joined the combats was younger; I managed to win a few more battles than I lost, and not get badly bruised!

Separately I have also sent you a couple of books. I was not able to find Carlos Puentes' "Aura", which you asked for. It does not appear to exist in English; at least, it is out of print. I can get you his "The Death of Artemio Cruz" if you wish. — I hesitated about sending you Burroughs' "Naked Lunch". It is one of the most horrible books I have ever read, a surrealistic portrayal of drug addiction and degeneracy. However, it does have a serious moral purpose, and I understand from your biography that you have seen a great deal of the world, so I finally decided to send it anyway.

I ask only that you remember this does not deal with any important part of American society.

To balance that one, I am sending also a book by a friend of mine. It is published on an amateur, non-profit basis, but it is a perfectly serious, reliable history of the leading American science fiction magazine, formerly called Astounding, now Analog. It may interest you to see what was going on in science fiction over here, during the past thirty years or so.

There is little else to relate. For the most part, we are living quietly these days. I am working on the background to a new story which should provide a Bonestell picture and will possibly become a novel. The idea is this: As you know, it is now quite respectable to suppose that there may be many loose planets in the universe, that is, bodies of planetary size which are not in orbit about any star. Presumably, if such a planet is large enough, it has emitted water and gases from its interior — which then froze in the cold of interstellar space. If such a planet should happen to pass near a giant star, this ice would melt and boil; and that should make a very spectacular picture! But I am having a little trouble with the exact mathematical relationships: for example, how long the planet would be reasonably near the star before it receded again. In this connection, a very helpful book is one by your I. S. Shklovskii, published in English with additions by Carl Sagan under the title "Intelligent Life in the Universe".

The Russian title (in Roman letters) is "Vsel'ennaia, Zhizn, Rasum", and you undoubtedly know it.

By the way, you misunderstood me slightly. Although we dress up more or less in 14th century style for these tournaments, it is very far from being my favorite

era. In fact, it was just about as bad in Western as in Eastern Europe, The earlier medieval period, say from about 1000—1250, was less refined, and brutal in many ways, but had far more freedom.

And, in fact, I need hardly tell you that Kievan Russia of the time was quite highly civilized, I have made somewhat of a study of that milieu, in fact. What I hope to do eventually is to write a biographical novel about King Harald III of Norway. He died in 1066, attempting to conquer England just about one month before William of Normandy landed; and by killing off so many of Harold Godwinsson's trained cadre, the Housecarles, he may have been indirectly responsible for the Norman victory. However, before this he had had a fantastically adventurous career, which took him as far as Constantinople and Jerusalem.

Inevitably, I have had to study Russia of the time, since Harald was a close friend of Jaroslav the Great and, in fact, married a daughter of has. There is also some reason to believe that, after the schism between Catholic and Orthodox Churches, Harald favored the Orthodox. It is certain, at any rate, that he defied the Pope on the question of investiture of bishops. Had he lived, he might have succeeded where the Emperor Henry was later to fail, in asserting the supremacy of the state over the Church. The possible consequences of this are very interesting.

What also intrigues me about him is the role he apparently tried to play, once he had returned to Norway and claimed the kingship. He has gone down in the chronicles as a tyrant; but he did many progressive things, such as founding the town of Oslo and shipping wheat to Iceland when there was a crop failure there. And certainly he commanded the loyalty of many men, especially the younger ones. So I think that what he was trying to do was create, in Norway, an up-to-date centralized monarchy on the Byzantine pattern, under considerable Russian influence. He did not succeed; his son reigned quietly, but under his grandson the old Viking anarchism broke loose again and wrecked the kingdom. However, the clash between old and new ideas is quite fascinating.

It is curious that these two cultures should have been contemporary: the brilliant Kievan one, and the raw but promising Scandinavian one; and that they should both have been obliterated at about the same time, one by the consequences of the Mongol invasion, the other by absorption into Western Christendom. (Of course, the Scandinavians had been Christianized earlier, but as Harald's example shows, this was rather superficial until about 1300.) What fragments we have left from them suggest that the world might be better off today if they had prevailed.

However, this is mere romantic speculation. I only wished to show that my historical interests are actually much like yours.

Now I must close, with best wishes to your entire family.

Sincerely,
Poul Anderson

Лас Паломас, 3,
Оринда, Калифорния

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю Вас за Ваше письмо и те книги, которые Вы мне прислали — я прочитал их с огромным удовольствием. Ваши рассказы наполнены удивлением, атмосферой чуда, которой, к сожалению, недостает в большинстве современной американской научной фантастики и приключенческой литературы.

Поскольку Вас интересует средневековая романтика, я посылаю Вам несколько снимков, сделанных во время последнего рыцарского турнира, состоявшегося у нас на прошлой неделе. К сожалению, пасмурная погода, которая стояла в этот день, не способствовала контрастности на цветных фотографиях. Но они хоть чуть-чуть могут помочь Вам ощутить аромат Средневековья. Все костюмы и оружие выглядят весьма колоритно, хотя и сделаны своими руками. На этих фото рыцарь в стальном шлеме, красном плаще и жёлтой рубахе, с изображением креста и солнца на голубом щите — это я; юная дама в красном платье — моя дочь Астрид. Я сражался не так уж плохо, учитывая тот факт, что все остальные участники турнира были младше меня; я умудрился выиграть больше битв, чем проиграл, и при этом не получить ни одной серьёзной травмы.

Отдельно от письма я посылаю Вам сегодня ещё и книги. Я не смог найти книги Карлоса Фуэнтеса «Аура», о которой Вы просили. По-видимому, её не существует в переводе на английский, по крайней мере, в списках она не значится. Я мог бы предложить Вам его книгу под названием «Смерть Артемио Круса» — если хотите. Я испытывал некоторые сомнения относительно того, стоит ли посылать книгу «Голый завтрак» У. Берроуза. Это одна из самых ужасных книг, какие я когда-либо читал — сюрреалистическое описание жизни наркоманов и дегенератов. У неё, однако, есть важная нравственная цель, и так как из Вашей биографии я понял, что Вы знакомы с самыми различными сторонами жизни, я всё-таки решил её послать. Только прошу Вас учесть, что эти сюжеты не являются чем-то характерным для жизни Америки.

В противовес я также посылаю книгу, написанную моим другом. Это любительское, некоммерческое издание, но, тем не менее, в нём содержится серьёзное исследование истории американского фантастического журнала под названием «Analog», в прошлом — «Astounding Science Fiction». Вам, может быть, интересно будет узнать, что происходило в мире нашей научной фантастики в течение последних тридцати лет.

Помимо этого, у меня не так много новостей. Жизнь наша в основном протекает тихо и спокойно (в последнее время). Я работаю над рассказом, который мог бы стать основой для сценария фильма, и который, скорее всего, перерастет в роман. Идея его заключается в следующем: как Вам известно, сейчас считается весьма вероятным существование во Вселенной «свободных» планет, т. е. небесных тел, орбита которых не является замкнутой вокруг какой-либо звезды. Если эта планета достаточно велика, то можно предположить, что в определенный момент прошлого некоторое количество воды и газа было выброшено из её недр на поверхность. Затем всё это замерзло в холоде межзвёздного пространства. Если такая планета пройдёт достаточно близко от звезды-гиганта, то лёд начнет таять и испаряться. Это было бы невероятное зрелище!

Но я испытываю некоторые трудности с определением точных математических соотношений, характерных для подобной ситуации: например, в течение какого времени планета может находиться на достаточно близком расстоянии от звезды (прежде чем она опять начнёт от него удаляться). В этой связи весьма полезной является книга И. С. Шкловского, опубликованная на английском языке с комментариями Карла Сагана, под названием «Разумная жизнь во Вселенной». Русское название, конечно же, Вам известно, — «Вселенная, жизнь, разум».

Кстати, Вы немного неправильно меня поняли: хотя мы и одеваемся приблизительно в стиле XIV века для своих турниров, это далеко не самая моя

любимая эпоха. На самом деле, это время было одинаково плохим как для Восточной, так и для Западной Европы. Более ранний период, скажем, приблизительно с 1000 по 1250 год, был не таким утончённым и во многом более жестоким, но в это время было больше свободы.

И, конечно же, не мне Вам говорить о том, каким высокоцивилизованным государством была в этот период Киевская Русь. На самом деле, я провел нечто вроде исследования этой эпохи. В конечном счёте, я намереваюсь написать биографический роман о короле норвежском Харальде III. Он погиб в 1066 году во время попытки захватить Англию, всего за месяц до вторжения войск Вильгельма Завоевателя; и его атака, уничтожившая такое большое количество лучших войск Харольда Годвинссона, возможно, явилась одной из причин победы норманнов. А перед этим у него была невероятная жизнь, полная приключений, в ходе которых он побывал в Иерусалиме и Константинополе.

Естественно, мне пришлось изучать российскую историю этого периода — поскольку Харальд был близким другом Ярослава Мудрого и, более того, был женат на одной из его дочерей. Есть также некоторое основание предполагать, что после раскола христианской церкви на католическую и православную Харальд сочувствовал православным. В любом случае, ясно, что он отрицал авторитет Папы Римского в вопросе назначения епископов. Останься он в живых, — то, возможно, преуспел бы в том, в чём император Генрих позже потерпел неудачу: в утверждении превосходства государственной власти над церковной. Возможные последствия этого были бы очень интересными.

Меня также интересует та роль, которую он пытался играть после своего возвращения туда и принятия норвежской короны. Он вошёл в историю как тиран, но с его именем связано множество прогрессивных начинаний: например, основание города Осло и поставки зерна в Исландию в то время, когда там был неурожай. И, безусловно, он имел множество преданных сторонников, особенно среди молодого поколения. Я думаю, что, будучи под сильным русским влиянием, он пытался установить в Норвегии централизованную монархию византийского типа. Его попытка не увенчалась успехом, его сын ещё спокойно правил страной, но при правлении его внука анархизм викингов снова взял верх и разрушил монархическое устройство Норвегии. Однако сам этот конфликт между новыми и старыми идеями весьма занимателен.

Странно, что эти две культуры существовали в одно и то же время: яркая культура Киевской Руси и молодая, но подающая надежды культура Скандинавии; и что исчезли они также почти одновременно: одна в результате монгольского нашествия, другая за счёт объединения с западным христианским миром. (Конечно, скандинавы, были крещены раньше, но как показывает случай Харальда, это было довольно-таки поверхностно примерно до 1300 года.) По сохранившимся фрагментам культуры Киевской Руси и Скандинавии мы можем предположить, что мир мог бы быть лучше, если бы эти культуры возобладали.

Впрочем, это просто романтическая гипотеза. (Я только хотел показать, что наши интересы в истории сходны.) На этом я заканчиваю письмо, с наилучшими пожеланиями всей вашей семье.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

27 Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
3 апреля 1967 г.

Pr. Ivan EFREMOV
Académie des Scienses
MOSCOU
U. R. S. S.

Monsieur le Professeur,

Préparant une thèse de 3e cycle en Sorbonne sur Aldous Huxley, intitulée exactement: "Les Sources Scientifiques et Philosophiques du Roman Huxleyen", j'ai été surprise des conclusions de la critique littéraire à son égard.

Je voudrais aujourd'hui vérifier l'hypothèse qu'Aldous Huxley est plus aimé et souvent mieux compris des scientifiques que des littéraires, et c'est la raison pour laquelle je me permets de vous soumettre le questionnaire ci-joint. J'avais en effet parlé de ce projet à Monsieur Jacques Bergier que j'ai la chance de connaître depuis quelques années et il a eu la gentillesse de me donner votre nom.

En espérant que vous voudrez bien excuser la liberté que j'ai prise en vous écrivant, je vous prie de croire, Monsieur le Professeur, à l'expression de mes sentiments les plus respectueux.

Brigitte André

48 av. de la Bourdonnais
PARIS VII°

СССР
Москва,
Академия наук
Профессору Ивану ЕФРЕМОВУ

Господин профессор!

Работая в Сорбонне над первой диссертацией[1] об Олдосе Хаксли под заглавием «Научные и философские источники хакслианского романа», я была удивлена выводами литературных критиков по этой теме.

Теперь мне хотелось бы проверить гипотезу о том, что Олдоса Хаксли больше любят и зачастую лучше понимают учёные-естествоиспытатели, нежели словесники, и по этой причине я беру на себя смелость представить Вам прилагаемый вопросник. Я советовалась на этот счёт с господином Жаком Бержье, которого имею честь знать уже несколько лет, и он любезно сообщил мне о Вас.

В надежде, что Вы соблаговолите извинить мне вольность, которую я себе позволила — обратиться к Вам с письмом, прошу Вас, господин профессор, принять уверения в моём самом высоком уважении.

Брижит Андрэ

ПАРИЖ,
VII округ,
авеню дэ ля Бурдоннэ, д. 48

Перевёл Андрей Яковлев

---

[1] «Первая диссертация» примерно соответствует нашей кандидатской.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 28

Сан[аторий] «Десна»
4 апреля 1967 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пробыли мы с Тасей в санатории две недели без особого успеха. И санаторий не тот (несмотря на невиданные удобства) — это скорее дом отдыха, и погода просто отвратительная — снег, туман, холод.

Чувствую себя едва ли не хуже, чем в Москве, очевидно, из-за погоды. Путёвки, которые кончаются 11-го, удаётся продлить, но насколько — ещё нет ответа. Очевидно, не больше чем дней на 10—12, так что в Москве будем числа 23-го во всяком случае, а весьма возможно и раньше. Разумеется, известим Вас заранее по телефону. Мой здесь адрес: Моск[овская] обл[асть], Ленинский район, п/о Десна-1, сан[аторий] «Десна».

Понемногу пишу «Долгую зарю», которую даже вознамерился переименовать. Увидимся — расскажу.

Как Ваши дела, дорогой? Как Наталия Алексеевна? Удалось ли её подлечить, или погода тоже Вас не балует?

Сердечный привет всем Вашим, Тасенька Вас целует, я — обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Как дела у Шерстобитова? Я получил опять приглашение в Триест на н/ф фестиваль и опять не могу ехать — по здоровью на сей раз.

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 29

9 апреля 1967 г.[1]
17 Bedford St.
Hitchin, Herts.

Dear Ivan Antonich,

Thank you for your postcard, I do hope your health continues to improve. I expect you'll have got back to Moscow by the time you get this — итак, с приездом!

I myself am very fit and well. I've been on holiday in the north. The scenery reminds me of Mars, absolutely desolate for miles, only reddish plants. That's in the hills, of course. It was rather cold (I was ridinga motor cycle). And there was even some snow! Almost no snow has fallen in England this winter.

I have sent "Glory Road" and "The 27th Wife". "Aura" and "Devi", however, I find very difficult to track down. I don't know if they've been published in England or not.

Letchworth is only 2 miles down from Hitchin. I work in Letchworth and live in Hitchin, so if you've sent things to this address that's all right.

For reasons connected with the economic state of England, I haven't been able to visit the USSR this spring. I should be there in the summer however and very much look forward to seeing you both.

Do you want "Continental" regularly?

Best wishes from *Alan Myers*

[1] Год установлен предположительно, в оригинале указаны только число и месяц.

Бердфорд стрит, 17
Хитчин, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Спасибо за открытку, надеюсь, ваше здоровье и продолжает поправляться. Должно быть, вы уже теперь вернулись в Москву — итак с приездом[1]!

Сам я бодр и в полном порядке. На праздники я ездил на север. Местность там совершенно марсианская, пустоши, заросшие красноватыми растениями, тянутся многие мили. Это, конечно, среди холмов. Было довольно холодно (я ехал на мотоцикле). И местами даже лежал снег! А в Англии этой зимой снега вообще не было.

Я отправил вам «Дорогу славы»[2] и «27-ю жену»[3]. Но «Ауру» и «Деви» оказалось нелегко отыскать. Не знаю даже, публиковались ли они в Англии.

Лечворт всего в двух милях от Хитчина. Я работаю в Лечворте, а живу в Хитчине. Если вы послали что-то по данному адресу — то всё правильно.

По причинам, связанным с нынешним экономическим состоянием Англии, мне не удалось приехать в СССР этой весной. Но летом всё ж должен добраться и с нетерпением жду встречи с вами обоими.

Хотите ли вы получать «Континентал» регулярно?

Наилучшие пожелания от
Алана Майерса

Перевела Лариса Михайлова

30 И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Неаполь
14 апреля 1967 г.

Дорогой Иван Антонович,

скоро Вам напишу — и о «знаменитой» книге (которая ещё не дошла из Англии).

Шлю пока открытки. Журналы о фильме не интересны. В них мало репродукций.

Целую ручку Таисе Осиповне. Вам сердечный привет.

Любящий Вас
Л. Пачини

Спасибо большое за «Ни дня без строчки»[4] — ценная для меня книга! И потому Вам чрезвычайно благодарен.

Сердечный привет.
Ида

---

[1] «Итак с приездом» в письме написано по-русски.
[2] Книга Ирвинга Уоллеса.
[3] Книга Роберта Хайнлайна.
[4] Книга Ю. К. Олеши «Ни дня без строчки».

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 31

Санаторий «Десна»
17 апреля 1967 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Душевное спасибо за «Страну Гонгури»[1]. Разницу не откажите в любезности оставить у себя — на случай какой книжки или копирования. Кстати, опять вышла «Вахта Арамиса» — второй сборник н[аучной] ф[антастики] Лениздата — м[ожет] б[ыть], при случае купите и мне 1 экз[емпляр], не более.

О Журавском[2] я Вам тоже писал — на Ольгинскую, что мне обещали самоё книгу и одну из трилогии достали, «На Луне». Подождём, — если не достанут ещё, тогда попрошу мне прислать или перекопировать — «Страну Гонгури» сделали очень хорошо, по-моему.

Не помню, давал ли я Вам читать копию «Живого Металла»[3] из «Мира приключений» 1928? Или читали прежде?

Ещё раз большое спасибо. Здоровья Вам и всего лучшего.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Возвращаюсь в город на время — до середины мая.

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 32

24 апреля 1967 г.

Дорогой Иван Антоныч,

I've had an offer from Doubleday of New York to translate "Улитка" and another novel of the Strugatskys (my choice). What would they think of that? And what about royalties? Doubleday wish to pay them, but will leave the division to me and the authors. I persuaded them that the Strugatskys and Larionova and some others really deserved a wider audience!

Do let me know what you think as I greatly value your advice.

Yours Ever, *Alan Myers*

P. S. Sent two Haggards today!

Дорогой Иван Антоныч!

Я получил от [издательства] «Даблдей» предложение на перевод «Улитки» и ещё одного романа Стругацких по моему усмотрению. Что вы думаете по этому поводу? И как насчёт гонорара за проданные экземпляры? «Даблдей» согласно платить, но возлагает решение на меня о пропорциях мне и авторам. Мне удалось их убедить, что Стругацкие и Ларионова[4] заслуживают более широкой аудитории!

Сообщите мне своё мнение, поскольку я высоко ценю ваши советы.

Всегда Ваш *Алан Майерс*

P. S. Сегодня выслал две книги Хаггарда!

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] Научно-фантастический роман советского писателя В. А. Итина.
[2] Имеется в виду Е. Жулавский.
[3] Повесть американского писателя А. Мерритта.
[4] Роман О. Н. Ларионовой «Леопард с вершины Килиманджаро» (1965).

33 И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ЕФРЕМОВУ[1]

Москва
7 мая 1967 г.

Милый сынище!

Забыл тебе вложить вырезку обо мне и послать немного марок. Делаю это сейчас. Послезавтра уезжаем в «Узкое» на месяц. Собирь оттуда тебе напишет.

Вчера ездили к Ольге с Алексеем Федор[овичем] и заказали тебе полки. Будет стоить 150 р[ублей]. Шкаф решили не резать, а оставить — дорого, только выскоблить, а заодно соскрести и секретер, сделав всё под цвет один — светлого бука.

Много не пишу — не разберёшь. Целую тебя крепко, и Собирь тоже. Будь здоров, пиши, наверное, у вас там адская жара. У нас в Москве полоса ранней жары — 29° в начале мая!

Твой отец

34 И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ[2]

Москва
8 мая 1967 г.

Многоуважаемая Зоя Ивановна!

Спасибо Вам за хорошее письмо. Собственно, дело не в том, что письмо хорошее, а что Вы — хорошая. Но я это давно знаю.

Простите, что отвечаю на открытке — надо бы письмом, но Вы и так половину не разберёте из-за почерка, а мне сейчас запрещено писать на машинке — последний год очень плохо с сердцем. А я уже привык к машинке и рукой пишу медленнее — это задерживает работу над новой вещью, потому что только жена может перевести мои иероглифы на машинку.

Ваше письмо ещё раз подтвердило то, над чем сейчас тружусь, — мысли о великом могуществе человеческой души. Помните Гумилёвские «Ворота Рая», из коих взял бы эпиграф к «Лезвию бритвы» (если бы напечатали!):

«Это дверь в стене, давно заброшенной. Камни, мох, и больше ничего. Возле входа нищий, словно гость непрошенный, и ключи у пояса его»[3].

Всего Вам светлого.

С искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] Открытка с изображением дуба в грозу.

[2] Почтовая открытка с репродукцией картины З. Е. Серебряковой.

[3] И. А Ефремов цитирует стихотворение Н. С. Гумилёва «Ворота Рая» из сборника «Жемчуга»:

Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох и больше ничего,
Возле — нищий, словно гость непрошенный,
И ключи у пояса его.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. ЖАЛЕЙКО[1] 35

Москва
8 мая 1967 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Сердечное спасибо Вам за доброе письмо и поздравленье Вам и Вашей семье.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 36

Москва
8 мая 1967 г.

Дорогой Павел Стефанович!

Душевное спасибо за поздравления, память и добрые чувства.

Ещё одна благодарность — за книгу[2]. Я люблю такие, и она интересна, а совпадение с историей Амундсена и Скотта — удивительно.

Сердечный привет от Таисии Иосифовны и меня.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Не знаете ли, как здоровье Николая Константиновича Разумовского? Я уже давно от него не имел вестей.

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[3] 37

Москва
9 мая 1967 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Премного благодарен за поздравление, память и посланное доброе чувство.

Искренне Ваш
И. Ефремов

---

[1] Почтовая открытка.

[2] Маккензи Д. «Хиллари против Фукса». — Л.: Гидрометеоиздат, 1967 г. 192 с. К этой книге П. С. Воронов написал предисловие. — *Примечание Н. Д. Воронова.*

[3] Почтовая открытка: Эстонская ССР. Сайя кяйк (Булочный проезд) в Таллине.

38 И. А. ЕФРЕМОВ — БАРЫШЕВОЙ[1]

Москва
9 мая 1967 г.

Управляющей аптекой ЦАНИИ[2]

Глубокоуважаемая товарищ Барышева!

Не откажите в любезности посодействовать мне в получении импортной кокарбоксилазы, курс которой мне настоятельно советуют, даже требуют провести лечащие меня врачи Академии наук.

Я поправляюсь после тяжёлого приступа сердечной астмы с отёком обоих лёгких, едва не отправившего меня на тот свет. Вдобавок, все эти беды осложнены мерцательной аритмией, блокадой левой ножки пучка Гиса и коронарной недостаточностью, не помню уж, второй или третьей степени. Как видите, набор серьёзный, и, может быть, курс кокарбоксилазы вернёт мне хоть часть прежней работоспособности.

Я — ростом 185 см и весом 110 кг — отсюда требование врачей делать инъекции по 150 мг за один раз, поэтому и рецепт выписан на 30 коробок — месячный курс.

Буду очень признателен, если можно будет снабдить меня этим лекарством — по-видимому, оно действительно очень нужно.

С искренним уважением,
И. Ефремов

39 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
9 мая 1967 г.

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GEOLOGY

Dear Professor Efremov:

Congratulations on your 60th Birthday! We read about it here in your newspaper, "Pravda". I think the reporter did not do justice to your achievements... not once, for example, did he mention your contributions to geology. I wish you many more years, especially that they may be happy ones.

Received your card, and Gorbovsky's "Zagadki...", an interesting little book. I mailed you two more packages, mostly catalogues and incidental trivia. Also ordered a very interesting book for you, Albritton, C.C., Jr. (ed.), 1963, "The Fabric of Geology", will mail it as soon as I get it.

Would like to know what you think of the peneplanation concept. I am an ardent sceptic of it, especially when applied to the Appalachian Mountains. If there is anything printed on this subject (not necessarily on Appalachians per se), would you please send me a copy.

---

[1] По свидетельству Э. В. Зайцевой, письмо написано по совету Ю. Н. Зайцева. Он же лично отнёс это письмо Барышевой и получил для И. А. Ефремова кокарбоксилазу.

[2] Центральный аптечный научно-исследовательский институт. Ныне НИИ фармации.

Alexander is a healthy boy. He is now 13 months old, but still does not walk. This does not mean that he is inactive! We are very proud of him, and he makes our lives just a little bit more worthwhile. He was photographed recently. Will send you pictures soon.

This summer I will attend a special 2-week course on Remote Sensing of Environments, at the Univ. of Michigan. The 2nd half of the summer I will teach Historical Geology. All "free" time will be spent on my own work in West Virginia.

Once more, Happy Birthday!..

С Днём Рождения!..

With respects,
G. Rabchevsky

P. S. We are experiencing here unseasonably cold weather. For several years now I have observed this cooling trend.

Университет Джорджа Вашингтона
Факультет геологии

Дорогой профессор Ефремов!

Поздравляем с шестидесятилетием! Мы прочитали об этом в вашей газете «Правда». Думаю, однако, журналист отразил Ваши достижения далеко не полностью... например, он даже не упомянул о Вашем вкладе в геологию. Желаю Вам долгих-долгих лет жизни, и чтобы все они были счастливыми.

Получили вашу открытку и «Загадки...»[1] Горбовского — любопытная книжица. Я отправил Вам ещё две бандероли, в основном с каталогами и всякой всячиной. Ещё я заказал для Вас очень интересное издание, которое отправлю сразу, как оно мне поступит — «Существо геологии» (1963) под редакцией К. Албриттона, мл.[2]

Хотелось бы узнать, как вы относитесь к концепции пенепланизации[3]. Я весьма скептически настроен по отношению к ней, особенно применимо к Аппалачам. Если Вам известны какие-либо публикации на этот счёт (не обязательно по Аппалачам как таковым), не могли бы Вы выслать их мне.

Александр растёт здоровым мальчиком. Ему теперь 13 месяцев, но он пока не пошёл сам. Это не означает, однако, что он сидит на одном месте! Мы очень гордимся им, его существование делает нашу жизнь более значимой. Его недавно сфотографировали. Скоро пошлём его фото Вам.

Этим летом я собираюсь прослушать двухнедельный курс по дистанционному измерению окружающей среды в Мичиганском университете. Вторую половину лета я буду преподавать курс исторической геологии. Всё «свободное» время я буду посвящать своим изысканиям в Западной Вирджинии.

Ещё раз,

С Днём Рождения!..[4]

С уважением,
Дж. Рабчевский

---

[1] Горбовский А. А. Загадки древнейшей истории. 1966.

[2] Albritton, C. C., Jr. (ed.), 1963, «The Fabric of Geology» — книга под редакцией Клода Албриттона, профессора геологии и археологии, была выпущена к 75-летию Американского геологического общества.

[3] *Пенепленизация* — геологический термин, означающий выравнивание рельефа.

[4] В тексте «С Днем Рождения!..» — по-русски.

P. S. У нас не по сезону холодная погода. Я уже несколько лет подряд наблюдаю тенденцию к похолоданию.

Перевела Лариса Михайлова

40 Э. САЛЬСЭДО — И. А. ЕФРЕМОВУ

Каракас
11 мая 1967 г.

Profesor Iván Efremov
Moscú

Por intermedio de uno de mis amigos ha llegado a mis manos uno de sus libros, acaso el más hermoso e interesante de su producción literaria. Me refiero La Nebulosa de Andrómeda.

Leyendo su libro he vivido momentos muy agradables y no ha podido menos que admirar la propiedad y maestría con que combina Ud. el rigor científico con la belleza literaria y la expresión poética, que traduce a veces momentos de gran contenido y trascendencia humanos.

Para quienes vivimos inmersos en un sistema económico, social y político regido por una escala de valores tan distante del verdadero humanismo, el humanismo marxista, es inmensamente satisfactorio vislumbrar al menos ese maravilloso mundo del futuro que tan magistralmente anticipa usted en su libro, que resulta así un canto a la vida y al inmenso poder del hombre sobre la naturaleza, sometida, cada vez más, por su saber científico.

Termino esta carta refiriéndome a mi excelente amigo, — quien como yo es profesor en esta Univercidad — Dr. Máximo Corrales, por cuyo intermedio leí su libro y quien escribiera una interesante nota en la revista Nuestra Psiquiatría, (pp. 45-46) de la cual le enviamos, con mucho gusto, un ejemlar. Tanto mi amigo como yo tendríamos gran placer en leer sus obras de este género, de difícil adquisición en nuestro país. Acaso sea posible para Ud., a través de la Editorial Progreso, enviárnoslas — ojala autografiadas — lo cual le agradeceríamos muchísimo.

De Usted muy atentamente,

Hernando Salcedo G.

Профессору Ивану Ефремову
Москва

Через одного из моих друзей ко мне попала Ваша книга, может быть, самая чудесная и интересная из Ваших литературных произведений. Я имею в виду «Туманность Андромеды».

Читая Вашу книгу, я пережил отрадные мгновения и не мог не восхищаться ясностью и мастерством, с которым Вы соединяете научную строгость с литературным великолепием и поэтической выразительностью, порой передающей очень содержательные и важные человеческие моменты.

Для нас, живущих в экономической, социальной и политической системе, ценностная шкала которой столь далека от подлинного гуманизма, гуманизма марксистского, чрезвычайно отрадно хотя бы неясно различать тот прекрасный

мир будущего, что так мастерски предвосхищён Вами в Вашей книге, которая выглядит как песня жизни и безмерному могуществу человека, чьему научному знанию всё более покоряется природа.

Завершая это письмо, упомяну своего отличного друга — он, как и я, преподаватель нашего Университета, — доктора Максимо Корралеса, благодаря которому я прочитал Вашу книгу. Он написал интересную заметку в журнал «Наша психиатрия» (стр. 45—46), один экземпляр которого мы с удовольствием Вам посылаем. Мой друг, как и я, с большим удовольствием прочитали бы Ваши произведения такого рода, которые трудно достать в нашей стране. Если бы для Вас было возможно прислать их нам через издательство «Прогресс» — хорошо бы с автографами, — мы были бы Вам очень благодарны.

Искренне Ваш
Эрнандо Сальсэдо

Перевёл Андрей Константинов

И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 41

Неаполь
11 мая 1967 г.

ISTITUTO UNIVERSITARIO ORIENTALE
SEMINARIO DI RUSSO
NAPOLI

Многоуважаемый и дорогой Иван Антонович!

Наконец мне удалось послать Вам желаемый журнал. Открытки, надеюсь, что уже получили.

Посыпаю себе голову пеплом и покорнейшее прошу, склоня колени, да и жалобно молюсь, чтоб Вы ко мне снизошли, приказывая мне Вам послать ещё много книг, дабы я смог показать Вам свою ревность, ибо хочу искупить грех опоздания.

Мы с Идой кланяемся Таисе Осиповне и Вам, желаем всего доброго и успешной работы.

Сердечно любящий Вас
Л. Пачини

Много сердечных приветов,
Ида

И. И. ПУЗАНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 42

17 мая 1967 г.

Дорогой Иван Антонович!

С удовольствием помогу вам в ваших изысканиях по истории отечественной науки. Вещественным образом я был награждён в своей жизни дважды: первый раз 15/X 1912 года большой серебряною медалью Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете, с надписями: Ивану Ивановичу Пузанову — Признательное Общество Любителей Естествознания при Московском

Университете. Признательно мне было общество за то, что я безвозмездно дал напечатать в издаваемом Обществом журнале «Землеведение» свои «Очерки Северо-Восточного Судана», которые в несколько доработанном и сокращённом виде были почти через полвека переизданы в 1957 году Географгизом, теперь уже за приличный гонорар, под названием «Между Нилом и Красным морем». Вам, конечно, известно, что матерьял этих «Очерков» был частично использован одним известным писателем-лауреатом при написании книги «Путешествие Баурджеда».

Вторично я был награждён бронзовой медалью в конце победоносной войны 1941—45 годов «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В качестве доказательства сказанного прилагаю при сём отпечатки обеих медалей. Вот и всё — чем богаты, тем и рады!

Правда, в 1950 году я был выдвинут в качестве кандидата на получение Ордена Ленина «за выслугу лет», одновременно с профессором психологии ОГУ Д. Г. Элькиным, но оба мы были «отведены» ректором ОГУ; я — за напечатанье в Бюллетенях МОИП возмутительной статьи «Сальтомутации и метаморфозы» с издевательствами в адрес академика Т. Д. Лысенко; он — за неарийское происхождение, по тогдашней терминологии за принадлежность к «космополитам». Но — «tempora mutantur et nos mutamur in illis!»[1]. Как я уже вам писал, в № 4 «Вопросов философии» за 1967 г. некий борзописец Толстов за ту же статью «Saltomutati» поставил меня превыше даже Галилея за то, что в 1954—56 годах я действительно топнул ногой со словами «eppur' Lyssenko e me vagabondo»[2], в то время как Галилей, убоявшись св[ятой] Инквизиции, только смиренно признал: «Недвижима земля, в том нет сомнения — Неправ был я, смиренный Галилей» (сонет «Галилей» И. П.[3]).

Космополит же Д. Г. Элькин на ежегодном юбилейном заседании Большого Совета ОГУ 13 мая с. г. был прославлен ректором и вторично «награждён» бронзовой медалью, отчеканенной в год 100-летнего юбилея ОГУ, 13 мая 1965 г. — медалью, которую он тогда же, наравне с прочими, купил за 2 р[убля] 50 копеек.

Вы пишете, что хотели бы увидеться со мною в Москве, когда я приеду в июне, — я тоже! Но вы предупреждаете, что будете в Москве лишь наездами, т.к. отдыхаете в привилегированном курорте московских боссов от Науки — Узком. Что же, сообщите мне на всякий случай и ваш «Узкий» адрес — я в этом курорте никогда не был, но даже из простой любознательности хотел бы на него посмотреть. Лично я, даже если бы был московским боссом от науки, всё же предпочёл бы отдыхать в Крыму и на Кавказе. Сам я в Крым (конечно, Симеиз, Красномаякская, 5) уеду после 16/VII и пробуду до половины сентября. Пишите!

Остаюсь ваш *И. Пузанов*

---

[1] «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» (лат.).

[2] «А всё-таки Лысенко — проходимец» (ит.).

[3] Автор имеет с виду собственный сонет «Галилей».

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ[1] 43

25 мая 1967 г.

Дорогой Иван Антоныч!

Сегодня получил «Страну Гонгури», и ещё два пакета меня ждут на почте — так что всё в порядке и я очень рад иметь такие редкие вещи. И вообще я полон радости, весна ведь пора любви и скоро жена будет у меня!

Ваш *Alan Myers*

Заказал Van Wych Mason.

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 44

Хаслмир
27 мая 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for your good letter of May 4th, also for the interesting photographs of 13th Century churches and for the book of Russian fairy tales. Unfortunately I have not even opened the book. On the morning on which it arrived I had to be taken to hospital for an emergency hernia operation — I was very fortunate in getting it done at once and, after, only a week in hospital, I came here for convalescence. My husband had already been brought here by my daughter and he was very pleased to see me. This is a large and comfortable house with a lovely garden but the weather has been so bad that we have not been able to get out as much as we would like. On most days we spend a lot of time walking slowly round the garden and along the near by road, but this morning it is raining steadily so there is no hope of getting out at present.

I am glad that you found the "Peter Pan" story interesting and that it explains references in English books which you have read. The characters created by imaginative writers have a life of their own and so they get into literature and, of course, conversation. Many of them belong primarily to children but they persist long after childhood.

I shall try to get the books you mention when I get back home, which I hope to do on June 5th.

I am very glad that you were keeping better in May than in March and April and I hope that the improvement continues. Also that the novel and the palaeontological book make progress — good, if rather slow. It is sad that you have been forbidden to travel but I hope that you can find some pleasant places near to Moscow. I do not think that we shall go away again at present. The Dr. who understands my husband well has said that it would not be wise to take him away from home again — unless, of course, we were forced to do so — as we were on this occasion. My elder daughter paid us a very short visit here and afterwards she wrote to me that he still gives the impression of being a very intelligent man and I am sure that the people here would think the same. He can talk naturally for a short while on ordinary topics but this cannot be long maintained.

There is little comfort to be derived from the state of the world and I do worry about the future.

---

[1] Рукописная открытка на русском языке.

I hope that the "ordeal" — the celebration of your 60th Anniversary was not too strenuous and that you have happy memories of that time — also, I think, of your wife's 40th Anniversary? Congratulations and good wishes to you both.

I am afraid that my writing is worse than usual. I was very shaky when I first came out of hospital and have not fully recovered.

I would like to know how our hospitals compare with yours. I was in a ward with 36 beds, and it was well lighted and quite pleasant. The nurses were efficient and the patients, when well enough to get up, were very friendly and ready to help others. The chief drawback, as I saw, it is the difficulty of getting enough sleep. At night the ward is neither dark nor quiet and these are essential for sleep. I do not see how this can be got round in a big hospital but it is a sad deprivation.

The weather has improved a little so I think I will take my husband for a short walk.

We both send our best wishes to you and your wife and I look forward to hearing from you again before long.

Yours very sincerely.
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за Ваше приятное письмо от 4-го мая, а также за интересные фотографии церквей XIII столетия и за книгу русских сказок. К сожалению, я даже не успела открыть книгу. В то утро, когда она пришла, я была госпитализирована в связи со срочной операцией по удалению грыжи — мне очень повезло, что она была сделана немедленно, и, проведя лишь неделю в больнице, я приехала сюда для выздоровления. Дочь уже привезла сюда мужа, и он был очень рад меня видеть. Здешний дом большой и уютный, с прекрасным садом, но погода стоит такая плохая, что мы не можем гулять там столько, сколько хотелось бы. Большую часть времени мы проводим, медленно прогуливаясь по саду и вдоль соседней дороги, но сегодня с утра идёт монотонный дождь, и пока нет никакой надежды на прогулку.

Рада, что Вы сочли историю «Питера Пэна» интересной и что стали яснее упоминания о нём в английских книгах. Персонажи, созданные писателями с богатым воображением, живут своей собственной жизнью, входят таким образом в литературу и, конечно, в разговорную речь. Большинство из них родом из детства, но упорно не расстаются с нами и в дальнейшем.

Попытаюсь получить упомянутые Вами книги после возвращения домой, которое состоится, надеюсь, 5-го июня.

Я очень рада, что в мае Вы чувствовали себя лучше, чем в марте и апреле, и, надеюсь, продолжаете идти на поправку. И то, что роман и книга по палеонтологии, пусть медленно, но продвигаются — хорошо. Грустно, что Вам запретили путешествовать, но надеюсь, что Вы найдёте какие-нибудь приятные места под Москвой.

Не думаю, что мы сейчас снова станем переезжать. Доктор, который хорошо разбирается в состоянии моего мужа, сказал, что было бы не мудро опять менять ему место жительства, если, конечно, нас не вынудят обстоятельства, как уже случалось. Моя старшая дочь ненадолго посетила нас здесь и после написала мне, что муж по-прежнему производит впечатление очень умного человека, и я уверена, что люди здесь будут думать так же. В течение короткого

времени он может непринуждённо беседовать на обычные темы, однако долго это не продлится.

Нынешнее состояние мира малоутешительно, и я всерьёз тревожусь о будущем.

Надеюсь, что «испытание» — празднование Вашего юбилея — не было слишком напряжённым и принесло вдобавок радостные воспоминания, так же как и 40-летний юбилей Вашей жены. Поздравления и добрые пожелания Вам обоим.

Боюсь, мой почерк хуже, чем обычно. Я нетвёрдо держалась на ногах, когда вышла из больницы, и ещё не набралась сил.

Хотелось бы знать, каковы ваши больницы в сравнении с нашими. У меня была палата на 36 кроватей, хорошо освещённая и довольно приятная. Медсёстры вполне квалифицированны, а ходячие больные тоже были готовы прийти на помощь. Главным недостатком, с моей точки зрения, была невозможность как следует выспаться. Ночью в палате нет ни темноты, ни тишины, а без них не уснёшь как следует.

Погода немного улучшилась, поэтому всё же отправимся с мужем на короткую прогулку.

Мы оба шлём свои наилучшие пожелания Вам и Вашей жене, и я с нетерпением жду от Вас известий в ближайшем времени.

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ[1] 45

Москва
28 мая 1967 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Душевное спасибо за память и поздравление. В свою очередь желаю Вам всего светлого и сколь возможно больше — поздороветь. Сам я, увы, похвастать не могу, особенно за последние два года.

Искренне Ваш
И. Ефремов

Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 46

Париж
30 мая 1967 г.

Professor,

Thank you very much for your long letter I've just received now. I am awfully grateful for all the information you give me, especially on what you say about Island and your Razor's blade. I haven't read it yet, but I am going to throw myself into it, because of course this coincidence is more than mere chance, and I think, highly comforting.

[1] Почтовая открытка: Одесса. В порту. Цветное фото А. А. Подберёзского.

I must think a bit more about what you ask about Brave New World Revisited because by now I have only read passages of the book. Huxley himself said he was much more pessimistic in 1958 than in the thirties when he wrote Brave New World. It could be considered as a kind of journalistic counterpart to Island: he sort of lists the enemies of freedom and, in doing so, emphasizes the need of an education towards it, in the view of the philosophy expressed in Ends and Means. But I think Huxley would have agreed with what you say of a very near crisis. Anyway, I'll write to you later when being more able to decide.

Thanking you once more very much,

yours very sincerely,
Brigitte André

Профессор!

Большое Вам спасибо за пространное письмо — только что получила. Очень, очень признательна за любые Ваши слова, а особенно — за сказанное Вами об «Острове»[1] и о Вашем «Лезвии бритвы». Я его ещё не читала, но собираюсь окунуться с головой в эту книгу, потому что, конечно, такое совпадение — это гораздо больше, чем просто случайность, и оно меня очень обнадёживает.

Мне надо ещё немного подумать над Вашими вопросами о книге «Возвращение в дивный новый мир»[2], потому что я пока читала только отрывки. Сам Хаксли говорил, что в 1958 году был настроен гораздо пессимистичнее, чем в тридцатые годы, когда писал «О дивный новый мир»[3]. Книгу можно рассматривать как своего рода публицистическое дополнение к «Острову»: он как бы составляет список врагов свободы и тем самым подчёркивает необходимость обучения свободе с позиций мировоззрения, выраженного в «Целях и средствах»[4]. Но думаю, что Хаксли согласился бы с Вашими словами об очень близком кризисе. Как бы то ни было, напишу Вам потом, когда смогу вернее определиться.

Ещё раз — большое Вам спасибо.

Всегда искренне Ваша
Брижит Андрэ

Перевёл Андрей Яковлев

---

[1] «Остров» («Island», 1962) — роман британского писателя Олдоса Хаксли, где он описывает гармоничное общество, основанное на слиянии идей тантры, буддизма и христианства.

[2] «Возвращение в дивный новый мир» («Brave New World Revisited», 1958) — публицистическая книга О. Хаксли, где развивается ряд затрагивавшихся в романе «О дивный новый мир» идей и вместе с тем обосновываются подходы к взглядам, проявившимся в «Острове».

[3] «О дивный новый мир» («Brave New World», 1932) — самое известное произведение Хаксли — роман-антиутопия, где общество стратифицировано генетически.

[4] «Цели и средства» («Ends and Means: An Inquiry into the Nature of Ideas and into the Methods Employed for Their Realization», 1937) — философско-публицистическое сочинение О. Хаксли.

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 47

12 июня 1967 г.

Dear Ivan Antonich,

I am pleased to say that Itin, Manny and Zhulavsky are all in my possession, "Байкал" arrived recently, too, as well as "Искатель 3" and "Вахта Арамиса". I don't have to tell you how pleased with them I am!

I went to London on Saturday purposely to collect some old "Amazing" Magazines of the 1930s. I'm sure you'd like them. However, I was delayed and got to the stop too late! So I'll get them soon.

I'm still not clear about the royalties business. Would it be better to have a "dogovor" with "Mezhdunarodnaya Kniga"?

Yours *Alan*

Дорогой Иван Антоныч!

Рад сообщить, что Итин, [«Инженер] Мэнни[»] и Жулавский уже у меня, а недавно прибыли «Байкал»[1], а также «Искатель» № 3 и «Вахта Арамиса»[2]. Думаю, лишне было бы говорить, до какой степени я этому рад!

В субботу я специально ездил в Лондон за подборкой журналов «Эмейзинг сториз»[3] 1930-х годов. Уверен — они вам понравятся. Но меня задержали, и я не успел вовремя на станцию. Но скоро они будут у меня.

Мне по-прежнему не ясен вопрос с гонораром за проданные экземпляры. Может быть, лучше заключить договор с «Международной книгой»[4]?

Ваш *Алан*

Перевела Лариса Михайлова

А. П. МИЦКЕВИЧ (ДНЕПРОВ) — И. А. ЕФРЕМОВУ 48

г. Москва, пл. Пушкина
14 июня 1967 г.

АПН Издательство АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ НОВОСТИ

Дорогой Иван Антонович!

Я понимаю, не совсем удобно обращаться к Вам с просьбой после длительного перерыва в наших связях, достаточно длительного, чтобы показаться подозрительным. Но Вы лучше, чем кто-либо, поймёте, что и у писателей бывают «на Солнце пятна».

---

[1] В журнале «Байкал» № 1 за 1967 г. печаталось «Второе нашествие марсиан» А. Н. и Б. Н. Стругацких.

[2] Антология научной фантастики «Вахта "Арамиса"». Составители: Евгений Брандис, Владимир Дмитревский. — Л.: Лениздат, 1967

[3] «Эмейзинг сториз» (Amazing Stories) — старейший американский журнал научной фантастики, основан в 1926 г.

[4] «Международная книга» — в СССР всесоюзное объединение, занимавшееся экспортно-импортными операциями с книгами и печатной продукцией, до основания ВААП в 1973 г. занималось также авторскими правами.

Сейчас я работаю в издательстве АПН, возглавляя науку, технику и... фантастику (наверное, это у меня написано на роду!). К последней области моей компетенции и относится просьба к Вам.

Британское издательство «Макгибон» в прошлом году издало сборник фантастики советских писателей. Сборник был составлен из опубликованных у нас материалов, и, насколько я понимаю из переписки с этим издательством, имел успех. Сейчас они обратились к нам с предложением подготовить ещё НЕСКОЛЬКО сборников, но с одним существенным «НО». В них должны быть включены произведения, **не** опубликованные в СССР или где-нибудь ещё.

Издательство АПН обладает исключительным правом в СССР передавать за рубеж не опубликованные у нас рукописи. Оно платит авторам гонорар, а зарубежные издательства, куда рукописи перепродаются, переводят в СССР валюту. Через полтора года после издания рукописи за границей автор имеет право опубликовать её в СССР на обычных основаниях.

Сейчас я комплектую следующий сборник научной фантастики для Англии.

Не могли бы Вы каким-либо образом принять в нём участие?

Может быть, у Вас есть рукописи, которым по некоторым причинам нужно долго ждать напечатания дома?

Может быть, у Вас есть написанная статья о советской научной фантастике, которая не была опубликована в СССР?

Любые Ваши предложения, Иван Антонович, будут для нас очень ценными.

Считайте это письмо официальным приглашением АПН к сотрудничеству в области пропаганды советской научно-фантастической литературы за рубежом.

Очень хочу с Вами встретиться и поговорить о многом, что назрело за последние годы.

И ещё искренне желаю, чтобы Вы никогда не болели и написали множество хороших вещей вовсе не для Вашей славы, — её у Вас и так достаточно, а для тех, кто, читая Вас, получает наслаждение.

Искренне Ваш
Анатолий Днепров (Мицкевич)

Наш адрес: Москва-Центр
Подколокольный пер.13/7
Издат. АПН тел. Б-7-98-95

М. БРОУ — И. А. ЕФРЕМОВУ

49

21 июня 1967 г.

University College of South Wales and Monmouthshire
(A Constituent College of the University of Wales)
Department of Zoology,
Professor James Brough, D.Sci.
University College
Cathays Park
Cardiff

Dear Professor Efremov,

We wish to send you and Dr. Bystrow copies of our recent paper on fossil Amphibia. If you would be good enough to let us have your address, and that of Dr. Bystrow, we will be glad to forward copies.

Prof. Watson has moved away from London and is enjoying retirement in Surrey. He has given his collection of fossil material to the University Museum of Zoology at Cambridge.

With kind regards from my husband and myself.
Your sincerely,
Margaret Brough

Professor J. A. Efremov,
c/o Academy of Sciences of the U.S.S.R.
Lenin Prospekt,
MOSCOW, U.S.S.R.

Университетский колледж Южного Уэльса и Монмутшира
Зоологический факультет
Профессор Джеймс Броу, доктор наук
Катэйз-Парк
Кардифф

Уважаемый профессор Ефремов!

Мы хотим послать Вам и доктору Быстрову экземпляры нашей последней статьи по ископаемым амфибиям. Если Вы будете так добры и сообщите нам Ваш адрес и адрес доктора Быстрова, мы с радостью их направим вам.

Профессор Уотсон ушёл на пенсию, уехал из Лондона и поселился на покое в графстве Суррей. Свою коллекцию окаменелостей он подарил Кембриджскому университетскому Зоологическому музею.

С самыми добрыми пожеланиями от нас с мужем,
искренне Ваша
Маргарет Броу

Профессору И. А. Ефремову
Академия наук СССР
Ленинский проспект
Москва, СССР

Перевели Юлия Хоменко и Лариса Михайлова

50 О. Н. ГУРСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

22 июня 1967 г.

Дорогой Иван Антонович!

Некоторое время тому назад мне посчастливилось побывать у Вас вместе с редактором ежегодника «На суше и на море» Н. Прониным. Выполняя поручение клуба фантастов ЦДСА, я тогда вручил Вам второй номер нашего машинописного альманаха «Горизонты фантастики». Пользуясь Вашим разрешением, хотел бы теперь обратиться к Вам с вопросом: каково Ваше мнение о направлении, избранном нашим альманахом (оно видно из редакционной статьи «Наш голос в защиту будущего» и других статей)?

Нам думается, что теперешняя, новая марксистская философия может успешно выражаться и с помощью фантастики, может быть, даже более успешно, чем в иных формах. Очевидно, что в современной советской фантастике подспудно проявляются две основные тенденции: 1) отрицание нашего настоящего — во имя отхода в «демократии» западного капитализма (отечественный антиутопизм); 2) частичное отрицание настоящего (его пороков) — во имя великого будущего, коммунизма; поиски новых путей, ведущих вперёд, философское исследование будущего.

Нам хотелось бы обратиться к Вам также с просьбой — ответить, если возможно, для нашего альманаха на 3 вопроса:

1. Каково Ваше отношение к антиутопическому направлению, избранному сегодня частью советских фантастов?

2. Каким, по-Вашему мнению, должно быть генеральное направление советской фантастики в ближайший обозримый период?

3. Могли бы Вы рассказать, о чём будет Ваша новая книга?

Пользуясь случаем, хотел бы передать Вам самые добрые пожелания всех членов клуба фантастов ЦДСА. Извините за беспокойство.

О. Гурский

Москва, И-238, Линия Октябрьской жел. дор., 6, кв. 65, Гурский Олег Николаевич.

51 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
22 июня 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Once again I must ask your pardon for being so slow to reply to your letter. There has been a great deal of work to do, and at the end of a day of writing for a living, one is scarcely able to write a proper letter as well.

Thank you so much for the beautiful books, which arrived a few days ago. Our whole family is delighted with them, and so are those of our friends who have seen them. Of course, I am unfortunately unable to read the Russian volume, but I shall try to get someone to translate for me. (One of these years I may become less lazy, and study some Russian. I have before me the example of a great-uncle of mine, in Denmark, who exclaimed at the time of your Revolution, "When such important things are happening in a country, it is a scandal that one does not know

its language, a scandal!" Thereupon he taught himself to read Russian. He was about 75 years old at the time.) The fairy tales in English are quite delightful, and many of them are known to me in Western European or Hungarian versions. For example, in one of the Magyar stories the hero must tend the horses of the witch Iron Nose — in fact, it is very much the same tale as yours of Tsarevna Marya Morevna; and another one has a castle set on duck feet that tries to run away from the hero.

The illustrations are lovely in both books. I was not aware that early Russian architecture had such a very "Scandinavian" character. Some of the buildings depicted are almost identical with early medieval wooden churches in Norway, which in turn were scarcely different from the pagan temples that had existed a few generations before them. I don't know — do you? — whether the Russians or the Scandinavians originated the style; or perhaps it was something common to all the Baltic peoples.

Of course, it is usually said that the Kievan Russian culture originated with the Swedes who founded the state. (Incidentally, I have seen Rurik identified with Hrörek, a Viking who had earlier been prominent in Flanders and France. But whether this is correct or not, I don't know.) We are usually told that the very name Rus is of Swedish origin, either from the district Rorslän in southern Sweden or from ro, to row... since the men traveled by river where they could, rowing their ships. Certainly the 10th-century Arabian traveler Ibn Haukal has left us an account of the funeral of a Rus chieftain which reads like a re-enactment of the Nordic legend of the funeral of the slain god Baldr.

So it is usually said, in western Europe and USA. But in the course of doing research for this prospective book about King Harald, I had a long discussion with a professor of Russian history. He was a very well-informed man — for example, he established the detail that at that time there was just one nunnery, founded by Jaroslav (My thought was that perhaps, after her husband's death, Queen Elizabeth retired to her native Russia; and she could scarcely have done so except as a nun. The saga says she accompanied him to England, but gives no further information about her.) At any rate, this professor said that modern scholarship feels the Swedes did not provide much more than a dynasty, some military organization, and a trade outlet to the Baltic. The culture of Kievan Russia was essentially of native origin — with Byzantine influence at an early stage, of course.

This seems reasonable to me. Certainly such key institutions as the vieche in Novgorod have only the most superficial resemblance to the supposedly corresponding institutions in Scandinavia — in this case, the Thing. (Frankly, I think the Viking visitors must have been rather shocked at the frequency of brawls in a vieche! Their Things were supposed to be rigidly peaceful, and when violence did occur, the scandal lasted for literally centuries.) And long before the Kievan state, such people as the Scythians had had brilliant native cultures. Unfortunately, I do not know enough details about the early Russian societies to judge such questions.

If anything, however, it seems possible to me that the influence of the Russians on the Scandinavians may have been stronger than the opposite flow of ideas To mention a trivial case, some of the greatest of all the Danish kings were named Valdemar, which is simply a distorted form of "Vladimir".

And then there is the whole problem of the Æsir, as the Scandinavians called them, or the Anses as the Goths did earlier — in short, the Nordic gods. Everyone is familiar with the stories about Odin, Thor, etc., but these myths, like all myths,

hide a more complex reality. For example, there were two kinds of gods, Æsir and Vanir. The latter were gods of fertility, love, and the sea. These two tribes of gods once fought a war. It had no victory for either side, rather they agreed at last to live together and share power peacefully. (I wish 20th-century men were that wise.) It is usually said that this reflects the partial displacement of aboriginal chthonic gods by warlike Indo-European-speaking invaders about 1800 B. C., who brought their own pantheon with them, the typical Indo-European one in which the male deities of sky and fire and war are the dominant figures.

Perhaps. But there is another possibility. Medieval historians like the Dane Saxo Grammaticus and the Icelander Snorri Sturlason could not, as Christians, say that the old gods had been true gods. But neither did they deny the reality of these figures. They said, rather, that Odin, Thor, and the rest had been human chieftains in the distant past, that came to be worshipped as gods. Snorri in particular goes into great detail. He says that the original Asgard. was in Southern Russia near the Crimea; and so too was Tanaquisl or Vanaquisl, the home of the Vanir. These two peoples fought a war, made peace, and then migrated north to escape the power of the Roman Empire, about the time of Christ. Reaching Scandinavia, they made themselves supreme, taught the people civilized arts, and were worshipped after they died.

Now as you know, there was an old Greek colony named Tanais in just that area; and there was an Alanio people called the Ansa. (In fact, one branch of these was called the Rukh-Ansa, the Bright Alans, and it has been suggested that they gave their name to Rus.) In the first century B. C., some of these Alans attempted to conquer the Crimea, but were defeated by Diophantes, a general placed there by Mithridates the Great of Pontus. Not many years afterward, Mithridates himself was conquered by the Romans.

I have developed the hypothesis that some of these Rukh-Ansa, joined by Greek adventurers from Tanais, did indeed wander north to get away from the Romans. Certainly they would have had much to offer Scandinavia, such as the runic alphabet (of Greek origin) and more up-to-date forms of social/military organization. They would have had very little opposition, since Northern Europe had at that time suffered from a long period of bad weather and many people had emigrated — notably the Cimbri, who tried to conquer Italy about 100 B. C. Many other features of early Nordic culture look as if they could well be of Russian origin, for example the practice of sacrificing horses.

In this connection, I was most interested by your remark about Iranian influence on early Russia. Does not the Scandinavian mythology about Valhalla and the inevitable end of the world in a battle between gods and demons, sound like a distant echo of the Mithraic religion?

But all this is much before the time of our friend Harald of Norway. I was surprised to learn that he is apparently a kind of folk hero in Russia as well as in his homeland, Count Tolstoy's ballad about him is indeed very fine, in the part which you quoted, and I would like sometime (when I have learned your language?) to see the whole of it.

You may perhaps be interested in the following. Earlier, Harald's half-brother Olaf, king of Norway, had been expelled in a popular revolt (he was a little too brutally eager to make his people Christian) and taken refuge with Jaroslav. Now Jaroslav's wife was Ingigerda, daughter of the Swedish king. Olaf had once been betrothed to her, but because of a quarrel with her father the betrothal was broken

and she married Jaroslav instead. Apparently her influence was responsible for the good treatment Olaf received when he arrived as a refugee. (Though I imagine that Jaroslav himself was not averse to keeping Olaf as a possible counterweight to King Knut of Denmark, who was now the lord of Norway and might have tried to rule the Baltic as well.) Apparently she and Olaf still had a great deal of affection for each other. At least, according to the saga, Olaf was standing on a hill one evening when she rode by with her ladies. Her form was bowed and her face was faded. He then made this verse, which I think is a very beautiful one and have tried to translate into English:

From my hill I followed
the faring, when on horseback
lightly did the lovely
let herself be outborne.
And her shining eyes
did all my hope bereave me.
Known it is: to no one
naught of sorrow happens.
Formerly in fairness,
filled with golden blossoms,
trees stood green and trembling,
tall above the jarldom.
Soon their leaves grew sallow,
silently, in Russia.
Only gold now garlands Ingigerda's forehead.

(I have kept the alliterative verse form but simplified the elaborate figures of speech that occur in Old Norse poetry. A "jarldom" is the area in charge of a "jarl", more or less corresponding to an English baron or — I think a Russian boyar.)

I don't know whether or not to agree with you that Church culture throughout the Middle Ages was a bad thing. In Western Europe, at least, it was often the only culture available! If nothing else, it introduced such things as the habit of writing books, the ideal if not the fact of human brotherhood and equality, and some transmission of Classical learning. On the bad side, of course, it helped the slow crushing of individual liberty, and made many conflicts worse than they need have been — or started them in the first place — because of religious fanaticism.

On balance, whether we like it or not, we peoples of Western Europe and the Americas must admit that our civilization originated very largely with the Roman Catholic Church. Perhaps we would have been better off with a different «mother,» but it is too late to do anything about that now! And certainly we could have been worse off; for example, once its short-lived period of brilliance had ended, Islam seems to have been a bankrupt and deadening society.

But none of this may apply to Russia. As a friend of mine once remarked, your history is almost the reverse of ours. After the Roman Empire was gone, Western Europe was essentially a feudal countryside. Only much later did the cities and the mercantile classes develop out of this matrix, until at last they were the dominant force. Russia, on the other hand, began with cities and capitalism, whose influence radiated outward into the hinterland. I don't know whether you would agree that my friend's remark is accurate, but it is at least amusing.

In answer to a question you sent on a postcard: No, curiously enough, although English is a language of very rich vocabulary, it has no diminutive form of the word "sun". Sometimes it calls the sun by the Latin name "Sol", less often by the Greek "Helios", and then there are poetic phrases like "day star". But apparently we have nothing corresponding to your "Solnyshko".

In thanking you for the books of legends, I have wandered through several pages of history, it seems, and have not yet thanked you for the literary review you also very kindly sent. Again, I must wait for a translation before I can comment, but I will be most interested especially to see what response was drawn by my reply to Messrs. Dmitrevsky and Brandiss. If they believe I was being unfriendly, I am sorry, because I had no such intention. Politically speaking, I am an American conservative, by which I mean one who feels that American traditions are best for the American people — in particular, the tradition that government should interfere as little as possible with the individual. (Of course, there is much that is wrong in our country and needs to be changed; conservatives merely feel that these necessary changes are best made carefully, and that our long-established procedures are quite able to deal with these problems.) However, it is clear that American institutions are not suitable for everyone else in the world; and, in fact, mankind benefits from having many different kinds of society being tried simultaneously. We wish the great Soviet peoples every success in creating the kind of social order that they desire for themselves.

Enough of that. The world is too full of politics anyway. But I must bring up one slightly related problem, namely the problem of getting books and magazines to you. I am happy to send what you wish, if I can obtain it, but I do not know what you already have. (For example, I was a little surprised to learn that apparently you can get magazines like Analog, when foreign subscriptions are so difficult to arrange.) Also, I was not aware until very recently that it is necessary to register mail in order to be sure that you will get it. This has never been needed in shipments to various other countries. But I suppose the fact that there is no direct mail connection between the USA and USSR makes delivery less certain. — At any rate, I am not sure whether some things I sent ever did arrive. Did you, for example, receive my book on extraterrestrial biology? Did the novels THE HIGH CRUSADE and VIRGIN PLANET ever arrive? (If I remember correctly, those were actually addressed to Mr. Borodayevsky.) If you will let me know what you have, and what you do not have but would like to get, I will try to help.

The short novel of mine, WORLD WITHOUT STARS, which you asked about, is the same as the magazine serial THE ANCIENT GODS. I sent that one to Mr. Borodayevsky several months ago, but he never got it, so I have sent it again — registered, this time — and hope it comes safely. I presume that you and he see each other's books.

Please give him my greetings, by the way. I will write to him soon. When there are two correspondents of mine who know each other, it seems best for me to write to them at different times and on different subjects. In this way, everybody can get much more information. So I shall be reporting on the regional science fiction convention in Los Angeles. We are leaving for that next week, and expect to enjoy it.

Meanwhile, from our entire family here, our very best wishes to yourself and your own family.

Sincerely,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Я снова должен извиниться за большую задержку с ответом. Было очень много работы, а когда в течение всего дня пишешь по необходимости, то вечером едва ли возможно написать настоящее письмо просто для души.

Большое спасибо за чудесные книги, которые я получил несколько дней назад. Все члены моей семьи и друзья просто восхищены. Остается лишь сожалеть, что я не могу читать по-русски, но попробую найти кого-нибудь, кто смог бы сделать для меня перевод. (В ближайшие годы, возможно, мне удастся побороть лень и выучиться хоть немного русскому. Дедов брат из Дании послужит мне в том примером. Однажды, во времена вашей революции, он воскликнул: «Когда такие грандиозные события происходят в этой стране, какой же это позор не знать русского языка, какой позор!» Вскоре он научился читать по-русски. Тогда ему было 75 лет.) Сказки на английском языке занимательны, мне хорошо известны венгерские варианты многих из них. Например, в одной из венгерских сказок главному герою приходится пасти лошадей ведьмы Железный Нос. На самом деле эта сказка очень похожа на вашу сказку про Марью Моревну. А в другой сказке замок на утиных ножках пытается убежать от главного героя.

В обеих книгах очень красивые иллюстрации. Я и не знал, что стиль древнерусской архитектуры до такой степени похож на скандинавский. Некоторые из изображённых строений почти полностью соответствуют деревянным церквям периода раннего Средневековья, которые в свою очередь едва ли отличались от языческих храмов, существовавших за несколько столетий до них. Я не знаю — может быть, знаете Вы: русские или скандинавы первыми создали этот стиль, или, возможно, он был общим для всех балтийских народов?

Конечно, в Европе принято считать, что культура Киевской Руси начинается со шведов, основавших государство. (Кстати, мне попались книги, где Рюрика отождествляют с Хрёриком — викингом, прославившимся во Фландрии и Франции. Так ли это было на самом деле или нет, я не знаю.) Обычно говорят, что само слово «Русь» имеет шведское происхождение. Его возводят к названию местечка Рослэн в южной Швеции или к слову «ру», что значит «to row» — грести. Ведь людям приходилось много грести, когда они путешествовали по рекам. Арабский путешественник X века Ибн Хаукал оставил нам подробное описание похорон вождя руссов, которое точь-в-точь воспроизводит скандинавскую легенду о похоронах убитого бога Бальдра.

Такой теории обычно придерживаются в Западной Европе и США. Однако когда я готовил материалы для будущей книги о короле Харальде, я долго беседовал с одним русским профессором-историком. Он был очень сведущим человеком: например, рассказал, что, в соответствии с современными научными представлениями, влияние шведов на Русь касалось исключительно династических вопросов, структуры военной организации и выхода торговых путей к Балтике. Культура Киевской Руси была по своей сути глубоко самобытной, хотя, конечно, на раннем этапе проявилось влияние Византии.

Я считаю эту точку зрения вполне справедливой. Несомненно, скажем, что новгородское вече имеет только поверхностное сходство с подобным представительным институтом власти — тингом — в Скандинавии. (По правде говоря, я думаю, что чужеземные викинги были поражены обилием ссор, возникавших на вече. Аналогичные собрания в Скандинавии должны были проходить

по правилам очень чинно, а если и случались драки, то впоследствии вражда не утихала буквально в течение веков.) И ещё задолго до образования Киевской Руси, скажем, у скифов, уже существовала своя собственная великолепная культура. Хотя я, конечно, к сожалению, не настолько компетентен в вопросе об истории древнерусских племен, чтобы судить об этом.

Впрочем, вероятнее, что это русские оказали на скандинавов более сильное влияние, а не наоборот. Здесь можно упомянуть такую, казалось бы, незначительную деталь: некоторых из самых великих королей Дании звали Вальдемарами, что само по себе является не чем иным, как искажённым именем Владимир.

И затем также существует целая проблема «эзиров», как их называли скандинавы, или «ансов», как ещё раньше их называли готы — т. е. скандинавских богов. Все знают легенды об Одине, Торе, но в этих мифах, так же как и в других, заключена более сложная история. Собственно, существовали два рода богов — эзиры и ваниры. Последние были богами плодородия, любви и моря. Некогда между двумя родами богов разгорелась война. Ни одна из сторон не могла одолеть другую, они договорились, в конце концов, жить вместе в мире и согласии. (Хотелось бы, чтобы люди XX века научились поступать столь же разумно.) Принято считать, что это отражает процесс частичного вытеснения исконных хтонических богов воинственными богами индо-европейских завоевателей около 1800 лет до н. э., принесших с собой свой пантеон, в котором главными были мужские божества неба, огня и войны.

Возможно. Но существует ещё одна теория. Средневековые историки вроде датчанина Саксона Грамматика и исландца Снорри Стурлусона, будучи христианами, не могли признать древних богов настоящими богами. Но в то же время они не отрицали реальности их существования. Вместо этого они говорили, что Один, Тор и другие были в далёком прошлом вождями племён, и позднее им стали поклоняться как богам. Снорри рассказывает об этом подробно. Он утверждает, что изначально территория Асгарда находилась на юге России неподалёку от Крыма, там же был Танаквизл, или по-другому Ванаквизл — родина ваниров. Эти два народа воевали, заключили мир, и к началу нашей эры переселились на север, чтобы не попасть во власть Римской империи. Дойдя до Скандинавии, они утвердили своё господство, обучили людей ремеслам. После их смерти им начали поклоняться.

Как вам известно, на этой территории существовала греческая колония, носившая название Танаис, там жили народы «ансаланы», которых называли также «анзами». (К тому же одна из этих народностей называла себя «рукх-анза», т. е. Великолепными Аланами; было высказано предположение, что от них и пошло название «Русь».) В I веке до н. э. некоторые из аланов попытались завоевать Крым, но были разбиты Диофантом — военачальником, посланным в те места Митридатом, царём Понта. А через несколько лет сам Митридат был покорён римлянами.

Я развил гипотезу, согласно которой часть народа рукх-анза, к которым присоединилась в поисках приключений часть греков из Танаиса, на самом деле отошли к северу, чтобы избегнуть римского завоевания. Они, конечно, многое могли дать скандинавам, включая рунический алфавит (греческого происхождения) и более развитые формы общественного и военного устройства. Там они встретились бы с совсем незначительным сопротивлением, так как

Северная Европа переживала в то время длительный период тяжёлых погодных условий, и поэтому многим пришлось податься в чужие края, (скажем, народ кимбри, который примерно в 100 г. до н. э. пытался завоевать Италию). Многие другие черты ранней скандинавской культуры таковы, что вполне могли бы иметь русское происхождение, к примеру, традиция жертвоприношения лошадей.

В этой связи меня заинтересовало Ваше замечание по поводу влияния Ирана на древнюю Русь. Не кажется ли Вам, что скандинавская мифология, рассказывающая о Валгалле и неизбежном конце мира в битве между богами и демонами, похожа на далекое эхо митраической религии?

Но все это происходило ещё задолго до времён нашего старого доброго Харальда Норвежского. Я был очень удивлен, когда узнал, что его и в России считают едва ли не народным героем. Доказательством этого служит процитированный вами отрывок из действительно замечательной баллады графа Толстого[1], описывающей Харальда.

Мне бы хотелось когда-нибудь (к тому времени, когда я овладею Вашим языком) познакомиться с этой балладой целиком.

Вам, может быть, будет интересно узнать, что ещё раньше брат-полукровка Харальда Олаф, будучи королём Норвегии, был выслан из страны в результате народного бунта (так как он, желая христианизировать свой народ, пользовался для этого слишком жестокими способами). Он нашёл прибежище у Ярослава, а женой Ярослава была Ингигерда — дочь шведского короля.

Олаф и Ингигерда были когда-то обручены, но из-за ссоры с её отцом свадьба не состоялась, и Ингигерда вышла замуж за Ярослава. Очевидно, именно она позаботилась о том, чтобы Олафу оказали хороший приём, когда он попросил убежища. (Хотя мне кажется, что Ярослав сам был не прочь приютить Олафа, принимая во внимание, что тот сможет понадобиться ему в качестве противовеса силе датского короля Кнута, который в то время стал и королём Норвегии и, возможно, попытался бы завоевать также Балтику.) По-видимому, Олаф и Ингигерда всё ещё испытывали друг к другу нежные чувства. По крайней мере, в саге говорится, что однажды вечером Олаф стоял на холме и увидел, как она в сопровождении дам проезжала на коне мимо него, склонив голову и с поблекшим лицом. Тогда он написал это, как мне кажется, очень красивое стихотворение, которое я попытался перевести на английский.

С холма я взглядом провожал далёких всадников,
в их веренице всех грациозней моя милая.
Глаза сияли, меня лишая надежды горестной.
Что ж, все печали на нас ложатся лишь по заслугам.
На родине в благодатные дни,
раскинув высоко над землями ярла
зелёные ветви свои, стояли деревья.
Но время прошло, и вскоре их листья
поникли безропотно, поблекли в безмолвии.
Лишь золотой венок украшает сейчас
голову Ингигерды.

---

[1] Имеется в виду баллада А. К. Толстого «Песня о Гаральде и Ярославне».

(В переводе стихотворения я сохранил аллитерацию, но упростил сложные риторические фигуры, встретившиеся в древнескандинавском оригинале. Ярл — это земельный собственник, наподобие английского барона или, как мне кажется, русского боярина.)

Я не знаю, соглашаться или нет с Вашей негативной оценкой роли церковной культуры в Средние века. В Западной Европе это была единственная существовавшая тогда культура. По крайней мере, она ввела книжную традицию, благодаря ей возник если и не факт, то идеал человеческого братства и равенства, она способствовала распространению классической учёности. С другой стороны, она, конечно, оказала влияние на процесс подавления личной свободы, усугубила многие конфликты или даже на почве религиозного фанатизма породила их.

Несмотря на всё это, хотим мы этого или нет, нам, людям Западной Европы и Америки, следует признать, что наша цивилизация во многом была порождена римской католической церковью. Возможно, мы вышли бы лучше, будь у нас другая «мать», но сейчас с этим уже ничего нельзя поделать. И, разумеется, мы могли бы получиться ещё хуже (к примеру, по завершении кратковременного периода расцвета ислам абсолютно обанкротился и стал, по всей видимости, тормозом в развитии общества).

Но всё вышесказанное не может быть в полной мере применимо к России. Как однажды заметил мой друг, ваша история — почти полная противоположность нашей. После падения Римской империи Западная Европа представляла собой, по существу, местность, состоящую из феодальных наделов. Гораздо позже из этой матрицы выделились города и возникли классы ремесленников и купцов; в конце концов, они стали главной доминирующей силой. Россия начинала с городов и капитализма, влияние которого распространялось и на отдалённые районы. Я не знаю, согласились бы Вы с суждением моего друга, но, по крайней мере, оно кажется любопытным.

К ответу на Ваш вопрос на открытке. Как ни странно, хотя английский язык и имеет очень богатый словарный состав, слово «солнце» в английском не имеет уменьшительной формы. У нас иногда называют солнце латинским словом «Sol», реже греческим «гелиос», также существуют поэтические иносказания, например, «дневное светило». Но, видимо, у нас действительно нет слова, соответствующего вашему «солнышко».

Собираясь поблагодарить Вас за сборники легенд, я, похоже, слишком далеко углубился в историю и пока ещё не сказал спасибо за обзорную статью, которую Вы мне любезно прислали. Снова придется ждать перевода, прежде чем смогу дать свой комментарий, но мне будет особенно интересно узнать, какова была реакция на мой ответ господ Дмитревского и Брандиса. Если ответ показался им недружелюбным, то я прошу извинения, у меня совсем не было намерения их обидеть. В политическом отношении я считаю себя американским консерватором, то есть тем, кто думает, что традиции американского общества больше всего подходят для американцев, — в особенности традиция максимального невмешательства правительства в дела личности. (В нашей стране, несомненно, много негативного, и это нужно менять, консерваторы же просто считают, что эти необходимые изменения лучше всего вносить осторожно и что наши давно существующие для этого процедуры вполне способны помочь справиться с этими проблемами.) Однако ясно как день, что американ-

ские законы и обычаи не подходят для всех без исключения народов мира, и в самом деле, человечество выигрывает от того, что существует много разных общественных систем, которые проходят проверку одновременно. Мы желаем великому советскому народу всяческих успехов в созидании такого общества, к которому он стремится.

Довольно об этом. Мир и так переполнен политикой. Но я должен затронуть одну проблему, некоторым образом связанную с этим, а именно, проблему пересылки Вам книг и журналов. Я был бы рад прислать Вам то, что Вам бы хотелось получить, если достану, но не знаю, что у Вас уже есть. (Например, я был немного удивлён, когда узнал, что, по-видимому, Вы можете получать по подписке, скажем «Analog», хотя подписаться на иностранные издания у вас очень трудно.) До недавнего времени я также не знал, что почту необходимо регистрировать, чтобы быть уверенным в том, что она благополучно дойдёт до Вас. Для отправки почты в другие страны этого никогда не приходилось делать. Думаю, что трудности в доставке возникают из-за отсутствия прямых почтовых связей между СССР и США. Во всяком случае, я не уверен, дошло ли что-нибудь из того, что я посылал. Получили ли Вы, например, мою книгу о внеземной биологии? Дошли ли романы «The High Crusade» и «Virgin Planet»[1]? (Если я правильно помню, они были отправлены на адрес господина Бородаевского.) Пожалуйста, напишите мне, что у Вас уже есть и чего пока нет, и я постараюсь в этом помочь.

Короткий роман «World Without Stars»[2], о котором Вы спрашивали, идентичен журнальной публикации «The Ancient Gods»[3]. Несколько месяцев назад я послал её господину Бородаевскому, который так и не получил ни одного журнала. Поэтому я зарегистрировал посылку и отправил её ещё раз. Надеюсь, на этот раз она дойдёт нормально. Я предполагаю, что вы и Бородаевский даёте друг другу почитать свои книги.

Кстати, передайте ему от меня привет. Я вскоре напишу ему. Когда имеешь корреспондентов, знакомых друг с другом, лучше, наверное, писать им в разное время и на разные темы. Таким образом, каждый из них может получить больше информации. Значит, я напишу ему о региональной встрече писателей-фантастов и любителей фантастики, которая состоится в Лос-Анджелесе. Мы уезжаем на следующей неделе, и я думаю, что там будет интересно.

Вся моя семья шлёт Вам и Вашей семье самые наилучшие пожелания.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] «Крестовый поход в небеса» (1960) и «Девственная планета» (1959) — романы Пола Андерсона.

[2] «Мир без звёзд» (1966) — роман Пола Андерсона.

[3] «Древние боги».

52 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
26 июня 1967 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

I am now back from the field, from Washington, from Michigan and from my son's (George's) wedding and so I can settle down to business for a while. Your very nice letter came in a short time ago and I am sorry I did not write a little sooner. I just have not been here enough it would seem. However, now I am teaching a course to one of our National Science Institute groups (High School students and teachers, mostly in mathematics) and so I will be here for the next six weeks.

So much has happened — internationally — since I last wrote that it is hard to know what is going on. Last night I had the pleasure of watching Premier Kosygin in his press conference before the United Nations. Television is a wonderful thing. He presented an excellent conference, stating his points of view clearly and strongly. I must say that my Russian comprehension has slipped for I found I could only get part of what he was saying, in spite of the fact that he spoke clearly and slowly. By the end of the hour and a half I was doing better. Of course, there was immediate translation. I was glad that he and our president could have talks and hope that in time something constructive will come from it all.

I spent some time in Oklahoma this spring and obtained a good deal of new material from the Hennessey formation near Norman, the old quarry. This is extremely interesting. Then I went to the "Four-Corners" area, the junction of Utah, Colorado, New Mexico and Arizona where I spent some time with Peter Vaughn becoming aquainted with the area and then prospecting for bones in the Hoskinnini formation. This is presumably uppermost Permian, although it will not be dated until we can get something out of it. Above it is the Moerkopi, lower Triassic and below, after a break, lower Permian. All this is fine but so far we have not found anything in the Hoskinnini, I did get one scrap of bone, which may have come from it, but it was on the surface and might possibly have come from somewhere higher. Of course, we had only time to go over a small set of exposures and there must be two hundred miles of them for hunting. I hope against hope that something will come out of it. Next spring I am going to have a serious try at producing from these beds. It takes hard going and I am going to have to get a "Jeep" or some such vehicle. While in Washington I tried to talk the National Science Foundation into getting me one, and I think it was successful. Anyhow we will see.

The Caseid paper still is coming out soon. I am very embarrassed by the length of time it has taken after everyone was so cooperative about Ennatosaurus, but the Field Museum seems to have just been sitting on their pants and doing little with the whole thing. Much the same applies to the Oklahoma Geological Survey on my lower Permian of Oklahoma paper. Sometimes I think "they" are after me.

You might have thought that I would be long past work on the Dialectics and Evolution article, motivated by Davitoschvili's book, but I am still at it, I found that it required a great deal of reading and thought and I still have not gotten everything thought through clearly. I have been greatly helped by your letters and am

using ideas and some quotes from them. I may be getting far off the deep end, for I should know a great deal more about recent philosophy of the dialectic than I do. But I think I do have some interesting things, I will send a copy over when it is completed for any comment you may wish to make. Just when that is going to be I am not sure.

I hope that your health is improving more than you seemed to think that it would. I am most sad to think that you may be continuing to be somewhat incapacitated. We are all fine here and I seem to keep hale and hearty outside of a little soreness in the joints and general cantankerousness (there's a word for you) of spirit.

Please give my best regards to your wife and to any other members of your family whom you may see. I still remember well the night that we went to see Swan Lake and get a thrill whenever I hear the music from the ballet.

Your sincere friend, as always,
Everett G. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Вот я и вернулся домой отовсюду — после экспедиции, из Мичигана и со свадьбы своего сына Джорджа, — теперь могу на какое-то время осесть и позаниматься делом тут. Ваше очень доброжелательное письмо пришло несколько дней назад, прошу прощения, что не собрался ответить раньше. Закрутился. Но теперь я начал читать курс одной из групп Национального научного фонда (старшеклассники и их учителя, преимущественно математики) и буду на месте следующие шесть недель.

В международном плане столько всего произошло со времени моего последнего письма, что разобраться непросто. Вчера вечером имел удовольствие смотреть трансляцию пресс-конференции премьер-министра Косыгина в ООН. Телевидение — чудесное изобретение. Он замечательно провёл конференцию, чётко и ясно выразив свою точку зрения. Должен признаться, моё понимание русской речи ухудшилось, потому что я лишь частично понимал его слова, несмотря на отчётливость дикции. Но к концу полуторачасовой встречи я понимал уже лучше. Конечно, постоянно шёл синхронный перевод. Его переговоры с нашим президентом — отрадный факт, питающий надежды на конструктивное сотрудничество.

Этой весной я сумел поработать некоторое время в Оклахоме и раздобыл немало нового материала из формации Хеннесси в давней каменоломне неподалёку от Нормана. В высшей мере интересный материал. Затем вместе с Питером Воном отправился в район «Перекрёстка», где сходятся четыре штата — Юта, Колорадо, Нью-Мексико и Аризона, знакомиться с местностью, чтобы поискать кости в формации Хоскиннини. По всей видимости, это самый верхний слой пермского периода, но точнее определить можно будет только по находкам. Непосредственно над этим слоем нижнетриасовый Мёркопай, а под ним, через разрыв — нижняя пермь. Всё это замечательно, но пока в Хоскиннини мы не обнаружили ничего; я вроде нашёл один кусочек кости из того периода, но он был на поверхности и, возможно, происходит из более верхних слоёв. Правда, нам ведь пока удалось обследовать только небольшие обнаже-

ния, и для поисков остаются ещё две сотни квадратных миль. Я не прекращаю питать надежду на результативную находку. Следующей весной я намереваюсь предпринять систематические раскопки тех местонахождений. Там местность очень пересечённая, придётся раздобыть «джип» или другой внедорожник. В бытность в Вашингтоне я вёл переговоры в Национальном научном фонде насчёт покупки такого для экспедиции и, похоже, уговорил. Увидим.

Статья о казеидах по-прежнему ещё не вышла. Такое затягивание со стороны Музея Филда после всяческой поддержки с эннатозавром по меньшей мере странно. Могу сказать то же самое и о Геологической службе Оклахомы в отношении статьи о нижней перми Оклахомы. Порой мне кажется, это «они» специально против меня настроены.

Вам могло показаться, что я давно должен бы закончить работу над статьёй о диалектике и эволюции, написать которую меня подтолкнула книга Давиташвили, но я всё ещё в процессе, выяснилось, что требуется немало прочесть и передумать, и ещё не всё додумано до конца. Ваши письма мне сильно помогли, я использую некоторые мысли и цитаты из них. Возможно, я слишком глубоко нырнул, и моё знакомство с диалектическим методом в философии недостаточно. Но всё же кое-что я нащупал и пошлю Вам по завершении экземпляр для замечаний, если Вы захотите их сделать. Только не знаю точно, когда это случится.

Надеюсь, что Ваше здоровье улучшается в большей мере, чем Вам казалось вероятным. Меня очень печалит возможность, что Вы можете не полностью восстановиться. У нас всё в порядке, мне удаётся сохранять бодрость за исключением некоторой чувствительности в суставах и общей вспыльчивости[1].

Передайте, пожалуйста, мои наилучшие пожелания жене и всем прочим членам семьи. У меня свежо в памяти впечатление о посещении «Лебединого озера», и каждый раз, когда я слышу музыку из этого балета, меня охватывает волнение.

Как всегда, Ваш искренний друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

53 И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. МИЦКЕВИЧУ (ДНЕПРОВУ)

4 июля 1967 г.

Издательство Агентства
Печати Новости
Отдел науки и техники
А. П. МИЦКЕВИЧУ

Глубокоуважаемый Анатолий Петрович!

Извините, что отвечаю с запозданием — продолжаю болеть. На Ваше предложение опубликовать в британском издательстве что-либо, до сей поры не опубликованное у нас, могу ответить только лишь отказом.

Не говоря уже о том, что все мои запланированные произведения «закуплены на корню», я считаю подозрительным желание издательства Макгибон

[1] Олсон употребил слово cantankerousness с ремаркой — «вот, поищите в словаре».

обязательно издать не опубликованные у нас произведения. С коммерческой точки зрения для английского читателя совершенно безразлично, есть или нет русское издание произведения. С патриотической и моральной стороны я — русский писатель и пишу на русском языке для русского народа. Все другие народы благоволят меня переводить с изданных у нас книг.

Я не вижу ничего удивительного, если тот или другой журнал или редакция обратится ко мне персонально как знатоку того или другого вопроса с просьбой написать для них статью, очерк или предисловие. В этом случае я напишу для английского читателя на английском языке. Но это частный случай, в целом же творчество моё пишется для моего народа.

Мне представляется, что пропаганда нашей научной фантастики должна вестись именно путём переводов напечатанных по-русски произведений. Другой путь представляется мне ошибочным.

И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 54

Москва
6 июля 1967 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Большое спасибо за подробное письмо — теперь я наконец знаю, где Вы и что Вы.

Я был в Узком, но неудачно — там случился очередной приступ, и пришлось гноиться в постели. Кроме того, как и везде, стало хуже, новый директор-холуй и т. д.

В Москве случилось ещё два приступа подряд — уложили опять, и вот сейчас только начинаю подниматься. Поэтому нет ничего интересного, о чём стоило бы писать скверным, трудно разбираемым почерком.

Пока в Москве, на дачу ехать нельзя, в санатории не берут, да и надоели. М. б., через месяц отправлюсь на дачу.

Понемногу пишу «Час Быка», подвигается, но не по-моему медленно, а потому кажется, что пишется хуже (по качеству). С нами безвыездно живёт Енот. Аллан увяз в Сирии, и от него ни слуху ни духу.

Обнимаю Вас и целую ручку Наталии Алексеевне. Тасенька целует обоих. Пишите.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

P. S. Очень доволен, что не написал выступления на съезде[1].

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 55

12 июля 1967 г.

Dear Professor Efremov:

I have finally "finished" the paper I have been trying to do on dialectical materialism, or dialectics, and evolution. It is not completely written as I want to do,

[1] Имеется в виду IV Всесоюзный съезд советских писателей (16 мая 1967 г.).

for there are some clumsy passages, long sentences, and so on. Before going farther with the polishing, I want some opinions upon it. I know that it is going to make some persons "mad" and that there may be some parts that need changing. Thus I am sending it to you, as well as to a couple of persons in this country who can give me some ideas on it.

What is written expresses the conclusions that I have come to as a result of fairly extended study. It is always, of course, somewhat dangerous to write about something which is deeply engrained in the "culture" of another area, for perspectives are certain to be different. This is one of the problems of Davitaschvili's book. For all his reading, he to some extent seems to lack the feel of western thought in evolution.

I am sending a copy of the paper, with some pen corrections, under another cover. There may be some chance that it will not get there. I would very much like your frank comments on it, on the use of some of your material, upon my conceptions of dialectical materialism, interpretations of the tone and sense of philosophy in your country, and so on. It can be done easily by page and paragraph references if it seems best that you keep the paper, to which you are most welcome.

There is very little of newsworthiness here since I last wrote a couple of weeks ago. I am teaching a summer course on Quantitative Paleontology to a group of high school seniors and a few of their teachers. These come from all over the nation and are supported by the National Science Foundation. The students are tops in their classes and have an orientation toward mathematics. This means they have a much better foundation in math than I do, but we have a lot of fun and I think they learn something. Sunday we took a field trip and I introduced them into collecting invertebrate fossils, which they will use for analyses.

Late this summer my wife and I hope to go to Europe and east Africa on a short tour. We have been thinking of trying to get to your country during the summer of 1968. I would love to see it again and to have my wife get to know it and all of you. I don't know whether or not I can swing this, but at least we are talking of it.

I hope your health at least is not getting worse and perhaps that you are improving now the better weather has come. I am as usual in good shape, or else I am too "ornery" to admit otherwise. But outside of minor stiffnesses, far-sightedness, all is well, I feel about 30 as far as interest in things is concerned. I trust this will continue.

Please give my very best regards to your wife and tell her that just maybe my wife and I will come over and see you some time.

My very best regards,
as ever, your friend,
Everett C. Olson

Дорогой профессор Ефремов!

Я наконец дописал статью о диалектическом материализме или диалектике и эволюции. Не совсем так, как хотел, потому что остались некоторые неуклюжие пассажи, слишком длинные предложения и т. д. Но прежде чем приступить к окончательной шлифовке, хотелось бы узнать Ваше мнение о ней. Уверен, кое-кого она взбесит, к тому же, возможно, некоторые части стоит изменить. Поэтому я посылаю статью Вам и ещё паре людей в США, кто способен высказать какие-то мысли по этому поводу.

В статье излагаются мои выводы, к которым я пришёл после довольно обширных изысканий. Несомненно, всегда небезопасно писать о чём-либо, глубоко присущем «культуре» иной области, ибо перспектива неизбежно будет не совпадать. В этом один из недостатков книги Давиташвили. Сколь бы ни широка была его эрудиция, от него до некоторой степени ускользает философское понимание эволюции на Западе.

Направляю Вам статью с некоторыми рукописными поправками в отдельном конверте. Есть, конечно, вероятность, что она до Вас не дойдёт. Мне бы очень хотелось получить Ваши прямые замечания, без утайки, как относительно использования части Ваших материалов, так и о моих взглядах на диалектический материализм, на то, как я интерпретирую основной тон и направленность философской мысли в Вашей стране и т. д. Это легко можно сделать со ссылками на страницу и абзац, если Вы сочтёте лучшим не посылать статью обратно, а оставить у себя, против чего я, конечно же, ничуть не возражаю.

Новостей, достойных внимания, со времени моего предыдущего письма, отправленного две недели назад, очень мало. Веду курс по численным методам в палеонтологии у группы старшеклассников и их преподавателей. Они приехали с разных концов страны при поддержке Национального научного фонда. Это проявившие наилучшие способности к математике ребята. Значит — их подготовка по математике намного лучше моей собственной, но занятия проходят живо и, надеюсь, с пользой. В воскресенье мы выезжали в поле, и я показал им, как собирают окаменелости беспозвоночных, которые слушатели будут использовать для своего анализа.

В конце лета мы с женой собираемся съездить ненадолго в Европу и Восточную Африку как туристы. И начали планировать поездку в Вашу страну летом 1968 года. Хотелось бы снова увидеть СССР и показать жене, познакомить со всеми вами. Не знаю, потяну ли, но мы строим планы.

Надеюсь, что Ваше самочувствие хотя бы не ухудшается, а, может, теперь, с улучшением погоды, даже поправляется. Я по-прежнему в форме или слишком упрям, чтобы признать обратное. Но за исключением некоторого уменьшения подвижности и дальнозоркости прочее в норме, а интерес к жизни как у тридцатилетнего. И хочется верить, не ослабеет и впредь.

Передайте мои наилучшие пожелания Вашей жене и скажите, что мы с женой надеемся когда-нибудь приехать к Вам в гости.

Всего доброго, Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 56

Москва
13 июля 1967 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Получил Ваше обеспокоенное второе письмо и отвечаю незамедлительно.

Как писал в прошлой открытке, сейчас у меня полоса нездоровья более длительная, чем в прежние времена. Ещё не выходил из дому. Кое-как добываем нужное польское лекарство, которое теоретически должно помочь. «Час

Быка» медленно, но верно подвигается. В Москве засуха, ясные жаркие дни, но без катастрофической жарищи. Однако всё сохнет.

Про Вашу книгу[1] читал в «Книжном обозрении», но в продаже её не видел. Правда, они публикуют иногда месяца за два-три до реального выхода. Дела «унешние и унутренние» не радуют. Проваливаясь так, недолго влезть в «ultima ratio regis» — последний довод короля — войну. Никакого сочувствия к соотечественникам Афанеор у меня нет[2]. Шпана и дрянь, а с точки зрения туарега — вообще навоз, с которым вязаться — себя позорить. Московский кинофестиваль провалился — нет ни серьёзных людей, ни серьёзных фильмов. «Молодая гвардия» издала маленькой книжкой моё «Сердце Змеи»[3] с рисунками дегенерата и психа, подлежащего линчеванию.

Когда же будет готова квартира? Удивлён огромности суммы на ремонт — только что делал полный ремонт Чудинов: 3 комнаты — 150 р[ублей], включая обои и краски. М. б. у вас там перестройка?

Тасенька вас обоих целует, я Вас обнимаю и целую ручку Нат[алье] Алекс[еевне]. Аллан — в Сирии, и переписка пока оборвалась.

57 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
14 июля 1967 г.

Многоуважаемая Галя!

Пишу Вам на дом, рассчитывая, что Вы приедете на каникулы. Я давно не писал Вам — и Вы заняты и перегружены учением, и я продолжаю болеть — такая наступила полоса, которая тянется уже полтора года. Из-за этого и запаздываю со своими новыми вещами.

Я дал Ваш адрес кружку фантастов при парке «Сокольники». Они наверное напишут Вам с просьбой прислать им что-нибудь из Ваших набросков к «Туманности» на художественную выставку фантастики, которую они собираются устроить. Не знаю, насколько им можно доверять в смысле сохранности вещей, но само по себе начинание кажется интересным. Также я дал несколько Ваших рисунков в Ленинград, где композитор Веселов написал оперу по «Туманности». Было его выступление по телевизору 3/VII, на котором должны были демонстрироваться Ваши рисунки в качестве проэктов декораций и сцен, но, как это всегда с фантастикой (и не только с фантастикой) бывает, его выступление сократили до безобразия, и рисунки показаны не были.

Только что издали маленькой книжкой моё «Сердце Змеи» с рисунками, настолько гнусными, что их можно рассматривать только как издевательство шизофреника над нормальными людьми. Я сказал издательству («Молодая гвардия»), что запрещаю давать вообще какие-либо иллюстрации к моим вещам, а своих читателей помоложе попрошу линчевать художника, позвав меня в соответствующий момент, чтобы насладиться его корчами на верёвке.

---

[1] Дмитревский В. И. Давай встретимся в Глазго. — Л., 1967.

[2] Вероятно, имеется в виду первая гражданская война в Чаде (1966—1979). В ней участвовали представители народа тубу, к которому относится и Афанеор.

[3] Ефремов И. А. Сердце Змеи (сборник). — М.: Молодая гвардия, 1967. Художник Д. Громан.

В общем, этот псевдо-модерн распространяется всё шире, отравляя вкус даже у старшего поколения!

Не нарисуете ли мне как-нибудь идею композиции для моего экслибриса. Я хочу заказать себе такой, но боюсь, что «настоящий» (умеющий делать эти стампы график) изобразит такое, что моё сердце не выдержит. Беда в том, что у них нет настоящего понимания ни меня, ни времени, а я хочу экслибрис сложный на тему моего будущего рассказа «Легенда о Таис». Суть этой широко известной легенды в том, что Таис — афинская гетера, ставшая потом египетской царицей, была с ближайшим другом Александра Македонского — Птолемеем в походе на Персию, и когда победоносные греки захватили Персеполис и устроили пир во дворце великих царей, на пиру Таис обратилась с речью к Александру Македонскому, как он может спокойно смотреть на всю эту роскошь, созданную руками афинских рабов и других несчастных пленников — ведь великий персидский завоеватель Ксеркс восемьдесят лет назад сжёг и опустошил её родные Афины. Александр Македонский сказал, что Таис права, встал и подал ей снятый со стены факел (Таис стояла нагая на столе пиршества). И Таис подожгла с его помощью весь дворец, а с ним сгорела и значительная часть Персеполиса.

Вот мой экслибрис, и должен быть чем-то вроде этого — нагая девушка с факелом в руках, поджигающая громоздкие контуры дворца с его пилонами в виде крылатых быков с коронами и лицами царей и вообще всю эту угнетающую человека спесь и каменную громаду.

Может быть, что-нибудь набросаете удачное, а я уж заставлю графика вырезать по Вашему эскизу?

Прилагаю вырезанную из Книжного Обозрения иллюстрацию, которая мне нравится по своему характеру (не по фигуре девушки — Вы их рисуете куда как лучше) и по удачной композиции.

Само собой разумеется, что если Вы сейчас устали и нет времени на такие дела — не надо, ничего срочного или позарез неотложного здесь нет.

Сердечный привет Вашим родителям и уж, конечно, Вам самой от Таисы Иосифовны и от меня.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

P. S. [Вам прислать что-ни]будь для учения или самообразования?

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

58

Годалминг
26 июля 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your letter of July 7th, which I was very glad to receive. I am very sorry that you had heart troubles again and hope that you are keeping better now. I am afraid that you will have to go on restricting some of your activities in order to avoid a recurrence of trouble.

My hernia operation was very simple. It had not strangulated — only "obstructed" (I think that is the right term) so I did not have much pain.

As to the hospital and the number of beds in the ward, I do not think that the patients suffered any inconvenience on that account. The ward was large with big

windows and a good space between the beds. The nurses were all very well trained, kind and efficient. The cleaning was done by foreign girls, the ones I saw were, I think Italian — dark and attractive in red frocks and white aprons. They did their work quite thoroughly.

I have had two minor operations — one in 1948, the other in 1950. On both occasions I had a room to myself in a private wing of University College Hospital. This was quite luxurious with radio which one could switch on and off from the bed, a wash basin and excellent food. It was, of course, expensive. Some people argue that it is better to be in a ward with other people because 1) the life of the ward gives the patient something to watch and distracts attention from pain and discomfort, 2) one sees other people who are much worse than oneself and that is salutary.

For my hernia operation, I had to take the place in a local hospital which was available and it cost us nothing. If I had to have another operation, I do not know which type of place I should choose. Much would depend on how long I expected to stay. But I do know — and my Doctor agrees with this — that if my husband had to go into hospital, he would have to go into a private room or small ward — I am sure that he would not be able to adapt himself to the conditions in a big ward — he would now be completely bewildered. In general I think women adapt themselves to strange conditions more easily than men but this may not be true in your country.

Thank you very much for the catalogue of drawings by your friend. They are very much alive and vivid. The ones I like best are the "Self portrait" and "The Dance". "On the way home" is very clever and realistic but not so pleasing as "The Dance".

We have had an unusually good summer so far, with a lot of sunshine and not much rain — in fact gardens here are very dry. Professor Watson has been out in our garden most of the day throughout this month. There is plenty of shade as there is a group of trees and shrubs, so in the morning he can take a chair in amongst the trees and be quite comfortable. He keeps quite well but, inevitably, he is getting less active.

I heard from Dr. Findlay lately that he is hoping to publish his biography of Broom in S. Africa but when he wrote, he was busy preparing some lectures to be given in London in October. He has promised to come and see us when he is in this country.

I do not find your hand writing at all difficult to read, so please write again when you can find time. I hope you do not find mine very difficult.

At present it seems to me that the state of the world is no worse than it was when you wrote but one cannot see any hope of lasting peace in the Middle East and always there is the danger of the "Great Powers" getting involved.

My husband joins me in best wishes to you and your wife.

Yours very sincerely,
Katharine Watson

P. S. You did not report progress of your book in your last letter. I hope that you have been able to work on it.

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо за Ваше письмо от 7-го июля, которое я была очень рада получить. Сожалею, что у Вас снова были проблемы с сердцем, и надеюсь, что сей-

час Вы чувствуете себя лучше. Боюсь, Вам придётся несколько ограничивать свою активность, чтобы избежать рецидивов.

Моя операция по удалению грыжи была очень простой. Грыжа была не ущемлённой, а лишь «невправимой» (думаю, это правильный термин), поэтому я не слишком страдала от боли.

Что касается больницы и количества коек в палате, не похоже, что пациенты испытывали какие-нибудь неудобства по этому поводу. Палата была большая, с большими окнами и достаточным пространством между кроватями. Медсёстры были хорошо подготовленными, любезными и умелыми. Уборку делали девушки-иностранки, на вид — итальянки, симпатичные брюнетки в красных платьях и белых передниках. Свою работу они выполняли вполне тщательно.

У меня прежде были две небольшие операции — одна в 1948 г., другая — в 1950. Каждый раз у меня была отдельная палата в частном крыле больницы университетского колледжа. Это было довольно роскошно — радио, которое можно было включать и выключать, не вставая с кровати, умывальник и превосходное питание. Но дорого, конечно. Кое-кто утверждает, что лучше находиться в палате с другими людьми, потому что 1) жизнь палаты даёт возможность больному наблюдать за чем-нибудь и отвлекает его внимание от собственных боли и дискомфорта, 2) больной видит людей, которым намного хуже, чем ему, и это помогает быстрее выздороветь.

Для операции по ушиванию грыжи пришлось взять место в местной больнице, которое было свободно и ничего нам не стоило. Если бы мне предстояла другая операция, не знаю, какой вариант больницы я бы тогда выбрала. Многое зависело бы от того, как долго я предполагала бы там оставаться. Но я твёрдо знаю — и мой доктор с этим согласен — что, если моему мужу нужно будет лечь в больницу, ему должна быть предоставлена совсем отдельная палата или с одним-двумя соседями, приспособиться к условиям большой палаты у него не получится — он был бы тогда совершенно сбит с толка. Мне кажется, женщины приспосабливаются к непривычным условиям легче мужчин, но, может быть, в Вашей стране по-другому.

Большое спасибо за каталог рисунков Вашего друга[1]. Они очень живы и ярки. Больше всего мне понравились «Автопортрет» и «Танец». «Путь домой» очень талантлив и реалистичен, но не так притягателен, как «Танец».

У нас до сих пор стоит необычно хорошее лето, очень солнечное и не дождливое — сад даже слишком пересох. Профессор Уотсон весь последний месяц большую часть дня проводил в саду. Там густая тень от группы деревьев и кустов, утром он может устроиться в кресле среди деревьев и расположиться вполне комфортно. Он чувствует себя неплохо, но неизбежно становится всё менее активным.

Недавно я получила известие от доктора Финдлея о том, что он надеется издать биографию Брума в Южной Африке, но в тот момент он был занят подготовкой нескольких лекций, которые должен прочитать в Лондоне в октябре. Он обещал приехать повидать нас, когда будет в Англии.

Я вовсе не нахожу Ваш почерк трудным для чтения, поэтому, пожалуйста, напишите снова, когда найдёте время. Надеюсь, Вы разбираете мой.

---

[1] Т. И. Ефремова предполагает, что речь идёт о художнице А. Н. Якобсон.

В настоящее время положение в мире кажется не хуже, чем тогда, когда Вы писали, но не видно никакой надежды на прочный мир на Ближнем Востоке и всегда есть опасность вовлечения «великих держав».

Муж шлёт вместе со мной наилучшие пожелания Вам и Вашей жене.

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

P. S. Вы не сообщили, как продвигается Ваша книга. Надеюсь, у Вас была возможность работать над ней.

Перевела Мира Покорук

59 И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

Москва
29 июля 1967 г.

Дорогой Иван Иванович!

Сегодня получил Ваше письмо из Симеиза и понял, что послал Вам обещанную рукопись не ко времени (четыре дня назад авиапочтой на Одессу). Если дома кто остался, то, может быть, Вы напишете туда — переслать Вам желтый конверт обычного формата с рукописным адресом (без обратного) из Москвы.

От Аллана получили два письма, из которых следует, что у них на Евфрате всё спокойно и что он не собирается пока выбираться оттуда. Я написал ему, чтобы постарался всё же выкарабкаться — нечего ему там делать, имея здесь молодую (и красивую) жену и отличную дочь!

Согласен с Вами полностью относительно Индии — давно хочется там побывать, но не в бараньей толпе туристов, а не спеша, обстоятельно, знакомясь с людьми.

Ваша надпись на конверте, видимо, потрясла почтовиков, потому что конверт оказался надорванным с левого угла так, что содержимое могло быть рассмотрено. Вообще сейчас, очевидно, вновь начинается поворот к прежним обычаям, не в полной мере, конечно, но всё же…

А где Вы добыли Эренбурговские впечатления об Индии[1]? Мне они както не попались… Сердечный привет Вам от жены и от меня. Будьте здоровы.

Ваш *И. Ефремов*

60 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
5 августа 1967 г.

Многоуважаемая Галя!

Спасибо за письмо — оно, как всегда, хорошее и Ваши труды в Киеве Вас не изменили. Обычно человек переживает в жизни два крупных стол-

[1] Впервые очерк И. Г. Эренбурга «Индийские впечатления» был издан отдельной брошюрой в серии «Библиотека журнала “Огонёк”». — М., 1956. Позже несколько раз переиздавался вместе с путевыми очерками о Японии и Греции.

кновения с самой жизнью, после которых или закаляется, или ломается, или вообще как-то меняется. Первый удар — это около 20 лет (у одних раньше — в зависимости от обретения самостоятельности), когда детские мироощущения разваливаются одно за другим и исчезает ожидание чуда и сказки: от людей, от труда и науки, от любви — это последнее крушение часто — одно из важнейших. Вместо смутных, но глубоких ожиданий прекрасного приходит монотонная череда, в которую вкраплены интересные и драгоценные блёстки. Вот когда человек научится их сначала видеть, потом собирать и наконец, находить, тогда появляется взрослый смысл жизни — не ждать от неё подарков (а скорее — пинков), но брать самому. Второй удар — ну до него Вам ещё далеко, — около 40 лет, когда человек убеждается, что не он победил жизнь, а скорее она — его, что из целого ряда задумок ничего не получилось, что сделано убийственно мало, что женщина (или мужчина) рядом — не та, что государство им помыкает, как хочет, а он бессилен что-либо серьёзное изменить. Это означает, что пришла мудрость, и вот, если человек не озлобляется, не ломается, а спокойно изменяет свои дела в соответствии с приобретённым опытом или продолжает без иллюзий, но твёрдо вести свою линию, значит, он родился третий раз. Бывает ещё и четвёртое рождение, около 60 лет, но далеко не у всех, потому, что усталость обычно убивает мудрость.

Извините за философии — такое настроение.

Разумеется, не огорчайтесь, что не удалось поступить в этом году — вероятно, оно к лучшему, если Вы сами чувствуете, что так. Одно меня удивляет — Вы не добрали один балл, но разве всё остальное ничего не значит? Или вся куча поступающих в Худ[ожественный] институт блистает талантами? Неужели Ваши способности никак не приняты во внимание? Ежели так, то это просто дико! Подумайте, будет ли польза, если я напишу директору Института о Вас с советом принять в этом году? Или поздно? Если не поздно и стоит, то срочно сообщите точные данные института, фамилию, имя отчество директора, и я попробую. Поскольку я не родственник и не имею личной заинтересованности, то написать такое письмо нисколько не претит. А вдруг да поможет?

Теперь два слова о экслибрисе. Пожалуйста, не ставьте его себе в обязательство в смысле сделать во что бы то ни стало. Если нарисуется легко и быстро — очень хорошо, не пойдёт — не нужно, не насилуйте себя. Идею «Легенды о Таис» Вы поняли верно, но не полностью. «Подстрочная» идея в том, что нагая красота, как и истинное искусство, сильнее всяких властей и их атрибутов, нагромождённых (тем же искусством, кстати) для уничижения и умаления обычного человека. А он, этот обычный человек, как только понимает подлинный смысл жизни, делается свободным и находит всю красоту. И тогда горит ясным огнём вся эта громоздкая ерунда! Потому мне видится Таис на фоне горящего Персеполиса, между громадной статуей крылатого быка-царя и горящим дворцом. Пожалуй, чем меньше деталей, тем лучше — статуя, фронтон горящего дворца и девушка с факелом.

Сердечный привет Вашим родителям от Таисы Иосифовны и от меня. Поблагодарите Аделию Адольфовну за письмо от меня.

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

61 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
5 августа 1967 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Примите очередной отчёт в моих делах. С сердцем как будто некоторое, слабое ещё, улучшение — очевидно, от пребывания дома.

Работа над «Часом Быка» подвигается — пишется восьмая глава «Три слоя смерти», в общем уже около 10 листов, так что за половину перевалило. Сомневаюсь, чтобы при настоящем курсе в верхах роман бы имел успех. Ну, что ж, поваляется года два — не привыкать стать!

В особенности я засомневался, когда прочитал в «Комсомолке» статью секретаря ленинградского обкома ВЛКСМ о необходимости маршировать по площадям, ввести военруков в школы, перестать писать упадочные произведения о войне вроде Симонова, Бакланова, Быкова и т. д. Ежели разрешается такому холую призывать к этакому, то где уж мне с моим резко антивоенным миросозерцанием. Оно, собственно говоря, не антивоенное, но я за винтовку и против громадной военной машины, как Айюб хан — президент Пакистана. Тот заявил, что никакой индустриализации ему не надо, а от американцев он примет только одну помощь — противозачаточные пилюли. От канадцев ему нужна низкорослая пшеница особого сорта, и вот с этими двумя средствами он ликвидирует голод в стране, не в пример Индии — индустриализуется, а дохнет с голоду. Что до вооружения, то народ, у кого есть хорошие винтовки и достаточно места в горах, может не бояться никакого нападения.... Есть первобытная мудрость в нём! Но Ленинград, говорят, сейчас на первом месте в Союзе по реакционности. У вас там двойная цензура, режут кинофильмы, которые смотрятся в Москве и т. п. Не знаю, так ли, но за что купил...

По-прежнему ужасаюсь на дороговизну ленинградского ремонта. Когда я въезжал в известную Вам квартиру, то сменил ванну, унитаз с бачком, перециклевал паркет, добавил облицовку кафелем в ванной, перестелил линолеум (сначала ещё в кухне), добавил проводку (наружную, наплевать!) в кухне, передней и коридорчике. Всё это было сделано до въезда и обошлось в 300 руб[лей] + ещё 50 руб[лей] управдому, который за всем этим присматривал и сдал нам готовенькое. Неужели такая разница в ленинградских и московских ценах, или детей по неопытности попросту ободрали?

Я получил от Евгения Фирсовича пачку плёнок с новым Эргом Ноором, в тех же позициях, в каких были прошлые снимки. Он, безусловно, гораздо лучше. Об остальном, кроме страшного кадра, где на красной почве лежит некто в скафандре, суждения не имею. Обезьяна не говорит не потому, что не умеет, а потому, что ей нечего сказать!

В Москве удивительно упорное, жаркое и сухое лето. Только сейчас начали идти дожди, но жара пока стоит, не слишком сильная, но и не слабая, как раз такая, какая нужна летом. Однако при изменчивой погоде бывает, что не выхожу из дому по неделям.

Орденом, как видите, меня не наградили[1], по умыслу или по халатности, не знаю, но я снова оказался прав в оценке отношения ко мне. Видимо, купе-

[1] И. А. Ефремов был награждён орденом Трудового Красного Знамени в 1968 году.

ческая кровь даёт мне возможность смотреть на вещи трезвее, чем это делают мои доброжелатели. Если даже и раскачаются в конце концов, к юбилею не моему, а всероссийскому, то в самой задержке тоже ведь — отношение. Вы знаете, что для меня не имеет значения, орденом больше или меньше, но для оценки обстановки это показательно. Двадцать четыре года писательской работы — согласитесь, что не услышать доброго слова сверху — это не годится, какими бы причинами это не вызывалось, нижними, верхними или средними. Или, наоборот, при теперешней ситуации это надо рассматривать как награду? Занятно, в общем-то…

Тасенька целует Вас и Наталию Алексеевну, я целую ручку Н. А. и Вас — обнимаю. (Простите за перенос в нежном слове — не рассчитал.) Пишите, дорогой.

Ваш
И. А. Ефремов

А. Б. СТАСИНСКА — И. А. ЕФРЕМОВУ[1] 62

Варшава
9 августа 1967 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Ваша просьба будет после 14-20. VIII. Я Дала Ваш телефон, адрес и адрес Институту Палеонтол. на всяки случай. Надеюсь что всё будет блогополучно.

Прошу Вас, всё что Вам нада бес стесненя писать ко мне. И не думать об ничем тепер, только о своим здоровю. Я наверно ещё раз в жизни буду в вашим институте, тогда будем считатся, и тогда я буду очень рада получить такой сувенир, о каким я думаю, но пока прощу Вас не посилайте ничево, мне ничево не нада.

Дорогой Професор, желаю Вам всего хорошево, много здоровя

Уважающа Вас
Анна Болеславовна Стасинска

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[2] 63

Москва
22 августа 1967 г.

Многоуважаемая Галя!

К сожалению, я не знаю телефона устроителей выставки и не могу с ними связаться, да и письмо Ваше пришло, когда уже не имело значения 18-е.

Сейчас в Сокольниках выставка одежды, и она будет до 5 сентября. Вряд ли раньше этого срока фантастам удастся добыть помещение.

Сердечный привет от Т. И. и меня Вам и Вашим родителям.

С искренним уважением,
И. Ефремов

---

[1] Орфография и пунктуация письма соответствуют оригиналу.
[2] Почтовая открытка: Дом-музей В. М. Васнецова. Фото О. Неёлова.

64 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
24 августа 1967 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Рад был получить от Вас известие, так как немного беспокоился, всё ли у Вас в порядке.

Я чувствую себя неважно, но после того как перестал ездить в санатории, стало немного лучше. Сижу в городе и пишу «Долгую зарю». Кстати, она теперь называется «Час Быка», написано уже больше половины, более II листов. Кажется, получается более или менее интересно. Буду сидеть упорно дома, пока не кончу, да и врачи никуда не пускают.

Так что уж лучше Вы приезжайте и поговорим (правда, есть слухи, что ни в Москву, ни в Ленинград с сентября не будет командировок и поездок — очевидно, мера борьбы с ожидаемым нашествием спекулянтов к юбилейному «выбросу» товаров. Сейчас Москва наводнена чорт знает кем, хоть и нет ничего в магазинах, как и не было), поговорить есть о чём, хотя бы о проблеме мещанина, о Леме и Стругацких. Я с ними поломал копий воз, но они никак не понимают, что негативное кафкианство — не то, что нужно, тем более (и я подписываюсь под Вашими словами, как говорится, ногами и руками), что они действительно потеряли почву под ногами. Но мне кажется, что это есть свойство (специфическое) еврейского (без всякой предвзятости) ума. Они не верят ничему и не имеют никакой позитивной программы, кроме того, что мир плох, а это и без них всякий знает! Литературовед, не только — объясняй, но крой в хвост и в гриву за такое дело. Что до мещанина, то мещанин вовсе не тот, кто хочет за свою работу жить уютно и сытно и с занавесочками и чистыми простынями — это и я хочу. Мещанин — это тот, кто хочет, не имея на то права, получить за счёт ближнего побольше, чем ему надлежит, и снедаем чёрной завистью, если это не удаётся — отсюда и все его пакости. Нельзя путать двух вещей — скромной и честной работы с простыми потребностями и простой жизнью и воровства, в какой бы форме оно ни проявлялось. Ведь даже тот, кто просто лжёт, обманывая ближнего для своей личной (а нередко и ложно понятой общественной) выгоды — это тоже — вор!

Статью — присылайте. Посмотрю, только напишите крайний срок.

Будьте здоровы. С искренним уважением, *И. Ефремов*

P. S. «Вахту Арамиса» давно получил и давно благодарил. Письмо пришло?

И. Е.

65 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
25 августа 1967 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

Monday my wife and I are taking off for a short trip to Europe and east Africa. So, I thought before I left, I would write a short letter to see if all is well with you.

About 6 weeks ago I sent you the Dialectical Materialism paper and a letter saying it was coming. I hope it got there. The paper was registered so it should come back if it didn't make it, and it has not come back. Anyhow, if it did get there, I will be most interested in your comments. I hope that it didn't make you "mad". I have had two critics in this country, and they for the most part like it.

The trip we are taking will put us in Rome for three days, Athens for three days, and then some time in Kenya and Uganda. It is a strange array, involving two very standard tourist places and some rather out of the way places. But I want to see Rome and Athens, and so does Lila, and yet we sort of dislike the strictly ordinary, so we are going to look at the big game in Africa. It should be fun although it will be faster than I would like. We still hope to get to your country next year.

Of course, with the neurosis or psychosis that seems to have struck the world, where the "Molotov" cocktail and the bomb seems the answer to personal pique and lawlessness is law, who knows. I don't know what sort of slant you get on us or we on you or both of us on eastern Asia. Of course, all reporting inevitably blows up very local disturbances into a sort of unwarranted universality, but sometimes the local can be insidious. All I feel I can be quite sure of is that it is not possible to get from news media the sense of any situation as it appears to one on the scene, even with the most scrupulously honest and objective reporting. I presume this is because there is actually not absolute to events, but they are in the particular at least what each makes them and, unfortunately, their generalization into a pattern of action is in large part the result of these many particularizations.

In any event, although I am on the south side of Chicago in a fine, proudly polygot locality called Hyde Park, it has been a delightful and profitable summer. I have been working on my book, teaching the class I mentioned in my letter, and working on the amazing fauna from the Hennessey. Next spring I will go at the Hoskinnini formation in Utah and see if it will yield any bones.

I hope that your health remains as good as it can and perhaps has shown some unexpected improvement. Perhaps you have been vacationing and I hope so. This is mainly just a chatty letter, but I would like to say that the book you sent me has arrived and when I return I hope to get to reading it, it looks interesting and thanks very much. Please give my best regards to your wife.

Your friend, as always,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

В понедельник мы с женой отправляемся в краткую поездку по Европе и Восточной Африке. Но прежде я решил написать Вам весточку, чтобы осведомиться, как у Вас дела. Около шести недель назад я отправил Вам статью о диалектическом материализме и письмо, где об этом сообщал. Надеюсь, всё дошло. Пакет со статьёй послан заказным письмом, поэтому он должен вернуться в случае недоставки, но так не случилось. Если статья получена, был бы весьма признателен за комментарии. Надеюсь, она вас не «взбесила». Оба моих критика тут, в Америке, в основном одобрили её.

Будущая поездка состоит из трёхдневного пребывания в Риме, три дня в Афинах, а в завершение несколько дней в Кении и Уганде. Довольно необычное сочетание двух самых посещаемых туристами мест и тех, что вдали от обычных маршрутов. Мне и Лиле хочется увидеть Рим и Афины, но нам обоим претят банальные туры, поэтому мы решили посмотреть ещё на крупных животных Африки. Думаю, должно выйти интересно, хотя темп поездки и выше, чем мне бы хотелось. Мы по-прежнему надеемся, что удастся приехать к Вам в страну на будущий год.

Хотя в теперешней обстановке, когда весь мир охвачен каким-то неврозом или психозом, в ответ на личное оскорбление норовят бросить «коктейль Молотова» или бомбу, когда беззаконие замещает закон, планировать трудно. Неведомо, каким боком повернётесь вы к нам, мы к вам или мы вместе к Восточной Азии. Плюс репортёры неминуемо раздувают довольно локальные беспорядки в ничем не обоснованную всеобщность, но порой местные события могут незаметно накапливать взрывоопасность. Как бы то ни было, уверен — разобраться по сообщениям средств массовой информации в том, как видят события на месте, невозможно даже при самом объективном и честном репортаже. Видимо, оттого, что сами по себе события не являются неким абсолютом, их смысл — в частностях, определяющих смысл для участников, однако подведение их под некий шаблон возникает, к сожалению, в результате множества подобных уточнений.

Ну а у нас, в южном пригороде Чикаго под названием Гайд Парк, гордящемся своей разнородностью, я провёл лето весьма плодотворно. Работал над книгой, вёл занятия, о которых рассказывал в предыдущих письмах, и исследовал удивительную фауну из формации Хеннесси. Следующей весной я предприму наступление на формацию Хоскиннини в Юте, увидим — обнаружатся ли там какие-то кости.

Надеюсь, Ваше здоровье держится на уровне или даже пошло в гору. Если Вы дали себе отдых, хочется верить. Пишу про всё подряд, без особой системы, но хочу сообщить, что Ваша книга получена, спасибо большое, она выглядит очень занимательно, и по возвращении из поездки я за неё возьмусь. Передайте мои наилучшие пожелания Вашей жене.

Как всегда, Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

66 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
3 сентября 1967 г.

Дорогой Борис!

Давно не писал Вам, полагая, что Вы где-нибудь в отъезде на каникулах. Теперь-то Вы уже наверняка снова в Киеве?

Я сидел всё лето в Москве из-за плохого здоровья, так как даже в санатории и то уже стало неприятно ездить — берут с неохотой. Кстати, дома чувствовал себя несколько лучше и, во всяком случае, писал. Теперь «Час Быка» (так называется теперь «Долгая заря») уже перевалил за половину. Кажется, получается интересно.

Как-то мне не понравился тон Вашего последнего письма. Он какой-то пониклый, а, кроме того, я не совсем понимаю, что с Ларисой? Почему Лариса — чайка — ведь чайка — для женщин символ несчастья? Почему она издёргана свиными рылами и неустроена? Если есть у неё Ваша любовь, а у Вас — её, то, что такого страшного может случиться, чтобы, несмотря на это, всей издёргаться? Или что-то неладно между Вами? Тогда надо что-то менять, а, судя по письму, Вы ничего менять не собираетесь. Тогда зачем столь страшные характеристики обстановки?

Видимо, надо какое-то более подробное письмо.

Аллан по-прежнему сидит в Сирии, и когда оттуда выберется, сам не знает. Бородаевские в общем бесквартирны, но в остальном процветают. На днях Андрей должен уехать в Канаду на полтора месяца (если уедет, у нас ведь так). Общие события никак не радуют, дело идёт к закреплению всяких там зажимов, от которых страдает главным образом интеллигенция.

На студии Довженко «Туманность Андромеды» снята, монтируется, в октябре должна выйти на экран. Меня утешают, что фильм получился «ещё сравнительно ничего», но я всё понимаю, и не нужно мне утешения в том, что не могло быть…

Сердечный привет Вам от Таси и меня, также Марафеда. Самолучшие приветы Ларисе (но не чайке).

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[1]

67

Москва
5 сентября 1967 г.

Многоуважаемая Галя!

Спасибо большое за проэкт экслибриса. Фигура Таис, её лицо, поза — всё кажется мне просто превосходным, и Вы явно усовершенствовались в изображении лица (фигуры и раньше у Вас хорошо получались). Дефект — вот в чём — задний план слишком сложен и при гравировке может исчезнуть или стать непонятным. Видимо, надо что-то проще — один человекобык, кусок горящего фронтона…

Напишите мне, пожалуйста, адрес Слободского — я куда-то посеял мою запись, а он мне давно не звонил. Конечно, я не возражаю, чтобы работы Ваши дали мне на хранение. Не знаю ещё, что у них выйдет с выставкой, но если она получится, то у меня есть план…

Интересно, кстати, какое время Вам понадобилось бы, чтобы сделать 15 заставок пером к книге?

Привет маме и папе, Вам — от меня и Таисы Иосифовны.

Ваш
И. Ефремов

[1] Открытка с иллюстрацией к стихотворению А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

68 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
7 сентября 1967 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Я посмотрел Вашу статью, она мне понравилась, и я не нашёл в ней никаких погрешностей противу научных истин. Это не значит, конечно, что Вы полностью застрахованы от любого учёного холуя, коему вздумается показать «учёность» и унизить «писаку». Подсвечниками за шулерскую критику у нас, к моему великому сожалению, не бьют и даже на дуэль вызвать невозможно. Поэтому Вы не застрахованы от псевдонаучной лжи, ибо именно псевдоучёные такими делами и занимаются, будучи слабы в своём прямом. Но к этому надо и относится соответственно…

Я бы добавил на стр[анице] 332, строчка 17 снизу (на месте перебива набора) следующее: «Один из крупнейших астрофизиков нашего времени, автор оригинальной космогонической теории (тоже пишущий научную фантастику) Фред Хойл в 1964 году в своих научно-популярных лекциях “Человек и Вселенная”, “О людях и галактиках” отстаивает идею, тождественную Великому Кольцу, и также считает, что высшие мыслящие формы во Вселенной должны быть и сходны и человекоподобны».

Это, как видите, не поправка, а дополнение. В остальном ничего сказать не могу, кроме похвалы. Впервые статьи по научной фантастике пишутся у нас на таком серьёзном и, я бы сказал, гуманистическом уровне. Теперь о моих делах.

Перемена названия не имеет ничего общего с идеей «быков» в «Туманности». «Час Быка» по-тибетски, монгольски, вообще для всех буддийских стран — это два часа ночи, время перед рассветом, когда властвуют демоны. Это название кажется мне более точным и резким, чем «Долгая заря», так как речь в романе идёт о моменте, когда коммунистическая заря ещё не наступила, а это именно время перед рассветом. «Долор игнис анте люцем»[1], как говорили римляне.

Роман стал подвигаться наконец как следует. Пока машинописного 280 стр[аниц], думаю, никак не превысить верхнего лимита в 400 стр[аниц]. Как будто интересно…

У меня к Вам одна просьба — посоветуйте, что мне делать с письмами читателей. Их накопилось порядочно, делать с ними что-нибудь у меня нет возможности и не будет, поэтому я думаю, что их следует сжечь.

Но, может быть, их передать куда-либо, скажем, в Ваш ин[ститу]т, может быть, кто-нибудь ими когда-нибудь займётся? Может быть, кто из будущих Ваших помощников просмотрит их — тут весь СССР и все контингенты?

А ежели не нужно, то предать огню, чтобы не попали научной «черни».

Помните, у Омара Хайяма:

Мне чернь учёная достаточно знакома,
Чтобы тетрадь заветную свою
При ней не открывать!

Очень согласен, что со Стругацкими в том и трудность, что ударив по ним, попадёшь по всей фантастике о будущем вообще, и можно вызвать не-

[1] «Свирепая тоска перед рассветом» (лат.).

желательный резонанс. Но всё же, мне кажется, что поучить малость надобно, тем более, что иногда у них начало вылезать нечто националистическое... Подумайте, как это сделать.

Между прочим, нет ли в Ленинградских библиотеках — Публичке и БАН'е такой вот книги: Abraham Merritt. The People of the Pit[1] (beg your pardon[2]) или старых н[аучно]-ф[антастических] альманахов (американских) за 1926—27 гг. типа Amazing Stories[3], Fantasy Stories[4]. Не встречались они Вам?

С пожеланиями доброго здоровья и приветом,
Ваш
И. Ефремов

P. S. Статья послана Макаровой.

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
10 сентября 1967 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Это письмо не имеет определённого дела, кроме как справиться о Вас. Что-то Вы примолкли... Всё ли у Вас благополучно? Собирались быть летом в Москве, но, поскольку я был лето в Москве и Вы не позвонили, то с поездкой не вышло?

Я с весны побывал в двух санаториях, стал чувствовать себя всё хуже и хуже. Наконец мы с Таисой Иосифовной пришли к твёрдому решению — быть дома, никуда не ездить, ни в санатории, ни на дачи.

И в результате после лета, проведённого в Москве, я стал покрепче, стал больше работать. Сейчас новый н/ф роман «Час Быка» (бывшая «Долгая заря») уже написан на ¾. Буду сидеть упорно над ним и дома, пока не кончу и пока со здоровьем не станет получше, а то было приступы кардиальной астмы замордовали.

Как Ваши дела? Как подвигается перевод Авалона? Я что-то вдруг стал сомневаться, надо ли в настоящий момент переводить всю сложную систему тантрических учений и Кундалини-иоги? М. б., полезнее сделать экстракт, применительно к потрясающему невежеству нашего времени, отбросив тонкости доказательств, ритуалов и определений?

С удивлением узнал, что, например, Анни Безант была величайшей поборницей ознакомления женщин с противозачаточными средствами и вообще их полового просвещения, за что даже была судима английским судом. Надо же иметь такую великую прозорливость за почти сто лет до кризиса с перенаселением! Вот о чём надо писать! Я, кстати, получил книгу о противозачаточной биологии со всей историей этого дела, пользующуюся широчайшим распространением по всему миру, за исключением, конечно, нас. Удивительно интересно! И как может

---

[1] «Люди бездны» — повесть Абрахама Меррита (1918).

[2] Прошу прощения (англ.).

[3] Американский журнал (1926), первый англоязычный журнал, полностью посвящённый научной фантастике.

[4] Очевидно, имеется в виду американский журнал Fantastic Stories (1952—1980), специализировавшийся на фэнтэзи.

обезоружить деспотии, использующие колоссальные массы невежественного и голодного народа для тёмных политических целей! Недаром Айюб Хан, президент Пакистана, отказался от индустриализации, объявив, что ему надо от западного мира две вещи — американские противозачаточные пилюли и канадскую высокоурожайную на засушливых почвах пшеницу. С этими двумя факторами он берётся через 20 лет изничтожить хронический голод в стране и растить полноценных, хорошо воспитанных людей. Умён!

Напишите, как Ваши дела. Буду рад весточке. Таиса Иосифовна Вам кланяется.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

70 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
16 сентября 1967 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Вот так и бывает в жизни... 25 августа я был проездом в Москве, звонил к Вам (между 11 и 12 часами), никто не отозвался, и я решил, что Вы или на даче, или в санатории.

Я предполагал приехать в Москву дней на 5, но жена уговорила побывать на Дальнем Востоке у сына Льва (Вы его знаете), поэтому маршрут я выбрал немного, может быть, странный, но охватывающий всё и вся: выехал поездом в Новосибирск, побыл 3 дня там у сестры, сел на самолёт и на следующий день был во Владивостоке — городе моей юности... Ничего похожего, город вырос в 4 раза. Но от тамошнего климата я уже отвык, это не помешало мне усиленно купаться в Амурском заливе на ст[анции] Океанская. Затем на электричке уехал в Хороль, где база работы сына. Пробыл там несколько дней и вместе с ним уехал на плотину, что он строит (почти у китайской границы — 28 км). Чудесное место: горы, лес, речка, грибы и т. п. Купался и загорал (хотя и нельзя). Затем вновь Владивосток на несколько дней и экспрессом «Россия» в Москву. Приехал утром, пытался связаться с Вами — неудачно, посетил Ф. П., получил у него плёнки микрофото-копий «Гигиена иоги» и «Изложение учения Гурджиева», пока не перевожу, а только читаю и, нужно сказать, что первая написана в «американском» духе, а вторая, пожалуй, хуже, чем содержание лекций П. Успенского. Авалона я не перевожу, т.к. у меня его нет, он только обещан Ф. П. при личной встрече.

С апреля по отъезд я переводил и перевёл замечательные лекции П. Успенского под общим названием «Четвёртый Путь». Это глубокое психологическое исследование, сопровождаемое практическими советами для работы над своей психикой, своеобразное вступление к Раджа-иоге для современных людей, живущих в обществе. Сейчас редактирую перевод. Хватит ещё месяца на два. Читали ли Вы эти лекции, они, оказывается, имеются у Ф. П. уже в его переводе. Английский текст я получил от него же. Так что можно рассматривать предложение перевести как своеобразное испытание моего терпения и настойчивости. Я доволен, что испытание выдержал, всё-таки 412 страниц! Одновременно пытаюсь применять советы Успенского. Поскольку я прибыл в Москву после полуторамесячного путешествия со сменой различных климатов, чувствовал себя не совсем в норме, да в обратной дороге открылось кровотечение из стенок кишок, оно бывало и раньше по-немногу, просто трещинки, а тут

отсутствие режима, иоговских асан, нормирующих жизнь, и т. д... Поэтому, подумав, что Вас в Москве нет, в печали вечером же уехал домой...

Беседовал с Ф. П. Он мне поставил в упрёк, что я интересуюсь эзотеризмом и одновременно являюсь коммунистом. Я парировал тем, что я последователь Карма-иоги. Так и не убедили друг друга, да я и спорить-то не хотел... Вообще же он мне понравился.

Приехав домой, я застал письмо от жены Бориса Леонидовича Смирнова — Людмилы Эрастовны, которая рассказала о последних днях Б. Л., что Академия наук СССР решила переиздать полное собрание томов «Махабхараты» в 10 томах! Она привела последние мысли Б. Л.: — «Если хочешь работать — работай здесь и сейчас; каждый поставлен в наилучшие условия для внутренней работы. А если он ищет «условий» и откладывает «на потом» — толка не будет!» Затем, указывая, что церковь, эзотерич[еские] школы разрушены, он добавил — «Мудрее нас жизнь, Она знает, что делает. Значит, сейчас нужна иная форма работы».

Эти слова Б. Л. я рассматриваю как поддержку меня в споре с Ф. П., тем более, что слова были сказаны по времени и к месту.

Сын Лев просил передать Вам, если я увижу Вас в Москве, его почтительное приветствие, пожелание не болеть, новых книг, которыми молодёжь зачитывается, над которыми размышляет...

Новый роман «Час Быка» будет печататься в журналах или сразу книгой? Жду с нетерпением.

Кардиальная астма? Почему медицинская пресса пишет, что с нею уже врачи справляются? А на практике нет? Чем же лечат?

У меня начался новый учебный год, и всё завертелось... В добавление ко всему Академический Институт (из Ленинграда) Рабочих школ решил, по заданию Правительства, глубоко изучать знания и работу ряда ШРМ[1], в число которых попала и моя школа. Это значит не будет покоя весь год, включая экзамены.

Вернулся из экспедиции в район Енисея, там, где строится новая эл/станция,— младший сын, он закончил 3 курса археологического отделения Ленинградского Университета и в этом году самостоятельно вёл раскоп. Говорит, что обнаружил много интересного. Возмужал, загорел, даже вырастил рыжую бородку... Доволен судьбой и собой. Масса фотографий. На будущий год полагает ехать туда же, т.к. имеет уже приглашение руководителя отряда проф[ессора] Грязнова. Отряд у них большой, более 200 человек.

С сердечным уважением, мой неизменный и почтительный привет Таисе Иосифовне.

Г. Портнягин

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
17 сентября 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for another book with beautiful pictures of Ostankino, one of the “stately homes” of Russia. These palaces belong to a world that has

[1] ШРМ — школа рабочей молодёжи.

passed away in Europe though I have seen descriptions of larger and more elaborate ones being built in the new states in Africa!

Recently, some of your books have been lent to an old Russian lady, a patient of our Doctor. She has lived many year in England, but in old age she went back to the language of her childhood, so she enjoyed seeing Russian books and looking at the good pictures. Now, she has had to go into a nursing home and our Dr. no longer attends her.

My neighbour in flat 3 also borrows some of the books you have sent. She is very much interested in painting and works of art and appreciates the beautiful reproductions in these books.

Our good summer is over now but today it has been sunny again and my husband and I both spent some time in our garden. I am afraid that he will be less happy now when winter comes. He has spent most of his time in the garden lately and as he walks less, he will not be able to get outdoors so much now.

I am still hoping to hear news of you and of how you are getting on with your books — I expect you are very busy and cannot find time to write.

My geological daughter has just got back from Canada but I have not seen her yet. She rang up yesterday to announce her return and we hope to see her one day this week.

It is time for me to go and finish preparations for supper so I will end with best wishes to you and your wife, from Professor Watson and

Yours very sincerely,
Katharine Watson,

Sept. 18th 1967

I wrote the foregoing last evening and this morning came your welcome letter. So now I will add something in answer.

I feel sure that I did thank you for the big album of Russian sculpture in my last letter. But I do thank you again. I have not yet got familiar with the pictures in it — one needs to look at such works quite often. But I had noticed the Venus of Vitaly specially and think it very fine. The detail of the foot is beautiful. I also like the «Lad playing knucklebones» by Stepanovitch and, of course, the ones by Konenkov, of whose work you sent me an album which I enjoy again and again.

Thank you for the names of books which you would like. I will order them I hope that most of them are still in print. Some of these paperbacks vanish very quickly.

I am very glad that you have made good progress with «The Hour of the Bull» — I hope it still goes well so that you may get on to the palaeontological work.

I expect to see Dr. Findlay next month and I will tell him of your request. I think the delay is due to difficulty about finding a publisher, but he wrote that he was going to try a South African firm and I hope that succeeds.

It is hard that you and your wife have to leave Moscow because of the probably intrusion of tourists and other people, especially as your health does not allow you to go far away and really enjoy a holiday. In this country there are many complaints of newspapermen pushing their way into the homes of people in the news. It is very good that your wife can defend you — to some extent at least.

I looked at the fallen leaves on my way into Godalming this morning and many do lie with the underside upwards so perhaps we too may have a mild winter.

Again, cordial greetings and wishes —
K. W.

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за новый альбом с прекрасными фотографиями Останкино, одной из усадеб России. Эти дворцы из уходящей Европы, хотя я видела описания более крупных и сложных, возведённых в новых африканских государствах!

В последнее время я давала некоторые из Ваших книг почитать одной пожилой русской даме, пациентке нашего доктора. Она многие годы прожила в Англии, но в старости вернулась к языку детства, с удовольствием просматривая русские книги и альбомы. Теперь ей пришлось переехать в дом престарелых, и наш доктор больше её не посещает.

Моя соседка из квартиры № 3 тоже берёт некоторые из присланных Вами книг. Она очень интересуется живописью и произведениями искусства и высоко ценит прекрасные репродукции в этих книгах.

Наше славное лето подошло к концу, но сегодня снова было солнечно, и мы с мужем вдвоём некоторое время посидели в нашем саду. Боюсь, что с наступлением зимы он будет не очень счастлив. Он проводил в саду большую часть времени, и, поскольку ходит он всё меньше, теперь не сможет покидать пределы дома.

Я по-прежнему надеюсь услышать новости о Вас и о том, как продвигаются Ваши книги. Предполагаю, что занятость мешает Вам написать.

Моя дочь-геолог только что возвратилась из Канады, но я ещё не видела её. Она позвонила вчера, чтобы сообщить о своём возвращении, и мы надеемся увидеться с ней на этой неделе.

Пора заканчивать приготовления к ужину, поэтому завершу наилучшими пожеланиями Вам и Вашей жене от профессора Уотсона и

искренне уважающей Вас
Кэтрин Уотсон

18 сентября 1967 г.

Предыдущее я написала вчера вечером, а сегодня утром пришло Ваше долгожданное письмо. Хочется кое-что добавить в ответ.

Уверена, что в своём последнем письме благодарила Вас за альбом русской скульптуры. Но благодарю ещё. Я пока не ознакомилась как следует с репродукциями — такие работы требуют неоднократного просмотра. Но особо отметила Венеру Витали[1] и считаю, что она прекрасна. Стопа проработана великолепно. Также мне нравится «Парень, играющий в бабки» Степановича[2] и, конечно, скульптуры Конёнкова, альбом работ которого Вы присылали мне, и которым я наслаждаюсь снова и снова.

Спасибо за новый список названий книг, которые Вы бы хотели иметь. Я их закажу и надеюсь, что они по большей части ещё допечатываются. Некоторые из этих книг в мягких обложках расходятся очень быстро.

Очень рада, что «Час быка» хорошо продвигается — возможно, Вы доберётесь и до работы по палеонтологии.

Я рассчитываю увидеться с доктором Финдлеем в следующем месяце и передам ему Вашу просьбу. Думаю, задержка связана с трудностями в поис-

---

[1] «Венера, снимающая сандалию» — статуя И. П. Витали.

[2] Имеется в виду Николай Степанович Пименов.

ках издательства, но он писал, что собирается попробовать южно-африканскую фирму и, надеюсь, успешно с этим справился.

Неприятно, что Вы с женой вынуждены покинуть Москву из-за возможного вторжения туристов и прочего народа, тем более Ваше здоровье не позволяет Вам уехать далеко и по-настоящему отдохнуть. В нашей стране много претензий к газетчикам, делающим репортёрскую карьеру на вторжении в частную жизнь. Очень хорошо, что Ваша жена может Вас защитить — до некоторой степени, по крайней мере.

Сегодня утром по пути в Годалминг я присмотрелась к опавшим листьям: многие в самом деле лежат нижней стороной кверху, и, возможно, зима у нас тоже будет мягкой.

Снова сердечные приветствия и пожелания —
К. У.

Перевела Мира Покорук

72 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
21 сентября 1967 г.

Dear Prof. Efremov,

Once again I must beg your pardon for being so slow to answer your letters. But by now, no doubt, you realize that I am always slow about correspondence. Partly this is because, after a hard day of writing for a living, I simply cannot make myself also write letters. And then partly it is because my free time is often taken up with other things.

We have rather large grounds around our house, for example — half an acre, which is somewhat more than one hectare, though not all of it is under cultivation — and so I have to spend several hours per week in the garden. Then I am an active member of several professional and social organizations. And of course one also spends time with close friends or simply with one's own family.

At the moment, among other things, I am preparing to take part in some activities of our medievalist society. We will have another tournament at the end of the month. And then, in the middle of October, we will hold a live chess game. For this, there will be two groups — our San Francisco people have challenged those from Los Angeles — set out on a field marked into squares. Each man will have the role of a chess piece, and the different kinds of pieces will have their own characteristic weapons. (I am supposed to be a knight, with broadsword and shield.) They will move according to the ordinary rules of chess, as directed by the chess master of either side. But when there would normally be a capture, there will here be a combat between the two men under tournament rules. The "piece" which loses the combat will be the one which is captured; however, the losing side is then entitled to make the next move. It should be quite interesting, although I am afraid that it will be rather weird chess!

I am also organizing next year's meeting of the Western branch of the science fiction writers' association. Besides a banquet, at which awards, etc., are presented, we want to have a conference on questions of mutual interest.

But enough of my own doings. I mention them only to explain why I have been so slow to write.

Thank you for the beautiful book about Alexandre Yacobson. The pictures are charming. I have not yet received the Russian-English dictionary, but look forward to it very much.

This raises the matter of sending books to you. I'm very happy to do so. There are a couple of problems we had better solve, however, before getting too ambitious. First, of course, as you pointed out, you already have many works; there is no sense in my sending you other copies of these. Then second, there is the matter of registration. I would naturally do this for anything at all valuable. But some packages will be of paperbound books which cost very little. For some reason — probably a Soviet postal regulation — I may only send two books in any package. And the American post office charges quite a high fee for registration. I will pay this if I must; but really, if the money can be saved, I would have it to spend on more books for you.

I have therefore started an experiment and sent you two paperback volumes by ordinary mail. One is a collection of stories by Robert Heinlein, another is a similar collection by Stanley Weinbaum, who was one of the great early masters of American science fiction. If you receive these in a reasonable time, then I think we can count on your getting other paperback books by ordinary mail — and I can very easily send you a large number of packages with two books in each. However, if you have not gotten them in another month or two, we had better suppose they went astray, and I had better register everything. These two books are good, but the editions are cheap and easily replaced; that is why I chose them for the experiment.

Most of our best science fiction is available now in such inexpensive editions. For example, there is E. E. Smith's six-volume "Lensman" saga; de *Camp's* stories of humor and adventure; most of the *Heinlein* novels from the Golden Age of *Astounding*; etc., etc. In fact, I am told that most of the A. Merritt books have recently been reprinted. As soon as I can find them, I will get them for you.

The best one-volume collection is the anthology "Adventures in Space and Time", edited by Healy and McComas. This contains an enormous number of the Golden Age stories which Alva Rogers mentions. Unfortunately, it is long out of print. But perhaps I can find a copy for you.

A friend of mine in New York has a large collection of s-f magazines going back many years. He also has free use of photocopying equipment, and says he will gladly try to make copies for you of some of the stories you listed. It is not certain that he will succeed, because the magazines cannot be laid out flat beneath the machine. But if it does work, you will get some things that way.

Turning to other kinds of writing, I will try to get some of the other books you wish. Living outside of any town, I do not get to bookstores every day, but it should not be too long before I have some occasion to go to Berkeley where there is a wide selection.

I don't know if you would really care for our "Gothic" novels, however. This word has had a curious evolution. The original Gothic stories, you remember, were those which had some fantastic or grotesque element. (Do you know the works of Isak Dinesen? She was a wonderful writer, and her "Seven Gothic Tales" is a classic.) About 25 years ago there appeared a novel "Rebecca", by Daphne du Maurier: quite a good suspense story, about a young girl coming to live in a huge old house where the family had a terrible secret in their past. A movie was made from it, and several years ago the book was reissued, being quite properly called a Gothic novel. It became enormously popular, and many imitations were therefore published. These

were also called Gothic. But you see, it had become a formula. The "Gothic novel" in America today always has an innocent young woman, a gloomy old mansion, a handsome but mysterious young man belonging to a rather sinister family — and, in short, when you have read one of them, you have read them all. I will gladly send you one or two if you like, but honestly think it would be a waste of your time to read them.

At any rate, I will do my best to get anything for you that you specifically wish to have, and will also from time to time send you things I find myself that may interest you.

Of course, Dr. Borodayevsky should be able to find a number of items on sale in Canada while he is there, and bring them back in his luggage. We were delighted when he telephoned to us from Montreal.

Before leaving the subject of books, I would like to ask if you have certain ones which I think are of special interest. Isaac Asimov's Foundation series. J. R. R. Tolkien's three-volume The Lord of the Rings. Frank Herbert's Dune. The historical novels of L. Sprague de Camp (all in the Hellenistic era) — and, if it can still be gotten, his story of time travel to Ostrogothic Italy, Lest Darkness Fall. Also historical, Frans Bengtsson's excellent, often very funny novel of the Viking era, The Long Ships. (That is the English name; it is originally a Swedish book, and has perhaps been translated directly into Russian.) I recommend all of these very highly.

This brings us again to the subject of history itself. I was most interested to see your proposed origin of the name "Russia". It sounds reasonable to me. I suppose we will never be certain. It reminds me of something I learned years ago, while visiting Denmark. The place names in that country are all characteristic of the eras when towns were founded, so that by looking at a name you can tell within a century or two when the settlement began. For example, the ending — rød, as in Hillerød, means a clearing in the forest, and such places are quite old, from 1000 A. D. or earlier. The ending — rup or — strup is a corruption of — torp, English "thorp", meaning a hamlet, whose inhabitants often all belonged to the same family; Gundestrup is actually Gunnar's Thorp, from the early medieval period. A name like Haderslev is middle medieval, with — lev meaning "heritage". (Haderslev is Hadding's Heritage, i. e what Hadding left for his descendants.) And so on; I have forgotten the details. The interesting thing is that some villages have names which will not fit into any system and do not seem to mean anything. It is conjectured that these place names go straight back to the Stone Age! Have you anything similar in Russia? (I was most interested to read, some time ago, of the buried paleolithic hunter who was found in recognizable condition north of Moscow.) I wonder if the Neolithic North Europeans may not have spoken languages akin to Basque — since the so-called Battle Ax people who entered ca, 1800 B. C., when Northern Europe was still Neolithic, appear to have been the ones who brought the Indo-European languages,

(My wife once published a humorous fantasy story about how the mythical war between the Centaurs and men was finally settled. Obviously the men spoke Homeric Greek; but what about the Centaurs? Without actually saying how she got their names, place names, etc., she took them from the Basque! — You have probably heard the old folk tale of how the Devil wished to come back to Heaven. As a penance, God told him he must first learn the Basque language. After seven years he had learned just one word and could not use even it correctly; so he gave up and went back to Hell.)

A propos, where do you think the Indo-European cultures originated? (I say "cultures" because of course there were numerous different incursions into different parts of the world, over a period of a thousand years or more; and the invaders were not of one race, but seem to trace elements of their languages, religions, social organization, etc. back to some common source.) I doubt very much the theory that some have proposed, the southern Baltic littoral; it would seem a very poor area to develop the horse-drawn chariot that was the great Indo-European military invention. The most popular view at present, at least in those sources I have read, traces them back to what is now Poland. But this seems unlikely to me also, because it is so far from the areas like Anatolia where Indo-Europeans make their first recorded appearance. To me, southern Russia still looks like the most plausible homeland. However, I am only an amateur.

I wonder also what your opinion as a paleontologist is of the South African discoveries of very early proto-man and the interpretations made of them. It seems reasonable to me that the Australopithecines may have evolved there, as primates which first took to carrion-eating and then to hunting, and that all later hominids are descended from them. But there is no proof as yet. (Certainly writers like Robert Ardrey, who claim that this heritage gives us an instinct to kill, go far beyond the evidence.) Recently the anthropologist Carleton Coon has started a good deal of controversy by advancing the idea that the different races of Homo Sapiens — he lists five, Caucasoid, Mongoloid, Australoid, Capoid, and Congoid — originated at different places and different times: that is, that their common origin is pre-Homo Sapiens rather than in some primitive form of full-fledged humanity. He has been called a racist for this, but of course that is nonsensical; if the ancestral lines really are that different from each other, it has nothing to do with any "superiority" or "inferiority" of one kind of man as against any other kind of man. (All these questions are very much in my mind just now, because I have promised to write a short popular account of the new discoveries about human evolution, and have therefore been studying the subject with some intensity.)

Turning back to recorded, specifically medieval history: I am not as sure as you that Christianity in itself was a civilizing influence. That is, the ethical imperatives — kindliness, honesty, etc, — have been developed again and again in many different cultures. And in fact, the early Christians were just as violent as anyone else. Often they were more so, in that they fought religious wars. (Pagans could afford to be tolerant, but the Judeo-Christian-Moslem tradition demands conformity.) It seems to me that what was important was the Church, as the preserver and transmitter of some fragment of the Classical heritage, and as a unifying influence. (Thus, for example, while the English and the French hated each other for centuries, they retained a common Catholicism; if nothing else, it was a medium by which some exchange of ideas continued between them.) It is true that the Church gradually became more and more tyrannical. But in Western Europe, if not in the Orthodox countries, there was always a tension between Church and State which prevented either from gaining complete control. Thus a degree of individualism could continue to exist. And much modern democracy traces back to the Protestant Reformation, which as you know was originally an attempt to purify a corrupted Roman Church.

Well, actually, the Reformation was much more than that. Luther was by no means the first Protestant; he was simply the first one who succeeded, where predecessors like John Huss had failed. Because of the contradictions built into it, together with the requirement of doctrinal purity — a requirement that most religions have

never had — Christianity has kept turning up the same heresies again and again For example, the modern Unitarian Church is only one version of the ancient Arian belief; and Arianism, as you know, was an attempt to restore a monotheism that the doctrine of the Trinity threatened. Likewise, the Mormon Church here in America — which really seems to belong in some science fiction story! — is essentially Gnostic. For that matter, the original Catholic-Orthodox dispute turned on the question of the exact nature of the Holy Ghost, as you of course know better than I do.

To be sure, practical questions also entered. The Patriarch in Constantinople had good reasons not to admit that the Pope in Rome was supreme over him. Likewise did European monarchs often resist Papal authority; the French kings even took the Popes to Avignon for a while, you remember. However, even this had a doctrinal side. What was the God-given power of the bishop of Rome? How should Christ's remark to St. Peter be interpreted? If Protestantism had been nothing but a reform movement, it would have revivified the Church (as the Cluniac reforms did in the 11th century) rather than broken it apart. But the basic Protestant position could not possibly be reconciled with the Catholic. For example, the Protestants maintained that good works were of no avail for salvation; faith was the necessary and sufficient requirement. This directly contradicted Catholicism. Still more important to the development of the modern world was the logical consequence of that doctrine. If faith was necessary, then it must be something which every individual understood for himself; it could not be a simple question of mechanically saying prayers and attending services. Coupled with the new invention of printing, this positive requirement that everyone read the Bible tended to produce large-scale literacy. And, of course, with so many people thinking for themselves on religious questions, heresies begot heresies; the Lutheran church splintered into hundreds of different sects; and in the absence of a single powerful Church, the modern secular state could develop. Yet it could not be an all-powerful secular tyranny; it had to compromise with too many different kinds of opinions.

Well, I did not mean to go on at such length. The point I was trying to make was simply that I think the Church and its theology were vital to the development of the modern world, whether for better or for worse; however, the Christian ethic was nothing unique, and something akin to it would have developed eventually among the worshippers of Odin, Perkunas, Kernunnos, and whatever your aboriginal Russian father-god was.

We might amuse ourselves for a moment with a speculative world-of-if concerning our friend Harald III of Norway, son-in-law of Jaroslav the Wise. In his day, Norway was under the Archdiocese of Bremen, together with Denmark. Denmark lay closer to Bremen than Norway, and Harald's rival, Svein of Denmark, was in good repute with both Bremen and Rome. (In fact, Svein corresponded regularly with Hildebrand, who later became the great reforming Pope Gregory.) Thus, very largely to prevent the Church of Norway from being packed with prelates hostile to him, Harald claimed the right to name bishops within his own kingdom — a very basic right, as you can readily understand. The Pope sent messengers to protest. Harald replied, "I know of no archbishop in Norway other than myself".

The matter does not seem to have gone further than that, probably because Harald perished not long afterward in his attempt to conquer England, and his son — being at peace with Denmark — had no reason to quarrel with Rome. But let us suppose that Harald had beaten, first the English, then the Normans. He would

have become one of the most powerful kings in Europe. If he had stayed by his position regarding the investiture of bishops, the dispute might have gone so far that the Pope excommunicated him, or even put his entire empire under the interdict. But unlike King John of 13th-century England, Harald had other places to go, and need not have yielded as John did. After all, his wife was Russian; he had many Russian connections of other kinds; he must have attended many an Orthodox service during his wanderings; the schism between the churches was still quite recent. In short, he might possibly have brought Norway and England into the Orthodox faith! Whether or not this would have succeeded in the long run, I don't know — nor whether other countries like Denmark and Sweden would have been attracted into the same orbit — nor any other consequences — but it is fascinating to speculate about.

Well, I have simply been rambling in my mind, as I sat at the typewriter. You have surely been very bored by all this, and in any event it is near supper time, so I shall stop. First, though, I would like to say that I enjoyed your story reprinted in *The Magazine of Fantasy and Science-Fiction*. If you have not seen a copy, I will be glad to send you one (In fact, if you would like to have subscriptions to some of our magazines, I will arrange it if possible.) I hope to hear from you again at your convenience. Please do not hesitate to let me know what you would like to have in the way of books, etc from the USA. You have been so generous to me that I will be very happy to do what I can. In the meanwhile, our best wishes to you and your family.

Sincerely,
Poul Anderson

Уважаемый профессор Ефремов!

Ещё раз прошу прощения за то, что так долго не отвечаю на Ваши письма. Одна из причин в том, что после тяжелого творческого дня я не могу заставить себя сесть за письма. Также многое другое отнимает моё свободное время. Мы имеем большой участок земли вокруг дома (около полуакра, больше гектара, хотя он и не весь обработан), и я должен хотя бы несколько часов в неделю проводить в саду. Кроме того, я являюсь активным членом нескольких профессиональных и общественных организаций. И, конечно, время уходит на общение с близкими, друзьями и семьей.

Сейчас помимо других дел я готовлюсь к участию в некоторых мероприятиях нашего общества медиевистов. У нас будет ещё один турнир в конце месяца. И потом, в конце октября, мы проведем живую шахматную игру. Для этого будут собраны две группы — наши из Сан-Франциско вызвали лосанджелесцев — на поле, разделённое на квадраты. Каждый человек играет роль шахматной фигуры с заранее оговоренным вооружением (я должен был быть офицером с палашом и щитом). Фигуры будут передвигаться согласно шахматным правилам, направляемые игроком своей стороны. При захвате будет происходить сражение между двумя людьми по правилам турнира. Проигравшая «фигура» захватывается, но проигравшая сторона получает право сделать следующий ход. Это должно быть интересным, хотя, боюсь, выйдет довольно странная партия.

На следующий год я хочу организовать встречу Ассоциации писателей-фантастов Западного побережья. Кроме банкета, на котором будут награждения и т. д., мы хотим провести конференцию по интересующим нас вопросам.

Но достаточно о моих делах. Я их упомянул в объяснение своего молчания.

Спасибо за книгу об Александре Якобсон[1]. Очаровательные иллюстрации. Русско-английский словарь я ещё не получил, но с нетерпением жду его. В связи с этим — о посылке книг Вам. Я с удовольствием сделаю это. Есть пара проблем, которые нужно решить, прежде чем размахиваться слишком широко. Первое: как Вы упомянули, у Вас уже имеется многое; мне тогда нет смысла посылать Вам дубликаты. Второе: отправка заказной бандеролью. Я бы, конечно, прибег к такому способу ради чего-то по-настоящему ценного. Но некоторые посылки будут состоять из дешёвых книг в бумажной обложке. По некой причине — вероятно, советское почтовое предписание — я не могу послать более двух книг одной бандеролью. Американская почта требует довольно-таки высокую плату за регистрацию. Если других вариантов нет — я заплачу; но, если деньги можно сэкономить, я лучше потрачу их на большее количество книг для Вас!

Поэтому, я поставил эксперимент и послал Вам простой бандеролью две книги. В одной собрание рассказов Роберта Хайнлайна, другая — сборник Стэнли Вейнбаума, который был одним из лучших ранних американских писателей-фантастов. Если Вы получите это через приемлемое время, тогда, думаю, мы можем рассчитывать в дальнейшем на получение Вами дешёвых книг почтой — и я довольно легко смогу посылать вам большее количество бандеролей с двумя книгами в каждой. Если Вы не получите их в течение одного или двух месяцев, мы решим, что они пропали в пути, и я лучше буду регистрировать всё. Обе книги хороши, но издания дешёвые и их довольно легко заменить новыми, поэтому я и выбрал их для эксперимента.

Большая часть нашей научной фантастики доступна в таких недорогих изданиях. Например, есть шеститомник Э. Э. Смита о Линзменах; юмористические и приключенческие рассказы де Кампа; многие романы Хайнлайна, публиковавшиеся в журнале «Astounding» в Золотой Век[2], и т. д. и т. п. Мне сообщили, что большинство книг А. Мерритта недавно были переизданы. Как только я их найду, то сразу куплю для Вас.

Лучший однотомный сборник — это антология «Приключения в Космосе и Времени», изданный Хили и Маккомасом. Она содержит невероятное количество шедевров Золотого Века, которые упоминал Элва Роджерс. К несчастью, антология Хили и Маккомаса давно стала библиографической редкостью. Но я, наверное, смогу достать экземпляр для Вас.

Мой друг в Нью-Йорке имеет большую коллекцию старых журналов. У него есть бесплатный доступ к фотокопировальной технике, и он сообщил, что с радостью сделает копии некоторых рассказов, список которых Вам дали. Ещё не ясно, получится ли, потому что журналы нельзя ровно положить под панель машины. Но если всё выйдет как надо — Вы сможете кое-что получить таким образом. Что касается литературы другого рода, я попытаюсь достать некоторые книги, которые вы хотите. Живя за городом, я не посещаю книжные магазины каждый день, но довольно скоро у меня будет возможность поехать в Беркли, где есть довольно широкий выбор.

---

[1] Вероятно, имеется в виду книга: Рисунки А. Якобсон к сказке С. Аксакова «Аленький цветочек». — Л., 1966.

[2] Золотым Веком научной фантастики в США называют 30—40-е годы XX века — время расцвета научно-фантастических журналов.

Не знаю, понравятся ли вам наши «готические» романы. Это слово претерпело любопытную эволюцию. Первые готические произведения содержали немного фантастики и гротеска. (Вы знаете вещи Исак Динесен? Она была замечательным писателем, и её «Семь готических историй» просто классика.) Около 25 лет назад появился роман «Ребекка» Дафны дю Морье: довольно-таки захватывающая история о молодой девушке, которая поселяется в большом старом доме. Над живущей там семьей довлеет зловещая тайна прошлого. Был поставлен фильм, а несколько лет назад книга была переиздана, будучи правильно названа готическим романом. Он стал необычайно популярен, и было напечатано много имитаций. Они тоже были названы готическими. Так возник стереотип. «Готический роман» в Америке на сегодняшний день всегда подразумевает невинную молодую женщину, мрачный старый особняк, красивого, но загадочного молодого человека, принадлежащего к зловещей семье — и, короче, когда Вы читаете один из них, Вы читаете всё сразу. С удовольствием пришлю Вам одну или две книги, если хотите, но, если честно, читать их будет пустая трата времени.

Во всяком случае, я постараюсь достать то, что вы особенно хотите, и время от времени буду присылать Вам кое-какие книги из тех, что сам найду интересным.

Конечно, доктор Бородаевский может достать несколько книг на распродаже в Канаде, пока он там, и привезти в своем багаже. Мы были очень рады, когда он позвонил нам из Монреаля.

Перед тем как закончить тему о книгах, я хотел бы спросить, есть ли у Вас книги, которые, по моему мнению, представляют особый интерес: серия «Основание» Айзека Азимова, трёхтомник Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», «Дюна» Франка Херберта. Исторические романы Л. Спрэга де Кампа (об эллинистической эре) — и, если это ещё можно достать, его историю путешествия во времени в Италию V—VI веков «Если не наступит тьма». Также превосходный исторический роман «Длинные корабли» о викингах Франса Бенгтссона (привожу название по-английски, но писатель — швед, и, вероятно, книга могла быть переведена на русский со шведского). Очень рекомендую перечисленные выше книги.

Это переносит нас снова на предмет истории. Предложенное вами происхождение названия «Россия» очень интересно. Оно мне представляется вполне правдоподобным. Однако с уверенностью что-либо утверждать сложно. Это напоминает мне то, что я узнал много лет назад во время визита в Данию. Названия мест в этой стране несут информацию о времени, когда были основаны города, и, глядя на названия, каждый может сказать, в каком веке основано поселение. Например, окончание «-рёд» (к примеру, Хиллерёд) означает прогалину в лесу, и такие места очень старые, с 1000 г. н. э. или ранее. Окончание «-руп» или «-струп» (в английском «торп») означает деревушку, жители которой часто принадлежали к одной семье; Гандеструп — это поселение рода Гуннара начала средневековья. Название типа «Хандерслев» — середины Средневековья: окончание «-лев» означает «наследство». (Хандерслев — это наследство Хадинга т. е. то, что Хадинг оставил потомкам). И так далее. Я уже забыл подробности. Интересно то, что некоторые деревни имеют названия, которые не включены ни в какую систему и не несут какого-либо значения. Предполагается, что эти названия идут ещё из каменного века! Есть ли что-

нибудь похожее в России? (Некоторое время назад я с интересом прочитал о захоронении охотника палеолита, найденном в хорошей сохранности к северу от Москвы.) Интересно, не говорили ли жители Севера Европы времён неолита на языках, сходных с баскским, — ведь это люди Боевого Топора, как их называют, вторгшиеся 3800 лет назад, когда Северная Европа была неолитической, принесли индоевропейские языки.

(Моя жена однажды опубликовала юмористический фантастический рассказ об исходе мифической войны между кентаврами и людьми. Не указывая источник, она взяла имена, названия и т. д. из языка басков! Наверное, Вам приходилось слышать старую легенду о том, как Дьявол хотел вернуться на небеса? Во искупление Бог велел ему выучить язык басков. Через семь лет тот выучил только одно слово? и то не мог правильно употребить его, поэтому бросил это дело и вернулся в ад).

Кстати, где, по вашему мнению, образовались индоевропейские культуры? (Я говорю «культуры», потому что за период в тысячу лет были бесчисленные набеги в разные части мира; пришельцы не принадлежали к одной расе, но черпали элементы языков, религий, социальный строй и т. д. из какого-то общего источника). Я очень сомневаюсь в кем-то выдвинутой теории о происхождении их с южного побережья Балтийского моря. Вряд ли там могла возникнуть конная колесница, которая была большим индоевропейским военным изобретением. Самое популярное мнение на данный момент — по крайней мере, в тех источниках, которые я прочитал — относит их к территории сегодняшней Польши. Но это видится мне также невозможным из-за большой удалённости от районов типа Анатолии, где впервые зафиксировано историческое поселение индоевропейцев. Для меня юг России всё-таки представляется самой вероятной их родиной. Хотя я всего лишь дилетант.

Хочется также узнать ваше мнение как палеонтолога о южно-африканских открытиях очень раннего проточеловека и выводах относительно этого. Мне кажется вполне вероятным, что существа, родственные австралопитекам, могли там возникнуть в виде приматов, которые сначала ели падаль, а затем перешли на охоту, и что все человекоподобные — их потомки. Но этому пока нет неоспоримых доказательств. (Конечно, те писатели, которые? как Роберт Ардри, утверждают, что такое наследие порождает инстинкт убивать, переходят границы доказанного.) Недавно антрополог Карлтон Кун взбудоражил всех, выдвинув идею, что разные расы хомо сапиенс — он перечислил пять: европеоиды, монголоиды, австралоиды, бушмены и негроиды — образовались в разных местах и в разное время; то есть их общее начало ещё до возникновения хомо сапиенс, а не примитивная форма человека. За это он был назван расистом. Но такое обвинение, естественно, не имеет смысла: если наследственные линии действительно настолько отличаются друг от друга, то нечего говорить о недостатках и превосходстве одного вида человека над другим. (Все эти вопросы очень меня занимают, потому что я обещал написать небольшую популярную статью о новых открытиях в области эволюции человека и поэтому интенсивно изучаю этот предмет.)

Возвращаясь к письменной, особенно к средневековой истории: я не столь уверен, как Вы, что христианство <u>само по себе</u> несло цивилизующее влияние. Ведь этические нормы — доброта, честность и т. д. — возникали сами по себе во многих культурах. Кстати, ранние христиане были не менее жестокими, чем

нехристиане. Часто даже более немилосердны, воюя в религиозных войнах. (Язычники могли себе позволить быть терпимыми, но иудейско-христианско-мусульманские традиции требуют всеобщего следования канонам только своего вероисповедания). Мне кажется, что важнее всего была объединяющая функция церкви. (Поэтому, например, хотя англичане и французы ненавидели друг друга веками, они сохранили единое — католицизм; именно через него продолжался обмен идеями между ними.) Церковь постепенно становилась всё более и более тиранической — это правда. Но в Западной Европе, если этого и не было в православных странах, всегда существовало напряжение между церковью и государством, которое предотвращало от полного обладания властью той или иной стороной. Поэтому была некоторая свобода развития личности. И большая часть современной демократии берёт начало из протестантской Реформации, которая, как вы знаете, была по сути попыткой очистить искажённую практику римско-католической церкви.

Конечно, Реформация была гораздо более значительным явлением. Лютер был далеко не первым протестантом; просто он первый преуспел в том, где его предшественники вроде Яна Гуса потерпели поражение. Из-за внутренних противоречий вместе с требованием досконального следования доктринам — требования, которого во многих религиях нет — христианство порождало снова и снова одинаковые ереси. Например, современная унитарианская церковь всего лишь версия древней арианской веры; арианство, как Вы знаете, было попыткой восстановить монотеизм, которому угрожала доктрина Святой Троицы. Подобным образом, мормонская церковь здесь, в Америке — которая поистине словно вышла из научно-фантастического романа! — в сущности следует гностицизму. Что же касается спора между католиками и православными, то он возник вокруг вопроса о действительной природе Святого Духа, — однако это Вы знаете, конечно, лучше моего.

Вне всякого сомнения, тут играют роль и вопросы практического свойства. Патриарх Константинополя имел достаточно причин, чтобы не признавать главенство Папы Римского над собой. Таким же образом европейские монархи часто сопротивлялись папскому влиянию; как вы помните, французские короли на некоторое время переводили Пап в Авиньон. Тем не менее и это имело догматическую подоплеку. Что это за Божья сила, которой обладал Римский епископ? Как следует толковать знамение Христа Св. Петру? Если протестантизм был только реформаторским движением, то он должен был оживить церковь (как сделали это реформы, приведшие к разделению церквей), а не раздробить её. Но основная позиция протестантства не может примириться с католичеством. Например, протестанты утверждали, что хорошие дела не помогут для спасения; вера была более важным и существенным требованием. Это прямо противоречило католицизму. Ещё более важным для развития современного миропорядка было логическое следствие этой доктрины. Если нужна была вера, то она должна быть глубоко личной. Тут уже не шла речь о простом механическом чтении молитв и посещении церковных служб. Вместе с изобретением книгопечатания требование всеобщего чтения Библии способствовало распространению грамотности. И, конечно, когда такое множество людей задумалось о религиозных вопросах, стали плодиться ереси; лютеранская церковь раскололась на сотни различных сект; и при отсутствии единой могучей церкви смогло развиться гражданское светское государство. Причём

оно не могло стать тиранническим светским государством; ему приходилось считаться со слишком большим количеством различных мнений.

Я в общем-то не собирался так долго распространяться об этом предмете. Только хотел сказать, что церковь и её идеология неразрывно связаны с развитием современного мира — к лучшему или к худшему, но христианская этика вовсе не из ряда вон выходящий кодекс поведения, подобный мог бы развиться, возможно, и среди поклоняющихся Одину, Перкунасу, Кернунносу, или кто там у Вас был исконно русским Богом-Отцом.

Мы можем позволить себе отвлечься умозрительным построением фантастической альтернативы о нашем друге Харальде Норвежском, зяте Ярослава Мудрого. В его дни Норвегия входила в епархию Бремена вместе с Данией. Дания была ближе к Бремену, чем Норвегия, и соперничающий с Харальдом Свен Датский был в хороших отношениях с Бременом и Римом. (Кстати, Свен переписывался с Гильдебрандтом, который позже стал великим реформатором Папой Григорием.) Поэтому, чтобы предотвратить наводнение норвежской церкви враждебными ему священниками, Харальд возложил на себя право назначать священников в своем королевстве — очень важное право, как Вы понимаете. Папа направлял посыльных с протестами. Харальд отвечал: «Другого архиепископа в Норвегии, кроме меня, я не знаю».

На этом, кажется, дело и закончилось, наверное потому, что Харальд вскоре был убит во время попытки захватить Англию, и его сын, будучи в мире с Данией, не имел причин ссориться с Римом. Но давайте предположим, что Харальд победил сначала англичан, затем норманнов. Он бы стал одним из самых могущественных королей в Европе. Если бы он остался на позициях назначения священников, препирательства дошли бы до того, что Папа мог бы отлучить его от церкви, или наложил бы отлучение на всю его империю. Но он бы не уступил, как это сделал английский король Иоанн в XIII веке, Харальду было куда податься. В конце концов, жена его была русской; у него было много связей при княжеском дворе, он, должно быть, посещал православные службы во время странствий — раскол между церквями был достаточно недавним. Короче, он вполне бы мог обратить Норвегию и Англию в православную веру! Получилось бы это или не, в конце концов, я не знаю. Как не знаю и того, могли бы другие страны, такие как Дания и Швеция, быть вовлеченными в ту же сферу, и других следствий этой перемены — но будет весьма заманчиво поразмышлять об этом.

Я просто писал, что приходило на ум, сев за пишущую машинку. Вам, верно, это ужасно надоело, и в любом случае пора ужинать, поэтому я заканчиваю. Однако я бы хотел ещё сказать, что мне очень понравился ваш рассказ, перепечатанный в журнале «F&SF». Если Вы ещё не видели номер с этой публикацией, я с радостью его Вам пришлю. (Кстати, если Вы хотите иметь подписку на некоторые наши журналы, я пришлю по возможности.) Надеюсь, что Вы мне напишете, когда дела вам позволят выкроить время. Пожалуйста, без колебаний говорите мне, что Вас интересует по части книжек и т. д. из США. Вы были столь великодушны, что я очень рад сделать что-нибудь для Вас. А пока наши лучшие пожелания Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
22 сентября 1967 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov!

Thanks so very much for your comments upon my "Dialectics" paper. I have gone over them and made some of the suggested changes. I will look forward to your further comments when you have time to make them. I am submitting this to EVOLUTION for publication.

The point you make about emphasis upon Davitashvili's book is a good one and one to which I gave a lot of thought while preparing the paper. I maintained the emphasis for an important reason. I am not a philosopher and I don't want this to appear to be a deep probe into the philosophical contents of various schools of epistemology and logic. Thus I want to keep it extremely topical and have a single pivot point around which the discussion can revolve. The book provides this. It is also very clear in its basic philosophical tenets, since it directly contrasts D.M. and mechanistic materialism. I am making some modifications, but I feel that I must keep this book as the central theme, or I will get too far afield in abstractions. I am bearing down harder upon his past and also pointing out more specifically that this is a point of view, but definitely one that is not representative.

I have had a number of people here read the paper. Those with some sophistication have approved strongly, but, as you suggest, some with less understanding have had some difficulties. To help in this, I am including a footnote statement on dialectical materialism and mechanistic materialism at the very first. This poses some problems, since it must be somewhat more specific than I would like to be, but I think that I have found ways around this.

I am happy to hear that you are still involved with such things as V.P. theses. I never did know just how far your "resignation" applied. We have recently expanded Paleozoology into Evolutionary Biology. It has been possible to get some new, young, vertebrate men here, in Anatomy and I think that we now have by far the strongest center of V.P. in the country. You will be happy to know that all of us are field oriented. In the Chicago area we were now able to count, besides myself, the following: James Hopson (Triassic reptiles and early mammals), Leigh Van Valen (most everything, esp. early mammals) Leonard Radinsky (perissodactyls, brains), David Wake (salamanders old and new), Ronald Singer (very recent African animals) Clark Howell (physical anthropology) — these at the U of C; Rainer Zangerl, Robert Denison, and William Turnbull and John Clark (Field Museum), plus David Bardack (fish) and Robert Demar (Penna tetrapods) Univ Ill. in Chicago, and Herbert Barghusen (Ill. Med School). Also we have a new, overall, cooperative plan with the Field Museum that makes that something of a center for joint researches and classes. So things are really looking up here. I'll see that they are in good shape when the time comes for me to retire, which I am happy to say is still some eight years or so off.

My wife and I took out quick trip to Rome, Athens, Nairobi, Entebbe and so on. We had a marvelous if tiring time and saw some fine parts of the world and some interesting peoples. I got a tremendous thrill flying over the Lybian Desert, for our

planes now make a circle from Greece, west along the coastline of the Mediterranean to Lybia and then south over Lake Chad, swinging back east to Uganda and Kenya, thus avoiding, perforce, some problem areas.

I have only had time to go over your manuscript briefly and since I don't scan too well in Russian I have only a general idea what you are getting at. First of all it is refreshing to me to see less restricting viewpoints on evolution, for many of my colleagues do not see beyond the end of their population binoculars. Perhaps they are right, although I remain somewhat uneasy about it, but even if right they tend to lose sight of the grandeur that comes from a broader scanning.

On this matter of other life, I just can't see how in any sense of rational probability there can fail to be properties of matter that are at least of this same sort elsewhere. I have recognized this growing sense that we are unique among persons here. I am somewhat torn about just where evolution under even moderately different conditions might lead and the organism is so integrated that even rather low level differences might kick action in different directions, that I would judge the probabilities of anthropomorphic life elsewhere as very small. But something akin to intelligence, seemingly is essentially inevitable.

Incidentally, have you had any stir in your country about the recent OH radiations from some "hot" radio spots in space? Even explained as maser effect, these are certainly interesting. One of our scientists in SCIENCE speculated upon the proposition that this could be signals from afar. Not that he thought they were, but that if there were a very advanced technology and they did try to send signals, this might be a way they would choose, since it would make receptor sit up and take notice. Who knows.

I have to go now, to see a man at the Chicago Museum, who wants to look at Captorhinus. Once again thanks for your comments and my very best to your wife. Give Peter a "nudge" and tell him to drop me a line sometime. I hope your health is holding well and just possibly we might try to get over to say hello next year, anyhow I'll keep in touch.

As always, my very deep regards, your friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Огромное спасибо за Ваши замечания к моей статье о диалектике. Я внимательно их изучил и частично изменил текст в связи с предложениями. Теперь буду ждать дальнейших комментариев, когда у Вас выдастся время. Статью я подаю для публикации в журнале «Эволюшн»[1].

Вы точно подметили, что я строю рассуждения с опорой на книгу Давиташвили, причём специально. По одной важной причине: я не философ и не хотел делать вид, что глубоко исследую философское содержание различных эпистемологических и логических школ. Поэтому я хочу придерживаться од-

[1] «Evolution, the International Journal of Organic Evolution» — научный журнал, издаётся с 1946 года американским Обществом изучения эволюции, председателем которого Олсон был в последние годы жизни. Обсуждаемая статья была опубликована в 1968 году: E. C. Olson. Dialectics in evolutionary studies. Evolution. 22, pp. 426-36.

ной конкретной темы, вокруг которой будет вращаться обсуждение. Книга как раз подходит для этого. Её философские основы совершенно ясны в противопоставлении диалектического материализма механистическому. Я вношу некоторые изменения, но чувствую, что книгу нужно всё-таки оставить в центре, чтобы не забредать слишком далеко в абстракции. Я задерживаюсь на истории формирования взглядов автора и особо отмечаю, что его подход индивидуален и определённо нерепрезентативен.

Несколько человек уже читали статью. Более широко образованные люди поддержали, но, как Вы и предполагали, у некоторых сказался недостаток подготовки. Чтобы обойти его, я в самом начале включил расширенное примечание о разнице между диалектическим и механистическим материализмом. Это тоже вызывает некоторые проблемы, внося большую определённость, чем мне бы хотелось, но, надеюсь, я нашёл способ компенсировать.

Рад слышать, что Вы по-прежнему руководите диссертациями в области палеонтологии позвоночных. Мне не было понятно, насколько далеко вы «ушли в отставку». Недавно мы расширили название нашего комитета от палеозоологии до эволюционной биологии. Удалось привлечь к работе нескольких молодых исследователей по анатомии, что сделало нас теперь едва ли не самым сильным центром по палеонтологии позвоночных в стране. И, что должно быть Вам приятно, все мы не мыслим работы без экспедиций. Теперь в Чикаго кроме меня ещё трудятся: Джеймс Хопсон (триасовые рептилии и ранние млекопитающие), Ли ван Вален (занимается почти всем, но особенно ранними млекопитающими), Леонард Радински (непарнокопытные, головной мозг), Дэвид Уэйк (древние и современные саламандры), Роналд Зингер (современные африканские животные), Кларк Хоуэлл (физическая антропология) — все в Чикагском университете; Рейнер Зангерл, Роберт Денисон, Уильям Тёрнбулл и Джон Кларк — в Музее Филда, кроме того Дэвид Бардек (рыбы) и Роберт Демар (тетраподы Пенны) — в Университете Иллинойса и Херберт Баргхузен в Медицинском институте Иллинойса. С Музеем Филда мы разработали новый план сотрудничества, по которому его коллекции становятся базой для совместных исследований и занятий со студентами. То есть дела развиваются довольно бодро. Постараюсь так их и поддерживать до пенсии, но до этого ещё лет восемь, не меньше.

Мы с женой ненадолго слетали в Рим, Афины, Найроби, Энтеббе и т. д. Чудесно провели время, хотя и уставали порядком — но зато повидали замечательные места и некоторых примечательных людей. Наибольшее впечатление на меня произвёл перелёт над Ливийской пустыней, потому что наши самолёты теперь из Греции летят вдоль средиземноморского побережья к Ливии, а затем на юг через озеро Чад, откуда только поворачивают восточнее к Уганде и Кении, возможно — облетая неспокойные области.

Я успел только бегло познакомиться с Вашей рукописью[1], и поскольку по-русски я не так быстро читаю, то уловил только основную идею. Прежде всего должен заметить, что более широкий взгляд на эволюцию освежает, ведь многие коллеги не видят ничего за пределами обзора, принятого в их популяции. Возможно, они и правы по-своему, хотя меня это беспокоит, но даже если и так, от них часто ускользает величие картины, складывающейся при более широком охвате.

---

[1] Имеется в виду рукопись статьи И. А. Ефремова «Космос и палеонтология», опубликованной в том же 1967 году.

Что же касается внеземной жизни, я просто не вижу, отчего где-то ещё материя не может обладать свойствами, хотя бы до некоторой степени сходными с нашими, — это было бы противно всякой вероятности. Я замечаю, что последнее время всё чаще говорят о нашей исключительности. Вероятность антропоморфной жизни в космосе я бы оценил как очень небольшую, потому что испытываю колебания относительно выбора направления эволюции при даже умеренной разнице условий, которые могут дать в высокой степени интергрированному в окружающую среду организму толчок для развития в самых разных направлениях. Но возникновение чего-то подобного разуму представляется столь же неизбежным.

Кстати, не вызвало ли шума у вас в стране недавнее открытие излучения межзвёздных гидроксилов в некоторых «горячих» радиообластях космоса? Даже если объяснять его мазерным механизмом, оно, несомненно, любопытно. Один из наших учёных в журнале «Сайенс» обсуждал предположения о том, может ли оно быть сигналами из глубин космоса. Не то чтобы он сам так считал, но если предположить очень высокий уровень развития техники и намерение направить сигнал, то обитатели иных миров могли избрать именно такой способ заставить себя услышать. Кто знает.

Мне пора идти в Чикагский музей естественной истории на встречу с человеком, пожелавшим взглянуть на капторинха. Снова хочу сказать спасибо за Ваши замечания и прошу передать привет Вашей жене. «Пихните» Питера, чтобы он давал мне знать, как у него дела время от времени. Надеюсь, здоровье Вас больше не подводит, а мы попытаемся заехать к Вам на огонёк в будущем году, но в любом случае я дам знать.

Как всегда, с огромным уважением, Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

74 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
27 сентября 1967 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Я не знаю (не помню), когда было обсуждение «Туманности» в Пулкове. Но Вы можете узнать сами и даже попросить посмотреть стенограмму. Позвоните А-0-77-29 Музе Николаевне и от моего имени (добавив, конечно, что к чему) попросите её или её маму Клавдию Тихоновну узнать для Вас (это астрономы, работники Пулкова). Кланяйтесь от меня и от жены. Звоните вечером.

Книгу Савченко (последнюю)[1] знаете? Она совсем хорошая!

Письма буду хранить для Вас[2].

Сердечный привет от жены и меня.

Ваш
И. Ефремов

---

[1] «Открытие себя» (1967) — самый известный научно-фантастический роман В. И. Савченко.

[2] Речь идёт о письмах читателей (см. письмо от 7 сентября 1967 г.).

Н. Н. КОСНИКОВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Самарканд
2 октября 1967 г.

Дорогой Иван Антонович!
Привет из Самарканда! Салом!

Так уж получилось, что, получив Ваше письмо, я сначала очень расчувствовался, как-то взволновался и сразу же хотел писать Вам всякие советы... Немного погодя стал думать, что письмо уже может не застать Вас в Москве и как-то очень остро прочувствовав, как дорого Вам время, решил следующее отправление приурочить к какому-нибудь более или менее значительному поводу. Сейчас повод, по-моему, есть: я в Средней Азии, в Самарканде.

Не знаю, были ли в Средней Азии? — А я здесь впервые. Дело в том, что жена моя — Светлана Семёновна — здесь училась и в школе, и в Ленинградском ин-те киноинженеров (он был эвакуирован сюда во время войны в числе многих ленинградских ВУЗов и Академий). Здесь у неё много друзей, однокашников, мест, связанных со всякими воспоминаниями детства и юности и т. д., и т. п.

И вот после долгих лет сборов мы здесь. Много друзей и знакомых у жены (а теперь и у меня!) — хорошо, но отсюда всякие вытекающие последствия. Словом — время проходит между осмотром достопримечательностей и визитами.

Видели Ташкент (3 дня), Бухару (2 дня), окрестности Самарканда и Ташкента. Впечатлений масса! Встреч с интересными людьми тоже. Запомнилась одна встреча с охотником за мумиё. Я даже везу с собой кусочек этой «панацеи» и уже пробовал её на вкус.

Самарканд производит очень сильное впечатление своими архитектурными памятниками (мечеть Биби-Ханым, ансамбль Регистан, мавзолей Гур-Эмир, Шах-и-Зинда и др.), а сам город зелёный, яркий, живой. Ленинградцы здесь пользуются, как мне показалось, уважением. Совершенно иное впечатление от старины Бухары. Мы побывали там в Арке-крепости, где сейчас музей. На многие его экспонаты нельзя смотреть без содрогания. Есть даже фотография смертной казни путём перерезания горла.

Впрочем, Вам, вероятно, все эти места знакомы? Меня, признаться, всё время не покидала мысль, особенно в Бухаре: вот где «пища» для Вашего пера и вдохновения!

В. Песков, опубликовавший в «Комсом[ольской] правде» очерк «Ровесник Рима» о Самарканде, говорит в этом очерке, что наряду с архитектурными памятниками ему запомнилась ещё самаркандская лепёшка. Действительно, мне казалось в первые дни пребывания здесь — что может быть вкуснее: свежая, тёплая лепёшка и гроздь янтарного кишмишного винограда! И сейчас, когда я пишу Вам это письмо, передо мной виноград, но уже не лепёшка, а солёные урюковые косточки. Но к винограду я уже привык, хочется уже чёрного хлеба...

Тишина. Где-то лают собаки. Из чёрного ночного окошка на свет лампы влетела бабочка и сделала несколько кругов по комнате... Осталось ещё три дня, а потом — в Ленинград. Снова работа, хлопоты, мелкие домашние дела и, может быть, ещё остатки грибного изобилия, которым была примечательна нынешняя ленинградская осень...

Если будет случай — напишите, как у Вас дела. Мне очень жаль, что не удалось повидать Вас в Москве и познакомить со своей женой. Не видел я ещё своего Сергея — сына, который проездом на Енисей на археологич[еские] раскопки (он студент 3-го курса худ[ожественно]-пром[ышленного] училища им. Мухиной) 2-го июля по телефону должен был передать Вам мой привет.

Говорят, кубинцы пишут на своих домах: «Это твой дом, Фидель». На дверях нашей комнаты в Ленинграде я мысленно вижу плакат «Это Ваш дом, Иван Антонович!» А в коридоре, как раз напротив нашей двери, висит телефон К 201-54.

Всего Вам доброго, Иван Антонович!

Жму Вашу, надеюсь, ещё мощную руку.

Ваш *Н. Косниковский*

76 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
5 октября 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your letter of 24.9.67 which came this morning. Our letters seem to have taken longer to travel than they used to do — formerly even parcels have reached me two or three days from the date of posting but recently they have been rather slow and we have "crossed". I hope, however, that you have received a letter in which I did thank you for the beautiful book on the palace "Ostankino". It seems a long time since I wrote it but I have not made a note of the date.

Yesterday I posted three books to you. "The Charioteer", "Love from Venus" and "Song of the Undersea". I hope they arrive before long. The others are on order but have not come to hand yet.

I do not think that my hernia was caused by lifting or carrying anything heavy. I think it was probably due to internal strain. For some years I had duodenal ulcers — they must have been very mild as I did not know I had them until our last Doctor made me go and have a barium meal and X-rays. However, when the diagnosis was made, he put me on a tiresome diet which did not cure the ulcers and which I did not follow for long. Since I came here, I have had another X-ray done and was pronounced clear of ulcers. But my digestion has been rather tiresome, especially during times of tension. However, the hernia operation seems to have cured my troubles and I am hoping that the improvement will last. It is perhaps natural that one's intestines work more efficiently when firmly put in their right place!

It is very sad that you see old women bearing heavy sacks of food and young ones not carrying anything. Here, I do not think that is the case. A number of women of all ages who live on this hill do have to carry heavy shopping bags and we greet each other in passing and make some light complaint about the hill. But on several occasions children have offered to carry my basket for me and when I come up from Godalming by road (instead of a footpath from nearer shops) I am often given a lift in a car by some young woman — several times by a complete stranger.

The 30's in this country were a bad period though not in the same way as in your country. There was a bad economic depression and mass unemployment. This caused great hardship to the working classes and the long term results have been bad

for the country. Fear of unemployment now causes the workers to refuse to operate labour saving machinery and to increase productivity.

For me on the contrary, it was a happy period. We lived in a rather large house and were able to invite Professor Watson's staff, students and colleagues to our home, so I was constantly meeting people of similar interests. Also, and perhaps of more importance to me, my daughters were reaching the stage of going to theatres, museums and places of historic interest and I enjoyed taking them around and sharing their enthusiasm.

As for songs, I do not remember any that belonged to that period. The older ones, from the early part of the century seem to have survived as well, of course, as many much older than that. And all these, even the bad ones, had some sense and rhythm — and often humour, especially in the music hall songs. But the present day "pop" songs seem to me worthless and horrible. Yet the BBC is devoting one whole day programme to such things!

Like you, we had a dry — but not too dry — summer but the autumn so far has been rather stormy and unsettled. We had a poor fruit crop because a bad frost in May destroyed a lot of blossom — very few plums and the apple crop is poor.

I am not sure how the various Congresses in Canada were arranged — Janet's special interest is the metamorphic rocks of Scotland. She presented a paper on her joint work with her husband and also read one for a Cingalese student who could not attend the Congress. So perhaps Prof. Astrova did hear and see her.

Best wishes for the S.F. book and palaeontology and to your good wife — very sincerely.

Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо за Ваше письмо от 24.9.67, которое пришло сегодня утром. Кажется, наши письма стали идти дольше — прежде даже посылки доходили через два-три дня после даты отправки, но последние шли очень медленно, и мы с Вами разминулись. Однако, надеюсь, что Вы получили письмо, где я благодарю Вас за прекрасную книгу о дворце «Останкино». Написала я его, кажется, давно, но помню когда точно.

Вчера я отправила Вам три книги: «Возничий»[1], «Любовь с Венеры»[2], «Голос из-под воды»[3]. Надеюсь, они прибудут в скором времени. Другие заказаны, но ещё не поступили.

Не думаю, что моя грыжа была вызвана подъёмом или перенесением чего-либо тяжёлого. Вероятно, она была обусловлена внутренними напряжениями. В течение нескольких лет у меня была язва двенадцатиперстной кишки — должно быть, очень умеренная, поскольку я о ней не подозревала, пока наш бывший доктор не заставил меня пройти рентгеновское обследование с бариевой

---

[1] «Возничий» (The Charioteer, 1953) — роман английской писательницы Мэри Рено о гомосексуальной любви, на русский не переводился.

[2] «Любовь с Венеры» (Love from Venus, 1965) — роман Максвелла Катто (Maxwell Catto). На обложке заказанного Ефремовым романа была изображена девушка с гепардом.

[3] «Голос из-под воды» (Song of the Undersea, 1967) — приключенческий роман Рональда Киркбрайда, книги которого Ефремов уже заказывал у других корреспондентов (Андерсона, Майерса).

взвесью. Однако когда диагноз был поставлен, он посадил меня на изнурительную диету, которая не лечила язву и которой я следовала недолго. С тех пор как я приехала сюда, было проведено ещё одно рентгеновское обследование и установлено отсутствие язвы. И всё же пищеварение меня беспокоило, особенно при стрессе. Как бы то ни было, операция по удалению грыжи, кажется, вылечила все мои болезни, и, надеюсь, улучшение будет продолжаться. Вероятно, кишечник, прочно поставленный на место, работает более эффективно!

Грустно, что Вам приходится наблюдать, как пожилые женщины носят тяжелые сумки с продуктами, а молодые не носят ничего. Здесь вовсе не так. Женщины всех возрастов, живущие на этом холме, носят сумки с покупками, мы приветствуем друг друга мимоходом, сетуем на крутой подъём, и становится немного легче. Однако несколько раз дети предлагали помочь нести корзину, а когда я поднимаюсь из Годалминга по шоссе (а не по тропинке из ближайших магазинов), меня часто подвозит какая-то молодая женщина — несколько раз, совершенно незнакомый человек.

Тридцатые годы в нашей стране были тяжёлым периодом, хотя и не настолько тяжёлым, как у вас. Тяжёлая экономическая депрессия и массовая безработица. Это вызвало большие трудности для рабочих и далеко идущие тяжёлые последствия для страны. Из страха перед безработицей рабочие теперь отказываются управлять экономичной техникой и повышать производительность труда.

Для меня наоборот это был счастливый период. Мы держали довольно большой дом и имели возможность приглашать к себе сотрудников профессора Уотсона, учеников и коллег, таким образом я постоянно встречала людей схожих интересов. Кроме того, мои дочери к тому времени как раз достигли возраста, когда им стало интересно ходить по театрам, музеям и прочим историческим местам, я любила брать их всюду и разделять их энтузиазм.

Что касается песен, не помню ни одной из того десятилетия. Старые, начала века, выдержали проверку временем, так же как и их предшественники, конечно. Но во всех них, даже в плохих, были смысл и ритм — и часто юмор, даже в танцевальных. А современные «популярные» песни кажутся мне ничего не стоящими и ужасными. Тем не менее, Би-Би-Си посвящает программу, идущую целый день, подобным вещам!

Как и у Вас, лето у нас выдалось сухим — но не слишком, — однако осень пока довольно ненастная и капризная. У нас был скудный урожай фруктов, потому что сильный майский заморозок уничтожил цвет — слив совсем мало, и яблок тоже.

Я не знаю точно, как были организованы конгрессы в Канаде — особый интерес для Джанет представляют метаморфические породы Шотландии. Она представила доклад о её совместной с мужем работе, а также зачитала работу цейлонского студента, который не смог приехать на Конгресс. Так что, возможно, профессор Астрова действительно слышала и видела её.

Шлю наилучшие пожелания в работе над научно-фантастической книгой и палеонтологией, а также Вашей прекрасной жене — очень искренне.

Кэтрин Уотсон

Перевели Мира Покорук и Лариса Михайлова

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

77

Чикаго
6 октября 1967 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

By now, I hope, you have received my letter in answer to your first one in which you sent part of your paper on Space and Paleontology. The second part arrived safely and I have gone through the whole paper with great interest. I do think that it would be a good idea if it could be published in English. With this in mind, it seems to me appropriate that it might go in Science rather than the Scientific American. Science does carry such materials in its general section, as I am sure you know since you cited Simpson, who has put forth his views there. The problem that arises is this. Like many Journals, the procedure is that a paper is submitted, sent to critics, then accepted or rejected. I could inquire informally of the Editor if he would be interested, but I am sure that the answer would be that it sounds interesting and no commitment could be made until the manuscript was received, in English, and evaluated.

Thus, to get anywhere with it, it would have to be in English. I don't feel competent to do justice to it in translation, If, however, you would do a translation in your own words, I would be glad to Americanize the English. This would be no trouble at all. Then it could be submitted. I can't, of course, say whether there would be acceptance or not, so it would be something of a gamble, with the efforts perhaps coming to nothing. The problem with the American Scientist is that they often go after articles and do not so commonly take contributions. They pay for papers as a rule, so it is a somewhat more commercial venture. If the paper were in English, however, I would be glad to sound them out on it, and see where we might get.

So much for business. Yes, I have heard the Longine Symphonet of which you speak and find it delightful. The period covered is one which is very real to me and like most older persons, and I must presume I now am such, I go back to the ages between 20 and 30 for the golden time of appreciation. But actually that was a time in which there was a great deal of melodious popular and semi-popular music. While I find the modern pop music impelling in rhythm patterns, I must confess that the tonal aspects seem somewhat barren. In the last two or three years, however, some very melodious and interesting music has come out, some of it oddly from the much maligned Beatles. I am sure after some years have passed the filtered product will prove to have some very fine material.

I have been so busy since returning that I have not been to any book shops. When I get a chance, I will see what I can find of the things you have mentioned.

On our trip we did not, I am sorry, get to Oldevai, but were only in Kenya and Uganda. When so close, I should have, but there were so many things to do and we had decided to keep this a strictly non-professional trip, so that my wife would not be getting shoved off to the side while I talked shop and spent all my time on paleontology. But we did see and study an immense number of interesting things, and seeing the big game in the wilds was something I would not have missed. Most interesting to me, however, were the people and what they are doing, thinking and saying. As I always try to do when travelling, we spent a great deal of time walking, going to the places where people work and live, eating in the everyday places, and where possible

talking with the people we would run into. The problem of language is always there, of course, but it is not too much of a barrier. So we did not do the "right" things that tourists do except on days when we had tours, necessary for economy of time on such a short trip. I was immensely impressed by the beauty of Kenya and of the economic and social problems that they face. Of course, not too much of this is at the surface, but it can be felt if a person has some sensitivity. We stayed in and around Nairobi for a few days, went to Nyeri and saw the tree-tops game viewing facility. It was cold and rainy when we were there and the game was a bit reluctant to come out for us. In some of the parks we saw much more. Uganda was very interesting as well, but a very different sort of country, much more of a juxtaposition of the old and the new. Balances seem to me precarious. As tourists, once again, we saw the fine side of things, the game, the parks (beautiful), the coffee plantations, and the lovely country side. We also went to Kampala and visited the markets, the Parliamentary building, at the time President Obote came in, and, with a most informative driver, got a very fine "feel" for many sides of the life there today. It was all very marvelous.

I do hope that next year I can arrange a trip to your country again, I very much want to renew my friendships personally and also to see more than I have seen before. My wife also is anxious for such a trip. Financially, I believe that I can swing it, so now it depends on getting the time. As always I seem to get myself involved in lots of things. If we were to come, I would like to go to some places besides Leningrad and Moscow, including those of course. Where would you suggest we might consider? Tiblisi and Tashkent occur to me and I gather they are possible. But maybe you would have better ideas. In any case, it is interesting to think on, and it might even come to be.

I am very glad to hear that new Permian collecting is going on, as well as that of Rozhdestvenski in the more recent beds. I met Ochev when I was last there and am glad that he is doing so well. I would like to propose Rozhdestvenski for the SVP. As you know, when I was last there, I had a number of names given me by Professor Orlov for possible membership. Some of these have been acted upon, but it was not possible to get all of them through at one time. As I find in the SVP list of 1966, the last membership list I have, the following from the USSR are members: Chudinov, Efremov, Flerov, Gromova, Obrutchev. It may be that some have been elected since then. Do you know if Tatarinov is a member? He is very well thought of by various persons here and if he is not, he should be. Also what would you say about Shishkin, or others I may have neglected? I will definitely put up Rozhdestvenski, and if you think one of the others should go in, let me know and I will get action. I will get seconds from Colbert and Romer, as you suggest.

A former student of mine, Herbert Barghusen, is getting anxious to get to your country for study. One of these days he may be ready and I hope to help him along. He is working and doing excellent studies of the development of the masticatory apparatus in pelycosaurs and therapsids, and is doing a very much more satisfactory investigation than those that have been done to date.

Well, this is certainly enough writing for now. I hope soon to send you two papers (Casidae, and Oklahoma Permian) that are now in late stages of publication. Also, I am sending you a book on Oldevai, very nice, I received it free, as a review copy, and have enjoyed it, I hope it gets there and that you enjoy it as well.

My very best wishes,
As always your friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Надеюсь, теперь до Вас уже дошло моё письмо в ответ на то, с которым Вы направили первую часть своей статьи «Космос и палеонтология». Вторая часть тоже благополучно прибыла, и я с большим интересом прочёл всю статью целиком. Полагаю, хорошо было бы опубликовать её по-английски. Причём, лучше в «Сайенс», чем в «Сайентифик американ». Первый журнал, как Вам известно (ведь Вы цитируете Симпсона, излагавшего на его страницах свои взгляды), помещает подобные статьи в основном разделе. Однако возникает проблема следующего свойства. Процедура подачи материалов там, как во многих научных журналах, обычна: после поступления статью отсылают рецензентам и по результатам их отзывов принимают или отклоняют. Я могу неформальным образом осведомиться у главного редактора, не заинтересован ли он в такой теме, но я уверен, что услышу в ответ — кажется интересным, но прежде чем рукопись на английском будет получена и отрецензирована, ни о чём определённом речи быть не может.

Поэтому прежде её нужно перевести на английский. Я не уверен, что смогу достойно это сделать. Однако если Вы передадите смысл своими словами по-английски, я возьмусь «американизировать» Ваш язык. Это мне будет сделать совсем нетрудно. И тогда можно будет подать в журнал. Но гарантировать принятия, конечно, нельзя, и наши усилия могут пропасть втуне. Редакция «Сайентифик американ» чаще всего заказывает статьи авторам напрямую и редко принимает присланные самостоятельно. Как правило, они оплачивают опубликованные работы, то есть это журнал более коммерческой направленности. Однако если бы мы имели английский вариант, то я бы с удовольствием попробовал направить материал в оба журнала, и посмотрим, что получится.

Но хватит о делах. Да, я слушал «Лонжин симфонет»[1], о которой вы говорите, с превеликим удовольствием. Тот период помнится мне очень живо, как молодые годы большинству пожилых людей, к каковым я теперь уже отношусь. Однако именно тогда было немало мелодичной популярной и полу-популярной музыки. Теперешняя поп-музыка обладает интересным ритмическим рисунком, но её тональность видится мне, признаться, довольно невыразительной. Но в последние два или три года появились произведения с новым мелодическим решением, как ни странно — у пресловутых «Битлз». Уверен, годы отфильтруют из их программ кое-что очень достойное.

По возвращении нужно было переделать массу дел, поэтому я ещё не добрался до книжных магазинов. Но обязательно поищу там то, что Вы просили, когда выберусь.

Во время нашей поездки попасть в Олдувай, к сожалению, не удалось, мы были только в Кении и Уганде. Вероятно, надо было бы попытаться, будучи совсем рядом, но хотелось повидать многое, к тому же мы с женой решили

---

[1] «Лонжин симфонет» (The Longines Symphonette) — первоначально (1943—1949) ежевечерняя американская радиопрограмма классической музыки в исполнении симфонического оркестра, в 1950-е выходила по воскресеньям. В качестве позывных использовался финал Пятой симфонии Бетховена. Спонсором радиопрограммы, а впоследствии владельцем звукозаписывающей компании выступала часовая компания «Лонжин».

сделать тур сугубо неделовым, чтобы она не ощущала себя отодвинутой в сторону, пока я буду обсуждать свои палеонтологические вопросы. Но нам удалось посетить множество удивительных мест и увидеть диких зверей на воле, — такую возможность я ни за что не хотел пропустить. Но самым интересным для меня были люди, их занятия, мысли, разговоры. Как всегда во время путешествий, мы старались побольше ходить по улицам, заходить в обычные заведения, где люди работают, питаться в обычных кафе и по возможности заводить с местными жителями разговоры. Конечно, языковой барьер мешает, но не останавливает. Поэтому за исключением дней общих туров, необходимых для экономии времени при такой короткой поездке, мы бродили вдали от туристских маршрутов. Меня потрясли красота Кении и глубина экономических и социальных проблем, требующих решения. Конечно, они не очень видны на первый взгляд, но трудно их не почувствовать, если не закрывать глаз. Мы несколько дней жили в Найроби и окрестностях, затем отправились в Ньери, где наблюдали за крупными животными с обзорного пункта на вершинах деревьев, хотя в тот день было холодно и дождливо, отчего звери не желали показываться. В других парках мы видели их даже намного больше. Уганда тоже очень интересна, но по-иному, там больше видишь контрастов старого и нового. Равновесие мне кажется весьма непрочным. Повторюсь, нам как туристам показывали всё самое лучшее — животных, парки (замечательные), плантации кофе и симпатичные сельские пейзажи. Также мы ездили в Кампалу, где посетили рынок, здание парламента как раз в тот момент, когда туда заходил президент Оботе, а с помощью замечательного гида-водителя познакомились со многими сторонами местной жизни. Чудесная поездка.

Надеюсь, что на будущий год смогу снова организовать поездку в Вашу страну, очень хочется повидаться с друзьями и увидеть больше, чем в прошлый раз. Жена также с нетерпением ожидает этой поездки. По финансам вроде всё выходит, теперь всё зависит от времени. Я всегда ввязываюсь во множество параллельных дел. Если всё сложится, я хотел бы побывать где-нибудь за пределами Москвы и Ленинграда, включая их, конечно. Что бы вы посоветовали? Мне приходят в голову Тбилиси и Ташкент, что, как я понимаю, возможно. Но, вероятно, у Вас есть лучшие предложения? Интересно строить такие планы, у которых есть шанс осуществиться.

Рад новости о продолжении сбора материала пермского периода и что Рождественский копает на более верхних местонахождениях. Помню по предыдущей поездке Очева и рад его успехам. Хотел бы рекомендовать Рождественского для вступления в Общество палеонтологии позвоночных. В мой прошлый визит профессор Орлов перечислял нескольких кандидатов на вступление в Общество. Часть из них уже стала членами, но всех сразу было включить невозможно. В последнем имеющемся у меня в наличии списке членов за 1966 год от СССР значатся: Чудинов, Ефремов, Флёров, Громова, Обручев. Возможно, с тех пор приняли кого-то ещё. Как насчёт Татаринова — член ли он Общества? Многие люди здесь высоко оценивают его работу, он непременно должен вступить, если ещё не сделал этого. Также что Вы можете сказать о Шишкине и других, кого я мог пропустить? Я совершенно определённо буду рекомендовать Рождественского, а если, по Вашему мнению, нужно ещё кого-то — только скажите. Вторым и третьим рекомендующими будут по Вашему совету Колбер и Ромер.

Мой бывший студент Херберт Баргхузен очень хочет поехать в Вашу страну для своих исследований. Надеюсь, смогу ему помочь, когда он будет совсем готов. Сейчас он выполняет великолепные работы по изучению жевательного аппарата пеликозавров и терапсид намного лучше всего, что было сделано до него.

Ну, пора заканчивать. Надеюсь, скоро смогу прислать обе статьи (по казеидам и перми Оклахомы), которые вот-вот выйдут. А пока шлю очень симпатичную книгу об Олдувае — получил бесплатно для рецензирования, весьма неплоха, и Вам тоже, уверен, доставит удовольствие.

С наилучшими пожеланиями, Ваш всегдашний друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
26 октября 1967 г.

Многоуважаемая Галя!

Посылаю Вам некоторые фотографии — часть из них имеет отношение к моему новому н/ф роману «Час Быка» (б[ывшая] «Долгая заря»), часть просто как призеры знаменитых в Америке иллюстраций к н/ф романам Бюрроуза (автора Тарзана). Ещё — просто как образцы интересных лиц, есть и одна фотография Персеполиса. Теперь насчёт экслибриса. Второй вариант мне кажется хуже первого (посылаю фотокопию первого), потому что, упростив его, Вы утратили в силе, а в первом в образе девушки, мне кажется, много силы, и сделано это так, как не всякому и дипломированному художнику удастся сделать.

Посылаю Вам несколько образцов хороших экслибрисов Голяховского (они даже подписные) — мне кажется, что они характерны той же плотностью рисунка, какая есть в Вашем первом варианте.

Ну, ничего, умение к Вам придёт обязательно, потому что есть талант и есть желание.

Я спрашивал Вас относительно срока, какой потребуется на рисунки для заставок, вот почему: мне думалось, что я смогу настоять, когда будет печататься другое издание «Туманности» или «Лезвия», чтобы они дали с Вашими рисунками, и, если бы Ваши были готовы наперед, тогда противникам нечем было бы крыть. На деле всё оказалось не столь просто. Пусть рисунки будут дрянью и издевательством, но их автором должен быть дипломированный художник (который, я сильно подозреваю, ещё отдает какую-то часть гонорара тем, от кого зависит его работа, т. е. худ[ожественному] отделу издательства), который якобы знает, что требуется по законам полиграфии. В этом позиция худ[ожественного] отдела очень сильна, и тем более что вокруг есть постоянные исполнители. Таким образом, заставить их принять рисунки, которые они не хотят, практически нет возможности.

Поэтому я пока снимаю свой проэкт насчёт Ваших рисунков и буду действовать иначе. У меня есть набор Ваших заставок для «Туманности» — я их при случае размножу фотокопиями и буду клеить прямо в книгу, когда буду раздавать новое издание «Туманности». Если у Вас будет вдохновение хотя бы

на две-три заставки к «Лезвию», то сделайте. В будущем году выйдет новое издание книги (очевидно, со старыми заставками Гришина). Я тоже размножу Ваши и буду вклеивать рядом со старыми гришинскими в тех экземплярах, которые буду дарить. Кое-что будет и сильным мира сего, таким образом хоть элемент рекламы, то есть тот самый клок шерсти с паршивой овцы, всё же будет. А вот что касается новой вещи, то в зависимости от Ваших дел (здоровья, занятости, возможностей), может быть, мы поступим так: я пришлю Вам рукопись (с условием никому не показывать, кроме родных, конечно). Если Вас увлечет роман, то Вы сделаете к нему обычное число рисунков, т. е. по заставке и 1—2 полных иллюстраций на каждую главу. Я их размножу фотографически и сразу же дам в издательство вместе с рукописью. Если мне удастся их соблазнить готовыми рисунками, ускоряющими выход книги, то пусть они заключают с Вами договор. Если нет, убытки мы с Вами поделим пополам, т. е. я сам оплачу Вам рисунки по половинной цене — примерно по 5— 7 руб[лей] заставку и 10 руб[лей] страничный, что по объему романа примерно составит около 200 руб[лей]. Подумайте над этим. Я кончу роман не раньше, чем в 1-м квартале будущего года.

Теперь последнее — о выставке в Сокольниках. Я написал этому Слободскому, но не получил от него никакого ответа. Вероятно, до праздников[1] не о чем разговаривать, но молчание мне показалось подозрительным — очень уж оно невежливо и, как ни много теперь вокруг хамства, невыгодно для них самих. Посмотрим после 7-го ноября.

Ежели выставка состоится, то у меня есть такой план — как Вы на него посмотрите? Я пришлю Вам на полёт Киев-Москва и обратно, Вы там устроите себе болезнь или отпуск на три дня. Остановитесь у нас — переночуете в моем кабинете, Таиса Иосифовна за Вами присмотрит и накормит. Только дайте точный адрес для посылки денег — наверное, лучше не до востребования. Это будет Вам подарок к 50-летию — лучше всего, если Вы сами посмотрите выставку, а потом я ещё Вас отправлю в мастерскую Соколова, и там тоже кое-что увидите. Это будет получше фотографий.

Поздравляю Вас и Ваших родных с праздником, Таиса Иосифовна тоже. Посылаю это письмо на дом, т.к. наверное на праздники Вы будете дома.

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

79 И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лонда
27 октября 1967 г.

Глубокоуважаемый профессор и дорогой друг!

Посылаю Вам открытку из Лонды. Красная стрела означает мой летний дом, а зелёная — старая наша вилла (которая теперь принадлежит моей сестре).

Книгопродавец мне написал из Флоренции, что он Вам послал и последнюю книгу (Paine — Mirror of Venus[2]). Обе предыдущие, я надеюсь, что Вы уже получили (Magazine и Yeager).

---

[1] Имеется в виду празднование 50-летия Октябрьской Социалистической революции.

[2] «Зеркало Венеры» (1966) — книга Ф. Феллини, Ф. Саган и фотографа В. Пейна.

Через неделю возвращусь в Неаполь. Напишите, пожалуйста, получили ли Вы все книги.

Целую ручку Таисе Осиповне, а Вам шлю сердечный привет.

С искренней дружбой,
Л. Пачини

Molti cari ed affettuosi saluti a Lei e a Taisa Osifovna.

Ida[1]

П. Г. АМАТУНИ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ростов-на-Дону
28 октября 1967 г.

Милый Иван Антонович!

Только что вернулся из Египта, где побывал уже 4-й раз. Я уже писал вам, что третий год работаю над романом из жизни Древнего Царства…

На этот раз я пробыл там 2 недели, слетал в Асуан (осмотрел древние каменоломни и плотину), в Луксор (Долина царей, Луксорский и Карнакский храмы + остальное). В общем, поездка была, как всегда, интересной.

В Каире познакомился с очень приятным молодым человеком лет 30-ти, научным редактором журнала «Эль Мисауэр Мегезин» (типа нашего «Огонька»). Зовут его Магди Насыф. Он увлекается научной фантастикой всерьёз, и его высказывания в этой области весьма импонировали мне. Мы просидели с ним однажды в ресторане «Мейорлауэр», — что в Гелиополисе — часа 3½, после чего в журнале появился его очерк обо мне. Конечно, на арабском языке. Но дело не в этом…

Когда, отвечая на один из его вопросов, я сказал, что считаю И. Ефремова наиболее выдающимся фантастом современности, и рассказал о кратких (к сожалению для меня!) встречах с Вами и Вашем личном обаянии — он так расцвёл, что я (как оказалось, не зря!) заподозрил что-то весьма доброе… Сказал ему, что я очень хорошо отношусь к братьям Стругацким, Ариадне Громовой и А. Днепрову, И. Варшавскому, и тогда он рассказал мне, что он с большим тщанием и максимальной добросовестностью перевёл Вашу «Туманность Андромеды»…

— В арабском языке, — сказал он, — богатом эпитетами и метафорами, к сожалению, почти нет аналогов современных технических и научных терминов и понятий, подчас даже простых. Поэтому «Туманность Андромеды» оказалась крепким орешком. Например, летающую платформу пришлось назвать летающим ковром-самолётом, и т. п.

Долго тянулся вопрос об издании, по независящим от мистера Магди причинам. Но сейчас книга уже в производстве, и Магди Насыф надеется в ближайшее время прислать её Вам. Не знаю, известно ли Вам об этом? Было бы весьма приятно для меня, если я первый сообщил Вам об этом.

Откровенно говоря, я с большой симпатией отношусь к египтянам, и я особенно радуюсь, что они скоро прочтут и Вашу книгу.

---

[1] Большущий привет, дружеский и сердечный, Вам и Таисии Иосифовне. Ида (ит.).

Скоро у меня будут готовы снимки, и если Вы пожелаете, — я пришлю Вам фото Вашего переводчика, человека, как мне думается, одарённого и верного фантаста.

А сейчас позвольте мне поздравить Вас и Вашу семью с наступающим 50-летием Октября, пожелать здоровья и новых творческих успехов!

Искренне Ваш
Петроний

P. S. Мой адрес: Ростов-на-Дону, Новочеркасское шоссе, 20, кв. 1, Петронию Гай Аматуни

81 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
31 октября 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Please excuse me for being so slow to reply to you. There has been a great deal to do hereabouts. But I must certainly thank you most sincerely for the great Russian dictionary, for the extraordinarily beautiful volume of "Ruslan and Ludmilla" (incidentally, the opera based on it is quite a favorite over here), and for the interesting pictures from Kije. Our whole family is so happy to have all three.

As a matter of fact, I did write you a letter about a month ago, perhaps a little more. But, partly as an experiment, I did not register it, so you may never have received it. The same may be true of two volumes of science fiction stories which I sent, one by our early American master Stanley Weinbaum and one by the modern dean of the field, Robert Heinlein. Since registration is expensive in the American post office, while the books in question were very cheap editions, I thought I would see if they would get to you by ordinary mail.

If you have not received them in a reasonable time, please inform me and I will send other copies, this time registered. In the meantime, I am sending you — registered — two different books. (For some reason, only two books may be sent in any one package addressed to your country. This is probably a Soviet rather than an American regulation, since there is no such restriction for several other countries I know about.) One is "The Worlds of Science Fiction", which is interesting in that all the stories in it were chosen by the authors themselves. The other is A. Merritt's "The Face In The Abyss". You will be pleased to learn that I have discovered a great deal of Merritt's work has very recently been reissued, so that I can send it to you.

In fact, I had intended to include "The Moon Pool" this time, but suddenly remembered that one of the villains is Russian — a caricatured Communist. If you do not find this offensive or embarrassing, I will send the book on; in other respects it is very good. Several other works of Merritt's are not at all controversial and I will get them for you as soon as possible

But since it may well be that Dr. Borodayevsky will bring back a good many books from his stay at Expo 67, it might be best if I waited until we are sure that nothing will be duplicated.

Fosco Maraini's "The Island of Fisherwomen" was not in the best bookstore to which I can easily go (Orinda is not a city but a scattered, suburban area, and there is no store of any kind near this house) but it is in print. I have ordered it for

you and will send it when it has been delivered. Do you know the same author's charming "Meeting with Japan"? But even better, I think, for someone interested in Japanese history and ethnography, is Oliver Statler's "Japanese Inn", an account of a centuries-old inn on the famous Tokaido road. (Among other things, it was directly involved. in the episode of the *Forty-Seven Ronin.*) If you would like to have any of these, I will be happy to get them for you. Meanwhile I will look around for some of the other things you have asked for, such as "Coromandel" and "Lo!"

Returning to science fiction for the moment, magazines from the "Golden Age" period are collector's items, prohibitively expensive.

But the better stories from that era have all been reprinted in anthologies. I am trying hard to find for you a copy of the Healy & McComas collection, "Adventures in Time and Space", which contains most of the very best stories. Unfortunately, it is also out of print, and not easy to obtain, but I think with enough persistence I can locate a copy. Several friends in other cities are also searching for it at my request. As I mentioned in my last letter which may not have reached you, someone else has also promised to try to photostat some of the stories, but he is not certain it will be possible, since the magazines cannot be laid out flat.

As for personal matters, I have been well but quite busy. I have just finished, one novel, and am under contract to complete another before the end of the year. (This is not quite as bad as it sounds, because the second novel is really just a longer version of a story that has already been published.) Before spring I must also complete a shorter book for children, a simple factual account of what the future holds for man in space. — A propos such matters, your country must certainly be congratulated for its recent achievements with a landing on Venus and. an automated docking in orbit.

All this work was laid aside while François Bordes visited us for about a week, earlier this month. He is, of course, the well- known French prehistorian, who sometimes writes science fiction under the name "F. Carsac", and is an old friend of ours. He had been in the state of Idaho, visiting a colleague who is recreating still another method of flint working. (It is quite a sight, to see a modern man produce a spearhead out of a piece of flint, with a reindeer antler for a tool!) And he was supposed to proceed to Los Angeles before going home, in order to judge whether some allegedly very ancient objects found down there are man-made or natural. (He felt pretty sure they must be natural — but if they <u>are</u> artificial, then the antiquity of man in America must be very high indeed.)

So naturally, he stopped over in our San Francisco area for a while.

By chance, during his stay the Renaissance Pleasure Faire took place. This was a kind of recreated, medieval market, in which local artists, etc. dressed in costume and "hawked" their wares, while old plays, dances, games, and other amusements went on too.

It was done for the financial benefit of a local educational radio station. (As you know, there is no state-owned radio in this country, except perhaps an occasional university station or the like; so stations which have no commercial sponsors must depend on subscriptions, donations, and any other source of money they can find.)

On the whole, it was quite amusing.

We, tournament people, took part one day by staging a live chess game. Have you read the old "Barsoom" — John Carter of Mars — novels of Edgar Rice Burroughs? If so, you may remember that in one of them, a kind of *chess* game is played on a squared-off field by armed living men who represent the pieces. We did approximately

the same thing. Each kind of chessman had his characteristic weapons: pawns, a short stabbing sword and buckler (small round shield); rooks, battle axes — I was a rook this time; knights, sword and shield; bishops, maces; queens — whom we called war lords that day — any weapon they chose. Of course, as usual these were safe imitations of real weapons, though one can be bruised by them if a hard blow lands. There was a chess master for each side, who instructed his men to move according to the ordinary rules. However, when a capture would normally take place, the two pieces fought, and the one defeated was the one captured. Then the losing side got the next move. — I forgot to mention that the kings bore no weapons, but captured by divine right!

It was a pleasant idea. Unfortunately, it all happened too slowly to make a good spectacle. I hope we can find some way to cure this, because it could be interesting as an annual event.

A propos such archaisms, this is Hallowe'en. I don't know if you have heard of it; though the occasion is part of the Roman Catholic calendar, even among Western countries not many have paid attention to it outside of England — and, because of England, the USA and Canada. At any rate, the first day of November is the Feast of All Hallows, i. e. a day dedicated to all the saints at once. The day and night before are therefore the Eve of All Hallows, or Hallowe'en, and. in the Middle Ages it was thought that on that night all the evil spirits were allowed to roam loose on earth — a tradition similar to the German Walpurgisnacht, of course. As this belief died out, the custom arose that on Hallowe'en a certain amount of mischief was tolerated among children. I remember how, as a boy, I used to gather a certain kind of small wild melon, a month or so in advance; on Hallowe'en night we all fared forth and threw the rotten melons at unwary passersby. Other typical pranks included writing on windows with soap, upsetting garbage cans, etc. It was not done in any malicious spirit. Nevertheless, people grew annoyed, and the practice is no longer tolerated.

Instead, today small children dress in costumes — as witches, ghosts, clowns, or anything that strikes their fancy — and go from house to house ringing doorbells and saying, "Trick or treat!" In theory, this is supposed to mean that if you do not give them a piece of candy or some other treat, they will play a trick on you; but I am sure that none of them would know how to do that. In fact, it is becoming more and more customary that they do not even ask for treats, but instead collect small sums of money for the United Nations children's fund.

At any rate, we have laid in some candy and some pennies, and we have made a jack o' lantern — a hollowed-out pumpkin with a face carved in it and a candle burning within — and are prepared for visitors tonight. Meanwhile, though, I had. better try to get some work done. So I will close, with the very best wishes from our whole family to yours.

Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Извините, пожалуйста, что я так долго не отвечал Вам. У меня здесь было очень много дел. Но, безусловно, я должен искренне поблагодарить Вас за большой русский словарь, чрезвычайно красивый томик «Руслана и Людмилы» (кстати, одноименная опера здесь очень популярна) и интересные фотографии из Кижей. Вся наша семья очень рада этим подаркам.

На самом деле, я написал Вам примерно месяц назад, может, немного раньше. Но отчасти в виде эксперимента отправил письмо не как заказное,

а как обычное, так что, возможно, Вы его и не получили. То же самое относится к посланным мною двум сборникам научно-фантастических рассказов, один из которых принадлежит раннему американскому фантасту Стенли Вейнбауму, а второй — Роберту Хайнлайну. Поскольку заказные бандероли в Америке стоят дорого, а упомянутые книги были весьма дешевыми изданиями, то я решил проверить, дойдут ли они обычной почтой.

Если Вы их не получите в разумные сроки, пожалуйста, сообщите мне, и я вышлю Вам другие экземпляры, на этот раз заказной бандеролью. Тем временем я посылаю Вам — заказной бандеролью — ещё две книги. (По какой-то причине одна посылка в Вашу страну может содержать не более двух книг. Ограничение это введено скорее советской, чем американской стороной, поскольку в отношении других стран, насколько я знаю, подобного запрета нет.) Одна из них — «Миры научной фантастики»[1] — интересна тем, что все рассказы в ней были отобраны самими писателями. Другая — «Лицо в бездне» А. Мерритта. Вам будет приятно узнать то, что я обнаружил: многие из его работ недавно переиздавались, так что я смогу послать их Вам.

Вообще-то, в этот раз я намеревался послать также «Лунную заводь», но неожиданно вспомнил, что один из злодеев там — русский, карикатурно изображённый коммунист. Если это не кажется Вам обидным и не смущает, то я вышлю книгу; во всём остальном она очень неплоха. Остальные работы Мерритта вовсе не должны вызывать никаких нареканий, и я достану их для Вас, как только представится случай.

Но так как вполне может оказаться, что доктор Бородаевский привезёт с Экспо-67 много книг, будет лучше, если я подожду, чтобы не дублировать экземпляры. «Острова рыбачек» Фоско Мараини в приличном магазине, куда я обычно хожу, не оказалось (Оринда — не город, а отдалённый пригород Сан-Франциско, и около дома нет вообще никаких магазинов), но она значится в списках. Я заказал её для Вас и вышлю, как только её доставят. Знаете ли Вы очаровательную книгу «Встречи с Японией» того же автора? Но для тех, кто интересуется японской историей и этнографией, даже лучше, по моему мнению, книга «Японский постоялый двор» Оливера Стэтлера. Это описание старинной гостиницы возле знаменитой дороги в Токайдо. (Её можно увидеть в одном из эпизодов *Forty-Seven Ronin*[2]). Если Вы хотите получить что-нибудь из этих книг, буду рад достать их для Вас. А пока буду искать остальные книги из Вашего списка.

Возвращаясь к научной фантастике, хочу заметить, что журналы периода «Золотого века» сейчас уже букинистическая редкость и чрезвычайно дороги. Однако лучшие рассказы того времени антологизированы. Я изо всех сил пытаюсь достать для Вас сборник Хили и Маккомаса «Приключения во времени и пространстве», куда включено большинство лучших рассказов. К сожалению, эта книга не переиздаётся, и её нелегко достать, но, думаю, при достаточной настойчивости я смогу всё же её отыскать. По моей просьбе несколько друзей ищут её в других городах тоже. Как я писал в своем прошлом письме, которое могло не дойти до Вас, кое-кто пообещал мне также попробовать сделать

---

[1] The Worlds of Science Fiction, by Robert P. Mills — сборник издательства «Дайэл пресс» 1963 года под редакцией Роберта Миллза, включал 16 произведений таких авторов, как Говардд Фаст, Рэй Брэдбери, Уолтер Миллер, Джеймс Блиш и др.

[2] «История 47 верных ронинов», японское народное предание о мести самураев за смерть своего господина, неоднократно экранизировалась с 1940-х гг.

фотокопию некоторых рассказов, но не уверен, что это возможно, поскольку журналы нельзя плоско положить под пластину.

Что касается личной жизни, то у меня всё в порядке, однако я очень занят. Я закончил один роман и, согласно контракту, должен к концу года завершить другой. (Всё не так плохо, как кажется, поскольку второй роман на самом деле всего лишь более длинная версия уже опубликованного рассказа.) До весны я также должен закончить более короткую книгу для детей, простой рассказ, основанный на фактах, о том, что может ожидать человека в космосе. В этой связи вашу страну надо, несомненно, поздравить с недавними достижениями, связанными с посадкой на Венеру и автоматической стыковкой на орбите.

Вся эта работа была временно отложена, поскольку в начале месяца примерно неделю у нас гостил Франсуа Борде. Прежде всего он, конечно же, известный французский специалист по первобытной истории, который иногда пишет научно-фантастические рассказы под псевдонимом Ф. Карсак, и кроме того, просто наш старый друг. Он был у своего коллеги в штате Айдахо, который воссоздает ещё один метод работы с кремнем. (Это поистине забавное зрелище — видеть современного человека, изготавливающего наконечник копья из куска кремня при помощи рога северного оленя!) До возвращения домой ему нужно было заехать в Лос-Анджелес, чтобы проверить, действительно ли несколько предположительно очень древних предметов, найденных там, являются природными или сделанными человеком. (Он считал их природными, но если б они действительно оказались искусственными, то это означало бы, что в Америке человек появился очень давно.) Ну и по пути он заглянул к нам, в окрестности Сан-Франциско.

Совершенно случайно в это время у нас проходила ярмарка эпохи Возрождения. Мероприятие походило на воссозданный средневековый рынок, где местные художники в костюмах того времени торговали своими произведениями, и одновременно устраивались танцы, игры и другие развлечения, разыгрывались старинные пьесы. Всё это делалось для поддержки местной учебной радиостанции. (Как Вы знаете, в Америке нет государственных радиостанций, кроме, пожалуй, некоторых университетских. Так что станциям, не имеющим коммерческих спонсоров, приходится рассчитывать на пожертвования и прочие источники средств, какие они в состоянии будут найти.) В целом всё это было довольно забавно.

В один из дней мы, испытанные бойцы рыцарских турниров, приняли участие в живой шахматной игре. Вам приходилось читать повести Эдгара Райса Берроуза о похождениях Джона Картере на Марсе? Если да, то, вероятно, помните, что в одной из повестей играют во что-то вроде шахмат на разбитом на клетки поле, а в роли фигур выступают живые вооружённые люди. Мы сделали примерно то же самое. Каждый из игроков имел своё характерное оружие: пешки — короткий колющий меч и маленький круглый щит, ладьи — боевые топоры (на этот раз я был ладьёй), кони — меч и щит, слоны — булавы, ферзи, которых мы называли в тот день военными вождями, — любое выбранное ими оружие. Конечно, как всегда, это были безопасные имитации настоящего оружия, хотя ими можно было поставить синяк, если сильный удар достигал цели. Кроме фигур с каждой стороны был мастер игры, который инструктировал, как делать ходы (всё согласно обычным правилам). Однако захват фигур происходил в результате поединка между ними: побеждённая фигура считалась съеденной. Затем сторона, потерявшая фигуру, получала право

следующего хода. Я забыл добавить, что короли не имели оружия, захватывая фигуры по священному праву.

Это была славная идея. К сожалению, для зрелищности не хватало скорости: всё происходило слишком медленно. Надеюсь, мы найдём какой-нибудь способ исправить этот недостаток, поскольку было бы интересно проводить такой шахматный турнир ежегодно.

Кстати, ещё о старине: сейчас Хэллоуин. Я не знаю, слышали ли Вы о нём: хотя этот праздник отмечается по Римскому католическому календарю, лишь немногие западные страны обращают на него внимание вне Англии, а в США и Канаду этот праздник пришел из Англии. Так или иначе, первое ноября — праздник Всех святых, то есть день, посвящённый сразу всем святым духам. День и ночь перед праздником называются Кануном дня всех святых, или Хэллоуином. В средние века было распространено поверье, что в эту ночь всем злым духам разрешено свободно разгуливать по земле — традиция, безусловно, напоминающая немецкую Вальпургиеву ночь. Когда это верование умерло, родился обычай, по которому на Хэллоуин детям разрешено проказничать. Я помню, как ещё мальчишкой, примерно за месяц до праздника, я заготавливал дикие дыньки. На Хэллоуин мы выходили на улицу и кидались в неосторожных прохожих этими гнилыми дынями. Расписывать окна мылом, опрокидывать мусорные баки — было обычными нашими шалостями. Всё это делалось без какого-либо злого умысла. Тем не менее, людей это раздражало, и потому теперь такие проделки больше не допускаются.

Вместо этого сегодня детишки наряжаются ведьмами, колдунами, привидениями или кем-нибудь ещё — как подсказывает им воображение, и ходят по домам, звоня в двери и говоря «trick or treat». По идее, это должно означать, что если им не дадут конфету или другое угощение, они подшутят над вами. Но я уверен, что никто из них не знает, как это сделать! По сути говоря, эта традиция настолько осовременилась, что они даже не просят угощения, а собирают небольшие суммы денег для детского фонда Объединенных Наций.

Так или иначе, мы уже приготовили несколько конфет и монеток и сделали тыквенный фонарь — выдолбленную тыкву с горящей свечей внутри, — полностью приготовились к приему гостей. Тем временем, пора за работу. Так что я заканчиваю своё письмо с наилучшими пожеланиями Вашей семье от нашей.

Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
3 ноября 1967 г.

Professor I. A. EFREMOV
Ulitza Gubkina 4 appt. 40
MOSCOU V-333
URSS

Monsieur le Professeur,

Permettez-moi d'abord de vous présenter toutes mes excuses pour avoir si longtemps tardé à vous répondre au sujet de Brave New World Revisited. Enfin, il y a

quelque temps j'ai trouvé le livre à Paris, je me permets donc de vous l'envoyer par pli séparé et recommandé, ce qui vaudra, je crois, beaucoup mieux qu'un long verbiage.

Puis-je vous demander, d'autre part, l'autorisation de vous citer dans ma thèse, sinon nominalement, du moins comme «un chercheur éminent, membre de l'Académie des Sciences de Moscou», car je m'en voudrais beaucoup de vous causer un quelconque désagrément.

C'est en vous remerciant à nouveau de la générosité avec laquelle vous m'avez écrit et des réflexions importantes que vous me livrez, en espérant aussi que le livre d'Huxley vous intéressera, que je vous prie de croire, Monsieur le Professeur, en mes sentiments de gratitude et de respect.

Brigitte André

48 av. de la Bourdonnais
PARIS 7° — FRANCE

СССР
Москва, В-333
Улица Губкина 4, кв. 40
Профессору И. А. Ефремову

Господин профессор!

Прежде всего хочу принести извинения за столь долгую задержку с ответом по поводу книги «Возвращение в дивный новый мир».[1] Я, наконец, недавно нашла эту книгу в Париже и отправила её вам заказной бандеролью, что, на мой взгляд, лучше, чем обсуждать её.

Со своей стороны, я прошу у Вас разрешения называть Вас в моей диссертации если не по имени, то хотя бы как «знаменитого учёного, члена Московской Академии Наук», так как я не хотела бы причинить Вам этим каких-нибудь неприятностей.

Ещё раз благодарю Вас, господин профессор, за то великодушие, с которым Вы написали мне, и за Ваши важные размышления. Надеюсь, что книга Хаксли будет Вам интересна.

С уважением.
Брижит Андрэ

ФРАНЦИЯ — ПАРИЖ,
7 округ,
авеню дэ ля Бурдоннэ, д. 48

Перевел Андрей Яковлев

83 Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
3 ноября 1967 г.[2]

Дорогой Иван Антонович!

Шлю сердечный привет Вам и Таисии Иосифовне из слякотного, промозглого, но неизменно прекрасного Ленинграда. Впрочем, пейзаж почти соответствует сегодняшней (3 ноября) погоде.

---

[1] Книга английского писателя О. Хаксли (1958).
[2] Место и датировка по содержанию письма.

К сожалению, обсуждение «Часа Быка» под угрозой, так как до сих пор не можем вызволить рукопись у А. П. Все мы, т. е. наша фантастич[еская] секция, очень огорчены…

Все гоняются у нас за 10 № «Техники — молодёжи»[1] и пока что не могут достать…

Всегда Ваш
Е. Брандис

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 84

Годалминг
5 ноября 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your note of Oct. 17th. I had not heard of the book "The Plains of Camdeboo" but I have ordered a copy and hope that it will come soon. When we have had a look at it, I will send it on to you. I sent off three from your last list on 3.10.67 and two others on 12.10.67. I hope they reach you safely. "Stranger than Science" is out of print.

With best wishes to you both.
Yours very sincerely,
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо за Вашу записку от 17 октября. Я ничего не слышала о книге «Равнины Камдебу»[2], но заказала экземпляр и, надеюсь, что она скоро прибудет. Когда мы просмотрим её, я перешлю её Вам. Я отправила уже три наименования по вашему последнему списку 3.10.67 и ещё два 12.10.67. Надеюсь, они благополучно к Вам дойдут. «Страннее самой науки»[3] распродана.

С наилучшими пожеланиями вам обоим и искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевели Мира Покорук и Лариса Михайлова

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 85

Вашингтон
6 ноября 1967 г.

Dear Professor Efremov:

I finally obtained the magazine "Америка" for you. This was not very easy, since past numbers are usually put out of circulation. You are also put on the sub-

[1] В этом номере был опубликован репортаж Михаила Юрьева о съёмках фильма по роману И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» «Дар Ветер шагает по Таврии» и интервью с И. А. Ефремовым «Следы человека, которого ещё нет». В этом интервью Ефремов утверждает, что воспитание — «производительная сила общества». Номер был юбилейным, посвящённым 50-летию Октября, и обширное интервью в этом номере воспринималось как программное.

[2] «The Plains of Camdeboo» — книга Евы Пальмер.

[3] Книга Фрэнка Эдвардса.

scription list of Scientific American. You should be getting in mail several packages, books, magazines, etc.

Since at one time you were a sailor, you will appreciate the fact that last month I have spent a week in the Atlantic Ocean, — Sargasso Sea & East off North Carolina Coast... The experience was overwhelming. I did get sea sick the first night, but regained my "sailor's legs" the next morning.

I must congratulate your country on the fabulous achievements in space technology. The news here is bulging with reports on the 50th anniv. of the revolution. Newspapers, radio, TV, etc.

So much for now, sincerely yours,
G. Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Наконец раздобыл тот журнал «Америка» для Вас. Это было непросто, поскольку нераспроданные прошлые номера периодики обычно не выкладывают. Ещё — теперь Ваше имя включено в подписной лист «Сайентифик Америкен». По почте к Вам должно придти несколько бандеролей с книгами, журналами и пр.

Раз вы прежде были моряком, то оцените тот факт, что в прошлом месяце я целую неделю провёл в Атлантическом океане — в Саргассовом море, а затем поблизости от побережья Северной Каролины... Впечатление было ошеломительное. В первую же ночь меня свалила «морская болезнь», но наутро я всё же её поборол.

Должен поздравить Вашу страну со сказочными достижениями в области космонавтики. Во всех новостях сегодня масса сообщений о праздновании 50-летия революции. В газетах, радио, на телевидении и т. д.

Пока всё, искренне Ваш
Дж. Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

86 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
8 ноября 1967 г.

Dear Prof. Efremov:

in my last letter I have made a mistake — I meant to say "Soviet Life", not the "America" magazine.

The illustrations, by the way, are excellent. And thank you very much for bringing to my attention the "Five Pictures". I have reproduced the story and added it to the file of your works.

Washington D. C. is experiencing the first signs of winter. It never really gets cold here, just cold enough to be different from summer. And also just in time I finished planting 44 bushes and various trees around our new small house... before the ground freezes.

Sincerely yours,
G. Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

В последнем письме я допустил ошибку, имея в виду журнал «Совьет лайф», а не «Америка».

Кстати, иллюстрации великолепные. И спасибо большое, что обратили моё внимание на «Пять картин». Я скопировал рассказ и добавил в папку с Вашими произведениями.

В Вашингтоне проявились первые признаки зимы. Тут никогда не бывает холодно, лишь несколько прохладнее, чтобы отличаться от лета. Хорошо, что я успел уже посадить все 44 куста и разные деревья вокруг нашего нового домика, прежде чем земля застынет.

Искренне Ваш
Дж. Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 87

Москва
8 ноября 1967 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Очень тронут Вашим хорошим письмом и вообще всем ко мне отношением. Примите и мои поздравления с праздником Вам и Вашей семье и пожелания прежде всего — здоровья, а там и замыслы всех видов исполнятся.

Поклон и наилучшие пожелания от Таисы Иосифовны.

Всегда Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 88

Москва
9 ноября 1967 г.

Дорогой Борис!

Видимо, мне придётся подождать Вашего приезда в Москву, чтобы расспросить обо всём как следует. Что-то я не понимаю в Вашей теперешней жизни, а потому мне она кажется не то бесцельно трудной, не то сошедшей с курса. Почему? Да потому, что я считаю, что жертвовать собой, а особенно ещё другим человеком, а ещё в самые лучшие годы молодой любви можно лишь в том исключительном случае, когда цель абсолютно ясна, близка и стояща. Иначе — на черта всё это и к чёрту всё это!

Есть в Ваших мыслях нотка озлобления — не насмешки и презрения, что естественно и понятно, но злобясь, Вы спускаетесь на уровень тот, который ненавидите и уже не можете плевать на него сверху.

Никак не пойму, что такое с Ларисой? Зачем ей надо мыть полы, чтобы сохранить семейный очаг — извините, может, по возрасту, но никак не возьму в толк. Почему она не может устроиться пока в ином месте? А если не может, то, следовательно, это дело очень временное? А если временное, то тогда оно, может, и не столь страшно, как Вы о нём написали?

Тася, которую Вы знаете, до своего становления моим секретарём, затем приёмной дочерью, а теперь — женой, работала (после детского дома) как раз мойщицей школ, что даже хуже квартир, и вообще чего только не делала. Работа, конечно, тяжёлая, но как временный этап — не страшная, если имеется цель и Вы можете обещать ей не розовый сад, но условия, необходимые интеллигентному человеку — комнату, книги, нехамскую среду. Если не можете — не беритесь. Если долго ждать — не беритесь — растеряете слишком много по дороге. Словом, когда будете в Москве — обязательно поговорим. Для суждения у меня из Ваших писем недостаточно материала. Например, не возьму в ясность, чего Вы так держитесь за Киев? Ну, довольно об этом.

«Туманность» сняли и, на моё удивление, обошлось без позора. Фильм на уровне выше всего, что снималось по н[аучной] ф[антастике] до сих пор, хотя от романа там лишь фрагменты, и не все удачные. У Шерстобитова вкуса оказалось больше, чем у всех его украинских коллег. Фильм забраковали в Комитете здесь, но я думаю — без оснований. Это не отразится на его судьбе — скоро он пойдёт в прокат, и Вы посмотрите сами.

Я зарылся по уши в свой роман «Час Быка». Остаётся примерно три главы, но пишется медленно — здоровье — никуда. После того как чуть не дал дуба в прошлом году, никак не могу поправиться, веду жизнь почти индийского аскета и работаю медленно. А роман трудный. Всё же, е[сли] ж[ив] б[уду], то к началу будущего года окончу. И то ещё вопрос — пойдёт ли? Там много вопросов сложных и колючих.

Поздравляю Ларису и Вас с прошедшим праздником, желаю прежде всего — здоровья и элементарного обустройства. Тася шлёт Вам наисердечнейший привет, также и Марафед. Бородаевских не видел уже несколько дней — Андрей только что вернулся после двух месяцев пребывания на ЭКСПО-67 из Канады, и они со Славкой бегают по гостям. Напишу Вам, как только пройдёт у них ажиотаж. Аллан — всё по-прежнему в Сирии и что-то не торопится возвращаться, хотя Ольга уже ходит соломенной вдовой больше года, а Дашка без него растёт.

Расула Гамзатова не люблю, — он был ничего, а теперь стал холуйствовать. Предпочитаю Волошина:

Долг не свершён, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрёк
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог…[1]

Будьте здоровы и ещё раз — пуще всего остерегайтесь злобы — она слепит даже самых стоящих людей. Берегите Чайку, но не жалейте её — это не то!

Ваш

И. Ефремов

P. S. Найдите в библиотеке сборник М. Волошина «Чайка и Саломея», Киев, 1909 г.

---

[1] И. А. Ефремов цитирует сонет 8 («Изгнанники, скитальцы и поэты...») из «Венка сонетов» М. А. Волошина.

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 89

Кузнецк
10 ноября 1967 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Вчера в который раз читал «Лезвие бритвы». Переживал разговор Ивана... Гирина (не мог вспомнить его фамилии, пока не взглянул в книгу, для меня И. Гирин — И. Ефремов!) с художниками, геологом и встречу с Симой. Каждый раз глубже воспринимаю смысл, точнее, лучше осмысливаю.

Недавно перечитывал чудные письма Бориса Леонидовича. А познакомился я с ним потому, что Вы мне подарили VII томик «Махабхараты». Сейчас заканчиваю редакцию перевода лекций П. Д. Успенского — «Четвёртый путь». Пытаюсь во многом следовать умным вещам, содержащимся там. К этому чистому роднику я вышел потому, что Вы познакомили меня с Ф. П.

Это не сентиментальные разговоры, это понимание того глубочайшего влияния, которое Вы оказали на меня. Я знаю, что каждый сам идёт по своему Пути. Это так, но бывают перепутья, так ведь? И на них очень нужен свет. Этот свет дали мне Вы и Борис Леонидович.

Я хочу, чтобы Вы знали об этом.

Будьте здоровы, счастливы, Вы многим людям даёте свет Правды.

Мои сердечные приветы уважаемой Таисе Иосифовне.

Сердечно Ваш *Г. Портнягин*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 90

Москва
11 ноября 1967 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Я нашёл ещё коробку с письмами, приготовил автобиографию и фото, часть документов. Что до рукописей, то их — сколько унесёте.

Заказ на Вс[еволода] Соловьёва отменяется — я получил обещание на наиболее важные 6 томов.

Если можно, то пусть переснимут Ларри («Страну счастливых»).

Поздравляю Вас с прошедшим праздником.

Привет от нас обоих с женой.

С уважением, Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 91

Москва
14 ноября 1967 г.

Многоуважаемый Павел Стефанович!

Рад был Вашему письму, свидетельствовавшему об активной деятельности, несмотря на миозит. Эта дрянь сильно меня донимала в Монголии (правая рука), и частично порча моего сердца обязана громадным дозам пирамидона, поглощённым, дабы не терять работоспособности.

Я продолжаю находиться не в блестящем состоянии — никак не выправить сердца, поражённого сразу целым комплексом хворей. Но всё же роман

«Час Быка» (б[ывшая «Долгая заря») подвигается, осталось три главы. Палеонтология пока отложена — нет силы справиться с обоими. Что будет в палеонтологии — можете получить некоторое представление, если почитаете моё интервью в «Вокруг Света» за октябрь[1] — там выдержки из моей статьи «Космос и палеонтология», которая появится в академическом сборнике «Населённый Космос»[2] один бог знает когда.

Посылаю Вам кусок «Техники — молодёжи» с моим интервью[3] и статьёй о фильме «Туманность»[4]. Интервью обкорнала цензура, как только смогла, мои высказывания на самом деле куда резче и определённее относительно путей построения реального коммунизма.

Конечно, буду рад получить Ваши интересные для меня статьи. Кстати, видели ли Вы рельефную карту дна Индийского океана, скомпилированную в «Нэйшнл Джеографик» за октябрь? Она даже в столь несовершенном виде весьма интересна для гондванских построений. Посмотрите.

Есть к Вам одна просьба. Без всякого спеха при случае нельзя ли узнать, у кого находится личный архив Николая Константиновича Разумовского? Я знаю его первую жену, Елену Эмильевну, но просто боюсь писать, так как не переписывался уже много лет и мне неизвестно даже, жива ли она.

Дело в том, что у Ник[олая] Конст[антиновича] было собрано много материалов по старым рудникам медистых песчаников, и один из его учеников, работающий в Оренбурге, пишет сводку по медистым песчаникам. Было бы замечательно, если бы материалы Н. К. Р. не пропали, а послужили бы делу. Если они переданы в Фонды ЦГ Библ[иотеки][5], то всё в порядке, а если остались в забросе, то надо спасать. Если окажется, что Елена Эмильевна жива и здорова, то сообщите мне лишь это, а остальное я уже сделаю сам.

Желаю всяческого здоровья. Поздравляю с Праздником, и Таиса Иосифовна присоединяется к тому и другому виду пожеланий и поздравлений.

А письмо от Фукса[6] – это очень приятно, но ведь предисловие в самом деле отличное! У меня есть фото Фукса в щенячьем возрасте на раскопках в Олдувае (Танганьика) в 1931 году — там, где найден зинджантроп[7].

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

---

[1] В тексте письма неточность. Имеется в виду интервью Д. А. Биленкина с И. А. Ефремовым «Мы прозреваем дали других обитаемых миров...» в журнале «Вокруг света», № 9, сентябрь, 1967.

[2] Пекелис В. Д. (ред.). Населённый космос. — М.: Наука, 1972. — *Примечание Н. Д. Воронова.*

[3] Следы человека, которого ещё нет // Техника — молодёжи, № 10, 1967, с. 22—25. с рис. А. Побединского. Автор интервью не указан.

[4] Юрьев Мих. Дар Ветер шагает по Таврии // Техника — молодёжи, № 10, 1967, с. 40. Фото на 3-й странице обложки.

[5] Центральная, ныне Всероссийская Геологическая библиотека. *Примечание Н. Д. Воронова.*

[6] Имеется в виду Фукс Вивиан Эрнест. Письмо посвящено русскому изданию книги Маккензи Д. Хиллари против Фукса (см. прим. 1 к письму от 08.05.1967 г.). *Примечание Н. Д. Воронова.*

[7] З*инджантроп* (Zinjanthropus boisei), иначе Парантроп Бойса (Paranthropus boisei Mary Leakey, 1959) — ископаемый примат, остатки которого (череп без нижней челюсти) открыты английским археологом Л. Лики в Олдувайском ущелье (Танзания) в 1959 г. *Примечание Н. Д. Воронова.*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ[1] 92

Москва
17 ноября 1967 г.

Дорогой Владимир Иванович!

По слухам, до меня дошедшим, Ваша книга не то получила, не то выставлена на премию ВЛКСМ? Что Вы знаете об этом? Ежели так, то поздравляю от души!

У нас не всё ладно в королевстве. Повалился основной столбик — Тасенька. Приступ пароксизмальной тахикардии, неотложка ночью и т. д. и т. п. Теперь велено лежать, а потом: не хлопотать, ничего близко к сердцу не принимать. Но как это может брыкучая зебра — не знаю!

Может, как подправится — увезу дней на десять куда-нибудь, куда примут опасного сердечника — меня.

Я — понемногу с ухудшением погоды ухудшился сам, но не настолько, чтобы не работать. Осталось всё же три главы: «Стрела Аримана», «Сердце Зари» (усл[овное]) и «Хрустальное Окно». Больше занимался писанием писем пока, встречался с Юнгом («Ярче тысячи солнц»). Как Ваши дела, дорогой? Как здоровье Ваше и Наталии Алексеевны? Целую ей ручку, Вас обнимаю, детей приветствую. Тасенька всех целует.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[2] 93

Москва
21 ноября 1967 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Благодарю Вас за доброе письмо с признанием моих «заслуг». Но не кажется ли Вам, что иначе быть вообще не может? Поднявшись на определённый уровень поисков и мысли, человек далее уже автоматически включается в этот поток, и следствия идут цепочкой, но в том темпе, в каком позволяет время и место (не могу не быть диалектиком).

Меня интересует именно Ваш перевод «4-го пути». М. б., (если новая книга у меня пойдёт и будут средства) Вы позволите мне помочь размножить перевод, перепечатав его этак экземплярах в 12. И пусть читают, потому что до издания этих вещей у нас ещё далеко. А жаль, нужно бы.

Самолучший привет от нас с Таисой Иосифовной. Будьте здоровы.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 94

Годалминг
23 ноября 1967 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your letter dated Nov. 12th which came today. I am glad that the five books reached you safely but sorry that two of them were so disappoint-

[1] Пометка от руки в верхнем левом углу открытки: «Отв. 21-XI-67».
[2] Открытка с репродукцией картины Г. Г. Нисского «Над снегами».

ing. I did not look into any of them so did not think that your taste in reading had changed.

Today I posted to you a copy of «The Plains of Camdeboo» and I do not think that you will be disappointed in that. I read enough of it to believe that I should like to possess it so I ordered another copy for us. The account of Broom's fossil hunting in the Karoo refers to the later part of his life when he found early human and pre-human remains. My husband's visits to S. Africa were before that period. There are too photos of Broom which I think are very good especially one of him at work. The writer obviously loves her home country and the book is well written. So I think you will certainly enjoy it. Thank you very much for telling me about it. Already one neighbour has asked for the loan of it and Miss Townend (Prof. Watson's former assistant and draughtswoman) decided, on seeing it, to get it from a library if possible.

I am very glad that you and your wife appreciate my letters so much. Tell her that her kind message of love warms my heart. I am afraid that I shall never write a book. I have met many interesting men and women and lived through troubled times but I do not think that I am capable of writing well enough or of making sufficiently sustained effort for a book. One period I should like to write about is my student years — 1909 to 1914 — and the three following years when I was doing some teaching at University College. It is generally believed the women in England at that time had very little freedom and I think that this was the case in the so-called Upper Classes. Girls of wealthy and aristocratic families were not allowed to train for any profession nor were they able to go about with young men — except with a chaperone. But we of the middle class student group had as much freedom as any reasonable girl could want. The only difficultly about going to College was the financial one but I was well taught at school and good at exams, so I won scholarships which were a great help. Once at University College we had complete freedom of thought, mixed freely with the men, went to theatres, concerts etc. and were encouraged to join all sorts of student societies — Literary, Musical, Philosophical and Scientific. It was more difficult for a woman to get on to the staff, but I did succeed in that and enjoyed demonstrating to the mixed class (including medical students) in the zoology Department — from 1914 to 1917 when I married.

But to return to your letter and your remarks about children and kindness. You say that the best bred people are among rural men. I think that country people are, in general, kinder and more helpful than townspeople. Our last home was in a commuter suburb and I made few acquaintances and no friends. From 1938 to 1944 we had a small house in real country and got to know most of the village people. Here, the population is mostly fairly comfortable and not too close packed and it seems natural to exchange greetings as we pass and to get into conversation if we are walking in the same direction and to help one another.

I am afraid that our students, like yours, are not so kind and helpful as students were formally. But I do not really know. Janet has told me about some of her Geological "boys" who seem to be good and kind — one I remember she mentioned who had adopted all the less attractive fashions — long hair, peculiar dress etc. and was a rebel towards his own home and yet was a good student and perfectly polite and helpful to her.

You will have heard that this country is in a troubled state — devaluation of the pound and big — enormous, debts piling up. Meantime exports are held up by an unofficial strike of dock workers and many Unions are demanding higher wages without increasing their productivity. There is little faith in party politicians.

Also, there is a terrible outbreak of Foot-and-Mouth disease with thousands of animals slaughtered. So far it is not near my daughter's farm, but all farmers are anxious and have to spend much time on precautions. Presumably the virus was brought in with Argentine beef.

I am glad to know that you have had such a mild autumn so far and hope that the winter will also be kind. Very cold weather is probably bad for your heart but I hope that, with your wife's good care, you will keep well and be able to finish "The Chained Faith" successfully.

We both keep well and my husband joins me in warmest greetings to you both.

I hope this long letter does not tire you!

Yours very sincerely
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо за Ваше письмо от 12 ноября, пришедшее сегодня утром. Я рада, что все пять книг благополучно добрались к Вам, но сожалею, что две из них настолько не оправдали надежд. Я ни одну из них не просматривала, поэтому вряд ли дело в перемене Вашего вкуса.

Сегодня я отправила Вам книгу «Равнины Камдебу»[1] и думаю, что она Вас не разочарует. Начав читать, я поняла, что хотела бы иметь такую же, поэтому заказала ещё экземпляр для себя. Сведения о поисках ископаемых Брумом в Кару относятся к более раннему периоду его жизни, когда он нашёл древних гоминид. Муж бывал в Южной Африке ещё до этих находок. В книге Пальмер есть также фотографии Брума, которые, по-моему, очень хороши, особенно одна во время работы. Видно, что писательница любит родную страну, и книга хорошо написана. Вы, несомненно, получите от неё удовольствие. Большое спасибо за то, что рассказали мне о ней. Одна соседка уже попросила книгу на время, и мисс Тауненд (бывшая помощница и чертёжница профессора Уотсона), увидев её, решила при возможности взять в библиотеке.

Я очень рада, что Вы с женой так высоко цените мои письма. Передайте, что её душевное послание согревает моё сердце. Боюсь, сама книгу писать я никогда не возьмусь. Я встречалась со многими интересными людьми и пережила смутные времена, но не думаю, что в достаточной степени одарена писательским талантом и усидчивостью для создания книги. Единственный период, о котором я бы хотела написать, это мои студенческие годы — с 1909 по 1914 г. — и три последующие года, когда я немного преподавала в университетском колледже. Вообще, считается, что у женщин Англии в те времена было очень мало свободы, и, думаю, это справедливо в отношении так называемых «высших сословий». Девушкам из богатых и аристократических семей совершенно не разрешалось обучаться профессиям, они не имели права беседовать с молодыми людьми — только в сопровождении компаньонки. Но у нас, группы студентов среднего сословия, было столько свободы, сколько могла пожелать любая разумная девушка. Единственной трудностью при поступлении в колледж была финансовая, но я хорошо училась в школе и успешно сдала экзамены, за что была вознаграждена стипендией, ставшей большим подспорьем. В университете мы тогда имели полную свободу мысли, свободно общались

[1] «Равнины Камдебу» — книга Евы Пальмер.

с мужчинами, посещали театры, концерты и т. п. и поощрялись к участию во всех видах студенческих сообществ — литературных, музыкальных, философских и научных. Труднее для женщины было попасть в штат сотрудников, но мне это всё-таки удалось, что я с удовольствием демонстрировала смешанной группе (включая студентов-медиков) на факультете зоологии с 1914 по 1917 гг., до своего замужества.

Но вернёмся к Вашему письму и Вашим замечаниям о детях и доброте. Вы говорите, что наиболее воспитанные люди встречаются на селе. Думаю, деревенские жители вообще добрее и скорее готовы прийти на помощь, чем горожане. До переезда мы жили в пригороде, где я завела нескольких знакомых, но ни одного друга. А вот с 1938 по 1944 мы жили в настоящей деревне и были знакомы с большинством местных жителей. В Годалминге население в основном живёт достаточно благоустроено и не так стеснённо, и кажется естественным обменяться приветствиями и вступить в беседу, если нам по пути, и помочь друг другу.

Боюсь, что наши студенты, как и ваши, не так любезны и предупредительны, как принято представлять. Но точно я не знаю. Дочь Джанет рассказывала о ребятах-геологах, вроде хорошие и добрые студенты — об одном, помню, она обмолвилась, что он усвоил всю самую непривлекательную моду — длинные волосы, специфическая одежда и т. д. и был бунтарём в собственном доме, и всё же был хорошим студентом и с ней предельно вежливым и предупредительным.

Общее состояние в Англии, как Вам известно, сейчас неспокойно — девальвация фунта, и какая — невероятная, долги накапливаются. Теперь ещё экспорт приостановлен несанкционированной забастовкой докеров, и многие профсоюзы требуют увеличения заработной платы без увеличения производительности. В партийных политиков веры мало.

Кроме того, случилась ужасающая вспышка ящура, отчего пришлось зарезать тысячи животных. На ферме моей дочери пока ничего плохого не происходит, но все фермеры встревожены и не жалеют средств на меры предосторожности. Предположительно вирус был доставлен с аргентинской говядиной.

Рада узнать, что у Вас была до сих пор такая мягкая осень, надеюсь, и зима также будет благоприятной. Слишком холодная погода, вероятно, вредна для сердца, но, надеюсь, благодаря заботам Вашей жены Вы будете хорошо себя чувствовать и сможете успешно завершить «Скованную веру»[1].

Мы оба чувствуем себя хорошо, и муж шлёт вместе со мной самые тёплые приветствия вам обоим.

Надеюсь, это длинное письмо Вас не утомит!

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

[1] Глава 9-я романа «Час Быка».

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

95

25 ноября 1967 г.

Дорогой Иван Антонович!

У меня возникло неопределённое желание поделиться с Вами некоторыми впечатлениями после просмотра фильма «Туманность Андромеды». Моё восприятие совпало с мнением подавляющего большинства присутствующих: в общем и целом фильм не удался. У режиссёра не оказалось ни достаточной культуры, ни вкуса, ни умения, ни кругозора, ни такта, чтобы дать зрителям хотя бы самое приблизительное представление о мыслях и чувствах людей эры Великого Кольца, об условиях, в которых они живут, и обстановке, которая их окружает.

Что же получилось? Из произведения, полного глубоких идей, выхолащивается его идейная и философская сущность. Выигрышный для экрана динамический эпизод растягивается на полтора часа и передаётся в нарочито замедленном ритме, который, по мнению постановщика, выражает величественность героев романа. В их уста вкладываются банальные фразы, бледные, невыразительные реплики, и персонажи, стоящие, как столбы и лениво передвигающиеся, словно под наркозом, должны якобы дать представление об энергичных, мудрых и доброжелательных людях далёкого будущего! Актёрская игра подменяется невыразительной жестикуляцией, характеры — примитивными однолинейными действиями. Одноликий экипаж «Тантры», стоящий в картинных позах возле командира, напомнил мне... молодчиков Фантомаса.

А Низа Крит — глупая девка, завлекающая в свои сети Эрг Ноора и в самый неподходящий момент говорящая ему о своей любви, — какое она имеет отношение к Вашей чистой, милой и непосредственной Низе Крит? А весь этот однообразный муляж, хотя сделанный порой и не без выдумки, какое представление он даёт о «Туманности Андромеды»? А кафе-шантанный вставной номер «в красных тонах», как он снижает и опошляет идею Великого Кольца! И вся эта слащавая декоративность!!!

Впрочем, я не собираюсь писать рецензию. Во время просмотра меня не покидало чувство досады и обиды — обиды за «Туманность Андромеды».

На обсуждении фильм подвергся разгромной критике. Фантасты молчали — им трудно было защитить картину, не кривя душой, и не хотелось обидеть Владимира Ивановича, который почему-то не отделяет себя от режиссёра и, вопреки очевидности, настаивает, ссылаясь на Ваше мнение, что фильм удался, что это достижение советской научной фантастики в кино и чуть ли не мировое достижение.

Пишу я Вам это доверительно. Мне не хотелось бы, чтобы Вы упомянули в разговоре с ним о моём письме, дабы он не воспринял это неправильно. Выступали из нашей группы только Бритиков и я. От разбора фильма я сознательно уклонился, так как не мог себя пересилить и говорил главным образом о том, какая непосильная задача экранизировать такой роман и найти ему художественный эквивалент средствами кино. Бритиков выразил своё мнение более отчётливо. После просмотра В. И. заявил, что от нас этого не ожидал, вернее, ожидал более действенной поддержки, и бледный, трясущийся от гнева, обрушился на наших бедных фантастов за то, что они не выступили в поддержку фильма. Произошла некрасивая сцена. На мой взгляд, при всех моих

дружеских отношениях, которые, как сказал мне потом В. И., не выдержали проверки, он вёл себя недостойно и непристойно.

Разумеется, нас связывают и, вероятно, будут ещё связывать общие дела, но у меня осталось очень горькое чувство. Кроме того, никто из нас, нашей группы литераторов, не верит, что Вы действительно удовлетворены фильмом и так высоко о нём отозвались.

Извините, Иван Антонович, что я решил всё это Вам изложить. Но почему-то подумал, что в этой ситуации было бы нечестно с моей стороны, если бы я не рассказал Вам об этом, так как Вы можете получить одностороннюю информацию и сделать неправильные выводы о поведении моём, Бритикова, и причинах молчания наших фантастов, которым обидно было прежде всего за Вас и за подлинную «Туманность Андромеды».

Если можно, напишите мне несколько слов, что Вы думаете по этому поводу.

Дружески Ваш
Е. Брандис

P. S. Забыл сказать, что ни я, ни мои товарищи не подходим к фильму к снобистскими мерками, как думает В. И., и вовсе не проявили нежелания одобрить его инициативу и труд, вложенный Шерстобитовым. Но ведь судят о произведении искусства не по количеству вложенного труда, а по конечным результатам. Однако В. И. не хочет и не может этого понять. Он из тех людей, которые выдают желаемое за действительное и полагают, что все должны думать одинаково, то есть — так, как он.

96 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Москва
30 ноября 1967 г.

...со всем, что Вы написали о фильме, я согласен. Мало того, читая Ваше письмо, я был тепло согрет Вашей любовью к моему роману и его героям и заботе о них, совсем как о живых людях. Это ли не награда автору?

И тем не менее, я счёл возможным одобрить фильм и похвалить режиссёра. Откуда такая двойственность? «Диалектика реальной жизни». Суть в том, что я совершил... основную ошибку — поверил в то, что наше кино сможет поставить «Туманность» (не как философское произведение, в это я с самого начала не верил) — как феерическую сказку, воспользовавшись всеми возможностями современного кинематографа. Второе, во что я верил до недавнего времени, это то, что каждый подлинный коммунист, поняв, о чём идёт речь, поддержит постановку этого фильма, чтобы дать всем увидеть то, что мы пытаемся построить. Третье, на что я надеялся и в этом приложил руку В. И. — это то, что фильм будет рассматриваться как оружие в идеологическом сражении с Западом. По всем этим трём линиям мы потерпели полное фиаско — никакой заботы. Едва я познакомился с руководством нашего кино... стало ясно, что никакой серьёзной поддержки от них не может быть, ибо они даже не понимают фантастики и никто (подчёркиваю — никто) из них не читал романа...

Теперь, когда вышел фильм, столь же отличающийся от моих мечтаний о постановке «Туманности», как Комитет кино от подлинно озабоченных комму-

нистическим воспитанием людей, я мог рассматривать его в двух планах. Судя строго и беспощадно, как Вы считаете надо судить о произведениях искусства, следовало разгромить фильм и поставить на нём крест.

Но разве Вы всегда выносите наружу Ваше внутреннее суждение? Разве не заставляет Вас мудрость уступать в чём-то, применяясь к конкретной обстановке, в которой Ваше внутреннее суждение принесло бы больше вреда, чем пользы?

Я понял, узнав обстановку в нашем кино, каких трудностей и даже отваги стоило режиссёру поставить фильм хотя бы так, и отсутствие вкуса в каких-то вещах компенсируется отчаянной попыткой подражания роману, причём подражания честного. Если сгубить сейчас весь труд коллектива, заявив, что поставили дрянь, значит, вообще надолго остановить попытки экранизации н[аучной] ф[антастики]! А не явится ли даже неудачный фильм первой ласточкой, отталкиваясь от ошибок которой, учитывая успехи, можно идти дальше, и вероятно, пойдут. Далее, всё ли уж так неудачно в фильме, сравнивая его не с каким-то отвлечённым идеалом, а с тем, что имеется на сегодняшний день в советском кино? Что фильм красивее, «приподнятее», необычнее всего того, что было до сих пор, — это, по-моему, бесспорно. Значит, вопрос, в какой степени? Да пусть хоть в самой малой, но и то этот шаг вперёд должен быть поддержан, а не убит! Поэтому люди должны бы: а) отметив все недостатки фильма как серьёзного произведения искусства (и гл. образом — внутренне), б) сравнить его со всем, что было до сих пор, и признать, что съёмочный коллектив поднялся на какую-то ступень выше в экранизации н[аучной] ф[антастики] (гл. образом — внешне). Видите, я самонадеянно считаю себя мудрым, так как поступил именно по этому рецепту.

Мне приходилось много раз задавать себе подобные вопросы в науке, рассматривая диссертации, из которых хорошо лишь сотая часть может быть оценена по стандартам дореволюционного времени. Но если мы имеем повсеместное снижение этих стандартов, какое я имел бы право забраковать ту или иную диссертацию на том лишь основании, что мой частный взгляд исходит из прежних стандартов? А рядом тысячи и десятки тысяч соседних институтов и рецензентов открыли путь ещё более слабым диссертациям? Справедливо ли это? Нет. По-деловому это? Также нет, потому что я закрыл бы дорогу молодым людям, которые ничем не хуже всего остального среднего состава советских учёных. Аналогичная история с фильмом «Туманность». Вот почему я поддерживаю режиссёра и буду поддерживать, хоть и Низа Крит — дрянь, да и мало ли там ерунды. Пусть пойдёт в народ, в прокат, а там видно будет, провалится — значит, не время вообще у нас для этих фильмов и с нашим кинематографическим аппаратом (людским) ещё нельзя за это браться. Пройдёт несколько хороших заграничных, тогда, м. б., возьмутся за ум, а главное — это повышение интеллигентности кинодеятелей...

Не время сейчас, в наше духовно трудное время, судить и рубить, а вызволять и оберегать хоть крупицу чего-то светлого, если, разумеется, она, эта крупица, — есть. Вот если её нет, если вещь — во вред, тогда другое дело. Но ежели Вы судите так, то я с Вами не согласен, хотя и высоко ценю такое строгое суждение, происходящее из оберегания моей же «Туманности».

97 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ[1]

Москва
1 декабря 1967 г.

Многоуважаемая Аделия Адольфовна!

Рад, что книга достигла Вас в сохранности. Это — для будущих рисунков Гали.

В наступающем учебном году не повторите ошибки этого года — напишите мне заранее, кому лично и в какую комиссию я должен написать ходатайство о приёме Гали. Хотя моё могущество и ничтожно, но всё же, брошенное на чашу весов, авось перевесит.

Я думал, что Галя приедет на выставку в Сокольниках, но пока с этими юбилейными делами о выставке ничего не слышно. Начинаю опасаться, не провалилась ли она вообще!

Передавайте самый сердечный привет Гале и Вашему мужу от нас обоих с Таисой Иосифовной.

Искренне Ваш
И. Ефремов

98 А. Б. СТАСИНСКА — И. А. ЕФРЕМОВУ[2]

Варшава
6 декабря 1967 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Извините что я не отвечала сейчас, но у меня был эзамен и не было времени чтобы подумать над ответем.

Я получаю 3.300 zt[3], это уже не так страшно было купить лекарство, нет даже и об чем думать. Я очень рада что пригодилось Вам.

Я понимаю что Вы бы хотели отблагодарить меня, но у меня к сожалению нету никакой мечты. У нас есть магазин «Наташка» и там можна все покипать. Эсть у меня одно желанье, это электрический самовар, но это дорого стоит и никто не будет хотеть взать в поезд. Они бывают в магазине «Наташка» и я надеюсь что найду.

Через 3 года (1969) буду в Москве, тогда мене деньги пригодятся, лутше было бы ждать моего приезда.

Дорогой Професор, Вы писали что, Вы для меня незнакомы, это не так, мене об Вас много гаварила Инна Чудинова и в нашим институте мы об Вас знаем.

Извините мой ошибки, но я занята без коньца и нет времени учится русского языка и вообще иностранных языков. Я читаю без словаря, но не грамотна.

С искренным уважением
Анна Болеславовна Стасинска

---

[1] Почтовая открытка с репродукцией картины З. Е. Серебряковой «Париж. Люксембургский сад», 1930.

[2] Орфография и пунктуация письма соответствуют оригиналу.

[3] Злотых.

Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

99

Хабаровск
10 декабря 1967 г.

Здравствуйте Иван Антонович!

Рад Вашему письму. Слать Вам эпиштель epistel — для меня всегда наслажденье. Мои домашние считают и «Долгая заря» и «Час Быка» не-ефремовским заголовком. «Юрта ворона», «Лезвие», «Край Ойкумены» — куда романтичнее и ярче. Бык же совсем не работает на романтизм.

«Бык» в Азии время от 1 до 3 часов ночи. Отсюда заглавие? Если отсюда, то «丑» (чхоу) переводится ещё и как «Час вола». Кстати, у «ВОЛА» (丑) масса побочных значений. Перечислю их по памяти:

1. Переводится: Час быка, Час вола, Час коровы, Час буйвола; из них точнее «буйвол», т.к. в Азии пашут всё-таки на буйволах (см. их рога),

2. Четвёртая стража — Сы-цзин (四更) — 1—3 часа ночи, стражи ночью в Азии сменяются еже-двухчасно,

3. По компасу «Час быка» означает ещё «Норд^{N}-Норд^{N}-Ист^{E} и ¾ Иста^{E}» (смотрел словарь, уточняя это), короче, Северо-Восток (Маньчжурия),

4. По знакам Зодиака — Созвездие Тельца,

5. В поэзии «Час быка» означает «Боренье отважных» (перевод примерный),

6. Буква «Б» или цифра «2», или Второй, или Следующий.

Вот сколько значений у этого знака 丑 или иероглифа. У монголов «чоу» идёт в том смысле, а у тибетцев — не знаю. Думаю, что ламаистский культ не изменил китайского «чхоу», тем более, что он идёт в сутрах, а они общебуддизны.

Очень огорчён Вашими жалобами на сердце. Нельзя ли сделать перерыв в работе на год-два? Встать на лыжи, перейти на мёд и дачу, бросить никотинное самоотравленье, меньше есть, чтобы сбросить 10—15 кило, и главное — начать плаванье в бассейне в любую погоду. В Хабаровске столько крупных по весу людей нашли облегченье в зимнем плавбассе. Едва только сбросить пудик, как сердцу уже легче. Я бы, имей Ваш вес, поступил бы только так. Но у меня, к сожаленью, уже 30 лет один вес — 70—73 кг. У меня принцип: вставай из-за стола голодным! Ем я четырежды в день, но микро-порциями, кроме редких исключений. Мой долгожитель-отец всегда говорит: «Ешь так, чтобы от еды пульс не поднимался».

То, что «Час быка» будет массивным и на 17 листов, ничего. Ефремов пишет интересно. Предвкушаю. Содержание помню, если будет что-то о зарубежье, м. б., покажете? Перечёл недавно «Ойкумену». Изумительное творенье человеческого интеллекта. Почему-то её сомыслю с работами Фидия. И ещё спокойное, плавное теченье — мощь Амазонки, которая тоже ведь течёт плавно.

У меня мало нового. Пишу свою худож[ественную] диссертацию — итог 12-летней работы «В. К. Арсеньев в воспоминаньях», 30 листов, сдаю на 1969. Порой отдыхаю над любимой фантастикой. Несколько дней «кутил», пиша сюжет и делая отдельные болванки «Красного ужаса». Я о нём уже писал Вам. «Красный ужас» — это синоним проказы, которая страшнее рака, которой больно 6—7 млн человек на Земле. Есть разные варианты проказы, но «красная», когда всё лицо окраснокоживается и ползёт струпьями, наиболее ужасна.

Содержанье — русский учёный изобретает альпин (альпин) — сокращ[ённо] от «анти-леприн» (противо-проказин). Альпин радикально излечивает проказу. И едет учёный в тропики проверить её действие. Смело идёт в Лепрозорий и творит там чудеса, его изобретеньем заинтересовываются алчные предприниматели, и начинается охота всеми средствами за альпином. Русич не даётся, его окружают сетями и интригами. Острый сюжет, патриотизм, всё о проказе, гуманность защиты 5—6 млн лепротов и яркий колорит тропиков, которые, думаю, знаю; точнее — ещё не забыл. Я написал книгу о Тропиках «Чудеса тропиков» на 5 листов, к ним тепло отнеслись в «Детгизе» (Н. М. Беркова), но потом из-за нашей ссоры с Индонезией[1] (а её немало в книге) отказались.

«Красный ужас» строю по-новому: детектив, сюжет, но и игра на чувствах людей. Раньше я эту категорию не применял. Подобрал кадры, цветные фото и рисунки для колорита зданий, людей, природы, мебели, обстановки комнат и билдингов. Показываю новейшую спай-технику (шпионскую технику), начиная с микро-локаторов слежки и кончая звукозаписывающим порошком, которым покрывают одежду под-спайного (это не выдумка), затем незаметно сбирают и слышат разговор людей близ этого порошка. Даю даже дальновиденье (не ТВ).

Вот бы сейчас начать писать эту книгу! Но дисциплина. Строчу Баневура и Арсеньева, пишу многие десятки писем-запросов, что-то написал около 50.

Вот и все мои новости. Читал ещё Тургенева и Ценского (блестящий художник слова), но Ценский грубоват, он связан каким-то периодом жизни с очень низкими вещами; а они уже в прошлом; и читать о них трудно. Все знакомые хором твердят: «Ценский не интересен». Это сказывается и на ходе его книг — лежат штабелями целый год, хотя дёшевы.

Кончаю на этом. В 1968 буду в Москве, если позволите, зайду к Вам. Чижик (Алла) рисует, учится, требует картинки по каждому новому слову и поглощает сказки всех видов из уст папы и мамы. Мои любит больше маминых, ибо они у неё из книжек, а мои из фантазии, но на реальной основе географии жарких стран. Про холодные страны плохо слушает.

Желаю Вам здоровья, похуденья, брошенья курить, скорейшего завершенья «Часа Быка», а себе желаю прочесть этот роман до печатного станка.

Всегда помнящий и чтящий Вас
Г. Пермяков

100 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
12 декабря 1967 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам на память вырезку из «Вечерней Москвы» с оповещением о фильме «Туманность».

Душевный привет всему милому семейству от нас обоих.

Обнимаю Вас. *И. Ефремов*

---

[1] В 1967 году симпатизирующий социализму президент Индонезии Сукарно был отстранён от власти, которая перешла к группировке военных под руководством генерала Сухарто.

В кинотеатре «Россия»
демонстрируется новая цветная широкоформатная
фантастическая киноповесть
«ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»
(По одноимённому роману И. Ефремова).

Авторы сценария — В. Дмитревский, Е. Шерстобитов.
Режиссер-постановщик — Е. Шерстобитов. Оператор-постановщик —
Н. Журавлев. Художник-постановщик — А. Бобровников. Звукооператор —
Н. Трахтенберг.

В главных ролях:
С. Столяров, В. Артмане, Н. Крюков, Т. Волошина, В. Цхвариашвили.

«Вечерняя Москва» 11 декабря 1967 года

Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ

101

13 декабря 1967 г.

Monsieur le Professeur,

Je vous remercie de m'autoriser à vous citer dans ma thèse, qui est d'ailleurs actuellement finie. Je suis heureuse que le livre d'Huxley vous ait fait plaisir. Surtout si vous désiriez des livres quelconques français ou anglais que vous ne puissiez pas obtenir en Russie, dites-le moi car un de mes frères part pour Moscou à Pâques faire un voyage d'études et il pourrait vous les déposer.

J'ai rencontré il y a une dizaine de jours le Dr Jacques Bergier et lui ai transmis vos amitiés. Il m'a dit qu'il allait vous écrire sous peu.

Je vous prie de croire, Monsieur le Professeur, à mes sentiments les plus respectueux et je me permets de vous présenter tous mes voeux Noël et la nouvelle année.

Brigitte André

Господин профессор!

Благодарю Вас за позволение цитировать Вас в моей диссертации, которая к настоящему времени уже завершена. Я счастлива, что книга Хаксли вам понравилась. Если Вам нужны ещё какие-нибудь книги на французском или английском языке, которые Вы не можете приобрести в России, то сообщите мне об этом. Один из моих братьев на Пасху отправится с научной поездкой в Москву и мог бы их Вам привезти.

Дней десять назад я встретила доктора Жака Бержье и передала ему Ваши дружеские приветствия. Он мне сказал, что напишет Вам в ближайшее время.

Позвольте, господин профессор, поздравить Вас с Рождеством и Новым годом.

С уважением,
Брижит Андрэ

Перевела Надежда Воищева

102 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
20 декабря 1967 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Я думаю, что Вы совершенно правы в том, что эзотерия — лишь признак определённого уровня общественного сознания, а не специфически религиозный уклон познавания мира. Сейчас народилась новая эзотерия — естественных наук, и каждый учёный, если бы яснее отдавал себе отчёт в том, кому можно вручать плоды своих трудов и какие из этого произойдут последствия, был бы адептом тайных наук. Кстати, будь посознательнее Эйнштейн, так могло бы и не быть страшной угрозы атомной войны. Правда, она сейчас уже устарела, на очереди война бактериологическими ядами, полстакана которых хватит на всё человечество, и учёные убийцы продолжают стараться вовсю!

Мне кажется, что Вы ошиблись насчёт Кали-юги. Она сейчас окончилась, наступила Агни-юга, и теперь можно заниматься не только Хатха-иогой и Бхакти-иогой, но даже Раджа-иогой, запретной во время Кали-юги. Что мы, в общем, и видим — люди медленно, но верно ползут к этому великому воспитанию духа.

Лекции Успенского я не читал полностью, они кажутся очень интересными, и я с большим удовольствием прочту Ваш перевод и, если разрешите, дам почитать и двум моим друзьям, тоже интересующимися этими делами.

Новая моя книга (она теперь называется «Час Быка») подвигается, осталось 2½ главы. Кажется, получается интересно, но, может, опять перегружу разными идеями — без этого мне писать неинтересно. Е.[жели] ж.[ив] б.[уду] (как писал Павлов), то в феврале закончу.

«Лезвие бритвы», к сожалению, «выше ума» критики, как говорят англичане. Пока её перевели только румыны! В Индии она совершенно неизвестна, ведь мы рекламируем только книги «высочайше одобренные» и называем это — идеологической борьбой, обманывая самих себя, партию и государство... Французы, умеющие читать по-русски, её чрезвычайно одобрили, но дальше дело не пошло.

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом, желаю здоровья, интересных трудов и всего светлого. Сердечные поздравления от Таисы Иосифовны, она относится к Вам с большой симпатией.

Ваш
И. Ефремов

103 Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

25 декабря 1967 г.

Дорогой Иван Антонович!

Примите очередное признание в любви и верности.

Вам и Таисе Иосифовне шлю самые наилучшие пожелания к Новому году.

Был в Москве, очень хотел Вас повидать, а потом решил, что не стоит отнимать невозместимые минуты у «Часа быка».

Сердечно Ваш
Е. Брандис

А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 104

30 декабря 1967 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович, глубокоуважаемая Таиса Иосифовна! Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и передаю поздравления отдела рукописей Пушкинского дома (он ждёт новых поступлений).

А. Бритиков

И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 105

31 декабря 1967 г.[1]

Многоуважаемая Зоя Ивановна!

Примите сердечные поздравления и пожелания в Новом году!

Пусть будет светло на Вашей дороге. Очень Вы тронули меня Вашим подарком, он прибыл как раз сегодня 31/XII. Ещё раз спасибо за всё доброе обращенье ко мне.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Кончаю новый свой н/ф роман «Час Быка», осталось две главы. Предполагаю печатать в «Октябре» очевидно во II половине нового года.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 106

Декабрь 1967 г.[2]

Дорогой Анатолий Фёдорович!

Примите [сердечные поздравления и наилучшие пожелания в Новом году][3] от Таисы Иосифовны и меня. Пусть год белой обезьяны, считающийся годом мудрости, принесёт Вам новые интересные работы и, конечно, здоровье.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Не откажите поздравить с Новым Годом отдел рукописей. Им готовится новая порция — уже сейчас есть на 1 чемодан, в том числе оригинал «Туманности».

P. P. S. Удалось ли Вам связаться с Андреевым, или мне ему написать ещё раз?

Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ[4] 107

Конец 1967 г.[5]

Дорогой Иван Антонович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым 1968 Годом и желаю здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов. Сам я всё время болею самыми раз-

---

[1] Датируется по содержанию.

[2] Датируется по содержанию

[3] Текст в квадратных скобках — надпись на новогодней открытке.

[4] Почтовая открытка из Барселоны.

[5] Датируется по содержанию открытки.

нообразными болезнями, работаю мало. Книга моя[1] издана в Румынии (на румынском языке). Сильно дополненные английское и французское издания её, кажется, наконец будут у нас выпущены в четвёртом квартале 1968 года. Также сдал рукопись небольшой популярной новой книги по истории проблемы Атлантиды.

Ваш
Н. Ф. Жиров

---

[1] Имеется в виду книга: Жиров Н. Ф. Атлантида. Основные проблемы атлантологии.

1968

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1

Вашингтон
4 января 1968 г.

Dear Prof. Efremov:

Since you last sent me the book on Atlantis I became interested in this "problem" even more. Here is an excerpt from a newspaper, which may be of interest even to you.

Have you received my article on your taphonomy, the magazine, etc.? Scientific American Magazine has not contacted me about your subscription yet!, even though I wrote them almost 1½ month ago. Will try again.

We had a heavy snowfall on New Year's Eve. Now all is frozen.

Yours, *G. Rabchevsky*

Дорогой профессор Ефремов!

С тех пор, как Вы мне прислали книгу об Атлантиде, я ещё больше заинтересовался этой проблемой. Прилагаю вырезку из газеты, которая может оказаться интересной для Вас.

Получили ли Вы мою статью о тафономии, журнал и др.? «Scientific American Magazine» до сих пор не сообщил мне ничего о Вашей подписке, несмотря на то, что я писал им полтора месяца назад. Я напишу ещё.

У нас был густой снегопад в предновогодний вечер. Сейчас всё замёрзло.

Ваш *Дж. Рабчевский*

Перевёл Андрей Константинов

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 2

Лос-Анджелес
17 января 1968 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA,
DEPARTMENT OF GEOLOGY

Dear Professor Efremov:

Don't be too startled at the letter head. I am, as perhaps I said earlier, spending the winter quarter at UCLA as a visiting professor. This is one of the reasons I have been so slow in writing in answer to your last letter. I have been involved in much work getting ready to come here, and having arrived, in getting settled in. Now all

is going well. I am teaching a seminar course in evolutionary problems and giving a few talks. Otherwise I have had time to get to work in some serious long hours on my book. It is coming along. Of course, you know, books are very slow, but I am gradually getting what I want in it. It is hard to break out of the time honored systematic framework.

Thanks very much for your suggestions of places to see and how to do it in Russia. I gather some more material arrived in Chicago, but I have not seen it as yet. I still have hopes of getting there, but as you may know, this whole "dollar" and "balance of payments" problem is adding complications. I will keep working at it anyhow.

A rather amazing thing came up yesterday, when I was on a visit to the Los Angeles County Museum. The "boss" Reid MacDonald told me that he had an "angel" (if you have not run across this, and I presume you have, this is a person with money who wants to finance something for the Museum, etc. and always wants to do something special) who has great amounts of money and has decided she wants to finance an expedition to Mongolia. Well, as you know, we don't recognize that The People's Republic exists. So, he got in touch with someone in the Polish outfit, and got the reply that they were probably not going back because of negotiations for work in the area by your Academy. So he asked me if I knew anything about it and I did not. Anyway, what he would like to do is somehow or other to work out some sort of cooperative plan with whoever might be going there to go there as a joint expedition under the auspices of a place that recognizes the nation — and pay the bill. Probably this is a total pipe dream, but it is true that the funds are available, apparently in large amounts. To top it off, part of the angel's interests include a large piece of the "Flying Tigers" Airline. With permission that whole thing, equipment, vehicles, supplies, etc. could be flown into Ulan Bator, and upon conclusion left there for the geological survey of that country.

Crazy, I am sure, but impossible? One never knows. I told him I would write to you and so I am doing it. I know, of course, if this started through official channels it would get lost in a flurry of impossibles and red tape. Do you have any ideas? It could be a boost for VP if something could be done.

My paper on Caseidae probably is out now, although I have not seen it and the same applied to the one on Oklahoma lower Permian. I am now working up some of the faunas from Oklahoma and getting some very interesting things. I am also doing a chapter for a 20 volume encyclopoedia on Nutrition, believe it or not, this being on the changes in food patterns and environment in the geological past. Ambitious, fun, and highly speculative, but it is hard to go wrong, and some interesting ideas are coming out.

I wrote some time ago for the two index volumes of the National Geographic. Then I received my check back saying the first was exhausted but might be available later. So I reordered the second and the supplement. They should come along and I will forward them. If the magazine ever misses or stops coming let me know. It shouldn't.

I now have financial backing for my research for the next 5 years from the National Science Foundation, which is nice. They got so fouled up in a struggle between the administration and congress that we "like-to-never" got the appropriations that had long been promised.

The paper on "Dialectics" will be out in June, and I expect a little "fur will fly". I wonder if you have run across a book called "Giles-Goat Boy" by Barth. It is a most amazing book, a rather free style, too long, brilliant, and also fairly obscene, commentary on the University, which is mostly the world, and all of the absurdities that go with it. I am very mixed on it, but had a lot of fun with it. I don't know that it would make the trip, but if your would like, I can try. Maybe you would not like the book, but it is a grand parody with a lot of thought behind it.

Well, this has gone on a long time. I do hope we can swing it for next year and a trip to Russia. If I do so it will have to be in the latter part of summer, after August 5th, for I am involved in an Institute on Comparative Anatomy in the State of Washington up until about then. Then I must get my field work in this spring, I am going to finish up some work in Oklahoma, do a little in Texas, and then go into the Hoskinnini of Utah, where I looked a little last year. If this should pay off, it will be big, although it is a real gamble.

Please give my best to your wife and to any other of my friends you may see, I am going to write Peter at my next sit-down to the typewriter.

My very best regards,
as always, your friend,
Everett C. Olson

Калифорнийский университет,
Геологический факультет

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу не удивляться бланку этого письма. Возможно, я упоминал, что зиму проведу в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) в качестве приглашённого профессора, что отчасти стало причиной долгой задержки с ответом на Ваше предыдущее письмо. До поездки нужно было закончить немало дел, а по приезде — устроиться. Теперь всё наладилось. Я веду семинар по проблемам эволюции и время от времени читаю лекции. Удаётся выкроить необходимое время для работы над книгой, которая сильно продвинулась. Хотя, как Вам известно, книги скоро не пишутся, но постепенно она складывается в нужном направлении. Нелегко было вырваться из ставшего привычным за много лет графика работы.

Мы благодарны за советы, где и что посмотреть в России, и за другие полезные рекомендации в связи с поездкой. Видимо, кое-что ещё из материалов прибыло в Чикаго, но я их ещё не видел. У меня пока есть надежда, что получится приехать, правда, требуется урегулировать денежные вопросы. Но я не опускаю рук.

Вчера во время посещения Музея округа Лос-Анджелеса произошла удивительная вещь. Его «босс» Рейд Макдональд сказал, что появился один «ангел» (возможно, Вы знаете, кто это, но если Вам прежде не попадалось такое определение, разъясню — это человек, обладающий деньгами и выражающий желание профинансировать что-либо для музея, причём всегда что-то необыкновенное) с серьёзными средствами, дама, желающая профинансировать экспедицию в Монголию. Мы, как известно, не признаём существования Народной Республики. Поэтому директор музея связался с кем-то из Польши и получил ответ, что они, вероятно, не будут продолжать раскопки, потому

что ведутся переговоры о работах в данном районе с Академией наук Вашей страны. На вопрос, известно ли мне что-то по этому поводу, я не мог ничего ответить. Так или иначе, ему бы хотелось выработать некий совместный план с тем, кто туда собирается, чтобы организовать объединённую экспедицию под эгидой любой страны, признающей ту, куда необходимо отправиться, и — оплатить счёт. Вполне вероятно, что всё это только прожект, но средства есть, и, судя по всему, немаленькие. Плюс ко всему, «ангел» обладает существенной долей в авиалинии «Флаинг тайгерс»[1]. Если будет достигнуто соглашение, всё оборудование, транспорт, припасы и т. д. могут быть доставлены в Улан-Батор и впоследствии переданы там Геологической службе этой страны.

Сумасшедший план, без сомнения, но не сказал бы, что совершенно невозможный. Я пообещал директору написать Вам, что сейчас и делаю. Конечно, если пустить дело по официальным каналам, оно завязнет в бюрократических препонах. Возможно, Вы что-то предложите? Для всей области палеонтологии позвоночных такая экспедиция могла бы стать мощным толчком.

Возможно, моя статья по казеидам уже вышла, но я её ещё не видел, как и другую — по нижнепермскому периоду Оклахомы. Сейчас я работаю с материалом из Оклахомы и получаю весьма интересные результаты. Ещё я работаю над главой для двадцатитомной энциклопедии по питанию, хотите верьте — хотите нет, и рассматриваю вопрос изменения типов питания в зависимости от окружающей среды в геологическом прошлом. Тема смелая, построенная в значительной степени на предположениях, но тут трудно сильно промахнуться, и в процессе работы возникают некоторые любопытные соображения.

Некоторое время назад я заказал два тома указателя «Нэшнл джиогрэфик». Но чек вернулся, по причине отсутствия в продаже первого из них, который, вероятно, появится позже. Поэтому я снова заказал второй и приложение. Когда они поступят, я отправлю их Вам. Прошу сообщить, если вдруг какой-нибудь выпуск журнала не дойдёт или они вообще перестанут Вам поступать. Но всё должно поступать регулярно.

Мои исследования получили поддержку на следующие пять лет от Национального научного фонда, что радует. В борьбе между администрацией и конгрессом фонд получил столько нареканий, что удалось наконец обрести давно обещанные средства.

Статья о диалектике выйдет в июне и может вызвать некоторый фурор. Хотел узнать — не попадалась ли Вам книга «Козлоюноша Джайлс» Барта[2]? Весьма забавная вещь, написанная в свободном стиле, которая являет собой чуть длинноватый, но блистательный, в неприличном духе, комментарий жизни в Университете, под которым подразумевается весь мир со всем абсурдом

---

[1] «Флаинг тайгерс» — крупнейшая компания чартерных, в основном военных, грузовых перевозок, основанная в 1945 году бывшим пилотом одноимённой лётной эскадрильи Робертом Прескоттом. Перевозил также уникальные грузы (редких животных, китов-косаток, факел для статуи Свободы). По объёму перевозок в 1980-е годы превосходила даже «Панамэрикен».

[2] «Козлоюноша Джайлс» (Giles-Goat Boy, 1966) — пародийный роман американского «чёрного юмориста» Джона Барта, который был весьма популярен в университетской среде США в конце 1960-х гг.

происходящего. У меня книга вызывает смешанные чувства, но она здорово меня развлекла. Не уверен, дойдёт ли, но если хотите — могу попытаться её послать. Вполне вероятно, она Вам не понравится, но как пародия она великолепна, причём очень неглупая.

Что ж, пора заканчивать. По-прежнему надеюсь, что денег на будущий год и на поездку в Россию у нас должно хватить. По срокам она должна прийтись на конец лета, после 5 августа, потому что я буду занят в преподавании на школе[1] по сравнительной анатомии в штате Вашингтон до этого числа. А до того я должен весной выбраться в поле — закончить кое-что в Оклахоме, немного поработать в Техасе и затем заняться формацией Хоскиннини Юты, которую я начал раскапывать в прошлом году. Если повезёт, там может быть очень важный результат.

Передайте привет Вашей жене и друзьям, кого увидите. Питеру я напишу в следующий присест за пишущую машинку.

С наилучшими пожеланиями,
всегда Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 3

Москва
21 января 1968 г.

Многоуважаемая Галя!

Я задержался с ответом на Ваше письмо, так как сейчас изо всех сил дописываю свой роман — если не допишу, то лопну. Так бывает, когда слишком много развел творческих паров, а прежние темпы не по силам. Если всё будет благополучно, то к марту закончу — осталось полторы главы и эпилог.

Я познакомился с Олесь Павловичем Бердником, и он мне кое-что рассказывал о Вас с большой симпатией.

Насчёт выставки ничего нового — по-моему, это была какая-то разбойничья организация, которую схватили. А может, всему виной — сильные морозы? У меня есть план насчёт экслибриса. Ведь в Вашем окружении есть и гравёры, которые могут вырезать доску по Вашему эскизу? Ежели это так, то не примете ли Вы от меня вполне деловой заказ на экслибрис. Здесь у нас сделать средний экслибрис стоит руб[лей] 50—60, а такие, как Голяховский и большой — до 100 руб[лей] (с печатанием оттисков).

Мне нравится Ваш экслибрис больше всех, какие мне пока предлагались (для примера, как мало души у дипломированных художников, прилагаю три проэкта экслибрисов из Саратова — никудышных).

Второй вариант экслибриса мне нравится по фигуре (а лицо — в первом и динамичность первого куда больше!) и заднему плану, но в общем вполне годится первый вариант (если характер фигуры (не её динамику) сделать по второму). Кроме того, надпись лучше сделать не «экс либрис», а «из книг» и всё это написать шрифтом, похожим на древнегреческие буквы — если хоти-

[1] Здесь: школа — выездное мероприятие вроде конференции, с чтением лекций.

те, пришлю Вам алфавит. Размер второго варианта годится, первого — чуть великоват. Если Вы сочтёте такой заказ приемлемым, то я могу прислать Вам оба оригинала обоих вариантов и перевести деньги, чтобы Вы смогли заказать вырезать доску. Напишите, что Вы думаете об этом. Письмо я посылаю на Ваш домашний адрес, потому что мама Ваша писала, что Ваш киевский адрес изменился, и прошу её, чтобы она переслала письмо.

Спасибо за новогодние поздравления. Примите и от нас с Таисой Иосифовной пожелания здоровья, интересных дел и всего светлого в 1968 году.

Искренне Ваш
И. А. Ефремов

4 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ[1]

Москва
21 января 1968 г.

Многоуважаемая Аделия Адольфовна!

Пользуюсь случаем поздравить Вас и Вашего мужа с Новым 1968 годом, пожелать здоровья и всего светлого.

Вы писали, что адрес Гали в Киеве переменился. Не окажете ли Вы любезность переслать это моё письмо Гале, а то я до сих пор непозволительно не ответил на её милое новогоднее пожелание и второй вариант экслибриса. Виноват, но предельно сейчас занят — кончаю роман.

С искренним уважением и приветом от Таисы Иосифовны и меня,
Ваш
И. А. Ефремов

5 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
31 января 1968 г.

Dear Prof. Efremov:

Once again I must beg your pardon for being so slow to reply to your many letters and gifts. The reason has been the usual one: so much else to do that there has simply been no time for correspondence. And I fear this letter will be short, both because there are so many that must be answered today and because very little of interest has happened here.

First, though, I must thank you many times for the beautiful books on Chinese architecture and on the Soviet space effort, as well as the volume of Pushkin and the photographs of Keezhee which arrived earlier. We are delighted with them, and the friends to whom we show them are also full of admiration.

I had no idea that Leonov was an artist as well as a spaceman! His work is not only fascinating as being "drawn from life", but very good in its own right. It is interesting to note, by the way, that your book speculates much more boldly about interstellar expeditions and what may be found in the farther parts of the universe than any serious Western book of this sort that I have seen.

---

[1] Почтовая открытка с репродукцией картины З. Е. Серебряковой «Балерины в уборной», 1923.

As a small return of your kindness, I am sending you some assorted books in two packages. One is on prehistoric art and may be of some interest, the others are all science fiction, including those of Merritt's that I have been able to find. So far I have had no luck in trying to get material from the "Golden Age" for you, except that I have obtained a reprint of Heinlein's classic "Universe" and "Common Sense" stories. The project of photocopying magazines did not work out. Now I am trying to find a certain anthology, "Adventures in Time and Space", which includes most of the important Golden Age stories — but it is out of print and therefore difficult to locate.

I hope you will enjoy what is in this batch, however. They include a couple of my own novels, and perhaps I should apologize to you in advance for the rather rough half-Russian character in "The Enemy Stars". He is supposed to be from a backward frontier planet — where, apparently, there was even some kind of revived Czarist regime for a while — and to have spent much of his life fighting the oppressive Earth government, which left him little time for culture. I am currently at work on another novel, in which a spaceship also has an international crew, and. the Russian there is quite a different sort of man!

Incidentally, the project which has helped keep me too busy to write letters, and which I have just finished, is a factual book for boys on spaceflight, both its history to date and its possible future. Although it naturally concentrated on what the Americans have done, I have tried to give full credit to the Soviets. It will probably be published in about a year, and I'll be glad to send you a copy then if you wish.

I have also, after a long time, completed what I believe is the only English translation of J. P. Jacobsen's Gurresange. Do you know this 19th-century Danish cycle of poems? Arnold Schoenberg used a German version as the text for his Gurrelieder, a fine and strangely neglected piece of music, so perhaps you have heard that; or there may be a direct Russian translation. It deals with the legend of the medieval King Valdemar of Denmark (probably Valdemar IV), who cursed God when his beloved mistress died and was therefore condemned after his own death to hunt every night until Doomsday. If you are interested, I can copy off my version for you. It was mostly a labor of love; if I can find a publisher at all, there is not likely to be more than a nominal payment for it. Poetry is not as popular in this country as it should be.

It has not been unrelieved work here. We had a pleasant Christmas season. Schools here are closed for about two weeks at that time of year, so immediately after Christmas, our whole family was able to drive down to Los Angeles. Chiefly we went to see friends there, but we also managed — after so many years — to visit the museum where the fossils from the La Brea tar pits are exhibited. They are certainly impressive.

After returning home, we attended an interesting party held by the same group which stages tournaments. As you know, it was the medieval custom to have great revelry on Twelfth Night (Epiphany), and this is what we did. Everyone wore medieval or Renaissance costume; the party was held in a Tudor style hall with two big fireplaces where a pair of suckling pigs were roasted; there was plenty of wine, both mulled and plain. First of all was held a wedding — one young couple had wished to be married in this setting, and it was quite a charming ceremony. Afterward a king was crowned, and bestowed knighthoods on those who had fought best in the tournaments. (If you will pardon the boast, I am proud to say that I was included; everyone else who fights is much younger.)

Then the king stepped down for the traditional Lord of Misrule, who was supposed to issue commands that would lead to merriment, and who did. For example, he commanded the newly-made knights to play a game of musical chairs — there is always one chair too few when the music stops, and. the one who does not get a seat must retire from the game, until at last only one is left. There was also a small orchestra playing on archaic instruments, and dances such as the pavane, branle, and galliard. All in all, it was a colorful spectacle that you would have enjoyed. Unfortunately, our camera wasn't working well, so we have no good pictures of it.

I have also been busy making arrangements for the annual banquet of the Science Fiction Writers of America. This is a new but very energetic and useful organization. Among other things, it gives awards for the best stories of the year, as determined by vote of the members themselves. This is done at the banquet in March — which actually has two simultaneous dinners, one on the east coast and one on the west coast. This year the western one is to be in Berkeley and I have been put in charge.

But otherwise it has been a quiet, hard-working life. This will probably continue until summer. At that time, if all goes well, perhaps we can spend some time in the mountains.

This is all that is worth telling, and the hour is late, so I shall close now. We hope that you and your family, and the Borodayevskys, are well and happy, and that all will continue to be well with you in this coming year.

Sincerely,
Poul Anderson

Уважаемый профессор Ефремов!

Ещё раз позвольте попросить у Вас прощения за то, что подолгу не отвечаю на ваши многочисленные письма. Причина этому самая обыкновенная: столько много всего нужно было сделать, что просто не оставалось времени на переписку. И боюсь, что это письмо будет коротким, как потому, что на очень многие ещё нужно ответить, так и потому, что очень мало интересного произошло здесь.

Во-первых, я Вам премного благодарен за красивые книги по китайской архитектуре и по советским космическим исследованиям, а также за томик Пушкина и фотографии Кижей, которые Вы прислали ранее. Мы от них в восторге, и наши друзья, которым мы их показываем, также полны восхищения.

Я даже не представлял, что Леонов не только космонавт, но и художник! Его работа не просто удивительна, так как написана с натуры, но также очень хороша сама по себе. Интересно заметить, между прочим, в Вашей книге приводятся более смелые предположения о межзвёздных полётах и возможных открытиях в дальних уголках Вселенной, чем в любом серьёзном западном издании такого рода, что я видел.

В знак благодарности я посылаю Вам некоторые книги, мною подобранные, в двух коробках. Одна из них — по доисторическому искусству, и, возможно, будет Вам интересна, остальные — научная фантастика, в том числе и обнаруженные пока книги Меррита. До сих пор мне не очень везло в моих попытках достать для Вас издания Золотого Века, не считая репринта «Все-

ленной» и «Здравого смысла» из хайнлайновской классической серии. Мой план фотокопирования журналов также не увенчался успехом. Сейчас я пытаюсь достать антологию «Путешествия во времени и в пространстве», которая включает в себя основные рассказы Золотого Века. Но она больше не переиздается, и поэтому её трудно найти.

Однако, я надеюсь, что Вам понравится содержание этой посылки. Я вложил пару своих собственных романов, и, наверное, мне нужно извиниться перед Вами за довольно жёсткого наполовину русского героя во «Вражеских звёздах». Он был задуман как пришелец с дальней планеты, где даже ещё сохранился в какой-то форме царизм и где он провел много лет, сражаясь с деспотическим правительством землян, что оставило ему мало времени для образования. В настоящий момент я работаю над другим романом, в котором также идёт речь о международном экипаже на космическом корабле, и русский там совсем другой человек!

Так случилось, что работа, которая отнимала всё моё время от написания писем и которую я только что закончил, — это документальная книга для мальчиков о космических полётах, в которой рассказывается как об их истории по настоящий день, так и о возможном будущем. Несмотря на то, что в книге акцент сделан, естественно, на достижениях американцев, я постарался отдать должное Советскому Союзу. После публикации, примерно через год, буду рад прислать Вам экземпляр, если пожелаете.

Кроме этого, я после длительного времени завершил свой, похоже — единственный перевод на английский язык «Песни Гурре» Й. П. Якобсена. Вы знакомы с этим стихотворным циклом датской поэзии XIX века? Арнольд Шёнберг использовал немецкую версию в качестве либретто для своих «Песен Гурре» — красивой и к удивлению забытой музыки, так что, возможно, Вы слышали об этом, или может быть существует непосредственно русский перевод. Там говорится о средневековом датском короле Вальдемаре (вероятно, Вальдемаре IV), который проклял Бога, когда его любимая умерла, и который был обречён после своей смерти бродить без успокоения до самого дня Страшного Суда. Если Вам интересно, то я могу прислать свою версию перевода. За труд я принялся главным образом из-за любви к поэзии; если даже удастся найти издателя, то гонорар будет чисто номинальным. Поэзия не особенно популярна в нашей стране.

Но всё-таки я не только трудился. Мы замечательно провели Рождественские праздники. В это время года школы закрываются примерно на две недели, поэтому сразу же после Рождества семья в полном сборе смогла поехать в Лос-Анджелес. Главным образом мы ездили туда, чтобы повидаться с друзьями, но нам также удалось — после стольких лет! — посетить музей, где выставлены ископаемые из смоляных ям Ла Бреи. Они, несомненно, впечатляют.

После возвращения домой мы ходили на интересный вечер, организованный той же труппой, что проводит турниры. Как вы знаете, в Средние века существовал обычай устраивать рыцарские турниры в Двенадцатую ночь (Епифанскую), и именно это мы и устроили. Все были одеты в костюмы Средневековья или Возрождения; вечер проходил в зале в стиле Тюдоров с двумя большими каминами, где жарились два упитанных поросёнка; было много вина, как глинтвейна, так и простого. Вначале состоялась свадьба:

одна молодая пара решила пожениться в такой обстановке, и это была очень романтичная церемония. После была коронация и посвящение в рыцари тех, кто отличился в турнирах. (Если Вы простите мне хвастовство, — горжусь, что также был посвящен; все остальные, участвовавшие в турнирах, были значительно моложе.) Потом король уступил место традиционному Лорду Беспорядка, который должен был дать команду веселиться, что и сделал. Например, он приказал новоиспеченным рыцарям играть в «музыкальные стулья»: когда прекращалась музыка, всегда оставалось на один стул меньше, и тот, кому не доставалось стула, выбывал из игры, пока, наконец, не остался только один стул. Небольшой оркестр играл на старинных инструментах, и были танцы, такие как павана, бранл — танец с факелами и галльярда. В общем, это было красочное представление, которое бы Вам понравилось. К сожалению, наш фотоаппарат был в неисправности, поэтому фотографии, вероятно, не получатся.

Также я был занят приготовлениями к сегодняшнему приему Ассоциации писателей-фантастов США. Это новая, но очень деятельная и полезная организация. Среди всего прочего там присуждают награды за лучшие рассказы года, которые определяются путём голосования самих членов общества. Это происходит на приёме в марте, который происходит одновременно на западном и восточном побережьях. В этом году данное мероприятие на западном побережье будет проходить в Беркли, и меня выбрали им руководить.

Но в остальном это была тихая трудовая жизнь, которая будет проходить в таком же темпе до лета. Тогда, если всё будет хорошо, возможно, получится провести какое-то время в горах.

Это всё, что заслуживает моего рассказа, и к тому же уже поздно, поэтому я закончу. Мы надеемся, что у Вас, Вашей семьи и Бородаевских всё хорошо и вы счастливы, и что всё будет идти в том же духе в наступающем году.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

6 И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ

Москва
1 февраля 1968 г.

Дорогой Павел Стефанович!

Большое спасибо за статью[1] — она для меня очень интересна.

Сейчас очень занят окончанием книги[2], поэтому пишу лишь открытку, через месяц напишу подробнее.

«Не гордися перед бесами» имеет третье, гораздо более прямое и правильное толкование, чем оба Ваши. Это обозначает: не переоценивай бесов-

[1] Вероятно, Воронов П. С. Антарктида и проблема распада Гондваны // Бюл. Сов. Антаркт. эксп., № 65, 1967, с. 44—57. Но возможно: Воронов П. С., Храмов А.Н. Мобилистская реконструкция палеографии Гондваны // Изв. ВГО, т. 100, № 1, 1968, с. 59—63. — *Примечание Н. Д. Воронова.*

[2] Имеется в виду «Час Быка». — *Примечание Н. Д. Воронова.*

ской силы и ума, поэтому выходи на сражение с ними только хорошо подготовленным. А какой же христианин мог поддаться призыву смирения перед бесами? Здесь речь о гордыне.

Но второе Ваше толкование отчасти правильно — не задирай, только надо прибавить «зря». Иначе бесы заставляли размотать силу по пустякам — это их обычная тактика.

Не собираетесь ли в Москву?

Сердечный привет от Таисии Иосифовны и меня. Будьте здоровы.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 7

Москва
3 февраля 1968 г.

Дорогой Владимир Иванович!

1. Возвращаю Вам оба письма. Они не показались мне достаточно интересными после всего, что я здесь наслышался (и после собственного опыта в Комитете Кинематографии).

2. Рапортую — кончил предпоследнюю главу «Часа Быка». По объёму перевалил за 17 листов, т. е. вплотную уже к «Туманности». Это XI-я глава «Маски Подземелья». Осталась последняя глава XII-я — «Хрустальное Окно» и короткий эпилог.

Т. о., роман будет, м. б., чуть-чуть (на лист) больше «Туманности».

3. Посылаю модную красавицу.

4. Прошу, если возможно, используя знакомство с Лениздатом (а м. б., продаётся свободно), купить мне следующую книжку

Горбачевич К. С. и Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов в Ленинграде. Л., Лениздат, 1967, 471 с. с илл. 50 000 экз. 92 к.

Если продаётся свободно, то в 2-х экз[емплярах].

5. Ваш юбилейный год — год белой обезьяны XVI круга, следовательно, Вы родились в этот же год XV круга. Это всё же лучше, чем мой год — белой курицы!

Сердечные приветы и поцелуи от Тасеньки и меня всему милому семейству.

Обнимаю Вас. *И. Ефремов*

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 8

Годалминг
4 февраля 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for the beautiful book of pictures of old Russian churches which came two days ago. Many of the pictures are lovely and all are interesting. They are so entirely different from old English Churches and Cathedrals that it is hard to realize that they belong to a branch of the same religion.

It is a perpetual wonder to me that the Christian Church in England had so much power and wealth in mediaeval times. I do not know the dates of the Churches represented in your book but they do certainly imply that the Russian Church also had both wealth and power.

Thank you also for a card dated 17.12.67. I am so glad that the "Plains of Camdeboo" reached you safely, and that you found it interesting. It is a pity that no one has written a book about the V.P. investigators and I do not know of anyone likely to do that now. It is also sad that so little is known about S. Africa in your country. In spite of violent criticism here of "Apartheid" we do hear news and have various contacts. I have cousins in Johannesburg and friends in Cape Town. The cousins write and tell me that the African natives whom they know are happy and contented people.

In the autumn you told me that the way the leaves had fallen foretold a mild winter. Has this been so? We have had several snowfalls — very small, of course, compared to what you get, but none has lasted long so far. More is foretold in the next few days.

Professor Watson and I have so far escaped the colds and flu which have been common here and are both well. On some days he does seem very weary but in general he is fairly active and goes out for short walks except in the very cold weather.

I hope that you and your wife are well and that you are making progress with the book. Please write again when you have time.

With best wishes, yours sincerely,
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за прекрасную книгу фотографий старинных русских церквей, которая пришла два дня назад. Большинство фотографий восхитительны, и все интересны. Эти церкви очень сильно отличаются от древних английских церквей и соборов, даже трудно представить, что они принадлежат к ветвям одной религии. Вызывает бесконечное удивление то, какими большими властью и богатством обладала христианская церковь в Англии во времена Средневековья. Не знаю возраста церквей, представленных в Вашей книге, но их изображения, бесспорно, дают понять, что русская церковь тоже обладала и богатством, и властью.

Спасибо также за открытку от 17 декабря 1967 г. Я очень рада, что «Равнины Камдебу» благополучно дошли к Вам и что Вы нашли книгу интересной. Жаль, что никто не написал книгу об учёных-палеонтологах, и я не знаю никого, кто мог бы сейчас это сделать. И жаль, что в вашей стране о Южной Африке так мало известно. Несмотря на яростные нападки здесь на «апартеид», мы всё-таки получаем новости и поддерживаем разнообразные контакты. У меня есть кузены в Йоханнесбурге и друзья в Кейптауне. Кузены пишут и рассказывают мне, что коренные жители из числа их знакомых — люди счастливые и довольные.

Осенью Вы рассказывали мне, что некоторые особенности опавшей листвы обещают умеренную зиму. Подтвердилось ли это? У нас было несколько снегопадов, по сравнению с вашими, конечно, очень небольших и непродолжительных. На ближайшие дни обещают более обильные.

Мы с профессором Уотсоном пока избежали простуд и гриппа, которые здесь обычное дело, и чувствуем себя хорошо. Иногда муж кажется очень утомлённым, но, в общем, довольно активен и выходит для коротких прогулок, кроме очень холодных дней.

Надеюсь, что с Вами и Вашей женой всё хорошо и что книга Ваша успешно продвигается. Пожалуйста, напишите ещё, когда у Вас будет время.

С наилучшими пожеланиями и искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 9

7 февраля 1968 г.

52, Sollershott Hall,
Letchworth,
Herts.

Dear Ivan Antonich,

I was delighted to receive the lovely book by Messrs. Sokolov and Leonov this morning — as well as your card. I got a letter from you not so long ago. Unfortunately my health hasn't been too good of recent months — nothing very serious, you understand, mostly nervous trouble. But it has been going a longish time and any condition like that becomes wearing and one neglects everything and concentrates on oneself — I do anyway! I'm feeling a good deal better now and I hope that I am on the way back to full health. I am helped always by your kind letters and the good wishes of yourself and your wife, as well as the books you send me.

I hope my books have been as interesting and useful in their turn. Today I sent you "Coromandel" and the Chavchavadze book will follow as long as it is in print. I'm very glad that "Continental" gives your wife pleasure, I treasure the most pleasant memories of our meeting in Moscow.

Our new flat is quite large and really we don't have enough furniture to fill it but we are marvelously happy together and that's the main thing, isn't it? Diana works in London at the moment and we may eventually move there as if anyone should have to travel, it should be the husband!

I am translating (very slowly) Ulitka Na Sklone of the Strugatskys. Goodness knows when it will be finished. I'm thrilled to hear about the good progress of your novel, you must be very pleased and I hope I see a copy of it before too long.

Meanwhile please be assured of the very best wishes of Diana and myself and I look forward to hearing from you.

Alan Myers

P. S. Далёкая Радуга has been published in English (my translation) — I'm pleased with it!

Соллершот Холл, 52,
Лечворт, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Я был рад получить этим утром чудесную книгу Соколова и Леонова[1] — так же, как и открытку от вас. Письмо ваше я также получил не так давно. К сожалению, здоровье не особо радовало меня в последние месяца — ничего слишком серьёзного, так, в основном нервы. Но это продолжается длительное время, и любое подобное состояние становится утомительным, тогда забрасываешь дела и концентрируешься на себе — по крайней мере, со мной так выходит! Сейчас я чувствую себя гораздо лучше и надеюсь, что уже на пути к полному выздоровлению. Мне всегда помогают ваши добрые письма и пожелания от вас и вашей жены, так же как и книги, которые вы мне присылаете.

В свою очередь надеюсь, что мои книги были также интересны и полезны. Сегодня я отправил вам «Коромандел»[2] и вскоре пришлю книгу Чавчавадзе, поскольку она будет допечатываться. Очень рад, что «Континентал» доставил вашей жене удовольствие, мне дороги самые прекрасные воспоминания о нашей встрече в Москве.

Наша новая квартира довольно велика, и у нас даже не хватает мебели, чтобы обставить её, но мы удивительно счастливы вместе, и это главное, ведь так? Диана сейчас работает в Лондоне, и в конечном счёте мы можем переехать туда, как будто тем, кто должен путешествовать за тридевять земель, должен быть муж!

Сейчас я перевожу (очень медленно) «Улитку на склоне» Стругацких. Бог знает, когда перевод будет завершен. Я рад услышать, что ваш роман продвигается хорошо. Вы, должно быть, очень довольны, и я надеюсь, что скоро смогу прочесть его.

А пока будьте уверены в искренности наших с Дианой самых лучших пожеланий. С нетерпением жду вашего ответа,

Алан Майерс

P. S. «Далекая Радуга» была издана на английском языке (в моём переводе). Я очень доволен этим.

Перевела Лариса Рындина

10 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
10 февраля 1968 г.

Многоуважаемая Галя!

Я вполне с Вами согласен в оценке саратовских экслибристов. Действительно, странно, что такое творчество может исходить от дипломированных

[1] Соколов А., Леонов А. Ждите нас, звёзды. — М., 1967. — 106 с. (Альбом, цветные иллюстрации.)

[2] «Коромандел» (Coromandel, 1955) — приключенческий роман о бегстве юноши-англичанина в море, приведшего его в Индию, первый в серии из семи романов о колониальной Индии с XVII до начала XX века английского писателя Джона Мастерса.

художников — что ж, лишний раз показывает ценность всех этих дипломов по существу… и всё же без них в нашей жизни нельзя, хоть я всячески стараюсь в своих статьях и произведениях подорвать наивную веру в могущество этих бумажек и заставить верить в человека.

У нас здесь можно заказать экслибрис через Худфонд хоть Голяховскому и другим известным мастерам, но мне бы хотелось, чтобы сделали Вы, так как мне нравитесь и Вы, и Ваше творчество, а это немаловажно. Однако при одном единственном условии — не бесплатно. Ведь всё равно мне надо это сделать, и всё равно я должен его заказывать. Как видите, тут нет никакой благотворительности и ничего для Вас неприемлемого. Я беру даже самую среднюю расценку, какую худфонд берет за экслибрис неизвестного мастера. Голяховский и другие экслибрисные «киты» берут 90—100 рублей.

Разумеется, я не хочу перевести Вам деньги без Вашего согласия, тем самым как бы обязав Вас — а если Вам не представится возможности или времени? Но если Вы укрепились в решении сделать, переведу немедля. Может быть, удобнее не на общежитие, а на 112-е до востребования? Только напомните мне Ваше отчество — я как-то спрашивал уже его, но посеял где-то эту запись, и проще спросить ещё раз чем искать, а привык думать о Вас как о Гале.

Роман мой подошёл к последней главе: «Хрустальное Окно». Если здоровье позволит, кончу его в марте, т. е. совсем скоро. Интересно, как он Вам понравится?

Вот что ещё, очень важное, важнее всяких экслибрисных дел. Сообщите мне, кому, куда написать о Вас для приемной комиссии: — может быть, моё письмо и станет той последней соломинкой, которая переломит спину верблюду. Сердечный привет Вам и добрые пожелания от Таисы Иосифовны и меня.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1] 11

Москва
19 февраля 1968 г.

Дорогой Борис!

Что-то давно от Вас ничего нет. У Вас должны были быть серьёзные перемены и новые планы, о которых я писал Вам с одобрением и кое-что советовал, но в ответ ни гу-гу!

Может быть, адрес уже не тот или Вы с Ларисой уже уехали, но на всякий случай бросаю этот лот по прежнему адресу.

Я б[олее] или м[енее] в порядке, усиленно пишу. Идёт последняя глава «Часа Быка» — получился роман по объёму как «Туманность», немного даже больше.

Сердечные приветы и добрые пожелания от всех моих кроме Аллана — тот ещё в Сирии.

Пишите.

Ваш
И. Ефремов

[1] Почтовая открытка: Цейлон, дорога в Парадению.

12 И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[1]

Март 1968 г.

Дорогая Галя!

Поздравляем Вас и Аделию Адольфовну с Женским Днём и желаем здоровья, благополучия и всего светлого.

По-видимому, надо поздравить ещё и с новым этапом жизни — примите наши искренние поздравления.

Ваши
И. А. и Т. И. Ефремовы

13 Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
18 марта 1968 г.

Monsieur le Professeur
I. A. EFREMOV
Ulitza Gubkina 4 appt. 40
MOSCOU V-333

Monsieur le Professeur,

Je suis à peine pardonnable de ne pas vous avoir répondu plus tôt, mais j'ai dû soutenir en hâte ma thèse et en retaper deux exemplaires, ce qui fut un rude travail. Enfin, c'est fait, et je vous prie de bien vouloir accepter à nouveau touts mes remerciements pour avoir contribué avec tant de gentillesse à mon enquête.

Je me suis également occupée de trouver votre livre car, d'après le Dr. Bergier c'est une excellente étude. Après plusieurs quêtes inutiles, j'ai identifié l'éditeur français, Denoël et j'espère avoire une réponse positive avant la fin de la semaine. En effet, un de mes frères part pour Moscou dimanche prochain et pourrait vous le remettre. A moins d'un contre-ordre de votre part, je me permettrai donc de lui communiquer votre adresse et d'envier la chance qu'il aura peut-être de vous rencontrer.

Pour ce qui est des numéros de Planète, le Dr. Bergier a dû s'en occuper et j'espère que vous recevrez quelques spécimens sous peu.

En espérant que vous pourrez bientôt consulter l'ouvrage de Villeneuve, je vous prie de croire, Monsieur le Professeur, en mes sentiments respectueux.

Brigitte André

Москва, В-333
Улица Губкина 4, кв. 40
Профессору И. А. Ефремову

Господин профессор!

Простите меня за то, что не ответила Вам раньше, но мне было необходимо срочно перепечатать два экземпляра моей диссертации, что оказалось очень

[1] Поздравительная открытка с Днём 8 марта.

тяжелой задачей. Наконец она выполнена, и я хочу ещё раз поблагодарить Вас за то, что Вы были так любезны и приняли участие в моем опросе.

Также я занялась розыском книги для Вас, так как, по отзыву доктора Бержье, это превосходное научное исследование. После длительных бесплодных поисков я вышла на французское издательство Деноэлб и надеюсь до конца недели получить от него положительный ответ. В будущее воскресенье один из моих братьев едет в Москву и может привезти Вам книгу. С Вашего разрешения я дам ему Ваш адрес и буду завидовать выпавшей ему возможности с Вами познакомиться.

Что касается номеров «Планеты», то этим должен был заняться доктор Бержье, и надеюсь, что немного позже Вы получите несколько экземпляров.

Надеюсь, что очень скоро Вы сможете прочитать книгу Вильнёва[1].

С уважением,
Брижит Андрэ

Перевела Н. М. Воищева

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[2] 14

Москва
21 марта 1968 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Только что получил присланное Вами. С тем, что привёз Ваш сын, получилось порядочное томище — свыше 500 страниц. Это Вы проделали огромную работу. Я хочу отдать рукопись в переплёт, иначе ею пользоваться трудно. Сколько Вы разрешаете её держать? Только что кончил свой новый роман «Час Быка» и тоже порядком утомился, а впереди ещё генеральная правка по перепечатанному Таисой Иосифовной экземпляру. Вы, видимо, замотались, стали редко писать. А в Московию не собираетесь?

Душевный привет Вам от Таисы Иосифовны и меня.

Будьте здоровы:

искренне уважающий Вас
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. А. 15

Москва
29 марта 1968 г.

Многоуважаемый Э. А.!

(После Вашего письма не хочется обращаться к Вам по фамилии, а Вы не догадались сообщить мне именные координаты.)

Я получил письмо от разбойников из «Вокруг света» (это редакция очень неуважительна и к авторам, и к читателям) с опозданием на полтора месяца. Спасибо Вам за письмо! Когда получаешь такие, появляется великолепное чув-

[1] Villeneuve Roland, «Le Diable dans l'Art» (1957) или «Le diable — érotologie de Satan» (1963) (фр.). Вильнёв Ролан, «Дьявол в искусстве», «Дьявол — эротология сатаны».

[2] Открытка с изображением старинной дагобы на Цейлоне.

ство, что твоё слово так хорошо доходит до людей духовно близких, и накопляющаяся энтропия усталости, разочарований и сомнений — да стоит ли писать!, да не послать ли всё ко всем чертям! — сдувается ветром пустыни. Единственно, как я мог бы выразить Вам свою благодарность — это подарить «Лезвие бритвы» — увы, даже этого я не могу сделать, потому что книга как провалилась и букинисты ищут мне её по цене в среднем 10 руб[лей] за экземпляр и ничего не могут найти. Достанут — пришлю. Столь же ненадёжно дело с новым, только что законченным романом «Час Быка». Он будет к маю окончательно мною отредактирован и перепечатан, а затем пойдёт в журнал «Октябрь» для первоначального печатания, но вот уж опубликуют ли — нет никакой гарантии — ведь каждая моя книга, преодолевая сопротивление, обязательно задерживается с печатанием на срок от двух до восьми лет. Но ежели будете в Москве и позвоните мне по телефону 137-65-10, лучше после 18 ч[асов], то я могу Вам дать прочитать рукопись (не раньше мая) и этим выразить мою к Вам симпатию.

Я знаю Вас как геолога заочно, потому, что заказал в Академкниге Вашу работу о фосфоритах. Случайно я интересуюсь фосфоритами, опасаясь будущего фосфорного голода нашей планеты.

Ваши думы о науке очень мне близки, тем более, что я сам — из недавнего прошлого золотого века науки и в своем становлении как учёный застал всё старшее поколение бескорыстных искателей истины и знания. Мы продолжаем считать учёных такими же, но ведь наука подписала смертный приговор своей свободе в августе 1945 года, а точнее, ещё раньше — в 1943 году.

С тех пор она перестала быть бедной, чистой и высокой, а стала профессионально-привилегированной, насытившись всем тем, что несёт с собой весь добычливый сброд бандитского характера, в неё хлынувший — ложью, клеветой, недобросовестностью, жестокой конкуренцией разбойного типа. И уж конечно, старанием получить «сомсинг фор носинг» — кое-что за ничего, как говорят англичане. Так что не огорчайтесь, а держите свой курс — и как можно шире информацию, и как можно больше энциклопедичности, пусть в ущерб карьере. Не прогадаете! Не меняйте ни за что, ни при каких обстоятельствах возможность узнавать новое, иное из огромного, интересного, прекрасного мира. Всё — от красивой линии до таинственного черепка.

Извините, что написанное звучит каким-то наставлением — я не собираюсь давать никаких «директив» (хватит их с нас), а просто делюсь собственными домыслами.

От души желаю Вам успехов в науке старого типа и удачи во встречах и испытаниях интересного.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

16 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
29 марта 1968 г.

Дорогой Борис!

Несказанно рад, что Вы наконец выберетесь из ямы, в которую вкопались. Как я и думал, не получится из моряка и романтика — журналиста. Это не по-

тому, что я не верю в Вас и Ваши способности. Наоборот, я в них верю больше, чем Вы сами, ежели рассудили, что сможете обесчеловечиться настолько, чтобы стать выдающимся журналистом-международником типа, скажем, того же Стуруа. Я был уверен, что в Вас не хватит, скажем мягко, холуйства, а потому и с самого начала был против журналистики, за исторический факультет для души и добротную трудовую профессию для тела.

Ну, к сожалению, всё мы должны постигать на опыте, пренебрегая опытом предыдущих поколений — от этого половина человеческих бед, но и половина прогресса.

Средиземноморье очень одобряю — и климатически для Вас полегче, и для души многое получите — праматерь нашей культуры. При знании исторических вещей каждый камень может говорить, а профиль чтения у Вас, к счастью, широк, если не позабыли всего там в Киеве.

Думаю, что Вы сильно преувеличили насчёт белизны, седины, рыхлости — неужели так мал запас сил у молодёжи, да ещё у моряков? Другое меня тревожит — это нотки разочарованного озлобления на соперников по профессии, которые, кажется мне, у Вас появились. Слушайте, рыцарь Лебедя, это никак не годится. Нельзя ни в коем случае! Хоть на четверть ступеньки, но надо стоять духовно выше, иначе деградируете. А может, мне это лишь показалось? Ежели роман мой пойдёт сразу, а не будет валяться лет пять, то я снова буду на коне и могу кое-чем помочь материально в новом повороте жизни. Ежели не пойдёт, что ж, сам сяду на пенсион, так как я более не служу в Академии — здоровье не позволяет.

Кланяйтесь Ларисе и скажите, что она молодец, если помогла Вам выбраться из негодного тупика. Прислали бы хоть фото вас обоих, если не сможете скоро приехать в Москву, — покажитесь.

Все мои шлют вам обоим сердечные пожелания удачи и здоровья.

Глория с Андреем сказали, что напишут Вам отдельно, но не уверен, что соберутся — они тут закрутились, пытаясь приобрести старую автомашину — вопреки моим советам, но видно уж всё делается вопреки моим советам, и нет пророка в своём отечестве…

Аллан по-прежнему сидит в Сирии и, кажется, собирается лишь в отпуск ко дню моего рождения.

Кланяйтесь Вашим родным.

Ваш по-прежнему,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
29 марта 1968 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Большущее Вам спасибо за Беррила. Книга очень интересна. Можно мне будет её подержать подольше, или лучше тут же отдать переснять? Лучше бы первое — теперь нет быстрого и недорогого аппарата у Н. Д. Андреева, а придётся переснимать здесь, что примерно дороже вдвое.

С Н. Д. я как-то потерял связь, он, видимо, в командировке или, может быть, заболел чего доброго!

Насчёт совещания по НФ — с самого начала эту затею не одобрял. Никаких проблем в НФ, окромя, как Вы справедливо изволили заметить, журнала и обязанности писать хорошо, нет. Тут выступала по телевизору Ариадна Громова с тремя учёными евреями о проблемах фантастики, городили такую белиберду и скучищу, что у Казанцева куда как интереснее бывало.

Что до доклада В. И. Дмитревского, то опять же согласен с Вами — такой доклад при нынешнем разброде может принести куда больше вреда, чем пользы. Конечно, заходите для совета и просто повидаться, когда будете в Москве. А может, можно Вам командироваться под предлогом, что заберёте ещё некие рукописи из моего архива? Тут бы понабрали кое-чего, не слишком много, так как времени не было разбираться, но и не слишком мало.

С «Часом Быка» пока дело так: Таиса Иосифовна допечатывает последние страницы, коих набирается примерно 525, следовательно, больше «Туманности» листа на три. Затем я пройдусь со шлифовкой и утряской вторично по перепечатанному тексту и отдам на машинку — этот текст будет окончателен, пойдёт в журнал «Октябрь», а затем и в «Молодую гвардию». Это будет, конечно, уже лишь в мае, теперь это ясно, так как устал до крайности и не могу править с прежней скоростью. Да и ни к чему — всё равно никто спешить с изданием не будет! Подумываю, не взяться ли снова за государственную службу. Произвёл подсчёт: за те семь лет, что я находился на временной инвалидности и сейчас — на пенсии и жил, кроме пенсиона, на писательские доходы, я потерял (исходя из своей профессорской зарплаты) примерно 20 тысяч рублей (в новых, конечно) — вот во что обходится учёному чересчур большое увлечение литературой. А по слухам, правительство и не собирается ничего прибавлять писателям, упорно считая нас за миллионеров. Ну это больше для анекдота…

Желаю здравствовать и рад буду повидаться с Вами.

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

18 Вл. ИВАНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

29 марта 1968 г.

Уважаемый товарищ Иван Ефремов,

редакция болгарского журнала «Дети. Искусство. Книги», издание Дома литературы и искусства для детей и юношей, намерена предоставить свою трибуну выдающимся мировым писателям-фантастам, которые поделились бы мыслями относительно места и роли научной фантастики в атомном веке.

Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Почему Вы выбрали научную фантастику в качестве основы Вашего литературного творчества?

2. Чем, по Вашему мнению, объясняется нарастающий интерес к научной фантастике среди широкой читательской публики и особенно среди молодёжи?

3. В какой философской и эстетической линии видите Вы дальнейшее развитие научной фантастики?

Просим Вас ответить до конца м[есяца] мая по следующему адресу:

Болгария
[София]
ул. «Славянска» 13
Дом на литературата и изкуствата за деца и юноши
Разрешите нам заранее благодарить Вас за отзывчивость.

С уважением,
Директор Вл. Иванов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[1] 19

Москва
2 апреля 1968 г.

Многоуважаемая Галя!

Если Вы найдёте экслибрис удачным, то можете не печатать его у Вас — его мне могут напечатать в Ленинграде по знакомству (мне ведь надо тысячи 3—4 штук!). Поэтому Вы можете прислать мне доску или камень (не знаю, на чём будет вырезано), а я перешлю в Ленинград.

Не забудьте про наш договор — заранее мне сообщите, кому писать о Вас!

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и меня.

Искренне Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 20

Москва
4 апреля 1968 г.

Дорогой Иван Иванович!

Я только недавно выбрался из подмосковной секлюзии[2], куда укрылся на два месяца, чтобы наконец закончить свой новый роман «Час Быка» и — закончил (22 печ[атных] листа). Пришлось принять эти чрезвычайные меры, чтобы спастись от напора звонков и посетителей — преимущественно скверно воспитанных газетчиков и тронутых маньяков. Впредь мне наука — не писать о вещах, какие давно не обсуждались нашей литературой: йоге, подсознании, психических чудесах и возможностях человеческого организма[3]. Теперь в глазах сумасшедших я, очевидно, кажусь чем-то вроде гуру, который и просветит, и даст утешение при личном свидании. А я — какой гуру, всего лишь 60-летний отставной учёный, изрядно больной и порядком усталый, где уж мне! Ни материальных возможностей, никакого авторитета у власть имущих... помните, как у поэта: «Сам я и беден и мал, сам я смертельно устал... Что я могу? Чем помогу?»[4]

Всё же теперь, при официальных статьях в газетах о телекинезе, о летающих тарелках, и газетчики тоже прут.

---

[1] Почтовая открытка с наскальными фресками Сигирии на Цейлоне.

[2] Ceclu-sio (лат.) — отделение, изоляция, заточение, от лат. secludo — отделяю.

[3] Речь идёт о книге И. А. Ефремова «Лезвие бритвы».

[4] См. примечание к письму И. А. Ефремова В. И. Дмитревскому от 16 ноября 1962 г.

Вот в ближайшем номере «Литературной России» должна быть моя статья о палеонтологии и космосе[1], правда, сильно сокращённая, посмотрите, как Вам понравится.

Я не согласен с Вами в оценке (сравнительной) «Собачьего сердца» и «Мастера и Маргариты»[2]. Последняя вещь многоплановая, очень глубокая, и в ней есть такая великая печаль, что дух захватывает. А первая — это, конечно, очень зло и верно в смысле залезшего куда ему не надлежит люмпена, но всё же, например, мне не понравилась. И без того это осточертело!

К сожалению, желаемого Вами перевода не смог достать, и как-то о нём мало известно. Ежели попадётся — организую.

Очень жаль, что обстоятельства против Вашего приезда в Москву, но искренне надеюсь, что Вашей жене лучше, и Вы всё же выберетесь как-нибудь в московские края.

Зима у нас тоже была очень сурова и многоснежна, но сейчас снег здорово подался, сегодня выезжал в «Узкое», и поля процентов на 50 свободны от снега, прилетели жаворонки и скворцы. Седьмого — Благовещение. Помните жаворонков из сдобного теста с изюминками вместо глаз? Бегали ли Вы на ближайший холм и пели о приходе весны, затем с аппетитом съедая жаворонка? (...)[3]

Посылаю Вам вырезку из американского журнала с забавными карикатурками на пришельцев с иных миров. Будьте здоровы. Таиса Иосифовна шлёт сердечный привет, и я, разумеется, тоже.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

21 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
5 апреля 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for your kind and interesting letter of March 23rd. It was a long time since I had heard from you so I was very glad to get news and to learn that your health has improved, even if only “slightly”, as you say.

Now I must apologise for a stupid mistake I made about the books you sent. The book on Chinese architecture did come safely and is very interesting and beautifully illustrated. But the little book about Russian churches has not reached me. This is sad and I do not know where it has gone astray.

We have not had a severe winter, only a few snowfalls and none lasting more than one week here in the south. Like you we had a spell of lovely spring weather but then it turned cold again and we had some snow on April 2nd. Since then it has been cold but very bright with only occasional showers.

It is very hard that you cannot stay in Moscow without being pestered by impertinent people! But I am glad that you were able to retreat to the country and that

[1] Статья И. А. Ефремова «Космос и палеонтология» полностью опубликована в сборнике «Населённый космос» в 1972 г.

[2] Речь идёт о романах М. А. Булгакова.

[3] Так в исходном издании. Очевидно, часть текста пропущена.

your book is finished. This is a great work and I hope that you will not have to spend much time in polishing it and making small corrections.

The fact that your gigantic state has so little warm sea coast must make it very difficult for you to get good living and service. Here in my country it is getting more difficult because the improved conditions of workers — paid holidays and better wages — make it possible for nearly every one to go to some resort and, of course, we have a relatively big coast line. But it is very difficult to find real peace, especially when one is old and needs the comfort of a good hotel. Do you, in Russia have the big holiday camps that we have? These provide living accommodation for families and entertainment of all sorts — to please all tastes — and they are very popular. But they would not suit us. In the past we used to rent a house or bungalow on the coast in the Wales or Cornwall and had some lovely holidays but many places are now spoilt by the ubiquitous motor car. Now, sadly, we (Professor Watson and I) cannot go away from home as strange surroundings worry and upset him. Fortunately he is happy at home and the Surrey countryside is beautiful.

I do appreciate your quotation from Maximilian Voloshin. For me, the First World War shattered for ever the sense of peace and security of my youth. In your country, of course, the effect must have been even greater because that war led to Civil Wars and revolution. But here, the late nineteenth century and the first decade of the twentieth were a time of prosperity and, among liberal minded people, there was great hope that social injustices could be remedied. I do not think that anyone who was not adult in August 1914 can realize the impact of the outbreak of war nor the terrible long term effects on the world.

As you are and have always been so interested in S. Africa, I do wish that you could get more real news of that country, news that is not distorted by propaganda. It is not possible for us to form a just opinion of the effect of apartheid — which does seem a wrong method in itself — but at least there are certainly many communities of mixed races who live happily there. Have you any names of books, either on S. Africa or other subjects that you would like me to send you? Please send me a test if you can.

Professor Watson keeps wonderfully well and cheerful and still goes for several short walks each day and even works a little in the garden. I, too, am well, but sometimes — tired!

We send of kindest regards to you and your wife.

Yours very sincerely,
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за Ваше приветливое и интересное письмо от 23 марта. О Вас очень давно ничего не было слышно, поэтому я очень рада была новостям и известию, что Ваше здоровье улучшилось, даже если только «чуть-чуть», как Вы говорите.

Теперь я должна извиниться за глупую ошибку, допущенную мной в отношении присланных Вами книг. Книги о китайской архитектуре прибыли благополучно, очень интересны и красиво иллюстрированы. Но маленькая книга о русских церквях не дошла до меня. Это весьма печально, и я не знаю, где она потерялась.

У нас не было суровой зимы, лишь несколько снегопадов, а здесь, на юге, ни одного продолжительностью больше чем неделю. Как и у вас, у нас был

период прекрасной весенней погоды, но затем снова похолодало, а 2-го апреля немного шёл снег. С тех пор стоит холодная, но очень солнечная погода, с редкими ливнями.

Очень неприятно, что Вы не можете остаться в Москве из-за того, что Вас донимают нескромные люди! Но я рада, что Вы нашли убежище в деревне и что ваша книга закончена. Это великий труд и, надеюсь, шлифовка и внесение мелких исправлений не займут много времени.

Тот факт, что у Вашего гигантского государства так мало тёплого морского побережья, может затруднить для Вас получение качественного проживания и обслуживания. Здесь, в моей стране, это становится всё более затруднительным, так как улучшение в положении рабочих — оплачиваемые выходные и повышенная заработная плата — позволяют практически всем отправиться на какой-нибудь курорт, и, конечно, береговая линия у нас относительно больше. Но настоящий покой найти трудно, особенно когда ты стар и нуждаешься в комфорте хорошего отеля. У вас в России есть большие кемпинги, как у нас? Они удовлетворяют потребность в жилье для семей и развлечениях всех видов — чтобы угодить всем вкусам — и очень популярны. Но нам они бы не подошли. Раньше мы арендовали дом или бунгало на побережье Уэльса или Корнуолла и проводили несколько прекрасных выходных, но большинство мест теперь испорчено вездесущими автомобилями. Теперь, к сожалению, мы (профессор Уотсон и я) не можем покидать дом, поскольку непривычная среда его волнует и расстраивает. К счастью, дома он счастлив, а Суррейские края красивы.

Я очень признательна Вам за цитату из Максимилиана Волошина. Что касается меня, то в юности Первая мировая война навсегда разрушила моё чувство покоя и безопасности. В вашей стране, конечно, эффект должен был быть ещё большим, потому что та война привела к гражданским войнам и революции. Но здесь конец девятнадцатого и первое десятилетие двадцатого века были временем процветания, и среди либерально настроенных людей жила великая надежда, что социальная несправедливость может быть исправлена. Думаю, что никто, кто не был взрослым в 1914 году, не может осознать ни воздействия внезапного начала войны, ни её ужасных отдалённых последствий для всего мира.

Так как Вы, как и всегда, интересуетесь Южной Африкой, мне очень хотелось бы, чтобы Вы могли получать более реальные новости об этой стране, новости, не искажённые пропагандой. Мы не можем составить справедливое мнение о последствиях апартеида — режима, который сам по себе в самом деле кажется неправильным — но, по крайней мере, там есть много сообществ смешанных рас, которые живут счастливо. Есть ли у Вас названия книг о Южной Африке либо о чём-то другом, которые бы Вы хотели, чтобы я выслала Вам? Пожалуйста, если можно, вышлите мне критерий.

Профессор Уотсон чувствует себя великолепно, жизнерадостен, по-прежнему каждый день совершает несколько коротких прогулок и даже немного работает в саду. Со мной тоже всё в порядке, но немного устала!

Шлём самые добрые пожелания Вам и Вашей жене.

С искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 22

Москва
12 апреля 1968 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Только что получил Ваше письмо. Признаться, я подумал, что, как ранее присылавшиеся Вами книги, Беррилл добыт на долгий срок, и отложил его, чтобы читать без спеха в доме отдыха. Теперь переменю фронт и прочту его к 1 мая, а Вы, если возможно, попросите отсрочки недели на две, поскольку месяц незаметно уже истёк. Совестно заставлять Вас возиться с этим, прошу прощения, но я не знал о сроке.

Абсолютно согласен с Вами насчёт доклада Дмитревского — я его только что прочитал. Вообще сейчас не время и не место делать такие доклады, постараюсь отговорить. Доклад плохой.

Владимир Иванович по доброте бывает иногда невпопад заботлив, так случилось с Вами, случалось и со мной.

Кстати, совещание отложено до середины мая, я думаю, Вы уже знаете об этом.

Стругацким надо бы всыпать за то, что упорно лезут в дешёвые прогрессисты, потакая вкусам совершенно определённой группы научных работников и не понимая того общего вреда, какой, подобно Абрамам Терцам, нанесли бунтующие без цели и смысла. А сейчас, после Пленума, и того яснее, что счастье Стругацких, что пока они имели дело с порядочными людьми. А Вы сами — очевидно, очень хороший человек! Так трогательно Вы мне намекнули, что хорошо бы мне покрепче поработать над языком нового романа. Увы, дорогой Анатолий Фёдорович, семя не на добрую почву — меня язык по трагическому стечению обстоятельств никогда не интересовал, хотя, конечно, завидуешь владеющим магией слова, но сам рук не прикладываешь...

Очень большая к Вам просьба — не могли бы Вы косвенно расспросить, что же такое случилось с Андреевым — очевидно, что-то не совсем ладное, и я боюсь звонить его жене, чтобы не попасть неудачно. Узнаете — напишите при случае.

С искренним уважением, Ваш
И. А. Ефремов

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 23

Чикаго
15 апреля 1968 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

It has been so long since I have written that I am really very ashamed of myself. The problem has been mainly that I have been in and out, between here and California, and never quite certain what came next. Now I am back in Chicago for a while, until I get out in the field in a couple of months.

Really, also, think that the very unsettled conditions here and everywhere else have somewhat slowed me down. I have been trying to fight out with my own feelings as to whether or not my wife and I could take the trip to your country that we have been contemplating. I still am not sure. The main thing relates to the problem of balance of payments and the request that those of us that do not have to travel abroad do not. It is not an order, just a suggestion. I still don't know just how I am going to react. I am extremely anxious to get to Russia and to see you again, but then there is so much going on in so many places and so much uncertainty, that I sometimes feel that I should stay home and take care of things here. Probably I have been delayed in writing until I could make up my mind. But I have not as yet. If we do come, it will have to be after the first of August. I wonder where you will be then, in Moscow? or elsewhere? Anyhow, I will have to decide soon, and will so do.

Everything is really fine here, we are well, busy and I am making good progress on my book, I had a fine chance to work on it at UCLA and did manage to finish a difficult section on the nature of adaptation to water. I have the first three sections done and am working on the fourth and last. This last is much the most difficult, but it is coming along. We are hard at work on illustrations, so you can see it is coming along.

The Caseidae paper finally came out and I am putting copies in the mail along with my paper on Oklahoma, which also came out not long ago. Reprints on the caseid paper just arrived, so it will be in the mail in a few days.

This coming summer I am planning to go to work in Utah, hopefully to find some vertebrates in the Hoskinnini formation, which is either at the very top of the Permian or the very base of the Triassic. It is a long shot, but just might possibly pay off. I will be continuing, in Oklahoma for a short time, then going to Texas to look at some San Angelo beds I have had my eye on for several years. It looks like the San Angelo more than any other formation has got "European" elements in it.

I had a very pleasant winter in southern California, where it is summer in winter. I spent a lot of time with Peter Vaughn and we had lots of interesting discussions on Permian and such matters. They are rather anxious to have me come out there permanently, but I doubt that there will be sufficient inducement. The main item that might persuade me is that I would have more time for my own studies there, and not be quite so involved in so many projects as I am here. Anyhow, we will see.

My wife and I have been going over with great pleasure all of the books on the various cities that you have sent to us. I am sorry that I did not acknowledge them earlier, but they were not forwarded to California so I only received them upon my return to Chicago. I do so hope that I can see our way clear to coming over. Of course, if not this year, then...

E. C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Не писал Вам целую вечность, и мне очень стыдно. Мешало в основном то, что я ездил туда-сюда между Чикаго и Калифорнией, и планы нередко менялись. Теперь я на пару месяцев задержался в Чикаго перед началом полевого сезона.

На самом деле, думаю, повсеместная нестабильность отрицательно сказывается на мне. Я стараюсь побороть сомнения — ехать нам с женой в Вашу страну или нет, предпринимать ли эту давно задуманную поездку. До сих пор полной уверенности нет. Основная причина — проблема государственного платёжного баланса и просьба не предпринимать поездок за границу тем, для кого это не является абсолютной необходимостью. Это не приказ, а пожелание. Не уверен, как следует на это отреагировать. Мне страшно хочется поехать в Россию и снова повидаться с Вами, но с другой стороны, теперь столько всего повсюду происходит, кругом столько неуверенности в завтрашнем дне, что мне иногда представляется правильным остаться дома, чтобы контролировать ситуацию. Вероятно, и с письмом я медлил, пытаясь решить, как быть. Но так пока и не решил. Если мы всё же приедем, то после 1 августа. Интересно, где Вы тогда будете — в Москве или где-то ещё? Так или иначе, скоро необходимо принять решение, и я сделаю это.

Собственно у нас всё в порядке, мы здоровы, заняты делом, книга продвигается хорошим темпом, я воспользовался шансом поработать над ней в Калифорнии и закончил важный раздел о природе адаптации к водной среде. Теперь завершены уже первые три раздела, и я тружусь над четвёртым и последним. Этот последний раздел самый, пожалуй, сложный, но и он движется. Мы корпим над иллюстрациями, в общем — дело идёт.

Статья по казеидам вышла-таки, и я направляю её вместе со статьёй об Оклахоме, которая тоже была опубликована не так давно. Только что поступили и оттиски статьи по казеидам, которые на днях буду рассылать.

Этим летом я планирую покопать в Юте с надеждой найти позвоночных в формации Хоскиннини — либо в самом верхнем слое перми, либо в самом нижнем триасового периода. Очень гипотическая возможность, но если осуществится — будет замечательно. Некоторое время я пробуду в Оклахоме, продолжая начатое, потом еду в Техас взглянуть на те выходы Сан-Анджело, которые я заприметил несколько лет назад. Именно в формации Сан-Анджело обнаруживается больше «европейских» элементов, чем в любых других.

В южной Калифорнии я провёл очень приятную зиму — мало чем отличавшуюся от лета. Мы часто общались с Питером Воном, обсуждая пермские местонахождения и т. п. Университету очень бы хотелось, чтобы я переехал к ним насовсем, но я сомневаюсь, что они сумеют найти достаточно убедительные аргументы. Главным стимулом для меня было бы дополнительное время для исследований, чтобы я не был занят так плотно в огромном количестве проектов, как здесь. Ну, посмотрим.

Мы с женой с огромным удовольствием рассматривали все книги о разных городах, присланные Вами. Прошу прощения, что не подтвердил их получение раньше, но их не переслали в Калифорнию, поэтому я получил их только по возвращении в Чикаго. Как же мне хочется, чтобы нам ничего не мешало приехать к вам. Но конечно, если не в этом году, то…[1]

Э. К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] На этом письмо обрывается.

24 И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ

Москва
23 апреля 1968 г.

Дорогой Олесь Павлович!

Большое Вам спасибо за продолжающиеся благодеяния. Точно к дню рождения прибыл земляничный чай, а немного раньше — «Лезвие». Хотя оно и в несколько потёртом виде, но дало возможность высвободить один из двух забронированных насмерть (для расклейки при переиздании) экземпляров. Сколько Вы за него заплатили, чтобы я смог переслать Вам этот долг, хотя бы просто в конверте?

Относительно «Утра магов» выяснил следующее: из него с французского оригинала была переведена только глава о идеологии гитлеризма. Текст этого перевода (необработанного) у меня был, но я дал его одному «сапиэнсу», а того уволокли в больницу с приступом язвы желудка. Поэтому, хотя и смогу добыть Вам этот текст, но не столь скоро — недели через две.

Я подумал над этой книгой, и думается мне, что полностью, без значительных купюр её (особенно сейчас) издать не удастся. Поэтому, может быть, следует этот перевод осуществить непосредственно в Киеве, под наблюдением редактора-издателя? Конечно, надо будет для перевода достать не английский перевод, а французский оригинал, но это возможно (не перепирать же с единожды уже переведённого текста!).

Насчёт «Часа Быка» — работа подвигается, но всё же не столь скоро, как бы хотелось. Однако, думаю, что к двадцатым числам мая рукопись будет уже перепечатана начисто. Я, конечно, пошлю её Вам, как обещал, но с просьбой, чтобы до решения «Октября» не пускать её в ход, иначе получится (при издании на русском языке) как-то неладно. Когда «Октябрь» вынесет своё суждение, можно будет с ним разговаривать насчёт других вариантов издания. Читать они будут, наверное, не меньше месяца, возможно, и меньше, поэтому надо ориентироваться на реальный срок «пуска в действие» около середины июня. Но, само собой, рукопись будет у Вас задолго до того.

Сердечный привет Вам и пока неведомой мне Людмиле.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

25 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

25 апреля 1968 г.
52 Solleshott Hall
Letchworth, Herts.

Dear Ivan Antonich,

Thank you for your most pleasant letter. Here we only had one real snowfall this winter and now we are enjoying a lovely spring. It's been a bit cold despite the sunshine, but today it's been + 22° and the trees which are everywhere in Letchworth (its fill title is Letchworth Garden City) are in full blossom.

I'm glad to hear you've finished your new novel — what a wonderful feeling that must be! Is it about Ancient Crete?

I've received all the books you've sent — volumes 14 and 15 of the Contemporary S. F. Library, an anthology (Leningrad) and was also delighted to receive two volumes of the History of Soviet Literature.

I'm glad to report the safe arrival of "Байкал" with the second (first?) part of "Улитка на склоне". I read it at once, of course (!) but I found it disappointing after the first part, which impressed me considerably. I hope there is more to come. My translation of "Далёкая Радуга" was published by "Мир" some little time ago. I was quite pleased with it. I've started on "Трудно быть Богом" but haven't found a publisher yet. I shall use the Радуга translation as evidence of the redoubtable brothers' ability to write — the trouble is most publishers here are reluctant to take on anything by an "unknown" foreign writer. I hope I shall have progress to report later on.

I'm pleased your "Continental" is getting through regularly — I sent the Chavchavdze some time ago but I'm afraid it must have perished somewhere. The front cover was rather alarming. I m attending to your other requests as usual.

I hope your health is keeping up. My own at last appears to be mended. I had a "nervous stomach" brought on by having to deal with a great many problems at once. It was annoying but not really serious, it seems. My wife considers that I'm a "симулянт". I'm in good health now, but I'm still "taking it easy" as we say.

Diana is very well and you'll be pleased to hear we are wonderfully happy together. We have problems, of course, this flat is too expensive for one thing and Diana works in London, the travelling is tiring for her — but the main thing is we are together.

We both send our warm wishes to your wife and yourself,
Alan Myers

d'Henry de Montherlant. Pasiphaë
Roman Ghirshman. Perse. Gallimard, Paris, 1965
Jean Marcadé. Eros Klos. Nagel, Paris, 1965
Montherlan [t] de
389, 313, 315
Maurice Rheins L'objet 1900 (A. M. G.) Flammarion, Paris 1965
Gaston Diehl Derain. Flammarion, Paris 1965
Pierre Bouile Le jardin de Kanashima [1962]
Michel del Castillo TARA. Julliard, Paris 1965 [1962]

Соллершот Холл, 52,
Лечворт, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Спасибо вам за письмо. За всю зиму был только один снегопад, и сейчас мы наслаждаемся весной. Несмотря на яркое солнце, достаточно прохладно, но сегодня + 22°, и деревья, которые всюду в Лечворте (полностью именуемом Лечворт Гарден Сити), все в цвету.

Я рад слышать, что вы закончили новый роман — какое это должно быть замечательное чувство! Он о древнем Крите?

Я получил все книги, которые Вы присылали, — 14 и 15 том современной Библиотеки современной фантастики, антологию (Ленинград), и был в восторге, получив два тома «Истории советской литературы».

Я рад сообщить, что получил в сохранности «Байкал» со второй (или первой?) частью «Улитки на склоне»[1]. Конечно же (!), я сразу прочитал его, но разочаровался по сравнению с первой частью, которая сильно впечатлила меня. Я надеюсь, что будет продолжение. Не так давно мой перевод «Далёкой Радуги»[2] был опубликован издательством «Мир». Я был очень этому рад. Взялся за «Трудно быть богом»[3], но пока не нашёл издателя. Я буду использовать перевод «Радуги» как неоспоримый факт таланта братьев — проблема в том, что большинство издателей неохотно берутся за что-то, написанное «неизвестными» зарубежными авторами. Но надеюсь, смогу вскорости доложить об успехах.

Рад, что Вы регулярно получаете «Континентал». Я отправил Чавчавадзе некоторое время назад, но боюсь, что книга где-то сгинула. Его обложка могла кого-то встревожить. Как и всегда, я занимаюсь поиском ваших книжных запросов.

Я надеюсь, что у вас здоровье укрепляется. Моё начинает поправляться. У меня был «нервный гастрит» из-за того, что на меня свалилась масса проблем сразу. Было неприятно, но вроде не опасно. Жена называет меня «симулянтом». Сейчас мне лучше, но всё ещё, как говорится, «берегу себя».

Диана чувствует себя превосходно, и вы будете рады услышать, что мы невероятно счастливы вместе. Конечно, проблем у нас хватает: во-первых, эта квартира слишком дорогая, а так как Диана работает в Лондоне, поездки очень утомительны для неё — но главное, что мы вместе.

От нас обоих самые теплые пожелания Вашей жене и Вам.
Алан Майерс

Анри де Монтерлан. Пасифая
Роман Гиршман. Персия. — Париж, Галлимар, 1965
Жан Маркаде. Эрос калос. — Нажель, Париж, 1965
де Монтерлан 389, 313, 315
Морис Реймс. Предмет 1900 (Графические искусства и ремёсла). — Фламмарион, Париж, 1965
Гастон Диль. Дерен. — Фламмарион, Париж, 1965
Пьер Буль. Сад Канасимы [1962]
Мишель дель Кастильо. Тара. — Жюльяр, Париж [1962]

Перевела Анна Лаврова

26 Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
27 апреля 1968 г.

Dear Professor,

Thank you so much for the three books you sent me. I have just received them and I am so pleased to be able to rush into the Nébuleuse d'Andromède!

[1] Журнал «Байкал», 1968, № 1—2 — 71 с.: ил. Первая публикация глав повести А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне», посвящённых Перецу.
[2] Повесть А. и Б. Стругацких (1964).
[3] Повесть А. и Б. Стругацких (1964).

I am awfully sorry not to have been able to grasp the Devil yet! But I asked Dr. Bergier who gave me the French reference and, as it appeared he was wrong, he told me he was going to make a thoroughful search. Anyway he is going to write to you soon and to send you some copies of Planète.

My brother did come to Moscow and tried to contact you on the phone. As he does not speak Russian he had some difficulties to get your number. As he only spent three days in Moscow he could only call you twice, but I think one of your previous letters to me got lost because I did not know you were waiting for him especially after six. So he called in the morning and at the beginning of the afternoon. He was very sorry to have missed you as it would have been a great honour for him to meet you. He enjoyed his trip and USSR very much, but he was a bit fed up in the end to speak only with students. Anyway, all he told us home makes me longing to come myself.

If you need some other books, please ask, as it is no trouble at all. I only hope I'll be quicker to find them this time. As soon as I get the Devil, I will send it to you by registered post.

Thanking you again very much, I am,
sincerely yours,
Brigitte André

Дорогой профессор!

Огромное спасибо за присланные мне три книги. Только что получила их, и как же я рада, что смогу окунуться в «Туманность Андромеды»!

К большому сожалению, изловить «Дьявола»[1] пока не удалось! Но я обратилась к доктору Бержье, который снабдил меня французской ссылкой, как позже выяснилось — ошибочной, однако он пообещал провести самые тщательные розыски. Так или иначе, он скоро сам Вам напишет и пришлёт несколько экземпляров журнала «Планет».

Мой брат приезжал в Москву и пытался связаться с Вами по телефону. Поскольку он не говорит по-русски, ему не очень просто оказалось разыскать Ваш номер. Так как он находился в Москве всего три дня, он смог позвонить только дважды. По-видимому, одно из ваших предыдущих писем до меня не дошло, потому что я не знала, что Вы ждали звонка от него после шести вечера. Он же звонил утром и вскоре после полудня. Его весьма расстроила неудача и то, что не удалось договориться о встрече, что лишило его чести увидеть Вас. Сама поездка и СССР ему очень понравились, несколько разочаровала только невозможность пообщаться с кем-либо помимо студентов. Всё равно его рассказы пробудили во мне сильное желание приехать самой.

Если вам нужны ещё какие-то книги — не стесняйтесь, мне это совершенно не доставляет труда. Только надеюсь, удастся отыскать теперь быстрее. Как только получу «Дьявола», сразу отправлю заказной бандеролью.

Ещё раз огромное спасибо,
всегда Ваша
Бриджитт Андрэ

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] См. примечание к письму Б. Андрэ И. А. Ефремову от 18 марта 1968 г.

27 А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

30 апреля 1968 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Поздравляю Вас и Таису Иосифовну с Первомаем, желаю здоровья и всех других жизненных благ.

От Андреева трудно что-то узнать: он неуловим. Но скоро по его желанию свидимся для пересъёмки «Страны счастливых». Отобранные Вами архивы заберу, видимо, в середине мая.

А. Бритиков

28 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[1]

Москва
5 мая 1968 г.

Многоуважаемая Галя!

Простите великодушно — не ответил сразу после получения экслибриса — загнали в трубу меня с моей рукописью. Сижу, как проклятый, дошлифовываю последние главы перед окончательной перепечаткой. Вы не написали мне, когда лучше прислать письмо ректору — надо незадолго перед началом экзаменов, иначе может забыться, и получится холостой выстрел. Но и опоздать нельзя, поэтому напишите мне сроки, не откладывая.

Экслибрис последний очень графичен, но монументален (фигура Таис получается исполинской из-за черной небольшой головы, древние гречанки же, как известно, были маленькими, что не всегда соблюдали даже большие художники). Я его пущу в дело, но всё-таки мне больше всего нравится вот этот — прилагаю фотокопию. Его я как-нибудь, будет время, пущу в ход, ежели не возражаете. Видел Ваши рисунки в «Знання та праця», они мне очень нравятся.

Спасибо за поздравления с маем, Т. И. и я в свою очередь шлем Вам поздравления и пожелания — не перетянуться.

Будьте здоровы! Ваш
И. А. Ефремов

29 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
14 мая 1968 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Посылаю вдогонку статью, которую забыл показать. Не откажите возвратить.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

---

[1] Почтовая открытка с репродукцией картины Н. К. Рериха «Сосны на фоне облаков», 1912.

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

30

Годалминг
19 мая 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you very much for the beautiful book on Korean art which came safely on Friday 17th. In the evening I had to get out a German Dictionary to begin going through the description of the plates. I can read German fairly easily but the vocabulary with which I am most familiar is that relating to Embryology, not Art! Professor Watson spent some time looking at the plates last evening and was very much impressed with them. He had several Korean pieces in his collection but we had to get rid of them when we moved. One particular bowl which I remember was very like one figured in this book — a rather greyish-green and it looked lovely with a few brightly coloured flowers floating in it.

I am sure that we shall both enjoy this book on Korean art, and also the one on Chinese art which you sent some time ago.

Spring was rather late in coming here and then came with a rush so that the most beautiful phase went past too quickly. Now the trees have taken on their deeper colour and the weather is chilly and unsettled. But we have a lot of colour in the flowering shrubs and trees — two brilliant deep pink rhododendrons in our garden, yellow brooms and laburnums and pink chestnuts — all out at once in our small garden.

I expect you hear or read accounts of the various student demonstrations here, in France and elsewhere. It seems extraordinary that students, of all people, should deny the right of free speech to anyone. Surely "intellectuals" of all ages have demanded freedom of speech as a right. Now, their attitude seems to be that the use of force is justifiable against anyone who expresses an opinion differing from their own. Of course, this is true of many besides students and in many parts of the world.

I think that one cause of discontent among students in this country is really due to the over rapid expansion of our Universities and Colleges. This results in an increase of both students and staff of rather poor ability. The staff are probably not very good lecturers and the students are not really capable of working on their own. So they feel that they are not being taught anything and get dissatisfied. Then they are ready to agitate and demonstrate about anything and everything. But, of course, a lot of the trouble is due to the wide gap between the older people and the rising generation. This gap has always existed but in our time it is greater than usual.

I hope that you are keeping better and are able to complete the final work on your book without much interference from outside. Please write and tell me about your health and your progress with the book. I know that you are too busy to write often, but I do like to hear from you and to feel that there is real friendship between us (including my husband and your wife) even if we can never meet.

With kindest regards and best wishes to you and your wife.
Yours very sincerely,
Katharine M. Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за прекрасную книгу о корейском искусстве, которая благополучно прибыла в пятницу 17-го числа. Вечером мне пришлось извлечь

немецкий словарь, чтобы начать знакомиться с иллюстрациями. Я довольно свободно читаю по-немецки, но мой запас слов больше связан с эмбриологией, чем с искусством! Профессор Уотсон провёл вчера вечером некоторое время за разглядыванием фотографий и был очень ими впечатлён. В его коллекции имелось несколько предметов корейского искусства, но мы вынуждены были с ними расстаться во время переезда. Особенно одна чаша была точь-в-точь такой, как в книге — серовато-зелёная, она прекрасно смотрелась с несколькими плавающими в ней яркими цветами.

Уверена, обе книги — и о корейском искусстве, и о китайском, присланная Вами раньше — доставят нам обоим немало удовольствия.

Весна здесь была довольно затяжной, а потом такой стремительной, что её прекраснейший период промелькнул слишком быстро. Теперь зелень уже обрела обычный тёмный оттенок, а погода стоит прохладная и неустойчивая. Но буйство красок нам дарят цветущие кустарники и деревья в нашем маленьком саду — два ярких тёмно-розовых рододендрона, жёлтый дрок с «золотым дождём» и розовые каштаны.

Полагаю, что Вы наслышаны или читаете новости о различных студенческих демонстрациях в Англии, Франции и в других местах[1]. Кажется странным, что студенты могут отказывать кому бы то ни было в праве на свободу слова. Конечно, во все времена «интеллигенция» требовала свободы слова. Теперь их позиция, кажется, такова, что применение силы оправдано против любого, чьё мнение отличается от их собственного. Конечно, это относится не только к студентам и не только в этих странах.

Думаю, одна из причин возникновения недовольства среди студентов в действительности состоит в слишком быстром росте наших университетов и колледжей. Это влечёт за собой увеличение числа и студентов, и сотрудников с весьма низким уровнем знаний. Сотрудники, по всей вероятности, не особенно умеют преподавать, а студенты не способны работать по-настоящему самостоятельно. Они чувствуют, таким образом, неудовлетворение от неполноценного обучения. И вот уже готовы бунтовать и демонстрировать что угодно кому угодно. Но, конечно, во многом проблема вызвана наличием пропасти между людьми старшего возраста и молодым поколением. Эта пропасть была всегда, но в наше время она больше обычного.

Надеюсь, что Вы чувствуете себя лучше, и ничто не помешает Вам дописать заключительную часть Вашей книги. Пожалуйста, напишите и расскажите мне о своём здоровье и успехах в работе над книгой. Я знаю,

---

[1] Письмо написано в разгар «Красного Мая» — студенческих волнений во Франции, в основном за расширение самоуправления и против косности образования. 6 мая 20 тысяч человек вышли на демонстрацию протеста, требуя освобождения осужденных, открытия университета, отставки министра образования и ректора Сорбонны, прекращения полицейского насилия. Ожесточённые стычки с полицией в Латинском квартале, всеобщая забастовка университетов по всей стране привели к перемене общественного мнения. После «ночи баррикад» 13 мая страну парализовала всеобщая забастовка, студенты захватили Сорбонну. «Университеты — студентам, заводы — рабочим, радио — журналистам, власть — всем!» Многие общественные службы функционировали только с разрешения бастующих. К концу месяца власти пошли на уступки профсоюзам, система образования была отчасти демократизирована. Но в разгар событий очень трудно было разобраться в потоке разноречивой информации.

что Вы слишком заняты, чтобы часто писать, но мне действительно нравится получать от Вас вести и ощущать настоящую дружбу между нами (включая моего мужа и Вашу жену), даже если мы никогда не сможем встретиться.

С наилучшими приветами и добрыми пожеланиями Вам и Вашей жене,
с искренним уважением,
Кэтрин М. Уотсон

Перевели Мира Покорук и Лариса Михайлова.

И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ

31

Москва
24 мая 1968 г.

Дорогой Лев Исаакович!

Уселся за письмо, как датировано выше, но удалось к нему приступить, наконец, только сегодня, 3 июня! Вот она какова, московская житуха! Принесли рукопись романа от машинистки, и пришлось, не разгибаясь, проверять два экземпляра, а ведь 620 страниц! Едва справился, принесли корректуру моей небольшой брошюрки — хоть всего 4 листа, а наворочали в наборе ошибок тьму, вот и результат — третье июня.

Большое Вам спасибо за поздравления, равно как и Александре Ивановне от Таисы Иосифовны и меня. Примите в свою очередь искренние пожелания здоровья и всего светлого, возможного в наше помрачневшее время.

Насчёт здоровья — могу кое-что писать и работать, и на том спасибо судьбе, а хорошо — этого никогда больше не будет.

Интересно, как прошла у Вас теоретическая конференция о реконструкции прошлого. Её можно было сделать очень интересной, а можно и совершенно пустой — при тенденциозности реконструкций, ныне свойственной не только в политических горизонтах, но и практически во всех науках. Чем сильнее у нас развивается комплекс неполноценности, тем яростнее мы стараемся унизить предков и замарать прошлое — психологически это вполне понятно Что же касается палеонтологии и исторической геологии — тут это труднее, зато и приглушено отсутствием интереса: изюминки опорочивания нет!

Весьма хотелось бы поговорить с Вами о многом, о чём в письме надо писать целый трактат, но Вы не появляетесь в Москве, а меня не пускают в Ленинград. Впрочем, может быть, и пустят летом: — какие у Вас планы на летние Ваши каникулы?

Вас я часто вспоминаю, и привязанность моя к Вам неизменна, но, естественно, ежели годами не видишься, то трудно сразу найти общую линию в мыслях, как прежде.

Надо сказать, что с годами, да и с моей болезнью, которая может внезапно без всякого предупреждения отправить меня к праотцам, развивается несколько более успокоенный взгляд на вещи и происходящее, чем прежде. Даже обидное разрушение Института, которому отдано столь много, почему-то не огорчает, — вероятно, так надо в общем процессе научной деградации, сопряжённой с тем, что мы знаем всё больше о всё меньшем числе вещей, тонем в устаревающей информации и хватаемся за непрочную верёвку точных наук, в самом названии которых заключен громадный обман.

Ну я всё же расфилософствовался. Ещё раз сердечный (не от плохого) привет Александре Ивановне и Вам от нас обоих.

Хоть и не любите, а всё же при случае — пишите.

Неизменно Ваш *И. Ефремов*

32 П. РОБИНСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лондон
25 мая 1968 г.

Many thanks for your kind letter. I don't have many photographs of myself as I am usually the one behind the camera. I am having prints made of the few I have — will send them soon. I presume that you would prefer to have a photograph in the field in working clothes. Alas my working clothes are not as graceful as Mary Anning's — but I am flattered to be in her company — Dr. Dorothy Rayner's.

All good wishes
Pamela L. Robinson

Большое спасибо за Ваше теплое письмо. К сожалению, у меня немного личных фотографий, поскольку обычно я нахожусь по другую сторону объектива. Сейчас я заказала отпечатки нескольких. Как только они будут готовы, я их отошлю Вам. Полагаю, что Вам подойдёт фото в поле в рабочей одежде. Увы, моя рабочая одежда не настолько изящна, как одежда Мэри Эннинг, но мне приятно быть в компании доктора Дороти Райнер.

С наилучшими пожеланиями,
Памела Л. Робинсон

Перевела Евгения Пигаркина

33 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
28 мая 1968 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

С большой благодарностью возвращаю статью из «Московской правды», которую уже использовал.

Также посылаю пасквиль на систему иогов, с чувством отвращения перепечатал её для себя. Хочу её продумать и послать письмо студентам.

Закончил перепечатку гл[авы] XVI лекций. Перевод Ф. П., не имея на руках подлинника, не рискнул серьёзно корректировать. Глава интересна по содержанию. Невольно вспоминаются слова Н. Бора, сказанные им по поводу предложенной Гейзенбергом теории элементарных частиц, что он эту теорию не принимает, т.к. она недостаточно «безумна»! Глава XVI предлагает нашему вниманию «безумные» идеи о времени и пространстве. Меня эти идеи устраивают. Конечно, их следует тщательно продумать, чтобы дать подробный анализ.

На очереди перепечатка для Вас Беннета — «Субуд»[1]. Думаю, что недели через две смогу прислать.

Читаю книгу этого каббалиста, и какое-то тяжёлое чувство овладевает во время чтения. Всё-таки израильтяне — сатанисты. Прочёл «Письма». Первое впечатление не очень-то хорошее. Что-то от Блаватской и Безант... Перечитаю ещё раз, тогда напишу подробнее. Печатаю на этой самой новой машинке «Консул». Шрифт мне нравится. Хорошо убористый текст. Печатаю через строчку, а

вот как выглядит через две строчки.

Прошу передать (если Вы не возражаете) моё полное очарование женственностью и умом Таисы Иосифовны. Большое ей спасибо за приём. Что же касается Вашей племянницы, то мне кажется, по справедливости, следующий раз всё-таки мы с Вами должны делить поровну.

Сердечно Ваш, целую почтительно ручку Т. И. —
Саблезубый Тигр

Д. МЕЛЛЕТТ — И. А. ЕФРЕМОВУ

34

31 мая 1968 г.

New York University
Washington Square College of Arts and Science
Washington Square, New York, N. Y. 10003 U. S. A.
Area 212-777-2000
Department of Geology

Dr. I. A. Efremov
Paleontological Institute
Academy of Sciences of the U. S. S. R.
33 Lenin Prospect
Moscow V-71, U. S. S. R.

Dear Dr. Efremov:

In September, 1968, New York University will offer a course in vertebrate evolution for undergraduates and graduate students in biology, geology and anthropology.

I am attempting to build up a collection of papers that would be available for students taking the course.

If you have any spare reprints of papers in vertebrate paleontology, vertebrate evolution on related topics, would you kindly send them to me?

I will be extremely grateful for any material you can supply.

Sincerely yours,

James S. Mellett
MD,
Assistant Professor of Geology

[1] Дж. Г. Беннет. О Субуде.

Нью-Йоркский Университет
Колледж Наук и Искусств
Площадь Вашингтона, Нью-Йорк, N. Y. 10003, США
Телефон 212-777-2000
Факультет геологии

Доктору И. А. Ефремову
Палеонтологический институт
Академии наук СССР
Ленинский проспект, 33
Москва В-71, СССР

Уважаемый доктор Ефремов!

В сентябре 1968 года в Нью-Йоркском университете начнется курс лекций по эволюции позвоночных для старшекурсников и аспирантов, специализирующихся по биологии, геологии и антропологии.

Я составляю подборку учебных материалов для студентов курса.

Если у Вас есть лишние оттиски статей по палеонтологии позвоночных, эволюции позвоночных или смежным темам, не могли бы Вы прислать их мне?

Буду Вам крайне благодарен за любые материалы, которые Вы сможете предоставить.

Искренне Ваш
доктор Джеймс Меллетт,
преподаватель геологии

Перевела Юлия Хоменко

35 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
2 июня 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your letter dated May 17th 1968. I had just written to you, so our letters crossed again, but I am always glad to hear from you.

I wrote at once to Rodney Books about "Le Diable" by R. Villeneuve. They say that they can get a copy but that nothing is coming from France at present, owing to the general strike there.

However, they offer to send you a copy as soon as things get back to normal and I have just written instructing them to do this. Probably there will be a considerable delay. But I hope that the book does reach you some time and that you find it useful. "Satanism" is not in my line at all! I am afraid that I should not be able to understand the philosophy in the book which you are planning to write.

You write sadly about old people who get left alone and indeed old age is less well provided for now than formerly. Here, there are many "Old Peoples Homes" of varying degrees of comfort and some of them are very good. But it is often difficult to find a suitable one because there are too many old people in this country now! My own hope is to be able to look after my husband to the end and not to last long after that. But we are fortunate in having two daughters who would always help as much as possible. The elder one, who farms, is of course not able to do much but

the "Geological" one does manage to come quite often and also keeps a kindly eye on her Mother-in-Law.

I hope that you soon get a good report from the editors about your book "The Hour of the Bull" and that it does not have to be "seasoned" for long. It must be very disappointing to have to wait long for the publication of a book which has occupied your time and interest for a big period.

Thank you for the promise of the book about churches and palaces of the Kremlin. I expect it will come along soon now. But please do not send me any more books — we have not room for any more and I get very little time for reading or even for looking at pictures. And I am bound to get less and less free time as I get older and slower and my husband needs more help and attention.

We have had a spell of warmer weather than is usual so early in the summer and now it is beginning to feel rather oppressive — thunderstorms foretold for tomorrow which is a public holiday!

I wonder how much you hear about the upheaval in France. Gen de Gaulle is a wonderful man but he does not seem to have realised how great the discontent has been and still is.

My husband joins me in best wishes and greetings to you and your wife and I shall look forward to hearing good news of the "Hour of the Bull". Also I will make some enquiries about books on South Africa — I have one friend, now in this country, who spent some years at the University of Cape Town.

Yours very sincerely
Katharine M. Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо Вам за письмо, датированное 17 мая 1968 г. Я только что написала Вам, так что наши письма снова разминулись, но получению известий от Вас я всегда рада.

Я сразу же написала в «Родни букс» насчёт «Le Diable» Р. Вильнёва. Они говорят, что могут выслать книгу, но сейчас из Франции почта не доходит вследствие тамошней всеобщей забастовки.

Тем не менее, они предлагают выслать Вам копию, когда всё заработает, и я только что поручила им так и поступить. Вероятно, будет немалая задержка. Но надеюсь, что рано или поздно книга доберётся к Вам, и Вы найдёте её полезной. «Сатанизм» вообще не по моей части! Боюсь, что буду не в состоянии понять философию книги, которую Вы планируете писать.

Вы с грустью пишете об одиноких стариках, и, действительно, старость сейчас не так хорошо обеспечена, как раньше. Здесь у нас много «домов престарелых» различной степени комфортности, некоторые весьма удобны. Но найти подходящий зачастую трудно, так как в нашей стране сейчас слишком много стариков! Сама я надеюсь, что буду в состоянии заботиться о муже до конца и не задержусь надолго после него. Однако нам повезло в том, что у нас две дочери, которые всегда помогают по мере возможностей. Старшая, та, что занимается фермерством, конечно, не в состоянии оказать большую поддержку, но «геологическая» дочь ухитряется довольно часто навещать нас и к тому же присматривает за своей свекровью.

Надеюсь, что скоро Вы получите благоприятный отзыв редакторов о Вашей книге «Час Быка», и что она не будет долго «мариноваться». Должно

быть, очень досадно долго ждать публикации книги, на которую было затрачено столько времени и сил. Спасибо за обещанную книгу о соборах и дворцах Кремля. Ожидаю её в скором времени. Но, прошу Вас, больше не присылайте мне книг — для новых у нас уже нет места, да и времени для чтения или даже разглядывания фотографий у меня очень мало. И в дальнейшем свободного времени будет всё меньше и меньше, так как я не молодею и становлюсь медлительнее, а муж всё больше нуждается в поддержке и внимании.

У нас стояла тёплая погода, обычная для начала лета, но сейчас нарастает довольно гнетущее чувство — на завтрашний праздничный день обещана гроза!

Интересно, насколько Вы осведомлены о потрясениях во Франции. Генерал де Голль — замечательный человек, но он, кажется, не понял, насколько велико было и остаётся недовольство.

Муж присоединяется ко мне в наилучших пожеланиях и приветствиях Вам и Вашей жене, а я буду с нетерпением ожидать хороших новостей о «Часе Быка». Также произведу некоторое расследование по книгам о Южной Африке — у меня здесь, в Англии, есть друг, который провёл несколько лет в университете Кейптауна.

С искренним уважением,
Кэтрин М. Уотсон

Перевела Мира Покорук

36 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
4 июня 1968 г.

Многоуважаемая Галя!

Поздравляю Вас с окончанием КХСШ[1] и с успехами. Теперь надо пройти барьер в ВУЗ. Недели через полторы я напишу письмо ректору, чтобы хоть чем-нибудь помочь в этом преодолении.

А сейчас — отдыхайте, набирайтесь сил, готовьтесь.

Что касается экслибриса — не старайтесь. Мне больше всех нравится Ваш третий вариант, тот, где Таис стоит с краю, с тонкой талией и сильной крутизной бедер — это как раз соответствует её происхождению с Крита.

Это тот, который я послал Вам в последнем письме, и там ничего более делать не надо, только заменить буквы «ex libris» на «из книг» Ивана Ефремова. Будет время — вырежете его сами, не будет — я закажу вырезать или цинкографировать (это хуже) здесь. Во всяком случае, это именно то, что требуется, и от добра добра не ищут.

Не заботьтесь об этом сейчас. Сердечный привет Вам и Вашим родителя от нас обоих с Таисой Иосифовной

Искренне Ваш
И. А. Ефремов

P. S. Написал и обнаружил, что забыл ещё один Ваш вопрос. Роман мой готов и сейчас читается в столичных редакциях, но у меня есть сильное опасение,

[1] КХСШ — Киевская художественная средняя школа.

что ему придётся полежать — не ко времени сейчас сложная философия. Что до печатания его в «Знання та Праця» — не знаю, пока не будет решён с ним вопрос здесь, я не могу предпринимать ничего у вас в Киеве. Прислать же для прочтения, пришлю и Вам, и Олесю Павловичу, но погодя — нет экземпляра, да и Вам сейчас читать 620 страниц некогда — уж после экзаменов видно будет. Конечно, было бы хорошо, чтобы рисунки сделали именно Вы, я бы лучшего и не желал, однако ещё до рисунков тут надо решить некоторые чисто стратегические вопросы.

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 37

Москва
4 июня 1968 г.

Дорогой Борис!

Очень рад, что Вы наконец где-то осели и получили твёрдый адрес с пропиской. Ругал Вас, почему в Ваш критический месяц Вы мне не написали об этом. Хоть я и не на коне сейчас, но рублей пятьдесят всегда мог бы послать Вам без скорой отдачи, вернее, насовсем, и это дало бы Вам передышку для лучшей ориентировки. Жаль!

Возвращение к здоровой жизни, конечно, хорошо, но пока малоперспективно — среда не та. Впрочем, ежели скоро оформят на «загранку», тогда не беда, а ежели нет, то надо будет подаваться куда-нибудь ещё.

Неудачный штурм Киева оставил свои следы на Вас, и пройдёт лишь некоторое время, пока эти раны заживут. От прежнего искателя нового и собирателя венка (в Гриновском смысле) мало что осталось (в смысле цели, точнее, дальнего прицела). Поразила меня Ваша жалоба, что свадьбу нельзя как следует справить, и Лариса вследствие этого совсем упала духом (очевидно, это Вы ей внушили?). Для меня это прозвучало немыслимой чепухой (простите за прямоту, но ведь я всегда так писал Вам) и деревенщиной. Не говоря уже о нашем поколении, вся наша молодёжь кругом — Аллан, Славка с Андреем, другие, которых Вы ещё не знаете, никаких свадеб не справляли, регистрировались, выпивали бутылку шампанского, и дело с концом. А в последнее время заселившая город деревня стала справлять свадьбы, чтобы было всё как у людей, (ненавижу эту формулу) — залезают в долги на пять лет, чтобы разношёрстное сборище в полсотни человек жрало, пило, ругалось, блевало, обсуждало жениха и невесту и недовольное расходилось, чтобы более никогда не встретиться. Большей чепухи для интеллигента немыслимо придумать. Свадьба всегда дело интимное, куда допускается лишь малое число близких друзей, и уж никак не повод для жранья и пития.

Я навалился на это замечание о свадьбе, потому что оно кажется мне тревожным симптомом некоего духовного одичания славного моряка, книжника и романтика, пусть немного нелепого, пусть донкихотствующего, но именно такого. А этих других — их много. К сожалению, и мой собственный сын, съездив два раза за границу (он только что вернулся из Сирии), стал забывать про книги и всё чаще говорить насчёт барахла! Конечно, это век такой, и окружение влияет, но всё же чем меньше этому поддаваться, тем лучше. Иначе легко попасть в нелюди, а оттуда обычно не выбираются.

Может быть, мне с моей смертельной сердечной болезнью и ограниченным сроком пребывания на этой земле всё кажется под иным углом зрения — допускаю. Но ведь этот угол зрения прежде был и Вашим…

Прочитал Ваш рассказ, и, если бы он был другого содержания, послал бы его в какую-нибудь редакцию. Но с летающей тарелкой надо сейчас писать или на более сложном уровне, или — рассказ проваляется в редакции неограниченное время. Написано в языково-стилистическом смысле не худо — я и раньше говорил, что писать Вы сможете. Однако надо попробовать себя на теме задушевной, той, которая Вас глубоко затрагивает, и тут будет видно, на что Вы способны.

Прислать рассказ Вам обратно или оставить пока у себя? Я льщу себя надеждой, что нам удастся повидаться и поговорить — в письме всего не напишешь — и все за и против не рассмотришь.

Быть может, ежели примут роман мой к печати и впереди будут денежные возможности, мы поступим так, что я пришлю Вам на самолёт сюда и обратно, Вы прилетите на пару дней, и мы обсудим «за жизнь».

В июне и, наверное, июле я буду в Москве, пока будет решаться судьба книги. Боюсь, что пока она не пойдёт, сейчас момент неблагоприятный для умствований на социальную тему, да ещё с концепцией инферно.

Душевный привет Вам и Ларисе от меня, Таси, Марафеда. Глория и Андрей шлют привет тоже. Они Вам писали, но не получили ответа — вероятно, с Вашими переменами адресов письмо утратилось.

Пишите почаще, чтобы связь не обрывалась и я был в курсе Ваших дел.

Всегда Ваш
И. Ефремов

38 Э. КОЛБЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Нью-Йорк
5 июня 1968 г.

Dear Dr. Efremov:

Miss Betse Matthew, a niece of my wife and myself, and a granddaughter of Dr. W. D. Matthew, with her friend Miss Danielle Shepherd, will be travelling and studying in Russia this summer with a group from the Georgetown Institute of Russian Studies. Most of their time will be spent in Leningrad. However, they expect to be in Moscow, and I have suggested that they pay a visit to you if that is possible. I know that any help or courtesies that you may wish to extend to them will be much appreciated.

As ever with best wishes,
Most Sincerely,
Edwin H. Colbert

Дорогой доктор Ефремов!

Наша племянница и внучка доктора У. Д. Мэтью мисс Бетси Мэтью с подругой, мисс Даниэль Шепард, этим летом приедет в Россию в составе группы из Джорджтаунского института русских исследований[1]. Большую часть времени они будут в Ленинграде. Однако они собирались выбраться и в Мо-

[1] Ныне центр евразийских исследований, институт в составе Джорджтаунского университета.

скву, и я предложил им нанести Вам визит, если это возможно. Уверен, любое внимание, которое Вы сможете им уделить, будет воспринято с большой благодарностью.

Как всегда, с наилучшими пожеланиями,
Эдвин Г. Колбер

Перевела Лариса Михайлова

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
5 июня 1968 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

It is with a very heavy heart and sense of despair for the human species that I am writing, for as you know, last night, the mania of assassination took over once again in Los Angeles. We don't know the outcome yet and can only fervently hope that this was an unsuccessful attempt. It is hard to know what has come over the world, in its relinquishing of sense and morality for violence. It seems to be everywhere, so pervasive that some general, deep lying cause must be found, or else I cannot see it being calmed by anything but a world shaking paroxysm. But, enough of this.

I was going to write you today a very happy letter, for mostly things have been looking up and I have shaken off the depression that had me when I last wrote. Tomorrow I am heading out for several weeks in the field in Oklahoma, Texas and Utah. I have a new Jeep and the pick-up truck as vehicles and have hopes of some real successes. I will be trying some new San Angelo outcrops in Texas, after finishing up some quarry work in Oklahoma. Then I am going into the very high Permian, or possibly lowest Triassic, on the bare chance that something may turn up. The prospects are not good, but worth a chance.

I greatly enjoyed your last letter. I must report, however, that it won't be possible for us to come to Russia this summer. The reason, which has been holding up plans, is that my wife's mother, who is 79, is not in good health, having deteriorated rather rapidly lately and we don't feel that she can be left for any extended period. Right now she is waiting for some biopsies from the hospital, but it would seem that the main problem is basically age and that her circulation has dropped into a very sluggish state. So, sad as it is, we will have to put it off until next year, and leave that marvellous wine untouched. I will keep and continue to enjoy reading the books on your cities that you have sent.

I have obtained, finally, and read with enjoyment Marston Bates' Gluttons and Libertines and am sending it along to you. I meant to bring it with me today and get it off, but I somehow forgot, so it will be a few days.

I am very sorry to hear about Peter's wife and her hearing problems. We have obtained literature from three firms, each of which is very good, and I am sending this to you. I hope that there will be something of interest in it. We talked to the three companies by telephone and each wanted all sorts of particulars, tests, and so forth.

So I know that they will want any information that can be given. I do hope that this works out and is of help.

I sent some papers a while ago and hope that they have arrived by now. Most of my time has been put in on the book I am trying to do and it is proving a long and difficult task, but I am making progress. I hope it will be completed in about a year. I am trying to put into it ideas and concepts and the sort of syntheses based on the record that are not usual in texts. I hope it works out as I am planning.

Your new book sounds like a monumental undertaking and I knew the immense amount of work that goes into such a thing. I will look forward to its publication and will try to make my way through it when a copy is available.

I had a short letter from Peter soon after yours arrived and was very glad to hear from him. I do wish that matters were better there for SVP. It is on the move here at present. How long this will continue is hard to judge, for as everywhere, the pendulum seems to be madly swinging between the fringe avant guard and the ultraconservative. Funds are certain to be less available in the next years. I am not too sure that this may not be healthy, and I am by no means sure that the affluence under which our current youth has grown up is not back of much of their disillusion. I know I would not have missed the years of struggling for "10 cents for a beer" or "a nickle for a coke and 15 centes for a movie". I have a notion that tighter times are coming.

I have three students getting their PHD's under me this year, two in VE, one on Eocene mammals, one on a Permian amphibian, and one, believe it or not, in palynology. I am happy to say that each has been placed in a very suitable position where he will be able to use and develop his talents. These are three of the very best and I have hopes for them as they jointly work with the others that have come from here.

Well, this has been at least fairly pleasant, and it is a nice interlude to write to one who has the depth of understanding and appreciation for the world and its peoples that you do. If you should decide to resign from the human species, let me know and I'll join you, but as long as you stick it out, I guess that I can as well. Whenever, I use "I guess" I think of Professor Orlov, who thought it so delightfully American.

Please give my very best to your wife and any of your family that may be about. We are so sorry we can't come this year, but I hope that next year it will be different. I will be writing to Peter soon so if you see him say hello for me, good luck on getting on with his dissertation, and so on. I have not heard of your health for some time. I do hope that this means that it is at least not causing you too much difficulty.

My very best regards,
as ever, your friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Чикаго, Иллинойс
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Пишу с очень тяжёлым сердцем и разочарованием в роде человеческом, потому что, как Вам известно, вчера вечером в Лос-Анджелесе вновь проявилась

мания убийства[1]. Исход покушения ещё не известен, и мы только сильно надеемся, что оно не было успешным. Что происходит в мире, где ради насилия отбрасывают разум и совесть? Причём это настолько всепроникающее свойство, что требуется отыскать его глубинную причину, в противном случае не знаю, сможет ли его обуздать что-то кроме мирового пароксизма. Но хватит об этом.

Собственно, я собирался написать очень радостное письмо, потому что в основном всё шло хорошо, и я освободился от подавленного состояния, в котором писал предыдущее. Завтра я еду на несколько недель в поле — в Оклахому, Техас и Юту. У меня новый джип и пикап, и я полон надежд на успех. Завершив раскопки в карьере в Оклахоме, начну копать обнажения Сан-Анджело в Техасе. После чего займусь верхом перми, либо, возможно, самым нижним слоем триаса, — тут можно надеяться на улыбку удачи. Перспективы не очень хорошие, но попытаться стоит.

С огромным удовольствием прочёл Ваше последнее письмо. Но должен сообщить, что приехать в Россию этим летом нам не удастся. Причина, по которой мы долго не могли определиться, связана с нездоровьем матери моей жены: ей сейчас 79 лет, и в последнее время она стала быстро слабеть, отчего оставлять её надолго мы не можем. Сейчас она ожидает результатов биопсии, но представляется, что дело, скорее всего, в возрасте и крайнем замедлении кровообращения. Поэтому, как ни прискорбно, придётся отложить поездку до будущего года, и ту бутылку чудесного вина оставить нераскупоренной. Продолжу пока знакомиться с городами по присланным Вами книгам.

Наконец я купил и с наслаждением прочёл «Обжор и либертинов» Марстона Бейтса, после чего посылаю Вам. Собирался принести с собой и отправить прямо сегодня, но не захватил, поэтому отошлю через несколько дней.

Очень сочувствую жене Питера, у которой возникло расстройство слуха. Мы собрали информацию трёх фирм, очень приличных, и направляем вам. Полагаем, что можно будет что-то подобрать. Мы разговаривали с каждой из фирм по телефону, но всем необходимы были результаты анализов и т. п. Поэтому важно дать более подробную информацию. Надеюсь, это поможет.

Некоторое время назад я отправил Вам несколько статей — вероятно, они уже дошли. Сейчас большую часть времени я трачу на написание книги, что сделать оказалось сложнее, чем я предполагал, но дело движется. Планирую завершить её примерно за год. Я вкладываю в неё мысли и концепции, а также обобщающие соображения на основе данных, которые обычно в тексты такого рода не попадают. Хочется верить, что задуманное удастся осуществить.

Ваша новая книга представляется монументальным предприятием, требующим переработки колоссального материала. С нетерпением буду ожидать публикации книги и постараюсь прочесть до конца, когда получу экземпляр.

После Вашего я получил ещё короткое письмо от Питера, чему был весьма рад. Хотелось бы, чтобы дела с изучением палеонтологии позвоночных обстояли лучше. У нас сейчас в этой области наблюдаются подвижки. Сколько это будет продолжаться — судить трудно из-за повсеместного шараханья то к крайнему

---

[1] 4 июня 1968 года в Лос-Анджелесе было совершено покушение на кандидата в президенты от Демократической партии Роберта Кеннеди, который 6 июня 1968 года скончался от ран.

авангарду, то к ультраконсерватизму. Нет сомнения только, что с финансированием ближайшие два года легче не станет. Кстати, тут нельзя утверждать однозначно, что это не может оздоровить ситуацию, ведь кто знает — вполне вероятно, что теперешнее недовольство молодых людей в значительной мере вызвано тем изобилием, в котором они росли. Но я бы ни на что не променял годы, когда мы с трудом наскребали 10 центов на пиво или кока-колу и 15 центов на кино. Чувствую, что надвигаются более тугие времена.

В этом году у меня три аспиранта — двое пишут диссертации по позвоночным (один по млекопитающим эоцена, другой по амфибии пермского периода), а третий — как ни удивительно — по палинологии[1]. Радует, что каждому смогли предоставить должность, на которой он сможет применить и развить свои способности. Это самые способные молодые исследователи, надеюсь — они смогут проявить себя в совместной работе с остальными сотрудниками.

Что ж, по крайней мере, это довольно приятный предлог написать человеку, который обладает столь глубоким понимаем мира и живущих в нём людей, как Вы. Если же Вы отчего-то решите покинуть род человеческий, прошу сообщить мне заранее, чтобы я мог присоединиться, но пока Вы держитесь — полагаю, буду и я. Каждый раз, когда я говорю слово «полагаю» — «guess» — то вспоминаю профессора Орлова, который считал его «очаровательно американским».

Прошу передать наилучшие пожелания Вашей жене и близким. Нам очень жаль, что не смогли приехать в этом году, но надеюсь, что на следующий год ситуация изменится. Скоро напишу Питеру, поэтому если увидите — передавайте ему от меня привет, пожелания удачи с работой над диссертацией и т. п. Некоторое время не было никаких новостей о Вашем здоровье. Надеюсь, это означает, что оно не доставляло сильных хлопот.

Самые наилучшие пожелания,
всегда Ваш друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

40 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

12 июня 1968 г.
52 Sollershott Hall
Letchworth, Herts.

Dear Ivan Antonich,

Diana is waiting for her visa to visit her parents, so I'll be a month or so without her — a melancholy prospect. I don't dare move very far away from my doctor for the time being — he gives me pills which do a great deal for my stomach. So I won't be doing much travelling this year, I'll see a bit of England instead. My health is excellent now but I have disagreeable stomach symptoms (nerves?) which sometimes (like today) make me feel wretched. I am sorry to talk so much about my health — I'm like an old hypochondriac.

The weather is beautiful here and has been for days: I've been showing Diana London. It's a pity about Chavchavadze, if I find another copy I'll send it of course.

[1] *Палинология* — изучение пыльцы.

I've ordered your latest three requests. I've managed to get "The History of the Nude in Photographs" and I'll be sending it soon.

Wheatley's best black magic book is "The Devil Rides Out", They've made a poor film of it recently.

I didn't enjoy he last part of "Snail" at all — a curious mixture of Lem and Kafka. I still admire the first part very much!

Yours Ever
Alan Myers

Соллершотт Холл, 52
Летчворт, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Диана ждет визы, чтобы навестить родителей, поэтому я буду без неё месяц или больше — довольно мрачная перспектива. Пока что я не решаюсь удаляться от моего доктора — он даёт мне таблетки, которые помогают желудку. Поэтому я не буду далеко уезжать в этом году, вместо этого поезжу по Англии. Здоровье у меня сейчас отличное, но иногда бывают неприятные ощущения в желудке (может, нервы?), например, сегодня я из-за этого чувствую себя ужасно. Извините, что так много говорю о своих болезнях — я старый зануда.

Погода у нас стоит хорошая и уже давно, я показывал Диане Лондон. Насчет Чавчавадзе жаль, если найду — постараюсь послать ещё один экземпляр. Я заказал три книги из вашего последнего заказа. Мне удалось достать издание «История фотографии: обнаженная натура», скоро отошлю.

Последняя книга Уитли по черной магии — «И исходит дьявол»[1], по этой книге сделали плохой фильм.

Последняя часть «Улитки» мне совсем не понравилась — странная смесь Лема и Кафки, но первая часть мне по-прежнему нравится!

Всегда Ваш
Алан Майерс

Перевела Лариса Михайлова

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

41

Вашингтон
18 июня 1968 г.

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GEOLOGY

Dear Professor Efremov:

Have just received from you 3 fairy tales, and 2 prints by Yacobson. Thank you very much. I also received Orlov's, V mire drevnikh zhivotnykh. All are very

[1] «И исходит дьявол» (The Devil Rides Out, 1935, перевод на русский «Против Тьмы») о сатанистах считается наиболее заметным достижением Денниса Уитли в области мистического триллера. Упомянутый английский фильм Теренса Фишера вышел на экран в 1968 г.

much appreciated. I of course am very much interested in your article on paleo and cosmic research, and will be very pleased to receive it from Dr. E.C. Olson.

The article on taphonomy ran into some red tape and was not included in this semester's issue of the Matrix magazine. Will submit it elsewhere, but can not promise its acceptance for publication.

I have just seen the picture "War and Peace" produced in USSR. As you know, it is in two parts, 6½ hours in total. This movie rendition of Tolstoy's novel ran here into heavy criticism, especially for its technical inadequacy. Many, however, profited from it greatly, since the novel is so complex that a pictorial representation of it cleared up many misunderstandings.

I would like to ask you a straight question: why is there no index in any of the Soviet technical, or any other, texts? Very often it is almost impossible to trace a subject, a term, etc., back into text, and the table of contents is too general for this purpose. I also run into difficulty with many russian terms, which are not in any of the existing Russian-English dictionaries. A sample of such, for example, include: glint — ?; slanets — in one of your dictionaries it is translated as shale, slate, or schist... But as you know slanets can not mean all of these; sel'ga — ?; nadpoymennye terrasy — ?; opokovidnye peschaniki — ?; are the terms: karbonnyy, karbon, ugol'nyy, all synonyms for the Carboniferous Period?; donnaya (osnovnaya) morena — ?; zona karelid Karelii — ?; ...na uchastke voyskikh meandr...?; what is the difference between: a) progib — vpadina — depressiya, b) podnyatie — vystup — val — gryada — kryazh — ustup...many times I think they are used interchangeably, which is confusing; vrezannye meandry — are these incised or entrenched meanders...the two are not the same; termoabrasiya — ?; zheleznaya varaka — ?; vannovyy landshaft — ?, etc.

This is a tall order, and I will greatly appreciate your help. But, please, however, do not feel obligated to spend your time on these.

On February the 23rd, Olga gave birth to another boy, Nicolas. She had no trouble in delivery and the boy was born healthy. Unfortunately, however, the infant died in 24 hours, from a supposed congenital heart desease. I am still uncertain about the correctness of the diagnosis, since the child was born healthy and behaved properly for a long time in the nursery. The hospital was supposed to have performed an autopsy, but according to them there was a "mix up" and the body was released to the undertakers before the doctors could open him up. There were other post-mortem complications with the hospital administration and doctors. Finally, discouraged, I left the matter unsettled, obviously very dissatisfied and grieved. Thus we still do not know for sure why Nicolas died! Olga is now fine, but it still is difficult for her to accept the fact that she had a son who now lies in a grave...

Sasha, however, is the joy of our life. Needless to say, we love him even more. He is now 2 years and 2 months old. Since both of us work, we enrolled him in a nursery school. He has no trouble talking or expressing his wishes, and he understands everything... as a matter of fact, he talks too much. We hope by the time he grows up, this mixed up world of ours, will be a better place to live on. The way some members, or even groups, of our great society behave, one would think that mankind is deteriorating.

We are very happy in our small house, event hough there is much work involved with it. I like carpentry and handwork, so I spend much time in my work shop.

At the end of this week we all are leaving for our summer vacation to the shores of North Carolina, the same place where Olga and I spent our honeymoon (medovyy

mesyats). The vast sandy beaches with many shells, and deserted islands with dunes, bitdes[возм. — tides], and ship wrecks should be a paradise playground for Sasha.

Regards to you from all of us.

Sincerely yours, with respects,
G. Rabchevsky

Университет Джорджа Вашингтона,
Факультет геологии

Дорогой профессор Ефремов!

Только что получили от Вас три сказки и два оттиска Якобсон. Большое спасибо. Я также получил «В мире древних животных» Орлова[1]. Мы очень ценим Вашу заботу. Несомненно, Ваша статья о исследовании палеомира и космоса мне очень интересна, и я буду очень рад получить её от доктора Эверетта Олсона.

Статья о тафономии погрязла в некоторых местных неувязках и не сможет быть напечатана в журнале «Мейтрикс» в этом семестре. Я постараюсь подать её в другие журналы, но там гарантировать ничего нельзя.

Недавно посмотрел советский фильм «Война и мир». Как вам известно, он в двух частях, идёт в целом 6 с половиной часов. Эта экранизация романа Толстого у нас подверглась суровой критике, особенно по причине технических несоответствий. Однако многим киноверсия послужила на пользу, немало прояснив в этом сложном романе.

Хочу спросить Вас прямо и без обиняков: почему в советских технических и прочих текстах нет предметных указателей? Из-за этого почти невозможно отыскать ту или иную тему, термин и т. п. в тексте, содержание для этого не подходит, ибо слишком общее. Ещё немалые затруднения мне доставляют русские термины, не отражённые ни в одном из существующих русско-английских словарей. Приведу небольшую выборку: глинт[2] — ?; сланец — в одном из ваших словарей он переводится как shale[3], slate[4], или schist[5]... Но, как вам известно, «сланец» не может означать всё это сразу; сельга[6] — ?; надпойменные террасы — ?; опоковидные песчаники — ?; являются ли термины карбоновый, карбон и угольный все синонимами для обозначения каменноугольного периода?; донная (основная) морена — ?; зона карелид[7] Карелии — ?; на участке войских меандр[8] — ?; в чём разница между: а) прогиб — впадина — депрессия; б) поднятие — выступ — вал — гряда — кряж — уступ[9] ... зачастую мне кажется, что этими словами пользуются

---

[1] Орлов Ю. А. В мире древних животных. М., 1961. — С. 192.

[2] *Глинт* (от дат. Klint — уступ) — геологическое образование, уступ, обнажающий породы предыдущего геологического периода.

[3] *Shale* — глинистый сланец.

[4] *Slate* — аспидный сланец, глинистый сланец.

[5] *Schist* — аспидный или кристаллический сланец.

[6] *Сельга* (от олонецкого selgū — спина, кряж) — лесистый кряж.

[7] *Карелиды* — область докембрийской складчатости.

[8] *Войские меандры* — изгибы рек в Войских Горах — озёрно-ледниковой гряде, термокарсте, по правому берегу р. Великой.

[9] В тексте письма почерком И. А. Ефремова над терминами этой последовательности надписано по-русски уточнение: поднятие — вообще, выступ — односторон., вал — искус., гряда — узкая, кряж — горн. хрб., уступ — не <неразборчиво. — *Ред.*> в обрыв.

как взаимозаменяемыми, и это путает; врезанные меандры — это incised[1] или entrenched меандры, они не могут быть и тем, и другим одновременно; термоабразия[2] — ?; железная варака[3] — ?; ванновый ландшафт[4] — ? и т. д.

Конечно, я понимаю, что прошу слишком многого, но был бы очень признателен за помощь. Впрочем, прошу ни в коем случае не видеть тут никакого обязательства и не тратить своего времени на это.

23-го февраля Ольга родила ещё одного мальчика, Николаса. Роды прошли без осложнений, и мальчик родился здоровеньким. Но, к несчастью, младенец скончался через сутки, как предполагают — от врождённого порока сердца. Я до сих пор не знаю точного диагноза, потому что ребёнок родился здоровым и долго вёл себя нормально в детской. Больница была должна провести вскрытие, но, по их словам, случилась какая-то путаница, и тело отдали похоронному бюро прежде, чем врачи успели приступить к вскрытию. И это было не единственным осложнением с администрацией больницы и врачами после смерти малыша. В конце концов, потеряв надежду что-то выяснить, я отступился, переполненный печалью. Поэтому мы до сих пор так и не знаем, отчего умер Николас! Ольга восстановилась после родов, но ей по-прежнему трудно принять тот факт, что она родила сына, который теперь лежит в могиле…

Саша, тем не менее, истинная радость нашей жизни. Наверное, не стоит и говорить, что теперь мы любим его ещё больше. Ему исполнилось два года и два месяца. Поскольку мы оба работаем, мы записали его в детский сад. Он без всякого труда выражает свои желания и разговаривает, всё понимает… собственно, он даже чересчур болтлив. Мы очень надеемся, что к тому времени, когда он подрастёт, наш сумбурный мир станет лучше. Судя по тому, как ведут себя некоторые люди и группы людей повсюду, можно сделать заключение, что человечество деградирует.

Мы счастливы в своём домике, хотя приходится постоянно что-то подправлять. Я люблю плотничать и вообще работать руками, поэтому провожу немало времени за верстаком в мастерской.

В конце этой недели мы все вместе отправляемся на летние каникулы к берегам Северной Каролины, где мы с Ольгой проводили свой медовый месяц. Обширные песчаные пляжи со множеством ракушек, необитаемые островки с дюнами, оставленный волнами плавник и выброшенные на берег остовы судов станут для Саши райской игровой площадкой.

Всем привет от нас.

Искренне Ваш, с почтением,
Дж. Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] Ефремов подчеркнул «incised».

[2] *Термоабразия* — процесс разрушения берегов соместным воздействием прибоя и протаивания.

[3] *Варака* — крутой каменный берег, утес, береговая скала. *Железная варака* — название горы в Мурманской области.

[4] *Ванновый ландшафт* — ландшафт, характеризующийся замкнутыми котловинами, обычно в карстовых областях.

Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

42

22 июня 1968 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Давно не писал Вам, давно не получал от Вас. Сидел как-то я в кино, дают рекламу будущих картин. Народ говорит и скучает. Вдруг диктор объявляет: скоро пойдёт фильм «Туманность Андромеды» (Андромеда — лучше) и показывают в красках впечатляющие куски. Все разговоры кончились, зал сразу впился в экран, а перед этим, при упоминании Вашей фамилии, по залу прошёл приглушённый «О!», означавший, что Ефремова в Хабаровске знают и любят. Мне было приятно, что хабаровцы столько интеллектуальны, и что Ефремов столь популярен даже у Тихого океана.

А вчера в местной краевой газете «Тихоокеанская звезда» (тир[аж] 150 000) была дана критическая статья на водолазов и очень остроумно использована Ваша «Бухта радужных струй». Вырезку прилагаю. Е. Чулков, кандидат наук.

Местная молодёжная газета «Молодой Дальневосточник» просит меня написать о последнем Вашем романе «Час Быка». У меня есть Ваше краткое письмо о начале работы над «Долгой зарёй», затем ещё открытка с сообщеньем о переросте повести в роман с новым заглавием. На это я Вам тогда послал азиатские толкованья «быка», некоторые из которых редки. Дошли ли они?

Не могли бы Вы ответить мне, если можно, на несколько вопросов по «Часу Быка»? Как новое название? Какой объём? О чём? Где будет печататься предварительно? О чём содержание? Где идёт действие? Кто главные герои? Какова главная идея романа? Жанр — приключенья, детектив, фантастика, космос? Какой век действия? Острый ли сюжет? Что Вы думаете писать затем? Что ещё надо сказать о «Часе Быка», о чём я не спросил?

Я был бы очень Вам обязан за эти ответы, если у Вас найдётся время. Осенью будет 10 лет нашего эписто-знакомства.

Как Ваше здоровье? Не собираетесь ли Вы на ДВК? В Индию? Или Египет? Я часто Вас вспоминаю, иногда вынужденно: читаю что-либо из Ваших вещей, или идёт разговор о Ваших книгах, или в кино напоминают, или газеты пишут о Вас. «Лезвие бритвы» неустанно ходит по рукам и остаётся почти совершенно чистеньким: читают интеллы. Смело скажу, что книга вошла в нашу классику, и ей долго жить. Недавно прочёл о Мелихове в «Работнице», видел рисунки и вспомнил Вас. Оказывается, около Москвы есть сносные по красоте места. После Тибета, думаю, нет на Земле ничего Истинно и Потрясающе Красивого. Одни контрасты красок, вызванные полу-пустотой, чего стоят!

Я закончил 45 листов «Арсеньева» (воспоминания). На 1969. Хабаровское издательство чешется: велик объём, и глубоко убыточно. А читателей будет немного: Арсеньевым интересуются мало. Два тома — 1 и 2, в первом 21 лист.

Владивосток прислал договор на 12—15 листов краеведческой книги микро-рассказов (миниатюр) типа «Голубые звёзды». Книгу я назвал «Тигровый камень», взяв сюда старый заголовок от археологической книги, которую берет «Мысль». Тираж будет большой, не меньше 45 000. Владивосток выпускает полное собрание (зэншю) Арсеньева, я в редколлегии, почётно. Сделали зав[едующим] отделом охраны природы краевой газеты, не штатно, всех прошу, никто не пишет: ленив русич на перо, он более проворен на рюмку.

В мае-июне хотел сдать и «Виталий Баневур» (документальная повесть), но не успел, вероятно, июль. Объём 300 стр[аниц] машинки. Для Хабаровска на 1968. Материал новый и интересный. Тут шестеро задумали коллективно писать фантаст-повесть для молодой газеты. Назвались Мак Шубелано, это по методу Кукрыниксы. Я начал и дал две главы, но продолженье застопорилось: юнцы думали, что так легко строчить фантазию. Вероятно, Мак Шубелано распадётся на куски: русичи!

У нас жарко и солнечно, сегодня гелио-макс — 22 июня. «Солнце на зиму, лето — на жар». В Приморье ливни и наводненье. С 5 июля веду две группы студентов Владивосток-университета: пятикурсники и третьекурсники — китайский и японский. Жаль ребят, нет учебников, нет настоящих преподавателей, нет китайцев. Один мой выпестыш уже с 1 октября с. г. начнёт преподавать на первом курсе университета. Мне приятно.

Сижу в купальном костюме за гросс-столом, солнце жжёт через окно с запада, точнее, с норд-веста; лак стола бликует, рядом «Белка», снёсшая вчера одно белого котёнка, на столе микро-баобаб или, как теперь модно, «мини-баобаб», я дома один, жена и Чижик на даче у друзей (она в отпуске), питаюсь одним молоком для здоровья и овощами, здоров как жеребец. Читаю Гражданскую войну да «Совершено секретно» (Наука, 1967), где новые данные о Русско-немецкой войне 1941. Оказывается, мы убили за всю войну всего 1,8 млн. немцев! Только мирного населения потери, согласно книге, 32 млн! Я лишь не понял — нашего или европейского, написано расплывчато. Советую прочесть эту книгу. Кончаю. Желаю Вам и Вашим близким Здоровья, Сил и Всего Самого Лучшего.

Всегда помнящий
Г. Пермяков

43 Е. С. ЗВАНЦЕВА — И. А. ЕФРЕМОВУ

Горький
25 июня 1968 г.

Дорогой Иван Антонович!

Посылаю Вам автореферат, имеющий теперь некую документальную силу. Он вышел много лучше диссертации, половину которой я теперь переписала бы заново. Тем не менее, если Вы хотите прочесть сей пространный труд, я пошлю Вам его в вечное владение. Сейчас этот экземпляр у А. Ф. Бритикова, на днях он пришлёт мне его, и, буде на то Ваше желание, я Вам его отправлю.

Угораздило меня сильно простудиться перед защитой, и потому, вероятно, и сама защита, и дружеский ужин прошли как во сне, а потом я поспешила домой — лечиться, и не заехала в Москву. В конце июля еду в Югославию, так что Москвы мне не миновать. Если Вы будете дома, позвоню. Вероятнее всего, окажусь в Москве на 2—3 суток, от 21 до 23-го примерно.

Брандис и Бритиков много говорили мне про «Час Быка» и просто-таки раздразнили. Может быть, дадите кусочек почитать? Появится ли этот роман в «Октябре» и когда? Хотелось бы мне, чтобы эта вещь затмила Стругацких, а то что-то не по масштабу их вознесли, прямо гипноз какой-то. Даже Евгений Павлович не устоял — раньше трезво их оценивал, а нынче только хвалит. А мне

не нравится, душа не принимает, и дудки. Я добросовестно читаю всё, что они издают, пытаюсь найти что-то созвучное, но не нахожу.

Как читатель я очень соскучилась по Вашим рассказам. Есть ли у Вас что-нибудь, или Вы совсем забросили этот жанр?

Сейчас получила открытку от Гислера, он пишет, что будет у Вас 26-го. Интересно, каков он и понравится ли Вам?

Всего доброго.
Е. Званцева

П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

44

Оринда
2 июля 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Please pardon me for not replying sooner to your letter. As you will see, there has been little free time for correspondence. Nevertheless, I should certainly have thanked you before now for the books you so kindly sent. The two folktales are beautiful, the illustrations have particularly delighted our friends in the "medieval" society; and the nursery rhymes are charming. It was also fascinating to see the Czechoslovakian artist's depictions of moon and planets — very good, of course — and only lately we received the volume of pictures by Rerikh. This was quite astonishing to us, as we had never heard of him before, and it is strange that so fine an artist is not more widely known.

For all of this, we thank you very much. I will try to get more books for you as some small return. You are especially interested. in those about other countries, is that correct? Perhaps by now you have received the science fiction anthology I sent, which contains a number of "Golden Age" stories. I would have gotten you a copy earlier, but had mistakenly believed it was out of print.

Another error of mine was to think that regulations allow only two books per package to your country. On more careful reading, I learned that the limit is simply two copies of the same book, and otherwise no restriction on number. This will make a considerable saving in time, trouble, and money, and let me mail out more than formerly.

Would you care to have a copy of "Dangerous Visions"? It is a large collection of new science fiction stories, written without any of the taboos being imposed that most magazine publishers enforce. The authors were free to write just as they chose, no matter how controversial their material was. Not all the resulting stories are good, but a number are and several are brilliant. However, you may well wish to be spared "experimental" writing in a foreign language!

A propos experiments in this field, we have recently seen the science fiction film "2001: A Space Odyssey". I hope it comes to Moscow — it should, as there is nothing offensive to anyone in it so that you may get a chance to see the really extraordinary special effects. The action begins in the far past with a band of pre-humans, moves to the moon in the next century from this, then out to Jupiter, and ends with a purely symbolic episode that is a beautiful piece of cinematic surrealism.

Well, to turn to more personal matters, I am sorry to learn you have been unwell and hope you are better now. It is pleasant, however, to learn that you finished your book. Congratulations!

For the most part, I have simply had a great deal of work to do this year, but did manage a few recreations. In April, when the schools close during Easter week, our family went to Death Valley. You have probably heard of this: the lowest place in the United States, parts being actually below sea level, in southern California. It is utter desert, and. the name was bestowed by early pioneers who came near perishing there. But actually it has a great deal of beauty and charm if one takes due precautions. There are vast sand dunes, sheer cliffs and canyons, rocks in gorgeous colors, air so clear that at night the sky is packed with stars. In spring time, wildflowers bloom — tiny but exquisite amidst the sagebrush — and the days are not unendurably hot. The nights are cool but not cold; we needed nothing except sleeping bags where we camped. Afterward we went into the high Sierra Nevada country for a few days, tramping about in the snows that lingered there and looking in awe at the giant sequoias. One in particular, each time that I see it — the so-called General Grant tree — always puts me in mind of the mythical Yggdrasil.

Soon after coming back, I took part in another tournament and suffered a broken rib when a slow one got past my shield. The injury was not serious, and has quite healed by now, but it was disabling for a while. As a result, work piled up. I did manage to get away last month for a week of sailing off the southern coast, but really had no right to do it; as punishment, I returned to work some 15 hours a day! Now things are more or less back on schedule, and I can afford the time to take the family to a science fiction convention in Los Angeles this week. It is to be a comparatively small, informal affair; the world convention will be in Berkeley in September.

Because of other commitments, there has been no chance to work further on the historical novel. You see, it is so long that I need months of time with no further obligations — and, naturally, money for us to live on during those months — and. must therefore do other things until there is such a clear time. One of my current projects might amuse you to see, if and when it gets published. It is fantasy rather than science fiction, being based on the premise that magic works. (The reason we have not hitherto found this to be the case is that the magnetic effects of cold iron, electric power lines, etc. inhibit the operations of "paranatural" forces. Eventually some scientist discovers the truth and finds ways to screen off such fields.) But of course, modern technological man simply treats this as another technology; for example, instead, of automobiles and. airplanes, he now rides on broomsticks and flying carpets, instead of television sets he has crystal balls, etc. The hero is a good-natured werewolf, the heroine a licensed witch. At one point in the action, they require the help of an expert on non-Euclidean geometry greater than any now alive, and manage to get it from the saintly spirit of Nikolai Ivanovitch Lobatchevsky. (Reading his biography, I found him to be a remarkable man.) The story is only for sport, of course, not meant seriously.

Now I fear that there is no more time today, and must close with best wishes from our family to yours and the Borodayevskys.

Cordially,
Poul Anderson

Уважаемый профессор Ефремов!

Прошу извинить, что не ответил на Ваше письмо раньше. На переписку было совсем мало времени. В любом случае, мне следовало поблагодарить

Вас за книги. Обе сказки чудесны, а иллюстрации к ним совершенно восхитили наших друзей из «средневекового» общества, ну а детские стишки просто очаровательны. Впечатляют также изображения Луны и планет, выполненные чехословацким художником. Они очень хороши. Совсем недавно мы получили альбом Рериха. Его картины повергли нас в большое изумление, так как ранее мы о нём ничего не слышали. Довольно странным является тот факт, что такой замечательный художник неизвестен широкой публике.

За всё — большое спасибо. Постараюсь достать для Вас побольше книг, чтобы хоть немного отдариться. Вас особенно интересуют книги о других странах, не так ли? Возможно, сейчас Вы уже получили антологию фантастики, которую я выслал. Она включает лучшие рассказы «Золотого века». Я достал бы для Вас экземпляр раньше, но ошибочно счёл, что её больше не издают.

Ещё одна моя ошибка — предположение, что правилами разрешается пересылать в Вашу страну бандеролью не более двух книг. Прочитав же правила повнимательнее, я понял, что нельзя только пересылать больше двух экземпляров одной и той же книги, ограничения же в количестве нет. Это сокращает время, хлопоты и затраты, а к тому же позволит мне отправлять больше книг, чем прежде.

Хотели бы Вы иметь экземпляр «Опасных видений»[1]? Это большой сборник фантастических рассказов, написанных без всевозможных табу, которые обычно навязывает большинство редакторов журналов. Авторы были вольны писать о том, что выбрали, сколь бы спорным ни был их материал. Разумеется, не все рассказы хороши, но некоторые из них — просто блестящие. Хотя, конечно, Вам вполне может прийтись не по вкусу чтение экспериментов на иностранном языке!

Кстати, об экспериментах: недавно мы посмотрели научно-фантастический фильм «2001: Космическая одиссея»[2]. Надеюсь, что его покажут в Москве — должны показать, так как в нём нет ничего обидного ни для кого, и Вы сможете увидеть действительно необыкновенные спецэффекты. Действие начинается в далёком прошлом в небольшой группе пралюдей, затем переносится на Луну в XXI век, а оттуда на Юпитер, и заканчивается чисто символическим эпизодом в духе кинематографического сюрреализма.

Возвращаясь к более личному, хочу сказать, что очень сожалею о Вашем нездоровье. Надеюсь, Вам уже лучше. К тому же приятно было узнать, что Вы закончили новую книгу. Поздравляю!

В этом году у меня было довольно много работы. Но всё же мне удалось немного развлечься. В апреле, когда школы закрыты на пасхальные каникулы, мы всей семьей ездили в Долину Смерти. Возможно, Вы слышали что-нибудь об этих местах: это самая низменная часть территории Соединенных Штатов в Южной Калифорнии, которая местами опускается ниже уровня моря. Она представляет собой сплошную пустыню, а название ей дали пионеры-первооткрыватели, чуть не погибшие здесь. Но вообще-то, если принять меры предо-

---

[1] «Опасные видения» (“Dangerous Visions”, 1967) — антология под редакцией американского писателя-фантаста Харлана Эллисона, ставшая вехой эволюции американской научной фантастики 1960-х гг. В основном авторы касались тем насилия, секса и религии в современном обществе и обществе будущего. И. А. Ефремов получил эту книгу всего через год после выхода.

[2] Фильм Стэнли Кубрика по роману Артура Кларка.

сторожности, то путешествие по ней может показаться довольно заманчивым и привлекательным. Здесь есть и огромные песчаные дюны, и крутые утесы, и каньоны, скалы самых ярких цветов. Воздух настолько чист, что по вечерам небо сплошь усыпано звёздами. Весной, когда зацветают полевые цветы (крошечные, но ярко выделяющиеся среди полыни), дни стоят не слишком жаркие. Ночи прохладные, но не холодные: мы обходились спальными мешками. После посещения Долины Смерти мы на несколько дней отправились в высокогорье Сьерры Невады, бродили по не стаявшему ещё там снегу и восхищались гигантскими секвойями. А одно дерево каждый раз, когда я его вижу (так называемое Дерево генерала Гранта), повергает меня в размышления о мифическом древе жизни Иггдрасиле.

Вернувшись, я принял участие ещё в одном турнире, в котором сломал ребро, когда удар пришёлся мимо моего щита. Травма не была серьёзной, и всё уже почти зажило. Но тем не менее на какое-то время я вышел из строя. В результате навалилось много работы. В прошлом месяце мне удалось на неделю вырваться походить под парусом вдоль южного побережья, на что в действительности у меня не было права. И в качестве наказания пришлось снова работать по 15 часов в сутки! Теперь дела уже более или менее вошли в своё русло, и на этой неделе я смогу отвезти семью в Лос-Анджелес на съезд любителей научной фантастики. Это сравнительно малое неофициальное мероприятие, а международная «всемирная конвенция» состоится в сентябре в Беркли.

Из-за занятости нет возможности продолжать работу над историческим романом. При задуманном объёме требуются месяцы работы только над ним и, естественно, деньги на жизнь в течение этих месяцев. По этой причине я должен заниматься другими вещами, пока не придёт время. Одна из текущих работ, возможно, Вас очень позабавит, если она вообще выйдет в свет. Это скорее фэнтези, чем фантастика, основанная на предположении, что магия действенна (причиной недоказанности этого является магнетическое воздействие железа, электричества и т. п., препятствующее проявлению сверхъестественных сил. Некий учёный обнаруживает это и находит способ экранировки электромагнитных полей). Но, конечно, современный человек из насыщенного техникой мира начинает использовать магию просто как ещё одну разновидность техники. Например, вместо автомобиля и самолёта для передвижения он использует метлу или ковёр-самолёт, вместо телевизора глядит в хрустальный шар. Главный герой — добродушный оборотень, а героиня — ведьма с лицензией. Вся же соль состоит в том, что героям нужна помощь эксперта по неэвклидовой геометрии, более сильного, чем живущие в настоящее время. Им удается получить такую помощь от духа Николая Ивановича Лобачевского. (Прочитав его биографию, я пришёл к выводу, что он очень значительная личность.) Безусловно, рассказ написан лишь для развлечения, не всерьёз.

К сожалению, вынужден заканчивать письмо. С наилучшими пожеланиями от моей семьи Вашей и Бородаевским.

Всем сердцем Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 45

Москва
11 июля 1968 г.

Дорогой Владимир Иванович!

За последние несколько дней прояснилась ситуация с романом, поэтому шлю дополнительные вести.

Кочетов не читал романа, так как отправлен на длительное лечение. Читал его заместитель Стариков, который роман отверг. Мы с Тасенькой поехали и поспешили его забрать, хотя в редакции уговаривали подождать несколько месяцев — перемены ситуации. Я обрадовался избавлению от «Октября» — и слово сдержал, и от убытка Бог избавил. Не знаю, возьмётся ли какой другой журнал за него (роман), пока алчут «Москва» и «Знамя», но что они скажут по прочтении? Во всяком случае, роман писан не для того, чтобы его урезать и корёжить, пусть лежит. В убытке окажутся лишь я да интеллигентный читатель — обе вещи «неглижибельные», как говорят англичане.

Отрывки из романа, листов на 12, яро хочет печатать Захарченко в «Технике — молодёжи», ну, что ж, пусть печатает.

Стариков пока не представил никакой писанной рецензии и всячески от неё отвёртывается, набиваясь на личный разговор. А что мне в том разговоре? Учить меня писать поздно, а конкретные советы по промахам надо делать не в устных беседах, а с заметками по рукописи. Всё же найду время — повидаюсь, может быть, просто интересно послушать этого архи-с... Кстати, разнёсся слух, что Старикова убрали из зам[естителей] глав[ного] редактора за попытку опубликовать «вредный» роман Бондарева — какой, не знаю.

Мои планы — самые простые. С августа попробуем выбраться в Малеевку, до сентября. Аллан уезжает вместе с Ольгой 17-го, он — до весны, Ольга — до середины сентября.

Может быть, в сентябре будет легче с билетами, и Вы выберетесь в Москву на немного — прилетите, прочитаете роман, повидаемся, и вернетесь к делам. В этом году нечто сумасшедшее творится с билетами, никогда такого не было, вся Россия, что ли, разъезжает. Может быть, и мы в сентябре, а вернее, в октябре выберемся в Ленинград! Вот бы здорово!

Пока в стоявшую жару чувствовал себя хорошо, почему и писал Вам, что надо мне жить в пустыне. Сейчас второй день как похолодало, и сразу сердце идёт хуже, но, в общем, это западногерманское лекарство помогло как никакие другие.

Сейчас занимаюсь тем, что пишу новые вставки в «Лезвие», которое никто не хочет переиздавать, и готовлю материал для писания нового рассказа из древнегреческой жизни, который никто не будет издавать. Видно, уж сейчас я вышел из нужных для момента предметов и пру, как паровоз через лес. Но жить осталось немного, и писать ещё то, что неинтересно или кажется мне неважным, — провались оно!

Ну вот, новый отчет о делах готов. Вам шлют сердечные приветы Аллан и Оля (конечно, вместе с Наталией Алексеевной), Тасенька — целует и я — обнимаю, а Наталии Алексеевне — целую ручку.

Ваш всегда,
И. А. Ефремов

46 С. СНЕГОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

18 июля 1968 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Очень рад Вашему согласию вступить в число «сотворцов» нашего сборника. Разумеется, мы с радостью примем Ваш рассказ «Пять картин». Уверен, что он будет украшением сборника.

А что Вы собираетесь отступить от фантастики к историческому полотну на античную тему, то, по-моему, это закономерно. И не только потому, что история всегда привлекала Вас, что нашло отражение в Ваших вещах, но и по иной, более общей причине, — каждому мастеру-фантасту обязательно временами обращаться к реальности обыденной жизни, чтоб попить, как говаривал Маяковский, из реки по имени Факт.

Я позволю себе высказать и более еретическую мысль. Я несколько раз говорил Владимиру Ивановичу Дмитревскому, что уверен: когда-нибудь Вы обратитесь к чистому, суровому реализму. В «Лезвие бритвы» на меня произвели прямо-таки потрясающее впечатление сцены измывательства кулаков над героиней. Такие сцены, мне кажется, нельзя просто придумать, что-то похожее надо реально увидеть в жизни, чтоб так мастерски потом перенести на бумагу.

И ещё я вспоминаю своё первое впечатление от Ваших рассказов. В Норильск, где я тогда с астрономом Н. А. Козыревым и Л. Н. Гумилевым (сыном А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева) ещё сидел в лагере (правда, не на «общих» работах, а в должности нач[альника] лаборатории теплоконтроля), пришёл «Новый мир» с «Катти Сарк», «Встречей над Тускарророй» и т. д. И я хорошо помню восторг, овладевший мною. Конечно, это была фантастика, именно фантастика, а не приключение, но фантастика, ставшая большой литературой из занимательного чтения, какой она в те поры культивировалась — на меня пахнуло воздухом высокой достоверности, реальностью не в рассудочном, а в разумном смысле понятия, той абсолютной адекватностью жизни, которая так захватывает у Гофмана или в «Восстании ангелов»[1]. И вообще мне кажется, самые фантастические темы и события надо излагать — по манере — реалистично, без того ёрничанья в слове и сюжете, какой мы нередко читаем или в московских сборниках, или в периферийных журналах (а также и в рисунках, тут тоже согласен с Вами: художники всех больше понимают фантастику не как необычность, не как открытие нового, не как расширение сферы разума, а просто как мистику или прямой сумбур). В таком понимании фантастики я всегда полагаю себя Вашим учеником.

На август мы с женой уезжаем в Дом творчества в Коктебель (Крым, по-с[ёлок] Планерское), и рассказ Ваш, пожалуйста, пришлите в адрес издательства, главному редактору Владимиру Матвеевичу Зуеву.

С глубоким уважением,
Ваш *С. Снегов*

---

[1] Франс А. Восстание ангелов.

И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ

Москва
19 июля 1968 г..

Дорогой Олесь Павлович!

Наконец всё выяснилось с моим романом, потому пишу Вам незамедлительно, как обещал.

«Октябрь» отказался от «Часа Быка», как я и ожидал. Впрочем, не читал ещё сам Кочетов, который на длительном лечении, но я не стал ждать и забрал у них роман, выполнив купеческое слово и дав им первым на прочтение. Пока я ещё никуда не давал роман, кроме «Техники — молодёжи». Там Захарченко загорелся публиковать немедленно (с десятого номера), но ведь он подымет, если даже до конца будущего года, листов 14, а в романе их 26. Поэтому речь идёт лишь о выборке каких-то глав, и с этой выборкой он чувствует себя в безопасности, а «Октябрь» например, испугался «аналогий» (я много уделил внимания тираническому лжесоциализму китайского типа, и не моя вина, что имеется много аналогий с эпохой культа личности у нас)... «Молодая гвардия» будет публиковать роман в будущем году книгой, но, само собой разумеется, если издательство захочет от меня уступок в смысле «притупления» или просто снятия важных с моей точки зрения мест, то я не пойду на это — пусть роман полежит. Вообще, может быть, и следует «выдержать» роман; сейчас, ввиду всех событий, момент действительно неблагоприятный. Ну, там будет видно. Поэтому, пока не тороплюсь с отдачей романа в какой-либо журнал, хотя интересуется «Москва» и «Знамя».

Вам я скоро пошлю роман, как только выдеру переплетённый третий экземпляр (посылать непереплетённый негоже — большой объём), который у меня утащили кондотьеры и флибустьеры из «Техники — молодёжи», и никак от них не выдрать. Но до того дайте мне знать, что Вы — на месте, чтобы посылка не провалялась на почте зря.

Какая-то моя вещь опубликована в «Знания та Праця» за июнь[1], но я не получил от них ни одного экземпляра журнала (хотя гонорар прислали исправно). Если будет у Вас под рукой и пришлёте, буду очень обязан. Когда освободится моя книжка «Утро магов»? Мне она будет нужна в начале сентября, не позднее. Если к тому времени работа над ней не закончится, пусть переснимут — теперь это просто делается.

Получил интересный перевод книги «В поисках сокровенной мудрости Индии»[2], когда будете свободны — прочтите, довольно интересно.

Не знаете ли случайно, как дела у Гали Яремчук? Я написал письмо ректору института, куда она должна поступать, не знаю, имело ли оно какой-нибудь эффект или он наплевал.

Душевный привет Людмиле и Вам, с пожеланием всего светлого.

Ваш *И. А. Ефремов*

---

[1] «Пять картин» (ЄФРЕМОВ Іван. П'ять картин // Знання та праця, № 6, 1968).

[2] Возможно, речь идёт о книге Пола Брэнтона «В поисках сокровенной мудрости Индии».

48 Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Хабаровск
24 июля 1968 г.

"Hora bovis"[1]

奎 (丑時) 奎

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Очень благодарен Вам за прекрасное письмо от 12 июля с. г. Рад, что роман «Hora Bovis» (Час Быка) у печатного станка. Огорчён, что всего только 2—6 листов, мне бы хотелось больше. Иные книги заканчиваешь, и чувство сожаления заползает во все поры: мало написано, ещё читал бы и читал. Такое чувство всегда рождается Вашими вещами — «Юрта Ворона», «Лезвие» и мног[ими] другими.

Вы пишете, что «Час Быка» грубоват против прежнего, ссылаясь на голос Ваших читателей. «Хора бовис», конечно толстовато, против «Андромеда», «Юрта Ворона», «Ойкумена» и других Ваших прекрасных вещей. Я открыл Даля и взял синонимы на быка и корову. Получилось:

«Час Бугая», «Час Вола», «Час Коровы», «Час Кнороса», «Час Нерезя», «Час Пороса», «Час Яка», «Час Буйвола». Если вести от Монголии и Тибета, то вероятно будет речь о самце Яка и Буйволе. Если от Китая — то будет Буйвол. «Чхоу» (丑) — китайское вообще означает самца коровы, под коей подразумевается любое крупное животное.

Открыл свой гросс-словарь из Японии и смотрю по нему иероглиф «丑» — Чю, Чюу, Уси, Химо, Тэгасэ, Мусубу, Цканэ'ру и Тэ-хадзимэ. Японские учёные иероглиф этот толкуют так:

1. Канга для пальцев — наручники, точнее, напальчники для преступников,
2. Шёлковый шнурок,
3. Декабрь, ибо в этом месяце уже пробуждается жизнь, до того замороженная холодами. Отсюда — начало жизни, пробуждение жизни перед ранней весной,
4. Ручонки ребёнка, поднятые им вверх при родах,
5. Второй небесный ствол (ветвь) из 12 ветвей, с 1 до 3 часов ночи, 4-я стража,
6. Северо-Восток, Норд-ост.

Поэтому роман можно назвать ещё «Час Норд-Оста», «Удар Северо-Востока», «Бой Норд-Оста», ибо часы отбивались раньше ударами в чугунную доску или в бамбуковые колотушки, или в колокола. Для меня это «Бой Колымы», «Удар Коло мы», «Золотой удар». Тут я вкладываю юмор: к чему приводят лингвистические упражнения, когда знаешь несколько языков.

В изумительном старинном Китайско-русском словаре епископа Иннокентия (Пекин, Русская Духовная Миссия, 1909, типография Успенского монастыря), во втором томе о «丑» написано так:

1. Название Духа (Демона)
2. Ди пхи юй чхоу — Земля Рождена в «Час Быка» (от 1 до 3 часов утра). Поэтому, Иван Антонович, роман ещё может быть назван «Час Рождения Земли» или «Час Глобогена», или «Час Террогена».

---

[1] «Час Быка» (лат.).

А почему бы не назвать «Час Демона» или «Час Демонов». Это было бы полностью в романтическом духе Ефремова. «Бык» немного отдаёт пахарем и мужиком. Но всё же «Час Быка» лучше «Долгой зари».

Раз речь пошла о лингво-экзерзициях, то даю Вам иероглиф «奎» и «奎星» «Звезда Андромеды» или «Туманность Андромеды». Эти знаки понятны всей Азии, начиная от Китая, Кореи и Японии и кончая Вьетнамом, Монголией, Малаккой, Гонконгом, Формозой и друг[ими] азиатскими землями. Сейчас у меня занимаются студенты из Владивостокского университета (4 и 5 курс), и я дал им этот иероглиф, пояснив, что его надо знать как «Отче наш», ибо это «Туманность Андромеда», ими читанная и полюбленная.

«Октябрь» бы резко поднял тираж, буде поместил «Час Быка» полностью; жаль, что ему не под силу. Рад, что «Андромеда» продолжена. Сюжет интересен даже в кратком пересказе, умён и поучителен. Представляю, какова будет сама книга. Рад, что Ефремов за гипер-зоник (многократная скорость света). Пускай информация сдерживает сюжет, за то потом приходится читать книгу снова и снова, получая пользу для серого вещества черепа. А то прочтёшь острый сюжет, а потом и забываешь книгу. Прекрасно, что Вы пишете новую повесть. Для меня — заразительный пример.

Меня огорчили Ваши слова о Вашем Сердце. Жаль, что пока люди не могут менять части тела на запчасти. Хотя Блайберг прогрессирует. Но я знаю массу людей, коим врачи наговорили с короб, а они потом ещё скрипели десятки лет. Только не надо волнений, табака, кофе, резкостей, смога (авто-газа) и асфальта. Если Вы будете соблюдать это правило, то отметите и 70-летие, и 80-летие. «Дети Росы» и занимательную палеонтологию Вы, конечно, напишете. Спрашивал у знакомых «Лит[ературную] Россию» за 8 марта — нет, в нашей библиотеке какая-то стерлядь увела именно номер за 8 марта. Хотя нет и других газет. Может быть у Вас есть 4-я или 5-я копия «Палеонтологии и Космоса»[1]. Заглавие очень интересно, и я догадываюсь, о чём речь. Но не смею просить.

Когда я прочёл Ваши строки о Вашем Сердце, то почему-то вспомнил свою работу в Советском Генеральном консульстве в Харбине. Город большой, богатый, весёлый, изобильный, но всё-таки я там был оторван от Руси-матушки, печать вся была анти-советична, как говорят болгары. Поэтому я с тем большей любовью читал наши газеты и журналы на досуге. Помню, около 1940—41 года, в тёплое время, я быстро листал какой-то серый журнал, кажется, «Новый мир», и там был остановлен красивыми, увлекательными и романтическими заглавиями рассказов. Это оказались Ваши первые вещи. Помню, я ещё подумал: «Всё-таки не всю Россию загнали в казённые, бездарные, сухие и малограмотные заголовки. Есть же и заглавия с душой и просвещеньем». И вот я прочёл Ваши первые рассказы и затем вышел на большое полу-полированного красного гранита крыльцо консульства. Там я долго стоял под впечатленьем рассказов — их правдивостью, мыслью, красотой и дерзостью. А потом ночью перед мной бежало красное озеро с красными облаками ртути, и вот сейчас я вспоминаю далёкий 1940—41 годы, точно не помню, и опять духи и демоны в красных испареньях витают перед мной, и как-то приятно и тепло на душе, что Русич может

[1] Речь идёт о статье «Космос и палеонтология», отрывок из которой печатался в «Литературной России».

писать о чём хочет, что хочет и как хочет. И ешё помню, я в тот день ползал по энциклопедиям и изучал ртуть и её влияние на человека, а потом мой отец-химик рассказывал мне об испареньях ртути. Было ещё другое, но «Озеро Красных духов» и «16 румбов» останутся у меня навсегда И конечно автор таких филигранных вещей будет жить очень долго; не забудьте моего слова[1].

Статью для газеты я уже написал, дав заглавие «Продолжение «Андромеды». Она невелика, но, конечно, молодой читатель воспримет её с благодарностью, очень всё интересно. Интересный разговор был у меня с редактором нашей молодёжной газеты А. К. Бронниковым. Я говорю: «Вы долго будете держать мою статью?», ответ: «Что вы! Это же ведь ЕФРЕМОВ! Сразу поместим!»

Сегодня написал три письма: завзятому охотнику, моему бывшему ученику; директору музея В. П. Сысоеву, архи-охотнику, убившему 103 медведя, и таёжному Агасферу Вс. Д. Яхонтову, который даже спя держит в руках пищаль. Сброшу вместе с письмом Вам. Не помогут, ещё напишу другим. Это о Гильзах.

Большое спасибо за строки — косвенный упрёк нашему Издательству, которое колеблется с Арсеньевым. Буду следовать Вашему совету. «На обломках «Тюленя»» очень интересно, во Владивостоке, конечно, найдутся люди, которые в курсе этого вояжа. Море я люблю, плавал по нему с записями, спал по 3—4 часа в сутки, а остальное время проводил на мостике и вокруг мостика с блокнотом в руках. Море восхитительно и божественно, оно похоже на синий бриллиант под солнцем — вечно меняется, вечно живёт, вечно притягивает и вечно горит разноцветными красками. Я написал с изрядной дозой моря «Чудеса тропиков», которые понравились «Детгизу», но из-за Индонезии, с которой мы также успели поссориться, каковой страниц 15—20 в книге, Нина Матвеевна Беркова из «Детгиза» её отклонила. И вот лежит труд, а Его Величество Марэ (Море) в нём занимает достойное место. И всего то в нём 6 листов. А, уверен, во Владивостоке «Тюленя» помнят, там народ умный, морской, интеллигентный и памятливый, да ещё оседлый.

Вы попали в зрачок, сказав, что я должен грянуть о Тибете. Ведь самый первый мой рассказ, попавший в печать, «Тибетский мальчик» (1952, 22 ноября). Вот где можно размахнуться по Природе, но люди там дикари и лопари, а жить там невозможно для европейца; одна сухость воздуха чего стоит! Но фон экстра-класса! О лени и речи не может быть, я трудолюбив, как китаец. Только ради бога не путайте их с разными мао-цами, линь-цами и хунвэйбинами, это помойная пена, голодная, обозлённая и невежественная, как парижская сволочь (помните, есть такой квартал в «Нотр-даме»), да к тому же ещё развращённая близостью к необузданной деспотической и кровавой тронной власти. Вот связан я, и мешают мне изрядно. То выступай, то помогай соседям судиться, то будь свидетелем на процессах, то Алла, которая забирает массу времени, то самообслуга по дому, длящаяся месяцами, то занятии со студентами.

Сейчас веду две группы: двух китайцев с 5 курса Владивостокского университета, которые почти ничего не знают по языку, хотя пятый год ходят в университет, и трёх японцев, из них одна с 5 курса, а двое с третьего. Японцы и китайцы — это русские ребята, только учат они японский и китайский язык. Занимаюсь по 5 часов через день, нечётные числа в июле, чётные в августе,

---

[1] Речь идёт о рассказе И. А. Ефремова «Озеро горных духов», опубликованном в журнале «Новый мир», 1944, № 4, 5 среди других рассказов Ефремова под общим заголовком «Семь румбов».

с япончиками до 1 сентября, с китайчиками до 1 января 1969. Бесплатно. Учебников у них нет, иероглифов не знают, грамматики не знают, обрывки разных сведений. Поэтому я вынужден составлять для них грамматики, переписывать их, придумывать темы научных работ, создавать для них таблицы ключей, снова переписывать и составлять хрестоматии, отбирать ходовые иероглифы и переписывать их по МОЕЙ СИСТЕМЕ МНЕМОНИКИ, отбирать им пословицы — 500 штук, обороты ходовой речи, составлять краткие словари с педагогическим уклоном и делать многое другое. Только сегодня я немного вздохнул, и то примерно на неделю, а там они перемолотят всё мной составленное, и снова готовь порции Всепожирающему Молоху. Ребята они способные, но грубые, как это ныне в моде у нас, неаккуратные, неровные в трудолюбии и избалованные поверхностными опросами, которые, к сожаленью, приняты в их университе, так что раз я выставил всю группу домой. И всё же за три недели я сумел втемяшить им около 1000 иероглифов в голову, что в 5 раз больше их запаса, с коим они ко мне приехали. Китайцы занимаются лучше, речь о китаистах.

Ещё мешает мне огромнейшая переписка, которую я постепенно сворачиваю и надеюсь свернуть до разумных пределов. Остро не хватает секретаря. Ещё мешает отсутствие комнаты специально для работы, хотя мне обещали дать третью комнату и, надеюсь, дадут. Мой пейзаж на 80% погибнет: перед носом строят 90-квартирный дом на самом близком расстоянии. Скрежет, визг, грохот, шум моторов и пыль адские. Это расплата за 8 лет наслажденья тишиной и красотами Природы.

Читал японские, китайские, английские и гонконгские газеты. Гонконг соединяют тоннелем с Материком, стоимость £ 19 000 000. Иордания, Кувейт и Сауд[овская] Аравия выплачивают Египту ежегодно £ 95 000 000 золотом, чтобы он мог держаться и не открывать Суэц. Как раз эту сумму он получал валютой, когда работал Суэц. Россия и Япония будут создавать смешанные предприятия в Сибири по добыче местных богатств: мозги японские и машины также; а русских в два раза больше, чем япончиков. Вот что значит 25 лет вне гонки вооружений: мозг идёт на мирное дело, а не для изобретенья оружия. Чехи недовольны русскими, что они больше помогали поднять индустрию словакам (славянской линии), чем индустрию чехов, кои всегда тяготели к немцам. Это онемеченные западные словены. Чехи стали заикаться о возврате им Карпатской Украйны, которую мы присоединили после 1945. Ватикан обещал Чехо-Словакии прежние льготы в Южной Америке. До 19![1] она торговала как католическая страна с католической Латинской Америкой и имела жизненный уровень на 58% выше нынешнего (ныне у неё 42% довоенного уровня). С китайцами у нас спокойно, даже забыли о них. Только недавно был смех: у ходей[2] нечаянно взорвалась атомная бомба и наделала бед, убив тысячи людей. Как они ни скрывают это, а спутники всё отметили. США построили вместо самолёта-шпиона Пауэрса У-2 (точнее, Ю-2) новый самолёт. Он летает 4000 километра в час, одновременно кладя на спец[иальную] ленту всё: электронные точки на земле, тепловые излучения, инфра-красные источники и при необходимости топографирует местность. Этот самолёт может за 40 минут обшпионить всю Японскую империю, которая тянется на 3000 км

[1] До 1919 года.
[2] *Ходя* — в Забайкалье так называют китайцев.

с Севера на Зюйд. Базируются они пока в Кадэна, пускают их в воздух и принимают на землю ночью, закрывая перед этим все шлагбаумы. Детали есть в «Ака-хата» за июнь с. г. Запад в прессе обещал Чехословакии длинный ряд патентов, без которых она стала не-конкурентной на мировом рынке, если она... Но надеюсь, мы не допустим её ухода к противнику. Прежде она снабжалась патентами (лицензиями) из Канады, Франции, Германии и Англии.

На этом закончу. Пожелаю Вам и Вашим близким всего самого Светлого и Радостного. Буду надеяться, что Ваше Здоровье будет всё более улучшаться.

Благодарный Вам и преданный
Г. Пермяков

49 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

27 июля 1968 г.

Dear Ivan Antonich,

Thank you for a nice card — I'm glad your *Photographic History* arrived safe and sound. I'm delighted that the Wheatley books have been received too. *The Golden Orchid* wasn't immediately available so we'll have to wait for it. Best wishes to you both from Diana and I.

Alan Myers

Дорогой Иван Антоныч!

Благодарю за милую открытку — рад, что «История фотографии» получена в целости и сохранности. И замечательно, что нормально дошли и книги Уитли. «Золотой орхидеи» пока не оказалось, придется подождать. Наилучшие пожелания вам обоим от нас с Дианой.

Алан Майерс

Перевела Лариса Михайлова

50 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
28 июля 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your good, interesting letter of June 21st. You need not be "afraid" (as you say) of demanding too much attention from me. I am so grateful for your letters — which give me interest outside my rather narrow life — that it is well worth my while to write to you, always hoping that you will have health and time to write to me in return.

It is I who should ask your forgiveness for asking you not to send me books — I am afraid that I wrote abruptly and may have seemed ungrateful for your gifts. Perhaps I should have said "Do not send me any more books for some time", or something like that. Perhaps I may be able to give more time to reading someday

[1] Открытка с изображением кареты мэра Лондона.

but at present the routine jobs of a housewife with a husband who needs some help and will need more keep me fully occupied.

I have just written to Rodney Books to enquire again about "Le Diable". I asked them to let me know when they have sent a copy off to you. But have heard nothing from them. I think that publishers in France should be able to supply books now, but perhaps not. The registration fee which Rodney Books quoted would cover Insurance up to £5.00 I think but they were somewhat vague in their reply to my letter.

When you wrote, you were having a spell of hot weather and this is not good for anyone with heart trouble. Also you say that the sun is angry until the end of 1969 and that this is bad for "cardial sick persons" as well as for the peace of the world. I do hope that you have not had a recurrence of your heart illness. It is fortunate that your flat is cool and in a green part of the town but your outings must be either very restricted or very tiring.

As for war clouds, I do not see any improvement in the world situation. The only hope is in fear of the terrible consequences which may — I hope does — restrain hotheads.

Tuesday, 30th.

I am interested in your exposition of "satanism" and particularly in your point that alienation from all values causes man to break easily under oppression. This does help to explain mass behaviour in China and at other times, in other places. It is hard to see what can now replace the "Victorian values". You say "The new values are still coming — based on scientific humanism" but I think that there are many people (in every country) who are not capable of understanding scientific humanism or of accepting a new moral code. Here as in other countries, there are outbreaks of sheer destructiveness which seem to have no explanation. Is it necessary to find some one or some cause for these violent persons to fight against? i. e. must there be wars to satisfy man's destructive urge?

Older people are only able to look on in dismay, except for the few who can undertake social work and for one like you who can write a novel with a meaning. I do wish you success in your endeavour.

My husband keeps fairly fit and is still able to take short walks and do a little tidying up in the garden. He does also help me whenever he can and is still cheerful.

I will certainly write to you to inform you about out health and I trust you will do the same for yourself and you wife.

Best wishes to you both.

Yours
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо за Ваше приятное, интересное письмо от 21 июня. Ваши «опасения», что Вы требуете от меня чрезмерного внимания, напрасны. Я так благодарна за Ваши письма, которые дарят мне возможность выйти за пределы моей довольно замкнутой жизни, а время, потраченное мной на написание ответов, радует надеждой на то, что и Вы располагаете временем и здоровьем ответить.

Это я должна просить у Вас прощения за просьбу не присылать мне книги — боюсь, я написала резко и кажусь неблагодарной за Ваши подарки.

Наверное, я должна была написать «в течение некоторого времени не присылайте мне книг» или что-то вроде этого. Возможно, когда-нибудь я смогу уделять больше времени чтению, но сейчас моё время полностью занимает рутинная работа домохозяйки, чей муж нуждается в уходе и в дальнейшем будет нуждаться в нём ещё больше.

Я только что отправила в «Родни Букс» новый запрос о «Le Diable». Я попросила сообщить их, когда они отправили Вам экземпляр. Но пока никакого ответа не получила. Думаю, французские издатели уже имеют возможность поставлять книги, однако, может быть, и нет. Регистрационный сбор, указанный «Родни Букс» — около пяти фунтов, думаю, покроется страховкой, хотя их ответ на моё письмо был довольно неопределённым.

Когда Вы писали мне, у Вас стояла жаркая погода, а для сердечных больных это не слишком хорошо. К тому же, Вы говорите, что солнце неспокойно до конца 1969[1] года и что это плохо для «сердечников», а также для мира во всём мире. Отрадно, что в Вашей квартире прохладно и что она находится в зелёной части города, однако Ваши прогулки должны быть очень непродолжительными, иначе они будут утомлять Вас.

Я не вижу ослабления военной угрозы. Единственная надежда — страх перед ужасными последствиями, который может сдержать — и, надеюсь, сдерживает — горячие головы.

Вторник, 30-е.

Интересно Ваше толкование «сатанизма», и, в частности, Ваш тезис о том, что отчуждение от всех ценностей приводит человека к тому, что он легко ломается под действием угнетения. Это помогает объяснить массовое поведение в Китае или прежде в других местах. Трудно представить, чем сейчас можно заменить «викторианские ценности». Вы говорите: «Наступает время новых ценностей — основанных на научном гуманизме», но ведь существует множество людей (повсюду), не способных к осмыслению научного гуманизма или к принятию нового морального кодекса. У нас, как и в других странах, бывают абсолютно разрушительные социальные взрывы, и им, кажется, нет объяснения. Обязательно ли выделять противника или идею, против которой следует сражаться? Иными словами, необходима ли война для удовлетворения разрушительных импульсов?

Пожилые люди могут лишь с тревогой наблюдать, кроме тех немногих, кто в силах принять на себя социальную миссию, и тех, кто, подобно Вам, способен написать полный смысла роман. Я от души желаю Вам успехов в Вашем начинании.

Мой муж в довольно хорошей форме, всё ещё в состоянии совершать короткие прогулки и понемногу прибираться в саду. Он всё так же помогает мне, когда может, и по-прежнему жизнерадостен.

Я обязательно буду писать Вам о нашем самочувствии и, надеюсь, Вы будете делать то же самое в отношении себя и своей жены.

Мои наилучшие пожелания Вам обоим.

Ваша
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

---

[1] На 1968—1969 гг. приходился один из пиков солнечной активности.

Р. А. ШТИЛЬМАРК — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ 51

Купавна
28 июля 1968 г.

Дорогие Тася и Иван Антонович!

Не очень спешили с ответом на ваше доброе, дружеское письмо (с правильными практическими рекомендациями, об осуществлении коих мы уже подумываем, несмотря на нашу привязанность к этому месту — здесь рядом был клочок отцовой земли, прошло моё детство, и ещё встречаются иные мужички по отдаленным деревням, помнящие отца), просто чтобы не отвлекать от занятий. Побывали в Ферапонтове — дорогу туда я избрал сложную, чтобы показать Марите мои мекки и медины: Москва — Углич (вода), Углич — Улейма (тряский автобус). Здесь, в Николо-Улейминском[1], нашли не только мерзость запустения, но и сумасшедший дом для подростков и детей. Зрелище и «звукопись» столь ужасающие, включая доносящиеся вслед из-за стен (мы провели часа два и в их пределах) звуки педагогического воздействия, — всё это ...не делает поездку в Улейму эстетически полезной! Улейма-Борисоглебские Слободы (тряский автобус), Борисоглебские — Ростов (мягкий автобус), Ростов — Ярославль (суперавтобус), Ярославль — Горицы (пароход «Короленко», линии Ярославль — Ленинград), Горицы — Кириллов, 7 км. (душевынимающий автобус), Кириллов — село Ферапонтово (он же), 18 км. Можно было конечно, ехать водой, всяческими «метеорами» или теплоходом по Волго-Балту. Встреча с фресками Дионисия в монастырском храме Успения Богородицы (росписи датированы прямо там, на стене соборной, датами 1500—1502) — переживание большое. Сохранность их, благодаря искусству Дионисия с сыновьями (я кстати высказал с уверенностью мысль, что речь идёт о сыновьях духовных, что было встречено с недоверчивым удивлением, но я привёл тексты духовных самого Кирилла Белозерского, Ферапонта, Мартиниана и иных подвижников (пишу это слово безо всякой иронии), где вообще иного выражения и не встретишь: сын мой Дмитрий-князь и дочь Евдокия етц), итак, сохранность их удивительна. Будто вчера написаны! Обязаны мы этим также и кровле из кованой меди, которую реставраторы, конечно, нашли «нестильной», позднейшей и хотят содрать, заменив нашим цинком, под которым фрески исчезнут самое большее лет через десять.

Я не представлял себе возможности такой глубокой внутренней связи между жизнью и искусством, далёким от всякого напоминания о том плоском «реализме», какой программируется иными позднейшими теоретиками. Синтез «образа» и художественной идеи с человеческим бытиём, страстями нашими и нашими сердцами, притом синтез глубоко опосредствованный, глубоко философский и не лежащий на поверхности — вот что заставило четверо суток просидеть в соборе рядом с копиистом Н. В. Гусевым. Да и многое другое там трогает и волнует: следы трудов самого Кирилла (срубил её в 1397-м!), искусственный островок, сложенный опальным Никоном посреди Бородаева озера из валунов — видимо, сам ворочал,

[1] Николо-Улеймский монастырь — женский монастырь Русской православной старообрядческой церкви в селе Улейма на берегу одноимённой реки, расположенный в 11 км от Углича (Ярославская область).

возил их на плоте, топил и постепенно воздвигал твердь среди валов, чтобы потом поставить там келью, космически одинокую среди бурной воды! Он 20 лет там вот так смирял свою плоть бунтующую, резал столы и кресты (сохранились в Ферапонтове, но их не кажут), думал свои думы... А клевера по плечи, недавно перепаханные под кукурузу, столь же бесполезную, как и сами природные клевера, погибающие ныне на корню за ненадобностью — там пустыня, какой не было и при Кирилле. А затопленные на тысячах квадратных вёрст леса, уже мёртвые на корню за 6 лет стояния в воде[1]. Можно биологу вообразить те миллионы подземных и наземных трагедий (помните у Ростана: «смерть насекомого — уже трагедия!»), что связаны с этим варварским, «планово-рапортным» затоплением территории лесов, сёл, даже городков — Мологи, например... Зато вот антирелигиозная работа на Вологодчине — та на должной высоте! Недавно печатно была хвалебно отмечена. Посему большинство памятников известно ныне — из литературы конца XIX века, книги Никольского[2], например.

После проводов Константина Георгиевича я загрустил. Очень я любил его (он, кстати, предисловие написал к моим «Образам»[3], которое изд-во решило не давать: что из того, что писал человек на больничной койке после третьего инфаркта!), и очень ясно чувствую, как многое с ним ушло. И люди его любили, был у него свой читатель, провожавший его в очередной Святогорский монастырь (каковым некогда, недавно стало и Комарово[4]), сиречь в Тарусу в глубокой печали. Был он изящен, красив очень и... давно мне так тяжело на сердце не было, когда опустили его в холод и глубину! Господи, ведь по четыреста душ сразу на глазах хоронили, деловито и быстро, притом только вчера здоровых, даже веселых и часто очень тебе лично милых, а ты продолжал то стрелять, то писать всякие графики, то чертить всякие «сектора обстрела». А тут с одним ушло столько твоего, такое у многих ощущение сиротства получилось, что долго я ещё бессонницей мучился и плохо себя чувствую по сей миг.

Да, дорогой мой Иван Антонович, ради Бога (Вам было угодно чорта помянуть, и, пожалуй, так оно более по-мужски) обратите свой золотой совет насчет бережения и опеки на себя самого! Верные это, очень гуманные и добрые слова! И не шутить бы, а делать это на самом деле бы! Ведь не то чтобы я безоговорочно принимал каждую строку К. Г., как иные его почитатели, не то, чтобы он даже по характеру своему мне был ближе других (скажу по совести, что до характера, то и Вы, и В. Д. мне куда ближе, ибо оба вы, каждый по-своему, очень мужественны и сильны, хоть и по-разному; я бы взял Вас в любую свою команду и безропотно пошёл бы также в Вашу), но ощущение ухода чего-то важного, «заступнического» не покидает ни меня, ни многих, впрочем, виноват, моих немногих друзей...

Работаю над двумя очерками для «Панорамы», но что-то плохо клеится.

---

[1] Имеется в виду Рыбинское водохранилище.

[2] Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1897—1910.

[3] Штильмарк Р. А. Образы России / Художник С. М. Пожарский. Фотоснимки автора. — М., 1967. — 440 с.

[4] Имеются в виду похороны А. А. Ахматовой на Комаровском кладбище.

А мой автор (прошлогодняя редактура моя), обманув меня благодаря моей болезни, восстановил в романе, на последней странице, висельника на языке церковного колокола!

Таков, увы, был худ[ожественный] уровень всего произведения!

Обнимаю Вас,
всегда Ваш
Р. Штильмарк

P. S. Прилагается обещанная, но, увы, закапанная проявителем вырезка из «К[омсомольской] пр[авды]» за 28 апреля 68 г.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 52

Москва
28 июля 1968 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Очень рад, наконец, получить Ваш адрес и возможность написать. Когда Вы уехали? Получив перепечатанную рукопись, я построил план пригласить Вас пожаловать на самолёте в Москву, с оплатой пополам, и быстренько прочесть «Час Быка». Но когда я стал звонить 2-го, то сначала не удалось связаться, а затем 3-го и 4-го автомат соединял, однако ответа не было. Теперь всё отложилось до осени.

Я — в Москве по трём причинам: консультант не пустил меня в Прибалтику, затем приехал Аллан, который снова уедет туда же 19-го июля, и я жду прочтения «Часа Быка» в «Октябре». Сейчас её читает «сам» Кочетов и, очевидно, как полагается начальству, долго тянет. Я жду ещё до первых чисел июля и отберу со вздохом облегчения от него рукопись. Там прочла пока только О. М. Румянцева, и ей очень сильно понравилось, но по интонации (в телефонном разговоре) я понял, что она не надеется на такую же оценку у главных. Ну, моё дело выполнить слово, а там от убытку Бог избавит.

«Молодая гвардия» приняла рукопись, и Жемайтис её одобрил, но не без требований к «улучшению». Посмотрим, что за требования, а то и оттуда придётся забрать. Пока с выяснением не спешу, так как в «Мол[одой Гв[ардии]» дело идёт о 69-м годе, не ранее.

Главные возражения: «некоторые аналогии и эротика». Ну, к эротике я уж привык, так как в Советском Союзе я лишь один пишу на эту тему, а вот насчёт аналогий — тут можно идти далеко и близко. В зависимости от этого и будет решена «скорость» издания.

Вот Вам полный отчёт о состоянии дел, к сожалению, пока весьма неопределённый. В общем, в июле буду дома, потом, возможно, поеду в Малеевку, а в сентябре, возможно, в Ленинград — к удивлению, консультант туда пускает. Его главные требования — жить там, где есть хорошие врачи и куда скорая сволочь[1] дойдёт за 10 минут. Как видите, не слишком много свободы! Написал предисловие Ларионовой[2], она его уже получила. У нас в Москве порядочная жара и полная сушь, но именно в такую погоду я чувствую себя прилично. Оказывается закономерно — все спазматики. Видимо, надо жить в пустыне…

---

[1] Имеется в виду карета «Скорой помощи».

[2] Ларионова О. Н. Остров мужества. — Л., 1971. Предисловие Ивана Ефремова.

Тасенька ничего, только устала от народа — сейчас сезон проезжающих, и кто только у нас не был: индусы, итальянцы, американцы, немцы, чехи — чорт те что! Из-за этого надо куда-то укрыться (а так что там — квартира удобная, в ней прохладно, и тащиться на дачу никуда не хочется). Алан приехал от нас всех отвыкший и какой-то уж очень деловой, не по мне. Я, видимо, как был, так и останусь савкой...

Ольга защищала предварительно свою диссертацию, поедет вместе с Аланом в Сирию месяца на полтора.

Итак, отчёт номер один готов. Пишите, дорогой, сколько Вы там ещё будете паланговаться[1]. Целую ручку Наталии Алексеевне, Вас обнимаю. Тасенька вас обоих целует.

Ваш всегда:
И. А. Ефремов

53 Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Париж
29 июля 1968 г.

Dear Professor,

I am very sorry to be so late in replying to your letter but it took a rather long time to reach me because of the so-called French "revolution"! I wasn't there at the moment, not being able to come back from Geneva because of the general strike. But I heard it was a ghastly sight. Anyway, every body here is wondering about the process which is going to follow, especially at the university.

I was myself very lucky because I defended my thesis the first of March, only two months before the events. Yes, we have a defense here and mine lasted more than two hours; and, thanks to your contribution it was, in the end, a success. I intend now to publish it and I hope I'll be able to send you a copy next year (who knows?).

At the moment, I am sending you separately by insured post Barbarella. Dr. Jaques Bergier found it in English only, and I hope I'll send you soon the other books and that it's going to reach you safely.

I am sorry you had so much trouble in preparing for my brother's coming (interpreter and so on), but as I haven't received your previous letter to me he must have phoned you when you weren't at home. He was distressed to have missed this very chance to meet you. I wish I could come one day.

Once more, thank you so much for your help with Aldous Huxley, with all best wishes for your books,

Yours sincerely,
Brigitte André

Дорогой профессор!

Очень сожалею, что так задержалась с ответом на Ваше письмо, но оно шло ко мне довольно долго из-за нашей французской «революции»! Меня в стране тогда не было, потому что я не могла вернуться из Женевы из-за всеоб-

[1] Окказионализм. В. И. Дмитревский в это время отдыхал в Паланге.

щей забастовки. Но, судя по рассказам, выглядело всё устрашающе. А теперь все думают, как станут развиваться последствия, особенно для университета.

Мне лично очень повезло защитить диссертацию первого марта, всего за два месяца до начала событий. Да, у нас проводятся защиты, и моя длилась более двух часов, закончившись, благодаря Вашему вкладу, успехом. Теперь я хочу опубликовать работу и надеюсь примерно через год (как повезёт) прислать экземпляр Вам.

Пока же заказным ценным отправлением посылаю Вам «Барбареллу»[1]. Доктору Жаку Бержье удалось найти только английский вариант, надеюсь вскоре отправить Вам остальные книги, которые, будем верить, дойдут до Вас в целости и сохранности.

Мне очень жаль, что Вам пришлось столько хлопотать, готовясь к визиту моего брата (с переводчиком и прочим), но из-за того, что Ваше предыдущее письмо до меня не дошло, он, скорее всего, позвонил, когда Вас не было дома. Он очень расстроился, что не смог повидать Вас, но мы надеемся, что это был не последний случай. И я хотела бы когда-нибудь приехать.

Ещё раз всячески благодарю за помощь с Олдосом Хаксли и желаю Вашим книгам самой хорошей судьбы.

Искренне Ваша
Бриджит Андрэ

Перевела Лариса Михайлова

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
1 августа 1968 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Не знаю, что и подумать… Беспокоюсь, что с Вами, не заболели ли опять? Получили ли Вы книгу, что я у Вас брал? Перевод Ф. П. об индонезийце? Как Вы рассматриваете этот «метод» пассивного вживания в чужое сознание? И что может быть общего между этим «методом» и системой, изложенной Успенским?

Прочёл микрофильм из библиотеки В. И. Ленина — «Всё и вся» Гурджиева — главу о России и то, что дал Ф. П. уже в переводе. Общее впечатление весьма странное… чтобы не сказать резче. Пространные рассуждения о прошлом планеты Земля с позиции Баалзебуба: смена материков, народов, презрительное отношение к людям, — «этим трёхмозговым существам странного типа». Рассказы о разных «Вселенских духах — святейших персонах», которые влияют на жизнь во Вселенной и в то же время не могут «наладить» жизнь людей, прививая им то тот, то другой орган, и всё без толку. Какой-то бред…

Возникновение большевизма в России он объясняет результатом потери «предчувствия будущего», узостью горизонта существ, населяющих Россию, «короткой памятью», «незнакомством с космическими законами», и всё одним

[1] По-видимому, книга комиксов Жан-Клода Фореста, на основании которой в 1968 году снят франко-итальянский фильм «Барбарелла», сочетающий фантастический, эротический и комедийный жанры.

грязно-серым цветом... Далее он говорит, что такой же строй был в Древнем Египте. Этот процесс он рассматривает как психическую патологию. Мне же кажется, что отношение Г. к теперешней России именно и является патологией перепуганного революционным размахом человека. Он не понял ничего, что произошло в России и что могло там произойти. В главе о России он не нашёл ничего лучше сказать, что все беды произошли от подражания французам... Выразил сожаление об исчезновении ряда обычаев, таких, например, как «общественные бани», и что поэтому поры русских теперь загрязнены и отравляют своим запахом тело Планетарного духа...

Осуждает он и исчезновение привычки жевать серу, хваля американцев за «джуингам»... Больше ничего серьёзного я не смог там вычитать. В общем же, по его словам, мы второсортные люди. Невольно вспоминается книга французов, бывших в гитлеровском концлагере, где они в частности указывают на то, что Г. был в Берлине того времени. Идеологическая связь ясна. Вообще же что только не используют на Западе для идеологических диверсий против нас!!

Сердечно Ваш, мои лучшие пожелания Т. И.
Г. Портнягин

55 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
9 августа 1968 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Я не ответил Вам сразу, полагая, что Вы где-нибудь ещё на лоне природы и вернётесь только к началу педагогической страды — к сентябрю.

Книгу я получил в сохранности, а также и перевод Ф. П., который уже вернул ему, так как этот самый субуд показался мне сумбуром и нестоящим изложением смеси из Павловского учения и аура'ционных контактов между индивидами, общими всем оккультистам. Я не могу сказать, чтобы в оном субуде не было зёрен истины, но в целом это никакое не учение. Куда проще сказать, что психологическое кондиционирование в духе Мао, да и всех прочих тираний, от Гитлера до Сталина, может быть насильственным, а может быть и произвольным, по собственному желанию. Угодно себя притупить для полноты счастья — пожалуйста.

Относительно откровений Гурджиева я другого и не ожидал. Если вспомните, то как-то давно я писал Вам нечто нелестное о его «учении».

Вы правы почти во всём, что пишете о прочитанном, за исключением «революционного размаха» и западной идеологической диверсии. Тут Вы сбиваетесь на вколоченную нам в мозги за сталинские годы привычку рассматривать процесс развития нашего общества как революционный (весь, от начала и до конца), между тем как при Сталине он стал контрреволюционным и вот тут уж принял размах в истории невиданный (теперь повторяется в Китае). Что до идеологической диверсии, то её нельзя рассматривать в виде отдельных книг, порочащих нас, ибо эти книги, вроде Гурджиевских, к счастью, понятны и доступны немногим. Это не диверсия, просто изложение враждебных (и при том — чепуховских) взглядов. Вот другое, и как раз то, чему мы ничего пока не противопоставили (мне кажется даже, что там, где надо, этого не

понимают), — медленное и верное отравление нас цинизмом, отвращением к простому труду, уважению к человеку и его делам, приучение к безделью, тряпкам, дикарской музыке и вообще шизофреническому искусству, выдающемуся за подлинное познание действительности, — словом, вся та смесь еврейского фрейдо-кафкиано-пикассовского искажения жизни, смешанного ещё с негритянским кривлянием и сексом на самом низком уровне, которая всё шире захватывает нашу молодёжь и смущает плохо образованных старших.

А под всем этим ползёт антигуманистическая гоньба за материальным успехом, накоплением вещей и преклонение перед модой, никогда прежде не свойственными русскому народу.

Вот где диверсия, а мы вместо того, чтобы бороться с ней не на живот, а на смерть, услужливо подставляем ей, как ковёр, печать, телевидение, театр, магазины и ориентируем планы государства на удовлетворение этих мнимых потребностей якобы нового советского человека.

Извините за длинную тираду, но Вы зацепили за больное место, так как не могу равнодушно смотреть, как идёт воспитание второсортных людей вместо первосортных.

Сердечный привет Вам от Т. И. и меня.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ

56

Москва
9 августа 1968 г.

Дорогой и многоуважаемый Иван Иванович!

Рад был Вашему письму, доказавшему, что сын застал Вас в добром здравии. Письмо, полученное с берегов известной Вам реки, показывает, что в эдемские чаяния вмешалась действительность в виде резкого увеличения советской экспедиции, ужимания с жильём и прочими прежде бывшими свободами. Я предупреждал Алана, что расширение экспедиции обязательно приведёт к этому, но ведь молодые теперь, с одной стороны, уж очень дальновидны, а с другой, по-детски ожидают, что всегда будет солнце.

Аллан нашёл Ольгу в экспедиции на Памир — она — гидрогеологиня, на курс младше его, зовется полностью Ольга Петровна Павлова. Хорошая и хорошенькая, так что я выбором сына доволен, из здоровой русской священнической линии и, судя по ребёнку, — вполне хороша как мать.

Что до моего здоровья, то тут ничего хорошего сказать нельзя. Сам себе я кажусь броненосцем, получившим подводные пробоины, но оставшимся пока на плаву, хотя и изрядно осевшим в воду и потерявшим ход. Медленно сдают одна за другой переборки, и броненосец всё глубже оседает в воду, но пока держится. Сколько — сказать трудно, но ясно, что не слишком долго.

Жаль, что Вы не зашли в апреле, и буде позвонили бы, я Вас бы уговорил. Чтобы впредь такого не повторилось — вот мой телефон: 137-65-10, по новой моде.

Очень хочется попасть в Крым, хоть ещё раз побродить уж не по горам, а хоть по прекрасным паркам… но никак нельзя. На беду ещё разболелась нога, проткнутая бандюгами на китайской границе в 1929 году, — служила

без отказу, а тут вдруг напомнила о себе «отложением солей» именно на месте старого ранения — в колене. И без того сердце не даёт ходить, а тут охромел. Так начинается рассыпание машины, ведь богатыри не мы[1], и замечательной Вашей крепостью я вовсе не одарен (вероятно, хоть и купеческая кровь, а голодное детство).

Роман мой «Час Быка» не парапсихологический, а социально-психологический. Вероятно, потому уже с первых же шагов встречаются препятствия к опубликованию. Он закончен, объём около 27 печ[атных] листов (опять написал длинную историю!). Отрывки из него начнёт публиковать «Техника — молодёжи» с октября с/г, а полностью книгу — в будущем году «Молодая гвардия». Однако в последнем я не уверен, так как, если потребуют многое убирать, то не буду — не затем писал. Пусть полежит, сейчас время неблагоприятное для проблемных писаний.

Вот Вам пока полный отчёт. Душевный привет от Таисы Иосифовны и меня, с пожеланиями всего светлого. Пишите, будьте здоровы.

Ваш
И. Ефремов

57 И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ

Москва
9 августа 1968 г.

Дорогой Олесь Павлович!

Спасибо за журналы — их уже прислали, так что Ваше слово оказалось магическим. Было бы хорошо, если бы оно столь же магически подействовало на возвращение «Утра магов» не где-то вообще в сентябре, а именно в начале сентября — это крайний срок, когда мне нужно иметь его в руках. Памятуйте, что это — библиографическая редкость, поэтому, если там что-либо ещё не успеют доделать, пусть переснимут эту часть на фотокопию — чего проще, а книгу вернут.

Что до «Часа Быка», то тут имеется, как мне кажется, «уан хандред долларс мизундерстендинг»[2], как говорят американцы. Может быть, я это нафантазировал, но мне помнится, что Вы говорили о возможности печатания романа на русском языке в Вашей «Роман-газете». Мне представилось, что ежели я опубликую фрагменты в «Технике — молодёжи», а полностью — в Вашей «Роман-газете», то, таким образом, мне нечего думать больше ни о каком журнальном варианте здесь у нас, и всё пойдёт как надо.

Что касается публикации в «Знания та праця» на украинском языке, то это может идти само собой, но практически оно для меня безгонорарно, ибо оплата «Знания та праця», видимо, идёт по линии научно-популярной, т. е. в

---

[1] И. А. Ефремов вспоминает строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино»:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

[2] «One hundred dollars misunderstanding» (англ.), буквально: «стодолларовое недоразумение».

2½ раза ниже художественной. Вообще же после опубликования на русском языке журнал «Знания та праця» может совсем ничего не платить, следуя известному Вам законодательству.

Таким образом, нет спеха с опубликованием «Часа Быка» на украинском, так как Вам даже выгоднее подождать русской публикации и получить роман безгонорарно.

Когда освободится экземпляр (коих всего два, свободных от издательств, и то один — у художника «Техники — молодёжи»), я пришлю его Вам немедля для Вашего собственного чтения с тем, чтобы Вы не спешили куда-либо пускать его в оборот. Идёт такой уговор?

Букинисты, которым Вы заказывали «Лезвие», так ничего и не прислали. Видимо, положение с ним в Киеве то же, что и у нас.

Душевный привет Вам и Людмиле.

Ваш *И. А. Ефремов*

О. П. БЕРДНИК — И. А. ЕФРЕМОВУ

58

12 августа 1968 г.

Дорогой Иван Антонович!

Без Вашего разрешения никто, конечно, не будет печатать роман в журнале. Но наша редколлегия была бы благодарна Вам, если бы такое разрешение последовало. Независимо от того, кто и где будет печатать отрывки, наш журнал выплатит гонорар по самой высокой республиканской таксе — 300. Мы можем дать подач десять. То есть 10 авт[орских] листов. Можно сделать вариант с мостиками. Короче говоря, ничьи интересы не будут затронуты, «Техника — молодёжи» не будет на Вас в претензии.

Кроме того, я познакомлю (об этом уже говорилось) с Вашим романом главную редакцию «Роман-газеты». Именно, можно издать книгу на русском. Если что-то в Москве будет стопориться, мы обгоним. А Вам-то всё равно — тираж 115 000, три тиража, триста процентов — это лучше, чем в Москве. В Москве смотрят сквозь очки цензурные, а здесь Ваше имя — разрыв-трава. Издательства и читатели очень Вас любят.

Короче говоря, присылайте. Сделаем всё, что допустит Высшая Карма. Всё, что во Благо — Благом покрыто. Вы — Боец Света — поэтому…

«Утро»[1] пришлю вовремя. До 3—5 сентября. Когда будет перепечатан перевод — пришлю и Вам экземпляр (если, конечно, нужно). Очень интересная книга.

Будьте счастливы! Людмила целует Вас, её Вы увидите осенью, уверен, что для Вас это было бы интересно — она неповторимый типаж (фотография ничего не передаёт).

Всех высших благ и Света!

Ваш *Олесь Бердник*

[1] Книга Ж. Бержье и Л. Повеля «Утро магов».

59 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
25 августа 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Shortly after I wrote my last letter to you, I had a note from Rodney Books saying that a copy of "Le Diable" had been despatched to you on Aug. 2nd. They apologised for the delay so I expect they had forgotten the order altogether. They also give the number of the registered parcel — 2374. I hope that the book reaches you before long but I know that books do take rather a long time to get to you.

We are having a spell of lovely weather at last, warm and sunny but quite fresh. Professor Watson spends a lot of his time in the garden. Very often he has the company of a small cat who belongs to our neighbour at flat 1. She has a sad history. She was rescued from drowning by her present owner and she has never quite recovered from her fright. She is very timid but seems to have learnt to trust my husband and sits beside him on our wooden garden seat.

I wish I could say something honest and suitable about world problems but at the moment I think it is better to keep to trivialities.

We have a lovely bunch of sweet peas given by a kind neighbour with a good garden. They smelt delicious when they first came but are not so good now. I am very fond of scented flowers and plants and have a good variety in my herb garden as well as a lovely scented geranium on a window sill here.

This short letter will let you know that we are both well and I hope that you and your dear wife are also in good health.

With our kindest regards and best wishes.
Yours very sincerely
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Вскоре после того, как я написала своё последнее письмо, я получила записку от «Родни букс», извещающую о том, что книга «Le Diable» была отправлена Вам 2-го августа. Они принесли извинения за задержку, поэтому предполагаю, что они совсем забыли про заказ. Они также сообщают регистрационный номер пакета — 2374. Надеюсь, что книга придёт к Вам рано или поздно, но знаю, обычно книги добираются до Вас довольно долго.

У нас сейчас наконец наступил период прекрасной погоды, тёплой и солнечной, хотя довольно ветреной. Профессор Уотсон проводит много времени в саду. Зачастую компанию ему составляет маленькая кошка, принадлежащая нашей соседке из квартиры № 1. Её история печальна. Она была спасена своей нынешней владелицей от утопления, но так и не оправилась вполне от испуга. Кошка робкая до чрезвычайности, но, кажется, научилась доверять моему мужу и садится возле него на деревянной садовой скамейке.

Я бы хотела сказать что-нибудь заслуживающее внимания и подходящее к случаю о мировых проблемах, но в настоящий момент, думаю, лучше ограничиться пустяками[1].

[1] 21 августа 1968 г. начался ввод войск Варшавского договора в Чехословакию.

Добрая соседка с хорошим садом подарила прекрасный букет душистого горошка. Цветы восхитительно пахли, когда только прибыли, а теперь уже не так хороши. Я очень люблю душистые цветы и растения, и в моём саду большое разнообразие трав, так же как и прекрасной душистой герани на подоконниках в доме.

Это короткое письмо даст Вам знать, что с нами обоими всё в порядке, и я надеюсь, что Вы и Ваша милая жена также в добром здравии.

С самыми тёплыми приветами и наилучшими пожеланиями,
с искренним уважением
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

60

Чикаго
9 сентября 1968 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON EVOLUTIONARY BIOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

I was delighted to get your letter today and, as you can see, I am back from the field. Although some results in Oklahoma and Texas were interesting, I regret that we had no luck whatsoever in the upper Permian — ? Lower Triassic of Utah. We did a lot of looking and I learned a lot of stratigraphy, but no signs of life.

The latter part of the work was on Indian Territory, which as an old time fan of the "OLD WEST" you would have found very interesting. First, there is a problem, because the Indians are Cowboys, and this sort of spoils the image, as our vernacular has it. Also, since this strictly is on Indian lands, a permit is necessary, and the tribe I wanted to get one from insisted on insurance and surety bonds, which I never did get fixed up. A pretty pass that things have come to, never needed surety bonds in the good old days, just a trusty rifle and group of wagons to make a circle with.

Anyhow, I did do some looking on the reservation. One day my wife and I were in the middle of nowhere, trying to run a site down where bones in the Hoskinnini were supposed to be — and were not — when down the "road" came a lone Indian, walking west. We were in our Jeep, with individual front seats and no back seats, but I stopped and asked him where he was going. The temperature was about 100 °F. and the sun miserably hot. His English was not good and my Navajo was zero. So finally, for reasons I was a little vague on, he decided he was going west, in fact it turned out that he really didn't care, just so long as he was going. So he hopped in the front seat, with us, and away we went. The roads are of course awful, either all rocks or all deep sand. Finally at a fork, he wanted to go one way and I the other. Being a devious red-skin and playing on all of my sympathies, he and we finally went his way: 15 miles down to a trading post. It was really a miserable drive, taking about an hour and a half. So then we went back to the fork and the other way. I was a little nervous anyhow because of the permit situation, but we did find where we were going and no reasonable human would go there unless he thought there were bones. But we did, and there were none. It did, however, look like the best place I had seen in three weeks in the Hoskinnini, so next year I hope to go back.

We too were sorry not to get there this summer. Maybe next. The world, not to mention Chicago, is such a restless place that one wonders, but I don't think that that is any reason for putting off things, maybe rather a reason for doing them. We are going to make it one time or another.

I do hope that something can be done for Peter's wife. It was hard to believe about Vera, and I hope she has done well. I remember so well an evening I spent with her going over her stamp collection; it was delightful. She seemed such a bright young girl that I have great hopes she will do well.

The Bates book was registered but did get off rather late. I hope that it has arrived by now. I have run across a couple of delightful paper backs which I am sending along soon. Simple, charming and somewhat tender things. I think you will like them. I am glad my papers arrived. I have just sent one on some of the genera and species from Oklahoma off for publication. It will be the last of this series for some time. I am still hunting — in vain so far — for a skull of the little carnivorous pelycosaur from the Hennessey, the one that looks so very phthinosuchid. It is about 3/4 inch long and I just can't seem to come up with anything but this one little jaw.

I have been putting every available minute into the book I am working on and am afraid that I am becoming very hard to live with in my concentration to get on with it. It is saying the things I want to say and that I feel need to be said, and I hope some day it will be on the way to publication.

As you say, the times for social fantasy are poor. I do hope your book prospers, however. Right now we seem to be living in a social fantasy, or at least a fantastic social situation. We just finished up the Democratic Party Convention in Chicago, and in comment I can only say that I am very glad that it is over. Much else that could be said is best let lie.

We get back to classes in a few weeks now and I will be very interested in the new crop of students and what transpires during the year. I wish my book were done so that I could use it in the Vertebrate Paleontology course this year. Parts of it will be useful anyhow.

The other day my son George returned from a summer in Mexico where he and his wife were "vacationing" and studying. She teaches Spanish and he Earth Sciences in a Catholic School which has almost exclusively black male students. Being neither Catholic nor black, this is something of a departure. This is his third year. She came from a conservative family in Milwaukee, and I gather that they nearly expired when they heard the teaching plans. It went very well last year. Got to hand it to these youngsters. They raise a lot of the Devil, but they have a lot of good stuff.

Anyhow, he brought me a "jigger" for measuring out whiskey, vodka, and all such. You may remember during my first visit to Moscow you gave me a very lovely inlaid "jigger", saying that it was for my son who was too young to use it, but would grow into it. He did. So he gave me the one from Mexico and said, "Now I want to take home the one from Professor Efremov" — and he did this too. So it has now found its rightful place.

Finally, I have renewed the National Geographic, so it should keep coming. If it ever does not, let me know.

Please say "hello" to Peter. I will write him in a day or two. I hope that everything is well with you and your delightful wife.

My very best regards,
as always, your friend,
Everett C. Olson

Чикагский университет
Чикаго, Иллинойс
Комитет эволюционной биологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Я был очень рад получить сегодня Ваше письмо, и как видите, уже вернулся из экспедиции. Хотя некоторые результаты в Оклахоме и Техасе были интересными, к сожалению, по части находок в верхней перми или нежнетриасовом периоде Юты мы потерпели неудачу. Хотя искали тщательно, и я поднаторел в стратиграфии, но никаких признаков жизни не обнаружилось.

Последняя часть работы проходила на индейской территории, что Вы как ценитель «Дикого Запада» должны счесть интересным. Во-первых, проблема в том, что индейцы как раз и есть ковбои, что переворачивает расхожее представление. К тому же для проведения раскопок на индейских землях было необходимо получить разрешение, а племя, у которого я хотел его получить, настаивало на такой страховке и гарантийном обязательстве, что я просто не мог это выполнить. Вот до чего дошло, в прежние добрые времена никаких гарантийных обязательств не требовалось — только верная винтовка и несколько фургонов, чтобы обнести кругом стоянку.

Так или иначе, я всё же провёл кое-какую разведку в резервации. Однажды мы с женой заблудились, пытаясь добраться к предполагаемому месту захоронения в формации Хоскиннини (костей там так и не оказалось), когда на дороге мы встретили одинокого индейца, державшего путь на запад. Мы ехали на джипе, где есть только передние сиденья, но я всё же остановился и поинтересовался маршрутом странника. Стояла невыносимая жара, около 40 °C. На английском индеец изъяснялся плохо, моё знание навахо было нулевым. В конце концов по непонятным причинам он решил, что идёт на запад, но на самом деле оказалось, что ему всё равно куда идти, главное было не стоять на месте. Он примостился рядом с нами на переднем сиденьи, и мы поехали дальше. Дороги у них, конечно, ужасные, то сплошные камни, то непролазные пески. На развилке наши пути разделились. Но так как наш спутник был коварным краснокожим, ему удалось непонятным образом побудить-таки нас подвезти его, куда ему было надо: 25 километров до фактории. На эту жуткую поездку ушло не меньше полутора часов. После чего мы вернулись к развилке и двинулись другим путём. Меня немного беспокоила ситуация с отсутствием разрешения, но мы всё же нашли искомое место, и никто в своём уме не отправился бы туда, не надеясь найти там кости. Кроме нас. Но мы ничего не нашли. Однако за три недели работ в формации Хоскиннини это место было наиболее многообещающим, и в следующем году я надеюсь туда ещё вернуться.

Мы тоже сожалеем, что не добрались к вам этим летом. Может, следующим получится. Мир, не говоря уже о Чикаго, жутко беспокойное место, но это не причина для откладывания дел, скорее, стимул разобраться с ними. Рано или поздно мы выберемся.

Надеюсь, что жене Питера можно как-то помочь. Сложно поверить в то, что случилось с Верой, уверен, всё будет хорошо. Я отчетливо помню тот вечер, когда она показывала коллекцию марок, это было замечательно. Она представляется столь сообразительной девушкой, что я питаю большие надежды на благополучный исход.

Книга Бейтса отправлена заказной бандеролью, но не очень давно. Однако надеюсь, что она к данному моменту уже добралась до Вас. Скоро я вышлю несколько восхитительных книг в мягкой обложке, на которые недавно наткнулся. Они проникнуты простым очарованием. Мне кажется, Вам понравится. Рад, что мои статьи пришли. Только что отправил в журнал ещё одну о родах и видах из Оклахомы. На какое-то время возьму паузу. Я всё ещё охочусь — пока напрасно — на череп маленького хищного пеликозавра из Хеннесси, который очень похож на фтинозуха. Он приблизительно двух сантиметров длиной, но я никак не могу ничего больше отыскать, кроме этой небольшой челюсти.

Каждую свободную минуту я посвящал работе над книгой и боюсь, что со мной стало трудно жить, потому что требуется предельная концентрация, чтобы завершить этот труд. Стараюсь по максимуму выразить самое необходимое и верю, что когда-то наступит день, когда можно будет послать её издателям.

По Вашим словам, времена для социальной фантастики сейчас не лучшие. Как бы то ни было, я надеюсь, Ваша книга имеет успех. Мы все теперь, похоже, обитаем посреди такой фантастики или, во всяком случае, в фантастической социальной ситуации. Недавно закончился съезд Демократической партии в Чикаго, чему я могу только порадоваться. Лучше промолчать по этому поводу, хотя сказать было бы о чём.

Через несколько недель возобновятся занятия в университете, и мне очень интересно, каким будет новое пополнение студентов, и какие открытия будут в течение года. Хорошо бы моя книга была уже готова, тогда бы я использовал её в курсе о палеонтологии позвоночных. Но частично уже могу.

Позавчера мой сын Джордж вернулся из Мексики, куда ездил одновременно отдыхать и работать вместе с женой. Она преподаёт испанский, а он науку о Земле в католическом университете, где учатся почти исключительно темнокожие студенты мужского пола. Не являясь ни католиком, ни темнокожим, мой сын что-то вроде исключения из правил. Он там уже третий год. Жена его выросла в консервативной семье из Милуоки, и, думаю, родители едва не упали в обморок, когда услышали об их планах. Прошлый год прошёл очень хорошо. Нужно отдать должное молодому поколению. Они любят бузить, но довольно способные.

Так вот, он привез мне стопку спиртного. Помните, в мой первый визит в Москву Вы дали мне очень милую инкрустированную стопку и сказали, что она для моего сына, который слишком юн, чтобы ею пользоваться, но когда вырастет, она станет его. Так и случилось. Он привёз мне мексиканскую и попросил забрать с собой «подарок профессора Ефремова», что и сделал. Таким образом стопка перешла по назначению.

И ещё я возобновил подписку на «Нэшнл джиогрэфик», поэтому журнал должен Вам приходить. Если не будет, дайте знать.

Пожалуйста, передайте привет Питеру. Я напишу ему через день-два. Надеюсь, у Вас и Вашей прекрасной жены всё хорошо.

Мои наилучшие пожелания,
Ваш друг всегда,
Эверетт К. Олсон

Перевели Анна Селкина и Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ

Москва
13 сентября 1968 г.

Дорогой Олесь Павлович!

«Утро магов» получил в полной сохранности и во благовремении. Большое спасибо.

С «Часом Быка» вот как обстоят дела. Я выполнил слово, данное «Октябрю» несколько лет назад, когда этот журнал хотел впервые за всё время своего существования опубликовать н/ф произведение. Но роман вырос настолько, что оказался неподъёмен для «Октября», да и ситуация изменилась. Словом, «Октябрь» от него отказался и освободил мне руки.

Я разрешил «Технике — молодёжи» опубликовать фрагменты из романа. Начиная с октябрьского номера, они будут публиковать примерно по печатному листу в месяц, т. е. до конца года возьмут три листа, а дальше — сколько успеют до выхода в свет книги. На книгу есть договор с «Молодой гвардией», и они её будут печатать, собираясь выпустить примерно с первой половины будущего года. Правда, я не договорился окончательно относительно внесения некоторых изменений, т. е. попросту снятия тех мест, какие им не нравятся. Так, они находят, например, что в романе много эротики. Если эти требования будут чрезмерны, я сниму роман с печатания — пусть полежит. Дело в том, что я, к сожалению, единственный писатель, который касается эротических вопросов в серьёзной трактовке, и это вечно создает дополнительные трудности. Но не для того писал, чтобы зачёркивать… Если всё будет как следует, то «Молодая гвардия» выпустит книгу в начале второго квартала, а нет, так и ребёнка об пол, по любопытной старой поговорке.

В журнал я, пока Вы не прочтёте, никуда ещё не давал, хотя интересовались, например, «Москва», «Звезда», «Знамя».

Мне кажется, что было бы хорошо, если бы удалось до выхода книги, а может быть, и вполне независимо издать у Вас «Час Быка» в «Роман-газете» на русском языке. Почему на русском? Да потому, что на украинском мне не удастся установить идентичность текста, который необходим для первого полного издания романа. Потом, после выхода авторизованного точного текста, можно будет переводить на украинский, и тут уж за идентичность текста отвечает переводчик, а не автор. Эти простые соображения заставляют меня считать необходимостью первое издание романа по-русски.

Ежели это устроит Ваше издательство, то в случае, если роман понравится, пусть оно печатает в «Роман-газете», куда я могу отдать, ни с кем не считаясь и не ограничивая никакими сроками, вне зависимости от «Мол[одой] гвардии» или «Техники — молодёжи». После этого печатать перевод романа по-украински можно и в журнале «Знания та Праця» и книгой, не платя мне ни копейки. Так оно будет и справедливо и «этично». Если это можно, то мне бы хотелось, чтобы Вы, прочтя роман, поговорили на основе этого моего письма с издательством «Роман-газеты» и сообщили их решение, положительное или отрицательное, всё равно. Только после этого я начну переговоры с каким-либо другим журналом, и то если издание в «Молодой гвардии» отложится.

Я написал Вам как мог подробнее, чтобы Вам было полностью ясно положение с «Часом Быка».

Если будете в конце сентября в Москве, то, может быть, и не повидаете меня — я собираюсь поехать недели на две-три в санаторий.

В октябре, во всяком случае, во второй половине я буду дома. Но если уеду в санаторий «Узкое», то это всего 8 км от моего дома, и туда можно будет приехать.

Сердечный привет Вам и Людмиле.

Ваш *И. А. Ефремов*

62 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
25 сентября 1968 г.

Dear Prof. Efremov,

Thank you so much for the beautiful pictures by Roerich, Alexandra Jacobson, and the artists of Palekh. We are delighted by them all, and so are the friends to whom we have shown them.

I am sorry not to have written to you before, but as you will see, the usual thing has happened — I have simply been too busy. In fact, I am giving up my share in a large houseboat which I once helped build, because there is no longer any time for us to use it.

Among the most pleasant things that happened lately was a call from your friend Dr. Keilis-Borok, who chanced to be in this area for a few days. We enjoyed showing him a little of San Francisco and having him to dinner at our house. A few days later we took him along to one of the local tournaments, which I think amused him. He's a very nice man and we had some interesting discussions.

However, we were sorry to learn from him how ill you have been, and hope your health is improving.

Hereabouts, as said, we have been quite active. In July we drove to Los Angeles for a local science fiction convention, which was a lot of fun. Early in August, my daughter and I went to the Sierra Nevada mountains. (She is 14 but looks and acts several years older.) We left our car at the end of a road in Sequoia Park, put on our packsacks, and started walking. We were in the back country about 10 days, crossing passes as high as 3700 meters, and sometimes had difficulties. For example, once we had to cross several kilometers of talus, which is brutal on the feet. But I am proud to say she never complained. Of course, we found some very beautiful places too, and enjoyed them greatly.

Scarcely were we home when friends starting arriving from other parts of the country. They meant to attend the science fiction convention in Berkeley, but wished to see the San Francisco area first. So we showed the sights to a number of them. We also had six or seven young people staying at our house for about a week; most of them had to sleep on the lawn in sleeping bags, but it was a pleasant time for everybody.

Then the convention itself opened. This was the world science fiction convention, the large one that is traditionally held for several days around the end of August or beginning of September.

As you no doubt know, it is a gathering of people who are interested in science fiction, readers, writers, editors, artists, publishers, etc. There are formal programs

where problems and prospects are discussed. But the best part is always simply meeting old friends again, and getting to know new ones. In fact, for me this one ended on the last night with Gordon Dickson and myself sitting in a hallway and singing until almost sunrise.

These affairs are gradually becoming more truly international. Some have been held in Canada and England; it is expected that Germany will have one in a few years. At this latest, there were attenders from countries as distant as Japan and Uruguay, besides a number from various European nations. It was hoped that one or two Soviet citizens might be able to come, but that did not work out, unfortunately.

Following the convention, several people stayed in the area for about a week. This meant more guiding for us, more parties, and more sitting up all night talking. Of course, we enjoyed it; but I must admit it was a relief finally to come back to normal life!

We continue to be busy, however, with such things as meetings of literary societies, preparations for a large writers' conference, work for the Science Fiction Writers of America and the Mystery Writers of America (both organizations devoted to improving the lot of the writer), a certain amount of political work, the much more amusing activities of the medievalist society, etc., etc. Also, as Dr. Keilis-Borok can tell you, we have a rather large garden which demands a good deal of attention. (Grassy lawns, fruit trees, roses, lilies, and the like are for the most part not native to California conditions, and would soon die without constant care.)

In addition, I am under contract to finish a novel before the end of this year, and editors keep requesting contributions, so there will be a lot of time spent at this desk in the next several months.

I am sorry that the film of "Andromeda" did not do better. Perhaps something else will have better luck soon?

I am sending you a copy of "Dangerous Visions", hoping that it will arrive safely and that you will like it. Some of the stories are quite interesting — especially, I would say, «Riders of the Purple Wage» by Philip Jose Farmer, although it uses so many stylistic tricks and puns that you may find it difficult.

As soon as possible, I will try to obtain the Ballantine books you asked for and send them. Also, after the many lovely pictures and illustrated books you have sent us, we would like to find some good ones for you. I am afraid that there is not much first-class illustration in America today, except for certain children's books. But there is a great deal of lovely photography, especially of natural scenery.

Now I must go out to post this letter (and many others; there was a huge pile of unanswered mail on my desk) and other errands.

Our best greetings to you and your family.

Sincerely,
Poul Anderson

Уважаемый профессор Ефремов!

Огромное Вам спасибо за прекрасные репродукции картин Рериха и Александры Якобсон, а также мастеров Палеха. Все мы и наши друзья, которым мы их показывали, восхищены ими.

Извиняюсь, что не написал Вам раньше, но причина, как увидите, прежняя — я просто-напросто был слишком занят. Теперь даже отказываюсь от

своей доли большой барки, которую однажды помогал строить, так как у нас больше нет времени пользоваться ею.

Самое приятное, что со мной произошло за последнее время, это звонок Вашего друга доктора Кейлис-Борока, который случайно оказался в наших краях на несколько дней проездом. Нам было приятно показать ему Сан-Франциско и пригласить его отужинать у нас. Несколькими днями позже мы свозили его на местный турнир, что, думаю, его позабавило. Он очень приятный человек, и у нас нашлось много общих тем для беседы.

Однако мы были очень опечалены, когда узнали от него, как Вы были больны, и очень надеемся, что Вы поправляетесь.

Здесь, как я уже говорил, мы ведем очень активный образ жизни. В июле мы ездили в Лос-Анджелес на местный съезд писателей-фантастов, на котором было очень забавно. В начале августа мы с дочерью ездили в горы Сьерра-Невада. (Дочке 14 лет, но она выглядит и ведет себя старше своих лет.) Мы оставили машину в конце дороги в Секвойя-парк, надели рюкзаки и двинулись дальше пешком. Мы находились в глуши около 10 дней, преодолевая горные перевалы на высоте 3700 метров, что не всегда было легко. Например, однажды нам пришлось пройти по каменной осыпи в несколько километров длиной, едва не сбили все ноги. Но с гордостью могу сказать, что дочь ни разу не пожаловалась. Конечно, по дороге встречались очень красивые места, где мы просто наслаждались природой.

Едва мы вернулись домой, как у нас начали собираться друзья из разных частей страны. Они намеревались посетить съезд писателей-фантастов в Беркли, но сначала хотели осмотреть Сан-Франциско и его окрестности. Поэтому мы сделались на время экскурсоводами. У нас также остановились шестеро или семеро молодых людей приблизительно на неделю; многим из них пришлось спать на лужайке в спальных мешках, но все остались довольны.

Затем открылся съезд. Это был всемирный съезд писателей-фантастов, с большим количеством участников, который по традиции проходит в течение нескольких дней в конце августа или в начале сентября. Как Вы, несомненно, знаете, на него собираются люди, интересующиеся фантастикой: читатели, писатели, редакторы, художники, издатели и многие другие. Существует официальная часть, на которой обсуждаются проблемы и дальнейшие перспективы. Но самой лучшей частью всегда становится встреча старых друзей и знакомство с новыми. Этот съезд для меня завершился ночью последнего дня, когда мы с Гордоном Диксоном просидели в коридоре и пропели почти до рассвета.

Такие мероприятия постепенно действительно приобретают всё более международный характер. Некоторые из них прошли в Канаде и в Англии; ещё один съезд ожидается в Германии через несколько лет. На теперешнем съезде в Беркли присутствовали представители таких далеких государств, как Япония и Уругвай, помимо участников различных европейских стран. Надеялись, что, возможно, один или два человека смогут приехать из Советского Союза, но наши надежды, к сожалению, не сбылись.

После съезда кое-кто задержался ещё на неделю. Для нас это означало снова показ достопримечательностей, снова вечеринки, снова просиживать все ночи за разговорами. Конечно, нам это нравилось, но должен признаться, что возвращение к нормальному ритму жизни стало облегчением!

Помимо этого, постоянно масса дел в связи с заседаниями литературных обществ, подготовкой к большой писательской конференции, повседневной

работой для Ассоциации писателей-фантастов Америки и Ассоциации писателей-детективщиков Америки (обе организации ставят своей задачей улучшение положения писателей), плюс к этому всё время возникают требующие участия вопросы в жизни нашего района, увлекательная деятельность общества медиевистов, — всего не перечислишь. К тому же, что может подтвердить Вам Кейлис-Борок, у нас достаточно большой сад, который требует много внимания (лужайки, фруктовые деревья, розы, лилии и прочее: растения большей частью нетипичны для условий Калифорнии и без постоянного ухода вскоре погибнут).

К тому же я нахожусь под давлением контракта, по которому я должен закончить роман до конца этого года, а редакторы постоянно поторапливают, поэтому в последующие несколько месяцев мне придется провести немало времени за этим письменным столом.

Сожалею, что фильму «Андромеда» не особенно повезло. Возможно, другому Вашему произведению на экране повезёт больше?

Посылаю Вам книгу «Опасные видения»[1], надеясь, что она дойдёт благополучно и понравится Вам. Некоторые из рассказов весьма любопытны, особенно я бы отметил «Верхом на пурпурной волне» («Riders of the Purple Wage») Филиппа Хозе Фармера, хотя он использует так много стилистических приёмов, основанных на игре слов, что рассказ может оказаться довольно сложным для понимания.

Как только представится возможность, я попытаюсь достать заинтересовавшие Вас книги издательства «Баллантайн» и пришлю их. Получив столько замечательных репродукций и иллюстрированных книг от Вас, мы бы хотели найти что-нибудь особенное и отправить в ответ. Боюсь, что в настоящее время в Америке не так уж много по-настоящему хороших иллюстраций, за исключением некоторых книг для детей. Хотя существует множество различных фотоальбомов, особенно с видами природы.

Теперь пора идти отправлять это письмо (вместе с прочими; на моём письменном столе скопилась огромная пачка неотвеченных писем) и заняться домашними делами. Наши наилучшие пожелания Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

25 сентября 1968 г.

Дорогой Иван Антонович!

Уже больше недели живу под неослабным впечатлением «Часа Быка». После «Туманности Андромеды» не могу назвать произведения, которое оказало бы на меня столь сильное воздействие. По привычке, читая, делал заметки и выписки. Если при чтении обычного рядового романа записи занимают

[1] «Dangerous Visions» — антология научно-фантастического рассказа, выпущенная в 1967 году в США.

1—2 страницы, то здесь понадобилось 46 страниц, да и то пришлось ужиматься за недостатком времени. Поразительное богатство идей — животрепещущих, без промаха бьющих в цель, бездна ассоциаций и аналогий, острейших формулировок и афоризмов, высокая интеллектуальность — таково первое и самое общее впечатление. Отсюда своеобразие: роман перерастает в философский, социологический и футурологический трактат, требующий от читателя максимального напряжения. Для любителей лёгкого чтения это — недостаток, для тех, кто ищет в научной фантастике занимательности и сюжетных хитросплетений — разочарование. Но в моих глазах это первейшее достоинство, настоящий праздник. Вероятно, так же воспримут «Час Быка» тысячи квалифицированных, думающих читателей. Хотелось бы очень, чтобы отдельное издание вышло в полном виде или, во всяком случае, без больших сокращений. Не уверен, что всё пропустят в таком виде, как есть, и будет очень обидно, если роман пострадает. Он интересен и в жанровом отношении. Я не знаю другого произведения, где соединялись бы вместе так плотно и неразрывно позитивное и негативное начало, «утопия» и предупреждение. Одно уравновешивает другое. Идеал отчётливо противоречит тому, что отвратительно и внушает наибольшую тревогу. В этом преимущество «Часа Быка» перед всеми романами-предупреждениями и тем более — антиутопиями (мне кажется, следует разграничивать эти жанры). Тем самым «Час Быка» — произведение новаторское и по содержанию, и по форме.

Вспоминается разговор с Вами, когда Вы рассказывали мне о Вашем новом романе. Я подумал тогда и сказал Вам, что это ответ на пожелание Ленина — написать роман «на тему о том, как хищники капитализма оцепили Землю, растратив всю нефть, всё железо, дерево, весь уголь». Действительно, роман отвечает этой теме, но далеко не исчерпывается ею. Парадокс истории заключается в том, что спустя 60 лет честный советский писатель вынужден говорить не только о хищниках капитализма, грабящих Землю... Я уверен, поймут Вас правильно, но только не те, от кого зависит что-либо изменить в нашем тревожном мире.

Ещё в Вашей книге громоздкость и переизбыточность. Это громоздкое здание из неотшлифованных гранитных глыб. Вы больше заботитесь о целостности замысла, чем о проработке деталей, не об одежде мысли, а о самой мысли. Над этим сооружением работал не Канова, а Роден. Хорошо это или плохо? Не знаю. Воспринимаю всё в целом как нечто грандиозное, хотя, не скрою, неуклюжие обороты и языковые небрежности порою вызывают досаду. Разумеется, это мелочи. Шероховатости сгладятся или уже сгладились при редактировании. Но всё вместе взятое потрясает и переворачивает душу. К чему мы пришли и куда идём? Мы, и наша страна, и человечество Земли. Меня поражает масштабность замысла и неопровержимая логика энциклопедической мысли. Мне ещё трудно осознать значение этого явления, которое нельзя воспринимать только как факт литературы. Это нечто большее. Плод философской и научной мысли, который мог созреть только в 60-х годах нашего столетия.

Меня, поклонника «Туманности Андромеды», как Вы знаете, вполне устраивает созданная Вами «модель» человека будущего. Здесь Вы идёте ещё дальше и с яростью борца отстаиваете Ваши идеи, которые были недостаточно развернуты в первом романе. Имею в виду прежде всего личные взаимоотношения и роль Эроса. В отличие от других, меня это нисколько не шокирует.

Убеждает и разговор Эвизы с врачами. И даже её эротический эксперимент. Всё, кроме обсуждения этого эксперимента, потому что акцент должен быть, на мой взгляд, на психологии, а не на физиологии.

Теория инферно и Стрелы Аримана кажется мне неопровержимой. Об этом будут говорить и спорить. Это материал для философских диссертаций.

Извините, Иван Антонович, что так бессвязно излагаю свои впечатления и переживания. Нужно ещё время, чтобы всё уложилось и вошло в систему. Для этого нужно не один раз ещё перечитать «Час Быка», как перечитывал и перечитывал «Туманность Андромеды». Хотелось сказать об этом, чтобы поздравить Вас от души с ещё одной большой победой.

Желаю Вам всего, всего лучшего.
Е. Брандис

Сердечный привет Таисе Иосифовне.

P. S. Если В. И. Дмитревский на обратном пути из Пензы будет в Москве, пожалуйста, напомните ему поручение Секции обратиться к Игорю Васильевичу Бестужеву-Ладе (т. 256-13-40) и обговорить с Вами возможность Вашего приезда в Ленинград на обсуждение «Часа Быка». Намечено на 28 ноября. Если Вы сможете приехать, обсуждение состоится в любое удобное для Вас время. Если присутствовать не сможете, мы пришлём Вам подробные записи.

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

64

Москва
27 сентября 1968 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Большое спасибо за «рецензию» и последовавшую открытку. Не ответил Вам сразу, потому что очень уж сгустилась занятость. Сейчас вроде разгрузился, но с 1 октября поеду в санаторий «Узкое», где буду до конца месяца С романом дело обстоит так: его прочёл новый директор[1] «Молодой гвардии», одобрил вполне и собирается печатать. Из Киева пока нет ответа, но тут ещё есть сильное покушение со стороны журнала «Молодая гвардия». Посмотрим, чья возьмёт. В «Технике — молодёжи» подписал уже две вёрстки на октябрьский и ноябрьский №№, видел рисунки (с сильным китайским флавуром[2]).

В общем, отрывки оприключененного варианта, кажется, получаются ничего — связность не теряется. Скоро увидите.

С Вашими замечаниями во многом согласен, однако, мне кажется, что Вы неправы, утверждая, что могу лучше. Может быть, в каких то случаях и могу, но ведь когда не чувствуешь надобности, то, значит, чего-то нет, какого-то абсолютного слуха, вот и не можешь дирижировать большим оркестром полноценно. Соответственно, если не слышишь, то и не появляется желания, а без желания творчество — ничто, ремесленная поделка.

Насчёт эротики согласен, что в каких-то частностях, может быть, и перегнул, но в целом — чем больше её, тем лучше. Просто эротика нашему

[1] В. Н. Ганичев.
[2] *Флавур* — от flavour (фр.) — вкус.

уху непривычна, как и критика (ревизионизмом иногда клеймёная), а я ведь один-единственный в нашей стране, кто пытается писать серьёзно на эту тему. И не потому, что к старости захотелось вспомнить былое, а по глубочайшему убеждению, что сейчас, когда наш остров со всех сторон омывает вал самого примитивного забубённого секса, жизненно необходимо противоядие в виде нашей, светлой, настоящей, похожей на эллинскую, эротики. А то будет как с Фрейдом — делали вид, что такового не существует, и разоружили нашу молодёжь полностью перед всеми его идеалистическими вывертами. Жаль, что Вы не уделили серьёзного внимания оккультизму — там насчёт секса есть очень верные и точно-психологические указания, как завладевать душами людей. Есть даже разновидность чёрной магии — сексуальная магия — девятой степени посвящения, как видите, для весьма высоких негодяев...

И пользоваться на Западе этими делами умеют!

С Фаррером[1], как видите, спеху нет. А Аллу Петровну не обижайте — она человек деликатный и будет отказываться дондеже[2]. Сделайте после Г. С. перерыв, пусть почитает она и другие мои друзья, а затем она отдаст Вам для других желающих помоложе и «поменьше чином».

Привет Вам от Таисы Иосифовны.

Вам — всяческого здоровья, не хворайте больше.

Искренне Ваш
И. Ефремов

65 А. ЛИНДСТРЁМ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Хельсинки
3 октября 1968 г.

The Art Museum of Atheneum
Kaivokatu 2—4, Helsinki 10

Dear Professor Efremov,

Thanking you for your kind letter we beg to inform you of the following.

"Svenskt Konstnärslexikon, V" (Malmö 1967) gives the following information on Ingrid Ruin:

"Tigerstedt, Ingrid Linnea, born 15.5.1881 in Pori, Finland, died 3.4.1956 in Helsinki. Painter. Parents: the official in charge of accounting in customs Karl Napoleon Lignell and Flora Henrika Lindholm. Married 1) 1919 to engineer Erik Magnus Campbell Tigerstedt, died in 1925, 2) 1931 to editor Torsten Gottlob Hagelberg. T., who after her father's death was adopted by the stepfather prof. Waldemar Ruin, studied in the drawing school of The Fine Arts Academy of Finland in Helsinki in 1897—1901, in The Fine Arts Academy of Copenhagen in 1901—03, under the leadership of Albert Edelfelt in 1903—05 and Anders Zorn in Mora in 1905—11. Furthermore she travelled for the purpose of studying in Germany, France and Italy. From the beginning of the 1930's she moved over to Stockholm. She was best known for her often fine studied naked paintings in conformity to Anders Zorn, for example Dalecarlian girls in a sauna-bath, but she was also a good

[1] Какая книга Клода Фаррера имеется в виду, неизвестно.
[2] Пока, покуда (устар.).

portrait-painter. Among her best works are "The beautiful Maja of the village", "Meditation", "Finnish sauna", "Pierrot" and some self-portraits, in which are found intensive liveliness and love of life and a freedom and freshness in the handling which cannot be imitated. She had among others separate exhibitions in The Art Gallery of Hultberg in Stockholm in 1911, 1914 and 1928 and in Palace Hotel in Göteborg in 1943. Since 1906 she participated in many exhibitions besides Finland in Stockholm, St. Petersburg, Copenhagen, Oslo, Berlin and Rome. She is represented in The Serlachius Foundation in Mänttä".

She was very popular at the time, but she has nowadays no great name, especially as she was so dependant on Zorn.

There is a book with biographical dates of the Finnish artists, written in Finnish and published by the Finnish Artist's Society (address: Ainonkatu 3, Helsinki 10) but I am afraid it does is not have any more, as it appeared in 1962. If you want some book on Finnish art I advise you to write to one of the publishers, Otava, Uudenmaankatu 10, Helsinki 12, or to Werner Söderström Oy, Bulevardi 12, Helsinki 12. They might have something suitable. Most of these books are in Finnish.

Very sincerely yours
Aune Lindström,
Director, Prof.

Художественный музей Атенеум
Кайвокату 2—4, Хельсинки 10

Уважаемый профессор Ефремов!

Благодарим за Ваше любезное письмо и можем сообщить следующее.

Издание «Svenskt Konstnärslexikon, V» (Malmö 1967)[1] приводит об Ингрид Рюйн такие сведения:

«Тигерстед, Ингрид Линнеа, р. 15 мая 1881 г. в Пори Финляндия, умерла 3 апреля 1956 г. в Хельсинки. Художница. Родители: бухгалтер на таможне Карл Наполеон Лигнелл и Флора Хенрика Линдхольм. Замужем первым браком в 1919 году за инженером Эриком Магнусом Кэмбеллом Тигерстедом (ум. в 1925 г.), вторым браком в 1931 г. за редактором Торстеном Готлобом Хагельбергом.

Т., ставшая после смерти отца приёмной дочерью отчима профессора Вальдемара Рюйна, обучалась рисованию в художественной школе финской Академии изящных искусств в Хельсинки с 1897 по 1901 г., затем в 1901—1903 гг. в Академии изящных искусств Копенгагена, впоследствии у Альберта Эдельфельта в 1903—1905 и с 1905 по 1911 год у Андерса Цорна в г. Мора. Для дальнейшей учёбы она ездила также в Германию, Францию и Италию. В начале 1930-х гг. переехала в Стокгольм. Наибольшую известность принесли ей тщательно выполненные картины обнажённой натуры, написанные в согласии с принципами Андерса Цорна, например, "Девушки из Далекарли в сауне", однако она была также замечательной портретисткой. Среди лучших работ художницы "Прекрасная селянка", "Раздумье", "Финская сауна", "Пьеро" и несколько автопортретов, полных жизни, выполненных в свободной и оригинальной манере, отвергающей любую подражательность. Персональные выставки Рюйн проходили в художественной галерее Гультберга (Стокгольм) в 1911, 1914 и 1928 гг., в

[1] «Шведский словарь художника, т. 5» (Мальме, 1967) (швед.).

гостинице "Палас" (Гётеборг) в 1943 г. Начиная с 1906 г. выставлялась помимо залов Финляндии в Стокгольме, Санкт-Петербурге, Копенгагене, Осло, Берлине и Риме. Её работы представлены в собрании Фонда Серлахиуса в Мянтаа».

Она была весьма популярна в своё время, но теперь её не относят к значительным живописцам, в основном из-за большой зависимости от Цорна.

Существует книга с биографическими данными финских художников, написанная на финском языке и изданная Обществом финских художников (адрес: Айнонкату 3, Хельсинки 10), однако, боюсь, она уже разошлась, поскольку была выпущена в 1962 г. Если Вы хотите получить какое-либо издание о финском искусстве, советую написать напрямую издателям: Отава, Ууденмянкату 10, Хельсинки 12 или Вернер Сёдерстрём Ой, Булеварди 12, Хельсинки 12. У них может оказаться что-то подходящее. Большинство этих книг на финском языке.

Икренне Ваша
Проф[ессор] Ауне Линдстрём,
Директор

Перевела Лариса Михайлова

66 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
6 октября 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your letter of Aug. 22nd. It crossed with one of mine and we were both worried about affairs in Europe. Unfortunately we can do nothing about these troubles so we have to write about other matters.

I am very glad that "Le Diable" did arrive safely, even if he did not help you as much as you had expected. The French point of view may be less scientific than yours and so — not so good for your purpose.

The postal regulations in this country are rather odd but happen to be helpful in the matter of sending books to you! The registration fee covers insurance — I think up to £5.00. Book post within the country and to Europe is very cheap but one has to leave the ends of the parcel open so that the authorities can see that the contents really are books. Whenever I take a parcel of books for you to a different post office, I have an argument with the counter clerk because few of them seem to know this regulation. But I always persist and win the argument in the end. The girl in the Farncombe post office which I use now was very puzzled about it the first time I asked her to register a book parcel for you. She had to telephone her superior who supported me and she has remembered me ever since.

I am very interested in your discovery about Rider Haggard's Russian ancestry. It was very bad of Cohen not to mention this in his biography. Many such books begin with a detailed account of the ancestry of the person described and I tend to get lost in the names and personalities of generations that succeed one another so rapidly in the text! You must feel very pleased to be able to claim fellow citizenship with a writer whom you admire so much.

I think that Rider Haggard must have owed a lot of his ability as a writer to that lady of St. Petersburg. I hope that you have been able to find out more about her from newspapers of the period.

You mentioned the wet summer you had in Moscow. Here, too, we had a bad, wet summer and September rains led to heavy floods, especially in the south and east of the country. Our small River Wey overflowed its banks and did a lot of damage. We, of course, are well above any danger of flooding but we lost our telephone for several days and were warned that the water supply was polluted. One railway bridge, under which I walk once or twice a week had to be put out of use, but last Wednesday I saw a train going very slowly across it and now I think the line is working normally.

We had Professor and Mrs. Romer to lunch on Sept. 23rd. They were in England for only a fortnight. Prof. Romer was going to a meeting of palaeontologists at Reading University. They asked if I had heard from you recently and were very interested to get news of you.

My geological daughter Janet and her husband got back from S. Africa in mid-September and she has been here twice since then. They had had a wonderful and very interesting time in Durban, Johannesburg and Cape Town and had been taken on various excursions to see the Geology and natural history of the country.

Now, as usual, it is time for me to go and do some cooking for supper.

Professor Watson is very well; he has seemed exceptionally bright and active lately and sends a warm greeting to you.

My kindest regards and best wishes to you and your wife.

Yours very sincerely,
Katharine M. Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо за Ваше письмо от 22 августа. Оно пересеклось с одним из моих, мы оба были обеспокоены европейскими делами. К сожалению, с существующей проблемой мы не в силах что-нибудь сделать, так что вынуждены писать о других предметах.

Очень рада, что «Le Diable»[1] дошла к Вам благополучно, даже если она не пригодилась Вам так, как Вы ожидали. Точка зрения француза, может быть, не так научна, как Ваша, а значит — не очень подходит для Ваших целей.

Почтовые правила в этой стране довольно странные, но, оказывается, бывают полезными в деле отправки книг для Вас! Регистрационный сбор включает в себя страховку, думаю, около пяти фунтов. Пересылка книг внутри страны и в Европу стоит очень дёшево, только надо оставлять концы пакета незапечатанными, чтобы власти могли удостовериться, что его содержимое действительно составляют книги. Всякий раз, когда я отправляю посылку с книгами для Вас в очередном почтовом отделении, мне приходиться вступать в спор с клерком, потому что многие из них, кажется, не знают этого правила. Но я всегда упорствую и, в конце концов, выигрываю спор. Девушка в почтовом отделении Фарнкомба, услугами которого я теперь пользуюсь, была в первый раз очень озадачена, когда я попросила оформить для Вас книжную посылку. Ей пришлось позвонить своему начальнику, который поддержал меня, и с тех пор она меня запомнила.

Меня очень заинтересовало Ваше открытие русского происхождения Райдера Хаггарда. Очень плохо, что Коэн не упомянул об этом в его биографии. Многие подобные книги начинаются с подробного отчёта о происхождении

[1] См. примечание к письму от 25 августа 1968 г.

описываемой личности, и я, как правило, теряюсь в именах и поколениях людей, быстро сменяющих в тексте друг друга. Должно быть, Вам очень приятно иметь возможность претендовать на единое гражданство с писателем, которым Вы так восхищаетесь. Думаю, Райдер Хаггард во многом обязан своим писательским талантом той даме из Санкт-Петербурга. Надеюсь, Вы смогли разузнать о ней больше из газет того периода.

Вы упомянули влажное лето, которое стояло у вас в Москве. Здесь у нас также было скверное дождливое лето, а сентябрьские дожди привели к сильным наводнениям, особенно на юге и востоке страны. Наша речка Вэй вышла из берегов и нанесла много ущерба. Мы, конечно, живём много выше черты затопления, но на несколько дней мы остались без телефона, а водопроводная вода, как нас предупредили, была загрязнена. Один железнодорожный мост, под которым я прохожу раз или два в неделю, пришлось вывести из эксплуатации, но в прошлую среду я видела, как по нему очень медленно идёт поезд, и, думаю, теперь линия работает в обычном режиме.

23 сентября у нас к обеду были профессор Ромер с супругой. Они были в Англии всего две недели. Профессор Ромер приезжал на встречу палеонтологов Ридингского университета. Они спрашивали, слышала ли я о вас в последнее время, и очень заинтересовались новостями о Вас.

Моя дочь-геолог и её муж возвратились в середине сентября из Южной Африки и дважды с тех пор побывали у нас. Они провели замечательное и очень интересное время в Дурбане, Йоханнесбурге и Кейптауне и приняли участие в различных экскурсиях, чтобы познакомиться с геологией и естественной историей страны.

Теперь, как обычно, мне пора идти приготовить что-нибудь к ужину.

Профессор Уотсон в полном порядке; он кажется в последнее время полным оптимизма и исключительно активным и шлёт Вам тёплое приветствие.

От меня самые добрые приветствия и наилучшие пожелания Вам и Вашей жене.

С искренним уважением,
Кэтрин М. Уотсон

Перевела Мира Покорук

67 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Узкое
9 октября 1968 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Не обладая Вашим замечательным почерком и будучи разлучён со своей машинкой, вынужден ограничиться пока лишь короткой запиской в надежде, что Вы половину разберёте.

Мне очень не только понравилось (кому из авторов не понравиться лестное суждение компетентного человека?), но как-то ободрило и воодушевило Ваше глубокое понимание «Часа Быка». Некоторые из читавших его не совсем поняли, в том числе, как мне показалось, и Владимир Иванович.

Конечно, эта книга не для всякого читателя, конечно, с чисто литературной точки зрения в ней много недостатков (мне очень понравилось Ваше сравнение с

грубой каменной кладкой — это ведь именно так), но я, к сожалению, не очень способен к отделке и отнюдь не стилист — и нет настоящей культуры слова, и нет интереса к этому. Очень доволен Вашим восприятием эротических мест (согласен и с критикой их) — ведь это не прихоть, а подготовка к обороне от очень низкого секса, который захлестнул весь Запад и неминуемо проберётся к нам (как получилось с Фрейдом, вернее, с его эпигонами). Эротика, но не сексуальность, служение любви, но не садизм её и не сатаническая сторона древних инстинктов.

Интересно, что новый директор «Молодой гвардии» Ганичев, прочитав роман, назвал его «настольной книгой для государственных деятелей». Это было для меня несколько неожиданно (произошло у меня на квартире). Поскольку оно было в частной беседе, я прошу Вас не сообщать об этом в сколь-нибудь широком кругу.

Теперь о Вашем вопросе. К сожалению, врачи меня никуда пока не пускают, особенно на периоды плохой погоды. Поэтому, как бы мне ни хотелось всех вас повидать, приезд мой в Ленинград в ноябре или декабре — нереален. Сомневаюсь, что к концу ноября Вам удастся обсудить «Час Быка», поскольку его должны ещё читать мои друзья, а кроме того, вероятно, придётся на месяц-полтора изъять рукопись из оборота для художника, ибо «Техника — молодёжи» где-то потеряла 4-й экземпляр — ужасное свинство, вызванное отъездом их художника и передачей в случайные руки. Если не найдётся, буду вынужден попросить прислать пока мне ленинградский экземпляр, ибо при отсутствии хороших машинисток вторичная перепечатка накопит массу ошибок, править которые сейчас нет возможности. М. б., отложить обсуждение или заменить его рефератом?

Ещё раз большое спасибо и наилучшие пожеланья и приветы от Таисы Иосифовны и меня.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. А то, что Вы говорили о Ленине и Богданове, я это особенно подчеркнул в предисловии для тех, кто не сможет сразу ухватить линию разграбления планеты.

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Узкое
19 октября 1968 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Раз уже Вы считаете мероприятие Ваше неотложным — будь по-вашему.

Одновременно пишу Алле Петровне, чтобы рукопись не отсылала, а передала Вам.

4-й экземпляр так и не вернулся ко мне из «Техники — молодёжи», но ничего, художники подождут с месяц. Срочность возникла из-за того, что, кроме «Техники — молодёжи», роман будет публиковать журнал «Молодая гвардия» (с 1 января), и им понадобился экз[емпляр] для иллюстраций, который отнят от художников для книги. С сердечным приветом и искренним уважением

Ваш
И. Ефремов

Привет большой от Таисы Иосифовны.

69 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

26 октября 1968 г.
52, Sollershott Hall
Letchworth, Herts.

Dear Ivan Antonich,

I'm glad about the Golden Orchid; please don't hesitate to ask me to get something for you — I myself hesitate to buy things for you, as of course you have other sources of supply. As for instance the Rider Haggard books — I never knew about his Russian ancestry, by the way, quite astonishing, isn't it? You must feel an even greater affinity with him now.

I looked into the matter of the "Horror of the Heights": this is the correct title. I wasn't able to find the place or even date of publication but I THINK it is 1914.

It was very hot in the South of France where I impulsively went for a short holiday. I had a look at the Roman remains in Arles, Nimes, Orange etc. I know your first love is Greece (would you like Mary Renault's latest book — the *Mask of Apollo*?) but these temples and coliseums are really majestic. The heat and harsh shadows and bright clear colours are not for me, потому что я с севера, что ли? Southern England had a bad summer but in the North it was beautiful; we're having a pleasant Autumn so far sun and calm weather; rain will no doubt soon be here.

I am steadily improving in health, am working at school and on translations and so on. The school is not a grim building! Diana was surprised to read your opinion! Bear in mind that it's in a pretty red and brick with white windows and surrounded by green trees and grass and it's not too bad!

I got "На суше и на море" — thank you very much. I think the *Snail* tails off very badly, sub-Kafka; I though the first part very powerful and even moving.

What you suggest with regard to a Soviet S. F. Collection is something I've wanted to do for a long time. I even made a list of possible stories, but the problem was always to interest editors in a collection of new stories in a field where much inferior stuff has been translated. I met Judith Merril some time ago in London and to my surprise, she was enthusiastic over "The Path" and wrote the American introduction to it. I felt perhaps my own taste was hard to defend against Judith's — perhaps I was noncommercial. On the other hand Mr. Campbell is very much a "science" man and perhaps his reviewer was reflecting this attitude toward the "Path" stories. Did you get this impression?

Perhaps you (and the Brothers?) could suggest, say, six stories they feel are good for such a collection. The aim is not to be "representative" of all the SF writers but to produce a collection of interesting readable stories.

You could write to Mr. Campbell of course, anyway and see what he thinks. That would be very kind; as you know, my one aim is to get Soviet S. F. "on the map" and I am not interested in making money out of it.

Anyway do let me know soon what you think and thank your wife from me for thinking of me.

Yours Ever,
Alan Myers

Соллершот Холл, 52,
Летчворт, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Очень рад насчёт «Золотой орхидеи»; пожалуйста, не стесняйтесь просить меня что-либо для Вас приобрести — сам я боюсь покупать что-либо самостоятельно, поскольку у Вас, конечно же, имеются другие источники снабжения. Как, например, книги Райдера Хаггарда — кстати, я никогда не знал о его русском происхождении; не правда ли, это кажется странным? Теперь Вы, должно быть, чувствуете ещё большую с ним близость.

Я постарался уточнить относительно «Horror of the hights» — название верно. Я не смог найти выходных данных, но думаю, что это приблизительно 1914 год[1].

На юге Франции, куда я вдруг решился отправиться ненадолго отдохнуть, было очень жарко. Я видел древнеримские развалины в Арле, Ниме, Оранже и других местах. Знаю, что больше всего Вы любите Грецию (кстати, не хотели бы Вы прочесть последнюю книгу Мари Рено «Маска Аполлона»?), но эти храмы и колизеи поистине величественны. Жара, недостаток тени и яркие ослепительные краски не для меня, потому что я с севера, что ли[2]? На юге Англии лето было плохим, зато в северной части оно выдалось прекрасным; сейчас у нас стоит приятная осенняя погода (солнечная и безветренная), но, несомненно, скоро пойдут дожди.

Я стойко иду на поправку. Работаю в школе, занимаюсь переводами и т. д. Школа — вовсе не унылое заведение! Диана, узнав о Вашем мнении, была удивлена. Имейте в виду, что школа из яркого красного кирпича с белыми окнами и обсаженная зелёными деревьями, с зелёными газонами, представляет собой не такое уж плохое зрелище!

Я получил альманах «На суше и на море», — огромное спасибо. Думаю, что конец «Улитки»[3] слишком затянут, хуже Кафки, однако первая часть была очень сильной, даже волнующей.

То, что Вы предлагаете относительно сборника советской научной фантастики, я уже давно хотел сделать. Я даже составил список подходящих рассказов, но проблема всегда состояла в том, чтобы заинтересовать издателей в публикации новых рассказов из области, наиболее пострадавшей от некачественных переводов.

Недавно в Лондоне я встретил Джудит Меррил, и, к моему удивлению, она была в таком восторге от «Пути»[4], что даже написала к нему вступительную

---

[1] «Horror of the hights» — фантастический рассказ А. Конан Дойла о чудовищах «стратосферных джунглей». Их жертвы — авиаторы, поднимающиеся выше 30 000 футов.

[2] Потому что я с севера, что ли? — написано по-русски. Цитата из стихотворения С. А. Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ...»

[3] А. и. Б. Стругацкие. Улитка на склоне.

[4] Речь идёт о выпущенном в 1966 г. сборнике советской фантастики, который составлен Джудит Меррил: Path into the Unknown: The Best of Soviet SF by Judith Merril (Editor). 187 pages. NY: Pan/Macmillan, 1969 (first published 1966) Состав:

The Conflict — shortstory by Ilya Varshavsky
Robbie — shortstory by Ilya Varshavsky
Meeting My Brother — novelette by Vladislav Krapivin
A Day of Wrath — novelette by Sever Gansovsky
An Emergency Case — shortstory by Arkady and Boris Strugatsky
Wanderers and Travellers — shortstory by Arkady and Boris Strugatsky
The Boy — shortstory by Gennady Gor
The Purple Mummy — shortstory by Anatoly Dnieprov.

статью для американских читателей. Я подумал, что не смогу противостоять суждениям Джудит, может быть, я не учитываю коммерческие интересы. С другой стороны, мистер Кэмпбелл в основном человек «науки», и, вероятно, его обзор отразил его отношение к рассказам «Пути». У Вас создалось такое же впечатление?

Вероятно, вы (и Братья?) могли бы предложить, ну, скажем, шесть рассказов для такого сборника.

Наша цель состоит не в том, чтобы «представить» всех писателей-фантастов, а в том, чтобы опубликовать сборник интересных, легко читаемых рассказов.

Конечно, в любом случае вы могли бы написать мистеру Кэмпбеллу и узнать его мнение. Это было бы замечательно; как вы знаете, моё единственное намерение — выдвинуть советскую научную фантастику «на карту», и я не собираюсь на этом разбогатеть.

В любом случае, дайте мне знать, что вы об этом думаете, и поблагодарите вашу жену за заботу обо мне.

Всегда Ваш
Алан Майерс

Перевела Лариса Михайлова

70 В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
30 октября 1968 г.

Дорогой Иван Антонович!

Впервые за двенадцать (почти) лет нашей с Вами дружбы я узнаю о делах Ваших, которые меня всегда волновали как мои собственные, через вторые руки. Евгений Павлович сообщил мне, что «из последнего письма Ивана Антоновича из Узкого явствует», что его «Час Быка» будет с 1969 года публиковаться и журналом «Молодая гвардия». Очень, очень это меня обрадовало А вот сейчас принесли мне «Л[итературную] г[азету]», и я прочёл интервью с Никоновым, в котором подтверждали, что «Молодая гвардия» будет печатать Ваш роман.

Я, по правде говоря, ждал Вашего письма из Узкого, чтобы узнать, как Вы себя чувствуете и как прошла Ваша встреча с Ганичевым и Жемайтисом. Но и об этом я узнал от Евгения Павловича, получившего подробное Ваше письмо. Право же, не ведаю, чем заслужил Вашу немилость! Да, правда, был я это время очень уж закручен и с поездкой в Пензу, и с юбилеем комсомола, и с довольно мерзким выпадом против меня на страницах «Сов[етской] России». И всё же ждал Вашего письма, а о неприятностях своих не писал, т.к. не хотел хотя бы чуть-чуть омрачить Ваш отдых в Узком. Теперь же, полагая, что Вы уже в Москве, решил написать всё же о том, что меня так огорчило и огорчает — предпочтение, оказанное Вами моему соавтору. Вы хорошо знаете меня, Иван Антонович, знаете, что я Вас люблю как одного из самых близких и дорогих мне людей, и вот, право же, мне очень не по себе, тем более что наше последнее свидание (когда мы с Нат[альей] Алекс[еевной] были у Вас) не предвещало, как мне тогда казалось, не только грозы, но и даже «переменной» погоды.

Попутно поздравляю Вас и Тасю с наступающим праздником.

Всегда Ваш *В. Дмитревский*

М. Н. ГРЕШНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 71

Лабинск
30 октября 1968 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Это третье письмо, которое я пишу Вам. Первое было в 1957 году. Оно каплей влилось в многомиллионный хор похвал Вашей «Туманности Андромеды». Я повторил бы это письмо и теперь: я прочитал «Туманность Андромеды» девять раз. Второе письмо я не послал Вам — не решился. Я просил о продолжении «Туманности Андромеды».

С тех пор прошло много времени. Продолжение будет. Появились и у меня свои книги. Тем, что я пишу, я обязан Вам и Журавлёвой, хотя фантастику люблю с детства. Но желание писать пробудилось у меня именно тогда — в 1957, 1958 годах. Может быть, эти две книжки[1] — итог, может быть, начало — не знаю. Но я буду счастлив, если Вы прочитаете их и если что-нибудь Вам понравится. Вдвойне буду счастлив, если ответите на это письмо. А получить «Туманность Андромеды» из Ваших рук — было бы для меня осуществлённой мечтой.

С пожеланием Вам здоровья, долгих лет творчества
и с глубоким уважением к Вам, *М. Грешнов*

Лабинск Краснодарского края.
ул. Маяковского, 55, М. Н. Грешнов

А. КЛЭПЭМ — И. А. ЕФРЕМОВУ 72

Лондон
Ноябрь 1968 г.

THE LINNEAN SOCIETY OF LONDON
BURLINGTON HOUSE,
PICCADILLY,
LONDON, W1V OLQ.
Professor I.A. Efremov, F.M.L.S.,
Paleontological Institute of the Academy of Sciences of U.S.S.R.,
Leninsky Prospect 33,
MOSCOW
U.S.S.R.

Dear Professor Efremov,

As you will see from the enclosed brochure the Linnean Society has launched an Appeal for funds to modernize the Society's premises and particularly to provide safe and proper housing for the Linnean Collections.

To raise the £55 000 required for this project an Appeal Committee has been formed and its members are actively engaged making approaches to a number of organizations and individuals. There is already a promise that about a third of the total sum will be donated by a generous anonymous donor, provided that the remainder is

[1] М. Н. Грешнов послал И. А. Ефремову две своих книги: Три встречи. Рассказы. — Ставрополь, 1962; Обратная связь. Рассказы. — Новосибирск, 1967.

raised by the efforts of the Society. This promise is, of course, most encouraging, but a considerable concerted effort is needed to raise the substantial remainder.

All Fellows and Associates are being asked to contribute to this Appeal. We have already been encouraged by the generous personal gifts made by members of Council and of the Appeal Committee.

The Appeal Committee has been very conscious that the Society holds the Linnean Collections in trust for the world of science and has been most encouraged to learn that the International Union of Biological Sciences has recognized this fact and has itself made a generous donation to the Appeal. On these grounds the Society has felt justified in approaching potential donors overseas.

I am writing now to invite you as a Foreign Member of the Society to assist in this important enterprise by making a personal donation and also by letting me know if there are any individuals or organizations to whom you could explain the Appeal with a view to obtaining a donation.

For your information I am enclosing a list of other Foreign Members (and Fellows) resident in the U.S.S.R. You may also be interested to learn that since 1946 the Linnean Collections have been consulted on about 1200 occasions by biologists from 45 countries.

I feel certain that you will fully appreciate the importance of preserving the Linnean Collections in a proper manner and I very much hope that you will give this Appeal your very sympathetic attention so that the U.S.S.R. may share with Britain in raising the required sum.

If I can assist you by providing any further information, please let me know.

With best wishes,
Yours sincerely,
A. R. Clapham (President)

List of Foreign Members and Fellows. U.S.S.R.
(Leningrad) — S. M. Bukasov. A. L. Takhtajan.
(Moscow) — I. A. Efremov. A. E. Kohts

Лондонское отделение Линнеевского общества
Бёрлингтон Хаус,
Пикадилли,
Лондон, W1V OLQ.
Профессору И. А. Ефремову,
Иностранному члену Линнеевского общества,
Палеонтологический институт АН СССР
Ленинский просп., 33,
МОСКВА
СССР

Дорогой профессор Ефремов!

Как станет ясно из вложенной брошюры, Линнеевское общество объявило сбор средств для модернизации помещения, где оно располагается, главным образом для обеспечения должного хранения Линнеевских коллекций.

Для сбора необходимых 55 000 фунтов стерлингов создан Комитет, члены которого заняты активным обращением к ряду организаций и отдельных лиц. Уже существует щедрое обещание анонимного дарителя внести треть требуемой суммы при условии сбора Обществом остального количества. Подобное

обещание, несомненно, воодушевляет, однако для сбора существенной остающейся суммы требуются большие общие усилия.

Всех действительных и ассоциированных членов приглашают сделать свой взнос. Члены Совета общества и Комитета по сбору средств уже приняли участие и внесли щедрые вклады.

Комитет по сбору средств исходит из осознания миссии Общества по сохранению Линнеевских коллекций для всего мирового научного сообщества и с большим оптимизмом воспринял признание Международным союзом биологических наук этого факта, с благодарностью получив предоставленную этой организацией финансовую поддержку. Поэтому Общество считает оправданным обращение к потенциальным иностранным донорам.

Я призываю Вас как иностранного члена Общества оказать поддержку в этом важном предприятии, внеся личный вклад, а также сообщив мне по возможности о тех людях или организациях, к чьей помощи Вы могли бы прибегнуть, разъяснив им цель сбора средств.

Для Вашего сведения я прилагаю список других иностранных членов Общества (и почётных членов), проживающих в СССР. Возможно также, Вам интересно будет узнать, что за период начиная с 1946 года к Линнеевским коллекциям обращалось около 1200 биологов из 45 стран.

Без сомнения, Вы полностью осознаёте важность должного сохранения Линнеевских коллекций, что позволяет мне надеяться на Ваше благосклонное внимание к сбору средств для этой цели и поддержку Советским Союзом усилий Британии для достижения требуемой суммы.

Если Вы можете предоставить сведения о возможных донорах, прошу дать мне знать.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш
Э. Р. Клэпэм
(Президент)

Список действительных и почётных членов Общества в СССР
Ленинград — С. М. Букасов, А. Л.Тахтаджан.
Москва — И. А. Ефремов, А. Е. Кохц.

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
1 ноября 1968 г.

Многоуважаемая Галя!

Давно не писал Вам, учинив некоторое свинство. Есть слабое оправдание в том, что был в санатории и плохо себя чувствовал, но всё же следовало бы дать Вам понять, что моё отношение к Вам нисколько не изменилось от Вашей последней неудачи. Более того, боюсь, что я мог напортить Вам своим письмом к Бородаю. Ведь мы с Вами не учли психологии самовлюблённого и превознесённого хамья (если он принадлежит к этой категории). Для таких людей всякое указание или совет со стороны — повод к негодованию: «учить меня вздумали, я им покажу!»

Я говорил вчера с Олесем Павловичем насчёт того, чтобы Вас переориентировать на что-нибудь другое вместо Киева, скажем, на Ленинград, где есть знакомства. Правда, есть смысл пробивать в одном и том же месте, чтобы не начинать сначала в другом, но ежели перспективы безнадежны, то, м. б., стоит переломить ориентировку? Подумайте, и мы с Таисой Иосифовной наведём кое-какие справки.

Конечно, жить надо, и рисовать для журналов — это значит в какой-то мере подчиняться их требованиям... Но всё же мне показалось, что не слишком ли Вы изменили себе в последних рисунках — я имею в виду Ваши рисунки к моим «Пяти Картинам». Эти страшные небритые рожи в современном шизофренически-пикассовском духе — я прямо ахнул, где же Галя...

Если искусство перестает быть собиранием красоты, то на чорта оно нужно? Передавать личные мрачные чувства ублюдочной психологии стало очень модным, но Вам-то зачем подражать этому направлению, порождённому бездарностью и ограниченностью видения? Оставьте его тем, кто не только не видит, но и не может вообразить ничего прекрасного!

Сердечный привет Вам от Таисы Иосифовны и меня. Пишите о Ваших делах и планах.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

74 И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ[1]

Москва
10 ноября 1968 г.

Многоуважаемая Зоя Ивановна!

Спасибо за ещё одно хорошее письмо. Простите за почерк — пишу лёжа, врачи уложили дней на 20. Здоровьем похвастаться не могу — мой корабль медленно, но верно тонет — сдают одна за другой переборки, и держится он на плаву только усилиями моей чудесной жены, но, конечно, до первой непогоды.

Я тоже очень люблю Паустовского и Крымова (с ним был немного знаком), ненавижу современные песенки и пошлятину пьес, а абстрактное искусство, начиная с Пикассо — это просто психический сдвиг в ненормальное восприятие мира.

«Час Быка» — роман, выросший из первоначально задуманной «Долгой зари». Фрагменты будут в «Технике — молодёжи», неполный вариант в журнале «Молодая гвардия» с № 1, 1969 г., по 4, а книга — во втором полугодии 1969 г. Желаю здоровья и всего светлого.

Ваш
И. Ефремов

[1] Почтовая открытка с репродукцией картины М. С. Сарьяна «Улица восточного города», 1909.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
12 ноября 1968 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пишу по-прежнему лёжа (простите за почерк), поэтому буду предельно краток.

Директор Всемирного фестиваля н/ф фильмов в Триесте д[окто]р Флавия Паулон пишет мне следующее (по-английски):

«Dear Professor Efremov,

you will have heard by this time that Nebulosa of Andromeda was finally shown at Trieste International Festival of Science Fiction Films with great success of the public and of the Press. The International Jury awarded it the Special Prize of the Jury.

The print had Italian subtitles so it could be properly followed by audience».

[«Как Вы, наверное, уже слышали, «Туманность Андромеды» была наконец показана на Международном Триестском фестивале н/ф фильмов с большим успехом у публики и прессы.

Жюри присудило ей Специальный Приз Жюри. Копия имела итальянские субтитры, так что была правильно понята аудиторией».]

Далее идёт часть письма, не относящаяся к Т. А., а потом д[окто]р Паулон спрашивает: «После того как я видел «Андромеду», я понял, что у неё должна быть вторая часть. Так ли это? Что Вы знаете об этом? (письмо от 22 октября 1963 г.)

Прилагаю обещанное фото письменного стола.

Большая просьба: когда 28/XI пройдёт обсуждение «Часа Быка», прошу Вас немедленно передать рукопись назад Алле Петровне. Из-за обсуждения пришлось отнять у друзей рукопись недочитанной, и мне неловко, если им не вернут сразу для окончания чтения. Пожалуйста, проследите за этим сами.

Отрывки из «Ч[аса] Б[ыка]» должны ещё появиться в «Литгазете» и «Комсомолке».

Удивительно! У меня впечатление, что некое высокое начальство её прочитало и дало одобрение. Как иначе?

Сердечный привет всему милому семейству. Тасенька Вас целует, а я — обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Стругацкие опубликовали свою гнусную «Тройку»[1] в журнале «Ангара». Видели Вы такой журнал, и где он издаётся?

И. Е.

---

[1] «Сказка о тройке» — сатирическая повесть А. и. Б. Стругацких.

76 В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
15 ноября 1968 г.

Дорогой Иван Антонович!

Всё напомнило сказку «повторений». Номер «Техника — молодёжи». Иван Ефремов. Научно-фантастический роман. Рисунки Побединского. Я, разорвав конверт и полистав журнал, тут же прочёл начало… Как одиннадцать, увы, лет назад, когда точно так же я впервые встретился с Эргом Ноором и Низой Крит на борту «Тантры». И это меня взволновало до чрезвычайности, и я много и долго вспоминал, и кадры уже далёкого прошлого вновь обрели свою яркость и мелькали, мелькали перед моим мысленным взором, и я ещё думал о той борьбе, которую пришлось вести за «Туманность Андромеды».

А — 28-го… Вот что будет 28-го <в письмо вклеено объявление. — *Ред.*>:

28
Четверг

Секция
научно-фантастической
и научно-художественной
литературы

Обсуждение рукописи
нового научно-фантастического романа
Ивана Ефремова
„Час Быка“

Вступительное слово В. ДМИТРЕВСКОГО
Отв. Е. П. БРАНДИС
Начало в 19 часов

Роман уже прочли: Бритиков, Брандис, Гор, Ольга Ларионова, Борис Стругацкий, Аскольд Шейкин, Мееров. Сейчас он у Шалимова.

Все читавшие его, я бы сказал, ошеломлены грандиозностью и множественностью проблем, поставленных автором в самых различных сферах: и социалистической, и философской, и биологической, и экономической, и морально-этической, и ещё, и ещё…

Теперь так: мне выпала честь сделать вступительный доклад о романе. Я к этому готовлюсь, и должен сказать, что известную помощь оказал мне в этом деле Леонид Ильич Брежнев своим выступлением на съезде ПОРП.

Цитирую его слова: «Пытаясь скомпрометировать социализм, идеологи буржуазии спекулируют на трудностях и ошибках в развитии этой или иной социалистической страны. Что можно сказать по этому поводу? Да, трудности в развитии социалистических стран были, они есть и, вероятно, будут в дальнейшем, на каждом этапе свои трудности. Одни из них имеют объективный характер, обусловлены историческими, природными и иными факторами. Другие — имеют характер субъективный, вызваны тем, что было найдено не самое удачное решение той или иной проблемы развития, т. е. были допущены

какие-то просчёты, ошибки, что ещё не научились полностью использовать все возможности, объективно заложенные в социалистическом строе.

Вопрос в том, как реагировать на трудности и допущенные ошибки». и т. д. (Во всех газетах от 13 ноября с. г.).

Согласитесь, что это выступление Брежнева очень в жилу «Часу Быка»?!

И всё же мне необходимо с Вами посоветоваться. В романе есть некоторые отчетливо выступающие и остроугольные ассоциации и исторические параллели.

Обсуждение будет стенографироваться. Нужно найти и, прежде всего, мне самому такую форму оценок, которая бы ни в какой степени не могла бы насторожить не в меру «бдительных» критиков и редакторов. Нет надобности совать голову в пасть ещё не прирученного тигра. Как же быть? Мне пришло в голову, что, может быть, следует сказать, что прочитанный нами вариант ещё будет подвергнут известной авторской доработке, т. е. он не окончательный. Я ведь не знаю, какие сокращения и смягчения формулировок приняты Вами для журнала «М[олодая] г[вардия]» и для издательства. Вообще, прошу Вас помочь мне своей мудростью, мой дорогой друг.

Спасибо Вам за письмо и приятные вести из Триеста. Но какое же безобразие! Наша печать не пожелала ни словом не обмолвиться по этому поводу. Вот ведь какое негодяйство!

Обещаю Вам, что 29 ноября рукопись будет уже у Аллы Петровны (хотя мне бы хотелось как Вашему биографу поставить её — рукописный текст рядом с рукописью «Туманности Андромеды», имеющейся у меня.) А?!

Страшно огорчён, что в Узком получилось не так, как должно бы было получиться. А как Вы себя чувствуете сейчас?

Что касается «Ангары», то оного журнала я никогда и в глаза не видывал. Закоулки литературы! Странный и ненужный выбор братцев. Ну да бог с ними!

Надеюсь получить от Вас ответ.

Мы все желаем Вам здоровья, целуем Тасю, Вас же я крепко обнимаю и люблю.

Ваш *Влад. Дмитревский*

И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ

Москва
16 ноября 1968 г.

Дорогой Олесь Павлович!

Подгоните, пожалуйста, Галю с чтением романа. Если ей сейчас некогда — пусть отложит — мне нужна рукопись срочно.

С 3.11 меня уложили в постель до 20-го — консультанты новые. Поэтому извините за почерк — пишу лёжа.

Сердечный привет и светлые пожелания Вам и Людмиле от Таисы Иосифовны и меня.

Ваш
И. Ефремов

78 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
21 ноября 1968 г.[1]

Дорогой Владимир Иванович!

Извините, что буду краток, так как всё ещё продолжаю болеть и лежать.

Меня удивляет Ваша тревога по поводу обсуждения «Часа Быка». Сам я, соглашаясь дать рукопись на прочтение своим ленинградским коллегам, хотел познакомить их с новой вещью моего прежнего утопического плана, идущей несколько вразрез с современным уклоном научной фантастики. Обсуждение мне представлялось так, что мои коллеги соберутся и обменяются своими впечатлениями, больше для себя, чем для меня. Потому я и дал без опасения рукопись, то есть ещё не окончательную редакцию романа, который, разумеется, будет отделан несколько лучше в печатном варианте.

Вы же тревожитесь так, будто опасаетесь некоего официального разгрома, за которым может последовать какое-либо доносительство. Если это так, то зачем тогда делать обсуждение? Обсуждение, поставленное на официальную ногу, со стенограммами не правомочно уже потому, что имеет дело с рукописью, а не с выпущенным из печати произведением.

Мне кажется, что или Ваши опасения напрасны и мои коллеги дружески обменяются впечатлениями о достоинствах и недостатках романа. Или же, если Вы думаете о каких-либо разгромных тенденциях, то следует обсуждение отменить, ибо оно только может повредить опубликованию романа и оказать мне медвежью услугу. Поэтому я ничего Вам посоветовать не могу, смотрите сами. Во всяком случае, мне не понравилось, что Вы снова говорите об аналогиях и исторических параллелях, как будто те, кто будут отвечать за издание романа, чего-то не додумали.

Сердечный привет всему семейству от Таси и меня. Вас обнимаю и очень рад, что Вы испытали сходное с моим впечатление от первого номера «Т[ехники] – м[олодёжи]».

Ваш
И. А. Ефремов

79 Ф. В. БАССИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
22 ноября 1968 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Мне доставило огромное удовольствие получить от Вас весточку. Насколько я знаю, Вы нездоровы, и я, конечно, от души желаю Вам как можно скорее восстановить Вашу обычную крепость и энергию.

Теперь о деле. Конст[антин] Конст[антинович] и я напрашивались к Вам на консультацию вот по какому поводу. Мы написали книжку под завлекательным названием «О скрытых возможностях нервной деятельности человека». В ней идёт речь сначала о «феноменальных способностях» (у эйдетиков, вы-

[1] Датируется по содержанию.

числителей, обладателей «сверх-памяти» и т. п.). Затем мы говорим о расширении возможностей в условиях обычного гипноза и ауто-гипноза. Вторая же половина книги — это рассказ о иогах, лозоискателях, кожном зрении, телепатии и т. п. Заканчивается книга главой о «психологической установке», в которой авторы старательно уговаривают читателя, что ему нечего завидовать иогам, потому что если он чуть-чуть постарается, то и сам начнет откалывать чудеса не хуже иога (насчет убедительности этих уговоров не ручаемся). Словом, весь рассказ ведётся под явным влиянием идей небезызвестного Вам Ивана Гирина.

Так вот, когда мы говорим о чудесах иогов, то по части «огнехождений» у нас есть очень солидный, как мне кажется, материал (включая специальную монографию — проф[ессора] Шаранкова — изданную в 47 г. в Болгарии); кое-что интересное есть и по части «захоронений» (в том числе репортажи Times of India и Hindustan Times 1957 г., присланные мне из Индии). Но, всё же подкрепить эту главу материалами, доказывающими реальность захоронений, было бы не лишним. Мы и хотели узнать у Вас, не подскажете ли Вы нам какие-нибудь источники.

И аналогичная просьба в отношении респ[1]. Тут у нас дело совсем плохо. Я искал указания на описываемый Вами обряд даже в рукописях фильмотеки Лен[инской] библ[иотеки], — у Музумдара, Свами Наранаянды и др[угих] — но ничего не нашёл. Если бы Вы нам дали хоть какую-нибудь ниточку, мы бы Вам очень были признательны. Пока же мы ограничиваемся ссылкой только на Гирина.

Вот какие наши к Вам просьбы, Иван Антонович. Мы рискнули Вам их изложить, потому что Вы допустили в своём письме терминологическую неточность: Вы пишете о «любопытстве», а на самом деле никакое это не любопытство, а просто — душевная молодость, учитывая которую таиться от Вас нечего. Ещё раз — большое спасибо за отклик. Не залёживайтесь!

Искренне преданный Вам *Ф. Бассин*

P. S. То, что Вы пишете о Ю. Н. Зайцеве, — очень интересно, и я с большим удовольствием с ним бы побеседовал. Но я уезжаю через пару дней (на 2—3 недели) в Болгарию. Как только вернусь, буду очень рад с ним встретиться.

Ф. Б.

Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Хабаровск
23 ноября 1968 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Обещал свои впечатления о первой серии «Андромеды». В Хабаровске поставили осенью с. г, первое в крае широкоформатное кино. Большой серого кирпича сарай с фасадом в самую ледяную дующую часть Амура, с микро-фойе и кассой, от которой до входа надо сделать 120 моих шагов (туда и назад). К кассе, конечно, надо ещё спускаться по разнокалиберным ступенькам, на которых моя нога не умещается (нет в России цемента), а подниматься в кино также по ступеням и в зал также по ступеням. Планировка, по-моему, давно изжитая. Во всяком

[1] Так в тексте.

случае, я бы проектировал иначе. Все неприятности несколько сглаживаются залом мест на 700—750. Кресла широкие, между креслами хорошее расстояние, хотя подлокотники почему-то один на двух зрителей. Хороший звук и чёткий экран.

Но вот я сижу на «Андромеде». Интересно, будет она лучше книги или хуже? В зале молодые люди, дело было днём. Начинается картина с пионерского собрания (сбора), как думают все, но, оказывается, это передача эстафеты. Начало не из увлекательных. Сам роман начинается по-другому и сразу захватывает. Далее показывают людей, но их характеров, кроме Эрга, я пока не почувствовал. Хорош внешне Ветер, но когда он говорит, оказывается, он шепелявит и создаёт впечатленье человека очень старого. Думается мне, что через столько веков мы уже научимся ставить человеку новые зубы без коронок и мостов. Его любовь внешне для меня прекрасна, но молодые люди зашипели на Веду Конг: «Старуха! Старик и старуха!» Пейзажи в картине отменны, особенно с полем и морем. Но действия в картине пока было мало.

И вот появляется Железная Звезда! Эти кадры интересны, их зал смотрел с затаённым дыханьем, хотя описаны они в книге более сочно. Я бы, будь режиссёром, начал с Звезды. Только мне странным показался допотопный робот в будущих веках, который вскрывает космолёт-диск. Робот этот — точно робот XIX века. Думается, в те времена роботы будут как люди, лишь в разной одежде из стали или пластика.

После ярких сцен Звезды начинается красивая любовь Эрга. Она трогает, актёр почти хорошо играет. Некоторые шмыгали носами. Но шёпот молодежи, что картина о стариках, стал громче. Возвращение на Землю и снова пионер-сбор, который уже мы видели в начале картины. Не осталось у меня впечатленья, что Ветер — герой и умница, который управляет огромными силами. Он лишь ходит. Ведь не все читали роман. И вот конец картины. Второй серии не последовало. Хотя я её жду, зная, что там много кадров, которые увлекут зрителя. «Андромеда» шла у нас всего два дня, что очень мало, и её заменило «Лебединое озеро», которое шло дней 10, если не больше.

Я не знаю, сколько будет серий. Но, конечно, роман проиграл на экране. Лучше, в 10 раз лучше, сам роман, и я, чтобы смыть впечатление от кино, прочитаю (чуть ли в пятый-шестой раз) подлинник. Всё-таки перо сильнее объектива! В. Дмитриевский, видимо, ещё молодой драматург кино, хотя опытный критик фантастики. Разговоров о картине в городе я не слышал совершенно, хотя любая картина в «Восходе» (ш[ироко]ф[орматное] кино) становится темой дня.

Пиша так, я Вас не огорчаю, а огорчаю постановщиков. Всё-таки кино имеет свои законы!

Из Вашей открытки узнал, что Вы были в Санатории. Поправилось ли Ваше здоровье? Каким воздухом Вы дышите? Асфальт-смэг-трубно-табак-пыльным столицы или озоном Подмосковья? У меня под носом водрузили 5-этажный дом и закрыли мне пейзаж. Конец прекрасному речному виду, которым я так гордился эти 8 лет. Теперь серая стенка, и амба!

Виноват, что я гильзы принял за патроны, хотя письмо Ваше перечёл несколько раз. Что значит, что я не охотник, а только пистолетчик. Но гильзы мне обещали, и они у Вас будут. Я не разжимаю челюстей, как бульдог. Китаем у нас никто не интересуется, кроме редких спецов. Самые интересные мои вещи о Китае были забиты: «Нет образа Сталина!» Китайские рассказы, которые печатались, никто не читал. Русич любит белолицых. Тибет не интересен —

там живут усохшие цыгане, грязные и косные, хотя природа его незабываемо роскошна. Можно дать что-то русское на этом фоне. Но чем хуже наш Памир и Кавказ? Юго-западный Китай — это проказа, нищета, дикость, ламаизм и буддизм, горы-горы-горы и бешеные каньон-реки. Написать о нём можно. Сычуань богат и 5 урожаев в год. Но жизнь китайца убийственно неинтересна и постна, а ныне — это рабское влаченье Мао-автоматов (роботов).

Литература имеет свои законы, что бы мы ни писали. Вот велик Уэллс, вот его 15-томник у меня, и я знаю, что читается из его трудов у нас и там. А читается всё то же — что детективно, страшно, загадочно, опасно и весело А где идёт мораль и поученье, где свет слаб и нет тайны, то уже читается хуже. Вот А. Додэ, читается опять-таки самое интересное. Вот у меня Бальзак, но у него читается всё с запоем: всё интересно и всё построено по известному принципу. Вот уже блестящий, но совершенно не интересный Ценский. Я читал его для языка; он богат; люди как живые, но не увлекает, и можно спокойно бросить книгу и не читать её месяц, год, и не тянет. А попробуй брось Конан Дойля в середине, или «Андромеду» или «Лезвие»! Не получится. Отсюда вывод — писать надо интересно, т.к. читатель ленив и клюёт только на наживу «интересного». И мне хочется написать такие книги, чтобы они читались всегда и везде. Библиотеки мне говорят, что «Остров алмазов» всё время в ходу. Он был продан очень быстро, а «Тропой женьшеня», несмотря на все тёплые рецензии, до сей поры продаётся всюду. А я ведь сам продал его 3000 книг примерно из 30 000. И вот «Красный жемчуг» я так скомпоновал, что он будет намного интереснее всего мной прежде написанного. Очень долго я работал над композицией его от начала до конца, не пиша ещё черновика. И всячески думая над каждой главой, как бы её уинтереснить, думая, конечно, на свежем ветру Амура. Вначале у меня было глав 6—8 по степени интереса на три и четыре с минусом. Ныне осталось только две главы на 4 с минусом, а остальное всё выше. Мне хочется показать прогресс нашей науки, и хочется показать ноу-хау-цам (Знаю-как-цам) (самоназвание англичан), что и русские не лыком шиты и имеют технику, в том числе и в уголовном деле, ой какую высокую! Конечно, и познавательная цель.

Хочу сообщить Вам новое слово — «конурбация». То есть «КОН» — сочетание, слияние и УРБ — город — это слияние ряда крупных городов в связанные другом с другом созвездия по работе, жилью, технике, промышленности, хозяйству и др. Конгломераты городов, отделённых друг от друга расстоянием. Например, восток США — это 50-миллионная ленточная, по берегу Атлантики, конурбация. Но я отвлёкся.

Появилась возможность переиздать «Остров алмазов», на который Вы в своё время писали теплый отзыв, дав совет поработать ещё над образами и языком. Это на 1970. Я, конечно, буду бороться за 30-листного Арсеньева, и Ваша поддержка, как Вы писали, очень важна. «Литературная газета» звонила своему собкору в Хабаровск, заказав ему материал о моей работе в этом направлении. Кто натолкнул «Лит[ературную] газету» на эту тему? Вероятно, Иван Антонович? Если так, то я очень Вам благодарен.

У нас тёплая зима. Амур ещё не встал. На ночь мы открываем дверь на балкон и с красными носами дышим речным озоном. Голова свежеет, душа молодеет, хотя утром зуб на зуб не попадает.

Прочёл автобиографию китайского императора Пуи «Первая половина моей жизни» изд. Прогресс, 420 стр., I.2I, Москва, 1968. Прочтите непременно; вот где

правда о китайском дворе, его обычаях, хищеньях, политич[еских] махинациях и царской семье... Очень интересно! Я пять лет был с Пуи — учителем и переводчиком. Теперь и мне можно написать свои воспоминания о нём и о марионеточном государстве Маньчжоу-го. А знаю я о Маньчжоу-го, наверное, больше других, т.к. 7 лет просидел только в нём (1939-Х— 945-Х) и всё помню, а что забыл, найду в японских книгах. Пуи отравлен Мао в октябре 1967. Жалко, хороший был парень! У меня есть веер, на котором он сочинил в мою честь стихи в Токио, август, 1946.

Кончаю. Ещё раз повторяю, что Ваш пример для меня — лучший допинг, и будь я вне семейных скандалов, которых выше головы в нашем рабочем квартале и часто многие ко мне на суд, то давно бы написал несколько книг. Одну сдаю в декабре, хотел в ноябре. Вторую, уже законченную, сдаю в январе 1969. Это все мои новости. Аминь!

Всегда помнящий и признательный
Г. Пермяков

81 В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
27 ноября 1968 г.

Дорогой Иван Антонович!

Только вчера, уже после моего телефонного разговора с Тасей и последовавшей за ним отмены обсуждения «Часа Быка», получил Ваше письмо.

Прочёл его раз, прочёл ещё раз и пришёл к выводу, что должен на него ответить, ибо холодно-гневный тон письма по существу направлен против... меня.

Неужели на двенадцатом году нашей с Вами дружбы мы перестаём понимать друг друга?! Ведь Вам хорошо известны мои бойцовские качества. Они как будто бы проверены в «сражениях» за «Туманность Андромеды» и «Лезвие бритвы». Так почему же Вы решили, что теперь, имея в виду «Час Быка», я разоружился или изменил своей точке зрения и на Ваше творчество, и на необходимое направление научной фантастики (советской) вообще?! Дал ли я Вам какие-нибудь основания так думать?

Вспомните: решался вопрос об обсуждении Вашего романа на Ленинградской секции без меня и помимо меня. Бритиков, Брандис — вот кто договаривался с Вами. Не я! Меня, когда я вернулся из Пензы, просто поставили перед фактом: будет обсуждение. Ну и попросили сделать вступительный доклад. Понятно, я согласился, ибо считал и считаю, что имею все основания на право «первой ночи».

Хорошо... Как же развивались события после того, как я дал согласие делать доклад?

Прочитавшие роман, выражая своё восхищение и восторг по поводу грандиозности замысла, смелости постановки вопроса, глубины его философской нагрузки и т. д. и т. п., тут же начинали чмокать и покачивать головами... «Да, но разве он проходим?» — «Вы видите — ассоциации...» «Как выступать в этом случае?» Кому-то, чуть ли не Бритикову, показалось даже, что роман пессимистичен по существу.

Вот тогда-то я и взволновался, и решил написать Вам, именно имея в виду не оказать Вам «медвежьей услуги». А Вы... «...мне не понравилось, что

Вы снова говорите об аналогиях и исторических параллелях, как будто те, кто будет отвечать за издание романа, чего-то не додумали».

Не опять говорил, а, выслушав впечатления читавших роман ленинградцев, нашёл нужным написать Вам об этом... Что же касается тех, «кто будет отвечать», что ведь получилось так, что именно я оказался не в курсе дела.

Вот как обстояли дела на самом деле и вот каковы были причины, заставившие меня обратиться к Вам с письмом (что я привык делать во всех затруднительных для меня случаях), полагаю, прямым и, как всегда, абсолютно дружеским.

А получилось почему-то так, что я в Ваших глазах оказался чуть ли не главным «возмутителем спокойствия».

Честно признаюсь, мне это больно, ибо несправедливо.

Подписался на «Молодую гвардию». Интересно, во скольких номерах думают они пропустить «Ч[ас] Б[ыка]»?

Целую Тасю, Вас же обнимаю и желаю как можно скорее «обрести форму».

Ваш *Влад. Дмитревский*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. З. ЗЕНОВУ

82

Москва
27 ноября 1968 г.

Дорогой Александр Захарович!

Примите запоздалую благодарность за поздравления с праздником и передайте её, пожалуйста, Совету Марксовского музея. Я болею с октября, и как видите, пока ещё не могу писать на машинке.

Новый мой роман «Час Быка» смотрите в «Технике — молодёжи», начиная с 10-го номера этого года, и в журнале «Молодая гвардия» с № 1 1969 года.

Я не понял, какие фото вам нужны — моей персоны, или экспедиционные, или ещё какие?

Моих фото последних у меня нет, есть только позапрошлогодние.

Привет Вам от Инны Ивановны и Петра Константиновича.

От души желаю здоровья и успехов.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

(Это письмо было от руки, торопливым почерком, писал лёжа в постели.)

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

83

Москва
1 декабря 1968 г.

Дорогой Борис!

Придётся Вам разбирать мои каракули — после болезни (очередного серд[ечного] приступа) ещё не разрешено писать машинкой.

[1] Почтовая открытка с репродукцией картины Н. Пиросманашвили «Крестьянка с детьми идёт за водой».

Рад, что жизнь у Вас как-то начинает стабилизироваться, следовательно, будет возможность заняться писаниной — настоящей, без постоянной оглядки на редактора или преподавателя. Я тут думал о Вас и как-то удивился — почему у нас моряки не пишут о море? Полтора месяца я пролежал и читал преимущественно морскую английскую литературу — до чего же здорово. А у нас — великой морской державы — в последнее время — ничего кроме убогой казённой писанины. Даже приключения и крушения в газетах описываются так, что сразу видать — брехня, что-то не то.

Неужели нельзя нам написать так, чтобы было настоящее чувство моря, корабля и человека, сплавленные вместе в общей борьбе со стихией и судьбой?

Все мои (кроме Аллана, который опять в Сирии) шлют Ларисе и Вам наилучшие приветы. Пишите. А м[ожет] б[ыть], выберетесь в поездку? Мой новый «Час Быка» читайте в журнале «Молодая гвардия», №№ 1—4, 1969 г.

Сердечно Ваш
И. Ефремов

84 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
5 декабря 1968 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Что-то часто я стал получать от Вас письма с упрёками — явно разладилось наше понимание друг друга, прежде действовавшее без осечки. Вот показалось Вам, что я Вас обвиняю в письме, и тон холодный. Насчёт тона просмотрели бы специальное предупреждение, что письмо будет по болезни краткое, а потому и может показаться резким.

Насчёт вины — никого я решительно не виню, кроме разве себя, что разрешил читать своего ещё не рожденного младенца тем, о которых думал, что они — писатели, а они оказались — цензоры с оглядкой на начальство.

В самом деле, ведь меня не интересует перечисление «углов» и «параллелей», а общая оценка умных, задумывающихся над будущим и творческих людей — писателей или критиков, но — настоящих. Если не так, то зачем же им читать до окончательного выхода в свет — тогда уж любой из читателей сможет оценить, а я всё равно лучше не могу написать.

Вот почему, когда я получил Ваши опасения, то стало очевидно, что я сделал промах, позволив «обсуждение» тем, кому позволять нельзя обсуждать по рукописи (я не имею в виду, разумеется, ни Брандиса, ни Бритикова), и попросил Вас сие дело остановить. Через несколько месяцев журнальный вариант романа выйдет в свет — тогда вот и материал.

Если бы Вы мне не написали свои тревоги, то, вероятно, я ничего бы и не знал — об официальном направлении, которое хотели дать обсуждению рукописи и, вероятно, подчеркиванием «углов» мне бы товарищи напортили, во всяком случае, привлекли бы излишнее внимание и возбудили бы ненужные опасения. Поэтому Ваш поступок был вполне дружеским, и как же мне Вас за него не благодарить! А Вы вычитали обвинение! Что у Вас — комплекс неполноценности, что ли, развивается с годами?

Вообще-то говоря, Вы могли бы остановить всё дело и без запрашивания «Москвы», т. е. меня. Ведь я могу всецело положиться на Вас в деле, касаю-

щемся безопасности своего младенца — Вам и люди известны, свои, ленинградские, и, следовательно, стратегия должна быть Ваша, а не моя.

Теперь насчёт самой рукописи. Не считайте, пожалуйста, если я прошу Вас передать рукопись для дальнейшего чтения, что я не хочу подарить её Вам. Просто ещё не пришло время — пока не издан роман, пусть читают, пусть берут художники и т. д. А потом видно будет, вероятно, я отдам Вам не этот экземпляр, а другой, который будет посохраннее, скажем, тот, который с самого начала попал к Побединскому и лежит у него — его меньше всех будут читать.

Кстати, Бритиков до сей поры ещё не передал Алле Петровне рукописи. Куда же она девалась?

Я, как видите, уже сел даже за машинку, понемногу начну выходить. Осень эта, прямо говоря, была для меня неудачна, и сейчас надо её навёрстывать, так как многое упущено. А ослабел я всё же за болезнь порядочно…

Сердечный привет всему Вашему семейству от нас обоих.

Вас обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ

Москва
6 декабря 1968 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Простите, что не сразу ответил — Ваше письмо застало меня в постели после очередного приступа, и я не смог сразу взяться за чтение Вашей рукописи.

«Изумрудный перстень»[1] мне понравился — я люблю такие истории. Однако, боюсь, что мой вкус стал несколько старомоден. Теперь что-то стали писать с выкрутасами, так, что сразу и не поймешь, что к чему и зачем написано. Поэтому Вы не полагайтесь на моё суждение, а пошлите в какую-либо из известных Вам редакций — Географгизовскую, что ли. В «Вокруг света» — там засели лихие молодые люди, повесть вряд ли будет у них иметь успех. Повесть мне кажется готовой для печати. Нужна только небольшая чистка неудачных выражений, вроде «края плечей», часто встречающейся «неземной красоты» и т. п., но ведь это дело чисто техническое.

Наверное лучше, если Вы снабдите (перед посылкой в редакцию) повесть предисловием, говорящим, что Вы, занимаясь Атлантидою, не раз натыкались на обрывки легенд Южной или Центральной (?) Америки, которые могли бы быть отзвуком древних преданий об атлантах, и Вам захотелось восстановить в художественной форме эти неясные сказания. Так появился «Изумрудный перстень»…

К сожалению не могу похвастаться улучшением здоровья. Сердце становится всё хуже, и я похож на корабль с большими пробоинами, которого ещё держат на воде уцелевшие водонепроницаемые переборки. До первой непогоды… Но благодаря жене плыву, хоть и весьма ограничен в передвижениях

[1] Повесть Н. Ф. Жирова.

и выходах на улицу. Попытка поехать в санаторий обошлась в два месяца постельного режима. Увы, что сработалось, то сработалось!

От души желаю Вам утеснить ваши хвори так, чтобы писать дальше. Ваши большие знания очень нужны в наш малограмотный век.

Будьте здоровы, елико возможно,

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

86 Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ

Измаил
14 декабря 1968 г.

Дорогой Иван Антонович!

На днях получили Вашу открытку, в тот же день телеграмму, и вот теперь — лекарство, спасибо, дорогой наш спаситель! дай Вам Бог крепкого здоровья и долгих лет жизни! В который раз вот так в самый трудный момент Вы протягиваете руку помощи!..

Ваше настоятельное предупреждение приняли к сведению. С употреблением лекарств будем осторожны, думаю, что действие их скажется положительно, и это меня немного успокаивает, так как виновником болезни Ларисы считаю себя, ибо сам поставил её в те невыносимые условия, в которых и металл не выдерживает, и которые, словно в насмешку, жизнью именуются, или ещё: временными трудностями!

Даже стыдно, что пришлось тревожить Вас в таком состоянии, зная Вашу участливость во всех моих бедах. За это меня ругает и Лариса. Но что же я мог поделать, если помочь больше некому, а о Вашей болезни я ничего не знал! Простите великодушно, как прощали мне много раз до этого.

При случае сообщите стоимость медикаментов, думаю, стоят они недёшево даже в денежном исчислении! Но это позже, при случае.

Вы говорите о морской литературе. Есть. Написано много, но печатают мало и не то — серую продукцию присяжных помполитов[1]. В бытность мою на Сахалине, в пивной «Три пескаря», я половину дня раскрыв рот (а время у меня было — бичевал!) слушал главы повести спившегося с круга капитана дальнего плавания Соколова. Он читал там постоянно, зарабатывая таким образом на хлеб и водку. Увы, Герман Меллвиль и Дж. Конрад не писали лучше, а кому известен Соколов? Да один ли он?

Сколько сюжетов и замыслов покоится в моих дневниках. Сейчас не до них — знания маловато, да и жизнь не устроена, а потом, глядишь, будет поздно по разным причинам. А писать сейчас, зная наверняка, что пишешь «для себя» — рука не поднимается. Посадите на моё место Дж. Лондона, и он начал бы тем, чем кончил.

Вот, пожалуй, на мой взгляд, основная причина отсутствия искренних, увлекательных вещей, а коммерческие и иные мотивы вредят таланту и не могут обмануть читателя — такой уж он человек!

---

[1] *Помполит* — в армии и на флоте: помощник командира по политической части.

Читаю «Технику — молодёжи». Наконец-то! Больше не скажу ничего! Пока всё.

Ещё раз прошу принять мои извинения и сердечную благодарность!

Будьте здоровы! Привет и лучшие пожелания от Ларисы Вам, Тасе, Бородаевским!

Искренне Ваш: *Борис*

P. S. Пересылаю заметку о британском моряке Д. М. Уодропе[1]. Суперкарго держался молодцом!

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

87

Чикаго
23 декабря 1968 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

I was delighted to receive your recent letter but dismayed to hear that your health had gone somewhat bad again. I do hope that you are feeling better now. I am sending for the Index of National Geographic and sooner or later you should get it. They are v*ery* slow. Also I will send your "Cosmos and Paleontology" as you have asked. I went to do that this morning and found I did not have your letter with me. I am sure it will turn up, probably in a coat-pocket. For the moment I will have to delay because I do not have the address.

Some time ago, two or three months, I sent two copies of my "Dialectics and Evolutionary Thought" to you. Perhaps they will have arrived by now. I also sent some "gentle" books that I thought you might enjoy. I hope these two may have arrived. In recent times our mails here seem to be having more and more trouble, just simply with things getting lost. I hope this has not happened. Anyhow, I have sent off two more copies of the Dialecties paper. Professor Yablakov of Leningrad saw the thing and asked for a copy, which has been sent. Outside of that, with perhaps 10 requests in this country, not too much static has arisen. I presume that most persons here are not really too interested, except the philosophers, who probably would never think of looking at Evolution.

About my book. I though I had told you pretty much what it was going to be, but maybe I did not. Anyhow, it is a rather long treatment of Vertebrate Paleozoology from a series of different points of view. I have tried to put it into an exploratory vein, to show what has been done, what has not been done, what might be done, and all of the problems and benefits that the science involves. As the book now stands it has four sections. The first deals with the nature of the fossil record and what can be made of it, and what cannot. It sets it in its evolutionary context and I try to encompass some of the restrictions that this or any other particular framework entails. The second section explored the matter of vertebrate morphology and what can be done with the various

[1] В 1956 году в Тихом океане 2-й помощник капитана Дуглас М. Уодроп оказался за бортом судна и 9 часов провёл среди акул.

systems by use of fossils. I treat from this point of view each of the major systems as it can be represented and interpreted and as it has been. This is taken up on the basis of the inferential levels necessary to get information. These first two-sections are short.

The third section is on the principles and application of classification in the vertebrates. Each of the major groups is examined in terms of how it has been classified, why it has been classified in this way and that, and its particular problems. No "real" or "true" classification emerges. This section has been lots of fun and I think it will be valuable. The final section is the real meat of the whole book. This deals with patterns of vertebrate evolution treated in a topical fashion.

The first Chapter (about 100 typed pages) is on adaptation to water, treating all of the vertebrates. It is basically an exploration of the whole subject of major adaptation involving many sources and many parallelisms and convergences. I had a lot of fun writing it. The second Chapter is an exploration of the patterns of evolution of the actinopterygian fishes. This is an effort to clarify the problems of "experimental" adaptive exploration. It especially brings out the effect of taxonomy upon evolutionary conclusions. The third chapter is on the transition to land. This gives a good chance to explore circumstances where the record is poor and where speculation has run rife. I have given a lot of attention to methodologies and their consequences, the role of ecology, and so on. The fourth chapter is on the exploitation of land. This sequence may sound a bit systematic in its treatment, although actually it is not. What I have tried to do in this section is to explore the nature of evidence and to make an approach from a strictly ecological and chronofaunal sense, treating the problem in terms of faunal and floral relationships, food chains, faunal complex intersections, and so on. It is a bit "wild", but had a lot of interesting materials. This involves the beginning of land life and carries into the various reptilian groups.

The fifth chapter, which I have just about finished, is an exploration of the evolutionary patterns from the most primitive reptiles to the beginning of the deployment of marsupials and placentals. I have treated this from the dual point of view of adaptive evolution, seen in the context of a series of adaptive levels. This gives an opportunity to see the changes in close relationship to the aspects of evolution that can be related to processes as known from studies of moderns. The other point of view is a retrospective one in which the end results are known and the evolution may be looked at by selecting those features that were critical. This brings into proper perspective, with the processes, the matter of apparent orthogenesis and so on.

I have two more chapters, possibly three, coming up. In one I will deal with the early radiative deployment of the marsupials and placentals, to round out the evolutionary picture with the nature of initiation of adaptive deployment. I expect in this to give some attention to the importance of zoogeography in evolution and to note how lacking our information on this is prior to the mammalian radiation. This has been brought out to some extent earlier. Finally I will close with a Chapter on adaptation to flight, to explore in particular this problem of how a great change in environment can come about through slow steps. I am hoping I can get somewhere with this, although it is a tough one.

So this is to be my book. I hope to have it done by mid-summer. It will be fully illustrated and probably too expensive. Wiley and Sons will publish it.

One other major item. As I wrote you long ago, I have been considering shifting from Chicago to the University of California at Los Angeles (UCLA). I have

decided to do this and will be leaving here as of next autumn. After 33 years on the staff here, it is something of a shock to me and also to the University of Chicago. But I think it will make possible work in new directions, with new contacts, and will perhaps serve me well to keep me youthful in my "old age". Peter Vaughn is there and we should work very well together.

I watched the "moon" shot on TV the other day and it was most spectacular. Seems to be going well except for the fact that the astronauts, like everyone else in the country, have something like the "flu". I do hope it all goes well. The way things go now-a-days maybe a quiet home on the Moon would be nice for a change. But the flow of life continues and I have been around long enough to know at least one thing, that is that it will be different soon enough, so that the current problems will sort of fade as new crises, which seem to be necessary for life, continue.

A very sincere seasons greetings to your and your wife and I do hope that this finds you in improved health. My whole family, Claire and her four children and husband, George and wife and two Siamese cats, Mary Ellen and her one little gray cat, and Lila, send you all our very best.

With my best regards,
Your friend as ever
Everett C. Olson
Ole

Чикагский университет,
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Был весьма рад получить недавно Ваше письмо, хотя и расстроился вести о том, что здоровье Ваше опять несколько ухудшилось. Однако надеюсь, что теперь Вы чувствуете себя лучше. Посылаю Указатель к «Нэшнл джиогрэфик», который рано или поздно должен до Вас дойти. Но очень уж медленно почта ходит. Направлю по Вашей просьбе и «Космос и палеонтологию». Собирался сделать это сегодня утром, но обнаружил, что не захватил Вашего письма. Оно наверняка обнаружится где-нибудь в кармане пиджака. Но прямо сейчас возникла задержка из-за того, что у меня нет нужного адреса.

Месяца два-три назад я направил Вам два экземпляра своей «Диалектики и эволюционной теории». Возможно, к этому времени они уже дошли. Плюс я посылал несколько «спокойных» книжек, которые, по моему мнению, могли бы Вам понравиться. Последнее время тут у нас чаще стали теряться почтовые отправления. Надеюсь, с моими такого не произошло. На всякий случай я оправил ещё два экземпляра статьи о диалектике. Профессор Яблоков из Ленинграда заметил её и попросил прислать, плюс я получил ещё штук десять запросов из США, поэтому не скажу, что она наделала много шума. Полагаю, что большинству тут она малоинтересна, разве что философам, которым, скорее всего, и в голову не придёт заглянуть в «Эволюшн».

О моей книге. Мне казалось, я довольно подробно написал о замысле, но, вероятно, это не так. В целом это довольно развёрнутое представление палеозоологии позвоночных с различных точек зрения. Я постарался поместить его в контекст текущих исследований, показав уже установленное, то, что ещё не сделано и что возможно сделать, со всеми существующими проблемами и

выгодными сторонами науки. В её теперешнем виде в книге четыре раздела. Первый повествует о природе палеонтологической летописи и о том, что возможно по ней установить, а что нет. Она помещена в эволюционный контекст, но я не умалчиваю об ограничениях, которые влечёт за собой как этот, так и иные возможные подходы. Во втором разделе речь идёт о морфологии позвоночных и о том, как различные системы могут рассматриваться с учётом палеонтологических данных. Все основные системы, таким образом, интерпретируются в сопоставлении с прежними представлениями. Всё опирается на дедуктивно выводимые уровни, необходимые для получения информации. Первые два раздела довольно коротки.

Третий раздел посвящён принципам и приложению классификации позвоночных. Все основные группы рассматриваются по следующим аспектам: принадлежность к определённому виду, причины отнесения к нему и специфические сложности. Не выдвигается никакой «истинной» или «единственно верной» классификации. Писать данный раздел было весьма интересно и, надеюсь, он будет полезен. Последний раздел — суть всей книги. Вопрос эволюции позвоночных там рассматривается применительно к среде обитания.

Первая глава (около ста страниц на машинке) — о приспособлении к водной среде, затрагивает всех позвоночных. В целом это широкое исследование существенного типа адаптации с привлечением множества источников, параллельных способов и конвергенций. Работа над ней доставила мне массу удовольствия. Вторая глава разбирает эволюцию лучепёрых рыб. Там я пытаюсь прояснить вопросы «экспериментальной» приспособительной эволюции с выделением воздействия таксономии на эволюционные выводы. Третья глава о переходе на сушу. Это предоставляет хорошую возможность исследовать тот участок, который небогат материалом, с разгулом разнообразных предположений. Я уделяю много внимания методологиям и последствиям их применения, роли экологии и т. д.

Четвёртая глава об освоении суши. Может создаться впечатление, что такое изложение чрезмерно схематично, но это не так. Тут я стремился исследовать природу данных и подойти со строго экологической точки зрения с учётом хронофауны, изучая соотношение фауны и флоры, пищевые цепочки, пересечения фаунистических комплексов и т. д. Несколько «непричёсано», но основано на богатом материале. Рассказывается о жизни на суше и затем о различных группах рептилий.

В пятой главе, которую я почти завершил, исследуются пути эволюционного приспособления от самых примитивных рептилий до распространения сумчатых и плацентарных животных. Я подходил с диалектической точки зрения адаптивной эволюции, представленной в виде серии уровней приспособления. Это позволяет увидеть изменения в тесной взаимосвязи с теми эволюционными аспектами, которые возможно соотнести с процессами, известными по современным животным. Вторая точка зрения ретроспективна, когда результат известен и на эволюцию можно смотреть как на выбор критически важных черт. Таким образом, видимый ортогенез ставится в правильную перспективу и т. п.

Должны быть ещё две, возможно — три, главы. В одной из них я буду говорить о распространении сумчатых и плацентарных, чтобы

дополнить картину эволюции рассказом о том, что подталкивает адаптивное распространение. Там я предполагаю затронуть важность зоогеографии при рассмотрении эволюции, заметив, насколько недостаточны наши данные до периода распространения млекопитающих. Об этом в некоторой степени упоминалось и раньше. А заключу я главой о приспособлении к полёту, особое внимание уделив вопросу постепенности приспособления к резкой смене среды обитания. Надеюсь продвинуться и тут, хотя тема непростая.

Такой будет моя книга. Планирую завершить её к середине лета. Она будет богато иллюстрирована и, скорее всего, выйдет слишком дорогой. Издатель — «Уайли энд санз».

Ещё одна важная вещь. Как я писал, уже давно подумываю о переезде из Чикаго в Калифорнийский университет, в Лос-Анджелес. Теперь вот окончательно решил и буду перебираться следующей осенью. После 33 лет трудов здесь и для меня и для коллег в Чикагском университете это непросто. Но, надеюсь, это позволит найти новые направления работы, новые контакты, и, возможно, пойдёт на пользу здоровью «на старости лет». Там трудится Питер Вон, с которым мы всегда замечательно вместе работали.

Позавчера смотрел «лунный» запуск по телевидению, просто великолепно. Вроде всё проходит по плану, за исключением того факта, что у астронавтов, как и у всех в стране, что-то вроде гриппа. Очень желаю им удачи. С учётом теперешних событий завести тихое пристанище на Луне не помешает. Но жизнь течёт, и я прожил достаточно, чтобы усвоить, по крайней мере, одно: скоро всё переменится, поэтому теперешние события поблекнут перед лицом нового кризиса, без которых жизнь не развивается.

Самые искренние пожелания на Новый Год Вам и Вашей жене, надеюсь, это письмо застанет Вас в лучшем здравии. Вся моя семья — Клэр с четырьмя детьми и мужем, Джордж с женой и двумя сиамскими кошками, Мэри Эллен со своей серой кошечкой и Лайла посылают всем вам наилучшие пожелания.

Всего самого доброго,
Ваш верный друг
Эверетт Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

88

Годалминг
27 декабря 1968 г.

Dear Professor Efremov,

Firstly, I want to wish you and your "little wife" good health, peace and contentment in 1969.

Then, thank you very much for your long and interesting letter of Nov. 29th. I am very sorry to learn that you have been ill again and hope that you have now recovered and will keep better. You do not tell me the nature of your illness but as you were away $1^1/_2$ months, I am afraid that the trouble was serious.

It is very good news that your novel has been appreciated as a serial and also accepted for publication. I hope that all will go well with it. The palaeontological book,

you say, is held up for lack of someone to do illustration. It is very difficult to find anyone who is really good at drawing fossils. I hope you do soon get the right person.

I have not time at present to answer the rest of your letter. Your story of the men of 500—600 thousand years ago who settled again and again in the same cave bears out my feeling that mankind does not and will not learn by experience — not in the big matters such as wars, persecutions for religious or political opinions etc.

To turn to something more pleasant — Vol I of the Aubrey Beardsley drawings was sent off on or about Dec. 16th so I hope that it will reach you soon. The second volume had to be ordered from Dover Books but I hope it also will reach you soon. I well remember my first introduction to Aubrey Beardsley when I bought a copy of a "Yellow Book" from a second hand book shop in the autumn of 1914.

We both keep well and active, but age has many ill effects, inevitably!

With best wishes from us both to both of you, yours very sincerely
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов!

Во-первых, хочу пожелать Вам и Вашей «маленькой жене» доброго здоровья, мира и довольства в 1969 году.

Далее, спасибо Вам за длинное и интересное письмо от 29 ноября. Я с сожалением узнала, что Вы вновь были больны, но надеюсь, что сейчас Вы поправились и чувствуете себя лучше. Вы умалчиваете о природе своей болезни, но поскольку известия от Вас отсутствовали полтора месяца, боюсь, что проблема была серьёзной.

Хорошая новость, что Ваш роман распространяется в периодической печати, а также принят к публикации. Надеюсь, с ним всё будет в порядке. Книга по палеонтологии, Вы говорите, задерживается из-за отсутствия иллюстратора. Найти того, кто хорошо рисует ископаемых, очень трудно. Надеюсь, что скоро Вы всё-таки найдёте подходящего человека.

У меня сейчас нет времени, чтобы ответить на остальную часть Вашего письма. Ваш рассказ о людях, живших 500—600 тысяч лет назад и раз за разом селившихся в одной и той же пещере, подтверждает моё ощущение, что человечество не учится и не будет учиться на опыте — тем более в таких крупных вопросах, как войны, гонения на почве религиозных или политических убеждений и т. п.

Переключимся на что-нибудь более приятное — первый том рисунков Обри Бёрдслея был отправлен приблизительно 16 декабря, так что, надеюсь, в ближайшее время он доберётся к Вам. Второй том заказан в Dover Books[1], но надеюсь, что он также прибудет в ближайшее время. Хорошо помню своё первое знакомство с Обри Бёрдслеем, когда купила экземпляр «Жёлтой книги» в букинистическом магазине осенью 1914 года.

Мы оба хорошо себя чувствуем и активны, но возраст неизбежно даёт себя знать!

Наилучшие пожелания вам обоим от нас обоих, с искренним уважением
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

---

[1] Dover Books — американское книжное издательство, специализирующееся на переизданиях.

П. М. ЖУКОВСКИЙ — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ

89

Ленинград
31 декабря 1968 г.[1]

Канун Нового Года!

Глубокоуважаемые, дорогие Таиса Иосифовна и Иван Антонович!

В моём молчании не было вероломства и бестактности. Я много ездил по разным заданиям, а также болел затяжным гриппом. Пишу Вам по совести: редко встречал я таких добрых, умных, скромных, пресимпатичных и высококультурных людей, как Вы оба! В моём многолетнем одиночестве я это особенно чувствую. Всё время собирался написать, к тому же обещал Ивану Антоновичу свою книгу. Пошлю её Вам в ближайшие дни, как только схлынет толпа и толкотня на почте из-за новогодних поздравлений.

Вспоминая об Узком, — прежде всего вспоминаю о Вас. Скучал я в этом Узком! Туда надо ездить летом, а не в листопадный сезон с дождями. Это место не для отдыха, а для работы. Я хотел бы там жить, — как живёт К. И. Скрябин. Для писания книг — превосходное место. Уютно, чисто, все инъекции под рукой, вот только ванная ни к чёрту не годится! Библиотека интересная, — а вот кино никудышное.

Я пишу новую большую книгу, меня заставляют сдавать рукопись немедленно, — а она на 1500 стр[аниц] машинописи. Иначе не издадут в 1969 г., а 1970 год — Ленинский, бумага будет забронирована. Когда я сказал, что можно обойтись без рецензий, что меня знают, а среди рецензентов нет ни одного, который стирал бы пыль с подоконника, на котором лежит рукопись, ответ был классический: «нам нужен рецензент постраничный (а рукопись — 1500 стр[аниц]) и ещё «рецензент-санитар». Ну, ясно, — это перестраховка. А рецензировать эту мою книгу даже некому, ибо я последний живой соратник Н. И. Вавилова, его единомышленник и последователь. Вот получите мою книгу 1964 г. и судите, кому посылать на рецензию специфическую монографию А новую — тем более. Просто нацело вымерли «вавиловцы»! Из США просят прислать им рукопись на русском языке, они переведут и издадут, — но Главлит не разрешает; сперва издадут на русском. Конечно, я нервничаю, стал писать до 2 ч[асов] ночи, потом бессонница. Очень хочется зимовать где-нибудь на юге, напр[имер] в Тбилиси, там тепло и много друзей. В дни молодости я был директором тифлисского Ботанического Сада. Но держат лекции в ЛГУ. У меня большая квартира, множество книг, — и я один; научился разговаривать с собой и даже ссориться. Домработница приходит в 11 ч[асов] утра и в 5 час[ов] уходит. Нередко забываю поужинать. Иногда громко говорю: «Какой счастливый человек Иван Антонович!» — и тут же желаю обоим здорового долголетия. Вот поздравляю Вас с Новым Годом, желаю светлой жизни и побед!

6-го января, вероятно, буду в Москве, на 5—6 дней, позвоню Вам, — если не сердитесь! Весной или летом приезжайте ко мне в гости, — места много.

Итак, я повинен, но «заслуживаю снисхождения».

Благодарю за доброе отношение.

Неизменно Вам преданный *П. Жуковский*

---

[1] Датируется по содержанию.

90 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Москва
Декабрь 1968 г.

Дорогой Борис!

От души желаем Вам и Ларисе в Новом 1969 году здоровья, успехов и всего светлого.

Т. И. и И. А. Ефремовы

P. S. Никогда не стесняйтесь обращаться, если что надо. Будьте моряком, хоть и на суше. Без «цирлих-манирлих», как говорит Тася. За лекарство не плотят и не благодарят — древний азиатский обычай. Что ещё нужно — напишите.

Ваш *И. Ефремов*

91 И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. и Л. И. ХОЗАЦКИМ[2]

Декабрь 1968 г.[3]

Дорогие Александра Ивановна и Лев Исаакович!

Поздравляем вас с Новым 1969 Годом и желаем здоровья, научных успех[ов] и многих радостей.

Ваши
Т. И. и И. А. Ефремовы

92 Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ[4]

Декабрь 1968 г.[5]

Дорогой Иван Антонович!

Прежде всего разрешите поздравить Вас с наступающим Новым 1969 Годом и пожелать здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов. Затем сердечно благодарю Вас за столь лестный для меня отзыв о моей рукописи «Изумрудный перстень». Хотелось бы многое Вам написать, но моё состояние таково, что могу вести лишь растительный образ жизни и медленно, но верно тупею. Бесконечно устал, до невероятия, от современных условий жизни. Сейчас у меня, волей судьбы, живёт внучка первоклассница, и ни о какой-либо «науке» и мечтать не приходится! С удовольствием (а некоторые места — прямо с наслаждением!) читаю Ваш «Час Быка». Жаль, что нам так и не пришлось встретиться и поговорить.

Ещё раз желаю Вам всего, всего самого лучшего.

С дружеским приветом и уважением,
Ваш *Н. Ф. Жиров*

---

[1] Новогодняя открытка.
[2] Открытка.
[3] Датируется по содержанию.
[4] Почтовая открытка с девушкой в тропическом лесу.
[5] Датируется по содержанию.

А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

1968 г.[1]

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

«Час Быка» — вещь глубокая и сильная, до отказа наполненная идеями не только оригинальными, но и чрезвычайно актуальными. Не только — научно и политически актуальными, но и человечески животрепещущими. У Вас всё это — едино. Очень заинтересовало то, что Вы назвали инферно и стрелой Аримана. До конца я в этом ещё не разобрался (с первого чтения вообще редко осваиваю большой роман). Но понял, по крайней мере, что Вы по-новому предостерегаете человечество от дефективных линий развития. Заставляете в необычном плане (и поэтому — острей) взглянуть на соотношения эволюционных и инволюционных тенденций. Ваша сила не в том даже, что Вы, по-видимому, правы в оценке тех и других, а в том, что даёте остро почувствовать, что истинный путь человечества — социальный и биологический — на тончайшем «лезвии бритвы». Способность понимать это как-то утрачивается. В массовом сознании история, а равно и биологическая эволюция уподобляются неким системам дорог. Умён, мол, тот, кто находит магистральную и не сбивается на просёлки. Между тем развитие состоит в том, чтобы вовремя сойти с накатанного направления, ведущего на самом деле в тупик, — в кажущиеся дебри. Без этого невозможно перескочить на следующий виток спирали. Инерция — и преодоление инерции, эволюционная традиция — и революционное её разрушение, — Ваша «утопическая» концепция, если я правильно понял, утверждает эту диалектику как насущную методологию исторического творчества в наш век. Способность человека коренным образом изменить условия своего существования вывела нас сейчас как бы на сужающийся гребень: неловкий «творческий» шаг может совлечь нас всех в пропасть. Поэтому я бы не назвал «Час Быка» ни утопией, которая утверждает идеал, ни антиутопией, которая разрушает псевдоидеал. Вы вкладываете читателю ту мысль, что развитие в какой-то момент перерастает из осуществления идеала в переоценку, совершенствование самого идеала и возможно только на этом уровне, иначе — неизбежная инволюция. Вероятно, это как раз то, что требуется сегодня в системе нашего социально-фантастического романа, довольно-таки обременённого и бесплодным критицизмом, и идиотским прекраснодушием.

Разумеется, я сознаю, что всё это — лишь небольшая часть того, что Вы сказали в «Быке», притом — довольно субъективно кажется. Я не претендовал сейчас на интерпретацию Ваших идей, а лишь хотел продемонстрировать, какого рода раздумья «Час Быка» порождает. Эти раздумья о самом главном: «что есть истина» человечества в наш век. Раздумья эти иные, чем при чтении «Туманности Андромеды». Вы поднялись к идеям более высокого порядка, большей степени сложности. Они, естественно, требовали и более тонких художественных решений. И здесь Вы свою задачу выполнили не до конца. Увы, даже самая прекрасная женщина не может дать больше, чем имеет. Но я уверен, что Вы отдали свой талант этому роману не в полной мере.

---

[1] На письме пометка от руки: «Деловые письма 1968—69 до февраля (разобрать). О “Часе Быка”». Очевидно, письмо написано автором в 1968 году после прочтения рукописи романа «Час Быка».

«Час Быка» переполнен мыслями. Это хорошо и плохо. Вы не сумели художественно организовать их так, как они того заслуживают. А это значит — ослабили Ваши идеи. Я только частично аргументирую свой выпад (иначе пришлось бы писать целый трактат).

Сюжетно ослабляя ликвидацию стрелы Аримана на Тормансе, переключая идеи от инферно в рассуждения (персонажей и Ваши авторские), Вы как бы стушевали центральную (если я правильно понял) тему «Быка». Вам, вероятно, говорили и будут говорить о растянутости романа. Я убежден, что дефект глубже — в недостаточном переложении Ваших мыслей на язык действия — событий и движения характеров. Возможно, дело в недостаточной прояснённости того, что Вы говорите, для Вас самого. Так или нет, но вся линия, объясняющая, почему Торманс попал в беду и как ему помогли, должна быть прорисована отчетливей, с более решительным подчинением ей всего остального.

Например, речи Вир Норина о науке, в которых автор увлекается полемикой, сами по себе не затягивали бы так действия, если бы читатель находил в них больше конкретных перекличек с тем, что Вы ему показали на Тормансе. Может быть, следует поэтому строже ограничить рассуждения героев (и автора) ассоциациями с тормансианской жизнью. Ибо механическое сокращение всё равно сохранит впечатление отходов в сторону. Здесь Вам и придётся подумать: а мог ли Вир Норин сказать об учёных: холуи? В той обстановке? И Вир Норин, — чьи дальние предки уже позабыли хулительные слова? Здесь и в других случаях автор снимает со своего лица маску персонажа и заставляет нас вдруг подумать: Ба, да это, оказывается, костюмированная публицистика!..

Не надо лишать читателя очарования реальности вымысла, тем более что художественная иллюзия в данном случае неразрывна с утверждаемым Вами же идеалом человека будущего. Помните, как Пур Хисс с трудом подыскивал бранные слова? Это здорово, потому что сохраняло логику Вашей концепции человека будущего. Здесь же одно неосторожное слово её разрушает. И прав ли Вир Норин (или скрывающийся за ним, рядом с ним автор), так уж понося отдельных учёных, когда беда и в объективных условиях науки? Диалектику объективного и субъективного, декларированную в рассуждениях, здесь Вы склонны снять полемической эмоцией. Художественные оттенки подыскажают мысль. А ими бы её подчеркнуть. Как видите, в слове придираюсь к сути дела. У Вира Норина не должно быть агрессивных ноток ни с точки зрения художественно-психологической правды, ни с точки зрения исторической.

Добавлю, что в «Быке» Вы более небрежны, чем в «Андромеде», в детализации внутреннего облика коммунистического человека. Ваши герои болтливей не только в лекциях, но и в частных разговорах, диалогах. Автор забывает призвать их к порядку, потому что подраспустился сам. Скажем, описание скафандров. Великолепное само по себе, оно оставляет оттенки щеголяния вкусом. Потому что далеко не вся эта цветовая гамма «стреляет». Если тормансиане потом восхитятся облитым металлом телом Фай Родис, то остановите моё внимание на её скафандре, а облачения остальных дайте обобщенными пятнами.

Теперь по части эротики. Ей не то что многовато, некоторые эпизоды просто излишни либо излишне откровенны (интересно: попали ли эротические эпизоды в публикацию «Техники — молодёжи»?). У меня нет несогласия с Вашей общей установкой в морали и нравственности. Всё дело в превышении

меры. Женского тела больше, чем Вам нужно, чтобы высказаться об отношениях полов. Назойливо выпирающие груди акцентируют ведь плотскую сексуальность вопреки Вашей собственной трактовке. Ведь Вы совершенно правильно утверждаете, что людям будет несвойственно чрезмерное внимание к сексу, — и сам же перебарщиваете, столь часто раздевая Ваших героинь.

А Эвиза? Может ли она так по-современному заметить раздевающие взгляды тормансиан? Я уже не говорю, может ли женщина, пусть врач, пусть «на медицинской почве» отдаться, как-никак, первому встречному, не обесценив в наших глазах своих чувств? Деликатные ответы на эти вопросы у Вас не предусмотрены. Не убедили Вы меня ни описанием этого эпизода (Эвиза ведёт себя слишком уж без условностей), ни, главное, необходимостью её поступка в логике повествования. Именно в логике, так как непосредственно эмоциональный критерий не подберёшь.

Обо всём в письме не скажешь, поэтому закругляюсь. Действенность романа сильно поднимется, если он будет художественно доведён. Если Вы возьмётесь его уплотнять и уточнять смысловые оттенки, то смысловое редактирование неизбежно затронет стилистику. Язык мне показался достаточно черновым в сравнении с «Туманностью Андромеды». Отмечая небрежности, горевал, что они, вероятно, результат недооценки Вами своего мастерства. Я нисколько не пытаюсь быть комплиментщиком, как Вы могли видеть. Мне иногда кажется, что Вы умышленно брызгаете изящными кляксами — из кокетства, эпатируя в душе литературную строгость.

Между прочим: следовало бы в возможных случаях перевести терминологические выражения на обычный язык, а где нельзя — дать пояснение в тексте. Терминологическая насыщенность выше, чем в «Туманности Андромеды», и подстрочными примечаниями не обойтись.

Вот видите, наговорил гадостей. Иные покажутся просто глупостями. Но просто мне хочется видеть Ваше новое детище во всем затаённом в нём блеске мысли и слова. Потому что «Час Быка» — на той важнейшей и самой верной линии нашей социальности, которую утрачивает наша фантастика. После него трудно будет захваливать даже лучшую вещь Стругацких «Трудно быть богом». Вам удалась — при всех моих придирках, высказанных и не высказанных, — удалась диалектика утверждения и критицизма. Роман утверждает, что хотя и чертовски труден этот путь, но только на нём можно что-то сказать человеку.

А. Бритиков

P. S. С А. П. Маслаковец договорился. Спасибо за контакт с Бестужевым, письмо ему уже послал.

Я не сказал главного: «Час Быка», безусловно, самая значительная вещь после «Туманности Андромеды» в нашей фантастике. Да и на Западе не знаю романов такого масштаба. Так что придирался с самой высокой меркой.

1969

1 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Москва
5 января 1969 г.

ВЫСЫЛАЕМ СЕДУКСЕН ЭТО ОЧЕНЬ СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО НЕОБХОДИМО НАБЛЮДЕНИЕ ВРАЧА ТЧК ВМЕСТЕ ПОСЛАЛ ТИВАРЦИН БОЛЕЕ СЛАБОЕ ТАКОГО ЖЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИВЕТ ОТ ВСЕХ ЕФРЕМОВ

2 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
6 января 1969 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Посылаю Вам маленький новогодний дар, памятуя о некоем разговоре.

С лекарством беды нет — при моём комплексе, действительно, мало что подходит.

Н. Д. Андреев предложил мне продолжить пересъёмку книг.

Нет ли у Вас такой книги: Рони-старший. Хищник-гигант[2]. Ленинград, Мысль, 1924? Если есть, то м[ожет] б[ыть], Вы окажете любезность отдать её Н. Д. для пересъёмки. Это небольшая книжка в мягкой серой обложке. Разумеется, с этим нет никакого спеху. Выкарабкивайтесь из-под груды Ваших дел (loose brick wall[3]) и тогда уже.

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и меня.

Ваш
И. Ефремов

---

[1] Телеграмма.

[2] Под таким названием вышел в 1924 г. научно-фантастический роман Рони-старшего «Le Félin Géant» (1918).

[3] Осыпь, обрушившаяся стена (англ.).

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1] 3

Москва
12 января 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

С массой Новогодней почты я не успел сразу же поблагодарить Вас за интересный присланный Вами перевод «Гигиены Иога». Там есть погрешности, но лёгкие и не вредящие точности понимания.

Что до снимков, то, может быть, Вы пришлёте мне книгу (ценной бандеролью), и я пересниму (отдам переснять) для Вас и себя и тем же путём отошлю книгу с рисунками?

Мы оба с Таисой Иосифовной Вам кланяемся.

Сердечно Ваш
И. Ефремов

Дж. У. КЭМПБЕЛЛ — И. А. ЕФРЕМОВУ 4

Нью-Йорк
13 января 1969 г.

Analog.
Science Fiction & Science Fact

Dear Professor Efremov:

I thank you for your letter suggesting that Dr. Alan G. Myers of London could select the best Soviet Science fiction for our readers.

I am sending your letter along to Mr. Schuyler Miller; I think he's the man to try to get something done on that line.

You see, Analog cannot publish previously printed material (except for very rare fact articles) and so is not a way of introducing Soviet work to the American audience.

Schuyler Miller may give you some valuable suggestions; possibly one of the American literary agents, such as..... (Scott Meredith Literary Agency, Inc. 580 Fifth Avenue, New York, New York 10036 and Lurton Blassingame, 60 East 42nd St., Suite 1131, New York 10017) may be of assistance.

Sincerely,
John W. Campbell
Editor

JWC:jn
cc:P. Schuyler Miller

[1] Открытка с репродукцией картины З. Е. Серебряковой «Крестьянка с квасником».

«Эналог.
Сайнс фикшн энд сайнс фэкт»

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю за письмо, где Вы предлагаете кандидатуру доктора Алана Майерса в качестве эксперта для выбора лучшей советской научной фантастики для наших читателей.

Пересылаю Ваше письмо мистеру Шайлеру Миллеру, поскольку именно он может тут чем-то помочь.

Видите ли, «Аналог» не может помещать перепечатки ранее опубликованного материала (за исключением очень редких научно-популярных статей), отчего не подходит для представления советских произведений американской публике.

Шайлер Миллер может дать Вам некоторые ценные рекомендации; возможно, один из американских литературных агентов (скажем, Литературное агентство Скотт Мередит, 580 Пятая авеню, Нью-Йорк 10036 или Лёртон Блессингем, 60 Ист 42-я стрит, офис 1131, Нью-Йорк 10017) также окажутся полезны.

Искренне Ваш
Джон У. Кэмпбелл
Редактор

Перевела Лариса Михайлова

5 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[1]

Москва
20 января 1969 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Пребольшущее спасибо за присланную книгу. Вы сделали огромное дело для нашей культуры, сумев опубликовать полный список работ Н. К. Р. Низкий Вам за это поклон.

Я ещё не поблагодарил Вас за новогоднее поздравление — болел на исходе старого и начале нового года и до сих пор ещё не пишу на машинке.

Позвольте мне также поздравить Вас с Новым годом белой курицы 16 круга и пожелать здоровья и всего светлого.

Смогу отдать Вам новой книгой не раньше середины года. Это роман «Час Быка». Если хотите познакомиться раньше, посмотрите журнал Молодая гвардия №№ 1—4 за этот год.

Ещё один вопрос — попадалась ли Вам книга (или хотя бы библиограф[ическая] справка) «Озеро голубой цапли»[2]? Что это такое?

С искренним уважением и добрым приветом,
И. Ефремов

---

[1] Почтовая открытка с иллюстрацией А. Ковалёва и Г. Буреева к сказке П. Бажова «Каменный цветок».

[2] Имеется в виду сборник рассказов: Северный П. Озеро голубой цапли. — Шанхай, 1938.

И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 6

Москва
31 января 1969 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Позвольте обратиться к Вам с двумя вопросами:

1. Не знаете ли случайно какой-нибудь хорошей биографии Анни Безант?

2. В приводимых Вами сочинениях Н. К. Р. Вы указываете две книги, которых я никогда не видал и не слыхал.

Это «Врата в Будущее», Рига 1936 и «Нерушимое», Рига 1936.

Не посоветуете ли, как бы добыть фотокопии этих книг, м. б., хотя бы только плёнки, с которых тут уж можно напечатать нормальный размер?

У меня была «Алтай-Гималайя» (английская), но прежде чем я успел с неё напечатать, плёнку повредили в фотолаборатории. Но я знаю, где здесь переснять другую, а вот на счёт вышеуказанных книг — не вем[1]. Буду очень признателен за совет.

С искренним уважением и дружеским приветом, *И. А. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 7

Москва
31 января 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Получил пачку снимков к «Гигиене иога» — они действительно очень плохи. Поправить это дело после смерти Ф. П. можно двояким путём. Или я попробую заставить желающего получить экземпляр и владеющего художеством перерисовать всё, затем переснять и размножить по числу экземпляров. Или же попытаться выписать оную книгу в оригинале и сделать настоящими фотографами репродукции. Напишите мне для последнего случая точную библиографическую справку. Ежели издано в Индии — тогда пропало дело. Жаль, что Ф. П. не передал Вам всех своих материалов. Он хотел это сделать мне, но я отказался ввиду своего собственного шаткого положения на этой земле.

Агни-иогу можно бы добыть, но ведь это колоссальный труд, где Е. И. Рерих мешала очень дельные и хорошие вещи с наивными и претенциозными вещами, годными, может быть, для наивных дам 19-го века. Кроме того, есть примерно $^3/_4$ всей Агни-иоги по-русски, есть у меня выписки из неё, которые могу Вам дать прочитать.

Может быть, есть смысл перевести книгу доктора Радклиффа «Иллюзии и домыслы сверхъестественного и оккультного» — очень дельная вещь, которую в своё время я хотел издать по-русски, но ведь начальство не читает на английском, а найти доброхота-переводчика я в те годы не смог. Есть и кое-что другое, заслуживающее внимания. В общем, когда поедете в феврале в Ленинград, то устройте так, чтобы зайти ко мне, и мы посмотрим эти книги и потолкуем.

---

[1] *Не вем* (устар.) — не ведаю.

Желаю Вам доброго здоровья и интересной работы. Душевный привет от Таисы Иосифовны.

Ваш, с искренним уважением,
И. Ефремов

П. С. Последнее время меня донимают люди с вопросами о Шамбале. Существует ли?

8 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
8 февраля 1969 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Жаль, что не приняли наследия Ф. П. Он умер так внезапно, что не смог, очевидно, распорядиться им после Вашего отказа. У него, по его словам, были какие-то друзья-единомышленники по духу, где-то там же живут, где его сад, может быть, он оставил им? Ну, да что теперь говорить... Книга «Личная гигиена Иоги» существует на английском языке в Московской библиотеке им. В. И. Ленина. Именно из отдела фильмов (микро) получил плёнку Ф. П. С этой плёнки снимали на фотобумагу, а потом уж я переводил. Буду ехать через Москву, всё же попытаюсь зайти к дочери Ф. П. Стоит ли?

Вот что напечатано на первой странице книги:

Yoga Personal Higiene
by shri Yogendra.
The Yoga Institute.
Santa Cruz. Bombey, 25. 1952

Почему Вы так настроены «собственное шаткое положение на этой земле». Какие у Вас основания? Болезни могут прогрессировать и регрессировать. Ведь Вы же сами говорили, что чувствуете себя много лучше!? Как говорил Ману:

— Лечебное средство от страдания — прекратить о нём думать...

Вы нужны людям, и Вам нельзя так думать... Иван Антонович! Относительно выбора для перевода я с Вами согласен. Обсудим...

В журнале № 1 «Сельская молодёжь» (за 69 г.) напечатана статья преподавателя кафедры индийской филологии института восточных языков при МГУ Анатолия Николаевича Зубкова, работавшего недавно в Индии в течение 4 лет в качестве преподавателя русского языка и сблизившегося с иогинами. Он изучал Иогу в специальном институте и получил документ об его окончании. Он весьма положительно отзывается о настоящей Иоге как учении весьма глубоком и содержательном и высмеивает тех, кто кроме мистицизма в нём ничего не видит. Прочтите, интересно. И ещё интереснее было бы встретиться с Анатолием Николаевичем, это в Ваших возможностях. А он говорит о реальности излечения методом иоговского дыхания таких болезней, как астма. Может быть, Шива Вам серьёзно поможет.

Существует ли Шамбала??

Попытаюсь высказать своё мнение, но начну несколько издалека...

Можно спросить так: Правомерно ли существование мира вне нашего сознания? Ленин говорит так: «...Единственное "свойство" материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания»... Нужно учитывать и то обстоятельство, что Ленин ставил знак равенства между понятиями «мысль» и «сознание»...

Сначала отношения между мыслью и материей. Эти отношения противоречивы. В онтологическом плане их отношения характеризуются единством (мысль существует объективно). В гносеологическом плане — противоречие (мысль — отражение объективной реальности). В онтологическом плане, наряду с единством, различие: между вселенной и одним из её специфических явлений. В гносеологическом плане — наряду с противоречием — единство, тождество... (т.к. содержание отражения даётся объективной реальностью. Сущность и форма?) Мысль — лишь одно из многочисленных явлений природы.

Сознание? Сознание, мы знаем, другое. Можно остановить мысль, сознание остаётся... Цель Иоги — руководство мыслями, значит, мысли не главное. Что же главное? Для меня, на моём уровне развития — сознание. Выше я не понимаю... У другого — другой уровень, выше или ниже. Да и на самом уровне сознания очень много различных подуровней. В зависимости от нашего развития мы по-разному можем понимать эзотерические термины. Шамбала???

Для некоторых она существует как определённое место во вселенной, и так оно и есть... Для других она существует как нечто утешающее, существующее в мечтах (значит, нереально)... Для третьих Шамбала — некоторый уровень сознания, ступень в их движении к освобождению. Те, кто снижают Шамбалу до своего уровня — ничего для себя не приобретут, это те, кто не может двигаться самостоятельно, без «печки». А как они могут жить иначе? Но наступает смерть, и что остаётся у них? Воображаемая Шамбала? Надолго? А потом?

Это та же привязанность к форме. И чем принципиально такое стремление может отличаться от стремления, скажем, к власти, почестям и тому подобное. Мечтать о Шамбале то же, что мечтать о повторном воплощении на земле. Одинаково мысли направлены на личное удовлетворение (не важно, в какой форме!) Шамбала для верующих!

Мне вера не нужна. Но ведь есть Бхакти-Иога. Её последователям, очевидно, она нужна!

Возможно, что происхождение этого понятия имеет своими корнями реальное существование некоторых эзотерических центров. Что такие центры существуют — факт. Во время экспедиции НН Рериха[1] мой брат[2] обращался к Вере Рерих[3] с просьбой ходатайствовать остаться там, но... пожелание было, очевидно, неуместным, так как ему отказали. Не тот уровень развития... Так что Шамбала по заявкам не даётся. И её достичь можно при определённых условиях в Москве или Кузнецке так же, как и в Гималаях... На уровне буддхи нет понятия пространства и времени, так что не всё ли равно, где жить?

---

[1] Имеется в виду Трансгималайская экспедиция Н. К. Рериха. В тексте опечатка.

[2] Павел Константинович Портнягин.

[3] Так в тексте. Нужно: Елене Рерих.

Иван Антонович! Дважды прочёл в № 1 «Молодой гвардии» «Час Быка», пока скажу только — интересно! Если найдёте возможным, объясните, пожалуйста, понятие 0-пространство? Это свойство буддхи!?

Печатание в «Технике — молодёжи» менее удачно. Сокращение выщелачивает многое интересное, я бы сказал даже — главное. Получается перегруженность техникой.

Над чем Вы сейчас работаете?

Примите моё сердечное уважение и передайте, пожалуйста, Таисе Иосифовне знаки моего преклонения.

Г. Портнягин

9 П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

11 февраля 1969 г.

Дорогой Иван Антонович!

К большому сожалению, я не могу сейчас указать Вам на хорошую биографию Безант, но я постараюсь ещё узнать у некоторых старых теос[офов], проживающих в Прибалтике. Не припомнить также мне и об «Озере Голубой Цапли»[1], хотя название знакомое. Если набреду на следы сего издания, непременно сообщу.

У меня имеется краткий некролог Безант, но он ничего конкретного не дает. На всякий случай посылаю Вам бандеролью сборник, где этот некролог появился. Считаю нужным сказать об этом сборнике несколько слов. Его начал издавать д[окто]р Ал. Асеев. Он обратился с просьбой к Н. К. Рериху поддержать издание публикацией своих статей. Н. К. Р. согласился и, выполняя своё обещание, посылал статью или две для каждого номера. Однако некоторые материалы, помещаемые Асеевым в сборнике, Н. К. Р. очень не нравились, и он неоднократно просил издателя быть разборчивее и не компрометировать себя и других авторов явно низкопробными материалами. Асеев не внял этим советам, но когда его «прижало» в материальном отношении, он обратился в издательство Рижского Об-ва им. Рериха с предложением перенять от него издание журнала. На запрос рижан Н. К. Р. ответил, что об этом не может быть и речи, т.к. редактором допущены такие ошибки, которых будет уже не исправить. Всего вышло 10 номеров «ОиЙ». Наряду с интересным и даже ценным материалом в сборниках много мусору. Тем не менее они любопытны, т.к. освещают некоторые малоизвестные аспекты духовных исканий. Так, например, в последующих книгах есть очень серьёзное исследование о дервишах, ценные сообщения об опытах передачи мысли на расстоянии и т. п.

О Безант, или, вернее, об оценке её деятельности в современной Индии имеется справка в книге Б. Лунья «История индийской культуры», пер[евод] с анг[лийского] изд[ания], «Иностранная литература». М. 1960 г. (стр. 503).

Лично у меня имеется наиболее полная биография Блаватской (Писарева, второе издание, Женева 1937). В этой книге есть также упоминания о Безант, но довольно беглые.

---

[1] См. Примечание к письму И. А. Ефремова П. Ф. Беликову от 20 января 1969 г.

«Врата в Будущее» и «Нерушимое» у меня есть в оригинальных зданиях. Мне часто приходится ими пользоваться для своей работы над книгой о Н. К. Р., но если Вы задержите у себя эти книги не больше двух месяцев каждую, то я смогу их Вам по одной выслать.

«Алтай-Гималайя» (английская) сильно сокращена. Изъято около трети. Но русской рукописи Святославу Николаевичу никак не найти. Куда-то далеко заложена.

Искренне Ваш *П. Беликов*

П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

10

Оринда
16 февраля 1969 г.

Dear Professor Efremov,

Please excuse the long delay in answering your letter. As you will see, I have once again been too busy for correspondence.

Many thanks for your gracious greeting on the occasion of the Apollo orbiting of the moon. (We watched it throughout on television, and were in fact decorating our Christmas tree when the ship actually went around the far side.) In turn, I would like to compliment your brave cosmonauts on their manned docking achievement, and to say how glad we all are that they were not injured when the madman later shot at their parade.

It appears that the USSR definitely intends to develop at least one large manned station in Earth orbit. That is certainly the logical next step, before sending expeditions to further planets. Unfortunately, the USA has no major plans in space at the moment, once the Lunar landing has been accomplished. It looks as if the first men on the moon will be Americans but the first men on Mars will be Russians!

Turning to personal matters, we are sorry to hear of your continued poor health, and hope there has been some improvement. Cannot modern surgical techniques help?

As he no doubt wrote to you, we had the pleasure of seeing Volodja Keilis-Borok again before he left for Massachusetts. We were sorry he could not visit us longer, but then in the evening he very graciously invited us to a performance of Tchaikovsky's "Nutcracker" ballet in San Francisco. Incidentally, that piece has become a local tradition of the holiday season.

Our own holidays were rather quiet. On New Year's Day, we met with a number of people to gather mussels on one of the ocean beaches near here. (The weather was beautiful, like a cool spring day in more northerly latitudes. Since then we have had unprecedentedly heavy rains.) These were cooked for Twelfth Night Revels, a celebration which the medieval society holds each year on or near the feast of Epiphany.

In January I was away from home for some days. As you know, the University of California has several campuses, in different parts of the state. The one in San Diego (south of Los Angeles) has what it calls a "guest in residence" program. A person is invited to come there, all his expenses paid plus a fee, and spend a couple of days in an apartment on campus. In return, he gives one lecture and is expected to hold himself available to any students who may wish to talk informally with him.

My subject, of course, was science fiction, and naturally I had occasion to mention your name. The time was strenuous but quite fascinating.

Those are extremely intelligent young people. I also had an opportunity to play a game of three-dimensional tic-tac-toe with a computer — it won, but then, it always does — and inspect photographs of the Lunar surface, taken by spacecraft, belonging to Harold Urey himself.

They had been good enough to pay my wife's expenses too. After our duties at the college were over, we visited some old friends in San Diego. I may have mentioned them to you. He is the G. C. Edmondson who has occasionally published some very good science fiction stories. His wife is American born, but of such pure Mexican descent that some of her relatives speak only Nahuatl, no Spanish. They invited several other mutual friends to come see us, and that night we slept in the huge converted omnibus which they use for traveling and which they have named "El Colosso del Norte".

The next day they took us for a drive, down into the Mexican town of Tijuana (which is a sleazy tourist trap) and across the beautiful countryside to the next border town, Tecate (which is small and charming). Unfortunately, my wife was feeling somewhat ill from too much strain — and, no doubt, a little too much celebration the evening before. Seeing her, the American border guards assumed she must be under the influence of drugs and that we might well be trying to smuggle some marijuana back into the country. So they began to search the car; but they gave up very soon when they saw we were not frightened at all, only yawning with boredom!

Actually, I sympathize with the border guards. The traffic in illegal drugs has become a serious problem.

Since then, I have been hard at work. I have signed a contract which requires me to produce six books in the next three years.

The payment is good, but the first of them is due on 1 April. A second book, which will contain about half new material and half old, is due two months later. In addition, I am editing this year's annual volume of Nebula winners (a trophy for excellence, determined by vote of the Science Fiction Writers of America association) and am committed to several lesser jobs. That is the reason I have become so slow about writing letters.

Of course, we get some recreation. Only last evening, we went to see the Zefirelli (British-Italian) film of "Romeo and Juliet". It was overwhelmingly good; my mother, who has seen it many times on stage, says none of those performances compare with this. Among other things, Romeo and Juliet actually are played by young people, who are also enormously talented. I do hope this film reaches Moscow and that you get a chance to see it.

A propos cinema, congratulations on the award given "Andromeda".

I would certainly like to see that one. It is not impossible. We get quite a few Soviet pictures in this country nowadays. In fact, not long ago I was seeing "Alexander Nevsky" for the fourth or fifth time, though I realize that it is old.

I am glad you liked my "Starfog". When it is published — though this will probably take at least a year — I will send you a copy of my latest novel, "Tau Zero". It concerns an expedition on a spaceship which takes advantage of the same Einsteinian time dilation that you have used in your fiction. The crew is international, and I will be most interested to learn if you think the Russian engineer a convincing character.

I apologize for not yet obtaining the books you requested. The list is still on hand, I will definitely get all of them that I can very soon. The delay has partly been due to pressure of work, but partly also to a prolonged dock workers' strike which has made it impossible to send packages abroad by surface mail; and air mail is prohibitively expensive. The strike has now been settled and I hope to get some packages off to you within the next several days.

In answer to a question that you have perhaps forgotten you asked: We have nothing especially exotic in our own garden, but ginkgo trees have become quite common throughout much of the United States, and I have seen araucaria, etc. in botanical gardens. Of course, the eucalyptus has almost conquered. California.

Have you read of the ecological disaster off Santa Barbara in this month? An undersea oil well got out of control. Before it could be stopped, the leakage had covered hundreds of square miles of sea, tens of linear miles of beach. No one knows how many thousands of birds and animals are dead, not to speak of lesser organisms and marine vegetation, nor does anyone know how long nature will take to recover. I have spent much time in that beautiful area, swimming and sailing, and so am even more angry than most conservationists. There is now a temporary ban on offshore oil drilling, and I hope it can be made permanent.

The more I study the subject, the more I doubt that the common science fiction nightmare of a world population of 20 or 30 billion will ever come to pass. The ecological foundation will collapse first. We are much closer to such a catastrophe in this country than most people realize. I believe countries like yours, where the plundering of nature has not gone so far, have an opportunity and a responsibility to find a more sane way of providing for human needs.

(Insecticide residues have now been identified in phytoplankton. Phytoplankton supply fifty percent of the earth's oxygen....)

Well, I did not mean to be so gloomy. It is not yet too late to take corrective measures.

Your comments on the Jewish people are interesting. American Jews are for the most part rather thoroughly assimilated. Very little remains to distinguish them from Anglo-Saxons except a prideful consciousness of their ancestry. (Which is certainly cause for pride. Survival through the centuries of persecution would have been enough, but they also maintained an intellectual tradition. The late Ellsworth Huntington suggested there may have been actual genetic selection for intelligence in that stock, as in certain others.) To be sure, this has had enough political effect to make American foreign policy more pro-Israeli than is truly realistic. (My French friend, F. Bordes, thinks the great powers should get together and impose peace in the Middle East. He may be right.)

When traveling in areas like Mexico, southern France, Greece, Yugoslavia, even Austria — or, for that matter, even in the Southwestern Indian parts of the USA, or the Negro districts of Oakland, California — I have been impressed and a little saddened by the deracination of the people in northwestern Europe, most of the USA, and British Canada. I wonder if American "Jewishness" may not be largely an attempt to keep some ethnic identity, some touch of color and tradition. In this connection, it was fascinating to hear Prof. Keilis-Borok talk of the survival of old folk ways in the USSR.

Someday my wife and I must visit your country. It is impossible this year because of work. Next year we hope to go to Europe again, but time will be some-

what short, so we will probably just see a few Western countries. (This is partly for our daughter's sake too. She will be with us, and hitherto she has seen nothing of the Old World except a little of Scandinavia. Since the basic American heritage is English and French, she ought to come to know those areas first.) Perhaps in 1971 we can manage it. Besides the usual tourist attractions — including Samarkand — I would very much like to explore some of your mountains and forests, if possible.

Well, this letter has gone on at much too great length. Although I am taking the Sunday off from writing, it happens also to be one of the few recent days without rain; I ought to try to repair some of the damage to our grounds.

Therefore this must close, with all best wishes to yourself and your family.

Sincerely
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу прощения за то, что долго не отвечал. Как Вы скоро поймете, я был слишком занят, чтобы писать. Благодарю Вас за поздравления с тем, что «Аполлон» облетел вокруг Луны. Мы смотрели трансляцию полёта по телевидению, и когда корабль огибал невидимую сторону Луны, мы как раз наряжали ёлку. В свою очередь, мне хотелось бы отметить храбрость ваших космонавтов, которые провели стыковку корабля[1], и мы были очень рады, что они не пострадали, когда какой-то сумасшедший открыл стрельбу во время церемонии встречи[2].

По всей видимости, СССР собирается построить по меньшей мере одну большую станцию на околоземной орбите. Это вполне естественное решение перед отправкой экспедиций на планеты Солнечной системы. К сожалению, в США не предвидится таких глобальных планов после завершения программы посадки на Луну. И если первыми людьми на Луне, похоже, будут американцы, то на Марс, вполне вероятно, первыми высадятся русские!

Возвращаясь к делам житейским. Мы очень расстроились, узнав, что Вы никак не поправитесь, и надеемся, что Вам всё же стало лучше. Может, в состоянии помочь современная хирургия?

Как Володя Кейлис-Борок написал Вам, мы имели удовольствие принимать его у себя до отъезда в Массачусетс. Нам было очень жаль, что он не смог остаться дольше, но буквально этим же вечером он любезно пригласил нас на балет Чайковского «Щелкунчик» в Сан-Франциско. Так сложилось, что это стало местной рождественской традицией.

Сами мы отметили праздники довольно скромно. В день Нового года мы отправились с друзьями на берег океана, чтобы собирать там на пляже устриц. (Погода была прекрасная, как прохладный весенний день в северных широтах. С тех пор у нас было несколько сильных ливней.) Мы приготовили устриц на

---

[1] Первая в мире стыковка двух пилотируемых кораблей состоялась 16 января 1969 года (корабли «Союз-4» и «Союз-5»).

[2] В Москве во время церемонии встречи вернувшихся из космоса космонавтов совершено покушение на Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Покушавшийся перепутал машины кортежа и открыл огонь из пистолета по автомобилю, в котором ехали космонавты. Никто из них не пострадал, смертельные ранения получил водитель.

«Пирушку 12-ой ночи», праздник, который в Средневековье отмечали каждый год накануне или во время праздника Епифании[1].

В январе я уезжал на несколько дней. Как Вы знаете, у Калифорнийского университета несколько кампусов в разных частях штата. В том, который находится в Сан-Диего (к югу от Лос-Анджелеса), есть специальная программа «для приглашенных лекторов». Человек, приглашенный в кампус, проводит там несколько дней, ему оплачивают все расходы, и, кроме того, он получает гонорар. В свою очередь, он читает одну лекцию, и предполагается, что студенты смогут поговорить с ним в неформальной обстановке. Предметом моей лекции, конечно, была научная фантастика и, разумеется, я упомянул Ваше имя. Время было напряжённым, но очень интересным. Люди оказались очень образованными. Также мне представилась возможность поиграть в трёхмерную игру с компьютером. Он выиграл, как это, впрочем, всегда и бывает. Кроме этого, мне удалось посмотреть снимки лунной поверхности, принадлежавшие самому Гарольду Юри.

Также они любезно оплатили пребывание моей жены. Завершив свои обязанности в колледже, мы навестили старых друзей в Сан-Диего. Наверное, я рассказывал Вам о них. Мужа зовут Д. С. Эдмондсон, он опубликовал несколько отличных научно-фантастических рассказов. Его жена — гражданка Америки чисто мексиканского происхождения, поэтому некоторые её родственники говорят не по-испански, а только на наречии нахуатль. Они пригласили ещё нескольких своих друзей, чтобы познакомить их с нами, и в ту ночь мы спали в большом раздвижном фургоне, который они используют для путешествий и называют «El Colosse del Norte» — «Северный колосс».

На следующий день они повезли нас на прогулку в мексиканский город Тихуана (грязную ловушку для туристов) и затем — через живописную сельскую местность в приграничный город Текате (маленький и уютный). К сожалению, жена не очень хорошо себя чувствовала, наверное от усталости и слишком бурного веселья накануне. При виде неё американские пограничники подумали, что она находится под влиянием наркотиков и что мы вполне могли пытаться ввезти марихуану обратно в США. Они принялись обыскивать машину, но скоро сдались, так как увидели, что мы совершенно их не боимся и только зеваем от скуки.

На самом деле, я сочувствую американским пограничникам. В последнее время незаконный провоз наркотиков стал слишком серьёзной проблемой.

С тех пор я практически не встаю из-за письменного стола. Я заключил контракт, который обязывает меня написать шесть книг в течение последующих трёх лет. Гонорар очень хороший, но первую книгу я должен сдать к 1 апреля. Вторую, которая будет состоять как из старого материала, так и из нового — двумя месяцами позже. Кроме того, я редактирую сборник призёров «Небьюлы» (приз за литературное мастерство, присуждаемый путём голосования членов Ассоциации американских писателей-фантастов), а также выполняю массу других дел. Вот почему я так долго не писал.

Конечно, мы не только работали. Вчера, к примеру, мы смотрели британско-итальянский фильм Зефирелли «Ромео и Джульетта». Это было потрясаю-

---

[1] Епифания празднуется в воспоминание события сошествия Св. Духа на апостолов. В цикле артуровских легенд этот праздник занимает одно из центральных мест.

ще: моя мать, которая много раз видела пьесу на сцене, сказала, что с этой постановкой ничто не может сравниться. Помимо того, роли Ромео и Джульетты играли совсем молодые актеры, необыкновенно одаренные. Я очень надеюсь, что Вы сможете увидеть этот фильм в Москве.

Кстати, о кино. Мои поздравления в связи с призом, полученным «Андромедой». Мне бы очень хотелось посмотреть этот фильм. И это вполне возможно. Сейчас к нам поступает довольно много советских картин. Не так давно я смотрел «Александра Невского» в четвёртый или пятый раз, хотя знал, что этот фильм старый.

Рад, что Вам понравился мой «Звёздный туман». Когда опубликуют мою последнюю повесть «Тау Зеро» — наверное, это будет через год — я отправлю Вам экземпляр. Она посвящена экспедиции на космическом корабле и основана на изменении времени по теории Эйнштейна, которую Вы используете в своей фантастике. Экипаж корабля международный, и мне будет интересно узнать Ваше мнение об образе русского инженера.

Извините, но пока ещё не удалось достать те книги, которые Вы просили. Список у меня на руках, и я обязательно постараюсь добыть как можно больше. Я отложил это дело отчасти под давлением работы, а также из-за чересчур затянувшейся забастовки докеров, сделавшей невозможным отправку посылок обычной почтой; что касается авиапочты, то она так дорога, что и подступиться нельзя. Стачка уже сейчас закончилась, и я надеюсь на днях выслать Вам несколько бандеролей.

В ответ на Ваш вопрос, о котором Вы, вероятно, забыли, могу сказать, что в нашем саду нет ничего особенно экзотического, но гинкго довольно-таки широко распространились по США, в ботанических садах встречается араукария и другие экзотические деревья. А эвкалипты уже почти завоевали всю Калифорнию.

Вы читали об экологическом бедствии, постигшем Санта-Барбару этим месяцем? Нефть на шельфе прорвалась из скважины. Перед тем как удалось её остановить, нефть разлилась на сотни квадратных миль по поверхности воды и на десятки — вдоль пляжа. Никто не знает, сколько тысяч животных погибло, не говоря уже о самых мелких организмах и морской растительности; вряд ли кто-нибудь имеет представление о том, сколько времени потребуется для восстановления всей экосистемы. Я провёл много времени в этом замечательном по красоте месте, купаясь и ходя под парусом, так что я рассержен даже сильнее большинства борцов за охрану природы. Сейчас установили временный запрет на бурение прибрежных нефтяных скважин, и я надеюсь, что он станет постоянным.

Чем больше я углубляюсь в предмет, тем сильнее сомневаюсь в том, что предсказываемый научными фантастами кошмар перенаселения планеты в 20—30 миллиардов может стать реальностью. Экологическая основа рухнет раньше. Большинство людей просто не осознает, насколько близка наша страна к подобной катастрофе. Мне верится, что такие страны, как Ваша, где расхищение природы не зашло ещё столь далеко, пока имеют шанс найти более разумный способ удовлетворения человеческих потребностей, к тому же ощущают ответственность за это.

(Недавно в фитопланктоне, который снабжает Землю 50% кислорода, были обнаружены остатки инсектицида.)

Но всё же я не хочу сказать, что всё так безнадёжно мрачно. Ещё не слишком поздно принять меры.

Ваши замечания по поводу еврейской нации весьма интересны. Американские евреи большей частью основательно ассимилированы. Немногих из них можно отличить от людей англо-саксонских корней, за исключением особой гордости своим происхождением. (Оно и в самом деле является поводом для гордости. Уже достаточно того, что они выжили, несмотря на преследования во все века, но этот народ сохранил и свою интеллектуальную традицию. Недавно скончавшийся Эллсворт Хантингтон предполагал, что здесь имел место настоящий интеллектуально-генетический отбор, так же, как в некоторых других нациях.) Несомненно, такое отношение оказало достаточное влияние на американскую внешнюю политику, сделав её даже преувеличенно произраильской. (Мой друг из Франции, Ф. Борде, думает, что сильные державы должны объединиться и установить мир на Среднем Востоке. Может быть, он прав.)

Во время своих путешествий в Мехико, по югу Франции, в Греции, Югославии, даже Австрии или, скажем, среди индейских поселений на юго-западе США и негритянских районов Окленда в Калифорнии я поразился, насколько в северо-западной Европе, на большей территории США и в англоязычной Канаде расовая принадлежность нивелирована. Поэтому, вероятно, выделение американского иудейства представляет собой попытку сохранить этническую идентичность, свой национальный колорит и традицию. В этой связи было очень интересно послушать выступление проф[ессора] Кейлис-Борока о преемственности старых фольклорных традиций в СССР.

Когда-нибудь мы с женой обязательно должны побывать в вашей стране. В этом году работа не позволяет этого сделать. На следующий год мы снова собираемся в Европу, однако пробудем там недолго, так что сможем посетить всего лишь несколько западных стран. (Отчасти это делается ради дочери. Она поедет с нами, ведь до сих пор она не видела Старого света, за исключением небольшой части Скандинавии. Поскольку первыми поселенцами Америки были в основном выходцы из Англии и Франции, ей следует увидеть эти страны в первую очередь.) Вероятно, мы сможем навестить Вас в 1971 году. Я бы очень хотел посетить не только места туристического плана, включая Самарканд, но и побродить по горам и лесам, если это возможно.

Ну и ну! Длина этого письма превзошла все мои ожидания. В это воскресенье я решил не работать за письменным столом, к тому же сегодня один из немногих ясных дней за последнее время, поэтому мне нужно попытаться кое-что починить в хозяйстве.

Пора заканчивать. Наилучшие пожелания Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

11 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
16 февраля 1969 г.

Dear Professor Efremov,

Early last week I heard from Robert Maxwell and Co Ltd that they had sent the second volume of Aubrey Beardsley's Drawings to you on Jan. 2nd. They admit that they were so stupid as to send the invoice for payment to you also. Now they have written to you asking you to return the invoice. I am very sorry that this should happen and I hope that both volumes do reach you safely some time — the first volume was dispatched on or about Dec. 16th. Second should have arrived by now and I hope to hear from you before long.

I am getting very amused with bookshops in this part of the world. The "Times" bookshop through which I have often ordered books has closed down. The other London one which I used to visit has joined with this firm — Robert Maxwell at Oxford. This is the first time I have ordered from them since their amalgamation and now they seem both slow and stupid. One bookshop in Godalming is also very slow but there is another which I have never tried, so I must look into it when I have time.

Your last letter is dated Nov. 23rd 68 and I have noted that I answered it briefly on 27.12.68. When you wrote, you had been ill and away from home and your Latin typewriter had broken up. It seems so long since I heard from you that I am afraid you may have been ill again. You also mentioned bad weather and I think I have read in the Times that Moscow has had very severe weather. We, of course, do not have anything comparable here but it is at present unusually cold for England. However, in our neighbourhood we have not yet had much snow and we both get out for a time on most days. I have just had 2 or 3 days in bed with my old trouble — duodenal ulcers — but fortunately my Geological daughter Janet was able to come and look after us both so I had a comfortable, lazy time and now feel quite well again.

Professor Watson is getting slowly worse. In some book review I saw the last years of a distinguished man described as his "long twilight" and that is exactly how my husband's decline appears to me.

In your last letter you say that the "accomplishers of peoples destinies" appear to be struck by complete blindness. It is really horrifying to see the complete stupidity of the ruling people. Also the young and the "idealists" who protest about this and that are obviously ignorant and prejudiced. So there is little hope of improvement, when the younger generation succeeds to power. The sad fact is that man is a contentious animal and he has an incurable urge to get his own way whether by fair or foul means. Also, as you say, he does not learn by experience. From the time of the men in the Chow-kou-tien caves which you describe to the men of 1914 and 1969 et seq. there is no sign that experience, however bitter has taught mankind anything. One despairs of the future.

But now I must go and cook some nice supper for my husband and self.

I hope that your wife has quite got over the tooth trouble which you mentioned and that you are both well.

Please let me hear from you when you can write and I hope that Aubrey Beardsley does reach you soon.

With kindest regards and best wishes

Yours very sincerely
Katharine M. Watson

Дорогой профессор Ефремов!

В начале прошлой недели я получила сообщение от «Роберта Максвелла и Ко», что они выслали Вам 2-го февраля второй том рисунков. Они признались в собственной глупости, поскольку счёт на оплату также отправили Вам. Теперь они отправили Вам письмо с просьбой возвратить им счёт. Очень сожалею по поводу произошедшего и надеюсь, что оба тома благополучно доберутся к Вам через некоторое время — первый том был послан около 16-го декабря. Второй должен уже к настоящему времени прийти, и я надеюсь в ближайшее время получить от Вас известие.

Местные книжные магазины меня весьма забавляют. Книжный магазин «Таймс», в котором я часто заказывала книги, закрылся. Другой лондонский магазин, куда я раньше наведывалась, объединился с той самой фирмой — «Роберт Максвелл» из Оксфорда. Данный мой заказ — первый с момента их объединения, и он выявил их неповоротливость и бестолковость. Книжный магазин в Годалминге также очень медлительный, хотя есть ещё один, в котором мне не приходилось бывать, так что, когда будет время, нужно будет с ним познакомиться.

Ваше последнее письмо датировано 23-м ноября, и у меня отмечено, что я кратко ответила на него 27 декабря. Вы писали, что были больны и находились не дома, а Ваша латинская пишущая машинка сломалась. Кажется, я так давно не получала от Вас известий, что боюсь, не больны ли Вы опять. Вы также упоминали плохую погоду, и я припоминаю, что в «Таймс» писали о том, что в Москве стояла очень холодная погода. Конечно, у нас здесь ничего подобного нет, но для Англии сейчас необычайно холодно. Тем не менее, в наших местах снега почти нет, и мы почти каждый день ненадолго выходим прогуляться. Я лишь провела два или три дня в постели со своей старой проблемой — язвой двенадцатипёрстной кишки, но, к счастью, моя «геологическая» дочь Джанет смогла приехать и ухаживать за нами обоими, так что я смогла расслабиться и теперь чувствую себя опять вполне здоровой.

Профессору Уотсону постепенно становится хуже. В одной рецензии на книгу я читала о последних годах выдающегося человека как о его «долгих сумерках», так теперь угасает и муж.

В своём последнем письме Вы пишете, что «вершители судеб народов», кажется, поражены полной слепотой. Глупость правителей действительно приводит в ужас. А заодно и молодёжи, и «идеалистов», которые выступают с протестами с позиции предвзятости и плохой осведомлённости. Таким образом, мало надежды на улучшение, если на смену правителям придёт молодое поколение. Печальный факт состоит в том, что человек — вздорное животное, у него неискоренимое желание добиваться своего, неважно, чистыми ли, грязными ли средствами. К тому же, как Вы говорите, он не учится на опыте. Со времён людей в пещерах Чоу-коу-тянь, которые Вы описывали, до людей 1914 или 1969 и далее, нет никаких признаков того, что опыт, каким бы он ни был горьким, чему-нибудь научил человечество. От будущего веет безнадёжностью.

А теперь надо приготовить что-нибудь вкусное на ужин для мужа и себя.

Надеюсь, что Ваша жена вполне оправилась от неприятностей с зубами, о которых Вы упоминали, и Вы оба в полном здравии.

С сердечными приветами и наилучшими пожеланиями,
с искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

12 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[1]

Москва
18 февраля 1969 г.

Многоуважаемый Павел Федорович!

Большое спасибо за присланную книгу и готовность помочь с книгами НКР. Книга интересна не заметкой об Анни Безант, конечно, но некоторыми другими материалами из «вольной печати». Когда её Вам надо вернуть?

Я с удовольствием воспользуюсь Вашей любезностью относительно книг НКР, но не сейчас. Они ещё нужны Вам, а я в настоящий момент занят работой с редактором над новым своим романом «Час Быка» и освобожусь лишь к половине года. Вот тогда разрешите вернуться к Вашей любезности. Очень огорчён известием, что полный текст «Алтай-Гималайи» где-то затерялся. Неужели С. Н. не мог бы перепечатать его в нескольких экземплярах и передать сюда хотя бы один? А мы бы тут уж сумели перепечатать и сохранить. Может быть ему нужны деньги для перепечатки, так я мог бы ему дать (он, по слухам, скуповат) только здешними или книгами?

С искренним уважением и приветом, Ваш *И. Ефремов*

P. S. Я узнал про книгу «Озеро голубой цапли» — автор Павел Северный, изд[ательство] Шанхай, 1938.

13 И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ

Москва
18 февраля 1969 г.

Многоуважаемый Павел Стефанович!

Большое спасибо за брошюру[2]. Мне она кажется очень своевременной оплеухой кому следует, но, может быть, недостаточно популярной для того, чтобы с ней ознакомились учителя и студенты.

Действительно, журнал «Молодая гвардия» будет печатать «Час Быка» не в трёх, а в четырёх номерах, следовательно, кончат апрельским, а в майском собираются дать ещё одно интервью со мной, каковое уже недавно проверил.

С палеонтологической книгой пока дело не движется — нет хорошего издателя и прежде всего иллюстратора. Пишу повесть из времён Александра Македонского, а затем буду писать повесть из XIII века — обе короткие. Сделав их и получив таким образом задел и некоторое обеспечение, можно будет взяться и за палеонтологию — в порядке благотворительности.

С искренним уважением и приветом от нас обоих,
Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Почтовая открытка с репродукцией картины З. Е. Серебряковой «Мать с ребёнком», 1928.

[2] Воронов П. С. Дрейф континентов: за и против / Публ. лекции, прочит. в лектории им. Ю. М. Шокальского, в. 6, 32 с. Изд. ГО СССР, Л., 1968 г. — *Примечание Н. Д. Воронова.*

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 14

Москва
2 марта 1969 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Большое спасибо за присланные статьи — как всегда, умные и добро направленные. В «Литгазете» 5 или 12 марта должна быть моя маленькая статья — в защиту приключенческого жанра.

Таиса Иосифовна шлёт душевный привет, и мы оба поздравляем Вашу жену с Днём Женщины.

Ваш
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — С. В. БЕЛОВУ 15

Москва
10 марта 1969 г.

12 марта 1969 г. в «Литературной газете» была опубликована статья И. А. Ефремова «Да, ради приключений!», в которой речь шла о многих переводных изданиях, выпущенных впервые до революции русским издателем Петром Петровичем Сойкиным (1862—1938). Собирая материалы о жизни и деятельности П. П. Сойкина[1], я обратился с письмом к И. А. Ефремову с просьбой рассказать мне о той роли, какую сыграли в его жизни сойкинские издания. Ответное письмо И. А. Ефремова датировано 10 марта 1969 г.

(Примечание С. В. Белова на копии письма)

Многоуважаемый Сергей Владимирович!

Более подробный ответ на Ваш вопрос Вы прочтёте в «Литературной газете» за 12 марта — должна быть опубликована моя статья — «Да, ради приключений!» Говоря о переводах зарубежной приключенческой литературы, я главным образом имел в виду сойкинские издания Хаггарда, Жаколио, Буссенара, Лоти, Лори и всех других, перечисленных Вами.

Эти издания не только сохранились в памяти, они способствовали и воспитанию характера, и украшению жизни одновременно, как то я пытаюсь показать в статье, несмотря на вполне понятное сопротивление определённой группы «бытовиков».

Я не представляю себе своей жизни без сойкинских изданий — ведь английские оригиналы я стал читать много позже, уже вполне взрослым человеком. И я уверен, что моё чувство разделят многие тысячи людей. Нельзя забывать, что и «Мир приключений» также был захватывающе интересным журналом: многие из вещей, в нём опубликованных, я до сих пор помню наизусть! (для примера «Милость богов» Гхоша, «Ужас высот» Конан-Дойля,

[1] Адмиральский А. М., Белов С. В. Рыцарь книги. Очерки жизни и деятельности Петра Петровича Сойкина. Л., Лениздат, 1970; Белов С. В., Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX — начала XX вв. Л.: Наука, 1976.

«Долина благоуханного цветка» — не помню автора, — этот перечень займёт несколько страниц).

В первые годы советской власти П. П. Сойкин снова издавал «Мир приключений» и опубликовал множество превосходных произведений в нём, например: «Живой металл» А. Мерритта, «Чужие» А. Волкова, «Пылающие бездны» Муханова и т. д. и т. п. Кроме того, П. П. Сойкин постоянно консультировал издание переводной приключенческой литературы частными издательствами и Госиздатом в Ленинграде. Он явился инициатором изданий «Тарзана» и марсианской серии Бюрроуза, Пьера Бенуа, ряда романов о Дальнем Востоке и Африке, в том числе — Фаррера.

Вы сделаете поистине благородное дело, если покажете всё огромное влияние, пользу и значение издательской работы П. П. Сойкина. Для меня его память незабвенна, и я бы обязательно поставил ему памятник, цоколь которого был бы окружён бесчисленными героями всех стран и народов из его книжных изданий. Если что-нибудь Вам потребуется, пожалуйста, обращайтесь ко мне. Очень жалею, что не получил Ваше письмо раньше. Я бы настоял на упоминании имени П. П. Сойкина в своей статье, ну да для этого, надо думать, случай представится.

С искренним уважением,
И. Ефремов

16 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[1]

Москва
10 марта 1969 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Посылаю Вам заказным пакетом обе Ваши книги. Большое за них спасибо — я узнал много интересного. О биографии Анны Безант не беспокойтесь — в библиографическом списке в присланном Вами журнале я нашёл ссылку на подробную биографию А[нны] Б[езант], и мне обещали её вскоре достать. Других №№ журнала сейчас не присылайте — завален работой, но потом, м. б., попрошу.

Видел в плане «Молодой гвардии» Вашу с Князевой книгу.[2] Очень хорошо!

С приветом и искренним уважением,
И. Ефремов

17 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Москва
10 марта 1969 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Большое спасибо за присланные статьи, доказывающие, что «Курилка» жив и борется как надо. Особенно доволен, что Вы всыпали А. Громовой за её

[1] Почтовая открытка с иллюстрацией Л. Владимирского к «Руслану и Людмиле».

[2] Беликов П. Ф., Князева В. П. Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972. Серия «Жизнь замечательных людей».

нелепейшую, истинно «дамскую» статью в Энциклопедии. Но те-то там тоже хороши!

У меня к Вам есть большая просьба — при том непременном условии, что выполнение её не будет для Вас обременительным. Я сейчас не знаю, кто командует в писательском отделении Вашей лавки писателей. Поэтому хочу попросить Вас, зная, что Вы часто там бываете, заказать для меня, на случай, если им подвернутся, отдельные номера (или раскомплектованный набор) журнала «Столица и Усадьба» (Петроградское издание до Революции).

Мне нужны следующие номера:

1913 г. — 1 номер — он только один и был.

1914 г. — №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 — всего 13 №№ из 24 (если попадётся целый год — тоже можно).

1915 г. — 30, 31, 32, 40, 41, 42, 43, 44, 47 (всего 9 №№, но если будет годовой комплект — куплю).

1916 г. — 50, 55, 67 (всего 3 №№).

1917 г. — если вышли ещё номера после 82 — то всё, что вышло, в чём сомневаюсь.

Если не составит большого труда, то не откажите в любезности этот заказ сделать. Я нарочно написал список номеров так, что его можно вырезать из письма и передать, не затрудняя себя переписыванием.

С искренним уважением,
И. Ефремов

P. S. В «Литгазете» за 12 марта должна появиться моя статья о приключенческой литературе. Конечно, ядовитые зубы у ней вырваны, но, надеюсь, что и в этом виде она Вам понравится и поможет в общем деле борьбы за романтическо-приключенческую литературу.

Т. ДАУНЗ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
28 марта 1969 г.

Los Angeles County Museum
of Natural History

Dear Colleagues and Friends:

Once again the non-scientific forces in this area are threatening the use of Rancho La Brea as a scientific monument. We gravely fear that a strong movement is afoot to expand the Los Angeles County Museum of Art at the expense of the open land in the park.

We believe that all the available open space should be retained for our development of prehistoric animal restorations and a future fossil museum to be built over the existing parking area. We can do this without encroaching on the already diminishing park area.

Rancho La Brea is a County Park named for the donor of the land, Captain G. Allan Hancock; a National Park Service, Natural History Landmark and a State Historical Landmark. It is the site of the largest massive collection and natural entrapment of Pleistocene fossils in the world, and is being developed by our Museum into an important educational exhibit.

You can help our cause by writing immediately to the President of the Board of Governors of this Museum, Mr. Ed N. Harrison, expressing your concern over the destruction of the park by non-Natural History Museum use; explaining its scientific significance and the unique position it holds in the world as a scientific site which has been preserved in the center of a major population center.

Sincerely,
Theodore Downs
Chief Curator
Earth Sciences Division

J. R. Macdonald
Senior Curator
Vertebrate Paleontology

Музей естественной истории
округа Лос-Анджелес

Уважаемые коллеги и друзья!

Снова враждебные науке силы в нашем округе угрожают использованию Ранчо Ла Брея в качестве природного памятника. Сильны опасения, что незастроенную часть парка собираются использовать под расширение Музея искусств округа Лос-Анджелес.

Мы уверены, что всё без изъятия свободное пространство парка необходимо сохранить в его первозданном виде для реставрации доисторических животных и будущего музея окаменелостей, постройка которого запланирована над уже существующей парковкой. Никакого уменьшения площади самого парка при этом не произойдёт.

Ранчо Ла Брея является парком округа, названном по имени дарителя капитана Дж. Аллана Хэнкока; парк является памятником естественной истории и культуры Управления национальных парков США. Это местонахождение самого крупного в мире безводного захоронения окаменелостей плейстоценового периода, которое оборудуется нашим музеем в просветительский комплекс большого значения.

Вы можете поддержать нас, если без промедления напишете президенту попечительского совета музея мистеру Эду Н. Харрисону с разъяснением научной значимости парка и выражением озабоченности возможным уничтожением этого уникального места, сохранившегося в самом сердце мегаполиса, при его использовании для целей, не отвечающих изучению естественной истории.

С уважением,
Теодор Даунз
Главный куратор
отдела землеведения

Дж. Р. Макдональд
Главный куратор
отдела палеонтологии позвоночных

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[1] 19

Москва
7 апреля 1969 г.

Многоуважаемая Галя!

Давно ничего о Вас не слышал и сам не писал — предельно занят своей книгой и новой повестью из древнегреческой жизни «Рапсодия о Таис»[2]. Наконец мне достали для Вас «рисунки Пикассо» и «Констебля»[3]. Оба экземпляра с дефектами, а именно — не хватает по 1 стр[анице] рисунка, но что поделаешь — когда эти книги вышли, я болел, а после они исчезли из продажи, как исчезают вообще художественные книги.

Душевный привет Вам и Вашим маме и папе от Таисы Иосифовны и меня. Спасибо вам за поздравление. Будьте здоровы

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Посылал ли я Вам каталог выставки Александры Якобсон?

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 20

Москва
14 апреля 1969 г.

Дорогой мой Владимир Иванович!

Ужасно рад приличной кардиограмме Вашей. Однако, не очень на неё надейтесь и стопорьте себя во всех отношениях в смысле темпа.

Ваши сообщения о Ганичеве очень приятны. Однако тут за последнее время выявились существенные неприятности с цензурой на журналы и книги из заграницы. Если моё письмо к Демичеву не возымеет действия — брошу писать н/ф, пока перекрытая дураками зарубежная почта, т. е. информация, не начнёт поступать снова.

Поэтому пока не пишу Вам подробного письма — надо подождать выяснения.

Обнимаю Вас. Тасенька целует.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. Ганичев ошибся — нет трёх журналов, только 2.

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 21

Москва
21 апреля 1969 г.

Многоуважаемая Галя!

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам весь комплект «Техники — молодёжи», вышедшей по сие время. Конечно, здесь только отрывки из

---

[1] Почтовая открытка с иллюстрацией Л. Владимирского к «Руслану и Людмиле».

[2] В окончательном варианте — роман «Таис Афинская».

[3] Имеются в виду альбомы с репродукциями художников Пабло Пикассо и Джона Констебля.

романа, надо читать (пока не выйдет отдельной книгой) в журнале «Молодая гвардия» этого года, там он лишь с малыми сокращениями.

Чтобы Вы не горевали о потере фотографий, посылаю Вам все имеющиеся под рукой дубликаты, хотя, может быть, и не те, что были даны Олесю Павловичу. Всё же здесь есть материал для Вас, и я постарался надписать всё, что имеет отношение к «Часу Быка» или «Лезвию», так, как я представляю себе типаж некоторых героев.

Дополнительные данные:

Родис — чёрный скафандр с синим отливом воронова крыла, чёрные волосы, чисто зелёные глаза (не травяно- и не болотно-, конечно!).

Эвиза Танет — серебристо-зелёный скафандр цвета ивового листа, тёмнорыжие волосы, топазовые, «кошачьи» глаза. Пояс и воротник — чёрные.

Чеди Даан — пепельно-голубой скафандр, с серебряным поясом и воротником. Пепельно-русые волосы, синие (фиалковые) глаза.

Тивиса Хенако — тёмно-гранатовый скафандр с розовым поясом и воротником. Чёрные волосы, оливковая кожа, тёмно-карие глаза.

Домашний костюм Родис — белое платье — корсаж и короткая, выше колен, юбка — с голубым. Юбка обязательно широкая, в крупных складках.

Вечерний туалет Эвизы — очень открытое платье аметистового цвета, с обнажёнными плечами. Ни у кого никаких украшений, если только специально не рядятся, как Родис, когда оделась в серебряно-белое индийское сари с титановыми (серебряными) браслетами.

Ваш рисунок Родис мне нравится — немного крупноваты черты лица — у всех женщин тогдашней Земли черты лица твёрдые, чёткие, но мелкие. У мужчин — гораздо крупнее. Эвиза — совсем не годится, не говоря уже, что вся «масть» не та, никогда, ни при каких обстоятельствах у землян не будут глаза навыкате, что означает непорядок в щитовидной железе.

Новый экслибрис мне кажется очень динамичным, но, действительно, оттиск неважный. Как лучше сделать? Можно его наклеить на доску резиновым клеем и уже потом оттискивать?

Вот все «дела». Очень благодарю Вас и Ваших родителей за поздравление и добрые пожелания, но вот Вы меня огорчили известием о собственном нездоровье. Перед Вами ещё долгий путь, и надо быть здоровой во что бы то ни стало. Может, это авитаминоз, особенно если с глазами. Ешьте больше хорошего (не покупного в магазине) сливочного масла — подозреваю, что у Вас недостаток витамина А. Поэтому солнце + сливочное масло (свежее, самодельное — по возможности) + пешие прогулки перед трудной осенью и зимой.

Пишите о Ваших делах время от времени, а то Вы стали исчезать с моего горизонта. Не думайте, что временные Ваши неудачи изменят моё отношение к Вам. Это может измениться, лишь ежели Вы станете рисовать ерунду или современных уродов, чего я терпеть не могу ни у Пикассо, ни у Вас. Дисторсия окружающего мира — своеобразный эскапизм шизоидной психики — сейчас очень широко распространена, но ей поддаваться нельзя ни в коем случае, — это = продать душу чорту.

Со всеми добрыми пожеланиями от нас обоих с — Таисой Иосифовной и искренним уважением,

И. А. Ефремов

P. S. Также в другом пакете каталог Александры Якобсон — отличной художницы — <одно слово не разобрано. — *Ред.*> недавно умершей.

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 22

Кузнецк
25 апреля 1969 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!
Прошу принять мои лучшие пожелания Вам и Таисе Иосифовне.

Сердечно Ваш *Г. Портнягин*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 23

28 апреля 1969 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Давно ничего о Вас не слыхал. Как здоровье, как книга?

Я вынужден отложить новую повесть — тружусь над книжным вариантом «Часа Быка» + докторская диссертация одного из моих подопечных.

Желаю Вам и всему семейству хороших праздников, поздравляю с весной. Тасенька целует, я Вас обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 24

29 апреля 1969 г.
P. O. Box 15033
Nairobi.
Kenya

Professor Ivan A. Efremov,
Paleontological Institute of the
Academy of Sciences of U. S. S. R.
Moscow V-333;
4 Gubkine Street, appt. 40
Moscow

Dear Professor Ivan,

My apologies for the long delay in answering your letter, which both Armand and I were delighted to get. Many thanks for sending us your article, which we agree with wholeheartedly, and admire for its lucidity and topicality.

You have no idea how interested everybody is in your country, which is not only foremost in science in Europe, but has managed to preserve so much of its original fauna. There is always something exciting about a vast territory.

Your work as a Palaeontologist must give you a tremendous perspective (I often wish that all of us could have some knowledge of palaeontology, it would make better conservationists of us all).

My husband retired from his work about two years ago. Unhappily our film was sold to the Metromedia Producers Corporation of 8544 Sunset Boulevard, Hollywood, California. I myself insisted that in the contract there should be a clause arranging for complete copies.

My husband apologizes for not having answered your letter himself but he has some difficulty in writing.

We have been living in Kenya for many years, and hope to spend the rest of our lives here. If ever you come to this part of the world, do please come and see us. If ever we come to Russia, we should very much like to meet you.

Sincerely yours,
Michaela Denis

П. Я. 15033
Найроби,
Кения

Профессору Ивану А. Ефремову
Палеонтологический институт АН СССР
Москва В-333;
Ул. Губкина, 4, кв. 40
Москва

Дорогой профессор Иван!

Приношу извинения за столь долгую задержку с ответом на ваше письмо, которое мы с Арманом имели удовольствие получить. Большое спасибо за присланную статью, с которой мы всецело согласны и восхищаемся ясностью и глубиной раскрытия темы.

Вы даже не представляете, как всех интересует ваша страна, которая не только ведущая в области научных исследований в Европе, но и смогла сохранить в значительной мере естественных обитателей животного мира. Столь огромная территория не может не впечатлять.

Как палеонтологу Вам удаётся всё увидеть в перспективе (мне нередко хотелось, чтобы знания палеонтологии преподавались каждому, что сделало бы из всех нас лучших борцов за охрану природы).

Около двух лет назад муж перестал заниматься съёмками. К сожалению, наш фильм был продан продюсерской корпорации Метромедиа, что на бульваре Сансет, 8544, в Голливуде, Калифорния. Но я настояла, чтобы в договор включили статью о сохранении в архиве материалов в первоначальном виде, как мы с мужем их сняли. Всё из-за того, что я не имела понятия, как с нашим материалом может поступить американская компания — обычно их подход значительно отличается от европейского!

Муж извиняется, что не ответил на письмо собственноручно, но ему трудно писать.

Мы прожили в Кении много лет и надеемся оставаться здесь до конца жизни. Если когда-нибудь Вы окажетесь в этой части света — непременно приезжайте к нам. А если нам доведётся побывать в России — нам бы очень хотелось повидаться с Вами.

Искренне Ваша
Микаэла Денис

Перевела Кристина Бородкина

А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

9 мая 1969 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr. Efremov:

It was very pleasant to hear from you after a long interval in our correspondence. My NOTES AND COMMENTS, a little volume, was published by the University of Chicago Press people. I am saving you the trouble of ordering it by asking them to send you a copy of it. In my main work I have as a matter of policy not mentioned people, only fossils. In this book I have let myself go and said just what I thought, plus or minus, about various areas of interest in vertebrate paleontology and whether I thought well or the contrary of work done in such fields. Writing it was rather good fun, and I hope that you will enjoy it.

The world in general seems to remain in very much of a mess; nearly everyone here hopes that we can find some way of disentangling ourselves from eastern Asia, and in Europe an even more disheartening thing, I believe, was the occurrence at the end of last summer. But if I turn away from such affairs to paleontology, I am very happy, for I have enough interesting things to keep me busy for decades, if I lasted that long (which I surely will not). I have sent you the early papers on our Argentinian Chañares reptile fauna, and I am still working hot and heavy on the rest of it. Currently under way are two carnivorous cynodonts. When I finish with those, I have a whole series of interesting but puzzling thecodonts, which I will be taking up this summer and autumn, and then will go on to further gomphodonts, which are exceedingly numerous. The two major localities which our Harvard trips uncovered, Ischigualasto and Chañares, are now being further supplemented by the work of an excellent young Argentinian, Bonaparte, who was, so to speak, catalyzed by our work. He has now extended the range of Argentinian localities so that we now have in that country the best continental Triassic sequence of any country in the world, ranging from a Scythian fauna with just a few representatives but including Cynognathus and Kannemeyeria (there is no question about the generic identity) up to a typical Norian dinosaur fauna at the top. In addition, Lower Carboniferous amphibians, exceedingly rare until now, are beginning to multiply a bit. There is a quarry at Greer, West Virginia, which has already produced four good specimens, and there are considerably more in prospect. Two of them are in the National Museum and are going to be described by Hotton there; others are being collected by the Cleveland Museum, which is allowing me the privilege (and work) of describing them.

This year I am staying close to home, trying to get some of this work done. Next year, however, I think that my wife and I may take wing and do a bit of tripping. I have already promised to go to South Africa in July for a Gondwanaland Conference (I have become pretty well sold on this hypothesis) and have signed up tentatively to go to an Anatomical Congress in Leningrad in August. If I do this, I hope I may come to Moscow and see you and other people, and also have a look at your splendid Permian material. Are people liable to be away on field trips at that time of the year or will I find them at home? Who should I write to as being in charge of things in Moscow, now that Orlov is dead?

I understand that you have been keeping in touch with Mrs. Watson over the years, a person whom my wife and I are both very fond of. Watson himself was, of course, one of the heroes of my early years, although now, sadly, his mind is deteriorated. We go down to see him every time we are able to get to England. Mrs. Watson is taking splendid care of him, but it is very sad for me to see a once brilliant person now become essentially a vegetable.

Sincerely,
Alfred S. Romer

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой доктор Ефремов!

Было очень приятно получить от Вас весточку после долгого перерыва в нашей переписке. Небольшой томик моих «Заметок и комментариев» выпущен в университетском издательстве в Чикаго. Чтобы избавить Вас от беспокойства с заказом, я сам попросил их выслать Вам экземпляр. В своём основном труде я взял за правило не упоминать людей, ведя речь только об окаменелостях. А в этой книжечке я дал себе волю и более-менее полно выразил своё мнение о различных областях палеонтологии позвоночных и о том, насколько меня удовлетворяет состояние разработок в них. Писать было весьма занимательно, надеюсь — Вам понравится.

Мир в целом пребывает, похоже, в смятении, почти все тут надеются, что нам удастся каким-то образом выпутаться из Юго-Восточной Азии, в Европе события конца прошлого лета навевают ещё более мрачные мысли[1]. Но если отвернуться от всего этого и сосредоточиться на палеонтологии, то я вполне счастлив, потому что у меня хватит дела ещё не на одно десятилетие, если я столько протяну (чего наверняка не получится). Я отправил Вам ранние статьи по нашим рептилиям формации Чаньярес в Аргентине, но я по-прежнему плотно работаю с оставшейся частью находок. Непосредственно сейчас в работе два хищных цинодонта. А когда закончу с ними, предстоит разобраться с целой серией интересных, но неясных текодонтов, чем я буду заниматься всё лето и осень, после чего перейду к гомфодонтам, которых просто тьма. Два основных местонахождения, обнаруженных нашими гарвардскими экспедициями — Исчигуаласто и Чаньярес далее поддерживаются работами превосходного молодого аргентинца Бонапарта, для которого наша работа послужила своего рода катализатором. Он настолько расширил число местонахождений в Аргентине, что теперь в этой стране континентальная триасовая последовательность представлена лучше всего в мире, начиная со скифской фауны, которая насчитывает всего несколько представителей, однако с циногнатусом и каннемейерией (сомнений в видовой идентификации нет), и вплоть до типичной норийской динозавровой фауны. Плюс число амфибий нижнего карбона, исключительно редких до недавнего времени, начинает постепенно увеличиваться. В Западной Вирджинии есть карьер у Грира, откуда уже добыто четыре замечательных образца, а ожидается в перспективе много больше. Два из них находятся в На-

[1] Речь идёт о войне США во Вьетнаме и о вводе в конце августа 1968 года войск стран Варшавского договора в Чехословакию.

циональном музее, где их будет описывать Хоттон, а остальные — в коллекции Кливлендского музея, который предоставил мне привилегию (и труд) их описания.

В этом году я стараюсь держаться ближе к дому, чтобы успеть сделать побольше. Но на будущий год мы с женой планируем попутешествовать. Я уже пообещал в июле быть в Южной Африке на конференции по Гондване (я сделался довольно убеждённым сторонником этой гипотезы) и дал предварительное согласие приехать на Анатомический конгресс в Ленинград в августе месяце. Если получится, то, надеюсь, выйдет приехать в Москву повидаться с Вами и другими людьми, а кроме того взглянуть на Ваш чудный пермский материал. Застану ли я сотрудников на месте в музее или они будут в экспедициях в это время года? Кому я должен писать теперь из начальства в Москве после смерти Орлова?

Как я понимаю, Вы давно поддерживаете контакты с миссис Уотсон, которую мы с женой очень любим. Сам Уотсон, вне всякого сомнения, был истинным героем для меня в молодости, но теперь, к сожалению, его рассудок угасает. Мы каждый раз навещаем его, когда бываем в Англии. Миссис Уотсон замечательно заботится о нём, но я при виде этого некогда блестящего ума в почти растительном состоянии испытываю грусть.

Искренне Ваш
Альфред Ромер

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 26

Москва
10 мая 1969 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Посылаю Вам экслибрисы, коими Вы интересовались, благодарю за поздравление с праздником весны и поздравляю Вас в свою очередь, желая всего самого светлого.

Не откажите передать Владимиру Ивановичу, что статью его и Вашу я получил, однако сию минуту смотреть её никак не могу — надо спешно писать отзыв на докторскую моему одному подопечному, даже книгу свою — и ту отложил. На той неделе кончу и посмотрю статью. Тогда и напишу В. И.

С искренним уважением и приветом
от Таисы Иосифовны и меня,
Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 27

Москва
10 мая 1969 г.

Дорогой Олесь Павлович!

Только недавно я получил от Вас одну рукопись, а уже пишу насчёт другой. Я не совсем уверен (память подвела), но мне кажется, что у Вас есть ещё

рукопись («4й путь»[1]). Ежели так, не откажите в любезности прислать её мне до 1 июня, чтобы я мог перед отъездом на дачу отдать её жаждущим. Сердечный привет Людмиле и Вам.

Ваш *И. Ефремов*

28 К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Годалминг
15 мая 1969 г.

Dear Professor Efremov,

Thank you for your letter of April 2nd and for the very interesting book of pictures in the Andrew Rublev Museum. The reproductions are very good — as far as one can judge without knowing the originals and it is very impressive to see the care and skill put into every detail.

I am glad you got the Aubrey Beardsley books and that you find them interesting. It was no trouble for me to get them, except that the bookseller was just stupid and that invoked me in writing one or two extra letters — but no worse than that. I agree with you that service has deteriorated everywhere. I have, of course, to deal with Professor Watson's affairs now and frequently I have to write two or more letters about one matter, simply because someone has been stupid! There are so many household inventions etc. which are supposed to make life easy, but I often find that they do not work as well as the old, simpler tools.

I am very glad to know that "The Hour of the Bull" has run through four numbers of a magazine and that you were — at the time of writing — working on the final text. I expect you have now finished that and hope you feel satisfied with it. I shall be very interested to see the book when it is issued.

I am sorry that the palaeontological book does not go so well. The problem of illustrations is a big one. In any scientific work they are most important and, in this country, it is very difficult to get a publisher who will spend enough money to get the figures reproduced. I have a friend who has just finished a big work on the fauna of seashores in many parts of the world. The work was begun by her husband who died without completing it. She has worked long and hard at it and now the publishers insist on cutting out a lot of the illustrations which are essential for such a work.

I have not heard any more about Robert Broom's biography and fear that, in that case also, no publisher has been found and much good work will be wasted.

Like you we have had a very late, cold spring. Even now it is very unsettled and cold and the weatherman to-day reported snow in Southern England. Of course it did not lie but there is still the risk of frost damaging fruit blossom which has been very good so far.

I do hope that your heart has been functioning well and has allowed you to go on with your work. As to travel, which you mention, I expect that you have to be content with the memories which you have of the "blank areas" of the Siberia map and of the days when all weather's hardships were absolute trifles to you.

The religious subjects in the book you sent me remind me of a problem that is being discussed here at present, viz — what sort of "religions instruction" should

[1] Имеется в виду перепечатка книги П. Д. Успенского «Четвёртый путь», очевидно, в переводе Г. К. Портнягина.

be given in schools. As this country is (officially) Christian, many people feel that children should be given some understanding of the Christian faith. I should be very interested to know what is taught in Russian schools about religion. Ideally I think everyone should know something about all the great religions but school life is not long enough for that. As so much European art is based on the Bible and Christian legends, it seems to me very important that children should learn about these matters. What is your opinion?

I have left neither space nor time to write about our health and welfare but I can say that we go on enjoying the better things which life offers to the elderly — fresh air, some exercise, food etc.

With kindest regards to you both
Yours very sincerely
Katharine Watson

Дорогой профессор Ефремов![1]

Спасибо за Ваше письмо от 2 апреля и за очень интересную книгу фотографий из музея Андрея Рублёва. Репродукции очень хороши — насколько можно судить, не будучи знакомым с оригиналами, а тщательность и мастерство в передаче деталей весьма впечатляющи.

Я рада, что Вы получили книги Обри Бёрдслея и что находите их интересными. Никакой проблемы с их получением у меня не было за исключением того, что продавцы были просто глупы, и это вынудило меня написать одно или два дополнительных письма — но не более того. Соглашусь с Вами, что обслуживание ухудшилось повсюду. Я, как Вам известно, веду сейчас дела профессора Уотсона и часто вынуждена писать по два или более писем по одному и тому же поводу всего лишь из-за чьей-то бестолковости! Есть множество домашних изобретений, которые призваны сделать жизнь легче, но я часто обнаруживаю, что они работают ненадёжно и не лучше прежних, более незамысловатых инструментов.

Я очень рада узнать, что все четыре номера журнала с «Часом Быка» пользуются спросом и что Вы — на момент написания письма — работали над окончательной редакцией. Надеюсь, к настоящему времени Вы эту работу закончили и ею удовлетворены. Когда будет выпущена книга, мне будет очень интересно взглянуть на неё.

Жаль, что книга по палеонтологии продвигается не так хорошо. Иллюстрации — большая проблема. В любой научной работе иллюстрации очень важны, а у нас в стране очень трудно найти издателя, готового потратить достаточно денег для того, чтобы качественно воспроизвести изображения. У меня есть подруга, которая только что закончила работу по фауне побережий многих стран мира. Работа была начата её мужем, который умер, не закончив её. Она долго и упорно работала над ней, а теперь издатели настаивают на исключении многих иллюстраций, которые чрезвычайно важны для такой работы.

Я больше не слышала о биографии Роберта Брума и, боюсь, проблема та же: не было найдено ни одного издателя и большой труд будет потрачен впустую.

---

[1] На этом письме И. А. Ефремовым сделана надпись: «Последнее письмо Mrs Watson».

Как и у вас, весна у нас была очень поздняя, прохладная. Даже сейчас она очень непостоянная и холодная, и на сегодня синоптики обещали в южной Англии снег. Он, конечно, не ляжет надолго, но фруктовые деревья, которые сейчас в полном цвету, могут пострадать.

Я очень надеюсь, что Ваше сердце функционирует хорошо и позволило Вам продолжить Вашу работу. Что касается путешествия, о котором вы упоминаете, я полагаю, что Вы должны удовлетвориться воспоминаниями о тех путешествиях к «белым пятнам» на карте Сибири, в которых Вы принимали участие, и о временах, когда любые погодные трудности были для Вас пустяками.

Предметы культа в книге, которую Вы мне прислали, напоминают мне о проблеме, которая обсуждается здесь в настоящее время, а именно — в какой степени «религиозное образование» должно даваться в школах. Поскольку наша страна христианская (официально), многие считают, что детям необходимо дать некоторое представление о христианской вере. Было бы очень интересно узнать, что о религии преподают в русских школах. Думаю, в идеале каждый должен знать понемногу обо всех великих религиях, но для этого не хватит школьной жизни. Так много произведений европейского искусства основано на Библии и христианских легендах, что просто необходимо, чтобы дети узнали об этих предметах. Каково Ваше мнение?

У меня не осталось ни места, ни времени, чтобы написать о нашем здоровье и благополучии, но могу сказать, что мы радуемся простым удовольствиям, которые предлагает жизнь пожилым людям, — свежему воздуху, прогулкам, вкусной еде и т. д.

С наилучшими пожеланиями вам обоим, с искренним уважением,
Кэтрин Уотсон

Перевела Мира Покорук

29 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
24 мая 1969 г.

Многоуважаемая Галя!

Мне думается, что Ваше решение отдохнуть с год и набраться здоровья — совершенно правильно, и Ваши родители — мудрые люди. Ведь Вы сами, Ваш организм — это всё, что у Вас есть, и в нём заключены все Ваши будущие возможности. Если Вы получите хоть диплом академика, но разрушите организм — чего же можно ждать в дальнейшем? Какого творчества? Оно, кстати, может быть и без дипломов, хотя в наш век это и очень затрудняет путь.

Об экслибрисе — не беспокойтесь. Вероятно, действительно, его надо делать на доске, позволяющей более тонкую детализацию, но с этим успеется. Когда-нибудь, когда будет доска, уменье и время, что может случиться и через несколько лет — сделаете. Пока я взял на вооружение один Ваш экслибрис, размножив его фотокопировальным путём (образец прилагаю) и один, который мне сделали в Ленинграде (образец прилагаю) по мотивам рисунков Якобсон. Он сделан хорошо, но жулик-художник не хочет отдавать доску, а без доски не будет уникальности, поэтому если не отдаст, я ликвидирую этот экслибрис. Ежели отдаст — пущу в ход наравне с Вашим. Вашего уже наклеено штук 200, а напечатано 500.

Книгой «Час Быка» выйдет не раньше конца года (если выйдет), но если Вы хотите прочесть его внимательнее, возьмите в городской библиотеке журнал «Молодая гвардия» №№ 1—4 за 1969 год, там роман почти в полном виде (в основном нет сцен, признанных «эротическими»). Книгу я Вам, конечно, пришлю, как выйдет, хотя мне кажется, что по молодости ситуация Торманса не почувствуется Вами глубоко, хотя Вы и столкнулись с ней полностью во время Ваших попыток поступления.

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и меня Вам и Вашим родным.

Будьте здоровы, берегите себя и поплавайте-ка в море, поваляйтесь на берегу с месяц, напитайтесь Крымом, который так похож на Элладу (минус люди).

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 30

Москва
25 мая 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Винюсь, что не писал Вам некоторое время — затуркали срочные дела: срочная подготовка книжного варианта романа (будет печататься в издат[ельстве] «Молодая гвардия»), ещё корректура книги старых рассказов (в «Детгизе») и докторская диссертация моего ученика. По закону Финнегана, всё это завязалось в один узел. Теперь понемногу развязываю.

Мне очень приятна именно от Вас хорошая оценка моего «Часа Быка». Роман дался с большим трудам и из-за нездоровья и из-за ощущения горя планеты, взваленного на себя.

Конечно, я никакой не иогин, а просто такой же русский человек, как и Вы, который никогда не удовлетворится внешним, как бы велики эти достижения ни были, и которому обязательно нужно внутреннее восхождение и внутренняя цель. В этом мы гораздо сильнее и материалистов, и метафизиков Запада, но это же может стать и причиной гибели нашей на пути.

С переводом книги Радклиффа, может, стоит повременить до личного с Вами свидания. Там есть некоторые дефекты, могущие несколько дезориентировать читателей — в частности, очень много скепсиса по поводу ясновидения и телепатии, уже опрокинутого данными сегодняшнего опыта. Вероятно, надо это или выпустить, или кое-что добавить, но что именно — посоветуемся. Посылаю Вам кусочки из последнего номера «Техники — молодёжи» о фильме «Семь шагов за горизонт»[1], который учёные холуи никак не решаются выпустить на экраны. Там же замечания о странных конусах на Луне. Я знал об их существовании ещё два года назад, но вот такие расчёты появляются впервые.

На той же Киевской студии снят фильм о иогах Индии — мне показывали его в Москве, очень интересно, хотя речь идёт, конечно, только о первых

[1] «Семь шагов за горизонт» — научно-популярный фильм, снятый в 1968 году на студии «Киевнаучфильм» режиссёром Феликсом Соболевым. Сенсационный для своего времени, фильм исследует пределы возможностей человеческого мозга, творческих и сенсорных способностей человека.

ступенях Хатха-иоги. Кстати, иоги высшего посвящения считают Хатха-иогу в полном развитии даже вредной, так как, укрепляя физическое тело, она ослабляет возможность раскрытия эфирного (или ментального). Есть резон!

Таиса Иосифовна Вас приветствует, и я, конечно, тоже. Будьте здоровы!

Ваш
И. Ефремов

31 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго
28 мая 1969 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
COMMITTEE ON PALEOZOOLOGY
WALKER MUSEUM

Dear Professor Efremov:

I am sorry to have been so very long in answering your nice letter of some time back. It has been sheer neglect due to the fact that I have been deeply involved in a number of matters and have put off some of the really essential ones, like keeping up our correspondence.

I am winding up the writing of my book and have been in the throes of getting the illustrations in shape, and now am doing the endless job of checking all the internal details. It will get to the publisher in a couple of months and they say that it should be out in about a year if all goes well. I hope it does the things that I want it to do. Right now, as is always the case, I am moderately sick of the whole thing.

I also have been getting ready for the move to California and this has, of course, taken a great deal of time. Not only that, but I have had to pack my library, which has ruined me as far as easy reference work is concerned. But all is getting done. We have a very nice house about 10 or 15 minute drive from UCLA. It is in the hills, at the top, and the drive leads down into a canyon and then out on the famous Sunset Boulevard which goes past UCLA.

After a year or two I will know how this move will work out. Right now, here as in most places, the Universities and College, as well as most other "establishment" institutions are under all sorts of pressures from both students and faculty on the one hand and all kinds of outsiders, government and otherwise on the other. I expect that there will be many changes. The California system, of course, being one of the most progressive has come under the strongest state government pressure, with Ronald Reagan, the Governor a strong conservative and "law and order" man. It will be interesting to say the least. The problem is, in part at least, that a lot of up changes are needed for institutions that have not on the whole made provisions for the great changes and are trying to treat 20—30000 students in the same way that they did bodies of a few thousands. There is lots to be done and to do it will be a challenge.

I had a letter from Davitaschvili a while back and then he sent his reply to Evolution. Both were quite mild and in general I would say constructive, for which I am happy. He did a good deal to clarify his position on dialectics and evolution and in general points out that his big objections to the synthetic theory, beyond the fact that it is not "pure Darwinism" relates to aspects involving mutationism which currently are not important to the theory although they once were much more so. Really

the only major difference that I see is the question of some sort of "directionism" and if this is put on a materialistic basis then I can't find much more than semantics separating his views and that of many others.

I will be around Chicago much of the time this coming summer, although my household is moving in a few days. I have to get ready for a session on systematics in paleontology for a "Summer Institute" of the NSF in Washington in July and then prepare a paper on Computors[1] in Paleontology, what they have done and what they may be going to do, for the big "All Paleontology" sessions in Chicago in September. So I guess things will be busy. I will go to Los Angeles for a couple of weeks in July and then fly back. Should be an interesting trip out for I will be driving a Jeep which I am taking with me.

I still am trying to get things set so that I can get to your country. The move that we are making is eating up too much of my funds now, so that I can't do it this year. I understand that there is an Anatomy Conference there next year. I have no very specific information, but if there is I will try to get there. Al Romer has been talking about going to it as well, I wish that he would for I would like all of you to have a chance to get to know him. He is coming on 75, but is still immensely active, and a very fine man.

I hope that you are still getting along all right and that the heart is continuing to do its job. The stress of the day to day things is such that I don't know just how all the body parts keep on going. They seem to take quite a beating and continue.

We watched on television, somewhat with hearts in the mouth, as the Apollo took off for the moon venture, flew about, and then came back. Those men seem to stand up remarkably under what must be immense pressures. The telecasts from various points in color were spectacular, but to me equally so was that the whole thing works at all. Humans are remarkably able in some ways and so remarkably inept in others.

I had a nice letter from Peter about the time I received yours and I will write him soon. Also I had a note from Shishkin, who along with Peter and Tatarinov, I have sort of adopted as SVP members. I am very glad to be able to do this, for this is a fine group and they are doing some excellent work. Please say hello to Peter when you see him.

I think this about covers current activities. I am enclosing a change of address card so that you will know where I am to be.

As ever,
your close friend
Everett C. Olson

Чикагский университет
Комитет по палеозоологии
Музей Уокера

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу прощения, что так долго не отвечал на Ваше доброе письмо. Просто по забывчивости из-за наползающих дел, откладывая по-настоящему важные — как поддержание нашей переписки.

[1] Computors — Sic!

Завершал работу над книгой и бился над подготовкой иллюстраций, а теперь вот всё выверяю. Нужно сдать через два месяца в издательство, где обещают, что она выйдет в течение года, если всё будет хорошо. Надеюсь, изложенное будет воспринято так, как надо. Пока же, как всегда бывает, меня уже несколько мутит от этого.

Ещё я готовился к переезду в Калифорнию, на что, конечно, уходило много времени. Плюс пришлось упаковать библиотеку, из-за чего поиски необходимых ссылок сделались намного сложнее. Но всё постепенно движется. Дом наш всего в 10—15 минутах езды от Калифорнийского университета, уютный и удобный. Он расположен на самом верху холма, и дорога спускается в каньон, откуда выходит прямо на знаменитый Бульвар Заходящего Солнца, вблизи которого расположен университет.

Насколько успешен переезд, станет ясно через год или два. Пока же тут, как и в большинстве государственных образовательных учреждений, ощутимо давление разного рода со стороны студентов и преподавателей — с одной стороны, и всевозможных внешних сил — правительства и иже с ним — с другой. Предвижу немалые перемены. Калифорнийская система — одна из самых прогрессивных в стране, но при губернаторе Рональде Рейгане, несгибаемом консерваторе на защите «закона и порядка», испытывает сейчас наибольшее давление властей. Будет интересно, мягко выражаясь. Требуются немалые усилия по развитию, потому что иметь дело с двадцатью-тридцатью тысячами студентов — качественно иной подход, чем когда их число не превышало нескольких тысяч. Задача непростая.

Некоторое время назад получил письмо от Давиташвили, он также направил свой ответ в журнал «Эволюшн». Оба письма довольно в мягком тоне и, я бы сказал, конструктивном, что радует. Он значительно прояснил свою позицию по вопросу соотношения диалектики и эволюции и в целом уточняет, что его основные возражения против синтетической теории, помимо её отхода от «чистого дарвинизма», касаются её трактовки «мутационизма», что не так важно сейчас, как прежде. Честно говоря, я вижу существенную разницу между его подходом и прочими лишь в вопросе о некоей «направленности» эволюции, но если перевести его на материалистическую основу, то разница только в терминах.

Большую часть лета я ещё остаюсь в Чикаго, хотя остальные члены семейства переезжают через несколько дней. А мне нужно подготовиться к сессии по систематике в палеонтологии для июльского «летнего института» Национального научного фонда в Вашингтоне, а затем написать доклад о применении компьютеров в палеонтологии сейчас и в будущем для большого сентябрьского съезда «всей палеонтологии» в Чикаго. В общем, скучать не придётся. Я отправлюсь в Лос-Анджелес на пару недель в июле, откуда прилечу назад на самолёте. Путешествие должно быть интересным, потому что я поеду на нашем джипе, который нужно перегнать в Калифорнию.

Я всё ещё не оставляю планов поехать в Вашу страну. Переезд съедает сейчас слишком много средств, и в этом году не выйдет. Но, как я понимаю, Анатомический конгресс намечен на будущий год. Подробностей я не знаю, но если так — постараюсь на него попасть. Эл Ромер также говорил, что собирается. Хорошо бы, потому что мне очень хочется вас познакомить. Ему скоро стукнет 75, но он полон энергии и вообще замечательный человек.

Надеюсь, сердце вас больше не подводит и трудится без перебоев. Я сейчас в постоянном стрессе и не знаю, как мой организм со всем этим справляется. Но как-то тикает.

Мы затаив дыхание следили по телевизору за запуском «Аполлона» на Луну, потом облётом и возвращением. Астронавты замечательно переносят все перегрузки, как физические, так и психологические. Цветные телепередачи с нескольких точек съёмки были великолепны, но в не меньшей степени меня восхищало то, что всё получилось. Люди способны на поразительные достижения в одних областях и поразительно беспомощны в других отношениях.

Примерно одновременно с Вашим я получил хорошее письмо от Питера и скоро ему отвечу. Ещё я получил краткое письмо от Шишкина, которого вместе с Питером и Татариновым я, так сказать, принял под своё покровительство в члены Общества палеонтологии позвоночных. Причём сделал это с превеликим удовольствием, считая за честь поддержать их как исследователей, делающих великолепную работу. Прошу передать Питеру привет от меня при встрече.

Примерно обо всём рассказал. Вкладываю открытку перемены адреса, чтобы вы знали, где я буду находиться.

Как всегда, Ваш близкий друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. В. ЮСОВУ[1]

32

7 июня 1969 г.

Заведующему Главной Редакцией
Географической Литературы
издательства «Мысль»
Б. В. Юсову

Уважаемый Борис Васильевич!

Просматривая только что выпущенную Вашей редакцией книгу И. М. Забелина «Лунные горы», я к своему удивлению и возмущению прочитал на страницах 332—333 этой книги мерзкую инсинуацию в мой адрес. Автор, боясь ответственности за стряпню, трусливо не назвал моей фамилии, но назвал широко известный мой рассказ «Алмазная труба» и книгу Брандиса и Дмитревского, посвященную моему творчеству, так, чтобы сомнений не оставалось.

Я обвинен в том, что якобы присвоил себе гипотезу проф[ессора] Н. М. Федоровского, прогнозирующую открытие алмазов в Сибири.

Случись такое в каком-либо ином издательстве, я бы не обратил внимания на злобный выпад, но этот выпад напечатало издательство, с которым я многие годы связан и в альманахе которого «На суше и на море» состою членом редколлегии. Разумеется, я никак не мог предположить, что издательство позволит себе огульно печатать дрянные инсинуации на страницах научно-популярных книг, не дав себе труда проверить автора.

[1] Сохранилось два варианта (очевидно, черновика) письма Б. В. Юсову: от 6 и от 7 июня 1969 г. Здесь мы публикуем второе письмо.

Если бы редактор Г. Е. Матвеева и тот, кто исполнял обязанности главного редактора, потрудились проверить написанное И. М. Забелиным, то они узнали бы, что:

1. Никакой «гипотезы» проф[ессора] Федоровского не существует — это выдумка.

2. Общие указания на возможность находок алмазов в Сибири сделали несколько геологов. Из них отмечу Я. А. Макерова (1912), В. С. Соболева (1916 и 1932 гг.), Д. И. Мушкетова (1935), И. А. Ефремова (1932) — все до выхода в свет книги Федоровского, на которую ссылается автор пасквиля. В более поздние годы можно назвать ещё более десятка авторов, прогнозировавших алмазы в общих геолого-географических указаниях.

3. Я сам не только «писатель-фантаст», но и геолог, много лет исследовавший Сибирь, в частности и те районы, которые послужили фоном для рассказа «Алмазная труба». Мне как учёному принадлежат открытия куда более ценные, чем удачный прогноз в фантастическом рассказе, за которые я награжден Правительством тремя орденами, Государственной премией второй степени и грамотами. Поэтому никакой необходимости что-то присваивать у своих коллег у меня никогда не бывало, даже если смотреть на людей с подлой точки зрения И. М. Забелина.

4. В упомянутом И. М. Забелиным интервью (добавлю — как и во многих других) я утверждал, что, не будучи в силах обосновать научную гипотезу, из-за отсутствия ряда данных выдвинул фантастическую версию — где уж тут присвоение чужих гипотез? В этой версии я впервые (и я настаиваю на этом, и всякий геолог, знающий литературу, со мной согласится) точно указал геологические условия и район (регион — по-геологически) нахождения алмазов в Сибири в зонах повышенного давления под Восточно-Сибирской плитой, а также предсказал множественное нахождение трубок с алмазами. Как известно, именно этот прогноз полностью оправдался, а не другие, авторы которых прогнозировали связь алмазов с дайками, жилами и массивами ультраосновных пород (как и я сам в 1932 году). Прогноз, сделанный в литературном произведении, интересен больше для читателей и литературоведов, чем для научного признания, и И. М. Забелин напрасно тревожит память Н. М. Федоровского, привлекая его для своих целей, очернительских, не иначе! Подлинное открытие алмазов сделано двумя героическими женщинами — геологами Н. М. Сарсадских и Л. П. Попугаевой — незаслуженно мало освещённое в нашей научно-популярной печати, — вот действительно большая тема, в которой можно изложить те высоко моральные принципы, какими якобы руководствуется И. М. Забелин.

Если бы Редакция географической литературы обратилась ко мне или другому компетентному геологу для проверки писаний И. М. Забелина, то она не попала бы в положение не только глупое, но и подлежащее ответственности за диффамацию в печати.

Выводы из этого случая оставляю на Вашей совести, со своей же стороны прошу немедленно снять мою фамилию с титульного листа альманаха «На суше и на море», из редколлегии которого я выхожу, так же как и не считаю возможным продолжать какие-либо дела с издательством. Объяснение всего вышеизложенного я могу дать директору издательства «Мысль», чтобы пояснить мотивы своего разрыва с вверенной Вам главной редакцией географической литературы.

С уважением, *И. А. Ефремов*

Б. В. ЮСОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 33

9 июня 1969 г.

Москва, В-333, ул. Губкина, 4, кв. 40
Профессору И. А. Ефремову

Дорогой Иван Антонович!

То, что, к величайшему сожалению, появилось на страницах 332—333 книги И. Забелина «Лунные горы», ни в какой мере не отражает мнения Главной редакции географической литературы. Ваше имя большого учёного и писателя, много лет сотрудничавшего с нами, было всегда дорого нам и будет таким всегда.

Вы абсолютно правы, когда пишете, что этот материал книги «Лунные горы» обязательно надо было показать Вам или другому специалисту-геологу. В том, что это не было сделано, проявилась малоопытность редактора. Что же касается других работников редакции, читавших рукопись, то кроме как крайней невнимательностью к этому с их стороны назвать такое чтение нельзя. Может быть, чуть смягчающим их вину обстоятельством можно считать лишь то, что главное внимание они уделили тем местам и формулировкам в рукописи, касающимся Африки, которые имели политически неправильное или неточное звучание.

В связи с случившимся приношу Вам лично и от всего нашего редакционного коллектива самое глубокое извинение. Одновременно от имени редакторов и авторов альманаха «На суше и на море» прошу не отказываться от участия в работе редакционной коллегии этого издания.

Ваш *Б. Юсов*
Главный редактор
Главной редакции географической литературы

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 34

Москва
10 июня 1969 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Большущее спасибо за «Богиню». Пожалуйста, печатайте. Если возможно, то заодно и «Хищник-гигант» Рони-старшего. (изд[ательство] Мысль, 1924 г. — только это издание.) Я его было достал тут и даже снял на плёнку, но чтобы отпечатать — нет тонкой бумаги. А на электрофоте будет очень тонкая бумага и можно переплетать. Если, конечно, он не вздорожал (было 6 к[опеек] за стр[аницу]), а иначе — только «Богиню».

Моё интервью[1] — сильно сокращено и частично «подредактировано» (особенно в части психологии и эротики), и я им вовсе недоволен.

Об Уэллсе — очень интересно.

Когда собираетесь в наши края?

Сердечный привет. Таиса Иосифовна Вам кланяется.

Искренне Ваш
И. Ефремов

---

[1] Как создавался «Час Быка» (беседа с Иваном Ефремовым) // Журнал «Молодая гвардия», 1969, № 5, с. 307—320.

35 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
16 июня 1969 г.

Dear Professor Efremov:

It has been a long time since either of us heard directly from the other, but the book of reproductions from Čiurlionis which you so kindly sent arrived here a few days ago, and we are very happy to have it. The pictures are beautiful. We will no doubt frame some for our walls.

I hope this finds you in better health. Perhaps by now Dr. Keilis-Borok has returned. If so, please give him our best greetings.

As you will see, I have been too preoccupied until lately to look for the books you requested. However, I have finally managed to get a number of them, and sent them off in a box a few days ago, together with some others I thought you might enjoy. It is not always possible to obtain a given item, since paperback books often go out of print quite rapidly, so not everything you asked for is in the box. Perhaps I can find some things second hand later. I hope the package arrives safely. The cost of registry would have been prohibitive for something like that, and it seems as if even registered parcels do not always reach you.

Curiously, I was not able to find Heinlein's "Stranger in a Strange Land" in time to include, despite its popularity. Maybe it is also going out of print, now that the "hippie" movement itself is fading away. However, I located a copy in the course of some errands in Berkeley yesterday, and will therefore send it to you separately, together with a few other items that may interest you (including a book on space flight for younger readers by myself).

It is curious and somewhat amusing that a book by Heinlein should have become so much a "bible" among many young Bohemians.

He himself is very conservative, a retired naval officer, and was probably only amusing himself with some of the religious concepts in this novel.

A number of my younger acquaintances have to some degree been involved in that complicated and diffuse set of attitudes, activities, life styles, etc. which was lumped together as "hippie". Actually, there is little or nothing new in any of it.

Such people as Gauguin and Baudelaire were practicing much the same things generations ago. What first became conspicuous along these lines in our time was the so-called "beat" movement about 10 or 15 years back; after the first Russian Sputniks went aloft, such people were soon christened "beatniks". The idea was somewhat Oriental: to live as simply, with as little work and as few commitments, as possible, so as to be free to develop oneself mentally and spiritually. Zen Buddhism was especially favored by such people. For the most part — there were exceptions — they tended to be dirty, unkempt, and sullen. After a while everyone lost interest in them.

The original hippies followed somewhat the same pattern, but rather further and somewhat more constructively at first. They tended to be young people, often just teen-agers, who rejected what they considered the false values of a corrupt and cruel civilization. The emphasis was on individual freedom, including sexual, on love and mutual helpfulness, on pacifism, and to a high degree on fun. I must admit that there was originally a great deal of fun, too — colorful, eccentric, friendly, harmless people whose protests against society were more apt to be humorous than angry.

Of course, most of them seemed blithely unaware of the fact that that same society, through its productivity, was making it possible for them to live with almost no effort — to say nothing of keeping disease at bay, maintaining public order, and everything else that society does. And widespread use of marijuana, which is probably not harmful in itself, led to a growing cult of LSD and other hallucinogens, which probably are harmful. Dirt, litter, unsanitation, veneral disease, and malnutrition became more and more common.

So did crime. At present, the Haight-Ashbury district of San Francisco, once the hippie Mecca, is positively dangerous after nightfall; and such of the original people as have not given up, have nearly all moved out. Some are now attempting subsistence farming in the countryside; most seem to have been swallowed, by the more active and violent "protest" movements.

Some of the most pathetic people I know are parents whose children have left them for this, and become utterly alienated. The parents cannot understand what went wrong. As one lady said of her son, "His sister was graduating from high school, and she thinks the world of him, and he always talks about 'love' — but he could not even be bothered to send her congratulations".

On the other hand, it would be an oversimplification to condemn the whole movement. Certainly there are many things wrong, not simply in American society but in the whole rational-technological order of things. (I understand that many of your Soviet youth are questioning it too.) And certainly I still, myself, know a number of people who maintain the original ideals of simplicity, kindliness, and personal holiness. In my opinion, while the hippie movement itself has come to little or nothing, we would do well to regard it as a symptom and try to learn just what it is in our civilization that brought about this quiet rebellion.

— Well, I did not mean to go on at such length on this subject.

It was only that you had expressed some interest in it, and I thought you might like to hear a few remarks from one who has more or less been an eyewitness.

I had an experience this January which throws some light on the opposite side. As you may know, the University of California has a number of different campuses. The one at San Diego has what is called a "guest in residence" program. An outsider is invited, to live there for a couple of days, his lodging and meals provided; he gives one public lecture, and otherwise simply holds himself available to any students who may wish to come have some conversation. They were kind enough to invite me, and even my wife. This particular campus is very technologically and scientifically oriented; for instance, it is Harold Urey's headquarters. Thus I had an especially good chance to talk at length with students in science and engineering. They are not especially disaffected; to the extent that they recognize things wrong in society, they feel that those things can be corrected with time, patience, good will, and rationality.

They were not the first such young people I had encountered, but they reinforced my impression that the disaffected tend very strongly to be those who are outside the scientific-technological world. If you agree that the latter seems to hold most of the real creativity of the present era, the traditional arts being in a sad condition — and a case can certainly made for that — then obviously those who are excluded or self-excluded from the most significant activities will feel alienated and resentful.

This does not affect my remark that much is indeed wrong in the world. For example, the oil pollution of the Santa Barbara channel, or the industrial-waste pol-

lution of Lake Baikal, are things to be fought. Too much utilitarianism leads to a culture as shallow — and in the end as destructive — as too little. Or so I think. But how shall we find the proper balance?

In March, my wife and I had two interesting experiences. First we were in the Los Angeles area for the regional awards dinner of the Science Fiction Writers of America. This is a very lively association, the only writers' group in the country which at the moment is actually accomplishing anything on behalf of writers. The dinner was preceded by a day-long conference in Disneyland park — curiously appropriate! — but in a secluded auditorium there — at which there were such speakers as Ray Bradbury, Frank Herbert, and R. S. Richardson. Perhaps the most intriguing talk was by Joseph Martino, *who* is in the field of technological forecasting. He described how industry today is actually predicting what the next developments will be, and basing its plans on those predictions. Since it has better tools for this purpose than the science fiction writer — e. g., computers — it may well make science fiction obsolete in that one respect, at least.

At the end of the month, we had a really fantastic stroke of good fortune. The city of Rio de Janeiro was holding an international film festival; among the films to be shown was "2001"; in this connection, Arthur Clarke was to be present and receive an award. Using that as a lever, certain science fiction enthusiasts prevailed on the Brazilian government — no one knows how! — to hold a simultaneous week-long conference on science fiction and invite a good, many writers, editors, etc., expenses paid. Both my wife and I were lucky enough to be included.

So we flew down to Rio and spent about ten days there, in company with such people as Robert Heinlein, Philip Jose Farmer, Frederik Pohl, Harry Harrison, Robert Bloch, A. E. van Vogt, Robert Sheckley, Alfred Bester, Brian Aldiss, John Brunner, and others; besides these Americans and Englishmen, there were people from France, Uruguay, Argentina, Spain, etc., plus of course Brazil itself. The symposium occupied only about five mornings; the rest of the time was our own, and we were even taken on some private sightseeing tours. Quarters were in a hotel on Copacabana Beach. I have never enjoyed better surf bathing, even though the waves twice, when they were especially large, did their best to drown me!

Rio is a fascinating city, a strange blend of old and new, beautiful and hideous, wealth and terrible poverty. Almost without exception, the people are delightful — and I don't mean only the intellectuals who were extremely hospitable to us, but quite ordinary people whom we encountered while wandering about by ourselves — kind, friendly, helpful, and charming. (On the other hand, the automobile traffic is murderous! Perhaps the Cariocas take all their aggressions out behind the steering wheel!) Food and drink are delicious, even in cheap restaurants, though of course one does best to avoid certain things that might be contaminated (including tap water). We were not there at a good time of year, the weather was hot and damp, but presently we got used to that. One simply dresses for it and does not try to be too energetic. The natural setting is unbelievably beautiful. We also managed to get into the hinterland one day and saw some very lovely mountain country.

Since neither of us had been south of the equator before, we were especially anxious to see Alpha Centauri and had brought a star map for that purpose. It is well that we did. While the Brazilians could all point out the Southern Cross to us, none of them, even the science fiction people, seemed to know where Alpha Centauri is; so we showed them.

After coming home, we have lived rather quietly, I with a great deal of work at my typewriter, my wife with much to do in the garden and the house. We did have a visit of a few days from François Bordes ("F. Carsac"), who had made a professional visit to this country. We took him to the beach one Sunday, where by sheer chance he found one of his fellow prehistorians from the University of California. There were many fine stones lying about, so the two of them promptly sat down and spent the next half hour chipping out spearheads and hand axes.

There have also been a couple of tournaments by the medieval society. At the last one, I came out of a long retirement to fight again, and must say that I surprised myself as well as others by how well I did. Nevertheless, I intend to retire permanently from these battles in another year or so; the strength may still be there, but not the speed vis-a-vis men 20 or more years younger. If plans mature, a group of us will pool our money and efforts to buy a whaleboat and experiment with medieval techniques of seamanship.

Naturally, we also followed the latest Apollo flight with the greatest intensity, and expect to live by the television set next month when the Lunar landing is supposed to take place!

Now it is getting late and there are still other letters to write, so this one must be closed, we send you and your wife our best greetings and best wishes, and hope to hear from you again.

Sincerely,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Мы уже довольно долго не получали друг от друга писем, и я с радостью сообщаю, что книга с репродукциями Чюрлёниса находится у меня уже несколько дней. Картины великолепны. Некоторые из них мы, несомненно, поместим в рамки и повесим на стены.

Надеюсь, это письмо застанет Вас в добром здравии. Если профессор Кейлис-Борок уже вернулся, передайте ему мои лучшие пожелания.

Как Вы увидите, я очень старался отыскать заказанные Вами книги. Наконец я достал некоторые из них и отправил Вам вместе с несколькими другими по своему выбору. Не всегда есть возможность купить книгу, которая требуется, так как издания в мягком переплёте зачастую быстро расходятся, и поэтому в моей посылке будут не все книги, которые Вы просили. Возможно, я найду некоторые из них у букинистов несколько позже. Надеюсь, посылка дойдёт до Вас в целости и сохранности. Отправлять заказной бандеролью такие книжки слишком дорого. По всей видимости, даже и заказные бандероли не всегда доходят.

Странно, но я не смог найти книгу Хайнлайна «Чужой в чужой стране» вовремя. Может быть, теперь, когда движение «хиппи» начинает затухать, её тоже больше не переиздают. Однако вчера, выполняя кое-какие поручения в Беркли, я разыскал один экземпляр и обязательно отправлю его вместе с другими изданиями, которые могут заинтересовать Вас (включая свою книгу о космическом полёте для подростков).

Странно и забавно, что эта книга Хайнлайна стала чем-то вроде «библии» для многих молодых представителей богемы. Сам Хайнлайн — очень

консервативный отставной морской офицер и, скорее всего, только забавляется, рассматривая некоторые религиозные понятия в своем романе.

Некоторые из моих более молодых знакомых в той или иной степени были связаны со сложным и пестрым движением, называемым «хиппи». Это понятие включает в себя особые взаимоотношения между людьми, поведение и стиль жизни. На самом деле здесь нет ничего нового. Гоген и Бодлер высказывали те же мысли несколько поколений назад. Уже в наши дни, примерно 10—15 лет назад, стало заметным так называемое движение «beat»; после того как русские запустили первые спутники, последователей этого движения стали называть «битниками». Идея отдавала восточным представлением: жить как можно проще, мало работать, иметь мало обязательств, чтобы быть свободным и развивать себя духовно и физически. В основном это были последователи дзен-буддизма, большей частью (за редким исключением) грязные, неухоженные и мрачные люди. Спустя некоторое время все потеряли к ним интерес.

Первые хиппи придерживались примерно тех же принципов, но вначале более последовательно и конструктивно. По их мнению, общество со временем можно изменить, действуя терпеливо и рационально.

Это были по большей части молодые люди, зачастую ещё не достигшие двадцати лет, которые отказывались от того, что они называли ложными ценностями, коррумпированной и жестокой цивилизацией. Основной акцент они делали на личной свободе, включая сексуальную, на любви и взаимопомощи, на пацифизме и радости жизни. Я должен признать, что поначалу радости было хоть отбавляй — яркие, эксцентричные, дружелюбные и безобидные люди зачастую выражали свой протест в ироничной, а вовсе не в раздражённой манере.

Конечно, большинство из них, казалось, совершенно не занимал тот факт, что их жизнь почти без хлопот обеспечивало то же самое общество, производя различные блага, не говоря уже об общем санитарном контроле, поддержании общественного порядка и всём прочем, что, наверное, и входит в понятие общества. А широкое распространение курения марихуаны, возможно, не особенно вредное само по себе, привело к культу ЛСД и других галлюциногенов, гораздо более опасных. Грязь, мусор, венерические заболевания и недостаточное питание распространялись среди них всё шире и шире. И преступления тоже. В настоящее время район Хэйт-Эшбери в Сан-Франциско — некогда Мекка хиппи — стал определённо опасным после наступления темноты, поэтому даже те из хиппи, что там ещё оставались, практически все выехали. Теперь лишь единицы сохраняются на коллективных фермах за городом; всех прочих поглотило более активное и энергичное «движение протеста».

Больше всего я сочувствую тем родителям, чьи дети ушли в хиппи и совершенно их забыли. Эти родители не могут понять, в чём провинились. Так, одна леди говорила о своём сыне: «Вот его сестра кончала школу: она совершенно обожает его, а он всё толковал о “любви” — но даже не позаботился прислать сестре открытку».

С другой стороны, слишком просто было бы осудить движение в целом. Конечно, многое пошло не так, и не только в Америке, но и в научно-техническом прогрессе вообще. (Если я правильно понимаю, многие молодые люди в Советском Союзе не принимают его тоже.) И конечно, я сам знаю нескольких человек, кому удалось сохранить первоначальные идеалы простоты, доброты и

безгрешности. По моему мнению, если движение хиппи само по себе никуда не привело, неплохо было бы не отмахиваться от этого симптома и попытаться разобраться, что именно в нашей цивилизации вызвало это тихое восстание.

В общем-то, я не собирался так долго распространяться на эту тему. Но мне показалось, что Вам, насколько я мог судить, будет небезынтересно услышать об этом из уст свидетеля происходившего.

В январе этого же года со мной произошёл один случай, заставивший меня взглянуть на всё с другой стороны. Как Вы, возможно, знаете, у Калифорнийского университета несколько кампусов. Расположенный в Сан-Диего осуществляет программу «для приглашённых лекторов»: человека приглашают пожить в кампус на пару дней, оплачивают проживание и питание; он читает одну публичную лекцию, а затем отдает своё время в распоряжение студентов. Администрация любезно пригласила меня вместе с женой. Данный кампус имеет выраженный естественно-научный уклон; там, к примеру, базируется Гарольд Юри. Таким образом, мне представилась исключительно хорошая возможность подробно поговорить со студентами инженерно-технического профиля. Они не выказывали особого недовольства обществом; если они и считают, что в обществе что-то не так, то верят в возможность исправить недостатки со временем, проявив терпение, добрую волю и разумный подход.

С такими людьми мне приходилось встречаться и раньше, но после той беседы я укрепился в мнении, что недовольные чаще всего не относятся к миру науки. Если согласиться с тем, что научно-техническое творчество определяет лицо нашего века, а традиционные виды искусства находятся в плачевном состоянии — с чем трудно спорить, — то отторгнутые от наиболее важных областей деятельности могут ощущать себя отчуждёнными и обиженными.

Это не касается моего замечания относительно того, что в мире многое не так. Например, следует бороться против нефтяного загрязнения пролива Санта-Барбара и озера Байкал индустриальными отходами. Избыток утилитаризма, как и недостаток его, ведёт к оскудению культуры и является в равной степени разрушительным, по крайней мере, я так думаю. Но как найти необходимое равновесие?

В марте мы с женой явились свидетелями двух интересных событий. Во-первых, мы ездили в Лос-Анджелес и присутствовали на обеде, посвящённом присуждению премий региональным отделением Ассоциации американских писателей-фантастов. Это активно действующая ассоциация, единственное в стране объединение, которое действительно что-либо делает для писателей. Накануне состоялась однодневная конференция в парке Диснейлэнд (удивительно, кстати!) для небольшой аудитории, на которой в числе выступающих были Рэй Брэдбери, Фрэнк Херберт, Р. С. Ричардсон. Самое интересное выступление сделал Джозеф Мартино, который работает в области технологического прогнозирования. Он объяснил, каким образом современная промышленность предсказывает, какие направления возникнут в будущем. Он строит свои планы, исходя из этих прогнозов. Поскольку он использует более надёжные средства, чем писатели, (компьютеры), такая деятельность может привести к устареванию научной фантастики, по крайней мере, в этой сфере.

А в конце месяца нам крупно повезло. В Рио-де-Жанейро проходил международный кинофестиваль. Одним из фильмов был «2001». В связи с этим

ожидалось присутствие Артура Кларка для получения премии. Используя это как предлог, энтузиасты научной фантастики неизвестно каким образом подбили бразильское правительство на проведение недельной конференции по научной фантастике, пригласив большое число писателей, издателей и прочего народа, с оплатой всех расходов. Нам с женой повезло, и нас включили в список приглашённых.

И вот мы прилетели в Рио и провели там 10 дней в компании таких людей, как Роберт Хайнлайн, Филипп Хосе Фармер, Фредерик Пол, Гарри Гаррисон, Роберт Блох, А. Э. ван Вогт, Роберт Шекли, Альфред Бестер, Брайн Олдис, Джон Браннер и др. Кроме американских и английских писателей там были представители Франции, Уругвая, Аргентины, Испании и, конечно, самой Бразилии. Симпозиум включал пять утренних заседаний, а остальное время мы были свободны, и нам даже предложили какие-то частные экскурсии. Проживали мы в отеле на Копакабана-бич. Я никогда так не наслаждался сёрфингом, хотя волны чуть не потопили меня дважды.

Рио — восхитительный город, странная смесь старого и нового, прекрасного и отвратительного, богатства и ужасающей бедности. Люди почти без исключения замечательные, причём не только интеллектуалы, проявившие исключительное гостеприимство, но и совсем простые люди, которых мы встречали повсюду — добрые, радушные, готовые помочь, улыбчивые. (С другой стороны, движение на дорогах просто убийственно! Возможно, кариоки[1] вымещают всю свою злобу за рулём!). Еда и питьё просто изумительные даже в дешёвых ресторанчиках, хотя, конечно, следует избегать определенных продуктов, могущих вызвать инфекционные заболевания, и не пить некипячёную воду. Время года было не особенно благоприятное: погода стояла влажная и жаркая, но мы постепенно к этому привыкли. Просто надо одеваться легко и стараться не очень много двигаться. Пейзажи там до невероятия красивые. В один из дней нам удалось выехать за город в зелёные горы. Так как никто из нас прежде не пересекал экватор, мы особенно хотели увидеть Альфу Центавра, для чего специально захватили звёздную карту, и хорошо сделали. Хотя все бразильцы наперебой показывали нам Южный Крест, никто из них, даже сами фантасты, казалось, представления не имели, где расположена Альфа Центавра, — тогда мы им показали.

Приехав домой, мы некоторое время никуда не выезжали. Я много работал за пишущей машинкой, а жена — в саду и по дому. На несколько дней к нам заехал Франсуа Борде (Ф. Карсак), приехавший в США по приглашению в качестве эксперта. Мы выехали с ним в воскресенье на побережье и там по чистой случайности он повстречался со своим коллегой, исследующим первобытную историю в Калифорнийском университете. Кругом валялась масса прекрасных камней, и эта парочка тут же уселась и полчаса усердно оббивала новенькие наконечники для копий и каменные топоры.

Состоялось также два турнира в нашем средневековом обществе. В одном из турниров и я принял участие после долгого перерыва, и должен признать, что сам удивился, насколько хорошо выступил, да и другие того же мнения. Но, тем не менее, я всё же собираюсь оставить эти сражения через год-другой: силы, может, ещё и есть, но в скорости реакции с противниками на

---

[1] *Кариоки* — жители Рио-де-Жанейро.

двадцать и более лет моложе мне уже не сравниться. Если наш план удастся, то в складчину мы купим вельбот и станем практиковаться в средневековых методах навигации.

Конечно же, мы неотступно следим за полётом последнего «Аполлона», а в следующем месяце, когда предполагается высадка на Луну, вообще не будем отходить от телевизора.

Но уже поздно, надо написать ещё несколько писем, поэтому кончаю. Посылаем Вам с женой наилучшие пожелания и поздравления и ждём от Вас вестей.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 36

Москва
17 июня 1969 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Получил Ваше информативное письмо и пожалел, что не попробовал п[р]озвониться ещё раз-другой после 1 июня. Я звонил около 27 мая, памятуя Ваше намерение уехать около 28—29, но автомат есть авто…мат.

У меня дела идут тихо, чему я и рад. Становишься куда скромнее, когда не уверен в завтрашнем дне в смысле здоровья, а, следовательно, и работы.

Ваша усталость меня беспокоит, особенно после Ваших «ватных ног». Я советовался тут с врачами, и они в один голос говорят: когда придёт такое ощущение «ватности ног», — немедля надо уложить Вас и проделать курс диафиллина — внутривенно или при отсутствии такой возможности хотя бы внутримышечно, однако в последнем случае он болезнен. Обещайте мне, что Вы немедля обратитесь к врачу, как только появится это ощущение!

«Час Быка» я сдал, принял рисунки, и теперь дело за издательством. Затем несколько дней трудился над запущенной перепиской — накопилось много писем, особенно заграничных. Теперь, наконец, могу вернуться в «холмную Фтию, Элладу, славную жён красотою»… Это хорошо, потому что я тоже устал от монотонности занятий последних двух месяцев и от больших проблем. Воевал с цензурой — возобновился железный занавес, и работники сей якобы несуществующей призрачной организации стали своевольничать, а главное — воровать, прикрываясь своим положением. Через министерство Связи кое-чего добился, но всё же положение плохое — вероятно, надо будет апеллировать к ЦК. Однако это уж после летних отпусков, да и отдохну от кляуз.

Тут меня обругали ни с того ни с сего. Есть такой неудачный фантаст Забелин (географ), роман коего я когда-то давно забраковал. Он решил со мной рассчитаться (кстати, он тоже из любителей похулить, несмотря на фамилию) и в своей книжке «Лунные Горы» (об Африке) обвинил меня ни много ни мало в присвоении «гипотезы» проф[ессора] Федоровского о наличии алмазов в Сибири. Я написал «Географгиз'у» протест, указав, что всё это выдумка, гипотезы такой нет, и я, кроме того, никаких научных гипотез не присваивал, более того, в интервью в книге (Вашей с Брандисом) я подчеркнул, что не будучи в со-

стоянии обосновать научную гипотезу за отсутствием геофизических данных, я превратил свою догадку в н/ф рассказ, который попал в точку.

«Географгиз» прислал извинения, а что толку, — всё же меня «благодарные» коллеги обгадили ни за што ни про што. А я ещё им немало помогал с их географической и н/ф серией! Хамство! Ну, чорт с имя!, как говорят в Сибири.

Пишите мне, дорогой. Я пока в городе. Ни дачи хорошей, ни приличного санатория нетути. Если лето, как обещают, будет нежаркое, так мы и проживём его, не трогаясь с квартиры.

Оба мы шлём самолучшие приветы Наталии Алексеевне, Тасенька Вас целует, а я — обнимаю.

Ваш всегда, *И. Ефремов*

P. S. Алан позавчера купил себе «Запорожец» — мечта исполнилась. Ольга завтра улетает на Чару — чорт-те куда, где я некогда путешествовал. Славка работает в управлении кинофестиваля, а Андрей — обленился и ничего не переводит из фантастики…

P. P. S. Поставьте себе на телефон безобрывную розетку, и пусть те, кто звонят, сами о себе заботятся (из «Адских водителей»).

И. Е.

37 Дж. САТТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

27 июня 1969 г.

Hatfield, Sandy Drive,
Cobham, Surrey, England

Dear Professor Efremov,

your letter to my mother, Mrs. Watson, arrived today at their flat. I must write to tell you that my mother died a week ago after a very short illness. She was cheerful and busy looking after my father only two days before her death, which is a good thing to be able to say of any person of seventy-eight. I hope that you know how much she enjoyed her correspondence with you — she used often to refer to your letters and the subjects which you discussed together.

I should be so happy to find English books for you, as my mother has been doing; if you want any, please send me the titles and I will try to send them to you. The address at the top of this letter is that of my own home — the flat where my parents have been living may now be sold, as I don't think it will be possible for my father to stay on there.

May I ask you please not to write to my father about my mother's death. He is now old and forgets things easily, and it seems best not to remind him of his loss.

With kind regards,
Yours sincerely,
Janet Sutton

Хэтфилд, Сэнди драйв,
Кобэм, Суррей, Англия

Дорогой профессор Ефремов!

Вчера по адресу, где проживала моя мама, миссис Уотсон, пришло Ваше письмо. Должна сообщить Вам, что она скончалась неделю назад после не-

продолжительной болезни. Всего за два дня до смерти она бодро хлопотала вокруг отца, что, полагаю, было неплохо в её семьдесят восемь. Думаю, Вы знаете, как она ценила переписку с Вами и часто ссылалась в беседах на то, что вы обсуждали.

Я с радостью продолжу отыскивать для Вас книги на английском, как это делала она: если вам что-то нужно — присылайте названия, и я постараюсь их отправить. Адрес, указанный наверху, мой домашний — родительскую квартиру, по-видимому, придётся продать, так как отец не сможет там оставаться один.

Хочу попросить, чтобы вы не писали ему о том, что мама умерла. Он стар и забывчив, лучше не напоминать ему лишний раз о потере.

С добрыми пожеланиями,
искренне Ваша
Джанет Саттон

Перевела Виктория Картунова

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. В. ЮСОВУ

38

30 июня 1969 г.

Главному Редактору Главной Редакции
Географической Литературы изд[ательства] «МЫСЛЬ»

Уважаемый Борис Васильевич!

Благодарю Вас за скорый ответ на моё возмущённое письмо. К сожалению, выпад, который позволил себе И. М. Забелин, сделан в столь недостойной форме, что я не могу иметь с этим человеком ничего общего, даже и то, что его фамилия значится вместе с моей в одной редколлегии.

Поэтому я настаиваю на снятии своей фамилии из списка членов редколлегии и на своём выходе из её состава не в качестве «возмездия» за совершённую Вами ошибку, а по соображениям личного достоинства.

Позвольте посоветовать Вам во избежание повторения подобных инцидентов (мало ли что ещё придёт в голову И. М. Забелину!) провести заседание редакции, на котором просмотреть книгу Н. М. Федоровского и сопоставить её с клеветой, напечатанной в Вашем издании.

На стр[анице] 94 упомянутой книги издания 1934 г. Вы найдёте, помимо общей фразы, что алмазы следует искать в области распространения тяжёлых магнезиальных магм (как то указывали многие геологи и что оказалось ошибкой), единственное указание: «Тип же южноафриканских месторождений пока что не встречен, возможно, что он будет найден в многочисленных вулканических областях Сибири и Северного Урала». Вот и вся мнимая гипотеза, придуманная И. М. Забелиным и только порочащая заодно и память Н. М. Федоровского. Надо быть или безграмотным геологически, чтобы перепутать платформу, где действительно найдены алмазы, с вулканическими областями Сибири и Северного Урала, и не понять огромной разницы в этом, сделанном без претензий, вскользь, высказывании и моим рассказом, или же злонамеренно искажать правду.

Кроме указанной мной фразы, во всём остальном тексте книги нет ни одного слова об алмазных месторождениях в Сибири. И на основе таких вот вы-

думок Ваша редакция опубликовала позорный выпад! Постарайтесь принять самые строгие меры, чтобы не допустить подобных промахов в дальнейшем, буде то со стороны молодых или опытных редакторов.

Вот почему я решился посоветовать Вам провести заседание с разбором этого случая.

С искренним уважением,
И. Ефремов

39 А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

1 июля 1969 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr. Efremov:

I was very happy to get your letter a short time ago, and will answer you more fully shortly. This is just a note to tell you of the death of Catherine Watson, in case her daughter has not already informed you of this. She had been not too well in recent months, but her death was quite unexpected. I do not know what will happen to poor old Watson as a result of this. As we both know, he is pretty dead mentally and his daughter says that he does not really realize yet that Mrs. Watson is dead.

I am plugging ahead with my South American Triassic materials, and in addition, have to keep abreast of a number of interesting Lower Carboniferous Labyrinthodonts which the Cleveland Museum is excavating and turning over to me to describe. Also, I am resuming a bit of work on the internal anatomy of the braincase of a pleuracanth, which I started many years ago but never completed. Amongst the South American materials is one very interesting cynodont which is rather closer to the mammalian boundary than anything so far found. It has a long palate including a considerable length of palatine bone in the secondary palate which is not true of normal cynodonts, and in addition, has a socket on the squamosal for, I hope, the beginning of a dentary articulation. However, I am not yet sure of this and have to check further. As you know, Crompton some years ago described a late Triassic form which appeared to have the beginning of a similar contact, but this form is too late in time to be an actual transitional one and, further, appears to be rather an aberrant type which represents purely a parallelism.

Sincerely,
Alfred S. Romer

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой доктор Ефремов!

Я был очень рад Вашему недавнему письму и вскоре отвечу подробнее. Пока только сообщаю о смерти Кэтрин Уотсон, если её дочь ещё не написала Вам об этом. Она не очень хорошо себя чувствовала в последние месяцы, но её смерть была всё-таки неожиданной. Даже и не знаю, что теперь будет с бедным старым Уотсоном. Как мы оба знаем, он почти совсем потерял рассудок, и его дочь говорит, что он всё ещё не осознает, что миссис Уотсон умерла.

Я работаю со своими материалами из триаса Южной Америки и кроме того спешно описываю нескольких интересных лабиринтодонтов из нижнего карбона, которых раскопал и передал мне для описания музей Кливленда. Так же я понемногу возобновляю работу над внутренней анатомией черепа плевраканта, начатую много лет назад и ещё не законченную. Из всех южноамериканских цинодонтов этот очень интересен: он наиболее близок к млекопитающим из всего, найденного в тех краях. У него длинное нёбо, включая нёбную кость значительной длины во втором нёбе, чего не бывает у обычных цинодонтов. Кроме того, у него углубление на чешуйчатой кости, что, как я предполагаю, говорит о зарождении нижнечелюстного сустава. Но я пока не уверен и собираюсь уточнять дальше. Как Вы знаете, Кромптон несколько лет назад описал форму позднего триаса, которая, похоже, имеет такой же зарождающийся сустав, но эта форма гораздо более позднего времени, чтобы быть действительно переходной и, следовательно, скорее представляет собой ответвившуюся разновидность, относясь к параллельной эволюционной ветви.

Искренне,
Альфред Ш. Ромер

Перевела Марина Степанова

И. А. ЕФРЕМОВ — М. С. ЛИСТОВУ

Москва
7 июля 1969 г.

Многоуважаемый Мстислав!

Ваша неудача повидать меня обязана отсутствию подготовки. Разве можно просто «забежать» к человеку с расписанным заранее надолго вперед временем, да ещё серьёзно больному. Впредь — наука, а наука эта простая — надо написать было заранее, узнать телефон, созвониться и договориться о встрече. Тогда никакой особой трудности Вы бы не испытали. Поступите так на следующий приезд в Москву. Напишите мне, когда Вы собираетесь быть, и я «зарезервирую» Вам какое-либо время. Приехав, позвоните, не болен ли я (у меня бывают сердечные приступы, на время выводящие из строя), и мы условимся о часе. Так поступают деловые люди.

Мой телефон 137-65-10 (домашний), звонить лучше после 18 ч[асов]. Если я уеду куда-либо в Подмосковье, то Вы будете знать из письма.

Спасибо Вам за доброе, хорошее письмо. Я бы с удовольствием послал Вам «Лезвие бритвы», но книгу совершенно невозможно достать. «Час Быка» ещё не напечатан в книжном варианте, только в журнале «Молодая гвардия» (№№ 1—4 за этот год) и отрывки в «Технике — молодёжи». С литературой по психофизиологии очень трудно — на русском языке почти ничего нет или же — библиографическая редкость. Ну, кое-что посоветую, может быть, к тому времени ещё что-нибудь выйдет из печати.

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

P. S. Посмотрите кинофильм «Семь шагов за горизонт» Киевской студии, и скоро будет фильм о иогах той же студии.

41 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
9 июля 1969 г.

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GEOLOGY

Dear Professor Efremov:

I must apologize for not writing sooner. We just returned from our summer vacation at the North Carolina sea shore, the same small island on which my wife and I honeymooned four years ago. Sasha had a wonderful time. Fortunately he loves water and is not afraid of the creatures living in it. Consequently he now almost swims by himself. He also collected a large box of shells, sea weed, dead crabs and fish, and even a Portuguese Man of War jelly fish, etc. Now that he is back on dry land again, however, the interest shifted back to his rabbit, "Uncle Martin", and the cat, "Zhook". You are, by the way, very correct about the healing powers of the sun. The several weeks at the ocean and constant exposure to the sun did wonders to him. The adenoid operation probably helped also. All he recalls of it is the nurse giving him an injection.

Alex does not, of course, attend regular school. By "school" I meant nursery school. Since both of us work, each day we leave him at a privately run child center, and pick him up after work. There are both advantages and disadvantages to such a practice. So far we had no trouble and all seem to have adjusted to it. He does get more chances to meet children of diverse backgrounds, learns to be more independent, knows more games and songs than we ever could teach him, etc. What we lose in the 40 hours of personal contact, we catch up in the remaining 128 hours a week he is with us.

Yesterday received a package from you containing Serebriakova, Saryan, and Peryshko Fenista. Last night read half of the fairy tale to Sasha, but he did not like it as much as "Zhar ptitsa", "Kolobok", "Telefon", etc. Even though Bilibin's illustrations are the greatest, it is hard for him to grasp the intricacies of the language, especially if he still struggles with his own native English. But he does know the difference between the two. He, for example, will say: po angliyskiy "Christmas tree", po russkiy "yolochka", but, po angliyskiy "bicycle", po russkiy "bicycle"...

Of the three artists whose works you sent us, Churlionis is most imaginative, even though unusual and unconventional. Then come Serebryakova and Saryan. Although the subject matter may not be, and is not, indicative of the artists ability, it may, however, I feel, say something about the artist himself. Saryan is especially dear to my wife, because she spent some time on a visit to Alma-ata and Erevan. It seems to me that if so much went into the production of such a publication, as Saryan, why not go all the way and present reproductions well? They all are a bit bluish, as you remarked.

I ordered all the books you requested, except Anthony's "Omnivore". I did not find it in the catalogue. It will take about three weeks for the order to come in. I also will send you other books, including some geology texts, which you may wish to present to a student of yours or a young friend.

Good to hear all is well with you, and that writing is progressing. Unfortunately the article on taphonomy was rejected once more by the AAPG journal. I will

send it out once more to another paleo journal, before giving up. American Science journals, besides all else, are running about 5 years back log…

Regards at home,
With best wishes,
G. Rabchevsky

Университет Джорджа Вашингтона,
Факультет геологии

Дорогой профессор Ефремов!

Должен извиниться, что не смог написать раньше. Мы только что вернулись с летних каникул на побережье в Северной Каролине, на том же островке, где мы с женой проводили медовый месяц четыре года назад. Саше там было очень хорошо. К счастью, он любит воду и не боится морских обитателей. И вот теперь он плавает почти самостоятельно. Ещё он собрал большую коробку ракушек, водорослей, скелетов крабов и рыб, даже португальский кораблик[1] среди прочего. Теперь по возвращении на сушу его интерес сосредоточился на кролике, которого он зовёт Дядя Мартин, и коте по имени Жук. Кстати, Вы оказались совершенно правы относительно целительной силы солнца. Несколько недель на океане и солнце на диво его укрепили. Возможно, и операция по удалению аденоидов помогла. Он помнит только, как медсестра сделала ему укол — и всё.

Алекс, конечно, не посещает обычную школу. Под «школой» я имею в виду детский садик. Поскольку мы оба работаем, мы каждый день отводим его в частный детский центр, откуда забираем после работы. Конечно, у этого есть как плюсы, так и минусы. Пока всё идёт хорошо, и все привыкли к такому расписанию. Он там встречается с детьми из самых разных семей, учится независимости, узнал массу новых игр и песенок, которым мы не успели бы его научить. А 40 часов разлуки мы нагоняем за оставшиеся 128 часов недели, которые он находится с нами.

Вчера я получил посылку от вас с альбомами Серебряковой, Сарьяна и «Пёрышком Финиста». И вечером сразу прочитал половину сказки сыну, но она не захватила его так, как «Жар-птица», «Колобок», «Телефон» и др[угие]. Хотя лучше иллюстраций Билибина и не придумать, языковые нюансы мальчику ещё трудно уловить, тем более что он и родной английский ещё не освоил толком. Но он знает, что языки разные. Например, он скажет по-английски «Christmas tree», а по-русски «ёлочка», но — по-ангийски «bicycle»[2], и по-русски «байсикл»…

Из работ художников, которые Вы нам присылали, воображение Чюрлёниса наиболее богатое, хотя его манера весьма непривычна. Затем идут Серебрякова и Сарьян. Говорят, что предмет изображения — ещё не показатель мастерства художника, да, так и есть, однако, полагаю, способен кое-что сказать о самом живописце. Сарьян особенно дорог моей жене, потому что она бывала в Алма-Ате и Ереване. Только вот, казалось бы, если уж вкладывать

---

[1] *Португальский кораблик* (Physalia physalis) — сифонофора, колониальное животное, похожее на медузу.

[2] Bicycle (англ.) — велосипед.

столько средств в выпуск альбома Сарьяна, отчего бы не сделать репродукции качественно? Как Вы заметили, они все чуть синеватые.

Я заказал для Вас все книги, которые Вы просили, кроме «Omnivore»[1] Пирса Энтони. Не смог найти его в каталоге. Заказ должен поступить через три недели. Я пошлю ещё другие книги, включая некоторые геологические тексты, которые, возможно, окажутся полезны вашему аспиранту или молодому другу.

Рад слышать, что здоровье улучшилось и роман продвигается. К сожалению, журнал AAPG[2] вновь отверг статью по тафономии. Я направлю её снова в другой палеонтологический журнал, прежде чем оставить затею. В американских научных журналах ещё к тому же очередь на пять лет…

Наилучшие пожелания Вам и Вашей семье,
Дж. Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

42 В. О. РУЖИЦКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
14 июля 1969 г.

Экспертное заключение по вопросу, кто предсказал сибирские алмазы

Главной редакцией географической литературы издательства «Мысль» 10 июля 1969 г. переданы три письма, поступившие в редакцию, два из них от писателя фантаста И. А. Ефремова (от 7/VI и 30/VI 1969 г. и одно от кандидата географических наук И. Н. Забелина (от 13/VI 1969 г.)

Кроме писем, от редакции получены книги проф[ессора] Н. М. Федоровского «В стране алмазов и золота» («Путешествие по Южной Африке»). Второе издание, 1936 г. (первое идентичное издание вышло в 1934 г.); книга сборник рассказов И. А. Ефремова. Изд[ательст]во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1950 г. и книга И. М. Забелина «Лунные горы» (Африканские повести). Изд[ательст]во «Мысль» 1969 г.

Кроме перечисленных материалов, экспертом дополнительно были рассмотрены отчёт Н. М. Федоровского, опубликованный Гостехиздатом в 1929 году под названием «Минеральные богатства Южной Африки» (отчет о заграничной командировке. Оттиск из № 11-12-1929 г. журнала «Минеральное сырье и цветные металлы») и статья кандидата географических наук И. М. Забелина «Кто предсказал сибирские алмазы?», опубликованная в журнале «Природа» № 2, 1969 г. Изд[ательст]во «Наука».

Рассмотрение этого вопроса вызвано письмом И. А. Ефремова, направленным 7/VI 1969 г. на имя главного редактора Главной редакции географической литературы изд[ательст]ва «Мысль» Б. Б. Юсова, из которого следует, что автор оспаривает приоритет проф[ессора] Н. М. Федоровского в предсказании алмазов в Сибири.

---

[1] Первая часть трилогии Энтони Пирса «Of Man and Manta», опубликованная в 1968 г.

[2] AAPG — журнал Американской ассоциации нефтегазовой геологии, публикующий материалы и по палеонтологии.

В первом письме И. А. Ефремов утверждает:

«1. Никакой «гипотезы» проф[ессора] Федоровского не существует — это выдумка.

2. Общие указания на возможность находок алмазов в Сибири сделали несколько геологов. Из них я отмечу Я. И. Макерова (1912), В. С. Соболева (1916 и 1932 гг.), Д. И. Мушкетова (1933), И. А. Ефремова (1932) — все до выхода в свет книги Федоровского».

После ознакомления с документальными материалами нам представляется целесообразным отметить следующее:

1. В изложенных И. М. Забелиным (на стр. 332—333 книги «Лунные горы») соображениях о книге Н. К. Федоровского «В стране алмазов и золота» нет ничего предосудительного. На этих страницах И. М. Забелин лишь рассказал о незнакомом ему человеке, большевике с 1904 года, члене-корреспонденте АН СССР, предсказавшем, что в СССР алмазы следует искать в Сибири.

2. Не соответствует действительности утверждение И. А. Ефремова, что В. С. Соболев в 1916 и 1932 гг. указал на возможность находок алмазов в Сибири. Академик В. С. Соболев родился 30/V-1908 года. Вполне естественно, что в возрасте 8 и 24 лет он не мог сделать подобных заключений.

В. С. Соболев лишь в 1937 г. обнаружил в Сибири интересную породу, родственную кимберлиту, о чём и сделал сообщение в 1941 г. на специальном совещании при Госплане СССР (И. И. Шафрановский. Алмазы. Изд-во «Наука», 1964, стр. 115).

3. Писатель-фантаст И. А. Ефремов высказал предположение о возможности обнаружения кимберлитов в восточной Сибири в рассказе «Алмазная труба», опубликованном в 1945, а не 1932 году. Поэтому неправильно утверждение И. А. Ефремова в письме о том, что «...я впервые (и я настаиваю на этом, и всякий геолог, знающий литературу со мной согласится) точно указал геологические условия и район (регион по-геологически) нахождения алмазов в Сибири... и как известно, этот прогноз полностью оправдался...»

Подобное утверждение, видимо основано на недоразумении. Первая сибирская кимберлитовая трубка «Зарница» обнаружена 21 августа 1954 года Л. А. Попугаевой, а летом 1955 г. Ю. И. Хабардиным и Е. Н. Елагиной трубка «Мир», причем эти трубки обнаружены не в тех районах, о которых упоминает И. А. Ефремов.

4. Ошибочно утверждение И. А. Ефремова и о том, что проф[ессор] Н. М. Федоровский не высказал никакой гипотезы, прогнозирующей открытие алмазов в Сибири.

Так как этот вопрос является основным в письмах И. А. Ефремова, представляется необходимым остановиться на нём несколько подробнее. В 1929 году проф[ессор] Н. М. Федоровский как крупный учёный-геолог был командирован в качестве делегата от СССР в Южно-Африканский Союз (Преторию) на очередной Международный геологический конгресс. После конгресса им было совершено несколько геологических экскурсий по Южной Африке, позволивших ему достаточно подробно ознакомиться со многими алмазными месторождениями и алмазодобывающей промышленностью.

По возвращении в СССР он в том же 1929 году представил отчёт о загранкомандировке, который был опубликован под названием «Минеральные богатства Южной Африки», а в 1934 г. была издана книга «В стране алмазов и золота» («Путешествие по Южной Африке»), переизданная в 1936 г.

В опубликованных Н. М. Федоровским книгах (1929 и 1934) было уделено достаточно внимания описанию отдельных месторождений алмазов и их разработке.

Эти две публикации Н. М. Федоровского в тот период в СССР по существу являлись почти единственными обобщающими работами по алмазам и золоту этого исключительно богатого в мире алмазами и золотом края.

В разделе о происхождении алмазов В. М. Федоровский в книге «В стране алмазов и золота» (на стр. 84—35) издании 1936 г. указывает: «Для СССР одинаково важны и нахождение естественных алмазов, и их искусственное получение. Из полезных ископаемых на территории СССР в настоящее время, пожалуй, имеется всё, кроме алмазов». И далее: «Теперь очередь за алмазами. Находки алмазов известны с давних времён на Урале, но в крайне незначительном количестве: за 20 лет было найдено не более 200 кристаллов алмазов. Эти алмазы найдены совершенно случайно при промывке золотоискателями золотоносных песков. Планомерно поиски алмазов до сих пор не производились. Судя по примеру Юж[ной] Африки, алмазы нужно искать в области распространения тяжёлых магнезиальных магм, богатых минералом оливином. Совместно с алмазами в Южной Африке обычно находят ильменит или титанистый железняк, гранат типа пиропа, хромо-диопсид и др. В Кимберлее в породах встречается громадное количество ильменита; в Бразилии алмазы встречаются совместно с аметистами, топазами, редчайшим минералом эвклазом и др.

Из всех областей СССР больше всего напоминают Бразилию районы, расположенные к югу от Миасса. Тип же южноафриканских месторождений пока что не встречен, возможно, он будет найден в многочисленных вулканических областях Сибири и Северного Урала».

Таким образом, приведенное выше подтверждает, что Н. Ф. Федоровским впервые были достаточно четко сформулированы очередные задачи поисков алмазов в СССР в вулканических областях Сибири и Северного Урала.

В связи с изложенным выше эксперт считает, что соображения, высказанные в письме И. М. Забелина (от 13/VII-1969 г.) о том, что Н. М. Федоровский первый сравнил Ю. Африку с нашей Сибирью и по аналогии предсказал сибирские алмазы, вполне обоснованы.

Ошибочное положение отстаивает И. А. Ефремов и во втором своём письме (от 30. VI-1969 г.) Н. М. Федоровский же совершенно правильно утверждал, что алмазы связаны с тяжёлыми магнезиальными магмами, какими являются кимберлиты, где содержание доходит до 30—35%.

Алмазы в Сибири найдены в пределах трапповой вулканической области (Тунгусской синеклизы) и могут существовать не только в геосинклинальных областях, как отмечает И. А. Ефремов, но и на древних платформах (траппы Декана на Индостанской платформе, долериты Карру на Африканской, базальты на Бразильской и т. д.).

Обвинение И. М. Забелина в геологической неграмотности (будто он спутал платформы с вулканическими областями) неправильно. И. А. Ефремову должно быть известно, что и на платформах могут существовать вулканические области, и как раз в районах распространения алмазов. Например, трапповая область на Сибирской платформе, долеритов Карру на Африканской, диабазов Параны на Бразильской и т. д.

Автор настоящей экспертизы, занимающийся более 30 лет (с 1938 года по настоящее время) геологией, поисками, разведкой и обобщением материалов по алмазам не только СССР, но и стран Африки, считает необходимым отметить, что в 1944—1945 гг. геологом, доктором геолого-минералогических наук В. С. Трофимовым по заданию быв[шего] Геологического комитета при СНК СССР были обобщены и представлены в 2 научных отчётах материалы по выявлению благоприятных в отношении алмазоносности геологических структур на территории СССР и выявлению на территории СССР районов, благоприятных для поисков алмазов — в окраинных частях Сибирской платформы. Указанные научные отчёты были рассмотрены и утверждены ВКЗ в 1946 г. Автор настоящей экспертизы являлся одним из рецензентов ВКЗ этих отчетов (отчеты хранятся в фондах ГКЗ, они не опубликованы, поскольку в тот период были засекречены, но известны широкому кругу геологов).

Следует отметить, что рекомендации, изложенные В. С. Трофимовым в указанных работах, подтвердились. В одном из рекомендованных им районе — на р. Вилюй — первые алмазы были обнаружены уже в 1949 году.

Резюмируя всё вышеизложенное, эксперт считает, что предъявленные И. А. Ефремовым в 2-х письмах упрёки как в адрес Главной редакции географической литературы изд[ательст]ва «Мысль», так и в адрес кандидата географических наук И. М. Забелина несправедливы и противоречат всем имеющимся материалам.

Зам. председателя Научного Совета по алмазной проблеме,
руководитель работ по алмазам и золоту, ст[арший] научн[ый] сотрудник
НИЛ Зарубежгеологии Министерства геологии СССР
канд[идат] геол[ого-]минералог[ических] наук
В. О. Ружицкий

М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

24 июля 1969 г.

P. O. Box 15033.
Nairobi.
Kenya

Prof. J. A. Yefremov,
4, Gubkine Street, Appt. 40.
Moscow, V. 333
U. S. S. R.

Dear Professor Yefremov,

I was delighted with your book which you so kindly sent me. You have made this distant time come alive in an uncanny way. For the first time, too, I realize how much misery lies behind the beautiful artifacts of Egypt. The same beauty could have been produced without the cruelty, surely.

As you know, we live in Africa, which is full of interest to us in our great love of nature. Every season brings new wonders for us to observe. Life flies by at an alarming rate. Can you not in the Soviet Union with all your brilliant scientists find a way in which we can prolong our life for several hundred years so that human beings can extend their frontiers of knowledge? It seems such a waste that we should not continue learning about life and as many facets of it as we can. When we reach

a peak of experience we die, taking with us our knowledge. We store some of it in books but we cannot record everything in the time allotted to us.

It is most exciting to receive a book from Russia. The world has great admiration and curiosity about your country, because of its size and natural resources. It must have tremendous and interesting wild life. I understand you have large national parks, and some herds of European Bison.

My husband and I are interested in animals from the largest to the smallest. One of my particular interests is in the conservation of the habitat on which I have been working for several years for an organization called the Men of the Trees. We are voluntary workers and our members are dedicated to the task of awakening people to the value of trees, not only for their beauty but to halt erosion and to preserve the water table. I am at the moment trying to promote a pilot project for the regeneration of a badly spoiled piece of river bank. The Kenya Government has made new Legislation to protect the river banks, but because of the size of the country it is hard to enforce everywhere, and the people have to be taught why they should observe various rules. We are going to try and plant indigenous trees on this steep slope, and take photographs of our progress every six months.

All best wishes and thank you once again.

Sincerely yours,
Michaela Denis

П. Я. 15033
Найроби, Кения

Профессору И. А. Ефремову
Ул. Губкина, 4, кв. 40
Москва, СССР

Дорогой профессор Ефремов!

Я была восхищена вашей книгой, которую вы любезно послали мне[1]. Вы таким необычным образом и ясно показали то далёкое время. Впервые я поняла, сколько страданий лежит за прекрасными артефактами Египта. Не меньшая красота, естественно, может быть создана и без такой жестокости.

Как вы знаете, мы живём в Африке, которая для нас, любителей природы, бесконечно интересна. Каждый сезон дарит новые чудеса для наблюдателей. Жизнь летит с пугающей скоростью. Можете ли вы в своём Советском Союзе с таким огромным количеством блестящих учёных найти способ продлить нашу жизнь на несколько сотен лет, чтобы человек смог расширить область знаний? Так жаль, что мы не можем продолжить изучение жизни и многих её явлений как следует. Стоит достичь пика опыта — и мы умираем, забирая с собой свои знания. Мы сохраняем часть их в книгах, но не можем успеть всё за время, отведённое нам.

Просто замечательно получить книгу из России. Мир испытывает восторг и любопытство по отношению к вашей стране из-за её размеров и природных ресурсов. У вас, наверное, огромное количество интересных диких зверей. Разумеется, у вас большие национальные парки и несколько стад зубров.

Мы с мужем интересуемся всеми животными, от больших до самых маленьких. Один из моих особых интересов — сохранение естественной среды

[1] «На краю Ойкумены», в английском переводе «Land of Foam».

обитания, я занималась этим многие годы в организации под названием «Люди деревьев». Мы — волонтеры, чья цель — побудить людей сохранять деревья не только из-за их красоты, но и для того, чтобы остановить эрозию почв и стабилизировать уровень грунтовых вод. В настоящий момент пытаюсь распространить экспериментальный проект по восстановлению разрушенных берегов рек. Правительство Кении приняло новый закон о защите речных берегов, но из-за величины страны очень сложно провести в жизнь этот закон повсюду, людей ещё надо учить соблюдать те или иные правила. Мы хотим попробовать посадить местные деревья на крутых склонах и каждые полгода снимать ландшафт на камеру.

Желаю всего наилучшего и ещё раз благодарю,
искренне ваша *Микаэла Денис*

Перевела Ксения Бородкина

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 44

Лос-Анджелес
24 июля 1969 г.

Bayliss Road
Los Angeles, California

Dear Professor Efremov:

This is my first letter to you from my new home in California. I am here temporarily at the moment, for Tuesday I must go back to Chicago for about six weeks, to finish up the final bits on my book, prepare a paper on "Computors in Paleontology" for a big September conference in Chicago, and in general clear up many matters.

Yesterday the book "An Outline of Evolutionary Theory" which I would translate somewhat differently finally caught up with me. I cannot imagine where it has been, but it finally arrived. I think I will find it very interesting and informative and do thank you so much for sending it. Also, thanks for the "other" review of Davitaschvili's book, which, as you note, the reviewer also was somewhat harsh in his treatment. Many of the things he said I agree with, but I felt that technical criticism, especially of the archaic concepts of biology would only tend to cloud what I was trying to do. I did, as I may have written you, receive a really very nice letter from Davitaschvili, and he sent a rather mild comment to EVOLUTION. I have had a number of requests for reprints of the article and one of these days I am going to send out copies.

I have been so very busy that I have not yet done this. I have, of course, been trying to finish the book. It will go to the publishers in about two weeks and then will come all the details of meeting criticisms, getting it ready for press and so on. I hope now that I can get back to some concrete research. Also, in Chicago, my Department moved into its magnificent new building, The Hinds Laboratory of Geophysical Sciences. Even though I was leaving I still had to move to keep a base of operations. I spent almost all the time in working on the book, both in the old and new places.

The new home in California is beautiful and this is the land of great favor as far as sun and weather are concerned. It is much cooler in the summer than Chicago,

and, obviously, very much warmer in the winter. It also has earthquakes and floods, but the ocean is only three miles away and on clear days we can see the island of Santa Catalina from our "family room" window. I am sending along a few pictures of the place. These were taken with a very cheap "Polaroid" camera which develops its own pictures immediately, so that they are quick but not very good. I hope you can get some idea of the place. It is rather luxurious, more so than we could really afford, but living here is like that and no one seems to really worry about what he can and cannot afford. Number 1 (upper left corner) is a view from the front of the house, of the house, looking more or less south east. 2 is in my office, with me, too dark, but you can get the idea. The window faces east. 3 is in the back yard, showing part of the patio, the house next door, and the hills in the background. We are rather high, at a lane off a steeply climbing hill about 3 miles from famous Sunset Boulevard. The colors and flowers, even at this "off" time of the year are lovely. I hope I can get some color pictures later. 4 is looking away from the house to a "fire-place", gas as the fuel, and the rising, vegetation covered bank. Three orgage trees (the word is orange-citrus fruit) are on the right and these intrigue me, coming from where only such things as apples, pears and plums grew. We also have a small lemon tree.

Well this is the life I am in for. I presume it will not make me slothful, since I am not like that, but it certain could work in that direction. I have been to UCLA a few times, mainly checking details on the construction of the offices and laboratories. I have hired a research assistant and a preparator, so things are progressing there too.

We have, of course, been putting in a great deal of time watching the Moon mission during the last several days and have just seen the final stage of the adventure with the three men back on the Aircraft Carrier. What an amazing feat and in some ways so very fortunate. I hope that the "payoff" in every way will be immense, but especially in showing, with your satellite there at the same time, how much co-operation could be possible and how very stupid it is that this is not done. Maybe it will help. In any event it was a startling affair at the very least and somewhat unbelievable at best. I understand that there was TV on some of it in Moscow and I hope that this was the case. We have very thorough coverage here and somehow to see men walking around on the moon surface just seems as if it must have been staged, which, of course it wasn't. I don't think I have ever been as tensely thrilled as the moment of landing approached. I had not realized at the time how very close to "aborting" the mission they were. It seems that the LEM was going a little too fast, some miscalculation, and thus overshot by four miles, using up additional fuel, for landing maneuvers. The paper this morning said that they were 20 seconds from calling the landing off, with 2 minutes of fuel left. WHEW!

There is great excitement about the samples collected for the arguments on the nature of the Moon are still rampant. Now, of course, there are immensely complex procedures to keep Moon contamination from the earth. I expect that they are unnecessary, but certainly on the slimmest chance they must be taken.

I hope that the Scientific American matter was straightened out and that the pleas for your continuing patronage and my response mean that it will come through. Having moved and having so many addresses, I never know just who is sending what where. My home address here is

13760 Bayliss Road
Los Angeles, California 90049

I also wrote the National Geographic about my change of address and expect that there will be no difficulty there.

I wonder if the letter I wrote to Peter at the time I wrote to you, or a few days later, ever arrived? In your last letter you said he had not heard, so maybe it is not there yet — or ever. The mail service here is getting bad, it is overburdened and from time to time things just don't arrive (anyhow I will write him soon again).

Well, this is long and chatty, so much going on. I hope your book is progressing well and I will be very anxious to see it. Mine probably will be out in the spring and I'll send a copy as soon as possible. I hope too that your health is fine and that your wife and family are all in good shape. We are pretty much so, although my oldest grandchild managed to fall off his bicycle and get a concussion a couple of days ago. We hope he will be all right. George and his wife left yesterday for Hawaii where he will teach this year. So we are rather split up. Outside of a couple of "jammed" fingers that don't help my none-too-good typing I am in fine shape.

As always, your very close friend
Everett C. Olson

Бейлисс-роуд
Лос-Анджелес, Калифорния

Дорогой профессор Ефремов!

Впервые пишу Вам из своего нового жилища в Калифорнии. Я сейчас здесь до вторника, после чего должен вернуться в Чикаго примерно на шесть недель, чтобы довершить книгу, подготовить доклад «Компьютеры в палеонтологии» для большой сентябрьской конференции в Чикаго и в целом закруглить все дела.

Вчера наконец до меня дошла книга «An Outline of Evolutionary Theory», название которой я бы перевёл несколько иначе. Полагаю, что из неё удастся почерпнуть немало интересного, большое спасибо за её присылку. И за «другую» рецензию на книгу Давиташвили, с которой, как Вы сами заметили, рецензент обошёлся совсем не милостиво. Я согласен со многими его замечаниями, но считал, что критика частностей, в особенности устаревших концепций биологии, только затуманила бы мою основную мысль. Возможно, я упоминал, что получил от самого Давиташвили очень уважительное письмо, а в «Эволюшн» он направил довольно мягкий комментарий. Поступило некоторое количество запросов на репринты статьи, и я собираюсь на днях их разослать.

До сих пор я никак не мог выбрать времени. Конечно, я старался довершить книгу. Примерно через две недели она уйдёт к издателям, а потом настанет черёд снятия вопросов, допечатной подготовки и прочего. Очень надеюсь, что после этого смогу переключиться на конкретные исследования. Здесь, в Чикаго, мой факультет переехал в замечательное новое здание — геофизической лаборатории Хиндса. Хотя я и меняю место работы, но всё равно должен был участвовать в переезде, чтобы сохранить тут операционную базу. Но почти всё время я занимался книгой на старом и на новом месте.

Наш новый дом в Калифорнии красив, а сама местность обласкана солнцем и не обижена погодой. Летом здесь намного прохладнее, чем в Чикаго, а зимой, естественно, существенно теплее. Тут, конечно, бывают землетрясения и наводнения, но океан всего в трёх милях, а в ясные дни из окна

гостиной можно разглядеть остров Святой Каталины. Посылаю несколько фотографий. Они сняты очень дешёвой камерой «Полароид», которая сразу проявляет и выдаёт отпечаток, но быстрота отражается на качестве. Надеюсь, они помогут Вам составить о доме некоторое представление. Он роскошнее, чем мы можем себе позволить, но тут все так живут, особенно не задумываясь, по карману ли им это. На первом фото (в верхнем левом углу) вид дома спереди, вход смотрит примерно на юго-восток. На втором — я в кабинете; темновато, но более-менее понятно. Окно выходит на восток. На третьем — наш задний двор: видны часть патио, соседский дом и горы на горизонте. Наш дом построен довольно высоко, на улице, которая круто взбирается в гору 3 мили от знаменитого Бульвара Заходящего Солнца. Цветущие растения даже теперь, «не в сезон», очень красочны. Надеюсь позже прислать Вам цветные снимки. Четвёртое фото — вид от дома на «кострище», работающее на газе, и крутой склон, покрытый растениями. Справа три дерева «оргейдж» (цитрусового гибрида), к которым я никак не могу привыкнуть, выросши в краях, где есть только яблони, груши и сливы. Ещё у нас есть небольшое лимонное дерево.

Вот такая жизнь меня тут ожидает. Хочется надеяться, она не сделает меня инертным, что противно моей натуре, но, вероятно, будет замедлять темп. Несколько раз я уже ездил в университет, в основном уточняя устройство и расположение лабораторий и кабинетов. Я нанял лаборанта и препаратора, то есть в этой области дела тоже движутся.

Конечно же, в последние несколько дней мы много времени провели у телевизора, следя за лунной миссией, и только что видели последнюю стадию приключения, когда троих астронавтов подняли на борт авианосца. Что за поразительное достижение, и какое везение. Надеюсь, и отдача будет огромной, причём в самых разных областях, но особенно, с учётом одновременного пребывания на орбите вашего спутника[1], в области международного сотрудничества, не развивать которое большая глупость. Возможно, теперь начнут. Как бы то ни было, всё предприятие поражало воображение, даже трудно было поверить. В Москве тоже можно было хотя бы частично посмотреть это по телевизору, как я понимаю и надеюсь. У нас показывали всё очень подробно, и, вероятно, вид людей, расхаживающих по Луне, кому-то мог показаться специальной постановкой, хотя, конечно, это было не так. Наверное, я никогда не переживал столь остро, как перед самой посадкой. Тогда я не понимал, что отмена миссии была столь вероятна. Похоже, лунный модуль двигался чуть быстрее из-за ошибки в расчётах и «перелетел» четыре мили, из-за чего пришлось расходовать на манёвры дополнительное топливо. В сегодняшней газете говорится, когда осталось топлива только на 2 минуты полёта, до отмены миссии их отделяло всего 20 секунд. УФ!

Ещё не улеглось возбуждение по поводу собранных образцов, которые должны пролить свет на происхождение Луны. Теперь проводятся в высшей степени сложные процедуры, призванные не допустить на Землю лунного загрязнения. Не считаю их особо необходимыми, но если такой шанс почитается возможным — лучше предостеречься.

---

[1] Имеется в виду советская миссия автоматической станции «Луна—15», запущенной для забора лунного грунта 13 июля 1969 г. и пытавшейся совершить посадку как раз 21 июля 1969 года. Миссия не была успешной — сигнал пропал на 237-й секунде спуска.

Надеюсь, недоразумение с «Сайентифик америкен» разрешилось, их просьбы не отказываться от подписки и мой ответ должны привести к положительному результату. Теперь с этим переездом и многим адресами никогда не знаешь, кто куда что прислал. Мой здешний адрес такой:

13670 Бейлисс-роуд
Лос-Анджелес, Калифорния, 90049.

Я сообщил о перемене адреса также в «Нэшнл джиогрэфик», поэтому перебоев быть не должно.

Не знаю, дошло ли письмо Питеру, написанное одновременно или несколькими днями позже того, что я направил Вам. Вы в последнем письме упоминали, что он не получал, может — пропало? Почтовая служба здесь перегружена, и время от времени что-то просто пропадает (я скоро ему напишу снова).

Ну, я заболтался, однако надо было о многом рассказать. Надеюсь, Ваша книга хорошо продвигается, очень хочется её увидеть. Моя выйдет, скорее всего, весной, и я сразу пошлю Вам экземпляр. Хочется надеяться, что Ваше самочувствие, жены и близких в порядке. У нас всё хорошо, только вот старший внук умудрился схлопотать сотрясение мозга, упав с велосипеда. Надеемся, пройдёт. Джордж с женой улетели на Гавайи, где он будет преподавать в этом году. Так вот все разбежались. За исключением пары защемлённых пальцев, что дополнительно ограничивает ловкость владения печатной машинкой, я чувствую себя хорошо.

Как всегда, Ваш близкий друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
2 августа 1969 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Второй раз вижу Вас во сне (один — Вы возили меня по Ленинграду, сами за рулём машины!). Может быть, что случилось? И второй — длинная, очень длинная, уходящая в неведомую даль дорога, по которой мы вместе шли, толкуя почему-то о зоопарке (?!).

Решил написать Вам это коротенькое послание — к сожалению, от руки, так как лежу 15-й день и ещё не допущен к машинке. Был приступ, и я уже отлежал свой срок, но пока ещё слабоват.

Как Ваши дела, книга, здоровье? Как дома? У Вас, кажется, есть друзья в Югославии? Люблянский завод лекарственных препаратов выпустил изоптин (Isoptin) в таблетках — говорят, отличное средство от стенокардии, новое и безопасное. Вот бы Вам добыть, и все Ваши недомогания кончились бы или значительно полегчали. Душевный привет Наталии Алексеевне, Тасенька Вас целует, я — обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

46 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ

Москва
4 августа 1969 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Я проболел некоторое время и не достал нужной тонкой фотобумаги, потому до сей поры не сделал копии «Врат»[1]. Если я слишком затянул с этим делом, напишите, пожалуйста, без всякого стеснения, и я немедля пошлю Вам плёнку назад с тем, чтобы попросить её в другое, более удачное для меня время (или когда уже будет на руках нужная тонкая бумага).

Не посоветуете, где бы добыть «Агни-Йогу» в более или менее полном качестве? Может быть, есть плёнка? Если нет русского текста, то можно и английский, у меня есть доброхотный переводчик, который не поленится и переведет всё (а он уже перевёл немало, но всё больше по Хатхе). Если ему разрешат послать плёнку на год-два, то это дело будет сделано с высокой добросовестностью (живёт он в Кузнецке, Пензенской области)[2].

Я виделся со своим однофамильцем Ю. К. Ефремовым, и он сообщил мне, что недавно виделся с С. Н. Рерихом в Нью-Дели, и будто бы полная рукопись Алтай-Гималайя уже найдена и передана в издательство «Искусство», которое собирается это печатать. Известно Вам это или прошло как-то мимо Вас? Если нужно, я могу повидаться с однофамильцем и прислать Вам исчерпывающую информацию.

Как Ваше здоровье и дальнейшие планы?

Я чувствую себя не очень, но пишу новую — историческую повесть о времени Александра Македонского. Если всё будет благополучно, то осенью, позже, смогу подарить Вам свой новый роман «Час Быка» — мне думается, он будет для Вас интересен. Пока роман напечатан в журнале «Молодая гвардия» за этот год, №№ 1—4.

Будьте здоровы и всего Вам светлого.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

47 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
4 августа 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Посылаю Вам обратно книжку о Смирнове. Жаль, что так мало смогли уделить столь интересному и хорошему человеку, однако растрата хорошего кажется прочно вошла в быт нашей страны, сопутствуемая умножением дряни. Простите великодушно, что не сразу Вам отвечаю, но пришлось тут пооболеть две недели, и все карты спутались.

Насчет Радклиффа. Я полностью согласен с Вами в его оценке, но ведь перевод этой книги я в своё время предназначал для печати. Может быть, подобная книга и усилит механицизм, как Вы удачно выразились, но ведь Вы забываете,

---

[1] По-видимому, книга Н. К. Рериха «Врата в будущее».

[2] Речь идёт о Г. К. Портнягине.

какой ничтожной информацией располагает наш средний советский читатель, особенно молодой! Пусть наукообразно объяснённые, но ему станут известны факты, о которых он нигде и никогда не слыхал и, что ещё хуже, не услышит. Поэтому мне казалось, что переводы всех книг о внутреннем мире человека могут итти по двум линиям: так сказать, эзотерической, т. е. для употребления в рукописях, и открытой, для напечатания того, что возможно. Правда, дела сейчас развёртываются таким образом, что с напечатанием будет труднее, чем несколько лет назад, и я, вероятно, опоздал (это несмотря на то, что жизнь упорно пробивается фильмами вроде «Семь шагов за горизонт», это ведь тоже вроде Радклиффа, но и на том спасибо!), о иоге, о психологических феноменах и т. п.

Пожалуй, будет мудрее обождать. Не торопитесь возвращать книгу, она мне сейчас не нужна, а ситуация в начале будущего года как-то прояснится, потому что в теперешнем положении она стационарной быть не может: или туды, или сюды.

Я написал о возможности получения «Агни-иоги» для Вас, жду ответа. Одновременно я попросил разрешения послать Вам плёнку Рериха «Врата Будущего»[1], ежели позволят, то пришлю Вам ценной бандеролькой для исполнения Вашего пожелания напечатать текст — ежели 5 экземпляров, то это лучше, если я напечатаю фотографически только один — больше вряд ли осилю по стоимости. Агни-иогу я просил, если можно — то по-русски, ежели нет, то хоть по-английски. М. б., перевести выдержки и напечатать Рериха будет полезнее, чем Радклиффа (при том, конечно, условии, что сейчас нельзя его опубликовать).

Вот такие соображения. А «Раджа-иогу» Вивекананды я буду Вам добывать и, вероятно, добуду, но не так скоро — надо ждать оказии. Впрочем, есть ещё один человек здесь, который может оказаться её обладателем — это вскоре проверю.

Извините — повторился. Будьте здоровы. Душевный привет Вам от Таисы Иосифовны и меня.

Ваш неизменно,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
4 августа 1969 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Собирался Вас поблагодарить за «Последнюю Богиню»[2], но валялся около пятнадцати дней после очередного сердечного приступа. Теперь понемногу оклемался, да и то, по-моему, многое было от перестраховки врачей.

Теперь, получив Ваше послание, отвечаю на три важнейших в нём вопроса. Со Стругацкими положение осложняется тем, что в последних своих вещах они стали писать плохо, с одесским пошлым душком, но этого так просто не разберёшь, особенно когда вновь пошла тенденция порочить всё русское и в ответ на это возрождается столь же огульная и неверная антисемитская манера. И то, и другое затрудняет правильное осуждение и того, и другого,

[1] Здесь и далее имеется в виду статья Н. К. Рериха «Врата в Будущее».
[2] «Последняя богиня» (1920) — роман французского писателя Клода Фаррера.

ибо неверный шаг сейчас же используется враждебной стороной с превеликой демагогией. Бедная русская интеллигенция!

Мне кажется, что Ваша оценка Стругацких правильна, но не всеобъемлюща, так как отсутствие выхода (что очень верно) — это не случайно брошенная идея, а целая система взглядов, в которой фокусируются и экзистенциалисты, и Фрейд, и Кафка, и абстракционисты и, в самое последнее время, неслыханно грязные и циничные порнографы в литературе, кино и драматургии. Я тут прочёл знаменитую «Кэнди»[1], так гадостность этой штуки трудно себе вообразить, а я ведь — закалённый в смысле всякой эротической литературы.

Кстати, «Остров»[2] сейчас погорел у них в «Детгизе» по звонку из ЦК (от Демичева будто бы). Я не читал эту вещь, но мне многие говорили, что там сходство с «Часом Быка» даже в ситуациях. Так ли? Мне очень нравится (без всяких обиняков) то, что Вы хотите сказать в статье «Ленин и Уэллс», так как именно дивергенция: утопия-антиутопия и отсутствие гармонической уравновешенности между ними и ведут или к безоблачным идиллиям прошлого века, или к безысходной пьяной тоске настоящего. И попытка синтеза в «Люди как Боги» перевешивает в прошлый век, а мой, например, «Час Быка» всё же имеет обратный крен, соответственно веку.

Теперь ещё о Забелине. Вижу непонимание ситуации и потому напишу подробнее. Если Вы закончите фразу так, как Вы мне написали, т. е. «фантаст опирался на сходство геологических структур… и т. д. отмеченное геологом Н. М. Федоровским», то повторите клевету Забелина, и мне или иным геологам придется ставить всё на место. Поймите, что никакого сходства Федоровский не отмечал, это выдумка Забелина. Кроме того, Вы, как и Забелин, забываете, что я не только фантаст, но и геолог, куда лучше знавший Сибирь, чем десять Федоровских. Я не собираюсь спорить о приоритете, кто первый сказал «мяу», потому что общие указания на возможность находки алмазов в Сибири были сделаны Я. А. Макеровым (1912), Соболевым (1916 и 1932), мною (1932) и, вероятно, ещё десятком геологов, включая Федоровского. Все они сводились к одному знаменателю — по аналогии с платиноносными массивами ультраосновных пород Урала искать россыпи алмазов в районах вулканических массивов таких пород. Это была огромная ошибка, и я (и только я, увы!) первый сказал, что не там надо искать, а на платформах, в зонах повышенного давления, где возможны трубки прорыва, как в Южной Африке. Именно это и было точным попаданием. Далеко от всех прежних представлений, потому и возили мою книжку геологи в своих полевых сумках. Я, как и повторял не раз, не мог обосновать это предположение в гипотезу (не имея, гл[авным] образом, геофизических данных и данных о толщине поверхностного покрова осадков) и потому написал рассказ. Так что же, чорт побери, предъявлять мне счёт как за научную гипотезу, тем более что кроме меня ни один учёный не сказал этого!? Я пришлю Вам, когда сделаю фотокопию единственной страницы в книжке Федоровского (честно говоря, довольно пустой!), где есть упоминание о алмазах в СССР. Это стр[аница] 94: «Судя по примеру Южной Африки, алмазы нужно искать в области распространения тяжёлых магнезиальных магм, богатых оливином. (Дальше две строчки о россыпях в Бразилии и затем:) Из всех обла-

[1] «Кэнди» (1958) — скандальный роман американских писателей Терри Сазерна и Мэйсона Хоффенберга.

[2] «Обитаемый остров» (1969) — фантастическая повесть братьев А. и Б. Стругацких.

стей СССР больше всего напоминают Бразилию наши южноуральские районы, расположенные к югу от Миасса. Тип же южноафриканских месторождений пока что не встречен, возможно, что он будет найден в вулканических областях Сибири и Северного Урала».

Вот и всё, и более ни слова. Даже профан не спутает «вулканических» (старый термин, им сейчас не пользуются) областей с плитой или платформой, и даже самый восторженный поклонник Федоровского не рискнёт назвать это высказывание научной гипотезой. Совершенно очевидно, что Забелин брехал целеустремлённо, ведь он, хоть и не слишком умён, но не дурак. Поэтому я бы советовал Вам просто игнорировать его выпад, разумеется, убрав выдумку о гипотезе Федоровского, на которую вы клюнули, или сделать сноску, в которой попытаться разобраться в его выпаде. Иначе Вы невольно становитесь его пособником.

Ну, хватит об этом, и так слишком расписался, чтобы объяснить Вам подлинную ситуацию. Помните только, что я сам — геолог, и геолог достаточно заслуженный в сибирских открытиях, чтобы выступать только как фантаст.

Один вопрос. У меня есть плёнка «Хищника-гиганта»[1] — годится это для печати на этом электрическом приборе или обязательно нужна книжка? Когда Вы собираетесь в Москву? Надо бы повидаться, потолковать о фантастике и прочих тенденциях. Хочу также посоветоваться насчёт дальнейших передач своего архива. Или интерес пропал?

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и меня.

Будьте здоровы.

Ваш
И. Ефремов

П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

49

9 августа 1969 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

С плёнкой «Врат» — не спешно, так что можете держать её ещё у себя.

«Агни Йога» у меня имеется в полном объеме, т. е. книги: «Озарение», «Зов», «Община», «Агни Йога», «Беспредельность» (две части), «Иерархия», «Сердце», «Мир Огненный» (три книги), «Аум» и «Братство». Имели ли Вы в виду всю эту серию или только одну книгу «Агни Йога»? Все книги остались у меня только в одном экземпляре. Мне они довольно часто бывают нужны для работы, но по одной я бы мог высылать Вам сроком на месяц-два для копирования. Сообщите, когда Вам лучше переснять, и я вышлю.

Относительно «Алтай-Гималайя» я не слышал. Святослав Николаевич пишет довольно редко, а Девика (его супруга) всех этих дел не знает. С Юрием Константиновичем я знаком, он писал мне после посещения Индии о встрече со Святославом Николаевичем, но про «Алтай-Гималайю» ничего не сообщил. Я очень сомневаюсь, чтобы «Искусство» опубликовало именно эту книгу. Кроме того, что это «не их профиль», у них и смелости не хватит. Если действительно издадут, то известную пословицу можно будет перелицевать на «Чем Бог не шутит, когда чорт спит».

---

[1] Роман Жозефа-Анри Рони-старшего (русское издание — 1924 г.). Другое название – «Пещерный лев».

Журналов «Молодой гвардии» я не достал, но о «Часе Быка» слышал много хорошего и с нетерпением буду ждать Вашей посылки.

Я надеюсь в октябре или ноябре быть в Москве с готовой рукописью в ЖЗЛ. Слышал, что ушёл (или ушли) главного ред[актора] Ю. Короткова. В восьмом томе «Прометея»[1] должна появиться моя публикация и очерки Н. К. Р., думаю, что уход Короткова на это дело не повлияет.

Желаю Вам хорошего здоровья и всего самого светлого.

Ваш *П. Беликов*

50 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Москва
12 августа 1969 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Давно о Вас ничего не слыхал и полагаю, что Вы ещё на Украине. Поэтому пишу «на всякий случай», долежит до Вашего приезда, тем более что ничего выдающегося в делах нет.

Есть лишь вторичная просьба: когда я просил Вас насчёт «Столицы и усадьбы», тогда Вы любезно позвонили мне и сообщили, что в лавке Писателей есть полный комплект отличной сохранности за 250 р[ублей] Тогда я сдуру отказался, ещё не получив деньги от журнала, а теперь вижу, что сделал ошибку. Отсюда просьба — ежели будете в лавке, то поглядите, не лежит ли этот комплект ещё там, и ежели лежит, то я его возьму, переведу Вам телеграфом или в Лавку. Конечно, по закону Финнегана — мало вероятия, но так уж устроен человек — всегда надеется — вдруг да «Финнеган» не сработает!

Я всё лето — в Москве и пока этим доволен, так как ещё настоящего лета до сей поры не было. Те, кто уехали на дачу, и мокли, и холодали.

Надеюсь, что на Украине Вам больше повезло.

Пишу свою древнегреческую повесть, уже написал больше половины, как будто получается нечто в «пандан» к старой моей ойкумене[2] (в смысле тональности, конечно, по идеям — куда серьёзнее).

Со здоровьем — переменно и в общем по-прежнему. Недавно отлежал около 20 дней, сейчас — снова на ногах.

Давно ничего не получал и от Владимира Ивановича. Очевидно, он закопался в свою книгу и на даче усиленно пишет.

А как Ваши дела? Над чем собираетесь работать после завершения дел украинских?

Будьте здоровы.

С искренним уважением и сердечным приветом
от нас обоих с Таисой Иосифовной,
Ваш
И. Ефремов

---

[1] Беликов П. Ф. Предисловие и примечание к публикации очерков Н. К. Рериха «Листы дневника» // Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей» «Прометей», М., 1971.

[2] Имеется в виду повесть «На краю Ойкумены».

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1] 51

Москва
18 августа 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Я получил разрешение держать плёнку Рериха «Врата будущего» до октября. Если Вы ещё не потеряли желания, то могу прислать её Вам ценной бандеролью. Сообщите срочно, пожалуйста. Что до Агни-иоги, то человек сей[2] владеет всеми книгами: «Озарение»; «Зов»; «Община»; «Агни-иога»; «Беспредельность» (2 части); «Иерархия»; «Сердце»; «Мир огненный» (три части); «Аум» и «Братство». Интересуется, что собственно надо. Книги ему нужны, но может высылать по одной сроком на 1—2 месяца для копирования. Я думаю подождать, пока выяснится у меня с книгой (моей). Если напечатают, то я буду с деньгами и тогда пересниму всё подряд, а плёнку пошлю Вам.

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и меня,
Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 52

Москва
28 августа 1969 г.

Многоуважаемая Галя!

Я не сразу отвечаю на Ваше письмо, потому что потребовалось время, чтобы проконсультироваться с моими друзьями-художниками по поводу Вас. Должен сказать, что Ваш брат-художник куда как равнодушнее друг к другу, чем мы, учёные, особенно в отношении молодых. Я был даже несколько обескуражен, так как ожидал несколько иного. Суть их советов сводится к следующем:

Приезжать бесполезно, потому что поступать очень трудно, и здесь имеет место самая жуткая семейственность. Затем, как получить временную прописку для того, чтобы устроиться на работу, а затем поступать на вечернее или заочное? Они ничего не смогли мне сказать по этому поводу. Я-то думал (а говорил с довольно видными деятелями Союза), что они посоветуют какую-нибудь временную работу при студиях, Доме художника, Третьяковке или ещё каких там выставках, хоть уборщицей на первых порах. Не тут то было — по их мнению, всё забито до отказа. В Ленинграде тоже они считают конкуренцию настолько сильной, что, как они выразились, «все такие попытки — пустая трата времени». Они советуют поступать в Харькове, где хорошее училище, а конкуренция меньше, чем в Киеве, но знают ли они, что это действительно так? Я не уверен. Кроме того, когда в советах сквозит этакий снобизм хорошо устроившихся людей, я перестаю человеку верить.

Надо подождать, пока не съедутся люди из отпусков, и я поговорю ещё с не столь высокими людьми, а с «малыми сими», думаю, что их советы будут искреннее и практичнее. Примерно через месяц напишу Вам, самое большее, полтора. Мне, не знающему обстановки в художественной среде, очевидно лишь следующее:

---

[1] Открытка с чёрно-белой фотографией Кижского архитектурного ансамбля.
[2] П. Ф. Беликов.

1. В этом году действительно конкурс в ВУЗЫ (всякие) в Москве очень свирепый и «нечистый», т. е. конкурс не столько баллов, сколько звонков. Провалилось уже много ребят среди знакомых, и примерно с тем же горьким чувством, как и у Вас (очень хорошо понимаю!).

2. Устроиться в Москве на работу — плёвое дело, но смотря на какую. Очень много требуется людей на почту, на распространение печати, например, причём впервые за все годы приглашаются люди из деревень и даётся прописка даже с общежитием. Однако касается ли это других республик или только Подмосковья — не знаю. Очевидно, что для того, чтобы закрепиться в Москве, надо проходить искус работы такого рода, затем пробираться на вечерний и т. п. Есть ли смысл, судите сами.

3. Может быть, если начинать издалека, то лучше начать из такой провинции, где есть художественные институты или училища. Если бы не плохое настроение сейчас в Средней Азии, я бы попробовал Дюшанбе, но это в настоящий момент исключается, не говоря уже о других республиках, где приступ национализма ещё сильнее.

Остается Сибирь. Иркутск, Улан-Удэ, Якутск, даже из новых городов, м. б., Братск (не знаю, как там с учением). Там можно легко устроится на работу, легко и выдвинуться на учение и выучиться для получения возможности самостоятельно работать ничем не хуже, чем в заевшихся центрах.

Есть у Вас там знакомые? Может быть, стоит, пока есть молодость, начать отсюда, чем тратить лучшие годы на такую мерзость, какая с Вами происходила в Киеве? Подумайте вместе с мамой.

Таиса Иосифовна шлёт вам обеим с мамой приветы и самое искреннее сочувствие. Не огорчайтесь очень — помните, что сейчас мы переживаем трудный период в жизни всей страны, и это косвенно отражается на всём, вызывая к активности всякую сволочь и угнетая хороших людей — более увы, беззащитных. Как в своё время было и всегда.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

53 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
28 августа 1969 г.

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GEOLOGY

Dear Professor Efremov:

I finally received "Flames Over Persepolis", but the other two books are still being processed. I will send all three together, so please be patient.

I also am sending you the special issue of the Life Magazine, dedicated to our moon mission, Apollo XI. In it you will find fantastic illustrations of our three astronauts going about their business on the moon's surface.

Enclosed, please find two first-day issues of stamps commemorating John Wesley Powell.

Now to a more serious business. I am no longer with the George Washington University. I accepted a position with the Allied Research Associates, Inc. At present we are working on plans to handle the ERTS (Earth Resources Technology Satel-

lite) imagery and photo data. I am assigned to the geological aspect of this mission. As you realize, now I have to approach the earth's surface from a different point of view, revising and altering my thoughts, etc. I also consider myself a "student" in this new field. In this context, I will very much appreciate any exchange with you on this subject (i.e. objectives and goals of "satellite" geology, usefulness, international cooperation, etc.). If there are any publications on this (automatic pattern recognition, space geology, etc.), or any other people you know that would be interested in establishing a contact for information exchange (nonclassified, of course), I will be happy to respond.

Our Company is now handling the Nimbus meteorological data (reception, storage, interpretation, etc.). The information is "more-or-less" accessible to the public, so if you are interested in some of the imagery, I may be able to send you some prints. If, however, you feel all this is "irrelevant" to you, please just ignore my new position, and let's revert to the established correspondence. You may continue to write to the University (I still have an office there), or address your correspondence to my new location:

Allied Research Associates, Inc.
Geophysics & Aerospace Division
Capitol View Office Building
5809 Annapolis Road
Hyattsville, Maryland 20784

Sincerely yours,
George Rabchevsky

Университет Джорджа Вашингтона
Факультет геологии

Дорогой профессор Ефремов!

Я, наконец, получил «Пламя над Персеполем»[1], но две другие книги всё ещё не поступили. Я пришлю Вам все три книги, пожалуйста, наберитесь терпения.

Также посылаю Вам специальный выпуск журнала «Лайф», посвященный нашей лунной миссии Аполлона-11. В нём Вы найдёте фантастические снимки трёх наших астронавтов за работой на поверхности Луны.

В конверте Вы также найдёте два выпуска первого дня марок в честь Джона Уэсли Пауэлла.

Теперь перейдём к более серьёзным вопросам. Я больше не работаю в Университете Джорджа Вашингтона. Я принял предложение компании «Allied Research Associates, Inc.». В настоящее время мы готовимся приступить к обработке спутниковых изображений для исследования земных ресурсов. Я отвечаю за геологический аспект данной миссии. Как Вы понимаете, сейчас я должен подойти к земной поверхности с новой точки зрения, меняя перспективу. Я снова чувствую себя студентом в этой новой области. Поэтому я буду очень признателен за любой обмен информацией по этому поводу (например, о це-

[1] Mortimer Wheeler. Flames over Persepolis, Turning-Point in History (1968) — обильно иллюстрированный альбом, отражающий археологические находки времён завоеваний Александра Македонского.

лях и задачах спутниковой геологии, практической ценности, международном сотрудничестве и т. п.). Если будут какие-то публикации на эту тему (об автоматическом распознавании образов, космической геологии и т.д) или люди, которые заинтересованы в установлении контакта для обмена информацией (несекретной, конечно), я был бы рад.

Сейчас наша компания обрабатывает метеорологические данные с «Нимбуса»[1] (получение, хранение, расшифровка и т. д.). Информация «более или менее» общедоступна, поэтому я могу прислать Вам некоторые снимки, если Вам это интересно. Если же сочтёте это не особо важным, пожалуйста, просто проигнорируйте мою новую должность, и давайте вернёмся к прежней переписке. Вы можете продолжать писать мне в Университет (у меня всё ещё есть там свой кабинет) или адресуйте корреспонденцию по моему новому адресу:

Allied Research Associates, Inc.
Отдел геофизики и космосъёмки
Офисный центр Кэпитол Вью
5809 Аннаполис Роуд
Хайятсвил, Мэриленд 20784

Искренне Ваш
Джордж Рабчевский

Перевела Анна Селкина

54 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
29 августа 1969 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Конечно, с удовольствием обсужу с Вами Вашу статью — она очень нужна и интересна. Что до Стругацких — то тут я с Вами не согласен. Они именно стали писать плохо свои последние вещи, и тут-то проступил отказ от серьёзных больших тем. Когда пишут здóрово, то пустота произведения проходит мимо большинства читателей, прославляется великолепный язык и т. п. Если же пишешь плохо, то уж будь здорóв — выкладывай важные и интересные проблемы, иначе пропал. Как у меня — пишу неважнецки, но стараюсь задрать почву вглубь альбо[2] вширь.

Кусок «Острова» я прочитал (два № «Невы»). Действительно, там ничего такого, что могло бы заставить предполагать заимствование, нет. Общее сходство ситуации ничего не значит. Однако не усмотрел я там ничего вредного настолько, чтобы снимать роман с печатания в «Детгиз'е». Думается, что тут, скорее, какие-то наветы со стороны менее удачливых (и способных) конкурентов. Что до «бесплодного хихиканья» и прочего, то тут я с Вами полностью согласен.

Попробую здесь напечатать «Хищника-гиганта» с негатива. Ежели не так дорого. Ежели не получится, буду апеллировать к Вам попозже осенью, но, надеюсь, до той поры ещё повидаемся.

---

[1] «Нимбус» — система семи метеорологических спутников, развёрнутая НАСА с 1964 по 1980-е гг.

[2] *Альбо* (диал.) — или.

С Вашей формулировкой по поводу моих алмазных приключений согласен, хотя она по существу и неверна. Но Забелин продолжает приставать ко мне и на днях прислал мне наглое письмо, так что, очевидно, могут быть ещё какие-либо выступления, поскольку я не собираюсь вступать в какие-либо печатные споры. Может быть, придётся сделать и так — сноску, в которой сказать, что ввиду того, что приоритет автора «Алмазной трубы» оспаривался в печати И. Забелиным, Вы обратились к Ефремову с просьбой разъяснить вопрос. И он (т. е. я) заявил, что, по его мнению (т. е. моему), никакого вопроса не существует и выступление Забелина обязано непониманию существа геологического аспекта проблемы. Вот и всё.

П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ[1] 55

Август 1969 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Очень благодарен Вам за «Час Быка» для Н. В. Бока. Он, между прочим, переводит сейчас последнее лондонское издание книги Успенского (кажется 50-е годы). У меня имеется русское издание «Tertium Organum» 1911 года. Есть также «Четвёртое измерение и эра новой мысли» С. Хинтона.

Второй том «Т[айной] Д[октрины]» привезу Вам в конце этого или начале следующего года. Будет зависеть от процесса редактирования. Думаю, что книгу «пробить» удастся.

Сердечный привет Таисе Иосифовне.

Всего самого светлого.

Ваш *П. Беликов*

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 56

9 сентября 1969 г.

Дорогой Иван Антонович!

Только что вернулся с Украины и застал Ваше письмо. Молчал всё это время, т.к. не хотел лишний раз отнимать у Вас время. Если тот комплект «Столицы и усадьбы» продан (это почти наверняка), оставлю заявку, и как только появится, немедленно Вам сообщу. К стыду своему, не могу найти список отдельных №№ — на тот случай, если не будет полного комплекта. Прошу Вас, ежели Вы не передумали пополнять «в розницу», напомните, какие требуются номера. Ориентироваться же буду на весь комплект.

С великим наслаждением перечитал «Час Быка». В истории н[аучной] ф[антастики] это произведение эпохальное. О нём ещё будут говорить, и при первой возможности тоже скажу своё слово. Удивляюсь не тому, что такой роман написан (имя автора говорит за себя!), а тому, что его напечатали в таком виде, не убоявшись политической остроты. Либо «недокумекали», либо подавил трусость Ваш авторитет. С нетерпением будем ждать выхода отдельного издания. Вероятно, состоится обсуждение на секции по тексту «Молодой гвардии».

---

[1] Почтовая открытка: Эстонская ССР. Сайя кяйк (Булочный проезд) в Таллине.

Вы спрашиваете, что я делаю. Планы большие и разнообразные. Только Марко Вовчок[1] задержала и задерживает до сих пор — делаю для «Детгиза» беллетризованный вариант «героического» куска биографии писательницы (соответствует первым двум частям). Книгу очень хорошо принимают, собираются переводить на украинский. Особенно нравится женщинам — сочувствуют горестной судьбе героини и, вероятно, завидуют — те, кто не смогли урвать у жизни свою долю счастья. А её женский успех был баснословен, и любовников было не меньше, чем у Жорж Санд. Только она этого не афишировала, а я мог позволить себе говорить только о главных привязанностях, без которых нельзя было построить биографического повествования. Привёл меня к ней… Жюль Верн. Если у Таисии Иосифовны будет время и желание прочесть эту книгу, мне думается, она, как и все женщины, от которых получил много писем, почувствует симпатию к Марко Вовчку.

Предлагают мне постоянную работу в Герценовском пед[агогическом] институте — курсы научной фантастики и зарубежной детской литературы. Соблазняет твёрдая зарплата и возможность защитить докторскую. Но, кажется, откажусь. Время уходит, хочется ещё написать несколько книг, в том числе повесть «Жизнь и приключения капитана Майн Рида». Но главное — «Научная фантастика в мировой литературе». Силы уже не те. Служить двум богам в моём возрасте трудно. Вот и раздумываю…

А как же, Иван Антонович, с популярной палеонтологией? Раздумали писать или отложили?

В Киеве будет защищаться ещё одна диссертация по советской н[аучной] ф[антастике]. Диссертантка, по фамилии Чёрная, приезжала ко мне в Ирпень консультироваться. Это, в отличие от индийца Дхингра, нечто совсем заурядное. Заставил её в корне переработать автореферат, уже утверждённый тамошними докторами.

Написан ещё летом очерк о Паскале Груссе. Недавно обнаружились сенсационные факты. Оказывается, он, парижский коммунар, впоследствии Андре Лори, написал в первом варианте «500 000 бегумы» и «Южную звезду».

Сейчас должен форсировать повесть, чтобы обеспечить заработок и развязать себе руки.

Вот и все новости, если не считать той, что известная Вам статья «Учение Ленина и н[аучная] ф[антастика]» всё ещё мурыжится в «Коммунаре». Должно быть, придётся отдать в другой журнал.

Всего, всего Вам хорошего. Сердечный привет Таисии Иосифовне.

Ваш
Е. Брандис

P. S. В. И. сообщил: намечается переиздание «Через горы времени». Когда ближе подойдёт время, с Вашего разрешения приеду проконсультироваться. Будут дополнительные главы — в частности, «И. А. Ефремов как критик и теоретик н[аучной] ф[антастики]».

Не понимаю, что хочет от Вас Забелин, присылающий «для сведения» копии своих глупых неврастенических писем.

---

[1] В 1968 году в серии ЖЗЛ была издана книга Е. П. Брандиса «Марко Вовчок».

И. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 57

10 сентября 1969 г.

Дорогой Иван Антонович!

Здравствуйте, уважаемый профессор. Как вы живёте? Как Вы себя чувствуете?

У нас вышла в свет на японском языке Ваша книга «Звёздные корабли. Туманность Андромеды», переведённая мной. Книгу я послал Вам вчера и, надеюсь, скоро вы получите её. И «Звёздные корабли», и «Туманность Андромеды» я переводил полностью, без сокращения.

Недавно я с интересом читал Ваш новый роман «Час Быка» на страницах журнала «Молодая гвардия». Разрешите попросить Вас прислать мне один экземпляр романа, когда он выйдет отдельной книгой.

Желаю Вам доброго здоровья и долголетия.

С искренним приветом,
И. Иида

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 58

Москва
20 сентября 1969 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Простите великодушно, что не сразу отвечаю на любезное Ваше письмо. Я тут углубился в изыскания по древним религиям для моей эллинской повести, насчёт орфиков, верхнеегипетского культа жён Иеговы, трёхликой Гекаты, — столько сложного, разнообразного и захватывающе интересного, что как-то не сразу возвратился к делам нашего столетия. Большущее спасибо за книгу. Мне кажется, что она получилась весьма интересной, во всяком случае, при своём невежестве я почерпнул уже при поверхностном просмотре ряд интересных фактов. Таиса Иосифовна — она у меня любительница истории, мемуаров и прошлого века — объявила, что будет читать с наслаждением, просит передать Вам спасибо и душевный привет.

Насчёт «Столицы и усадьбы» — ради Бога, не хлопочите — у Вас своих забот достаточно. Ежели подвернётся при посещении «Лавки» — очень хорошо, нет — что поделать. На этот случай прилагаю список недостающего, из него Вы увидите, что я уже кое-что подкупил. Это нестрашно, всегда можно ликвидировать, если попадётся хороший комплект.

Сколько Вам лет, Евгений Павлович? Ежели Вы меня моложе, как мне кажется, лет на 12—15, то почему бы Вам не попробовать «твёрдой зарплаты»? Ведь Вы в любой момент можете перейти к прежней свободе. Мне кажется, что сейчас перед нами несколько трудных лет, когда лучше быть на оффициальной работе, чем свободным художником, предел притеснения которых ещё пока не достигнут. Тем более, что идёте то Вы, по существу, на ту же любимую работу, и, конечно, сделаете докторскую. Есть смысл, мне кажется, а намеченные Вами две очень важные и интересные книги не уйдут и позже. «Научная фантастика в мировой литературе» — это отличная тема для докторской и, следовательно, входит в профиль и преподавания и остепенивания. Мне кажется, есть «смысел» попробовать!

Это мне надо сейчас осмотрительно брать каждую тему, которая может легко оказаться последней, а я, как видите, пишу о древней Греции.

Не хотите ли написать статью о Хаггарде как нашем земляке-петербуржце? Не сам Хаггард, но его отец родился в СПБ от русской матери в 1817 г., и наверняка можно изыскать в архивах кое-какие подробности. Надо написать, потому что его английские биографы это скрывают!

С Андре Лори очень интересно. Вот действительно прекрасная тема для статьи, кстати, не худо напомнить и о его полном собрании сочинений, изданном Сойкиным, кажется, в 1910. Помните: «Рубин Великаго Ламы», «Радамехский Карлик» и т. д.

Насчёт Забелина. Удивительно, какая муха его укусила на подлую гадость в его книге «Лунные горы», где он меня обвиняет в преднамеренной краже гипотезы Федоровского. Если бы он ограничился просто замечанием или статьёй, что по его, мол, мнению, первым предсказал алмазы в Сибири никто другой, как Федоровский, так кто бы обратил на это внимание. Считает так человек, ну и пусть. Но он произвёл вместо этого подлую инсинуацию, и я, естественно, так и написал в издательство «Мысль», потребовав вывести меня из редколлегии, где мы были с Забелиным и иными. Так как его инсинуация полна лжи: гипотезы Федоровского нет и не было, он не упомянул, что я не только фантаст, но и сам известный сибирский геолог, не сказал, что речь идёт о литературе, а не о науке, где я с алмазами не выступал, умолчал о том, что об алмазах в Сибири вообще говорили с 1912 года, но как, в этом вся, но очень существенная разница. Словом, не знаю, зачем ему понадобилось меня поливать грязью, но я обозвал его писание подлым в оффициальном письме в издательство. Тогда он написал мне наглейшее письмо, конечно, оставшееся без ответа. Поскольку он ссылается на Вашу с В. И. книгу обо мне, придётся во втором издании прояснить этот вопрос, конечно, очень коротко и сухо, большего вся история не заслуживает. Всё же ему удаётся запутывать незнакомых с геологией людей, так, А. Ф. Бритиков уже изменил формулировку в своей печатающейся книге, и я пока в письме не смог втолковать ему, в чём тут хитрость. В общем, плюньте, не обращайте внимания, вероятно, у Забелина климакс.

Про всякий случай прилагаю переснятую мною из книги Федоровского единственную страницу 94, на которой идёт речь об алмазах в СССР. Я подчеркнул единственную строчку, где упомянуто о Сибири и Ю[жной] Африке. Вот и вся гипотеза, и любой геолог легко поймёт, что «адрес» Федоровского совсем не тот, что у меня, а совпадает с прежними высказываниями Макерова и Соболева.

С искренним уважением и лучшими пожеланиями,
Ваш
И. Ефремов

P. S. Не знаете ли, как Владимир Иванович? Я послал ему длинное письмо, на которое он, при своей аккуратности, давно не отвечает. Болен или занят?

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 59

Москва
20 сентября 1969 г.

Дорогой Борис!

Очень буду рад видеть Вас и потолковать о многом. Перепиской не обсудить сложных вопросов, да и писать надо многие страницы, на что нет никакой возможности.

Я буду всё время в Москве — здоровье не позволяет никуда ехать. Ежели и поеду — то не дальше близкого к Москве санатория, где меня найти будет просто.

Напишите всё же заранее, когда соберётесь, просто чтобы мне не загружать это время иными посещениями — людей по-прежнему много, даже слишком. Давал ли я Вам читать, или говорил что-нибудь — о книге Роберта Кэрса «Горизонт»? Правда, она уже несовременна, но мне кажется, что её герой весьма похож на Вас, и путь его пока совпадает с Вашим вплоть до журналиста из моряка. Если пробудете в Москве несколько дней — дам прочитать. Очень доволен, что Лариса поправилась. Рано ей ещё расклеиваться. Передайте ей, пожалуйста, самолучший привет и примите сами.

С искренним уважением и пожеланиями здоровья обоим.
Ваш *И. А. Ефремов*

P. S. Мой телефон теперь звучит так: 137-65-10, включаю его обычно с 3 до 6 вечера. Удобнее всего дозвониться после 18 часов.

В. К. НИЗКОВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 60

Москва
23 сентября 1969 г.

Профессору И. А. Ефремову

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

По решению Редакционно-издательского Совета АН СССР изд[ательст]во «Наука» выпускает сборник «Населённый Космос» (Гл[авный] редактор акад[емик] Б. П. Константинов, объем 50 авт[орских] листов). В сборнике участвуют как советские, так и иностранные авторы. В сборник «Населённый Космос» включена и Ваша статья.

В связи со сдачей рукописи сборника в печать изд[ательст]во «Наука» направляет Вам окончательно отредактированный текст Вашей статьи с просьбой завизировать его и вернуть в изд[ательст]во «Наука» не позднее 15 октября 1969 г. Если Вы считаете нужным внести какие-либо изменения или дополнения в текст статьи, мы просим Вас это сделать. Сборник «Населённый Космос» должен выйти из печати в 1-м квартале 1970 г.

Общее представление о содержании и задачах сборника Вы получите из прилагаемой вводной статьи ответственного редактора сборника покойного академика Б. П. Константинова.

С уважением,
В. К. Низковский
Зав[едующий] редакцией научно-популярной литературы изд[ательст]ва «Наука»

61 И. А. ЕФРЕМОВ — В. К. НИЗКОВСКОМУ

Сентябрь 1969 г.

Издательству «НАУКА»,
Завед[ующему] редакцией
научно-популярной литературы
В. К. Низковскому

Глубокоуважаемый товарищ Низковский!

Возвращаю Вам присланный мне «окончательно отредактированным» текст моей статьи «Космос и палеонтология».

К сожалению, я вынужден снять свою статью из сборника и прошу Вас распорядиться прислать мне оригинал (который почему то не был прислан одновременно с редактированным вариантом).

Обращаю Ваше внимание, что статья сокращена и отредактирована без малейшего согласования со мной, что недопустимо даже для начинающего автора. Откуда эти газетные ухватки в издательстве Академии Наук? Когда покойный Б. П. Константинов пригласил меня участвовать в сборнике «Заселённый Космос» два года тому назад, я принял это приглашение потому, что статью «Космос и палеонтология» мог написать в Академии только я, другим она не под силу.

Однако, после двух лет «лежания в нетях» я получил свою статью, кем-то сокращённую и редактированную. Очевидно, моё участие в сборнике не было должным образом оценено, равно как и проблематика статьи, иначе сокращения бы не последовало, не говоря уже об элементарной редакторской этике, с обязательным участием автора во всех исправлениях к изменениях.

С уважением,
И. А. Ефремов

62 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
23 сентября 1969 г.

3 Las Palomas
Orinda, California 94563

Dear Prof. Efremov,

Once again, as so often before, I must apologize for being slow to reply to you. The reason is the usual one, I have been preoccupied with writing a new book, and you yourself know that that leaves small energy for correspondence. In addition, there has been some traveling.

All is well here, and we hope it is likewise with you and yours and that you are now in better health. Please convey our best regards to Prof. Keilis-Borok. We greatly enjoyed his visits.

Many thanks for the beautiful pictures by Čurlionis. I will be framing some to put on the wall. I sent you a large box of books but after some delay it was returned to me; apparently regulations do not allow international parcel post of that bulk, at least between our countries. It may be just as well, however, since I am now sending the books in smaller packages, registered. This would be too expensive to do all at once, so you will probably be receiving them over a period of months.

This summer we stayed closer to home than usual, because I had so much work to do. Among other things, I have contracted to write six novels for a publisher within the next three years.

To some writers this would be a bagatelle, but my work goes more slowly than theirs. I have also edited this year's volume of stories voted the "Nebula" award, for excellence by the Science Fiction Writers of America; and there have been numerous galleys, etc. from other works in process of getting published.

Early in July our family did drive to the Los Angeles area — southbound, we took the beautiful coast highway, northbound an interesting inland route through desert — for a regional science fiction convention there. Such affairs amount to a several days' party where one is together with old friends and meets new ones. (In fact, my wife and I met at a convention in Chicago, 17 years ago.) Occasionally a writer or editor can transact a little business, a fact which makes the cost of attending free from taxes, but mostly it is just fun.

Naturally, the moon landing was the great event. We rented a color television set and invited a few friends to watch with us. The moon itself was in the sky over these hills, and sometimes we would go outside for a while to look at it. I don't expect to see another moment quite so wonderful, unless perhaps the first landing on Mars. (Which may very well be done by Russians!) Reactions around the world were shown, including inevitably one man — in Yugoslavia if I remember correctly — who complained that the romance had been taken out of the moon; Lester del Rey, who also saw that, has been quoted as saying at the time, "No, damn it, they've just put the romance into the moon!"

It was interesting and somewhat heartening also to see the reaction of Ralph Abernathy, a well-known Negro leader. He had led a delegation to the launch site to protest the spending of public money on space when there is still poverty at home, and they were invited to watch in the section reserved for dignitaries. Afterward he admitted that when he saw the Saturn rocket lift, for a moment he forgot everything else, including his reason for coming. (Actually, of course, he was mistaken in the first place, since expenditures on space are well under 10% of expenditures on health, education, and welfare — and who knows what the long-range benefits will be?) I myself found people talking about little except the landing for the next several days.

By the way, one of the books I am sending you is a factual work of my own, on astronautics — or cosmonautics — for younger readers. Already parts of it are obsolete, and it will not tell you anything you don't know, but perhaps you will be interested anyway. It naturally includes a good deal of Soviet material.

One thing did mar the lunar landing: that Willy Ley had died only a month earlier. Besides being a pioneer and prophet of the space era, he was a good friend of ours, whom we will always miss.

Well, to continue events, at the end of August we flew to St. Louis, Missouri for the world science fiction convention. That was also several days of revelry, on a larger scale than the regional; total attendance was reported as about 1800. Much happened that was personally gratifying. At the costume ball, my wife and daughter won a prize for their presentation — a vampire and its victim, complete with movable bat wings. A man from Spain gave me a beautiful dress sword simply because he liked my writing. And I won my third "Hugo" award, for best short fiction of the year. (Unlike the "Nebula", the "Hugo" is voted largely by readers rather than professionals.) Among those present were Harry Harrison, Lester del Rey, Ben Bova,

L. Sprague de Camp, Philip Jose Farmer, Daniel Galouye, Robert Bloch, Harlan Ellison, Hal Clement, and the guest of honor, the artist Jack Gaughan.

Shortly after returning home, I had to go away alone to give a lecture at the planetarium in Calgary, Alberta, Canada. I had only been there briefly, years before, on the way to the Rocky Mountains nearby. It turned out to be a remarkably pleasant city, with clean air and streets, lovely parks, interesting museums, a zoological garden which includes many life-size statues of dinosaurs, good food, marvelous beer, and an astonishing number of really beautiful young women — the last, I suppose, because being the only true city thereabouts, it has an enormous hinterland to attract them from. I would add that the people are friendly, except that this goes without saying; I have never been anywhere that the vast majority were not friendly and helpful, even in New York and Paris which have such bad reputations. On the way home I visited Alan Nourse, the science and science fiction writer, and his family. They have a beautiful home near Seattle, plus a large cabin in the mountains beyond. That area is still largely free from overpopulation; from downtown Seattle, one can drive into virgin wilderness in an hour or two, and the sailing is magnificent; the chief drawback is the rainy climate.

Now I will again be living quietly and working hard. There is another tournament scheduled in a couple of weeks, the last of this year and perhaps the last — certainly very nearly the last — in which I will fight. Against opponents in their teens and 20's, a man in his 40's has very little to put except skill; and now the young members have developed skill themselves. Well, it was fun; I shall continue to attend as a spectator and — if all goes well — I will be leading a group which wants to acquire a boat and experiment with medieval sailing techniques.

Next year's science fiction convention will be in Heidelberg, and with luck we should be able to attend. In fact, we would like to spend the entire summer in Europe. Since we are bound to visit my relatives in Denmark — and, in fact, my wife wants very much to see the midnight sun in northern Norway — it occurs to me that we could perhaps pay a brief visit at least to Moscow. If your work and health permit, it would certainly be pleasant to meet you personally. For that matter, why don't some Russian science fiction readers and writers plan to be at Heidelberg?

Turning to the more serious matters you touched on in your last letter, we in this country are becoming acutely aware of the problem of environmental deterioration. For the most part, the difficulty is social rather than technological; we know what needs to be done, we simply can't get people to do it. Governmental agencies are at least as apt as private businesses and persons to be the offenders, e.g., municipalities with inadequate sewage plants, Army Engineers building unnecessary dams, and the like.

However, as awareness grows, action begins to be taken. The state of Wisconsin has now totally banned the insecticide DDT; a similar measure barely failed in California, and perhaps next year such a bill will pass. We did succeed in getting a law and administrative agency which will prevent any further substantial filling in of San Francisco Bay. New standards of air pollution control are being set for new automobiles, and alternatives to the internal combustion engine — which already exist — are under serious consideration. I expect that within the next generation, ecological management will become one of the most important professions.

Perhaps I am too optimistic. Far from being pessimistic, as you seem to believe, I would say that Americans have notoriously been too sanguine, have had too much faith in human rationality and inevitable progress. These past years have been difficult,

often tormenting ones for us; and obviously our troubles are not going to go away overnight; but to me the "atmosphere" today suggests a period will gradually begin which is more calm. It has often struck me that, of the numerous students I meet, those in science and, technology are reasonably content with things, reasonably confident of finding practical ways to correct social ills; the rebels are in the traditional liberal arts and the «soft» studies. And the technologists, after all, own the future.

Well, I must stop now, again with best wishes to everyone.

Sincerely,
Poul Anderson

3 Лас Паломас,
Оринда, Калифорния 94563.

Дорогой профессор Ефремов!

Снова, как и раньше, я должен извиниться за то, что не смог ответить на Ваше письмо сразу. Причина обычная — я был поглощён написанием новой книги, а Вы сами знаете, что это оставляет немного сил на переписку. Помимо этого, я немного путешествовал.

У нас здесь всё хорошо, и мы надеемся, что у ваших родных также всё в порядке, и Вы, в свою очередь, чувствуете себя лучше. Пожалуйста, передайте наши наилучшие пожелания профессору Кейлис-Бороку. Мы получили огромное удовольствие от его визитов.

Огромное спасибо за великолепные репродукции Чюрлёниса. Некоторые из них я повешу в рамках на стену. Я послал Вам большую коробку с книгами, но через некоторое время она вернулась ко мне обратно; по-видимому, инструкция не допускает почтовые посылки таких размеров, по крайней мере, между нашими странами. Такое вполне может быть, однако теперь я посылаю книги заказными бандеролями. Отослать все книги за один раз было бы слишком дорого, и поэтому Вы, скорее всего, будете получать их постепенно на протяжении нескольких месяцев.

Этим летом я был загружен работой, и поэтому мы никуда не уезжали из дому, как раньше. Помимо всего прочего, я заключил контракт с издательством, согласно которому должен написать шесть романов за три года. Для некоторых писателей это безделица, но у меня работа продвигается гораздо медленнее. Ещё я редактировал сборник рассказов этого года — призёров премии «Небьюла», присуждаемой американской Ассоциацией писателей-фантастов. Это не говоря о необходимости считывать вёрстки прочих вещей, которые находятся в печати.

В начале июля мы ездили в район Лос-Анджелеса. К югу двигались по чудесной дороге вдоль океана, затем повернули севернее, в глубь континента, тоже по живописной дороге через пустыню на местный съезд любителей научной фантастики. Подобного рода мероприятия похожи на вечеринки продолжительностью в несколько дней, на которых можно встретить своих старых друзей и обзавестись новыми. (Я, скажем, со своей женой познакомился на такой встрече в Чикаго 17 лет назад.) Изредка там отдельные писатели и редактора могут заключить небольшой договор — из-за немногочисленности таких плата за посещение конференций не облагается налогом, — но в большей степени это просто веселье.

Естественно, самым великим событием за это время была первая высадка людей на Луну. Мы взяли напрокат цветной телевизор и пригласили

нескольких друзей. Сама Луна висела в небе, над холмами, до которых рукой подать, иногда мы выходили на улицу, чтобы взглянуть на неё. Я не надеюсь стать свидетелем столь же замечательного события, если только не доживу до первой высадки людей на Марс (а там, вполне вероятно, первыми могут оказаться русские). По телевидению показали реакцию людей во всем мире на это событие, ну и, конечно же, нашлись такие — помню мужчину, кажется, из Югославии — которые выражали недовольство: мол, таким образом с Луны снят романтический ореол. Лестер дель Рей, который тоже видел этот репортаж, энергично возразил: «Да нет, чёрт возьми, они только что вернули Луне романтику!»

Было интересно и до некоторой степени ободряюще видеть реакцию Ральфа Абернати, известного лидера негритянского движения. Он повел делегацию на место запуска, чтобы протестовать против траты денег налогоплательщиков на космос, так как в стране много бедных. Членов делегации пригласили наблюдать запуск с трибуны для почетных гостей. Позже он признался, что когда увидел запуск ракеты «Сатурн», то на мгновенье забыл обо всём и даже причину, по которой пришёл. (На самом деле он ошибался с самого начала, так как расход на космос много ниже 10% от расходов на здравоохранение, образование и социальную помощь — и кто знает, какую выгоду принесут полёты в дальнейшем.) Вокруг люди почти ни о чём, кроме высадки людей на Луну, не говорили.

Кстати, одна из книг, что я Вам посылаю, написана мною об астронавтике — или космонавтике — для юных читателей. Частично книга уже устарела и не добавит ничего нового к тому, что Вы уже знаете, но, возможно, она всё же покажется Вам интересной. Конечно же, в сборник вошло много советских материалов.

Одно омрачило высадку людей на Луну, то, что Вилли Лей умер месяцем раньше этого события. Зачинатель и предсказатель космической эры, он был нашим лучшим другом, и нам всегда будет его не хватать.

Так вот, продолжая рассказ о событиях этого года, в конце августа мы полетели в Сент-Луис (Миссури), на Всемирную конвенцию любителей научной фантастики. Ещё несколько дней шумного веселья, только больших масштабов, чем региональное; собралось около 1800 человек. Было много приятных моментов и для меня. На костюмированном балу мои жена и дочь получили приз за свой костюм — вампир и его жертва, полное облачение с машущими крыльями летучей мыши. Один испанец подарил мне великолепную шпагу в ножнах, просто потому, что ему нравятся мои книги. И я получил ещё третью премию «Хьюго» за лучший рассказ года. («Хьюго», в отличие от «Небьюлы», присуждается в основном читателями, а не профессионалами). Среди присутствующих были Гарри Гаррисон, Лестер дель Рей, Бен Бова, Л. Спрэг де Кэмп, почётным гостем был художник-иллюстратор фантастики Джек Гоген.

Вскоре после возвращения домой мне пришлось одному ехать в Канаду для чтения лекций в планетарии города Калгари (провинция Альберта). Я был там раньше, но только проездом, по дороге к Скалистым горам. Это оказался необыкновенно славный чистый городок, с очаровательными парками и интересными музеями. Так же в городе есть зоологический сад с фигурами динозавров в натуральную величину. А ещё там хорошая кухня, замечательное пиво и удивительно большое число по-настоящему красивых женщин — последнее,

я полагаю, потому, что это единственный большой город на много-много миль вокруг. Я бы мог ещё добавить, что люди очень доброжелательны, однако мне никогда не случалось бывать в таком месте, где большинство людей было бы недружелюбно и никто не выказывал желания помочь, даже в Нью-Йорке и Париже, городах, которые имеют плохую репутацию в этом отношении. По дороге домой я навестил семью Алана Нурса, учёного и писателя-фантаста. У них большой дом неподалеку от Сиэтла и ещё один за городом в горах. Там местность до сих пор ещё не слишком перенаселена; от центра Сиэтла за час-два на машине можно попасть в совершенно девственные края; а плавание под парусами просто великолепно. Главный недостаток тамошних мест — дождливый климат.

Теперь я снова осяду дома и буду много работать. По плану, через пару недель состоится новый турнир, последний в этом году и, возможно, последний, где я буду принимать участие. Человек в свои сорок мало что может противопоставить юным двадцатилетним противникам, за исключением мастерства; теперь молодёжь сама обрела сноровку. Ну, будет что вспомнить. Я буду наведываться в качестве зрителя. В дальнейшем, если всё будет в порядке, я возглавлю группу, которая хочет обзавестись судном и поэкспериментировать со средневековой парусной техникой. В следующем году съезд любителей фантастики будет проходить в Гейдельберге и, если всё сложится хорошо, мы туда поедем. Нам бы хотелось провести лето в Европе. Так как мы собираемся навестить моих родственников в Дании, а жена очень хочет увидеть полуночное солнце в Северной Норвегии, то мы смогли бы, наконец, ненадолго заехать в Москву. Если здоровье и работа Вам позволят, то для меня было бы большим удовольствием встретиться с Вами лично. По этой причине почему бы российским читателям научной фантастики и писателям не спланировать поездку в Гейдельберг?

Если вернуться к более серьёзным вопросам, которые Вы затронули в прошлом письме, то в Америке мы всё более проникаемся важностью проблемы загрязнения окружающей среды. По большей части это проблема скорее социальная, нежели технологическая; мы знаем, что должно быть сделано, но просто не можем добиться того, чтобы люди это выполняли. Наносить вред могут равным образом и государственные, и коммерческие предприятия, и частные лица. Например, муниципальные учреждения, у которых система очистки не отвечает современным требованиям, военно-инженерные части, которые строят ненужные дамбы, и тому подобное.

Однако с осознанием происходящего активность людей возрастает. В штате Висконсин сейчас абсолютно запрещен инсектицид ДДТ; подобная мера пока что провалилась в Калифорнии, но, возможно, что в следующем году законопроект всё-таки будет принят. Нам удалось провести закон и добиться создания особого комитета, который должен следить за тем, чтобы в залив Сан-Франциско не сливали отходы. Для новых автомобилей приняты более строгие стандарты по контролю за чистотой выхлопа. Альтернативы для двигателя внутреннего сгорания (которые уже существуют) — серьёзно рассматриваются. Я надеюсь, что уже в следующем поколении профессия менеджера-эколога станет одной из важнейших.

Возможно, я слишком оптимистичен. Вы, наверное, тоже не считаете меня пессимистом, и поэтому я должен признать, что американцы были заведомо слишком оптимистично настроены, слишком верили в человеческую разумность и неизбежность прогресса. Последние годы были трудны, а для

некоторых из нас даже мучительны; очевидно, что наши проблемы не исчезнут в одночасье. В воздухе витает ощущение, что в будущем всё уляжется. Меня часто удивляло то, что многие студенты-естественники вполне довольны положением вещей и уверены, что удастся найти практические способы исправления общественных зол; протестанты концентрируются в среде студентов-гуманитариев. И всё-таки будущее за теми, кто владеет технологиями.

На этом я заканчиваю своё письмо, снова наилучшие пожелания всем.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

63 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ХОДЖЕРУ

Москва
6 октября 1969 г.

Многоуважаемый Григорий Гибивич!

Возможно, Вы меня и не знаете как писателя — я действую в далёкой от Вас научной фантастике («Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Сердце Змеи» и так далее), но я ещё и сибирский геолог.

Когда-то давно я исследовал совершенно тогда неизвестное Амур-Амгуньское междуречье и в 1931 году сделал первую геологическую съёмку (и точную топографическую) озера Эворон, реки Лимури, р. Боктора и р. Эвур.

Работал с проводниками из рода Самар из пос[ёлка] Кондон, испытали мы вместе множество приключений.

Отсюда Вам должно быть понятно, что меня очень заинтересовал Ваш роман «Озеро Эморон» (это, конечно, Эворон!), но я не смог его найти в книжных магазинах здесь.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы нашли возможным прислать мне Вашу книгу (и уж тогда, конечно, с автографом). Взамен я могу послать Вам что-нибудь своё — или научно-фантастическое, или историческое.

С приветом и искренним уважением,
И. А. Ефремов

64 И. А. ЕФРЕМОВ — О. И. ПАНТЮХОВУ

Москва
7 октября 1969 г.

Dear Oleg Ivanovich!

Thank you ever so much for the book you send me. You wanted to know my opinion about it, is it so? I liked your honest and interesting account about life of one Russian intelligent family at the end of last century and two decades of recent.

From the historical point of view, your book is a precious one giving the facts now very little known here. It has many touching pages about your service in the Tzarskoye Sjelo — we haven't any of such materials published here.

But of course your reminiscences about last years of your stay on Russian land are strictly personal and the whole process of Russian Revolution was tremendously complicated and contradictory.

By the way, take my point of view at that times. When you were in Crimea, I was at the south of Ukraine as foster-son of auto-company in Red Army and was nearly killed by the 8-inch shell from English gunboat at Ochakov. Many, very many years elapsed from that time and now wisdom of the age drew together many different points of views but time for the "comparation of evidences" although at hand still not appeared because of great political disruption.

Therefore I guess that your book must be not permitted in this country for the wide distribution, from the officials point of view.

Your scout manifest however as I see dictated by best intention is quite useless now. Our younger generation can only smile at it. I think that is a result of ignorance about gigantic gaps disjoined your times here from resent time. First gap but maybe still not very wide separates pre-revolutionary Russia from the first decade of Soviet republic. Second gap which as a colossal sword slashed the old and new was the years of Stalin regime and W. W. II. The world after the first half of our century is quite new and I, now 63, often have "an old bison feeling" and don't like many of the events. It is natural and in fact, man changes much more slowly than it seems, but environment is really new and old slogans and faiths are dead.

Excuse me if my answer appears to you too direct but bear in mind please that I have not the slightest intention to offence.

With all good wishes,
sincerely yours,
I. A. Efremov

Дорогой Олег Иванович!

Большое спасибо за присланную книгу. Вы хотели знать моё мнение о ней, не так ли? Мне понравился Ваш честный и интересный рассказ о жизни одной русской интеллигентной семьи в конце прошлого века и в первые два десятилетия нынешнего.

С исторической точки зрения Ваша книга ценна тем, что содержит факты, которые теперь у нас малоизвестны. Там много трогательных страниц о вашей службе в Царском Селе — у нас подобные материалы не публиковались.

Но, конечно, Ваши воспоминания о последних годах пребывания на Русской земле исключительно личны, и все события русской революции были потрясающе сложны и противоречивы.

Вот Вам, кстати, моё видение того времени. Когда Вы были в Крыму, я находился на юге Украины, в Красной Армии, воспитанником автороты, и едва не был убит в Очакове восьмидюймовым снарядом с английской канонерки. Много, очень много лет прошло с того времени, и теперь мудрость лет собрала вместе много разных точек зрения, но время для «сравнения очевидностей», хотя бы близких, пока не пришло из-за огромного политического раскола.

Поэтому я полагаю, с точки зрения властей Ваша книга не должна быть разрешена к широкому распространению в стране.

Однако Ваш скаутский манифест, как я вижу, продиктованный лучшими намерениями, совершенно бесполезен сейчас. Наше младшее поколение может только улыбаться над ним. Я думаю, это результат незнания огромного разрыва, разделившего Ваше время и нынешнее. Первый разрыв, наверное, ещё не столь большой, разделяет дореволюционную Россию и первые десятилетия Советской республики. Вторым разрывом, подобным колоссальному рубцу от

удара мечом, рассёкшим старое и новое, были годы сталинского режима и Второй мировой войны. Мир после первой половины нашего века вполне нов, и теперь я в свои 63 часто ощущаю себя «старым бизоном», и мне не нравится многое из того, что происходит. В действительности, несомненно, человек меняется гораздо медленнее, чем это кажется, но окружающая среда, действительно, новая, и старые девизы и клятвы мертвы.

Простите меня, если мой ответ показался Вам слишком прямолинейным, но, уверяю Вас, у меня не было ни малейшего намерения Вас обидеть.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш
И. А. Ефремов

Перевёл Андрей Константинов

65 И. А. ЕФРЕМОВ — В. Л. САВЕЛЬЗОНУ

Москва
12 октября 1969 г.

Многоуважаемый Вильям Львович!

Очень рад, что передача получилась. Хоть что-нибудь сделать для милого сердцу Оренбурга мне всегда приятно. Спасибо Вам за труды!

Отвечаю на вопрос Вашей «надёжи и опоры». Гишу — это вымерший теперь вид гигантской гиены, изображения которой ещё встречались на фресках в Египте эпохи Древнего Царства — примерно 4500 лет тому назад. Как выясняется теперь, — гиены вовсе не трусливые хищники, как их обычно изображали раньше. Это грозные и активные звери, перед которыми отступают даже львы. А уж перед гишу должны были трястись слоны!

Я сейчас пишу повесть не из времён Киевской Руси (кстати, это неточно — я собираюсь написать из времён после падения Киевской Руси, сразу после нашествия Батыя — 1240 проклятый год истории России), а из эпохи Александра Македонского. Русь — следующая очередь.

А Ваш Иван Прокофьевич Шаврин, очевидно, сын одного из самых лучших моих забойщиков — Прокофия Шаврина, забыл, как его отчество — давно ведь это всё было… При случае передайте ему от меня сердечный привет, скажите, что его отца я помню как очень хорошего, серьёзного и симпатичного человека, надёжного работника. Если отец его жив ещё, чего, к сожалению, не знаю, то пусть Иван Прокофьевич передаст от меня своему отцу привет, и я бы, пожалуй, сам ему написал. Но боюсь, что нет его на свете, ведь он был старше меня лет на 12—15, а это возраст уже солидный…

Ежели Борис Андреевич пришлёт мне материалы о Хреновых и Шавриных, то буду ему весьма признателен. Ему поклон от меня, равно как и Вашему товарищу и сподвижнику Георгию Саталкину.

С приветом и искренним уважением,
И. Ефремов

Э. КОЛБЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

17 октября 1969 г.

Museum of Northern Arizona

Dear Professor Efremov:

A few days ago I received the packet of cards, showing views of Lake Baikal. Thank you very much. I am especially interested in Lake Baikal, and especially now, when the problem of conserving its unique features is a large one. So the pictures are much appreciated.

Then, yesterday, I received your very nice letter — and for that many thanks. It was good to hear from you, and I am especially pleased that you like my books on dinosaurs. Your suggestions of a book about Paleocene life is an interesting one, and I will give it some thought. In the meantime I am supposed to do a book on the relationships of continents to the distribution of land-living vertebrates.

But first I must go to Antarctica. We leave on Monday, the 21st of October, so I don't have much time left before my departure. Of course it will be quite an experience. We will be searching in the Triassic of the Transantarctic Mountains, near the Beardmore Glacier, and I hope we will find something. Amphibians will be nice, but I am hoping that we may find some characteristic Triassic therapsids or archosaurs, or both. Time will tell!

I will certainly keep you informed of our progress, as you desire. And I hope we will have some interesting information for you.

I used to be against Continental Drift, but within the last few years, especially in light of new evidence (sea-floor spreading, etc.) I have been converted into a "Drifter". Now I am hoping that the Triassic tetrapods of Antarctica will appear underneath our picks and hammers. They will be very significant, indeed.

Enclosed are some pictures of the country around Flagstaff, where my wife and I are now living. We have a home at the base of the San Francisco Peaks, near the Museum of Northern Arizona. It is delightful country. The Museum has given me an office, and I plan to carry on my work here. Although I am not formally retired from the American Museum of Natural History, I will be when I return from Antarctica. In the meantime we have moved out here and gotten settled. We are looking forward to our life here.

Thanks again for you communications. And I will be in touch with you after I return from Antarctica, in February.

Edwin H. Colbert

Музей Северной Аризоны

Дорогой профессор Ефремов!

Несколько дней назад я получил набор открыток с видами озера Байкал. Благодарю. Байкал меня весьма интересует, особенно теперь, когда остро встала проблема сохранения его уникальных свойств. Поэтому его фотографии очень кстати.

А вчера я получил Ваше весьма приятное письмо, за что очень благодарен. Было замечательно получить от Вас весточку, но особенно приятно, что Вам понравилась моя книга о динозаврах. Предложение написать книгу о жизни палеоцена весьма интересно, и я над этим подумаю. Пока же я тружусь над

книгой о том, как расположение материков отражается на сухопутных позвоночных.

Совсем скоро мне предстоит отправиться в Антарктику. Мы отбываем в понедельник, 21-го октября, поэтому осталось совсем немного времени перед отлётом. Конечно, это будет не похоже ни на одну из прежних экспедиций. Мы будем копать триасовый период в Трансантарктических горах возле ледника Бирдмор, надеясь что-нибудь обнаружить. И амфибий было бы неплохо откопать, но я питаю надежду, что нам удастся найти кого-то из характерных триасовых терапсид либо архозавров, или же и тех, и других. Время покажет.

По Вашей просьбе буду, конечно, держать Вас в курсе. Питаю надежду, что кое-что интересное для Вас мы добудем.

Прежде я не был сторонником дрейфа материков, но за последние несколько лет, в особенности в свете новых данных (о расширении океанского дна и т. д.), обратился в «дрейфовика». И вот теперь надеюсь, что наши молотки и кирки откроют миру триасовых тетрапод Антарктики. Это будет поистине весьма значимым открытием.

Я вложил в конверт несколько фото местности вокруг Флагстаффа, где теперь обитаем мы с женой. Наш дом расположен у подножия Пиков Сан-Франциско, неподалеку от Музея Северной Аризоны. Это чудесные края. Музей выделил мне кабинет, где я планирую дальше работать. Пока я официально не уволился из Американского музея естественной истории, но по возвращении из экспедиции перестану там уже работать. Пока же мы переехали и устраивались на новом месте. Думаю, тут будет интересно жить и работать.

Благодарю ещё раз за послания. Обязательно напишу по возвращении из Антарктики в феврале.

Эдвин Х. Колбер

Перевела Лариса Михайлова

67 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
21 октября 1969 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

I was delighted to get your letter the other day and to know that all is well with you. We are gradually settling into our new surroundings and I am beginning to find out how things work here. I find the University very different from Chicago, it has about 29 000 students, and that there is a greater emphasis on undergraduate, that is the Bachelors degree, training. I will be involved, in fact I am involved, in working on the introductory biology sequence for majors in biological sciences, which will be fun and from which I will learn a great deal. Also I am going to give a "far-out" seminar on evolution during the winter. It will probably shock my colleagues, but at least some of them need it. I hope that it will help to create a few "compleat" scientists.

It isn't that there is not enough doubt in this country, but I might as well stir up some more. By the time that most students have filtered through to the graduate

sciences they have been beaten into a mold that is a bit hard to penetrate. The trouble we have is that the old are too inflexible and the young are too flexible. Nothing new, but with cars, money, the "pill", and the older peoples' preoccupation with hedonistic pursuits, we get something of a mess. It is hard to get much authentic news from elsewhere, but I gather that this restlessness is world wide and that in fact we are experiencing one of the most profound revolutions in the last several centuries, starting I dare say with Darwinian thinking, superimposed upon his predecessors and having strong doses of Pavlov, Freud, Einstein, and so on. I wonder if there is this sort of ferment in your country. It is disturbing, but I do feel that in the long run it may lead out of some of the terrible difficulties of the present situation.

A few days ago I sent you a photograph taken during the winter. Once you asked for one and I had nothing very good. I don't know that this is good, but many people seem to like it. It doesn't really reflect to me what I am, but then that is not what is known by others anyway. I hope it gets there. Davitashvili's reply to my review appeared in EVOLUTION. It was really quite mild and in some ways constructive. I don't know whether or not I wrote that I was doing a short review of two of his books, *Extinctions* and *Methods of Study of Evolution*, along with one by Yablakov and two others. This will be in SCIENCE and I will probably "catch hell" again. But as D----- says, these bridges need to be built and I will keep trying.

Travel plans are still a little vague, but I am doing everything I can to get over next spring. I want to get in 6 weeks of field work in the SanAngelo formation, with a few side trips to other spots. I need collections here, and I know where I can get them with a little time. This should leave me about a month for travelling. If I can get the time set-up, then I have to find a way of financing. I expect that I could try through the National Academy, but this becomes very restrictive and one has to "sing for his supper". Recently Mrs. Baker, my mother-in-law, who lived with us passed away. It has put quite a hole in our household, but she was 80 and this must be expected. We will receive a modest inheritance from her and if this should come through we probably could use some of it for a good trip. I do want to get around. However, I want to put in some days in Moscow to see all of you and also to see the new things in the collections. Anyhow, we will see.

Everyone here followed with great interest your "triple-header" man in space program. It was immensely impressive and I hope that a great deal was learned from it. The other day, Sunday, a couple of ounces of moon-rock was exhibited here. Some of the men in Geophysics are working on the materials. It was an open-house day and they say that some 11 000 persons saw the rocks. Most seem to express a sort of "hmmmph" attitude and then take a picture. The trouble is, of course, that moon-rocks don't look any different from earth-rocks, which is to be expected. No green-cheese. There has been a very interesting tendency to draw back somewhat from a space-program now that a landing has been made. I presume it is connected with the dominant position of the conservative in this country at the present time. Oddly, our Hippie group is an enigma, involving great conservatism and an idealist progressiveness. If I were a good science fiction writer I would try out a story in which some schemers had put a hormone in the water, in the guise of fluoridation, and that this retarded somewhat the emotional maturation while stimulating physical maturity. Why, I am not sure, but Peter Panism is alive in the land.

So we go on. I have no very significant research underway at the moment and am still waiting the critical reader's report on my book. Should be along one of these

times. Until I get into the field, I probably will remain somewhat sterile, for I need materials to start from. Maybe one day what I am doing in the seminar on evolution will form the base for something ambitious along the lines of the breadth and influences of evolutionary thought.

Please give my very best to your wife. I wrote Peter a while ago and expect that he is now back. I hope his dinosaur hunting was successful. How is your novel coming? I read a fine piece by Arthur Miller on Soviet writers and his stay in your country. It had to me some real insights. So now I must close.

With my deepest regards and friendship,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет, Лос-Анджелес
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Был весьма рад получить Ваше письмо позавчера и узнать, что у Вас всё хорошо. Мы постепенно устраиваемся на новом месте и разбираемся в здешних порядках. Университет сильно отличается от Чикагского своими двадцатью девятью тысячами студентов и преимущественным упором на подготовку бакалавров. Я должен буду подготовить вводный курс в биологические науки и уже приступил к этой задаче, которая мне нравится и может меня тоже многому научить. Ещё я должен буду зимой провести «нетрадиционный» семинар по эволюции. Вероятно, он шокирует моих коллег, но, полагаю, будет способствовать развитию и оформлению кое-кого в более «знающих своё дело» учёных.

Не то чтобы в этой стране не хватало сомневающихся, но я могу ещё умножить их число. Ко времени поступления на следующую после бакалавриата стадию образования мышление студентов несколько окостеневает, и новым мыслям сложнее пробиться. Проблема в том, что старики излишне косны, а молодёжь — слишком пластична. Это не ново, но вкупе с гонкой за машинами, деньгами, распространением противозачаточных средств и гедонистическими увлечениями людей более старшего поколения мы получаем какую-то кутерьму. Достоверных новостей из других частей света маловато, но, полагаю, во всём мире нарастает беспокойство, и в целом мы переживаем одну из наиболее существенных перемен последних столетий, чему, осмелюсь предположить, дала толчок дарвиновская теория, наложенная на представления её предшественников с заметной долей Павлова, Фрейда, Эйнштейна и т. д. Интересно, сказывается ли это бурление у вас в стране? Оно вызывает беспокойство, но у меня такое чувство, что оно способно помочь отыскать выход из части страшных противоречий современности.

Несколько дней назад я послал Вам фото, снятое зимой. Вы как-то меня попросили, но тогда у меня ничего приличного не оказалось. Не уверен, достаточно ли хорош этот снимок, но многим он, похоже, нравится. Он не полностью соответствует моему собственному представлению о себе, но другим ведь это не известно. Надеюсь, фото дойдёт до Вас. Ответ Давиташвили на мою рецензию вышел в «Эволюшн». Он был вполне мягок и до некоторой степени конструктивен. Не знаю, говорил ли прежде, но я написал краткий обзор двух его книг, *Extinctions* и *Methods of Study of Evolution* совместно с книгой Ябло-

кова и ещё двух авторов. Он выйдет в «Сайенс» и, возможно вновь навлечёт на себя волну критики. Но, как говорит Д...[1], мосты необходимо навести, и я продолжу их строительство.

Планы поездок пока несколько неопределённые, но я делаю всё от меня зависящее, чтобы приехать к Вам будущей весной. Хочется также уместить 6 недель полевых работ по формации Сан-Анджело с краткими выездами на другие местонахождения. Пока мне требуется близость к знакомым коллекциям. Всё это оставляет примерно месяц для путешествия. Когда ясно станет время поездки, нужно будет найти источник финансирования. Можно попробовать обратиться в Национальный научный фонд, но там появилось много правил и отчётности. Моя тёща, которая жила вместе с нами, миссис Бейкер, недавно скончалась. Её нам будет очень не хватать, но когда человеку восемьдесят лет, его уход не может быть совсем неожиданным. Мы получим скромное наследство, часть которого можно будет использовать для поездки. Мне бы хотелось побывать в разных местах. Но обязательно несколько дней в Москве, чтобы повидаться с вами и познакомиться с пополнением коллекции музея. Ну, посмотрим.

Тут все с большим интересом следят за полётом ваших трёх кораблей на орбите[2]. Это очень впечатляет и, думаю, помогло сильно расширить знание о космических полётах. Позавчера, в воскресенье, несколько унций лунного камня были выставлены на всеобщее обозрение. Коллеги с геофизического факультета получили возможность поработать с материалами. В день открытия около 11 000 человек пришло посмотреть на камни с Луны. Большинство глядит на них несколько недоверчиво и затем делает фотоснимок. Дело в том, что лунные камни на вид ничуть не отличаются от земных, чего и следовало ожидать. И ничуть не походят на плесневый сыр. И ещё — теперь, когда высадка на Луне состоялась, заметно некоторое охлаждение к космической программе. Полагаю, это связано с превалированием консерваторов в политике современной Америки. Только хиппи являют собой загадочный сплав консерватизма и идеалистического стремления к переменам. Будь я хорошим писателем-фантастом, постарался бы написать рассказ о том, как некие злоумышленники под видом фторирования воды запускают туда некий гормон, ускоряющий физическое созревание и замедляющий эмоциональное. Не знаю отчего, но у нас в стране расцвёл сущий «питер-пэнизм»[3].

Вот такие дела. В настоящий момент я не веду никаких серьёзных исследований и всё ещё жду отзыва рецензента на рукопись моей книги. Вот-вот должен поступить. И пока я не выберусь в поле, в научном плане буду оставаться стерильным, потому что для начала работы мне необходимы новые материалы. Возможно, когда-нибудь то, чем я занимаюсь на семинаре по эволюции, станет основой обширного труда по влиянию эволюционной мысли в целом.

---

[1] Д... — очевидно, Давиташвили.

[2] В октябре 1969 года на орбите было три корабля — «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8» — и семеро космонавтов: Георгий Шонин, Владимир Кубасов, Анатолий Филипченко, Владислав Волков, Виктор Горбатко, Владимир Шаталов, Алексей Елисеев. Проведена первая космическая сварка.

[3] Питер Пэн — вечно юный персонаж, созданный шотландским писателем Джеймсом Барри.

Передайте мои наилучшие пожелания Вашей жене. Я написал Питеру некоторое время назад, поскольку он должен был уже вернуться из экспедиции. Надеюсь, охота за динозаврами ему удалась. Как продвигается Ваш роман? Я прочёл интересный рассказ Артура Миллера о советских писателях и визите в Вашу страну. Кое-что было для меня настоящим открытием. Пора заканчивать.

С глубочайшим уважением и дружеским чувством,
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

68 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
24 октября 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Я не писал Вам, поджидая приезда владельца тех книг, какие интересуют нас обоих. За это время я наполовину отпечатал с плёнки «Врата будущего» НКР. Половину книги оттого, что счёл её не настолько интересной, чтобы продолжать. Вообще, это дорогое удовольствие, и для того, чтобы его себе позволять, надо быть уверенным в качестве книги. А «Врата будущего» хотя и содержат ряд интересных заметок (это — собрание заметок, написанных НКР в Пекине в 1932 году), но не столь уж важных для воспитательно-духовных целей. Я пошлю Вам перепечатанную часть, чтобы Вы сами смогли убедиться.

Я поговорил с владельцем Агни-иоги. Это 10 (!) книг, причём он согласен со мной, что наряду с очень важными и интересными вещами там есть немало непонятного и просто хлама, с нашей точки зрения. Поэтому я, изложив наши цели, попросил его самого сделать выбор на одну-две из этих книг, какие могли бы оказаться наиболее важными для России и духовного воспитания. Он считает таковой книгу «Братство», а затем книгу, изданную НКР в Монголии на русском языке, в которой он много уделяет внимания Ленину, Революции и вообще судьбам России, предрекая ей большую судьбу. Эта книга у него есть в перепечатанном на машинке виде, и он согласился послать её нам, так же как и «Братство». Я, как только получу, пошлю её Вам ценным пакетом, а там уж смотрите сами — стоит она, чтобы её перепечатать, или нет.

Я согласен с Вами, что перепечатка — лучше, так как она даёт вместо одного минимум 4 экземпляра, а обходится в общем немного лишь дороже одного фотографического. М. б., у Вас там и можно найти надёжного человека (и не слишком дорогого) для этой перепечатки. К тому времени, как это всё осуществится, я уже буду знать, пойдёт ли мой роман и «на коне» ли я, и тогда, разумеется, возьму расходы целиком на себя — уж извините, но это будет справедливо.

Душевный привет Вам от Таисы Иосифовны и от меня.

Ваш *И. Ефремов*

О. И. ПАНТЮХОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 69

5 ноября 1969 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Очень рад был я получить Ваше письмо.

Я очень хорошо понимаю, как далеко-далеко всё описанное было от Вас и как всё далеко было от молодого поколения. Интересно было узнать, что Вам 63 года (а мне 87). Я стараюсь следить за успехами на Родине и очень радуюсь и восхищаюсь, что достигнуты колоссальные результаты в технике, но «свобода слова» — это другое дело. Мы здесь много читаем о жизни на Родине и кое-что знаем о настроениях молодёжи.

Недавно я слышал восторженный отзыв о советском фильме «Братья Карамазовы»[1]. Я очень люблю Достоевского и надеюсь, что мне удастся видеть этот фильм.

Ещё раз спасибо за хорошее письмо и правильный, искренний отзыв.

Всего Вам доброго.

Уважающий Вас
Олег Пантюхов

И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 70

Москва
10 ноября 1969 г.

Дорогой Олесь Павлович!

Спасибо за поздравления и память.

Не откажите в свою очередь принять мои добрые пожелания здоровья, благополучия и всего светлого Людмиле и Вам.

Я буду 1 декабря в Москве, как и в последующие месяцы, и с удовольствием повидаюсь с Вами. Да только лишь бы Вы не попали в момент кратковременного моего выезда на дачу к сыну, но в декабре это вряд ли будет.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 71

Лос-Анджелес
11 ноября 1969 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

Your photograph and the lovely pictures of Lake Baikal arrived. Thanks very much. I am writing now for a rather specific reason and so won't do a lot of chatting. It looks now as if my wife and I will find it possible to visit Russia this coming spring. The plan as I see it would be that I would spend about six weeks in the field here in April and early May and then take about three weeks for a trip to your coun-

[1] Экранизация одноимённого романа Ф. М. Достоевского (1968).

try. The time that we will put in will partly be a matter of funds, for it is expensive, and partly the sort of a program that I can lay out. Soon I will get together with the travel agencies and see what can be done.

First, would this late May and early June schedule be one which would find you in Moscow? One of the main reasons for the trip is to see you again and to renew in person our friendship. If this time is not suitable, I might be able to make some changes.

I would hope to spend several days in Moscow and want to see the new collections in the Museum and such of my other friends as may be there. I gather that Peter is back from the field although I have not heard from him.

Can you let me know what your tentative plans may be. Then I will go ahead and begin to make definite arrangements here. Please give my best to your wife, and tell her that I am still trying to take advantage of the earlier invitations.

Best regards, your friend
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет, Лос-Анджелес
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Получил Ваше фото и замечательные виды озера Байкал. Большое спасибо. Сейчас я пишу по довольно конкретному поводу и не стану отвлекаться на другие темы. Похоже, мы с женой сможем приехать в Россию этой весной. План теперь выглядит так: сначала шесть недель в поле (апрель и начало мая), потом около трёх недель поездка в Вашу страну. Точные даты будут зависеть от наличных средств, поскольку это недёшево, а также от осуществимого плана поездки. Скоро я свяжусь с туристическими агентствами, и мы разработаем подходящий вариант.

Но вначале хочу уточнить — сможем ли мы в конце мая — начале июня застать Вас в Москве? Один из основных мотивов этой поездки — возможность снова повидаться с Вами и личной встречей укрепить нашу дружбу. Если такое время не подходит, я постарался бы его скорректировать.

Мне бы хотелось провести несколько дней в Москве, увидеть новые экспонаты в Музее, встретиться с теми из прежних знакомых, кого застану. Питер должен бы уже сейчас вернуться из экспедиции, но я не получал от него письма.

Не могли бы Вы сообщить свои планы на это время? Я тогда бы уже начал делать конкретные шаги. Прошу передать привет Вашей жене, и скажите ей, что я по-прежнему хотел бы воспользоваться сделанным ранее приглашением.

С наилучшими пожеланиями, Ваш друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1] 72

Москва
12 ноября 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Посылаю Вам ценной бандеролью кусок «Врат будущего» (фотокопию), «Братство» из Агни-иоги — её хозяин решил, что это первая и самая важная + <одно слово не разобрано. — *Ред.*> копию книги Рериха, опубликованную в Монголии (она кажется мне интересной, как, впрочем, и Агни-иога). Держите её сколько надобно, но не слишком, так как от возвращения будет зависеть получение следующих. Посылайте только ценной бандеролью — не менее 10—20 руб[лей]. Потеря этих вещей невосполнима, впрочем, нелепо Вам объяснять — извините, в настоящее время имел дело с молодёжью. Поздравляю Вас с праздником, желаем здоровья и всего светлого мы с Таисой Иосифовной.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 73

Москва
14 ноября 1969 г.

Многоуважаемая Зоя Ивановна!

Спасибо за поздравление и доброе, как всегда, письмо.... И мы с Таисией Иосифовной поздравляем Вас и мужа (извините, не знаем его имени-отчества) Вашего с праздником и пожелаем здоровья, благополучия и всего светлого.

Я более-менее здоров, работаю над новым романом, нет, повестью (юбилейной) из времён Александра Великого — написал около 2/3, кажется, получается, назовём «Рапсодия о Таис».

«Час Быка» печатается, но как-то медленно (юбилейный год), выйдет только в будущем году, иншалла. Очень удачные рисунки <одно слово не разобрано. — *Ред.*> молодых художников.

Напрасно Вас что-то смущает в Вашем прошлом письме. За книгу большое спасибо, это прекрасное издание, только я просто ненавижу все древние американские культуры — это, по-моему, сгусток зла, за что и стёрты с лица земли. Но изучать было надо.

Посылаю Вам своё фото, к сожалению, не самое последнее, как-то даже не снимался или если снимался, то для журналистских целей.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 74

Кузнецк
30 ноября 1969

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Если все книги, входящие в «Агни Йогу», такие, как «Братство», то трудно переоценить эту работу [Е. И.] Рерих.

---

[1] Открытка с фотографией пляжа на Рижском взморье.

Идея Братства мне знакома с молодых лет, очевидно, ещё по предыдущему воплощению, поэтому всё, что здесь изложено, я воспринимаю как нечто чрезвычайно ценное, давно знакомое, забытое и теперь вновь вспыхнувшее в сознании. Во всяком случае — это настольная книга, руководство неоценимое...

«Община» — страдает переводом, может быть, она была бы ещё лучше, хотя и из неё я выписал много ценных мыслей, многие вопросы она освещает весьма интересно и оригинально. В ней нет ничего, с чем бы я не был согласен.

«Братство» перепечатываю сам. «Община» помогла мне лучше понять Буддизм, к которому я давно имею склонность. В молодости мне посчастливилось перевести текст катехизиса буддизма, написанного полковником Олькоттом, да, тем самым... Но перевод затерялся, следовательно, так было нужно.

Помните, мы с Вами говорили о «руководстве». Я сказал, что всю жизнь чувствую направляющую руку, в частности в подборе книг. Вот и через Вас действует эта рука, и Вы Вестник. Спасибо Вам большое, сердечное.

По-моему, я как-то недооценивал действие мысли. Очевидно, сбивал с пути трафарет представления, что мысль не материальна. Вот теперь понял всю глубину её значения. Ну, «всю», конечно, относительно. Буду стараться вернуть Вам книги числу к 20.XII. Во всяком случае, приложу все усилия.

Какое большое счастье для всех нас, что существует Братство.

Сердечный привет и лучшие пожелания Т. И. —

Искренне Ваш *Г. Портнягин*

75 М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

1 декабря 1969 г.

P. O. Box 15033, Nairobi,
Republic of Kenya, East Africa

Professor I. A. Efremov,
Ulitza Gubkina 4, appt. 40,
Moscow V-333,
U. S. S. R.

Dear Professor Efremov,

I was delighted to hear from you and to hear some details of your exciting life. Such memories which you have are treasures which remain with you forever.

Armand, my husband, and I too have seen many magic glimpses of this beautiful world. The only sadness is that the beauties we have seen may have been destroyed by vandalistic man. There are so many threats to the environment which only the conservationists see, and it is hard to persuade other fellow men to take the steps which are necessary to save it. It is not only that we want to conserve our natural resources, but that we should preserve the wonderous beauty of the natural world. Without it man will be a sorry being, closer to the ant than to his huge intellectual potential if he gives himself a chance to evolve.

I am sending you a novel of mine (I had nothing to do with the choice of the book cover, which I abhor. It has nothing to do with the contents of the book, and in fact an irate reader wrote a rude anonymous letter accusing me of being indifferent to my readers. Also I never wear furs, only nylon ones) and two of my earliest books. I hope that I have not made too many mistakes about Russia. I have never been to your country but I am fascinated by its many marvels, which I have

only heard about at secondhand. It has come a long way since a period to which the book refers.

Armand and I hope that we may one day be able to see for ourselves the many wonders of your land. At the moment we have many commitments in Africa, chief of which is to try and induce the Africans to preserve the river banks. I forget whether I told you that I am the Vice President of "The Men of the Trees" Society. We are a small Society which was founded by Chief Josiah Njonjo and Richard St. Barbe Baker. In spite of our size we seem to be achieving some success with convincing some of the important here that something must be done to stop the destruction of waterways. Kenya has many waterless rivers which could have been saved if the tree and other vegetational cover has not been removed.

I do hope that you will one day come to Africa. Nairobi is no longer "tin roof" city. We now have some very beautiful buildings and streets which have been planted with trees and shrubs. There are still some old buildings in the city which remind us of the past.

If ever you could come to Kenya we would be greatly honored if you could come to see us.

I do hope you will continue with your plans for "Ladies in Wilderness".

I am greatly honoured that you should ask for my photograph and I am sending you two. The one with the leopard was taken many years ago, and the other was taken recently.

All best wishes and kind regards,
Michaela Denis

П. Я. 15033, Найроби,
Республика Кения, Восточная Африка

Профессору И. А. Ефремову
Улица Губкина, 4, кв. 40
Москва, СССР

Дорогой профессор Ефремов!

Я была рада получить весточку от вас и узнать некоторые детали вашей бурной жизни. Такие воспоминания, как у вас — сокровища, которые никогда не исчезнут из памяти.

Мы с моим мужем Арманом повидали много волшебных мест на земле, вот жаль только, что эти места могут быть разрушены вандалами. Многое угрожает окружающей среде, что заметно пока только защитникам природных ресурсов, и очень трудно убедить других сделать шаг к её спасению. И мы не просто хотим сохранить наши природные ресурсы, мы хотим сохранить удивительную красоту природного мира.

Я посылаю вам свой роман (однако не имею никакого отношения к выбору обложки, которая мне просто отвратительна. К содержанию книги она вообще не относится, один сердитый читатель написал мне даже грубое письмо, в котором обвинил меня в безразличии к своим читателям.) и ещё пару самых первых книжек[1]. Надеюсь, я там не наделала слишком много ошибок в отно-

[1] Перу Микаэлы Денис принадлежит несколько книг. Очевидно, ранние книги, упомянутые в письме — это «Леопард у меня на коленях» (Leopard in My Lap, 1957) и «Верхом на носороге» (Ride a Rhino, 1959).

шении России. Я никогда не была в вашей стране, но очарована её различными чудесами, о которых я только слышала из чужих уст. К тому же многое изменилось со времени, описанного в книге.

Мы с Арманом надеемся, что однажды сможем своими глазами увидеть вашу прекрасную родину. В настоящее время у нас много проектов в Африке, главный из которых — побуждать африканцев сохранять речные берега. Я не помню, говорила ли вам, что являюсь вице-президентом общества «Люди деревьев». Мы — небольшое общество, организованное вождём Джозайей Нджонжо и Ричардом Св. Барбом Бейкером[1]. И хоть нас немного, мы, кажется, достигаем некоторых успехов и убеждаем часть влиятельных в здешних местах людей в необходимости предпринять какие-либо меры, чтобы остановить разрушение водных путей. В Кении множество пересохших рек, которые были бы спасены, если бы деревья и остальной растительный покров не были уничтожены.

Я очень надеюсь, что когда-нибудь вы сможете посетить Африку. Найроби больше не город «жестяных крыш». Сейчас у нас есть немало красивых зданий, а при проектировании улиц учитывалось насаждение деревьев и кустарников. В городе есть также и старинные здания, которые напоминают нам о прошлом.

Если когда-либо Вам случится быть в Кении, мы сочли бы за честь, если бы Вы навестили нас.

Я надеюсь, Вы не забросили Вашу идею насчёт «Женщин в дикой природе».

Мне очень приятно, что вы интересовались моими фотографиями, я отсылаю вам две. Первая, с леопардом, была сделана много лет назад, а вторая совсем недавно.

С наилучшими пожеланиями,
Микаэла Денис

Перевела Кристина Бородкина

76 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
8 декабря 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Очень доволен Вашими находками в книгах. Вы можете их задержать и подольше — ежели Вы не оставите меня и впредь своими милостями, то я рассчитываю на 3-й или 4-й экземпляр вашей перепечатки. А коли так, то я могу, не задерживая, переправить книги владельцу и попросить следующие две и т. д. — to be continued[2]. Следовательно, не спешите или, вернее, спешите медленно.

Материальность мысли — это вы совершенно правы, но метафизическое отношение к ней наших учёных и философов — вот главная беда. Именно по

[1] Men of the Trees — одна из первых экологических организаций, основанная в 1920 г. по инициативе англичанина Ричарда Св. Барб Бейкера, пришедшего к заключению, что пустыня Сахара возникла в результате вырубки лесов.

[2] И в дальнейшем (англ.).

этой причине они не могут объяснить даже себе самим ясновидение, телепатию и телекинез, именно потому так трудна очистка ноосферы. А если бы они сообразили бы это, то, поскольку к «многослойности» пространства-времени они уже подошли, всё бы стало на свои места.

Прилагаю маленькую схему «пророчеств»[1].

Здоровья Вам и всего светлого. Таиса Иосифовна кланяется и шлёт добрые пожелания.

Ваш *И. Ефремов*

П. С. Про «всякий случай» — владелец книг Павел Фёдорович Беликов, Эстония, Харьюзский район, Косе-Ууэмыйза — ему.

Но пока лучше через меня — видно, так он более спокоен за книги.

И. Е.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

77

9 декабря 1969 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Прошу заранее извинить, если это письмо не покажется Вам заслуживающим Вашего внимания. Моя специальность — древнетюркская эпиграфика и археология. Этим летом и осенью мне довелось работать в Монголии, более всего в Гоби. Из немногих книг, которые были со мной, я постоянно держал в кабине «Дорогу ветров». И не только потому, что это одна из моих любимых книг, а просто она была полезна, особенно в Южной Гоби. Проводника у меня не было, спутники — городские монголы, а 500 000-я карта там немногого стоит. Вот тут-то, между Баянлэгом (Баянхонгорский аймак) и Сэврэй-сомоном, я и оценил в полной мере те весьма прозаические маршрутные заметки и дорожные советы, которые я нашёл в Вашей книге. А идти в Сэврэй меня заставил один абзац в ней: как сообщил Вам учитель в Нояне, «в 15 км к ЮВ от Сэврэй-сомона на плоской равнине стоят два огромных обтесанных белых камня [с] какими-то надписями, похожими на европейские буквы. Вероятно, — заключаете Вы, — это были рунические надписи древних тюркских народов» (Изд[ание] второе, 1962, стр. 229).

В 6 км на ЮВ от Сэврэй-сомона, на равнине, я обнаружил «белый камень». Один камень, но с двумя надписями — древнетюркской рунической и согдийской. Размеры этой прямоугольной в сечении стелы — 0,7 × 0,5 × 0,7, материал — крупнозернистый трещиноватый мрамор (?). Обе надписи врезаны в единственную зашлифованную грань стелы, верхняя и нижняя часть которой сколоты. Надписи выщерблены — как я узнал, стоявшие здесь в 30-е гг. цырики[2] превратили камень в мишень и весьма метко попадали в буквы... Остались лишь обрывки слов и имен; полностью сохранилось только имя «Кутлуг» («Счастливый»). Впрочем, с согдийской надписью ещё предстоит повозиться, быть может, она что-либо даст. Судя по палеографии рунической

[1] К письму приложена схема Н. К. Рериха, составленная в 1936 г. на период 1873—2027 гг. с точками подъёмов и упадков; коррелируется с циклами Чижевского и календарём Калачакры.

[2] *Цырик* — монгольский солдат.

надписи, стела датируется концом 8 — первой половиной 9-го вв., т. е. эпохой уйгурской династии.

Белый камень в широкой межгорной долине производит странное, чтобы не сказать загадочное, впечатление. Такого рода стелы — редкая принадлежность значительных погребальных сооружений («царских погребений»). Здесь же поблизости нет и следов погребения. Столь далеко на юг от каганских ставок стелы с руническими надписями и не искали. Правда, я обнаружил в Гобийском Алтае целую группу рунических надписей, но на скалах и куда более скромных — их оставили походя. А тут нечто «грандиозное» по тем временам. Объяснения пока у меня нет, есть только более или менее правдоподобные (а может, неправдоподобные?) гипотезы. Я тщательно обследовал также треугольник Сэврэй — Ноян — Баян-Далай. Обнаружил несколько комплексов наскальных изображений, в том числе и упомянутые Вами петроглифы близ Ноян-сомона.

Ваш адрес дал мне Владимир Иванович Дмитревский. Он также посоветовал мне написать небольшую заметку об этой находке, именно в связи с обстоятельствами открытия, для нового ленинградского журнала «Аврора». Однако я в нерешительности по двум причинам: не будет ли нескромностью с моей стороны упоминание Вашего имени отнюдь не в научном издании (тут у меня сомнений нет)? Ведь тем самым я изображаю некую квазипричастность к «великим мира сего». И другое — имею ли я вообще право выступать в литературном журнале, не обладая литературными способностями? Не считайте, пожалуйста, что я прошу Вас обязательно ответить на эти не очень умные вопросы — во всяком случае, сам бы я если и не назвал бы их автора дураком, то подумал бы это. Но Владимир Иванович настоял, чтобы я изложил его идею Вам, а вместе с ней, естественно, свои сомнения.

Кляшторный Сергей Григорьевич

78 Дж. САТТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

13 декабря 1969 г.

Hatfield, Sandy Drive,
Cobham, Surrey, England

Dear Professor Efremov,

I have been waiting to write and thank you for your kind letter written after hearing of my mother's death. It is now six months since she died, but I still find myself making mental lists of things to tell her. It takes so long to break the habits of forty years!

When you wrote to me, you said that you would not ask me to find English books for you. But there is one which I would like to send you, if you have not already read it. This is "The Lord of the Rings" by J. R. R. Tolkien. The author has been an authority on the language and traditions of the Anglo-Saxons who came to Britain more than ten centuries ago. The book, however, is not a history but a heroic tale which grew out of stories originally told to children. For me, it invents a new world and I believe that you might enjoy it. Please, tell me whether you know it, and if not, will send you a copy.

My father has now left the flat where he lived with my mother and is living in a private home for old people in Sussex — close to the English Channel and about fifty kilometers from our house. This home is in a large house, very solid and comfortable, which stands in a big garden surrounded by trees and looking out towards the hills made by the chalk. It is a great relief to us to find that he is very happy there — he likes the garden and spent most of his time in it while weather was good. Everybody at the home likes him and does their best to keep him from feeling lonely. I visit him once every week or so and my sister Mary goes when she can.

Professor A. S. Romer and his wife have been in London — he gave a delightful lecture about his fossil-collecting in South America and we were able to meet Mrs Romer, whom we did not previously know.

Are you busy with your own writing still?

Yours sincerely,
Janet Sutton

Хэтфилд, Сэнди драйв,
Кобэм, Суррей, Англия

Дорогой профессор Ефремов!

Я ждала, чтобы написать Вам и поблагодарить за тёплое письмо, которое Вы прислали, узнав о смерти моей матери. Прошло уже полгода с тех пор, как она умерла, но я до сих пор в уме составляю список вещей, о которых ей нужно рассказать: трудно сразу избавиться от сорокалетних привычек.

В своем письме Вы сказали, что не будете просить меня искать для Вас английские книги. Но я всё же хочу прислать Вам кое-что, если Вы, конечно, ещё не читали эту вещь. Это «Властелин колец» Джона Роналда Руэла Толкина. Этот писатель был видным специалистом по языку и традициям англосаксов, поселившихся в Британии более десяти веков назад. Но книга не историческая. Это героическое сказание, родившееся из историй для детей. Мне кажется, что в ней создан новый мир, и она должна Вам понравиться. Пожалуйста, сообщите мне, читали ли Вы её. Если нет — я пришлю Вам экземпляр.

Мой отец больше не живет в прежней с мамой квартире. Он теперь поселился в частном доме престарелых в Сассексе — это недалеко от Ла-Манша и всего в полусотне километров от нас. Это большой особняк, очень основательный и комфортабельный, окруженный садом и выходящий окнами на меловые горы. У нас камень с души свалился теперь, когда он так счастлив здесь: ему очень нравится сад, и большую часть времени он проводит в нём, если погода хорошая. Все там относятся к нему хорошо и очень стараются, чтобы он не чувствовал себя одиноким. Я навещаю его почти каждую неделю, и моя сестра Мэри тоже ездит, когда получается.

Профессор Ромер с женой приезжали в Лондон: профессор читал потрясающую лекцию о своих раскопках в Южной Америке, а нам посчастливилось познакомиться с госпожой Ромер.

Вы продолжаете писать книги?

Искренне Ваша
Джанет Саттон

Перевела Виктория Картунова

79 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Бетесда, Мэриленд
16 декабря 1969 г.

Dear Professor Efremov:

Thank you for your last two letters. I also received the Churlionis' album and the well illustrated parks of Pushkin. Churlionis doesn't seem that "weird", since so many "sane" things today are even weirder. One of his prints (No.28), the allegory of stars, hangs in my office. I am very grateful to you for both of them.

Besides the picture of the Earth, you also should have received the Powell's commemorative post stamp (2), and the special issue of Life magazine devoted to the Apollo XI Moon landing. The two paperback books by Anthony and Farmer were ordered for you last August but did not arrive yet. The library placed a tracer on them and will report to me later. Under separate cover I am mailing you a 1970 geological calendar, four plastic geological Time-scales you asked for (got them at 1969 Geol. Soc. Of America Convention), a booklet on the Moon, and other trivia.

I apologize for the frequent address changes. To avoid any future complications you may write to my home address:

4516 No. Chelsea Lane
Bethesda, Maryland, 20014.

With best New Year wishes, yours,
George Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю за последние два письма. Я также получил альбом Чюрлёниса и парков Пушкина. Чюрлёнис не показался мне «странным», так как сегодня многие «нормальные» вещи кажутся ещё более странными. Одна из его репродукций, № 28 — «Соната звёзд. Аллегро» — висит в моём кабинете. Я очень благодарен Вам за присланное.

Помимо изображения Земли, Вы должны были получить юбилейную почтовую марку Пауэлла (2 штуки), и специальный выпуск журнала «Лайф», посвященный посадке на Луну Аполлона-XI. Две книги в мягкой обложке Энтони и Фармера были заказаны для Вас в прошлом августе, но ещё не поступили. Библиотека разместила запрос о выдаче этих книг и должна известить. Отдельно я послал Вам геологический календарь 1970 года, четыре пластиковых шкалы геологического времени, которые Вы просили (получил их на конференции Американского Геологического общества в 1969 году), буклет о Луне и другие мелочи.

Приношу извинения за частую смену адресов. Чтобы избежать проблем в будущем, можете писать мне на домашний адрес:

Челси Лейн, дом 4516
Бетесда, Мэриленд, 20014.

С наилучшими пожеланиями в Новый год, Ваш
Джордж Рабчевский

Перевела Анна Селкина

И. А. ЕФРЕМОВ — С. Г. КЛЯШТОРНОМУ 80

Москва
16 декабря 1969 г.

Многоуважаемый Сергей Григорьевич!

С большим удовольствием прочитал Ваше интересное письмо. Всегда приятно узнать, что заметки, сделанные уже довольно много времени тому назад, помогли новому исследователю и тем самым как бы исполнили невыполненное самим мною.

А то всегда после посещения малоизвестной страны остается чувство, очень хорошо выраженное М. Волошиным в «Корона Аустралис»: «Долг не свершён, не сдержаны обеты, / Не пройден путь, и жребий нас обрёк / Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...» Всячески советую написать Вам популярно о Ваших находках, тем более что при содействии Владимира Ивановича они опубликуют куда скорее, чем это появится в научной печати.

Что до литературных способностей, то, судя по письму, Вы владеете языком куда лучше иных писателей. Да и я сам то ведь не писатель, а описатель, но имею же смелость (или наглость) писать, и немало.... а тоже начинал с популярных небольших очерков.

Что до упоминания моего имени, то кроме удовольствия это мне ничего не доставит. К сожалению, бывают упоминания куда как худшие и без всякого на то спроса — с теперешним падением нравов в науке тенденция сия всё усиливается. Буду очень рад, ежели окажете любезность как-то сообщить о дальнейшем изучении Ваших находок.

С искренним уважением,
И. Ефремов

Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — П. С. ВОРОНОВУ 81

Москва
25 декабря 1969 г.[1]

Дорогой Павел Стефанович!

Поздравляем Вас с Новым 1970 Годом и с новой декадой XX века и желаем здоровья, успешных трудов и открытий и всяческого благополучия Вам и Вашим милым.

Т. И. и И. А. Ефремовы

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 82

Кузнецк
26 декабря 1969 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Вам по праву принадлежит не третья или четвёртая копия, а первая перепечатка замечательной книги — «Братство». Поэтому одновременно посылаю её Вам.

---

[1] Датируется по штемпелю на открытке.

С большим интересом ознакомился также со шкалой предсказаний, но многое в ней не понял: почему нужно прибавлять 3,5 года? Что значит «битва Мара»? Кто такие Змий и демон Леора? Почему на упадок идёт 6 лет, а на возвышение — пять? Подробнее, пожалуйста, о Майтрейе. Вообще, хорошо бы прочесть что-то поподробнее относительно подобного «календаря».

Посылаю присланные Вами книги все, надеюсь, что последуют другие... Дневник Рериха мне что-то не пришёлся по вкусу. Я ждал большего, сам не знаю чего.

Вновь возвращаюсь к материальности мысли. На этом плотном уровне, что живём мы, материя, очевидно, тесно связана с пространством и временем. А на уровне материи-мысли? С одной стороны — пространство рекомендуется наполнять полезными, добрыми мыслями, и они распространяются практически мгновенно, с другой, если мысли материальны, потребуется некоторое время, чтобы они могли достичь дальних Миров. Значит, они распространяются не мгновенно? А если не мгновенно, то необходима большая энергия для их распространения?

Допуская материальность мысли, можно легко понять такие явления, как предвидение будущего: там, в ментальном мире, событие уже совершилось, у нас — ещё нет. Тот, кто умеет «бывать» в том Мире, может заранее прочесть, что должно случиться у нас. Так? Битвы в ментальном Мире сильней наших и потрясают наш Мир тоже сильней, чем все наши так называемые «мировые события»?

В «Бхагаватгите» Шри-Бхагаван сказал:

«Я Время, продвигаясь, миры разрушаю, для их погибели здесь возрастая;

И без тебя погибнут все воины, стоящие друг против друга в обеих ратях».

Недавно прочёл очередную лекцию, посвящённую Буддизму. Мои слушатели-врачи заявили, что Буддизм для них вполне приемлем как очень разумная вещь. Просили рассказать больше о Иоге. Решил дать им почитать «Личную гигиену Иогина». Думаю, пойдёт на пользу. От чтений же лекций по Иоге уклонился; во-первых, потому, что не чувствую полной компетентности в этом вопросе, во-вторых, потому, что не имею соответствующих знаний в практике её. Нельзя людям давать плагиат вместо чистого знания.

Итак, да здравствует год Белой Собаки!

Моё сердечное уважение Вам — Т. И. и И. А.!

Ваш Г. Портнягин

83 Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1]

Москва
28 декабря 1969 г.

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Поздравляем Вас с Новым 1970 годом (белой собаки железного цикла 16-го круга) и началом новой декады XX века, желаем здоровья и всего светлого.

Ваши *Т. И. и И. А. Ефремовы*

[1] Новогодняя открытка.

Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — Б. и Л. УСТИМЕНКО[1] 84

Москва
28 декабря 1969 г.

Долг не свершён, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрёк
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...
(М. Волошин, «Corona Australis»)

Дорогие Борис и Лариса! Поздравляем Вас с Новым 1970 годом и началом новой декады XX века, желаем здоровья, всяческого благополучия и всего светлого.

Ваши
Т. И. и И. А. Ефремовы

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. А. и В. И. ДМИТРЕВСКИМ 85

Декабрь 1969 г.

Дорогие Наталия Алексеевна и Владимир Иванович!

От души поздравляем вас с Новым 1970 Годом (и началом новой декады XX века) и желаем вам обоим и всему семейству здоровья, успехов в благополучьи и всего светлого.

Обнимаем и целуем,
Ваши *Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ*

P. S. По индийским предсказаниям 1970, 71 и 72 — плохие годы, особенно 72, после него начнётся постепенный подъём с пиком благополучия в 1977 г.

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 86

1969 г.[2]

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам очередной «материал» на себя. Вышла первая часть «Часа Быка» в «Молодой гвардии» № 1 — вполне прилично, только рисунки могли бы быть лучше. К счастью, их всего 2.

Я снова приболел — небольшой приступ моей астмы, и уложен в постель на несколько дней.

Сегодня приезжает Аллан.

Сердечный привет всему семейству. Тася Вас целует, а я — обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Новогодняя открытка.
[2] Датируется по содержанию открытки.

87 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ХОДЖЕРУ

1969 г.[1]

Многоуважаемый Григорий Гибивич!

Душевное спасибо за столь быстрый и дружеский отклик на мою просьбу. Ещё больше меня тронуло Ваше письмо — благодарю Вас за него.

У меня та же беда, что и у Вас — все книги мои растаскиваются очень быстро, куда скорее, чем идут переиздания. Поэтому пока послал Вам всё, что мог найти в «запасниках», за исключением железно бронированных собственных экземпляров (также, как и у Вас, надписанных жене, сыну и... себе самому).

Как только выйдут новые книги (переиздание рассказов в подписной библиотеке «Детгиз», а, роман «Час Быка» в «Молодой гвардии»), что обещают в начале будущего года — немедля пошлю их Вам.

Книги Ваши я ещё не успел прочитать, но просмотрел, — они очень интересны, и, по-моему, чрезвычайно важны для настоящего и будущего особенно, отображая мир, ныне уже ушедший, и природу (также уже сильно поврежденную в настоящее время), которую до удивления мало мы знаем. Буду читать обстоятельно и с наслаждением, также ещё и как «бывший нанаец».

Котловина Хорпи (так она записана в моих дневниках, но Вы пишете Харпи — наверно так правильнее) мне знакома. В 1931 году я поднимался вверх по р. Хорпи на оморочках (мои горинско-эворонские улимагды были слишком тяжелы), но река оказалась страшно извилистой, а местность кругом не слишком интересной для геолога — сплошная ровная болотистая котловина. Поэтому я, пройдя километров двадцать за урочище Гиляхальжиктани, спустился назад на Горин а затем зашёл с севера, с Эвура на его приток Хорпичекан, а оттуда в вершину р. Хорпи, где нашлись интересные геологические штуки. Таким образом, местность эта мне в какой-то степени известна. Не знаю, где точно стоит сейчас Солнечное, но думаю, что в самой котловине Хорпи мало что изменилось с 1931 года.

Лучший мой проводник был Вашим тёзкой из рода Самар — Григорий. Ему я многим обязан, даже собственной шкурой, так как нас преследовали беды с Лимурийского маршрута[2], из которого с ним вдвоём мы выходили пешком по Боктору, в октябре, без крошки еды, семь суток....

Когда-нибудь, если позволит оставшееся время и плохое здоровье, я напишу об этом, а если и не удастся, то Григорий Самар навсегда останется дорогим мне, жаль, что не моим читателем.

Надо будет поискать в старых фото (их, к сожалению, слишком много за сорок лет путешествий!), и тогда я пересниму и пошлю их Вам, надеюсь, что Вы простите мне их плохое качество — тогда условия и техника фотографирования, в особенности в тайге, были существенно иными.

А продолжение Вашего романа я уже буду караулить здесь у нас, в Москве, поскольку он выходит в «Сов[етской] России».

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

---

[1] Датируется по содержанию.
[2] Маршрут по р. Лимури.

1970

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1] 1

Москва
5 января 1970 г.[2]

Дорогой (позвольте Вас так называть) Георгий Константинович!

Большущее Вам спасибо за отменный подарок. Рукопись прибыла сегодня, ещё в Новогодье. Я решил погадать и открыл на первом попавшемся месте. Это был § 142, как нельзя более в точку, и я решил, что через Вас мудрецы Братства послали мне совет.[3] Поглядите сами!

Какую следующую книгу просить, когда Вы вернёте эти? Или положиться на владельца — он, кажется, знает толк в этом?

Сердечный привет Вам от Т. И. и меня. Будьте здоровы.

Ваш *И. Ефремов*

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2

6 января 1970 г.

Allied Research Associates, Inc
Lanham, Maryland

Dear Professor Efremov:

Thank you for your New Years greeting. There was so much disturbance in the world this past year that only improvement in human relations, etc. can be expected in the 1970's.

I received Rukhin's work on lithology. A very impressive and an extensive analysis of the earth's crust. I will need time to go through the book more thoroughly

---

[1] Открытка с иллюстрацией палехских художников А. Ковалёва и Г. Буреева к сказу П. Бажова «Каменный цветок».

[2] Датируется по штемпелю на конверте.

[3] Речь идёт о первой перепечатке книги «Братство» — см. Письмо Г. К. Портнягина И. А. Ефремову от 29 декабря 1969 года. Параграф 142 звучит следующим образом: «Не уводите шатающихся людей на дальние планеты. От невежества они споткнутся. Пусть сперва укрепят сознание на примере земном. Пусть поймут о сотрудничестве, о доверии, о дисциплине. Можно дать полезное задание народу об улучшении жизни. Не будем пресекать народные задания, чтобы не привести его к новому смущению. Нужно принимать в соображение не исключения, но множества, и потому дадим сперва самое неотложное. Без основ какое же Братство?» В приведённой цитате прослеживается параллель с бегством с Земли предков тормансиан.

since, strange as it is, I now spend more time away from the earth looking down on it. Much of my time is invested in adjusting to such a different approach to geology, which, of course, requires handling a new set of literature. Here we are sending men to land on the moon, while we are going away into space to look down on the earth. What a fantastic age we live in! Many of your predictions and ideas expressed in your science fiction novels are now almost a reality. For you it is probably easier to get used to all this progress than a "foot geologist".

The summary I wrote on your ideas on taphonomy may finally be published in the George Washington University's interscience magazine "Matrix". The tentative date for its publication is in the early Fall. I will keep you posted on its progress.

ARA initiated talks with the George Washington University to start a training program in the applications of satellite remote sensing. I am particularly interested in this, since I believe new information on our globe should not be reserved to only a few individuals, and besides, I very much enjoy teaching and being involved with young people. As a starter, this month ARA is presenting a talk on remote sensing to the students of the George Washington University Geology Department.

The paper books I have ordered for you still have not yet arrived. Please be patient.

With sincerest best wishes for the New Year, Respectfully yours,
George Rabchevsky

Ланхем, Мэриленд
Allied Research Associates, Inc[1]

Дорогой профессор Ефремов!

Спасибо за поздравления с Новым Годом. В прошедшем году в мире было так неспокойно, что в 1970-м можно ожидать лишь улучшения человеческих взаимоотношений.

Получил книгу Рухина по литологии[2]. Весьма впечатляющий своей обширностью анализ земной коры. Мне потребуется время, чтобы внимательнее прочесть эту книгу, поскольку теперь, как ни странно, я провожу больше времени вдали от земли, глядя на неё сверху. Теперь я в основном осваиваю этот совершенно отличный от прежнего, к которому я привык, подход к геологии, что, конечно же, влечёт за собой необходимость освоения новой области литературы. Вот мы уже посылаем людей на Луну, а для того, чтобы посмотреть на землю, выходим в космос. В какое фантастическое время мы живём! Многие из Ваших предвидений и идей, высказанных в Ваших научно-фантастических романах, практически воплотились в жизнь. Вероятно, Вам проще привыкнуть ко всем этим изменениям, чем простому «пешему геологу».

Краткое изложение Ваших мыслей о тафономии, которое я составил, может наконец увидеть свет на страницах междисциплинарного журнала Университе-

---

[1] Североамериканская научно-исследовательская и конструкторская компания, занимающаяся поиском инновационных решений общенационального значения. Основана в 1966 году.

[2] Вероятно, имеется в виду: Рухин Л. Б. Основы литологии. Учение об осадочных породах. Издание третье, переработанное и дополненное. Под редакцией доктора геолого-минералогических наук Е. В. Рухиной. — Издательство «Недра». Ленинградское отделение. Ленинград, 1969.

та Джорджа Вашингтона «Мейтрикс». Публикация намечена предварительно в осеннем выпуске, на начало семестра. Я буду держать Вас в курсе продвижения.

Наша компания «Эй-Ар-Эй» начала переговоры с Университетом Джорджа Вашингтона с целью включения в учебный план программы подготовки по практическому использованию данных спутникового дистанционного зондирования. Мне это особенно интересно, потому что я считаю, что новая информация о нашем земном шаре должна быть доступна не только отдельным людям, кроме того мне нравится преподавание и общение с молодёжью. Для начала в этом месяце «Эй-Ар-Эй» подготовила ознакомительную лекцию по дистанционному зондированию для студентов геологического факультета Университета Джорджа Вашингтона.

Книги в бумажных обложках, заказанные для Вас, так пока и не поступили. Прошу потерпеть ещё.

С самыми искренними наилучшими пожеланиями на Новый Год,
с почтением,
Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

3

Кузнецк
8 января 1970 г.

Большую радость Вы подарили мне своим обращением, глубокоуважаемый и дорогой Иван Антонович!

Я выслал Вам одновременно посылкой ценной книги, вероятно, Вы уже их получили. Не стоит обращаться с конкретной просьбой к хозяину. Он ведь только передатчик (или вестник). Книги придут те, что нужно... Так думаю. Догадываюсь, о чём Вы загадывали — о теме новой своей книги? Если так, то совет действительно в «точку». Полагаю, что книги типа «Лезвие бритвы» самые нужные, хотя чрезвычайно ценны и такие, как «Час Быка». Но «Лезвие бритвы» доступнее для широких масс...

Развейте дальше мысли «Лезвия». Там у Вас оборвался диалог Гирина с «мудрецами». Мысли «Братства» хороши для развития этой темы.

Картина «моста» — символична, но её нужно развернуть, показать всем. И пусть Гирин станет Витарканандой, а последний — Гириным.

Синтез — это главное сейчас, люди слишком погрязли в анализе, разобщении.

Большой путь и у Симы — путь от хатха-иогини к карма, а раскрыть смысл Агни-иоги современными средствами мышления и действия???!!! Извините, что вмешиваюсь не в своё дело. Это просто моя мечта. Ведь Ваши книги я читаю по 5—6 раз... И герои этих книг для меня не просто литературные типы, а живые люди, с которыми я могу беседовать, которые так или иначе вклиниваются в мою жизнь.

А Дайярам? Где он, что делает? После прекрасной «Звезды Индии» творческий путь его не мог закончиться. Очевидно, он ближе стал Витаркананде и его Братьям. Из горя должна родиться радость нового творчества. Внутренне художник силён, его не сломит горе.

А где «милая шпионка»? Не забыл же её геолог, не мог забыть, жизнь их слишком близко соприкоснулась. И они оба прекрасны как люди. А итальянец? Нет, Иван Антонович, перед Вами начатое прекрасное литературно-философское полотно, нужно его продолжить, как-то завершить? А может, не заканчивать, но показать их дальнейший путь, так будет сильнее. Но путь указать... Пусть по этому Пути пойдут другие люди, это тоже очень хорошо.

Вот так. Пусть всегда с Вами, Т. И. и А. И., будет Благо!

Сердечно Ваш *Г. Портнягин*

4 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1]

Январь 1970 г.[2]

Многоуважаемый Георгий Константинович!

Тут есть желающие читать книгу Rawcliffe'a[3]. Пошлите её мне, но если будет оказия, то с месяц можно и подождать. Другие книги, присланные Вами, уехали к их владельцу.

С искренним уважением и приветом от Т. И. и меня,
Ваш *И. Ефремов*

5 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК

Москва
10 января 1970 г.

Многоуважаемая Галя!

Я не ответил на Ваше прежнее письмо сразу, так как болел. Большое спасибо за поздравление Вам и Вашим родным. Не откажите принять в свою очередь наши с Т. И. поздравления с Новым 1970 годом (и с новой декадой века) и пожелания здоровья, удачи и всяческого благополучия Вам, Аделии Адольфовне и Вашему папе.

Насчёт Вашего проэкта фресок в школе — это дело очень интересное. Однако следует, мне кажется, выполнять его с осторожностью, учитывая возможность непонимания властей предержащих в Вашем Наробразе (или как там это называется) и вообще в городе. Поэтому я бы не советовал изображать какую-либо последовательность исторических событий — от Вас потребуют одну и очень узкую последовательность, надо опасаться. Разумеется, Вам виднее, но может быть, стоило бы вместо этого изобразить доисторические события, то есть последовательность становления человека от австралопитеков (с боковыми ветвями гигантских форм, вроде мегантропов и гигантопитеков), синатропов и питекантропов, через неандертальцев до кроманьонцев — современного человека. Всё

---

[1] Открытка с иллюстрацией А. Ковалёва и Г. Буреева к сказу П. Бажова «Каменный цветок».

[2] Датируется по содержанию и расположению в оригинальной папке Г. К. Портнягина.

[3] Описка И. А. Ефремова, который, вероятно, имел в виду Дж. Н. Рэдклиффа (Radcliffe), автора книги «Демоны, духи и эльфы. Включая оценку происхождения и природы веры в сверхъестественное».

это документировано наукой (и советской в том числе) достаточно точно, изображения лиц можно взять у М. М. Герасимова (реконструкция лица по черепу). На каждом этапе можно дать задний план — то звериное окружение, которое характерно для каждой эпохи (мамонтов, мастодонтов, саблезубов, оленей, туров, зубров и т. п.). Зверей Вы написать сумеете — вспомнить хотя бы великолепный рисунок моего «гишу», сделанный Вами ещё в школьные годы.

Насчёт рисунков к «Часу Быка». Мне они не кажутся удачными — может быть, из-за техники исполнения: «цветные и не очень «графичные», может быть, отчасти, из-за получающейся в этой технике невыразительности лиц. Вероятно, Вам было бы хорошо осваивать чёрную графику, потому что наша техника репродукции в книжной полиграфии ухудшается из года в год, равно как и качество бумаги. Издательство «Молодая гвардия» для моего «Часа Быка» совсем отказалось от цветных вклеек и все рисунки делает чёрно-белыми, увеличив их количество. Что ж делать, конечно, это падение качества книги несколько неожиданно, но с ним нельзя не считаться.

На этот раз мне повезло с художниками — попалась отличная молодая пара, которая «вложила в рисунки душу» и ещё не исхалтурилась. Рисунки будут очень хороши, и, когда Вы получите от меня книгу, это увидите. Чтобы Вы получили представление о них, посылаю Вам в отдельном конверте другую книгу, иллюстрированную этими же художниками. В ней они более «модерничны» и заумны, чем в моей книге, где им этого не позволено (или если позволено, то в минимальной степени), но о технике их Вы получите представление.

Желаю Вам всяческого успеха в Новом году, равно как и во все будущие.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 6

Москва
15 января 1970 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Простите великодушно, что я не ответил Вам сразу, но был буквально завален новогодними добрыми пожеланиями, хотя бы на часть которых следовало ответить. Это приятное обыкновение диалектически оборачивается в бедствие!

Очень интересны Ваши аннотации на н/ф произведения, которые я уже отослал Майерсу. Он просит Вам передать, что очень и очень Вам благодарен и что, может быть, его книга принесёт пользу и Вам (а наверное принесёт — ведь он — дотошный и роется в таких великолепных собраниях, как библиотека Британского музея и т. д.) Вскоре он пришлёт на букву «Б», а пока сделал следующее добавление к букве «А»: Аноним. «История Александра Марвина», журнал «Вокруг Света», № 15, 1917 г. Что это такое?

Интересно, какие различные могут быть взгляды даже у людей, духовно стоящих близко друг к другу в общем восприятии мира. Я прочитал «Жар-Цвет» в берлинском издании 1922 г.[1] Он мне показался плохим и литератур-

[1] Имеется в виду оккультный роман А. В. Амфитеатрова «Жар-цвет» (1895), переизданный в Берлине в 1922 году.

но, и также в отношении своей гробами пахнущей мистической основы, очень далеко отходящей от подлинно религиозных философических литературных вещей: однако вот Вы увидели в нём рассуждения о скрытых силах организма и, конечно, правы, особенно, если соотнести это с годом написания. Но всё равно — вещь — плохая!

Очень жду Вашей с В. Л. Каном библиографии — уж до того нужная штука! Посылаю Вам листок на Авсеенко — упомянутого в списке Майерса — в нашей Ленинской она[1] в музее книги, и её не дают в абонемент. Может быть, у Вас в Публичной найдётся, а то не могу сейчас итти читать в библиотеку.

«Час Быка» продвигается очень медленно — до сей поры нет вёрстки, только гранки. Но это беда пока общая — такой уж год, и жаль, что тут и подвернулся мой роман, коему не мешало бы выйти быстрее. Но без Финнегана не обойтись!

С искренним уважением и сердечнейшими приветами
от Таисы Иосифовны и меня, Ваш
И. Ефремов

7 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[2]

Москва
4 февраля 1970 г.

Дорогой Георгий Константинович!

(Извините за почерк — пишу лёжа, запряжён ненадолго в постель после приступа стенокардии).

Вам послана посылка с тремя книгами. Две из них — части А[гни-] И[оги]. Я не посмотрел, но почитал третью — письма Е. И. Рерих. Наряду с обычными высказываниями, иногда наивными, они содержат мудрость почти нечеловеческую, из чего ясно, что она в самом деле с кем-то мудрейшим соприкасалась. Поскольку наша почта озабочена, как бы причинить русскому человеку наибольшее неудобство, то она перестала принимать в бандеролях книги с высокой оценкой, и пришлось (как и Вам) посылать в посылке, создавая антураж, дабы избежать придирок. Отсюда копирка и бумага — надеюсь, что пригодятся. Книги можете держать подольше.

Душевный привет от нас обоих с Т. И.

Ваш *И. Ефремов*

8 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

8 февраля 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Получил «громадную» посылку. Удивился её тяжести и величине. Чтение начал с писем… Все мысли автора вокруг одного — Сотрудничество, Любовь, Преданность… Эти понятия столь ёмкостные, что их сразу трудно освоить.

---

[1] Какая именно книга В. Г. Авсеенко имеется в виду, неизвестно.

[2] Открытка с иллюстрацией палехских художников А. Ковалёва и Г. Буреева к сказу П. Бажова «Каменный цветок».

Интересное определение культуры, данное Н. К. и приведённое в письмах…

«Невежественный человек сначала должен стать цивилизованным, потом образованным, став образованным, он делается интеллигентным, затем следует утончённость и сознание синтеза, которое завершается принятием понятия «Культуры».

Мысленно прикладываю к себе, как ещё далеко мне до культурного состояния!!! Возникает другая мысль, а куда торопиться, если впереди Беспредельность??? Правда, неприятно, что «отстающих бьют»! Но ведь это всего лишь эмоции?!

Замечательны слова о роли женщин. Но увы! Очень часто женщины бывают довольны той ролью, которую им отвели мужчины, — быть предметом, а не человеком. Предметом «купли-продажи». В окрестностях Москвы существует интернат для девушек с «излишней чувствительностью», и он переполнен! А сколько их этих — «ночных бабочек» во всех городах, особенно больших? Теперь даже нашли научное слово, приложимое к этому явлению, — акселерация. И объяснение есть: влияние сытной пищи, бессистемного чтения литературы, телевидения, кино… в общем, все причины нам «известны», так почему же причины не изменяют?

Не проще ли сказать правду: алкоголь, распад семей, перенапряжённость нервной системы у всех, забота о «вещах», так как нет возвышенных целей, эгоизм во всех его видах и т. п. Всё это, конечно, переплетено в один клубок. И поверх всего этого неумение и часто нежелание мыслить. Отучены были всерьёз и надолго в кровавую эпоху…

Правильно, всё это преддверие перелома к лучшему… Письма, думаю, достаточно прочесть, не стоит их перепечатывать, как мыслите? Печатать начну с «Иерархии». Эта тема очень серьёзна и нужна, а затем «М[ир] О[гненный]». Так? Всем сердцем согласен, что всё дело в Учителе. Без Него не выбраться из противоречий.

Мои лучшие сердечные пожелания Т. И. Большое спасибо за заботу о книгах.

Ваш *Г. Портнягин*

П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 9

Оринда
9 февраля 1970 г.

Dear Prof. Efremov,

Once again I must ask your forgiveness for being so slow to write. You already know what a bad correspondent I am! The reasons have been the usual ones: a great deal of work, and much of what leisure time there is spent in seeing friends. I am also becoming increasingly active in various movements for protection and restoration of the natural environment — for instance, recently sending a circular to about 300 people I know, urging them to oppose construction of a canal that would destroy the ecology of the San Francisco area, it may have contributed a very small amount to the result that this project is now being reconsidered and is meeting opposition on the highest levels. In fact, while a hard fight lies ahead, I feel reasonably optimistic. People are becoming more and more aware of and concerned about these problems. More and more controls are being enacted

into law — for example, by the end of this year the government expects to have virtually stopped the use by anyone of DDT and similar "hard" pesticides.

Well, with that much explanation, I do want to thank you for the beautiful book about Leningrad, which has us wishing very much to see the place. (Of that, more later.) We hope you are in better health and that all is going well.

I sent a package of books to you about two months ago, before receiving your letter on the subject, and hope they arrived all right. Another package ought to be made up within the next few days. I have, in fact, quite a large box full of such books for you, to be sent by installments.

I'll try to include as many of your specific requests as possible, plus others that it seems you might enjoy. If there are any duplications of what you already have, no doubt you can give them to friends.

It now appears that we will definitely be in Europe this summer. We have reservations for a flight via Iceland to Luxembourg in mid-June — which turned out to be less expensive than any other. We plan to come home in early September, but that is not quite certain since there is a possibility that I, at least, will be invited to Japan to take part in a conference.

We would certainly like to visit the USSR, but frankly, I am not sure if we can afford it this time. What preliminary investigation I have made indicates that travel in your country is quite expensive. Perhaps we can manage it, though. Any suggestions you care to make will be very gratefully received. For example, what would be the best way to go between Leningrad and Moscow — airplane, train, bus, or what? — bearing in mind that time and cost must be balanced against each other? I will naturally be writing to Intourist's American agency, but sometimes private persons know things that officials do not! We certainly hope that we can find a way to visit you.

Besides visiting friends in Denmark, England, and southern France, the only fixed point in the itinerary so far is the science fiction convention in Heidelberg. You asked me for information about that. It will take place *21-24* August. The head of the committee is Mario Bosnyak, *6272* Niedernhausen, Feldbergstrasse *26-A,* West Germany. (As you might guess from the name, he is Yugoslavian.) Having talked to him at the St. Louis meeting, I know he would be delighted to have the USSR represented and would be glad to answer any questions anyone may wish to put to him. Why should your country not have at least one delegate? Among other things, by calling attention to the existence of Soviet science fiction, he might promote foreign sales of it and thereby earn foreign exchange. Perhaps you can call this to the attention of someone in the government. I suggest that any action taken be soon, since the registration is already unexpectedly large and latecomers may have some difficulty in finding hotel accommodations.

Now we have guests coming for dinner, so I must close with best wishes to all, in the hope that we may somehow meet this summer.

Cordially,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Снова вынужден просить прощения за задержку с ответом. Вам уже известно, насколько я ненадёжный корреспондент! Причины обычные: масса работы, а немногие часы досуга обычно уходят на встречи с друзьями. Последнее

время я принимаю всё более активное участие в движении по защите и восстановлению окружающей среды. К примеру, недавно рассылал по 300 адресам своих знакомых письмо с призывом воспрепятствовать строительству канала, который нарушит экологию всего района вокруг Сан-Франциско, что возымело определённый эффект, поскольку теперь проект пересматривается и встречает противодействие на самом высоком уровне. И хотя побороться ещё придётся, я довольно оптимистично смотрю в будущее. Всё больше людей осознаёт важность подобных проблем. И в законодательство вводится всё больше норм контроля: например, к концу текущего года правительство надеется полностью прекратить в стране применение ДДТ и иных «жёстких» пестицидов.

Но хватит объяснений, хочу поблагодарить за прекрасную книгу о Ленинграде, которая подогрела наше стремление увидеть город (об этом — чуть позже). Надеемся, вы в добром здравии и всё идёт у вас хорошо.

Около двух месяцев назад я выслал вам посылку с книгами, ещё прежде, чем получил письмо от вас, надеюсь — она прибыла в целости. Ещё одну я намереваюсь отправить через несколько дней. У меня уже набрался большой ящик книг для вас, и я буду отсылать их партиями.

Постараюсь включить побольше наименований по вашему заказу и дополню по своему вкусу. Если что-то из присланного у вас уже есть, дубликаты можете, конечно, раздать друзьям.

На данный момент ясно, что летом мы едем в Европу. Мы забронировали билеты на самолёт в Люксембург с посадкой в Исландии на середину июня — они оказались самыми доступными. Вернуться домой мы планируем в начале сентября, но это ещё неточно, потому что существует вероятность, что нас могут пригласить принять участие в конференции в Японии.

Вне всякого сомнения, нам бы очень хотелось побывать в СССР, но, честно говоря, не уверен, что мы сможем себе это позволить сейчас. По предварительно наведённым справкам выясняется, что поездка в вашу страну довольно дорога. Но, может, и получится. Поэтому с большой благодарностью приму любые советы. Например, чем лучше добираться из Ленинграда в Москву — на самолёте, поездом или автобусом? — с учётом соотношения факторов времени и цены? Я, конечно, напишу в американское агентство Интуриста, но зачастую люди знают лучше чиновников! Мы всячески надеемся, что нам удастся найти способ добраться до вас.

Помимо посещения друзей в Дании, Англии и южной Франции, единственным фиксированным пунктом программы выступает научно-фантастическая конвенция в Гейдельберге. Вы просили меня рассказать об этом подробнее. Она состоится 21—24 августа. Председатель оргкомитета Марио Босняк, его адрес *6272* Niedernhausen, Feldbergstrasse *26-A,* West Germany (как можно догадаться по имени, он из Югославии). После разговора с ним на встрече в Сент-Луисе я знаю, что он определённо был бы рад иметь представителя от СССР и с удовольствием ответит на любые вопросы. Отчего бы вашей стране не иметь хотя бы одного посланника? Помимо всего прочего, обращая внимание на существование советской научной фантастики, он мог бы продвинуть продажи книг ваших писателей за рубежом и заработать тем самым валюту. Возможно, вы бы могли привлечь к этому факту чьё-то внимание в правительстве. Однако любые действия предпринимать стоит без задержки, поскольку количество зарегистрировавшихся неожиданно велико, что может затруднить поселение тем, кто приедет поздно.

Скоро придут гости, которых мы пригласили на ужин, поэтому пора закругляться. Наилучшие пожелания всем вам, надеюсь, нам всё же удастся встретиться этим летом.

Сердечно,
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

10 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
10 февраля 1970 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

I have been preparing for an evening session of my seminar on EVOLUTIONARY CONCEPTS and tonight we are considering the matter of Russian approaches to Evolution and dialectical materialism in general. I was going over some of your letters on this matter and realized that I was long past the time that I wanted to write to you. So, if nothing else, my seminar has this result.

We are having a lot of fun with this "heretical" course. I have 14 students and about 8 more faculty and advanced students "sitting in". Next week we are taking up the views on evolution in France and Spain, where the theological aspects are so strong. Then we will deal with physics and evolution, molecular biology and evolution, and a very thorough treatment of all aspects of current theory, as far as ideas and philosophy are concerned. I don't know what else it will do, but it will be shaking some minds a little loose from the stereotype. In addition I am teaching beginning biology to majors in the field and enjoying it greatly. I might even learn some biology.

I have a few short papers in press, but mostly am waiting the edited copy of my book manuscript so that we can get that underway. It should be out some time during the year. One reason I have been meaning to write is that the schedule here has been somewhat changed and so I am going to have to change the time of my trip to your country. Not call it off, just change. I hope it will work out so that you will be available somewhere, for seeing you is one of the main reasons for the trip.

However all that may be, it is now by far the best that I take off in August and possibly early September. I want to go in the field this spring and I will be teaching beginning in late June. This will make a trip in between time just too close. If we plan on leaving in the first week in August, then there will be no problem in timing. Will you likely be anywhere reachable at that time, or will you be off on vacation somewhere? As soon as I hear on this I will go ahead and schedule the trip. I expect that Peter will be away, although he said that he was leaving very early for the field. Perhaps he will be coming back early. I hope so. I do want to see the new things at the Museum, but mainly this is to be a sightseeing trip and visiting trip for my wife and me.

Everything seems to be going along fairly well here. We are enjoying California and the weather is for the most part ideal. The last two days have been

rainy, which is welcome, but the flowers are blooming. The temperature two days ago was 85 F. Much cooler now, I find working here pleasant and think that it will be productive. There is much to be said for a new world, and this most certainly is one. Of course, nowadays money is short, but having lived through the 30's it doesn't seem so to me. I think that we are in for a slow period for a while, but as we old-timers know, whatever is going on today won't be going on tomorrow. I wish some of the impatient youngsters could know this. Their non-conforming conformity is amazing.

As you probably know, there is a close correlation between the length of ladies skirts and the enthusiasm with which the theory of continental drift is held. I saw reports on lengthening of skirts from Pairs the other day and told my wife that I was sure that "drift" would be somewhat downgraded soon. Just in time for there is a 50 page paper in the latest Journal of Geology saying "Whoa". I don't care so much about drift going out, but dropping the miniskirts will reduce the pleasures of "girls-watching" somewhat. There are so many very lovely young things around this campus, all probably hoping to be movie stars that concealment would be a shame.

I plan on going into the field in early April. I am going to open up the old San Angelo quarry, as I believe I told you and maybe find a nice therapsid there (although probably not). I will try to finish up a few things in Oklahoma and then in years to come see if I can get more of the higher materials — somewhere. Peter Vaughn and I gave a paper at a Christmas "Festschrift" for A. S. Romer. We tried to make a summary of the Permian in the US and as soon as this gets out I will send a copy. I don't know just when this will be, but sometime this year I presume.

Please let me know about your plans. We are looking forward to getting over and, if all goes well, we will make it. I hope that a good schedule can be worked out, but I know it must contain some days in Moscow. Please give my very best regards to your wife and say "hello" to Peter when you see him. I will be writing him one of these days, but I did get a short note of his not too long back. As you can see, coming west has not helped my typing a bit.

As ever, with my best regards, your persistent friend,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Вот я готовился к вечернему семинару по эволюционным теориям — как раз сегодня мы рассматриваем русские подходы к пониманию эволюции и диалектический материализм в целом. Просматривая Ваши письма, где затрагивалась эта тема, я вдруг осознал, что давно Вам не писал. Поэтому семинар принёс хотя бы эту практическую пользу.

Мы развлекаемся вовсю на нашем «еретическом» семинаре. У меня 14 студентов и ещё приходят слушать восемь сотрудников и аспирантов. На следующей неделе будем рассматривать взгляды на эволюцию во Франции и Испании, где весьма сильны теологические аспекты. Следующие темы: физика и эволюция, молекулярная биология и эволюция, после чего настанет очередь подробного знакомства со всеми сторонами современной теории с философской

точки зрения. По крайней мере, некоторых этот курс заставит отойти от стереотипных представлений. Плюс к тому я с большим удовольствием преподаю вводный курс биологии для специализирующихся в этой области студентов. Глядишь — и сам освою биологию.

Я подал несколько небольших статей в журналы, но в основном я ожидаю, когда мне вернут рукопись книги с пометками редактора, чтобы завершить работу над ней. Тогда она может быть напечатана до конца года. Одна из причин, почему я решил написать сегодня, это некоторая перемена в планах здесь, отчего придётся перенести и время поездки в Вашу страну. Не отменить, а сдвинуть. И очень надеюсь, что мы с Вами совпадём всё же, потому что одна из основных целей поездки — повидаться с Вами.

Теперь складывается так, что лучшим временем прилёта будет август или же начало сентября. Весной я хочу выбраться в поле, а в конце июня мне надо вести курс. Это оставит совсем немного времени на поездку. Но если выехать в начале августа, накладок быть не должно. Будете ли вы где-то в досягаемости или же собираетесь уехать на отдых? Как только Вы сообщите — я смогу уже точно распланировать поездку. По-видимому, Питер будет в отъезде, хотя он писал, что уезжает в экспедицию рано. Возможно, он и вернётся пораньше. Я на это надеюсь. Хотелось бы взглянуть и на новые поступления Музея, но поездка будет для нас с женой в основном туристическая.

У нас всё тут довольно хорошо. Мы наслаждаемся почти идеальной калифорнийской погодой. Последние пару дней выдались дождливыми, что тут не лишне, но цветы вовсю цветут. Два дня назад стояла жара 85 градусов по Фаренгейту. Теперь стало прохладнее. Работать здесь приятно и, надеюсь, будет плодотворно. Можно много рассказать об этом Новом для нас Свете. Конечно, с деньгами туговато, но мне, пережившему 1930-е, это нипочём. События на некоторое время замедлятся, однако как нам, «старожилам», известно, что происходит сегодня, завтра переменится. Хорошо бы некоторым нетерпеливым юнцам об этом помнить. Их единообразный нон-конформизм не перестаёт удивлять.

Как Вам, вероятно, известно, существует тесная корреляция между длиной женских юбок и энтузиазмом, с каким отстаивается теория дрейфа континентов. Позавчера я заметил сообщение из Парижа об удлинении юбок и сказал жене, что уверен в скором падении интереса к «дрейфу». И верно — в последнем «Джорнел ов джиолоджи» помещена 50-страничная статья, спускающая всё это дело на тормозах. Не то чтобы я сильно переживал за отмену дрейфа, но вот отмена мини-юбок несколько уменьшит удовольствие от «любования девицами». На кампусе так много юных существ, каждая из которых, скорее всего, жаждет стать кинозвездой, что камуфлирование лишит окружение изрядной доли очарования.

Я планирую отправиться в экспедицию в начале апреля. Собираюсь возобновить раскопки в старом карьере Сан-Анджело, как я, вроде, уже писал, и отыскать там какую-нибудь приличную терапсиду (хотя, может, и не удастся). Я постараюсь завершить кое-что в Оклахоме и затем в обозримом будущем где-то отыскать материал из более ранних слоёв. Мы с Питером Воном представили статью в рождественский «Festschrift»[1] в честь Альфреда Ромера.

---

[1] Festschrift — юбилейный сборник статей, посвящённый учёному.

Там мы попытались представить обзор пермского периода на всей территории Соединённых Штатов, и я вышлю экземпляр, как только сборник выйдет. Не знаю, когда точно, но должен выйти в этом году.

Сообщите мне о своих планах. Мы с большим нетерпением ждём предстоящей поездки, и если всё будет идти хорошо, то обязательно приедем. Надеюсь, удастся выработать хороший маршрут, который должен обязательно включать несколько дней пребывания в Москве. Передайте привет Вашей жене и Питеру, когда его увидите. Я скоро ему напишу, и недавно получил от него короткое письмо. Как видите, переезд на запад ничуть не улучшил моих навыков машинописи.

С наилучшими пожеланиями, Ваш всегдашний друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
12 февраля 1970 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Рад, что посылка достигла Вас в сохранности. Я тоже сначала прочёл письма и согласен с Вами, что их перепечатывать не стоит. Однако подумайте, может быть, сделать из них некие краткие выдержки в тех вещах, о которых или нет речи, или надо очень много рыться в больших книгах. В частности, мне кажутся важным её[1] рассуждения о примате Раджа-иоги над Хатхой и обоснование, её рассуждение о родственных связях и т. д. Пользуясь тем, что кто-то уже сделал пометки на полях, я прибавил осторожно карандашом свои (правда, не везде, часть осталась неотмеченным). Посмотрите по этим отметкам.

То, что в письмах указывается Н. К., — это сам Рерих.

Абсолютно согласен с вами в отношении суждения о причинах упадка женщин. Впрочем, для мужчин они те же самые... читайте «Час Быка», когда пришлю его Вам в книжном варианте... иншалла! Это неизбежная добавка у каждого суеверного мусульманина и означает «если соизволит Бог».

Посылаю Вам письмо в «фирменном» конверте. Дело в том, что в семье Таиса Иосифовна прозывается зеброй, а я — зубром. Поэтому такой конверт просто семейный. Я обратил внимание, что Вы шлёте тоже с зубром, и осмелюсь попросить Вас, ежели такие продаются у Вас в Кузнецке, купите мне прямо сотню или две. Нужную сумму немедля пошлю, прямо в письме, доходят. А может, у Вас есть и наши «фирменные»? Тогда купите этих. Прошу потому, что они исчезли из продажи и нету. Если нетрудно, буду очень благодарен.

Душевный привет от Таисы Иосифовны и меня. Будьте здоровы.

Ваш *И. Ефремов*

[1] Е. И. Рерих.

12 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
13 февраля 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Когда я писал Вам предыдущее письмо, мною была прочитана только первая группа писем — к корреспондентам из Америки. Сейчас я прочёл половину писем к европейцам. Какая существенная разница. Очевидно, культура европейцев выше американцев!

Большую радость получил, прочитав слова о Е. П. Блават[ской]. С её работой я был знаком 50 лет тому назад. Читал её книгу «В Голубых горах Нильгири», держал в руках (увы, только держал в руках!) — «Сикрит Доктрин»[1]. Ведь я был некоторое время ответственным секретарём Теософической Ложи. Сколько лет подряд я слышал всяческие заушения в её адрес и... теперь Е. И. говорит о ней как о мученице, как о Великом Духе — настоящей ученице Махатм! Живущей в новой своей жизни в Б. Б... так хорошо стало на сердце! Кое-что из писем придётся тоже перепечатать.

Теперь о Хатхе-иоге...(из 3 тома «Тайной д[октрины]»)... — «Истинно, то, что называется пранаямой или смертью дыхания, всегда кончается для упражняющегося в ней смертью — моральной всегда — и физической часто. Несколько нетерпеливых чела, которых мы лично знали в Индии, несмотря на наши предупреждения, устремились к этим упражнениям Хатхи-Иоги. Двое из них развили в себе чахотку, из которых один умер, другие стали почти идиотами, и ещё один кончил самоубийством, и другой развился в настоящего черного колдуна, но, по счастью для него самого, его губительная деятельность была прекращена его скорой смертью. Наши Учителя единодушно запрещают упражнения в пранаяме...»

Года два тому назад в своём письме ко мне Борис Леонидович писал, что Хатха-иога создана много позже, чем остальные иоги, и что она примерно существует только тысячу лет. И заинтересовался тем, что я с помощью упражнений в ней смог (так мне кажется) прекратить ряд заболеваний: кровотечение из прямой кишки (особыми асанами), геморрой, укрепил сердце (была дистрофия сердечной мышцы, по уверению врачей), что иога мне помогает бороться с окостеневанием скелета (известковые отложения спондилеза).

Некоторые стремятся к занятиям Хатха-иогой с определённой целью — развития у себя особых иогических сил — сиддхи. Такой цели никогда я перед собой не ставил и не ставлю, так как знаю, что не в них суть духовного роста. От чистого сердца говорю, что не нужны они мне. Все приходит в своё время, и я ничего для себя не прошу. Я не могу не доверять Ел[ене] Ив[ановне] Р[ерих]... Значит, бросать?!

Почему Е. И. отрицает атеизм? В то же время она говорит о развращающем влиянии современных церквей! Атеизм в моем понимании — это именно отрицание личных богов в любой их форме. Так и Махатмы отрицают их! Почему же плох атеизм? Ведь можно быть атеистом и работать на благо человечества, что многие атеисты и делают. Атеизм — это не отрицание гуманности в лучшем понимании этого понятия. А разве Карма-иога не атеистична?

Сказано в «Бхагавадгите»: (гл. IV п II) —

---

[1] Книга Е. П. Блаватской «Тайная доктрина».

«... Кто как ко мне обращается, того я так и принимаю: моим путём следуют все люди, Партха».

У меня появилось серьёзное желание — перевести «Тайную доктрину». Е. И. говорит в письме за 34 год, что она ещё не переведена. Как сейчас? Пусть пройдёт лет 5—7 и работу можно будет закончить, она принесёт много пользы людям. Как Вы думаете?

Можно ли её достать, может быть, у хозяина[1] нашего есть? Е. И. несколько смешивает понятия. Она утверждает, что Махатм нельзя назвать атеистами, и в доказательство приводит следующие слова: «Пантеистами Нас могут назвать — агностиками никогда!» и далее — «Найдя гнозис, Мы не можем повернуть ему спину и сделаться агностиками». Странно, но ведь можно же быть гностиком и вместе с тем атеистом. Агностики — идеалисты и механические материалисты. При чём же здесь атеисты? Идеалисты агностики потому, что они не понимают значения материи в нашем развитии (духовном). Но диалектик-идеалист и диалектик-материалист — это понятия идентичные. К истине можно идти от различных отправных точек, важно стремление к ней и целеустремленность. Остальное... приложится. Это не фатализм, а глубокая уверенность в непреложном действии Закона Кармы...

Вот что говорят Махатмы дальше: — «Мы отказываемся принять существо или бытие, о котором мы абсолютно ничего не знаем, ибо нет места Ему при наличности Материи, неопровержимые свойства и качества которой вполне нам известны... другими словами, мы верим только в Материю, в Материю как видимую Природу, и в Материю в её незримости, как невидимый, вездесущий Протей...»

Где же здесь место богу? Сплошной атеизм!!! Далее она же сама говорит о том, что религия — причина двух третей всех бедствий рода человеческого! Церковь лишила человека ответственности.

Присланная Вами бумага хороша тем, что она глянцевая и в то же время тонкая, такой у нас сейчас нет. Особо хорошо, что прислали копирку, здесь с ней горе. У нас такая некачественная! Посмотрим, как будет работать эта.

Зачем Вы опять заболели, ведь одно время у Вас всё закончилось со стенокардией? А тут — вновь! Может быть, просто захотелось полежать? У меня такое желание бывает. Шучу, конечно! Примите от меня заряд здоровья и энергии, мысли, насыщенной праной, пусть она укрепит Вас надолго.

Сердечный привет Т. И.

Искренне Ваш *Портнягин*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 13

Москва
18 февраля 1970 г.

Дорогой Георгий Константинович!

«В голубых горах Нильгири» я не читал. Не сообщите ли точную титлу? Когда-то читал «В горах и дебрях Индостана» (под псевдонимом Радда-Бай)[2], но не смог тогда купить — беден был, как церковная крыса. «Тайная

[1] Имеется в виду хозяин присылаемых И. А. Ефремову книг П. Ф. Беликов.
[2] Блаватская Е. П. Письма из пещер и дебрей Индостана.

Доктрина», по-моему, переведена, и я её просматривал, возможно, мне удастся её достать. Кажется, Суворинское издание. Возможно, неполное — посмотрим.

Я не совсем понимаю, почему Вас так смущает вопрос: теизм-атеизм. Для меня, врождённого атеиста, сейчас это не имеет никакого значения, если речь не идёт о личном, человекоподобном и карающем Боге.

Если брать атеиста в его прежнем, примитивном понимании, что всё есть беспорядочное корпускулярное движение со случайными последствиями, тогда ко всем чертям такой атеизм, я не атеист, ибо с таким атеизмом жить иначе, как по-скотски, нельзя, и аморальность — неизбежное следствие, что мы и видим. Если же признавать некую причинную связь, назовите её кармой, мировой механикой, эволюцией, развитием процесса, с определёнными законами и порядком, то такой атеизм меня устраивает, но ведь это иначе называется теизмом такими людьми, как Рерихи. Здесь дело не в термине, а в вере в существование определённых законов причин и следствий, протяжённых во времени, которым подчиняется весь мир, будь то людишки, архаты или апсары...

Но ведь признание системы есть одновременно принятие религии, ибо что же такое религия, как не свод определённых правил поведения в согласии с законами бытия? Самое слово «религио» означает связь, зависимость, опору — вспомните английское «рели», «релайэбл». Признавая связь причин, следствий, времён и процесс мирового развития и соподчиняя ему нормы своего поведения, Вы тем самым религиозны. И я не понимаю Ленина, который так бешено восставал против религии, будучи сам не менее, а более религиозным, чем самые неистовые церковники. Религия — есть моральный свод, а что он неизбежно должен опираться на веру, Вам должно быть очевидно. Вера же может быть, в зависимости от уровня восприятия, хоть в пень, и горе тому обществу, которое, уничтожая прежнюю веру, не заменит её другой. Всеобщее страшное моральное обнищание и разрушение ещё впереди, и никакая Махабхарата нас не спасёт от морального крушения нашей цивилизации, что, впрочем, и предвидит Е. И.

Желаю Вам здоровья и успешного труда. Душевный привет от Таисы Иосифовны.

С искренним уважением,
И. Ефремов

14 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[1]

Москва
18 февраля 1970 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Большущее спасибо за очень приятный подарок. Уже отдал в переплёт.

Один вопрос — издавалась ли «Тайная Доктрина» Е. П. Б. по-русски? Мне кажется, что издавалась серией отдельных книжек, а Е. И. Р. пишет в 1934 г., что ТД не была переведена на русский. Не откажите в разъяснении.

С искренним уважением, благодарностью и пожеланием всего светлого!

Ваш *И. Ефремов*

[1] Почтовая открытка с иллюстрацией А. Ковалёва и Г. Буреева к сказу П. Бажова «Каменный цветок».

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 15

Москва
18 февраля 1970 г.

Дорогой Борис!

Очень рад был получить от Вас весточку и узнать, что в общем «ю ар доинг велл»[1], как говорят англичане. Насчёт щелкопёрства согласен, но вспомните, перед тем, как казнить себя, что это обернулось наихудшим образом именно в последние годы. Вообще, всё так за последнее время разворачивается, что многие профессии, ранее сносные, делаются чорт те чем. Например, писательство… что будут делать бедняги деляги с хронической нехваткой бумаги, с планами, уже заполненными по 72 год, с оплатой, оставшейся на прежнем уровне, и малыми тиражами, право, не знаю. У меня-то есть моя профессорская пенсия — 160 в месяц, а у кого нет?

И, конечно, закон Финнегана (не Фанингена!), точнее, его дальнейшее развитие в виде Стрелы Аримана будет лупить по самому хорошему…

Ну, после защиты Вы появитесь, наверное, в Москве? Ежели к тому времени выйдет мой «Час Быка», то пришлю Ларисе и Вам на самолёт, а не выйдет — не обессудьте…

Тася и я вам обоим кланяемся и приветствуем. Марафед-енот — тоже. Пишите!

Ваш
И. Ефремов

Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 16

Токио
20 февраля 1970 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Получил Ваши два письма, утверждавших в получении книг, которые я Вам прислал. Не беспокойтесь, пожалуйста, за меня: книги, которые я Вам подарил, все дёшевы, поэтому они для меня совсем не «большие расходы», о которых Вы пишете. Просто я был бы очень рад, если бы я мог помочь Вам.

Я сейчас собираю советские научно-фантастические книги с тем, чтобы когда-нибудь написать историю советской научной фантастики. Но беда в том, что у нас совсем нет возможности прочитать старые книги по научной фантастике, кроме Циолковского, Обручева, А. Толстого и А. Беляева, книги которых переиздавались у Вас после войны.

В связи с этим я хотел бы попросить Вас подарить мне следующие Ваши книги, если они у вас есть:

1. «Пять румбов», или книга, в которой наиболее полно собраны Ваши первые рассказы.
2. «Туманность Андромеды», первое издание, которое вышло в 1958 г.
3. «Дорога ветров».

---

[1] You are doing well (англ.) – У вас всё хорошо.

Вообще у нас очень трудно, или даже совсем невозможно достать или почитать нужные книги советских авторов. Поэтому был бы очень рад, если Вы советовали бы мне, что мне надо читать, чтобы знать историю и современное состояние советской научной фантастики.

В свою очередь, как я уже писал Вам, я всегда готов помочь Вам с книгами, с японскими книгами на английском языке.

Желаю Вам здоровья и долголетия!

С искренним уважением,
Н. Иида

17 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ланхем
20 февраля 1970 г.

Dear Prof. Efremov:

On January 21, 1970 I sent you my article about the origins of your taphonomic principle. As stated, the Journal of Paleontology is willing to publish it provided certain changes are made. Please look the article over and introduce the necessary corrections or advise me of your opinion about the entire matter. I am also very pleased that the taphonomy finally reached our geologists. It is interesting how it will be presented and accepted here.

I am still waiting for the paperback books I ordered for you. I don't really understand the delay, but I was assured they were being delivered soon. I must apologize for my delinquency in not sending you more books. I will try to correct this. I, myself, have no special requests; you over supply me with books anyway, but if possible, the following text could be of interest: Chikishev, Plant Indicator of Soils, Rocks and Subsurface Waters, and Romanova, Air Survey of Sand Deposits by Spectral Luminance.

I hope all is well with you and your family. We are all fine and anxiously expecting an addition to our family this May.

Sincerely yours,
George Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

21 января 1970 года я отправил Вам свою статью о происхождении Вашего принципа тафономии. В ответе из «Джорнел ов палеонтолоджи» говорится, что они готовы опубликовать статью с некоторыми доработками. Прошу посмотреть её и внести необходимые поправки, либо сообщить мне Ваше мнение по этому вопросу. Я весьма рад, что тафономия наконец достигла внимания наших геологов. Интересно, как она будет представлена и воспринята здесь.

Всё ещё жду заказанных для Вас книг. Не понимаю, чем вызвана такая задержка, но меня заверили, что скоро я их получу. Должен также извиниться, что сбавил темпы присылки вам книг. Постараюсь исправиться. У меня нет особых пожеланий, Вы и так слишком щедры, но, если возможно, меня бы интересовали следующие тексты: Chikishev, Plant Indicator of Soils, Rocks

and Subsurface Waters[1] и Romanova, Air Survey of Sand Deposits by Spectral Luminance.[2]

Надеюсь, у Вас дома всё хорошо. У нас всё нормально, и мы с нетерпением ожидаем прибавления семейства в мае.

Искренне Ваш
Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

22 февраля 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Извините меня за столь непростительное молчание. Был несколько дней в Харькове (встречи с читателями, выступления по телевизору и пр.), а перед отъездом нагромоздилось много всяких дел.

Но ближайшие дни начну по вечерам ходить в Публичку и выясню всё, что смогу. По мере накопления материалов буду Вам присылать.

Пока только могу ответить на вопрос, заданный в письме от 15 января.

«История Александра Марвина», опубликованная анонимно в «Вокруг света» (1917, № 15), перепечатка в сб[орнике] «Борьба с химерами» (М., «ЗиФ», 1927, стр. 49—60) под названием «Носорог Марвина». Фантастический рассказ С. Блэка. Есть ещё один рассказ того же автора — «Над лазурью небесной» («Журнал приключений» 1917, кн. 5). Переведено с английского, но кто он — англичанин или американец — установить не удалось.

Раз уж заговорили о библиографии, попутно должен (вернее, не могу удержаться) поругать Евдокимова. Его б[иблиогра]фия советской фантастики в сборниках «Молодой гвардии» полна грубейших ошибок. Нередко он переводные рассказы и даже целые романы приписывает советским писателям. Он посчитал русским анонимом упомянутого С. Блэка, причислил к нашим литераторам англичанина Армстронга («Закупоренный в бутылку дух» — под 1927 годом), тогда как в 1928 году был выпущен сборник его рассказов «Эликсир жизни» (Elixir of life) в переводе Е. Толкачёва (М. — Л., ЗиФ, 1928 — Б-ка сатиры и юмора); автора «Живого металла», американца А. Меррита, отважно счёл псевдонимом русского писателя и т. д. Кроме того объем библиографии явно «выгнан» путём дробления очерковых серий, иногда печатавшихся в одном номере журнала («Техника — молодёжи») и никак не претендовавших на высокое звание художественной прозы: это были заурядные очерки из цикла «Окно в будущее», зарисовке на уровне школьных сочинений на тему «Моё лето в 19... году»! и вместе с тем библиография Евдокимова страдает удру-

[1] A. G. Chikishev. Plant Indicators Of Soils, Rocks, and Subsurface Waters. Consultants Bureau, 1965. — Перевод на английский книги: Растительные индикаторы почв, горных пород и подземных вод. Сб. статей / Отв. ред. А. Г. Чикишев. — М.: Наука, 1964. 105 с.

[2] M. A. Romanova, Air Survey of Sand Deposits by Spectral Luminance. Consultants Bureau, 1964. — Перевод на английский книги: Романова М. А. Определение типового состава песчаных отложений с воздуха по их спектральной яркости. — Л.: Гостоптехиздат, 1962. — 247 с.

чающей неполнотой — упущены десятки названий книг и сотни журнальных публикаций.

Конечно, виноват не только дилетант Евдокимов. Он человек не шибко грамотный из народа книжных жучков, но больше само издательство в лице Клюевой и Жемайтиса, даже не потрудившихся проверить его работу.

Так что, Иван Антонович, когда будете писать Мейерсу, пожалуйста, предупредите его, что эта библиография может ввести в заблуждение. Более основательно библиографическое исследование в книге А. Ф. Бритикова. Была правка, обещают скоро выпустить. Книга скучноватая, но вполне добросовестная.

В. И. Дмитревского облекли доверием — назначили председателем Совета Дома (клуба) писателей. Работа там развалилась, и никто не соглашался взять на себя такую неблагодарную миссию в порядке общественной нагрузки. В. И. согласился с радостью (такой высокий пост!), раздулся от гордости и... быстро увял. Видите, я, как баба, не удержался от сплетен. Но очень коробило меня последнее время это ребячество, даже не хотелось ему звонить. А статья наша, говорит В. И., под названием «Ленинское предвидение и н[аучная] ф[антастика]», наконец, скоро будет напечатана в «Коммунисте».

Извините, Иван Антонович, что утомил Вас этим бестолковым письмом. Желаю Вам всего доброго. Сердечный привет Таисе Иосифовне.

Ваш *Е. Брандис*

P. S. Наша б[иблиогра]фия иностранной (в оригиналах) и переводной ф[антасти]ки только сдается на машинку, а когда её выпустят, покрыто мраком неизвестности. Сейчас всё переносят и откладывают...

19 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
28 февраля 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

В «Голубых горах Нильгири» — это рассказ о племени Тодта (кажется, так называется оно), затем о контакте Блаватской с Махатмой, защитой Бл[аватской] и Олькотта от тигра и англичан (тигр был убит на расстоянии, а англичане приняли группу Бл[аватской] за стариков и проехали мимо). Читал я эту книгу 50 лет почти тому назад. Это просто описание путешествия.

Теизм-атеизм... Для каждой эпохи и различных групп людей, конечно, истина даётся в различных формах. Атеист в примитивном понимании — материалист-метафизик, а не диалектик. Это материалист-механист. Я таких людей считаю недочеловеками. Это догматики, совершенно не умеющие самостоятельно мыслить. Но мне непонятно, почему Рерихи называют Учение, признающее Великий Ритм, и как следствие из него — закон кармы и перевоплощение — теизмом???

Вы недоумеваете, почему Ленин «бешено восставал против религии»? Может быть, эти слова Ленина из его работы «Об отношении рабочей партии к религии» ответят как-то...

«Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлечённой, чисто-теоретической, всегда себе равной проповеди,

а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей на деле и воспитывающей массы больше всего и лучше всего...»

По-моему, дело всё тут в том, что в то время религия использовалась церковью (как и сейчас) в борьбе против нового строя. Собственно религия понимается как синоним церкви. И сейчас так, не правда ли? Поэтому мы не можем в широких кругах использовать то определение религии, какое Вы привели. Оно, несомненно, правильное, но не будет понято массами. Ведь всё в конечном счёте в уровне сознания, через сознание воспринимается, следовательно, нужно пользоваться такими терминами, которые не создадут ложного толкования. Поэтому я против ТЕИЗМА.

Я прекрасно понимаю, и давно, что человек по своему сознанию — не венец эволюции. Что кроме него могут быть и несомненно есть более высокоразвитые сущности. Да как же иначе, если мы живём не один раз на Земле??? Т.е. существует Иерархия. Но сегодняшний Иерарх — наше с Вами будущее, не так ли? Так причём же тут бог? И прав Ленин, когда он противится попытке М. Горького заняться сначала богоискательством, а потом богостроительством. Зачем это? Нужно раскрывать психические и иные возможности человека, поднимать людей от примитивного материализма до понимания Высшего. Нужно, говоря о коммунизме, социализме, не ограничиваться разговорами о создании материально-технической базы и считать, что создание экономики главное. Нищее общество не может быть общинным (коммунистическим), но одновременно и опережающе должно развиваться сознание. Не понимаю, как забыто ленинское указание о том, что теория освещает путь практике?! А мы говорим, что развитие сознания закономерно должно отставать от развития экономики... Странно. А что значит теория освещает путь практике, — это то же, что и необходимость развивать сознание в первую очередь.

Хочется обратиться к Кришнамурти: «Я всегда в этой жизни, и, возможно, в прошлых жизнях хотел одного: уйти, уйти от печали, уйти от уз, открыть моего Гуру, моего возлюбленного... Соединиться с ним так, чтобы никогда не быть особым существом со своей обособленной самостью...»

В январе 27 года Кришнамурти почувствовал, что между ним и образами Будды и Кришны, какими он воображал их, нет больше различия. Но тут произошло нечто неожиданное: в своих видениях Кришнамурти прошёл сквозь Будду, образ рассеялся. Стало ясно, что «нет никакого бога, кроме человека, ставшего совершенным». «Просветление — это открытие истинной ценности каждой вещи».

А Кришна, Будда, Христос — «эти образы были проекцией его самого, его собственной сущности, к которой он стремился».

Таким образом Кришнамурти вышел за рамки теизма. Он рассказывает притчу.

«Однажды ученик пришёл к саньяси и попросил открыть истину. Саньяси толкнул его в пещеру.

— Углубись в созерцание, и через год ты увидишь Наставника.

Через год саньяси спросил, явился ли Наставник.

— Да, — был ответ.

— Продолжая упражняться ещё год, и Наставник заговорит с тобой.

Через год Наставник заговорил.

— Теперь, — сказал саньяси, — слушай в течение года, что Наставник говорит тебе.

И в течение года ученик слушал Наставника. Когда этот третий год истёк, саньяси подошёл к ученику и сказал: "Теперь ты жил с Наставником, и он говорил с тобой, и ты слушал его поучения. Сосредоточься ещё глубже, пока не останется больше никакого Наставника. Тогда ты узнаешь истину"».

Простите, ещё отрывочек:

«Когда Кришнамурти умрёт — а это неизбежно, вы создадите религию, ваши умы займутся составлением правил, потому что личность Кришнамурти представляет для вас (теософов) истину. И вы построите храм, заведёте там церемонии, будете придумывать фразы, догмы, системы и создавать философию. И если и вы построите великое здание, опирающееся на меня, на личность, вы будете пойманы в этом доме, в этом храме, и вам понадобится другой учитель, чтобы придти и выгнать вас из храма, выбить из вас эту узость, чтобы освободить вас. Но человеческий дух таков, что вы создадите другой храм вокруг него, и так будет дальше и дальше». И это взгляды не лично Кришнамурти, а всего эзотеризма Востока.

Может быть, это и будет ответ, почему не нужен теизм и религия???

Теперь о Вере. Пишу с большой буквы, т.к. подразумеваю под этим словом убеждённость в чём-то, не простое доверие к услышанному. Вера может быть только там, где есть Авторитеты. Лучше всего один, и так мы вновь возвращаемся к проблеме Учитель-ученик. Без этого путь невозможен, такая Вера, конечно, обязательна, и она гарантирует от морального опустошения. Опять всё сводится к необходимости изучения человека, его возможностей, у нас же — увы! Акад[емику] Леонтьеву приходится выступать на страницах «Правды» и доказывать, что отставание в развитии психологии совершенно недопустимо, что у нас (по потребностям страны) уже сейчас не хватает несколько тысяч психологов. Вы же сами говорили об этом же в «Лезвии бритвы»!

Получили ли Вы книгу Е. И. и вложенные в неё перепечатки? Сейчас стараюсь над «Иерархией». Очевидно, это перевод, так как язык очень тяжёл. «Об[щина]» была нормальна...

С сердечным уважением,
Портнягин

М. б., можно сказать, что религия — система, но система, обязательно связанная с идеей личного бога. В этом и её вред???

20 П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

2 марта 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Получил Вашу открыточку и сообщаю интересующие Вас сведения.

«Т[айная] Д[октрина]» была переведена группой русских теософов до 1917 года. Оригинал рукописи перевода находился в одной из калужских типографий, где и погиб во время революции. Копий перевода не сохранилось. Издано было только несколько тоненьких брошюрок (отдельные отрывки). В Женеве хотели взяться за новый перевод, но дело оказалось столь трудоёмким, что ничего с этой затеи не получилось.

В середине тридцатых годов за перевод взялась единолично Е. И. Рерих. В течении менее чем за три года два тома «Т[айной] Д[октрины]» (каждый по 1000 страниц формата «Писем Е. И. Р») были переведены. Третий том, собран-

ный из черновых записей после смерти Е. Б. и дополненный составителями, Е. И. Р. переводить не стала, т.к. его нельзя считать принадлежащим перу Е. Б.

Переведённые тома были изданы в Риге в самом конце тридцатых годов. Они почти что не получили распространения. При национализации книжных складов почти весь тираж пошёл на макулатуру. Считанные экземпляры этого издания разошлись по рукам, один комплект попал и в мои руки. Перевод очень ценный, т.к. восточные философские термины проверялись Юрием Николаевичем. Когда Е. И. Р. писала, что «Т[айная] Д[октрина]» не переведена, она знала, что рукопись первого перевода погибла, а намерения Женевского центра висят в воздухе. Женевцы были очень поражены, когда «Т[айная] Д[октрина]» вышла в Риге. Первоначально даже не хотели признать её «де юре», т.к. сочли, что их «монополия» на издание книг Е. П. Б. нарушена. Вообще отношение между Рерихом и Женевским центром, возглавляемым Каменской, были более чем прохладными.

Большой привет Вашей супруге.

Искренне Ваш *П. Беликов*

В. А. ПЕТРИЦКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

21

Ленинград
2 марта 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Посылаю Вам тезисы моего доклада «Космическая этика» и пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас сердечно за Ваши талантливые и столь нужные всем нам книги.

Очень жду, надо полагать, интересной книги с Вашим участием — сборника статей «Населённый космос». Издательство «Наука» обещало этот сборник в 1968 году. Но вот уже март 1970-го, а книги всё ещё нет.

Вы, Иван Антонович, знаете, вероятно, в чём причины задержки. Если Вас не затруднит, сообщите, пожалуйста, когда выйдет сборник и выйдет ли он вообще.

С удовольствием принял бы участие в сборнике подобного рода. В тезисах, которые посылаю Вам, я лишь в самых общих чертах наметил контуры предмета космической этики. Многие, очень многие соображения и предположения остались, к сожалению, за рамками тезисов. А хотелось бы высказаться подробнее и доказательнее, памятуя замечательные слова Эйнштейна: будущее человечества зависит не только и не столько от развития науки и техники, сколько от развития нравственности.

Несколько слов о себе. Философ-этик, журналист, член Союза журналистов, литератор. Завершил диссертационную работу на тему «Этическое учение Альберта Швейцера» и книгу «Свет в джунглях». Автор ряда публицистических и научно-публицистических работ, в числе которых «Мозг и “думающая” машина» (ж[урнал] «Нева», № 2, 1968), «Электронный мозг — творец: возможное и действительное» (в печати).

С добрыми пожеланиями Вам здоровья и творческих успехов!

Уважающий Вас *В. А. Петрицкий*

Мой адрес:
Ленинград К-100, Кантемировская ул., дом 33, кв. 44
Петрицкий Вилли Александрович

22 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
3 марта 1970 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

I was delighted to receive your letter the other day and only extremely sorry to hear of the flu that hit you. I will do my best to bring the things you asked for. I don't know if a Doctor's prescription will be needed or not, but while I am in Texas I will check with Dr. Slaugenhop, a close friend, and see what can be done. I do hope that you are feeling better now and that this has not been too severe a strain on your overworked heart.

Finally we have plans set to come to Russia. They are not all that they might be in one way, that is we have a very short time in Moscow. After considering everything, we decided to come on a tour basis, rather than trying to do it all by ourselves. The main thing is that this is considerably less expensive and much more efficient in getting around. The tour leaves New York on the 10th of August. We arrive in Moscow the 11th, afternoon. Then we have two full days in Moscow, the 11th and 12th, and we leave about noon the 13th. This is not much time. I have talked with the agency, however, and find that I can be fully free in Moscow, that is there is no requirement that I go on the tours or be at the dinners, and so forth. So I will have this time for my friends.

I want to get to the Museum to see people there and to see the new Ocher materials. Mostly, however, I want to see you as does my wife, that is to see both you and your wife. I hope that you will find it possible to get together with us during this time. It will be wonderful to renew our friendship in person and to talk things over.

So this is the schedule. I tried to work out a longer time in Moscow, but this means not getting the "tour" rate on travel, which would make about $300 to $400 differences as well as costing $25.00 per day for myself and for Lila. We just can't quite afford this. As it is we will be getting to Tiblisi, Tashkent, Samarkand, several other places, and winding up at Kiev. It will be a three weeks trip in all. I am looking forward to it. To say the least.

You have wondered how come my plans and dates kept getting changed. Well, that's a long story, tied up with the wonders of working for a "state" school, having an odd Governor, an ex-movie star, and so on. Some time ago, several years, the California system went on the "quarter system", four quarters per year. This contrasted to the more usual semester system. A main reason was it meant full operation over the summer, which is very logical. So now, for financial reasons, the Summer Quarter has been abandoned. Which is pretty silly. So when I came here, I told them I would take the Spring off for field work and teach in the summer. Now there is no summer, but I am going to take the spring for field work anyhow, but technically I cannot be away except on leave of absence, which would mean no salary, which at best is not good. So — I said I would teach a special course the first half of the summer, not regular session, but special school time (all of which must be completely confusing), and then I will be off, free as a bi[rd] the months of August and September, So, roughly, that is what has gone on. OK.? Probably not, but I will tell you more when I get there. Sounds sort of like the Missionaries and the Cannibals trying to get over the stream. But things are like that now.

I just finished correcting the copy-edited manuscript of my Vertebrate Paleozoology book. It should be out in the Fall, I still like it but I don't know if anyone else will. To show how messed up the world is, the copy editing was done in Pennsylvania, the publishers are in New York. They mailed material to me in California. I mailed it back. Now it will go to Ireland for typesetting, thence to Palo Alto, about 500 miles north of here in California for production, to me and back and forth. I hope it makes it.

Things really are fine here. I have been very busy. As you probably know the Thing here nowadays is population and environment. Which is basically good, but totally "fad-dy" now. Anyhow last fall I agreed to try to put a new Institute of Environmental and Evolutionary Biology on its feet. Under the current pressures everyone thinks this should be done yesterday, and I am a low pressure type who wants to do things in a methodical and logical way. So I have been busy. The thing is moving quite well now and we should have a permanent Director, not me, fairly soon. Then my job will be done.

So, we will see you before too long. I will drop Peter a line. What is this about his not going to Mongolia? Good or bad? Can he get back to the Permian? Hope so. Please give my very best to your wife, and to your son and his wife, if he is around and has not be[en] eaten by the bad-beasts in Bystrov's cartoons. We "loved" these and I had them posted in the Lab for two weeks. Marvellous.

As always,
Your deep friend, with best regards,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет, Лос-Анджелес
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Был весьма рад получить позавчера Ваше письмо и огорчён, что Вас свалил грипп. Я постараюсь раздобыть всё, о чём Вы просите. Не знаю, потребуется ли выписка рецепта, но когда я буду в Техасе, посоветуюсь с доктором Слогенхопом, давним другом, что можно предпринять. Надеюсь, вы чувствуете себя уже лучше, и грипп не слишком перегрузил Ваше сердце-труженик.

Наконец план поездки в Россию обрёл окончательные очертания. Не удалось только полностью удовлетворить наше желание подольше быть в Москве — там время ограничено. Обсудив всё с разных сторон, мы остановились на туре, не пытаясь выстроить маршрут самостоятельно. Главная причина — так выходит существенно дешевле и намного эффективнее по графику. Тур отправляется из Нью-Йорка 10 августа. В Москву мы прибываем ближе к вечеру 11-го. В Москве выходит двое суток — 11 и 12 августа, и 13-го мы отправляемся около полудня дальше по маршруту. Это совсем немного времени, но после обсуждения с турагенством я выяснил, что в Москве я смогу полностью располагать временем по своему усмотрению, что от меня не потребуется обязательного участия в экскурсиях, обедах-ужинах и т. п. Всё это время я смогу быть с друзьями.

Хотелось бы добраться до Музея, повидаться там со знакомыми и увидеть новые Очёрские материалы. Но гораздо сильнее мы с супругой хотим приехать

к Вам домой. Очень надеюсь, у Вас с женой выдастся время нас принять. Было бы замечательно продолжить наши беседы, сидя рядом друг с другом.

Такой складывается поездка. Я пытался удлинить пребывание в Москве, но тогда я теряю скидку на тур, что выражается в 300—400 долларов разницы и плюс по 25 долларов в день на меня и Лайлу. Столько мы не можем позволить себе. А так мы посетим Тбилиси, Ташкент, Самарканд и несколько других мест, закончив тур в Киеве. Тур рассчитан на три недели. С нетерпением жду его начала. Мягко говоря.

Вы выражали удивление по поводу перемен в моих планах. Это длинная история, связанная с чудесами условий работы в университете штата, причудами губернатора — бывшей кинозвезды и пр. Несколько лет назад калифорнийская система образования перешла на обучение по четвертям вместо обычных семестров. Основная причина — чтобы не прекращать занятий летом, что было логично. Но вот теперь, по финансовым соображениям, летнюю четверть отменили. Довольно неразумно. Когда я переехал сюда, то объявил, что возьму отпуск весной, чтобы поехать в экспедицию, а летом буду преподавать. Теперь же летнего семестра не будет, а весной я всё равно еду в поле, но формально я имею право сделать это только без сохранения содержания, то есть не получая никаких денег, что вовсе не здорово. Вот так... Поэтому я вызвался читать специальный курс до середины лета, а не обычный курс (вероятно, я совсем Вас запутал), после чего я уже смогу улететь, свободный, как птица, на август и сентябрь. Примерно так. Стало ли понятнее? Вероятно, не очень, но я расскажу подробнее, когда доберусь. Немного похоже на задачку с переправой через реку миссионеров и каннибалов[1]. Но дела обстоят именно так.

Я только что закончил вносить правки в рукопись моей «Палеозоологии позвоночных» после редактуры. Книга должна выйти из печати осенью. Мне она по-прежнему нравится, но неизвестно, понравится ли остальным. Способ работы над книгой после сдачи рукописи хорошо демонстрирует пример теперешней путаницы: редактуру делали в Пенсильвании, в то время как сами издатели находятся в Нью-Йорке. Они отправили материал мне в Калифорнию. Затем я отправил его снова в Нью-Йорк. Теперь для набора рукопись пошлют в Ирландию, а оттуда в Пало-Альто, что находится примерно в пятистах милях к северу от меня, в Калифорнии, уже для корректуры, оттуда гранки — ко мне, а я снова к ним. Очень надеюсь, что всё не пропадёт в пути.

У нас всё идёт хорошо. Много дел. Вероятно, Вам известно, что сейчас на первый план в наших краях выдвинулись проблемы окружающей среды. Что в основе своей хорошо, но кругом только об этом и толкуют. Так или иначе, прошлой осенью я согласился помочь в организации нового Института эволюционной биологии и окружающей среды. При теперешнем прессинге всем кажется, что всё должно было быть завершено ещё вчера, но я отношусь к разряду людей, любящих последовательность и методичность. Поэтому дел много. Организация продвинулась уже достаточно далеко, и скоро должен быть утверждён постоянный директор, не я. Моя работа на этом будет завершена.

Что ж, мы уже скоро увидимся. Я напишу Питеру. А почему он не поедет в Монголию? Это хорошо или плохо? Может быть, он вернётся к

---

[1] «Миссионеры и каннибалы» — логическая задача наподобие перевозки волка, козла и капусты.

своему пермскому периоду? Надеюсь, что так. Прошу передать привет Вашей жене, сыну и невестке, если он поблизости и не съеден чудищами с картинок Быстрова[1]. Мы тут в них все влюбились и на две недели даже повесили в лаборатории. Просто чудо.

Как всегда, с наилучшими пожеланиями,
Ваш верный друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 23

Москва
9 марта 1970 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Пересылаю Вам письмо, из которого Вам будет ясно положение с «Т[айной] Д[октриной]» — главным трудом Е. П. Б.

Конечно, пересылать его нельзя, но, м. б., можно приехать к нему и сделать снимок на плёнке (или попросить его с уплатой). Как ни канительно будет отпечатать, это всё же лучше, чем заново переводить! Я скошен гриппом, потому лежу, отсюда и прошу простить за почерк.

Письма Е. И. Р. прибыли в сохранности, спасибо за выдержки. П. Ф. Б. прислал мне ещё «Криптограммы Востока»[2] в дар — я как-нибудь пришлю их Вам.

Таиса Иосифовна кланяется и благодарит за поздравления.

Всего Вам светлого.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 24

Москва
11 марта 1970 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Пишу Вам ещё лёжа, потому — простите за почерк. Нас вместе с Таисой Иосифовной скосил сильнейший грипп, который у меня дал воспаление лёгких. И сейчас — ещё очень слаб.

Посылаю Вам очередной лист от М. — там он выписал много из Евдокимовской библиографии. В оценке последней вполне с Вами согласен и уже бранился с Жемайтисом, но тот как-то очень спокойно к моей ругани отнёсся. М[ожет] б[ыть], надо ругануть в заметке?

---

[1] Имеются в виду шуточные рисунки А. П. Быстрова, которые тот присылал из Ленинграда в подарок маленькому Аллану в конце тридцатых годов. И. А. Ефремов посылал Олсону фотокопии рисунков.

[2] Книга Е. И. Рерих.

Другие дела и вопросы откладываю до пишущей машинки, чтобы не затруднять Вас иероглификой.

Но вот одну вещь не могу не спросить — известно ли Вам, что В. И. Дмитревский в числе 12 ленинградских писателей подписал письмо за исключение Солженицына из СП? Так ли это? Как это проверить? Если что знаете, напишите, ради Бога! Это дело похуже, чем Правление Дома Писателей!

Большое спасибо за информацию для М. и вообще.

С искренним уважением и приветом от Таисы Иосифовны и меня.
Ваш *И. Ефремов*

25 А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

17 марта 1970 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr. Efremov:

I hope I may have the pleasure, at long last, of seeing you early this fall. As I may have written you before, my wife and I are planning to go to South Africa in July for a Gondwana Conference and then in August go to Leningrad for an International Anatomical Congress which will be held there from August 17 to 22nd. Intourist is offering a series of pleasure tours after the Congress, and my wife and I are planning to take a six-day trip to Tashkent, Samarkand and Bukhara, which sounds quite attractive. Then, if possible, we have planned to arrive in Moscow about August 28 and perhaps spend a week there, seeing both you and your colleagues and the Permian fossils about which I have read so much. With Orlov's death I did not know just who was in charge now, but wrote to Rozhdestvensky, who replied that some people would presumably be in the field but certainly someone would be in Moscow at that time.

Although I discover that (not unexpectedly) I tend to tire much more readily than I did in my youth and consequently do not get as much done, I have been having an interesting year. I am still working on my South American Triassic materials. I recently sent you a batch of reprints, which I trust has reached you safely. The most interesting item is on one of my cynodonts in which there is the faint beginning of a squamosal-dentary articulation of the lower jaw in addition to the old fashioned one. Now I am up to my ears in thecodonts, of which I have about a half dozen assorted forms. Most interesting among them is a long-snouted creature in which the nostrils have slid a short distance back over the top of the long snout and which may possibly be related to the ancestry of phytosaurs. In additon, I may perhaps have mentioned earlier that the Cleveland Museum is now in process of recovering a considerable amount of amphibian material from a quarry (at Greer, West Virginia) in the Lower Carboniferous. I have already in print the description of the skull of a rhachitome, have sent to press the description of the remains of a very incomplete pre-embolomere, and have two further interesting specimens to work on, from there. Two other specimens had been sent years ago to the National Museum in Washington, and Hotton is in process of

describing those. Perhaps presently we may have a really representative Lower Carboniferous amphibian fauna!

Sincerely,
Alfred S. Romer

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой доктор Ефремов!

Надеюсь, что в этом году у меня будет радостная возможность наконец встретиться с Вами. Как я уже писал, мы с женой планируем поехать в июле в Южную Африку на конференцию по Гондване и затем в августе отправиться в Ленинград на Международный анатомический конгресс, который будет проходить там с 17 по 22 августа. «Интурист» предлагает ряд развлекательных туров после конгресса, и мы планируем взять шестидневный тур в Ташкент, Самарканд и Бухару, который кажется довольно заманчивым. Затем, если будет возможность, мы собираемся приехать в Москву примерно 28 августа и, вероятно, провести там неделю, повидать Вас и Ваших коллег и посмотреть на окаменелости перми, о которых я так много читал. После смерти Орлова я не знаю, с кем сейчас надо договариваться, но написал Рождественскому. Он ответил, что, вероятно, часть сотрудников будет в поле, но обязательно кто-то должен быть уже в Москве к тому времени.

Хотя я обнаружил, что имею тенденцию уставать намного быстрее, чем в юности (не так уж неожиданно), и многого не успеваю, у меня всё-таки выдался урожайный год. Я всё ещё работаю над моими материалами по триасу Южной Америки. На днях послал Вам серию оттисков статей, которая, надеюсь, добралась до Вас в целости и сохранности. Самая интересная статья об одном из моих цинодонтов, у которого в нижней челюсти имеется начальная стадия зарождения чешуйчато-нижнечелюстного сустава в дополнение к более древней форме. Сейчас по уши зарылся в изучение своей коллекции текодонтов, которых у меня полдюжины разновидностей. Наиболее интересная среди них — это длиннорылое существо с ноздрями, несколько сдвинутыми назад от конца рыла — вероятно, оно может быть отнесено к предкам фитозавров. Кроме того, как я мог, вероятно, упоминать раньше, Кливлендский музей передает сейчас значительное количество материала по амфибиям из карьера у Грира (Западная Вирджиния), относящегося к нижнему карбону. Я уже издал описание черепа рахитома, отправил в печать описание очень разрозненных остатков предков эмболомеры, у меня также есть оттуда же парочка интересных образцов для дальнейшей работы. Два других образца были посланы в Национальный музей Вашингтона, и Хоттон занимается их описанием. Вероятно, некоторое время спустя мы сможем иметь действительно репрезентативную фауну амфибий нижнего карбона!

Искренне,
Альфред Ш. Ромер

Перевела Марина Степанова

26 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
20 марта 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Очень рад узнать, что «Т. Д» жива! Как быть? В Ригу я могу поехать, но только в июле-августе, да и будет ли рад этому хозяин? Там, на месте, организовать фото легче ему, чем нам, так как все и всё не наше, к кому обратиться? Лучше, конечно, попросить хозяина снимки, с оплатой, конечно. 2000 страниц — это примерно 56 плёнок. По расценкам библиотеки им. В. И. Ленина будет стоить что-то около 23 руб[лей] плюс два комплекта фотокарточек 4000 × 06 коп[еек] = 240 руб[лей], итак, общая стоимость что-то около 263 руб[лей]. Правильно я подсчитал? Готов принять участие.

Вчера отправил Вам два экземпляра «Иер[архии]». На днях приступаю к второму томику. Займёт примерно до мая. Может быть, печатать выборочно, но, мне думается, ценность его снизится, могу выбрать не то, что более важно, да и на кого рассчитывать? Одному будет сокращение понятно, а другому?

В перепечатанной мне встретились некоторые термины, о которых прошу Ваших разъяснений:

….. дугпа?.. империл?.. материя Люциды?.. Тара?.. Сатиа-Юга?.. рекорды? (какой смысл придаётся?)… ступень «Льва»?.. ткань Ассургины?.. «чаша»?.. Кор Риале… терримл?.. жил при Акбаре, кто Автор?..

Видите сколько Вам работы?! Буду рад понять, что это такое?

Заново переводить «Т. Д» после Рерих??? Я пока не потерял чувство реальности!!! Это стоило бы делать при всех трудностях, если бы не было ничего сделано. А так решайте. Могу поехать в Ригу, если это лучше, но только летом. Письмо прилагаю.

Сердечное спасибо за все Ваши заботы.

Мои, как всегда, самые лучшие пожелания Т. И.

Будьте всегда здоровы!

Ваш — *Портнягин*

27 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

1 апреля 1970 г.

2, Little Rivers,
Welwyn Garden City,
Herts.

Dear Ivan Antonich,

I am most grateful for the information you sent me recently — and the promise to look into the queries I sent you some time ago. Of course, that list is of the books I have been unable to get hold of. Anything not on that list is (or should be!) in my bibliography already. The Novodvorsky I didn't have! So I am really pleased you told me about it. I have ordered the books you mentioned and I have three of them now. The publishers have confirmed that *Epoxy* is indeed about Amazons and I shall ask them to send it to me. I would be grateful if you could ask your American friend to forward the money to

me — I am really ashamed to ask for this, but just at the moment the money situation is not good! I have sent Diana to Paris for a much-needed holiday and so must economise myself. I must therefore rely on your kindness on this occasion. I think it would be best if he brings it — it seems altogether too tempting a book to trust to the post.

I did get the *Second Martian Invasion*, thank you. I should of course be extremely glad to look at *Troika*, but only if you feel it worth sending by post.

I should like very much to go to Heidelberg. It certainly is a beautiful city. I must see if I can do it — it has certainly been in my mind this year. It would be wonderful if you could go to Japan — I shall keep my fingers crossed for you!

The weather there should certainly be better than it is here. It's extremely cold nd we had some snow today.

My WARMEST wishes to you both!

Alan Myers

Литтл Риверз, 2,
Уэлвин Гарден сити, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Спасибо за информацию, что я получил от вас, и обещание заняться присланным мною списком литературы. Конечно, этот список состоит из тех книг, которые я не могу достать самостоятельно. Всё, что не из этого списка, уже есть (или должно быть!) в моей библиографии. Вот Новодворского у меня не было! Рад, что вы мне о нём рассказали. Я заказал книги по вашему запросу, три из них уже у меня на руках. Издатели подтвердили, что «Ипокси[1]» действительно про амазонок, я попрошу выслать это издание мне. Я был бы рад, если бы вы попросили своего американского друга переслать мне деньги[2]. Мне действительно стыдно их просить, но сейчас с деньгами большие трудности. Я отправил Диану в Париж на время, ей нужен отдых, так уж приходится экономить. Поэтому вынужден положиться на вашу доброту. Я думаю, будет лучше, если он отвезёт книги лично, слишком опасно отправлять такой лакомый кусочек по почте.

Получил «Второе нашествие марсиан»[3], спасибо. Я бы действительно хотел взглянуть на «Тройку»[4], но только если вы посчитаете безопасным отправлять её по почте.

Мне очень хочется поехать в Гейдельберг. Несомненно, это очень красивый город. Не знаю, получится ли. Будет просто здорово, если вы поедете в Японию, скрещу за вас пальцы.

Погода там, должно быть, лучше здешней. Здесь очень холодно, и сегодня даже был снег.

Мои САМЫЕ ТЁПЛЫЕ пожелания вам обоим!

Алан Майерс

Перевела Анна Селкина

---

[1] «Ероху» — французский «рисованный роман», выполненный в эротической манере.

[2] Деньги (10 долларов) были на эту цель высланы Эвереттом Олсоном, о чём он пишет в книге «Оборотная сторона медали» (1990).

[3] «Второе нашествие марсиан» (1967) — повесть А. и Б. Стругацких.

[4] «Сказка о Тройке» (1967—1968) — повесть А. и Б. Стругацких.

28 Т. СУЭКАНЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Киото
3 апреля 1970 г.

Многоуважаемый Господин Ефремов!

От души благодарю Вас за Ваш дорогой подарок («Сердце Змеи»), который вчера я получил. Я очень тронут Вашим любезным отношением.

Ваше имя известно у нас в Японии. Ваши книги («Звёздные корабли», «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Дорога ветров» и пр.) уже были переведены на японский язык.

Один переводчик (зовут Н. Иида) усердно переводил Ваши книги. Вот почему я буду лишён возможности переводить Вашу эту книгу. Это мне очень жаль.

Завтра я должен отправиться в Токио и его окрестности. После возвращения снова я напишу Вам письмо.

С глубокой благодарностью за Вашу доброту,
Т. Суэканэ

29 М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

15 апреля 1970 г.

P. O. Box 15033,
Nairobi,
Republic of Kenya,
East Africa

Professor I. A. Efremov,
Ulitsa Gubkina 4, Appt. 40,
MOSCOW V-333, U. S. S. R.

Dear Professor Efremov,

My deepest thanks for sending me a copy of "Andromeda". It is certainly prophetic and displays great erudition: it has a remarkable sense of reality and I have lost myself in it and been borne along in the space ship with the other travelers. One especially feels the elusive quality of our measurement of time, and also the slightly claustrophobic feeling of journeying in space in the small world of the ship.

It is with great delight also that I received your letters which are full of interest, and in which your own personality comes through so well. Russia is to millions of people a land of excitement and mystery, because one never known what is the truth and what is false from the disseminators of "news"! One thing is obvious and that is that the human spirit has no barriers and the well wishers of our wonderful world follow along in a parallel evolution of thought.

Rider Haggard's books were the first to arouse my interest in Africa. I am pleased that we came here long enough ago to have seen it in the last stages of its original form. The changes are so rapid that it is hard to imagine that Armand and I went on foot safaris in some parts of the Continent. Living only eleven miles from Nairobi our greatest problem now is where to park our car. Even so there are certain aspects which cannot be destroyed by "progress". We live on the

edge of the steep ravine which is thickly forested on our side of the river. On the other side of the river the trees are constantly being cut, in spite of legislation to try and guard against their removal. The trees are on the steep slope and there is legislation which forbids the removal of any vegetation, so that river banks should be protected and soil erosion be prevented. Unhappily it is very difficult to stop people from cutting down the trees and grazing their cattle on the steep slopes, in spite of having large areas of land on the flat part. Armand and I have had the painful experience of watching the bank on the other side of the river disintegrate down to bedrock in some places. The little river is beginning to gradually silt up, which is a tragedy as it is an important source of water supply for the National Park. We have personally given thousands of young trees to the people to try and replant, but they have allowed them to die or have moved off elsewhere to destroy more land elsewhere.

We are still struggling to alert people to the dangers of deforestation. I am Vice-President of a Society called "Men of the Trees", and the father of our Attorney General is the President. Chief Josiah Njonjo and I often attend tree planting ceremonies, and our Society donates trees to schools and other organizations. Although the Society is very tiny it seems to have had a great deal of impact on current thought in Kenya. Many of the leaders are becoming tree conscious. Nairobi is sometimes described as "Nairobi, City in the Sun". I am haunted by the phrase "Nairobi, City in the Sand". Professor Pearsall once said to me that "most of the cities of antiquity stand in desert". Why? Because man has destroyed his habitat by removing protective vegetation. This is another aspect of the Karma principle.

It would be wonderful to have my work translated into Russian. I have another book which I would like to send you if I can get a copy in London. Its title is "At Home with Michaela". This was written during the change from colonialism to independence, when hopes were high that we would achieve an ideal society which would be racially harmonious, and which would abolish tribalism, racialism and all the other doctrines which destroy the brotherhood of man. Unhappily this book is now out of print and I shall have to search for a second hand copy for you in London. There is such a large production of books in England that a book is out of print after a year or so, which is extremely sad for the author. It seems a shocking waste of one's time and effort, and many good works are lost in this proliferation of production.

Armand and I are going to Europe on the 25th of April for two months. He has suffered from Parkinson's disease since 1963. There has been a break through in treatment, a new drug "L-Dopa", which apparently has achieved spectacular successes with some Parkinson cases. At least 70% of the patients have benefitted from it. Armand has not been too badly incapacitated. We are naturally excited about the prospects of his being helped by this treatment, which we now feel is safe enough to try, and this is a major reason for our journey. We are staying in London at The White House, Regent's Park, but if our plans go smoothly we shall be back in Kenya in two months' time.

I am enclosing some stamps for you. I admire the Russian stamps on your letters, which I am carefully preserving.

All best wishes and regards to you and your wife and Allan,
Michaela Denis

П. Я. 15033, Найроби
Республика Кения, Восточная Африка

Профессору И. А. Ефремову
Ул. Губкина, 4, кв. 40,
Москва В-333, СССР

Дорогой профессор Ефремов!

Я вам крайне признательна за присланную «Андромеду». В книге, безусловно, есть что-то пророческое, к тому же она демонстрирует вашу огромную эрудицию. Она удивительно реалистична, и я полностью в неё погрузилась, перенёсшись на космический корабль к другим путешественникам. Особенно ощущаешь трудноуловимое свойство времени, физически чувствуешь малость космического корабля во вселенной.

Какой восторг — получать ваши безумно интересные письма, в которых так чётко проглядывает ваша индивидуальность. Россия для миллионов людей — это волнующая страна, полная тайн, потому что никто не знает, что правда, а что ложь в том, что показывают в «новостях»! Очевидно, однако, что у тех, кто задумывается о судьбах нашего прекрасного мира, мысли сходные.

Интерес к Африке и у меня пробудили книги Райдера Хаггарда. Я рада, что мы приехали сюда довольно давно и успели застать остатки первозданности. Изменения столь стремительны, даже трудно представить, что во многих частях континента нам с Арманом во время съёмок «На сафари» можно было передвигаться только пешком. Теперь же в 11 милях от Найроби главная проблема — где припарковать машину. Но есть то, что не должно быть разрушено «прогрессом». Мы живем возле обрывистого склона, который с нашей стороны реки густо покрыт деревьями. На другом берегу реки деревья непрерывно вырубаются вопреки закону, пытающемуся защитить их от полного уничтожения. Существует закон, который запрещает вырубку любой растительности, таким образом речные берега должны быть защищены, а эрозия почвы предотвращена. Но, к сожалению, очень трудно запретить людям вырубать деревья и пасти скот на склонах, хотя есть обширные равнины. Нам с Арманом пришлось с горечью наблюдать, как на противоположном берегу в некоторых местах почва была полностью уничтожена вплоть до материнской породы. Речка постепенно заиливается, и это настоящая трагедия, так как она питает Национальный парк. Мы лично раздавали тысячи саженцев, чтобы люди снова засадили склоны, но они позволили деревцам умереть, а сами переместились, чтобы продолжать разрушительный процесс.

Мы по-прежнему стараемся предупреждать людей об опасности вырубки лесов. Я являюсь вице-президентом общества под названием «Люди деревьев», а отец нашего генерального прокурора — президент. Вождь Джозая Нджонжо и я часто устраиваем обряды посадки деревьев, и наше общество дарит деревья школам и другим организациям. Несмотря на то, что общество совсем небольшое, нам всё же удалось повлиять на настроения в Кении. Многие лидеры стали сознательно относится к деревьям. Найроби иногда называют «солнечным городом-сказкой». Меня преследует ассоциация — «Найроби — город песка». Профессор Пирсол однажды сказал мне: «Большинство древних городов находятся в пустынях — отчего бы это?» Потому что человек разрушил свою среду обитания, устранив защитную растительность. От кармы не скроешься.

Было бы замечательно, если бы мои произведения были переведены на русский. У меня есть ещё одна книга, которую я хотела бы послать вам, если удастся найти экземпляр в Лондоне. Называется «Дома с Микаэлой». Она была написана во время перехода от колониализма к независимости, когда была сильна надежда, что мы сможем достичь идеальной, гармоничной организации общества, где межплеменная вражда, расизм и остальные доктрины, разрушающие братские отношения между людьми, были бы искоренены. К сожалению, допечатки тиража прекращены, но я попытаюсь найти экземпляр для вас в Лондоне у букинистов. В Англии настолько широк рынок книжной продукции, что по прошествии года или около того книгу снимают с печати, что, конечно, печально для автора. Мне это представляется прискорбной потерей времени и сил, из-за печатного бума многие интересные вещи просто исчезают.

Мы с Арманом 25 апреля собираемся поехать в Европу на два месяца. Он страдает от болезни Паркинсона с 1963 года. Но недавно произошёл прорыв в способах лечения — появилось новое лекарство «Л-Допа», которое показало блестящий результат у некоторых пациентов с болезнью Паркинсона. По меньшей мере 70% из них испытали улучшения. Подвижность Армана пока не сильно ограничена. Мы, естественно, с нетерпением ожидаем шанса вылечиться с помощью этого препарата, который, мы думаем, вряд ли может навредить. Ради этого и едем. Мы остановимся в Лондоне, в Белом Доме, что возле Ридженте-парка, и если всё пройдёт гладко, то вернёмся в Кению через два месяца.

Вкладываю несколько марок для вас. Я восхищаюсь русскими марками на ваших письмах, которые я в свою очередь бережно храню.

Желаю всего наилучшего вам, вашей жене и Аллану,
Микаэла Денис

Перевела Лариса Михайлова

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

30

18 апреля 1970 г.

Dear Ivan Antonich,

I have confirmed with George Proffer that *Epoxy* is indeed about Amazons and I have received confirmation that they have received a copy for you. I have sent you all you PAN books (with the exception of "YUK") and will be interested to hear when you get them. They are in 3 packets (2+1+1).

Your Alan

Дорогой Иван Антоныч!

Я уточнил в издательстве «Джордж Проффер», что Ероху[1] действительно об амазонках и также получил от них подтверждение, что они получили экземпляр для вас. Я отправил вам все заказанные книги издательства «Пан» (кроме «YUK») и хотел бы получить от вас весточку, когда они поступят. Они в трёх пакетах (2+1+1).

Ваш *Алан*

Перевела Лариса Михайлова

[1] См. Примечание к письму А. Майерса от 1 апреля 1970 г.

31 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ

Москва
13 мая 1970 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Сегодня отправил Вам ценной посылкой Ваши книги + сборник моих рассказов + русско-хинди словарь (только для заполнения ящика — под рукой оказался лишний экземпляр).

«Час Быка» обещают издать в начале июня, тогда пришлю его Вам.

Теперь относительно «Т[айной] Д[октрины]». Это замечательно, что есть перевод, но страшно, что в единственном почти что экземпляре. Нельзя ли перефотографировать его на плёнку? Может быть, Вы найдёте у себя порядочного человека, которому можно сие препоручить, не вынося из дому? Я бы взял расходы на себя, особенно после выхода «Часа Быка», когда я буду относительно на коне. Никакого особого спеха в этом деле нет, как сами видите, однако время идёт, и люди уходят, обстановка меняется. Пока есть верный «иог»[1] в Пензенской области, который перепечатывает мудрость для себя и близких, можно бы, сняв плёнку, послать её ему для огромной работы по перепечатке. Ну и пусть понемногу, год за годом выполняет это, себе в заслугу.

Если у Вас нет под рукой фотографа, то, может быть, сей «иог» летом, в отпуск, приедет к Вам и быстро — в два-три дня переснимет?

Не откажите в любезности написать, что Вы думаете о моих проэктах. Совестно загружать Вас всем этим, но ведь как иначе? Тонка и узка ленточка…

Жаль, что я сам из-за болезни не передвигаюсь дальше при-Московья…

Как Ваши дела с НКР-изданием[2]? Слыхал, что будто к нам собирается Святослав Николаевич?

Будьте здоровы и всего Вам светлого.

Искренне Ваш
И. Ефремов

32 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Москва
14 мая 1970 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Огромное спасибо за присланную библиографию. Ради Бога, не считайте себя не только в чём-то виноватым, но и вообще обязанным доставать эти библиографические справки. Ведь когда-то Вы ими заинтересовались и решили, что будет обоюдная польза, а также что эти справки будет доставать в основном некий свердловчанин, работающий над библиографией.

Если некогда и если списки, присылаемые М., ничего Вам не дают, так и бросьте заниматься этим. Право же, Ваше время слишком дорого для простой библиографической работы, да ещё парти де плезир[3]!

---

[1] Имеется ввиду Г. К. Портнягин.
[2] Имеется в виду издание книги «Рерих», автором которой являлся П. Ф. Беликов.
[3] Partie de plaisir (фр.) — увеселительная прогулка.

Я думаю, что Вы правы и что, если выйдет библиография Ляпунова, Бугрова (как её достать?) и тем более капиталише Унтерзухунген[1] Бритикова, то, послав всё это Майерсу, мы исчерпаем стоящую библиографию, и хватит с него!

Но, в самом деле, книга Бритикова выйдет в «самое ближайшее время»? Дело в том, что он прислал мне вёрстку, я предположил — для прочтения и замечаний, но если никаких замечаний уже внести нельзя, так я не буду сейчас этим заниматься, а буду читать уже книгу, после того как допишу «Таис».

«Быковый Час»[2] тоже двинулся неожиданно быстро, обещают чуть ли не к июню уже издать. Разумеется, пришлю Вам сразу же, как получу авторские! Очень уж хороши рисунки!

Очень доволен, что Мееров написал интересную вещь. Я всегда ему симпатизировал. А этот Ваш ленинградский сборник — не тот, где есть и моё предисловие к Ольге Ларионовой? Её надо издавать, она пишет подходяще…

А немца Гислера надо повесить на заборе — он нахальноват, как все немцы! Хорошо, что Вы проедетесь и отдохнёте, но жаль, что в Германию. Не люблю я этой ферфлюхте[3] страны! А ведь как я интересовался Германией в начале своей научной карьеры. Только после I-й мировой войны вся наука была в руках немцев (при помощи евреев, правда!). Ну, это уже давно прошедшие эмоции.

Сердечный привет Вам от Таисы Иосифовны и меня. Будете в Москве — милости прошу, а если предупредите заранее, то будете накормлены чем-то особо вкусным. Будьте здоровы!

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
19 мая 1970 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Я действительно хворал, но в марте-апреле ещё и ремонтировалась квартира, почему в моё отсутствие накопился ворох почтовых дел, и я только на днях отправил владельцу присланные Вами книги. Я написал ему запрос о возможности сделать фотокопию Т. Д., даже предложив ему, что ежели у него это сделать некому, то от нас приедет эмиссар с фотоаппаратом. Буду ждать ответа. Говорят, что в июле должен приехать Святослав Николаевич, тогда я с ним встречусь «ин персон»[4], как говорят англичане.

Большущее Вам спасибо за рукописи — это был отличный подарок ко дню рождения, не «тезоименитства», которое не очень-то яркое, поскольку 24 апреля Иоанн какой-то невзрачный, состоял у кого-то в учениках и сам ни-

[1] Капитальные исследования (искаж. нем.).
[2] «Час Быка».
[3] Vervlucht (нем.) — проклятый.
[4] In person (англ.) — лично.

чем не отличался. Зато родился я в Радоницу, и тем самым сама судьба мне предназначила быть палеонтологом.

Мне сдаётся, что Вы не поняли Елены Ивановны. Она говорила о непригодности хатха-иоги как пути восхождения, вовсе не противопоставляя отдельные этапы лечения и укрепления физического тела восхождению в иных планах. Конечно, страдание — важный фактор на Пути, но оно должно иметь меру, иначе духовная сторона окажется приниженной и задержанной на Пути.

Поэтому нельзя оставлять привычных укрепляющих упражнений, потому что они не оказывают никакого иного влияния на Ваш духовный рост, кроме вспомогательного, — ведь Вы очень далеки от полного хатха-иогического комплекса, так о чём же тревога?

К вопросу об Учителе. Думается, что явление Учителя произойдёт после того, как поставленные Вами самому себе вопросы будут настолько глубоки и далеки (в смысле «дальнобойности»), что Вы никак не сможете сами найти ответа. А пока Учителя нет — значит, Вы ещё в состоянии находить ответ сами. Выбор учителя должен быть ограждён от желания опереться в минуту слабости и переложить своё искание на высшего — в этом смысле надо понимать готовность ученика и кажущуюся свободу выбора, которой нет, так как Учитель, вне зависимости от Вашего выбора, должен появиться в надлежащий момент, а не тогда, когда Вы вообразили, что его нашли.

Отсюда ещё одно следствие: чем способнее ученик, тем дальше Учитель. Или в иной терминологии, — чем дальше Вы продвинуты в прежних воплощениях, чем легче Карма, тем дольше не появится Учитель. Этого нельзя понимать абсолютно, так как очень сильная продвинутость даёт контакт с Учителем почти сразу с детских лет…

Большой привет Вам от Таисы Иосифовны. Когда собираетесь в Московию?

Ваш И. Ефремов

П. С.: Просмотрел ещё раз Ваше письмо и вижу, что не ответил ещё на одно. Рерих говорит, что каждый должен выбрать себе Учителя, ещё стремясь к Пути. Это вовсе не значит, что Вы рыщете и находите некую личность. Отнюдь! Вы выбираете себе одного из великих Учителей человечества в том смысле, что это может быть Будда, а может быть и Христос, или кто-либо из Бодисаттв, или ЕПБ, или даже отец «Розенкрейцер» и т. д. Иными словами, Вы дисциплинируете себя в той религии, или философии, или науке, какая Вам больше по душе, будь то хоть Гиппократ или Ауробиндо. Иными, опять же, словами, Вы набираете определённую кармическую высоту, а дальше идёт уже познавание.

И. Е.

А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВ

19 мая 1970 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr, Efremov:

It was very pleasant to get your letter of April 28th, and I will be looking forward to seeing you and your colleagues. Your country, as well as mine, seems to have a lot of rather inefficient bureaucrats, and I do not as yet have confirmation on the details of our stay in Russia. If all goes well, however, my wife and I will arrive in Moscow on August 29th, after attending the Anatomical Congress in Leningrad and taking a six-day trip to Tashkent and Samarkand.

I am sorry that I will not coincide in my time of visit with Olson; as you may know, he was about my first and about my best graduate student, and I am very fond of him.

As regards taphonomy in relation to the Greer amphibian locality, I cannot myself be of any use to you, since I have never visited the place. The horizon is a thin shale band over a very thick limestone near the top of a 25-meter cliff, and hence is very difficult to work. Both my assistants and others have in past years got a considerable amount of fragmentary material from the Greer locality, but it is only recently that good specimens have become available. Why don't you drop a note to Mr. John Burke, who was, in his youth, at the Pittsburgh Museum but is now at the Cleveland Museum of Natural History? He is the person most familiar with the locality. I have just heard that Burke offers plan to visit Greer next month.

I am sorry that you will have to miss the Congress of Science Fiction writers in Japan. I am not too familiar with the field, and my bedside reading has been rather along the lines of murder stories rather than science fiction. Perhaps one reason for my choice is that when one shifts from one science fiction writer to another, one must grasp a brand new set of basic assumptions, and hence works of this sort are not as conducive to sleep as murder stories; I can go to sleep peacefully just as the dagger is about to be inserted into the victim!

Sincerely,
Alfred S. Romer

P. S. There seems to be some mix-up on dates with "Intourist"; we may have to come to Moscow a week earlier, take the trip to Tashkent etc. afterward.

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой доктор Ефремов!

Я был очень рад получить Ваше письмо 28 апреля и с нетерпением ожидаю встречи с Вами и Вашими коллегами. У вас в стране, так же как и в моей, похоже, немало малоэффективных чиновников, и я до сих пор не получил подтверждения деталей нашего пребывания в России. Если, несмотря на это, всё пойдёт хорошо, мы с женой приедем в Москву 29 августа после участия в Анатомическом конгрессе в Ленинграде и шестидневного тура в Ташкент и Самарканд.

Приношу свои извинения за то, что у меня не получится совпасть по времени с Олсоном; как Вы знаете, он один из моих первых и один из лучших аспирантов, и я очень хорошо к нему отношусь.

Что касается возможности применить тафономию к изучению Грирского местонахождения амфибий, я не могу ничего сказать, так как никогда там не был. Горизонт представляет собой тонкий слой сланцевой глины над очень толстым слоем известняка почти на вершине 25-метрового утёса, и, следовательно, очень трудный для работы. И мои ассистенты, и другие учёные получили за последние годы существенное количество фрагментарного материала из Грирского местонахождения, но только совсем недавно были получены действительно хорошие образцы. Почему бы Вам не написать господину Джону Бурке, который работал в молодости в музее Питсбурга[1], а сейчас трудится в Кливлендском музее естественной истории. Он лучше знает данное местонахождение. Я недавно слышал, что Бурке намеревается съездить в Грир в следующем месяце.

Сожалею, что вы не смогли попасть на конгресс писателей-фантастов в Японии. Я не слишком знаком с этой областью, по вечерам я обычно читаю детективы, а не научную фантастику. Вероятно, причина моего выбора в том, что при переходе от одного писателя-фантаста к другому необходимо каждый раз улавливать смысл нового набора основных предположений, что не особо способствует сну в отличие от предсказуемого чтения детективов: не успевает ещё занесённый кинжал вонзиться в жертву, как я засыпаю.

Искренне,
Альфред Ш. Ромер

P. S. Существует вероятность изменения дат в туре «Интуриста»; мы можем приехать в Москву на неделю раньше, а в Ташкент и прочие города поедем уже после.

Перевела Марина Степанова

35 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

22 мая 1970 г.[2]

Dear Prof. Efremov,

Thank you for your letter. Please excuse my slowness in replying. As usual, I have been too busy for correspondence. We were very sorry to learn how ill you and your family have been, and hope you are better now. Influenza can indeed be a nasty thing.

I also hope that you have gotten the books I sent. I went ahead and sent still another package about a month ago. It would scarcely have reached you yet under any circumstances, surface mail being slow. The problem does not likely lie in our local post office, which is unusually good. (I have to confess that the United States mails these days are generally in poor shape, due to inadequate funding and bad

[1] Музей естественной истории Карнеги в Питсбурге.
[2] Датируется по московскому штемпелю.

management practices.) Probably packages go astray elsewhere; it is, after all a long line of communication, with many chances for error or theft.

If you do get the second lot, it will include an old book by Gordon Dickson and myself, recently reissued in paperback. I hope the stories in it will amuse you. They are only for fun. The reason for depicting the future world as dominated by a revived British Commonwealth was simply that we needed a background which would look familiar to the average Anglo-Saxon reader — so he could relax and enjoy the humor — and we did not want to seem like American chauvinists. In my next package I will include a more serious novel, published only this month; since one of the important characters is a Russian, it will be interesting to find out how well or badly you think he has been depicted.

I have been working rather frantically to get the decks cleared before we leave for Europe.

Our departure date is 12 June, though since my wife has been summoned to jury duty we may perhaps have to modify it. We will land in Luxembourg and proceed from there. Thank you very much for the information about travel in the USSR. I don't yet know if we can manage to get to your country this year, with all else that there must be reached. (We have relatives and old friends scattered over half the continent, who would be hurt if we did not pay them a call.) But if at all possible we certainly will — otherwise next time! Part of the difficulty this year will be timing. Not only is there the Heidelberg convention in August, which for tax reasons we must attend; our daughter is arriving later than us, and we have promised her a visit to Britain. (It is, after all, the mother country for Americans.) What I must do in the next few weeks is investigate scheduling, etc. in more detail; then I will let you know before we leave, whether to expect us or not.

There is even a possibility that we might meet in Japan, if not Moscow! You say you have been invited there, and there is talk of bringing some Americans and other science fiction writers too.

But this is still quite indefinite and I dare not count on it.

— On the personal side, besides being hard at work at the desk, I have had occasion to travel a certain amount, giving lectures at various colleges. Some of these experiences have been rather shocking (for instance, New York City seems to have degenerated beyond belief in the few years since I was there last; and more than one native New Yorker remarked on it to me) but others heartening. Almost all the young people I meet strike me as being quite sensible. Of course, they are not identical with my generation. The future will be different from the past. But hasn't it always been?

I also took part in a tournament again, and got a blow that crippled an arm for some days. Well, if one is foolish enough to play in a rough sport against men who are mostly 20 years younger, this must be expected. I plan to retire from active participation in about one more year. This tournament was rather special for me, though. Because her champion had won the crown in the last one, my daughter was queen!

There is a great deal of mail to answer, so this must now be closed, with best wishes to all.

Sincerely,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю за письмо. Прошу извинить за нескорый ответ. Как обычно — слишком занят, чтобы сесть за письма. С сожалением мы узнали, что вы все так сильно болели, надеемся — теперь вам лучше. Грипп — поистине мерзкая болячка.

Также надеюсь, что посланные книги уже получены. Не дождавшись подтверждения, я около месяца назад отправил ещё одну посылку. Хотя при наблюдаемых скоростях наземной пересылки она вряд ли могла ещё добраться до вас. Не думаю, что проблема со стороны нашего местного почтового отделения, которое работает на диво чётко. (Хотя должен признать, что почта в США не в лучшем состоянии из-за недостатка финансирования и плохого управления.) Скорее всего, посылки застревают или пропадают где-то ещё; в конце концов, расстояние велико и по дороге множество шансов для возникновения ошибки или воровства.

Если эта вторая партия книг до вас доберётся, там есть наша старая совместная с Гордоном Диксоном книга, недавно переизданная в мягком переплёте[1]. Надеюсь, вошедшие в сборник рассказы вас позабавят. Они совершенно несерьёзные. Причина, по которой мы изобразили мир будущего под властью возродившегося Британского Содружества, связана исключительно с необходимостью предоставить среднему англо-саксонскому читателю знакомый антураж, чтобы он мог расслабиться и наслаждаться юмором, к тому же мы не желали выглядеть американскими шовинистами. В следующую посылку я включу более серьёзный роман[2], опубликованный в этом месяце. Там один из главных персонажей — русский, и мне бы хотелось узнать, насколько он мне удался.

Я трудился последнее время не покладая рук, стараясь выполнить все обязательства до отъезда в Европу.

Дата отъезда — 12 июня, хотя из-за того, что жену вызвали в суд в качестве присяжной, возможно, придётся перенести дату вылета. Мы прилетим в Люксембург и дальше двинемся уже оттуда. Большое спасибо за информацию об особенностях путешествий в СССР. Ещё не знаю, успеем ли мы попасть в вашу страну в этом году с учётом всех тех мест, куда мы должны добраться. (Наши родственники и старые друзья, разбросанные по половине Европы, страшно разобидятся, если мы их не посетим.) При малейшей возможности — постараемся, если же нет — в следующий раз! Частью виноват выбор времени. Дело не только в том, что конвенция в Гейдельберге, где мы обязательно должны оказаться по причинам, связанным с налогообложением, будет в августе, а ещё и в том, что дочь прибывает в Европу позже нас, а мы пообещали ей визит в Великобританию (ведь это для американцев — страна происхождения.) За оставшиеся несколько недель я подробнее проштудирую наше расписание и прочие детали и уже определённо скажу ещё до отъезда, ждать нас или нет.

Остаётся ещё возможность встретиться в Японии, если не в Москве! По вашим словам, вас туда пригласили, и поговаривают, что японцы собираются пригласить нескольких американских писателей тоже.

---

[1] Скорее всего, имеется в виду сборник рассказов Андерсона и Диксона Earthman's Burden (1957) — «Бремя землянина».

[2] Андерсон П. Тау-ноль. 1970.

Но всё это весьма неопределённо, и рассчитывать на это я не смею.

Сам же я помимо работы за письменным столом ещё ездил по приглашению различных колледжей читать там лекции. Некоторые места меня при этом неприятно поразили (скажем, за несколько лет с последнего посещения Нью-Йорк очень сильно деградировал, причём сами жители города мне тоже на это сетовали), но иные — порадовали. Почти все молодые люди, с которыми я встречался, произвели впечатление вполне разумных и сознательных. Конечно, они не похожи на моих сверстников. Будущее отличается от прошлого — но ведь так было всегда, не правда ли?

Ещё я снова принял участие в турнире и пропустил удар, на несколько дней почти парализовавший мою руку. Чего же ожидать, если ввязываешься в состязание с мужчинами лет на двадцать тебя моложе. Я планирую оставить ристалища через год. Но этот турнир был для меня особенным: поскольку рыцарь дочери в прошлый раз был победителем, она была на нём королевой!

Ещё нужно ответить на много писем, поэтому завершаю, посылая всем свои наилучшие пожелания.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

Д. и А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

23 мая 1970 г.

2, Little Rivers,
Welwyn Garden City,
Herts.

Dear Ivan Antonich,

I'm glad to hear you've received the Bond books and the *Seduction Agent*. I did manage to find *Yuki* as well, and sent it off some time ago — you should have got it by now. The fourth book is a rather controversial one by Harrison Salisbury and it's possible that it's been held up on the way somehow. The other two books from the *New English Library* are also on order and I should be sending them shortly. You should also be up to date with your film magazines.

I called at the London office of Proffers but they were closed — I had forgotten it was holiday weekend here. Anyway, Professor Olson has been in touch with me and I shall be sending *Epoxy* to him on Tuesday, probably.

An S. F. fan here wrote to me and told me he thought *The Second Martian Invasion* was the second best story to appear in Russia since the War! What do you think of that? O vkusakh nye sporyat. Anyway I'd be very glad to get anything by the brothers published since *Ulitka*, if you can possibly manage it.

The weather here is really wonderful and I am in control of my garden at last, after about three weeks' work. It certainly looks good, especially the laburnum — in Russian "Golden Rain" so Diana tells me. Our thoughts are often with you and we hope against hope that you will able to go to Japan. I shall probably visit Heidelberg on the way back from Italy.

I have been very busy recently as a result of my father's death in April, and of course this has affected me deeply. One loses one's sense of reality to some extent. He had been in poor health for a number of years but, of course, such things are always a shock.

Yours affectionately,
Diana and Alan Myers

Литтл Риверз, 2
Уэлвин Гарден сити, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Рад слышать, что Вы получили обе книги Бонда и «Агента обольщения». Мне удалось найти «Юки»[1], и я отправил роман вам некоторое время назад, Вы должны были его уже получить. Четвёртая книга — Харрисона Салисбери — достаточно спорна, возможно, она могла задержаться в пути. Другие две книги «Новой английской библиотеки»[2] уже заказаны, вскоре я их вам вышлю. И журналы о кино должны были вам самые свежие уже поступить.

Я звонил в лондонское бюро «Профферз», но они не работали, я забыл, что в те выходные был праздник. Так или иначе, профессор Олсон связывался со мной, и я смогу послать ему «Ипокси» во вторник, скорее всего.

Один любитель научной фантастики написал мне, что лучше «Второго нашествия марсиан» он рассказов из России не читал после войны! Что Вы об этом думаете? О вкусах не спорят! Я был бы рад получить что-нибудь братьев[3], опубликованное со времён «Улитки», если это вас не затруднит.

Погода здесь действительно замечательная, и я наконец, потратив недели три работы, сладил с садом. Особенно красиво смотрится laburnum — «золотой дождь» по-русски, как сказала мне Диана. Мысленно мы всегда с вами и надеемся, что вы чудесным образом поправитесь и поедете в Японию. По пути из Италии я постараюсь заехать в Гейдельберг.

Последнее время я очень занят, кончина отца в апреле подействовала на меня сильнейшим образом. Теряется ощущение реальности. Он уже несколько лет был в не очень добром здравии, но всё равно к этому никогда нельзя быть готовым.

С любовью,
Диана и Алан Майерс

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] Роман Рональда Киркбрайда «Юки», вышедший в издательстве «Пан» в 1967 г.

[2] New English Library (NEL) — основанное в начале 1960-х гг. американское издательство, публиковавшее фантастическую и приключенческую литературу.

[3] Речь идёт об А. и Б. Стругацких и их произведениях «Второе нашествие марсиан» и «Улитка на склоне».

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

37

Лос-Анджелес
24 мая 1970 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

I greatly enjoyed your letter which awaited me on my return to Los Angeles from field work. First, I have sent the check to England and trust that Epoxy will arrive in due time and that I can bring it with me. I have not run down Korovas (Corovaz) yet, but will. The hypos should pose no problem. Our trip is still on as scheduled and I greatly look forward to it and to seeing you, as does my wife, Lila. It will be truly marvellous to get together with you once again.

My big book is progressing, it will be out in February 1970 if all goes according to schedule. I hope it is good, although sometimes, as we all must, I wonder about it. Is it out of date, in philosophy rather than content, before it gets out? I must someday put my thoughts in order and do something really significant — but I am sure we all feel that way, and so few do.

For what I attempted the field trip was very successful. I have obtained excellent collections for UCLA and now have some good new things to work on. We obtained considerable material from the old San Angelo Quarry. I am not sure, but it looks like I might have some elements of a small "therapsid" from there, not the same thing as before. But this will await preparation, which, of course, will be slow. I also obtained good materials from several of my Oklahoma localities. Recently a paper describing some of these came out and when I get reprints (Lord I can't type today) I will send some along. On the way back I looked over areas and exposures of San Angelo which I have not visited before, mostly in preparation for work in years to come. I am amazed at the extent of exposures. South from our area, they crop up intermittently for about 150 miles and the areas are big and the formation very thick. It gradually changes character. I could spend the rest of my life just hunting in these beds. Very possibly in places it is considerably younger than to the north where I have worked.

Your comment of possible cooperative work along paleobiogeographic lines with your Institute of course intrigues me immensely. I can think of nothing that I would rather do. Given a chance to spend some time along these lines in your country, I would go to work on my spoken "if any" Russian and put it in good shape. Right now it is awful. Anyhow, I would love to talk this over and with any such possibilities see what sort of cooperative venture could be partly sponsored from this side of the ocean.

I have been reading and studying the many books and pamphlets that you have sent me, concentrating on the Uzbeck region. I am thoroughly fascinated with this area and await with impatience the opportunity to see it. The guidebook in Russian is remarkably good and has a great deal of valuable information. The English version sounds like out tourist guide, which always lead me to wonder if there is not at least one unhappy, indigent person in the region. If any one doubts where the garden of Eden really was, I will send him this book, I don't recall reading about "figs" but they must be there on the pa[g]es somewhere. Snakes are OK, I see.

While in the field I picked up an "England Swings" Science Fiction volume. All I can say is that I must have gotten off the train at an earlier stop. I don't know what these people are writing about. It seems to me that there is a remarkable retreat to mysti-

cism, and yet somehow there is supposed to be an empirical base, I wonder if you get the feel of this retreat in Russia, it seems to me very strong here, almost a fantasy world with a vaguely biological worship. If one could combine Herbert Spencer and Barry's Peter Pan, salted with a bit of Freud, maybe this mixture would come out. I sense a feeling that all men have great dignity and purity, that each is something intrinsically good, except for those who have misled the world and forced the young to bring their offspring into a hostile environment. The only thing I find agreement on, and no one ever seems to raise the issue, is that there is thought to be a common and universally true ethic so that any act that is unpopular is challenged on a moralistic basis, by being called immoral. But that there is such, is nonsense. Jokingly at a "Sunday Breakfast" for a couple of my close friends here, with wives, I proposed a set of premises, 1. all men are created unequal; 2. let alone, they will not generally be gentle, loving, moral creatures; 3. most grow up to be S.O.B.'s; 4. The University hasn't got a damned thing to do with it (The Chairman of Zoology was there). Face this and maybe we can make some sense. Remember, this was in jest, trying to emphasize that this moral-rationalistic-idealism that is being preached ignores the source of its base, in fact never tries for a moment to go beyond problem solving of the faddy "worst -thing" of right now.

Don't tell my students about this. I want them to find it out the hard way.

So we should have some fine conversations in August, for I find that you, more than most anyone I know, operate from a broad, thoughtful base, so that something more than verbalization emerges.

But, enough of this. Please give my regards to your wife. I am delighted that Peter will be around and also that the Permian will benefit from his renewed attention. I am not quite sure how to interpret that he will "meet me at the Airport". Will he be able to be around, or just make a quick trip? I don't know just how I will be tied up by my Tour at the Airport. Obviously the tour manager will see us through Customs and then probably want to herd us all together to the Hotel, whatever Hotel that my be. Anyhow, I will keep in touch and see how things develop.

My very best regards, as ever,
Your friend,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

С удовольствием прочёл Ваше письмо, дожидавшееся моего возвращения в Лос-Анджелес из экспедиции. Во-первых, я уже отослал чек в Англию и думаю, что «Ипокси»[1] успеет придти, чтобы я привёз книгу с собой. Короваз[2] я ещё не обрёл, но отыщу. Шприцы — не проблема. Сроки нашей поездки без изменений, и мы с женой Лайлой ожидаем её начала с превеликим нетерпением, чтобы наконец повидать Вас. Будет просто замечательно снова оказаться рядом с Вами.

Дела с публикацией моей большой книги движутся, она должна выйти в феврале. Надеюсь, она получилась хорошей, хотя порой, как бывает, меня

[1] «Ипокси» — см. примечание к письму Алана Майерса от 1 апреля 1970 г.

[2] *Короваз* — препарат пролонгированного действия, применяющийся для лечения и профилактики приступов стенокардии.

охватывают сомнения. Не устареет ли в философском отношении, а не в содержании, прежде чем увидит свет? Необходимо привести мысли в порядок и сделать что-то по-настоящему фундаментальное — уверен, всех посещают такие мысли, и так мало кому удаётся выполнить желаемое.

Экспедиция реализовала поставленные задачи с лихвой. Я собрал замечательную коллекцию для Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и обрёл кое-какие новые образцы для работы. Существенный материал добыт из формации Сан-Анджело в старом карьере. Пока не уверен, но, похоже, я отрыл-таки ещё фрагменты «маленькой» терапсиды оттуда, хотя и другого экземпляра. Конечно, всё ещё требуется отпрепарировать, что будет небыстро. Кроме того, я раздобыл хорошие материалы из нескольких местонахождений в Оклахоме. Недавно уже вышла статья с описанием некоторых находок, и при получении оттисков (сплошные опечатки сегодня!) пришлю Вам. На обратном пути я осмотрел обнажения Сан-Анджело, где раньше не бывал, намечая будущий фронт работ. Общая площадь их поражает. К югу от прежнего места раскопок они тянутся с некоторыми перерывами ещё миль на 150, причём большими площадями и очень толстым слоем. Характер отложений постепенно изменяется. На этих местонахождениях можно копать до конца жизни. Вполне вероятно, что местами отложения значительно моложе, чем в северной части, где я работал ранее.

Ваше замечание о возможности совместной работы по палеобиогеографии с Вашим институтом меня сильно заинтриговало. Я ничего бы так сильно не желал. Если бы удалось организовать работу по этой линии у вас в стране, я бы активировал своё владение разговорным русским. Сейчас оно в ужасной форме. Но я бы хотел обсудить это подробнее и при малейшей возможности буду выяснять, каким образом такая совместная работа могла бы получить частичную поддержку с этой стороны океана.

Я читал и рассматривал множество книг и присланных Вами буклетов об Узбекистане. Этот регион вызывает у меня живейший интерес, и я с нетерпением ожидаю времени, когда смогу его увидеть. Русский путеводитель очень интересен и информативен. Английский же вариант — типичная картинка специально для туристов, при чтении очередной такой книжицы у меня всегда возникает вопрос: да есть ли хоть один несчастный местный житель в описываемых краях? Если у кого-то есть сомнения, где находится рай на Земле — я пошлю ему этот буклет. Не помню, упоминались ли там смоковницы, но если поискать — должны. Со змеями там всё в порядке.

Во время экспедиции я купил где-то по дороге томик «Англию охватила фантастика»[1]. Что ж, вынужден признать, мой поезд ушёл. Не знаю, о чём пишут эти люди. Мне видится явный уход в мистицизм, несмотря на признание некой эмпирической базы. Не ощущаете ли Вы подобного отступления в России? Здесь оно очень заметно, вымышленные миры со смутным поклонением биологии. Подобный результат получается от некоего сочетания Герберта Спенсера и «Питера Пэна» Барри, приправленных толикой Фрейда. У читателя создаётся впечатление, что все люди внутренне чисты и благородны, каждый добр от природы, кроме тех обманщиков, кто побуждает молодёжь

[1] «Англию охватила фантастика» (England Swings SF: Stories of Speculative Fiction. Ed.Judith Merril, 1968) — репрезентативный сборник английских фантастов «новой волны», прорекламировавших своё появление в 1964 году и сочетавших модернистские формы и остроту «табуированных» прежде тем — насилия, секса и религии.

рожать детей во враждебном окружении. Сходятся они лишь на одном, хотя не объявляют открытым текстом: подразумевается существование некоей универсальной истинной этики, поэтому любое непопулярное действие встречает возражение с точки зрения морали и именуется безнравственным. Но ведь само существование подобного — бессмыслица. Как-то на воскресном завтраке для пары самых близких друзей с жёнами я в шутку предложил набор постулатов: 1. Все люди созданы неравными; 2. Если их оставить без внимания, они не будут проявлять качеств дружелюбия и доброты; 3. Большинство вырастет негодяями; 4. Университет тут ни при чём (присутствовал декан факультета зоологии). Если всё это принять, возможно, удастся куда-то продвинуться. Напомню — это было сказано в шутку, для того чтобы подчеркнуть опасность игнорирования основы морально-рационалистического идеализма в стремлении устранить признанное на данный момент «самым-самым» зло.

Не рассказывайте об этом студентам, пусть поймут на своём опыте.

Поэтому в августе нас ждут замечательные темы для бесед, ибо никто из моих знакомых лучше Вас не способен приникнуть в суть проблемы, и из-за широты и глубины воззрений результатом становится большее понимание, а не просто разговор на тему.

Но довольно об этом. Передайте моё почтение Вашей жене. Очень рад, что Питер будет в дни моего визита в Москве, а также что он осчастливит пермский период своим возобновившимся вниманием. Не совсем уверен, что означает «он встретит в аэропорту». Сможет ли он остаться с нами или просто приедет поприветствовать? Не уверен, насколько я буду обязан держаться группы в аэропорту. Вероятно, менеджер туристического бюро проведёт нас через таможню, а затем захочет всех вместе отвезти в гостиницу, пока мне неведомую. Но я буду держать в курсе развития событий.

Как всегда, с наилучшими пожеланиями,
Ваш друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

38 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 мая 1970 г.

28.5.70.
2, Little Rivers,
Welwyn Grden City,
Herts.

Dear Ivan Antonich,

Just a brief letter to thank you very much indeed for the information on bibliography which I was greatly in need of. I am working through it with great interest. I got a letter from Professor Olson enabling me to get *Epoxy* in London two days ago. I sent it off today by registered post and he should get it in 7-14 days or so they tell me.

With kindest regards,
Alan Myers

Литтл Риверз, 2
Уэлвин Гарден сити, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Пишу кратко, просто чтобы поблагодарить за присланные уточнения по библиографии, которые были мне очень нужны. Я с большим интересом теперь прорабатываю эту информацию. Получив письмо от профессора Олсона, я смог обрести в Лондоне «Ипокси» два дня назад. Сегодня я отправил книгу ему заказной бандеролью, которую он, как мне сообщили на почте, должен получить через одну-две недели.

С самыми добрыми пожеланиями,
Алан Майерс

Перевела Лариса Михайлова

А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 39

1 июня 1970 г.

2, Little Rivers,
Welwyn Grden City,
Herts.

Dear Ivan Antonich,

I have been working through bibliographical material you sent me recently and which has proved to be of absorbing interest. I certainly hope that the remaining belie pyatna will be eliminated by your industrious friends. Please let them know, by the way, that I'm extremely grateful to them and hope it didn't cost them too much effort. I am at lst in the position to send you the missing letter Б with my normal plea for help in this matter. Incidentally, which 'letters' have you now received from me? Is it up to zh or to P? I seem to have got a bit confused about it! I hope you've got the books about Lesbos etc. by now.

Not previously sent:

С. Горбатов: Страна без возврата (подробностей нет у меня)
И. Железников: Блохи и великаны (Вокруг Света 18 1929)
Вы сможете мне прислать книгу
Святловский В. В. Русский утопический роман (Петербург ГИЗ 1922 52 с)
Мне она очень нужна!

Yours ever, *Alan Myers*

Литтл Риверз, 2
Уэлвин Гарден сити, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Я работал с библиографическим материалом, который вы мне недавно прислали и который оказался очень увлекательным. И, конечно, надеюсь, что вскоре благодаря помощи ваших трудолюбивых друзей исчезнут последние «белые пятна». Пожалуйста, дайте им знать, что я им весьма благодарен и надеюсь, что не слишком их затруднил. Наконец я закончил с пропущенной буквой «Б» и могу отправить список вам с обычной просьбой о помощи. Кстати, списки на какие буквы вы уже от меня получили? До «Ж» или до «Р»? Я что-то подзабыл! Надеюсь, вы уже получили книги о Лесбосе и пр.

Раньше не присылались:
С. Горбатов: Страна без возврата (подробностей нет у меня)
Н. Железников: Блохи и великаны («Вокруг Света», 18 1929)
Вы сможете мне прислать книгу
Святловский В. В. Русский утопический роман (Петербург ГИЗ 1922 52 с)
Мне она очень нужна!

Всегда ваш
Алан Майерс

Перевела Лариса Михайлова

40 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
4 июня 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Спасибо за письмо. Действительно, встреча с Св[ятославом] Ник[олаевичем] может быть интересной и перспективной. Вы как-то писали о возможности контактов со вдовой Юрия Ник[олаевича] и использования её библиотеки. Что из этого вышло?

Простите моё невежество, но я, право, не знаю, что такое Радоница и почему это связано с палеонтологией???

Что Хатха-йога — это НЕ ПУТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ, совершенно ясно, но Ел[ена] Ив[ановна] писала в своих письмах, что она лично никогда не занималась физкультурой и спортом и считает, что ЭТО БЫЛО ТОЛЬКО НА ПОЛЬЗУ её духовному росту. Что-то я не симпатизирую «святым» (это не относится к Ел[ена] Ив[ановна]), имеющим тысячи болезней и гордящихся ими как «милостью божьей». Болезнь, очевидно, правильнее будет рассматриваться не очень-то хорошей кармой прошедших жизней, за что уж тут гордость!!! Предпочитаю (если бы мог и был бы умнее в молодости) карма!) иметь превосходное тело йога и на его основании развитое сознание мудреца.

Тревога была (и, пожалуй, есть) вот по какому непонятному мне обстоятельству. Анализы всяческие дают хорошие результаты. Например, давление 75—125, протромбиновое число — 90, сердце на рентгене не даёт изменений, за исключением небольшого уплотнения аорты и некоторого, небольшого, уплотнения мышц, нет и серьёзных отложений солей извести в скелете, и внешний вид приличен и т. п., но в то же время малейшая физическая перегрузка в течение нескольких минут вызывает сердцебиение (хотя я стараюсь физически что-то делать постоянно), задыхаюсь. Или утром, после спокойного отдыха — головокружение, усиленное сердцебиение. Поверьте, я не ищу всего этого и не мнителен. Бывают «шараханья» в сторону во время ходьбы, потеря равновесия в темноте и т. п. неприятные вещи. Пришёл к выводу, что всё это результат нервного перенапряжения, и решил уйти на пенсию по окончании учебного года. Оставлю за собой только лекции в университете марксизма-ленинизма. Мне кажется, что тогда пройдёт и просто «физическое отвращение» к работе в школе, которое появилось сейчас и держится устойчиво уже полгода. Конечно, здесь имеет значение и вся «система» работы теперешняя. Меня интересует только то, что так или иначе связано с Путём. Нет, я далёк от мысли об «отчуждении», отшельничестве и т. п. Просто круг интересов изменился.

На днях, вечером, в саду, было интересное ощущение. Задумался о Беспредельности и совершенно по-иному понял его. Раньше это было что-то вне меня лежащее, холодное, абстрактное. Теперь это моё внутреннее. Это Единство со всем. Вы сами знаете, как об этом трудно говорить.

Согласен с Вами, что «поиски» Учителя не должны быть поисками опоры; карма каждого есть его карма (в данном случае моя карма). К опоре я никогда не стремился... Наоборот, когда я прочёл «Иерар[архию]», я подумал: взаимоподдержка Светлых Сил (на нашей ступени миров) — это хорошо и нужно, но это означает и ограниченность этих сил. И Ученик нужен Учителю не меньше, чем Учитель ученику.

В определённых жизненных ситуациях Учитель не может действовать так, как, скажем, мы с Вами, прошедшие кармическую эпоху 30—50 гг.!? Все, кто в эту эпоху сохранили светлую «сердцевину», конечно, продвинулись в своей жизни, как никогда в другую эпоху...

Может быть, здесь играет роль и жизненная задача, выполняемая тем или иным человеком. Могут быть ситуации, когда именно отсутствие личных контактов с Учителем вынуждает ученика быть более ответственным. Я чувствую (осознаю), знаю, что на протяжении всей моей жизни в любых трудных условиях помощь духовная (и физическая!) была мне несомненно. Мало того, даже жизнь оберегалась. А сколько интересных (духовно чистых и ценных!) людей мне довелось встретить! Разве это не руководство Учителя?! И сейчас за примером далеко не ходить. Общение с Вами?! Разве это не то же самое? Свою жизнь в силу этих и им подобных обстоятельств я считаю счастливой. Мне всегда только кажется (а может быть, и на самом деле?), что сам я ещё даю недостаточно. Вот здесь я бы с большой благодарностью воспринял совет Учителя. Силы ещё есть. На что их лучше направить???

Из великих Учителей Человечества, ПОЖАЛУЙ, мне ближе всего Будда. Почему пожалуй? Потому, что я ещё не знаю глубоко Его Учение. Только «азы»! В «Агни-Иоге» говорится, что каждый в сердце своём держит Владыку (например, Будду) и кроме того имеет Учителя.

Но в целом я согласен с Вашей основной мыслью — всё приходит в своё время. (Конечно, не в смысле «лежачего камня», а кармической своевременности!)

Мечтаю числа 10—15 быть в Московии. Буду в Москве и Калинине. Если нужно, то проеду и до Риги. Мой археолог (младший сын) в середине ноября прошлого года призван в армию на год, успев проработать после окончания Ленинградского университета только 3 месяца в роли зав[едующего] археологическим отделением Калининского областного музея. Он проходит службу всего в 30 км от Калинина и иногда бывает в городе, где работает его жена — тоже сотрудник этого же музея (она историк) и живут её родители. Так что в Калинине можно повидаться и с ним. Не знаю, где он будет работать после демобилизации в ноябре этого года. За 5 лет учёбы в университете он привык к ежегодному участию в археологических экспедициях (последние 2 года он вёл самостоятельные раскопы), и городская жизнь не по нём. Но выбор после окончания вуза был очень ограничен, почти отсутствовал, хотя он закончил с отличными референциями от кафедры как человек, способный к научной работе. Ему дали свободный диплом. Все студенческие годы он работал над культурой «бронзовых топориков». Что-то связанное с происхождением нашего народа. Помню, что ему близка и «фатьянская культура». Пишет, что всё свободное

время работает над литературой по своей специальности, жалеет, что их мало знакомили с Древней Индией, Китаем и др[угими] восточными странами.

Мои лучшие мысли всегда с Вами и глубокоуважаемой Таисой Иосифовной

Сердечно Ваш
Г. К. Портнягин

41 А. А. КОВАЛЕНКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Жевнево
9 июня 1970 г.

Глубокоуважаемому Ивану Антоновичу Ефремову — автору романа: «Час Быка».

Да. Искренне думаю, что нет в наши дни писателя, равного Вам по таланту, по уму, по смелости (ленинской, диалектической). Остальное всё есть в Вашем «Часе Быка»

А. Коваленков

И. А. Ефремову
Фото А. К. № 1
Посмотрите, как солнце «распоряжается» прямизной.

42 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
17 июня 1970 г.

Dear Prof. Efremov,

Please forgive me for not writing to you sooner, you will see the reasons in a minute, as well as the reasons for this being a rather short note. First, though, we hope all is well with you and yours.

Here, things have been frantic. For the past couple of months, I have been working for most of my waking hours. It was necessary to prepare a book before we left for Europe, so that it can be delivered by the date specified in the contract. (Actually, there would be no very terrible consequences if it was late; however, we will need the money, and besides, a reputation for reliability is a distinct economic asset to a writer!) Furthermore, Karen fell sick for a couple of weeks just when she should have been making her travel preparations. In consequence, we have had to postpone our departure until the end of this week, and have not been able to make many of the advance arrangements that we should have made.

The saddest result of this is that probably we will not be able to visit you after all. Available time has gotten short and there are so many other commitments; furthermore, we barely got our passports in time and have had no chance to get Soviet visas on them.

Of course, we could probably do that last at a consulate in Europe. We will inquire into possibilities, routes, etc. Our present plans are to land in Oslo, rent a car, and wander around Scandinavia for about a month before heading west and south. It is barely possible that a trip from, say, Helsinki to Leningrad and Moscow will turn out to be feasible. But at present it seems unlikely.

Should something develop, we will of course write to you well in advance. If you wish to get in touch with us, we will be in Denmark in the earlier part of next month: c/o A. E. Hertz, Møllebakken 37, 2700 Brønshøj, Danmark.

We definitely intend to visit your country, preferably when we have time for traveling around in it and seeing more than a few standard sights. Tentatively, we think in about two years we will be free to do so. Our daughter will then be in college, presumably living away from home; this allows us to travel outside the summer season, and we have thought of perhaps going to Greece in March or April and following the springtime northward. So even if we don't make it this year, we will before too long!

Our return date is uncertain. Like you, I have been invited to Japan, but so far the invitation has been unofficial, by way of a third party, and I can't wait all summer at home for a direct letter. The person who will be taking care of our house can forward any letter that may come. Meanwhile, to be sure of getting home in time, we have reservations from Luxembourg on 1 September. Since it is on an Icelandic airplane, this will allow us a few days in that country, to visit places like Thingvellir and Surtsey. But of course it would be still more interesting to see Japan!

Well, enough of that. As said, there is little of interest to tell from our own lives; hard work is only interesting to those who are doing it, n'est-ce pas? I did build a dragon figurehead and tail for the "viking ship", but they have not yet been tried in practice and now I must wait till fall to see them in action. The dragon looks rather amiable. — I also sustained a shoulder injury in one of the medieval tourneys, which bothered me for some weeks, but it has healed now. Incidentally, since our daughter's champion had won the preceding tourney, she was queen over that one! — And we did find time to go to the world's first detective-story convention, held in memory of Anthony Boucher, whose name you may perhaps know. It was a small, quiet, but pleasant affair, which he himself would have enjoyed.

The book I was working on may interest you, and I will send you a copy when it is published. It is a time travel story, and one character is a Kievan Russian. But principally the setting is the fall of the Minoan thalassocracy. The more I studied that era, the more attractive the Minoans looked, and the more regrettable seemed the collapse of their civilization. For story purposes, I used Galanopoulos theory about the cause of that. The volcanic eruption at the island of Thera, about 1400 B. C. was some four times as great as Krakatoa; the tidal waves set up wrecked the Cretan fleet and thus opened the way for conquest by much less civilized Homeric Greeks. Thera itself (or, rather, the original island, which now exists as the fragmentary Santorini group) is supposed to be the source of legends about Atlantis which Plato recorded. (He got his figures wrong, and so, for example, had to move his country out into the ocean because there would have been no room for it in the Mediterranean; but precisely in translating from Egyptian to Greek, one could easily increase numbers by an order of magnitude. If Plato's dates and areas are scaled down appropriately, his description of Atlantis looks remarkably similar to Santorini.)

Well, this letter has gotten longer than intended, and I have to be about the business of making ready. Once again: we will see if we can come to Russia this year, but are sorry to say that probably we can't; we hope all is well with you and send our best greetings.

Cordially,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу прощения, что не смог написать Вам раньше. Прежде чем объяснить Вам причины этого, как и причины, по которым это письмо довольно коротко, хочу выразить надежду, что у Вас и у Ваших близких всё в порядке.

Здесь события развивались в бешеном темпе. Последнюю пару месяцев я работал почти не смыкая глаз. Это было необходимо, чтобы закончить книгу до нашего отъезда в Европу и выдержать указанный в контракте срок. (На самом деле, если бы я опоздал, никаких ужасных последствий не было бы; но нам понадобятся деньги, и, кроме того, точность определенно является нематериальным активом писателя!) Более того, Карен болела пару недель, как раз когда она должна была готовиться к путешествию. В результате пришлось отложить отъезд до конца этой недели, и мы так и не успели кое-что уладить.

Самое печальное — мы, скорее всего, так и не сможем посетить Вас. Времени в обрез, а ещё столько надо сделать. Более того, мы едва успели получить наши паспорта, и нет никакого шанса получить советскую визу.

Может быть, удастся решить этот вопрос в консульстве в Европе. Мы будем обговаривать там маршрут и проверим все возможности, способы и т. д. На данном этапе мы планируем приземлиться в Осло, взять напрокат машину и поездить по Скандинавии около месяца, прежде чем направиться на юго-запад. Есть шанс, что путешествие, к примеру, из Хельсинки в Ленинград и Москву окажется возможным. Но сейчас это выглядит маловероятным.

Если что-нибудь прояснится, мы, разумеется, сообщим Вам заранее. А если Вы захотите связаться с нами, в начале месяца мы будем в Дании по известному Вам адресу: c/o A. E. Hertz, Møllebakken 37, 2700 Brønshøj, Danmark.

Нам очень хочется посетить Вашу страну, но по возможности когда у нас будет время поездить по ней и увидеть больше, чем обычный набор достопримечательностей. Предположительно, нам удастся сделать это года через два. Наша дочь тогда будет в колледже и, скорее всего, будет жить там же, далеко от дома, что позволит нам путешествовать не только летом; и мы рассчитываем поехать в Грецию в марте или апреле и вместе с весной двигаться к северу. Так что, даже если нам не удастся приехать в этом году, наш приезд не за горами!

Дата нашего возвращения ещё неизвестна. Как и Вы, я был приглашен в Японию, но неофициально, через третье лицо, а оставаться всё лето дома, ожидая официального письма, не представляется возможным. Человек, который будет присматривать за домом в наше отсутствие, сможет переправить нам приходящие письма. В то же время, чтобы быть уверенными, что вернёмся вовремя, мы зарезервировали места из Люксембурга на 1 сентября. Так как это исландский самолёт, мы сможем задержаться на несколько дней в этой стране и посетить такие места, как Тингвеллир и Суртси. Но, разумеется, в Японии побывать было бы ещё интереснее!

Ну, достаточно об этом. Как говорится, неинтересно обсуждать личные заботы; что интересного в работе без отдыха? Я всё-таки соорудил драконью голову и хвост для «корабля викингов», но ещё не успел опробовать новую модель на воде, и теперь придется ждать осени. Дракон выглядит довольно дружелюбным. На одном из средневековых турниров я повредил плечо, и оно беспокоило меня насколько недель, но теперь уже прошло. Между прочим, так как рыцарь нашей дочери победил на предыдущем турнире, на этом она была королевой! Также мы нашли время посетить первый в мире съезд, посвящённый детективным расска-

зам, в память Энтони Бучера, чье имя Вам, возможно, небезызвестно. Это было немноголюдное, но приятное собрание, которое понравилось бы и ему самому.

Книга, над которой я работаю, может заинтересовать Вас, и я пошлю Вам экземпляр, когда она будет опубликована. Это роман о путешествии во времени, а один из персонажей — из Киевской Руси. Основное действие происходит на фоне падения морского владычества Минойского царства. Чем больше я изучал это время, тем больше мне нравились минойцы, и тем большее сожаление вызывало падение их цивилизации. Для книги я использовал теорию Галанопулоса[1] о причинах её гибели. Извержение вулкана на острове Тера, произошедшее около 1400 года до н. э., было примерно в четыре раза сильнее извержения Кракатау; вызванные им приливные волны уничтожили критский флот и таким образом открыли путь завоеваниям менее цивилизованных греков времён Гомера. Сама Тера (или, точнее, первоначальный остров, который теперь существует как группа мелких островов Санторин) стала источником легенд об Атлантиде, которые записал Платон. (Он запутался в цифрах, из-за чего ему пришлось перенести свою страну в океан, так как ей не хватало места в Средиземноморье; но именно при переводе с древнеегипетского на греческий можно легко спутать порядок чисел. Если даты и размеры, упомянутые Платоном, в равных масштабах уменьшить, его описания Атлантиды станут поразительно похожи на Санторин.)

Это письмо оказалось значительно длиннее, чем я предполагал, и мне уже пора вернуться к приготовлениям. Итак: мы посмотрим, удастся ли нам приехать в этом году в Россию, но, к сожалению, должны сказать, что это маловероятно; мы надеемся, что у Вас всё в порядке и посылаем наши наилучшие пожелания.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

43

17 июня 1970 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Professor Efremov:

Friends who had been to Russia had always warned me that Intourist was the worst travel agency in the world, and I am now coming to believe them fully on this matter. My wife and I had definitely planned to come to Leningrad to attend the Anatomical Congress on August 17th to 22nd, then take an advertised excursion in connection with the Congress to Tashkent, Samarkand and Bukhara, then come to Moscow to spend a week looking at your marvelous collections and finally leave for Stockholm on September 5th. We applied for this in early March. Six weeks later, having heard nothing, we cabled Moscow and discovered that they had lost our papers! As a result, the trip to West Turkestan had been filled up so that we could

[1] Galanopoulos, Angelos Georgiou *Atlantis: The Truth Behind the Legend.* Bobbs-Merrill Co., 1969.

not go on that. So, instead, we planned to come to Moscow on August 23rd, stay until Saturday, August 29th and then leave for Stockholm. We put in for this revised set of dates, but up to now have been unable to get a word from Intourist about the matter! So that, as a consequence, we are very much up in the air. We still hope firmly that we will arrive in Moscow on August 23rd and stay until the 29th, but we are not at all sure of the matter. I don't think that you can do anything at your end, probably; but if you can, I would be greatly obliged. It would be a real shame to come to Leningrad and then have to turn around and leave again without coming to Moscow, for it was a visit there, seeing you and your colleagues and seeing your bones, that prompted us to come to Russia in the first place (I am not too concerned about the Congress).

Here's hoping that we will come to Moscow on August 23rd. In the meantime, we are going to Argentina for ten days to look at some Triassic archosaur bones that they are saving for me, and spend most of July in South Africa at a Gondwana conference. If I finally do hear anything from Intourist, I will write you again. And if you felt so inclined, I would appreciate your dropping me a note care of the Department of Geology, University of the Witwatersrand, Johannesburg, South Africa, where I will be on this Gondwana Symposium from July 21st to July 24th.

Sincerely,
Alfred S. Romer

P. S. If you should, by chance, be able to intercede for me with Intourist, the reference number is 14,5375, request for accommodations in Moscow for August 23-29. This may be in their Congress Department.

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой профессор Ефремов!

Друзья, которые были в России, предупреждали меня, что «Интурист» — самая плохая туристическая компания в мире, и сейчас я пришёл к такому же выводу. Мы с женой определённо планировали приехать в Ленинград и участвовать в Анатомическом конгрессе с 17 по 22 августа, затем сразу после конгресса поехать на разрекламированную экскурсию в Ташкент, Самарканд и Бухару, затем провести неделю в Москве за просмотром вашей удивительной коллекции и наконец отправиться в Стокгольм 5 сентября. Мы писали о своих намерениях в начале марта. После шести недель молчания в ответ мы позвонили в Москву и выяснили, что они потеряли все наши документы! В результате мест на экскурсию в Западный Туркестан уже не осталось, и мы не сможем туда поехать. Итак, мы планируем вместо этой поездки приехать в Москву 23 августа, остаться до субботы, 29 августа, и затем отправиться в Стокгольм. Мы заявили в связи с этим откорректированные даты, но до сих пор не получили ни слова в ответ от «Интуриста»! Вследствие этой неразберихи мы пока находимся в подвешенном состоянии. Мы всё ещё сильно надеемся, что нам удастся приехать в Москву 23 августа и пробыть до 29-го, но уверенности нет. Не думаю, что Вы со своей стороны можете что-то сделать; но если получится, я был бы Вам очень обязан. Это было бы действительно странно — приехать в Ленинград, развернуться и уехать обратно, так и не доехав до Москвы, что-

бы встретиться с Вами и Вашими коллегами и посмотреть на вашу коллекцию, именно это побудило нас приехать в Россию в первую очередь. (Я не был слишком заинтересован присутствовать на конгрессе.)

Сейчас мы очень надеемся всё-таки добраться до Москвы 23 августа. Тем временем мы собираемся в Аргентину на 10 дней посмотреть на окаменелости археозавра триасового периода, которые были оставлены для меня, и провести большую часть июля в Южной Африке на конференции по Гондване. Если я в конце концов получу ответ от «Интуриста», то напишу Вам ещё раз. И если Вам будет нетрудно, то я буду рад получить от Вас ответ по адресу: Южная Африка, Йоханнесбург, Университет Витвотерзренда, Геологический факультет, где я буду на Симпозиуме по Гондване с 21-го по 24-го июля.

Искренне,
Альфред Ш. Ромер

P. S. Если случайно у Вас будет возможность вступиться за меня в «Интуристе», мой запрос на размещение в Москве имеет номер 14,5375. Он должен быть в рабочем комитете конгресса.

Перевела Марина Степанова

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
28 июня 1970 г.

Дорогой Борис!

Мы с Тасей от души поздравляем Вас с окончанием главных мытарств. Дальнейшие — в аспирантуре всё же и полегче, и ближе к цели, так сказать (цель мне всё же неясна — что даст аспирантура? Ежели какую-никакую кандидатскую степень, то всё равно — дело стоящее. Раз мир уж стал таков, что наука уничтожена, искусство — тоже на грани изничтожения и когда то начнётся возрождение — Господи веси, то надо следовать внешне общему потоку, чтобы не донкихотствовать в мелочах и проигрывать в главном — в духовном самосовершенствовании).

Когда появитесь у нас, дам почитать кое-какие книги на этот предмет. «Час Быка» Вы с Ларисой, наверное, уже получили — он вышел, и даже с малой кровью, как Вы увидите, если будет время его сравнить с рукописью. Насчёт ноги — будьте осторожнее. Эти переломы в голеностопных суставах залечиваются очень медленно и внезапно дают себя [знать], если не были зарощены полностью. Поэтому наблюдайте несколько раз рентгеном, прежде чем окончательно снимете гипс. Хоть Ваша молодость — гарантия быстрой регенерации, но всё же — осторожность не мешает, кривая походка — не подарок жене. Очень доволен, что Лариса оказалась хороша в английском. Может быть, почитав побольше, она что-либо переведёт с Вашей помощью? Какую морскую книгу?

Бородаевским привета вместе не посылайте. Андрей оказался не тот фрукт, хотя и давно нам известен, и товарищ Аллана, а вот поди ж ты…

Короче, они с Глорией расходятся, и по его вине. Я как романтик простил бы любое романтическое — ну, влюбись Андрей в другую или Славка бы

полюбила иного героя, а так, из-за каких-то экономических неудач — истерика и затем разрыв со Славкой в самый неблагоприятный для неё момент, когда она бросила и работать и заниматься, чтобы быть с ним дома — это уже не рыцарь, а обыкновенный [][1].

Самолучший привет Вам и Ларисе от нас обоих и от Марафеда. Он (Марафед или Енот) получил, точнее, купил квартиру и теперь наслаждается бытием в удобной однокомнатной квартире, здесь же, у нас, на Юго-Западе. Пишите, а буде возможность — приезжайте. Может, прислать денег на билет? Я ведь теперь на коне, как скоро переведут гонорар за книжку.

Ваш
И. Ефремов

45 Г. ГОР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Комарово
29 июня 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сердечно благодарю Вас за «Час Быка». Как и все Ваши книги, она мне доставила много приятных минут. Я, как Вам давно известно, высоко ценю Вашу мысль, Ваше завидное умение монументально видеть мир, который нам так часто кажется абсурдным.

Как в каждом большом писателе-фантасте, в Вас сидит нечто «марсианское», как, впрочем, и в Бредбери и Уэллсе, которого в 30-х годах князь Святополк-Мирский, вероятно, несправедливо изображал юрким и пронырливым человеком, нисколько не похожим на свои идеи. Думаю, что это враньё.

Вас я, во всяком случае, знаю в полном сходстве с Вашими книгами. А что касается «марсианского» начала в самом писателе… Разве без него можно оторваться от земли и вырваться из обыденности?

Извините меня за эти бессвязные мысли.

С глубоким уважением,
Геннадий Гор

P. S. На днях в Ленинграде состоялся маленький симпозиум на тему «Время и пространство». Собрались учёные, писатели. Был разговор и о Вашем романе «Туманность Андромеды».

Г. Г.

46 А. П. КАЗАНЦЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Абрамцево
30 июня 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сердечно благодарю Вас за приятный подарок — Ваш новый роман. Рад выходу этой книги, полной глубоких мыслей и идей, которые я разделяю.

---

[1] Далее в автографе зачёркнуто «советский гопник».

Хотел бы ответить Вам таким же подарком, но... Книги издаются преимущественно других авторов, да и тех уже побаиваются издавать.

Первый мой авторский экземпляр пошлю Вам.

Желаю Вам здоровья и новых творческих успехов. Жму руку.

Ваш
А. Казанцев

P. S. Передайте привет Вашей супруге, счастливой обладательнице «Часа Быка».

А. К.

Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 47

7 июля 1970 г.

Уважаемый Иван Антонович!

Сегодня получил Вашу книгу «Час Быка». Большое, большое Вам спасибо. Этот Ваш новый роман я уже прочитал в журнале «Молодая гвардия», и мне очень понравился. И теперь Вы доставили мне возможность читать его в полном виде. Ещё раз благодарю Вас! Хочется познакомить Ваш новый роман с японскими читателями как можно скорее, но, к сожалению, пока не могу: в эти дни мне нездоровится.

А Вы уже написали научно-популярную книгу о палеонтологии, о которой Вы писали в предисловии к «Часу Быка»? Сообщение о том, что Вы пишете популярную книгу о палеонтологии, очень интересует моего товарища, геолога. Хотел бы попросить Вас и в дальнейшем присылать мне все книги, которые Вы напишете. Вместе с тем я хотел бы спросить Вас, чем мне отблагодарить Вас.

Говорят у нас, что вы приедете в Японию на симпозиум по научной фантастике с другими советскими фантастами в конце августа этого года. Если это правда, то я буду очень рад. Так как, наконец, мне можно будет видеть Вас в Токио. Приезжайте, пожалуйста, Иван Антонович, в нашу Японию, которую Вы видели давно, в Вашей молодости!

Желаю Вам здоровья и долголетия!

С уважением,
Н. Иида

Т. СУЭКАНЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ[1] 48

Киото
10 июля 1970 г.[2]

Многоуважаемый проф[ессор] Ефремов!

Ваша открытка с картинкой, давно мной полученная и Ваш дорогой подарок (Ваш новый роман «Час Быка», только что полученный) доставили мне много удовольствия. Вам я очень благодарен за Вашу любезность и содействие.

---

[1] Орфография и пунктуация письма соответствует оригиналу.

[2] В письме указан день и месяц. Год датируется по содержанию письма.

Я очень сожалею, что Ваше здоровье не позволяет Вам приехать к нам в Японию. Прошу беречь своё здоровье. Желаю Вам всего лучшего.

Не имея знания по астрономии и научных терминов, я прочитал Ваш шедевр «Сердце Змеи» с немалой трудностью. Но он оставил глубокое впечатление во мне.

«Для любой цивилизации, любой звезды, целой галактики и всей бесконечной Вселенной главное — это человек, его ум, чувства, сила, красота, его жизнь» (стр. 571).

Поддержка достоинства, человечности, личности, человеческих прав и борьба за гуманизм, освобождение от эксплуатации человека человеком и всякой старой традиции, это — тема традиционная русской литературы, важная тема горьковской литературы.

На летние каникулы я буду читать Вашу книгу «Час Быка». Наверно, у нас в Японии скоро будут переведены «Сердце Змеи» и «Час Быка». В Японии, как Вы уже знаете, один переводчик (Н. Иида) перевёл «Звёздные корабли», «Туманность Андромеды». Он усердно работает над Вашими произведениями. Мой хороший знакомый проф[ессор] Симидзу тоже перевёл «Дорога ветров». Если никто не приступит к переводу, я хочу заниматься этой работой. Но, наверно, не будет очереди за мной.

От всей души желаю Вам здоровья и успеха в Ваших работах. Всегда я готов к Вашим услугам.

С искренним уважением
Т. Суэканэ

49 В. А. СУХОМЛИНСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

11 июля 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Получил от Вас роман «Час Быка» с дарственной надписью, безмерно счастлив. Я давний поклонник Вашего творчества. Может быть, вы не поверите, но это так: «Туманность Андромеды» я прочитал четыре раза. Это не пристрастие к фантастике, а стремление ещё и ещё раз пережить, перечувствовать глубину мыслей, которых у Вас обилие и в строках, и между строками. «...Не можем жить и быть свободными, пока есть несчастные» — в этих словах из «Часа Быка» сконцентрированы, мне кажется, идеи, которые не могут не волновать в наши дни каждого честного человека.

Ваша фантастика восхищает своей правдивостью. Я влюблён в Ваших людей будущего — честных, правдивых, ярких, «сильно выраженных».

Меня глубоко волнует сейчас мысль: человечество, уничтожая природу, идёт к собственной гибели. Если не заставить задуматься об этом каждого, если буквально каждое сердце не содрогнётся от мысли о том, что через несколько десятилетий (а может быть, что и через несколько лет) нам нечем будет дышать, — станут смешными, наивными все нынешние социальные, политические проблемы, распри и т. д.

Напишите, дорогой Иван Антонович, о том, что угрожает человечеству. Покажите гибель жизни на какой-нибудь планете — пусть все мы задумаемся о том, что такая же гибель угрожает и нам.

Желаю Вам доброго здоровья и радостного творчества.

В. Сухомлинский

А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 50

13 июля 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Во-первых, спасибо за «Час Быка». Я вновь просмотрел эту книгу и вновь убедился, что Вы «не донесли» всех её романных потенций. Учёный и публицист подавлял художника. А впрочем: чёрт его знает, как лучше дошли бы высказанные в ней идеи! Нынче читатель — мыслящий читатель — с недоверием листает романы: ну-ну… А от науки ждёт слова вещего. Показалось ли мне, что Вы отчётливей сформулировали (по сравнению с рукописью) некоторые ключевые тезисы, например — об инферно?

Во-вторых, послал Вам свою книгу[1] — дошла ли? Наш знакомец Алан Майерс давно просил её, и я до сих пор не ответил. Дело в том, что новый свой адрес (старый у меня есть) он начертал довольно неразборчиво, так что даже затрудняюсь: куда же посылать? Может быть, Вы сообщите его адрес мне? Или лучше (так как у Вас с ним более оживлённая переписка) отослать для него книгу через Вас?

На днях Е. П. Брандис вернулся из ГДР, куда ездил в гости. Мы встретились за столом с несколькими ленинградскими фантастами и горевали — все — о странной позиции Стругацких, о том вреде, который они причинили фантастике своими последними опусами. Вновь спорили о «Часе Быка»: роман — не роман, и я как-то отчётливо почувствовал, что вовремя напечатал книгу: ещё пару лет — и она была бы жизнеописанием прошлого расцвета. «Час Быка» — последний, видимо, козырь так живо развернувшейся было игры. Есть порох в пороховницах, а во имя чего поднимать нынче оружие фантасту? Жаль! Волна общественного оживления пошла на убыль, и только цены на коньячно-водочные изделия да на нейлоновые сорочки напоминают, какую мышь родила гора Реформации[2]…

О многом хотелось поговорить. Много неразрешённых (и разрешимых ли?) вопросов. Вдруг в августе по пути в отпуск побываю в Москве, — застану ли Вас?

Всего Вам наилучшего, кланяйтесь Таисе Иосифовне.

Ваш *А. Бритиков*

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 51

Лос-Анджелес
17 июля 1970 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

Your delightful letter came in yesterday and a little earlier “The Time of the Bull” arrived. Also Epoxy has come. So things are shaping up. I started to read your

[1] Имеется в виду монография А. Ф. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман» (1970).

[2] Под Реформацией подразумевается период Оттепели.

book and find that my vocabulary has "gone to hell" so I have been picking it up a bit. It is great for reading science and Davitashvili, who is the most book-writing person I know, but not up to the more erudite pennings of one Professor Efremov. But I will get there sooner or later. The book begins in a fascinating manner and I am looking forward to it.

We are, of course, really becoming excited over out trip, as it draws nearer. As far as I can tell everything is arranged, most of it even paid for. We will leave Los Angeles on the 9th of August, which will give us a day in New York, and then leave New York the night of the 10th. There is a stop at Brussels and then a flight on Aeroflot to Moscow, arriving at 6:00 P.M. the 11th. I have just written Peter about this, although I don't know whether he will be in the field or not.

I know things are shaping up because we are cutting our "shots", immunization for this and that and I took the opportunity to get a typhoid booster, which means I have a sore arm. I find that Corovas is on prescription here, and since I don't have a doctor, I may not be able to get it. I'll try anyhow. The other day the National Geographic came through, so that is taken care of for another year. I have also sent a subscription to my grandson, who I feel is now old enough to get something out of it. It is a fine publication.

Not too much sense writing a lot, for we will be there in no time. I have no idea where we will be staying, what Hotel that is, for Intourist will not tell. But we will get in touch as soon as we can. If Peter should be at the Airport we can fix things up there. But, as I wrote, we will probably be in the clutches of the tour agency and Intourist, who probably will insist that we go with them to the mysterious hotel. Anyhow we will see.

Nothing too new on the "bone" front. There is some extremely interesting material in what we have, but it is very slow coming out of the rock. My book is about 1/2 way through galley proof, and like all authors, I would now like to rewrite the whole thing. I am sure you know the feeling.

Please don't worry about "souvenirs", as always while travelling by air the carrying capacity is so slight that we probably will do only a little "collecting". What I want to get as much as anything is some pictures, and I will bring along a fine camera for that purpose.

Well, this is just to let you know we are soon on our way and looking forward immensely to seeing you and your wife (plus family as possible). Till then,

As always, your sincere friend,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Ваше чудесное письмо прибыло вчера, а чуть раньше — «Час Быка». И книга «Ипокси» тоже поступила. Всё выстраивается. Я начал читать Вашу книгу и понял, что словарный запас «полетел к чёрту», поэтому я начал его оживлять. Моего русского вполне хватает для чтения научных статей и Давиташвили, который написал больше книг, чем все мои знакомые, но не для постижения написанного таким эрудитом, как профессор Ефремов. Но я про-

бьюсь, рано или поздно. Роман начинается очень захватывающе, и очень хочется проникнуть дальше.

Мы, конечно же, всё сильнее волнуемся по мере приближения поездки. Вроде всё обговорено, большая часть даже уже оплачена. Мы вылетим из Лос-Анджелеса 9 августа, день проведём в Нью-Йорке и отправимся дальше оттуда вечером 10-го до Брюсселя, а оттуда рейсом «Аэрофлота» в Москву, который прибывает в шесть часов вечера 11-го. Я только что написал Питеру об этом, хотя не знаю о его планах, возможно, он будет в экспедиции.

Ясно, что всё начало осуществляться, и по прививкам против всякого разного, а я, воспользовавшись случаем, решил ещё сделать прививку от тифа, из-за чего теперь болит рука. Выяснилось, что короваз здесь продают только по рецептам, а поскольку у меня нет знакомого врача, возможно, мне не удастся его достать. Но я попытаюсь. Позавчера пришёл новый номер «Нэшнл джиогрэфик», значит — будем нормально получать его в этом году. Ещё я подписал внука, который уже достаточно подрос, чтобы извлечь из этого пользу. Замечательный журнал.

Писать длинное письмо нет смысла, потому что совсем скоро я буду у Вас. Понятия не имею, где мы остановимся, то есть — в какой гостинице, потому что «Интурист» не сообщает по-прежнему. Если Питер придёт в аэропорт, там и договоримся. Но, как я уже писал, вполне вероятно, что турагентство с «Интуристом» решат не выпускать нас из своих когтей и могут настоять, чтобы мы отправились с ними в их неведомую гостиницу. Увидим.

На «костяном» фронте без особых перемен. В добытом материале есть кое-что весьма любопытное, но препаровка идёт очень медленно. Вёрстку книги считал уже наполовину, и теперь, как водится, хочется всё переписать по-другому. Уверен, Вам знакомо это чувство.

Прошу не думать ни о каких «сувенирах», потому что вес багажа при перелётах весьма ограничен, поэтому «сбор материала» будет минимальным. Сильнее всего хочется поснимать побольше, для чего я везу хорошую камеру.

Ну вот, пишу только чтобы дать знать, что скоро мы двинемся в Вашу сторону, и жаждем поскорее увидеть Вас с женой (и, если возможно, с другими членами семьи). До скорого.

Всегда Ваш искренний друг
Эверетт Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

52

19 июля 1970 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Спасибо за книгу — она мне очень понравилась — первое капитальное исследование[1]. Жаль только, что нет конца. А м. б., так и надо?

[1] «Русский советский научно-фантастический роман» (1970) — монография А. Ф. Бритикова, фундаментальное критико-историческое исследование отечественной фантастики.

Давайте я сам пошлю М. Вашу книгу, как только получу её — заказал в Академкниге, пока нет.

Братья С. продолжают портить н[аучную] ф[антастику], распространяя свои скверные последние вещи в рукописи.

В августе буду в Москве самое меньшее до 15, но с 10 по 15 буду очень занят с приезжими.

Потолковать бы неплохо. Привет от Т. И.

Ваш
И. Ефремов

53 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Москва
19 июля 1970 г.

Дорогой Борис!

Душевное спасибо Вам и Ларисе за приглашение, но — my days of any travels are over now[2]! Может быть, и удастся осенью выбраться в Ленинград, и то под большим сомнением.

Рукопись «Часа Быка» храните до очередной поездки в Москву — м. б., Вам удастся приехать вместе с Ларисой — её показать и нас посмотреть. Если это будет попозже — в сентябре или октябре — нас наверняка застанете. Я пришлю Вам даже срочный заём на дорогу.

Привет Вам обоим от всех наших — Таси, Аллана, Марафета-Енота и Глории. Ольга — в Сибири в экспедиции. Будьте здоровы и всего Вам светлого.

Ваш
И. Ефремов

54 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
3 августа 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Закончил чтение книги о Круазье[3], и в этой связи разрешите изложить «свои» соображения:

1) Безусловно, существует ноосфера как реальный материальный мир.

2) Возможны сознательные контакты между различными материальными сферами (ноо, эмоций, физической).

3) Существует постоянная (по происхождению) связь между ними. Явления ноосферы предшествуют связанными с ними явлениями физической сферы.

4) События физической сферы предопределены ноосферой.

5) Возможно предсказание физических явлений, т.к. они могут быть прочтены в ноосфере.

---

[1] Почтовая открытка: Москва. Юго-Запад. Фото А. Хоменко.

[2] Дни моих путешествий прошли (англ.).

[3] Книга о Жераре Круазе, парапсихологе.

6) Каждый физический предмет сохраняет связь со своим источником в ноосфере. Поэтому возможно использование физических предметов в качестве индукторов для «прочтения» событий прошедшего и «будущего».

7) «Будущее» в физической сфере — уже совершённое в ноосфере прошедшее. Предсказывается по существу то, что уже свершилось в ноосфере.

8) Счёт времени в ноосфере иной, нежели в физическом мире. Там прошедшее, настоящее и будущее на грани слияния.

9) Возможность использовать предметы для магического воздействия связана с ноосферой.

10) Выводы:

а) необходимость самого серьёзного контроля над своими мыслями,

б) возможность сознательного контактирования с ноосферой, источник чувствознания Нового человека освобождает его от заучивания разрозненных фактов физического мира, как это делается современной наукой.

Моё сердечное уважение Т. И.

Ваш *Портнягин*

А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Франкфурт
7 августа 1970 г.

Dear Dr. Efremov:

"Intourist" has so badly fouled up the proposed itinerary for my wife and myself that I still do not know when — if ever! — we will arrive in Moscow. There is still some chance that we can go on the excursion to Samarkand and Buchara if so, we would probably reach Moscow about August 31; if no excursion, we would arrive August 23, but I have still to have confirmation of accommodations. I want very much to see the fine fossils in Moscow; and, very especially, I want, at long last, to meet you!

Sincerely,
Alfred S. Romer

Дорогой профессор Ефремов!

«Интурист» внёс такую неразбериху в предложенный маршрут для моей жены и меня, что я до сих пор не знаю, когда — вообще это случится! — мы приезжаем в Москву. Есть ещё шанс, что мы поедем на экскурсию в Самарканд и Бухару. Если так, то мы, вероятно доберемся до Москвы примерно 31 августа; если экскурсии на будет, мы сможем приехать 23 августа, но у меня до сих пор нет подтверждения о бронировании гостиницы. Я очень хочу увидеть прекрасную коллекцию ископаемых в Москве; и особенно я хочу в конце концов встретиться с Вами!

Искренне,
Альфред Ш. Ромер

Перевела Марина Степанова

56 Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ

10 августа 1970 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Сегодня получил Ваше письмо. Очень жаль, что Вы не можете приехать в нашу страну. По Вашей просьбе я немедленно передал Ваш привет моим товарищам и организаторам симпозиума по НФ. Конечно, весть о том, что Вы не будете в Японии на этом симпозиуме, очень огорчила их. Но ничего не поделаешь, раз дело касается Вашего здоровья, говорят они, организаторы симпозиума, и они просят меня передать Вам их сердечный привет, и вместе с тем они хотят получить от Вас Ваше приветствие (message) симпозиуму по НФ в Японии, если это Вам не трудно. Лично я тоже прошу Вас прислать нам Ваше приветствие к симпозиуму, если Вы сможете это.

Об альбоме, о котором Вы писали в Вашем письме, я с удовольствием постараюсь найти и послать Вам, как можно скорее.

Желаю Вам здоровья и успехов в Вашей интересной работе.

С искренним уважением,
Н. Иида

57 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ашрам «Видийя», Кузнецк
14 августа 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Автор возвращаемой книги[1] подходит к восприятию необъяснимых пока современной механико-материалистической наукой явлений и фактов довольно трезво.

Но странно, что эта добросовестность не вызвала в нём понимания диалектико-материалистического???

Наличие иных (кроме вещественно-физической сферы) сфер ещё не может служить поводом для провозглашения полной иллюзорности физического мира. Этот наш мир — составная часть, органически составная, Вселенной, которая является многоплановой.

Я никак не могу согласиться, что ясновидение, телепатия и т. п. отрицают многостороннюю связь различных планов Вселенной. Наоборот, они её подтверждают, и только пошлейший механический материализм или пошлейший идеалистический механицизм (такой тоже существует, всё зависит от образа мышления!) только могут это отрицать.

Единство мира существует для тех, кто достиг этого уровня развития. А о каком «уровне» можно говорить в отношении полуживотного состояния многих людей? Подход к ним с позиции единства как раз и порождает безответственность и опошление этого понятия. Единство в таком случае вырождается в толстовщину.

Принятие звука выстрела «в сволочь» как положительного явления закономерно и должно быть положено в основу истинной справедливости. Это не

[1] См. примечание к письму Н. К. Портнягина И. А. Ефремову от 3 августа 1970 г.

убийство, а самоубийство «сволочи». Автор много проигрывает, показывая оккультизм, йогу как науку, подтверждающую идеализм, что конечно, характерно для позиции современного западного мышления. В этом он сходится с нашими догматиками от философии.

Мои лучшие пожелания глубокоуважаемой Т. И.,
Ваш *Портнягин*

А. А. КОВАЛЕНКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 58

20 августа 1970 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Почтовое уведомление (от 15/VIII 70 г.) — о получении Вами открытки и двух фотографий мною получено. В этом уведомлении нет Вашей подписи. Так как мне очень хотелось бы заинтересовать и увлечь Вас «формицидной» научной тематикой, а это в «фантастичности» не уступит «летающим дискам», марсианской «люкосохранности» и т. д. и т. п. — шлю Вам ещё одну прелюбопытнейшую фотографию.

Вглядитесь, как чёрные (ночные) mirmi[1] очищают, моделируют пространство в форме круга (в данном случае, — обыкновенного никелевого рубля).

Открытку с жёлтым солнечным цветком посылаю, чтобы Вы послали её мне.

Крепкого Вам здоровья и отдыха.

Ал. Коваленков

Очень прошу Вас, Иван Антонович, черкнуть мне пару слов о получении этих двух фото. Наши мирмекологи понятия не имеют об истинных способностях т[ак] н[азываемых] «формицидов». Дельфинам и не снилось то, что умеют какие-нибудь «нитидулусы» или «формика фуска».

Их «фасетки» видят днём звёзды.

А. К.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 59

Москва
23 августа 1970 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вчера получил от Вас вырезку с Вашей статьей. Большущее спасибо за добрые обо мне думы. Мне кажется, что Вы уклещили самую суть «Часа Быка», да и по существу всех моих последних вещей, особенно в конечном абзаце. Это очень чёткая формулировка, того к чему я стремлюсь и ради чего считаю необходимым писать именно это, а не что другое.

Мы с Тасей тут пребывали в хлопотах настолько, что я не успел ещё поблагодарить Вас за вырезку из «Правды». Статья имела хороший резонанс, но

[1] Муравьи. От древнегреческого «μύρμηξ».

мне кажется, что Вы написали её черезчур осторожно, так, что из неё не последовало направления, а оно могло бы быть при резонансе от высокого органа.

Правда, с другой стороны, когда подумаешь о том неважном состоянии, в котором сейчас пребывает наша фантастика (именно из-за разнобоя, который внесли братья Стругацкие), то, может быть, и правильно было дать статью без резкого отграничения «козлов» от «козлищ». Однако направление, может быть, следовало бы дать жёстче, ибо при современных обстоятельствах даже статья в «Правде» не является директивой, как в оные времена.

Хлопоты наши по причине всяких там симпозиев, с коими связан приезд иностранных гостей. Были американцы — Олсон с женой, теперь другие — Ромер с женой. Изображать гостеприимство за целый институт — обременительно, да и материально — просто убыточно. Что поделаешь, другие, вроде проф[ессора] Флёрова, преуспели в ускользании. Ну, сейчас примем последнего, а там с 1-го сентября поедем в санаторий. Опять же по причине эпидемии санатории оказались переполненными, и не удастся получить в тот, что подешевле. Начальство оставило для себя. Боюсь, что не миновать дорогого «Узкого».

Работа с Македонским подвигается медленно, но не потому, что ослаб в писании, потому, что мало остается на писание времени из-за этого окаянного научного представительства. Я бы на месте Союза Писателей помогал бы пишущим уединяться на какое-то время в месте удобном и уединенном, чтобы продвинуть окончание вещей. Так, кажется, бывало в прежние времена, когда поменьше было алчущих и жаждущих придворных.

В общем, настроение у меня — среднее по причине, что не вижу на ближайшее время ничего хорошего, а в то же время устаю от психологических вещей значительно больше, чем прежде.

Планы впереди хоть и обширны, но запаса мощности на их исполнение как-то не чувствую, и от этого тоже берёт печаль. Для больших произведений нужна крепость существования, если не Ясная Поляна, то хоть дача в Тессели. А поскольку, как у истинно советского человека, всё на соплях, то, видимо, это не может не отражаться на размерах и перспективах задуманного. Трудно ещё видеть, как исчезает всё привычное с юности и заменяется совершенно иным, может быть, лучшим, но чужим и жёстким. Особенно это относится к исчезновению того российского, что нам дорого и мило, но искоренялось при помощи иных национальностей достаточно долго, чтобы практически оказаться на грани небытия. Вот это тревожит и не способствует тому благополучию, какое написано на лицах гостей, приезжавших в последние месяцы из иных стран. Ну вот, как видите, выговорился, стараясь определить настрой и его причины.

Ещё раз — спасибо за статью. Обнимаю Вас, сердечный привет Наталии Алексеевне и семейству. Тася всем кланяется,

Ваш всегда,
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Н. ИИДЕ

60

Москва
27 августа 1970 г.

Многоуважаемый доктор Иида!

Только вчера я получил Ваше письмо от 10 августа. Судя по срокам прохождения почты, нет никакой надежды, что моё письмо попадёт к симпозиуму. Таким образом, я не смогу воспользоваться почётным предложением Вашим, Ваших коллег и организаторов симпозиума и обратиться с приветствием к уважаемому собранию.

Это огорчительно ещё и потому, что мне хотелось бы поблагодарить всех вас за доброе отношение ко мне и моим работам.

Мне думается, что в Японии интересуются научной фантастикой не только вследствие гигантского технического взлёта страны, хотя есть известная связь между развитием научно-технического прогресса и потребностью в научно-фантастической литературе. Возьмите, например, Индию — огромную страну древней культуры, вторую в мире по количеству населения. Там совсем нет своей научной фантастики. Даже переводы редки и не имели успеха. Испания и вся Южная Америка — без своей научной фантастики.

Японский народ всегда отличался изощрённой и глубокой фантазией, помогавшей ему в нелёгкой и суровой жизни. Я считаю фантазию — мечту важнейшим щитом человека от принижения его духовного мира невзгодами или монотонностью существования.

Японцы, как и мы, русские, считают наиболее важным духовное состояние и совершенствование человека, придавая меньшее значение внешнему выражению цивилизации и её техническим игрушкам. Может быть, так получилось потому, что жизнь моего народа издревле была тоже нелёгкой, в суровой и нещедрой природе, то есть в условиях, когда личные качества человека особенно важны.

Поэтому я жду от японских писателей «новой волны» в научной фантастике, в которой тонкий внутренний мир человека станет на первом плане, а научные открытия и технические усовершенствования будут лишь служить ему в единственной цели — творчестве совершенной жизни. Новая мораль общества и новая вера в грядущее теперь могут быть созданы только через научное познание мира. Но это познание должно быть адресовано только счастью и духовной высоте человека. Без этого аморальность и антигуманизм фанатической науки будет (и уже является) грозной опасностью.

Мне кажется, что для японской литературы, тонко и глубоко чувствующей душевный мир людей, такое очень трудное направление научной фантастики будет и под силу, и интересно.

Научная фантастика в самое последнее время включилась в борьбу за сохранение природы. И тут видится одна специфическая японская грань.

Три с половиной тысячи лет тому назад погибла высокая и таинственная минойская цивилизация на острове Крит в Средиземном море. Это были люди, очень близко сроднившиеся с морем, древнейшая держава мореходов, всю культуру которой пронизывало глубокое понимание моря и любовь к нему. Сейчас подобной близостью к морю во всём мире (не считая, конечно, полинезийцев — народа численно малого и не участвующего в развитии мировой культуры) отличаются только японцы. Их глубокое понимание моря и связь с

ним, думается, помогут человечеству в защите океанских просторов от неумелого использования и повреждения их, что найдёт отражение в национальных научно-фантастических произведениях.

Как видите, было о чём сказать японским коллегам, но увы, сердечная болезнь моя вряд ли может быть излечена современной медициной и, следовательно, дальним путешествиям пришёл конец.

С искренним уважением и пожеланием здоровья и всего светлого

И. А. Ефремов

P. S. Пожалуйста, не торопитесь с поисками альбома. Это дело не спешное, и я попросил Вас на случай, если Вы случайно наткнётесь на него в поисках нужных Вам книг.

И. Е.

61 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 августа 1970 г.

4516 N. Chelsea Lane
Bethesda, Maryland 20014

Dear Professor Efremov:

I apologize for the long delay in my replies to your letters! I have received your newest novel, The Hour of the Bull, and hasten to make several preliminary comments, since I have not yet reached the final page:

1. The theme is extremely entertaining, but not simple. The Introduction/Preface is not in complete accord with the main body of the text (or else I have misread the intended meaning). Such a postulated society may be S.F.; there are, however, excerpts that read as though you speak of our own present social structures.

2. The "dominance" of femininity, etc. is intriguing... and not as surprising. This year, for example, U.S. Women celebrate the 50th anniversary of their "liberation"... 50 years ago in Wyoming, U.S.A., they received their right to vote. Yesterday there were numerous women's liberation demonstrations throughout the U.S... demanding equal rights, etc.

3. Science (technology) plays such an important role in your novel (concepts, terminology etc.) that an "ordinary" mortal may have difficulty in following your story. Names of persons are also a bit complex... and if close attention is not paid to the cast of characters, it is easy to loose the "sequence of events".

4. Being an Efremov fan, I am familiar (?), however, with your style of writing and enjoyed it. Even though I have not finished the novel, I already scanned the epilogue... which is a bad practice.

Are you planning to look over the comments, etc. on "Origins of Taphonomy" that I sent you? The editor of the Journal of Paleontology should be informed on its progress.

In your last letter you mention that your comments on Cosmos and Paleontology have been published in several articles. Is it possible to receive from you copies of them?

Natasha is almost three months old. Sasha is extremely happy with his sister and is very attentive to her. This Sunday she will be christened. A large celebration is planned, with plenty of good food, drink and merriment! Regards at home.

With best wishes,
George Rabchevsky

4516 Норт Челси Лейн
Бетесда, Мэриленд 20014

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу прощения за то, что порой долго не отвечаю! Я получил Ваш самый новый роман «Час Быка» и спешу сделать несколько предварительных замечаний, поскольку я его ещё не дочитал:

1. Тема исключительно захватывающая, но непростая. Введение/Предисловие не в полном соответствии с основным текстом (либо я не до конца понял замысел). Описываемое общество можно считать научно-фантастическим; однако некоторые отрывки читаются так, словно Вы говорите о наших современных общественных институтах.

2. «Власть» женственности, так сказать, интригует... что по нынешним временам не удивительно. К примеру, в этом году американские женщины празднуют 50-ю годовщину своего «освобождения»: 50 лет назад они получили в Вайоминге право голоса. А вчера по стране прокатилось множество демонстраций, где женщины требовали... равных прав и т. п.

3. Наука (техника) играет в Вашем романе столь важную роль (концепции, терминология и пр.), что простому смертному нелегко следить за развитием действия. Имена героев также немного сложноваты... если не очень внимательно следить за всеми персонажами, легко потерять «нить повествования».

4. Как любитель Ефремова, я знаком (?), тем не менее, с Вашим стилем и читал с удовольствием. Даже ещё не дочитав роман, я заглянул в эпилог... что конечно, дурная привычка.

Не собираетесь ли Вы просмотреть замечания и т. д. по статье «Происхождение тафономии», которую я Вам переслал? Я должен известить редактора «Джорнел оф палеонтолоджи» о том, как продвигается работа.

В своём последнем письме Вы заметили, что говорили о связи космоса и палеонтологии в нескольких статьях. Возможно ли получить от Вас их копии?

Наташе теперь уже почти три месяца. Саша очень ей рад и весьма внимателен к сестре. Этим воскресеньем мы будем её крестить. Спланировано целое празднество с щедрым угощением и весельем!

Привет Вашим домашним.

С наилучшими пожеланиями,
Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

62 Дж. САТТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

30 августа 1970 г.

Hartfield,
Sandy Drive,
Cobham,
Surrey,
England

Dear Dr Efremov,

two days ago when I was passing through the little country town of Guildford on my way to visit my father I found in a second-hand bookshop a copy of "Through Jade Gate and Central Asia". I am afraid it is not a very clean copy, but perhaps after having wanted to read it for twenty years you won't mind this! I shall be sending it to you in a few days' time and shall hope to hear that it has reached you safely. Please let me know if there are any other out of print books which I might find for you — I feel rather pleased with my success and would like to repeat it.

Mrs. Romer wrote to me a few days ago from Leningrad: she said that she and Professor Romer hoped to be in England next month and I hope will also visit my father. He is very happy in his new home and walks every day in the big garden.

In your last letter, you asked whether I was like my mother in appearance. No, I am very like my father, and every palaeontologist who meets me for the first time bursts out laughing because the resemblance is so close. But in many ways my mother and I thought in the same way and understood each other well. All my life I have kept mental lists of things to tell her and I still find myself doing so occasionally.

I have been so long in answering your letter because John (my husband) and I have been travelling for much of the summer. We went to Australia to attend a meeting on the Archaean which has suddenly become a fashionable subject — six hundred geologists were gathered in Perth for the meeting. It was followed by field excursions which took us unto the desert lands of northern Australia. Although these are wonderful to visit — and the geology was superb — I should not like to live in such climates. Apart from the heat, there is always dust and every plant which can survive is spiny and unpleasant to walk through. My next journey was a complete contrast — to the islands west of northern Scotland where students of mine are working. There, the trouble are rain, wind and small biting insects, but the beauty of the little islands and the sea makes up for these.

With all best wishes,
Yours sincerely,
Janet Sutton

Хартфилд, Сэнди драйв,
Кобэм, Суррей
Англия

Дорогой профессор Ефремов!

Два дня назад, когда я проезжала через городок Гилфорд по дороге к отцу, в букинистической лавочке я обнаружила издание «Сквозь Нефри-

товые ворота и Центральную Азию»[1]. Боюсь, книга не в очень хорошем состоянии, но если уж Вы двадцать лет ждали, чтобы прочитать её, то не будете против. Я вышлю её в ближайшие дни и надеюсь, она дойдёт до Вас в целости и сохранности. Пожалуйста, напишите мне, какие ещё из редких книг я могла бы для Вас достать. Я очень довольна своим успехом и хотела бы его повторить!

Госпожа Ромер написала мне несколько дней назад из Ленинграда: она сказала, что они с профессором Ромером надеются Вас посетить. Они приедут в Англию в следующем месяце и, надеюсь, также посетят моего отца. Он очень счастлив в своем новом доме, каждый день совершает прогулки по большому саду.

В последнем письме Вы спрашивали, похожа ли я внешне на мать. Нет, я очень похожа на отца, и стоит кому из палеонтологов увидеть меня впервые, они не могут сдержать смеха — так сильно сходство. Но у нас с мамой во многом схож образ мыслей, поэтому мы хорошо друг друга понимали. Всю свою жизнь я мысленно отмечала, чем надо с ней поделиться, и иногда с удивлением обнаруживаю, что до сих пор так делаю.

Я так долго не отвечала на Ваше письмо, потому что мы с Джоном (моим мужем) большую часть лета путешествовали. Мы ездили в Австралию на конференцию, посвященную архейскому периоду, который вдруг стал очень модной темой: на этой конференции в Перте собрались 600 геологов. После неё были организованы экскурсии в пустынные области северной Австралии. Несмотря на редкостное зрелище, настоящее чудо с геологической точки зрения, я бы не хотела жить в таких краях. Помимо жары, там всё время пыльно, а из растений выживают только колючки, по которым нет никакого удовольствия ходить.

Следующая поездка была полной противоположностью — на острова к востоку от северной Шотландии, где работают мои ученики. Там, наоборот, дожди, ветер и кусачая мошкара. Но красота этих небольших островов и моря с лихвой компенсировала неудобства.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваша
Джанет Саттон

Перевела Виктория Картунова

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

63

1 сентября 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Воротясь из дальних странствий, нашёл от Вас бандероль с двумя экземплярами библиографии Бугрова. Очень и очень Вам признателен. Дубли-

[1] Mildred Cable and Francesca French. Through Jade Gate and Central Asia; an account of journeys in Kansu, Turkestan and the Gobi Desert. — London, Constable & co.,ltd., 1927. — Книга обобщает опыт нескольких десятилетий жизни и деятельности в Западном Китае английских миссионерок Милдред Кейбл и Франчески Френч, отличается яркостью деталей, подмеченных наблюдательным глазом авторов. Есть также дополненное издание, включающее тридцатые годы.

кат смогу послать в ГДР, где весьма в этом заинтересованы. Кстати, раз уж заговорил о ГДР, скажу в двух словах о поездке. Была она во всех отношениях интересной и познавательной. Жили мы с женой в знакомой семье (редактор и переводчица советской фантастики, с которой познакомился в Ленинграде), имели возможность наблюдать быт немцев изнутри, определять объекты осмотра и маршруты поездок, встречаться с кем хотели и т. д. Эти несомненные преимущества по сравнению с туристской экскурсией позволили более рационально распределить время и — с меньшим напряжением.

Самое общее впечатление: при всех обстоятельствах немецкий характер остаётся неизменным — в том смысле, что они поразительно дисциплинированны, добросовестны, работают честно, с полной отдачей сил и способностей, пунктуальны во всех действиях и брошенных на ходу обещаниях. Если подобные качества народа (или части народа) направлены к благой цели, то достижения бросаются в глаза, и положительные результаты сказываются нагляднее и быстрее, чем в хорошо знакомых нам условиях. По крайней мере те немцы, с которыми мы общались, стараются извлечь и извлекают преимущества, которые может дать, даже на первых этапах, социалистическая система. У них неуклонно повышается производительность труда, из всего они извлекают полезный эффект, неукоснительно выполняют все имеющиеся законы, в том числе и закон об охране природы. Правда, на небольшой территории и при сравнительно высоком уровне культуры населения всё куда легче осуществить, чем у нас. Сами они называют себя «витриной социализма на Западе», зная, что во многом идут впереди других социалистических стран, но решительно отрицают распространённое у нас мнение, что мы их кормим и поим. «Мы платим за всё, что получаем от вас, — говорят немцы, — и создали относительно высокий уровень жизни своими руками». За всё время я не видел на улицах ни одного пьяного и не раз пытался отвечать на недоумённые вопросы: «Почему у вас везде пьяные? Ведь пьянство снижает производительность труда! Почему у вас так плохо борются с пьянством?» и т. д.

Что они думают в душе, если говорить о восточных немцах вообще, трудно сказать или можно догадываться. Стена, перегородившая Берлин, прекратила утечку специалистов, но почти в каждой семье есть друзья и родственники по ту сторону, доступ к которым прекращён. Но там, в нескольких десятках метров, уровень жизни в 2—2,5 раза выше, чем в восточном Берлине, хотя, по нашим наблюдениям, в ГДР уровень жизни значительно превосходит наш — никакие человеческие удобства, начиная от жилья и кончая одеждой, хорошей, разнообразной, изящной — проблемой не являются. И когда моя жена впервые зашла в первый попавшийся магазин, где, к примеру, имеющиеся образцы дамского белья тянутся — по номерам — на много метров, на лице её изобразился испуг — тем больший, что в магазине (это было в Потсдаме) находилось лишь несколько покупателей, в основном наши офицерские жёны, которые объяснялись на языке жестов, и продавщицы с заученной милой улыбкой благодарили за каждую купленную мелочь и разрешали «approbieren» любые предметы. Но лучше заученные улыбки и механические «danke schön», чем привычная грубость наших продавщиц. Когда всего вдоволь, не нужно тем же продавщицам припрятывать дефицитные вещи, не нужно развозить лучшее по закрытым распределителям, не нужны показушные лозунги о взаимной вежливости и т. д. и т. п. Правда, на небольшой территории легче

поддерживать порядок и легче решать многие проблемы, остающиеся для нас неразрешимыми.

Вместе с тем обстановка напряжённая, и это тоже ощущается. По-видимому, не очень просто вести агитацию за социализм, если в каждой квартире телевизор с несколькими западно-берлинскими программами. Я-то общался с немцами, представляющими духовную элиту (профессора, литераторы, издательские работники), а масса, по моим наблюдениям, просто честно работает и добросовестно исполняет свои обязанности, потому что иначе не может — это у немцев в крови, а социализм к этому прилагается как общественная система. Мы знаем, что они «честно» трудились и при Гитлере, и знаем, к чему это привело. Отсюда моё настороженное отношение к немцам 50-ти лет и свыше. Ведь каждый из них, если не внутренне, то внешне должен был повернуться на 180°. Впрочем, как мы знаем из романа «Час Быка», противоречия в подобных случаях не всегда диаметрально противоположны… Меня познакомили с одним сотрудником издательства, который составил для внутреннего употребления подробную инструкцию под громким названием «Konzeption», где формулируются жёсткие требования с перечислением и обоснованием всех градаций, предъявляемые к фантастической литературе, соответствующей критериям социалистической идеологии. Этот немец, по виду фанатик-аскет, был, как мне говорили о нём, убеждённым гитлеровцем, а потом вступил в СЕПГ[1] и превратился в убеждённого коммуниста. «Не сомневайтесь, — говорили мне, — он действительно убеждённый коммунист, потому что он иначе не может». Думаю, что если действовать согласно этой инструкции, а она принята — значит, действует, то «Час Быка» издать в ГДР невозможно. Пока я там был, цензуру смутил уже переведённый на немецкий язык роман В. Савченко «Открытие себя», и его передали на дополнительную рецензию автору этой инструкции. Мне показали его рецензию. В ней около 20 страниц. Рецензент, приведя множество цитат, отклоняет роман по двум основным пунктам: 1) грандиозное открытие учёным сделано в одиночку, в отрыве от научного коллектива и вопреки руководству института, которое изображено практически в негативном плане — всё это не типично для социалистической системы, а поскольку действие происходит в СССР, может создать превратное представление о первой в мире стране, построившей социализм. 2) Главный герой Кривошеин многословно рассуждает об ответственности учёного, который должен думать, не будет ли его открытие иметь отрицательных последствий для человека и окружающей природы. Подобные ситуации создаются в странах империализма, но при социализме практически исключены, т. к государство не может употребить во зло ни одного научного открытия, и, кроме того, в социалистических странах приняты законы об охране природы… Вот, стало быть, инструкция, приведённая в действие… А отсюда понятно, что они издают: Мартынов и Мееров («Сиреневый кристалл») выдержали несколько великолепно выполненных изданий. Конечно, почитается «Девушка из космоса» (чего стоит заглавие!), которая используется и в учебных целях для дипломных работ: «Человек будущего в изображении И. Ефремова». Видел аккуратно оформленные, уснащённые библиографией работы на эту тему у

[1] Социалистическая единая партия Германии — правящая партия в ГДР.

преподавателя Pädagogische Hochschule[1] в Потсдаме, который добросовестно сотворяет диссертацию на ту же тему, как и милый, но очень наивный мальчик — аспирант Бернд Гизлер, который возил меня на мотоцикле по Дрездену. Но, чтобы быть справедливым, пишут дипломные работы и о других советских писателях. В Потсдаме видел такие же сочинения о Горе, Шефнере, Мартынове, Беляеве. Пожалуй, у нас бы не разрешили педагогу, занимающемуся своей темой, разрабатывать её в многочисленных дипломных работах учеников. Однако, по моим наблюдениям, в преподавании ещё живут хорошие немецкие традиции. Но это уже другой разговор. Много было бы рассказов о музеях, зоологических парках, облике городов, домашнем быте, где особенно сильны добрые и глупые традиции и т. д. — но не буду Вас больше утомлять своими сумбурными и достаточно беглыми впечатлениями.

А ведь поначалу решил Вам написать, Иван Антонович, вот о чём. В предисловии к роману Жемайтиса вы упоминаете «Нимфею» Рони-старшего. К стыду своему, эту книгу не видел и не нашёл в своей же библиографии, полученной из ВГБИЛ в отредактированном виде (1-й экземпляр рукописи отдали в «Книгу»). Среди русских переводов «Нимфея» мне не попадалась. Нет ли у Вас случайно каких-либо данных о ней? Если Вы её читали по-русски, то в журнале или отдельным изданием? Сообщите, пожалуйста, если вспомните. Вообще же библиография получилась громадная. Когда всё собралось вместе, сам удивился, какая проделана работа.

И ещё хотел Вам сказать, что за день до отъезда в ГДР мне позвонили из «Лит[ературной] России» и просили написать очерк в связи с выходом «Часа Быка» и, так как это им требовалось срочно, я отослал их к В. И. Мне хотелось бы попытаться более внимательно и разносторонне раскрыть содержание романа, по возможности не уклоняясь от острых проблем. Надеюсь, это можно будет сделать во втором издании «Через горы времени»[2]. В. И. деятельно пробивает — ведёт переговоры, хлопочет и, полагаю, рано или поздно пробьёт.

Слышал, что Вы сейчас в Узком и, должно быть, там и прочтёте это письмо, если оно не покажется Вам слишком длинным и скучным.

Желаю Вам и Таисии Иосифовне всего, всего хорошего.

Ваш
Е. Брандис

64 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ[3]

4 сентября 1970 г.

Получил Святловского[4] — большое спасибо. Придется переписать много! Скоро напишу обо всём — я сейчас занят семейными делами.

Ваш *Алан Майерс*

---

[1] Педагогическое училище (нем.).

[2] Дмитревский В. И., Брандис Е. П. Через горы времени. М., 1963. Второе издание не было осуществлено.

[3] Открытка с видом собора Сен-Жермен-де-Пре, текст на русском языке.

[4] Имеется в виду книга В. В. Святловского «Русский утопический роман». Петербург, Госиздат, 1922.

П. М. ЖУКОВСКИЙ — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ 65

Ленинград
7 сентября 1970 г.

Дорогие Таисия Иосифовна и Иван Антонович!

Книги, которые я обещал Вам, на днях вышлю по Вашему московскому адресу, так как Вы скоро уедете из «Узкого». Я уже дома, из окон вид на эспланаду к Неве, гипертония исчезла (либо притаилась), настроение боевое, коллекция авторучек вступает в дело. Погода тихая, но сумерки хмурые и ранние.

Очень тепло вспоминаю Вас обоих, — и то, как Вы опровергаете мнение, будто брак — это благоухающая тюрьма!

Что касается меня, то

«Океаниды бросили меня,
Моих седин мне не простили»...

и далее —

«Нет ничего печальней на Земле
Мужской тоски о женском обаянье»[1].

В моём кабинете есть аскетическое кресло. Когда я сижу в нём, — у меня вот такие неуместные мысли!

Надеюсь, что Вы оба здоровы! Начинаю читать Вашу книгу!

Желаю здорового долголетия!

Искренне Ваш *П. Жуковский*

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 66

Лос-Анджелес
10 сентября 1970 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

As this will indicate, we are back home, safe and sound after a truly marvellous trip in your country. The trip back was relatively uneventful. We got off in good order with a minimum of customs bother, flew Aeroflot to Brussels, Sabena to New York, stayed over night and then flew TWA to Los Angeles, arriving on time. The only delay was in Brussels where we waited five hours for a delayed plane from

[1] Строки из стихотворения Ильи Сельвинского «Океаниды бросили меня...». Точный текст:

Океаниды бросили меня,
Моих седин девчонки не простили:
Ушли, как волны, весело звеня,
И я стою на берегу пустыни.
Я вижу даль в голубоватой мгле.
Там, за песками, солнце в океане...
Нет ничего печальней на земле
Мужской тоски о женском обаянье.

Athens. A good but tiring trip, as they always are. The way Hijackings are going, I guess (shades of Professor Orlov and my "I guess") that we were lucky not to end up in the mid-East somewhere.

Last night we looked over our slides. Somehow the first roll was lost, from my wife's purse, and the last roll isn't quite finished yet. So we don't have any Moscow, but I have lots from other trips. We had realized how fast and condensed our trip was until we tried to sort out just what was what and where. 25 centuries in three weeks, too fast. But we both feel we have a sense of history that we never had before, plus the pure joy of having been at the scene of the action.

I was very glad that we were a little fouled up on our tour schedule so that we had the extra day in Moscow and could see you again. I hope that we did not impose too heavily on your hospitality for there is little opportunity to reciprocate. In any case, we did greatly enjoy our get-togethers with you and your wife. It hardly seemed possible that 6 years had passed since the last time and I hope so much time will not pass again. I, and now Lila as well, value your friendship immensely and it has been one of the major stimulations of my life and general philosophy as things go. I am happy to say I have been able to make this clear in the preface of my book VERTEBRATE PALEOZOOLOGY.

The book is on schedule at the moment and due to be out in February. I doubt that it will make this date, merely because books almost never do unless they are to be "best-sellers" which this will not be. Galley proof is completed and page proof under way. I still don't know how it will go over, for it is very different and is neither quite fish-or-fowl as far as textbook or referencebook is concerned. It is mostly my way of thinking about things. I will send a copy as soon as I get copies. I will be very interested in your reactions.

Soon I am going to start on the exchange matter and I hope it will get some results fairly soon. With research funds being so drastically cut back these days, the scientists seem to have been "naughty boys" and fouled the world, it may be a little more difficult. But on the other hand the seeking of rapport is foremost now and this should be on the plus side.

I do wish that more people from here could do what we did and that many from your country could come here. It is, of course, hard from the obviously biased background that one must carry, from either direction, to get a good objective look. On the other hand it was my impression that most members of our party tried hard and really did see a great deal of true things on the trip, as far as the obviously very small sample that we could possibly touch is concerned. There is, of course, no panacea in such communication, but understanding and appreciation cannot fail to be of some use. The world just has to get together and maybe it lies in the province of our countries to finally find a way to do it. There is so much possible that it is a shame that so much seems to stand in the way. Well, we will keep trying and will see.

I was struck in Central Asia, or am impressed more in retrospect by the comparison of camels and airplanes and the impacts on the course of human affairs. How could a man like Timur have control over so wide an area without rapid communication, or was it because of the lack of it and the control of the few lines of communication that he could have it. And how did he know if he did or not? The airplane, be it only two motored, hops 6 days of camel journey in an hour or less. Marco Polo's 20 years can be done in a matter of hours. But, in so doing one doesn't see the country

or the people or come to know anything about what lies between the major centers. All of this is obvious, but such a vast and rapid change must have a devastating if subtle effect on human ways. No wonder we are so eternally restless, from one thing to the next, the next and so on. It is one of the things you have seen in me, as you have noted, and I am not sure it is good. It does not improve with age, incidentally.

So this is what trips and stimulating people do to me. I am afraid that all this wandering probably will do something to you as well, so I will stop for the moment.

I hope that you are feeling well. I know you must take it slowly, but I was happy to see that you were looking well and in such good spirits. I will be writing to Peter in a day or two, but if you see him say hello for me, for one never knows of what courses the letters may take. And please, also say thank you so much and our sincerest greeting to you wife from Lila and me. We were completely charmed by her and soon Lila will be writing. Until next time, then,

My very deep regards,
Your warm friend as always,
Everett C. Olson

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Как вы видите, мы вернулись домой живыми и невредимыми после невероятно чудесного путешествия по вашей стране. По дороге назад ничего примечательного с нами не произошло. Мы вылетели вовремя с минимальным таможенным контролем, летели «Аэрофлотом» до Брюсселя, потом «Сабеной»[1] до Нью-Йорка, переночевали там и уже на TBA[2] вовремя прилетели в Лос-Анджелес. Единственная задержка была в Брюсселе, где мы прождали пять часов из-за опоздания самолёта из Афин. Поездка отличная, но утомительная, как, впрочем, всегда и бывает. Учитывая, как часто угоняют самолёты, я полагаю (привет профессору Орлову с моим «я полагаю»), что нам повезло не оказаться где-нибудь на Ближнем Востоке.

Прошлой ночью мы просматривали фотографии. Каким-то образом первая плёнка исчезла из сумки жены, а последнюю мы ещё не отсняли до конца. Поэтому из Москвы кадров нет, но у меня их много из остальных мест. Мы поняли, какая молниеносная и насыщенная была поездка, как только попробовали разобраться, где мы были и что видели. Двадцать пять веков за три недели — это, конечно, слишком быстро. Но мы оба ощутили незнакомое ранее чувство истории, а также огромную радость от того, что мы побывали на сцене событий.

Я очень рад, что маршрут нашей поездки немного изменился, мы провели ещё один день в Москве и снова увидели Вас. Надеюсь, мы не очень затруднили Вас, поскольку слишком мала вероятность ответить взаимным гостеприимством. В любом случае, мы получили огромное удовольствие, проведя время с Вами и Вашей женой. С трудом верится, что с прошлой встречи

[1] Sabena — государственная авиакомпания Бельгии, существовавшая с 1923 по 2001 годы.

[2] TWA (Trans World Airlines) — авиакомпания США.

минуло шесть лет, и я надеюсь, такого перерыва больше не будет. Я, а теперь и Лайла очень ценим вашу дружбу, которая стала одним из главных стимулов в моей жизни и основой мировоззрения. С удовольствием сообщаю, что смог упомянуть об этом в предисловии моей книги «Палеозоология позвоночных».

Книга уже в издательстве и должна выйти в феврале. Я сомневаюсь, что она выйдет в срок — так всегда бывает с теми книгами, которым не суждено стать бестселлерами, а она им не станет. Корректура уже закончена, и правки вносит верстальщик. Я до сих пор не знаю, как книгу примут; она очень необычная и в каком-то плане «ни рыба ни мясо» — не справочник и не учебное пособие, но то и другое вместе. Однако она — выражение моих взглядов на эту тему. Как только у меня будут экземпляры, обязательно отправлю Вам. Мне очень интересно Ваше мнение.

Скоро я займусь вопросом о возможном научном обмене плотнее. Сейчас финансирование исследований резко сократили, учёных выставляют некими самовлюблёнными привередами, которые только портят мир. В связи с этим возможны трудности. С другой стороны, контакты сейчас выходят на первый план, и это может быть тут плюсом.

Я бы хотел, чтобы больше людей смогли бы побывать у вас, как мы, и чтобы люди из вашей страны приезжали сюда. Это, несомненно, сложно из-за укрепившихся предрассудков, но потому-то и необходимо участие обеих сторон, чтобы взгляд был объективнее. С другой стороны, я был приятно удивлен, что большая часть нашей группы старалась и действительно увидела настоящее положение дел во время нашей поездки, хотя, конечно, это капля в море. Туризм нельзя считать панацеей, но лучшее понимание не может не дать результатов. Миру надо двигаться сообща, и может быть, именно на долю наших стран выпало найти путь к такому объединению. Столько возможно сделать сообща, что жаль терять шансы из-за бесконечных препон. Ну, в любом случае мы попробуем и посмотрим.

Я был поражен Средней Азией — и когда я анализирую свои впечатления, то размышляю над влиянием верблюдов и самолётов на ход человеческой жизни. Как мог, скажем, Тимур контролировать такую большую территорию без быстрого сообщения с частями своей империи, или это оказалось возможным именно из-за отсутствия связи между ними в целом и его контроля над немногими имеющимися путями коммуникации? И как он мог судить, владел ли он действительно этими землями или нет? Даже двухмоторный самолёт перелетал за час с небольшим то, что на верблюдах бы заняло шесть дней. Двадцатилетний путь Марко Поло можно преодолеть за несколько часов. Но таким образом едва ли увидишь страну, людей и жизнь вне столиц. Довольно очевидные вещи, но такие большие и стремительные перемены должны сказываться на образе жизни кардинальным образом, хотя и не всегда заметным на первый взгляд. Неудивительно, что мы всё время беспокоимся то по одной причине, то по другой, и так до бесконечности. Вы подметили такое свойство во мне, и я не уверен, что это хорошо. И, между прочим, с годами лучше не становится.

Вот что делают со мной поездки и вдохновляющие меня люди. Боюсь, как бы все эти путешествия не оказали на Вас такое же будоражащее влияние, так что я пока остановлюсь.

Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо. Я знаю, что Вам нужно беречь себя, но я был счастлив, что Вы так хорошо выглядите и в хорошем расположении

духа. Я напишу Питеру в ближайшие пару дней, но если увидите его, передавайте привет, ведь мы знаем, как долго могут идти письма. И, пожалуйста, передайте искреннее приветствие и огромное спасибо вашей жене от Лайлы и меня. Мы были буквально очарованы ею, и Лайла скоро напишет от себя. До следующего письма.

С низким поклоном,
как всегда, Ваш добрый друг
Эверетт К. Олсон

Перевела Анна Лаврова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

67

Москва
25 сентября 1970 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Только что вернулся из санатория, где отдохнул немного в настоящей золотой осени. Я не ответил ещё на Ваши два последних письма под впечатлением Круазе[1]. Надо сказать, что я с Вами совершенно согласен, и существование планов Вселенной, неизвестных для современной физики, — очевидно. Вы очень точно сформулировали это, равно как и выстрел в сволочь — как самоубийство исчерпавшей чашу меры сволочи.

В моё отсутствие П. Ф. Беликов привёз мне книгу ЕПБ — «Т[айную] Д[октрину]» — огромный том в 1000 страниц. Я убоялся его посылать Вам — уж очень большая редкость. Переснимут мне на плёнку, и плёнку пошлю Вам — так спокойнее.

Кстати, посланный Вами в последний раз Круазе прибыл в совершенно изорванной оболочке. К счастью, книга оказалась не повреждённой, но впредь не доверяйте почтовым упаковщикам.

Сейчас во всём мире резко возросли цены на книги — и современные, и старые. За последними и за редкими особенно охотятся, так как это капиталовложение такое же, как картины для известного Вам народа. Мы хлопаем ушами, а цены на старые книги, скажем, в Англии (читал антикварный журнал) возросли в 9—11 раз с 1954 г., в то время как стоимость жизни — в 2 раза. Томик поэта Дилана Томаса, изданный в 1932 г. по цене три с половиной шиллинга, сейчас продаётся за 80 фунтов, например.

А букинисты у нас скупают книги по номиналу, и затем уже идёт растекание по скрытым каналам в руки знающих (и знакомых с ценами за границей) людей, чтобы при случае утечь в ту же заграницу. Воистину, неисчерпаемы возможности спекулянтов! Это всё я к тому, что сейчас со старыми книгами надо осторожнее — и в личных, и в общественных библиотеках. Итак, как только найду фотографа с доверием — сразу же пересниму и пошлю Вам.

Сердечные приветы и пожелания доброго здоровья от Таисы Иосифовны и меня.

Ваш *И. Ефремов*

---

[1] См. примечание к письму Н. К. Портнягина И. А. Ефремову от 3 августа 1970 г.

68 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ

Москва
25 сентября 1970 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

С огорчением узнал, что Вы приезжали в Москву в то время, когда я оказался в санатории. Жаль, что не удалось встретиться.

Собираетесь ли ещё в наши края в ближайшее время?

Громадное спасибо за книгу[1]. Она — столь большой ценности, что я не решаюсь её выпустить из рук и, вероятно, отдам сначала перефотографировать на плёнку, а потом уже переписывать с плёнки. Посылать её тоже страшно, так что придется ждать оказии — Вашего приезда или же если кто поедет в Ваши края. Помимо всего — это просто ценность денежная как огромная редкость. На какой срок Вы мне её даете?

Как раз в санатории я читал английский журнал, специально посвященный антикварии. Там была статья, что в то время как стоимость жизни в Англии с 1954 по 1970 г. вздорожала в среднем вдвое, книги (новые) вздорожали в пять-шесть раз, а старинные в 8—11 раз! Сравнивая Вашу книгу с ценами, отмеченными в журнале, думаю, что там она бы стоила тысяч пять англ[ийских] фунтов — цена для нас вообще несообразная, т.к. в переводе на товарную стоимость это от 25 до 40 тыс[яч] рублей наших! Это я к тому, какие у нас есть книжные ценности, каких мы и сами не знаем, чем очень пользуются люди, знакомые с международной конъюнктурой и скупающие у букинистов всё, имеющее подобную валютную ценность. Нельзя спекулировать валютой — они — иконами, картинами, запретили — так книгами! Может, я и переоценил Ваш том, но во всяком случае его денежная ценность очень велика, и хранить его надо!

Как Ваши дела с книгой об НКР? Не надо ли в чём помочь или узнать? Напишите только, и, хоть ограничен в возможностях, может, кое в чём смогу помочь.

Большой привет Вам от жены (Таисы Иосифовны) и от меня. Будьте здоровы!

С искренним уважением,
И. Ефремов

69 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Москва
25 сентября 1970 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Большое спасибо за очень интересное письмо о ГДР. Пожалуй, впервые я получил столь глубокую характеристику существующих там отношений. И мне думается, что Вы полностью резонны в своих выводах — но ведь тем хуже для них. Правда, с нашей расхлябанностью и пьянством осточертело жить, но ведь

[1] В сентябре 1970 года П. Ф. Беликов привёз в Москву для И. А. Ефремова «Тайную доктрину» Е. П. Блаватской.

и другой полюс не лучше. Приспособление к любому режиму, конечно, легко для обывателя, и теперь вполне понятно, как они смогли «терпеть» Гитлера. Они ничего и не терпели по сути дела... И всё же отдохнуть в устроенном быте год-другой было бы не худо!

Отвечаю на Ваш вопрос о «Нимфее». Я наткнулся на рецензию о Рони-старшем не то в «Аполлоне» за 1914—1915 гг., не то в «Мире Искусства» — одном из последних, кажется, за 1909 г. в библиотеке М. А. Волошина[1] и тогда же отыскал там «Нимфею» на французском, которую и прочитал через пень в колоду, так как плохо знаю французский. Кажется, «Нимфея» переводилась, и две-три главы были напечатаны не то в «Вокруг Света», не то в «Журнале Приключений» за ранние годы, однако я совсем не уверен, и, возможно, память тут подвела.

Из рецензии я выписал ряд других титлов Рони-Старшего. Перечисляю их Вам на всякий случай (до сей поры переведены только «Ксипехузы»). См[отрите] н[иже]. Помните ли роман Курта Лассвица «В тумане тысячелетий»? Он опубликован не то в «Мире приключений», не то в «Природа и Люди». Если нетрудно и материал под рукой, при случае взгляните. Хочется перечитать — ведь роман-то палеонтологический.

Не попадался ли Вам рассказ о древних людях и слонах, не помню названия, напечатанный в «Мире Приключений» за 1909 или 1910 г.? По детским воспоминаниям, он очень интересен и трагичен.

Статья обо мне в «Лит[ературной] России» получилась у В. И. очень теплой и в отношении конечных целей моих писаний — верной. Правда, я уже подсмеивался над ним, что друг настолько забыл мою физиономию, что написал, будто у меня — выпуклые глаза. Ей-Богу, пока ещё не вылуплялись!

А с «Часом Быка» пока довольно интересно. Первый завод[2] — как в воду канул, нет и следов в магазинах, но совсем нет и писем от читателей, кроме одного доноса каких-то старых большевиков из Минска — прямо в ЦК. Глупости, конечно! По сравнению с бурной реакцией на «Туманность» молчание о «Быке» характерно и интересно!

Душевный привет Вам от Таисы Иосифовны и меня с пожеланиями всего светлого.

Ваш
И. Ефремов

P. S. А вот и перечень н/ф произведений Рони-Старшего (не считая известных «Борьбы за огонь» и «Хищн[ика]-гиганта»).

1. Vamireh; 2. Les Origines; 3. Eyrimah; 4. Les Xipéhuz; 5. Les Profondeurs de Kyamo, 1896 (колония гигантских горилл на острове); 6. Un autre monde, 1893 (плоскостный мир «медиженов»); 7. Le cataclysme (продолжение «Ксипехузов»); 8. Чудесная страна пещер — не знаю фран[цузского] титла — заглавие дано в переводе; 9. Nymphée, 1901. Сюда не включил исторические вещи вроде Amour etrusque, Paris 1892—98 (издан в русском переводе «Этрусская любовь», СПб, 1914).

---

[1] Отдыхая в 1952 и 1953 годах в Коктебеле, И. А. Ефремов имел возможность заниматься в личной библиотеке М. А. Волошина.

[2] Имеется в виду первая часть готового тиража.

70 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
27 сентября 1970 г.

Дорогой Борис!

Рад слышать, что собираетесь приехать. Поговорю насчёт Вашей печёнки с моим гомеопатом — знаменитостью Мухиным. М. б., он сам Вас посмотрит, а ежели печёнки не в его ведомстве, то порекомендует кого.

Пора, конечно, и Ларису показать — подать сюда!

Марафед просит Вам передать, что ничего ей не надобно, а вот пристанище Вы можете найти у неё на новой квартире, недалеко от нас — на пару дней, а ежели подольше, то она устроит Вас в комнате своей племянницы, коя стоит пустая, а племянница на Камчатке. Там не столь уж уютно (в комнате, не на Камчатке), но Вы можете обретаться там сколько угодно — месяц-два, никого не стесняя. Из фруктов ничего нельзя везти — за такую самодеятельность хватают заградительные кордоны и отнимают начисто. Может, сейчас, после снятия карантина, полегче, но поскольку Вы поедете по Одесскому направлению, то оно самое страшное. Лучше не надо, тем более, что среднекачественные фрукты в Московии есть.

Короче — приезжайте, ничего не везите, акациевый мёд, по-моему — приторная мишура, насколько помню из детских украинских воспоминаний.

Имейте в виду, что холодище у нас уже порядочный, а на октябрь грозятся и того пуще — одевайтесь теплее. Куропись[1] «Часа Быка», ежели багаж не тяжёл, прихватите с собой, а тяжёл — не беда, пришлёте потом посылкой.

Душевный привет вам обоим от Тасеньки и меня и Енота.

Будьте здоровы!

Ваш
И. Ефремов

71 П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

3 октября 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Получил Ваше письмо. Срок нахождения у Вас «Т[айной] Д[октрины]» может быть продолжительным. Точно сейчас не могу сказать, когда приеду в Москву. Предстоит окончательное редактирование книги о Н. К. Р. в серии ЖЗЛ. Редактор (А. И. Ефимов) сказал, что придётся или мне приехать в Москву, или он приедет в Таллин, чтобы лично договариваться о некоторых положениях и оценках. Рукопись, конечно, не без боя, постепенно продвигается. Когда договорюсь с редактором относительно текста, важно будет форсировать сроки. Главного редактора, который заменил Ю. Короткова, я не знаю. Надеюсь, что искусственных задержек создавать не станут, но к тексту отнесутся с большой «требовательностью».

---

[1] Так И. А. Ефремов в шутку называл свои рукописи, отсылая к поговорке: «Пишет как курица лапой».

Весьма сожалею, что на этот раз не застал Вас дома. У меня к Вам была превеликая просьба. Если сможете выполнить её, то много меня обяжете. В Теберде живёт мой старинный знакомый, большой поклонник Вашего таланта. Очень интересный человек, интересуется философией, переводит с английского редкие издания. Недавно получил из Индии Йогачару и пообещал один экземпляр сделать для меня. Так вот этот мой знакомый — Николай Васильевич Бок (рентгенолог по специальности) в полном отчаянии от того, что не может достать «Час Быка». Просил меня поискать по магазинам, но сим безнадёжным предприятием я даже не занялся, а решил обратиться непосредственно к Вам. Боюсь, что и у Вас уже запасы на исходе, но если есть ещё какая-то возможность, то буду бесконечно благодарен Вам, если сможете послать один экземпляр по адресу: Ставропольский край, курорт Теберда, Микрорайон, дом 3, кв. 35, Н. В. Боку. В Теберду, между прочим, ни одного экземпляра этой Вашей книги не поступало, а желающих прочитать — множество. Если почему-либо сочтёте удобнее послать книгу на мой адрес, то перешлю Н. В. Боку я.

Большой привет Таисе Иосифовне.

Искренне Ваш
П. Беликов

И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ

Москва
10 октября 1970 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Получил Ваше письмо и сегодня отправил Вашему знакомому «Час Быка» с приличествующей надписью. С большим удовольствием сделал это для Вас.

«Т[айную] Д[октрину]» через неделю отдам в пересъёмку, и ещё через неделю она будет свободна. Однако посылать Вам, пользуясь Вашим разрешением, пока не буду. Подожду оказии.

Я не запомнил точно, имеется ли только этот один том, или успел выйти и второй, и ежели так, то есть ли он у Вас? Пожалуй, для первичной картины системы в целом важнее даже второй, чем первый, хотя и первый чрезвычайно интересен.

Кроме «Т[айной] Д[октрины]» хотелось бы продолжить знакомство с «А[гни] И[огой]». Нет ли у Вас тома, который называется «Беспредельность»? Почему-то именно этот меня интересует сейчас, может быть, потому, что я ожидаю найти в нём то, что стоит за «Иерархией», т. е. перспективу пространства и времени.

Вы, конечно, знаете «IV-й путь», но есть ли у Вас полный перевод изложения Успенского? Если нет, то могу с удовольствием дать надолго, машинопись, переводчик известен Вам, это новый перевод.

То, что редактор говорит о необходимости лично договариваться о некоторых положениях и оценках, — плохой признак в том смысле, что придётся идти на уступки. Но я считаю, что годятся любые уступки, не искажающие образа или существа изложенного, когда стоит вопрос — выйдет или не выйдет книга. Тем более что первая книга всегда открывает путь второй, может быть, более объемлющей.

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и меня.

Ваш *И. Ефремов*

73 М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

13 октября 1970 г.

P. O. Box 15033,
Nairobi

Dear Professor Efremov,

Many thanks for the two beautiful books you sent to us. We shall treasure them as, in fact, we treasure your letters and the two books by yourself. The paintings are after our own heart, so much rubbish is labeled "art" nowadays.

I am happy to hear that you enjoyed "Taboo", and we were both interested to hear of the custom of the unmarried boys and girls sleeping in the attics.

I am delighted with the stamps on the envelope of the zebra with the bison. Your Zoo — Askania Nova — has been in existence long enough to show that African animals can adapt themselves to other environments very well. Both Armand and I would like to see National Parks for all sorts of animals, which are threatened with extinction, established throughout the world.

You may have heard, the Australian Kangaroo is on the danger list. This is because of the ruthless exploitation of that animal for pet food, which is canned and then sent all over the world. It seems particularly horrible when this interesting animal can suffer such a fate through the hands of animal lovers, and I am sure that much more propaganda should be made to awaken the public conscience.

As you know we went to London where Armand was treated with L-Dopa. It was a long and arduous business, because the drug is still under clinical trial. He had to have a blood test once a week, and a thorough medical examination as the dosage was increased.

I don't know whether I mentioned it in any of my letters, but for quite a few years Armand has asked me to put my hands on him, and most mysteriously it had kept him going so that, in spite of having had Parkinson's since 1963, he has always been able to walk, talk and feed himself.

I never regarded this healing hands treatment as especially remarkable, but more and more people have asked me to do it to them, and with the most astounding results. I can understand psychosomatic illnesses responding to this kind of treatment, but some extraordinary cases have also occurred which are of physical ailments being put right in 30 seconds to a minute of just touching the people. I have to put myself in abeyance and then the healing power or force, whatever it is, seems to come through. It seems to be almost like being in trance for a few seconds, and I am only dimly aware that my hands heat up. Many patients say they can also feel a sort of tingling.

When we were in England on our recent visit, the British Broadcasting Company asked me to do two radio programmes on healing. After one of these programmes the Producer, who is quite a famous person with masses of listeners, asked me to treat his chronic catarrh, which I did. The next day he announced that it had completely vanished. You can imagine how I was flooded with letters and requests from people all over England to help them. I could only manage to see a very few people as our time was limited, but again there were some spectacular results.

We went to a luncheon party and my husband sat next to a lady who was unable to move her head, the bones of her neck were completely fixed after hav-

ing had a bad motor accident 7 years before. She told Armand about it and added that she had had an unsuccessful operation and was still unable to move her neck. Armand said to her "Why don't you ask Michaela to treat you?" She called across the table to me to ask for an appointment. I said "It is not necessary, I will do it now". In between courses of food I jumped up and went over to her chair, and put my hands on her forehead and neck. This treatment could not have lasted more than a minute. She said rather disappointedly "Is that all?". "That's all". She made a tentative effort at moving her head and a look of amazement on her face was truly a joy to behold. She discovered that she could move her head like a normal person from side to side. She shouted "I can move my neck". We stayed for afternoon tea and this guest continued to move her head round and round, up and down, and from side to side. She just could not believe that after all the years of inconvenience the trouble had vanished.

When I got back to Nairobi, it was not long before one of our local papers sent a journalist to interview me on the same subject. One of the people I treated gave details. When Armand saw the article, he said "Your life will never be the same again", and certainly his words have come true. He wisely suggested I should see the people on Saturday afternoons, otherwise I would not be able to get on with my usual work. We have had to get ourselves organized with a card index system, and the whole house is turned into a sort of clinic. I, of course, will not accept a fee or presents, because I am only too pleased to help my fellow men.

Many of the people who come are difficult cases who have more or less resigned themselves to ill health and suffering, and it is really wonderful to see they recover so miraculously.

One girl who has to work, telephoned me in great distress. She had a paralysed hand. She was unable to write, do her hair or make-up, or even open her mail box at the Post Office. This has lasted for three months, and had not responded to medical treatment. She read the article in the newspaper, and decided to see what could be done, as a last resort. I met her in town. I didn't know quite where I should treat her, so decided the best thing would be to take her to my small car. We sat side by side, and I gave her the treatment, which is simply the laying on of hands, which takes thirty seconds or so — the most a few minutes. I told her, "Grasp my hand". She did! I gave her a pen which she was able to hold. "Write something", I said, and on top of the margin of the newspaper which we had in the car, she wrote in perfect handwriting. She was overwhelmed, and so was I. We just didn't know what to say, for happiness just engulfed both.

One of the most spectacular cases was of a man who had suffered a cerebral haemorrage. One late afternoon we returned to the house from Nairobi. We had barely entered when a car drove up and two people got out of the car. The man and woman asked whether we would allow them to bring into the house the lady's husband. He was completely paralysed on the left side. They carried him in, and we sat him on chair in the hall. He was treated. I asked him to grasp my hand, and he did! He then grasped his wife's hand. I then asked him to touch my hand with his foot, and he did!

His friend exclaimed "We have seen a miracle", and that is what it was. The man himself echoed his friend's words. He said that his head felt different and that he could feel the life returned to his left side. His friend and his wife told us that he had been completely skeptical, and that they had just over-ruled his objections.

I have had several patients in the medical profession, but naturally all the patients I treat I preserve their privacy, especially these particular ones as the medical profession does not usually look kindly on non medical practitioners!

There is quite a proportion of African patients who come in from miles away, some of them do not speak Kiswahili, but their relations bring them in to see me.

Naturally these occurrences have triggered off the lunatic fringe of Nairobi's religious communities, and it must be bitter blow to them that I do these treatments without recourse to incense, candles, incantations and prayers. I don't see why people should be eager to put labels on everything. The treatments work, so why bother trying to define the mechanics of it. It positively cannot do anyone any harm and if it does good, all the better.

I impress on all the patients to continue with whatever treatment their doctors have ordered them: but I suppose the people who are instantly cured do not have to bother any more with pills and potions. Armand thinks that there is a very high percentage of benefited patients, but not everyone responds as instantaneously as others. I do know that this healing force is not mine, and I am merely the transmitter of it.

Apart from all this, we are preparing ourselves for the rains. I shall be planting trees here, there and everywhere. This country is being denuded of its tree cover, and in consequence there is a great deal of soil erosion. This is very noticeable on the steep banks of the rivers. We have some excellent legislation to prohibit the destruction of river valleys; but unhappily, it is hard to actually catch the guilty people who would destroy every tree to earn a few shillings for firewood or for fencing posts. We may be able to train the next generation into protecting their environment, but they will have to be quick to learn before the destruction is complete.

I do wish that you and your wife will one day be able to visit this beautiful country.

All best wishes and regards,
Sincerely yours,
Michaela Denis

P. S. Is it permissible for me to send you newspaper writings about my healings?

M.

П. Я. 15033,
Найроби

Дорогой профессор Ефремов!

Выражаю огромную благодарность за две потрясающе красивые книги, которые Вы послали нам. Мы будем дорожить ими и бережно хранить вместе с Вашими письмами и романами с Вашими автографами. Такие картины вызывают отклик в душе, сейчас так много мусора называется искусством.

Я рада слышать, что Вы с удовольствием прочли «Табу»[1], и нам было интересно узнать, что у вас юноши и девушки тоже встречаются на чердаках ещё до женитьбы.

---

[1] «Табу» — книга о различных сексуальных обычаях, написанная Арманом Денисом (Taboo. Sex and Morality Around the World 1966).

Я очарована маркой на конверте с изображением зебры и бизона. Заповедник Аскания Нова существует достаточно давно, что доказывает — африканские животные могут довольно хорошо приспособиться к другим природным условиям. Мы с Арманом хотели, чтобы по всему миру появилось как можно больше национальных парков для охраны исчезающих видов животных.

Вы, должно быть, слышали, что австралийские кенгуру занесены в Красную книгу. Это всё из-за беспощадного использования их на консервы, которые экспортируется по всему миру как корм для животных. Особенно жутко, когда такие интересные создания безжалостно уничтожаются из-за любителей животных, и я уверена, что необходимо усилить пропаганду, чтобы пробудить общественную совесть.

Как Вы знаете, мы ездили в Лондон, где Арман проходил курс лечения препаратом Л-Допа.

Это довольно долгий и трудный процесс, потому что медикамент ещё проходит клинические исследования. Ему приходилось сдавать анализ крови раз в неделю и проходить тщательный осмотр по мере увеличения дозы.

Не знаю, упоминала ли я об этом ранее, но в течение многих лет Арман просил меня лечить его наложением рук, и, к удивлению, это помогало ему, несмотря на болезнь Паркинсона с 1963 года, ходить, говорить и есть самостоятельно.

Мне исцеление руками никогда не казалось чем-то особо удивительным, но всё больше и больше людей просят попробовать излечить их таким способом, и результаты поражают. Я могу понять, что психосоматические болезни откликаются на такой метод лечения, но попадаются исключительные случаи, когда и физический недуг вылечивается за время от 30 секунд до минуты только лишь от касания руки. Я вхожу в отрешённое состояние, и тогда излечивающая сила или влияние, что бы это ни было, словно проходит сквозь меня. Это похоже на состояние транса в течение нескольких секунд, и я лишь смутно осознаю, что мои руки нагреваются. Многие пациенты говорят, что они ощущают что-то вроде покалывания.

Когда мы последний раз были в Англии, Британская радиовещательная компания попросила меня провести две радиопередачи о целительстве. После одной из них продюсер, который довольно широко известен среди радиослушателей, попросил меня излечить его от хронического насморка, что я и сделала. На следующий день он публично объявил, что насморк действительно прошёл. Вы можете представить, как меня завалили письмами и просьбами люди со всей Великобритании. Но я смогла принять лишь немногих, так как время нашего посещения Англии было ограничено, но это всё дало зримые результаты.

Мы отправились на званый обед, где муж сидел рядом с женщиной, которая не могла повернуть голову, шея её была неподвижна после травмы, полученной в автомобильной аварии семь лет назад. Она рассказала Арману об этом и о том, что операция не помогла. Арман спросил её: «Почему бы вам не попросить Микаэлу помочь вам?» Она обратилась ко мне через стол, попросив назначить ей встречу. Я ответила «Этого не требуется, я могу сделать это прямо сейчас». Во время перемены блюд я встала и подошла к ней, положив ладони ей на лоб и шею. Лечение продлилось не больше минуты. Потом она разочарованно сказала: «Это всё?» — «Это всё». Она повела головой в

сторону — и надо было видеть её удивление, поистине отраду для меня. Она обнаружила, что теперь может поворачивать голову из стороны в сторону как обычный человек. Она в голос воскликнула: «Голова поворачивается». Мы остались на вечерний чай, а она вновь и вновь крутила головой, вверх и вниз, из стороны в сторону. Она не могла поверить, что после стольких лет мучения проблема вмиг исчезла.

Когда я вернулась в Найроби, прошло не так уж много времени, как одна из местных газет прислала журналиста, чтобы взять у меня интервью по этому же вопросу. Один из вылеченных мною добавил подробности. Когда Арман увидел эту статью, то сказал: «Твоя жизнь теперь никогда уже не будет прежней!» И, безусловно, его слова оказались верны. Он предусмотрительно предложил принимать людей вечером по субботам, иначе вся моя работа встанет. Нам пришлось организовать настоящую регистратуру, и весь дом стал похож на клинику. Я, конечно, не стану принимать никакой платы или подарков — я просто рада помочь моим собратьям.

У многих моих «пациентов» довольно сложные случаи. Люди практически покорились своему заболеванию и страданиям, и поэтому особенно приятно видеть, как они поправляются столь чудесным образом.

Одна работающая девушка позвонила мне в сильном расстройстве — у неё была парализована рука. Она не могла ни писать, ни укладывать волосы или делать макияж, ни даже открыть свой почтовый ящик. Это длилось в течение трёх месяцев, и никакое медицинское вмешательство не помогло ей. Она прочла статью в газете и решила посмотреть, что из этого получится, прибегнув к последней надежде. Я встретилась с ней в городе. Я не знала даже, где мне её лечить, и решила, что лучше будет посадить её в мою маленькую машину. Мы сели плечом к плечу, и я начала лечение, которое заключается просто в накладывании рук и занимает обычно около 30 секунд — максимум пару минут. Я сказала ей: «Сожми мою руку». И она сделала это! Я дала ей карандаш, который она смогла держать в руке. «Напиши что-нибудь», — сказала я ей, и на краю газеты, которая оказалась в машине, девушка написала несколько слов идеальным почерком. Она была переполнена радостью, так же как и я. Мы даже не знали, что сказать от счастья.

Один из самых эффектных случаев был с мужчиной, у которого произошло кровоизлияние в мозг. Как-то поздним вечером мы вернулись домой из Найроби. Стоило нам войти в дом, как подъехала машина, и из неё вышли двое. Мужчина и женщина спросили, позволим ли мы им внести в дом мужа этой женщины. Он был полностью парализован с левой стороны. Они внесли его, и мы усадили мужчину на стул в гостиной. Я его полечила. Потом попросила его взять мою руку, и он сделал это! Затем он так же взял руку своей жены. Ещё я попросила его дотронуться до моей руки ногой, он выполнил и это!

Его друг воскликнул: «На наших глазах произошло чудо!» Сам мужчина вторил словам друга. Он сказал, что в голове прояснилось, и он чувствует, как жизнь возвращается к его левой стороне тела. Друг с женой рассказали нам, что пациент был абсолютно скептически настроен к такого рода методам лечения, и что теперь он пересмотрит свои взгляды.

У меня было несколько пациентов среди медиков, но я, конечно же, особенно тщательно берегу врачебную тайну этих пациентов, оттого что традиционная медицина не очень дружелюбно относится к нетрадиционной.

Есть часть пациентов-африканцев из дальних поселений, которые приходят за много миль по совету своих родственников, некоторые из них даже не владеют языком суахили.

Всё это привело в действие наиболее ревностных приверженцев религиозных общин Найроби, им, видимо, особенно досаждает, что я провожу такое исцеление без использования ладана, свеч, заклинаний и молитв. Я не понимаю, почему люди так скоры на осуждение.

Моё лечение действует, так зачем лихорадочно стремиться установить механизмы его действия. Это, само собой, не может никому навредить, а если приносит только добро, то тем лучше.

Я настаиваю, чтобы все мои пациенты продолжали лечение теми средствами, которые им прописали их доктора; но предполагаю, что люди, мгновенно вылечившись, забрасывают свои таблетки и микстуры. По мнению Армана, процент излечившихся очень высок, хотя не каждый мгновенно откликается на лечение. Я знаю, что эта излечивающая сила не моя, я лишь посредник, передатчик.

Помимо этих занятий, мы готовимся к сезону дождей. К тому же я постоянно занимаюсь посадкой деревьев повсюду. Страна лишается лесного покрова, отчего огромная территория подвержена эрозии почвы. И это особо заметно на крутых берегах рек. У нас есть несколько отличных законов о запрете вырубки лесов в речных долинах; но, к несчастью, довольно трудно поймать виновных, которые готовы ради пары монет вырубить всё под корень, пустив на дрова или на изгородь. Может быть, нам и удастся приучить следующее поколение заботиться о своей окружающей среде, но им придется поторопиться, пока есть о чём заботиться.

Я надеюсь, вы с женой однажды сможете посетить нашу прекрасную страну.

Всего наилучшего,
искренне Ваша *Микаэла Денис*

P. S. Можно ли переслать вам газетные статьи, в которых говорится о моих исцелениях?

М.

Перевела Лариса Михайлова

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
19 октября 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сегодня получил от Вас пакет с «письмом»[1]. Содержание письма для меня не ново. С целями и задачами общества я был давно знаком. Кстати, в нём много пропусков специальных терминов…

[1] Имеется в виду перепечатанное на машинке «Письмо Е. П. Блаватской — А. П. Ганнефельд», датированное мартом 1888 г., из книги: Кудрявцев К. В. Что такое Теософия и Теософическое Общество. С.-Петербург, 1912.

Посылаю Вам доклад, сделанный акад[емиком] Щербатским о «Логике Буддизма», м. б., используете, если его у Вас нет. Прочёл в № 10 «Молодой гв[ардии]» Ваше послесловие[1] и, с Вашего позволения, имею к Вам вопросы:

а) как понять выражение — «что и вызвало отсечение их в русском переводе»... Опять недоверие к нам — бедным «широким массам» интеллигенции, которая «неспособна» самостоятельно мыслить? или «забота» об экономии нашей мыслительной энергии — праны??? «Самую ужасную карму получают подавляющие свободную мысль», — говорят Древние...

б) ...«Гипотеза о вмешательстве внеземного разума в эволюцию человека на Земле, конечно, не научна.»... Это Ваши слова (стр. 261). Почему??? Всякая категоричность утверждения требует основательной аргументации...

Возражения:

1) Разум может иметь невещественное материальное «тело»...

2) Возможны условия, при которых передвижения со скоростью света — не предел...

3) Возможно вмешательство на невещественном уровне (например, через Ноосферу)???

4) Возможно вмешательство путём изменений космических условий существования Земли и, следовательно, всего живущего на ней?

5) Не является ли отказ от возможности вмешательства неземного Разума своеобразным косвенным утверждением человека как высшего разумного существа во Вселенной?

6) Есть прямые указания Махатм на систематическое «подбрасывание» Ими идей людям. А разве это не вмешательство? Ведь существование Великой Иерархии Света — факт!!!

Мои сердечные «прокам» Т. И. и Вам...

Портнягин

75 А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

21 октября 1970 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr. Efremov:

My wife and I are, at long last, back home and beginning to catch up with ourselves after an extremely interesting but, I must confess, somewhat tiring trip. Our visit to Moscow was in many ways the high spot of our whole experience. The specimens in the Museum, notably the wonderful Permian fossils, were as fine as I had expected them to be, and the entire staff was as pleasant and agreeable as they possibly could have been and made everything I wished to see readily available to me. But just as interesting in many ways was the privilege of meeting you, Sir, for whom I have had the highest regard for many years but had never had the pleasure of meeting before.

[1] Послесловие к роману «Час Быка».

On our way back, after stopping in the Scandanavian capitals to see Stensio and others, we attended the British Vertebrate meetings at Cambridge, which was held in great measure to celebrate the retirement of Parrington. Then, before taking our plane home, we took a day off and went to Sussex where Miss Townend, his former assistant, took us to call on D. M. S. Watson. He is in good physical shape and leads a pleasant life in a small retirement home with beautiful grounds around it in the countryside there. But his memory is completely gone. He knows nothing of anything scientific, barely recognized me, and could speak only of his youth in Manchester — nothing beyond that time at all. I suppose we shall all get to such a stage if we live that long, but it saddens me to see a man for whose intellectual ability I have always had the highest regards sunk to such a state.

Ruth, I think will be writing you presently. Meantime, she joins me in sending our warmest regards to you and to Mrs. Efremov.

Sincerely,
Alfred S. Romer

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой профессор Ефремов!

Мы с женой наконец вернулись домой и приходим в себя после чрезвычайно интересного, но, должен признаться, весьма утомительного путешествия. Наша поездка в Москву по многим причинам оставила самые яркие впечатления. Ископаемые в музее, особенно удивительные окаменелости пермского периода, были столь же великолепны, как я и ожидал, а сотрудники музея, приятные и милые настолько, насколько это вообще возможно, охотно предоставили в моё распоряжение всё, что я пожелал увидеть. Но самым интересным среди всего была, сударь, возможность встречи с Вами: питая глубочайшее уважение к Вам многие годы, я не имел счастья встретиться раньше.

На обратной дороге, после остановок в скандинавских столицах, чтобы увидеть Стеншё и других, мы посетили совещание по позвоночным в Кембридже в Англии, которое было большим мероприятием в связи с празднованием выхода в отставку Паррингтона. После, прежде чем поселиться в гостинице, мы отправились на день в Сассекс, где мисс Тауненд, бывшая ассистентка Уотсона, повела нас на встречу с Д. М. С. Уотсоном. Он в хорошей физической форме и ведёт приятную жизнь в небольшом загородном доме престарелых с прекрасной приусадебной территорией. Но он практически потерял память. Он не помнит ничего из своего научного прошлого, едва узнал меня и может говорить только о своей юности в Манчестере — ни о чём больше, что было после того. Предполагаю, что мы все можем оказаться в таком состоянии, если проживём столь долго, но мне грустно видеть человека, чей разум я всегда так ценил, дошедшего до такого состояния.

Рут, думаю, напишет Вам сама. А пока она присоединяется ко мне, чтобы послать наши тёплые пожелания Вам и Вашей жене.

Искренне,
Альфред Ш. Ромер

Перевела Марина Степанова

76 Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 октября 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Последний месяц был для меня сплошным кошмаром: работал по 10—12 часов. Срочно добивал книгу для «Детгиза», иначе расторгли бы договор. Кончил, сдал и наслаждаюсь теперь кратковременной передышкой — сочиняю обещанные статьи, главы для учебника детской литературы, предисловие к библиографии н[аучной] ф[антастики], которую — увы — издадут не раньше 73-го г., а то и в 74-м! Потом, после Нового года, примусь за очередную книгу, но ещё не решил, чем буду заниматься — подготовкой расширенного переиздания «От Эзопа до Джанни Родари» или книгой очерков с проблематическим названием («Рассказы о находках», или «Новое о старом», или «Путешествие по книжным тропам», или что-либо более выразительное). Суть в том, что хочется собрать эвристические статьи и очерки, накопившиеся за 20 лет, и добавить несколько новых. В принципе, договорился с «Детгизом» об этих двух книгах и о третьей, давно задуманной: «Жизнь и приключения капитана Майн Рида». Но беда в том, что «Детгиз» — издательство более чем медлительное. Речь идёт о книгах на 1973, 74, 75 годы, а планировать свою жизнь и работу на такие сроки, не имея постоянной зарплаты, дело безнадёжное.

Как-то так повелось, что больше пишу Вам на библиографические темы. Первый, ещё не полный вариант б[иблиогра]фии заруб[ежной] фантастики XX века — русские переводы и критика (иностранная часть у В. Л. Кана) прислали из ВГБИЛ. Это довольно увесистая папка, содержащая много забытых вещей. Если у Вас будет желание с ней познакомиться и, может быть, отдать в быструю перепечатку — всё же это основной свод! — мог бы прислать Вам через месяц-полтора, перед тем как вернуть в ВГБИЛ для дальнейшей работы (будут вклеивать пропущенное и 1970 год). Есть там и приключения: мнимо переводные произведения (русских авторов, писавших под иностранными псевдонимами) и более интересное: основные произведения мировой фантастики от античности до конца XIX века: перечень книг и критических работ. Основная же часть состоит из дореволюционной и советской критической литературы, перечня имеющихся у нас сборников (содержание раскрывается) и персональной библиографии по странам — от Австралии до Японии (внутри стран — по алфавиту авторов). Получилось страниц 250 или 300. Самое интересное тут то, что не лежит на виду — дореволюционные переводы и 20-х годов. Раздел на иностранных языках более выборочен: основные англо-американские антологии и сборники, критическая литература, оригинальные издания авторов разных стран. Составлялось, главным образом, по фонду ВГБИЛ и новейшим библиографическим источникам. Когда мы напишем с Каном вступительную статью, сможем, если Вы захотите, прислать Вам на короткое время и эту папку.

Теперь о Рони[1]. Перед тем, как писать это письмо, я ещё раз посмотрел их книги в соответствующем томе Каталога Парижской Национальной библиотеки (т. CLVI, 1939).

---

[1] В данном случае имеются в виду оба брата-писателя: Рони-старший и Рони-младший.

Rosny J. — H. pseud. collectif de Joseph-Henri Honoré Boex (Рони-старший) и Justin Francois Boex (Рони-младший). С конца 80-х гг. примерно до 1906 они писали, в основном, в соавторстве. Больше всего социально-бытовых романов. Среди фантастических — «Вамирэх» (1892) — у нас ошибочно приписывают Рони-старшему, «Ксипехузы» (Les Xipéhuz) — 1888; 1896 — 2 édition, а более поздние издания появлялись под именем Рони-старшего, из чего следует, что он и был автором «Ксипехузов». В этом перечне есть и «Нимфея» (Nymphée. Roman. Paris. 1909. 332 p.). Других изданий «Нимфеи» я не обнаружил и, по имеющимся у меня сведениям, русского перевода не было. Но сведения, разумеется, не исчерпывающие, т.к. в подручных картотеках расписана далеко не вся периодика.

Под коллективным псевдонимом бр[атья] Рони выпустили несколько десятков книг (приблизительно до 40).

Рони-старший значится как автор ряда фантастических и «археологических» романов. Выписал из русских переводов Рони-старшего, кроме широко известных:

Битва. Фант[астический] рассказ. — «Новый журнал для всех», 1915, № 5, с. 24—34.

В дебрях Киамо. Рассказ. — «Русская мысль», 1896, № 4.

То же, под загл[авием] Среди полулюдей Африки. — «Вс[емирный] Следопыт», 1925, № 3, с. 61—76.

Было ещё под заг[авием] В гостях у обезьян в «Природа и люди» (1892).

Ксипехузы. Очерки доист[орических] времён. Пер. В. Горленко. — «Труд», 1894, № 7, с. 112—135.

То же. В кн[иге]: Летний день. СПб. 1904, с. 74—115.

Сокровище снегов. — «Искатель», 1963, № 6, с. 139—160.

Удивительное путешествие Гертона Айронкестля. Роман. Пер. Н. Михайловой. Л., «Путь к знанию», 1924, 172 с.

Первое русское издание Вамирэх: «Мир божий», 1892, №№ 4—6 и отд. книга: СПб, Ф. Павленков, 1892, 132 с.

Теперь о рецензии, которую Вы упоминаете:

Шарпантье Ж. Л. Ж. Г. Рони — научный романист. — «Аполлон», 1910, № 6, с.47—54. Думается, это та самая.

Сейчас взглянул на Ваш перечень и убедился, что выписал далеко не всё. Не нашёл в библиографиях ни одной монографии о Рони, хотя он того вполне заслуживает. Жаль, нет времени заняться вплотную!

Лассвица в своё время переводили много. Перечень переводов — 2,5 стр.

В тумане тысячелетий (Поэма — Sic!) — «Мир приключений», 1910, № 0, с. 1092—1110; № 11, с.1181—1206; № 12, с. 1311—1333.

Относительно рассказа о древних людях и слонах запрошу Бугрова. Он «счастливый обладатель» полного комплекта «Мира приключений». В наших книгохранилищах сохранились лишь разрозненные номера.

Кстати, в б[иблиогра]фии не менее десятка «палеонтологических» романов писателей разных стран. При случае всё пересмотрю и сделаю для Вас выписки, либо Вы сами обратите на них внимание, когда будете перелистывать эту библиографию.

Ещё немного о наших новостях.

Книга Оли Ларионовой с Вашим предисловием, которое, как слышал, бессовестно обкарнали, на подходе. Выходит там же («Лениздат») новая книга Г. Гора. Печатается наш сборник с интересным романом Меерова.

Включили в план Лен[инградского] «Детгиза» на 72-й год сборник н[аучной] ф[антастики]. Состав будет скоро утверждён.

Вышла (или выходит) наша с В. И. совместная статья сверхортодоксального содержания: Изображение мира будущего в свете ленинских предвидений. Анекдотично то, что она попала в сборник Дома Детской книги «О детской литературе», а в «Коммунисте» так залежалась, что публиковать её после сборника не имело смысла. Оно и к лучшему.

Вообще работать с В. И. в одной упряжке мне очень трудно — уж очень мы разные. Когда появляется его очередная барабанная статья под заглавием «Прелесть борьбы за завтрашний день» («Аврора», № 10) или восторженная рецензия в «Лен[инградской] правде» на новую повесть Ардаматского о подвигах чекистов, мне звонят общие знакомые и задают недоумённые вопросы с ехидным подтекстом, как будто я должен отвечать за его писания и прямолинейность мышления. Поэтому стараюсь свести совместную работу с ним только к сборникам, которые нужны, в первую очередь, всем нашим литераторам.

Прочёл Ваше послесловие к «Одиссее» Кларка. В. И. сказал, что его сильно ужали, чтобы не было резкой полемики.

Пытаюсь заинтересовать Девиса великолепным романом Рене Баржавеля «Во мгле времён», кот[орый] вызвал во Франции настоящую сенсацию. Давно ничего подобного не было во французской фантастике. Подложил свинью переводчик Феликс Мендельсон. Он написал рецензию Девису — роман хороший, но сомнительный — и тут же побежал с заявкой на перевод в «Молодую гвардию»: роман отличный, хочу перевести! А Девиса тем временем взяло сомнение, хотя Баржавеля можно лишь подсократить — в меньшей степени, чем Кларка.

Извините, что так разболтался и даже не спрашиваю Вас, как подвигается Ваша новая книга и как Ваше самочувствие. Если напишете мне, пожалуйста, расскажите немного о себе. Ведь мне так интересно всё, что Вы делаете…

Заранее поздравляю Вас и Таисию Иосифовну с наступающей Октябрьской годовщиной, чтобы не утруждать чтением праздничной открытки. Хочу на этот раз свести поздравительную эпопею к минимуму.

Всего, всего Вам хорошего!

Ваш
Е. Брандис

P. S. Дошли слухи, что Громова и К° ругательски ругают Бритикова, чего и следовало ожидать.

77 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
28 октября 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Повинуясь внутреннему голосу, засел за редактирование своего первого перевода — Хатхи Иоги Сельварджана Иесудиана. Посылал ли я Вам копию? Я помню, что переводил и отсылал Вам Хатху Иогу, написанную Теосом Бернардом (книжку давали Вы мне), а вот Хатху Иогу Иесудиана — не помню.

Сообщите мне, пожалуйста. Раз я буду редактировать свой перевод, то обязательно буду перепечатывать его, так вот, если у Вас нет — вышлю…

Закончил перечитывать Агни Иогу. Каждый раз узнаю новое. Чувствую, что что-то приближается интересное…

Стал немного «отходить» от прежней нервной перенапряжённости, которая очень вредна для Иоги. Постепенно вхожу в новый ритм. В моём распоряжении теперь по половине дня каждый день… Это очень хорошо. Могу больше сил повернуть на Иогу. Готовлю лыжи, надеюсь, скоро будет снег. Что у Вас имеется нужное для перевода???

На лето мечтаю о мотопеде, чтобы иметь возможность уезжать подальше от населённых пунктов, конечно, пешком полезнее, но пока ноги не позволяют этого. Сейчас появились довольно приличные — рижские. Они имеют ход — 40 км, а мне быстрее и не нужно. За час можно выехать куда-нибудь к реке, так как сам Кузнецк «моря не имеет». Зато вокруг много хорошего леса.

Ваши же ученики иогов ездили на автомашине, почему же мне нельзя???

Как Ваше самочувствие? Я попил один месяц настой корней девясила, что-то не тянет больше, хотя как будто окреп в какой-то степени, может, аутогипноз?

Пью только настой желчегонный, больше никаких лекарств не употребляю. Так лучше. Утром упражнения Иоги и всё.

Стараюсь больше ходить, даже — о ужас! — попробовал бегать!!! Погода помешала, сердце среагировало хорошо.

Самое светлое пусть будет с Т. И. и Вами…

Сердечно Ваш *Портнягин*

Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

78

30 октября 1970 г.

38 Avon Street
Cambridge, Mass.

Dear Professor Efremov:

I am sorry I don't know the Russian alphabet well enough to at least address the envelope to you in your own language.

I am typing this note to you and your wife to spare you difficulties of reading my poor handwriting.

When I think of the weeks that have gone by since we left Russia, I am very ashamed not to have written you sooner. I put off for a while because I wanted to find a book to send you which I think you will be interested in. This I sent about a week ago and as I sent it airmail and registered you should have had it before you receive this. I do hope you will let know if you receive it.

Seeing you and your wife was one of the nicest things that happened to Al and me while we were in Russia. We have so much to thank you for: your gracious hospitality on three different occasions, and all the wonderful things you gave us which are now safely here in our home. They are too numerous to mention almost: the decorated candle, the wooden plate, the enamel plaque, all the other things, and a nice note telling us the significance of each thing. We both thank you very much indeed.

We did so enjoy knowing you both a little and only regret that the barrier of language kept us from talking with your wife. Our whole Russian visit was most interesting and we hope that we will all meet again in the not too distant future. There is much to be gained from an exchange of ideas and experiences. It is good that our two countries become individual people and not just groups. There are such fine people with more or less the same hopes all over the world.

We enjoyed the rest of our trip after leaving Moscow. Norway has always been a favorite place to both of us. We saw Anatol Heintz, of course, and his family. As you know, he and his daughter Natascha both speak Russian.

England with a meeting of a large group of paleontologists in Cambridge was the last event in our trip and very fine indeed.

With all best wishes to you and your wife
Sincerely
Ruth Romer

I am enclosing a picture which you will remember was taken in the rain and almost dark. Considering that situation, it is really quite good and we are happy to have it also.

Please let me know if there are other books I can send you.

Postcard:

...son and his family and again for a holiday breakfast with our daughter (she's 43 years old today) and family.

I particularly liked her dictated message from Taya.

This note brings warm and affectionate greeting for the new year 1971 to you both from Al and me.

Sincerely
Ruth Romer

Эйвон-Стрит, 38
Кембридж, Массачусетс

Дорогой профессор Ефремов!

К сожалению, я не владею русским даже в той степени, чтобы написать адрес на конверте на Вашем языке.

Я прибегла к помощи пишущей машинки, чтобы избавить Вас с супругой от разбора моего плохого почерка.

Стоит задуматься, сколько уже недель миновало с нашего отъезда из России, как мне становится очень стыдно, что не написала Вам раньше. Я всё откладывала, пока не найду одну книгу, которая, на мой взгляд, может Вас заинтересовать. И наконец отправила её около недели назад, а поскольку бандероль заказная и выслана авиапочтой, то должна дойти раньше данного письма. Очень надеюсь, что Вы дадите знать, получили ли Вы её.

Встреча с Вами и Вашей супругой — одно из самых приятных событий во время пребывания в России для нас с Элом. Мы благодарны Вам за многое: за Ваше любезное гостеприимство, за те приятные мелочи, которые Вы нам подарили и которые бережно хранятся у нас дома. Их слишком много, чтобы перечислить все: декоративная свеча, деревянная тарелка, настенная тарелка с эмалью и прочее, причём в милой записке заботливо указывается значение каждой. Огромное спасибо.

Весьма были рады чуть ближе с Вами обоими познакомиться, жаль только языковой барьер помешал пообщаться с Вашей супругой. Поездка в Россию была в высшей степени познавательна. Надеемся, что в не очень отдалённом будущем удастся встретиться вновь. Обмен идеями и опытом может быть очень плодотворным. Прекрасно, что мы, глядя друг на друга, теперь видим лица конкретных людей вместо просто американцев и советских. Во всём мире множество людей мечтают примерно об одном и том же.

Оставшаяся часть поездки после Москвы также выдалась интересной. Мы всегда особенно любили Норвегию. И, конечно, встретились там с Анатолем Хайнцем и его семьёй. Как Вы знаете, и он, и его дочь Наташа говорят по-русски.

Завершили мы нашу поездку пребыванием в Англии. В Кембридже участвовали во встрече большой группы палеонтологов — последнее мероприятие в нашем путешествии.

С наилучшими пожеланиями Вам и Вашей супруге,
с уважением,
Рут Ромер

Прилагаю фотографию, которая, как Вы помните, была сделана под дождём и когда уже смеркалось. Учитывая это, вышло совсем неплохо, и мы рады, что она у нас есть на память.

Пожалуйста, дайте мне знать, могу ли я прислать Вам ещё какие-нибудь книги.

Открытка:

...у сына с семьёй и снова ездили к дочери на праздничный завтрак (ей сегодня исполнилось 43 года!).

Мне особенно понравилось надиктованное ей Таей поздравление.

Примите сердечные поздравления с Новым 1971 годом от нас с Элом.

С уважением,
Рут Ромер

Перевели Лариса Михайлова и Юлия Берлин

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
4 ноября 1970 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Не писал Вам долго, выясняя разные ситуации. Докладываю: «Беспредельность» получена в двух частях. На мой взгляд, там мало интересного, правда, я смотрел её «по диагонали». Очень здорово — это § 827, 828, 829 на стр. 210—211 второй части[1]. Здесь чётко изложена позиция к науке, данная в «Часе Быка». Такие совпадения меня всегда очень радуют — путь верен!

[1] «827. Условия новых научных достижений должны соответствовать требованию будущего. Если бы учёные поняли, что явление постоянного расширения лежит в основании расширения наук, то не было бы преступного антагонизма. Ведь не опрокинуть хотим их достижения, но расширить. Каждый учёный, который понимает закон расширения сознания, уже разбил стену предрассудков.

Первый том «Т[айной] Д[октрины]» (900 стр[аниц]) переснят. Нашёлся в Москве и второй том — ещё 1000 стр[аниц]. Если в первом томе разъясняется символика и номенклатура, то второй, пожалуй, даже интереснее, там уже само учение.

Сейчас переснимается второй. Оба затем будут отпечатаны на позитивную плёнку и присланы Вам на любой срок. Читать можно с помощью любого детского фонаря, проецируя на стенку. Когда получу плёнки, сразу же пошлю Вам и их, и «Беспредельность» в одной посылке, тут хватит работы надолго! «Беспредельность»-то вряд ли будет долго занимать Вас…

Отвечаю на Ваши вопросы по предисловию к Кларку. Я его «изничтожил» было, но, уступая слёзным просьбам двух редакций, согласился отсечь конец, в котором говорится о духовной пустоте и фильма, и книги.

1. «Отсечение их в русском переводе» — я ничего никогда не отсекаю, а выдаю редакционную тайну — что именно отсечено, потому как ненавижу всякие отсечения (см. «Час Быка»). Здесь я констатирую лишь факт.

2. Гипотеза… не научна… Конечно, как же иначе. Речь идёт а) о нашей оффициальной науке — читатели иной и не знают и, даже если бы Келдыш узнал, что его наука убога и существует иная, настоящая, то счёл бы автора предисловия за сумасшедшего или опасного маньяка; б) на том уровне, о котором идёт речь в повести — человекообезьян, даже для истинной науки бесполезность вмешательства очевидна.

Поэтому все Ваши возражения отпадают по той причине, что они не противоречат моей позиции, я полностью с ними согласен. Но никогда не забывайте, с какой колесницей Вы имеете дело. В лице молодого массового советского читателя мы, увы, видим самую низшую колесницу (по чудовищному невежеству в делах духовных).

Только что принесли Ваше последнее письмо. Большое спасибо за добрые пожелания Т. И. и мне. Примите и от нас добрые мысли с пожеланиями всего светлого!

Отвечаю на второе письмо. Иессудиана Вы подарили мне: «Иога и здоровье»: Ваш перевод.

И не бегайте — тут надо наблюдение толкового врача, а есть ли он у Вас?

Я был завален делами, вернее, огромным количеством посещений от проезжающих, и самая усиленная борьба не помогала. Поэтому сейчас в состоянии несколько большего раздражения, чем надо. На днях начну лечиться смешанным способом иоги и Залманова: три дня в месяц — молочный пост, затем несколько дней подряд иогические клизмы, затем горячие обвёртывания. Ежели поможет, напишу Вам подробнее, как делать.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

---

828. Знание, знание, знание. Если бы люди больше задумывались над тем, что знание есть спасение, то не было бы доли того страдания. Всё человеческое горе происходит от невежества. Потому всякое расширение сознания есть сотрудничество с эволюцией. Всякое явление, преграждающее расширение сознания, против эволюции, потому действия врагов преступны, и карма их ужасна. Знание, будем твердить, явит конец страданию человечества.

829. Нужно опять сказать учёным, как теории Эйнштейна не опрокидывают законы Эвклида, но включают их; как третье измерение не опрокидывает законы плоскости, и бесконечно шире их, так же законы духовного знания бесконечно шире всех ваших, но включает их. Так бросьте антагонизм, он тормозит эволюцию.»

И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 80

Москва
4 ноября 1970 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Чрезвычайно благодарен за «Беспредельность». Мне она не кажется очень важной, возможно, потому, что мои познания весьма ограничены. Однако для известного Вам моего «помощника» эта часть А[гни]-й[ога] почему-то очень интересна. Пусть посмотрит.

С «Т[айной] д[октриной]»дела обстоят так: I-й том снят на плёнку и свободен, однако боюсь посылать почтой и подожду оказии, ежели он Вам сей минут не нужен. Здесь нашёлся второй том, который также будет снят, и в таком случае Вам не надо привозить его. Напишу заранее, как всё удастся, но думаю, что Вас удастся освободить от этих хлопот. Сколько можно держать «Беспредельность»?

Не повторяет ли Н. В. Бок работу моего подопечного? Если он переводит так называемый «Четвёртый путь» Успенского, то имейте в виду, что такой перевод уже есть и я могу его Вам дать на достаточно долгий срок. Это изложение учения Гурджиева с разъяснениями самого Успенского. Учение это мне кажется вредным в одной своей грани, при случае посмотрите. «Терциум органум» я читал в том же издании 1911 г., и также не очень-то он мне нравится. Я не люблю, когда высшие уровни перепутаны (намеренно или по незнанию) с низшими, это создаёт трудно проходимый лес для мало знающих людей.

Душевный привет Вам от Таисы Иосифовны и от меня, с пожеланиями здоровья и всего светлого.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. У Вас есть широкие знакомства в художественных кругах. Не знаете ли Вы случайно хорошего портретиста-живописца? Что-то у нас в Москве трудно добиться толку. Профессиональные портретисты пишут известно что, а другие так ревнивы между собою, что не добиться ясной рекомендации. Потому и спрашиваю Вас на всякий случай, вдруг да?

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ[1] 81

Москва
8 ноября 1970 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Большое спасибо за обстоятельное письмо и интересные сообщения. Если Вы как-то влияете на переиздания «Детгиза», то было бы хорошо посоветовать им, чтобы они издавали не испорченный, оглуплённый вариант «Хищника-гиганта» под названием «Пещерный лев», а прекрасный перевод 1924 г., изданный «Мыслью» в Петрограде 1924 (есть в Публичке и в Ленинской). Зачем эта порча заведомо хорошей книги?

[1] Не разобраны пометки на полях письма.

Хотелось бы посмотреть все Ваши папки с библиографией, но в короткий срок не смогу ни посмотреть, ни перепечатать — заканчиваю сейчас историческую повесть «Рапсодия о Таис», осталось две, м. б., три главы, и пора кончать. А просить Вас задержать что-нибудь — не в моих правилах, да ещё при неопределённости собственного срока.

Но вот чем могу Вам помочь: — у меня есть полная библиография американской журнальной фантастики за период 1926—1950, разнесённая по заглавиям вещей и по авторам (дважды). Издание автора американское (гектографированное). Это редкая штука, и вряд ли она есть у кого-нибудь ещё. Если надо, я могу под страшную клятву дать Вашему соавтору, но без пересылки, а перевезти с оказией. Может быть, эта библиография у него есть? Но если нет, то там уйма данных. Можно подержать месяца два-три.

А действительно, хорошо бы написать очерк о Рони. Писатель, безусловно, очень крупный и важный для детей, одна «Борьба за огонь» чего стоит! Мечтаю, чтобы кто-нибудь сделал очерк о Хаггарде, но, видимо, немодная тема!

Сам я решил отказаться от написания второй исторической повести после «Рапсодии о Таис». Засяду за палеонтологию — чувствуется, что это сейчас крайне нужно — принцип инферно, обоснованный научно... поэтому будущий год потрачу на это дело, плюс если ещё «Молодая гвардия» всерьёз будет издавать моё собрание, то придётся кое-что подготовлять.

Большое Вам спасибо за поздравление. Интересно, что и я не хочу в этом году рассылать поздравления — что-то изменилось. Однако Вам просто от нас с Таисой Иосифовной от всей души пожелания здоровья и всего светлого.

Ваш
И. А. Ефремов

82 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
8 ноября 1970 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Душевное спасибо от меня и Таси Вам и Наталии Алексеевне за память в праздники и поздравления. В этом году я как-то не чувствую желания рассылать поздравления и потому почти никому не ответил, но Вам — не могу.

Может быть, на Новый Год будет лучше, а сейчас как-то не то настроение. Примите, дорогой друг, и наши с Тасей пожелания здоровья, благополучия и всего светлого!

Я чрезвычайно доволен, что Вам понравилась «Таис». Пишу эту вещь с большим удовольствием, и уж если она прошибла такого сурового комсомольского «боса», как Вас, значит, действительно, что-то получается.

Мои впечатления о рукописи Гуляковского почти в тех же мыслях — одинаковы. Но писать он может, и надо его поддержать бы. Поэтому, если сможете черкнуть буквально пару строк одобрения (с порицанием вместе), то пришлите вместе с рукописью.

Беседа с Ганичевым не состоялась. Он укатил уже куда-то, а наше связующее звено — Жемайтис — находится сейчас в Дубултах до середины декабря.

Видимо, всё отложится до будущего года или до конца декабря, самое скорое. По-видимому, и Вы не приедете 12 ноября, как собирались? Тогда я пришлю почтой номер «Джеогрэфика», который мне послал Серёжа. Он ошибся, потому что подарил мне журнал за 1960 год, и не хватало номера. А прислал он июльский за 1961, каковой у меня есть. Так зачем же будет у меня лежать дубликат, если его могут смотреть другие.

Рукопись Ваша о Пятницком[1] начинает уже злить и меня. Персона того не стоит! Всему семейству наилучшие пожелания и добрые мысли!

Обнимаю Вас, Ваш
И. А. Ефремов

А. А. КОВАЛЕНКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 83

11 ноября 1970 г.

Извините меня за повторяемость, глубокоуважаемый Иван Антонович! Но вижу, Вы были правы. Открытка, о которой было сказано в нашем телефонном собеседовании, так до меня и не дошла. «Сколлекционировал» её кто-то из Ваших поклонников.

А я её ждал. Примите послепраздничные пожелания доброго здоровья.

А. Коваленков

П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 84

14 ноября 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Книги «Беспредельность» мне сейчас не к спеху. Все книги этой серии имеют, конечно, свою специфику — этическое направление, сугубо индивидуальный опыт и целенаправленные задачи. К тому же многое в них «зашифровано», и очень «общие места» на самом деле при расшифровке оказывались весьма конкретными. Если у Вас имеется книга «Агни Йога», то обратите внимание на 57 параграф («Вспомним легенду Грааля...»). Ведь «выставленные останки Титуреля» находятся на Кр[асной] площади, а дела его «приемника» хорошо нам известны. До сих пор не расхлебать, да и отрыжка сильнейшая покоя не даёт. Аналогичных мест в книгах этой серии много. Но и то далеко не всё попало в них в «первозданных» вариантах. Мне пришлось читать рукописный текст одной из книг, в печати этот текст выглядел уже совершенно иначе.

Благодарю за предложение ознакомиться с рукописью Успенского. Если она Вам на продолжительное время будет не нужна (месяца на четыре минимум), то с благодарностью воспользуюсь ею. Узнаю также у Бока, что именно он переводит. Дублировать перевод, конечно, нет смысла.

К сожалению, хороших портретистов в Таллине у нас нет. Относительно Москвы нужно посоветоваться с «специалистами». Непосредственно с портретистами знакомств я не имею, но среди искусствоведов, могущих дать хороший совет, знакомства есть.

---

[1] Дмитревский В. И. Пятницкий. — М., 1971. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

Известно ли Вам, что уже вышел прекрасный (по сравнению со всем, что до сих пор было) альбом Н. К. Р. издания «Госзнак»? Я просил автора вводной статьи Александру Алексеевну Юферову информировать Вас об этом издании. Стоит приобрести. К тому же автор статьи большой поклонник Вашего таланта, но «трепещет» при одной мысли предстать пред Ваши очи. И не от робости, а от действительно самого искреннего почитания.

Наилучшие пожелания Таисе Иосифовне. Всего самого светлого.

Ваш *П. Беликов*

85 И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ

Москва
20 ноября 1970 г.

Многоуважаемый Анатолий Фёдорович!

Советую Вам поговорить с В. И. Дмитревским, чтобы прояснить ситуацию. Он был у меня 13 ноября, и мы потолковали о всех этих делах и о журнале. На деле положение много сложнее, так как Кагарлицкий = Ариадне Громовой по линии Вам известной. У меня с ними никаких отношений, но Захарченко относится к нему очень скептически, особенно после его доклада на симпозиуме, где он вёл совершенно отчётливую линию и объединялся с Юдифь Меррил и Ф. Полем (Поляком) на почве знания одного языка[1] (между нами девушками).

В настоящий момент положение ещё больше осложнилось погромом журнала «Молодая гвардия» за антиленинскую, русско-шовинистическую линию. Правда, вмешались другие, более крупные силы, и неизвестно, будет ли сменён весь состав редколлегии или же останется на месте.

Меня собирались приглашать для разговора наверх, но пока, видимо, надо им разобраться, что же с «Молодой гвардией». Может, и мне тут влетит заодно! Разговор предполагался о журнале, и я (между нами строго!) собирался говорить о редколлегии в составе В. И. Дмитревского, Вас, Гора из ленинградцев, а здесь надо и Захарченко и Жемайтиса помимо тех, которые и так устроятся.

Думается мне, что раньше Громовой всё же будет о делах знать Захарченко, а через него — я. Вообще надо бы потолковать с Вами не эпистолярно! А Кагарлицкого — опасайтесь, нельзя с ним быть откровенным ни в каком случае.

Бержье я собираюсь повесить на первом столбе — даже не прислал мне «Туманности»[2], хотя и относится ко мне ласково. Сборник, что он Вам прислал, — дрянь, дешёвка!

Нет ли в ИРЛИ какого портрета писательницы Нагродской? Я в 1924 г. учился с её дочерью в ЛГУ, потом как-то потерял её из виду, хотелось бы посмотреть, на что мать похожа. Воспоминания молодости!

Душевный привет от Таисы Иосифовны и меня.

Ваш
И. Ефремов

---

[1] Очевидно, имеется в виду иврит.

[2] Имеется в виду французское издание «Туманности Андромеды», вышедшее в 1970 г.

А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 86

Конец 1970 г.[1]

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Пишу по поводу портрета Нагродской. Вероятно, я неточно выразился: в музее у нас не могли найти её фонда в связи с ремонтом и сопутствующим хаосом. Теперь выяснил вот что: есть неплохое изображение (трудно сказать — старое фото или своеобразной манеры «ручная» работа) Евдокии Аполлоновны Нагродской. Есть также довольно мелкая фотография дочери писательницы. Если «она это она», я бы советовал переснять мать, что и берусь сделать.

У нас в Ленинграде заметных новостей нет. «По службе» занят исследованием русской советской приключенческой повести — и неожиданно увлёкся. На очереди — послевоенная проза о войне.

Не так давно на собрании писателей представитель Горкома партии ругал Стругацких за аллюзии в «Обитаемом острове». Я им говорил в своё время (в Горкоме), что словесные намёки — далеко не главный криминал братьев. Но товарищи предпочитают поступать по своему разумению.

Очень хочется обменяться мнениями о литературных и новых делах; надеюсь летом побывать в Москве на более или менее длительное время. Кланяйтесь Таисе Иосифовне: пусть готовит верёвки для очередного тюка Вашего архива. В рукописном отделе меня слегка поругивают за то, что привожу Ваши бумаги такими порциями, словно краду.

С уважением,
Ваш *А. Бритиков*

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 87

Лос-Анджелес
23 ноября 1970 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

I am sorry to be so late in replying to your nice letter of some time ago. I have been trying to get more information on the possibility of the exchange that we have talked about. It is moving along but very slowly. I have a good friend in our National Academy who is seeing how it can best be done. I had hoped to hear more from him, but have not as yet. So I am writing anyhow.

My book is going through its last phases now, with the index in the hands of a typist. This has kept me pretty busy. I "guess" that one always feels that he should start over when a large piece of work is coming to a close. I am convinced that if I would write the whole book again it would be much better, but I probably would feel the same way another time as well. Anyhow, when it does get out I will see that copies get to you and to Peter as soon as possible. I hope you will find something of interest in it.

The SVP had its annual meeting at Toronto, Canada last week and I went to it. It was interesting to see what was going on but it lasted for 4 days, which was too

[1] Датируется по содержанию.

long for me. No very new or startling presentations. We did have a good slide-show and movie on the Antarctic work by Colbert and Jenson, and that was really interesting. I have decided one thing, that I am not going to try to collect in the Antarctic. It makes Texas and so on look like the Garden of Eden. Now Colbert swears that he too will never do it again. It is for the very young, those with missionary zeal, and eskimos. The material, although scrappy, is very interesting.

I hope that the book from Cornell Press has arrived, but perhaps it is too soon. It was sent on the 24th of September. If it does not arrive, please let me know. It is Hollingsworth: Historical Demography as you remember. Also if any hitch in the National Geographic ever occurs, that is if it fails to keep coming, let me know as well.

We had something of a row at the SVP on dues, related to a complex matter of bibliography, and so forth, plus a modicum of "blackmail" and so voted to raise the dues about double. I, along with Ruth Romer and Jack Wilson was able to get the Foreign Member dues off the raise list, and I hope it sticks.

I had a nice visit with the Romers at the meetings and heard the rest of the Romer Russian Saga. They really had a fine time but seemed to have some problems «coping with the system» as any traveller has, multiplied many times when the language is as strange as Russian is to them. I marvel at the way they get around. Soon they will be off to India and Australia. I don't think I could stand the running around that they do, for I like to have some roots down somewhere.

My wife and I had a really grand time on our tour and in particular in seeing you in Moscow. Having friends there, both your and your wife and Peter and his family made things altogether different. We were, of course, the envy of all members of our group. When Peter met us at the airport my "stock" if you will pardon the capitalistic reference went up manifold.

There is not too much new on the "bone-front" here. We are working up our materials from last spring and finding some interesting items. I think I mentioned the peculiar animal I have from the Chickasha formation of Oklahoma. I don't know if I called it a dissorophid or a seymouriamorph when I was there. I finally decided that it probably was seymouriamorph, then when I presented it at the meetings, Bob Carroll and Don Baird both said it obviously was dissorophid. Well, it isn't obviously one thing or another and I don't have the back of the skull, which would give the information on relationships. But if it is a dissorophid, it is the first "rhachitome" with fully formed, single central elements of the vertebrae[1]. Not impossible, but I found it somewhat hard to accept. So this is fun. The vertebrae are very similar to those of Bystrowiana.

Well, I expect that you have winter now and I see that much of this country is getting early low temperatures and storms. We are fairing well. Yesterday the temperature was 79 F and 50 F last night.

I will keep in touch on developments on the exchange, although I doubt that anything will materialize soon. The problem is that there is no precise program of the sort we have in mind in existence, but one is being formulated. But if I know the speed of formulation it will move so that all of the snails and turtles will pass it by. But then, I do think, and certainly hope, that it will get underway.

I will be writing Peter soon. Both Peter Vaughn and Boyd Walker were "tickled" to hear from him. Please give my very best regards and wishes to Thais (is that

---

[1] На полях помета Ефремова: «Нота-бене».

the spelling) and tell her again what a wonderful time we had at your home. I do so wish that you could come to visit us.

With all my best wishes, as ever, your friend,
Everett C. Olson

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Сожалею о большой задержке с ответом на Ваше доброжелательное письмо. Я пытался поточнее разведать возможности для обмена, который мы обсуждали. Подвижки есть, но пока очень небольшие. У меня есть хороший знакомый в Национальной академии, который подключился и думает, как лучше это организовать. Я надеялся получить от него весточку, но пока новостей нет. Однако пора уже написать Вам.

Книга проходит последние стадии перед публикацией, указатель передан машинистке. Этим я в последнее время преимущественно и занимался. «Догадываюсь», всегда при завершении значительного труда хочется его переделать. Приступай я к работе сейчас, сделал бы всё гораздо лучше, но, вероятно, и на следующий раз чувствовал бы то же самое. Как бы то ни было, когда выйдет — сразу же пошлю экземпляры Вам и Питеру. Надеюсь, найдёте там для себя кое-что интересное.

На прошлой неделе Общество палеонтологии позвоночных собиралось на ежегодный съезд в Торонто, и я ездил в Канаду. Любопытно было узнать состояние текущих исследований, но съезд шёл четыре дня, слишком долго для меня. Тем более что ничего особо удивительного не услышал. Единственным по-настоящему интересным был рассказ об экспедиции Колбера и Дженсена в Антарктиду, с показом слайдов и фильма. После чего я, правда, твёрдо решил, что ни за что не поеду в экспедицию в Антарктику. Техас по сравнению с тамошними местами просто рай земной. Да и Колбер теперь клянётся, что снова туда — ни ногой. Те места — либо для юных энтузиастов, проникнутых миссионерским духом[1], либо для эскимосов. Находки же, хотя и немногочисленные, весьма интересны.

Надеюсь, книга издательства «Корнелл пресс» уже поступила, но, возможно, ещё не успела. Она была отправлена 24 сентября. Если ещё нет — дайте мне знать. Это, как вы помните, «Историческая демография» Холингсворта[2]. Также сообщите, нет ли перебоев в поступлении «Нэшнл джиогрэфик».

---

[1] Палеонтолог Джеймс Дженсен, приглашённый в 1969 году к участию в экспедиции в Коулсэк Блафф доктором Эдвином Колбером, являлся мормоном и видел себя в палеонтологии в роли искателя подтверждений слов Священного писания о «разделении земель». Найденная им челюсть листрозавра трактуется как свидетельство существования единого протоконтинента Гондваны. Статья об открытии экспедиции «Triassic Tetrapods from Antarctica: Evidence for Continental Drift» опубликована в журнале «Science» от 18 сентября 1970 г. (Vol. 169, № 3951, pp. 1197–1201).

[2] Historical Demography. By T. H. Hollingsworth. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1969. Pp. 448. Фундаментальный труд по оценке источников для исторической демографии английского исследователя Холингсворта.

В Обществе палеонтологии позвоночных возникли разногласия в отношении размера членских взносов, увязанного со сложными библиографическими вопросами и т. д., и в результате некоторого «шантажа» было решено увеличить размер взносов почти вдвое. Но нам с Рут Ромер и Джеком Уилсоном удалось отстоять для иностранных членов прежний размер, надеюсь, он и в дальнейшем не изменится.

Мы замечательно пообщались с Ромерами на съезде и узнали, как завершилась их российская поездка. В целом всё им понравилось, за исключением отдельных «сложностей с местной системой», с чем сталкиваются любые путешественники, однако умноженными полным незнанием русского языка. Но они просто молодцы, ездят повсюду. Скоро отправятся в Индию и Австралию. Мне было бы трудно так постоянно ездить, люблю всё же где-то пустить корни.

Мы с женой незабываемо провели время в России, особенно — повидав Вас. Конечно, то, что у нас в Москве были друзья — Вы с женой и Питер — меняло всё. Остальные туристы нам очень завидовали. Когда Питер встретил нас в аэропорту, мои «акции», простите такое капиталистическое сравнение, резко пошли вверх.

На «костяном фронте» без особых перемен. Обрабатываем материалы прошлой весны, где выявляется кое-что интересное. Помнится, я писал о необычном звере из формации Чикаша Оклахомы. Не помню, отнёс ли я его тогда к диссорофидам или сеймуриаморфам. Однако, когда я всё же счёл его сеймуриаморфом и сделал об этом доклад, Боб Кэрролл и Дон Бэйрд в один голос объявили его диссорофидом. Но это, скорее всего, ни то, ни другое, а без теменной кости, которой нет, точнее не определить. Однако если всё же диссорофид, то это первый «рахитомовый» с полностью сформированными, непарными центральными элементами позвонков[1]. Не вовсе невероятно, но несколько сложно принять. Позвонки очень похожи на таковые у быстровианы.

Полагаю, у вас уже пришла зима; на большей части территории нашей страны температура сильно понизилась, везде бури. Но у нас ясно. Вчера было 79 градусов по Фаренгейту, а ночью 50.

Буду следить за развитием событий в области обмена и давать об этом знать, хотя не ожидаю быстрого результата. Основная проблема в том, что пока не существует такой программы, какой бы нам хотелось, но она формулируется. Однако, насколько мне известно, скорость подобных процессов такова, что любая улитка и черепаха их обгонит. Со временем, на что я очень надеюсь, программа всё же осуществится.

Скоро напишу Питеру. Он тут заинтриговал и Питера Вона, и Бойда Уокера. Прошу передать мои наилучшие пожелания Таис (не уверен, правильно ли написал её имя) и снова поблагодарить за то, как чудесно нас принимали в Вашем доме. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы смогли побывать и у нас.

С самым тёплым приветом,
Ваш верный друг
Эверетт Олсон

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] На полях помета Ефремова: «Нота-бене».

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 88

28 ноября 1970 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю очередное интервью. А. Ф. Бритиков писал, что ведёт переписку с Кагарлицким о н/ф журнале. Хорошо ли это? Мне кажется, Кагарлицкий вкручивает ему своё якобы могущество в «верхах».

Поговорите с А. Ф. при случае.

Душевный привет всему семейству.

Вас обнимаю.

Ваш *И. Ефремов*

Дж. САТТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 89

30 ноября 1970 г.

Hartfield, Sandy Drive,
Cobham, Surrey, England

Dear Professor Efremov,

thank you very much for the lovely photographs in the book which you sent me. They pleased John especially because some of the pictures showed places which he visited during his only visit to U. S. S. R. He spent a few days in Leningrad and has never ceased to tell me what a beautiful city it is. And quite a number of buildings in the pictures were designed by a Scottish architect, Cameron, which seems strange.

I have posted to you a calender giving some good photographs of parts of Scotland which I hope you will enjoy. I have sent this by the ordinary mail and I shall be interested to know whether or not it reaches you safely. I was not able to find any of Rider Haggard's books at my favourite second-hand book-shop, but I feel sure that I shall discover some sooner or later.

This is the season of the year when all our geology students doing research have returned from their summer's work in Scotland or elsewhere. At this time, our Department always seems to have more people in it than it can hold. As Christmas approaches, everybody holds parties late into the night and the term ends with all of us half asleep. Our vacation at this time of year lasts 2-3 weeks and John and I usually stay at home and try to write papers on work we have done during the year.

With best wishes in 1971,
Yours sincerely,
Janet Sutton

Хэтфилд, Сэнди Драйв,
Кобэм, Суррей, Англия

Дорогой профессор Ефремов!

Большое спасибо за чудесные фотографии в присланной Вами книге. Они особенно понравились Джону, поскольку некоторые изображали места, которые он посетил во время его единственной поездки в СССР. Тогда он про-

вёл несколько дней в Ленинграде, после чего неустанно рассказывал мне о его красоте. И довольно много зданий на фото в альбоме странным образом спроектированы одним и тем же архитектором-шотландцем Кэмероном.

Я послала Вам календарь с хорошими фото шотландских видов, надеюсь — Вам понравится. Обычным отправлением, не заказным, поэтому хорошо бы узнать, благополучно ли он Вас достигнет. В моём любимом букинистическом магазине никаких изданий Райдера Хаггарда, к сожалению, не оказалось, но я уверена, что рано или поздно их отыщу.

В это время года обычно все наши студенты-геологи возвращаются с летней практики в Шотландии и в других местах. И на факультете столько народа — кажется, стены не выдержат. С приближением Рождества все устраивают у себя вечеринки до поздней ночи, поэтому в конце семестра все ползают как сонные мухи. Каникулы после этого длятся две-три недели, мы с Джоном обычно остаёмся дома и стараемся писать статьи по собранному за год материалу.

С наилучшими пожеланиями на новый 1971 год,
искренне Ваша
Джанет Саттон

Перевела Виктория Картунова

90 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
4 декабря 1970 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Большое спасибо за письмецо. Скоро увидите второе интервью в «Технике — молодёжи», ежели всё будет как надо.

Очень между нами — девушками — воздерживаются от пропаганды «Часа Быка» примерно с 2—3 недели, чтобы не повредить себе в случае... скоро увидим!

Не откажите прислать рукопись Гуляковского. Он её давно просит назад.

Привет от Тасеньки Вам и всем Вашим и от меня.

Обнимаю, Ваш *И. Ефремов*

P. S. Это пока лишь записка.

91 С. Н. РЕРИХ — И. А. ЕФРЕМОВУ

6 декабря 1970 г.

Многоуважаемый и Дорогой Иван Антонович,

Спасибо Вам большое за удовольствие, которое Вы мне доставили присылкой Вашей книги «Час Быка».

Все Ваши книги для меня особая радость, и только моё повторное отсутствие помешало мне Вам сразу же написать.

Очень заинтересовали меня Ваши анализы социальных воздействий, психология особых условий.

Да, идёт Новый Мир, сложный, захватывающий и вместе с тем грозный.

Только полёты в глубины человеческого сердца и духа спасут наше будущее. Так — или же отрыв от нашей планеты. Это всё увеличивающееся устремление, часто бессознательное, может быть, заключает в себе долю прогноза реальности.

Все достижения техники, «цивилизации» нас всё больше и больше сближают физически, но наше сердце, основа всего, упорно разъединяет.

Эти центростремительные и центробежные силы должны быть уравновешены «Новым Миром», иначе…!

Ещё раз большое, большое Вам спасибо.

Пользуюсь случаем послать Вам наш самый сердечный привет и всего самого Светлого и Радостного к Праздникам и в Новом Году.

Крепко жму Вашу Руку.

Ваш
Святослав Рерих

Н. Н. КОСНИКОВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград
7 декабря 1970 г.

Здравствуйте, дорогой Иван Антонович!

Спасибо за поздравление с новосельем и вообще за внимание! Всякий раз, когда берусь за перо, чтобы написать Вам, я вспоминаю о Вашем почтовом ящике, который был описан в журнале «Аврора»… Действительно, много пишут? Критику? Восхищение? Советы? Наверное, и просьбы?

А Охта, где я живу, не так далека теперь. В общем-то, это прямой путь от наших родных пин'овских стен через Невский пр[оспект], мимо вокзала, опять Невский, затем площадь перед Ал[ександро]-Невской лаврой (площадь Александра Невского) и через Новый Мост (опять через Неву) — одна остановка. 30 минут троллейбусного времени. При современном положении, когда большинство трудящихся на работу и с работы ездит через весь город, — это прямо красота!

Теперь о «Часе Быка». Нет, я его не получил. Достал у знакомых, но ещё не прочёл. И Вы можете сделать мне подарок ко дню моего (увы!) юбилея — 19 декабря. Сами понимаете, как это приятно будет мне!

Сегодня я ещё нахожусь под впечатлением нашего очередного «традиционного сбора» — встречи школьников 204-й школы. От меня уже всегда ждут чего-то. На этот раз я пел школьную песенку, в которой последняя строчка каждого куплета — «не может быть! Не может быть!» подхватывалась собравшимися. Вот два последних куплета:

…А вот ему на днях хотели
В трамвае место уступить…
И он подумал: Неужели?! —
Не может быть! Не может быть!
Но найден путь к омоложенью —
Такие встречи проводить!
И врач воскликнет в изумленьи —
Не может быть! Не может быть!

Вот так! Как Антей черпал новые силы, соприкасаясь с Землёй, так и мы выходим после таких сборов, побывав в, увы!, далёком детстве, как бы омоложёнными.

Уж извините, что я отвлёк Вас от Александра Македонского! (Кстати, Вы не упоминаете там Диогена? — «Ты заслоняешь мне солнце!»?)

И передайте, пожалуйста, наш привет Таисии Иосифовне, которой все Ваши почитатели должны быть очень благодарны за заботу о Вас.

А буквально сейчас я встретил Ю. Н. Денисюка, который получил Ленинскую премию и звание члена-корреспондента за свою голографию, и спросил его, что он написал о Вас, он ответил — А, в «Литературке»? Я хорошо про него написал! Многие его предвидения (это Ваши) сбываются. Вот якутские алмазы, например... (А голография — это очень впечатляюще! Освещается фотопластинка, вас ставят в определённое место и вы видите, напр[имер], статуэтку, на которую можно смотреть и прямо, и сбоку... Сейчас говорят и о голографическом кино).

Крепко жму Вашу руку, дорогой Иван Антонович, и желаю Вам всяких благ.

Ваш *Н. Косниковский*

93 М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

8 декабря 1970 г.

P. O. Box 15033,
Nairobi

Dear Professor Efremov,

First of all may I thank you for your great kindness in sending me advice on the healing. It is extremely timely! I have been inundated with requests for healing; but I have followed Armand's suggestion about the clinic every Saturday. This was fine, except that the people that wanted an appointment seemed to collect all their ill relations and friends and arrived in a body. One Saturday I even had 130 people!

Your letter came soon after this inundation of human bodies and I immediately started to try and cut down the numbers. My desire would be about 15 or 20, but so far I have cut it down to 70. Several times in the week people request healings, which I give them. It is rather hard to refuse when sometimes someone has walked many, many miles to see me and, if they are old and poor, I feel I cannot refuse. I am going to make a determined effort to publicize the fact that people must make an appointment to see me. I think that will automatically make it possible to regulate the numbers which arrive.

The healing treatment only takes one minute including putting myself into a trance, but it is still an effort to attend to so many people.

I do wish I could see you to give you healing treatment. Armand has suggested that we should perhaps try an experiment. Would you agree to send me a photograph of yourself and I will try and concentrate on it and try what is known in England as "absent healing". Even if it does not work, we have not lost anything by trying.

I was interested to read what you say about the word "vyedma". As I have always had extra sensory perception in several forms, I have been reading about the "wicca". There is obviously a very close connection with my various experiences. If the witches had not been so cruelly persecuted, we would undoubtedly know considerably more about E. S. P.

Armand is like a different man since his treatment with L-Dopa. He was able to go for a very difficult walk with me down to the bottom of the ravine, which faces our house.

I am busy at the moment installing a pump, as I now have permission from the Water Appointment Board to use river water for our garden.

We have had some excitement in the garden too, just to remind us that we live in Africa. A very large cobra calmly sauntered past Armand when he was in his chair in the garden. Our household alerted me to go immediately to see it, but by the time I arrived it had disappeared. I have seen it in the past, but from the description that everyone gave of it, it has grown considerably. I thought it might be prudent to have it removed to our Snake Park, but unhappily it is very difficult to locate once it has gone into the undergrowth, and the Curator of the Snake Park advised me to follow it next time we saw it and see whether it goes down a hole. I don't know which one of us is brave enough to follow this advice!

I am enclosing a copy of "Leopard in My Lap" and am delighted that you have requested it. I am going to try and find a secondhand copy of another of my books "At Home with Michaela". Unhappily, I have only one copy of my own and I am terrified of losing it. It is a sad fact that, because of overproduction of books, one's work goes out of print and the time when one could have bought many copies one has neglected to do so.

Several publishers have asked me to write a Psychic book, and after I have finished the one which I am working on now which is a short book on the conservation of Wild Life, I will probably do so.

With very best wishes,
Sincerely yours,
Michaela Denis

P. S. Would you give me the details of your illness?

М.

П. Я. 15033
Найроби

Дорогой профессор Ефремов,

Прежде всего хочу поблагодарить Вас за добрый совет по целительству. Он подоспел очень вовремя! Меня просто затопили просьбы о помощи, но, следуя совету Армана, я веду приём только по субботам. Всё было прекрасно, только вот люди, хотевшие попасть на приём, приводили с собой, похоже, всех больных родственников и друзей, являясь сразу большой группой. Так в одну из суббот я приняла 130 человек!

Ваше письмо пришло как раз вслед за этим человеческим потопом, после чего я сразу стала сокращать количество людей на приём. Хотелось бы ограничиться 15—20 пациентами, но пока удалось сократить число только до 70. Кроме того, не раз на протяжении недели люди приходят за исцелением за много миль, и им тогда трудно отказать, если они вдобавок ещё немощны или бедны. Но я собираюсь определённо распространить весть о том, что для приёма необходимо договориться предварительно о времени. Думаю, тогда удастся и регулировать количество приходящих.

Само лечение занимает всего минуту, включая время погружения в транс, но всё же довольно трудно уделять внимание такому количеству людей.

Мне бы очень хотелось повидать Вас, чтобы полечить. Арман предложил такой эксперимент: не могли бы Вы прислать свою фотографию, я попробую на ней сконцентрироваться и предпринять то, что в Англии называют «лечение на расстоянии». Даже если это не сработает, мы ничего не потеряем.

Мне было интересно прочесть ваши слова о «ведьмах». Я всегда обладала сверхчувственным восприятием нескольких видов, поэтому меня интересовала «викка»[1]. Я испытываю много похожих чувств. Если бы ведьм не преследовали так жестоко, несомненно, нам удалось бы узнать о сверхчувственном восприятии куда больше.

После курса лечения Л-Допой Арман совершенно другой человек. С моей помощью он совершил довольно дальнюю прогулку в ущелье неподалёку от нашего дома.

Сейчас я занимаюсь установкой насоса, получив разрешение от Совета водных ресурсов на использование речной воды для полива нашего сада.

Правда, в саду недавно тоже пришлось немного попереживать. Чтобы мы не забывали, что живём в Африке, огромная кобра медленно проползла мимо Армана, когда он сидел там в шезлонге. Домашние тут же позвали меня, но пока я вышла, змея успела уже уползти. Я видела эту кобру и раньше, но, судя по словам видевших её недавно, она заметно выросла. Думаю, разумнее всего было бы отселить её в Змеиный парк, но, к сожалению, в густой траве не так-то легко будет её отыскать, поэтому смотритель Змеиного парка посоветовал в следующий раз проследить её до норы. Не знаю, кто из нас окажется достаточно смел, чтобы последовать его совету!

Посылаю экземпляр «Леопарда у меня на коленях», очень рада, что Вы заинтересовались этой книгой. Попробую отыскать у букинистов для вас вторую свою книгу — «Дома с Микаэлой». К сожалению, у меня остался всего один экземпляр, над которым я трясусь, боясь, что он куда-нибудь пропадёт. Печально, но из-за перепроизводства книг допечатки тиражей прекращаются, а в своё время, когда можно было приобрести достаточное количество, этого сделано не было.

Уже несколько издателей обращались ко мне с предложением написать книгу о целительстве, и после окончания той книги, над которой я сейчас работаю — о сохранении дикой природы — я, возможно, сделаю это.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваша
Микаэла Дэнис

P. S. Не сообщите ли вы мне признаки своей болезни?

М.

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] *Викка* (англ. wicca) — религия, основанная на почитании природы. Она стала популярна в 1954 г. благодаря Джеральду Гарднеру, но имеет корни в дохристианском европейском язычестве с его почитанием триединой Богини и ведовством.

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 94

15 декабря 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Узнал с удивлением и негодованием, как плачевно сложилась судьба геолога Попугаевой. Вспоминаю, что именно от Вас впервые услышал её имя в связи с «Алмазной трубой». Быть может, Вам известно всё, что сказано о её мытарствах в газетной статье, которую решил Вам послать.

Очень понравилось интервью, напечатанное в сборнике «Молодой гвардии», на мой вкус, самое интересное из всего, что есть в этом сборнике.

Появились новые диссертанты, пишущие о советской фантастике и Вашем творчестве, один из них преподаватель Самаркандского университета кореец Шек, другой — немец из Дрездена Рихтер, работающий в тамошнем политехническом институте. Оба обращались ко мне за консультациями. Шек приехал в Ленинград с готовой, но довольно слабой работой. Дал ему указания, будет перерабатывать. Человек он соображающий, но ещё неопытный. Приехала к нам из Иркутска Т. А. Чернышёва, уже защитившая диссертацию. Будет выступать у нас на секции с докладом.

Как Вы себя чувствуете? Как работается?

Всего, всего Вам лучшего.

Сердечный привет Таисии Иосифовне.

Ваш *Е. Брандис*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 95

Москва
17 декабря 1970 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Не писал Вам некоторое время, так как болел гриппом — не слишком сильным, но неприятным, с прострелами.

Очень огорчён Вашим последним письмом. Неприятности с простатой — самая дрянь, подстерегающая нас, мужиков, неожиданным пинком из-за угла. Место, в коем сия железа расположена — самое неудобное во всём теле, поэтому техника оперативного вмешательства сложна, и, мне думается, неважно разработана. В смысле лечения — хорошо, ежели уролог хороший. Дело в том, что определённые стадии затвердения и увеличения железы (с болями) отлично лечатся андрогенными гормонами (всякими там тестостеронами), в то время как другие, наоборот, требуют эстрогенов (женских гормонов) с последующими затем, при длительном употреблении тонкоголосием, жидкобородием и прочими женскими признаками.

Вы пишете, что «решили сначала убрать боль», а затем браться за грыжу. Ну, а если боль в основном из-за грыжи и только рефлектирует в область простаты? Не лучше ли взрезать оную грыжу прежде всего?

Какой род боли? Тупая, стреляющая или жгущая? Последняя скорее всего указывает на грыжу.

Может надо какое современное лекарство, так пишите скорее, будем доставать.

Ваша «замотанность» «удачно» совпала с задержкой пересылки Вам плёнки с перепечатанной «Т.Д.» Молодой фотограф «зашился» к концу года тоже и не достал ещё нужной позитивной плёнки, а мне хочется послать Вам оба тома сразу, так как их интереснее всего прочитать сначала и, особенно, второй том. Поэтому, потерпите ещё немного, думаю, что в самом начале года плёнка будет у меня в руках и немедленно же послана Вам, вместе с «Беспредельностью».

Примите мои с Таисой Иосифовной поздравления с наступающим Новым 1971 Годом (белой железной овцы 16-го круга) и пожелания прежде всего здоровья и всего светлого.

Ваш *И. Ефремов*

96 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

18 декабря 1970 г.

Dear Professor Efremov:

Please accept my apology for not writing you for such a long time. Working for a private company is much different than being employed by the University. Report dead-lines have to be met, trips made, and many meetings have to be attended. All this, together with family responsibilities, leaves very little time for "outside recreation".

Thank you for your wonderful gift, which arrived via Dr. Olson. I had a telephone conversation with him and he informed me of how the whole thing came about. Now I have difficulties with Sasha: he wants to use the set and we wish to keep it on display.

I have ordered the National Geographic index you requested. Also, various books will be sent to you which may be of interest to you.

Via a local bookstore, I have ordered additional copies of your latest book, The Hour of the Bull. And, surprisingly enough, I have already received them and in good condition! Several of my acquaintances wished them for their Christmas presents.

Olga, Natasha, Sasha and I wish you and your family best wishes for the New 1971 Season.

Sincerely yours,
George Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу прощения, что так долго не писал. Работа на частную компанию сильно отличается от университетской. Требуется выдерживать сроки, ездить в командировки и присутствовать на массе совещаний. Всё это плюс семейные дела оставляет совсем немного времени для «посторонних развлечений».

Благодарю за Ваш чудесный подарок, который вы передали через доктора Олсона. Я говорил с ним по телефону, и он рассказал, как вы это придумали. Теперь у нас борьба с Сашей: он хочет пользоваться прибором, а мы хотим его сохранить на почётном месте.

Я заказал для Вас указатель «Нэшнл джиогрэфик», как Вы просили. И пошлю ещё кое-какие книги, которые могут составить некоторый интерес.

Через местный книжный магазин я заказал дополнительные экземпляры Вашей последней книги «Час Быка». И уже получил их, представьте, в лучшем виде! Несколько моих знакомых хотели получить Ваш роман на Рождество.

Мы с Ольгой, Наташей и Сашей желаем Вам и Вашей семье всего самого наилучшего в Новом 1971 году.

Искренне Ваш
Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
21 декабря 1970 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Антонович!

Прошла городская партийная конференция. В новом составе Горкома меня нет… Для меня это было и «ожиданностью», и неожиданностью. Постоянно устремлённые мысли к Беспредельности и всему, что связано с этим, не могло иметь другого результата. Кроме того, сейчас идёт процесс орабочивания партийных органов. 2/3 — непосредственно работающие у станков… Интеллигенция становится на подобающее ей место.

С другой стороны, систематическая работа в качестве члена Горкома должна была бы дать противоположный результат…

Но меня интересует не это. Оказывается, во мне ещё много «сидит» ожидания плодов своей деятельности для себя именно здесь. Чем же иным можно объяснить недоумение и какую-то неловкость в результате отсутствия моей фамилии в списке кандидатов. А «таковое» было… После я понял, что это результат действия моих мыслей, и результат весьма благоприятный для меня, т.к. разрушилась известная доля неблагоприятной кармы, случилось как раз то, что отвечает на вопрос — «Как же разделаться с этой кармой?».

Но факт моего несовершенства, факт явления самости — налицо. Теперь у меня времени стало ещё больше, т.к. остались только лекции в университете м[арксизма]-ленинизма по научному атеизму и одна тема (в феврале) по диалектическому материализму.

Интересно наблюдать за своей психикой, как она пытается чем-то «загрузиться», — стереотип — ужасная вещь. Это, пожалуй, самое сильное препятствие в «продвижении». Понимаю предлагаемые в «Иерархии» упражнения в умении одновременно действовать в нескольких направлениях. Одномерность ужасна в жизни вообще, а в мыслях особенно.

Вред стереотипичности мышления, желаний и поступков — вот о чём учил Г[аутама] Будда. Понятно состояние неразвитого сознания в момент смерти. Что делать? Привычных способов действовать нет, а новым «не обучено». Ужасно… Обучаться этому нужно сейчас, исходя из принципа — «У[читель] — дай мне или возьми. Всё в Твоей воле, не хочу получать ничего, кроме как из Твоей руки»… Это утверждение должно дать в перспективе полный контакт с У[чителем]. А что может быть лучше этого???

Сердечно Ваш *Портнягин*

98 Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ

Токио
22 декабря 1970 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Получил Ваше письмо от 1-го декабря. Я очень рад, что Вам понравился мой скромный подарок, который я просил Е. И. Парнова передать Вам в знак моего уважения и любви к Вам. Эта кукла — миниатюра так называемого «кимэкоми-нингё». Кимэкоми-нингё — это японская кукла, изваянная из дерева и потом одетая в кимоно (то есть, прилепленная материей). Она появилась в свет в Киото в начале восемнадцатого века.

Я получил Ваше письмо, написанное Вами накануне симпозиума, к сожалению, после симпозиума. Если бы оно пришло немного раньше, мы смогли бы опубликовать его на симпозиуме. Я передал содержание Вашего письма моим товарищам.

Когда Вы мне писали, что Вам нужен альбом японских красот, мне казалось, что это легко, я сразу найду его; так как раньше я часто видел такие альбомы в книжных магазинах. Но на самом деле оказалось, это было не так легко. Часто бывает так: то, чего не ищешь, есть в большом количестве, а того, чего ищешь, совсем нет. Месяц тому назад я послал Вам два альбома. Но, конечно, этого слишком мало, чтобы представить японские красоты. И в будущем я буду посылать Вам альбомы, когда я буду случайно натыкаться на них.

Дело писателя Мисима было для нас слишком сенсационное. Об этом ещё пишут у нас в газетах и журналах. Я не люблю Мисиму и согласен с тем критиком, который писал, что творчество Мисимы неприемлемо нами, но оно очень интересно как выражение психологии одного юноши послевоенного поколения Японии. Он своим самоубийством призывал японские антиреволюционные силы к действию.

По Вашей просьбе я уже купил и на днях пошлю Вам следующие книжки японской литературы на английском языке: Юкио Мисима «Forbidden Colors», «Thirst for Love», «After banquet»; Ясунари Кавабата «Snow Country», «The Sound of the Mountain», «Thousand Cranes». Если Вы хотите ещё читать что-нибудь из японской литературы на английском языке, пожалуйста, пишите. Я достану и пошлю Вам.

Желаю Вам доброго здоровья и всего хорошего.

С искренним уважением,
Н. Иида

99 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
23 декабря 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Получил сегодня Ваше письмо от 17. XII. Спасибо большое за поздравления с Новым Годом — годом железной овцы 16 круга. Как понять 16 круг? И где Вы находите все эти названия для каждого года, что же, все года расписаны???

Подвёртывается возможность избежать пересылки почтой. Мой сын — Игорь на днях демобилизовался из армии и должен ехать к нам «на побывку». Сейчас он в Калинине у родных жены. Не знаю точно, где он будет встречать Новый Год, там или у нас, но так или иначе будет проезжать через Москву или в конце декабря, или в первых числах января. Я ему написал, что, проезжая, он должен зайти к Вам за посылкой, думаю, что это сделать он сможет в промежутке между поездами, тогда не будет лишнего риска с почтовыми пересылками, хотя наши посылки с Вами всегда охраняются силой Иоги.

Ваш грипп — результат массового наводнения людского в Вашей квартире, не иначе!.. На днях в разговоре с нашим корреспондентом областной газеты узнал, что он давнишний поклонник Вашего писательского и философского таланта. Он в восхищении от «Часа Быка». Удивительно правдиво описана наша действительность, — так сказал он мне.

О лекарствах не нужно тревожиться… Раз уж я раз пожаловался, то придётся писать обо всём по порядку.

Тупая боль в правом паху одновременно с сильным покраснением поверхности кожи против предполагаемого очага болезни, кожа багрового цвета. Я обратился к кожному специалисту, предполагая, что это кожное заболевание. Специалист у нас хороший, тут же снял с кожи «скребки» и подверг анализу, абсолютная чистота кожи, никакой «заразы». Он же посоветовал обратиться к урологу. Уролог тоже у нас приличный. Уролог обратил внимание на признаки геморроя, опухоль прямой кишки. Прописал свечи. Через два дня их применения выход кишки «разнесло», уролог повёл к проктологу, он же хирург по специальности. Проктолог эти свечи выбросил, прописал другие для успокоения опухоли. Помогло. Через неделю началось лечение геморроя уколами чистого спирта. Шишки успокоились, кровотечения прекратились. Повторная консультация с проктологом в сентябре показала, что в отношении геморроя всё благополучно, тем более что я к этому времени упорно стал практиковать Випарита-Карани (летом делал перерыв). Покончив с этим, вновь обратился к урологу, потому что боль в правом паху стала и днём, и ночью. Характер боли тупой, иногда (редко) жжение, никогда стреляющей боли. Субъективное впечатление такое, что боль где-то на глубине 10—15 см от поверхности кожи, если считать в направлении от глубины паха вертикально внутрь тела.

Уролог стал применять внутренний (через прямую кишку) массаж, микрованны прямой кишки настоем ромашки, а затем АНТИПИРИНИ. Кроме того уколы ПЕЛОИДОДЕСТИЛЛАТОМ. Результаты обнадёживающие. Боли стали с перерывами, плохо, что они усиливаются при ходьбе, а мне нужно больше ходить для моих ног. Боли успокаиваются при даже поверхностном массаже и психотерапии (посылке праны).

Если бы основой была грыжа, как предполагал хирург, то в левом паху были бы боли (там признак начинания её больше, чем справа), а с левой стороны никогда болей не было. Кроме того, когда был начат массаж, то переносить его было очень трудно от острых болей, сейчас переношу уже спокойно, чувствуется боль, но не сильная.

Тонкоголосье, жидкобородье и проч[ее] проще достичь путём кастрации?!

Пастернак в своей книге пишет, что лечение этими эстрогенами раковых больных обещало им (больным) превращение в некие бесполые существа.

Операцию на простате я тоже делать не дам, так как знал одного больного у нас, кому эту операцию делали. У него всё равно были такие боли, что он применял алкоголь и по возможности морфий. Вот и операция!!! Нет, подальше от ножа хирурга, да здравствует Иога. Если прижмёт сильно, то я брошу всё и займусь только иогой. Думаю, что до этого не дойдёт. Мне ведь уже 64!!!

Иншаллах!

Перечитываю «Иерархию» — какая глубокая книга! Какая красивая книга! Сколько она даёт силы и радости! А всё-таки «Беспредельность» я всю перепечатаю, людям же пригодится! Будете давать читать...

Пусть всегда с Т. И. и Вами всегда будет радость и здоровье! Рука Учителя над Вами...

Всегда Ваш
Г. К. Портнягин

100 Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ

27 декабря 1970 г.

Здравствуйте, дорогой Иван Антонович!

Поздравляю Вас и Таису Ивановну с Новым 1971 годом и желаю, чтоб и в этом году все мои добрые пожелания, адресованные Вам, — сбывались!

Сразу же после получения от Вас поздравительной открытки, за которую — большое спасибо Вам, — отправился на почту и отослал Вам посылочку. Не знаю, понравится ли?

Хотел вложить банку маринованных грибов, но побоялся, что разобьётся или Вы не захотите их есть, как тогда было со свежей рыбой.

Хрен — по мере надобности — могу высылать всегда. Рынок у меня под окном, и в базарные дни он всегда есть. Шиповник бывает с перебоями.

Мама положила кусок сала и колечко домашней колбасы. Поросёнок кормлен хорошими харчами: ячменём и пшеном, кукурузой и желудями, и, на мой вкус, — сало довольно вкусное.

А картошка у нас 10-й год обрабатывается дустом и гексахлораном. Я запретил жене и матери вообще употреблять её в пищу: допустимые дозы остатков ядов — при лабораторном химанализе — превышают десять и более раз! Вот так люди медленно сами себе приближают конец, довольно мучительный.

На Луне шагает вездеход, а по земле колорадский жук, и победить его пока не могут.

Так что не более 2—3-х картошек в суп!..

Но, по-моему, в Ваших широтах ещё нет жука, и картошка не обрабатывается ядохимикатами.

С моим переездом вновь ничего не получается — девушка, которая работает в Марково, не хочет уходить до лета.

verte!

Если будет возможность — прошу приобрести для меня книгу Генри «Диктаторы», которая, по-видимому, вышла уже из печати.

На этом останавливаюсь.

Желаю Вам в новом году доброго здоровия, домашнего спокойствия и радости, вдохновения и успехов в творчестве!

Да хранит Вас Творец Вселенной!

С глубоким уважением,
честь имею быть всегда Вашим
покорным слугою,
Б. Устименко

С. СНЕГОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

101

28 декабря 1970 г.

Дорогой Иван Антонович!

Самые сердечные, самые добрые пожелания Вам на Новый Год — несокрушимого здоровья, новых творческих свершений, новых глубоких мыслей!

Я виноват перед Вами. Я давно получил Вашу книгу, но не сообщил об этом, даже не поблагодарил. И не потому, что я такой уж равнодушный или хамовитый. Скорей наоборот. Я не хотел отделываться простой благодарностью. Ваша книга требует размышления. Размышление требует времени. Я и сейчас не готов к полному осмыслению ответа, но час уже не ждёт — простой час, не час быка!

Мне кажется, Ваш новый роман «Час Быка» — самое значительное и глубокое произведение нашей — да и не только нашей — научно-фантастической литературы последних лет.

Это не значит, что всё в Вашей книге мне абсолютно нравится, что Ваши художественные приемы везде мне по душе. Я был бы неискренним, если бы сказал так. Многое мне казалось излишне переусложнённым, чересчур прямолинейным, слишком назидательным. Всё это — мелочи. Ваша книга — отнюдь не развлекательное сочиненьице. Её не будешь перелистывать в электричке после работы для «отдыха мозгов». Она, напротив, требует напряжённой работы мысли. Она будит мысль. Она — трудное испытание интеллекта, а не сладостное поглаживание по замшелым мозговым извилинам. Она по ту сторону расхожих понятий — «нравится», «не нравится». Она, говоря по Шопенгауэру, вне «философии обыденной жизни».

Ваш «Час Быка» — серьёзный философский трактат. Этим роман и дорог мне. А сама форма романа — лишь форма. Может быть, такое восприятие Вашего произведения не соответствует Вашим глубинным желаниям. Что поделать — я говорю о своём восприятии, не о том, как принимают роман другие.

Что мне дорого в «Часе Быка»? Строгий, ясный, безжалостно точный, неотвергаемо доказательный анализ одного из путей общественного развития. Не предупреждение — их слишком много, и они — у нас, во всяком случае — часто смахивают на кукиш, злорадно показываемый в кармане — нет, не крикливое предупреждение, а умное, объективное разъяснение. Наше поколение на исходе дней своих со смущением убеждается, что философы чаще всего тем или иным способом изменяли мир, а более настоятельная задача заключается в том, чтоб его наконец понять. Нам всем до удушья не хватает понимания. Вера заменяет

мысль — и не только у последователей римского первосвященника или пекинского красного солнышка. Даже экономические действия, не говоря уже о политических акциях, часто смахивают на ритуал молитвы — заученные жесты, вытверженные навечно словесные формулы: семиотические знаки, а не раскрытие сущности.

В эту мистику вытверженных формул и всеобщего раздувания несущественностей Ваша книга вторгается как очистительный ветер глубокой мысли.

Маркс как-то заметил, что эпохи, как и человек, редко имеют о себе правильное представление. Последующие времена, заблуждаясь в себе, бросают очистительный свет на предков. Блистательному Одиссею, избивавшему в народном собрании презренного Терсита, несомненно, казалось, что ничто не объединяет его божественный строй мысли и возвышенный образ жизни с мышлением и жизнью униженного подонка общества — а для нас если и видимо их различие, то, возможно, лишь в степени нарядности их давно истлевшего убранства, а не в чём-либо ином. И неоплатоники Плотин и Прокл, усердно сражавшиеся против христианства, нам ныне являются лишь духовными братьями неистового Тертуллиана и глубокого Августина. И пламенный гвельф, схватившийся в жестокой схватке с суровым гибеллином, для нас теперь лишь разные ипостаси одного общественного стремления к миродержавию или как там оно называется. И если человеку, крестившемуся тремя перстами и на этом, вполне достаточном, основании безжалостно убивавшему того, кто осенял себя всего лишь двумя перстами, представлялось, что ничто общее не соединяет их, то нам трудно отыскать их различия, различия несущественны — и Никон, и Аввакум родные братья. Сервет, публично сжигаемый на костре, громко взывал к небесам: «Иисус, сын вечного бога, спаси меня!» — а рядом стоял Кальвин, и трепетал, и страстно жаждал, чтоб казнимый друг с рыданием прокричал: «Иисус, вечный сын бога!..» — о, с какой бы тогда радостью велел Кальвин разметать костёр, с каким умилением прижал бы к груди спасенного еретика! Нет, для них разделившая их пропасть была непреодолима, легче было просто расстаться с жизнью. Где ныне эта пропасть? Нет её — ни реально, ни в воображении.

Но, вероятно, никогда ещё так ни гиперболировались несущественности, не абсолютизировались так мелочные несходства, не становились такими мистичными грани отграничений, как в просвещённом двадцатом веке. И хоть мы смутной мыслью догадываемся, что какие-то общие причины вызывают mutatis mutandis[1], конечно — неожиданное одновременное обожествление личностей в разных социальных структурах (Сталин и Рузвельт, Черчилль и Гитлер, Франко и Муссолини) и столь же одновременный протест против обожествления и крушение «сильных личностей» — но это лишь догадка, не понимание. Дикостью нашему потомку будет казаться и отвратительная война могущественнейшей державы мира против крохотного народа во Вьетнаме, и бессмысленные свары у Суэца, и всеобщее китайское задолизание, и многое, многое другое. И возможно, наш потомок с удивлением и негодованием установит, что средства, применённые для утверждения различий и вражды, были в сотни раз больше тех, которые потребовались бы для стирания различий, для всеобщего успокоения — и что мы даже не замечали такой иной возможности!

Ваш роман для меня — научное описание того, как над религиозно абсолютизируемыми несходствами и различиями поднимается грозный образ воз-

[1] С соответствующими изменениями (лат.).

можного общего хода процесса. Это, конечно, предупреждение, но не в принятом понимании, а в том, в каком Леверье предупредил, что в такой-то час, в такой-то точке неба появится неведомое светило — и его можно будет узреть в телескопе. После «Железной пяты» Джека Лондона Ваш роман, вероятно, самая широкая картина возможного страшного грядущего.

Признаться, я не люблю, когда просто хают будущее. Будущее для меня, не очень уютно ощущавшего себя в настоящем, в какой-го степени священно. Это мой недостаток, возможно. Вероятно, поэтому меня не терпят иные московские фантасты. В годы Веймарской республики Артур Либер написал книгу «Трагическая диалектика». Я сторонник диалектики — но не трагической. Люди сами делают свою историю, сказал Маркс. И если история не во всём идёт вполне «по Марксу», то, может быть, и оттого, что он раскрыл её ход, а люди постарались преодолеть неизбежность предсказания: не было бы Маркса — и всё шло бы вполне «по Марксу». Этот афоризм — острота, а существо иное: вы показали раздвиг противоречия, расхождение признаков по Дарвину — новую схватку Ормузда с Ариманом. У вас развитие общества разветвляется, стороны противоречия абсолютизируются и, схватившись между собой, сливаются в едином высоком синтезе — Торманс превращается в Тор-Ми-Осс, инферно становится парадизо.

И мне это бесконечно близко по душе. Это то, чего всегда жаждала для облика будущего моя натура. Я знаю — а, может быть, верю — что необходимость добра выше необходимости зла, что развитие ввысь — развитие от инферно, а не к инферно. Мы где-то на переломе пути.

Nel mezzo del cammin di nostra vita…[1]

Жаль, что нам не увидеть продолжения. И нет реального Вергилия, который провёл бы нас по запутанным кругам тёмного инферно без того, чтоб у входа навек оставить надежду.

В Вашей книге я ощущаю дружескую руку Вергилия!

Всегда Ваш
С. Снегов

Простите мне несвязность письма. Я не высказал и сотой доли того, что хотелось. Если мы когда-либо встретимся, возможно, беседа наша будет полней и шире.

Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — Е. П. БРАНДИСУ 102

Декабрь 1970 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Поздравляем Вас и Вашу супругу с Новым 1971 Годом и от души желаем здоровья, новых книг и всяческого благополучия.

Ваши
Т. И. и И. А. Ефремовы

[1] «В середине пути нашей жизни...» (итал.). В переводе М. Лозинского — «Земную жизнь дойдя до половины...» — первая строка «Божественной комедии» Данте Алигьери.

P. S. Спасибо за вырезку из газеты — я не знал, что и тут с Попугаевой обошлись мерзко. Нельзя ли узнать её адрес — я послал бы ей книгу в знак сочувствия.

А кто такая Чернышёва? Я, наверное, забыл?

Переболел гриппом, ещё не выхожу, повесть застопорилась, но это к лучшему — раскопал много нового.

Ваш
И. Е.

103 Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Декабрь 1970 г.

Дорогих Бориса и Ларису поздравляем с Новым 1971 годом и желаем здоровья, преумножения семейства и богатства, всего светлого + изображение на обороте сего.

Ваши
Т. И. и И. А. Ефремовы

104 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Декабрь 1970 г.

Дорогого Владимира Ивановича и всё милое семейство Дмитревское поздравляем с Новым 1971 Годом и желаем здоровья, благополучия и всего светлого.

Всегда Ваши *Ефремовы*

P. S. «Час Быка» можно смело «пропагандировать». Нападение отведено самыми высокими инстанциями.

И. Е.

P. P. S. Получил уже болгарский перевод ЧБ.

105 В. В. РОССИХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

1970 г.[2]

Уважаемый Иван Антонович!

У этого письма малая вероятность, что оно дойдёт к Вам, и ещё меньшая, что будет прочитано Вами. Пойдёт оно окольным путём через редакцию, так как точного Вашего адреса, к сожалению моему, не знаю; да и писем к Вам, видимо, приходит столько, что будет ли время прочесть это. Письмо не претендует на какой-либо ответ, но написание его вызвано таким духовным подъёмом, что очень верится в то, что оно дойдёт до адресата.

---

[1] Новогодняя открытка. Фото Б. Раскина. Художник Д. Хомов.

[2] Датируется по содержанию.

Проходя этим летом первую врачебную практику, я столкнулся с искренней, неподдельной оценкой Вашего таланта писателя-фантаста.

...Молодой парень 23 лет умирал от менингоэнцефалита. Болел он долго, и столько же времени мои старшие коллеги помогали его организму выстоять. Парень был красив как физически, так и духовно, в чём я мог убедиться из разговоров, которые вёл с больным в «холодный» период болезни. И вот он умирал, умирал тяжело, с бредом и галлюцинациями. Перед смертью он пришёл, как ни странно, в себя, попросил воды и, схватив меня за руку, хрипло зашептал: «Это будет великолепно. Это — чудная жизнь. Так и напиши ему». При этом он указал на журналы, где были напечатаны отрывки Вашего «Часа Быка». Далее он снова потерял сознание и, побредив Фай Родис вперемежку с зовами к своей матушке и друзьям, умер.

И вот через 4 месяца я, наконец, достал «Час Быка», прочёл и решил написать Вам. То, что Ваши произведения духовно питают многих, дают мобилизацию всех внутренних сил и преумножают веру в доброе-доброе будущее, — это Вам известно и, конечно, сказано не раз. Ваша «Лезвие бритвы» стала моей настольной книгой и зачитана до дыр в листах. Но «Час Быка» — это великолепно, я приложу все усилия достать эту книгу. Мне 22 года, через год стану врачом. Ваши произведения для меня как водитель ритма в жизни, как, видимо, и для погибшего Николая Л.

Далее написанное, видимо, покажется Вам смешным, но, кто знает, возможно, смешная информация сейчас станет серьёзной в часы стрэсса. Человек должен жить, особенно такой, как Вы, долго — далеко за сотню лет, которая для многих кажется непреодолимым пределом. В Штатах доказали, что длительность жизни и напряжение иммунобиозащитных сил повышается при переливании свежего костного мозга, который эвакуирует «парапротеины старости» и аутоантитела. Пока опыты на мышах, но, как Вы сами писали, «мостик-то узок» до человека. Если в будущем возникнет у Вас потребность, то имейте меня в виду, я — молод, здоров, имею II группу крови, а следовательно, и костного мозга. Если группы не сходятся, то я, уж поверьте, вытрясу продукт из лаборатории консервирования костного мозга (есть у нас в Харькове такая).

Чувствую, что написано как-то кособоко, со «скачкой идей», как говорят психиатры. Не взыщите — здесь всё серьёзно, без дешёвой показухи и рисования. Пишите больше и трясите издательства на большие тиражи, а то «Лезвие бритвы» — 100 000 экз[емпляров], «Час Быка» — 200 000 экз[емпляров] на Союз, и то достать невозможно.

Извините за беспокойство, но теперь мне стало много легче, выполнив желание больного и своё собственное.

С искренним уважением,
Василий Р.

Мой адрес: г. Харьков 68, пр. Московский, 102/112, кв. 102
Россихину В. В.

С. И. ПАВЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

1970 г.[1]

Дорогой Иван Антонович, здравствуйте!

Очень ждал Вас в Красноярске на сибирском симпозиуме писателей, очень хотелось Вас увидеть. Увы, что-то помешало Вашему приезду. Много разговаривал о Вас с Д. Граниным. Сошлись на том, что «Час Быка» открывает своим появлением ещё один новый период в вашей фантастике, как в своё время возглавила нашу фантастику «Туманность Андромеды». Даниил Александрович высоко ценит «Час Быка» как мыслительный эксперимент, как философскую подоснову возможной переоценки устаревших концепций. Я тоже успел заметить, что «Час Быка» читают не только молодёжь и не только любители фантастики. Вашему новому роману-кораблю предстоит большое плавание.

Ожидая увидеть Вас на симпозиуме, я грешным делом надеялся заполучить Ваш автограф на титуле «Туманности Андромеды» из числа собранных мною Ваших книг. И приготовил для Вашей (думаю, очень обширной) библиотеки н/фантастики свою книжку «Акванавты» (н[аучно-]ф[антастическую] повесть) с автографом. Не имея возможности передать эту книжку Вам как-то иначе, высылаю по почте.

С глубочайшим уважением, всегда и всецело Ваш
С. Павлов

[1] Датируется по содержанию.

1971

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 1

1971 г.

One more point. Disaster with your garden because of a "lousy" boy is a very abundant event now, and I guess throughout the world. The unreliability, laziness and naughtiness of "boys" and "girls" at every sort of jobs is characteristic of this very time.

I call this the "immorality explosion" and it seems to me more dangerous than nuclear war. We can see through very old times that morality and honour (in the Russian sense of "chest") are much more significant than swords, arrows and elephants, tanks and dive bombers. All destruction of empires, states and policies came through moral depravity. This is the only real cause of ruin in all history and therefore destroying is the only self-destruction we became aware of with nearly all diseases.

When all men accustomed to honest and hard work [have] passed away what sort of a future awaits mankind? Who can feed, clothe, cure and transport people? Dishonest, as they basically are now, how can they do scientific or medical investigation?

Generations conditioned to the honest way of life must be extinct during the next twenty years and then a greatest disaster in history will come of widespread technical monoculture, which basically now persists in all countries, even China, Indonesia and Africa.

Have you ever heard of the book by Alan Seymour "The Coming Self-destruction of the U.S.A.?" It is issued in England in Pan's paperback, but I cannot afford it and don't know the author's meaning. Maybe you can see through it. Is it a good or worthless warning?

But I must end this prognostication and wish you and Lila with all our heart from both of us good luck and health.

Your always and fond friend,
I. Efremov (Old Efraim)

Ещё одно. Судьба, постигшая Ваш сад из-за нерадивости того юноши, теперь вовсе не редкость повсюду в мире. Ненадёжность, лень и капризность «мальчиков» и «девочек» при выполнении самых разных работ — бич времени.

Я называю это «взрывом безнравственности», который представляется мне опаснее ядерной войны. Издревле нравственность и честь были намного важнее мечей, стрел, слонов, танков и пикирующих бомбардировщиков. Все империи, государства и доктрины гибли из-за распада нравственности. Только это и есть истинная причина разрухи и упадка на всём протяжении истории, и поэтому единственная причина разрушения — это саморазрушение, что мы стали осознавать и по отношению почти ко всем болезням.

Когда вымрет поколение, привыкшее к честной и тяжёлой работе, что за будущее ждёт человечество? Кто тогда будет кормить, одевать, лечить и возить людей? Бесчестные, какими они теперь в большинстве стали,— как они смогут вести научные или медицинские исследования?

Поколение, которое было воспитано жить честно, должно быть, уйдёт в небытие через двадцать лет, и придёт величайшим бедствием за всю историю человечества техническая монокультура, которая одерживает верх повсюду, даже в Китае, Индонезии и Африке.

Не доводилось ли Вам слышать о книге Алана Сеймура «Грядущее самоуничтожение США»?[1] Её выпустило издательство «Пан» в Англии, но купить я не могу и не знаю, о чём она. Возможно, вы могли бы её проглядеть для меня. Стоящее предупреждение или пустяковое?

Но пора заканчивать предсказательство, от всего сердца желаем Вам с Лайлой удачи и здоровья.

Всегда Ваш любящий друг
И. Ефремов (Старый Эфраим)

Перевела Лариса Михайлова

2 Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

4 января 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Узнал адрес Ларисы Анатольевны Попугаевой: Ленинград Л-147, Можайская ул., 39, кв. 15.

Говорят, статья в «Лен[инградской] правде» сильно смягчена. Травили её организованно все, кого директор перетянул на свою сторону. Попугаева только что вышла из больницы, и как определится её дальнейшая судьба, неизвестно. Числится она младшим сотрудником Всес[оюзного] ин[ститут]та самоцветов, который образовался, как говорят, из организованной ею лаборатории. Из института её старательно выживают, несмотря на то, что её заслуги перед страной неисчислимы, и её портреты висят в Музее МГУ и на Выставке достижений народного хозяйства. Всё это узнал один мой знакомый от профессора Шафрановского, возмущённого этой гнусной историей.

Теперь о Чернышёвой. Это очень одарённая молодая женщина (лет 30), преподавательница Иркутского ун[иверсите]та, защитившая диссертацию о фантастике. Обратила на себя наше внимание (Гора, моё и других) её оригинальная, умная статья «Человек и среда в современной н[аучно-]ф[антастической] литературе» — в сборнике «Фантастика. 1968». После этого я с нею связался, получил от неё автореферат диссертации и оттиски статей из учёных записок. Всё это не только не разочаровало, но укрепило уверенность, что она сложившийся исследователь. Она мыслит концепционно и разрабатывает труднейшие теоретические проблемы научной фантастики. Мы пригласили её в Ленинград и с большим удовольствием выслушали её доклад на секции. Если Вы изъявите желание познакомиться

[1] Альтернативная история австралийского писателя и драматурга о разрушительных расовых столкновениях, приведших к новой гражданской войне и ядерной катастрофе, написанная в виде разрозненных заметок очевидцев.

с её работами, она их сама Вам пришлёт. Текст доклада, прочитанный у нас на секции, мы отдали в «Звезду». Кстати, о ней знает Громова, встретившая её опубликованную статью чуть ли не бранью (Чернышёва излагала её письмо).

Мы с В. И. решили послать заявку на исправленное и расширенное переиздание «Через горы времени» в недавно организованное новое издательство СП РСФСР «Современник», поскольку директор «Сов[етского] писателя» Лесючевский предложил переработать книгу без договора — с тем, что потом её будут рассматривать как новую работу. Значит, текст попадёт на рецензию неведомо кому, быть может, той же Громовой, которая постарается книгу зарубить. И, кроме того, с профессиональными литераторами так не поступают, как предложил Лесючевский. Поэтому, посоветовавшись с опытными людьми, мы решили не принимать его предложения. Думаю, Вы с этим согласитесь. Но В. И., как всегда, полон энтузиазма и надеется на помощь Михалкова, а также ленинградского поэта С. Орлова, который сейчас облечён должностью секретаря СП РСФСР и сам предложил содействие. Поживём — увидим.

Всего Вам доброго, Иван Антонович.

Сердечный привет Таисии Иосифовне.

Ваш
Е. Брандис

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

3

10 января 1971 г.

Тибетский календарь
(I круг с 1027 г. н. э.)

Каждый круг из 5 циклов по 12 лет = 60
15-й круг — 1867—1926; 16-й круг — 1927—1986 г.

Годы по порядку каждого цикла	Стихии	Дерево	Огонь	Земля	Железо	Вода
	Масти	Синяя	Красная	Жёлтая	Белая	Чёрная
1	Заяц	1927	1939	1951	1963	1975
2	Дракон	1928	1940	1952	1964	1976
3	Змея	1929	1941	1953	1965	1977
4	Лошадь	1930	1942	1954	1966	1978
5	Овца	1931	1943	1955	1967	1979
6	Обезьяна	1932	1944	1956	1968	1980
7	Курица	1933	1945	1957	1969	1981
8	Собака	1934	1946	1958	1970	1982
9	Свинья	1935	1947	1959	1971	1983
10	Мышь	1936	1948	1960	1972	1984
11	Бык (корова)	1937	1949	1961	1973	1985
12	Тигр	1938	1950	1962	1974	1986
В китайском календаре первый год I-го круга начинается с 2697 (или 2637) года до нашей эры, а цикл начинается с года мыши.						

Дорогой Георгий Константинович!

Приношу глубокие извинения за собственную глупость. Я назвал наступивший год — белой овцы, взяв для вычисления 15-й круг, а не 16-й. На самом деле 1971 — год белой (железной) свиньи.

Посылаю Вам таблицу всего 16-го круга. Помните, что год может быть назван и по стихии и по масти — как понравится.

Сердечный привет от Таисы Иосифовны.

«Домо суминасен» — прошу покорнейше извинить, как говорят японцы.

Ваш *И. Ефремов*

4 М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

15 января 1971 г.

P. O. Box 15033,
Nairobi

Dear Professor Efremov,

We were so pleased to hear that you saw an excerpt from our film (I am not sure whether it was from "On the Great Barrier Reef" or "Under the Southern Cross"). Armand and I made three films for the cinema in the first years of our marriage before we changed to making T. V. films exclusively.

We made three films for the Rank Organisation, two were made in Australia and one was made in New Guinea. The New Guinea film was released under the name "Amongst the Head Hunters". It was a most exciting venture living with the Stone Age people who lived in unexplored territory. A woman and man from that area came to this little valley, and I can never forget the look on their faces when they saw us, as we were the first Europeans they had ever seen. They screamed with surprise and pleasure, and looked up the sleeves of our shirts, presumably thinking we had painted our arms and our real skin colour must be hidden somewhere under our clothing. Their child had a quite different reaction. I thought he was going into hysterics under the impression that we were suffering from some terrible skin disease which might be catching.

We went to Mombasa a week ago. We had not been there for nearly ten years. It used to be a most grueling road to travel on, but it is now quite easy except for two small diversions which reminded us very much of the original road.

It was exciting to see four elephants on the side of the road to remind us that, in spite of the tarmac, we were in fact in Africa (unfortunately coming back we saw a young male lion lying on his side with three or four people standing around him. I stopped the car and backed up and went to see whether we could help him. Unhappily, he was dead, possibly killed by one of the large trucks which use the road frequently.)

Do you remember that I said I would like you to have a copy of "At Home with Michaela"? This book is very hard to procure, as it has been out of print for some time. Two days before our departure for home Armand and I went to see a film. I don't know why I suddenly had a tremendous compulsion that "At Home with Michaela" was somewhere close at hand. I went to three different bookshops and in the third one, and even against Armand's protests that the shop was a stationery shop and not a bookshop at all I went straight to a shelf at the back of the shop and picked up "At Home with Michaela". Armand could not believe his eyes. I apologise for the cover being torn, but I hope you will enjoy it nevertheless. I feel that the book was written in a sort of age of innocence, when one was perhaps a

little too idealistic about human nature. I still have an undiminished love of Africa. Perhaps nationalism is like teething troubles, and something which everyone has to experience before one comes to the ideal of internationalism.

The photograph of a baby seal being killed is indeed a chilling one. I am very much concerned with the welfare of animals, as you know. One year I was asked to demonstrate for the Society for which I am Vice President — Beauty without Cruelty. I addressed a public meeting in Hyde Park and Armand, who came to listen, said that one or two people in the audience were actually crying when I had finished. I was greatly helped by some thoughtful member of the Society having provided a live baby seal, which I held in my arms when I was talking.

Afterwards, we went to the High Commissioner of Canada, and our deputation was received by him. He was very unhelpful at first, but we managed to extract a promise from him that he would send our protest to the Prime Minister (not the Fisheries Department where it would be filed and shelved forever after). I was also interviewed for the Canadian News on T.V. They have teams all over the world, of course. I made a very strong appeal to the Canadian people, themselves, telling them that they had the animal lovers of the world behind them in their efforts to stamp out this cruel trade. We had some success in curtailing the activities of the sealers through our efforts; but seal hunting should be banned altogether. I, myself, wear only nylon furs, which are tremendously good looking and never look shabby.

I received the beautiful calendar and the little pocket calendar and card. They have given me tremendous pleasure. Anything about Russia has a never ending fascination for me, as it is the one country in Europe which has preserved so much of its natural resources and original character.

You may have heard that our rains did not arrive at the right time and, in fact, there is drought in many parts of the country. Our own garden was brown and parched, as we only had three rainstorms in many months. At last, we have had a change in the weather over the last two or three days with heavy rainfall. It is astounding to see how quickly the grass turns green again. I am now ordering more plants and have an ambitious project for tree planting, which I will tell you about in my next letter.

All best wishes and regards to you and your wife,

Sincerely yours,
Michaela Denis

P. S. I am sending the book by separate post.

M.

П. Я. 15033
Найроби

Дорогой профессор Ефремов!

Мы так рады, что вы видели отрывок из нашего фильма (правда, не уверена, был ли он из «На большом Барьерном Рифе» или же из «Под созвездием Южного креста»[1]). Мы с Арманом сделали три полнометражных фильма за первые несколько лет нашего брака, после чего стали снимать исключительно фильмы для телевидения.

[1] On the Great Barrier Reef (1954), Under the Southern Cross (1954).

Эти три фильма мы сняли для «Рэнк Организейшн»[1], два в Австралии и один в Новой Гвинее. Последний вышел под названием «Среди охотников за головами»[2]. Жить среди людей каменного века долины Уэгхи было крайне захватывающим. Мы были совсем рядом с жителями неисследованной территории. Никогда не забуду выражения их лиц, когда они нас увидели. К нам на стоянку пришла семья, прежде не встречавшаяся с европейцами. Мужчина и женщина что-то радостно и удивлённо восклицали, затем осмотрели рукава наших рубашек, видимо, подумав, что мы раскрасили руки, а настоящий цвет кожи спрятан где-то под одеждой. Их ребёнок отреагировал совершенно иначе. Я думала, что у него случился истерический припадок, так сильно он испугался, что заразится такой страшной кожной болезнью.

Неделю назад мы ездили в Момбасу, где не были уже лет десять. Дорога предвещала быть довольно изнурительной, но сейчас она стала намного лучше, кроме двух объездов, которые ощутимо напомнили нам о прежней дороге.

Было замечательно увидеть четырёх слонов на обочине, они напомнили нам, что, несмотря на гудронированное шоссе, мы находимся в Африке (к сожалению, на обратном пути мы увидели молодого льва, лежащего на обочине, вокруг которого собралось трое или четверо человек. Я остановила машину и сдала назад, чтобы узнать, могу ли чем-нибудь помочь животному. К моему глубочайшему огорчению, лев был мёртв. Возможно, он был сбит большегрузом, которые тут теперь часто ездят).

Помните, я говорила, что мне бы хотелось послать Вам экземпляр «Дома с Микаэлой»? Эту книгу оказалось очень трудно достать, так как её сняли с печати. За два дня до нашего с Арманом отъезда мы пошли в кино. Не знаю как, но я внезапно почувствовала, что «Дома с Микаэлой» где-то совсем рядом. Я прошлась по трём книжным магазинам и в третьем, вопреки заверениям Армана, что это вообще магазин канцтоваров, подошла к книжным полкам в глубине помещения и обнаружила там «Дома с Микаэлой». Арман не мог поверить своим глазам. Прошу прощения за потрёпанную обложку и очень надеюсь, что Вы, несмотря на это, сможете получить от книги удовольствие. Она, конечно, написана в эпоху наивности и, пожалуй, слишком идеалистично по отношению к человеческой натуре. Я не стала любить Африку меньше и сейчас. Возможно, национализм, как период прорезывания зубов, нужно перетерпеть, и только после этого можно прийти к идеалам интернационализма.

Фотография убийства детёныша тюленя вправду очень жуткая. Как Вы, наверное, уже поняли, меня очень волнует защита животных. Однажды меня попросили принять участие в мероприятии организации, вице-президентом которой я являюсь, — «Красота без жестокости»[3]. Я обращалась к публике в Гайд-парке, и Арман, который пришёл послушать, сказал, что несколько лю-

---

[1] Rank Organisation — британская компания, созданная в 1937, один из крупнейших производителей кинопродукции вплоть до конца XX века.

[2] Among the Head Hunters (1956).

[3] Основанное англичанками Кэтлин Лонг и леди Доудинг (Kathleen Long and Lady Dowding) в 1963, общество «Beauty without Cruelty» выпускало косметику без компонентов животного происхождения, а также боролось против использования натуральных мехов. Именно по этой линии сотрудничала с ним и Денис, поддерживая начинания общества своим авторитетом. Существует и поныне, активно участвуя в экологических кампаниях.

дей даже расплакались, когда я закончила речь. Кто-то из членов общества предусмотрительно дал мне маленького белька, которого я держала в руках, когда произносила речь.

Позже мы поехали к Верховному комиссару Канады[1], и наша делегация была им принята. Сначала он был весьма неотзывчив, но мы сумели настоять на том, чтобы он послал наш протест Премьер-министру (а не в Департамент промысла рыб и морских животных, где это было бы подшито и отложено в долгий ящик). Я также дала интервью для канадского телевидения. У них есть представительства во всём мире. Я очень эмоционально обратилась к жителям Канады, заверив, что их поддержат все любители животных планеты в усилиях остановить эту жестокую торговлю. Мы добились некоторых успехов в сокращении действий охотников на тюленей, но такая охота должна быть полностью запрещена. Я лично ношу исключительно искусственный мех, который выглядит потрясающе и при этом никогда не изнашивается.

Замечательные календари и открытку от вас получила. Они доставили мне огромное удовольствие. Всё, что связано с Россией, меня неизменно очаровывает, ведь больше, чем ей, в Европе никому не удалось сохранить столько природных ресурсов и своеобразия.

Вы, возможно, слышали, что у нас дождливый сезон сильно задержался, и теперь во многих районах страны настоящая засуха. Наш собственный садик пожух и высох, так как за многие месяцы ливень был у нас лишь три раза. Но наконец наступила перемена, и последние дни льёт дождь. Поразительно, как быстро трава вновь стала зелёной. Сейчас я заказала различные растения и вынашиваю довольно амбициозный проект, о котором я расскажу Вам в следующем письме, — заняться посадкой деревьев.

Всего наилучшего Вам и Вашей жене,

искренне Ваша
Микаэла Денис

P. S. Отправляю вам книгу отдельной посылкой.

М.

Перевела Лариса Михайлова

Н. Н. КОСНИКОВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 5

Ленинград
19 января 1971 г.

Спасибо, дорогой Иван Антонович, за очень приятный мне подарок — «Час Быка», который я получил, признаться, уже неделю тому назад. В субботу, 16-го, представился случай похвастаться подарком Вашим: у нас собрался народ — сослуживцы, друзья — и я показываю им, вот, дескать, читайте, завидуйте! Ну, конечно, возгласы: «Дайте почитать!»

Я прочёл с большим интересом, сейчас её (книгу) заканчивает Светлана Семёновна. Конечно, все видят в ней разбор, оценку событий, свидетелями ко-

[1] Верховный комиссар — представитель британского доминиона в Англии. В те годы Канада ещё оставалась доминионом Великобритании, получив полную независимость в 1982 г.

торых мы являемся сейчас, того, что прошло совсем недавно. Я слышал высказывания, что Торманс — это «китайская планета» (змеи, характер имён, отголоски стерилизации людей и т. д.). Рассказы землян жителям Торманса порою отчётливо передают отношение автора к многим печальным (увы!) блужданиям людей Земли, к проявлениям их безрассудства. И читатель видит, что здесь гораздо больше «сердца горестных замет», чем «ума холодных наблюдений».

Мне понравилось чисто композиционное построение романа, многие места написаны энергично, но порою ощущаешь, что наши будущие земляне разговаривают чересчур литературно, их округлые, правильные фразы как-то «разжижают» напряжённую обстановку некоторых сцен.

Впрочем, все эти высказывания, наверное, не интересны Вам. Я уже не раз ловил себя на мысли, когда хотелось написать Вам о прочитанных Ваших книгах, что у меня получится нечто, напоминающее «письмо учёному соседу».

А Светлана Семёновна считает, что самое лучшее у Вас — «На краю Ойкумены».

Говорят, «Час Быка» продавался в одном из пригородных книжных магазинов с большой «нагрузкой» в виде прошлогодних календарей в декабре, когда магазину нужно «давать план». Лично я не видел ни «Лезвия бритвы», ни «Часа Быка» на прилавках магазинов.

А знаете, Иван Антонович, иллюстрации в «Технике — молодёжи» мне понравились больше, чем в отдельной книге издательства «Молодая гвардия».

Как у Вас дела? Смотрите ли Вы телевизор? Дело в том, что мне в мой юбилей (19 XII — LX!) друзья и сослуживцы, кроме целой кипы адресов, шутливых телеграмм, эпиграмм, стихов и массы поцелуев (поздравление происходило в кабинете нашего уважаемого Вл[адимира] Павл[овича] Линника, академика, Героя Соц[иалистического] Труда, и под его председательством) подарили сервиз на 12 п[ерсон] и денег «на 0,5 телевизора». И теперь телевизор стоит у нас дома. Он, правда, ещё не подключён к наружной антенне, и смотреть можно только 1-ю программу, но смотреть кое-что придётся. Вообще меня поздравляют уже целый месяц, и Ваш «Час Быка» поэтому был очень кстати…

Впрочем, я, кажется, уж очень расписался. Закругляюсь.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать мой почтительный привет Таисии Иосифовне. Светлана Семёновна кланяется Вам.

Всего Вам доброго!

Ваш *Н. Косниковский*

P. S. Ой, забыл! А как Вы относитесь к «психотерапии», Иван Антонович? Не носите ли Вы японский магнитный браслет?

К.

6 Ю. В. РОСЦИУС — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
24 января 1971 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Прошу извинения за беспокойство, но вынужден обратиться к Вам за советом относительно бумаг покойного Николая Феодосиевича Жирова. Вдова

покойного, Пана Фёдоровна, обратилась ко мне за помощью в приведении в порядок бумаг, оставшихся от покойного.

В их числе — переписка с Вами, Решетовым, М. Каменским и другими корреспондентами. Мне кажется, что частная переписка в любом случае не должна становиться предметом пристального внимания посторонних. В ней, кроме того, может иметь место дружеский и доверительный обмен мыслями, представляющими собой определённую ценность, которые могут быть присвоены и использованы посторонними людьми, при отсутствии у последних порядочности. В этом случае возможно причинение ущерба покойному или его корреспондентам. В силу указанного я полагаю, вся частная переписка без прочтения должна быть либо законсервирована на длительный срок, либо возвращена живущим корреспондентам.

В последнее время активизировались попытки единоличного ознакомления с бумагами покойного со стороны ряда лиц.

Не могли бы Вы подсказать линию правильного и уважительного к памяти покойного поведения в отношении к его бумагам?

О Вашем недуге я знаю от Славы Хаирова и понимаю затруднительность своей просьбы. Быть может, Ваша супруга сочтёт возможным изложить Ваши рекомендации в письме или по телефону 265-06-09, начиная с 16.30 по рабочим дням, либо с 9.00 по воскресным и субботним?

Ещё раз извините меня,
Ю. В. Росциус

Т. СУЭКАНЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 7

Киото
27 января 1971 г.

Многоуважаемый проф[ессор] И. Ефремов!

Ваша новогодняя поздравительная карточка обрадовала меня. Вам я очень благодарен за Вашу любезность и содействие.

Много Ваших произведений было переведено в Японии. Кроме тех, о которых я раньше написал Вам, следующие есть: «Белый рог», «Бухта радужных струй», «Алмазная труба» и «Тень минувшего».

«Сердце Змеи», которое недавно Вы мне подарили и советовали перевести на японский, тоже недавно переведено господином И. Фукуро и вышло в свет.

Недавно я разговаривал с проф[ессором] Симидзу, который перевёл Ваше произведение «Дорога ветров». Он долго страдал желудочным заболеванием, но понемногу выздоравливает. Он будет писать Вам письмо и собирается послать свой перевод Вашей книги через издательства.

Касается моей последней работы, мой перевод детективного романа «Тайна музея восковых фигур» А. Коробицына издался в конце прошлого года. К счастью, он имеет хорошую репутацию.

В конце письма позвольте пожелать Вам здоровья и успеха в Вашей работе.

С искренним почтением,
Т. Суэканэ

8 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
28 января 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Всё поджидал готовности фотоплёнки с «Т[айной] Д[октриной]» и пока не дождался. Послал Вам посылкой обе книги «Беспредельности», немного копирки — для «заполнения» и журнал «Индия». Там есть календарь с приятным видом на Малый Тибет — его утешительно повесить на стенку.

Достиг ли Вас тибетский календарь? Я забыл ещё сказать, как определить по нему год, относящийся, скажем, к 15 кругу, например, чтобы узнать, в каком году мы с Вами родились. К 1907 прибавьте 60, получите 1967 — год белой овцы — это и есть год нашего с Вами рождения. Если круг — 14-й, например, круг рождения Ваших родителей, прибавьте 120 лет и смотрите по той же таблице 16 круга.

Я просмотрел тут второй том «Т[айной] Д[октрины]». Надо сказать, что там добросовестно смешаны и действительные процессы, и сказки, и накрученные на известные в соответствующих периодах явления немыслимые штуки, вроде смешения слонов с обезьянами и возникновения иной расы. Для фактического историка земной коры — геолога, перед глазами которого все нужные документы, — это чепуха.

Вот почему, может быть, следовало бы произвести отбор и очень значительное сокращение этих двух огромных томов, тем более, что имеется множество повторений, даже, вернее, иносказаний одного и того же. Автор постоянно возвращается то к Каббале, то к Ведам, и иногда производит впечатление кружащейся на одном месте в поисках хвоста утерянной в бездне отвлечений мысли. Сами увидите.

Надеюсь, что молодой человек, взявшийся скопировать на фотоплёнку обе книги, скоро появится (он не то заболел, не то уехал), и я смогу сразу же послать Вам этот материал.

А если бы из «Т[айной] Д[октрины]» сделать хороший конспект символики и основных преданий, то этим Вы оказали бы громадную услугу современности, которая не будет одолевать и четверти, да что там четверти, десятой части нагромождённого Е. П. Б.!

Как Ваше здоровье? Не надо ли чего? Пишите.

Сердечный привет от Таисы Иосифовны и меня, разумеется.

Ваш *И. Ефремов*

9 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
28 января 1971 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Антонович!

Получил посылку в прекрасном состоянии. В ней две книжки, копировка и прекрасный журнал!

Постараюсь скопировать побыстрее. Большое спасибо за заботу и ещё раз спасибо за внимательность…

Вновь перечитываю «Час Быка». Как хорошо Вы чувствуете социальную сущность современного человечества! Действительно, инферно мыслей, чувств и поступков. Как же Вам было тяжело писать эту книгу?! Ведь все события, герои прошли через Ваше сознание. Как же потом от них избавляться?

Рерих[1] пишет, что Учитель отрывает частицы своей ауры, вступая в контакты с людьми более низкой ступени развития. А погрузиться в инферно современного мира — разве не отдать часть себя людям??? Отсюда понятны Ваши болезни... Но и не делать этого Вы не можете, это тоже ясно.

Сопоставляю работы Рерих, с которыми ознакомился за последний год, как их содержимое приложимо к тому, что происходит вокруг.

Моё глубокое уважение Т. И.

Сердечно Ваш *Портнягин*

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 10

Кузнецк
1 февраля 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Удивительно быстро получил Ваше письмо от 28 января. Журнал хорош. Тибетский календарь я получил своевременно, но, очевидно, забыл об этом поставить Вас в известность. Подсчитывал я несколько иным методом, но результаты такие же, что и у Вас. Я брал по таблице 1966 год (минус 60 лет — год моего рождения... Вы «напрасно» «пристраиваетесь» в мои одногодки, Вы всё-таки немного «помладше»!) год Белой Лошади, а у Вас Овцы! Что лучше? Как понимать все эти названия животных???

С «Беспредельностью» идёт дело хорошо, недельки за 3 думаю закончить! В ней тоже много что-то «не того», то ли я не дорос, то ли трудный литературный язык, но не всё доходит... Если исходить из принципа — «Что вверху, то и внизу», то нужно предположить известную ограниченность свободной воли и там — наверху?! Толковать о свободной воле у нас не совсем серьёзное дело! В этом вопросе прав Успенский, который говорит о массе связывающих нас законов, от которых нужно освободиться. Но тогда мы будем уже «не мы»!

Конечно, по отношению к нам можно согласиться с наличием существ неизмеримо более солидных! Но и они ограничены своим «уровнем», хотя и у них та же неограниченная «потенция», что и у нас... В этом «равенство» — и только, а точнее сказать, не равенство: а подобие!

Как понять, что в таком солидном труде Е. П. Б., как «Т[айная] Д[октрина]» столько чепухи? Ведь этим компрометируется его значение для всего «дела»?! Я согласен с Вами сделать «отбор» (если, конечно, у меня хватить чувствознания?!). Этот отбор, очевидно, лучше делать не с плёнки, а самих книг. За посылку можно не беспокоиться, потеря их НЕВОЗМОЖНА...

Обратно же я их привезу сам. Если Вы на это согласитесь, то присылайте, кроме того, выскажите свои соображения относительно «хорошего конспекта символики и основных преданий» более ясно и распространительно... Приложу все усилия, это дело «чести»!

---

[1] Имеется в виду Е. И. Рерих.

Болею и не болею. Приступами. В субботу разболелась поясница так, что «ни охнуть, ни вздохнуть» (я конечно: работал), а в воскресенье поменьше, а в понедельник встал и сделал упражнения иоги вплоть до сарвангасаны, коласаны и сиршасаны, т. е. все «перевёртыши» и — ничего нигде не кольнуло. Вот это иога! Зачем лекарства??? Сердечный привет Т. И.,

Ваш *Чеорендра*[1]

11 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
1 февраля 1971 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

From your letters I believe that one that I wrote never arrived, so if there has been a long pause, that is why. We are fine and getting along well in the relatively balmy winter in California. It has been an odd year, some frost and then again, temperatures to 95 degree F. I must confess that I still do not miss the heavy snows and cold of Chicago.

During the break between the autumn and winter school sessions Lila and I went to Chicago, to attend the AAAS meetings and to see the rest of the family. It was a nice trip, but also nice to be back here.

I am waiting for my book to come out. It is supposed to appear this month but I don't actually know when it will be coming along. Before too long I hope. When it does I will get a copy to you as soon as possible. I don't know whether it will be liked or not. It may be too long, too advanced, too elementary and all of the other things that one thinks about after a book is written. Well, we will see. It does have a lot of good material in it.

There is not too much to report on the research front. I am still working with the odd specimen from Oklahoma, which has gone back and forth between seymouriamorphs and dissorophids. I was interested in your comment on the similarities of the two. Both clearly are terrestrial in many ways, but I have a little difficulty seeing that they had a very close common ancestry, other than back somewhere as the temnospondyls and anthracosaurs (or whatever one wishes to call them) separated. To me it is of great interest that something as clearly temnospondyl as the dissorophids does have such a very highly terrestrial way of life. Also Eleanor Daly and I will soon have a paper on the lung fish Gnathorhiza in press. This brings out some new things mostly, however, it raises nasty taxonomic problems by pointing out that the teeth, which are what we usually have to go with just are not taxonomically significant at a species or genus level. Too bad.

I have been in regular touch with Washington on the matter of exchange. As you know the big problem has been to get an exchange in which each "side" can pick the persons it wants to go, that is that we can say whom among your scientists we wish, and visa-versa. Well, a program along these lines is in the making and may be available pretty soon. One problem is that the absurdities of minority groups and

[1] Так Г. К. Портнягин подписал письмо.

all that seem to be getting somewhat into the way of increasing cultural cooperation. I hope not, but this is the word. In any event, I am keeping working at it and hope that the pressures will sooner or later pay off.

I am sending a few of the books on your list. I have been trying to get others, but the trouble is that these go out of print very fast and one has to find them in out of the way places. Orders to the publishers usualy come back with a note that they are not now in stock. But I will keep on it.

We went through some of the slides of our trip a few days ago and relived a lot of the wonderful times we had in the USSR last summer. Yesterday evening I was at a get together and on getting ready to go home I told Lila in my very best Russian that I though that it was time to go home. She understood, but what bothered me a little was that another lady understood also, but she thought that I was speaking Spanish. Must have a very good accent, or maybe it is that we are living too close to the Mexican border.

I am beginning to work on a book on evolution. What I want to do is to write a book that will have some impact on more than a few. My little Mentor book did to some extent, at least it has sold about 35,000 copies, but I have something else in mind here. Next fall I plan to teach a course in Evolution of Life to undergraduates who are not Life Science majors, and it is this sort of a group I am shooting for. I have lots of ideas. We do not have a good book in this area and one that does the job should be quite useful.

In the meantime, and I rather hestitate to tell you this, I have found my restlessness away from administrative affairs has become too great. I just can't bear not to be in a position where I can make things go in directions I feel they should. This is a very critical time for education and science in this country. So — I have agreed to serve as Chairman of Zoology at UCLA and have been serving in this capacity for the last month. It is somewhat time consuming, but if the past is any basis for judgement it will not cut deeply into my scholarly and research activities after about another month.

Well, this is long enough. I am going to write Peter in a day or two. I haven't heard from him in some time and am not sure that my mail has got to him either. I hope the postal service isn't falling apart. We have sent some books to his daughters and they may not have arrived also, although since they were registered it may be that they are just taking a very long time to get through the channels.

Please give my very best to Thais and to any of my other friends whom you may see. I can never really tell you how grand it was to see you last summer and how I look forward to doing so once again.

As always,
your close and affectionate friend
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет, Лос-Анджелес
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Судя по полученным письмам, я понял, что моё до Вас так и не дошло, из-за чего и возникла пауза в переписке. У нас всё в порядке, мягкая калифорнийская зима нам пошла на пользу. Хотя год выдался неровный, иногда подмораживало, а затем снова температура поднималась до 95 градусов

по Фаренгейту. Но, должен признаться, по снегопадам и морозам Чикаго вовсе не скучаю.

Во время каникул между осенними и зимним семестрами мы с Лайлой ездили в Чикаго, на заседания Американской Ассоциации содействия и развития науки и повидаться с родственниками. Поездка вышла удачной, но не менее приятно было вернуться к себе домой.

Жду выхода своей книги. Предположительно в этом месяце, но когда точнее — не знаю. Надеюсь, ждать осталось не очень долго. Как только она выйдет, сразу же отправлю Вам экземпляр. Хотя и не знаю, понравится она Вам или нет. Она может показаться слишком затянутой, переусложнённой или примитивной, либо или ещё какой-то — чего только не думаешь после того, как книга написана. Ну, увидим. По крайней мере, там собрано немало добротного материала.

По научной части особенно рассказать не о чем. Я по-прежнему работаю над необычным образцом из Оклахомы, который не могу отнести ни к сеймуриаморфам, ни к диссорофидам. Меня заинтересовал Ваш комментарий про сходство этих двух семейств. Оба по многим признакам наземные, но мне не удаётся найти для них близких предков, разве что совсем давних — когда разделились темноспондильные и антракозавры (или как их там ещё любят называть). Мне представляется весьма интересным, что столь явно темноспондильные диссорофиды обладают признаками преимущественного обитания на суше. Кроме этого, скоро будет опубликован наш с Элеанор Дейли материал о двоякодышащей рыбе Gnathorhiza[1]. Он описывает новые данные, однако ставит трудноразрешимые таксономические проблемы: имеющиеся зубы — а нам в большинстве случаев приходится довольствоваться лишь зубами — не позволяют определить ни вид, ни род. Ничего не поделаешь.

Я постоянно общаюсь с Вашингтоном по вопросу научного обмена. Как Вы знаете, большой проблемой было добиться таких условий обмена, чтобы каждая сторона могла выбрать тех, кого бы она хотела отправить, то есть чтобы мы могли сказать, кого мы хотим пригласить из ваших учёных, и наоборот. Сейчас такая программа готовится, и, вероятно, в скором будущем станет доступна. Одна из проблем состоит в том, что на пути развития реального сотрудничества в области культуры возникает абсурдизм перекосов квотирования разных социальных групп. Надеюсь на лучшее, но сейчас такое поветрие. Во всяком случае, я не отступаюсь и надеюсь, что все старания рано или поздно окупятся.

Посылаю несколько книг из вашего списка. Пытался найти остальные, но проблема в том, что они очень быстро расходятся без допечаток, и приходится искать их у букинистов. Мои обращения в издательства обычно получают ответ «нет в наличии». Но я всё равно продолжаю поиски.

Несколько дней назад мы просматривали слайды о путешествии и снова переживали замечательные моменты прошлого лета в СССР. А вчера вечером были в гостях, и когда уже собирались домой, я сказал Лайле по-русски, что пора домой. Она поняла, правда, поняла и другая женщина, но она подумала, что я говорил на испанском. Видимо, акцент у меня такой замечательный, или просто дело в том, что мы живём слишком близко к мексиканской границе.

---

[1] Gnathorhiza — вымерший род кистепёрых рыб.

Я приступаю к работе над новой книгой об эволюции. Одна из моих задач — написать книгу, которая окажет влияние не только на узкий круг. Небольшая книжечка в серии «Ментор»[1] отчасти послужила тому, в итоге было продано 35 тысяч экземпляров, но теперь я замыслил кое-что иное. Следующей осенью я собираюсь преподавать курс по эволюции жизни студентам-небиологам, и как раз на такую аудиторию я нацеливаю свою книгу. У меня много идей. У нас пока нет в этой области приличных изданий, и если получится такую написать — выйдет польза.

Между тем, как ни странно, устранённость от административных вопросов не принесла мне покоя. Напротив, для меня невыносима неспособность определять направление развития, когда мне ясно, каким оно должно быть. Сейчас очень непростой момент в нашей стране для образования и науки. Поэтому я согласился стать председателем факультета зоологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и уже работаю в этой должности целый месяц. Это занимает прилично времени, но, судя по опыту, примерно ещё через месяц уже не должно сильно отвлекать от исследовательской работы.

Ну, основное написал. Собираюсь сегодня-завтра написать Питеру. Давно от него не получал вестей и не уверен, что моё последнее письмо до него дошло. Того и гляди почтовая служба развалится. Мы отправили несколько книг его дочерям, и они могли также не дойти, хотя мы их отправляли заказной посылкой, что, вероятно, только замедлило движение.

Передавайте, пожалуйста, привет Таис и другим моим знакомым при встрече. Нельзя даже выразить, до чего замечательно было увидеться прошлым летом и как сильно я надеюсь на новые встречи с Вами.

Как и всегда,
Ваш близкий и любящий друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевели с английского Анна Лаврова и Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
2 февраля 1971 г.

Дорогой друг!

Видел Вас во сне, очень печального, усталого, зябко кутавшегося в длинный пёстрый шарф, и решил написать — как там Ваши дела? Во сне мы даже спорили, вернее, рассматривали по пунктам ход мировых событий, и какая-то большая грусть осталась от этого обзора. Не то обречённость, не то безнадёжность. Вот и пишу — всё ли у Вас в порядке, дорогой?

Я всё это время чувствую себя неважно, мало выхожу, работаю хотя и с удовольствием, но медленно из-за недостаточной энергии и людей, которые прут. Я поклялся, выпивая новогодний бокал, не прочитать ни одной рукописи

[1] «Ментор» — серия познавательных книг нью-йоркского издательства «Нью Американ Лайбрари» 1940—1980-х гг.

в 71 году и сократить посещения людей по крайней мере наполовину. Также буду сдавать свои позиции в отношении получения новых книг заграничных по фантастике и выписке журналов. Слишком много стоит это энергии, а сил всё читать не хватает, и получаются ножницы напрасного труда. Мне бы ещё написать мою палеонтологию, да, может быть, автобиографический геологический роман, а уж «Дети Росы» — наверное, отложу, Бог с ними пока. Там видно будет, как оно пойдёт, пока что идёт на ослабление и замедление деятельности — видимо, просто устал от того уровня бытия, на котором уже возраст или, точнее, сердце не позволяет.

«Таис» написано 12 листов, осталось не больше двух, и тогда она получится размером как раз с «Ойкумену».

Получил вопль от Бритикова. Его там забижают, что ж это Вы допустили? Написал ему отзыв на его книгу, пошлю сегодня с Вашим письмом одновременно.

С н/ф журналом, по-видимому, не получится ни в этом году, ни в будущем. Наверное, пойдут на некоторое расширение н/ф в журналах типа «Техника — молодёжи» — и будет хорошо, если обяжут толстые журналы не отказываться от фантастики.

С моим собранием сочинений пока ещё неясно — в план поставили, но объём — что-то там мухлюют и, если получится «Избранное», так это совсем не то!

Вот пока как будто и все новости. Напишите о себе несколько строк, потому как по телефону добиваться не просто — автомат — и пожаловаться некому. Это, пожалуй, наше (не наше с Вами, но наших ребят) будущее.

Обнимаю Вас, душевные приветы Вам и всем Вашим от Тасеньки и меня.

Будьте здоровы, Ваш *И. Ефремов*

13 Ю. В. РОСЦИУС — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
7 февраля 1971г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Ваше любезное письмо с рекомендациями относительно архива Н. Ф. получил. Большое Вам спасибо за участие. Ваши советы будут учтены. О дальнейшей судьбе бумаг покойного я непременно поставлю Вас в известность. Пана Фёдоровна склоняется к мысли принять предложение некоего инженера Власова из Риги о помещении бумаг Н. Ф. в архив какого-то института геологического профиля (П. Ф. затрудняется сейчас назвать эту организацию). Она начинает постепенно приходить в себя, однако повышенное давление и сердце время от времени дают себя знать. Учитывая то обстоятельство, что она осталась с девятилетней внучкой — Наташей, её положение вызывает некоторые опасения. Я периодически звоню им по телефону, иногда заезжаю, но этого явно мало.

Что касается материального обеспечения, то всё сложилось довольно терпимо — с 20.1.71 П[ана] Ф[ёдоровна] получает пенсию порядка 70 р[ублей].

Ещё раз позвольте поблагодарить Вас за всё!

С искренним и глубоким уважением,
Ю. В. Росциус

М. А. СМИРНОВА и О. Я. МАТУСОВА — И. А. ЕФРЕМОВУ[1] 14

Москва
12 февраля 1971 г.

Уважаемый Иван Антонович!

Ужгородское издательство «Карпаты» совместно с венгерским издательством «Мора Ференц» выпустило в свет на венгерском языке Ваше произведение «Туманность Андромеды». Для того, чтобы выплатить Вам гонорар, венгерское издательство просит Вас подписать прилагаемый договор. Издательству необходимо вернуть 3 экземпляра договора через наше Управление.

С уважением,
заместитель начальника отдела внешних сношений
Смирнова М. А.

инспектор отдела
Матусова О. Я.

П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15

Оринда
15 февраля 1971 г.

Dear Prof. Efremov,

It has been a long time since I wrote to you, but as you will see, we have been quite busy, and correspondence always seems to be the first thing to suffer in such cases. We hope this letter will find you and your family and friends in good health and spirits. Here, on the whole, all is well.

We regretted being unable to visit your country after all last year. We had hoped to, but when it came to planning an actual itinerary, such a trip simply wasn't feasible. We could, of course, have dashed over to Leningrad and Moscow for a few days; but that hardly seemed like a good way to visit so large and diverse a land.

In another year or two we hope to be able to do it at leisure.

Instead, we flew to Oslo, got a car, and drove north. It is lovely country for the most part, and a boat trip we took for 24 hours, from Bodø through the Lofoten Islands to Tromsø under the midnight sun, was fantastically beautiful. Returning to Oslo by a different route, we got a ferry to Denmark, where we spent a couple of weeks mostly seeing relatives and old friends. Our daughter joined us there, but soon left for England, which she had never seen. We approved, since to Americans of any descent it is still the mother country and we knew people there who would take good care of her; but my wife and I had already spent so much time there that we went, instead, to southern France. Dordogne and the Pyrenees are delightful, especially in small villages where people are most amiable.

Thence we drove to Alsace, an interesting region, met our daughter in Strasbourg, and continued to the science fiction convention in Heidelberg. That was an interesting time. Afterward we toured Germany and Luxembourg for a short while, until time for our flight. We traveled on an Icelandic airplane, with a three-day lay-

[1] Письмо на бланке Всесоюзного Управления по охране авторских прав (ВУОАП) Союза Писателей СССР.

over in Reykjavik that enabled us to see at least the southern part of that country. It was intriguing, and even had a certain desolate beauty, but I would hardly care to live there; one can't get beer! Unfortunately, we did not succeed in reaching the volcanic island Surtsey as hoped.

And so home, by way of a short stopover in New York, which was quite delightful on a holiday weekend that had a great deal of the population out of town.

Since then, until recently, we have lived quietly, and I have been hard at work meeting some writing obligations. But at the end of last month we all three went to Cape Kennedy, Florida, for the Apollo 14 launch. It happened to be a convenient time for us to do this, which we had long intended; and, tragically, it does not appear there will be many more manned space flights for a long time to come. (Unless you Russians take over, which I rather expect you will.) Beforehand I got in touch with a fellow writer, Joseph Green, who works there and loves to take science fiction people under his wing. Following his advice, I got myself accredited as correspondent of a local newspaper; they could pay me nothing, but it gave me access to the grandstand reserved for the press, and dependents' privileges for Karen and Astrid.

There was quite a gathering of old friends, including Hal Clement, Gordon Dickson, Roger Zelazny, and the artist Kelly Freas, so every evening saw a fine party at the Greens' home. The best part of those, however, came on the night before the launch, when we were driven out to see the Apollo ship illuminated, like a golden spear pointed at the stars.

Before, we had of course toured the spaceflight area. It is altogether fantastic. For one thing, it is huge; buildings, fuel tanks, launch pads and the rest stand far apart from each other, with a flat subtropical landscape between, grass, brush, palmettos, slowly winding watercourses, one of the largest wildfowl refuges in the nation and abundant armadillos, small wild pigs, and other animal life. The Vehicle Assembly Building, where the spacecraft are put together, rises sheer out of that like a mountain with no foothills. You have doubtless read how huge it is, but when one is inside, the size is just literally incomprehensible; walls and ceiling are so far off that all perspective is lost. The visitor center is surrounded by historic rockets, most of which look small... now; a Mercury capsule such as Alan Shepard made his first flight in is unbelievably tiny and frail. The Saturn-Apollo assembly is unbelievably beautiful.

On launch day I was bussed out to the press grandstand, arriving some four hours early; but in such good company and fascinating surroundings the time did not seem long. An estimated 1500 journalists and television people were around, but the area itself is big enough that there was no sense of being crowded. On the left stands that titanic VAB, on the right scrub forest, ahead a stretch of grass, a bay in a river, and more grassland, up to the spacecraft, some 5—1/2 kilometers off but nevertheless tall in one's eyes.

You have probably followed accounts of the liftoff and recall that threatening weather forced a 40-minute delay. But finally she did rise. In strange silence, fire blossomed beneath her, orange-red, soon nearly as bright as the hidden sun; its light played first in the smoke that billowed right and left, then, as she rose, in the low clouds. When the sound reached us, it began only as a roar, but soon became a drumfire of thunder shaking bones and heart. Then it faded away, and the ship was gone, and nothing remained except smoke around the site and some small raindrops on the face like tears.

It has to be seen. Film and television simply do not convey the reality. Afterward we spent hours in one of the biggest traffic jams in history (an estimated million people came to watch, at much greater distances than me), and next morning must get up at an evilly early hour to catch our airplane home, and were pretty exhausted for the next two days; and the expense had not been small. But the experience was well worth everything.

Now we again live quietly and industriously. Yesterday, after a winter's hiatus, enough people had free time that it became possible to take the "viking ship" out. Much still needs to be be done, including the gaining of experience with a square rig but she sailed — not too badly — with the dragon head and tail on her, and we all had a lot of fun.

We continue to follow the career of your Lunokhod with interest and admiration for so remarkable a technological achievement. I do not think space exploration demands either men or robots, rather that it demands both.

There was a dreadful oil spill recently in San Francisco Bay and nearby ocean waters, when two large tankers collided in fog. Perhaps you read about it. Waterfowl in particular suffered. But it is encouraging to note how prompt the countermeasures were — many of them successful in saving certain areas — and how large the public response was to appeals for volunteer help. My own womenfolk spent many hours working to save birds that were brought in. (I would have joined them, but happened to be ill.) Let us hope the general interest in preserving and restoring natural environment will remain high long enough for some effective laws to be passed.

I am sending you some more books that you may like, among them my own latest novel. Since one of its principal characters is a Russian, I would be most interested in your opinion.

Now the hour is late, so this letter must close with all best wishes to you and yours.

Sincerely,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Прошло немало времени с моего последнего письма, но, как будет видно дальше, дел хватало, и переписка в таких ситуациях страдает в первую очередь. Надеемся, это письмо найдёт Вас, родных и друзей в добром здравии и бодрости духа. У нас в целом всё хорошо.

Мы очень сожалели, что в прошлом году нам так и не удалось посетить Вашу страну. Когда дело дошло до конкретизации планов, ничего серьёзного не укладывалось. Конечно, можно было на несколько дней заскочить в Москву и Ленинград, но вряд ли стоило так наспех знакомиться со столь большой и разнообразной страной. Надеемся, что в ближайшие год-два нам удастся сделать это не спеша.

Вместо этого, прилетев в Осло, мы взяли напрокат машину и направились на север. Там по большей части очень живописные места, поэтому наше плавание от Бодо через острова Лофотен в Тромсё под незаходящим солнцем белой ночи было потрясающе красивым. Вернувшись в Осло другим маршрутом, мы отправились на пароме в Данию и провели там две недели, в основном навещая родственников и старых друзей. Там к нам присоедини-

лась дочь, но вскоре улетела в Англию, где прежде не бывала. Мы одобрили её поездку, потому что все американцы, чьи корни могут на самом деле быть совершенно разными, по-прежнему считают Англию прародиной, и к тому же мы были уверены, что наши добрые знакомые позаботятся там о дочери. Сами же мы там бывали неоднократно, поэтому отправились на юг Франции. Дордонь и Пиренеи встретили нас очень приветливо, особенно жители деревушек.

Оттуда мы перебрались на машине в Эльзас, очень интересный район, воссоединились с дочерью в Страсбурге и вместе поехали на научно-фантастическую конвенцию в Гейдельберг. Там было тоже замечательно. После чего мы несколько дней до обратного перелёта поездили по Германии[1] и Люксембургу. Рейс выполнялся исландской авиакомпанией, и мы на три дня остановились в Рейкьявике, что позволило нам осмотреть хотя бы юг страны. Любопытные края, даже красивые особой суровой красотой, но жить там я бы не хотел — негде купить пива! К сожалению, до вулканического острова Суртсей добраться, как мы намеревались, не удалось.

По дороге домой мы ещё ненадолго остановились в Нью-Йорке, который в праздничный уикенд был вполне приятен, так как большинство жителей выехало за город.

С тех пор мы почти никуда не выезжали, и я старался в срок сдать вещи по договорам. Но в конце прошлого месяца мы втроём летали на мыс Кеннеди во Флориде, на запуск «Аполлона—14». Мы долго собирались там побывать, и вот выбрались, к тому же к прискорбию должен заметить, что теперь ещё долго придётся ждать следующей программы пилотируемых космических полётов (если только вы, русские, не перехватите инициативу, на что я надеюсь). Я заблаговременно связался с писателем Джозефом Грином, который там работает и любит брать писателей-фантастов под своё крыло. По его совету я аккредитовался как корреспондент местной газеты, что никак не оплачивалось, но давало право на место на трибуне прессы для меня и сопровождающих лиц — Карен и Астрид.

На запуске собралось много моих старинных друзей, включая Хэла Клемента, Гордона Диксона, Роджера Желязны и художника Келли Фриса, поэтому каждый вечер в доме Гринов устраивали прием. Но самой запомнившейся стала ночь перед стартом, когда нас отвезли посмотреть на ярко освещённый корабль «Аполлон» на стартовом столе — он был словно золотое копьё, устремлённое к звёздам.

Перед запуском мы, конечно, объехали весь комплекс космодрома. Вот настоящая фантастика. Во-первых, он просто огромен: строения, цистерны с горючим, стартовые установки и прочее расставлены на приличном расстоянии друг от друга, на фоне равнинного субтропического пейзажа с травами, кустарниками, веерными пальмами, змеящимися повсюду ручейками и заводями, составляющими один из крупнейших заповедников водоплавающих птиц в стране, где к тому же множество броненосцев, кабанчиков и прочей живности. Главный сборочный ангар возвышается посреди этой равнины настоящей горой. Вы, несомненно, читали о его величине, но когда попадаешь внутрь — это что-то невообразимое, стены и потолок так

[1] ФРГ.

далеко, что теряешь чувство перспективы. Туристический центр окружают исторические ракеты, которые теперь выглядят совсем маленькими; капсула «Меркурия», на котором совершил первый полёт Алан Шепард, просто невероятно крошечная и хрупкая на вид. Вместе «Сатурн» и «Аполлон» смотрятся сказочно красиво.

В сам день запуска за четыре часа до старта нас отвезли на автобусе к трибуне для прессы, но в интересной компании и на фоне такого пейзажа время пролетело незаметно. По данным, там собралось около 1500 журналистов и членов съёмочных групп, но кругом было так просторно, что столпотворения не замечалось. Слева от нас вздымался титанический Сборочный ангар, справа были кустарниковые заросли, перед нами простиралась поросшая травой поляна, а за заливом, примерно в пяти с половиной километрах, над травянистой равниной возвышалась ракета, которая и на таком расстоянии казалась очень высокой.

Вероятно, Вы читали отчёты об этом запуске и помните, что из-за сильного ветра старт отложили на 40 минут. Но ракета всё же взлетела. В странной тишине под ней расцвёл огненный цветок, вначале красно-оранжевый, но вскоре яркостью сравнявшийся с солнцем, пламя вначале осветило клубы дыма, раздавшиеся вправо и влево, а потом низко нависшие облака. Когда же до нас долетел звук, то вначале как рёв, потом переросший в канонаду, которая сотрясала всё наше существо до мозга костей. Потом рёв смолк, корабль исчез из вида, оставив позади только клубы дыма и осевшие на лице капли влаги, похожие на слёзы.

Такое стоило увидеть. Записи на экране просто не способны передать реальные ощущения. Несколько часов потом мы простояли в одной из самых крупных в истории пробок — около миллиона зрителей прибыло на этот запуск, иногда преодолев сотни миль — а на следующее утро пришлось страшно рано встать, чтобы успеть на свой самолёт домой. Несмотря на то, что два следующих дня мы чувствовали себя совершенно разбитыми, несмотря на немалую сумму, в которую обошлась поездка, полученные впечатления того стоили.

Теперь мы опять тихо живём и трудимся. Вчера, первый раз за всю зиму, у нескольких людей выдалось свободное время, чтобы спустить на воду наш корабль викингов. Ещё предстоит немало доделать, не говоря уже о том, чтобы освоить вполне хождение под прямым парусом, но корабль шёл вполне ходко, со своими драконьей головой и хвостом, и мы получили массу удовольствия.

Мы с интересом следим за движением вашего лунохода и восхищаемся столь значительным техническим достижением. На мой взгляд, не стоит выбирать между роботами или людьми, и те и другие необходимы для исследования космоса.

Недавно в заливе Сан-Франциско случился ужасный разлив нефти, захвативший и океанские воды, из-за столкновения в тумане двух больших танкеров. Возможно, Вы об этом слышали. Пострадало множество водоплавающих птиц. Но воодушевила оперативность предпринятых мер, благодаря чему удалось спасти некоторые участки, и активность отклика людей, когда потребовалась помощь добровольцев. Женщины мои потратили множество часов на попытки спасти принесённых им птиц, и я бы тоже присоединился, если бы некстати не заболел. Хочется надеяться, что интерес к сохранению и восстановлению природной окружающей среды продержится достаточно долго, чтобы были приняты эффективные законы на этот счёт.

Я отправил Вам по почте ещё несколько книг, которые могут быть небезынтересны, и мой последний роман среди них. Поскольку один из главных героев там русский, мне хотелось бы узнать Ваше мнение о нём.

Уже поздно, поэтому завершаю наилучшими пожеланиями Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

16 А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

19 февраля 1971 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Professor Efremov:

My apologies for never having answered your kind letter of November 18. However, it arrived here just as we were getting into the midst of Christmas festivities with our children and grand children and then a few days later we went off to India and have just returned from that very interesting country.

For the last dozen years Pamela Robinson, of University College, London, has been training a group of young Indians, under the auspices (curiously) of the Indian Statistical Institute to do geology and paleontology on the Gondwana beds there. My wife and I were asked out there to look this project over and had a very enjoyable time. She has some good young men who are well trained and by now are just about competent to go ahead on work entirely on their own (much of the work in paleontology and zoology in India has been of a rather poor quality). Three of the young men from your Institute in Moscow had been invited to come to India to take part in their work this past winter and were, I know, eager to go. Unfortunately, the arrangements were never made and I think both they and the people of India were quite disappointed. This sort of thing happens all too frequently, I am sorry to say, about the visits of Russian scientists to other countries. Time after time people have been invited, have accepted, and then something has prevented their arrival, I am afraid that your country, like my own, has too many bureaucrats.

Last fall, Ruth sent you, by air mail, the book you wanted about the siege of Leningrad. It was, however, refused and has just come back to us. I think she is planning to send you other things which, I trust, will be of a less controversial nature.

On our way back from Russia, we stopped in England a few days and Ruth and I, in the company of Miss Townend, who had been for many years his assistant, went to see Watson. After his wife's death, the family and Miss Townend found for him an exceedingly pleasant retirement home in Sussex — a former country mansion of someone well-to-do, with very pleasant rooms, a lovely garden, and a very nice couple taking care of the dozen or so people there. Watson's memory is completely gone, except for reminiscences of his childhood, but he is still in good physical shape and still the very pleasant person he always was.

Currently I am studying and preparing for publication papers on my thecodonts from the South American Triassic, of which I have half a dozen varieties, some rep-

resented by quite good material, and some represented by fragmentary stuff alone. In addition, I am making serial sections, at one-quarter millimeter intervals, of my very mammal-like cynodonts and am planning this spring to reconstruct them in wax at about times eight enlargement; I have fond hopes that this will give us some interesting data on braincase evolution leading towards early mammals. Furthermore, the Cleveland Museum has opened up a large quarry in West Virginia where they obtained a dozen skulls and skeletons of labyrinthodonts last summer and promise to obtain a large further quantity this coming year. They are turning this material over to me for study, so that I expect to keep very busy for the next few years.

After having corresponded with you for years, it was very pleasant, indeed, to meet you "in the flesh" last summer and I only wish that our visit had been longer, so that we could have gotten better acquainted.

Please give the warmest regards from Ruth and myself to both you and Taya.

Sincerely,
Alfred S. Romer

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой профессор Ефремов!

Приношу свои извинения за то, что не ответил на Ваше любезное письмо от 18 ноября. Дело в том, что оно пришло к нам как раз в Рождественские праздники, которые мы провели вместе с детьми и внуками, а через несколько дней после праздников отправились в Индию и только что вернулись из этой очень интересной страны.

В последние двенадцать лет Памела Робинсон из Университетского колледжа Лондона[1] обучала группу молодых индийцев под эгидой (что любопытно) Статистического Института Индии, чтобы вести работы по геологии и палеонтологии Гондвандского щита в Индии. Меня с женой пригласили проинспектировать этот проект, и мы были приятно удивлены увиденным. Памела Робинсон воспитала несколько крепких молодых специалистов, которые получили хорошее образование и достаточно компетентны, чтобы начать работать самостоятельно (многие работы по палеонтологии и зоологии в Индии выполнялись на низком уровне). Трое молодых людей из Вашего Института в Москве были приглашены для участия в этом проекте прошлой зимой и, как я знаю, очень хотели поехать. К несчастью, обстоятельства не сложились, полагаю, к прискорбию обеих сторон. Такое нередко случается, простите за прямоту, когда дело касается визитов русских учёных в другие страны. Время от времени учёные получают приглашения, соглашаются, и затем что-то мешает их приезду. Боюсь, что в Вашей стране, так же как и в моей, слишком много бюрократов.

---

[1] Университетский колледж Лондона (UCL) основан в 1826 году как Лондонский университет, первый светский университет Великобритании. В 1836 году Лондонский университет и Королевский колледж Лондона создали Университет Лондона, и UCL получил своё нынешнее название. Ныне один из ведущих исследовательских английских университетов.

Ещё одна неприятность: прошлой осенью Рут послала Вам авиапочтой книгу о блокаде Ленинграда, которую Вы просили. Однако она вернулась к нам назад. Думаю, что Рут планирует послать Вам другие вещи, которые, надеюсь, будут менее сомнительной природы.

На обратном пути из России мы остановились в Англии на несколько дней и посетили Уотсона в компании с мисс Тауненд, которая много лет была его ассистенткой. После смерти жены Уотсона его родные и мисс Тауненд подобрали для него очень милый дом для престарелых в Сассексе — настоящий сельский особняк из тех, что добротно сделан, с множеством хороших комнат, прекрасным садом и очень приятной парой, которая ухаживает за ещё примерно дюжиной таких же пожилых людей, как Уотсон. У него почти не осталось памяти, кроме воспоминаний детства, но он ещё в хорошей физической форме и всё такой же милый человек, каким был всегда.

Сейчас я занимаюсь подготовкой к публикации статей по моим текодонтам из триаса Южной Америки, которых у меня полдюжины, некоторые в очень хорошем состоянии, а есть представленные только одним фрагментом. Помимо этого, я делаю срезы с интервалом в одну четверть миллиметра того самого похожего на млекопитающего — кинодонта и планирую этой весной реконструировать его в воске с увеличением в восемь раз; надеюсь, что это даст нам интересные данные об эволюции черепа до появления ранних млекопитающих. Более того, Музей Кливленда открыл большой карьер в Западной Вирджинии, где они нашли прошлым летом дюжину черепов и костей лабиринтодонтов и обещали найти гораздо больше этим летом. Они передают эти материалы мне на изучение, поэтому предполагаю, что буду очень занят этим в течение нескольких лет.

После многих лет переписки было очень приятно познакомится с Вами вживую прошлым летом, и мне очень хотелось погостить подольше, чтобы мы могли лучше узнать друг друга.

Примите самые тёплые пожелания от Рут и меня для Вас и Таи.

Искренне,
Альфред С. Ромер

Перевела Марина Степанова

17 В. В. РОССИХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

22 февраля 1971 г.

Здравствуйте, дорогой Иван Антонович!

Простите, что навязчиво Вас беспокою, но после внимательно прочтенного Вашего «Час Быка» трудно не написать Вам. В прошлом письме я был неискренен (мол, нам ближе по содержанию «Лезвие бритвы», чем «Час Быка»), но неискренен из-за поверхностного просмотра книги. Ваш «Час Быка» — это взлёт надежды, это прекрасное (надо бы превосходнейшую степень от этого слова) послезавтра, это грусть о том, что я этих дней не увижу, это беспокойство, что мир настоящего за границей несет в себе закономерность превращения в Торманс с усилением инфернальности природы и с расширением границ для действия стрелы Аримана (а если говорить о грубости обслуживания, жажде некоторых к научным степеням ради степеней и материальному сервису,

стремлении унизить обращающегося за советом или какой-либо услугой, разграблении природных богатств без знания законов — то сего и у нас в Союзе предостаточно).

Товарищи мои и я ужаснулись событиям ЭРМ Земли, участниками которых мы, видимо, будем. Ещё стало страшно стыдно за нашу необразованность — ведь «Час Быка» потребовал при серьёзном чтении не раз обратиться к словарю иностранных слов, задуматься во время чтения над прочитанным, а временами, отчеркнув какой-либо абзац, продискуссировать друг с другом. Мои товарищи и я не считали себя глупцами, но богатство Вашей фантазии, глубина и зрелость рассуждений, широта кругозора раздавили наше глупое самомнение, подстегнув к самообразованию, предотвращающему в какой-то мере превращение в узких ремесленников своих профессий. Ещё более мы убедились, что самовоспитание с самоограничением имеют колоссальное значение. Жаль только, что мы не начали заниматься раньше, хотя бы лет в 14, когда ЦНС[1] ещё пластична, как глина, и объём понятий и памяти не заполнен на 90% ёмкости (так утверждают психологи) — ведь нам по 21—23 года.

Когда мы спорили, один из парней полушутя-полусерьёзно спросил — не человек ли ЭВР Вы, перенесшийся в сегодня, чтоб предостеречь нас о неизбежном завтра и утешить чудным послезавтра. Мы много спорили с ребятами (хотя толку от этого мало, так как понять — ещё не значит почувствовать), но вопрос о пути у нас остался открытым.

Кстати, как не жаль, наши ряды редеют; ушедшие хотят «жить как все».

Уважаемый Иван Антонович, хотел написать, что больше не буду Вас тревожить, отрывая от более важных дел своими письмами, что письмо это последнее, а теперь чувствую, это я не вправе так писать за всех ребят, тем более, что, возможно, от прочитанного Вашего какого-либо нового произведения так растревожится в голове и в сердце, что не сумею сдержать себя.

Глубокий Вам поклон за Ваш «Час Быка».

С глубоким уважением,
Ваш *Василий В. Россихин*

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 18

26 февраля 1971 г.

Dear Professor Efremov:

Thank you for the booklet on geobotanical prospecting. In one of my University courses, back about 8 years ago, we reviewed geobotanical prospecting in the geochemistry course. Many advances have been achieved in this field since that time.

Your new book, the "Hour of the Bull" may be purchased in the U.S. for $1.50, which is not very expensive when compared to books printed in the states.

This month Roerich's works are exhibited in the Museum of Art in New York City. Olga and I are planning a trip to see it. At one time you sent me an album of his works. We will, of course, be very pleased to receive also the more luxurious volume, provided you have it easily available.

[1] Центральная нервная система.

I just mailed you another package of books (3), containing 2 you requested in your last letter (Weintraub & Masters), and the 1st volume of the Galapagos Islands. Elliot Porter, by the way, is America's best outdoor photographer.

Sasha is using your spoon set! Except Natasha, who now is old enough (9 months) to be jealous and possessive, constantly goes after Sashas things. We recently purchased him the American fairy tale "Winnie the Pooh" (Винни Пух) translated into Russian; and the American version of Pushkin's "Tzar Sultan". He enjoys both.

National Geographic Volume I, Index, will be mailed to you! Please keep the Renaissance set, otherwise more problems will arise during the exchange procedures.

Regards to your family,
Respectfully yours,
George Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю за брошюру по геоботанической разведке. Помню, во время учёбы в университете лет восемь назад мы рассматривали геоботаническую разведку в курсе геохимии. С тех пор в данной области было достигнуто немало.

Вашу новую книгу, «Час Быка», можно приобрести в США за полтора доллара, что совсем недорого по сравнению с книгами, публикуемыми в самих Соединённых Штатах.

В этом месяце работы Рериха выставляются в Музее [современного] искусства в Нью-Йорке. Мы с Ольгой собираемся съездить на эту выставку. Помню, Вы нам присылали альбом его работ. Конечно же, мы были бы рады получить более качественно изданный альбом, если только его можно достать без дополнительных усилий.

Только что выслал Вам бандероль с тремя книгами: две те, что вы просили в последнем письме (Вейнтрауб и Мастерс), и первый том о Галапагосских островах. Стоит заметить, что Эллиот Портер — самый лучший фотограф живой природы в Америке на сегодняшний день.

Саша вовсю пользуется ложками из присланного Вами прибора! Только Наташа, которая в свои 9 месяцев доросла до стремления всё присвоить, постоянно тянет к себе Сашины вещи. Недавно мы приобрели ему американскую сказку «Винни-Пух»[1] в переводе на русский язык и американскую версию «Царя Салтана» Пушкина. Обе ему понравились.

Первый том указателя к «Нэшнл джиогрэфик» скоро будет Вам выслан! Прошу, держите набор эпохи Возрождения при себе, иначе могут возникнуть дополнительные проблемы на таможне.

Привет семье, с уважением,
Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] «Винни-Пух» принадлежит перу английского писателя А.А. Милна. Русский перевод выполнен Б. В. Заходером и называется «Винни-Пух и все-все-все».

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19

28 февраля 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Вот и удалось закончить труд в феврале. Труд, с одной стороны, интересный, так как я узнал нечто новое, но в то же время и досадный из-за небрежностей перевода. Я не стал редактировать текст, так как не обладаю подлинником, но переводил, очевидно, человек не русской национальности. Уж слишком много путанных предложений и выражений, которыми мы не пользуемся.

Откуда такие слова, как «явленный», «пертурбации», «трансмутация», «рекорды», «рычаги» и т. д.

Всё можно было сказать проще и понятнее. Так как автор человек высокоинтеллектуальный, то остаётся отнести всё это за счет переводчика.

Теперь до меня дошло, что написана она с помощью жены Рерих, а не его самого. Но всё равно спасибо и за такой перевод. Книга может принести пользу многим, если её внимательно читать.

В ней весьма решительно (и справедливо) ставится на своё место человек. Человек (мы привыкли считать) — пуп Вселенной. А на самом деле это весьма посредственная фигура в Космосе. А главное «недоделанная»!!! Чтобы он стал полноправным членом Вселенной, он должен стать Агни-Иогом, а это не так просто (1:1.000.000), не так ли???

Но это только разожгло аппетит. Всё-таки можем стать Агни-Иогами!!! Порука этому помощь Дочерей и Сынов Разума — Братьев человечества. Это действительно прекрасные Существа.

Ещё где-то блуждает книга из этого цикла под названием «Сердце». Не приходилось видеть её???

Какое большое значение автор придаёт астрологии, конечно, настоящей, так как Светила, оказывается, серьёзно влияют на жизнь человека.

Итак, завтра всё отправлю Вам. Будьте здоровы и счастливы. Щит Матери Мира над Вами обоими.

Ваш *Портнягин*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. В. МОТРЕНКО 20

Москва
6 марта 1971 г.

Многоуважаемый Анатолий Валентинович!

Прежде чем посылать рукопись, какую бы ни было, надо было запросить согласие. Тогда бы Вы узнали, что с этого года я прекратил рассмотрение рукописей, по здоровью и нехватке сил. Прочитать недолго, а вот дать по ней суждение и ответственную рекомендацию — это целое дело, о котором присылающие рукопись забывают.

И ни к чему слова — узнать, стоит мне дальше писать или нет. Если вы — писатель, то будете писать, что бы и кто Вам ни сказал. А бросите — туда и дорога, значит — случайное увлечение. Мне кажется, что в Вас есть что-то от писателя, но ведь путь далёк…

Послал Вашу рукопись в редакцию научной фантастики изд[ательства] «Молодая гвардия». Там посмотрят.

С уважением,
И. А. Ефремов

21 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
6 марта 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Посылку получил и уже послал с оказией владельцу. Насчёт «Сердца» попросил. Волонтёр, переснимавший «Т[айную] Д[октрину]», не то заболел, не то уехал, это дело пока всё задерживается. Может быть, я уговорю его не переводить на позитив, а дать нам негатив, тогда я смогу прислать Вам скорее.

Очень мне сомнительна «открывшаяся» Вам возможность. Я попросил навести справки хотя бы об «искренности». Узнаю — напишу. Пока что наводит на размышление всё, цитированное Вами. Это ведь, по существу — отписка, например, потому, что мало-мальски интересующийся человек знает, что русский перевод Раджа-иоги Вивекананды — это «земля» по сравнению с английским оригиналом — «небом». Далее, очень мне сомнительно это обращение в посольство, поскольку распространение книг по религиозной философии у нас категорически запрещено. Вот эта штука меня встревожила. Не пишите туда — пусть она сама напишет — ей и книги в руки. В Институт Востоковедения — напишите, но только так, что для исследования диалектики и атеизма в ранних индийских философских сочинениях или ещё что-нибудь в этом роде. Только мне кажется, что он называется по-другому: Институт Народов Азии АН СССР, Армянский переулок 2. Чегышева там не знаю, могу узнать, есть Чебыкин, но он — замдиректора по хоз[яйственной] части! Может быть, Институт недавно переименован? Или название дано очень старое? Сейчас уеду на 10 дней в санаторий, вернусь и всё это расследую. Во всяком случае, огромное преобладание сынов израилевых и в этом институте резко выражено. Поэтому, связываясь даже с самой Мирдзой Кемпе (её настоящая фамилия Найковская, а — Кемпе — псевдоним), не открывайте ничего из Ваших подлинных интересов.

Во всяком случае, из книг пока ничего не просите, так как всё равно не получите, а прояснитесь в ненужной плоскости. Попробуйте для испытания настоять перед Кемпе, чтобы достала Вам Ауробиндо — как она себя поведёт? Но помните, что мотивировка должна быть строгой.

Душевный привет Вам от Т. И. и от меня. Чаще делайте савасану и не перенапрягайтесь — у Вас сейчас «балансовое» состояние, когда может здоровье качнуться в ту или другую сторону. Год-два, и должно стабилизироваться. А повидаться нам не худо, м. б., к лету и осуществим?

С искренним уважением,
Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. В. РОССИХИНУ

22

Москва
6 марта 1971 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович (?),

(Вы не сообщили мне своего отчества, а для людей моего поколения именное обращение — невежливо).

Не огорчайтесь, что Вам 22—23 года. Психологи глубоко ошибаются, что объём памяти к этому времени заполнен на 90% — это грубейшая ошибка. Он не заполнен и на 50% в 50 лет при неустанной работе и тренировке, так как владеть её богатством мы ещё не научились. Подсознательная память, вообще говоря, запоминает всё, но связи её с сознанием становятся более «тугими», так сказать.

Меня не удивило, что «вас» становится всё меньше и меньше — так и должно быть, ибо пока нельзя идти толпой по трудному пути, и отбор, самый жёсткий, тут неизбежен. Сейчас, особенно когда молодёжи многое доступно, разброс стремлений и способностей на этом фоне особенно велик. Подчас даже забавно наблюдать, как люди устремляются к тому, о чём не имеют ни малейшего понятия, хватают его, как горячую картошку и, обжегшись, отбрасывают. Происходит это от недостатка информации, и виной тому, как случилось, недавнее прошлое. Так увлечение иогой, например. А кто знает, что для ускоренного обучения непременно нужен учитель и что это «ускоренное» обучение занимает пять лет, а вообще подготовка полноценного хатха-йога требует, также как подготовка балерины или фигуристки, многих лет. Что для того, чтобы стать раджа-иогом, нужно обладать врожденными способностями, а занятия хатха-иогой суть лишь помехи на пути к радже-иоге. Что вообще высшая иога смертельно опасна и может проводиться лишь при наличии строго определенных внешних условий, иначе смыкание сознания с подсознанием, достигающееся на высоких ступенях, наступит раньше готовности психики и тела и приведет к безумию.

Мне было любопытно узнать, что ваши ребята, начитавшись «Веток персика»[1], ходили «как пьяные несколько дней» (кстати, что это за вторая вещь, о которой Вы упомянули и название которой я не разобрал? Если достанете, пришлите её мне на несколько дней — я изучаю подобные вещи, вернее, их влияние на современную молодёжь. Обещаю вернуть в сохранности). Любопытно потому, что «Ветки персика» подобны методическому руководству, таблице тригонометрических функций, что ли, не более. Отчего же быть тут пьяным? Или всё это и проходит лишь в воображении?

Точно также, как и в иоге, для того, чтобы исполнить «ветки персика», надо обладать особой сексуальной силой и почти акробатической (или художественной гимнастики) тренировкой. Иначе ничего не получится. Посмотрите на фигуры женщин, да и мужчин, на скульптурах индийских храмов, и Вы получите представление, какой тип женщины («читрини») должен быть для подобной сексуальной иоги. А если не так, то, как и в иоге (хатхе), — ничего, кроме разочарования, не получится, и поверившие в древнюю мудрость юноши и девушки окажутся в неизбежном тупике. Отсюда мой совет — не зани-

[1] «Ветки персика» — эротический трактат древнеиндийского учёного Ранга Анагша.

майтесь тем, для чего сейчас наша планета мало оборудована[1] и её ослабевшие сыны и дочери не могут исполнить с нужной для высокого удовлетворения глубиной.

Если искать путь, то, как Вы очень хорошо сказали в начале письма, он лежит через общественную иогу («агни-иогу»), иогу служения человеку и обществу, иогу уничтожения страдания и войны со злом и несчастьем (не забывая, что всё в этом мире имеет две стороны). Для всего этого нужно и самоусовершенствование, и самоограничение, но в иной мере и иных целях, чем в личной иоге, которой начинают увлекаться многие, мечтая получить особую власть и силу. Если бы они знали, что не получается ничего, кроме ответственности и заботы, самопожертвования и долга, то они даже близко не пытались бы познакомиться с иогой. Если бы они знали, что на самых высших ступенях «посвящения» человек не может жить, не борясь с окружающим страданием, он погибнет... Правда, колоссальное количество обмана и шарлатанства намоталось вокруг древней гуманистической философии Индии и Эллады, и вот очень серьёзная задача, в том числе и для медиков (очень важно), отделить «козлов от козлищ». Кое-что попытаюсь сказать в новой своей повести «Легенда о Таис», касающейся истории религий.

Получилось письмо длинное, но как-то нельзя касаться этих вопросов играя.

От души желаю Вам и Вашим товарищам твёрдо стать на путь — это самое большое счастье, какое есть на Земле, кроме большой любви...

С искренним уважением,
И. Ефремов

23 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
7 марта 1971 г.

Dear Prof. Efremov,

Evidently our letters crossed. So, since you have presumably received my earlier one, this can be brief.

We're sorry to learn you have had to be in a sanitarium but glad that you are at least back home; we hope your health will now be better.

Yes, of course I would be delighted to attend a sf writers' conference in your country, and any time of year would be suitable if only there be enough advance notice that I don't make other commitments. (That was the reason we did not get to Japan last year. By the time the official invitation arrived, we were already in Europe and had made various promises to other people there.) I hope the conservative political views expressed in some of my writings would not pose an obstacle; probably not, however, since a true conservative is quite different from a reactionary.

As for other writers, while it could do no harm to invite Robert Heinlein, I frankly doubt he would come. He has already traveled very extensively in the USSR, and is at present not in the best of health. And Isaac Asimov, although born in your country, hates to travel and positively will not fly; neither will Ray Bradbury.

[1] См. примечание к письму И. А. Ефремова И. И. Пузанову от 17 октября 1955 г.

But glancing over a directory of SFWA (Science Fiction Writers of America) plus recalling some who are not members, I think there are very good possibilities: Brian Aldiss, Peter Beagle, Alfred Bester, James Blish, Robert Bloch, Ben Bova, John Brunner, Arthur C. Clarke, Avram Davidson, L. Sprague de Camp, Samuel R. Delany, Gordon R. Dickson, Harlan Ellison, Philip Jose Farmer, James E. Gunn (who will probably be our next SFWA president), Harry Harrison, Frank Herbert, Damon Knight, Fritz Leiber, Anne McCaffrey, Larry Niven, Alan E. Nourse, Alexei Panshin. Mack Reynolds, Frederik Pohl, Robert Silverberg, Clifford D. Simak, Hal Clement, Jack Vance, A.E. van Vogt, Kate Wilhelm, Roger Zelazny.

This is an impossibly long list, of course, and at the same time it is far from mentioning everybody. However, it may be worthwhile as a start for thinking, writers can nearly always be reached through SFWA, and at any time I can give you the address of the current secretary.

Of course, this presupposes that such a conference will indeed become a reality. Let us hope so. In all events, Karen and I definitely hope to visit your country before too much longer. Once our daughter is in college, which will be in the fall of 1972, we will have more freedom to travel than hitherto.

As for your other remarks. The novel about Crete was finished some time ago but will not be published until this fall. At that time I will, of course, send you a copy. I was fortunate in being able to make some last minute revisions, after the results were announced of the latest excavations on Thera, (as you may have read, it seems at this moment that all or most of the population escaped before the volcano erupted.) Even in archeology, science fiction has trouble keeping up with science!

Now I must close, with all best wishes to your wife and yourself.

Sincerely,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

По-видимому, мы написали друг другу одновременно. Поэтому, так как предыдущее письмо Вами получено, буду краток.

Сожалеем, что Вам пришлось провести немало времени в санатории, но рады, что Вы теперь дома, и надеемся на улучшение Вашего здоровья.

Конечно, я с удовольствием бы принял участие в конференции писателей-фантастов в вашей стране, время года не имеет значения, важно только знать об этом заранее, чтобы я не связал себя другими обещаниями. (Именно поэтому мы не поехали в Японию в прошлом году. Когда поступило официальное приглашение, мы уже были в Европе и имели там множество обязательств перед людьми.) Надеюсь, высказанные в некоторых моих произведениях консервативные взгляды не послужат препятствием; вероятно, нет — ведь истинный консерватор сильно отличается от реакционера.

Что же до остальных писателей — думаю, не вредно было бы пригласить Роберта Хайнлайна, хотя, честно говоря, сомневаюсь, что он поедет. Он уже неоднократно бывал в СССР и сейчас чувствует себя не лучшим образом. Хотя Айзек Азимов и родился в вашей стране, но он не любит путешествовать и совершенно точно не полетит на самолёте. И Рэй Брэдбери тоже.

Но если бросить взгляд на указатель SFWA (Ассоциации писателей-фантастов Америки) и припомнить ещё тех, кто не является её членом, то наберётся немало отличных кандидатур: Брайан Олдисс, Питер Бигл, Альфред Бестер,

Джеймс Блиш, Роберт Блох, Бен Бова, Джон Браннер, Артур Кларк, Аврам Дэвидсон, Л. Спрэг де Камп, Сэмюэл Дилени, Гордон Диксон, Харлан Эллисон, Филип Хозе Фармер, Джеймс Ганн (который, скорее всего, будет следующим президентом SFWA), Гарри Гаррисон, Фрэнк Херберт, Деймон Найт, Фриц Лейбер, Энн Маккэфри, Ларри Нивен, Алан Нурс, Алексей Паншин, Мак Рейнольдс, Фредерик Пол, Роберт Силверберг, Клиффорд Саймак, Хэл Клемент, Джек Вэнс, А. Э. ванн Вогт, Кейт Вильхельм, Роджер Желязны.

Это слишком длинный список, хотя, конечно же, он включает далеко не всех заслуживающих внимания. Однако неплохо было бы начать с него — со всеми этими писателями можно связаться через SFWA, и я в любой момент могу дать координаты секретаря организации.

Конечно, если планируемая конференция действительно состоится. Будем на это надеяться. Как бы то ни было, мы с Карен серьёзно настроены посетить вашу страну в ближайшем будущем. Как только наша дочь поступит в колледж — что должно случиться осенью 1972 года — у нас появится больше времени на путешествия.

В ответ на Ваши другие вопросы. Роман о Крите был недавно завершён, но будет напечатан не раньше осени. Тогда я, конечно же, отправлю Вам экземпляр. К счастью, мне удалось внести в самый последний момент кое-какие уточнения после получения данных с раскопок на острове Санторин (возможно, Вы читали, на данный момент считается, что всё или большинство населения успело покинуть остров до взрыва вулкана). Даже в археологии научной фантастике нелегко угнаться за наукой!

На этом завершаю, наилучшие пожелания Вам и Вашей жене.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

24 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

8 марта 1971 г.

Дорогую Ларису целуем и поздравляем с Женским Днём, желаем здоровья и всего светлого. Поклон Борису.

Ваши
Ефремовы

25 Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Амхерст, Массачусетс
25 марта 1971 г.

Dear Prof. Efremov:

Please do not think I have forgotten you or the books I am hoping to send you. On January 4, the day we left for India, I ordered 10 or 12 through the International

[1] Почтовая открытка с пометкой «Для Ларисы-Чайки».

Service Co, thinking they had all these books in stock. Here it is the end of March and I still have not received anything from them. I have had several letters from them, and it seems that they have to order from each company.

Just recently I ordered some myself directly from the publisher and within a few days I received one. I am waiting to get several others before I send them to you. Individual orders for paperbacks are getting harder to obtain, and I could not find the books on your list in our local bookstores. This is just to let you know I am trying and eventually I hope I can send and you will receive some books.

I think Al wrote you that the book I sent you airmail last October has finally been returned to us. It was "The 900 Days" by Salisbury[1]. It is possible that I could send it to you by someone coming to Russia, but I will not send it that way unless you write me that you would like me to.

We were very sorry and disappointed not to see Peter Chudinov and the others in India. We had a letter from Peter, and I think he was very disappointed also. There was some mix-up in the plans and then the time for going was over.

We had a very enjoyable time there, both as paleontologists and tourists. We even got out into the field, for a few days which gave us a chance to see some of the country as well as some fossil localities. India has great problems but we are very happy to know that Mrs. Gandhi won such an impressive victory in the recent elections. Any other results would have been tragic for India in our opinion.

To my great surprise, we found ourselves again in Moscow on the 31st of January, 1971 on route from Delhi to London. It is the shortest route among the many that are available and I like that as it meant that much less time in the air, and I do not like flying. Al was eager to fly over the Asian country we flew over after dark last August. However, it was all pretty much covered by snow so we didn't see much.

We were in Moscow only 45 minutes and of course saw only the airport. Unfortunately I did not have any telephone numbers with me, so could not talk with either you or Peter. And I never learned to read a Russian telephone directory while there last summer. It would have been very pleasant to have had a chat with you. I did not know of our stop there in time to write and ask for numbers. And of course there may not be any telephones in the Transit Area of the airport.

I must tell you that I am this week staying in Amherst, Massachusetts, taking care of three grandsons, while our son Bob and his wife are on a trip. And I am using Bob's electric portable typewriter and finding that it does not respond to my touch. So please forgive the many mistakes in the letters and in spacing. I started to write you with pen but decided if would be even more difficult for you to read as my handwriting is not very legible.

Al will come out tonight from Cambridge by bus and we will both go back to Cambridge together on Sunday. He is busy this week finishing up his contribution to a Festschrift for George Simpson.

With very best wishes to you and to Taya.

Sincerely,
Ruth Romer

---

[1] Имеется в виду книга Harrison E. Salisbury The 900 Days: The Siege Of Leningrad — о блокаде Ленинграда.

P. S. Do you still find time to do some paleontological work or is your time all taken with your science fiction? Al says you are a very paleontologist.

Дорогой профессор Ефремов!

Пожалуйста, не думайте, что я забыла про Вас или про книги, которые я надеюсь послать Вам. 4 января, когда мы отправились в Индию, я заказала 10 или 12 книг в International Service Co, думая, что все эти книги у них есть в наличии. Сейчас конец марта, и я всё ещё не получила от них ничего. Они прислали мне несколько писем, и, по-видимому, должны заказывать книги по отдельности в каждой компании.

Только недавно я заказала часть напрямую у издателей и через несколько дней получила одну. Я надеюсь получить ещё несколько, прежде чем выслать Вам. Стало труднее покупать книги в мягких обложках по индивидуальным заказам, и я не смогла найти книги из Вашего списка в ближайших книжных магазинах. Это чтобы вы знали, что я стараюсь и надеюсь, что в конце концов смогу послать часть книг и Вы их получите.

Думаю, Эл уже писал, что книга, которую я отправила авиапочтой в октябре, в конце концов вернулась к нам. Это были «900 дней» Солсбери. Возможно, что я смогу послать её Вам с кем-нибудь, кто поедет в Россию, но я не буду этого делать, пока Вы не напишете мне, что это нужно.

Мы были очень огорчены, не встретив Петра Чудинова и других в Индии. Пётр прислал нам письмо, и думаю, что он был тоже разочарован. Возникла какая-то неразбериха в планах, а потом уже не осталось времени, чтобы оформить всё.

Мы очень приятно провели там время и как палеонтологи, и как туристы. Мы даже выезжали в поле на несколько дней, что предоставило нам возможность посмотреть как некоторые местонахождения, так немного и страну. В Индии большие проблемы, но мы были счастливы узнать, что госпожа Ганди выиграла с впечатляющим перевесом недавние выборы. Любой другой результат был бы трагическим для Индии, по нашему мнению.

К моему огромному удивлению, мы вновь оказались в Москве 31 января 1971 года на пути из Дели в Лондон. Это самый короткий путь из всех возможных, и он мне нравится, так как означает гораздо меньшее время в воздухе, я не люблю летать. Эл очень хотел лететь над Азией, так как в последний раз в августе мы летели ночью. Однако всё было покрыто снегом, и мы мало что увидели.

В Москве мы пробыли всего 45 минут и, конечно, видели только аэропорт. К сожалению, у меня не было с собой никаких телефонных номеров, и поэтому я не смогла поговорить ни с Вами, ни с Петром. И я так и не выучилась с прошлого лета читать русский телефонный справочник. Мне было бы очень приятно поговорить с Вами. Я не знала заранее о нашей остановке, поэтому не написала и не спросила номеров. Но в транзитной зоне аэропорта, конечно, могло и не оказаться телефона.

Должна сказать, что на этой неделе я живу в Амхерсте, Массачусетс, присматривая за тремя внуками, пока мой сын Боб с женой путешествуют. И я воспользовалась электрической печатной машинкой Боба, которая не очень-то меня слушалась. Поэтому, пожалуйста, простите за многочисленные опечатки

в буквах и пробелах. Я начала писать Вам ручкой, но решила, что будет гораздо труднее читать из-за моего не очень разборчивого почерка.

Эл приедет сегодня вечером из Кембриджа на автобусе, и мы вместе вернёмся в Кембридж в воскресенье. Он занят на этой неделе, заканчивает статью в юбилейный сборник Джорджа Симпсона.

С наилучшими пожеланиями Вам и Тае.

Искренне,
Рут Ромер

P. S. Удаётся ли Вам уделять время палеонтологии, или оно теперь полностью посвящено научной фантастике? Эл говорит, что Вы — палеонтолог до глубины души.

Перевела Марина Степанова

И. А. ЕФРЕМОВ — С. И. ПУЗАНОВУ

Москва
28 марта 1971 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Очень сожалею, что не могу оправдать Ваших надежд, так как не принадлежу к «сильным мира сего», несмотря на известность писательскую и научную. В глазах Академии Наук я всего лишь «отставной козы барабанщик», для мира «верхнего» не пользуюсь признанием власть имущих, и признание читателей их скорее раздражает, чем заставляет отнестись ко мне иначе…

Разумеется, это не значит, что я отказываюсь что-либо делать в отношении Ваших просьб. С кем надо я поговорю и поставлю в известность о намеченных мероприятиях. Правда, я не очень верю в долговечность таких вещей, как, например, личный музей Ивана Ивановича, да мне кажется, что это — в нашей изменчивой жизни — не лучший мемориал. Вот назвать корабль — это великолепно, создать раздел библиотеки — тоже, может быть, следует провести сбор средств на хороший памятник, с фантазией и мечтой, какой бы отразил всю глубину Ивана Ивановича как человека, учёного, поэта даже!

Теперь в отношении архива. Я так и знал, что архив должен быть велик, и там могут оказаться неоценимые сокровища для истории нашей науки и культуры (русской!!) вообще. Поэтому Вы должны отчётливо представить себе, что разборка такого архива — это серьёзная и долгая работа, и начинать надо с элементарной инвентаризации и разборки на разделы — наука, путешествия, поэзия, критические статьи, переписка, дневники. После этой инвентаризации можно будет подумать над тем, что может быть опубликовано, что нет, — ещё два раздела в каждой группе. Что не может быть опубликовано, следует передать в архив Академии Наук СССР, о чём предварительно надо повести переговоры, мотивируя это тем, что работа Ивана Ивановича касалась не только Украины, но всей нашей страны. До инвентаризации не допускать никого к архиву — недобросовестных людей среди учёных у нас сейчас расплодилось много. Советуйтесь с одним-двумя поклонниками Ивана Ивановича

здесь, в Москве, из них могу назвать (наиболее толковых и энергичных) зоолога А. А. Кирпичникова (Ин-т Морфологии Животных АН СССР) и географа Ю. К. Ефремова (Музей Землеведения МГУ).

Вот то, что предварительно могу посоветовать.

И примите мои самые тёплые и глубокие соболезнования в нашей общей утрате.

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

27 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
30 марта 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Совет Ваш принял, никуда не пишу. Но от Кемпе получил второе письмо, в котором прислано обещанное в первом — стихотворение, посвященное Неру. Эта моя просьба (о присылке стихотворения, которое мне хотелось прочесть, так как его перепечатала большая пресса Индии) и послужила основой моего письма. До Вашего расследования ничего писать не буду никуда: ни ей, ни по её адресам. Чтобы понять её лучше — прочтите её письма (прилагаю).

Уважая Неру, захотел получше понять, что она о нём написала, поэтому попытался перевести. Учтите, что за всю жизнь не переводил ничего поэтического, так что с критикой — полегче…

Вот оно:

Пепел Неру

Я был пламенем, сейчас я пепел,
Слушайте, что поет пепел:
— Пустите, пустите меня к небу,
Я крылатый пепел и хочу летать!
Оттуда — из горячей голубизны
Рассейте, разбросайте меня дыханием Индии, —
Покрывая её, легко распространяясь подобно вуали, я шепчу:
— Брат, чувствуешь ли ты меня?
В жизни и смерти, как пламенем, так и пеплом,
Я отдал себя целиком тебе…
Прижимая меня к своему сердцу, говорит задушевно Индия:
— Джавахарлал, сын мой, я не позволю тебе ни успокоиться,
Ни достичь берегов смерти.
Твой пепел — порыв души,
Ибо она расцвела из красных роз,
Лотос твоих губ станет цветком бесконечности.
— Я был неукротимым подобно зелёной волне океана,
Теперь я мрачный, молчаливый пепел…
Слушайте, что поёт пепел:
— Полной горстью возьмите меня!
И с берега Аллахабада бросьте в реку
И я достигну Ганга бесконечности,

Которая будет нести меня и колыхать меня медленно
Туда — в океан, в моря вселенной.
Я проникну в мысли людей, и они спросят меня:
— Друг мира, почему Вы не успокоитесь?
— Соединитесь, обнимите друг друга!
Пожелайте ответить на зов волны, творимой моим пеплом,
Объятие другой волне и смелый поворот к ней
Будет скачком вперёд, вперёд в мир тревоги
Зовом повсюду к любви и миру,
К любви и миру.

Мой сердечный привет Т. И., будьте здоровы и светлы!

Ваш *Портнягин*

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28

Лос-Анджелес
6 апреля 1971 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

About a week ago I sent off a copy of my book "Vertebrate Paleoeoology" to you and hope that in good time it will arrive. I also sent a copy to Peter. They were registered so I expect that they will make it. At the same time I sent three books from the list you left me. I hope to find more as they turn up. Probably the best way will be to go to a "second-hand" book shop, for they rarely show on the shelves of the normal stores.

I have been so busy that I have not too much to report beyond being busy. I was pleased to see the book finally come out and generally pleased with what is in it. I hope that you find it interesting. It is a marked departure from any thing we have here and I expect I will get very mixed reviews on it. There is the usual problem that some of the items already are a little out of date, but that is inevitable and if they were not now they would be next year. Generally the book has very few errors, although I have caught one or two going over it. As you well know, no matter how many times you go over a book before publication something that you did not see will crop up after.

I have been trying to read your book "Time of the Bull" but I must confess that unless I translate I find it difficult. I am getting quite a bit from it but also missing a great deal also. Is there any chance that it will be coming out in English? I have lots of friends who would like to see it.

Next autumn I am going to start teaching an elementary class in evolution, to freshmen and sophomores, not in Life Sciences. It is the kind of teaching I like to do and I am trying to put together a preliminary text for use. I have hopes this will blossom into a book some day. I have lots of ideas of what a course and a book on the subject should have and they are far from orthodox. There is really nothing of a general sort available in this country that either does not follow the "orthdox" line strictly or is so subjectively metaphysical that it is useless. It doesn't seem possible,

but the whole battle of evolution and religion still goes on in many places here.[1] It is based upon such totally inept comprehension that it is hard to even get excited about it. But I would like to do my bit to set the whole thing in some sort of proper context. So I will try.

Next week Lila and I are going to go over to Oklahoma and Texas for a short field excursion of about 1 month. It is about all that I can "dig-out" right now. But I am going to be doing mainly exploration, trying to open up some new sites, especially in the Texas San Angelo. Maybe we will turn up something exciting. I hope so anyhow.

I was amazed to read in your letter about your lack of winter this year. Did it continue to hold out this way? Mostly the winter in the United States was very rough, lots of snow and cold. Here we have had only rather low rainfall and there is again the coming problem of fire in the chapparal this summer. I don't expect that you heard about our earthquake, or perhaps it was big enough that you did. About 60 people died in the collapse of a hospital and the damage was extensive. If it had happened a little later fatalities would have been way up. It came at six o'clock A.M. and the freeways had few cars on them. An hour later and fatalities probably would have been in the hundreds or thousands. Quite a number of overpasses collapsed, and it is good they were not filled with autos and that there were no autos underneath.

We are about 10 miles south of the epicenter. The Richter reading was 6.6. So we had a pretty good jolt for about a minute. No damage to the house or utilities. Some of the buildings in downtown Los Angeles were damaged, mostly old ones built before strict codes of construction came in. Anyhow, it was quite an experience for the midwest where earthquakes are very rare. We still get after-shocks off and on although it has been fairly quiet during the last few days.

Well, that seems enough for now. Please give my very best to your wife, Thais, and tell her that Lila and I look back frequently to our pleasant stay in Moscow and at your home. I hope this finds you all well.

My very best regards,
your friend, as always,
Everett C. Olson
Ole

Дорогой профессор Ефремов!

Около недели назад я отправил Вам экземпляр своей книги «Палеозоология позвоночных» и надеюсь, что в скором времени Вы её получите. Я также послал экземпляр Питеру. Отправил заказной бандеролью и рассчитываю, что всё дойдёт. Тогда же я отправил и три книги из Вашего списка. Надеюсь найти ещё, как только появятся какие-то зацепки. Скорее всего, отыщется у букинистов, так как на полках обычных книжных они появляются редко.

Я был так занят, что не оставалось времени написать о делах. Я был рад увидеть, наконец, свою книгу и остался ею доволен. Надеюсь, она Вам покажется интересной. Аналогов её у нас нет, и я жду очень разных отзывов и рецензий. Как обычно, часть данных несколько устарела, но это неизбежно, даже если не сейчас, то они нуждались бы в поправках на будущий год. На самом деле в книге совсем немного опечаток, я нашёл всего парочку, когда

[1] NB — помета рукой Ефремова.

перечитывал её. Сами прекрасно знаете, сколько ни считывай текст перед изданием, что-то да пропустишь.

Я стараюсь читать Вашу книгу «Час Быка», но должен признаться, что без перевода она сложна для меня. Что-то я, конечно, понимаю, но огромную часть упускаю. Есть ли надежда, что она появится на английском? У меня масса друзей хотели бы её прочитать.

Следующей осенью я собираюсь читать вводный курс по эволюции студентам-небиологам первого и второго года. Мне нравится заниматься с ними, и теперь я готовлю им текст для ознакомления с темой. И надеюсь, что он со временем вырастет в книгу. У меня множество идей относительно курса и будущей книги, причём все они далеки от общепринятого. У нас в стране отсутствуют неспециализированные обзоры такого свойства, — все либо сугубо «ортодоксальные» работы, либо настолько субъективные и метафизичные, что уже не несут никакой пользы. Как ни странно, но в США до сих пор во многих местах продолжается битва эволюционных и религиозных взглядов[1]. Доказательства при том столь нелепы, что их сложно даже воспринимать всерьёз. Но мне бы хотелось попытаться сформировать должный контекст. По крайней мере, попробую.

А на следующей неделе мы с Лайлой отправляемся в месячное путешествие по Оклахоме и Техасу. Пока больше времени выкроить не удаётся. Но я собираюсь в основном проводить разведку, постараюсь найти новые места, особенно в техасском слое Сан-Анджело. Может быть, обнаружится что-нибудь удивительное. В любом случае, я на это надеюсь.

Я был удивлён, когда прочитал у Вас в письме о том, что настоящей зимы в этом году не было. Так продолжается до сих пор? Обычно зима в США суровая и снежная. В здешних краях выпало совсем немного осадков, поэтому чапараль[2] снова летом может загореться. Я не думаю, что вы слышали о нашем землетрясении. Хотя, возможно, слышали, поскольку оно было довольно крупным. Около 60 человек погибло под развалинами больницы, было множество других разрушений. Если бы это случилось немного позже, пострадавших было бы ещё больше. Это произошло в 6 часов утра, и на дорогах было не так много машин. Через несколько часов жертв было бы сотни и тысячи. Несколько эстакад обрушились, и хорошо ещё, что они не были забиты машинами, и что не было машин под ними.

Мы живем всего в 10 милях от эпицентра события. По шкале Рихтера было 6,6 баллов. Поэтому и нас на протяжении минуты заметно потрясло. Но без вреда дому или имуществу. Несколько зданий в центре Лос-Анджелеса получили повреждения, в основном построенные до введения строгих строительных норм. Так или иначе, для жителя Среднего Запада, где землетрясения происходят совсем редко, незабываемое переживание. Повторные толчки ощущались неоднократно, но в последние несколько дней поуспокоились.

Пора заканчивать. Передавайте пожалуйста привет Вашей жене Таис и скажите ей, что мы с Лайлой часто с огромным удовольствием вспоминаем

---

[1] NB — помета рукой Ефремова.

[2] *Чапараль* — тип жёстколистного кустарника, которым поросли холмы и горы вокруг Лос-Анджелеса.

своё посещение Москвы и визит к Вам домой. Надеюсь, письмо застанет всех вас в добром здравии.

С наилучшими пожеланиями,
как и всегда, Ваш преданный друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевели Анна Лаврова и Лариса Михайлова

29 Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кембридж, Массачусетс
11 апреля 1971 г.

Dear Prof. Efremov:

At last I have been able to start some books on their way to you! On April 5 I sent 3 books: numbers 1, 12, and 13 on your list, and on April 8, numbers 3, 4, and 15 on your list.

As these will come surface mail, registered, they will take some time to arrive. I have receipts for them here.

I am also enclosing the receipt for the book returned to us and the only mark that appeared on the package. It may mean something to you.

These books are very inexpensive and I am so glad to finally be able to send them to you. I think and hope that several others will be coming soon to me so that I can send them along.

Al was very pleased to receive quite recently a copy of E. C. Olson's *new* book, "Paleozoology". I notice he has a special word of acknowledgement to you for your friendship and counsel over the past years. He is known as "Ole" to most of his friends but to us, who go a long way back, as, "Shorty", and he doesn't seem to mind.

It begins to look like spring here and I have today been washing windows, and have put away the snow shovels.

We plan to leave for Australia soon after the middle of May. We have much to do before then.

Al joins me in best greetings and warmest regards to Taya and to you.

Sincerely,
Ruth Romer

Дорогой профессор Ефремов!

Наконец-то я смогла начать пересылать Вам книги! 5 апреля отправила 3 книги: номера 1, 2 и 13 из Вашего списка и 8 апреля номера 3, 4 и 15.

Поскольку книги отправлены не авиапочтой и с регистрацией, они придут не быстро. Я буду хранить квитанции.

Я также прилагаю квитанцию на книгу, что вернулась к нам, и единственную пометку, появившуюся на конверте. Возможно, она Вам что-то скажет.

Эти книги очень дешёвые, и я очень рада, что наконец смогла их Вам переслать. Я думаю и надеюсь, что скоро поступят ещё несколько, и я смогу отправить их Вам.

Эл был очень рад, получив совсем на днях новую книгу Э. Олсона «Палеозоология». Отмечу, что Олсон написал отдельную благодарность Вам за дружбу и советы в течение последних лет. Большинство друзей зовёт его «Ол», но у нас он издавна проходит под именем «Коротышка», и, похоже, не возражает.

Кажется, здесь начинается весна, и я сегодня мыла окна и убрала лопаты для снега до будущей зимы.

Мы планируем отправиться в Австралию вскоре после середины мая. Но до той поры нужно многое успеть.

Эл присоединяется к приветствиям и наилучшим пожеланиям Тае и Вам.

Искренне,
Рут Ромер

Перевела Марина Степанова

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

30

15 апреля 1971 г.

Dear Professor Efremov:

I just received the beautiful volume on Roerich. The reproductions are well done and conveniently mounted. I certainly thank you very much for this exquisite book!

I am enclosing reviews on several of the newer SF movies and books. You may find them interesting. Please tell me if I should send you any of the books mentioned in the review. I am, by the way, still waiting for the two books you requested and will mail them shortly.

Spring has finally arrived. This year, however, spring and summer will be very busy for me. Most of it involves extensive travel, as far away as Africa. Will write you in more detail about it later.

With best regards,
George Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Я только что получил прекрасный том Рериха. Репродукции сделаны хорошо и удобно смонтированы. Я, конечно, очень благодарен за эту изысканную книгу!

Прилагаю обзоры нескольких новых научно-фантастических фильмов и книг. Может, Вы найдёте их интересными. Пожалуйста, скажите мне, я отправлю Вам любую из книг, упомянутых в этом обзоре. Я, между прочим, до сих пор жду две книги, которые Вы запросили, и сразу отправлю их.

Весна, наконец, настала. В этом году весной и летом я буду очень занят. Большую часть года я проведу в поездках, даже поеду в Африку. Напишу Вам подробнее об этом позже.

С уважением,
Джордж Рабчевский

Перевела Мира Покорук

31 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
27 апреля 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Своевременно не поблагодарил за поздравление и не ответил на письмо потому, что валяюсь уже 29-й день и диктую Т. И. Было нарушение мозгового кровообращения с расстройством двигательной функции гортани и языка и потерей кожной чувствительности на всей правой стороне тела. Невропатологи добросовестно гноили в постели, только сейчас начинаю понемногу вставать. Я считаю, что получил предупреждение из Шамбалы, чтобы не болтал лишнего, не выдавал себя за мудреца и помнил, что есмь простой советский человек.

Вот какие сведения о некоей поэтессе. Советуют не иметь с ней никакого дела, не говоря уже о делах тонких. Характеристики её с другой стороны заключаются в двух отзывах: «хлебная карточка» и «вышла замуж за мальчишку на 20 лет себя моложе». От себя могу прибавить, что по списку Союза писателей она явно принадлежит к дщерям, плакавшим на реках вавилонских. По-моему, на этом можно вопрос закрыть.

Во втором номере журнала «Индия» есть статья о строительстве международного города Ауробиндовиля в складчину несколькими странами. Я припас для Вас интересную книгу (английскую) о радже иоге, но пока ещё не посылал — до выздоровления. Также не продвинулся и в других делах — всё перенеслось на май. Будьте здоровы и благополучны. Мы оба с Т. И. поздравляем Вас с праздником и желаем Мира и Всего Светлого.

Ваш *И. Ефремов*

32 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
28 апреля 1971 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Размышлял над Вашим предложением по поводу «Т[айной] Д[октрины]». Пришли мысли, что писать нужно нечто сжатое, краткое, необычайно продуманное, — суть только, но форма изложения должна быть чёткой, современной по языку, понятной людям эпохи конца Кали-Юги. Это должным быть Упанишады, в первую очередь рассчитанные на тех, кто соприкоснулся в любой форме с Учением, без малейшего искажения смысла Его. Задание Вы дали очень интересное, а главное — очень нужное, ибо сам текст «Т[айной] Д[октрины]» доступен не всем, а по объёму мало приемлем современным вечно спешащим людям.

Да будет так…

Ваш *Портнягин*

Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 33

29 апреля 1971 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Большое Вам спасибо за редкие и интересные книги, которые Вы мне прислали. «Туманность Андромеды» издания 1959 г. и «Белый рог» издания 1945 г. представляют для меня ценность. Может быть, их уже трудно достать даже у Вас в Советском Союзе в букинистических магазинах.

Я с большим интересом читал Ваше интервью в сборнике «Фантастика 1970». Мне особенно понравилось Ваше представление о моральном облике будущего общества.

А капитальное исследование А. Бритикова о советском научно-фантастическом романе, которое Вы любезно мне прислали, несомненно, поможет мне в моей работе о советской фантастике. Только жаль, что мы, иностранцы, не имеем возможности достать и почитать многие из книг, упомянутых в книге А. Бритикова.

В письме Вы писали, что Вы узнали от профессора Суэканэ из Киото, что Ваша «Дорога ветров» и «Сердце Змеи» вышли в Японии. Да, это правда. Повесть «Сердце Змеи» была переведена на японский язык переводчиком Фукуро несколько лет тому назад, а «Дорога ветров» была переведена моим товарищем Симидзу, живущим в Киото, в сокращённом виде. Может быть, Вы их ещё не получили?

Когда мы переводим советские книги, мы имеем дело с В/О «Международная книга», представляющим авторское право советских писателей за границей, через «Комитет содействия переводам и изданию советских книг в Японии» и присылаем японские издания советских книг «Международной книге» с просьбой переслать их самим авторам. Поэтому, если Вы не получили Ваши книги на японском языке, это «Международная книга» не прислала их Вам. Но если Вы хотите иметь их, я могу найти их в книжных магазинах и прислать Вам.

Желаю Вам доброго здоровья и успехов в Вашей работе.

С искренним уважением,
Н. Иида

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 34

Кузнецк
5 мая 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Предупреждения из Шамбалы того характера, о котором Вы пишите, быть не может (я понимаю, что это шутка), так как болезнь Ваша теперешняя (как впрочем, и предыдущие) — естественное сопровождение Вашего духовного роста.

Вспомните, как Рерих в одной из книг, подчеркивает, что даже Архаты, отправляющиеся в наш трижды безумный мир, — болеют, потому что, отдавая себя человечеству, они вместе с энергетической (психической) отдачей отдают и часть своей ауры, образуются раны, непроизвольно истощающие энергию.

Написать «Час Быка» и не заболеть? Чтобы его написать, Вы опускались в самую глубину инферно… Вот и результат… А постоянные посещения и письма, требующие Вашей ауры??? Разве не так? Вы — Вестник Шамбалы — кроме одобрения «оттуда» Вы ничего не услышите, а люди? Люди есть люди! Наряду с хорошими, много есть и дряни: эгоистической, бессовестной (откуда ей быть?), тупой и равнодушной ко всему Светлому. Упоминание о Свете для многих в диковинку!

Невежество — естественное состояние, любимое и привычное. Зачем думать, когда весь жизненный путь ограничен рождением и смертью? Какая там может быть Беспредельность, когда сегодня нужно схватить то, что удовлетворяет личное благополучие?

Не подумайте, что я пессимист в обычном смысле этого слова, но восточная философия пессимистична в принципе. Я всегда верю в Человечество, но сейчас такой период, живут те люди, присутствие и деятельность которых вызывает болезни Идущих. Такова жизнь…

Я согласен закрыть вопрос в отношении поэтессы, ну, а как в отношении Института Востоковедения. В рекомендуемом мне журнале «Индия» № 2 наряду со статьей об Ауробиндовиле имеется материал о конференции индологов, и там даётся портрет Е. П. Челышева — доктора филологических наук, заведующего отделом литератур народов Востока. Может быть, просто к нему обратиться в отношении книги Ауробиндо???

Кроме этой книги, что нам нужно? Пожалуй, ничего особенного. Успенский у нас есть, Рерих — тоже, «Т[айная] Д[октрина]» будет. Вы пишете о хорошей книге по Раджа Иоге, обязательно переведу, если пришлёте. Работы хватит, если учесть, что мы с Вами затеяли писать Упанишады?!

Кстати об Ауробиндовиле… Оказывается, уже три года речь идёт о нём, а мы и не знали. Вот это информация…

Первая мысль, когда прочёл статью, была, что затея похожа на известное строительство библейской Вавилонской башни. Уж очень противоречивы собравшиеся его строить. Не знаете, как страны социализма, принимают участие? В статье ничего не сказано.

Поправляйтесь быстрыми темпами. Удалось Вам побывать в санатории, или Вы заболели в канун поездки?

Будьте уверены, что над Вами и Т. И. всегда щит охраняющий Белой Иерархии — Сынов и Дочерей Разума…

Всё будет хорошо, к стражам Порога Вам ещё рано.

Вы нужны людям. Ведь читают «Час Быка» те, кто дорос, и благодарят Вас. Вся беда в малых тиражах и системе торговли книгами (хорошими) из-под полы. Что связано между собой.

Группу врачей, с которыми занимаюсь в Университете, ознакомил с «Лезвием бритвы» (многие её не читали), ни один не остался равнодушным, очень понравилась именно психологическая сторона книги.

У нас и «Час Быка» — редкость. Ваш подарок давать читать жалею (м. б., это эгоистично?), но пока это так. Нужны новые издания этих книг. Хотя не плохо бы вообще (и пора) издать полное собрание сочинений проф[ессора] Ефремова И. А. Как Вы думаете???

Жду радостной вести о Вашем выздоровлении. Моё уважение к Т. И.,

сердечно Ваш
Портнягин

И. А. ЕФРЕМОВ — Я. И. ЦУКЕРНИКУ 35

Москва
10 мая 1971 г.

Уважаемый Яков Иосифович!

Статья Ваша, несмотря на заглавие, очень слабо освещает «закрома истории», если можно назвать их так — в соотношении с прогнозированием будущего.

Кроме того, статья:

по нашим стандартам — неумеренно восхвалительна,

не загораживает существенных ошибок последних вещей Стругацких, а потому необъективна.

Следовательно, опубликование её в настоящий момент принесёт Стругацким больше вреда, чем пользы.

С искренним уважением,
И. Ефремов

П. ДОДСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 36

Нью-Хейвен, Коннектикут
14 мая 1971 г.

Div. of Vert. Paleo.
Dept. of Geology
Yale Univ.
New Haven, CT

Dear Dr. Efremov:

I am presently a Ph. D. candidate in vertebrate palaeontology at Yale, but before coming here I did a master's degree in western Canada, where I worked in the rich Oldman dinosaur beds of Alberta (the results of this project should appear this summer in "Palaegeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology"). During the course of this work, I encountered the concept of taphonomy, and was much influenced by your 1940 Pan-American Geologist paper, and your 1950 masterpiece, "Taphonomy and the Stratigraphic Record", the French translation of which I was able to obtain. Gradzinski's 1970 paper appeared after my work was completed; his approach was very similar to mine.

I am anxious to continue work in taphonomy. I feel there is an awakening interest in North America in this subject (e.g. Voorhies 1969). I believe it would favor this awakening enormously to have your major (1950) work available in English, and it is for this reason that I am writing to you. I regret that I do not know Russian. However, I would be capable of, and am very anxious to do, a translation from the French version. Obviously a translation of a translation would not be satisfactory of itself. However, if you could possibly manage to find the time to examine my translation, modify it where necessary, and give it your approval, it would then be highly satisfactory. I am therefore humbly and respectfully asking you if you would be willing to supervise me in this undertaking.

I would be deeply honored if you would consider this request.

Sincerely,
Peter Dodson

Кафедра палеонтологии позвоночных
Геологический факультет
Йельский университет

Уважаемый доктор Ефремов!

В настоящий момент я аспирант, работающий над написанием докторской диссертации по палеонтологии позвоночных в Йельском университете, но до приезда сюда я выполнял магистерскую работу на западе Канады, участвуя в раскопках богатых костеносных отложений динозавров Олдман в провинции Альберта (результаты данного проекта должны появиться этим летом в журнале «Палеографи, палеоклиматолоджи, палеоэколоджи»). В процессе работы я наткнулся на концепцию тафономии, на меня сильно повлияла Ваша статья 1940 года в «Панамерикен джиолоджист» и Ваш шедевр — «Тафономия и геологическая летопись» 1950-го года. Статья Градзински[1] 1970 года вышла после завершения моей работы, но его подход весьма близок моему.

Мне бы очень хотелось продолжить работу с тафономией. В Северной Америке ощутим растущий интерес к данному предмету (см. Вурхайз, 1969). Полагаю, этот интерес возрос бы многократно, если бы Ваш главный труд (1950-го года) стал доступен на английском языке, поэтому я Вам и пишу. К сожалению, русским я не владею. Но я бы мог выполнить перевод с французского, чего бы мне очень хотелось. Несомненно, перевод с перевода сам по себе не способен быть удовлетворительным. Однако если бы у Вас могло найтись время прочесть мой перевод, изменив его по необходимости, и одобрить, то задача была бы решена. Поэтому я с величайшим уважением прошу Вашего разрешения на консультирование меня в данном предприятии.

Буду весьма польщён, если Вы рассмотрите мою просьбу.

Искренне Ваш
Питер Додсон

Перевела Лариса Михайлова

37 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
15 мая 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Я помаленьку «оклемался» и продвинул дела. Третьего дня Вам послана посылка «на сумму 40 р.». В ней в завинчивающейся коробке три мотка плёнки — охватывают полностью первый том «Т[айной] Д[октрины]», а третья — половину второго. К сожалению, молодой человек не выполнил плана — весна, что ли! и не доснял второго тома, а также не перепечатал негатив на позитив, который пошёл бы Вам в вечное пользование. Всё это не столь

[1] Вероятно, ссылка на статью Gradzinski. R. 1970. Sedimentation of dinosaur-bearing Upper Cretaceous deposits of the Nemegt Basin. Gobi Desert. Results Polish-Mongol. Palaeont. Exped. II. — Palaeont, Pol. 21. 147—229. Warszawa, по материалам польско-монгольской экспедиции в Гоби на местонахождение, открытое в Нэмэгэту советско-монгольскими экспедициями Ефремова.

большая беда, потому что эту плёнку Вы можете держать сколь угодно долго, а потом или доснимем, или достанем для прочтения саму книгу. Кстати, конечная часть книги — наука и теософия — очень слабая, разочаровывает даже современного невежду и не нужна.

Кроме того, в отдельном конверте — книга о иоге и ещё приключенческий роман (переиздание 1924 г.), в котором оказалось удивительно много мудрых буддийских сентенций и притч. Я решил послать его Вам для прочтения — кажется, он сможет заинтересовать, да и поразвлечь Вас. Написан он нормальным понятным английским языком, не в пример современным полублатным писаниям. Пачка бумаги и телефонная книжка — для «весу».

Вчера послали ещё одну бандероль — наша знакомая опубликовала хорошую живую книжку об Индии. Это Вам в подарок.

А почему бы не попробовать написать Челышеву. Это может быть и настоящий учёный — тогда откликнется. Напишите. А ежели не получится, тогда я попробую, но меня он может опасаться больше, чем Вас, и быть менее правдивым в советах.

Насчёт собрания сочинений Вы попали в точку. «Молодая гвардия» собирается сделать такое подписное издание с 1972 г., если получит разрешение от Комитета по делам печати. Но может и не получить — завистников очень много, а собрание сочинений — это материально выгодная вещь, и вокруг такой возможности идёт та же паучья война, как и вокруг звания академика и т. д. Ви шелл си[1], как говорят англичане, иншалла — мусульмане, только буддисты чихали на всё и идут Срединным Путём.

Душевный привет и лучшие пожелания от нас обоих.

Да хранят Вас все боги!

Ваш *И. Ефремов*

Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кембридж, Массачусетс
17 мая 1971 г.

Dear Prof. Efremov:

In two days we take off for Australia, returning to Cambridge on July 10th.

I sent you a packet of books on April 5th and again on May 8th. Also on May 8th I sent 5 books, namely Xuan and the Girl from other side, your №7, also your numbers 18 and 19, 23 and 27.

I think of all your list, the ones I have now sent you are the only ones available. Many orders come back, marked “out of stock”, “order cancelled”. I hope the ones I have sent will be of some interest to you and will reach you in good shape.

I have a friend coming to Moscow for a Congress in August on Science History. In fact he is the president of the organization sponsoring the Congress. If you wish him to bring the book I mentioned to you in an earlier letter, please let me know.

[1] We shall see (англ.) — увидим.

We were very sad to hear of the death of prof. Obruchev in Dec. or was it January? But we are pleased that we saw him last September.

I have many things to do in preparation for our trip so will not write more. We both send best wishes and hope you and your wife are well.

Sincerely,
Ruth Romer

Дорогой профессор Ефремов!

Через 2 дня мы уезжаем в Австралию, вернёмся в Кембридж 10 июля. Я отправила Вам посылки с книгами 5 апреля и 8 мая. 8 мая в посылке было 5 книг — «Сюань и девушка с другой стороны», Ваш № 17, а также номера 18, 19, 23 и 27.

Я думаю, из всего Вашего списка те книги, что я послала Вам сейчас, только и доступны. Многие запросы вернулись назад с пометками «нет в наличии», «запрос аннулирован». Надеюсь, что те книги, которые отправила, представят для вас некоторый интерес и доберутся до Вас в лучшем виде.

Один мой друг едет в Москву на конгресс по истории науки в августе. На самом деле он президент организации, спонсирующей этот конгресс. Если Вы желаете, чтобы он привёз книгу, упомянутую мной в одном из прошлых писем, пожалуйста, дайте мне знать.

Мы были очень сильно опечалены кончиной профессора Обручева в декабре. Или это случилось в январе? Хорошо, что удалось повидаться с ним в сентябре прошлого года.

У меня очень много дел по сборам в наше путешествие, поэтому не могу больше писать. Мы оба шлём наилучшие пожелания и надеемся, что у Вас и Вашей супруги всё хорошо.

Искренне,
Рут Ромер

Перевела Марина Степанова

39 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
19 мая 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Для характеристики Гурского посылаю Вам его письмо ко мне — прочтите и верните, пожалуйста, — я ещё не встретился с ним после него из-за болезни. Он уехал на всё лето в деревню, а если осенью захотите с ним списаться, то его адрес: Москва И-238, Линия Октябрьской ж. д., д. 6, кв. 65, Олег Николаевич Гурский. Через неделю я пошлю Вам в посылке (для «наполнения» Т. И. добавила хорошего чаю и печенья) книгу «Современная жрица Изиды» Всеволода Соловьёва. Это крупный писатель-христианин, и его отношение к буддизму — враждебное. Однако все штучки с «махатмами» и прочие чудеса из Гималаев здесь подвергаются убедительному разносу. и это следует знать, принимая из «Т[айной] Д[октрины]» лишь то, что ЕПБ действительно почерпнула и собрала из мистической литературы.

Агни-иога — учение, как бы выросшее на унавоженной ЕПБ ниве, но куда более чистое и могучее. Однако и тут нам следует относиться с осторожностью к «Садам Мориа», «Листам Мориа» и т. п. Не приём ли это, повторяющийся и так и так для убеждения низшей колесницы? Но если так, то зачем?

Всего светлого и благополучия. Привет от Т. И.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 40

Москва
23 мая 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Я не написал «одобрения» Вашим планам, потому что Вы и так знаете, что они — правильны.

Начинайте, конечно, с Psychosomatic Yoga, читайте Tabbot Mundi и ещё Всеволода Соловьёва, который будет послан на днях. Вернёте одновременно все три.

Плёнку держите сколько угодно — 2—3—4 года и более. Конец книги будет доснят осенью (2 том со стр. 372—670).

Плёнка и съёмка стоит 0.

С пожеланием здоровья и всего светлого от нас обоих.

Ваш И. Ефремов

П. С. Послали ещё одну книгу Гусевой — также насовсем.

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 41

Москва
25 мая 1971 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вот и приступил я к последней главе «Таис», которая называется «Афродита Амбологера», т. е. Афродита «Отвращающая Старость». Всего получается около 14 листов — как раз размер «Ойкумены» (без «Баурджеда»). Что можно сказать об этой повести? Опять не лезет в ворота того или иного стиля и жанра. Я взял героиней гетеру. Почему? Во-первых, потому, что гетеры высшего класса: Аспазия, Лаис, Фрина и т. п. — были образованнейшими женщинами своего времени, подругами (*гетера* и значит — «подруга», «компаньонка») выдающихся людей и преимущественно художников, поэтов и полководцев (они же — государственные деятели). Мне нужно было взглянуть на деяния Александра глазами образованного, но незаинтересованного в политике, завоеваниях, торговле человека, свободного от принадлежности к той или иной школе философов — философа, свободного от воспевания подвигов поэта, историка, не углубленного в своё творчество, как художник, и потому имеющего открытые глаза. Лучше гетеры не найти.

Но этот поворот повлёк за собой исследование некоторых малоизвестных религиозных течений, остатков матриархата, тайных женских культов, представления о художнике и поэте в эллинской культуре, столкновения Эллады с огромным миром Азии — словом, та сторона духовного развития, которое удивительнейшим образом опускается историками, затмеваясь описанием битв, завоеваний, материальных приобретений и количества убитых, которую приходится собирать по крохам, дополняя, конечно, фантазией.

И всё же по сюжету и динамике — это повесть — приключенческого характера в той же мере, в какой приключенческая «Лезвие бритвы». Однако и в сюжетной линии она опирается на малоизвестные широким кругам читателей исторические факты. Поэтому и столь много раз использованные в литературе походы Александра Великого здесь предстают в несколько ином свете, освещены на основании других, не столь изжёванных эпизодов. И, конечно, как всегда и неизбежно, диалектическая основа анализа исторического развития позволяет также придать несколько другой аспект государственности Александра, связи Азии и Европы и истинном месте империи в тогдашней мире. Это я перечислил структурно-идеологические связи, а что касается художественной «расцветки» — Вы о ней имеете представление.

Цель повести: — показать, как впервые в европейском мире родилось представление о гомонойе — равенстве всех людей в разуме, в духовной жизни, несмотря на различие народов, племён, обычаев и религий. Это произошло, потому что походы Александра распахнули ворота в Азию, до той поры доступную лишь торговцам и пленным рабам, ворота обмена культур. В этом-то, собственно, главный стержень этого этапа развития истории человечества (с нашей, европейской + индийской точки зрения).

Немного о другом — литературоведческом. Интересно, как изменяется литературное «окружение» моих произведений. Сначала «рассказы о необыкновенном» были в самом деле необыкновенны для советской литературы. Никто (абсолютно!) не писал так и на подобные темы. Затем, с прогрессом науки и распространением популяризации, рассказы потеряли свою необыкновенность, а сейчас необычайные открытия и наблюдения выкапываются отовсюду и печатаются прямо-таки пачками в альманахах типа «Эврика», «Вокруг Света». Когда писалась и издавалась «На краю Ойкумены», тогда в советской литературе не было ни единой повести из древней истории (её, кажется, почти и не учили в школе), «Ойкумена» даже валялась пять лет из-за непривычной манеры изложения исторических повестей, не содержавшего великих героев, победителей и т. п. То же самое с «Туманностью». Непонимание коммунистического общества, порождённое сегодняшними (вчерашними) представлениями о классовой борьбе и классовой структуре, было перенесено, вопреки классикам марксизма, на будущее. А сейчас повести о полётах на звёзды, об иных цивилизациях и будущем коммунизме уже стали обычными. Вспомним, что когда-то меня обвиняли из-за «Тени минувшего», что как я посмел предположить где-то в иных мирах существование коммунистического общества на 70 миллионов лет раньше, чем у нас на Земле! Как посмел! Это было на заседании в СП[1] в 1945 году... выступал Кирилл Андреев. В том же году Л. Кассиль

[1] Союз писателей СССР.

сказал, что мои рассказы хороши, но производят впечатление переводов с английского — настолько они непривычны. В том же году или на год позже П. П. Бажов сказал, что Ефремов — это «белое золото» — так называли когда-то на Урале платину, не понимая её ценности, и заряжали ружья вместо дроби, экономя более дорогой свинец!

«Лезвие бритвы» и по сие время считается высоколобыми критиками моей творческой неудачей. А я ценю этот роман выше всех своих (или люблю его больше). Публика уже его оценила — 30—40 руб[лей] на чёрном рынке, как Библия. Всё дело в том, что в приключенческую рамку пришлось оправить апокриф — вещи, о которых не принято было у нас говорить, а при Сталине просто — 10 лет в Сибирь: — о иоге, о духовном могуществе человека, о самовоспитании — всё это также впервые явилось в нашей литературе, в результате чего появились легенды, что я — якобы посвященный иог, проведший сколько-то лет в Тибете и Индии, мудрец, вскрывающий тайны.

До сих пор издательства относятся к «Лезвию» с непобедимой осторожностью, и эта книга пока ещё не стала пройденным этапом, как все остальные, хотя о иоге печатаются статьи, снимаются фильмы, а психология прочно входит в бытие общества, пусть не теми темпами, как это было бы надо.

Очевидно, что литература должна получать оценку не только с точки зрения установленных канонов, но и по каким-то иным критериям — руководитесь же Вы с Евгением Павловичем этими иными критериями! Вот Вы о них и напишите. Точно так же в «Часе Быка» люди ещё не разобрались. Доброжелатели нашего строя увидели в нём попытку разобраться в препонах и проблемах на пути к коммунизму, скрытые ненавистники — лишь пасквиль. А я уверен, что после «Часа Быка» появятся многочисленные произведения, спокойно, доброжелательно и мудро разбирающие бесчисленные препоны и задачи психологической переработки современных людей в истинных коммунистов, для которых ответственность за ближнего и дальнего и забота о нём — задача жизни, и всё остальное, АБСОЛЮТНО ВСЁ — второстепенно, низшего порядка. Это и есть тот опорный столб духовного воспитания, без которого не будет коммунизма!

Но чтобы «Час Быка» стал столь же обычным, как «Туманность», надо, чтобы прошло ещё лет 15 поступательного движения нашей литературы.

Из обозримого «старения» моих книг, точнее, перевода их из разряда необыкновенности в обыкновенность, следует очень важный вывод — насколько быстро изменяется «бэкграунд» (заднеплановый фон) жизни и как тщательно должен его чувствовать писатель, если он пытается ощущать грядущее. Это в общем несущественно для исторического романиста, хотя и тут взгляд в прошлое должен находить отзвук в настоящем, иначе историческую вещь будет скучно читать, как то и случилось с романами Мордовцева, Лажечникова, Загоскина. Иными словами, исследуя историю, надо искать в ней то, что интересует нас сегодня, и находя его, ликовать перед силой человеческого разума и чувств. Тупое перечисление событий, костюмов и обычаев, хотя и имеет известный интерес, мало для жадной души пытливого человека.

Вот как будто бы я и написал, что пришло в голову по поводу моих вещей. Напишите, как это Вам поможет или нет.

Ещё одна просьба: ежели будете в «Ленгосиздате», напомните им, что гонорары авторам всё же следует пересылать, как бы малы они ни были — не надо приучаться к хамству по отношению авторов (это о предисловии к Ларионовой[1]). Обнимаю Вас. Душевный привет Евгению Павловичу и Вам обоим от Тасеньки.

Ваш *И. А. Ефремов*

42 М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

25 мая 1971 г.

P. O. Box 15033,
Nairobi

Dear Professor Efremov,

There is so much news to tell you I hardly know where to begin.

First of all, may I thank you for the beautiful pictures and the book you sent me, which are very much appreciated, especially as they came at a time when a sad event was taking place.

My beloved husband, Armand, had three bad falls and was ill in bed for six days. He was partly unconscious during this time and then he died. Your parcel arrived here the day before he died, and your kindness in giving us so much pleasure was very touching and a great comfort to me.

Both Armand and I have a firm conviction in an after life, and we had a pact that we would communicate with one another whoever went first, if it was at all possible. Armand has, I believe, communicated with me, which is a great joy and comfort. To tell the truth, after the first shock of his passing, I had a tremendous feeling of his being with me the whole time. We have also had two signs of communication and I had what I think a sign from him. He died at twenty minutes to four on the 15th of April. About two weeks ago I went upstairs and discovered all the clocks had stopped at twenty minutes to four!

That is just the kind of sign I would have expected from my clever husband, as we often had this type of phenomena happening in our house. For instance, we had a table turned upside down in the night with all its legs pointing upwards, which is indeed a very remarkable sort of thing to happen, as in normal circumstances we could not tip it over as much as we tried in experiments to do so.

Also we have had experiments with friends in our séances — the tape recorder turned off twice at a switch, and to do this one would have to pull out a multiple plug to push it up. The switch was not pulled out but the current to the tape recorder has been turned off. This was in front of several witnesses, and everyone had seen the tape recorder working at the beginning of the evening.

Sometimes we also found different objects transported without our having moved them, and masses of other things besides. One of the most peculiar being people always reporting that they have seen me in two different places at the same

[1] И. А. Ефремов. Предисловие к книге: Ольга Ларионова. Остров мужества. — Л.: Лениздат, 1971. С. 5—7.

time. The last sighting was in South Africa by two people who wondered what on earth I was doing without Armand. My patients often report that they have seen me in their house when I have been at home. I don't speak, I just stand there. A young African called Richard has also seen me in Nairobi in a certain street, in which I had not set foot that day.

Armand often used to see me upstairs when I was really downstairs! There are so many strange things we don't understand, but I am sure it is some kind of natural law which will one day be commonplace.

Armand during those six days, said to me "What is the Russian man doing here?" I asked whom he meant and he replied "You know his name" and I, of course, thought of you. Do you also appear in two places at once?

People ask me what I am going to do now, and I am just continuing as I have always done in our home with the feeling that Armand is with me and I am very happy, which may seem strange but it is because I know that my dear husband is also existing.

Both Armand and I are agnostics, and I flatly refused to have a funeral for him, which to both of us would have been extremely shocking and barbaric. I had him cremated and his ashes are at home. I held a Memorial Assembly for him at our City Hall in Nairobi. This was as Armand would have wished, because we have always detested bleating parsons and the hideous rituals of funerals.

The Memorial Assembly was a terrific success, and I am sure it was exactly what Armand would have wished. The American and Belgian Ambassadors spoke in glowing terms about Armand, and our much respected Attorney General — Mr. Charles Njonjo — also spoke. I also showed an excerpt from one of Armand's films, and had his favorite music by Cesar Franck and Debussy played at the beginning and the end of the Assembly.

I am endeavouring to negotiate for a place of land opposite our house, which can be planted with trees as a memorial to Armand (a statue was suggested, but I think it is much more important to try and help this country by preventing erosion).

The Ministry of Agriculture has given its blessing to this scheme, and I thought it would be a wonderful thing that when I die our land and the land across the river could be turned into a park for people of Langata to enjoy.

Many tourists come to our house, and it would be an admirable thing for people to be able to see unspoilt Africa so near to Nairobi, in the future.

To return to your book and the pictures, they are sheer magic. I will have hours and years of pleasure from them. What beautiful reproductions they are and what technical perfection which gives one the feeling that one is looking at originals. "The Tale of Tsar Saltan" is fascinating and the illustrations show to perfection the highly developed decorative talent inherent to the Russian Artist's work. Every time I look at it I get even more from it, and observe something different each time. It is so tremendously kind of you to take the trouble to send me these wonderful things and I am very, very grateful.

I have been sending healing thoughts to you, from time to time, and wonder whether there has been a change for the better in your health?

My very best wishes to you and your wife.

Sincerely yours,
Michaela Denis

П. Я. 15033,
Найроби

Дорогой профессор Ефремов!

Столько всего произошло, что и не знаю, с чего начать.

Во-первых, позвольте поблагодарить за прекрасные картины и присланную книгу, которые весьма дороги мне, особенно в дни печальных событий.

Мой возлюбленный муж, Арман, трижды очень сильно упал и шесть дней не мог подняться с кровати. Почти не приходя в сознание, он умер. Посылка от Вас пришла за день до его смерти, и Ваша забота, желание порадовать очень тронули меня.

Мы с Арманом твёрдо верим в жизнь после смерти и договорились, что тот, кто уйдёт первым, будет стараться дать о себе знать, если это возможно. И я думаю, Арман сообщил мне о себе, к моей великой радости и утешению. Правду сказать, пережив первое потрясение после его ухода, я стала ощущать, что он рядом. Знаком от него, как я считаю, было вот что: Арман умер без двадцати четыре 15 апреля, а примерно две недели назад я поднялась наверх и обнаружила, что все часы остановились на отметке без двадцати четыре!

Именно такого знака я бы и ожидала от моего умницы-мужа, и другие подобного типа явления происходили в нашем доме. К примеру, ночью стол вдруг оказался перевёрнутым всеми четырьмя ножками кверху, что весьма необычно, потому что потом, как ни старались, мы не могли опрокинуть стол, чтобы он упал таким же образом.

Мы также экспериментировали с друзьями во время сеансов: магнитофон дважды сам выключался, хотя для этого надо было отрубить ток на щитке. Кнопка оставалась нажатой, но ток отключался. Это происходило на глазах нескольких свидетелей, все видели, что вначале магнитофон работал.

Иногда мы также наблюдаем перемещение различных предметов, к которым мы не прикасались, и массу прочих вещей. Среди наиболее примечательных — постоянные сообщения, что люди видели меня в самых различных местах. К примеру, двое знакомых увидели меня в Южной Африке и удивились, что я там делаю без Армана. Пациенты нередко говорят, что видели меня у себя дома, в то время как я не покидала своего. Я с ними не разговаривала, просто молча стояла. Молодой африканец по имени Ричард видел меня в Найроби на одной улице, куда я в тот день не ходила.

Арман часто видел меня у себя наверху, когда на самом деле я оставалась внизу! Существует так много непонятного, но, по моему убеждению, так происходит в силу вполне естественного закона, пока нами не познанного, в котором потом не будут находить ничего необычного.

В один из тех шести дней, пока я сидела возле него, Арман вдруг сказал: «А что тут делает этот русский?» Я спросила, кого он имеет в виду, а он спросил: «Ты знаешь, как его зовут?» И я, конечно, подумала о Вас. Вы также появляетесь в нескольких местах одновременно?

Теперь люди спрашивают, чем я собираюсь заняться, но я буду продолжать жить по-прежнему, ощущая, что Арман со мной, что делает меня счастливой. Со стороны это может показаться странным, но я знаю, что мой муж продолжает существовать.

Мы с Арманом агностики. Поэтому я категорически отказалась от похорон, ибо для нас это было бы варварским обрядом. После кремации я взяла его

прах домой. В городской ратуше Найроби я созвала мемориальное собрание. Именно этого бы хотел Арман, нам всегда были отвратительны блеющие священники и ритуалы похорон.

Мемориальное собрание прошло очень успешно. Думаю, Арман остался бы доволен. Американский и бельгийский послы очень тепло говорили об Армане, прямо восхваляли, и уважаемый главный прокурор мистер Чарльз Нджонджо также выступал. Я показала отрывок из фильма Армана, а в начале и в конце собрания играла музыка его любимых композиторов Сезара Франка и Дебюсси.

Теперь я пытаюсь договориться о превращении участка напротив нашего дома в парк, чтобы увековечить память Армана (предлагали установить статую, но я считаю, что гораздо важнее помочь этой стране бороться с эрозией).

Министерство сельского хозяйства поддержало этот план, и, думаю, будет просто замечательно, что после моей смерти нашу землю и землю за рекой сделают парком, где будут отдыхать люди Лангаты.

Теперь множество туристов посещают наш дом, и в будущем сохранить неиспорченный участок Африки так близко от Найроби окажется замечательно.

Возвращаясь к Вашей книге и альбому, должна сказать, что они просто чудесны. Я многие часы и даже годы смогу ими ещё наслаждаться. Замечательные репродукции, так хорошо выполненные, что кажется — смотришь на оригинал. «Сказка о царе Салтане» очень занимательна, а иллюстрации поражают совершенством декоративного таланта русского художника. Каждый раз я вижу всё новые детали. Очень трогательно с Вашей стороны было отыскать для меня такие книги, и я очень благодарна.

Время от времени я посылала Вам целительные мысли, нет ли перемен к лучшему в здоровье?

Наилучшие пожелания Вам и Вашей жене.

Искренне Ваша
Микаэла Денис

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[1]

43

Москва
29 мая 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Послезавтра пошлют Вам посылку с обещанной книгой Всев[олода] Соловьёва. Я собираюсь на дачу до сентября. Поэтому Вы мне не посылайте ничего, кроме писем, примерно до середины сентября — получать будет ценные посылки некому, а письма будут мне привозить. Ежели соберётесь в Москву — напишите, я сообщу адрес дачи — ещё толком не знаю. Наилучшие пожелания и привет от Т. И. и меня. Да хранят Вас все боги.

Ваш *И. Ефремов*

[1] Открытка с изображением одного из павильонов ЭКСПО-70.

44 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
30 мая 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Большое, большое спасибо за всё...

Начал читать так называемый «авантюрный» роман и увлёкся отдельными мыслями так, что перевёл полностью главу 29 и частично 30 и сентенции Ламы.

По своему содержанию 29 глава соответствует многим моим мыслям в прошлом и настоящем. Так что и здесь через Вас пришла книга, с которой я обязан был познакомиться. Может быть, перевод пригодится ещё кому-нибудь в часы раздумий...

Сейчас приступаю к Психологической Иоге. Насколько близок к Пути О. Н. Гурский? Почему он не понял полностью «Час Быка»? Где он там увидел «слепой Сверхмеханизм»? Откуда сия мысль? Мне кажется, что Вы признаёте реальность существования Учителей, Сыновей и Дочерей Разума?! В целом же письмо заслуженно уважительное.

Но ведь об этом Вы не могли же написать в «Ч. Б.»! В «Лезвии бритвы» имеется прямой намёк. (Беседа в загородной вилле). Для меня, например, сомнений в ИХ существовании никогда не было. Всю жизнь в той или иной форме я ощущал ИХ руководство. Пусть косвенное, разве это имеет значение?

Разве нам с Вами нужен личный контакт обязательно? Для такого контакта Вы-то готовы, а мне ещё далеко...

Рерих говорит, что Ашрамы могут быть в Гималаях, Алтае, Северном Кавказе. Всё возможно. Об этом знают те, кому следует. Остальным не нужно, так как это простое любопытство.

Правильно говорит Лама — важно быть в полной готовности всегда, или, пользуясь Вашим термином — в алертном состоянии...

Чудесно трактуется понятие времени. Только сейчас до меня «дошло», почему так нужно терпение. Что выбрать «точкой отсчета», правильно выбранная, она даёт понимание всех процессов Вселенной.

А рассказ Ламы о выборе Пути!!! Можно всю жизнь прожить и не понять своего долга. Вот в чём важность наличия Учителя. Вижу себя в стремлении перевести и сообщить всем о Мудрости, а может, эта Мудрость большинству вовсе и не нужна??? Таково их состояние. Ведь даже в обычной науке иногда избыток знаний приводит к ужасам Хиросимы!.. Мудр совет — первая обязанность ученика — послушание. Ибо много ли мы знаем из Сокровенной Мудрости? Так, песчинки, а главное — у нас часто бывает неправильный подход к овладению Мудростью, что служит часто прямым препятствием для этого процесса Познавания.

Будьте благополучны и счастливы той работой, что Вы так самоотверженно выполняете.

Сердечный привет Т. И.

Ваш *Портнягин*

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

45

Лос-Анджелес
1 июня 1971 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

I was delighted to receive your recent letter but most distressed to hear that you had been ill. I have been blessed with so much good health that I can hardly appreciate the effort that you must make to keep going under so much adversity. You have a very lively spirit.

I am glad that my book arrived and that at least you like part of it. Of course, I did write it basically as Paleozoology in contrast to a more geological approach. I have a feeling, however, when you read it you will find a lot that is geological in it. My aim, however, was to ask basically biological questions and present bases and examples of answers. You will find in many parts that geology is an integral part of the whole, but that the direction was not the solution of geological problems but of biological problems. It seemed to me and seems to me still that this was the real need in this country at least at the present. We have many zoologists and paleontologists who are working in almost total ignorance of the implications of the fossil record. There are many books on the geological implications, but almost none, other than systematically arranged descriptive texts, that try to treat what I attempted. In any case, I think the book does what I intended. Yes, the last part is provocative. It was so intended!

I have been lately "fooling around" with a book on evolution. I am teaching a beginning course, to non-biology students, next fall on this subject and find nothing that very closely approaches what I would like to do. So I hope to put together a syllabus and eventually work it into a book. Again, I expect, it will be out of the orthodox line, for I fully intend to look at the matter of evolution from many points of view, to set in perspective the basis for the many conflicts in thinking that exist.

Also I have been entertaining a brainstorm which involves you and would like to know what you think of it. As you know, over the years my associations with you, with others in your country and with Russia itself have been extremely stimulating to me. What I said in my book about you was what I sincerely feel. I would somehow like to be able to transmit in a very personal way the feelings and inspirations that have come through these associations to a wider audience than the few I can talk to. So I have been thinking of a way to do it, I have thought of one, which I might try, but which I would not touch unless you agreed. It is as follows.

As you know, I have a rich file of letters that you have written to me. They are rich in your wisdom and your personality. I believe that it would be possible to use these, carefully edited, of course, to take out irrelevant and overly personal matters, to form the background of a small book on you, your colleagues, and Russia. I would think of the possible title of Letters from Eferemov or something of this sort.

Maybe that you would find this distasteful and would not want your letters, part of them that is, to appear in such public display. If this is true, then I would immediately abandon any idea of doing such a work. On the other hand if it does not seem completely out of the question, I would like to try it. I would, of course, send all manuscript to you for perusal and correction prior to doing anything with it.

Well maybe this is just a hair-brained idea. But it appeals to me.

Lila and I put in about a month in the field, looking for areas for future work. We did get a few fossils from some old sites and some scraps from new ones. I must say that the southern part of the San Angelo formation is very barren. It looks to me to have been put down under active currents, and perhaps at the general level where the shelf passes over into the basin. I hope not, for if so the chances of vertebrates are very poor. Next year I will take a party out and we will give it a very thorough hunting. I did get an interesting block of very small skulls from the Chickasha of Oklahoma, but as yet I have no idea what they may be.

I don't really feel ill at ease in earthquake territory, any more than I do where tornadoes strike, or hurricanes and floods, sweep away towns and villages. We are on the ocean side of the major fault, but soothsayers notwithstanding, I sincerely doubt that we are going to drop into the ocean. In my next letter I will send you some color prints taken around the vicinity of our home. It is really quite beautiful. My basic philosophy is such that I find trying to live a protected and sheltered life, away from all harm, is nonsense. I am much more likely to fall and break a leg while getting out of a chair than to get hurt some other and more exotic way. Our home is built with earthquakes in mind, wooden frame, stucco, plasterboard walls, and so on. It will give a lot and is not likely to fall down on us.

I have not absorbed all that you said in your letter and will take it home for more extended reading. I did, however, want to answer your letter right away and to say that I hope that your health is very much better. Please give my very best, and Lila's too, to Taya, and I will write again soon. Of course I love to hear from you, but don't strain yourself until you feel well.

As always, my deep regards, from your constant friend,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет, Лос-Анджелес
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Я был рад получить Ваше последнее письмо, но весть о болезни расстроила меня. Будучи награждён неприлично крепким здоровьем, я с трудом представляю, откуда Вы черпаете силы для борьбы с невзгодами. Вы по-настоящему крепки духом.

Замечательно, что Вы наконец получили мою книгу и что, по крайней мере, часть её Вам понравилась. Конечно, она написана в основном о палеозоологии, что даёт основу для сравнения с более геологическим подходом. Однако по ходу чтения, как мне представляется, Вы найдёте немало моментов из геологии. Моей целью являлось задать основные биологические вопросы, показать существующие основы и дать примеры ответов. Геология подаётся как неотъемлемая часть целого, что заметно во многих главах, однако основным было избрано решение не геологических задач, а биологических. Подобное исследование продолжает представляться мне своевременным для американской науки. У нас большое количество зоологов и палеонтологов, которые работают, не зная почти ничего о геологической летописи окаменелостей. Есть также много книг, анализирующих предмет с геологической точки зрения, но в

них нет почти ничего, кроме систематически организованных описательных текстов без попыток трактовать, которую предпринял я. Как бы то ни было, книга работает в нужном направлении. Да, последняя часть провокационная. Так и было задумано!

Последнее время я подумываю о книге на тему эволюции. Следующей осенью начну преподавать начальный курс студентам-небиологам, но подходящего пособия так и не нашёл. Поэтому буду разрабатывать подробную программу, чтобы в итоге она выросла в книгу. И надеюсь, что она будет далека от общепринятого взгляда, потому что я твёрдо намерен рассмотреть этот процесс с разных точек зрения, прояснить основы многих конфликтующих подходов.

Так же я предпринял «мозговой штурм» по вопросу, касающемуся Вас, и хочу узнать, что Вы об этом думаете. Как Вы знаете, знакомство с Вами, с другими Вашими соотечественниками и с самой Россией на протяжении многих лет оказывало на меня в высшей степени стимулирующее воздействие. Слова в моей книге о Вас — то, что я искренне чувствую. Хочется суметь через личные переживания передать чувства и воодушевление от установившегося общения большей аудитории, а не только тем немногим, кому это можно высказать лично. Размышляя над возможным подходом, я набрёл на одну идею, но пока Вы не дадите согласия, я не двинусь в этом направлении. Идея вот какая.

У меня большой архив Ваших писем ко мне раскрывающих Вашу личность со всем богатством Вашей мудрости. Я уверен, что будет возможным использовать их, конечно, осторожно отредактировав, не беря слишком личные вопросы, и тем самым сформировать небольшую книгу о Вас, Ваших коллегах и России. Название может быть «Письма Ефремова» или что-то в таком роде.

Допускаю, Вы сочтёте замысел неприятным и не захотите выставлять письма, точнее — часть их, на публичное обозрение. Если это так, то я немедленно откажусь от этой затеи. С другой стороны, если эта идея не кажется Вам такой отталкивающей, я бы попробовал. Конечно же, я пришлю Вам рукопись для прочтения и редактирования.

Что же, возможно, это опрометчивая идея. Но она меня не покидает.

Мы с Лайлой провели примерно месяц в поле в поисках мест для будущих раскопок. Привезли несколько окаменелостей со старых участков и кое-что с новых. Должен признаться, южные части формации Сан-Анджело крайне бесплодны. По-видимому, здесь проходило активное течение, как раз в том месте, где шельф переходит в бассейн. Я надеюсь, что нет, иначе шансы найти позвоночных очень малы. В следующем году я наберу отряд, и мы приступим к самой тщательной охоте. Я сумел обрести интересный блок с очень мелкими черепами из Чикаши в Оклахоме, но пока трудно судить, что это за звери.

Я не испытываю особой тревоги, поселившись в зоне землетрясений, не больше, чем из-за угрозы торнадо, урагана или наводнения, сметающих города и селения. Мы находимся на береговой части крупного разлома, однако, несмотря на предсказания, я всё-таки сомневаюсь, что нас поглотит океан. В следующем письме я вышлю несколько цветных фото окрестностей нашего дома. Тут действительно красивые места. Я считаю, что пытаться жить, оградившись от всего и вся, сущая чепуха. У меня гораздо больше шансов сломать ногу, споткнувшись о стул, чем получить травму неким более экзотическим способом. Наш дом построен с учётом возможного землетрясения: деревянные

рамы, штукатурка, гипсокартонные стены и тому подобное. Достаточно прочно и вряд ли упадёт на нас.

Я не всё уловил в Вашем письме, поэтому возьму его домой для более углубленного чтения. Однако я хочу ответить на Ваше письмо сразу же и выразить надежду на улучшение Вашего самочувствия. Передайте, пожалуйста, от меня и Лайлы наилучшие пожелания Тае, скоро снова Вам напишу. Конечно, я всегда рад весточке, но не утруждайте себя, пока не почувствуете себя лучше.

С глубоким уважением, Ваш верный друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевели Анна Селкина и Лариса Михайлова

46 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
7 июня 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Книга Соловьёва разгромная, материал документален и объективен, честность автора, его беспристрастность — неподкупны, если бы не некоторые НО…

«НО» — первое… трудно доверять человеку, сознательно шедшему на сближение со «знаменитостью», мечтавшему ежедневно получать «феномены», человеку, которому нужны «доказательства» правильности его пути…

«НО» — второе… чем объяснить откровенные письма ЕПБ, направляемые Соловьёву, если их действительным автором была ЕПБ??? Содержание писем разоблачительного характера.

«НО» — третье… может ли быть беспристрастным человек, с порога считающий пагубной принадлежность к любой религии кроме «истинно-православной церкви»? Представители ИПЦ[1] и сегодня ведут активную борьбу против Советской Власти!

«НО» — четвёртое… мог ли быть честным человек, считающий всех азиатов плутами??? («Эти чумазые физиономии индусов»… «эти ужасные индусские физиономии»…)! Расизм и честность понятие несовместимые, в особенности в моём азиатском сознании…

«НО» — пятое… в понимании Вс. Соловьева все члены Теософического общества имеют своей целью совращать невинных христиан в необуддизм с заменой креста … фаллосом (ужас!!!)

Кстати, А. М. Горький серьёзно интересовался буддизмом, я дважды осматривал с большим удовольствием содержимое «буддийской комнаты» в Ленинградском Музее Истории религии и атеизма (б[ывший] Казанский собор). Маркс и Ленин (по свидетельству Н. К. Рериха), считали установление эпохи Шамбалы прекрасным делом. Другие ветви христианства, по Соловьёву, тоже «пагубные ереси». Узколобие никогда не способствовало развитию мышления.

«НО» — шестое… Автор никак не смог разумно объяснить видение им дороги в Эльбефельд в канун его поездки туда, а также одновременное «яв-

[1] Вероятно, Истинно-православная церковь.

ление», «галлюцинацию» М. к нему и его приятельнице по поездке. Если это была галлюцинация, вызванная ЕПБ, то, значит, она владела большой оккультной силой.

«НО» — седьмое… «Теософическое общество — страшное и мрачное общество» — см. стр. 229… Разве можно в научном споре личную неприязнь к ЕПБ переносить на всё общество??? Отвлечёмся на минуту от ЕПБ…

Её преемница по обществу — Анни Безант была одновременно пред[седателем] Общества и председателем Индийского национального Конгресса (партии Дж. Неру, Радхакришнана, Вивекананды и др. крупнейших деятелей Индии) и вела активную национально-освободительную борьбу против Англии, хотя сама была англичанкой.

Кришнамурти был главой эзотерического ордена «Серебряной звезды» внутри Теософского общества и вышел из него не потому, что там были одни жулики, но по мотивам, ясно им сами сформулированным: «Я хочу сделать человека свободным, радостным, как птица в синем небе, раскованным, независимым, экстатичным в своей свободе»… Принадлежность же к любой организации он рассматривал как условность, связанность, ограниченность…

Другой основатель общества — Олькотт, по словам Соловьёва, характеризуется ЕПБ — «болваном», а К. Х. — «дураком». Странно… Во второй половине 20-х гг. я прочёл написанный Олькоттом «Буддийский катехизис» (кстати, впервые написан «бледнолицым» на английском языке) и перевёл его, т.к. он мне очень понравился, позже жалел, что не сохранился перевод. Также более чем странная аргументация — … «бегающий глаз Олькотта!..» Следует отметить, что Теософическое об-во никогда не было однородным по своему составу, в нём были люди искренние и примазавшиеся, искатели и пожинатели «славы и таинственности», в целом это было обычное человеческое общество со всеми его достоинствами и недостатками.

ЕПБ использовала финансирование со стороны богатых бездельников. Это тоже ей инкриминируется как зло. Ну, а разве Савва Морозов был коммунистом, однако М. Горький брал у него деньги на РСДРП (б)!

«НО» — седьмое… Соловьёв признаёт ум и талантливость ЕПБ. Да и отрывок на стр[анице] 182—183 это подтверждает. Так зачем ей был нужен показ феноменов? Может быть, по старой привычке медиума-спирита? Кому выгодно показать основательницу Теософского Общества в виде авантюристки?

Во-первых, миссионерам в Индии, так за спиной их стоял империализм Англии. Кроме того — конкуренция… отход христиан-индусов к старым религиям и даже переход европейцев-христиан в буддизм (это уж слишком шокинг!).

Во-вторых, ИПЦ, которая боялась потерять свою паству, а, следовательно, и доходы. Чтобы быть справедливым, Соловьёву следовало бы одновременно исследовать все «чудеса» Иоанна Кронштадтского, Гришки Распутина и деятельность попа Гапона, и многое другое … внутри ИПЦ.

Совсем омерзительно копание Соловьёва в вопросе — была ли ЕПБ девственницей, какое ему-то дело???

Книгу было читать очень тяжело, так много в ней грязи, злобы и предательства. Известно, что карма предателей одна из самых тяжких.

Вы мне говорили, что Ю. Н. Рерих редактировал терминологию перевода «ТД» ЕПБ, значит, он считал эту книгу заслуживающей уважения? Как же её смогла написать авантюрист и жулик???

Рерихи не ЕПБ. Весомость их вне сомнения. Такое у меня сложилось мнение после прочтения «Агни Иоги». Но и против ЕИР также написано много гадостей. Каково Ваше мнение обо всём об этом?

Сейчас работаю над «Йогой», перевод даётся, значит, он нужен. Думаю к июлю закончить его.

Буду рад Вашему адресу, конечно, в Москве буду. Мне хочется туда поехать по Волге, не знаю, смогу ли достать билеты и на какое число. Во второй половине августа буду у сына на строительстве Саянской ГЭС, так что в Москве буду или во второй половине июля, или самолётом из Абакана в последних числах августа.

Спасибо за угощение... У нас растворимого кофе вообще не продают, также как восхитительных овсяных печений, не думал, что из овса можно так приготовить...

Желаю отдохнуть и поправиться в вашем Ашраме. Мои лучшие мысли всегда с Т. И. и Вами.

Ваш сердечно, *Г. Портнягин*

47 И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

Москва
12 июня 1971 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Есть к Вам большая просьба — не сможете ли вспомнить фамилию, а м. б., и имя — отчество того зам[естителя] директора, с которым Вы разговаривали о фантастике в Дубне? И как его чин и звание? Тут есть одна необходимость обратиться с одной просьбой к дубненским учёным, и я вспомнил о Вашем рассказе, что он любит и знает Ефремова. Я бы мог написать ему письмо и тем помочь некоторым товарищам.

На будущей неделе, если всё благополучно, переберёмся на дачу, в Ново-Дарьино. Писать надо, конечно, на Москву — в пригородные места почта ходит исключительно безобразно и медленно, а тут раз в неделю будут привозить. Куда-то девался Потёмкин — не сумел пока с ним связаться, видимо, он или отставлен, или в командировке.

Если в Ленинграде увидите книгу ленинградского издания «Гидрометеоиздата» — Кондратов. Тайна трёх океанов, то хватайте и для себя, и для меня, хоть один, хоть пять экземпляров. Стоит всего 57 коп[еек], а интересна чрезвычайно, хоть и завирательна.

Большой привет Вам от нас с Тасенькой, всем Вашим. Обнимаю Вас. Сердечный привет Евгению Павловичу. Спросите у него, знает ли он роман об Атлантиде, который был переведен в 20-х годах — как некие французы попадают в середину Саргассова моря, где есть острова и на них уцелевшие атланты. Одни дикие, а другие — цивилизованные, и тут всякие приключения. Если знает, то не сообщите ли автора и заглавие?

Ваш
И. А. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 48

Москва
13 июня 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Очень доволен, что послал Вам книгу Соловьёва. Вы разобрали её именно так, как надо — диалектически.

Даже диву даёшься, как такой писатель и христианин мог настолько ослепить себя злобой к иной вере, которая и мне, кстати, нравится больше христианства, ибо ближе к подлинному коммунизму.

Однако книга эта полезна. Прежде всего она доказывает, что истинной посланницей махатм ЕПБ не была, ибо могла унизиться до фокусов, хотя бы и с самой благородной целью. Цель не оправдывает средства, поэтому деньги она могла получать от кого угодно, но тешить их «чудесами» не должна была. Конечно, злобы и клеветы на неё вылито не только Соловьёвым много, но защищалась она недостойно, ибо, как Рерихи говорили — зачем в нашем войске колеблющиеся и неверующие?

Равным образом, «Т[айная] Д[октрина]» не есть очищенное, синтезированное и продуманное сердцем учение Агни-иоги. Там нагромождено немало пустяков или просто ошибок (есть такие и в А[гни-]И[оге]) и никаким «откровением» оно не является. Это замечательное собрание данных по древнему эзотеризму, очень широкое, интересное и важное, но надо «чистить».

Мой адрес на даче: ст. Перхушково Белорусской ж. д., откуда автобусом четыре остановки до пос. Ново-Дарьино, построенного академиками. Дача № 32, Сапожниковой. Вот и всё. Писать же надо на Москву, ибо пригородная почта куда хуже, чем при татарах.

Душевный привет от Т. И. и меня. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *И. Ефремов*

P. S. А вот Анни Безант — очень интересная и благородная личность. Хотя тоже судили в Лондоне (до теософии) за пропаганду противозачаточных мер женщинам!

И. Е.

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 49

Москва
18 июня 1971 г.

Dear Professor Olson:

About your project with "Efremov's Letters". It seems to me an extremely interesting and good tribute to our V. P. [i. e., Russian ver-tebrate paleontology] if you can write a book about it because, as with the geological basis of evolution, you are the only man who can afford such a task. But, of course, not under any such title. Efremov as a person hasn't fame enough for his "wisdom" either as a very great V. P. If you can use my letters as characteristic for this or that achievement of our VP or in comparison with opinions of our western colleagues — this has good meaning. But not for the main stem of the whole book! Efremov will note that before his researches the field for instance, U. S. S. R. had five or six localities of lower Tetrapods and after 1950 they numbered

over 200, then you will be able to cite one or two letters. If you say that Efremov was first to make a stratigraphical column on Tetrapods, then another look at my letters is possible, and so on. Like that, the letters can be distributed in the general picture of our stratigraphic localities and the peculiar position of our facies — between two great Tetrapod Fauna, Laurasia and Gondwana, and a third province including China! Such a book may have a common interest among all zoological and geological people; if you will be able to encrust it with some personal characterization it can be even more interesting. But "Efremov's Letters" is "not sounded" as our young people say.

As ever, your friend,
Professor *Efremov*
(Old Efraim)

Дорогой профессор Олсон!

Касательно Вашего проекта «Письма Ефремова»[1]. Книга могла бы стать замечательной данью уважения нашим VP[2], и только Вам, с Вашим пониманием геологической основы эволюции, это было бы по плечу. Но, конечно же, не под таким названием. У Ефремова как личности и как отдельно взятого палеонтолога

---

[1]Э. К. Олсон хотел написать популярную книгу для американских читателей, основой для которой стали бы письма ему И. А. Ефремова. Книга под названием «Другая сторона медали» с подзаголовком «Размышления палеонтолога о научном мастерстве и прозорливости» была опубликована в США в 1990 г. (Everett C. Olson. The Other Side of the Medal: A Paleobiologist Reflects on the Art and Serendipity of Science. — The McDonald & Woodward Publishing Company, Blacksburg, Virginia, 1990).

В начале книги автор рассказывает о формировании своих научных интересов в области палеонтологии пермских позвоночных, об обучении в Чикагском университете и выборе своего пути в науке. Далее вся первая половина книги повествует о двух с лишним десятилетиях — начиная с 1936 года — полевых работ в Техасе, с ярким описанием мест и встреченных людей.

К середине пятидесятых годов у Олсона естественно развился интерес к работам советских палеонтологов по пермской фауне, среди которых он особо выделял работы профессора Ефремова. В результате автор обращает «Взгляд на Восток» — так называется поворотная глава книги, начиная с которой на передний план постепенно выходит фигура И. А. Ефремова, его личность и идеи. «Учёный, философ, писатель и русский до глубины души, профессор Иван Антонович Ефремов представлялся мне уникальным явлением в обществе, где, как мне казалось, такой свободный творческий дух просто не мог существовать», — говорит американский палеонтолог.

Автор рассказывает, что их с Ефремовым переписка, начавшаяся в 1956 году, первое время касалась сугубо профессиональных тем, и только после первой встречи в Москве в 1959 году стала постепенно включать и более широкие, мировоззренческие вопросы. Переписке Олсона с Ефремовым, их встречам, обсуждавшимся темам и сопутствующим размышлениям автора посвящена практически вся вторая половина книги. Автор знакомит читателя с эпизодами биографии Ефремова, его философскими взглядами, размышлениями о близком и далёком будущем. «Когда-нибудь в отдалённом будущем идеальное состояние человечества, без катастрофических взлётов и падений... будет достигнуто благодаря диалектическим процессам, которые составляют структуру реальности, — пишет Олсон. — Такова была его глубочайшая надежда, таково послание, которое проходит через многие главные, поздние литературные работы Ефремова». — *Примечание А. И. Константинова.*

[2] Т. е. русской палеонтологии позвоночных — *Примечание Э. К. Олсона.*

недостаёт для этого «мудрости» и известности. Вы можете привлекать мои письма для характеристики достижений наших палеонтологов в сравнении с мнением западных коллег, что было бы резонно. Но не в качестве основы всей книги! К примеру, Ефремов отмечает, что до его экспедиций на территории СССР насчитывалось только четыре или пять местонахождений тетрапод, а в 1950 году — около двухсот, после чего можно было бы процитировать одно-два письма. Или же сообщить, что Ефремовым впервые была составлена стратиграфическая колонка тетрапод, подтвердить ещё одной ссылкой на письмо, и т. д. Тогда письма можно встроить в описание наших стратиграфических местонахождений и особое расположение фаций — между двумя великими фаунами тетрапод Лавразии и Гондваны, а также третьей области, куда входит Китай! Вот такая книга могла бы стать интересна всем зоологам и геологам, а если Вы сможете добавить туда некоторые личные впечатления — тем более. Но «Письма Ефремова» — не звучит, как говорит молодёжь.

Как всегда, Ваш друг
профессор *Ефремов*
(Старый Эфраим)

Перевела Лариса Михайлова

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
29 июня 1971 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

Your recent letter arrived in very good time. I am answering at once for I have something of a brainstorm I want to ask you about. I hope that your projected move to a country house does not mean that mail will be seriously delayed. Is this going to be a permanent move? It sounds as if it were.

As to my brainstorm. It relates to the little book I have in mind. I am afraid that I misled you about its nature. I feel that in addition to making contributions to science, even as you have felt, that I need to express myself otherwise. One thing that I have been able to do in a very minor way is to bring some understanding to the people of this country about your country and your people. The depth of ignorance is appalling, much more than it is possible to know without feeling it. My effects have been very limited, mainly to persons I know, to a few groups to which I have lectured, and to some of the paleontologists. What I have in mind is a book which will bring some of the charm, the thinking, the sense of some small part of your culture to a wider audience.

Now a travel book would be one in a thousand, of almost every flavor. We have everyday articles on what someone saw in Russia. We have a "tourist's" overview up to our ears. But this is unreal and superficial. It misses totally the real flavor, the sensitivity, the charm and the everyday of life that I have found in my associations with you and others in Russia. I want to put this down, for myself if for no one else. But I have a feeling that a sensitive and personal book would reach a very wide audience, for our people are searching for sensitivity, charm, meaning, and so forth today. I think I can do a book that will catch what I feel.

But the feel is so much in the empathy that we have found, in agreement and in disagreement. The empathy is with that "big, bear-of-a man" Professor Efremov. Through him, you if you will, I feel I have entered into a world which is the essence of reality, which has meaning, and which I want to pass on to others. Now a great deal of this is centered in your letters to me, which I have of course retained in a special file. So, you see, I think that I can key a very important matter by these letters. They have so very much to say, with such charm, sincereness, humor and insight. They would form a frame upon which I could drape all the rest that I feel.

That is one-half of my brainstorm. The other is, that if this is not completely offensive to you, and I would hope that it would not be, that Lila and I might take a short trip to Russia late this summer and I could talk with you about many things to add some depth to my sense of your philosophy, its background, sources and so forth. You see, I feel you have something my world needs. We need to broaden and to have a deeper sense of values than now exists. I would like to help out in this.

What I have planned on doing is to cable you to see if you would be available in early September. Now with your going to a summer place, or out of town place, I am not so sure. I don't know that a cable would reach you, although I expect you will have a forwarding address for mail. If we are to make such a trip, we have to plan for it very soon. Well, I will figure this out.

Now to the other parts of your letter. Peter Dodson has been in touch with me. He isn't one of my students. I have encouraged him and told him that I would do all I could to aid him. I will be glad as time permits to go over his translation of the French translation. I am writing to him and we will see what can be done. I agree that the area of taphonomy needs much greater airing here.

I am interested in your diatribe about paleoecology. I am not sure that we are in serious basic disagreement about this. If your thoughts are that it is not possible to reconstruct an ancient ecology in the same way that we can a modern, I agree heartily. It would be quite futile. If you mean that we cannot know anything, or very little, about some of the aspects of life of past organisms, something of their associations, and use these to get better insights into their evolution, I must seriously disagree. After all this, using in particular geological techniques, is what I have spent most of my time doing. Furthermore, I have devoted a great deal of attention to the implications of various methods, the meaning of samples, and so forth. I feel that a great deal that has meaning comes out of this.

I still will be interested in what you think of my book when you have read it. I am a bit mystified by your great distinction between geological interpretations and paleozoological. Do you mean that one should blind himself to zoology when thinking about fossils? I can't believe it. What you seem to be saying is that paleozoologists totally ignore the geological record. Maybe yours do, I certainly don't, nor do my students. We try to use all available data, trying to evaluate it properly.

Why my book is paleozoology, and maybe the title "raised your hair", is that the questions which it asks are about animals, not about rocks. This doesn't mean geological evidence does not enter in, it means that what I directed my attention to was questions about animals of the past and how adequate all of the data we could amass was to provide answers. If this is being traitorous to paleontology, then I am guilty.

The zoologists (neozoologists) in this country have very little and often distorted ideas about paleontology. I hope some will read the book and get better edu-

cated. A great many of our vertebrate paleontologists, especially mammalogists, are stratigraphers, and they often mess things up because they know very little biology. I hope some of them may profit. The biogeographers often do not appreciate the nature of evidence. I hope they will profit. These are persons I wrote to in the book, plus vertebrate paleontologists. I cannot really understand your reaction to it unless you find the title misleading.

Anyhow, I would love to talk this over with you after you have a chance to see what I was doing, what questions were asked and what answers were given.

I do hope that something can be worked out for this late summer, let me know as soon as you can whether it would be possible to see you were we to come to the USSR for a few days. My very best to you and to Taya, from Lila and me.

As always, your close friend
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Ваше письмо пришло как раз вовремя. Сразу же отвечаю на него ввиду в некотором роде озарения, низошедшего на меня, и по поводу которого я хотел бы с Вами посоветоваться. Надеюсь, что Ваш запланированный переезд за город не повлечёт за собой длительных задержек с поступлением почты. Надолго ли Вы собираетесь переезжать туда? Судя по Вашему письму — надолго.

К моему озарению. Оно касается той небольшой книги, которую я задумал написать. Боюсь, что ввёл Вас в заблуждение по поводу её сути. Я думаю, что помимо научных штудий, я должен показалось всё-таки выразить себя также и в несколько другом качестве (и Вам тоже так показалось). Я пока успел внести лишь кое-какой вклад в понимание нашими согражданами культуры вашей страны и ваших людей. Глубина невежества ужасает много больше, чем это возможно вообразить, не прочувствовав её лично. Я смог повлиять только на крайне узкий круг людей, в основном тех, с кем я знаком лично, несколько групп своих студентов и некоторых палеонтологов. А теперь хочу написать книгу, которая сможет донести хотя бы часть обаяния, образ мышления, смысла вашей культуры до более широкой аудитории.

Теперь всяческих заметок путешественника — пруд пруди. Каждый день печатаются статьи о том, кто что в России видел. Мы увязли по уши во впечатлениях «туристов». Однако они поверхностны и не передают ощущения жизни, её аромата, отзывчивости людей, очарования и каждодневных деталей, которыми пронизаны мои воспоминая о Вас и Ваших согражданах. Пусть хотя бы для себя, но я хочу всё это перенести на бумагу. Однако представляется, что пропущенная через личное, прочувствованное, без предубеждения написанная книга найдёт весьма широкий отклик, потому что люди в нашей стране сегодня жаждут такого непосредственного восприятия, проникновености. Считаю, что могу написать книгу, которая вместит в себя всё то, что я чувствую.

Причём чувство это пришло благодаря эмпатии, которую мы с Вами испытываем друг к другу, вне зависимости от того, спорим ли мы или согласны. Эмпатией к этому большому «человеку-медведю» профессору Ефремову. Благодаря ему, Вам, если позволите, я, как мне кажется, проник в мир,

являющийся квинтэссенцией действительности, наполненный смыслом. Мир, который я хочу разделить с окружающими. А ключ лежит в Ваших письмах ко мне, которые я, конечно же, храню в особой папке. Поэтому Вы понимаете, как важны они для настроя, чтобы не упустить суть. В них так много сказано, сказано с особым очарованием, искренностью, юмором и проницательностью. Они послужат каркасом для обшивки моими прочими чувствами и мыслями.

Это была первая половина моего озарения. Вторая половина — вопрос, который, смею надеяться, Вас не рассердит: можем ли мы с Лайлой нанести Вам визит, когда мы ненадолго приедем в Россию в конце этого лета, чтобы продолжить наши беседы и углубить понимание Вашей философии, её основу, истоки и т. п.? Видите ли, у Вас есть то, чего не хватает нашему миру. Необходимо расширять и углублять понимание современных ценностей. Мне бы хотелось этому помочь.

Я планировал телеграфировать Вам с вопросом, возможна ли такая встреча в начале сентября. Теперь же, когда я узнал, что Вы перебираетесь на лето куда-то за город, — я уже не столь уверен в этом плане. Не знаю, дойдёт ли до Вас телеграмма, но надеюсь, тем не менее, что Вы уведомите почту насчёт адреса для пересылки. Нам для такой поездки нужно будет утрясать все детали уже очень скоро. Ну, с этим я разберусь.

Теперь к остальным частям Вашего письма. Питер Додсон связывался со мной. Он не является моим студентом. Я его поддержал и уверил, что сделаю всё возможное, чтобы ему помочь. С удовольствием, когда выдастся время, посмотрю внимательно его перевод с французского. Сейчас пишу ему, и мы подумаем, что можно будет сделать. Я согласен, что тафономия требует тут гораздо большего освещения.

Меня заинтересовала Ваша диатриба по поводу палеоэкологии. Я вовсе не уверен, что мы с Вами находимся полностью по разные стороны баррикад. Если Вы полагаете, что воссоздать древнюю экологию таким же образом, что и современную, невозможно, то я с вами всецело согласен. Это было бы совершенно бесполезно. Если же Вы имеете в виду, что мы абсолютно ничего не можем знать (или же знаем самую малость) о некоторых аспектах жизни организмов прошлого, об их взаимодействии и не можем использовать наши знания для лучшего понимания их эволюции, то я вынужден буду категорически с Вами не согласиться. Собственно, я большую часть времени именно этим и занимаюсь, применяя такие данные в ряде геологических методик. Кроме того, я немало размышляю над тем, что подразумевается при применении различных методик, над значением образцов и т. п. Я думаю, что большая часть значимых выводов проистекает именно из такого подхода.

Мне было бы интересно узнать, что Вы скажете о моей книге теперь, после прочтения. Я немного сбит с толку Вашим тотальным разграничением геологических и палеозоологических трактовок. Вы считаете, что учёный должен закрыть глаза на зоологию, размышляя об ископаемых? Не верю в это. Мне кажется, что Вы имеете в виду то, что палеозоологии зачастую полностью игнорируют геологическую летопись. Возможно, в вашей стране это и так, но ни я, ни мои студенты так не поступаем. Мы стараемся по возможности использовать всю доступную нам информацию и разносторонне её оценивать.

Моя книга о именно о палеозоологии (возможно, это её название так насторожило?) оттого, что она о животных, а не о камнях. Это не значит, что

геологические данные туда не включены, просто в основном я уделял внимание вопросам, связанным с древними животными и тому, насколько достаточными являются имеющиеся данные, чтобы получить ответы на вопросы. Если это можно считать предательством палеонтологии, то я виноват, не спорю.

У наших зоологов (неозоологов) достаточно смутное и зачастую искаженное представление о палеонтологии. Надеюсь, что некоторые из них прочитают мою книгу и обогатят свои знания. Большинство палеонтологов позвоночных, в особенности териологи, являются стратиграфистами и часто ошибаются ввиду того, что практически не разбираются в биологии. Я верю, что им может пригодиться эта книга. Биогеографы обычно недооценивают природу данных. Надеюсь, и они найдут в ней много полезного для себя. Именно для этих людей, наряду с нашими коллегами — палеонтологами позвоночных, я и написал свою книгу. Я не могу до конца понять Ваше к ней отношение, единственно если только название ввело Вас в заблуждение.

В любом случае, я был бы рад обсудить это после того, как у Вас появится возможность ознакомиться с проделанной мною работой, с тем, какие вопросы были подняты и какие ответы получены.

Очень надеюсь, что с поездкой всё-таки получится в конце этого лета. Дайте мне знать, по возможности сразу, сможем ли мы повидаться с Вами, когда приедем с Лайлой в СССР на несколько дней.

Всего самого наилучшего вам и Тае от меня и Лайлы.

Как всегда, Ваш близкий друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевели Александр Фирсов и Лариса Михайлова

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

51

Ашрам «Видийя»
3 июля 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Как Вам отдыхается на новом месте?! Погода как будто благоприятна!?

Перечитывая Агни Йогу, я нашёл место, касающееся Вас, читайте: — «Потому дающие миру творчество мысли дают человечеству жизнь...» Как прекрасно быть «Дающим Жизнь»!

На Западе и в США идеология материалистическая, но на самой низшей ступени — механического материализма. У нас — материалистическая, но уже на ступени диалектики. А выше — цивилизация, признающая, что «Мысль двигает человечество»... Это и будет новая раса.

«Мысль — тончайшая энергия», в этом общее с мнением В. И. Ленина, который говорил о нематериальности мира[1] (конечно, в гносеологическом плане). И, как всякая энергия, она сохраняется. Весь вопрос в том, в какой форме: чётко обрисованной, конкретной или в виде «галочьего крика». Галочьи «мысли» создают нагромождения, которые трудно расчистить даже Носителям Света.

[1] Очевидно, опечатка, должно быть «мысли».

Теперь о «Т[айной] Д[октрине]». Съёмка сделана плохо, прямо нужно сказать. Фон очень тёмный, это раз. Даже через специальный фильмоскоп получается проэкция трудно читаемая. Два фокуса можно получить: на 2 м и на 3,5 м. В первом случае проэкция очень малая, пока читаешь, проходит 5—6 минут, в результате деформирует плёнка. На 3,5 м — нет достаточной чёткости букв…

Кроме того, фото делались не по порядку страниц, а так: 2, 1, 4, 3 и т. д., так что приходится читать не по порядку, а взад-вперёд… Прочёл пролог и остановился, решил сначала написать Вам. Ведь если плёнка покоробится, то потом с неё нельзя будет даже фотографировать (печатать)? Что же делать??? Жду высоких указаний: ЦУ и РУ!!!

Вчера бродил по холмам в окрестностях Кузнецка. Добродил до того, что ночью появились страшные боли в голеностопных суставах. Так всегда бывает, когда не знаешь меры. Но, по существу, прошёл км 15, не больше. Это же пустяк!..

Что искал? Землянику, грибы. Земляники наелся, а грибов нашёл только два. Набрёл на пчельник, где немедленно получил хороший укус. Правда, они на меня не действуют, т. е. никогда не бывает опухоли, так что пчела старалась зря.

Т. И., у нас расцвели розы. Мысленно (а это всё равно, что на практике) приношу Вам в дар самую красивую!.. Примите, пожалуйста!

Будьте здоровы, отдыхайте получше!

Сердечно Ваш *Портнягин*

52 А. А. КОКОШИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Вашингтон
12 июля 1971 г.

Уважаемый Иван Антонович!

Не сразу осмелился я написать Вам, хотя и давно думал об этом.

Сначала несколько слов о себе: я аспирант Института США АН СССР, мне 25 лет, член КПСС с 1969 года. Сейчас я нахожусь на стажировке в Вашингтоне при нашем Посольстве. По образованию я радиоинженер, окончил в 1969 году факультет Приборостроения МВТУ им. Н. Э. Баумана. Примерно с 3-го курса серьёзно увлёкся социальными проблемами, в основном международными отношениями. В конце концов решил изменить свою специальность. Основное содержание моей диссертации, над которой я здесь работаю, — прогнозирование международных отношений и внешней политики в США.

Не преувеличивая, хочу сказать, что в выборе этой темы значительную роль сыграла моя любовь к научной фантастике, особенно к тому её направлению, которое называют социальной фантастикой. И здесь для меня, как и для большинства моих сверстников вообще, явились Ваши замечательные работы и (самая незабываемая) одна из них — «Туманность Андромеды». Когда я был мальчишкой, она служила мне самой долгосрочной Программой Партии. И остальные впечатления не стёрлись, а лишь развились. Позднее я прочитал все Ваши опубликованные работы и ещё больше заинтересовался Вашими идеями, мыслями, Вами как человеком, учёным, писателем.

Последним толчком, побудившим меня решиться написать это письмо, было то, что, во-первых, я обнаружил в журнале «Футурист» (Издается Обществом Будущего Мира США) описание Вашей «модели будущего» (из «Туманности Андромеды») в статье по анализу советского социального прогнозирования. Во-вторых, на 1-й международной конференции этого общества я познакомился и установил контакт с Артуром Кларком, который, по моему представлению, с Вами и Станиславом Лемом входит в 1-ю мировую тройку писателей-фантастов.

Кларк очень тепло отозвался о Вас, но и сильно огорчил меня, сказав, что в последнем письме от Вас узнал, что Вам нездоровится. Я бы очень хотел услышать от Вас, что это уже в прошлом.

С Кларком, видимо, удастся встретиться мне ещё раз в Вашингтоне в октябре, а потом он и сам собирается в Москву.

В ближайшее время, видимо, также удастся через нашего советника по культурным связям познакомиться с группой американских фантастов, выступающих за создание международной организации писателей-фантастов.

Моё пребывание в США ещё сильнее убедило меня в том, как нам нужна хорошая социальная фантастика, как она может влиять в положительную и отрицательную сторону на мировоззрение, настроения и даже поступки людей.

Поэтому я не оставляю надежды, мечты когда-нибудь взяться за работу над научной фантастикой. Но до этого надо ещё очень много узнать, научиться как следует видеть и понимать прошлое и настоящее. Именно такой путь прошли Вы, и он мне представляется самым достойным для подражания.

С огромной надеждой и нетерпением буду ждать Вашего ответа, Вашего «добро» на установления контакта с Вами.

Заранее благодарный,
с глубочайшим уважением
Ваш *Андрей Кокошин*

P. S. К сожалению, удалось раздобыть лишь этот, а не домашний Ваш адрес. Но надеюсь, моё письмо будет всё же в Ваших руках.

P. P. S. Мой обратный адрес: МИД СССР, США, Посольство СССР, г. Вашингтон, Кокошину А. А.

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
12 июля 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Перечитал ещё раз книгу и — в результате дополнительные изречения Ламы. Книга стала понятнее, и нужно отметить — умнее, может быть, поумнел я??? Такое тоже иногда бывает…

Как Вам живётся в Вашем уединении? Не превратились ли в своей Пустыне в «столпника»?

У меня всё в норме — живу согласно Серединного Пути: в алертном состоянии, в усилиях по развитию самообладания и без запросов на будущее,

будучи уверенными, что всё, что надо и когда надо — придёт... Правильно ли я понял Серединный Путь. Впереди у нас много-много воплощений на этой прекрасной Земле. Так чего же волноваться???

Будьте благословенны! Того же и Т. И...

Благословенный дал нам Серединный Путь, пойдёмте, — он для нас.

Ваш сердечно *Портнягин*

54 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Ново-Дарьино
16 июля 1971 г.[1]

Дорогой Георгий Константинович!

Пишу очень спешно — есть оказия в Москву и скорая доставка письма. Ежели плёнка сделана не качественно, то её надо не хранить, а употребить на то, для чего она предназначалась в первую очередь — на чтение и выписки. Поэтому — жгите, но читайте. Что уцелеет — хорошо, а дрянь не следует оставлять в употреблении. Наоборот — изымать из него.

Я живу на даче, впервые после нескольких лет на чистом воздухе, и дописываю свой эллинский роман. Постараюсь прожить подольше здесь, хотя погода не радует — холодно и дожди. Всё же попытаюсь быть тут до середины сентября. Что до Ваших ног, то вспомните, что на храме в Дельфах были написаны 7 лучших изречений 7 лучших мудрецов. И выше всех написано: умеренность во всём! А для каждого возраста своя мера, увы, понемногу укорачивающаяся.

Привет и пожелания здоровья и всего светлого от Т. И. и меня. Она благодарит Вас за розы и говорит, что они нисколько не хуже срезанных и присланных в тесной и душной коробке.

Ваш *И. Ефремов*

55 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Ашрам «Видийя»
24 июля 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Ваша «скорая доставка письма» с оказией напоминает мне времена до Иоанна IV Грозного. Письмо из Ново-Дарьино, датированное 16-м, получено в Кузнецке только 22-го!!!

В отношении плёнки Ваши «РУ» приняты к руководству неукоснительному. Вы счастливейший из счастливейших людей, если имеете возможность жить в холоде и с дождями... У нас 34 в тени! Ясно, что это такое, если ещё частенько сопровождается сухими, горячими ветрами! Спасает в какой-то степени сад, не знаю, что было бы без него. Я уж решил медитировать на Гималаи...

Умеренность во всём — золотые слова, но тогда эта умеренность должна быть всеобъемлюще всесторонняя, т. е. наличествовать должен весь комплекс удовлетворения умеренных потребностей. Увы!!!

---

[1] В левом углу от руки приписка «Получ. 22/7».

Вот уж в отношении температуры воздуха наличествует чрезмерность. К сожалению, мои сиддхи не позволяют мне заставить быть похолоднее…

В понедельник утром уеду на 12 дней в Ахуны. Есть такое местечко в окрестностях града Пензы, где стоит Дом Отдыха им. С. М. Кирова. Там всё-таки река Сура и дом в сосновом бору. 22 августа (вернусь из Ахун 7-го) поеду к старшему сыну в Хакасию, на строительство Саяно-Шушенской ГЭС. Расчёт такой, чтобы оттуда на самолёте в Москву, т. е. быть в ней где-то примерно около 10 сентября, привезу всё «добро». Пишите на Кузнецк, т.к. в Саяны уеду не раньше 22 августа.

Почему эллинский роман, а где же «Чаша отравы»? Это претензия неуравновешенного читателя.

Порадую Вас, что книги «плывут» в Ашрам… Получил из Ашхабада книгу свами Вивекананды «Лекции о Раджа-Иоге» и «Комментарии к Сутрам Патанджали» и, конечно, сами Сутры. За 6 дней, с благословения Милостивого, со всех этих ценностей снял копии и, конечно, для Вас тоже. Всё привезу вместе. Может быть, таким же путём приплывёт и книга Шри Ауробиндо???

Объяснение такое… Сестра жены акад[емика] Смирнова Б. Л. спросила меня письмом, нет ли нужды в какой-либо литературе. Я сразу же о Вивекананде и Ауробиндо. Незадолго до своей смерти Светлой памяти Борис Леонидович прислал такой же запрос и… вскоре умер. После его смерти я получил подарок от него — «Бхагаватгиту», а через полгода запрос сестры его жены.

Недавно я вспомнил об этом запросе и послал письмо. Что же касается Института народов Азии, то оттуда молчание. Может быть, профессор в отъезде.

Не встречались ли Вам книги: «Раса, которая заменит нас» — и «Зануни» — Буливера Литтона и «Мандрагора» и «В ужасном» — Ганса Гейнца Эверса. Это какие-то оккультные романы, существуют на русском языке, но в библиотеках нашего масштаба, конечно, отсутствуют.

Читаю любопытную книжку Тейяра де Шардена — «Феномен человека», но в этой ужасной жаре трудно укладывается в мозги… Всё-таки куда-нибудь бы переехать в более умеренный, не такой резко континентальный климат!

Пусть там будет круглогодовая осень… виноград, абрикосы, яблоки, ягода…

Моё сердечное «пронам» лучшей из лучших Т. И. за её благородство и сердечность… Благословение Милостивого на Вас.

Ваш *Портнягин*

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

27 июля 1971 г.

8805 Annapolis Road,
Lanham, Maryland, 20801

Dear Professor Efremov:

I am still trying to locate the books you requested. Strangely enough, even the larger bookstores do not carry them. I will now write to the publishers. Please be patient.

Ivanov's books you sent me ("Русь изначальная"), are extremely interesting and have been read by many of my friends. Is it possible to get Ivanov's "Русь великая. Роман-хроника"? It is not available locally.

I am sorry to hear about your illness. But time, besides being destructive, also mends things. I hope you will recuperate soon.

Good luck on your last chapter of your Hellenistic novel. I am looking forward to reading it. I wish you success also on your taphonomy publication.

Enclosed are 3 Nimbus satellite photos that may interest you; two over the USSR and one over Scandinavia.

Regards to your family.

With best wishes,
Sincerely
George Rabchevsky

8805 Аннаполис роуд,
Ланхэм, Мэриленд, 20801

Дорогой профессор Ефремов!

Всё ещё пытаюсь найти запрошенные Вами книги. Как ни странно, даже крупные книжные магазины отчего-то их не имеют. Теперь я напишу издателям. Прошу Вашего терпения.

Книги Иванова, которые Вы мне прислали («Русь изначальная»), крайне интересны и уже прочитаны многими моими друзьями. Возможно ли достать книгу «Русь великая. Роман-хроника» Иванова? Здесь её нельзя раздобыть.

Весть о Вашей болезни опечалила. Но время не только разрушает, но и лечит. Надеюсь, Вы скоро поправитесь.

Удачи с завершением последней главы Вашего эллинистического романа. С нетерпением буду ожидать, когда можно будет его прочесть. Желаю также успеха с публикацией Вашей тафономии.

Прилагаю три спутниковых снимка «Нимбуса», которые могут Вас заинтересовать: два территории СССР и один — Скандинавии.

Привет Вашим близким.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш
Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

57 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
4 августа 1971 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

Your letter arrived today and I am answering it at once. Before this arrives, you probably will have received a cable on the exact time I will arrive. Our visas are not cleared yet but I have no doubt that they will be soon. I wrote to Peter the other day and sent him out itinerary. We will arrive in Moscow on Monday, August 30 and will leave Thursday morning, September 2. This is a short stay, but will serve for the purpose. I would like it to be longer, but this is sort of a vacation and business

trip. We will be in Leningrad for two days, before coming to Moscow, for I do want Lila to see some of that beautiful city, which we missed last year. Then we will go to Paris for a few days, London for a few days and back to Los Angeles.

I am delighted that you like the idea for the book that I have. I hope that I am a skillful enough writer to do a professional job at this level. I think that I can, and I want very much to try. I will have a fairly good plan of what I want to talk over. One thing I do not want to do is to tire you too much. I don't feel that we will need an interpreter, but if it would be easier, it would be fine with me. I think that we can communicate as needed, and if things get "stuck", we can write them out and solve the problem.

I see no reason why I cannot get a typewriter and bring it over, I will do so unless something very unforeseen occurs. It will be a real pleasure.

I think you are quite right about the matter of paleoecology. I believe that I have actually been bothered by the same sort of thing you are talking about. I find associations are a great importance in interpretation, but I have always felt that I must go from the physical to the biological, rather than the other way.

Speaking of this and the pitfalls, I turned up something very interesting in Oklahoma. In the highest beds we have in the Permian in this country, that is the highest ones with tetrapods, equal to middle-Flower pot, who should turn up but Diplocaulus. He has just "jumped" a long way up the section. But the odd thing is that he is really "out of place" in the fauna. I have thought that the lack of amphibians, such as Eryops, Trimerorhachis, Diplocaulus, which is so stiking in the San Angelo formation and in the Chickasha, was the result of deposition in delta noses very near to the evaporites. There is considerable evidence that the streams were quite salty and there are salt crystals ("ghosts") in many of the shales along with bones. All went well until Diplocaulus showed up. Now this is not just a scrap, but it was a complete skeleton with the tiny limbs and all. Parts of the column and one of the "horns" had been eroded away. It was in an extremely fine grained clay-shale, in which there are big «pebbles» of clay. This is a very locally derived bed, although there are coarser materials around. It, the specimen, may have washed in, but I can't think that it came from very far away. And the deposit is not more than 1 mile from the evaporites. As Robert Burns said — "The best laid plans of mice and men…".

Well, I am brushing up my Russian and am awaiting anxiously the time that we will be coming to Moscow, Lila is as pleased as I am that we can do it. We are both fine and looking forward to seeing you and Taya, as well as Peter and his family. We all send you our very best.

My very kindest regards,
as ever, your friend,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Сегодня получил Ваше письмо и незамедлительно на него отвечаю. Ещё до того, как до Вас дойдёт мой ответ, вероятно, придёт телеграмма с точным временем моего прибытия. Наши визы ещё пока не готовы, но, без сомнения, будут в ближайшее время. На днях я отправил Питеру письмо с нашим маршрутом. Мы приедем в Москву в понедельник 30 августа и покинем её 2 сентября утром.

Совсем ненадолго, но целевым образом. Хотелось бы подольше побыть, но за это время мы должны успеть и поработать, и отдохнуть. До Москвы мы два дня проведём в Ленинграде. Я всё же хочу, чтобы Лайла смогла увидеть этот чудесный город, который нам не удалось посетить в прошлом году. Затем мы отправимся на несколько дней в Париж, на пару дней в Лондон и — назад в Лос-Анджелес.

Я счастлив, что Вам понравилась моя идея для книги. Надеюсь, мне хватит опыта, чтобы профессионально выполнить работу такого класса. Думаю, у меня получится, и я горю желанием попробовать. С собой я захвачу подробный план для обсуждения с Вами. Единственное, чего я опасаюсь, — это утомить Вас слишком сильно. Вряд ли нам потребуется переводчик, но если Вы думаете, что так будет проще, я заранее с Вами соглашусь. Правда, мне всё же кажется, что мы вполне сможем общаться, а уж если запутаемся, то обратимся к письменной речи, дабы разрешить возникшую проблему.

Не вижу причин не взять с собой печатную машинку. Намереваюсь так и поступить, если не случится что-то крайне непредвиденное. С удовольствием привезу.

Полагаю, Вы совершенно правы насчёт значения палеоэкологии. Вероятно, меня даже тревожило примерно то же, что и Вас. Я нахожу ассоциации важной частью толкования, однако мне всегда казалось, что следует идти от физического к биологическому, а не наоборот.

Продолжая эту тему и тему «подводных камней», недавно в Оклахоме я натолкнулся на нечто чрезвычайно интересное. Кого только не ожидал я увидеть в самых верхних формациях перми нашей страны (то есть самых верхних с останками четвероногих, примерно середины Флауэр-пот), только не диплокаулуса. Он как будто «прыгнул» вверх по срезу. Особенно настораживает то, что он совершенно выбивается из фауны. Я всегда полагал, что дефицит земноводных (таких, как эриопс, тримерорахис, диплокаулус), столь разительно заметный в слоях Сан-Анджело и Чикаша, возник в результате их захоронения в устье дельты в непосредственной близости от эвапоритов. Имеются достаточно убедительные основания полагать, что реки были довольно солёными. Вместе с костями в глинистом сланце часто находят кристаллы соли («фантомы»). Всё шло неплохо, пока мы не наткнулись на диплокаулуса. Да к тому же не на какую-то там косточку, а на совершенно полный скелет с крошечными конечностями и т. д. Только фрагменты позвоночника и один из «рогов» эродированы. Мы нашли его в чрезвычайно мелкозернистом глиняном сланце, в котором попадались местами большие «булыжники» глины. Слой явно сформировался на месте, хотя окружён более грубодиперсным материалом. Возможно, наш экземпляр был перемещён потоками воды, но вряд ли издалека. И местонахождение находится не более чем в миле от эвапоритов. Как говаривал Роберт Бёрнс: «Вот уж не угадаешь…»

Итак, я вспоминаю русский язык и с нетерпением жду того момента, когда мы окажемся в Москве. Лайла тоже рада нашему будущему путешествию. У нас всё хорошо. Мы ждём встречи с Вами и Таей, с Питером и его семьёй. Желаем вам всего самого наилучшего!

С наидобрейшими пожеланиями,
Ваш друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевели Александр Фирсов и Лариса Михайлова

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 58

Ланхем, Мэриленд
27 августа 1971 г.

Dear Professor Efremov:

Many interesting things have happened since I last wrote you.

First, thank you very, very much for the excellent book on Egypt! It is now circulating amongst my friends. The enormous size and weight also add to its "prestige" and run up the postage price. Your expenses must have been enormous.

Second, believe it or not, but I am still waiting for the books you last requested. The large stores usually carry only the popular or the newest editions, and the small stores don't have much of a selection, so that most of the books on your list have to be ordered through the publisher. Please be patient.

Third, Mr. Peter Dodson, of Yale University, sent me a copy of your letter to him in regards to his studies on taphonomy. I will help Mr. Dodson in any way I can. Our joint efforts may see the publication of a paper on your taphonomy yet.

Fourth, enclosed are a series of articles on Lesevich's concept on "astrogeology" and Professor Nayak's objections to that term, in favor of "geoplanetology". I am unable to review Lesevich's original work on this subject, and therefore am relying only on Dr. Milton's article. I am not certain that Nayak or Milton looked at it either. Is it at all possible to get a copy of Lesevich's work, or any books on him, so that his concepts on "astrogeology" may be reviewed properly?

And, finally, I have never thanked you for the many beautiful stamps that appeared on a package you sent me a month ago. The wrapper and stamps are displayed in my office.

Hope all is well with you. With best regards to your family.

Sincerely yours,
George Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Со времени моего последнего письма произошло много всего интересного.

В первую очередь, просто огромное спасибо за чудесную книгу о Египте! Теперь она путешествует по моим друзьям. Её великие размеры и вес добавляют «авторитетности» и цену пересылке. Должно быть, Вы ужасно на это потратились.

Во-вторых, хотите верьте — хотите нет, но я пока так и не дождался ещё книг, которые Вы заказывали в прошлый раз. В больших магазинах продаются обычно только наиболее популярные или последние издания, в маленьких — недостаточный выбор, поэтому большинство книг из Вашего списка приходится заказывать у издателей. Прошу потерпеть ещё.

В-третьих, мистер Питер Додсон из Йельского университета прислал мне копию Вашего письма к нему относительно его подхода к тафономии. Я окажу мистеру Додсону посильную помощь. Совместными усилиями мы ещё добьёмся публикации статьи о Вашей тафономии.

В-четвёртых, я прилагаю копии серии статей[1] о концепции «астрогеологии» Лесевича и возражения профессора Наяка против такого термина в поль-

[1] George Rabchevsky. Geoplanetology: A New Term for Geology of the Planets Including the Moon: Discussion: Geological Society of America Bulletin, August 1971, v. 82, no. 8, p. 2379-2380.

зу «геопланетологии». Не имея работ самого Лесевича по данному вопросу, я могу судить о них только по статье доктора Мильтона[1]. Не уверен, держали ли эти работы в руках сами Наяк и Мильтон. Возможно ли вообще получить копию трудов Лесевича или какие-либо книги о нём, чтобы должным образом осветить его концепцию «астрогеологии»?

И, наконец, я пока не удосужился поблагодарить Вас за множество красивейших марок на пакете, который Вы прислали мне месяц назад. Упаковка и марки красуются на виду у меня в кабинете.

Надеюсь, у Вас всё хорошо. С наилучшими пожеланиями Вашим близким.

Искренне Ваш
Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

59 Л. и Э. К. ОЛСОН — ЕФРЕМОВЫМ

1 сентября 1971 г.

My dear Friends:

Many thanks for the wonderful visit we have enjoyed.

I do hope it has not been too strenuous, all of these conversations and discussions. A very great help and interest to us, and you have been so very patient with us.

I only hope sometime I can bring you something that will give you the same joy as much as the experience when we are here.

Many thanks for many favors.

We are very grateful to you both
Lila and Everett Olson

Мои дорогие друзья!

Огромное спасибо за чудесный прием.

Надеюсь, наш визит вас не слишком утомил столькими беседами и спорами. Нам было необыкновенно интересно, а ваша помощь и терпение неоценимы.

Остаётся только верить, что и мне удастся придумать в свою очередь для вас что-то столь же полезное и радостное.

Благодарим за всё,
Лайла и Эверетт Олсоны

Перевела Лариса Михайлова

[1] Milton, D. J., 1969, Astrogeology in the 19th century: Geotimes, v. 14, p. 22. Nayak, V. K., 1970, Geoplanetology: A new term for geology of the planets including the Moon: Geol. Soc. America Bull., v. 81, p. 1279-1280.

П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
12 сентября 1971 г.

Dear Prof. Efremov,

Your last letter to me is dated May, and again I must apologize for taking so long to reply. As usual, the reason has been a great pressure of work, which has left very little time or energy to spare — and then, as you will see, we have been traveling a little too. We were sorry to learn of your latest illness, and hope that you are now much better.

As soon as possible, I will see about getting the books you asked for. The package may or may not include my novel about ancient Crete; it should appear soon, but dates of publication are always subject to postponement. I look forward to seeing your "Hour of the Bull".

You asked about contacting science fiction writers in Western countries. By now, virtually every one of them can be reached c/o Science Fiction Writers of America, which will forward all letters unopened. (There is a directory, but it is supposed to be kept within the membership in order to protect the privacy of individuals.) The current address for SFWA is: 977 Kains Street, Albany, California 94706 — since this is the home of our present secretary.

Your suggested list of people to invite to a Soviet conference looks fine to me. I know all of them personally (Brunner, Clarke, Reynolds, Harrison, Zelazny, Pohl, Gunn were the names you mentioned) and can assure you that, while they are very different from each other, each is a gentleman and an interesting person.

Apropos such matters, we noted with pleasure that Prof. Keilis-Borok has been elected to the American Academy of Sciences. Please give him our best wishes. As to his question about the medievalists having established an "industry" well, let me only say that a number of people are making weapons, clothes, food, drink, handicrafts, etc. of the period, for their own pleasure and that of their friends.

I have not, myself, been to one of the tourneys since this spring, because of being busy and sometimes out of town. But I plan to be at the next one, in October, though not to fight after being so long out of practice.

In June I went first to New York, to see some editors, and then to Ohio, where my mother lives, for her 75th birthday. My brother, who also lives there (he teaches geology at Kent State University of unhappy fame; but the place is normally quite pleasant), gave a large feast in her honor. And he and I joined together to give her something she has always wanted — but I will tell you later what that is.

In early July came the "Westercon", the annual gathering of people in the West Coast region who are interested in science fiction. Actually, by now this has become a large affair, which this year attracted people like Robert Silverberg (from New York) and James Gunn (from Kansas). It was a happy and interesting occasion, except for two sad things in the news, the deaths of August Derleth and of your three gallant cosmonauts of the Salyut project. At the banquet, we all rose to our feet for a moment of silence in tribute to these men.

Shortly afterward, we suffered another blow in the death of John Campbell. You will recall that he was the editor of Analog (formerly Astounding) and the man who did more than anyone else to shape modern science fiction. Over the years I had also come to know him as a friend; beneath an exterior which consisted largely of

brilliant, provocative discourse, he was a gentle, kindly, deeply lovable man. We got the news in the evening, and at first I put Bach's B Minor Mass on the record player; but beautiful though that is, it didn't seem right somehow. So we got a bottle of Scotch whisky which has the name Teacher's, and played Highland bagpipe records, and talked about him and wept a little, and that was better.

The magazine will definitely continue, but at present no new editor has been chosen. To tell the truth, 1 could probably have had the position if 1 had tried; but first, I don't want to move to the East Coast; second, and more important, I honestly don't believe I would make a good editor, and Campbell's magazine deserves only the best available talent.

The rest of the summer went mostly in work. Among other things, 1 am engaged in a novel — not science fiction, but strictly a present-day situation — in collaboration with Avram Davidson. If you know his writings at all, it will impress you as a strange team. But in fact, we hope that his gift for characterization and dialogue, mine for plot and description, will blend together.

Another job may amuse you. Boys' Life — the official magazine of the Boy Scouts of America — asked me to do three short biographical articles: one on Leonardo da Vinci, one on Albert Einstein, and one on... Edgar Rice Burroughs. At the moment I am doing research for the last of these. Evidently "Tarzan" has been as popular in the USSR as in most of the world.

Well, the work was interrupted for one thing, the Apollo 15 telecasts from the moon. In our time zone, most of these came at unlikely hours. We have a color television set, so we simply told our friends they were welcome to come watch whenever they wished, and settled down and forgot about sleeping. It was truly fantastic. The quality of the pictures was unbelievably good; and the knowledge that this (aside from a very small transmission lag) was happening now, added the final touch. I do hope you got a chance to see some of it.

Toward the end of August, my mother arrived for a visit, and shortly after my brother and his wife and children. We spent a pleasant couple of weeks with them, showing them around this area, etc. Then Karen, Astrid, and I left the house to them while we departed. (Astrid is still with us, being 17 this year; next year she will begin college and probably move away on that account.)

Our first goal was another regional science fiction convention, the Southern one. This year it was in New Orleans, and they had very kindly asked me to be guest of honor. We had never been in that city before, so of course I accepted. It is — aside from the hot, damp climate — a charming town, which still keeps a great deal of the old French flavor. We managed to see at least the historic sites and eat in some fine restaurants. The gathering itself was comparatively small, but everyone was most kind to us, so we enjoyed ourselves greatly.

Then it was north, for a day and a half in New York where I had some business and the girls wanted to do some sightseeing. I must admit that, in spite of having many friends there, and in spite of the city's still having many excellent things, I have come to hate it physically. It is too crowded, too dirty, too noisy, too hectic, and even too dangerous. The air is all but unbreathable, thanks to pollution. Most people who live there seem to agree with me.

Boston, Massachusetts made a pleasant contrast. It is not yet "over the hill", and thanks to some intelligent planning it may never be. We spent a whole day walking through the older part of town, seeing the historic sites, (it is amusing that many

of these are in an area now populated largely by Italian-Americans, so that one may buy some delicious Italian marzipan in a small shop and eat it while walking to the Old North Church where, in 1775, the signal lanterns were hung to warn the colonists that the British were coming.) On the way back we took the subway — which is not charming — to a vast complex of skyscrapers, stores, offices, hotels, etc. in the outer part of town, where we were staying, in other words, having spent the day in the eighteenth century, we went via the nineteenth to the twenty-first!

Our reason for being in Boston was the world science fiction convention, it was huge — almost 2000 attenders, I believe — which made a different atmosphere from New Orleans; but we enjoyed ourselves and managed to see many friends. Clifford Simak was the guest of honor, a long overdue recognition of his fine work.

People present came from as far as Germany, Spain, France, and Japan, Britain too, of course, so it could truly be called a world convention.

The man from Spain, incidentally, is an American citizen who lives there because his job requires it. He is Armenian by descent, born in China, was long resident in Chile as well as the USA later, and speaks all these languages plus Russian — truly a citizen of the future, no? Nevertheless, he gave me a perfect replica of a 15th-century two-handed sword, about five feet (1.5 meter) long. I wondered if, when we boarded our airplane to go home, the crew would think I meant to hijack it!

We have now been home for some days and are settling back into ordinary working life. However, there will be one more interruption. My brother and his family have left for home, but my mother is still with us, and will be until next weekend. At that time, Karen and I plan to accompany her in enjoying that birthday present I mentioned earlier — a trip, on muleback, from the rim to the bottom of the Grand Canyon!

From there, she will proceed back to Ohio and we back to here. And then it will be another several months of work. I'm supposed to do one more science fiction novel this year, and only yesterday, just before going to sleep, did I get any real idea of what it might be about. (But this usually happens to me: a long period of uncertainty, a sudden flash of the basic idea, an intensive period of planning the details, and then the actual writing. How do you work?) When it is done, there is another project waiting, but it should be pure fun. Have you ever heard of the Saga of Hrolf Kraki? It is a medieval story of a king in Denmark in pagan times, who maintained a court of champions, not unlike Arthur of British legend. And it is a grand story, full of vivid scenes and fantastic events. Unfortunately, we only have two versions, one in Latin by Saxo Grammaticus (who, while very interesting to read, cannot compare as a writer to his contemporary Snorri Sturlason of Iceland) and a longer one in Old Norse by some anonymous monkish chronicler who must be one of the most inept writers that ever lived. What I want to do is to try to reconstruct the story as it may originally have been told, in the best words I can find. Luckily, a publisher has already agreed to this idea.

As said, it should be pure pleasure for me to work on this one. I will of course send you a copy when it is published — though this can scarcely be for at least a year from now, when I haven't even begun the writing.

Well, this has been a rather long letter, but then there has been quite a bit to tell, some good, some not. I thought you would be interested. Now I must close, since we will presently be having dinner guests. (Jack Vance and his family. Do you know his writing at all? It's wonderfully colorful, often reminiscent of A. Merritt.)

Our very best wishes to you and yours, Prof. Keilis-Borok, Mr. Borodayevsky, and all other friends.

Sincerely,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Последнее письмо от Вас датировано маем, и мне снова приходится оправдываться за долгое молчание. Как обычно, причина в завале работы, что не оставляло практически никакого времени и энергии, ну и, как увидите, ещё мы немного путешествовали. Сожалеем о Вашей недавней болезни и надеемся, что теперь Вам гораздо лучше.

Я постараюсь поскорее отправить Вам нужные книги. Мой роман о Крите может войти в посылку, но это зависит от издателей — всегда вероятна задержка в типографии. С нетерпением жду Вашего «Часа Быка».

Вы спрашивали о том, как принято на западе вступать в контакт с писателями-фантастами. Теперь почти всем можно написать в Ассоциацию писателей-фантастов Америки, откуда неоткрытое письмо переправят на адрес писателей. (Существует и справочник, но его принято использовать только членам Ассоциации для охраны частной жизни друг друга.) Текущий адрес SFWA — 977 Kains Street, Albany, California 94706 — там живёт теперешний секретарь организации.

Список предполагаемых гостей на советскую конференцию выглядит вполне достойно, по моему мнению. Я всех их знаю лично (Вы упомянули Браннера, Кларка, Рейнольдса, Гаррисона, Желязны, Пола и Ганна) и могу заверить, что, несмотря на их очень отличающиеся индивидуальные черты, каждый из них — достойный и интересный человек.

Кстати, нас порадовало известие, что профессора Кейлис-Борока избрали членом Академии наук США. Передайте ему наши наилучшие пожелания. Что же до вопроса — не устроили ли наши медиевисты своего рода «промысел», могу только сказать, что довольно много людей изготавливают оружие, блюда, напитки, шьют одежду и занимаются прочими ремёслами того периода исключительно ради собственного удовольствия и для друзей.

Я сам не выбирался на турниры с весны из-за занятости, но собираюсь побывать на очередном в октябре просто как зритель, а не участник, потому что долго не тренировался.

В июне я ездил в Нью-Йорк повидаться с несколькими редакторами, а потом в Огайо к матери на её семидесятипятилетие. Мы с братом, который живёт там же (и преподаёт геологию в печальной славы Кентском государственном университете[1], который не так уж и плох), устроили большое празднество в её честь. И ещё скинулись, чтобы подарить то, чего её всегда хотелось, — но об этом позже.

---

[1] Скорее всего, имеется в виду расстрел национальной гвардией безоружной студенческой демонстрации против вторжения США в Камбоджу и эскалации войны во Вьетнаме 4 мая 1970 года, когда были убиты четверо и ранено девять студентов. Случай спровоцировал студенческие забастовки против войны в 900 университетах по всей стране и 100-тысячную демонстрацию в Вашингтоне. Американский писатель-фантаст Харлан Эллисон посвятил погибшим сборник «Alone Against Tomorrow» (1971).

В начале июля прошёл «Westercon» — ежегодная встреча живущих на западном побережье любителей фантастики. Собственно, к настоящему времени мероприятие переросло рамки камерной встречи, приглашены были такие гости как Роберт Силверберг (из Нью-Йорка) и Джеймс Ганн (из Канзаса). Там было интересно, хотя два события омрачили общее веселье — смерть Огаста Дерлета и троих ваших доблестных космонавтов проекта «Салют»[1]. Во время банкета мы поднялись и почтили молчанием память этих людей.

А вскоре после этого обрушился ещё один удар — мы потеряли Джона Кэмпбелла. Как Вы знаете, он был редактором «Эналога» (бывшего журнала «Эстаундинг»), человеком, которому мы обязаны в большей степени, чем кому-либо ещё, современным состоянием научной фантастики. За многие годы я узнал его глубже, мы стали друзьями; за язвительным фасадом крылся мягкий, добрый симпатяга и умница. Мы получили известие о его смерти вечером, и я сначала поставил запись мессы Баха ре-минор, но, несмотря на её красоту, чего-то не хватало. Тогда мы достали бутылку шотландского виски «Тичерс», переменили запись на шотландскую же волынку, стали вспоминать Джона, немного поплакали, и сделалось чуть легче.

Журнал, конечно, будет выходить и дальше, но нового редактора пока не назначили. Правду говоря, я мог бы получить эту должность, стоило бы только сказать, но, во-первых, мне не хочется переезжать на восточное побережье, а во-вторых, что важнее — не думаю, что стал бы хорошим редактором, а журнал Кэмпбелла заслуживает самого лучшего из имеющихся.

Остаток лета прошёл в основном за работой. Кроме прочего, я начал писать роман вместе с Аврамом Дэвидсоном — не научно-фантастический, а о современной жизни. Если Вы представляете себе его творчество, наше объединение может показаться странным. Однако мы надеемся, что его дар психолога и мастера диалогов, а моё умение строить сюжет и давать зримые описания дополнят друг друга.

Ещё одна работа может Вас позабавить. «Бойз лайф» — официальный журнал организации бойскаутов Америки — попросил меня написать три коротких биографии: Леонардо да Винчи, Альберта Эйнштейна и… Эдгара Райса Берроуза. В настоящий момент я как раз занимаюсь разысканиями о последней фигуре. Насколько мне известно, «Тарзан» пользовался в СССР не меньшей популярностью, чем в большинстве других стран мира.

Но эту работу прервали прямые телерепортажи с Луны «Аполлона-15». В нашем часовом поясе они шли в совсем неудобное время. У нас дома цветной телевизор, поэтому мы просто разрешили друзьям приходить и смотреть трансляцию, когда им захочется, а сами позабыли о сне. Это было поистине феерично. Качество картинки просто невероятно хорошее, а понимание, что всё это происходит непосредственно прямо сейчас (если не считать совсем небольшой задержки на время прохождения сигнала), добавляло шарма. Очень надеюсь, что Вам удалось также уловить хоть часть той трансляции.

В конце августа приехала в гости моя мать, а вскоре и брат с женой и детьми. Мы провели вместе с ними неторопливые две недели, показывая им местные достопримечательности и т. д. Потом мы с Карен и Астрид (которой

---

[1] Экипаж космического корабля «Союз-11» в составе космонавтов Георгия Добровольского, Владислава Волкова и Виктора Пацаева погиб 30 июня 1971 года при возвращении на Землю с орбитальной станции «Салют-1».

исполняется в этом году 17 лет и которая пока живёт с нами, прежде чем, скорее всего, на будущий год поступить в колледж и уехать) отбыли, оставив дом на попечение родных.

Первой целью поездки была ещё одна региональная конвенция любителей фантастики — на сей раз южан. В этом году она состоялась в Новом Орлеане, куда меня любезно пригласили в качестве почётного гостя. Мы никогда прежде не бывали в этом городе, поэтому я, конечно, согласился. Невзирая на жаркий влажный климат, город очарователен, он в немалой степени сохранил старинное французское своеобразие. Мы сумели посетить главные достопримечательности и пообедать в нескольких изысканных ресторанах. Сама встреча была относительно немноголюдной, но все были очень предупредительны к нам, поэтому мы просто наслаждались поездкой.

После этого путь лежал на север, полтора дня мы провели в Нью-Йорке, куда мне надо было по делам, а дамы хотели повидать там кое-какие интересные места. Должен признаться, несмотря на обилие живущих в городе друзей и прочие его преимущества, со временем он стал для меня органически непереносимым. Слишком многолюдный, слишком грязный, слишком шумный, суетливый и к тому же слишком опасный. Даже дышать можно с трудом из-за загрязнённости. Впрочем, многие жители Нью-Йорка согласны со мной.

Бостон (штат Массачусетс) представлял собой приятную противоположность. Проблемы там не «перехлестнули через край», а благодаря вдумчивому планированию могут и не дойти до этого вообще. Мы провели день, гуляя по старинной части города, осматривая памятные места (любопытно, что многие из них расположены в той части города, где теперь поселилось много американцев итальянского происхождения, поэтому, купив изумительный итальянский марципан в лавочке, можно есть его по дороге к исторической церкви Олд Норт, где в 1775 году были вывешены два фонаря в виде сигнала, предупредившего колонистов о приближении британских войск). На обратном пути мы спустились в метро (оказавшееся далеко не столь приятным) и вернулись в комплекс небоскрёбов, бизнес-центров, магазинов и отелей на окраине, где мы остановились, перенесясь тем самым из века восемнадцатого через девятнадцатый прямо в двадцать первый!

В Бостон мы приехали для участия во Всемирном съезде любителей научной фантастики. Он был огромен — думаю, около двух тысяч участников, — что создавало совершенно иную атмосферу по сравнению с Новым Орлеаном, но мы с удовольствием провели там время и повидались со многими друзьями. Почётным гостем был Клиффорд Саймак, который давно заслужил такое признание своих замечательных произведений.

Участники прибыли также из таких далёких краёв, как Германия, Испания, Франция, Япония и Великобритания, что вполне тянет на всемирность.

Приехавший из Испании, впрочем, — американский гражданин и живёт там по работе. Он из армянской семьи, родился в Китае, долго проживал в Чили, потом в США, и говорит на всех этих языках плюс на русском — ну чем не гражданин будущего? Как бы то ни было, он презентовал мне чудесную копию двуручного меча XV века, около пяти футов (полтора метра) в длину. И тут я подумал: что если при посадке в самолёт обратно домой экипажу придёт в голову, что я намереваюсь угнать самолёт!

И вот мы уже дома несколько дней и погружаемся в свой привычный рабочий ритм. Но впереди ещё одно необычное событие. Брат с семьёй улетел

домой, но мама ещё у нас до следующих выходных. И тогда мы с Карен собираемся вместе с ней насладиться тем самым подарком на её день рождения, о котором я упоминал ранее — путешествием верхом на муле с верха Большого Каньона до самого дна!

После этой поездки она отправится к себе в Огайо, а мы домой к себе. И тогда потечёт несколько месяцев работы без перерыва. Мне предстоит в этом году сдать ещё один научно-фантастический роман, но только вчера перед сном у меня созрел в голове его замысел. (Так у меня обычно и бывает: долгий период неуверенности, внезапная вспышка основного замысла, затем интенсивный период уточнения подробностей, после чего я сажусь писать. А как работаете Вы?) Когда завершу новый роман, меня ждёт ещё один проект, но он будет сущим удовольствием. Слыхали ли Вы про Сагу о Хрольфе Краки? Это средневековое повествование о короле Дании языческих времён, у которого были придворные рыцари наподобие артуровских из британской легенды. Сама по себе история весьма красочна и занимательна, со множеством фантастических приключений. К сожалению, до нас дошли только два варианта — один на латыни, записанный Саксом Грамматиком (чей стиль, хоть и весьма занимательный, всё же не сравним с манерой его современника-исландца Снорри Стурлусона), и более длинный вариант на дневненорвежском пера анонимного монаха-летописца из числа самых неумелых писателей на Земле. Я же хочу попытаться реконструировать сагу в том виде, как она могла звучать в самом начале, приложив к тому всё своё старание. К счастью, издатель уже согласился поддержать мою идею.

Как я сказал, работать над её осуществлением будет для меня одно удовольствие. И, конечно же, я пришлю Вам экземпляр, но это вряд ли случится раньше, чем через год, потому что я ещё не положил ни одного слова на бумагу.

Что ж, вышло довольно длинное письмо, но накопилось много, о чём хотелось рассказать — как хорошего, так и плохого. Надеюсь, Вам будет интересно. Теперь пора завершать, скоро придут гости, приглашённые на ужин. (Это Джек Вэнс с семьёй. Знакомо ли Вам его творчество? Оно удивительно красочно, местами напоминая А. Меррита.) Наилучшие пожелания Вам, Вашей семье, профессору Кейлис-Бороку, господину Бородаевскому и прочим друзьям.

Искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ

Москва
16 сентября 1971 г.

Дорогая Аделия Адольфовна!

Мы отвечаем на Ваше письмо (мы это не царь польский, а мы вдвоём с Таисой Иосифовной) с большим опозданием, так как были в отъезде. И сейчас, собственно, писать ещё рановато, потому что не успели выяснить всего нужного для хорошего совета. Мы отвечаем Вам, а не Гале потому, что в таких делах можно писать человеку только тогда, когда он сам спрашивает совета. Однако, думается, что это всё равно дойдёт до Гали. То, что случилось с Галей,

к несчастью, слишком частая сейчас вещь, причем именно со стороны мужской. Результат общей аморальности, которая будет ещё хуже, пока за это не возьмутся всерьёз воспитатели человечества. Из многих молодых пар в нашем окружении развалились все, за исключением нашего собственного сына и одного его друга. Нам думается, что если такое случается буквально же с первых шагов совместной жизни, то надеется не на что и надо с этим кончать вообще, и тем более никак не жертвовать своим призванием и духовной свободой. Не для чего, нет надобности!

Если бы муж Гали только поддался волевой матери — это полбеды, но если он в отсутствие Гали, покорно ждущей его дома, изменяет ей, то как же с таким человеком можно построить семью? Отдать же ему, кроме того, что уже много отдано, всё своё будущее и своё творчество — это уже просто глупо.

Вы совершенно правы — Гале надо уехать из Полонного. Вопрос куда? Если у нее плохо со здоровьем, может быть, ей лучше осень провести где-нибудь на юге. Нет ли у вас знакомых? Гале обязательно надо набраться сил, чтобы снова начинать сначала. Конечно, поступать в художественное училище. Наверное, в большом центре: Ленинград, Москва. Что касается Москвы, в настоящее время у нас берут на работу из любого места, с временной пропиской, пока работаешь, на почту и какие-то другие предприятия (постараемся узнать). Если это будет Гале посильно, то схема может быть такая: Галя поступает, скажем, почтальоном на почту, временно получает житьё и прописку в Москве, готовится к поступлению в художественное училище им. Сурикова или им. 1905 года, потом сдает экзамены летом будущего года на дневное отделение и тогда становится студенткой с пропиской и общежитием (с работы придется уйти и потерять прописку). Есть у нас кое-какие планы насчёт Ленинграда, но об этом говорить ещё рано. Пусть Галя сама чётко и твёрдо решит, как ей лучше поступить. Может быть, ей стоит приехать в Москву осмотреться. К сожалению, наша двухкомнатная квартира не может её приютить более чем дня на три (одна из комнат — мой рабочий кабинет), но, может быть, если придется задержаться, устроим её на несколько дней у знакомых. В случае затруднения с деньгами поможем с проездом.

От души желаем, чтобы Вам и Вашей дочери побольше повезло бы в жизни.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

62 И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. КОКОШИНУ

Москва
17 сентября 1971 г.

Многоуважаемый товарищ Кокошин!

(извините за стандартное обращение, но Вы не сообщили мне своего отчества)

Письмо Ваше Союз Писателей переслал мне своевременно, а задержка ответа — из-за моего отсутствия в Москве.

Мне понравилось Ваше письмо и особенно намерение серьёзно заняться научной фантастикой из-за её социальной значимости. Я бы добавил к этому,

что научная фантастика, вследствие узости и разобщения наук, приобретает роль связующую, примерно как натурфилософия в XVIII веке, а следовательно, и обозревает горизонт грядущего. В этом её огромный успех именно среди учёных, которых, казалось бы, собственная профессия должна толкать к отдыху иного типа (правда, много учёных читают ещё детективы — хорошие только те, кто владеет английским или французским. Наша детективная литература настолько плоха, что никого серьёзного не привлекает).

Вам повезло, что Вы находитесь в стране, где научная фантастика развита (особенно в сороковые и пятидесятые годы — до черезвычайности) очень сильно и мастеров этого направления литературы много. Постарайтесь использовать это пребывание елико возможно и для чтения, и для личного знакомства. Не знаю, какие у вас, МИДовцев, на этот счет правила, но такие контакты были бы очень полезны и для нас в СССР. Один пример: скоро мы думаем собрать международный симпозиум фантастов в Москве. Чтобы знать, кого приглашать, неплохо бы получше узнать ряд ведущих фантастов, и тут Вы сможете помочь и личными впечатлениями, и той характеристикой, которая всегда есть у заметного человека по мнению его окружения. Было бы неплохо Вам познакомиться с Полом Андерсоном, с которым я уже переписываюсь несколько лет, с Джоном Браннером (он англичанин, но переселился в Америку), Роджером Зелазни, Ле-Джином, Лафферти, Уильямом Тенном — это те, какие первые пришли в голову из молодых, очень выдвинувшихся в последнее время. Не называю старших — они Вам известны.

Я сам предпочитаю из них Браннера и Зелазни.

В Америке издается почти ежегодно справочная книга писателей научной фантастики (Сайенс Фикшн Райтерс Директори) — Вам хорошо бы её добыть. Был бы очень обязан, если бы добыли ещё экземпляр и послали мне.

Разумеется, то, что я посоветовал, это лишь часть того, что Вы сможете сделать, находясь там, просто потому, что в этом есть ближайшая надобность.

Главное же — читайте и читайте, как можно больше, используя всякую возможность добыть не только новинки, но и журналы более ранние, в которых было опубликовано много превосходных произведений. Из них прежде всего Эмейзинг энд Эстаундинг Сайенс Фикшн (теперь выходит под названием Аналог).

Не стесняйтесь писать мне и спрашивать совета — всегда буду рад, тем более что я довольно хорошо знаю английскую фантастику (в смысле языка).

Что до моей болезни, то, увы не могу Вас порадовать. Это даже не болезнь, а просто износ сердца, которое дорабатывает последнее, что в нём есть. Поэтому весьма ограничен в своих передвижениях, возможностях встреч с людьми и, что печальнее всего, в темпах работы писательской и научной.

Ну тут уж ничего не поделать — корабль стар.

Мой адрес: 117333 — Москва В-333, ул. Губкина, 4, кв. 40.

От души желаю Вам успеха в хорошем и важном начинании,
с искренним уважением,
И. Ефремов

63 И. А. ЕФРЕМОВ — В. П.

Москва
21 сентября 1971 г.

Многоуважаемая Виктория Павловна!

Запоздание моего ответа — не невежливость, а результат отсутствия из Москвы.

Моя любимая из собственных книг — также «Лезвие бритвы», так что мы с Вами тут сходимся.

Очень трудно Вам дать законченный совет относительно занятий хатха-иогой. Дело в том, что эти занятия, особенно на первых порах, требуют умного руководителя, который сможет определить, что Вам можно, а чего нельзя соответственно индивидуальным особенностям Вашего организма. Йога создавалась в стране с совершенно иным климатом, режимом жизни, пищей, чем наша, и потому требует много поправок, которые ещё не сделаны, ибо серьёзные врачи пока ещё не раскачались. Глупые люди, хотя бы и знающие йогу, вроде Зубкова (ему запретили выступать с докладами по ней и хорошо сделали) могут сильно напортить несоответствующими советами (и уже напортили), вроде выпивания огромного количества воды (что годится для тропиков и никак не для нас, сыро- или сухоядения, узкого вегетаринства и т. п.). А вот насчет курения, так я впервые в истории йоги видел курящего «йога» — Зубкова, поэтому я очень сомневаюсь в его «квалификации». Всяческих школ йогов в Индии полным-полно, в том числе и шарлатанских, и получить какой-либо диплом вовсе нетрудно, куда труднее быть фактически иогином. Читаете ли Вы по-английски? Почти нет современной литературы по иоге на русском языке по понятным причинам.

Лучшее, что могу Вам рекомендовать по хатха-иоге (упражнения, отобранные выдающимся врачом Б. Л. Смирновым, переводчиком «Махабхараты»): найдите VII том «Махабхараты» в его переводе. Он называется «Побоище палицами», издан Туркменской Академией Наук в Ашхабаде, кажется, 1963 год (есть в Ленинской). Там есть приложение: Хатха-иога с фотографиями асан. Этому можно доверять. Несколько простых и хороших упражнений по хатха-иоге опубликованы в трёх номерах журнала «Индия» за прошлый, 1970 год. Этим также можно заниматься, строго соблюдая режим времени и помня, что все асаны — статические позы, а не динамические движения, как в нашей гимнастике. Особенно осторожны будьте с пранаямой — хоть она считается одной из исходных положений работы над собой, наибольшее количество повреждений сердца и легких происходит именно от неумеренного или неумелого занятия пранаямой.

Если Вы всерьёз заинтересовались этими делами, познакомьтесь с людьми. Есть такой «Общественный институт прогресса медицинской науки и практики», который занимается всякими там телепатиями, телекинезами, и в том числе хатха-иогой. Посылаю Вам для образца одну из его повесток, а также приглашение на кинолекторий. Один из этих фильмов «Индийские иоги, кто они?» Вам обязательно надо посмотреть — он специально посвящен хатха-иоге. Кроме того, Вы увидите в нём ряд наших авторитетов по этим вопросам, среди них и школу аутогенной тренировки в Караганде, которая прямо отвечает на интересующие Вас вопросы практики занятий. Узнав этих людей по

фильму, Вы сможете вступить с ними в переписку и т. д. Чтобы узнать, когда и где будет действовать лекторий, позвоните Эдуарду Константиновичу Наумову: 148-05-26 (дом) или напишите ему 121293 Кутузовский просп., 47, корп. Д, кв. 44. Сошлитесь на меня — я, мол, Вас направил.

Пока всё, что могу Вам посоветовать. Я сам, к сожалению, не занимаюсь йогой и по возрасту, и по тяжелой болезни.

С искренним уважением и приветом,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 64

Москва
26 сентября 1971 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Это короткое письмо — чтобы информировать Вас о делах. Только что вернулся с дачи, где пробыл практически безвыездно ровно три месяца. Это пошло на пользу, там стенокардия почти меня не сгибала в бараний рог. И удалось много писать — закончил «Таис». Получилось 550 стр[аниц] машинописи (после стандартной перепечатки, наверное, больше), семнадцать глав, предисловие, эпилог, словарик понятий. Разучился, наверное, писать коротко — всё подравнивается под размер «Часа Быка».

Точное заглавие теперь: «ТАИС АФИНСКАЯ», исторический роман.

Теперь потрудиться не так уж много над окончательной правкой, и отдаю на машинку для чистовика. Печатать домогается «Молодая гвардия» — журнал, но они так по-дурацки объявили сей труд в «Литературке» (продолжение «Часа Быка» на исторической основе!!), что не знаю, как это им подойдёт.

С собранием сочинений чего-то крутит Жемайтис или само издательство — пока не разобрался. Вроде разрешение есть, но нет бумаги на 72 год, и можно начинать только с 73-го, кончать в 75-м. Этак есть шансы, что не дождусь последних томов, ежели и удастся — первых.

И в то же время — отказа нет, чем они меня обезоруживают в смысле апелляции в высокую инстанцию.

А как Ваш «Астроном»[1]? Наверное, Вы уже в городе? Черкните что-нибудь о своих делах. Да, кстати, у меня заменяют номер телефона. Он будет теперь 135-90-78, но не сию минуту, а через некоторое время, когда объявят. Душевный привет всему милому семейству от Таси и меня. Вас крепко обнимаю. На даче что-то часто вспоминалось хорошее время, когда у Вас была уютная квартирка в «Зурбагане» и мы там объедались вкуснятиной изготовления искусных рук Наталии Алексеевны. Поцелуйте ей эту ручку, лучше обе.

Всегда Ваш
И. А. Ефремов

[1] Рукопись книги В. И. Дмитревского «Астроном верен звёздам».

65 М. ДЕНИС — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ

1 октября 1971 г.

P. O. Box 15033,
Nairobi

Dear Taya and Ivan,

To-day is the first of October, and I realize with a guilty feeling that I have not written to you for several months. I do apologise, especially after your wonderful last letter which I shall treasure. Even more so because I have at last met you both. It really seems to me that magic must have been used that I should find myself in Moscow.

K. L. M.'s invitation came as a complete surprise to me. As I think I told you, the invitation came on late Thursday afternoon and on Monday morning I was Europe bound. The highlight of my brief stay was visiting you both. You reminded me so much of myself and Armand. How I wish he had been with me on this journey, so that you could have met him. You would have loved him. He was the most outstanding man, whose wide variety of interests seemed limitless. We often talked together of how much we wanted to visit Russia, one of the few big countries which we did not know.

Although five days is such a short time, it was more revealing than hundred of books. I was tremendously impressed with the beauty of Moscow with its wide streets and trees everywhere. I should so like to visit Russia again but do not think of my being your house guest. I would not wish you to become conspicuous, and I do understand how difficult such a thing could be. I, myself, worried and wondered if I might be an embarrassment, even if I came to see you both. The next time I come I will stay in a hotel and hope that you will either be able to come to see me or I could again visit you at your home.

I am delighted to hear that the treatment benefitted you. I only wish that I could give you regular treatments that your illness would be defeated.

Until last week I had the help of an ex-Matron of a big hospital, who came to the Clinic which I hold every Saturday afternoon. We have kept case histories of the patients. Because of my friend's medical training, she was able to evaluate all the improvements.

Last Friday, unhappily, my friend passed away. That morning she carried on with her household duties and lay down in the afternoon for a short while. When her husband came home he thought she was still asleep, but finally he called to her and when he tried to waken her he found that she was dead. He told me that twelve years ago their Doctor informed him that she would die within six months. She lived for twelve years after this distressing forecast. I am so happy she worked with me. She enjoyed herself so much and we both used to look forward to Saturdays, for not only were we helping people but we enjoyed seeing one another. It will be extremely hard to find anyone who has her qualities and qualifications.

I have some interesting patients. One European, whose eyesight was falling, was told by his doctor that nothing more could be done for him. He has been to the Clinic only twice, and the last time he showed his Doctor who said "What have you been doing, your eyes are getting steadily better?" They also sent me some of their patients, and even come for treatments themselves.

I felt you both very close to me the other day when I was sitting in my African garden. I made a goldfish pond, which has water lilies in it, in the place where the

ground was very stony. Just close to it is a big tree. I have a table and chairs there, and it is a favorite spot to have lunch or tea. There is a bird tray where I can feed the birds in a safe place for them (I also have two cats which makes it necessary to have some place where birds will not be in danger). One afternoon I had a rare luxury of not having very much to do, so I sat in this blessed place with my gramophone and played the beautiful records you gave me. I felt that you and Taya were occupying the empty chairs opposite me. I had such a vivid impression of your presence as the beautiful music filled the air. The birds added their song to the music.

Although our twentieth century is so full of uncertainties, it has also vast compensations. At what period of history could one have been in East Africa listening to the best performers of Russia without their physical presence?

I will tell you all about the new things that I am doing when I write again, as this letter is becoming an encyclopedia in size.

With love and best wishes to you dear friends,
Affectionately yours,
Michaela

P. S. The husband of my former helper telephoned me and said that there are two people who would like to help me with the Clinic. They will be doing the same job as Isabella, which was to greet the people and to keep the card index. They are going to work alternate Saturdays and sound very suitable people. One is a lady doctor and the other is a laboratory worker.

This is a great load off my mind, as it is becoming increasingly difficult with the number of people who attend the Clinic, to attend to both the treatment and to keeping records.

All the best wishes,
Affectionately yours,
Michaela

П. Я. 15033,
Найроби

Дорогие Тая и Иван!

Сегодня первое октября, и я вдруг осознала, что уже несколько месяцев вам не писала. Мне бы очень хотелось загладить свою вину, особенно после такого чудесного письма, которое теперь буду бережно хранить. Тем более после того, как я с вами обоими наконец повстречалась. И до сих пор мне кажется, что я каким-то чудом оказалась в Москве.

Приглашение Королевских Нидерландских авиалиний приехать пришло совершенно неожиданно. Я, наверное, говорила, что оно пришло в четверг вечером, а уже утром в понедельник я летела в Европу. И самым памятным в этой поездке оказался визит к вам домой. Вы мне столь живо напомнили, как нам было хорошо с Арманом. И как бы мне хотелось, чтобы он оказался у вас — вы, несомненно, тоже бы его полюбили. Он был совершенно выдающимся человеком, а широта его интересов казалась безграничной. И нередко мы беседовали о планах посетить Россию — одну из немногих крупных стран, где мы не бывали.

Хотя пятеро суток — небольшое время, но они принесли куда больше открытий, чем сотни книг. Красота Москвы с широкими проспектами, усаженными

деревьями, произвела на меня сильное впечатление. Мне бы очень хотелось ещё раз приехать в Россию, но, пожалуйста, не заботьтесь о приёме. Останавливаться у вас мне бы не хотелось, чтобы не вводить вас в расходы. Мне даже было неловко вас обременять, когда я приходила к вам. В следующий раз я остановлюсь в гостинице и, надеюсь, вы либо придёте ко мне, либо я приду в гости.

Рада слышать, что лечение помогло[1]. Хотелось бы только провести несколько сеансов, чтобы победить вашу болезнь до конца.

Вплоть до прошлой недели мне помогала бывшая главная медсестра большой больницы, приходившая по субботам и помогавшая мне вести приём. В историях болезни пациентов мы фиксировали результаты лечения. Специальное медицинское образование позволяло подруге оценить эффективность лечения.

К несчастью, в прошлую пятницу она скончалась. С утра ещё она занималась делами по дому, а после обеда прилегла отдохнуть. Придя вечером домой, муж пробовал разбудить её, но жена уже не дышала. Он рассказал мне, что доктора двенадцать лет назад не давали ей больше полугода жизни. Но после такого мрачного прогноза она прожила ещё двенадцать лет. Я так благодарна, что она помогала мне. А она была сама жизнерадостность, мы обе с нетерпением ждали очередной субботы не только оттого, что облегчали страдания людей, но и потому, что любили бывать вместе. Будет очень нелегко найти теперь человека, который бы не уступал ей в человеческих качествах и в квалификации.

Среди пациентов были некоторые очень любопытные случаи. Например, приезжал европеец, которому врачи не могли помочь — зрение неуклонно ухудшалось. Он приезжал только дважды, а после второго визита показался врачу, который удивлённо спросил: «Что с вами такое сделали — ваше зрение теперь заметно улучшилось?» Большинство врачей относятся к моему лечению довольно дружелюбно. Некоторые присылают пациентов, а то и приезжают за лечением сами.

На днях, сидя у себя в африканском садике, я почувствовала, что вы совсем рядом. Там, где земля наиболее каменистая, у меня пруд с золотыми рыбками и водяными лилиями. Возле него — большое дерево. Под ним я поставила стол со стульями и люблю обедать или пить чай, сидя там. Для птиц я подвесила кормушку, куда они могут прилетать, не страшась (у меня две кошки, поэтому приходится думать, чтобы птицы не пострадали). И вот однажды вечером, когда — редкий случай — выдалась свободная минутка, я присела в этом благословенном уголке и поставила на проигрыватель замечательные пластинки, которые вы мне прислали. И почувствовала, что вы с Таей сидите на стульях напротив. Ощущение было очень ярким, прекрасная музыка наполняла воздух. И птицы вторили ей.

Хотя в двадцатом веке масса неясностей, есть и свои неоспоримые плюсы. Когда ещё в истории мог человек, сидя в Восточной Африке, слушать исполнителей из далёкой России?

Я расскажу вам о том, чем ещё занимаюсь, в следующем письме, а то это уже выросло до размеров энциклопедии.

С любовью и наилучшими пожеланиями, дорогие друзья,
всецело ваша *Микаэла Денис*

---

[1] Микаэла Денис провела сеанс лечения И. А. Ефремова наложением рук.

P. S. Муж моей прежней помощницы только что позвонил и сообщил, что нашёл мне двоих человек для работы с клиникой. Они будут выполнять те же обязанности, что и Изабелла — то есть встречать людей и вести картотеку — по очереди через субботу. Кажется, они вполне справятся с этим. Одна — врач, а другая — лаборантка.

Это снимет с меня очень большой груз, потому что с наплывом пациентов становится всё труднее принимать их и вести записи.

Всего доброго,
с любовью — Микаэла

Перевела Лариса Михайлова

А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

66

1 октября 1971 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr. Efremov:

I don't think I have written you since last winter and this is just a bit of a chatty note to catch you up on the doings of the Romer family. After our visit to India in January, we stayed home until well into the spring (except for a short visit to Texas for a lecture or two, but unfortunately no collecting work). Then in mid May we left for Australia and spent most of the next two months there, although with brief stops in Fiji, Tahiti and New Zealand on our way to there and back. We had always wanted to see that part of the world but had had no reasonable excuse to do so. By then, however, the problem of Gondwanaland had gotten to the point where they were beginning to get some useful data in Australia, and in addition, there is a considerable amount of other paleontological work going on there. We learned that in their annual meeting of the Australian-New Zealand Association for the Advancement of Science, in Brisbane last May, they planned a general vertebrate paleontological symposium, with all the workers from the continent there. So we decided to make that our main objective, went to Brisbane and had a very interesting time. After that, we visited the other major cities, universities and museums, and in addition, were favored by being taken on a week's field trip into the Tertiary and Triassic of Queensland, and also visited Alice Springs in the middle of the dry center of the continent and a number of other interesting places. We found the Australians very friendly and helpful indeed, and paleontological work, which a decade or two ago was at a very low ebb there, is thriving. One point of interest in the continent, of course, is the question of the early history of marsupials there. A revived interest in this was started a number of years ago by Stirton of Berkeley, and other people are going on with the exploration of Tertiary beds; in fact, two expeditions were just starting into the "outback" about the time we left Australia. So far they have gotten down to at least the Miocene (and possibly Oligocene), but as yet, have found little except forms fairly closely related to the modern fauna. But I am sure that eventually they will find older and more interesting things. In addition, there is considerable work being done on Devonian and Triassic vertebrates. There have already been a number of finds of good Devonian fishes and several people

are working on further finds of that period, including not only the people already there but Alex Ritchie, a young Scotchman who I think is quite a good man. In the Triassic, up to now, there have been mainly quite a lot of good amphibians found, but recently in Queensland there has been discovered the Rewa Formation, apparently of about Lystrosaurus zone age, in which in the last two years they have found some first rate brachyopid skulls but have also begun to get fragmentary remains of reptiles. So far the reptilian stuff is not too good, but this Formation covers some hundreds of square miles of territory and I think further exploration of it may result in giving us a good Lystrosaurus zone fauna, and it will be interesting to see how closely it checks with the South African assemblage. Incidentally, I have just previewed a paper which should be appearing in Science in the next few weeks on the finds made in Antarctica a year ago this past summer; a paper written by James Kitching of Johannesburg, Colbert and others. Kitching is a South African whom I met down there a year ago last summer. He has had not too much scientific training, but he is fabulous as a field man and obviously did a good job in the Antarctic. In the paper I mention they do not identify animals other than Thrinaxodon, but state that they have a considerable amount of archosaur material.

This coming fall and winter I have to go to Berkeley to give some lectures for a few weeks, but otherwise I am planning to stay home almost all the time this fall, winter, and spring. With all this "tripping", I am getting quite far behind in research. I am getting on toward the close of my work on the South American Triassic, but still have a number of projects on hand. Currently, I am still working on the thecodonts, and today just finished a restoration of a long-snouted little form, with a build rather similar to crocodilians in its general proportions, but obviously quite unrelated to them. I still have several more thecodonts to take care of and then will try to finish up a project, already started, of a serial section study of one of my advanced cynodont skulls, sectioned at quarter millimeter intervals and to be reconstructed much enlarged in wax plates. Beyond this, the Greer amphibians await me. I think I probably had the first material from there when I saw you a year ago but much more is coming on. This is a quarry in the Lower Carboniferous, a stage from which only one previous labyrinthodont skeleton had ever been described. The quarry is difficult to get at, but they have cleared off the face of the exposure for about 16 meters and at one end have gotten back to a depth of about 5 meters, so that they have about 40 or 50 square meters of the bone layer to be removed. They are taking it out in large slabs, and bringing it back to Cleveland for preparation and then sending it on to me for study. The animals, mostly in articulated skeletons, are apparently there by the dozens, but my main concern is that the extent of the fauna may be quite limited. So far there are numerous remains of what looks in general like a primitive temnospondyl, not dissimilar to Colosteus of the Upper Carboniferous, but on the other hand, possibly (but I'm not at all sure) a descendant of the Devonian ichthyostegids. There is also a form with the anthracosaurian type of skull roof, with fairly well developed limbs, nearly complete centra, but somewhat reduced intercentra which is apparently on its way toward higher forms, and in addition, I think (but again I am not too sure) a smaller type which is directly antecedent to the embolomeres. There is also possibly a second temnospondyl, but this is a bit uncertain. I do hope that different forms turn up as well.

Ruth tells me that she also is planning to write you in the near future.

Sincerely,
Alfred S. Romer

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой доктор Ефремов!

По-моему, я не писал Вам с прошлой зимы, поэтому напишу побольше, чтобы ввести Вас в курс дел семьи Ромеров. После январского визита в Индию мы оставались дома до весны (за исключением короткой поездки в Техас для чтения пары лекций, но, к сожалению, не для сбора полевых материалов). Затем в середине мая мы отправились в Австралию и провели там почти два следующих месяца, по дороге в обе стороны ненадолго останавливаясь на Фиджи, Таити и в Новой Зеландии. Нам всегда хотелось увидеть эту часть света, но не было подходящего предлога для этого. Однако к тому времени стали всерьёз говорить о проблеме Гондваны, и в Австралии начали получать некоторые полезные данные по этой теме, и вообще палеонтология там довольно активно развивается. Мы узнали, что на ежегодной конференции Австралийско-Новозеландской Ассоциации содействия развитию науки, прошедшей в Брисбене в мае, запланирован общий симпозиум по палеонтологии позвоночных с участием всех учёных континента. Так что мы решили сделать этот симпозиум главной целью поездки, приехали в Брисбен и очень интересно провели там время. После мы посетили другие крупные города, университеты и музеи, и кроме того нам представилась возможность провести неделю в поле на третичных и триасовых выходах Квинсленда. Также мы посетили город Элис-Спрингс, расположенный в самом центре континента, в самой засушливой его части, и ряд других интересных мест. Мы убедились, что австралийцы и на самом деле очень гостеприимны, и палеонтологическая работа, которая десятилетие или два назад там велась очень вяло, сейчас процветает. У себя на континенте их интересует в том числе, конечно же, ранняя история сумчатых Австралии. Возрождение интереса к нему началось несколько лет назад благодаря Стиртону из Беркли, другие учёные также продолжают изучать третичные отложения. Так, примерно в то время, когда мы покидали Австралию, две экспедиции отправились в малонаселённые районы континента. На данный момент исследовано всё почти до миоцена (возможно, до олигоцена), но пока что нашли немного, за исключением форм, довольно близко связанных с современной фауной. Но я уверен, что со временем они найдут более древние и более интересные образцы. Кроме того, сделана значительная работа по девонским и триасовым позвоночным. Уже есть ряд находок хорошо сохранившихся рыб девона, и несколько человек занимаются дальнейшими поисками форм, относящихся к этому периоду, причём не только австралийцы, но и Алекс Ричи, молодой шотландец и, по-моему, довольно многообещающий. К настоящему времени найдено довольно много хорошо сохранившихся амфибий триасового периода, а недавно в Квинсленде была открыта формация Рева, по всей видимости, относящаяся ко времени листрозавров, в последние два года в ней нашли несколько первоклассных черепов брахиопид, а также несколько фрагментарных остатков рептилий. До сих пор найденные окаменелости рептилий не очень хорошо сохранились, но эта формация занимает несколько сотен квадратных миль территории. Так что я думаю, что при дальнейшем её исследовании мы можем получить хорошие образцы листрозавров, при этом будет интересно сравнить их с южноафриканской группой. Кстати, я только что закончил

рецензировать статью, которая должна выйти в течение нескольких недель в журнале «Science», по находкам в Антарктике, сделанным год назад, прошлым летом; статья написана Джеймсом Китчингом из Иоганнесбурга и Кольбером с соавторами. Я Китчинга встречал в Южной Африки прошлым летом. Его научная подготовка не очень основательна, но как полевой геолог он просто порясающе удачлив и, без сомнения, сделал хорошую работу в Антарктике. В статье, о которой я говорю, они смогли идентифицировать из животных только тринаксодона, но утверждают, что нашли также значительный материал по архозаврам.

Этой осенью и зимой я должен поехать на несколько недель в Беркли читать лекции, в остальное время буду трудиться дома, включая весну. А то со всеми этими «порханиями» я очень отстал в исследованиях. Теперь намереваюсь завершить свою работу по южноамериканскому триасу, но у меня также есть и другие планы. В настоящее время я продолжаю работать над текодонтами и сегодня как раз закончил восстановление небольшого длиннорылого текодонта, внешне в общих пропорциях скорее напоминающего крокодиломорфа, но совершенно ему не родственного. У меня есть ещё на очереди несколько текодонтов, а затем постараюсь завершить уже начатое последовательное и детальное изучение одного из моих наиболее развитых черепов текодонта, разделённого на интервалы в четверть миллиметра, чтобы реконструировать его в воске в многократно увеличенном виде. После этого меня ждут амфибии Грира. Когда мы с Вами виделись год назад, у меня был только первый материал оттуда, но сейчас его гораздо больше. Это разработки, относящиеся к нижнему карбону, т.е. к периоду, по которому у нас пока есть только один описанный скелет лабиринтодонта. Отложения сложны для разработки, но мы уже расчистили лобовую стену длиной около 16-ти метров и на одном конце получили породы с глубины около 5-ти метров. Таким образом, имеется около сорока или пятидесяти квадратных метров костеносного слоя, который предстоит разработать. Его извлекают большими плитами и привозят в Кливленд для препаровки, а затем присылают мне на изучение. Животных, в основном разрозненных скелетов, там, похоже, множество, но мне кажется, что ископаемая фауна не очень разнообразна. Пока имеются многочисленные остатки, которые при первом взгляде похожи на примитивного темноспондила, напоминающего колостеуса верхнего карбона, но, с другой стороны, вероятно (но я не очень уверен) на потомка девонских ихтиостег. Есть также форма с черепной коробкой как у антракозавра, с хорошо развитыми конечностями, с почти полным набором позвонков, но с отчасти редуцированным расстоянием между позвонками. Похоже, это форма, переходная к более высшим. И кроме того, я думаю (опять же, не вполне уверен), что там есть какая-то меньшая форма, являющаяся непосредственным предшественником эмболомеров. Также существует некоторая не вполне определённая вероятность идентифицировать второго темноспондила. Я очень надеюсь, что найдутся и другие виды.

Рут говорит, что тоже собирается написать Вам в недалёком будущем.

Искренне,
Альфред Ш. Ромер

Перевела Марина Степанова

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 67

3 октября 1971 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Два года назад я писал Вам об исследовании памятника, местонахождение которого было впервые указано Вами. В своем ответе Вы любезно позволили мне вновь написать Вам, и теперь, когда памятник издан, я рискнул воспользоваться разрешением.

Я так и не написал популярной статьи. Надписи удалось дешифровать лишь сравнительно недавно. Особенно тяжело пришлось нашему известному специалисту по иранским языкам проф[ессору] В. А. Лившицу, которому принадлежит дешифровка остатков согдийского текста. А после дешифровки работы тем больше, чем меньше исходного материала (в независимости от общей значимости результатов). К счастью, памятник действительно оказался интересным и важным, я надеюсь продолжить эту тему с привлечением других материалов. И рискну, наконец, написать в литературный журнал. А пока всё ещё занимаюсь обработкой увлекательнейших материалов своих монгольских экспедиций, кое-что из которых уже удалось издать.

Буду очень рад, если эта статья не покажется Вам слишком скучной. Её слегка испортили в журнале, но не настолько, чтобы я смог обвинить их во всех своих грехах[1].

С лучшими пожеланиями, *Кляшторный Сергей Григорьевич*

Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 68

Токио
12 октября 1971 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Как Вы поживаете? Как Ваше здоровье? Извините за моё долгое молчание. Недавно вернувшись в Токио из префектуры Яманаси, которая находится у подножия горы Фудзи, где я жил эти три месяца, я нашёл на своем столе две посылки с книгами, которые Вы мне прислали. Какая это для меня радость! Большое Вам спасибо! Меня особенно обрадовала Ваша замечательная книга «Дорога ветров». Как Вы знаете, «Дорога ветров» у нас в Японии переведена, к сожалению, в сокращённом виде. Я уверен, что это одна из книг, которые надо перевести в полном виде.

Несколько месяцев назад у нас переведена с французского языка книга Пфиценмэйера о раскопках мамонта в Сибири (Pfizenmayer. Mammutleichen und Urwaldmenschen in Nordost Sibiren). Это, конечно, интересная книга. Но мне немного обидно, что о Советском Союзе, о его истории, жизни и культуре у нас издаётся книг западных авторов гораздо больше, чем книг самих русских и советских авторов.

Я хотел бы спросить, какие лучшие книги у Вас в СССР о палеонтологических или вообще научных экспедициях, которые Вы рекомендуете перевести на японский язык.

---

[1] С. Г. Кляшторный прислал И. А. Ефремову свою совместную с В. А. Лившицем статью: Сэврэйский камень // Советская тюркология (Всесоюзный тюркологический журнал. Баку). 1971. № 3. С. 106—112.

Среди книг, которые Вы мне подарили, я нашёл «Поединок с собой» А. Громовой, «Кумби» Г. Гора. В этом году у нас вышел на японском языке сборник повестей советских фантастов: Г. Гора («Кумби»), А. Громовой («Поединок с собой») и А. и Б. Стругацких («Трудно быть богом») под моей редакцией. В этом сборнике я перевёл «Кумби», так как из произведений Г. Гора я больше всего люблю эту повесть. Но, к сожалению, наши критики, кажется, не понимали этого произведения.

Говоря о Стругацких, мне трудно понимать их последние произведения: повести «Улитка по склоне», «Сказка о тройке». Это оттого ли, что я не понимаю аллегорию этих повестей, или просто оттого ли, что они ещё не законченные произведения? Я хотел бы спросить, какое у Вас мнение об этих произведениях Стругацких.

Прочитав монографию А. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман», которую тоже Вы мне прислали, я вновь почувствовал остро, как у нас мало возможности читать советскую фантастику прошлого. Например, меня интересует, как развивалось представление о будущем человечества, о коммунистическом завтра в советской Н. Ф., и я хочу читать такие книги, как «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» А. Богданова, «Страна Гонгури» В. Итина, «Грядущий мир» и «Завтрашний день» Я. Окунева. И ещё я хотел бы читать В. Брюсова, его сборник «Земная ось». Но это совсем невозможно. Вероятно, даже у Вас в Москве они уже редкие книги, и нельзя достать даже в букинистических магазинах.

Из советской научной фантастики до войны я читал только Циолковского, Обручева, А. Толстого, А. Беляева. Конечно, этого слишком недостаточно, чтобы говорить что-нибудь об истории советской научной фантастики. Что мне делать? Было бы очень хорошо, если бы большие библиотеки в Москве или собиратели фантастических книг смогли дать нам, иностранцам, книги на время, с условием вернуть к определённому сроку.

В этом году осенью у нас погода стоит необычно плохая. Уже октябрь, а ясного неба почти никогда не видно. Каждый день дождь. Сыро. Не знаю, какая погода у вас в Москве теперь, но у нас принято особенно в это переходное время к зиме, то есть перед зимой, пожелать близким знакомым доброго здоровья. И я желаю Вам, Иван Антонович, крепкого здоровья и долголетия.

С уважением,
Н. Иида

69 В. АНЧИШКИН и Н. СУВОРОВА — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
13 октября 1971г.

Уважаемый Иван Антонович!

Нам известно, что для журнала «Молодая гвардия» Вы заканчиваете свой новый роман «Таис Афинская». Не могли бы Вы предложить это или другие Ваши новые произведения для отдельного издания в «Современнике».

С уважением,
заведующий редакцией русской советской прозы
издательства «Современник» *В. Анчишкин*
Редактор *Н. Суворова*

Р. РОМЕР — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ

70

Кембридж, Массачусетс
16 октября 1971 г.

Dear Prof. Efremov and Taya:

I have planned many times to write you but always something seems to interfere.

Before another day goes by, I want to thank Taya very much for the beautiful book about Russian ikons. Fortunately it has an English script also (at least an identification of the illustrations in English[1]) so that I can find out about the illustrations. I think Al wrote you recently and told you that the book had arrived. I am very tardy in writing you myself.

I wrapped 3 paperback books to send you recently but when I took the package to the post office, they would not accept it because we have a dock strike on the eastern seaboard. As soon as this is settled, I will mail them. I got numbers 1 and 7 on your recent list and one not on the list by the same author as No 6. No. 6 I have ordered and perhaps it will come before the dock strike is settled and I can send it also.

These books are very inexpensive, so please do not feel you must send me lovely books in return. It would take many of these paperbacks to equal in value the lovely ikon book. This does not mean I do not appreciate them but I don't want to worry you.

You ask in your letter of May 21st why I wash windows myself. It is true that it is difficult to get adequate help. I have had a cleaning woman, the same one, for the past 25 years but just this past week she tells me that she won't be able to continue, and we have a very big house. I don't mind doing the windows except that there are many (we have a very big house with about 22 windows) but I do them a few at a time.

I have made a note in my address book of your telephone number and if we are ever briefly in Moscow again (I see no prospects in the near future) I will have it with me. I am not sure that there is a telephone in the transit lounge of the international airport.

A few days ago we talked with Shorty Olson on the phone and he told us that he had recently returned from Russia. I wish I had known as I would have liked to send you a little something by him. Perhaps he will go again.

Best wishes for all the writing you have outlined ahead for yourself. I shall be on the outlook for "Hour of the Bull". So far it is not listed in the big catalog of Books in Print.

We had a very interesting five weeks in Australia and saw all parts of the country except the tropical north. The interior, Alice Springs in the Great Outback was fascinating and beautiful in its own way. Perth on the western coast was our favorite city (except that we did not get to Tasmania and so did not see Hobart which we understand is a charming city. I am sure I would not like Australia in their summer. Everywhere it gets very hot and I do not like hot weather. It is interesting that two of the big natural history museums in Australia, in Perth and Brisbane, have as directors vertebrate paleontologists and in Melbourne the deputy director is also

[1] Примечание на полях.

a VP. And in Canberra at the Australian National University they are developing a big project on VP.

With very best wishes to you both,
Sincerely,
Ruth Romer

P. S. On Nov. 4 we go to Berkerley where Al will lecture for 3 weeks and after that to Los Angeles for a few days where we will stay with the Olsons.

Дорогие профессор Ефремов и Тая!

Я много раз собиралась написать вам, но всегда что-то не даёт это сделать.

Поэтому прямо сейчас, не дожидаясь вечера, хочу сказать большое спасибо Тае за красивую книгу о русских иконах. К счастью, в ней есть перевод на английский (по крайней мере, названия всех иллюстраций), поэтому я смогла понять, что они изображают. Думаю, Эл в недавнем письме сообщил, что книга дошла, а я сама очень запоздала с ответом.

Недавно я собралась отправить Вам три книги в мягком переплёте, но когда принесла посылку на почту, у меня её не приняли из-за стачки докеров на восточном побережье. Как только конфликт будет решён, я отправлю книги. Я нашла номера 1 и 7 из Вашего последнего списка и добавила одну не из списка, но того же автора, что и № 6. Книгу за номером 6 я заказала; вероятно, она придёт ещё до окончания стачки, и я смогу отправить её вместе с другими.

Эти книги очень недорогие, поэтому очень прошу, не считайте нужным взамен посылать мне красивые книги. Прекрасная книга об иконах стоит многих книг в мягком переплёте. Это не значит, что я не ценю ваш подарок, но мне не хочется беспокоить вас.

Вы спросили в письме от 21 мая, почему я сама мою окна. На самом деле очень трудно найти подходящего человека. У меня дома убиралась одна женщина бессменно в течение 25-ти лет, но как раз на прошлой неделе она сообщила, что не может больше работать, а у нас очень большой дом. Мне нетрудно мыть окна, но их много (у нас очень большой дом с двадцатью двумя окнами), поэтому я мою понемногу за раз.

Я записала ваш номер к себе в телефонную книжку и, если мы когда-либо окажемся пролётом в Москве (хотя я не вижу шанса в ближайшем будущем), смогу позвонить. Но не уверена, что в транзитном зале международного аэропорта есть телефон.

Несколько дней назад мы разговаривали по телефону с Коротышкой Олсоном, и он поведал, что недавно вернулся из России. Если бы я знала, то с удовольствием передала с ним для вас что-нибудь. Возможно, он поедет снова.

Наилучшие пожелания в написании всего того, что вами задумано. Я буду ждать «Час Быка». Пока он не значится в большом каталоге «Книги в печати»[1].

Мы провели очень интересные пять недель в Австралии и видели всю страну за исключением тропической северной части. Материковая часть, Элис-Спрингс и австралийская глубинка весьма необычна и прекрасна своей

[1] «Книги в печати» — ежегодный каталог, издаваемый американской компанией «R.R. Bowker LLC», которая обладает исключительным правом выпуска международного идентификационного номера ISBN.

первозданной красотой. Из городов Перт на западном побережье понравился нам сильнее всего (только до Тасмании мы не добрались и не увидели Хобарт, который, как мы поняли, чудесен). Но летом в Австралии мне было бы не так хорошо. Тогда от жары нигде не скрыться, а я не люблю жару. Любопытный факт: два музея естественной истории в Австралии — в Перте и Брисбене — возглавляют палеонтологи позвоночных, в Мельбурне помощник директора — тоже «позвоночник». И в Канберре, в Австралийском национальном университете действует крупный проект в области палеонтологии позвоночных.

С наилучшими пожеланиями вам обоим,
искренне,
Рут Ромер

P. S. Четвёртого ноября мы едем в Беркли, где Эл будет в течении трёх недель читать лекции, а затем в Лос-Анджелес, где остановимся на несколько дней у Олсонов.

Перевели Марина Степанова и Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 71

1 ноября 1971 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Большое спасибо за справку, а главное, за память и доброе ко мне отношение.

Огорчён, что Вы не совсем здоровы глазами — и по-дружески и по-деловому — столп фантастики зашатался!

Я провёл три месяца безвыездно на даче, и результат очевиден: роман «Таис Афинская» 600 стр[аниц] на машинке, 17 глав.

Я обязательно пришлю его Вам для прочтения, если хотите, — это ведь фантастика историческая. Впрочем, если она покоится на научных фактах, то это ведь тоже научная фантастика, только не точных наук, а гуманитарных!

Пока роман перепечатывается набело, и что с ним будет, не знаю — опять не лезет ни в какие «ворота».

Не буду более затруднять Ваши глаза рукописанием, а пожелаю здоровья, успехов и благополучия. Того же желает Вам Таиса Иосифовна.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

Л. ОЛСОН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 72

12 ноября 1971 г.

13760 Bayliss Rd
Los Angeles 90049

My dear Taya,

Many thanks for your wonderful letters.

Because I wish you to [en]vision the how-to-do I am sending you instructions with pictures. I hope you like it.

By the way — please mash pumpkin or put through a sieve.

I shall write a real letter soon, but I'm busy preparing for Alf and Ruth Romer. They will arrive 26th Nov and we shall speak of you both and drink many toasts to your health. Letter will have all the goings on of the Fall Quarter. Have been very busy, lot of company, but enjoyable.

Love and best wishes,
Always
Lila

13760 Бейлисс роуд
Лос-Анджелес 90049

Дорогая Тая!

Большое спасибо за чудесные письма.

Чтобы нагляднее было, посылаю рецепт с картинками. Надеюсь, понравится.

Кстати, тыкву лучше пропускать через сито или разминать в пюре.

Скоро напишу настоящее письмо, но пока готовлюсь к приезду Альфа и Рут Ромер. Они приезжают 26 ноября, мы будем говорить о вас и часто поднимать за ваше здоровье бокалы. В письме подробно расскажу обо всём, что происходило в осенней четверти. Она выдалась суетливая, много гостей, но очень приятная.

С любовью и наилучшими пожеланиями, всегда Ваша
Лайла

Перевела Лариса Михайлова

73 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
18 ноября 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Перечитываю рассказ ламы Дзанг Самдупа и восхищаюсь, как глубоко автор показал этого Человека. Его Путь от самонадеянного юноши, готового брать приступом Срединный Путь, до Мудрого Наставника вступающих на этот Путь…

Во многих ошибках молодого Ламы я вижу себя. Прежде всего это ошибка самому решать, стремление самому сделать выбор, когда главное условие движения к пути и по нему — уметь быть терпеливым, ждать время нужное и выполнить волю Учителя. Воспитывать в себе доверие к Нему. Как часто принимаю решения преждевременно, потому что где-то в подсознании, очевидно, сомнение — а вдруг «ничего не будет!»… В сознании сомнений нет, а в подсознании где-то вспыхивает.

Или стремление Самдупа учить других. Я тоже, в устремлении самообольщённого невежды, думал, что без меня мир не просуществует ни мгновения. Увы, Вселенная вечна, моя же личность скоро себя изживёт. Придётся, вероятно, строить другую, чтобы расплатиться за все глупости жизни невежды… Нет, я не тоскую, т.к. многое стал понимать по-иному. В сердце безграничная благодарность за то, что в этой жизни мне посчастливилось встре-

титься с Большими Людьми, многое познать в размышлениях над книгами. Я вижу Свет. Но многое можно было сделать лучше... Никак ещё не изживу эту привычку оглядываться на прошлое, хотя этот процесс совершенно не нужен, т.к. прошлое ещё никого и никогда ничему не научило... Великое Теперь — вот что учит и формирует будущее.

Почему-то от Вас давно нет ничего, всё отшлифовка романа? Или что-то новое?

Медленно читаю «Станцы», скоро их закончу и пришлю с комментариями ЕПБ. Прихожу к выводу, что мои слова об «Упанишадах» на «Т[айную] Д[октрину]» такое же бахвальство, как и у Самдупа во время его разговора с Таши Ламой.

Знаете ли Вы, что собой представляет автор книги? Так хорошо приоткрыть эзотерическое учение!..

Если что-либо есть хорошее из литературы — подкиньте, пусть на английском.

Замечательны слова: «Если Вы знаете правду, вы будете заниматься своим собственным долгом»... Как мы часто занимаемся не тем, чем должны.

Извините за частые лирические отступления: или старюсь, или впадаю в детство.

Моё преклонение перед Т. И.

Обоим сердечный привет.

Портнягин

P. S. Не совсем понятно, почему молчит Рерих[1]!

М. ДЕНИС — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ

74

23 ноября 1971 г.

P. O. Box 15033,
Nairobi

Dear Taya and Ivan,

Many thanks for the beautiful books, which have now arrived safely. I shall treasure them, especially now that I have met you both.

I have often thought of you both, and have thought how wonderful it would be if you could come and see me in Africa. You would love it; but I wonder whether you would find the altitude trying. I believe that Langata is about 6,500 ft. above sea level.

No more for now, but may I wish you both much happiness for the New Year.

Affectionately yours,
Michaela

П. Я. 15033,
Найроби

Дорогие Тая и Иван,

Большое спасибо за прекрасные книги, которые благополучно прибыли. Они мне особенно дороги теперь, когда я повстречалась с вами обоими.

[1] Здесь имеется в виду И. М. Богданова.

Я часто о вас думаю. Как бы было замечательно, если бы вы смогли приехать ко мне в Африку. Вам бы тут понравилось; только вот как вы перенесёте высоту — Лангата расположена на высоте около двух с половиной тысяч метров над уровнем моря.

Пока остановлюсь, но желаю вам обоим счастья в Новом Году.

С любовью,
Микаэла

Перевела Лариса Михайлова

75 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
26 ноября 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Я, со своей стороны, был слегка встревожен Вашим молчанием и в то же время по горло занят чисткой своего романа и предисловием к нему. Только собрался написать, ан тут и от Вас письмо. Должно быть, Вы не очень себя хорошо чувствуете (я, например, неважно — уж очень мерзка неустойчивая погода) и в некоторой депрессии. Может, нужно какое лекарство? Напишите, у нас всё же легче достать. Принимаете ли Винкапан?

С частью высказанных Вами положений я не согласен. Конечно, надо уметь быть терпеливым и выжидать нужное время (хотя очень трудно сообразить вовремя это нужное время!). Вы пишете: «Главное условие движения по Пути — выполнить волю Учителя». Но ведь избирается для выполнения этой воли уже достаточно продвинувшийся, который в совершенстве отличает добро от зла, и не только абсолютно, но и относительно. Иначе он — орудие слепое, как всякое орудие Кармы, а это ещё далеко не продвижение. Раскол сознания с подсознанием в оценке поступка — уже сам по себе свидетельствует о том, что Вы продвинулись, иначе обе эти стороны мышления оставались бы слитными.

Стремление учить других. Вы считаете его порождением самомнения? А может быть, проще: благородное стремление поделиться, как делятся хлебом с голодным и деньгами с неимущим? Мне кажется, что Вы поступаете именно так, иначе как же расценить Ваш бескорыстный труд по распространению заглохшего знания? Вам, насколько я знаю, уже обязано этим несколько сот человек с моей стороны, а сколько с Вашей? И вся Ваша лекционная деятельность просвещенца (хоть это слово в последнем инструктаже наверху — самом-самом… предано анафеме. Сказано — должна быть борьба, а не просвещение! Не понял — кулаком что ли?)

Колоссальная ошибка в заявлении, что прошлое никогда ничему не научило. Невежду — да! но чем более продвинут человек, тем более он ценит уроки прошлого. И наконец удостаивается даже памяти прошлых жизней — для чего тогда?

Никакого «теперь» нет. Есть набегающее будущее, мгновенно превращающееся в прошлое, настоящее — это: миг между светом и тенью, нулевая фаза трёхфазного тока, по которой бежит волна вечной перемены плюс-минус между двух противоположных фаз…

Ваши слова об Упанишадах — не бахвальство. Я их ни на секунду не почувствовал таковыми. Разумеется, Вы не собирались писать новые Упанишады, на это даже самый наглый еврей не осмелился бы. Выбрать из забытого знания и забытых книг те крохи, которые будут понятны современному одичалому человеку, во всём разуверившемуся и алкающему веры, как ещё никогда... Которые не посвятят его ни во что, но покажут далёкий огонёк возможного Света на Пути, как огонёк деревеньки в застылую ночь. И это будет уже много, и за это — великое спасибо, ибо кто как не Будда сказал о ценности людей, приносящих в мир хотя бы крупицу счастья. А разве почувствовать, что впереди есть нечто, кроме неудачной жизни и тёмной могилы, — это уже ведь счастье?

«Часто мы занимаемся не тем, чем должны». Но ведь сознание, что занят именно тем, чем должен, свойственно двум полюсам духовности — или самым высокопродвинутым, или тупым идиотам. А наш удел — вечные колебания (не обязательно сомнения — это не одно и то же, колебания, как сделать лучше, и это само по себе признак идущего. Не забывайте об этом никогда!).

Я по-прежнему занят размышлениями на три важнейшие вопроса Кармы, которые меня особенно интересуют как палеонтолога.

1. О нём Вы знаете — право на уничтожение вредоносных, и принципы определения — и вредоносности, и права. 2. Права на самоуничтожение, которое должно вытекать из 3. Права судить высшие силы Судьбы и Промысла.

Я прихожу к заключению, что из-за разности масштабов право судить нецелесообразность и ошибки высших миров имеем только мы — жертвы страдания в плохо устроенном мире, устроенном недодуманно «ими». Не «они», великие и всемогущие, а мы, маленькие их жертвы: и очень интересно, что я нашёл подтверждение этому сразу в двух писаниях: Евангелии от Иоанна: «и дал ему Отец право Суда, ибо он есть Сын Человеческий» и в древней легенде индуизма, где говорится, что Брахма узурпировал себе право создания мира, вопреки другим членам Тримурти — Вишну и Шиве, создал его, «запустив» Махамайю (дни и ночи Брахмы), и тем самым обрёк на великое страдание свои создания, особенно мыслящие (разумные) существа рода человеческого.

И если право суда над ним остаётся за нами, купленное неисчислимыми жертвами и страданиями, тогда следует пересмотреть Карму и, может быть, право ухода из этой жизни, вольного и ненаказуемого, тоже право Сына Человеческого. Это всё вопросы величайшей сложности, но если удастся хотя бы получить намёк на ключи подхода, то это — великое дело...

Напишите о своём здоровье.

Таиса Иосифовна шлёт душевный привет. Я — тоже.

Ваш *И. Ефремов*

П. С. Не понял Вашей приписки. Речь о Святославе или Ираиде Мих[айловне]? И что они должны сделать?

И. Е.

76 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

30 ноября 1971 г.

2, Little Rivers,
Welwyn Garden City, Herts.

Dear Ivan Antonich,

The business about the magazines is certainly annoying. Do make sure exactly how wide the gap between numbers is and I will replace them. I did send a back number or so, I believe, not long ago and I'd be glad to know if the things have started to arrive properly now. If not, I'll collect a few as they come out and send them registered. That seems the only way out.

I did the round of the bookshops recently and managed to find all the books you wanted — all that is with the exception of Valery Taylor's *Stranger on Lesbos.* I couldn't find that even in the "biggest bookshop of the world" as they call themselves. All the rest I have dispatched and you should be getting them any day now. There is one packet of two, one of three and two of one each. Perhaps you would be good enough to let me know which ones arrive (all I trust).

After a marvelous autumn, with almost no rain for three months, the weather suddenly broke in November and we've had some really cold weather, and sometimes even fog! No snow, though. The garden has had a quiet year, as I've been too busy to do anything very much there: marvelous tulips and roses, though. Diana spent a lazy time in the Caucasus and next year hopes to visit Amsterdam, we intend to go again to Italy if we can (especially Venice) this magical city is slowly sinking and we feel that we have to go as often as possible, as if constant watching will prevent it from vanishing. Then to Rome and perhaps, Pompeii. We want to go to Greece, of course, and who knows, we may manage it next year as well. Since Diana got her job at London University, a certain period of prosperity has dawned, and we look forward to our first real carpet soon! D's job may only last one year, however, so joy cannot be unconfined! We shall see.

We are both very pleased to hear of your new book and look forward to another stimulating battle with the critics. I have recently been reading the articles to do with "Andromeda" with great interest. We trust Taissa Iosifovna is well and send our warmest regards.

Alan Myers

P. S. Have you read "Dune"?

Литтл Риверз, 2,
Уэлвин Гардин сити, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Досадно, что так получилось с журналами. Посмотрите, каких номеров не хватает, и я перешлю их. Я как-то вроде посылал парочку, не так давно, и был бы доволен, если бы у вас были теперь все номера. А если нет, то соберу несколько, как только они выйдут, и отправлю их заказным. Мне кажется, это лучший выход из ситуации.

Недавно я обошёл все магазины в поисках тех книг, которые вы хотели — нашёл все, за исключением «Чужестранца на Лесбосе» Валери Тэйлор.

Я не смог найти её даже в «самом большом книжном магазине мира» (как они сами себя называют). Всё остальное я вам отправил и думаю, что вы получите их со дня на день. Там одна посылка с двумя книгами, одна с тремя и две по одной. Я надеюсь, вы сообщите мне, какие пришли (хотя я надеюсь, что дойдут все).

После изумительной осени, когда в течение трёх месяцев почти не было дождей, погода вдруг испортилась в ноябре, и теперь-то у нас действительно похолодало, даже туман опускается! Хорошо хоть снега нет. В саду в этом году мы трудились мало, я был слишком занят, чтобы следить за ним, хотя у нас всё равно цветут изумительные розы и тюльпаны. Диана отдыхала на Кавказе, а на следующий год хочет поехать в Амстердам. Мы собираемся поехать снова в Италию, если сможем себе это позволить (особенно в Венецию), этот чарующий город постепенно уходит под воду, и мы чувствуем, что должны туда ездить почаще, как если бы наше преданное паломничество могло предотвратить его от исчезновение. Потом думаем в Рим, и, может быть, в Помпеи. Конечно же, мы хотим поехать и в Грецию, и, кто знает, может, получится на следующий год это осуществить.

С тех пор как Диана получила место в Лондонском университете, у нас начался период процветания, и мы даже собираемся купить наш первый ковёр! Но работа Дианы может продлиться всего лишь год, так что радости есть пределы.

Мы оба очень рады были услышать о выходе вашей новой книги и предвкушаем активные битвы с критиками. Я недавно с огромным интересом читал статьи, посвящённые «Андромеде»! Надеемся, что Таисия Иосифовна хорошо себя чувствует, и посылаем наши теплейшие пожелания,

Алан Майерс

P. S. А вы читали «Дюну»[1]?

Перевела Анна Лаврова

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

77

Декабрь 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Узнал от В. И. о Ваших невзгодах, о болезни Таисии Иосифовны. Трудно начинать новогоднее поздравление с грустных вещей, и тем больше оснований пожелать Вам обоим в Новом году доброго здоровья, исполнения всех желаний и всяческих наивозможных радостей.

Всего, всего лучшего от всей души!

Ваш
Е. Брандис

[1] Роман Фрэнка Герберта из саги «Хроники Дюны».

78 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
3 декабря 1971 г.

Дорогой Иван Антонович!

Спасибо за тёплое и заботливое письмо... Я так и думал, что Вам достаётся от своего «порождения». Погода и у нас премерзкая, отсюда и самочувствие в какой-то мере...

Вы пишете, что для выполнения воли Учителя избирается уже достаточно продвинувшийся. Правильно в какой-то степени, так как они учитывают и потенциальные возможности человека, и его общее устремление. Но меня ни в какой степени не интересует пребывание в Дхиан-Чохане, в «Нирваническом блаженстве» и т[ому] п[одобных] состояниях. Не нужны мне эти плоды, проживу и здесь, и в других местах без них. Поэтому сам ставлю вопрос — могу выполнить или, точнее, хочу выполнить определённый долг, если он будет мне поручен. Значит, нужно готовиться для его исполнения. А на этом пути, пожалуй, главное — выработка терпения. Терпения во всём, начиная с мелочей жизни и до большого. Ох, как это нелегко!!!

Распространяя «проблески» Великого Учения, мы не учим других, а показываем им Свет, который мы сами увидели и к которому могут стремиться другие, если ХОТЯТ и ВОЛЯТ. А «учить» — это воображать, что даёшь что-то своё. Вот почему я говорил о самомнении. «Помогать ближнему и дальнему, поднимать его — обязанность каждого стремящегося к Пути». На своё место нужно ставить другого.

Настоящего нет, согласен с Вами, но есть «Великое Теперь». Именно теперь мы должны быть устремлёнными, именно теперь мы реализуем наши возможности. Когда это теперь — нужно прислушиваться, — скажут. Всегда ли полезно знание прошлых жизней? ЕПБ в этом сомневается. Я (какое самомнение!) согласен с ней, и вот почему. Память о прошлом обращает наш взор назад. Сказано — «Предоставьте мёртвым хоронить мёртвых!» Посмотрите вокруг: люди стремятся фальсифицировать прошлое, им оправдать сегодняшнее свинство. Историю и то переписывают несколько раз, и всё по-разному... А будущее? На астральном фоне нашей Манвантары оно уже запечатлено. Это итог кармических воздействий на наши поступки, чувства и мысли (главное!). Мы можем только по-человечески исказить его, как это мы «любим» делать со всем, что даётся нам мудрого. И искажение приходит от Манаса, мы не слышим Буддхи, часто не доверяем ему, и вот результат. Может быть, поэтому будущее и скрыто от нас? А то мы обязательно стали бы его обсуждать, а таким ли оно должно быть, а не ошиблась ли Карма (мы же умнее всех!). Ведь таких людей, как Вы — единицы на земном шаре. Я говорю о массах, хотя и не очень люблю это слово (какой-то оттенок пренебрежения!). Ведь смотрите, до сих пор нет в литературе многопланового анализа (и даже попыток к этому) типов людей, показанных Вами в «Лезвии бритвы» и «Часе Быка». Почему? Почему этот «цвет советской интеллигенции» (?) — писатели не могут совершить эту работу? Уровень не тот. Обыкновенные же люди принимают Ваше творчество своими сердцами (это важнее!) и верят Вам и тем, кого Вы показываете в своих произведениях. Люди мечтают об осуществлении Ваших образов Теперь...

Относительно Упанишад я с Вами согласен. Это была моя слабость — мгновенный страх перед колоссальной кармической ответственностью. Признаю…

О тематике Ваших размышлений разрешите поспорить.

С пунктом 1-м я согласен. Помните, в книге «Агни Иога» есть указание, что применяется принцип АДВЕРЗА. Принцип вредоносности определяет тот, кто сиё творит. Он «зарывается» до такой степени, что восстаёт против Света и гибнет. Так бывает и с целыми народами. За примером недалеко ходить — Израиль. Я всегда помню Ваш совет:

— «Как у Фрейи, пусть в локоть лишь меч у тебя, —
Как у Тора гремящего млат,
Есть отвага в груди, — ко врагу подойти,
И не будет коротким булат!»

3-й пункт. — «Права судить высшие Силы Судьбы и Промысла».

— Если Они могут «недодумывать», то как же мы-то можем «правильно мыслить?» Ведь «Право Суда» должно быть только у того, кто умеет «правильно мыслить». (Иначе будет «тройка» и «концлагерь».) А ведь это один из Великих Принципов Будды. Помните:

Требуется очень «немного» для того, чтобы достичь освобождения — 1) правильно мыслить, 2) правильно чувствовать, 3) правильно поступать. Только то… А человечество миллионы лет живёт, и всё только единицы умеют это делать правильно. Так как же мы можем Судить Их? Когда мы чаще всего просто не понимаем Их замыслов!?

Давайте будем оперировать Евангелиями, пожалуйста:

— От Матфея, гл. 26, 39 — «И отошёл немного, пал на лицо своё, молился и говорил: Отче мой! Если возможно, да минует меня чаша сия, впрочем не как я хочу, но как Ты.»…

— От Марка, гл. 4, 24 — «И сказал им: замечайте, что слышите: какою мерою мерите, такою отмерено будет вам и прибавлено будет слушающим»…

— От Иоанна, гл. 5, 30 — «Как слышу, так и сужу, и суд мой праведен, ибо не ищу моей воли, но воли пославшего меня Отца»…

Так что видите, Евангелие против Суда над Высшим. И в этом оно право. И уж с пунктом вторым — в корне не согласен, ибо невозможно уничтожить Себя, а тело уничтожить не имеет смысла…

Что же касается этого физического тела, то будет и у Вас время, когда Вы будете жить «столько, сколько посчитаете необходимым и приятным». А затем, не умирая, перейдёте в другое тело (точнее, оболочку): человека ли или другой формы.

Закон Кармы — Великий Закон Причин и Следствий — не подчиняется никаким богам. И никто не может вырвать себя из этого мира страданий. Но Милостивый говорил, что нет страданий… то, что мы принимаем за страдания, — порождение нас самих, наших собственных мыслей, желаний и поступков. Не хотите страдать — возьмите под контроль мысли, желания и поступки. Не можете — учитесь, тренируйтесь, работайте и сможете. Жестоко??? Нет, справедливо, так как эта жестокость не со стороны, а изнутри.

Мы создаём причины страданий, иногда даже любим страдать, любуемся собой, и роптать порой бывает очень приятно. Серьёзно, я не вижу виновных ни вверху, ни внизу, ни вокруг в сотворённых мною самим глупостях, которые

я иногда делал по невежеству, а иногда и по «вежеству»!.. Так кого же мне судить? Дхиан-Коганов за мои глупости? Нелепо…

А разве можно сравнить все «страдания» с той радостью, которую я получал на протяжении всей своей жизни от встреч с «Вестниками», от тех крупинок Мудрости, которые я познал и воспринял. Не воспринял больше? Так идти нужно «своими ручками и ножками», кого же мне судить? А то чувство охраняемости, которое я испытываю всегда? Разве это не радость?

Они тоже не всегда были такими, какими являются сейчас, были и такими, как мы, но добились своего развития, и не путём карабкания по чужим плечам, как это часто делается в современном обществе так называемого человечества… Ну, а если Они что-то «не умеют делать как надо», так мы даже и так-то не умеем делать, как они делают, отказавшись от всех льгот, взвалив на себя непомерный труд воспитания таких, как мы, дебилов…

Сомневаюсь, чтобы Брахма смог «узурпировать» что-то, да ещё у Шивы. Шива — символ ИОГИЗМА. А любой Адепт должен быть Раджа-Иогом. Узурпируй у Него — попробуй. Просто Брахма — обыкновенный «механик», обязанность которого «запускать» очередную Манвантару. За что же его судить? Вам бы поручили эту работёнку, в чём была бы Ваша вина? Так должно быть…

Отвечаю на запрос о здоровье.

Я избегаю пока принимать что-либо, кроме валериана и валидола. Наши врачи не находят каких-либо органических изменений в сердце, в аорте имеется отложение извести с оных лет (что с ним поделаешь?) и реально существует спазматическое сужение сосудов, особенно ног, что вызывает перебои в сердечной деятельности, нарушение его пульсации, аритмию, что ли. Реально существует также «головокружение» (не от успехов!) временами, т. е. «шарахание» в левую сторону (и всегда в темноте, если стою, при ходьбе редко). Врачи дипломатично говорят о «склерозе», а что такое склероз? Это вроде разговоров о «нарушении обмена веществ» и вытекающих из него тысячи бед. Нарушение тоже находят у меня. Оно выражается в выпадении «песка» в желчи, иногда (было раз) — в мочеточнике. Но никто ничего реально не предлагает, за исключением необходимости вести «полурастительный» образ жизни. Это не для меня. Я пытаюсь (в свою очередь, очевидно, мало обоснованно) всё свалить на нервную систему. Но это такая же фраза, как и нарушение «обмена веществ».

Какие же лекарства мне принимать, когда у меня временами бывает «мировая скорбь», «беспричинные» боли в сердце и желание большой радости (признак детства, не правда ли?).

Винкапан, как написано в приложении, лечит от повышенного давления, а у меня, хоть и паршивенького, но иога, оно держится в пределах 75—130 (при 65-летнем возрасте!). Кровь по составу «образцово-показательная». Вот временами скапливается в пузыре желчь (ну это, наверное, от характера!), да побаливает в паху, лечу эту болезнь «возложением» своей руки — помогает!

Ироническое отношение к себе болезни выдерживают с трудом, а то и вовсе не выдерживают. Если бы Вы знали, каким я был неуравновешенным в прошлом, до знакомства вплотную с иогой, то просто удивились бы метаморфозе. Много досталось мне и за рождение в Нагасаки, и другие кармические следствия прошлых жизней. Но это для личного разговора, а не для письма.

Так чем же мне и от чего лечиться? На это ответил бы мне, наверное, психоневропатолог, знакомый с Учением. И только… Думаю, что это в Ваших силах.

В приписке я «пожаловался», что Ир[аида] Мих[айловна] сказала мне, что пришлёт фото Рерихов (кроме Святослава, конечно, зачем он мне?) и ещё кое-какие фото своего альбома, но ничего не сделала, передумала, вероятно. Может быть, затерялся мой адрес. Писать мне ей об этом вряд ли удобно, будет навязчивостью, а «пожаловаться» — всё же легче.

Пусть всегда будет радость и здоровье, Свет Милостивого с Т. И. и Вами.

Сердечно Ваш
Портнягин

И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[1] 79

Москва
5 декабря 1971 г.

Многоуважаемый Павел Фёдорович!

Премного благодарен и за присланную книгу и (с множеством других почитателей Н. К. Р.) за то, что Вам удалось хотя немного, да опубликовать.

Как насчёт публикации «Алтай — Гималаи»? А. А. Юферова сказала мне о болезни Гаральда Феликсовича. Насколько это серьёзно? Что это? Результат его безумной гонки по горам? А как Ваше собственное здоровье? Когда собираетесь в Москву?

С искренним уважением и приветом от меня и Таисы Иосифовны,
Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. Н. ГАНИЧЕВУ 80

Москва
14 декабря 1971 г.

Директору Издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
тов. В. Н. Ганичеву

Многоуважаемый Валерий Николаевич!

Я написал новый роман «ТАИС АФИНСКАЯ» — исторический, не по профилю научной фантастики, в каком я в последнее время выступал в Вашем Издательстве. Я бы очень просил Вас лично познакомиться с этим романом, потому что он (как обычно бывает у меня) преследует несколько иные цели, чем уже публиковавшиеся исторические или историко-приключенческие романы. Одной из наиболее «опасных» для наших привычек чертой романа является налёт эротики, зачастую встречаемой враждебно критиканствующими товарищами.

Я, однако, убежден, что противопоставить напору зарубежной «сексуальной революции» и попросту порнографии мы можем только чистую физическую любовь и книги, подобные «Суламифи» Куприна, а не ханжеские запреты, кото-

[1] Почтовая открытка с иллюстрацией Л. Владимирского к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

рые всё равно ничему не помогут, как не помогли в своё время запреты Фрейда вместо литературно-художественной борьбы с фрейдистским нигилизмом. Поэтому я попытался в своём новом романе показать религиозные корни сексуальных запретов и суеверий, приведшие в конце концов к сексуальному безобразию настоящего времени, едва только ослабли путы христианства. Как это у меня получилось — судите сами. На мой взгляд, эротическое напряжение романа минимально, однако, возможно, широкий читатель (а особенно — критик) окажется к этому непривычен.

Я прошу Вас прочесть мой роман ещё и потому, что если в самом деле пойдёт моё собрание сочинений, то в случае Вашего одобрения его издать можно будет только в наступающем году, а не в годы, когда пойдут первые томы собрания сочинений. Отдавать же его в другое издательство мне без Вашего ведома кажется неэтичным.

Может быть, если Вы посчитаете, что за роман нужно сразиться с «оппозицией», я попытаюсь попросить прочесть роман авторитетное лицо, во всяком случае тогда не буду спешить с изданием или обращением в другое издательство.

С интересом ожидаю Вашего впечатления — ведь Вы — историк тоже! Роман Вам передаст С. Г. Жемайтис, который враждует с «эротикой», это наш камень преткновения уже много лет.

С искренним уважением и приветом,
И. А. Ефремов

81 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Бетесда, Мэриленд
15 декабря 1971 г.

Dear Professor Efremov:

I have received your package with copies of Lesevich's papers. I appreciate your favor. It must have taken much of your time and caused you many problems. It was extremely interesting to read about the philosophical treatment of geology and astrogeology during the 1870s. And here we are almost in the 21st century, arguing about the same things.

I thank you for your offer to send Olga an amber necklace. This, however, is not necessary and she appreciates your kindness. Also, do not send the book "Rus Veleekaya", I have already received it from you several years ago, but it was borrowed from me and returned only recently.

The references on "taphonomy" you sent me will be included in the article. The two bibliography cards written by Hecker himself are a collectors item, and I again thank you for the personal attention you give to these matters.

I am certain that Mr. Dodson will appreciate your book on taphonomy, not only because of its rarity, but mainly because of its historic value in geology. In case you cannot make reprints and you will need the original copy for yourself, I will be happy to return to you the copy you have sent me.

I have finally received some of the books you requested. They have been mailed separately and include the following:

Le Guin, The Left Hand of Darkness
Skinner, Walden Two

_____, Beyond Freedom and Dignity
Sauer, Voyages, Scenarios for a Ship called Earth
Weltfish, The Lost Universe: The Way of Life of the Pawnee
Rohmer, Daughter of Fu Manchu
Heinlein, 6xH
_____, Farnham's Freehold
Herbert, Dune
Clarke, 2001, A Space Odyssey
Mason, Satellite 54-Zero
Toynbee, Greek Civilization and Character
Adamson, Born Free
Hubbard, The Search is On (with the authors signature)
Hoyle & Eliot, Andromeda Breakthrough
del Rey, The Eleventh Commandment
editors, The Best from Fantasy and Science Fiction (16th Series).

More are to come. I hope you will receive the above shipment in tact.

I hope your health will improve! Here in USA, the temperatures are very warm, and it's almost January. Maybe the Buddhists have not included North America in their forecast. Please get well.

Regards to your wife!

George Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Получил ваш пакет со статьями Лесевича. Очень признателен. Должно быть, их поиски заняли у Вас немало времени. Было чрезвычайно интересно читать о философском подходе к геологии и астрогеологии в 70-х годах XIX века. И вот теперь, на пороге XXI века, мы спорим почти о том же.

Благодарю за предложение прислать Ольге янтарное ожерелье. Но право, не стоит беспокоиться, она и так ценит Вашу доброту. И книгу «Русь Великая» отправлять не надо, Вы мне её уже прислали несколько лет назад, но у меня брали её почитать и вот только недавно вернули.

Все Ваши замечания и ссылки по тафономии будут включены в статью. А две библиографические карточки, написанные рукой самого Геккера, имеют просто коллекционную ценность. И я хочу ещё раз поблагодарить Вас за такое внимание.

Убеждён, что мистер Додсон оценит Вашу книгу о тафономии не только как редкий, но прежде всего как исключительно ценный источник для истории геологии. Если переиздание по какой-то причине невозможно и Вам необходим будет экземпляр, буду счастлив переправить обратно тот, который Вы прислали мне.

Наконец поступила часть заказанных Вами книг. Следующие из них уже отправлены Вам почтой:

Ле Гуин, «Левая рука тьмы»
Скиннер, «Уолден–2»
_____ «По ту сторону свободы и достоинства»

Сауэр (ред.) «Странствия: Сценарии для корабля под названием Земля»[1]
Уэлтфиш, «Затерянная вселенная: жизненный путь пауни»[2]
Ромер, «Дочь Фу Манчи»[3]
Хайнлайн, «6×Н»
_____, «Свободное владение Фарн[х]эма»[4]
Херберт, «Дюна»[5]
Кларк, «2001: Космическая Одиссея»[6]
Мейсон, «Спутник 54-Зеро»[7]
Тойнби, «Греческая цивилизация и характер»[8]
Адамсон, «Рождённая свободной»[9]
Хаббард, «Неутомимые искания» (с автографом автора)[10]
Хойл и Эллиот, «Дар Андромеды»[11]
дель Рей, «Одиннадцатая заповедь»[12]
сборник «Лучшее из фэнтези и научной фантастики» (16-й выпуск)[13].

Остальные вышлю позднее. Надеюсь, вы получите перечисленное выше в целости и сохранности.

Желаю Вам скорее поправиться! Здесь, в США, стоит очень тёплая погода, хотя уже почти январь. Вероятно, буддисты не включили Северную Америку в свой прогноз. Поправляйтесь!

Наилучшие пожелания Вашей жене!

Джордж Рабчевский

Перевела Лариса Михайлова

---

[1] Антология научно-фантастических произведений об экологических катастрофах.

[2] Американская исследовательница описывает ритуалы и обычаи индейцев прерий пауни на протяжении года.

[3] Вышедший в 1931 году приключенческий роман английского автора из серии о восточном злом гении, воплощении коварства и изворотливости докторе Фу Манчу.

[4] Название сборника Р. Э. Хайнлайна из шести разноплановых его рассказов «6 × Н: Six Shocking Penetrations into the Unknown» переведено на русский как «Неприятная профессия Джонатана Хога». Роман «Свободное владение Фарнхэма» — о выживании в постъядерном мире.

[5] Первая книга из «Хроник Дюны» Фрэнка Герберта.

[6] Книга, писавшаяся Артуром Кларком параллельно со съёмками одноимённого фильма Стэнли Кубриком. Перевод на русский язык выпущен в несколько сокращённом виде с предисловием И. А. Ефремова издательством «Мир» (1970).

[7] Вероятно, данный роман привлёк внимание И. А. Ефремова обложкой, где была изображена кентаврица: кентаврица — экслибрис Ефремова.

[8] Классический труд по сравнению цивилизаций британского культуролога Арнольда Тойнби.

[9] Книга Джой Адамсон о львице «Рождённая свободной» (1960) была издана на русском языке в СССР в конце 1960-х гг.

[10] Книга посвящена сайентологическому познанию «психики другого».

[11] Научно-фантастический роман о моральных проблемах контакта с инопланетным разумом, издан на русском языке в 1968 г.

[12] Роман о проблемах перенаселения. На русский не переводился.

[13] Сборник лучших произведений из журнала «Мэгезин ов фэнтези энд сайенс фикшн» под редакцией Э. Фермана.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ

82

Москва
16 декабря 1971 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Получил Ваше письмо и вырезку. Спасибо за неизменную доброжелательность и память.

Печёнка Ваша для меня всё же сомнительна. Впрочем, все системы эти настолько между собою связаны, что, когда после определенного возраста она начинают разлаживаться, то лишь длительное наблюдение сможет установить, где голова и где хвост. Так что внимания к своему сердцу не ослабляйте!

У нас ничего хорошего. Тасенька подхватила пресловутый «гонконг A_2», и он осложнился воспалением легких — двусторонним. Сейчас температура нормальная, но ещё не меньше недели колоться пенициллином и стрептомицином, и лежать тоже не меньше. Меня миновал пока оный гонконг, а то с моим сердцем и плохим малым кругом мало ли что…

Как раз накануне Тасиного заболевания мы с ней закончили последние вставки и исправления в «Таис». Теперь её уже прочитал Жемайтис, и она ему не понравилась — у нас с ним вечный камень преткновения — так называемая «эротика». Я не вижу в романе ничего сугубого, не заметили и Вы, когда читали примерно половину, где как раз больше «гетерического», чем в последующих главах. Теперь будет читать сам Ганичев, и другой экземпляр читает Мирошниченко, тот самый зам[еститель] глав[ного] редактора «Молодой гвардии», который объявил в «Литературке», что будет печатать исторический роман Ефремова — «продолжение “Часа Быка” на исторической основе (!)».

Посмотрим, как оно будет. Убирать «эротику» не позволю, пусть полежит, как в своё время «Ойкумена», «Баурджед» и даже «Туманность».

Насчёт собрания[1] пока ничего ясного. Оказывается, необходимо позволение Комитета по делам печати, а оного позволения всё нет и нет. Жемайтис как-то туды и сюды, и я его понимаю. Он хочет и собрание издать, и не остаться без бумаги для других своих проэктов. Как это выйдет, ещё не знаю и, не получив чёткого ответа, не могу предпринимать иных шагов. А время идёт…

Приветствуйте Евгения Павловича, скажите, что пока никому не пишу — не до того.

Всему милому семейству — приветы и лучшие пожелания к Новому Году. Наталии Алексеевне — отдельный и с пожеланием здоровья.

Вас — обнимаю и желаю продуктивного Нового Года. Он будет трудным — високосный и по буддийской диаграмме — год наинизшего спада, — после него — подъём вверх…

Всем привет от Тасеньки.

Ваш: *И. А. Ефремов*

---

[1] Имеется в виду издание полного собрания сочинений И. А. Ефремова.

83 П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

17 декабря 1971 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Благодарю Вас за тёплые слова. Относительно «Алтай — Гималаи»[1] мало знаю. «Проталкивает» их Юрий Константинович. Я беседовал с ним в сентябре и не обнаружил в нём полной уверенности, что всё пройдёт гладко, хотя книга и включена в серию «Путешествия и открытия XX века»[2]. Юрий Константинович высказал даже мысль, что, может быть, придётся дать в совокупности выдержки из «Сердца Азии»[3] и «Алтай — Гималаи». Но, — всё может случиться. Тот вариант «Алтай — Гималаи», который оказался у Ираиды Михайловны, очень интересен. По этому экземпляру Н. К. Р. подготовлял английское издание и вычёркивал то, что в английском не прошло бы. Но есть в этой рукописи и серьёзный недостаток. Она в какой-то мере является черновиком, т.к. самим Н. К. к печати не подготовлялась. Рукопись потребует и многих комментариев. В ней изобилие имён, а среди них много нерасшифрованных (только инициалы).

Я готовлю к 100-летию[4] подборку «Листов дневника»[5], которая включит примерно двести очерков. Основная часть этой подборки уже рассмотрена И. Свиридовой из Института истории искусств и одобрена. Судя по последнему её письму, Институт входит в издательство с предложением заключить со мной договор на публикацию всех этих материалов.

Неделю тому назад откорректировал уже в гранках книгу в серию «Жизнь замечательных людей»[6]. Обещали, что в первом квартале 1972 года уже выпустят из печати, но верится с трудом, что так скоро. Книга (вернее, рукопись) шла чрезвычайно трудно. Я пригласил соавтором В. П. Князеву, т.к. она уже имела «имя» благодаря двум монографиям о Рерихе, но писал книгу совершенно самостоятельно, зачастую преодолевая её сопротивление. Человек она очень порядочный, но, конечно, отказываться от собственных утверждений в предыдущих изданиях ей было нелегко. Тем не менее, она имела такое мужество. Дело усложнилось тем, что рукопись получила две противоположные по характеру рецензии. Одну — очень положительную (востоковедение, мировоззрение, научная часть) и вторую — больше чем отрицательную. Вторую написал искусствовед, большой сторонник Бенуа, с явной попыткой не допустить выхода книги. Попытка с его стороны вполне понятная. Чтобы «дать дорогу» Рериху — мыслителю и учёному, я довольно чётко провёл по всей рукописи линию раздела между Востоком и Западом, линию, очень для Бенуа не выгодную. В результате и последовала резко отрицательная рецензия. Однако искусствовед, не расчитывая, что у меня на руках имеются некоторые мало доступные архивные материалы, кое в чём «запоролся», и я смог не только разбить выставленные им положения, но и ещё больше

---

[1] Книга Н. К. Рериха.

[2] Серия книг «XX век: Путешествия. Открытия. Исследования» выпускалась издательством «Мысль» в 1972—1976 гг.

[3] Книга Н. К. Рериха.

[4] Имеется в виду 100-летия со дня рождения Н. К. Рериха.

[5] Книга Н. К. Рериха.

[6] Беликов П. Ф., Князева В. П. Рерих. Серия «Жизнь замечательных людей». — М., 1973.

усилить противопоставление «Восток — Запад» в периоде возникновения «Мира искусства». Редактор встал на мою сторону и, кое-что (точнее, около одной пятой) сократив в рукописи, одобрил её. Рукопись пошла привычным ходом по инстанциям — заведующий редакцией ЖЗЛ и зам[еститель] главного редактора «Молодой гвардии», курирующий вопросы эстетики. Каждый из них счёл нужным «подрезать» ещё несколько страниц, и в начале сентября директор подписал рукопись к набору. Сокращение рукописи, конечно, произвело в рукописи «крен», которого испугалась мой соавтор (опять-таки из-за Бенуа), причём так перепугалась, что стала требовать от меня, чтобы я взял рукопись из набора обратно и переделал некоторые места. Это, конечно, задержало бы книгу неизвестно на сколько времени. В конце концов удалось всё-таки уговорить и соавтора. Но книга, кажется, получится довольно «острая» и, безусловно, кому-то должна не понравиться. Впрочем, как мне сейчас представляется, все неудовольствия могут быть направлены только на авторов (здесь опасения Князевой имеют основания), самого Н. К. мне удалось защитить такой «бронёй», против которой вряд ли кто захочет испробовать твёрдость своих полемических копий.

В общем, — сражение было довольно серьёзным, но думаю, что теперь уже ничто не помешает выходу книги. Конечно, она будет не такой, как мне самому этого хотелось (пришлось допустить и несколько чуждых фраз, навязанных на высших инстанциях издательства), но, может быть, она хорошо выполнит своё назначение — шире открыть двери для публикаций к 100-летнему юбилею.

По последним сведениям, Гаральду Феликсовичу уже значительно лучше. Это у него уже второй удар. Здесь виноваты не только горы. Всю свою жизнь он прожил на каком-то самом «высоком напряжении», и где-то произошла та невосполнимая перегрузка, которая нарушила «закон сопротивления материалов». Именно от этого он всегда старался предохранить своих пациентов, но сам уберечься не смог. Если в каждом деле существует некая «полная мера отдачи», то у него везде, во всех его делах отдача заходила за пределы этой меры.

Однако я сильно заговорился. Прошу передать от меня большой привет Таисии Иосифовне и принять самые искренние пожелания хорошего здоровья и всяческих успехов в наступающем новом году.

Ваш *П. Беликов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО

Москва
17 декабря 1971 г.

Дорогой Борис!

Большое спасибо Вам и Ларисе за приятную посылку. Правда, я ругал моряка за плохую погрузку — укладка груза произведена неверно.

Селёдку надо было завернуть ещё или отделить слоем бумаги от нижнего слоя яблок. Яблоки очень вкусные, туфлёшки — приятные, и я сам не прочь получить такие, только мне надо 44 размер, а Тасеньке — ещё на два номера меньше, чем те, которые прибыли. Они пойдут Ольге.

Только написал эти строки, как мои женщины меня изругали. Велят передать, что всё прекрасно, и яблоки очень вкусные, и туфельки будут носить сами. Яблоки пришлись кстати. Тасенька очень больна — вирусный грипп

«гонконг-A_2» осложнился двусторонним воспалением лёгких. Теперь уже нормальная температура, но лежать ещё долго, и она сильно сдала — голосок стал совсем тонкий и едва слышен. Енот поселился у нас и помогает.

Стихи, что прислали, — чепуховские. О больших темах и больных нельзя писать в таком ёрническом тоне. Могу прислать назад, а могу и выкинуть, что лучше. Насчёт английских книг. У меня нет ничего научно-исторического, которое годилось бы для переводов. Разве историко-географические штуки, вроде истории открытия Голубого и Белого Нила знаменитого Алана Мурхеда? Или художественные биографии Чингиз-хана? Или путешествия Ливингстона по Африке и некоего лорда по Индии? Буду искать.

Насчёт опубликования очерков: Жемайтис не имеет никакого отношения к редакции журнала «Молодая гвардия», а там сейчас сменилось всё руководство. Мне думается, что будет гораздо лучше, если Вы будете выступать в качестве периферийного журналиста-очеркиста. Сейчас очень носятся с показом, что литература и многонациональна, и из самых разных мест СССР, поэтому провинциалу, как ни странно, гораздо легче напечататься, чем москвичу. И требования меньше, и вне «очерёдности». Но посылать надо именно в Москву, а не в Ленинград, например, потому как Москва — сосредоточие и т. д. Кроме «Молодой гвардии» есть ещё «Дружба народов», «Юность», «Знамя», «Октябрь» и т. д. Можно печатать и в «Смене», и в «Сельской молодёжи», смотря по теме.

Сердечные и нежные приветы Вам, Ларисе и Юльке и наилучшие пожелания на Новый, 1972 год, от всех нас — Тасеньки, Енота и меня.

А насчёт беспокойного сна и крика Юльки — пусть Лариса посмотрит, досыта ли она кормит. Мне кажется, что дочь очень сильно раскормлена, и её нельзя просто недокармливать, а надо это делать, как-то снижая калорийность еды, а если Лариса ещё продолжает подкармливать молоком, то ослабить сахарное и кашки, особенно манную. Творог хорош!

С искренним приветом, Ваш
И. Ефремов

P. S. Мои женщины неугомонные:

а) Тасенька беспокоится, не надо ли чего для Юльки, что трудно достать у Вас и легче в Москве.

б) Енот спрашивает насчёт Вашей печёнки — как она?

И. Е.

85 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[1]

24 декабря 1971 г.

Дорогой и многоуважаемый Павел Фёдорович!

Мы с Таисой Иосифовной от души поздравляем Вас с Новым 1972 Годом (белой мыши) и желаем здоровья и дальнейших шагов на Вашем благородном пути.

Ваши *Ефремовы*

[1] Почтовая открытка: Украшения из хризолита. Бриллианты, хризолиты, золото, серебро. Середина XVIII века. Алмазный фонд СССР.

И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫ — ДМИТРЕВСКИМ 86

28 декабря 1971 г.

Дорогого Владимира Ивановича с Наталией Алексеевной, Козой, Катюшкой и Сережей[1] поздравляем с Новым 1972 Годом и желаем всем здоровья, наивозможного благополучия и всего светлого.

Ваши *И. А. и Т. И. Ефремовы*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК[2] 87

Декабрь 1971 г.[3]

Дорогая Галя!

От души желаем Вам и Вашим родителям счастливого 1972 года, здоровья и всего светлого.

Т. И. и И. А. Ефремовы

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ[4] 88

Москва
Декабрь 1971 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Примите от нас с Таисой Иосифовной сердечные поздравления с Новым 1972 Годом (белой мыши) с пожеланиями здоровья, интересных дел и всего светлого.

Ваши *Ефремовы*

П. С. Т. И. сильно болела (воспаление лёгких), и я тоже эту… зиму чувствовал себя неважно. Поэтому пока нечем похвастаться.

П. П. С. Когда однажды М. Волошина просили быть учителем, он ответил: «На Западе учитель гонит перед собой стадо изнасилованных истиной, а я не погонщик по природе».

И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫ – Ю. Н. и Э. В. ЗАЙЦЕВЫМ[5] 89

Декабрь 1971 г.[6]

Милых Ёлочку и Юрия Николаевича и, конечно, Юрия Юрьевича с Новым годом!

Желаем здоровья, всяких успехов и всего Доброго и Светлого! Как Ваши дела?

Ваши *И. А. и Т. Ефремовы*

---

[1] Катюшка и Серёжа — дочь и муж Татьяны Дмитревской.

[2] Почтовая открытка: Московский балет на льду. «Лошадки». Фото М. Муразова.

[3] Датируется по содержанию.

[4] Открытка с иллюстрацией палехского художника А. Куркина к «Сказке о Золотом петушке» А. С. Пушкина.

[5] Новогодняя открытка.

[6] Датируется по содержанию.

1972

1 В. САВЕЛЬЗОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

1972 г.[1]

Уважаемый Иван Антонович!

Был я недавно в местах, сердцу Вашему памятных и милых, — в Горном, в Уранбаше, карабкался по старым выработкам.

Материалы этой поездки посылаю Вам, надеюсь, они Вам, как емшан[2] в стихотворении Майкова, напомнят многое.

Фото немного не получились, но разобрать всё же можно: отвалы, вишарник[3], полынь и ковыль и клёны полосой по Горному и речке. Камни же для Вас, конечно, — азбука, я же понял только, что синее и зелёное — это следы меди. Быть может, 43 года назад Вы эти самые камешки выбросили за ненадобностью, а я вот подобрал. Плохо вышел дом и доска на нём, но при Вашей фантазии представить можно.

Старики Камневы Вам кланяются, правда, они почему-то не могут представить себе писателя-современника и по деревенской наивности не могли понять: как это — писатель, да вдруг живой? Но расположило меня к ним то, что они не стали врать, как спасали Вас и давали мудрые советы (а ведь могли бы, сколько «воспоминателей» сейчас развелось!). Кроме того, что я писал в газете, вспомнила бабка, как ходила к Вам муки занимать, сулила отдать белой, а Вы сказали, что ржаной хлеб любите.

Два года назад, после передачи (а она у нас уже несколько раз повторялась) Вы писали, что теперь на очереди эпоха Александра Македонского, а потом Русь после 1240 года. Как идут эти вещи, что-то ничего не слышно?

«Сподвижник» мой Г. Саталкин уехал в Горловку, работает в газете, я по-прежнему на радио. Хочу сознаться в одной слабости: предел моих ночных грёз — иметь книгу с Вашим автографом, если не затруднит, конечно.

---

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Емшан* — то же, что и полынь. Имеется в виду стихотворение А. Н. Майкова «Емшан» (1874 год):

Ему ты песен наших спой, —
Когда ж на песнь не отзовётся,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернётся…

[3] *Вишарник* (диал.) — заросли дикой вишни.

Будьте здоровы — самое главное — и продолжайте писать!

С уважением,
В. Савельзон

P. S. «Полень» в газете — это не моё, а корректоров.

Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ и Б. Г.[1] 2

2 января 1972 г.

Многоуважаемые Зоя Ивановна и Борис Григорьевич!

Мы оба, Таисия Иосифовна и я, от души поздравляем вас с Новым 1972 годом, желаем здоровья и всего светлого.

Ваши *Ефремовы*

P. S. Мне не удалось ответить на Ваше милое письмо по стечению обстоятельств — сильной болезни Таисии Иосифовны (двустороннее воспаление легких после гриппа) и последних дополнений в рукопись новой книги перед сдачей в издательство.

Роман получился в 630 стр[аниц] 17 глав, и называется окончательно «Таис Афинская». Те, кто читал, находят интересным, и мне самому кажется — он получился. С напечатанием пока неясно, т.к. редакторы находят роман «излишне эротичным». Я с ними не согласен, ибо они не понимают эротику и не отличают её от... порнографии. Поэтому, если они будут настаивать на своём, я возьму роман обратно — пусть полежит дома, как «вылёживались» прежде «Ойкумена», «Баурджед», даже «Туманность». Из-за этих неясностей не могу пока Вам точно ответить — где и когда будет печататься роман. Выяснится — сообщу.

Вы спрашиваете о здоровье. Не очень! Вероятно, из-за адски переменчивой погоды в конце осени и зимой.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 3

Москва
6 января 1972 г.

Дорогой Борис!

Пока самой подходящей мне показалась книга Хейердала «Кон-Тики» — документальный репортаж и современный. Попробуйте.

Стихи прилагаю.

Привет Ларисе, Вам и Юле от всех.

Ваш
И. Ефремов

---

[1] Поздравительная открытка. Фамилию Бориса Григорьевича, мужа З. И. Рычковской, установить пока не удалось.

4 И. А. ЕФРЕМОВ — С. Г. КЛЯШТОРНОМУ

7 января 1972 г.[1]

Многоуважаемый Сергей Григорьевич!

Поздравляю Вас с Новым 1972 Годом и желаю здоровья, новых открытий и всего светлого.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

P. S. Спасибо за интересную статью и память. Не писал Вам ранее из-за сильной болезни.

И. Е.

5 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
20 января 1972 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

The New Year has already gotten underway and I have been very bad about writing to you. So much happens that time just seems to go by at a terrifying pace. I was very happy to get your letter a while back and as usual to get a great "lift" from all that you had to say. I have been doing some preparatory work on the book we talked so much about and one of these times will be ready to sit down and start putting it on paper. That is a slow process and will come only at length.

Things have been busy as usual here. Over the late December Holidays Lila and I went to Indiana and stayed a few days at my daughter's house. We had helped a little in the buying and were anxious to see the family in its new setting. It is a moderate size white house which needs a coat of paint but is "homey" and gives the children lots of running room. While there the other children, not really any more children, but at least younger people came by and so there was a fine reunion. Then, however, for Christmas another group came along and one of them had the "flu" which is going around pretty lively here. Lila managed to get it and was quite sick. She didn't get out of the house, after we returned, for almost three weeks. I just went along with a very mild set of symptoms.

I had a lot of fun last fall teaching a beginning course in evolution where I took off a long way from the usual sort of thing and tried to get at what it really was all about. It seemed to go over quite well. I had written, as I may have mentioned, about two thirds of a preliminary text for the course last summer. It seemed to do pretty well and if I get some time during the next year, I will try to put it together and get it out. It has to have lots of pictures.

We are shaping things up here in the University to make a biology department out of our botany and zoology Departments and while I think it is a good idea, we are finding it a very busy time. The Chairman of Botany doesn't do much about

[1] Открытка. Дата по штемпелю на конверте в Москве. Штемпель на конверте в Ленинграде от 11 января.

anything, which is one reason we need a new organization, and so I get stuck with most of the prodding. But being restless and always liking change I seem to do it anyway. The new Department is supposed to go into operation on the first of July this year and I expect it will. It will have a faculty of over fifty people so will be quite an organization. Hope it works out.

The mood in this country, as in many places, I find, is that the students should have a lot to say about the whole run of the University and especially about the teachers. The young, as always, feel that they know best and all about it, but nowadays the adults seem to believe them. One of our modest students was heard to say that he didn't really feel competent to hire faculty members but he sure was competent to fire them. So much of the freedom and delight and free interchange with students goes out of the air when this sort of thing comes in. We have a suggestion, or stronger move, now from "above" to appoint a permanent committee of say three staff members and three students to "evaluate" each professor year by year and make a report to the Chairman for his use in recommending promotions and such. Good God — if one there be. The trouble is that education has become a right not a privilege as it should be. Too many "students" there only because it is the thing to do and the road to a good position. Right unfortunate affair, as the Texans would say.

There is not too much along scientific lines to report, I have the Chickasha Diplocaulus written up and in press and am serially sectioning a brain case of Cotylorhynchus to see what it is all about. It seems very strange. I hope to get a good long field season in next summer and get some new materials. I am sort of short right row.

Well so it goes. I am keeping an eye out for books that you mention. We are not in a good "book hunting" area here and have to go a ways, but one of these times we will get there. I hope the National Geographic keeps coming. If it doesn't please let me know.

I hope you are well and that Taya is now O.K. also. Everyone here has been down with the flu. With the usually nice weather here it shouldn't happen, but it does. Over the last week end we had the most wonderful summer weather, with temperatures in the 80's F and bright sun. Now it has gone back to the more usual cooler days and foggy mornings and nights. I hope yours has not been too cold.

I "guess", which always tickled Professor Orlov, that I have gone on long enough. We still talk of the wonderful time we had last summer and I only wish we were going to be on the go again this next year. But I think we will stay at home except for field work. Then next year things will be different and we will get out in the world somewhere, if all holds stable.

Anyhow, all goes well if busy and I hope on your side as well.

Always your deep friend,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Новый год уже идёт своим чередом, а я никак не соберусь Вам написать. Столько всего происходит, что время просто несётся. Я был очень рад Вашему письму, которое пришло несколько дней назад и, как всегда, воодушевило

меня. Я делаю подготовительную работу для книги, о которой мы так много говорили, и скоро наконец сяду и начну писать. Процесс небыстрый и займёт немало времени.

Тут мы, как водится, без дела не сидели. На праздники в декабре мы с Лайлой поехали в Индиану и несколько дней гостили у дочери. Мы немного помогли ей с покупкой дома, и хотелось посмотреть, как они его обживают. Это средних размеров белый дом, который требует покраски, но вполне уютный, а детям хватает места, где побегать. Пока мы там находились, приехали проведать выросшие дети, поэтому вышла чудесная семейная встреча. Но на Рождество туда нагрянули ещё гости, и кто-то приехал с гриппом, который у нас тут сейчас свирепствует. Лайла заразилась и заболела довольно сильно. По возвращении домой она не могла выйти из дома без малого три недели. Меня грипп почти не задел.

Прошлой осенью я с удовольствием вёл введение в курс эволюции, где я довольно далеко отклонился от обычных тем и постарался довести до студентов сам смысл предмета. Похоже — получилось. Как я уже упоминал, текст я на две трети подготовил за лето. Он свою службу сослужил, и теперь, если выдастся время, то в будущем году доделаю до конца и выпущу. Там должно быть много иллюстраций.

В университете мы потихоньку сливаем ботанику и зоологию вместе в один, биологический, факультет, лично считаю это полезным, но в результате время у нас сейчас горячее. Со стороны ботаники руководитель практически ничего не делает, из-за чего, собственно, нам и необходимо такое объединение, поэтому толкать приходится всё мне. Но по своей беспокойной натуре я ввязался и толкаю. Новый факультет должен начать работу 1 июля текущего года, что, надеюсь, и произойдёт. Он объединит более пятидесяти преподавателей, то есть будет довольно крупным. Надеюсь, всё пройдёт гладко.

Теперешнее поветрие у нас в стране и не только — считать, что студентам виднее, как должно всё быть устроено в университетах, а особенно — как их должны учить. Молодёжи всегда было свойственно полагать, что ей лучше знать, но теперь отчего-то и взрослые люди ей как бы верят. Говорят, один из наших чудных студентов недавно высказался в таком духе: он ещё недостаточно компетентен, чтобы нанимать преподавателей, но вполне способен уволить. Восторга от свободы общения со студентами такие откровения несколько убавляют. Недавно поступила настоятельная рекомендация «сверху» назначить постоянно действующий комитет примерно из троих сотрудников и троих студентов для ежегодной оценки каждого профессора и составления отчётов руководству, которыми оно будет пользоваться для назначения на должности, и т. п. Упаси нас от такого. Печаль в том, что образование стало правом, а не привилегией, как должно бы оставаться. И теперь слишком много кругом так называемых «студентов», которые оказались здесь из-за того, что «так положено» и из-за карьерных соображений. Техасец бы посетовал — вот уж напасть так напасть.

По науке рассказать особо нечего. Описание диплокаулуса из формации Чикаша уже в печати, а теперь я делаю серию срезов черепа котилоринха, чтобы разобраться с ним получше. Уж очень он необычный. Сильно рассчитываю на длительную экспедицию следующим летом за новым материалом. Его сейчас несколько не хватает.

Вот такие дела. Я не выпускаю из внимания список интересующих Вас книг. В наших окрестностях «книжная охота» неважная, нужно выбираться подальше, но рано или поздно выберусь. Надеюсь, «Нэшнл джиогрэфик» поступает без перебоев. Если нет — дайте знать.

Надеюсь также, что вы с Таей оба уже поправились. Тут все переболели гриппом. В условиях здешнего благоприятного климата такого не должно быть, однако не минует. Прошлый уикэнд выдался просто летним, с жарким солнцем, температура поднималась градусов до 80[1] по Фаренгейту. Но теперь всё вернулось к обычной прохладе с утренними и ночными туманами. Надеюсь, у вас не очень холодно.

Догадываюсь (постоянно вспоминаю на этом слове профессора Орлова, которого оно забавляло), что распространяюсь тут уже слишком долго. Мы по-прежнему часто вспоминаем чудесные деньки прошедшего лета, хорошо бы, конечно, снова попутешествовать. Но, скорее всего, будем выбираться из дома только в поле. Ну а через год, если всё будет развиваться по плану, то и двинемся дальше по миру.

Так или иначе, если много дел — это хорошо, надеюсь и у Вас так же.

Всегда Ваш верный друг
Эверетт Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

Р. РОМЕР — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ

6

Кембридж, Массачусетс
22 января 1972 г.

Dear Prof. Efremov and Taya,

We were very pleased to get your letter of Dec. 22nd and also your lovely New Year card. I particulary enjoyed your admonition "to stay gay, and healthy and globetrotting!"

We are very glad that Taya is now recovered from her bad illness. And, belatedly, we wish her "many happy returns of her birthday, Dec 21st". You speak of your weather. Here it is also winter but so far very little snow and not too cold. Of course I like the winter and much prefer it to hot weather. Our autumn was much too warm and humid to suit me. We have a house in the country which we call our "farm". We spent Christmas there and had quite a lot of snow (it is 85 miles west of Cambridge), enough for some skiing and coasting. Two of our three children live within 15 miles, and the other came to spend the holidays with us, so we had a grand Christmas day together with 14 for dinner, and then a week or so later another party for my 70th birthday.

When we returned home from California, I sent off a small package of books to you, the ones I mentioned in my last letter. This package was delayed because of the shipping strike. And now has come a wonderful package from you, full of lovely books and cards. So many of the places we remember from August of 1970 in Leningrad and Pushkin. The book about Suzdal is very nice. We would like some-

[1] Около 27 °С.

day to visit that lovely old town. Did any of your people come from there? Thank you very much for this thoughtful gift. And it is nice that most of them have some identifying words in English! I am sorry we are so illiterate in Russian. (I found in that last sentence that I had misspelled even an English word.) So now we have one package from you and look forward to the other one. Thank you, Taya, for your thoughtfulness and trouble.

Please do send me another list of books and I shall get what I can of them. I think now I know more about the paperback book business and how to go about securing them.

We spent a wonderful five weeks in the west in November and early December, most of this time in Berkeley where Al was a visiting professor, but we went to a lot of other places too, ending up in Los Angeles where we stayed with the Olsons. Al also gave a lecture at the university there, in fact 3 in the Los Angeles area. It is a crazy sprawling place, but with nice people and many old friends so we enjoyed ourselves. We heard about the Olsons' visit to Moscow in the summer. If I had known ahead about their trip, I would have sent you a small souvenir. Perhaps next time. Shorty (as we call Ole) is doing a very good job as chairman of the department there and Lila takes very seriously her responsibilities as the wife of the chairman. Al is very proud of his former student.

We are now planning a three weeks trip in March to collect Permian fossils in Texas. It is familiar ground for us but we haven't done any real collecting for several years. Also we hope to go to England for two weeks in April for a meeting on Continental Drift.

You spoke once of wishing you had a picture of us so I am enclosing two. You can see how we have changed in three years from 1968 to 1971. The later one was taken by a friend on our front porch last Oct.

Also we received many greetings from Russia. One I cannot make out. I am enclosing it and if you know who it is, could you let us know, please in your next letter? The envelope was lost and that perhaps had the name and address on it.

Because of our trip to California and many complications at Christinas time, we did not send out any cards this year. I often do a Romer newsletter but that alas hasn't been finished yet. I hope our friends in the USSR will not think we have forgotten them because we certainly have not. It was so nice to hear from so many of them with a Near Year's greeting. Our special greetings to Peter when you see him.

We shall soon be expecting to hear from you with a list of the books you would like. Meanwhile, we send best wishes and greetings to you both.

Sincerely yours,
Ruth Romer

Дорогие профессор Ефремов и Тая!

Мы были очень рады получить ваше письмо от 22-го декабря, а также красивую новогоднюю открытку. Я в числе прочего получила заряд бодрости от вашего совета «оставаться жизнерадостной, здоровой и лёгкой на подъём!».

Мы очень рады, что Тая уже оправилась от тяжёлой болезни. И с запозданием желаем ей «много радости в связи с днём рождения 21-го декабря». Вы рассказали о погоде у вас. У нас тоже зима, но пока очень малоснежная и не особо холодная. Осень была также слишком тёплой и влажной на мой вкус. У нас есть дом за городом, который мы называем своей «фермой». Мы провели

там рождество, снега было много (это в 85 милях от Кембриджа), достаточно, чтобы ходить на лыжах и кататься с горок. Двое из наших троих детей живут в пределах 15-ти миль, и третий приехал провести праздник с нами, поэтому у нас было грандиозное Рождество, собралось к обеду 14 душ, а ещё примерно через неделю было празднование моего 70-летия.

Когда мы вернулись домой из Калифорнии, я отправила небольшую посылку с книгами для Вас, о которых упоминала в прошлом письме. Эта посылка задержалась из-за докерской забастовки. А теперь пришла замечательная посылка от вас, наполненная прекрасными книгами и открытками. Именно эти места мы помним после поездки в августе 1970 года в Ленинград и Пушкин. Книга о Суздале очень красивая. Мы бы хотели когда-нибудь посетить этот прекрасный древний город. У вас есть знакомые оттуда? Спасибо большое за этот содержательный подарок. Очень хорошо, что многие из книг включают перевод на английский, так как мы, к сожалению, не знаем русского языка. (Я обнаружила в этом последнем предложении, что делаю ошибки даже в английских словах.) Вот, одна посылка от вас дошла, теперь ждём вторую. Спасибо Вам, Тая, за Вашу заботу и хлопоты.

Присылайте новый список книг, и я достану всё, что смогу. Теперь я поднаторела в области торговли книгами в мягких обложках и лучше смогу вылавливать нужные.

Мы провели прекрасные пять недель на западе в ноябре и начале декабря, большую часть из этого времени в Беркли, где Эл был приглашенным профессором, но мы посетили также и другие места, а под конец добрались до Лос-Анджелеса, где остановились у Олсонов. Эл также прочитал лекцию в университете, в целом получилось три лекции в Лос-Анджелесе. Это безумно расползшийся город, но с очень хорошими людьми и большим количеством старых друзей, так что мы остались довольны. Мы слышали о визите Олсона в Москву этим летом. Если я заранее узнаю о следующей поездке, то смогу послать Вам небольшой сувенир. Коротышка (как мы все зовём Оле) делает очень большую работу, руководя факультетом в Университете, и Лайла очень серьёзно подходит к своим обязанностям жены руководителя. Эл очень горд за своего бывшего студента.

Сейчас мы планируем на март трёхнедельную поездку в Техас для сбора пермских окаменелостей. Места там почти родные, но мы не выбирались в поле уже несколько лет. Мы также надеемся поехать на две недели в апреле в Англию на конгресс по дрейфу материков.

Вы как-то говорили о своём желании иметь наши фотографии, так что я прикладываю две. Заметно, как мы изменились с 1968 по 1971 год. Более позднее фото снято другом на крыльце нашего дома в октябре.

И ещё, мы получили много поздравлений из России. На одно из них я не могу ответить. Я прикладываю его к письму, и если Вы знаете, кто это, не могли бы Вы сообщить в своём ответном письме. Конверт был потерян, и на нём, вероятно, было и имя, и адрес.

Из-за нашего путешествия в Калифорнию и многих сложностей в связи с Рождеством мы до сих пор не отправили ответных открыток в этом году. Я часто составляю бюллетень о новостях в нашей семье, но в этот раз он, увы, ещё не готов. Сильно надеюсь, наши друзья в СССР не подумают, что мы забыли про них, — мы, конечно же, помним. Было так приятно получить от столь мно-

гих из них поздравления с Новым годом. Наши особые поздравления Питеру, когда вы увидитесь с ним.

Ждём от вас в скором времени список книг, которые Вам бы хотелось получить. А пока шлём наилучшие пожелания и поздравления вам обоим.

Искренне Ваша
Рут Ромер

Перевела Марина Степанова

7 В. БОГОЛЕПОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
24 января 1972 г.

копия редакции «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Иван Антонович,

когда прочёл сейчас корреспонденцию Стуруа «Отравители»[1] («Известия», № 20), сразу вспомнил Вас и нашу переписку. Плохо знаком с фантастикой последних десятилетий и не знаю, был ли использован такой, с позволения сказать, сверхканнибальский сюжет в каком-либо произведении. Представляется, однако, что направленность Ваших и «Лезвия», и «Часа Быка» именно та, что так остро ныне нужна человечеству. И что Вы, возможно, больше, чем кто-либо другой, подошли к сути опасности. Опасности, связанной не только с судорогами бешенства империализма вообще, но и, особенно, с ужасными возможностями современной науки.

С её потенциальными возможностями, о коих, кстати, недавно Вы снова напомнили в своём ответе на анкету «ЛГ» (№ 2 — 1972). В скобках: с большинством позиций которого я согласен, но против некоторых кое-что имею.

Так вот (уже не в скобках): не сочли ли бы Вы полезным — с платформы именно литератора-учёного — выступить на страницах той же «ЛГ» с оценкой факта (!..), сообщённого Стуруа? Надеюсь, что «Литературная газета», которой, как видите, посылаю копию настоящего письма, поддержит настоящее предложение одного из своих читателей.

С уважением,
В. Боголепов

8 Б. И. ИШИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Симферополь
29 января 1972 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

В редакцию «Молодой гвардии» я посылал такое вот письмо:

«Из статьи Д. Биленкина «Магия героя», опубликованной в «Комсомольской правде» в 1968 году, мне известно, что писатель И. А. Ефремов работал над повестью времён Александра Македонского.

[1] М. Г. Стуруа. Отравители // Известия, № 20 от 25 января 1972 г.

Так как роман «Час Быка» был опубликован в «Молодой гвардии», я уверен, что следующее произведение И. А. Ефремова будет печататься у Вас. Поэтому прошу сообщить, когда и что из новых произведений И. А. Ефремова Вы напечатаете?»

На днях я получил ответ из «Молодой гвардии», который я пересылаю Вам. Оговариваю, что запятые в ответе редакции поставлены не мною, и я с ними не согласен.

(Надо бы: ...«Но когда оно будет печататься — сказать сейчас...») В издательство «Молодой гвардии» я высылал письмо с просьбой выполнить обещанное, т. е. приступить к изданию собрания сочинений И. А. Ефремова. (Если помните, ещё в 1969 году они обещали мне, что собрание сочинений ими будет запланировано на 1971 год.

Их ответ, я тогда — в 1969 г. — я переслал Вам.) Ответа ещё нет.

С уважением — *Б. Ишин*

Ишин Борис Иванович. Симферополь — 25, Краснодарская, 2, кв.70

М. А. СМИРНОВА и Н. И. ШЕХОВЦЕВА — И. А. ЕФРЕМОВУ[1] 9

Москва
31 января 1972 г.

Уважаемый Иван Антонович!

Венгерское издательство «Мора Ференц» планирует выпустить в 1972 г. антологию «Галактика», в которую желало бы включить Ваше произведение «Сердце Змеи».

Предполагаемый тираж антологии 40 000 экземпляров. Цена одного сброшюрованного экземпляра — 11 форинтов. Гонорар начисляется в размере 6% от общей цены экземпляров пропорционально объёму произведения каждого автора.

Если Вы не возражаете против этого издания, подпишите, пожалуйста, первый экземпляр данного письма и верните его нам.

С уважением,
заместитель начальника отдела внешних сношений *Смирнова М. А.*
инспектор отдела *Шеховцева Н. И.*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 10

Москва
6 февраля 1972 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Я довольно давно не писал Вам — оба мы с Т. И. хворали, и я всё ещё продолжаю киснуть. Как-то ослабел в эту зиму, дышится плохо, и потому нет усердия в работе. А надо всё же поспешать — недалеко время, когда позовут в «долгий путь домой» (лонг вей хоум[2]).

---

[1] Письмо на бланке Всесоюзного Управления по охране авторских прав Союза Писателей СССР.

[2] Long way home (англ.) — долгий путь домой.

Я устроил так, что владелец «Т[айной] Д[октрины]» на днях пошлёт непосредственно Вам второй том, который Вы можете держать до надобности. Он же пришлёт Вам и другие части «А[гни] И[оги]» — кажется, «Сердце», «А[гни] И[ога]» или «Мир огненный».

Мне понравилось то, как Вы сконспектировали начало «Т[айной] Д[октрины]». Однако мне бы казалось правильнее, не давая цитат, всё же ссылаться на Каббалу или иную из книг опубликованных (просто так: «автор ссылается на то-то, с указанием или без указания страниц и параграфа»). Что касается этих тайных текстов, которые якобы открыты были Е. Б. и приведены крупным шрифтом, то их лучше совсем не цитировать. Весьма сомнительная вещь тёмного смысла. Научная полемика устарела и очень слаба, а теперь выглядит совсем смехотворно, поэтому её надо совершенно опустить.

При таком сокращении, мне думается, вся «Т[айная] Д[октрина]» уложится примерно в стр[аниц] 300 машинописных, что будет совсем удобочитаемо для наших времён.

Мария Степановна Волошина — вдова поэта и мудреца Максимилиана Волошина, умершего в 1932 г. в Крыму. Когда будете у меня — напомните мне дать Вам прочесть цикл его стихов о России и государстве — очень здорово. Моё выступление в «ЛГ»[1] окарнали без моего ведома, сняв моё отрицание специальных

---

[1] По ориентирам чувств: [XX Век. Наука и общество. Ответ на анкету] // Литературная газета, 1972, 12 января. С. 12. Приведём фрагменты из интервью: «Не может ли, на Ваш взгляд, быстрое развитие науки привести к каким-либо отрицательным последствиям?

4. Быстрое развитие науки уже привело к отрицательным последствиям: а) нагромождению неиспользованной информации, б) созданию нового типа профессионального учёного-карьериста, ставящего науку на службу собственным интересам или интересам тех, кто больше платит, в) очень малой эффективности в исправлении вреда, нанесённого природе неумелым научно-техническим «прогрессом».

5. [вопрос] Есть ли, по Вашему мнению, «запретные», с точки зрения морали, области научных исследований? Какие? Почему?

5. Для определения того, что именно запретно, нельзя отрывать науку от уровня общественного развития в целом. Сегодня, по-моему, запретны все исследования психического подавления личности и кондиционирования чувств, например проводимые профессором Дельгадо. В человечестве ещё слишком много тёмных сил, которые мгновенно используют исследования этого типа для невиданного порабощения масс.

6. [вопрос] Могут ли существовать какие-либо основания для прекращения исследования, которое само по себе развивается успешно? Если да, то какие?

6. Основания для прекращения исследования не только могут, а должны существовать. Усложнение научных исследований, особенно физики и химии, поглощает значительную часть общественного дохода. Чтобы не превратить науку в экономическое бедствие, вероятно, надо соразмерять её вклад в достижение счастья людей со средствами, потраченными на неё. Это трудно, но достижимо, если наука сумеет вновь заслужить доверие. которое она уже начала терять именно в вопросе человеческого счастья. <...>

10. [вопрос] Не кажется ли Вам, что успехи естественных наук порождают у части учёных определенное пренебрежение к литературе и искусству? Если да, то как противостоять этому?

10. Я уже отмечал, что колоссальное нарастание фронта науки и числа учёных породило тип невежественного учёного, чрезвычайно узкого во всем, что не касается избранной им отрасли. Пренебрежение к литературе и искусству со стороны людей этого толка не удивляет. Необходима большая широта образования, ликвидация специальных школ, разнообразие труда, в том числе и физического».

школ и отповедь Амбарцумяну, что «истину» надо отыскивать всеми способами, любой ценой. Беда в том, что «истины» обладают вредным свойством переживать условия, при которых открывались или создавались, как то давно сказал Горький.

А что такое было у Джанаки с иогиней? Где надо об этом прочесть? Я либо запамятовал, либо, вернее вовсе не чёл...

Надо сказать, что Вы меня несколько огорчили Вашим рассуждением о ненадобности суда сына человеческого. В этом тоже — отзвук «погонщика» и отражение эпохи, одичало уверившейся в возможности простым подчинением лепить и гнать формы душ, куда следует. Очень опасное дело, ведущее к гибели в 2000 году!

К восточным Учителям, действительно, приходят люди иного склада, чем на Западе, но конформизм технической культуры сейчас влияет на них очень сильно и в дальнейшем будет ещё сильнее, чем на нас, которые уже подходят к разочарованию в техницизме.

Будьте здоровы и счастливы. Т. И. посылает наиласковейший привет.

Ваш И. Ефремов

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

11

Ашрам «Видийя»
13 февраля 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Благословение Ханнумана на Вас за то, что Вы сумели договориться относительно «Т[айной] Д[октрины]», это освобождает меня от взятого на себя зарока прочесть всё же плёнку, хотя она и отвратительна. Сиё дело сбережёт глаза, ускорит работу. Ваш совет принят. А как быть с «Книгой Цзиан», всё же она существует, ведь переводила «Т[айную] Д[октрину]» Рерих, а терминологию проверял сын её... Согласен, что полемика в области науки ей не удалась, да и многое из того, что наука защищала тогда с позиций плоского материализма, теперь уже ею отброшено. ЕПБ не могла быть так эрудирована, как показывает это книга, значит, чей-то более высокий разум говорил ей. Этот Высокий Голос яснее звучит в работах Рерих...

Посылаю Вам свою любимицу — «лёгкую, голубо-лотосоокую, прекраснобровую» и, главное, умницу... Сулабху, она Вам расскажет о своём разговоре с раджой Джанакой. Чудесны её выражения вроде «...Ты крутишься между двумя ступенями жизни, стремясь освободиться»... Это разговор с раджой!!! А как в древней Индии было разработано ораторское искусство, какие высокие требования предъявлялись к нему. И говорили без шпаргалок, как сейчас... Правда, у нас и Пётр I требовал говорить без оных, но...

В нашем эпосе тоже существует Сулабха — Василиса Премудрая!? Мне давно (много лет) пришла мысль, может быть, пустая, что Баба-Яга — это Бабу Йогу (звучит?), т. е. господин Иог! Анекдот или правда???

Рерих говорит: «Развитие рефлекторной деятельности похоже на опьянение». А атмосфера собраний? Вспоминается «Час Быка»...

Вам — Авакаре[1] — не пристало говорить о скором «долгом пути домой»! Вспомните: «Люди развитого сознания часто болеют. Головная боль,

[1] *Авакара* — огненно-устремлённый; в буддизме — духовный подвижник.

заболевание глаз, зубов и конечностей относятся к психическим областям. Рак, чахотка, болезни печени и селезёнки, также расширение сердца — всё это зависит от неуравновешенности психических центров», «Испытание есть улучшение качества и мышление есть приобретение возможностей». «Заменить мускус трудно, ибо это такой конденсированный продукт, но может быть, ближе другого бобровая струя и спермин доктора Пеля. Валериан относится к категории жизнедателей, и значение его приравнивается к значению крови в организме... Его следует принимать ежедневно и постоянно, не делая перерывов, рассматривая его наравне с ежедневной пищей. Можно принимать тинктуру на спирту, но, конечно, без примесей... Лучше всего пить валериановый чай, настоянный на корнях. Можно раз или два в день»... «Солнечное сплетение даёт много болезненных ощущений при продвижении на пути иогизма». «Полезно в комнате распылять смолистые эссенции... Для этого хороша мята, в виде эссенции, распылённой в воздухе, или можно налить несколько капель эссенции в горячую воду и ставить недалеко от изголовья»... «Также следует помнить, что токи сейчас весьма тяжкие, и у всех тонких организмов они вызывают спазмы тоски, головокружение и подавленность, но, зная происхождение этой подавленности, следует терпеливо ждать смены токов»... Всё это из Рерих...

Заканчивая мысль о сроках жизни и здоровье, хочется вспомнить слова ламы Дзиан Самдупа: «Мой сын, мы живём столько, сколько считаем полезным, и столько, сколько доставляет нам радости жить. После этого мы умираем, смерть — другая форма жизни...»

А не пора ли нам, Иван Антонович, тоже решать самим, сколько нам жить???

Я против идеи «погонщика», не пойму, почему Вы меня так поняли??? Я считаю самым тяжёлым заставлять других думать так, как хочется мне... Но мысль, если я убеждён в её правильности, должна быть высказана или использована «без языка»... А что такое «суд сына человеческого»? Кто может меня судить, кроме меня самого, моей «совести» — атмы??? Действуя в этом подлунном мире, я получаю кармические последствия сам, по принципу «что посеешь, то и пожнёшь»... Мою карму исправить никто, кроме меня, не может, так в чём же заключается суд??? Сказать, что я неправильно поступил или помыслил? Это не суд, а совет, если я осознаю его (это бывает не всегда с нами), то совершу что-то, что в будущем нейтрализует часть кармических последствий. А что пользы судить? Всё равно никто (включая Браму) не может оправдать меня или простить, да это мне и не нужно... Обойдусь... Всё делается собственными «ножками и ручками» — помощь только в указании пути. А затем — «идти по серединному пути, поплёвывая направо и налево...» так Вы говорили — святая истина... «Поплёвывая» именно я понял Вас так, что не бояться ответственности, а не игнорирование других...

Часто мысленно бываю с Вами обоими...

Сердечное спасибо за «наиласковейший привет»...

Ваш Портнягин

И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 12

20 февраля 1972 г.

Дорогой Павел Фёдорович!

Только что получил от Вас заказной пакет. Однако внутри оказались открытки и репродукции Н. К. Р. с письмом некоему Владимиру Васильевичу. Всё это явно адресовано не мне и по ошибке попало в мой конверт. Пока не отправляю Вам назад, так как, если адресат москвич, то проще передать здесь, когда Вы сообщите координаты.

Может быть, у него окажется посланное мне.

Не совестно признаться, что мы с Т. И. рады Вашей ошибке, так как это дало нам возможность полюбоваться хорошими репродукциями, частью нам не известными. Особенно великолепна «Капли жизни» (Drops of Life). Я никогда не видел её раньше — это замечательная вещь.

Жду Ваших указаний.

С искренним уважением и приветом от нас обоих.
Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 13

Москва
21 февраля 1972 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пока ещё лежу, следовательно, без машинки, следовательно, пишу коротко.

Посылаю Вам статью обо мне — пригодится для биографических материалов.

С собранием сочинений, равно как и с «Таис», тянется какая-то непонятная канитель. Я не выхожу никуда (а сейчас и вообще лежу), поэтому не могу поехать сам и выяснить. Пока ничего не понимаю. Вроде — да, а на деле — ни с места. Подождём, что ж делать…

Как Вы, дорогой?

Сердечный привет Вам, Наталии Алексеевне и детям от нас обоих.

Не откажите передать привет Евгению Павловичу.

Ваш *И. Ефремов*

(когда доберусь до машинки — напишу)

П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14

24 февраля 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Прошу простить меня за недосмотр. Я отправлял в один день несколько пакетов и перепутал этикетки с адресами, когда их наклеивал. Ваш пакет пошёл к Владимиру Васильевичу Соколовскому. Это очень интересный человек. По специальности он военный инженер и сейчас ещё где-то что-то преподаёт, кажется, по части танков. Искусство Н. Рериха захватило его с первой Московской выставки. Он познакомился с Юрием Николаевичем и поставил себе задачу, которая казалась не по силам нашим искусствоведам-специали-

стам, — составление списка всех художественных работ Рериха с их научным описанием (размер, материал, датировка, где картина или рисунок находится и т. п.). Сейчас Владимир Васильевич уже имеет список в несколько тысяч наименований и наиболее полные у нас в Союзе альбомы с репродукциями или переснимками картин. Он сам занимается фотографией и даже стал делать цветные диапозитивы. Завязал связи, кажется, со всеми музеями, разыскивает везде произведения Н. К. Р. Недавно нашёл совершенно неизвестный рисунок в рукописных фондах Третьяковки. Вообще делает грандиозных масштабов дело по выявлению художественного наследия Н. К. Я по мере своих сил и возможностей стараюсь помогать Владимиру Васильевичу и в сборе материалов, и в пополнении его коллекции репродукций и снимков с картин Н. К. Р. Так и в этот раз, получив из Нью-Йоркского музея комплект открыток, которые раньше мне посылали в разрозненных экземплярах, я послал их Владимиру Васильевичу, чтобы он восполнил свою коллекцию. Вам я послал большую цветную репродукцию «Сергия», о которой говорил Вам.

Адрес Владимира Васильевича: Москва, 111120, Красноказарменная № 3/5, корп. II, кв. 374, телефон 2672687. Я сегодня напишу ему о произошедшей ошибке и попрошу поменяться с Вами посылками.

Сердечный привет прошу передать Таисии Иосифовне.

Душевно Ваш *П. Беликов*

15 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ

Москва
3 марта 1972 г.

Дорогой Павел Фёдорович!

Большущее спасибо за «Святого Сергия». Репродукция великолепна и при нашей с Т. И. любви к этому святому доставит нам много радости. Очень благодарен и за «штрафные» фотографии. Часть из них я никогда не видел.

Не посоветуете ли, как достать некоторые репродукции из тех, что по ошибке попали ко мне и были отосланы В. В. Соколовскому. Я могу попытаться использовать своих американских друзей, но мне надо знать, где и как они (не друзья, а открытки) продаются. Если они не продаются, а рассылаются бесплатно, то, может быть, мне самому обратиться, но куда? Буду очень признателен за добрый совет, только не подумайте Бога ради, что я хочу что-то у Вас покляньчить — и так облагодетельствован. Обещанную книгу послал Вам неделю назад.

Душевный привет от Т. И. и меня. Будьте благополучны и берегите себя.

Ваш *И. Ефремов*

16 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

3 марта 1972 г.

Dear Prof. Efremov,

Once again it has been a long time before I could reply to your letter. I hope this finds you in better health, all well with yourself, family, and friends.

The reason for my not writing earlier has been, as usual, a great deal else to do, both at work and in private life. I would at least have sent you some books; but

as you may know, we had a prolonged dock workers' strike in this country, and when the men were not actually striking, it was uncertain when they would do so again. Thus no surface mail was moving overseas.

At last, however, I have gotten off to you my novel about ancient Crete, which I hope you will receive and enjoy. I have ordered the books you asked for, and hope soon to get those which are still in print or otherwise available: that may not be all, because some paperbacks sell out quite rapidly and then are not reprinted for a long time if ever.

Your impression of our having poor bookstores in California is mistaken; we have some very large and good ones, though mostly in cities. But none can carry everything, especially not paperbacks which appear in such a flood. And the distribution system, by which magazines and paperback books get to the sellers, is very bad. Hence I hardly ever know beforehand where to find a particular item, and haven't time to search or to order each one separately.

Now at last I have made contact with an ordering service, which can solve the problem for me, and so should be able to help you out more quickly and fully than before.

Meanwhile: I happen to have a complete set of E. E. Smith's "Lensman" series. Would you like these? From Alva Rogers' book A REQUIEM FOR ASTOUNDING you will know what they are like — rather primitive, but vastly entertaining.

I can understand why you didn't much care for the characters in my TAU ZERO. I didn't like some of them myself! Nor do I necessarily advocate such looseness in sexual and other matters. It just seemed to me possible that present trends in that direction will become nearly universal custom. (Of course, maybe not. The pendulum could well swing back.) A Soviet writer would naturally be optimistic about the improvability of mankind; I confess to being more pessimistic, or cynical if you like.

My present undertaking is quite different, a redaction for the modern reader of the old but little-known Hrolf Kraki Saga.

It is contemporary with "Beowulf" — in fact, many of the same people occur in both, under slightly variant names. Though grim and bloody (for such were those times), it's a good story. The two versions we have, one Icelandic, one Latin, are not well written, however, so my hope is to do it better. I will send you a copy when it is published, if you like.

We had the pleasure not long ago of meeting a countryman of yours, Prof. Vasili Sarychev of your Institute of Applied Mathematics. He said you are considered much the best science fiction writer in the Soviet Union. I believe that.

Otherwise, we have done very little, except at Twelfth Night (Epiphany, 6 January), which was the traditional end of the Christmas holidays and which our local medieval society celebrates with a large party. Everyone comes in costumes, which seem to grow more beautiful every year; most bring food cooked according to ancient recipes for the feast: there are music and dancing (the Renaissance dances are quite lovely) and appropriate entertainment of many kinds; at last, a Lord of Misrule is selected by chance means, takes the king's throne, and orders whatever done which he thinks will be comical. This year, for instance, he had two heralds demonstrate the positions of heraldic animals, such as couchant, gardant, rampant, and it really was quite funny to see.

We are expecting a visit next month from our old friend François Bordes, the French paleoanthropologist, who writes fiction under the name F. Carsac. My moth-

er will also be here for a stay of many months, since my brother and his family are going to New Zealand where he has a study grant. If all goes well, we will be on hand to watch the Apollo XVI liftoff for the moon. But we plan no extensive travels. Maybe next year we can come abroad again, and try to include Russia.

By the way, we have read with great interest a book by Evgeny Riabchikov, its English title RUSSIANS IN SPACE, about the Soviet space program. You doubtless know the original. Now I must close, with all best wishes.

Sincerely,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов,

И снова минуло немало времени, прежде чем я смог сесть за ответ на Ваше письмо. Надеюсь, Вы теперь чувствуете себя лучше, а у Вас в семье и у друзей всё хорошо.

Причина молчания, как обычно, — масса дел — и по работе, и в личной жизни. Я мог хотя бы послать Вам книг, но, как Вам, вероятно, известно, наши докеры долго бастовали, а когда не бастовали, то собирались это делать. Поэтому почта за границу по морю не ходила.

И вот наконец я отправил Вам свой роман о древнем Крите, который, надеюсь, Вы получите и прочитаете с удовольствием. Я заказал другие книги, которые Вы просили, и скоро надеюсь получить те, что допечатываются или имеются в наличии, хотя, вполне вероятно, и не все, потому что книги в мягкой обложке быстро раскупаются и долго не переиздаются, если вообще до этого доходит.

Однако Ваше представление о том, что книжные магазины в Калифорнии плохие, неверно: у нас есть очень крупные и хорошие магазины, хотя в основном в городах. Но ни один не может вместить всего, особенно вал книг в мягких обложках. А вот система снабжения, через которую журналы и эти книжки поступают в магазины — действительно из ряда вон. Поэтому я и не могу заранее угадать, где найду то или иное издание, а искать или заказывать каждое поодиночке у меня нет времени.

Недавно я наконец связался со службой заказов, которая должна решить эту проблему, тогда я смогу помогать Вам чаще и в более полной мере, чем раньше.

А пока — у меня есть полный комплект серии Э. Э. Смита о Линзмене. Нужен ли он Вам? Вы можете составить представление о ней по книге Элвы Роджерса «Реквием “Эстаундингу” — вещи довольно незатейливые, но страшно увлекательные.

Могу понять, отчего Вам не особенно пришлись по нраву персонажи моего «Тау Зеро». Некоторые и мне не по душе! И я вовсе не оправдываю сексуальной и прочей распущенности. Мне просто показалось возможным, что наметившаяся тенденция к большей свободе нравов станет почти повсеместным обычаем. (Конечно, может быть, и нет. Маятник вполне может качнуться назад.) Советскому писателю естественно питать оптимизм относительно способности человечества к совершенствованию, но я, должен признаться, смотрю на вещи более пессимистично или цинично, если угодно.

Сейчас я занят проектом совсем другого рода — обработкой для современного читателя старинной, но мало известной саги о Хрольфе Краки.

Она повествует о том же времени, что и «Беовульф» — собственно, часть героев действует в обоих произведениях, хоть и под несколько отличными именами. Хотя события там довольно мрачные и кровавые (такие уж были времена), сама история интересна. Обе доступные версии — исландская и латинская — не особенно выразительны, поэтому я надеюсь сработать лучше. Если Вам будет интересно, я пошлю Вам экземпляр, когда книгу напечатают.

Недавно мы имели удовольствие беседовать с вашим соотечественником, профессором Василием Сарычевым из Института прикладной математики. По его словам, Вас считают едва ли не самым лучшим писателем-фантастом Советского Союза. Я вполне этому верю.

Особых встреч за это время не было, кроме Двенадцатой ночи (6 января Епифании), когда по традиции заканчиваются Рождественские праздники, что отмечается нашим Средневековым обществом на особом пиру. Все приходят наряженными в костюмы того времени, которые год от года становятся всё прекраснее, большинство приносит с собой яства, приготовленные по древним рецептам, звучит музыка, гости танцуют (а танцы эпохи Возрождения очень милы) и предаются прочим подобающим увеселениям, а в самом конце с помощью жребия выбирается Повелитель Беспорядков, который садится на трон и отдаёт ради всеобщего веселья разные смешные приказания. В этом году, к примеру, он повелел двум герольдам изображать позы геральдических животных — лежащих, настороженных, вставших на дыбы, что было действительно очень забавно наблюдать.

В следующем месяце к нам должен приехать в гости Франсуа Борде — французский палеоантрополог, который пишет под псевдонимом Ф. Карсак. Ещё с нами несколько месяцев будет жить моя мать, потому что брат с семьёй едут в Новую Зеландию, где он будет заниматься исследованиями по гранту. Если всё сложится удачно — мы съездим на лунный запуск «Аполлона-16». Но далёких путешествий мы не планируем. Может быть, на следующий год мы снова поедем за границу и постараемся включить в эту поездку Россию.

Кстати, мы с большим интересом прочли книгу Евгения Рябчикова о советской космической программе, которая по-английски называлась RUSSIANS IN SPACE. Несомненно, оригинал Вам знаком.

Пора заканчивать письмо.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17

8 марта 1972 г.

4516 North Chelsea Lane
Bethesda, Maryland 20014

Dear Professor Efremov:

I have not heard from you in a long time, and am just wondering if all is well with you. In your last letter you complained about your health; have you recovered?

In December of 1971 I have mailed you two packages of books. Have you received them?

I have visited the USSR exhibit, here in Washington, D.C. In exchange, the USA "Technology & Development Exhibit" is now touring Russia. I think it should be in Moscow in March.

I continue teaching a seminar at the Geo. Washington Univ., working for Allied Research, and now have opened my own business in language services (pamphlet enclosed).

My sincerest wishes
George Rabchevsky

4516 Норт Челси Лейн
Бетесда, Мэриленд, 20014

Дорогой профессор Ефремов!

Очень давно ничего не слышал от Вас и волнуюсь, всё ли у Вас хорошо. В последнем письме Вы жаловались на здоровье. Поправились ли?

В декабре 1971 года я отправил Вам две посылки с книгами. Получили ли Вы их?

Я был на советской выставке здесь, в Вашингтоне. В порядке обмена американская выставка «Технология и развитие» теперь экспонируется в России. Думаю, она должна быть в Москве в марте.

Я продолжаю вести семинар по геологии в Вашингтонском университете, работать для «Allied Research»[1] и теперь открыл собственное дело по переводам (рекламная брошюра прилагается).

Примите мои самые искренние добрые пожелания,
Джордж Рабчевский

Перевёл Андрей Константинов

18 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
10 марта 1972 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

It has been some time since I have written or since I have heard from you. A while back, however, the book on Inheritance of "Acquired Characteristics" arrived. I have gone over it and particulary enjoyed getting the slant on it from your fellow workers. One thing that I find repeated over and over here is that the Russians are fond of Darwin because of the Lamarckian tendencies that he showed and how this all fits in with philosophy. As far as I have been able to dig out this is to say the least an oversimplification and for the most part not the case. The book that you sent is helpful on this matter.

What with all the world news from other parts, the crazy actions of thugs and airplanes, and so on, I haven't even heard very much about what is going on in your part of the world. I did hear that you again were having a very mild winter. In a way I presume this is good, but departures from the normal usually bring their own problems.

[1] Компания Allied Research International, Inc.

We have been very dry, no rain at all for two months and this is supposed to be a rainy season. So I presume that the summer will be bad, both for the truck farmers who depend on rain and for the fire hazards in the highly flammable chapparal flora of the hills and valleys. If it hasn't rained by now it probably will not, but we can still hope.

I have managed to keep the Department going here and soon we will merge with botany to become a big Department of Biology. One happy item from this is that I have managed to get someone else to become Chairman of the new Department and so I am going to have more time for other matters. This will make it possible to look more actively into the matter of developing the kind of exchange which we have been trying for. I had a letter from Washington recently which is somewhat more encouraging than earlier ones, so I will keep at it. Outside of a Christmas card I have not heard from Peter in some time, but I gather that he is well and keeping hard at it.

Lila and I have been gardening a good bit, trying to make the yard look real nice. I am going to try to take some pictures over the week end and if they are good I will send you some. This is the lovely time of year here as far as trees and flowers are concerned. Our "hill" now is capped by acacias, with the yellow blooms, now waning; with purple blooms of the native Caeonothus, some lovely blooming organs trees (also with oranges), nasturtiums, and flowers called stalks[1], with petunias below. Even the grass is green. So even without the rain it is very pleasant.

I have not done as much work as I would like, but things are moving, I hope to get a couple of months of field work in this summer, mainly Texas and Oklahoma. I have a few short papers going, just out, in press, or nearly ready. Most of this is on materials from the quarry that I dug for several years in the Hennessey. Nothing world shaking, but interesting, such as a highly dimorphic stapedial condition in one of the microsaurs.

I am still at work on an intermediate book on evolution. I used about a 2/3rds preliminary text in my class last fall and am trying to put the rest together. Right now I am on the evolution of man, trying to find out how to get all there is in a short space. Marvellous field, but full of speculation and a good bit of nonsense. Never did so many so much on the basis of so little. I have spent a lot of space on the Precambrian, which has come up so much in the last few years. Finally we are getting to know a little something about the first 7/8th of the record of evolution, not much, but a little.

Once I get past July 1, when I am no longer Chairman, I look to really get on some of these things. This year, I don't think that we are going to travel much, except for the field. We have been getting around a lot and I think we will take a year's moratorium on it.

I am still, of course, on the book that we talked over at such length and so enjoyably. It is slow but moving. Right now everything has got to slow down until I get my "income tax" figured out. We do this on our own and then hope it comes out. Taxes are pretty high and one seems to work about 1/3rd of the time for Old Uncle Sam, who sometimes seems to be totally insatiable. Oh well. What can one do with it anyhow. We have plenty.

My Russian is getting very bad again. I wish I had a chance to use it. The wife of one of my graduate students is in her second year and I try to talk with her, but she is much worse than I. Once in a while there is a television movie with some Russian. The trouble is that as long as it is spoken by non-Russians, I understand it

---

[1]Правильно: stocks.

well, but as soon as a Russian speaks it, which I can spot immediately, I have a hard time. You people just don't speak your own language right, just like I can't handle English.

I hope that your health has held up. You looked so fine when we were there that I hope that this was a sign of real improvement. Lila had an awful attack of the "flu" just after Christmas. I missed it, which was lucky. She is fine again now and asked me to send her very best to you and Taya.

So — this is about what there is going here. Nothing startling, but we are making it in good shape. I hope the same goes for you.

As always, Your devoted friend
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Вот уже некоторое время мы с Вами ничего друг другу не писали. Но недавно мне пришла книга о наследовании приобретённых признаков. Я её просмотрел, и особенно меня позабавили мнения о ней Ваших коллег. Главная мысль, которую, как я обнаружил, повторяют снова и снова, сводится к следующему: русские любят Дарвина за ламаркистские тенденции и за то, что его теории не расходятся с философией. Насколько я сумел вникнуть сам, это как минимум излишнее упрощение и к большей части случаев не относится. Присланная Вами книга очень мне в этом плане помогла.

Что же до других мировых новостей, безумств с захватами самолётов и прочего подобного, то я не особо в курсе, что творится в вашей части мира. Я слышал, что у вас опять была очень мягкая зима. С одной стороны, это неплохо, но отклонения от нормы обычно не обходятся без проблем.

У нас очень сухо, ни одного дождя за два месяца — и это называется сезоном дождей. И, думаю, лето будет неудачным, не только для зависимых от дождя фермеров, но из-за повышенной пожароопасности чапараля на холмах и в долинах, который может вспыхнуть. Раз дожди не шли до сих пор, то, возможно, и не пойдут вовсе, но мы пока не оставляем надежды.

Я сумел разобраться с делами на факультете, и скоро мы объединимся с отделением ботаники и сделаемся большим биологическим факультетом. Плюс радует, что мне удалось уговорить стать его руководителем другого профессора, а у меня появится дополнительное время на остальные задачи. Благодаря этому можно будет активнее заняться вопросом программы обмена, которой мы добиваемся. Я недавно получил письмо из Вашингтона, и оно оказалось чуть более обнадёживающим, чем предыдущие, значит — буду работать над этим дальше. От Питера уже какое-то время не было вестей, за исключением рождественской открытки, но я полагаю, что он держится и от своего не отступится.

Мы с Лайлой, пытаясь украсить двор, увлеклись садоводством. Я на выходных постараюсь сделать несколько снимков и, если качество не подведет, пришлю некоторые Вам. В это время года деревья и цветы здесь очаровательны. Наш «холм» теперь покрыт жёлтыми цветами акации (уже опадающими), фиолетовыми цветами краснокоренника, чудесно цветущими

орегонскими соснами с оранжевыми побегам, настурциями, цветами, именуемыми левкои, и петуниями понизу. Ещё и трава зеленеет. Так что даже без дождя всё очень мило.

Продвинуться в исследованиях пока толком не удавалось, но дела не стоят на месте, и я надеюсь на пару месяцев полевых работ этим летом, главным образом в Техасе и Оклахоме. У меня в процессе несколько небольших статей — какие-то уже напечатаны, что-то принято к публикации или почти дописано. Большинство из них о результатах раскопок карьера Хеннесси, где я работал несколько лет. Ничего сенсационного, но довольно интересные случаи, как, например, сильно выраженный диморфизм стремени у одного из микрозавров.

Всё ещё работаю над книгой по введению в эволюцию. Примерно две трети предварительного текста я уже использовал прошлой осенью в качестве лекций, и теперь пытаюсь собрать воедино оставшуюся часть. В данный момент я сосредоточился на эволюции человека, стараюсь додуматься, как бы изложить это всё покороче. Изумительная тема, но полная домыслов и прочей чепухи. Никогда такое количество народа не строило столь великое множество предположений на такой скудной основе. Я подробно остановился на докембрийском периоде, который стал особенно популярен в последние годы. Наконец-то у нас появляются знания о первых семи восьмых истории эволюции, — немного, но хоть что-то.

После первого июля, как только прекратятся мои полномочия руководителя, к некоторым из этих дел собираюсь приступить вплотную. Не думаю, что будем активно куда-то ездить в этом году, кроме разве что полевых работ. Мы немало путешествовали и, пожалуй, устроим себе годичную отсрочку.

Всё ещё, разумеется, занимаюсь книгой, которую мы так долго и воодушевленно обсуждали с Вами. Процесс медленно, но движется. Сейчас всё застопорилось до тех пор, пока я не разберусь со своим «подоходным налогом». Мы делаем это самостоятельно и надеемся, что всё получится. Налоги довольно высоки, и создается впечатление, что треть времени пашешь на старину дядю Сэма, который порой кажется абсолютно ненасытным. Ну да ладно. Что тут поделаешь. Не нам жаловаться.

С моим русским снова беда. Хотел бы я, чтобы было где его использовать. Жена моего аспиранта учит русский второй год, и я стараюсь разговаривать с ней, но у неё всё обстоит гораздо хуже, чем у меня. Порой попадаются телепередачи, где кто-то говорит по-русски. Проблема в том, что пока на нём говорят нерусские, я понимаю нормально, но как только заговаривает русский — я это сразу определяю — становится тяжело. Вы просто не в состоянии правильно разговаривать на собственном языке, прямо как я на английском.

Надеюсь, Ваше здоровье пришло в норму. Вы так хорошо выглядели, когда мы виделись, надеюсь, это действительно был признак улучшения. Лайла сразу после Рождества слегла с сильным гриппом. Мне повезло, и меня это миновало. Теперь она поправилась и просила меня передать привет Вам и Тае.

Вот приблизительно так у нас и обстоят дела. Ничего выдающегося, но всё в порядке. Надеюсь, у вас так же.

Как всегда, Ваш преданный друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевела Елена Клепикова

19 М. ДЕНИС — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ

16 марта 1972 г.

P. O. Box 15033,
Nairobi

Dear Taya and Ivan,

It seems hardly possible that three months has gone by without my writing any answer to your much treasured letter of 5th December. I do apologise, and can only say that every minute of my life is spent in doing some constructive sort of job which is of such interest that a day seems only like a minute. There are a few subjects on which I feel quite strongly.

One of them is environment. I have been asked to give several talks to different groups and organizations on this subject. I will have to cut down my personal appearances a little, otherwise I will find that I will not have time for writing my books.

I am looking forward to reading your new historical romance just completed, as soon as it is translated.

How I wish we could all meet again! I so enjoyed seeing you both on my "shooting star" appearance. You were both exactly as I have visualised, and it was like meeting friends I had known all my life. It is strange that you said you also felt the presence of Armand when I visited you both at your flat. I, too was tremendously aware that he was with us.

I was enchanted with the little I saw of Moscow. One of the things I like most about it was its wide avenues with tree lined streets, and the minimum of that arch enemy of our environment, the automobile. Is the comfort of having so many millions of cars in a city worth the assault on one's lungs of carbon monoxide, unburned hydrocarbons and nitrogenoxides? (to say nothing of the assault of clatter and noise on one's ears). One of the first priorities to be dealt with should be to invent a vehicle which is almost soundless when operated and which would use clean fuel.

It is hard for me to imagine the winter in Russia. How I wish you two dear friends could come here in the winters. I am a big coward about the cold, and for many years now I have managed to avoid the cold weather.

In 1966, if I remember correctly, Armand and I had to go to New York on business for four days. This visit coincided with some sort of event so that all the hotels, nearly, were filled. We managed to get a hotel three or four blocks from our lawyers' office.

We stayed in a hotel in 42nd Street, which was large, commercial and in a very noisy part of town. It had one terrific advantage, that we could walk to our lawyers' office underground without coming above ground, because it was just built above the large complex of tunnels and subterranean walks with Grand Central Station! We never even set foot in the icy cold which penetrates one's very bones, until we had to leave for the Airport. This extraordinary underground part of the city has shops of every description. It was really like living in some kind of science fiction world.

I am still busy holding the spiritual healing clinic every Saturday. Young lady doctor and a laboratory technician kindly volunteered to do the reception and card index work on alternate Saturdays. These two girls are really wonderful doing this work without payment of any kind, as I do myself. I am always having to refuse fees and presents etc. Now, when people ask me, I say 'Yes, I have a fee and that is for the patient to get well'. This always causes a great deal of merriment.

The Vice President of a big New York Television station came with his wife to visit me at Langata. Armand and I knew him when he was a film editor many years ago. During the course of conversation I told him and his wife about the Healing Clinic every Saturday. He told me about his chronic sinus trouble from which many New Yorkers seem to suffer, and I gave him a treatment. Both he and his wife have written to me. I quote from his letter:

"I am sure you will be particularly happy to know, but probably not as happy as I, that your 'treatment' on my Sinuses has been more successful than I could have imagined. I have not used nose drops since that evening and I am breathing perfectly normally for the first time in I can't remember how many years. I'm simply amazed and mystified but thoroughly grateful, and you should put me down in one of your record cards as another miraculous cure which, if you ever want testimony on, I'll be only too happy to do so. I figured it out in the last couple of weeks and with the fees I have paid the New York doctors over the years trying to cure this problem, I could have flown back and forth every year and still be ahead. Many, many thanks again."

There are quite a few other testimonials of various sorts. I remember your wise words about not over doing it. I don't know the right number of patients one should attend, safely. I think that I mentioned that I am used just as a sort of transmitter of the healing power; but, of course, I do stand up when I do it and it means also going into a separate trance for each patient. It only takes a minute, but nevertheless one has to use some concentration each time. What is extremely good about it, is that it seems to stop pain instantly. A medical friend of mine, who is running a blood Donor Bank here, is strangely enough terrified of dentists. She simply will not go for attention, and naturally enough she now has trouble with her teeth. She came to see me in violent pain. I gave her a treatment and the pain stopped instantaneously, and has never recurred.

I was delighted to hear that you found some improvement after my treating you, and I only wish that Moscow was nearer so that I could give you several treatments. I don't know yet when I can come to Europe again. I am caught up in several things.

One major international Air Line wants me to be their Tours Advisor for people who are interested in environment; and, in the meantime, the National Trust in England also wants me to be active in their tours. They both want me to accompany them, if possible, but if not they will be quite happy if I can give talk to the people before they start off, and they would have pictures taken with myself, as many of them are our T.V. fans. I could show them over our house and garden, and they could be introduced to the dogs and they would be quite happy!

I am tremendeously tempted to try, nevertheless, to come to Russia again, and would very much like to be on T.V. With some of our films.

I think it would be a terrible imposition on you to stay in your flat. Even one person can give a lot of extra work, but I would like to stay in a hotel near you, then I could come and see you and talk about all the many subjects in which we have mutual interests. I should also very much like to meet all the many intelligent and interesting friends who must make up your circle.

I will send some calendars and books on wildlife.

With much love and best wishes to you both,
Sincerely yours
M. Denis

П. Я. 15033,
Найроби

Дорогие Тая и Иван!

Не могу поверить, что почти три месяца прошло, с тех пор как я получила от вас дорогое письмо от 5 декабря. Прошу простить меня, а в оправдание могу только сказать, что каждую минуту жизни стараюсь потратить на что-то конструктивное, и это так интересно, что день порой пролетает как минута. Есть несколько тем, затрагивающих меня очень сильно.

Первая — окружающая среда. Я выступала перед несколькими группами и организациями на темы её защиты. Кроме того, меня множество раз приглашали рассказать о духовном исцелении. Видимо, придётся отказываться от части приглашений, а то совсем не останется времени писать. С нетерпением жду, когда ваш новый исторический роман переведут, чтобы его прочитать.

Как я хочу снова вас увидеть! Такая радость была встретиться в тот мой «метеорный» пролёт. Вы оба были точь-в-точь как я себе вас представляла, поэтому словно друзья, которых я знала всю жизнь. Странно, что вы оба сказали, что ощущали присутствие Армана во время моего визита в вашу квартиру. Я совершенно определённо чувствовала, что он с нами.

Те немногие части Москвы, что мне удалось увидеть, очаровали меня. Больше всего мне понравились широкие проспекты, усаженные деревьями, и минимум архиврага окружающей среды — автомобилей. Неужели удобство наводнения города автомобилями стоит того, чтобы ежеминутно губить лёгкие угарным газом и продуктами неполного сгорания топлива? (Не говоря уже о нескончаемом шуме в ушах.) Одной из первых задач должно стать изобретение такого средства передвижения, которое будет ездить почти бесшумно и использовать чистое топливо.

Зиму в России мне даже трудно вообразить. Как бы мне хотелось, чтобы вы, мои дорогие друзья, приезжали сюда ко мне на зиму. Я страшно боюсь мороза, и уже много лет мне удаётся его избегать.

Помнится, году в 1966 нам с Арманом пришлось поехать в Нью-Йорк по делам на четыре дня. Визит совпал с каким-то событием, отчего все гостиницы оказались забиты. Нам удалось найти комнату в отеле за три или четыре квартала от офиса наших юристов.

Этот отель располагался на 42-й улице, большой, в очень шумной части города. Но замечательной выгодой было то, что до офиса юристов можно было дойти пешком по сети туннелей — под нами располагались переходы Центрального вокзала! Поэтому мы и носа не высовывали наружу, где дул пронизывающий ветер, до самого отлёта домой. В той подземной части города были всевозможные магазины, будто в каком-то научно-фантастическом мире.

Я по-прежнему занимаюсь целительством каждую субботу. Две молодые женщины — врач и лаборантка — согласились добровольно помогать мне вести картотеку и принимать больных через неделю попеременно. Всю работу они выполняют совершенно бесплатно, как и я. Мне постоянно приходится отказываться от оплаты и подарков. А когда люди спрашивают — почему, я неизменно отвечаю: «Наградой мне то, что пациенту становится лучше!» Эти слова всегда вызывают весёлый смех.

Вице-президент большой нью-йоркской телевизионной станции с женой навещали меня в Лангате. Мы с Арманом знали его ещё в его бытность

редактором много лет назад. В ходе беседы я упомянула, что каждую субботу веду приём больных. А он сказал, что много лет страдает от насморка, как многие нью-йоркцы. Я его полечила. Потом он и жена написали мне. Процитирую отрывок из письма: «Уверен, тебе будет особенно приятно узнать, хотя и не так приятно, как мне, что твоя «обработка» моих носовых пазух подействовала куда лучше, чем я мог представить. С того самого вечера я совершенно забросил всякие капли и впервые за долгие годы дышу совершенно свободно. Просто поразительно, но я невыразимо благодарен, можешь записать меня в список совершенно полных излечений. С удовольствием публично подтвержу это где угодно. Я тут подсчитал, что за деньги, потраченные на врачей и лекарства тут, в Нью-Йорке, я мог бы летать к тебе каждый год все эти годы, лучше бы я так и делал. Ещё раз огромное спасибо».

Есть ещё немало подобных свидетельств самого разного сорта. Помню я и ваши мудрые советы не перестараться. Не знаю, скольких я могу принять без вреда для себя. Думаю, я упоминала, что служу лишь проводником исцеляющей силы, но, конечно, к каждому пациенту надо подходить и для каждого входить в отдельный транс, пусть даже на минуту. Лучше всего то, что боль проходит сразу же. Одна моя подруга-медик, которая работает в местном банке донорской крови, как ни странно, очень боится дантистов. А поскольку она к ним не ходит, то неудивительно, что у неё проблемы с зубами. Как-то она пришла ко мне, мучаясь дикой болью. После моего лечения боль пропала и больше не возвращалась.

Рада слышать, что у вас наступило некоторое улучшение после моего лечения — вот если бы Москва была чуть поближе, чтобы я смогла ещё несколько раз вас полечить. Но не знаю, когда удастся снова вырваться в Европу. Пока меня тут держит несколько дел.

Одна из крупных международных авиалиний приглашает меня стать своим консультантам по турам для людей, интересующихся защитой окружающей среды, кроме того, и английский Национальный Трест привлекает к своим турам. Они хотят, чтобы я, если возможно, сопровождала участников либо даже просто беседовала с ними по приезде и разрешала сфотографироваться с собой, поскольку большинство этих людей — поклонники наших телесериалов. Если показать им дом, сад, познакомить с собаками, туристы будут счастливы!

Но мне также очень бы хотелось всё же попытаться снова выбраться в Россию, возможно — выступить на телевидении с некоторыми нашими фильмами.

Хотя всё же считаю, что останавливаться у вас означало бы сильно вас стеснить, потому что и один человек может доставить массу хлопот. Но мне бы хотелось остановиться в гостинице неподалёку от вас, чтобы я могла приходить к вам и беседовать на все те темы, которые нас вместе интересуют. Мне бы также хотелось повстречаться со всеми умными и интересными людьми, составляющими круг ваших друзей.

Я пошлю вам несколько календарей и книг о дикой природе.

С огромной любовью и наилучшими пожеланиями вам обоим,
искренне ваша *Микаэла*

Перевела Лариса Михайлова

20 И. А. ЕФРЕМОВ — В. П. ТВЕРДОХЛЕБОВУ

Москва
17 марта 1972 г.

Многоуважаемый Валентин Петрович!

Как ни неприятно мне писать Вам это письмо, всё же необходимо, ибо кто ещё Вам скажет, кто по-доброму отзовётся?

Мне похвастался Пётр Константинович, что Вы ему на 50-летие подарили ни много ни мало — яйцо динозавра. Я чрезвычайно удивился и разогорчился, потому что, если Вы и не посвящены в тонкости палеонтологической этики, то кому же это сделать, как не П. К.?

Так вот, без обиняков: тот, кто ведёт раскопки, палеонтологические или археологические, является уполномоченным своего народа и своей страны на это дело. Как бы там ни было, судьба его поставила на этот пост, и он несёт абсолютную ответственность за то, что ни одна крупица из найденного не уйдёт на сторону! Иначе что же будет — археологи растащат бусы и монеты, серьги и оружие, палеонтологи — черепа, яйца, кости, геологи — самородки, шлихи, ценные минералы и красивые аметисты и т. д. и т. п. Для учёного, поставленного на то или другое исследование, нужна абсолютная честность в обращении с добытыми им материалами, как бы много их ни было, ибо то, что много для Вас, является абсолютной редкостью для большинства учёных, музеев и лабораторий мира.

Может быть, Коп или Марш, копавшие на собственные деньги, и считали коллекции своей собственностью, но даже и в этом случае всё равно это было дикостью, так как коллекции всё равно принадлежали американской земле и её народу. Для нас же, работающих на деньги народа (как бы это высокопарно ни звучало), всякое изъятие ископаемых материалов в личную собственность — это кража! Согласитесь, что дико, ежели в лучших музеях мира не будет ни одного полного яйца динозавра, а у Вас на квартире будет бесполезно стоять хотя бы одно? Однако передавать в какие-либо музеи Вы и то можете лишь через тот научный центр, который руководил и финансировал раскопки, по усмотрению лиц, на то специально уполномоченных.

Ежели ещё Вы вывезли эти коллекции из чужой страны — ещё хуже, потому что в случае, если монголы узнают о таком деле, по Вашей вине «потеряют лицо» ни в чём не виноватые советские учёные.

Этика сохранения собранных коллекций должна быть совершенно честной, ясной и непреложной, каковы бы ни были побочные обстоятельства (я имею в виду то, что если Вы «упёрли» материал от нечестного распределения с другой стороны, то это оправдывается только в том случае, если Вы сделали это для своей страны, для науки, а никак не для себя).

Итак: я прошу Вас вернуть все имеющиеся у Вас материалы в Палеонтологический Институт. Это можно сделать в совершенно секретном порядке. П. К. я или заставлю вернуть «подаренное» ему яйцо по принадлежности, или отдам под суд (и это не пустые слова, просто я иначе поступить не могу. Мой долг, уходя со сцены в палеонтологии, обеспечить честный тыл науки, с гарантией, что коллекции не будут из-за легкомысленного к ним отношения растаскивать по рукам). П. К. упрямо твердит мне, что он хочет отдать яйцо в Пермский музей. Я пытаюсь ему втолковать, что и это он

не вправе сделать, так как распределение образцов — дело института, а не частных лиц, хотя бы и состоящих в штате ин[ститу]та.

Я чрезвычайно огорчён этим случаем, и даже не Вашим поступком, ибо это вина, скорее, тех, кто не проинструктировал Вас о некоторых особенностях палеонтологических сборов и раскопок.

Меня удручает, что в данном случае П. К., которого я рассматриваю как своего наследника по раскопкам и исследованиям, особенно полевым, проявил себя совершенно невежественным в отношении этики палеонтологических исследований и смог взять этот «подарок».

На кого же мне надеяться в таком случае? Ведь если человек убеждён в своей правоте, то его надо убрать из палеонтологии раз и навсегда, во всяком случае не допуская к раскопкам и хранению материалов.

Поймите меня правильно, Валентин Петрович. Цель этого письма — не ущемить Вас как-то, не унизить (зачем это мне, высоко ставящему Ваши работы?), а научить единственно правильному поведению в науке. Иного быть не может.

С искренним уважением,
И. Ефремов

P. S. Будете в Московии — зайдите, поговорим. Телефон новый 135-90-78.

А. и Р. РОМЕРЫ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Техас
20 марта 1972 г.

1971 Romer Chronicle

We are doing better this year but not by much! Last year our greetings were mailed in May. Now to bring you our 1971 news.

As briefly mentioned in our last report, we had a wonderful trip to India in January. We were guests of the Indian Statistical Institute which has its main headquarters just outside of Calcutta. An enterprising and able group of geologists and paleontologists at the Institute comprise the Geological Studies Unit whose founder and now chief advisor is our friend Pamela Robinson who initiated our trip. While there Al lectured 5 times, and we had almost a week in the field and also were given side trips to Darjeeling, to Delhi, and of course the Taj Mahal and Fatehpur Sikri.

Darjeeling and Katchenmunga (world's 3rd highest mountain) were exciting and breathtaking. The Republic Day Parade in Delhi was very impressive even though viewed in the rain. The spectacle of Delhi illuminated for that festival was incredible. The Taj and other Moghul edifices (especially the tomb of Utmud ud Daula near Agra) quite lived up to their reputation for beauty.

The Institute was a gracious and all-providing host, in particular Prof. and Mrs. Mahalanobis with whom we stayed while there. The far-seeing eye of the Institute reached out to us wherever we travelled even in New York and London and added to our comfort. We suspected that a part of the solicitude was due to our advanced years, as one Air India official let slip that we were "overage". Cheers for our status as "senior citizens".

We came away with concern for India and her problems but with profound admiration for the tremendous efforts she is making toward their solution. We were

there during the election campaign of early 1971 and were very pleased at Mrs. Gandhi's victory. We met both her and President Giri through the Mahalanobises.

Soon after we left, the chain of terrible events began in East Pakistan which led to the refugee problem in India and more recently to the two weeks' war. It seemed to us that the western nations should, at the very least, have spoken out officially against the brutal actions of West Pakistan beginning last March. We hope in spite of the added problems of India that the efforts of those intelligently planning her future will be rewarded by success.

Ruth's skill as a cross country skier progressed slowly last winter, partly due to our being away during much of the snow season and partly because of her general ineptitude. It is fun, and Pelham is a good place to enjoy the sport. Al prefers snowshoes for getting about.

A nice break during our late, rather unpleasant spring was a week's jaunt to Austin and Nacogdoches, Texas. This was mainly at the invitation of the Texas Academy of Science. Later we again did the usual Philadelphia-Washington circuit, combining a family visit with meetings and old friends.

As also intimated in our May letter, our long planned and anticipated trip to Australia and New Zealand finally materialized. (A 2 day stop-over in Fiji gave us our first wonderful glimpse of a coral reef in a glass-bottomed boat and Ruth a lovely swim.)

Our departure date was set by the time of the Anzaas (equivalent of AAAAS) meetings in Brisbane, May 23—29. This gave us an opportunity to meet paleontologists, geologists, and zoologists from all over Australia and New Zealand, some of whom we had known earlier. After that we had a week in the "bush" in Queensland, a week planned to show us geology and fossil localities and to collect fossils whenever we could. But the trip was much more than that. We learned about the plants, the animals and quite a lot about the farming and ranching economy of that part of Queensland. We met some "property" owners and a manager and visited several "homesteads". We went on with a much greater appreciation of the all-importance of water for grazing animals and grass. Even many of the trees and wild animals are begrudged water and food because of the limited resources of the area; drought is an ever present possible menace and too often a disastrous reality. The last bad drought (of about 5 years duration) was just over when we were there. That week was a wonderful one, shared with 7 other paleontologists. We mostly stayed in motels (with routine breakfasts of steak and 2 eggs) but camped out sometimes which was great fun although a warm day usually turned into a cold night.

After Queensland we flew by helicopter to Heron Island, a coral key in the Great Barrier Reef. The highlight there for Ruth was snorkeling over Wistari Reef. Reef fossicking was also great fun for both of us.

Alice Springs and especially the flight to Ayres Rock in a tiny Cessna, gave us a vivid picture of the red beauty of the Great Outback in that area and also an idea of its practically complete aridity. Around Alice for the first time we saw many aborigines. There are several Reserves and missions nearby. We really learned very little about them and their current problems. However, we did feel that many people are concerned and trying to work out solutions. A recent vote on "equal pay for equal work" turned out surprisingly to be over 90% in favor.

We then "did" the other cities: Adelaide, Sydney, Canberra, Melbourne and Perth. (Unfortunately we didn't get to tropical Darwin, capital of the Northern Terri-

tory, nor to Hobart in Tasmania.) We visited many of the universities and museums (and zoos), and Al lectured or gave seminars in quite a few. He also talked to the Harvard Club of Australia in Sidney.

We were taken into the countryside to see the geology and fossil localities or sometimes just scenery by friends in many of the cities. This added greatly to our pleasure.

Our final adventure was a 3-day train trip across Australia from Perth to Sydney. This combined relaxation in a very well appointed train (early tea, good food and a private shower in our twinette) with seeing the country. One day was spent crossing the Nullarbor Plain (with not a tree in sight, hence the name). Once in a while a railway siding with a. few houses or a city such as Kalgoorlie where the water is pumped via a huge pipe about 350 miles from the Darling Range in West Australia.

Australia has problems of course and we were not smart enough to know the answers. It's a country with an interesting history, of great achievements, and we hope a wonderful future. Our friends gave us a warm welcome, and we left feeling we had made many new ones.

Our final ten days were spent in New Zealand. We did some spectacular flying around the snow peaks in the southern alps and were impressed with the beauty of the lakes and fjords. We took a comfortable bus (run by the railroad!) through the North Island from Wellington to Auckland stopping off for 2 days at a sheep ranch (some cattle, too) near Putaruru with friends. This was in lovely rolling country, and we learned something of how sheep farming works, the marvelous dogs, the shearing and lambing, and also of the problems currently caused by the low price of wool, the U. S. quota on import of lamb and Britain's proposed entry into the EEC.

Then we headed home with one day in Tahiti, a beautiful island but with high prices and for us at least poor hotels. Ruth did get another lovely swim.

Mid-July to late September was spent alternatively in Pelham and Cambridge, enlivened by pleasant visits from several friends from England, South America, and India. Also Jim and Karen and 2 year old Bryony made us their longest visit in years as they were between homes. This was very nice indeed for us.

Even when we returned to Cambridge as home base we continued to have weekends in Pelham including one for Al's Amherst College class reunion and another for the inauguration of Amherst's exciting new president.

On the last day of October we flew to Washington for paleo meetings (this year combined with the geologists) and then to California.

Al was invited to Berkeley as Hitchcock Visiting Professor which involved residence for 3 weeks, 4 public lectures there and 1 at UCLA. He also had regular office hours, talked with students, and attended seminars. It was a most pleasant time. Old and new friends at the U of C gave us a real social whirl. We lived at International House, an experience in itself. We managed a weekend in Davis which included the Napa Valley and Marin County, our first visit there since the spring of 1968 when we were at Davis for several weeks.

We really felt sad as we left Berkeley. But not for long as we headed for Santa Cruz and Thanksgiving with the Thimanns. We renewed a tradition begun in the mid- 30 's and ending with their move to California in 1965.

Then to Los Angeles for 5 days and 3 more lectures. (Al gave 11 in all in California; he "can't say no!") Everywhere we were made to feel warmly welcome and again had a gay social life.

We made 3 interesting stops on the way east. We travelled as far as Santa Fe on Amtrak. In Flagstaff old friends (the Colberts) and exciting fossils from Antarctica awaited us, and Santa Fe, which we love, also has old friends.

In Ohio we combined visits to Ruth's relatives in Oberlin with a business day for Al at the Cleveland Natural History Museum.

In Los Angeles we had received news that our Cambridge house had been entered. The thieves took all the components of our very good stereo hi-fi equipment, a big loss but of course replaceable. A much sadder loss was a suitcase shipped by Greyhound express from California containing valuable clothing but most important a notebook of Al's with six years of notes for revision of his Vertebrate Paleontology. So far, 3 months later, the papers and notebook, of value only to us, have not been found. Hindsight of course tells us that we were stupid to have shipped them.

Christmas was special this year with all our family, 14 of us, gathered for dinner at the long table in Pelham.

A week later the clan (plus a few close friends) gathered again at Sally's and Paul's to celebrate Ruth's 70th birthday and to consume a marvelous dinner jointly prepared by Sally, Diana, and Karen. Al played Prince Consort for the evening (his birthday having been 2 days earlier). It was a joyous occasion (and for Ruth more than a little overwhelming).

A quick resume of the family: Sally and her family are still in Northampton (Paul teaching at Smith) where their interests range through music, conservation, outdoor recreation, and Zero Population Growth.

Bob is still in Amherst, his family interested in town problems, housing and race, student-faculty relations, graduate work in education (for Diana), computers, etc., and of course physics for Bob.

Jim and Karen are now in Yonkers where Karen is teaching and administrating at Sarah Lawrence and Jim's interests have largely centered on politics and urban problems.

So another year has gone by. Disturbing and tragic events underlie all our lives. We can only hope that 1972 will bring a realization that peace for the World, not just for the USA, is our goal. This must include a greater feeling on our part that we can't be prosperous at the expense of the rest of the world. If this makes us sound like Democrats, it's meant to!

We send sincere best wishes to all of you, wherever you may live (and whatever your views may be).

Ruth and Al

I hope you will find some of this interesting. We are now in Texas collecting Permian fossils.

We had a wonderful visit with Olson last November.

Best to you both,
Ruth Romer

March 20

P. S. I had sealed this letter just before yours of Feb. 27th reached me forwarded from Cambridge to Texas.

When we get home, we will leave almost immediately in England for two weeks and then must go to Philadelphia.

However, when we finally settle down again about May 1st, I shall hope to send a picture of Al and I will also order some of the books you wish — that will take more time. I think Al will also send you some detective stories.

I hope you will not find this account of our year tedious. It contains same family information as well as our travels.

I do not understand your reference to the Tantric prophetic «diagram». I hope 1972 will be a good year to you. Certainly the world is sadly in need of improvement!

You are right about new species being rare. The great majority of our finds have been of Eryops, the most common animal (along with Dimetrodon) here in the Permian. It is hot here in Texas which I do not like.

We both send warmest greetings to you and Taya — *Ruth*

Хроника Ромеров за 1971 год

В этом году у нас прогресс, пусть и небольшой! В прошлом мы собрались разослать всем поздравления лишь в мае. Приступим к изложению новостей за 1971 год.

Как уже упоминалось в предыдущем отчёте, в январе мы совершили чудесную поездку в Индию. Нас принимал Индийский статистический институт, с главным центром неподалёку от Калькутты. Группа способных и предприимчивых геологов с палеонтологами объединена там в отдел геологических исследований, основательница которого, выступающая теперь главным советником, — наша хорошая знакомая Памела Робинсон, которая и была инициатором этой поездки. За время визита Эл прочёл пять лекций, почти неделю мы провели в поле, кроме того нас возили на экскурсии в Дарджилинг, Дели и, конечно же, в Тадж-Махал и Фатехпур-Сикри.

Дарджилинг и Канченджанга (третья высочайшая вершина в мире) — захватывающее зрелище. Парад на День Республики в Дели также произвёл большое впечатление, несмотря на дождь. А иллюминация в Дели на этот праздник представляет собой невероятное зрелище. Тадж и прочие здания эпохи Моголов (особенно мавзолей Итимада-уд-Даула неподалеку от Агры) вполне достойны своей славы.

Институт выступил весьма щедрым и любезным хозяином, особенно в лице профессора Махаланобиса и его супруги, у которых мы остановились на время пребывания. Забота Института распространялась на нас повсюду во время путешествия, находя нас даже в Нью-Йорке и Лондоне, умножая наши удобства. Подозреваем, подобной заботе мы отчасти обязаны нашим преклонным годам, как можно судить по обмолвке сотрудника «Эйр Индиа». Что же, быть «гражданами преклонного возраста», выходит, выгодно.

Мы вернулись с обеспокоенностью за Индию, у которой немало проблем, и с великим восхищением перед теми усилиями, которые делаются для их преодоления. Мы находились там как раз вовремя выборов 1971 года и были довольны победой госпожи Ганди. Благодаря Махаланобисам мы встречались и с нею, и с президентом Гири.

Вскоре после нашего отъезда в Восточном Пакистане началась череда ужасных событий[1], которая породила проблему с беженцами в Индии и недавнюю двухнедельную войну. Нам представляется, что страны Запада по крайней

[1] Восточный Пакистан был создан при разделе Бенгалии на основе «Плана Маунтбеттена» в 1947 году. В 1971 году после кровопролитной народно-освободительной войны получил независимость и стал государством Бангладеш. Количество беженцев в Индию превысило восемь миллионов к концу 1971 года.

мере могли бы официально выступить с осуждением зверских действий Западного Пакистана, развернувшихся в марте прошлого года. Однако, несмотря на эти дополнительные трудности, мы надеемся, что усилия тех, кто разумно планирует будущее страны, увенчаются успехом.

Навыки лыжницы в течение прошлой зимы у Рут почти не развивались, частью из-за нашего отсутствия дома на протяжении почти всего снежного сезона, частью из-за общей неумелости. Хотя ходить на лыжах приятно, и в Пелэме есть все условия для этого, Эл предпочитает пользоваться снегоступами.

Приятно было во время нашей запоздалой весны выехать на неделю в Техас — Остин и Накогдочес. В основном, эта поездка была по приглашению Техасской Академии наук. После чего мы совершили обычный объезд родных и друзей в Филадельфии и Вашингтоне.

Давно запланированная и долгожданная поездка в Австралию и Новую Зеландию, о которой мы упоминали в майском послании, наконец состоялась. (Двухдневная остановка на Фиджи позволила нам впервые взглянуть на чудесный мир кораллового рифа из лодки с прозрачным дном, а Рут там смогла чудесно поплавать в лагуне.)

Датой отъезда был назначен день перед началом съезда Австралийско-новозеландской ассоциации содействия развитию науки (подобной американской), проходившего в Брисбене с 23 по 29 мая. Так мы могли повстречаться с палеонтологами, геологами и зоологами со всей территории Австралии и Новой Зеландии, включая некоторых прежних знакомых. После съезда мы провели неделю в «буше» в Квинсленде, планируя познакомиться с геологией и местонахождениями окаменелостей, а также по возможности найти там новые. Но поездка дала нам намного больше. Мы немало узнали о растениях, животных и о том, как фермерские и скотоводческие хозяйства Квинсленда функционируют в местных условиях. Встречались с несколькими владельцами ранчо, с управляющим, и заезжали на фермы. В результате мы намного лучше осознали важность источников воды для выпаса животных и роста трав. Даже диким животным и растениям недостаёт влаги и питательных веществ из-за бедности почв и постоянной угрозы засухи. Ко времени нашего прибытия завершился один из самых длительных периодов засухи — почти пять лет там не было дождей. Это была чудесная неделя, проведённая нами в компании ещё семерых палеонтологов. По большей части мы останавливались в мотелях (завтракая обычно бифштексом с двумя яйцами), но иногда — для разнообразия — и под открытым небом, хотя дневная жара не мешала ночам быть весьма прохладными.

Из Квинсленда мы на вертолёте слетали на Херон-Айленд — коралловый островок в архипелаге Большого Барьерного Рифа. Самым примечательным там было плавание Рут в ластах и маске с дыхательной трубкой над рифом Вистари. И мы оба с удовольствием предавались там сбору всякой морской всячины на рифе.

Элис-Спрингс и особенно полёт в Эйрз-Рок на крошечной «Сессне» дали нам яркое представление о красоте багрово-оранжевых пейзажей малонаселённой центральной части Австралии, а также о её почти полной безводности. Неподалеку от Элис мы впервые увидели много аборигенов. Там расположено несколько резерваций и миссий. О них самих и об их проблемах успели мы узнать совсем немного. Но ощутили озабоченность многих людей и их желание

найти действенные решения. Недавнее голосование о равной оплате за равный труд показало удивительное единодушие — свыше 90% населения высказалось в поддержку.

Затем мы посетили другие города — Аделаиду, Сидней, Мельбурн и Перт. (К сожалению, до тропического Дарвина, столицы Северной территории, и до тасманийского Хобарта мы не добрались.) По дороге мы посетили многие университеты и музеи, а также зоопарки, и Эл читал лекции или проводил семинары в ряде из них. Кроме того он также выступал в Гарвардском клубе Австралии в Сиднее.

Друзья из этих городов вывозили нас в свою очередь на экскурсии — посмотреть геолого-палеонтологические или природные достопримечательности. Это было очень приятно.

И завершилась поездка трёхдневным переездом по железной дороге через всю Австралию от Перта до Сиднея. Это позволило без суеты в очень удобном поезде (с чаем по утрам, хорошей пищей и отдельным душем в нашем двухместном купе) насладиться видами страны. Целый день мы пересекали равнину Налларбор (без единого деревца, откуда и название). Попадались только разъезды с несколькими придорожными строениями и изредка города вроде Калгурли, куда вода подаётся по огромному акведуку с Дарлинг-Рейндж за 350 миль из Западной Австралии.

У Австралии, несомненно, есть свои трудности, и мы не обладаем достаточной мудростью, чтобы давать советы. Это страна с интересной историей, большими достижениями в настоящем и, смеем надеяться, в будущем. Прежние друзья принимали нас очень тепло, а уезжая, мы чувствовали, что обрели там немало новых.

Последние десять дней мы провели в Новой Зеландии. Вначале мы перелетели через снежные вершины великолепных Альп Южного полушария, восхитившись красотой озёр и фьордов. Потом на комфортабельном автобусе (принадлежащем железной дороге!) проехали весь Северный остров от Веллингтона до Окленда, остановившись на двое суток у друзей на овечьем ранчо (там были также и коровы, но меньше числом) неподалеку от Путаруру. Это чудесная холмистая местность, где мы чуть лучше поняли, как пасти овец с помощью поразительно умных собак, как происходит стрижка и окот, а также услышали о проблемах, которые создают теперешние низкие цены на шерсть, наложенные США квоты на импорт баранины и грядущее вступление Британии в Общий рынок.

После чего мы двинулись в направлении дома, проведя по дороге день на Таити — чудесный остров, но с очень высокими ценами и убогими на наш вкус гостиницами. Но Рут, по крайней мере, ещё раз удалось там поплавать.

Время с середины июля по конец сентября мы делили между Пелэмом и Кембриджем, куда к нам наезжали иногда друзья из Англии, Южной Америки и Индии. Подольше смогли погостить Джим и Карен с двухгодовалой Бриони. Мы очень были этому рады.

Даже по возвращении в Кембридж уикенды мы продолжали проводить в Пелэме: в один из них проходила встреча сокурсников Эла по Амхерстскому колледжу, а в другой — приём в честь вступления в должность нового президента колледжа, от которого ожидают многого.

В последний день октября мы полетели в Вашингтон на конференцию палеонтологов (на этот раз совместную с геологами), а затем в Калифорнию.

Эла пригласили в Беркли выступить с Хичкоковскими лекциями[1], что включало трёхнедельное проживание там, четыре публичные лекции в Беркли и одну в Лос-Анджелесе. Он также ежедневно имел приёмные часы, консультировал студентов и посещал семинары. В высшей степени приятное время. Прежние и новые друзья из Калифорнийского университета нас везде возили. Жили мы в Международном Доме[2], что само по себе было любопытным опытом. Уикенд провели в Дэвисе, откуда выбирались в долину Напа и округ Марин, впервые после нескольких недель, проведённых в Дэвисе в 1968 году.

Покидали мы Беркли с грустью, но грустили недолго, потому что ехали в Санта-Крус на День благодарения к Тиманнам. Так мы возобновили существовавшую с середины 1930-х традицию, прерванную их переездом в Калифорнию в 1965 году.

Затем — в Лос-Анджелес на 5 дней и ещё 3 лекции. (Всего Эл прочёл их в Калифорнии одиннадцать, он просто не в состоянии твёрдо сказать «нет»!) Нас везде принимали очень тепло и не давали скучать.

По дороге на восточное побережье мы сделали три интересные остановки. До Санта-Фе мы ехали «Амтрэком»[3]. Во Флагстафе мы навестили старых друзей (Колберов) и посмотрели замечательные окаменелости из Антарктики, в любимом нами Санта-Фе тоже ждали хорошие друзья.

В Огайо мы совместили семейный визит к родственникам Рут в Оберлине с рабочим днём Эла в Кливлендском музее естественной истории.

Будучи в Лос-Анджелесе, мы узнали, что к нам в дом в Кембридже проникли грабители. Они забрали всё стереооборудование, — это большая материальная потеря, но восстановимая. Гораздо печальнее другая: пропал чемодан, отправленный автобусом «Грейхаунд-экспресс» из Калифорнии с дорогими костюмами, куда Эл положил также тетрадь с записями за последние шесть лет для новой редакции его «Палеонтологии позвоночных». Прошло с тех пор уже три месяца, но эти бумаги, имеющие ценность только для нас, так и нигде не всплыли. Конечно, задним умом теперь ясна полная глупость отправки их с багажом.

Рождество в этом году выдалось исключительным: за длинным столом в Пелэме собралось 14 членов нашей семьи.

Неделю спустя весь клан (плюс несколько ближайших друзей) собрался снова у Салли с Полом для празднования семидесятилетия Рут и поглощения чудесного ужина, приготовленного совместно Салли, Дианой и Карен. Эл

---

[1] Хичкоковская лекция — одна из наиболее традиционных серий публичных лекций в Калифорнийском университете (Беркли), которая существует благодаря фонду, основанному врачом из Сан-Франциско Чарлзом Хичкоком в 1885 году и приумноженном его дочерью Мартой для поддержки научных исследований через знакомство с достижениями выдающихся учёных. Проводятся без перерыва с тех пор. Одна из тем лекций А. Ромера — «Стадии эволюции позвоночных».

[2] Международный Дом — одно из первых в США общежитий для студентов и аспирантов обоего пола и из разных стран, открыт в 1930 году.

[3] Амтрэк — крупный железнодорожный перевозчик США.

играл роль супруга царствующей королевы (поскольку его день рождения уже отгремел двумя днями раньше). В общем, было весело (хотя для самой Рут даже слишком).

Кратко о внутрисемейных делах: семейство Салли по-прежнему в Нортгемптоне (Пол преподаёт в колледже Смит[1]), деля интересы между музыкой, охраной природы, походами и поддержкой нулевого прироста населения.

Боб остаётся в Амхерсте, у них интересы связаны с местными проблемами — жильё, расовые отношения и отношения между студентами и преподавателями, с исследованиями в области образования (у Дианы), компьютерами и т. п., и, конечно, с физикой у Боба.

Джим и Карен теперь в Йонкерсе. Карен преподаёт и занимается административной работой в колледже Сары Лоуренс[2], а Джим в основном интересуется политикой и проблемами развития городов.

Вот и ещё год миновал. Наши жизни проходят на фоне беспокойных и трагических событий. Остаётся только надеяться, что 1972 год принесёт понимание, что необходим прочный мир во всём мире, а не только для США. От нас требуется осознавать яснее, что процветание за счёт остального мира невозможно. Если это звучит как заявление демократов — так и задумано!

Посылаем наши искренние добрые пожелания всем, где бы вы ни жили (и вне зависимости от ваших взглядов).

Рут и Эл

Надеюсь, Вам было не скучно читать. Мы теперь в Техасе, копаем пермские отложения.

В прошлом ноябре мы замечательно пообщались с Олсоном.

Всего самого доброго Вам обоим,
Рут Ромер

20 марта

P. S. Я уже запечатала письмо, когда пришло Ваше от 27 февраля, пересланное ко мне из Кембриджа в Техас.

По возвращении домой мы почти сразу уедем в Англию на две недели, и затем должны будем поехать в Филадельфию.

Однако, когда мы в конце концов снова доберёмся домой около 1-го мая, я надеюсь отправить Вам фотографию Эла и закажу книги для вас, поэтому времени уйдёт несколько больше. Полагаю, Эл собирается послать ещё от себя несколько детективных романов.

Надеюсь, наш годовой отчёт Вас не утомит. Там есть как семейные новости, так и рассказ о наших путешествиях.

Я не понимаю Вашу ссылку на тантристскую пророческую схему. Надеюсь, 1972 год будет удачным для Вас. А мир, конечно, отчаянно нуждается в улучшении!

---

[1] Колледж Смит — частный независимый женский колледж, расположенный в Нортгемптоне, штат Массачусетс, основан в 1881 г. и назван в честь Софии Смит. Это самый большой колледж ассоциации «Семь сестёр».

[2] Колледж Сары Лоуренс — небольшой частный колледж с совместным обучением в Йонкерсе к северу от Нью-Йорка, с выраженным акцентом на индивидуальном подходе к студентам, традицией общественного активизма и сильными международными образовательными связями.

Вы правы насчёт того, что новые виды находятся всё реже. Мы по преимуществу обнаруживали тут эриопсов — самое обыкновенное в здешних пермских отложениях животное (наряду с диметродоном). В Техасе жарко, чего я не люблю.

Мы оба шлём самые тёплые приветствия Вам и Тае — *Рут*

Перевела Лариса Михайлова

22 И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ[1]

Москва
22 марта 1972 г.

Дорогой Павел Фёдорович!

Огромное спасибо за прелестную репродукцию (Drops of Life). Теперь вместе с Св. Сергием одарен свыше меры!

Таиса Иосифовна очень Вас благодарит и посылает привет и пожелания здоровья и благополучия, так же как и я.

Всего Вам светлого. Берегите себя.

Ваш *И. Ефремов*

23 В. П. ТВЕРДОХЛЕБОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

23 марта 1972 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Ваше письмо меня весьма расстроило. Честно говоря, сначала я был даже несколько возмущён, поскольку думал, что я прав. Сейчас объясню, почему я так думал.

Искать и отбирать яйца динозавров на Олгой-Улан-Цаб мы отправились по настоянию монгольской стороны (конкретно — Барсболта), с согласия и одобрения зам[естителя] нач[альника] экспедиции В. Жегалло. Естественно было поинтересоваться — что из собранного материала необходимо будет передать ПИНу. Оказалось, что нам, т.е. ПИНу (вне его мы себя там не мыслили), абсолютно ничего не нужно, этого добра «на досуге» насобирал Каландадзе. Собранный материал (кажется, 18 яиц) уместился в два ящика, а три яйца остались без места. Поскольку ПИН был уже «затоварен» этой продукцией, решили (без тени сомнения) оставшиеся три упаковать вместе с нашими геологическими образцами и отправить в Саратов. Предназначались они на различные анализы и были вполне официально отправлены к нам. Два яйца пришли в полной сохранности, одно было раздавлено. Одно из яиц было передано на кафедру палеонтологии и исторической геологии нашего университета, где оно демонстрируется В. Г. Очевым при чтении лекций студентам, из остатков второго сделали спектральный анализ и шлифы. Кстати, для подобных целей яйца динозавров были использованы первооткрывателем этого местонахождения Андреем Сочавой, фото одного из них помещено на обложке журнала «Природа».

[1] Почтовая открытка: Кижи. Дом Ошевнева. XIX в. Фото Л. Тарасовой.

Третье яйцо передано Петру Константиновичу (только не на 50-летие, а позднее, хотя это и не меняет дела). До сих пор я был уверен, что я прав, мне даже не приходили в голову иные мысли.

Признаюсь, после Приуралья, где мы дорожили малейшей косточкой, нас в Монголии поразили не столько масштабы захоронений, сколько расточительность в обращении с костным материалом.

После Вашего письма я говорил с заведующим кафедрой, куда было передано яйцо, объяснил ему, что яйцо придётся передать в ПИН; решили пока послать официальное письмо директору ПИНа с просьбой разрешить оставить это яйцо в нашем университете. Если в этом будет отказано, то оно, несомненно, будет возвращено. Остатки второго яйца передадут в ПИН наши геологи, когда будут выезжать в Монголию в начале лета.

Право, не знаю, как быть с Петром Константиновичем. Я напишу ему об изменившемся своём отношении к этому, а дальше уже будет дело за ним.

Иван Антонович, несмотря на то, что весьма тяжело принимать на себя «кражу» раскопанных материалов, я Вам очень благодарен за возможность взглянуть на всю эту историю с другой стороны, я уверен, мало знакомой большинству теперешних сотрудников СМПЭ[1]. В наших местных условиях подобные вопросы не возникали.

Ещё раз большое Вам спасибо!

С искренним уважением,
В. П. Твердохлебов

И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 24

Москва
24 марта 1972 г.

Многоуважаемая Зоя Ивановна!

Благодарю очень за доброе письмо и соболезнование по поводу «Таис». Спешу Вас успокоить — редакторы долго перекатывали рукопись, как горячую картошку, и наконец решились. Журнал «Молодая гвардия» будет печатать роман во втором полугодии с августовского или октябрьского номера до конца года. С какого, пока неизвестно. Скоро будет подписка на моё собрание сочинений по 2 тома в год 73, 74, 75 годы, всего 6 томов, 180 печатных листов. Я всё ещё не чувствую себя хорошо, очевидно, из-за погоды.

Сердечный привет от Таисии Иосифовны и меня,
Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — В. П. ТВЕРДОХЛЕБОВУ 25

Москва
27 марта 1972 г.

Многоуважаемый Валентин Петрович!

Ваше письмо меня порадовало прежде всего тем, что не пришлось разочароваться в моём представлении о Вас. Вы ответили именно так, как и должен был ответить настоящий учёный.

[1] Советско-Монгольская палеонтологическая экспедиция.

В одном Вы меня не поняли: я не просил у Вас возвращения материалов, переданных на кафедру или в музей. Если эти образцы надлежаще оформлены, т.е. внесены в каталог и обеспечены местом хранения с согласия ПИН, то берите хоть двадцать яиц, ежели их так много. Я имел лишь в виду то, что гуляет в качестве мнимой частной собственности и может раздариваться для водружения на письменные столы в частных квартирах.

Я сам в своё время набирал неопределимые осколки черепов лабиринтодонтов с Севера или обломки скорлупы яиц с Баин-Дзака, чтобы раздавать их преподавателям — геологам и палеонтологам в качестве демонстрационного материала и учить студентов виду этих редчайших ископаемых. Однако выставлять, как Вы правильно сказали, «хотя бы самую маленькую косточку» в качестве «личной диковины» квартирной обстановки — это дело принципиально другое.

Меня как раз и удивило в случае с «яйцом Петра Константиновича», что это сделали Вы, тщательность сборов и неутомимость поисков которого мне хорошо известны. Кому, как не Вам, [известно,] как достаются наши «косточки» и насколько они редки?

Теперь я получил полное подтверждение тому, что подозревал с самого начала. Обилие материалов и кажущаяся лёгкость его добычи развратили палеонтологов монгольской экспедиции, и не было старшего товарища, который мог бы убедить в неправильности такого отношения к материалу.

Я сказал «кажущаяся лёгкость добычи». Потому кажущаяся, что превосходная техника и огромные затраты на экспедицию настолько облегчили доступ к местонахождениям, что люди вообразили, будто это на самом деле просто. А заставить бы их волочиться на верблюдах или на маленькой перегруженной машине, когда и воды-то нет в достатке, тогда было бы другое представление о «лёгкости». Это очень дорогая лёгкость, и потому каждая находка не теряет своей огромной ценности, хотя бы даже в отношении затрат, не говоря уже об уникальности для всего мира.

Что делать с П. К. — не знаю. В разговорах со мной он проявил нелепейшее упорство, и это меня удручило более всего. Вещь-то очевидная, прошляпил — исправляй немедля, а все соображения о личном самомнении, глупая «учёная» спесь должны быть отброшены. Если этого человек преодолеть в себе не в силах — учёного настоящего размаха и толка из него никогда не выйдет, хотя бы судьба и поднимала его повыше. Посмотрим, что дальше, но в моём возрасте разочаровываться в людях, да ещё в собственных учениках — болезненно… Строго спросить — жалко…

Через Крамаренко я потребую, чтобы с сотрудниками СМПЭ была проведена серьёзная разъяснительная работа. Не знал я, что начинать её надо было бы с самого П. К.!

От души желаю Вам успехов в новых открытиях и доброго здоровья.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Москва
28 марта 1972 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Только что просмотрел Ваше сокращение «Т[айной] Д[октрины]». По-моему, получилось хорошо, даже очень. Может быть, излишне суховато, уж слишком «спрессован» материал. Не следует ли добавить немного отсебятины, т. е. попытаться как-то разъяснить некоторые уж очень сложные и уплотнённые места, сделав Ваши собственные комментарии. Это и разбавило бы, и осовременило бы текст. Подумайте!

Относительно второй части, я, к сожалению, не помню подробно её содержания. Однако, судя по тому, что вы дали из первой, то вторая часть, кроме очень устарелой и неудачной научной полемики, содержит ещё символику. Мне бы казалось, что основы символики следует дать, потому что знакомящийся с эзотерической литературой всё равно должен будет где-то искать разъяснения целого ряда понятий.

Например: семь магических искусств гностиков, очень важное индусское эзотерическое построение души и сравнение её с семеричной душой египтян, понятие о Кали и двоякой символике Мары, кое-что о четвёрке... Выберите сами — когда присмотритесь, Вам сделается ясно, что надо, а что пустое.

Когда будете отправлять книгу П. Ф., не забудьте сразу же попросить у него те части Агни-Иоги, которых Вам недоставало, кажется, «Сердце», «Листы Сада»[1] и т. п. Он обещал мне, что Вам пошлёт.

Биография Рериха скоро выйдет. Я принял меры к тому, чтобы добыть книгу и на Вашу долю.

«Таис Афинская» будет печататься в журнале «Молодая гвардия» с августа или сентября и до конца года. Когда будет книга, ещё неясно, есть трудности. Разрешено издание моего собрания сочинений (подписного), 6 томов, по 2 в 73, 74 и 75 гг. Когда будет подписка, не знаю, наверное, в середине этого года.

Самолучшие приветы Вам от Т. И. и меня. Будьте здоровы и берегите себя, иначе кто же понесёт взятое Вами на себя бремя?

Всё меньше таких людей, спокойных и упорных в деле незаметном и ничего не сулящем. Вообще, есть ощущение, что близится нечто вроде «к расчёту стройся», хотя и не обязательно мы с Вами это увидим. Да и лучше бы.

Ваш душевно,
И. Ефремов

П. С. Глава из «Таис Афинской» будет в журнале «Смена» не то в апреле, не то в мае.

И. Е.

---

[1] «Листы Сада Мории».

27 Е. Д. РЕГЕЛЬ — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ

29 марта 1972 г.

Дорогие Иван Антонович и Тасёнок!

Получила Ваше письмо с просьбой о заказе книги и с фотографиями для «умилостивления». Поэтому заказ на книгу репродукций послала сразу же. Как только получу, перешлю Вам. За фотографии спасибо.

Я сейчас в страшном «цейтноте» и с плохим настроением. Поэтому ничего интересного написать не могу, только, пожалуй, то, что свадьба Киры прошла хорошо, а сейчас она уже соломенная вдовица. Утром её муженёк[1] улетел в Магадан. Да, вот ещё. Наш политагитатор принёс из Райкома список рекомендованной для агитаторов литературы, касающейся «культа личности», и в нём Ваш «Час Быка»! Вы это знали?

Прилагаю для Вас вырезку из Ленинградской «вечёрки» (перепечатка из «Ленинградской правды»). Какие тут формулировки!

Получила автореферат Э. И. Воробьёвой. Работа мне кажется интересной, но в ней чувствуется Татариновское влияние[2].

На партийном собрании Быховский заявил, что в течение этой пятилетки нашу московскую группу он не передаст в ИЭМЭЖ[3] Соколову!

Н. С. Лебёдкина приезжала сюда на отчётную сессию ЗИН'а и уехала отсюда окрылённой. Боюсь, что при этих условиях она торопиться с защитой не станет. Жаль мне её очень из-за смерти В. Н. Никитина. Он был её моральной поддержкой. Вера Ростиславна всё время находится в полубредовом состоянии...

В конце апреля я постараюсь приехать в Москву на защиту Воробьёвой и посидеть в ПИН'е с её материалами.

До этого мне нужно успеть много сделать.

Скоро придёт И. М. Громов (наш новый замдир) проверять работу за прошедший год, а я за плановую работу не садилась! Занималась другим.

Сейчас написала статью в ДАН о ... жаберных щелях у Anura, исследовав три вида от вылупления до конца метаморфоза.

Срочно сажусь за препараты по Onychodactylus. Простите, что пишу всё неинтересное.

В заключение: «Армянское радио спросили: "Что будет, если клопы станут светиться?" Ответ: "Полная электрификация всей страны"».

Целую вас обоих крепко.

P. S. На дереве я сидела, но не в такой меланхоличной позе.

Е. Д. Регель

---

[1] А. В. Андреев.

[2] Влияние Л. П. Татаринова.

[3] ИЭМЭЖ — Институт эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР, Москва. (Фольклорная расшифровка — Институт элегантных мужчин и энергичных женщин.) Ныне — Институт проблем экологии и эволюции имени А. Н. Северцова РАН.

З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ

28

Нью-Йорк
1 апреля 1972 г.

Уважаемый проф[ессор] Ефремов,

Ваше письмо от 21 Марта я получила и была искренне рада узнать о том, что искусство Николая Константиновича Рериха близко Вашему духу.

У нас имеются открытки в красках с картин Н. К.; также имеются среднего размера репродукции в красках. Посылаемый здесь мною лист даст Вам полное представление о том, что мы имеем в нашем Музее.

Думаю, что Вам было бы интересно иметь первый комплект из 10 открыток и второй комплект из 5 открыток, и 3 среднего размера репродукции. Вы найдёте между ними те открытки, названия которых Вы даете в Вашем письме.

Из среднего размера репродукций мы имеем портрет Н. К. Рериха, «Жемчуг Исканий» и «Матерь Мира». Из репродукций большого размера мы имеем «Св. Пантелеймон», «Канченжунга» и «Владыка Ночи». Все цены обозначены на листе. Большие репродукции мы неохотно посылаем за границу, ибо они хрупки, и края могут легко обломаться в пересылке. Открытки и репродукции среднего размера легко посылаются по почте.

Разрешите теперь задать Вам вопрос — я не уверена, или Вы, будучи известным учёным, о котором я уже немало знаю, также являетесь автором книг по научной фантастике, последняя меня интересует. У нас имелось несколько книг Ефремова (?), не помню точно их названия, кажется «Созвездие Андромеды», «На Лезвии Бритвы» и «Дорогами Ветров». Последняя определённо была описанием научной экспедиции по Монголии, — думается мне, что это Ваша книга.

Если я не ошиблась, считая Вас учёным, а также автором книг по научной фантастике, то я буду очень рада послать Вам вышеупомянутые открытки и 3 репродукции среднего размера взамен на другие Ваши книги, если таковые имеются.

У нас в библиотеке Музея есть прекрасные альбомы, монографии и книги о русском искусстве, и я затрудняюсь сказать Вам в настоящее время, какие новые книги нам было бы желательно приобрести.

Если у нас не наладится обмен на Ваши книги, я Вам напишу о тех книгах, которые могли быть интересными для нас.

Пока же мы высылаем Вам заказной бандеролью, пароходной почтой, вышеупомянутые открытки и репродукции.

С лучшими пожеланиями и приветом,
уважающая Вас
Зинаида Григорьевна Фосдик

29 А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ

8 апреля 1972 г.

2, Little Rivers,
Welwyn Garden City, Herts.

Dear Ivan Antonich,

I'm pleased you liked the books I sent recently — some more are on the way and I expect you'll enjoy some of them at least. I've spent a bit of time in London of late in pursuit of Satyr Trek. Alas, Olympia inform me that the book is out of print and out of stock too. Naturally I'll keep a look out for it, but the chances must be small. I think you are right about 'Strangers in Lesbos'! I have got hold of copy of 'Fire from Heaven' which really is about Alexander the Great, and I've sent it to you.

It's hard to sum up a new trend in S. F. in the 70's — the old 'New S. F.' which began in the mid-60s with Ballard and his imitators seems to be still going fairly strongly. As new scientific studies come into vogue, they are dealt with in stories which are usually well and densely written and considerably more sophisticated than the normal *Analog* stories. I have in mind recent interest in linguistics (Samuel Delaney — 'Babel-17'), city layout (John Brunner — 'The Squares of the City'), Cryogenics (C. Simak 'Why Call Them Back from Heaven'). There is a growth in S. F. devoted to the overpopulation problem (Harry Harrison — 'Make Room, Make Room') and pollution. A talented writer is Thomas Disch with political satire; he seems to be confining himself to poetry these days. Aldiss isn't writing S. F. these days either, after doing some experimental 'drug' stories, he turned to erotic memoirs of no great distinction. I shall send you some representative stuff and you can make up your own mind.

It's kind of you to suggest sending me books; I'll think about that and let you know. I'm pleased to say that Diana is now a lecturer at London University as from next October. We're absolutely delighted — it means a great difference to us financially, but more important, it gives Diana the scope and standing she wanted. I've sent her off to Spain to relax in the sun after a tense year, so I am expecting postcards from Granada, Seville and Cordova. It is cold, wet and windy here (after a false summer in March) and though the flowers are coming up and it's obvious they aren't enjoying it! I do hope your wife is in better health — I had flu recently followed by bronchitis and it is both depressing and weakening. That we are concerned about your own health goes without saying.

With warmest wishes from us both,
Alan Myers

Литтл Риверз, 2,
Уэлвин Гарден сити, Хартсфордшир

Дорогой Иван Антоныч!

Рад, что недавно посланные книги понравились, — в пути ещё несколько, надеюсь, хотя бы часть из них также доставит удовольствие. Во время недавней поездки в Лондон пытался отыскать «След Сатира»[1]. Увы, по заявлению издательства «Олимпия» книга распродана и допечатка не предполагается. Конеч-

[1] Kainen Ray. Satyr Trek. London, Olympia Press, 1971. (Кэйнен Рэй. След Сатира.) — Эротическая вариация на тему «Звёздного пути».

но, я буду ещё посматривать, но шансы выловить книгу невелики. Думаю, Вы правы относительно «Чужаков на Лесбосе»! А экземпляр «Пламени с небес»[1] я Вам послал — книга действительно оказалась об Александре Македонском.

Выделить характерные черты в научной фантастике 1970-х пока не очень просто — дело в том, что начавшаяся в середине 60-х с Балларда и его подражателей «новая нф» всё ещё продолжается. Кроме того, возникла некая мода обращаться к новым научным направлениям и повествовать о темах, с ними связанных, в манере куда более изощрённой, чем было свойственно публикациям в журнале «Эналог». Я имею в виду интерес к лингвистике (роман Сэмюэля Дилени «Вавилон-17»), градостроительству (Джон Браннер «Квадраты шахматного города»), анабиозу («Зачем звать их обратно с небес?» Клиффорда Саймака). Чаще пишут о проблеме перенаселения («Подвиньтесь! Подвиньтесь!» Гарри Гаррисона) и загрязнении окружающей среды. Очень талантлив в области политической сатиры Томас Диш, но он последнее время пишет только стихи. И Олдисс, опубликовав несколько «психоделических» рассказов, тоже отошёл от научной фантастики и занимается эротическими мемуарами, не обладающими особыми достоинствами. Я пришлю подборку самых показательных вещей, и Вы сможете сами решить.

Очень щедро с вашей стороны предлагать прислать мне тоже книг — я подумаю и отвечу чуть позже. Рад сообщить, что Диана будет теперь лектором в Лондонском университете, начиная с октября следующего года. Мы в полном восторге — это весьма существенно поддержит нас материально, но, что важнее, даст Диане положение и возможности, которых ей не хватало. Я отправил её в Испанию погреться на солнышке после трудного года, поэтому жду открыток из Гранады, Севильи и Кордовы. У нас здесь холодно, сыро и ветрено (после обманчиво тёплого марта), и хотя цветы распускаются, видно, что такая погода им не по вкусу! Надеюсь, Ваша жена поправилась, — мой недавний грипп перерос в бронхит, что нагоняет тоску и слабость. Не стоит и говорить, что мы всегда желаем и Вам крепкого здоровья.

С самыми тёплыми пожеланиями от нас обоих,
Алан Майерс

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ

Москва
16 апреля 1972 г.

Дорогой Олесь Павлович!

Смею напомнить, что Вы ещё в прошлом году обещали мне прислать ежели не весь текст, то хотя бы коротенький пересказ некой индийской легенды, по которой Брахма, вопреки воле Вишну и Шивы, запустил механизм мировой эволюции, который остановить или усовершенствовать уже невозможно. Поэтому Брахма в глазах двух других членов Тримурти почти что преступник, и оба — Шива и Вишну — стараются, сколь возможно, исправлять последствия — Шива — разрушением, Вишну — умиротворением.

[1] Имеется в виду книга Мари Рено: Mary Renault. Fire from Heaven. 1969.

Может быть, если нет самого текста, то вспомните, откуда эта легенда взята?

В редакции — «На Суше и на Море»[1] Пронин долго возился с Вашей рукописью, обещал мне что-то устроить, но так и не исполнил ничего. Ссылается, что ему якобы уже попало за «мистический» рассказ Гурского. Напишите ему, чтобы он не затерял рукопись перевода Вашего.

У меня с новым романом дела тоже пока неважные. Журнал «Молодая гвардия» собирается напечатать «Таис Афинскую» полностью в книжках журнала за август-декабрь. С книгой неясно — катают, как печёную с пылу картошку, — вроде и вкусно, и горячо в то же время.

Собрание сочинений решено и подписано. Будет шесть томов, по два тома в год, начиная с 1973 года. Подписку должны начать в этом году.

Вот пока и все мои новости. Я обещал Вам прислать Вам почитать «Таис», но пока нет свободного экземпляра, потому что пришлось послать роман в авторитетные инстанции. И на перепечатку пока ещё нет лишних денег, а то взял бы и напечатал ещё три экземпляра для друзей.

Здоровье в этом году — неважное, чувствую себя слабо и неактивно. Впрочем, все «сердечники» ведут себя плохо — вероятно, сильна солнечная радиация.

Может быть, магнитный щит дал трещины, и боги решили нас попросту прикончить — представляю, как им надоели столь тупые и упрямые подопечные! Большой привет Вам и Людмиле Фёдоровне от Таисы Иосифовны и меня.

Будьте здоровы и берегите себя.

Ваш *И. А. Ефремов*

31 П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Оринда
21 апреля 1972 г.

Dear Prof. Efremov,

Thank you very much for the copy of your latest book. It is a matter of great regret to me that I cannot read it — someday there will be time to learn Russian! — especially since the illustrations are so fascinating; but for now it will at least be a pleasant memento and a handsome addition to our bookshelves.

Thank you also for your note. I'm glad you enjoyed the "Atlantis" book. It surprised me that you got it so soon. I had expected it to take months. And yours apparently reached me even faster. In the present wretched state of the US mails, I have known letters to take longer to cross this one country.

That reminds me. I mentioned to you having found a book ordering service, which would simplify getting for you those books you ask for. Well, I sent them the list you gave me, and made the mistake of not copying it first. They tell me they never got it — still another piece of lost mail! Could you please send me another list?

Until very recently, I was only working hard, mostly on that medieval saga I probably have told you about. Then early this month we had the pleasure of a several days' visit by our old friend, the French prehistorian François Bordes. (You may know some of the science fiction he has written under the pseudonym F. Carsac;

[1] Имеется в виду альманах «На суше и на море».

but chiefly he is one of the world's leading paleoanthropologists.) He had only been gone a few days when we flew to Florida to witness the Apollo 16 launch.

This time, not only did I have press credentials, but Karen and Astrid had gotten them too, so we were all together in the press grandstand, only about 5.5 km. from the moon ship. Also with us were several old friends. You know some of their names — Gordon Dickson, Hal Clement, Kelly Freas the artist were among them. The sight was, as always, magnificent and indescribable, accompanied by a stuttering thunder of sound that shook the earth and our bones. In a way, when we saw the Apollo 14 liftoff it was even more spectacular, since the low overcast that day reflected the brightness of the rockets across the whole sky. On the other hand, this time the weather was perfectly clear; we could even see the lower stage separate.

We plan to be at the next (and, alas, final) launch too — that one is scheduled for night.

We also managed, this time, to see a number of things we had not seen previously, such as the ship the night before launch, from the press grandstand, bathed in searchlights whose beams streamed across the heavens like the tail of some enormous comet. There were also the upper levels of the huge Vehicle Assembly Building, and the pad itself a couple of hours after liftoff, surprisingly little scorched. At the party that evening, your visiting poet Yevgeny Yevtushenko looked in, but he was only there briefly so I got no chance to talk much.

At present we are watching television transmission of the first day's work on the surface of the moon. We would gladly watch everything that is sent; but unfortunately, most of the public seem to have gotten so blasé about space that none of the networks find it worth their while any longer to show more than an hour or two at a time, with long interruptions between. Even so, it is fascinating, and often amusing. For some reason, whether it be purely psychological or perhaps a physiological effect (of low gravity?) men seem to bubble over with good humor all the time they are on the moon. (It cannot be like drunkenness, though, since they perform their complex tasks efficiently.)

Next week we are going to Los Angeles, where the West Coast awards banquet of the Science Fiction Writers of America is being held this year. I have been persuaded to run for president, but don't know if I will be elected. It's a lot of work.

I hope everything is going well with you and yours.

All best wishes,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю за присланный экземпляр Вашей последней книги. Как же жаль, что я не в состоянии её прочесть — когда-нибудь я всё-таки отыщу время, чтобы выучить русский! — иллюстрации просто чаруют, но пока она будет просто красоваться на книжной полке приятным напоминанием о Вас.

Спасибо за Вашу записочку. Рад, что Вам понравилась моя книга об «Атлантиде». Удивительно, как быстро она до Вас добралась. Я-то думал, что не раньше, чем через несколько месяцев. А Ваша книга дошла сюда ещё быстрее. При теперешнем плачевном состоянии почты в США даже письма внутри страны теперь идут дольше.

Кстати о письмах. Помните, я говорил, что нашёл службу заказов, которая должна была облегчить задачу поиска книг для Вас. Так вот, я отправил

им список, присланный Вами, совершив ошибку — не скопировав его перед этим. И вот они заявляют, что так и не получили его — кануло безвозвратно в почтовой системе! Не могли бы Вы прислать мне список снова?

До недавнего времени я почти всё своё время отдавал работе над той средневековой сагой, которую упоминал ранее. И вот в начале этого месяца к нам на несколько дней приехал старый друг — исследователь доисторического периода из Франции Франсуа Борде (возможно, вам знакомы его научно-фантастические произведения, которые он пишет под псевдонимом Ф. Карсак; но он по преимуществу учёный — один из ведущих палеоантропологов мира). А через несколько дней после его отъезда мы полетели во Флориду наблюдать запуск «Аполлона-16».

На этот раз не только я, но также Карен и Астрид были с полномочиями представителей прессы, поэтому все втроём находились на трибуне для прессы всего в пяти с половиной километров от лунной ракеты. Вместе с нами было несколько старых друзей. Имена части из них Вам знакомы — Гордон Диксон, Хэл Клемент и художник Келли Фриз. Зрелище, как всегда, было неописуемо величественно и разворачивалось под аккомпанемент громовых раскатов, от которых сотрясалась земля и мы тоже. В своём роде запуск «Аполлона-14» выглядел даже более впечатляюще, пламя от ракетных дюз отражалось низко нависшими облаками на всё небо. Но, с другой стороны, на этот раз небо было совершенно чистым, и мы даже наблюдали, как отделилась первая ступень.

Мы планируем приехать и на следующий (увы — последний) запуск, который должен состояться ночью.

Нам удалось разглядеть многие детали, ускользнувшие от внимания прошлый раз: в ночь перед запуском мы долго рассматривали корабль с трибуны для прессы в лучах прожекторов, чей свет прорывался и дальше в небо хвостом огромной кометы. Внимательно разглядели также верхние этажи гигантского Сборочного ангара и сам стартовый стол, на удивление слабо обожжённый. На приём в тот вечер заглянул проездом ваш поэт Евгений Евтушенко, но совсем на короткое время, поэтому я успел обменяться с ним всего несколькими словами.

Сейчас мы смотрим по телевизору передачу о первом дне работы на поверхности Луны. Мы с радостью бы смотрели, не переставая, всё, что оттуда передают, но значительную часть публики космическая тема уже утомила, поэтому ни один телеканал не уделяет лунной трансляции дольше часа-двух, с большими перерывами. Но и в урезанном варианте это замечательно и зачастую даже забавно. Отчего-то — по причине психологического свойства или же чисто физиологической (из-за малой силы притяжения?) астронавтов во время вылазок на поверхность Луны просто переполняет жизнерадостность (но это не опьянение, потому что все свои сложные задачи они выполняют вполне результативно).

В следующую неделю мы поедем в Лос-Анджелес, где состоится вручение премии «Небьюла» на банкете SFWA в этом году. Меня уговорили баллотироваться в президенты Ассоциации, но не знаю — изберут ли. Это немалый объём работы.

Надеюсь, всё у Вас и родных хорошо.

С наилучшими пожеланиями,
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 32

Март или апрель 1972 г.[1]

...На земле всё довольно уныло, особенно это будет ощущаться в скором будущем. Это совпадает со старыми индийскими и тибетскими пророчествами о высших и низших пиках. Графически я изобразил их на диаграммах. Низший пик в 1972 г., подъём в 1977 г. и огромный провал с колоссальными войнами в период между 1998 и 2005 гг. — временем Белого Всадника из Майтреи. Но я не доживу до этого времени, может быть, доживёте Вы?..

Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 33

Лос-Анджелес
24 апреля 1972 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

I hope that my letter has crossed yours, so that you won't think that I have expired or have got lost. In it I mentioned that the book on acquired characteristics had arrived and that I thoroughly enyoyed it. I also have a book on evolutionary biology and I am trying to do a review of the two for EVOLUTION. The problem is that, right now I am rushed more or less off my feet. This will stop soon, for as of July 1, I am no longer going to be Department Chairman. Right now this takes about 50 percent of my time, and it is the frustrating sort of work that comes from dealing with matters that involve people.

I was extremely interested and impressed with your comments on world morality in your last two letters, especially with the additional thoughts in the last. Morals, of course, to some extent reflect the needs of the society in which they exist and I presume they have an historical reason to be rather than an absolute one. Yet there does seem to be a general basis to all of mankind that is some sort of a constant and minimal code by which it is necessary to live, and this to some extent appears in other organisms. A "big deal" here right now, and particularly for the last year or so, is the old business of seeking a moral basis for behavior by looking to how it is in nature — whatever that may mean. I am not against nature, but I go along with old T.H. Huxley in his horror that Spencerian naturalistic philosophy and the socialization of Darwinism could give a reasonable basis for morals. What we have had in this country at least is the removal of a religious ethic, partly but not completely, and no formulation of a subsitute basis for behavior. I believe that slowly one is emerging, but there are very strong counter-currents flowing, the old vs. the unformed new, the ahachronisms inevitable in social evolution rather than revolution, and so forth. The great pity is that the inexperienced young have been led to believe that experience is unimportant and that it is possible to be sapient on the basis of purely intellectual achievement. Not so. We historians know better.

---

[1] Датируется по содержанию письма.

In spite of everything, however, all the strife and conflict, the mood here is improving. It is becoming a joy to teach again, and to teach something that is not immediately relevant to the problem of today. I have a class this year (right now) of 19 students in a course in the evolution of mammalian dentitions (I thought I ought to keep my hand in here in this area). They are a grand group and we are having a lot of fun with the course.

Some of the joy of teaching seems to be returning. So today at least I have some optimism. People are still "up tight" but are relaxing a little.

I bought the other day a book called "Science and Philosophy In the Soviet Union" and have read most of it. It is excellent, written by one on the exchange students who was in Moscow at the time I visited for our commission. It is a sympathetic and fair analysis of the development of science and the effects of Dialectical Materialism in several areas, Cybernetics, Genetics, Quantum Mechanics, Origin of Life, Cosmology and so forth. The writer was a chemist and physicist but he has done very well in other fields as well. Much of it seems to me to come close to some of the ideas that you have expressed at various times, about the evolution of dialectical thinking, the voluntary adoption of this as a way of thinking, as an epistemology by some, and the other impositional aspects as well. I have found it most enjoyable and enlightening.

Yesterday I received a letter from the National Academy of Sciences on the progress of new kinds of exchange agreements. I am sorry to say that nothing propitious has developed. There was an effort made to get an agreement whereby each academy could request members in an exchange, but this got nowhere at all. My efforts in this direction seem always to have little buds, which then drop off without producing any flowers. I'll keep trying. I do want to see your geology some time and I want Peter to see ours. So I'll keep on looking for ways. I am quite sure that in a year's time or a little more I could get support to come your direction, but I can't get any initiative for the other.

Speaking of Peter, I have not heard from him for a long time. I hope that he is all right and that all of his delightful family is as well. Has he ever finished his "dissertation?" We are fine here. Today it seems like summer has come for the temperature has risen to about 85 degrees F. and the sun is hot. We have a problem because there has been almost no rain, none measurable here since December (and this was the rainy season). So there is a big fire hazard in the scrub brush around, that is in the chapparal. Our house is far enough so that we probably have no precise worry, but a lot of county could go up in smoke if a fire starts when it is hot and there is a strong wind. These two generally go together with a high pressure zone lying to the east of the mountains. But right now it is beautiful.

I hope that you and Taya "Thais"? are both well and happy. We miss seeing you and would love to hop a plane for a short visit. The problem is financially difficult and of course we can't do it. But it's a nice dream. I do hope all is well with you and one time we will get together again.

As always,
Your deep friend
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Надеюсь, я написал раньше Вашего, и Вы не думаете, что я совсем сгинул. В своём письме я отметил, что книга о приобретённых признаках прибыла и понравилась мне с первой страницы до последней. Книга об эволюционной биологии была уже раньше, и я постараюсь сделать обзор по обеим книгам для журнала «Эволюшн». Проблема только, что прямо сейчас я весь в заботах. Но скоро это закончится, первого июля я перестану быть руководителем факультета. У меня это отнимает примерно половину всего времени, работа причём неспокойная, связана с решением социальных вопросов.

Я был крайне заинтересован и впечатлён Вашими комментариями о мировой нравственности в последних двух письмах. Нравы, конечно, в чём-то отражают потребности общества, в котором существуют, и поэтому скорее объясняются историческими причинами, нежели неизменными. И всё же представляется, что существует некая общая основа для всего человечества, что-то постоянное и минимально необходимое для жизни, и этот минимальный кодекс в какой-то мере проявляется и у других организмов. В последние годы снова заговорили о всё том же поиске нравственных основ поведения по наблюдениям над их проявлениями в природе — тут понимай как хочешь. Я не против природы, но вслед за стариной Томасом Гексли ужасаюсь предположению, что натурфилософия Спенсера и социал-дарвинизм могли положить основу для возникновения нравственности. У нас в стране, по крайней мере, частично удалось устранить влияние религиозной этики, однако без формирования иной основы поведения на замену. Полагаю, что очень медленно она возникает, но существуют неизбежные сильные и устойчивые противотоки неупрочившимся новым течениям, анахронизмы, случающиеся при эволюции общества чаще, чем при революциях, и так далее. Особенно жаль, что неопытная молодёжь убеждена в незначительности опыта, в том, что возможно обрести мудрость, успев покорить одни интеллектуальные высоты. Это не так. Нам ли, историкам, не знать.

Несмотря на все распри и конфликты, общий настрой здесь у нас всё же улучшается. Преподавание снова начинает приносить радость, когда можно учить тому, что не относится непосредственно к сегодняшним проблемам. У меня в этом году класс из 19 студентов, которым я прямо сейчас читаю курс по эволюции зубов у млекопитающих (полагаю, невредно попрактиковаться в этой области). Очень способная группа, на наших занятиях очень весело.

Словом, некоторые радости преподавания, кажется, возвращаются. Сегодня я смотрю на всё с оптимизмом. Напряжение сохраняется, но люди понемногу расслабляются.

Купил на днях книгу под названием «Наука и философия в Советском Союзе»[1], больше половины прочитал уже. Отличная книга, написанная одним из молодых исследователей, который побывал по научному обмену в Москве как раз одновременно с моим визитом. Это вполне сочувственный и непредубеждённый анализ развития науки и влияния диалектического материализ-

[1] Имеется в виду книга Loren R. Graham «Science and Philosophy in the Soviet Union» NY, Alfred Knopf, 1972.

ма в нескольких областях: кибернетике, генетике, квантовой механике, происхождения жизни, космологии и т. д. Автор книги — химик и физик, но стоит признать, что он хорошо разбирается и в других областях. Многие идеи, мне кажется, близки к тем, которые Вы выражали в разное время, об эволюции диалектического мышления, о добровольном принятии его как способа мышления, некоторыми — как эпистемологии, обсуждаются также различные аспекты, из этого вытекающие. Приятное и полезное чтение.

Вчера я получил письмо от Национальной академии наук по поводу прогресса в отношении договоров по обмену. Ничего утешительного сказать не могу. Была предпринята попытка составить соглашение, согласно которому каждая академия могла бы запрашивать исследователей по обмену, но никакого продвижения не произошло. В результате моих усилий в этом направлении всегда вроде завязываются бутоны, но они опадают, так и не распустившись. Буду стараться дальше. Мне хочется увидеть ваши местонахождения, и чтобы Питер посмотрел, что делается у нас. Поэтому я продолжу работать в этом направлении. Я совершенно уверен, что через год или чуть больше я смогу получить поддержку и приехать к вам, но мне не удаётся сделать это пока двусторонним.

К слову о Питере, давно ничего о нём не слышал. Надеюсь, у него всё в порядке, и вся его чудесная семья жива и здорова. Удалось ли ему наконец закончить свою «диссертацию»? У нас здесь всё в порядке. Уже печёт по-летнему, температура поднялась до 85°[1] по Фаренгейту. Худо только без дождя, ни одного ощутимого не прошло с декабря (обычно весной сезон дождей). Чапараль может загореться в горах. Наш дом достаточно далеко от этих мест, поэтому мы можем не беспокоиться, но всё кругом окутает дымом, если начнутся пожары из-за жары и сильного ветра. Эти два фактора при зоне высокого давления к востоку от горного массива создают опасность. Но сейчас здесь очень красиво.

Надеюсь, что Вы с Таей «Таис»? здоровы и счастливы. Мы по вам очень скучаем, хотели бы прилететь к вам ненадолго. Но дела с финансами обстоят не лучшим образом, поэтому этот план остается лишь чудесной мечтой. Надеюсь, что у вас всё хорошо, и однажды мы снова соберемся все вместе.

Как всегда, Ваш сердечный друг
Эверетт К. Олсон
Оле

Перевели Анна Селкина и Лариса Михайлова

[1] Около 29 °C.

И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 34

Москва
25 апреля 1972 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Сердечно благодарю за прекрасный подарок — который Вы как и угадали к дню рождения — хорошую статью[1]. В ней все формулировки очень ясные и мудрые, наиболее точные из всех прежних.

Я не послал Вам «Таис Афинскую», потому что нет ни одного экземпляра. Мой собственный читает сейчас П. Н. Демичев (между нами-девушками).

Журнальный, слегка облегчённый вариант начнёт печататься в журнале «Молодая гвардия» с 1 июля.

Большой привет Вам и всем Вашим от нас обоих. Вас — обнимаю.

И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 35

Москва
25 апреля 1972 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Большое спасибо за хорошую статью обо мне. Угадали почти точно к дню рождения! В ней Вы нашли, пожалуй, наиболее точные определения и характеристики моих писаний. Ещё раз — благодарю. Большой привет от Таисы Иосифовны.

Ваш
И. Ефремов

P. S. «Таис Афинская» будет напечатана в журнале «Молодая гвардия» с июля с/г. Книгой — ещё неизвестно.

В. В. РОССИХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 36

26 апреля 1972 г.

Уважаемый Иван Антонович!

Поздравляем Вас с праздником 1 Мая.

Желаем Вам долгих лет здоровой, полноценной жизни, в которой бы было много счастливых дней! С нетерпением ждём Ваше «Сказание о Таис» и новых произведений.

Доброго Вам солнца.

С искренним уважением,
Василий В. Россихин и клан

---

[1] Брандис Е. П., Дмитревский В. И. Реальность фантастики // Нева, № 4, 1972. С. 167—174.

37 З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 апреля 1972 г.

NICHOLAS ROERICH MUSEUM
319 West 107th St.
New York, N. Y. 10025
U. S. A.

Dear Professor Efremov:

Your letter of April 18 was heartily welcomed by me. I appreciate your allusion to the "two-faced Efremov — scientist and writer".

Since you are interested to know which books of yours we have here, they are: Constellation of Andromeda, The Route of Winds, and The Diamond Trumpet.[1] I am very reluctant to give you any difficulty in obtaining your other books and sending them to us. I can well understand how very popular your books are, and after they are published they probably are immediately purchased. However, I welcome heartily the possibility of reading your newest book The Hour of the Bull and, if possible, some of your earlier works.

Our friends are kind enough to send us from time to time books pertaining to the old Russian architecture, great monuments of antiquity, etc. which are in our library.

You might be interested to know that among the paintings in the Nicholas Roerich Museum, we have a very rare collection of Ancient Russian paintings by Prof. Roerich who painted them early in 1900. At that time he made several trips to the great ancient cities of Russia and painted many cathedrals, churches, city walls, towers, etc.

In addition to the three medium size reproductions which we have already sent you, we are going to send you also "Lord of the Night" and "Saint Panteleimon" in large size, also a set of eight reproductions which are not in postcard size but are somewhat larger. We are also including three greeting cards: "Repentance", "Agni Yoga", and "Banner of Peace"; and three early postcards: "Tibetan Lama", "Queen of Heaven" and "Lotus".

The painting "Zwenigorod" is in our Museum, together with all the other paintings of which we sent you postcards. To our regret, we do not have a large size reproduction of "Zwenigorod".

I look forward to receiving your new books since I have greatly enjoyed reading those which are in our possession here.

With best wishes,
Cordially,
Sina Fosdick

Музей Николая Рериха
Западная 107-я ул., 319
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10025
США

Дорогой профессор Ефремов!

С большой радостью получила Ваше письмо от 18 апреля. И вполне оценила Вашу ссылку на «двуликость» — учёного и писателя.

---

[1] Под такими названиями книги Ефремова по-английски не выходили. Значит, в коллекции музея ефремовские произведения были на русском языке.

Поскольку Вас интересует, какие из Ваших книг у нас уже есть, это «Туманность Андромеды», «Дорога ветров» и «Алмазная труба». Мне бы очень не хотелось обременять Вас посылкой остальных книг. Прекрасно понимаю, насколько они популярны и как быстро, скорее всего, расходятся. Но была бы искренне рада прочесть вашу последнюю книгу «Час Быка» и, если возможно, что-то из более ранних произведений.

Друзья иногда присылают нам для музея альбомы о древней русской архитектуре, разнообразных великолепных памятниках старины.

Возможно, Вам будет интересно узнать, что в нашем Музее Николая Рериха хранится очень редкая коллекция картин о Древней Руси, написанных профессором Рерихом в начале 1900-х годов. Тогда он совершил несколько поездок по знаменитым старинным русским городам и запечатлел множество соборов, церквей, городских стен, башен и т. д.

В дополнение к трём копиям среднего размера, уже направленным Вам, мы ещё посылаем большие репродукции «Властителя ночи» и «Святого Пантелеймона» и набор из восьми художественных открыток несколько большего, чем обычные почтовые, размера. Кроме того, вкладываем три поздравительные открытки — «Покаяние», «Агни-Йога» и «Знамя Мира», а также три ранние открытки — «Тибетский лама», «Царица Небесная» и «Лотос».

Картина «Звенигород» находится в нашем музее вместе с прочими, репродукции с которых в виде открыток мы Вам отправили. К сожалению, репродукции «Звенигорода» большого размера у нас нет.

С нетерпением ожидаю получения Ваших новых книг, поскольку чтение тех, которые у нас имеются, доставили мне огромное удовольствие.

С наилучшими пожеланиями, сердечно,
Зина Фосдик

Перевела Лариса Михайлова

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

38

30 апреля 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Чтобы поберечь Ваше время, решил не поздравлять с праздником. Мы как-то говорили с Вами, что эта «традиция» обернулась своей противоположностью. Но сегодня получил Ваше письмо с добрыми словами по поводу статьи, напечатанной в «Неве» и, конечно, должен ответить выражением неизменной признательности. Это сокращённый вариант нашей вступительной статьи к Вашему собранию сочинений. Я перечитал печатный текст. Действительно, статья в концентрированном виде обобщает наше отношение к Вашим произведениям. Пытаемся более чётко, чем в книге (тогда было ещё рановато), наметить Вашу творческую эволюцию. Статью похвалили в «Ленингр[адской] правде». Будем рады, если она попадёт в Ваши сочинения. Рады — не то слово: горды. Жду не дождусь возможности ознакомиться с Вашей «Таис». Надеюсь, она — возможность — не за горами времени.

Из-за болезни глаз и других начинаний занятия фантастикой я несколько запустил. Правда, пришлось взять на себя негласное руководство дипломной

университетской работой о Рони-старшем. Пишет умная девушка, подруга моей дочери. Она накопала много материала, из коего явствует — теперь для меня это очевидно — что Рони — неоценённый гений, часто опережавший Уэллса, и фантастика его вполне актуальна. Теперь по проложенному следу хочу им заняться всерьёз и попытаться пробить сборник его фантастики через Девиса, а может быть, и в «Худ[ожественной] лит[ерату]ре». Это было бы вполне своевременно. Кстати, «Нимфея» есть в ВГБИЛ, но познакомиться с ней ещё не пришлось. Самый интересный роман — «Таинственная игла» — когда-то собирались издать в русском переводе, но так почему-то и не издали. А статья о нём Шарпантье, напечатанная в «Аполлоне» (Вы мне о ней как-то раз писали), настолько превосходит уровень тогдашней критики, что я воспринял её как изложение мыслей самого Рони, как неподписанное интервью. К сожалению, многие вещи (напр[имер], продолжение «Ксипехузов»), остаются недоступными.

Библиография заруб[ежной] ф[антасти]ки XX века вошла в план «Книги» на 1973 год.

Желаю Вам, Иван Антонович, всего, всего лучшего. Сердечный привет Таисии Иосифовне.

Ваш
Е. Брандис

P. S. Вы привели в восхищение свердловчанина Бугрова.

39 Т. Х. БАРРИ — И. А. ЕФРЕМОВУ

8 мая 1972 г.

SOUTH AFRICAN MUSEUM
P. O. Box 61
Cape Town, South Africa

Dear Dr. Efremov

Commemorative Volume: Dr. L. D. Boonstra

Dr. L. D. Boonstra, palaeontologist at the South African Museum, retired on 1st February of this year after forty-five years' service.

The Board of Trustees of the South African Museum has decided to commemorate his services to palaeontology by dedicating a special volume of the Annals of the South African Museum to him to which leading palaeontologists are being invited to contribute papers, preferably having some bearing on the Permo-Triassic.

I have much pleasure in inviting you to submit a paper to the Commemorative Volume. Should you accept our invitation I should appreciate hearing from you as soon as possible. We wish to receive contributions before 31st December 1972 for publication early in 1973.

Yours sincerely,
T. H. Barry
Director

Южноафриканский музей
П. Я. 61
Кейптаун, Южная Африка

Уважаемый доктор Ефремов

Специальный выпуск журнала: доктор Л. Д. Бунстра

Доктор Л. Д. Бунстра, палеонтолог Южноафриканского музея, ушёл на заслуженный отдых 1 февраля этого года после сорока пяти лет работы.

Коллектив музея решил посвятить доктору Л. Д. Бунстре специальный выпуск «Анналов Южноафриканского музея», в котором будут представлены статьи ведущих палеонтологов, касающиеся пермского и триасового периодов.

Я имею честь пригласить Вас принять участие в этом памятном выпуске. Если Вы примете это предложение, тогда ответьте, пожалуйста, как можно скорее. Мы ждём статьи до 31 декабря 1972 г. для публикации в начале 1973 г.

С уважением,
Т. Х. Барри
директор

Перевела Марина Степанова

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

40

9 мая 1972 г.

Шри-Бхагаван сказал:
К высшему благу ведут оба: отрешение и йога действий,
Но из двух карма-йога превосходит отреченье от действий…
Но отреченья, могучий, трудно достичь без йоги:
Преданный йоге мудрец скоро вступает в Брахмо…
Пусть преданный йоге, знающий истину мыслит: я ничего не свершаю,
Взирая, внимая, касаясь, обоняя, дыша, вкушая, двигаясь, засыпая,
Беседуя, извергая, вбирая, открывая глаза, закрывая;
«С предметами общаются органы чувств», — так утверждает…
В украшенном мудростью смиренном брамине, в корове,
слоне, собаке
И даже в том, кто варит собаку, мудрый видит одно и то же…
Кто счастлив в себе, кто изнутри озарён, в себе обрёл радость,
Тот иогин достигает сущности Брахмо, Брахмо-нирваны…
Йогин выше аскетов, он считается выше мудрых,
Йогин выше творящих обряды, поэтому йогином стань,
Арджуна…

[1] Открытка от Г. К. Портнягина к 9 мая 1972 г.

41 П. ДОДСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Нью-Хейвен, Коннектикут
19 мая 1972 г.

Geology
Yale Univ.

Dear Dr. Efremov:

I must first thank you very much for sending me a copy of your book, which I realize is very rare and hard to obtain. It complements very nicely the French translation that I possess, as the illustrations have now become much more comprehensible, I am deeply grateful to you for this.

I am afraid that my news to you about the translation is not too encouraging in terms of early completion. As I feared would happen, I have become embroiled with my thesis work, and have not been able to devote much time to translation — about 50 pages are now done in handscript. I will get a fair amount more done this summer, but probably not enough. It seems that the major effort will probably have to await completion of my Ph.D., an event that I hope will come within the next 12 to 15 months.

I had hoped to be able to cooperate with Rabchevsky on getting his manuscript into publishable form; however my draft was criticized sufficiently harshly (but justly!) by a friend of his that I feel a further attempt on my part must await my completion of the translation, when my familiarity with your work will be greater.

This year has by no means been wasted on my part. I took a course in marine paleoecology and environmental reconstruction, by D.C. Rhoads, who is a young but very imaginative and industrious worker who has been spearheading a quiet revolution in invertebrate paleoecology. I have emerged with a renewed respect for the importance of actualism in the interpretation of the fossil record. Consequently I am now more anxious than ever to locate bone deposits in the process of formation. I have also completed a small study on the decomposition of a mouse in water and flume experiments on the dispersal of its bones that I hope will be published soon.

There is a great need for published studies on all aspects of taphonomy. More publications are starting to appear; very recently in Journal of Paleontology there was such a paper by Newell, a famous invertebrate paleontologist. But it seems that most work going on these days is not being published. Quite a bit for instance is apparently being done in Africa by the anthropologists, but I have seen none of it yet, which is very annoying. I guess we must be patient.

Again I thank you deeply for your book, and I offer you my warmest best wishes, especially for your good health.

Sincerely,
Peter Dodson

Геологический факультет,
Йельский университет

Дорогой доктор Ефремов!

Прежде всего, должен поблагодарить за присылку Вашей книги, которую, как я понимаю, весьма нелегко теперь раздобыть. Она дополняет французское издание, делая гораздо понятнее размещённые там иллюстрации, и я Вам глубоко признателен.

Боюсь, слишком поспешил, пообещав вскоре завершить перевод. Как я и боялся, работа над диссертацией поглотила почти всё моё время, и переводу удавалось уделять его совсем немного — на настоящий момент выполнено около 50 рукописных страниц. Летом я надеюсь сделать существенно больше, но всё же, скорее всего, не до конца. Вероятно, основную часть придётся отложить до завершения моей докторской диссертации, на что уйдёт 12—15 месяцев.

Я надеялся довести рукопись до вида, готового к публикации, с помощью Рабчевского, однако мой вариант был довольно жёстко (хотя и справедливо!) раскритикован его знакомым, отчего, по-видимому, следует отложить завершение до более подробного ознакомления с Вашим трудом.

Минувший год для меня никоим образом не был потрачен впустую. Я прослушал курс по морской палеоэкологии и реконструкции окружающей среды Д. Роудза — молодого, но весьма изобретательного и упорного учёного, продвигающего настоящую революцию в палеоэкологии беспозвоночных. Я проникся повышенным уважением к актуалистическому[1] подходу в интерпретации геологической летописи. Кроме того, я выполнил небольшое самостоятельное исследование по разложению мыши в воде и опыт в лотке по дисперсии костей животного, результаты которого, надеюсь вскоре будут опубликованы.

Существует большая потребность в публикации по всем аспектам тафономии. Появляются новые работы, как, например, недавняя статья Ньюэлла, знаменитого палеонтолога беспозвоночных. Однако, по-видимому, большая часть такого рода работ пока остаётся неопубликованной. Антропологи в Африке немало делают в этом направлении, но в печати я так пока ничего и не видел. Придётся набраться терпения.

Снова благодарю от глубины души за присланную книгу и шлю Вам мои самые тёплые пожелания, главным образом — здоровья.

Искренне Ваш,
Питер Додсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — А. С. ИВАНОВУ

42

25 мая 1972 г.

Для сокращения романа «ТАИС АФИНСКАЯ» можно изъять целиком следующие главы, обязательно указав, что роман печатается с сокращениями. Некоторое несоответствие предисловию получится из-за позднего решения сокращать роман.

Изъять полностью:

Главу 9-ю. «У МАТЕРИ БОГОВ», объём 41 стр. машинописи,

Главу 12-ю. «НАСЛЕДНИКИ КРИТА», объём 37 стр.,

Главу 14-ю. «МУДРОСТЬ ЭРИДУ», объём 35 стр.

И. А. Ефремов

[1] *Актуализм* — подход в геологии, противоположный катастрофизму, утверждающий принцип равнозначности геологических процессов в настоящее время и в прошлом.

43 Е. С. ЗВАНЦЕВА — И. А. ЕФРЕМОВУ

Горький
30 мая 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Как водится, я в Москве устала и простудилась, а, вернувшись, угодила прямо на заседание кафедры, назавтра — ещё заседание, и пошла писать губерния. Только сейчас я получила возможность в спокойной обстановке писать Вам.

Сначала о «Таис». Как всегда, масса познавательного материала, занимательный сюжет, превосходные пейзажи. Но читала я в такой спешке, что впечатление не сложилось: обычно я читаю дважды и с карандашом в руках. Поэтому пока придирки будут частного порядка. Досадно, что Александр мелькает на втором плане, тем более, что эта линия у Вас отлично получилась. Сама по себе эпоха так интересна, что слишком узкий и специфический аспект, взятый Вами, — при Ваших больших возможностях — обиден. Хочется более широкой и глубокой перспективы, как это было в «Путешествии Баурджеда». Но Вы, очевидно, ставили определённую задачу. Это — по содержанию, а по форме вот что. Книгу надо почистить от стилистических длиннот и неряшливостей, а главное — от оценочных эпитетов, их явный переизбыток, особенно в портретах. Ваше дело — изобразить, а оценивает читатель. Вы обладаете даром скульптурного изображения, физические портреты персонажей у Вас необычайно ярки, пластичны и достоверны, но Вы всё дело портите авторской оценкой. В конце концов читатель вспоминает китайскую поговорку: скажи 1 раз — поверю, скажи 13 раз — перестану верить. Боюсь, что Вы будете иметь много неприятностей с этой книгой, т.к. многие её неверно поймут.

Теперь о моей книге[1]. Я очень рада тому, что план Вам понравился, я уже на него настроилась. Теперь главное — получить от Вас «живой материал», и тогда я закончу работу быстро. Не будем откладывать в долгий ящик, 74 год не за горами. Всего реальнее мне кажется такой вариант. Я выделю в конце июля неделю и приеду в Москву, а после бесед с Вами, во время августовского отдыха, начну писать с тем, чтобы к январю закончить черновой вариант. Тогда можно будет уже в ноябре-декабре сдать заявку в «Детгиз». А после этого примусь за все свои остальные работы, и кафедральные, и прочие.

А пока прошу Вас написать то, что Вы говорили о путешествиях, это очень важно и интересно, я это включу в книгу непременно. И ещё, я представляю, откуда пошло Ваше увлечение палеонтологией (у Бр[андиса] и Д[митревского] это хорошо дано), а вот как вошло море в Вашу жизнь? Напишите немножечко, чтобы мне иметь точку опоры.

Рада была повидаться с Вами и Таисой Иосифовной.

Всего доброго.
Е. Званцева

---

[1] Е. С. Званцева собиралась писать биографию И. А. Ефремова, предназначенную для «Детгиза». Очевидно, выпуск книги был запланирован на 1974 год.

З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ

44

2 июня 1972 г.

NICHOLAS ROERICH MUSEUM
319 West 107th Street
New York, N. Y. 10025
U. S. A.

Dear Prof. Efremov,

We have just received your letter of May 20, 1972 and also the very beautiful monograph "Rostov The Great".

It is truly a superb publication, and we deeply appreciate this donation of yours to the Library of our Museum.

We are particularly impressed by the fine color process of the reproductions in that Monograph which testifies to the fact of real improvement in this difficult domain.

We are glad to learn about your friend, Yuri K. Efremov, who lectures on Prof. Roerich's art. Of course, do make slides of some of the Roerich paintings for him.

We appreciate receiving from you those of your own books which you so kindly are sending to us, but we ask you not to go to a great deal of trouble in obtaining them for us. We do love your books and consider them important for our Library.

With warm, personal greetings and thanks,

Cordially,
Sina Fosdick

P. S. Your book "The Hour of The Bull" did not come as yet — it takes at least a month to send a book by sea-mail. There is really no need to send it by air mail.

Музей Николая Рериха
Западная 107-я ул., 319
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10025
США

Дорогой профессор Ефремов!

Мы только что получили Ваше письмо от 20 мая, а также очень красивую книгу «Ростов Великий».

Это действительно великолепное издание, и мы глубоко ценим этот Ваш дар библиотеке Музея.

Мы особенно впечатлены высококачественной цветопередачей репродукций, что свидетельствует о несомненном улучшении в этой сложной области.

Мы рады узнать о Вашем друге, Ю. К. Ефремове, который читает лекции об искусстве Н. К. Рериха. Конечно, сделайте для него слайды с картин Рериха.

Мы благодарны за Ваши собственные книги, но мы просим Вас не сильно утруждаться, добывая эти книги для нас. Мы на самом деле любим Ваши книги и считаем их важными для своей библиотеки.

С сердечным приветом и благодарностью,
Зина Фосдик

P. S. Ваша книга «Час Быка» пока ещё не пришла — на пересылку книги по морю уходит не меньше месяца. Поэтому отправлять её авиапочтой пока нет нужды.

Перевёл Андрей Константинов

45 А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

23 июня 1972 г.

MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
The Agassiz Museum
Harvard University, Cambridge, Massachusetts

Dear Dr. Efremov:

I have sent you recently three little packets of English language detective stories. I am glad to see that, upon occasion, you let your mind wander from science fiction into this lighter but also very pleasant subject. I regret that I was unable to send you stories about slant-eyed oriental beauties, but this sort of thing is a bit out of style in this general area — in fact, has been out of style since the days of Saxe Rohmer (whose plots, anyway, were usually very poor). I do not at the moment remember just whose works I have sent you. England is rather good on producing female detective story writers. Allingham and Christie started out by writing very inferior stories, but later on became much better. Ngaio Marsh is a New Zealander by origin, but lives now in England and puts out rather good yarns. Dorothy Sayers wrote half a dozen stories (as well as a few short ones) which had considerable literary merit. Unfortunately the lady turned to writing religious things and subsequently died; a considerable loss to the subject!

I think I enclosed samples of Ambler and Greene. These are rather adventure yarns than true detective stories, but rather well done. Ambler sticks to this type of tale; Greene is a devout Catholic who also writes much more serious (and more boring) novels. McBain writes police department stories. They are supposed to deal with an imaginary city but actually are based on New York.

I have nearly finished the series of papers on the Chañares fauna, which will run to 19 in all. 17 are already published or are in press, and all that remains for me to do is a description of the rather poor postcranial material of the carnivorous cynodonts, and a final summary paper. I expect to get these to press before the summer is very far advanced. There will be, sometime in the future, a rather detailed paper by myself and a collaborator on the results of study of one of the carnivorous cynodont skulls sectioned at quarter millimeter intervals. Now I am beginning to look at the magnificent material of Lower Carboniferous amphibians from Greer, West Virginia. The two common forms are, one, an anthracosaur which is rather primitive but is perhaps heading in a reptilian direction, and second a form which I have given a preliminary description of (I think I have sent it to you) and named Greererpeton. It has rhachitomous vertebrae, and I hoped that it would turn out to be a proper ancestor for the later rhachitomous forms. Not at all. It is a curious creature which is related to Colosteus of the Upper Carboniferous and also, I rather suspect, descended from the Devonian ichthyostegids. I have started sectioning at fractions of a millimeter

interval a skull of this form and hope to get this finished by sometime early in the winter.

Ruth and I are for the most part staying home this year and I hope to get a bit of work done; this quite in contrast with the last couple of years in which we traveled anywhere from Russia to India to Australia. We did go to England briefly this spring for some meetings and I will go back to England again briefly in the autumn, mainly because the Linnean Society is good enough to be giving me a medal. Also I hope that we can take a few weeks off and go out to our woodland farm in the country.

Our best regards to Mrs. Efremov.

Alfred S. Romer

МУЗЕЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ
Музей Агассиса
Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс

Дорогой доктор Ефремов!

Недавно я выслал Вам три бандерольки с детективами на английском. С радостью отмечаю, что порой Вы даёте голове отдых от научной фантастики и позволяете себе окунуться в этот более лёгкий, но также весьма приятный жанр. Сожалею, что не смог послать никаких историй о раскосых восточных красавицах, но сейчас они несколько не в моде — да, собственно, уже со времён Сакса Ромера (с сюжетами, правда, и у него не особенно ладилось). Сейчас не могу точно припомнить, чьи книги отправил. В Англии выросло немало писательниц детективов. Эллингам и Кристи начинали не блестяще, но их талант развился. Найо Марш родилась в Новой Зеландии, но теперь живёт в Англии и пишет весьма занимательные истории. Из-под пера Дороти Сэйерс вышло с полдюжины книг (и немало рассказов), обладающих заметными литературными достоинствами. К сожалению, эта леди потом переключилась на религиозные сочинения, после чего скончалась, — заметная утрата для предмета разговора!

Полагаю, я включил по книге Эмблера и Грина. Это, скорее, приключенческие вещи, чем истинные детективы, но довольно крепко сработаны. Эмблер по большей части именно такие и пишет, а Грин — истый католик, пищущий и более серьёзные (хотя менее занимательные) романы. Макбейн избрал предметом изображения один полицейский участок. Всё вроде бы происходит в некоем воображаемом городе, но основано на Нью-Йорке.

Я почти завершил серию статей о фауне Чаньярес числом девятнадцать. Семнадцать из них уже либо опубликованы, либо в печати, осталось описать только довольно плохо сохранившийся материал затылочных костей хищных цинодонтов и сделать резюмирующую статью. Надеюсь сдать их в печать до середины лета. А затем надо будет вместе с коллегой написать подробную работу о результатах исследования срезов черепа одного из хищных цинодонтов с интервалом в четверть миллиметра. Пока же я приступаю к рассмотрению восхитительного материала амфибий нижнего карбона из Грира в Западной Вирджинии. Две самые распространённые формы там — антракозавр, довольно примитивный вид, но развивавшийся в направлении рептилий, и другой, предварительно описанный мной и названный грирерпетоном (по-моему,

я направлял Вам описание). Позвонки у него рахитомные[1], и я надеялся, что он окажется подходящим предком остальных рахитомных форм. Ан нет. Это любопытное создание оказалось родственником колостеуса из верхнего карбона, а восходит, подозреваю, к девонским ихтиостегидам. Я приступил к изготовлению срезов с шагом в один миллиметр черепа этого вида и надеюсь закончить примерно к началу зимы.

В этом году мы с Рут по большей части сидим дома, и я надеюсь результативно поработать; по сравнению с предыдущей парой лет, когда мы колесили повсюду, от России до Индии и Австралии, заметный контраст. Правда, весной мы ненадолго летали в Англию на научные встречи, и я снова туда полечу осенью, поскольку Линнеевское общество решило удостоить меня медали. Надеюсь также взять несколько недель отпуска, чтобы выбраться на нашу ферму в лесном краю.

Наши наилучшие пожелания госпоже Ефремовой.

Альфред Ш. Ромер

Перевела Лариса Михайлова

46 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
26 июня 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Обеспокоен Вашим долгим молчанием, не случилось ли осложнение со здоровьем?

Получили ли копию части второй «Мир Огненный»? Сегодня закончил также очень интересную книжицу «Сердце», посылаю Вам экземпляр перепечатки…

Меня очень обрадовала возможность ознакомления с книгами Рерих (или, точнее, записанными Рерих). Много ценных советов по работе над собой, ясность изложения, остроумная речь, прекрасное понимание нашенской (людской) психологии… Действительно — гиганты мысли… И смотришь на себя по-иному, куда девалось самодовольство?! Почаще такое читать и перечитывать нужно и… конечно… выполнять. Последнее всегда много труднее. Чёртовы мелкие мысли!

Агни-Иога — та же Раджа-Иога. Так мне кажется. Ибо основное — управление психической энергией.

Вот читаешь и думаешь: хорошо, совершенствование, определённые пути его, борьба с тёмными, хаосом, точнее, организация хаоса… и всё это планируется заранее (понятно, как же иначе), но… кому нужно это спиральное восхождение в том смысле, что мы же составная частица Атмы-Духа, Абсолюта и т. д.? Зачем было Ему проявляться??? Зачем эта дифференциация на «мелкие душонки»??? Кому они нужны??? А затем колоссальная работа Риши (Адептов) для поднятия, движения вперёд, куда???

Нет, меня не устраивают тёмные, осколки духов, элементалы и прочая нечисть, просто зачем всё это??? И знать не будем, пока не вскарабкаемся ку-

[1] *Рахитомный* — состоящий из несросшихся частей.

да-то высоко-высоко... А мы, Иван Антонович, обязательно вскарабкаемся по Срединному Пути, правда??? И Иерархия будет нашим проводником... А мы проводником ещё кого-то...

Пишите, как и что... Пётр Фёдорович[1] предложил ознакомиться с книгой «Чаша Востока»[2], когда пришлёт, будет и у Вас. Он упоминал также о каком-то письме Махатм Советскому правительству[3], просил его уточнить...

Вероятно, это было тогда, когда в СССР вернулся Н. К. Рерих??? Читали ли Вы? Как у Вас с книгой «Рерих», что скоро выйдет в серии ЖЗЛ?

Мой сердечный пронам Т. И. и Вам.

Сердечно Ваш *Портнягин*

П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

27 июня 1972 г.

Dear Prof. Efremov,

Thank you for your last two letters. I am sorry not to have replied sooner, but as usual when working on a book, seemed to have neither time nor energy for correspondence. Otherwise we have, on the whole, been well off, and are glad to learn that your own health has improved.

Your book came. It is certainly attractive to look at, and I hope someday to be able to read it! Pressure of work will almost surely keep me from studying Russian (or anything else) for the next year, but after that things should ease off a little.

Yes, I should have checked the Russian nomenclature and language with you while writing the Atlantis book. I thought I had gotten such things straight with the help of the dictionary and grammar you sent us once, but evidently not. Another correspondent pointed out a few more errors, though not major ones. (And, of course, continuing archeological work in the Santorini islands is disproving some ideas that were still current while I was writing. It now seems that there were at least two, possibly three major volcanic eruptions, with an attempt at resettlement in between. Oh, well, obsolescence is built into science fiction just as it is into science.)

It will be harder to find mistakes in my redaction of the Old Nordic saga of Hrolf Kraki, because that book does not pretend to be historical — simply the reconstruction of a legend.

I finished it only the other day, but publishing schedules being what they are, expect it may have to wait one or two years to see print.

I also wrote a shorter story which is supposed to be historical, or at least archeological: about the Tollund Man.

---

[1] Опечатка, имеется в виду Павел Фёдорович Беликов.

[2] «Чаша Востока» — книга, составленная из избранных писем Махатм (1880—1885).

[3] Письмо со словами поддержки и предложением сотрудничества от гималайских Учителей привёз в СССР и вручил в июне 1926 года Наркому иностранных дел Г. В. Чичерину Н. К. Рерих. Вместе с письмом Рерих от имени Махатм привез ларец с гималайской землей: «На могилу брата нашего, махатмы Ленина».

You will recall that this is the most famous of the bodies preserved from the Iron Age which have been found in the peat bogs of northern Europe. In the story, he is a tribal chieftain, seen through the eyes of visitors from Rome.

This was written for a somewhat speculative project, a book of stories all laid in the first century A.D. — which was, after all, a crucial century, not only in Europe but (coincidentally) in Asia and, apparently, even in Central America. Other contributors are supposed to include Avram Davidson, Philip K. Dick, and Frederik Pohl. Historical fiction does not seem to be very popular just now, but there is a pretty good chance that the book will find a publisher. If so, I will of course send you a copy.

Now there is a crime novel to finish, and after that several more books contracted for. In addition, it is a good deal of work being president of Science Fiction Writers of America, which I will be for a year. So you can see why there is little time for study, let alone travel.

However, our daughter has now graduated from high school and will enter college in fall, living with friends in San Francisco. This will make it possible for Karen and me to travel outside the usual vacation seasons. Given such flexibility, we should be able to get around much more: including, of course, to your country.

I regret being unable to find any of the books you asked for, even though I tried several bookstores both in this area and around the University of California. The trouble seems to be that paperbacks go out of circulation so fast. I will see if the ordering service I mentioned can obtain them, but they may be quite unavailable. Merritt's SEVEN FOOTPRINTS TO SATAN is on sale; do you have it? Books by writers like Heinlein, Asimov, Bradbury, etc. are nearly always available. Some of de Camp's have lately been reissued.

Perhaps I could recommend a few that you may not know.

For example, have you read Stephen Vincent Benet's book-length poem about the American Civil War, JOHN BROWN'S BODY? You have mentioned H. Rider Haggard's SHE, but I believe quite a few of his other books can be had. In the science fiction field, Philip Jose Farmer has lately been publishing some very interesting things. If you wish, I could draw up a list of such titles for you to choose from. (Of course, even when sent registered, packages do not always reach you. As Sherlock Holmes once said, "We can but try.")

Now I must close, with all best wishes.

Cordially,
Poul Anderson

Дорогой профессор Ефремов!

Благодарю за последние два письма. Простите, что не ответил раньше, но, как обычно в период работы над книгой, ни времени, ни энергии для переписки не хватает. В остальном у нас было всё вполне хорошо, рады слышать, что и Ваше здоровье улучшилось.

Ваша книга пришла. Выглядит очень привлекательно, надеюсь — когда-нибудь смогу её прочесть! На протяжении года загрузка почти наверняка не даст мне заняться русским (да и чем-либо вообще ещё), но потом должна чуть уменьшиться.

Согласен, стоило посоветоваться с Вами, когда я писал книгу об Атлантиде, относительно русских названий. Я надеялся, что справился с этим сам

при помощи присланных вами ранее словаря и грамматики, выходит — нет. Ещё один корреспондент указал мне на ряд ошибок, хотя и мелких. (Плюс, конечно же, продолжающиеся археологические раскопки на островах Санторини противоречат некоторым предположениям, которые во время написания книги были ещё актуальны. Теперь считается, что крупных извержений было, по крайней мере, два или даже три, а между ними — попытки нового заселения. Что ж, и научная фантастика устаревает, как и научные гипотезы.)

В моей редакции древней скандинавской саги о Хрольфе Краки ошибки будет обнаружить сложнее, поскольку книга написана без претензии на историчность — просто как реконструкция легенды.

Я завершил работу над ней позавчера, но по плану она не выйдет из печати ещё год или два.

Ещё я написал более короткую вещь, которая как раз имеет связь с историей или, по крайней мере — с археологией: о толлундском человеке[1].

Как вы помните, это одно из самых знаменитых тел, сохранившихся в торфяниках Северной Европы с Железного Века. В моём рассказе он — вождь племени, показанный глазами прибывших из Римской империи.

Написано это было для сборника рассказов, задуманного как воображаемая экскурсия в первый век нашей эры, который был решающим для дальнейшего развития не только в Европе, но также (по совпадению) в Азии и даже, судя по всему, в Центральной Америке. Среди других участников проекта должны быть Аврам Дэвидсон, Филип К. Дик и Фредерик Пол. В наши дни историческая тематика не особенно популярна, но у сборника неплохие шансы найти издателя. Конечно, если всё получится, я пришлю вам книгу.

Теперь мне предстоит завершить детективный роман, а потом взяться за следующие несколько книг, на которые я подписал договор. Кроме того, немало дел теперь у меня как у президента Ассоциации писателей-фантастов Америки, каковым я стал на текущий год. Поэтому, как видите, времени ни на дополнительные занятия, ни на далёкие путешествия и не остаётся.

Однако теперь дочь закончила школу и с осени начнёт занятия в колледже, переехав жить к друзьям в Сан-Франциско. Это позволит нам с Карен путешествовать не только в каникулы. Дополнительная степень свободы для поездок открывает, конечно, и возможность выбраться в вашу страну.

Сожалею, что так и не смог отыскать для вас ни одной из требуемых книг, хотя заходил в несколько книжных магазинов как поблизости, так и в окрестностях Калифорнийского университета. Причина, скорее всего, в том, что книги в мягком переплёте очень быстро раскупаются и не переиздаются. Проверю ещё, не смогут ли мне помочь в той службе заказов, о которой я писал ранее, но тех изданий может просто не быть в продаже. Вот SEVEN FOOTPRINTS TO SATAN[2] Меррита можно приобрести — есть ли эта книга у вас? Книги таких писателей как Хайнлайн, Азимов и Брэдбери, почти всегда доступны. Недавно были переизданы некоторые вещи Спрэга де Кампа.

---

[1] *Толлундский человек* — обнаруженная в 1950 году в торфянике неподалеку от Толлунда в Дании мумия человека, погибшего согласно радиоуглеродной датировке в 350 г. до н.э.

[2] Роман А. Меррита «Seven Footprints to Satan» (1927) печатался с продолжением в американском приключенческом журнале для юношества «Аргоси» в 1927 году. В русском переводе как «Семь шагов к Сатане» он был издан только в 1990-е гг.

Позвольте порекомендовать Вам кое-что из менее известного, что может представить для Вас интерес.

К примеру, не читали ли Вы эпическую поэму Стивена Винсента Бене о Гражданской войне в США «Тело Джона Брауна»? Вы упоминали о романе Г. Райдера Хаггарда «Она», но, думаю, можно достать несколько других его книг. Из фантастов Филип Хозе Фармер опубликовал недавно несколько очень любопытных произведений. Если хотите, могу составить список такого рода вещей, чтобы Вы могли выбрать. (Конечно, даже посланные заказными, бандероли не всегда доходят до Вас. Как говаривал Шерлок Холмс, наше дело — пытаться.)

Пора завершать письмо, с наилучшими пожеланиями.

Сердечно,
Пол Андерсон

Перевела Лариса Михайлова

48 Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 июня 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Давно не писал Вам — не хотелось беспокоить и отвлекать от дела. Летом всё замерло. Новостей никаких. Сегодня позвонила Б. Г. Клюева. Оказывается, в «Молодой гвардии» сумели потерять оба экземпляра вступительной статьи к Вашему собранию сочинений. Просят срочно выслать им 3-й для перепечатки. Но беда в том, что у нас не сохранилось ни одной копии. Последняя была использована для статьи в «Неве», после всех сокращений и правки стала неудобочитаемой и... сгинула. Теперь вся надежда на Вас. Помнится, В. И. посылал Вам статью, получил Ваше одобрение, и только тогда мы отправили оба экземпляра Жемайтису. Уповаю на то, что эта копия у Вас сохранилась. Ежели нет, то пропало наше предисловие. В. И. пока ничего не пишу, чтобы у него в Ирпени не подскочило давление. Надеюсь всё же на благоприятный исход с Вашей помощью. Только вряд ли при такой жаре Вы будете у себя дома. Почту Вам, конечно, привозят. Получите это письмо, не откажите в любезности черкнуть мне несколько слов.

Пользуюсь случаем сообщить, что Вы заставили меня увлечься Рони-старшим. Статья о нём Шарпантье в «Аполлоне», на которую Вы мне когда-то указали, поразила небывалой для того времени концепционностью, зрелостью провидческой мысли. Ведь переведена она в 1910 г. Выяснил, что Шарпантье — один из друзей Рони, постоянно встречавшийся с ним у Эдмона Гонкура — старшего из двух братьев, продолжавшего после смерти Жюля вести знаменитый «Дневник». Там, кстати, приводятся высказывания Рони о литературе будущего, которая неизбежно сомкнётся с наукой и пропитается научной терминологией (в русском издании — т. 2, с. 420 и др.). Так вот, этот Шарпантье, несомненно, изложил взгляды самого Рони и его же устами интерпретировал его фантастическое творчество. Написал он более 100 томов, не выделяя фантастические рассказы и рассказы о доисторическом человеке (их куда больше, чем у нас знают) из общей массы своих сочинений. Чтобы облегчить задачу выявления фантастики Рони, посоветовал одной студентке,

подруге дочери, посвятить этой теме дипломную работу. Диплом был отлично защищён — поразил университетских профессоров новизной материала. После этого я получил необходимые исходные данные, со многими вещами успел ознакомиться и понял, что Рони-старший (его брат не причастен ни к фантастике, ни к повестям о доисторических людях) — писатель поистине гениальный, не понятый современниками. Главная его тема — столкновение человека с неизвестными формами жизни; главная идея — биологический плюрализм. Исходная посылка — развитие в фантастическом плане учения Дарвина. К этому типу произведений относится и «Нимфея» — повесть о людях-амфибиях, биологически приспособившихся в ходе эволюции к особым условиям жизни в сильно заболоченной местности.

Теперь буду пытаться пробить сборник его фантастики. Пока что послал заявку в «Детскую литературу», пытаюсь ещё заинтересовать Девиса романом «Таинственная сила». При первой возможности напишу о фантастике Рони.

Из других новостей — неожиданное письмо от Гарри Гаррисона. Почему-то ему понравилось моё предисловие к его сборнику («Тренировочный полёт»). Удивлён, что ни один американский и английский критик не понял так глубоко и правильно его замыслы (это его слова), как советский критик Брандис. Просит присылать ему сборники нашей фантастики для антологий, которые он выпускает вместе с Б. Элдисом[1].

А мой подшефный Бернд Гизлер из Дрездена успешно защитил диссертацию о Вашем творчестве и настойчиво требует, чтобы я ему прислал на память и в награду за его заслуги Ваше собрание сочинений, да ещё с надписью автора!.. Не думаю, чтобы его диссертация была из удачных. Уж очень он глуп, неотёсан и нахален.

Сижу сейчас в городе, а затем буду в Комаровском доме творчества готовить переиздание «От Эзопа до Джанни Родари». В связи с этим хочу обратиться к Вам за советом. Вы справедливо упрекнули меня в недооценке Хаггарда. Это было вызвано недостатком места. А отсюда — дубово-схематическая оценка походя. Хочу исправить упущение. Дам о Хаггарде маленькую главку (4—5 стр.). Больше не смогу, т.к. объёма мне не прибавили. Потому и прошу Вас, если это не очень затруднительно, написать совсем коротко — за что Вы так его цените, какие произведения посоветуете выделить как лучшие и подлежащие рекомендации в наши дни, что считаете в его романах самым существенным и непреходящим. Буду Вам очень признателен, Иван Антонович, за эти указания.

Когда начинается публикация «Таис» и сильно ли будет отличаться журнальный текст от полной рукописи?

Как Вы себя чувствуете? Приступили ли к популярной палеонтологии?

Извините, что засыпаю Вас вопросами. Давно не писал Вам и после визита к Вам В. И. не знаю о Вас никаких новостей.

Желаю Вам всего, всего лучшего. Сердечный привет Таисии Иосифовне.

Ваш
Е. Брандис

---

[1] Вероятно, имеется в виду Б. У. Олдисс.

49 И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ

Ново-Дарьино
7 июля 1972 г.

Дорогой Георгий Константинович!

Я всё получил, но не собрался ответить вам, т. к. для отдыха пока не взял машинку на дачу.

На август я возьму и начну переписываться. Мысли Ваши об отбросах духовной эволюции полностью совпадают с моими, но это разговор сложный и длинный. Не собираетесь ли осенью в М[оск]ву? Я буду на даче до середины сентября.

Ваш *И. Ефремов*

Душевный привет от Т. И.

50 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
11 июля 1972 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

Your most recent letter came in a few days ago and I want to answer before I get into the field. I am leaving Friday, July 14th for about 6 weeks, I spent a couple of weeks in Texas in mid-June, trying to get some comparative material for UCLA. As I may have mentioned the Waggoner Ranch, where the best Arroyo (also Clyde and Lueders and Vale) is exposed has been closed to collectors for a number of years. I am not sure why, but it seems to have to do with legalistics, pick-up truck rustling of cattle, and mostly I suspect of just "plain Texas cussedness and nationalism". It is true what they say about Texans, but then Texans think that Californians are strange. I did get on for a little while and we did get some excellent Arroyo materials.

When I was in Dallas, where my work started, I was mentioning your "Armenian Radio" stories. It turns out in Texas that have what they called their "A and M" stories, which are much the same. A and M is the state Agricultural School and the tradition is that everyone there is completely stupid. We had a lot of innocent fun with this.

I wrote to Norton and asked them to send you the Garrels' book. I have just glanced at it and it looks good. I have known Garrels for a long time and his work has been consistently high level. I asked them to send it to you Air Mail so I hope that it won't be too long in getting there. You sound as if you had a busy writing schedule ahead. Don't for goodness sake overdo it. If you are like I am you find that concentration of serious writing very exhausting. It looks so easy and is so hard.

Now that I am no longer Chairman, as of July 1, I will have a lot more time for research and writing. My work on you is coming along and after I get back from the field I will be putting a lot of time on it. I will not only have more real time now, but also the strain of day to day administration and decisions will be much reduced. I know Lila is going to be happy about this.

As I wrote to Peter, I have been at Washington, the National Academy of Sciences, to work out some sort of exchange along the lines we talked over. I had great hopes that the new cultural agreement would provide for this sort of thing. It was brought up and discussed but turned down somewhere along the line. Discouraging, but I will keep trying. I expect in a year or so I will have considerable sabbatical time. If it can be worked out, financially and otherwise, I would like to get to your country and to actually see some of the fossil localities and be with them enough, hunting and so on, to come to understand them. Anyhow, we will see.

I expect that you will be in the country by the time this arrives and I am glad that you are able to get away like this. The big city can be very trying day in and day out. Too many people, too much noise, too close to daily news events and so on. I will come back from the field much refreshed I know.

I wish we could get together again to talk over some of the goings on in the world. It is hard to put them in perspective from a single point of view. Of course, right now we are in a "Presidential" year and that is always an interesting and usually trying time. I watched the Democratic Party Convention last night on TV until my eyes were gone. I am sure now that our nominee for President will be McGovern. He will run against Nixon. I doubt he will have a very good chance.

I told Lila I was writing and she said that she was going to write but for me to send you all her best. We are fine and enjoying the relatively cool summer near the ocean in Los Angeles. Next week, however, we will be in Texas and Oklahoma, where it will be hot (100 degrees F plus). Good thing I am so young and healthy, or else it might get to me. So it goes.

This is just a lot of "chatty" news, no world problems solved, no new bones to report, but just social pleasure. I will let you know how the field work went when we return. Until then,

Your deep friend, as always,
Everett C. Olson
Ole

Калифорнийский унверситет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Ваше последнее письмо пришло несколько дней назад, и хочется ответить на него сразу, до отъезда в поле. Я уезжаю в пятницу, 14 июля, примерно на шесть недель. В середине июня я провёл полмесяца в Техасе, пытаясь собрать некоторый материал для нашего университета. Возможно, я упоминал, что Вагоннер Ранч с самыми лучшими обнажениями формации Арройо (а также Клайд, Людерс и Вэйл) была несколько лет назад полностью закрыта для исследователей. Причина неясна, но связана с каким-то крючкотворством вроде беспокойства пасущимся стадам от пикапов, а по большей части порождённой «неприкрытым техасским упрямством и национализмом». Техасцы вполне заслужили свою славу, но они, в свою очередь, считают калифорнийцев чудаками. Мне всё же удалось проникнуть туда на некоторое время, и мы разжились превосходным материалом формации Арройо.

В Далласе перед началом работы я упомянул при разговоре ваши анекдоты об «армянском радио». Оказывается, у них в Техасе ходят такие же,

именуемые «Эй-энд-Эм». Так называется тут сельскохозяйственный институт, а действующие лица по традиции исключительно глупы. Мы здорово повеселились по этому поводу.

Я написал в «Нортон» с просьбой выслать Вам книгу Гаррелса[1]. При просмотре она представилась мне вполне достойной. Я давно знаком с Гаррелсом, он постоянно держит высокий уровень работ. Я попросил выслать книгу авиапочтой, поэтому есть надежда, что она придёт быстрее. Похоже, у Вас намечен очень плотный график работы. Очень прошу, не переутруждайтесь. Если Вы подходите к писательству столь же серьёзно, как и я, то такая концентрация сильно изматывает. Кажется со стороны непринуждённым занятием, а на деле — тяжёлый труд.

С первого июля я перестал быть руководителем, теперь у меня будет больше времени на научную работу и чтобы писать. Книга о Вас продвигается понемногу, а по возвращении из экспедиции я примусь за неё всерьёз. Теперь у меня не просто будет больше времени, но и меньше стресса от необходимости каждодневного принятия административных решений. Лайле тоже станет легче, я уверен.

Как я писал Питеру, я ездил в Вашингтон, в Академию наук США, чтобы продвинуться в направлении программы обмена, которую мы с Вами обсуждали. Большие надежды я возлагал на новое соглашение о сотрудничестве в области культуры как на основу такой программы. Вопрос рассматривался, но на какой-то стадии был отклонён. Прискорбно, но опускать руки я не собираюсь. Примерно через год я получу творческий отпуск. Если получится в материальном плане, хотелось бы приехать к вам в страну, чтобы побывать на местонахождениях, познакомиться с ними, самому там покопать, чтобы понять их лучше. Посмотрим, что выйдет.

Наверное, Вы будете за городом, когда придёт это письмо, и я рад за Вас, что вы можете выбираться подальше от суеты. Большой город может сильно утомлять. Слишком многолюден, шумен, постоянно что-то происходит и отвлекает. Уверен, из экспедиции я вернусь существенно более бодрым.

Хорошо бы снова собраться вместе, продолжить наши беседы о том, что делается в мире. С единственной точки зрения трудно увидеть всё в перспективе. У нас тут, само собой, разворачивается год президентских выборов, что всегда концентрирует события. Вчера допоздна смотрел по телевизору съезд демократической партии по выдвижению кандидата, пока совсем глаза не начали слипаться. Скорее всего, выдвинут Макговерна. Его соперником будет Никсон. И вряд ли у Макговерна против него будет шанс выиграть.

Лайла тоже собирается Вам написать, но пока просит передать привет. У нас всё в порядке, проводим лето, которое выдалось довольно прохладным, неподалеку от океана в Лос-Анджелесе. Но на следующей неделе уже переберёмся в Техас и Оклахому, где стоит жара (100 градусов по Фаренгейту и выше). Хорошо, что пока я ещё крепок, иначе переносить было бы нелегко. Такие дела.

---

[1] Речь идёт, по-видимому, о книге Роберта Гаррелса, написанной совместно с Фредом Макензи: Evolution of Sedimentary Rocks, выпущенной издательством «Нортон» в 1971 году.

Новости в основном местного порядка, не касающиеся мировых проблем, и новых костей пока не отыскалось, просто приятно пообщаться. Когда вернусь — расскажу, как прошла экспедиция. До тех пор — до свидания.

Как всегда, Ваш близкий друг
Эверетт Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Пелэм, Массачусетс
11 июля 1972 г.

Dear Prof. Efremov and Taya,

Your letter of June 24th was forwarded to us here at our "farm" which is about two hours' drive from Cambridge. We love it here in the country but have to go into Cambridge frequently to look after our house there and also Al to check on how things are going at the Museum. Here I have a vegetable garden and some flowers. Some day I will send you a picture of our old house here, the earliest part being built in 1740.

The book on Astrakhan sanctuary has not yet come.

You did mention "Gold and Flesh" by Appel. I cannot find it on hand in the local bookstores so have ordered it directly from the publisher and hope I will soon receive it and can send it on to you.

I do not have your next to last letter here with me. Of the three books you mentioned, I found the one by Drury "The Throne of Saturn" and sent it along with some detective stories. Since then a friend has told me that it is a very poor book and particularly bad to have sent to a Russian friend. I did not read it but just sent it along. So be prepared to not like it. My friend, a geologist, has mentioned it twice and I am sorry that it was such a poor choice. I hope the book will not create an international incident!

We are listening on the radio to the Democratic Convention. It looks as though Mr. McGovern will be nominated. We think he is a good choice and hope he will be elected in November.

We both send warm greetings to you and your wife.

Sincerely yours,
Ruth Romer

Дорогие профессор Ефремов и Тая!

Ваше письмо от 25 июня было переправлено к нам сюда на «ферму», которая находится в двух часах езды от Кембриджа. Нам нравится здесь, за городом, но приходится часто ездить в Кембридж присматривать за нашим домом, а Элу также нужно проверять, как дела в Музее. У меня здесь огород и немного цветов. Когда-нибудь я отправлю Вам фотографию нашего старого дома, самая старая часть 1740 года постройки.

Книга об Астраханском заповеднике ещё не пришла.

Вы упомянули «Золото и плоть» Аппеля. Я не нашла этой книги в местном книжном магазине, так что я закажу её прямо у издателя и надеюсь вскоре переслать Вам.

У меня нет здесь с собой Вашего предыдущего письма. Из трёх упомянутых книг я нашла одну — Друри «Трон Сатурна» и отправила её вместе с несколькими детективными рассказами. Вскоре после этого один знакомый сказал мне, что это очень слабая книга и особенно неподходящая для русского друга. Я не читала её, но отправила, так что будьте готовы к тому, что она Вам не понравится. Этот знакомый, геолог, сказал об этом дважды, и я извиняюсь, что сделала очень плохой выбор. Надеюсь, эта книга не создаст международного конфликта!

Мы слушаем по радио съезд Демократической партии. Похоже, что всё-таки кандидатом будет выставлен мистер Макговерн. Мы думаем, что это хороший выбор, и надеемся, что он победит в ноябре.

Мы оба шлём тёплые пожелания Вам и Вашей супруге.

Искренне Ваша
Рут Ромер

Перевела Марина Степанова

52 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

13 июля 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Давненько от Вас ни строчки: не заболели ли опять на радость тёмным??? Или, может быть, опять погрузились с головой в инферно? Эти погружения стоят большого здоровья... и большого самоотвержения. Я послал Вам вторую часть Агни и «Сердце», получили ли? Мне особенно понравилась вторая часть Агни. Это просто-напросто инструкция для желающих идти по Срединному Пути.

П. Ф. запросил меня, читал ли я «Чашу Востока», я, конечно, ответил, что «нет», а оказалось, что «Чаша» ни что иное, как «Письма Махатм»... Конечно, новое прочтение, особенно об отношении (отрицательном) Махатм к современным религиям и церквам, очень оказалось полезным...

Вместе с тем там достаточно подробно говорится о состоянии (посмертном), называемом «Дева Чан». Хоть и говорится, что оно разнообразно, но всё-таки «никчемушнее» оно. В самом деле, переживать то, что сам создал своими страстями, мыслями, к чему это? Не лучше ли заняться чем-то более полезным и людям, и себе???

В конце года П. Ф. приглашает посетить его, думаю поехать. Интересно и с ним поговорить, и ознакомиться с его эзотерической библиотекой... Где Вы будете в конце сентября? Я поеду к сыну в Калинин, если Вы не возражаете??? заеду...

У нас стоит такая невыносимая жара, что плохо работается с книжками, что Вы прислали. Мозги (если они есть) растапливаются. Всё-таки буду осмотрительнее и на июнь-июль из Кузнецка долой... куда-нибудь на «холод». Куда???

Книги Рерих, по словам П. Ф., результат записи приёма мыслей от Гималайского Центра. Приём вели Е. И. и Н. К., иногда даже их сыновья. Запись делалась Е. И. При всём идеальном приёме всё-таки возможна окраска принимаемого своими мыслями, убеждениями и т. д. Теперь понятно резкое выражение по адресу безбожников в посланных Вам перепечатках. В «Чаше Востока» говорится иное — «Ни философия Наша, ни сами мы не верим в Бога, менее

всего в того, местоимение которого требует прописной буквы»... «Если люди готовы принять и рассматривать как Бога нашу Единую Жизнь — неизменную и бессознательную в своей вечности, они могут это делать, и таким образом придержаться ещё одного гигантски ложного наименования». Вполне ясно изложено. И последнее: «Запомните, сумма человеческого бедствия не уменьшится до тех пор, пока лучшая часть человечества не разрушит во имя Истины, нравственности и всеобщего милосердия алтари этих лживых Богов»... Лучше не скажешь!!!

Это ответ на мой вопрос, — нужно ли вести научно-атеистическую работу. Спасибо Руке Направляющей!

Мой сердечный привет Т. И. и Вам,
да будет с Вами обоими Благо!

Портнягин

P. S. У меня «исчез» Ваш индекс!

З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ

53

21 июля 1972 г.

Mrs. Sina Fosdick
319 West 107th St.
New York, N.Y. 10025
U.S.A.

Dear Professor Efremov:

I am happy to tell you that two of your books On the Brink of Oikumene and Razor's Blade have just been received by me.

They came in perfect condition and I am very grateful to you for having sent them to me. I am going to start reading them now and will in the course of time write you my impressions.

I have already read some of your earlier books and have been a great admirer of your writings.

Trusting that you will have a very pleasant and fruitful vacation, I remain with best greetings,

Cordially,
Sina Fosdick

Миссис Зина Фосдик
Западная 107-я ул., 319
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10025
США

Дорогой профессор Ефремов!

Рада сообщить, что только что получила две Ваши книги — «На краю Ойкумены» и «Лезвие бритвы».

Они дошли в самом лучшем виде, и я очень благодарна за них. Сразу же начну их читать и через некоторое время напишу о своих впечатлениях.

Я уже читала некоторые из Ваших ранних книг и давно восхищаюсь Вашим талантом.

С надеждой, что отпуск Ваш проходит приятно и плодотворно, и с наилучшими пожеланиями,

сердечно,
Зина Фосдик

Перевела Лариса Михайлова

54 П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ[1]

25 июля 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Мне удалось достать достаточное количество книг, так что не беспокойте себя дополнительной для меня покупкой.

Сердечный привет Таисии Иосифовне.

Как проводите лето?

Всего светлого.

Ваш *П. Беликов*

55 Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Кузнецк
2 августа 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Большое спасибо за присланную книжку о Н. К. Рерих. Прочёл с превеликим удовольствием. Жаль, что нельзя было в ней показать роль Е. И., ведь они дружно прожили вместе более 40 лет, и, конечно, его становление как философа не могло не принять какого-то влияния Е. И. Почему не наоборот? Наоборот, конечно, тоже, но влияние Е. И. сильнее… Почему? Вспомните, что после смерти Н. К. на месте сожжения поставили памятный камень, а у Е. И. — организовали ступу… А ступа кому попало не ставится…

Авторы сумели показать, как тяжело, с каким трудом внедряется всё новое в жизнь человечества, и сколько это стоит труда Тем, Кто работает под руководством Иерархии Света. Действительно, по мере усложнения сознания, его роста усиливается ответственность и тяжёлый труд… Удачно использован ряд мыслей Н. К. Хорошая и нужная книга.

Прочёл в № 7 журнала «Молодая гвардия» начало Вашего романа «Таис Афинская». Какой колоссальный труд Вы вложили в стремление показать нам всю обстановку того времени, устремления, политику, быт и т. д. Замечательна сценка разоблачения философа Аристотеля. Несколько строчек спора его и его учеников с гетерами и… нутро его раскрыто… А через него можно видеть чаяния определённой группы интеллигенции того времени. Жаль, что в журнале будет печататься роман в сокращении, для чего? Ведь Ваши книги нарасхват, реализуются за два-три дня, а бывает и быстрее… «Таис» читается очень хорошо…

Посылаю Вам для прочтения и замечаний «отсебятину». Раз Вы сейчас отдыхаете, то как раз Вам положено читать сочинения подобного рода. Это по-

[1] Почтовая открытка: Владимир. Дмитровский собор. Памятник архитектуры XII в. Фото Ю. Меснянкина.

пытка синтеза. После Ваших замечаний, если стоит, то можно мысли развить дальше…

Что такое Ваш Ашрам «Новодарьино»??? Где он??? На карте его нет. Что у Вас на очереди? Или во время отдыха не хочется думать?

Я перечитываю с карандашом в руках «Сердце». Выбираю, на что следует обратить особое внимание…

Да будет благословение Милостивого на Вас обоих!

Сердечно,
Портнягин

С. КУМКЕС — И. А. ЕФРЕМОВУ

56

Москва
2 августа 1972 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Решился побеспокоить Вас по несколько необычному поводу. Лет пять назад Вы рекомендовали мне для издания рукопись А. Р. Палея. Как известно, книга в 1968 г. увидела свет[1]. За знакомство с А. Р. я Вам очень признателен — он оказался не только неплохим писателем, но и отличным человеком. Сейчас грядёт его юбилей (80 лет!) Естественно, — хочется как-то его отметить. Я закинул удочку у своего начальства (ссылаясь даже на ССП) насчёт переиздания его книги. Но это — исключено. Однако есть (пока ещё не стопроцентная) возможность как-то обрадовать А. Р.

Дело в том, что у нас готовится внеплановый сборник н[аучно]-ф[антастических] рассказов. Необходимость в этом сборнике возникла неожиданно и по не совсем приятному поводу. Начну с того, что я ещё очень давно, в период организации сборников «На суше и на море», выдвигал идею периодического издания отдельной книгой лучших рассказов, вошедших в этот сборник в разные годы (в целях поощрения авторов, постоянно с нами сотрудничающих). Идею эту, конечно, не поддержали (поначалу), а потом к ней вернулись, и вот уже года два-три организовывают такой сборник (впрочем, верховное начальство издательства смотрит на это косо). Но не было счастья, так несчастье помогло. Вам, может быть, известна история новой (вернее, последней) рукописи Г. Гуревича «Приглашение в зенит». Он её писал для нас, по договору. Рукопись была представлена. Одобрена. Подготовлена к сдаче в набор. Автору выплатили 60%. А потом по некоторым причинам (официально нам не объявленным) рукопись придержали. Кому-то что-то не понравилось (скорее всего, фамилия автора), хотя, с моей точки зрения, — это лучшее из всего, что до сир пор написал Георгий Иосифович. Рукопись провалялась в редакционном шкафу «в невесомом состоянии» довольно долго, и издательству пришлось уплатить автору остальные 40%. В итоге «повисла» довольно солидная сумма, за которую надо начальству отчитываться, а мотивов для оправдания нет (или их нельзя выставлять). И вот тогда-то вспомнили про мою идею и решили (с согласия Г. Гуревича) издать сборник научно-фант[астических] рассказов, в который включить часть рукописи Гуревича (у него главы сюжетно не связаны друг с другом) плюс 6—7 рассказов, публиковавшихся ранее в сборниках «На суше и на море». Когда такой сборник укомплектовался, я убедил начальство, что каждо-

[1] Роман А. Р. Палея «В простор планетный».

му читателю будет видна искусственность его составления и что для равновесия надо в сборник включить хотя бы два новых рассказа. Со мной согласились. И теперь структура сборника такова: 1) Гуревич — (6 л), 2) пять переизданий (два из них с серьёзной переработкой), 3) два новых рассказа (3–4 л). Всего 15–16 листов. Один из новых рассказов принадлежит Ю. Моисееву. А вот вторым новым рассказом я бы хотел дать произведение А. Р. Палея. В его новом романе есть «вставной номер», который легко превращается в рассказ. Я сказал о нём Б. В. Юсову, тот ответил, что он не будет возражать при условии, что будет рекомендация кого-либо из известных писателей или географов (например, И. А. Ефремова). Рассказ я прочитал, дал прочесть зав[едующему] редакцией и зам[естителю] главного редактора — все его одобрили. Но при всём том нужна ещё письменная рекомендация (заменяющая рецензию).

Рассказ необычный (около 1,5 листов). Действие его происходит в будущем. Сюжет прост — в одном из учебных заведений обращал на себя внимание мальчик, а затем юноша, который выделялся среди всех остальных полной апатией, безразличием к какому-либо труду, какой-либо деятельности, полным отсутствием каких-либо интересов. Все в растерянности — и воспитатели, и родители. Решили пойти на эксперимент. Юношу усыпили и забросили в один из заповедников, оставив одного среди природы, без всяких средств к существованию. Проснувшись, он, чтобы жить, вынужден начать охотиться, как-то готовить пищу, мастерить элементарные орудия и предметы. Постепенно он втягивается в такого рода работу (a la Робинзон), находит в ней интерес, а затем совершает путешествие в поисках людей. Одним словом — через общение с живой природой — к деятельности, работе — и от неё интерес к жизни. Это канва рассказа, её скелет. А «мясо» — это описание природы, сцен охоты, изготовления орудий, поход и некоторые приключения в пути. Всё вместе занимает 30–35 стр[аниц] и носит название «Себе навстречу».

И вот теперь Вам ясна причина написания сего письма. А отсюда к Вам вопрос (или просьба) — могли ли бы Вы написать в адрес издательства на имя Б. В. Юсова письмо-рекомендацию о включении рассказа Палея в один из сборников н[аучно]-ф[антастических] рассказов, издаваемых «Мыслью» (м. б., в связи с предстоящим юбилеем).

Может быть, следует выслать Вам для ознакомления один из экземпляров этого рассказа?

Желаю Вам доброго здоровья.

Искренне уважающий Вас
С. Кумкес

57 Л. ОЛСОН — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ

2 августа 1972 г.[1]

13760 Bayliss Rd
Los Angeles 90049

My dear Friends:

Thank you for all good wishes sent to me and the beautiful photo plus the stamps. We do hope we will be privileged to see the large Canvass — Delighted to have this likeness — thank you

[1] Письмо датируется по почтовому штемпелю получателя.

All good wishes for a pleasant Holiday in the country and [when] it's time to return may you feel greatly refreshed. We leave tomorrow for our sojourn in Search for the Past and please wish us success.

I have so very many words to say to you both that it's impossible to even begin — but wanted to say many thanks for great conversations and that I enjoy your apron on very special occasions and thanks to you both I still smell the sweetest — of anyone in California. I treasure this bottle and use it sparingly.

Our best wishes to dear Friends,
Lila Olson

13760 Бейлисс роуд
Лос-Анджелес 90049

Мои дорогие Друзья!

Благодарю за всё тёплые пожелания, а также за чудесное фото и марки. Надеемся, когда-нибудь нам повезёт увидеть оригинал картины в натуральную величину. А пока рады иметь её репродукцию. Спасибо.

Желаем приятно отдохнуть за городом и вернуться с обновлёнными силами. Завтра мы уезжаем на Поиски Прошлого, пожелайте нам успеха.

Мне так много нужно сказать вам, что даже не знаю, с чего начать, — но хочу поблагодарить за великолепные беседы, сказать, что надеваю подаренный передник только по особым случаям, и ещё, что благодаря вам обоим благоухаю лучше всех в Калифорнии. Флакон я берегу и расходую очень экономно.

Наилучшие пожелания дорогим нашим друзьям,
Лайла Олсон

Перевела Лариса Михайлова

И. А. ЕФРЕМОВ — В. Л. САВЕЛЬЗОНУ 58

Ново-Дарьино (под Москвой)
17 августа 1972 г.

Многоуважаемый Вильям Львович!

Душевное спасибо за три сразу подарка: хорошую поэтическую статью, слайды и кусочки руд и дерева с отвалов. Как это всё дошло в конверте письма, уму непостижимо. Я написал роман «Таис Афинская», который печатается в №№ 7, 8, 9, 10 и 11 «Молодой гвардии». Дальше беллетристика отодвинется и пойдёт популярная историческая геология и палеография.

Ещё раз — большое спасибо.

Ваш *И. А. Ефремов*

П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 59

19 августа 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Благодарю Вас за открытку с добрыми пожеланиями. Книга в серии ЖЗЛ получилась, конечно, с креном на один борт. Но иначе ничего не выходило. В процессе редактирования я убедился, что с тем грузом, который мне всё-таки

удалось разместить в трюмах этого «лайнера», ему будет не преодолеть подводных камней того узкого фарватера, который ведёт в нашу «тихую гавань». И так около четверти текста осталось за бортом.

Об Е. И. Р. старался говорить как можно меньше именно потому, что потребовали бы формулировок, для меня абсолютно неприемлемых. Её судьба такова: незадолго до смерти Н. К. Р. была достигнута принципиальная договорённость об его переезде в СССР. Все нужные документы должны были быть оформлены на него, а Е. И. и Ю. Н. без лишних хлопот оформлялись как члены семьи. Многие вещи были уже упакованы, и в 1948 году Е. И. и Ю. Н. выехали в Бомбей, откуда и предполагали на пароходе, вместе с картинами и вещами, доехать до нашей Черноморской гавани. Однако из-за смерти Н. К. нужно было всю документацию переадресовывать на Е. И. Посыпались дополнительные справки, в результате которых из-за «мистических умонастроений» в визе Е. И. отказали. Она не захотела возвращаться в Кулу и вместе с Юрием Николаевичем направилась в Дарджилинг (где они прожили около года в 1924 г. при первом приезде в Индию). Там был снят дом, где и поселились Е. И. с Ю. Н. и с сёстрами Богдановыми. Е. И. и Ю. Н. продолжали свою обычную работу. В феврале[1] 1955 года Е. И. скончалась. На месте её сожжения, на церемонии которого присутствовало множество представителей различных индийских организаций, сооружена большая ступа. У меня имеются её снимки, но только в единственных экземплярах. Нужно будет переснять. После Е. И. осталось около 150 тетрадей, продолжающих серию книг «Живой Этики» (Агни Йоги). Они ещё ждут времени, когда можно будет опубликовать. С. Н. соответствующим образом готовит их, но не спешит с этим делом. В своё время текст очередной книги («Надземное») был переслан в Прибалтику и существует посейчас, но дано строгое указание не размножать его.

Комкать тему Е. И., изворачиваясь на каждом шагу, просто не хотелось. Я предполагаю в скором времени приступить к работе над рукописью, куда постараюсь вместить всё, что удалось мне собрать и что по разным причинам в книгу не вошло. Материала довольно много.

Все эти жаркие месяцы мне пришлось усиленно работать над «Листами дневника» для юбилейного издания, дело с которым продвигается успешно. В сентябре хочу немного для отдыха попутешествовать, а на обратном пути домой, в конце сентября, заглянуть в Москву. Был бы рад тогда повидаться и поговорить с Вами.

Сердечный привет Таисии Иосифовне.

С самыми светлыми пожеланиями,
Ваш *П. Беликов*

60 И. А. ЕФРЕМОВ — А. С. ИВАНОВУ

Ново-Дарьино
21 августа 1972 г.

Главному Редактору журнала «Молодая гвардия»
А. С. Иванову

Уважаемый Анатолий Степанович!

С огорчением должен выразить Вам протест по поводу Вашего небывалого во всей моей тридцатилетней писательской деятельности поступка: пе-

[1] В тексте письма ошибка: Е. И. Рерих ушла из жизни 5 октября 1955 года.

рерыва в печатании моего романа «Таис Афинская», продолжение которого внезапно исчезло из августовской книжки Вашего журнала. Этот перерыв в печатании Вы (ибо такой шаг может сделать только главный руководитель журнала) не только не потрудились согласовать со мной, но просто даже известить меня и объяснить причину. Этот Ваш поступок выказывает полное пренебрежение к автору и неуважение к своим читателям. Он тем более удивителен, что Вы сами — писатель! К несчастью, болезнь мешает мне увидеться с Вами и высказать обстоятельнее свою оценку.

Думается, что мне следует по возвращении в Москву поставить вопрос в вышестоящих инстанциях о необходимости специального разъяснения норм отношения главных редакторов журналов к своим авторам и читателям на примере Вашего поступка. Разъяснение тем более необходимо, что эти нормы не обоснованы юридически, а существуют лишь в неписанном моральном кодексе советского человека.

Что касается юридической стороны, то я, полностью доверяя руководству журнала «Молодая гвардия», передал Вам свой большой роман без заключения предварительного договора (который Вы так и не заключили) и оплатил редакторскую перепечатку вперёд, ещё не получив от журнала ни рубля.

Сначала мне заявили, что роман публикуется полностью, и я не отдал нескольких глав в другой журнал. Когда вы внезапно отказались от опубликования полностью, было уже поздно.

Прошу в срочном порядке оформить наши отношения договором с указанием предназначенного к публикации объёма.

Лауреат Государственной Премии
профессор
И. А. Ефремов

В. ЯКОВЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
22 августа 1972 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Дорогой Иван Антонович!

Направляем Вам договор на роман «Таис Афинская».

К сожалению, до сдачи очередного номера не смогу встретиться с Вами лично, принести наши извинения и объяснить огорчительные причины, вынудившие нас сделать перерыв в публикации Вашего романа: нам пришлось в последнюю минуту перенести на 8-й номер договорный роман казахского писателя М. Дузенова в связи с тем, что издательство форсировало его издание, подготовив выход его книгой в начале августа; задержка с романом грозила нам убытками и неприятностями. Просим рассматривать эти последние слова не в качестве оправдания, а лишь как объяснение.

Принимаем целиком Ваши упреки и просим поверить, что этот эпизод — досадная случайность в нашей работе.

Мы всегда считали и считаем Вас, Иван Антонович, дорогим и желанным для нас автором, и хотелось бы надеяться, что этот случайный эпизод не

испортит наших давних хороших отношений. Ещё раз приносим Вам наши извинения.

С уважением и наилучшими пожеланиями. Заместитель главного редактора
Виктор Яковенко

62 Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

24 августа 1972 г.

Dear Professor Efremov!

Please forgive for the long silence. Have received 3 books on «geology» in 3 separate mailings. Everything and all are O.K. here, except I am very busy. Will write in more detail soon. Hope all is well with you.

Sincerely yours,
George Rabchevsky

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу прощения за долгое молчание. Получил три книги по геологии в трёх отдельных посылках. У нас здесь всё хорошо. Я сейчас здесь очень занят. Более подробно напишу в ближайшее время. Надеюсь, у Вас всё благополучно.

С искренним уважением,
Джордж Рабчевский

Перевёл Станислав Лялин

63 В. А. МИЛАШЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Сентябрь 1972 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Благодарю Вас за лестные и, даже больше, тёплые слова, которые значатся в Вашем письме!

Лестно также и то, что их пишет автор «Туманности Андромеды»! Я бы хотел иметь экземпляр этой книги с вашим автографом! Я собираю книги с подписями авторов, адресованные мне.

Вы спрашиваете о внешнем облике красавиц тех «годин». Да, ведь вот приходится вспомнить слова Вл. Маяковского: «рисуют, кто поцекистей». Позор для художников! Этот позор я к себе отношу только отчасти. Я рисовал многих, но надо принять во внимание, что я рисовал из чистого «Дон-Кихотизма». Я не получал ни копейки денег ни за один женский портрет. Вы спрашиваете о портрете Ирины Одоевцевой. Он у меня есть, с «чёрным бантом». Я хотел сделать её акварель, но как-то не вышло, но портрет карандашом (абсолютно точный и даже с некоторой угадкой того, что составляет дух человека, а не только его тела), что и действительно оценил Эрик Фёдорович Голлербах, человек весьма тонкий, петербуржец «той эпохи»! Он лежит у меня в папке! Папка под диваном!

Паллада Скуратова (мне пришлось переменить её фамилию, т.к. теперь её сын — учёный, член партии и прочее, и прочее, и прочее), эта весёлая и даже безумная женщина называлась в реальности Паллада Богданова-Бельская. В ту

эпоху говорили просто «Паллада», и всем ясно, кто она! Я её не рисовал! Почему? Чёрт знает почему! Так жизнь текла, бежала, бурлилась! Зато пили вместе!

Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина. Портрет есть! Я попрошу автора-хозяина негатива отпечатать для Вас фото. После долгой пропажи я искал эту акварель несколько лет. Она была обнаружена в доме Пушкина, Ленинград, набережная адм. Макарова, 4. Эта акварель, которую я подарил Анне Ахматовой, у неё была выкрадена! Весной этого года 1972 она поступила в дом Пушкина. Совесть взяла!

Портрет Анны Ахматовой тоже есть. Акварель её 22—23 гг. я уничтожил в припадке «самокритицизма». Рисунок, который я сделал уже, увы, в старости, где Анна Андреевна похожа на Екатерину II-ую (так нашёл её Георгий Адамович, когда она была перед смертью в Париже) находится в институте А. С. Пушкина (Мойка, 12). Она, Анна Ахматова, осталась очень довольна этим портретом! А ведь рисовать старух — щекотливо! Они думают о себе как о молодых, а черты лица уже не те!

Портрет Сейфуллиной в счёт не идёт. Это не Петербург, а какой-нибудь Стерлитамак!

Ещё раз благодарю за хорошие тёплые слова!

Как хочется дополнить мою книгу, так безжалостно урезанную и зарезанную нашими «культурными» редакторами.

В. Милашевский

Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

64

Пелэм, Массачусетс
3 сентября 1972 г.

Dear Prof. Efremov,

Finally, last Thursday August 31st, I sent you by surface mail the other two books you requested. One is Gold and Flesh by Appel. I ordered it on June 20th and it took more than two months to travel from New York to Cambridge. Now it will probably take another two months to reach you but at least it is on the way at last.

The hot summer you have been having in Moscow has made news in our newspapers. I hope it is cooler for you now. But now I remember that you are not in Moscow but in the country.

We have had a busy summer and are now expecting various visitors from other countries who have been in Montreal for the International Geological Congress. Stanley Westoll from Newcastle, England and his wife will be with us for ten days. Perhaps you know him as he has been in Russia?

On September 24th they fly back to England and Al and I also fly that day to London. We will be away about a month and hope to visit Spain for a week. There also we will be seeing some paleontologists, in particular Crusafont-Pairo whom we met in Paris many years ago.

A recent letter from Lila Olson says they have been having good luck in their summer's fossil collecting.

I am sorry for the outcome of the chess games played in Iceland. No matter from what country, it seems to us that Mr. Fischer has been tempermental and rude in the extreme. Today's New York Times calls his brand of chess "Psychic murder at the chessboard".

In England we expect to see Janet Watson Sutton and her husband. As far as we know, DMS is much the same. But I think we have paid our last visit to him as I think he would not recognize us anymore. It is all very sad.

Al joins me in very best wishes to Taya and to you.

Sincerely, *Ruth Romer*

P. S. Our 12 year old grandson Andy Evans, has been reading science fiction recently and while on a visit to us, read "The Heart of the Serpent" by you, which appears in a collection by Isaac Asimov. He enjoyed it very much and when I told him we knew you, he asked me to tell you how much he liked it.

Дорогой профессор Ефремов!

В прошлый четверг, 31-го августа, я наконец-то отправила Вам обычной почтой остальные две книги, которые Вы спрашивали. Одна — «Золото и плоть» Аппеля. Я заказала её 20-го июня, и потребовалось больше двух месяцев, чтобы доставить её из Нью-Йорка в Кембридж. Теперь, вероятно, уйдёт ещё два месяца, пока посылка до Вас доберётся, но, по крайней мере, она уже в пути.

Ваше московское жаркое лето попало в новости наших газет. Надеюсь, сейчас стало прохладнее. Но, я вспомнила, Вы же сейчас не в Москве, а за городом.

У нас было очень насыщенное лето, и сейчас ожидаются различные иностранные гости из тех, кто был в Монреале на Международном геологическом конгрессе. Англичанин Стэнли Вестолл из Ньюкастла с женой будут гостить десять дней. Возможно, Вы знакомы с ним, поскольку он был в России.

24-го сентября они улетят к себе в Англию, и мы с Элом также полетим в этот день в Лондон. Мы будем в отъезде около месяца и надеемся провести неделю в Испании. Там мы также планируем встретиться с некоторыми палеонтологами, в частности с Крусафонт-и-Пайро, с которым познакомились в Париже много лет назад.

В последнем письме Лайла Олсон сообщает, что они очень удачно летом провели экспедицию и нашли много интересного.

Сожалею об исходе шахматного турнира, проходившего в Исландии. Безотносительно к стране, которую он представляет, по нашему мнению, мистер Фишер слишком даёт себе волю и крайне груб. Сегодня «Нью-Йорк Таймс» назвала его манеру игры «Сущей парапсихической резнёй на шахматной доске».

В Англии мы надеемся увидеть Джанет Уотсон Саттон и её мужа. Насколько мне известно, состояние Д. М. С. [Уотсона] без изменений. Поэтому можно считать, мы уже нанесли ему свой последний визит, потому что он не узнаёт нас больше. И это очень печально.

Эл присоединяется ко мне в лучших пожеланиях Тае и Вам.

Искренне, *Рут Ромер*

P. S. Наш двенадцатилетний внук Энди Эванс начал в последнее время читать научную фантастику и нашёл тут у нас Ваше «Сердце Змеи», которое вошло в сборник под редакцией Айзека Азимова. Он был в восторге, а когда я сказала ему, что знаю автора, он попросил передать Вам, до чего ему понравилось.

Перевели Лариса Михайлова и Марина Степанова

В. А. МИЛАШЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 65

Москва
Сентябрь 1972 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Получил от Вас книгу «Час Быка». Какое острое название! Весьма тронут! Спасибо! Спасибо! Что это за епископ Иннокентий, какая интересная личность! Ну, конечно, я сразу кинулся читать и пожалел, что мои познания (по журналам) недостаточны! Так, кое-что и кое-как!

Надеюсь, внимательное чтение Вашей книги меня просветит! Но кое-что из «социального» доходит в полной мере! Однако я ведь успел прочесть за один вечер только несколько страниц!

Ещё раз: спасибо!

Я занимаюсь некоторыми дополнениями к написанному мною, но это чистый «Донкихотизм»! В печатном мире друзей нет! Что делать! О «продолжении» и думать нечего... Стольких врагов наживёшь, что на улицах Москвы показываться не придётся, хотя я и не робкого десятка!

Мемуары мои будут выглядеть так:

А. А.: Прохвост и абсолютный невежда в искусстве.

Б. Б.: Подхалим и негодяй!

В. В.: Хитрый пролаза и лицемер первостатейный!

Абрам Эфрос: чистейший сионист и никогда не скрывал этого и т. д.

и т. д.

Писать же и гладить всех по головке, источая фимиамы, подло и скучно! Да и не выйдет это у меня!

Хорошо, что и эта книга появилась! Восемь лет её задерживала редакция!

С тёплым чувством к Вам и Вашей супруге, которая, вероятно, тоже прочла мою книгу,

В. Милашевский

З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ 66

Нью-Йорк
6 сентября 1972 г.

Dear Professor Efremov,

I have just finished reading your remarkable novel "The Hour of the Bull".

This is one of the most unusual science fiction novels I have ever read. You have correctly noted in your Preface that most of the contemporary science fiction presents the future in a most gloomy, even sinister, light, while you have a completely different image of the future in its historic and scientific development.

Your picture of the future is prophetic, more so it calls to creative labor, to ever growing knowledge, to an enlightened humanity.

Is your novel translated into English or other languages? It should be read by the youth of many countries.

I thank you from all my heart for sending me this splendid book of yours. It has an honored place in our library.

With best greetings,
Cordially,
Sina Fosdick

Дорогой профессор Ефремов!

Только что дочитала Ваш замечательный роман «Час Быка».

Из всех читанных ранее научно-фантастических романов это — один из самых необычных. Вы справедливо заметили в своём Предисловии, что большая часть современной фантастики представляет будущее в самом мрачном, даже зловещем, свете, в то время как у Вас совершенно иной образ будущего в его историческом и научном развитии.

Ваша картина будущего пророческая, более того — она побуждает к творчеству, бесконечному познанию, просветлённому гуманизму.

Переводился ли Ваш роман на английский или другие языки? Его должна читать молодёжь многих стран.

От всего сердца благодарю за то, что Вы прислали мне свою великолепную книгу. Она занимает почётное место в нашей библиотеке.

С наилучшими пожеланиями, сердечно,
Зина Фосдик

Перевела Лариса Михайлова

67 И. А. ЕФРЕМОВ — Я. И. ЦУКЕРНИКУ

Ново-Дарьино
13 сентября 1972 г.

Многоуважаемый Яков Иосифович!

(извините, ежели не угадал имени-отчества, но Вы мне его не сообщили).

Задержка с ответом на Ваше очень интересное письмо объясняется некоторой сложностью с доставкой корреспонденции на дачу.

Разумеется, я с большим удовольствием повидаюсь с Вами (ежели Вы соблаговолите пожаловать ко мне), когда вернусь с дачи к самому началу октября.

Не думаю, что я смогу быть очень Вам полезен, ибо Вы забрались в такие дебри, в коих, наверное, никто в мире, кроме Вас, не бывал.

Однако, может быть, и присоветую что-либо структурное...

Благодарю Вас за крайне интересные для меня сообщения.

С искренним уважением, *И. Ефремов*

Позвоните мне по телефону 185-90-78 (кроме времени от 15 до 18 ч[асов]), только сразу же назовитесь, а то многовато звонков ненужных.

Зовут меня Иван Антонович, а жену — Таиса Иосифовна. К телефону обычно подходит она.

68 Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ

Лос-Анджелес
14 сентября 1972 г.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DEPARTMENT OF ZOOLOGY

Dear Professor Efremov:

I am really ashamed to have been so laggardly in writing to you. Lila and I returned from field work a couple of weeks ago and I have been meaning to get a

letter off each day. Oddly, I have really been very close, for I have been working, as the muse permitted, upon the book about you. It is coming along.

I cannot really predict the progress in this, for it has to be done when time and inspiration allows. I believe, however, that I will finish a draft during this winter. If then it becomes possible and would be convenient to you, Lila and I might plan a trip to Russia so that you could look it over. Of course, it would be carried by hand, and I presume that you would want to make changes.

If I can bring this off as I wish, I believe that it can have some importance. Things are opening up between our countries, but there are still immense conceptual barriers. If anything can help to change this even a little it will be worth while. Mainly, however, this is a "labor of love" sort of a monument to a very deep friendship.

I spent seven weeks in Texas and Oklahoma, with quite good success. We have some new materials from the San Angelo, Flower Pot, and Chickasha. I regret that we were unable to penetrate higher in the section. Like our baseball teams say "wait until next year". Most interesting is a new carnivore from beds in the Chickasha of about middle Flower Pot equivalency. It is slowly being worked out and is at least a fair part of the skeleton. One bad feature is that there were fragments of teeth and jaws in the wash, and I am afraid the beast followed "Olson's" law by dying and getting buried with his head in the position where the arroyo will first begin to form. The animal, of course, is pelycosaurish, but from what I have seen it may well be somewhat intermediate, on the way to phthinosuchids. We will see.

Right now our Department is in the throes of moving. We have merged Zoology and Botany into Biology, my main contribution as Chairman. Vertebrate Paleontology, by virtue of some persistence, has fine new quarters in a quiet area. Our group will now all be close together, both students, technician and faculty. It will be great. The moving is going on at present and is not conducive to getting on with science.

Peter Vaughn spent his time this summer continuing his quarry in the Pennsylvanian and had great success. Our work for the next months, getting the materials out of the rocks, is to be strenuous.

Anyhow, it is good to be back in California. We really enjoy it here. I am, as I probably wrote, no longer Chairman and will have some more free time. I will be able to do more teaching, which I enjoy. It should be easier this year, as it was to some extent last, because the campuses have become much more quiet and going about their business in a more orderly fashion.

Science, of course, is having somewhat hard sledding at the present, because it has not realized all of the wonders that people expect of it. There is some suspicion that it is not enough to give able persons financial help and turn them loose. There is a greater push for that which in the short run will benefit (it is thought) man. No doubt there is a need for this, for without question the world is rapidly heading toward an energy crisis. But mostly short term expedient solutions will not, I feel, do much about it.

I keep hearing about the impending "automobile explosion" in your country. I hope you may be spared. But if it must be, then I hope that some way of combating the smog effect of emissions will be found. I was really depressed when in Minneapolis, in the clear, lovely country of Minnesota to look out over the city not long

ago and see the wall of yellowish smog (fog, plus the car and powerplant emissions) hanging over the city, as it does sometimes in Los Angeles. To get out of this, once you are in it, is a major task. It must be done.

I wonder if you and your wife have come back to the city yet. I suppose that the cool of autumn is coming on. Right now it is cool here, which is unusual for this time of year. But the whole weather pattern here is odd, apparently tied into some changes in oceanic circulations that no one seems able to account for.

Lila and I are both fine. She is a marvellous field assistant and wields a pick and shovel with the best, then at 7:00 P.M. folds up and sleeps through until the next morning. I find myself remarkably vigorous and able to work longer than I was a few years ago. Maybe it is second childhood. Right now I am building a three-wall terrace in our backyard, using cement tile. For this I have to be vigorous.

Last spring Lila and I took up an old hobby of mine, that of being a Lepidopterist, a butterfly and moth collector. We have really amassed quite a collection, but as so often the time involved has begun to snow-ball. But it is a lot of fun and good relaxation.

Well this is really quite enough for one who had no great message. I hope that your health is continuing to remain in reasonable shape. Please give my very best to your wife and to any other members of the family or my friends whom you may see.

I do hope the book works out and that we can see you before too long.

My very best regards,
As always, your close friend,
Everett C. Olson

Калифорнийский университет
Факультет зоологии

Дорогой профессор Ефремов!

Мне стыдно, что я так долго собирался с ответом. Мы с Лайлой вернулись из экспедиции пару недель назад, и я всё собирался сесть за письмо. Однако некоторым образом я был близок к тому, работая по вдохновению над книгой о Вас. Она продвигается.

Трудно сказать, сколько она займёт времени, потому что пишу, когда выдаётся свободный час и когда пишется. Однако надеюсь завершить черновой вариант за зиму. После чего при возможности и если будет удобно Вам, мы с Лайлой можем спланировать поездку в Россию, чтобы Вы просмотрели написанное. Конечно, я привезу рукопись сам и полагаю, Вы захотите внести какие-то изменения.

Если получится написать по задуманному, книга сможет оказать определённое влияние. Взаимоотношения между нашими странами приоткрываются, но по-прежнему существуют огромные барьеры на уровне понятий. Любое прояснение в этом направлении, пусть даже небольшое, стоит того. Но прежде всего — это «плод любви», своего рода памятник душевной дружбе.

Несколько недель, проведённые в Техасе и Оклахоме, принесли очень приличные результаты. Получили новый материал из формаций Сан-

Анджело, Флауэр-Пот и Чикаша. Жаль, что мы не смогли проникнуть в более древние слои разреза. Теперь, как говорят наши бейсболисты, «уж в следующем сезоне...». Интереснее всего новый хищный динозавр из слоя Чикаша, что примерно соответствует середине формации Флауэр-Пот. Скелет постепенно освобождают из породы, и становится видно, что сохранилась довольно большая часть. Тревожит только, что мы находили фрагменты челюстей и зубов в размыве, поэтому, боюсь, зверюга по «закону Олсона» умерла и захоронилась головой в сторону формирующегося оврага. Похожа на пеликозавра, но, судя по уже вскрытому, может быть переходной формой к фтинозухам. Увидим.

В настоящий момент наш факультет переживает муки переезда. Моим основным вкладом на посту председателя было слияние ботанического и зоологического подразделений в общее биологическое. Группе палеозоологии позвоночных удалось добиться с приложением некоторых усилий нового помещения в спокойной части кампуса. Теперь вся наша группа — студенты, техник и сотрудники — будет вместе. Это будет здорово. Однако переезд пока не способствует проведению исследований.

Питер Вон провёл лето на раскопках прежнего карьера в Пенсильвании с большим успехом. Обеспечил всем напряжённую работу по извлечению материала из породы на несколько месяцев.

Так или иначе, вернуться в Калифорнию было приятно. Нам тут по-настоящему нравится. Я, вероятно, уже писал, что по завершении срока руководства у меня прибавится свободного времени. Можно будет больше уделить занятиям со студентами, что я делаю с удовольствием. В этом году, как до некоторой степени и в минувшем, делать это проще, поскольку волнения на кампусе в значительной мере улеглись, и можно заниматься без особых помех.

Науке сейчас достаётся от публики за то, что ей не удалось сделать все сказки былью. Распространяются сомнения в предоставлении свободы исследований тем, кому выделена финансовая поддержка. Гораздо сильнее стало требование достижения выгоды (как она понимается) для человечества в краткосрочной перспективе. Несомненно, существует такая настоятельная необходимость, поскольку мир несётся к энергетическому кризису. Но нацеленные на непосредственную скорую выгоду решения вряд ли тут помогут.

До меня доходят сведения, что вашей стране грозит «автомобильный взрыв». Надеюсь, он вас минует. Но если всё же накроет, то надеюсь на обнаружение какого-то способа победить образование смога от выхлопных газов. Недавно, приехав в Миннесоту и выбравшись там на природу, я был неприятно поражён, увидев повисшее над Миннеаполисом плотное облако желтоватого смога (туман в смеси с автомобильными выхлопами и выбросами электростанций), как и над Лос-Анджелесом временами. Уже угодив в такую ситуацию, приходится прилагать массу усилий, чтобы из неё выбраться. Но это следует сделать.

Не знаю, вернулись ли вы уже с женой в город. Вероятно, в воздухе ощущается осенняя прохлада. У нас здесь тоже повеяло прохладой, что весьма непривычно для этого времени года. Но тут погода явно привязана к каким-то переменам в океанических течениях, чьи капризы пока никто не способен учесть.

Мы с Лайлой чувствуем себя хорошо. Она — чудесный помощник в поле, работает кайлом и лопатой наравне с остальными, а в семь вечера ложится и спит до утра. У меня тоже на удивление какой-то прилив сил, могу работать дольше, чем несколько лет назад. Наверное, впадаю в детство. Сейчас строю полузакрытую террасу на нашем заднем дворе из бетонных плиток. Для этого нужна энергия.

Прошлой весной мы с Лайлой решили вспомнить моё увлечение юности — я коллекционировал бабочек. Собрали вполне приличную коллекцию, но, как часто выходит, дела накатили. Но это интересное занятие для отдыха.

Вот сколько понаписал, хотя и почти ни о чём. Надеюсь, Ваше здоровье держится на приличном уровне. Передавайте привет Вашей жене, а также остальным членам семьи и моим знакомым при встрече.

Очень надеюсь, что книга напишется, и мы сможем увидеться в не столь далёком будущем.

Наилучшие пожелания,
Всегда Ваш близкий друг
Эверетт Олсон
Оле

Перевела Лариса Михайлова

69 Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

Пелэм, Массачусетс
15 сентября 1972 г.

Dear Prof. Efremov,

Quite a brief note to tell you book on the Astrachan Wildlife Sanctuary arrived on Sept. 12th (which was our 48th wedding anniversary). The pictures are lovely and we thank you very much.

I am sure you find reading English script difficult. Next time I'll try to use the typewriter.

I hope you both have had a pleasant summer. We go to England on Sept 24.

Best wishes from us both —
Ruth Romer

Дорогой профессор Ефремов!

Очень короткая записка, чтобы сказать Вам, что книга об Астраханском природном заповеднике пришла к нам 12-го сентября (как раз в день 48-летия нашей свадьбы). Фотографии чудесны, и мы благодарим Вас за подарок.

Уверена, что Вам нелегко разбирать мой почерк. В следующий раз я постараюсь использовать печатную машинку.

Надеюсь, что Вы приятно провели лето. Мы едем в Англию 24-го сентября.

Наилучшие пожеланиях от нас обоих —
Рут Ромер

Перевела Марина Степанова

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 70

Ново-Дарьино
17 сентября 1972 г.

Дорогой Георгий Константинович!

«Ашрам» Ново-Дарьино вовсе не годится для этой категории убежищ, хотя он послужил мне неплохо в адское лето этого года, когда солнце взбесилось и испорченная нами природа вокруг города стала мстить.

Вы уже посещали меня здесь в прошлом году, так что Вы отлично знаете расположение этого академического посёлка близ ст. Перхушково Белорусской жд. Я с прошлого года переменил только дачу: не № 32, на которой вы были, а № 69 (вдовы академика Ферсмана).

Я побуду здесь, ежели позволит погода, примерно до 25—27сентября, а если ударят дожди, то и раньше переберусь в город.

Буду очень рад Вас видеть и на даче, и в городе. Когда приедете, то сначала позвоните (и не один раз) на городскую квартиру (135-90-78) и, убедившись, что никто не подходит и мы на даче, приезжайте сюда.

Я очень доволен, что вы получили приглашение от Павла Фёдоровича Беликова. Это человек весьма достойный и огромных познаний в том, что нас с Вами интересует. Разумеется, накопилось много разных соображений, которыми хотелось бы поделиться с Вами. Поэтому, ежели не удастся заехать ко мне — «туда», постарайтесь на пути «обратно». Таиса Иосифовна и я — оба шлём Вам душевный привет и самые светлые пожелания.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 71

Ново-Дарьино
17 сентября 1972 г.

Многоуважаемый Анатолий Федорович!

Давно не писал Вам и не слыхал от Вас ничего. Теперь после адского лета наконец наступила нормальная осень, пора возвращаться в город и приниматься за дела.

Между нами девушками, мне тут придётся сочинить небольшую записку о делах с фантастикой. Как обстоят Ваши дела в Институте? Если Вы заинтересовались чем-то новым и решили оставить неблагодарную почву фантастики, не откажите отписать. А может быть, стоит упомянуть, что в таком-то ин[ститу]те, где такой-то начал весьма успешную работу по исследованию советской фантастики, по велению дирекции и без должного понимания теперь эта работа прервалась? Буду весьма обязан, если дадите совет, нужно это Вам или уже не нужно, дабы излишним усердием Вам не напортить.

В одном из стародавних писем Вы сообщали, что нашли портрет Нагродской и даже вместе с дочерью. Удалось ли Вам сделать фотокопию? Или в сумятице дел не сыскалось времени? Может быть, есть смысл мне прислать Вам некую сумму, чтобы поручить какому библиографу сие исполнить? Попутно оному библиографу можно будет заказать работу такую: для собрания сочинений изыскать и перепечатать некоторые статьи из газет и журналов (мои), а до

того — составить библиографию? Мне думается, что в Ленинграде с приработками более туго и легче найти порядочного человека, чем в избалованной заработками Москве.

Нет ли в Вашем институте под рукой собрания сочинений Грановского (историка) примерно семидесятых годов прошлого века (не знаю, были ли более поздние издания). В первом томе якобы есть очерк об Александре Македонском и якобы — блестящий (сообщение одного учёного читателя).

И был бы ещё очень признателен, если бы можно было извлечь и послать мне роман Лидии Чарской «За что?»[1]. Здесь в Ленинской его не дают на дом — «архивный экземпляр» (как будто нельзя сделать фотокопии всех архивных и ветхих книг!).

Как Вы пережили тяжёлое лето с огромными пятнами на бушующем солнце?

С душевным приветом от Таисы Иосифовны и меня.

Ваш
И. Ефремов

72 И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Ново-Дарьино
17 сентября 1972 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Давно не писал Вам, укрываясь от адского лета на даче. Теперь погода стала нормальной осенней, и пора перебираться в город и браться за дела.

Скоро у меня поспеют заново перепечатанные экземпляры «Таис», я их переплету и пошлю Вам. Хотелось бы, чтобы Вы прочли не в сокращённом варианте журнала, а полностью, как должно быть в книге. С изданием книги пока ещё вопрос открытый, но что уже заведомо известно — это то, что «Таис» исключили из собрания сочинений. Мотивировка: собрание сочинений состоит только из вещей, уже издававшихся и «имеющих прессу». На моё возражение, что к тому времени, как будет печататься последний том, «Таис» будет иметь прессу и двукратно издана, мне ответили, что так то так, но решать вопрос о подписке им надо сейчас... поговорите Вы с чиновниками, озабоченными лишь тем, как бы не сделать службистского упущения.

В итоге — будет подписка не на шеститомник, а на пятитомник, и не на 300 тысяч, а на 200. Единственно положительный момент — пятитомник обязаны издавать в два года, а не в три. Больше шансов дожить...

У меня к Вам большая просьба — в Ленинграде вышла книжка некоего Урбан «Фантастика и наш мир» (Сов[етский] Писатель, Ленигр[адское] отд[еление]). Нельзя ли как-нибудь издобыть её мне? При тираже в десять тысяч не дойдёт до Москвы.

Я пытался достать также изданного в Ленинграде Наппельбаума «Искусство портрета», где якобы есть и мой, времён 1935 года, но при тираже в 25 тыс[яч] ничего в Москве не продавалось!

[1] Автобиографическая повесть Лидии Чарской.

Давно не знаю ничего о В. И. Он был в Ирпени, судя по Вашему письму, но оттуда никаких вестей не подал. Если он уже вернулся в Ленинград — не откажите передать поклон.

Сердечный привет Вам от Таисы Иосифовны и меня. Будьте здоровы!

Ваш
И. Ефремов

Е. С. ЗВАНЦЕВА — И. А. ЕФРЕМОВУ 73

24 сентября 1972 г.

Дорогой Иван Антонович,

открыточку Вашу я прочла только после возвращения из деревни. Конечно, лето было тяжкое, нерабочее, а времени всё-таки упущенного жаль: нужна живая деталь, от которой всё засветится и заиграет. Без неё книга не начинается, сколько я ни пробовала.

Дело осложняется тем, что я получила возможность писать пособие по детской литературе для вузов. Я давно хотела заняться этим. Летом я думала начать книгу о Вас, и потом, когда она уже покатится по рельсам, приняться и за пособие. Теперь же придётся работать на два фронта.

Ну, было бы что писать.

Сейчас я хлопочу о командировке и надеюсь получить её в октябре, дней на 7—10. Прошу Вас подготовить к этому времени обещанные материалы — и словесные, и наглядные. К концу декабря надеюсь подготовить заявку и отрывок из книги, чтоб сдать в «Детгиз».

Как Вы и Т. И. чувствуете себя, как пережили это лето?

Как с печатанием «Таис» отдельной книгой?

Привет Таисе Иосифовне.

Будьте здоровы.

Званцева

Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 74

27 сентября 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Спешу ответить на Ваше письмо. Только что дозвонился до Урбана. Он сразу же пошлёт Вам книгу, как только появится тираж. Пока были только контрольные экземпляры, а в продажу она поступит позднее.

«Таис» будем ждать с нетерпением. Очень хочется прочесть полностью. Нас, признаться, обеспокоил ничем не мотивированный перерыв в публикации, т.к. «Молодая гвардия» в прошлом уже выкидывала подобные фортеля. К счастью, волнения улеглись с появлением следующего номера. Кроме того, удивило отсутствие «Баурджеда» в перечне Ваших произведений, входящих в пятитомник. Думаю, здесь просто недосмотр, и «Великая дуга» не будет разрушена.

«Искусство портрета» Наппельбаума буду искать и закажу в Лавке писателей.

Нашу с В. И. статью всё же обнаружили в издательских завалах и извинились телеграммой.

«Космос и палеонтология», несмотря на малый объём, кажется мне работой очень значительной. Думаю, что её непременно следовало бы представить в Вашем пятитомнике как теоретическую основу Ваших художественных построений.

Желаю Вам всего доброго.

Сердечный привет Таисе Иосифовне.

Ваш
Е. Брандис

75 В. А. МИЛАШЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Москва
1 октября 1972 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Я тотчас по получении Вашего письма ответил Вам, а потом мне показалось, что «не те слова» написались, и вот через несколько дней я пишу заново!

Богданова-Бельская — фамилия по мужу, но к художнику она не имеет отношения.

Сын её сейчас доктор каких-то наук и называется просто Богдановым. О похождениях его мамаши вряд ли ему приятно будет читать, да и друзья матери просили изменить фамилию. Я изменил её тоже на фамилию эпохи Ивана Грозного.

Да! Я постарше Вас! Когда в 1917 годы Вы были десятилетним мальчиком, я уже был офицером Царской Армии. Так что видел всё ясно!

Насчёт Одоевцевой... Уже после начала нашей переписки прибыл в Москву молодой человек — сотрудник музея города Ленинграда-Петрограда! Он отобрал у меня несколько работ (акварели), Петроград 1920—23 г., и забрал ряд портретов писателей, в том числе и Одоевцеву. Я даже не успел её заснять. Если её там не купят, она вернётся назад.

А вообще, мне бы очень приятно было, если бы мы заключили с Вами, как теперь говорят, персональное знакомство. К телефону я не подхожу, т.к. я плохо слышу механические звучания... Мою жену зовут Ариадна Ипполитовна, как видите, Эллада в квадрате! Наш номер телефона 2236735. Я ведь нахожусь в состоянии полуздорового, полубольного...

Но однако считал бы за счастье посидеть вечерок с Вами.

Кроме того, что «идея» взглянуть на нашу эпоху и её особенности как на «древнюю историю» меня восхитила, писать больше не буду, т.к. не прочёл всего! Я немного и лингвист-самоучка. Это моё хобби. Есть и кое-какие догадки в этой области. Меня заинтересовал метод, которым Вы пользовались, выдумывая имена!

От тех, доисторических, архаических наших эпох «новым землянам» достаются имена несколько усечённые, сокращённые по форме, но где-то и сохранившие старую форму звучаний!

«Родис» поэтому хорошо выдумано, оно является отзвуком глагола Родить, а слово «Родить» очень новое слово, в архаические времена в палеолите оно звучало как: Городить...

А город-град — был не населённым пунктом, а fall'ом! Виноград, град-ледышка — всё образы fall'а. Смешно, не правда ли!

С искренним уважением и восхищением,
В. Милашевский

А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ

76

Ленинград
28 сентября — 2 октября 1972 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Посылаю Грановского (очерк об А. М.[1] действительно блестящий, как и вообще всё, написанное Г.). Чарской в ИРЛИ нет, постараюсь извлечь для Вас из БАН. Человека, Вам необходимого, нашёл — работника нашей библиотеки Нину Александровну Колобову. Она всё сделает в наилучшем виде. Чтобы не откладывать в долгий ящик, уточните, какие именно статьи следует ей перепечатать и в скольких экземплярах, какой мыслится Вам библиография, предназначается ли она для печати или для внутреннего потребления, включает зарубежную критику или нет, либо же речь идёт только о Ваших произведениях? Я поделюсь с ней своими библиографическими запасами. Может быть, Вам удобней написать ей письмо, где будет уточнено задание и оговорены условия? С фото Нагродской я, извините, просто запамятовал, замотавшись в делах научных. Никаких ассигнований не надо — деньги пустяковые, в октябре выйду из отпуска и закажу копии.

Посылаю также корректуру обзора изучения НФ. Если необходимо, с ней можно ознакомить (либо на неё сослаться) тех, кому предназначена Ваша Записка.

Из обзора явствует, что «фантастоведение» у нас сложилось, но так как побудительным стимулом были больше обстоятельства внелитературные, то нынче, когда новизна выхода в космос, открытий в физике и т. п. несколько поугасла, резко сказалось по-прежнему снобистское отношение литературоведов, дирижирующих нашим цехом, к НФ как явлению искусства. В их глазах НФ — полухудожественная литература, — и всё тут.

Вот почему кроме меня НФ занималась только Н. Чёрная (институт литературы им. Шевченко АН УССР), автор большой монографии (см. обзор). Ныне нас обоих отставили от НФ. Летом на моей переаттестации зав[едующий] отделом советской литературы ИРЛИ проф[ессор] В. Ковалёв на мотивированную письменную просьбу развивать тему моей монографии отрезал: «Хватит нам фантастики». Сам же всю жизнь пишет про одного Л. Леонова. В обоих литературных институтах Союзной АН десятки людей дублируют друг друга по давно исхоженным тропам. Наш ИРЛИ запустил — на много лет — в производство сокращённую Историю русской литературы в 4-х томах (недоносок по сравнению с 10-титомной 50-х годов), несмотря на резкие протесты ведущих учёных, указывавших, что это не работа для такого мощного коллектива.

Итак, из 400 (примерно) научных сотрудников ИМЛИ и ИРЛИ «злоупотреблял» НФ (да и то — в прошлом) один Ваш покорный слуга. И это — при неослабевающем идеологическом натиске в этой области с «той» стороны.

Удивляться нечему: академик-секретарь Отделения литературы и языка М. Храпченко в одной из своих статей (см. обзор) ни больше ни меньше, как отлучил советскую НФ от соцреализма. Из «теоретических» соображений.

Мотивировать насущность создания группы по изучению НФ следовало бы многоэтажно (едва не написал: многоэтажным матом...) Во-первых, никто не контролирует самодеятельные упражнения в этой области. Никто не

[1] Александре Македонском.

централизует изучение жанра, который является наиболее массовым (после детектива), поистине народным, в современном значении этого слова. Никто не ответствен за изучение жанра, который единственный в советской литературе ставит своей задачей показать коммунистическое будущее как реализованный наш идеал. Отсюда и безответственный талмудизм с соцреализмом, в результате которого идеологичнейший жанр массовой художественной литературы отдаётся на съедение кому угодно — от истерички Громовой до идейных противников, безнаказанно утверждающих, например, что в советской литературе возрождается антиутопия (есть такая статейка в белогвардейском журнальчике, и её герои — братья Стругацкие).

Организация специальной группы диктуется и чисто научными соображениями. НФ — специфическое художественное явление, резко отличное от «реалистических» видов и жанров, отсюда и существенно иные подходы, требующие исследования на стыке с такими далёкими от «реалистического» литературоведения дисциплинами, как прогностика, т. е — особой подготовки литературоведа. Было бы не по-государственному терять кадры, которые уже специализировались самодеятельно. К тому же советскую НФ следует изучать как явление многонациональное, а также — в тесной связи с зарубежной. Это — объект комплексный и перспективный не только новизной материала, но и методологически (см. обзор).

Практически такую группу можно было бы создать, например, в ИРЛИ, даже без дополнительных ассигнований, за счёт ставок хоть той до сих пор не состоявшейся группы по изучению зарубежных восприятий русской литературы, которая была у нас объявлена более чем полгода тому назад. По сей день 4 или 5 ставок, выделенных на эту глупую затею (у нас и без того есть сектор зарубежных связей, которым руководит акад[емик] М. Алексеев, а он, по всей видимости, не желает конкурента в лице членкора Реизова, в единственном числе представляющего задуманное параллельное подразделение), ставки эти заморожены.

И, наконец, последнее: идею по организации группы по изучению НФ следует адресовать не Отделению литературы и языка (которое в лице М. Храпченко её непременно похоронит), но президиуму АН, где возможна поддержка физиков, биологов, философов, тем более, что их поддержка (Ин[ститу]та истории естествознания и техники, Ин[ститу]та философии и др.) потребуется и в дальнейшем.

Группа могла бы быть придана небольшому сектору теоретических исследований ИРЛИ, руководимому членкором А. Бушминым, по крайней мере, признающим ценность НФ.

Конечно, я забегаю вперёд и хватаю шире той задачи, которая стоит перед Вами. Но, может быть, Вы сочтёте уместным отразить в Записке кое-что из вышесказанного. Если не сделать попытки делового, практического подхода уже сейчас, по представляющемуся случаю, то когда ещё доведётся поднять этот вопрос?

Состояние духа минорное. Книга вышла 2 года назад, а до сих пор отношение к ней в ИРЛИ у начальства такое, что заговаривать о перспективах защиты диссертации не могу. Попытки приватно прозондировать почву в других учёных советах (Москвы, Тарту, Саратова, Киева) пока безрезультатны. Преобладающий мотив: а почему не у себя? И трудно объяснить, что кроме «отношения» к НФ, директор видеть меня не может за то, что «помог» ему схлопотать выговор от райкома партии за неудовлетворительное выполнение постановления ЦК КПСС

в области общественных наук. Докторскую диссертацию моего соратника по этой истории год назад у нас уже провалили, а толстовцем быть мне что-то не хочется.

Таковы мои дела.

Пожаловаться в ЦК, что ли, как принято было в старину? Но не моя это стихия — не умею.

Вообще-то я не ною, но сейчас — к случаю.

Кланяйтесь Таисе Иосифовне. Рад, что Вы благополучно перенесли адское лето. Желаю Вам всех благ.

Ваш
А. Бритиков

Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 77

Кузнецк
3 октября 1972 г.

Дорогой Иван Антонович!

Спасибо за письмо. Сразу не ответил, так как хотелось уточнить время выезда из Кузнецка. Теперь это число определилось — 20 октября вечером, следовательно, в Москве буду 21 утром... Возможно, П. Ф. побывает у Вас до этого срока, т.к. он намеревался быть в Москве с 5 по 12 октября, в этот период в Институте Востоковедения состоятся научные «чтения» в честь Ю. Н. Рериха.

К Вам обязательно зайду и «туда», и «обратно», так как хотелось бы посоветоваться по ряду вопросов, их накопилось у меня для П. Ф. несколько десятков. Все вопросы после чтения 2-й части «Мира огненного» и «Сердца»... Ну, а на обратном пути расскажу результаты. Интересно, что он имел личные контакты с Н. К. Р.

Итак, до скорой встречи —

Сердечно Т. И. и Вам
Портнягин

Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ[1] 78

Кузнецк
7 октября 1972 г.

Дорогая Таис Иосифовна!

Весть об уходе Мудрого Духа из жизни на Земле в Мир светлых мыслей, Мир Огненный вызвала сердечную печаль...

Все мы, кто знал Его лично или через Его книги, продолжаем осмыслять его мысли как советы Вестника будущей цивилизации, как Проводника, озаряющего нам жизнь в этот период тяжёлой духовной борьбы, как Старшего Брата и Учителя.

Никогда не забуду Его сравнение себя с тяжёлым броненосцем, подорванного в бою жизни, но смело идущего вперёд. Так оно и есть, и его мысли будут продолжать сражаться за Светлый Мир Будущего. Его — первого президента Академии Горя и Радости.

[1] Публикуется по черновику из личного архива Г. К. Портнягина.

— Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего, — говорил Н. К. Рерих.

Эту почётную и прекрасную работу постоянно творил и продолжает творить Иван Антонович!

Пусть благословение Милостивого будет на Вас.

79 З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ

Нью-Йорк
9 октября 1972 г.

Dear Professor Efremov:

Let me thank you most heartily for a duplicate copy of your book The Hour of the Bull which came the other day.

I deeply appreciate your kindness in sending me this book, which I read with great interest and intend to give to those of my friends who are interested in science fiction. I have already learned that some of them are well acquainted with your books and are admirers of yours.

And now I would like to send you in turn a book entitled The Foundation Trilogy by I. Asimov, which is known as "three classics of science fiction". I would have done it long ago, but I do not know whether you already possess this book and are acquainted with this widely known author of science fiction in this country. If you can drop me a few lines and tell me whether you do not have it as yet, I will immediately send it to you.

I wish to express again my deep interest in your books, which cover so many facets of the present life and the life to come and which therefore are of absorbing interest to me.

With best greetings,
Sina Fosdick

Дорогой профессор Ефремов!

Позвольте от всего сердца поблагодарить за присланный Вами второй экземпляр Вашей книги «Час Быка», пришедший по почте позавчера.

Я глубоко ценю Ваш щедрый дар — книгу, которую я прочла с великим интересом и намерена давать друзьям, которые интересуются научной фантастикой. Я уже узнала, что некоторые из них хорошо знакомы с Вашими книгами и являются Вашими почитателями.

Теперь я бы хотела послать Вам в свою очередь книгу Айзека Азимова «Трилогия Академии», все три части которой — признанная классика научной фантастики. Я бы давно отправила её, но вдруг она уже есть в вашей библиотеке и вы знакомы с творчеством известнейшего в этой стране фантаста. Если бы Вы черкнули пару строчек и сообщили, что такого издания у Вас ещё нет, я сразу же пошлю.

Снова хочу выразить глубочайший интерес к Вашим книгам, которые затрагивают такое количество сторон жизни современности и будущего, что от них невозможно оторваться.

С наилучшими пожеланиями,
Зина Фосдик

Перевела Лариса Михайлова

Е. П. БРАНДИС — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 80

23 октября 1972 г.

Дорогая Таиса Иосифовна!

Думаю постоянно, как Вам трудно и тягостно, и не могу найти слова утешения. Все мы без Ивана Антоновича осиротели — почувствовали зияющую невосполнимую пустоту. Разумеется, все те, кто осознавал значение его творческого подвига, кто разделял его идеи и понимал величие духа этого огромного Человека. И если бы его жизнь продлилась хотя бы ещё несколько лет, мы, единомышленники Ивана Антоновича, продолжали бы видеть в нём своего знаменосца. Может быть, пишу не то, что следовало бы в эти траурные дни, может быть, нахожу не те слова, но пишу Вам от всей души, полностью разделяя ваше горе.

Я хотел приехать на похороны, собирался выехать в тот самый день, когда состоялась кремация, никак не предполагая, что всё произойдёт так быстро. Но, может быть, это и верно. Сейчас нам с В. И. предстоит написать статью-некролог для венгерского журнала, будем перерабатывать и дополнять «Через горы времени», будем делать всё, чтобы наши современники поняли, кем был в действительности Иван Антонович и кого они потеряли.

Желаю Вам от всей души справиться с Вашим огромным горем, не потерять жизненных импульсов, сохранить и здоровье, и самообладание, необходимые не только для Вас самой и близких Вам людей, но и для Ивана Антоновича, который будет для Вас всегда живым. Ведь Вам, именно Вам, насколько я понимаю, предстоит теперь большая и очень ответственная работа, которая ежеминутно будет Вам напоминать о его светлой жизни и его огромном созидательном труде.

Если с моей стороны понадобится какая-либо помощь и содействие, знайте — я всегда к Вашим услугам.

Душевно Ваш *Е. Брандис*

Е. П. БРАНДИС — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 81

12 ноября 1972 г.

Дорогая Таисия Иосифовна!

Неожиданно я получил от незнакомого человека, некоего Андрея Ильича Багаева из Свердловска, ценнейший библиографический труд — библиографию научных трудов, художественных произведений и всех зарегистрированных в книжной, журнальной, газетной летописях выступлений Ивана Антоновича в печати, а так же статей, рецензий на его сочинения[1]. Достаточно сказать, что библиография Багаева содержит 382 записи всего, что издано на территории СССР. Из его свода я почерпнул для себя много нового, невольно пропущенного, несмотря на мою библиографическую дотошность и стремление охватить больше материалов.

Мне думается, поскольку Вы хранительница его наследия и, вероятно, ведёте библиографию, Вам было бы интересно и полезно ознакомиться с трудом Багаева. Он прислал мне его чётко переписанным от руки, вложив и в составление, и в переписку огромный труд, и потому я не могу доверить его почте. Если Вы захотите посмотреть эту рукопись, быть может, перепечатать или сделать вы-

[1] Работа А. Багаева «Материалы к библиографии И. А. Ефремова» напечатана в антологии фантастики и приключений «Поиск—80». Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. С. 357—366.

писки, я дождусь подходящей оказии или собственной поездки в Москву. Только, пожалуйста, дайте мне знать. Получение этой огромной, бескорыстно проделанной работы тронуло меня до слёз. Скажите, какие у Вас новости и есть ли какое-нибудь продвижение с изданием «Таис»? Когда собираетесь в Ленинград?

Желаю Вам всего лучшего и доброго.

Ваш *Е. Брандис*

82 Др. ШРЕЙНЕР и ФЕРЕНЦИ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Будапешт
23 декабря 1972 г.

Товарищу И. ЕФРЕМОВУ
Москва

Уважаемый Товарищ Ефремов!

Имеем честь сообщить Вам, что издательство КОШУТ на днях выпустило Ваше произведение «Час Быка» в свет в переводе на венгерский язык в г. Будапеште. Одновременно направляем Вам отдельной бандеролью 5 авторских экземпляров из тиража нового венгерского издания. Надеемся, что это издание доставит Вам удовольствие.

Выплата полагающегося Вам гонорара производится через посредство ВУОАП.

С полным уважением: *Др. Шрейнер Ференци*

83 Т. И. ЕФРЕМОВА — Е. П. БРАНДИСУ

30 декабря 1972 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Спасибо Вам большое за книгу и тёплое письмо и простите, что не смогла Вам написать сразу.

До сих пор не могу поверить, да и не хочу верить в случившееся. Всё кажется, что Он здесь: только уехал ненадолго. Разум понимает всё, а сердце не хочет.

Вы, наверное, слышали от В. И. о событиях, которые произошли у меня. Как много ещё клеветников и завистников на земле, которые мешают жить и не оставляют в покое ушедших. К сожалению, им пока верят больше, чем честным людям.

Может быть, Вы будете в Москве, пожалуйста, приходите, буду очень рада.

Разрешите Вас поздравить с Новым Годом. Доброго Вам здоровья и Всего Светлого в Новом Году.

С искренним уважением, *Т. Ефремова*

84 Т. И. ЕФРЕМОВА — П. Ф. БЕЛИКОВУ[1]

Декабрь 1972 г.[2]

Дорогой Павел Федорович!

Спасибо Вам за память и тёплые слова утешения. До сих пор не могу поверить в случившееся. Всё кажется, что это произошло с кем-то, а он здесь со

[1] Поздравительная открытка.
[2] Датируется по содержанию.

мной, рядом. И он помогает мне бороться с испытаниями, которые через месяц после его ухода обрушились на меня. К сожалению, ещё очень много людей, которые отравляют жизнь живым и хотят даже ушедшим напакостить, их светлой памяти. Вот и мне пришлось доказывать, что мой Рама чист перед всеми. Его книг, в которых он весь, им, видимо, мало. Судьба рано разъединила нас — всего 65, так жестоко, но, может быть, она будет милостива ко мне — поможет скорее встретиться, но только после завершения всех его дел и выполнения его просьб, которые были в его завещательных письмах.

Простите меня, что я всё это написала на поздравительной открытке.

Всего Вам доброго и Светлого в наступающем году.

Сердечно Ваша. *Т. Ефремова*

P. S. Будете в Москве — пожалуйста, приходите.

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. И. ТИЩЕНКО[1]

Москва
2 января 1971 г.

Многоуважаемый товарищ Тищенко!

К сожалению, я не видел Ваших произведний и ничего не могу сказать, насколько они нравятся мне самому. «Техника — молодёжи» подарила мне несколько картин из конкурсных, но Ваши, очевидно, потому, что они хорошие, редакция оставила себе.

Вне зависимости от того, понравятся мне ваши иллюстрации или нет, должен пояснить Вам, что автор не властен над художественно-оформительской редакцией, иначе у нас было куда меньше в полном смысле слова отвратительных рисунков в научной фантастике. Я могу, конечно, отказаться наотрез от не понравившегося мне художника, но по большей части дело проводится так, что такой отказ задержит выход книги на целый год, а то и более.

Это я пишу Вам к тому, чтобы Вы не испытывали разочарования, если мне понравятся ваши рисунки, а издательство не закажет Вам иллюстрацию книги. Автор — куда менее могуществен, чем это представляют себе (из добрых чувств) его читатели.

Вероятно, было бы хорошо, если бы Вы прислали мне черно-белые фотографии нескольких Ваших рисунков, хотя из бы перечисленных Вами в письме трёх премированных: Эрга Ноора, жительницу Тукана и фторного человека. Если есть фотокопии ещё других — пришлите тоже, не очень много — ну, пять-шесть. Тогда я буду иметь суждение и смогу разговаривать с редакцией, которая собирается вскоре переиздавать «Туманность» и «Сердце Змеи». Конечно, чёрно-белая фотография — это не цвет, но привычный глаз может оценить творчество для самого первого разговора.

Только что вёл борьбу за рисунки одного художника с Украины, но безрезультатно, хотя он прислал мне эскизы в красках для «Ойкумены» и, на мой вкус, хорошие.

Спасибо за пожелание — это мне нужно, так как сердце не поправляется.

С искренним уважением, *И. А. Ефремов*

---

[1] Письмо даётся не в хронолоогическом порядке, т.к. было выявлено после завершения вёрстки.

Письма без датировки

1 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[1]

Москва

Дорогой Борис!

Конечно, терзания по поводу промахов или благоглупостей, совершённых в жизни или на бумаге — это неотъемлемое свойство юности. Но всё же об этом свойстве надо помнить и относиться к нему диалектически, т.е. не переоценивать его места в жизни. В том, что Вы пишете мне — подчас и неверно и противоречиво, подчас очень метко и верно — в этом жизнь, живая Ваша душа, растущая, ищущая, спотыкающаяся и взлетающая. И в этом её движении — самое ценное в Вас, почему и подружились мы с Вами заочно, и почему продолжается переписка. Если же попробуете, быв в Москве, не зайти ко мне — то (самому уже, наверное, не справиться) поручу своему сыну и его другу (один боксёр, другой — борец) оторвать голову, т.к. она Вам явно не будет нужна.

Посылаю образец фото, чтобы имели представление обо мне в последнее время.

До марта буду в санатории, но Вы можете писать — пересылают.

С приветом и уважением,
И. Ефремов

2 И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО[2]

Дорогой Борис!

Поздравляю с наступающим праздником!

Сейчас я занят выше всех прежних пределов — юбилейная сессия Академии Наук с иностранцами и т. д. Напишу Вам подробно после праздников. Но, если адрес у Вас будет переменяться, то Вы заранее предупредите — сразу, как только узнаете, пишите хоть бы открытку, т. к. если я пошлю книгу, то жаль, что она пропадёт.

С приветом,
Ваш *И. Ефремов*

---

[1] Почтовая открытка: Пик Победы. Фото С. Шиманского.

[2] Почтовая открытка «Кустарные изделия Индии»: статуэтка девушки и двух оленят из слоновой кости.

А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Поздравляю Вас и Таису Иосифовну с Новым годом, желаю Вам новых удач (особливо издательских!), а всем нам повышения в цене фантастики и снижения цен на коньяк и прочие первые необходимости. Пусть ширится кольцо — Великое кольцо — ефремовцев и сгинет «ничитожная кучка» громовцев. Хотя последняя, чёрт её побери, пухнет, недавно ВАК прислал на контрольный отзыв диссертацию Тамарченко (не так давно была его статья в «Воплях»), очень смутное произведение, а я не Веда Конг...

Крепко жму руку.
Ваш *А. Бритиков*

И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 4

1960-е гг.

About your environmental problem, you have asked me personally if I have that very sort of slant that there is a real spiritual difference between intelligent men of different races. On low levels it is non-significant (more or less low difference) and vice-versa, more high-more real difference and misunderstanding. Therefore all demagogy and cry about equality (especially in managing and government) and it is the biggest mistake of our time. So I think affairs will be worsened every year because of childish minds that cannot understand that simple law, which so clearly understood our fathers: rights inevitably suppose the responsibility (no responsibility — no rights). The quantity of unresponsible men increased very rapidly together with the appalling demands of rights. And this hook is very dangerous for every government which came on the path of false liberty. But I hope to discuss the very important and significant matter with you in person.

I. Efremov

Что касается вашей проблемы среды — Вы интересуетесь моим личным мнением, желая уточнить, не склоняюсь ли я к признанию разницы в духовном развитии между умными людьми различных рас. На низших уровнях — она незначительна (более-менее), но чем выше уровень развития — тем сильнее различие и непонимание. Поэтому демагогические вопли о равенстве (особенно в управлении экономикой и государством) — величайшая ошибка нашего времени. Отчего я ожидаю ухудшения ситуации с каждым годом из-за незрелости умов, неспособных осознать простой закон, вполне ясный нашим отцам: права неизбежно влекут за собой ответственность (нет ответственности — нет и прав). Количество безответственных людей очень быстро выросло вслед за ужасающими требованиями прав. Всем правительствам, ступившим на путь ложных свобод, легко попасть на такой крючок. Но я надеюсь обсудить этот весьма важный вопрос при личной встрече с Вами[1].

И. Ефремов

Перевела Лариса Михайлова

[1] Э. К. Олсон пишет в книге, что такой разговор не состоялся, и прояснить, что Ефремов имел в виду, так и не удалось.

5 И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ

1960-е гг.

...For a long time I had hesitated between two professions, the sea and science. Once, during my service on the Caspian, I was returning to Baku by motor boat. The day was unusually serene and sultry. The sea was a sheet of opaque greyish-green glass; a fiery sun hung in the heavens. I was lying in the boat's prow and peering into the depths; the sunlight reached deep into the water, and in some places I could see the bottom at the depth of about 30 feet.

Suddenly I realized that I was looking down at the ruins of an inaccessible submerged town, at walls and towers, which slowly receded under the boat's keel. I already began to make out elusive outlines of streets and houses when the surface of the sea was ruffled by a breath of wind and the vision vanished.

Довольно долго я колебался, не зная, какую профессию предпочесть — моряка или учёного. Однажды во время службы на Каспии я возвращался в Баку моторкой. День был необычно тихий и жаркий. Море расстилалось вокруг полупрозрачным серо-зелёным стеклом, а в небе висел огненный шар солнца. Я лежал на носу лодки, вглядываясь в глубину; лучи солнца пронизывали воду очень глубоко, местами я различал дно на глубине 30 футов.

И вдруг я понял, что смотрю на развалины недостижимого подводного города, его стены и башни проплывали под килем. Я уже начал различать очертания улиц и отдельных домов, когда набежал ветер, сморщивший поверхность воды, и видение исчезло.

Перевела Лариса Михайлова

6 И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ПОГОРЕЛОМУ[1]

1960 или 1961 г.

Большая экспедиция палеонтологическая, которая должна сделать 20 тысяч км по Казахстану, выезжает 20 мая. Даже если бы Вам удалось договориться о запоздании, то всё равно надо быть там в июне. Следовательно, не подойдёт. Напишите, сославшись на меня, ст[аршему] [научн[ому] сотр[уднику] Палеонтологического Ин[ститу]та АН СССР (М[оск]ва В-71, Ленинский проспект, 33) Петру Константиновичу Чудинову, что Вам бы очень хотелось принять участие в предполагаемой у него экспедиции в Поволжье в течение июля-августа. Чудинов вернётся из отпуска через неделю, и Ваше письмо поспеет как раз к сроку. Если он почему-либо не поедет, то посмотрим что-нибудь другое, но ждите терпеливо (что, конечно, нисколько не мешает Вам и ни к чему не обязывает, если найдётся у Вас самого что-нибудь интересное).

С уважением:
И. А. Ефремов

[1] У письма отсутствует начало.

ЕФРЕМОВЫ — Н. А. ДМИТРЕВСКОЙ и В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 7

Дорогих Наталию Алексеевну и Владимира Ивановича поздравляем с праздником и желаем всему милому семейству прежде всего — здоровья, а затем и благополучия, всестороннего и длительного.

Ваши *Ефремовы*

И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 8

Многоуважаемая Галя!

Большое Вам спасибо за прекрасный подарок к Октябрьским праздникам — Ваши рисунки к «Туманности Андромеды».

Я был этим очень тронут. Рисунки в целом вполне хороши и безусловно Вы выросли как художник с тех пор, как посылали мне свои прежние рисунки. Мне очень нравятся лица героев, в них действительно есть нечто от людей будущего. Также в большинстве случаев хороши краски. Что мне не понравилось — некоторая манерность, невесть откуда подхваченная Вами: какие-то виньеточки, узорчики, портящие некоторые рисунки, в остальном смелые и хорошие.

Особенно мне (и жене) понравились: первый рисунок к «Железной звезде» (они мертвы, заморожены), заставка к «Эпсилон Тукана» (кроме нелепых виньеток вокруг головы красной девушки), первый рисунок к этой же главе, рисунок черного креста, очень хороша заставка и первый рисунок к «Реке Времени», хорошие, но слегка подпорченные виньетками «Симфония фа-минор». Очень хороши заставки к «Красным волнам». Композиционно и в цвете хороша танцующая Чара, безусловно хороши заставки к «Школе третьего цикла» и к «Тибетскому опыту» и первый рисунок к «Школе», заставки к «Острову Забвения», к «Стальной двери» и первый рисунок к ней же, очень хорош последний рисунок Мвен Маса.

Совсем неудачными я считаю статую женщины на Тукане, она диспропорциональна — большеголова и короткотуловищна. Та же непропорциональность есть и в Чаре (рисунок, а не заставка, где Вы изобразили великолепную фигуру). Явно неудачен рисунок Чары на волне, чудовищно неправдоподобная волна, приобретающая сходство с виньеткой. Неудачен рисунок к «Легенде Синих солнц» — виньеточное оформление голубой звезды и какие-то пушки вместо планеты. Не получился и рисунок тибетского опыта. Мне нравится рисунок к «Острову Забвения» в целом, но фигура девушки, хотя и выразительна, но диспропорциональна. Совсем не получились «Ангелы неба» — заставка ещё ничего, а рисунок — нет.

А в общем, я хотел бы, чтобы такими рисунками была иллюстрирована моя «Туманность», и не так уж много осталось Вам довести до полной законченности.

Попробуйте как-нибудь рисовать заставки монохроматически или тушью — у нас ведь не принято печатать цветные заставки.

Я не видел Ваших рисунков к повести Бердника, которую изругали в газете, а заодно и Вас немного, если увижу — напишу о впечатлении.

Желаю Вам всяких успехов. Художник из Вас может получиться интересный, если Вас не собьют на всякие там штучки. Привет Вам и Вашей маме от жены и меня.

С искренним уважением,
И. А. Ефремов

9 Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ

Уважаемый проф[ессор] Ефремов!

Посылаю Вам анкету[1], которую Planete делает по СССР. Мы очень хотели бы иметь Ваш ответ, особенно на вопрос № 1: изменения общества в СССР и № 2: наука в СССР.

Дружески,
J. Bergier

P. S. Видели вы в «Fantasy Science Fiction» статью Брандиса и Дмитревского против американской science fiction и ответ американцев?

10 А. З. ЗЕНОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

РЕШЕНИЕ
Исполкома Васильевского сельского Совета депутатов
трудящихся Октябрьского района Оренбургской области
от 13 мая 1965 года.
Об установлении мемориальной доски учёному-геологу
крупному писателю-фантасту Ефремову Ивану Антоновичу.

Исполком Васильевского сельского Совета решил:

Учитывая выдающийся вклад в советскую науку, писательскую и общественную деятельность, установить мемориальную доску в пос. Горном на доме, где жил И. А. Ефремов со следующим текстом: «Здесь жил учёный-геолог Иван Антонович Ефремов. /1929—30 гг./ Дата установления — май 1965 г.

Шефство над мемориальной доской возложить на учительский и ученический коллектив Горной школы.

Председатель с/с
П. М. Кобозев

В нашем совхозе мемориальная доска сл[едующего] содержания

«Здесь жил в 1920—30 гг.
учёный-геолог,
писатель-фантаст
Иван Антонович
Ефремов
1907—1972 гг.»

Мемориальная доска торжественно открыта в 1976 году.

---

[1] Анкету пока обнаружить не удалось.

Письма из архива Т. И. Ефремовой после 1972 года

У. БОРСТОРФФ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1

Рагун, ГДР
27 марта 1973 г.

Werter Iwan N. Jefremow!

Ich schreibe im Auftrage meiner Klasse an Sie. Wir haben im Deutschunterricht einen Auszug aus Ihrem Buch «Der Tod in der Wüste» gelesen und darüber diskutiert, wobei die Frage auftauchte: Gibt es überhaubt den See und das Gemälde? Wir hatten überlegt, wie wir wohl zu einer Antwort gelangen könnten, und kamen dann zu dem Entschluß, an Sie zu schreiben.

Bitte schreiben Sie uns, ob es den See gibt (und wo er liegt), ob es das Gemälde gibt (Deny-Der), und wenn es beides gibt, schreiben sie uns bitte noch, ob der Mahler Tschorossow hieß, und wo sich das Gemälde befindet. Wir würden uns sehr freuen, wenn Sie uns schreiben würden, und uns vielleicht Foto des Bildes schicken könnten. Es würde zur Verbesserung unseres Unterrichts sehr beitragen und alles interessanter gestalten.

Freundschaft-Дружба!
Im Auftrage der Klasse:
Mitglied der GOL der FDJ
Schülerin Ute Borstorff.
Meine Adresse:
Ute Borstorff (14)
4409 Raguhn
Mittelstr. 2 DDR

Уважаемый Иван Ефремов!

Я пишу Вам по поручению моего класса. На уроке немецкого языка мы читали и обсуждали отрывок из Вашей книги «Смерть в пустыне»[1]. Во время обсуждения у нас возник вопрос: существуют ли вообще озеро и картина? Мы обдумали то, как получить ответ на наш вопрос, и решили написать Вам.

Напишите нам, пожалуйста, существует ли озеро (и где оно находится) и есть ли такая картина (Дены-Дерь). Если они существуют, напишите, пожа-

[1] Имеется в виду рассказ «Озеро горных духов».

луйста, действительно ли художник носил фамилию Чоросов и где сейчас находится картина. Мы были бы очень рады, если бы Вы нам написали и, если можно, прислали бы фотографию картины. Это помогло бы сделать наши занятия более интересными.

Freundschaft-Дружба!
По поручению класса:
Член главного управления организации свободной немецкой молодёжи,
ученица Уте Борсторфф
Мой адрес:
Уте Борсторфф (14)
4409 Рагун
Миттельштрассе 2, ГДР

Перевела Юлия Берлин

2 Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

Кузнецк
24 января 1974 г.

Дорогая Таис Московская!

По сложившейся традиции, копии лучших книг, попавших мне в руки, я посылал Ивану Антоновичу, а следовательно, и Вам. Хочу предложить Вам на память книгу Е. И. Рерих — «Основы Буддизма». Она излагает те положения, которые всегда принимались и Иван Антоновичем. Кроме того, вскоре после ухода И. А. Алан просил ознакомить его с буддизмом. Вероятно, из скромности он считает затруднительным напомнить мне об этом. Вот в этой книге как раз излагается не религиозный буддизм, а эзотерический. Решится прочесть — отлично…

Электрический свет на жизненном пути никогда никому был вреден!

Пусть всегда с Вами будет милость Благословенного.

Сердечно Ваш — *Портнягин*

P. S. Долго я вглядывался в Вашу новогоднюю открытку, и вдруг и вдруг меня осенило: ведь это же кони Майтрейи! И всадник со сверкающим звёздным клинком. Как хорошо!

Портнягин

3 Б. И. ИШИН — РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Симферополь
20 апреля 1974 г.

В РЕДАКЦИЮ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Уважаемые товарищи!

С 1946 года я выписываю «Литературную газету», горячо люблю её, с волнением жду каждый новый номер, читаю «от доски до доски» и использую в общественной работе лектора и пропагандиста материалы, печатаемые Вами.

И тем тяжелее было моё огорчение, когда, получив № 17 от 24 апреля с[его] г[ода], на последней странице я прочел статью некой Риммы Хадановой «Случай в Элладе». Для тех, кто горячо любит и знает творчество Ивана Антоновича Ефремова и читал только что вышедший посмертным изданием последний роман «Таис Афинская» (ещё даже не имеющий откликов в печати), ясно, что пасквиль Р. Хадановой направлен именно против этого романа. Но зачем? Ведь Иван Антонович Ефремов не может лично ответить на эту «критику», не может лично исправить что-либо в романе, увидевшем свет после его кончины. Как же это так, товарищи? Непонятно. Ведь именно «Литературная газета», единственная из всех периодических изданий, откликнулась на смерть И. А. Ефремова в октябре 1972 года волнующим некрологом (молчание других газет и журналов, где при жизни печатались произведения И. А. Ефремов: «Техника — молодёжи», «Знание — сила», «Нева», «Комсомольская правда» — просто непонятно). И вот «Литературная газета» печатает «Случай в Элладе». Горько, обидно нам, читателям, любящим произведения выдающегося писателя-фантаста, основоположника советской фантастики.

Память И. А. Ефремова заслуживает не этих пасквилей, а больших и правдивых исследований его творчества, заслуживает того, чтобы увековечить её мемориальными досками на домах, где жил и работал Ефремов, и названием его именем улиц в городах, где он жил, кораблей (он же был моряк!), посёлков в тайге и пустыне, где проходили его экспедиции. Мы, читатели, очень хотели бы видеть посмертное полное собрание сочинений. Ведь книги И. А. Ефремова о будущем или настоящем от первой до последней строк пронизаны горячей любовью к человеку, строителю коммунизма, и идеям коммунизма. Они воспитывают нашу молодёжь в духе преданности Коммунистической Партии Советского Союза, в рядах которой я имею счастье состоять более 30 лет. Известно, что выходит 3-х томник, и это хорошо, но этого мало, нужно много сочинений писателя, нужны «все сто томов» его «партийных книжек», так что нужно печатать и печатать все произведения И. А. Ефремова — таково моё убеждение.

А пасквили типа «Случай в Элладе» только вредят нашему великому делу, создают искажённое представление о творчестве писателя. Всё это и заставило меня взяться за перо и написать Вам, дорогие товарищи. Мне кажется, что редакция «Литературной газеты» могла бы извиниться перед читателями за пасквиль Р. Хадановой и напечатать большую и обстоятельную статью о книге «Таис Афинская». Мне хочется, чтобы опусы, подобные «Случаю в Элладе», больше не пачкали страницы любимой мною «Литературной газеты».

С уважением, *Борис Ишин*

Борис Иванович Ишин, член КПСС, рабочий электро-аккумуляторного цеха Симферопольского У[чебно-]П[роизводственного] Предприятия, лектор, пропагандист общества «Знание» с 1947 года.

г. Симферополь — 25
ул. Ростовская, 3, кв.70

4 Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

Кузнецк
10 мая 1974 г.

Милая Та́ис Московская!

Спасибо за тёплое письмо и поздравления. Рад, что Вы так щедро раскрыли свою душу в защиту имени Ив[ана] Ант[оновича]. То, что Вы делаете во Имя Его, — очень хорошо. И сама Ваша грусть — величайшая сила Любви поможет Вам оставаться рядом с Ним. Его борьба против всяческой ограниченности, догм, невежества и т[ому] под[одобного], особенно в книгах «Лезвие бритвы», «Час Быка» и «Таис Афинская», идеи вселенского Человечества, торжества Разума и Любви настолько мощны и настолько созвучны направлению общего движения Человечества, что ничто не сможет никогда их омрачить, и благодарные люди всегда будут сердечно думать о Нём и Его творчестве.

Вы видите сами, что тёмным ничего не удалось, и полным банкротством их деятельности явился возврат всего изъятого. Может быть, попытки будут и в дальнейшем, но также безрезультатны. Величие Духа Ив[ана] Ант[оновича] сильнее во много, много раз. Не забывайте, что в мире мысли Его поддерживают величайшие Силы…

Вы желаете счастья, но диапазон этого понятия обширен: от пошленького обладания собственностью до состояния Ананда. И так мы идём по признанному пути, много раз воплощаясь здесь, на Земле, достигая счастья всё более и более высокого… Уровень счастья зависит, очевидно, от способности быть счастливым. Есть прекрасное выражение: «Счастье безумного — на краю света, счастье разумного — перед глазами его!» И Он был с этим согласен.

Теперь, когда, как Вы говорите, — «громы спят», — хорошо было бы, если бы кто-то из серьёзных писателей выпустил бы книгу, посвящённую Ив[ану] Ант[оновичу] (его биографию и анализ идей основных книг). И написал, как говорят буддисты, по «большому, среднему и малому колёсам», т. е. в понятной форме для различных уровней сознательности. Чудесно было бы!!!

Т. И., если Вам это будет не трудно, узнайте через Ваших издательских друзей, когда выйдет в свет книга Джавахарлала Неру — «Взгляд на мировую историю», должна выйти в 1974 г. в издательстве «Прогресс», и куда можно сделать заявку на 3 экземпляра этой книги???

Как Вы проэктируете лето? Будете ли Вы во второй половине июля-августе в Москве?

Пусть Благословение и Защита Милостивого всегда будет с Вами!

Сердечно,
Портнягин

5 Ф. В. БАССИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

Москва
1 июня 1974 г.

Глубокоуважаемая Таисия Иосифовна!

Вряд ли нужно, чтобы я Вас развернуто благодарил. Я думаю, Вы понимаете, что значило для меня получить эту книгу.

Хотелось бы сказать о другом. В чём причина того очарования, которое неизменно охватывает читающего книги И. А. и, в частности, читающего «Таис»? Я назвал бы три причины.

1. Я не знаю ни одного произведения ни в художественной, ни в научной литературе, которое с такой ослепительной яркостью воспроизводило бы жизнь ушедших эпох. Какое сочетание глубины знаний и мощи изобразительного таланта нужны для этого! Ему в этом отношении нет равных.

2. Чувство красоты. Оно, это чувство, которое есть вместе с тем чувство строжайшей меры, даёт о себе знать на каждой странице. Я вспоминаю единственное произведение, которое я мог бы в этом (только в этом!) отношении поставить рядом. Это «Стихотворения в прозе» Тургенева. Вся «Таис» — это тоже цепь таких стихотворений в прозе.

3. Его благородство. Только он мог в чуждом, варварском непонятном мире, в который он нас погружает, увидеть искры человечности, которым не дано было погаснуть. А мог он их видеть, потому [что] сам был озарён их позднейшим светом, нёс этот свет в своей душе.

Примите, Таисия Иосифовна, мою сердечную благодарность.

Искренне Ваш *Ф. Бассин*

А. Р. ПАЛЕЙ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 6

2 июня 1974 г.

Глубокоуважаемая Таисия Иосифовна!

Незадолго до своей кончины Иван Антонович отправил в издательство «Мысль» письмо, копию которого я сообщаю:

«Издательство «Мысль»,
Главная редакция географической литературы,
главному редактору Б. В. Юсову.

Глубокоуважаемый Борис Васильевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой включить в готовящийся у Вас сборник научной фантастики рассказ (вернее, вытяжку из романа) А. Р. Палея «Себе навстречу». Рассказ невелик и кажется мне интересным, совпадающим со всё усиливающейся тенденцией пересмотра отношений «человек-природа». Кроме того, А. Р. Палей, являясь одним из пионеров нашей научной фантастики, вступает в своё 80-летие. Ради столь почтенного юбилея также стоило бы издать его рассказ и предпослать ему буквально несколько фраз о деятельности автора.

С искренним приветом и уважением,
И. А. Ефремов

17 сентября 1972. Академический поселок, Ново-Дарьино».

Просьба Ивана Антоновича была издательством выполнена (кроме «нескольких слов о деятельности автора»). Сборник вышел уже после ухода Ивана Антоновича из жизни. Как Вам хорошо известно, я и помимо этого рассказа многим ему обязан.

Поскольку в моем сознании Вы и жизненно и творчески неотделимы от Ивана Антоновича, я осмеливаюсь одновременно с этим письмом послать Вам сборник.

С глубочайшим уважением и сердечным приветом,
А. Р. Палей

7 З. Г. ФОСДИК — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

Нью-Йорк
3 июня 1974 г.

Дорогая Таисия Иосифовна,

Пишу Вам с глубокой благодарностью в сердце. Получила от Вас через посредство П. Ф. Беликова последнюю книгу Вашего мужа — «Таис Афинская» и немедленно прочла.

Это совершенно исключительная книга!

В ней воскрешена древняя эпоха Греции с тем мастерством, какое мог только выказать большой учёный и тонкий поэт и мыслитель. Всем этим был Ваш покойный муж!

Я очень люблю все его книги и чувствую, что он мог бы ещё создать много вдохновенных книг о красоте и искусстве древних народов, именно то, что нужно знать молодёжи, чтобы не забыть мудрость и достижения прошлых веков.

В Вашем лице чту его память — чувствую, что Вы были его вдохновительницей.

Шлю мысли от сердца,
З. Г. Фосдик

П. С. Надеюсь, что мне удастся быть осенью в Москве — в сентябре или октябре, чтобы принять участие в чествовании столетия Н. К. Рериха. Очень хочется встретиться с Вами.

8 Р. А. ШТИЛЬМАРК — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

27 декабря 1974 г.

Вот, Тасенька милая, скорбная, и подошёл Новый, мало сулящий! Как трудно мне мыслить Вас вдовицей, такую молодую, красивую, сердечную и светлую! Дай Вам Бог сил и сил!

Откладывал всё письмо, замотанный делами и делишками, хотел подробнее написать о «Таис». Пока вот только что:

Как она мне? Вы спросили…

Это непросто выразить кратко.

Ведь, ученик В. Я. Брюсова, читатель всех его больших и настоящих вещей, я уже по «Огненному Ангелу» и «Алтарю Победы» привык к серьёзному знанию далёких стран и далёких времён. Там тоже те эпохи — и IV век, и XVI век — даны без всякой стилизации и модернизации, как Русь у нашего друга В. Д., и в то же время книги отчётливо как бы проецированы в наше время. Но не этим только поражает «Таис». Конечно, знания Ивана Антоновича

огромны, просто ошеломляюще точны и достоверны. Проникновение в эпоху — полное. Озарённость вещи отсветом древних, но судьбоносных времён и грозных событий — просто потрясают. Но я и без, вернее, до этой книги знал огромную научную добросовестность автора «Таис», способность его проникать взором в глубь истории, знание им человеческой силы и слабости.

А какой гимн любви спет в этой лебединой песне!

Но самое удивительное для меня другое.

Книга потрясающе личная! Он в ней — такой живой, будто с ним сидишь и разговариваешь, будто его фигура перед тобой на диком коне или на пиру. Поражаешься именно этой силе самовоплощения. Не просто воплощение чужой эпохи, чужих жизней, нет! Здесь автор прежде всего раскрыл, воплотил самого себя, и чувства свои, и мысли, и страсти, и понимание прекрасного. И всё — с таким великолепием щедрости, великодушием, что нельзя представить себе этой самой окаянной аритмии, глодавшей его сердце, огромное и смелое!

Человечество получило прекрасный дар, и нужно чаще думать о нём, посильно говорить и писать об этом большом творческом подвиге, в свершении коего такое большое участие приняли и Вы сами. Если будут у Вас собираться друзья или сами Вы разделите где-то новогоднюю трапезу в память о нём, и если присутствующие дорожат мнением друзей о последнем свершении Ивана Антоновича — пусть эти скромные строчки прозвучат в память о нашем незабвенном и высоком друге, так рано нас покинувшем!

Всегда ваш *Роберт Штильмарк*

А. Ф. БРИТИКОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 9

27 декабря 1974 г.

Глубокоуважаемая Таиса Иосифовна!

Поздравляя Вас с Новым, 1975 годом, вместе с Вами хочу надеяться, что в нём имя Ивана Антоновича полностью будет восстановлено в нашей фантастике. Стараюсь делать для этого всё возможное и буду делать впредь. Хотелось бы знать — примерно, — когда можно надеяться на готовность архива. Меня спрашивают в рукописном отделе Пушкинского дома: беспокоятся, чтоб не было утрачено для будущего что-нибудь существенное. Просили напомнить, что по Вашему желанию весь или частично архив Ивана Антоновича может быть закрыт для какого-либо использования до Вашего особого распоряжения.

Рад, что дело с собранием сочинений, как мне говорили, идёт. С удовольствием встретил упоминание об Иване Антоновиче в «Технике — молодёжи». Будем надеяться, что так пойдёт и дальше.

Ваш *А. Бритиков*

Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 10

Кузнецк
18 октября 1975 г.

Милая Таис Московская!

Просьбу Вашу выполнил. Перепечатка в течение двух недель писем незабываемого Иван Антоновича превратилась в серьёзный разговор с Ним, я всё

время чувствовал Его около себя (поэтому и затянул несколько печать). Каждое письмо, пусть самое маленькое, доставляет мне большую сердечную радость. Многие письма содержат ценные мысли, советы, пожелания. Все они пропитаны большой заботою, какую умел Он проявлять в отношении меня.

И неизменная ваша ласка, заботливые приветы и пожелания…

Эти письма я начал печатать в канун годовщины Его ухода, так что получилось хорошее воспоминание о большом Человечище. Я ещё раз убедился, что И. А. хорошо знал об Учителях, их отношении к нему… Несколько раз он упоминает о Шамбале — этом источнике всего Светлого, что есть на нашей не совсем уютной земле. Я уверен, что и сейчас Водительство Учителей в отношении И. А. продолжается, и более успешно, так как Он освободился от ограничивающей земной и астральной оболочек. Сейчас он купается в мире Чистой, Мудрой мысли… Это очень хорошо!..

Искренне Ваш — *Портнягин*

П. С. Посылаю Вам в подарок свой перевод книги Шри Ауробиндо «Основы Иоги» — материал стоит того, чтобы с ним познакомиться.

За качество перевода строго не судите.

11 Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

Кузнецк
15 ноября 1975 г.

Милая Та́ис Московская!

Спасибо за поздравления… А вот поручение, что Вы мне даёте — писать по «большой колеснице» (как говорят у нас, на Востоке) об И. А. — это труднейшая задача. Отрывочные мысли вспоминаются, но чтобы вспомнить большой разговор?!. Ведь здесь очень важно не только не исказить всю мысль, но точно вспомнить и форму их изложения, т. е. слова…

Первое, что сразу всплыло в памяти, это его слова о Вас, помню, что он сидел на диване, его вижу, а я в кресле по другую сторону стола, у стенного шкафа. Вот они: «Я очень глубоко уважаю и люблю свою жену Та́ис Иосифовну и хочу, чтобы это все знали!» Но вот по какому поводу он это мне сказал — никак не вспомнить… О чём шёл разговор???

Вот другой отрывок: «Как Вы себе представляете Шамбалу?» — спросил он меня. Я не очень уверенно ответил, что «Шамбала — это духовное состояние человека!» (почему я так ответил — не знаю, т.к. был уверен, что, кроме того, Шамбала — это Страна Мудрецов — Белого Братства наших Старших Братьев по Разуму). И. А. поправил — «Не совсем так, точнее — не только так, Шамбала — понятие более обширное, оно охватывает и физический план».

Как-то И. А. принёс в кабинет Астрологию, усадил на диван рядом с собой и стал с листа английской (американской) книги читать по рукам. Затем стал составлять мне гороскоп, полу-шутя, полу-серьёзно. В заключение сказал: «Жаль, никто всерьёз не изучает, что из себя представляет настоящая астрология!»

На мой вопрос, как он может так глубоко и подробно описывать в своих произведениях местность, где происходят события, он ответил: «Чтобы дать вполне научное описание местности, мне требуется одно — держать в руках фото этой местности!»

Очевидно, в этой связи он дал мне прочесть о Круазье (из Голландии), который мог рассказывать о событиях и людях, если держал в руках какую-либо вещь этого человека или предмет. Тут можно только строить догадки об умении видеть «астральное клише» предмета или события, т. е. «заглядывать» в Тонкий Мир. Это объяснимо принципиально с позиций йоги. Ну вот, пока всё... Что будет дальше — не знаю.

Отвечаю на Ваши вопросы: чувствую себя я по-разному, т.к. это зависит от многого: моих мыслей, чем занят, как собран, какая среда, погода, люди окружающие, что приближается — светлое или тёмное и т. п. Спасибо за приглашение в Москву — приеду, вероятно числа 20 декабря. Мне сейчас нужно закрыть один перевод. Буду рад получить остальные тома собр[ания] сочинений. Напишите, пожалуйста, есть ли у Вас Н. К. Рериха «Община» (если — нет, могу привезти), также могу привезти «Листы сада Мории», если их нет у Вас.

Забыть Вас я не смогу, слишком дорога память об И. А. и Вас.

Сердечно,
Портнягин

А. Ф. БРИТИКОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 12

9 января 1976 г.

Глубокоуважаемая Таиса Иосифовна!

Спасибо Вам за память, за тёплое поздравление. Перед всеми своими друзьями я нынче оказался в долгу: второй праздник никому не послал ни строчки. Так что уж Вы не судите меня строго. Дело тут в депрессии, связанной, видимо, с разрегулировкой диэнцефальной области, которая обнаружилась летом. Выхожу из этого состояния, но слишком уж медленно. По этой причине не выступил толком на совещании фантастов 6—8 января в ЦДЛ, по этой причине и не позвонил Вам, как собирался сперва. И вот, хотя бы письменно, спешу сообщить, что в докладе Парнова на этом совещании, в выступлении космонавта Гречко, а также в речах нескольких литераторов с большой теплотой отмечалась выдающаяся роль Ивана Антоновича. И не прозвучало ни одного голоса, в котором бы ощущалась тенденция одёрнуть за это. Скажу Вам больше: только на совещании я понял, что значит даже усечённое издание собрания сочинений Ефремова в наши дни. Ведь по сравнению с лучшими годами, когда гремела «Туманность Андромеды» как откровение, как призыв, когда выходило только одних книг до 80 названий в год, нынче выходит в 10—15 раз меньше. И консультант Комитета по делам печати «обнадёжил», что будет ещё хуже... Так что на этом фоне, как я убеждён, «Молодая гвардия», при всех известных Вам подводных течениях, рифах и шквалах, сделала максимум того, что могла бы.

Я скверно себя чувствовал на совещании и плыл по течению случайных встреч и разговоров. Тем не менее в высказываниях и кулуарного толка не раз прислушивался к высоким оценкам творчества Ивана Антоновича. Назову тех, кто запомнился: Аматуни, Ревич, армянский фантаст Симонян. Но особенно благодарен я Парнову и Гречко: они говорили о Ефремове на пленарном заседании, в присутствии официальных представителей секретариата СП, ЦК ВЛКСМ и, как мне показалось, ЦК КПСС.

Так что для памяти И. А. эти первые дни нового года меня глубоко удовлетворили.

Что же касается фантастики в целом, то это — уже другая история, и довольно грустная, хотя я и не теряю надежды.

Ещё раз спасибо за память. Даст бог, в недалёком будущем побываю опять в Москве, и надеюсь повидаться с Вами, если Вы не очень на меня в обиде.

Всегда Ваш
А. Бритиков

13 П. Ф. БЕЛИКОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

4 мая 1977 г.

Дорогая Таисия Иосифовна!

Очень радостно было видеть, как почтили память об Иване Антоновиче к его семидесятилетию. Но это, конечно, только начало. К сожалению, люди так уж устроены, что по-настоящему начинают ценить только то, что потеряли, и то не сразу спохватываются. Однако с уходом таких столпов человечества, как Иван Антонович, их жизнь продолжается в их творческих плодах, в их посевах. Безусловно, и эти посевы нуждаются в уходе за ними, всегда находятся охотники к отборным зернам и хорошим всходам плевел подбросить. Любителей бурьяна ещё не мало. Хвала Вам и честь за то, что Вы стоите на дозоре.

Следил по возможности за всеми публикациями к 70-летней дате Ивана Антоновича, смотрел передачу по телевизору. Пожалел, что Вы в ней не участвовали. Ведь главное в Ефремове-писателе и учёном был Человек с большой буквы, и об этом Человеке Вы могли бы поведать больше и лучше, чем другие.

Хорошо, что образована Комиссия по литературному наследству, и Вы в неё входите. Необходимо всё собрать и сохранить для будущего, ибо по-настоящему почтут Ивана Антоновича именно в будущем.

С искренним уважением и пожеланиями всего самого светлого

Ваш
П. Беликов

14 П. К. ЧУДИНОВ — Е. П. БРАНДИСУ

Москва
27 октября 1978 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Прежде всего извините за непозволительную задержку с ответом на Ваше письмо. Оно застало меня непосредственно перед отъездом в экспедицию, а после я сразу же уехал на Урал. Вернулся почти месяц назад и, должен сказать, что не раз возвращался к Вашему письму и краткому предшествующему разговору о тафономии.

Ведь вопрос затрагивает различные аспекты, но для удобства я повторю их снова. Вы писали:

...Он сказал, что тафономия может оказаться практически полезной и методы её могут применяться и при поисках полезных ископаемых. Как это

понимать? Вопрос в методе, общем для палеонтологии и геологии, разумеется, в определённых аспектах, или захоронения остатков определённых видов животных далёкого прошлого могут обнаруживаться наряду с какими-то определёнными ископаемыми и тафономия может помочь в поисках тех и других? Иначе, могут ли определённым видам органических остатков сопутствовать определённые виды полезных ископаемых и предсказуемо ли это с точки зрения тафономии или её возможных перспектив?

Сам Иван Антонович не писал о практической стороне тафономии, наверное, потому что в то время она ещё не преломлялась под таким углом зрения, и этот вопрос возник в связи с общей переоценкой роли и значения науки. К тому же на первых порах тафономия ещё только входила в сознание, да и то преимущественно специалистов.

Иван Антонович определял тафономию как учение о закономерностях формирования документов геологической летописи. Таковыми же являются не только окаменелости (т. е. остатки вымерших животных и растений), но и местонахождения, в которых они встречаются, а точнее говоря, толщи осадочных горных пород, так или иначе связанные с окаменелостями и местонахождениями. Более того, многие полезные ископаемые сами по себе являются окаменелостями (например, каменный уголь, горючие сланцы, торф, редкий минерал волконскоит, некоторые железные руды). В этих случаях методы изучения месторождений — местонахождений во многом совпадают, а тафономический подход может многое добавить к изучению месторождений этих полезных ископаемых. Тафономия, извлекая двойную информацию (даваемую геологическими методами изучения вмещающих отложений и палеонтологическими методами изучения окаменелости — полезного ископаемого), рисует объёмную картину природы прошлого: очерчивает условия образования самого полезного ископаемого и вмещающих отложений, масштабы и характер процессов, протекавших в литосфере и биосфере, даёт более полные представления о ландшафтах и климатах, о «потоке» наземной жизни прошлого.

Воссоздание этой картины природы прошлого с помощью тафономии приобретает и теоретическое, и практическое значение. Дело в том, что толщи осадочных отложений (и полезные ископаемые, связанные с этими отложениями) отражают климаты прошлых эпох: одни типы отложений и полезных ископаемых связаны происхождением с аридными сухими климатами (например, месторождения калийных и каменных солей); другие, наоборот, образовались в условиях тёплого, влажного (гумидного, в более широком плане) климата (например, месторождения углей). Естественно, что эти данные важны для оценки перспективности и направления поисков на те или иные полезные ископаемые, оценки запасов и т. д.

Для пояснения, вероятно, вполне показателен пример тафономического подхода самого И. А. Ефремова к изучению далёкого прошлого гобийской части Центральной Азии. Через анализ биологических приспособлений на основе изучения скелетных остатков, широкого площадного распространения остатков и геологического изучения местонахождений он пришёл к выводу, коренным образом менявшему прежние представления о геологической истории Гоби. Согласно этим представлениям, Гоби была пустынной засушливой страной с редкими оазисами жизни. Выводы И. А. Ефремова убедительно доказывали обратное: значительная часть Центральной Азии в течение многих

десятков миллионов лет была заболоченной низменностью с богатейшей теплолюбивой флорой и фауной.

Во-первых, этот вывод усиливает положительную ориентацию на поиски месторождений углей, которые, кстати, имеются и разрабатываются в МНР в отложениях юрского и раннемелового возраста. Кроме того, с комплексом более поздних осадочных отложений, заполняющих межгорные впадины Монголии, связаны погребённые пресные воды. Представления о пустынном типе образования древних осадочных толщ уводили бы не только от поисков углей, но и поисков погребённых пресных вод, которые дают новую жизнь современной полупустынной Гоби.

Во-вторых, тафономические выводы Ивана Антоновича, подтверждённые многолетними экспедициями, позволяют рассматривать Гоби как неисчерпаемую палеонтологическую сокровищницу. После его монгольской экспедиции открыты десятки новых крупных местонахождений древних позвоночных. Они говорят о том, что мы стоим пока ещё в начале, а не в конце раскрытия палеонтологических богатств Гоби. Но я уклонился в сторону от основной темы.

Мне представляется, что Иван Антонович, говоря о практической стороне тафономии, исходил прежде всего из закономерностей природных процессов. Последние же (будучи синтезированы из частных явлений, выводимых из биологического изучения окаменелостей и геологического изучения местонахождений) приложимы ко многим областям геологии и, в первую очередь, к геологии месторождений полезных ископаемых, связанных с осадочными породами. Иными словами, тафономия приложима к изучению документов геологической летописи в более широком плане, поскольку всё, что сохраняется в этой летописи, в равной степени является её документами.

Помимо упомянутых выше месторождений, непосредственно связанных с окаменелостями, в осадочных породах известно и много других месторождений полезных ископаемых. Сюда относятся, например, месторождения полиметаллических руд, медистых песчаников, россыпные месторождения золота и алмазов. Практически все они имеют свои комплексы органических остатков, которыми определяется возраст месторождений — их место в системе хронологии геологической летописи. Изучение приуроченности месторождений к определённым типам осадочных комплексов, их возрастной приуроченности к конкретным этапам геологической истории, документированным окаменелостями (и, разумеется, геологическое изучение самого полезного ископаемого) ведут к созданию классификаций месторождений тех или иных полезных ископаемых. Тем самым, классификация даёт ключ к целенаправленности и перспективности новых поисков. Следовательно, и здесь роль тафономии представляется очевидной.

Говоря о классификациях, важно отметить одно обстоятельство — общность подхода к характеристике и изучению месторождений и местонахождений, поскольку образование тех и других связано с едиными процессами деструкции (разрушения горных пород) и седиментации (осадконакопления). В обоих случаях исследуются так называемые вмещающие отложения, к которым приурочены месторождения и местонахождения, пространственные размеры и специфика отложений тех и других, концентрация и распределение (полезного ископаемого и окаменелостей), качественная характеристика, запасы и т. д. Однако за этой общностью стоят различия методов и конечных целей.

С одной стороны, они уводят в палеонтологию с её тафономическим подходом к изучению прошлого, с другой — в столь же специальные дисциплины, такие, как геология осадочных полезных ископаемых (геология углей и горючих ископаемых, геология россыпных месторождений и т. д.), где дифференциация ведёт ко многим самостоятельным направлениям, в которых контуры тафономии перекрываются практикой.

Иван Антонович, исходивший из общих тенденций развития науки, ещё в конце 50-х годов шутливо замечал, что тафономия родилась раньше времени и войдёт в силу лет через двадцать. Ныне тафономия прочно вошла в палеонтологию; в геологии она принята на вооружение преимущественно геологами-биостратиграфами, которые оценивают хронологическую последовательность напластований палеонтологическим методом. По мере проникновения в палеонтологию тафономия благодаря своей первоначальной направленности воспринималась как частное направление, приложимое в основном к континентальным отложениям с местонахождениями вымерших организмов. Тем самым, в какой-то мере бессознательно она была «узурпирована» палеонтологами и биостратиграфами. Отчасти поэтому, отчасти по другой причине (практика есть практика) тафономия (опубликованная к тому же давно и малым тиражом) ещё не пробила дорогу в те направления прикладной геологии, где она может быть использована.

Говоря о значении тафономии вообще, её следует оценивать не только в непосредственном приложении к изучению документов геологической летописи. У неё есть другой намеченный И. А. Ефремовым аспект, расширяющий возможности её применения. Здесь имеется в виду литолеймономия — учение о закономерностях сохранения осадков, которую Иван Антонович рассматривал совместно с тафономией как параллельное самостоятельное направление исторической геологии. В геологической летописи комплексы осадочных отложений представлены крайне неравномерно, и их сохранение, как писал Иван Антонович, на любом этапе геологической истории определялось так называемым правилом деструкции. Это означает, что на высоких участках суши, удалённых от береговой линии (точнее, от базиса эрозии), шло непрерывное разрушение, и эти участки были областями сноса, а не накопления осадков. Основное накопление осадков, поступавших с высокой суши, протекало в пониженных, опускающихся участках рельефа — крупных зонах осадконакопления. Поэтому в геологической летописи сохранились лишь те отложения, которые связаны о этими зонами. Но в геологической истории рельеф Земли непрерывно изменялся. Горные сооружения, дававшие материал для зон осадконакопления, разрушались; бывшие области сноса осадков становились зонами осадконакопления, а не месте прежних зон вздымались новые горные хребты, сложенные осадочными породами. Таким образом, каменная оболочка Земли — литосфера — непрерывно перемалывалась в течение многих сотен миллионов лет. В ходе этих процессов часть осадочных комплексов (особенно древнейших) не сохранилась, и их отсутствие отмечает так называемую неполноту геологической летописи. Очевидно, что последняя отражает выпадение документов геологической летописи, которыми являются местонахождения и вмещающие их отложения. Поэтому важно знать, какие типы осадочных комплексов и осадков остаются в геологической летописи, каково их «плоскостное» распространение на конкретных этапах геологического времени и их специфика «по вертикали»

геологической летописи. Отсюда опять же вытекает, что картина исторических закономерностей сохранения осадков имеет непосредственное отношение к поискам полезных ископаемых. Исследуя эти закономерности, литолеймономия неизбежно затрагивает полезные ископаемые через их причинные взаимосвязи с осадочными комплексами и тем самым позволяет более точно очертить направления и перспективы поисков.

Таким образом, тафономия и литолеймономия, изучая аккумулятивную и деструктивную стороны природных процессов, дополняют одна другую и отвечают на вопросы: как и почему сохраняются документы геологической летописи.

В какой-то степени я попытался ответить на Ваши вопросы, и насколько известно, никто не подходил к тафономии под этим углом зрения. Не знаю, удалось ли мне отразить подход к практическому значению тафономии исходя из тех же предпосылок, которыми руководствовался бы Иван Антонович. Другого пути, пожалуй, я не вижу. О последней части вопроса можно сказать, что некоторые полезные ископаемые встречаются с определёнными видами животных и растений. Однако те же роды и виды могут встречаться отдельно. Часто здесь вопрос в том, что полезные ископаемые в осадочных комплексах имеют эпигенетическое происхождение — они образовались не во время накопления осадков, не в биосфере, а позднее — уже в литосфере в процессе диагенеза (превращения в породу) осадков.

В целом последняя часть вопроса затрагивает, по существу, так называемые руководящие ископаемые (окаменелости), время существования которых ограничено узкими интервалами. В большей степени — это сфера приложения исторической геологии и палеонтологии.

В принципе, с позиций тафономии мы можем предполагать в месторождениях осадочных пород существование определённых комплексов животных и растений в соответствии с возрастом месторождения. Но эти прогнозы будут верны лишь в общей характеристике. Детальная же характеристика по родам и видам вымерших организмов будет предсказана, по-видимому, на 10—15%. Остальная часть комплекса будет непременно новой по составу. Объясняется это неполнотой наших знаний о животном мире прошлого. Процентные соотношения могут, конечно, меняться по вертикали геологической летописи в ту или другую сторону; к тому же отложения более изученные будут давать меньший процент новых форм. Я же взял для примера пермские медистые песчаники.

Вообще же всеми этими вопросами никто не занимался. Причины тому разные, и одна из них — наша поистине катастрофическая малочисленность.

Вот, пожалуй, всё, что я мог сказать в первом приближении к этому — отнюдь не праздному вопросу. Впервые года три назад меня «пытали» о практическом значении тафономии. Возможно, вопросы были поставлены неудачно, и я рассказывал в основном о обычном значении тафономии. Думается, Вы совершенно правы в постановке практической направленности тафономии и в детальности сформулированных вопросов. По-видимому, к этому придётся снова вернуться, но уже после специального экскурса в ряд геологических дисциплин.

Письмо, как видите, я писал непозволительно долго; оно не складывалось. Так или иначе, я чувствую себя глубоко виноватым и прошу извинения.

С искренним уважением,
Ваш
П. Чудинов

Е. П. БРАНДИС — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 15

7 декабря 1978 г.

Дорогая Таисия Иосифовна!

Вчера похоронили Владимира Ивановича Дмитревского на Комаровском кладбище, неподалёку от Ивана Антоновича, в начале нового ряда, который открывается могилой недавно умершего писателя, старинного друга В. И. — А. Г. Розена. В последние дни, как всегда, мы много говорили о жизни, о правоте Ефремова в его лучшем романе о будущем, где утопия идёт рядом с антиутопией. В. И. говорил: «Шурка (т. е. Розен) зовёт меня к себе» — и в то же время продолжал верить в чудо и излагал замыслы новых автобиографических повестей. Скончался он во сне. За пять минут до кончины судорожно позвонил Наталье Алексеевне, она нашла его на полу уже в агонии. Была гражданская панихида, были похороны, поминки — всё как положено. Теперь позади и это…

Несколько дней назад мне передали летние фотографии. На одной из них — Вы с Ирой Илковым — мальчиком из софийского клуба «Прогностика и фантастика». Фотографии надгробья у Вас, конечно, имеются в лучшем исполнении. И всё же посылаю одну из них.

Кстати, у меня к Вам вопрос. Если сможете, напишите мне поскорее.

Как называется в природе кристалл, который воспроизведён на могиле? Из какого он материала на могиле и в натуре? Какой величины природные кристаллы и где их находят? Что навело Вас на мысль воспроизвести в увеличенном виде именно этот кристалл?

Всего, всего доброго и лучшего, насколько это возможно.

Ваш
Е. Брандис

Т. И. ЕФРЕМОВА — Е. П. БРАНДИСУ 16

29 декабря 1978 г.

Дорогой Евгений Павлович!

Простите, что не сразу ответила Вам. К концу года много работы. Спасибо Вам, что сообщили мне об уходе из жизни Владимира Ивановича. Таня проходит каждый день мимо нашего дома (так она мне сказала, когда я им позвонила), но зайти… значит, нет желания.

Часто вспоминаю последнюю встречу с Владимиром Ивановичем в Комарово. Была поражена его разочарованием в своих идеалах и взглядах. Грустно так уходить из жизни.

Спасибо Вам за фотографии. Очень приятный болгарин. В декабре 13-го был вечер во дворце завода им. Лихачёва, как бы повторение вечера в Политехническом. Опять было много народу (меньше, чем там, но много), хотя был сильный мороз и рабочий день. Было очень хорошо, лучше, чем в Политехническом. Тема та же: от фантастики к науке. Вёл Захарченко В. Д. А. П. Казанцева не было.

Евгений Павлович, Вы спрашиваете о камне на могиле. Я спрашивала П. К. Чудинова, он по образованию геолог. Он сказал, что это кристалл ортоклаза, часто встречается среди изверженных пород, бывают больших размеров.

Находят их и в Средней Азии. Тот, с которого увеличили, Иван Антонович нашёл в Монголии и привёз его оттуда. Я долго искала проект памятника. Мне друзья говорили, что надо как-то отразить в памятнике многогранную личность Ивана Антоновича. Решила сделать многогранник. Поговорила с Алланом и друзьями. Одобрили. Оставалось найти только форму. Я вспомнила об этом многограннике и подумала — раз Иван Антонович привёз его из Монголии, значит, чем-то он заинтересовал Его. Вот и увеличили из лабрадорита. Памятник вроде бы всем нравится. Значит, цель моя достигнута.

Как Вы живёте, как себя чувствуете? Собираетесь ли в Москву? Пишите.

С уважением,
Т. Ефремова

17 П. П. РУБЦОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ

Каспийск
10 июля 1989 г.

Глубоко, искренне уважаемая Таисия Иосифовна!

Очень волнуюсь каждый раз, когда пишу Вам. Волнение это не от мелкого пиетета, так присущего многим моим «землякам» (тоненькое, жалконькое подобострастие «низших» перед «высшими», такое — до боли! — распространённое). Я волнуюсь, обращаясь к Вам, как волнуется человек при встрече с умным и светлым другом.

Как мне выразить Вам свою благодарность за поистине драгоценный для меня Ваш подарок — книгу Ивана Антоновича и его экслибрис?! Может быть, Вы лучше поймёте меня, если скажу, что «Час Быка» я взял в руки не с радостью «обладателя» этой книги, а с высокой и светлой печалью. Всё наверное было в ней — и трудная судьба книги этой, и душевные страдания Ивана Антоновича и Ваши, и холодная ненависть к ничтожествам, уныло и старательно пытавшимся хотя бы «погрызть» величие интеллектуального обаяния личности Ивана Антоновича... Было в этой странной печали и ощущение гордости за честь человеческую, достойно поддержанную книгой Ивана Антоновича, ощущение гордости за взлёт благородной мысли и мечты... И — бессильная горечь за не до конца раскрывшийся в книгах удивительный потенциал мудрости Ивана Антоновича.

Спасибо Вам, Таисия Иосифовна!

Получив Ваш подарок, я, словно через десятилетия, когда получил письмо от Ивана Антоновича, услышал его ободряющий голос: «Не скучно ли на тёмной дороге?..»

Уходит время. Розовый оптимизм выветрился. Много раз, сказать откровенно, на «тёмных дорогах» становилось мне невмоготу, но, когда приходил «край», я открывал книги Ивана Антоновича. И тем, что я не «заскучал» и устоял, — я во многом! — обязан его мысли, его светоносному взгляду на жизнь и будущее.

В «Практической Веданте», которую я немного изучал благодаря «Лезвию бритвы», есть мысль, адекватная постулату зороастризма, о том, что ничто не исчезает бесследно — ни поступок, ни слово, ни мысль. («Рукописи не горят»!)... Как ни трудно продираться сквозь инфернальный бурелом, нагромождённый чиновными преступниками, чтобы закрыть доступ всем людям к

Знанию, мне удалось в какой-то степени прикоснуться ко многим запретным «измам», из которых нам делали «буку» в университете. И я увидел немало удивительных и мудрых вещей! Поэтому с особой благодарностью отношусь к Ивану Антоновичу: именно его мысли вели меня в поиске, порой настолько притягательно, что сегодня мне по-человечески радостно, что его книги не только вошли в мою жизнь, но стали чудесными семенами, помогающими мне развить моё видение мира.

Для меня не будет преувеличением утверждать, что книги Ивана Антоновича, при всех их литературных достоинствах, не узко «литературные произведения». Скорее, это какая-то мощная эмоционально-интеллектуальная аппаратура, очищающая чувства от бытовых шлаков, выправляющая мировоззрение, изуродованное ортодоксальными «науками», могучая система, воздействующая на романтические, оптимистические и поисковые «центры» мозга! По-моему, с точки зрения психолога, это самые «нормальные» книги нашего времени, да и не только нашего, потому что они — чудесные интеллектуальные «стимуляторы»! Уверен я: придут новые читатели-исследователи, которые без излишних «восторгов» раскроют морально-психологическое воздействие книг Ивана Антоновича и их непреходящую вечнозовущую ценность!

Поймите, пожалуйста, меня правильно, Таисия Иосифовна: слова мои — не «дань восхищения» замечательному писателю, отнюдь! — а весьма серьёзные соображения как размышления педагога и — просто как человека, старающегося понять, хотя бы краешком! — смысл человеческой жизни и всего нашего рода! Сейчас издание книг Ивана Антоновича и рост читателей их — пока что только «разогрев моторов», истинный взлёт их — в будущем! Мне представляется, что действительный потрясающий потенциал их ещё не понят, не охвачен нашими современниками. Это дело будущего, когда, увы, узколобые «законодатели» культуры «уступят» место людям, похожим на лучших героев книг Ивана Антоновича.

Одно беспокоит. По прочтении каждого его произведения остаётся ощущение, что многое — очень многое! — остаётся «за кадром». Говоря упрощённо, хочется читать ещё и ещё, а книга уже кончилась! С «информационной наполненностью» понятно: хочешь «ещё» — изучай астрономию, историю, психологию, философию и т. д.!.. Но никакая «дополнительная информация» «дополнить» интеллектуально-психологическое общение с автором не может. По-моему, для людей, рассматривающих произведения Ивана Антоновича с моей точки зрения, необходимы подробнейшие мемуары о нём, необходимы его письма, дневники, словом, всё, что позволило бы познавать его духовный облик гораздо глубже, объёмней.

Конечно, в нынешнее время дикого половодья всяческой литературы, практически сложно наверное академическое издание трудов Ивана Антоновича, в адрес которого запоздало строчат всяческие дифирамбы, всё равно поверхностно оценивая его творчество как «вклад в литературу фантастики и приключений» (только! или в основном!). Но время, время — идёт! Что дадут «мемуары» людей, всего-навсего «видевших» когда-то и как-то Ивана Антоновича? В них чаще всего много поверхностного и просто, простите, вранья!

Ефремов не должен уйти от людей! Слишком огромно это общечеловеческое явление, чтобы обречь его на заливание «хрестоматийным глянцем»! Слишком значима его личность, чтобы не приложить сейчас все усилия, чтобы

Иван Антонович остался с людьми, не «причёсанный», не «отретушированный» даже невольно, а во весь возможный рост свой. Сегодня это ещё возможно, и нельзя упускать ни малейшего живого штриха! Сегодня — для Завтра!

Очень надеюсь, что Александр Петрович Казанцев как председатель комиссии и все, кто может хоть чем-нибудь существенным дополнить облик Ивана Антоновича (важнейшая компонента которого, увы, невосполнима!) — просто обязаны торопиться в сборе и накоплении материалов! Надеюсь, что комиссия это понимает. И что-то делает для этого!..

Пусть войдут в «фонд Ефремова» все-все материалы о нём! И — обязательно! — все мнения о нём и его трудах (хорошо бы с указанием «авторов»!). Чтобы люди, прикасаясь к личности человека, ставшего для нас «обыкновенным человеком третьего тысячелетия», почти чудом оказавшегося в нашем столетии, постигали и наше душное времечко, и ту атмосферу, в которой, задыхаясь буквально и переносно, Иван Антонович совершал свой подвиг жития и действия! Никак нельзя забывать наших «дантесов»!.. Пусть и они «войдут» в будущее издание ядовито шипящим тёмным охвостьем, скромные геростраты человеческой мудрости…

Спасибо Вам, Таисия Иосифовна, за Ваше отношение к сыну моему Феликсу. Для него Иван Антонович — Учитель, и я рад этому. Простите меня за то, что сам, лично, я редко обращаюсь к Вам: излишне беспокоить Вас своими письмами полагаю излишним, неудобным. Возможно, это письмо моё выглядит чересчур эмоциональным, но в нём нет ни грана «слепого поклонения».

Волей счастливого случая я вырос «под звездой Ефремова», и быть духовно сопричастным к мудрости Ивана Антоновича, быть отмеченным Вашим вниманием — считаю для себя высокой честью. Всей душой — благодарю Вас за это!

Желаю Вам хорошего здоровья и ежедневного ощущения, что Вы вместе с Иваном Антоновичем, с его близкими и друзьями делаете неоценимое дело воспитания, выращивания людей Будущего!

Всего Вам самого наилучшего!
С сердечным уважением,
Пётр Рубцов

Послесловие

По лезвию — за горизонт

Иван Антонович Ефремов — личность особого порядка даже на фоне множества ярчайших судеб драматического XX века. Он вырывается из всех рядов, выламывается из классификаций. В нём сошлось, свершилось и сплавилось воедино то, что обычно разрывает судьбы людей неразрешимыми противоречиями.

Вся его жизнь есть иллюстрация возможности плодотворного прохождения целой череды потрясений, коими многообразно богата человеческая судьба.

Разгадка «феномена Ефремова» проста: этот могучий русский Иван, почти былинный герой — есть Мастер Жизни. Мастер воплощения своей миссии, своего предназначения в самые грубые и неблагодарные слои реальности. В этом он пример всем нам — своими упорством и искромётностью, точностью и масштабностью, трезвостью и романтичностью, телесностью и духовностью, душевностью и интеллектуальностью.

Фигура этого человека в его непрерывном становлении — воплощение столь излюбленного им образа нахождения на лезвии бритвы, в каждодневном поиске меры текущего момента. Знаменитый метрон-аристон Эллады, Срединный путь, заповеданный Буддой, Дао как путь всех вещей — таковы наиболее обобщённые культурно-исторические образы мировоззрения Ивана Ефремова. И подтверждения этому мы находим в самых неожиданных и парадоксальных измерениях.

Реалист и романтик. Учёный и писатель. Крупнейший специалист по прошлому, шагнувший в будущее. Родившийся на стыке двух диаметрально противоположных знаков — Тельца и Овна (земля и огонь, форма и содержание). Имеющий в своей натальной карте линию реализации ровно между противоположными астрологическими знаками Урана и Нептуна[1]. Устремлённый в космические дали, но и забирающий в свои визионерские странствия всё будущее человечество, всю Землю — «Землю страдания и Землю любимую». Любимец женщин, не растворившийся в волнах слепого обожания, но поднявший отношение к женщине на небывалую высоту ответственности и понимания. Он гнёт руками подковы и пытается постичь феномен ясновидения.

В полной мере этот человек — сродни Михаилу Васильевичу Ломоносову. Он самостоятельно выучился читать, в 13 лет был уже демобилизованным

---

[1] Янский Уран в астрологии символизирует революционные взрывы и научные обобщения космического уровня, а иньский Нептун — высшую космическую женственность, искусство, мистику и идеи общего блага. Важно отметить, что астрологией Иван Антонович интересовался практически и вовсе не считал её шарлатанством.

красноармейцем, прошедшим через обстрелы и бои, получившим контузию; пять классов школы закончил за два с половиной года. В 14 лет подросток, вчерашний «сын полка» производит неизгладимое впечатление на профессора П. П. Сушкина и получает возможность идти в познании своими путями. В 16 лет он в Японии в качестве матроса. В 17 лет — и капитан катера на Каспии, и исследователь обширных территорий ради создания заповедника. Его манит море, но знаменитый капитан Д. А. Лухманов благословляет его на путь учёного. В 19 лет Ефремов совершает открытие, за которое спустя годы получит диплом знаменитого Линнеевского общества. Он возглавляет экспедиции в самые труднодоступные места Советского Союза, намечает трассу для будущего БАМа, ищет и находит золото, закрывает последние белые пятна на карте СССР. Фактически — завершая своими походами эпоху русских землепроходцев, начавшуюся с Ермака…

Свой путь в науке приводит к неслыханному — степень кандидата биологических наук присваивается ему за два года до получения диплома о высшем образовании! Ефремовская тафономия — синтез геологии и палеонтологии. Теория с блеском поверена практикой, найдены крупнейшие захоронения динозавров в Монголии. Снова диалектическое взаимодействие противоположностей — в полном соответствии с творчеством русских космистов, создавших такие отрасли знания, как биогеохимия (В. И. Вернадский) или гелиобиология (А. Л. Чижевский).

Ефремов — практик. На кончиках его пальцев сотни миллионов лет. Поэтому его теории жизненны, это не плод абстрактных рассуждений кабинетного учёного. Он изучает эволюцию жизни и неожиданно делает выводы в стиле Л. С. Берга, чей фундаментальный труд «Номогенез» об инвариантности биологической эволюции и предварении признаков ляжет одним из краеугольных камней в только формирующиеся тогда идеи Ефремова о космической конвергенции разума. Но не забудет он и про Дарвина, не раз упомянет его в своих романах. Берг и Дарвин — тоже противоположности, сплавленные в тигле исследовательского духа Ефремова.

К концу 40-х годов перед нами — один из крупнейших палеонтологов планеты, чьи харизма руководителя и мужское обаяние неудержимы.

И вдруг — литература. Литература с совершенно новой концепцией: «приключения мысли»! Знаменитая «диалектика души» Л. Н. Толстого, равно как и «подполье» Ф. М. Достоевского, отражали важнейший этап становления индивидуальной рефлексии, первого проникновения в глубины бессознательного, предвосхищая эпоху неклассической науки — Эйнштейна, Фрейда, Шпенглера. На этом фоне «приключения мысли» Ефремова подняли планку до уровня нарождающейся сейчас постнеклассики с её синергетическими воззрениями, квантовыми и трансперсональными взглядами на человека. Творческая мысль у писателя предстала во всей непрерывной динамике и пылком развитии — по сути дела, отдельным персонажем, скелетным каркасом произведений. Эзотеричность этого феномена ещё не осознана ни филологами, ни психологами, ни философами. Следует понимать: втянутость повествования внутрь ментальных слоёв отразила рождающееся понимание преобразующей роли психики и благотворности чистого, устремлённого движения одухотворённой мысли. Позже Ефремов открыто напишет о том, что дух — не функция материи, как то утверждали ортодоксальные марксисты, но её высшая форма. И, соответственно, сознание определяет бытие не меньше, нежели бытие — сознание.

На стиль новоявленного писателя обращают благожелательное внимание такие корифеи отечественной литературы, как А. Н. Толстой, П. П. Бажов, Л. А. Кассиль. Его идеями вдохновлены С. П. Королёв, В. П. Глушко и В. А. Сухомлинский.

Ефремов пишет так, как никто до него. Он первооткрыватель и здесь, в совершенно новой для себя области. Ему удаются поразительные, словно бы движущиеся описания природы, в том числе инопланетной, он вводит в повествование геологический пейзаж, фиксирует художественным словом далёкий космос, людей ноосферного будущего с их тончайшими психологическими переливами, столь непонятными большинству наших современников. И переводит в художественную русскую речь сложнейшие и важнейшие диалектические идеи, до того имевшие право на существование лишь в рамках философских трактатов.

Подобно тому как Гагарин стал воплощением интуиции К. Э. Циолковского о первом космонавте, так и первопроходец Ефремов в полной мере воплотил проницательную мечту Н. К. Рериха: лучшее слово о будущем будет сказано на русском языке! И тем неизмеримо преумножится слава и красота русской речи.

Особенность ефремовской диалектики — в её открытости, устремлённости в далёкое будущее и глубокий космос не только по форме, но и по существу. Непрерывно проступают незамеченные ранее связи и потаённые смыслы, распахивающие совершенно новые горизонты и лишающие эту космическую и вместе с тем глубоко интимную философию признаков академической завершённости. Говоря о диалектике, следует подчеркнуть особо: Ефремов осознал и сумел показать другим, что диалектика — это не мёртвая, абстрактная теория, а живая суть развития нашего мира. Всё развивается закономерно, по спирали, через возникновение и преодоление противоречий. Он видел это в любом явлении.

Его произведения захлёстывает поток интереснейших мыслей, чувств и описаний, протаивающих одно сквозь другое и образующих магический кристалл-фрактал, побуждающий к непрерывному радостному познанию нашего сладостного и жгучего мира…

В своём уникальном мировоззрении Ефремов синтезировал социально-утопическую мысль и марксизм, биологию Берга и психологию Юнга, Роджерса и Фромма, русский космизм Вернадского и Циолковского, восточную философию и Живую Этику.

Ефремов был истинным учёным, для которого познание было радостью и питало смыслами жизнь. Недаром про себя он говорил, что он доктор Науки, науки как таковой, вне условных делений с их условными методиками и частными методологиями. При этом их инструментарием он владел на высочайшем уровне, раздвигая их рамки мощными междисциплинарными обобщениями. Практика — критерий истины для Ефремова. А методология познания — живая практическая диалектика.

Он не вписывается ни в какие рамки, что предписывают ему те или иные последователи, — он неизменно шире их (и здесь вспоминается судьба научного наследия Вернадского — ведь даже его ближайший ученик Ферсман говорил откровенно, что попросту не понимает, что такое биогеохимия). Серьёзная проблема современного ефремоведения — суметь разрешить себе узреть ре-

ального Ефремова, вне навязанных собственной ограниченностью узких представлений о должном. С другой стороны, мы живём в ситуации постмодерна, когда отдельные осколки реальности уравниваются один с другим уже по праву существования, безо всякой рефлексии. И никак не взаимоувязываются в диалектическую структуру. Ивана Антоновича с его поисками меры для каждого конкретного момента, с пониманием сложной иерархической системности мира и его непрестанным изменением можно в этом смысле назвать хронофилософом, вставшим на перегибе множества координатных линий и подобно эллинскому Дионису распределяющим энергию светотени нашего мира. Он лоцман, готовый сопровождать каждого подошедшего к бифуркациям собственных судеб, которые ныне тесно сплетены с эволюционной сингулярностью нашего времени. Он — связующий по призванию, приводящий к единству тот взрыв реальностей в головах современного человечества, что разбрасывает нас всех психологически друг от друга, подобно Большому Взрыву.

В этом ключе необходимо осознавать, что у каждого человека будет «свой Ефремов», и это корневое условие человеческого восприятия. Но такая относительность никак не влияет на то, что существует реальный Ефремов как он есть. Задача честного исследователя — подойти к нему максимально близко, пусть полное отождествление и невозможно в рамках гуманитаристики. Для этого необходимо главное — бережное отношение к фактам. Однако практика всей нашей жизни показывает, насколько это трудновыполнимое условие для современного человека. Да, сфера сознания неимоверно расширилась по сравнению с древними временами, но ещё больше раздвинулся мир, сложные взаимодействия которого необходимо учитывать. А человек как существо двойственное, всегда стремящееся одной своей стороной к покою и регрессу, склонен выдавать собственные представления за единственную реальность, абсолютизировать их и не допускать до сознания никаких посторонних фактов.

Сложнейшая и насущная задача современности — увидеть одномоментно обе стороны процесса, синтезировать их, но точечное внимание к одной стороне лишь усиливает тень, подобно сильному источнику света. Многоплановость и вместе с тем взаимоувязанность различных компонентов творческого наследия Ефремова тут словно отражение всего мира в капле воды, то есть фрактал. Проблематика взаимоотражения микро- и макрокосма — одна из ключевых для него.

По отношению к формированию адекватного образа Ефремова внешне всё выглядит элементарно — достаточно прочесть написанные им неоднократно простые и ясные слова. Но даже такая малость, даже этот самый первый шаг становится часто затруднителен, и на этом следует остановиться подробно. Существует два способа негативного восприятия. Это или банальное отрицание, или признание факта и тут же обвинение в нём как в чём-то неблаговидном. Причём эти реакции специфически выявляются как в среде поклонников той или иной идеи, так и в противоположном лагере.

При этом базовые блоки ефремовской философии ещё и оппонируют друг другу, являясь для диалектического разума энергоёмкими двигателями, подобно системе двойных звёзд, а для аристотелевской логики представляясь непримиримыми шизоидными осколками.

Эти базовые компоненты необходимо осознавать как снаружи, так и изнутри. Номер один для мировоззрения мыслителя — это, конечно же, комму-

низм и космизм. Ефремов — автор самой выдающейся коммунистической утопии XX века, мастерски показавший столкновение утопии и антиутопии. И он же насытил идейное поле русского космизма образами живых людей, ввёл в космизм антропологическое измерение.

Но очень трудно, познакомившись с письмами, продолжать полностью вписывать мастера в рамки советской действительности и делать едва ли не её глашатаем. Для людей, воспринимающих прежде всего политэкономический пласт реальности, будет крайне неудобно осознать меру резкости и критичности нравящегося им писателя по отношению к тогдашнему обществу. Наверное, потому что со всем своим кругозором и включённостью в большой мир Ефремов жил в том обществе и в то время, терял друзей и коллег, бессмысленно обвинённых, уничтоженных, репрессированных, со сломанными судьбами…

С другой стороны, опять-таки возникает неудобство: Ефремов никогда не был диссидентом, противником советской власти. Западное общество жёстко критиковалось им как потребительское, уничтожающее лучшие человеческие устремления, неспособное вывести земную цивилизацию из тупика бездуховности и мещанства. Неоднократно он пишет о неизбежности коммунизма в будущем (если мы хотим будущее вне инферно) и повторяет это в различных ситуациях, в общении с разными людьми. В книгах, письмах, интервью. Смешно было бы подразумевать тут некую конъюнктуру и стремление понравиться власть имущим. Особенно на фоне принципиальности мастера в сходных вопросах — хрестоматийным тут является пример с отказом «устанавливать» статую Ленина в «Туманности Андромеды», несмотря на то что ему предлагали премию в таком случае.

Необходимо понимать, насколько самостоятельный мощный дух мог вести себя столь независимо. В полном соответствии с эволюционным вектором, о котором писал сам мастер, — максимально возможная свобода от внешней среды. В этом смысле Ефремов собственной персоной манифестирует, представляет то, о чём писал по отношению к цивилизации будущего, берущей из каждой эпохи наиболее яркие, очищенные стороны жизни.

Для убеждённых сталинистов это ложь, и никакие факты просто не воспринимаются. А если оказываются восприняты, то становятся показателем того, что Ефремов как минимум опасно заблуждался, либо же он прямой враг — либерал-шестидесятник, диссидент, следовательно, пособник олигархического беспредела девяностых; или троцкист (нонсенс, но немало людей всерьёз продолжает мыслить такими категориями). Такой абсурд происходит из-за жёсткой редукции причинно-следственных связей, представлении сложнейшего исторического процесса как механистически-линейного.

С другой стороны, среди людей, негативно относящихся к комплексу коммунистических идей, находятся те, кто утверждает: Ефремов не коммунист, и общество будущего, изображённое им, не коммунистическое. И слова самого Ефремова тут снова не имеют никакого значения, потому что картинка в собственной голове закрывает всё остальное. Либо же все его социальные идеи тщательно цензурируются по причине их (якобы) заидеологизированности отжившими советскими представлениями. То, насколько едина и неразрывна ефремовская мысль во всём её многообразии, игнорируется, целостная мысль дробится на клипы-светотени. А далее каждый отдельный такой клип препа-

рируется словно бы в пробирке, насильственно лишённый связей с остальным массивом идей и образов.

Конечно, это недопустимо.

Задача любого честного читателя и уж тем более исследователя — позволить автору самому сказать за себя, отнестись к его словам уважительно. Ефремов, насытивший представление о коммунизме космическими смыслами, совершивший синтез коммунизма и космизма, показавший изначальную психофизиологическую суть мечтаний о справедливом обществе и вынесший их в беспредельность вселенной — слишком крупный мыслитель, и следует отнестись к его идеям со всей серьёзностью. Однако ни исследователи русского космизма, ни современные теоретики коммунизма на это не обращают ни малейшего внимания. Зато они полностью увлечены своими дискурсами и всё, находящееся за пределами их групповых мифов, попросту игнорируют (порой вполне осознанно и убеждённо) как не имеющее эвристического потенциала. Такая ограниченность вызывает сожаление.

Известно, и в переписке многократно подтверждено: Иван Антонович глубоко интересовался эзотерикой и парапсихологией, особо — Живой Этикой. Здесь шквал неприятия кипит с двух сторон — противоположности, как известно, сходятся. Воинствующие церковники либо огульно отрицают этот безусловный факт, либо столь же огульно обвиняют Ефремова во всех грехах, а его почитателей — в сектантстве и сатанизме. Воинствующие атеисты поступают совершенно аналогичным образом, в том числе и те, кто любит порассуждать о диалектическом материализме, казалось бы, столь близком Ефремову. Единое полотно широкого мировоззрения Ивана Антоновича снова никак не складывается, прокрустово ложе заидеологизированных представлений отсекает то одну, то другую часть ефремовской философии. Подчеркнём — речь идёт не о мнениях по её поводу, а о хорошо известных непротиворечивых фактах этой философии. В то же время многие так называемые эзотерики (т. е. любители читать эзотерическую литературу) тоже находят, в чём укорить писателя, — в недопустимом «биологизме» (видимо, быть доктором биологических наук с их точки зрения — уже изначальная ущербность), в остром внимании к вопросу эроса и пола. На том основании, что «в духе» якобы нет мужчин и женщин. Разумеется, всё это лишь отражение собственных гендерных проблем и скрытая половая ксенофобия. Ещё одна претензия (странно думать, что это можно представить претензией, но это так) — очевидная невписанность Ефремова в те или иные эзотерические концепции полностью, что сразу выводит его из разряда безусловно «своих».

Гендерная проблематика и высокохудожественные эротические описания подвергаются нападкам особо рьяно. Ханжи и лицемеры обвиняют Ефремова в распущенности, закомплексованности, потакании инстинктам, аморальности. С другой стороны, апатичные от вседозволенности и лишённые самодисциплины любители «последней правды» о человеке (почему-то последней правдой всегда оказывается тема отчуждённого, лишённого духовного измерения секса) обвиняют его в лицемерии и ханжестве и, разумеется в закомплексованности (!).

Вопрос этнический, национальный, расовый — очередной камень преткновения для тех, кто отказывается мыслить диалектически. Ефремов — безусловный интернационалист, но столь же безусловный патриот, носитель

русского духа. В итоге космополиты пытаются выдать постмодернистскую глобализацию за наступление ефремовской Эры Мирового Воссоединения, они же вместе с безоглядными левыми третируют мыслителя за неоднократно выраженную трезвую оценку относительно национального вопроса и яркую самоидентификацию в качестве русского человека; либо делают вид, что этого просто нет. С другой стороны, находятся крайние националисты, считающие Ефремова своим и старательно не замечающие его идеи о непреложности интернационализма и конвергенции в открытом и равноправном мире будущего. Диалектику желаемого и действительного, цели и отправной точки мыслитель понимал очень хорошо.

Ещё один важный аспект ефремовского творчества — психология, внимание к структуре психики отдельного человека и целых обществ. Многообразные идеи в русле гуманистической психологии Роджерса и Фромма либо опять-таки не замечаются, либо воспринимаются с усмешкой как наивные на фоне массовой для образованной прослойки интеллектуальной игры в бисер, которая лишь прикрытие для духовного равнодушия и неверия в возможность хотя бы минимально справедливого социального взаимодействия.

Для фрейдистов человек зол и асоциален по природе; для бихевиористов — и стихийных, среди которых полно коммунистов (увы, так исторически сложилось), и убеждённых — человек есть плоская функция общества, социальный робот. Сам мыслитель утверждал сложность и необходимость воплощения диалектики индивидуального и коллективного. Более того, смотрел глубже и выводил будущее человечество из-под власти жестоких архетипических программ — «богов» пси-космоса. Недаром герой «Часа Быка» говорит о том, что земляне стали выше богов Индии.

Соотношение мысли и чувства, науки и искусства — ещё одна мировоззренческая дихотомия, успешно решённая Ефремовым. Сторонники безоглядного научного прогресса, крайняя степень которых представлена трансгуманистами, ставят ему в упрёк внимание к искусству, чувственной стороне жизни, недостаток сугубо технических решений. Так называемые «зелёные» возмущаются переустройством планеты в его будущем. Сам же Ефремов оптимальное сочетание знания и чувств полагал мудростью.

Ефремовская эстетика и этика, его определение прекрасного как наивысшей меры целесообразности и придание красоте фундаментального, онтологического статуса — искусствоведами и философами попросту игнорируется, а обывателями не принимается на корню, размывается во вкусовщину…

По отношению к биографии Ивана Антоновича можно наблюдать идентичную картину. Большинство почитателей Ефремова-писателя мало что знают о его научной деятельности и никак ею не интересуются, полагая второстепенной. Геологи и палеонтологи, хранящие живую память и благодарность Ефремову-учёному, убеждены, что уход из науки в «написание каких-то книжек» был фатальной ошибкой, не позволившей дальше развить палеонтологию и реализоваться самому автору. Почему-то не возникает понимания, что сопоставимые по уровню яркие достижения в науке и искусстве обусловлены в значительной мере такими имманентными качествами творческой личности, которые неизбежно потребовали реализации в разных областях человеческой деятельности.

Говоря о попытках «присвоить» Ефремова, невольно вспоминаешь исторические аналогии: иосифляне и нестяжатели, в равной мере признающие

авторитет Сергия Радонежского; западники и славянофилы с их почитанием Пушкина. Сам Ефремов превосходно понимал эту проблему и связывал с законами термодинамики, называя их преломления в человеческом обществе Стрелой Аримана.

Всё это — вызовы современному человеку, ещё не потерявшему стремления к познанию единства мира. Нужен расфокусированный взгляд, обнимающий и снимающий противоречия, умение чётко понимать конкретные задачи и оптимальное место «Я» на карте глубин и высот психики для решения каждой конкретной задачи. И при этом необходима непрерывная саморефлексия относительно правильности того или иного действия — это послужит первым шагом к реализации замечательной ефремовской идеи Академии Горя и Радости. Творчество Ивана Ефремова даёт превосходные ключи к кодам нашего времени, значит, уже перешло в разряд классики, а его книги (по аналогии с египетской или тибетской Книгами Мёртвых) представляют собой Книги Живых. И для Живых.

Эпистолярное наследие — важнейшее свидетельство жизненного пути всякого человека, особенно когда речь идёт о людях ярких, с судьбами широкого общественного значения. Высказываясь открыто перед большой аудиторией — в публичных выступлениях, научных или литературных произведениях, человек так или иначе ориентируется на то, чтобы быть понятным самому разному читателю или слушателю. Воплощая свой творческий посыл в широкое полотно, автор неизбежно упускает многие мелкие детали, порой даже делая это сознательно, когда среда явно не готова воспринимать идеи во всей их полноте и радикальности. Издавна блестящие творцы во всех обществах были вынуждены сознательно умалчивать о суждениях по наиболее острым темам. Зачастую — для собственной безопасности, физической или (в мягком случае) психологической. Это не удивительно. Сущность любого творца — разрыв шаблонов, форм текущей жизни, её рефлексия. Выдающийся человек становится зеркалом, понимающим и отображающим мир вокруг. Но большинство не готово к этому, и оно объединяется в репрессивные социальные структуры, часто имеющие статус государственных. С единственной целью — искать и уничтожать то, что сочтено «ересью».

Это базовая для человеческого сознания проблема выхода за рамки, обусловленные временем и пространством. За рамки конкретно-исторического мифа данной эпохи. В советское время эта закономерность присутствовала столь же явно. Шаг вперёд, девять десятых назад — так обозначал поступь эволюции сам учёный.

Необычные интересы и необычные дарования, присущие Ивану Антоновичу Ефремову, можно изучать по разным источникам, но переписка с многочисленными корреспондентами имеет колоссальную роль. Благодаря письмам большое количество белых пятен биографии внешней — событийной, и внутренней — духовной оказываются ярко освещены, многие спорные трактовки тех или иных воззрений получают недвусмысленное уточнение. Ефремов-личность зашит в отдельных фразах «в сторону», в умении говорить с человеком, сообразуясь с его уровнем и внутренними запросами, сочетанию деликатности и жёсткости, внутренней целостности — он не делает противоположных утверждений, не обещает несбыточного, но всегда готов дать надежду и хотя бы морально поддержать разуверившегося.

Вместе с тем, взятая сама по себе, переписка не может исчерпывающе показать Ефремова как мыслителя и со стопроцентной точностью выявить центры тяжести исканий мастера. Существует несколько моментов, которые необходимо учитывать при составлении того или иного мнения, т. е. при использовании эпистолярного наследия в качестве исторического источника.

Во-первых, известная на сегодняшний день переписка не полна. Скажем, у нас нет писем столь интересным людям, как Микаэла Денис, Пол Андерсон или Артур Кларк, по разным причинам не в полном объёме представлены письма Э. Олсону, Г. Г. Пермякову. О многих письмах удавалось узнать совершенно случайно, и есть все основания полагать, что процесс далеко не завершён.

Во-вторых, со многими товарищами и коллегами обмена письмами вовсе не было, так как постоянно происходило личное общение. Например, представляет очень большой интерес тесное товарищество в 50-е годы с блестящим гомеопатом С. А. Мухиным — врачом и самого Ефремова, и Ю. Н. Рериха. (К слову, знакомство с ныне здравствующей женой Мухина — Евгенией Михайловной Величко — произошло уже после издания биографической книги в серии ЖЗЛ и представляет собой открытие самого последнего времени.) Ничего не известно о сюжетах бесед с Ф. П. Веревиным, тесно связанным с розенкрейцерами, человеком очень скрытным и недоверчивым. О практическом общении с младшими Рерихами известно тоже очень немного. То же можно сказать о психологе Ф. В. Бассине, писателе В. Д. Иванове, братьях Стругацких, индологах Н. Р. Гусевой и С. И. Тюляеве (личном ученике автора книги «Две жизни» К. Е. Антаровой). К сожалению, немногие оставшиеся свидетели таких бесед почти не помнят их темы и конкретные тезисы, а воспоминания фигурантов общения либо никак не зафиксированы, либо утеряны за давностью лет.

В-третьих, большая довоенная переписка самим Ефремовым уничтожена в целях безопасности — угрозу попадания в жернова репрессий он ощущал постоянно, каждое слово могло послужить поводом к вздорному обвинению.

Таким образом, ряд крупных тем, безусловно представлявших для Ефремова существенный интерес, в выявленной переписке фактически никак не отражён. Это психология, востоковедение и история (например, известно, что Ефремов общался с Л. Н. Гумилёвым и одобрительно отзывался о его книгах, но никаких письменных свидетельств этого не обнаружено), это научная космогония и философия русского космизма.

Есть и ещё один интересный дискуссионный вопрос: мировоззрение Ефремова, как и любого иного человека, формировалось и эволюционировало во времени. По одним вопросам приходило новое понимание, по другим старые мысли теряли актуальность. К чему-то приходилось возвращаться снова на новом уровне понимания. Скорее всего, мировоззрение мыслителя обрастало подробностями по принципу голограммы, в основе своей проявившись практически сразу и существуя в дальнейшем без разрывов и резких поворотов. В этом плане переписка не даёт много материала — то ли в силу уникальной целостности ефремовского сознания (в этом плане с ним сходны, пожалуй, только Э. Фромм и А. Ф. Лосев), то ли в силу того, что ответы на основные смысложизненные вызовы были уже даны к 50-м годам. А именно с этого времени фактически и появляются сохранившиеся эпистолярные свидетельства

о самом себе — когда Ефремов был уже совершенно сформировавшейся личностью, прошедшей кризисы среднего возраста.

Понимая эту естественную ограниченность, мы с благодарностью сосредотачиваемся на утвердительной, катафатической стороне вопроса. Излагаемое в переписке помогает понять ефремовское мышление с внутренней, порой интимной стороны. Идеи высказаны проще и непритязательнее, нежели в романах, но зачастую существенно более остро. Любой открывший письма Ефремова увидит, насколько ясно и безо всякого пафоса осознавал мыслитель окружающую его жизнь, насколько чувствовал себя одиноким. Недаром ему был крайне важен образ броненосца «Ретвизан» — самого мощного, в решающий момент покинутого остальной эскадрой, однако продолжающего стоять «за други своя».

Наглядно видна хронологическая структура переписки. Это и ритм написания, который, судя по всему, установил для себя автор, когда писем стало чрезмерно много. Видно, что он выбирал определённый день, когда читал и сразу же отвечал на те письма, которые показались ему важны. Причём когда их оказывалось много, его ответные тексты невольно становились короче, и наоборот. Это и скорость работы почты — порой наиболее активные корреспонденты отвечали на ефремовское послание в день получения или на следующий день. Это и более тонкие моменты — когда, не сговариваясь, незнакомые друг другу люди писали в один день с разных концов земного шара.

Проникая вглубь ефремовского времени, мы становимся эмоционально ближе к мастеру, вправляем его напряжённую мысль в рамки, положенные существованием в грубоматериальной вселенной. При этом конкретное структурирование времени согласно пониманию целесообразности того или иного момента — важное свидетельство осознанного подхода к самым рефлективным, обычно проходящим стороной нюансам.

Ефремов в своём творчестве был философом Времени. И то, что он на самом низком уровне организации своей деятельности вольно или невольно структурировал, оформлял стихийный процесс, показывает лишний раз неразрывность теории и практики в его отношении к жизни. Время — уникальный ресурс нашего существования, невосполнимый и неуловимый, без наличия которого невозможна сама жизнь.

Подготовка переписки и её внимательное прочтение продемонстрировали главное. Ефремов предстаёт не только и не столько выдающимся учёным, блестящим писателем или крупным оригинальным мыслителем. Всё это — лишь формы проявления духовной оси, стержня Ефремова-человека. Повторимся: Мастер прохождения собственной судьбы — вот сердцевина, делающая его жизнь и творчество исполненными огромного значения для каждого человека. Потому что каждый человек стоит перед глубинной экзистенцией, перед поиском смысла собственного существования. Перед каждым стоят вызовы — персональные, личные. За скобки здесь выносится именно степень плодотворности прохождения своего уникального пути. Мы пытаемся найти для себя те или иные ориентиры. И жизнь Ефремова тут послужит безусловным примером.

Николай Смирнов

Приложения

ПИСЬМА И. А. ЕФРЕМОВА Б. А. ВАДЕЦКОМУ[1]

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Москва
30 марта 1947 г.

Дорогой Борис Александрович,

сейчас я свалил свои монгольские отчёты и другие дела — на некоторый период времени стану человеком. В связи с таким положением у меня к Вам есть несколько просьб сразу. Как увидите, эти просьбы в общем сводятся к желанию повидаться с Вами (это желание независимое, т. к. мне и Елене Дометьевне, которая приехала из Лен[инграа]да, всегда приятно Вас видеть). И

а) получить от Вас обратно «Звёздные корабли».

в) получить от Вас обратно «Великую Дугу» (на несколько дней, чтобы внести в неё некоторые (очень небольшие) улучшения — перенести их из моего экземпляра).

с) посоветоваться с Вами, писать или не писать «наверх».

Я через неделю, наверное, уеду в Лен[инграа]д.

Позвоните, если сможете, Елене Дом[етьевне] по т. В–2–29–85 (лучше в период от 12 до 5 ч.), сможем мы с Вами увидеться или нет.

Привет Вам и Вашей жене от Е. Д. и меня, конечно.

С искренним уважением,
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Москва
27 июня 1951 г.

Дорогой Борис Александрович,

поскольку связаться с Вами по телефону по понятным причинам не удаётся, то прибегаю к помощи почты.

Я поджидал обещанного звонка, но наш романтический Летучий Голландец верен себе...

---

[1]Письма предоставлены для публикации Алексеем Максименковым, внуком Б. А. Вадецкого, в сентября 2015 г., после завершения вёрстки, поэтому помещены в Приложения, персоналии не включены в Именной указатель.

Причина более упорных, чем обычно, попыток связаться проста — не хватает денег на автомобиль.

Отсюда вопрос — при деньгах Вы сейчас или же нет?

Ежели не при — будем искать другие пути к пополнению оскудевшей целевой казны, и пусть оно Вас не беспокоит до тех пор, когда может пройти безболезненно и не нарушая никаких жизненно необходимых планов.

Елена Дометьевна и сын собираются отбыть, вероятно, первого и будут путешествовать по Казахстану до десятого августа.

Я в общем буду здесь, только уеду дней на десять в Ленинград, примерно с десятого по двадцатое июля.

Постараюсь Вас навестить в Вашем уединении либо до Ленинграда, либо после. Хотелось бы поговорить о Навои и вообще... чего не удалось сделать в тот раз Вашего посещения вместе с Б. С. (должен прямо сказать, что Вы оба — или ещё не привыкли друг к другу, или вообще мало совместимы. Последнее — вернее), после которого Вы исчезли, по обыкновению.

С путёвками в Коктебель (от чего зависит план на август) ещё неизвестно. Распределение будет в пятницу, но уже заранее грозятся, что мест нет. Для этого последнего случая особенно необходим автомобиль — тогда чихали мы на Литфонд с присвистом....

Большой привет Фаине Леонтьевне и Вам от всего семейства.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Москва
30 января 1953 г.

Дорогой Борис Александрович,

пытался несколько раз с Вами созвониться, но как-то неудачно. А в последние дни телефон вообще не отвечает — наверное, его у Вас меняют (номер), однако в справочном ещё не знают. Чтобы наладить связь, пользуюсь испытанным средством почты.

Черкните или позвоните, причём звонить мне надо или после 10 часов вечера, или же утром, между 10 и половиной одиннадцатого, чтобы наверняка застать.

Время идёт при большой занятости, друзей почти не вижу, но зато удалось сделать довольно много учёных дел, плоды коих постепенно появляются в печати.

В последнее время очередная организационная суетня съедает последние крохи времени.

И всё же очень хочется повидаться с Вами — давно уже не имел этого удовольствия.

Давайте сговоримся как-нибудь на вечер, м. б., попозже — ведь Вы тоже «ночной зверь», по терминологии Елены Дометьевны.

Семейство здравствует и Вам кланяется. Е. Д. трудится над докторской диссертацией, Аллан домогается водительских прав (после путешествия в Крым на нашей Победе он совсем увлечён автозаботами) — в общем, всё идёт понемногу, за исключением моих писательских занятий — вот сие никак не удаётся. Досадно, тем более, что накопилось уже много, что стоит писать — но пока — без просвета.

Как Ваше семейство? Большой привет Фаине Леонтьевне и дочкам.

Искренне Ваш:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Москва
26 мая 1953 г.

Дорогой Борис Александрович!

как-то пытался к Вам дозваниваться, но не получилось.

И выбраться не сумел — очень уж много каких-то мелких дел, которые никак не могу доделать. Должно быть, придётся махнуть на эту мечту рукой и как-то по-иному распределить время.

На будущей неделе обязательно выберусь к Вам, пока же пользуюсь случаем, что сижу за машинкой, и хочу напомнить Вам относительно Вашего обещания насчёт Вилковой. Если у Вас ничего нет, то это тоже скажите, потому что ей нужно решать, принимать или не принимать одно предложение на работу.

Семейство проводит время в трудах, сын сдаёт экзамены, Е. Д. пишет трактат и практикуется на автомобиле, да, вдобавок, чего-то подкисает. Летний отдых, столь модный сейчас, ещё далеко — только после пятнадцатого августа будем рулить на Коктебель...

А кстати — посоветуйте — современная ситуация даёт основания для обращения в Военмориздат или как его там на предмет издания моих морских рассказов с относительно хорошими англосаксами, или же нет — ещё рано?

Привет всему семейству.

С искренним уважением:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

4 июля 1953 г.

Дорогой Борис Александрович!

Я не выполнил своего обещания позвонить Вам не по нерадивости, а потому, что болен. Незаметно переходил ангину на ногах, и получился суставной ревматизм в плече, очень болезненный. Врачишки, боясь за сердце, уложили в постель. С понедельника буду понемногу вылезать на работу, часа на два, а потом опять домой.

Если будете в городе, то позвоните мне как-нибудь утром, от 10 до 11, чтобы возобновить прерванный контакт.

Привет всем вашим.

С искренним уважением:
И. Ефремов

Борис Сергеевич и Вилкова манили поехать на дачу к Б. С., но пока ещё не могу ни ехать на поезде, ни управлять автомобилем.

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Узкое
31 мая 1955 г.

Дорогой Борис Александрович!

Я уже обжился в санатории и очень хотел бы повидать Вас здесь. Однако, приезжайте или в плаще, или с зонтиком — погода неустойчива, и можно попасть под дождь. Автобус идёт с Калужской площади с интервалом в 10–15 минут, даже два автобуса.

Если сможете предупредить заранее, то можно приехать к 11–11.30 утра, когда я оканчиваю свои процедуры. Но без предупреждения не стоит, т. к. в это время я ухожу гулять до 2–2$^1/_2$ часов, и тогда где там меня искать. В 3 часа я обедаю, после от 3 до 5 у нас «мёртвый час», таким образом, лучше всего приехать часам к 5. До темноты времени много, и мы сможем и погулять, и посидеть, поговорить, и покормлю Вас чем-нибудь.

В общем — приезжайте, дорогой, когда хотите — в послеобеденное время меня всегда застанете.

У меня к Вам очень большая просьба — спросите у соответствующих людей в ССП, можно ли вступить в члены жилстроительного кооператива, или уже поздно. Если можно — то что для этого надо сделать. Расскажу Вам кое-какие свои проекты, когда приедете.

Привет Фаине Леонтьевне и девочке. Аллан сдал на отлично все экзамены, заработал стипендию и покупает фотоаппарат. Относительно Эльги я поговорил с Киселёвым, и он обещал мне сделать что возможно, хотя и говорит, что декан — Арциховский очень уж упорен иногда бывает. Он ведь псих и дуб — какая вожжа попадёт. Ну, посмотрим. Я думаю, что не худо бы Вам к нему толкнуться и самому. Обсудим при встрече.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Узкое
19 января 1958 г.

Дорогой Борис Александрович!

Куда же это Вы запропали? У меня Ваша книга, срок которой истекает, наверное, истёк срок и той, что дал Вам для заказа. Я собираюсь после 1-го ехать или в Узкое, или в Малеевку, но хотел бы до этого привести в ясность дело с «Андромедой». У Вилковой ясно, что ничего не выйдет — нельзя ли срочно получить экземпляр рукописи обратно — где мне её разыскать? Я, вероятно, возьму «Андромеду» и из «Детгиза». Как Ваши дела? Я всё ещё болею и сижу дома. Посылаю Вам на счастье девять слонов.

Привет от Зебрушки.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Узкое
9 января 1959 г.

Дорогой Борис Александрович!

Я сам выполняю Ваше желание и даю рапорт о своём состоянии. Самочувствие на воздухе сразу же стало лучше. Уже хожу без особых затруднений, а через 3 дня обещают выпустить по лестнице вниз на прогулку. Силы понемногу возвращаются.

В общем, очевидно, что какой-то срок надо жить в пампасах, иначе — каюк. Попытка купить дачу у Октябрьского окончилась смехотворно — расскажу потом. В общем — решил ждать Литфонда, а пока — снимать. М. б., сниму дом под Ленинградом, но это позже, когда силы будут. Вы были очень грустны в последний день — нет ли какого скрытого недомогания? Это меня беспокоит — вероятно, Вам надо поберечь себя и меньше тратиться — всё равно — на рыжих Суламифей или жалобящихся интеллигентов. Пёс с ними! Творчество этого не терпит. Напишите мне о себе по домаш-

нему адресу — Зубр привезёт. Будьте здоровы и не перерабатывайтесь. Главная наша беда — спешка — творчество этого не терпит.

Ваш всегда *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Абрамцево (?)
Ок. 1958 г. (?)

Дорогой Борис Александрович!

Пользуюсь случаем послать Вам привет и пожелания быть поменьше в городе в жару и больше на даче.

Я только что вернулся из Ленинграда, где было хорошо, но жарко. От Л. П. Козовкова знаю, что Вы исчезли в литовский вояж или вообще куда-то. Хотелось бы встретиться и поговорить, но пока жара, то, м. б., не стоит Вам проделывать такой путь. Пусть будет попрохладнее.

Я пока ещё не приступил к писанию, а занимаю мысли чужими рукописями, письмами и т. п. На днях приедет В. И. Дмитревский на неделю, чтобы «изучить материалы» для книжки о моих писаниях.

Сейчас читаю новый Казанцевский сценарий.

Вот и все мои дни — ночи с вечной вялостью из-за жары.

Как Вы?

Посылаю Вам 10 штук заказов для библиотеки. Прежние заказы, очевидно, уже продлили, только я прошу Вас сохранить их бумажки с отказами, ими написанные. Равным образом и от всех этих последних заказов — тоже, иначе я не буду знать, что заказывать в следующий раз.

Крепко жму руку.

Привет большой от Зубрика. Также Фаине Леонтьевне.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Москва
23 января 1960 г.

Дорогой Борис Александрович!

Не созванивался с Вами, зная, что у Вас большая занятость на партийных перевыборах, и у меня самого тоже дни были довольно плотно заняты.

Сейчас уезжаю и приеду 29-го, останусь на Новый Год и немного позже. Посылаю Вам ещё листок в библиотеку — это и есть та книга о рыцарях Круглого Стола, которая мне нужна.

Есть хорошая древне-индийская формула: «Да хранят вас все боги».

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Абрамцево
2 апреля 1960 г.

Дорогой Борис Александрович!

Посылаю Вам письмо Воронкову. Оно получилось неофициальным и лирическим, но, может быть, так даже лучше. Посмотрите его.

Посылаю также десять требований — на красных бланках — последних — больше ничего нет, так как мы опять забыли о запасе бланков.

Я смотрел по записи — они не дали ещё ответов на шесть книг:

1. Bridgman, 2. Ceram, 3. Brackett & Bradbury, 4. Ayre (Fearu), 5. Taine, 6. Moggridge. (Перечислены авторы.)

Стребуйте с них обязательно, а то я не буду знать, есть эти книги или нет.

Эльге скажите, чтобы пока не приезжала — пусть подождёт тепла, а то сейчас можно утонуть, даже если ехать с Абрамцева, — на дороге можно пройти лишь в резиновых сапогах. Если есть такие сапоги — пусть едет смело, нет — можно простудиться.

Ваш слоновий друг:
И. Ефремов

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Дорогой Борис Александрович!

Читали Ваше письмо все трое, чтобы расшифровать. Неужели и Вы читаете мои таким же образом? Посылаю Вам ещё пять требований — из них одно на книгу «На пляже»[1], которая уже у меня была. Посланную мне из Америки украла цензура, придётся перечитать так.

Если Вы уедете в Ташкент, не откажите оставить книги Эльге. Я приеду в город 17-го и возьму у неё.

Зебрушка просит Вас, если Вы уедете на 2 недели, добыть ей справку о работе, обычную, для домоуправления, её можно также оставить Эльге.

Большое спасибо за хлопоты с Воронковым, хоть это и не столь вредно, сколь бесполезно, но надо убедиться. С «Волгой» тоже, конечно, попали! Перевала своего ещё не взял, а Вам о Марке Аврелии писать ничего не советую, ибо он во всех странах и веках есть образ мудрого и образованного правителя-философа. Это трудно освояемо в политическом аспекте.

Желаю Вам всяческих успехов в Узбекистане, хотя и считаю, что вся эта Ваша поездка — суета и отвлечение от настоящего дела.

От Зебрушки самолучший привет.

Ваш *И. Ефремов*

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

10 декабря[2]

Дорогой Борис Александрович!

Посылаю Вам первые выпуски «Андромеды», которая печатается в Румынии на румынском и на венгерском. Эта на венгерском.

Прилагаю заявку на библиотеку.

Бланки израсходовал все.

Faithfully yours: *И. Ефремов*

P. S. А учебник я закончил, ха-ха! Привет вашим.

---

[1] Роман Невила Шюта «On the Beach» (1957), в русском переводе «На берегу» (1991).

[2] Год не установлен.

И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ

Абрамцево
2 сентября 1959 г.

Дорогой Борис Александрович!

Зебрёнок не смог Вам позвонить 31-го, так как приехал поздно, а я не собрался написать заявки.

Теперь посылаю несколько штук, хотя вряд ли в этой несчастной библиотеке найдётся что-либо. 80% отказов, ну и комплектность!

Как Ваша Индия? Когда решится и когда ехать? Вот — можете мне не отдавать 4, а употребить на путевку. Но точно в Индию! (хотя ещё можно подождать). Кстати — насколько реальна Ваша туманность с «Волгой»? Может, будет её получение или хотя бы «Москвича»?

Предлагают втридорога покрышки для «Победы» — если «Волга» нереальна — надо покупать, если реальна — глупо.

Мы с Зебром заняты ремонтом гаража — подготовка зимних квартир. Надо, чтобы к холодам всё высохло. Потерял запал, вообще — было что-то... хотя — зиму 1960 г. опять болеть своей пятилетней хворью.

Приезжайте — если будут, к нам, а если не будут — тоже приезжайте.

Ваш *И. Ефремов*

ПИСЬМА А. КЛАРКА И П. ШАЙЛЕРА МИЛЛЕРА[1]

А. КЛАРК — И. А. ЕФРЕМОВУ

12 сентября 1968 г.

Уважаемый доктор Ефремов,

Я был чрезвычайно рад получить Ваше письмо — и надеюсь, Вы сможете прочесть этот ответ. Сейчас я нахожусь с лекционным туром в Соединенных Штатах и не имею доступа к печатной машинке. Вернусь домой на Цейлон, увы, не раньше декабря!

Сегодня я послал Вам «Космическую одиссею». Фильм имеет потрясающий успех. Его показывали в Вене на конференции ООН по проблемам космоса, и позднее он неоднократно демонстрировался вновь. Космонавт Леонов сказал мне, что чувствует себя так, будто побывал в космосе дважды!

Кстати, вчера я присутствовал при запуске «Апоплона-7» на мысе Кеннеди — потрясающее зрелище.

В Москве уже состоялся просмотр «Космической одиссеи» в узком кругу — и я надеюсь, что когда-нибудь этот фильм выйдет в Советском Союзе на широкий экран. Кажется, он произвел неизгладимое впечатление на делегатов в Вене: доктор Масевич рассказывала мне, как сильно ей понравилась картина. Однако лишённые воображения и консервативно настроенные инженеры и учёные чуть ли не возненавидели этот фильм!

---

[1]Т. И. Ефремова свидетельствует, что И. А. Ефремов получил шесть писем от Артура Кларка. На сегодняшний момент оригиналов найти не удалось, поэтому письма помещены в Приложения. Данные переводы были сделаны с 1990-х гг. Л. Г. Михайловой.

Завтра здесь открывается Конгресс международной авиационной федерации, и я снова увижу Седова, Газенко, Михайловича и др.

Надеюсь, моё следующее письмо будет отпечатано на машинке!! (И будет длиннее!)

Пожалуйста, извините мою поспешность.

С наилучшими пожеланиями,
Артур Кларк

Перевод Л. Михайловой

А. КЛАРК — И. А. ЕФРЕМОВУ

28 июня 1969 г.
7/5, Грегориз Роуд,
Коломбо 7, Цейлон

Уважаемый профессор Ефремов,

Я был невероятно рад получить Ваше письмо от 15 июня, которое застало меня буквально накануне моего отъезда на запуск «Аполлона-11». Я присутствовал и при запуске «Аполлона-10» — изумительное зрелище — и теперь вновь лечу в США для подготовки передач об «Аполлоне-11» для телевидения. Мы будем регулярно выходить в эфир во всё время пребывания космического аппарата на Луне.

Затем я отправлюсь в лекционный тур по Соединенным Штатам и вернусь домой только в декабре, однако планирую пробыть здесь всю зиму и, начиная с 1970 года, большую часть времени проводить на Цейлоне. Но, в любом случае, письма мне всегда будут пересылаться.

Меня заинтриговала Ваша реакция на «2001», и могу Вас заверить — она весьма необычна! Благодаря своему духовному контексту, вызвавшему неимоверное количество дискуссий, картина, по сути дела, положила начало новой религии, — об этом фильме уже написана масса статей и даже книги! Он обращён к людям самых различных вероисповеданий. Католическое ведомство Ватикана по киноискусству на днях присудило ему свою высшую награду, а буддисты приняли его близко к сердцу из-за темы реинкарнации. На самом деле, многие люди сочли его первым поистине религиозным фильмом — именно по этой причине он подвергся нападкам со стороны материалистов! Так что я действительно удивлён Вашей реакцией, и мне остается только надеться, что у Вас ещё будет шанс посмотреть его снова. Кстати, мы были в восторге, когда узнали, что наш фильм выбран в качестве официального участника от Соединенных Штатов на Московском кинофестивале, который состоится через месяц, а значит, вскоре у Вас появится ещё одна возможность его посмотреть.

Нас с Кубриком обоих буквально забросали письмами люди, предлагавшие свои интерпретации философского и религиозного аспектов фильма, и теперь просто невозможно ответить им всем. Очень скоро выйдет сборник эссе, посвящённый фильму, и я непременно перешлю Вам по почте экземпляр, когда буду в Соединенных Штатах.

Прошлой ночью я посмотрел картину шестнадцатый раз (с премьер-министром Цейлона), а перед этим — в Нью-Йорке с генеральным секретарем У Таном. Впрочем, сколько я её ни смотрю, такое впечатление, будто с каждым разом она становится только лучше; и я говорю это без самодовольства, поскольку успех фильма считаю в гораздо большей степени достижением Стэнли Кубрика, нежели своим собственным.

Вы спрашиваете, есть ли различие между западным и русским восприятием, но, в сущности, Ваше же письмо доказывает обратное! Мне крайне редко встречались отзывы, подобные Вашему, среди западных коллег. Впрочем, доктор Алла Масевич, которая, я уверен, является достойным членом партии, подошла ко мне после просмотра

в Вене и рассказала, какое сильное впечатление произвело на неё философское содержание фильма!

Кстати, Вам, вероятно, уже известно, что в Голливуде он завоевал четыре «Оскара» и, в соответствии с оценками мировой критики, был признан лучшим фильмом 1968 года. Об этом только что заявили итальянцы, и мне придется ехать в Рим для получения награды. (Я также слышал, что сам Папа Римский одобрил это решение!)

Но, в любом случае, я очень рад, что Вы искренне выразили свои чувства, ибо друзьям должно так поступать даже в том случае, когда их мнения расходятся.

Я надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии, и снова с нетерпением жду от Вас вестей. Как мы говорим по-английски, давайте вместе 20 июля «держать пальцы скрещёнными на удачу».

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш,
Артур Кларк

Перевод Л. Михайловой

П. ШАЙЛЕР МИЛЛЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ

15 января 1969 г.
4805 Сентр Авеню, ***
Питтсбург, Пенсильвания 15213

Уважаемый профессор Ефремов,

Джон Кэмпбелл, редактор «Аналога», прислал мне копию Вашего интересного письма от 29 ноября прошлого года. Уверяю Вас, что Вы слишком скромны. Большинству американских читателей научной фантастики известны Ваши увлекательные рассказы, по крайней мере, те немногие, которые были переведены на английский язык «Издательством иностранных языков» и включены затем в английские и американские антологии. Из тех, которые Вы упомянули, я с удовольствием прочёл «Туманность Андромеды», «Сердце Змеи», но рассказ «Звёздные корабли» мне не встречался.

Как и Вы, многие американские писатели и фантасты получили естественнонаучное образование и, увлёкшись научной фантастикой, пишут рассказы. Мистер Кэмпбелл имеет степень по физике, а я по химии. Мы оба закончили университет во время Великой депрессии, и нам оказалось легче найти работу в других областях. Как известно, Кэмпбелл стал редактором журнала почти сразу по окончании колледжа. Сейчас я научный редактор компании «Fisher Scientific», ведущего изготовителя и поставщика лабораторного оборудования и химических реактивов. Я пытаюсь немного заниматься археологией. И даже некоторое время редактировал ежеквартальный журнал общества археологов Пенсильвании.

Ваше предложение Алана Майерса в качестве составителя и переводчика русской научной фантастики постараюсь выполнить. С Вашего позволения, я исследую три-четыре возможных варианта.

1) Хотя я давно не писал и не издавал никакие научно-фантастические книги, у меня есть адрес агента нескольких ведущих писателей, который предложил представлять мои интересы, если я напишу что-нибудь. Я попрошу его узнать, не заинтересован ли какой-нибудь американский издатель в публикации новой антологии русской научной фантастики, как Вы и предложили, и на каких условиях.

Я хотел бы принять участие в редактировании совместно с доктором Майерсом. Мы должны будем договориться о том, как по справедливости разделить прибыль от продажи книги с писателями, чьи рассказы будут отобраны. Так как вовлечены в это

дело три страны, то могут возникнуть сложности, но этого мы не узнаем, пока не начнём. Конечно, будет необходимо ознакомиться с некоторыми работами доктора Майерса как переводчика. (У меня, как и у Вас, я уверен, были сложности со специальными книгами, переведёнными людьми, не имеющими необходимых знаний в области естественных наук.) Одной из самых худших была популярная книга о начале советских космических исследований, переведённая с русского на итальянский, с итальянского на английский, а затем опубликованная американским издательством со множеством типографских ошибок.

Кстати, разрешите поздравить Вас и вашу страну с удачей — ведь сейчас в космосе четыре ваших космонавта. Я не слушал радио сегодня вечером и не знаю, произошла ли стыковка двух кораблей, но мы все знаем, что успех — только вопрос времени.

Я иногда думаю: а без фантазии и энтузиазма таких писателей, как Циолковский, Вы сами и множество авторов из других стран, собрались ли бы СССР или США, побеспокоились бы выйти в космос так быстро?

Писатели и читатели научной фантастики всегда знали, что это возможно, и верили в осуществимость космических полётов, в то время как большинство людей считало это невозможным.

2) Если мой агент не сможет найти издателя, который хотел бы заключить контракт на публикацию такой антологии, то я напишу Роберту Силвербергу, бывшему президенту Ассоциации писателей-фантастов Америки. Он издал много книг и составил множество антологий — может, ему удастся, в отличие от меня, легче достичь соглашения с одним из издателей.

3) Если ни мне, ни Силвербергу не повезёт, я предлагаю передать эту идею прежнему редактору английского научно-фантастического журнала «Новые миры», который был моим агентом по продаже Европейских прав на старые рассказы. Английские издатели могут оказаться более восприимчивы, чем американцы, к идее создания новой антологии русской научной фантастики, и мистер Карнелл может связаться с доктором Майерсом непосредственно, если Вы дадите его адрес.

Вероятно, с этого варианта и следовало начать, но, в силу свойственного мне эгоизма, я сам хотел бы попытать удачи.

4) Если ни один из этих вариантов не сработает, по крайней мере, могу рекомендовать доктора Майерса редакторам американских журналов, которые время от времени публикуют русскую и европейскую научную фантастику. До сих пор они перепечатывали переводы Мирры Гинсбург (очень хорошие) и некоторых других переводчиков.

Возможно, Вам будет интересно узнать, что я получил письмо от Т. П. Рондоманского из организации, которая называется «Исследования иностранных языков», в Индепенденсе (штат Миссури). Он, к сожалению, думал, что я знаю русский, и прислал мне копии некоторых статей о научной фантастике на русском, которые для меня, что называется, китайская грамота. (По крайней мере, то, что напечатано кириллицей.) Мой бывший коллега по «Fisher Scientific», работающий теперь в журнале «Chemical Abstracts», может быть, переведёт их для меня.

Спасибо Вам за письмо и предложение. Я Вам сообщу, какие у меня будут успехи.

Искренне Ваш.
П. Шайлер Миллер

Перевод Л. Михайловой

Содержание

Предисловие 5

1930
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 22 июля 1930 г. 11
2. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ВЕРНАДСКОМУ 19 ноября 1930 г. 11

1934
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 16 ноября 1934 г. 13

1935
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 27 апреля 1935 г. 15
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 22 октября 1935 г. 17

1936
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 16 января 1936 г. 19
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 22 сентября 1936 г. 19
3. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 28 октября 1936 г. 20
4. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 8 декабря 1936 г. 20
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 30 декабря 1936 г. 21
6. И. А. ЕФРЕМОВ — С. Т. МАШИНСКОМУ 1936 г. 22

1937
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 1937 г. 24
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 9 января 1937 г. 25
3. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 19 января 1937 г. 26
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 7 марта 1937 г. 28
5. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ Не ранее 1 апреля 1937 г. 30
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 25 мая 1937 г. 30
7. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. РЯБИНИНУ 13 октября 1937 г. 32
8. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 31 октября 1937 г. 33
9. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 25 ноября 1937 г. 34
10. Ф. фон ХЮНЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 декабря 1937 г. 35
11. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ 21 декабря 1937 г. 36

1938
1. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ 28 февраля 1938 г. 37
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 2 августа 1938 г. 37
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ 12 сентября 1938 г. 38
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ 10 ноября 1938 г. 39

1939
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 2 января 1939 г. 40
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 27 января 1939 г. 41

3. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 1 июня 1939 г. ... 43
4. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 18 июля 1939 г. ... 45
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 9 ноября 1939 г. ... 46
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ 4 декабря 1939 г. ... 48
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 18 декабря 1939 г. ... 49

1940

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 18 февраля 1940 г. ... 52
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 11 апреля 1940 г. ... 56
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 10 мая 1940 г. ... 57
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. БЕРГУ 21 мая 1940 г. ... 58
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 24 мая 1940 г. ... 59
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 13 июня 1940 г. ... 61
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 5 июля 1940 г. ... 61
8. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 7 сентября 1940 г. ... 62
9. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 12 сентября 1940 г. ... 64
10. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 10 ноября 1940 г. ... 65

1941

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 15 марта 1941 г. ... 68
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 17 сентября 1941 г. ... 70
3. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 29 декабря 1941 г. ... 73

1942

1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 20 января 1942 г. ... 74
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 5 февраля 1942 г ... 74
3. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 17 февраля 1942 г. ... 75
4. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 3 марта 1942 г. ... 76
5. Б. Е. РОДЕНДОРФ — А. А. БОРИСЯКУ 4 марта 1942 г. ... 79
6. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 13 марта 1942 г. ... 79
7. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 16 марта 1942 г. ... 81
8. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 24 марта 1942 г. ... 83
9. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 29 марта 1942 г. ... 84
10. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 1 апреля 1942 г. ... 85
11. М. Н. МИХАЙЛОВ — А. А. БОРИСЯКУ 2 апреля 1942 г. ... 86
12. Е. Д. КОНЖУКОВА — А. А. БОРИСЯКУ 16 апреля 1942 г. ... 87
13. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 14 июня 1942 г. ... 87
14. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 30 июня 1942 г. ... 89
15. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 27 августа 1942 г. ... 89
16. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 5 сентября 1942 г. ... 91
17. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 9 сентября 1942 г. ... 93
18. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 16 сентября 1942 г. ... 94
19. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 19 сентября 1942 г. ... 97
20. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 19 сентября 1942 г. ... 98
21. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 22 сентября 1942 г. ... 99
22. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 21 октября 1942 г. ... 103
23. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 28 ноября 1942 г. ... 105
24. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 5 декабря 1942 г. ... 106
25. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 22 декабря 1942 г. ... 106
26. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 24 декабря 1942 г. ... 108

1943
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 10 февраля 1943 г. 111
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 19 мая 1943 г. 111
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 8 августа 1943 г. 113
4. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 13 августа 1943 г. 113
5. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 5 ноября 1943 г. 113
6. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 16 ноября 1943 г. 114
7. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. БОРИСЯКУ 19 ноября 1943 г. 115
8. Б. ЕВГЕНЬЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 декабря 1943 г. 116

1944
1. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 января 1944 г. 117
2. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 января 1944 г. 118
3. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 марта 1944 г. 121
4. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 марта 1944 г. 122
5. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 апреля 1944 г. 124
6. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 августа 1944 г. 125
7. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 октября 1944 г. 127
8. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 октября 1944 г. 128
9. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 ноября 1944 г. 130
10. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 1 декабря 1944 г. 134
11. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 декабря 1944 г. 134
12. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. В. ПУСТОВАЛОВУ 28 декабря 1944 г. 137

1945
1. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 февраля 1945 г. 138
2. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 марта 1945 г. 140
3. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 мая 1945 г. 141
4. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 июня 1945 г. 144
5. И. А. ЕФРЕМОВ — М. Я. 9 сентября 1945 г. 145

1946
1. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 8 сентября 1946 г. 147

1947
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 20 февраля 1947 г. 149
2. И. А. ЕФРЕМОВ — В. Н. БЕЛЕНОВСКОМУ 14 марта 1947 г. 150
3. И. А. ЕФРЕМОВ — В. Н. БЕЛЕНОВСКОМУ 25 апреля 1947 г. 151
4. И. А. ЕФРЕМОВ — В. Н. БЕЛЕНОВСКОМУ 7 мая 1947 г. 152
5. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 9 июня 1947 г. 153
6. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 июня 1947 г. 154
7. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 15 июня 1947 г. 156
8. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 27 июня 1947 г. 158
9. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 29 июня 1947 г. 159
10. И. А. ЕФРЕМОВ — С. И. ВАВИЛОВУ 5 июля 1947 г. 160
11. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 19 июля 1947 г. 162
12. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 30 июля 1947 г. 163
13. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 2 декабря 1947 г. 164

1948
1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 10 февраля 1948 г. 166
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 19 февраля 1948 г. 167
3. Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 марта 1948 г. 171

4. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 14 марта 1948 г. ... 172
5. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 16 марта 1948 г. ... 177
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 8 апреля 1948 г. ... 177
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 13 апреля 1948 г. ... 178
8. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 20 апреля 1948 г. ... 185
9. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 25 апреля 1948 г. ... 186
10. Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Май 1948 г. ... 187
11. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 1 июня 1948 г. ... 188
12. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 8 августа 1948 г. ... 191
13. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 27 сентября 1948 г. ... 191
14. Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Октябрь 1948 г. ... 192
15. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 14 ноября 1948 г. ... 193

1949

1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 10 мая 1949 г. ... 195
2. КОЛЛЕКТИВ 3-Й МОНГОЛЬСКОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР — Д.В. ОБРУЧЕВУ 29 июля 1949 г. ... 197
3. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 20 ноября 1949 г. ... 197

1950

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 25 февраля 1950 г. ... 199
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 23 апреля 1950 г. ... 199
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 23 апреля 1950 г. ... 200
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 25 апреля 1950 г. ... 201
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 29 мая 1950 г. ... 203
6. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 1 июня 1950 г. ... 204
7. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 9 июня 1950 г. ... 205
8. В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 июня 1950 г. ... 207
9. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 27 ноября 1950 г. ... 208
10. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 16 декабря 1950 г. ... 209
11. Ю. А. ЖЕМЧУЖНИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Не позднее 25 декабря 1950 г. ... 211

1951

1. В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 января 1951 г. ... 213
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 26 января 1951 г. ... 214
3. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 18 мая 1951 г. ... 215
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ18 мая 1951 г. ... 216
5. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 1 июня 1951 г. ... 217
6. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 3 августа 1951 г. ... 218
7. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 21 ноября 1951 г. ... 219
8. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 1 декабря 1951 г. ... 219
9. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 13 декабря 1951 г. ... 221

1952

1. В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 января 1952 г. ... 222
2. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 31 января 1952 г. ... 223
3. В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 февраля 1952 г. ... 224
4. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 29 февраля 1952 г. ... 224
5. В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 марта 1952 г. ... 225
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. В. ПУСТОВАЛОВУ 15 марта 1952 г. ... 225
7. И. А. ЕФРЕМОВ — О. Ю.ШМИДТУ 15 марта 1952 г. ... 226

8. В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 марта 1952 г. ... 226
9. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 20 марта 1952 г. ... 227
10. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 20 апреля 1952 г. ... 228
11. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 20 мая 1952 г. ... 229
12. В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 июня 1952 г. ... 231
13. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 17 июня 1952 г. ... 232
14. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 1 июля 1952 г. ... 234
15. И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 23 июля 1952 г. ... 235
16. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. ШАБАРИНОЙ 11 ноября 1952 г. ... 235
17. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 23 ноября 1952 г. ... 236
18. В. А. ОБРУЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 декабря 1952 г. ... 237
19. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 22 декабря 1952 г. ... 237

1953

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 15 мая 1953 г. ... 239
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 2 июня 1953 г. ... 239
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 24 июля 1953 г. ... 240
4. И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ОПАРИНУ 13 августа 1953 г. ... 241
5. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 2 ноября 1953 г. ... 241
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 16 ноября 1953 г. ... 242
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 20 ноября 1953 г. ... 243
8. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 16 декабря 1953 г. ... 243
9. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ОБРУЧЕВУ 22 декабря 1953 г. ... 245
10. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. М. С. УОТСОНУ 22 декабря 1953 г. ... 246

1954

1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 13 января 1954 г. ... 248
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 17 мая 1954 г. ... 249
3. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 17 мая 1954 г. ... 250
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. И. ЩЕРБАКОВУ 27 мая 1954 г. ... 251
5. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 22 июля 1954 г. ... 255
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. Б. ГУРФИНКЕЛЮ 25 августа 1954 г. ... 256
7. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 19 ноября 1954 г. ... 257
8. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 29 ноября 1954 г. ... 257

1955

1. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 5 января 1955 г. ... 258
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 6 января 1955 г. ... 259
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 12 января 1955 г. ... 260
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 9 марта 1955 г. ... 262
5. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 декабря 1955 г. ... 262
6. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 6 августа 1955 г. ... 263
7. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 17 октября 1955 г. ... 264
8. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 17 октября 1955 г. ... 266
9. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 20 декабря 1955 г. ... 266
10. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 декабря 1955 г. ... 267
11. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 24 декабря 1955 г. ... 269

1956

1. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 января 1956 г. ... 271
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 31 января 1956 г. ... 271
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 31 января 1956 г. ... 272

4. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 февраля 1956 г. ... 273
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 8 февраля 1956 г. ... 275
6. Н. М. ШОМЫСОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 февраля 1956 г. ... 275
7. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 21 марта 1956 г. ... 276
8. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 14 апреля 1956 г. ... 277
9. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 6 мая 1956 г. ... 278
10. И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. и Л. И. ХОЗАЦКИМ 18 мая 1956 г. ... 278
11. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 20 мая 1956 г. ... 279
12. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 июня 1956 г. ... 279
13. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 5 июня 1956 г. ... 280
14. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 июня 1956 г. ... 281
15. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 20 июня 1956 г. ... 282
16. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 8 июля 1956 г. ... 282
17. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 июля 1956 г. ... 283
18. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 20 июля 1956 г. ... 284
19. А. П. БЫСТРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 июля 1956 г. ... 284
20. И. А. ЕФРЕМОВ — А. П. БЫСТРОВУ 30 июля 1956 г. ... 285
21. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 августа 1956 г. ... 285
22. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 5 августа 1956 г. ... 286
23. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 19 августа 1956 г. ... 287
24. И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 августа 1956 г. ... 288
25. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 22 августа 1956 г. ... 288
26. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 сентября 1956 г. ... 289
27. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. и И. М. МАЙСКИМ 15 сентября 1956 г. ... 290
28. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 21 сентября 1956 г. ... 290
29. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 сентября 1956 г. ... 291
30. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. Д. КОНЖУКОВОЙ 15 ноября 1956 г. ... 293
31. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 ноября 1956 г. ... 293
32. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 20 ноября 1956 г. ... 294
33. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 декабря 1956 г. ... 295

1957

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 14 января 1957 г. ... 296
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 1 февраля 1957 г. ... 296
3. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 февраля 1957 г. ... 299
4. И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 марта 1957 г. ... 300
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 19 марта 1957 г. ... 300
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 23 апреля 1957 г. ... 304
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 5 мая 1957 г. ... 305
8. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 мая 1957 г. ... 306
9. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 10 мая 1957 г. ... 306
10. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 мая 1957 г. ... 308
11. А. К. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 24 мая 1957 г. ... 309
12. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 29 мая 1957 г. ... 311
13. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 31 мая 1957 г. ... 311
14. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 июня 1957 г. ... 312
15. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 9 июня 1957 г. ... 312
16. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 22 июня 1957 г. ... 313
17. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 29 июня 1957 г. ... 313
18. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 июля 1957 г. ... 314
19. И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 7 июля 1957 г. ... 315

20. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 10 июля 1957 г. ... 316
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 12 июля 1957 г. ... 317
22. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 12 июля 1957 г. ... 319
23. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 18 июля 1957 г. ... 320
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 31 июля 1957 г. ... 320
25. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ВАДЕЦКОМУ 1 августа 1957 г. ... 321
26. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 11 августа 1957 г. ... 321
27. И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 20 августа 1957 г. ... 322
28. И. А. ЕФРЕМОВ — П. П. РУБЦОВУ 27 августа 1957 г. ... 322
29. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 сентября 1957 г. ... 323
30. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 8 октября 1957 г. ... 323
31. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 октября 1957 г. ... 324
32. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 17 октября 1957 г. ... 325
33. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 29 октября 1957 г. ... 325
34. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 7 ноября 1957 г. ... 325
35. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 19 ноября 1957 г. ... 326
36. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 15 декабря 1957 г. ... 326
37. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 28 декабря 1957 г. ... 327
38. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 28 декабря 1957 г. ... 327
39. Е. П. БРАНДИС — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ Декабрь 1957 г. ... 327

1958

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ Январь 1958 г. ... 328
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 1 января 1958 г. ... 328
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 9 января 1958 г. ... 328
4. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 13 января 1958 г. ... 329
5. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 января 1958 г. ... 331
6. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 8 февраля 1958 г. ... 331
7. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 8 февраля 1958 г. ... 332
8. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 11 февраля 1958 г. ... 333
9. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 февраля 1958 г. ... 333
10. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 22 февраля 1958 г. ... 333
11. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 25 февраля 1958 г. ... 335
12. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 марта 1958 г. ... 335
13. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 10 марта 1958 г. ... 336
14. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 21 марта 1958 г. ... 337
15. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 23 марта 1958 г. ... 337
16. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 26 апреля 1958 г. ... 339
17. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 6 мая 1958 г. ... 340
18. П. К. ЧУДИНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 июня 1958 г. ... 340
19. И. А. ЕФРЕМОВ – Е. А. ГАВРИЛОВУ 30 июня 1958 г. ... 341
20. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 1 июля 1958 г. ... 341
21. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 9 июля 1958 г. ... 342
22. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 11 июля 1958 г. ... 343
23. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 июля 1958 г. ... 344
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. Б. ВАДЕЦКОЙ 18 июля 1958 г. ... 344
25. Ю. Н. РЕРИХ — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 июля 1958 г. ... 345
26. И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 4 августа 1958 г. ... 345
27. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 26 сентября 1958 г. ... 346
28. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 7 октября 1958 г. ... 348
29. И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 декабря 1958 г. ... 350

30. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 24 декабря 1958 г. ... 351
31. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 27 декабря 1958 г. ... 351
32. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 декабря 1958 г. ... 352

1959

1. Т. И. ЮХНЕВСКАЯ, И. А. ЕФРЕМОВ — ДМИТРЕВСКИМ Январь 1959 г. ... 353
2. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 18 января 1959 г. ... 354
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 23 января 1959 г. ... 355
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 18 февраля 1959 г. ... 357
5. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 19 февраля 1959 г. ... 358
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 19 февраля 1959 г. ... 359
7. В. ГЛУШКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 февраля 1959 г. ... 360
8. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 3 марта 1959 г. ... 361
9. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 30 марта 1959 г. ... 362
10. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 8 апреля 1959 г. ... 363
11. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 3 мая 1959 г. ... 363
12. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 4 мая 1959 г. ... 364
13. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 25 мая 1959 г. ... 365
14. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 12 июня 1959 г. ... 366
15. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 16 июня 1959 г. ... 366
16. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 25 июня 1959 г. ... 367
17. ТАЙ ПЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 июня 1959 г. ... 368
18. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. Г. ЕГОРОВУ 13 июля 1939 г. ... 368
19. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 июля 1959 г. ... 369
20. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 9 августа 1959 г. ... 370
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 20 августа 1959 г. ... 370
22. ТАЙ ПЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 августа 1959 г. ... 370
23. ТАЙ ПЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ Сентябрь 1959 г. ... 371
24. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 9 сентября 1959 г. ... 372
25. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 22 сентября 1959 г. ... 372
26. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. Б. ВАДЕЦКОЙ 16 октября 1959 г. ... 373
27. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ 20 октября 1959 г. ... 373
28. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 15 ноября 1959 г. ... 374
29. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 17 ноября 1959 г. ... 375
30. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 18 ноября 1959 г. ... 376
31. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ДЕГТЯРЁВУ 3 декабря 1959 г. ... 377
32. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 3 декабря 1959 г. ... 377

1960

1. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 7 января 1960 г. ... 379
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 8 января 1960 г. ... 380
3. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 13 января 1960 г. ... 381
4. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. НЕСМЕЯНОВУ 26 января 1960 г. ... 385
5. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 1 февраля 1960 г. ... 386
6. О. К. АНТОНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 февраля 1960 г. ... 387
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. Б. ГУРФИНКЕЛЮ 14 февраля 1960 г. ... 388
8. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 24 февраля 1960 г. ... 388
9. А. А. ЖАЛЕЙКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 февраля 1960 г. ... 389
10. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 12 марта 1960 г. ... 391
11. И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 марта 1960 г. ... 391
12. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 5 апреля 1960 г. ... 392
13. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 5 апреля 1960 г. ... 392

14. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 25 мая 1960 г. ... 393
15. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 10 июня 1960 г. ... 393
16. И. А. ЕФРЕМОВ — Т. А. ЧЕРНЫШЕВОЙ 10 июня 1960 г. ... 394
17. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 20 июня 1960 г. ... 396
18. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 20 июня 1960 г. ... 396
19. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 20 июля 1960 г. ... 397
20. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. А. ТРОФИМОВУ 4 августа 1960 г. ... 397
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 12 сентября 1960 г. ... 398
22. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 20 сентября 1960 г. ... 399
23. И. А. ЕФРЕМОВ — В. Г. КАСЬЯНЕНКО 12 октября 1960 г. ... 399
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 23 октября 1960 г. ... 399
25. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. Б. ВАДЕЦКОЙ 28 октября 1960 г. ... 401
26. И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ПОГОРЕЛОМУ 29 октября 1960 г. ... 401
27. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 26 ноября 1960 г. ... 402
28. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 5 декабря 1960 г. ... 403
29. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 1960 г. ... 404
30. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 1960 г. ... 405
31. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1960 г. ... 406

1961

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 1961 г. ... 408
2. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 1 января 1961 г. ... 408
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 4 января 1961 г. ... 409
4. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 9 января 1961 г. ... 411
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ПЕРМЯКОВУ 11 января 1961 г. ... 411
6. И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ПОГОРЕЛОМУ 13 января 1961 г. ... 414
7. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 4 февраля 1961 г. ... 415
8. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 12 февраля 1961 г. ... 417
9. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 13 февраля 1961 г. ... 418
10. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 25 февраля 1961 г. ... 418
11. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 29 марта 1961 г. ... 419
12. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 3 апреля 1961 г. ... 424
13. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 10 апреля 1961 г. ... 424
14. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ 17 апреля 1961 г. ... 426
15. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. ЖАЛЕЙКО 28 апреля 1961 г. ... 427
16. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 29 апреля 1961 г. ... 427
17. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ 21 мая 1961 г. ... 428
18. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 27 мая 1961 г. ... 429
19. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ 17 июня 1961 г. ... 430
20. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 20 июня 1961 г. ... 431
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 27 июня 1961 г. ... 434
22. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 28 июня 1961 г. ... 435
23. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ 28 июня 1961 г. ... 435
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. И. ГУРЕВИЧУ 29 июня 1961 г. ... 436
25. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 7 августа 1961 г. ... 437
26. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 13 августа 1961 г. ... 437
27. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 августа 1961 г. ... 437
28. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 18 августа 1961 г. ... 438
29. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Н. ЗАЙЦЕВУ Август 1961 г. ... 438
30. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 25 августа 1961 г. ... 439
31. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 3 октября 1961 г. ... 440

32. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 5 декабря 1961 г. 440
33. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 12 декабря 1961 г. 441

1962

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 3 января 1962 г. 442
2. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 января 1962 г. 443
3. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 7 января 1962 г. 444
4. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 8 января 1962 г. 445
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 11 января 1962 г. 447
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. А. ОРЛОВУ 31 января 1962 г. 448
7. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 31 января 1962 г. 450
8. Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 февраля 1962 г. 451
9. Ю. А. ОРЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 февраля 1962 г. 452
10. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 15 февраля 1962 г. 457
11. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 1 марта 1962 г. 459
12. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 марта 1962 г. 459
13. Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 апреля 1962 г. 460
14. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 9 июня 1962 г. 461
15. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 26 июня 1962 г 462
16. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 12 августа 1962 г. 463
17. Е. А. БЛАГИНИНА и М. И. ПОСТУПАЛЬСКАЯ —
И. А. ЕФРЕМОВУ 13 августа 1962 г. 463
18. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 18 августа 1962 г. 466
19. И. А. ЕФРЕМОВ — В. А. ИВАНОВОЙ 5 сентября 1962 г. 466
20. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 18 сентября 1962 г. 467
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ПЕРМЯКОВУ 14 октября 1962 г. 468
22. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 октября 1962 г. 469
23. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 ноября 1962 г. 470
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 22 ноября 1962 г. 472
25. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 22 ноября 1962 г. 472
26. И. М. МАЙСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 декабря 1962 г. 473
27. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 19 декабря 1962 г. 473
28. ? — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 декабря 1962 г. 474
29. И. А. ЕФРЕМОВ — Ф. фон ХЮНЕ 27 декабря 1962 г. 475
30. А. К. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 31 декабря 1962 г. 476

1963

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Д. В. ОБРУЧЕВУ 5 января 1963 г. 477
2. Н. Н. СЕМЁНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 января 1963 г. 478
3. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 17 февраля 1963 г. 478
4. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 3 марта 1963 г. 479
5. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 9 марта 1963 г. 480
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 19 марта 1963 г. 482
7. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 14 апреля 1963 г. 482
8. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 19 апреля 1963 г. 483
9. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 1 мая 1963 г. 484
10. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 2 мая 1963 г. 485
11. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 19 мая 1963 г. 487
12. И. А. ЕФРЕМОВ — С. А. ВОРОНИНУ 12 июня 1963 г. 488
13. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 15 июня 1963 г. 489
14. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 16 августа 1963 г. 491
15. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 24 августа 1963 г. 492

16. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 24 августа 1963 г. 492
17. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. Б. ГУРФИНКЕЛЮ 21 сентября 1963 г. 493
18. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 14 октября 1963 г. 493
19. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 31 октября 1963 г. 496
20. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 5 ноября 1963 г. 497
21. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 13 (15?) ноября 1963 г. 498
22. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. и И. М. МАЙСКИМ 13 ноября 1963 г. 499
23. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 20 ноября 1963 г. 499
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. М. НЕВИШНИМУ 26 ноября 1963 г. 500
25. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 28 ноября 1963 г. 501
26. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ПЕРМЯКОВУ 20 декабря 1963 г. 502
27. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 29 декабря 1963 г. 502
28. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. М. НЕВИШНИМУ 30 декабря 1963 г. 504
29. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 1963 г. 504

1964

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 6 января 1964 г. 505
2. И. А. ЕФРЕМОВ — В. ВУРЦ 9 января 1964 г. 505
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 15 января 1964 г. 506
4. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 января 1964 г. 506
5. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 17 января 1964 г. 507
6. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Г. 11 февраля 1964 г. 508
7. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 марта 1964 г. 508
8. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 27 марта 1964 г. 509
9. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 31 марта 1964 г. 510
10. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 18 апреля 1964 г. 511
11. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. ТРОФИМЕНКО 24 апреля 1964 г. 511
12. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 25 апреля 1964 г. 512
13. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 апреля 1964 г. 513
14. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 28 апреля 1964 г. 514
15. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 5 мая 1964 г. 514
16. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 7 мая 1964 г. 515
17. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 7 мая 1964 г. 515
18. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 29 июня 1964 г. 517
19. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 июня 1964 г. 519
20. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 14 июля 1964 г. 521
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. М. НЕВИШНИМУ 23 июля 1964 г. 522
22. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 23 июля 1964 г. 522
23. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 24 июля 1964 г. 523
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. С. КУЧКОВОЙ 25 июля 1964 г. 525
25. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 29 июля 1964 г. 526
26. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 августа 1964 г. 526
27. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 августа 1964 г. 531
28. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 26 августа 1964 г. 535
29. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 августа 1964 г. 536
30. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 27 августа 1964 г. 538
31. И. А. ЕФРЕМОВ — А. З. ЗЕНОВУ 30 августа 1964 г. 539
32. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Г. АЛЕКСЕЕВУ 30 августа 1964 г. 539
33. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 10 сентября 1964 г. 540
34. И. А. ЕФРЕМОВ — А. З. ЗЕНОВУ 18 сентября 1964 г. 541
35. И. А. ЕФРЕМОВ — П. К. ЧУДИНОВУ 25 октября 1964 г. 541

36. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 22 ноября 1964 г. 543
37. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ 25 ноября 1964 г. 544
38. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 10 декабря 1964 г. 545
39. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ Декабрь 1964 г. 546
40. Л. и А. СТРУГАЦКИЕ — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ 28 декабря 1964 г. 546
41. И. А. ЕФРЕМОВ — В. ВУРЦ 1964 г. 546
42. И. А. ЕФРЕМОВ — ДМИТРЕВСКИМ Декабрь 1964 г. 547
43. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Декабрь 1964 г. 547
44. В. П. ЭФРОИМСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1964 г. 547

1965

1. Н. Н. ИОРДАНСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 января 1965 г. 552
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 10 января 1965 г. 552
3. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 10 января 1965 г. 553
4. И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 10 января 1965 г. 553
5. Ф. ВАН ВАЙК МЕЙСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 января 1965 г. 555
6. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 18 января 1965 г. 556
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 6 февраля 1965 г. 557
8. Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 февраля 1965 г. 557
9. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 7 февраля 1965 г. 562
10. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 23 февраля 1965 г. 563
11. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 марта 1965 г. 564
12. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 марта 1965 г. 564
13. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 14 марта 1965 г. 567
14. РЮ МИЦУСЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 марта 1965 г. 568
15. Д. ГАБОР — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 марта 1965 г. 568
16. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 25 марта 1965 г. 570
17. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 2 апреля 1965 г. 570
18. Б. ГРЖИМЕК — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 апреля 1965 г. 571
19. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 апреля 1965 г. 572
20. Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 апреля 1965 г. 575
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 29 апреля 1965 г. 580
22. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ Апрель 1965 г. 580
23. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1965 г. 581
24. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 1 мая 1965 г. 581
25. И. А. ЕФРЕМОВ — А. З. ЗЕНОВУ 3 мая 1965 г. 581
26. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 8 мая 1965 г. 583
27. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 10 мая 1965 г. 583
28. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 14 мая 1965 г. 584
29. Л. Д. ЛОМАКИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 мая 1965 г. 584
30. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 мая 1965 г. 585
31. В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 мая 1965 г. 587
32. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 мая 1965 г. 590
33. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 мая 1965 г. 590
34. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 июня 1965 г. 591
35. Ф. ВАН ВАЙК МЕЙСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 июня 1965 г. 592
36. М. Р. САХНИ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 июля 1965 г. 593
37. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 6 июля 1965 г. 594
38. Ф. В. БАССИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 июля 1965 г. 595
39. Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 июля 1965 г. 596
40. И. ПЛАХЕТКА — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 июля 1965 г. 597

41. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 21 июля 1965 г. ... 597
42. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 июля 1965 г. ... 598
43. БАЛДЕВ СИНГХ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 июля 1965 г. ... 602
44. И. А. ЕФРЕМОВ — И. ПЛАХЕТКЕ 27 июля 1965 г. ... 603
45. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 августа 1965 г. ... 603
46. И. ПЛАХЕТКА — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 августа 1965 г. ... 606
47. Д. М. ДАЧЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 августа 1965 г. ... 606
48. БАЛДЕВ СИНГХ — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 августа 1965 г. ... 607
49. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 августа 1965 г. ... 608
50. Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 августа 1965 г. ... 609
51. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ Август 1965 г. ... 610
52. Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 сентября 1965 г. ... 610
53. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 сентября 1965 г. ... 611
54. Л. И. ХОЗАЦКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 сентября 1965 г. ... 611
55. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 сентября 1965 г. ... 613
56. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 сентября 1965 г. ... 614
57. Ж. МУССО — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 сентября 1965 г. ... 616
58. БАЛДЕВ СИНГХ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 сентября 1965 г. ... 619
59. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 октября 1965 г. ... 620
60. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 октября 1965 г. ... 621
61. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 октября 1965 г. ... 624
62. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 15 октября 1965 г. ... 627
63. Ж. МУССО — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 октября 1965 г. ... 627
64. Б. ХОЙЛ — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 октября 1965 г. ... 627
65. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 октября 1965 г. ... 628
66. Н. В. МАНОХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 ноября 1965 г. ... 630
67. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 3 ноября 1965 г. ... 633
68. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 ноября 1965 г. ... 634
69. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 ноября 1965 г. ... 634
70. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 10 ноября 1965 г. ... 634
71. Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 ноября 1965 г. ... 635
72. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И.ДМИТРЕВСКОМУ 17 ноября 1965 г. ... 636
73. Н. В. МАНОХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 ноября 1965 г. ... 636
74. Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 ноября 1965 г. ... 637
75. Н. В. МАНОХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 ноября 1965 г. ... 638
76. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 декабря 1965 г. ... 643
77. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 24 декабря 1965 г. ... 645
78. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 24 декабря 1965 г. ... 646
79. Н. МУЗАЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 декабря 1965 г. ... 646
80. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 декабря 1965 г. ... 646
81. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 26 декабря 1965 г. ... 649
82. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ Не ранее сентября 1965 г. ... 649
83. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А.ЕФРЕМОВУ Декабрь 1965 г. ... 650
84. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ Декабрь 1965 г. ... 650
85. М. и Е. ПАВЛОВСКИЕ — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ Декабрь 1965 г. ... 650

1966

1. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 января 1966 г. ... 651
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Ю. Е. ФЕДЬКОВУ 14 января 1966 г. ... 651
3. Н. В. МАНОХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 января 1966 г. ... 652
4. И. А. ЕФРЕМОВ — И. М. МАЙСКОМУ 16 января 1966 г. ... 655

5. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. М. НЕВИШНИМУ 17 января 1966 г. ... 655
6. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 января 1966 г. ... 656
7. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 января 1966 г. ... 656
8. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 30 января 1966 г. ... 660
9. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 февраля 1966 г. ... 661
10. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 24 февраля 1966 г. ... 662
11. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 2 марта 1966 г. ... 662
12. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 5 марта 1966 г. ... 662
13. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 марта 1966 г. ... 663
14. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 марта 1966 г. ... 666
15. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 марта 1966 г. ... 669
16. И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 21 марта 1966 г. ... 670
17. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 3 апреля 1966 г. ... 670
18. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 4 апреля 1966 г. ... 671
19. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 апреля 1966 г. ... 671
20. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 28 апреля 1966 г. ... 672
21. И. А. ЕФРЕМОВ — А. С. ГУДКОВУ 4 мая 1966 г. ... 673
22. В. Г. ФИЛАТОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Май 1966 г. ... 673
23. И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 4 мая 1966 г. ... 674
24. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 6 мая 1966 г. ... 674
25. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 8 мая 1966 г. ... 675
26. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 17 мая 1966 г. ... 677
27. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 мая 1966 г. ... 678
28. А. В. КРОМПТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 мая 1966 г. ... 680
29. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 14 июня 1966 г. ... 681
30. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 15 июня 1966 г. ... 682
31. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 15 июня 1966 г. ... 682
32. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 28 июня 1966 г. ... 683
33. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 1 июля 1966 г. ... 684
34. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 2 июля 1966 г. ... 684
35. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 3 июля 1966 г. ... 685
36. Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 июля 1966 г. ... 686
37. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 июля 1966 г. ... 686
38. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 июля 1966 г. ... 687
39. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 31 июля 1966 г. ... 690
40. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ Июль 1966 г. ... 692
41. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ Август 1966 г. ... 693
42. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 4 августа 1966 г. ... 694
43. В. ЛЮКА — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 августа 1966 г. ... 694
44. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 5 августа 1966 г. ... 695
45. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 августа 1966 г. ... 696
46. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 11 августа 1966 г. ... 697
47. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 20 августа 1966 г. ... 699
48. И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 31 августа 1966 г. ... 700
49. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 31 августа 1966 г. ... 700
50. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 1 сентября 1966 г. ... 701
51. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 сентября 1966 г. ... 701
52. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 сентября 1966 г. ... 702
53. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 сентября 1966 г. ... 704
54. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 октября 1966 г. ... 710
55. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ 5 октября 1966 г. ... 712

56. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 5 октября 1966 г. ... 712
57. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 октября 1966 г. ... 718
58. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 октября 1966 г. ... 722
59. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 октября 1966 г. ... 725
60. Т. ШВЕЦЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 октября 1966 г. ... 727
61. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 ноября 1966 г. ... 728
62. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 ноября 1966 г. ... 730
63. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 ноября 1966 г. ... 732
64. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 13 ноября 1966 г. ... 733
65. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 ноября 1966 г. ... 734
66. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 20 ноября 1966 г. ... 736
67. Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 ноября 1966 г. ... 736
68. Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 ноября 1966 г. ... 737
69. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 декабря 1966 г. ... 737
70. В. Г. ФИЛАТОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 декабря 1966 г. ... 740
71. А. Н. СТРУГАЦКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 декабря 1966 г. ... 741
72. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 19 декабря 1966 г. ... 741
73. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 20 декабря 1966 г. ... 742
74. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 21 декабря 1966 г. ... 743
75. М. А. НОСОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 декабря 1966 г. ... 744
76. Ф. В. БАССИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 декабря 1966 г. ... 744
77. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 26 декабря 1966 г. ... 745
78. П. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 декабря 1966 г. ... 746
79. Л. М. НЕВИШНИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1966 г. ... 747

1967

1. И. И. ПУЗАНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 января 1967 г. ... 748
2. И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ Январь 1967 г. ... 749
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 8 января 1967 г. ... 749
4. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 января 1967 г. ... 750
5. А. Н. САВИНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 января 1967 г. ... 753
6. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 января 1967 г. ... 753
7. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 января 1967 г. ... 755
8. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 января 1967 г. ... 756
9. Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 февраля 1967 г. ... 758
10. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 12 февраля 1967 г. ... 759
11. Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 февраля 1967 г. ... 759
12. И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 15 февраля 1967 г. ... 762
13. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 20 февраля 1967 г. ... 763
14. В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 февраля 1967 г. ... 764
15. Э. К. НАУМОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Не позднее 2 марта 1967 г. ... 765
16. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 6 марта 1967 г. ... 765
17. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 10 марта 1967 г. ... 767
18. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 12 марта 1967 г. ... 767
19. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 марта 1967 г. ... 768
20. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 марта 1967 г. ... 770
21. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 марта 1967 г. ... 772
22. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 марта 1967 г. ... 776
23. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 марта 1967 г. ... 777
24. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ 28 марта 1967 г. ... 783
25. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 марта 1967 г. ... 783

26. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 31 марта 1967 г. ... 784
27. Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 апреля 1967 г. ... 788
28. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 4 апреля 1967 г. ... 789
29. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 апреля 1967 г. ... 789
30. И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 апреля 1967 г. ... 790
31. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 17 апреля 1967 г. ... 791
32. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 апреля 1967 г. ... 791
33. И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ЕФРЕМОВУ 7 мая 1967 г. ... 792
34. И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 8 мая 1967 г. ... 792
35. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. ЖАЛЕЙКО 8 мая 1967 г. ... 793
36. И А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 8 мая 1967 г. ... 793
37. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 9 мая 1967 г. ... 793
38. И. А. ЕФРЕМОВ – БАРЫШЕВОЙ 9 мая 1967 г. ... 794
39. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 мая 1967 г. ... 794
40. Э. САЛЬСЭДО — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 мая 1967 г. ... 796
41. И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 мая 1967 г. ... 797
42. И. И. ПУЗАНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 мая 1967 г. ... 797
43. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 мая 1967 г. ... 799
44. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 мая 1967 г. ... 799
45. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 28 мая 1967 г. ... 801
46. Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 мая 1967 г. ... 801
47. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 июня 1967 г. ... 803
48. А. П. МИЦКЕВИЧ (ДНЕПРОВ) — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 июня 1967 г. ... 803
49. М. БРОУ — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 июня 1967 г. ... 805
50. О. Н. ГУРСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 июня 1967 г. ... 806
51. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 июня 1967 г. ... 806
52. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 июня 1967 г. ... 816
53. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Н. МИЦКЕВИЧУ (ДНЕПРОВУ) 4 июля 1967 г. ... 818
54. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 6 июля 1967 г. ... 819
55. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 июля 1967 г. ... 819
56. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 13 июля 1967 г. ... 821
57. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 14 июля 1967 г. ... 822
58. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 июля 1967 г. ... 823
59. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 29 июля 1967 г. ... 826
60. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 5 августа 1967 г. ... 826
61. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 5 августа 1967 г. ... 828
62. А. Б. СТАСИНСКА — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 августа 1967 г. ... 829
63. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 22 августа 1967 г. ... 829
64. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 24 августа 1967 г. ... 830
65. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 августа 1967 г. ... 830
66. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И.УСТИМЕНКО 3 сентября 1967 г. ... 832
67. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 5 сентября 1967 г. ... 833
68. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 7 сентября 1967 г. ... 834
69. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 10 сентября 1967 г. ... 835
70. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 сентября 1967 г. ... 836
71. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 сентября 1967 г. ... 837
72. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 сентября 1967 г. ... 840
73. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 сентября 1967 г. ... 851
74. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 27 сентября 1967 г. ... 854
75. Н. Н. КОСНИКОВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 октября 1967 г. ... 855
76. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 октября 1967 г. ... 856

77. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 октября 1967 г. ... 859
78. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 26 октября 1967 г. ... 863
79. И. БОНЕТТИ и Л. ПАЧИНИ САВОЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 октября 1967 г. ... 864
80. П. Г. АМАТУНИ — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 октября 1967 г. ... 865
81. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 октября 1967 г. ... 866
82. Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 ноября 1967 г. ... 871
83. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 ноября 1967 г. ... 872
84. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 ноября 1967 г. ... 873
85. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 ноября 1967 г. ... 873
86. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 ноября 1967 г. ... 874
87. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 8 ноября 1967 г. ... 875
88. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 9 ноября 1967 г. ... 875
88. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 ноября 1967 г. ... 877
90. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 11 ноября 1967 г. ... 877
91. И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 11 ноября 1967 г. ... 877
92. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 17 ноября 1967 г. ... 879
93. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 21 ноября 1967 г. ... 879
94. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 ноября 1967 г. ... 879
95. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 ноября 1967 г. ... 883
96. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 30 ноября 1967 г. ... 884
97. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ 1 декабря 1967 г. ... 886
98. А. Б. СТАСИНЬСКА — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 декабря 1967 г. ... 886
99. Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 декабря 1967 г. ... 887
100. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 12 декабря 1967 г. ... 888
101. Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 декабря 1967 г. ... 889
102. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 20 декабря 1967 г. ... 890
103. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 декабря 1967 г. ... 890
104. А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 декабря 1967 г. ... 891
105. И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 31 декабря 1967 г. ... 891
106. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ Декабрь 1967 г. ... 891
107. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Конец 1967 г. ... 891

1968

1. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 января 1968 г. ... 893
2. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 января 1968 г. ... 893
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 21 января 1968 г. ... 897
4. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ 21 января 1968 г. ... 898
5. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 31 января 1968 г. ... 898
6. И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 1 февраля 1968 г. ... 902
7. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 3 февраля 1968 г. ... 903
8. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 февраля 1968 г. ... 903
9. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 февраля 1968 г. ... 905
10. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 10 февраля 1968 г. ... 906
11. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 19 февраля 1968 г. ... 907
12. И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫ — Г. Н. ЯРЕМЧУК Март 1968 г. ... 908
13. Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 марта 1968 г. ... 908
14. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 21 марта 1968 г. ... 909
15. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. А 29 марта 1968 г. ... 909
16. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 29 марта 1968 г. ... 910
17. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 29 марта 1968 г. ... 911
18. Вл. ИВАНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 марта 1968 г. ... 912

19. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 2 апреля 1968 г. ... 913
20. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 4 апреля 1968 г. ... 913
21. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 апреля 1968 г. ... 914
22. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 12 апреля 1968 г. ... 917
23. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 апреля 1968 г. ... 917
24. И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 23 апреля 1968 г. ... 920
25. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 апреля 1968 г. ... 920
26. Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 апреля 1968 г. ... 922
27. А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 апреля 1968 г. ... 924
28. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 5 мая 1968 г. ... 924
29. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 14 мая 1968 г. ... 924
30. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 мая 1968 г. ... 925
31. И. А. ЕФРЕМОВ — Л. И. ХОЗАЦКОМУ 24 мая 1968 г. ... 927
32. П. РОБИНСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 мая 1968 г. ... 928
33. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 мая 1968 г. ... 928
34. Д. МЕЛЛЕТТ — И. А. ЕФРЕМОВУ 31 мая 1968 г. ... 929
35. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 июня 1968 г. ... 930
36. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 4 июня 1968 г. ... 932
37. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 4 июня 1968 г. ... 933
38. Э. КОЛБЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 июня 1968 г. ... 934
39. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 июня 1968 г. ... 935
40. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 июня 1968 г. ... 938
41. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 июня 1968 г. ... 939
42. Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 июня 1968 г. ... 943
43. Е. С. ЗВАНЦЕВА — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 июня 1968 г. ... 944
44. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 июля 1968 г. ... 945
45. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 11 июля 1968 г. ... 949
46. С. СНЕГОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 июля 1068 г. ... 950
47. И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 19 июля 1968 г. ... 951
48. Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 июля 1968 г. ... 952
49. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 июля 1968 г. ... 956
50. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 июля 1968 г. ... 956
51. Р. А. ШТИЛЬМАРК — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ 28 июля 1968 г. ... 959
52. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 28 июля 1968 г. ... 961
53. Б. АНДРЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 июля 1968 г. ... 962
54. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 августа 1968 г. ... 963
55. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 9 августа 1968 г. ... 964
56. И. А. ЕФРЕМОВ — И. И. ПУЗАНОВУ 9 августа 1968 г. ... 965
57. И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 9 августа 1968 г. ... 966
58. О. П. БЕРДНИК — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 августа 1968 г. ... 967
59. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 августа 1968 г. ... 968
60. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 сентября 1968 г. ... 969
61. И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 13 сентября 1968 г. ... 973
62. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 сентября 1968 г. ... 974
63. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 сентября 1968 г. ... 977
64. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 27 сентября 1968 г. ... 979
65. А. ЛИНДСТРЁМ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 октября 1968 г. ... 980
66. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 октября 1968 г. ... 982
67. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 9 октября 1968 г. ... 984
68. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 19 октября 1968 г. ... 985
69. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 октября 1968 г. ... 986

70. В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 октября 1968 г. ... 988
71. М. Н. ГРЕШНОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 октября 1968 г. ... 989
72. А. КЛЭПЭМ — И. А. ЕФРЕМОВУ Ноябрь 1968 г. ... 989
73. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 1 ноября 1968 г. ... 991
74. И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 10 ноября 1968 г. ... 992
75. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 12 ноября 1968 г. ... 993
76. В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 ноября 1968 г. ... 994
77. И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 16 ноября 1968 г. ... 995
78. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 21 ноября 1968 г. ... 996
79. Ф. В. БАССИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 ноября 1968 г. ... 996
80. Г. Г. ПЕРМЯКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 ноября 1968 г. ... 997
81. В. И. ДМИТРЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 ноября 1968 г. ... 1000
82. И. А. ЕФРЕМОВ — А. З. ЗЕНОВУ 27 ноября 1968 г. ... 1001
83. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 1 декабря 1968 г. ... 1001
84. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 5 декабря 1968 г. ... 1002
85. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. Ф. ЖИРОВУ 6 декабря 1968 г. ... 1003
86. Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 декабря 1968 г. ... 1004
87. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 декабря 1968 г. ... 1005
88. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 декабря 1968 г. ... 1009
89. П. М. ЖУКОВСКИЙ — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ 31 декабря 1968 г. ... 1011
90. И. А. ЕФРЕМОВ – Б. И. УСТИМЕНКО Декабрь 1968 г. ... 1012
91. И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. и Л. И. ХОЗАЦКИМ Декабрь 1968 г. ... 1012
92. Н. Ф. ЖИРОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Декабрь 1968 г. ... 1012
93. А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1968 г. ... 1013

1969

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 5 января 1969 г. ... 1016
2. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 6 января 1969 г. ... 1016
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 12 января 1969 г. ... 1017
4. Дж. У. КЭМПБЕЛЛ — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 января 1969 г. ... 1017
5. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 20 января 1969 г. ... 1018
6. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 31 января 1969 г. ... 1019
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 31 января 1969 г. ... 1019
8. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 февраля 1969 г. ... 1020
9. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 февраля 1969 г. ... 1022
10. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 февраля 1969 г. ... 1023
11. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 февраля 1969 г. ... 1030
12. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 18 февраля 1969 г. ... 1032
13. И. А. ЕФРЕМОВ — П. С. ВОРОНОВУ 18 февраля 1969 г. ... 1032
14. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 2 марта 1969 г. ... 1033
15. И. А. ЕФРЕМОВ — С. В. БЕЛОВУ 10 марта 1969 г. ... 1033
16. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 10 марта 1969 г. ... 1034
17. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 10 марта 1969 г. ... 1034
18. Т. ДАУНЗ — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 марта 1969 г. ... 1035
19. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 7 апреля 1969 г. ... 1037
20. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 14 апреля 1969 г. ... 1037
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 21 апреля 1969 г. ... 1037
22. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 апреля 1969 г. ... 1039
23. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 28 апреля 1969 г. ... 1039
24. М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 апреля 1969 г. ... 1039
25. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 мая 1969 г. ... 1041

26. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 10 мая 1969 г. ... 1043
27. И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 10 мая 1969 г. ... 1043
28. К. УОТСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 мая 1969 г. ... 1044
29. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 24 мая 1969 г. ... 1046
30. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 25 мая 1969 г. ... 1047
31. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 мая 1969 г. ... 1048
32. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. В. ЮСОВУ 7 июня 1969 г. ... 1051
33. Б. В. ЮСОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 июня 1969 г. ... 1053
34. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 10 июня 1969 г. ... 1053
35. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 июня 1969 г. ... 1054
36. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 17 июня 1969 г. ... 1061
37. Дж. САТТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 июня 1969 г. ... 1062
38. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. В. ЮСОВУ 30 июня 1969 г. ... 1063
39. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 июля 1969 г. ... 1064
40. И. А. ЕФРЕМОВ — М. С. ЛИСТОВУ 7 июля 1969 г. ... 1065
41. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 июля 1969 г. ... 1066
42. В. О. РУЖИЦКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 июля 1969 г. ... 1068
43. М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 июля 1969 г. ... 1071
44. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 июля 1969 г. ... 1073
45. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 2 августа 1969 г. ... 1077
46. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 4 августа 1969 г. ... 1078
47. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 4 августа 1969 г. ... 1078
48. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 4 августа 1969 г. ... 1079
49. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 августа 1969 г. ... 1081
50. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 12 августа 1969 г. ... 1082
51. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 18 августа 1969 г. ... 1083
52. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 28 августа 1969 г. ... 1083
53. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 августа 1969 г. ... 1084
54. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 29 августа 1969 г. ... 1086
55. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Август 1969 г. ... 1087
56. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 сентября 1969 г. ... 1087
57. Н. ИИДА — Е. А. ЕФРЕМОВ 10 сентября 1969 г. ... 1089
58. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 20 сентября 1969 г. ... 1089
59. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 20 сентября 1969 г. ... 1091
60. В. К. НИЗКОВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 сентября 1969 г. ... 1091
61. И. А. ЕФРЕМОВ — З. К. НИЗКОВСКОМУ Сентябрь 1969 г. ... 1092
62. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 сентября 1969 г. ... 1092
63. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ХОДЖЕРУ 6 октября 1969 г. ... 1098
64. И. А. ЕФРЕМОВ — О. И. ПАНТЮХОВУ 7 октября 1969 г. ... 1098
65. И. А. ЕФРЕМОВ — В. Л. САВЕЛЬЗОНУ 12 октября 1969 г. ... 1100
66. Э. КОЛБЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 октября 1969 г. ... 1101
67. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 октября 1969 г. ... 1102
68. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 24 октября 1969 г. ... 1106
69. О. И. ПАНТЮХОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 ноября 1969 г. ... 1107
70. И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 10 ноября 1969 г. ... 1107
71. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 ноября 1969 г. ... 1107
72. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 12 ноября 1969 г. ... 1109
73. И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 14 ноября 1969 г. ... 1109
74. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 ноября 1969 г. ... 1109
75. М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 декабря 1969 г. ... 1110
76. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 8 декабря 1969 г. ... 1112

77. С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 декабря 1969 г. 1113
78. Дж. САТТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 декабря 1969 г. 1114
79. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 16 декабря 1969 г. 1116
80. И. А. ЕФРЕМОВ — С. Г. КЛЯШТОРНОМУ 16 декабря 1969 г. 1117
81. Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — П. С. ВОРОНОВУ 25 декабря 1969 г. 1117
82. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 декабря 1969 г. 1117
83. Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — Г. К.ПОРТНЯГИНУ 28 декабря 1969 г. 1118
84. Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — Б. и Л. УСТИМЕНКО 28 декабря 1969 г. 1119
85. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. А. и В. И. ДМИТРЕВСКИМ Декабрь 1969 г. 1119
86. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 1969 г. 1119
87. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Г. ХОДЖЕРУ 1969 г. 1120

1970

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 5 января 1970 г. 1121
2. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 января 1970 г. 1121
3. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А.ЕФРЕМОВУ 8 января 1970 г. 1123
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ Январь 1970 г. 1124
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 10 января 1970 г. 1124
6. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 15 января 1970 г. 1125
7. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 4 февраля 1970 г. 1126
8. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 февраля 1970 г. 1126
9. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 февраля 1970 г. 1127
10. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 февраля 1970 г. 1130
11. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 12 февраля 1970 г. 1133
12. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 февраля 1970 г. 1134
13. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 18 февраля 1970 г. 1135
14. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 18 февраля 1970 г. 1136
15. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 18 февраля 1970 г. 1137
16. Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 февраля 1970 г. 1137
17. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 февраля 1970 г. 1138
18. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 февраля 1970 г. 1139
19. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 февраля 1970 г. 1140
20. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 марта 1970 г. 1142
21. В. А. ПЕТРИЦКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 марта 1970 г. 1143
22. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 марта 1970 г. 1144
23. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 9 марта 1970 г. 1147
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 11 марта 1970 г. 1147
25. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 марта 1970 г. 1148
26. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 марта 1970 г. 1150
27. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 апреля 1970 г. 1150
28. Т. СУЭКАНЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 апреля 1970 г. 1152
29. М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 апреля 1970 г. 1152
30. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 апреля 1970 г. 1155
31. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 13 мая 1970 г. 1156
32. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 14 мая 1970 г. 1156
33. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 19 мая 1970 г. 1157
34. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВ 19 мая 1970 г. 1159
35. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 мая 1970 г. 1160
36. Д. и А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 мая 1970 г. 1163
37. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 мая 1970 г. 1165
38. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 мая 1970 г. 1168

39. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 июня 1970 г. ... 1169
40. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 июня 1970 г. ... 1170
41. А. КОВАЛЕНКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 июня 1970 г. ... 1172
42. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 июня 1970 г. ... 1172
43. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 июня 1970 г. ... 1175
44. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 28 июня 1970 г. ... 1177
45. Г. ГОР — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 июня 1970 г. ... 1178
46. А. П. КАЗАНЦЕВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 июня 1970 г. ... 1178
47. Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 июля 1970 г. ... 1179
48. Т. СУЭКАНЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 июля 1970 г. ... 1179
49. В. А. СУХОМЛИНСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 июля 1970 г. ... 1180
50. А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 июля 1970 г. ... 1181
51. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 июля 1970 г. ... 1181
52. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 19 июля 1970 г. ... 1183
53. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 19 июля 1970 г. ... 1184
54. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 августа 1970 г. ... 1184
55. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 августа 1970 г. ... 1185
56. И. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 августа 1970 г. ... 1186
57. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 августа 1970 г. ... 1186
58. А. А. КОВАЛЕНКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 августа 1970 г. ... 1187
59. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 23 августа 1970 г. ... 1187
60. И. А. ЕФРЕМОВ — Н. ИИДЕ 27 августа 1970 г. ... 1189
61. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 августа 1970 г. ... 1190
62. Дж. САТТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 августа 1970 г. ... 1192
63. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 сентября 1970 г. ... 1193
64. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 сентября 1970 г. ... 1196
65. П. ЖУКОВСКИЙ — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ 7 сентября 1970 г. ... 1197
66. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 сентября 1970 г. ... 1197
67. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 25 сентября 1970 г. ... 1201
68. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 25 сентября 1970 г. ... 1202
69. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 25 сентября 1970 г. ... 1202
70. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 27 сентября 1970 г. ... 1204
71. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 октября 1970 г. ... 1204
72. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 10 октября 1970 г. ... 1205
73. М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 октября 1970 г. ... 1206
74. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 октября 1970 г. ... 1211
75. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 октября 1970 г. ... 1212
76. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 октября 1970 г. ... 1214
77. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 октября 1970 г. ... 1216
78. Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 октября 1970 г. ... 1217
79. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 4 ноября 1970 г. ... 1219
80. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 4 ноября 1970 г. ... 1221
81. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 8 ноября 1970 г. ... 1221
82. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 8 ноября 1970 г. ... 1222
83. А. А. КОВАЛЕНКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 ноября 1970 г. ... 1223
84. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 ноября 1970 г. ... 1223
85. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 20 ноября 1970 г. ... 1224
86. А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Конец 1970 г. ... 1225
87. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 ноября 1970 г. ... 1225
88. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 28 ноября 1970 г. ... 1229
89. Дж. САТТОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 ноября 1970 г. ... 1229

90. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 4 декабря 1970 г. ... 1230
91. С. Н. РЕРИХ — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 декабря 1970 г. ... 1230
92. Н. Н. КОСНИКОВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 декабря 1970 г. ... 1231
93. М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 декабря 1970 г. ... 1232
94. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 декабря 1970 г. ... 1235
95. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 17 декабря 1970 г. ... 1235
96. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 декабря 1970 г. ... 1236
97. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 декабря 1970 г. ... 1237
98. Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 декабря 1970 г. ... 1238
99. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 декабря 1970 г. ... 1238
100. Б. И. УСТИМЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 декабря 1970 г. ... 1240
101. С. СНЕГОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 декабря 1970 г. ... 1241
102. Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — Е. П. БРАНДИСУ Декабрь 1970 г. ... 1243
103. Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — Б. И. УСТИМЕНКО Декабрь 1970 г. ... 1244
104. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ Декабрь 1970 г. ... 1244
105. В. В. РОССИХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1970 г. ... 1244
106. С. И. ПАВЛОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ Декабрь 1970 г. ... 1246

1971

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 1971 г. ... 1247
2. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 января 1971 г. ... 1248
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 10 января 1971 г. ... 1249
4. М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 января 1971 г. ... 1250
5. Н. Н. КОСНИКОВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 января 1971 г. ... 1253
6. Ю. В. РОСЦИУС — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 января 1971 г. ... 1254
7. Т. СУЭКАНЭ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 января 1971 г. ... 1255
8. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 28 января 1971 г. ... 1256
9. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 января 1971 г. ... 1256
10. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 февраля 1971 г. ... 1257
11. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 февраля 1971 г. ... 1258
12. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 2 февраля 1971 г. ... 1261
13. Ю. В. РОСЦИУС — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 февраля 1971 г. ... 1262
14. М. А. СМИРНОВА и О. Я. МАТУСОВА — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 февраля 1971 г. ... 1263
15. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 февраля 1971 г. ... 1263
16. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 февраля 1971 г. ... 1268
17. В. В. РОССИХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 февраля 1971 г. ... 1270
18. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 февраля 1971 г. ... 1271
19. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 февраля 1971 г. ... 1273
20. И. А. ЕФРЕМОВ — А. В. МОТРЕНКО 6 марта 1971 г. ... 1273
21. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 6 марта 1971 г. ... 1274
22. И. А. ЕФРЕМОВ — В. В. РОССИХИНУ 6 марта 1971 г. ... 1275
23. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 марта 1971 г. ... 1276
24. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 8 марта 1971 г. ... 1278
25. Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 марта 1971 г. ... 1278
26. И. А. ЕФРЕМОВ — С. И. ПУЗАНОВУ 28 марта 1971 г. ... 1281
27. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 марта 1971 г. ... 1282
28. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 апреля 1971 г. ... 1283
29. Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 апреля 1971 г. ... 1286
30. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 апреля 1971 г. ... 1287
31. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 27 апреля 1971 г. ... 1288
32. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 апреля 1971 г. ... 1288

33. Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 апреля 1971 г. ... 1289
34. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 5 мая 1971 г. ... 1289
35. И. А. ЕФРЕМОВ — Я. И. ЦУКЕРНИКУ 10 мая 1971 г. ... 1291
36. П. ДОДСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 мая 1971 г. ... 1291
37. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 15 мая 1971 г. ... 1292
38. Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 мая 1971 г. ... 1293
39. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 19 мая 1971 г. ... 1294
40. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 23 мая 1971 г. ... 1295
41. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 25 мая 1971 г. ... 1295
42. М. ДЕНИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 мая 1971 г. ... 1298
43. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 29 мая 1971 г. ... 1301
44. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 мая 1971 г. ... 1302
45. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 июня 1971 г. ... 1303
46. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 июня 1971 г. ... 1306
47. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 12 июня 1971 г. ... 1308
48. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 13 июня 1971 г. ... 1309
49. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 18 июня 1971 г. ... 1309
50. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 июня 1971 г. ... 1311
51. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 июля 1971 г. ... 1315
52. А. А. КОКОШИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 июля 1971 г. ... 1316
53. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 июля 1971 г. ... 1317
54. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 16 июля 1971 г. ... 1318
55. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 июля 1971 г. ... 1318
56. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 июля 1971 г. ... 1319
57. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 4 августа 1971 г. ... 1320
58. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 августа 1971 г. ... 1323
59. Л. и Э. К. ОЛСОН — ЕФРЕМОВЫМ 1 сентября 1971 г. ... 1324
60. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 сентября 1971 г. ... 1325
61. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. СИТАНСКОЙ 16 сентября 1971 г. ... 1331
62. И. А. ЕФРЕМОВ — А. А. КОКОШКИНУ 17 сентября 1971 г. ... 1332
63. И. А. ЕФРЕМОВ — В. П. 21 сентября 1971 г. ... 1334
64. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 26 сентября 1971 г. ... 1335
65. М. ДЕНИС — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ 1 октября 1971 г. ... 1336
66. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 октября 1971 г. ... 1339
67. С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 октября 1971 г. ... 1343
68. Н. ИИДА — И. А. ЕФРЕМОВУ 12 октября 1971 г. ... 1343
69. В. АНЧИШКИН и Н. СУВОРОВА — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 октября 1971 г. ... 1344
70. Р. РОМЕР — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ 16 октября 1971 г. ... 1345
71. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 1 ноября 1971 г. ... 1347
72. Л. ОЛСОН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 12 ноября 1971 г. ... 1347
73. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 18 ноября 1971 г. ... 1348
74. М. ДЕНИС — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ 23 ноября 1971 г. ... 1349
75. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 26 ноября 1971 г. ... 1350
76. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 ноября 1971 г. ... 1352
77. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ Декабрь 1971 г. ... 1353
78. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 декабря 1971 г. ... 1354
79. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 5 декабря 1971 г. ... 1357
80. И. А. ЕФРЕМОВ — В. Н. ГАНИЧЕВУ 14 декабря 1971 г. ... 1357
81. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 декабря 1971 г. ... 1358
82. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 16 декабря 1971 г. ... 1361
83. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 17 декабря 1971 г. ... 1362

84. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 17 декабря 1971 г. 1363
85. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 24 декабря 1971 г. 1364
86. И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫ — ДМИТРЕВСКИМ 28 декабря 1971 г. 1365
87. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК Декабрь 1971 г. 1365
88. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ Декабрь 1971 г. 1365
89. И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫ — Ю. Н. и Э. В. ЗАЙЦЕВЫМ Декабрь 1971 г. 1365

1972

1. В. САВЕЛЬЗОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 1972 г. 1366
2. Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ и Б. Г. 2 января 1972 г. 1367
3. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО 6 января 1972 г. 1367
4. И. А. ЕФРЕМОВ — С. Г. КЛЯШТОРНОМУ 7 января 1972 г. 1368
5. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 января 1972 г. 1368
6. Р. РОМЕР — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ 22 января 1972 г. 1371
7. В. БОГОЛЕПОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 января 1972 г. 1374
8. Б. И. ИШИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 29 января 1972 г. 1374
9. М. А. СМИРНОВА и Н. И. ШЕХОВЦЕВА — И. А. ЕФРЕМОВУ 31 января 1972 г. 1375
10. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 6 февраля 1972 г. 1375
11. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 февраля 1972 г. 1377
12. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 20 февраля 1972 г. 1379
13. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 21 февраля 1972 г. 1379
14. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 февраля 1972 г. 1379
15. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 3 марта 1972 г. 1380
16. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 марта 1972 г. 1380
17. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 марта 1972 г. 1383
18. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 10 марта 1972 г. 1384
19. М. ДЕНИС — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ 16 марта 1972 г. 1388
20. И. А. ЕФРЕМОВ — В. П. ТВЕРДОХЛЕБОВУ 17 марта 1972 г. 1392
21. А. и Р. РОМЕРЫ — И. А. ЕФРЕМОВУ 20 марта 1972 г. 1393
22. И. А. ЕФРЕМОВ — П. Ф. БЕЛИКОВУ 22 марта 1972 г. 1402
23. В. П. ТВЕРДОХЛЕБОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 марта 1972 г. 1402
24. И. А. ЕФРЕМОВ — З. И. РЫЧКОВСКОЙ 24 марта 1972 г. 1403
25. И. А. ЕФРЕМОВ — В. П. ТВЕРДОХЛЕБОВУ 27 марта 1972 г. 1403
26. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 28 марта 1972 г. 1405
27. Е. Д. РЕГЕЛЬ — И. А. и Т. И. ЕФРЕМОВЫМ 29 марта 1972 г. 1406
28. З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 апреля 1972 г. 1407
29. А. МАЙЕРС — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 апреля 1972 г. 1408
30. И. А. ЕФРЕМОВ — О. П. БЕРДНИКУ 16 апреля 1972 г. 1409
31. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 апреля 1972 г. 1410
32. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ Март или апрель 1972 г. 1413
33. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 апреля 1972 г. 1413
34. И. А. ЕФРЕМОВ — В. И. ДМИТРЕВСКОМУ 25 апреля 1972 г. 1417
35. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 25 апреля 1972 г. 1417
36. В. В. РОССИХИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 апреля 1972 г. 1417
37. З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 апреля 1972 г. 1418
38. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 апреля 1972 г. 1419
39. Т. Х. БАРРИ — И. А. ЕФРЕМОВУ 8 мая 1972 г. 1420
40. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 9 мая 1972 г. 1421
41. П. ДОДСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 мая 1972 г. 1422
42. И. А. ЕФРЕМОВ — А. С. ИВАНОВУ 25 мая 1972 г. 1423
43. Е. С. ЗВАНЦЕВА — И. А. ЕФРЕМОВУ 30 мая 1972 г. 1424

44. З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 июня 1972 г. ... 1425
45. А. Ш. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 июня 1972 г. ... 1426
46. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 26 июня 1972 г. ... 1428
47. П. АНДЕРСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 июня 1972 г. ... 1429
48. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 июня 1972 г. ... 1432
49. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 7 июля 1972 г. ... 1434
50. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 июля 1972 г. ... 1434
51. Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 11 июля 1972 г. ... 1437
52. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 13 июля 1972 г. ... 1438
53. З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ 21 июля 1972 г. ... 1439
54. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 25 июля 1972 г. ... 1440
55. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 августа 1972 г. ... 1440
56. С. КУМКЕС — И. А. ЕФРЕМОВУ 2 августа 1972 г. ... 1441
57. Л. ОЛСОН — Т. И. и И. А. ЕФРЕМОВЫМ 2 августа 1972 г. ... 1442
58. И. А. ЕФРЕМОВ — В. Л. САВЕЛЬЗОНУ 17 августа 1972 г. ... 1443
59. П. Ф. БЕЛИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 19 августа 1972 г. ... 1443
60. И. А. ЕФРЕМОВ — А. С. ИВАНОВУ 21 августа 1972 г. ... 1444
61. В. ЯКОВЕНКО — И. А. ЕФРЕМОВУ 22 августа 1972 г. ... 1445
62. Дж. РАБЧЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 августа 1972 г. ... 1446
63. В. А. МИЛАШЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ Сентябрь 1972 г. ... 1446
64. Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 сентября 1972 г. ... 1447
65. В. А. МИЛАШЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ Сентябрь 1972 г. ... 1449
66. З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ 6 сентября 1972 г. ... 1449
67. И. А. ЕФРЕМОВ — Я. ЦУКЕРНИКУ 13 сентября 1972 г. ... 1450
68. Э. К. ОЛСОН — И. А. ЕФРЕМОВУ 14 сентября 1972 г. ... 1451
69. Р. РОМЕР — И. А. ЕФРЕМОВУ 15 сентября 1972 г. ... 1454
70. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. К. ПОРТНЯГИНУ 17 сентября 1972 г. ... 1455
71. И. А. ЕФРЕМОВ — А. Ф. БРИТИКОВУ 17 сентября 1972 г. ... 1455
72. И. А. ЕФРЕМОВ — Е. П. БРАНДИСУ 17 сентября 1972 г. ... 1456
73. Е. С. ЗВАНЦЕВА — И. А. ЕФРЕМОВУ 24 сентября 1972 г. ... 1457
74. Е. П. БРАНДИС — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 сентября 1972 г. ... 1457
75. В. А. МИЛАШЕВСКИЙ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1 октября 1972 г. ... 1458
76. А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ 28 сентября – 2 октября 1972 г. ... 1459
77. Г. К. ПОРТНЯГИН — И. А. ЕФРЕМОВУ 3 октября 1972 г. ... 1461
78. З. Г. ФОСДИК — И. А. ЕФРЕМОВУ 7 октября 1972 г. ... 1461
79. Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 9 октября 1972 г. ... 1462
80. Е. П. БРАНДИС — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 23 октября 1972 г. ... 1463
81. Е. П. БРАНДИС — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 12 ноября 1972 г. ... 1463
82. Др. ШРЕЙНЕР и ФЕРЕНЦИ — И. А. ЕФРЕМОВУ 23 декабря 1972 г. ... 1464
83. Т. И. ЕФРЕМОВА — Е. П. БРАНДИСУ 30 декабря 1972 г. ... 1464
84. Т. И. ЕФРЕМОВА — П. Ф. БЕЛИКОВУ Декабрь 1972 г. ... 1464
85. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. И. ТИЩЕНКО 2 января 1971 г. ... 1465

Письма без датировки

1. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО ... 1466
2. И. А. ЕФРЕМОВ — Б. И. УСТИМЕНКО ... 1466
3. А. Ф. БРИТИКОВ — И. А. ЕФРЕМОВУ ... 1467
4. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 1960-е гг. ... 1467
5. И. А. ЕФРЕМОВ — Э. К. ОЛСОНУ 1960-е гг. ... 1468
6. И. А. ЕФРЕМОВ — А. И. ПОГОРЕЛОМУ 1960 или 1961 г. ... 1468
7. ЕФРЕМОВЫ — Н. А. ДМИТРЕВСКОЙ и В. И. ДМИТРЕВСКОМУ ... 1469

8. И. А. ЕФРЕМОВ — Г. Н. ЯРЕМЧУК 1469
9. Ж. БЕРЖЬЕ — И. А. ЕФРЕМОВУ 1470
10. А. З. ЗЕНОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 1470

Письма из архива Т. И. Ефремовой после 1972 года
1. У. БОРСТОРФФ — И. А. ЕФРЕМОВУ 27 марта 1973 г. 1471
2. Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 24 января 1974 г. 1472
3. Б. И. ИШИН — РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» 20 апреля 1974 г. 1472
4. Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 10 мая 1972 г. 1474
5. Ф. В. БАССИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 1 июня 1974 г. 1474
6. А. Р. ПАЛЕЙ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 2 июня 1974 г. 1475
7. З. Г. ФОСДИК — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 3 июня 1974 г. 1476
8. Р. А. ШТИЛЬМАРК — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 27 декабря 1974 г. 1476
9. А. Ф. БРИТИКОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 27 декабря 1974 г. 1477
10. Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 18 октября 1975 г. 1477
11. Г. К. ПОРТНЯГИН — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 15 ноября 1975 г. 1478
12. А. Ф. БРИТИКОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 9 января 1976 г. 1479
13. П. Ф. БЕЛИКОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 4 мая 1977 г. 1480
14. П. К. ЧУДИНОВ — Е. П. БРАНДИСУ 27 октября 1978 г. 1480
15. Е. П. БРАНДИС — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 7 декабря 1978 г. 1485
16. Т. И. ЕФРЕМОВА — Е. П. БРАНДИСУ 29 декабря 1978 г. 1485
17. П. П. РУБЦОВ — Т. И. ЕФРЕМОВОЙ 10 июля 1989 г. 1486

Послесловие. *Николай Смирнов.* По лезвию — за горизонт 1489
Приложения 1499

Научно-популярное издание

ПЕРЕПИСКА
Ивана Антоновича
ЕФРЕМОВА

Автор-составитель
Ерёмина Ольга Александровна

Редактор *О. А. Ерёмина*

Художественное оформление *И. Л. Ткаченко, И. А. Цыцерева*

Технический редактор *И. Л. Ткаченко*

Компьютерная вёрстка *Е. В. Горшкова, Л. В. Горшкова*

Корректоры *Л. С. Щербакова, П. Донеган, К. А. Конобеев, Н. А. Грицай*

Уважаемый читатель! Если у вас есть новая информация о И. А. Ефремове, замечания и дополнения к существующему изданию, пишите нам по адресу sat-ok@yandex.ru

Ольга Ерёмина, Николай Смирнов

Подписано в печать 04.12.2015. Формат 70×100/16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 96. Тираж 500. Заказ № 5121/15.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

Художник Г. И. Тищенко.
Чара Нанди на Празднике Пламенных Чаш.
Иллюстрация к роману И. А. Ефремова «Туманность Андромеды».
Конец 1990-х гг.
Холст, масло

Художник Г. И. Тищенко.
Посадка «Тантры» на планету Железной звезды.
Иллюстрация к роману И. А. Ефремова «Туманность Андромеды».
2003 г.
Холст, масло

ВЕЧЕ